

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КНИГА 2
СРЕДНИЕ ВЕКА

Составитель Д.В. Кузнецов

Благовещенск
2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Навыки работы с документами, относящимися к отдельным периодам истории международных отношений, умение их тщательного анализа и интерпретации, выявления ключевых моментов, характеризующих важнейшие тенденции в развитии международных отношений в рамках отдельных исторических эпох (Древнего Мира, Средних Веков, Нового времени, Новейшего времени), с участием отдельных стран и регионов мира (в том числе России), – все это является важной составляющей в процессе изучения истории международных отношений.

Между тем одной из проблем, с которой достаточно часто сталкиваются желающие ознакомиться с отдельными периодами в истории международных отношений, является поиск исторических документов, необходимых для более детального знакомства с событиями, отражающими специфику развития международных отношений на различных этапах развития человеческой цивилизации. По целому ряду причин этот поиск зачастую затруднен.

В имеющихся в настоящее время изданиях – многочисленных хрестоматиях, в которых сосредоточены документы, относящиеся к периодам Древнего Мира, Средних Веков, Нового времени, Новейшего времени, – преимущественно находятся документы, отражающие особенности социального, экономического, политического, культурного развития отдельных стран и народов, тогда как международным отношениям уделяется гораздо меньшее значение.

Обеспечить комплексом необходимых документов для успешной работы в процессе изучения истории международных отношений призвано настоящее издание – Хрестоматия по истории международных отношений.

***

Хрестоматия по истории международных отношений состоит из 5 книг. В том числе: Книга 1. Древний Мир; Книга 2. Средние Века. Книга 3. Новое время; Книга 4. Новейшее время. Книга 5. Россия.

В данной части содержатся материалы, которые представляют собой важнейшие документы, отражающие состояние международных отношений в Средние Века.

Документы представлены в пяти разделах: РАЗДЕЛ 1. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАПАДЕ», РАЗДЕЛ 2. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ВОСТОКЕ», РАЗДЕЛ 3. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ», РАЗДЕЛ 4. «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ», РАЗДЕЛ 5. «ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1618-1648 ГГ.». В каждом из указанных разделов документы распределены на несколько групп, построенных на основе проблемно-хронологического принципа. В данном случае это документы, раскрывающие многочисленные аспекты в рамках отдельных тем. В каждой из тем выделены отдельные узловые проблемы, объединяющие группы документов, размещенных по хронологическому принципу. Большинство представленных в Хрестоматии по истории международных отношений исторических документов представлены в полном объеме, некоторые – в сокращении.

В конце книги размещен перечень документов, представленных в хрестоматии.

Представленные в Хрестоматии по истории международных отношений документы собраны с использованием различных изданий, многие из которых, в силу ряда объективных причин, недоступны для широкого использования в работе. Перечень изданий, использованных при составлении Хрестоматии по истории международных отношений, размещен в конце книги.

Также в конце книги размещено оглавление с указанием страниц, где конкретно представлены документы в рамках рассматриваемых тем и отдельных узловых проблем.

***

Тексты представленных в данной хрестоматии исторических документов рекомендуется использовать студентам при подготовке к практическим и семинарским занятиям, а также при изучении отдельных тем в рамках курса истории международных отношений.

Данная хрестоматия может быть также широко использована студентами при подготовке к экзаменам, при написании курсовых и дипломных работ.

1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАПАДЕ

1.1. ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Германские племена (Публий Корнелий Тацит, «Германия», II-XVI, XXV-XXVI, XXX-XLVI)

Публий Корнелий Тацит (ок. 55-120 гг.) – древнеримский историк, один из самых известных писателей античности, автор сочинения «О происхождении и местожительстве германцев», в котором дается описание германских племен, живших на рубеже I и II вв. за пределами Римской империи. За несколько лет до этого Тацит служил наместником в Бельгии и лично встречался с жителями соседних германских районов. Кроме того, он использовал в своем труде рассказы купцов, германских по происхождению рабов, официальные документы пограничной стражи и ряд работ других авторов.

Гл. II. Я думаю, что сами германцы являются коренными жителями [своей страны], совсем не смешанными с другими народами вследствие ли переселения [их] или мирных сношений [с ними], так как в прежние времена те, кто хотел переселиться, прибывали не сухим путем, а на кораблях. Океан же, простирающийся по ту сторону Германии на огромное пространство и, так сказать, противоположный нам, редко посещается кораблями с нашей стороны. Притом, не говоря уж об опасностях плавания по страшному и неизвестному морю, кто же оставит Азию, Африку или Италию для того, чтобы устремиться в Германию с ее некрасивыми ландшафтами, суровым климатом и наводящим тоску видом вследствие неводеланности, если только она не его родина?

В своих старинных песнях, являющихся у германцев единственным видом исторических преданий и летописей, они славят рожденного землей бога Туискона и его сына Манна как основателей своего племени, от которых оно происходит. Они приписывают Манну трех сыновей, по имени которых ближайšie к Океану¹ германцы называются ингевонами, живущие внутри страны – герминонами, а остальные – истевонами. Впрочем, как это бывает, когда дело касается очень давних времен, некоторые утверждают, что у бога было больше сыновей, от которых произошло больше названий племен, – марсы, гамбривии, овевы, вандилии, – и что все это действительно подлинные и древние имена. Имя же «Германия» новое и недавно вошедшее в употребление...

Гл. III. Рассказывают, что у них был и Геркулес², которого они, идя в битву, воспевают прежде всех героев. С ним связаны и существующие у них песни, исполнением которых, называемым «бардит», они воспаляют свои сердца; по самому же звуку они гадают об исходе предстоящей битвы: в зависимости от того, как бардит прозвучит в рядах войска, они или устрашают [неприятеля], или сами пугаются; при этом обращается внимание не столько на стройность голосов, сколько на единодушие в выражении мужества. Особая свирепость придается звуку [этого клича], имеющего характер прерывистого гула, тем, что ко рту прикладывается щит, отчего голос делается сильнее и глуше...

Гл. IV. Сам я присоединяюсь к мнению тех, кто думает, что народы Германии не смешивались посредством браков ни с какими другими народами и представляют собой особое, чистое и только на себя похожее племя; вследствие этого у них у всех одинаковый внешний вид, насколько это возможно в таком большом количестве людей: свирепые темно-голубые глаза, золотистого цвета волосы, большое тело, но сильное только при нападении, а для напряженной деятельности и трудов недостаточно выносливое; жажды и зноя они совсем не могут переносить, к холоду же и голоду они приучены [своим] климатом и почвой.

Гл. V. Хотя [их] страна и различна до некоторой степени по своему виду, но в общем она представляет собой или страшный лес, или отвратительное болото. Та часть ее, которая обращена к Галлии, – более сырая, а в части, примыкающей к Норрику и Паннонии, больше ветров; для посевов она плодородна, но не годится для разведения фруктовых деревьев; скотом изобильна, но он большей частью малорослый; даже рабочий скот не имеет внушительного вида и не может похвастаться рогами. Германцы любят, чтобы скота было много: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства. В золоте и серебре боги им отказали, не знаю уж по благосклонности к ним или же потому, что разгневались на них. Я, однако, не утверждаю, что в Германии совсем нет месторождений серебра и золота; но кто их разведывал? Впрочем, германцы и не одержимы такой страстью к обладанию [драгоценными металлами] и к пользованию ими [как другие народы]; у них можно видеть подаренные их послам и старейшинам серебряные сосуды не в меньшем пренебрежении, чем глиняные. Впрочем, ближайшие [к Рейну и Дунаю племена] ценят золото и серебро для употребления в торговле: они ценят некоторые виды наших монет и отдают им предпочтение; живущие же внутри страны пользуются более простой и древней формой торговли, а именно – меновой. Из монет они больше всего одобряют старинные и давно известные – серраты и бигаты³; вообще они домогаются больше серебра, чем золота, не из любви к нему, а потому, что при торговле обыкновенными и дешевыми предметами удобнее иметь запас серебряных монет.

Гл. VI. Железа у них тоже немного, как это можно заключить по характеру их наступательного оружия. Они редко пользуются мечами или длинными копьями, а действуют дротиком, или, как они его называют, фрамеей, с узким и коротким железным наконечником, оружием настолько острым и удобным, что одним и тем же дротиком они, смотря по обстоятельствам, сражаются и врукопашную и издали. Даже всадники довольствуются фрамеей и щитом, пехотинцы же пускают и метательные копья, каждый по нескольку штук, причем они, голые или в коротком плаще, мечут их на огромное расстояние. У германцев совсем нет хвастовства роскошью [оружия]; только щиты они расцвечивают изысканнейшими красками. У немногих [имеется] панцирь, а шлем, металлический или кожаный, едва [найдется] у одного или двух. Их лошади не отличаются ни внешней красотой, ни быстротой; да германцы и не научились делать разные эволюции по нашему обычаю; они гонят [своих лошадей] или прямо, или вправо таким сомкнутым кругом, чтобы никто не оставался последним.

Вообще они считают, что пехота сильнее [конницы], и поэтому сражаются смешанными отрядами, вводя в кавалерийское сражение и пехоту, быстротой своей приспособленную к этому и согласованную с конницей; таких пехотинцев выбирают из всей молодежи и ставят их впереди боевой линии. Число их определенное – по сотне из каждого округа; они так и называются у германцев [сотнями]; а то, что раньше действительно обозначало количество, теперь стало названием [отряда] и почетным именем.

Боевой строй [германцев] составляется из клиньев. Отступить, но с тем, чтобы вновь наступать, [у них] считается не трусостью, а благоразумием. Тела своих [убитых и раненых] они уносят с поля битвы даже тогда, когда исход ее сомнителен. Оставить свой щит – особенно позорный поступок: обесчестившему себя таким образом нельзя присутствовать при богослужении или участвовать в народном собрании, и многие, вышедшие живыми из битвы, кончают свою позорную жизнь петлей.

Гл. VII. Королей⁴ они выбирают по знатности, а военачальников – по доблести. [При этом] у королей нет неограниченной или произвольной власти, а вожди главенствуют скорее [тем, что являются] примером, чем на основании права приказывать: тем, что они смелы, [выделяются] в бою, сражаются впереди строя и этим возбуждают удивление. Однако казнить, заключать в око⁵ вы и подвергать телесному наказанию не позволено никому, кроме жрецов, да и то не в виде наказания и по приказу вождя, но как бы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся: в битву они приносят взятые из рощ священные изображения и значки. Но что является особенным возбудителем их храбрости, это то, что их турмы⁵ и клинья⁶ представляют собой не случайные скопления людей, а составляются из семейств и родов, а вблизи находятся милые их сердцу существа, и оттуда они слышат вопли женщин и плач младенцев; для каждого это самые священные свидетели, самые ценные хвалители: свои раны они несут к матерям и женам, а те не боятся считать их и осматривать; они же носят сражающимся пищу, а также поощряют их.

Гл.VIII. Рассказывают, что иногда колеблющиеся и расстроенные ряды восстанавливались женщинами, благодаря их неумолчным мольбам и тому, что они подставляли свои груди [бегущим] и указывали на неизбежный плен, которого германцы боятся, особенно для своих женщин, до такой степени, что крепче связаны бывают своими обязательствами те германские племена, которые вынуждены в числе своих заложников давать также знатных девушек.

...Гл.XI. О менее значительных делах совещаются старейшины, о более важных – все, причем те дела, о которых выносит решение народ, [предварительно] обсуждаются старейшинами. Сходятся в определенные дни, если только не произойдет чего-нибудь неожиданного и внезапного, а именно в новолуние и полнолуние, так как германцы верят, что эти дни являются самыми счастливыми для начала дела. Они вдут счет времени не по дням, как мы, а по ночам; так они делают при уговорах и уведомлениях; они думают, что ночь ведет за собой день. Из свободы у них вытекает тот недостаток, что они собираются не сразу, как бы по чьему-нибудь приказанию, но у них пропадает два и три дня из-за медлительности собирающихся. Когда толпе вздумается, они усаживаются вооруженные. Молчание водворяется жрецами, которые тогда имеют право наказывать. Затем выслушивается король или кто-либо из старейшин, сообразно с его возрастом, знатностью, военной славой, красноречием, не столько потому, что он имеет власть приказывать, сколько в силу убедительности. Если мнение не нравится, его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают фреамеями; восхвалять оружием является у них почетнейшим способом одобрения.

Гл.XII. Перед народным собранием можно также выступать с обвинением и предлагать на разбирательство дела, влекущие за собой смертную казнь. Наказания бывают различны, смотря по преступлению: предателей и перебежчиков вешают на деревьях; трусов и дезертиров, а также осквернивших свое тело топят в грязи и болоте, заваливши сверху хворостом. Эта разница в способах казни зависит от того, что, по их понятиям, преступление надо при наказании выставить напоказ, позорные же деяния – прятать. Более легкие проступки также наказываются соответствующим образом: уличенные в них штрафуются известным количеством лошадей и скота; часть этой пени уплачивается королю или племени, часть – самому истцу или его родичам.

На этих же собраниях производятся также выборы старейшин, которые творят суд по округам и деревням. При каждом из них находится по 100 человек свиты из народа для совета и придания его решениям авторитета.

Гл.XIII. [Германцы] не решают никаких дел, ни общественных, ни частных, иначе, как вооруженные. Но у них не в обычае, чтобы кто-нибудь начал носить оружие раньше, чем племя признает его достойным этого. Тогда кто-нибудь из старейшин, или отец, или сородич в самом народном собрании вручает юноше щит и фреамею; это у них заменяет тогу⁷, это является первой почестью юношей: до этого они были членами семьи, теперь стали членами государства⁸. Большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам; прочие присоединяются к более сильным и уже давно испытанным [в боях], и нет никакого стыда состоять в [чьей-нибудь] дружине. Впрочем, и в самой дружине есть степени по решению того [вождя], за которым она следует. Велико бывает соревнование среди дружинников, кому из них занять у своего вождя первое место, и среди [самых] вождей, у кого более многочисленная и удалая дружина. В ней его почет, в ней его сила: быть всегда окруженным большой толпой избранных юношей составляет гордость в мирное время и защиту во время войны. И не только у своего, но и у соседних племен вождь становится знаменитым и славным, если его дружина выдается своей многочисленностью и доблестью: его домогаются посольства, ему шлют дары и часто одна слава его решает исход войны.

Гл.XIV. Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным храбростью [своей дружиной], дружине же стыдно не сравняться с вождем; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, – значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем; защищать его, оберегать, а также славе его приписывать свои подвиги – в этом главная присяга [дружинника]: вожди сражаются за победу, дружинники – за вождя. Если племя, в котором они родились, коснеет в долгом мире и праздности, то многие из знатных юношей отправляются к тем племенам, которые в то время ведут какую-нибудь войну, так как этому народу покой противен, да и легче отличиться среди опасностей, а прокормить большую дружину можно только грабежом и войной. Дружинники же от щедрот своего вождя ждут себе и боевого коня, и обогренную кровью победоносную фреамею, а вместо жалованья для них устраиваются пиры, правда не изысканные, но обильные. Средства для такой щедрости и доставляют грабеж и война. [Этих людей] легче убедить вызывать на бой врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше – они считают ленью и малодушием приобретать потом то, что можно добыть кровью.

Гл.XV. Когда они не идут на войну, то все свое время проводят частью на охоте, но больше в праздности, предаваясь сну и еде, так что самые сильные и воинственные ничего не делают, предоставляя заботу и о доме, и о пенатах, и о поле женщинам, старикам и вообще самым слабым из своих домочадцев; сами они прозябают [в лени] по удивительному противоречию природы, когда одни и те же люди так любят бездействие и так ненавидят покой.

У [германских] племен существует обычай, чтобы все добровольно приносили вождям некоторое количество скота или земных плодов; это принимается как почетный дар, но в то же время служит для удовлетворения потребностей. [Вожди] особенно радуются дарам соседних племен, присылаемым не от

отдельных лиц, а от имени всего племени и состоящим из отборных коней, ценного оружия, фалер⁹ и ожерелий; мы научили их принимать также и деньги.

Гл. XVI. Достаточно известно, что германские народы совсем не живут в городах и даже не выносят, чтобы их жилища соприкасались друг с другом; селятся они в отдалении друг от друга и вразброд, [где кому] приглянулся [какой-нибудь] ручей, или поляна, или лес. Деревни они устраивают не по-нашему – в виде соединенных между собой и примыкающих друг к другу строений, но каждый окружает свой дом [определенным] пространством или для предохранения от пожара, или же по неумению строить. У них также нет обыкновения пользоваться [для построек] щебнем и делать черепичные крыши. [Строительный] материал они употребляют необделанным и не заботятся о красивом и радующем глаз виде [построек]. Впрочем некоторые места они обмазывают землей, такой чистой и яркой, что получается впечатление цветного узора. У них в обычае для убежища на зиму и хранения продуктов вырывать подземелья, наваливая сверху много навоза; такие места смягчают суровость холодов, а в случае нашествия неприятеля все открытое разграбляется, спрятанное же и зарытое или остается неизвестным, или ускользает, потому что его надо искать.

...Они играют в кости и, что удивительно, занимаются этим как серьезным делом и трезвые, и с таким азартом и при выигрыше и при проигрыше, что, когда уже ничего не осталось, при самом последнем метании костей играют на свободу и тело. Победенный добровольно идет в рабство, и, хотя бы он был моложе и сильнее, дает себя связать и продать. Таково их упорство в дурном деле; сами же они называют это верностью. Такого рода рабов они сбывают с рук продажей, чтобы избавиться от стыда [подобной] победы.

Гл. XXV. Остальными рабами они пользуются не так, как у нас, с распределением служебных обязанностей между ними как дворовой челядью: каждый из рабов распоряжается в своем доме, в своем хозяйстве. Господин только облагает его, подобно колону, известным количеством хлеба, или мелкого скота, или одежды [в виде оброка]; и лишь в этом выражается его обязанность как раба. Все остальные обязанности по дому несут жена и дети [господина].

Раба редко подвергают побоям, заключают в оковы и наказывают принудительными работами; чаще случается, что его убивают, но не в наказание или вследствие строгости, а сгоряча и в порыве гнева, как бы врага, с той только разницей, что такое убийство остается безнаказанным.

Вольноотпущенники немногим выше рабов. Редко они имеют значение в доме и никогда – в государстве, за исключением тех народов, у которых существует королевская власть, где они [иногда] возвышаются над свободными и [даже] над знатными¹⁰; у других же народов низкое положение вольноотпущенников является доказательством свободы.

Гл. XXVI. Германцы не знают отдачи денег в рост и наращивания процентов; [и таким неведением] они лучше защищены [от этого зла], чем если бы оно было запрещено [законом].

Земля занимается всеми вместе поочередно по числу работников, и вскоре они делят ее между собой по достоинству¹¹; дележ облегчается обширностью земельной площади: они каждый год меняют пашню, и [все-таки] еще остается [свободное] поле. Они ведь не борются с [естественным] плодородием почвы и ее размерами при помощи труда – они не разводят фруктовых садов, не отделяют лугов, не орошают огородов; они требуют от земли только [урожая] посеянного [хлеба]. От этого они и год делят не на столько частей, как мы: у них существуют понятия и соответствующие слова для зимы, весны и лета, названия же осени и ее благ¹² они не знают...

Гл. XXX. ...Начиная от Герцинских¹³ лесистых гор, крепко сидят на своей земле хатты, страна которых не представляет собой такой болотистой равнины, как у других племен, входящих в состав Германии, потому что здесь идут холмы, лишь постепенно становящиеся все реже и реже, и Герцинокий лес все время сопровождает своих хаттов и их охраняет. У хаттов еще более крепкие [чем у других германцев] тела, плотные члены, грозное выражение лица и большая сила духа. Для германцев они очень разумны и искусны: они поручают командование избранным и слушаются тех, кому оно поручено, знают строй, применяются к обстоятельствам, умеют вовремя удержаться от нападения, распределить день, окапываться на ночь, считать счастье чем-то сомнительным, а храбрость – надежным и, что особенно редко и свойственно лишь римской дисциплине, они больше полагаются на вождя, чем на войско. Вся сила их в пехоте, которая нагружена кроме оружия еще и железными инструментами и припасами. Другие [германцы] идут в сражение, хатты же снаряжаются на войну; у них редки набег и случайные стычки. И действительно, это кавалерийскому натиску 'свойственно срывать победу и быстро отступать; а от [такого] проворства недалеко и до страха; медлительность же близка к стойкости.

Гл. XXXI. И то, что у других германских народов встречается изредка и является делом личной инициативы, у хаттов обратилось в обычай: только что достигший юношеского возраста отпускает волосы и бороду и до тех пор не изменяет такого вида, свидетельствующего о данном обете и обязывающего к храбрости, пока не убьет врага. Только после крови и [военной] добычи открывают они лицо, считая, что только тогда они расплатились за свое рождение и стали достойны своего отечества и родителей. У трусливых и невоинственных этот ужасный вид [так и] остается. Наиболее храбрые носят на себе железное кольцо [что у этого племени позорно], как бы оковы, до тех пор, пока не убьют неприятеля. Очень многим из хаттов такой наряд нравится, и они в нем доживают до старости, обращая на себя своим странным видом внимание как неприятелей, так и своих. Они начинают все битвы, в строю они всегда первые, страшные на вид. Но и в

мирное время они не утрачивают своей дикости и не придают более кроткого вида своей наружности Нет у них ни дома, ни поля, ни какой-либо другой заботы. К кому они придут, у того и кормятся. [Так они и живут], пренебрегая своим, расточая чужое, пока благодаря бледной старости такая суровая доблесть не станет им не под силу.

Гл. XXXII. Ближайшие к хаттам - узипы и тенктеры, которые живут на Рейне, могущем [здесь¹⁴] быть достаточной границей благодаря своему определенному руслу. Тенктеры сверх обычной военной славы отличаются искусством кавалерийского маневрирования, и даже хатты не больше славятся своей пехотой, чем тенктеры конницей. Так уж это пошло от предков, а потомки им подражают. В этом – забава детей, соревнование юношей, [заниматься этим] упорно продолжают старики. Вместе с челядью, домом и наследственными правами передаются и кони. Но их получает не старший из сыновей, как все остальное [имущество], а тот, кто превосходит других неустранимостью на войне.

Гл. XXXIII. Возле тенктеров были в прежние времена бруктеры, но теперь, как рассказывают, сюда переселились хамавы и ангриварии, которые прогнали их и совершенно истребили с общего согласия соседних племен вследствие ли их ненависти к высокомерию [бруктеров], или привлекательности добычи...

Гл. XXXV. До сих пор мы знакомимся с Германией на западе. На севере она поворачивает очень большим изгибом. Здесь мы тотчас же встретим племя хавков; хотя они начинаются от фризов и занимают часть [морского] берега, но краем они примыкают ко всем тем племенам, о которых я говорил, пока не сделают загиб в сторону хаттов. Таким огромным пространством земли хавки не только владеют, но они и густо населяют его. Это - самый благородный нарогт среди германцев, который предпочитает охранять свое могущество справедливостью. Без жадности, без властолюбия, спокойные и обособленные, они не затевают никаких войн, никого не разоряют грабежом и разбоем..

Гл. XXXVI. Бок о бок с хавками и хаттами [живут] херуски, которые, никем не тревожимые, поддерживали мир, слишком долгий и расслабляющий... Те самые херуски, которые когда-то назывались добрыми и справедливыми, теперь стали называться малодушными и глупыми... Крушение херусков увлекло за собой и соседнее племя фозов: при несчастье они оказались товарищами на равных правах, тогда как в счастливые времена они были в подчиненном положении.

Гл. XXXVII. У того же изгиба Германии живут кимвры, ближайшие к Океану¹⁵. Теперь это незначительное племя, но великое по своей славе. Обширные следы этой старинной славы остаются и до сих пор: занимающие большое пространство лагеря на обоих берегах [Рейна], окружностью которых можно измерить, какое огромное количество людей было у них и, в частности, воинов...

Гл. XXXVIII. Теперь следует сказать о свевах, о народе, в состав которого входит не одно племя, как у хаттов или тенктеров. Они занимают большую часть Германии и хотя делятся на ряд племен, имеющих свои собственные названия, но все вместе обозначаются общим именем свевов. Отличительным признаком этого народа является то, что они зачесывают волосы набок и связывают их в пучок. Этим свевы отличаются от других германцев, а у свевов – свободные от рабов...

Гл. XXXIX. Самыми древними и благородными из свевов называют себя семноны. И эта уверенность в их древности подтверждается религией. Все народы одной с ними крови сходятся в лице своих представителей в определенное время в лес, священный для них благодаря верованиям их предков и внушаемому им издревле трепету; здесь они от имени всего народа убивают в жертву человека и таким ужасным действием начинают торжественно справлять свой варварский обряд. И в других формах выражается благоговение к этой роще никто не может в нее войти, иначе как в оковах, чтобы этим подчеркнуть свою приниженность и величие божества; если он случайно упадет, то нельзя ему подняться и встать на ноги, а должен он выкатиться по земле. Весь этот обряд имеет целью показать, будто бы именно здесь колыбель всего народа, где над всеми властвует бог и все остальное находится у него в подчинении и послушании. Авторитет сем-нонов поддерживается их благополучием: они населяют 100 округов, и вследствие такой многочисленности своего на-рода они верят, что являются главой свевов.

Гл. XL. Наоборот, лангобарды своей славой обязаны малочисленности. Окруженные многими и очень сильными племенами, они обеспечивают себя не послушанием, а битвами и тем, что не боятся опасностей. За ними следуют ревидигны, авионы, англы, варины, эвдозы, сварины и нуитоны, защищаемые реками и лесами. Каждое из этих племен в отдельности ничем не замечательно, но все они поклоняются Нерте, т.е. Матери-Земле, и думают, что она вмешивается в дела людей и объезжает народы. На одном из островов Океана есть девственная роща, а в ней посвященная богине колесница, накрытая покрывалом. Доступ к ней разрешается одному только жрецу. Он знает, когда богиня находится внутри [колесницы], и с великим благоговением следует за ней, влекомой телками. Тогда наступают радостные дни, праздничный вид приобретают те места, которые она удостоит своим прибытием и где гостит Никто [тогда] не затевает войн, не берется за оружие; все железо спрятано; лишь тогда познают они мир и спокойствие, но только до тех пор любят их, пока тот же жрец не возвратит в священную рощу богиню, пресытившуюся общением со смертными. Тотчас же после этого в скрытом от нескромных глаз озере обмываются и колесница, и покровы, и, если угодно верить, самое божество. Все это делают рабы, которых немедленно вслед за этим поглощает то же самое озеро. Отсюда тайный ужас и благочестивое неведение по отношению к тому, что могут видеть только те, кто должен умереть.

Гл.XLI. Эта часть свевов простирается до самых отдаленных мест Германии. Ближе [к нам] – теперь я буду следовать по течению Данувия¹⁶, как раньше Рейна-[живет] племя гермундугов, верное римлянам. Поэтому они единственные из германцев ведут торговлю не только на берегу, но и внутри страны, а также в самой цветущей из колоний провинции Реции. Они переходят [реку] везде и без страха, и в то время как другим племенам мы показываем только наше оружие и лагеря, им, как людям не жадным, мы открываем наши дома и виллы. В области гермундугов берет свое начало Альбис...

Гл.XLII. Рядом с гермундурами живут наристы, а далее квады и маркоманы. Особенно велики слава и силы маркоманов, которые даже населенную ими область приобрели благодаря своей храбрости, прогнав из нее некогда бойев. Но наристы и квады также не вырождаются. Там находится как бы граница Германии, поскольку она опоясывается Дануviем. У маркоманов и квадов вплоть до наших дней держались короли из их собственного племени, из знатного рода Маробода и Тудра; но теперь они уже терпят и чужеземных; впрочем, сила и власть этих королей поддерживается авторитетом Рима. Мы помогаем им изредка оружием, но чаще деньгами; от этого, однако, не умаляется их значение.

Гл.XLIII. Сзади к маркоманам и квадам примыкают мар-сигны, котины, озы и буры. Из них марсигны и буры своим языком и образом жизни походят на свевов; котины же своим галльским языком, а озы паннонским доказывают, что они не германцы, а также и тем, что терпят подати; часть податей из них, как у инородцев, накладывают сарматы, часть – квады. Котикам это тем более стыдно, что они добывают железо.

Все эти народы занимают частью равнины, главным же образом лесистые горы и вершины гор и горных цепей, так как свевов разделяет и рассекает непрерывная цепь гор, по ту сторону которых живут многие народы; из них шире всех распространяется народ лугиев, разделяющийся на много племен. Среди этих последних достаточно назвать наиболее значительных – гариев, гельвеонов, манимов, гелизиев, нага-нарвалов. У наанарвалов имеется роща, относящаяся к древнему культу. Ею заведует жрец в женском наряде, а боги, при истолковании их на римский лад, напоминают Кастора и Поллукса. Такова сущность этих божеств, а имя им Алки. [Не существует] никаких изображений [этих божеств] и никаких признаков чужеземного культа [занесенного извне]; однако они почитаются как братья, как юноши.

Всех только что перечисленных племен превосходят гарии своей силой; кроме того, впечатление от своего [и без того] свирепого вида они усиливают искусственно, придавая ему необычную дикость, а также выбором времени для сражения; щиты [у них] черные, тело выкрашено, а для битвы они выбирают темные ночи.

Гл.XLIV. За лугиями живут готовы, управляемые королями уже несколько строже, чем остальные германские племена, однако не настолько, чтобы совершенно лишиться свободы. Дальше, у самого Океана – ругии и лемовии: особенностью всех этих племен является то, что щиты у них круглые, мечи короткие и что они повинуются королям.

Отсюда [на север] на самом Океане живут племена свио-нов, которые сильны не только пехотой и вообще войском, но и флотом. Форма их кораблей отличается тем, что с обеих сторон у них находится нос, что дает им возможность когда угодно приставать к берегу; они не употребляют парусов, а весла не прикрепляют к бортам одно за другим; они свободны, как это бывает на некоторых реках, и подвижны, так что грести ими можно и в ту и в другую сторону, смотря по надобности. Богатство у свионов в чести, поэтому ими повелевает один [человек], без всяких ограничений, а не с условным правом на повиновение. Оружие у них не находится на руках у всех, как у остальных германцев, но заперто и стережется, а именно рабом; это делается потому, что внезапному нападению неприятелей препятствует Океан, а кроме того, праздные руки вооруженных людей [легко] переходят границы дозволенного; и действительно, не в интересах короля поручать надзор за оружием кому-нибудь из знати или из свободных и даже из вольноотпущенников.

Гл.XLV. ...Правым берегом Свевского моря¹⁷ омывается земля племен эстиев, у которых обычаи и внешний вид, как у свевов, а язык больше похож на британский. Они поклоняются матери богов и носят как символ своих верований изображения кабанов. Это у них заменяющая оружие защита от всего, гарантирующая почитателю богини безопасность даже среди врагов. Они редко пользуются железным оружием, часто же дубинами. Над хлебом и другими плодами земли они трудятся с большим терпением, чем это соответствует обычной лени германцев. Они также обыскивают и море и одни из всех на его отмелях и даже на самом берегу собирают янтарь, который сами называют «глез». Но какова его природа и откуда он берется, они, будучи варварами, не доискиваются и не имеют об этом точных сведений. Он даже долго валялся у них среди других отбросов моря, пока наша страсть к роскоши не создала ему славы. Сами же они его совсем не употребляют. Собирается он в грубом виде, приносится [на рынок] без всякой отделки, и они получают за него плату с удивлением...

Следом за свионами живут племена ситонов, во всем на них похожие. Ситоны отличаются только одним тем, что над ними господствует женщина – до такой степени они пали даже в рабстве своем, не говоря уже о свободе.

Гл.XLVI. Здесь конец Свевии. Что касается певкинов, венедов и феннов, то я не знаю, отнести ли их к германцам, или к сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, живут, как германцы, будучи похожи на них языком, образом жизни, жилищем, – грязь у всех, праздность среди знати. Благодаря смешанным бракам они в значительной степени обезобразились, наподобие сарматов. Венеды

многое заимствовали из нравов последних, так как они, занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между пев-кинами и феннами. Однако их следует причислить скорее к германцам ввиду того, что они и дома прочные строят, и щиты имеют, и любят ходить и даже быстро – все это совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке и на коне. Фенны отличаются удивительной дикостью и ужасной бедностью; у них нет оружия, нет лошадей, нет пенатов; пищей им служит трава, одеждой – шкура, ложем – земля. Вся надежда их на стрелы, которые они за неимением железа снабжают костяным наконечником. Одна и та же охота кормит и мужчин и женщин, которые повсюду их сопровождают и участвуют в добыче. Их дети не имеют другого убежища от диких зверей и непогоды, кроме сплетенных между собой ветвей, под которыми они скрываются; сюда возвращается молодежь, здесь пристанище стариков. Но это они считают большим счастьем, чем изнывать в поле, трудиться в доме, рисковать своим и чужим добром, [постоянно находясь] между надеждой и страхом. Не опасаясь ни людей, ни богов, они достигли самого трудного – им даже нечего желать...

¹ Северное море.

² Вероятно, мееца ввиду бог грома Донар.

³ Сerratы – римские серебряные мсунеты с зубуринами, бигаты – с изображением колесницы, запряженной парой лошадей.

⁴ Под королями Тацит подразумевает племенных вождей, лидеров племенной знати.

⁵ Кавалерийские отряды.

⁶ Отряды пехотинцев.

⁷ У римлян облачение юношей в мужской плащ – тогу – являлось обрядом признания совершеннолетия.

⁸ В то время государства у германцев еще не было. Тацит переносит на них римские порядки. Имеется в виду племя.

⁹ Драгоценные бляхи для украшения конской сбруи.

¹⁰ Тацит иронически намекает на порядки в рабовладельческих районах Средиземноморья, где вольноотпущенники нередко возвышались в обществе.

¹¹ Спорное место. Неясно, имеет ли ввиду Тацит качество отдельных участков земли или социальное положение людей.

¹² Т.е. фруктов.

¹³ Гарц и современной Германии.

¹⁴ В северо-западной части Германии.

¹⁵ Северное море.

¹⁶ Дунай.

¹⁷ Балтийское море.

Готы и их взаимоотношения с другими варварскими племенами (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», Извлечение)

Иордан (ок. 500-560 гг.) – готский историк, автор знаменитой «Истории гетов», «Гетики», являющейся важнейшим источником по истории этого народа. Это произведение, тем более ценное, что Иордан пользовался не дошедшими до нас источниками. В их числе – «Византийская история и деяния Атиллы» Приска и «История гетов» Кассиодора.

Готы положили начало своему могуществу в правлении своих королей Ариарика и Аорика (современников Константина Великого и его союзников). По смерти их королевство наследовал Геберих, знаменитый и по происхождению, и по доблести; рожденный Гельдерихом, имея дедом Овиду и прадедом Нидаду, Геберих своими блестящими подвигами сравнился со славою своего рода.

В начале правления он напал на вандалов и пошел на Визимара, их короля, из дома Аздингов, которые, по свидетельству историка Дексиппа, отличаются между всеми другими и составляют самый воинственный род; по его же показанию, вандалы потратили целый год для перехода от берегов океана к нашим границам: так огромно пространство этих земель. В то время они расположились на том самом месте, где ныне сидят гепиды, по берегам рек Маризии, Милиара, Гильпилы и величайшей из всех них, Гризии. На восток от вандалов жили готы, на запад – маркоманы, на север – гермундуры, а на южной границе протекала река Истер, называемая также и Дунаем. Когда вандалы жили именно в этих местах, на них напал Геберих, король гетов, и после кратковременной борьбы с ними на берегах вышеупомянутой реки Маризии, поразил короля вандалов, Визимара, вместе с большей частью его народа. Но Геберих, знаменитый вождь гетов, победив и ограбив вандалов, возвратился домой, откуда пришел. После того те немногие из вандалов, которые уцелели от поражения, захватив с собою старых и малых и оставив несчастную родину, просили у императора Константина Паннонию для поселения, и помещенные там на основании императорских декретов, жили около 60 лет, считаясь всельниками. По приглашению Стиликона, начальника всей пехоты, бывшего консула и патриция, вандалы оттуда переселились в Галлию, где, предаваясь грабежу по границам, не имели постоянных жилищ.

По смерти Гебериха, короля гетов, спустя некоторое время, вступил в правление Германарик (в начале второй половины IV в.), благороднейший из фамилии Амалов, который усмирил многие самые воинственные северные народы и подчинил их своим законам. Наши предки справедливо сравнили его с Александром Великим. Ему были подвластны: готы, скифы, твиды, инаунксисы, вазинабронкасы, меренсы (мерь?), мордензимнисы (мордва?), карисы (карелы?), рокасы, тадзансы, атуалы, навего, бубегентасы и колдасы. Но прославившись подчинением такого множества народов, Германарик не мог допустить того, чтобы народ

герулов, управляемый Алариком и уже большей частью истребленный, не признавал над собою его власти. Этот народ, населяя топкие места, вблизи Меотийских болот, называемые у греков Hele, отсюда и название герулов, отличался быстротою набегов и тем более был дерзок. В то время все народы вербовали у них легкую пехоту для своего войска. Но быв непобедимы в быстроте против других воинственных племен, герулы уступили стойкости и медлительности готов, и, по воле судьбы, подчинились власти короля готов Германарику, вместе с прочими народами.

После поражения герулов тот же Германарик повел войско против венетов; они хотя и неопытны в военном деле, но при своей многочисленности попытались сначала сопротивляться. Но никакая многочисленность людей невоинственных не может устоять против вооруженной силы, особенно если им Бог не поможет. Венеты разделяются на три части: венетов, антов и склавен (славян); все они теперь, за грехи наши, свирепствуют против нас, а тогда все признавали над собою власть Германарика.

Равным образом, и народ эстов, занимающий длинные берега Германского океана (Балтийского моря), покорился его уму и доблести; своими трудами он покорил все народы Скифии и Германии.

По истечении краткого времени (в 376 г.), как рассказывает Орозий, на готов напали гунны, народ, превосходящий всех своей жестокостью. По преданию древности, я узнал следующее о их происхождении. Филимер, король готов и сын Гандарика Великого, пятый в порядке лиц, управлявших королевством готов, по удалении их с острова Скандзы (Скандинавии), и под предводительством которого его народ вступил в земли скифов, узнал, что среди его народа водятся какие-то ведьмы, которых он сам называл на своем родном языке алиорумнами. По его приказанию они были выгнаны и осуждены блуждать в степях, далеко от лагеря готов. Нечистые духи, увидев ведьм, скитавшихся в пустыне, сочетались с ними и породили этот варварский народ – гуннов. Гунны сначала жили в болотах, видом были малорослы, грязны и гнусны, едва похожи на людей, и ни один звук их голоса не напоминал человеческого языка. Так произошли те гунны, которые приблизились к землям готов. Это дикое племя, по словам историка Приска, жило на другом берегу Меотийских болот, занималось единственно охотой и ничем другим; разросшись впоследствии в целый народ, гунны начали тревожить своих соседей грабежами и ко-варством. Однажды гуннские охотники, преследуя, как обыкновенно, добычу на другом берегу Меотийских болот, заметили внезапно пред собою лань; войдя в болота, лань то шла вперед, то останавливалась, и как бы указывала дорогу. Охотники последовали за ней и таким образом перешли вброд Меотийские болота, которые они считали непроходимыми, как и всякое море. Вскоре, когда показалась скифская земля, неведомая гуннам, лань исчезла. Я убежден, что все это сделали те нечистые духи, от которых произошли гунны, из ненависти к скифам. Не подозревая существования другого мира по ту сторону Меотийских болот, охотники, пораженные удивлением к открытым ими землям Скифии, как люди суеверные, приписали все сверхъестественному указанию того пути, который до того времени никому не был известен. Возвратившись к своим, они рассказали происшедшее, хвалили Скифию, и, убедив свой народ, поспешили в путь той же дорогой, которую они открыли по указанию лани. Все попавшиеся навстречу скифы были принесены в жертву победе, а остальные, по усмирении их, признали над собою власть гуннов. Перейдя это обширное болото, гунны покорили алипзуров, алцидзуров, итимаров, тункассов и боисков, целый рой народов, населявших тот берег Скифии. Затем они завоевали алан, утомив их непрерывной борьбой; аланы не уступали им в военном деле, а образованностью, образом жизни и наружностью существенно отличались от них. Гунны, может быть, и не превосходили алан в искусстве войны; но аланы, приводимые в ужас одной их наружностью, обращались в бегство от страха: у гунна лицо было ужасающей черноты и походило, если можно так выразиться, на безобразный кусок мяса с двумя дырами вместо глаз. Такая страшная внешность говорила о мужестве души; гунны свирепы даже со своими новорожденными: они мечом испарывают им щеки, чтобы приучить их терпеливо переносить раны, прежде нежели дитя научится сосать. Оттого у гуннов старики остаются безбородыми, и юноши лишены украшения со-вершеннолетия: раны изрытого лица уничтожают заблаговременно корни бороды и усов. Ростом гунны невелики, но ловки в движении и весьма искусны в наездничестве; широкоплечи и вооружены стрелами и луком; толстошеи и всегда гордо выпрямляются. Имея вообще человеческую фигуру, гунны живут как дикие звери.

Когда готы увидели в первый раз это воинственное племя, покорившее уже многие народы, они пришли в ужас и совещались со своим королем, какими средствами можно спастись от подобного неприятеля. В то время, когда Германарик, хотя он, как я выше сказал, вышел победителем из борьбы со многими народами, однако же начал думать о появлении гуннов, вероломные россомоны, бывшие у него в рабстве, нашли следующий случай погубить его. Одна женщина, по имени Сванигильда, из племени россомонов, вследствие дезертирства ее мужа, по приказанию раздраженного короля, была привязана к диким лошадям и разорвана на части. Его братья, Сар и Амми, мстя за смерть золовки, поразили мечом Германарика в бок; истощенный раной, король влачил после того печальную жизнь. Услышав о слабом здоровье Германарика, Баламбер, король гуннов, овладел частью владений остготов; вестготы, вследствие внутренней распри, отделились от их союза. Между тем Германарик, как от раны, так и от горя, которое ему причиняли набег гуннов, умер на 110-м году жизни, в глубокой старости. Его смерть дала гуннам возможность получить перевес над теми готами, которые занимали восточный край и потому назывались остготами.

Вестготы, то есть те их союзники, которые жили на западе, уstraшенные судьбой своих соотечественников, рассуждали о своей участи по поводу гуннов, колебались, и, наконец, по долгом

размышлении, общим приговором решили отправить в римскую землю послов к императору Валенту, брату старшего Валентиниана, прося дать им часть Фракии или Мизии для поселения, на основании римских законов, с повиновением его воле. И чтобы внушить к себе более доверия, они обещали принять христианство, если император пришлет своих богословов. Узнав это, Валент немедленно и с радостью изъявил согласие на то, о чем и сам хотел стараться; поселив остготов в части Мизии, он сделал из них оплот империи против других варваров. Но так как император Валент был проникнут арианской ересью и закрывал все церкви нашего исповедания, то он отправил к готам своих лжеучителей, которые и влили в сердца людей грубых и невежественных яд своей ереси.

Таким образом, благодаря императору Валенту вестготы сделались скорее арианами, нежели христианами. Впоследствии, проповедуя евангелие своим соотечественникам, остготам и гепидам, они и их научили этой ереси и ввели ее ко всем народам, говорящим тем же языком. Сами же вестготы, как я сказал, перейдя Дунай, с дозволения императора, поселились в береговой Дакии, Мизии и Фракии.

Общественный строй и образ жизни аланов (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 2, 17-25)

Значительную опасность, кроме готских племен, представляли для ослабевшей Римской империи также племена аланов.

Разделенные таким образом по обеим частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии один от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя, и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение. У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и куда бы они ни пришли, то место и считают родным очагом. Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми.

Там есть вечнозеленые равнины вперемежку с рощами плодовых деревьев; поэтому, куда бы они ни переселялись, они не терпят недостатка в пище для себя ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек. Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами. Поэтому-то и персы, по происхождению скифы, очень опытные в военном деле.

Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни; с целью грабежа или охоты они доезжают до Мэотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии. Как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как вырождков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых. У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают прямые ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом ясно узнают, что им предвещается. Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьбы они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами.

Общественный строй и образ жизни гуннов (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 2, 1-12)

Значительную опасность, кроме готских племен, представляли для ослабевшей Римской империи также племена гуннов.

Семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий, которые возбудила воинственная ярость обычным, все смешивающим пожаром, послужила, как нам известно, следующая причина. Племя гуннов, о

котором мало знают древние памятники, живет за Мэотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости. При самом рождении делаются на щеках ребенка глубокие надрезы острым оружием для того, чтобы рост выступающих в свое время волос притуплялся образующими морщинами рубцами, и таким образом они стареют безбородыми и лишенными всякой красоты, подобно евнухам; все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов. При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением. Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение как к гробницам, отрешенным от обычного людского обихода. У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; и на чужбине они не входят в жилища за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей. Они одеваются в одежды холщевые или сшитые из шкур лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой; раз надетая туника устарелого цвета снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расплзается в лохмотья. Головы они прикрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом. Поэтому они плохо действуют в наших стычках; но зато, как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам и иногда сидя на них по-женски, они исполняют все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон с разнообразными сновидениями. Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном положении. Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадет на пути. Иногда, угрожаемые нападением, они вступают в битвы клинообразным строем, со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты, нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а врукопашную, очертя голову, рубятся мечами и на врагов, сами уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают крепко овитые арканы для того, чтобы, опутав члены противника, отнять у него возможность усидеть на коне или уйти пешком. У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина; он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше. В перемирии они неверны и непостоянны, быстро увлекаются всяким дуновением новой надежды и во всем полагаются на свою необузданную храбрость. Подобно неразумным животным, они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии; они уклончивы и темны в речах, никогда не связаны уважением к религии; они пылают неудержимой страстью к золоту и до такой степени непостоянны и вспыльчивы, что иногда в один и тот же день без всякого подстрекательства изменяют своим союзникам и снова примиряются без всякого посредничества.

Этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов, прежних массагетов.

Аттила – вождь гуннов (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», XXXV)

Аттила – вождь гуннов с 434 по 453 гг., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

Память о вожде гуннов сохранялась на протяжении веков в устном германском эпосе и перешла в скандинавские саги. В ранних сказаниях германцев, сложенных в эпоху Великого переселения народов, Аттила в списке великих варварских правителей ставился на первое место впереди легендарных германских королей. Сведения об Аттиле можно встретить также у Иордана.

Этот Аттила был рожден Мундзуком, двоюродные братья которого, Октар и Роас, как рассказывают, царствовали до него в земле гуннов, хотя не в том объеме, как сам Аттила. Он наследовал им после их смерти, вместе с двоюродным братом Бледою; готовясь к походу, который он замыслил, Аттила решил увеличить свои силы братоубийством и стремился вместе с тем погубить всех своих родственников. Бледа, царствовавший в большей части земли гуннов, был коварно умерщвлен. Соединив под своей властью всех гуннов и собрав вместе все народы, подчиненные им, Аттила задумал покорить себе две первые нации в мире – римлян и

вестготов. Его войско доходило до 500 тысяч. Этот человек родился в мир для потрясения народов и внушения страха всему миру; не знаю, каким образом одно его имя наводило ужас на всех. Он выступал гордо, озираясь вокруг, чтобы казаться страшным в самых движениях выпрямленного тела. Любя войну, Аттила был умерен в деле, тверд в совете, снисходителен к просьбам и благосклонен к тем, кого однажды принял под свое покровительство. Рост его был невелик, грудь широкая и большая голова, глаза узкие, редкая борода с проседью, плоский нос и тело смуглого цвета, обличающего его происхождение. Хотя уже по самой своей природе он был настроен к великим замыслам, но найденный меч Марса, который все короли скифов считали священным, увеличил самоуверенность Аттилы. По рассказу историка Приска, меч был найден по следующему случаю. «Пастух, – говорит он, – заметив, что одна телица в его стаде хромает, и не понимая, что могло ее ранить, пошел по следам крови и наконец нашел меч, на который телица, щипля траву, ступила по неосторожности; вырыв меч из земли, пастух немедленно отнес его к Аттиле. Аттила был весьма обрадован таким приношением и, как человек честолюбивый, полагал, что меч Марса вручает ему судьбу битв и делает его властелином всего мира».

Аттила в Галлии (Григорий Турский, «История франков», II, 7)

В 451 г. гунны под предводительством Аттилы совершили поход в Галлию. Сведения об этом событии можно встретить в произведении Григория Турского «История франков».

Король гуннов, Аттила, удалившись от г. Метца, опустошил множество других городов Галлии. Он осадил также Орлеан и, громя его таранами, думал овладеть им. Св. Аниан, муж особенного ума и досточтимой святости, чудеса которого мы описали с верностью, был тогда епископом этого города.

Когда народ, доведенный осадой до крайности, обратился к нему как к своему епископу и спрашивал, что делать, то он возложил надежду на Бога, и повелел всем со слезами молить Господа о помощи, всегда готового склониться на просьбы тех, которые имеют в нем нужду. И когда они стали слезно молиться, как он повелел, тогда епископ сказал им: «Взгляните вниз с городской стены, не является ли к нам на помощь милосердие божие?» Аниан действительно знал, что Бог сжалится и Аэций поспешит; предвидя будущее, он еще прежде ходил к нему в Арль. Они смотрели с городских стен и не видели никого. «Молитесь с верою, – говорил снова епископ, – потому что Господь освободит вас сегодня». И во время их молитвы опять послал: «Посмотрите снова». Они посмотрели и опять не увидели никого, кто спешил бы на помощь. Он сказал им в третий раз: «Если вы будете молиться с верою, то и Господь будет скоро с вами». Они с плачем и рыданиями умоляли Бога о милосердии. После молитвы они взглянули в третий раз с городской стены, следуя повелению старца, и увидели, что вдали поднималось как будто облако. Они объявили это епископу, который сказал: «Это помощь от Господа».

Между тем стены уже дрожали от ударов тарана и готовы были разрушиться, как вдруг прибыли Аэций, Теодорих, король готов, и его сын, Торнемод; они приблизились к городу со своими войсками, отбросили неприятеля назад и обратили его в бегство. Освободив таким образом город заступничеством святого епископа, они преследовали бегущего Аттилу, который, достигнув полей Мавриака, начал готовиться к сражению. Наши при этом известии собрали все силы против него.

Битва на Каталаунских полях (451 г.) (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», XL-XLVII)

Битва на Каталаунских полях (после 20 июня 451 г.) – сражение в Галлии, в котором войска Западной Римской империи под началом полководца Аэция в союзе с армией Тулузского королевства вестготов остановили нашествие коалиции варварских племен гуннов и германцев под началом Аттилы на Галлию.

Сражение стало крупнейшим и одним из последних в истории Западной Римской империи перед ее распадом. Хотя исход битвы был неясен, Аттила был вынужден удалиться из Галлии.

Итак, сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называют Мавриакскими¹; они тянутся на сто лев (как говорят галлы)² в длину и на семьдесят в ширину. Галльская лева измеряется одной тысячью и пятьюстами шагами. Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен. Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подпользания, но сражались открытым боем. Какую можно сыскать причину, достойную того, чтобы привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против друга? Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов и по воле надменного короля в одно мгновение уничтожается то, что природа производила в течение стольких веков!³

Но раньше чем сообщить о самом ходе битвы, необходимо показать, что происходило вначале, перед сражением. Битва была настолько же славна, насколько была она многообразна и запутанна. Сангибан, король аланов, в страхе перед будущими событиями обещает сдаться Аттиле и передать в подчинение ему галльский город Аврелиан⁴, где он тогда стоял. Как только узнали об этом Теодорид⁵ и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Аттила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками.

Аттила, король гуннов, встревоженный этим событием и не доверяя своим войскам, устранился вступить в сражение. Между тем, обдумав, что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадателей спросить о будущем. Они, взглядываясь по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Аттила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной гибели стремиться убить Аэция, который как раз стоял на пути его – Аттилы – движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

Сошлись стороны, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, выростало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими [союзниками], левую же – римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся [ничьей] вершину.

Правое крыло держал Теодерид с везеготами, левое – Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, о котором мы говорили выше и который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегство поставлено препятствие.

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинявшиеся его власти. Среди них преобладало войско остроготов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих⁶, славнейший тот король бесчисленного полчища гепидов, который, по крайней преданности своей Аттиле, участвовал во всех его замыслах. Аттила же, взвешивая все с присущей ему пронизательностью, любил его и Валамира, короля остроготов, больше, чем других царьков. Валамир отличался стойкостью в сохранении тайн, ласковостью в разговоре, умением распутать коварство. Ардарих же был известен, как сказано, преданностью и здравомыслием. Не без основания Аттила должен был верить, что они будут биться с сородичами своими, везеготами. Остальная же, если можно сказать, толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно сателлитам, кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них предстал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось. Один Аттила, будучи королем [этих] королей, возвышался над всеми и пекся обо всех.

Итак, происходила борьба за выгодную, как мы сказали, позицию того места. Аттила направляет своих, чтобы занять вершину горы, но его предупреждают Торисмунд и Аэций, которые, взобравшись на верхушку холма, оказались выше и с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе.

Тогда Аттила, увидев, что войско его по причине только что случившегося пришло в смятение, решил вовремя укрепить его следующими речами: «После побед над таким множеством племен, после того как весь мир – если вы устоите! – покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрецу слаще стремления заплатить врагу своей же рукой? Насыщать дух мщением – это великий дар природы! Итак, быстрые и легкие, нападем на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена: признак страха – защищаться союзными силами. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимают курганы и в позднем раскаянии молят об укреплениях в степи. Вам же известно, как легко оружие римлян: им тягостна не только первая рана, но сама пыль, когда идут они в боевом порядке и смыкают строй свой под черепахой щитов⁷. Вы же боритесь, воодушевленные упорством, как вам привычно, пренебрегите пока их строем, нападайте на аланов, обрушивайтесь на везеготов. Нам надлежит искать быстрой победы там, где сосредоточена битва. Когда пересечены жилы, вскоре отпадают и члены, и тело не может стоять, если вытащить из него кости. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие! Ранен ли кто – пусть добывается смерти противника, невредим ли – пусть насытится кровью врагов. Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира. Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы приготовить их к ликованию после этого боя? Кто же, наконец,

открыл предкам нашим путь к Мэотидам⁸, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество. Я не сомневаюсь в исходе вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первый пушу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!»

И зажженные этими словами все устремились в бой.

Хотя событие развивалось ужасное, тем не менее присутствие короля подбадривало унывающих. Сходятся врукопашную; битва — лютая, переменная, зверская, упорная. О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каких нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого самого чуда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволнованный от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они — раненые — и пролили.

Там король Теодорид, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же; он завершил свою жизнь, находясь в возрасте зрелой старости. Некоторые говорят, что был он убит копьем Андагиса⁹, со стороны остроготов, которые тогда подчинялись правлению Аттилы. Это и было тем, о чем вначале сообщили Аттиле гадатели в их предсказании, хотя он и помышлял это об Аэции.

Тут везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградами лагерей, которые он держал окруженными телегами, как валом; хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

Торисмуд¹⁰, сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня; когда свои, благодаря догадке, освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. Аэций, равным образом оторванный от своих в ночной сумятице, блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами; наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов. На следующий день на рассвете [римляне] увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственной король, хотя и окруженный. Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, так как он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспрестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов.

Во время этой задержки с осадой везеготы стали искать короля, сыновья — отца, дивясь его отсутствию, как раз когда наступил успех. Весьма долго длились поиски; нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает мужам отважным, и вынесли оттуда, почтенного песнопениями на глазах у врагов. Виднелись толпы готов, которые воздавали почести мертвецу неблагозвучными, нестройными голосами тут же в шуме битвы. Проливались слезы, но такие, которые приличествуют сильным мужам, потому что, хотя это и была смерть, но смерть — сам гунн тому свидетель — славная. Даже вражеское высокомерие, казалось, склонится, когда проносили тело великого короля со всеми знаками величия. Отдав должное Теодориду, готы, гремя оружием, передают [наследнику] королевскую власть, и храбрый Торисмуд, как подобало сыну, провожает в похоронном шествии славные останки дорогого отца.

Когда все было кончено, сын, движимый болью осиротения и порывом присущей ему доблести, задумал отомстить оставшимся гуннам за смерть отца; поэтому он спросил патриция Аэция, как старейшего и зрелого благоразумием, что надлежит теперь делать. Тот же, опасаясь, как бы — если гунны были бы окончательно уничтожены — готы не утеснили Римскую империю, дал по этим соображениям такой совет: возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом, чтобы братья, захватив отцовские сокровища, силою не вошли в королевство везеготов и чтобы поэтому не пришлось ему жестоким или, что еще хуже, жалким образом воевать со своими. Торисмуд воспринял этот совет не двусмысленно, — как он, собственно, и был дан, — но скорее в свою пользу и, бросив гуннов, вернулся в Галлии. Так непостоянство человеческое, лишь только встретится с подозрениями, пресекает то великое, что готово совершиться.

В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов.

Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданным. Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу.

¹ Каталаунские, или Мавриакские, поля – знаменитая равнина в Шампани к западу от города Труа и левого берега верхней Сены, где во второй половине июня 451 г. произошла битва племен, возглавленных, с одной стороны, Атилией, с другой – Азием. Принимая во внимание указание Иордана, что Каталаунские поля занимали огромные пространства (ср. следующее примечание), правильно предполагать, что сражение произошло около места *Maugica* (так у продолжателя Проспера Аквитанского, в копенгагенской рукописи) или *Maugiacus campus* (так у Григория Турского); это место (название которого пытаются связать с современным *Moireu* в департаменте Об) находилось на громадной Каталаунской равнине, т.е. в Шампани (*Campania*); в число ее городов входил и *Catalaunum* (нын. Шалон-на-Марне).

² Галльская лева (*leua Gallica*, в других рукописях – *leuca, leuga, legua*). От галльского «*leuca*» произошло французское слово *лье* («*lieue*») – старинная мера длины во Франции, равная приблизительно 4-4,5 км. Иордан приводит точные размеры поля, на котором произошла Каталаунская битва, и в связи с этим определяет величину галльской левы: она равна 1500 шагам (римским) или 1,5 римской мили. Следовательно, галльская лева соответствует 2,25 км. Площадь поля, простирившегося, по словам Иордана, на 100 лев в длину и на 70 лев в ширину равнялась, таким образом (225 x 157,5), 35437,5 кв. м, что не может соответствовать действительности, если только не подразумевать под Каталаунскими полями всю Шампань. Аммиан Марцеллин записал, что там, где начиналась территория Галлии, длину пути считали уже не «тысячами шагов» («*non millenis passibus*»), а «левгами» («*leugis*»); он также отметил, что расстояние между римским войском и вражеским валом составляло четыре левги, равные 21 тысяче шагов.

³ В изложении Иордана, обычно сухом, проскользнули взволнованные нотки: он как бы скорбит о том, что произвол королей толкает людей на войну; «безумный порыв единого ума, – пишет Иордан, – приводит народы к войне».

⁴ Аврелиан – город Орлеан на средней Луаре.

⁵ Теодорид I – король везеготов (419-451 гг.). Избран после смерти Валии, не оставившего сына. Теодорид I погиб во время Каталаунской битвы

⁶ Ардарих – король гепидов, союзник Атиллы и преданный ему советник.

⁷ «Черепаша» – известный прием защиты пешего римского войска при атаке или же штурме неприятельского лагеря. Солдаты первой шеренги опускали щиты, держа их перед собой вертикально; солдаты следующих шеренг поднимали щиты, держа их горизонтально над головой; таким образом получалась как бы броня, покрывавшая много рядов солдат. Эта движущаяся броня и именовалась «черепашей». Одно из лучших изображений «черепашей» имеется среди рельефов на колонне Траяна в Риме. Ближе к Иордану по времени упоминание о «черепаше» у Аммиана Марцеллина. Рассказывая о битве между готами и римскими войсками близ города Маркианополя, в Нижней Мезии, в 377 г., он пишет: воины двигались, «соединив щиты в форме черепашей».

⁸ Слова Атиллы (по Иордану) о «пути на Мэотиду» («*iter Meotidarum*») важны в речи гуннского вождя, как напоминание о пути гуннов в Европу, который много столетий оставался закрытым. После того как гунны прорвались к западу от Мэотиды, в Европе стало ощутимо их нашествие. Аммиан Марцеллин отмечает слабую осведомленность древних писателей о гуннах тех времен, когда они еще жили восточнее Мэотиды: «Племя гуннов, слабо известное в древних памятниках, живет по ту сторону Мэотийских болот, примыкая к Ледовитому океану».

⁹ Об Андагисе (или Андаге), представителе рода Амалов, см. *Get.*, § 266, в котором идет речь о службе Иордана Амалам в Малой Скифии.

¹⁰ Торисмуд (или Торисмунд) – король везеготов (451-453 гг.).

Распад империи Атиллы (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», L-LII)

Иордан о распаде империи Атиллы.

Окончив погребальные обряды, наследники Атиллы, по свойству юношей увлекаться властолюбием, подняли спор о разделе государства; но, безрассудно желая повелевать все вместе, они все вместе потеряли власть. Таким образом, большое число наследников часто бывает более вредно государству, нежели недостаток в них.

Сыновья Атиллы, которые, вследствие его крайней чувственности, составляли почти целый народ, требовали, чтобы подданные были разделены между ними поровну, так что воинственные короли и их племена, подобно домашней прислуге, должны были быть пущены по жребию. Ардарик, король гепидов, узнав о том, пришел в негодование за оскорбление столь многих народов, с которыми хотели обращаться, как с презренными рабами, первый восстал против сыновей Атиллы и счастливым исходом дела омыл позорное пятно рабства. Он освободил своим восстанием не только свой, но и прочие, равно угнетенные народы; легко все поддерживают то, что предпринимается для общей пользы. Таким образом, все вооружились на взаимную гибель. Война ведется в Паннонии, на берегах реки, называемой Нетад. Там сошлись различные народы, находившиеся под властью Атиллы. Королевства распадаются на нации, из одного тела образуются отдельные члены, и один не чувствует боли другого, но, по отсечении головы, наносят взаимно удары.

Сильнейшие народы, не находившие прежде равных себе, теперь растерзывают сами себя, всасываясь в раны друг другу. Я полагаю, это было удивительное зрелище, где можно было встретить гота, размахивающего булавой, свирепого гепида с мечом в руках, руга, переламливавшего копье в ране своих единоплеменников, пешего свева и пускающего стрелы гунна, алана в тяжелом и герула в легком вооружении. Наконец, после многих тяжких битв, победа нежданно улыбнулась гепидам; почти тридцать тысяч как гуннов, так и других содействовавших им народов истребил меч Ардарика и его союзников. В одном сражении был убит и старший

сын Аттилы, по имени Эллак, которого отец, говорят, любил более прочих до того, что назначил его своим преемником, предпочтительно перед всеми своими многочисленными сыновьями; но судьба не согласилась с желанием отца. Нанося частые поражения своим врагам, он, как известно, погиб с таким мужеством, что и его отец, если бы он оставался еще в живых, мог бы пожелать себе столь славной кончины. Другие же братья, после его смерти, были прогнаны к берегам Понта, где прежде жили готы. Такой конец имели гунны, которым, казалось, уступала вся вселенная. Раздор бывает до того пагубен, что те же люди, которые при внутреннем согласии наводили страх, в разъединении были сокрушены. Эта победа Ардарика, короля гепидов, была счастливым событием для тех различных народов, которые неохотно подчинялись господству гуннов, и их давно уже изнывавшее сердце забилось сильнее от радости желанной свободы; многие отправили послов в римскую землю и, получив радушный прием у тогдашнего императора Восточной империи Маркиана, заняли для поселения отведенные им земли. Гепиды, захватив силой прежнее жилище гуннов и овладев, как победители, пределами Дакии, заключили с римлянами дружеский договор, не требуя от них, как храбрые люди, ничего другого, кроме мира и торжественных ежегодных подарков. Император охотно согласился на то, и до сих пор этот народ получает от римского правительства обычный дар. Готы же, видя, что гепиды не впускают их в земли гуннов, несмотря на то, что гунны владели страной, издревле им принадлежавшей, желали лучше обратиться к римлянам с просьбой о поселении их в пределах империи, нежели с опасностью для себя напасть на чужие владения, и получили Паннонию, которая расстилается широкой равниной, гранича к востоку с верхней Мизией, к югу Далмацией, к западу Нориком, а на севере отделяется Дунаем. Они украсили свою родину многими городами, из которых ближайшим был Сирмий, а отдаленнейшим – Виндомина. Савраматы же, которых мы называем сарматами, и цемандры вместе с частью гуннов заняли данные им земли в империи подле Марсова поля. Отсюда был родом Бливилла, герцог Пентаполитанский, его брат Фройла, и наш современник, патриций Бесса. Сциры, садагары и прочие аланы вместе со своим вождем Кандаком получили Малую Скифию и Нижнюю Мизию. При этом Кандаке, пока он был в живых, стоял секретарем мой дед Париа, то есть отец моего отца Алановамутиса; сын же его сестры, Гунтигис, которого звали также и Базой, начальствовал над пехотой и, родившись от Андагиза, сын Андалы, происходил из фамилии Амалов. Я, Иордан, также хотя безграмотный¹, был до своего обращения секретарем. Руги же просили позволения занять Биццис и Аркадиопол. Эрнак, младший сын Аттилы, вместе со своим народом избрал для себя самые отдаленные части Малой Скифии. Эмнедзур и Ултцикдур, его родственники, овладели Утом, Гиском и Альмом; много гуннов, мало-помалу нападавших, явилось в Романии; из них некоторые и до сих пор называются сакромонтизиями и фозатизиями.

Были еще готы, именуемые малыми, народ многочисленный, имевший своим епископом и примасом Вульфилу, который, рассказывают, ввел у них письменность. Они и теперь еще живут в Мизии, населяя никополитанский округ, при подошве Гемуса; это народ бедный и мирный; у них нет ничего, кроме различных пород рогатого и мелкого скота, пастбищ и строевого леса; земля изобилует овощами, но гороху весьма мало. Виноградников не имеют, но употребление вина известно, так как они покупают его у соседей; сами же большей частью питаются молоком.

Остготы, поселившиеся в Паннонии, под управлением Валамира и его братьев, Теодемира и Видемира, разделили между собой страну, но жили совершенно согласно: Валамир господствовал между Скарниунгой и Черной Водой, двумя реками; Теодемир – в окрестностях озера Пельзоиса, а Видемир находился между ними. Вскоре случилось, что сыновья Аттилы, считая готов своими беглецами, спасавшимися от их господства, напали на Валамира, и братья его ничего не знали о том. Но он и с небольшими силами поразил гуннов; утомленные походом, они были стеснены до того, что только небольшая часть их спаслась и, обратившись в бегство, удалась в те части Скифии, которые орошаются Днепром и на их языке называются Гуннivarом.

¹ Grammatas – вероятно, по отношению к латинскому языку.

Вандалы и их действия: захват и разграбление Рима вандалами (Исидор Севильский, «История готы, вандалов и свевов», 71-77)

Захват Рима вандалами (2-16 июня 455 г.) сопровождался разграблением столицы Западной Римской империи. Воспользовавшись переворотом в Риме, в результате которого был убит император Валентиниан III, король вандалов Гейзерих отправился из Карфагена с флотом на столицу Западной Римской империи. Город был захвачен без боя, оказавшись без войск и власти в результате убийства толпой узурпатора императорской власти Максима. Римский папа Лев I уговорил вандалов не разрушать город и не убивать жителей в обмен на сдачу Рима.

71. Два года спустя после нападения на город Рим поднялись, по наущению Стилихона, народы аланов, свевов и вандалов, перешли Рейн, вторглись в Галлию, разбили франков и неостановимым походом дошли до Пиренеев, чьи перевалы защищались весьма знатными и могущественными братьями Дидимом и Веронианом. Три года подряд оба они преграждали им [варварам] проход в Испанию и они [варвары] кружили по прилегающим провинциям Галлии. Но, после того как названная пара братьев, собственными средствами

защищавшая Пиренейские перевалы, была по подозрению в стремлении к [узурпации] трона, совершенно неповинно умерщвлена императором Констанцием, эти вышеупомянутые народы в 406 году ворвались в Испанию.

72. В 406 году прошли вандалы, аланы и свевы Испанию, убивая и опустошая, вдоль и поперек, они поджигали города и пожирали награбленные запасы, так что население от голода употребляло в пищу даже человечину. Матери ели своих детей, дикие звери, привыкшие насыщаться телами павших от меча, голода или мора, нападали даже на живых и угрожали им смертью. И этими четырьмя бедствиями исполнилось предсказание божественного гнева, которое некогда возвестили пророки.

73. В году 421 варвары наконец решились, после жестокой судьбы, которую претерпела Испания под их ударами, заключить мир по Божьему велению, от которого стенала земля и поделили по жребию провинции [Испании] между собой. Галлисию заняли вандалы и свевы, аланы-Лузитанию и провинцию Картаго Нова [Картахена]; вандалы же зовомые синлингами, отказались от Галлисии, опустошили строва тарраконской провинции, пришли назад и захватили Бетику. Испанцы, находившиеся в оставшихся городах и кастеллах, покорились, сломленные наказанием Божьим, ярму господствующих варваров. Первым королем вандалов в Испании пришел к власти Гундерих, восемнадцать лет подряд властвовавший над частью Галлисии. Он разорвал существовавший союз со севеами и осаждал их в эрбазийских горах¹, оставил потом это предприятие и уничтожил балеарские острова, принадлежавшие к тарраконской провинции. Затем он разрушил Картаго Спартариа, обратился со всеми вандалами против Бетики, уничтожил Гиспалис и после большого кровопролития снова его оставил. Когда же он, в надежде на свою королевскую власть непочтительно поднял руку на базилику Винценция, покровителя этого города [Гиспалиса], то Божьим повелением был на рыночной площади настигнут дьяволом и пал мертвым.

74. В году 428 Гейзерих наследовал своему брату Гундериху и правил 40 лет². Из христианина-католика он сделался отступником и первым принял арианскую ересь. На побережье провинции Бетика он, со всеми вандалами и их семьями, покинул Испанию и переправился в Мавретанию и Африку. Валентиниан Младший³, император Запада, бывший слишком слаб для борьбы с ним [Гейзерихом], дал ему согласие на мир и добровольно передал вандалам часть Африки, после как Гейзерих его клятвенно заверил, что не пойдет дальше [по Африке].

75. Этот же [Гейзерих], чьи заверения о дружбе были удостоены внимания, нарушил клятву и хитростью захватил Карфаген. Различными видами пыток он выжал из жителей все их богатства и забрал их себе. Затем он опустошил Сицилию, осаждал Панорм, распространил заразу арианского учения по всей Африке, выгонял священников из их церквей, сделал большое их число мучениками и передал, согласно предсказанию Даниила, церкви святых, путем изменения таинств, врагам Христа, он даже радовал Божьи строения [т.е. церкви] своим как жилища.

76. Против него снаряжался на войну Феодосий Младший, император Востока. Но из этого не получилось ничего, ибо так как гунны опустошали Фракию и Иллирию, войско, уже посланное против вандалов, было с Сицилии отозвано для защиты фракийцев и иллирийцев. Когда же затем император Майориан из Италии прибыл в Испанию и в провинции Картаго [Картахена] снарядил некое число кораблей для похода против вандалов, то вандалы узнавшие об его намерении, захватили суда на рейде Картаго Новы. И так Майориан увидел свое намерение расстроеным и возвратился в Италию, где был предательски убит патрицием Рицимером.

77. Когда Гейзерих прознал об этом [смерти Майориана], то больше не удовольствовался опустошением Африки, но поплыл с флотом в Италию и напал на Рим. Четырнадцать дней подряд (12-26 июня 455 г.) грабил он богатства Рима, затем он увел вдову Валентиниана, ее дочерей⁵ и много тысяч пленных с собой [в Африку]. После этого он вернулся в Карфаген и посольством добился мира с императором. Вдову Валентиниана он отослал обратно в Константинополь, одну из ее дочерей он выдал за своего сына Гунериха. После того, как он таким образом убийствами и грабежами опустошил многие провинции, он умер на сороковом году своего правления.

¹ Между Овьедо и Леоном.

² 49 лет.

³ Валентиниан III (425-455 гг.).

Остготы в Италии (Прокопий Кессарийский «Война с готами», I, 1)

Отрывок из сочинения (553 г.) знаменитого византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского (между 490 и 507 гг. – после 565 г.), военного чиновника и придворного в Константинополе. Его самым крупным по объему произведением являются «Войны» в восьми книгах, описывающих кампании византийского полководца Велизария, в которых автор принимал непосредственное участие: «Война с персами», «Война с вандалами» и «Война с готами».

Приблизительно в это же время¹ поселившиеся еще с разрешения императора (Феодосия I) во Фракии остготы с оружием в руках восстали под начальством Теодориха, получившего в Византии звание патриция и сан консула, против римлян. Умевший хорошо пользоваться обстоятельствами, император Зенон² убедил Теодориха отправиться в Италию и, вступив в войну с Одоакром, добыть себе и готам власть над Западной империей. «Ведь достойнее, – говорил он, – для него, тем более что он носит высокое звание сенатора, победив захватчика власти, стать во главе всех римлян и италийцев, чем вступать в столь тяжелую войну с императором». Теодорих, обрадовавшись такому предложению, двинулся на Италию, а за ним последовали и все готы, посадив на повозки детей и жен и нагрузив все домашние вещи, которые они могли взять с собой. Подойдя к берегу Ионийского залива, готы убедились, что, не имея кораблей, они совершенно не могут переправиться на другой берег. Тогда они пошли вдоль берега, собираясь обогнуть этот залив; двигаясь все дальше и дальше, они прошли через пределы тавлантиев и других живших тут племен. Навстречу им вышел Одоакр со своими войсками; он был побежден во многих сражениях, и его войска принуждены были запереться в Равенне – с ними был и Одоакр – и в других наиболее укрепленных местах. Осадив их, готы захватили все остальные укрепления различными способами и в различное время, как им представлялся для этого благоприятный случай. Но крепость Цезену, находившуюся от Равенны на расстоянии 300 стадий³, и самую Равенну, где находился и Одоакр, они взять не могли, ни заставив их капитулировать, ни решившись на открытый приступ.

Пошел уже третий год с тех пор, как готы с Теодорихом стали осаждать Равенну, и готы уже утомились от этого бесплодного сидения, а бывшие с Одоакром страдали от отсутствия нужного продовольствия. Тогда при посредничестве равеннского епископа они заключили между собою договор, в силу которого Теодорих и Одоакр должны были жить в Равенне, пользуясь совершенно одинаковыми правами. И некоторое время они соблюдали эти условия, но потом, говорят, Теодорих, открыв, что Одоакр строит против него козни, коварно пригласил его на пир, убил его⁴, а тех из варваров, которые раньше были его врагами и теперь еще уцелели, он привлек на свою сторону и таким образом получил единоличную власть над готами и италийцами. Он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал по-прежнему называться именем гех (король) – так обычно варвары называют своих начальников, – подданными же своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору. Он в высшей степени заботился о правосудии и справедливости и непреклонно наблюдал за выполнением законов; он охранял неприкосновенной свою страну от соседних варваров и тем заслужил высшую славу и мудрости, и доблести. Лично он не притеснял и не обижал своих подданных, а если кто другой пытался это сделать, то он не позволял ему этого, исключая того, что ту часть земли, которую Одоакр дал своим сторонникам, Теодорих тоже распределил между своими готами.

По имени Теодорих был тираном, захватчиком власти, на деле же самым настоящим императором, ничуть не ниже наиболее прославленных, носивших с самого начала этот титул; любовь к нему со стороны готов и италийцев была огромна, не в пример тому, что обычно бывает у людей. Ведь другие, находясь во главе правления, становятся на ту или на другую сторону, и поэтому установившаяся власть нравится тем, кому она в данный момент своими постановлениями доставляет удовольствие, и вызывает к себе нерасположение в том случае, если идет против их желаний. Теодорих умер⁵, проправив 37 лет, грозный для всех своих врагов, оставив по себе глубокую печаль у всех своих подданных.

¹ 487-488 гг.

² В то время император Восточной Римской империи.

³ Около 55 километров.

⁴ В 497 г.

⁵ В 526 г.

Теодорих Великий и завоевание остготами Италии (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», LI–LVII)

Иордан о Теодорихе Великом и завоевании остготами Италии.

В то самое время, когда Валамир, старший из трех остготских королей, отправил к брату Теодемиру радостное известие о поражении им сыновей Аттилы, вестник его в день своего прибытия нашел в доме Теодемира еще более счастливую новость.

А именно, в тот самый день родился его сын Теодорих, хотя и от наложницы Эрелиевы, но тем не менее мальчик подавал большие надежды. Немного спустя Валамир и его братья, Теодемир и Видемир, когда император Маркиан запоздал прислать обычные дары, получаемые ими как жалованье за соблюдение условий мира, отправили посольство в Византию. Послы увидели там Теодориха, сына Триария, происходившего из племени готов, но из другого рода, а не из Амалов; он жил на земле византийской счастливо, вместе со своим народом, и пользовался как дружбой римлян, так и ежегодными дарами, между тем как они, паннонские готы,

были в пренебрежении. Раздраженные этим известием, три брата берутся за оружие и опустошают почти всю Иллирию, пройдя ее по всем направлениям. Но император, переменяя свои намерения, обратился немедленно к прежним дружеским отношениям, и отправив посольство, предлагал дары не только за прошедшее и настоящее время, но обещал и в будущем высылать без всякого спора, а для ручательства прочности мира просил у готов в заложники Теодориха, малолетнего сына Теодемира, о котором я говорил выше; Теодориху в то время уже исполнилось семь лет. Когда отец медлил с выдачей сына, Валамир стал его умолять согласиться, для того, чтобы сделать мир между готами и римлянами более прочным. Таким образом, Теодорих был выдан готами как заложник, отведен в Константинополь к императору Льву (преемнику Маркиана), и так как он был прекрасный мальчик, то и заслужил расположение императора...

По окончании войны готов со швабами и алеманнами Теодемир, возвратившись победителем домой, то есть в Паннонию, получил от императора Льва обратно своего сына Теодориха, которого он отдал заложником в Константинополь, с большими подарками. В то время Теодорих вышел уже из отроческих лет и вступил в юношеский возраст, так как ему был восемнадцатый год. Собрав себе дружину из верных телохранителей своего отца и из охотников в народе, он, без ведома Теодемира, перешел широкий Дунай и напал на Бабая, царя сарматов, который, по одержании им победы над римским полководцем Камундом, управлял с большой гордостью. Теодорих, напав на Сарматии, умертвил его, ограбил весь его дом и казну, и с победой возвратился к отцу. Дорогой завоевав г. Синнидун, которым владели сарматы, он не передал его римлянам, удержал в своей власти...

Вскоре по окончании войны готов в Фессалии король Теодемир тяжело заболел в городе Церрах, он созвал там готов и, назначив наследником своего сына Теодориха, сам в непродолжительном времени умер. Император Зенон, услышав, что народ поставил Теодориха королем, милостиво принял это известие, вызвал его к себе и, приказав явиться в столицу, встретил его с надлежащими почестями и вместе причислил к вельможам своего дворца. Спустя немного времени, для увеличения его воинских почестей, император усыновил его и на свой счет устроил ему триумф в столице. Теодорих был назначен ординарным консулом, что считалось высочайшей наградой и первой в свете почестью. Сверх всего того, для большей славы такого великого мужа, Зенон поставил ему конную статую против той части дворца, где находились собственные покои императора. Между тем Теодорих, связывая себя условиями договора с империей Зенона и пользуясь в столице всеми удобствами, знал, что его народ, обитавший в то время в Иллирии, жил не в особенном довольстве и достатке. Тогда он предпочел, по обычаю своего народа, добыть хлеб своим трудом, вместо того, чтобы самому жить в праздности, пользуясь благами Римской империи, между тем как его народ живет в нужде. Рассуждая так с самим собой, он сказал императору: «Хотя мы, подчиненные вашей власти, ни в чем не нуждаемся, однако, ежели ваша милость удостоит меня, то выслушайте благосклонно желания моего сердца». Так как ему обыкновенно дозволялось говорить запросто с императором, то он и сказал ему затем: «Равнины Гесперии (т.е. Западная Римская империя) с давних времен управлялись вашими предшественниками и предшественниками предшественников, равно как и Рим, глава и владыка вселенной; почему же теперь он должен страдать под тиранией короля турцилингов и ругов (т.е. Одоакра)? Если ты повелишь, пошли туда меня с моим народом, и таким образом здесь ты избавишь себя от тяжести расходов на наше содержание, а там, если с Божьей помощью останусь победителем, слава вашей милости воссияет.

Гораздо лучше, чтобы я, сын и слуга ваш, оставшись победителем, получил от вас в дар это королевство, нежели он (Одоакр), которого вы не знаете, и который наложил на ваш сенат иго деспотизма, поработив часть вашего государства. В самом деле, если я останусь победителем, то буду владеть Италией, как даром вашей щедрости; если же меня победят, то ваша милость не только ничего не теряет, но даже, как я сказал, еще выигрывает, по случаю прекращения издержек на нас».

Услышав это, император, хотя ему было прискорбно удаление Теодориха, однако, не желая его огорчать, согласился на его просьбу и, наделив его большими подарками, отпустил от себя, вверив ему судьбу римского народа и сената. Итак, Теодорих, оставив императорскую столицу и возвратившись к своим соотечественникам, взял с собой и народ готов, который сам согласился на то, и отправился в Гесперию (т.е. Италию); прямой дорогой через г. Сирмий он поднялся до областей, соседних с Паннонией. Оттуда он вступил в пределы венетов и расположился лагерем близ того места, которое называлось «Мостом Зонция». Пока он оставался там некоторое время, для того, чтобы дать отдохнуть и людям, и вьючному скоту, Одоакр двинул против него вооруженную силу. Встретившись с ним на Веронских полях, Теодорих разбил его наголову и, снявшись с лагеря, уже с большей смелостью вступил в пределы Италии, переправился через реку По, и раскинул лагерь в расстоянии не более трех миль от столичного города Равенны, в месте, называемом Пинета. Видя все это, Одоакр укрепился внутри города, откуда и делал часто по ночам вылазки и тем беспокоил войско готов. И это он делал не раз и не два, а часто в продолжение почти трех лет; но напрасны были его усилия, потому что уже вся Италия признала своим властителем Теодориха, все государство повиновалось его мановению. Один только Одоакр с немногими телохранителями и некоторыми там находившимися римлянами постоянно страдал от голода и войны в стенах Равенны. Когда ничто уже не помогало, Одоакр, отправив посольство, просил о пощаде. Теодорих, помиловав его сначала, вскоре потом лишил его жизни, и на третий год вторгшись в Италию, в правление императора Зенона, как я уже о том сказал, оставил привычки жизни частного человека и национальный костюм, и возложил на себя знаки королевского достоинства как повелитель готов и римлян. В

то же время Теодорих, отправив посольство к Лодоину, королю франков, просил себе в жены дочь его, Аудефледу. Лодоин охотно и с радостью согласился на то, рассчитывая этим брачным союзом теснее соединить с готами своих сыновей, Целдеберта, Хельдеберта и Тундеберта. Но этот союз вовсе не так много содействовал укреплению мира, потому что эти два народа весьма часто были принуждены вступать друг с другом в тяжелую борьбу за земли в Галлии, и никогда гот не уступал франку, пока был жив Теодорих.

О нашествии готов на Рим и правлении Теодориха (Альфред Великий, Предисловие к его переводу «Утешения философией»)

Альфред Великий (849-899 гг.) – король Уэссекса, одного из англосаксонских королевств. Альфреду Великому принадлежат переводы произведений известных в эпоху раннего Средневековья авторов. В их числе – Бозций.

Переводя на родной язык богословские и философские тексты, король позволял себе фантазировать над текстом, дополняя его своими вставками. Работая над «Утешением философией» Бозция, Альфред Великий перевел трактат более, чем вольно: многое упростил, делая скорее не перевод, но толкование его, дабы сделать понятным неискушенным в античной философии умам.

Вот старая сага, что пел нам Альфред,
Западных саксов король песнелюбый.
Песни свои дать людям желал он—
Пусть бы слушали их в народе,
Сердца веселили сказаньями древними.
И те, кто свои лишь печали уважит,
Тогда бы подъялись смиренно к радости.
Вот час мне пришел взять арфу звучную,
Чтоб песню простую, людям понятную,
Снова запеть. Кто желает – да слушает.
Давно то было: готы с востока,
Со Скифии дальней ратники дюжие,
На запад стремились потоками многими.
Два племени гордых к югу направились,
Числом умножались от года к году.
Были у них повелители сильные:
Редгод с Аларихом готами правили.
Спустились смелые с гор снежнокрытых,
Славу стяжая в сече смертной.
Флаг боевой на древко подняли.
Край Италийский взяли бесстрашные.
Стали владеть щитодержцы гордые
Землями всеми от гор альпийских
До самого берега моря великого,
Где омывают воды Сицилию,
Остров великий, славный в сказаньях.
В прах обратилось господство Римское,
Город издревний готы разрушили,
Приступом взяли. Редгод с Аларихом
Там воцарились. Римлянин-цезарь
К народу греков бежал с дружиною.
Ушла удача, разбито воинство,
Чертог оставлен завоевателю.
Сокровища древние готам отданы,
Священное царство скорбно утрачено.
Нашли герои приют у греков,
А люд италийский врагу достался.
Так зимы сменялись в скорби народной,
Покамест престол не судился судьбою
Новому князю с его дружиною.
Теодорихом звался властитель.
Был он помазан Истинным Богом,
Тайну познал святого крещенья
В день счастливый для римлян гонимых.
Клялся владетель вернуть свободу,

Вернуть италийцам права их прежние –
 Пусть бы в отечестве жили безгорестно.
 Дал князю Бог над готами править
 Мирно и мудро. Но клятвы нарушил
 Теодорих. Арианскую ересь
 Он предпочел закону Господнему.
 Римского папу, Иоанна доброго
 Казнить приказал. То дело бесчестное!
 На каждое доброе дело правителя
 Сотня тяжких грехов приходилась.
 Жил тогда в Риме дружинник гордый,
 Древний родством, вовеки верный
 Властителю Рима, ко грекам бежавшему.
 Благочестивым был он пред Богом,
 Златодарителем милым – в народе;
 Мудрым в мире, славы взыскующим,
 В познаниях книжных весьма научен.
 Имя герою было Боэций.
 В сердце своем отвергал он твердо
 Злые соблазны врагов-пришельцев.
 Верность хранил государю прежнему,
 Помня права, привилегии древние,
 Что были у римлян в его правление,
 Щедрость и милость чтит государеву.
 Умом изощрялся, как бы от греков
 Помощь позвать, чтобы цезарь милый
 Снова вернулся к народу верному.
 Письма он слал былым правителям,
 Тайно просил их именем Божьим,
 Коему верили – войско сзывали бы,
 Шли бы на Рим, чтобы с греками правили
 Римским народом, дав им свободу
 И право прежнее. Вести дошли
 До слуха тирана Теодориха.
 Мигом созвал он свою дружину –
 Схватить героя. Зол был он сердцем,
 Тиран боязливый. В темницу глубокую
 Ввергнуть велел за засовы тяжелые.
 Смутился сердцем, умом опечалился
 Боэций храбрый. Долго в почете
 Мирском он был. Тем тяжеле снести
 Неверную долю герою гордому.
 Горестен был он. Не чаял милости,
 Замкнут в темнице. Блага лишенный,
 На камни брошен, пал на лице он.
 Голос свой поднял, плача полный.
 Ушла надежда. Слаб, сокрушен,
 Цепями скован, воззвал он к Богу
 В строфах безрадостных спел Вседержителю: ...

Отношения остготов с франками (Письмо Теодориха Великого к Хлодвигу, начало VI в.)

В документе представлен один из примеров того, как развивались взаимоотношения остготов с франками.

Бог соединяет королей святыми узами родства для того, чтобы на их миролюбивых отношениях основать желаемое спокойствие народов. Ибо только то свято, что не может быть нарушено никакой враждой. На каких заложников можно полагаться, если нельзя будет доверять родственной любви? Короли вступают в родство для того, чтобы нации, разделенные между собою, могли иметь одну волю, и чтобы чрез эти узы, как проводники

согласия, объединялись мысли народов. Если же все это справедливо, то мы удивляемся, каким образом вы, раздраженные ничтожными причинами, решились вступить в жестокую борьбу с нашим сыном Аларихом; разве только с тою целью, чтобы обрадовать вашу борьбою всех тех, которые теперь боятся вас? Оба вы короли великих наций; оба вы в цвете своих лет. Война ваша не дешево обойдется обоим народам, если вы, дав волю страстям, столкнетесь друг с другом. Берегитесь, чтобы ваша доблесть не сделалась источником внезапных бедствий для отечества. Большая вражда правителей по ничтожным причинам кончается тяжелым разорением для народов. Скажу откровенно, скажу от всего сердца, что чувствую. Весьма нетерпелив тот, кто после первого посольства немедленно хватается за оружие. Пусть предмет вашей распри исследуется предварительно судьями, избранными со стороны ваших родственников. Что вы сами подумаете о нас, если узнаете, что мы оставили вашу расприю без всякого внимания? Бросьте этот раздор, в котором один из вас может погибнуть, как побежденный. Отложите в сторону ваши мечи, вы, которые хотите своею войной нанести мне позор. Я угрожаю вам по праву отца и друга. Тот будет иметь врагом меня и моих друзей, кто пренебрежет (чего я не ожидаю) такими увещаниями. Поэтому мы сочли весьма нужным отправить к вашему превосходительству такого-то и такого-то, наших легатов; с ними же мы отправляем другое письмо к вашему брату и моему сыну, королю Алариху, чтобы никоим образом чужая злоба не могла посеять между вами ссору; но чтобы, напротив, оставаясь в мире, вы кончили полюбовно свои недоразумения, избрав своими посредниками друзей. Мы поручили также нашим посланникам передать вам на словах, чтобы страны, которые среди долговременного мира процветали при родителях ваших, не были опустошены внезапным потрясением. Вы должны доверять тому, кто, вы знаете, радуется вашей пользе. Кто хочет другого толкнуть в пропасть, тот, без сомнения, не даст доброго совета.

Столкновения с участием лангобардов (Павел Диакон, «История лангобардов», I, 7-10)

Павел Диакон (ок. 720-800 гг.) – историк лангобардов, происходящий из знатной лангобардской семьи из Фриуля. «История лангобардов» в 6 книгах – от древнейших времен до середины VIII в – его главный труд, в котором содержатся важные сведения о лангобардах.

Выселившись таким образом из Скандинавии, винилы, под предводительство Ибора и Агиона, пришли в страну, называемую Скоринга, и жили здесь в продолжение нескольких лет.

В то время два предводителя вандальских дружин, по имени Амбри и Асси, повсюду в соседних странах затевали войну. Гордые своими многочисленными победами они теперь отправили послов также и к винилам и приказали объявить им, что они должны или платить дань вандалам, или готовиться к войне. Тогда Ибор и Агион, с согласия своей матери Гамбары, заявили, что лучше защищать свободу с оружием в руках, чем осквернять ее платежом дани; а вандалам через послов ответили, что они охотнее станут сражаться, чем служить. Хотя все винилы были тогда в цветущем возрасте, но число их было невелико, так как они составляли всего лишь треть населения не слишком-то большого острова.

Старое предание рассказывает по этому поводу забавную сказку: будто бы вандалы обратились к Годану с просьбой даровать им победу над винилами и он ответил им, что даст победу тем, кого прежде увидит при восходе солнца. После этого, будто бы Гамбара обратилась к Фрее, супруге Годана, и умоляла ее о победе для винил. И Фрея дала совет приказать винильским женщинам распустить волосы по лицу так, чтобы они казались бородой, затем, с утра пораньше, вместе со своими мужьями, выйти на поле сражения и стать там, где Годан мог бы их увидеть, когда он, по обыкновению, смотрит утром в окно. Все так и случилось. Лишь только Годан при восходе солнца увидел их, как спросил: «Кто эти длиннородые?» Тогда Фрея и настояла на том, чтобы он даровал победу тем, кого сам наделил именем. И таким образом Годан даровал победу винилам. Все это, конечно, смешно и ничего не стоит, потому что победа не зависит от человеческой воли, а скорее даруется провидением.

И тем не менее верно то, что лангобарды, первоначально называвшиеся винилами, впоследствии получили свое название от длинных бород, не тронутых бритвой. Ведь на их языке слово «lang» означает «длинный», а «bart» означает «борода». А Годан, которого они, прибавив одну букву, называли Гводаном, это тот самый, кто у римлян зовется Меркурием и кому поклонялись как богу все народы Германии, не наших, однако, времен, а гораздо более древних. И не Германии он собственно принадлежит, а Греции.

Когда дошло до столкновения с вандалами, винилы или лангобарды храбро бились, ибо дело шло о славе и свободе, и одержали победу. После этого, однако, они пережили в той же стране сильный голод и были этим сильно удручены.

Завоевание Италии лангобардами (Павел Диакон, «История лангобардов», L, 2)

В 568 г. в пределы Италии вступили завоеватели – лангобарды, подчинившие себе значительную часть Северной и Средней Италии. Отрывок из сочинения Павла Диакона «История лангобардов» помогут понять характер лангобардского завоевания.

В эти дни многие из знатных римлян были убиты из жадности, остальные были поделены между поселенцами так, чтобы платили лангобардам треть своих плодов [земли] и стали трибутариями...¹ ...лангобардские герцоги на седьмой год после прихода Альбоина и всего племени грабили церкви, убивали священников, разрушали города, истребляли мирных жителей, занятых работой на своих полях, за исключением тех областей, которые Альбоин уже завоевал [раньше]; большая часть Италии была захвачена и подчинена лангобардам.

...Он [Клеф²] многих влиятельных римлян истребил мечом, других изгнал из Италии.

...В это время [все тогдашние] герцоги в целях восстановления королевской власти уступили в пользу короля половину всех своих владений, с тем чтобы [доходами] с них мог жить сам король и чтобы за их счет могли прокормиться его дружинники и должностные лица. А зависимое покоренное население было распределено между лангобардскими поселенцами.

¹Трибутарии – покоренное римское население, которое платило лангобардам – оброк в виде части уржя.

²Клеф – король лангобардов (572-574 гг.).

1.2. ВИЗАНТИЯ

Внешняя политика Византии в V – X вв. (Летописные заметки (глоссы) болгарского переписчика на полях его рукописи – перевода стихотворной византийской хроники Константина Манассия)

Константин Манассия (вторая половина XII в.) написал хронику, доведенную до 1081 г. Судя по количеству рукописей, она была очень распространена. В середине XIV в. (около 1345-1350 гг.) хроника Константина Манассия была переведена на болгарский язык, как полагают, для болгарского царя Иоанна Александра. На полях своей рукописи болгарский летописец написал замечания из истории болгар от заселения славянами Балканского полуострова (конец V в.) до падения первого Болгарского царства (1018 г.). Этот памятник содержит много сведений о взаимоотношениях болгарских правителей с Византийской империей.

1. [При описании царствования императора Анастасия 491-518 гг.] При Анастасии царе начали болгары занимать землю эту, перейдя у Бдина (Видина), и прежде начали занимать нижнюю землю Охридскую, а потом эту всю.

От выхода же Болгар до нынешнего времени прошло 870 лет.

2. [При описании царствования императора Константина Бородатого, 668-685 гг.] При этом Константине царе пришли болгары через Дунай и, разбив греков, отняли землю эту, в ней живут и донныне. Прежде же земля эта называлась Ми-зией. Будучи бесчисленны, они заняли и эту сторону Дуная и ту - до Драча (Дуррацо) и далее, ибо влахи, и сербы, и прочие – все они едины.

3. [При описании царствования императора Льва Иконоборца, 717-741 гг.] При этом царе Льве арабы напали на Царьград и на всю землю, но потонули в море, разбитые греками, а остальных всех истребили болгары.

4. [При описании царствования императора Льва, сына Константина, 775-780 гг.] При этом Льве был князем болгар Кардам.

5. [При описании царствования императора Никифора, 802-811 гг.] Этот Никифор царь отправился в поход на болгарскую землю при князе Круме и сначала победил его и похитил его богатства. Потом же Крум собрался со своими, оставшимися от поражения, напал ночью на царя и не только разбил греков, но и самому царю отрубил голову и оковал ее в серебро, и наливал в нее вино, давая болгарам пить.

6. [При описании царствования императора Михаила Ран-гави, 811-813 гг.] При этом царе князь Крум продолжал битву под Одрином (Адрианоподем) и разбил его, и сам царь едва спасся бегством. Болгары же взяли все богатства царя и греков.

7. [При описании царствования Льва Арменина Иконоборца, 813-820 гг.] С этим царем Крум снова сражался во Фракии. Сперва болгары победили, но преследовали греков беспорядочно. Они возвратились, разбили их, и сам Крум едва не был пленен, так как его конь упал под ним.

8. [При описании царствования императора Михаила, 820-829 гг.] При этом царе восстал некий грек по имени Фома и собрал многочисленное войско, желая отнять царство у Михаила. Но вышел болгарский князь Муртаг, разбил его и победил, так как великую любовь имел с Михаилом.

9. [При описании царствования императора Михаила, сына Феофилова, 842-867 гг.] При этом Михаиле царе и при матери его крестились болгары. Некогда, не знаю как, сестра болгарского князя была взята в плен греками и предана в царский дворец и была крещена и научена читать. В царствование же этих царей, так как был великий мир между греками и болгарам, она была обменена на одного боярина, Федора Куфару.

Вернувшись же на родину, она не переставала наставлять брата своего в вере христовой, пока не крестила его. Против него же, крестившегося, восстали болгары, желая убить его за то, что веру их оставил. Но он, выйдя на брань, победил их и с тех пор крестил одних добровольно, а других силою.

10. [При описании царствования императора Василия Македонянина, 867-886 гг.] При этом Василии царе крестились руссы¹.

11. [При описании царствования Льва Премудрого сына Василия Македонянина, 886-911 гг.] Этот Лев царь из неприязни к Симеону, царю болгар, неоднократно наносившему поражения войску его, призвал мадьяр, которые разбили его и взяли в плен болгар, а он [Симеон] заперся в Доростоле. Симеон же снова воевал с мадьярами, взял землю их, а самих разбил и, возвратившись оттуда, вел войну против греков и победил их.

12. [В царствование императора Константина VII – 911-959 гг.] При этом Константине царе Симеон, царь болгарский, вошел с миром в Царьград и получил благословение от патриарха, и обедал с царем и с ним. Выйдя оттуда, он начал покорять и в войне дважды победил греков.

13. [При описании царствования императора Романа Лакапина, 920-944 гг.] При этом царе Романе болгарский царь Симеон много раз доходил со своим войском до Царьграда, зажег даже царский дворец, овладел Одрином и при этом царе умер. Внучка этого царя [Романа] стала женой царя болгарского Петра.

14. [При описании царствования Романа, сына Константина Багрянородного, 959-963 гг.] При этом царе Романе Петр, царь болгарский, умер. Сыновья же его Борис и Роман, бывшие заложниками в Царьграде, отпущены были на свою родину.

15. [При описании царствования императора Никифора Фоки, 963-969 гг.] При этом Никифоре царе завоевали руссы Болгарскую землю, два раза в два года, так как царь Никифор просил Святослава [пойти] на них [болгар].

16. [При описании царствования императора Иоанна Цимисхия, 969-975 гг.] Этот Цимисхий царь, заняв Преславу, отнял все знаки царского достоинства, а самого Бориса отвел в Царьград, снял там с него царские одежды и назначил его магистром, что есть высокий сан у греков.

Овладев Преславой, Цимисхий с большим войском пошел на Святослава, князя русского, покорившего Болгарскую землю и находившегося в Доростоле, победил его и отпустил, и он (Святослав), придя к печенегам, там погиб со всеми своими.

17. [При описании царствования императора Василия II, сына императора Романа, 975-1025 гг.] Этот Василий царь разбил Самуила, царя болгарского, дважды и занял Бдин, и Плиску и Великую Преславу и Малую, и многие другие города. Также и Скоплье было передано ему Романом, сыном царя Петра, который владел им по повелению царя Самуила, потому что царство болгар простиралось до Ахрида и до Драча и далее.

Этот царь Василий нанес болгарам тяжелые поражения. Победив царя Самуила, он ослепил 15 тысяч болгар, оставив на каждые сто человек по одному человеку с одним глазом, и отправил их к Самуилу. Увидев их, он умер от яда.

С этого Василия Болгарское царство находилось под властью греческой даже и до Асеня, первого царя болгар.

¹ Болгарский летописец счел нужным записать о крещении Руси, хотя и ошибся в датировке его не целое столетие. Киевский князь Владимир Святославич принял христианство в 988 г. Возможно, однако, что летописец упомянул здесь о принятии христианства отдельными группами восточных славян Руси.

Вечный мир между Византией и Персией (532 г.) (Прокопий Кессарийский, «Война с персами», I, XXII)

Вечный мир, подписанный в 532 г. между Византийской империей и империей Сасанидов – мирный договор, завершивший Иберийскую войну, т.е. войну за контроль над Иберией. Он обозначил период относительно спокойных отношений между двумя империями. По условиям соглашения территории, занятые персами у византийцев, были возвращены в обмен на дань, тогда как Иберия осталась под контролем Сасанидов.

XXII. Тотчас же, прибыли сюда Руфин, Александр и Фома, чтобы вместе с Гермогеном принять участие в посольстве; они направились к персидскому царю на берег Тигра. (2) Увидев их, Хосров отпустил

заложников. Стараясь заслужить милость Хосрова, послы наговорили ему много ластивых слов, менее всего подобающих римским послам. (3) Смягченный всем этим, Хосров согласился за сто десять кентинариев заключить с римлянами «вечный мир» с условием, что командующий войсками в Месопотамии впредь не будет находиться в Даре, но останется навсегда в Константине, как это было прежде; он сказал, что укрепления в Лазике он не возвратит, хотя сам он счел должным требовать возвращения себе Фарангия и крепости Вол. (4) Кентинарий имеет вес сто либр, поэтому он так и называется: словом «кентон» римляне обозначают «сто». (5) Он требовал, чтобы эти деньги были даны ему за то, чтобы он не принуждал римлян скрыть город Дару и не заставлял их принимать вместе с персами участие в охране Каспийских ворот. (6) Послы сказали, что на все остальное они согласны, но уступить ему крепости они не могут, пока не испросят на это соизволения василевса. (7) Поэтому было решено послать в Византии по поводу этих вопросов руфина, а остальным послам остаться тут до его возвращения. Руфину было назначено семьдесят дней для поездки туда и обратно. (8) Когда Руфин сообщил василевсу, как смотрит на заключение мира Хосров, тот приказал ему заключить мир на этих самых условиях.

(9) В это время до персидских пределов дошел ложный слух, что василевс Юстиниан, разгневавшись, велел казнить Руфина. Возмущенный этим известием и охваченный сильным гневом, Хосров со всем войском двинулся против римлян. Руфин между тем, возвращаясь, встретился с ним недалеко от города Нисибиса. (10) Поэтому они остановились в этом городе и, поскольку Дело шло к заключению мира, послы туда же доставили ц золото. (11) Но василевс Юстиниан уже раскаялся, что согласился уступить крепости в Лазике. Поэтому он отправил послам письма, решительно запрещающие в каком бы то ни было случае уступать персам эти укрепления. (12) По этой причине Хосров более не счел нужным заключать договора. У Руфина же тогда возникла мысль, что он доставил деньги в Персию более поспешно, чем этого требовали благоразумие и безопасность. (13) Поэтому он повергся на землю перед Хосровом и, лежа ниц, умоляя его позволить им взять деньги с собою и не идти сейчас войной на римлян, а отложить ее до другого времени. (14) Хосров велел ему встать и обещал, что он исполнит все о чем его просит Руфин. Итак послы с деньгами вернулись в Дару, а персидское войско отправилось обратно.

(15) Тогда у товарищей Руфина по посольству возникло против него сильное подозрение, и они оклеветали его перед василевсом на том основании, что Хосров, послушавшись Руфина, согласился на все, о чем он его просил. (16) Но василевс не стал из-за этого относиться к нему с меньшим расположением. Спустя некоторое время он опять отправил того самого Руфина вместе с Гермогеном послом к Хосрову. И тотчас обе стороны согласились заключить между собой договор на следующих условиях: и те, и другие отдают те местности, которые за время этой войны они отняли друг у друга; военная власть в Даре упраздняется, ивирам предоставляется на их усмотрение – или оставаться в Византии, или вернуться к себе на родину. Из них оказалось много таких, которые остались здесь, и таких, которые вернулись в родные края. (17) Таким образом был заключен тая называемый вечный мир. Шел уже шестой год правления Юстиниана. (532 г.) (18) Римляне возвратили персам Фарангий и крепость Вол и заплатили деньги, а персы вернули римлянам укрепления в Лазике. Они отдали римлянам и Дагариса, получив взамен него одного человека не из простых. (19) Этот Дагарис впоследствии не раз изгонял гуннов, вторгавшихся в пределы римлян, побеждая их в сражении. Ибо был он исключительно талантливым воином. Так, как мной рассказано, и та, и другая сторона утвердила мирный договор.

Конфликты Византии с Персией, аварами и славянами (Феофилакт Симокатта, «История», I-X)

Феофилакт Симокатта – византийский писатель и историк, живший в начале VII в.

Практически вся «История» посвящена описанию двух затяжных войн Византии: на Востоке против Персии – в 80-е годы VI в. и на Балканах против аваров и славян – в 90-е годы VI в.. Остальные регионы упоминаются лишь вскользь: кругозор византийцев постепенно замыкался северо-восточным Средиземноморьем. Кроме подробного описания военных действий Феофилакт Симокатта рассказывает о событиях в Константинополе, природных диковинках, чудесных явлениях.

I

(Авары заключили мир с Византией и не хотели открыто нарушать его.)

1.7 (1) Они натравили племя славян, которое разорило большую часть ромейской земли и, будто перелетев [по воздуху], лавиной подступило к так называемым Длинным стенам, на глазах [горожан] уничтожая все. (2) Поэтому император в страхе расставил на Длинных стенах караулы, а воинские силы, которые имел при себе, вывел из столицы, стараясь из того, что было под рукой, создать вокруг города как бы [еще] один значительный заслон. (3) Тогда-то Коментиолу и было вверено ответственное командование; вступив во Фракию, он отогнал полчища славян, дошел до реки, называемой Эргиния, и, внезапно появившись перед славянами, решительно напал на них и учинил великое избиение варваров. (4) За это император [вызвал] Коментиола [к себе, и тот] вышел от государя, вновь назначенный стратегом, украшенный ромейскими титулами и почтенный саном презента, – так у ромеев называется военное командование. (5) Затем, по

прошествии лета, он, собрав ромейские силы, отправился к Адрианополю и натолкнулся на Ардагаста, который вел огромные полчища славян с добычей – многочисленными пленными и великолепными трофеями. По прошествии ночи [Коментиол] рано утром подошел к крепости Ансин и храбро вступил с варварами в бой. (6) Враги отступили и были обращены в бегство. Их изгнали из всей Астики. Подвиг ромеев сохранил пленным свет дня. А стратиг воспел победный пэан и воздвиг трофеей.

II

III.4. (7) [И вот] вспыхнула и запыхнула война между ромеями и персами. А геты или, что то же самое, полчища славян причинили большой вред области Фракии.

III

VI.2. (10) На следующий день телохранителями императора были захвачены три человека, родом славяне, не имевшие при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары, и ничего другого они не несли. (И) Император [принялся] расспрашивать их, какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях.

(12) Они отвечали, что по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами. (13) Но те, приняв дары, отказали ему в союзе, уверяя, что препятствием для них служит длительность пути, и послали к хагану их, захваченных [императором], с извинениями: ведь дорога занимает пятнадцать месяцев. А хаган, забыв о законе, [защищающем] послов, начал-де чинить им препятствия к возвращению. (14) Они же, наслышанные, что племя ромеев, если дозволено так сказать, очень славится богатством и человеколюбием, ушли во Фракию, обманув в подходящий момент [хагана]. (15) А кифары они, мол, несут потому, что не обучены носить на теле оружие: ведь их страна не знает железа, что делает их жизнь мирной и невозмутимой; они играют на лирах, не знакомые с пением труб. Ведь тем, кто о войне и не слыхивал, естественно, как они говорили, заниматься безыскусными мусическими упражнениями. (16) Автократор, [услышав] все сказанное, восхитился их племенем и, удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и подивившись размерам их тел и огромности членов, переправил в Ираклию.

IV

VI.3. (9) Хаган потребовал от кесаря увеличения выплат по договору. Когда же автократор не обратил на речи варвара ни малейшего внимания, тот немедленно начал войну. И вот хаган приказал славянам построить множество челнов, чтобы сделать Истр послушным себе [для переправы].

4. (1) Жители Сингидонаб частыми набегами сводили на нет труды славян и предавали огню все, заготовленное ими для переправы. (2) Из-за этого варвары осадили Сингидон. Город, доведенный до крайней степени несчастья, питал уже слабые надежды на спасение. (3) Но на седьмой день хаган приказал варварам снять осаду и явиться к нему. Когда варвары услышали [приказ], они оставили город, получив две тысячи золотых дариков, инкрустированный золотом стол и одежду. (4) А хаган, пройдя пять парасангов, стал лагерем около Сирмия и отправил полчища славян строить [суда], чтобы [он мог] на кораблях переплыть через реку, называемую Саон. (5) Он спешил с походом, а они в соответствии с приказом готовили переправу – чего не сделает страх перед поставленными [над тобой] начальниками. И как только суда у варвара были готовы и представлены налицо, варварское [войско] переправилось через близлежащую реку.

(Ромеи терпят поражение от аваров. Командующий Приск осажден в крепости Цурул. Император благодаря хитрости сумел вызвать у хагана опасение, что византийский флот нападет на его владения, и тем заставил отступить.)

V

VI.6. (2) С началом весны стратиг был послан императором к Истру, чтобы роды славян, встретив преграду для переправы через реку, против воли оставили Фракию в покое. Автократор говорил Приску, что варвары не уймутся, если ромеи не будут усердно охранять Истр.

(Встреча армии Приска с аварскими послами, которые упрекают ромеев в нарушении договора.)

(14) Итак, не дав отповеди на их дерзость, [Приск] сказал, что война начата против славян: ведь соглашения и договоры с аварами не отменяют войны с гетами.

7. (1) На двенадцатый день стратиг, связав корабли, переправился через реку. Услышав, что Ардагаст отправил полчища славян для похода за добычей, [Приск] начал наступление в полночь. (2) Ардагаст же, распрощавшись со сновидениями и воспрянув ото сна из-за нараставшего шума, вскочил на неоседланного коня и обратился в бегство. Варвар наткнулся на ромеев и, сойдя с коня, предпочел битву лицом к лицу. (3) Но когда он не смог выдержать натиск противника, то устремился в бегство через какие-то непроходимые места. И благодаря этим передвижениям Ардагаст, поскольку его природа была привычна к подобному, оторвался от погони. (4) Но ему выпала плохая участь – варвар налетел на ствол какого-то огромного дерева. Тут он и сделался бы весьма желанной добычей для преследователей, если бы река не стала для него спасением: переплыв [через нее], он избежал опасности. (5) А ромеи, сделав добычей меча полчища славян, разграбили страну, подвластную Ардагасту, а пленных, забив в колодки, отослали в Византий.

(Возмущение войска из-за дележа добычи. Речь Приска, успокаивающая воинов.)

8. (3) Итак, Приск, одержав верх благодаря красноречию, отправил к императору плоды ратных трудов, а для охраны добычи назначил триста человек, поставив во главе их Татимера. (4) И вот Татимер начал

путешествие в Византий. На шестой день он натолкнулся на славян и неожиданно оказался в беде: в середине дня, когда он без опасений и осторожности разбивал лагерь, а лошади паслись на траве, напали варвары. (5) Конечно, поднялась тревога; поскольку ромеи оказались без коней, Татимер помчался вперед с немногими [всадниками] и, оказавшись рядом с варварами, подвергся смертельному риску. Не будучи в состоянии выдержать бой лицом к лицу, он обратился в бегство; его настигли несколько шальных стрел, и он еле избежал опасности. (6) Но вот ромеи появились пешими, спасли Татимера, и наконец началась рукопашная схватка со славянами. (7) Битва была жаркая, ромеи победили славян и устроили великое избиение, а пятьдесят варваров взяли в плен; они вернулись за палисад, отстояв от славян ромейскую добычу. (8) А Татимер, лишь только раны стали заживать, прибыл в Византий, везя великолепные трофеи. И вот автократор, обрадовавшись совершившемуся, постановил отслужить всеобщую в величайшем Божьем [храме] города, а потом, вместе со всем народом, вознес молитвы, прося Бога дать еще большие трофеи.

(9) Командующий Приск приказал [нескольким] воинам отправиться вперед на разведку. На второй день противник не был обнаружен на [прежних] местах. И вот тогда он велел Александру ранним утром отвести войско за реку Иливакию. (10) Александр, переправившись через реку, находившуюся поблизости, натывается на славян. При виде врага варвары бежали в близлежащие болота и дикую чащу. Ромеи принялись хватать их, (11) но, попав в трясины, оказались в непреодолимой беде, и весь отряд погиб бы, если бы Александр быстро не вывел ромеев из болота. (12) Тогда таксиарх Александр окружил это место и попытался предать врагов огню, но пламя, слабея из-за влажности, гасло, так что эта попытка 60 послужила не к славе Александра. (13) Но среди варваров был некий гепид 61, человек, некогда принявший христианскую веру 62, – он-то, перебежав к ромеям, и указал им проход. И вот ромеи, став хозяевами проходов, схватили варваров. Устроив допрос, Александр начал допытывать, откуда пленники родом. (14) Но варвары, впав в предсмертное безумие, казалось, радовались мукам, как будто чужое тело испытывало страдания от бичей.

9. (1) Однако все рассказал и с легкостью объяснил тот гепид, заявив, что пленные – это подданные Мусокия, называемого на языке варваров риксом, что Мусокий этот стоит лагерем в тридцати парасангах, что [этих, ныне] захваченных, он выслал для разведки ромейских сил и что он уже слышал о неудаче, постигшей недавно Ардагаста. (2) Гепид убеждал ромеев совершить дружное нападение и взять варвара неожиданностью атаки. Итак, Александр, прибыв к Приску, привел варваров, и командующий предал их смерти. (3) Вот перед стратигом предстал тот варвар-гепид; он изложил Приску замыслы варваров, советуя ему напасть на варвара и давая уверения в том, что с успехом обманет его. (4) С радостью восприняв эти слова, Приск награбил перебежчика подарками и, обнадежив еще большими обещаниями, отправил его для обмана варвара. (5) И вот гепид, прибыв к Мусокию, просит у него множество однодеревек, чтобы переправить попавших в беду людей Ардагаста. (6) А Мусокий, сочтя неожиданной удачей ту ложь, которую ему наплели, дал однодеревки, чтоб гепид выручил людей Ардагаста. Взяв 150 лодок и 30 гребцов, [гепид] переправился на противоположный берег реки, которую местные [жители] называют Паспирий.

(7) А Приск, как было у словлено, на рассвете начал марш. Гепид же, незаметно для своих спутников, в полночь прибыл к командующему ромеев и попросил у него сотню воинов, дабы острием меча погубить варваров, находящихся в дозоре. (8) Тогда стратиг, собрав двести бойцов, отдал [их под начало] таксиарху Александру. Когда ромейский отряд приблизился к реке Паспирию, гепид спрятал Александра в засаду. (9) Итак, стояла ночь, и варвары, склоненные ко сну опьянением, видели сны. Гепид же как будто в шутку грозил гибелью варварам. (10) Наступила третья стража; [гепид], немного отойдя от [лагеря] и появившись перед укрытием, вывел Александра из засады. И вот, направив ромеев к реке Паспирий и обменявшись условными знаками, он вернулся к варварам. Поскольку те еще находились в объятиях сна, гепид аварской песней дал знак Александру. (11) Тот, напав на варваров, наказал их смертью за сон. Оказавшись хозяином лодок, он послал гонцов к стратигу, побуждая его совершить нападение с большей решительностью.

(12) Приск, взяв три тысячи [воинов] и распределив их по лодкам, переправился через реку Паспирий. В полночь он начал нападение. Варвар был пьян, и от хмеля его разум помрачился: дело в том, что в этот день он устраивал поминки по умершему брату, как им [велит] обычай. (13) Началось великое смятение, и варвар был захвачен в плен. Ромеи продолжили поминальный пир, совершая возлияние кровью. Когда рассвело, стратиг прекратил избиение. На третье утро он переправил обратно добычу и войско.

(14) И вот ромеи, возгордившись достигнутым, впали в роскошь, а затем погрязли в пьянстве и из-за него погубили [плоды] своих побед, начав пренебрегать дозором, который у ромеев принято называть на их родном языке «скулка». (15) Тогда-то побежденные, собравшись вместе, отплатили ромеям за набег. И это возмездие было бы еще страшнее нападения [ромеев], если бы Генцон, собрав пехоту, не одержал верх в этой битве. На рассвете Приск посадил на кол начальников караула, да и некоторых воинов подверг жестокому бичеванию.

10. (1) Автократор послал к командующему Татимера с императорской грамотой: там было сказано, чтобы ромеи провели зиму там же. Когда Татимер прибыл и стал известен императорский приказ, в войске начался ропот. (2) Ромейские воины подняли мятеж, отвергая доводы императора и желая провести холодную пору дома. Они говорили, что не станут лагерем на варварской земле, что морозы здесь невыносимы, а толпы варваров неодолимы. (3) Но стратиг разумными увещеваниями смягчил необузданность войска. Когда армия стала послушна, командующий ромеев разбил лагерь на варварской земле...

(Рассказ о гепиде, избличенном в воровстве.)

VI

VI.11. (2) ...А император сместил командующего и предводителем ромейских сил назначил своего брата по имени Петр. Приск же ничего об этом не знал. (3) И вот он, подняв войска, переправляется через реку: воины не смогли вынести пребывания в варварской стране – они опасались, как бы варвары, неожиданно напад 83, не отняли добычу. (4) А хаган очень удивился, услышав об отступлении ромейского войска. Затем он послал к Приску вестовых, желая узнать причину возвращения. Со своей стороны Приск со всей возможной убедительностью обманул хагана своими объяснениями. (5) На третий день Приск был извещен, что хаган собирается напасть на ромейские силы и что он приказал полчищам славян переправиться через Истр, ибо он был зол на происшедшее и негодовал, что ромейские силы столь прославились. (6) А Таргитий и знатные варвары убеждали хагана прекратить войну; они говорили, что он несправедливо сердится на ромеев.

(7) Приск в своей гордыне отрядил к хагану посла по имени Феодор. По натуре своей он был ловок и искусен в достижении цели, по ремеслу – лекарь, а по манере говорить – красноречив. Этот-то многоопытный 89 человек и явился к хагану. (8) Гордясь своими успехами, варвар был исполнен великого чванства, он говорил, что он владыка всякого народа и что насколько простирает свое око солнце, нет никого, кто бы смог противостоять ему...

(Феодор поучительным примером побуждает хагана к скромности. В заключение хаган говорит:)

...(17) «Я кончаю вражду с Приском, Феодор. Пусть же и он станет мне хорошим другом. Да не останется хаган лишенным доли в добыче: он напал на мою землю, причинил зло моим подданным. Пусть и плоды успеха будут общими».

(Приск убеждает воинов поделиться добычей с хаганом.)

(20) И вот ромеи отдали хагану пленных варваров, не допустив его до дележа другой добычи, и [тем] разрешили спор. Хаган же, обрадовавшись, что ему отдали варваров, обеспечил ромеям [свободный] проход. (21) Таким образом, даром отдав хагану пять тысяч варваров, ромеи прибыли в Дризиперу. Стратиг поехал в Византий, а Маврикий, порицая Приска, обвинял его в напрасном простодушии, поскольку тот отдал варварам добычу.

VII

(Мятеж в войске. Петр успокаивает воинов.)

VII.2. (1) ...Оставив Одисс, [Петр] перешел в области, расположенные левее, и, прибыв в Маркиануполь, приказал тысяче [воинов] двинуться впереди войска. (2) И вот они натолкнулись на шестьсот славян, везших большую добычу от ромеев: они, [славяне], разорив Залдапу, Акис и Скопис, гнали теперь несчастных назад в качестве добычи. Все трофеи были у них собраны на огромном множестве повозок. (3) Как только варвары увидели приближающихся ромеев, а затем были ими замечены, они принялись убивать пленных. Из пленников-мужчин были убиты все, способные носить оружие. (4) Поскольку варвары не могли избежать столкновения, они устроили крепость из составленных повозок, в середине обвода поместив детей и женщин. (5) Ромеи, приблизившись к готам – таково древнее имя этих варваров, – не решались сойтись с ними врукопашную: они боялись дротиков, которые варвары со своего укрепления метали в коней. (6) Тогда ромейский командир по имени Александр на родном языке ромеев приказал им сойти с коней и встретить военные опасности лицом к лицу. (7) И вот они, спешившись, подступили к укреплению, стреляя и отражая бросаемые стрелы. (8) Таким образом, битва затягивалась для обеих сторон, и тогда один ромей бросился вперед, вскочил на повозку, связанную с остальными укреплениями и охранявшую варваров, а затем, встав на ней, принялся разить мечом [всех], кто приближался. (9) Тут варвары оказались перед неумолимой бедой, ромеи с этого момента начали разрушать варварское укрепление. Отчаявшись в спасении, варвары вырезали оставшихся пленных. Ромеи, совершив победный натиск, перебили находившихся в укреплении варваров, но с трудом и слишком поздно.

(10) На другой день победители сообщили стратигу о случившемся. На пятый день стратиг прибыл на это место и, увидев дела рук передового отряда, воздал ему дарами за подвиги...

(Петр получает травму во время охоты.)

(14) Петр, не вынеся упреков, содержащихся в письме автократора, все еще жестоко страдая от болезни, снялся с лагеря и, сменив четыре стоянки, прибыл в места нахождения славян. (15) Но на десятый день автократор Маврикий отправил брату императорское послание, [требуя] остаться во Фракии: ибо Маврикий узнал, что полчища славян готовы обрушиться на Византий. (16) Поэтому стратиг двинулся к крепости Писту, затем прибыл к Залдапе. На второй день он пошел к городу Ятрус и наконец, миновав крепость Латаркий, разбил лагерь у Нов. (17) А местные жители, услышав, что предстоит прибытие стратига, вышли из города и, встретив его с большими почестями, просили Петра стать вместе с ними участником праздника [в честь] мученика Луппа; а канун праздника мученика Луппа был именно в этот день. (18) Стратиг отвечал, что не может оставаться на [целый] день в этом месте из-за спешности своего похода. Но горожане, усилив настояния, неотступными мольбами заставили стратига принять участие в празднике. (19) Итак, Петр провел в городке два дня; двинувшись оттуда, он разбил лагерь у Феодоруполя и на следующий же день на рассвете пошел к так называемой Куриске.

3. (1) На третий день он разбил лагерь у города Асима...

(Петр пытается присоединить гарнизон города к своей армии. Горожане сопротивляются, ссылаясь на указ императора Юстина, даровавшего им право на защиту. Ссора Петра с епископом и горожанами. Его бесславный уход.)

4. (1) На четвертый день Петр отправил тысячу воинов разведать врага. Они натолкнулись на десять сотен болгар. (2) Поскольку между ромеями и хаганом был мир, варвары двигались беззаботно, ромеи же в соответствии с приказом стратига пустили в ход против варваров дротики. Булгары прислали парламентаров, отказываясь от битвы и убеждая ромеев не нарушать мира. (3) Экзарх отряда переправил послов к стратигу, стоявшему в восьми милях от этого места. Петр, отвергнув миротворческие доводы, велел передовому отряду предать варваров мечу.

(Ромеи терпят поражение от болгар.)

(6) ...Итак, варвары явились к хагану и открыли ему все происшедшее. Варвар отрядил к Петру послов, стыдя его за нарушение договора. (7) Но Петр развеял опасения послов убедительными речами, оправдываясь тем, что он не знал об этой ошибке. Итак, он склонил варвара к благосклонности блестящими дарами и [возмещением] ущерба за счет трофеев.

(8) На четвертый день, оказавшись около [протекавшей] по соседству реки, [Петр] отобрал двадцать человек и послал их, чтобы они переправились через реку и разведали передвижения врага. (9) Они же, перейдя через реку, все были захвачены. Вот каким образом произошло это пленение. У тех, кого посылают в разведку, заведено передвигаться всегда по ночам, а спать при свете дня. (10) Эти [воины] участвовали накануне в длительном переходе. Тела их обессилели, и перед рассветом они расположились на отдых в ближайших зарослях. (11) В третьем часу, когда все они спали, не выставив никакого караула, возле зарослей появились варвары. Спешившись с коней, славяне решили отдохнуть в тени и дать постоять лошадям. (12) Так ромеи и были случайно обнаружены. Взяв в плен этих несчастных, [враги] подвергли их допросу, выведывая замыслы ромеев. И вот они, отчаявшись в спасении, рассказали все.

(13) Пирагаст, филарх той варварской орды, с воинскими силами разбил лагерь у переправ через реку и замаскировался в лесах, словно какая-то забытая в листьях винограда.

5. (1) Стратиг же, брат автократора, приказывает войску переправиться через реку, не считаясь с возможностью того, что там окажутся враги. Когда [первая] тысяча перешла реку, варвары ее полностью уничтожили. (2) Узнав об этом, стратиг сделал так, чтобы группы [воинов] переправлялись не рассеянно, но все вместе, – ведь, пересекая реку в малых количествах, они становились бессмысленной жертвой врага. Когда ромейское войско было таким образом приведено в порядок, варвары выстроились на берегу реки. (3) Ромеи же стали засыпать варваров копьями с лодок. Те не смогли устоять под тучей выпускаемых [по ним] стрел и оставили берег осиротевшим. (4) Тогда же погиб и их таксиарх, о котором выше было сказано, что его звали Пирагаст: пораженный стрелой в бок, он умер, ибо рана оказалась смертельной. Как только пал Пирагаст, враги обратились в бегство, (5) ромеи стали хозяевами речного берега. Затем они принудили к бегству толпы варваров и учинили большую резню, но не могли долго продолжать преследование из-за отсутствия коней и вернулись в лагерь.

(6) На следующий день проводники, ведшие войско, окончательно заблудились, так что воинов охватила жажда. Беды продолжались. Не перенеся отсутствия воды, ромеи утоляли жажду вином. Несчастье длилось и на третий день. И все войско погибло бы, если бы какой-то захваченный варвар не сказал, что всего в четырех парасангах находится река Иливакия. (7) Так ромеи к утру достигли воды. И вот одни, преклонив колени, жадно тянут ее губами, другие черпают пригоршнями, иные наполняют из потока сосуды. (8) На другой стороне реки был густой лес. Там прятались варвары. Великая напасть обрушилась на ромеев, ибо варвары принялись разить тех, кто брал воду. Так погибло много народу. (9) Приходилось выбирать: либо отказаться от воды и расстаться с жизнью от жажды, либо вместе с водой зачерпнуть и смерть. Однако ромеи, соорудив плоты, переправились через реку, чтобы настичь врага. (10) Но когда воины достигли противоположного берега, варвары все разом обрушились на ромеев и одолели их. Побежденные, ромеи обратились в бегство. Итак, поскольку Петр проиграл варварам войну, стратигом был назначен Приск, а Петр, отрешенный от командования, отправился в Византию...

7. (1) С началом весны Приск двинулся из Византия. Затем, собрав [боевые] силы в Астике и сосчитав их количество, стратиг убедился, что очень многие из ромеев погибли. (2) Он хотел обнажить перед императором Маврикием просчеты Петра, однако некоторые советники убедили его скрыть эти ошибки. (3) Итак, на пятнадцатый день он разбил лагерь по ту сторону реки Истр, а еще через четыре дня стратиг прибыл к Верхним Новам. Узнав об этом, хаган отправил к Приску послов, чтобы разузнать причину появления ромеев. (4) Стратиг заявил, что эти места хороши для охоты, пригодны для верховой езды и обильны водою. Хаган заявил, что ромеи вступают на чужую землю, что Приск преступает договор и негласно нарушает мир. (5) Приск сказал, что земля эта остается ромейской, а варвар – что она отнята у ромеев оружием, согласно законам войны. Когда хаган уперся и стал спорить насчет [принадлежности] этих мест, Приск, говорят, назвал его беглецом с Востока.

VIII

(VII. 10.1-15.11. Приск узнает, что хаган срыл стены Сингидона, а жителей собрался переселить в свои земли. Неудачные переговоры с хаганом у Константиолы. Гудуин отгоняет варваров от города. Хаган открыто

разрывает договор с Византией и посылает войско в Далмацию. Гудуин выслеживает и уничтожает его. Последующие восемнадцать месяцев ромей и авары стоят у Дуная в бездействии. Хаган вторгается в Мисию и доходит до города Томы, но заключает с Приском перемирие. Затем он выступает против армии Коментиола. Поражение ромеев на р. Янтра, бегство Коментиола. Взятие Дризиперы, осквернение могилы мученика Александра. Смерть семи сыновей хагана. Паника в Константинополе и приготовления к обороне столицы. Гарматон отправляется в Дризиперу с целью склонить хагана к миру. Траур хагана по сыновьям.)

15. (12) На другой день варвар заключил мир и стал собираться восвояси. При этом хаган твердил буквально следующее: «Пусть Бог будет судьей между Маврикием и хаганом, между аварами и ромеями». (13) Ведь он винил автократора в нарушении мира. И эти слова не были несправедливы: на самом деле ромей, нарушив мир и развязав войну, [сами] накликali вышеописанные несчастья; (14) дурное начало всегда в конце концов приводит к печальным результатам. Было договорено, что Истр станет границей между ромеями и аварами, но против славян реку можно будет переходить. По сравнению с [предыдущим] договором дань была увеличена еще на 20 тысяч золотых. И на этом была наконец завершена война аваров с ромеями.

IX

(VIII. 1-3. В Сингидоне Коментиол соединяется с Приском. Ромей нарушают договор с аварами и движутся к острову Виминокию. Авары во главе с четырьмя сыновьями хагана обороняют северный берег Дуная, ромей переправляются туда и завязывают бой. Приск одерживает победу. Число погибших: ромеев – 300, аваров – 4000. На третий день – новое сражение. Авары разбиты и потеряли 9000 воинов. На десятый день – еще одна битва. Враг загнан в озеро и разбит. Погибло 15000 аваров. Хаган отступает к р. Тисе и собирает новое войско. Через месяц – четвертое сражение, авары опять разгромлены. Приск посылает 4000 воинов на другой берег Тисы, они нападают врасплох на три селения гепидов, вырезают 30000 человек и возвращаются с пленными и добычей.)

VIII.3. (13) ...На двадцатый день варвар снова собрал силы у реки. Поэтому и Приск вернулся к реке Тисе. В этом-то месте и произошло самое крупное и славное сражение. (14) В этот день варвары, разбитые, так сказать, наголову, захлебнулись в речных потоках. Вместе с ними погиб и большой отряд славян. (15) После поражения [многие] варвары были взяты в плен: захвачено аваров – 3000, других варваров – 4000, да еще 2200, славян – 8000. Итак, пленные были закованы в цепи, и стратиг послал доставшихся в добычу варваров в Томы.

4. (1) Но еще до того, как случившееся стало известно автократору, хаган отрядил к Маврикию послов, стараясь получить пленных назад. (2) Потрясенный угрозами варвара и обольщенный его речами, Маврикий письменно приказал Приску отдать пленных хагану аваров. Таким образом, из Том варвары были возвращены хагану...(9) В 19-й год царствования автократора Маврикия у ромеев с варварами не происходило ничего.

X

(На следующий год Петр с войском провел лето на Дунае. Осенью он воспрепятствовал аварскому полководцу Апсиху занять Катаракты, Хаган вернулся в Константинолу, ромей – во Фракию.)

VIII.5. (8) С наступлением лета до автократора Маврикия дошел слух, что хаган нарочно оттягивает войну, чтобы, когда ромейское войско будет распущено, разом напасть на окрестности Византия. (9) И вот он приказывает стратигу покинуть Адрианополь и велит ему переправиться через Истр. (10) Петр начал готовить поход против войск Склавинии и написал Воносу (это был знаменитый муж, один из телохранителей императора; эта должность обычно именуется в народе «скривон»). (11) Дело в том, что он в это время должен был подчиняться стратигу Петру. В письме содержалось требование доставить ромейские плавучие средства, чтобы войско могло переправиться. (12) Ипостратигом боевых сил Петр назначил Гудуина. И вот Гудуин, перейдя реку, погубил острием меча полчища врагов и, уведя много пленных, снискал великую славу. Ромей стремились вернуться через реку восвояси, но Гудуин пока препятствовал им в этом. (13) Со своей стороны, хаган, узнав о ромейском нападении, отправил Апсиха с войсками, чтобы уничтожить племя антов, которое было союзником ромеев.

6. (1) Когда это происходило, полчища аваров отложились и поспешно перешли на сторону автократора. Хаган пришел в смятение от этого известия. Его охватил страх; он умолял их и придумывал множество способов, дабы вернуть назад отложившиеся силы.

(2) Когда наступила осенняя пора, автократор Маврикий стал настаивать, чтобы Петр задержал ромейские силы на время зимы в областях славян. Среди ромеев этот приказ императора вызвал уныние: во-первых, из-за добычи, во-вторых, из-за плохого состояния лошадей, наконец, из-за того, что полчища варваров, словно волны, покрывают всю землю по ту сторону Истра; поскольку стратиг настаивал на исполнении императорского приказа, в войсках вспыхнул большой мятеж. (3) А Маврикий непрерывно слал Петру письма, настаивая, чтобы ромей исполнили это [распоряжение]. Ромей же упорствовали в своем решительном отказе. Поэтому они с марша переправились через реку. Когда это произошло, они прибыли в Паластол; души их были опьянены величайшим гневом... (7) ...На другой день войска снялись с лагеря и, миновав Асим – а это крепость, – прибыли в Куриску, откуда собирались [вновь] переправиться к становищам варваров: дело в том, что они несколько умерили свою спесь. (8) И вот в эти дни они принялись снаряжать понтоны. Но пока они этим занимались, пошли проливные дожди, а затем ударил мороз. Из-за этого войско снова взбунтовалось, не желая переправляться через реку... (10) А автократор в письме настаивал, чтобы Петр, переправив войска через реку,

вступил на варварскую землю и чтобы ромен там добывали пропитание для войска и тем самым дали казне передышку в снабжении их...

Осада Константинополя персами, аварами, славянами

(Феофан Исповедник, «Хронография»)

Феофан Исповедник (ок. 760-818 г.) – византийский монах, летописец, почитается православной церковью как преподобный, исповедник. Является автором произведения «Хронография».

Год 617. В этом году царь персов Хосрой набрал новое войско, собрав иноземцев, граждан, рабов и людей всякого рода. Это войско он отдал под командование военачальника Саиса, присоединив к нему еще пятьдесят тысяч, взятых из войска Сарвара, назвал их «носителями золотых копий» и послал против императора. Сарвара же с оставшимся у него войском он послал на Константинополь, чтобы, договорившись с западными гуннами (их называют также аварами), с аварами, склавинами и гепидами, тот двинулся вместе с ними на город и осадил его. И узнав это, император разделил свое войско на три части: одну он послал защищать город, другую отдал под командование своему брату Феодору, приказав ему идти войной на Саиса, а третью часть взял сам и двинулся в Лазику...

А Сарвар подошел к Халкидону, и авары из Фракии, приблизившись к городу, хотели захватить его. Придвинув к нему множество машин, они в несметном множестве, превосходя числом [противника], приплыли с Истра на выдолбленных челнах и заполнили весь залив «Рога». И после десяти дней осады города с суши и с моря они были побеждены благодаря силе и помощи бога и молитвам непорочной девы богородицы. И, потеряв великое множество на суше и на море, они отступили с великим стыдом. А Сарвар, осадивший Халкидон, не отступил, но перезимовал там, производя набеги и опустошая земли и города на другом берегу.

(Феодор Синкелл, Проповедь от 7 августа 627 г.)

Феодор Синкелл (VII в.) служил скевофилаком и пресвитером Св. Софии, а также был синкеллом патриарха Сергия. Его перу принадлежат «Слово на перенесение честной ризы Богородицы во Влахернах» и проповедь «О безумном нападении безбожных аваров и персов на богохранимый Град и об их позорном отступлении благодаря человеколюбию Бога и Богородицы». Проповедь была произнесена в первую годовщину осады – 7 августа 627 г. Свидетельства эти весьма ценны, ибо он являлся не только очевидцем осады, но и активным участником событий – «Пасхальная хроника» упоминает Феодора Синкелла как одного из членов византийского посольства к хагану.

О безумном нападении безбожных аваров и персов на богохранимый Град и об их позорном отступлении благодаря человеколюбию Бога и Богородицы.

(рассказ о прибытии к хагану византийского посольства, в котором участвовал автор. Хаган хвалится, что вскоре к нему придут подкрепления от его союзников персов.)

«...и действительно, мы своими глазами видели персов, посланных от Сарвара и принесших хагану дары. Мы слышали также, будто они заключили соглашение о том, чтобы были посланы славянские моноксилы и в них персидское войско из Халкидона¹ пересекло море».

Так сказали послы. А варвар [хаган] просил у персов войско не потому что нуждался в союзниках – ведь и земля, и море были заполнены подвластными ему свирепыми племенами, но дабы показать нам единодушие, которым отличался его союз с персами против нас. И вот этой ночью посланы были моноксилы к персам, и на них множество славян отплыло, чтобы привезти персидское союзное войско. Ведь славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу².

(Штурм 7 августа.)

На море были снаряжены славянские моноксилы, чтобы в одно время и в один час против города началась одновременно и сухопутная, и морская война. [Хагану] удалось превратить в сушу весь залив [Золотой] Рог, [заполнив] его моноксиллами, везущими разноплеменные народы. Он считал, что именно это место подходит для нападения на город...

И по всей стене и по всему морю раздавался неистовый вопль и боевые кличи... А в заливе [Золотой] Рог [хаган] заполнил моноксилы славянами и другими свирепыми племенами, которые он привел [с собой]. Доведя число находившихся там варварских гоплитов³ до огромного множества, он приказал [флоту] налечь на весла и с громким криком двинуться против города. [Сам он] начал приступ, мечтая о том, что его воины на суше низвергнут стены города, а моряки проложат легкий путь к нему по заливу⁴. Но повсюду Дева Владычица сделали его надежды тщетными и пустыми. Такое множество убитых врагов [пало] на каждом участке стены и столько повсюду погибло неприятелей, что варвары не смогли даже собрать и предать огню⁵ павших.

А в состоявшемся на море сражении Богородица потопила их моноксилы вместе с командами перед собственным ее Божиим храмом во Влахернах, так что весь этот залив заполнился мертвыми телами и пустыми

моноксилами, которые носились по воле волн, плавали бесцельно, если не сказать бессмысленно. Всего этого было так много, что по заливу можно было [ходить], словно посуху. Что одна только Дева вела это сражение и одержала победу, несомненно явствовало из того, что сражавшиеся на море в наших судах были обращены в бегство первым же натиском вражеских полчищ. Дело уже шло к тому, чтобы [они] поворотили корму и открыли врагам легкий доступ [к городу]⁶, если бы человеколюбивая Дева не упредила этого своим могуществом и не явила бы свою силу. Не так, как Моисей, который растворил Черное море жезлом, а потом снова [сдвинул воды], – но [одним только] мановением и велением [Богородица] опрокинула в море фараоновы колесницы и все его войство⁷ и потопила в воде разом всех [варваров] вместе с их плотами и лодками⁸. Некоторые говорят, что наши [воины] были подвигнуты к отступлению не страхом перед противником, но что сама Дева, желая показать свою власть творить чудеса, приказала им притворно отступить, чтобы варвары потерпели полное крушение около ее святого храма, нашей спасительной пристани и тихой гавани – Влахернского храма Богородицы. И можно было видеть дивное зрелище и великое чудо: весь залив сделался сушей от мертвых тел пустых моноксил, и по нему текла кровь. А те немногие из варваров, которым удалось благодаря умению плавать добраться до северного берега и избежать гибели в море, – даже и они бежали в горы, хотя никто их не преследовал.

Говорят, что нечестивый тиран [хаган], сам ставший свидетелем этого позора... бил себя кулаками в грудь и в лицо. Прошло много дней прежде чем наши сумели с большим трудом поднять находившихся в воде мертвых варваров и собрать для сожжения их моноксилы. Когда те, кто противостоял врагам со стен, услышали радостную весть о гибели варваров на море и тем более увидели множество голов, [насаженных] на копья, (они совершили вылазку).

¹ Халкидон лежал напротив Константинополя на другом берегу Босфора. Там стояла персидская армия Шахрвараза (Сарвараза византийских источников).

² Славяне освоились в искусстве мореплавания и наведения водных переправ уже к 70-м годам VI в., когда они строили переправы для аваров, а на рубеже VI-VII вв. славянские дружины выходили на лодках в море и грабили острова.

³ Видимо, тяжеловооруженными воинами были авары, тогда как подвластные им славяне, гепиды и протоболгары – гребцами и легковооруженными.

⁴ Также и по словам Никифора, славяне сами не должны были штурмовать города. Кроме того, косвенно из слов автора можно подтвердить догадку, что со стороны залива Константинополь не был защищен стеной.

⁵ Баришич использует это замечание как самое раннее письменное свидетельство обряда трупосожжения у славян.

⁶ Кроме автора, об отступлении византийского флота не сообщает ни один источник. Видимо, в действительности морской бой был более ожесточенным, чем можно заключить из поэм Писиды.

⁷ Исх. 14,27-28.

⁸ Из сообщения автора, равно как «Пасхальной хроники» и Писиды, не вполне ясно, считал ли он, что Богородица подняла в заливе настоящую бурю или она потопила моноксилы каким-то мистическим образом.

Взаимоотношения Византийской империи с Арабским халифатом

Посольство Иоанна Грамматика

(Продолжатель Феофана, «Жизнеописание византийских царей»)

По всей видимости, относится к 833 г. Иоанн VII Грамматик – константинопольский патриарх в 837- 843 гг., один из идеологов иконоборчества. Около 832 г. император Феофил посылал его с посольством к арабам. Целью этого посольства, кроме обмена пленными, было желание императора вернуть полководца Мануила.

Феофил, желая показать величие империи или желая внушить арабам более страха, отправляет Иоанна синкелла с несметными дарами. На всем пути до самого Багдада Иоанн раздает награды, деньги и подарки направо и налево; то же самое продолжает и в Багдаде. Сарацины были положительно ошеломлены его богатствами. Сам халиф возвратил сто пленников. По возвращении в Константинополь Иоанн рассказывал императору о том, что было с ним в Сирии...

Мануил, избегая императорского гнева, бежал к арабам, где нашел почетный прием, удачно боролся с их соседями корматами и подчинил эмиру Хорасан...

Император, сожалел о бегстве Мануила, желал его возвратить. Для этого, как рассказывают одни, он отправил Иоанна монаха к арабам с письмом, с уверениями в безопасности и с просьбой возвратиться. Другие рассказывают, что этот Иоанн, переодевшись в платье иверийских монахов, идущих на поклонение в Иерусалим, тайно пробрался в дом Мануила в Багдаде, где и сообщил ему о раскаянии Феофила, вручил ему письмо и *basilewV egkolpion*. Уговорив халифа отпустить с ним на войну с греками сына, Мануил двинулся в границы Каппадокии, где завел сношения с византийским стратегом, и, распрощавшись с сыном эмира, бежал через Каппадокию в Константинополь, где Феофил принял его с почетом, сделал магистром и был сам восприемником его детей.

Конфликты с участием Византийской империи и Арабского халифата

В течение длительного периода времени взаимоотношения Византийской империи с Арабским халифатом развивались в русле конфликта, свидетельством чего явились многочисленные арабо-византийские войны.

Арабо-византийские войны – ряд военных конфликтов между Арабским халифатом и Византийской империей в течение VII–XII вв. Начало войн ознаменовало вторжение арабов в Византию в 630-е годы и начало территориальных захватов с их стороны. В результате этих войн Византия лишилась большого количества своих территорий.

(Ибн-Кутайба, «История»)

...Потом Мамун отправился в Тарс в месяце Мухарреме 215 года (28 февраля 830 г. – 17 февраля 831 г.) и напал на греков и завоевал крепости Курру, Харшану и Семалу. Потом он удалился в Дамаск, потом ушел в Египет, потом возвратился в Дамаск.

Потом он отправился на греков в 217 году (7 февраля 832 г. – 26 января 833 г.)... И в этом году была взята Лулуа, и приказал он постройку Тианы. Потом возвратился Мамун и направился в Ракку.

Потом он возвратился в греческую землю и умер у реки Бодендун 17 числа мес. Реджеба 218 года (7 августа 833 г.). И он был перенесен в Тарс и похоронен там.

(При Мутасиме) греки осадили Зибатру. И отправился Абу-Исхак, нападая в мес. Джумаде I 223 года и взял Аморию в мес. Рамадане этого же года (27 июля – 25 августа 838 г.).

(Ахмад ал-Балазури, «Книга о завоевании стран»)

Построил Мухаммед-ибн-Юсуф-ал Марвази, известный под именем Абу-Саид, крепость на побережье Антиохии после нападения греков на ее побережье во время халифата Мутасима Биллахи...

Аназарба была в цветущем состоянии во время халифата Мутаваккила, благодаря Али-ибн-Яхьи-ал-Армени. Потом греки ее разрушили.

Когда был халифом Мамун, греки напали на Зибатру, разрушили ее, напали на пасущийся скот ее жителей и угнали его от них. И приказал Мамун исправить Зибатру и укрепить. Прибыло посольство греческого тирана в 210 году (24 апреля 825 г. – 12 апреля 826 г.) с просьбой о перемирии, но халиф не дал ему на это благоприятного ответа, а написал начальникам пограничных крепостей. Они проникли в греческие области, произвели многие убийства, подчинили область и одержали большую победу; но (в этом нападении) пал Яктан ибн Абд-ал-ала-ибн-Ахмед-ибн-Язид-ибн-Асид-ас-Сулями. Потом греки выступили к Зибатре во время халифата Мутасима Биллахи-Абу-Исхака-ибн Рашида, убивали мужчин, брали в плен женщин и разрушили Зибатру. Это раздражило его и разгневало. И халиф напал на греков, дошел до Амории – уже до нее он разрушил несколько городов, – осадил ее, взял, убил воинов; взял в плен жен и детей. Потом он разрушил Аморию, велел отстроить Зибатру, укрепил и вооружил ее. После этого греки стремились к ней, но не могли ею овладеть...

Род ал-Аглаб-ибн-Салима африканского завоевал в Сицилии более двадцати городов, и она (Сицилия) находится в руках мусульман. И завоевал Ахмед-ибн-Мухаммед-ибн-ал-Аглаб во время халифата эмира правверных Мутаваккила-ала-ллах в Сицилии Касрияну (Кастроджованни) и крепость Гальяну...

Потом напал на Крит во время халифата Мамуна Абу-Хафс-Омар-ибн-Иса андалузский, известный под названием критского; он завоевал одну из критских крепостей, где и поселился. Потом он не переставал брать одно (укрепление) за другим, пока не осталось на острове ни одного грека; и он разрушил их крепости...

(Якуби, «История»)

Поход 830 года.

Выступил Мамун, направляясь в греческую землю, в Мухарреме 215 года (март 830 г.); он сделал летний поход, взял Анкиру на половину миром, на половину мечом и разрушил ее. И бежал из нее патриций Мануил. И взял Мамун крепость Шемаль, потом ушел и остановился в Дамаске.

Поход 831 года.

Напал Мамун на греческую землю в 216 году (18 февраля 831 г. – 6 февраля 832 г.) и взял двенадцать крепостей и большое число подземных укреплений (метамир) 15. И дошло до него, что греческий тиран уже выступил. И Мамун отправил своего сына Аббаса, и этот встретился с ним и разбил его. И Аллах оказал помощь мусульманам. И послал греческий царь Феофил к Мамуну своего приближенного епископа и написал ему письмо, которое начал со своего имени. И сказал Мамун: не стану читать его письма, которое он начинает со своего имени. И отдал письмо обратно. И написал ему Феофил, сын Михаила, сына греков... и просил принять от него сто тысяч динаров и пленных, которые находятся у него [а у него семь тысяч пленных], если Мамун возвратит завоеванные им греческие города и крепости и удалит от них войну в течение пяти лет. Мамун не отвечал ему на это и ушел в Кейсум в Месопотамии, в Диярмударе.

Поход 832 года.

И длилось пребывание Мамуна в Мисре (Египте) сорок семь дней; выступил он (туда) 10 числа мес. Мухаррема и вышел 27 числа мес. Сафара 217 года; он, отправляясь из Мисры, вступил в Дамаск и остался там несколько дней, потом выступил к византийской границе и остановился лагерем у Аданы.

В этом 217 году (7 февраля 832 г. – 26 января 833г.) напал Мамун на греческую землю и направился к одной из греческих крепостей, называемой Лулуа, и оставался у нее некоторое время, не будучи в состоянии ее взять. И он построил у нее две крепости и оставил в них Абу-Исхака с людьми; потом возвратился, направляясь к городу Салагусу, и оставил вместо себя у крепости Ахмеда-ибн-Бистама, а Абу-Исхак оставил вместо себя у крепости Мухаммеда-ибн-ал-Фараджа-ибн-Абу-л-Лейса ибн-ал-Фадла. И он оставил у них провианта на год. И поставил Мамун над всеми людьми Уджейфа-ибн-Анбаса. Но греки, владетели Лулуи, перехитрили Уджейфа и взяли его в плен. И он оставался в их руках месяц. И греки писали своему царю, и он отправился к ним. Но Аллах обратил его в бегство без битвы, и победили находившиеся в двух крепостях мусульмане его войско и взяли все, что с ним было. Когда жители Лулуи увидели это, и когда осада стеснила их, то их начальник обратился к хитрости. Он сказал Уджейфу: я отпущу тебя на том условии, что ты испросишь для меня пощаду от Мамуна. И Уджейф ему поручился в этом. И тот (греческий начальник) сказал: «я желаю залога». И сказал Уджейф: «я доставлю тебе двух моих сыновей». И последний послал к своему заместителю, чтобы тот отправил к нему двух христианских спальников... 17 и разукрашенных; и пришли вместе с ними несколько христианских юношей в мусульманском платье. И тот сделал это. И Уджейф передал их грекам и ушел. И когда он пришел к (своему) войску, он написал им: те, которые в ваших руках, суть христиане, и с ними вы можете сделать, что хотите. И написал ему греческий начальник: «Соблюдение слова прекрасно, и это из вашей религии есть наилучшее». И Уджейф получил для них (греков) пощаду, взял Лулуу и заселил ее мусульманами. И отправился Мамун в 218 году (27 января 833 г. – 15 января 834 г.) в Дамаск.

Поход 833 года.

Напал в 218 году (27 января 833 г. – 15 января 834 г.) Мамун на греческую землю и уже приготовился к осаде Амории и сказал: я пошлю к арабам, заставлю явиться их из пустынь и поселю их во всех городах, которые завоюю, до тех пор, пока не ударю на Константинополь. И пришел к нему посол греческого царя с просьбой о мире и перемирии; он отдал пленных, которые были у него. И Мамун не принял. И когда он приближался к Лулуе, то остановился на несколько дней и умер в месте, называемом Бодендун, между Лулуой и Тарсом. И смерть его была в четверг 17 мес. Реджеба 218 года... И был (Мамун) погребен в Тарсе в доме Хакана внуха.

Поход Феофила под Запетру и Аморию.

Греки пришли к Зибатре в 223 году (3 декабря 837 г. – 22 ноября 838 г.), убили и взяли в плен всех, которые были в ней, и увели их. И когда известие дошло до Мутасима, он нетерпеливо встал со своего места и назначил прием на открытом воздухе и побуждал людей к походу; сейчас же он роздал жалованье солдатам и в тот же день расположился лагерем в месте, называемом ал-'Уюн 18 на западном (берегу) Тигра. Он назначил Ашнаса, турка, во главе авангарда и выступил в четверг шестого числа Джумады I 223 года, вошел в греческую землю и направился к Амории. Это был один из самых больших городов, с очень многочисленным количеством запасов и людей. И он (халиф) тесно обложил его. Дошло это до греческого тирана. И он выступил с большим войском. Когда он приблизился, Мутасим послал Афшина с большим войском. И этот встретил тирана, сразился с ним, обратил в бегство и убил большое число из его воинов. И послал греческий тиран от себя депутацию, говоря: те, которые совершили в Зибатре то, что совершили, превысили мое приказание; я выстрою ее на мои средства и с помощью моих людей и возвращу тех, которых я взял из ее жителей, отпущу всех находящихся в греческой земле пленных и пошлю тебе людей, которые совершили злодеяния в Зибатре по вине патрициев. Амория была взята во вторник 17 числа Рамадана мес. 223 года. Мутасим убил и взял в плен всех ее жителей и взял Ятиса, дядю греческого царя. Он сжигал и разрушал все проходимые (им) области и удалился.

Обмен пленных в 845 году.

Написал греческий тиран, сообщая о большом количестве находящихся у него мусульманских пленников и предлагая произвести обмен. Ватик согласился на это и отправил Хакана внуха... известного под названием Абу-Рамла и другого, Джафара-ибн-Ахмеда-ал-Хаззаа, который был начальником войска, а правителем пограничной области он назначил Ахмеда-ибн-Саид-ибн-Сальм-ал-Бахили. И они направились к реке Лямис на расстоянии двух дневных переходов от Тарса. При этом обмене присутствовало семьдесят тысяч (человек), вооруженных копьями, не считая находившихся при нем людей без копий. Абу-Рамла и Джафар-ал-Хаззаа остановились у моста на реке, и всякий раз, как проходил человек из пленных, испытывали его в Коране; и кто говорил, что он сотворен, того выкупали, давали два динария и одежду. И число это достигало пятисот мужчин и семисот женщин. И было это в месяце Мухаремме 231 года.

Осада византийским флотом Дамиетты.

Было поручено управление Египтом Анбаса-ибн-Исхаку-ад-Дабби от Мунтасира, и он провел в Египте только несколько месяцев, как греки осадили Дамиетту с восьмьюдесятью пятью кораблями. Они убивали мусульман и сожгли тысячу четыреста домов. Начальник этих людей назывался... Они взяли в плен 1820 мусульманских женщин, тысячу коптских и сто евреек, захватили находившееся в Дамиетте оружие и товары.

Женщины одна за другой бежали; около двух тысяч из них утонуло в море. Греки оставались два дня и две ночи, потом ушли.

Обмен пленных в 856 году.

Отправил греческий тиран послов и подарки; последних было немного. И послал ему (Мутаваккил) гораздо больше подарков и отправил евнуха Шенифа, который был из его доверенных лиц, и поручил ему распоряжение над обменом. Он прибыл в Тарс в 241 году (22 мая 855 г. – 9 мая 856 г.). Здесь был начальник пограничных областей Ахмед-ибн-Яхья-ал-Армени. И вышел Шениф на мост на реке Ламис и вызывал пленных; он уже доставил изо всей местности находившихся у него греческих пленных и скупил христианских рабов.

Отправил Мустаин Джафара ал-Хайята в 249 году (24 февраля 863 г. – 12 февраля 864 г.), чтобы он сделал летний поход. Вместе с ним был Омар-ибн Абдаллах-ал-Акта', правитель Малатии. И когда они вошли в греческую землю, то Омар просил разрешения у (Джафара) проникнуть дальше (в нее); а с ним было 8.000 человек. Враги окружили его, и он и находившиеся при нем потерпели поражение в месяце Реджебе 249 года. Назначил Мустаин Али-ибн-Яхьи-ал-Армени правителем Армении в этом году. И ее положение не было спокойно И он направился к Майяфарикину. И напали греки и прошли в середину мусульманских областей. И собралась толпа из жителей этих областей к Али-ибн-Яхье и говорили, чтобы он пошел навстречу грекам, и убедили его. Он вышел с ними и встретился с греческим войском. Произошло сильное сражение. Греки убили его и взяли его тело и считали это за большую победу, так как он их прежде поражал.

Из времени халифата Мутаза.

И отправился Музахим-ибн-Хакан к Малатии, где он уже победил греков много раз.

Умер Музахим-ибн-Хакан пятого числа месяца Мухаррема 254 года (5 января 868 г.). Вместо него сделался (начальником) его сын Ахмет, но он оставался лишь несколько дней, сильно заболел и умер. Его правление продолжалось три месяца; умер он в месяце Раби II, и начальником над областью сделался Архуз-ибн Олуг-Тархан-ат-Турки.

252-й год (22 января 866 г. – 10 января 867 г.).

И отправился Музахим-ибн-Хакан в Малатию; и появлялись в ней греки уже много раз.

258-й год (18 ноября 871 г. – 6 нояб. 872 г.).

В этом году сделал летний поход Мухаммед-ибн-'Али-ибн-Яхьи-ал-Армени. И отправился евнух Шениф, вольноотпущенник Мутаваккила, для обмена. И собрались они на реке Ламусе и произвели обмен и заключили с греками перемирие на четыре мсяца. И было это в мес. Рамадане 258 года (11 июля – 9 августа 872 г.).

(Табари, «Истории пророков и царей»)

Михаил II (820-829).

Завоевание арабами Крита.

210-й год = 24 апреля 825 г. – 12 апреля 826 г.

Когда Абдаллах-ибн-Тахир-ибн-Хусейн вступил в Египет, то он послал к тем испанцам, которые жили в нем, и к тем, которые присоединились к ним, с объявлением войны в случае, если они не окажут повинения. Мне сообщили, что они согласились ему подчиниться и просили у него пощады на том условии, что они удалятся из Александрии в какие-нибудь греческие пределы, которые не принадлежат к областям ислама. И дал он им пощаду на этом условии. И они удалились из Александрии, остановились на одном из морских островов, который называется Критом, поселились на нем и остались. И потомки их остались на нем до сих пор.

Поход 830 года.

215-й год = 28 февраля 830 г. – 17 февраля 831 г.

В этом году поднялся Мамун из Багдада с целью напасть на греков. И было это, как говорят одни, в субботу 27 числа мес. Мухаррема (26 марта), а, как говорят другие, отправление его из Шемсии к Барадану было в четверг после полуденной молитвы 24 числа месяца Мухаррема 215 года (23 марта 830 г.). И назначил он на время своего отъезда из Багдада начальником над ним Исхак-ибн-Ибрахим-ибн-Мус'аба, и вместе с этим ему были поручены Севад, Хольван и города по Тигру. И когда Мамун отправился в Текрит, явился к нему из Медины Мухаммед-ибн-Али-ибн-Муса-ибн-Джафар-ибн-Мухаммед-ибн-Али-ибн-ал-Хусейн-ибн-Али-ибн-Абу Талиб в мес. Сафаре (апрель) этого года ночью в пятницу и встретился здесь он с ним, и тот одарил его и приказал ему вступить в брак со своею дочерью Умм-ал-Фадл (т.е. с дочерью Мамуна). И он выдал ее за него замуж. Она была приведена к нему в дом Ахмед-ибн-Юсуфа, который находился на берегу Тигра, и он остался в нем. Когда же наступили дни хаджа, он вышел со своею семьею и домочадцами и пришел в Мекку. Затем пришел в свой дом в Медину и остался там. Потом Мамун направил путь к Мосулу и пришел в Манбидж, оттуда в Дабек, Антиохию, Массису. Затем из нее вышел в Тарс. Из Тарса потом вступил в греческую область в половине мес. Джумады I (июль). И выступил Аббас, сын Мамуна, к Малатии. И остановился Мамун у крепости, называемой Курра, силою взял ее и приказал разрушить. И было это в воскресенье 26 числа мес. Джумады I (21 июля). Раньше этого он завоевал крепость, называемую Маджида, и пощадил жизнь ее населения. Говорят, что, когда Мамун осаждал Курру и сражался с ее населением, то последнее просило пощады. И Мамун пощадил их. И отправил он Ашнаса на крепость Сундус, и тот привел к нему ее начальника.

И отправил Мамун Уджейфа и Джафара-ал-Хайята к начальнику крепости Синан, и последний послушался и покорился.

В этом году отправился Абу-Исхак-ибн-Рашид из Египта и встретился с Мамуном до вступления его в Мосул. И встретились с ним Мануил и сын Мамуна Аббас в Рас-ал-Айне.

В этом году двинулся Мамун после своего выступления из греческой земли в Дамаск.

Поход 831 года.

216-й год = февраля 831 г. – 6 февраля 832 г.

Мамун снова напал на греческую землю. О причине его вторичного нападения на нее существует разногласие. Одни говорят, что причина этого заключалась в том, что до Мамуна дошло известие об избиении греческим царем жителей из населения Тарса и Массисы; как говорят, их было 1.600 человек. Когда это дошло до Мамуна, он двинулся и вступил в греческую землю в понедельник 19 числа Джумады I этого года (4 июля 831 г.) и оставался там до половины месяца Шабана (конец сентября). Другие говорят, что причина была следующая. Феофил, сын Михаила, написал ему письмо и начал (его) с самого себя (т. е. со своего имени). Когда письмо пришло к Мамуну, то он не прочел его и выступил на греческую землю. В Адане явились к нему послы Феофила, сына Михаила; Феофил прислал к нему пятьсот мусульманских пленников. Когда Мамун вступил в греческую землю и остановился у Антигу, то выступили жители ее с предложением мира. И пришел Мамун к Гераклее, и ее жители вышли к нему с предложением мира. Он послал брата своего Абу-Исхака, и этот завоевал тридцать крепостей и подземных укреплений. И послал Мамун Яхью-ибн-Аксама к Тиане, и он сделал нападение, убивал, жег, брал пленных и возвратился в лагерь. Потом выступил Мамун в Кейсум и оставался в нем два или три дня, после чего ушел в Дамаск.

Поход 832 года.

217-й год = 7 февраля 832 г. – 26 января 833 г.

В этом году вступил Мамун в греческую землю и осаждал Лулуу в продолжение ста дней; потом ушел от нее и оставил у нее вместо себя Уджейфа. Жители Лулуу обманули его и взяли в плен. И оставался он в плену в их руках восемь дней. Потом они его выпустили. И пришел Феофил к Лулуе и окружил Уджейфа. Мамун отправил войска к нему. И Феофил раньше их прихода удалился. И вышли жители Лулуу к Уджейфу на капитуляцию.

В этом году написал Феофил, царь греков, Мамуну, прося его о мире. Он начал с себя в своем письме. И пришел с письмом ал-Фасл, приближенный (визирь) Феофила, прося мира и предлагая выкуп пленных. Содержание письма Феофила к Мамуну было следующее.

«Поистине, соединение двух спорящих о своем счастье, с точки зрения разума, лучше для них, чем то, чтобы они причиняли друг другу вред. Ведь ты не согласен отказаться от счастья, которое ты готовишь себе, в пользу счастья, которое перейдет к другому. И ума у тебя достаточно для того, чтобы не учить тебя. Я и написал тебе письмо, предлагая примирение, сильно желая полного мира, чтобы ты удалил от нас бремя войны. И будем мы друг другу товарищами и союзниками, при чем доходы (наши) будут поступать непрерывно, торговля будет облегчена, пленные будут освобождены, безопасность будет по дорогам и в пустынных местностях. И если ты откажешься, то я не буду хитрить перед тобою и льстить тебе на словах, а выйду на тебя в пучину (войны), возьму у тебя преграды, разошлю конницу и пехоту. И если я теперь это сделаю, то это будет после того, что я обратился с предупреждением и выставил между собою и тобою знамя переговоров. Прощай!».

И написал ему Мамун:

«Дошло до меня письмо твое, в котором ты просишь о перемирии, взываешь к соглашению, прибегаешь то к мягкости, то к суровости, склоняешь (меня к соглашению) изложением торговых выгод, непрерывного поступления доходов, освобождения пленных, прекращения резни и войны. И если бы я не решил применять разумную медлительность и уделять (должную) долю обсуждению всякой мысли и взгляд на какое-нибудь предстоящее дело признавать верным только тогда, когда я могу считать обеспеченными желательные мне последствия его, то я сделал бы ответом на твое письмо конницу из людей храбрых, мужественных, опытных, которые постарались бы оторвать вас от ваших домашних, приблизились бы к Богу вашей кровью, сочли бы за ничто ради Бога ту боль, которую причинила бы им ваша храбрость; потом я присоединил бы к ним подкрепление, доставил бы им достаточное количество оружия и вооружения; а они сильнее стремятся к водопоям смерти, чем вы к спасению от страха перед их обидою вам. Им обещано одно из двух высших благ: готовая победа или славное последствие (т.е. рай). Но я счел нужным обратиться к тебе с увещанием, в котором сам Бог установит мою правоту, когда я призывал тебя и твоих к признанию единого Бога, к единобожию и исламу. Если ты откажешься, то будет обмен пленными, обязывающий к покровительству и устанавливающий отсрочку; если же ты и этим пренебрежешь, то в личном знакомлении (твоим) с нашими качествами ты найдешь то, что избавляет меня от красноречия и обращения к описанию. Спасен тот, кто следует по прямому пути!».

В этом году Мамун отправился в Салагус.

Поход 833 года.

218-й год = 27 января 833 г. – 15 января 834 г.

В этом году Мамун отправил своего сына Аббаса на греческую землю и приказал ему остановиться у Тианы и построить ее. И отправил он работников и солдат. И начал Аббас постройку и выстроил Тиану в квадратную милю, сделал стену в три фарсанги и в ней четверо ворот, построил при каждом воротах укрепление. И отправление с этою целью сына Мамуна, Аббаса, произошло в первый день мес. Джумады. И написал он брату своему Абу-Исхак-ибн-ар-Рашиду, что назначил набор в округе Дамаска, Эмесы, Иордана и Палестины в четыре тысячи человек и определил на конника сто дирхемов, а на пехотинца сорок дирхемов, и назначил набор в Египте. И написал он Аббасу относительно тех, которых набрал в Киннесрине и Джезире, а Исхак-ибн-Ибрахиму относительно тех, которых набрал из населения Багдада. Их была тысяча человек; некоторые из них выступили и пришли к Тиане и остановились у нее с Аббасом.

В этом году умер Мамун. Идет рассказ о причине болезни, от которой он умер, со слов Саида-ал-Аллафа, тещи корана; он сказал: «Послал ко мне Мамун, и он находился в греческой области и вступил в нее из Тарса в среду 16 числа мес. Джумады II (9 июля). Я был приведен к нему, а он находился в Буден-Дуне...».

В этом году Мутасим приказал разрушить в Тиане то, что Мамун приказал построить, и велел унести, что было в ней из оружия, снарядов и прочего, что можно было унести, и сжег то, чего нельзя было унести, и приказал людям, которых Мамун поселил там, удалиться в свои области.

В этом году, как говорят, большое число жителей Джибала из Хамадана, Асбахана, Масабазана и Михриджанказака перешла в веру Хурраимиев. Они собрались и расположились с войском в области Хамадана. И отправил Мутасим против них войска. Последний отряд был послан против них с Исхак-ибн-Ибрахим-ибн-Мус'абом; Джибаль был поручен ему в месяце Шеввале (20 октября – 17 ноября 833 г.) этого года, а выступил он (Исхак) против них в месяце Зулькада (18 ноября – 17 декабря 833 г.). И письмо его о победе било читано в день «снабжения водой». И он убил в области Хамадана шестьдесят тысяч (человек). Оставшиеся бежали в греческую землю.

220-й год = 5 января 835 г. – 25 декабря 835 г.

О цыганском племени Затт

Потом они (племя Затт) были переведены к византийской границе, в Аназарбу. На них напали греки и истребили их, и ни один из них не спасся.

223-й год = 3 декабря 837 г. – 22 ноября 838 г.

Поход Феофила под Запетру (Зибатру).

В этом году напал Феофил, сын Михаила, царь греков, па жителей Зибатры, взял их в плен и разграбил их область, и прошел немедленно к Малатии и напал на ее жителей и жителей других мусульманских крепостей, взял в плен, как говорят, больше тысячи мусульманских женщин и изуродовал мусульман, которые попали ему в руки: вырывал им глаза, отрезывал уши и носы.

Идет рассказ о причине поступка царя греков с мусульманами.

Рассказывают, что причина заключается в том, в какое положение попал Бабек вследствие стеснения его Афшином, близости к гибели и вследствие победы Афшина над ним. Когда Бабек был близок к гибели и убедился в своей бессилии воевать с Афшином, то написал царю греков, Феофилу, сыну Михаила, сыну Георгия, сообщая ему, что арабский царь отправил уже (все) свои войска и солдат против него (Бабека), даже своего портного, т. е. Джафар-ибн-Динара, и своего повара, т. е. Итаха, и не осталось никого у его ворот; и если бы ты захотел выступить против него, то знай, что для твоего намерения препятствий нет. Бабек надеялся, что, если благодаря этому письму греческий царь двинется, то, вследствие перемещения Мутасимом части стоявшего против Бабека войска на греческого царя, он избавится от части своих затруднений, и что Мутасиму, занятому греками, будет не до Бабека.

Рассказывают, что Феофил выступил со ста тысячами человек, и другие говорят, что войска было в их числе более семидесяти тысяч, остальные же составляли обоз. Он направился к Зибатре; с ним была толпа тех мухаммиров, которые восстали в Джибале и бежали к грекам, когда с ними (мухаммирами) сражался Исхак-ибн-Ибрахим-ибн-Мус'аб; начальник их был Барсис. Греческий царь внес их в списки армии, женил их и сделал воинами, к которым обращался за помощью в своих самых важных делах.

И когда царь греков вступил в Зибатру и убил мужчин, которые в ней находились, взял в плен детей и женщин, которые были там, и сжег город, то толпа беглецов, как говорят, достигла Самарры. И удалилось население пограничных стран Сирии и Месопотамии; жители Месопотамии ушли, исключая тех, у которых не было вьючного скота и оружия.

Мутасим счел это ужасным. Рассказывают, что, когда до него дошло известие об этом, он в своем дворце закричал: «В поход!» потом сел на лошадь, привесил сзади себя веревку для связывания ног лошади, железный сошник и мешок со съестными припасами. Но ему не удалось выступить иначе, как после усилий. И сел он, как рассказывают, в приемном зале и приказал явиться двум багдадским судьям – Абдеррахман-ибн-Исхакву и Шуйб-ибн-Сахлу, а вместе с ними тремстам двадцати восьми справедливейшим людям. Он их пригласил в свидетели того, что решил относительно своих имений; и он треть отдал своим детям, треть Богу и треть своим клиентам. Потом он остановился лагерем на западном берегу Тигра, что было в понедельник второго числа месяца Джумады I (первое апреля 838 г.). И отправил он Уджейфа-ибн-Анбаса и Амра-л-Фергани и Мухаммед-Кутаха и несколько начальников в Зибатре на помощь ее населению. И нашли они царя греков уже удалившимся в свою область, после того как он сделал то, о чем мы уже упомянули. Они остались немного,

пока народ не возвратился в свои города и не успокоился. Когда Мутасим победил Бабека, он сказал: «Какая из греческих местностей самая недоступная и укрепленная?» И сказали (ему): «Амория; в ней не бывал ни один из мусульман со времени появления ислама; она – глаз христианства и его основание; у них (греков) она почетнее Константинополя».

Аморийский поход.

223-й год = 3 декабря 837 г. – 22 ноября 838 г.

В этом году двинулся Мутасим, нападая на греческую землю. Одни говорят, что его выступление на нее из Самарры было в 224 году (23 ноября 838 г. – 11 ноября 839 г.), а другие – в 222 году (14 декабря 836 г. – 2 декабря 837 г.), после убийства Бабека. Рассказывают, что он так снарядился, как до него никогда ни один халиф не снаряжался, и относительно оружия, снарядов, орудий, кожаных мехов, мулов, бурдюков для воды (водоносных животных?), мехов для молока, железных орудий, нефти; и он сделал начальником над авангардом Ашнаса, за которым шел Мухаммед-ибн-Ибрахим; над правым крылом – войска Итаха, над левым – Джафар-ибн-Динар-ибн-Абдаллаха-ал-Хайята, и над центром – Уджейфа-ибн-Анбаса. И когда Мутасим вошел в греческую область, он остановился у реки Аллямис у Селевкии, вблизи моря; между ним и Тарсом был день пути. На этой реке происходил обмен пленными между мусульманами и греками, когда последний случался. И отправил Мутасим Афшина-Хайдар-ибн-Кауса к Серуджу и приказал ему выступить из него и вступить (в греческую землю) со стороны Дарб-ал-Хадас и назначил ему день, в который он приказал ему войти в византийскую область. И назначил он своему войску и войску Ашнаса день, между которым и днем вступления Афшина (в греческую землю) была разница сообразно их расстояниям до того места, где, как он полагал, сойдутся их войска, т. е. в Анкире; и он распорядится осадой Анкиры; и когда Бог передаст ее в его руки, он отправится к Амории, так как не было ничего из того, к чему он стремился в земле греческой, более важного, как эти два города и более достойного, чтобы сделать их той целью, которую он старался достичь. И приказал Мутасим Ашнасу вступить из ущелья Тарса и приказал ему подождать его в Сафсафе. И было выступление Ашнаса в среду 22 числа мес. Реджеба (19 июня 838 г.). И отправил вперед Мутасим Васифа по следам Ашнаса со своим авангардом, а сам двинулся в пятницу 24 числа мес. Реджеба (21 июня). Когда Ашнас находился в Мардж-Ускуфе, к нему пришло письмо Мутасима из Метамир, где он сообщал, что царь (греческий) находится перед ним и желает перевести войска через Аллямис, остановиться у брода и внезапно напасть на них; поэтому он приказывает Ашнасу оставаться в Мардж-Ускуфе. И находился Джафар-ибн-Динар в арриергарде Мутасима. И сообщил Мутасим в своем письме Ашнасу, чтобы он подождал прибытия арриергарда, так как в нем находились обоз, каменометательные машины, провиант и прочее; последний же еще не вышел из теснин ущелья. И он (Мутасим) приказал ему (Ашнасу) оставаться до тех пор, пока начальник арриергарда не освободится из теснин ущелья со своими и не выйдет в открытое место, чтобы отправиться в греческую землю. И оставался Ашнас в Мардж-Ускуфе три дня, когда пришло письмо Мутасима с приказанием отправить одного из его начальников с конным отрядом на поиски человека из греков, которого бы они спросили относительно сведений о царе и о тех, что с ним находились. И послал Ашнас Амр-ал-Фергани с двумястами всадников. Они ночью отправились и пришли к крепости Курры и вышли искать человека в окрестностях крепости. Но это им не удалось. Начальник Курры был предуведомлен о них, вышел со всею своею конницею, которая была с ним в Курре, и засел в засаду в горах, которые были между Куррой и Дуррой. Это была большая гора, которая окружала область, и называлась Рустак Курры (область Курры). И узнал Амр-ал-Фергани, что начальник Курры уже остерегается их; и выступил он (Амр) к Дурре и засел там в засаду на ночь. Когда появился блеск рассвета, он разделил свое войско на три отряда и приказал им скакать быстрым галопом, пока они не приведут к нему пленника, у которого было бы известие о царе, и обещал им встретиться в одном месте, которое знали проводники. И послал он с каждым отрядом по два проводника. С рассветом они вышли и разделились по трем направлениям. И взяли они большое число греков, частью из войска царя, частью из туземцев. И Амр захватил человека из греческих всадников Курры и спрашивал у него известий. И он сообщил ему, что царь и его войско находятся вблизи от него, позади Аллямиса, в четырех фарсангах, что начальник Курры был предуведомлен о них в эту ночь, отправился в путь и засел в засаду в этих горах, на их вершинах. И не переставал Амр стоять в той месте, в котором он обещал своим товарищам, и приказал проводникам, которые были с ним, разойтись по вершинам гор и высмотреть отряды, которые он послал; он боялся, как бы начальник Курры не напал на один из отрядов. Проводники увидели их и стали махать им. И они двинулись и сошлись с Амром в другом месте, чем обещали ему. Потом они отдохнули немного, потом двинулись, направляясь к лагерю, и уже взяли большое число тех, которые были в войске царя. И они отправились к Ашнасу, к Аллямису, и он спросил их об известиях. И они сообщили ему, что царь уже более тридцати дней стоит, поджидая перехода Мутасима и его авангарда через Аллямис, и что он хочет напасть на них из-за Аллямиса; что в нему пришло недавно известие, что из пределов Армении отправилось большое войско и вступило уже далеко в (греческую) область; здесь разумелось войско Афшина; и что оно уже идет за ним (царем), и что греческий царь отдал приказание своему родственнику, сыну своего дяди, и назначил его вместо себя начальником над своим войском, а что царь греческий с отрядом своего войска выступил, направляясь в сторону Афшина.

И послал при этом Ашнас человека, который принес бы это известие Мутасиму; и он Мутасима известил.

И отправил Мутасим из своего войска несколько разведчиков и обещал им каждому по 10,000 дирхемов на том условии, чтобы они вручили Афшину его письмо, где он сообщил ему, что эмир правоверных остановился; так пусть и (Афшин) стоит из опасения, как бы на него не напал царь греков. И написал он письмо Ашнасу с приказом, чтобы он послал перед собою посла из проводников, которые знали горы, пути, из похожих на греков, и обещал каждому из них по 10,000 дирхемов, если он доставит письмо, (где) он писал ему, что царь греков уже выступил против него; так пусть и он остается на своем месте, пока не придет к нему письмо эмира правоверных. И отправились посланные в сторону Афшина, но ни один из них не дошел до него, потому что он зашел далеко в греческую область. И прибыли военные машины Мутасима и его обоз с начальником арриергарда к лагерю. И написал Мутасим Ашнасу, приказывая ему выступить вперед. И выступил вперед Ашнас, а Мутасим за ним; и между ними был дневной переход: (где) один останавливался, (туда) другой выступал. И до них не дошло известий об Афшине до тех пор, пока они не оказались от Анкиры на расстоянии трех дневных переходов. Войско Мутасима было сильно изнурено от (недостатка) в воде и корме для скота. Ашнас уже взял в плен большое число пленных во время своего пути и приказал их казнить, так что из них остался (один) дряхлый старик. И сказал старик: «Что за польза убить меня! Ты, а также и твое войско в таком стеснении от недостатка воды и провианта; а здесь есть люди, бежавшие из Анкиры, из боязни, что арабский царь их осадит; они находятся вблизи нас; у них там в изобилии провиант; припасы и ячмень. Отправь со мною отряд, чтобы я навел его на них, и отпусти меня на свободу». Ашнас созвал тех, которые были с ним из бодрых, и (приказал ему) сесть на коня. Вместе со стариком поехал отряд в пятьсот всадников.

И выступил Ашнас и остановился в миле от лагеря. И выступили с ним те из людей, которые были бодры. Потом он выступил, ударил свою лошадь кнутом и около двух миль проскакал во весь дух; затем он остановился, поджидая своих товарищей, которые остались позади его; и кто не догнал отряда вследствие слабости своей лошади, того он отсылал в лагерь.

И он вручил пленного Малик-ибн-Кейдару и сказал ему: «Как только он покажет тебе тех пленных и многочисленную добычу, ты отпусти его на том условии, как мы ему поручились». И отправился с ними старик в сумерки и привел их в долину, где много было корма. И выпустили люди своих лошадей на луг, на траву, и они насытились; а люди поужинали и пили, пока не утолили жажды. Потом он отправился с ними и вывел их из чащи.

И выступил Ашнас с того места, на котором он находился, направляясь к Анкире, и приказал Малик-ибн-Кейдару и проводникам, которые были с ним, чтобы они сошлись с ним у Анкиры. И шел с ними остальную часть ночи старик-неверный, кружась с ними в горах и не выводя их оттуда. И сказали проводники Малик-ибн-Кейдару: «этот человек заводит нас». И спросил его Малик о том, о чем упомянули проводники. И сказал старик: «Они говорят правду; те люди, на которых ты хочешь напасть, находятся вне этих гор; но я боюсь, что, если я выйду из гор ночью, они услышат стук копыт о камень и разбегутся; а если мы выйдем из гор и не увидим никого, ты убьешь меня. Но я буду водить тебя по этим горам до утра; когда же мы дождемся утра, мы выйдем к ним, и я покажу тебе их, так что не будет опасности, что ты убьешь меня». И сказал ему Малик: «О, несчастный! Дай нам места в этих горах, чтобы мы отдохнули». Тот сказал: «Твое дело!» Малик остановился; остановились на скалах и люди, разнуздали своих лошадей, пока не настанет утро. Когда занялась заря, старик сказал: «Пошлите двух человек, чтобы они взойшли на эту гору и посмотрели, что есть наверху, и взяли то, что найдут там». И избралось четверо из людей; и наткнулись они на мужчину и женщину. Они свели последних вниз. И спросил их неверный (старик): «Где провели ночь жители Анкиры?» Они назвали им место, где они провели ночь. И сказал он Малику: «Отпусти этих двух; поистине, мы им даруем пощаду за то, что они нам указали путь». И отпустил их Малик. Потом неверный отправился с ними к тому месту, которое он им назвал. И он увидел с ними стоянку жителей Анкиры, которые находились на краю соляных копей. Когда они увидели войско, то закричали женщинам и детям, и последние вошли в копи; а сами поджидали их (арабов) на краю копей, чтобы сразиться копьями; и не было места для камней и для конницы. И они (арабы) взяли из них большое число пленных; в числе пленных они взяли большое число, у которых были ранее полученные раны. И спросили их об этих ранах. И они сказали: «Мы были в битве царя с Афшином». И сказали им: «Расскажите нам об этом событии». И они им рассказали, что царь расположился лагерем в четырех фарсангах от Аллямиса, когда к нему пришел вестник с тем, что большое войско уже вышло из пределов Армениакон; и назначил он (греческий царь) начальником над своим войском вместо себя одного из своих родственников и приказал ему оставаться на своем месте; и если к нему подойдет авангард арабского царя, то чтобы он сдерживал его на то время, пока сам царь не выступит и не сразится с войском, которое вошло в Армениакон, т. е. с войском Афшина. И сказал главный из них (пленных): «Действительно, я находился среди тех, которые отправились с царем. Мы сразились с арабами в час утренней молитвы, обратили их в бегство и перебили всех пехотинцев. Войска наши рассеялись, преследуя их. Когда уже был полдень, их конница возвратилась; и они дали нам горячее сражение и прорвали наши войска; они смешались с нами, мы смешались с ними. И мы не знали, в каком отряде находился царь. И не прекращалось это до вечера. Потом мы возвратились к месту лагеря царя, где мы были (раньше), но не нашли его. И возвратились мы к месту царского лагеря, который он оставил позади себя на Аллямисе. И мы нашли, что войско уже разошлось; люди ушли от царского родственника, которого царь назначил вместо себя начальником над войском. При таких обстоятельствах мы провели ночь. Когда настал следующий день, пришел к нам царь с небольшим отрядом. Он нашел свое войско расстроенным,

взял того, кого назначил вместо себя начальником над войском, и казнил его. И он написал по городам и крепостям, чтобы они принимали людей, которые ушли из царского лагеря, только побив их кнутом, и возвращали их к месту, которое царь им назовет, и в которое он уже удалился, чтобы люди собрались у него и расположились лагерем для борьбы с арабским царем. И послал царь своего слугу евнуха к Анкире с тем, чтобы он оставался в ней и оберегал ее население, в случае, если арабский царь ее осадят». Пленник продолжал: «И пришел евнух к Анкире, и мы пришли с ним. Но так как население уже оставило Анкиру и бежало из нее, то евнух написал греческому царю, сообщая ему об этом. И написал ему царь, приказывая направиться к Амории. Я спросил о месте, в которое направилось ее население, т. е. население Анкиры. Сказали мне, что оно в соляных копиях. И мы настигли их».

И сказал Малик-ибн-Кейдар: «Оставьте всех людей; возьмите все, что вы захватили, и оставьте прочее». И оставили люди пленных женщин, детей и воинов.

Они возвращались, направляясь к войску Ашнаса, и гнали на своем пути большую добычу и скот. Малик отпустил этого пленного старца и с пленниками отправился к войску Ашнаса и достиг Анкиры. Ашнас оставался один день. Потом его догнал на следующий день Мутасим, и Ашнас сообщил ему то, что ему сообщил пленник. Мутасим был этим обрадован. И когда пошел третий день, то было получено радостное известие от Афшина, где возвещалось о том, что (все) благополучно, и что он направляется к эмиру правоверных, в Анкиру. Через день после этого дня пришел к Мутасиму, к Анкире, Афшин. Они оставались здесь несколько дней.

Потом Мутасим разделил войско на три колонны: в левой колонне был Ашнас, в центре Мутасим и в правой Афшин. Между колоннами было расстояние в две фарсанги. И он приказал каждой колонне, чтобы у нее было правое и левое крыло, чтобы они сжигали и разрушали селения, брали в плен женщин и детей, которых там найдут. И когда приходило время остановки, всякая часть войска приходила к своему начальнику и вождю; это они делали от Анкиры до Амории. Между этими городами (прошло) семь дневных переходов, пока войска пришли к Амории.

Когда войска достигли Амории, то первым, кто пришел к ней, был Ашнас; пришел он к ней в четверг, поздним утром, и объехал раз вокруг города; потом остановился в двух милях от него, на месте, где была вода и трава. Когда взошло солнце на следующий день, Мутасим сел верхом и объехал вокруг города один раз. Потом на третий день пришел Афшин. И эмир правоверных поделил город между вождями, при чем он назначил каждому из них городские башни сообразно с многочисленностью и малочисленностью их солдат (т. е. с большим или меньшим количеством солдат); и на каждого вождя досталось от двух до двадцати башен.

Жители Амории укрепились и остерегались. Был человек из мусульман, которого взяли в плен жители Амории; он перешел в христианство и женился у них. И он спрятался при вступлении их (греков) в крепость. Когда он увидел эмира правоверных, он вышел и отправился к мусульманам, пришел к Мутасиму и сообщил ему, что есть место в городе, по которому от сильного дождя река разлилась, и стена в этом месте упала. И написал греческий царь начальнику Амории, чтобы он отстроил это место. И тот медлил постройкой, пока царь не выступил из Константинополя в некоторые места. И боялся начальник, что царь пройдет мимо этой стороны и мимо стены и увидит, что она не построена. И он послал за мастерами и выстроил лицевую часть стены из камней, камень на камень, а со стороны города завалил, чем попало; потом поверх этого укрепил зубцы, как было (раньше). И этот человек обратил внимание Мутасима на эту сторону, которую он описал.

Мутасим приказал разбить свою палатку на этом месте и наставил баллисты против этой постройки. И в этом месте стена распалась. И когда жители Амории увидели, что стена распалась, они повесили на нее большие бревна, так что одно соприкасалось с другим; и когда падал камень баллисты на бревна, они раскалывались. И повесили жители другие бревна и положили поверх бревен войлок, чтобы защитить стену. Когда баллисты начали беспрестанно ударять в это место, стена распалась.

Ятис и евнух написали греческому царю письмо, сообщая ему о положении стены, и послали письмо с человеком, хорошо говорящим по-арабски, и с греческим рабом. Они вывели их из-за вала; потом они перешли ров и попали в сторону собравшихся вместе знатных людей к Амр-Фергани. Когда они вышли изова, их не признали и спросили: «Откуда вы?» Они сказали им: «Мы из ваших товарищей». И сказали: «А из чьих вы подчиненных?» Они оба не знали ни одного из начальников частей войска, чтобы назвать им его. Их заподозрили и пришли с ними к Амр-Фергани Ибн-Арбаху. Амр отправил их к Ашнасу, а Ашнас отправил их к Мутасиму. И Мутасим спросил их, обыскал их и нашел у них письмо от Ятиса к греческому царю, в котором он ему сообщал, что войско в большом количестве уже окружило город, что положение их становится затруднительным, что он (Аэций) сделал ошибку, войдя в эту крепость, что он собирается сесть на лошадь и посадить своих приближенных на лошадей, которые (найдутся) в крепости, и ночью отворить внезапно ворота, выйти и напасть на войско; «будь, что будет! кто спасется, тот спасется; кто погибнет, тот погибнет», чтобы тем избавиться от осады и направиться к царю.

Когда Мутасим прочел письмо, он приказал дать человеку, который говорил по-арабски, и греческому рабу, который был с ним, кошелек с деньгами. Они приняли ислам; он их пожаловал и приказал, когда взойдет солнце, обвести их вокруг Амории. Они сказали, что Ятис находится в этой башне. И Мутасим приказал им подольше остановиться против башни, в которой был Ятис. Перед ними два человека несли для них деньги; на

них были почетные платья; с ними было письмо. Ятис и все греки узнали их и поносили с высоты стены. Потом Мутасим приказал их удалить.

И приказал Мутасим, чтобы у них (арабов) была стража по очереди каждую ночь, которую составляли бы конные люди, проводящие ночь на лошадях в оружии; они оставались на лошадях, чтобы ночью не были открыты ворота, и чтобы из Амории не мог выйти ни один человек. И люди не переставали проводить ночи по очереди на спинах лошадей в оружии; и лошади были оседланы. И обрушилась стена между двумя башнями, в месте, которое было описано Мутасиму, как некрепко построенное. Войско услышало звук падающего тела; они посмотрели и подумали, что враг уже выступил на некоторые отряды. Но Мутасим послал обойти войско и сообщить ему, что это шум от стены, что она уже упала: «Возрадуйтесь!».

Когда Мутасим остановился у Амории и посмотрел на ширину ее рва и на высоту стен, то он, взяв на пути своем большую добычу, задумал в таких обстоятельствах построить большие баллисты, соразмерно с вышиною стены, из которых каждая баллиста вмещала бы в себе по четыре человека; сделал он их, как только мог прочнее, поставил их на платформы, под которыми устроил повозки. При этом он задумал раздать войску мелкий скот, каждому человеку по барану; он должен был съесть его мясо, а шкуру его набить землею и потом принести эти шкуры, наполненные землею, чтобы бросить их в ров. Вот что было сделано со рвом.

И построил Мутасим большие подвижные башни; каждая башня вмещала по десяти человек. Он их искусно устроил с тем, чтобы они скатились вниз на шкуры, наполненные землею, так что ров наполнился. И это было сделано. Шкуры были брошены, но не упали ровно одна на другую, так как арабы боялись греческих камней; шкуры свалились, как попало, и не было возможности сравнять их. И приказал Мутасим бросать поверх их землю, чтобы сравнять. Была выдвинута подвижная башня; и ее спустили. И когда она дошла до половины рва, она зацепилась за эти шкуры; и люди остались в ней и освободились из нее только после усилий; потом эта повозка там и осталась, и с ней ничего нельзя было поделаться, пока Амория не была взята. Подвижные башни, баллисты, лестницы и прочее сделались бесполезными и были сожжены.

Когда наступил следующий день, Мутасим сражался с ними (греками) у бреши, и первый, кто начал битву, был Ашнас со своими солдатами. Место было тесно, и им не было возможности на нем сражаться. И приказал Мутасим (подвезти) большие баллисты, которые стояли в разных местах вокруг стены; он собрал их вместе и поместил вокруг бреши и приказал обстреливать это место.

На второй день сражаться пришлось Афшину и его войску. И они хорошо сражались и выступили вперед. Мутасим оставался на лошади против бреши, и с ним (были) Ашнас, Афшин и главные вожди; второстепенные же вожди оставались стоять пешими. И сказал Мутасим: «Как хорошо сражаются сегодня!». И сказал Амр-ал-Фергани: «Сегодняшнее сражение лучше вчерашнего». И услышал это Ашнас, но сдержался.

Когда день достигнул половины, направился Мутасим к своему шатру обедать; и отправились вожди тоже к своим палаткам обедать. Ашнас приблизился к дверям своей палатки; перед ним спешили вожди, как они это обыкновенно делали; между ними был Амр-ал-Фергани и Ахмед-ибн-ал-Халил-ибн-Хишам. И они пошли перед ним в обычном порядке к его палатке. И сказал им Ашнас: «Ах вы, незаконнорожденные! Чего вы идете перед мною! Следовало, чтобы вы сражались вчера, там, где вы (сегодня) находились перед лицом эмира правоверных и говорили, что сегодняшнее сражение лучше вчерашнего, как будто вчера сражались другие, а не вы. Отправляйтесь по своим палаткам!».

Когда Амр-ал-Фергани и Ахмед-ибн-ал-Халил-ибн-Хишам удалились, то один из них сказал другому: «Разве ты не видел, что этот раб, сын проститутки, т. е. Ашнас, сделал с нами сегодня? Разве вступление в греческую область не легче, чем то, что мы слышали сегодня?». И сказал Амр-ал-Фергани Ахмед-ибн-ал-Халилу, – а у Амра была новость: «О, Абу-л-Аббас! Вскоре Бог избавит тебя от него». И он дал понять Ахмеду, что у него есть новости. Ахмед пристал к нему, спрашивая его. И тот рассказал ему, что они порешили, и сказал, что у Аббаса, сына Мамуна, все готово; «и мы открыто ему присягнем и вскоре уьем Мутасима и Ашнаса и других их (сторонников)»; и потом он сказал ему: «я советую тебе пойти к Аббасу, выступить вперед и быть в числе тех, которые перешли на его сторону». И сказал ему Ахмед: «Я не считаю, что это дело уже решено». И сказал ему Амр: «Оно уже решено и подписано». И он направил его к Харису из Самарканда, родственнику Салама-ибн-Убейдаллаха-ибн-ал-Ваддаха; а он заправлял доставкой людей Аббасу и брал с них присягу. И сказал ему Амр: «Я сведу тебя с Харисом, чтобы ты оказался в числе наших товарищей». И сказал ему Ахмед: «Я буду с вами, если это дело совершится в течение десяти дней; но если они пройдут, то между мною и вами нет дела». Харис ушел, встретился с Аббасом и сообщил ему, что Амр уже сказал о нем Ахмед-ибн-Халилу. И сказал ему Аббас: «Я не желаю, чтобы сын Халила узнал какое-нибудь из наших дел. Откажитесь от него; не давайте ему участвовать ни в одном из ваших дел; призовите его к себе и откажитесь от него».

Когда настал третий день, сражаться пришлось солдатам эмира правоверных, (среди которых были) его приближенные, и с ними были магрийцы и турки; при этом начальствовал Итах. Они успешно сражались; для них расширилось пробитое (в стене) место. Таким образом битва не прекращалась до тех пор, пока у греков не стало очень много раненых.

Вожди греческого царя в то время, как их осаждало войско Мутасима, разделили башни: каждому начальнику и его солдатам было известное число башен.

Место стены, которое дало брешь, охранял один из греческих вождей, по прозвищу Венду, что в арабском переводе означает «бык». Этот человек со своими товарищами выдерживал сильное сражение ночь и день; и сражение лежало на нем и на его товарищах. Ни Ятис (Аэций), никто другой не послали ему на помощь ни одного грека. Когда наступила ночь, пошел начальник, который охранял брешь, к грекам и сказал: «Сражение лежит на мне и на моих солдатах; но со мной остались только раненые. Пришлите ваших солдат к бреши для стрельбы немного; в противном случае вы опозоритесь, и город пропадет». Ему отказались прислать хоть одного (человека) и сказали: «Стена с нашей стороны цела, и мы не просим тебя помочь нам. Это твое дело и твой край. У нас нет для тебя помощи».

Тогда Венду и его товарищи приняли решение выйти к эмиру правоверных Мутасиму, просить у него пощады детям и передать ему крепость со всеми находившимися в ней утварью, пожитками, оружием и всем прочим.

Когда настало утро, товарищи Венду сторожили края бреши; он вышел и сказал: «Я отправляюсь к эмиру правоверных». И он приказал своим солдатам не сражаться, пока он не возвратится к ним. И он вышел и прибыл к Мутасиму и очутился перед ним. И стали люди (арабы) выступать вперед к бреши. Греки воздерживались от битвы, пока арабы не подошли к стене; и греки говорили своими руками «не ходите», а арабы подступали. Венду сидел перед Мутасимом. И велел Мутасим подать лошадь и посадил его на нее. Он выступал, пока люди вместе с ними не были у края бреши. И Абд-ал-Ваххаб-ибн-Али стоял перед Мутасимом и сделал знак своей рукою людям, чтобы они вошли. И люди вошли в город.

Венду повернулся и схватился за свою бороду. И сказал ему Мутасим: «Чего тебе?». Тот ответил: «Я пришел, желая, чтобы я слышал твое слово, а ты слышал мое; и ты поступил со мною вероломно». И сказал Мутасим: «Все, что ты у меня ни спросишь, я тебе обязуюсь дать. Скажи, чего ты хочешь, и я соглашусь с тобою». Венду сказал: «К чему тебе соглашаться со мною: (ведь) они уже вошли в город». И сказал Мутасим: «Наложи свою руку на то, чего ты хочешь, и это будет принадлежать тебе. Скажи, чего ты хочешь, и я дам тебе это». И он остался в палатке Мутасима.

Ятис находился в своей башне, в которой был он, и вокруг него собралось много греков; часть же их направилась в большую церковь в аморийском монастыре; они упорно сражались, и люди (арабы) сожгли церковь, и они сгорели все до единого.

Остался Ятис в своей башне; вокруг него его товарищи и остатки греков. Но мечи уже истребили и их: одни были убиты, другие ранены.

При таких обстоятельствах Мутасим выехал верхом, прибыл и остановился против Ятиса. Это было (место), прилегающее к лагерю Ашнаса. И кричали (арабы): «Ятис! Это эмир правоверных!». И закричали греки сверху башни: «Нет здесь Ятиса!». И сказали (арабы): «Неправда. Скажите ему, что эмир правоверных стоит (здесь)». И (греки) отвечали: «Нет здесь Ятиса!».

И, разгневавшись, проехал эмир правоверных. И когда они (арабы) прошли, греки закричали: «Вот Ятис! вот Ятис!». И возвратился Мутасим к противоположной части башни и остановился; потом приказал принести приготовленные лестницы. Лестница была принесена и приставлена к башне, в которой находился Ятис. Влез на нее Хасан, грек, раб Абу-Саид-Мухаммед-ибн-Юсуфа. И Ятис говорил с ним. И тот сказал: «Вот эмир правоверных! Сдайся ему безусловно». И спустился Хасан и сообщил Мутасиму, что он уже видел его (Ятиса) и говорил с ним. Сказал Мутасим: «Скажи ему, пусть он спустится». И влез Хасан вторично.

И вышел Ятис из башни, опоясанный мечем, и остановился на башне. Мутасим смотрел на него, и тот (Ятис) снял с шеи свой меч и вручил его Хасану; потом Ятис спустился и остановился перед Мутасимом, и этот ударил его кнутом. И отправился Мутасим в свой шатер и сказал: «Приведите его!». Ятис немного прошел, потом пришел к нему посол Мутасима, чтобы привести его. Его повели, и он был приведен в шатер эмира правоверных.

Потом прибыли люди с военнопленными и с пленными женщинами и детьми со всех сторон, так что наполнился лагерь. И приказал Мутасим переводчику Василью, чтобы он разделил пленных: чтобы знатных и богатых греков он отделил в одну сторону, а остальных в другую. Василь сделал это.

Потом Мутасим дал приказ и поручил своим вождям распорядиться разделом (пленных). Ашнасу он поручил то, что будет доставлено в его сторону, и приказал ему объявить (распродажу) этого; Афшину он предоставил то, что будет доставлено в его сторону, и приказал ему объявить распродажу; Итаху он приказал в своей стороне (сделать) тоже самое и Джафар-ал-Хайяту в своей стороне тоже самое. И приставил он к каждому из этих вождей по человеку со стороны Ахмед-ибн-Абу-Давуда, который вел для него счет.

Продавалась разделенная (добыча) в продолжение пяти дней; при чем продано было то, что можно было продать; остальное Мутасим приказал сжечь.

И выступил Мутасим, направляясь в область Тарса.

Когда был день Итаха, то прежде, чем выступил Мутасим, люди напали на добычу, которую должен был продавать Итах; а это был день, в который Уджейфа обещал людям напасть на Мутасима. Мутасим поехал сам быстрым галопом, обнажил свой меч, и люди расступились перед ним и прекратили грабеж добычи. И возвратился он в свой шатер. Когда наступил следующий день, он приказал распродавать пленных женщин и детей только после трех ударов, желая ускорить продажу; и кто прибавлял после трех ударов (хорошо); если

нет, товар продавался. Сделали это в четверг и объявляли сразу по пяти и десяти рабов и за один раз много скарбу.

Греческий царь отправил посла в начале того, как Мутасим осадил Аморию. И приказал Мутасим ему (явиться к себе) и поместил там, где была вода, и оттуда брали воду люди. Между ним и Аморией было три мили. И он не позволял послу прийти к нему до тех пор, пока не взял Амории. И когда он взял ее, то позволил ему отправиться к греческому царю. И тот отправился.

Мутасим выступил, направляясь к пограничным областям; это было потому, что до него дошло, что греческий царь хочет выступить по его следам или желает послать войско. И он прошел по большой дороге один дневной переход; потом возвратился к Амории и приказал людям возвратиться; потом он уклонился с большой дороги в Вади-л-Джаур и разделил пленников своим полководцам, дал каждому из них несколько пленных с условием, чтобы они стерегли их. Возжи поделили их между своими товарищами.

Они прошли около сорока миль по дороге, где не было воды. И всем пленным, которые отказывались идти с ними от сильной жажды, которая их постигла, они рубили головы. Люди вступили в пустыню по дороге в Вади-л-Джаур, и их постигла жажда; падали люди и лошади. Несколько пленных убили нескольких солдат и бежали. Мутасим уже выступил вперед войска и встретил людей; вместе с ним была вода, которую он принес с того места, где остановился. И в этой долине погибали люди от жажды. И сказали люди Мутасиму: эти пленники убили нескольких из наших воинов. При этом он приказал Василию, греку, отделить из них знатных; и они были отставлены в сторону. Потом он дал приказ относительно остальных. Их взвели на горы, свергли в долину, и головы их были отрублены; число их было шесть тысяч человек. Они были убиты в двух местах – в Вади-л-Джаур и в другом месте.

Отправился Мутасим с этого места, направляясь к пограничной области, и вступил в Тарс. И были поставлены кожаные водоемы вокруг лагеря с водою для аморийского войска. Водоемы были наполнены; люди из них пили, имея без труда воду.

Битва между Афшином и греческим царем, о которой упомянуто, была в четверг 25 числа месяца Ша'бана. Осада Мутасимом Амории началась в пятницу 6 числа месяца Рамадана; и возвратился он спустя пятьдесят пять дней.

И сказал Хусейн-ибн-Даххак-ал-Бахили, прославляя Афшина и рассказывая о битве, которая была между ним и греческим царем.

Непогрешимый (Бог) утвердил могущество Абу-Хасана крепче столбов Идама.

Всякая слава есть ниже того, чем он одарил сыновей Кауса, царей не-арабов.

Афшин есть меч; Божие предопределение обнажило его рукою Мутасима.

Он не оставил в Бадде жителей, кроме статуй, подобных изображениям Ирама.

Затем он привел Бабека, пленного, в оковах, удрученного раскаянием.

Он угостил Феофила сильным ударом; он разбил оба его войска вместе и обратил в бегство.

Большая часть их была перебита, а кто спасся, тот имел вид мяса на лотке мясника.

224-й год = 23 ноября 838 г. – 11 ноября 839 г.

В этом году умер Ятис (Аэций) грек и был распят в Самарре рядом с Бабеком.

Михаил III (842-867 г.)

Халифат Ватика (842-847 г.).

231-й год = 7 сентября 845 г. – 27 августа 846 г.

Обмен пленных в 845 году.

(В этом году) был обмен пленных, который произошел при посредстве евнуха Хакана, между мусульманами и греками в месяце Мухарреме (7 сентября – 6 октября 845 г.); число мусульман, как рассказывают, доходило до 4362 человек.

В этом году совершился обмен пленными между мусульманами и греческим царем. И собрались в этом году мусульмане и греки на реке, называемой Аллямис, у Селевкии, в расстоянии дня пути от Тарса. Идет рассказ о причине этого обмена и о том, как он произошел.

Рассказывается со слов Ахмед-ибн-Абу-Кахтаба, товарища евнуха Хакана; а был он евнухом ар-Рашида и вырос в пограничной области. Этот Хакан отправился к Ватику и вместе с ним несколько знатных людей из жителей Тарса и другие с жалобой на сборщика податей, который был над ними, а именно на Абу-Вахаба. И он был приведен. И Мухаммед-ибн-Абдалмелик постоянно ставил его и их на очную ставку в приемной зале для народа, при удалении людей (т.е. без свидетелей), в понедельник и четверг; и оставались они до полудня; и (тогда) Мухаммед-ибн-Абдалмелик удалялся, и они удалялись. И Абу-Вахаб был удален от них.

И приказал Ватик испытать население пограничных византийских областей относительно корана; они все, кроме четырех человек, высказались за его сотворение. И приказал Ватик казнить этих четырех, чтобы они не говорили этого; а всем жителям пограничных областей приказал дать подарки сообразно с тем, как думал Хакан. И поспешило население пограничных областей в свои пределы. Хакан оставался немного позади их.

И прибыли к Ватику послы греческого царя, которым был Михаил, сын Феофила, сына Михаила, сына Льва, сына Георгия, прося его о том, чтобы был произведен обмен находившихся у него мусульманских пленных. И послал Ватик для этого Хакана.

Хакан выступил, и с ним были те, которые присутствовали при обмене в последнем 230 году (18 сентября 844 г. – 6 сентября 845 г.).

Согласно условию между Хаканом и послами греческого царя, встреча для обмена произошла 10 числа месяца Мухаррема 231 года (16 сентября 845 г.). Потом Ватик поручил управление пограничными крепостями в Малой Азии и Сирии Ахмед-ибн-Саид-ибн-Сальм-ибн-Кутейба-ал-Бахили и приказал ему присутствовать при обмене. И он выехал на семнадцать почтовых лошадях.

Между послами, прибывшими с предложением обмена, и Ибн-аз-Зиятом произошло разногласие относительно обмена. Они говорили: «Мы не будем брать в обмен ни старух, ни стариков, ни детей». Это не прекращалось между ними несколько дней, пока не согласились (менять) человека на человека.

И послал Ватик в Багдад и Ракку за покупкою рабов-невольников, которые были проданы. И он купил их столько, сколько мог. Но число оказалось неполным. И вывел Ватик из своего дворца старух-гречанок и других женщин, так что число оказалось достаточным. И он послал с сыном Абу-Давуда двух людей: один из них назывался Яхья-ибн-Адам из Керха 54 по прозванию Абу-Рамла и Джафар-ибн-Хадаа; и с ними послал одного из войсковых секретарей по имени Талиб-ибн-Давуда и приказал ему испытать их (пленных). Он и Джафар (испытывали), и кто говорил, что коран сотворен, тот им выкупался; а кто отрицал это, тот оставлялся в руках греков. Ватик приказал дать Талибу пять тысяч дирхемов и приказал, чтобы тот давал всем, кто скажет, что коран сотворен, из тех, кто им выкупался, по динарию каждому человеку из (тех) денег, которые были привезены с ним. И народ ушел.

Рассказывается со слов Ахмед-ибн-Хариса. Он сказал: «Я спросил сына Абу-Кахтаба, товарища Хакана евнуха; а он, посланный в качестве уполномоченного между мусульманами и греками, был отправлен, чтобы узнать число мусульман в греческой стране». Пришел он к греческому царю и узнал еще до обмена их число. Он рассказывает, что число их достигало трех тысяч мужчин и пятисот женщин. Ватик приказал выкупить их. Ахмед-ибн-Саид поспешил на почтовых, чтобы обмен произошел при его посредстве; и он послал тех, которые испытывали бы мусульманских пленников; и кто из них говорил, что коран сотворен, и что Бог [слава и величие Ему!], не будет видим в загробной жизни, тот выкупался им; а кто не говорил этого, оставлялся в руках греков. Обмена пленников не было со времени Мухаммед-ибн-Зубейда в 194 или 195 году (809-811 г.). И когда было десятое число месяца Мухаррема 231 года, собрались мусульмане, с ними несколько принявших мусульманство христиан, и два греческих начальника, из которых один назывался ..кас, а другой Т.л.с..ус, и мусульмане и добровольцы в числе четырех тысяч всадников и пехотинцев. Они собрались в месте, которое называется Аллямис.

Рассказывается со слов Мухаммед-ибн-Ахмед-ибн-Саида-ибн-Сальм-ибн-Кутейба-ал-Бахили, что к нему пришло письмо его отца относительно тех, кто был выкуплен из мусульман, и из тех, которые были с ними из зиммиев, 4.600 человек; из них детей и женщин было шестьсот, зиммиев меньше пятисот; остальные люди были со всех сторон.

Рассказывает Абу-Кахтаба, который был послом евнуха Хакана к греческому царю, чтобы посмотреть, каково число военнопленных, и чтобы узнать, точно ли, как решил Михаил, царь греков, число мусульман до обмена было 3.000 мужчин, 500 женщин и детей, из тех, которые находились в Константинополе и других городах, не считая тех, которых греки привели к нему (Хакану). И находился у них (греков) Мухаммед-ибн-Абдаллах из Тарса. Ахмед-ибн-Саид-ибн-Сальм и Хакан отправили его депутатом с несколькими знатными пленниками к Ватику. Ватик посадил их на лошадей и каждому из них дал по тысяче дирхемов.

Рассказывает этот Мухаммед, что он был в плену у греков тридцать лет и что он был взят в плен в числе стрелков, делавших набег за кормом для скота. И он попал в плен и находился в числе тех, которые были выкуплены в этот обмен. И он сказал: «Выкупили нас 10 числа месяца Мухаррема на реке, называемой Аллямис у Селевкии, близ моря». Число их было 4.460 человек: женщин, их мужей и детей восемьсот, мусульманских зиммиев сто или больше. Произошел обмен человека на человека (был ли то), малый или большой. Хакан освободил (букв. исчерпал) всех мусульман, которые находились в греческой земле, и местопребывание которых было известно. Когда они были собраны для обмена, то мусульмане остановились с восточной стороны реки, а греки с западной стороны. И (здесь) был брод. И те высылали оттуда человека, а эти отсюда; и они встречались на середине реки. И когда приходил мусульманин к мусульманам, то он произносил формулу прославления Бога, и они отвечали тем же; и когда приходил грек к грекам, то он обращался к ним на их языке, и они отвечали ему подобным же прославлением Бога.

Рассказывается со слов одного синдийца, вольноотпущенника Хусейна евнуха. Он сказал: «Мусульмане построили на реке мост, и греки построили мост; и мы посылали грека по нашему мосту, а греки посылали мусульманина по своему мосту; и этот приходил к нам, а тот к нам». По его словам, здесь не было брода.

Рассказывается со слов Мухаммед-ибн-Керима. Он сказал: «Когда мы пришли к мусульманам, Джафар и Яхья нас испытывали (в вере); мы ответили, и нам дали по два динария. Те два патриция, которые привели пленников, хорошо обращались с ними. Греки боялись числа мусульман вследствие своей малочисленности и многочисленности мусульман. И Хакан успокоил их относительно этого и определил между ними и мусульманами сорок дней, в которые бы не было нападений, чтобы они дошли до своей земли и безопасных мест. Обмен происходил в течение четырех дней. И осталось с Хаканом большое число (тех), которых эмир правоверных приготовил для обмена на мусульман. И Хакан отдал греческому царю сто человек, остальных он

возвратил в Тарс и продал. И вышли с нами те из мусульман, которые в греческой земле приняли христианство, около тридцати человек; и их выкупили».

Сказал Мухаммед-ибн-Керим: Когда истекло сорок дней условленных между Хаканом и греками, напал Ахмед-ибн-Саид-Сальм-ибн-Кутейба зимой. И настиг людей снег и дождь; и умерло из них числом двести человек, и много людей из них утонуло в Вадандуне, и в плен их было взято около двухсот. И рассердился на него за это эмир правоверных Ватик. Общее число всех, которые умерли и утонули, было пятьсот человек. И приблизился к Ахмед-ибн-Саиду, у которого было семь тысяч (человек), один из важных патрициев, и он (Ахмед) отступил от него. И сказали ему сановные люди: за войско, в котором семь тысяч человек, нечего бояться; а если ты не хочешь встретить врага лицом к лицу, то исходи их страну. Он взял около тысячи быков, десяти тысяч овец и удалился. И отставил его (от должности) Ватик и передал ее Наср-ибн-Хамза-ал-Хузаи, во вторник 16 числа месяца Джумады I этого года (18 января 846 г.).

237-й год = 5 июля 851 г. – 22 июня 852 г.

В этом году сделал летний поход Али-ибн-Яхья-ал-Армени.

238-й год = 23 июня 852 г. – 11 июня 853 г.

Осада Дамиетты.

В этом году пришли триста греческих кораблей с Орифой, Ибн-Катуна и м. р. д...; они были начальниками на море; с каждым из них было по ста кораблей. И осадил Ибн-Катуна Дамиетту; между нею и берегом было подобие озера, в котором вода доходила до груди человека; и кто проходил его до земли, тот находился в безопасности от морских кораблей. Население перешло озеро и стало в безопасности; но много женщин и детей утонуло, и переправились те, у кого была сила в кораблях (т.е. у кого были корабли). И они спаслись по направлению к Фустату; между нею (Дамиеттой) и Фустатом был переход в четыре дня. И был начальником полиции в Египте Анбаса-ибн-Исхак-ад-Дабби. И когда приближался праздник, то войскам, которые были в Дамиетте, он приказал явиться в Фустат, чтобы придать себе посредством их блеск во время праздника, и оставил Дамиетту без войска. И подошли греческие корабли со стороны той Шаты, где производится «шатавийская» ткань, и осадили ее сто кораблей из хеландий; каждое судно вмещало от пятидесяти до ста человек. Они выступили на нее (Дамиетту), сожгли все найденные там дома и шалаши и увезли оружие, из которого они (арабы) хотели отвезти Абу-Хафсу, начальнику Крита, около тысячи копий, орудий, и убивали из людей тех, кого могли убить; они взяли припасы, сахар (канди), полотно, что было приготовлено для отправления в Ирак; они взяли в плен около шестисот мусульманских и коптских женщин; говорят, что из них мусульманок было сто двадцать пять; остальные были коптские женщины. Говорят, что греков, которые находились на хеландиях, осаждавших Дамиетту, было около пяти тысяч человек. Они нагроулили свои корабли припасами, богатствами, женщинами и сожгли крепостную кладовую, где были корабельные паруса; сожгли соборную мечеть в Дамиетте, сожгли церкви. И было тех женщин и детей, которые из-за страха перед ними утонули в Дамиетском озере, больше, чем тех, которых греки взяли в плен. Потом греки удалились оттуда.

Рассказывают, что Ибн-ал-Акшаф был заключен в тюрьму в Дамиеттской темнице; заключил его Анбаса. Он разбил свои оковы и вышел; и он сражался с ними (греками), и ему помогал народ; и он убил много греков.

Потом греки отправились к Уштуму у Тинниса. Но вода не вынесла их корабли туда. И они боялись, как бы не попасть в грязь (на мель). И когда вода не отнесла их, они отправились к Уштуму. Это был рейд; между ним и Тиннисом было четыре фарсанги и меньше. У него была стена и железные ворота, которые приказал сделать Мутасим. И они все разрушили, сожгли находившиеся там баллисты и меньшие каменеметательные машины, взяли железные ворота и унесли их. Потом они отправились в свою страну, и им никто не препятствовал.

238-й год = 23 июня 852 г. – 11 июня 853 г.

В этом году сделал летний поход Али-ибн-Яхья-ал-Армени.

239-й год = 12 июня 853 г. – 1 июня 854 г.

В этом году сделал летний поход Али-ибн-Яхья-ал-Армени.

241-й год = 22 мая 855 г. – 9 мая 856 г.

В этом году греки напали на Аназарбу и взяли в плен находившихся в ней зуттов с их женами, детьми, буйволами и стадами быков и коров.

В этом году был обмен пленными между мусульманами и греками. Идет рассказ о причине, по которой он произошел.

Рассказывается, что Феодора, царица греков, мать Михаила, послала человека по имени Георгия, сына..., просить об обмене тех мусульман, которые находились в руках греков. Мусульман было приблизительно двадцать тысяч. И отправил Мутаваккил посла из шиитов, по имени Наср-ибн-ад-Азхар-ибн-Фараджа, чтобы узнать верно, кто из мусульманских пленников находится в греческих руках, и приказать их выкупить. Это было в месяце Ша'бана этого года (15 декабря 855 г. – 12 января 856 г.). (И ушел Наср), после того как пробыл у них (греков) некоторое время.

И рассказывают, что Феодора после ухода Насра приказала сделать осмотр своих пленных, которые уклонились от христианства; и тем из них, которые приняли христианство, служили примером те, которые

приняли христианство до этого; и кто отказывался от этого, того она убивала. И говорят, что она убила двенадцать тысяч пленных. Рассказывают, что каниклей, евнух, убивал их без ее приказания.

И пришло письмо Мутавакиля к правителям сирийской и месопотамской пограничной области о том, что евнух Шениф уже вступил в переговоры с Георгием, великим послом греков, по вопросу об обмене, и что они уже пришли к соглашению. Георгий просил перемирия от пятого числа месяца Реджеба 241 года до 22 числа месяца Шевваля этого года (с 19 ноября 855 г. по 5 марта 856 г.), чтобы собрать пленных, и чтобы у них было время отправиться в свои безопасные места. И пришло письмо об этом в среду 5 числа месяца Реджеба (19 ноября 855 г.). И произошел обмен в день розговенья этого года.

И выступил Георгий, посол греческой царицы, по направлению к пограничной области, в субботу 22 числа месяца Реджеба (6 декабря 855 г.), на семидесяти мулах, которые были для него наняты. Вместе с ним вышел Абу-Кахтаба, магрибиец из Тортозы, для определения времени розговенья. С Георгием прибыло много патрициев и слуг около пятидесяти человек. И вышел Шениф евнух для обмена в половине месяца Ша'бана (15 декабря 855 г. – 12 января 856 г.). С ним было сто всадников: тридцать турецких, тридцать магрибийских и сорок всадников-наемников.

И просил Джафар-ибн-абд-ал-Вахид, который был главным судьей, чтобы ему было позволено присутствовать при обмене, оставив вместо себя человека, который исполнял бы должность. И ему было разрешено и приказано дать пособия полтора ста тысяч и провиант на шестьдесят тысяч (человек); и он назначил вместо себя сына Абу-ш-Шевариба, который был тогда очень молодым. И вышел Джафар и догнал Шенифа. И вышли (также) богатые люди из населения Багдада.

Рассказывают, что обмен произошел в греческой области на реке Аллямис, в воскресенье 12 числа месяца Шевваля 241 года (23 февраля 856 г.); пленных мусульман было 785 человек; из них 125 женщин.

242-й год = 10 мая 856 г. – 29 апреля 857 г.

В этом году греки выступили в область Самосаты после возвращения Али-ибн-Яхьи-ал-Армени из летнего похода и приблизились к Амиде. Потом они удалились от месопотамской границы, разграбили большое число сел и взяли в плен около десяти тысяч человек; и они вошли в область Тевфрики, города Карбиаса, потом отправились, возвращаясь в свою область. И выступили Карбиас, Омар-ибн-Абдаллах-ал-Акта' и толпа добровольцев по их следам, но не догнали ни одного из них. И было приказано Али-ибн-Яхьи отправиться в их область зимою.

244-й год = 19 апреля 858 г. – 7 апреля 859 г.

В этом году отправил Мутавакиль из Дамаска Богу для нападения на греков в месяце Раби II; и он сделал летний поход и завоевал Самалу.

245-й год = 8 апреля 859 г. – 27 марта 860 г.

В этом году послал царь греков мусульманских пленников, прося об обмене тех, которые были у него. В качестве посла к Мутавакилю со стороны греческого царя пришел старик по имени Атрубилис; с ним было семьдесят семь человек мусульманских пленников, которых Михаил, сын Феофила, греческий царь, дарил Мутавакилю. И его прибытие к нему было 25 числа месяца Сафара этого года (31 мая 859 г.). И он остановился у евнуха Шенифа.

Потом послал Мутавакиль Наср-ибн-ал-Азхара, шиита, с послом греческого царя; он двинулся в этом году, но обмен произошел только в 246 году.

В этом году греки напали на Самасату, убили и взяли в плен около пятисот человек.

И сделал Али-ибн-Яхья-ал-Армени летний поход.

Население Лулуи в течение тридцати дней запрещало своему начальнику войти в нее (крепость). И послал греческий царь к ним патриция, с обещанием дать каждому из них (жителей Лулуи) по тысяче динаров на том условии, чтобы они ему передали Лулуу. И они подняли патриция к себе. Потом они получили просроченное содержание и то, чего они желали. И передали они Лулуу и патриция Балькаджур в месяце Зульхиджа (27 февраля – 27 марта 860 г.). Патриций, которого к ним послал греческий царь, назывался логофетом. И когда жители Лулуи передали его Балькаджур, то говорят, что Али-ибн-Яхья-ал-Армени повез его к Мутавакилю. Мутавакиль передал его ал-Фатх-ибн-Хакану, и этот предложил ему принять ислам. И тот отказался. И сказал ему (Хакан): мы убьем тебя. И сказал патриций: вы лучше знаете (что вам делать). И написал греческий царь, обещая вместо него дать тысячу мусульман.

246-й год = 28 марта 860 г. – 16 марта 861 г.

В этом году напал Омар-ибн-Абдаллах-ал-Акта' летним походом и вывел семь тысяч человек (пленных). Напал Карбиас и вывел пять тысяч человек. Напал Фадл-ибн-Карин с моря с двадцатью кораблями и взяли крепость Анатолию. Напал Балькаджур и захватил добычу и пленников. Напал Али-ибн-Яхья-ал-Армени летом и вывел пять тысяч человек и около десяти тысяч лошадей, вьючных животных и ослов.

Посольство Наср-ибн-ал-Азхара в Константинополь.

В этом году, в месяце Сафаре (27 апреля – 25 мая 860 г.) происходил выкуп пленников под руководством Али-ибн-Яхьи-ал-Армени, и было выкуплено 2.367 человек. Другие говорят, что выкуп состоялся в этом году только в месяце Джумада I (24 июля – 22 августа). Наср-ибн-ал-Азхар-ал-Ши'и, который был послан Мутавакилем к царю греков по поводу выкупа, рассказывает следующее: Когда я прибыл в Константинополь, то явился во дворец царя Михаила в своем черном платье, с мечом и ханджаром и в чалме. И произошло между

мною и дядей царя Петроной – он управлял вместо царя – препирательство. И не хотели они меня впустить в моем черном платье и с мечом. Тогда я сказал: я уйду. И ушел я, но был возвращен с дороги. И были со мною (назначенные для царя) подарки: около тысячи пузырьков с мускусом, шелковые платья, много шафрана и драгоценностей. И дал он уже аудиенцию послам буржанов (болгар) и другим из прибывших к нему (послов). И были принесены подарки, которые были со мною, и я введен был к нему. И вот, он сидел на троне, который стоял на другом троне; и вот, около него стояли патриции. И произнес я приветствие, потом сел на большом троне; для меня было приготовлено седалище. Подарки были положены перед ним. И стояли перед ним три переводчика: бывший раб и постельничий евнуха Масрура, раб Аббас-ибн-Са'да ал-Джаухари и один старый переводчик, по имени С.р.хун бб. И сказали они, что должны мы сказать ему? Я сказал: «Не прибавляйте ничего к тому, что я вам скажу». Затем, они начали переводить то, что я говорил. И принял (царь) подарки и никому из них не приказал дать что-либо из (этих подарков). И приблизил он меня к себе и обласкал меня и велел для меня приготовить жилище недалеко от себя. И поселился я в этом жилище.

И пришли к нему жители Лулуи с вестью о том, что они желают принять христианство, и что они за него (царя), и прислали двух находившихся у них заложников из мусульман. Тогда он около четырех месяцев не заботился обо мне, пока не пришло к нему письмо с вестью о том, что жители Лулуи взбунтовались и захватили его послов, и что арабы завладели ею. Тогда они (греки) опять стали говорить со мною. И было дело о выкупе решено нами так, что они дадут всех находящихся у них пленников, а я дам всех моих, – а было их немного более тысячи. Всех пленных, которые были в их руках, было более двух тысяч, между ними двадцать женщин с десятком детей. Они согласились со мною, что нужно с обеих сторон подтверждение дела клятвой. И заставил я поклясться дядю (царя), и он поклялся за Михаила. И я сказал: «О царь, твой дядя поклялся мне. А обязательна ли эта клятва для тебя?» Тогда он кивнул головой в знак согласия. И не слышал я от него ни одного слова с тех пор, как я вступил в греческую землю до моего ухода. Только переводчик говорил, а (царь) слушал и движением головы выражал свое согласие или несогласие; сам же царь никогда не говорил, и дядя его распоряжался его делами. Потом я ушел от него с пленными вполне благополучно. И когда мы пришли к месту, где должен был происходить обмен пленными, то мы отпустили по группам тех и других. И было число тех мусульман, которые очутились у нас в руках, – более двух тысяч. Из них некоторые приняли христианство. В их же руки перешло немного более тысячи. Некоторые (из находившихся в плену греков) приняли ислам. Тем сказал царь греков: «Я не приму вас в число христиан, пока вы не дойдете до места обмена. Тогда те, которые желают, чтобы я принял их в христиане, пусть вернутся с места обмена; если же они не вернутся, то пусть уходят вместе со своими товарищами». Большая часть принявших христианство была из людей запада и большинство приняло христианство в Константинополе. И были там два ювелира, которые приняли христианство и оказывали всякое внимание пленным. И не осталось в странах греков из мусульман, захваченных царем, никого, кроме семи человек; пять из них были привезены из Сицилии. Я заплатил за них выкуп с тем, чтобы они были отправлены в Сицилию. Остальные двое были из заложников Лулуи. Тех я оставил, говоря (грекам): убейте их, ибо они выразили желание стать христианами.

Халифат Мунтасира (861-862 гг.).

248-й год = 7 марта 862 г. – 23 февраля 863 г.

В этом году был летний поход Васифа турка на греческую землю. Идет рассказ о причине этого и о том, как поступил в этом случае Васиф.

Говорят, что причина заключалась в том, что между Ахмед-ибн-ал-Хасибом и Васифом была вражда и ненависть. И когда Мунтасир сделался халифом, а визирем его сын Хасиба, то Ахмед-ибн-ал-Хасиб подстрекал Мунтасира против Васифа, и советовал ему удалить его из своего войска, послав его сделать нападение на византийскую границу; и он не перестал это (делать) до тех пор, пока Мунтасир не приказал Васифу явиться к себе; и он приказал ему сделать нападение.

О Мунтасире рассказывают, что, когда он решил отправить для нападения на сирийскую границу Васифа, то сказал ему Ахмед-ибн-ал-Хасиб: «Кто настолько смел с клиентами, чтобы приказать Васифу отправиться?» Тогда Мунтасир приказал одному из камергеров впустить явившихся во дворец; он впустил их, и среди них был Васиф. И обратился к нему Мунтасир и сказал ему: «Васиф! до нас дошло, что греческий тиран направился к границам; это дело, которое оставить нельзя. Или ты отправишься, или отправлюсь я». Сказал Васиф: «Отправлюсь, эмир правоверных!» Сказал (халиф): «Ахмед! посмотри как можно внимательнее, в чем он нуждается, и устрой ему это». Сказал (Ахмед): «Хорошо, эмир правоверных». И сказал (Мунтасир): «Этого ответа для меня мало; ступай сейчас же распорядиться, Васиф! Прикажи твоему секретарю согласиться с ним (Ахмедом) относительно всего того, в чем он (секретарь) нуждается, и неотлучно оставаться при нем, пока он не устранил все, что мешает тебе в этом». И встал Ахмед-ибн-ал-Хасиб и встал Васиф. И он не переставал снаряжать его, пока тот не выступил; и он не достиг желаемого.

Рассказывают, что, когда Мунтасир приказал явиться Васифу и приказал ему сделать нападение, то он сказал ему, что тиран, т. е. греческий царь, уже двинулся; что он без пощады погубит все, что попадется ему в области ислама, убивает и берет в плен детей; «и когда ты сделаешь нападение и пожелаешь возвратиться, то направляйся тотчас к двери эмира правоверных». И он приказал многим вождям и другим выступить с ним и выбрал ему людей; с ним были арабские наемники, регулярные войска и клиенты – числом десять тысяч человек; во главе авангарда стоял сначала Музахим-ибн-Хакан, брат ал-Фатх-ибн-Хакана; в арриергарде

Мухаммед-ибн-Раджа; на правом крыле был ас-Синди-ибн-Бахташа; над осадными машинами Наср-ибн-Саид магрибиец. И назначил (Мунтасир) начальником над людьми и войском в качестве своего наместника Абу-'Ауна, который был начальником гвардии в Самарре.

Письмо, написанное Мунтасиром Мухаммеду-ибн-Абдулле-ибн-Тахиру, наместнику багдадскому, правителю округов ас-Севада (Вавилонии): «...И уже заблагорассудил повелитель верующих, которому Бог помогает и споспешествует, чтобы Васиф во главе отправленных с ним повелителем верующих клиентов, регулярных войск и наемников прибыл к границе Малатии 12 числа месяца Раби II-го 248 г. – а это, по счету инородцев, 15 июня (862 г.) – и вступил в землю врагов Божиих в первый день июля. Знай же это и пошли правителям округов твоей области копию сего письма повелителя верующих с приказом им: прочесть ее зависящим от них мусульманам, внушить им желание отправиться в поход, подстрекнуть их, уговорить их отправиться к Васифу и объяснить им, какая награда предназначена им от Бога, дабы люди твердых намерений, расчетливые и стремящиеся на войну за веру, поступили сообразно этому, поднялись на своего врага, поспешили помочь своим братьям, защитили свою веру и отразили угрожающего их собственности, присоединясь к войску Васифа, клиента повелителя верующих, в Малатии, в срок, назначенный повелителем верующих, если на то будет воля Божия. Мир тебе и милосердие Божие и благословения Его». Писал Ахмед-ибн-ал-Хасиб 7-го Мухаррема 248 г. (13 марта 862 г.). Заведывающим издержками войска Васифа, его добычей и разделом ее Мунтасир назначил человека, известного под именем Абу-л-Валида-ал-Джаририя, баджалита; вместе с ним Мунтасир отправил Васифу письмо с приказом, возвратясь из похода, оставаться в пограничной местности 4 года и совершать походы в подходящее для них время, пока не получит (дальнейшего) указания от повелителя верующих.

Халифат Мустаина (862-866).

248-й год = 7 марта 862 г. – 23 февраля 863 г.

В этом году Али-ибн-Яхья был удален с сирийской пограничной области, и ему было поручено управление Арменией и Азербиджаном в месяце Рамадане этого года (29 октября г. – 27 ноября 862 г.).

В этом году Васиф сделал летний поход и оставался на сирийской границе до тех пор, пока к нему не пришло (известие) о смерти Мунтасира; потом он вступил в греческую землю и взял крепость, которая называлась Фрури.

249-й год = 24 февраля 863 г. – 12 февраля 864 г.

В этом году был летний поход Джафар-ибн-Динара, который взял крепость и метаиры. И попросил у него Омар-ибн-Убейдаллах-ал-Акта' позволения направиться в одну из сторон греческой области; и тот разрешил ему. И он отправился, и вместе с ним много людей из жителей Малатии. И встретился с ним царь с большим греческим войском в месте, которое называется... в Мардж-Ускуфе. И дал ему Омар с теми, которые с ним были, сильное сражение, в котором было убито много народу с обеих сторон. Потом греки, которых было пятьдесят тысяч, окружили его и убили Омара и тысячу мусульман. Это было в пятницу в половине месяца Реджеба (3 сентября 863 г.).

В этом году был убит Али-ибн-Яхья ал-Армени. О причине его убийства рассказывается (следующее) известие. Говорят, что, когда греки убили Омар-ибн-Убейдаллаха, то они выступили к месопотамской границе и опустошали их и находящиеся там мусульманские святыни. Это дошло до Али-ибн-Яхьи, который возвращался из Армении в Майфаракин. Он поспешил к ним с толпой жителей Майфаракина и Сальсала и был убит приблизительно с 400 человек. Это случилось в месяце Рамадане (18 октября – 16 ноября 863 г.).

250-й год = 13 февраля 864 г. – 1 февраля 865 г.

В этом году сделал летний поход Балькаджур.

251-й год = 2 февраля 865 г. – 21 января 866 г.

В этом году было нападение Балькаджура, во время которого, как рассказывают, он завоевал Метмуру, где ему досталась большая добыча; он взял в плен многих знатных греков. И пришло к Мустаину письмо, помеченное четвергом 27 числа месяца Раби II 251 года (май 865 г.).

В этом году был летний поход Балькаджура, во время которого, как рассказывают, он одерживал победы.

253-й год = 11 января – 31 декабря 867 г.

В этом году, в мес. Зулькаде (2 ноября – 1 декабря 867 г.) Мухаммед-ибн-Моаз с мусульманами произвел набег из области Малатии. Но они были обращены в бегство, и Мухаммед-ибн-Моаз был взят в плен.

257-й год = 29 ноября 870 – 17 ноября 871 г.

В этом году Василий, по прозвищу Славянин, происходивший из царского дома – и называли его Славянином, потому что мать его была славянка – напал на Михаила, сына Феофила, царя греков, и убил его. И был Михаил один на царстве 24 года. И воцарился Славянин после него над греками.

258-й год = 18 ноября 871 г. – 6 ноября 872 г.

В этом году был убит Х. р. с. хар. с. (Хризохир) в греческой земле с большим числом своих приверженцев.

259-й год = 7 ноября 872 г. – 26 октября 873 г.

В этом году овладел греческий царь Самосатой; потом он остановился у Малатии и осадил ее население. И сразились с ним жители Малатии и обратили его в бегство. И убил Ахмед-ибн-Мухаммед-ал-Кабус Насра-ал-Икритиши (Критского), главного патриция.

260-й год = 27 октября 873 – 15 октября 874 г.

В этом году взяли греки у мусульман Лулу.

263-й год = 24 сентября 876 г. – 12 сентября 877 г.

В этом году славяне передали Лулу тирану (т.е. греческому императору).

264-й год = 13 сентября 877 г. – 2 сентября 878 г.

В этом году греки взяли в плен Абдаллах-ибн-Рашид-ибн-Кауса. Идет рассказ о том, почему он был ими взят в плен. Причина была в том, что он вошел в греческую землю с 4000 человек из населения сирийской пограничной области и направился к Х.снейн 8 и ал-Масканину, и мусульмане овладели добычей и возвратились. Когда он удалился от Подендона, выступили против него патриций /р. 1917/ Селевкии, патриций Казайзии, патриций Курры, Каукаба и Харшаны, и окружили их. И сошли с лошадей мусульмане, подрезали им подколенные жилы и сразились, но все были перебиты, кроме 500 или 600 человек, которые, (не подрезав жил лошадей), стали бить кнутами по бокам своих лошадей и удалились. И убили греки тех, которых убили, и взяли в плен Абдаллах-ибн-Рашида, после того как он получил несколько ран. И был он перевезен в Лулу, а потом на почтовых к тирану.

265-й г. = 3 сентября 878 г. – 22 августа 879 г.

В этом году, как рассказывают, выступили пять греческих патрициев с 30.000 греков к Адане и направились к ал-Мусалла 9 и взяли в плен Урхуза. Он был (раньше) правителем пограничной области, потом отставлен от должности, но (тем не менее) оставался там на границе, (чтобы сражаться с неверными). И был он взят в плен и с ним около 400 человек; и убили (греки) из выступивших против них около 1.400 человек и удалились на четвертый день. И было это в мес. Джумаде I этого года (30 декабря 887 г. – 28 января 879 г.).

Под тем же годом.

В этом году послал греческий царь к Ахмед-ибн-Тулуну Абдаллаха-ибн-Рашида-ибн-Кауса, который был (раньше) правителем пограничной области, но (потом) попал в плен, с большим количеством мусульманских пленных и с экземплярами корана, в виде подарка от него ему.

266-й год = 23 августа 879 г. – 11 августа 880 г.

В этом году пришел один отряд греков к Телл-Басме (холму Басма) в области Дияр-Рабии. И было убито и взято в плен из мусульман около 250 человек. И выступило тогда население Нисибина и Мосула и греки возвратились.

Под тем же годом.

В этом году выступили греки к Дияр-Рабии. Население было созвано на поход и выступило во время холода, когда нельзя было войти в ущелье.

В этом году произвел набег Сима, наместник Ахмед-ибн-Тулун на сирийской границе, с 300 человек из жителей Тарса. И выступил против них враг в области Гераклеи, и было (греков) около 4.000 человек. И произошло между ними сильное сражение. И убили мусульмане из врагов много народу, и со стороны мусульман (также) пало большое количество.

269-й год = 25 июля 882 г. – 10 июля 883 г.

В этом году выступил сын славянки, тиран греков, и осадил Малатию. И помогло (жителям Малатии) население [9] Мараша и ал-Хадаса. И бежал тиран, и они преследовали его до Сирии.

Сделал летний поход из сирийской пограничной области Халеф-ал-Фергани, правитель Ибн-Тулун, и убил греков числом боле 10.000 (человек) и захватили люди добычу, так что доля (каждого участника похода) достигла сорока динаров.

270-й год = 11 июля 883 г. – 28 июня 884 г.

В этом году, в мес. Раби I (8 сентября – 7 октября 883 г.) пришло в Багдад известие о том, что греки остановились в области Баб-Каламья в шести милях от Тарса; число их было 100.000 человек, над которыми начальствовал главный патриций Андрей, и с ним было четыре других патриция. И выступил против них ночью Язаман, евнух, и ночью напал на них, убил главнаго патриция, патриция Каппадокии и патриция Анатолика, и спасся (только) патриций Курры, но был сильно ранен. И было взято у них семь крестов из золота и серебра, в числе которых был самый большой крест их из золота, усыпанный драгоценными камнями; было взято 15.000 лошадей и мулов и почти столько же седел; были мечи, украшенные золотом и серебром, много сосудов, около 10.000 парчевых знамен, много парчи и шелковой материи с рисунками и собольи одеяния. И был поход против Андрея во вторник 7 числа мес. Раби I (14 сентября 883 г.). На него неожиданно напали ночью; и было убито из греков много народу. Некоторые утверждают, что при этом убито было их 70.000 (человек).

В этом году (270) был выкуп жителей Сатидама под руководством Язамана в конце мес. Реджеба этого года (4 янв. – 2 февр. 884 г.).

В этом году (270) был убит царь греков, известный под названием сына Славянина.

272-й год = 18 июня 885 г. – 7 июня 886 г.

В этом году совершил летний поход Язаман.

273-й год = 8 июня 886 г. – 27 мая 887 г.

В этом году прибыли послы Язамана из Тарса и рассказывали, что три сына тирана греков напали на него, убили и избрали одного из них царем над собою.

274-й год = 28 мая 887 г. – 15 мая 888 г.

В этом году произвел нападение Язаман и дошел до ал-Масканина, забрал пленных и добычу; сам он и мусульмане остались невредимыми. И было это в мес. Рамадане этого года (19 января – 17 февраля 888 г.).

275-й год = 16 мая 888 г. – 5 мая 889 г.

В этом году произвел нападение Язаман с моря и взял у греков четыре корабля.

278-й год = 15 апреля 891 г. – 2 апреля 892 г.

25 числа мес. Джумады II этого года (10 сентября – 8 октября 891 г.) пришел Ахмед-ал-Уджейфи в город Тарс и сделал с Язаманом летний поход и дошел до Саланду. Во время этого похода умер Язаман. Причина его смерти была та, что осколок камня из камнеметательной машины попал ему в ребра, когда он находился у крепости Саланду. И удалилось войско (от крепости), хотя и было уже близко к тому, чтобы взять город. И умер он в дороге на следующий день, в пятницу 14 числа мес. Реджеба (9 октября – 7 ноября 891 г.), был перенесен в Тарс на плечах людей и погребен там.

280-й год = 23 марта 893 г. – 12 марта 894 г.

В этом году прибыл Ахмед-ибн-Абба в Тарс для летнего похода 5 числа мес. Реджеба (16 сентября – 15 октября 893 г.) от имени Хамаравейхи, и после него пришел Бедр-ал-Хаммами. И они совершили поход вместе с ал-Уджейфи, правителем Тарса, и дошли до ал-Б.л.к.сур.

281-й год = 13 марта 894 г. – 1 марта 895 г.

В этом году прибыл Тугдж-ибн-Джуфф в Тарс для летнего похода от имени Хамаравейхи в четверг, в половине мес. Джумады II (8 августа – 5 сентября 894 г.); как говорят, он совершил поход и дошел до Траюна и взял Малурию.

282-й год = 2 марта 895 г. – 18 февраля 896 г.

В мес. Шеввале (23 ноября – 21 декабря 895 г.) этого года напали мусульмане на греков, и продолжалась между ними война двенадцать дней. И победили мусульмане, овладели большою добычей и удалились.

283-й год = 19 февраля 896 г. – 7 февраля 897 г.

В этом году, как рассказывают, пришло письмо из Тарса о том, что славяне напали на греков в большом количестве и убили (многих) из них и разрушили у них много селений, дошли до Константинополя и заставили греков искать в нем убежища. И заперли греки ворота своего города. Потом тиран греков отправил к царю славян (сказать следующее): «Наша и ваша вера – одна. Зачем мы убиваем людей между собою?» И ответил ему царь славян: «Это царство моих предков, и я не уйду от тебя, пока один из нас не убедит другого». И когда царь греков не нашел спасения от царя славян, он собрал находившихся у него мусульман. И роздал он им оружие и просил их помочь ему против славян. И сделали они (это) и удалили славян. И когда царь греков увидел это, он стал бояться их за самого себя, послал к ним (людей), удалил их, взял у них оружие и расселил их по областям из боязни, чтобы они не совершили преступления против него.

В мес. Ша'бана этого года (13 сентября – 11 октября 896 г.) был обмен между мусульманами и греками под руководством Ахмед-ибн-Тугана. Рассказывают, что об этом из Тарса пришло письмо, в котором было следующее: «Во имя Бога Всемилостиваго и Всемилосерднаго. Я извещаю тебя, что Ахмед-ибн-Туган велел сделать объявление среди людей, которые должны были присутствовать при обмене, в четверг 4 числа мес. Ша'бана 283 года, и что он уже вышел к Ламусу, где был лагерь мусульман, в пятницу 5 числа мес. Ша'бана. И приказал он людям выступить вместе с ним в этот день. И совершил он молитву в пятницу и выехал верхом от главной мечети; и с ним Рагиб и его клиенты. И выступили с ним местные сановники, клиенты, вожди и добровольцы в лучших нарядах. И не переставали люди идти к Ламусу до понедельника 8 числа мес. Ша'бана. И происходил обмен между обеими сторонами в течение двенадцати дней; и общее число выкупленных при этом мусульман, мужчин, женщин и детей, было 2.504 души. И отпустили мусульмане во вторник 23 числа мес. Ша'бана Симеона, посла царя греков, а греки отпустили в тот же (день) Яхью-ибн-Абд-ал-Баки, мусульманского посла, отправленного для обмена. И удалился эмир и те, кто были с ним». И выступил, как рассказывают, Ахмед-ибн-Туган после своего удаления с этого обмена в этом же месяце морем и оставил вместо себя Дамьяна для управления Тарсом. Потом после него был отправлен Юсуф-ибн-ал-Баг.м.рди для (управления) Тарсом. И сам он (Ахмед-ибн-Туган) не возвратился в него.

284-й год = 8 февраля 897 – 27 января 898 г.

В этом году, как рассказывают, был взят из греческих городов Курра Рагибом, клиентом ал-Муваффака и Ибн-Келубом. И было это в пятницу мес. Реджеба (4 августа – 2 сентября 897 г.).

285-й год = 28 января 898 – 16 января 899 г.

В этом году, третьяго числа мес. Ша'бана (23 августа – 20 сентября 898 г.), пришло известие о том, что Рагиб, евнух, клиент ал-Муваффака, произвел нападение на море, и Бог даровал ему победу над многими кораблями и над большим числом греков, которые на них находились. И отрубил он головы 3.000 греков, которые были на кораблях, сжег корабли и взял много греческих крепостей. И удалились (арабы) невредимыми.

В этом году совершил поход Ибн-ал-Ихшад с жителями Тарса и других городов в мес. Зульхидже (19 декабря 898 г. – 16 января 899 г.) и дошел до Саланду и овладел ею. И было его возвращение в Тарс в 286 году (17 января 899 г. – 6 января 900 г.).

287-й год = 7 января – 25 декабря 900 г.

В этом году, как рассказывают, подошел враг к Баб-Каламья в области Тарса. И выступил на войну Абу-Сабит, который был правителем Тарса после смерти Ибн-ал-Ихшада; последний назначил его вместо себя

правителем над областью, когда производил нападение; но он умер, и (Абу-Сабит) остался правителем над нею. И дошел он со своим отрядом до реки ар-Рихан, преследуя врага. И попал в плен Абу-Сабит, и пали бывшие с ним люди.

И воевал Ибн-Келуб в Дарб-ас-Салама. И когда он возвратился из своего похода, он созвал шейхов из населения пограничной области, чтобы они согласились на правителя, который управлял бы их делами. И остановилось мнение их на Али-ибн-ал-Араби. И поручили они ему свои дела не смотря на разногласие со стороны сына Абу-Сабита. Последний говорил, что его отец назначил его правителем вместо себя, и он (сын) собрал войско для войны с населением области. Но Ибн-Келуб явился посредником в деле, и сын Абу-Сабита согласился. И было это в мес. Раби II (5 апреля – 3 мая 900 г.). И напал тогда ан-Н.угейл на греческия области; и он удалился в Тарс. И пришло известие о том, что Абу-Сабит был привезен в Константинополь из крепости Кунии (Кони), и вместе с ним большое число мусульман.

288-й год = 26 декабря 900 г. – 15 декабря 901 г.

В этом году сделал летний поход Низар-ибн-Мухаммед, (подчиненный) правитель ал-Хасана-ибн-Али-Курэ, взял у греков много крепостей и доставил в Тарс сто слишком знатных (греков), шестьдесят знатных патрицьев и духовных и много их крестов и знамен. И отправил Курэ (все) это в Багдад.

12 числа мес. Зульхиджы (16 ноября – 15 декабря 901 г.) пришли письма купцов из Ракки о том, что греки пришли на многих кораблях, и что большое число их пришло верхами до области Кейсума: и увели они из мусульман более 15.000 человек мужчин, женщин и детей; и увезли их и взяли среди них много зиммиев.

290-й год = 5 декабря 902 г. – 23 ноября 903 г.

4-го числа мес. Джумады II этого года (2-30 мая 903 г.) ал-Касиму-ибн-Сима было поручено сделать летний поход на месопотамской пограничной области и ему было отпущено денег 32.000 динаров.

10-го числа мес. Джумады II (2-30 мая 903 г.) выступил Абу-л-Ашаир в свою область в Тарсе, и с ним выступило много добровольцев для нападения. И были с ним подарки от ал-Муктафи к греческому царю.

В этом году пришли два посла греческаго царя, из которых один был евнух, а другой настоящий мужчина, с просьбою о выкупе находившихся у него мусульманских пленных; с ними были подарки от греческаго царя и мусульманские пленные, которых он послал ему (ал-Муктафи). И получили они согласие на то, о чем просили, и были пожалованы почетным платьем.

291-й год = 24 ноября 903 г. – 12 ноября 904 г.

В мес. Ша'бана этого года (19 мая – 17 июня 904 г.) пришло известие о том, что греческий император послал десять крестов (т.е. легионов), в которых было 100.000 человек, в пограничныя области, и что большое число их направилось к ал-Хадасу; и они напали, брали в плен мусульман, которых могли, и сожигали (селения).

В конце месяца Рамадана (17 июля – 15 августа 904 г.) этого года пришло письмо, как говорят, от Абу-Ма'дана из Ракки, о том, что пришло известие из Тарса, что Бог дал победу вождю, известному под именем гуляма Зарафы, в нападении, которое он в это время произвел на греков в городе, называемом Анталия (Атталия); утверждали, что он равняется Константинополю; и этот город на берегу моря. (В письме говорилось), что гулям Зарафы взял его военной силою, убил, как говорят, 5.000 человек, взял в плен подобное же число и спас пленных (мусульман) 4.000 человек; что он взял у греков 60 кораблей и увез на них то, что захватил из серебра, золота, утвари и рабов; что он установил долю каждого человека, который участвовал в этом походе, и она оказалась в 1.000 динаров. И были мусульмане обрадованы этим. Я-де спешу написать первым это письмо, чтобы оповестить визиря об этом. Написано в четверг 10 числа мес. Рамадана.

292-й год = 13 ноября 904 г. – 1 ноября 905 г.

В мес. Мухарреме этого года (13 ноября – 12 декабря 904 г.) напал Андроник, грек, на Мараш и его область. И выступило в поход население Массисы и Тарса. И пал Абу-л-Риджал-ибн-Абу-Беккар с большим числом мусульман.

В половине мес. Шевваля этого года (6 августа – 3 сентября 905 г.) в город Тарс прибыл Рустум-ибн-Барду в качестве правителя его и сирийской пограничной области.

В этом году был обмен между мусульманами и греками. И первый день его был 24 числа мес. Зулькады этого года (4 сентября – 3 октября 905 г.). И было общее число выкупленных при этом мусульман, как говорят, около 1.200 душ. Потом греки нарушили обязательства и удалились. И возвратились мусульмане с оставшимися у них греческими пленными. И был решен обмен и перемирие Абу-л-Ашаиром и кади Ибн-Мукрамом. Но после того, как случилось дело Андроника, т.е. его нападение на жителей Мараша и убиение им Абу-л-Риджала и других, Абу-л-Ашаир был отставлен (от должности), а правителем назначен Рустум. И он руководил обменом; руководителем же обмена со стороны греков был человек, называвшийся Ас.тана.

293-й год = 2 ноября 905 г. – 21 октября 906 г.

7-го числа мес. Шевваля (26 июля – 23 августа 906 г.) пришло в Багдад известие, что греки напали на Кур.с, и сразилось с ними его население. Но (греки) обратили его в бегство, убили очень многих из них, убили начальников Бени-Темим, вошли в город, сожгли его мечеть и увели оставшееся население.

294-й год = 22 октября 906 г. – 11 октября 907 г.

В этом году пришел в Тарс, чтобы совершить поход, Ибн-Кайгалаг в начале мес. Мухаррема (22 октября – 20 ноября 906 г.) и выступил с ним Рустум. И было это вторым походом Рустума. И дошли они до Саланду, и

Бог предал (ее) им. И отправились они к Алису. И достались в их руки около 5.000 человек. И они убили большое число греков и удалились невредимыми.

В этом году совершил поход Ибн-Кайгалаг из Тарса и взял у врагов 4.000 пленных женщин и детей, много верхового и вьючного скота и утвари; и вышел к нему на капитуляцию один из патрициев и принял ислам. И было выступление Ибн-Кайгалага из Тарса в этот поход в начале мес. Мухаррема этого года (22 октября – 20 ноября 906 г.).

В этом году написал патриций Андроник султану, прося о пощаде; а он руководил военными действиями пограничного населения от имени греческого императора. И это было даровано. И вышел он и вывел он около двухсот мусульманских пленных, которые были в его крепости. И послал греческий император к нему (людей), чтобы схватить его. Тогда Андроник роздал находившимся в его крепости пленным мусульманам оружие и вывел вместе с ними одного из своих сыновей. И напали они неожиданно ночью на патриция, отправленного к нему, чтобы схватить его, убили из находившихся с ним много народу и взяли то, что было в их лагере. Рустум же уже выступил с населением пограничной области в мес. Джумаде I (17 февраля – 18 марта 907 г.), направляясь к Андронику, чтобы освободить его. И пришел Рустум в Конию при конце битвы. И узнали патриции о прибытии к ним мусульман и удалились. И отправил Андроник своего сына к Рустуму, а Рустум отправил своего секретаря и множество моряков, которые и переночевали в крепости. Когда настало утро, то вышли Андроник, все находившиеся с ним пленные мусульмане и те из них, которые пришли к ним (позднее), и те из христиан, которые соглашались с Андроником относительно его образа действий. И вывез он свои деньги и свою утварь в лагерь мусульман. И разорили мусульмане Конию; потом они возвратились в Тарс и (с ними) Андроник, мусульманские пленные и находившиеся с Андроником христиане.

Под тем же годом.

В этом году пришли послы греческого царя – один из них был дядя его сына Лев, (другой) евнух Василий и с ними много людей – к Баб-аш-Шеммасия с письмом от него к ал-Муктафи, прося его об обмене находившихся у него мусульман на находившихся в стране ислама греков, и (прося), чтобы ал-Муктафи отправил посла в греческую землю для сбора мусульманских пленных, которые были в земле его (греческого царя), и для свидания с послом по поводу дела, о котором они должны были сговориться; а евнух Василий должен был остаться в Тарсе, чтобы собрать к себе греческих пленных в пограничных областях и привести их вместе с доверенным султана к месту обмена. И оставались (послы) несколько дней у Баб-аш-Шеммасии; потом их ввели в Багдад, и с ними были подарки от греческого императора и десять мусульманских пленных. И было это от них принято, и греческий царь получил согласие на то, о чем просил.

В этом году прибыл в Багдад патриций Андроник.

295-й год = 12 октября 907 г. – 29 сентября 908 г.

В этом году произошел обмен между мусульманами и греками в мес. Зулькаде (2-31 августа 908 г.), и число выкупленных при этом мужчин и женщин было 3.000 душ.

296-й год = 30 сентября 908 г. – 19 сентября 909 г.

15-го числа мес. Ша'бана этого года (25 апреля – 23 мая 909 г.) Мунису, евноху, было подарено почетное платье и было приказано выступить в Тарс для летнего похода. И прошел он для этого (туда) и выступил с большим войском, со многими вождями и комнатными слугами (гулямами).

297-й год = 20 сентября 909 г. – 8 сентября 910 г.

Сделал евнух Мунис летний поход на греческую землю из пограничной (крепости) Малатии с большим войском; и с ним был ал-Агарр-ас-Сулями. И победил он греков и взял в плен много знатных (греков) в конце 296 года. И пришло известие об этом к султану 6-го числа мес. Мухаррема (20 сентября – 19 октября 909 г.).

В мес. Шеввале этого года (13 июня – 11 июля 910 г.) ал-Муктадир отправил сделать летний поход также ал-Касима-ибн-Сима в греческую землю с большим количеством войска.

298-й год = 9 сентября 910 г. – 28 августа 911 г.

В этом году был летний поход ал-Касима-ибн-Сима на греческую землю.

299-й год = 29 августа 911 г. – 17 августа 912 г.

В этом году сделал летний поход Рустум-ибн-Барду из области Тарса; он был правителем пограничной области от имени Бени-Нефис, и с ним был Дамиан. И осадил он /р. 2287/ крепость Мелиха-ал-Армени; потом удалился от нея и сжег предместья Зилкила'.

301-й год = 7 августа 913 г. – 26 июля 914 г.

В этом году сделал летний поход ал-Хусейн-ибн-Хамдан-ибн-Хамдун. И пришло письмо из Тарса, в котором рассказывалось о том, что он завоевал много крепостей и убил очень много греков.

302-й год = 27 июля 914 г. – 16 июля 915 г.

В этом году выступил в Тарс визирь Али-ибн-Иса...-ибн-Абд-ал-Баки с двумя тысячами всадников в летний поход на помощь евноху Бишру, сыну Абу-л-Саджа, который был правителем Тарса от имени султана. И не удался у них летний поход. И сделали они зимний поход при сильном холоде и снеге.

В этом году пришло письмо от Бишра, султанского правителя над Тарсом, к султану, где он рассказывал о нападении на греческую землю, – о том, что он во время него взял несколько крепостей, захватил добычу и пленных, взял в плен 150 патрициев, так что общее число пленных было около 2.000 человек.

Конец хроники Табари.

**Послание, отправленное в 871 г.
франкским императором Людовиком II
византийскому императору Василию I
(«Салернская хроника», 107)**

Послание, написанное, возможно, известным книжником Анастасием Библиотекарем, является ответом на несохранившееся письмо правителя Византийской империи Василия I, вызванное разногласиями между союзниками (византийцами и франками), которые в 871 г. осаждали находившийся тогда под властью арабов южноитальянский город Бари. Среди упреков, адресованных Василием I Людовику II, центральное место занимает тема несправедливого, с точки зрения византийца, усвоения Императорского титула франкскими государями. В контексте этой полемики обсуждается также разнообразная титулатура правителей других народов, в том числе и титул «хаган» применительно к неким «норманнам».

Послание сохранилось в составе «Салернской хроники», все имеющиеся списки которой восходят к одному протографу, который сохранился и датируется ок. 1300 г.

107. [Император Людовик¹ не согласен с упреками императора Василия² в незаконном усвоении им императорского титула³.] Не лишено странности и то, что ты утверждаешь, будто правитель арабов именуется протосимвулом⁴, хотя и в наших книгах ничего подобного не отыскивается, да и ваши именуют [его] то архитом⁵, то королем⁶ или еще каким-либо названием. Но всем книгам мы предпочитаем Священное писание, которое через Давида удостоверяет, что у арабов и Савы благополучно существовали не протосимвулы, а короли⁷. Хаганом же, как убеждаемся, звался предводитель авар⁸ а не хазар⁹ или норманнов¹⁰, а также не правитель болгар, а король или государь болгар¹¹. Все это говорим для того, дабы ты сам убедился, почитав в греческих книгах, насколько иначе обстоит [дело], о котором ты написал; ты утверждаешь, что они безусловно довольствуются собственными прозваниями, но и [сам] их собственные прозвания не употребляешь. Но потому у них всех лукаво отнимаешь имя basulewV¹², что присваиваешь его одному себе не столько по праву собственности, сколько силою. (...)

¹ Франкский император и итальянский король Людовик II, внук императора Людовика I Благочестивого, а не восточнофранкский король Людовик II Немецкий, как нередко по недоразумению считается в литературе.

² Византийский император Василий I, родоначальник Македонской династии.

³ После коронации франкского короля Карла Великого в 800 г. и Рима императорским венцом прений между византийскими василевсами и франкскими государями о законности титулования последних императорами стали постоянной темой и отношениями между двумя державами. С точки зрения византийской политической доктрины, Христианская империя может быть только одна, поэтому единственной законной империей была Византийская, или Ромейская, т.е. Римская (по своему происхождению и византийскому самоназванию). Договор между Карлом Великим и византийским императором Михаилом I санкционировал для первого титул «император франков». Между тем Людовик титуловал себя (в том числе и в данном послании) «римским императором» («imperator Romanorum»), а византийского императора – «императором Нового Рима», что и вызвало протест с византийской стороны.

⁴ Греческий титул protosymboulos (буквально «первый советник») применительно к арабским правителям, в том числе и багдадским халифам, в византийской практике зафиксирован, например, у хрониста рубежа VIII-IX вв. Феофана и, в качестве официального дипломатического обращения, у Константина Багрянородного и середине X в.

⁵ Слова 'arcitoV в греческом языке нет; возможно, путаница в оригинале или протографе Vatic. 5001 с греч. 'archgoV «главный предводитель, родоначальник, царь», иногда употреблявшимся применительно к арабам.

⁶ Имеется в виду греч. 'rhaV, транслитерирующее лат. rex, regis «король».

⁷ Пс. 71, 10; большинство псалмов традиция приписывает израильскому царю Давиду. Сава (греч. SabaV) – область к северу от Дамаска.

⁸ Тюркский народ, основавший в 60-е годы VI в. многоэтничную державу на Дунае (Аварский каганат) и равно хорошо известный как в латинской Европе, так и в Византии, где его правитель одинаково именовался хаганом. Аварский каганат был разгромлен Карлом Великим в самом конце VIII столетия.

⁹ Чуть ниже этноним передан в послании вполне корректно – Chazari. Хазары были значительно хуже известны в Западной Европе, нежели авары, поэтому неудивительно, что в канцелярии Людовика II, спешно готовя ответ византийскому императору, не сумели найти упоминаний о хагане хазар. В византийских источниках титул «хаган» применительно к государю хазар («saganoV CazariaV») хорошо засвидетельствован. Известен он и в «Повести временных лет»: «Козари изидоша противу (князя Святослава Игоревича) с князем своим каганом» (ПСРЛ 1. Стб. 65; 2. Стб. 43).

¹⁰ Из сказанного следует, что в послании Василия I утверждалось, что хазары и «норманны» имеют правителей, именуемых хаганами. Сомнения, высказывавшиеся на этот счет в последнее время, неосновательны. Какой этноним был употреблен в греческом тексте применительно к «норманнам», неясно. Если видеть здесь только кальку с греческого, то придется думать, что в послании Василия I читалось нечто вроде «oi boreioi esqoi», «ta boreia genea» («северные народы») или изредка встречающееся в византийских источниках X в. применительно к руси «oi boreioi Skuqai» «северные скифы». В таком случае, ввиду собирательности термина, в «норманнах» из послания Людовика II совершенно не обязательно было бы усматривать русь. Однако специфический титул «хаган» должен был прилагаться канцеляристами императора Василия I к какому-то вполне конкретному народу. Учитывая аналогичное свидетельство Лиудпранда Кременского, наиболее правдоподобным выглядит предположение, что в греческом оригинале Василия I стояло обычное 'RwV и отождествление этих 'RwV с «норманнами» произошло, как и у Лиудпранда, уже на латинской почве, при переводе послания с греческого языка. Если так, то этих «норманнов» позволительно соотносить с теми Rhos из «народа свеев», правитель которых, согласно «Вертинским анналам», также носил титул «хакан».

¹¹ Неупорядоченный синтаксис в переводе передает особенность оригинала. Вследствие сбивчивости фразы ее можно понять двояко: в послании Василия I правитель болгар именовался либо хаганом (как правители хазар и «норманнов»), либо каким-то термином, который в письме Людовика II переводится как pncers. Ввиду того, что и византийских источниках к болгарским ханам никогда не применялся титул «хаган», а обычно «архонт» ('arcwn), то правильнее будет второе толкование. В анналистике каролингского периода обычным наименованием болгарских ханов, действительно, было rex, что и дало Людовику II повод для возражений.

¹² Искаженный родительный падеж единственного числа от греч. basileuV – официального титула византийских императоров, которому в латинском языке соответствовало imperator.

Внешняя политика Византии в период правление Василия I (Продолжатель Феофана, «Жизнеописания византийских царей», V, 36-71)

Василий I Македонянин (ок. 811 – 29 августа 886 гг.) – византийский император (867-886 гг.), основатель Македонской династии.

Историческое повествование о жизни и деяниях славного царя Василия, которое трудолюбиво составил из разных рассказов внук его Константин, царь в Бозе ромеев¹...

36. Когда успешно и в согласии с благочестивым и богоугодным его намерением были улажены внутренние дела, беспокойная забота о государственном благе повела его в дальние походы, дабы своими трудами, благородством и мужеством расширил он пределы державы и подальше оттеснил и отогнал неприятеля. И не отверг царь этих забот, но прежде всего созывом и призывом новобранцев пополнил воинские списки, сократившиеся оттого, что урезано было войску жалование, рога и царское довольствие, укрепил его выплатами и дарами. Он упражнял солдат в воинской науке, непрерывными трудами обучил искусству боя, преподавал в лучшем виде науку послушания и соблюдения дисциплины и только после этого двинулся с ними походом против варваров на защиту своих земляков, родичей и подданных. Ведь знал царь, что даже простейшим из ремесел нельзя овладеть без учения и даже сапожному делу не выучиться без наставника, я уже не говорю о чем-либо более серьезном. Если можно было бы по одному желанию, без учения и нужного опыта постичь воинское искусство и науку, это означало бы, что не делу учат, а вздор несут в трактатах по тактике знатоки военного дела, не говоря уже о великих самодержцах и полководцах, воздвигших много трофеев над многими врагами, ибо никто из них никогда не рисковал выступить на неприятеля с необученным и неподготовленным войском. Но нельзя ни знать без учения, ни воевать без упражнения и тренировки. Вот почему сей доблестный царь первым делом снарядил и обучил воинские полки, пополнил старое войско новонабранным, подобающими выплатами и дарами придал силы и укрепил десницы воинов, а уж потом ударил с ним по врагу, воздвиг множество трофеев, завоевал тысячи побед.

37. Коротко расскажу об этом. Положение города... занявшись делами²... с наступлением весны облачился в доспехи, встал в ряды своего воинства, полагая, что истинный властитель обязан первый встретить опасность и ради благоденствия подданных добровольно принять на себя все труды и муки. Как раз в это время правитель Тефрики именем Хрисохир, отличный и мужеством и умом, весьма тревожил ромейскую землю и народы, ежедневно брал в полон множество сельских жителей и потому держал себя надменно и нагло, вот против него и подвластного ему города и отправился походом царь. При всей своей дерзости и наглости не осмелился Хрисохир в открытую противостоять доблести приближающегося войска, мужеству и уму самодержца, но отступил и решил оборонять и укреплять лишь свой город. И вот, не испытывая никакого сопротивления, двинулся вперед царь, разоряя, грабя, разрушая и сжигая все подвластные Хрисохиму городки и селения, захватывая неисчислимую добычу и полон. Подойдя к самой Тефрике, он попытался было взять город налетом и небольшим приступом, но увидел, что неприступна она и сильна и крепостью стен, и огромным множеством варваров, и изобилием припасов, а поскольку за короткое время вся округа была разорена, провиант почти весь съеден огромной толпой воинов, решил отказаться от длительной осады. Он разграбил Авару, Спафу и другие близлежащие крепости и, повернув назад, возвратился на родину, ведя за собой все войско в целостности и сохранности и, как говорилось, с добычей и пленными³.

38. Между тем другой исмаилитский город под названием Гаранта, став свидетелем великого избиения в Тефрике, отправил послов, просил даровать ему мир и записать в число союзников. И великий царь, проявляя столько же кротости к друзьям, сколько суровости к недругам, уступил послам, даровал мир просящим и оттого вместо неприятелей приобрел союзников. Многие последовали этому примеру, и среди них армянин Куртикий, владевший тогда Локаной и непрерывно разорявший окраины ромейской державы, который перешел к самодержцу и передал ему и город, и оружие, и войско, ибо был восхищен его кротостью, сочетавшейся с мужеством и справедливостью в соединении с силой⁴.

39. Пока наблюдали за ним враги и ждали, против кого он обратится, чтобы и им изготвиться к обороне, царь отправил отряд отборных воителей против Запетры. Воины ускоренным маршем прошли через теснины, напали на город, взяли его первым приступом, убили многих жителей, захватили богатый полон и добычу и вывели из тюрем их давних узников. Затем они спалили окрестные села, разорили Самосату, сходу переправились через Евфрат (они не встретили никакого сопротивления, поскольку враги расположились лагерем неподалеку от царя), захватили большой полон и добычу и возвратились к самодержцу, который все еще находился у реки Зарнух (где Керамисий) и вроде будто пребывал в праздности, а на деле все мудро устраивал руками своих подданных.

40. Снявшись оттуда, царь со всем войском двинулся по дороге в Мелитину. Подойдя же к берегу Евфрата, увидел, что река из-за жаркого времени разлилась и вышла из берегов, но сидеть у переправы и ждать, пока воды усмирятся, счел негодным и недостойным своей силы и потому решил перебросить через реку мост и спешно совершил для этого все необходимые приготовления. Желая утешить своих воинов, помочь им легче переносить тяготы труда, да и себя изнурить добровольным трудом, чтобы, если случится заниматься недобровольным, не оплошать и не опешить, он ревностно трудился вместе с воинами и, взгромоздив на плечи

огромные тяжести, доставлял их к мосту: грузы, которые легко таскал царь, с трудом переносили три воина⁵. Переправившись таким образом через Евфрат, он немедленно разорил крепость под названием Рапсакий. Он также приказал халдам и колониатам напасть на земли между Евфратом и Арсином, овладел благодаря им большой добычей и полоном и разорил крепость Куртики, Хахон, Амер, Муриник и Авделу. Сам же напал на Мелитину, тогда мужами обильную и варварами густонаселенную, и хотя они перед городом бросились навстречу ему с варварскими завываниями и криками, явил тогда царь свою доблесть, так что не только подданных, но и врагов поразили его мужество и ловкость. С трезвым расчетом и одновременно юношеским пылом напал он на врага, явил силу, отличился отвагой, предстал вопреки всем опасностям бесстрашным и неодолимым и первый, сея кругом смерть, обратил противников в бегство. Потом и его воины сделали то же самое со своими противниками и, нанося смертельные раны, преследовали их до самого города, так что равнина перед крепостью усеялась трупами, а вода перед стеной окрасилась кровью. Много неприятелей было взято живьем, иные сами в страхе перебежали к нам, а остальные были заперты в крепости и не могли уже из нее выйти. Решил тогда было царь установить машины, подвезти всяческие осадные орудия и в штурме явить свою доблесть и отвагу, но когда увидел, как крепок город поясом стен, неодолим из-за множества защитников на стенах, а также узнал от перебежчиков, что имеет изобилие припасов и не боится длительной осады, снялся оттуда и напал на манихейскую землю⁶. Он посек ее как дерево, предал огню дома, все на своем пути разорил, сжег и срыл до основания крепость Аргауф, а также Кутакий, Стефан и Рахат. Потом он щедро вознаграждал свое войско, каждого из отличившихся отличил наградами и с богатой добычей и победными венками вернулся в царственный город. Войдя через Золотые ворота будто древние самодержцы-триумфаторы великославного Рима, принял он от народа победные славословиями здравицы и, как был с дороги, отправился в великий дворец Мудрости божьей, дабы вознести молитвы и подобающие благодарения. Занимавший тогда патриарший престол⁷ увенчал его победным венком, и царь вернулся во дворец.

41. И снова погрузился он в государственные заботы, принимал и как должно отвечал посольствам разных народов. Недолго услаждал он душу с женой и детьми, но обходил в городе святые и божьи храмы и молился в них, а потом снова принимался за привычные дела- государственное управление и суд-и выказывал при этом заботу и неусыпное попечение о подданных. Ежедневно посещая святой божий храм и зывая к своим заступникам перед Богом, архистратигу Михаилу и пророку Илье⁸, он без конца молил господа не дать ему умереть, прежде чем не увидит погибель Хрисира и три копья, вонзившихся в его мерзкую голову. Так все позже и произошло. Дело было так. На следующий год упомянутый Хрисирих напал на ромейские земли и принялся их грабить. а царь, как и обычно, отправил против него начальника схол⁹. Тот выступал во главе всего ромейского войска, но, поскольку встречи с врагом в открытом бою опасался, ромейское войско следовало за неприятелем на некотором расстоянии, отражая отдельные набеги и не позволяя беспрепятственно рассеяться по стране. В чем-то варвар преуспел, в чем-то потерпел неудачу и, когда время позвало его, вспомнил о возвращении на родину и с богатой добычей отправился в свои земли. Начальник же схол приказал двум стратигам (Харсиана и Армениака) со своими отрядами следовать и сопровождать Хрисириха до Вафириака, оттуда же, если Хрисирих пошлет войско в ромейские пределы, сообщить об этом доместику, а если прямым ходом отправится в свою берлогу, оставить его и возвратиться.

42. Когда варварское войско к вечеру подошло к так называемому Вафириаку и встало лагерем у подножия горы, а ромейские стратиги расположились повыше и принялись обсуждать дальнейшие планы, между воинами обеих фем, таксиархами и лохагами, начались споры и раздоры, кто кого превосходит, харсианские воины приписывали превосходство в отваге и мужестве себе, а воины из Армениака не соглашались уступить им первенство в воинской доблести. Как рассказывают, когда распря разгорелась и страсти накалились, главари отряда из Армениака сказали, что незачем нам кичиться на словах мужеством и впустую хвастаться, если можно на деле показать, кто из нас отважней. Враг недалеко, и давайте по делам выявим храбрцов и по доблести рассудим, кто первый. Речи эти дошли до стратигов, которые учли мужественный порыв и рвение войска и сочли свое положение на местности выгодным, поскольку должны были с возвышенности напасть на врага, расположившегося на равнине, и разделили свои силы надвое. Было решено, что около шести сотен отборных воинов вместе со стратигами нападут на варварское войско, остальная же часть немногочисленного ромейского воинства, чтобы создать впечатление многочисленности, будет стоять наверху в готовности. При этом они договорились о времени, чтобы, когда воины нападут на врага, они тоже подняли оглушительный шум громкими криками и звуками труб, многократно усиленных горным эхом. И вот они облачаются в доспехи и, пользуясь ночной темнотой, незаметно приближаются к неприятельскому лагерю. Перед рассветом, когда солнце не успело еще окончательно покинуть нижнюю полусферу¹⁰, они с громким торжествующим пением и с криками: «За крестом победа!» набросились на врага, с горы же им вторили боевые кличи остальных. Пораженные неожиданностью, варвары не имели времени ни построиться, ни даже различить, что за орда на них движется, и никакого иного для себя спасительного выхода найти не смогли, как только обратиться в бегство; их устрасила и повлекла к гибели горячая царская молитва. Во исполнение приказа ромей непрерывно громко окликали вовсе не участвовавших в преследовании стратигов, тагмы и начальника схол и тем ввергали бегущих в еще больший страх и замешательство, преследование растянулось на тридцать миль, и все пространство усеялось бесчисленными трупами.

43. Как рассказывают, сей бесстыдный и дерзкий Хрисохир бежал вместе с несколькими воинами из своей свиты, а преследовал его некий ромей, Пулад именем, который в свое время находился в плену в Тефрике он, отличаясь нравом приятным и утонченным, был близок и знаком Хрисохиру. Увидев, с каким рвением и старанием тот его преследует, варвар, обернувшись, сказал Пуладу: «Что я тебе сделал плохого, несчастный, что ты, как бешеный, преследуешь меня и хочешь убить?». На что тот коротко ответил, что за благодетельства твои, господин, по божьему внушению я тебе воздам сегодня, для того тебя и преследую. И вот один, словно лишенный Богом рассудка, в страхе и отчаянии скакал впереди, а другой следовал за ним с отвагой и дерзким задором, пока не оказался преследуемый перед глубоким рвом, перемахнуть через который у его коня не было ни сил, ни смелости. В то время как Хрисохир раздумывал, что делать, Пулад поразил его копьём в бок, и тот, теряя сознание от боли, тотчас рухнул с коня. Тут один из его слуг, Диаконица именем, стремительно соскочив на землю, принялся помогать упавшему и, положив его голову на свои колена, зарыдал от горя. В этот момент к Пуладу присоединились и другие воины, которые, спрыгнув с коней, отрубили у лишившегося уже чувств и умирающего Хрисохира голову, а этого Диаконицу присоединили к числу других пленных. Так неприятель потерпел неожиданное поражение, а христианская слава взметнулась ввысь, и вместе с вестниками сей радости отправили царю голову Хрисохира¹¹. А пребывал он тогда в так называемом Петрии, где находилось святое обиталище его родных дочерей¹². И когда доставили ему голову, вспомнил царь свои молитвы и со слезами устремил око разума к тому, кто исполняет желания молящих, приказал принести лук и стрелы, быстро натянув тетиву и не глядя, метнул три стрелы в преступную голову, и ни одна не миновала цели. И счел царь, что достойно воздал после смерти нечестивцу за многие тысячи тех, коих тот погубил за долгие годы своего владычества. Такой конец постиг Хрисохира и расцветшую тогда мощь Тефрики благодаря помощи Господа, склонившегося к беспрестанным мольбам царя, благочестиво царствующего Василия.

44. Когда свято и боголюбиво завершил жизнь славный патриарх Игнатий, который в седой старости, в свите добродетелей и среди всеобщего славословия покинул этот мир и переселился в лучший, царь по добродушию отдал церковь тому, кто прежде притязал на нее не по добродушию, и на пустующий трон града-царя в согласии с законами и канонами возвел мудрейшего Фотия. Он и прежде, почитая его разнообразную мудрость и добродетель, не обходил Фотия своими милостями и почестями и, хотя лишил его трона (ибо ничего не хотел предпочесть справедливости), все сделал, дабы его утешить. Потому и поселил Фотия в царском дворце и назначил воспитателем и наставником своих детей¹³. Так царь, насколько доставало его сил, не обходил вниманием ни одного страждущего, со всеми обходился приветливо и радушно и непрестанно, как мог, их утешал.

45. Хотя к своим подданным он относился с отеческой любовью и попечением, нашлись люди, которые его ненавидели и, того более, завидовали и злоумышляли на его жизнь. Так, например, пресловутый Куркуас, возгордившись, как это случается, от богатства и роскоши, захотел присвоить себе власть и, составив из толпы своих единомышленников заговор, только ждал случая для нападения. Но до этого дело не дошло, один из заговорщиков донес царю об этих замыслах, и негодяи были отданы правосудию. Но снять человеколюбие благородного царя смягчило суровость правосудия и умерило наказание. Только самому зачинщику вырвали глаза, а остальных человеколюбиво вразумили бичеванием тела и лишением волос. И получили они должные наставления скорее как бы от отца, нежели господина¹⁴.

46. Не позволяли царю дремать заботы о государстве и еще не завоеванные трофеи. Прежде всего царь умом, тщанием, а также обильными дарами, используя и убеждение и силу, отторг от варварской власти и вернул в исконное владение ромеям необходимый для Ромейской державы прекрасно укрепленный Лул¹⁵, который вместе со всем гарнизоном был захвачен агарянами в результате прежнего нашего легкомыслия относительно... и небрежения всем полезным; эта крепость сильна и неприступна благодаря своему местоположению. А после Лула и крепость Мелуй добровольно сдалась самодержцу и провозгласила его своим господином. Манихейский же город Катавалу царь разорил тогда стараниями своих стратигов. Но не столько радовали его успехи, завоеванные чужими руками, сколько огорчало, что не воздвигает он трофеи собственными трудами и опасностями. Вот почему, взяв с собой старшего из сыновей, Константина, дабы, как молодому псу, дать благородному отпрыску вкусить крови и самому стать его учителем в военном искусстве и в непреклонной отваге перед лицом опасности, отправился с ним в Сирию, прибыл в Кесарию у Аргея (это первый из городов Каппадокии), наставил войско своих отборных солдат в военном искусстве, выделил из них отряд, который отправил вперед, как передовой дозор и разведку, а сам с основным войском двинулся за ним, дабы острие хорошо выкованного меча направить вперед, а его мощнейшую часть пустить вослед. Быстро миновав опустевшие крепости, они разрушили Псилокастел и Парамокастел и захватили в плен оставшихся там жителей. Обитатели же крепости Фалакра испугались двигающегося войска и добровольно сдались царю. А Апавдел (сын Амра), эмир Аназарва, который, пока был царь далеко, как истинный варвар храбрился и хвастался, теперь вместе со строем мелитипцев искал спасения в бегстве и безопасным для себя счел только спрятаться в какой-нибудь норе. В буре этого наступления были разрушены Каис, или Катасам, Ровам, или Энделехон, а вместе с ними Андал и так называемая Эримосикия; тогда же перебежал к царю и небезызвестный Сим, сын Таила, державший под своей властью теснины Тавра и опустошавший ромейские окраины¹⁶.

47. Пусть никто не удивляется и не досадует, что я так коротко, просто и как бы наспех повествую о столь великих деяниях: мой рассказ, можно сказать, уподобляется быстроте самих дел и потому так прост и

бегл. Ибо скорее захвачены были эти земли и завершены деяния, нежели пишутся эти строки. А с другой стороны, немало времени уже утекло с тех пор и как бы от долгого молчания поблекли подробности, и не могу я ни знать, ни поведать о видах боевых построений, натисках нападающих, развертывании и смыкании рядов или удачных стратегических маневрах, и потому не надо мне медлить и как бы копаться в частности, которыми расширяется повествование¹⁷. Ведь сведений бездоказательных (а разговоров пусть ведется сколько угодно) я без проверки не приемлю, дабы не подумали, будто приписываю я царю вымышленные деяния, никогда им не совершавшиеся, тем более что и сам он при жизни не любил речей льстивых и усладительных. И уж если не хватает у нас ни досуга, ни сил описать события, всеми признанные, то не растягивать же рассказ о сомнительных. Однако вернемся назад и возвратим повествование на первоначальный путь.

48. После этого царь переправился через реки Онопникт и Сарос и подошел к Кукусу¹⁸, выжег заросли, вырубил деревья, сделал проходы в непроходимых местах и одержал верх над засеянными в них отрядами. Достигнув Каллиполя и Падасии и одолевая неодолимую дорогу, он сошел с коня и пешим шел по узкой тропе, своим усердием ободряя обессилевших воинов. Явился он тогда и к Германикии, но поскольку противника не оказалось и следа (все вражеские воины заперлись в городе и ни один не решался выйти на бой), царь предал огню всю округу, обратил красоту предместий в поле опустошения и отправился к Адате. Но на открытое сражение жители города не осмелились, спрятались за стенами и решили выдерживать осаду. Поэтому царь опустошил предместья, разорил городок под названием Геронт, отдал его на разграбление своим воинам, возбудил их отвагу добычей, напал с ними на стены, пустил в дело осадные орудия и весьма надеялся силой войска взять город в сокрушительном приступе. Видя, однако, с какой беспечностью относятся ж происходящему жители города, как вроде и не обеспокоены они гибелью своей отчизны, решил выяснить, на что возлагают они свои надежды и почему, по видимости, не обращают на него почти никакого внимания. И вот от одного из местных жителей он услышал, что некий человек, слышущий в городе благочестивым, осведомленный то ли благодаря божественному знанию, то ли благодаря научным расчетам, совершенно уверил их в том, что взять город суждено не тебе, ныне осаждающему его, а другому человеку из твоего рода, Константину именем; потому и не волнует их случившееся. В ответ царь показал на своего сына, назвал его имя, Константин, и сказал, что уж не так далек от истины их пифийский оракул в том, что ныне должен быть взят город. На что собеседник возразил, что не этот Константин должен разорить город, а другой из потомков твоих через много лет. Эти речи раздражили царя и, решив делом опровергнуть пустую болтовню, он еще усердней приступил к осаде и решительней пустил в дело машины. Но видел царь, что старается он всюю, а успеха нет, что твердо рассчитывать ему не на что, понимал, какой ущерб терпит под открытым небом в этих холодных местах его воинство, а потому, решив, что уж лучше ему сохранить своих людей, нежели одолеть врагов, счел нужным уйти оттуда до наступления зимы. Так было тогда, нам же, кто по прошествии столького времени стал свидетелем осуществления сего пророчества, приходится лишь удивляться, сколь точное знание и какое постижение истины было присуще этим варварам, чья жизнь и суеверия столь предосудительны. Ведь не смог тогда царь взять город, а ныне, в наше время его внук, дитя Порфиры Константин, сын мудрейшего Льва, совершил сей подвиг, и ему принадлежит честь истребления всех жителей Адаты¹⁹. Вот так, по речению Гомера, счастье, когда у почившего мужа останется бодрый сын, чтоб отметить дерзнувшим посягнуть на державу его предков²⁰. Но пусть вернется рассказ на стезю свою и сообщит о дальнейших событиях.

49. Он насытил тогда войско полною и добычей, потом, вспомнив ввиду трудной и долгой дороги о возвращении, велел мечом освободиться от пленников и оставил потомкам Агари великий страх перед собою. Предвидя нападения варваров в теснинах (знал царь, плохи оправдания стратига: «Я де такого не ожидал»), он устроил в удобных местах засады и схватил немало тех, кто сам хотел взять в плен других. Видя такое, властитель тех мест, небезызвестный Авделомел, отправил послов, просил мира и безопасности, обещал стать благомысленным рабом и вручил под начало и покровительство царю подвластные ему крепости и земли. И царь принял просьбу, предоставил искомое, и стал с тех пор Авделомел добровольным царским союзником против своих соплеменников. Оттуда он, перевалив через гору Аргей, прибыл в Кесарию, где получил победные известия из Колонии и Лула. Не заставили себя ждать и хоругви, множество добычи и пленных из крепостей Тарса и манихейских городов. Там же велел он перебить и огромную толпу приведенных ему курдов, ибо те были почти ни на что не годны, а уже и так перенасыщенное войско не желало тащить за собой бесполезную обузу. Войдя на обратном пути в Мидей, царь вознаграждал своих воинов, обласкал и продвинул каждого в соответствии с проявленной доблестью, отпустил их на зиму, а сам двинулся дальше. Придя в царственный город, он по прежнему обычаю принял от патриарха венки победы, а от народа-победные славословия.

50. С течением времени увяла и померкла Тефрика, расцвела и окрепла мощь тарсийцев, и уж снова заседали они на крайние пределы Ромейской державы²¹. Некий Андрей из скифов, в то время человек известный, являя образцы мужества, не уступавшего его силе, нападал на них и многих (особенно выезжавших в набеги и отрывавшихся от остального войска) убивал и брал в плен. Он ежедневно давал немало свидетельств мужества и ума, и был возведен царем в сан патрикия и назначен начальником схол. Ну а после этого он уже с большими правами и властью непрестанно вступал в открытые сражения с мелитинцами и тарсийцами и одерживал над ними победы. Как-то раз написал ему эмир Тарса слова, полные безумия и хулы на господина нашего Иисуса Христа, Бога и его святейшую мать, что де вот посмотрю я, как поможет тебе сын Марии и

сама родительница его, когда я с добрым войском пойду на тебя. Взял он тогда это поносное письмо и с великим плачем возложил к образу Богородицы с сыном на руках и сказал: «Смотри, мать Слова и Бога, и ты, предвечный от отца и во времени от матери, как кичится и злобствует на избранный народ твой сей варвар, спесивец и новый Сенахирим, будь же помощницей и поборницей рабов твоих и да узнают все «народы силу твоей власти». Такое с содроганием сердца и великим плачем говорил он в мольбе к Богу, а потом во главе ромейского войска выступил против Тарса. Дойдя до места под названием Поданд, где протекает одноименная река, обнаружил он выстроившееся против него варварское войско. С упованием на Бога сей доблестный муж бросился на врага со всем своим войском, кое прежде вдохновил к бою призывными речами и немало явил примеров ума и мужества, а поскольку его ипостратиги, таксиархи, лохаги и все простые воины мужественно сражались, обратилась в бегство от этой великой резни толпа варваров, сам же эмир и цвет воинов, его окружавший, пали еще раньше. Лишь немногие остававшиеся в лагере или стоявшие в задних рядах с трудом избежали опасности и спаслись в Таре. Своих похоронили, трупы врагов стащили в одно место и сложили из них высокую гору, дабы служила она потомкам вместо памятника, а потом он вернулся домой с добром, добычей и многочисленными пленниками, при этом отнесся к своему успеху благоразумно, счел его лишь божьим делом и Господу приписал и водительство в бою, и великую эту победу²². Поэтому он и отказался двигаться дальше, опасаясь, как бы из-за ненасытной жажды побед и стремления к большему завистливая Немесида, как это нередко случается, не сгубила уже достигнутого. Он сообщил самодержцу о всем случившемся, но получить награду за свои подвиги ему помешали зависть соперников, которые прожужжали уши царю и клеветали на него, будто по злой воле он не дал ромеям захватить Таре. «Потому что, – говорили они, – отдал бы Бог город в наши руки, если бы только Андрей воспользовался победой, да и воины были воодушевлены успехом, потеряли же мы его по легкомыслию полководца». Эти непрерывные речи убедили царя (ведь нередко и разумных людей обманывают речи, которые им по сердцу), и лишил он Андрея должности, поскольку де тот не использовал до конца доблестные победы над врагами, а вместо него назначил командовать тагами и всем войском небезызвестного Кесту, именуемого Стипиотом, который и Таре взять обещал, и в неразумии своем надеялся совершить многие другие подвиги²³.

51. Тот сразу со всем ромейским войском отправился к Тарсу, и тут выяснилось, что вовсе Андрей не злоумышленник и трус, а осмотрительный, разумный, отменный военачальник. Стипиот полагал, что варвары уже у него в руках, и потому ничего дельного заранее не предусмотрел, не подготовил засад, ни о чем не подумал, как это полагалось бы опытному и рассудительному полководцу, но в неразумии ума и неосмотрительной дерзости явился к самому Тарсу в место, именуемое Хрисовулум. Видя такую неосторожность (Стипиот не разместил войско в надежных местах, не защитил лагерь ни валом, ни рвом и не сделал ничего другого, что предусмотрел бы разумный и искусный полководец), варвары решили похитить победу ночью, напали на него, бездумного и беззаботного, и, воспользовавшись трудным и тяжелым положением своих противников, применили, как выяснилось, умный маневр. После недавнего поражения их оставалось мало, все они были наперечет и из-за своей малочисленности по необходимости прибегли к хитрости: собрали множество коней, к их хвостам привязали сухие шкуры и по сигналу погнали их во многие места ромейского стана. А потом и сами они, гремя тимпанами, устремились с разных сторон и с обнаженными мечами ворвались в середину лагеря. Смятение и страх обуяли ромейское войско; смешавшись между собой кони и люди валились в одну кучу. В результате варвары одолели, учинили невероятную резню, и множество наших бесславно сами задушили и растоптали друг друга. Так неожиданно и негаданно одолели нас дети Исмаила и, перерубив жилы Ромейской державы, звуками тимпанов и варварскими завываниями отпраздновали свою победу. Такой исход этому бессмысленному походу уготовила для ромеев зависть, и такой трофей над прежде торжествовавшими ромеями поставила ревнивая Немесида²⁴. Так обстояли дела во времена благочестивого царя Василия в землях восходящего солнца.

52. Перехожу к рассказу о западных. Соответственно всему прочему еще больше небрегли в царствование Михаила западными делами, и потому почти вся Италия, которая прежде принадлежала нашему новому Риму²⁵, а также большая часть Сицилии были завоеваны соседней Карфагенской державой²⁶ и превратились в данника варваров. К тому же еще и скифы, обитающие в Паннонии, Далмации и лежащих за ними землях (я имею в виду хорватов, сербов, захлумов, тервуниотов, каналитов, диоклитианов и рентанов) сбросили узду исконного ромейского владычества, приобрели самостоятельность и самовластие и управляться стали только собственными правителями. А большая их часть впала в отступничество еще большее и отреклась от божественного крещения, так что уж не было у них больше залогов дружбы и служения ромеям²⁷.

53. Так обстояли дела на Западе, такая там царила сумятица и беспорядок, а со временем добавились еще и карфагенские агаряне, которые, поставив начальниками Солдана, Самву и Калфуса, коих за пороки и военную опытность ценили много выше других своих соплеменников, послали против Далмации флот из тридцати шести кораблей, захвативших много далматинских городов, и среди них Вутому, Росу и Нижний Декатор. Поскольку все шло по их расчетам, враги подошли к главному городу всего этого народа (его название Рагуса) и довольно долго осаждали его. Но захватить его с налету они не могли из-за отчаянного сопротивления защитников, для которых, как говорится, дело шло о жизни и смерти. Какое-то время рагусяне терпели беды, но доведенные до крайнего отчаяния и теснимые нуждой отправили послов к царю, словно и не знали, что совсем другим занят властитель, и просили пожалеть и защитить тех, кому грозило обратиться в

данников не признающих Христа. Послы еще не прибыли в царственный город и находились где-то в пути, когда покинул мир этот ничтожный царь, а самодержавная власть перешла к неусыпному и неустанному радетелю общего блага Василию²⁸. А он и прежде печалился и страдал их бедами и теперь выслушал послов со вниманием, хорошо понял все тяготы осажденных, счел раны единоверцев своей болью и принялся снаряжать тех, кто должен был отправиться на помощь просителям. Он оснастил флот в сто кораблей, все подготовил как должно, выбрал мужа, отличавшегося умом и опытностью (я имею в виду друнгария флота патрикия Никиту, по прозванию Оорифа)²⁹, и будто испепеляющую молнию послал его на врага. Между тем осаждавшие город африканские сарацины узнали от перебежчиков о послахе, отправленных рагусянами к царю просить помощи и подкрепления, и поскольку быстро взять город отчаялись, а прихода царского войска опасались, сняли осаду и ушли из тех мест. Переправившись в Италию, ныне именуемую Лонгивардией, они разорили³⁰ крепость Бари и, обосновавшись там, совершали ежедневные набеги на близлежащие земли; решались они и на более далекие походы, постоянно что-нибудь захватывали и овладели всей Лонгивардией, чуть ли не до некогда великославного Рима. Так обстояли дела.

54. Видя, какую помощь получили от ромеев жители Далмации, узнав о благожелательности, неизменной справедливости и добродетели нового ромейского царя, упомянутые племена (хорваты, сербы и остальные) предпочли находиться под добрым управлением, нежели ненадежно и в дерзости управлять самим, поспешили признать над собой прежнюю власть и вернуться под ромейское господство. Поэтому и они тоже (и те, что отложились, оставшись в той же вере, и те, что вовсе отреклись от божественного крещения) отправили послов к царю, напомнили ко времени об исконном своем служении и сколь полезны были они некогда для ромеев и просили отдать их под милосердное ярмо Ромейской державы и власти ее пастыря. Царь благосклонно выслушал просьбу, поскольку и прежде огорчался и досадовал, что от его державы отсечена и отторгнута немалая часть, принял их, обошелся с ними благомысленно, будто милосердный отец с сыном, неразумно от него отступившимся, а потом раскаявшимся и вернувшимся³¹, и тотчас отправил вместе с царским человеком иереев, дабы прежде всего избавить их от грозящей душам опасности, вернуть к прежней вере и спасти от заблуждений, порожденных безумием и бездумием. По свершении сего богоугодного деяния, когда одобрили все божественного крещения и вернулись к покорности ромеям, приобрела там полноту царская власть, и по человеколюбивому повелению властителя все получили себе в правители людей из своего племени. Ибо не стал он продавать должности правителей, чтобы поставить командовать тех, кто заплатит побольше и будет стричь, как овец, его подданных³². Вот почему, поступая весьма разумно, он поставил править людей, ими самими выбранных и как бы утвержденных, кои как выборные правители должны были сохранять к ним отеческое благоволение. Но хватит об этом.

55. Между тем (варвары, которые, как уже говорилось раньше³³, переправились во время несообразного и легкомысленного царствования в Ромейскую державу и были отогнаны от Рагусы, все еще находились в Италии, совершали непрерывные набеги, безжалостно все грабили и захватили около ста пятидесяти крепостей, одни-в результате осады, другие-благодаря предательству. Слыша об этом, царь очень тревожился и, терзаясь заботами, искал способа, как ему или наголову разгромить врага, или изгнать и выдворить его из Ромейской державы. Понимал царь, что войско, коим, как уже говорилось, командовал Никита Оорифа, отправленное на помощь рагусянам и всему народу далматов, не могло успешно сражаться с таким множеством варваров главным образом потому, что часто нужно было вступать в стычки в глубине страны и далеко удаляться от моря, что для корабельного войска и несподручно и невозможно. Посылать же в поход другие силы он не считал нужным из-за больших расходов и необходимости в войске на месте. И вот, приняв разумное решение, царь отправил послов к Людовику, королю Франкии, и римскому папе с просьбой помочь его войску и вместе с ним выступить против обосновавшихся в Бари агарян³⁴, а также приказал славянам из упомянутых только что земель содействовать предприятию и на рагуских и собственных своих кораблях переправиться через Далматское море. Они собрались вместе, составили огромное войско, и, поскольку ромейский наварх всех превосходил мужеством и умом, Бари был быстро взят³⁵. Сама крепость, округа и весь полон достался Ромейской державе, страна вернула себе своих жителей, а Солдана вместе с его агарянским войском увел в Капую франкский король, владевший (помимо Венеенда) и этим городом. Так закончилась первая кампания царя на западе, и царственный город украсился добытыми там трофеями и славой.

56. Поскольку любит история расцветивать свой рассказ отступлениями и прельщать слух внемлющих, следует рассказать и о том, что случилось меж королем Франкии, эмиром африканским Солданом и жителями Капуи и Венеенда. Два года жил Солдан у короля Франкии, и никто никогда не видел его смеющимся. Король пообещал дать золота тому, кому удастся застать его смеющимся. И вот некий человек объявил королю, что видел всегда мрачного Солдана смеющимся, и представил тому свидетелей. Позвав Солдана, король спросил о причине такой перемены и смеха. «Наблюдал я за колесницей,-ответил Солдан,-и заметил, как вращаются ее колеса: их верх становится низом, а низ-снова верхом. И принял я это за образ ненадежного и неверного человеческого счастья и рассмеялся, но также и задумался, какими ненадежными вещами мы кичимся, и решил, что, может быть, и я, как упал с высоты вниз, так снова из ничтожного состояния вознесусь на вершину». Услышав такое, король подумал и о своей судьбе, оценил ум Солдана и даровал ему право свободной речи и общения с собой³⁶.

57. Коварный и как финикиец³⁷ хитрый, Солдан решил добыть себе спасение двойной клеветой. Дело в том, что его, человека разумного и мудрого благодаря долголетнему опыту и к тому же сменившего счастливую судьбу на несчастливую, нередко посещали правители крепостей Капуи и Веневенда. Изображая дружеское расположение, он сказал как-то, что хотел бы сообщить им о тайном намерении короля, но опасается доноса. Те поклялись, что все останется между ними, и Солдан сказал, будто хочет король отправить всех вас в оковах в свою страну Франкию, иначе де не будет он иметь твердой власти над вашими городами. Те не очень-то поверили его словам и потребовали улик пояснее, и сказал тогда Солдан королю, что не владеть тебе надежно этими крепостями, пока живут там их правители, но, если хочешь иметь твердую власть, отправь их закованных во Франкию. Поверив словам Солдана, король велел быстро ковать цепи, будто подгоняла его какая-то срочная необходимость. Увидев же снова правителей, Солдан сказал им: "Вот не верили вы моим словам, пойдите-ка и посмотрите, что изготавливают все кузнецы по королевскому приказу, а когда увидите оковы и цепи, уже не откажетесь поверить тому, что говорится ради вашего собственного спасения". Убедившись на этом примере в правдивости варвара, они начали верить ему и во всем остальном и стали искать способа, как им защититься от короля. И когда вскоре отправился король на охоту, они заперли за ним городские ворота и отказались впустить назад. Тот был не в силах ничего предпринять и возвратился в свою страну³⁸.

58. И вот явился Солдан к правителям и потребовал благодарности за донос-разрешения вернуться на свою родину. Ему разрешили, но, возвратившись в Карфаген и снова взяв власть, он не отступился от своей злокозненности и пошел войной на Капую и Веневенд; таким образом воздавал он ее правителям благодарность за спасение. А те отправили послов к королю. Но он с глумлениями отослал их назад, сказав, что только рад будет их погибели. Тогда шлют правители сих крепостей вестника к царю. И вот милосердный и человеколюбивый царь быстро направляет посланца с сообщением, чтобы ожидали в скором времени от него помощи³⁹. Но прежде чем передать ответ посланным его, оказался вестник передающий в руках врагов. И говорит ему Солдан, что, если поможешь ты мне в моем замысле, и жизнь спасешь и дары получишь. Тот согласился выполнить любой приказ, и Солдан сказал ему: «Хочу, чтобы встал ты у стены и сказал тем, кто за ней, что совершил я службу свою и поручение выполнил, но не ждите помощи от царя, не внял он вашим просьбам». Тот обещал так и сказать, и был вместе со слугами Солдана отправлен к городу, чтобы произнести эти слова перед его жителями. Но когда оказался под стенами и по его просьбе привели к нему первых людей города, сказал следующее: «Пусть нависла смерть надо мной и близка казнь, но не сокрою правды, только прошу и заклинаю вас, воздайте за это благодарность детям моим и супруге, ведь я, мой господа, хотя ныне и нахожусь во вражеских руках, но службу свою выполнил и ваше послание ромейскому царю передал, ждите вскорости помощи от него, а потому стойте мужественно и не бойтесь, ибо грядет ваш-но не мой-избавитель». Услышав такое, помощники Солдана пришли в бешенство и зарубили его мечами на месте⁴⁰, А Солдан, испугавшись царского войска, снял осаду и вернулся в свою страну. С тех пор предводители сих крепостей оставались верными царю и сохраняли ему покорность.

59. Вторгся в то время в ромейские пределы и другой агарянский флот, но благодаря непрерывным царским мольбам к Богу, разумным распоряжениям и надлежащему ведению дел победа осталась за ромеями, а потомки Агари потерпели бесславное поражение. А произошло следующее. Эмир Тарса, Есман именем, снарядив флот из тридцати больших кораблей, именуемых кумвариями, напал на крепость Еврип⁴¹. Между тем стратиг Эллады (это был Эниат) по царскому приказу стянул со всей Эллады большое войско, оснастил стены защитными приспособлениями, и когда увидели обитатели крепости, как корабли приближаются к стенам, и варваров, пытающихся густым дождем стрел оттеснить и прогнать со стен защитников, преисполнились гневом и мужеством, стали доблестно обороняться и, пользуясь камнеметными орудиями и стрелобаллистами, а то и бросая камни вручную, ежедневно губили множество варваров. Но не только это. Дождавшись благоприятного ветра, они жидким огнем спалили большинство кораблей. Оказавшись в безысходном и отчаянном положении и зная, что из жажды золота многие добровольно готовы пойти на смерть, варвар выставил перед лагерем щит, полный золота, и сказал: «Эту награду в дар вместе с сотней красивейших девушек отдаю тому, кто первый ворвется в город и обеспечит победу соплеменникам». Увидев это из города, защитники поняли смысл происходящего, возбудили в себе отвагу призывными речами и, распахнув ворота, по одному знаку мужественно бросились на варваров. Много врагов было тогда убито, пал смертельно раненный эмир, а остальные обратились в бегство, но преследователи не отставали от них, убивали и гнали до самых оставшихся у варваров кораблей. И учинена была тогда великая резня над варварами. Оставшиеся в живых сели на немногочисленные свои суда и постыдно бежали на родину. Так варварский флот даже без помощи морских сил ромеев, а лишь молитвами царя и доблестью защитников потерпел позорное поражение и бесславно вернулся восвояси.

60. Так рассеяна была туча из Тарса, но уже собиралась новая буря с Крита. Дело в том, что у эмира этого острова небезызвестного Сайта, сына Алохапса⁴² (а в помощниках у него состоял некий Фотий, муж деятельный и воинственный), имелось на Крите двадцать пять кумварий. При них соответственно находилось и множество миопаронов и пентикондоров⁴³, которые часто называют сактурами и галаями. На них-то и вторгались они в пределы Ромейской державы и, опустошая весь район Эгейского моря, нередко доходили и до Прикониса на Геллеспонте, многих жителей при этом обращали в рабство и убивали. На этот критский флот и

напал тогда упомянутый выше патрикий Никита⁴⁴, начальствовавший над ромейскими триерами, он вступил с ним в жестокий бой, сразу сжег жидким огнем двадцать критских судов, а их команды-варваров-поделил между мечом, огнем и водой. Остальные же, избежав гибели в море, искали спасения в бегстве⁴⁵.

61. Такие потери понесли критяне, вернулись домой в горе, но успокоиться не пожелали и снова принялись бесчинствовать на море, тревожили и грабили земли, отдаленные от столицы (я говорю о Пелопоннесе и островах к югу от него), при этом навархом у них был упомянутый выше Фотий. В конце концов послали против него во главе ромейских триер доблестного флотоводца Никиту (я говорю об Оорифе), который после нескольких дней благополучного плавания достиг Пелопоннеса. Причалив в Кенхрейской гавани и узнав, что варвары оскверняют западные области Пелопоннеса, Мефону, Патры и соседние коринфские земли, задумал он думу мудрую и разумную. Никита решил не плыть вокруг Пелопоннеса, не огибать Малей, чтобы, отмерив морем тысячу миль⁴⁶, упустить время, а за одну ночь с помощью своего опыта и множества рук волоком перетянуть суда через Коринфский перешеек к другому его берегу, и сразу же приступил к делу. Нежданно предстал он перед ни о чем не подозревающим противником и внезапностью своего появления и незабытым ужасом прошлой битвы вселил страх и не дал врагу ни построиться в боевом порядке, ни вспомнить о мужестве. Одни из вражеских кораблей он сжег, другие пустил ко дну, а из варваров одних погубил мечом, других утопил в пучине, начальника их убил, остальных же принудил рассеяться по острову⁴⁷. Позднее он их поймал, схватил и подверг разным наказаниям: с одних содрал кожу (особенно с отрешившихся от христового крещения) и говорил при этом, что забирает у них не принадлежащую им собственность, у других, причиняя жуткую боль, вырезал ремни от шеи до пят, иных же, подняв на журавлях, сталкивал и сбрасывал с высоты в чаны со смолой и говорил, что подвергает их своему крещению, мучительному и мрачному. Так глумился он над побежденными и, наказав в соответствии с их виной, отбил охоту снова воевать с Ромейской державой. Так рассеяна была южная туча и с тех пор...

62. А с запада уже надвигалась новая страшная буря: амермумн Африки оснастил огромные суда-числом шестьдесят-и устремился на державу ромеев⁴⁸. Он опустошил все на своем пути, захватил множество пленников и подошел к островам Кефалиния и Закинф. Получив такое известие, царь немедленно пришел на помощь, снарядил множество триер, диер и прочих быстроходных судов и послал во главе большого флота начальника морских сил (это был Насар)⁴⁹. Насар немедленно отплыл и, воспользовавшись попутным ветром, вскоре подошел к Мефоне, но напасть на врага ему помешало вот что. Многие гребцы труслили и маленькими группами, тайком покинули суда, корабли из-за их бегства потеряли должную скорость и уже не могли с прежней силой и натиском напасть на врага, потому-то и отказался Насар от мысли со столь малыми силами выступить против неприятеля. О случившемся он немедленно через гонца сообщил императору. А тот быстро послал людей, к сему предназначенных, которые схватили всех дезертиров и заключили их в тюрьму. Хотел же царь, не марая своих рук кровью соплеменников, вселить должный страх в остальных гребцов, дабы не стал заразителен дурной пример и не возжелали они в своем большинстве дурного и легкомысленного. И вот, задумав думу разумную, он приказал друнгарии виглы еще ночью вывести из претория узников числом тридцать, преступников, приговоренных по закону к смерти, сажей вымазать их лица, пламенем спалить волосы и бороды, изменить их вид до неузнаваемости, да к тому же и позаботиться, чтобы никто не осмелился назвать их или обратиться по имени, а наказанием за это установить смерть; потом на ипподроме, будто зачинщиков бегства матросов, наказать их бичами, со связанными за спиной руками провести по городской площади и в кандалах отправить в Пелопоннес, дабы приняли они положенное наказание в месте, откуда бежали. Совершить же это приказано было стратигу Пелопоннеса Иоанну, по прозвищу Критскому, который во исполнение царева повеления приказал установить в Мефоне столько крестов, сколько отправили ему узников, и пригвоздить к ним этих мнимых зачинщиков бегства. Прослышал про это ромейский флот, увидел мнимых трусов, пожалел несчастных и сам приготовился к тяжким испытаниям, отрехся от распушенности и лени и попросил предводителя скорее вести его на врага.

63. Насар же пополнил остаток своего войска пелопоннесскими воинами и мардаитами⁵⁰, взял себе стратига-помощника и приготовился к наступлению. Тем временем сарацины, заметившие великую трусость ромейского флота (им казалось, что моряки только зря тратят время), в полной безопасности покидали свои суда и грабили подвластные земли и острова. Но морское ромейское воинство неожиданно и незаметно к ним приблизилось и по данному стратигом знаку ночью внезапно напало на врага. Не имея времени ни встать в строй, ни взяться за оружие, сарацины потерпели полное поражение, а их корабли были сожжены огнем вместе с людьми и всем оснащением. А тех, кто все-таки избежал пламени, Насар как благодарственную жертву даровал божьей церкви в Мефоне. Добычей же и телами убитых он позволил воспользоваться своему войску. Он также спешно обо всем сообщил царю и спросил, что ему делать и куда направляться. Царь похвалил его за содеянное и велел двигаться дальше.

64. Поскольку войско было вдохновлено собственными подвигами, Насар переправился в Сицилию и Панорм, напал и разграбил тамошние города-данников карфагенских агарян. Он овладел также судами и множеством кораблей с большим грузом масла и другого товара, еще более ценного. Рассказывают, что в продажу тогда пошло столько масла, что цены пали, и фунт стоил один обол⁵¹.

65. Потом этот флот переправился в Италию и, соединившись там с ромейскими гоплитами⁵² и конниками (ими командовал и царский протовестиарий Прокопий и тогдашний стратиг Фракии и Македонии

Лев, которого звали Апостипом), совершил немало полезного для Ромейской державы. Отплывшую же из Африки новую флотилию Насар разбил у острова Стели, а захваченные агарянами крепости Калаврии и Лонгивардии почти все освободил от варварской власти и отдал под начало ромеев. Вот так это морское воинство, преодолев коварство, зависть и злобу, с богатой добычей и победными венками вернулось к царю, наполнив ликованием сердца всех граждан и дав царю множество поводов вознести к Богу молитвы благодарения и признательности.

66. А вот войску сухопутному так и не удалось избежать зависти. Оно тоже совершило мужественные и славные деяния, но лишилось главного своего полководца из-за вражды и распри, случившейся в самый момент сражения. Дело было в следующем. Лев враждовал с Прокопием. Когда же они вместе схватились с противником, случилось так, что Апостип, сражавшийся во главе фракийцев и македонцев на правом фланге, одолел неприятеля и учинил великую резню. Прокопия же в это время вместе с его славянами и западными воинами на другом фланге теснил враг. Из-за вражды, о которой говорилось выше, его товарищ не послал ему помощи, поэтому отряды Прокопия обратились в бегство, конь под ним пал, и преследователи убили полководца⁵³. Так закончилась эта битва, ну а Лев, желая прославить себя еще каким-нибудь славным деянием, дабы затемнить горестное последствие вражды, взял собственное войско, присоединил к нему спасшихся бегством воинов Прокопия и отправился походом на крепость Тарент, еще находившуюся в руках агарян, взял ее сокрушительным приступом и пленил весь гарнизон. Он позволил хорошо пожить своим солдатам и доставил большую добычу царю. Не милостиво принял ее царь, не вознаградил Льва как героя, но расследовал дело, и найдя, что стратиг-товарищ Льва погиб из-за вспыхнувшей на поле боя распри, лишил полководца должности, изгнал и отправил его на жительство в собственное имение вблизи Котиея.

67. В дальнейшем Апостипа ждала такая судьба. Против него сговорились между собой протостратор Веан и кувикуларий Хамарет, первый из его ближайших, составившие донос на своего господина, в котором говорилось, что протовестиарий Прокопий погиб по умыслу их хозяина, а также содержались обвинения в оскорблении императорского величества и другие тяжкие и серьезные наветы. С этим доносом Хамарет явился в царственный город, где и вручил его царю. Об этом узнали сыновья Апостипа Варда и Давид, которые собственноручно убили Веана, безжалостно зарубив его мечами. Испуганные собственной дерзостью и в страхе перед императором, они вместе с отцом попытались спастись бегством в Сирию. Но узнавший про это царь с великой поспешностью отправил за ними мацглавита Варцапедона, чтобы схватить и доставить их к нему. Тот настиг беглецов, изо всех сил спешащих в Сирию, уже в Каппадокии, попытался, согласно царскому приказу, их схватить, те показали сопротивление и отчаянно защищались. В произошедшей ссоре и стычке сыновья Апостипа были убиты, сам же он схвачен и в оковах доставлен к царю, пребывавшему тогда в царском своем имении в Иерии⁵⁴. По царскому приказу его отдали на суд магистра Мануила, вырвали один глаз и отрубили руку ввиду выдвинутого обвинения и попытки бегства к врагу. Остаток дней он прожил изгнанником в Месемврии. Так закончилась история с Апостипом, впрочем, человеком малодостойным.

68. Пока царские ипостратиги вершили дела на западе, зашевелились южные арабы; сочтя, что пребывает царь в бездействии, лености и легкомыслии, они подняли голову и решили вновь попытать счастья на море. Они смастерили суда в приморских Огородах Египта и Сирии и задумали отправиться в поход на подвластные ромеям земли и моря. Но прежде сочли нужным выведать о состоянии дел царя и отправили соглядатая, пользующегося и ромейским платьем, и языком, дабы тот все разведал и им сообщил. Но ни на миг не забывал царь государственных забот, загодя предусматривал все нужное, и не укрылась от него постройка кораблей в Сирии, поэтому позаботился он о снаряжении множества диер и триер, собрал в столице морскую сипу и ожидал будущего. А пока что, дабы корабельный сброд не пребывал в лености и не распустился, велел занять его на сооружении храма Иисуса Христа, архангелов и Ильи Пророка, воздвигавшегося тогда в царском дворце⁵⁵, а когда покажется из сирийских пределов флот, отправить суда на войну. Пришедший из Сирии соглядатай увидел множество кораблей и снаряженное к походу войско, обо всем разузнал, разведал и сообщил отправившим его, а те, услышав, вопреки ожиданиям, о готовности царя, испугались, склонились к миру и потеряли охоту выходить в море, корабельный же народ остался в царственном городе заниматься упомянутым делом.

69. Тем временем карфагенские варвары, помня о прошлом своем поражении, опасались, как бы ромейский флот и в будущем не попытался переправиться на их берег, поэтому они тоже построили много судов, но весна кончилась, сведений о наступлении царских сил не поступало, и, заподозрив, что цареву войско занято в других войнах, осмелились двинуться походом на Сицилию, дошли до ее главного города (я имею в виду Сиракузы), осадили его, разграбили округу и разорили села и поместья. Когда сицилийский стратиг сообщил об этом царю, ему немедленно был послан флот, снаряженный против Сирии, во главе с навархом Адрианом (он был тогда командующим морскими силами). Тот вышел из столицы но с попутным ветром ему не повезло, и с трудом добравшись до Пелопоннеса, он причалил к Монемвасии, в гавани под названием Иерак, где стал ждать благоприятного ветра. Был же он легкомыслен и не горел душой, чтобы броситься навстречу ветрам или на веслах в затишье поспешить к цели, поэтому, когда он терял время в названной гавани, агаряне ужесточили осаду и прилагали все силы, торопясь добиться желаемого, пока не придет помощь к осажденным. И вот взят был приступом город, учинена великая резня над защитниками, захвачено в полон все множество его жителей, его богатства стали добычей врагов, сам город был снесен до основания, а его божьи храмы преданы

огню, и в развалины превращен град, до той поры прекрасный и славный, многократно отражавший множество войск эллинских и варварских⁵⁶.

70. Адриан узнал о случившемся таким образом. На Пелопоннесе, недалеко от Моневазии, где находился ромейский флот, есть место Гелос⁵⁷, названное так по растущему вокруг него густому темному лесу. В этом месте обитала некая демонская сила, которой часто поклонялись пастухи, пасшие стада в округе, в надежде с ее помощью сохранить целыми и невредимыми своих животных. Так вот эти пастыри и слышали, как какие-то демоны между собой говорили и радовались, что де вчера захвачены были Сиракузы и что все там снесено до основания и предано огню. Это они сообщили другим пастырям, и рассказ дошел до Адриана. Он позвал самих пастухов, с пристрастием их расспросил и нашел, что слова их совпадают со слухами. Тогда он пожелал обо всем услышать своими ушами, вместе с пастухами прибыл к самому месту и через них спросил у демонов, когда будут захвачены Сиракузы, а в ответ услышал, что Сиракузы уже взяты. Сначала он впал в замешательство и горе, а потом снова приободрился, полагая, что нельзя доверять словам мерзких демонов, поскольку нет у них способности прорицания. Но не знал он, что было это не прорицание, а лишь свидетельство уже свершенного и случившегося, ибо демоны благодаря тонкому своему строению и быстрому движению предупреждают известия, передаваемые людьми. Тогда он не поверил, а через десять дней явились к нему с Пелопоннеса избежавшие мечей убийц мардаиты и таксаты⁵⁸ и сами принесли ему эту убийственную весть. Уверившись окончательно, Адриан на полной скорости (встречные ветры при возвращении уже стали попутными) прибыл с флотом в царственный город и с мольбами о защите явился в Великий храм Бога, в коем славится имя его мудрости⁵⁹. Но эта великая беда жестоко терзала сердце императора и ввергала в гнев и печаль без меры и края, и ни сам божий храм, ни вступившийся за него архиерей не избавили его полностью от наказания, но освободили только от тяжелейшего, впрочем, им заслуженного, а от умеренного, необходимого для назидания окружающих, избавить не смогли. Хотя в частной жизни сей царь был умерен и сдержан, в делах государственных свой гнев не очень-то умерял.

71. Итак, западный враг усилился и, казалось, вдохновленный удачей, вот-вот нападет на соседние земли, поэтому против него вместе с фракийцами, македонцами и отборными харсианитами и каппадокийцами был отправлен Стефан, по прозвищу Максентий, стратиг лонгивардских войск⁶⁰. Он прибыл в страну, отданную под его власть, попытался отнять у сарацин занятый ими город Амантию, но не смог совершить ничего достойного ни памяти, ни своего войска из-за медлительности и легкомыслия, а вернее сказать, трусости и распушенности. Поэтому его лишили власти, а на его место назначили Никифора, по прозвищу Фока, мужа усердного и бдительного, в бою и совете доблестного и разумного, который привел с собой большую силу из восточных архонтов, среди них небезызвестного Диаконицу-некогда помощника Хрисохира из Тефрики, а вместе с ними толпу исповедующих религию Мани⁶¹. Соединившись с войском Стефана, Никифор явил множество примеров ума, воинской храбрости и доблести: сразу захватил город Амантию, учинив великую резню, обратил в бегство противников, вернул под владычество ромейской державы крепости Тропас и Святую Северину, в других боях и сражениях одолел потомков Агари и захваченной добычей насытил войско. Такие подвиги совершил этот муж при жизни славного царя Василия, а другие добавил позже, уже при его сыне, смиреннейшем и мудрейшем из всех царей Льве⁶². Хотя в отличие от моего рассказа эти битвы и не случались одна за другой, но поскольку точное время каждого деяния неизвестно, они встали в повествовании в один ряд. Таковы воинские деяния царя Василия и его ипостратигов на суше и на море, на востоке и западе, кои дошли до моих ушей.

¹ Заголовок в середине рукописи так же, как следующее за ним традиционное введение (проэпий) – очевидные свидетельства того, что «Жизнеописание царя Василия» создавалось как отдельное произведение и затем было включено без изменений редактором в общий текст.

² В тексте многочисленные лакуны.

³ Хрисохир, племянник и зять Карвея, ставший во главе павликианского движения в 863 г. после смерти Карвея, совершал далекие рейды в глубь византийской территории. Василий, возможно, через посредство Петра Сицилийского, посетившего Тефрику, пытался вести переговоры с Хрисохиром, оказавшиеся, однако, безрезультатными. Первый поход Василия на Тефрику, о котором здесь говорится, обычно датируется 871 г. Этот поход закончился сокрушительным поражением Василия, который сам чуть не очутился в плену. Из вполне понятных соображений Константин Багрянородный значительно преуменьшает размеры этого поражения. Начавшийся здесь и продолжающийся далее рассказ о борьбе Василия I с павликианами и арабами мало согласуется с данными других наших источников. Большую трудность представляет хронологическое расположение событий.

⁴ На восточных границах Византии в зоне непрекращающегося соперничества арабов и византийцев существовало немало полусамостоятельных княжеств, правители которых в зависимости от меняющейся ситуации с легкостью переходили на ту или иную сторону. Упомянутый здесь Куртикий принадлежал к знатному армянскому роду, выходцы из которого в конце IX в. переселились в Византию, где стали играть немалую роль.

⁵ О том, как его отец не гнушался труда во время этого военного похода, сообщается в «Тактике» Льва VI.

⁶ У остальных греческих хронистов об этом походе имеются лишь весьма краткие замечания. А. Васильев, ассоциируя это сообщение с рассказом Табари, датирует неудачный поход на Мелитину 873 г. Если такая датировка верна, то эта кампания была предпринята уже после второго похода Василия на Тефрику в 872 г. Мелитина была взята византийцами только в 876/877 г.

⁷ Т.е. Игнатий.

⁸ Скорее всего, речь должна идти о так называемой «Новой церкви», хотя хронология здесь точно не сходится. Новая церковь была освящена только в 880 г.

⁹ Речь идет о втором военном походе византийцев против Тефрики, во главе которого стоял зять Василия Христофор. В результате похода павликианская столица была разрушена до основания. По сообщению Генесия, город погиб от страшного землетрясения. Таким образом, ни Генесий, ни наш автор не упоминают взятия города византийцами. Поход обычно датируется 872 г.

¹⁰ Замечание Константина Багрянородного о «полусфере» позволяет заключить о заимствовании византийцами пифагорейского и платоновского представлений о шарообразной форме земли.

¹¹ История убийства Хрисохира подробно описывается Генесием. Генесий, однако, полагает, что военная экспедиция, закончившаяся гибелью павликианского вождя, имела место через два года после упомянутого здесь похода на Тефрику.

¹² Имеется в виду монастырь св. Евфимии.

¹³ Фотий был возвращен из ссылки и назначен воспитателем царских детей уже в начале семидесятых годов. Патриархом он был вторично рукоположен 26 октября 877 г., через три дня после смерти Игнатия.

¹⁴ Речь идет о заговоре доместика иканатов Иоанна Куркуаса. Если верить сообщению Псевдо-Симеона, эти события происходили на девятнадцатом году царствования Василия, т. е. в 886/887 гг., незадолго до его смерти. В нашем сочинении эпизод в хронологическом отношении стоит явно «не на месте». Вероятно, однако, что связь здесь тематическая: начав рассказывать о милосердии царя, Константин Багрянородный приводит пример «милостивого» обхождения с преступниками. Судя по числу и рангу участников (в хрониках говорится о пятидесяти пяти синклитиках), заговор этот имел большой размах.

¹⁵ Лул, имевший большое стратегическое значение, перешел под власть арабов в 832 г. Подробный рассказ о взятии Лула византийцами сохранился у Ибн-Ал-Асира под 263 годом хиджры (сентябрь 876 – сентябрь 877 гг.).

¹⁶ Таил – не имя отца, а прозвище Сима («долговязый»). Этот Сим упоминается и в арабских источниках. Сирийский поход Василия следует датировать второй половиной 878 – первой половиной 879 г. *Terminus post quem* – май 878 г. (время падения Сиракуз, до этого момента вряд ли Василий осмелился покинуть столицу). *Terminus ante quem* – сентябрь 879 г. (смерть сына Василия Константина, вместе с которым отправился в поход царь).

¹⁷ Нельзя не признать справедливости самооценки Константина. В его распоряжении, видимо, не было ни документов, ни точных сведений о восточных кампаниях Василия. Именно поэтому его рассказ об этих событиях часто неясен и неотчетлив и с трудом поддается хронологическому распределению и географической локализации.

¹⁸ По мнению А. Васильева, сравнившего рассказ Константина с данными арабских источников, речь здесь должна идти не о продолжении описанного похода, а о новой кампании Василия I лета – осени 882 г. П. Лемерль и другие исследователи рассматривают эти события как единую кампанию и датируют их, следовательно, 878 г. – началом 879 г.

¹⁹ Это прорицание – типичный образец предсказания *post eventum*. Адапта была взята византийцами лишь в 957 г., при Константине VII Багрянородном, авторе настоящего сочинения. В то же время комментируемый пассаж закономерно вызывает сомнения в авторстве Константина. Мог ли царственный писатель говорить о себе в третьем лице и в столь торжественных выражениях? Не исключено, однако, что похвала Константину – вставка редактора сочинения.

²⁰ Одиссея. III. 196.

²¹ Текст фразы восстановлен из параллельного места «Хроники» Скилицы.

²² Сопоставляя данные Константина Багрянородного, Генесия и арабских источников, А. Васильев делает вывод, что речь здесь должна идти о кампании 878 г., и весь эпизод, таким образом, является в хронологическом отношении отступлением назад.

²³ По сообщению Продолжателя Георгия, царь сместил Андрея, потому что тот был сторонником сына Василия Льва.

²⁴ Арабские источники датируют поражение Стипиота 14 сентября 883 г. Таким образом, события, о которых наш автор рассказывает как о последовательных, разделялись промежутком в пять лет.

²⁵ Новым Римом византийцы считали Константинополь.

²⁶ Под Карфагенской державой Константин понимает государство арабов в Северной Африке, образовавшееся еще в середине VII в. В это время североафриканские арабы находились под властью династии Аглабидов и фактически были независимы от Багдадского халифата. В середине IX в. шло интенсивное завоевание Сицилии и южной Италии арабами. К концу правления Михаила III фактически одни лишь Сиракузы оставались в руках византийцев. Арабское завоевание облегчалось непрестанной междоусобицей южноиталийских городов, поочередно приглашавших для борьбы с соперниками арабов. Упрек Михаилу III в небрежении «западными делами» несправедлив. Византийское правительство неоднократно посылало военные экспедиции в Италию, которые, однако, в большинстве случаев кончались безуспешно.

²⁷ Как сообщалось ранее, Далмация отложились от Византии в царствование Михаила II. Христианство далматы впервые приняли еще в начале VII в. при императоре Ираклии, вторичного крещения они сподобились около 867 г. Константин Багрянородный перечисляет здесь «на одном дыхании» этнонимы и наименования жителей городов. Ср. подобное же перечисление в сочинении «Об управлении империей» Константина Багрянородного.

²⁸ Точное указание на время описываемого события: 867 г.

²⁹ Неясно, идентичен ли этот Никита Оорифа упомянутым выше носителям этого же имени. Рассказ об этой войне и об осаде Рагусы султаном Муфаред-ибн-Салемом (Солданом) воспроизводится Константином также в сочинениях «О фемах» и «Об управлении империей». Сообщения о ней содержатся также и в латинских хрониках. Повествование Константина Багрянородного не отличается четкостью и исторической точностью. Не исключено, что царственный писатель спутал две осады Рагусы в 847/848 и в 867 гг.

³⁰ Явная ошибка Константина: Бари был захвачен арабами еще в 841 г.

³¹ Намек на знаменитую евангельскую притчу о блудном сыне.

³² Фраза дошла с лакуной, переводим по смыслу.

³³ См. следующую сноску.

³⁴ Впервые Людовик II (по просьбе итальянских городов) появился под Бари и сделал попытку взять город еще в 867 г. Посольство Василия (о котором идет речь и в других источниках) было отправлено к Людовику II и папе Адриану II в 869 г. Василий предлагал женить своего сына на дочери короля Ирменгарде. В большинстве источников инициатива этого союза приписывается не Василию, а Людовику.

³⁵ Бари был взят штурмом 2 февраля 871 г., однако только в 876 г. передан под власть Византии.

³⁶ В повествовании о Салдане явно прослеживается мотив фольклорного происхождения – рассказ о людях, которые никогда не смеются, но которых тем или иным способом удается рассмешить герою (ср. Царевну-Несмеяну русских народных сказок). Разнообразные отражения этого мотива учтены С. Томпсоном. Что касается «колеса фортуны», то этот мотив, весьма распространенный на Западе, почти не находит отражения в византийской литературе. С рассказом Константина мы можем сопоставить только повествование Феофилакта Симокатты о царе Египта Сесотрисе. Последний велел плененным царям впрячься в колесницу, на которой сам восседал. Один из царей, пристально глядевший на вращающееся колесо, на вопрос, почему он это делает, отвечает примерно то же, что и Солдан в нашем случае. Не явился ли этот рассказ образцом для приведенной здесь легенды? Этот же эпизод содержится и в сочинении «Об управлении империей» Константина Багрянородного.

³⁷ Пунийская (финикийская) хитрость вошла в пословицу еще в античности.

³⁸ История с хитростью Солдана и изгнанием короля Людовика рассказывается Константином также и в сочинении «Об управлении империей». Рассказ этот, скорее всего, имеет легендарный характер. На самом деле после успешной осады Бари правители Венеанда, Сполето, Салерно и Неаполя взбунтовались против Людовика, который был схвачен и в августе – сентябре 871 г. содержался в плену у Адельхиса, правителя Венеанда, а потом был отпущен.

³⁹ Рассказ Константина обо всех этих событиях недостаточно ясен и достоверен. Согласно западным источникам, Солдан пробыл в плену у герцога Венеандского 5 лет и был отпущен только в 876 г. Новая война Солдана с Капуей и Венеандом – вероятно, вымысел нашего автора. В 872 г. арабы предприняли новое наступление на Салерно и Венеанд. По просьбе городов Людовик вновь явился к ним на

помощь и разбил арабов невдалеке от Вевенда. Обращение Аделхиса Вевендского к Византии имело место в 873 г. Василий отправил в Италию войско под командованием патрикия Георгия.

⁴⁰ Этот эпизод в деталях напоминает рассказ Павла Дякона об осаде Вевенда в 663 г. византийским императором Константином II. Роль посла там выполняет Сесуальд, отправленный осажденным Ромуальдом с просьбой о помощи к своему отцу Гримвальду. Не является ли здесь этот эпизод актуализованной легендой?

⁴¹ Кто такой этот Есман (возможно, Осман), неизвестно. Среди эмиров Тарса носителя такого имени не зафиксировано. В. Христидис датирует нападение Есмана 875 г.

⁴² Об Апохалсе см. Его сын Саит властвовал над Критом с 855 по 880 г.

⁴³ Миопароны и пентикондоры – античные названия легких судов.

⁴⁴ Т.е. Никита Оорифа.

⁴⁵ Время нападений критских арабов определяется разными историками достаточно произвольно. А. Васильев относит их к 872 г.

⁴⁶ Константин в полтора раза преувеличивает длину морского пути вокруг Пелопоннеса.

⁴⁷ У исследователей нет «опорных пунктов» для более или менее точной датировки этого сражения. Его время определяют по-разному: от 872 до 881 г.

⁴⁸ Речь идет об аглабидском эмире северной Африки Ибрахиме-ибн-Ахмете, поход которого относится к 880 г.

⁴⁹ В житии Ильи Младшего приводится пренем Насара – Василий.

⁵⁰ Отряд мардаитов часто упоминается в составе византийского войска. Мардаиты – принявшее христианство воинственное горное племя сирийского происхождения, обитавшее первоначально в горах Ливана и оказывавшее сильное сопротивление арабам. Византийское правительство расселило мардаитов на своей территории и весьма ценило как искусных воинов.

⁵¹ Константин Багрянородный пользуется античным обозначением мелкой монеты.

⁵² Гоплиты в древней Греции – тяжеловооруженные воины. Константин вновь употребляет античный термин.

⁵³ Об этой битве (880 г.) и предательстве Апостипа имеются также короткие заметки в хрониках «семьи Симеона Логофета». Согласно этой версии, Прокопий выступил «со всеми западными фемами».

⁵⁴ На Иерии (полуостров на азиатском берегу Пропонтиды) был расположен один из пригородных дворцов, служивших для отдыха императорам.

⁵⁵ Имеется в виду уже упомянутая Новая церковь.

⁵⁶ В условиях почти не прекращающихся византийско-арабских войн морская база Сиракузы играла исключительно важное стратегическое значение. После восьмимесячной осады город был взят 21 мая 878 г. События осады, штурма и взятия города, описанные в ряде источников, весьма драматичны.

⁵⁷ Гелос (eloV) означает по гречески «болотистая низменность».

⁵⁸ Таксатами называли воинов тагм.

⁵⁹ Т.е. в св. Софию.

⁶⁰ Время экспедиции Максентия – 882-883 гг.

⁶¹ Исповедующие религию Мани – павликиане.

⁶² Никифор Фока (дед императора Никифора II Фоки) прибыл в Италию в 885 г. В разгар его военных успехов пришло известие о смерти Василия I (август 886 г.). Об этой экспедиции сохранилось немало свидетельств византийских, арабских и западных источников.

Посольство «Священной Римской империи» в Константинополь (Лиутпранд Кремонский, «Отчет о посольстве в Константинополь»)

Лиутпранд Кремонский (ок. 922 – 972 гг.) – итальянский дипломат и историк, епископ Кремоны (962-972 гг.), который пытался наладить отношения между Византией и Западной Европой.

В 968 г. Лиутпранд Кремонский отправился в Византию во главе посольства, целью которого было заключить договоренность о браке наследника Оттона Великого, будущего императора Священной Римской империи Оттона II Рыжего, с Феофаной, дочерью умершего императора Византийской империи Романа II. Этот брак был призван примирить Священную Римскую империю и Византию, которая недавно вторглась на территорию Апулии и претендовала на Капую и Беневенто. Однако сватовство не увенчалось успехом.

Обоим Оттонам, непобедимым римским императорам августейшим, и прославленной императрице Адельгейде Лиутпранд, епископ св. церкви в Кремоне, от всего сердца искренне желает всегда здравствовать, процветать и торжествовать.

1. Почему у вас до сих пор не было от меня ни донесения, ни вестника, объясняется следующими обстоятельствами. Накануне июньских нон прибыли мы в Константинополь и были позорно, оскорбительно для вас, встречены и позорно, бесчестно приняты. Нас заперли в довольно большом, но открытом помещении, которое не защищало ни от холода, ни от зноя. Вооруженные воины были приставлены к нам в качестве стражей, они запрещали нам выходить оттуда, а всем прочим туда входить. Само это помещение, только и доступное нам, заключенным, находилось в таком отдалении от императорского дворца, что у нас перехватывало дыхание, когда надо было туда добираться пешком, а не на лошадях. Несчастье наше усугублялось еще и тем, что греческое вино оказалось непригодным для нас, потому что отзывалось оно гипсом и сосновой смолой. В дом не подавалась вода, и всякий раз, чтобы не умереть от жажды, мы вынуждены были покупать ее. К этой немалой беде добавлялась еще и вторая, а именно наш страж, который снабжал нас необходимым. Пожелай кто-нибудь найти ему подобного – он не нашел бы такого нигде, разве что в преисподней. Ведь он обрушивал на нас, словно бурный поток, любое зло, любое надувательство, любой шантаж, любое мучение, любое оскорбление – все, что только мог придумать! Из 120 дней не проходило и одного, чтобы он не доставил нам вздохов и стенаний.

2. Накануне июньских нон¹ мы, как сказано выше, достигли Константинополя, остановились перед Золотыми воротами и ждали, сидя на лошадях, под проливным дождем до 11 часов. А в этот час Никифор² приказал впустить нас. Однако он не считал нас, удостоенных вашей высокой милости, достойными въехать в город верхом, и нас отвели в упомянутый уже мраморный, ненавистный, открытый для сквозняков дом³. А в

восьмой день до июньских ид⁴, в субботу накануне Троицы, я был представлен его брату⁵, дворецкому и логофету, и выдержал с ним большой спор о Вашем императорском титуле. Потому что он назвал Вас не императором, что значит *basilea* на их языке, но пренебрежительно *giga*, т. е. король по-нашему; когда я ему заметил, что это означает то же самое и только обозначается по-разному, то он заявил, что я пришел не с миром, но чтобы спорить, встал, истинно негодуя, и принял Ваше письмо, но не сам, а через посредника – человек довольно высокого роста, но низкий лицемерностью; если кто на него обопрется, руку ему он проколлет⁶.

3. А в седьмой день до июньских ид⁷, в самый день святой Троицы, привели меня в большой зал, который называют *stejana*, т.е. залом венчания на царство, к Никифору, человеку весьма отталкивающей наружности, какому-то пигмею с тяжелой головой и крошечными, как у крота, глазами; его уродовала короткая, широкая, с проседью борода, а также шея высотой в толщину пальца. Его длинные и густые волосы придавали ему вид кабана, цветом кожи он был подобен эфиопу: «с ним бы ты не хотел повстречаться среди ночи»⁸. Живот одутловатый, зад тощий, бедра для его короткой фигуры непомерно длинны, голени маленькие, пятки и стопы соразмерны. Одет он был в роскошное шерстяное платье, но слишком старое и от долгого употребления зловонное и тусклое, обут в сикийонские⁹ башмаки. Дерзкий на язык, с повадками лисы, по вероломству и лжи он – Улисс. Вы, мои повелители и императоры, всегда казались мне прекрасными, насколько же прекраснее теперь! Всегда великолепными, насколько же великолепнее теперь! Всегда могущественными, насколько же могущественнее теперь! Всегда добрыми, насколько же добрее теперь! Всегда полными всяческих добродетелей, насколько же полнее теперь! Слева от него, но не в одном и том же ряду, а несколько ниже, сидели два молодых императора¹⁰, когда-нибудь его повелители, теперь ему подчиненные¹¹...

9. Да не будет мне в тягость описать *proeleusiV*¹², а моим повелителям узнать об этом. Огромная толпа торговцев и простого люда, собравшаяся в этот праздник для торжественной встречи к восхваления Никифора, знала обе стороны дороги от дворца до святой Софии, образуя как бы стену. В руках они держали уродливые тонкие щиты и убогие пики. Безобразие их шествия усугублялось еще и тем, что большая часть сброда шла во славу его самого босой. Так, мне думается, они предполагали еще больше украсить свое святое *proeleusiV*, Да и придворные его, проходившие с ним сквозь толпу этой босоногой черни, были одеты в широкие и потрепанные от старости туники. Гораздо приличнее выглядели они в своих повседневных одеждах! Не было среди них ни одного, чей прадед надел бы эту одежду новой! Золотом или драгоценностями не был там украшен никто, разве что сам Никифор, который в императорском одеянии, взятом с плеча предшественника более крупного телосложения, выглядел еще более уродливо. Клянусь Вашим благополучием, которое мне дороже собственного, что парадная одежда одного из Ваших вельмож ценнее сотни и даже более подобных одеяний! Итак, меня привели на *proeleusi* и усадили на возвышенное место возле псаломщиков, т.е. певцов.

10. И когда он, как ползучее чудовище, приблизился, вскричали льстивые псаломщики: «Вот появляется утренняя звезда, всходит Эос! Его взор отражает лучи солнца! Бледная смерть сарацинов, Никифор "medon, т.е. властитель!» И стали его воспевать: «*medonti*, т.е. властителю Никифору *polla eth*, т.е. многия лета! Народы поклоняйтесь ему, чтите его, склоните выи перед великим мужем!» Куда уместнее было бы им петь тогда так: «Иди, угасший уголь, *melle*, ковыляя, как старуха, ты, с лицом Сильвана¹³, неуклюжий, блуждающий по глухим местам, козлоногий, рогатый и двухтельный, ты, щетинистый, упрямый, неотесанный варвар, ты, бесстыдный, косматый, строптивый каппадокиец!» И вот он, чванясь от этих лживых славословий, входит в святую Софию, в то время как его повелители императоры, следовавшие за ним поодаль, склоняются с поцелуем мира в земном поклоне перед ним. Его оруженосец отметил стрелой в церкви год, который шел со времени его вступления на престол, и так те, кто этого не видел, узнавали год с начала летосчисления.

11. В этот же день пригласил он меня быть его гостем, но поскольку он не счел меня достойным занять место перед каким-либо из его вельможей, то оказался я сидящим на пятнадцатом месте от него и от скатерти. Никто из моих спутников не только не сидел за столом, но и дома-то, в котором я был гостем, не видел. В течение долго тянувшегося и отвратительного обеда с избытком масла, как это и бывает у пьяниц, и какого-то мерзкого рыбного маринада, он задал мне массу вопросов о Вашем могуществе, о вашем государстве и войске. И после того как я ему последовательно и правильно все ответил, он сказал: «Ты лжешь! Воины твоих государей не способны к конному сражению, не умеют они биться и в пешем войске; величина щитов, тяжесть панцирей, длина мечей и бремя шлемов не позволяют им вести бой ни тем, ни другим способом». И добавил насмешливо: «Мешает им к тому же *gastrimargia*, т.е., ненасытность желудков, их бог – чрево¹⁴, их отвлага – хмель, хитрость – пьянство; их трезвость – слабость, воздержанность – страх. И на море у твоего государя ничтожный флот. Я один могуществен на море, я буду атаковать его своими кораблями, разрушать его приморские города, а города на реках оброщу в пепел. А на суше, скажи, кто в состоянии с малым войском противостоять мне? Был при нем сын, была жена, саксы, свевы, бавары, итальянцы, все были с ним, и все же один городишко, оказавший им сопротивление, не сумели они тогда захватить¹⁵, да и вообще не могли бы.

Как же они собираются противостоять мне, если бы я пришел?

Мне, за кем следует столько воинов, сколько

Жатв на Гаргарском уклоне¹⁶, лоз винограда в Мефимне,

Рыб в пучине морской, звезд неисчислимой ночных¹⁷?

12. Когда я хотел ответить ему и по достоинству возразить на это самохвальство, он не позволил мне этого и словно для унижения добавил: «Вы не римляне, а лангобарды!» Он намеревался говорить и дальше и рукой сделал мне знак молчать, но я сказал в возбуждении: «От Ромула, братоубийцы, от кого и получили римляне свое имя *romiogenitus*, т.е. рожденный от разврата, ведет начало летописание. Он соорудил себе убежище, куда стал принимать неплатежеспособных должников, беглых рабов, убийц, которые заслуживали свою смерть, и множество им подобных, и назвал их римлянами. Они-то и были родоначальниками тех, кого вы называете космокрагами, т.е. миродержцами-императорами. Но мы, лангобарды, саксы, франки, лотаринги, бавары, швабы, бургундцы, так презираем их, что у нас, когда мы в гневе, нет иного бранного слова, чем «римлянин». Одним этим именем, «римлянин», мы обозначаем все, что только есть самое низкое: трусость, алчность, изнеженность, лживость, словом, все самое порочное! А то, что мы, по твоим словам, невоинственны и неспособны к конному сражению – если грехи христиан заслуживают того, чтобы ты упорствовал в этом своем строгом суждении, – в ближайшей битве выяснится, что вы за воины и какова наша воинственность».

13. Раздраженный этими словами Никифор движением руки приказал мне замолчать и покинуть длинный узкий стол. Он велел мне вернуться в ненавистный дом, или сказать по правде, в мою тюрьму. Там, спустя два дня, я был поражен тяжелым недугом, как от негодования, так и от зноя и жажды. И среди моих спутников не было никого, кто бы ни испил из этой чаши и ни боялся, что близок его последний день. Как, спрашиваю я себя, они не заболели, когда пьем их был, вместо хорошего вина, лишь соленый раствор, ложем – не сено, не солома, даже не земля, но лишь жесткий мрамор, а подушкой камень? Когда открытое помещение не ограждало ни от жары, ни от дождя, ни от холода? Сама богиня здоровья¹⁸, вся излившись на них, если б захотела, как говорят обычно, спасти б их не смогла¹⁹...

46. В шестой день до августовских календ²⁰, находясь в Умбрии, недалеко от Константинополя, я получил разрешение от Никифора возвратиться к вам. Но когда я прибыл в Константинополь, патриций Христофор, евнух, правивший там вместо Никифора, передал мне, что я не смогу теперь уехать, потому что сарацины завладели морским путем, а венгры сухопутным, и что мне следует ждать пока они не отступят. Но и то и другое было обманом²¹. Тогда же была приставлена ко мне охрана, которая не позволяла мне и моим спутникам выйти из моего же дома. Плохо понимавшие латинскую речь, те, что пришли помочь мне, были схвачены и заключены под стражу; моему грекоолону, т.е. умевшему говорить по-гречески, не разрешалось выходить даже за необходимым продовольствием. Лишь повару, понимавшему по-гречески, было дозволено выходить, и он, не разговаривая с продавцами, объяснялся с ними только знаками, пальцами и кивком головы, и на четыре монеты покупал столько же продуктов, сколько грекоолон на одну. И когда бы кто-либо из моих друзей ни послал мне немного пряностей, хлеба, вина, плодов, все это мои стражи выбрасывали на пол и отсылали посланного назад, изрядно наградив его тумачами. И если бы не приготовлена была предо мной божьей милостью трапеза в виду врагов моих²², то мне оставалось бы только принять смерть. Но кто допустил искушение, тот дал мне по своему милосердию и силу устоять. В таком бедственном положении томился я в Константинополе с кануна июньских нон до шестого дня до октябрьских нон²³, целых 120 дней²⁴.

¹ Т.е. 4 июня 968 г.

² Никифор Фока, византийский император, сын императора Романа II, правил с 963 по 968 гг.

³ Имеется в виду Мраморный дворец, который предназначался для жительства посольств.

⁴ Т.е. 6 июня.

⁵ После принятия власти Никифор объявил своего брата Льва Фоку курополатом – управляющим и магистром. В его обязанности входило представлять императору иностранных послов.

⁶ Исая, 36, 6.

⁷ Т.е. 7 июня.

⁸ Ювенал, Сатиры, V, 54.

⁹ Т.е. из сикионской области (северо-запад Пелопоннеса).

¹⁰ Сводные братья императора Никифора, сыновья императора Романа II, Василий II и Константин VII, которые пришли к власти в 976 г.

¹¹ В следующих IV-VIII гл. излагаются дипломатические переговоры Лиутпранда с Никифором, который медлит с ответом, высказывая недовольство политикой Оттона в Южной Италии, затем он приглашает Лиутпранда принять участие в торжественной церковной процессии.

¹² Торжественное церковное шествие по большим праздникам.

¹³ Сильван (миф.) – бог лесов и полей.

¹⁴ Послание к Филиппу, 3, 19.

¹⁵ Бари – город в Апулии, византийская крепость, которую Оттон осадил в 968 г. и потерпел неудачу.

¹⁶ Южная вершина горы Иды в Троаде.

¹⁷ Овидий, Искусство любви, I, 57 и 59 (цитируются Лиутпрандом по памяти).

¹⁸ В тексте *Salus* – богиня здоровья и благополучия.

¹⁹ Ср. Теренций, Адельфы, IV, 7, 43.

²⁰ Т.е. 27 июля.

²¹ Лиутпранду чинили препятствия для его возвращения, чтобы он не сообщил Оттону о подготовке Никифора к войне (гл. 27, 28).

²² Псалтирь, 22 (23).

²³ Т.е. с 4 июня по 2 октября 968 г.

²⁴ В последних (53-65) главах рассказывается об обратном путешествии Лиутпранда, после его неудавшейся миссии, продолжавшемся 49 дней.

Битва при Манцикерте (19 августа 1071 г.) (Михаил Атталиат, «История», 11)

Битва при Манцикерте произошла 19 августа 1071 г. на территории Византийской империи, близ города Манцикерт. В ходе сражения турки-сельджуки нанесли поражение византийцам, несмотря на их некоторое численное превосходство, взяли в плен византийского императора Романа IV Диогена. Эта победа ускорила установление господства турок-сельджуков в Малой Азии.

Приход послов [турок] еще не был ни отменен, ни отсрочен, а некоторые из приближенных императора [Романа IV Диогена] убеждали его отвергнуть мир, как лживый по существу и скорее бесполезный, чем сулящий выгоды. Ведь султан, говорили они, боится [нас], ибо не имеет значительных сил и, ожидая [войска], идущие следом за ним, выигрывает время, чтобы соединиться с остальными силами. Эти речи толкали императора на войну. Таким образом, турки хлопотали у себя о деле мира, император же, издав боевой клич, неожиданно одолел в [первой] схватке. Молва об этом, достигнув врагов, поразила их. Пока же они, также вооружившись, отогнали беспомощную толпу [своих] в тыл, а сами тотчас сделали вид, что построились в военный порядок. Но большинство их [тут же] обратилось в бегство, увидев выстроившиеся в порядке и военном великолепии фаланги ромеев. Турки отступили назад, а император устремился следом за ними со всем войском [и преследовал их], пока не наступил поздний вечер. Однако, не встречая у врагов сопротивления и зная, что лагерь лишен конных воинов и пешей стражи, ибо у императора не было с собою достаточного войска, чтобы и здесь оставить защиту, [к тому же] большинство [воинов], как выше упоминалось, было утомлено еще раньше, император решил не продолжать более преследования, чтобы турки, устроив засаду, не напали на беззащитный лагерь. Вместе с тем он учитывал, что если он продолжит свой путь, то ночь застигнет его при возвращении и тогда турки, будучи хорошими стрелками из лука, изменят [направление] своего бега на противоположное. Поэтому, повернув императорское знамя, он возвестил, что пора вспомнить о возвращении, Стратиготы же, оказавшиеся далеко от [своих] фаланг, видя поворот императорского знамени, решили, что император потерпел поражение. Многие, впрочем, уверяют, что некто из злоумышляющих против императора, двоюродный брат Михаила, пасынка императора, давно затаив на него злой умысел, сам сеял среди стратиготов подобные слухи и тотчас, захватив своих [воинов] (а ведь ему по доброте императора была вверена немалая часть войска), вернулся, как беглец, в лагерь. Подражая ему, и соседние с ним лохи (отряды) один за другим без боя обратились в бегство, а за ними - и другие. Тогда император, видя бессмысленное и беспричинное бегство, остановился вместе с окружавшими его людьми, призывая, как обычно, своих [воинов] прекратить бегство. Но никто не повиновался.

Те же из неприятелей, которые стояли на холмах, видя нежданную беду ромеев, сообщили султану о случившемся и убеждали его повернуть [на ромеев]. И вот, после возвращения султана, тотчас и неожиданно для императора битва разразилась. Приказав окружавшим его не поддаваться и не впадать в малодушие, император долго и мужественно защищался. Среди же прочих [воинов] вне укреплений [лагеря], захлестнутых [волною] паники, стоял разноголосый вопль, господствовало беспорядочное бегство, и никто там не сказал нужного слова. А если и говорили, то одни о том, что император храбро сопротивляется с оставшимися у него [воинами] и что варвары [уже] обращены в бегство, другие же возвещали о его гибели или пленении, третьи же болтали совсем другое и приписывали победу то той, то другой стороне, пока не начали многие из бывших с императором [в походе] каппадо-кийцев дезертировать оттуда [цельми] отрядами.

О том же, как я сам, став на пути бегущим, многих задержал, стремясь отвратить поражение, пусть расскажут другие.

После этого многие из императорских конюхов, возвращавшиеся с конями¹⁰, на вопрос о том, что случилось, отвечали, что не видели императора и какое было смятение, и плач, и горе, и ужас неудержимый, и пыль до небес, и, наконец, турки, нахлынувшие на нас отовсюду! Поэтому каждый, сколь у него нашлось рвения или стремительности или сил, вверил бегству собственное спасение. Неприятели же, преследуя бегущих по пятам, одних убили, других взяли живыми, а третьих растоптали [лошадьми]. И случилось ужасное, всякие слезы и жалобы превышающее, ибо что может быть печальнее, чем лагерь императора бегством и поражением от варваров бесчеловечных и грубых низринутый, чем император, лишенный помощи и варварским оружием окруженный, чем палатки императора, командиров и стратиготов, ставшие добычей этих мужей, [что может быть горше], чем узреть все у ромеев опустошенным, а царство увидеть в мгновение ока рухнувшим?!

Так обстояло дело с остальным войском. Но окружавшие императора враги отнюдь не легко и не сразу его одолели. Обладая стратиготским и военным опытом, знакомый со многими опасностями, он оказал сильное сопротивление нападающим, убив многих [из них]. Наконец, он был ранен мечом в руку, а затем конь его был повержен стрелой, и ему пришлось сражаться пешим. И вот к вечеру, вконец утомленный, о, горе, он смирился и стал пленником [турок].

Брачный договор Михаила VII Дуки с Робертом Гвискаром (1074 г.)

Хрисовул, посланный Роберту Гвискару Михаилом VII Дукой. В заглавии документа первый упоминается как Умберт. Не может быть сомнения, что Умберт явилось по ошибке переписчика вместо Роберт (палеографическая ошибка OumpertoV вместо RompertoV), и что хрисовул был дан Михаилом VII Дукой Роберту Гвискару. Из хрисовула мы узнаем, что сын императора Михаила VII Дуки Константин обручен с дочерью Роберта Гвискара Еленой, т.е. того, кому был послан хрисовул.

Приведенный хрисовул не что иное, как официальный документ, брачный договор, заключенный Михаилом VII Дукой с Робертом Гвискаром в августе 1074 г.

Из хрисовула видно, что ему предшествовали переговоры императора Михаила VII Дуки с Робертом Гвискаром, что последний отправил в Константинополь посольство для окончательного решения дела, и что этим послам дан был, по всей вероятности, официальный брачный договор, подписанный императором и соцарствовавшими с ним братьями Андроником и Константином. Цель брачного союза, заключенного с злейшим врагом Византийской империи, отвоевавшим у нее всю южную Италию, заключалась в том, чтобы обезопасить себя от норманнов, предупредить возможное с их стороны нападение, а также получить от них помощь для борьбы с печенегами и турками, теснившими в то время империю и угрожавшими ей серьезными бедствиями.

Хрисовул, отправленный Роберту царем господином Михаилом Дукою.

Слово благочестивого царя все равно, что слово, скрепленное золотою печатью, ибо золотое вещество заменяет его чистая и в высшей степени прямая душа. Если же слово дано мужу знатнейшему и благороднейшему, прославившемуся военными подвигами, разумнейшему по образу мыслей, настроенному миролюбивейшим образом, счастливейшему и блаженнейшему в своем управлении, может ли это слово не считаться очень твердым и не нарушимым на вечные времена? Если же, кроме данного царского слова, принесена неложная и страшнейшая клятва, служащая подтверждением договора для обеих сторон и устанавливающая между ними вполне не разрушимое согласие, кто может разрушить такую связь, в особенности же эти чудесные и по истине во всех отношениях не разрушимые узы? Ибо первая вполне не разрушимая связь это царское договорное слово, имеющее по этому самому крепость и вследствие свойственного царю величия становящаяся не сокрушимою. Вторая же связь клятва, подтверждающая слова, призывающая в свидетели Бога; это чудесные узы и по истине золотая цепь, сходящая сверху с небесного свода и приковывающая к себе связанных договором.

Поэтому и наша держава сделала как бы первую связью словесное соглашение с твоим благородством и сговаривает твою дочь за моего любезнейшего сына господина Константина царя, так чтоб им обоим быть и называться царями, и чтоб им быть связанными столько же взаимным расположением сколько царским и договорным единением (то есть брачным договором).

Но так как по древнему обычаю при таких браках и вообще при всяких брачных договорах сочетающиеся обручением воздают друг другу то, в чем те и другие договорились, то и мы признали, что это хорошо и должно быть сделано. И ты договариваешься выказывать мне приличествующее подчинение и благорасположение и не только не нападать на наши области, но и нападать на нападающих на них и отражать их от нашего царства и быть нам союзником, с одной стороны, когда мы будем призывать тебя на помощь, с другой стороны – выступая в поход (на нашу защиту) по собственной инициативе, вследствие свойства, твоего благородного расположения к нам и чудесного этого и царственного родства. Ты прибавляешь к этому, что будешь ненавидеть ненавистных нам врагов и будешь устранять их от своей дружбы и покровительства, и относящихся к нам дружелюбно и доброжелательно будешь приближать к себе и удостаивать всяческой благосклонности – и говоря коротко – ты обещаешь быть нам таким же благорасположенным и ревностнейшим союзником, каким ты бываешь ревностным защитником собственных интересов. Это с твоей стороны не одни пустые слова, но ты скрепляешь их клятвою пред Богом и подтверждаешь страшнейшими закланиями. Таково твое приношение (proeisjoga) нашей царственности и отнюдь не презренное, а вполне благородное и достойное удивления.

А с нашей стороны воздаяние следующее, и смотри, какое великолепное и царское. Начинаем с более важного. Дочь твоя, сговоренная за моего сына, будет мне любезнейшим детищем и любимым не менее сына; она будет удостоена тех же, как и он, царских славословий, будет великолепно поселена в царском дворце, к ней будет приставлена блестящая почетная стража, и весь образ жизни ее будет роскошнейший.

Это самое лучшее и самое важное. Теперь перечислю следующее за этим и имеющее отношение к тебе лично. Величайшим и высоким чином куропалата наша царская держава жалует одного из твоих сыновей по твоему выбору. Она (то есть, царская держава) присоединяет к этому проедрат один, магистрата два, вестархата два, вестата два, анфипатат один, патриката четыре, ипататов шесть, получающих руги по две литры, протоспафаратов пятнадцать, получающих по одной литре руги, спафарокандидатов десять, получающих по 36 номизм руги, одним словом – царственность моя дает тебе числом такое количество чинов, вместе с чином куропалата, какое составляет ежегодную сумму руги в два кентинария.

Царственность моя ставит эти условия не только по собственному желанию, но после того, как она много раз говорила об этом с посланными тобою послами и много раз переговаривала с ними об этом, одно предлагая, другое выслушивая, пока не узнала, что они довольны договором и клятвенно это подтвердили, и пока ты не объявил, что согласен с их переговорами.

Таковы условия договора и воздаяния; царственность моя дает поименованные чины твоему сыну и другим лицам, кому ты сам пожелаешь назначить, твое же величайшее преобладание она не причисляет к ним,

но поднимает на большую высоту и отличает необычайнейшим чином новеллссима и возводит на высочайшую высоту этого чина. Прими это сверх условия нашего договора и возвысься превыше всех остальных чинов этим избранным чином. А как высок этот чин, поют издревле слова и указывают наши обычаи, ибо все остальные чины ниже его, и этот чин отделяется от царского величия одним только кесарем (то есть, чином кесаря).

Знай же – и это знатнейший и благороднейший дар с нашей стороны, – что хотя многим чинам пожалованным по договору присвоены, кроме руги, соответствующие чину ткани, царственность моя не назначает тебе число тканей по числу их (чинов, которым присвоены ткани), но чтобы ты имел и тут нечто большее всех тканей – сверх дающихся по чину, назначается сто.

Таковы условия, исходящие от нашей царской державы и нашего искреннего благорасположения. А Бог клятвенно призываемый скрепляет эти условия. Да будут свидетелем Господь наш Иисус Христос, Создатель неба и земли, и родившая Его Пренепорочная Богородица, да будут свидетелями ангельские и небесные силы, главные из апостолов, что все назначенное и обещанное моею царственностью по нашему договору, чины, руга, благорасположение, союз, дружественное и чистое расположение – все будет не нарушенным и непреложным, и ничего из обещанного тебе нашею державою не останется не сделанным, но все будет исполнено и особенно то, что договорено относительно твоей дочери. Ибо она будет удостоена царских славословий и будет неразрывно сожительствовать с царем и моим сыном и вместе с ним будет блистать во дворце и будет управлять народом Божиим.

Итак ты имеешь утверждение и слова, и клятвы, и слово не пустое, но, как видишь, написанное и не только написанное на бумаге и подписанное царями, но скрепленное золотою печатью, скрепляющею по истине золотое наше свойство, но кроме того, и клятва ужасная и страшная, призывающая в свидетели Бога и без семени Его Рождшую, все это для того, чтобы ни одно из условий, нас связывающих, не могло быть нарушено. Написано в августе месяце 12-го индикта 6582 года.

Так как не следует, чтобы хорошие отношения, установившиеся между тобою и моею царственностью и ромэями, ограничивались твоею жизнью, но и твоим преемникам следует хранить к нам то же благорасположение и исполнять те же самые обещания, какие даны тобою, справедливо, чтоб и это было включено в список договора, который ты составишь по образцу грамоты нашей царственности и отошлешь нам, и чтоб он был скреплен клятвою твоих преемников, что и они будут хранить к моей царственности и к ромэям то же благорасположение.

Михаил во Христе Боге верный царь император Ромэйский Дука.

Андроник во Христе Боге верный царь Ромэйский Дука.

Константин во Христе Боге верный царь Ромэйский Дука.

Иоанн наименьший архиепископ Константинополя Нового Рима.

Послание, отправленное императором Византии Алексеем I Комнином графу Фландрии Роберту

Этот документ появился в самом конце XI в., буквально накануне Первого Крестового похода. За четыре года до похода на Иерусалим послание было направлено всем западным церквям, но в первую очередь – Роберту, графу Фландрии.

Господину и славному графу Фландрии Роберту, а также правителям всего королевства, ревнителям христианской веры, как мирянам, так и клирикам, император Константинополя желает здравия и мира. Во имя Господа нашего Иисуса Христа, и Отца Его, и Святого Духа.

О светлейший граф, великий заступник веры, уповая на Ваше благоразумие, я хочу поведать о том, как святейшая империя греков-христиан ежедневно терпит притеснения от печенегов и турок, которые непрестанно грабят и покоряют ее, подвергают ее побоям и поруганиям, совершают неопишуемые убийства и глумления над христианами. Поскольку многочисленны и, как мы сказали, неопишуты злодеяния, которые они творят, из многого поведаем лишь о малом – о том, от чего даже воздух начинает дрожать от страха. Прямо над крестильной купелью они делают обрезание мальчикам и отрокам христианским. Глумясь над Христом, наполняют купели кровью, с крайней плоти стекающей. Более того, они принуждают мочиться туда, а потом силой водят их по всей церкви и заставляют проклинать имя и веру Святой Троицы. Тех же, кто отказывается, подвергают различным наказаниям и, в конце концов, убивают. Они берут в плен знатных матрон и их дочерей и насилюют по очереди, словно скот. Иные же бесстыдно надругаются над девственницами прямо на глазах и их матерей, которых в это время заставляют распевать нечестивые и похотливые песенки. В книгах сказано о том, что подобное уже происходило с людьми Божьими в древности, ибо нечестивые вавилоняне, по-разному насмехаясь над ними, требовали: Пропойте нам из песней Сионских. Вот так и бесчестя девственниц, они понуждают петь негодные песни матерей, чей глас отзывается не пением, но громким плачем, ведь написано о смерти невинных младенцев: Глас в Раме слышен, плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет. И хоть матери невинных младенцев не утешились, скорбя о смерти своих детей, они утешились спасением душ младенцев. А этим матерям куда хуже – ничто утешить их не

может: ибо дочери их погибают и душою, и телом. Что еще? Переходим к самому худшему. Мужчин любого возраста и звания, а именно, отроков и отцов, юношей и стариков, знатных и слуг, и что еще хуже и мерзостней, клириков и монахов, и – о горе! то, о чем никогда не слыхивали прежде – епископов они марают грехом содомским; и бахвалятся, что одного епископа они уже подвергли этому. Не счастье скверны и разрушений, которым подвергли они места святые. А обещают совершить еще худшее. Кто удержится от слез? Кто не проникнется жалостью? Кто не содрогнется от страха? Кто не обратится к молитве? Ведь почти вся земля, от Иерусалима до Греции, да сама Верхняя Греция с прилежащими к ней областями: Малой и Большой Каппадокиями, Фригией, Вифинией, Малой Фригией, или Троей, Понтом, Галатией, Лидией, Пампфилией, Исаврией, Ликией, главными островами – Хиосом и Мителеной, а также множеством других, которых мы и перечислить не можем, островов и земель вплоть до самой Фракии подверглись их нашествию. И не осталось ничего, кроме Константинополя, который они угрожают отнять у нас в самое ближайшее время, если только помощь Господа и христиан-латинян не окажется быстрее их. Ведь с двумястами кораблями, которые построили ограбленные ими греки, гребущие волей-неволей веслами, они вторглись в Пропонтиду, что зовется Обширной, берет начало в Понте и возле Константинополя впадает в Великое море. Угрожают как по суше, так и со стороны Пропонтиды захватить Константинополь в самое ближайшее, как мы говорили, время. Мы перечислили и описали тебе, граф Фландрии, приверженец веры христианской, лишь немногие из зол, что совершило это нечестивое племя. Прочее, дабы не вызвать у читающих отвращения, опускаем.

Потому во имя Бога и из сострадания ко всем грекам-христианам мы просим, чтобы всех воинов, верующих во Христа, каких только сможешь собрать в стране своей – больших и малых, и среднего достоинства – приведи сюда на подмогу мне и грекам-христианам, ибо годом ранее они освободили Галисию и прочие западные страны от ига язычников, а теперь ради спасения своей души смогут прийти на помощь Греческому царству. Я хоть и император, но нет мне никакого избавления, не найти мне опоры и надлежащего совета, постоянно я бегу от лица турок и печенегов и сижу в каждом городе до тех пор, пока их приход не становится неизбежным. И поскольку подданные Ваши – латиняне, горю желанием, чтобы ими был взят Константинополь, Вы должны приложить все усилия к тому, чтобы стяжать себе славную и неописуемую награду – радость на небесах. Уж лучше вам владеть Константинополем, чем язычникам. Ибо в этом городе драгоценные реликвии Господа: столп, к которому Он был привязан, бич, которым Его бичевали, багряница, в которую Он был облачен, терновый венец, которым Он был увенчан, трость, которую дали Ему вместо скипетра, одежды, которые делили распявшие Его, гвозди, которыми Он был прибит, большая часть того креста, на котором Он был распят, плащаница, что была во гробе после Воскресения, двенадцать корзин с ломтями пяти хлебов и двух рыб, голова Иоанна Крестителя с нетронутыми власами и бородою, реликвии: тела невинных младенцев, равно как и пророков, апостолов, мучеников, и в особенности первомученика Стефана, исповедников и дев – и в таком количестве, что обо всем этом мы по отдельности писать не станем. Всем вышеописанным должны владеть вовсе не язычники, а христиане, и коли они получают все это – то оно послужит защите всего христианского мира, и наоборот, великий ущерб и позор выйдет от того, что они это все утратят. Но коли они не пожелают стараться ради этого и испытывают большую любовь к золоту и серебру, то обнаружат там золота больше, чем есть во всем мире. Одних сокровищ константинопольских церквей: серебра, золота, самоцветов и драгоценных камней, шелков, то есть палиев, хватит на все церкви, какие только есть на свете. Но все это превосходят неописуемые сокровища матери церквей, или Святой Софии, то есть Мудрости Божией, ибо они могут, без сомнений, сравняться с сокровищами храма Соломона. Что же мне говорить о сокровищах знати, если и богатства простых купцов никто исчислить не может? Что хранится в сокровищницах почивших императоров? Доподлинно говорю, не найдется языка, который об этом поведает, ибо там хранятся не только сокровища правителей Константинополя, но туда перенесены и сокрыты во дворцах все сокровища императоров Рима. Что тут еще сказать? Поспешите вместе со всеми Вашими людьми, соберите все Ваши силы, дабы подобные сокровища не оказались в руках турок и печенегов, которым несть числа. Каждый день ожидается прибытие шестидесяти тысяч, и опасуюсь, как бы этими сокровищами им не удалось понемногу соблазнить наших жадных рыцарей. Ведь именно так поступил Цезарь, который благодаря жадности завоевал королевство франков, и подобным образом Антихристу предстоит в будущем захватить весь мир. Действуйте, покуда у вас есть время, покуда не утратили и царство христианское и, что еще хуже, Гроб Господень, дабы стяжать себе на небесах не приговор, а награду.

Путевые записки Вениамина из Туделы, посетившего Константинополь в 1171 г.

К этому документу следует подходить критически. Несмотря на то что торговля и ремесло по-прежнему процветали в Византийской империи, ее население не могло быть так богато, как описывает автор.

Константинополь – столица всей земли... греков. И там резиденция императора Мануила. Двенадцать князей-правителей под властью его, и у каждого есть дворец в Константинополе, также есть у них замки и города, и они правят всей страной. А во главе их правитель эпарх, второй – великий domestik, третий –

владыка, четвертый – великий дука, пятый – великий эконоом, и прочие... Окружность города Константинополя равна 18 милям. Половина города окружена морем, а другая – сушей. Он расположен между двумя рукавами моря или величайших водных потоков, из которых один вытекает из Руссии, второй из Испании. Сюда приходят купцы из земли Вавилонской из Месопотамии, Персии, Мидии, всех царств земли Египетской, из земли Ханаанской [Палестины], Руссии, Венгрии, земли печенегов, Хазарии, Ломбардии и Испании. В него стекаются для торговли со всс; стран, морем и сухим путем, это шумный город; нет подобного ему ни в одной стране, за исключением Багдада, этого величайшего города, который принадлежит измаильтянам. Там есть храм святой Софии, и там живет греческий папа, потому что они не подчиняются римскому папе. В этой церкви столько алтарей, сколько в году дней. Его богатства без числа, в него ежегодно приносят дань с двух больших островов и находящихся там замков и городов. Ни в одном из храмов мира нельзя встретить богатства, подобного этому. Внутри храма колонны и лампы из золота и серебра в таком количестве, что человек не может сосчитать. Там возле стены дворца есть место развлечения царя, называемое ипподромом. Ежегодно в день рождества Иисуса царь устраивает там великие зрелища. В присутствии царя и царицы даются представления (при помощи волшебства и без него!, выводятся всевозможные люди. Выводят львов, леопардов, медведей и диких ослов одних на других и обычно также птиц,, и ни в одной земле нельзя видеть подобного увеселения.

Царь Мануил построил большой дворец для своей резиденции на берегу моря, помимо тех, что были построены его предками, названный Влахерны. Стены и колонны он покрыл золотом и серебром и изобразил на них как бывшие до него сражения, так и те, в которых сам участвовал. Он устроил престол из золота и украсил драгоценными камнями; над ним на золотой цепи висит золотая корона над самым сиденьем, находящимся под ней. И в ней жемчужины такой цены, которую человек не может определять, свет от этих жемчужин так силен, что делает излишним ночное освещение. Никто не сможет перечислить сооружения, которые там находятся. Со всей греческой земли ежегодно приносят сюда подать, башни наполняются золотом, шелковыми и пурпуровыми тканями, и ни в одной стране не найдешь таких зданий и с такими богатствами.

Говорят, что доходы одного этого города со сдачи в наем лавок и рынков и от пошлины с торговцев, прибывающих морем и сухим путем, доходят ежедневно до 20 тысяч золотых монет. Населяющие эту страну греки очень богаты золотом и жемчугом, ходят разодетыми в шелковые платья, вышитые золотом, ездят на конях, подобно княжеским детям.

Эта страна обширна и изобилует всеми плодами, а также хлебом, мясом и вином, так что ни одна страна не сравняется с ней по богатству. Жители знакомы со всей греческой литературой, живут спокойно и счастливо.

Для войны с турецким султаном они нанимают военных людей из различных народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления.

Ярмарка в Фессалониках в первой половине XII в.

С образованием Византийской империи Фессалоники оказываются в очень выгодном геополитическом положении – на пересечении дорог из Константинополя в Рим и из Афин в Причерноморье. В результате, город превратился в крупный торговый центр регионального значения.

Празднество в честь Димитрия здесь (в Фессалонике¹) играет такую же роль, как в Афинах Панафиней и у Милетян Панионий. У македонян это важнейшее празднество. Сюда стекается не только множество людей из этого племени и этой земли, но сюда отовсюду собираются эллины, затем различные племена мизян, обитающие вплоть до Дуная и до границы скифов, жители Кампании, Италии, Иберии, Лузитании и страны кельтов по ту сторону Альп, и, короче сказать, все берега океана посылают к мученику благочестивых поклонников и просителей. Так велика его слава повсеместно по всей Европе. Я же, как каппадокиец, живущий за границей, никогда раньше не участвовавший в празднестве и знавший о нем только понаслышке, решил устроиться так, чтобы видеть перед глазами все зрелище и чтобы ничто не ускользнуло от моего взора. Ради этого я поместился на господствующей над местом праздника возвышенности и, усевшись там, мог рассматривать все не спеша. Здесь мне представилось следующее зрелище: палатки с товарами были разбиты ровными рядами друг против друга. Образованные таким образом длинные улицы давали достаточно простора для проходящих по ним толп людей. Глядя на их густоту и порядок расположения, можно было бы сказать, что это линии, проводимые шнуром на дальнее расстояние с противоположных точек. Поперек к ним примыкали другие ряды палаток... И это было поистине замечательное зрелище. То, что в действительности было двумя рядами палаток, вследствие густоты их расположения и правильного порядка, на-поминало зрителю одно живое существо. Казалось... переулки представлялись его щетинками...

Если же ты спросишь меня, мой любопытный друг, что было внутри лавок, когда я позднее спустился с возвышенности, чтобы рассмотреть все поближе, то представь себе все виды товаров, все, что может быть изготовлено мужской и женской рукой из тканей и пряжи; все, что привозится из Беотии и Пелопоннеса, и все, что торговые суда привозят эллинам из Италии. Но много товаров доставляет и Финикия, и Египет, Испания, и Геркулесовы столпы, где изготавливаются лучшие ковры... Эвксинский же Понт посылает свои произведения

сначала в Византию и тем способствует со своей стороны торжественности великого праздника, так как оттуда товары во множестве доставляются сюда лошадьми и мулами. Все это я увидел, когда спустился. Но когда я сидел еще на своем холме, я удивлялся разнообразию и множеству животных, и их смешанный рев оглушал мои уши: лошади ржали, быки ревели, овцы блеяли, свиньи визжали, а собаки лаяли, так как и они сопровождают своих хозяев, защищая их от волков и воров.

¹ Ныне г. Салоники.

Хрисовул императора Алексея I Комнина для венецианцев (1082 г.)

Хрисовул, т.е. особая императорская грамота с золотой печатью, императора Алексея I Комнина от 1082 г. – показывает привилегии, полученные Венецией от Византийской империи в трудный для последней момент. Эти привилегии обеспечивали Венеции полную свободу торговли в пределах Византийской империи.

В то время Византия, только что потерявшая в борьбе с турками-сельджуками почти всю Малую Азию (после битвы при Манцикерте в 1071 г.), должна была защищаться на западе от нападений норманнов, которые, захватив византийские владения на юге Италии и образовав там свои княжества, под начальством Роберта Гюнскара переправились через Адриатическое море и попытались завоевать также и балканские провинции империи. Венеция прислала на помощь Византийской империи свой флот, за что и получила оговоренные в документе торговые привилегии.

В вознаграждение заслуг венецианцев [имеется в виду военная помощь против норманнов] мое императорство соблаговолило настоящей золотопечатной грамотой постановить, чтобы венецианцы получали ежегодно почетный дар в 20 ливров...¹ Почтили мы также и благородного дожа почетным званием протосеваста с полным причитающимся ему жалованьем. Эта честь должна переходить и его преемникам.

Сверх того даем мы венецианцам лавки с их верхними этажами, находящиеся по проезду в Перу [один из городских районов Константинополя], имеющие с него вход и выход на всем пространстве от еврейского квартала до Виглы, как жилые, так и нежилые, как занятые венецианцами, так и занятые греками, Даем им три морские пристани, находящиеся в этих пределах. Жалуем также святому Акиндину² пекарню, которая находится у стены этой церкви.

Император жалует свободу торговать всякими товарами... не платя решительно ничего за какую-либо сделку во всех частях Романии... и в самом великом городе [т.е. Константинополе] и вообще во всех областях, находящихся под властью императора.

¹ Ливр (венецианский) – денежная единица, считался равным двум бизантиям. Бизантий (константинопольский), или иперпер, – монета с содержанием золота около 3,5 грамма. Может быть, тут имеется в виду «ливр иперперов», равный 72 иперперам, тогда получается огромная сумма в 1440 иперперов.

² Церковь венецианцев в Константинополе.

Хрисовул императора Мануила I Комнина для венецианцев (1148 г.)

В XII в. в числе угроз, исходящих в адрес Византийской империи оказалась деятельность сицилийского короля Рожера II, войска которого совершали опустошительные походы на владения Византии. В этих условиях, Мануил I Комнин считал необходимым прибегнуть к помощи венецианского флота. Дож Петр Полани изъявил готовность выступить против норманнов, но в замен потребовал расширения торговых привилегий для венецианских торговых людей, о чем свидетельствуют две грамоты от октября 1147 года и марта 1148 года, по которым Венеции давалась возможность свободной торговли на Кипре и Родосе вместе с тем расширялся уступленный ей ранее квартал в Константинополе. Это мы можем увидеть в хрисовуле императора Мануила I Комнина для венецианцев от 1148 г.

Желающий усилить оборону даже сильно укрепленных городов изобретает двойные башни, прибавляет стражей к стражам и стены к стенам, противопоставляя силу приступам врагов, не отказывается даже затратить крупные суммы для усиления крепости, чтобы она могла держаться долее, и многое другое изобретается для усиления укреплений города и его всесторонней охраны.

Мы же, облеченные императорским достоинством, имеющие власть и добродетель, разве не дадим щедро друзьям, верным и желанным служителям денежные сокровища, если это нужно и вызывается необходимостью, не укрепим договор договором, не приложим свою руку, чтобы скрепить пером их прочность, не наложим одну ограду на другую, чтобы еще более усилить и укрепить средства обороны? И так как в этом заключается императорское намерение и желание, мы не закроем им уста, не отвратим от них наш слух, но дружественнее воззрим на них и выполним их просьбу. Зачем мне длинные речи? Венецианцам был дан хрисовул императорами, достойной памяти дедом моим, жалующим им различные блага, а за этим последовал и другой, данный императором, блаженнейшим и дражайшим господином и отцом моей царственности, тоже дарующий и выполняющий их просьбы, направленные на восстановление прочного служения и верности нашей империи, и договора, обусловленного сохранением ими чистой любви и привязанности к Романии.

Достопамятный хрисовул императора, господина и отца моей царственности, гласит следующее: «Старая верность и благожелательность обычно изглаживает и уничтожает память о последующих недоразумениях. У

господ и друзей побеждает память о прежней доброте друзей и служителей. Это имеет место и в отношении венецианцев. Моя царственность помнит о старой их благожелательности и верности, которую они всегда проявляли к моему вечно памяtnому отцу и императору, подвергая себя великодушно опасностям ради Романии и упорно и без колебаний сражаясь против врагов, выступивших тогда с войском против нас.

Я не сохраняю память о дурных деяниях, совершенных ими незадолго перед этим, показываю им дружеское внимание и принимаю приходящих под свою руку и соответственно с этим считаю достойным снисхождения. никоим образом со стороны кого-либо они не должны подвергаться нареканию за то, что по дьявольскому, вероятно, изволению оскорбили мою царственность и Романию; напротив, они всегда будут пользоваться моим снисхождением, которое даровано настоящим хрисовулом, так как они снова обязываются всей душой сражаться за Романию и за весь христианский порядок, подчиненный моей царственности, а равным образом обязываются письменно и клятвенно выполнять со своей стороны разные службы для моей царственности, о чем подробнее говорят заключенные их уполномоченными соглашения. Они просили снова восстановить дарованный им ранее хрисовул блаженного господина и отца моей царственности, так как лишились права пользования им благодаря совершенной ими провинности. Моя царственность услышала их всех и приказала записать без изменения и установить следующее:

«Какое может быть вознаграждение за чистую дружбу и верность? Кто может вознаградить достойно друзей и слуг, когда они добровольно подверглись опасности за друзей и господ и, в особенности, когда они добровольно вступили ради них в сражения с неприятелем? Наша ревность, высоко ценя этот порыв и волю, не находит достойного вознаграждения. Воздаст, однако, как позволяет время, и тем, что желательно друзьям и служителям. Награды, дающиеся за верность и добровольную службу, меньше нашего искреннего и добровольного желания. Однако их нельзя назвать незначительными и недостойными друзей и слуг. Какую награду и что я имею в виду? Всякий знает совершенное венецианцами – как они, построив множество судов, пришли к Эпидамну, который мы называем Диррахулом, каким образом они прислали нам на помощь мужей, сражающихся на море, каким образом собственным флотом они победили флот противника, уничтожив его вместе с находящимися на нем людьми, и как теперь они постоянно помогают нам, что совершенно тружениками моря и что всем хорошо известно, даже если бы мы об этом и не говорили.

Поэтому моя царственность твердо желает вознаградить их за эти заслуги настоящим хрисовулом, чтобы они ежегодно получали во время выдачи руги двадцать литр и распределяли их ежегодно в своих церквах по своей воле. Благородный их дука удостоивается почетной должности протосеваста с полной присвоенной этой должности ругой. Эта почетная должность присваивается не персонально данному, но вечно непрерывно будет передаваться дукам – его преемникам. Патриарх удостоивается звания ипертима, то есть сверхпочетного, с ругой в двадцать литр. И это почетное звание передается через преемников тем патриархам, которые будут избираться впоследствии, так что оно непрерывным и постоянным будет, а не связано только лично с этим.

Моя царственность также постановляет, чтобы святейшая церковь святого апостола и евангелиста Марка в Венеции получала от каждого амальфитянина, имеющего эргастерии в столице и во всей Романии и находящегося под властью настоящего патриарха, ежегодно по три номисмы, к этому даруются также эргастерии, находящиеся в эмволе Перамы с прилегающими к нему площадями, которые имеют вход и выход на эмвол, простирающийся от еврейского квартала до Вигла, обитаемый и необитаемый, в эргастериях которого постоянно находятся венецианцы и греки, а также три морские гавани, которые находятся в этой местности. Даруются также и святому Анкидину мельница, находящаяся вблизи данной церкви, принадлежащая дому Петрии и дающая доход в двадцать безантов. Равным образом жалуются им и церковь святого Андрея со всеми относящимися к ней императорскими пожалованиями, за исключением относящейся к ней афесии, которую нужно давать на хеландии. Жалуются им также право торговать во всех частях Романии всеми товарами, а именно в великой Лаодикее, Антиохии и Мамистре, Адатии, Гарсе, Аттали, Стровиле, Хиосе, Теологоне, Фокиде, Диррахуме, Авлоне, Коринфе, Бондице, Метоне, Короне, Навплии, Фивах, Афинах, Еврипе, Деметриаде, Фессалонике, Хризополе, Паритетории, Авиде, Редесто, Адрианополе, Апросе, Гераклее, Селимврии и в самом великом городе и, короче говоря, во всех частях, находящихся под властью нашей благочестивой милости, без уплаты за собственную торговлю каких-либо торговых пошлин или других казенных сборов, как, например, каплокалия, портовых, входных, дачи подарков, экзафолла и других сборов, падающих на торгующих. Во всех местах торговли дается им нашей царственностью льгота, заключающаяся в том, что они освобождаются от всяких поборов. Освобождаются от власти самого епарха, парафалассита, логофета, управляющего казначейством, коммеркиариев, хартуляриев, гипологов и чиновников подобного рода, причем никто из тех, кто держит власть на местах и выполняет общественную службу, не может пренебрегать определенным здесь. Разрешается им торговля всякими вещами и товарами, а также покупка всего, что им нужно, без уплаты каких-либо сборов.

Так определило и решило священное благочестие моей царственности, и никто не может мешать им, как истинным и прямым моим рабам, помощникам против врагов и обещающим оставаться таковыми вечно. Никто не может думать обратное этому и противиться, чтобы им были переданы указанные эргастерии и пристани, чьи бы они ни были – церковные, частные или государственные, или священного дома. Это не имеет никакого значения, так как отныне они принадлежат верным рабам моей царственности – венецианцам и на будущее

время останутся за ними, так как они проявили большое благорасположение и благородство по отношению к Романии и моей царственности, обещают сохранить их навсегда и желают и обещают охотно сражаться за римский порядок и христиан. Кто же будет противоречить таким мужам и возбуждать против них судебные дела? Поэтому ни приказ Петрии или Мирелей, никто из частных лиц, или монастырь, или священный храм, которым могут принадлежать пожалованные эргастерии и пристани, не должны этому противиться. Они будут молчать и будут послушны пожалованиям и распределениям, произведенным моей царственностью. Ибо, если не пожалуем желаемое достойным, тем, кто держал себя мужественно и стремился и будет стремиться к подвигам мужества, то кому другому пожалуем мы это? Поэтому пусть будут одарены пожалованным им недвижимостями без изъятия и помехи на будущее и вечное время согласно содержанию переданного им практика протоанфипатом Георгием и нотарием моей царственности Махитариу, да будет незыблмым, прочным и неизменным все, что в нем содержится. Должно оформить соответствующий документ в тех же приказах, в которых оформлен и настоящий хрисовул нашей царственности в обозначение того, что пожаловано верным рабам моей царственности – венецианцам в предотвращение попыток затруднить им пользование этим. И что здесь постановлено, пусть будет определенным, крепким, невредимым и никем не пренебрегаемым. Если же кто нарушит что-либо из пожалованного в настоящем хрисовуле, с него немедленно будет взыскано приказом императорских имуществ десять литр золота, и он уплатит вчетверо больше, чем у них захватит, так как это твердо и незыблмо установлено настоящим благочестивым хрисовулом, написанным в мае месяце пятого индикта, в 6200 г., в котором его и подписала богоустановленная и благочестивая моя царственность».

Подтверждая этот хрисовул, моя царственность твердо желает, чтобы все было выполнено так же, как изложено в пожаловании, чтобы в дальнейшем без уменьшения производилась выдача солемний, и почести своих званий имели благороднейший дука и святейший патриарх, получали бы также и ругу и полностью владели пожалованными и переданными им эргастериями и пристанями. Равным образом пусть также пользуются правом торговать свободно, безошлинно и без каких-либо поборов во всех городах и областях, которые под властью нашей царственности, поименованных в вышеприведенном хрисовуле. Равным образом в пользу святейшей церкви апостола и евангелиста Марка, находящейся в Венеции, как это установлено в хрисовуле, эргастериями амальфитян будут даваться без уменьшения. Так как, однако, нередко случалось обложение пошлинами тех, кто в ромейских городах вступал в торговые сделки с венецианцами, и эта практика имела место долгие годы, как сказано, то просили мою царственность ее любезнейшие рабы и друзья венецианцы, чтобы была уничтожена и эта практика и, пожаловано было бы им освобождение и льгота от этого. Моя царственность выполняет и эту просьбу и настоящим хрисовулом определяет, чтобы никто из находящихся под властью царственности, когда греки торгуют с венецианцами во всех областях Романии, когда продают или когда покупают от кого-либо из них, не платил какой-либо пошлины или другого побора, но освобождались бы и они и те, с кем торгуют.

Равным образом и венецианцы должны сознавать твердо и непоколебимо то, что по заключенному соглашению клятвенно обещано их послами моей царственности. То же относится к правам, пожалованным им настоящим хрисовулом без всякого уменьшения навсегда, чтобы остался твердым и непоколебимым настоящий хрисовул, данный в августе месяце четвертого индикта 6634 года, на котором подписалась и моя богоустановленная и благочестивая царственность.

Вот то, что было дано верным служителям нашей царственности венецианцам хрисовулами достойным хвалы императором и дедом моей царственности и блаженнейшим императором и отцом моей царственности. Эти хрисовулы подтверждает и моя благочестивая царственность настоящим хрисовулом и определяет, чтобы они имели такую же силу, какую имели до смерти похвальной памяти императора и блаженнейшего господина и отца моей царственности, так же, как должны хранить силу и принятые на себя венецианцами клятвенные обязательства сохранять по отношению к моей царственности и Романии полнейшую верность и службу чистую, истинную и прямую.

Сообщено также моей царственности присутствующими в великом городе послами венецианцев, что они получили хрисовул похвальной памяти господина и отца моей царственности, дающий им льготу невозбранно торговать даже на острове Кипре и Крите и безошлинно на всей территории империи всеми товарами, которые служат предметом торговли на вышеозначенных островах, но случилось так, что дарованное в этом хрисовуле не получило осуществления, и потому до настоящего времени венецианцы лишены и не пользуются пожалованной им привилегией. И потому они просили, чтобы моя царственность осуществила ту привилегию, которая заключается в вышеуказанном повелении похвальной памяти императора и отца моей царственности, но которой венецианцы не пользовались. По причине верности и службы, которую показывают мне самому и Романии венецианцы и обещают показывать на будущее время, моя царственность, услышав и эту их просьбу, желает и постановляет, чтобы они торговали и на островах Крите и Кипре и чтобы за это никто ничего с них не взымал.

Из договора Византийской империи с Генуэзской республикой (1169 г.)

Документ отражает новую стадию борьбы итальянских городов за преобладание в сфере торговли на территории Византийской империи.

К XII в. положение Византии несколько упрочивается, вследствие чего ее императоры из династии Комнинов стремятся освободиться от тягостной опеки Венеции, с оружием в руках противящейся всякой попытке лишить ее полученные ею торговых привилегий. Утратившая свое бывшее могущество Византия не имеет, однако, сил (особенно морских) для самостоятельной борьбы с Венецией и вынуждена искать помощи у других итальянских городов и прежде всего у постоянной соперницы Венеции – Генуи. Предоставляемые в договоре привилегии и являются своего рода компенсацией за такую помощь.

За услуги и доброе расположение к империи император обещает дать Генуэзской республике квартал, пристань и церковь вне Константинополя, в так называемом Оркосе... Также дарит каждый год республике по 500 иперперов и по 2 куска парчи, архиепископу же генуэзскому по 60 иперперов и 1 куску парчи. Торговые пошлины они будут уплачивать в Константинополе по 4 со 100, в остальных же областях государства так же, как и остальные латиняне, уплачивающие пошлину.

Во всех областях личность и имущество генуэзцев будут неприкосновенны, если же генуэзцам будет кем-либо нанесен ущерб, то они найдут суд и управу у императора, как установлено. Если генуэзцы хотят принести жалобу на кого-либо из греков или иностранцев [т.е. не-генуэзцев], то они найдут управу в императорском суде.

Корабли генуэзцев могут плавать повсюду, кроме Росии и Матрахии¹, если императором не будет дано на последнее особого разрешения...

Если генуэзский корабль потерпит у берегов империи крушение и что-либо из его груза будет кем-либо присвоено, то император прикажет взыскать и вернуть отнятое.

Если генуэзец в чем-либо провинится, то он не будет судим кем-либо из иноземцев, но дело его будет разбираться в императорском суде... и виновный не будет заключен в тюрьму до суда, если даст поручителя...

¹ Росия – поселение русских, по данным позднейших источников, – в устье Дона, на левом его берегу. Матрахия – на Таманском полуострове у входа в Азовское море, может быть, древняя Тмутаракань, о которой говорят русские летописи. С Азовского моря византийцы очень выгодно получали огромные количества рыбы.

Договор Византийской империи с Генуэзской республикой (1261 г.)

Документ показывает те совершенно исключительные права, которые приобрела Генуя в Византии после ее восстановления в 1261 г. В момент заключения договора византийцы еще не овладели Константинополем. Остро нуждаясь в помощи Генуи, Византия для завершения своего восстановления и в целях борьбы со стоящей на пути этого объединения Венецией, была вынуждена принять крайне обременительные для себя условия договора.

...Во-первых, отныне и впредь наше императорство и его преемник будут иметь вечную любовь и будут вести войну с республикой Венецианской и со всеми венецианцами, нашими врагами, и не будут заключать мира с означенной республикой, а также перемирия или соглашения без ведома и желания Генуэзской республики, а Генуэзская республика не будет заключать мира, перемирия или соглашения с означенной Венецианской республикой без ведома и желания нашего императорства.

...Все генуэзцы и из генуэзской области и признающиеся за генуэзцев вольны, свободны и изъяты по всей нашей империи от всяких таможенных пошлин, налогов и сборов при въезде в нашу империю и при выезде, во время пребывания и при передвижении из одной области в другую морем или сушей, с товарами или них, туда привезенными или там купленными для вывоза как они лично, так их товары...

...[Император пожаловал] в нижеперечисленных землях и во всем, что к ним принадлежит, в полное право собственности владения: в Анее, Смирне, Андрамите, и, божьим милосердием, в Константинополе и в области Салоник в Касандрии, а также в нижепоименованных островах, а именно: Митилене, Хиосе и, божьим милосердием, на Крите и Негропonte торговые помои ния, дворец, церковь, баню, печь, сад и достаточно домов для поселения купцов, которые будут там вести торговые дела, и за все это не должно взиматься или взыскиваться никакой арендной платы. Во всех означенных землях и островах генуэзцы должны иметь и могут иметь по своему желанию консулов, курию и полную юрисдикцию во всех гражданских и уголовных делах над всеми генуэзцами или из области Генуи и теми, кто признается за генуэзца.

Во всей нашей империи и владениях, которые божьим милосердием будут приобретены, никто из генуэзцев не будет задержан... за деяния или преступления другого как лично, так и его имущество, но виновники понесут сами наказание, так что остальные не потерпят никакого убытка или ущерба за долги, проступок или грабеж других лиц.

...Не будет допущено во всех землях и островах нашей империи... снаряжение какого-либо флота, который предназначался для действий против республики Генуэзской или генуэзцев и области генуэзской.

...Врагам Генуэзской республики [император] не предоставит какого-либо рынка, за исключением пизанцев, которые являются верными людьми в нашей империи, а также он изгонит из всей империи всех

пиратов [действующих] против Генуэзской республики, и будет преследовать их и виновных карать по закону...

...[Если удастся овладеть Константинополем, то император обещает подтвердить все льготы генуэзцев, которыми они там пользовались], а также он даст Генуэзской республике дворец, жилые помещения и сверх того окажет милость республике, а именно даст ей церковь святой Марии, которой сейчас владеют венецианцы, с торговыми помещениями, находящимися вокруг церкви, и кладбище, а также участок земли, занимаемой замком венецианцев, находящимся в этом городе, – это если республика быстро и решительно пришлет галеры для взятия этого города.

Также [император] дал и уступил в полное право собственности и владения с полной юрисдикцией город Смирну и ее порт с подчиненными городу владениями и областью и населением и доходами от въезда и выезда по морю и суше... Означенный город очень удобен для купцов и имеет хорошую гавань, и сюда притекают всевозможные товары.

Император обещал, что не будет чинить республике Генуэзской во всей означенной империи какого-либо запрета... на какие-либо товары, продовольствие или зерно, но будет разрешать означенные товары, продовольствие и зерно вывозить из всей империи всем и каждому генуэзцу...

Император обещал, что он не разрешит впредь вести торговлю в пределах Великого [т.е. Черного] моря кому-либо из латинян, за исключением генуэзцев и пизанцев и тех, кто везет деньги или предметы для императорского обихода. Генуэзцам же не будет чиниться препятствий к входу в Великое море и выходу оттуда с товарами или без товаров, но они смогут свободно без уплаты какой-либо пошлины входить туда и выходить.

Договор Византийской империи с Генуэзской республикой (1351 г.)

Заклученный в 1351 г. между Византийской империей и Генуэзской республикой договор подвел итоги византийско-генуэзской войны – вооруженного конфликта 1348-1349 гг. между Византийской империей и Генуэзской республикой, вызванный вопросом взимания пошлин за проход через Босфор.

Во имя Господа, аминь. Иоанн, в Христа Бога верный император и управитель Римский, Кантакузин.

Так как между царственностью нашей, с одной стороны, и коммуной Генуи, с другой, возникли раздоры, вследствие чего разразилась война между нами и названной коммуной и, в конце концов, состоялись многочисленные переговоры между царственностью нашей и благородными мужами – господами Оберто Гатилузи, Раффо Эрмино, светлыми синдиками господина дожа и коммуны Генуи, а также с Фредерико дель Орто и господином Ланфранко ди Подио от имени и со стороны благородного мужа господина Паганино Дориа, адмирала коммуны Генуи, а также с синдиками и синдикариями от имени названного господина дожа и коммуны Генуи согласно представленным верительным грамотам, написанным верительным грамотам Конрадом ди Креденца, нотариусом, от года MCCCLI, июля третьего дня, через посредство которых предъявлены верительные грамоты господина дожа и его совета, содержащие обещания и имеющие выгодные условия и клятву «договору» в общем и в частности, что тем самым господином адмиралом и заместителями его действительно исполнено, и обещано, и гарантировано от имени названного выше господина названного высокого титула. А также, Оберто Раффо, Фредерико и Ланфранко являются актерами-заместителями и прокураторами указанного господина адмирала с полной компетенцией, какую тот сам имеет согласно указанным выше верительным грамотам, написанным Тома Оттоне в данный год, день тридцатый апреля. Итак, царственность наша заключила с вышеуказанными благородными «мужами» нижезаписанный мир в следующем.

Первое, разумеется, что этим подтверждаются договоры как новые, так и прежние, которые существовали между царственностью нашей и коммуной Генуи, в то время как мир и этот договор, заключенный господином адмиралом с адмиралом Орхан-беем, являются условием не препятствующим заключению вышеуказанного соглашения.

2. Далее, по соглашению царственности нашей, благодаря примирению, жалуется коммуне Генуи участок земли в Галате там, где ров протянулся вплоть до замка Санта-Кроче и длиной названный ров сто локтей, далее которого нельзя латинянам или грекам возводить какие-либо новые строения.

3. Далее, следует по договору и клятве царственности нашей, что нельзя каким-либо галейм каталонским или венецианским, которые прибывают в Константинополь, «со стороны» царственности нашей или греков предоставлять продовольствие или убежище, а также разрешать им спускать сходни, а также и в других торговых местах или названных укреплениях. Таким образом, если кто в тех местах окажется не в состоянии защитить себя и, если эти галей захватят продовольствие, «то это» не «должно» понимать как основание для расторжения договора или как основание к нарушению клятвы, принесенной царственностью нашей. Не иначе следует поступать в случае войны между каталонцами, венецианцами и генуэзцами.

4. Далее, следует по договору и клятве царственности нашей, что в случае каких-либо раздоров, или ссор, или вражды между каталонцами, венецианцами и генуэзцами в империи нашей, или в каких-либо частях

«ее», или же в Константинополе, грекам названной империи в известной степени не должно вмешиваться в названные ссоры или раздоры. И если кто из названных греков вмешается в вышеназванное, надлежит выслать «его» из империи нашей или наказать нашей властью. Однако надлежит капитанам нашим в тех местах империи, где будет обнаружено, что наличествуют раздоры или ссоры между вышеназванными генуэзцами, венецианцами и каталонцами, задерживать тех, кто чинит раздоры, и доставлять генуэзцев, с одной стороны, к подеста Перы, венецианцев, напротив, к венецианскому бальи.

5. Далее, устанавливается по договору, что если каталонская или венецианская галера прибывает в Константинополь во время названной войны с венецианским бальи или послом «на борту», то в случае, когда она «намерена» спустить сходни, «это» не противоречит договору.

6. Далее, устанавливается по договору, что по случаю названного договора царственность наша перед господином адмиралом дарует свободу всем генуэзцам, которых содержат наши греки в империи и которых также царственность наша содержит в тюрьмах или под арестом, и подобным образом господин адмирал дарует свободу всем грекам, которых содержат в коммуне и которые есть в коммунах.

7. Далее, устанавливается по договору, что царственность наша не позволяет устанавливать или взимать пошлину с грека, который покупает товар у генуэзца, и как «это» наличествует в соглашении, которое предписывает взимать или возвращать данную пошлину, что нельзя «взимать пошлину», если не взимать упомянутое со всех принадлежащих нашим грекам греческих товаров, и таким же образом поступают граждане генуэзской коммуны в «отношении» упомянутого на товары, «купленные» у греков.

8. Далее, устанавливается по договору, что когда какой-либо грек продает в Пере или «иных» местах вино, то пошлину, наложенную соответственно порядкам, «установленным» синдиками коммуны, грек должен платить такую же, как и остальные генуэзцы, и подобным же образом коммерции царственности нашей собирают и взимают положенную нам пошлину с генуэзцев, которые продают вино в Константинополе так же, как и с остальных греков; это условие сохраняется во время войны каталонцев и венецианцев с генуэзцами, и до тех пор пошлина на вино остается неизменной, если только не изменятся обстоятельства данной войны.

9. Далее, устанавливается по договору, что если произойдет или случится, что станет известно царственности нашей, что со стороны генуэзцев будет поступок, слово или деяние против мира, которые будут угрожать царственности нашей объявлением или началом войны с генуэзцами, в то время как даны клятвы в его соблюдении, «надлежит» отправить специального нунция к подеста Перы для денонсирования и заявления протеста, то с того дня, когда это произойдет, до наступления восьмого месяца «нам» следует воздерживаться от начала каких-либо враждебных нападений или действий между сторонами. И таким же образом, если подеста Перы заметит, что со стороны царственности нашей и моих греков есть противодействие вышеуказанному миру, надлежит подеста «действовать» тем же образом, как сказано выше, и заявить протест и денонсировать «договор с» царственностью нашей, а также «он» не может со своей стороны в течение ближайших восьми месяцев начинать враждебные действия, лишь по истечении восьми месяцев названные стороны «могут» быть свободны не соблюдать названный договор.

10. Далее, устанавливается по договору, что греческие суда не плавают и не могут плавать к Таны или в море Таны, если туда не плавают генуэзские суда; всегда, когда «необходимо» от царственности нашей отправить «туда» вышеназванные «суда», «он» направляет посольство к господину дожу, чтобы добиться разрешения, что греческим судам там можно плавать, и если дож согласится, что им можно плавать потому, что плавать разрешено, когда нет войны между сторонами.

11. Далее, устанавливается по договору, что если греки будут захвачены генуэзцами на вражеских судах, а именно каталонских и венецианских, будучи на вышеназванных наемниками или по собственной воле, их можно арестовывать; если же названные греки находились там в силу обмана, тогда надлежит генуэзцам этих греков отпустить. И указанное выше условие истекает через три месяца, начиная со дня заключения договора до наступления в календах августа первого «дня». И наоборот, если царственность наша обнаруживает каких-либо генуэзцев у наших врагов, то, по тому же правилу, их можно арестовать.

12. Далее, устанавливается по договору, что не должно каким бы то ни было греческим судам заходить или возвращаться в каталонские и венецианские места во время вышеназванной войны, за исключением, если царственность наша по каким-либо собственным соображениям решит послать в названные места один военный корабль, тогда можно направлять названный корабль всякий раз «по необходимости».

13. Далее, устанавливается по договору и соглашению, что вся генуэзская недвижимость – земля и собственность, которая есть в империи, возвращаются генуэзцам таковой, какой «она» есть, любые доходы, которые поступили в наш вестиярий с любой «бывшей генуэзской» собственности, им «генуэзцам» не возвращаются и удерживаются.

14. Далее, устанавливается по договору и клятве, что никакой генуэзец не может приобретать какую-либо собственность или землю или виноградник у какого-либо грека без разрешения царственности нашей, и если какой-либо генуэзец приобретет «что-либо» без разрешения царственности нашей, то теряет стоимость указанной собственности.

15. Далее, долговые обязательства, которые существуют между греками и генуэзцами, остаются в том положении и силе, в каких пребывали до войны, за исключением того, что поступило в вестиярий царственности нашей или в «казну» коммуны Генуи или Перы; оно не подлежит возврату.

16. Далее, устанавливается по договору и соглашению, что если какое-либо генуэзское имущество захвачено во время войны каталонцами или венецианцами и продано грекам и, наоборот, если какое-либо греческое имущество захвачено и продано генуэзцам, то «оно» является утраченным без допущения какого-либо возмещения в будущем.

17. Далее, всяческие убытки, понесенные во время войны, и иски по «их» возмещению, а именно от греков генуэзцам и от генуэзцев грекам, аннулируются, а также, в известной степени, их нельзя как-либо возмещать в будущем или исправлять, или возбуждать «иски».

18. Далее, устанавливается по договору о Хиосе и Фокее, что царственность наша должна /предварительно/ заслушать своих послов. И, когда они обскажут царственности нашей дело, как будет угодно нам или нет, то после этого царственность наша разрешит передать вышеназванному дожу и коммуне Генуи, о чем мы «в отношении» вышеназванного договоримся и заключим «договор» с господином дожем и господин дож с царственностью нашей, «это» воспринимается как факт. И, если не будет угоден царственности нашей порядок, устроенный господином дожем в вышеназванном, то царственность наша может передать господину дожу столько, сколько пожелает по соглашению об этом.

19. Далее, устанавливается по договору, что генуэзцы не могут предъявлять обвинения грекам по крови и освобождают арестованных «подданных» царственности нашей в коммуне Генуи и Пере, и таким же образом царственность наша отпускает всех генуэзцев, против которых имеются какие-либо обвинения.

В этом, целиком и в частности, поклялись царственность наша, любимейший сын наш господин Матфей Кантакузин на святом господнем Евангелии, и от лица нашего лично на Священном писании, что «договор» имеет навечно силу, и незыбимость, и выгодность, и ни в чем не будет испытывать противодействие или выступлений против как юридически, так и фактически, потом или сразу; и он вступает в действие без каких-либо правовых ограничений и сохраняет нерушимость. И таким же образом присоединяется другой деспот – высочайший сын наш господин Мануил Кантакузин, так как является соправителем Константинополя, и приносит клятву, и заключает «договор», и соблюдает «его» в общем и в частности, следуя нам. И таким же образом господа Оберто, Раффо, Фредерико и Ланфранко поименно поклялись в вышесказанном на святом господнем Евангелии, лично на Священном писании и от имени названных господина адмирала, и господина дожа, и коммуны Генуи, «что» вышеназванное в общем и в частности сохраняет навечно силу, и незыбимость, и выгодность, и ни в чем не «испытывает» противодействия и выступлений против как юридически, так и фактически, потом или сразу, и оно вступает в силу без каких-либо правовых ограничений и сохраняет нерушимость; и что должны названный господин адмирал, господа Ланфранко Катанео, Мартино ди Мауро, Катанео Спинолу и Антонио ди Сардзано, советники названного господина адмирала, поклясться таким же образом по доброй воле царственности нашей в соблюдении «договора» в общем и в частности, как и вышеназванные, а также поклясться во всем, в чем поклялся названный выше дож в присутствии «своих» послов и послов царственности нашей, что названный мир, договор и соглашение и, в частности, вышесказанное, имеют и содержат силу, незыбимость и выгодность. Для обеспечения полной гарантии и очевидной завершенности составлена скрепленная клятвой золотая булла привилегий по указанию царственности нашей, переведенная на греческий и латинский по распоряжению нашему и продиктованная слугой нашим Николао Сигиро, алыми буквами рукой нашей лично подписанная согласно обычая, и золотая печать снизу подвешена.

Во имя Бога и блаженной Девы Марии, его матери, и всего Святого семейства, аминь. Этим всем извещается, что тишайший и блистательнейший господин Иоанн, в Христа Бога верный император и управитель Римский, Кантакузин, с одной стороны, и благородные мужи господа Оберто Гаттилузи, Раффо Эрмирио, выдающиеся синдики господина Иоанна, милостью всемогущего Бога генуэзского дожа и защитника народа и коммуны Генуи, «а также» Фредерико ди Лорто и Ланфранко ди Подио от имени и со стороны заслуженного и благородного мужа господина Паганино Дориа, удачливого адмирала флота коммуны Генуи, который адмирал является синдиком и синдикарием от имени названного господина дожа и коммуны Генуи, с другой, в моем, Тома Оттоне, нотариуса и канцелярия коммуны Генуи, присутствии подписи «поставили», и «я» подписанное удостоверил; а именно бароны названного господина и тишайшего господина императора и подписанта – генуэзцы лично поклялись на святом господнем Евангелии усердно написанное соблюдать, выполнять и чтить в общем и в частности в правильном мире между названными выше сторонами, и во всем и всему вышесказанному не противодействовать и не выступать против как юридически, так и фактически каким-либо поступком или намерением. Обещание насчет соблюдения указанного мира согласно соглашения и договора следует ниже в самом продолжении. И таким же образом в записанном поклялся лично на святом господнем Евангелии названный господин Кирматфей во всем вслед за названным императором и названный мир, который заключен выше, поклялся лично соблюдать. Об этом всем договорились названный господин император, и названные синдики и прокураторы вышеназванного «господина» просили через меня, Тома Оттоне, нотариуса и советника коммуны Генуи, составить верительные грамоты, сделанные в великом городе Константинополе, в святом дворце Влахернском, в году от сотворения мира, по летоисчислению империи Римской, шесть тысяч восемьсот шестидесятом, от истинного Воплощения Господа нашего Иисуса Христа году тысяча триста пятьдесят втором, по летоисчислению латинскому, в день шестой марта, в присутствии свидетелей – баронов греческих и, разумеется, возлюбленного брата указанной царственности, господина Михаила Асеня, и возлюбленного единокровного «брата» указанной царственности господина Андроника

Асеня, и возлюбленного зятя его протостратора Георгия Факрассена, а также в присутствии великого дрогария стражи господина Иоанна ди Перальта, и великого этериарха господина Георгия Астра, родственника императора и ныне являющегося господином Константинополя, и в присутствии латинских свидетелей, господина Дзентурино Заккариа, господина Андаро ди Мари, господина Оберто ди Гуаньо, Николао ди Порта, Бартоломео Портонарио, Ланфранко Гамбоно и Бонифацио ди Сауро, граждан и бюргеров Перы.

Я, Тома Оттоне, доверенный нотариус императора Шестого «Иоанна» и по просьбе коммуны Генуи, написал.

Осада и падение Константинополя (1453 г.) (Георгий Сфрандзи, «Большая хроника», III, 3-9)

В обширной исторической литературе, порожденной падением Константинополя и окончательным турецким завоеванием Византии, особое место принадлежит важнейшим греческим источникам – произведениям четырех последних византийских историков – Георгия Сфрандзи, Лаоника Халкокондила, Дуки и Критулу. Среди них исторический труд крупного византийского сановника и видного дипломата Георгия Сфрандзи остается наименее изученным, хотя, по признанию многих исследователей, превосходит остальные по достоверности: его автор был приближенным лицом трех последних византийских императоров, он вырос при константинопольском дворе и смолоду принимал непосредственное участие в политической жизни государства. Георгий Сфрандзи совершил множество поездок с дипломатическими миссиями, не раз выполнял секретные поручения Константина Палеолога (1448-1453 гг.), вместе с которым участвовал в обороне Константинополя в майские дни 1453 г. Ему довелось пережить плен, гибель близких, стать свидетелем завоевания турками остатков византийских владений в Море. Сочинение Георгия Сфрандзи – воспоминания очевидца-византийца, находившегося в самой гуще описанных им событий, и это отличает его от других современных ему исторических сочинений.

КНИГА III

Гл. 3. Итак, зная и слыша о победах и о преславных войнах своего отца и других своих треклятых предков, эмир Мехмед стал придумывать, что бы такое и ему совершить значительное. И вот, размышляя об этом, решил он осуществить против нас дурное намерение и поднять войну против города. Ибо говорил он: «Если я покорю этот город, я превзойду всех своих предков, потому что, часто пытаюсь овладеть этим городом, они ничего не достигли». Итак, вследствие этого тайного замысла показалось ему делом хорошим построить на проливе у Асомат, как говорилось выше, крепость, чтобы в том, что он замышлял сделать, иметь ее опорным пунктом, – чтобы, таким образом, ни одно судно, – большое или малое, – не могло пройти к городу из Черного моря и чтобы переправа из Азии в Европу была облегчена. Желая же и домогаясь, чтобы замышляемое им получило начало, вот 26 марта 6960 г., пришедши, бросился он к проливу, чтобы строить там крепость. Царь же, увидев его злодейство, хотел сначала сам открыть военные действия, чтобы помешать ему. Но некоторые из синклита [т.е. из царского совета], – духовные и светские, – восстали против такого мнения и решения царя, говоря: «Не следует твоему царскому величеству открывать военные действия, пока не увидим, что он хочет сделать. А если он построит крепость, легко будет взять ее, потому что к нам она ближе». Впоследствии, когда увидели ее законченной, они воистину поняли, что пустые надежды питают безумных. Я же настаивал на путешествии, которое было подготовлено. Но мне говорили: «Сегодня или завтра увидим». Убеждали меня также, что, не следует отправляться сухопутным, потому что опасное это дело: «Мы, мол, – говорили они, – найдем возможность отправить вас морским путем».

И вот в июне месяце того же года объявлена была война. И когда устремилось на нас неприятельское войско, оно захватило в плен всех, кто жил вне города. В это же время закончил эмир и крепость и построил в ней три сильных башни: две из них сухопутные, а одну, которая несколько больше была тех двух, он поставил у моря. Ширина их стен была 25 футов, а внутренняя ширина башен 32 фута. Затем, покрыв башни свинцом и хорошо укрепив весь замок, эмир поставил в нем и гарнизон. И вот 28 августа, выступив оттуда, эмир напал на валы города, а 1 сентября 6961 г. отправился в Адрианополь, осмотрев в эти два дня, как кажется, стены и рвы города, а, возможно, и нечто другое, что думал. И той же осенью, 1 октября, послал эмир Турахану и двух его сыновей – Ахумата и Амара, с весьма большим войском в Пелопоннес, чтобы, сражаясь с деспотами, царскими братьями, и связывая их войной, они задерживали их там, – чтобы, не будучи в состоянии оставить свои края, те не пришли царю на помощь. И так приказал эмир Турахану и его сыновьям, чтобы они связывали деспотов войной в течение всей зимы и чтобы те не находили, таким образом, благоприятного момента, чтобы притти городу и вместе с тем царю, брату их, на помощь. Итак, когда Турахан пришел и захватил опять стены Истма, с той-и другой стороны, т. е. христиан и неверных, было убито весьма много, особенно из христиан, которые обратились в бегство. Турахан же, оставив Коринф и идя чрез середину полуострова, – одних, кого нашел, захватывая в плен, а других грабя и поработая, – дошел до области Аркадии и Мессинского залива и, направляясь по Ифомской дороге, ограбил весь Мессинский залив до Мантинеи. Увидев же теснины и непроходимость места, чрез которые войско не могло итти, он часть простого войска передал сыну своему Ахумату и приказал ему итти по дороге, ведущей на Леонтари. Но тот пошел по другой дороге. Узнав об этом, деспоты-братья тайно послали туда с войском Матвея Асани: и, придя на то место, где собирались проходить турки Ахумата, и внезапно напав на них, воины Асани многих из турок перебили и взяли в плен; был среди пленных и сын Турахана, Ахумат, которого отослали в Спарту к деспоту кир Димитрию. А 17 января того же

года родился и преемник рода и царства Палеологов, – наследник этой малой искры ромеев, господин Андрей Палеолог, сын деспота господина Фомы Багрянородного.

Так обстояли дела в Пелопоннесе. Когда же засияла весна, эмир привел в порядок весь приготовленный им флот, а также стенобитные, метательные и прочие орудия, какие заготовил. Затем послал он впереди Харатег-пашу с войском, и тот обложил город. И пред тем, как притти эмиру, все башни, расположенные вне города в полях и деревнях, в которых были и некоторые люди, собравшиеся в этих башнях ввиду внезапного нашествия неприятельского войска, Харатег-паша путем осады взял и разрушил. Часть этих людей он обратил в рабов, часть от эпидемии и других бедствий погибла, – многих же христиан он взял в плен. Всего необходимого и полезного для войны, а также орудий, было у них множество, ибо везли они и много осадных машин. Некоторые из них так были велики, что каждую из них могли тащить лишь сорок или даже пятьдесят пар волов я больше 2 тыс. людей. А 2 апреля прибыл и эмир с бесчисленным множеством конного и пешего войска. Прибыв на место, он поставил свою палатку с противоположной стороны ворот святого Романа, а войско, как песок морской, распространилось по 6-мильной линии от одного моря до другого. Анатолийское войско раскинуло свои шатры по правую сторону эмира и до морского берега Золотых ворот, а европейское по левую и до Ксилопорты, что на берегу залива Золотого Рога. Эмир же со всех сторон окружил себя рвом, валом и деревянными палисадами, а вне вала стояли кругом янычары с другими благородными из двора его. Паше же, родственник эмира, пришедший вместе с вверенным ему войском, раскинул свои шатры выше Галаты. А в тот же самый день прибыла и часть флота эмира и подошла к морским берегам города: трирем и быстроходных судов было примерно 30, а судов меньшего размера и монорем 130.

Итак, подошел эмир к городу, всеми способами и при помощи машин осаждая его и окружив с суши и моря все 18 миль города. Царь же приказал поднять в устье залива весьма тяжелую железную цепь, чтобы воспрепятствовать флоту неприятельских судов проникнуть в залив. А внутри, за цепью, поставил, какие случилось, корабли, чтобы они отражали натиск неприятельских судов и сражались с неприятелем. Корабли же были такие: из Лигурии три, из Иверии или Кастилии один, из галльского Прованса [...], из Крита 3, в том числе 1 из города, именуемого Хандаксом, а 2 из Кидонии, – все прекрасно приспособленные для военных надобностей. Случайно были здесь и 3 большие купеческие венецианские триремы, которые обычно итальянцы называют большими галерами или, лучше сказать, галеатсами, – и быстроходные другие триремы, предназначенные для охраны и торговой службы. И приказал царь, чтобы и они остались для помощи городу. Так обстояли дела в гавани.

С суши же поставили неприятели огромную бомбарду, в жерле имеющую ширину в 9 футов, – и множество других бомбард, достойных внимания. И соорудив глубокий ров, а поверх его [т.е. по насыпи] окружив; их палисадом, стали стрелять из них и в четырнадцати местах сильно повредили стены города. В результате действия метательных орудий много прекрасных домов и дворцов близ стен было приведено в негодность. А бомбардами турки привели город в смятение: с шумом и грохотом они били из них по стенам и башням. С обеих сторон люди гибли от больших и малых бомбард, баллист, больших луков и других машин. И не утихал бой ни днем, ни ночью: все время продолжались схватки, стычки и стрельба.

Надеясь легко взять город вследствие небольшой нашей численности и великого нашего утомления, эмир совершенно не давал нам возможности получить хоть какую-нибудь передышку.

Однако эта огромная и мощная бомбарда вследствие непрерывной стрельбы и вследствие того, что она была вылита из недостаточно чистого металла, – в тот момент, когда бомбардир закладывал в нее запал, разорвалась и распалась на множество кусков: и многие были убиты и ранены. Услышав об этом, эмир сильно опечалился и приказал, чтобы вместо той бомбарды сделали другую, более мощную: и до дня того турки не предпринимали против нас значительного дела. А 15 апреля из Черного моря, Никомидии и Азии прибыл и остальной его флот. Число кораблей достигало 320: из них трирем было 18, бирем 48, а остальные – до 320 – были длинные корабли и небольшие суда, экипаж которых состоял из весьма многочисленных воинов и стрелков. А было среди них и 25 быстроходных грузовых судов, нагруженных лесом, известью, камнем и другим материалом, необходимым для осады города. Однако по причине, о которой мы уже говорили, им нелегко было войти в гавань. Поэтому, пришедши с востока, они стали на якорь несколько ниже Диплокиония и почти до церкви святого Константина. Еще 10 апреля, сосчитав свой флот и сухопутное – конное и пешее – войско, эмир нашел, что трирем, бирем, монорем, быстроходных кораблей и небольших судов было у него до 420 вымпелов, а войска, которое сражалось на суше, – 258 тыс. человек. Для сопротивления им мужчин внутри города такой огромной величины было 4973, – кроме иностранцев, которых едва насчитывалось 2 тыс. А что это было так, узнал я следующим образом. Согласно приказу императора, каждый из димархов и стратигов [гражданские и военные начальники], составили по своему участку точный список всех лиц, как светских, так и монахов, способных к военной службе, указав также, какое каждый из них имел оружие для обороны. И вот каждый из димархов передал список своего участка царю. А царь приказал мне: «Дело это имеет к тебе отношение, ибо все эти сведения должны сохраняться в тайне. Итак, возьми все эти списки и сядь у себя в дом: сосчитай точно, сколько в них значится людей и какое у них оружие, а также щиты, луки и метательный инструмент». И вот, выполнив приказанное мне царем, я представил результат подсчета повелителю моему, царю, с грустью и великим унынием: и число это осталось тайным для всех, кроме меня и императора. Нашлись среди архонтов и в народе, – впрочем, таких оказалось очень немного, – и некоторые весьма негодные и

трусливые люди, которые вследствие страха пред войной и другими бедствиями заблаговременно бежали из города вместе со своими семьями. Когда же обо всем этом дошло до ушей императора, он смог только застонать из глубины сердца своего.

Находился здесь [в Константинополе] и прибывший из Лигурии с двумя кораблями адмирал и господин, – человек весьма опытный, храбрый и полезный, по имени Иоанн Джустиниани, – по происхождению из благородных. Видя его опыт во всех делах, царь приказал ему быть димархом и начальником трехсот воинов, и, положившись на него, дал ему власть предусматривать и устраивать и некоторые другие важные военные дела: в этой должности он совершил деяния, воистину достойные памяти.

Когда же в скором времени эмир заменил разорвавшуюся бомбарду опять целой и крепкой, турки день и ночь усиленно стали бить по стенам и причиняли нам всякого рода боевыми машинами, стрельбой, нападениями и жесточайшими схватками великое беспокойство и многообразные бедствия. Наши же, каждый день изучая военные машины и рассматривая неприятельские, – оставив всякий страх и боязливость, изобрели новые машины и боевые средства и немало вредили неприятелю. Но эти специальные боевые средства недолго были у нас в ходу, потому что мы вовсе не имели передышки и всего того, что было необходимо для войны и осады. Враги же, разрушив в некоторых местах стены при помощи метательных орудий и пушек и желая затем заполнить рвы, чтобы легче произвести штурм и ворваться в город через разрушения в стенах, – особенно упорно стреляли и схватывались с нами: в это время другие бросали во рвы землю и стволы деревьев и другой материал, а некоторые в ярости даже собственные палатки. И можно было видеть что многие из них вследствие большого скопления людей и создавшейся тесноты падали, а идущие позади, безжалостно бросали на них сучья и землю, засыпали их всем этим и живыми отправляли в ад. Иные же, и особенно – более сильные и крепкие, – под напором задних в спешке, вместо сучьев и земли, с жестокостью сталкивали в ров более слабых. Однако и делающие это не могли убежать невредимыми от наших метательных орудий и лучников: пораженные со стен тяжелыми камнями неприятели с позором падали и получали многочисленные раны, – хотя и из наших кое-кто не мог избежать ран. Все же турки тащили свои осадные орудия до насыпи на рве, и сражение, бой и схватка были ужасные. Во всех этих делах и наши люди не остались бесславными: было удивительно, что, не имея военного опыта, они одерживали победы, ибо, встречаясь с неприятелем, они мужественно и благородно делали то, что было свыше сил человеческих. В течение всего дня засыпали турки рвы; мы же в течение всей ночи вытаскивали из них землю и бревна: и глубина рвов оставалась такой, какой была и раньше. Обрушенные же башни мы вновь укрепляли разными бревнами и землей, которую таскали корзинами и деревянными кадушками из-под вина. Эмир же, видя все это, был посрамлен, потому что намерение его оставалось безрезультатным. И вот, желая испробовать другую военную хитрость, приказал он, чтобы пришли к нему некие люди, могущие правильно рассчитывать и делать под землей тайные ходы, чтобы при помощи этих ходов войско легко вошло внутрь города. Согласно его приказу они принялись рыть. А некий германец Иоанн, весьма искусный в военных подкопах и в изготовлении пороха, – узнав об их подкопе, вырыл другой, встречный, подкоп и искусно наполнил его порохом: и когда турки с радостью продвигались вперед, он, воспламенив в выкопанном им встречном подкопе запал, многих из них сжег, а работы их обратил в ничто. Однако одного неприятельского подкопа благородный германец не заметил и не нашел. Турки же хотя и взрывали порох, который предварительно закладывали в своих подкопах, ничего этим не достигали: от порохового взрыва упала только небольшая часть одной древней башни которую мы тотчас же и восстановили. А были у нас и некоторые старцы, которые говорили, что неприятели делали это [подкопы под стенами] и во время других войн, но ничего этим не достигли, потому что большая часть города внизу, под стенами, камениста.

Эмир же, пораженный и обманувшийся в своих надеждах, стал употреблять для осады другие, новые выдумки и машины. Из толстых бревен соорудил он громаднейшую осадную машину, имеющую многочисленные колеса, – весьма широкую и высокую. Изнутри и снаружи покрыл он ее тройными воловьими и коровьими шкурами. Сверху она имела башню и прикрытия, а также поднимаемые вверх и опускаемые вниз сходни, – чтобы тем, кто внутри ее, мы не могли причинить никакого вреда. Часть ее снаружи была открыта, чтобы желающие могли легко входить в нее и выходить. В части, через которую думали выходить из нее на ров, она имела три больших двери, покрытых, как мы говорили выше, крепким прикрытием. Внутри и вокруг этой осадной машины турки имели всевозможные инструменты, военные материалы и множество земли и бревен, чтобы в подходящий момент сбрасывать все это в ров и чтобы таким образом легко спуститься в него. Были в этой осадной машине и лестницы, имеющие канатные ступеньки на деревянных основах, опускаемые вниз и опять поднимаемые вверх. Придвинуты были к стенам и всякие другие машины, о которых не мог помыслить и ум человеческий и которых, никогда не строили для взятия крепости, равно как никогда не ожидал увидеть их и император. И в друпвгшестах построили турки платформы с великим множеством колес, а поверх этих платформ подобие башен: и покрыты они были по способу, о котором мы говорили выше. И они имели весьма много пушек: их зарядили, чтобы они все вместе одновременно сделали выстрел по стенам. Сначала, впрочем, турки выстрелили из того страшного осадного орудия и снесли до основания башню, что близ ворот св. Романа: и тотчас же, подтащили эту осадную машину и поставили ее поверх рва. И был бой губительный и ужасный: начался он прежде, чем взошло солнце, и продолжался весь день. И одна часть турок яростно сражалась в этой схватке и свалке, а другая бросала в ров бревна, разные материалы и землю, что были внутри большой осадной машины, – а также камень от разрушенной башни: и навалив все это, турки

проложили себе широкую дорогу чрез ров к стене. Однако наши мужественно преграждали им путь, часто сбрасывали турок с лестниц, а некоторые деревянные лестницы изрубили: и благодаря своему мужеству мы неоднократно отгоняли неприятелей в гот день, до первого часа ночи.

Итак, нечестивцы, вследствие большой усталости и наносимых им ударов, были в досаде, и схватка и бой прекратились. Турки надеялись, что рано утром они без большого труда легко войдут в город, но обманулись в своих надеждах, потому что Иоанн Джустиниани, как некая сталь, в течение всей ночи ободрял и поощрял подчиненных ему воинов, равно как и император, который присутствовал здесь со многими другими, пришедшими на помощь. И вот на протяжении ночи, совершив великий труд, рвы очистили, упавшую башню с невероятными усилиями восстановили, а неприятельскую осадную машину, которая стояла внизу покрытая шкурами, сожгли. Когда же около третьего пения петуха появились с радостью неприятели, надеясь, как мы говорили выше, легко войти в город, и когда они увидели, что их надежды тщетны, они были поражены. Дивился искусству наших и эмир, весьма опечаленный и посрамленный, и, дивясь, говорил: «Если бы и 37 тысяч пророков сказали мне, что эти нечестивцы, – т.е. мы, – в одну ночь могут сделать, что они сделали, – я бы не поверил». Затем, видя, что мы не испытываем ни страха, ни боязни пред стрельбой и нападениями, которые они целый день производили, пред бесчисленными пушечными снарядами, стрелами и камнями, которые сыпались на нас сверху, как дождь с неба, и что наши каждую опасность обращают в ничто, эмир и весь совет его впали в великое смущение и смятение духа. А дело было так.

В то время как осада города протекала таким образом, 3 лигурийских корабля, взяв с Хиоса груз и дождавшись попутного ветра, держали к нам курс. Когда они шли, по дороге встретился им еще 1 корабль царский, идущий с хлебом из Сицилии. И вот в одну из ночей они оказались близ города. А рано утром увидели их дневные дозорные триремы эмира. Значительная часть остального флота со всею радостью, при звуках бубнов и роговых труб, устремилась на эти четыре корабля, надеясь окружить и легко овладеть ими. Когда же турецкие суда приблизились к ним и начали бой и стрельбу, то прежде всего с поднятой бровью [т.е. с высокомерием] двинулись они на царский корабль: но этот корабль при первом же их натиске приветствовал их своими пушками, стрелами и камнями. А когда они своими носами подошли к борту царского корабля, его моряки при помощи горшков, искусно наполненных жидким огнем, а также при помощи камней, снова далеко отогнали турок, причинив им великие потери. Мы же, видя сверху со стен все это, молили бога помиловать их и нас. Равным образом и эмир, сидя верхом на коне, с морского берега смотрел на происходившее. И опять, в третий раз, издали стали стрелять турки, и опять полные высокомерия и с громкими победными криками пытаются напасть на них. Хозяева же этих кораблей, кормчие в капитаны, храбро и мужественно остановившись, уговаривали моряков предпочесть смерть плену, – и в особенности отличился капитан царского корабля, по имени Флантанел: проходя с кормы на нос и сражаясь как лев, он и голосом своим подкреплял других, так что не могу я и описать его криков и поднимавшихся до неба криков других капитанов. А сражение становилось все более горячим: и многие из турецких трирем погибли и затонули, а две их триремы были охвачены огнем; и при виде этого турки стали бояться кораблей. Эмир же, видя, что его столь многочисленный и прекрасный флот не совершает ничего славного, а скорее, наоборот, терпит поражение, – пришел в бешенство и был объят гневом; рыча и скрежеща зубами, он изливал ярость на своих подчиненных, обзывал их трусами, бабами и негодьями. Пришпорив лошадь, он направился в глубь моря (ибо турецкие триремы отстояли от берега примерно на бросок камня) и большая часть одежд его погрузилась в воды соленого моря. Войско же, стоявшее на берегу, видя, что он так делает, досадовало и в печали поносило моряков. А весьма много всадников, следуя за эмиром, тоже пошло ближе к кораблям. Матросы же турецкого флота, видевшие, как эмир поступает, были пристыжены его бранью и волей-неволей с великой яростью опять повернули носы своих судов против наших кораблей и стали сражаться. И что же сказать о результатах? Турки не только не причинили никакого вреда нашим кораблям, но столько убитых, столько раненых было у них, что их триремы не могли даже назад вернуться. Было убито в тот день, как я узнал от них, свыше двенадцати тысяч агарян: и это только на море.

Когда же пришла ночь, по необходимости турецкий флот немного отступил, и наши корабли, уловив благоприятный момент, вошли в гавань, не имея ни одного убитого, и только немногих – раненых. И спустя несколько дней двое или трое из этих раненых преставились ко господу. Эмир же был столь взбешен и столь разгневан на начальника флота, что хотел посадить его на кол, говоря, что вследствие его трусости и малодушия византийские корабли вырвались в ту ночь из окружения, что только вследствие своей невнимательности и непригодности к службе он [начальник флота] позволил им войти в гавань. Однако некоторые из архонтов совета я двора упросили эмира не делать этого; так что в конце концов он даровал ему жизнь, – хотя, впрочем, лишил его звания и должности, а все имущество его отдал янычарам.

И опять был опозорен эмир: и, как пес, кусал он руки свои, а пятой топал о землю. В самом деле: дважды и трижды обрушивал он стены и засыпал рвы, но тотчас находил их опять восстановленными; а 150 его трирем, бирем и монорем не только не смогли взять в плен 4 корабля, но, наоборот, потерпели от них такое страшное поражение. Испускал стоны эмир из сердца своего, и дым ярости исходил из уст его. И размышлял он: что же такое нужно сделать, чтобы еще больше сдавить и стеснить город, чтобы осадить его с моря и с суши? И придумал он хитрость, чтобы часть своего флота ввести внутрь гавани. И мысль его тотчас стала делом. Позади Галаты через холм проложил он удобную дорогу, идущую до гавани; всю ту дорогу покрыл он бревнами и

досками, а доски смазал бычачьим и бараньим салом. Построил он и другие многообразные приспособления и машины. И вот, легко втащив триремы и биремы вверх на холм и спустив их затем вниз, ввел он их внутрь в гавань. И было это делом удивительным, и отличнейшим стратегическим приемом. Думаю я, что в этом деле эмир копировал кесаря Августа, когда тот вел воину с Антонием и Клеопатрой: вследствие морского волнения и встречных ветров Август не мог пройти кругом Пелопоннеса и поэтому перетащил свои суда по суше через Истм в восточное Элладское море и быстро прошел в Азию; или также копировал он патрикия Никиту, когда он, перетащив через Истм свои триремы из Элладского моря в западное, у Мефоны и Пилоса обратил в бегство критян.

Итак, эмир перетащил свои триремы в течение одной ночи, – ранним утром они находились уже в гавани. Затем построил он также и мост: собрав некие баржи, большие кадушки и много деревянных бочек, он накрепко и прочно, чтобы соленые воды не могли разбросать это сооружение, скрепил и связал их длинными деревьями или бревнами, железом и канатами; затем поверх барж, кадушек и бревен железными гвоздями или скобами крепко прибил он доски, – и мост получился прочный и, пожалуй, красивый: в ширину он имел 50 футов, а в длину 100, так что, казалось, можно было гулять по самой середине залива, как по суше. Затем поставил он на мосту и пушку, – и тогда турецкие триремы все вместе стали бить в стены города с этой стороны. Царь же и весь город, увидев это, впали в великое смятение духа, ибо опасался царь нашей малочисленности. И когда состоялся совет, было решено, чтобы военачальники, димархи и другие отважные люди, – будь то итальянцы или ромеи, а нашлось их немного, – чтобы каждый из них отправлялся в те места, куда вновь будет приказано, защищать стены и сражаться с неприятелем. И, прежде всего, венецианскому баилу Иерониму Миноту доверено было защищать и охранять дворцы и все тамошнее. Каталонскому консулу Петру Гулиану было поручено сторожить на участках Буколеона и почти до Контоскалия, а Иакову Контарину охранять участки стен внешней гавани и почти до Ипсоматий [и он не переставал делать все, что было возможно воинам, а в особенности благородным]. Лигурийцу Мануилу с 200 стрелков и пращников было поручено охранять участки так называемых Золотых ворот, ибо они имели на этом участке покрытую бычачьими и коровьими шкурами вражескую осадную машину, из пушек которой турки били по стенам. Родным братьям – Павлу, Антонию и Троилу было доверено охранять Мириандр, ибо и на этих участках город был в опасности: днем и ночью пешие и конные толпы турок бились здесь отважно и мужественно; часто они и стены обрушивали, пытаясь проникнуть в город, хотя каждый раз отступали с уроном; кровопролитие им наши учиняли здесь не малое; часть их лестниц перетащили к себе, а часть разрушили; деяния же и подвиги мужей [Павла, Антония и Троила] были достойны вечной памяти. Феофилу Палеологу, – человеку, опытному во всяком научном деле, а эллинской образованности и математики до вершин отведавшему, было доверено сторожить на участках так называемых Силиврийских ворот. Иоанну Джустиниани, верховному главнокомандующему – человеку, на всякое дело годному и полезному, на которого и сам император весьма полагался вследствие его благородства, мужества и отваги, с 400 итальянских и ромейских воинов было поручено сторожить на участках ворот св. Романа, где турки вели бои больше, чем на других участках: и огромную осадную машину с бомбардой они поставили на этих участках, потому что место было здесь удобное для осады стен и города и потому что и сам эмир находился здесь в шатре. Феодору, из Кариста – человеку воинственному и предприимчивому, стрелку, более искусному, чем всякий другой, и германцу Иоанну, мужу, прекрасно знающему военные машины, было поручено сторожить на участках Калигарийских. Лигурийцам Иерониму и Леонарду было указано сторожить на участках так называемых – Деревянных ворот. Русскому кардиналу было поручено сторожить на участках Кинегга и до св. Димитрия, а великому дуку Луке Нотара – на участках Петрия и до ворот св. Феодосии. На участках же так называемых Красивых ворот назначены были сторожить моряки, капитаны и кормчие, которых имел корабль, прибывший с Крита.

Гл. 4. Капитану венецианских трирем Гавриилу Тривизану с 50 другими воинами поручено было защищать башню у пролива, охраняющую вход в гавань и находившуюся насупротив Царских ворот: и вверенный ему участок, он, как пастырь, а не наемник, защищал прекрасно. Капитану купеческих трирем Антонию было поручено защищать свои триремы и корабли, стоявшие, как уже было сказано, внутри залива, за цепью; так как эти корабли хорошо были приспособлены для военного дела, то находящиеся на них моряки трубами, барабанами и бесчисленными криками часто вызывали турецкие триремы и корабли на бой; перестрелка между ними не прекращалась ни на один день, хотя решительного боя они и не принимали. Другие благородные и отважные мужи города были распределены для охраны в необходимых местах и не переставали делать все возможное. Было также повелено, чтобы монахи, священники, клирики и остальные лица из духовенства были распределены в разных местах по всей округности города, – чтобы и они, молясь богу, день и ночь несли дозорную службу и молитвами своими умоляли божество о спасении города. Димитрию Кантакузину, его свату Никифору Палеологу и некоторым другим приказано было с 700 воинов находиться в почитаемом храме св. апостолов и в других местах, чтобы они пришли на помощь туда, где в этом возникнет необходимость. Император же вместе с нами и родственником своим Франциском Толедским, который, говорят, вел свой род от кровей преславного императора Алексея Комнина, верхом на лошади весь день и ночь объезжал укрепления с внутренней стороны: и все необходимое для боя мы заготовляли.

Когда же государственная власть стала нуждаться в деньгах для выплаты жалованья воинам, император приказал взять из церквей святые и посвященные богу сосуды; и стали чеканить из них деньги. И пусть никто

не обвиняет нас в святотатстве: по нужде времени это делалось, подобно тому как Давид, взалкав, по необходимости съел хлебы предложения, которых никому нельзя было есть, кроме священников. Ибо говорил блаженной памяти император: «Если освободит Бог город, вчетверо возвращу господу моему».

Состоялось и второе у нас совещание, и было решено введенные в гавань триремы и построенный турками мост при помощи какого-либо приспособления сжечь, потому что эти корабли причиняли городу большую тревогу и угрожали опасностью. Придумали и средство для осуществления этого, а план сообщили императору. И вот венецианец Иаков Кок – человек более способный к действиям, чем к болтовне, весьма искусно и хорошо начал это дело, когда ему было доверено осуществление плана. Приготовил он три весьма быстроходные и легкие ладьи, посадил в них из греков и итальянцев 40 смелых, отважных и мужественных молодых людей, тщательно объяснил им все и дал им снаряженные греческим огнем приспособления: ночью они должны были выйти, переправиться к Галате, итти близ побережья до турецких трирем и выполнить приказанное. Так бы, конечно, и было, если бы злая наша судьба не помешала и этому. Вышли они весьма искусно: обошли мост и переправились к галатскому побережью, а на мосту оставили приспособление для метания греческого огня и двух молодых людей, чтобы, когда другие подойдут к турецким триремам и дадут сигнал, те моментально воспламенили серий греческий огонь. И вот они уже почти подошли к триремам, когда или бог, вследствие прегрешений наших, помешал этому делу, или вследствие неосторожности одного из тех молодых людей, кто-то из их домашних выдал тайну неприятелям. И турки, имевшие бдительную стражу и ночных дозорных, увидели их и пушками, камнями и при помощи других своих судов одну нашу ладью пустили ко дну, а людей наших поодиночке переловили. Таким образом, наши ничего не сделали, кроме разве того, что одну из турецких трирем сожгли. А начавшийся на мосту пожар сбежавшиеся во множестве турки затушили. Юношей же тех, дивных и прекрасных, всех на наших глазах рано утром по приказу безбожного эмира безжалостно перебили: и плач безмерный был по ним в городе. Царь же, опечаленный, тоже приказал, чтобы кругом на башнях перебили, пленных турок: и было перебитых 260 человек. А благодаря всему этому и беспорядки произошли: и начался великий раздор между венецианцами и лигурийцами. Ибо говорили и утверждали лигурийцы, что они, а не венецианцы, самые опытные во всяком деле люди и что, по своей неопытности, Иаков Кок не знал, что делал, – что, мол, ни он, ни остальные венецианцы не видели, что предпринимали, вследствие чего и сорок тех юношей, о которых столь великая скорбь была в городе, погубили да и турецкие триремы и мост, возведенный в гавани, не сожгли. И вот, когда услышал об этой расправе император, то пришел и стал беседовать с венецианцами и лигурийцами и со скорбью сказал: «Прошу вас, братья, живите в мире! Довольно с вас и внешней войны. И ради милосердия божия не затевайте войны между собой!». Сказав еще другое многое, император примирил их.

Эмир же, увидев, что наше предприятие относительно трирем никакой нам пользы не принесло, а скорее, наоборот, причинило вред, весьма обрадовался, сказав с надменностью и самомнением: «То, чего не смогли нам сделать они, взамен сделаю им я». И вот на холме св. Феодора, по ту сторону залива, в Галате, поставил он большие пушки и камнемётные машины, чтобы пустить ко дну наши корабли, что стояли при входе в залив, либо заставить их уйти оттуда, где они стояли. И это он сделал не только для того, чтобы очистить вход в гавань, но и для того также, чтобы отомстить лигурийским кораблям, – чтобы показать им, что он – человек сметливый и изворотливый – все может. Жители же Галаты, увидев, что он хотел причинить вред их кораблям, собравшись, сказали ему: «Несправедливо причинять вред купеческим лигурийским и нашим кораблям, потому что мы и они друзья твои». Он же сказал им в ответ: «Не купеческие это корабли, а пиратские, и не для торговли пришли они сюда, а чтобы помогать царю, врагу нашему. Я же как явных врагов хочу, если это возможно, проучить их. А вы, как друзья мои, отойдите от них». Итак, начал он бой: и можно было видеть, что первым же выстрелом, который сделал из пушки бомбардир, головной корабль был потоплен. Остальные же корабли, увидев опасность и желая избежать ее, – несколько продвинувшись, остановились на участке ближе к Галате, чтобы укрыться за самыми высокими зданиями. Эмир же, не щадя домов, многие из них разрушил, чтобы беспрепятственно бить по кораблям. И можно было удивляться, что, бросив на это дело более 130 пушек и камнемётных машин, он и вреда больше никакого не причинил кораблям и человека не убил не единого, за исключением разве того, что упавший со стены камень убил некую женщину.

Несколько дней, как было у него в обычае, эмир, как и раньше, не давал нам решительного боя, а только стрелял издали: день и ночь не переставал он с силой бить стенам из пушек и камнемётных машин. И вот некоторые, не столь опытные в военном деле, когда увидели, что сражения нет, оставив порученные им места, разошлись по своим домам. Турки же, использовав удобный момент, в некоторых местах железными когтями или крючьями стащили вниз наполненные землей корзины оттуда, где они стояли для прикрытия людей во время сражения. Димархи же вместо этих корзин тотчас поставили другие. Услышав от военачальника о том, что, как мы сказали, произошло, царь сильно бранил таких людей. А те говорили в ответ, что сделали они это потому, что им, а также детям и женам их, нечего есть и пить. Услышав об этом, царь распорядился, чтобы те, кто, вследствие старости или другой какой-нибудь причины, не может сражаться, выделяли из своих запасов соразмерно с достатком каждого, хлеб и все съестное семьям сражающихся и воинам, охраняющим башни.

А война с каждым днем становилась все тяжелее, потому что каждый день к неприятелям не переставали подходить из Азии все новые войска, наши же вследствие ежедневных потерь, как луна на ущербе, все уменьшались и таяли. И вот некоторые из наших – люди непокорные и бесчеловечные, видя, что мы слабеем, и

найдя, что момент благоприятствует для подлых стремлений, ежедневно стали устраивать мятежи и бунты и изливать из нечистой своей глотки на площадях и улицах города против несчастного императора и других архонтов оскорбления и ругательства, ни бога не боясь, ни царя и людей не стыдясь. Преблагеннейший же император подражал речению Давида, говорящему: «Аз же, яко глух, не слышах и, яко нем, не отвержай уст своих: и бых, яко человек не слышай и не имый во устех своих обличения. Врази же мои живут и укрепятся паче мене, и умножишася ненавидящий мя без правды». Когда же приходили к царю некоторые и говорили: «Такой-то и такой-то сказали о тебе следующие ужасные вещи», – он выслушивал их так же, как тех, кто проходит разговаривая мимо. И сбылась над нами пословица, говорящая: «Когда кто счастлив, все люди ему друзья; если же впадет в беду, то и сам родитель не будет ему другом».

24 мая пошел шопот, что 29-го того же месяца эмир хочет напасть на нас с суши и с моря и дать решительный бой и сражение. И вот все военачальники идимархи, а в особенности Иоанн Джустиниани, не переставали употреблять все усилия для отражения неприятеля: тысячами способов всю ночь восстанавливали они рухнувшие от пушечных выстрелов и от стенобитных машин стены. Затем Джустиняни, послав к великому дуге Луке Нотара, просил его выслать ему несколько боевых машин, которые находились на участках, где нес охрану Нотара. Господин же Лука Нотара не пожелал выдать их, говоря, что и на его участках была в них надобность. А Джустиниани возразил, говоря, что на тех участках, поскольку они расположены на берегу, нет никакой надобности в таком количестве боевых машин. И вот по этой причине перешли они к словам, которые более свойственны людям молодым, и с обеих сторон один на другого стали изливать из уст оскорбления: Джустиниани обозвал Луку Нотара негодяем, злодеем и врагом отечества, а тот опять со своей стороны выбралил Джустиниани разными оскорбительными ругательствами. Царь же, услышав об этом, призвал их поодиночке к себе и говорит: «Братья! Не время ссориться между собой – так говорить и спорить: простим ненавидящим нас и будем молить бога, чтобы освободил он нас из раскрытой пасти этого дракона, что у нас перед глазами». Сказав им и других немало слов, царь, наконец, примирил их: и возвратился каждый из них во вверенное ему место выполнять свою службу. Джустиниани же, и особенно в те дни, своим словом, советом и делом явил себя страшным для неприятеля: каждую ночь производил он стрельбу и делал вылазки против врагов и многих из них взял в плен живыми, а других прикончил мечом. Успехам и деяниям этого мужа все дивились и называли его освободителем и спасителем города. Однако не до конца он оставался таким: славу, которую он приобрел своим мужеством, сокрушила впоследствии его трусость.

И вот, когда мы были в таком положении, распространился среди неприятельских войск ложный слух, что из Италии на помощь городу идет будто бы флот и что в то же время идет будто бы с весьма многочисленным конным и пешим войском и Янк, правитель Венгрии. Когда услышали это сыны Агари, величайший страх напал на них и стали они проклинать эмира и шуметь, говоря, что он будет причиной гибели рода их, потому что они предпринимают невозможное. Равным образом и эмир, будучи полон размышлений, замешательства и страха, как и весь совет его, стал весьма печален: во-первых, потому, что распространился среди них слух о помощи; во-вторых, потому, что они видели, как столь страшное и столь бесчисленное войско в продолжение стольких дней ни с суши ни с моря не добилось никакого успеха; ведь когда они, при помощи столь многих машин, с таким трудом приставляли к стенам лестницы, то часто их отгоняли и оттесняли с уроном, и так много народу гибло у них, что на турок, которые оказывались уже на стенах, нападали ужас; в-третьих, потому, что видели знамение: свет молнии, исходящий с небес и в течение всей ночи стоящий над городом, как бы прикрывая его. И вот, когда увидели этот свет, то сначала говорили так: «Это бог разгневался на христиан и решил сжечь их и предать нам в рабство». А затем, когда турки увидели, что от стен и лестниц их все время с позором отгоняют и что они, приготовив столь многочисленные машины, нисколько не стали от этого сильнее, когда они слышали ложную молву об итальянском флоте и Янке, то об этом свете стали они говорить совсем по-другому, заявляя: «Это бог за христиан сражается, и прикрывает, и защищает их, вследствие чего без воли его мы ничего не можем и сделать». Вот почему эмир, как мы сказали, и все войско его были печальны и унылы: он даже решил на следующий день подняться и снять осаду. Но в тот же самый вечер, когда он принял решение уйти на следующий день, опять они видят сходящее небес сияние. И оно на этот раз не было прямым, как обычно прежде, когда всю ночь стояло над городом, а только показалось издали и, точас рассеявшись, стало, невидимым. И вот, когда увидели это эмир и все люди его, то, исполнившись великой радости, стали говорить: «Бог теперь покинул их». Так же рассуждали мудрецы и ученые их мерзкой, нечестивой и обманной веры: сияние, мол, показало теперь, что турки завладеют городом. Итак, у них появились теперь добрые надежды, которые они получили из-за грехов наших.

Али-паша, первый в совете эмира человек, больше всех пользующийся почетом и дельный, когда увидел, что эмир находится в таком раздумье, а другие все полны страха и ужаса, с виду и сам стал печален, внутренне же ликовал. А причиной этого было то, что на советах он всегда говорил эмиру, чтобы тот не затевал войны против города, – боялся он, чтобы западные владетели, услышав об этом и собравшись, не пришли к единомыслию и не изгнали турок из Европы. И теперь опять, показывая вид, что он был будто бы печален, он говорил эмиру: «Относительно этого я с самого начала предугадывал, как будет, и часто говорил тебе это, но ты не слушал меня. И теперь опять, если тебе это угодно, хорошо было бы уйти отсюда, чтобы не случилось с нами чего худшего». И вот эмир, слушая слова эти, от печали и раздумья стал полумертвым, ибо как ему можно было уйти отсюда с таким позором, подобно беглецу! А видя, что эмир находится в таком положении

колеблется, Заган-паша, второй его везирь, посоветовал эмиру продолжать против нас войну, – дело в том, что Заган-паша завидовал Али-паше, ибо они имели меж собой скрытую вражду. Итак, ободрив эмира, говорит Заган-паша: «Почему ты так угрюм и печален, эмир, и что за страх напал на тебя, и какие сомнения возникают в сердце твоём? Бог с тобой! Не печалься! Разве ты не видишь из знамения света того, что бог отдаст этот город в руки твои? Разве не видишь величины столь бесчисленного войска, которое ты имеешь? Разве не хорошо ты подготовлен, и разве не многочисленное и прекрасное всевозможное снаряжение у тебя? Войско Александра Македонского никогда не было столь многочисленным, как твое, и он не имел такого снаряжения и, однако, покорил весь мир. Я не верю и не надеюсь, что придет из Италии тамошний флот, как говорят некоторые и как сказал это брат мой, Али-паша, потому что хорошо вы знаете, что многовластие итальянских и других западных владетелей – причина того, что они не имеют единого начальника и среди них нет единомыслия. А если все-таки некоторые из них с трудом и многочисленными оговорками пришли бы к единомыслию, то в скором времени их союз потерял бы силу: ведь даже те из них, кто связан союзом, заняты тем, как бы похитить принадлежащее другому, – друг друга они подстерегают и остерегаются. Они много совещаются, рассуждают и говорят, но мало делают: и то, что вечером на совещании было принято, утром им уже не нравится. А если принятое постановление не отменено, то они медлят в его осуществлении: и это делают для того, чтобы найти удобный момент для своих намерений и стремлений. Если же приступают к какому делу и начинают его, то обычно вследствие своего раздора успеха не имеют. А теперь, как вы знаете, в особенности имеются новые разногласия среди некоторой их части. И снова я повторю, что по причинам, о которых я говорил, невозможно прибытие сюда флота из Италии. Но пусть он даже и прибыл бы сюда, – какая нам от этого опасность: ведь никогда не придет с ним столько народу, чтобы по количеству это составляло половину нашего войска или хотя бы четверть. Поэтому ободришься, эмир, наш повелитель! Нет надобности, чтобы ты имел в настоящее время пред кем-либо страх, кроме как только пред богом. Будь же мужествен, радостен и силен и ни сегодня, ни завтра не прекращай обстрела города, чтобы При помощи пушек, насколько возможно, разрушить стены еще больше».

Такие речи и советы эмиру в высшей степени понравились, и он стал радостен я освободился от печали. И он приказал Загану: «Этой ночью осмотри внимательно лагерь и узнай настроение воинов». Тот же, выполнив приказание, пришел и говорит эмиру: «Видел я войско и разузнал. Дело обстоит так: сражайся с радостью, и победа наша». Эмир же сказал ему в ответ: «Итак, тебе хочется, Заган, чтобы и мы теперь испытали судьбу и увидели, угодно ли ей дело паше и поможет ли она нам, как помогает многим другим! Пошли же в Галагу стражу, чтобы никто тайно не перешел оттуда и не оказал городу помощи».

Услышав это, Али-паша, пристыженный тем, что получили перевес речи Заган-паши, сильно опечалился и из зависти решил, если возможно, употребить хитрость, чтобы туркам ничего не удалось сделать против города. Обо всем случившемся он сообщил царю и убеждал его не бояться, потому что в войнах судьба часто неизвестна, вследствие чего советовал царю, чтобы стража неусыпно охраняла город. А было все это вечером 27 мая. И приказал эмир, чтобы всю ту ночь и следующий день турки жгли костры и факелы, чтобы весь день постылись и семь раз совершили омовение и чтобы в листе и чистыми молили бога о победе над городом, – что и было исполнено. А в понедельник вечером 28 мая, при заходе солнца, после того как турки поели, эмир, поднявшись и обращаясь к народу, сказал следующее.

Глава 5. «Дети, в высшей степени возлюбленные богом и его пророком Мухаммедом и мною, рабом его! Молю и прошу вас, чтобы к утру вы сделали дело, достойное вечной памяти, как и предки ваши всюду доньше, как известно, делали: чтобы с готовностью, храбростью и мужеством, при помощи лестниц, как птицы, поднялись вы на стены города и чтобы славу, которую, как мы сказали, приобрели предки наши и которую даровал нам бог, – да не будет, чтобы мы утратили ее; наоборот: теперь в особенности наступил такой момент, чтобы мы всячески ее умножили». Еще многое другое сказал он, побуждая их к мужеству, к тому, чтобы действовали храбро. Затем он говорит: «А если некоторые из нас будут убиты, как это обычно бывает на войне и как это написано на челе ее, то вы хорошо знаете, что говорит в нашем коране пророк: умерший в такой момент будет есть и пить в раю вместе с Мухаммедом; вместе с детьми и с красивыми женщинами и девушками он будет отдыхать в изобилующем зеленью и цветами месте и будет омываться в красивейших купальнях: и все это в месте том он будет иметь от бога. От меня же в свою очередь, если победим, всему моему войску и архонтам двора моего жалованье, которое я уплачиваю в соответствии с положением каждого, сравнительно с тем, что сейчас они имеют, будет увеличено вдвое, начиная с сегодняшнего дня до конца жизни их. И на три дня весь город будет вашим. И если что вы наградите в нем и найдете золотую или серебряную утварь или одежду или пленных, – будут то мужчины или женщины, малые или старые, – никто чтоб не мог потребовать их от вас и ничем чтоб не беспокоили вас». Окончив говорить, поклялся он им соблюсти все, что обещал. Они же, выслушав все это, весьма обрадовались, и все в один голос на своем языке прокричали воинский клич: «Алла, алла, Мухаммед ресул, алла», т. е.: «Бог богов, и Мухаммед – пророк божий».

Мы же в городе, услышав такой крик, подобный великому шуму моря, размышляли, что же это значит. И спустя немного точно и согласно с истиной узнали, что это эмир подготовил на завтра городу с суши и моря, насколько ему было возможно, решительный штурм. И вот, видя такое множество нечестивых, – а я сказал бы, что, как мне кажется, на каждого из нас их, действительно, приходилось 500 и больше, – все своя упования мы возложили на вышнее провидение. И приказал император, чтобы иереи, архиереи и монахи, женщины и дети со святыми и досточтимыми иконами и священными изображениями обходили по стенам города, взывая со

слезами: «Господи, помилуй!» и умоляли бога, чтобы не предал он нас вследствие грехов наших в руки врагов незаконных, отступников и преступнейших из всех, живущих на земле, но чтоб было оказано нам богом, как наследию его, милосердие. И с плачем ободряли все друг друга, чтобы в час боя мужественно противостоять неприятелю. Равным образом и император, собрав в тот горестный вечер понедельника всех без исключения архонтов и начальников – димархов и сотников и прочих по выбору воинов, сказал им следующее.

Глава 6. «Вы, благороднейшие архонты, и сиятельнейшие димархи и военачальники, и отважнейшие соратники мои, и весь верный и досточтимый народ! Вы хорошо знаете, что пришел час, когда враг веры нашей хочет [и домогается] всем своим искусством и машинами сжать нас еще больше и всей своей силой с суши и моря при помощи великой схватки и боя дать нам решительное сражение, чтобы, если возможно – подобно змее излить в нас яд свой и подобно свирепому льву проглотить нас. Поэтому говорю и прошу вас, чтобы вы стояли против врагов веры нашей храбро и мужественно, как и всегда до сих пор делали. Вручаю вам этот блистательнейший и преславный город, царицу городов, и отечество наше. Хорошо вы знаете, братья, что в четырех случаях все мы сообща обязаны предпочесть смерть жизни: во-первых, ради веры нашей и благочестия, во-вторых, ради отечества, в-третьих, ради царя – помазанника господня, и, в-четвертых, ради близких и друзей наших. Итак, братья, если мы обязаны сражаться до смерти за одно из этих четырех, то гораздо больше, как вы ясно видите, за все четыре, ибо от всех их нам будет ущерб. Ведь если за прегрешения наши Бог предоставит победу нечестивым, мы подвергнемся опасности за святую веру нашу, которую Христос даровал нам собственной своею кровью. А ведь «если и мир весь кто приобретает, душу же свою осквернит, что пользы?» Во-вторых, мы лишимся в таком случае столь славного отечества и свободы нашей. В-третьих, мы потеряем государство наше, некогда столь славное, ныне же уничиженное, всеми порицаемое и презираемое, и начальствовать в нем будет тиран и нечестивец. В-четвертых, мы лишимся любезнейших детей наших, супруг и родичей. Сегодня уже пятьдесят семь дней с того времени, как этот безбожный эмир пришел и осадил нас и каждый день и ночь со всеми своими машинами и войском не перестает нападать на нас; и, однако, милостью всевидца Христа, господя нашего, он до сих пор с позором и уроном часто отступал от стен. И ныне опять, братья, не бойтесь, что стена от ударов и попаданий ядер из пушек и камнеметных машин частично рухнула, потому что, как видите, насколько возможно, мы опять восстановили ее. Всю нашу надежду мы возложили на непобедимую славу божию: они — на колесницы, на лошадей, на войско свое и на многочисленность, мы же — на имя господя бога и спасителя нашего уповаем и лишь во вторую очередь на руки наши и на мужество, которое даровала нам божественная сила. Знаю я, что это бесчисленное стадо нечестивых, как у них в обычае, пойдет на нас с презрительной надменностью, поднятой бровью, великой отвагой и силой, чтобы, вследствие нашей немногочисленности, задавить нас, а вследствие изнурения — оттеснить — пойдет с великим криком и бесчисленными воплями, чтобы запугать нас. Эти их пустяки вы хорошо знаете, и не следует говорить о них. В час тот пусть все делают свое дело, ибо полетят в вас бесчисленные, как песок морской, камни, стрелы и дротики. Надеюсь однако, что они не причинят вам ущерба, потому что вижу, весьма радуюсь и такими надеждами ум питаю, что, хотя нас и весьма немного, зато все вы искусны, ловки, храбры, сильны, мужественны и хорошо заранее подготовлены. В схватке и в бою хорошенько прикрывайте голову своими щитами. Десница ваша, держащая меч, всегда пусть будет протянута. Шлемы ваши, панцири и железные латы вместе с остальным вооружением вполне достаточны для боя и во время схватки будут вам весьма полезны: враги наши не пользуются ими и не имеют их. Кроме того, вы будете прикрыты стенами: враги же наши, будучи открыты, с трудом будут продвигаться. Поэтому, товарищи, ради милосердия божия будьте готовы, крепки и мужественны. Вспомните, как некогда небольшое количество карфагенских слонов своим криком и видом обратило в бегство такое множество римских коней. Если же бессловесные животные обратили в бегство, то куда скорее можем сделать это мы, будучи господами животных бессловесных, — в особенности, когда те, кто идет против нас, чтобы начать бой с нами, подобны бессловесным животным и даже хуже? Пусть же будут направлены против них и щиты ваши, и мечи, и луки, и копья. Думайте так, что вы охотитесь на множество диких свиней, чтобы знали нечестивцы, что они имеют бой не с бессловесными животными, как они сами, а с господами и повелителями их и с потомками эллинов и римлян. Вы хорошо знаете, что нечестивый этот эмир, враг святой веры нашей, без какой-либо основательной причины расторг мирный договор, который мы имели с ним, — нарушил многочисленные свои клятвы, ставя их в ничто, и, внезапно появившись на проливе у Асомата, построил крепость, чтобы ежедневно вредить нам. Поля наши, сады, скотные дворы и жилища он уже опустошил огнем; братьев наших, христиан, каких нашел там, перебил или взял в плен, а дружбу с нами нарушил. Завел он дружбу с обитателями Галаты, и те радуются этому: не знают они, несчастные, басни о крестьянском мальчике, который варил улиток и сказал: «О, глупые животные! Съем вас по порядку». Итак, братья, пришел он я осадил нас и каждый день с тех пор широко разевает свою пасть, чтобы найти удобный момент проглотить и нас и город этот, который воздвиг преблагеннейший и великий император Константин, посвятив и подарив его пречистой и пренепорочной владычице нашей, богородице и приснодеве Марии, чтобы была она госпожой, помощью и покровом отечеству нашему, прибежищем христиан, надеждой и радостью всех эллинов, похвалой для всех сущих на Востоке. И этот нечестивейший хочет овладеть таким некогда славным и цветущим, как полевая роза, городом, который подчинил себе. когда-то почти, могу сказать, всю подсолнечную и покорил под ноги свои Поит и Армению, Персию и-Пафлагонию, амазонок и Каппадокию, Галатию и Мидию, колхов и иверов, боспорцев и албанцев, Сирию, Киликию и Месопотамию, Финикию и

Палестину, Аравию и Иудею, бактрийцев и скифов, Македонию и Фессалию, Элладу и Беотию, локров и этолийцев, Акарнанию, Ахею и Пелопоннес, Эпир и Иллирик, лихнитов по Адриатике, Италию и тусков, кельтов и кельто-галлов, Испанию до Кадикса, Ливию, Мавританию и Маврузию, Эфиопию и веледов, Скуду и Нумидию, Африку и Египет. Теперь все это нечестивец хочет подчинить себе и на царицу городов наложить ярмо рабства, а святые церкви наши, где чествовалась святая троица и прославлялось всесвятое божество и где ангелы слушали, как воспевают бога И домостроительство воплощения бога слова, хочет сделать святилищем своего суесловия и болтовни своего лжепророка Мухаммеда и обиталищем глупцов и верблюдов. Итак, братья и товарищи, настройтесь по уму так, чтобы был вам навеки памятник, вечная память о вас и слава и навек свобода».

А обратившись к стоящим на правой стороне венецианцам, император сказал: «Благородные венецианцы, братья возлюбленные во Христа боге, мужи храбрые и воины могучие, а в сраженьях опытнейшие, – вы, которые сверкающими мечами своими с помощью божией так часто избивали целые толпы агарян, причем кровь их рекой стекала с рук ваших! Прошу вас сегодня, чтобы от всей души и с полным рвением вы прикрыли своими щитами город этот, находящийся в таком военном бедствии. Ведь вы хорошо знаете, что вы всегда имели его вторым отечеством и матерью. Поэтому вторично опять говорю и прошу вас, чтобы вы поступили сегодня, как верные друзья, единоверцы и братья». Затем, обернувшись на левую сторону, говорит лигурийцам: «О лигурийцы, – досточтимейшие братья, мужи воинственные, отважные и знаменитые! Вы ведь хорошо знаете, что несчастный город этот всегда не только был моим, но и вашим по многим причинам. Вы часто со всей готовностью помогали ему и своей помощью освобождали его от агарян, врагов его. Теперь опять удобный для вас момент, чтобы своей помощью ему показать вашу любовь ко Христу, ваше мужество и благородство». Обращаясь ко всем вместе, император сказал: «Нет у меня времени сказать вам что-либо большее. Одно только скажу: умаленный в своем достоинстве и значении скипетр наш влагаю в руки ваши, чтобы вы с усердием защитили его. Прошу и умоляю любовь вашу и о том, чтобы вы оказывали приличествующую честь и повиновение военачальникам вашим, димархам и сотникам: каждый по чину своему, отряду, в состав которого входит, и по службе своей. Запомните это! И, если вы от всего сердца будете соблюдать, что я приказал вам, то надеюсь на бога, что мы освобождены будем от предстоящей праведной грозы его. А зачем и венец вам алмазный приготовлен на небе, а на земле будет о вас память, – вечная и заслуженная». Сказав это и закончив речь, император со слезами и стенанием возблагодарил за все бога, а все воины как бы едиными устами отвечали со слезами, говоря: «Умрем за веру христову и отечество наше!» Император же, услышав это, весьма благодарил их и обещал им в случае победы весьма многочисленные дары. А затем говорит опять: «Итак, братья и товарищи, будьте готовы к утру. Силой и доблестью, дарованной вам от бога, при содействии святой троицы, на которую возлагаем все упование, сделаем так, чтобы враги наши ушли отсюда с позором и уроном!»

Глава 7. Выслушав все это, несчастные ромеи сделали в сердце своем, как львы, – и, простив все друг другу, просили один другого о примирении и со слезами обнимали друг друга, не помышляя о любезнейших детях своих и не заботясь о супругах или имуществе: помышляя только о смерти, чтобы защитить отечество. И каждый из них возвратился на указанное ему место, чтобы тщательно нести на стенах охрану. Император же, пришедши во всецелостной храм Софии и со слезами помолвившись, причастился. Это же и другие многие сделали в ту ночь. Затем, придя во дворец и немного помедлив там, он просил у всех прощения. Кто расскажет о всех воплях и плаче, бывших в ту минуту во дворце?! Если бы человек был даже из дерева или из камня, не мог бы он не заплакать тогда.

И вот, сев на коней, выехали мы из дворца и стали объезжать стены, чтобы побудить стражу охранять их неусыпно. Все были на стенах и башнях в ту ночь, и все ворота были накрепко закрыты, так что никому чрез них нельзя было ни выйти, ни войти. Когда же в час первого пения петуха мы прибыли в Калигарию и, сойдя с коней, поднялись на башню, мы слышали снаружи непрерывный говор и весьма большой шум. Дозорные сказали нам, что это продолжается всю ночь. А это неприятель подтаскивал приготовленные для приступа многочисленные машины, доставляя их ко рву. Тем временем приходит все в движение и на морских берегах: огромнейшие неприятельские баржи, триремы и плоты придвигаются в гавани, к стенам и побережью. При втором пении петуха без всякого сигнала, как это и в другие дни делалось раньше, неприятель с величайшим рвением и силой начал бой. А приказал эмир, чтобы все не столь опытные в военном деле, а также некоторые старики и молодежь, начинали бой и приступ первыми, чтобы несколько утомить нас, а затем чтобы с еще большей отвагой и натиском шли на нас более сильные, более мужественные и более опытные в войне. Так все это и было сделано, и бой запыхал, как печь. Наши сопротивлялись мужественно, приняли врага с ожесточением и отогнали от стен, а некоторые из неприятельских боевых машин и пушек даже спустили в ров: с обеих сторон падали убитые, – и в особенности со стороны турок. Когда же начали тускнеть на небе звезды и забрезжил рассвет, – когда с востока стала показываться утренняя заря, вся масса неприятелей, как веревка некая, протянулась с одного конца города до другого. Заиграв на военных инструментах и рожках, ударив в барабаны и все прочее, с победным кличем турки выстрелили из всех пушек, – и все разом, в одно и то же время с суши и с моря начали приступ, сражение и битву. Некоторые их отважные воины уже поднимаются по бесчисленным лестницам на стены. В тех из наших, кто стоял на башнях, летит метательное оружие. Два часа продолжается эта плачевная и ужасная битва, – и перевес, повидимому был на стороне христиан. В самом деле:

турецкие триремы с лестницами и перекидными мостками были отогнаны от морских стен ни с чем; великое множество агарянских ворогов было перебито камнеметными машинами из города; на сухопутном участке наши приняли врага так же и даже смелее. И можно было видеть странное зрелище: темное облако скрывало солнце и небо. Это наши сжигали неприятелей, бросая в них со стен греческий огонь. Вражеские лестницы и тому подобные сооружения наши воины рубили, а поднимающихся по ним турок поражали сверху тяжелыми камнями и отгоняли метательными копьями и стрелами. Туда, где видели толпу, паши стреляли из пушек, — и много турок поранили и убили. Вследствие усталости от боя и от сопротивления неприятель был так озадачен, что хотел уже повернуть назад, чтобы получить передышку. Но чауши и дворцовые равдухи [полицейские и судебные чины] стали бить их железными палками и плетьюми, чтобы те не показывали спин врагу. Кто опишет крики, вопли и отдельные горестные восклицания избитых? Их крики и вопли поднимались оттуда до неба. Некоторые из наших, видя, что они так страдают, судя по их великим крикам, сказали: «Если бы им делали это почаще, с трудом можно было бы отогнать их от стен». И вот, желая показать свое мужество, они, по принуждению, полезли, опять по лестницам. А некоторые другие, более отважные, сильные и предприимчивые, стали взбираться на плечи один другому, а следующий лез опять на плечи дальнейшего, чтобы иметь, таким образом, возможность подняться вверх на стены. А пока все это насильно и по принуждению делалось, у входов разыгрывается страшная битва: завязалась рукопашная схватка и количество убитых с обеих сторон было велико. Когда наш боевой строй стал отступать, Феофил Палеодог и Димитрий Кантакузин, мужи в высшей степени отважные, выскочив вперед, побеждают агарян и обращают их И: бегство, так что с уроном отогнали их от стен и лестниц и рассеяли. Тогда им на помощь пришли другие турки, там расставленные. Император же, верхом на коне там находившийся, — ободряя и побуждая воинов, «чтобы они бились со всей готовностью, сказал: «Товарищи и братья Ради милосердия божия прошу вас: стойте мужественно, потому что вижу теперь, что толпа неприятелей начинает уже ослабевать и понемногу рассеивается: идут они уже беспорядочно и не по обычаю своему; надеюсь на бога, что победа будет наша. Итак, братья, радуйтесь, потому что вам будет венец многоценный: не только тленный и земной, но и небесный. Бог сражается за нас, и в страхе находится толпа нечестивых».

И вот, когда говорил это император, стрелой из лука был ранен в бедро правой ноги военачальник Иоанн Джустиниани. Этот столь опытный в военном деле человек, когда увидел, что из его тела течет кровь, весь переменялся: и если раньше проявлял мужество, то теперь от страха разинул рот и вообще после этого стал ни к чему не годен. Оттуда, где он находился, он ушел: в молчании отправился он искать врачей, не помня о храбрости и искусстве, которые первоначально обнаруживал. Тем, кто был с ним, он ничего не сказал я не оставил кого-либо другого вместо себя во избежание (как это и произошло) замешательства и гибели. Воины же, обернувшись назад и не видя военачальника, впали в смятение и великий страх, потому что сказал кто-то, что он бежал. И вот, когда опять случайно находившийся там император увидел, что воины пришли в замешательство и, как овцы преследуемые, полны страха, то, узнав причину этого и увидев своего военачальника Джустиниани бегущим, — приблизившись к нему, говорит: «Брат! Что это ты сделал? Вернись на отведенное тебе место! Рана эта незначительна. Вернись, потому что теперь в этом особенно большая нужда! Город висит на руках твоих и ждет, чтобы ты освободил его». Много говорил ему император, но Джустиниани ничего не ответил, а переправился в Галату и там от огорчения, окруженный презрением, с позором скончался. Турки же, видя столь великое замешательство наших, осмелели. Случившийся там Зоган-паша, побеседовав с янычарами и прочими, особенно поднял их настроение. И вот некий янычар, по имени Хасан (а происходил этот гигант из Лупадия), левой рукой держа над головой щит, а в правой зажав меч, полез на стену — туда, где видел смятенье наших. За ним последовало примерно тридцать других, соревновавшихся с ним в мужестве. Наши же, что оставались на стене, поражали их копьями, били стрелами и скатывали на них огромные камни, так что восемнадцать из них было отогнано от стены. Но Хасан решил не останавливать натиск до тех пор, пока не взберется на стены и не обратит наших в бегство. И вот, когда он возобновил свою попытку и когда за ним последовало много других турок, все они оказались на стене. А наши вследствие своей малочисленности не смогли помешать им подниматься, ибо неприятелей было великое множество. И, вступив с поднявшимися на стены турками в рукопашную схватку, наши начали бой на стене: и было немало перебито турок. Упал со стены во время этой схватки и Хасан, сраженный каким-то камнем. Наши же, обернувшись к нему и увидев его лежащим, со всех сторон стали бросать в него камнями. Поднявшись на колени, он оборонялся, но от множества ран опустил правую руку и был засыпан стрелами. И много других было убито и ранено и унесено вследствие ран в лагерь. Затем вся эта столь многочисленная, поднимавшаяся на стену толпа неприятелей рассеяла наших и, покинув внешние стены, чрез ворота внутренней стены, растапывая друг друга, устремилась в город. Когда так обстояло дело, внутри и вне города и даже с участка гавани раздавался какой-то крик: «Укрепление взято; вверху на башнях уже подняты неприятельские знаки и знамена!» Этот крик обратил наших в бегство, а неприятелям придал силу: и, издавая многочисленные победные вопли, с отвагой и без страха все они поднялись на стены.

Итак, когда все это увидел несчастный император, повелитель мой, то, проливая слезы, стал он призывать на помощь бога, а воинов побуждал, отважней сражаться. Но уже никакой надежды на совместные действия: воинов и на помощь божию не было. Пришпорив коня, поскакал он туда, где шла густая толпа Нечестивцев: как Сампсон, напал он на чужеземцев и в первой же схватке прогнал нечестивцев от стен. Дивное

чудо это видели все там находившиеся и смотревшие. Как лев, скрежеща зубами и держа в правой руке обнаженный меч, он заколол им множество неприятелей, и кровь их рекой стекала с ног и рук его. А высшесказанный дон Франциск Толедский превзошел Ахилла: находясь по правую сторону царя, он, как орел некий, поражал неприятелей своими когтями и клювом. Подобным же образом и Феофил Палеолог, когда увидел царя сражающимся, а город находящимся в опасности, то с плачем закричав громогласно: «Хочу лучше умереть, чем жить!», – с криком бросился в середину неприятелей и всех, кого только нашел, – рассеял, разбросал и перебил. Также и бывший там Иоанн Далмат бился с неприятелем доблестнее всякого воина. Случившиеся там и видевшие все это дивились силе и храбрости этих отважнейших мужей. Пока происходил этот великий бой, сражение и схватка, они дважды и трижды обращали нечестивцев в бегство, множество их перебили, а остальных согнали со стен, пока, наконец, мужественно сражаясь и обороняясь, не были убиты и сами, истребив, таким образом, до своей смерти великое множество неприятелей. И другие некоторые воины не без успеха сражались в том месте, пока, наконец, и они не были убиты близ ворот святого Романа, где турки соорудили осадную ту машину и поставили огромную бомбарду и откуда, обрушив городские стены, вошли первоначально в город. Впрочем, в тот момент я не находился близ повелителя моего, царя; по его приказу я был в это время на другом участке города: разумеется, для наблюдения за ним.

Глава 8. Итак, когда турки вошли в город, то оставшихся на внутренних стенах христиан они прогнали пращами, копьями, стрелами и камнями и завладели, наконец, всеми стенами, – за исключением так называемых башен Василия, Льва и Алексея, где стояли моряки из Крита. Ибо эти моряки мужественно сражались до шестого и седьмого часа и многих из турок убили. Даже тогда, когда в тылу у себя они увидели великое множество турок и когда весь город был уже захвачен, они не пожелали сдаться, но говорили, что лучше умереть, чем жить. Один турок об их храбрости сделал эмиру доклад, и тот приказал, чтобы по взаимной договоренности они уходили и были свободны: и сами, и корабль их, и все снаряжение, какое имели. И вот, когда так обстояли дела, едва-едва уговорили их уйти из башни. И двое братьев – итальянцев, Павел и Троил по имени, с другими многими тоже мужественно сражались на отведенном им месте и с ожесточением отгоняли неприятелей, ведя сражение и бой без робости; и много было убитых с обеих сторон: и со стороны наступающих, и со стороны оборонявшихся. Когда же Павел обернулся и увидел неприятелей уже внутри города, говорит он брату своему: «Содрогнись от ужаса, небо, и восстанай, земля! Город уже взят. и пора нам окончить бой. Позаботимся, если возможно, о собственном спасении!»

Итак, неприятели завладели всем городом во вторник в два с половиной часа дня, 6961 г., 29 мая, и тех, кто умолял о пощаде, турки подвергали ограблению и брали в плен, а тех, кто сопротивлялся и противостоял им, убивали: в некоторых местах, вследствие множества Трупов, вовсе не видно было земли. И можно было видеть необыкновенное зрелище: стенание и плач и обращение в рабство бесчисленных благородных и знатных женщин, девушек и посвященных богу монахинь, безжалостно, несмотря на их вопли, влекомых турками из церквей за косы и кудри головы, – крик и плач детей и ограбленные священные и святые храмы. О прочем же, что приводит в ужас и что слышалось, кто расскажет? Можно было видеть, что божественную кровь и тело христово турки выливали и выбрасывали на землю, а драгоценные из-под них сосуды похищали, или разбивали или целыми совали за пазуху. То же они делали и с драгоценными украшениями. Святые иконы с золотом, серебром и драгоценными камнями турки топтали ногами и, вырывая из них украшения, делали из них кровати и столы. Священническими одеждами и одеяниями – шелковыми и златотканными – они покрывали коней, а иные на них ели. Драгоценные жемчуга из святых раков с мощами они вырывали, а святые останки попирали ногами. И другое весьма многое, достойное плача и неподобное, делали эти предтечи антихриста. Премудр суд твой, Христе-царю, над нами, потому что он необъясним и непостижим! И можно было видеть всевеличайший и божественнейший оный храм Софии, – это небо земное престол славы божией, колесницу херувимов и вторую твердь небесную, создание рук божиих, зрелище и дело необыкновенное, всей земли радование, – храм прекрасный, и из прекрасных прекраснейший: внутри его запретных святилищ, а также на их жертвенниках и трапезах, турки ели и пили и на них же приводили в исполнение и осуществляли свои развратные намерения и похоти с женщинами, девицами и мальчиками. Кто не оплакал бы тебя, храм святой?! Всюду было всяческое зло, и голова всякого из нас испытывала боль. В жилищах плач и сетования, на перекрестках вопли, в храмах слезы, – везде стоны мужчин и стенания женщин: турки хватают, тащат в рабство, разлучают и насильничают. Те, кто пользовался в народе почетом, теперь обесчещены, а богачи унижены подобно нечестивцам. Площади, углы улиц – на всяком месте и всюду все было полно всяческих зол. Ни одно место не осталось необысканным и неограбленным. О, Христе-царю! От горя и беды, в которых мы тогда были, спаси всякий город и всякую страну, где обитают христиане! Чтобы найти спрятанные деньги, нечестивцы перерыли все сады и дома и, найдя, нагрузились весьма многочисленными новыми и древними сокровищами и другими драгоценными вещами.

Глава 9. И вот, когда город был взят, эмир, вступив в него, тотчас же со всей тщательностью учинил поиски императора, – причем в уме не держал он ничего другого, как только узнать, жив царь или умер. Некоторые, вернувшись с поисков, говорили эмиру, что царь бежал. Другие говорили, что скрывается в городе; а третьи, – что, сражаясь, умер. И вот, желая удостовериться в истине, послал он некоторых туда, где кучами лежали трупы убитых христиан и нечестивцев. Очень много голов убитых они обмыли водой, чтобы узнать, не императорская ли это случайно. И не могли бы они узнать ее, если бы не нашли бездыханный труп императора,

который узнали по царским сапогам – по обуви, на которой, как это в обычае у императоров, были изображены красками золотые орлы. И, узнав об этом, эмир стал весьма весел и радостен: и по приказу его находившиеся там христиане похоронили царское тело с императорскими почестями. Увы, увы мне, которого божественное провидение сохранило на некоторое время в живых! Всей же жизни этого досточтимого в императорах и тишайшего мученика было сорок девять лет, три месяца и двадцати дней.

Эмир же, возгордившись вследствие столь великой победы и преисполнившись величайшего тщеславия, стал жестоким и безжалостным. И вот пришел к нему великий дука, кир Лука Нотара, – учинил ему поклонение и показал ему великое сокровище, которое держал раньше спрятанным, – и камне» и жемчуга, и другие богатства, достойные царей, так что, увидев все это, эмир и весь совет его дивились. И сказал Нотара эмиру: «Все это, я сберегал для царского твоего величества. И вот теперь вручаю этот дар тебе и прошу принять это моление и просьбу раба твоего». А надеялся он благодаря этому получить свободу с семейством своим. И сказал ему в ответ эмир: «О, полусобака, бесчеловечный пройдоха и вертун! Имел ты такое богатство и не помог им, царю – повелителю твоему и городу – отечеству твоему? А теперь с той же подлостью и коварством, с каким привык действовать и-поступать от юности твоей, ты хочешь надуть и меня и избежать того, что приличествует тебе? Скажи мне, нечестивец: кто предал в руки мои это богатство твое и весь этот город?» Говорит ему Нотара: «Бог». Эмир же сказал ему: «Если бог все это даровал мне, а тебя и всех прочих предал рабами под руки мои, то что же ты говоришь, негодай, и пустословишь? Почему же ты не отослал мне все это, прежде чем я начал войну против вас или прежде чем одержал победу над городом, чтобы заслужить мою милость и вознаграждение? Теперь же не ты даешь мне это, а бог». И тотчас же приказал эмир палачам, чтобы бросили Нотару в тюрьму и тщательно караулили. На следующий день по приказу эмира опять привели Нотару к седалищу Мехмеда. И говорит ему эмир: «Если ты не хотел помочь царю и отечеству своему столь бесчисленным богатством, какое имел, то почему же не дал ты доброго совета царю, когда я сообщил ему, чтобы с миром и любовью он отдал мне этот город, а я бы взамен с любовью и дружбой; дал ему другое место, чтобы не было такой резни между нами?» Нотара же сказал ему в ответ: «Не я повинен в этом деле, а венецианцы и обитатели Галаты, которые обещали царю прислать ему на помощь флот и войско». И говорит ему эмир: «Много же: ты знаешь ложных выдумок! Но сейчас не такое время, чтобы ложью ты мог помочь себе». И приказал эмир, чтобы на следующий день на площади Сухого холма сначала на глазах Нотары уmertвили двух его сыновей, о которых некогда тот просил царя, чтобы одного из них царь почтил званием великого контоставла, а другого званием великого логофета, – а затем убили и его самого, что и было исполнено. Такой конец имели деяния Луки Нотара. Затем, по приказу эмира, после этого было убито много знатных византийских архонтов, а также резидент Венеции с его сыном и посол Каталонии с его двумя сыновьями. Хотел он затем убить и Контарини, а также других благородных венецианцев, но они дали денег и разного рода обещания Зоган-паше и были помилованы. И вот послал он в Галату и, многих изловив там, тоже перебил: и всякое обещание, которое раньше давал им, вменил в ничто, а определил, чтоб и они были его данниками. Али-пашу, отослав от себя, заключил в некую башню, а спустя несколько дней убил и его по причине, о которой мы уже говорили, т.е. за то, что Али-паша советовал ему не начинать войны против города, – чтобы западные христианские владетели в ответ на это не объединились и не выгнали турок из Европы и т. д., как написано об этом выше. И вот смерть его причинила всему войску эмира безмерную скорбь, потому что он был любим всеми и во всех делах был хорошим советником эмиру.

Взятие Константинополя турками-османами (1453 г.) (Лаоник Халкокондил, «История», VIII)

Лаоник Халкокондил (около 1423 или около 1430 – около 1490 гг.) – византийский историк, автор «Истории», описывающей последний этап существования ромейского государства и завоевание его османами.

В своей «Истории» (10 книг) описал события 1298-1463 гг., особенно подробно – падение Византии и возвышение Османской империи.

В начале следующего лета¹ Мехмед, сын Амурата, заготовив в Азии огромное количество извести², начал строить в Европе крепость, называемую Лаймокопия.

Он строил ее вблизи Пропонтиды, на Босфоре, в том месте, где переправа из Азии была наиболее короткой. Привлекая туда людей из Азии и людей из Европы, он принялся за дело, разделив, работу между стратегами и ипархами. Царь строил эту крепость для того, чтобы сделать безопасным свое возвращение на родину и чтобы люди с Запада, придя на триерах, не были в состоянии помешать его переправе или изменить положение его дел в Азии. Эта крепость должна была быть ему очень полезной и при осаде Византия. Царь строил три башни, самые большие из всех нам известных, с тем, чтобы, опираясь на них, защищаться от плывущего по морю врага. Две башни он сооружал со стороны суши, третью, самую большую, строил на берегу³. Башни он крыл свинцом. Толщина крепостной стены была 22 фута. Ширина башен даже больше того – 30. Построив в три месяца крепость, царь начал войну с Византием набегом на окружающую его местность...

Не дожидаясь лета, едва только установилась весна⁴, Мехмед, сын Амурата, пошел походом против Византия. Он упорно думал об этом походе как до, так и после постройки на Пропонтиде крепости Лаймокопии. Из Азии и Европы вызывал он людей на побережье строить суда, хотя там еще стояла суровая зима. Он снаряжал корабли и триеры, он лил пушки, самые крупные из всех, где бы то ни было известных нам в то время.

Решив, что уже наступило время отправляться в поход, царь послал вперед с европейским войском стратига Европы Сарадзу, приказав везти и большую пушку. Говорят, она была так тяжела, что ее волокли 70 пар быков и до 2 тыс. человек.

Прибыв на место, Сарадза прежде всего взял расположенные около Византия башни. В них укрывались работавшие на полях земледельцы. Одни башни Сарадза принудил к сдаче голодом, другие взял с бою, а людей, уведя оттуда, зарезал. И тогда же, заодно, он опустошил окрестности Византия.

Через некоторое время к Византию подошел сам царь и стал лагерем от моря до моря.

Пространство направо от царя до так называемых Золотых ворот было занято лагерем всего азиатского войска. Налево – до так называемых Деревянных – встало войско Европы. Между ними – сам царь с янычарами и теми людьми ставки, которые обычно разбивали свои палатки около царской. Зять же царя, Заган, построил свое войско в местности, лежащей на другом берегу, выше Галаты. Говорят, все войско доходило до сорока мириад. Что же касается вьючного скота, то число его в царском лагере, пожалуй, вдвое превосходило число людей. Ведь турки пригоняют в лагерь скот в таком большом количестве для того, чтобы он вез достаточно корма для себя и для [боевых] коней» Вез он и продовольствие для людей. Из всех известных нам народов только турки, куда бы они ни отправлялись в поход, так обеспечивают себя продовольствием, чтобы оно было у них в достаточном количестве.

Они гонят с собою верблюдов, множество мулов, груженных припасами. Мулов гонят и для других своих потребностей. Некоторые везут с собой лошадей, верблюдов и своих самых красивых мулов – из желания похвастаться ими.

Вскоре после прибытия царя к Византию к нему по морю подошел и флот, триер – до тридцати, малых же судов около двухсот.

Узнав о приближении царского флота, эллины протянули по морю железную цепь от лежащей на другом берегу Галаты до стен Византия, около так называемого акрополя. Суда, находившиеся в то время в Византии, пришедшие одни – на помощь, другие – по делам торговли, эллины поставили за цепью. Так думали они помешать царскому флоту проникнуть во внутрь, в залив Византия. Этот залив тянется вдоль города на протяжении 80 стадий, а дальше, в глубь материка – на 150.

Стена города со стороны залива не очень крепка, и залив около нее не глубок, так что судам трудно по нему плыть.

Со стороны же суши город защищен двумя стенами. Одна большая, надежная, другая меньше, но с наружной стороны ее находится ров. Он выложен камнем. Ширина рва – плетр. Царь и эллины решили обороняться, построившись на наружной стене, так как она была защищена рвом. Они вновь повторили свой старый прием, примененный ими против Амурата, когда он, в свое время⁵, осаждал город.

И вот царь немедленно с разных сторон пододвинул к городу много осадных орудий, установил две пушки и начал бить по городской стене.

Одну пушку он поставил против дворца эллинских царей, другую – против так называемых ворот Романа, за которыми стоял сам эллинский царь.

И во многих других местах турецкого лагеря были установлены пушки, из которых стреляли по эллинам. Но те две были самые большие и метали камни весом в 2 таланта с лишним.

Говорят, что эти камни черного цвета, по поручению царя, привозили в его лагерь с Эвксинского понта.

Пушкарь царя был родом дак, звали его – Орбан.

Он жил сначала у эллинов, но, не имея средств к существованию, покинул их и пришел в ставку царя. Нанятый тогда же за большую плату, он изготовил царю знаменитые пушки.

Из пушек стреляли следующим образом. Сначала стреляли из пушек меньших размеров, стоявших по сторонам большой. Пускали камни весом по полталанта. Эти два камня разрушали стену. Вслед за ними метали большой камень весом в 3 таланта. Он обрушивал значительную часть стены.

Этот необыкновенного веса камень, пущенный со сверхчеловеческой силой, наносил невероятный вред. Говорят, при полете этого камня стоял непереносимый гул и земля сотрясалась на 400 стадий вокруг.

Пушки обрушивали наружную стену и ее башни. При этом они наносили повреждения и внутренней стене.

Днем пушкарь метал семь камней, ночью – один, днем получал указание, куда ему нужно стрелять ночью. И, конечно, сначала эллинов охватил безумный ужас. Янычары и остальное бывшее в лагере войско принесли из лагеря к городским стенам и засыпанному⁶ рву обтянутые белым и красным войлоком осадные щиты. Сделав насыпь у наружной стороны рва и проделав в ней отверстия, они стреляли в эллинов из пушек, пускали стрелы.

Для эллинов же турки были невидимы и недостижимы, повредить им было невозможно.

Рыл царь и подземные ходы, ведущие под стену. Его землекопы соорудили четыре высокие башни на катках. Установили и укрепления⁷⁸, чтобы с них немедленно начинать поджог города. Впрочем, подкоп не удался: эллины, заметив, что враги роют подземные ходы, сами стали рыть навстречу. Продвинувшись вперед, они обнаружили землекопов царя. С помощью огня вытолкнули турок и овладели ходами. Сделал царь и высокую деревянную башню, а в ней много ведущих вверх лестниц, чтобы подняться по ним на стену и перейти ее. Так приготовился царь к осаде города с суши.

Ввиду невозможности проникнуть в глубину залива со стороны моря, чтобы уже со всех сторон нападать на город, царь решил вытянуть суда на берег около лагеря Загана и перетащить их в залив.

И здесь через горы, волоча суда по земле, он протащил их с парусами на берег около лагеря Загана и перетащить их в залив.

Он переправил до 70 пятидесятивесельных и тридцативесельных кораблей и подготовил все для спуска их на следующий день в залив. А здесь на берегу залива люди царя приготовили пушки и собирались дать отпор тому, кто задумает напасть и помешать спуску кораблей на воду.

Увидав на берегу залива готовые к спуску суда, эллины посадили людей на все имевшиеся у них корабли и двинулись на врага. Они хотели, если смогут, сжечь корабли турок.

Как было решено, так и сделали. Посадив людей и вооружившись, эллины поплыли, стремясь сжечь вытасканные на берег суда. Однако турки заметили их наступление, пустили в ход пушки и повредили из числа эллинских кораблей два тридцативесельных, которые тотчас стали тонуть. Люди, не умевшие плавать, немедленно погибали. А те, кто выплыл на берег к туркам, были [ими] взяты в плен. С наступлением дня турки отвели пленных к воротам города и убили там. И эллины – было, конечно, и у них в оковах некоторое количество взятых в плен турок – убили своих пленных. Они привели их к зубцам стены, находившейся против лагеря турок, и предали казни. Эллины хотели, чтобы участь пленных той и другой стороны была одинакова.

Корабли же царя, так как никто не мешал больше спустить их на воду, поплыли к городу.

Тогда царь немедленно стал строить мост между городом и лежащей напротив него так называемой землей Кермарейцев. Соединяли попарно деревянные бочки, связывали их крепко друг с другом, чтобы по ним, как по мосту переправить войско Загана из лагеря в город.

Таким образом, Византии оказался обложенным со всех сторон. Положение его и эллинов становилось тяжелым. Так как Византии занимал большое пространство (ведь окружность его, большая, нежели окружность других современных нам городов, достигала приблизительно 111 стадий) и так как люди были расставлены по всему городу, он оказался не очень-то хорошо защищенным. В продолжение сорока дней турки настойчиво били по стене из пушек и обрушили значительную ее часть, четыре башни и другие укрепления 8. Били они также и по большой стене. Обрушили и ее башни.

Сначала и эллины поставили на стене имевшиеся у них пушки, метали :камни весом в три полуталанта и целились в пушку царя. Однако они ничего не достигли, но только расшатали и повредили свои стены. А пушка побольше разорвалась при первом же выстреле. Эллины обвинили своего пушкаря в том, что он подкуплен царем и хотели предать его казни. Впрочем, не имея ясных улик для обвинения, отпустили. Участки стены, разрушенные пушками царя, эллины спешно укрепляли по ночам, загорая лестницами и деревянными бочками.

В то время как это происходило, царю сообщили, что с Эгейского моря к Византию плывут корабли. Это были два грузовых судна с хлебом. Одно, более крупное – генуэзцев, другое – царя эллинов. Узнав об этом, царь как можно скорее посадил людей на триеры и другие суда и послал навстречу кораблям, находившимся уже близко и шедшим к городу с достаточно сильным попутным ветром. Против этих кораблей вышли в море триеры и прочие суда турок.

Сначала турки напали на греческий корабль. Он скоро был бы взят, если б корабль генуэзцев не повернул к нему на помощь, и не понесся на триеры турок. Царь въехал на коне в море и кричал с берега, ободряя своих. Спасшиеся все же таким образом корабли вошли в гавань. В этом бою был ранен в глаз наварх царя Пантогл и, как он сам говорил царю, своими же. Он уверял, что если бы не рана, он взял бы корабли эллинов. Впрочем, благодаря ране он избежал наказания, и царь не сделал ему ничего плохого. А тех, кого подозревал в покушении на наварха, царь схватил и посадил в тюрьму, собираясь убить.

Когда стена была уже настолько разрушена, что янычары при приступе могли бы ворваться в город, царь приказал, как полагаются, зажигать в лагере огни. Делал он и другие приготовления, собираясь через день двинуться на приступ.

Глашатай объявлял в лагере, что царь отдает войску город на разграбление, а жителей – в рабство.

Рассказывают ведь и следующее. Когда стена была разрушена пушками, сын синопского архонта Скендера, по имени Исмаил, начал переговоры с эллинами относительно мира. Говорил он так: «Эллины, вы сами знаете, вы находитесь на краю гибели. Что не пошлете к царю посла для переговоров о мире? Если вы захотите поручить это дело мне, я добьюсь для вас мира. Конечно, я хорошо знаю, что вы будете обязаны мне благодарностью, если я сделаю это для вас. Если же это не случится, город ваш будет поработен, царь вас всех погубит. Жен и детей ваших мы сделаем рабами, и вы испытаете непереносимые страдания. Итак, пошлите как можно скорее верного человека. Я приведу его в ставку царя и добуду для вас мир». Это сказал он на совете

грекам. Было решено послать вестника, поручив узнать, каково намерение царя, в чем оно заключается. Только после этого эллины хотели решить, что им выгодней сделать.

Узнать намерение царя они послали человека незнатного. Когда он, приведенный Исмаилом, явился в ставку, царь потребовал от греков ежегодно уплачивать ему десять мириад. Если же эллины не в состоянии уплатить, пусть оставляют город и уходят со своим имуществом куда кому угодно. Когда это было сообщено эллинам, они стали советоваться и решили лучше снова подвергнуться опасностям осады, чем, сев на корабли, покинуть город без боя.

Мне же кажется, что царь требовал это для вида, желая узнать настроение эллинов, а вернее, видя пришедшие в негодность укрепления⁹ он хотел знать, что думают о себе сами эллины, считают ли они свое положение твердым. Эллины ответили только то, что я сказал.

Когда все было готово для приступа, царь созвал янычар и обратился к ним с такой речью:

«Янычары, сыновья мои, куда бы ни шел я походом, самые прекрасные подвиги всегда совершали вы. Взять этот город зависит от вас. Но знайте и то. Я вас спрашивал и вы отвечали, что взять этот город возможно. Надо только, чтоб я разрушил вам его стены. Вода вас вокруг города, я спрашивал, достаточны ли уже разрушения. И насколько вам было нужно, настолько я стены разрушил. Теперь же, когда пришло время итти на приступ, я говорю вам следующее. Вы, во всех боях заслужившие себе и прежде и теперь великую славу, покорите мне это царство. Знайте, много есть земель¹⁰ в Азии и Европе. Лучшую из них дам я первому поднявшемуся на стену. Я. отплачу ему как следует, я дам ему в награду богатую область, и люди нашего племени назовут его участь блаженной.

Но если я узнаю, что кто-либо вернулся в палатку, а не сражался на стене, то, даже если бы он скрылся, улетая на крыльях, бегство не спасет его от мучительной смерти.

Идите на этот самый прекрасный и праведный бой. Будут у вас рабы, за которых вам много дадут, будут и женщины, и дети, и большие богатства этого города!»

В ответ на эту речь декадархи¹¹ и лохаги¹² стали успокаивать царя, обещая, что они будут врываться в город, не оглядываясь. Это были как раз те декадархи и лохаги, которых царь водил раньше вокруг городских стен и спрашивал, можно ли уже ворваться в город. Они же просили стены разрушить еще до того состояния, которое им казалось достаточным. Теперь же они просили, как милости, вернуть людей, схваченных за покушение на наварха. Их ведь подозревали в том, что они ранили в глаз наварха. Царь согласился и отпустил людей в угоду янычарам. Затем царь решил итти на приступ. Он послал в лагерь глашатая объявить, что на рассвете двинется на город. Отличившемуся он обещал награду; не вышедшему в бой – наказанием была назначена смерть. Захиды¹³, обходя лагерь, напоминали воинам об ожидающей их по учению пророка посмертной славе, говоря, что павшим в бою пророк обещал блаженство. Говорили и другое, что у них полагается.

Эллины приказали генуэзцу¹⁴, прибывшему к ним на помощь с большим кораблем и тремястами гоплитов, стать там, где поместился сам царь и где именно янычары собирались ворваться в город.

Они давали это приказание, желая, чтобы он со своими гоплитами именно там приготовился отражать врага. В то же время и сам царь эллинов, готовый притти на помощь со своими людьми, стоял недалеко от него. И кардинал сарматский Исидор¹⁵, о котором я упоминал раньше¹⁶, находился тогда в Византии и помогал подвергшимся нападению эллинам. Приехал он незадолго до осады, чтобы созвать собор и помирить эллинов с архиереем римлян¹⁷. Но эллины слишком поздно, во всяком случае, пришли к соглашению с ними.

Решив итти в бой с утра, царь начал наступление на рассвете (был же день Ареса)¹⁸. На рассвете раздался звук кимвал, заиграли флейтисты и трубачи, царь двинул войска. Везде, окружая город, приготовились варвары к бою и, бросившись вперед, стали храбро сражаться. Со стороны стены, обращенной к заливу, эллины защищались всего решительнее, отбили врагов и, отрубив головы у поднявшихся кое-где по лестницам турок, удерживали стену. В том месте, где наступал сам царь, янычары в стремительном натиске стали теснить генуэзцев. И сам Лонг¹⁹ был ранен пушкарем в руку, и были легко ранены другие гоплиты. Они оставили место, где стояли. Тотчас, пробиваясь сквозь ряды защитников, турки стали врываться в город, отражая нападение [противников, напададая на] генуэзских гоплитов, наседая на них и убивая [их].

Итак, Лонг ушел. За ним стали уходить гоплиты, так как янычары теснили их. Царь эллинов, заметив, что генуэзцы покидают свои места и дают проход врагу, тотчас подбежал и спросил Лонга, уходит ли он. А когда [тот] ответил, что турок ведет здесь бог, царь, обратившись к Кантакузину и тем немногим, кто был с ним, сказал: «Пойдемте, друзья, на этих варваров». И Кантакузин погиб, как герой, и царь был вынужден отступить. А янычары, наступая, преследовали и ранили царя Константина в плечо. И он умер.

Видя, что янычары побежали по большой стене, поражая сверху стрелами и бросая камни, и видя, что под их натиском побежали люди Лонга, бросились бежать и остальные защитники города. Всякий, спасаясь, стремился вырваться наружу.

Когда бегущие достигли так называемых ворот Романа, они стали давить друг друга и тут же падать, а вновь прибывающие падали на них. Взбираясь по телам, стараясь пробиться через толпу рвущихся к спасению людей, еще живые, они так тесно сгрудились у ворот, что выхода оттуда не стало никому. И так в громадном количестве гибли они бесславно. Жалкое зрелище представляли они, [торопясь] обогнать друг друга и

загородить ворота телами еще живых эллинов. А янычары, перейдя большую стену (ведь значительная часть ее была разрушена пушками); бросившись в разные стороны, разбежались по городу и принялись за грабеж.

Как только распространилась весть, что город взят, побежали и остальные эллины. Одни бежали к гавани на корабли венецианцев и генуэзцев. Многие спешно и беспорядочно бросались в лодки и гибли, так как лодки тонули. И случилось то, что всегда бывает при всеобщем смятении, когда все как придется и в беспорядке ищут спасения. Но эти все же успели убежать от турок. К несчастью, сторожа у ворот, увидев эллинов, устремившихся к судам и ищущих спасения в бегстве, думали, что, заперев эллинов в городе, они вынудят их возвратиться и защищать его. Утвердившись в этом мнении, они бросили ключи от ворот за стену.

Они, думаю я, действовали так под влиянием распространившегося в городе пророчества, утверждавшего, что, когда враг в своем наступлении дойдет до того места в городе, которое называется Тавр²⁰, защитники по необходимости сомкнут свои ряды, прогонят врагов и сами овладеют городом.

Новые беглецы все время прибывали. Образовавшаяся здесь толпа мужчин и Женщин бросилась к самому большому храму в городе, к св. Софии. Тут собрались мужчины и женщины, и дети. Позднее, впрочем, они были взяты турками в плен без боя и не мало мужчин был& убито турками в храме. Другие эллины, скрывавшиеся в разных местах города, также находились в бедственном положении. Немного спустя одни из них были убиты, другие захвачены в плен. А многие, храбро сражаясь погибли за родину. Они не хотели видеть своих жен и детей попавшими в неволю. Все это происходило в то время, когда, ища смерти, мужественно бился, и пал здесь Феофил²¹ из рода Палеологов, когда погибли и принимавшие участие в этом бою Палеологи, отец²² с сыновьями. Тогда же доблестно пали многие эллины, окружавшие царя, не желавшие видеть свою родину потерявшей свободу.

Все улицы города были полны убивающих и умирающих, преследующих и бегущих. А судьба Нотары²³, гармоста царя, и Орхана, внука Мусульмана²⁴, по словам самих эллинов, была такова. Узнав, что город взят, они прибежали к какой-то городской башне. Они хотели посоветоваться, что им вообще делать. Придя в башню, Орхан, надев рубище какого-то монаха, прыгнул с башни и погиб.

Осажденные в башне спутники Нотары, вместе с ними он сам и сыновья его, были взяты в плен около полудня.

Янычары немедленно привели в лагерь царя огромное количество женщин и детей из самых знатных эллинских семей, принесли из города большие сокровища и таким образом очень разбогатели.

Перед глазами зрителя расстилался лагерь, полный призывающих друг друга мужчин и женщин, полный детей, безумно испуганных этим ужасным несчастьем. Из города уносили в лагерь золото и серебро. В изобилии оказались в нем драгоценные камни. Все в нем было завалено разной одеждой. В один день в этом лагере оказалось столько знатнейших пленных, сокровищ и другого имущества, что многие янычары не знали, куда девать свое богатство. Хотя драгоценные камни продавались дешево, так как янычары не знали, за сколько их надо продавать, они все же стали очень богаты. Бывало иногда, что они продавали золото, думая, что это медь.

Тогда же был взят в плен и Исидор, кардинал Сабинский²⁵. Приведенный в Галату, он был продан, но сел на корабль и бежал в Пелопоннес. Если бы царь знал, что это кардинал Исидор, он убил бы его, а не дал бы бежать. Теперь же, думая, что Исидор погиб, царь не спрашивал о нем.

Но при каких обстоятельствах погиб царь эллинов, никто из янычар сказать не мог. Он оказался в городе со многими другими. Скончался он, процарствовав три года и три месяца. Было взято в плен много знатных венецианцев, находившихся в городе по торговым делам, и много других, приехавших в город с триерами. Эллины задержали их на основании договора о союзе, с тем чтобы они помогали им в наступившей тяжелой беде. Притан венецианцев был приведен к царю и убит, после чего остальные венецианцы были отпущены на свободу.

Пока это происходило, и пока все, в том числе и моряки царского флота, были заняты грабежом, триеры венецианцев снялись с якоря и плыли по Геллеспонту. На третий день без людей они приплыли к Эвбее. Ведь эллины сняли с триер большинство людей и поставили их на линию башенных зубцов, защищать город. Этим людей взяли в плен. Некоторые были даже убиты. А триеры, приплывшие к Эвбее, стали вестниками несчастья Византия. Жители острова не знали, куда им бежать. Они думали, что несчастье обрушится на них немедленно. Население почти всех островов Эгейского моря обратилось в бегство. Властели и жители Пелопоннеса в ужасе устремились к морю. Вследствие этого позднее произошло отпадение живших в Пелопоннесе албанцев.

Сразу после взятия Византия царь повелел зятю своему Зогану итти на лежащий на другом берегу город Галату. Зогану было дано приказание помешать генуэзцам выступить на кораблях против царя, приказать жителям оставаться каждому на своем месте и не позволять никому из них жезть на корабль.

Глава города Галаты²⁶, узнав о том, что царь взял Византию, страшно испугался, как бы царь, двинувшись на них, не поработил Галату, как он сделал это с Византием. Поэтому, взяв ключи от города, он пришел к царю и сдал ему город. Он сказал, что жители вверяют свою судьбу царю и выражают желание впредь повиноваться ему, исполняя его приказания. Тогда-то царь послал Зогана принять город и запретить кому бы то ни было садиться на корабли. Но жители Галаты, увидев двигающиеся на их город турецкие триеры, спешно бросились к кораблям. Турки удержали их, а некоторых для устрашения убили. Зоган вошел в город, устроил все городские дела и назначил царского архонта.

И вот став в один день властителем двух городов, из которых один он взял в бою, а другой ему сдали, царь приказал жителям срыть городские (стены, обращенные к суше. Делал он это для того, чтобы, в случае прихода кораблей из Италии, жители не задумали бы отложиться. Если же стены со стороны суши будут срыты, а царю снова будет угрожать война, он свободно войдет в город и легко овладеет им.

Оставшихся в живых эллинов, главным образом самых знатных из них, отвели в Галату. Некоторые при этом освободились. Нотару, притана царя эллинов, выкупил сам царь, и жену его, и детей. Он выказал внимание к Нотаре и беседовал с ним некоторое время о том, что его интересовало, спрашивая о судьбе семьи, о военной помощи, которая, он знал, ожидается из Италии²⁷. Отпущенные на свободу эллины снова собрались в Византии, выкупали родных и близких, но немного позднее царь их убил.

Дошло до царя, что у Нотары есть сын, двенадцатилетний мальчик. Послав к Нотаре одного из своих евнухов, он потребовал мальчика к себе. Нотара, услышав слова евнуха, пришел в ужас, не стерпел и сказал:

«Евнух, это перенести невозможно. Царь отнимает наших сыновей, хотя в настоящее время ни в чем не может нас упрекнуть. Ведь выкупив нас, старую вину он простил нам. Если таким образом поступает он с нами, зачем не велит он предать нас самих позорнейшей казни?» Так ответил Нотара и добавил, что, будучи невиновен, он никогда добровольно не отдаст сына.

Хотя евнух настаивал и убеждал не говорить так и не обращаться так смело с царем, потому что это принесет немедленную гибель, он не убедил Нотару. Вернувшись к царю, евнух передал ответ эллинов. Царь тотчас приказал зарезать Нотару вместе с сыновьями и со всеми, кто был при нем.

И вот когда к Нотаре пришли люди, посланные, чтобы его убить, он просил сначала на его глазах убить детей. Его же убить после них. Сыновья, страшась смерти, просили отца отдать все деньги, которые у них были в Италии, и этим сохранить им жизнь. Он же не согласился и приказал храбро идти на смерть. Их убили первыми. Потом он дал убить себя. Немедленно после убийства Нотары и близких ему людей царь приказал зарезать и тех эллинов, которые жили в Византии на свободе. И они были зарезаны. Так бесславно они погибли. Царь пошел на это убийство, так как его подстрекал один из живших в Византии эллинов, с дочерью которого сошелся царь. Он любил ее, он был без ума от этой женщины. Целиком поглощенный своей страстью, он и к родственникам ее был милостив. Под ее влиянием, говорят, убил он эллинов. Вот все, что случилось с эллинами Византия.

Кажется, что это несчастье было величайшим из всех происшедших на земле. По связанным с ним страданиям оно приближается к несчастью Илиона. Казалось, будто гибель эллинов от рук варваров была наказанием за Илион. И, таким образом, получилось, думали римляне, что эллинов постигло возмездие за разрушенный ими некогда в древности Илион. Итак, вот что произошло до сих пор.

¹ 26 марта 1452 г.

² Несколько иначе сказано об этом у Дуки. Дука говорит, что для постройки крепости привозили с востока камень *liJouV*, а известь *asbestoVi*; делали в *kataJugioiV*. В Комментариях Буллиальда к этому месту Дуки высказано осторожное предположение, что местом, названным Дукой, является находящееся, на азиатском берегу *kataggeion*.

³ О постройке этих башен см. Франдзи.

⁴ 2 апреля 1453 г.

⁵ 1422 г.

⁶ Франдзи. 242.16

⁷ *Epirurgia*.

⁸ *Epirurgia*.

⁹ В тексте: *orugmata*

¹⁰ *Uparcia*.

¹¹ Начальник над 10 солдатами (лат. *decurio*).

¹² Начальник над 100 солдатами (лат. *centurio*)

¹³ Шейхи.

¹⁴ Джованни Джустиниани Лонг.

¹⁵ Киевский митрополит Исидор, Халкокондил, называет народы старинными именами. Сарматами он называет русских.

¹⁶ Стр. 293.14.

¹⁷ Римский папа.

¹⁸ 29 мая 1453 г.

¹⁹ Джустиниани.

²⁰ Площадь в Константинополе.

²¹ Феофил Палеолог. Математик. Защищал город на левом фланге.

²² Никифор Палеолог, зять Димитрия Кантакузина. Оба стояли в центре города с запасными войсками.

²³ Лука Нотара, великий дука.

²⁴ Султан Сулейман I.

²⁵ Киевский митрополит Исидор был кардиналом Сабинским.

²⁶ Подеста Галаты Анджело Джованни Ломеллино.

²⁷ Место по переводу дпорное. Латинский переводчик рассматривает *cuvtevcs* как инфинитив от *sunienai*, а не от *sunihmi*. Между тем Халкоконил употребляет *sunegcomai* с дательным падежом; *sunihmi* во всех случаях он употребляет с родительным.

Осада и падение Константинополя (1453 г.) (Дука, «Византийская история», XXXV-XL, XLII)

Дука (ок. середины 1390-х – после 1462 гг.) – греческий историк, автор «Византийской истории», описывающей последний этап существования ромейского государства и завоевание его османами.

«Византийская история» – это капитальный труд, состоящий из 45 глав. Изложение начинается с 1341 г., и доходит до 1462 г., когда турками-османами были захвачены Митилена и Лесбос, где жил Дука. После 1421 г. описание ведется на основе личных впечатлений историка или со слов очевидцев с привлечением греческих, итальянских и турецких документов. Особое место занимает рассказ об осаде и разгроме Константинополя в 1453 г. Не являясь очевидцем этого события, Дука сообщает о нем на основании тщательно проверенных показаний и свидетельств участников, в том числе и самих турок-османов.

Гл. 35. Итак, когда прошло лето 1452 г. и началась пора осенняя, тиран, проводя время дома, не давал покоя очам, но ночью и днем имел думу о городе, – как бы взять его, как бы сделаться его господином. Итак, когда он был еще в крепости [на Босфоре] и строил ее, вышел из города один мастер, сооружающий камнеметные пушки, – родом венгр, мастер искуснейший. Задолго до того явившись в Константинополь, он объявил приближенному царя о своем искусстве, а те доложили об этом царю. Царь же назначил ему содержание, недостойное его знаний, – но и его, сколь ничтожно и малочисленно оно было, не выдавали мастеру. Поэтому, отчаявшись, он оставил город и бежал к варвару. А тот, с любовью приняв его и оказав ему почести, дает ему и провиант и одежду, а плату такую, что если бы царь дал только четвертую ее часть, не убежал бы этот мастер из Константинополя. Итак, был он спрошен вождем, может ли он вылить большую пушку, бросающую огромной величины камень, – так, чтобы можно было преодолеть прочность и толщину городской стены. Он же ответил: «Я могу, если ты хочешь, изготовить бомбарду, которая будет бросать каменные ядра любой величины. Я точно знаю стены города: не только эти, но и стены Вавилона превратит в порошок выпущенное из моей бомбарды ядро. Все это дело я хорошо выполню; но самой стрельбы я не знаю и о ней не договариваюсь». Услышав это, вождь сказал: «Приготовь мне бомбарду; относительно же метанья камня сам посмотрю». Начали собирать медь, а мастер изготовил модель пушки. Итак, в три месяца было сооружено и выплавлено чудище некое – страшное и необыкновенное.

В крепости же Баск-Кесен в дни те случилось следующее: проходил из Стомия большой венецианский корабль, – капитаном его был Ритзос; и, так как он не спустил парусов, то гарнизон крепости пустил в него из пушки огромное каменное ядро: ядро пробilo корабль, и, когда он стал тонуть, капитан и остальные тридцать человек сели в лодку и добрались до берега. А турки, схватив их и связав им руки и шеи цепью, как бы на одной веревке, отвели их к вождю, проживавшему тогда в Дидимотихе. А он приказал, чтобы все они были обезглавлены; капитана же велел лишить жизни, посадив на кол. Все они оставлены были без погребения, и их трупы я видел, когда, спустя немного дней, проживал там.

Явившись из Дидимотиха в январе месяце в Адрианополь и подготовив все военное снаряжение, вождь пожелал испробовать пушку, которую соорудил тот мастер. И вот, при помощи машин, поставили ее пред великими воротами у входа во дворцы, построенные в тот год, и как следует вложив камень и отмерив пороху, думал он на завтра разрядить ее. По всему Адрианополю было объявлено, что гул и грохот будут, как от грома небесного; это было сделано, дабы от внезапного грохота люди не онемели, а беременные женщины не разрешились преждевременно. Итак, рано утром мастер поднес огонь к пороху; когда нагрелся в бомбарде воздух и ядро было выброшено, оно полетело, наполнив воздух тяжким шумом, окутав все дымом и мглой. Гул же распространился в длину до 100 стадий; а камень упал далеко от того места, откуда был выпущен, – примерно в одной миле. В месте же, где он упал, образовалась яма величиной в сажень. Такова сила взрыва пороха, бросающего камень.

А вождь ночью и днем, ложась в постель и вставая, внутри своего дворца и вне его, имел одну думу и заботу, какой бы военной хитростью и с помощью каких машин овладеть Константинополем. Часто, когда наступал вечер, с двумя сопровождающими в одних случаях на коне, а в других пешком, – в облике воина обходил он весь Адрианополь, слушая, что говорят о нем. И, если кто из толпы постигал в уме, что это вождь, и, по обычаю, добрым словом хотел приветствовать его, он тотчас, не щадя и не жалея, наносил смертельный удар: подобно тому как иной, растирая блоху, чувствует некоторое удовлетворение, так и он, собственной рукой убивая, – сам достойный смерти, – находил в этом наслаждение. Итак, в одну из ночей, около второй стражи, послал он некоторых из дворцовых телохранителей привести Халил-пашу. Они же, придя, передали приказ евнухам, а те, войдя в его спальню, сообщили, что его зовет вождь. Тот же, охваченный дрожью и придя в отчаяние, обняв жену и детей, отправился, неся с собой одно золотое блюдо, полное золотых монет. Ибо всегда он имел страх в сердце своем по причине, о которой я сообщал раньше. Войдя же в спальню вождя, увидел он его сидящим и одетым. И преклонился он пред ним и положил пред ним блюдо; а вождь сказал: «Что это, лала?» (как сказал бы кто на народном нашем языке: «тата», т.е. наставник). Он же ответил: «Господин! Обычай есть у сатрапов: если вождь позовет кого из вельмож не в пору, не приходите на лицезрение его с пустыми руками. Да ничего из своего не принес я тебе, чтобы явиться пред тобою; но твоя от твоих принес». Вождь же ответил: «Еще нет у меня нужды в твоём. Лучше я подарю тебе: и притом еще больше. Одного прошу: дать мне город». Халил же задрожал весь при этом слове, потому что всегда он покровительствовал

ромеям; ромеи имели его как правую свою руку и правую его руку наполняли дарами. И пели о нем все: «Кавур Ортаги», т. е. «неверных вскормленник, их защитник». Тогда, отвечая вождю, Халил сказал: «Господин! Бог, давший тебе в руки весьма большую часть земли ромеев, даст тебе и город. Ибо, как мне кажется, при божьей помощи и твоей силе не избежит он рук твоих. А я и все рабы твои будем помогать тебе, – не деньгами только, а плотью и кровью, – и относительно этого нашего намерения ты не заботься». Слова эти на некоторое время смягчили дикого зверя, и говорит он Халилу: «Видишь подушку? всю ночь бродил я по комнате из одного угла спальни в другой, а из другого в следующий, – то садился за стол, то вставал: и сон не приходил очам моим. Итак, говорю я тебе: прельщаясь серебром или золотом, не забудь ответа, который дал ты мне сейчас; мы упорно будем бороться с ромеями и, уповая на благоволение божие и молитву пророка, город возьмем». Итак, вместе с этими и другим льстивыми словами высказав и некоторые содержащиеся среди лести неприятные Халилу намеки, от которых сжималось сердце и сохла кровь, вождь отпустил его, говоря: «Ступай с миром!» И проводя все те ночи без сна и беспокоясь, не оставлял он дум о городе, часто беря в руки бумагу и чернила и чертя план города, показывая сведущим в укреплениях, где и как поставить боевые машины и укрепления, где провести подкопы и вход в ров и лестницы к какой стене поставить, – а попросту сказать: всякое приготовление обдумывал он ночью, а рано утром, по его приказу, все делалось, потому что руководил он находчиво и очень хитро.

Гл. 36. Пройдем теперь в город и посмотрим, какая у жителей его дума и забота, чтобы город спасся от руки Навуходносора. Царь уже послал в Рим послов, прося помощи и стремясь к соединению с Римом в единомыслии и унии, какая была установлена во Флоренции; и папа должен был получить в Великой Церкви поминовение за богослужением, а патриарх Григорий возвратиться на престол свой: и звал император, чтобы прибыли к нему послы от папы, чтобы папа укротил непримиримую вражду схизмы. И вот послал папа кардинала Польши – некогда был он архиепископом России – Исидора, мужа умного и рассудительного и наставленного в правых догматах, ромея по происхождению; на Флорентийском соборе он был одним из выдающихся отцов. Когда с очень большим кораблем генуэзцев он прибыл на остоов Хиос, он прожил там достаточно дней, пока купцы того корабля торговали: что было нужно, отдавали. а что им требовалось, получали; – ожидали они к тому же и другой корабль, который должен был плыть вместе до Кафы. Итак, кардинал, имея с собой до пятидесяти человек из итальянцев, нанял за плату и других многочисленных латинян с Хиоса. И вот, когда показался ожидаемый ими корабль, вышли они из Хиоса и поплыли в Константинополь, прибыв в него в ноябре месяце 6961 г. И царь принял их ласково и оказал им, как приличествовало, почести. Дошли они, наконец, и до разговоров об унии и нашли, что царь был согласен на это, как и отдельные из церковников. Наибольшая же часть священнического и монашеского чина – игумены, архимандриты, монахини, – все были против. Что я говорю: «наибольшая?» Монахини побуждали меня говорить и писать, что никто, мол, не соглашался на унию и что даже царь сам соглашался притворно. Тем не менее те из клириков, – священники и диаконы, – которые показывали себя держащимися постановления об унии, и царь с синклитом, придя в Великую церковь, пожелали совершить там богу в общем единомыслии литургию и нековарной мыслью вознести ему молитвы. Тогда схизматическая часть, явившись в монастырь Пантократора, к келье Геннадия – некогда Георгия Схолария, – говорила ему: «А мы что будем делать?». Тот же, быв в затворе, взял бумаги, написал свое мнение и чрез записку объявил и совет свой. А написанное объявляло так: «О, жалкие ромеи! Зачем вы сбились с праведного пути: удалились от надежды на бога и стали надеяться на силу франков; вместе с городом, в котором скоро все будет разрушено, отступили вы и от благочестия вашего? Милостив буди мне, господи! Свидетельствую пред лицом твоим, что неповинен я в этом. Обратите, несчастные граждане, внимание: что делается? Вместе с пленом, который скоро постигнет нас, вы отступили и от отческого предания и стали исповедывать нечестие. Горе вам, когда придет на вас суд божий!» Это и другое, еще большее, написав и прикрепив написанное к двери своей кельи гвоздями, он затворился опять внутри, а бумага стала читаться. Тогда монахини, считающиеся в народе чистыми и посвящающими спую жизнь богу и православию, – по состоявшемуся у них постановлению и по указанию учителя их Геннадия – все, вместе с игуменами и духовниками, а также с остальными иереями и с мирянами, стали выкрикивать анафему и проклинали и постановление Флорентийского собора и возлюбивших его, и любящих, и имеющих любить. И вот беспорядочная и праздношатающаяся толпа, выйдя из ограды монастыря в харчевни, с бокалами, полными несмешанного вина в руках, стала анафемствовать там униатов и пить в честь иконы богоматери, призывая ее быть заступницей и защитницей города, – как некогда против Хозроя и Хагана, и арабов, так и теперь против Магомета: «Ибо, – говорили они, – ни помощи латинян, ни унии мы не желаем; пусть удалится от нас богослужение азимитов!» Христиане же, собравшиеся в Великой церкви, учинив к богу пространное моление и выслушав речи кардинала, возлюбили соборное определение об унии: и в полном согласии постановили, чтобы, когда минует турецкая осада и настанет спокойствие, некоторые из авторитетных с той и другой стороны мужей в заседании рассмотрели бы соборные постановления и, если есть у них что не совсем правильное, исправили бы. Итак, в том же полном согласии пожелали, чтобы в Великой церкви служилась общая литургия, совершаемая совместно итальянцами и греками и чтобы поминали в диптихах при этом папу Николая и выбывшего из отечества патриарха Григория. Священное же это тайнодействие совершено было в месяце декабре, 12-го дня, 6961 г. А были многие и такие при этом, которые не приняли просфоры антидора, как мерзкой жертвы, совершенной на униатской литургии. Кардинал же ясно видел всякое сердце и всякое

намерение греков, потому что не скрыться было от него обманам и хитростям греков. Но, так как и сам он происходил из того же самого народа, то поспешил он, хотя и с небольшим рвением, помочь городу: и довольствовался он лишь изложением папе в защитительной речи того, как происходило дело; большее же возложил он на бога, все строящего к полному концу. Но чернь грубая, враг прекрасного, корень высокомерия, ветвь тщеславия, цвет гордости, выжимки рода эллинов, истинное презрение, презиравшее другие людские народы, все сущее считала не сущим. Поэтому, когда приверженцы унии беседовали со схизматиками, последние говорили так: «Оставьте! Посмотрим сначала, истребит ли бог этого врага, который стоит против нас, – этого великого дракона, хвастающего, что совсем проглотит город: и тогда вы увидите, соединимся ли мы с азимитами».

Говоря это, не соображали несчастные, какие великие клятвы давали они для устройства и единомыслия христиан, т. е. церквей: на соборе в Лионе, бывшем в дни первого Палеолога, – на соборе во Флоренции, бывшем в дни последнего василевса из Палеологов, и, наконец, теперь, на божественном и священном этом тайнодействии. Все эти данные ими клятвы, с прошениями во имя св. троицы, от которых и разрешить нельзя, должны истребить с земли самую память о них, а с ними вместе и память о городе. Несчастные! Что вы о пустом заботитесь в сердцах? Вот священники твои, и монахини, и монахи твои, и блюстители храмов твоих, и блюстительницы, которые не пожелали причаститься пречистого тела и крови из рук греческих священников, совершающих божественные тайны по церковному преданию Востока, называя эти обряды оскверненными и нехристианскими, вы избегаете благословения священников и именуете храмы языческими капищами, а завтра будете преданы в руки варваров и осквернены и загажены и душой и телом. Ибо собственными глазами видел я монахиню, наставленную в божественных словесах, не только евшую мясо и носящую на теле одежды варваров, но и приносящую лжепророку жертву и без стыда исповедующую нечестие.

Но что же было сделано в то время, как проходил этот промежуток в пять месяцев? Ибо вслед за ним настанет и тот, следующий страшный день, – и с воплями о нем будет рассказано. Итак, послал царь некоторых из своих архонтов на острова и в другие христианские области закупать хлеб и всевозможные плоды и иные припасы, так как весной ожидали прибытия тирана. И скопилось четыре огромных корабля со всем необходимым на острове Хиосе: с хлебом, вином, маслом, сушеной винной ягодой, сладкими рожками, ячменем и всяким другим видом плодов. Ожидали еще один грузовой корабль из Пелопоннеса. И, когда дождались, пять кораблей с рослыми и мужественными моряками, – а я бы сказал: и с многочисленными, и хорошо вооруженными, – спустя немало поплыли в Константинополь. И были все острова в беспокойстве и печали по поводу города. И одни люди думали, что город будет завоеван и взят варварами; другие же полагали, что, как отец и дед Магомет, желавшие взять его, оказались впустую трудившимися, так и он сам пойдет, вероятно, по той же самой протоптанной дороге.

Гл. 37. Итак, когда прошел месяц январь и начался февраль, приказал Магомет перевезти бомбарду к Константинополю: и запрягли тридцать упряжек, и тащили ее позади себя 60 быков; я сказал бы: быки быков. А с боков бомбарды – по 200 мужчин с каждой стороны, чтобы тянули и уравнивали ее, чтоб не упала в пути. А впереди упряжек – 50 плотников, чтобы готовили деревянные мосты для уравнивания дороги, и с ними 200 рабочих. И так прошел февраль и март до того, как оказалась она в месте, расположенном от города в 5 милях. Ибо незадолго до этого времени в укрепления Понта, т. е. Месемврию, Ахелоон, Вилон и остальные, был послан с войском Караджа-бек и присоединил их. Подобным же образом, взяв штурмом и расположенные у Селимврии башни святого Стефана, всех, кто был внутри их, перебил. Остальные же учинили поклонение, как и крепость Эпиваты. Итак, которые сдались, спаслись нетронутыми; те же, которые оборонялись, были обезглавлены. Селимврия же мужественно оборонялась до взятия столицы. Итак, когда бомбарда была привезена на место, куда было приказано, а Караджа-беку дано было приказание охранять ее, он поспешил с войсками, с одной стороны, опустошить окрестности города, а с другой, не дать ромеям возможности выйти из ворот города. А были там и в течение всей зимы расположены на зимних квартирах три отряда из Мизии и Пафлагонии для несения стражи, чтобы не вышли ромеи и не сделали набега на турок. Итак, вторжение было великое, и ромеи не могли выйти. Но в то же время с моря, на биремах и триремах, они опустошали расположенные по морскому берегу до Кизика турецкие местности и многих взяли в плен: и одних убили, других же, приведя в Константинополь, продали...

...Тиран от начала месяца марта во все области послал вестников и глашатаев, приказывая всем вступать в войско, снаряженное против города. И вот люди, которые были записаны на военную службу, стали стекаться. О незаписанных же, исчисляемых десятками тысяч, кто расскажет? Ибо бежал всякий и каждый, кто слышал что против города: лишь не бежали малые дети, которые еще не могли ходить, так и старики, которые уже не могли бежать. Граждане же молили бога, чтобы не пришел тиран во святую седмицу, потому что слышали, что тиран – на колеснице и уже идет. Итак, в пятницу недели обновления Навуходоносор у ворот Иерусалима. И раскинул он свои палатки против ворот Харса, позади холма. И все воинство его – от Ксилопорты, лежащей близ дворца, до Золотых ворот, что к югу: и опять от Ксилопорты до Космидия и от юга – на равнину, которую опоясывали вокруг виноградники: и были эти виноградники еще раньше опустошены Караджой. И осадил Магомет город в апреле, в шестой день, в пятницу после Пасхи. Граждане же города от того дня, в который как бы произошло в Великой церкви церковное воссоединение, убегали от нее, как от иудейской синагоги: и не было в ней ни приношения, ни всесожжения, ни фимиама. Если какой из иереев

случайно совершал в ней богу в выдающийся день литургию, то молящиеся стояли в ней до момента приношения святых даров, и тогда все выходили: как женщины, так и мужчины; как монахи, так и монахини. Что надлежит сказать по поводу этого? Храм этот они считали капищем, а жертву – приносимой Аполлону. Об этом и Исайя говорит, как бы из уст бога: «Вот я переселю народ этот; непременно переселю их; и погублю мудрость мудрых их и разум разумных развею. Горе скрытно устрояющим совещания, – совещания не по господу! Устрояющие втайне совещания, думают, что будут во мраке дела их, и говорят: «Кто нас видел? Кто узнает о нас или то, что мы делаем?» По этой причине говорит господь следующее: «Горе вам, дети мои – отступники: вы сделали совещание не по мне и договорились не по духу моему, но чтобы приложить прегрешения к прегрешениям». Геннадий же не переставал каждый день поучать к писать против униатов и сплетал силлогизмы и ответы против мудрейшего и блаженного Фомы Аквината и его сочинений и против господина Димитрия Кидония, объявляя их еретиками; помощником и сообщником имел он из царского совета первого советника, великого дуку, – того самого, который, когда ромеи увидели бесчисленное турецкое войско, осмелился сказать против латинян, а скорее – против города: «лучше видеть царствующей среди города турецкую чалму, чем латинскую тиару», – ибо жители города, отчаявшись, говорили: «О, если бы отдан был город в руки латинян, именующих Христа и богородицу, и если бы не были мы ввергнуты в лапы нечестивых!» Тогда и он произнес это. Но относительно его еще Исайя сказал, как и Езекия: «Выслушай слово господина Саваофа: «Вот придут дни, – и возьмут все в доме твоём. И все, что собрали отцы твои до дня сего, пойдет в Вавилон, чтобы ничего не было оставлено тебе. И из детей твоих, происходящих от тебя, которых ты родишь, возьмут и сделают их евнухами в доме царя вавилонского»».

Гл. 38. Итак, царь Константин вместе с живущими в Галате генуэзцами, насколько была возможность, в высшей степени заботился о защите города, ибо и генуэзцы полагали, что если бы город был взят, то и их укрепление делается пустынным. Поэтому еще раньше послали они в Геную письма, прося помощи: и ответили им оттуда, что на помощь Галате уже идет один корабль с 500 тяжеловооруженных. Да и венецианские торговые триремы прибыли из Мэотийского залива и реки Танаис и из Трапезунта: царь и живущие в городе венецианцы не позволили им уйти в Венецию, и они остались на случай помощи городу. Подобным же образом прибыли из Генуи некто по имени Иоанн Лонг, из рода Джустиниани, с двумя преогромными кораблями, имея на них вместе с вооруженными генуэзскими воинами и военные машины, – многие и прекрасные, дышащие яростным духом. И был этот Иоанн муж искусный, а в схватках и в военных сражениях сомкнутым строем весьма опытный. Царь принял его с честью, и наделил его воинов жалованьем, и осыпал милостями, и почтил его саном протостратора, – и он взял на себя охрану лежащих у дворца стен. Ибо видели, что тиран водружает там для метания каменных ядер пушки и всякие другие приспособления для разрушения стен. Подарил он также ему чрез хрисовульную грамоту и остров Лемнос если Магомет будет отбит и возвратится назад, ничего не достигнув из того что он с дерзостью надеется получить от города. Итак, с этого времени латиняне вместе с Иоанном сражались героически, выходя из ворот города и стоя во внешнем укреплении и по рву. Часто, выскакивая и за ров вступали ромеи в рукопашный бой с турками, иногда отступая, иногда же захватывая пленных. Но это не приносило ромеям пользы, ибо, по правде сказать, один ромей был против двадцати турок. Как могли они лицом к лицу сражаться с турками и уцелеть? Поэтому был дан совет такой, чтобы ромеи сражались со стен на передовых укреплениях: одни при помощи метательных копий, другие посредством стрел, иные же при помощи свинцовых ядер, выпускаемых благодаря пороху по пяти и десяти сразу: величиной мелкие, как черноморские орехи, и обладающие такой пробивной силой, что если бы случилось ядру попасть в носящее железные доспехи тело, то, пронзив и защиту и тело, оно выходит наружу и, если случится при этом другое, перескакивает в другое, а затем из него в следующее, пока не ослабеет сила заряда. И при помощи одного выстрела можно убить двоих и троих. Но и турки научились этим пользоваться, а, в то же время, и сами подобным образом поражались.

Итак, когда половина апреля была проведена в незначительных схватках, то, так как тиран собирался на большее, были стянуты поэтому воины отборные и наилучшие: свыше числа, можно сказать. Те, кто рассматривал их, говорили, что свыше 400 тыс. А галатские генуэзцы еще до прихода тирана, находившегося еще в Адрианополе, послали послов, возвещая искреннюю к нему дружбу и возобновляя написанные раньше договоры. И он отвечал, что он – друг их и не забыл свою любовь к ним, – только чтоб не оказались они помогающими городу. И они обещали. Однако, как показал конец, один из них смеялся над другим. Ибо жители Галаты думали, что теперь все будет как прежде, когда город был осажден предками тирана, которые ничего не добились и ушли с пустыми руками, а жители Галаты и им свою дружбу выказали, и горожанам, по мере своих сил, помогали. Так и теперь обманно они выказывали ему дружбу, на самом же деле тайно помогали в войне городу. А тиран в свою очередь думал: «Дозволю я, чтобы змея спала, до тех пор пока поражу дракона, и тогда один легкий удар по голове, и у ней потемнеет в глазах». Так и случилось.

Тогда были стянуты к городу по морю и корабли его с триремами, биремами и легкими судами – числом до 300. Городская же гавань была заперта цепью, протянутой со стороны городских ворот, называемых «Красивыми», к стороне Галаты; ромейские корабли непрерывным рядом стояли внутри, держа под наблюдением гавань и цепь.

Кораблей же, о которых мы говорили, было пять: один из них был царский и вез хлеб из Пелопоннеса, другие же четыре были наняты царем в Генуе и до марта месяца по некоторым своим надобностям стояли еще

на Хиосе. Когда наступил, апрель и хотели они поднять якоря, северный ветер загородил им дорогу. И были граждане Константинополя в великой печали, – равно как и экипажи. Когда же северный ветер ослабел и перестал и начал дуть южный, корабли вышли из Хиосской гавани. И хотя в первый день он дул незначительно, во второй усилился, и по его воле неслись корабли. И стояли жители Константинополя, с нетерпением от этого ожидая прекрасного результата, хотя и не получили пока никакой пользы. Итак, когда показались корабли, тотчас тиран, как дикий дракон, устремился с гневом на свои триремы и остальные корабли, говоря и приказывая им сделать одно из двух: или корабли взять, или воспрепятствовать им войти в гавань. Тогда турецкие суда вышли в море и остановились, ожидая прибытия наших кораблей вне гавани за Золотыми воротами. Корабли же наши шли по той же самой дороге и желали пройти акрополь Мегадимитриос, чтобы войти в залив Золотого рога, но кораблям противостояли турецкие суда. А море в тот час было спокойно, ибо ветер не дул. И можно было видеть удивительное зрелище, ибо усеянное тремьями турецких парусов и пятью величайшими из кораблей море превратилось как бы в сушу, а тучи дротиков препятствовали опускать в воду весла. Моряки же генуэзских кораблей, как орлы крылатые, сверху, как молнии, низвергали из метательных машин снаряды и разбивали неприятельские корабельные снасти, – и страх немалый сделался у турок. Тиран же, вследствие безмерного чванства, верхом на коне устремившись в море, хотел было пересечь пучину и на коне доплыть до своих кораблей, настолько он был сердит на своих; за ним последовало и войско в военных доспехах. В это время подул ветер, паруса надулись, и генуэзские корабли, разрезая турецкие суда, поплыли, держа путь в гавань: турецкие же суда остались стоять на месте. Если бы, конечно, флот варваров был в это время впереди генуэзских кораблей, пять этих кораблей могли бы пустить ко дну и все триста. Тиран же, не зная морской науки, только каркал. Великий же начальник флота не хотел его слушать, так как приказывал он противно разуму. Тогда разгневанный тиран приказал флоту отойти в Диплокионий, а великого начальника флота велел привести пред лицо его. Итак, когда он был приведен и брошен на землю и четырьмя прислужниками был растянут на земле, вождь сам своими собственными руками стал бить его, дав сто ударов золотой палкой, головка которой, сделанная из чистого золота, была весом в 500 фунтов; эту палку на пробу он соорудил, чтобы наказывать ею. Человек же этот, именуемый сыном Палда, происходил из болгар: от одного из архонтов Болгарии. Задолго до этого он обращен был в рабство, отрекся от отческого благочестия и стал наследственным рабом Магомета. Это был тот самый, который четыре года до того ходил на Лесбос и взял там бесконечное количество пленных. Однако своим морякам не был он хорошим другом, отнимая у них добычу. И когда один из азапидов увидел его от тирана оскорбленным и избитым, он, подняв камень и ударив его по виску, выбил ему один глаз. Корабли же пришли в гавань и жители города, опустив цепь, дали им дорогу. Тогда тиран, увидев, что в гавани имеется больших кораблей восемь, а малых за двадцать и, кроме того, царские триремы и триремы венецианцев и очень много других малых, понял, что невозможно завладеть гаванью; однако пришла ему в голову отважная и достойная война мысль. Приказывает он, чтобы прямоком были пройдены лощины, лежащие позади Галаты, – от участка, что к востоку, внизу Диплокиония, до другого пункта Галаты, лежащего на берегу залива Золотого Рога против Космидия. И когда сделали, насколько могли, путь гладким, – поставив биремы на катки и оснастив их парусами, приказал он тянуть суда по суше от переправы священного Стомия и ввести их в залив Золотого Рога. И тянули суда: и на каждом находился начальник гребцов и другой, сидящий на рулях: третий же, управляя снастями, приводил в движение паруса; иной бил в бубен, другой же подыгрывал на трубе, пел морскую песню. И, плывя так с попутным ветром, прошли они всю сушу, – лощины и потоки, – пока, наконец, не достигли залива и не ввели в него восемьдесят бирем; остальные же оставил он там, где они стояли раньше. Кто видел что-либо подобное? Или кто слышал? Ксеркс построил, мост через море, и все его столь многочисленное войско прошло поверх моря, как по суше. А этот новый Александр Македонянин и, как мне кажется, из рода своего тиран последний, сушу превратил в море, и как по волнам, перевел корабли по вершинам гор. Но этот выше Ксеркса. Ибо тот, перейдя Геллеспонт, был посрамлен афинянами и повернул назад. Этот же, перейдя сушу, как море, сокрушил ромеев и взял воистину золотые Афины, украшающие мир, – городов царицу.

Так обстояли дела на море. На суше же преогромную бомбарду поставил он насупротив стены близ ворот святого Романа. И взял бомбардир прицел, ибо сбоку имел он еще две сооруженные бомбарды, выбрасывающие искусно приготовленные ядра весом примерно в 50 фунтов. И, когда хотел он разрядить большую, то прицеливался, посылая снаряд сначала из малой. И тогда по прицелу стрелял и из самой большой. И когда ударил первый выстрел и услышали жители города треск, они онемели от ужаса, а затем стали кричать: «Господи, помилуй!».

...Тогда сбылось реченное от бога чрез Иеремию, говорящего: «К чему ты приносишь мне ладан из Савы и корицу из земли издалека? Всесожжения ваши неприятны, и жертвы ваши не в сладость мне». Посему следующее говорит господь: «Вот я даю на народ этот бессилие, и расслабевут в нем отцы и сыновья вместе; погибнут сосед и ближние его». Следующее говорит господь: «Вот идет народ с севера и племя великое и цари многие поднимутся от края земли; луком и мечом хорошо они будут владеть; народ этот дерзкий и лишенный жалости; голос его – как море волнующееся; на конях и колесницах они выстроятся, как огонь, на войну с тобой, дочь Сиона». Мудрец же зла оного, бомбардир, предусмотрел некий способ, чтобы бомбарда не была разорвана. В самом деле: мы знаем, что бомбарда выпускает снаряды. Поэтому, после того как разряжалось орудие, если оно не предохранялось, будучи прикрываемо войлоками из толстой шерсти, обычно оно тотчас

же, как стекло, давало трещину. Однако даже и после такой заботы, дважды или – много – трижды выстрелив, орудие раскалялось, когда воздух проникал в образовавшиеся пустоты и углубления металла. Что же бомбардир сделал? После того как из пушки, кипящей от испарения селитры и серы, был выброшен снаряд, тотчас же канонир обильно смазал ее маслом и легко стала она производить выстрелы, пока не довершила разрушения города. И еще после этого сохраняется она целой и действует по желанию тирана.

Итак, выстрелив и потрясши стену, канонир хотел вторично бросить в то же самое место еще одно каменное ядро. Находившийся тут посол Янка посмеялся над выстрелом, говоря: «Если хочешь, чтобы легко упали стены, направь пушку в другую часть стены, отступив от места попадания первого снаряда саженей пять или шесть, – и тогда, равнясь по первому, мечи другой снаряд. А когда аккуратно попали два крайних, тогда бросай и третий, – так, чтобы три снаряда находились в фигуре треугольника, и тогда увидишь, как эта часть стены упадет на землю». Понравился этот совет, и канонир так и сделал, – так и вышло. А чем именно был вынужден венгр, когда дал этот совет тирану, сейчас расскажу. Царь Венгрии в том году получил Римскую империю и папою Николаем был коронован, и препоясавшись во власть свою, и удален был от опекунской сласти Янк, и восприял все попечение об управлении царь, он же и император. Имея же клятвенные с Магометом договоры о дружбе, утвержденные на три года, – когда уже исполнилось полтора, объявил Янк Магомету: «Государственную власть передал я господину моему и с настоящего времени не могу отвечать за то, что обещал: возьми писания, которые ты дал, и дай наши и делай с царем Венгрии, что хочешь». Это и было причиной прибытия посла. Относительно же совета, который, как христианин, не должен он был давать, пишу так, как слышал. Говорят, что когда после третьего поражения Янк, спасаясь бегством, возвращался в отечество не как хотел и не как было прилично, он встретился с одним из духоносных мужей и рассказывал ему обстоятельства поражения, сетуя на то, что счастье оставило ромеев и с веселым лицом стало взирать на нечестивых. Старец же отвечивал: «Знай, сын: не будет улыбаться счастье христианам, если не придет ромеям окончательная гибель. Ибо необходимо, чтобы Константинополь был разрушен турками: тогда и неудачи христиан будут иметь конец». Итак, зная и об этом пророчестве, и о несчастных предзнаменованиях, посол Янка желал, чтобы город скорее был взят, и своим советом научил турок, как надо стрелять, чтобы легко упала стена. Когда уже рухнули наземь две части стены и стоявшая в середине между ними башня, и когда упала башня в воротах святого Романа, неприятели увидели тех, кто был внутри и сами стали видимы им. Иоанн Джустиниани со всеми, кто был подчинен ему, и с дворцовыми воинами храбро сражался, а вместе с ним и небольшая часть вооруженных мужей из Галаты, ибо и они показывали любовь к городу. И, выходя из стен Галаты, безбоязненно проводили они время на равнине турецкого лагеря и в изобилии давали тирану все необходимое и искомое: и масло для орудий и иное, если что требовали турки. Тайно же помогали они ромеям и, переправляясь к ним ночью, вместе с ними сражались весь день; когда же наступала ночь, сменялись в городе другие, а они проводили время в своих домах или в турецком лагере, чтобы скрыться в том деле от турок. Венецианцы же вместе с ромеями сражались против турок в Царских воротах до Книга. Великий же дука с 500 вооруженных обходил весь город, одушевляя повсюду воинов и проверяя караулы и определяя число погибших: и делали это каждый день. Ибо не предпринимал нечестивец подлинного штурма, выжидая момент, усматриваемый его гадателями. Царь же, увидев стены упавшими, стал истолковывать это и как недоброе знамение для города и как несчастье для себя самого, ибо со времен Константина святейшего в столь великих войнах со скифами, персами и арабами никогда еще не случалось, чтобы упал со стен хотя бы один камень весом хотя бы в один фунт. Поэтому теперь, увидя все это: и столь великое бесчисленное войско, и флот столь сильный, и путь широкий, открытый врагу в город, – царь пришел в отчаяние, потерял всякую надежду и, послав послов, просил тирана, чтобы он наложил, какую хочет, ежегодную дань, даже свыше силы, – и прочее, чего ищет, – только чтобы удалился отсюда, дал и возлюбил мир. Тиран же сказал: «Невозможно, чтобы я удалился: или я возьму город, или город возьмет меня, – живым или мертвым. Если же ты хочешь удалиться из него, то после заключения мира я даю тебе Пелопоннес, а им, твоим братьям, дам другие области, и будем друзьями. Если же ты не предоставишь мне входа в город мирно и я войду в него с боем, то всех твоих вельмож вместе с тобою я поражу мечом, а остальной весь народ отдам на разграбление всем из нашего войска, кто пожелает: и опустеет город». Услышал это царь и не мог принять никакого решения, ибо невозможно было допустить, чтобы город из рук ромеев был передан туркам. Ибо, если бы это случилось, – какой путь или какое место или какой христианский для переселения город имели бы ромеи, чтобы их не оплевывали, не поносили и не печалили? И не только христиане, но и сами турки и евреи стали бы презирать их.

Тогда Лонг Джустиниани задумал приблизиться ночью к неприятельским биремам и сжечь их. И вот, приготовив одну из трирем и поместив на ней испытаннейших из итальянцев и всевозможные машинные приспособления, они стояли; ожидая часа. Генуэзцы же Галаты, узнав, что делается, сообщили об этом туркам. А те, всю ту ночь проведя без сна и приготовив пушки, стали ожидать латинян. Латиняне же, ничего не зная о сношениях жителей Галаты с нечестивцами, околом полуночи подняли якоря, и трирема без шума приблизилась к турецким судам. Турки же, так как в течение всей ночи они бодрствовали, бросают в порох бомбарды огонь; и вот выпущен был камень в трирему: с величайшим шумом ударив в нее, он низверг ее вместе с моряками вниз под воду, потопив в глубине. Это ввергло латинян в страх и беспокойство немалое, а Иоанна в немалое уныние, ибо все, свыше полутора человека потонувших были с его корабля юноши проворные и очень воинственные. Турки же, став надменными, все подняли великий победный крик, – и те,

которые были на кораблях, и те, которые были в палатках; они подняли такой сильный шум, что, казалось, земля на том месте сотрясается, и от страха жители города и жители Галаты все стали звать на помощь. А когда наступил день, турки, радостно и самоуверенно продолжая осаду города и гордясь неожиданным потоплением триремы, вставили в дуло пушки другой камень и тоже преогромный. И вот, когда близ ворот Галаты стоял один корабль, несущий всевозможных видов купеческий груз и думающий плыть в Италию, потому что корабль и груз принадлежали купцам Галаты, турки выпустили в него камень, который разорвал чрево корабля; совершенно разрушенное, это судно затонуло в пучине. Этот дар был воздаянием той нерушимой дружбе, которую оказывали турки жителям Галаты. Ибо в тот же самый день отправились они к турецким вельможам, взывая: «Мы – друзья ваши и, делая дела дружбы, сообщили вам о готовящейся атаке триремы. И, конечно, если бы вы не были извещены нами о ее выходе, впустую были бы все столь великие труды введенных в залив по суше восьмидесяти судов ваших, ибо в пепел и золу, думается, были бы превращены эти суда ромеями. Вы же, вместо благодарности, причинили нам величайший вред». Вельможи ответили: «Не знали мы, что это ваш корабль; но, будучи уверены, что это корабль противников наших, мы так поступили. Сохраняйте спокойствие и молитесь, чтобы мы скорее взяли город. Ибо это уже не за горами, и время этого близко, – и тогда мы рассчитаемся с вами и за ущерб, и за все прочее, чем мы обязаны вам». С этими сладкими словами ушли жители Галаты, не зная, несчастные, что спустя немного времени с ними самими и городом их произойдет то же, что с городом Константина.

Тиран же построил и мост деревянный: от берегов Галаты в сторону Кинига. А постройка его шла так: приказывает тиран собрать свыше тысячи пустых винных бочек; и связали их канатами, – так, чтобы получился длинный ряд бочек и еще один ряд, подобный первому; затем, соединив и скрепив оба ряда и приколовив с обеих сторон бревна, настлали поверх доски. И был мост такой ширины, чтобы без труда проходили по нему пять пеших воинов.

Гл. 39. Итак, приготовив все, как ему казалось прекрасно, послал Магомет послов внутрь города сказать царю: «Знай, что все к штурму уже приготовлено, и теперь наступает время осуществить принятое нами задолго до сего в сердце. Исход же нашего намерения оставляем богу. Что скажешь? Хочешь ли оставить город и уйти отсюда вместе с твоими архонтами и имуществом их, чтобы народ не потерпел вреда и от нас и от тебя? Или хочешь сопротивляться и вместе с жизнью потеряешь и имущество и ты, и те, кто с тобой, а народ, плененный турками, будет рассеян по всей земле?» Царь же с синклитом отвечал: «Если ты желаешь, подобно отцам твоим, жить в мире с нами, – благодарение богу. Ибо те родителей моих за отцов считали и так почитали их, город же этот за отчизну; ведь оо время опасности все они, входили внутрь его и спасали здесь. А тот, кто нападал на него, не жил долго. Владей же несправедливо похищенными у нас укреплениями и землей, – мы признаем это справедливым; отстригай и дани, – такие, какие по нашей силе мы можем ежегодно дать тебе, – и уйди в мире. Ибо, как знать: надеясь получить прибыль, оказался ли бы ты получившим прибыль? А отдать тебе город не в моей власти, да и не во власти обитающих в нем. Ибо по общему нашему решению все мы добровольно умрем и не пощадим жизни нашей».

Услышав это и отчаявшись без боя получить город, тиран приказал, чтобы сказано было об этом во всем войске. И сделал он известным день штурма, присовокупив при этом, что не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен города. «Другое же всякое сокровище и пленные пусть будут вашей добычей», – сказал он. Тогда все благодарили его. Когда же настал вечер, то, послав кругом в лагери глашатаев, повелел он в каждой палатке зажечь большие огни и костры. Когда были зажжены огни, повелел он поднять всем, с шумом и воплем, нечистый их воинский клич, обличающий их нечестие. И видно было и слышно необыкновенное диво: ибо огни, излившись на землю и море, яснее солнца освещали и весь город, Галату, все корабли и суда дальше Скутари. И вся поверхность моря так блестела, как, сказал бы кто, при молнии. О, если бы на самом деле была молния, не освещающая только, но сжигающая и уничтожающая! Ромеи же думали, что начался пожар в неприятельском лагере, к побежали на развалины стен. И, видя их пляски и слыша радостные военные кличи, представили себе свое будущее, и с сокрушенным сердцем взывали к богу: «Господи! Пощади нас в праведном гневе твоём и избавь нас от рук супостата!» Простолюдины, только завидев столь великое зрелище и услышав крик, стали дышать, как полумертвые, не будучи в состоянии ни вздохнуть, ни выдохнуть. Иоанн же был в течение всей этой ночи в трудах и, повелев все находящиеся в городе ветки собрать и положить в развалинах стен, соорудил изнутри [пред внутренними стенами], чтобы защищать разрушенные наружные, другой ров. И увидели ромеи, что вход и выход к ним сделался открытым и что они не могут выйти за ворота и противостоять туркам во внешнем укреплении, не будучи прикрыты упавшими стенами. Некоторые из стариков знали в нижней части дворца один подземный, за много пред этим лет надежно укрепленный, выход, и, когда известили об этом царя, по его приказанию он был открыт: и вышли из него, защищаемые сохранившимися здесь в целости стенами, и на валу сразились с турками. Имя же тех потайных ворот было некогда «Керкопорта».

В воскресенье повелел тиран начать общий штурм. С наступлением вечера не давал он покоя ромеям всю ночь. Это воскресенье пришлось на день всех святых, на 27 мая. Когда же засиял день, начал он штурм не столь великий до часа девятого. После же девятого разместил войско от дворца до Золотых ворот, а восемьдесят судов от Ксилопорты до Платеи. Другие же суда, стоящие в Диплокионии, окружили с моря город, начиная от Красивых ворот вдоль Мегадимитриоса, акрополя и Малых ворот, что в монастыре Одигитрии, вдоль Великого дворца и порта, вплоть до Бланка; каждый из кораблей был снабжен лестницами, равными высоте стен, и

всяким другим снаряжением. Итак, когда зашло солнце, раздался сигнал, и сам тиран во втором часу ночи выехал верхом на коне и была схватка весьма великая. На упавших стенах защитники сражались с его верными рабами, молодыми и весьма сильными, числом свыше 10 тыс., обороняясь как львы. Позади же и с флангов – мужи воинственные, конные, свыше 100 тыс. В нижних же частях до гавани Золотых ворот – другие 100 тыс. и свыше; а от места, где стоял вождь, и до оконечности дворца – еще 50 тыс.; а на палубах судов – свыше числа. Защитники города разделились: царь с Иоанном Джустиниани был на упавших стенах, вне укрепления, на валу, имея с собой примерно 3 тыс. латинян и ромеев: великий дука – в папских воротах, имея примерно 500: стены же против моря и укрепления от Ксилопорты до Красивых ворот охраняло свыше 500 метальщиков и стрелков; от Красивых ворот, делая весь круг до Золотых ворот, в каждом стенном зубце стоял один стрелок или метатель дротиков, или метальщик камней. Итак, всю ночь они провели без сна и совсем не ложились спать. Турки же с вождем спешили приблизиться к стенам, неся бесчисленные, заранее приготовленные лестницы. Итак, тиран, стоя позади войска с железной палкой, гнал своих стрелков к стенам – где льясь словами, а где и угрожая. Защитники города мужественно противоборствовали, сколько хватало сил. Иоанн же отважно присутствовал со своими тут же, имея и царя в военных доспехах: и оба они со всем своим войском противоборствовали.

Итак, когда военное счастье уже склонялось на сторону турок, отъял бог из среды войска ромеев вождя их – гиганта, воителя и человека огромного влияния. Ибо, когда было еще темно, свинцовой пулей он поражен был в руку, и пробил пуля его железные доспехи, которые были, впрочем, изготовлены, как оружие Ахиллеса, – и не мог он больше, вследствие раны, держать себя спокойно. И говорит он царю: «Стой от- важно; я же пойду до корабля и после перевязки скоро вернусь». Исполнилось в тот час сказанное иудеям чрез Иеремию: «Так скажите Седекии. Следующее говорит господь бог Израилев: вот я обращу против вас военное оружие, которое в руках ваших и которым вы воюете против царя вавилонского и халдеев, окруживших вас вне стены, – и введу их в средину этого города. И буду сражаться против вас дланью простертою и рукой высоко поднятой, с яростью и гневом и раздражением великим: и поражу живущих в городе этом людей и скот смертью великой, и умрут они. Не пощажу их, и не пожалею их». Царь же, увидев, что Иоанн удаляется, оробел, как и те, которые находились с ним; однако, сколько было силы, сражались. Турки же, понемногу приблизившись к стенам, неся щиты, стали приставлять лестницы. Однако ничего не достигли, потому что препятствовали им, бросая сверху камни, так что, в конце концов, встречая препятствие, остановились. Ромеи же все вместе с царем были поставлены в боевой против врагов порядок, и вся их сила и намерение были направлены к тому, чтобы не допустить, чтобы с упавших стен открылся туркам вход в город: а тем временем пожелавший этого бог тайно ввел их в город другой дорогой. Увидев ворота, о которых мы говорили выше, отпертыми и ворвавшись внутрь города, до пятидесяти из названных мужей, рабов тирана, поднялось на стены и, дыша огнем, убили вышедших им навстречу и стали сшибать с ног стрелков. И можно было видеть полное содрогания зрелище, ибо ромеи и латиняне, препятствующие придвигающим к стенам лестницы, одни были ими рассечены, другие же, закрыв глаза, падали со стены, сокрушив тела и ужасным образом лишаясь жизни. Лестницы же стали турки приставлять теперь беспрепятственно и поднимались на стену, как орлы летящие.

Ромеи же, бывшие с царем, не знали о происшедшем, потому что ворвались турки в город далеко, а, кроме того, и потому, что все их внимание было направлено на сражающихся против них. Ибо сражающихся с ними турок, мужей воинственных, было двадцать против одного ромея, да к тому же ромеи не были столь великими воинами, как сражавшиеся против них турки. Итак, и цель их и забота были направлены против тех. Вдруг в это время видят они стрелы, устремляющиеся на них сверху и поражающие их. Посмотрев вверх, видят они турок: увидев же, обратились в бегство. И, не будучи в состоянии войти чрез ворота, называемые Харсийскими, теснят они в толпе друг друга: те же, которые имели больше сил, растапывая слабых, входили. Тогда войско тирана, увидев бегство ромеев, в один голос завопив, вбежало за наружную стену, топчя несчастных и убивая. Ворвавшись туда, они не могли вступить в ворота внутренней стены, потому что те были загорожены телами упавших и испутивших дух. Поэтому весьма многие стали входить в город со стен через их развалины, а выходящих им навстречу убивали. Царь же, отчаявшись, стоя и держа в руках меч и щит, сказал следующее достойное скорби слово: «Нет ли кого из христиан, чтобы снять с меня голову?» Ибо он был совершенно покинут всеми. Тогда один из турок, дав ему удар по лицу, ранил его; но и он дал турку ответный удар; другой же из турок, оказавшийся позади царя, нанес ему смертельный удар, и он упал на землю. Ибо они не знали, что это царь; но, умертвив его, оставили, как простого воина. Когда же турки вошли, не потеряли они никого, кроме троих. А был первый час дня, когда солнце еще не засветилось над землей. Когда же они вошли и рассеялись от ворот Харсийских до дворца, каждого вышедшего им навстречу убивали, равно как и бегущего. Итак, они убили мужей-воинов до 2 тыс. Ибо турки боялись, потому что всегда они считали, что внутри города самое меньшее будет воинов примерно 50 тыс. Поэтому они и убили 2 тыс. Ибо, если бы они знали, что войско не превосходит 8 тыс., не стали бы они убивать кого-либо, ибо жаден до денег род этот: если даже убийца отца попадет им в руки, и того за золото они отпускают. Что и говорить о том, кто не причинил этому роду обиды, но сам от него терпит их? И в самом деле: после войны я встречался со многими из них, и они рассказывали мне: «Боясь тех, которые впереди, мы убивали всех, кто попадался раньше других. Ибо, если бы мы знали, что в городе такой недостаток воинов, мы всех, как овец, продали б».

Пехотинцы же дворца тирана, которые называются также янычарами, одни побежали во дворец, другие же к монастырю великого Предтечи, называемому «Петра», и в монастырь Хоры, в котором находилась тогда и

икона пречистой моей богоматери. О, язык и уста, намеревающиеся высказать, что случилось с иконой из-за прегрешений твоих! Отступники торопились бежать и в другие места: и вот один из нечестивцев, протянув топор, при помощи нечистых рук своих разделил ее на четыре части, и, когда был брошен жребий, каждый взял свою часть с бывшими на ней украшениями, и, похитив драгоценные сосуды монастыря, ушли. Войдя в дом протостратора, отперли они сокровища, издавна, с древних дней, собранные, поднимая благородных женщин с постели, ибо было уже 29 мая, когда утренний сон сладок глазам юношей и девушек; беззаботно, надеясь на себя, спали они, как вчера и позавчера. Тогда многочисленная толпа нечестивцев бегом устремилась к Великой церкви, и везде можно было видеть некоторый ловкий прием, о котором расскажем сейчас. Ибо, когда было раннее утро и день светил еще, как волк глазами, некоторые из ромеев во время вторжения турок в город и бегства граждан прибежали чтобы достичь своих жилищ и позаботиться о детях и женах. Когда они проходили кварталами Тавра и пробегали мимо колонны Креста, их, обрызганных кровью, спрашивали женщины: что же случилось? А когда услышали женщины отвратительную ту речь: «Неприятели внутри стен города и убивают ромеев», сначала не верили этому, и по правде сказать, даже ругали и выражали презрение, как вестнику, накликающему несчастье. Видя же позади этого другого, а после него – иного, всех забрызганных кровью, поняли, что приблизилась к устам чаша гнева господа. И тогда все женщины и мужчины, монахи, монахини побежали в Великую церковь, неся на руках детей своих, оставив дома свои желающему войти. И можно было видеть, что улица забита ими, полна людей. Но разве могли все вбежать в Великую церковь? За много пред этим лет слышали от неких лжепророков, как город будет сдан туркам и как они войдут внутрь с великою силою и как будут посечены ими ромеи везде – вплоть до колонны великого Константина. После же этого сошедший с неба ангел, неся меч, передаст царство, вместе с мечом, неизвестному некоему человеку, найденному тогда стоящим у колонны, очень простому и бедному, и скажет ему: «Возьми меч этот и отомсти за народ господа». Тогда турки обратятся в бегство, а ромеи, поражая, будут преследовать их: и выгонят их и из города, и из областей запада и востока, до пределов Персии, до места, называемого «Монодендрий». Памятуя об этом, некоторые побежали и другим советовали бежать. Решили ромеи теперь осуществить то, что давно было задумано, и говорили: «Если мы оставим позади себя колонну Креста, мы избежим грядущего гнева божия». По этой причине и побежали в Великую церковь. Итак, преогромный храм тот в один час сделался полным как мужчин, так и женщин: и внизу, и вверху, и в боковых пристройках, и во всяком месте толпа бесчисленная. Заперев двери на запоры, стояли, ожидая спасения. О, несчастные ромеи! О, жалкие: храм, который вчера и позавчера вы называли вертепом и жертвенником еретиков и внутрь которого ни один человек из вас не входил, чтобы не оскверниться, потому что внутри его священнодействовали лобызавшие церковную унию, – теперь, по причине проявившегося гнева божия, вы ищите в нем спасительное избавление. Но, и когда пришел справедливый гнев божий, не подвинул бы он сердца ваши к миру. Ибо даже в столь великой опасности, если бы ангел сошел с неба, спрашивая вас: «Если принимаете унию и мирное состояние церкви, я выгоню врагов из города», – вы не согласились бы. А если бы и согласились, ложью было бы соглашение. Знают это говорившие немного дней тому назад: «лучше попасть в руки турок, чем франков».

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли, наконец, к храму, когда еще не миновал первый час утра, и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника, ибо не было там возражающего или не предававшего себя, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, – кто расскажет? Турок отыскивает себе более приятную; вот один нашел красивую монахиню, но другой, более сильный, вырывая, ужё вязал ее: причина этой борьбы и захвата – локоны, обнажившиеся груди и сосцы, поднятые от горя руки. Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девы, которых не видело солнце, девы, которых родитель едва видел, влачили грабителями; а если они силой отталкивали от себя, то их избивали. Ибо грабитель хотел отвести их скорее на место и, отдав в безопасности на сохранение, возвратиться и захватить вторую жертву и третью. Насильничали грабители, эти мстители божии, и всех можно было видеть в один час связанными: мужчин – веревками, а женщин – их платками. И можно было видеть непрерывно выходящие из храма и из святынь храма ряды, подобные стадам и гуртам овец: плачут, стенают и не было жалеющего. О храме же как я мог бы рассказать вам? Что сказал бы или что крикнул? Прилип язык мой к гортани моей. Не могу я вздохнуть, ибо запечатались уста мои. В одну минуту разрубили собаки святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы. Блестящие лампы – одни портят, другие забирают; драгоценные и священные сосуды священного сосудохранителя, – золотые и серебряные, и из другого ценного вещества приготвленные, – в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив. Тогда сбылось и на новом Сионе сказанное от бога чрез Амоса пророка: «Следующее говорит господь бог вседержитель: „Отмщу я жертвенникам Вефиля, и разрушатся; сокрушу роги жертвенника, и падут на землю; и дом, окруженный колоннами, сделан домом разрушенным. И погибнут дома, сделанные из слоновой кости; истреблены будут многие другие дома“, – говорит господь. «Отвернулся я от праздников ваших, и не стану я услаждаться празднествами вашими, и даже, если бы вы принесли мне всесожжения и жертвы ваши, смотреть на них не буду. Прочь от меня эхо песнопений твоих, и хвалебную песнь музыкальных инструментов твоих не буду слушать». И сказал господь ко мне: «Приходит конец народу моему Израилю, Не будет больше, чтобы я старался проходить мимо него без

внимания: и затрещат потолки храма в день тот», – говорит господь. Итак, послушайте это, утесняющие с раннего утра бедняка и поработощающие нищих земли, – вы, которые говорите; «когда пройдет месяц, и мы займемся торговлей? Когда пройдут субботы, и мы откроем магазины, чтобы сделать меру малой, а вес увеличить и весы сделать неправильными, – чтобы завладеть таким образом серебром бедных и деньгами убогих?» «В тот день, – говорит господь, – зайдет солнце в полдень, и среди бела дня станет темно на земле. И превращу я праздники ваши в скорбь и все песнопения ваши в рыдание».

Случилось так, что в тот страшный день гибели города праздновалась и восхвалялась память преподобной мученицы Феодосии. Совершалось всенародное празднество, ибо очень многие мужчины и женщины с вечера проводили всю ночь у гробницы преподобной. Еще больше пришло народу рано утром, когда наступил день: но женщины с мужьями своими, которые отправились на поклонение в праздничных украшениях и нарядах, неся восковые свечи и курения, неожиданно попались в силки турок. Ибо как могли они заметить разразившийся внезапно гнев божий при столь великой ширине города? Гроза эта, о которой мы говорили, началась и жгла от ворот Харса, и святого Романа, и со стороны дворца. Соппротивление же кораблей и гавани не давало туркам места приставить здесь к стенам лестницы. Ромеи были сильнее турок, они бросали камни и метали стрелы до третьего часа дня, пока не подошла часть грабящих с раннего утра внутри города турок. Увидев, что ромеи сражаются против тех, которые были вне стен, они, издав из всей мочи крик, побежали на верх стены. Ромеи же, увидев турок внутри города, со скорбным воплем: «Горе мне», – стали падать со стены, ибо не было больше сил и бодрости у ромеев. Тогда и те, которые сражались на кораблях, увидев турок внутри стен, поняли, что город взят, и, как можно скорее, приставив к стенам лестницы, устремились внутрь, а затем и все, разбив ворота, вошли внутрь. Великий же дука, увидев турок, пришедших на место, где он стоял, – ибо охранял он Царские ворота, – тоже отступил с немногими к собственному дому. И, конечно, все они рассеялись: одни, прежде чем достичь своего жилища, были взяты в плен; другие же, достигнув своих жилищ, увидели, что нет в них ни детей, ни жены, ни вещей, и сами они не успевали начать стенать и плакать, как уже оказывались связанными; иные, приходя в свои жилища, заставляли жену и детей уже в руках турок и сами сдавались, и их связывали вместе с любимейшими и супругой. Стариков же и старух, которые находились в доме и не могли выйти из жилища вследствие болезни или старости, турки безжалостно убивали. Младенцев, недавно рожденных, бросали на улицы. Великий же дука увидел, что дочери его, и сыновья, и жена – ибо она хворала, – заперлись в башне и препятствуют туркам войти, и в этот момент сам был схвачен с теми, кто следовал за ним. Тиран же послал некоторых сторожить и его и весь дом его. Тем туркам, кто схватил его и окружил дом его, великий дука дал достаточно серебра, так, чтобы при помощи их присяги видно было, что он выкупил своих. Итак, со всем своим семейством он охранялся. Турки же, войдя в город, все – даже конюхи и пекари, грабя, уносили награбленное. А Иоанн Джустиниани, о котором была речь выше, отправился на корабль, чтобы была уврачевана рана, которую он получил: вдруг, когда он был в гавани, прибежали бегом некоторые из его воинов, рассказывая, как турки вошли в город и как убит был царь. Услышав это неприятное, горчайшее известие, приказывает он, чтобы глашатаи при помощи труб созвали его тяжеловооруженных спутников по плаванию. Подобным образом стали готовиться и остальные корабли. Ибо очень многие из них лишились своих капитанов, попавших в плен. И можно было видеть на прибрежной части гавани зрелище, достойное жалости: жалобно кричали мужчины, женщины, монахини, монахи; бия себя в грудь, просили они тех, кто был на кораблях, взять их с собой. Но это было невозможно: предопределено было разом испить чашу, полную гнева господа. Ибо, если моряки и желали, не могли они сделать это, потому что, если бы суда тирана не были заняты добычей и разграблением города, ни один из них не был бы выпущен. Но турки, оставив свои суда, все были внутри города, и латиняне, уловив безопасный момент, вышли из гавани. Тиран же скрежетал зубами, но сделать что-либо большее не мог и против воли смирился. Те же, кто жил в Галате, увидев это неисцелимое бедствие, с женами и детьми побежали на морской берег, разыскивая лодки. И когда находили челнок, садились в него и врывались на корабли, бросая и вещи и жилища. А было много и таких, которые от насилия бросали в глубину и сокровища свои и другой ужасный вред учиняли. Один из везирей тирана, – Заган ему имя, – который был любим тогда Магометом, ибо он рукоплескал тирану, желавшему войны, прибежав в кварталы Галаты, – кричал: «Не бегите!», – и, присягая, клялся головою тирана, говоря: «Не бойтесь, ибо вы друзья вождя, и ваш город останется неприкосновенным, и договоры, которые вы имели с царем, – будут еще более прочными; а о другом не заботьтесь, чтобы не возбудить вождя на гнев». Сказав это, Заган стал препятствовать франкам покинуть Галату. Однако кто был в состоянии бежать, убежал. Тогда остальные, посоветовавшись между собой, взяли-ключи от укрепления и своего подесту и ушли, намереваясь учинить поклонение тирану. И когда было учинено поклонение и отданы ключи, он с великой радостью взял и отпустил их с веселыми словами и взором. Корабли же – только пять больших натянули паруса; другие же не могли выйти, ибо эти корабли были покинуты моряками, и их капитаны спаслись, убежав с другими. Моряки обратились в бегство, оставив своих капитанов в плену и занялись своим спасением. Итак, выйдя из гавани, когда подул северный ветер, при полных парусах они поплыли, со стенаниями и рыданиями оплакивая бедствие города. Подобным образом поступили и купеческие триремы венецианцев. Турки же, находившиеся на судах, обнаружив вне города весь отвергнутый моряками народ, – мужчин и всех женщин, – собрали их и ввели на суда; остальной же народ, как скот в хлевах, расположился вне города в палатках лагеря.

Гл. 40. Все это происходило от первого часа дня до восьмого. Тогда и тиран, отложив всякое подозрение и страх, вступил внутрь города с везирями своими и другими сатрапами, имея впереди и позади своих рабов, дышащих огнем, и всех стрелков, ростом выше Аполлона, этих новых потомков Геркулеса: каждый готов был противостоять десяти. Подъехав к Великой церкви, он сошел с коня, вошел внутрь и остановился вне себя от восхищения пред открывшимся зрелищем. Найдя какого-то турка, ломавшего мрамор, спросил его, почему он портит седалище. Тот же ответил: «Веры ради!» А этот, протянув руку, поражает турка мечом, говоря при этом следующее: «Хватит с вас сокровищ и пленных, здания же города принадлежат мне!» Ибо тиран раскаивался в учиненном им договоре, видя расточаемые сокровища и безмерное количество пленных. Вытащив же одного турка из-под ног, выбросили его полумертвым вон. Сам же потребовал одного из своих мерзостных священников: позванный взошел на амвон и пробормотал мерзостную свою молитву. Сын же беззакония, предтеча антихриста, взобравшись на святую трапезу, сотворил молитву. О, горе! О, приводящее в трепет знамение! Выйдя из храма, стал он разыскивать великого дуку, и тотчас представили его к нему. Когда тот пришел и приветствовал его, он сказал ему: «Хорошо вы сделали, что не сдали мне города? Вон сколько вреда произошло, сколько смертей и пленных!», Дука же отвечал: «Господи! Не имели такой мы возможности сдать тебе город: и даже сам царь не мог бы это сделать. Наоборот, даже некоторые из твоих-поддерживали царя, и писали ему так: «Не бойся, потому что не отважится он против вас!» Тиран, конечно, понял, что речь идет о Халил-паше, ибо питал гнев на него. Тогда, услышав имя царя, он спросил, не бежал ли император с кораблями. И дука ответил, что не знает, ибо он был в Царских воротах в то время, когда турки пошли на царя в атаку, ворвавшись в Харсийские ворота. Тут отделилась из среды войска два молодых человека. Один из них сказал тирану: «Господин! Я убил его. А стремясь скорее войти в город, и вместе со своими грабить, я оставил его, покинув мертвым». Другой же сказал: «Я сначала поразил его!» Тогда тиран, послав их обоих, приказал принести его голову. Они же, быстро побегав, нашли и, отрубив его голову, представили вождю. Тиран же сказал великому дуке: «Скажи мне правду: действительно ли это голова твоего царя?» Тогда тот, узнав ее, сказал «Его, господин!» Смотрели ее также и другие и признали. Тогда приколотили ее на колонне площади Священного дворца, и стояла она до вечера. После же этого, ободрив ее и набив содранную кожу мякиной, послал он это повсюду, показывая этот знак победы вождю персов и арабов и всем туркам. Другие говорят, что дука находился с Орханом в башне укрепления, которое защищали франки, и там сдался, видя, что нельзя было больше противостоять туркам. Там же, вместе с дукой, было очень много благородных архонтов. Орхан выпросил у одного монаха его одежды и, одев их, подал монаху свои. И чрез большую бойницу выбросился Орхан на землю вне города. А турецкие моряки, взяв его и связав, бросили внутрь корабля вместе с другими пленными. Сдавшие башню были отведены внутрь того же корабля. Тогда один из пленных ромеев, хлопоча о своем освобождении, сказал капитану корабля: «Если ты, освободишь меня сегодня, я могу выдать тебе Орхана и великого дуку». Тогда, услышав это, капитан корабля поклялся освободить его. И тогда тот показал на одетого в черную монашескую одежду Орхана: и, удостоверившись, что это действительно он, капитан корабля отрубил ему голову. Великому дуку он отвел живым к вождю в Космидий, взяв и голову Орхана. А вождь, облагодетельствовав капитана корабля и весьма многое ему пожаловав, отпустил. Великому дуку он приказал сесть и, ободрив его, повелел, чтобы в лагерях и на кораблях были разысканы дети и жена его; и тотчас были они приведены. Тогда вождь, дав по тысяче аспр за каждую голову, отпустил всех домой, вместе и с самим великим дукой, ободряв его и в высшей степени успокоив. Он сказал: «Этот город я намереваюсь вернуть тебе, чтобы ты имел всяческую о нем заботу, и слава твоя будет больше, чем та, какую имел ты во времена царя. Поэтому не печалься». Поблагодарив и облобызав руку тирана, ушел великий дука в дом свой. Узнав же от него имена благородных и выдающихся во дворце должностных лиц, Магомет записал их. Собрав всех с кораблей и палаток, он выкупил их, дав туркам по тысяче аспр за каждого. Когда же наступило утро после того первого и мрачного дня, в который соделалась совершенная гибель рода нашего, тиран, войдя в город, пришел к домам великого дуки. Тот вышел ему навстречу и приветствовал его, а тиран вошел внутрь. Жена великого дуки была больна и лежала в постели. Тогда этот волк во образе овцы, приблизившись к достели, сказал, обратившись к ней: «Радуйся, о мать! Не скорби по поводу случившегося. Да будет воля господя! Я дам тебе еще больше, чем ты потеряла. Только выздоравливай!». Дети же великого дуки, подойдя, приветствовали его и благодарили. И он вышел и объехал город. Ибо все было пустыней: ни человека, ни скота, ни птицы, каркающей или щебечущей внутри города. Многие из турок были убиты друг другом: один тянул от другого награбленное; и сильный отнимал, а тот кто не мог противостоять, получая смертельный удар, падал. Во второй день, 30 мая, вошли они снова в город и стали собирать остатки добычи. Тогда тиран, проехав большую часть города и устроив в соседнем дворце пирушку, развеселился. И, уже залившись вином и пьяный, приказал явиться начальнику своих евнухов и, дав ему полномочия, сказал: «Сходи в дом великого дуки и скажи ему: „Вождь повелевает, чтобы ты прислал на пир своего младшего сына!“ Ибо мальчик, которому шел четырнадцатый год, был красив. Услышав этот приказ, отец сделался почти бездыханным, лицо его изменилось, – и говорит он начальнику евнухов: «Не в нашем обычае собственными руками отдавать своего дитя, чтобы он был осквернен им. Лучше было бы прислать для меня палача и снять с меня голову». Начальник же евнухов советовал ему отдать мальчика, чтобы не воспламенить гнев тирана. Он же, не подчинившись, сказал: «Если хочешь взять его и уйти, возьми и уйди; но никогда не будет того, чтобы я отдал его по своей воле». Тогда начальник евнухов, возвратившись, рассказал вождю все, что он слышал от великого дуки и как тот не пожелал

отдать мальчика. Тогда тиран разгневался и сказал начальнику евнухов: «Возьми с собой палача и, возвратившись, приведи мне мальчика. Палач же пусть приведет дуку и сыновей его». Тогда пришли они, и, услышав эту весть, дука обнял детей своих и жену и отправился с палачом вместе с сыном своим и зятем своим Кантакузином. Мальчика же взял с собой начальник евнухов. Итак, придя, он представил мальчика вождю; остальным же, стоявшим в воротах дворца, вождь приказал отсечь мечом головы. Тогда, отведа их в сторону от дворца, палач объявил им решение. Сын дуки, услышав о казни, стал плакать, но его отец мужественно и твердо укреплял молодых людей, ободряя их и говоря: «Детки! вы видели вчера все наши потери, которые совершились в один роковой день. Богатство наше неисчерпаемое, слава дивная, которую мы имели в великом этом городе, а чрез него и во всех странах, населенных христианами; все погибло. Ныне, в час этот, не осталось для нас ничего иного, кроме жизни. Но и она не будет бесконечна, ибо по прошествии некоторого времени, когда-либо мы умрем. И как? Уничужаемые, мы лишились имущества, славы, чести, политической самостоятельности; все нас будут поносить, презирать и терзать до тех пор, пока не придет к нам смерть, взяв нас презренных из здешнего мира. Где наш император? Не убит ли он был вчера? Где мой сват, а твой отец, великий доместик? Где протостратор Палеолог, с двумя своими сыновьями? Не убиты ли они были вчера в сражении? О, если бы и мы умерли с ними! Однако и этого часа достаточно, чтобы мы не грешили больше. Ибо кто знает оружие дьявола: мы, медля умереть, поражены бы были его источающими яд стрелами? Ныне готово поприще, чтобы во имя распятого за нас, и умершего, и воскресшего умерли и мы, дабы насладиться с ним его благами». Сказал он это и ободрил юношей, и сделались они готовыми к смерти. И говорит он палачу: «Сделай то, что приказано тебе, казни прежде юношей!» И, послушавшись, отсек палач головы юношам; а великий дука стоит и говорит: «Благодарю тебя, господи!» и еще: «Праведен ты, господи!» Тогда сказал он палачу: «Брат, дай мне небольшую задержку: войти и помолиться!» Ибо был в том месте небольшой храм. Тот отпустил, и этот, войдя, помолился. Тогда вышел он из ворот храма: а тела детей его еще трепетали там. И, когда он опять воздал славословие богу, была отсечена голова его. Взяв головы, палач пришел на пиршество, представив их кровожадному зверю; тела же оставил там обнаженными и непогребенными. Подобным же образом послав палача, тиран умертвил и всех тех благородных и придворных сановников, кого он выкупил. Из жен же и детей их выбрал он для себя красивых девушек и прекрасных мальчиков и передал их начальнику евнухов, чтобы оберегал их. Остальных же пленных передал другим, чтобы заботились о них, пока не будут приведены в его Вавилон — Андрианополь. И виден был весь город в лагерных палатках, город пустынный, мертвый, бездеятельный, опустевший, беззвучный, не имеющий прежнего вида...

Глава 42. Итак, спустя три дня после взятия города разрешил он, чтобы каждый корабль отправился в свою область и город, — неся такой груз, что глубоко погружались в воду. Что же это за груз? Многоценная одежда; сосуды — серебряные, золотые, медные, оловянные; книги свыше числа; пленные: и священники, и миряне, и отшельники, и монахи. Все были полны груза. Палатки же лагеря полны были пленными и всего выше перечисленного. И можно было видеть среди варваров: одного — одетого в первосвященнический саккос; другого — опоясывающегося золотой эпитрахилью, тянущего на ней связанных друг с другом собак; иных — одетых вместо толстых плащей в златотканые плащаницы с шитым изображением агнцев. Другие сидели на пирушках и ели из стоявших пред ними дискосов с различными плодами, и пили несмешанное вино из священных потиров. Все же книги, превосходящие всякое число, погрузив на повозки, рассеяли всюду на Восток и на Запад. За одну номисму десять книг продавалось: Аристотеля, Платона, богословских и всякого иного вида книг Евангелия с бесчисленными украшениями, сдирая золото и серебро, одни продали, другие бросили. Все иконы предали огню: поджаривая на этом пламени мясо, ели его.

Тогда в пятый рень вошел он в Галату и, приказав сделать перепись всех обитающих в ней, много жилищ нашел запертными, ибо латиняне бежали на корабли. Повелел он открыть дома их и сделать опись всего имущества каждого из бежавших, говоря: «Если до прошествия трех месяцев они вернуться, пусть они получают имеющееся у них; если же не вернуться, будет это принадлежать вождю». Затем приказал он, чтобы все войско и окрестные кварталы разрушили и бросили на землю стены Галаты и очистили те места, — что и было сделано. Итак, сокрушив сухопутные стены, оставили в целости лежащие у моря. Каменщикам же повелел он иметь в течение всего августа месяца наготове известь, чтобы перестроить обрушившиеся стены города. Сам же составил списки на пять тысяч семей из областей Востока и Запада и повелел им под угрозой смерти до сентября месяца со всем домом быть в городе, поставив над ними начальником раба своего именем Солимана. И сделав великий храм святилищем бога своего и престолом Магомета, остальные оставил пустынными; победителем отправился он в Андрианополь, имея с собой свыше меры пленников и добычу без числа. Вышел он из города 18 июня, всех благородных женщин и дочерей их везя на повозках и на верховых конях. Жена же великого дуки в дороге скончалась, вблизи селения, именуемого Месиной, — и похоронили ее там; это была женщина благоразумная и воздержанная во всяческих душевных страстях, повсюду пользовавшаяся славой вследствие благодеяний ее и жалости к бедным.

В Андрианополь вошел он с выдающимся в высшей степени триумфом. Можно было видеть стекающиеся к нему все страны и всех начальников, и вождей христиан, — близких и дальних, — приветствующих его так: «Радуйся! Как сердце твое, как голова, как губы, как рот?» Но неохотно и без желания творили они ему с дарами поклонение, боясь, как бы и сами не пострадали подобным же образом. Тиран же сидел гордо и надменно, хвастаясь взятием города. Вожди же христиан стояли в трепете, ожидая, что же он будет говорить им

относительно будущего. И вот ответственвал он прежде всего послу Сербии, повелев, чтобы ежегодно она давала державе турецкой двенадцать тысяч номисм; далее, чтобы деспоты Пелопоннеса давали десять тысяч и ежегодно с дарами приходили на поклон к нему: чтобы Хиос ежегодно вносил шесть тысяч номисм, а Митилена – три тысячи; Трапезунту и всем живущим по Потийскому морю приказано было, чтобы ежегодно, приходя, творили ему поклонение с принесением даров и платили дань. Итак, в первом после взятия Константинополя году, в августе месяце, послы деспота Сербии, придя и передав должные дани, совершили и великую милостыню в Адрианополе, ибо, по повелению их деспота Георгия, они выкупили монахинь; молодых и старых освободил он до сотни. Также из знатных и из придворного чина все пленники, стекающиеся в Сербию, получали от него и от царицы средства на выкуп милосердия ради. Когда началась глубокая осень и шел год уже 6962-й, то, проведя зиму дома, весной пожелал тиран напасть на деспота и всю Сербию присоединить к своей державе. Что касается деспота, то он после взятия города каждый день ожидал горького этого известия и несправедливости хищника. Ибо был это старец опытный, и много пострадал деспот от несправедливостей тирана. А каков был повод к несправедливости, тиран объявил ему, говоря: «Место, которым ты владеешь, т.е. Сербия, не твое, не отца твоего; оно принадлежало Стефану, сыну Лазаря: следовательно, теперь оно мое. Поэтому уйди скорее из пределов ее. Я же намерен подарить тебе часть земли отца твоего Вулка и город Софию. Если же нет, иду на тебя». Объявив это через одного из вернейших рабов своих, приказал он рабу в течение двадцати пяти дней предстать пред лицо его, чтобы сообщить ответ; если же он не сделает этого, то ему отсекут голову, а тело бросят на съедение зверям. Посол тирана, прибыв в Сербию и узнав, что деспот проводит время по ту сторону Петра, не знал, что делать: архонты Сербии задерживали его, говоря, что сегодня деспот приедет, что завтра он вернется. При этом они заботились об укреплениях и на случай нужды запасали все на складах. Итак, видя, что он обманут, посол стал бояться и наказания за просрочку, ибо он провел там свыше тридцати дней. Итак, тиран, охваченный яростью, вышел со всем войском из Адрианополя и достиг Филиппополя. Раб же его, вернувшись и известив о бегстве деспота в Венгрию, поведал и об архонтах его: как задержали его и не отпускали. Тиран был намерен умертвить его и сделал бы так, если бы раб не рассказал вождю о причинах задержки, объясняя и свое замедление, и приготовления сербов, и бегство деспота. Венгры же, перейдя где-то реку и опустошив окрестности Тырнова, встретились с турецким войском и, одержав победу, с многочисленной добычей переправились опять через Истр. Тиран же, выступив из Филиппополя, отправился в Софию, и, оставив там войско, везирей своих и все собрание старейшин, сам с пехотой до 20 тыс. вторгся в Сербию. Однако он не нашел там никого, кто противостоял бы ему, ибо деспот задолго до того переправился в Венгрию со всем своим семейством, а вместе с ним сановники его со всем домом. Укрепив крепости и повелев всему народу расположиться внутри их, приказал деспот людям не бояться и не сдаваться врагу, ибо надеялся он через некоторое время опять притти сюда с великой силой. И дошел тиран до Смедерова, ибо жаждал взять этот город, потому что стоял он на высоком берегу реки и давал проход тому, кто собирался проникнуть в Венгрию. Однако, не сумев ничего сделать, повернул он назад. Напал он на один из городков: крепость не сдавалась; люди же, расположившиеся вне городка, пришедшие из деревень и полевых селений, имели свой стан вне крепости, защищающий их. Ибо городок был укреплен; внешнее же укрепление не было таким: с клятвами клятвоступник взял его. И, после того как взял, всех обратил в рабов и увел; крепость же не сдалась. Итак, повернув в Софию и выступив оттуда, пришел он в Адрианополь, ведя добычу, и там половину ее подарил старейшинам и потрудившимся с ним. Сам же, взяв свою половину пленных, послал их в деревни вокруг Константинополя, поселил их там; доставшаяся ему часть составляла 4 тыс. мужчин и женщин. Выступив из Адрианополя, прибыл он в Константинополь. Ибо, когда он проживал еще в Филиппах, он приказал отстроить расшатавшиеся стены города. Нашел он их теперь отстроенными и хорошо приспособленными, как было должно. Войдя в город и отмерив в середине его землю, заключающую в себе восемь стадий или даже более, он приказал обнести ее оградой и внутри ее построить дворцы. Когда были возведены стены, он покрыл их сверху свинцовой крышей, взяв ее с монастырей, ибо они оставались пустынными. Ведь в монастырь Пантократора пришли и поселились в нем валяльщики, а в середине храма работали сапожники; в монастыре Манганском поселились турецкие монахи [дервиши], во всех остальных турки с женами и детьми.

То, что я пишу о случившемся после взятия города, собственно говоря нельзя писать. Ибо неприлично было бы мне описывать победы и отважные деяния нечестивого тирана и непримиримого врага и губителя рода нашего. Но расскажу я о том, что побудило меня писать. Еще будучи юным, слышал я от неких старых почтенных мужей, что конец тирании Османов совпадает с концом империи Палеологов. Ибо в одно и то же время пришли к власти Осман в тирании и Михаил Палеолог в империи; Михаил немного раньше, а Осман немного спустя в дни сына его [Михаила] Андроника Палеолога. Не был и в дни Михаила тираном Осман, – разве только не разбойничал. Поэтому надлежало, чтобы и конец случился – сначала императоров и города, а затем Османов. Ибо как-то раз по полету и крику птиц Михаил гадал, унаследует ли сын его царство его. Ибо он мучился совестью. несправедливо захватив царство, ослепив наследника и приняв бесчисленные проклятия на свою голову и на род свой. Оракул издал неопределенный звук; «Мамаими». Прорицатель же, истолковывая его, сказал: «Сколько букв в непонятном этом слове, столько из рода твоего будет царствовать императоров, и тогда отнимется от города и от рода твоего царство». И вот мы, преуспевшие в последнем течении времени и видевшие страшную, с несчастными предзнаменованиями грозу, случившуюся над родом нашим, в мечтах

наших ожидаем исполнения. В силу этого страстного, неудержимого желания мы, моля наказующего и опять врачующего бога и надеясь на осуществление предсказанного мудрыми мужами, описываем случившееся после грозы божией от тирана.

Турецкий историк Саад-ад-дин о взятии Константинополя в 1453 г.

Саад-ад-дин, турецкий историк и воспитатель султана Мурада III (1574-1595 гг.), написал историю Турции, начиная с Османа I, т.е. с 698 г. хиджры, или с 1299 г. по европейскому летосчислению.

Когда весна была уже на исходе, султан Мехмед¹, видя, что все готово и что все войска уже собраны, отправился с божией помощью в поход, приказав одновременно взять на особых телегах огромные пушки, которые он велел изготовить для того, чтобы разрушить стены и башни [Константинополя]. Перед тем как отправиться в поход, он произвел генеральный смотр своей армии, во время которого, воздав хвалу богу и ободрив начальников армии, визирей и войска, дабы они показали всю воинскую доблесть, объявил им, что он намерен взять город Стамбул [Константинополь] и превратить его в центр мусульманской религии, уповав на обещание пророка. И вот, видя общий подъем духа у лиц всех рангов, видя, что нет ни одного человека, который не был бы готов пролить свою кровь за столь благое дело, он тронулся в путь по дороге к Стамбулу. Мудрые потомки пророка и шейхи сопровождали его и некоторое время шли, согласно обычаю, с армией, вознося молитвы за счастливый исход предстоящей битвы, после чего они попрощались и удалились, дабы молиться у себя дома, пока будет продолжаться поход, за исключением шейхов Акшемс-Эддина и Акбююкбедеха, которых султан взял с собою, дабы умолять через их посредство бога о помощи... Утром султан прибыл на место, и вся армия приблизилась и заняла позиции перед стенами со стороны суши, приведя в великое изумление осажденных, которые пришли в страх при виде этого войска, даже несмотря на то, что император [византийский], предупрежденный о решении султана, приказал укрепить все слабые места города, через которые было бы легче начать нападение, и сам он был исполнен твердой решимости защищаться до конца.

Прежде чем султан начал осаду, император послал ему предложение взять себе все города и их окрестности вне Стамбула, но оставить ему, императору, город, за что император будет платить султану ежегодную дань. Но султан, не внимая этим предложениям, ответил, что сабля и его религия неразлучны, и потребовал, чтобы император сдал ему город. Получив отказ, император устроил на башнях и стенах артиллерию, воинов, вооруженных мушкетами и большими запасами смолы.

К концу первого дня до наступления ночи султан приказал установить в нужных местах батареи и начал подступ к городу при помощи нычар и азапов², а как только пушки были установлены, он приказал подвергнуть стены сильному обстрелу, не говоря уже о непрерывном граде стрел и камней, бросаемых метательными машинами, которые подобно дождю засыпали город. Осажденные в свою очередь производили непрерывные залпы из мушкетов и пушек, заряженных каменными ядрами, которыми они причиняли большие страдания многим мусульманам, оросившим своей кровью землю. В это время прибыли два больших корабля, посланные на помощь императору франками, и высадили значительное подкрепление, которое быстро проникло в город. Затем, так как мусульмане принуждены были удалиться от стен вследствие сильных вылазок неприятеля, осажденные стали громко кричать со стен и насмехаться над ними самым оскорбительным образом. Последнее обстоятельство было причиной того, что многие из турецких военных начальников, примкнув к Халил-паше, склонялись к тому, чтобы принять предложение императора и снять осаду. Однако они встретили сильное сопротивление со стороны мудрых и шейхов, в особенности же со стороны шейха Акшемс-Эддина и Загану-паши, которых поддержал султан. Последние и слышать не хотели ни о соглашении, ни о снятии осады и крепко стояли на том, чтобы не уходить и бить по городу из пушек до тех пор, пока не явится возможность взять его приступом. Их воодушевление и жажда подвига у воинов, которые заявляли, что решили биться до последней капли крови за дело религии, взяли верх, и было решено продолжать начатую осаду. И вот султан, собрав начальников, сказал, что для того, чтобы воспрепятствовать неприятелю делать вылазки, нужно вырыть в качестве прикрытия глубокий ров: это позволит укрыться от нападений неприятеля и, во-вторых, не даст возможности неприятелю прорваться и уйти. Так как город окружен стенами с трех сторон, то осадить его с суши – пропащее время. Приходилось изыскивать средства для атаки его с моря. Это было трудное предприятие, потому что гавань между Галатой и Стамбулом была так прочно защищена цепью, что через нее нельзя было пройти ни одному судну³.

Как ни умны были начальники, они не могли придумать средства для преодоления этого препятствия. Тогда султану пришла в голову мысль перетащить галеры по земле от нового замка, что позади Галаты, к крайней части гавани, и таким путем напасть на город со стороны моря, подвергнув его пушечному обстрелу. Византийцы были уверены, что это единственное место, через которое мусульмане не смогут напасть на них. Однако предприятие, задуманное султаном, удалось благодаря ловкости опытных инженеров, которые при помощи невероятных усилий сумели перетащить галеры через горы. Когда галеры были переправлены, ими воспользовались для того, чтобы устроить мост, и этот мост стал путем для нападения со стороны гавани и

для крепкого охвата осажденных и с этой стороны. Император оказался в большом затруднении, будучи принужден разделять свои силы, для того чтобы противодействовать натиску с новой стороны. Он поставил франков защищать ворота Едрирех, а со стороны гавани поставил заслон из своих войск, очень недовольных, что им предпочли франков. Это внесло ссору между защитниками, а в султана вселило надежду на счастливый исход великих усилий.

После того как султан убедился в наличии всех этих разногласий, он приказал начать штурм со стороны Едрирехских ворот. Сопротивление, оказанное осажденными, было настолько мужественным, что турки лишь к ночи смогли форсировать брешь в стене. Но вместо того чтобы дать отбой, султан приказал привязать к концу пик факелы, свет которых заменил бы дневное освещение. Он не хотел давать передышки осажденным. Приказание было выполнено, и сражение продолжалось всю ночь. В момент самой жаркой схватки начальник франков появился на высоте стены, сражаясь наряду с другими воинами. Тогда один молодой мусульманин, ловкий и хладнокровный, бросился на него с необычайно быстротой и нанес ему такой яростный удар, что тот, пораженный насмерть, пал ниц на землю. Франки, видя гибель вождя, прекратили битву и тотчас же отступили по дороге к морю, чтобы сесть на свои корабли. Тут осаждающие почувствовали новый прилив сил. Не обращая внимания на стрелы, выстрелы мушкетов, пушек и град камней, они бросились, как львы, на приступ и, пойдя в брешь, сделанные ими с такой отвагой, они, наконец, захватили их и утвердили там свое знамя. В то же время город был взят, и войска, войдя в него, предали его крови и разграблению. Император в этот момент был в своем дворце на северном конце Идрирехских ворот, где он залпами из мушкетов и пушек старался отбиться от атакующих его мусульман. Но так как он узнал, что знамя, к которому был прикреплен алькоран, уже реет в центре города, он потерял мужество и приготовился отступить ко внешнему дворцу с отрядом своих людей. По дороге, встретив несколько грабивших мусульман, он бросился на них и переколол их всех. Наткнувшись на азапа, упавшего на землю от тяжелой раны, он счел своим долгом прикончить его. Азап, несмотря на слабость, напряг все усилия, чтобы избежать удара и продлить свою жизнь, и нанес императору в то же время удар, которым он поверг его на землю, после чего и прикончил его. Это заставило всех, кто сопровождал императора, бежать и рассеяться. Наконец, когда не осталось ни одного человека с оружием в руках, ни одного, кто мог бы оказать сопротивление, открыли городские ворота, и султан въехал в них во главе своей кавалерии.

Грабеж продолжался три дня, и не было ни одного воина, который не стал бы богатым благодаря захваченной добыче и рабам. По прошествии же трех дней султан Мехмед запретил под страхом тяжких наказаний продолжать грабеж и резню, которая все еще не утихала. Все повиновались его приказу. Когда наступило полное спокойствие, вместо нелепого колокольного звона раздался приятный голос муэдзина, возвещающий пять раз в день час молитвы. Из церкви выбросили идолов, очистили их от запахов, которыми они были оскверняемы, и устроили в них ниши, дабы обозначить место, куда следует устремлять взор, когда творишь молитву. К церквям приделали минареты; одним словом, не забыли ничего, чтобы превратить их в места благочестия для мусульман.

Ашик-паша рассказывает, что эта победа, послужившая началом многих других, была окончена в течение вторника на пятьдесят первый день от начала осады. Однако Мевланавесхи сообщает, что осада была начата в середине месяца ребиул-еввель⁴ и что город был взят только в двадцатый день месяца джэма-диул-ахэр⁵.

¹ Мухаммед II Завоеватель (1451-1481 гг).

² Войска, мобилизованные во время войны из числа христиан – подданных турецкого султана. Обычно их заставляли идти первыми на штурм крепостей.

³ Цепь запирала вход в залив Золотой Рог.

⁴ Третий месяц мусульманского календаря.

⁵ Шестой месяц мусульманского календаря. В таком случае выходит, что осада Константинополя продолжалась не 51 день, а 95 дней.

Осада и взятие Константинополя в 1453 г. и их освещение в древнерусской литературе («Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году»)

«Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году» – цикл произведений древнерусской литературы, рассказывающий об осаде и взятии Константинополя.

В году 5803¹ воцарившийся в Риме поспешник Божий великий Константин Флавий, с великим тщанием собрав отовсюду пребывавших в изгнании христиан, стал укреплять и распространять веру христианскую, Божьи церкви украшать, а другие, преславные, созидать, а идолов сокрушать и храмы их перестраивать во славу Богу. К тому же не раз издавал он указы, что языческими храмами могут владеть и распоряжаться лишь святители Христовы и христиане. В среду же и пятницу повелел поститься, в память о муках Христовых, а в

воскресение праздновать в память о его воскресении. Евреям же не разрешил жертвы приносить и запретил осуждать кого-либо на распятие, чтобы не осквернять память о кресте Христовом. И рабов не велел никому из них покупать. И на монетах велел образ свой чеканить. И была радость великая среди всех христиан.

На тринадцатый же год царствования своего, наставлением Божиим подвигнут, решил город создать во имя свое и послал вельмож именитых в Азию, и в Ливию, и в Европу, чтобы отыскали они и выбрали наилучшее и достойное место для строительства такого города. Вернувшись, рассказали они цесарю о различных местах преславных, а особенно расхваливали Македонию и Византию. Он же всего более склонялся мыслью к Трою, где греки одержали известную всему миру победу над фригиями. И когда раздумывал об этом царь дни и ночи, услышал он во сне голос: «В Византии подобает создать Константин-град». И цесарь, воспрянув от сна, немедля послал в Византий магистров и градостроителей, чтобы они подготовили место. Сам же цесарь, оставив в Риме кесарями двух сыновей, Консту и Константина, а племянника своего Адаманта послав в Британию, отправился с матерью своей Еленой в Византий, взяв с собой и жену свою Максимино, дочь императора Диоклетиана, и сына своего Константина, и Лициния, зятя своего, и двух братьев своих – Долмация и Константина, и Долмадиева сына, также Долмация, и двух сыновей Константина – Галла и Юлиана. И, прибыв в Византий, увидел на месте том семь холмов и много заливов морских. Повелел холмы раскапывать, а низины засыпать, и в заливах столбы каменные ставить, и над ними возводить своды, и разравнивать землю. А сам цесарь находился в Византии. Когда же было подготовлено место, собрал цесарь вельмож, и мегистанов, и магистров и начал обсуждать, где стоять стенам, и башням, и воротам городским. И велел измерить место на три стороны, и каждая сторона длиною в семь верст, так как было то место между двумя морями - Черным и Белым.

И вдруг выползла из норы змея, и поползла по земле, но тут ниспал с поднебесья орел, схватил змею и взмыл ввысь, а змея стала обвиваться вокруг орла. Цесарь же и все люди смотрели на орла и на змею. Орел же на недолгое время скрылся из глаз, и, показавшись снова, стал снижаться, и упал со змеей на то же самое место, ибо одолела его змея. Люди же, подбежав, змею убили, а орла у нее отняли. И был цесарь в великом страхе, и, созвав книжечеев и мудрецов, рассказал им об этом знамении. Они же, поразмыслив, объявили цесарю: «Это место «Седьмохолмный» называется, и прославится, и возвеличится во всем мире больше всех городов, но поскольку встанет город между двух морей и будут бить его волны морские, то суждено ему поколебаться. А орел – символ христианский, а змея – символ мусульманский. И раз змея одолела орла, то этим возвещено, что мусульманство одолеет христианство. А так как христиане змею убили, а орла отняли, явлено этим, что напоследок снова христиане одолеют мусульман, и Седьмохолмым овладеют, и в нем воцарятся».

Великий же Константин был всем этим очень встревожен, однако велел записать предсказание. А магистров и градостроителей разделил на две группы: одним из них велел измерять место под городские стены и башни и начинать возводить укрепления, а другим наметить улицы и площади по римскому обычаю. И так начали строить церкви Божьи, и дворец царский, и другие прекрасные здания для вельмож, и мегистанов, и всех сановников, и свежую воду проводить. На седьмой же год увидел цесарь, что мало жителей в городе, ибо очень он велик, и вот что сделал: послал собрать из Рима и из иных земель славных вельмож и мегистанов, иначе говоря – Сановников, и со множеством людей привел их сюда, и, построив богатые хоромы, поселил их в городе со всеми удобствами, и даровал им придворные чины, чтобы забыли они о своем прежнем доме и родине. Построил цесарь и дворец огромный, и дивный ипподром, две импалы построил, то есть крытые улицы, предназначенные для торговли. И назвал город Новым Римом.

Потом построил церкви преславные: Софию великую, Святых апостолов, Святой Ирины, и Святого Мокия, и Архангела Михаила; установил и предивную розовую колонну, которую везли из Рима в Царьград морем три года, ибо была она очень велика и тяжела, от моря же до торговой площади целый год ее везли; и цесарь постоянно приходил и одаривал людей золотом, чтобы они обращались с ней осторожно. И положил в основание двенадцать корзин, благословленных Христом, и части древа честного и святых мощей, чтобы вечно стояла крепко дивная та колонна из единого камня. И поставил на ней статую, привезенную из Солнечного города фригийского, на голове которой было семь лучей. Так же и иные вещи дивные и достохвальные привез из разных земель и городов. И, украсив город, прославил его обновление праздниками и торжествами, длившимися много дней. И так установил, что будет именоваться город тот Царьградом. И обрадовались безмерно все люди.

Через несколько дней цесарь с патриархом и архиереями, снова собрав весь клир церковный, а также весь синклит царский и множество народа на богослужение, вознесли молитвы, славя и благодаря в них всемогущую и живоначальную Троицу - Отца и Сына, и святого Духа, и пречистую Богоматерь. И предали город и весь народ в руки святой Богородицы Одигитрии, говоря: «Ты же, непорочнейшая владычица и Богородица, человеколюбивая по природе своей, не оставь город этот милостью своей, но, как мать христианскому роду, защити, и сохрани, и помилуй его, наставляя и поучая во все времена как человеколюбивая и милостивая мать, да прославится и в нем и возвеличится имя великое твое вовеки!» И все люди воскликнули: «Аминь!» И прославили цесаря, и восхвалили великую мудрость его и благочестие.

Цесарь же повелел стратигам и городским старейшинам сооружать храмы святым и мирские здания, застраивая город. Вельможам же, и мегистанам, и всем знатным людям так приказал: если кто из них удостоится какого-либо чина на службе царской, то пусть оставит по себе достойную память: воздвигнет дом,

или обитель славную, или иное прекрасное здание, чтобы город исполнен был достойными творениями. Так же и цесари и цесарицы, царствовавшие после Константина, каждый во время свое стремились совершить какое-либо славное деяние: одни подвизались в отыскании и обретении страстей Господних или ризы и пояса пречистой Богоматери, и святых мощей, и Божественных икон, и того самого Богомужного нерукотворного образа из Эдессы; другие отличались в строительстве города и великих зданий, иные же, как цесарь Юстиниан Великий, и Феодосий Великий, и царица Евдокия, и многие другие, – в создании святых монастырей и храмов Божьих. И так наполнили город творениями преславными и дивными, которым и блаженный Андрей Критский подивился, сказав: «Поистине город этот непостижим ни слову, ни разуму». Поэтому и непорочная владычица, мать Христа, Бога нашего, во все времена царствующий град хранила, и берегла, и от бед спасала, и избавляла от тяжких напастей. Вот таких великих и неизреченных благодеяний и даров пресвятой Богородицы удостоился город сей, с которым, думаю, и весь мир не может сравниться. Но так как по природе своей мы грубы сердцем и нерадивы, и, словно безумные, отворачиваемся от милости Бога и щедрот его к нам, и обращаемся на злодеяния и беззакония, которыми гневим Бога и пречистую его мать, и славы своей и чести лишаемся, как писано: «Злодеяния и беззакония разрушат престолы могучих», и еще: «Источат гордые мысли сердца их, и низвергнут могучих с престолов», – так и этот царствующий город бесчисленными согрешениями и беззакониями лишился стольких щедрот и благодеяний пречистой Богоматери и в течение многих лет страдал от неисчислимых бед и различных напастей.

Так вот и ныне, в последние времена, по грехам нашим, – то из-за нашествия неверных, то из-за голода и болезней, то в междоусобных распрях, – утратили могущество свое сильные, и обнищал народ, и в уничтожение впал город, и ослабел безмерно, и стал точно шалаш в саду и словно амбар посреди цветника. Узнав обо всем этом, властвовавший тогда турками безбожный Магомет, Амуратов сын, который жил в мире и согласии с цесарем Константином, поспешно собрал множество воинов на суше и на море и, неожиданно приступив к городу, окружил его большими силами. Цесарь же с оказавшимися при нем вельможами и все жители города не знали, что предпринять, ибо воинов было мало и братьев цесаревых не было. И послали к Магомету-султану послов, чтобы узнать, что же произошло, и договориться о мире. Он же, коварный иноверец, послов не принял, а город повелел обстреливать из пушек и пищалей, и собирать различные стенобитные орудия, и готовиться к приступу. Находившиеся же в городе люди, греки и фряги, выезжая из города, бились с турками и не давали им устанавливать стенобитные орудия, но так как пришли враги в силе несметной, то они не смогли нанести им никакого урона, ибо один бился с тысячей, а два – с десятком тысяч.

Узнав об этом, приказал цесарь вельможам и мегистанам расставить воинов по всем городским стенам, и башням, и воротам, а также и всех горожан, и колокола воинские разместить на всех сторонах, чтобы каждый знал и оборонял свою сторону, и готовил бы все необходимое для боя, и бился бы с турками со стены, а из города бы не выезжал. И для обороны стен велел установить пушки и пищали на местах, где ожидался приступ.

А сам цесарь с патриархом и архиереями, и весь церковный клир, и толпы женщин и детей ходили по церквам Божьим и молитвы и мольбы возносили, плача, и рыдая, и возглашая: «Господи, Господи! Грозно естество твое и непостижима сила; древле и горы, познав силу ту, затряслись, и все сотворенное содрогнулось, солнце же и луна ужаснулись, и блеск их померк, и звезды небесные ниспали. Мы же, несчастные, всем этим пренебрегли, согрешали и беззаконничали, Господи, перед тобой, и многократно гневил и озлобляли тебя, Боже, забывая твои великие благодеяния и попирая твои заветы, и, словно безумцы, отвернулись от милостей твоих к нам и щедрот, и предались злодеяниям и беззакониям, и тем далеко от тебя отступили. Все, что навел ты на нас и на город твой святой, по справедливому и истинному суду свершил ты за грехи наши, и не можем открыть мы уст своих, ибо нечего сказать. Но, всепрославленный и преблагословенный Господь, – мы создание твое и творение и дело рук твоих, – не предай же нас навеки врагам твоим, и не разори богатства твоего, и не лиши нас милости твоей, и пощади нас в час этот, в который должно нам одуматься и покаяться перед твоим милосердием. Ибо сам Владыка сказал: «Пришел я не праведников спасти, но для покаяния грешников, чтобы обратились они к Богу и остались живы». О Господи, царь небесный, пощади, пощади ради пречистой Богоматери твоей и святых патриархов и цесарей, прежде угодивших тебе, Боже, в городе этом». Все это и многое другое возглашали, также и пренепорочной Богородице молились каждый день от всего сердца со стенаниями и рыданием. Цесарь же часто объезжал город вдоль стен, воодушевляя военачальников и воинов, а также и всех людей, чтобы не теряли они надежды, не ослабляли бы сопротивление врагам, а уповали бы на Господа-Вседержителя: он ведь наш помощник и защитник; и снова обращался цесарь к молитве. Турки же нападали на город со всех сторон непрерывно, день и ночь, сменяя друг друга, не давая нисколько отдохнуть горожанам, чтобы те изнемогли, так как готовились к приступу; и так вели бои в течение тринадцати дней. На четырнадцатый же день турки, прокричав свою безбожную молитву, начали в зурны трубить, и в варганы, и в накры бить, и, подкатив множество пушек и пищалей, стали обстреливать город, а также стрелять из ручного оружия и из многочисленных луков. Горожане же из-за непрерывной стрельбы не смогли находиться на стенах, но, попрятавшись, ждали приступа, а другие стреляли сколько могли из пушек и из пищалей и перебили много турок. Патриарх же, и святители, и весь причт церковный непрестанно молили о милосердии божьем и избавлении города. Когда же турки пошли на приступ, вынудив всех людей покинуть стены, – возопили все воины и напали на город со всех сторон одновременно, с кликами и воплями, одни со всевозможными факелами, другие с лестницами, третьи со стенобитными машинами и другими ухищрениями

для взятия города. Горожане же, так же с криками и воплями, ожесточенно бились с ними. Цесарь же объезжал весь город, ободряя людей своих, вселяя в них надежду на Бога, и велел звонить в колокола по всему городу, созывая людей. Турки же, услышав громкий звон, снова затрубили в зурны и трубы и стали бить в бесчисленные тимпаны. И была сеча яростна и страшна: от грохота пушек и пищалей, и звона колокольного, и воплей и криков с обеих сторон, и треска оружия – словно молнии, блистало вооружение сражающихся, – а также от плача и рыдания горожан, и женщин, и детей казалось, что небо смешалось с землей, и оба они содрогаются, и не было слышно, что воины говорили друг другу, так слились вопли, и крики, и плач, и рыдания людей, и грохот пищалей, и звон колокольный в единый гул, подобный сильному грому. И тогда от множества огней и пальбы с обеих сторон из пушек и пищалей клубы густого дыма покрыли весь город и все войско так, что не видели друг друга сражающиеся и многие умирали от порохового смрада. И так бились врукопашную на всех стенах, пока ночная темнота их не разъединила; турки отошли в свои станы, забыв даже об убитых своих, а горожане попадали от усталости, словно мертвые, только стражей одних оставили на стенах. Наутро же цесарь приказал собрать трупы, и не нашли людей, ибо все спали, изнемогши в бою, и послал цесарь к патриарху, чтобы он повелел священникам и дьяконам собрать и похоронить мертвых. И тотчас же собралось множество священников и дьяконов, и собрали мертвых, и похоронили их: было же греков числом тысяча семьсот сорок, а фрягов и армян семьсот. Цесарь же, взяв с собою бояр, прошел по городским стенам, чтобы увидеть, где же воины, ибо ни их не было слышно, ни они ничего не слышали, а все спали. И увидел цесарь, что все рвы завалены трупами, а иные в воде и по берегам, и насчитали всех убитых до восемнадцати тысяч, и множество стенобитных орудий, которые цесарь приказал сжечь. И так пошел с патриархом, и со святителями, и со всем клиром в святую великую церковь вознести молитвы и воздать благодарение всесильному Богу и пречистой Богоматери, ибо надеялись все, что теперь отступит безбожный, увидев, сколько воинов его перебито.

Он же, неправовверный, не так рассуждал, а на другой день послал посмотреть на погибших своих, и когда поведали ему о множестве убитых, тут же отправил много воинов собрать трупы своих. Цесарь же повелел не чинить им препятствий, пока не очистят рвы и потоки. И так они взяли трупы своих невозбранно и сожгли их. Увидел безбожный турок, что ничего не добился, только своих воинов погубил, и повелел воеводам немедля увеличить число пушек и пищалей для обстрела города и готовить другие стенобитные машины. И на седьмой день снова неправовверный приказал идти войску на приступ и сражаться, как и в первый раз, без отдыха.

Цесарь же Константин посылал по морю и по суше в Морею, к братьям своим, и в Венецию и Геную, прося помощи. Но братья его не успели, ибо шли между ними большие распри, и с албанцами они воевали. И фряги не захотели помочь, но рассуждали меж собой так: «Не вмешивайтесь, но пусть одолеют их турки, а у них мы отнимем Царьград». И так не пришло ниоткуда помощи. Один только генуэзский князь, именем Зустуня, пришел на помощь к цесарю на двух кораблях и двух военных катаргах, имея с собой шестьсот воинов. И преодолел сопротивление турок на море, и достиг стен Царьграда. Увидев его, очень обрадовался цесарь, оказал ему великие почести, ибо знал его и раньше. И тот попросил у цесаря самый опасный участок стены, где больше всего приступают турки. И цесарь отдал под его начало две тысячи своих людей, и бился он с турками столь храбро и мужественно, что от того места отступили все турки и уже более туда не приходили. Зустуня же не только свое место оборонял, но и обходил весь город по стенам и укреплял и наставлял людей, чтобы не теряли надежды, и сохраняли непоколебимую веру в помощь Бога, и не уступали в деле, и всей душой и всем сердцем готовы были биться с неверными, «и господь Бог поможет нам». Такими вот словами постоянно воодушевлял людей и наставлял их, ибо был весьма искусен в воинском деле, и полюбили его все люди, и слушались каждого его слова.

Турки же осаждали город со всех сторон, как мы и прежде говорили, не зная сна, меняя друг друга, ибо было их множество тысяч. На тридцатый день после первого приступа снова, собрав все свои силы, подкатили пушки, и пищали, и всякие стенобитные машины, которым нет числа. Были у них две пушки огромных, тут же отлитых: у одной ядро высотой до колена, а у другой – до пояса. И начали стрелять по городу не переставая по всей стороне, выходящей на поле, а там, где был Зустуня, поставили большую пушку, ибо в том месте стена городская была и ниже и обветшала. И когда ударили по тому месту, стена зашаталась, ударили в другой раз и разрушили верх стены саженей на пять, в третий же раз выстрелить не успели, так как настала ночь. Зустуня же то место за ночь заделал, и укрепил другой деревянной стеной, и землю подсыпал изнутри. Но что можно было противопоставить такой силе? Наутро снова начали стрелять в то же место из многих пушек и пищалей. И когда расшатала стену, прицелились и выстрелили из большой пушки, надеясь на этот раз ее разрушить. Но по Божьей воле прошло ядро выше стены, только семь зубцов захватило. И ударилось ядро в стену церкви, и рассыпалось в прах. И, увидев это, бывшие поблизости люди возблагодарили Бога. И уже к полудню навели пушку во второй раз. Зустуня же, наведя пушку свою, попал в ту пушку, и разорвало у нее зельник. Увидев это, неправовверный Магомет страшно разъярился и возопил громким голосом: «Ягма, ягма!» – то есть: «На разграбление города!» Тут же возопили все его воины, приступили к стенам всеми силами, по земле и по воде, всякими способами и хитростями, чтобы захватить город. Горожане же все от мала до велика взойшли на стены, даже женщины многие участвовали в бою и смело сражались, так что лишь патриарх, и святители, и клир церковный остались в церквях Божьих и молились с рыданием и стенанием.

Цесарь же, как и прежде, объезжал весь город, плача и рыдая, умоляя стратигов и всех людей, говоря им: «Господа и братья, простые и знатные, ныне пришел час прославить Бога и пречистую его мать и нашу веру христианскую! Мужайтесь и крепитесь и не поддавайтесь слабости в деле своем, не теряйте надежды, слагая головы свои за православную веру и за Божьи церкви, и да прославит нас всещедрый Бог!». Такими и многими другими словами призывал цесарь людей и велел звонить в колокола по всему городу; так же и Зустуня, обходя все стены, укреплял и воодушевлял людей. И когда слышали люди звон колоколов в церквях Божьих, тотчас же все укреплялись духом, и наполнялись храбростью, и бились с турками яростнее, чем прежде, говоря друг другу: «Умрем ныне за веру христианскую!» И как прежде мы писали: как словами можно поведать и рассказать о тех бедах и страданиях, ибо убитые с обеих сторон, словно снопы, падали с заборол, и кровь их ручьями стекала по стенам. От воплей же и криков сражающихся людей, и от плача и рыдания горожан, и от звона колоколов, и от стука оружия и сверкания его казалось, что весь город содрогается до основания. И наполнились рвы доверху трупами человеческими, так что через них карабкались турки, как по ступеням, и сражались, мертвецы же были для них как бы мост и лестница к стенам городским. И все ручьи окрест города были завалены трупами, и устланы ими берега их, и кровь, как могучий поток, текла, и залив Галатский, то есть Лиман, весь побагровел от крови. И рвы, и низины наполнились кровью, настолько ожесточенно и яростно бились. И если бы по Божьей воле не окончился тот день, окончательно погиб бы город, ибо совсем изнемогли горожане.

Когда же наступила ночь, турки в изнеможении отступили к своим станам, а горожане падали с ног от усталости и засыпали кто где мог. И не было слышно в ту ночь ни звука, разве стоны и вопли раненых воинов, которые были еще живы. Наутро же цесарь приказал священникам и дьяконам собрать трупы и похоронить их, а тех, кто был еще жив, передать врачам. И подобрали убитых греков, и фрягов, и армян, и иных пришлых людей пять тысяч семьсот. Зустуня же и все вельможи прошли по городским стенам, осматривая их и считая трупы неверных, и назвали цесарю и патриарху число убитых – до тридцати пяти тысяч. Цесарь же беспрестанно плакал и рыдал, видя гибель своих людей и упорство неверных и ниоткуда не ожидая помощи. Патриарх же и весь клир, а также и весь синклит царский окружили цесаря и, утешая его, направились в великую церковь помолиться и возблагодарить всемилостивого Бога, а с ними и множество благородных женщин и детей с царицей, ибо все остальные люди еще спали от безмерной и невыносимой усталости. И повелел патриарх звонить в колокола по всему городу, призывая всех людей, не участвовавших в бою, и женщин и детей отправиться по своим приходам, молиться и благодарить Бога и всенепорочную его мать, владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию. И было видно повсюду в городе, как все мужчины и женщины устремились к Божьим церквям, со слезами славя и благодаря Бога и пречистую Богоматерь. И так проводили тот день и ночь в молитвах.

Неверный же не хотел убирать трупы своих воинов, задумав метать их катапультами в город, чтобы разлагались там и смердели. Но те из людей его, которые знали город, рассказали ему о его величине и размерах и о том, что не повредит им смрад. И тогда сошлось множество турок, собрали они трупы и сожгли их. Кровь же, оставшаяся во рвах и потоках, разлагаясь, издавала сильный смрад, но, однако, не повредило это городу, ибо относил его ветром. И никак не устрасило безбожного произошедшее, но на девятый день снова он приказал всему войску подойти к стенам города и биться не переставая день за днем, а пушку ту огромную приказал заново перелить крепче прежнего.

Узнали об этом вельможи и Зустуня и вместе с патриархом стали уговаривать цесаря, так говоря: «Видим, о цесарь, что этот безверный не откажется от своего замысла, но снова готовится к большему приступу. И что сделаем, ниоткуда не ожидая помощи? Однако следует тебе, цесарь, уехать из города, куда сочтешь нужным, и, услышав об этом, единоплеменники твои и братья твои придут к тебе на помощь, и даже албанцы, устрасившись, придут с ними: вдруг тогда он, безбожный, испугается и отступит от города?» Это и многое другое говорили цесарю и предлагали ему корабли и катарги Зустуневы. Цесарь же долго молчал, обливаясь слезами, и так им ответил: «Хвалю и ценю совет ваш и знаю, что дан он мне на мое же благо, ибо может все так и случится. Но как же я поступлю таким образом и покину священнослужителей, и церкви Божьи, и царство, и всех людей? И что обо мне скажет весь мир, молю вас - ответьте мне? Нет, господа мои, нет, но да умру здесь с вами». И, пав, поклонился им, горько плача. Патриарх же и все находившиеся тут люди заплакали и прекратили уговоры, чтобы слух о том не дошел до людей. И снова послали в Морею, и на все острова, и к фрягам, прося помощи.

Горожане же днем бились с турками, а ночью спускались во рвы и делали подкопы в откосах рва в сторону поля, и прокопали землю за стенами во многих местах, закапывая множество сосудов с пушечным порохом; также и на стенах приготавливали множество сосудов, наполняя их смолой, и серой с коноплей, и пушечным порохом. Когда в таких ежедневных боях прошло двадцать пять дней, безбожный приказал снова прикатить ту огромную пушку, ибо, надеясь скрепить, ее стянули железными обручами. И когда выстрелили из нее, тотчас же разлетелась пушка на множество частей. Он же, безверный, увидев, что постигла его неудача, вскоре приказал, собравшись всей силой, подкатить к стенам огромные крытые туры. И когда установили туры по всему краю рва, хотели, заполнив рвы бревнами, хворостом и землей, придвинуть и прислонить туры к стене и так, подкопавшись под стену во многих местах, обрушить ее на землю. И когда люди, приступив во множестве к стенам, стали засыпать рвы, горожане зажгли сосуды с порохом, закопанные по ту сторону рва, и

внезапно загремела земля, словно гром великий, и поднялась вверх с турами и с людьми, как от бури сильной, до самых облаков, и был так страшен треск рушащихся тур и вопли и стоны людские, что побежали и те и другие: горожане со стен - в город, а турки – подальше от стен. И падали с высоты люди и бревна: одни в город, а другие на войско, и рвы наполнились трупами турок. И когда взойшли снова горожане на стену и увидели во рве множество турок, тотчас же зажгли бочки со смолой и побросали на них, и те все сгорели. И так с Божьей помощью избавился город в тот день от безбожных турок. Злонравный же Магомет со множеством воинов своих смотрел издали на случившееся и думал, что же предпринять. Так и враги все, испугавшись, отступили от городских стен. Греки же, выйдя из города, перебили во рвах еще оставшихся в живых турок и, собрав их в несколько куч, сожгли вместе с уцелевшими турами.

Цесарь же с патриархом и весь священный клир молились во всех церквах и благодарили Бога, надеясь, что уже настал конец войне. Так же и тот зловерный Магомет, много дней просоветавшись, решил уже отступить восвосяи, ибо уже открылся морской путь и ожидалась отовсюду помощь городу. Но так как беззакония наши поднялись выше глав наших, и от грехов наших отяжелели сердца наши, и не слушаем мы заповедей Божьих и по путям его не ходим, то куда скроемся от его гнева? В городе цесарю и патриарху дали люди плохой совет, говоря так: «Поскольку он, зловерный, столько дней стоит под городом не воюя и снова готовится, пошлем к нему с предложением мира», – что и сделали. Тот же, коварный, услышав об этом, возрадовался в сердце своем, решив, что какие-то тяготы претерпевает город, и, раздумав отступить, начал переговоры о мире. И так ответил послам: «Раз цесарь решил так мудро и просит мира, и я так же поступлю; но пусть уйдет цесарь из города в Морею, а также – без помех – патриарх и все люди, которые того захотят, оставив мне город пустым, и я заключу мир навеки, и не возьмемо коварных умыслов, и не нападу ни на Морею, ни на острова его. А те, кто не захочет покинуть город, пусть будут под властью моей без опасности для себя и без горя».

Услышав все это, цесарь и патриарх и все люди восстонали из глубины души и, простирая руки к небу, восклицали: «Заступник наш, Господь, прири с высоты славы своей, низложи гордыню нечестивца этого и избавь город свой, ибо мы люди твои и овцы пажити твоей, живущие во дворе твоём единым стадом, и куда мы уйдем, оставив пастыря и наставника своего? Нет, Господин наш и Царь, нет, но да умрем все здесь на святом дворе твоём и во славу величия твоего». И, сказав так, снова приготовились к боям, сетуя о посольстве своем к Магомету, ибо этим удержали его. Через три дня доложили окаянному турку, что ту пушку огромную отлили на славу, и так порешили еще раз испробовать ее, и приказал он войску своему снова приступить к городу и биться не переставая. Это все за грехи наши Бог допустил, чтобы сбылось все предсказанное о городе этом еще при Константине Великом цесаре и Льве Премудром, и возвещенное Мефодием Патарским. В шестой день мая месяца снова безверный повелел стрелять по тому же месту стены, по которому били из многих пушек уже три дня. И когда расшатала стену, ударили из большой пушки, и рухнуло много камней. Еще раз ударили, и обвалилась большая часть стены, и хотя уже настал вечер, турки стреляли из многих пушек в то же место, и так всю ночь, не давая горожанам заделывать брешь. Греки же в ту же ночь построили большую башту напротив пролома. Наутро же турки снова ударили из большой пушки пониже разрушенного места, и вывалилась большая часть стены, и так во второй раз, и в третий. И когда образовался большой пролом, множество людей с боевым кликом бросилось к тому месту, толкая друг друга, туда же устремились и греки из города, и стали рубиться, встретившись лицом к лицу, рыкая, словно дикие звери. И было страшно видеть дерзость и крепость сражающихся. Зустунея же снова собрал много воинов и с кличем напал на турок столь смело, что в мгновение ока сбросил их со стены и наполнил ров трупами. Амурат же некий, янычар, могучий телом, смешавшись с греками, пробился к Зустунею и начал яростно с ним рубиться. Тогда один грек, соскочив со стены, отсек ему ногу секирой и так избавил Зустунею от смерти. Флабурар же западный Амар-бей со своим полком напал на греков, и разгорелась жестокая битва. Тогда из города подоспел на помощь грекам стратиг Рахкавей со многими людьми и в яростной схватке с турками отогнал их до того места, где находился Амар-бей. Тот же, увидев, как Рахкавей беспощадно рубит турок, обнажил меч и напал на него, и оба ожесточенно рубились. Рахкавей же, встав на камень и взяв меч в обе руки, ударил противника по плечу и рассек его надвое, ибо имел в руках великую силу. Множество турок с яростными криками окружили его и рубили. Греки же всеми силами пытались его отбить, но не смогли, хотя многие из них пали; и рассекли турки Рахкавея на части, и прогнали греков в город. И зарыдали греки и пришли в отчаяние от гибели Рахкавея, ибо был он доблестный и мужественный воин и любим был цесарем. И уже когда наступила ночь, прекратилась сеча и разошлись оба войска. И турки начали снова стрелять из пушек по разрушенному месту, а горожане начали расширять башту и возводить ее по всей ширине пролома, и поместили в ней многие пушки скрытно, ибо та башта была в пределах города. Наутро же турки, увидев незаделанный пролом в стене, тотчас же ворвались и напали на греков. Греки же, обороняясь, отступили перед ними, а турки издали боевой клич и напали в великом множестве, рассчитывая, что уже одержали победу. Когда же сгрудилось много турок, греки расступились, и ударили по ним из пушек, и многих убили. И когда отстреляли пушки, внезапно напал на врагов из города Палеолог, стратиг сингурла, со множеством людей и бился с ними жестоко. Восточный же флабурар Мустафа стремительно напал на греков с большими силами, и яростно рубился с ними, и прогнал их в город, и уже хотел овладеть стеной. Однако тысячник Федор, соединившись с Зустунеей, поспешил на помощь, и разгорелась ожесточенная схватка, но все же турки одолели их. Цесарь же был в притворе великой церкви со всеми боярами

и стратигами, обсуждая намерения безбожного и говоря так: «Вот уже который день без устали рубимся с турками, сколько тысяч наших людей погибло, и если и дальше так будет – всех нас перебьют и город возьмут; собравшись с избранными своими, выйдем из города ночью в удобное время и, с Божьей помощью, нападём на них, как прежде Гедеон на мадианитян - или умрем за Божьи церкви, или добьемся избавления». Так советовал он, и многие к тому же склонялись, ибо знали храбрость и силу его; был он могуч телом и силой подобен исполину. Кир Лука архидука и епарх Николай долго молчали и сказали так: «Вот уже пять месяцев прошло с той поры, как начали воевать с турками, моля о милости Божьей, и если будет воля его, то можем и еще пять месяцев сражаться с ними. Если же не будет Божьей помощи и так поступим - в один час все погибнем и город погубим». Великий же domestik и с ним логофет и многие другие вельможи советовали, чтобы вышел цесарь из города, взяв с собой отборных воинов сколько можно, чтобы снять осаду и не давать туркам так дерзко приступать к городу, и со стороны получить необходимое; и еще – услышав об этом, соберутся к нему многие христиане. И пока так размышляли, донесли цесарю, что турки уже взошли на стену и одолевают горожан. Цесарь же и все вельможи и стратиги вскочили на коней, и, обогнав цесаря и вельмож, стратиги поспешили на помощь, и встретили множество бегущих людей, и с побоями возвратили их. Зустуня же с другими стратигами бился с турками уже в городе, то отступая перед врагами, то, получив подмогу, возвращался и сражался с ними. А другие турки, соорудив несколько помостов, въезжали в город на конях. Стратиги же все, объединившись с Зустуней, напали яростно на турок и оттеснили их до стен. Однако многие турки, ворвавшись в город, конные и пешие, снова заставили стратигов отступить и ожесточенно бились с ними, набрасываясь на них, словно дикие звери. И если бы не поспешил к ним цесарь, пришел бы конец городу. Но цесарь, подоспев, кликнул, ободряя своих, и рыкнув, словно лев, напал на турок с отборными своими пехотинцами и конниками, и рубил их беспощадно: кого настигал – рассекал надвое, а иных разрубал пополам, ибо ничто не могло удержать его меч. Турки же призывали друг друга воспротивиться силе его и напасть на него, и всякое оружие метали в него, и стрелы бесчисленные в него пускали, но, как говорится, победа в бою и поражение царское по Божьему промыслу свершается: оружие все и стрелы попусту падали и, пролетая мимо, не задевали его. Он же, имея лишь меч в руке, рубил их, и те, на кого он нападал, обращались в бегство и расступались перед ним. И погнав их к разрушенному месту, и здесь их, стеснившихся в узком проломе, перебили множество, а иных вытеснили из города и за рвы. И так с Божьей помощью в тот день цесарь избавил город, и когда наступил вечер, турки отступили.

Наутро же епарх Николай приказал горожанам выбросить за стены и за рвы убитых турок, чтобы увидел их безбожный, и было числом их, как говорят, около шестнадцати тысяч. И, посоветавшись, собрали турки трупы и сожгли. Епарху же цесарь снова повелел заделать бревнами разрушенное место и построить башню, надеясь, что уже отступят они, окаянные. Но безбожный Магомет не так думал, но три дня спустя, собрав башей своих и санчакбеев, сказал им: «Видим, что гяуры набрались храбрости, и так, сражаясь с ними, не одолеем их, ибо в одном-единственном месте - в проломе - трудно сражаться множеству людей, а если в небольшом числе выходим, то превосходят нас силой и одолевают. Но снова пойдем на приступ, как и в первый раз, придвинув туры и лестницы к городским стенам во многих местах, и, когда разойдутся горожане по всей стене, чтобы воспротивиться нам, снова приступим всей силой к разрушенному месту». И как решил окаянный, так и сделал по Божьему попущению: приказал готовить туры и лестницы и другие осадные орудия, а воинам приказал снова биться с горожанами. И так бились день за днем, не давая горожанам отдыха.

В двадцать первый же день мая за грехи наши явилось страшное знамение в городе: в ночь на пятницу озарился весь город светом, и, видя это, стражи побежали посмотреть, что случилось, думая, что турки подожгли город, и вскричали громко. Когда же собралось множество людей, то увидели, что в куполе великой церкви Премудрости Божьей из окон взметнулось огромное пламя, и долгое время обят был огнем купол церковный. И собралось все пламя воедино, и воссиял свет неопиcуемый, и поднялся к небу. Люди же, видя это, начали горько плакать, взывая: «Господи помилуй!» Когда же огонь этот достиг небес, отверзлись двери небесные и, приняв в себя огонь, снова затворились. Наутро же пошли и рассказали обо всем патриарху.

Патриарх же, собрав бояр и всех советников, пошел к цесарю и стал уговаривать его покинуть город вместе с царицей. И когда не внял ему цесарь, сказал патриарх: «Знаешь, о цесарь, обо всем предсказанном городу этому. И вот ныне опять иное страшное знамение было: свет неизреченный, который в великой церкви Божьей Премудрости сопричастен был прежним святителям и архиереям вселенским, а также ангел Божий, которого ниспослал, укрепляя нас, Бог при Юстиниане-цесаре для сохранения святой великой церкви и города этого, в эту ночь отошли на небо. И это знаменует, что милость Божья и щедроты его покинули нас, и хочет Бог предать город наш врагам нашим». И тут представил ему тех мужей, которые видели чудо, и когда услышал цесарь их рассказ, пал на землю, словно мертвый, и пролежал безгласный долгое время, едва привели его в чувство ароматными водами. Когда же встал он, то сказал патриарху и всем вельможам, чтобы запретили под клятвой тем людям рассказывать обо всем народу, чтобы не впали люди в отчаяние и не ослабели в деяниях своих. Патриарх же снова начал настойчиво уговаривать цесаря, чтобы он покинул город, и все вельможи также говорили ему: «Ты, цесарь, когда уйдешь из города с теми, с кем захочешь, с Божьей помощью сможешь и городу помочь, и другие города и вся земля обретут надежду и в скором времени не отдадутся неверным». Он же не согласился на это, но отвечал им: «Если господь Бог наш соизволил так, где скроемся от гнева его?» И еще: «Сколько цесарей, бывших до меня, великих и славных, также пострадали и погибли за свое отечество,

неужели я, последний, не сделаю этого? Нет, господа мои, нет, но да умру здесь с вами». И отошел от них. Зустуня же снова, придя с несколькими вельможами, долго уговаривал цесаря, со слезами и рыданием, уйти из города. И не послушался он их.

На другой же день, когда услышали люди, что покинул их святой Дух, растерялись все, и охватил их страх и трепет. Патриарх же укреплял их дух и убеждал не оставлять надежды. «Исполнитесь решимости, чада, держайте, - говорил, - и на Господа Бога возложим надежду на избавление наше, и к нему прострем руки и устремим взоры от всего сердца, и он избавит нас от врагов наших и все вражеские умыслы разрушит». Такими и иными подобными словами укреплял он дух народа. И так со святителями и со всем причтом, взяв священные иконы, ежедневно обходил весь город по стенам, взывая к милости Божьей, со слезами возглашая: «Господи Боже наш, бессмертный и безначальный, создатель всего живого, зримого и невидимого, который нас ради, неблагодарных и злонравных, сойдя с небес, воплотился и кровь свою за нас пролил, - воззри на нас и ныне, Владыка и Царь, из святого жилища твоего, на смиренных рабов твоих, и не отвергни грешных наших молений, и склони ухо свое и услышь нас, находящихся на краю гибели. Ибо согрешили мы, Господи, согрешили перед небом и перед тобой, и мерзкими делами и бесстыдными всячески себя осквернили перед небом и землей в этой преходящей нашей жизни, и недостойны воззреть на высоту славы твоей, ибо ожесточили твое благоволение и разгневали твое Божество, и презрели твои заветы и не послушали твоих велений. Но ты же сам, Цесарь и Владыка, человеколюбец, незлобивый, долготерпеливый и многомилостивый, возвестил через пророка своего: «Не хочу по воле своей смерти грешнику, но если обратится ко мне, да будет жив», - и другое: «Не пришел я праведников призвать, но привести к покаянию грешников». Ведь не хочешь ты, Владыка, погубить творение рук твоих и не жаждешь гибели людской, но хочешь, чтобы все спаслись и обратились к истине. Поэтому-то и мы, недостойные, будучи созданием и творением твоего Божества, не теряем надежды на свое спасение, и, уповая на твое беспредельное милосердие, припадаем к тебе, и следуем за тобой, всем сердцем молим и жаждем милости твоей. Пощади, Господи, пощади тех, кого искупил ты животворной кровью своей, и не предай нас врагам и супостатам владычества твоего, и избавь нас от осады этой и окруживших нас зол и напастей. Освободи по великой милости своей, и спаси нас чудесами твоими, и прославь имя свое, да будут посрамлены враги твои и примут позор от всякой силы, и могущество их да сокрушится, да уразумеют, что ты - Бог наш, Господь Иисус Христос, во славу Богу-Отцу».

Вот такими и многими другими молитвенными словами день за днем молились, надеясь на спасение свое. Также и все люди стекались к святым церквам Божьим, плача и рыдая и руки к небу простирая, моля у Бога милости. Но если прежде столько благодатей и дарований Божьих и пречистой Богоматери благоденствий сподобились, то теперь, грехов ради наших, милости и щедрот Божьих лишились. «Когда же, - говорит, - прострете руки ваши ко мне, то отведу глаза свои от вас, а если и придете предстать передо мной - отверну лицо свое от вас». И другое: «Что ни сотворишь, что ни сделаешь - все ненавистно душе моей».

Вот такого же ответа и мы заслужили грехов ради наших, и мольбы наши и молитвы чуждыми остались Богу. Турки же, как было сказано раньше, ежедневно бились с горожанами, не зная сна. А окаянный Магомет, собрав воинов своих, распределил среди них места для приступа: карачбею напротив императорского дворца и деревянных ворот и Калисария, а бегиларбеям - восточному - против Пиги и Золотого места, а западному - напротив всей Корсуни. Сам же безверный объявил, что станет напротив ворот святого Романа и разрушенной стены. Столу же морскому Балтауглию и Загану - обе стены со стороны моря, чтобы окружить весь город и в одно и то же время, в один и тот же час ударить по городу и с суши и с моря. И так назначил нечестивый.

В двадцать шестой день мая, едва муллы их откричали скверные свои молитвы, тотчас же, возопив, с боевым кличем, ринулось все войско на город. И подкатили пушки, и пищали, и туры, и лестницы, и деревянные башни, и иные орудия стенобитные - всему этому нет числа. Также и с моря приблизились корабли и многие катарги, и начали обстреливать город отовсюду, и возводить мосты через рвы, и как только вынудили горожан отступить со стен, тут же придвинули деревянные башни и туры высокие и бесчисленные лестницы, пытаясь силой взобраться на стены, и не дали им греки, но яростно бились с ними. Башни же, и воины, и начальники их силою гнали турок, избивая их, призывая и угрожая. Магомет же окаянный со всеми чинами врат своих, под звуки всех музыкальных инструментов и тимпанов, с громкими кликами, подобными реву бури, приступил к разрушенному месту стены и в такой грозной силе рассчитывал быстро захватить город. Но многие стратеги с Зустунеей подоспели на помощь, мужественно бились с турками, и немалая тягота была горожанам. Но еще не настал судный час, и еще могли сопротивляться врагам. Цесарь же в окружении вельмож объезжал весь город, с плачем и рыданием моля вельмож, и стратигов, и всех воинов, и весь народ, чтобы не теряли надежды, не поддавались слабости в деле своем, но с отвагой и непоколебимой верой боролись бы с врагами, и поможет им Господь Бог. И повелел звонить в колокола по всему городу, сзывая людей. И собрались все люди на стены, сражаясь с турками, и разгорелась яростная битва, так что страшно было видеть дерзость и мужество сражающихся.

Патриарх же со всем причтом находился в святой великой церкви и неустанно молил Бога и пречистую его Богоматерь о помощи и даровании силы против врагов. Когда же услышал звон, то, взяв Божественные иконы, вышел перед церковью и стал на молитву, осеняя крестом весь город и с рыданиями возглашая: «Воскресни, Господи Боже мой, и помоги нам, совсем уже погибающим, и не отвергни людей своих до конца, и не дай на поношение сыроядцам этим достояния своего, да не спросят они: «Где же Бог их?» - но да узнают, что

ты - Бог наш, Господь Иисус Христос, во славу Богу-Отцу». Также и к святой Богородице обратился: «О всевятая владычица, стань, руки возвед к Сыну своему, Богу нашему, и укроти, владычица, Божий гнев на нас и отведи погибель, – уже ведь, пресвятая госпожа, мы в пасти адской; поспеши, о всемилостивая и человеколюбивая мать наша, и спаси нас, обняв правой своей рукой, прежде чем поглотит нас ад, чтобы перед всеми прославлено было и возблагодарено святое и прекрасное имя твое».

Пока так взывали и молились не переставая, цесарь подоспел к разрушенному месту и, видев ожесточенную битву, остался здесь сам со всеми вельможами своими, и когда поведали ему о натиске безбожного, с плачем воззвал он к воинам: «О братья мои и друзья! Ныне настало время обрести славу вечную за церкви Божьи, за православную веру, и явить мужество перед лицом потомков». И, прищпорив коня, хотел пробиться через разрушенное место и добраться до Магомета, отомстить ему за кровь христианскую. Но силой удержали его вельможи и пешие воины, ибо немисливо было это дело, так как Магомет безбожный был с несметной силой. Цесарь же, обнажив меч, напал на турок и кого ударял мечом по плечу или по груди, того рассекал пополам; турки же, в ужасе перед силой цесаря, бежали врассыпную. А стратиги, и воины, и весь народ, видя своего цесаря, исполнились храбрости и бросались на турок, словно дикие звери. И так прогнали их за ров. Магомет же стал недвижимо и приказал побоями возвращать турок на греков, и шла битва в сумраке, ибо стрелы затмевали свет. Греки же снова по обе стороны стены лили на турок горячую смолу и бросали горящие вязанки смолистого хвороста. И даже когда зашло солнце и настала ночь, битва не прекращалась, так как приказал безбожный зажечь бесчисленные факелы и сам скакал повсюду, крича и взывая, понукая своих, рассчитывая поглотить город. Однако греки и остальные люди, находившиеся на стенах, огражденные доблестью, кричали друг другу: «Поспешим, братья, на суженое место и умрем за святые церкви». И так бились крепко с турками до полуночи и сбросили их с забрал и со стен на землю, и прекратилась битва. Но не отступили от города окаянные, охраняя свои осадные башни и иные орудия. Наутро же греки попытались во многих местах поджечь осадные орудия их и башни деревянные, и не дали им этого сделать турки, непрерывно обстреливая из луков и пищалей. Убитых же с обеих сторон, а тем более раненых никто не смог бы сосчитать.

В девятом часу того дня безверный снова приказал обстреливать стену вокруг разрушенного места из многих пушек и пищалей. И изготовили пушку большую, ударили в башню, также и второй раз, и третий, и разрушили башню. И так прошел этот день. Когда же настала ночь, Зустуня снова со всей дружиной и с фрягами начал возводить башню. Но по грехам христианским не удалось это: ибо прилетело каменное ядро из пушки и, падая, ударило Зустуню в грудь и разбило ему грудь. И упал на землю, едва его отлили водой и перенесли в дом его. Бояре же, и все люди, и фряги, бывшие подле него, растерялись и не знали, что же делать. Это случилось по изволению Божьему на полную погибель городу, ибо это разрушенное место он оборонял благодаря великой силе своей и мужеству, ибо храбр был, и умен, и искушен в ратном деле. Когда же сказали о том цесарю, покинула сила его и смешались мысли, и поспешно отправился к нему, а также патриарх, и все вельможи, и врачи; и утешали Зустуню, и готовы были, если бы было можно, свою душу вдунуть в его тело. Ибо охватила их скорбь и печаль великая о нем, так как цесарь почитал его как брата за его верность и твердость духа. Врачи же всю ночь протрудились, помогая ему, и немного подлечили ему грудь, пострадавшую от ушиба. И тогда отпустила его боль. И дали ему немного поесть и попить, и так заснул он в ту ночь.

Соратники же его, оставшиеся возводить башню, мало что успели. Зустуня же снова приказал отнести себя туда, и начали строить башню с великим усердием. Но уже настал день, и когда турки увидели возводящих башню, тут же обстреляли их из многих пушек и не дали им строить. Когда же попрятались греки от пушечного огня, тут же бросилось множество турок к разрушенному месту, а греки – им навстречу, и завязалась ожесточенная битва. Флабулар же некий с многими сарацинами яростно напал на греков, и было среди них пятеро огромных ростом и страшных с виду, и рубили они горожан беспощадно. Из города же выступили поспешно против турок протостратор и сын его Андрей со многими людьми. и началась яростная сеча. Тогда три воина-побратима, увидев со стены, что сарацины истребляют горожан, сбежали оттуда, напали на турок и яростно схватились с ними, а те, ошеломленные, не сопротивлялись им, страшась быть убитыми. И сразили горожане двух сарацинов. Тогда с боевым кличем набросилось на них множество турок, они же, защищаясь от них, отступили в город. Были же те трое: один – грек, другой – венгр, а третий – албанец. Но не прекратилось сражение у разрушенного места, а все разгоралось, ибо турки пришли в великом множестве, рубились и упорно теснили горожан. Стратиги же и вельможи вместе с Зустуней доблестно мужествовали, и пало немало людей с обеих сторон. Но что изволил Бог, тому не миновать: метнули копьем и попали в Зустуню, и ранили его в правое плечо, и упал тот на землю, словно мертвый. И склонились к нему бояре его и все люди, стена и рыдая, и унесли его оттуда, и все фряги пошли вслед за ними. Турки же, услышав рыдание и увидев смятение среди людей, снова с кликом напали всеми силами, и расстроили ряды горожан, и оттеснили их в город, сражая их и рубя. Увидели стратиги и все горожане, что все прибывает число турок, и обратились в бегство, когда же силой удерживали греков, то возвращались они и вступали в бой. И уже настал бы час погибели городу, если бы не поспешил цесарь с отборными воинами. Подоспев, цесарь застал Зустуню еще живого и горько оплакивал его, и начал возвращать фрягов с мольбами и рыданием, и не послушали его. И своих попрекал он слабостью и отсутствием мужества, и снова возвратил отступивших, а сам напал на турок и, криком ободрив своих, ворвался в ряды врагов, нанося им удары по плечам и по груди; если же и коня поражал – падал тот перед ним, и не удерживали меч цесарев ни конские доспехи, ни сила конская. Турки же, переключаясь, побуждали друг

друга напасть на него, а сами не решались. Оружие же, которое метали в него, как мы уже говорили ранее, все падало всуе и мимо него пролетало, не задевая, ибо не настал еще его час. Он же устремился на них, и побегали от него турки во все стороны, расступаясь перед ним. И так отогнали турок от разрушенного места и столпилось там множество врагов, и без числа перебили их горожане, закалявая, точно свиней, пока они проталкивались через пролом, а те, которые разбежались в разные стороны по улицам – там были перебиты. И так по Божественному промыслу в тот день избавился город: турки отступили от стен, а горожане, падая на землю, тут же засыпали, и не произошло ничего в ту ночь.

Цесарь же с патриархом и все воины собрались в великой церкви, и возблагодарили все Бога и пречистую его мать и прославили цесаря. И некоторые говорили, будто бы и сам цесарь в сердце своем возгордился, и даже понадеялись на отступление поганых, не ведая Божественной воли. Магомет же, видя, что столько его воинов пало, и прослышав о храбрости цесаря, не спал в ту ночь, но собрал большой совет: хотел уже в ту ночь отступить, ибо и морской путь открылся, и много кораблей могло прийти на помощь городу. Но чтобы свершилась воля Божья – не суждено было тому сбыться. Когда наступил седьмой час ночи, распростерся над городом глубокий мрак: воздух в высоте сгустился, навис над городом, словно оплакивая его и роняя, как слезы, крупные красные капли, подобные по величине и по виду буйволовым глазам, и оставались они на земле долгое время, так что дивились все люди и пришли в отчаяние великое и ужас.

Патриарх же Анастасий, тотчас же собрав весь клир и синклит, пошел к цесарю и сказал ему: «Светлейший цесарь, все прежде возвещенное о городе этом ты хорошо знаешь, также и отшествие святого Духа видел. И вот сейчас стихии возвещают гибель города сего. Молим тебя: покинь город, да не погибнем все вместе. Бога ради - уходи!» И напомнили ему много подобных же поступков прежних царей. Так же и клир весь и синклит долго убеждали его, чтобы он покинул город. И не послушал их, но отвечал: «Да будет воля Господня».

Магомет же окаянный, увидев тьму великую над городом, призвал к себе мудрецов и мулл и спросил их: «Что предвещает этот мрак над городом?» И ответили ему: «Знамение предивное это – городу погибеть». Он же, безбожный, приказал немедленно изготовить всех воинов к бою и пустил впереди бесчисленных вооруженных пехотинцев, и пушки, и пищали, а следом и все остальное войско. И, прикатив и поставив пушки напротив разрушенной стены, начали обстреливать все то же место, и когда отступили горожане далеко от пролома, поспешили воины пешие расчистить путь войску и засыпать рвы. И так надвинулись турки всеми полками и рассеяли горожан, ибо было среди тех мало конных. Стратиги же, и мегистаны, и все конники подоспели, поддержали сражающихся и вступили в бой с турками. Сюда поспешил и цесарь со всеми вельможами, и с избранными своими конниками, и с пешими воинами, и напал на турок, когда уже много врагов прорвалось внутрь города, и смешавшись с ними, отчаянно рубился, яростью уподобляясь зверю, и отогнали их к разрушенному месту. Бегиларбей же восточный, – а был он огромного роста и могуч, – издал клич, со всеми силами восточными напал на греков, и расстроил полки их, и отогнал их, и с копьем в руке напал на цесаря. Цесарь же щитом отвел его копье и, ударив его мечом по голове, рассек до седла. И тут возопили турки в один голос, и, склонившись над ним, отбили его у греков, и унесли. Цесарь же, созвав своих, с кликами врзался в ряды врагов и, избивая их, прогнал из города.

Но карачбей баша, собрав множество воинов, устремился со своим полком к разрушенному месту и, вступив в город, оттеснил цесаря и всех горожан. Цесарь же, снова обратившись ко всем стратигам, и всем мегистанам, и к вельможам, и к народу всему, вооружил их, и, вернувшись, напал на турок, не щадя жизни, и снова выбил их из города. Но если бы и горами могли двигать, все равно Божью волю не превозмочь. «Если же, – говорится, – не Господь воздвигает храм, то всуе трудятся строящие его». Турок же было многое множество, а горожане – изо дня в день все те же – от великой усталости изнемогли и падали, словно пьяные. К тому же и цесарь и все воины ниоткуда не ждали помощи, оставили их силы и ослабела воля, охватили их скорбь и печаль великая.

Магомет же окаянный, услышав, что убит бегиларбей восточный, долго его оплакивал, ибо любил его за мужество его и разум, и, разъярившись, пошел сам со своими вратами и со всеми силами, а на цесаря приказал нацелить пушки и пищали, страшась, как бы не вышел он из города со всеми, людьми и не напал бы внезапно на него. И пришел безбожный, стал против разрушенного места и приказал прежде всего стрелять из пушек и пищалей, чтобы отступили горожане. Затем послал Балтаулия-башу с многими полками и три тысячи отборных воинов своих и приказал им, чтобы разыскали цесаря хотя бы ценой жизни или из пищали бы убили его. Стратиги же, и мегистаны, и все вельможи, догадавшись о замысле безверного, устремившегося в такой силе великой, и видя яростную пальбу, увели цесаря, дабы не погиб он напрасно. Он же, горько сетуя, говорил им: «Вспомните, что я сказал вам и какой зарок положил: не удерживайте меня, да умру здесь с вами». Они же отвечали: «Мы все умрем за церкви Божии и за тебя». И насильно увели его от воинов и долго убеждали, чтобы он уехал из города, и, отдав ему последнее прощание со стонами и рыданием, возвратились все на свои места.

Когда же подоспел Балтаулий с большими силами, то встретили его стратиги у разрушенного места, но не смогли сдержать его, и пробился он в город со всеми своими полками, и напал на горожан. И завязалась битва еще более ожесточенная, чем прежде, и погибли в ней стратиги, и мегистаны, и вельможи все, так что из многих мало кто смог потом принести весть цесарю, а погибших горожан и турок не счесть. Третья тысяча же рыскали и разъезжали повсюду, словно дикие звери, охотясь за цесарем. Окаянный же Магомет, снова собрав

свои полки, послал их по всем улицам и ко всем воротам в поисках цесаря, а сам остался только с янычарами, окопавшись в лагере своем, расставив пушки и пищали, ибо страшился цесаря. Цесарь же, словно услышав веление Божье, отправился в великую церковь и пал на землю, прося Бога о милости и прощении за грехи, и попрощался с патриархом, и со всем причтом, и с царицей. И, поклонившись на все стороны, вышел из церкви, и снова раздались вопли всего клира и находившегося тут народа, жен и детей, которых было не счесть, – все рыдали и стонали, так что казалось, что эта огромная церковь зашаталась, и голоса их, думается мне, достигли до небес.

Цесарь же, выходя из церкви, одно только промолвил: «Кто хочет пострадать за Божьи церкви и за православную веру, пусть пойдет со мной!» И, сев на коня, поскакал к Золотым воротам, рассчитывая там встретить безбожного. Всех же воинов собралось с ним до трех тысяч, и увидел он в воротах множество турок, подстерегавших его, и, перебив их всех, устремился в ворота, но не смог проехать из-за множества трупов. И снова двинулись им навстречу турки в бесчисленном множестве, и бились с ними до самой ночи. И так пострадал благоверный царь Константин за Божьи церкви и за православную веру месяца мая в 29-й день, убив своей рукой, как сказали уцелевшие, более шестисот турок. И свершилось предсказанное: Константином создан город и при Константине погиб. Ибо за согрешения время от времени бывает возмездие судом Божиим, злодеяния ведь, говорится, и беззакония низвергнут престолы могучих.

О великая сила жала греховного! О, сколько зла рождает преступление! О, горе тебе, Седьмохолмый, что поганые тобой обладают, ибо сколько благодатей Божьих в тебе просияло, порой прославляя тебя и возвеличивая более всех иных городов, иногда самым различным образом и многократно наказуя и наставляя дивными деяниями и чудесами преславными, порой прославляя победами над врагами, и беспрестанно поучая и к спасению призывая, и жизненным обилием радуя и украшая всячески! Так же и пренепорочная мать Христа, Бога нашего, неизреченными благодеяниями и неисчислимыми дарованиями миловала и оберегала тебя во все времена. Ты же, словно безумный, отворачивался от Божественной милости к тебе и щедрот и тянулся к злодеяниям и беззаконию. И вот теперь явил Бог свой гнев на тебя и предал тебя в руки врагам твоим. И кто об этом не восплачет или не зарыдает! Но вернемся снова к описываемому.

Царица в тот же час, попрощавшись с цесарем, постриглась в монахини. Оставшиеся стратеги и бояре, взяв царицу, и благородных девиц, и многих молодых женщин, отправили на кораблях и катаргах Зустунеевых на острова и в Морею к единоплеменникам. Народ же на улицах и в домах не сдавался туркам, но сопротивлялся им, и погибло в тот день множество людей, и женщин, и детей, а других захватили в плен. Точно так же и воины, находившиеся в башнях, не сдались, но бились с турками на обе стороны – с находившимися за пределами стены и внутри ее. И днем, одолеваемы, бежали и скрывались в пропастях, а ночью выходили и нападали на турок. А иные люди, и жены, и дети швыряли на них с крыш домов черепицу и плитки, а то еще зажигали деревянные крыши домов и бросали в них горящими предметами, причиняя им немало вреда.

И ужасались башни и санчакбеи и не знали, что сотворить, но послали к султану: «Если сам не войдешь в город, не будет город усмирен». Он же подробно расспрашивал о цесаре и царице, и не решался войти в город, и находился в полном замешательстве. И призвал бояр и стратигов, которых захватили в бою и которых пленили башни, и дал им свое поручительство, и одарил их, и послал их с башнями и с санчакбеями объявить горожанам по всем улицам и тем, кто находится в башнях, верное слово султаново: «Пусть прекратится битва и не опасаются ни убийства, ни плена, если же нет – то все вы, и жены, и дети ваши будете преданы мечу».

И после этого прекратилось сопротивление, и сдались все боярам и стратигам и башам. И услышав об этом, обрадовался султан, и послал очищать город, улицы и площади. В одиннадцатый же день послал санчакбеев по всем улицам с многими людьми, чтобы предотвратить внезапное нападение. А сам двинулся со всеми чинами врат своих в ворота святого Романа к великой церкви, в которой собрались патриарх, и весь клир, и народу множество, и жен, и детей. И, придя на площадь у великой церкви, сошел с коня, и пал ниц на землю, взял горсть земли и посыпал голову, благодаря Бога. И подивился этому огромному зданию, так сказав: «Воистину люди эти были и ушли, а иных после них, им подобных, не будет». И вошел в церковь, и увидел запустение в святилище Божьем, и встал на месте святом. Патриарх же, и весь клир, и народ возопили со слезами и рыданиями и пали ниц перед ним. Он же, дав знак рукой, чтобы перестали, обратился к ним: «Тебе говорю я, Анастасий, и всем окружающим тебя, и всему народу: с этого дня да не убоятся гнева моего, ни смерти, ни плена». И, обернувшись, повелел башам и санчакбеям, чтобы запретили всем воинам и всем чинам врат его притеснять народ городской, и жен, и детей, ни убийством, ни пленением, ни каким-либо иным злом. «Если же кто нарушит наше повеление – да будет наказан смертью». И приказал всем разойтись, чтобы каждый отправился в свой дом, ибо хотел увидеть красоту церковную и сокровища, чтобы сбылось предсказанное: «И возложит руки своя на святыни жертвенные и святыни погубит и отдаст сынам гибели».

Когда народ еще выходил из церкви вплоть до девятого часа и многие еще оставались в ней, не дождался он и вышел из храма. И, видя вышедших полную площадь и множество идущих по всем улицам, поразился, что столько людей вместило одно здание, и направился к царскому дворцу. И тут вышел ему навстречу некий серб, и принес голову цесаря. Он же очень обрадовался, и тут же призвал к себе бояр и стратигов, и спросил их, правда ли, что это голова цесарева? Они же, охваченные страхом, отвечали ему: «Это действительно голова цесаря». Он же поцеловал ее и сказал: «Явил тебя Бог всему миру, истинного цесаря, что же так понапрасну погиб!» И послал голову патриарху, чтобы, украсив ее золотом и серебром, сохранил ее, как сам знает.

Патриарх же, взяв ее, положил в серебряный позолоченный ларец и спрятал под престолом в великой церкви. От других же слышали мы, что оставшиеся с цесарем у Золотых ворот украли тело его в ту ночь, переправили в Галату и похоронили его.

Когда же стали настойчиво расспрашивать о царице, то сказали султану, что великий дука, и великий domestik, и анактос, и сын протостраторов Андрей, и племянник его Асан Фома Палеолог, и епарх городской Николай посадили царицу в корабль. И султан тут же приказал их, допросив, убить.

И так случилось и свершилось по грехам нашим: беззаконный Магомет воссел на престоле царства, благороднейшего среди всех существующих под солнцем, и стал повелевать владевшими двумя частями вселенной, и одолел одолевших гордого Артаксеркса, чьи корабли не вмещали просторы морские и чьи войска занимали всю ширь земли, и победил победивших Троию дивную, семьюдесятью четырьмя королями обороняемую. Но да познай, о несчастный, что если свершилось все, предвещанное Мефодием Патарским и Львом Премудрым и знаменами о городе этом, то и последующее не минует, но также совершится. Пишется ведь: «Русый же род с прежде создавшими город этот всех измаилтян победят и Седьмохолмый примут с теми, кому принадлежит он искони по закону, и в нем воцарятся, и удержат Седьмохолмый русы, язык шестой и пятый, и посадят в нем плоды, и вкусят от них досыта, и отомстят за святых». И также в последнем видении Даниила: «И поднимется великий Филипп с восемнадцатью народами, и соберутся в Седьмохолмом, и разразится бой, какого не было никогда, и потечет кровь человеческая, подобно рекам, по ложбинам и по улицам Седьмохолмого, и замутилось море от крови до Тесного устья. Тогда Вовус возопит, и Скеролаф возрыдает, и Стафорин возгласит: «Встаньте, встаньте, мир вам и отомщение супостатам. Выйдите из Седьмохолмого на правую сторону его, и увидите человека, стоящего у двух столпов, украшенного сединой, милосердного, одетого нищенски, взглядом острого, умом же кроткого, среднего роста, имеющего на правой ноге на голени знак. Приведите его и венчайте цесарем на царство». И, взяв его, четыре ангела живоносных введут его в святую Софию, и венчают его на царство, и дадут ему в десницу оружие, говоря ему: «Мужайся и побеждай врагов своих!» И, взяв оружие у тех ангелов, поразит он измаилтян, и эфиопов, фрягов, и татар, и всякий народ. А измаилтян же разделит на три части: одних победит оружием, других - крестит, третьих же прогонит с великой яростью до Единодубного. И когда возвратится он, откроются людям сокровища земные и все разбогатеют, и никто не будет нищим, и земля принесет плоды сам-семь, а из оружия воинского сделают серпы. И процарствует он тридцать два года, и после него станет другой от рода его. И затем, предвидя смерть свою, отправится в Иерусалим, чтобы предать царство свое Богу, и с той поры воцарятся четыре сына его: первый в Риме, второй в Александрии, третий в Седьмохолмом, четвертый в Солуни».

Эти вот и иные многие прорицания и знамения записаны о тебе, град Божий, их же всещедрый и всеблагий Бог претворит на сокрушение и на поправление скверной и безбожной этой веры оттоманской и на обновление и укрепление всей православной и непорочной веры христианской ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Написал же все это я, многогрешный и беззаконный Нестор Искандер. Измлада пленен был и обрезан, долгое время страдал в ратных походах, спасаясь так или иначе, чтобы не умереть в окаянной этой вере. Так вот и ныне в этом великом и страшном деле ухитрялся я, когда под видом болезни, когда скрываясь, когда с помощью приятелей своих, изыскивать время все рассмотреть и обо всем разузнать, подробно записывал день за днем обо всем, что совершалось вне града у турок. И затем, когда попушением Божиим вошли мы в город, со временем разузнал и собрал от надежных и великих мужей сведения о том, что делалось в граде в борьбе с безбожными и вкратце изложил и христианам передал на память о преужасном этом и предивном произволении Божьем. Всемогущая же и животворящая Троица да приобщиет меня снова к стаду своему и к овцам пажити своей, чтобы и я прославил и возблагодарил великолепное и превысокое имя ее. Аминь.

¹ В 295 г.

Последствия взятия Константинополя турками-османами в освещении армянских хронистов

Падение Константинополя в 1453 г. произвело огромное впечатление в странах, сопредельных с Византийской империей, и особенно в Армении. Описанию этого события посвящены два выдающихся памятника армянской литературы XV в. – поэмы Абраама Анкирского и Аракела Багешского.

Оба автора принадлежали к высшим армянским сословиям и занимали одну общую позицию по отношению к Византии и ее врагу – туркам-османам, однако выступали они в качестве представителей различных политических направлений. Эти различия во взглядах двух армянских авторов на одни и те же события свидетельствуют о том, что они сами являлись выразителями различных направлений армянской общественной мысли.

(Абраам Анкирский, «Плач на взятие Константинополя»)

В девятьсот втором году¹,
В горькую, тяжелую годину,
Сильно разгневался боже
На греческий народ.
Зловещий султан заявился.
Звали его Мухаммедом,
Внуком Отмана был он по роду
И сыном великого Мурада хункяра.
Вначале как-будто он малое задумал,
Но только исполнил, оказалось опасным.
Начал он строить крепость на взморье,
Звался который Александра² проливом.
И, начав постройку, завершил ее вскоре
За лето одно, в три месяца.
И стояла она в пяти милях
От Галаты – города франков.
К себе вновь вернулся он,
К трону своему в Адраме³.
И задумал что-то коварное
Против Византии – города великого.
Зимой в логове все обдумал.
Подготовил все к войне
И издал приказ на весь мир:
«Идите все на газават!»⁴
Во вторую субботу великого поста⁵,
Двинулся, пошел он на город,
Всадников собрал без числа и счета,
Было их без малого тысяч семьсот⁶.
Обложили город со всех сторон,
Окружили с суши и с моря,
И прибывало войско турецкое,
Все убывало войско христианское.
А царь Стамбола
Совсем был бессилен,
К франкам он обратился,
Чтоб на помощь посмешили.
Но безжалостные латиняне
Непристойное захотели взамен:
«Обратись в нашу веру,
Предоставь нам твой город».
И когда царь Константин
Согласился с ними,
Разделился народ надвое –
Одна половина «а греческой стороне, друга» – на латинской.
Но случилась с ними неудача,
С греками и с франками.
Подул буйный северный ветер,
Сорвав южный ветер – «лодос»⁷.
Вое военные и другие суда,
Что собирались итти на подмогу,
Неудачливые, качаясь,
Остались там же, где и стояли.
А злой султан Мухаммед
Поставил пушку громадную,
Кто видел ее – восхищался,
А кто слушал – удивлялся.
И пять башен городских
Разрушил он, сравнив с землей,
По морю дорогу проложил,
И двигались по ней, как по суше.

Держал он речь перед войском,
Подбадривал всех:
«Слушайте, мусульмане!
Даю вам все,
Отдаю великий град Стамбол
Вам на поток и разграбленье,
Людей, скот, всякое добро, –
Кто что возьмет – будет его!»
И двадцать восьмого дня
Месяца мая,
В понедельник,
Когда оправлялся Рифсимянский праздник⁸,
Под вечер они напали, продвинулись,
Дошли до края рва,
Притащили таран,
Приставили лестницы.
И завязался бой
До самого рассвета,
А половина их, сев на суда,
Обложила (город) с моря.
И когда взошло солнце
Во вторник, на третий дань
Армянского месяца мехек,
В Гайианянский праздник святой⁹,
Господь, преисполненный гнева
На Константинополь,
Отдал его в руки ненавистных,
Злые враги заполнили его.
А царь и войско его
Что было сил бросились в бой,
Но не смогли устоять.
Отказал им бог в помощи,
Ибо они разделились на две части,
Не смогли объединиться, –
Кто был за царя,
А кто говорил – отдадим (город) турку.
Как буйный поток
Ворвались турки в город,
Многие по стенам вскарабкались,
Остальные веревками подняли друг друга.
Когда царь увидел это,
Потерял надежду на бой,
И решил бежать, ибо
Обрушился на него гаев божий.
Некто из франков,
Которого звали капуданом¹⁰,
Забрал царя и знать
И на судне бежал морем.
А мусульмане, войдя,
Ввалившись в город,
Первым делом заняли дворец
И царские покои.
Оттуда они двинулись
К главному собору,
Который назывался Софией
И был тронем патриарха.
Множество мужей христианских,
Сплотившись там вступили в бой,
Горя рвением,
Как дети над родителем.
И отдали жизнь свою,
Как овцы пошли на бойню.

Множество людей пало под мечом,
И кровь текла потоком.
А злой султан Мухаммед,
Войдя в большой собор,
Был в ликовании безмерном,
Что достиг желанной цели.
А несметные полчища, что вошли за ним,
Рассыпались по улицам
И рычали, как звери,
Жажущие крови.
Перебили всех,
Кто был в числе воинов,
А остальных мужчин и женщин
В план увели.
Малолетних детей
Бросали на камня,
Вырывая их из материнских рук,
Стариков пронзали мечами.
Никто не в силах описать
Иль передать словами
Их плач и крики,
Вопли и стенанья.
Всех, сколько было, монахов,
Которых зовут калогирами,
И множество женщин,
Называемых калогирийками,
Схватили и потащили,
Чтоб связать и пленить.
А они сопротивлялись сильно
И валялись наземь.
Многие, становились на колени,
Добровольно подставляли шеи под мечи
И желанную мученическую смерть
Тут же принимали.
Богом украшенные церкви
Безжалостно были разгромлены,
Расхищены священные
Сосуды и украшения.
Святые мощи мучеников,
Что с почетом там хранились,
Все, бросив под ноги, растоптали
И в пыль обратили.
Могилы императоров
Под мраморными плитами
Вскрыли они и разграбили,
А кости все раздробили.
И ни одна из этих святынь
Не сотворила чуда,
Все они хранили глубокое молчание
Из-за множества грехов наших.
Побросали они вниз колокола,
Перебили клепала,
Уничтожили крест
И разбросали святое причастие.
Забрав добычу и пленных,
Все вынесли из города.
От трех часов до девяти
Ничего не оставили в городе.
И великого князя греческого
По имени Кир Лука
Они нашли и поймали,
Привели к злому султану.

Этот любовно чествовал его,
Пока не выведал тайну,
Потом приказал обезглавить,
И вместе с ним двух его сыновей.
И все мусульмане, что были там,
Ликовали и веселились,
Сильно довольные
Радостную весть сообщали друг другу,
«Вечный Стамбол, который никогда
В руках у турок не был,
Теперь, в это последнее время¹¹,
Всеvyšний отдал нам».
А все христианские народы
Были глубоко опечалены этим,
Ибо город-убежище
Лопал в руки чужеземцев.
Множество вещей было похищено:
Серебро, золото и жемчуг,
Драгоценные камни,
Каких свет не видывал,
Отборные церковные сосуды,
Жемчуга и драгоценные
Евангелия в серебряных обложках
С картинами превосходными –
Все увезли в Адриану,
Бурсу запошили,
И в Анкиру много чего увезли,
Распылили по всему свету.
Огромное множество книг увезли.
Дивились турки, глядя на них,
Без числа и счету книг христиане купили,
Но большинство так и осталось у турок.
Что касается людей, то в плен увели
И знатных, и простолюдинов,
И множество духовных лиц, –
Не было числа этим людям.
Множество стариков, детей, юношей,
Женщин и девушек
Они развеяли, как пыль,
По всем уголкам земли.
В маленьком городе – Галате,
Что был во власти франков,
Знатные люди сели на судно
И бежали через море.
А оставшиеся из них
И всякие там старшины
Со страхом и трепетом
Пришли и пали султану в ноги.
И он потребовал от них:
«Подчиняйтесь моим приказам,
Разрушите городские стены
И крепкую башню с часами».
И они послушно
Исполнили его приказ,
Разрушили (стену) со стороны суши
И сравнивали ее с землей.
Название Стамбол,
Что означает «в город»¹²,
(Султан) переименовал в Исламбол,
То есть «множество мусульман»¹³.
Достославный (храм) Софии,
Что означает «мудрость»,

Он превратил в главную мечеть,
Оставив то же название – София.
Городом править назначил
Властителя по имени Сулейман,
Дав ему множество войск,
А судьей назначил Кара-кати.
И вновь издал он строгий приказ,
Горький для слуха,
По всем городам греческой страны,
Что были под властью его.
Он приказал – снять людей со своих мест,
Привести и заполнить город.
Большим горем это было для турок,
И проливали они горькие слезы.
Ибо разлучали отцов с сыновьями,
Дочерей с матерями,
Братьев друг от друга, –
Многие лишились своих родных.
И не одних лишь турок,
Коснулось это и христиан.
Двадцать восьмого октября
Четырех армян привезли из Анкиры:
Аствацатура Сатылмиша,
И Симеона Барипашу,
И Айвата сына Папа,
И парона Горга хешим-хаджи¹⁴.
Пара кончать повествованье,
Чем длиннее рассказ, тем больше скорби.
В девятьсот втором году
Турки взяли Византию.
Мы горько оплакиваем,
Со стоном проливаем слезы
И вздыхаем скорбно,
Жалея город великий.
Братья единоверцы,
Отцы и возлюбленные мои!
Сочините скорбный плач
О том, что произошло.
Константинополь славный,
Бывший тронем для царей,
Как теперь ты мог быть сокрушен
И погран неверными?!
Константинополь избранный,
Ты, названный матерью городов,
Отдан врагам и находишься
В руках притеснителей.
Великий царь Константин,
Что царствовал в Риме
И вместе с патриархом Сильвестром
Уверовал в Христа,
Повстречался в пути с тобою,
Увидел тебя и сильно возлюбил,
И сделал местом своего трона,
Назвав тебя новым Римом.
На твоём троне сидел великий Феодосий
С двумя сыновьями,
Аркадием и Гонорием,
А затем и Феодосий Малый.
Царствовавший здесь Юстиниан
Был знаменитейшим, великим императором,
Он возвеличил тебя
И построил Софию.

Напротив дверей церкви
Он поставил очень высокую
Статую медного всадника,
Изображающего его самого.
Язычники, овладев тобой,
Осквернили твой храм святой,
Превратили тебя в развалины
И трупы божьих слуг бросили птицам на съедение.
Их кровь текла вокруг тебя,
Никто их не хоронил,
Соседи стыдили тебя,
Ты стал посмешищем для окружающих.
Юноши твои были сожжены в огне,
Над девами никто не пролил слез.
Священники твои пали от меча,
И вдов твоих никто не оплакивал.
Не раздаются более в тебе звуки псалмов,
Служителей не стало,
Не слышно более сладостных мелодий,
Не слышно звона колокольного.
Обедни в тебе замолкли,
Не делят более тело-кровь божье,
Нежное пенье аллилуйи
Замерло и осеклось.
О, если бы всевышний вострепнулся
И, как сильный муж, проснувшись от вина,
Изгнал бы твоих врагов,
Утвердив тебя навеки.
Братья, мы должны помнить, что все,
Что случилось с ними, – это оттого,
Что святые были сильно не в почете
И истиной пренебрегали.
И предводители их, одержимые пороками,
Отошли от святынь,
Молитвы и обедни
Исполняли они неискренно.
Князя их судили несправедливо,
Причиняли страдания сиротам и вдовам,
И народ безмерно
Предался бесчинству.
Из-за этого господь сильно разгневался
И, раздосадованный,
Нанес ужасный удар им,
Развевая их, как пыль.
Запомнив все это,
Будем держаться подальше от грехов,
От обычных зол,
Предавшись добрым делам.
Обратимся мы с надеждой к церкви,
Почаще будем молиться,
Свято соблюдать посты,
Не отказывать в милостыне.
Признаемся в своих грехах,
Покаемся со слезами,
Видя их, пощадим себя,
Чтоб не стать похожими на них.
Быть может, господь смиростивится
И избавит нас от бед,
Храня и жалея нас,
Отменит наказание,
Не вводя вас во искушение,
Избавив от злого дьявола,

Охраняя от зла неверных
И держа подальше от притеснителей.
Да поможет нам в день смерти
Ниспосланный добрый ангел;
Причастившись телом-кровью господя,
Да будем покрыты землей благословенной.
В день великого суда,
Услышав святой его призыв «Придите»,
Будучи отнесенными в правый ряд,
Будем вечно славить господя.
Я, грешный Абраам,
Сочинил плач сей с глубокой скорбью,
Ибо видел Константинополь
Во времена благие
Оставаясь там три месяца,
И совершая обет перед святынями,
Я много раз своими глазами
Видел одежду Христа.
Умоляю вас я и прошу,
Тех, кто прочтет мой плач,
Если попадутся здесь ошибки,
Пусть не винят меня, пусть простят.

¹ По армянскому летоисчислению 902 г. = 1453 г.

² Автор называет проливом Александра (Богаз-Александр) Босфор или ту часть Босфора, которую турки и поныне называют Богаз-ичи. Упомянутая крепость, которая находится на европейском берегу пролива, в свое время была названа Богаз-кесен, а сейчас известна под названием Румели-гисар.

³ Т.е. Адрианополь, по-турецки Эдирне. Этот город, захваченный турками в 1360 г., был столицей султанов до 1453 г.

⁴ По-арабски газа означает «священная война мусульман, газават».

⁵ По армянскому церковному календарю вторая суббота великого поста в 1453 г. приходилась на 24 февраля.

⁶ Во всех экземплярах рукописи «700 000», кроме одного, где стоит «7100».

⁷ Лодос на турецком языке означает «южный ветер».

⁸ По армянским святым Рифсимянский праздник (праздник Рифсимяских дев) в 1453 г. действительно приходился на 28 мая, понедельник.

⁹ По передвижному армянскому календарю 3-е число месяца мехек в 1453 г. соответствует 29 мая. В этот день, вторник, согласно армянским святым, был Гайианянский праздник (праздник Гайианянских дев).

¹⁰ Капудан – турецкая форма слова капитан, «командир корабля», «адмирал».

¹¹ Новозаветное выражение «последнее время» содержит в себе намек на те пророческие писания, в которых говорится о пришествии Антихриста и о конце света (Мефодий Патарский и др.). Согласно этим пророчествам, с приближением «конца света» усилятся власть мусульман.

¹² Этимология, приводимая автором, поясняющим, что Стамбол (Стампол) означает «в город», полностью соответствует признанному в филологии мнению о том, что форма Стамбол (Стампол) происходит от греческой формы $\epsilon\iota\upsilon\ \tau\eta\upsilon\ \rho\omicron\lambda\iota\varsigma$, что означает «в город» или «к городу». В армянских первоисточниках уже в XII в. также встречается соответствующая вышеупомянутой форме Стамбол (Стимпол). Существует мнение, что форма Стимбол есть народная этимология формы Стамбол, происхождение которой следует, искать в сокращении подлинного названия <Кон>стан<тино>поль.

¹³ Эта связь Стамбол – Исламбол также известна в филологии. Турки придали форме Стамбол свою этимологию, выражающую новое содержание: Исламбол, т.е. «изобилие ислама» (ислам+бол). В турецкой литературе вообще употреблялась эта форма. И. Мордтманн считает, что форма Исламбол впервые появилась в XVI в., однако это опровергается стихами Авраама Анкирского. Быть может, первое письменное упоминание формы Исламбол принадлежит Аврааму Анкирскому.

¹⁴ После падения Константинополя турки насильно переселили сюда из различных мест своих владений большое количество негров, чтобы создать противовес влиянию греческого элемента. Упомянутые здесь 4 именитых анкирских жителя были первыми армянами, перемещенными в Константинополь. Есть сведения, что через несколько лет после этого, до 1464 г., сюда было перемещено из Анкиры еще большее количество армян. В 1461 г. в Константинополь были насильственно переселены армяне из Трапезунта, в 1479 г. из Карамани, а в дальнейшем и из других мест.

(Аракел Багешский, «Плач о столице Стимболе»)

Народы все и племена
Оплакивают ныне тебя, Стимбол,
Ибо ты – былая честь и слава
Всех созданий, град Стимбол.
Был ты местом божества
И обителью его, Стимбол,
Сегодня стал вместилищем
Язычников, град Стимбол.
Земля и небо в один голос
Причитают над тобой, Стимбол,
Хранили тебя силы небесные

И земные, город Стимбол.
Ангелы небесные прославляли
Тебя, бесподобный град Стимбол,
Небесные силы хранили тебя,
Великолепный град Стимбол.
Сегодня для злодеев
Ты стал пристанищем, Стимбол,
Исчезла честь твоя
И слава вся, Стимбол.
Ты был вторым Иерусалимом,
Славный град Стимбол,
К тебе стремились все,
Чтобы славу узреть, Стимбол.
Царственный город Стимбол,
Названный матерью городов, Стимбол,
Слава суши и моря ты,
Портовый град Стимбол.
Константин, могучий царь,
Прославил тебя, великий Стимбол,
Дал он тебе имя свое –
Константинополь, Стимбол.
Он плачет сегодня в трауре,
Ибо пленили тебя, Стимбол,
Ибо в тебе хранилось
Богом украшенное тело, Стимбол.
Грациан и Феодосий,
Сочините плач о Стимболе,
Гонорий и Юстиниан,
Пролейте слезы над Стимболом.
Святые патриархи-богословы,
Вы благословляли Стимбол,
А сегодня предан проклятью
Великий святой град Стимбол.
Иоанн Златоуст святой,
Приди и взгляни на Стимбол,
И прочти причитанья
Над троном своим – великим Стимболом.
Был ты светел, Стимбол,
Наподобие солнца, Стимбол,
Погас ты в зените
От рук неверных, Стимбол.
Был ты источником жизни, Стимбол,
Для жаждущих, Стимбол,
Но иссякла твоя жизненная влага
Из-за неверных, Стимбол.
Подобный райскому саду Эдему,
Посаженному божеской рукой, Стимбол,
Множество плодов бессмертия
Было собрано в тебе, Стимбол.
Заглох ты от руки неверных,
Растоптан ты, Стимбол,
Пропала честь твоя
И слава вся, Стимбол.
Сокровищница духовных даров
Всеvyšнего, Стимбол,
Внезапно был разграблен ты
Неверными, Стимбол.
Ты жемчуг, проповедь
О господнем царстве земном, Стимбол,
И верующий всякий
Мечтал увидеть тебя, Стимбол.
Как в святой Иерусалим,

Точно так же и к тебе, Стимбол,
С заветными мечтами шли,
Священного обета град, Стимбол.
Был ты местом блаженства,
Предметом похвал, Стимбол,
Мерзким сегодня ты стал
И предметом брани, Стимбол.
Проклятье тому мигу,
Когда мы услышали весть о том, что
«Захвачен и турками пленен
Великий Стимбол!»¹
Когда, Стимбол, церковей твоих
Колокола звонили,
Спускаясь плясали в тебе
Небесные силы;
А теперь, вместо колоколов и обедни,
Мукри² кричат в тебе, Стимбол,
Во всех церквах
Читают намаз³, Стимбол.
Небесное войско предалось печали,
Когда, Стимбол, тебя захватили,
Сокрушался по тебе весь мир,
Услышав это, Стимбол.
Ибо для всех христиан
Ты радостью был, Стимбол,
И злились неверные,
Когда о тебе, Стимбол, мы говорили.
Сегодня ты посмешищем стал
Для всех язычников, Стимбол,
Ты причинил горе
Христианам всем, Стимбол.
Назову тебя и настоящим твоим именем,
Избранный город – Византия,
Окружили тебя неверные
И объявили тебе газават,
Божественная Византия,
Богородица Византия,
Была ты избрана богом,
Как город святых, Византия.
Величественная Византия,
Великолепная Византия,
Драгоценный камень мира, Византия,
Славная Византия.
Крепкий город, Византия,
Семихолмая Византия.
Все святые к тебе стекались,
Собирались, Византия.
Город прекрасный, Византия,
Крепкие стены, Византия,
Радость для жителей
Земных и небесных, Византия.
Воспетый на всех языках,
Победное имя – Византия!
Все племена и народы
Чтили тебя, Византия.
Сегодня ты стала жалкой
И слез достойна, Византия.
И повсюду услышали
О горе твоём, Византия.
Сменилась печалью
Радость твоя, Византия,
Во сем мире

О тебе говорят, Византия.
Окружили тебя неверные
И осквернили, Византия,
Стала посмешищем ты
Для соседей-язычников, Византия.
Как виноградник роскошный
Ты цвела, Византия,
Сегодня плод твой стал негодным,
Колючкой стал, Византия.
Византия, Византия!
Город Стимбол, Византия,
Названная Константинополем,
Кровью наполненная Византия.
Для ангелов, небесного войска,
Была ты пристанищем, Византия,
Сегодня стала местом дьяволов
Из-за грехов своих, Византия.
Место сбора святых отцов
И песнопений, Византия,
Сегодня ты стала местом
Сборищ для турок, Византия.
Исцелитель ран, Византия,
Отпуститель грехов, Византия,
Ты несла исцеление
Всем страждущим, Византия.
Но надеюсь,
Что, в конце концов, ты возродишься
И с себя стряхнешь
Ярмо неверных, Византия, Византия⁴.
Ибо волею бессмертного царя
Двинется франкский народ,
О чем давным-давно уже
Говорили святые отцы.
Они говорили святым духом
И предвещали будущее –
Приход народа франков
В последние времена.
Объят любовью божьей
От мала до велика двинется
Мужественный народ,
Объединившийся в одно целое.
Они придут по морю и суше
Бесчисленные, подобно звездам,
Подбадривая всех
На ниспосланную богом войну.
Волею всеильного спасителя
Они возьмут первым долгом Стимбол,
А потом двинутся дальше
И распространятся по всему миру.
И пойдут они на восток,
И рыча, как львы,
Настигнут и изрубят
Всех неверных и восторжествуют над ними.
Возьмут город Иерусалим,
Место воплощения господина-бога,
Золотом украсят могилу –
Дверь храма Воскресения.
Ибо настало их время
По повелению Христа,
Как сказал в евангелии
Давным-давно сын божий.
Будут ликовать народа: христианские

В святом городе Иерусалиме,
Сгинут язычники и, как пыль,
Исчезнут бесследно.
Блаженны все те,
Кто доживет до этого доброго времени
Подобно старцу Симеону,
Который спасителя желал увидеть.
И усилится тогда мощь креста
Славой распятого царя,
А язычники все
Будут обречены на погибель.
Войска франков будут бесчисленны,
Как песок на морском берегу,
И никто не сможет одолеть
Мужественных франков.
Они, как молния в тростнике,
Стремительно низринутся на чужеземцев
И изгонят турок –
Противников креста святого.
Возьмут они все земли греческие,
Дойдут до самого Египта,
Разрушат вместилище дьяволов –
Святое место неверных.
Дойдут они до Персии⁵,
Продвинутся до Даврежа⁶,
Войдут в Хоросан –
И всех угонят в плен.
Весь мир просветлеет
От веры христианской,
Поголовно всех язычников
Прогонят с лица земли.
Церкви разрушенные
Восстановят повсеместно,
И весь мир прославится
Молитвами Христа.
Просветлеет народ армянский,
Избавившись от чужеземцев,
Радостные, все будут ликовать,
Как во дни Просветителя⁷.
Когда Тиридат и Григорий святой
Поехали в Рим⁸,
Вместе с ними поехало туда
Семьдесят тысяч людей.
Целый год там оставались
Просветитель с Тиридатом,
И каждый день Константин
Раздавал подарки их всадникам.
Тогда же они союз заключили
И подписали договор,
Утвердили союз любви⁹
Между народом армянским и франками.
И было там оставлено чetyреста человек
Из рода Аршакидов – Пахлавуни,
Чтобы жили там и размножились
И чтобы сблизились франки с армянами.
Теперь они, как предводители
Мужественных франков,
Придут по суше и по морю
На помощь к нам.
Возьмут землю Айраратскую,
Где Просветитель пребывал,
Воцарятся в Эчмиадзине,

Святом городе Вагаршапате.
 Слава всевышнему богу-отцу,
 И едиnorodному сыну его,
 И духу святому, источнику жизни,
 Дарователю мира.
 В девятьсот втором году
 По большому календарю армянскому,
 Город Стимбол был захвачен,
 И христиане перебиты.
 Я, грешный Аракел,
 Полный зол наихудших,
 Сочинил плач сей
 На великий град Византию,
 Названную Константинополем
 По имени великого царя,
 Перед которым ангелы витали
 И бережно службу несли.
 Я, носящий
 Звание вардапета¹⁰,
 Но недостойный его,
 Безрассудный, глупый и ничтожный,
 Сочинил эту песню,
 Чтобы оставить память в мире,
 И если кому-нибудь попадетсЯ эта песня,
 Пусть вспомнит обо мне по воле доброй.

¹ Из этой строфы явствует, что Аракел Багешский не находился в Константинополе во время его осады и падения. Он выражает ту глубокую печаль, с какой была воспринята весть о падении Византии в далекой Армении, в связи с этим интересен также следующий отрывок из памятной записи Степаноса Чимишкацакского, сделанной в Авагском монастыре Камахского района Армении: «И множество бедствий произошло в наше время; был взят город Стимбол, и множество жителей его было предано мечу и угнано в рабство, бесчисленное множество святых мощей было погрязно неверными, и церкви стали обителью неверных, и произошло множество других бедствий, и кто сможет пером их описать».

² «Мукри» – по-арабски – мусульманский священнослужитель, читающий Коран.

³ «Намаз» – молитва мусульман, которая совершается пять раз в день.

⁴ Со следующей строки автор начинает описывать будущий поход франков (европейцев) на мусульманский Восток на основе писаний Нереса Парфянина (по обширной редакции) и философа Агадрона.

⁵ В оригинале «Шахастан» – «страна шаха».

⁶ «Давреж» – старое армянское название города Тавриза.

⁷ Григорий Просветитель – основоположник армянской церкви и первый ее патриарх. Жил в начале IV в., во времена армянского царя Тиридата III.

⁸ Согласно легенде, созданной латинофильской партией в период существования Киликийского армянского царства, царь Тиридат и Григорий Просветитель якобы ездили в Рим и заключили с императором Константином Великим и папой Сильвестром союз вечной дружбы между Арменией и Римом.

⁹ Речь идет о договоре, который будто бы заключили в Риме Тиридат и Григорий Просветитель. Этот апокрифический документ, подложность которого давно доказана наукой, издавался несколько раз. В составе рукописи № 2272 Гос. Матенадарана АрмССР обнаружен образец его первого издания, который до этого не был известен. Это издание содержит также текст договора на армянском и итальянском языках и носит следующее заглавие: «Lettera dell'Amicitia e dell'Unione di Constantino gran Cesare... scritta nell'anno del Signore 316» (In Venetia, M. DC. LXXXIII, Appresso Michiel' Angelo Barboni).

¹⁰ «Вардапет» – у армян духовное лицо, которое имело право проповедовать и поучать.

Последствия взятия Константинополя турками-османами в освещении Михаэля Бехайма (Михаэль Бехайм, «Стихотворение о турках и дворянстве»)

Стихотворение было написано вскоре после падения Константинополя в 1453 г. Автор – Михаэль Бехайм. Его произведения важны обилием фактического материала, интересом к отдельной личности, будь то немецкий князь, венгерский король или даже турецкий султан, грозивший войной. И подробные описания военных походов или дворянских родословных, и политические стихи Михаэля Бехайма представляют немалый исторический интерес. В них, как, например, в «Стихотворении о турках и о дворянстве», отразились настроения, господствовавшие в европейском обществе того времени.

Услышьте о великом горе слово.
 За «М» – четыре «С», за «L» – три «I»
 Не означают ничего иного,
 Как страшный год от Рождества Христова –
 Четырнадцать веков, полвека, три:

Сей год величье Греции сурово
Подверг во прах и стер с лица земли.
Я знаю, кем ужасная беда
Содеяна: из Турции властитель,
Жестокий варвар, деспот и мучитель,
И христиан безжалостный гонитель
Константинополь погубил тогда.
Ко многим христианам смерть явилась.
Их триста тысяч – велико число
Тех, кого вражья не коснулась милость.
О, как нам это горе тяжело!

***

А вы, кем вся империя сильна,
Вы, князи, кто владычествует в Риме,
Кто гордо носит «император» имя,
И папа, и король, и вся страна,
Все господа, – кто с вис позор сей снимет?
Иль пролитая кровь вам не стыдна?

***

Так знайте, вам
Такой великий срам,
Что вы, в то время пребывая в силе,
Владея столь огромною страной
И множеством людей, Свой долг прямой
Забыв, погибель стольких допустили!
Мучительной их смерти вы виной!

***

Ах, если б вы не так себя вели,
Могло бы все свершиться по-иному.
По зову императорского дома
Собраться бы все рыцари могли,
И, если бы оно случилось так,
Конечно, был бы изгнан лютей враг
И, не успев победой насладиться,
Ему пришлось бы в бегство обратиться.

Послушайте, князя и господа!
Ведь если вы за дело не возьметесь
И турок некрещеных не уймете,
Державу (потеряете тогда,
Которую вам дал Великий Карл.
Уж он-то свою власть в руках держал!
Когда-то христианские князья
И силою, и славой обладали,
И трусостью постыдной не страдали
И были чести рыцарской друзья;
Им стоило услышать где-нибудь,
Что вера христианская в обиде,
Они, себе корысти в том не видя,
Туда немедля отправлялись в путь.
И на одной сражались стороне,
Храня единство в сей святой войне.
И были оттого они сильны,
Что мужеству и честности верны.

***

Как сильно времена переменялись!
Что ныне наблюдаем мы вокруг?
Меж христиан раздоры поселились,
Один другому более не друг,
И даже чтоб за веру воевать,
Нейдут они друг другу помогать.

Пожары, смерть, бесовский разбой
 Хозяинчают по стране любой
 Из христианских – называй подряд:
 Богемия и Венгрия горят,
 По Франции и Польше – всюду стон,
 Кастилия в беде и Арагон,
 Так и в Италии, и в Англии, в Шотландии,
 И в Португалии, и в Швеции, и в Дании.

***

Орел священный наш уже не тот –
 Преобразился так, что молвить страшно:
 Спустился он с заоблачных высот
 И в виде луны по ночам живет,
 И промышляет кражей кур домашних.
 Ну что ж! не зная горя и забот,
 Таков теперь весь благородный род.

***

А коли уж совсем забыта честь
 Князьями христианскими повсюду,
 И коль меж ними процветает месть
 Во всем позоре, то совсем не чудо.
 Что наши беды продолжаться будут:
 От нас Господь отворотил свой лик.
 На костылях плетется наша вера.
 Спаси, помилуй, отзовись на крик.
 О Господи, наш Боже милосердный!
 Дай нам поддержку – я клянусь, что нам
 Она теперь всего сильнее нужна.

1.3. НОРМАННЫ

Набеги норманнов на Британские острова

(«Англосаксонская хроника»)

«Англосаксонская хроника» – древнейшая летопись Англии, охватывающая период с 495 г. до 1154 г. Ее составление началось в конце IX в. при короле Альфреде Великом на основе «Истории» Беда Достопочтенного, а также сохранившихся отрывков мерсийских и уэссекских хроник и устных преданий. Сохранилось девять рукописей хроники написанных на англосаксонском языке и частью на латыни.

Особенно интересны сведения о событиях IX-XI вв., для которых хроники являются часто единственным источником. «Англосаксонская хроника» содержит информацию о многочисленных набегах норманнов на Британские острова.

832 [835] Тогда язычники¹ разорили Шиппи.

833 [836] Тогда король Эгбрюхт сражался в Каргемптоне против 35 корабельных дружин; многие были убиты, и даны завладели полем битвы. Два епископа, Хереферт и Вигферт, умерли, и два элдормена, Дудда и Осмод, умерли.

835 [838] Тогда большой флот пришел в Корнуолл; они объединились с бриттами и пошли войной на Эгбрюхта, короля Уэссекса. Он узнал о том, с ополчением выступил и сражался у Хингстона, обратив в бегство бриттов и данов...

837 [840] Тогда элдормен Вульфхеард сражался в Саутгемптоне против 31 корабельной дружины, многих убил, и победил; в тот год Вульфхеард умер. И в тот же год Этельхельм с жителями Дорсета сражались против войска данов у Портленда; они долго теснили это разбойничье войско, но потом даны завладели полем битвы и убили элдормена.

838 [841] Тогда элдормен Херебрюхт 316 и многие мерсийцы были убиты язычниками. В тот же год они многих убили в Линдси, в Восточной Англии и в Кенте.

839 [842] Тогда много людей погибло в Лондоне, Квентовике, Рочестере.

840 [843] Тогда король Этельвульф сражался в Каргемптоне против 35 корабельных дружин; даны завладели полем битвы.

845 [848] Тогда элдормен Эанульф с жителями Сомерсета, и епископ Эалхстан, и элдормен Осрик с жителями Дорсета сражались против данов в устье реки Паррет, многих убили, и победили. В тот же год король Этельстан и Эалхере убили множество разбойников в Сандуиче в Кенте; они захватили 9 кораблей, а остальные обратились в бегство.

851 [850] Тогда элдормен Кеорл с жителями Девона сражался против язычников у ВIKANбеорга, многих убил, и победил. В тот же год король Этельстан и Эалхере

убили множество язычников у Сандуича в Кенте; они захватили 9 кораблей, а остальные обратились в бегство; язычники в первый раз остались на зиму. В тот же год даны пришли на трехстах пятидесяти кораблях в устье Темзы, разграбили Кентербери и Лондон, разбили мерсийского короля Беорхтвульфа с его ополчением и отправились на юг, через Темзу, в Суррей. Король Этельвульф и его сын Этельбалд сражались против них у Аклеи, убили там великое множество язычников доселе мы о другом таком сражении не слышали и победили.

853 Тогда Бургред, король Мерсии, и его уитэны попросили короля Этельвульфа, чтобы он помог им покорить жителей Уэльса. Он так и сделал: пошел с ополчением через Мерсию в Уэльс, и все жители Уэльса ему подчинились. В тот же год король Этельвульф отправил своего сына Эльфреда в Рим. Тогда его святейшество Лев был папой в Риме; он помазал Эльфреда в короли. И был его свидетелем при миропомазании. Тогда, в том же году, Эалхере с жителями Кента, и Худа с жителями Суррея сражались на острове Тенет против войска язычников и сначала побеждали; там много людей погибло и утонуло с обеих сторон. Потом, после Пасхи, король Этельвульф отдал свою дочь в жены королю Бургреду, из Уэссекса в Мерсию.

855 Тогда язычники впервые остались на зиму на Шиппи...

860 Тогда король Этельбалд умер, и его прах покоится в Шерборне; Этельбрюхт, его брат, стал править всем королевством и правил им по общему согласию и в добром мире. В его дни пришел большой флот и даны разрушили Винчестер. Элдормен Осрик с жителями Хвикке и элдормен Этельвульф с жителями Беркшира сражались против разбойничьего войска и обратили его в бегство, и завладели полем битвы. Этельбрюхт правил 5 лет, и прах его покоится в Шерборне.

865 Тогда язычники обосновались на острове Тенет и заключили договор с жителями Кента; те обещали им плату. Но под предлогом договора и обещанной платы разбойничье войско ускользнуло ночью и разграбило весь восточный Кент.

866 [865] Тогда Этельред, брат Этельбрюхта, стал королем в Уэссексе. В том же году пришло большое разбойничье войско на землю англов, и зимовало в Восточной Англии. Там они обзавелись лошадьми; жители Восточной Англии заключили с ними мир.

867 [866] Тогда пришло разбойничье войско из Восточной Англии через устье Хамбера в Нортумбрию к Йорку. Тогда была большая смута среди нортумбрийцев. Они изгнали своего короля Осбрюхта и признали королем без рода и права Эллу. Позже в тот год они собрались сражаться с данами, созвали большое ополчение, окружили данов в Йорке и попытались взять эту крепость. Некоторые прорвались внутрь, но очень много нортумбрийцев было убито, и снаружи, и внутри. Оба короля погибли, а те, кто остались в живых, заключили мир с разбойничьим войском. В тот же год епископ Эалхстан умер; он 50 лет занимал епископскую кафедру в Шерборне, и прах его покоится в этом городе.

868 [867] Тогда пришло то же войско в Мерсию, в Ноттингем, и зимовало там. Мерсийский король Бургред и его уитэны просили Этельреда, короля Уэссекса, и его брата Эльфреда помочь им сразиться с данами. Они пошли с уэссекским ополчением в Мерсию к Ноттингему, окружили разбойничье войско в крепости, но там не было серьезного сражения, и мерсийцы заключили мир с данами.

869 Тогда разбойничье войско опять пришло в Йорк и оставалось там год.

870 Тогда даны отправились верхом через Мерсию в Восточную Англию и зимовали в Тетфорде. В ту зиму король Эадмунд сражался против них; даны победили, убили короля и захватили всю ту землю. В тот же год архиепископ Кеолнот умер, и Этельред, епископ Уилтшира, был избран архиепископом Кентербери.

871 Тогда разбойничье войско пришло в Уэссекс, в Рединг, и спустя 3 ночи два эрла отправились верхом на вылазку. Элдормен Этельвульф встретил их на Инглфилд, сражался с ними, и победил. Спустя 4 ночи король Этельред и его брат Эльфред привели большое войско ополчения к Редингу и сражались против данов; многие были убиты с той и с другой стороны, элдормен Этельвульф там погиб, и даны завладели полем битвы. Спустя 4 ночи король Этельред и его брат Эльфред сражались против Всего разбойничьего войска на Эшдауне. Оно было поделено на две части: в одной короли язычников, Бэгсиг Хеалвдене, а в другой эрлы. Король Этельред сражался против королей, в этом сражении погиб Бэгсиг. А его брат Эльфред сражался против эрлов, в этом сражении пали эрл Сидрок Старый, эрл Сидрок Юный, эрл Осберн, эрл Френа и эрл Харальд. Оба войска язычников бежали, много тысяч людей были убиты, битва продолжалась до ночи. Спустя 14 ночей король Этельред и его брат Эльфред сражались против разбойничьего войска в Базинге, и даны победили. Спустя 2 месяца король Этельред и его брат Эльфред сражались против того войска у Мертона; оно было поделено надвое. Они теснили данов, побеждали целый день, много было убитых с обеих сторон, и даны завладели полем битвы. Там погиб епископ Хеахмунд и много добрых людей. После той битвы приплыл большой летний флот. Затем, после Пасхи, король Этельред умер; он правил 5 лет, и прах его покоится в Уимборне. Тогда его брат

Эльфред, сын Этельвульфа, стал королем в Уэссексе, и спустя месяц король Эльфред с небольшим отрядом сражался против всего разбойничьего войска в Уилтоне. Он теснил их целый день, и даны завладели полем битвы. В тот год произошли 9 больших сражений с разбойничьим войском в королевстве к югу от Темзы, а кроме того, Эльфред, брат короля, и элдромены без него, и королевские тэны верхом совершали вылазки несчетное число раз. В том году погибли 9 эрлов и один король, и в тот год жители Уэссекса заключили мир с разбойничьим войском.

872 [871] Тогда разбойничье войско пришло из Рединга в Лондон и зимовало там; и мерсийцы заключили мир с этим войском.

873 [872] Тогда разбойничье войско пришло в Нортумбрию и зимовало в Торкси, в Линдси; тогда мерсийцы заключили мир с этим войском.

874 [873] Тогда разбойничье войско пришло из Линдси в Рептон и там зимовало; даны изгнали короля Бургреда за море после того, как он правил королевством 22 зимы, и захватили всю ту землю. Бургред отправился в Рим и остался там, и прах его покоится в церкви святой Марии в Английской школе. В тот же год даны отдали мерсийское королевство одному немудрому королевскому тэну; он принес им клятву и дал заложников, что отдаст им королевство по первому их желанию, и сам будет к их услугам со всеми своими людьми.

875 [874] Тогда разбойничье войско ушло из Рептона; Хеалвдене увел часть людей в Нортумбрию, и они зимовали на реке Тайн. Они захватили ту землю и ходили войной на пиктов и бриттов из Стратклайдского королевства. А 3 короля Годрум, Оскютель и Анвюнд отправились с большим войском из Рептона в Кембридж и оставались там год. В это лето король Эльфред вывел флот в море и сражался против 7 кораблей; один захватил, а остальные обратились в бегство.

876 [875] Тогда разбойничье войско ускользнуло от уэссекского ополчения и пришло в Уэрхем. Король заключил мир с ними; они поклялись ему на священном кольце так они прежде ни одному народу не клялись, - что они быстро уйдут из его королевства. Но под этим предлогом они ускользнули ночью от уэссекского ополчения и верхом отправились в Эксетер. И в тот год Хеалвдене поделил землю в Нортумбрии, и они ее вспахали и стали с нее жить.

877 [876] Тогда разбойничье войско пришло из Уэрхема в Эксетер, а флот данов поплыл кружным путем на запад, но попал в жестокий шторм: 120 кораблей погибли у Свонтежа. Король Эльфред отправился с ополчением за конным войском к Эксетеру, но не смог догнать данов, и они засели в крепости, куда нельзя было войти. Даны дали Эльфреду столько знатных заложников, сколько он захотел, поклялись суровыми клятвами, и добрый мир заключили. Потом, осенью, разбойничье войско ушло в Мерсию, где они часть земли поделили, а часть оставили Кеолвульфу.

878 Тогда на середину зимы, после двенадцатой ночи, разбойничье войско проскользнуло в Чиппенгем; даны захватили земли Уэссекса, поселились в них и многих людей изгнали за море. А большую часть тех, кто остался, они победили и подчинили, но не короля Эльфреда. Он с небольшим отрядом с трудом прошел через леса и нашел убежище среди болот. В ту же зиму приплыл брат Инвара и Хеалвдене в Уэссекс, в Девоншир с 23 кораблями, и его там убили, и 800 человек, которые были с ним, и 40 человек из его дружины. Затем на Пасху король Эльфред с небольшим отрядом возвел укрепление на острове Этелни, и оттуда вел войну против разбойничьего войска, вместе с людьми Сомерсета, которые жили поблизости. На седьмую неделю после Пасхи он поскакал к камню Эгбрюхта у восточного края Селвуда; к нему туда пришли все жители Сомерсета и Уилтшира, и те жители Гемпшира, которые не уплыли за море; они были ему рады. Спустя одну ночь король Эльфред отправился из своего лагеря в Айленд Вуд, и спустя еще одну ночь в Эддинтон. Там он сражался против всего разбойничьего войска, обратил данов в бегство, преследовал их до их крепости и стоял там 14 ночей. Тогда они дали ему важных заложников, поклялись суровыми клятвами, что они уйдут из его королевства, и пообещали, что их король примет крещение. Они так и сделали: спустя 3 недели тридцать самых прославленных людей из войска данов и [одрум среди них приехали к Эльфреду в Эллер, что неподалеку от Этелни. Король был крестным Годрума, а церемония снятия белых одежд была в Уэрморе. Годрум оставался 12 ночей с королем, и тот почтил его и его спутников, поднеся им богатые дары.

879 [878] Тогда разбойничье войско ушло из Чиппенгема в Чичестер и оставалось там год. В тот же год собралась шайка викингов и расположилась на острове Фалгем на Темзе. В тот же год солнце померкло на один час.

880 [879] Тогда разбойничье войско ушло из Чичестера в Восточную Англию, поселилось в той земле и поделило ее. В тот же год даны, которые прежде стояли на Фалгеме, уплыли за море в землю франков и оставалось там год.

881 Тогда разбойничье войско ушло в землю франков; франки с ними сражались, и даны добыли себе коней после этого сражения.

882 [881] Тогда разбойничье войско поднялось вверх по Маасу, вглубь франкских земель, и оставалось там год. В тот же год король Эльфред вывел в море флот и сражался с четырьмя кораблями данов; он захватил два корабля все люди, которые на них плыли, были убиты. А люди с двух других кораблей сдались, но они были сильно изранены, прежде чем покорились.

883 [882] Тогда разбойничье войско поднялось по Шельде к Конде и оставалось там год.

884 [883] Тогда разбойничье войско прошло по Сомме к Амьену и оставалось там год.

885 [884] Тогда разбойничье войско, о котором прежде говорилось, разделилось надвое, часть данов осталась на востоке, а другие подошли к Рочестеру. Они окружили город и построили собственные укрепления, но жители города защищались, пока король Эльфред не подошел с ополчением. Тогда даны ушли к своим кораблям, бросив лагерь; они остались без лошадей и вскоре уплыли за море. И в тот же год король Эльфред отправил флот в Восточную Англию. Как только корабли вошли в устье Стура, им встретились 16 кораблей викингов; они с ними сражались, захватили все корабли, а людей убили. Потом они отправились в обратный путь со своей добычей и встретили большой флот викингов, в тот же день с ними сразились, и даны победили. В тот же год перед серединой зимы Карл, король франков, умер; его убил вепрь. Годом раньше умер его брат, он правил тем же западным королевством. Они оба были сыновьями Людовика; он тоже правил в западном королевстве и умер в тот год, когда затмилось солнце. Людовик был сыном Карла, чью дочь Этельвульф, король Уэссекса, взял в жены. В тот же год собрался большой флот в земле старых саксов, и за год произошло два больших сражения, в которых саксы победили; с ними были фризы. В тот же год Карл стал королем западного королевства и всего западного королевства, которым владел его прадед, по эту и по ту сторону Средиземного моря, кроме Бретани. Карл был сыном Людовика, брата Карла, тот был отцом Юдифи, которую взял в жены король Этельвульф. Они были сыновьями Людовика, Людовик был сыном старого Карла, Карл был сыном Пиппина. В тот же год умер добрый папа Марин; он освободил Английскую школу от податей по просьбе короля Эльфреда и отправил ему богатые дары и кусок креста, на котором страдал Христос. В тот же год разбойничье войско из Восточной Англии нарушило мир с королем Эльфредом.

886 [885] Тогда разбойничье войско, которое прежде стояло на востоке, вернулось на запад, поднялось по Сене и там зимовало. В тот же год король Эльфред занял Лондон, и весь народ англов ему покорился, кроме тех, кто был под властью данов. Этот бург был передан элдормену Этельреду.

887 [886] Тогда разбойничье войско прошло на кораблях под мостом в Париже, поднялось вверх по Сене до Марны к Шези и стояло в двух местах там и на Йонне два года...

891 Тогда разбойничье войско отправилось на восток, и король Арнульф вместе с восточными франками, саксами и баварцами сражался против конных данов, прежде чем подошли их корабли, и обратил их в бегство...

892 Тогда, в этом году, пришло то большое войско, о котором прежде говорилось, из восточного королевства в Булонь. Там они вместе с конями и всем прочим добром погрузились на корабли и приплыли на 250 кораблях в устье Лимне. Это устье расположено на востоке Кента, у восточной оконечности большого леса, который мы называем Андредеким. Лес тянется с востока на запад на сто двадцать миль, если не больше, а ширина его тридцать миль. Река, о которой мы прежде говорили, вытекает из него. Даны провели свои корабли на веслах 4 мили по этой реке от внешнего края устья до леса и там разрушили укрепление в болотах; в нем были несколько керлов, и оно было недостроено. Вскоре Хэстен с 80 кораблями вошел в устье Темзы, и они стали лагерем в Милтоне, а другое разбойничье войско стояло в Эплдоре.

893 В этом году, через двенадцать месяцев после того, как даны построили укрепления в восточном королевстве, жители Нортумбрии и Восточной Англии принесли клятвы королю Эльфреду, а в Восточной Англии ему дали 6 знатных заложников. Но вопреки этому договору, всякий раз, когда другие даны отправлялись в поход, они тоже ходили грабить иногда с ними, иногда сами по себе. Король Эльфред собрал ополчение и разбил свой лагерь между лагерями данов, на ближайшем расстоянии от лесных укреплений и укреплений на реке, так что, попытайся одно из войск покинуть лагерь, король мог легко его перехватить. После этого отряды данов, пешие и конные, стали выбираться из леса в тех местах, где не было стражи, и их день за днем и даже ночами ловили воины из ополчения и из бургов. Король поделил свое ополчение надвое, так что во всякое время половина людей была дома, а половина в походе, не считая тех воинов, которые защищали бурги. Только дважды даны в полном составе покидали лагерь: первый раз когда они только сюда пришли, прежде чем было создано ополчение; а во второй раз когда захотели сняться с места. Они собрали большую добычу и решили уйти на север за Темзу, в Эссекс, к своим кораблям, но воины ополчения преградили им путь, сразились с ними в Фернхеме, обратили их в бегство, а добычу отобрали. и даны переправились через Темзу без брода, а затем поднялись вверх по течению Кол на и укрылись на маленьком острове. Воины ополчения стерегли их там, пока не закончились припасы. Но установленный срок службы истек, припасы иссякли, и король направился им на смену с теми скирами, которые были с ним в ополчении. Пока он был в пути, а другие воины пошли домой, а даны оставались на острове, поскольку их король был ранен в сражении и не мог идти, жители Нортумбрии и в Восточной Англии снарядили около сотни кораблей и поплыли вдоль побережья на юг. И еще примерно сорок кораблей отправились вдоль побережья на север и осадили крепость в Девоне у Северного моря, а те, кто двигались на юг, осадили Эксетер. Когда король об этом услышал, он повернул на запад, к Эксетеру, со всем ополчением, кроме небольшого отряда воинов, который отправился на восток. Они пришли в Лондон, после чего вместе с лондонским гарнизоном и теми подкреплениями, которые прибыли с запада, направились на восток, в Бенфлит. Хэстен еще раньше пришел туда со своим войском, которое прежде стояло в Милтоне, и сюда же явилось то большое войско, которое прежде стояло в Эплдоре, в устье Лимне. Хэстен построил укрепления в Бенфлите и после этого отправился грабить, а большое войско оставалось на месте. Воины ополчения пришли туда, разбили данов, разрушили

укрепления, захватили все, что было внутри, добро, женщин, детей и привезли в Лондон. А из кораблей часть разбили, часть сожгли, часть отвели в Лондон или Рочестер. Жену Хэстена и двух его сыновей отправили к королю, и он вернул их Хэстену, поскольку один из мальчиков был его крестником, а другой крестником элдормена Этельреда. Они стали их крестными до Того, как Хэстен пришел в Бенфлит, и Хэстен тогда принес клятвы и дал заложников, а король поднес ему много даров, и так же поступил, когда возвращал жену и детей. Но как только люди Хэстена пришли в Бенфлит и встали там лагерем, они начали грабить как раз те самые земли в королевстве Эльфреда, которыми владел его кум Этельред. Когда разрушили его лагерь, он их грабил во второй раз. Король же, как я раньше говорил, отправился с ополчением на запад к Эксетеру этот бург осаждали даны, и когда он туда пришел, они вернулись на свои корабли. и пока король на западе сторожил то разбойничье войско, два других войска сошлись в Шубери в Эссексе и построили там укрепления, а потом вместе отправились вверх по Темзе, и к ним еще пришло большое пополнение из Нортумбрии и Восточной Англии. Они поднялись по Темзе до Северна, и затем вверх по Северну. Тогда элдормен Этельред, элдормен Этельхельм, элдормен Этельнот, королевские тэны из крепостей, свободные в тот момент от службы, из всех бургов, расположенных к востоку от Паррет, к западу и к востоку от Селвуда, к северу от Темзы и к западу от Северна, и часть жителей Северного Уэльса собрались все вместе, напали на данов с тыла, у Батинтона, на берегу Северна, и взяли в осаду их лагерь на двух берегах реки. Они стояли много недель по обеим берегам реки, а король в Девоне стерег флот, и у данов закончились припасы, так что они съели почти всех своих коней, а остальные кони умерли от голода. Тогда они напали на воинов, которые стояли на восточном берегу реки, и сражались с ними, и христиане победили. Там был убит королевский тэн Ордхех, и многие другие королевские тэны; из данов спаслись только те, кто сумел убежать. Они отправились в Эссекс, где был их лагерь и стояли их корабли, но в начале зимы все, кто уцелел, собрались из Восточной Англии и из Нортумбрии опять в большое войско. Они оставили своих жен, корабли и добро в Восточной Англии и шли, не останавливаясь ни днем, ни ночью, пока не добрались до заброшенной крепости на Уиррел, которая называется Честер. Воины ополчения не сумели нагнать их прежде, чем они оказались в крепости, но осаждали ее два дня, захватили весь скот, который был в окрестностях, убивали всех данов, пойманных вне крепости, сожгли все посева и пустили своих коней, чтобы те съели все в округе. Это было через двенадцать месяцев после Того, как даны пришли сюда из-за моря.

894 Вскоре, в этом году, разбойничье войско ушло от Уиррел в Северный Уэльс они не могли находиться в крепости, поскольку ни зерна, ни скота, которые можно было бы захватить, там не осталось. Из Северного Уэльса даны со всей добычей, которую там награбили, отправились через Нортумбрию и Восточную Англию, где ополчение не могло их настичь, к восточной границе Эссекса, к острову, что расположен в море, которое называется Мерсей. А разбойничье войско, которое осаждало Эксетер, по пути домой стало грабить в Суссексе, у Чичестера, но воины из этого бурга прогнали их, много сотен людей убили и захватили несколько кораблей. В тот же год, ближе к зиме, даны, которые стояли в Мерсее, провели на веслах свои корабли вверх по Темзе, а потом вверх по Ли. Это было чере два года после того, как они пришли сюда из-за моря.

895 В этом году разбойничье войско, о котором говорилось прежде, стало лагерем на Ли, в двадцати милях выше по течению от Лондона. Летом большая часть гарнизона этого бурга и другие люди напали на лагерь данов, но отступили, и четыре королевских тэна погибли. Той осенью король встал лагерем в окрестностях бурга на то время, пока шла жатва, чтобы даны не отняли зерно. Как-то раз король поскакал вдоль берега вверх по течению и заметил, что в одном месте можно перегородить реку, и тогда даны не смогут там пройти на своих кораблях. Так и сделали: построили два укрепления на двух берегах реки. Когда люди Эльфреда в них расположились и начали перегородивать реку, даны поняли, что они не сумеют вывести корабли. Они их бросили, отправились по суше в Бриднорт и стали лагерем на берегу Северна. После этого ополчение поскакало на запад за данами, а люди из Лондона захватили корабли и сломали те из них, которые нельзя было увести, а те, которые можно было использовать, привели в Лондон. Своих жен даны оставили в Восточной Англии, когда покидали лагерь. А сами они обосновались на зиму в Бриднорте. Это было через три года после того, как даны пришли сюда, в устье Лимне, из-за моря.

896 После этого, летом в этом году, разбойничье войско разошлось, кто в Восточную Англию, кто в Нортумбрию, и те, кто были бедны, погрузились там на корабли и уплыли за море на юг, в Сену. По милости господы не сумело разбойничье войско до конца сокрушить народ англов, при том что еще больше зла в эти три года принес мор среди людей и скота, и главное многие королевские тэны, лучшие в этой земле, умерли за это время. Среди них были Свитульф, епископ Рочестера, и Кеолмунд, элдормен Кента, и Беорхтульф, элдормен Эссекса, и Вульферт, элдормен Гемпшира, и Элхкард, епископ Дорсета, и Эдульф, королевский тэн из Суссекса, и Беорнульф, викгерета Винчестера, и Эгульф, королевский конюший, и еще многие, хотя я назвал самых известных. В тот год разбойничье войско из Восточной Англии и Нортумбрии не раз нарушало покой в уэссекских землях: они отнимали зерно и скот на южных побережьях, но худшей бедой были эски, которые сохранились с прежних времен. Тогда король Эльфред повелел построить длинные корабли, чтобы сражаться против эсков. Они были почти вдвое длиннее: у некоторых по 60 весел, а у некоторых больше. и они были быстроходнее, прочнее и выше, чем эски; и построены ни на фризский манер, ни на данский, а так, как, по мнению короля, было лучше всего. И как-то раз, в этом же году, приплыли шесть кораблей на Уайт, и много зла содеяли на этом острове, в Девоне и повсюду на побережьях. Тогда король повелел, чтобы девять новых

кораблями отправились за ними и перекрыли им путь из устья в открытое море. Три корабля данов стали против них биться, а три стояли на суше выше по течению, в дальнем конце устья: люди, бывшие на них, ушли вверх по реке. Корабельщики Эльфреда захватили два из трех кораблей на выходе из устья и убили людей, а один корабль пробился, хотя на нем осталось в живых только пять человек. Тогда девять кораблей прошли дальше в устье, туда, где стояли другие корабли данов, и они встали очень неудобно, три на той стороне, где стояли корабли данов, а все прочие на другом берегу, так что не могли друг к другу добраться. Когда вода была за много форлонгов от кораблей, даны с оставшихся кораблей пришли к тем трем кораблям, что стояли на суше на их берегу в ожидании прилива, и сражались с людьми, которые на них были. Там были убиты королевский герефа Лукумон, фриз Вульфхеард, фриз Эббе, фриз Этельхере, Этельферт, приближенный короля, и всего фризов и англов 62 человека, и 120 данов. Даны сумели уйти по приливной воде раньше, чем христиане смогли столкнуть свои корабли, и вышли на веслах в открытое море. Но люди были настолько изранены, что не сумели отойти на веслах от суссекского побережья, и два корабля выбросило на сушу. Корабельщиков отправили в Винчестер к королю, и он повелел их повесить. А те, кто приплыл в Восточную Англию на третьем корабле, были сильно покалечены. В то лето не меньше 20 кораблей затонули у южного побережья, с людьми и всем прочим. В тот же год умер королевский конюший Вульфрик, он был к тому же валийский герефа...

¹ Еще одно собирательное наименование викингов. В оригинале – «язычники», т.е. норманны, именуемые в хронике также «даны», независимо от этнической принадлежности.

(Ассер, епископ Шерборна, «Жизнь короля Алфреда»)

Альфред Великий – король Уэссекса, правил в 871-899/901 гг, первый из королей Уэссекса, использовавший в официальных документах титул король Англии. Вел борьбу с норманнами, которые постоянно совершали набеги на Британские острова.

В год 849 от рождения Господа нашего, родился Алфред, король англосаксов, в королевской резиденции Ванатинг¹ в Беркшире, стране которая получила свое имя от леса Беррок, в котором в большом изобилии растут самшитовые деревья...

В 866 год от рождения Господа нашего, который был восемнадцатым годом Алфреда, Этелред, брат Этелберта, короля Западных саксов, овладел властью над королевством на пять лет; и в этот же год большой флот язычников прибыл в Британию с Дуная, и зимовал в королевстве Восточных саксов, в саксонской Восточной Англии; и там они превратились преимущественно в конную армию. Но, говоря морским языком, я больше не буду предавать мое судно власти волн или его парусов, или, находясь вдали от земли держать свой круговой курс через столь многие бедствия войн и череды лет, а вернусь к тому, что изначально побудило меня к этой работе; иными словами я хочу сказать, что я думаю, что в этом месте будет правильным коротко рассказать о характере моего уважаемого господина Алфреда, короля англосаксов, в те года, когда он был младенцем и мальчиком.

Он был любим своими отцом и матерью, и даже всем народом, сильнее, чем его братья, в основном воспитывался при дворе короля. По мере взросления, его облик становился более милостивым, чем у его братьев; во взгляде, в разговоре, в манерах он был более грациозен, чем они. Его благородная натура вселила в него с колыбели превыше всего любовь к мудрости; но, к стыду будет сказано, из-за недостойного пренебрежения его родителей и воспитателей, он оставался неграмотным вплоть до 12 или более лет; но, он с внимательностью прислушивался к саксонским поэмам, которые он часто слышал, и легко сохранял их в своей послушной памяти. Он был рьяным поклонником охоты во всех ее разновидностях, и охотился с великим усердием и успехом; умению и удаче в этом искусстве, также как и в других, среди даров Бога, мы часто были свидетелями.

В один день, его мать² показала ему и его братьям книгу саксонской поэзии, которую она держала в своих руках, и сказала, «Тот из вас кто быстрее выучит эту книгу, получит ее». Побужденный этими ее словами, или скорее божественным вдохновением, и привлеченный великолепно раскрашенной буквой в начале книги, он сказал прежде своих братьев, которые, хотя и были старше его, уступали ему в грации, и ответил, «Ты правда дашь эту книгу тому из нас, как ты сказала, тому, кто сможет первым понять и повторить ее тебе?» На это его мать с удовлетворением улыбнулась, и подтвердила то, что она сказала до этого. После этого мальчик взял книгу из ее рук, и отнес к своему наставнику, чтобы тот прочел ее, и в должное время принес ее матери и продемонстрировал ее.

После этого он учился ежедневно, сначала ежечасным прославлением, затем некоторым псалмам, и нескольким молитвам, содержащимся в этой книге, которую он хранил днем и ночью на своей груди, и мы сами наблюдали это, и помогали ему в его молитвах, среди суеты и забот земной жизни. Но, с грустью признаем, он не смог удовлетворить свою наиболее пылкую жажду к изучению гуманитарных наук, поскольку, как он говорил, в то время не было хороших чтенцев во всем королевстве Западных саксов.

Это, признавался он, с множеством вздохов и причитаний, было одной из величайших проблем и помех его жизни, а именно то, что когда он был молод и был способен учиться, он не мог найти учителей; но, когда он повзрослел, его мучили столь многие болезни неизвестные ни одному лекарю на этом острове, а также

внутренние и внешние государственные заботы, и постоянные вторжения язычников, и его учителя и писатели также были столь сильно обеспокоены, что времени для чтения не было. Но даже среди проблем земной жизни, от детства до настоящего времени, и, как я убежден, даже вплоть до своей смерти, он продолжал чувствовать ненасытное желание познания, и по-прежнему стремиться к нему.

В 867 год от рождения Господа нашего, который был девятнадцатым [годом] жизни вышеупомянутого короля Алфреда, армия язычников, упомянутая прежде, двинулась от Восточных англов к городу Йорк, который располагается на северном берегу реки Хамбер.

В это время возник яростный разлад, порожденный дьяволом, между жителями Нортумберленда; что всегда происходит с людьми, которые навлекли на себя гнев Божий. Нортумбрийцы в это время, как мы сказали, изгнали своего законного короля Осберта, и выбрали некоего тирана по имени Элла, не королевской крови, вершить дела королевства; но, когда появились язычники, благодаря божественному проведению, и объединению знати ради общего блага, этот разлад немного успокоился, и Осберт и Элла объединили свои силы, и, собрав армию, двинулись к Йорку. Язычники бежали при их приближении, и попытались защититься за стенами города. Христиане, преследовавшие их и наводившие на них ужас, решили уничтожить стены города, в чем они и преуспели; потому что город в то время не был окружен крепкими или прочными стенами, и когда христиане сделали пролом как предполагали, и многие из них проникли в город, язычники, понуждаемые отчаянием и необходимостью, яростно атаковали их, разбили их, обратили их в бегство, и изрубили их и внутри и снаружи стен. В этой битве пали почти все нортумбрийские воины, вместе с обоими королями и многочисленной знатью; уцелевшие, те, что бежали, заключили мир с язычниками.

В этот же год, Элстан, епископ Шерборнской церкви, покинул этот бранный мир, после благородного управления со своего престола в течение четырех лет, и он был погребен в Шерборне.

В 868 год от рождества Господа нашего, который был двадцатым [годом] жизни короля Алфреда, был ужасный голод. Тогда, вышеупомянутый почтенный король Алфред, но в то время занимавший второстепенное положение, предложил и получил согласие на брак со знатной мерсийской дамой, дочерью Ателреда, по прозвищу Мусил³, эрла Гаини⁴. Мать этой дамы звали Эдбурга, из королевского дома Мерсии, которую мы видели собственными глазами за несколько лет до ее смерти. Она была почтенной дамой, и после кончины своего мужа, она много лет оставалась вдовой, вплоть до своей собственной смерти.

В этот же год, вышеупомянутая армия язычников, оставив Нортумберленд, вторглась в Мерсию и двинулась на Ноттингэм, который на британском языке назывался «Тиггокобайк», а на латинском «Дом Пещер», и они зазимовали там в этот год. Сразу же после их появления, Бурхред, король Мерсии, и вся знать этого народа, отправили посланников к Этелреду, королю западных саксов, и его брату Алфреду, умоляя их прийти и помочь им в борьбе против вышеупомянутой армии. Их просьба была легко удовлетворена; братья, как и было обещано, собрали огромную армию со всех частей их владений, и войдя в Мерсию, подошли к Ноттингэму, жаждущие боя, и когда язычники, защищенные крепостью, отказались сражаться, а христиане оказались не способными разрушить стену, был заключен мир между мерсийцами и язычниками, и два брата, Этелред и Алфред, вернулись домой со своими войсками.

В 869 год от рождества Господа нашего, который был двадцать первым [годом] жизни короля Алфреда, был великий голод и смертность среди людей, и чума среди скота. И вышеупомянутая армия язычников, бросилась назад в Нортумберленд, в Йорк, где провела зиму.

В 870 год от рождества Господа нашего, который был двадцать вторым [годом] жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия язычников, прошла через Мерсию в Восточную Англию, и зазимовала в Тетфорде.

В этот же год Эдмунд, король Восточных англов, с огромной яростью сражался с ними; но, к прискорбию, язычники торжествовали, Эдмунд был убит в сражении, и враг вынудил покориться всю эту страну.

В этот же год, Кеолнот, архиепископ Кантерберийский, покинул этот бранный мир, и был с миром похоронен в своем собственном городе.

В 871 год от рождества Господа нашего, который был двадцать третьим [годом] жизни короля Алфреда, языческая армия, недостойная памяти, оставила Восточных англов, и вторгшись в королевство Западных саксов, прибыла к королевскому городу, называемому Ридинг, расположенному на южном берегу Темзы, в области называемой Беркшир; и там, на третий день после их прибытия, их ярлы, с большой частью армии, пошли по стране ради грабежа, пока другие соорудили крепостной вал между реками Темза и Кеннет справа от того же королевского города. Они были встречены Этелвулфом, эрлом Беркшира, с его людьми, на месте называемом Инглфилд⁵; обе стороны храбро и долго сражались. В итоге один языческий ярл был убит, а большая часть армии уничтожена; после чего оставшиеся в живых спаслись бегством, и христиане одержали победу.

Через четыре дня после этого, Этелред, король Западных саксов, и его брат Алфред, объединили свои силы и двинулись к Ридингу, где, по прибытии, они изрубили в куски язычников, которых нашли вне укреплений. Но язычники, тем не менее, вышли из-за ворот, и последовала долгая и яростная схватка. Наконец, к прискорбию, христиане бежали, язычники одержали победу, и вышеупомянутый эрл Этелвульф оказался среди погибших.

Пробужденные этим бедствием, христиане, в стыде и гневе, за четыре дня, собрали все свои силы, и вновь встретились с языческой армией в месте называемом Эшдун⁶, что значит «Холм ясеня». Язычники разделились на два отряда, и начали готовиться к обороне, среди них были два короля и много ярлов, поэтому они поручили центральную часть армии двум королям, а другую часть всем своим ярлам. Когда христиане заметили это, они также разделили свою армию на два отряда, и также начали готовиться к обороне. Но Алфред, как мы слышали от тех, кто присутствовал там, и которые не могли сказать неправду, быстро двинулся со своими людьми, чтобы дать им бой; в то время как король Этелред, молясь, долгое время оставался в своем шатре, слушая мессу, и сказал, что он не может прекратить ее, пока священник не закончит, иначе лишит божественного покровительства своих людей. И он сделал так, что впоследствии зачлось ему Всемогущим, о чем мы подробно расскажем позднее.

Итак, христиане решили, что король Этелред, со своими людьми, должен напасть на двух языческих королей, а его брат Алфред, со своими войсками, должен был померяться силами с двумя ярлами. Все произошло так, что король Этелред долго молился, а язычники быстро пошли в бой. Тогда Алфред, хотя и будучи подчиненным, не смог больше сдерживать войска напротив врага, и должен был либо отступить, либо атаковать их, не дожидаясь своего брата. В итоге он храбро повел свои отряды против вражеской армии, как было заранее договорено, но, не дожидаясь прибытия брата; положившись на божественную помощь, и расставив своих людей в плотную фалангу, он двинулся, чтобы встретиться с врагом.

Но здесь я должен сообщить тем, кто не обратил внимания, что поле боя не было равноценным для обеих сторон. Язычники заняли возвышенность, и христиане двигались снизу вверх. Там было также одинокое колючие дерево, но мы сами никогда его не видели. Вокруг этого дерева противостоящие армии двигались друг на друга с громкими криками со всех сторон, одна часть, преследуя свои порочные цели, другая, чтобы сражаться за свои жизни, их близких, и их страну. И после того, как обе армии сражались долго и храбро, язычники, наконец, благодаря божественному правосудию, больше не могли выдерживать атаки христиан, и потеряв большую часть своей армии, обратились в постыдное бегство. Один из их двух королей и пять ярлов были убиты вместе со многими тысячами язычников, которые пали повсюду, покрыв своими телами все поле Эшдуна.

В этой битве пал король Багсак, ярл Сидрак старший, и ярл Сидрак младший, ярл Осборн, ярл Френе и ярл Харолд; я вся языческая армия была преследуема в своем бегстве не только до ночи, но до следующего дня, даже до тех пор, когда они достигли крепости из которой они вышли. Христиане преследовали, убивали всех кого могли догнать, пока не наступила темнота.

После того как прошло четырнадцать дней, король Этелред, со своим братом Алфредом, вновь соединили свои силы и двинулись к Басингу, чтобы сражаться с язычниками. Враг пришел со всех сторон и после долгой борьбы одержал победу. После этой битвы, другая армия прибыла из-за моря, и присоединилась к ним.

В этот же год, после Пасхи, вышеупомянутый король Этелред, храбро, благородно, и с добрым именем, правив своим королевством пять лет несмотря на многие беды, оставил этот бранный мир, и был погребен в Уимборнском соборе, где он ожидает пришествия господина, и первого справедливого воскрешения.

В этот же год, вышеупомянутый Алфред, который занимал до этого лишь второстепенное положение, пока его брат был жив, теперь, по воле Бога, овладел властью над всем королевством, под шумное одобрение всего народа; и если он был избран, он мог сделать это прежде, когда его вышеназванный брат был жив; по мудрости и другим качествам он превосходил всех своих братьев, и, кроме того, был воинственным и победоносным во всех своих войнах. И когда он процарствовал один месяц, почти против своей воли, поскольку он думал что один не сможет выдержать многочисленность и свирепость язычников, хотя даже при жизни своих братьев, он выдержал многочисленные испытания, – он сражался с немногими людьми, на весьма неравных условиях, против всей армии язычников, на холме Уилтон, на южном берегу реки Уили, из-за этой реки именуется вся эта область, и после продолжительной и яростной схватки, язычники, увидев опасность в которой они оказались, и, не будучи больше способными выдерживать атаки своих противников, обратились в бегство. Но, к стыду должен сказать, они обманули своих слишком дерзких преследователей, и вновь собравшись, одержали победу. Не стоит удивляться, ведь христиане имели мало людей, поскольку саксы были измучены восемью битвами против язычников за один год, в которых они убили одного короля, девять герцогов, и бесчисленное количество солдат, не считая бесконечные стычки, и днем ночью, в которых часто упоминаемый Алфред, и все его вожди, с их людьми, и несколько его приближенных, сражались без отдыха и остановки против язычников. Сколько язычников пало в этих бесчисленных стычках знает один лишь Бог, больше чем тех, кто погибли в восьми вышеупомянутых сражениях. В этот же год, саксы заключили мир с язычниками, на условии, что они должны уйти, и они сделали это.

В 872 год от рождества Господа нашего, двадцать четвертый [год] жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия язычников пришла в Лондон, и там зазимовала. Мерсийцы заключили с ними мир.

В 873 год от рождества Господа нашего, двадцать пятый [год] жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия, покинув Лондон, пришла в страну нортумбрийцев, и там зазимовала в области Линдси; и мерсийцы вновь заключили с ними мир.

В 874 году от рождества Господа нашего, двадцать шестой [год] от рождения короля Алфреда, армия, столь часто упоминаемая ранее, оставила Линдси и двинулась в Мерсию, где они зазимовали в Рептоне. Они также заставили Бурхреда, короля Мерсии, против его воли, покинуть его королевство и отправиться за море в Рим, в двадцать второй год его царствования. Он не долго прожил после своего приезда, и умер там, и с почестями был погребен в саксонской школе, в церкви Святой Марии, где он ждет пришествия господина и первого справедливого воскрешения. Также язычники, после его изгнания, покорили все королевство мерсийцев своей власти; но по своему желанию, отдали его на попечение некоего глупого человека, по имени Кеолвульф, одного из королевских приближенных, на условии, что он возвратит его им, когда бы они ни пожелали; и в качестве гарантии этого соглашения, он выдал им заложников, и поклялся, что он не будет противиться их воле, но будет послушен им со всем уважением.

В 875 год от рождества Господа нашего, который был 27-м [годом жизни] короля Алфреда, вышеупомянутая армия, оставив Рептон, разделась на две части, одна из которых направилась с Халфденем в Нортумбрию, и зазимовала там около Тайна, принудив весь Нортумберленд к подчинению; они также грабили пиктов и стратклайдцев⁷. Другой отряд, с Готруном, Оскителем и Анвиундом, тремя королями язычников, направилась к месту называемому Грантабридж⁸ и зазимовала там.

В этот же год, король Алфред сражался в море против шести кораблей язычников, и захватил один из них; остальные спаслись бегством.

В 876 год от рождества Господа нашего, бывший двадцать восьмым годом жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия язычников, оставив ночью Грантабридж, вошла в замок Уэрхэм, где был монастырь святых девственниц между двух рек Фраум⁹ и Трент, в области, которая на бриттском языке называется «Дурнгерс», а на саксонском «Торнсаета», размещенный в наиболее безопасном месте, за исключением того, что он был открыт опасности с западной стороны из-за природы почвы. С этой армией Алфред заключил торжественный договор, согласно которому они должны были уйти из королевства, и ради которого, они не испытывали сомнений отдавая ему столько заложников, сколько он сказал; также они поклялись на христианских реликвиях¹⁰, более которых король Алфред поклонялся лишь самому Божеству, что они быстро покинут королевство. Но они вновь прибегли к их обычному предательству, и совершенно не заботясь о заложниках и своих клятвах, они нарушили договор, и сделав вылазку ночью, убили всех конников, которые были при короле, и повернув в Девон, к другому месту называемому по саксонски «Эксаукестер»¹¹, а на бриттском «Кайрвис», что на латинском значит город Экс, расположенному на восточном берегу реки Уайз, они внезапно двинулись по направлению к южному морю, которое разделяет Британию и Галлию, и там провели зиму.

В этот же год, Халфден, король тех частей, разделел всю страну нортумберленд между собой и своими людьми, и поселился там с армией. В этот же год, Ролло, со своими последователями, вторгся в Нормандию.

Этот же самый Ролло, герцог Норманнов, когда зимовал в Старой Британии, или Англии, во главе своих войск, видел видение показавшее ему будущее. Подробнее смотрите об этом Ролло в анналах¹².

В 877 году, язычники, с наступлением осени, частично поселились в Эксетере, и частично отправились грабить в Мерсию. Количество этой неуправляемой толпы увеличивалось каждый день, так что, если тридцать тысяч из них погибали в одной битве, другие занимали их место в двойном количестве. Тогда, король Алфред приказал по всему королевству построить лодки и галеры, то есть длинные корабли, с целью встречать в сражении врага на море, когда они прибывают. На них он посадил моряков и приказал им следить за морями. Тем временем, сам он отправился в Эксетер, где находились зимующие язычники, и запер их за стенами, осадив город. Он также дал указание своим морякам отрезать их от всякой помощи с моря; и его моряки столкнулись с флотом из ста двадцати кораблей полных солдат, которые пришли на помощь своим соотечественникам. Как только королевские люди узнали, что они полны языческих солдат, они взяли за оружие и храбро атаковали эти варварские племена: но язычники, которых почти месяц бросали морские волны и которые едва не потерпели крушение, безнадежно сразились с ними; их отряды были моментально разбиты, и все были потоплены и утонули в море, на месте называемом Суаневик¹³.

В этот же год армия язычников, покинув Уэрхэм, частью на лошадях, частью по воде, прибыла к Суаневику, где были потеряны сто двадцать их кораблей¹⁴; и король Алфред преследовал их сухопутную армию вплоть до Эксетера; там они заключили с ним договор и дали заложников пообещав уйти.

В этот же год, в месяце августе, армия ушла в Мерсию, и отдала часть этой страны некоему Кеолвулфу, слобоумному человеку, и одному из королевских приближенных; другую часть они разделили между собой.

В 878 год от рождения Господа нашего, который был тридцатым [годом] жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия покинула Эксетер, и ушла к Чиппенхэму, королевской вилле, расположенной на западе Уилтшира, и на восточном берегу реки, которая на бриттском зовется Эйвон. Там они зазимовали, и прогнали многих жителей этой страны за море силой своего оружия и из-за жизненных потребностей. Они вынудили к подчинению почти всех людей этой страны.

В это же время вышеупомянутый Алфред, король Западных саксов, с несколькими своими вельможами, и некоторыми солдатами и вассалами, вели беспокойную жизнь среди лесов¹⁵ страны Сомерсет, в великом страдании; он не имел ничего жизненно необходимого, за исключением того, что он мог добыть открыто или

тайно частыми набегами у язычников, или даже у христиан, которые подчинились власти язычников, и как мы читали в жизни Святого Неота, в доме одного из своих пастухов.

Но в один день случилось так, что одна из сельских жительниц, жена пастуха, готовила хлеб в печи, а король, сидя у очага, занимался своим луком, стрелами и другими военными принадлежностями. Несчастливая женщина заметила что хлеб подгорает, бросилась чтобы вынуть его, и упрекая храброго короля, воскликнула:

«Ты забыл о хлебе, парень, ты не видишь что он горит?»

«Я накормлю тебя им до отвала, как только его ты повернешь»¹⁶.

Заблуждавшаяся женщина не мало не подумала, что это был король Алфред, который сражался в столь многих битвах против язычников, и одержал над ними так много побед.

Но Всемогущий не только наградил этого славного короля победами над его врагами, но также позволил им извести его, погрузить его в несчастья, и опечалить его бедственным положением его последователей, чтобы он в итоге понял, что существует лишь один Повелитель над всеми, перед которым каждый должен опускаться на колени, и в руках которого сердца королей; который сверг сильных с их места и возвысил смиренных; который заставил страдать своих слуг, когда они достигли вершины процветания, коснувшись их розгами несчастья, чтобы в своей смиренности они не утратили веры в Божье милосердие, и в своем процветании не возгордились своей славой, и также знали, кому они обязаны всем тем, чем они обладают.

Мы можем считать, что бедствие обрушилось на вышеупомянутого короля из-за того, что в начале его царствования, когда он был юн и подвержен юношеским страстям, он не прислушивался к прошениям его подданных, просивших помочь им в их надобностях, или освободить их от тех, кто угнетал их; но он оттолкнул их от себя, и не уделил внимания их просьбам. Это в особенности подействовало на святого человека Св. Неота, который был его родственником, и часто предсказывал ему, в духе пророчества, что из-за этого он испытает великое бедствие; но Алфред не обратил никакого внимания ни на порицания Божьего человека, ни на его истинные предсказания. Посему, видя, что человеческие грехи должны быть наказаны в этом мире или в другом, истинный и праведный Судья пожелал, чтобы этот грех не прошел безнаказанно в этом мире, чтобы в конце концов он смог бы простить его в мире грядущем. Следовательно, по этой причине, вышеназванный Алфред часто оказывался в таком великом бедствии, что иногда никто из его подданных не знал где он или что с ним случилось.

В этот же год брат¹⁷ Хингвара и Халфдена, с двадцатью тремя кораблями, после большого избиения христиан, ушел из страны Деметии¹⁸, где он зимовал, и отплыл в Девон, где, с двадцатью сотнями других, он встретил ужасную смерть, будучи убитым, когда занимался своими преступлениями, слугами короля, перед замком Кинуит¹⁹, куда многие из слуг короля бежали ради спасения вместе со своими сторонниками. Язычники, видя, что замок был совершенно не подготовлен и не укреплен, за исключением того, что имел стены как это у нас принято, решили не штурмовать его, поскольку он был неприступен и защищен со всех сторон, за исключением восточной, как мы сами видели, но они начали его осаду, думая, что те кто был внутри, вскоре сдадутся либо от голода, либо от жажды, поскольку рядом с замком не было источника. Но получилось не так, как они ожидали; христиане, прежде чем они начали страдать от жажды, воодушевленные Небесами, рассудили, что гораздо лучше победить или умереть неожиданно напад на язычников утром, и порубили их в огромном количестве, убив также их короля, так что немногие бежали к своим кораблям; и захватили они очень большую добычу, и среди прочего знамя называвшееся Ворон; про который они говорили, что три сестры Хингвара и Хуббы, дочери Лодоброха, соткали этот флаг и сделали его за один день. Более того, они рассказывали, что в каждой битве, где флаг был перед ними, если они одерживали победу, в центре флага появлялся живой летящий ворон; но если они были обречены на поражение, он висел без движения, и это часто подтверждалось.

В этот же год, после Пасхи, король Алфред, с несколькими сторонниками, соорудил для себя цитадель в месте называющемся Ателни, и оттуда выходил, вместе со своими вассалами и знатью Сомерсетшира, чтобы совершать частые нападения на язычников. Также, в восьмую неделю после Пасхи, он поскакал к камню Эгберта²⁰, который находится в восточной части леса зовущегося Селвуд²¹, что на латинском означает Silva Magna, Великий Лес, а на бриттском Койт-маур. Здесь он был встречен всем соседним людом Сомерсетшира, Уилтшира и Хэмпшира, который не бежал, из страха перед язычниками, за море; и когда они увидели, что король жив после столь многих бед, они приняли его, как он заслуживал, с радостью и приветствиями, и остановились там лагерем на одну ночь. Когда настал следующий день, король снялся с лагеря и пошел к Окли²², где остановился на одну ночь. Следующим утром он пошел к Эдингтону, и там отважно и упорно сражался против всей армии язычников, которых, с божественной помощью, он разбил с огромными жертвами, и преследовал их бегущих к своим укреплениям. Незамедлительно он убил всех людей и собрал всю добычу какую смог найти вне крепости, которую он сразу же осадил со всей своей армией; и когда он пробыл там четырнадцать дней, язычники, подгоняемые голодом, холодом, страхом и, наконец, отчаянием, запросили о мире, на условиях, что они дадут королю столько заложников, сколько он пожелает, не взяв никого от него в замен, в такой форме они ни с кем прежде никогда не заключали договора. Король, услышав это, сжалился над ними, и взял тех заложников, которых он выбрал; после чего язычники поклялись, что они незамедлительно покинут королевство; и их король, Готрун, пообещал принять христианство, и принять крещение от рук короля Алфреда. Все эти условия он и его люди выполнили как они обещали. Через семь недель Готрун, король

язычников, с тридцатью людьми выбранными из армии, прибыли к Алфреду в место называемое Аллер, неподалеку от Ателни, и король Алфред, приняв его как сына во Христе, поднял его из святой купели крещения на восьмой день, в королевской вилле Уэдмор²³, где пролит святой елей²⁴. После своего крещения он двадцать ночей оставался с королем, который, вместе со всеми своими вельможами, преподнес ему много прекрасных даров.

В 879 году от рождения Господа нашего, который был тридцать первым [годом жизни] короля Алфреда, вышеупомянутая армия язычников оставив Чиппенхэм, как они обещали, пошли в Сайренчестер, который на бриттском называется «Кайр Кори», и располагается в южной части Виккиев²⁵, и где они оставались один год.

В этот же год, большая армия язычников приплыла из иноземья на реку Темза, и присоединилась к армии, которая уже находилась в стране. Они зазимовали в Фулхэме у реки Темза.

В этот же год было затмение солнца, между тремя часами и вечером, но ближе к трем часам.

В 880 год от рождения Господа нашего, который был тридцать вторым [годом жизни] короля Алфреда, вышеупомянутая армия язычников оставила Сайренчестер, и двинулась к Восточным англам, где они решили поделить страну и поселиться.

В этот же год армия язычников, которая зимовала Фулхэм, оставила остров Британия, и уплыла через море в восточную часть Франции, где оставались год на месте называемом Гент.

В 881 год от рождения Господа нашего, который был тридцать третьим [годом] жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия двинулась дальше в глубь Франции; и французы сражались с ними; и после битвы язычники овладели лошадьми и стали кавалерийской армией.

В 882 году от рождения Господа нашего, который был тридцать четвертым [годом] жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия провела свои корабли дальше во Францию по реке Мес [Мос] и зимовала там один год.

В этот же год Алфред, король англосаксов, сражался в битве против языческого флота, из которого он захватил два корабля, убив всех тех, кто был на борту; и два командира двух других кораблей, со всей командой, истощенные битвой и ранами, которые они получили, сложили свое оружие и покорились королю.

В 883 году от рождения Господа нашего, который был тридцать пятым [годом] жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия пошла вверх по реке Скалд [Шельда] к женскому монастырю Кундот [Конде] и оставалась там год.

В 884 году от рождения Господа нашего, который был тридцать шестым [годом] жизни короля Алфреда, вышеупомянутая армия разделилась на две части; одна их часть пошла в Восточную Францию, а другая подвинувшись в Британию вторглась в Кент, где они осадили город называющийся на саксонском Рочестер, и располагающийся на восточном берегу реки Медуэй. Перед воротами города язычники неожиданно возвели сильную крепость, но они не смогли взять город, потому что горожане храбро защищались до тех пор, пока король Алфред не пришел к ним на помощь с большой армией. Тогда язычники бросили свою крепость и всех своих лошадей, которых они привезли из Франции, и оставив после себя в крепости большую часть своих пленников по прибытии короля, и бежали к своим кораблям, и саксы сразу захватили пленников и лошадей брошенных язычниками; и так язычники, вынужденные суровой необходимостью, вернулись тем же летом во Францию.

В этот же год Алфред, король англосаксов, повел свой флот, полный воинов, из Кента в страну Восточных англов, для грабежа²⁶, и, когда они прибыли в устье реки Стоур²⁷, тринадцать кораблей язычников сразу же встретили их, готовые к бою; последовала яростная битва, и все язычники, после храброго сопротивления, были убиты; все корабли, со всеми их деньгами, были захвачены. После этого, пока королевский флот отдыхал, язычники, которые жили в восточной части Англии, собрав свои корабли, встретили этот же королевский флот в море в устье той же реки, и, после морской битвы, язычники одержали победу.

¹ Уонтэдж.

² Мы должны понимать, что это эпитет, которым скорее обозначают его мачеху Юдифь, нежели его собственную мать, которая умерла в 856 году, когда Алфреду еще не было семи лет. Когда его отец привез Юдифь из Франции Алфреду было тринадцать лет.

³ Этот вельможа встречается в качестве свидетеля (Mucil, dux) на многих мерсийских грамотах, датированных от 814 до 866 года.

⁴ Жители Гэйнсборо.

⁵ Инглфилд Грин, примерно в четырех милях от Виндзора.

⁶ Астон, в Беркшире.

⁷ Стратклайдские бритты.

⁸ Кэмбридж.

⁹ Фроум.

¹⁰ Они поклялись Алфреду на священном кольце, как говорит Англосаксонская хроника. Самой торжественной клятвой среди данов и других северных народов была клятва на их оружии. Olaus Magnus, lib. viii. c. 2.

¹¹ Эксетер.

¹² Многие пассажи этого труда имеют современные вставки, сделанные в древний манускрипт позднее. «Анналы», к которым отсылает текст, предположительно не являются настоящим трудом Ассера.

¹³ Суонвич, в Дорсетшире.

¹⁴ Это предложение просто повторение предыдущего. Смотрите предыдущее примечание.

¹⁵ Ателни, болто сформированное слиянием Тона и Паррета.

¹⁶ В оригинале здесь латинская строфа, и могла соответственно быть переведена на английский, но так, чтобы каждая домохозяйка в Сомерсетшире могла понять.

¹⁷ Вероятно кровожадный Илубба.

¹⁸ Или Южный Уэльс.

¹⁹ Замок Кинвит стоял на реке Тоу.

²⁰ Сейчас называется Брикстон Деверилл, в Уилтшире.

²¹ Селвудский лес располагается от Фроума до Берхэма, и вероятно когда то был гораздо больше.

²² Или Игли. Предположительно стал Ли, теперь Вестбери, Уилтшир.

²³ Уэдмор в четырех и трех четвертях мили от Эксбриджа в Сомерсетшире.

²⁴ В Англосаксонской хронике (878 г.) говорится, что Готрун был крещен в Аллере, и его «chrism-loosing» произошло в Уэдморе. «Chrismal» это белая льняная одежда одеваемая на голову во время свещения обряда крещения, которая снималась по истечении восьми дней.

²⁵ Жители Глостера, Вустера, и части Уорвикшира.

²⁶ Эти впечатляющие красочные картины несчастья и разделения Англии в этот период, показывают что даны овладели ее частью. Фактически, все всегда гептархии, или древнего деления страны на провинции, не совсем исчезли вплоть до нескольких лет после Нормандского завоевания.

²⁷ Не река Стоур в Кенте, а Стоур, которая разделяет Эссекс и Саффолк. Ламбард определяет местом битвы Харвичскую гавань.

Договор Альфреда с Гутрумом

Договор Альфреда с Гутрумом, предводителем датчан, завоевавших к концу IX в. всю Восточную Англию, относится приблизительно к 880-890 гг. Договором устанавливалась граница между английскими и датскими владениями, причем, помимо Восточной Англии, к датчанам отходили Эссекс, часть Мерсии и северо-восточная часть Уэссекса.

...И они постановили: если будет убит человек, то мы оцениваем одинаково англичанина и датчанина, а именно в 8 полумарок чистого золота¹, за исключением кэрла, сидящего на земле, облагаемой податью, и их [датских] вольноотпущенников, которые также оцениваются одинаково, каждый в 200 шиллингов.

И если кто-либо обвинит королевского тэна в убийстве, то, если он решится очиститься [от обвинения], пусть сделает это с [помощью] 12 королевских тэнов, и если кто-нибудь обвинит человека более низкого положения, чем королевский тэн, то тот должен очиститься с 11 равными себе и с одним королевским тэном.

И чтобы каждый знал своего поручителя при [приобретении] рабов, лошадей и волов.

И мы все постановили в тот день, когда принесли присягу [при заключении договора], что ни раб, ни свободный человек не должны без разрешения переходить в это войско [датское войско], ни кто-либо [из датчан] к нам...

¹ Вергельд, равный вергельду тэна.

Договор Этельреда Нерешительного и Олава, сына Трюггви

Договор Этельреда и Олава, сына Трюггви сохранился в единственной версии в составе кодекса Cambridge, Corpus Christi College MS 383, содержащего англосаксонские правовые тексты, созданного, предположительно в соборе св. Павла в Лондоне в конце XI – начале XII в.

Вот мирный договор и соглашение, которые король Этельред и его уйтэны заключили с тем войском, которое прибыло с Анлафом, Юстином и Гутмундом, сыном Стейтана.

Во-первых, устанавливается прочный мир между королем Этельредом и его народом и всем войском¹, которому король заплатил деньги, согласно договору, который заключили архиепископ Сигерик², элдормен Этельвеард³ и элдормен Эльфрик⁴, получив разрешение короля на то, чтобы купить мир областям, которыми они под рукой короля владеют.

И если какой-либо флот станет разорять Англию, да получим мы от них всяческую помощь; а мы должны обеспечивать их припасами все время, пока они с нами.

И всякая область, которая заключает мирный договор с теми, кто разоряет Англию, да будет исключена из договора нами и всем войском.

И всякое торговое судно, входящее в устье, да имеет мир⁵, даже если оно не имело мира, если оно неуправляемо.

И даже если оно управляемо и приплывет к какому-либо городу, имеющему мир, и люди убегут в этот город, тогда да имеют они мир для себя и всего, что они с собой принесли.

И все наши люди, имеющие мир, да имеют его на суше, и на воде, в устье и снаружи.

Если кто-нибудь из людей короля Этельреда, имеющих мир, придет в землю, не имеющую мира, и то войско туда придет, да имеют мир его корабль и все его добро, и если он покинет корабль, или построит хижину, или раскинет шатер, да имеет мир он и все его добро.

Если он свое добро принесет в дом, вместе с добром людей, не имеющих мира, то теряет свое добро, но сам имеет мир и жизнь, если назовет себя.

И если человек, имеющий мир, бежит или сражается и не хочет назвать себя и его убьют, да остается он без виры.

Если у человека отнимут его добро, и он узнает корабль, который это сделал, то капитан должен отдать добро или прийти с четырьмя людьми и показать так, как прежде было установлено, что он его честно получил.

Если англичанин убьет датчанина, свободный свободного, за него выплачивается 25 фунтов, либо выдается тот, кто это сделал; и столько же платит датчанин за англичанина, если он его убьет.

И если англичанин убьет раба, принадлежащего датчанину, за него выплачивается фунт, и столько же платит датчанин англичанину за его раба, если он его убьет.

Если восемь человек будут убиты, внутри бурга или снаружи, то это есть нарушение мира. Если меньше, чем восемь человек, выплачивается полностью вира.

Если мир был нарушен в городе, пусть горожане сами пойдут и доставят убийц, живыми или мертвыми, их ближайшим родичам⁶, голову за голову. Если они не захотят, пусть пойдет элдормен, а если он не захочет, да не имеют все подвластные ему земли мира.

Все убийства, и все грабежи, и все то зло, которые были совершены до заключения договора, всеми забываются, да не будет никто за это мстить или просить возмещения.

И ни мы, ни они не должны укрывать чужих рабов, чужих воров и чужих преступников.

И если скажут о местном жителе, что он украл скот или убил человека, то скажет ли викинг или местный житель, да не сможет он никакого оправдания произносить.

И если их люди убьют восемь наших, да будут они исключены из договора с нами и не смогут никакого возмещения дать.

Двадцать две тысячи фунтов золота и серебра заплатят англичане войску по этому договору.

¹ Др.англ. here, собирательное название викингов в английских источниках.

² Архиепископ Кентерберийский.

³ Вероятно, Этельверд, элдормен западных провинций, автор Хроники Этельверда.

⁴ Возможно, элдормен гемпшира, впоследствии печально известный своей трусостью.

⁵ Др. англ. Frip имеет много значений: «договор», «мир», «право на неприкосновенность», «гарантии безопасности». Соответственно, unfrip, в данном контексте «не подлежащий действию договора» – «не имеющий мира».

⁶ Вероятно, ближайшим родичам убитых.

Политика норманнов в отношении Франкского государства («Хроникон о свершениях норманнов во Франкии»)

По своему содержанию будучи, прежде всего, собранием извлечений из Вестаинских и Бертинских анналов, «Хроникон о свершениях норманнов во Франкии», с одной стороны, получил и получает уничижительные оценки как примитивная компиляция, сведения которой не имеют самостоятельной ценности. С другой стороны, сообщения этого источника, пусть в основном в качестве сравнения с данными упомянутых анналов и иных созвучных тому периоду источников, то и дело используются в исследованиях, посвященных норманнским вторжениям IX – начала X в. во владения Каролингов.

1. Норманны, появившиеся с острова Скандии, который называют Норвегией (где обитают готы, гунны и даки), вышли с 13 судами и, двинувшись прежде всего на фландрское побережье, были отогнаны теми, кто находился в прикрытиях. Пробуя затем то же самое в устье Сены, они отступили, [потеряв] убитыми пять человек после того, как охранявшие побережье оказали им сопротивление. После того как, в конце концов, они имели успех на аквитанском побережье, – когда был razoren поселок Бурнад, – они с огромной добычей возвратились в свои дома.

2. Придя во Фрисландию, норманны опустошили какую-то часть ее, некоторых людей побили, некоторых, захватив, увели, – а часть ее разрушили огнем, – в год Господень 833, в правление Людовика Августа, сына Карла Великого.

3. В год Господень 837. Норманны многих поубивали на острове, который называют Валхерн, и, пробыв там некоторое время, после того как была взыскана плата [с местных жителей], прибыли к Дорестаду и подобным же образом истребовали дань. Император, когда услышал об этом, не промедлил поспешить к крепости Нимвеген. Норманны, когда услышали о его прибытии, тотчас же удалились.

4. В год Господень 840. Норманны, вторгшиеся в некоторую часть Фрисландии, причинили немалое несчастье нашим пределам.

5. В год Господень 841. Норманны, устремившиеся с океана по Каналу к Руану, неистовствуя грабежом, железом и огнем, предали монахов и народ убиению или пленению, – и все храмы и места, граничащие с рекой Сенной, были опустошены; и после того как были получены огромные деньги, они удалились.

6. В год Господень 843. Норманны напали на город Нант, и когда были убиты епископ и многочисленные священнослужители и миряне обоего пола, [а] город был разграблен, атаковали области Нижней Аквитании. Напоследок они вступили на какой-то остров [и] решили зимовать.

7. В год Господень 844. Норманны, совершившие набег на остров Британию, который населяют англосаксы, после трехдневной битвы сделались победителями; грабя, захватывая и убивая, они сообразно желаниям [своим] овладели страной.

8. В год Господень 845. Король норманнов Рорик направляет против Людовика в Германию по реке Эльбе шестьсот судов. Саксы, поспешившие им навстречу, когда свершилась битва, с помощью Господа нашего Иисуса Христа становятся победителями. Удалившись оттуда, они атакуют и захватывают некий город славян. В тот же год, возвращаясь к морю по пройденному [ранее] руслу Сены норманны разграбляют, опустошают и сжигают дотла все местности, граничащие с морем. Едва они пошли назад с нагруженными судами, – после разорения и сожжения ими некоего монастыря под названием Ситью, – то были по приговору Божьему либо помрачены слепотой, либо поражены безумием так, что еле-еле ушли очень немногие, – дабы объявить прочим о гневе всемогущего Бога. Их король Рорик, пораженный всею душою, ради мира назначил послов к королю Людовику, – готовый освободить пленных и возратить сокровища провинции.

9. В год Господень 846. Датские морские разбойники, напавшие на Фрисландию, опустошили [ее] области и церкви, а народ в них перебили. Услышавшие об этом фландрцы, священники и аббаты соседних городов, пришли с мощами своих святых к святому Одомару, так как жилище его по божественному провидению было защищено крепкой стеной и башнями. Вот те святые, которые из-за упомянутого преследования пришли в это самое укрепление, – святые Бавон, Вандрегист, Осберт, Вульфран, Варвульф, Пиат, Байн, Виннок и дева Остроберта; и сорок лет кое-кто из них оставался там.

В тот же год норманны, напавшие на Фрисландию, овладели страной, – после того как в соответствии с желаниями [своими] взыскали плату [с ее жителей], а также сделались победителями по результатам сражения.

10. В тот же самый год придя в пределы Нижней Галлии, которую населяют бретоны, они одерживают верх, трижды сразившись с последними. Норманны, завладев без всякого противодействия островами, расположенными в округе, [и] оставаясь [там], делают скоттов плательщиками дани в течение многих лет.

11. В год Господень 848. Норманны сжигают в Аквитании Бордо, захваченный и опустошенный после того как его предают иудеи. Разорив вслед за этим село Мелль, они предают [его] огню. Скотты, набрасываясь на норманнов [и] побеждая с помощью Божьей, прогоняют их из своих пределов. Отсюда король скоттов посылает к Карлу послов с дарами – ради мира и дружбы, – настойчиво требуя, чтобы ему разрешили пройти по дороге в Рим.

12. В тот же год норманны, опустошив, сжигают в Аквитании Перигё и безнаказанно возвращаются к кораблям.

13. В год Господень 850. Норманны опустошают Фрисландию и батавов, а придя в городок Гент, сжигают монастырь святого Баво. Потом они достигли Руана и сухим путем – самого Бове. После его сожжения они, когда возвращались, были перехвачены нашими и отчасти уничтожены.

14. В год Господень 852. Норманны с 252 судами являются в Фрисландию и, получив столько, как сами назначили, сворачивают с другие [места].

15. В год Господень 853. В месяце июле, оставив Сену, норманны, войдя в Луару, опустошают город Нант, монастырь святого Флоренция и соседние местности. Затем устремляясь от Нанта вверх [по реке], в 6-е иды ноября они приходят к городу Туру и сжигают его вместе с церковью святого Мартина и прочими прилегающими местечками. Но так как про это с совершенной уверенностью знали заранее, то тело блаженного Мартина было уже перевезено в Кормери, монастырь его церкви, а оттуда в город Орлеан.

16. В тот же год норманны, ведущие между собой борьбу, до того взбесновались в упорнейшей сваре, что погибли король Орик и почти вся знать, так как вместе с ним были убиты и другие короли. Тогда, идя по Луаре, они снова дотла сжигают город Анжер,

17. а вслед за этим – Бордо.

18. В год Господень 855. Норманны, которые вошли в Луару, оставив суда, предпринимают пеший поход, чтобы напасть на город Пуатье. Но вследствие отпора аквитанцев они были разбиты так, что ушло немногим более 300.

19. В тот же год на 14-е календы мая норманны нападают на город Орлеан, разграбляют и безнаказанно возвращаются назад. А в середине августа они входят в Сену и, после того как были опустошены и разграблены города и селения по обоим сторонам реки, они выбирают очень близкое к Сене и подходящее для стоянки местечко, которое называется Ров Гивальда, где в покое проводят зиму.

20. В год Господень 857. В 5-е календы января норманны вторгаются в Лютетию паризиев и предают [ее] огню. Они сжигают базилики святого Петра и святой Женеьевы и все прочее, за исключением дома святого Стефана, церковей святого Винцентия и святого Германа, а также за исключением церкви Сен-Дени, – за которые только и была уплачена огромная сумма золотых монет, чтобы они не были сожжены.

21. Они захватывают Людовика, аббата Сен-Дени. Затем они вступают в Саксонию, но их мужественно отгоняют.

22. В год Господень 859. Норманны, проходя по реке Шельде, повсюду опустошают местечки, – однако простой народ между Сенной и Луарой, сговорившись между собой, энергично оказывает сопротивление тем, которые остановились на Сене. Но так как их сговор был предпринят с беспечностью, то их легко истребляют наши могущественные люди. В тот год норманны, проплывая между Испанией и Африкой, входят в Рону и,

после того как были опустошены города и монастыри, пришли на остров, который называется Камарж. В тот же год они также опустошают грабежами и пожарами монастырь святого Валерия, город Самаробриву амьенцев и другие местечки в округе. После того они с подобной же яростью нападают на рейнский остров Бетуве. Наконец, после вторжения ночью в город Нуайон, они захватывают епископа Иммо вместе с другими знатными людьми – как священниками, так и мирянами, – а когда город был опустошен, уводят [их] с собой и по пути убивают.

23. В год Господень 860. Норманны, остановившиеся на реке Сомме, после того как были взяты заложники плывут к англосаксам. Будучи прогнаны ими, они устремляются в другие края. Те же, которые находились на Роне, доходят до самого города Валенсии – с ограблением всего вокруг. После опустошения его они возвращаются на остров, на котором соорудили стоянку. Затем они отправляются в Италию, захватывают и опустошают город Ризу и другие.

24. Норманны предают огню Лютецию паризиев и церковь святого мученика Винцента, а также Сен-Жермен. Они также следуют по пятам за купцами, спасающимися бегством на судах вверх по Сене, и захватывают [их]. Другие же из норманнов, возвращаясь из Англии, нападают на Теронский округ и опустошают [его]. Потом они со своим герцогом Веландом на 200 судах поднимаются по Сене и осаждают крепость на острове, который называется Осселль. Именно для этих [людей], ведущих осаду, Карл приказал взыскать со своего королевства, дабы оно не было опустошено, плату в пять тысяч фунтов серебра, – вместе с немалым количеством скота и зерна.

25. В год Господень 864. В январе месяце норманны поднимаются по Рейну против Кельна и, после того как было опустошено селение Дорестади (в которое сбежали фризи), были перебиты многие фризские купцы и захвачено множество народа, они доходят до некоего острова, иначе – укрепления Нойс; но, согласившись с советом, они как прибыли, так и уходят.

26. В год Господень 865. Норманны, пребывавшие на Луаре, поступая по воле Божьей, в великом порыве проплывают вплоть до монастыря святого Бенедикта, который называется Флери, и сжигают его; а на обратном пути они спалили город Орлеан и церкви, – за исключением церкви Святого Креста, которую не смогло пожрать пламя, хотя для этого многое было предпринято норманнами. Так спускаясь по руслу реки и опустошая все, что рядом, они вернулись к своей [стоянке]. Потом они сжигают город Пуатье и возвращаются к судам.

27. В год Господень 869. Карл договаривается с норманнами о четырех тысячах фунтах серебра для выплаты им, и, после того как по королевству его был объявлен сбор для выплаты той дани, с каждого свободного манса требуют шесть денариев, с несвободного – три, а с совладения – один, и один с двух хозяев, а также – десятину со всего, что было видно в наличии у торговцев. Но и со священников, соответственно тому, чем владел каждый, взыскивается подать; и со всех франков принимают взносы на ополчение. Затем берется один денарий с каждого манса – как свободного, так и несвободного, – и, наконец, каждый из первых в империи лиц по два раза собрал взнос, выплачиваемый как серебром, так и вином, – сообразно тому, чем владел, – для подати, которая была оговорена самими норманнами. Кроме того и уведенные норманнами рабы, которые после заключения договора бежали от них, либо отдавались назад, либо, соответственно их указанию, выкупались. А если кто-то из норманнов бывал убит, то за него выплачивалась запрошенная цена. В тот же год в июле месяце норманны выходят в море, и некоторая часть из них возвратилась в Италию. Норманны же соединившиеся с бретонами, приблизительно 400 [человек], выступив с лошадьми от Луары, доходят до города Ле-Ман. После опустошения его, на своем обратном пути они приходят к местечку, которое называется Бриссарта. Здесь они натываются, как если бы Бог был с ними, на графов Роберта и Рагнульфа, а также на Готфрида и Генриха, – с огромной силой вооруженных людей. И вследствие завязавшейся битвы Роберта убивают; раненый Рагнульф умер позднее. Затем, после того как был ранен Генрих, и были убиты некоторые другие, остальные расходятся по своим домам, – каждый [в свой]. И так как Рагнульф и Роберт не захотели быть очищены отпущением за предшествующие дела, – ибо, вопреки своему званию, один преждевременно пользовался аббатством святого Илария, а другой – аббатством святого Мартина, – то они заслужили того, что испытали на себе кару.

28. В год Господень 870. Аббат Гуго и Готфрид вместе с людьми, боровшимися с пребывавшими на Луаре норманнами, перебили вследствие этого шестьдесят [из них] и, захватив некоего отступника-монаха, который перешел к норманнам был весьма враждебен к христианам, позволили обезглавить [его]. Тогда норманны добились большого количества серебра, хлеба, а также вина и скота от жителей той самой земли, – дабы с ними заключили мир.

29. В год Господень 879. Людовик, брат Карломана, выступил навстречу норманнам, которые заняли Корвейский монастырь, город Амьен и другие святые места, и, усилив фортификационные сооружения, отпраздновал в Компьене рождество Господне и святую Пасху.

30. В год Господень 880. Норманны, жаждущие убийств и опустошений, страстно желая человеческой крови, к кончине и гибели королевства, в ноябре месяце устраивают себе на зиму стоянку в монастыре Гент. А в декабре месяце мощи святого Веста переносятся в его поместье Во на Сомме.

31. Вслед за этим норманны железом и огнем опустошают город Турне и все монастыри на реке Шельде, убивая и захватывая [людей], живущих на земле по соседству. Потом они поменяли себе стоянку и сооружают

на зиму крепость у Куртре. И оттуда они истребляли менапиев и свевов – вплоть до полного уничтожения, – потому что были весьма враждебны к ним, и вблизи реки уничтожили всю страну.

32. В год воплощения Господня 881. В 7-е календы января норманны, в бесчисленном количестве приступив к укреплению Ситью, сожгли само укрепление вместе с церквями, за исключением церкви святого Одомара, которая была хорошо ограждена провидением Божиим. Но норманны, когда были убиты все, кого они смогли найти, прошли всю землю вплоть до Соммы и удалились после того, как была захвачена бесчисленная добыча из людей и скота. Затем они, подступив к Камбре, пожарами и убийствами уничтожают крепость и, разорив монастырь святого Гаугерика, возвратились с величайшей добычей в [свой] лагерь. Вслед за тем, приблизительно во время праздника [очищения] святой Марии они, снова придя в движение, берут направление через Теруан и, пройдя до монастыря святого Рихария у Центулы, а также до [монастыря] святого Валариха, всех местечек около моря, монастырей и деревень, [а] после того – до города Амьена и Корбье, нагрузились большой добычей, чтобы беспрепятственно возвратиться в свое укрепление. Позже, примерно в праздник святого Петра, в феврале месяце они пришли в Аррас и поубивали всех, кого там нашли. Тем временем король Людовик, удрученный тяжелой скорбью, после того как было собрано войско, готовится к битве. Но норманны в июле месяце переходят с огромным войском реку Сомму и при опустошении всей [страны] доходят до города Бове. Король, шедший им навстречу, вступил в битву в округе Виме, у деревни, которая называется Сокур. Вскоре норманны обращаются в бегство; король, преследуя их, одержал над ними славнейшую победу. Тогда норманны, возвращавшиеся через Гент, после того как были починены корабли, совершая путь сушей и морем, дошли до Мааса и устраивают стоянку на зиму в Эльзасе. В то время умирает король Людовик Старший.

33. В год Господень 882. Его брат Карл отправился в Рим и приобрел императорское достоинство. С другой стороны восточные франки собирают войско против норманнов, но тотчас обращаются в бегство; тогда пал Вало, епископ Меца. По окончанию того норманны сжигают известнейший дворец в Аахене; они также предали огню монастыри и города – славнейший Тир и Кельн, – а также чертоги короля и села, – в то время как истреблялись обитатели края. Император Карл, собрав против них войско, окружил их в Эльзасе. Но Готфрид, король норманнов, вышел к нему. Император передал ему королевство фризов, которым ранее обладал король норманнов Рорик, а также дал ему в супруги Гизу, дочь короля Лотаря, и постарался, чтобы норманны удалились из его королевства.

34. В год Господень 883 в октябре месяце норманны, жестоко опустошив королевство Карломана и продвигаясь через Тьераш, пересекли Уазу. Карломан, преследовавший их, окружил у Аво и в произошедшей битве вышел победителем, – а норманнов пало около тысячи. Впрочем, та битва ничуть не усмирила их, – но они повернули к судам, опустошают все королевство железом и огнем, – и после того как церкви были разбиты, а жители края истреблены, они пришли в Вермандуа и подожгли церковь святой Марии в городе Аррасе. И по окончанию октября месяца они с конными и пешими, а также со всем снаряжением приходят в Лавьер. Когда через реку Сомму проникли и [их] суда, они заставили бежать короля и все его войско и сделали так, что он перешел реку Уазу. Затем они сделали себе на зиму обиталище в городе Амьене. А франки, видя, что власть норманнов во всем прибавляется, посылают к ним некоего дана по имени Зигфрид, который осторожно побудил бы их к освобождению королевства. Тот, конечно, пришел в Бове и лишь тогда отправился в Амьен для исполнения возложенной на него обязанности. Норманны между тем не отказывались захватывать и убивать христианский люд и разрушать церкви, – в ходе чего срывались стены и сжигались деревни. Поистине – на всех улицах лежали трупы священников и благородных людей, а также женщин, детей и младенцев. Не было дороги или места, где не лежали бы погибшие, и для всех были терзание и боль. Между тем первейшие из франков по принятии решения посылают к норманнам дана, христианина и верного королю человека, племянника Рорика, – дабы они взяли дань и ушли из королевства. А норманны, наконец, возложили на короля и франков в виде дани двенадцать тысяч фунтов серебра, и после того как с обеих сторон были даны заложники, они начали до некоторой степени находиться в спокойствии. Вслед за тем норманны, выступившие по ту сторону Шельды, все опустошают, как обычно захватывая добычу. Они совершенно уничтожили церкви, города, селения и [их] жителей. Поэтому после святой Пасхи им начинают выплачивать дань. Разграбляются церкви и церковные владения. После того как дань, в конце концов, была уплачена, франки по окончанию октября месяца собираются, чтобы, если норманны захотят переменить [свое] обязательство, противодействовать им. Норманны сжигают свое укрепление. Король же и франки, после того как перешли Уазу, долгим маршем по пятам следуют за ними. Норманны, однако, продолжая путь, приходят в Булонь, и часть из них переправилась за море, а другая часть – в Ловен, в королевстве, некогда [являвшемся] королевством] Лотаря, и [там] ставят на зиму укрепление. Затем Карломан, придя в лес Безю ради охоты, как раз захотел заколоть вепря, [и] некто из его людей по имени Бертольд случайно ранил короля в голень, когда хотел помочь ему. И он, после того как получил ранение, прожил семь дней, однако скончался в том же месте, на 18-м году своей жизни, и был погребен в церкви Сен-Дени.

35. Император Карл после смерти [своего] брата Карломана пришел прямо в Понтюн. И франки, пришедшие туда к нему, подчинились его власти, и Карл возвратился в свою землю. В то время начали свирепствовать норманны, страстно желая пожаров и убийств; они умерщвляют христианский люд, грабят и разрушают церкви. И франки строят укрепления, чтобы лишить их прохода с помощью судов. На реке Уазе, в местечке, которое называют Понтуаэ, они сооружают крепость, которую поручают охранять Алетрану.

Норманны, однако, войдя в ноябре месяце в Уазу, подвергают осаде упомянутую крепость. Те же, кто был в крепости, просят мира и требуют, чтобы им уйти живыми. И после того как с той и другой стороны были даны заложники, Алетран со своими направился в Бове. Норманны же сожгли крепость, растащив то, что там было найдено. Норманны после того как была одержана эта победа, приходят к Парижу и приступом сильно атакуют башню. Однако христиане мужественно защищают ее. И было сражение от утра до вечера, и ночь прекратила битву; и все же норманны до такой степени стремительно налетают на ту башню, что тяжелая битва происходила вплоть до заката солнца. Но после того как они потеряли многих из своих, норманны возвращаются к кораблям, а потом сооружают напротив города крепость и окружают его осадным валом. Вслед за тем они атакуют ворота той самой башни и подкладывают [под них] огонь. И те, которые были в ней, ослабленные ранами, вследствие поджога попадают в плен и для позора христиан умерщвляются различными способами и сбрасываются в реку, – а саму башню разрушают. После этого город осаждать не перестают. Однако епископ Гослин, покуда он желал поддержать доставшийся ему народ, утвердил дружбу с Зигфридом, королем норманнов, – чтобы город таким образом освободился от осады. После того как это было сделано, епископ скончался. Но норманны, после того как епископ умер, не мешкают с тем, чтобы осадить город. Как только об этом сообщили императору, он, после принятия решения, прибывает к Парижу с огромной силой, но ничего полезного не совершил. Действительно, решение было весьма достойным сожаления, – ибо и выкуп за город норманнам был обещан и выдан, и прямой путь был предоставлен беспрепятственный. Император же возвратился путем, которым пришел. И Зигфрид, король норманнов, вошедший в реку Уазу, вместе со своими людьми идя позади него по земле и по воде, все опустошал железом и огнем. Когда император услышал об этом, он поспешно возвратился в свою землю. После этого Зигфрид сжег известнейшую церковь святого Медарда и королевские дворцы, в то время как жителей этой [земли] умерщвляли и захватывали в плен. Норманны же, которые поднялись от Парижа по Сене, со всем войском, снаряжением и кораблями войдя в реку Йонну, осадили город Сенс. Но Эдвард, архиепископ этого города, тотчас начал вести с ними переговоры об избавлении этого города и настоял на том, чего пожелал, – в 886 году Господня.

36. В год Господень 887. Зигфрид, король норманнов, в конце весны возвратился на Сену, совершая то, что [делал] обычно, а где-то осенней порой устремился в Фрисландию и там был убит. Норманны же, вернувшись к Парижу из-за дани, обещанной императором, получили ее. Войдя затем в реку Марну, они ставят себе укрепление у Шези. Восточные же франки, видя, что силы императора слабы для управления империей, после того как он был лишен власти, ставят на королевский трон Арнульфа, сына Карломана, который был ему, [императору], племянником. Норманны в то время, в году господнем 887 в обычной манере опустошили и сожгли дотла все места в направлении Мааса и часть Бургундии.

37. В год Господень 888. На долю Одо, короля франков, по милосердию Божьему, досталась неожиданная победа. А именно – в день рождения святого Иоанна крестителя он с незначительным войском пошел навстречу войску норманнов на реке Эна и, когда произошло сражение, оказался победителем. Победа эта принесла ему немереную славу. Затем император Арнульф призвал его на благородное собрание (placitum). Итак, в условленный день король Одо, надеясь на поддержку своих людей, прибыл в Вормс; он был с честью принят императором Арнульфом, они сделались друзьями, и [император] с почетом отпустил его в свое королевство. Тем временем норманны берут в осаду город Мо, строят приспособления [и] сносят в одно место землю для насыпи, чтобы взять город. Как бы то ни было, ослабленные осадой и голодом, а также приведенные в уныние гибелью своих, [осажденные] приняли в соображение, что помощи для них ниоткуда не будет, договорились с норманнами, чтобы им позволили уйти живыми, когда город будет сдан. Ворота открываются, для христиан назначен проход, чтобы они вышли, – в то время как были определены те, кто проведет их, куда они пожелают. И когда они переправились, было, через реку Мо, норманны последовали за ними по пятам [и] захватили епископа вместе со всем народом. А после того, возвратившись, они сожгли город и, как [им и] хотелось, разрушили стены; и они задержались там чуть ли не до ноября месяца. Однако где-то в осеннюю пору король Одо, когда было собрано войско, пришел к Парижу, и там недалеко от города [они] расположились лагерем, дабы он опять не был осажден. Однако норманны, возвратившись по Марне в Сену и плывя оттуда, а также идя по земле, вошли в Юнам, поставили около его берега стоянку. Где-то осенью они вернулись к Парижу. Против них вышел король Одо, и после того как в деле побывали гонцы, [норманны], одаренные им, возвратились под Париж, а когда Сена была [ими] оставлена, – двигаясь на судах морем, а также пешими и на лошадях они устраивают себе стоянку в округе города Кутанс около крепости Сен-Лю и не мешкают в том, чтобы атаковать эту крепость, – в году господнем 889.

38. В год Господень 890. Крепость Ло после того как жители были убиты, была до основания сравнена с землей. На празднование Всех святых норманны, войдя в Уазу, подходят к Ниону. А король Одо, когда было собрано войско, осел над берегом Уазы, чтобы они не опустошили беспрепятственно королевство. Однако норманны, которые были у Ниона, двинув войско, прошли всю страну вплоть до Мааса. Король Одо, перейдя Шельду, преследовал их и застиг у Гальтеры, но не так, как желал. А именно – они рассеялись по лесам, чтобы спастись, и возвратились в укрепление. Но где-то в осеннюю пору, после того как оставили Нион, чтобы устремиться в приморские местности, они провели там все летние дни. Возвращаясь оттуда, они вошли в Маас. Услышав об этом, король Арнульф стремительно бросился [им] навстречу и за Шельдой непрерывно следовал за ними по пятам чуть ли не до Арраса. Но он не достиг их и возвратился оттуда в свое королевство. Норманны

же, которые прозимовали в Нионе, в ноябре месяце пускаются в путь и сделали себе укрепленный лагерь у Амьена. А король Арнульф, когда было собрано войско, пошел против норманнов и, при содействии Божьем, взял ту крепость, – причем было убито множество норманнов, – и после того как была одержана эта победа, он вернулся в свое королевство. Но норманны, которые рассеялись туда и сюда, вторично строят укрепление в том же месте. Король же Одо, когда было собрано войско, выступил к Амьену. Однако там он ничего удачного не сделал, а норманны после этого в округе Вермандуа, вследствие пренебрежения караульных, застали его врасплох и заставили бежать.

39. В год Господень 891. Норманны, вернувшиеся от Лаона, видя, что все королевство истощено голодом, отправились за море, оставив Франкию.

40. В год Господень 895. Норманны же со своим герцогом, которого именовали Родо, снова войдя в Сену, будучи еще больше по численности [и] совершая нападение перед Рождеством Господним, устремились в Шуази, в то время как никакого сопротивления им [не] было;

41. и, вследствие многочисленности, они, опустошая железом и огнем провинции отлученного королевства,

42. нападают на области Аквитании и, после того как города были дочиста обобраны, и жители убиты, совершенно уничтожили и монастыри. Однако после этого король Карл Простой с незначительным войском последовал по пятам за норманнами, возвращавшимися с добычей, в округе Виме, где некоторые из них были убиты и многие ранены. Норманны же, устранившись, по обыкновению своему возвратились в укрепление.

Позже Карл Простой передал Родону Нейстрию, которую норманны назвали Нормандией, – оттого, что они-де вышли туда из Норвегии.

Осада Парижа норманнами (Аббон, «О войне города Парижа с норманнами»)

Аббон (конец IX – начало X вв.) был монахом аббатства св. Германа в Париже и, следовательно, очевидцем описываемой им осады города норманнами в 887 г. Описал эти события в трех книгах под заглавием «О войне города Парижа с норманнами».

17. Осада парижской башни Шателе норманнами. 887 г.

О Лутеция¹, раскинувшаяся среди вод Сены, в центре богатого королевства франков! Ты провозгласила сама себя великим городом, сказав: «Я, как царица, сияю среди прочих городов» (Такие восторженные речи понятны в устах поэта и приверженца нового короля Одо, родоначальника Капетингов, сделавшего в первый раз Париж, которого он был прежде графом, центром нового королевства, после распада Карловой монархии; при Карловингах Париж не играл никакой роли). В самом деле, ты поражаешь взоры всех своими воротами, из которых одни прекраснее других. Ты приводишь в отчаяние всякого, кто смотрит жадно на богатства франков; ты владеешь чудным островом²; река обтекает твои стены; она держит тебя в своих объятиях, и ее кроткие волны текут под мостами, которые идут от тебя справа и слева; по краям этих мостов, над рекою, высятся башни, охраняющие тебя. Поведай же мне сама, о гордая Лутеция, какими гробницами не усеяли тебя даны³, это племя дружественное Плутону, когда божий святитель, великий и достолюбезный Гоццелин⁴, твой благодетельный пастырь, управлял твоею церковью!...

Кровь твоя пролита этими варварами, приплывшими на семистах парусных кораблях и прочих маленьких ладьях, многочисленных до того, что нельзя их и счесть; народ называет их барками. Поверхность глубоких вод Сены до того покрыта ими, что ее волны исчезли под их судами на пространстве более двух миль; с удивлением ищут, в какой трущобе спряталась река; нигде она не показывается: промокшая сосна, дуб, мокрая ива покрывали совершенно поверхность реки.

На следующий день, после того как те корабли коснулись подножия города, к преславному пастырю Лутеции, в его дворец, явился Сигфрид, король, но только по имени; впрочем он предводительствовал своими сподвижниками. Склонив главу пред первосвятителем, он заговорил так: «Гоццелин, сжался над собою и над своею паствою; если ты не хочешь погибнуть, умоляем тебя, преклони свой слух благосклонно к нашим просьбам. Позволь нам только пройти чрез этот город; мы его не тронем и постараемся сохранить имущество твое и Одо»⁵. Этому Одо, уважаемому всеми графу, будущему королю, сделавшемуся вскоре отцом государства, было поручено тогда охранение Лутеции. Но пастырь божий отвечал Сигфриду словами, дышавшими полною преданностью: «Этот город вручен нашему охранению императором Карлом⁶; он, после Бога, король и повелитель всех стран на земле, держит в своей власти почти весь мир. Он отдал нам Лутецию не для того, чтобы она причиняла гибель всему королевству, но чтобы спасла его и обеспечила ему безопасность; представь, что защита этих стен была бы поручена тебе, как она теперь поручена мне, и скажи, сделал-ли бы ты то, что считаешь справедливым требовать от меня, и как бы ты поступил?» – «Если бы я это сделал, возразил ему Сигфрид, то пусть моя голова погибнет от меча и послужит пищею псам! Но все же, если ты не уступишь нашим просьбам, то с восходом солнца мои воины забросают тебя своими стрелами и

дротиками, напоенными ядом; когда же светило закатится, они предадут тебя всем ужасам голодной смерти; и это будет повторяться каждый год».

Так он сказал, ушел и начал торопить своих сподвижников. Едва занялась заря, как этот вождь повел свое войско на битву. Все они бросаются с своих кораблей, бегут к башне⁷, колеблют ее жестоко до основания учащенными ударами и осыпают градом стрел. Город оглашается криками; жители стремятся со всех сторон; мосты дрожат под их шагами; все бежит и торопится на защиту башни. Между ними отличаются своим мужеством граф Одо, брат его Роберт и граф Рагнар; тут же и храбрый аббат Эббль, племянник епископа. Сам же епископ слегка ранен: его коснулась острая стрела; Фридрих, его оруженосец, юноша цветущий летами, поражен мечем; юный воин погиб, а старец, исцеленный рукою Бога, возвращает свое здоровье. Для многих из наших это был последний день; но и они, с своей стороны, нанесли врагу жестокие раны. Наконец наши отступили, погубив тьму данов, у которых едва сохранились признаки жизни... От прежней цельной башни почти ничего не осталось; уцелел один крепко сложенный фундамент и нижние зубцы; но в ночь, последовавшую за битвой, эта башня, обложенная вокруг здоровыми бревнами, поднялась еще выше, и на старом укреплении, так сказать, возникла новая деревянная крепость, в полтора раза выше прежней. Таким образом, солнце, а вместе с ним и даны, могли на следующий день приветствовать новую башню. Снова они дают жестокою и кровавую битву неверным. Со всех сторон падают стрелы, струится кровь; на воздухе сталкиваются камни, пущенные из праща, и их удары перемешиваются с ударами копий. Между небом и землей только и видны, что стрелы, да камни. Башня, дитя ночи, стонет, пронзаемая дротиками; я говорю: дитя ночи, потому что, как я выше сказал, она была выстроена в одну ночь. Город в ужасе; жители громко кричат; звуки рогов призывают их поспешить на защиту колеблющейся башни. Христиане бьются и усиливаются отстоять ее оружием. Между нашими воинами отличаются особенно двое, превосходя своим мужеством прочих: один граф, а другой – аббат. Первый победоносный Одо, не испытавший поражения ни в одном бою, воодушевляет своих и поддерживает их истощенные силы; он ходит беспрестанно по башне и поражает врага. А враг старается покачнуть башню при помощи подкопов; но Одо льет на осаждающих масло, перемешанное с воском и горохом; масло льется на них огненным ручьем, пожирает, жжет и палит волоса на голове данов; многие из них погибли, а другие ищут спасения в волнах реки. Наши же кричат им все в один голос: «Бедные погорелые, бегите в Сену; пусть она вам вырастит новые волосы, лучше причесанные». Храбрый Одо истребил огромное число этих варваров.

Второй же из наших героев, кто он? Это – аббат Эббль, сподвижник Одо и соперник его в храбрости. Одним ударом копья он нанизал на него вместе семь данов, и приказал, для шутки, так и снести их на копье в кухню. Никто не смеет опередить этих героев во время битвы, никто не смеет приблизиться к ним, ни стать рядом; но и другие равно презирают смертью и храбро дерутся. Впрочем, что можно сделать с каплей воды против тысячи огней? Верные, при всей своей храбрости, сражались в числе едва двухсот человек, а неприятелей доходило до сорока тысяч, и притом их всегда оставалось сорок тысяч, так как при нападении на башню новые сменяли прежних.

¹ Т.е. Париж.

² Cite, центр Парижа, лежит на острове, образованном рукавами Сены.

³ Т.е. норманны.

⁴ Тогдашний архиепископ Парижа.

⁵ Граф Парижский, с 888 г. – король Франции.

⁶ Карл III Толстый.

⁷ Chatelet. На правом берегу Сены, ныне площадь с новым театром того же имени) главная башня из укреплений тогдашнего Парижа, древней римской постройки.

Арабские свидетельства о нашествии норманнов на Севилью в 844 г.

В 844 г. норманны осуществили нападение на Севилью.

Хроника этого набега воспроизведена детально по восточным источникам X-XVII вв., которые, пересказывая друг друга, добавляя новые детали, иной раз искажая в силу своих представлений какие-то черты, сохранили конкретные данные о событиях. Это Ибн ал-Кутиййа (ум. 977), Ибн Хаййан (987/88-1076), ал-'Узри (1003-1085), ал-Баكري (ум. 1094), Ибн ал-Асир (1160-1234), Ибн Са'ид ал-Магриби (не позднее 1214-1278), Абу-л-Фида' (1273-1331), Ан-Нувайри (1279-1332), Ибн ал-'Изари (вторая половина XIII – начало XIV вв.), Ибн ал-Хатиб (1313-1374), Ал-Маккари (1591-1632) и др. Приводятся выдержки из рассказов об этом набеге.

(Ибн ал-Кутиййа)

«[...] 'Абд ар-Рахман построил в Севилье мечеть и воздвиг вокруг города стену по причине взятия ее маджусами, после того как вторглись они туда в году 230 (844/845), первой даты, когда упоминается [подобное]. Было их вторжение в его ('Абд ар-Рахмана) дни. Были уstraшены люди и бежали от них, и оставило население Севилью, и бежало оттуда в Кармону и в горы Севильи. Никто из жителей Запада не призывал сражаться с ними, и люди в испуге бежали в Кордову и соседние с ней округа. Вазирьы вышли вместе с жителями Кордовы и соседних с ней округов, а население Пограничья¹ спаслось бегством, как только

маджусы стали продвигаться, занимая первые же территории Запада и захватив равнину (?) Лиссабона. А вазирь и те, кто были с ними, оставались в Кармоне и не могли поднять людей на борьбу из-за большой силы [врагов]. [Так было], пока жители Пограничья не отважились [выступить]... Когда люди Пограничья соединились с вазирями, они стали просить, чтобы двинулся [и] народ, они сообщили, что от них ежедневно выступают отряды в сторону Фириша и Аликанте и в направлении Кордовы и Маврура. Они обратились с просьбой устроить засаду в таком месте, где они могли бы спрятаться поблизости от окраины Севильи. Им указали на селение Кинтуш Му'афир, южнее Севильи. Они вышли туда под покровом ночи и спрятались там. А в нем – церковь [святого] покровителя, и они поднялись [к куполу] и наблюдали с ее высоты из деревянной [надстройки]. Когда занялась заря, к ним вышел отряд [маджусов], в котором было шестнадцать тысяч, часть из них направлялась в сторону Маврура. Когда они [оказались] напротив селения, наблюдатель указал на них. Однако [мусульмане] не стали нападать на них, пока они не прошли дальше. Когда они удалились, [мусульмане] отрезали их от города, и меч поразил их всех. Затем подошли вазирь, вступили в Севилью и застали там правителя, который был осажден в ее крепости. Он вышел к ним, и люди отступили. А два отряда маджусов вышли [из города?], кроме того, который был уничтожен, один [отряд] в сторону Аликанте, другой – в сторону Кордовы и в сторону Бану Лайс. Когда те маджусы, которые были в городе, услышали о коннице, приходе войск и гибели отряда, выступившего в направлении Маврура, они бежали к своим кораблям, поднялись вверх [по течению] выше Севильи в сторону крепости аз-За'вак и встретились со своими товарищами, после чего сели на корабли и спустились вниз [по реке]. А люди, обозлившиеся на них, забрасывали их камнями и костями [животных]. Когда они (маджусы) подошли к Севилье на расстояние мили, то стали кричать людям: «Если хотите выкупить [своих пленных], отстаньте от нас!» [Люди] прекратили [нападения] на них и предоставили выкуп за находившихся у них пленников. Большинство пленных было выкуплено: они не брали в качестве выкупа за них ни золота, ни серебра, а взяли только одежду и еду.

Они отошли от Севильи и направились к Накуру... Затем они чинили насилия над всеми обитателями побережья, пока не добрались до страны ар-Рум (Византии или Италии). В том путешествии они достигли Александрии и пребывали в этом [положении] четырнадцать лет [...].

Многие старейшины Севильи рассказывали, что маджусы накаляли в огне стрелы и выпускали их в свод мечети, и, если [место] вокруг стрелы загоралось, она [стрела] падала. И следы стрел на своде [мечети] видны до нашего времени. Когда они потеряли надежду поджечь [мечеть], то собрали в одном из помещений дрова и циновки, [чтобы] разжечь огонь, и это [все] достигало кровли. Тогда со стороны михраба к ним вышел [некий] юноша и вывел их из мечети, и запретил им входить туда три дня, до тех пор пока не произошло сражение с ними. И маджусы описывают вышедшего к ним юношу как совершенство красоты».

(Ибн Хайян)

«Рассказ о нападении флота маджусов из ал-урдуманийун – да проклянет их Аллах – со стороны Румийского моря на западное побережье Андалусии [...].

Сказал Мухаммад ибн Ахмад² ар-Рази: в 229 г. (843/44) появились корабли ал-урманийун, известных в Андалусии как ал-маджус, у западного побережья Андалусии [...].

Сказал 'Иса ибн Ахмад³: я прочитал в «Послании о победе над маджусами»: остановились у берега одного из берегов наших пограничных районов корабли народа, именуемого ал-уд. М.анийун [...].

[Касыда 'Усмана]:

Собрал меч его [Насра-евнуха] из мяса ал-урдуманийуна вечернюю трапезу свою, а те набрасывались на него, подобно волкам и орлам».

(Ал-'Узри)

«Выступление маджусов со [стороны] моря на область Севильи. Рассказывают, что в году 229 (843/844) прибыло письмо Вахбаллаха ибн Хазма, наместника Лиссабона, сообщавшее, что остановилось на побережье около него 54 корабля и с ними 54 судна маджусов. Были отправлены известия правителям областей с предупреждением, и в том же [году] было высказано пожелание имаму 'Абд ар-Рахману от Галандара ибн Вук.к.х(а)⁴, и он участвовал в битве с маджусами. В году 230 (844/845) подошли маджусы на кораблях к Севилье в пятницу мухаррама 8-го (25 сентября 844). А перед этим зу-л-хиджа 1-го (20 августа 844) они появились близ Лиссабона, как уже было сказано. Находились они там тринадцать дней, и между ними и мусульманами происходили сражения. Затем они заняли остров Кабтель в [округе] Севильи в день, датированный [выше] пятницей, и оставались там три дня. Утром в понедельник они появились в селении Корио дель Рио, и люди начали войну с ними и [применили] оружие в крепости его против них, а оно [селение] расположено в 12 милях от города Севильи. Утром в понедельник 12-го мухаррама они встретились в сражении, мусульмане бежали, и очень многие из них погибли. Мажусы находились в Корио дель Рио оставшуюся часть дня, затем во вторник они вошли в Табладу, а она в 20 милях от города Севильи. Они провели там ночь, а на следующий день появились под городом в местности, именуемой ал-Фаххарин. Люди

призывали [объединиться] против них и начали сражение. Потом [маджусы] повели свои корабли дальше, пока не остановились внутри города Севилья, и бросились со своих кораблей в битву с мусульманами. Утром в среду 14-го мухаррама, и [это же] 1 октября, мусульмане бежали, а погибло и было взято в плен столько мусульман, что и не описать. Меч не переставал разить все живое, что только попадалось ему: мужчин, женщин, детей, верховых животных, скот, птицу – все, что находилось в пределах досягаемости их мечей и стрел. Они вошли в центральную часть Севильи и пробыли там остаток дня и ночь. Затем в четверг утром вернулись к своим кораблям.

А военачальники имама ‘Абд ар-Рахмана остановились восточнее Севильи, в местечке под названием Машдул[...]. Когда враги Аллаха узнали о них, они поспешили [первыми] начать [бой], так что чуть было не смяли их [ряды], но мусульмане проявили мужество, держались и продолжали сражение, пока не уничтожили около 70 неверных и не обратили их в бегство, прогнав на свои корабли. Затем мусульмане отказались [от преследования], отступились от них и остановились.

Когда к имаму ‘Абд ар-Рахману пришла весть о деяниях военачальников, он отстранил их и выпустил Мухаммада ибн Са’ида ибн Рустума, и тот отправился тотчас же [после] этого во главе воинов и ополчения, собравшихся к нему, пока не остановился в центральной части Севильи. Тогда маджусы вышли к нему и в тот же день завязали бой с ним в городе, но он отразил их. Когда наступила ночь, он и те, кто были с ним, ушли, боясь ночного нападения. Он отошел в Куртиш – это в четырех милях к югу от города. Затем утром он выступил для сражения, но маджусы не отважились напасть на него и отошли от [Ибн Рустума], пока не остановились в Табладе, а он преследовал их и во вторник 3-го раби’ I (18 ноября 844) напал на них, установив против них метательные машины. В этот же день к ним прибыл Наср-евнух с подкреплением из Кордовы, поднял людей со всех сторон на войну с маджусами, и началось сражение между ними. Мусульмане чуть было не бежали, но Мухаммад ибн Рустум сошел с коня, а за ним спешили также и люди, и пешие вошли в [пространство] между врагом и большой рекой, разъединив маджусов и их корабли. Маджусы бежали, и около пятисот неверных было убито. У них захватили четыре корабля со всем, что было в них. Ибн Рустум приказал сжечь корабли, а то, что находилось на них, продать как трофеи. Это происходило в его лагере, а маджусы не предприняли [нападения]. Они оставались между Табладой и Кабтелью несколько дней, и мусульмане не имели возможности напасть на них. [Так было], пока маджусы не вышли со стороны реки, [протекающей] вблизи Ниеблы, быстро поднялись на возвышенность, захватили пленных и товары, а затем стали наступать. Мусульмане преградили им путь. Во главе конницы был ‘Абдус ибн Мукбил, а командиром войска, расположенного в той местности, – ‘Абдаллах ибн Кулайб ибн Са’лаба. [Но] каждое подразделение воздерживалось от помощи сотоварищам и отказывалось защищать их.

Затем маджусы прибыли в Канб Кауриш, расположились там, вывели пленных и выставили добычу, распределив все это между собой. Тогда мусульман охватил гнев, и они отважно ринулись на них, убили двух молодчиков из маджусов и загнали их на корабли. После этого враги Аллаха вошли в Кабтель и продвигались между долинами, а мусульмане с обоих берегов реки спустились к ним, не давая им остановиться. Маджусы облегчили свои корабли и пошли в Сидонию, захватили еду и взяли пленных. Там они находились два дня. Затем по реке спустились пятнадцать кораблей, принадлежащих имаму ‘Абд ар-Рахману ибн ал-Хакаму, с воинами и оружием, и остановились в Севилье. Когда маджусы узнали об этом, они ушли к Балбале, совершая набеги и захватывая пленных. Они остановились на реке Вади Вабру (Гвадалквивир?) на острове Шалтиш. После этого маджусы достигли Ашкуны и сделали остановку на Вади Ана (Гвадиана?), затем пришли к Беже и остановились в местности, называемой С. ‘с, потом располагались в ал-Ма’дане, далее перебрались в Лиссабон и двинулись [оттуда] в поход, и после этого вестей о них не поступало».

(Ал-Бакри)

«[...] Стены Севильи построил имам ‘Абд ар-Рахман ибн ал-Хакам после того, как ей овладели маджусы, из камня, сделав их (стены) очень прочными».

(Ибн ал-Асир)

«Рассказ о нападении многобожников на области мусульман в Андалусии. Он сказал: в этом году, я имею в виду 230 (844/45), выступили маджусы морским путем из отдаленных пределов Андалусии на области мусульман в ней [...]. Они появились в зу-л-хиджжа года 229 (20 августа – 17 сентября 844) около Лиссабона, и 13 дней происходили между ними и между мусульманами битвы. Затем напали на Кадис, потом на Сидонию. Были между ними и мусульманами сражения. Затем подошли к Севилье 8-го мухаррама (25 сентября) и остановились в двенадцати фарсах от нее. Против них вышло много мусульман, и они встретились в сражении, но 12-го мухаррама (29 сентября) мусульмане отступили, многие из них погибли. Затем расположились они (маджусы) в двух милях от Севильи. Жители выступили против них и сражались, но 14-го мухаррама (1 октября) мусульмане обратились в бегство и многие были убиты, другие взяты в плен. Мечи маджусов не щадили ни человека, ни лошади. Они вошли внутрь Севильи и оставались там сутки, а затем

вернулись к своим кораблям. После этого их настигло войско ‘Абд ар-Рахмана – правителя страны – и [отряды] нескольких предводителей. Маджусы напали первыми, но мусульмане держались стойко и сражались с ними. Семьдесят многобожников было убито, а остальные отступали, пока не сели на корабли, мусульмане же воздержались [от нападения] на них. Услышав об этом, ‘Абд ар-Рахман послал еще другое войско, и оно вступило в жестокую битву с маджусами, и те повернули обратно, а войско, неотступно следуя за ними, на протяжении раби’ I (16 ноября – 15 декабря 844) вело сражение, и к нему подошла подмога со всех местностей, вставая на битву с маджусами со всех сторон. Маджусы выступили против них и сражались с ними, и мусульмане чуть было не отступили, но потом держались стойко. Многие из них спешились. И маджусы бежали, а около пятисот человек из них было убито. У них захватили четыре корабля, забрав то, что там было, и сожгли их. Несколько дней [мусульмане] оставались [на месте], не имея доступа к маджусам, так как те находились на своих кораблях.

Затем маджусы двинулись в Ниеблу и захватили пленных, после причалили к острову неподалеку от Кур(т?)иса, расположились там и разделили имевшуюся у них добычу. Тогда мусульмане, разгневавшись, подошли к ним по реке и убили двух человек из [числа] маджусов, после чего маджусы отплыли, направляясь к Сидонии. Там они захватили в качестве добычи продовольствие и пленных и находились там два дня. А потом в Севилью прибыли корабли ‘Абд ар-Рахмана, правителя Андалусии. Когда маджусы слышали об этом, то поспешили к Балбале, напали на город и захватили пленных, затем подались в Оксонобу, далее прошли к Беже, после этого вернулись в Лиссабон, а затем ушли, и известия о них из городов прекратились».

(Ибн Са’ид ал-Магриби (Абу-л-Хасан ‘Али ал-Гарнати))

«[...] И в году 229 (843/844) корабли ал-урдуманийина ал-маджус появились у западного побережья Андалусии. В четверг, когда прошло четырнадцать [ночей] мухаррама 229 года, они пристали близ Севильи, а она не была защищена. Они вошли и грабили ее [на протяжении] семи дней, пока не появился Наср-евнух. Он обратил в бегство христиан, называемых ал-маджус, и привел в негодность их корабли. Об этом ‘Усман ибн ал-Мусанна сказал:

Говорят, что ал-урдуманийина приближаются.

А я сказал: если придут, пошлем на них Насра.

После этого была построена стена Севильи по совету ‘Абд ал- Малика ибн Хабиба».

(Абу-л-Фида’)

«Он сказал. В этом году (я имею в виду год 230 (844/845)) вышли маджусы из самых отдаленных областей Андалусии по морю к стране мусульман. Между ними и мусульманами произошло несколько сражений, в которых мусульмане потерпели поражение. Так что [маджусы] вошли в центр Севильи, но их настигло войско ‘Абд ар-Рахмана Омейяда – правителя Андалусии, а затем к ним присоединились мусульмане со всех сторон, и маджусы были побеждены, у них было захвачено четыре корабля с тем, что было в них, и маджусы на своих кораблях бежали в свою страну».

(Ан-Нувайри)

«Рассказ о походе маджусов в области ислама в Андалусии. Он сказал: в году 230 (844/845) выступили маджусы из отдаленных земель Андалусии в страну мусульман. Впервые они появились в зу-л-хиджа года 229 (20 августа – 17 сентября 844) около Лиссабона, и оставались они там 13 дней, и происходили между ними и между мусульманами сражения [...]. (Далее рассказ в несколько сокращенном варианте совпадает с известиями Ибн ал-Асира, который и был первоисточником ан-Нувайри.)».

(Ибн ал-’Изари)

«Вторжение маджусов в Севилью в году 230 (844/845). Вышли маджусы на примерно 80 кораблях, как будто заполонили море черные птицы, так и наполнились сердца горем и скорбью. Высадились у Лиссабона, затем подошли к Кадису, к Сидонии, потом подступили к Севилье, заняли ее силой, истребляя и пленяя жителей. И оставались в ней семь дней, напоив ее народ из чаши смерти. Весть об этом дошла до эмира ‘Абд ар-Рахмана, и он послал туда конницу хаджиба ‘Исы ибн Са’ида – мусульмане явились к нему по мановению ока. Во главе конницы он поставил ‘Абдаллаха ибн Кулайба ибн Васима и других. [‘Абд ар-Рахман] снизошел с высоты престола, предписав правителям округов мобилизовать людей. Они собрались в Кордове, и во главе их выступил Наср-евнух. Маджусы составили корабли один к другому и стали убивать мужчин, насиловать женщин, захватывать мальчиков, и это совершалось на протяжении тринадцати дней, как об этом рассказано в [сочинении] “Бахджат ан-нафс” (“Радость души”), но в книге “Дурар ал-кала’ид” (“Жемчужины ожерелий”) –

семь дней, как было сказано выше. (Дальнейший рассказ, до повествования о сожжении кораблей маджусов и продаже награбленного, совпадает с известиями ал-'Узри.) [...] Затем произошло сражение с ними около селения Таблада, во вторник, когда оставалось пять ночей [до конца] сафара (11 ноября 844), в нем погибло множество [маджусов], было сожжено тридцать кораблей. Большое число маджусов было повешено в Севилье, их подняли на стволы пальм, что были там. А оставшиеся сели на свои корабли и ушли в Ниеблу, а оттуда направились к Лиссабону, и вестей от них больше не поступало.

Прибытие их в Севилью [приходится] на среду, по прошествии четырнадцати ночей мухаррама 230 года (1 октября 844), а после их прихода в Севилью прошло сорок два дня. Был убит их эмир, их [самих] погубил Аллах, а их оружие и снаряжение были рассеяны мезью Аллаха и наказанием – возмездием за то, что они совершили, – тем, что Аллах уничтожил их эмира и погубил множество их [самих] и их завоевания. И были выпущены грамоты для [всего] мира с известиями о них. Эмир 'Абд ар-Рахман написал пребывающим в Танжере [вождям] Санхаджа⁵, извещая их о том, что совершил Аллах с маджусами и какое ниспослал на них отмщение и гибель, и послал [им] голову эмира [маджусов] и двести голов его спутников».

(Ибн ал-Хатиб)

«В его ('Абд ар-Рахмана II) время вышли корабли маджусов, вошли в Севилью, Кадис, Сидонию и Лиссабон, затем потерпели поражение; а маджусы – это те, которых сегодня христиане Кастилии называют инклиш (англи), а народ Машрика – фиранджами (франками) и инклизирами (англичанами). Местопребывание их государя – на двух огромных островах длиной 600 миль, и они народ мощный, могущественный и сильный».

(Ал-Маккари)

«В его ('Абд ар-Рахмана) дни появились маджусы и вторглись в Севилью. 'Абд ар-Рахман послал на них войско с командующими из Кордовы. Они оставили свои суда и вступили в бой с мусульманами, которых разбили после тяжелого боя. Затем пришли войска на помощь из Кордовы и сражались с маджусами, и разбили их мусульмане и захватили часть их кораблей и сожгли их. [Тогда те] передвинулись к Сидонии и находились в ней два дня, захватив кое-что из добычи. [Но] прибыли корабли 'Абд ар-Рахмана к Севилье, и отошли маджусы к Ниебле, нападая и оскорбляя [жителей]. Потом [маджусы прошли] к Беже, затем к Севилье, а потом прекратились вести о них, когда они отплыли из Лиссабона, и страна успокоилась. Это [происходило] в 230 году».

(Анонимное описание Андалусии XIV – XV вв.)

«В году 230 (844/845) он ('Абд ар-Рахман II) приказал построить мечеть в Севилье и воздвигнуть стену по причине вторжения маджусов в нее по морю Румийскому».

¹ Имеется в виду область, соседняя с Андалусией

² Здесь ошибка, следует читать: Ахмад ибн Мухаммад.

³ Ар-Рази, сын упомянутого выше Ахмада ибн Мухаммада.

⁴ Галиндо, сына Иньиго?

⁵ Союза берберских племен.

Характеристика Нормандии (Готфрид Малатерра, «О деяниях Рожера...», I)

Характеристика Нормандского региона, представленная в произведении Готфрида Малатерры «О деяниях Рожера, графа Калабрии и Сицилии, и его брата, герцога Роберта Гвискара».

Начинается книга первая.

I. Нормандия – это страна в пределах Галлии, которая, правда, не всегда называлась Нормандией; но, будучи королевским фиском королей франков, она вместе со всем их доменом, частью которого являлась, носила таким образом общее наименование – Франция до тех пор, пока Роллон, храбрый герцог из Норвегии, набравшись отваги и присоединив к себе крупный отряд храбрых воинов, доверившихся морю на военных судах, не опустошил Фризию и другие приморские области до самого запада и не высадился, наконец, в гавани, где река Сена впадает в море; с сильным флотом он проник по её течению во внутренние районы Франции и, видя, что красота этих мест превосходит красоту прочих областей, через которые он прошёл, он решил охватить эту страну любовью и присвоить себе. Ибо она была богата изобилующими рыбой реками и полными диких зверей лесами, весьма удобна для ястребиной охоты, обильна пшеницей и прочими хлебами,

богата пастбищами для пропитания скота. Поэтому они, высадившись с обоих берегов, начали подчинять своей власти жителей этого края...

Из истории Нормандского герцогства (Роберт Вас, «Роман о Роллоне»)

Евстахий (искаж. Вас.), 1112-1180 гг. был поэтом с нормандского острова Джерсей, писавшим на романском языке и положившим тем самым начало «романам». В «Романе о Роллоне» он описал раннюю историю Нормандского герцогства.

В 911 г., не имея сил для борьбы с викингами, король Карл III Простоватый, заключил с Роллоном Сен-Клер-сюр-Эптский договор. По нему король западных франков передавал в лен побережье в районе Сены с центром в Руане (совр. Верхняя Нормандия), а также еще целый ряд земель, отдавал в жены свою дочь Гизелу, а тот взамен признавал своим сеньором короля Франции и переходил в христианство. Это соглашение заложило основы Нормандского герцогства, которое стало наследственным владением Роллона и его потомков. Новый вассал короля при крещении получил имя Роберта.

«Роллон, – сказал Франко, архиепископ Руанский, – богу угодно возвеличить твою славу и твое баронское достоинство. ...Перемени свое поведение, дай другой исход своему мужеству, вступи в христианство и оказывай почтение королю. Учись жить в мире и укрощай свою ярость, не разрушай его королевства, чем ты ему причиняешь великую обиду. Он имеет прекрасную дочь [Гизелу], знатного происхождения, и хочет отдать ее тебе в замужество, и ты получишь в приданое всю приморскую страну от реки Эр до моря. Таким образом, ты будешь жить своими ежегодными доходами, без грабежа; будешь иметь много хороших крепких замков и прекрасных жилищ. Согласись на трехмесячное перемирие, не причиняя вреда, не ходи в это время грабить ни на кораблях, ни на лодках; тебе дадут хороших заложников для обеспечения договора. Неужели ты почтешь стыдом жениться на дочери короля?». Роллон выслушал эту речь, и она доставила ему большое удовольствие. По совету своих вассалов он согласился на перемирие; ему прочли договор, и обе стороны подтвердили его... Роллон стал вассалом короля и положил в его руки свои. Когда он должен был поцеловать ногу короля, то, не желая поклониться, опустил только руку, поднял ногу короля к своим губам и опрокинул Карла. Все засмеялись над этим, а Карл встал. Перед всеми он отдал свою дочь и Нормандию... Когда Роллон был крещен, он женился на дочери французского короля, что скрепило их мир... Роллон просил и уговаривал всех своих людей креститься и осыпал их почестями: некоторым дал деревни, замки и города, другим – поля, доходы, мельницы и луга, давал также леса, земли и большие земельные владения, смотря по службе и достоинству, по знаменитости и возрасту. Все утвердившиеся в Нормандии как владетели ленов были награждены по их желанию.

Установление власти норманнов в южной Италии («Краткая норманнская хроника»)

«Краткая норманнская хроника» – короткая латинская хроника, созданная анонимным автором в начале XII в. и повествующая об установлении власти норманнов в южной части Италии. Повествование охватывает период от вторжения Ардуина Ломбардского в Апулию в 1041 г. до смерти Роберта Гвискара в 1085 г.

1041. Во время правления норманнского князя Хардуина Лангобардского норманны впервые вторглись в Апулию с большим и сильным войском.

1042. В месяце марте норманны провели битву в Апулии с императорским протоспатарием¹ Михаилом, которого также называли Дульхиан^{1а}, и победили его. В месяце мае снова произошла битва, и в этот раз, наоборот, победили греки во главе с протоспатарием. В Апулии норманны захватили много городов и поместий, принадлежавших грекам и императору Михаилу², который в этом году сменил Константина³.

1043. Военачальник Мениах⁴ с греческим войском провел битву против норманнов близ Матеры, и оба войска понесли большие потери.

1045. Императорский капитан и греческий князь Аргир Барийский выступил в Тарренто против норманнов, и победил их; затем пошел в Трано, и был побежден князем Гильермо Ферребрахио, которого объявили первым графом Апулии..

1046. Произошла битва в Апулии между греками и норманнами. И норманны обратили в бегство и рассеяли войско греков; их князем был Дрого, который стал вторым графом Апулийским.

1048. Норманны выступили против греков в Калабрии, вторглись в нее, и греки были побеждены близ Трикарики. Гумфред захватил Трою и построил замок в Бахарезе.

1051. Дрого погиб в Апулии, его преемником стал Гумфред.

1052. Произошла битва с Аргиром, греческим кателаном⁵, против норманнов близ Тарренто, и еще одна битва близ Кротона в Калабрии, и был побежден Сикос протоспатарий, и наступило великое владычество норманнов в Калабрии и Апулии; и возросла их сила, и страх перед ними на всей земле.

1053. Норманны вели войну против папы Льва, княжества Беневенто и императорского катепана в княжестве Беневенто; князь Рудольф бежал, папу Льва захватил Гумфред с норманнами, и в месяце июне настало великое опустошение.

1054. Умер император Константин⁶, которого называли Мономахом; после него правила Феодора⁷, ставшая августейшей императрицей после Константина и сестра Зои.

1055. Гумфред провел битву против греков близ Ории и победил. Граф Гауфред захватил Неритон и Литий. Граф Роберт захватил Галлиполь и победил затем греческое войско в земле Тарентийской, взял Гидронт и замок Минервы.

1056. Умер Гумфред, и вторгся Роберт, граф Апулийский, которого называли Гвискард. В сентябре произошла битва близ Тарренто, в которой греки были побеждены, множество людей погибло в Тарренто и Гидронте, все города и поместья очутились под властью норманнов. Умерла Феодора Августа, преемником стал Михаил, которого называли Стратоником⁸.

1057. Михаил отрекся, и на трон вступил император Исакий⁹.

1058. В Таррентской земле и в Калабрии был великий голод. Потом пришла чума, и умерли люди и животные во множестве в месяце мае.

1059. Апулийский граф Роберт был помазан папой Николаем в городе Мельфисе на княжение в Апулии, Калабрии и Сицилии, и стал владеть всей этой землей. Император Исакий отрекся от престола, императором стал Константин Дука¹⁰.

1060. Князь Роберт в месяце мае захватил город Тарренто, потом завладел Брундизием. Граф Мальгер выступил против Ории и разбил там греков. В месяце октябре пришел Мириарх^{10a} с императорским войском и провел большую битву против Роберта и Мальгера, и разбил норманнов, и отобрал у них все земли, и Гидрунт.

1061. В январе граф Рожер вторгся в Мандурий, князь Роберт захватил Ахеронтий и выступил против греков, которые засели в Мельфии, и победил их.

1062. Князь Роберт снова взял Брундизий и разбил греков, захватил в битве Мириарха, и затем выступил против Ории, взял и ее, и построил замок в Мейяне.

1063. В месяце апреле умер граф Тауфред, его сын Гоффрид захватил Тарренто, затем выступил против замка Мотул, и взял его.

1064. Граф Роберт захватил Матеру в месяце апреле; в месяце июне граф Гоффрид взял Кастанет. В месяце сентябре умер граф Мальгер, а также граф Гильельм в Тарренто.

1067. Мабрика с большим греческим войском разбил норманнов и занял Брундизий и Тарренто. Затем он пошел на Кастанет и вернул его. Умер Константин Дука¹¹, и оставил империю своей жене Евдокии и детям; затем его жена вышла замуж за римлянина, которого звали Диоген¹², и он стал императором.

1068. Граф Гоффрид осадил Монте Пилос и взял его в месяце июне. В месяце октябре он захватил Гидрунт и разбил греков.

1069. Произошла битва в окрестностях Лития, и греки были разбиты. Князь Роберт взял Гавин, Оббиан и Бари.

1070. Князь Роберт выступил против Брундизия, а граф Гоффрид пришел в большим и сильным войском на кораблях, и после упорной и жестокой битвы захватил Мабрику и полностью уничтожил осажденных.

1071. Князь Роберт захватил Брундизий, умер его брат Гумберт, был смещен и изгнан император Роман¹³. Преемником стал Михаил Дука, сын Константина¹⁴.

1072. Князь Роберт с большим морским войском пришел к острову Сицилия¹⁵, граф Гоффрид осадил Панорм и захватил его. В месяце июне славный Роберт вошел в Панорм и изгнал из него сарацин, и имел большой триумф.

1073. Норманны с графом Петронием в месяце январе захватили город Траний. Славный князь Роберт вернулся из Сицилии, разбил графа Петрония близ Бари, и захватил его; и граф Петроний стал врагом Роберта.

1074. Князь Роберт пришел в Кампанию, захватил много городов, и среди них Салерно, и стал врагом папы Григория.

1078. Граф Петроний захватил Траний. Михаил Дука был смещен с трона Никифором¹⁶, которого называли Ботониагом и который стал императором.

1079. Граф Петроний захватил Бари. Граф Абилигард выступил против Трои и разбил Боамунда, сына князя Роберта, осадил и захватил Аскул; позже князь Роберт вернул его. Затем на том же месте произошла битва, Абилигард с войском был разбит, бежал в Константинополь и там умер врагом князя Роберта.

1080. Князь Роберт взял Тарренто и Кастанет. Затем выступил с войском против Бари, и разбил Петрония, и захватил город Трани, и стал в месяце июне другом папы Григория, и его право на все его земли в Апулии, Калабрии и Сицилии было подтверждено. Императора Никифора свергли, императором стал Алексей¹⁷.

1081. Михаил Дука, которого изгнал Никифор, прибыл в Брундизий и просил у князя Роберта помощи против Алексия; князь Роберт выступил с ним к Гидронту, собрал морское войско с большим флотом, пошел с ним на остров Коркиру и захватил его. Потом выступил против Диррахия с 15-ю тысячами войска. Близ Диррахия произошла битва¹⁸, и Роберт разбил Алексия. Князь Роберт захватил Диррахий¹⁹ и одержал великую победу над греками.

1084. Папа Григорий был захвачен в Риме королем Генрихом, который поставил папой Гуиберта, архиепископа Равеннского, и случился раскол в церкви, и он был им коронован. Тогда Григорий в месяце мае позвал на помощь князя Роберта с множеством норманнов, был им освобожден и перевезен в Салерно; и король Генрих был разбит в Риме, и вернулся в Тевтонию.

1085. Князь Роберт пошел в Брундизий с большим и сильным норманнским войском, отправился в месяце апреле на кораблях по морю, выступил против венетов и взял Кассиопу²⁰. Произошла морская битва, и венеты^{20a} были побеждены²¹. Папа Григорий умер в месяце мае в Салерно, в месяце июле князь умер в Кассиопе. Его тело было перевезено в Брундизий в месяце сентябре и похоронено в церкви святой Сабины, в городе Венузии, взятом им перед смертью. Сердце и внутренности позже были перевезены в Гидронт. Его преемником стал его сын Рожер, отец Вильгельма III, князя Апулии, который и сейчас счастливо правит.

¹ Протопафарий-военный титул среднего достоинства в Византии.

^{1a} Михаил Докеян, катепан Италии. Битва произошла на р. Оливенто, притоке Офанто.

² Михаил V (11 декабря 1041 – 22 апреля 1042 г.)

³ Константин IX (11 июня 1042 – 8 января 1055 г.)

⁴ Георгий Маниак, известный византийский полководец 11 в. В 1031 г. овладел Эдессой. В 1037 назначен стратигом фемы Лонгивардия. В 1038 г. возглавлял поход в Сицилию, позже был оклеветан и отправлен в Константинополь где был схвачен. Спустя немного времени выпущенный из тюрьмы, снова направлен в Италию — бороться с норманнами.

⁵ Катепан – военный глава провинции.

⁶ 8 января 1055 г.

⁷ 8 января 1055 – 31 августа 1056 г.

⁸ Михаил VI Стратиотик (август 1056 – 3 сентября 1057 г.)

⁹ Исаак I (4 сентября 1057 – 22 ноября 1059 г.)

¹⁰ Константин X Дука (23 ноября 1059-23 мая 1067 г.)

^{10a} Имеется в виду мерарх-византийская воинская должность.

¹¹ 23 мая 1067 г.

¹² Роман IV Диоген. (1 января 1068 – 1 октября 1071 г.)

¹³ 1 октября 1071 г.

¹⁴ Михаил VII Дука (1 ноября 1071 – 24 марта 1078 г.)

¹⁵ Принадлежавшую арабам.

¹⁶ Никифор III Вотаниат (конец 1078 – 1 марта 1081 г.)

¹⁷ Алексей I (1 апреля 1081 – 16 августа 1118 г.)

¹⁸ 18 октября 1081 г.

¹⁹ 8 февраля 1082 г. (по другим данным в январе 1082 г.)

²⁰ Кассопская гавань на северном побережье о-ва Корфу.

^{20a} Венецианцы.

²¹ Анна Комнина отмечает целый ряд ожесточенных столкновений норманнского и венециано-византийского флотов в районе Кассоп. Они завершились победой Роберта Гвискара.

Завоевания норманнов в Сицилии (Александр Телезский, «История Руджеро...», I)

Александр Телезский, «История Руджеро, короля Сицилии, Калабрии и Апулии».

Рожер I (1031 – 22 июня 1101 г.) – младший из братьев Отвилей, в течение 1061-1091 гг. отвоевал у арабов Сицилию и заложил основы будущего Сицилийского королевства. С 1072 г. носил титул великий граф Сицилии.

ИСТОРИЯ СВЕТЛЕЙШЕГО РУДЖЕРО, КОРОЛЯ СИЦИЛИЙСКОГО.

Пролог.

Алессандро, недостойный аббат обители в Телезе приветствует всех верующих во Христа.

Я не считаю ни невозможным, ни напрасным запечатлеть на бумаге однажды происшедшее. Очень полезными могут быть такие записи, благодаря которым можно достаточно хорошо понять, что должно делать и от чего следует уберечься. Даже если описываемые военные действия вслух осуждаются как неприглядные с моральной точки зрения, они всё же, некоторым образом служат указанием, более того, предостережением от того, что не должно случиться, потому, что всё более становится нам свойственно противление миру и потому, что нет проще решения. Поэтому никто не должен упрекать меня тем, что я, монах, снискал себе славу своим пером сохраняя для потомков повествование о военных кампаниях, современником которых мне довелось быть, ведь в древних Писаниях о Сауле, и Давиде, и других царях рассказывается много подобных вещей, насчёт которых не выносятся никаких запретов и они свободно читаются во всех храмах мира на благо слушающим. Таким образом я предпочёл на время укрыться в обители, никому не причинив никакого вреда с тем, чтобы столь значимые события не остались не оценёнными, погрузившись в молчание. Завершить же этот труд мне помогли настоятельные просьбы графини Матильды, сестры короля Руджеро и жены графа Раймондо. Услышав её просьбу я, памятуя о суровости моего ордена, хотел было уклониться, но, спустя немного времени, я пожалел об этом своём намерении, поняв: то, на чём она настаивала, послужит будущему. Итак, предприятия этого короля навеки засвидетельствовали каким он был в нежном возрасте, как поступал в юности, каким он был, став графом Сицилийским, как добился герцогских почестей и, наконец, как поднялся до королевского

достоинства. Иными словами, какая мощь сверкала в наши дни, в наше столетие, с каким натиском в короткое время подчинил он себе земли от Сицилии до Рима.

Этот труд может вместить только краткое описание этих событий.

Его выдающаяся доблесть имела свою цель, служила ему оправданием, несмотря на мстительное удовлетворение, с которым обрушивал он свой бич на провинции, где изобиловало беззаконие, искоренение которого свидетельствовало о таинственном присутствии Промысла Божия. В самом деле, казалось, именно по воле Господа неукротимые злодеяния лангобардов подавлялись мощным натиском норманнов. Точно также, и это теперь ясно, Руджеро было дано Божьим провидением покарать своим мечом безмерный позор этих провинций. О, какое только преступление ни совершалось здесь? Ведь не зная никакой меры беспрестанно творились убийства, грабежи, хищения, святотатства, прелюбодеяния, клятвопреступления и сверх того, притеснение церквей, монастырей, пренебрежение Божьей волей и многое подобное тому. Паломники, в странствиях своих полагающиеся только на веру, подвергались нападениям, причём одних раздевали, другие, лишённые всего, что имели, бывали убиты. Вот почему Господь, глубоко оскорблённый этими беззакониями, извлёк Руджеро, словно отточенный клинок из ножен сицилийской земли, желая через него покарать тех, кто творил все эти злодеяния. Вот почему им, на чьи головы обрушился Его гнев, не было спасения: потому что слишком долго терпел он их, неисправимых.

Каснувшись же всех этих вещей в прологе, перехожу я к самому повествованию.

КНИГА I

ИСТОРИЯ РУДЖЕРО, КОРОЛЯ СИЦИЛИИ, КАЛАБРИИ И ПУЛИИ

1. Когда смерть призвала от земных дел герцога Гульельмо Пулийского, племянника досточтимого кондотьера Роберто Гуискардо, сын сына которого, Руджеро, следовал за ним вторым в правах на герцогскую власть, случилось, что на Пулию, ставшую к тому времени провинцией, и на соседние с ней области обрушилось страшное бедствие: поскольку сам герцог, не имевший законного наследника, умирая не оставил наследника, некоторые города герцогства, как Салерно, Троя, Мелфи, Веноза и другие, оказавшиеся без хозяина и покровителя, пали жертвой тиранических амбиций то одних, то других узурпаторов и, более того, каждый из них был волен делать то, что на его взгляд было предпочтительнее, поскольку не было никого, способного возразить. В самом деле, никто уже не опасался физического ущерба, но все ежечасно были склонны прибегнуть к насилию, так что не только путник вечно принуждён был испытывать страх за собственную жизнь, но даже крестьянин, отправляющийся на работу в поле, не мог быть уверен в благополучном возвращении. Что можно к этому добавить? Если бы Господу не было угодно сохранить семя рода Гуискардо, благодаря которому вскоре в герцогстве восстановилась законная власть, вся страна была бы приведена в полный упадок под натиском злодейств, порождённых нечеловеческим измышлением. Дальнейшие рассуждения прояснят, кто именно был этот потомок рода Гуискардо: я говорю, что это был Руджеро, сын графа Руджеро Сицилийского, брата уже упомянутого Гуискардо, который в упомянутую эпоху управлял графством Сицилийским и о котором считаю более чем правильным рассказать, хотя бы в общих чертах, начиная с самого детства.

2. У него был единственный старший брат по имени Симоне, который должен был после смерти отца сменить его на поприще правителя провинции. Руджеро, как свойственно бывает мальчикам, часто провоцировал его на драки. Он действительно предпочитал эту игру всем прочим. И когда они, собрав каждый по своей команде, сражались, Руджеро, несмотря на то, что был младше, одерживал верх. Повалив же на спину брата, Руджеро восклицал: «Конечно, мне, победившему тебя а не тебе, подобает править и наследовать отцу. Поэтому, когда власть будет в моих руках, я сделаю тебя епископом или папой римским, что тебе больше подходит». И в такие моменты триумфа, произносящий эти обидные слова, он действительно убеждал, что именно он достоин отцовского наследства и что в будущем он одержит многие победы и покорит многие земли, как это потом и произошло.

3. Далее случилось так, что по Божьему проведению оба, Симоне и отец его, Руджеро, соединились в вечности и Руджеро, самый младший в семье, вступил в управление графством. Но, поскольку нежный его возраст препятствовал его вступлению во власть в полной мере, его мать, которую звали Адалезия, женщина весьма благоразумная, приняла на себя регенство до момента достижения Руджеро совершеннолетия.

Будучи ещё ребёнком и находясь под материнской защитой, Руджеро очень часто испытывал сострадание и бедняки и пилигримы не уходили от него без подарка. Часто, не имея ничего, что можно было бы отдать, он обращался к матери, чтобы она дала ему то, что он хотел преподнести нуждающемуся. Её он постоянно просил позволить ему щедрые подаяния.

4. Повзрослев и достигнув того возраста, когда юноша становится воином, он проявил много старания в правильном использовании тех прав, что давала ему власть, и достиг такого искусства в государственных делах, что наилучшим образом управляя всей сицилийской провинцией крепкой рукой, он добился такого подчинения, что не было здесь больше ни вора, ни разбойника, ни грабителя, ни какого-либо ещё преступника, что осмелился бы показаться из своей берлоги. Он был так богат, имел столько золота и серебра, что само это богатство внушало трепет и большое уважение; его страшились не только подданные, но и обитатели других, даже отдалённых земель. Он завоевал даже другие острова, среди которых была Мальта. И в то время, как он всё более стремился завоевывать другие острова и земли, узнал он внезапно о смерти уже упомянутого здесь

герцога Гульельмо в Салерно. Он очень сокрушался, что Гульельмо умер столь неожиданно, не успев назначить Руджеро своим приемником, как, будучи бездетным, намеревался поступить. Таким образом, без долгих размышлений, Руджеро спешно снарядил морскую экспедицию в Салерно.

5. Остановившись недалеко от города, пришвартовав корабли, он направил своих послов к жителям Салерно с приказанием покориться ему, поскольку ему, более чем кому-либо другому, принадлежало наследственное право на власть над городом, обещанную ему герцогом Гульельмо, когда тот ещё был жив. Жители же ответили послам: «Ни при каких условиях не подчинимся мы ему, потому что перенесли столько страданий под властью Гульельмо и его предшественников, что не ждём лучшего, если Руджеро достигнет власти над нами.» Эти слова и ещё подобные им фразы, к тому же сказанные резким тоном, вызвали одного из капитанов, некоего Сароло, посла герцога, на столь же жёсткий ответ. И они, внезапно поддавшись своему гневу, бросились на него. Несчастный пытался спастись бегством, но погиб под ударами их мечей.

6. И когда о происшествии доложили Руджеро он, хотя чувства его были глубоко задеты, ничем не выдал своего негодования, понимая всю тяжесть обстоятельств и снова направил послов с просьбой не отказывать в том, что принадлежит ему по праву. Жители города долго размышляли и дали, наконец, следующий ответ: «Пусть позволит нам сохранить укрепления вокруг главной башни, и мы подчинимся ему». Услышав это решение, Руджерос тяжёлым сердцем разрешил сохранить фортификации в обмен на их согласие подчиниться.

7. Тем временем, граф Райнольфо, женившийся на сестре Руджеро, Матильде, узнав, что Руджеро направился в Салерно, немедленно направился морем ему навстречу и нашел его там, где тот остановился. Здесь после долгой беседы Руджеро потребовал от Райнольфо акта о подчинении, тот же отказался подписать такой акт, если Руджеро не даст ему ничего взамен. На вопрос же Руджеро, о каком обмене можно вести речь, ответил: "Я хочу, чтобы в обмен на обет верности, который я принесу тебе, ты заставил Руджеро Арианского принести обет верности мне.» Руджеро воспринял это требование как грубое оскорбление, потому что это означало вассальное подчинение равного. Произошла ссора и Райнольфо, повинувшись чувству негодования, хотел уже уйти, как Руджеро, который ни в коем случае не мог допустить его ухода, поскольку Райнольфо, муж Матильды, был его родственником, а также потому, что Райнольфо был очень уважаем, а ещё потому, что Руджеро рассчитывал на его поддержку в завоевании Пулии, принял обет Райнольфо и добился подчинения упомянутого графа, как тот и просил. В конце концов Амальфитанцы, видя что жители Салерно подчинились графу, также подчинились, сохранив фортификации.

8. В этот период Римскую церковь возглавлял папа Гонорий II, который, получив в Риме известие о смерти герцога Гульельмо и о том, что граф Сицилии добивается титула герцога, очень беспокоился и, не теряя времени, выехал из города спешно направляясь в Беневенто. Служа обедню он публично грозил отлучением от церкви ему, если он не прекратит покушаться на герцогство, а также всякому, кто посмеет ему помогать или советовать в этом предприятии. Из-за этого всё тот же Райнольфо совершил ошибку, отдалившись Руджеро и стараясь всячески препятствовать его восхождению к герцогскому достоинству.

9. Руджеро, находившийся в это время в Салерно, услышав, что папа направляется в Беневенто и что грозит ему отлучением, направил ему послание с просьбой не оказывать ему от имени Церкви в том, что следовало ему по праву, то есть в полномочиях и достоинстве подобающих герцогу, заверяя папу в том, что став герцогом охотно будет следовать велениям закона. Папа, получив это прошение, не только не внял ему, но, отказав принять его, подтвердил отлучение.

Тогда Руджеро, терпеливо перенося это ожесточение, послал новое прошение, чтобы всё же получить то, на что были у него права. Но папа в ответ на это повторное к нему обращение продемонстрировал как никогда твёрдую решимость ни в коем случае не давать согласия на то, чего столь желал Руджеро.

10. Этот понтифик, принятый жителями Трои, уступил их настояниям и принял от них обет верности. Видя это, бароны Пулии, собравшиеся по его зову, вступили с ним в альянс против Руджеро, уговорившись, что если им не удастся совсем прогнать его, они найдут возможность подстеречь и убить его. В этот альянс вступили: Гримоальдо, герцог Бари, Гоффредо, граф Андрии, Танкред из Конверсано, Руджеро, граф Ариано и многие другие, к которым присоединился также Роберто, герцог Капуи, последовавший настояниям графа Райнольфо. Какое-то время папа ещё оставался в Беневенто, а потом вернулся в Трою; здесь на Совете Епископов от снова произнёс отлучение от Церкви Руджеро и всякого, кто признает за ним герцогский титул или будет помогать ему. И поскольку после этого папа снова вернулся в Беневенто, Руджеро опять направил к нему посольство с почтительнейшим прошением снять с него анафему, подтвердить его герцогское достоинство и принять его как вассала. Но тот снова, настаивая на прежнем решении, нисколько не изменив своего мнения, не уделил прошению никакого внимания.

11. Руджеро, видя столько спеси и непреклонности со стороны папы, вернулся на Сицилию, чтобы получить силой оружия то, что не смог получить просьбами. Папа, узнав, что Руджеро отступил, срочно вернулся в Рим, чтобы подготовив армию для сопротивления в союзе с уже упомянутым баронами на случай, если Руджеро попытается вернуться как враг и завоеватель герцогства.

На самом деле, многое я пропустил, поскольку, как я уже говорил, я собирался рассказывать о событиях в общем.

12. Итак, Руджеро, пробыв на Сицилии ровно столько, сколько обычно требуется для подготовки к войне и собрав солидное войско, отплыл через Фарский пролив. И отсюда он направился к крепости, называвшейся

Умфредо, быстро заставил её капитулировать, а заняв, сравнял с землёй. После этого он подошёл к Таранто и сразу взял его: горожане сдались без сопротивления. Также и жители Отранто, боясь осады, сдали ему город. По правде говоря, эти города принадлежали Боемонду. Последний оставил свои земли на попечение Святого Престола, чтобы предпринять морской поход и занять Антиохийский Принципат. Но прошло немного времени и он, избранный принципом Антиохии, страны, где он со своей семьёй чувствовал себя в полной безопасности, внезапно зажатый в толпе турок, был убит в числе многих других, пронзённый шпагой. Далее Руджеро подошёл к Бриндизи, городу Танкреда, и осадил его. Осада продолжалась столь долго, что жители города не выдержали и сдались, а Руджеро поспешил к крепости Кастро и сразу занял её. После чего он направился к небольшому укрепленному городу Ориа и сразу напал на него. Кроме этого он взял и другие города и замки, названия которых я не могу сообщить, так как пытался их узнать и не смог.

13. Папа Гонорий, узнав, что граф Сицилии переправился через море и уже занял часть земель, принадлежавших Боемондо и Танкреду, вернулся с тремя сотнями солдат, послал сказать герцогу Роберто и графу Райнольфо, а также другим баронам Пулии, которые, собрав свои отряды выступили, в соответствии с договором, против приближающегося Руджеро. Таким образом, граф Руджеро, узнав, что упомянутая экспедиция спешит его уничтожить, решил встать лагерем у реки Брадано, рядом с так называемым Каменистым бродом. Папа со своим альянском приблизился настолько, что их разделяла только река. Но Руджеро, зная, что в экспедиции участвует папа, демонстрировал и подчёркивал своё почтение и уважение, всячески стараясь незатронуть папу, чтобы никто не мог подумать, что он ополчился против Бога, воюя с его наместником. Более того, он снова направил посольство, ещё раз прося снять с него анафему и позволить ему вступить в законные права на наследование герцогства.

14. И поскольку эти переговоры затянулись надолго, не давая никаких результатов, бароны герцога Роберто, лишённые довольствия, впали в такую нужду, что им приходилось снимать с себя доспехи и обменивать их на провиант. Случилось даже так, что некоторые из них, неперенеся недоедания, сбежали. Понтифик, догадавшись о недовольстве баронов и солдат, которые давно уже не несли службы, были вынуждены голодать и хотели уйти, созвал совет и послал к Руджеро сказать, что пожалует ему герцогство при условии, что Руджеро прибудет в Беневенто и там сначала принесет ему обет верности, а потом, в соответствии с обычаем, примет герцогство из рук папы. И, поскольку Руджеро принял эти условия, обе стороны скрепили свою договорённость, а бароны Пулии, сложив палатки, вернулись в свои владения, горячо обвиняя папу в том, что он заключил с Руджеро, своим врагом, договор, без их согласия.

15. Папа вернулся в Беневенто. И вот Руджеро, подошедший к горе Сан Феличе в окрестностях Беневенто, поднялся на неё, разместив перед тем у подножия горы гарнизон своих солдат. По прошествии трёх дней Руджеро оповестил папу и тот выдвинулся из города. Получив лично от Руджеро, как требовал обычай, обет верности, папа передал ему стяг, символизирующий герцогскую власть. И так Руджеро, став герцогом с согласия папы, выполняя свои обещания, всячески выказывал соблюдение во всём своей клятвы в верности ему. Совершив всё это, понтифик вернулся на Святой Престол, а герцог поспешил занять Трою. Город был в плотном кольце осады, но жители доблестно противостояли нападающему. В самом деле, предвидя осаду, троянцы тщательно укрепили город и, дерзкие, они ни во что не ставили осаждающего. Герцог, немного помедлив, и поняв, что город очень хорошо обороняется и что нет возможности занять его, потому что приближается зима, снял осаду и устремился занять Мелфи и другие города герцогства, уже пославшие посольства с подтверждением своей покорности. Получив от них эти заверения, он скомандовал войску разойтись по своим владениям, а сам вернулся в Салерно и, пробыв здесь недолго, поплыл на Сицилию, чтобы собрать большую армию. Тем временем, пока он оставался на Сицилии, вдали от Пулии, Танкред политическими уловками вернул себе Бриндизи и замки, потерянные после завоеваний Руджеро.

16. А потом наступил благоприятный момент для нападения на врага и герцог Руджеро снова собрал военную экспедицию и пересёк пролив Фаро. И поведя отсюда наступление, он начал занимать земли, опираясь на силы ополчения. Отвоевав часть замков, занятых Танкредом, наконец, Руджеро снова осадил Бриндизи, но, потеряв на осаду много времени и убедившись, что никак не может взять его, он поспешил напасть на другие города.

17. Внезапно напав на один из замков, он сразу отнял его у Танкреда. Однажды, во время осады Монтальто, к нему явился Роберто ди Грантмеснил с просьбой позволить ему уйти. На вопрос: «Почему ты просишь об этом?» Роберто ответил: «Я хочу уйти, потому что страдаю от голода и не могу более выносить тяготы армейской жизни. Моё владение слишком мало и не выдержит долго поборов на войну. И ещё, знай, что если мои владения не увеличатся сей же час, я не дам тебе больше подкреплений, но уйду за Альпы, на земли моих соплеменников, где, по крайней мере, не буду голодать.» Герцог на это ответил ему: «Прошу тебя, не делай этого, но подожди ещё немного, пока мне не подчинится вся Пулия, тогда, будь уверен, ты получишь то, что хочешь». Но Роберто, услышав отказ, сразу (что было в его характере) гневно бросил: «Если я немедленно не получу то, что требую, я не поверю, что ты мне дашь то, что я буду ждать сомневаясь, что сохраню то, чем владею». Сказав эти и подобные им слова, Роберто удалился из армии не получив разрешения. В этом была его большая ошибка. Насколько всё это было неприятно герцогу, будет ясно из дальнейшего.

18. Взяв Монтальто, Руджеро поспешил занять Руво, город, принадлежащий вышеупомянутому Танкреду. Когда же он взял и этот город, граф Алессандро, Танкред, Гримоальдо, князь Бари и Гоффредо

Андрианский, оценив силу Руджеро и лучше посоветовавшись между собой, сразу подчинились ему. Герцог же, гнев которого к тому времени уже угас, вернул всё тому же Тнкреду все его земли. Остальным же приказал следовать за ним с тем, чтобы соединиться у осаждённой Трои. Тогда троянцы, узнав, что уже упомянутые бароны подчинились герцогу, почувствовали себя очень неуверенно и, дабы не остаться совсем беззащитными, послали сообщить Роберто, князю Капуи, умоляя его поскорее явиться, взять власть и защитить их от герцога, всё сжимающего кольцо осады. Но Роберто не захотел прислушаться к мольбам, боясь потерять имеемое ради возможного. На что граф Райнольфо гневно заявил: «Если ты не пойдёшь, у меня не останется выбора, поеду я к ним на помощь». Он вошёл в Трою, говорил с горожанами и заключил с ними договор взаимной верности, предложив им себя для защиты от Руджеро.

19. После этого герцог, приблизившись, напал на Сальпи и сразу его занял. Когда же он узнал, что граф Райнольфо хотел взять под защиту от него Трою, он страшно разгневался и произнёс: «Если граф Райнольфо забрал мои владения, я пока оставлю Трою, пойду и заберу его земли». И оставив Трою, удалился в крепость, называемую Греческой. Граф же Райнольфо, думая, что герцог, как и говорил, хочет действительно завоевать его земли, направил за ним послов, прося скорее прийти к соглашению с ним. Заручившись обещанием герцога заключить договор после того, как Райнольфо уступит ему Трою, Райнольфо сразу покинул троянцев и направился в лагерь герцога, ещё остававшегося в тех местах. Наконец, по достижении взаимной договорённости, граф возвратился в свои владения, герцог же вновь занял осадные позиции, к которым, соблюдая прежние соглашения, уже приближались бароны. Что ещё добавить? Город был так стиснут осадой, что в несколько дней сдался герцогу. Таким образом, взяв Трою, другие города герцогства, Руджеро, несмотря на всё высокомерие жителей, полностью покорил Пулию.

20. После этого Руджеро во главе своей армии направляется к селению, называемому в народе Лагопезоле, где нашёл Роберто ди Грантмеснил и объявил перед всеми, что последний во время осады Монтальто дезертировал, проявив тем самым непочтение к герцогу. Но Роберто ответил: «Ко мне не относятся эти обвинения, поскольку я ушёл, чтобы вернуться через Альпы на землю моих предков». Но герцог предложил: «Тогда, если ты так желаешь, поспешить на заальпийские просторы, откажись перед всеми от нынешних своих владений, которые, как ты говоришь, не хочешь более иметь.» И тот заявил: «Возьми их себе, мне достаточно иметь возможность спокойно удалиться». Что же дальше? Герцог тут же забрал его земли и позволил ему удалиться.

21. Покончив с этим, герцог поспешил напасть на Мелфи, скомандовав баронам Пулии сопровождать его. Кроме того, он дал распоряжение, чтобы они оставались в мире между собой и не затевали войны. И, более того, он потребовал от них клятвы, что с этого момента они обязуются соблюдать закон и мир и следить за их соблюдением другими и не защищать людей, творящих преступления и злодеяния на их землях или попускающих такому твориться. И если такой злодей обнаружится, его немедленно приведут ко двору герцога, в назначенное место для совершения над ним правосудия. Призвал он также соблюдать и сохранять мир в отношении духовенства, то есть архиепископов, епископов, аббатов, монахов и всех церковников, равно как и всех трудящихся и крестьян, а также всего народа его земли, паломников, путников и торговцев, не притеснять их и не позволять притеснений. Отнюдь не удивительно, что он сумел подчинить себе все эти земли: потому что в каждом месте, где он брал власть насаждал он глубокое уважение к закону и здесь воцарялся мир, который, как говорил Сальмиста, обустроивает место для правосудия. И как, в самом деле, могло не быть ниспослано такое благо, как мир, в место, где ни один злодей не осмеливался проявить себя, боясь неминуемой кары? Итак, когда герцог, отдав эти и другие подобные им приказания к общему благу баронов, которые возвращались в свои владения, сам отправился в Таранто и, опасаясь, что уже упомянутый Роберто попытается сделать что-либо против него, заставил его поклясться, что уйдя за горы он останется там навсегда и никогда не вернётся, чтобы обосноваться в Пулии. Тот поклялся и мог свободно уйти. После чего герцог вернулся на Сицилию.

22. Там он оставался до того момента, когда услышал, что всё тот же Роберто нарушил клятву и вернулся, напал на замок Ориоло и на Кастровиллари. Разгневанный герцог пересёк пролив Фаро, чтобы сражаться с ним во главе армии сицилийцев. В конце концов, герцог собрал войско калабрийцев и пулийцев, направил его против Роберто, чувствуя себя глубоко оскорблённым, и взял его в жёсткую осаду. Конечно же через несколько дней обидчик вынужден был изменить свои планы, подчиниться и оставить замки. На обратном пути, подойдя к Салерно, Руджеро осадил город, требуя сдачи укреплений главной башни, которые оставил им против своей воли. Они же, поняв, что не в силах дале сопротивляться, сразу отдали ему то, что он требовал.

23. Завершив таким образом свои завоевания, спустя немного времени, двигаясь со своим войском, он направился в земли Руджеро графа Ариано с тем, чтобы остановится недалеко от так называемой крепости Апице (Вершина). Здесь он занял прекрасную позицию и оставался столь долго, что почти все владения графа были опустошены его армией. Руджеро очень недоверял графу; он в самом деле понимал, что так и не заключил с последним честного договора. А тот, поскольку от него требовалось признать это, не находя оправдания, решился внезапно оставить Падули и Монтефуско, два крупных замка. После такого поступка графа герцог перестал испытывать к нему недоверие.

24. Проследовав далее, герцог с неослабным упорством осадил Трою, жители которой поступили как и жители Салерно, то есть позволили ему восстановить замок ими же разрушенный после смерти герцога

Гульельмо. Таким образом герцог, власть которого ещё более укрепилась, после стольких успехов, сразу удалился от Трои, вполне удовлетворённый, и направился к Мелфи, где также приказал восстановить фортификации, уничтоженные ранее по его же приказу. Тогда и Роберто, правитель Капуи, прийдя в ужас от столь славных деяний, покорился ему. Спустя немного времени Руджеро вернулся в Салерно, откуда отбыл на Сицилию.

Итак, на этом заканчивается первая книга о герцогстве; перо же теперь обратится к воспоминаниям о том, что он сделал, будучи королём.

Роберт Гвискар и его политика (Вильгельм из Апулии, «Деяния Роберта Гвискара», III-V)

Роберт Отвиль по прозвищу Гвискар (1016 – 17 июля 1085 гг.) – четвертый граф (с 1057 г.) и первый герцог Апулии (1059-1085 гг.) из дома Отвилей. Окончательно изгнал из Италии византийцев и, тем самым, завершил завоевание норманнами Южной Италии. В 1061 г. совместно с младшим братом Рожером I начал завоевание Сицилии. В конце жизни предпринял попытку нанести поражение Византии. Был прозван Гвискаром, что переводится со старофранцузского как «Хитрец».

Вильгельм Апулийский – средневековый хронист норманнов. Создал между 1096 и 1099 гг. труд «Деяния Роберта Гвискара», в котором прославлял деяния Роберта Гвискара.

Книга III

Римской империей (т.е. Византией) правил тогда Михаил¹ с братом совместно своим Константином. Было губительно грекам правление их, ибо они пренебрегали делами войны, предпочитая жить праздно. В плену оказались они у обманчивых чар потворства их слабостям, и ленность постыдная их покрыла позором...

И не осталась бы эта земля до наших дней под властью империи, если б не галлов род мощный, склонный к войне больше прочих народов, который, Богом ведомый, врага победил и вновь даровал ей (земле той) свободу. Духом, внушенным им Богом, стремились они дороги открыть к Гробнице Святой², прежде столь долгое время закрытые. Несчастные, чьим наставлением муж сей великий был зрения лишен, схвачены были, изгнаны прочь со двора (царского) и подверглись возмездию, что заслужили вполне. Было приказано всех, кто прежде невинных казнил, за преступления эти самих подвергнуть мучениям многим.

Вестник отправлен из Бари был в Константинополь, просил императора он помочь горожанам несчастным. И по приказу того, снарядили пиратов суда для доставки зерна [а также] оружия, коим флот мог защититься в пути своём в город тот (Бари). (Чтобы избавить матросов от страха, а город от нужд). Велел император возглавить сей флот Жоселину/Иосцелину. Бежал из Италии он из страха пред герцогом, который его ненавидел за то, что устроил он заговор против него. Вскоре пришёл Жоселин/Иосцелин с судами военными, чтобы ободрить трепещущих граждан. Близко уж был он от города, войти в него ночью спокойно имел он надежду, но Роберта флот нежданно набрел на данайцев/греков суда, шедшие чтобы усилить врагов его. Герцога корабли (naves) в сражение ночное вступили охотно, предполагая, что время такое для них благоприятнее, чем для врагов, ибо известны им местные воды, их же противникам – нет. После немалых усилий Жоселина/Иосцелина корабль был поражен и захвачен, а сам он как пленник доставлен был к герцогу. Также еще одно судно данайцев/греков потоплено было, (а) прочим уйти удалось.

Норманнов народ до поры той не ведал сраженья морского. Но этот победный исход весьма увеличил уверенность их предводителя, ибо он знал, что не сумели жителям города помощь данайцы/греки доставить в достаточной мере, чтобы осаде препятствовать. И в то же время он рад был весьма новизне той победы на море, надеясь, что он и норманны в следствие этого смогут в дальнейшем вступать в сраженья морские с большей надеждою в них преуспеть. Жоселин/Иосцелин вёл жизнь несчастною, заперт в тюрьме (carcere) жил он долго; прошёл он чрез многие муки, и эти страдания его продолжались до самой кончины.

Город в осаде уже третий год пребывал³. И вот наконец, изнуренный бедами многими, голодом прежде всего, сломлен он был. Главой горожан в это время был Аргириос. Когда убедил его герцог, что город должен быть сдан, тот не столкнулся с великим трудом, других горожан убеждая, ведь главные люди имели влияние на мнение тех, кто был их меньше, чтобы склонить поступать их так, как им было угодно. Роберт явил доброту и расположение гражданам, и поскольку всегда был заботлив он к тем, кого взял в подчинение себе, им подчинённые также любили его. Герцог вернул горожанам большую часть из того, что изъяс у них хитростью или же силой: угодья, поместья, хозяйства. Он возместил также то, что утрачено было, и подать не наложил никакую на граждан, и не позволил другим возлагать на них бремя такое. Мир и свободу принес он тем, кто привык уже дань платить местным норманнам. Также Стефана седой головы пожалел он, не захотел обращаться он с ним как с врагом; и, предпочтя позабыть, как пытался убить тот его, был к нему ревностно добр. На удивление множеству греков/аргивян, его (т.е. Стефана), плененного было при взятии Бари, герцог оставил на воле без наказания, хотя под надзором. Несколько дней проведя в Бари завоеватель велел барийцам готовить оружие и припасы, и следовать с ним, куда бы ни шел он. Повёл же он их вместе с войском своим к городу Реджо).

Слух появился, что в Адриатики волнах, неподалёку от берега, рыба явилась огромная, телом ужасная и необычная видом, невиданным прежде народом Италии, будто бы ветер весенний понудил приплыть её в тёплые воды. Герцог же, ловкий умом, используя всякие меры, добился поимки её. Когда заплывла рыба в сеть, из канатов сплетенную, грузы железные, что были к сети прикреплены, к дну увлекли ее. И наконец-то, изранено будучи сверху из множества мест (видимо, с судов/лодок) моряками, чудище на берег было извлечено, для обозрения народу. После того, разрубили её на многие части, как герцог велел, и долго потом еще он и люди его кормились ей, также как люди в Калабрии жившие. Даже из мест самых дальних Апулии жители долю свою получили. Спинной же хребет, когда рассекли его, мерою был четыре ладони в обхвате.

Пробыв здесь недолго, /герцог/ Роберт направился к городу Реджо. За время что был он там, мост был построен, и вот целая область теперь называется Мост Гвискара. Барийцы исполнили все предписания его по укреплению стен города Реджо? *Actu Varenses huius praesepta secuti, Quaeque paranda parat Reginae moenibus urbis.* Собрав воедино припасы, войска и суда, герцог с сопровождением немалым в Сицилию прибыл, море преодолев. Море же это, пусть оно и не широкое, трудно его переплыть. Сцилла с Харибдой являют в нем две различных напасти: одна обращает лодки вверх дном, другая о скалы их бьет.

В Сицилии герцогу дух подняла помощь, что оказал ему брат его Рожер, уже покоривший немалую часть той страны. Рожер был младше его, но (при этом) не менее храбр. Из прочих братьев его, как ни были прекрасны они, никто не вступил в ту войну благородную, чтоб возвеличить Веру Святую, в которой живём мы. Долго сражался он (Рожер) с сицилийцами, врагами Божьего Имени, большую часть своей юности он посвятил тем трудам, пока наконец, подчинившись, народ сицилийский ему отдохнуть не позволил.

Уверенный в помощи брата, и в многочисленном войске, что взял он с собой, герцог надеяться мог осадить и взять город Палермо, бывший, как слышал он, из городов сицилийских наизнатнейшим. И окружённый множеством воинов Роберта, город наполнился страхом. Жители стены и башни свои укрепляли, готовили оружие и людей, ворота закрыли они уязвимые и разместили для охранения стражников по всему городу. Герцог велел своим рыцарям в вооружении полном к воротам приблизиться, с тем чтоб маневром таким могли они вызвать врага (на сражение). Он в хитрости своем был намерен проделать всё, что имел в своих силах, чтобы чинить горожанам ущерб и затрудненья. Не устояв перед тем, сицилийцы ворота покинули и оказались снаружи, храбро сражались они, но не сумели противиться долго свирепым норманнам. Народ агарян (т.е. арабы) держался какое-то время, но одолеть не сумел ведомых Христом. И побежали они, мужами гонимые нашими, многих из них те убили мечами и пиками. Дротики, стрелы повсюду летели со стен высоты, [также] пытались они повредить нашим людям камнями и ядрами. Загнав их опять в укрепления города, наши войска возвратились с веселием в стан.

Палермцы тогда обратились за помощью к африканцам/жителям Африки, и, соединившись силами с ними, дали на море сраженье такое, какого они предпринять на суше не смели. Они полагали, что эта стихия им подойдёт куда лучше для действий военных. Согласно всем правилам боя морского суда свои выстроив, покрыв парусиною красной их для защиты, чтоб отражать ей удары камней или копий, смело на битву поплыли они, готовые действовать как подобает мужам, пренебрегая жизнью и смертью. Герцог велел норманнам, калабрийцам, барийцам и грекам, которых [недавно] он покорил, укрепиться Телом Христовым, а после того как сие они получили, и Кровью, чтоб в битву вступить. Пищей такой защитившись, верных войска вышли сражаться, суда свои оснастив всем для успеха потребным. Неверные целое море наполнили звуками труб своих, горнов и криков. Христиане напротив, искали поддержки лишь у Правителя Вечного, Плотию чьей они были напитаны/вскормлены. Не испугал их ничуть этот шум и врагам они сопротивлялись жестоко, смело разя их ударами. Первое время суда африканцев и сицилийцев упорно сражались, однако в конце концов, с помощью Божьей, были принуждены к отступлению. Когда же они попытались уйти, одни из них были захвачены, другие потоплены, большая часть же едва избежала той участи, быстро работая вёслами. По возвращении в порт они сразу же подняли цепи, что запирали обычно входы в каналы. Но христиане сквозь эти цепи прорвались, и часть их судов захватили, а больше того подожгли.

Эта победа вселила уверенность в герцога. Ныне внимание все посвятил он тому, чтобы пробить проход в город, используя всякие меры ко взятию последнего. Вооружил он пехоту пращами и луками, коннице латной велел идти вслед за собой. Пехота к стене подошла и валы обстреляла камнями и стрелами. Неверные вышли из города с нею сразиться, и пехотинцы не устояв, побежали. Герцог увидев, что уступили они и по равнине рассеялись, подал войскам своим знак к нападению внезапному, голосом их побуждая и жестами, как подобает (не)истовому полководцу. И сицилийцы, после сраженья того помедлив немного, герцога видя, в ужасе бросились прочь. Герцог урон им нанёс, и призывая воинов в спины неверных разить, не прекращал он врагов убивать пока не достиг ворот города. Каких только ран люди герцога не наносили врагам, ранили их и мечами, и пиками, многих они поразили стрельбой из пращей, больше всего же вреда причинили им стрелы. Через убитых тела, пытался войти он в ворота с бегущими сицилийцами, и взять этот город, и этим закончить свой труд. Но город был столь утрашен нападением врага, что горожане закрыли и заперли двери, оставив снаружи людей своих многих, и все они были убиты.

Видя, что конница духом упала в ходе сражения долгого, Роберт людей попросил быть упорными в том, что было начато. «Воины, мужество ваше восстало к решению многих задач, однако оно, – говорил он, – не только хвалу заслужить может вам, но и хулу. Город сей – враг Божий и, почитания Бога не ведая, правят им

демоны. Сил своих прежних лишённый, ныне трепещет он (т.е. город – Палермо), ибо надломлен. Если узрит он, что вы продолжаете действовать храбро, то не осмелится он вам противиться дальше. Если же вы прекратите усилия ваши, то завтра, силы свои обновив, он воспротивится вам с большею яростью. Так поспешите, покуда у вас есть такая возможность! Город взять трудно, но, Христа милостью, будет открыт он. Христос работу тяжёлую делает легкой. Доверьтесь его руководству, положим конец сему спору, и все поспешим на штурм города!».

Речью такою ободрил людей своих Роберт. И устремились они взбираться на стены по лестницам, дав обещанье исполнить желание герцога. Сходным путем колесничий хороший, когда понимает, что быстрые кони его могут не выдержать скачки, шадит их, дает передышку. После же, как отдохнут они и восстановят дыхание, он возвращает на круг их и гонит как прежде, путь весь пока не закончат. Так, руководством вожакого мудрого, тот кто казался разбитым, того обгоняет, кто уже свыкся с победой.

Видя сколь тяжело приходится людям его под стенами, сам приложил он усилия к этой работе, лестницы им поднося. После велел подниматься он людям своим. И ринулись вверх они разом, и против них люди Палермо заполнили стены, распределившись вдоль вала. Оба народа в старании были равны, но цели их были различны: взять нужно было город одним, другим – защитить его. Та сторона билась ради себя, ради жён и детей своих; эта стремилась взять город для удовольствия герцога. Хотя обе стороны бились с немалым упорством, удача была добра к герцогу, а к городу – немилосердна, ибо внезапно несколько рыцарей, взобравшись по лестницам, достигли вершины стены. Защитники сицилийские повернулись и бросились в бегство. Был взят новый город, и укрылись они в городе старом.

Видя, что силы у них истощились и потеряв все надежды свои на спасенье, просили у герцога агаряне явить к горькой участи их сострадание и отказаться от мести. Герцогу сдались они без условий, с просьбой единственной жизни им их сохранить. Сдача такая (а также мольбы их) им обеспечили милость и расположение герцога. Он обещал им их жизни и милость свою. Никто исключением не стал в том, и, слово свое соблюдая, хотя они были язычники, он позаботился, чтобы никто из них не пострадал. [Однако же] Богу во славу разрушил он даже следы нечестивого/беззаконного храма, и там где стояла прежде мечеть он церковь построил Матери-Девы (т.е. св.Богородицы), и то, что пристанищем было для Мухаммеда и демона, то сделал он домом Бога, вратами на Небо для праведных. Замки возвел он со стенами крепкими, в них его войско могло пребывать в безопасности от сицилийцев, замки же эти снабдил он колодцами и припасами щедрыми.

Выстроив крепости и взяв заложников несколько, Роберт победно вернулся в град Реждо, в Палермо оставив рыцаря именем тем же (т.е. Роберт), который был дан сицилийцам как их амирал [т.е. эмир]. Грекам, захваченным им при взятии Бари, позволил свободно уйти он со Стефаном Патераносом. Так столь любезно герцог без наказания врагам удалиться позволил, поскольку [превыше того] почитал обрести в них сторонников верных. Сопровождаем барийцами, калабрийцами, заложниками из Палермо и рыцарями своими, направился герцог к стеной защищенному городу Мельфи. Был для Апулии всей этот город столицей. Вместе сошлись в нем все графы и главные люди со всей этой местности; каждый хотел вновь увидеться с принцем своим. Только вот Петр, Петра того самого сын, о ком я рассказывал прежде, придти отказался. Когда умер Гоффри, брат его старший, он получил все права на наследство отца и племянников, вплоть до поры, когда Ричард, сын брата его, достигнет лет полных. Герцог к Петру доверия не имел: тот отказался прежде помощь направить ему на Сицилию. В прочем, Петра опасенья уняв, к себе он призвал его. И сказал ему герцог, что дан был Таранто ему его братом, и ныне он (герцог) требует дар этот брата вернуть. Петр отдать ему то, что отец его силой оружия добыл, отказался. Это и стало причиной ссоры той крепкой, что разразилась меж ними. Следуя в Андрию, Петр готовиться всячески начал к войне: он приказал подготовить оружие новое, войско набрал и искал себе помощь повсюду, стремился владенья свои сохранить он все в целости.

Герцог тем временем Трани решил осадить, город с прославленным именем, полный богатства, оружия и с населением немалым. Петр привёл к тому городу с дюжину рыцарей лучших, чтоб побудить горожан сохранить ему верность, а также присутствием личным, их успокоить. Когда обращался он к ним с продолжительной речью, Роберт и войско его появились внезапно, и по равнине рассеялись. Жители города были в осаде 50 дней, и Петр был вместе с ними заперт в стенах городских. Графа просили они согласиться сдать город, поскольку они не могли уже больше мириться с ущербом, который был им причиняем. Сперва он всерьёз оскорбился и отказался. Но все же они наконец одолели его, и слёзно просил он, чтобы ему и его спутникам было позволено город покинуть свободно; на этом условии он согласился, что город будет сдан герцогу. Вышел из города он (Петр), не дав на себя взглянуть герцогу, и не пожелав того видеть – столь ненавистен ему был самый герцога лик.

После капитуляции славного города Трани, жители Джовинаццо и Бисчелье также предались (ему). Был Бисчелье у Петра во владении, а Джовинаццо (Iuvenacus) – у Амика, отец того дядей Петру был. Герцог его ненавидел за то, что тот брату оказывал помощь, и потому что пытался уйти он в Далмацию без его (герцога) дозволения. По получении этих вестей, тем озабочен, как бы добиться сдачи Петра, герцог Корато блокировал и осадил. Петр узнал, что сей замок был окружён осадными замками и, не решившись дать бой там, бежал невредимо к Андрии стенам. Однако за время, что он отсутствовал в Андрии, в Трани уйдя в сопровождении 50 рыцарей с тем чтобы вывезти кое-какую добычу, по приказанию герцога (т.е. Роберта) Гвидо, жены его брат, ввёл 40 рыцарей в город. Тогда, совершили они внезапную вылазку, рассеявшись по полям, и в плен захватили

Петра, чтобы силой доставить к герцогу мужа, который ранее отказался увидеться с ним. Пленение это конец положило трудам герцога. Однако, дав клятву вассальную, Петр был тотчас отпущен, и снова обрел он всё то, что прежде утратил. Мужем свободным ушёл он, лишившись единственно власти сеньора над Трани.

Тем временем, люди Амальфи, какое-то время уже платившие дань ежегодную герцогу Роберту, за помощью несколько раз обращались к нему. Они утверждали, что нападения Гизульфа их непрестанно тревожит на суше и в море. В ответ на их просьбу Гизульфу Роберт велел прекратить досаждать амальфийцам, привыкшим платить ему дань. Он не хотел разрывать договор старой дружбы, (надеясь на то, что) быть может любовь к сестре заставит его (Гизульфа) прекратить [нападения эти]. Он обещал возместить ему эту потерю. Гизульф ответил надменно послам, что сообщение доставили. Он заявил, что не даст мира герцогу он до тех пор, пока тот на службу к нему не поступит, как ему должно.

Наглый ответ сей терпеть не желая, рассерженный герцог пошёл на Салерно с войском огромным и осадил этот город с суши и моря. Когда завершился четвертый месяц осады, голод ужасный потряс население несчастного города, люди едва выживали, ели собак, лошадей, крыс, ослиные трупы. Один горожанин, из города выйдя, в котором оставил отца, к герцогу в лагерь явился. Собака его, жившая в доме отца, искала его и нашла нюхом острым. Он дал ей поест, и, пищей уняв её голод, на грудь прикрепил ей мешок, наполненный хлебом, достаточным для одного человека на день. На удивленье собака бежала обратно без остановок и сразу же в дом всё доставила, так сберегло то животное мудрое пищу себе и хозяину. В восьмой месяц осады вышли из города люди, брешь проломив в стене боковой, (тем) предложив весьма лёгкий в город проход, и бросили город открытым для герцога Роберта. Гизульф напуган был страшно взятием города Робертом. В башню бежал он на горной вершине стоявшую, откуда был виден весь город, доступ к той был затруднён и природой, и [человека] искусством. Кажется, не было более крепкой твердыни в Италии целой. Роберт ту крепость в осаду взял мощными силами. Но как-то раз получил герцог камнем удар по нагруднику, брошен тот был с высоты с великою силой, часть от него откололась к несчастью и повредила ему благородную грудь. В прочем, немного спустя, с Божьей помощью, рану ему залечили, и возвратилось здоровье к нему. Оправившись, он ещё больше усилил свой натиск на Гизульфа. Тот же, увидев, что стало его положение отчаянным, и, не имея надежды на облегчение, герцогу отдал на милость себя как и всё, что имел. Себе он просил лишь свободы уехать, и так, оставляя владения все свои герцогу, он и уехал, свободный. Чести лишённый быть графом Салерно, отправился он первым делом к папе Григорию. Папа его по приезде принял радушно и над Кампаньей правление вверил ему.

Роберт был рад одолеть равно город, и цитадель. Он разместил в цитадели той верхней надёжную стражу на случай, если когда-нибудь вдруг население поднимет мятеж. Он же построил внизу неприступную крепость, чтоб обеспечивать подданных безопасность. Город, прекрасней чем этот, в Италии вряд ли найдется, полон он фруктов, деревьев, вина, и воду имеет в избытке. Нет недостатка ни в яблоках там, ни в орехах, ни в превосходных дворцах, ни в женах, красивых воистину, ни в почтенных мужах. Частью находится он на равнине, а частью в горах, и, кому что милее, украшен и сушей, и морем. В это же время обрёл и Амальфи он, город богатый, будто кишаший людьми. Нет места богаче, чем он, серебром, золотом, тканями из областей самых разных. Там проживает и множество моряков, искусных в путях морских и небесных, множество всяких вещей доставляют сюда из Александрии царственной и Антиохи. Люди его много морей переплыли. Знают они арабов, ливийцев, сицилийцев и африканцев. И славны те люди почти по всему свету, поскольку они доставляют повсюду товары, и любят обратно с собой привезти то, что купили.

Когда эти люди все стали повластны ему, и он закончил дела свои полностью, в Трою герцог вернулся. В то время, как он пребывал в стенах этого города, прибыл к нему из Ломбардии знатный муж в сопровождении многих людей благородных страны той. Звался он Ацо, с собой же привел он и сына славного именем Гуго, и попросил он у герцога дать ему (Гуго) дочь его (герцога) в жены. Герцог призвал своих графов с баронами в город, что обсудить, как поступить ему с этим. По их совету отдал Роберт дочь свою сыну Ацо, и свадьбу отметили, как это принято, пиром и многих подарков раздачей. Когда же все празднества брачные были закончены, герцог велел, чтобы графы и прочие важные люди там бывшие, преподнесли мужу с женою подарки, чтоб проводить их в путь веселей. Прежде однако, когда дочь другая его отправилась в дом к Михайлову⁴ сыну, им не пришлось оказать (подобную) помощь. Были они все огорчены и удивлены тем, что герцог от них требует подать такую. Но не могли воспротивиться, и предоставили мулов, коней и другие подарки. Герцог же отдал всё это своему зятю, добавив к тому и дары от себя, потом он отправил в их земли обратно его и отца его, с чеством великою, флотом, который был приготовлен для них.

Графы норманнов часто, ропща между собой, обсуждали плохое, достойное возмущения обращение герцога с ними, но долгое время втайне хранили они свою злобу и вероломство. Однако, в конце концов, в планы свои посвятили они Жордана, Ричарда сына, и, в то же время, открылись они и графу Райнульфу, дяде последнего. Веря в их помощь, Петр и Гофри, открыли измену свою, выйдя войною на герцога. Племянник последнего, Абелард, сын Гумфрида, помня потерю земель своих, всем, что имел в своих силах, старался герцогу вред причинить, союз заключил с Градилоном, которому отдал он в жёны сестру свою. Не оставались они и без помощи Балдуина, самого красноречивого и воинственного из мужей. Среди прочих участников были ещё Генрих и Амик, а также умный граф Роберт из Монтекальзо, братом он Гофри был, и оба они были

детьми сестры герцога. Желанье его (т.е. герцога) ими править воспламенило в племянниках злобу, и все они прилагали усилия многие, чтобы лишить его звания герцога.

Этот мятеж не ограничился только Апулией, но дал побеги в Калабрии, как и в Лукании и даже в Кампании. Врага приходилось везде опасаться, злоба/набеги разбойничья/и местность ту сотрясала/и повсюду. Сонмы/банды грабителей распространились в Италии повсеместно. Были норманны разбиты на разные части. Но, хоть враги герцога были куда многочисленней чем его войско (agmine), самые боеспособные люди всегда оставались верными Роберту. Трани поддался Петру, и Аргирицос, которому Роберт доверил город великий – Бари, его (т.е. Бари) уступил Абеларду, которому отдал он также и дочь свою в жены. Однако, когда в ходе этих волнений крупные города отпадали, верный народ Джовинаццо герцога не покинул. Их призывал Аргирицос отдать этот город Амику, который владеть им был должен. Им угрожал Аргирицос, что, если откажутся сдать, выдаст Амику в заложники он сыновей их, тех самых, что герцог доверил ему (Аргирицосу) в попеченье. Однако не отдали верность свою они в жертву отеческим чувствам, сказали, что будут всегда служить они герцогу. Амик отправился, чтоб осадить этот город, с ним был граф Петр и войско большое. Принял участие и Аргирицос в осаде, с ним заодно были люди из Бари, Корато и Трани, а также из Андрии и Бисчелье. Был непреклонен народ Джовинаццо, не убедили его ни оружие, ни осада; стены они защищали со всею предосторожностью, стражу расставили и отражали полные ярости тех, кто их окружил. Те нападали, защитники гнали их прочь, и хоть осада теснила их с суши и моря, не привела она к взятию города.

Был из Битонто посланник отправлен с приказом распространять слухи ложные, замысел сей хитроумно придумал сын Иво Вильгельм, которому герцог доверил сей город (Битонто). Посланник тот говорил: «Смотрите, сын Роберта Рожер идёт сюда с полчищем конным и пешим, герцог ему вверил оное в руководство». И, полагая, что близится армия эта, все те войска, что привёл для осады Амик в надежде взять город, вдруг разбежались.

Хоть он и слышал, сколь много мятежников вместе объединилось, герцог ничуть не был (этим) напуган. Всех их он превзошел или оружия силой или же хитростью, располагая одних к себе ласковым словом, других поражая в сражениях. Хитрый и храбрый, ведал он оба пути. Замки одних осаждал он, других, кто никак не поддался бы силе, он убеждал сдать речью медовой. И так, он оставил конное войско свое на берегу реки Брандано, и с частью сил своих вышел в Калабрию. Там усмирил он Козенцы людей, которые были славными пехотинцами, так что оттуда он возвращался ведя их с собою. Но прежде чем выступить в этом сопровождении, дал этим людям он всё, что только мог. Сразиться спешил он со всеми, кто его предал. В верный ему Джовинаццо отправил он нескольких рыцарей. Прежде всего же стремился устроить на Бари атаку он мощную, где, как он знал, Абелард находился. Жители Бари, доверив себя числу своему и предводителю, бывшему воином мощным, вступили в сражение с герцогом. Однако кольчуга его (Абеларда), пикой пронзенная, его защитить не сумела. Раненый в грудь тем ударом не смог он продолжить сраженье, и убежали войска его в стены обратно.

После победы Роберт отправился сразу же в Джовинаццо. Верные граждане встретить его поспешили. Кто описать сможет всю благодарность к нему обращённую? Он же хвалил их за то, что они свою клятву вассальную выше поставили даже детей дорогих. Обнял тогда он их и сказал им: «Не бойтесь. Юношам вашим Амик не причинит никакого вреда, ибо он просит, чтобы позволено было ему вновь вернуться в милость мою». Люди ответили так: «Можете быть вы уверены полностью в том, что всегда мы готовы следовать вашим приказам, и доверять судьбу наших детей нашему господину, и никакая (другая) любовь не сильна настолько, чтобы лишить нас вашей любви. Мы только просим, чтобы в ответ на нашу любовь вы были нам покровителем и правителем добрым». Услышав мольбы сих людей, герцог на то согласился, о чём просили его. Он от всей дани избавил их на 3 года, и половину дани навеки простил.

С этим покончив, он их покинул, вернувшись поспешно в Салерно. И по пути туда рыцарям роздал своим деревни и замки мятежные, сперва подчинив их. Дал он немало сражений в разных местах. Удача была с ним, и, при нападении на Асколи, город мятежный, Балдуин взят был им в плен в столкновении конном. Штурмом он взял замок Вико. Там Градилон был им схвачен и света/зрения лишен, а равно и уд детородных. Балдуину было позволено невредимым остаться, впрочем, как Абеларда сторонник, он содержался в тюрьме под охраной.

Произведя деяния эти в пути, герцог в Салерно явился. Посланники Жордана встретили там его просьбой о мире. Герцог же видел, хотя несогласие кончилось, может он быстро утратить большую часть преимуществ, достигнутых им, и потому он ответил послам благосклонно и доброжелательно. Он объявил перемирие, сделаны были приготовления для встречи и герцог назначил день для неё. Послы возвратились домой весьма вдохновлённые тем, как любезно он принял их, и сообщили хорошие вести. Было угодно весьма Жордану то, что они рассказали. В это же время герцог послал в Джовинаццо несколько рыцарей лучших, велел им не только помочь его собственным людям, но и работать к ущербу врага, вред причинять ему образом всяким доступным. Прибыли те в Джовинаццо, крюк сделав немалый, путями окольными, ибо прямой невозможен туда был проход, враги же их были бесчисленны. Там (т.е. в Джовинаццо) оказавшись, стали усердно они нападать на противников герцога. Те, сами прежде привыкшие грабить окрестности, запричитали, что жертвы они и что шагу не могут ступить без опаски.

В назначенный день герцог и принц Жордан оба в Сарно устремились. Мир заключён был меж ними, и согласован с Раинульфом на тех же условиях. Дядей он был по отцу Жордану, а герцог – по матери. Закончив дела сии, герцог вернулся к Апулии крепостям. Замок Спиначцола взял он, тот, что укрепил и снабдил оружием Амик, и над которым поставил он сына с рыцарей войском большим, герцог же всех их пленил. Только Амика сын сумел убежать и избегнуть той участи. Новых потерь опасаясь, Амик о мире просил. Герцог ему благосклонно его (т.е. мир) даровал и получил обратно заложников. Детей возвращение радость вернуло печальным отцам, и матерей Джовинаццо уняло рыданья.

Заключение этих договоров привело в ужас гордых племянников герцога, графов Роберта и Гофри. И, когда они попросили прощенья, дядя их был снисходителен к ним, забыв тот ущерб, что они нанесли ему, забыв и свой собственный гнев. Рассчитывая на союз с ними, герцог осадил Бари с большим войском рыцарей. Аргирицос, тесть Абеларда, единственного, кто пока ещё избежал заключения мира, пригласил (к себе) герцога в город (Бари) и вновь вернулся под его (герцога) покровительство. Зять же был исключён из мирного договора и изгнан из города. Абелард, поскольку не собирался он быть в мире с герцогом, покинул владенья свои, которые он от отца унаследовал, и отбыл в изгнание он в страну греков, где правил тогда император Алексей⁵. И этот муж добрый милостью встретил его, отнесся с почтеньем и много даров ему дал. Но смерть-завистница, что не щадит никого, поразила заразной болезнью юное тело. И он, веривший в то, что однажды вернётся к власти с триумфом, украшенный фасциями⁶, умер, напротив, в изгнании среди греков и там захоронен.

Усилив войска своими людьми из Бари, которые ныне к нему присоединились, герцог, восстаньем Петра раздражённый, осадил Трани. Оставил свою он жену там при этой осаде, в то время как сам выступил на Таранто со множеством рыцарей, и обложил этот город и с суши, и с моря, и вскоре его захватил. Затем он стал лагерем возле Кастелланеты, устроив осаду ей. Граф Петр был в это время терзаем ужасной тревогой, и видя, что к герцогу благосклонна удача, к нему же враждебна, он стал искать прощенья и мира. Герцог направил посланников, те сообщили ему (Петру), что должен он будет отдать герцогу Трани и Кастелланету. Если не сможет он этого сделать, то мир не получит. Петр явился (к герцогу) в лагерь в одеждах изодранных, войдя же, просил он о мире и о прощеньи. Призвал он той крепости стражей и приказал им их башни покинуть, согласно его указаньям они передали Роберту стены. Также он отдал и Трани, чтобы вернуть себе расположение герцога, и клялся ему он в покорности, став его верным вассалом.

Так герцог, храбрый и умный, склонил (врагов) шеи тугие, знал он, как положить конец разногласьям.

Книга IV

Сброшен был с трона тогда своего Михаил, обращенный в монаха. Тот самый муж, что обошелся с Романом безвинным жестоко и недостойно. Брат его, бывший с ним заодно, также был выдворен. Роберта дочь горевала о ниспровеженьи супруга. Муж сей несчастный в изгнание был сослан.

Герцог, как только все замки и города ему подчинились, покинул Апулию, взяв путь на Салерно. Раймонд, граф славный, что правил (тогда) Барселоной, прибыл в Италию/Гесперию в город (т.е. Салерно), искал он женитьбы на дочери герцога. И получил из них старшую. Еще одна дочь вышла замуж за славного и рождением знатного графа французского Эбалус, мужа, который не знал поражений. Сведущий в войск предводительстве, также владел красноречием он, и языком своим был (он) искусен, не менее чем рукою.

Папа Григорий в то время пришел в Беневенто, город подвластный Римского папы суду. Папа обижен однако был тем, что осаде подверг герцог тот город. И Роберт туда поспешил, чтоб прощение просить у него за сие оскорбленье. Принят он был (муж столь могучий чести такой был достоин), и как проситель папе стопу целовал, когда тот восседал перед ним. Долго они совещались в отдалении от слуха всех прочих (присутствующих), после чего папа призвал своих *fideles* и объявил им, что обсуждалось секретно. Евангелие принесли и герцог папе поклялся, что сколько жизни ему ни осталось, будет блюсти он клятву верности вечной вассала Церкви Святой, чьей власти покорен весь мир. И утверждают, что папа ему обещал корону Римского царства/королевства, ибо король Генрих проклят им был за прегрешения многие, им совершенные, ведь не боялся церквями святыми тот торговать, следуя Симона вероученью греховному, и даровал он епископа сан лишь тому, кто доставлял ему дорогие подарки. А кроме того предавался он связям кровосмесительным и блудодейным. Жизнь, что он вел, составляли разврат, беззаконие и святотатство, общества мужей достойных он избегал, предпочитая всегда им нечестивцев. Праведный папа Григорий эти пороки его возненавидел, судом своим он отрешил его царства. Саксонцам же он повелел не подчиняться их королю, и (даже) напротив, сопротивляться ему всею мощью, и наставления направил он герцогам, Рудольфу с Вельфом, призвав на сражение их против Генриха на стороне [святых] Петра и Павла, на коих сей новый Симон (т.е. Генрих) восстал. Все полагали, что он (т.е. папа) даровал корону Рудольфу. Последний, соединившись с саксонцами, войско имея большое, войну объявил врагу/супостату (досто)почтенного папы. Многие люди (однако) верны оста(ва)лись проклятому королю, помня о праве наследном его и не желая ставить другого наследником царства. И между сими двумя (сторонами/группами) была битва большая. Род тот суров, отступленья не любит, [так что] обмен совершили ударами мощными с одной стороны лотарингцы, с другой же саксонцы, атаковали друг друга жестоко, раной за рану платя, стояли за землю свою и норовили отпор дать друг другу. Как утверждают, в бою этом 30 тысяч мужей было убито. Однако, хотя ни один из народов не был повержен, оба они отступили, силы истратив, а Рудольф убит был. Услышав о гибели Рудольфа, Генрих был рад, будто взял верх в сражении (том). Полон усердия напал он на папу, который, как было известно ему, лишил его царства,

выступил он с большим войском на Рим для осады. Зная об этом, папа премудрый (Hoc prudens comperto) искал у герцога помощи, чтобы последний оружие взяв сослужил ему службу, разбил вражью войско.

По заключении вечного мира из Беневенто в Рим возвратился Григорий, а герцог – в Салерно. Там в этом городе церковь возвел он красы удивительной для тебя, Матфей (апостол), себе же он выстроил великолепный дворец.

Герцога сердце весьма огорчило то беззаконие, коему был подвергнуты зять и дочь его, будучи изгнаны с трона империи. Многие это сочли оскорблением жестоким для герцога, так что желал отомстить за него он. Муж престарелый, Никифор⁹, бразды взял правленья. Был он несведущ в деле войны, хоть и ловок (умом), изворотлив и бдителен к скрытым угрозам, но (также) был он труслив, и сам страх испытывал больший, чем тот что другому внушал. Его поддержал главный военачальник Алексей, воин могучий, муж ума острого, видный и родом, и мужеством. От юности первого цвета большую часть своей жизни провёл он с оружием в руках, и никогда без успеха не оставались те предприятия, как бы трудны они ни были, в коих участвовал он, коли велела ему святая империя. Сей полководец сразил врагов/супостатов империи Василиака с Вриеннием, греков знатных, славных и мужеством и богатством, но над обоими был победителем он. Вриенний сражался в решающей битве с ним неподалеку от Города, был побеждён и взят в плен. Василиак был повержен уловкой/хитростью. Оба они, выйдя с тем, чтобы встретиться в битве, к дня окончанию лагерем стали довольно близко друг к другу.

Той же ночью изобразил бегство хитрый Алексей: лагерь покинул, не взяв ничего из поклажи и часть палаток оставив стоять. Утром палатки и утварь, что бросил он, несколько лошадей, создали видимость бегства. Видя, что нет никого из построенных к битве, а лагерь покинут, Василиак выслал людей для разведки окрестностей, чтоб доложили ему, коль они обнаружат какой-нибудь шум лошадей ли людей ли. Ни голосов, подаваемых войском, ни конского ржания не было слышно. Подумал Василиак, что опасности нет, уверился он, что напуганный войском его, враг бежал. (Тогда) отобедав, сном пьяным уснул он, и всё его войско в лагере улеглось преспокойно. Алексей, втихую приблизившись, бросился на врагов, ужасом пораженных. До самой поры, пока темень ночная не стала преградой, нигде не могли они быть в безопасности и не имели надежд на спасение бегством. Были они либо схвачены, либо убиты. Сон и излишек вина их наполнили ленью, и не сумели они ни бежать, ни оружие взять. Василиак ослеплённый направлен к тебе был, Никифор, против чьего управленья решился восстать он, чтобы того повидать, кого он не мог теперь видеть. Вот как Алексей и силой и хитростью смог победить для империи многих врагов, либо оружием, либо обманом.

Имея намерение пересечь море, герцог распорядился готовить оружие и приказал собираться в Отранто войскам своим. Суда уж построены были, а он оставался в Салерно, налоги взимал отовсюду и набирал новых воинов без перерыва. Войско призвал он надежное, чтобы оно вышло с ним на судах, что были готовы. Многим же этот поход представлялся несправедливым, обременительным делом, более прочих те, кто имели жён и дома, и любимых детей, сражаться в подобной войне не имели охоты. Но доводы скромные герцог угрозой снабдив, многих заставил пойти. Все были в сборе в Отранто, как он и велел. Герцог избрал для переправы суда из Далмации, люди которой, по просьбе его, прислали ему их в подмогу. Он их наполнил оружием, лошадьми, людьми и припасами, и так их отправил на Корфу, остров, что недалеко от Отранто. Плаванье было недолгим, спасибо попутным ветрам. Рыцари герцога, вышли на острове и совершили атаку свирепую, в ужас повергшую всех обитателей местных.

В это же время старик, упомянутый ранее (т.е. Никифор), изгнан был с трона империи. Храбрый Алексей, столь укрепивший империю, много побед обеспечивший ей над врагами, прогнал его прочь, в ярости от оскорбленья, что тот нанес его брату. Сопровождаемый всеми войсками империи, и, Город (т.е. Константинополь) нашедший оставшимся без гарнизона, с легкостью он старика одолел и принудил его стать монахом. На разграбление Города военачальник три дня дал его захватившим. Лютые персы дерзость имели святые места осквернять руками бесчестными. В Город Алексей привёл их для пущего страха. Взяв власть в империи силой оружия, воин учтивый дочери Роберта чести немало явил, ибо он слышал, что герцог желает явиться, так что старался умиротворить он его и отвратить его мысли от планов подобных. Герцог однако суров и решителен был, от намерений своих он не отказался.

Какое-то время он оставался в Отранто, ждал появленья жены своей и многочисленных графов, которые, как полагал он, сопутствовать будут ему в предстоящем походе. Явился туда самозванец, он утверждал, будто он Михаил, над империей власти лишённый несправедливо, слёзно оплакивал он своё бегство. Герцог злосчастного принял, отнёсся с почтеньем к нему, являя ему свою милость и уваженье. Народ легковёрный к нему устремился, поклоны кладя в знак приветствия. Герцог такого союзника принял радушно и, когда выступил, взял его вместе с собой, чтоб оправдание похода было вернее.

Незадолго до переправы он получил послания от короля, которого папа уже лишил его царства, с просьбой помочь ему справиться с папой и горожанами, а также квириатами, восставшими на него. Король тот в то время пришёл, чтобы Рим осадить. Хоть ответ, герцогом данный, добрым был и благосклонным, всё же вернулись послы без решения твердого. Он же (т.е. герцог) (тогда) дал знать папе Григорию, чьим был сторонником искренним, обо всех этих посланиях отлучённого (от церкви) короля. Он уверял его, что никогда не предпринял бы этот поход, знай заранее он о врага нападения, но, говорил он, приготовленья зашли уже так далеко, что отказаться от предприятия (увы) невозможно.

Меж(ду) тем прибыли жена его и те графы, которых призвал он. Перед лицом огромной толпы Роберт прекрасного сына Рожера вызвал, и перед взором всеобщим назначил его наследником, и поставил его надо всеми кем правил. Был наилучшим наследником он отцу великому/славному, лучшие свойства являл он отца и дядей своих. Нравом таков был он, что уже в юные годы являл он любовь к добродетели. Герцог дал Рожеру полную власть над Италией всей, в Апулии также, как и в Калабрии, и на Сицилии. Его самого он доверил Роберту графу с Герардом, первый был сыном брата его (герцога), последний же другом вернейшим – оба они добродетель любили и честность. Он их просил не отказывать в помощи папе, той что им будет по силам. Сам поспешил же поход предпринять, что уж был подготовлен. Пересёк Адриатику он на пятидесяти кораблях. Затрепетал остров Корфу с прибытием князя/принца великого с войском отборным. Люди его, шедшие прежде него, взяли лишь город Бутринто, он же себе обеспечил падение Корфу города, что оснащён был крепкой природной и рукотворной защитой. Заложники были даны и весь остров выплатил дань. Вонцу штурмом его моряки одолели, разграбив затем.

Герцог поставил сына от первой жены Боэмонда, рыцаря храбрости редкой, над войском и конным, и пешим, тем что с собой он привел. Всем своим людям он повелел подчиняться его приказаниям. Они осадили Диррахий, с одной стороны был отец, с другой же был сын, осадой пытались они одолеть его с суши, и с моря. Прежде Георгий не раз призывал туда герцога, ибо он слышал о том, что Никифор, вручивший сей город ему, свергнут был с трона. Летнее плаванье герцога прервано было однако крушением, и судно (navique), которым он плыл, получило в бушующем море пробоину. Только с великим трудом удалось ему выжить. Хлеб, что он вёз для людей своих был уничтожен: вымок в воде и на крошки рассыпался весь; тела же омытые морем, остались лежать, догнивая на берегу.

Герцог подавлен был тем, что не мог довершить путешествие, что он предпринял, но между морем и небом, разбитыми штормом, было тогда промедление немалое, и Палеолог привёл многих греков в Диррахий, откуда Георгий был изгнан обманом. Рад был Алексей, что враг его послан ему. Герцог меж тем не имел намерений бросать предприятие в пору, когда он решил, что время настало. /Остров/ Корфу ему уже сдался. После захвата Авлона, а также других городов побережья, осаде подверг он Диррахий, зная [прекрасно] что тот был весьма укреплён. Город же этот когда-то был очень богатым, и окружали его стены /главным образом/ сложенные из кирпича. Пирр, царь Эпира, нарёк Эпидамн ему имя. Выступил он не колеблясь жестокой войной на квиритов/римлян в союзе с народом Таренто. Город с тех пор пережил столкновений и бедствий немало, лишился своих обитателей и превратился в ничто. Впоследствии Зет с Амфионом разрушенный город построили заново, но уже в меньших размерах, и нарекли ему имя Диррахий. Со всех сторон окружил его герцог. Жители осаждённого города пребывали в великом испуге, но часовых они (все же) установили, стражей надёжных расставили по всему городу, и дали знать императору, что обложил их герцог осадой, направив посланников с просьбой о помощи. Герцог же всю свою мощь приложил к штурму города. Башня была у него деревянная искусно сооружённая, на ней разместил он огромную катапульту (petraria), метавшую камни большие, чтобы разбить стены города. Увидев, как разрастается лагерь всё больше и больше, окрестности же разграбляются, и прибывает в тот лагерь добыча немалая, к тому же дома там возводятся, чтоб отразить холод зимний, волей-неволей пришлось позабыть горожанам надежду напрасную, коей они себя тешили, на отступление врага. Стало им ясно, что герцог останется и удалиться не пожелает до самой поры, пока не принудит себе подчиниться их город, как он уж многих заставил предаться ему. Послали они (людей) к нему, чтобы спросить, зачем он явился к ним. Герцог ответил, что прибыл он, чтоб Михаила снова поставить на трон, с коего тот несправедливо был изгнан. Они обещали, что не откажут ему войти в город, которого он домогался, если они Михаила смогут увидеть. Муж, выдававший себя за Михаила, был к ним доставлен в короне, как император, под звуки лир, труб и горнов, сопровождали его, окружая со всех сторон, толпы поющих. Однако при виде его, горожане пустились смеяться, и обратились с насмешкой (к нему): «Муж этот прежде любил восседать за столами с кувшинами винными сам же он был лишь лакеем, причём не из лучших!».

Алексий, проведая о том, что взял Роберт его города, и опасаясь, что также займёт он Диррахий, с войском большим изготовился выйти на герцога. Народ, с кем в союзе он был, призвал он сражаться против него (т.е. герцога) и вовлечь [его (т.е. герцога) силы] в сражение на море. Смел был народ сей и в бое морском весьма сведущ, ведь императора просьба отбыла в Венецию, город на побережье, равно обильный богатствами и людьми, волнами крайнего севера Адриатики он омываем. Стены народа того окружает море повсюду, (так что) не могут иначе как в лодке (nisi lintre) они добраться от дома до дома. Живут постоянно они на воде, и никто из народов не превосходит их в битвах морских и в искусстве судовождения/навигации/мореплавания.

Алексий сумел убедить их помощь доставить осаждённому городу и корабли их направить сражаться с судами герцога, чтоб, нанеся поражение на море врагам его (Алексия), и ослабив тем герцога силы, они облегчили ему (Алексию) сражение на суше. Вяли они (венецианцы) наставлениям императора, и поспешили напасть судами своими на герцога. Близился вечер однако. Поплыли вперёд суда герцога, но уже ночь опускалась, и стороны уклонились от боя. Наутро, как только рассеялись тени, оба народа к сражению были готовы. Венецианцы, чей опыт в подобного рода (военных) делах был много больше, атаковали стремглав. В ужас был ввергнут герцога флот и в порт возвратился. Тем и закончилось это сражение. К ряду три дня венецианцы атаковали ту гавань с утра на рассвете и вызывали на битву флот Роберта. Мужички (из) Далмации и Рагузы, бывшие в спутниках герцога, море всё перекрыли летящими стрелами, но не решились суда свои

вывести в отдаление от гавани. Порт защищён близлежащими станами был. Венецианцы, обрезав канаты у нескольких кораблей, уволокли их от берега прочь, но и это не повлияло на мужество герцога неустрашимое. Снова замыслил он нечто, и подготовиться к битве решил он получше, чем прежде, и для того он привёл суда (naves) новые, больших размеров, но и ущерб [врагу] нанести способные больший.

Алексий возрадовался, услышав о подвигах победоносного флота. Те острова, что прежде платили дань Роберту, вдруг взбунтовались жестоко, услышав о тех поврежденных, что претерпели его корабли, и возгласили власть императора. Приказом последнего/императора все переправы на реках, а также проходы меж гор/в горах теперь охранялись за тем, чтобы враг не был предупреждён о грядущей опасности, и не предпринял шагов нападению навстречу/чтобы встретить атаку. Действуя так, Алексий надеялся, что он застанет врасплох своего неприятеля, и разобьёт непобедимого герцога нападением неожиданным. Вёл он неисчислимое войско из разных народов, с греками рядом шла варваров сила могучая.

Вдобавок Василию (Месопатамиту) вверил вести он передовую стражу из двух тысяч рыцарей/всадников лучших/отборных разведать стан герцога Роберта. Месопатамит был воин бывалый, в боях закалённый, так что приказ ему данный он выполнил. Возле Бутринто был он, когда слух прошел, будто конница герцога, вместе с поклажей немалой, скачет поблизости где-то. Хоть очень многие сразу же ранены были стрелами турков, бывших под руководством Василия, все они были готовы скорее погибнуть, чем удалиться от греков трусам подобно. Построив ряды как сумели, они на врага развернулись. И устрашились турки вида врагов их, на них повернувших, отпор давших ожесточенный и бившихся крепко. Бросились в бегство они, и Василий был не в состоянии им воспрепятствовать в этом. Сам он при бегстве был схвачен. Войско норманнское пленника этого спешно доставило герцогу. Роберт его спросил обо всём, что Алексий замыслил против него, и как это всё собирался исполнить, и как много войска ведёт он с собою на битву. Узнав, что врага появление уж близко, и что Алексий его атакует немалыми силами, герцог созвал всех мужей своих главных, и всё рассказал им о том, что узнал, и обсудил с ними то, что им следует сделать. Те из них, кто были склонны к войне других больше, вылазку дерзкую захотели устроить – лагерь покинув, напасть на врага наступавшего крепко, чтоб привести его в ужас таким нападением. Герцог ответил, что удалиться от лагеря слишком не стоит, покуда империи войско вблизи не покажется, и заявил, что стремиться к победе при помощи хитрости дело пустое, ибо не может победа случиться без [помощи] неба. Хоть он и знал своих воинов храбрость, но опрометчиво действовать он не имел намеренья. Мало того, что наслышан он был о великом числе неприятеля, к тому же ещё ничего он не ведал о том, что там были за люди. Так что разумно советовал он своим людям быть настороже и готовыми ко всему, что может случиться. Вражеских войск не хотел ожидать он вдали от Диррахия.

Те появились внезапно, горы и доли собою покрыв(ши) как саранча. Солнце уже погружалось в воды морские, и ни одна из сторон не желала сраженья начать в это время. Сну предалась она.

Дал приказание Алексий людям Диррахия напасть на противника сзади, с тем, чтобы он в безопасности не был ни с фронта, и ни с тыла. Герцог с рассветом предусмотрительно стан запалил свой, с тем чтоб никто не напал на него (на этот стан/лагерь) по его (герцога) выходе. Первым он вывел войско свое на сражение. Алексий великое множество сил своих выдвинул /и напал на него/. Были повергнуты в ужас ломбарды и калабрийцы, также и большая часть моряков, коими герцог командовал лично, бросилась в бегство. Самые рыцари герцога были напуганы первой атакой врага, что на них навалился. Реку преодолев(ши), по недосмотру попали они на пространство, которое было весьма ограничено. Герцог заранее мост уничтожил, чтобы не дать ни вылазку сделать из города, ни в город пройти никому. Места того теснота мешала движению людей, грозная туча из копий накрыла их отовсюду, никто столь великого града из стрел не видывал прежде. Места спокойного не было там, ведь они не могли ни сражаться, ни отступать; пытались они развернуться, и опрокинули в море сами себя – натиск таков был, что сами себе норманны путь преграждали, мешая друг другу не меньше, чем делал то неприятель. Казалось, опасное столь положение в панику ввергло норманнов. Сочтя их уже побеждёнными и отступившими, к тому же Венеции флот курсировал неподалеку в надежде схватить побеждённых, империи армия, жадная до добычи, ринулась грабить. Добычей их лошади стали, а также иное имущество, что войско герцога бросило, битву оставив поспешно.

Толпа же (норманнов) тем временем море сумела покинуть и вновь сошлась с герцогом, кто, будучи во главе, был в числе первых, сумевших избежать опасного места пусть и с немалым трудом. Та расстановка, которую дал он войскам изначально, рассыпалась, ибо стеснённая ужасная на поле боя всё изменила. Рад был однако уже он хотя бы тому, что люди его были с ним, так что немедля для их ободрения сказал он речь краткую, и говорил он о том, что спасение их – лишь в оружии, если же спины свои они явят, то, так он грозил им, греки забьют их всех словно баранов. (Также) сказал им /он/, что пленника жизнь – это то же, что смерть. Увещеваньями этими мужество в людях своих он воспалил. Хоть он и видел числом сколь великим шло (на него) войско Алексий, верил он в знамя, что дал ему папа во имя Петра, князя пастырей, верил он также в заслуги святого Матфея, церковь кому он возвел. (И) на врага устремился он храбро, и в битву вступил он жестокою у осаждённого города. Бит был Алексий, и люди его побежали, больше пяти тысяч греков погибло в той схватке. Также немало турков погибло с греками вместе. Всякого рода оружие, кони, а также знамена были отъяты у греков. В войске же герцога были убитыми лишь тридцать всадников/рыцарей. Алексий оплакивал то, что был побеждён неприятелем, кто уступал и числом, и богатством ему. Сам он был ранен и поле боя/место

сражения покинул. Так, человек, что надеялся праздновать пышный триумф, вместо того был принужден вернуться в слезах и без славы.

В ходе той битвы случайной стрелой была жена Роберта ранена. Раной напугана, и без надежды на помощь, пала она в опасной близости от врага и, опасаясь что гибель грозит ей, хотела взойти она на одно из судов. Но Бог, не пожелав затруднения госпоже столь достойной и знатной, спас ее. Пал Константин, прежде царского звания лишённый, в сражении этом. Был похоронен он с церемонией, что подобала ему. Греки оставили множество видных людей при Диррахии, коих тела неприкрыты землею лежали и гнили на поле боя.

Герцог в Алексий стане пробыв постарался недолго из-за зловония трупов. Венецианцы же верные встали в Диррахии, как им велел император. Герцог от города выступил и подошёл к реке Дивалис. Там он поставил крепость, людей же с ним бывших, устроил он в разных местах, где они были укрыты от зимних морозов. Венецианцы подвергли казням всякого рода тех, кто приплыв вместе с герцогом, после бежали, не пожелав вместе с ним в сражении последовать. Рабству тем самым себя обрекли они; (только) немногих из них вернули на родину, и там они сразу в тюрьму угодили, прочих же грекам отдали.

Был там в Диррахии муж из Венеции знатный, Доменико звавшийся. И одного человека, который, как утверждают, был сыном дожа Венеции, он ненавидел, поскольку ему (Доменико) не дозволено было в совете бывать у него, хотя многим людям иным туда вход был открыт. Доменико способ искал выйти из подчиненья ему (т.е. сыну дожа). Призвал он к себе одного из таких беглецов, мужа из Бари, который был дорог ему, на верность которого он мог положиться. Дал он ему наставление к Роберту в лагерь войти во время ночное и сообщить, что желает открыть он герцогу сведения, что ему будут во благо, и передать ему, чтобы явился тот в место с названием Петра, у Николая Святого церкви оно находилось. Роберт пошёл туда с малым сопровождением. [Меж тем] беглец обернулся и вызвал венецианца, тот вышел к герцогу и обещал, что он с лёгкостью может отдать ему город Диррахий, если последний отдаст ему то, что он ищет. Клятву дал герцог пожаловать то, что хотелось тому – отдать ему в жёны племянницу. После той встречи тайком возвращались они восвояси, но прежде решили, что как только герцог объявится вновь, сдаст ему город Доменико.

Когда день настал, оговоренный ими, герцог избрал мужей из Козенцы, которые, знал он, весьма быстроноги, в сопровождение придав им несколько рыцарей лучших, так он и выступил в город ночной тишиною. Для осторожности выслал вперёд он того беглеца, чтоб он из города импередал, что им следует делать. Венецианец, большую часть этой ночи их ожидавший, все же уснул, но барьер-беглец разбудил его вскоре и сообщил о прибытии герцога. Венецианец сказал ему, чтобы тот (герцог) ввёл людей его преданных в город и ничего не боялся. Посланник вернулся, и первыми пешие воины герцога вместе с ним (с посланником) в город вступили, вручил он им стены той башни, что не имела охраны. За ночь они не издали ни звука. А на рассвете весь город по всякого рода шумам догадался, что вход был захвачен врагами. Венецианцы все похватили оружие, (все) кроме тех, кого внутренний враг переманил/увлек на сторону герцога. Видя врагов на валу городском, вырыли жители ров внутри стен, чтобы тем затруднить спуск неприятелю в город. Герцог войскам своим дал приказание лагерь покинуть поспешно. Их голоса услышав, он к ним бегом устремился, и в ворота впустил/провел их. Видя, что их атакуют извне и внутри, жители вслух обвинили в измене венецианцев, из-за чего, в беспорядке они покинули город. Кто-то убит был, кто-то – взят плен, ну а кто-то из них бежал к морю, к своим кораблям – так ускользнули они по волнам Адриатики. Каждый из венецианцев, сражаться оставшись, пленником стал при взятии города, был среди них и сын дожа, флот же тем временем вдаль уплывал. Вот каким образом герцог добыл себе город Диррахий. Будучи не в состоянии взят его только лишь силой оружия, он обеспечил победу при помощи хитрости. Венецианец был рад, ведь по взятии (города) всё, что обещано было ему, было исполнено.

Тогда же восстали жители Трои и Асколи, первые подать обычную выплатить отказались, вторые роптали о стен городских разрушеньи. Объединились они в нападение на Рожера, благородного наследника герцога, славного разумом, как и военным умением. Заперт в твердыне/цитадели города Троя, он как умел защищался, покуда в подмогу к нему не подоспел союзник его и отца его. Выйдя же из цитадели, яростно бросился он на мятежный люд городской и учинил над ним казни различные. (Так) он ладонь отрубил одному, другому – ступню, третий утратил свой нос, а ещё один – тайные уды, прочих людей он лишил их зубов или ушей. Также и в клетке тигрица привычно скрывает свой гнев, будучи пленницей, и не имея возможности выход дать ярости, но коль случится ей вырваться и убежать, тут уж она проявляет свирепость внезапную, всех кого видит хватает и пожирает. Лев, даже он, сторонится подобного лютого зверя, пусть она меньше его, и он ее много сильнее.

Роберт вернулся в Апулию вновь после года отсутствия, преодолев Адриатику в двух кораблях, и доверив людей своим старшему из сыновей, Боэмонду, а также Бриенну. Узнал он, что Канны против него взбунтовались, и осадил этот город, и взявши его сделал не выше земли. Правил тем городом Герман. Был он рождён той же матерью, что Абелард, Гумфрида сын, в прочем отцы у них разные были (на счет разных отцов замечание явно лишнее; отчасти, однако, объяснимое тем фактом, что мать Абеларда и Германа, Гайтельгрима. Были два брата те воины славные, но уступили оба они силе герцога Роберта, равным которому вряд ли хоть кто-то был в мире.

Канны разрушив, выступил в Рим он на Генриха, на супостата Григория, римского папы. Больше двух лет осаждал Генрих город с /огромной/ толпой своих варваров. В стенах высоких брешь пробил он орудьями

камнеметания, и уничтожил многие башни бесстрашного города. И Трестевере ему уже покорился, Григорий же заперт был в крепости, впрочем весьма защищённой. Истинно/Воистину, столь превосходно воздвигли её, что была она неуязвима, (к тому же) папа её гарнизоном надёжным снабдил.

Генрих, узнав о том войске великом, с которым Роберт готовился выступить против него, бросился в бегство, напуганный силой и храбростью герцога, слава которых уже разошлась повсеместно. Ждать его даже боялся он (т.е. Генрих) и отступил, ища безопасности. Роберт же в Рим поспешил и штурмом взял стены того славного града, с помощью папы сторонников (очень) немногих. Несколько зданий спалив, он, при помощи силы, свободу дал папе, который в осаде томился уж долго; с честью великой доставил его вместе с собою обратно в Салерно. После отбытия герцога жадные жители города Генриху вновь поддались. Он же им дал вместо папы Гиберта Равеннского, того человека, который, греховно восстав против Святого Отца, дерзость имел завладеть и Престолом Апостольским, толпам народным известен он был как Климент. Вернувшись в Салерно из города Ромула герцог войска (armina) распустил. Прежде ни разу ещё не имел он армии этой подобной, ибо на Рим он водил шесть тысяч рыцарей конных и тридцать тысяч пехоты. Вот потому-то и победил он сразу и одновременно двух величайших правителей мира, германского короля и империи Римской правителя мощного. Последний из них в битву бросился и был разбит, первый же был покорён только страхом пред герцога славой.

Книга V

Алексий узнав, что за море Роберт уплыл, вновь постарался собрать свои прежде разбитые силы, чтобы разрушить, покуда отсутствует герцог, лагерь его, охраняемый сыном последнего Боэмондом, а также Бриенном, двумя мощными равно в бою и на совете мужами. Войско Алексия лагерем встало неподалёку от Янины, города славы немалой. Лагерь свой он защитил рядами повозок, расставленных со стороны, обращённой к равнине, что для подхода была наиболее легкой. Все пути доступа он обложил колючим железом, чтобы пронзало оно копыта коней неприятелей при нападении, когда они пустятся вскачь, поводя ослабив. Однако туманом разрушены были предосторожности греков, норманны явились туда незаметно по тропам едва проходимым, увитым лозою, поросшим осокой густой/густым камышом. Вступил с ними в схватку Алексий, и отбивался какое-то время, но всё же долго противиться натиску их не сумел. Спасенья искал он и отступил побежденный. Так, пораженный повторно, он удалился в Фессалию, в город известный, что люд называет Салоники. Знал он однако насколько удача в военных делах бывает изменчива, так что готов был он снова вернуться к борьбе.

Счастлив был тем Боэмонд, что храбростью войско его превосходило число (свое), и ликовал взяв Цивиски. Осаде подверг он Лариссу, славное место, где, как он ведал, богатств находилось немало, ибо туда доставлены были сокровища царские/казна империи. Было оно также местом рожденья Ахилла, кто Трои разрушил/крушителя/разрушителя Трои. Обеспокоен осадой этого города, прибыл Алексий туда с войском силы немалой и доблестно бой дал норманнам. Силы Бриенна противостояли ему, но были разбиты. Видя что горы усыпаны толпами этого войска большого, смекнул Боэмонд, что правитель империи сам присутствует в нем. Бросился он [на него] и трусливых врагов своих он погнал также, как ястреб гоняет жаворонков. Греки спиной повернулись к лицам людей его, пыльная буря однако накрыла и тех и других, да так основательно/плотно, что ни одна из сторон другую не видела. Греки разбитые в чаще лесной искали укрытия, а победитель, часть их убивший, вернулся к горам, с тем чтобы ждать там начала новых сражений.

Зная, что враг удалился, Алексий направился к лагерю возле Лариссы с войском немалым. Пешие воины, что были в лагере этом оставлены, врага, столь числом превосходного/превосходящего отбить не сумели. Большая часть из них были убиты, немногим бежать удалось. Алексий забрал ту добычу, что войско победоносное свезло отовсюду в то место. Гонец поспешил в горы новость доставить об этой беде Боэмонду, и он (кто уже было дело считал себя победителем) оплакал /погибель/ той части войск своих /гибель/. Однако, он не был напуган ничуть и (по)старался/усердие приложил, чтобы/ сплотить свое войско, строй растерявшее. Вряд ли какие-то средства могли истощить мужество этого мужа. В прочем расстроен он был, что осаду приходится снять с города, что был почти покорён и готов уже к сдаче. Ночь наступила, людям, уставшим в сраженье, напомнив, что нужен телам их покой. Вошёл Боэмонд в долину укромную, бывшую неподалёку, всё в ней имелось необходимое людям его и ему, там и предали тела свои сну они.

Через три дня два мужа знатных вывели войско огромное греков, сразиться готовое с Боэмондом; один из них был Адриан, брат императора, другой – его (императора) зять Мелисиан. Вновь обретя своё прежнее мужество, норманны прибегли к оружию; греки, привычные к бегству трусливому, спешно вернулись в стены Лариссы, туда где укрылся Алексий. Столько уже претерпели они поражений, что не решались они удаляться из этого места. Турки, которые с ними бежали, заперты также в том городе были. Однако осаду продолжить норманны уже не могли, поскольку страну разграбляли так долго, что та не могла их кормить, свои же запасы они потеряли, когда был захвачен их лагерь. Войско своё разделил Боэмонд, и в Валону отправился он на поиски пищи, Бриенн же в Касторию вышел. Алексий оставил в Салонике большую часть своих войск, сам же вернулся в город, что носит имя /того, кто его основал,/его основателя/ Константиново имя.

Тем временем венецианцы, суда свои восстановив, вернулись в Диррахий и внутрь проход получили без сопротивления. Воистину/истинно, вряд ли хоть кто-нибудь в городе том оставался, голод ужасный понудил всех граждан его идти кто куда. 15 дней венецианцы были в Диррахии, всё там разграбив, что только могло

быть хоть как-то полезно, но цитадель, где оставил сын герцога гарнизон, им воспротивилась. И осознав наконец, сколь неприступна та крепость, а также услышав о приближении герцога сына, они отступили. Взойдя на суда, крыши над ними они возвели, будто маленький город построили. Соорудили они деревянную крепость, и предосторожности ради снабдили её всеми их флота орудиями ведения боя. Так оставались всю зиму на море они, домики (эти) их защищали от холода с влагой. Когда же зима завершилась и нежные ветры весны подули, они поспешили со всеми судами своими в Корфу (с согласия общего). Мабрика⁸, предводитель флота Алексия, был уже там. Многие из моряков (nautis) захотели тогда возвратиться в Венецию, и решено было флоту назад удалиться и всем им вернуться домой. Так решено было ими, поскольку отсутствовал Роберт уж долго, и /чересчур/ этот поход затянулся /чрезмерно/, в их же отсутствие собственность вся их была в небрежении.

Роберт же всё это время был занят весьма, и прежде всего войной с Жорданом. Лаций покинуть он не желал, не закончив дела. Князь Жордан был напуган известием о появлении Генриха, и за оружие не взялся, чтоб дать отпор ему и защитить себя самого и владения свои. Вместо того подчинился ему он, мир заключил и оставил заложником сына ему своего. Также он денег немало в подарок ему передал вместе с сыном. Так поступил он поскольку имел опасенье, что появившись король в Апулии, лишил бы его он владений, отцом ему данных в наследство. Из-за того, что Жордан сдался подобным манером/таким образом, герцог все земли его разорил огнем и мечом. Племянник о мире просил [его т.е герцога], и получил его (т.е. мир).

Мир восстановлен был, но прежде чем снова (отправиться) греческий берег искать, герцог просил папу Григория освятить ту самую церковь, что он построил во имя святого Матфея. И добрый сей муж исполнил его пожелание. С этим закончив, вновь обратился он к исполнению замысла, что уж давно он задумал. И для сего повелел отборным матросам и тем из мужей, кто, как было известно ему, пригоден для службы военной лучше других, явиться в Таранто. Там воедино свел он людей и суда. Великолепен был флот и войско готово вполне: полнились корабли оружием и припасами. Сам он и люди/двор его в Бриндизи отправились (сушей), что было надежней. Не захотели они путь свой начать из Отранто, пусть это было и ближе, но осень настала уже и конец положила летней хорошей погоде. И посему опасался он, что оставаясь в Отранто, суда уничтожены будут штормами, способными там приключаться довольно внезапно. Так что он флот переправил в тот порт, что был безопасней, где дожидаться ветров попутных он мог бы спокойно. После, простившись с женою и с теми, кто с нею остался на берегу, покинул он земли Авзонов/Италии, куда уж вернуться не смог. На ста двадцати военных судах пересёк Адриатику он, сопровождаемый Рожером, сыном, который старался всегда подражать отцу мужеством в деле военном, а равно любезностью и добротой ко всем и каждому. Также вел герцог торговые корабли, наполненные лошадьми, припасами и оружием, и всякою утварью в море необходимой. Флот переплыл через море и соединился с армией старшего сына могучего герцога. Вот уж два месяца на побережьях они пребывали, от действий военных принуждены воздержаться ужасными бурями.

Когда же погода хорошая вновь возвратилась, покинули порт они и изготовились к битве на море с судами венецианцев и данайцев/греков хеландиями. Герцог вёл сам пять трирем, еще пять он Рожеру дал под начало, и столько же братьям последнего Роберту и Боэмонду. Сопровождали их также суда и поменьше для вспоможения. Данайцы/греки хеландии во множестве привели для сражения. Венецианцы во всё положились на девять высоких трирем, которые, знали они, превосходно/идеально устроены были для боя морского. Видя насколько был ниже надводный борт у судов Роберта, с ними вступили в сражение они, и устроили славную битву. При поддержке данайских/греческих хеландиями, ливнем из стрел врагов своих сверху они осыпали, и угрожали им, тяжкие грузы метая железные, препятствуя так им подойти слишком близко. На корабле, где был Рожер во время сраженья, вряд ли без раны хотя бы один муж остался. Сам Рожер в руку был ранен, но уступать не желал, бился упорно с врагами о ране забыв. Жажда тех почестей, что получает сражения победитель, его побуждала. Отец, добывавший столь часто себе украшенья победы, призвал его и приказал отрезать хеландии от остальных кораблей. Он поспешил исполнять наставленья отца и с пятью триремами, что тот доверил ему, напал на хеландии. Данайцы/грекиатаке такой воспротивиться не сумели и отступили в смятении, птицам подобно, что не дерзают сразиться с парящим орлом, или же зайцам, что страхом своим понуждаемы к бегству, иначе ухватят их или прожорливый клюв или же хищные когти. После той/сей стычки Венецианцы остались одни. Видя как греков суда удирают, оставив триремы, герцог с сынами жестоко напал на них/последние. Столь беспощаден был натиск того нападения, что не имели венецианцы надежды спастись. Семь кораблей были потоплены, два же оставшихся сами вести бой уже не могли. Всем [кто там был на борту] пришлось сдаться врагу, и герцог был вновь триумфатор. Он своим флотом победоносным сумел отразить в порт две тысячи воинов нахрабрейших, ему оказавших жестокое сопротивление, еще пятисот не считая, что сделались пленниками. В ходе сражения семь судов греков, пытавшихся скрыться, захвачены были.

Те, кто хранили ему верность в крепости Корфу, были избавлены от осады, в которой они пребывали, куда напуганный герцогом враг не удалился. Затем все суда, как его победоносного флота так и те, что он захватил, герцог поставил на якорь в надежных местах, укрыв их от холода зимнего. По этой причине предусмотрительно ввёл он их в реку Гликис, разместив там суда и матросов, и наказав им там быть до возвращения летней хорошей погоды. Конницу на зиму в Воницу он перевёл, и сам вместе с ней там остался.

Были ослаблены люди, что разместились люди на Гликисе, зимой необычно холодной. Множество их пострадало от голода с холодом, также болезнь между ними распространилась столь быстро, что почти десять тысяч из них унесла за неполных три месяца. Да и другая часть войска не избежала этой смертельной напасти.

В краткое время весьма умерли пять тысяч рыцарей; также немало погибло и простолудинов. Не рыцарь, и не моряк, и не кто бы то ни было – никто не умел избежать поражающей их гибели.

Но не могли никакие невзгоды повергнуть в уныние герцога, он оставался и храбр, и решителен, что б ни случилось. Сын же его, Боэмонд, заболел и просил отца своего о возвращении в Италию, страну где врачей и лекарств имелось в избытке. Герцог позволил, хотя неохотно, уехать ему, ибо хотел он, чтоб славный отпрыск его здоровье поправил. Дал он ему всё, что нужно для путешествия. А, по отбытии его, Рожеру он приказал выступить на Кефалонию с войском его, завоевать и подчинить этот остров, давно уже бывший восставшим. Знал он, что, взяв этот остров, он в ужас повергнет греков все прочие города. Рожер отца приказанию подчинился, к городу он с войском его поспешил и осаду устроил.

Герцог [тогда же] к тем кораблям возвратился, что встали на реке Гликис. Снова хотел он их в дело пустить, ибо жаждал он греков гордыню смирить не только на суше, но и на море. Действовал яростно он, конницу и корабли готовя к сраженью, чтоб напугать острова появлением судов и заставить выплачивать дань, что полагалась империи, в казну его герцогства. По возвращении лета спала вода, и река обмелела настолько, что не могли моряки вновь на воду спустить корабли. Острый ум герцога сделал однако же легкой задачу тяжелую/нелегкую. Видя насколько ослабло течение реки – лишь ручеек небольшой струился по узкому руслу – он приказал набрать кольев побольше и закрепить их по берегам, связавши лозою. После чего было множество веток нарублено и [из них] была сложена изгородь, которую доверху наполнили песком, и вся та вода, что прежде была рассредочена, в запруде собралась единой. Стала река и полноводней и глубже, так создан был судоходный канал по которому все корабли в море вернуться сумели без повреждений.

Тогда же скончался в Салерно папа Григорий. Мужем почтенным он был, никоим образом и никогда не могли на него повлиять ни личные соображенья, ни к золоту страсть, действовал он (направляемый) только суровостью праведной. Успехи ему никогда не внушали чрезмерную радость, также как беды его (никогда) не могли удручить. Был утешением несчастным он, путем света/светлым путем, учителем честных, гордых смирял он своими законами, скромных же он защищал. Ужасом был он для нечестивых, щитом же/защитой – для праведных, и сеял он Слово (Спасителя), и никогда не уставал призывать верных от зла обратиться к деяниям праведным к Небу ведущим. Жизнь его не расходилась с учением [Святым], не был нестоек он словно тростник, колеблемый ветром. Герцог, услышав о смерти его, не мог слез сдержат. Вряд ли о смерти отца своего он больше рыдал, или же если б узрел он супруги своей или сына последнее издыханье. Было великим герцога горе о смерти папы, ибо любовь, что их в жизни связала, была велика. От утвержденья их мирного договора, никто из них не отрекался от этой любви.

Папа был захоронен в церкви св.Матфея, город великим сокровищем, телом своим, наградив. Апостол Матфей уже городу создал великую славу, с захоронением там же и папы тем более возросла она, герцог себе его выбрал бы [для пребывания], всем предпочтя городам, если бы только жить ему было дозволено. Но, после смерти папа Григория, не суждено ему было вернуться в Лаций, оставленный им.

В то время, как все (что описано выше) происходило, сын благородный его, Рожер грозить Кефалонии продолжал непрестанно. Роберт и сам намеренье имел идти на сей остров, который завоевать он сына направил. На корабле туда отбыл он, но не успел даже лагерь сына увидеть, был поражен лихорадкой. Горячка, чей жар жесточайший смертелен в летнее время, ярость явила свою. Супруга его, незадолго до этого/только что/перед этим приплывшая из Италии, в лагере сына была. Когда прибыл Роберт, вышла навстечу она, опережая и войско, и флот. Узнав же, что Роберт, великий супруг ее, в ком все надежды ее основание имели/на ком все надежды ее зиждились, сражен лихорадкой, к нему подбежала она, плача, слезами одежды свои заливая. Видя, что умирает супруг, и конец его близок, лицо свое в кровь разодрала ногтями она, и провела ими по растрепавшимся волосам, и возопила:

«О горе! Что же такого, несчастная женщина, сделала я, что покидаешь меня ты в столь бедственном положении. Греки, узнавши о смерти твоей, разве промедлят напасть на меня и нашего сына, и на людей, для которых ты был надеждой единственной, славой и силой? Одно уже то, что ты был среди них, их защищало, даже когда безнадежны уж были дела. Когда ты был с ними никто из них не опасался ни вражьих угроз, ни сраженья. Твое руководство хранило их, и дерзали сражаться они даже с войсками немало их превосходившими. Видя тебя не могло устоять никакое смертное мужество. Ныне жена твоя с сыном остались в добычу волкам, не обрести никогда без тебя им спасения. Люди твои потеряв твое мужество, утратят свое вместе с ним. Кто одолеет теперь трусость толпы сей? О нечестивая смерть, я умоляю тебя пощади человека, чья гибель может причиною стать еще многих смертей! Если же ты не желаешь молитвы принять мои, то подожди ты хотя бы, пока мы вернемся домой в безопасное место после его похорон. О я несчастная. Зря я молилась, смерть не приемлет молитвы такие и не щадит никого».

Рожер переживал это горе не менее слезно чем мать, плач и стенанья его к небесам возносились. Плакал он из-за утраты отца, что случилась, когда не умел он вполне защитити ни то, что имел, ни то, что обрел он недавно, как и не мог он примеру последовать храбрых деяний отца. Кто смог бы на все эти слезы взирать глазами сухими? Кто может быть столь непреклонным, столь жестокосердным, чтоб безучастным остаться к страданью и скорби столь многих? Помимо всех слез этих также он получил Кровь и Тело Христовы, и умер, закончивши жизнь свою, окруженный всеобщей любовью. И вот, наконец, душа тело великого князя покинула.

Муж, что ни разу людям своим не позволил страх пред собою явить, тот, кто привык дух другим поднимать, духом своим был оставлен.

Жена, не желая чтоб тело супруга ее осталось у греков в земле, стремилась вернуться в земли свои. Взошла на галеру она, как известно ей было, на самую быструю, взяв тело Роберта на борт, и море пересекла, так что хотя не дозволено было ему вернуться живым в его королевство, [все же] мог Лаций найти утешение в том, что тело его возвратилось.

Рожер отправился в лагерь отца, где с печалию всем объявил об отцовой кончине, и испросил их совета. Ибо, сказал он, домой не вернувшись в ближайшее время, лишится наследства он своего законного – королевства, отцом ему определенного. Все (кто там был) обещали ему, что готовы служить ему с верностью той же, с которой служили отцу его, после чего испросили его помочь им вернуться. Он согласился на то, о чем люди просили. Однако молил подождать, покуда он съездит на /остров/ Кефалонию, где он оставил своих сотоварищей. «Люди – сказал он, – которые там для осады остались, будут в праве назвать меня вероломным, если уеду я лагерь их не посетив, не сообщив им (как вам сообщил я) о смерти отца и об отъезде моем». Сказав так, в свой лагерь осадный вернулся он, и объявил, что отец его умер, а сам он намерен вернуться обратно. Каждый кто был там сказал, что желанью его подчинится и приказания продолжит его исполнять, но при условии, что договор с ним приемлимый будет составлен.

Когда был в отсутствии Рожер, на острове в лагере, паника вдруг охватила людей в другом стане/лагере, надежду утратили всякую на спасение они, решив что отказано им в жизни и безопасности. Если бы все греки, и персы и арабы напали на них, и если бы всех климатов мира народы объединились, и взяли оружие, и вышли бы против них, а они безоружными были, вряд ли тогда они испугались бы больше. Смерть одного человека наполнила страхом весь род/целый народ. Те кто, когда жив был герцог, привыкли сражаться и побеждать народы неисчислимые, ныне, когда он был мертв, боялись сразиться с немногими. Известно прекрасно, что может один человек доблестью превзойти десять тысяч, и одна тысяча в бегство способна две тысячи обратить. Врага опасаясь явления, притом что большие суда их сгорели все, люди в испуге готовили спешно суда что поменьше к тому, чтоб могли они пересечь Адриатику, и положить этим всем своим страхам конец. Так был силен этот страх, что забыли они о деньгах и одеждах, все побросали они и молили матросов смиренно хотя бы тела их взять на борт. Когда корабли уже были на расстоянии каком-то от берега, часть людей, севши верхом на коней, к ним устремилась, затем, оставляя коней, взбирались они на суда. Другие отправились вплав, чтоб взойти на суда. Но все же большая часть тех людей не смогла вместе с флотом вернуться, оставлены там грекам предались они. Все они были настолько напуганы, что позабыли доблесть природную, и оставались покорно на службе у греков.

Близко уж были к Апулии берегу эти суда, когда буря ужасная смуту на море устроила. Большая часть моряков утонула, за ними отправилась войска немалая часть. Судно, которым везли благородное тело, в щепки разбил этот шторм. Тело же выпало в море, и возвратить удалось его не без труда. Супруга, что мудрость свою неизменно являла, во избежание появления дурного запаха, герцога сердце и внутренности захоронила в Отранто, тело же набальзамировав множеством благовоний, отправили в город Венозу, где находились гробницы его старших братьев. Там возле них захоронен был с пышностью герцог. Город Веноза славится подобными похоронами. От времени Карла Великого или же Цезаря земля не рождала равных тем братьям. Лежат они в церкви, построенной их приказаньем, чья красота украшает сей город. Да помилует всех их Царь Тринединый (Небесный).

Рожер, тебе, как известно, я эту песнь написал. Счастлив поэт был исполнить твои наставления. Все же нуждаются авторы в благотворителях добрых. Ты герцог, выше достоинством герцога римского Октавиана. Так что прошу дать надежду мне на награду, какой награждал тот Марона⁹.

¹ Михаил VII Дука Парасинак

² Речь идёт о Первом Крестовом походе 1097 года - вот второе важное указание на время написания этого произведения.

³ 1068 – весна 1071 гг.

⁴ Поняв опасность со стороны Роберта, император Михаил VII Дука Парасинак хотел предотвратить ее путем брачных уз между дворами. Сын императора был обручен с дочерью Роберта (Олимпия (или Елена)).

⁵ Алексей I Комнин (ок. 1048-1118 гг.) – византийский император с 1081 г. Захватил престол, опираясь на военную знать. Отразил натиск норманнов, печенегов и сельджуков. С помощью крестоносцев вернул империи часть Малой Азии.

⁶ Фасции (от fascia – повязка, полоса) – в Древнем Риме – пучки прутьев с топором в середине, связанные ремнём, знаки достоинства магистратов, которые несли шествовавшие перед ними ликторы.

⁷ Никифор Вотаниат, престарелый малоазийский полководец, был провозглашён императором 25 марта 1078 г. группой синклитиков и духовенства, собравшихся в соборе св.Софии. Никифор III оказался не слишком разумным правителем. Желая заручиться симпатией подданных, он принялся раздавать казну всем желающим – церкви, войску, чиновникам – и та вскоре опустела. Траты оказались бесполезными – царствование Вотаниата буквально потонуло в мятежах военно-землевладельческой знати. В феврале 1081 г. подняли мятеж лучшие полководцы империи – братья Алексей и Исаак Комнины. Алексей осадил и захватил столицу. Никифор отрёкся от престола и принял схиму.

⁸ Вероятно, этот же Мабрика, предводитель большого греческого флота, упоминается в «Краткой Норманнской хронике» под 1067 годом. Также греческий флотоводец Маврик упоминается в «Алексиаде».

⁹ Публий Вергилий Марон – древнеримский поэт (Энеида), знал лично императора Августа (Октавиана) и пользовался его покровительством.

Битва при Стамфорд-Бридже (25 сентября 1066 г.) и ее последствия («Англо-саксонская хроника»)

Битва при Стамфорд-Бридже – последнее сражение двухсотлетней истории вторжений скандинавских викингов в Англию. В битве при Стамфорд-Бридже, состоявшейся 25 сентября 1066 г., войска норвежского короля Харальда Сурового были разбиты войсками англосаксонского короля Гарольда Годвинсона. Сам Харальд Суровый был убит и попытка норвежского завоевания Англии завершилась полным провалом.

Этому сражению предшествовала битва при Фулфорде (20 сентября 1066 г.). Победа норвежцев над англосаксами была достигнута ценой значительных потерь, что ослабило войска Харальда Сурового и способствовало краху последней попытки скандинавских викингов утвердиться в Англии.

Благодаря победе в сражении при Стамфорд-Бридже Англосаксонское государство смогло отстоять свою независимость. Однако тяжелые потери в битве, а также большая удаленность места сражения от юго-восточной Англии, где спустя три дня после Стамфорд-Бриджа началось нормандское вторжение, крайне негативно сказались на готовности страны к отражению новой угрозы. Это стало одной из причин поражения и гибели короля Гарольда в битве при Гастингсе 14 октября 1066 г., что повлекло за собой нормандское завоевание Англии.

Изложение указанных событий можно встретить в «Англо-саксонской хронике», в частности, в Погодоной статье 1066 г. рукописи «D», которая представляет собой самый подробный рассказ о нормандском завоевании Англии и предшествующих ему событиях, созданный в Англии в первые два десятилетия после событий.

1066 В этом году, после Рождества, когда умер король¹, король Харальд приехал на Пасху из Йорка в Вестминстер. Пасха была в 16 календы мая². Тогда явился в небесах над всей Англией знак, какого никто прежде не видел. Говорили, что это была звезда-комета, которую некоторые называют волосатой звездой; она явилась впервые в канун Великой Литании³, в 8 календы мая⁴ и сияла семь ночей. Вскоре после этого эрл Тости приплыл из-за моря на остров Уайт с таким большим флотом, какой только смог собрать, и ему там дали деньги и припасы. А король Харальд, его брат, собрал такой большой флот и такое войско, каких никакой король прежде в этой земле не созывал, поскольку он узнал, что Вильгельм Бастард хочет сюда прийти и завоевать эту землю, как оно и случилось. Тем временем эрл Тости вошел в Хамбер с шестьюдесятью кораблями, и эрл Эадвине с ополчением прогнал его; после этого корабельщики покинули Тости, а он отправился в Шотландию с 12 снаками. Там его встретил Харальд, король Норвегии, с тремя сотнями кораблей, Тости ему подчинился и стал его человеком. Они вместе пришли в Хамбер и подошли к Йорку; эрл Эадвине и его брат, эрл Моркере, сражались с ними, но норманны победили. Харальд, английский король, узнал, что произошло, это сражение было в канун дня святого Матфея⁵. Тогда Харальд, наш король, застиг норманнов врасплох: он встретил их неподалеку от Йорка, у Стамфордского моста, с большим войском англо-норманнов, и оба войска яростно сражались целый день. Там были убиты Харальд Харфагер⁶ и эрл Тости; после этого норманны, которые еще оставались в живых, бежали, а англо-норманны преследовали их и убивали. Лишь некоторые добрались к своим кораблям, поскольку многие утонули, сторели или погибли другой смертью, так что мало кто уцелел, и англо-норманны захватили поле битвы. Король взял под свою защиту Олава, сына Норманнского короля⁷, его епископа, эрла Оркнейских островов, и всех тех, кто уцелел и оставался на кораблях. Они пришли к нашему королю и принесли клятву, что будут поддерживать мир и дружбу с этой страной⁸, после чего король отпустил их домой с 23 кораблями. Между этими двумя большими сражениями прошло пять ночей.

Тогда пришел Вильгельм, эрл Нормандии, в Певенси в канун дня святого Михаила и сразу же построил укрепление в гавани Гастингс. Король Харальд узнал об этом, собрал большое войско и пошел ему навстречу к старой яблоне⁹. А Вильгельм вышел на него неожиданно, прежде чем он приготовил своих людей к бою. Но король все равно храбро с ним бился, вместе с теми людьми, которые захотели за ним последовать, и многие были убиты с той и другой стороны. Там король Харальд был убит, эрл Леофвине, его брат, эрл Гюрт, его брат, и много добрых людей, а французы захватили поле битвы, как Господь им даровал за грехи народа. Архиепископ Эалдред и горожане Лондона хотели сделать королем юного Эадгара¹⁰, как тому подобало по его роду, а Эадвине и Моркере обещали ему, что станут за него сражаться. Но всегда, когда следовало выступать, это затягивалось день ото дня, чем все и закончилось. Сражение произошло в день папы Калиста¹¹. Эрл Вильгельм вернулся в Гастингс и ждал, что люди ему подчинятся, а когда понял, что никто не хочет к нему приходить, отправился в Бергемстед¹² с теми воинами, которые у него остались после битвы, и теми, кто приплыл позднее из-за моря; он разорил все земли по пути. Там его встретили архиепископ Эалдред, юный Эадгар, эрл Эадвине, эрл Моркере и все лучшие люди Лондона: они подчинились по необходимости, когда очень много зла уже совершилось. Большим безрассудством было не сделать этого прежде, видя, что Господь ничего исправить не пожелал из-за наших грехов. Они дали Вильгельму заложников и принесли клятвы, а он пообещал, что станет им добрым господином, однако разорял все земли по пути. В день Рождества архиепископ Эалдред короновал Вильгельма в Вестминстере, и прежде, чем ему возложили корону на голову, Вильгельм поклялся на книге Христовой¹³, что станет так хорошо народом править, как ни один король до него не правил, если они будут ему верны. Но, вопреки этому, он потребовал большую подать, а весной отправился за море в Нормандию и взял с собой архиепископа Стиганда, Этельнота, аббата Гластонбери, юного Эадгара, эрла Эадвине, эрла Моркере, эрла Вальтеофа и многих других добрых людей из английской земли¹⁴, а епископ Одо¹⁵ и эрл Вильгельм¹⁶ остались здесь, строили повсюду замки и терзали несчастных людей, так что с тех пор все становилось хуже и хуже. Будет (хороший)¹⁷ конец, когда Господь пожелает.

¹ Эдуард Исповедник.

² 16 апреля.

³ Молебен, который проводился один раз в год, в день святого Марка, 25 апреля.

⁴ 24 апреля.

⁵ 20 сентября.

⁶ Ошибка хрониста. Харальд Харфагер Прекрасноволосый правил в Норвегии предположительно с 872 по 932 гг. Прозвище конунга Харальда, о котором здесь идет речь, звучало как Хардрода (букв. «Суровый Правитель»).

⁷ Олав Тихий, который после смерти Харальда Сурового правил Норвегией, сначала вместе со своим братом Магнусом, а после его смерти – один.

⁸ Т.е. с Англией.

⁹ Старые деревья часто служили межевыми знаками, отмечавшими границы сотен минимальных территориальных единиц в англосаксонской Англии. Это было удобное место для сбора ополчения, и Харальд направлялся туда с небольшим отрядом воинов, чтобы возглавить собравшееся войско.

¹⁰ Эдгар Этелинг, внук Эдмунда Железный Бок, последний потомок мужского рода и по мужской линии уэссекской королевской династии.

¹¹ 14 октября.

¹² Поместье и бург, принадлежавшие одному из тэнов Харальда, расположенные примерно в 40 км к северо-западу от Лондона.

¹³ На Библии.

¹⁴ Вероятно, Вильгельм, покидая Англию, взял с собой всех этих людей в качестве заложников.

¹⁵ Сводный брат Вильгельма Завоевателя, с 1047 по 1097 гг. был епископом Байё, вскоре после 1066 г. стал графом Кента.

¹⁶ Вильгельм фитц Осберн, сын Осберна Наметника, близкий соратник Вильгельма Завоевателя.

¹⁷ Слово «хороший» вписано над строкой. Мнения исследователей по поводу того, сделана ли приписка тем же почерком, что и основной текст погодной статьи, или другим, расходятся.

Причины завоевания Англии норманнами в 1066 г. (Симеон Даремский, «История о королях англо-и данов»)

Симеон Даремский (ум. после 1129 г.) – средневековый английский хронист и монах Даремского монастыря, автор «Истории о королях англо-и данов» и ряда других работ.

Для того, чтобы понять первоначальную причину, вследствие которой Вильгельм пошел на Англию войною, необходимо привести вкратце предшествовавшее тому. Когда произошел большой разрыв между королем Эдуардом и графом Годвином, граф был изгнан из Англии со всеми своими приверженцами. Хотя со временем он снискал милость короля, однако последний никаким образом не хотел согласиться на его возвращение в отечество, если тот не даст ему заложников. Вследствие того, граф выдал заложниками Влиота (Ульфнота) своего сына, и Гака своего внука, от сына Свана, которые и были препровождены для надзора в Нормандию к графу Вильгельму, побочному сыну Роберта, сына Ричарда и брата матери Эдуарда. Спустя несколько времени, по смерти графа Годвина, Гарольд, сын его, испросил у короля позволение отправиться в Нормандию, чтобы освободить брата и племянника, которые были там заложниками и, по освобождении, вернуть их в отечество. Ему король на это отвечал: «Пусть это сделается помимо меня; однакож, чтобы не думали, будто я хочу препятствовать тебе, я позволяю, иди, куда угодно, и сделай все, что можешь; но я предчувствую, что ты стремишься ни к чему иному, как нанести вред всему английскому государству, а себе бесчестие. Я думаю, чтобы такой умный граф, каким я знаю Вильгельма, захотел отпустить тебе их, не извлекая для себя из того великой пользы». Гарольд сел на корабль, который со всем, что было на нем, был выброшен сильною бурей в устье реки Понтъё (Pontivus), которая называется также Майя, и по местному обычаю, владетель той страны объявил его своим пленником. Таким образом, Гарольд, попавшись в неволю, подкупил обещанием награды какого-то простолюдина и тайно отправил его к герцогу Нормандии, чтобы известить о случившемся с ним. Последний, услышав то, немедленно шлет послов к владетелю Понтъё, с требованием, как можно скорее освободить Гарольда со всеми его людьми, не нанося ему никакого бесчестия, если он желает сохранить прежнюю его дружбу; но тот не захотел отпустить Гарольда, и получил от Вильгельма вторичное требование, с угрозой, что в противном случае Вильгельм, герцог Нормандский, для освобождения пленника, пойдет войною на Понтъё вместе с своими вассалами. Устрашенный такими угрозами, владетель Понтъё отпускает Гарольда с его свитою, а Вильгельм делает ему почетный прием, и, выслушав, с какою целию он прибыл, отвечает, что он сделает со своей стороны все, что от него зависит. Вильгельм продержал Гарольда несколько дней у себя и был к нему весьма внимателен и любезен, чтобы таким образом завлечь гостя в свои планы. Наконец, он открыл ему, что у него было на уме, говоря, что король Эдуард, еще юношею, жил в Нормандии и обещал ему клятвенно, если получит корону Англии, передать ее ему после себя по наследственному праву. К этому он прибавил: «Если ты торжественно пообещаешь мне помогать в этом деле, и кроме того построишь для меня в Дувре крепость с колодезем, доставишь ко мне свою сестру во всякое время, когда мне будет угодно выдать ее замуж за одного из моих князей, и дашь слово жениться на моей дочери, в таком только случае ты получишь теперь же своего племянника, а после, когда я явлюсь в Англию для получения престола, – и своего брата. Если я, при твоей помощи, успею там утвердиться, то обещаю, что ты будешь иметь все, чего бы разумно ни попросил от меня». Гарольд чувствовал всю свою опасность и не мог выйти из нее иначе, как согласившись во всем с волею Вильгельма, и потому он согласился. Вильгельм,

принесши мощи святых, заставил Гарольда дать клятву над ними, что он исполнит все вышесказанное, на что они согласились. После того, получив племянника, Гарольд возвратился в отечество. Когда он рассказал королю обо всем, что с ним случилось, и что он вытерпел, тогда король сказал: «Не говорил ли я тебе, что я знаю Вильгельма, и что твое путешествие принесет весьма много бедствий для нашего государства? Я предчувствую, что оно навлечет на наш народ великие бедствия, и да не попустит Всевышний, чтобы они начались в мои дни». Спустя немного времени после того, король Эдуард умер, и при этом сам пред смертью постановил, чтобы его преемником был Гарольд. Вильгельм объявил ему, что хотя он вероломно нарушил прочие условия, но если возьмет его дочь в супружество, то он не обратит на то внимания; в противном же случае угрожал с оружием в руках требовать обещанного ему королевского достоинства. А Гарольд ответил, что он требования его исполнить не желает, а угроз не боится. Вильгельм пришел в негодование; такая несправедливость Гарольда воодушевила его полною надеждою на месть. Таким образом, он, снарядив немалый флот из 900 судов, отправился в Англию. После жестокой битвы, во время которой пал Гарольд, победитель Вильгельм овладел государством.

Отплытие Вильгельма в Англию (1066 г.) (Из «Деяний Вильгельма II, герцога норманнов, короля англов»)

Автор сочинения Вильгельм (XI в.) был капелланом и весьма образованным человеком своего времени. Его «Деяния» являются одним из лучших исторических трудов эпохи средневековья. Следует учесть, что он был сторонником Вильгельма Завоевателя.

Внезапно узнали у нас (в Нормандии) наверное, что Англия лишилась своего короля Эдуарда, и что Гарольд овладел его короною. Прежде нежели народ погруженный в печаль решил вопрос о наследстве избранием, в тот самый день, когда погребали короля, этот жестокий англосакс, этот изменник, провозглашенный несколькими друзьями, овладел тронem, и Стиганд (арх. Канторберийский), лишенный священного звания анафемою папы¹ ложно помазал его. Вильгельм посоветовался с своими приближенными и решил отомстить оружием нанесенную ему обиду; не смотря на противоречие некоторых, считавших такое предприятие весьма трудным и превышающим силы Нормандии, он решился возвратитъ силою наследство, которого его лишили.

Было бы длинно говорить, каким образом устраивали и вооружали корабли, снабдили их съестными припасами и всем необходимым для войны, и какое усердие выказали норманны, делая все эти приготовления. Вильгельм, с своей стороны, употребил все свои старания чтобы обеспечить управление и безопасность Нормандии на время своего отсутствия. Его войско увеличилось большим числом рыцарей, привлеченных молвою о щедрости герцога и справедливости его дела. Он запретил грабеж и на свой счет содержал 50000 воинов и рыцарей, в продолжении целого месяца, когда он задержан был ветрами в устье р. Дивы; взял на свой счет все содержание армии, и не дозволял ничего отнимать у жителей. Стада крестьян продолжали пастись в полях с такою безопасностью, как будто бы эти поля были священными; жатвы, пощаженные гордым презрением рыцарей, ожидали серпа жнецов. Слабый и безоружный человек свободно путешествовал, распевая на своей лошади, и без страха смотрел на вооруженные толпы.

Тогда на престоле св. Петра в Риме находился папа Александр (II), вполне достойный и покорности и послушания католической церкви, потому что его советы всегда были справедливы и полезны. Герцог просил у папы его покровительства; и когда он известил его о своих приготовлениях к походу, папа дал ему знамя и благословение св. Петра, чтобы он напал на своего врага с полною уверенностью .....

Наконец целый флот, собранный с такими стараниями, оставил устье р. Дивы и соседние гавани, где он так долго ожидать попутного ветра, и направился к Сан-Валери. Ни замедление, причиненное ветрами, ни крушения, ни дезертирство трусов, клявшихся ему в верности, не могли поколебать герцога; совершенно уверенный в успехе, он положился на божественное покровительство, и ему воссылал свои обеты, свои молитвы и свои жертвы. Желая благоразумием победить бедствия, он скрыл, по возможности, смерть тех, которые погибли во время бурь, приказав тайно похоронить их, а нужды других облегчил, увеличивая раздачу съестных припасов. Он умел всегда своими речами ободрить отчаивавшихся и боязливых. Задерживаемый беспрестанно противными ветрами, Вильгельм умолял небо послать ему попутный ветер и приказал вынести из церкви тело блаженного Валерия, возлюбленного Богом. Все его войско присутствовало при этой религиозной церимонии. Наконец, так долго ожидаемый ветер подул, и все голосом и движением руки возблагодарили небо, и ободряя друг друга, шумно и поспешно оставили землю и усердно приготавливались начать свое опасное плавание. В этой толкотне, один кричал своего вассала, другой – товарища, большая же часть, забыв вассалов, товарищей и все, что для них может быть необходимо, думали только, как можно скорее, отправиться, чтобы не остаться на берегу. Герцог, более других торопясь, ободряет и укоряет тех, которые наименее торопятя. Опасаясь, чтобы они не пристали прежде известного дня к берегу и в неприятельский или мало известный порт, Вильгельм чрез глашатая отдал распоряжение, чтобы корабли, когда они будут в открытом море, останавливались ночью и бросали якорь, пока не увидят знака на его мачте; тогда звук трубы даст сигнал к отъезду .....

Ночью, после стоянки, корабли подняли якорь.

Корабль, на котором был герцог, с большою ревностию стремясь к победе, тотчас, вследствие своей быстроты, опередил остальной флот, отвечая скоростию хода нетерпению своего вождя. При появлении солнца, гребец получил приказание посмотреть с вершины мачты, не идут ли прочие корабли; но он отвечал, что ничего не видно, кроме неба и моря. Герцог приказал тогда бросить якорь; а чтобы его люди не предались страху и печали, с бодростью и веселостью, как бы в зале своего дворца, сел за обильный стол, где не было недостатка в вине, и уверял, что скоро остальной флот, сопровождаемый рукою божиею, под покровительством которой он находит, присоединится к ним. Посмотрев в другой раз, гребец сказал, что видит четыре корабля; в третий же раз, возвестил, что их идет такое множество, что бесчисленные и сближенные между собою мачты казались лесом. Пусть всякий сам догадается, в какую радость обратилась надежда герцога, и как он от глубины сердца возблагодарил Бога за его благодать. С помощью попутного ветра, флот беспрепятственно вошел в порт Певенсей (близ Гастингса, 28 сент. 1066 г.).

¹ Национальное духовенство в Англии и его глава Стиганд оказывали мало повиновения Риму, и потому папы всеми силами поддерживали норманнов против англо-саксов, как в VI веке они поощряли англо-саксов против непокорных британских епископов.

Завоевание Вильгельмом Англии (1066 г.) (Матвей Парижский, «Великая история Англии или хроники...»)

Хроника принадлежит перу трех английских авторов-монахов, но в историю она вошла под именем наиболее талантливого из них – Матвея Парижского. Матвей получил образование в монастыре Св. Ольбана в Париже. Кто он по своему происхождению, неизвестно. В 1217 г. Матвей стал монахом и в основном посвятил свою жизнь литературному труду. Около 1240 г., после смерти монастырского историографа, он продолжил своим трудом хронику Вендовера «Цветы истории», позднее в свою очередь продолженную до начала XIV в.

Матвей Парижский – не только талантливый, но и беспристрастный писатель. В своем сочинении он не щадит ни священнослужителей, ни римских пап. Труд его особенно ценен подбором подлинных документов, грамот, писем и др.

В 1066 году по Рождестве Христове, в пятую ферию¹ накануне крещения Господа нашего, слава Англии, король Эдуард Милосердый², сын короля Этельреда, после двадцати-четырёхлетнего царствования, переменял временное царство на царство небесное. Тело скончавшегося святого короля на следующий день было предано земле, близ Лондона, в построенной им, по новому архитектурному плану, церкви, послужившей моделью для большей части тех церквей, на сооружение которых впоследствии потрачены были огромные суммы, и которые возвысились до соперничества с нею. Со смертью Эдуарда просеклась королевская линия в Англии. Начавшись Цердиком королем весекса, она не прерывалась в продолжение пяти сот – шестидесяти лет, если исключить из нее нескольких королев из Дании, которые были посланы Богом на народ англо-саксов за их грехи. По смерти благочестивейшего короля Эдуарда, закончившая собою королевский род в Англии, вельможи недоумевали, кого избрать государем и вождем. Одни склонялись на сторону Вильгельма, герцога Нормандского, другие требовали Гарольда, сына Годвина; – были и такие, которые стояли за Эдгара, сына Эдуарда; потому что, король Эдмунд Железный-Бок, хотя и побочный, но королевской крови, был отцом Эдуарда, отца Эдгара. Эдгару принадлежало право на английскую корону. Но Гарольд, как человек ловкий и хитрый, понял, что ему незачем мешкать, когда представляется хороший случай, и потому в день Богоявления, который был также днем похорон Эдуарда, он выманил у вельмож клятву на верность себе и, заняв трон, возложил на себя без церковного благословения корону: это служило довершением его несправедливости, и он навлек на себя гнев папы Александра и всех английских прелатов. Этот же самый Гарольд победил другого Гарольда, короля Норвежского, приходившего воевать с ним на 300 кораблях и, упоенный победою, стал угнетать своих подданных. Скоро из короля он превратился в тирана, и ни мало не заботился о выполнении клятвы, данной герцогу Нормандскому. Смерть дочери Вильгельма, которая была помолвлена за него, еще более увеличила его опасность; он знал, сверх того, что Вильгельм был занят войною с соседними герцогами, и потому рассчитывал, что за его угрозами никогда не последует дела. Что же касается до вынужденной у него клятвы, то, по его словам, она не имела ровно никакого значения; потому что невозможно же было, в самом деле, отдавать королевство другому, когда сам Эдуард был еще жив, равно как нельзя было, без согласия короля, завещать его в чью-бы-то ни было пользу. Впрочем Вильгельм и Гарольд думали об этом неодинаково. В самом деле, лишь только Вильгельм узнал, что Гарольд увенчался диадемой, как немедленно отправил к нему посольство, с кротким упреком за то, что он пренебрегает своею клятвою; к этому он присоединил обещание, вместе с угрозой, явиться лично к Гарольду и потребовать у него удовлетворения. Гарольд отправил к герцогу свой ответ через его же послов: в нем заключался отказ. Возвратившись после неудачной попытки в отечество, послы явились к герцогу Вильгельму и донесли ему следующее: «Гарольд, король англо-саксов, доводит до вашего сведения, что, быв заброшен помимо собственной воли на ваши берега, он действительно обручился в Нормандии с одною из ваших дочерей, а вам поклялся передать королевство Англию; но, он уверен также в том, что никто не обязан соблюдать вынужденную у него силою присягу. Ибо, если следует считать ничтожным обещание и даже добровольное обязательство молодой девицы, которая, живя в отцовском доме, распорядится собою, без согласия своих родителей: то, не гораздо ли основательнее – так казалось по крайней мере Гарольду – считать пустою и недействительною присягу, данную

им вследствие насилия и без ведома короля, под властью которого присягнувший находился? Сверх того, он обвиняет себя в поспешности, которая была причиною того, что он, не дождавшись согласия народа, обещал вам наследство в государстве, которое не принадлежало ему. Наконец, заключает он, несправедливо было бы ему отказываться от власти, которая признана за ним единодушным голосом вельмож государства».

Вильгельм, герцог Нормандии, выслушав ответ послов, пришел в сильное негодование; но, чтобы не делать ничего легкомысленно и не лишиться законности своего дела, он отправил послов к папе Александру, прося его утвердить своим апостольским авторитетом задуманное им завоевание. Папа, подвергнув исследованию права обоих претендентов, послал Вильгельму знамя, как предвестие победы. По получении этого, Вильгельм собрал в Лилльбоне баронов и выспросил у каждого из них порознь мнение касательно настоящей экспедиции. Все они обязались действовать с усердием, надавали герцогу много обещаний и уговорились между собою, разойдясь теперь, вновь собраться с лошадьми и оружием в августе, около гавани св. Валерия, для того, чтобы выйти оттуда в открытое море. Хотя в назначенный срок они действительно прибыли туда, но принуждены были выжидать там благоприятного ветра, для переправы в Англию. Чтобы получить такой ветер, герцог приказать открыть и провести по лагерю тело св. Валерия. Вдруг ветер, так давно желаемый, раздул паруса; после завтрака, все взошли на корабли и, быстро несомые ветром, пристали к Гастингсу. Выходя из своего судна, король споткнулся; но стоявший при нем вассал обратил это падение в счастливое предзнаменование. «Герцог воскликнул он, вы держали землю англов, и будете ее королем». После высадки, Вильгельм, желая отвлечь свою армию от грабежа, сказал ей: «Пощадите то, что в скором времени будет принадлежать вам». В течение следующих пятнадцати дней, герцог был так спокоен, как будто мысль о войне всего менее занимала его. Вся его заботливость ограничилась сооружением замка на месте самой высадки.

Гарольд возвращался со сражения с норвежцами в то время, когда до него дошла весть о прибытии Вильгельма. Он немедленно поспешил к Гастингсу, в сопровождении весьма незначительного военного отряда, так как за исключением небольшой армии, набранной из наемных солдат и провинциальных новобранцев, у него было такое ничтожное число настоящих военных людей, что пришельцы могли без труда разбить его. Тогда Гарольд выслал вперед согладатаев, с поручением разведать о числе и силе неприятельского войска. Они были схвачены в лагере Вильгельма, но этот, предложив им обозреть свою армию, сделал им великолепное угощение и отослал их целыми и невредимыми к своему вождю. Когда они возвратились к Гарольду, он немедленно спросил их – что нового принесли они? Согладатаи не могли вдоволь наговориться о благородной доверчивости Вильгельма, потом стали серьезно утверждать, что солдаты его армии похожи с виду на священников, так как у них были выбриты борода и усы. Гарольд улыбнулся, видя наивность рассказчиков. «Это не священники, сказал он, а храбрые и непобедимые в сражениях воины». На это, брат его, Гурт, еще молодой, но уже обладавший мужеством и благоразумием, возразил ему следующее: «Если ты сам восхищаешься храбростию нормандцев то не безрассудно ли тебе вступать в бой с ними, когда, притом, на твоей стороне нет – ни силы военной, ни права? Ты не можешь отрицать того, что, добровольно ли, или по принуждению, но ты дал клятву Вильгельму: и так, ты поступишь благоразумнее, если, при столь опасных обстоятельствах, не доведешь себя до бегства или смерти, с пятном клятвопреступника. Для нас же, не дававших ни в чем клятвы, война дело совершенно законное, потому что мы защищаем свою страну. И так, предоставь нам одним сражаться. Если мы отступим, подавленные неприятельскою силою, ты будешь в состоянии поправить дело, а если нам придется умереть, ты отмстишь за нас». Но безрассудный Гарольд не внял этим речам. «Я бы опозорил всю свою прошедшую жизнь, говорил он, если бы обратил тыл пред каким бы то ни было врагом».

Когда братья вели между собою этот разговор, к ним явился монах, посланный Вильгельмом. Ему поручено было предложить на выбор Гарольду одно из следующих трех предложений: или, согласно с данною им клятвою, отказаться от своего достоинства в пользу Вильгельма, или владеть своим королевством в качестве вассала герцога, или, наконец, в присутствии обеих армий, решить дело поединком. У Гарольда насупились брови при таких речах посла Вильгельма, и он не мог удержаться, чтобы не ответить ему дерзко, и с гневом отпустить назад; но Гарольд сказал только, что Бог рассудит между ним и Вильгельмом. На это монах заметил ему с твердостью, что, так как он упорствует в своем отрицании прав Вильгельма, то Вильгельм готов доказать их или посредством суда святого апостольского престола, или – битвы, в случае если ему то будет более угодно. Невзирая на все доводы монаха, Гарольд оставался при своем первом ответе. После этого нормандцы были одушевлены единственно стремлением к бою.

Напоследок с обеих сторон сделаны были все к тому приготовления. Англы провели целую ночь среди песней и попойки. Поутру еще пьяные – они безтрепетно выступили на встречу неприятелю. Пешие, вооруженные своими обоюдоострыми топорами, и сблизив щиты, они образовали непроницаемую стену. При таком построении, они могли бы хорошо защищаться в этот день, если бы нормандцы, предавшись, по своему обыкновению, притворному бегству, тем самым не разъединили ту плотную массу. Гарольд – также пеший – стоял вместе с братьями у своего знамени, чтобы, при этой общей и равной для всех опасности, никому не могла прийти в голову мысль о бегстве. Напротив, нормандцы посвятили всю ночь на исповедание своих грехов, а поутру укрепились принятием тела и крови Спасителя. Ставь тверже, они выжидали неприятельского нападения. Вильгельм вооружил свой передовой отряд, составленный из пехотинцев, луками и дротиками,

всадники, расположенные двумя крыльями, шли за ними. Герцог, с сияющим лицом, громко возгласил, что Бог будет благоприятствовать его делу, как совершенно правому. Когда он потребовал свое вооружение, то прислуживавшие, в второпях, надели ему кирасу задом наперед; поправив ее, он заметил с улыбкой: «Так своим мужеством вы обернете мое герцогство в королевство». Чтобы воспламенить сердца своих воинов, он запел песнь о Роланде, и вслед затем, при криках: «Боже помоги!» – началась борьба. Бились остервенением, потому что обе стороны одинаково не хотели уступить, а между тем день был уже на исходе. Вдруг показался Вильгельм и дал своим войскам сигнал к мнимому бегству. При виде того, англы расстроили свои плотные ряды и быстро погнались за бежавшими в той уверенности, что без труда истребят их. Между тем нормандцы, оборотившись против неприятеля, напали на него и в свою очередь, заставили бежать англов. Но те успели занять возвышение, и тогда как нормандцы, утомленные жарою, упорно взбирались на него – англы опрокидывали их по скалистому отвесу, неумоимо пускали в них их же стрелы, бросали в них камнями и произвели ужасное опустошение. Окопы, весьма удобные для защиты, были захвачены англами, и при этом они перерезали столько норманнов, что яма, заваленная их трупами, была в уровень с краями. Впрочем, победа не склонялась решительно, ни на ту, ни на другую сторону, до тех пор, пока у Гарольда не разлучилась душа с телом. Этот последний, мало того, что одушевлял свои войска, он отлично исполнял службу простого война. Ни один неприятель не мог безнаказанно подойти к нему на близкое расстояние; того, который осмеливался на то, он убивал, не разбирая, был ли он пеший, или конный. Что же касается до Вильгельма, то он ободрял воинов своими речами, подбегал к первым рядам и пускался в самую свалку. В тот день, когда он – раздраженный и со стиснутыми зубами – носился по всему полю битвы, под ним убиты были одна за другою три лучших лошади. Те, которые оберегали его, напрасно просили его умерить свой пыл, но его великодушное мужество было неумоимо; наконец Гарольд, раненный стрелою в голову, пал на поле сражения, и тем доставил победу нормандцам. Когда он распростертый, лежал на земле, один норманец нанес ему мечем удар в бедро: за этот низкий поступок Вильгельм опозорил этого человека, исключив его из числа вассалов. Поражение англов продолжалось до самой ночи. При наступлении ее, нормандцы, как мы уже сказали, могли считать себя победителями. Нет никакого сомнения, что во время этой битвы Вильгельму покровительствовал промысл божий: это можно видеть из того уже, что испытавши в тот день столько опасностей, он не потерял ни одной капли крови. Достигнув такого счастливого конца, Вильгельм похоронил с честью своих убитых, предоставив и врагам полную свободу совершить тот же обряд над своими павшими. Когда мать Гарольда просила у Вильгельма тело своего сына, он отдал ей без выкупа, не смотря на то, что она предлагала ему весьма значительную сумму денег. Труп Гарольда похоронили в аббатстве Вальтам, которое он построил на собственный счет во славу св. Креста и поместил там каноников. День, который изменил всю поверхность Англии, и в который пролилось так много крови, был предзнаменован появившеюся в начале этого года большою кометою, кровавого цвета и с длинным хвостом. Роковое предвестие, как о нем выразился один писатель: «Тысяча шестьдесят-шестого года земля англов почувствовала на себе огонь кометы».

Сражение произошло при Гастингсе, в день св. Каликста, папы, накануне октябрьских ид (14 октября).

...Так кончилось владычество англов в нашем прекрасном отечестве. Было время, когда эти первые завоеватели показались в нашей стране со своими варварскими лицами и привычками, со своими военными нравами и языческим суевением; объявляя при всяком случае войну, они покоряли противную сторону оружием и хитростию.

¹ Фериями назывались дни недели: первая ферия – воскресенье, вторая – понедельник и т.д. Следовательно, пятая ферия – четверг.

² Эдуард Исповедник, король Англии (1042-1066 гг.), не имел ни детей, ни близких родственников.

Битва при Гастингсе (14 октября 1066 г.) (Вильям Мальмсберийский, «История английских королей», III)

Битва при Гастингсе (14 октября 1066 г.) – сражение между армией англосаксонского короля Гарольда II Годвинсона и войсками нормандского герцога Вильгельма. Сражение при Гастингсе стало решающим моментом в нормандском завоевании Англии, поскольку среди англосаксонской аристократии не осталось вожда, способного организовать сопротивление нормандцам. Вильгельм стал новым английским королем, а Англия превратилась в феодальную монархию с сильной централизованной властью.

Вильям Мальмсберийский (ок. 1090-1143 гг.) – английский историк XII в. родом из Уилтшира, Юго-Западная Англия. Им были написаны порядка двух десятков исторических, агнографических и теологических сочинений. В числе его главных трудов – «История английских королей».

238... Раздавшийся радостный крик¹ призвал всех к кораблям. Сам герцог² первым с материка отплыл в море, и ожидал остальных, став на якорю почти посредине пролива³. И вот все подплыли к пурпурному парусу флагманского судна; и после того как поели, благоприятным курсом прибыли в Гастингс⁴. Сходя с корабля, Вильгельм оступился, но обратил это в доброе предзнаменование, когда воин, стоявший рядом, воскликнул: «Вы обнимаете Англию, герцог, будущий ее король!». Все войско он удержал от грабежей, предупредив, что следует беречь все, чем вскоре будут они владеть; и в течение следующих пятнадцати дней оставался таким спокойным, что казалось, ни о чем он не думает меньше, чем о войне.

239. Тем временем Гарольд⁵ возвращался с битвы с норвежцами; он считал себя счастливым, потому что победил, мне же он кажется несчастным, потому что добыл победу предательством⁶. И когда новость о высадке нормандцев дошла до него, он, как был раненый в бою, тронулся в путь к Гастингсу с весьма незначительным войском. Нет сомнения, что судьба безвременно похищала его, потому что он не захотел призвать вспомогательные войска, да если бы и захотел, то не смог бы найти многих добровольцев; ибо, как я уже сказал выше, все были ему враждебны, потому что один присвоил он северные трофеи. Все же он выслал вперед людей разведать о численности и силе врага; их, захваченных в лагере, Вильгельм приказал провести по палаткам и после щедрого угощения невредимыми отпустить к их господину. По возвращении их, Гарольд спросил, какие они принесли новости; они же, восхвалив возвышенными словами благородную доверчивость полководца, серьезно добавили, что почти все в его войске похожи на священников, потому что лица у них вокруг губ выбриты. (Англы ведь оставляют над губами волосы нестриженными, отпуская их на всю длину, что даже и Юлий Цезарь в книге о Галльской войне называет национальным обычаем древних жителей Британии.) Король улыбнулся простоте рассказчиков, заметив с легким смехом, что то были не священники, а воины, решительные в бою и непобедимые духом. И тут вступил в разговор его брат Гурт, юноша на грани зрелости, не по возрасту мужественный и рассудительный. «Если, – сказал он, – ты наперед превозносишь доблесть нормандцев, мне кажется безрассудным сражаться с тем, кому ты уступаешь и в силе и в заслугах. Ведь не станешь ты отрицать, что добровольно или по принуждению дал ему⁷ клятву. Поэтому ты поступил бы благоразумнее, если бы, отказавшись от грозной необходимости, позволил нам испытать исход боя: мы, свободные от всяких обязательств, по праву обнажим мечи за отечество. Если ты сам вступишь в бой, смотри, как бы не пришлось тебе бежать или умереть; но если вступим в бой одни мы, это в любом случае будет на пользу твоему делу; потому что ты сможешь и возратить бежавших, и отомстить за мертвых».

240. Гарольд в своей безрассудной опрометчивости не захотел благосклонно выслушать советчика, считая низким и недостойным его прошлой жизни обращаться в бегство при какой бы то ни было опасности; и с подобным бесстыдством, или, выражаясь мягче, неблагоразумием, он отпустил монаха, посла Вильгельма, не удостоив его в возбуждении и доброго взгляда, моля только о том, чтобы бог рассудил между ним и Вильгельмом. А предложено ему было одно из трех: или он отказывается от королевства, согласно с условием, или будет владеть им на правах вассала или, по крайней мере, пусть дело решит поединком на виду у того и другого войска...

241. Итак, храбрые вожди той и другой стороны готовились к бою, каждый по обычаю своей отчизны. Англы, как мы узнали, ночь напролет провели без сна, пьянствуя и распевая песни, а утром без промедления двинулись на врага. Все пехотинцы, вооруженные обоюдоострыми топорами, сомкнув перед собой соединенные щиты, образовали непроницаемый клин. Это и обеспечило бы им в тот день безопасность, если бы нормандцы, по своему обыкновению, притворным бегством не внесли расстройств в плотно сомкнутые их ряды. Сам король, пеший, стоял с братьями возле знамени, чтобы при общей, равной длх, всех, опасности никто и подумать не мог о бегстве. Зная это Вильгельм послал после победы папе⁸; на нем было роскошно выпвдто золотом и драгоценными камнями изображение сражающегося воина.

242. Напротив, нормандцы, посвятившие всю ночь исповеди в своих грехах, утром укрепили душу принятием тела Господня⁹. Пехота с луками и стрелами составила авангард, конница, разделившаяся по флангам, расположилась в арьергарде. Герцог с безмятежным лицом, громко возгласив, что Бог будет милостив к нему, ибо дело его правое, потребовал оружие. И когда в спешке слуги надели на него доспехи задом наперед, он исправил оплошность смехом, молвя: «Так храбрость обратит мое герцогство в королевство». Потом он запел песнь о Роланде, дабы примером воинственного мужа вдохновить бойцов, и, по воззванию к помощи Божьей, с обеих сторон началось сражение. Бились ожесточенно большую часть дня, и ни одна из сторон не уступала. Убедившись в этом, Вильгельм дал сигнал к мнимому бегству с поля брани. В результате этой хитрости боевые ряды англоv расстроились, стремясь истреблять беспорядочно отступающего врага, и тем была ускорена собственная их гибель; ибо нормандцы, круто повернувшись, атаковали разъединенных врагов, и обратили их в бегство. Так, обманутые хитростью, они приняли славную смерть, мстя за свою отчизну. Но все же они и за себя отомстили с лихвой, и, упорно сопротивляясь, оставляли от своих преследователей груды убитых. Завладев холмом, они сбрасывали в котловину нормандцев, когда те, объятые пламенем [борьбы], упорно взбирались на высоту, и истребили всех до единого, без труда пуская в подступающих снизу стрелы и скатывая на них камни. Кроме того, выйдя каким-то коротким, известным им, переходом к крутому упорно сопротивляясь, оставляли от своих преследователей груды трупов, он сравнялся с полем. Борьба шла с переменным успехом, победа склонялась то к тем, то к другим, пока Гарольд был жив. Когда же он пал, сраженный стрелой в голову, отступление англоv не прекращалось уже до самой ночи.

243. Доблесть обоих вождей была в этом бою замечательна. Гарольд, не довольствуясь даром полководца воодушевлять других, ревностно выполнял службу рядового воина. Часто он разил врага в упор, так что никто не мог безнаказанно приблизиться к нему, чтобы тотчас от одного удара не пали и конь и всадник. Вот почему, как я сказал, пораженный роковой стрелой с расстояния, он сдался смерти. Какой-то воин мечом пронзил бедро простертого на земле [короля]; за этот гнусный и постыдный поступок Вильгельм заклеил его позором и изгнал со службы.

244. Вильгельм также ободрял воинов своим голосом и присутствием; сам первый устремлялся в гущу врага. Так что всюду он неистовствовал, всюду скрежетал зубами; трех превосходных коней, которые были

ранены под ним, потерял в этот день. Сила и дух бесстрашного вождя между тем не ослабевали, хотя телохранители тихонько и по дружески сдерживали его. Он оставался таким до тех пор, пока наступившая ночь не увенчала его полной победой. И нет сомнения, что рука Божья покровительствовала ему, потому что врагам не удалось пролить ни капли его крови хотя в него метали множество копий.

¹ Крик возвещал о попутном ветре, которого ждал флот Вильгельма, герцога нормандского, в порту Сен-Валери для переправы в Англию.

² Те. Вильгельм I Завоеватель, король Англии с 1066 по 1087 гг.

³ Ла-Манш.

⁴ 28 сентября 1066 г., сражение произошло 14 октября.

⁵ Гарольд – последний король англо-саксонской династии. Избран королем после смерти Эдуарда Исповедника в 1066 г.

⁶ Гарольд клялся уступить Англию Вильгельму, который заявил свои притязания на королевство, ссылаясь на завещание Эдуарда.

⁷ Т.е. Вильгельму.

⁸ Александру II, папе римскому (1061-1073 гг.).

⁹ Т.е. просвиры.

Расправа норманнов в Англии, 1066-1087 гг. (Аббат Ингульф, «История аббатства Кройланда в 626-1091 гг.»)

Аббат Ингульф, родом англосакс, но служил секретарем при Вильгельме Завоевателе, и умер аббатом монастыря Кройланд. Он написал собственно «Историю аббатства Кройланда», которая имеет много замечаний относительно виденного автором в эпоху завоевания Англии. Личные отношения к Вильгельму Завоевателю перевешивали у него над чувством национальным, но несмотря на то из его слов можно заключить о характере. самого господства норманнов в Англии.

Многие англо-саксонские князья несколько времени сопротивлялись новому королю, победоноснейшему Вильгельму, но будучи совершенно разбиты, подчинились наконец власти норманнов. Из них два брата, графы Эдвин и Моркарый, были коварно умерщвлены своими же; Рогер граф Герфордский был навеки заключен в темницу; Радульф граф Сусфолькский бежал из своей земли, а граф Вальден смирился, женившись на его племяннице; Агельвин, епископ Дургамский, заключен в темницу в Абендонии; брат его и предшественник Эгельрик подобным же образом был брошен в темницу близ Вестминстера; все остальные, за свое упорство, лишились прелатств, или были сосланы за море в ссылку, или посажены в монастырские темницы, и наконец поневоле покорились новому королю. Я повествую о делах победоноснейшего короля только вообще, так как не имею достаточно сил, чтобы, погодно следить за ним и описывать все его походы. Затем король разделил между своими норманнами все английские графства и баронства, епископства, прелатства, а англосаксов почти всех лишил права достигать почетных мест и иметь владения. Одному только Геварду удалось произвести успешное восстание. Услышав во Фландрии, что английское государство подчинилось чужеземцам, и что его наследство, по смерти отца его Леофрика, отдано в дар какому-то нормандцу, а мать вдова терпит много обид и великие бедствия, он был поражен достойною скорбью, и поспешил в Англию с своею женою Турффридою; составив из родственников значительное войско, он парализ притеснителей матери мечем и прогнал их далеко от своего наследства. Тогда, видя себя вождем храбрейших мужей и главою значительного числа вассалов, он, чтобы получить законное препоясание по военному обычаю, выбрал несколько воинов из своей свиты, чтобы и они вместе с ним получили освящение, и пришел к дяде, аббату местечка Бранда, человеку весьма религиозному, и, как слышал я от предшественника своего господина аббата Вулькетула и многих других, любившему подавать милостыню, и украшенному всякими добродетелями. Исповедавшись в своих грехах и получив разрешение, он весьма настойчиво умолял аббата посвятить его в рыцари (*legitimum militem fieri*). У англосаксов было обыкновение, чтобы посвящаемый в военное звание накануне того с чувством сердечного сокрушения и раскаяния исповедывался во всех грехах пред епископом, или аббатом, или монахом, или каким-нибудь священником, и проводил ночь в церкви с молитвой, сокрушением и благовешными мыслями; в день же посвящения он приносил меч к алтарю и слушал божественную литургию. По прочтении Евангелия, священник возлагал с благословением меч на шею воина; затем посвящаемый приобщался святых Христовых тайн и становился рыцарем. Норманны презирали этот обычай воинского посвящения и не признавали таких людей рыцарями, а считали их извращенными глупцами. И не один этот обычай, но и другие они старались уничтожить. Так осуждая английское собрание документов, которое еще прежде времен короля Эдуарда было утверждено подписями с золотыми крестами и другими священными знаками присутствовавших верных, норманны называли их просто бумагой, и определили, чтобы документы утверждались восковою печатью, приложенною каждым из 3 или 4 свидетелей. Но в первое время они отнимали многие поместья, по одному словесному приказанию короля, без всякого указа, представляя только его меч, или шлем, или рог, или чашу; а иногда предъявляли одни его шпоры, лук, или даже только его стрелу. Но это было только в начале его правления: в последующие же годы такой способ завладения изменился. Норманны выказывали такое презрение к англосаксам, что лишали их мест, как бы ни были они достойны, между тем как чужеземцам всякой другой нации давали их с удовольствием. Они презирали самый язык англо-саксов до того, что законы и постановления английских королей писались на галльском языке (т.е. французском), и даже в школах дети выслушивали уроки грамоты и грамматики не на английском, а на галльском языке; даже самый английский шрифт в хартиях и во всех книгах был изгнан и заменен галльским. Но довольно об этом.

1.4.

ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Политика Франкского государства в первые годы его существования («Книга истории франков», I-VII, XXXV-LIII)

«Книга истории франков», в ранней редакции называвшаяся «Деяния франков», была составлена человеком, имя которого осталось неизвестным. Неоднократно предпринимались попытки установить хотя бы место составления рукописи, но и они не имели никакого успеха.

Автор повествует, в пределах своей информированности, об отношениях франков с другими народами, в частности, с бургундами и австразийцами, объединенных королями династии Меровингов. Текст написан с точки зрения нейстрийца, что, впрочем, ему не слишком повредило.

1. О происхождении франков, их деяниях и постоянных войнах..
2. Как народ аланов восстал против императора Валентиниана, [как] франки их победили и были потому вознаграждены.
3. Как император выслал сборщиков налогов, дабы выбить из франков сборы.
4. Как император выслал войско против франков, об их приходе в область Рейна и об их первом короле.
5. О смерти короля Фарамунда, о его сыне Хлодионе, и вторжении гуннов в Галлию.
6. Как король Хильдерих был изгнан из [своего] государства.
7. Как франки сделали [своим королем] римлянина Эгидия, изгнали его и приняли обратно Хильдерика.
[...]
35. О императорах Юстине и Тиберию, о подчинении Италии, кончине короля Гунтрамна, и как Хильперих пал жертвой заговора Фредегунды.
36. Как Фредегунда двинулась войной против австразийцев, победила их и сожгла Шампань.
37. О смерти Фредегунды и войне Теудеберта против Хлотаря.
38. Об ужасном совете Брунхильды и [о том,] как Теудерих убил своего брата.
39. Как Теудерих хотел взять в жены свою племянницу и [как] Брунхильда умертвила этого Теудериха .
40. Как австразийцы и остальные франки избрали Хлотаря королем и приговорили Брунхильду к смертной казни.
41. Как воевали саксы с Дагобертом, [как] убил он их герцога и не оставил живым никого из них, кто был больше его меча.
42. О смерти Хлотаря и владычестве Дагоберта.
43. О смерти Дагоберта и Сигиберта, равно [как и о] владычестве Хлодвига.
44. О времени развала франкского государства, о смерти Хлодвига и владычестве Хлотаря.
45. Как был выбран майордом Эброин, [как] умер король Хлотарь и власть взяли Теудерих и Хильдерик.
46. Как Мартин и Пипин, герцоги австразийцев, вели войну против Эброина и Теудериха.
47. Как погиб Эброин, [как] Варатто добился титула майордома и святой Аудоин заснул вечным сном.
48. Как умер Варатто, [как] был поставлен Берхарий на его место, [как] Пипин победил его и подчинил звание майордома своей власти.
49. О смерти Теудериха, [о] владычестве Хлодвига и Хильдеберта и [правлении] майордома Гримоальда.
50. О кончине Хильдеберта, правлении Дагоберта, как умерщвлен был Гримоальд и Теудоальд добился звания своего отца.
51. О смерти Пипина, междоусобных войнах среди франков и [о том] как Раганфред после изгнания Теудоальда был избран на высшую должность [государства].
52. О смерти Дагоберта, [о] владычестве Хильпериха, и как Карл вел войну с Радбодом.
53. Как Карл в месте под названием Винциак сражался против Хильпериха , победил его и обратил в бегство и [как] подчинил своей власти все франкское государство.

1. Начало, происхождение и деяния франкских королей и их народов хочу я рассказать. В Азии находится город троянцев, он называется Илиум и правил там Эней. Народ был храбр и силен, мужчины [были] полны неукротимой воинственности и вели постоянные войны, пока не подчинили себе окрестные народы. Тогда поднялись короли Греции с большим войском против Энея и сражались с ним в ужасной битве и много народа троянцев погибло там. Эней бежал оттого и заперся в Илиуме; они же воевали за этот город 10 лет подряд. Когда же они наконец захватили его, тиран Эней бежал и переселил свой народ для борьбы в Италию. Другие князья [троянцев, такие] как например Приам и Антенор погрузили оставшееся войско, двенадцать тысяч человек, на корабли и провели их в берегов Дона. Они прошли через болота Меотиды в чьей близости они, наконец, прибыли в Паннонию и выстроили город, которому дали, в память о своих предках, название Сикамбрия, там жили они много лет и стали большим народом.

2. В то время восстали, как уже часто [ранее случалось], ужасные, злобные аланы против Валентиниана, императора римлян, и остальных народов. Он составил в Риме большое войско, двинулся против них и одержал в сражении решительную победу. Победенные, они пересекли Дунай, и прибыли в своем бегстве к меотийским болотам. Сказал тогда Валентиниан «Всякому, кто проникнет в эти болота и изгонит оттуда сей злой народ, тому буду я выплачивать почетное жалование десять лет». Тогда собрались троянцы, сделали засаду, а в этом они понимали толк, [и] с остальным римским войском ворвались в болота Меотиды, изгнали оттуда и уничтожили силою меча. Тогда дал им император Валентиниан из-за непоколебимой их смелости имя франков, что на аттическом языке значит «дикие».

3. Когда прошли 10 лет, послал упомянутый император к франкам сборщиков налогов под началом сенатора Примария, которым они должны были выплатить обычные подати. Те же в своей обычной дикой и необузданной манере приняли безрассудное решение, сказав друг другу: «Мы победили аланов, храбрый, неукротимый народ, который император с всем римским войском не мог изгнать из их болотных укывищ; почему же должны мы, мы, которые их победили, платить налоги. А потому восстанем мы против этого Примария и его сборщиков налогов, убьем их и заберем у них то, что они имеют при себе; а потом не будем платить римлянам податей и будем мы все вместе- свободными». И приготовили они им [сборщикам] засаду и убили их.

4. Когда император услышал это, он, выйдя из себя от гнева, приказал составить войско, состоявшее из римлян и других народов, передал верховное командование [над ним] Арестарку и двинул войска против франков. Там же, однако, произошла жестокая битва между обоими народами. В конце концов франки осознали что они уступают такому большому войску и отошли с очень тяжелыми потерями; и Приам, храбрый из них, погиб там. Они покинули Сикамбрию, прибыли к лежащим, на отдаленнейших [местах по] Рейну, городам Германии и с своими предводителями Маркомиром, сыном Приама, и Сунно, сыном Антенора, поселились там; здесь жили они долгие годы. После смерти Сунно пришли они к заключению, последовав примеру остальных народов, выбрать себе короля. И Фарамир посоветовал им это, и, таким образом они выбрали его сына, Фарамунда, своим королем с вьющимися волосами. Тогда же появились у них впервые и законы, выработанные старейшинами племени, именами Визоваст, Визогаст, Арогаст и Салегаст в местах Ботхагм, Салехагм, и Видехагм, по ту сторону Рейна.

5. После смерти короля Фарамунда избрали они королем с вьющимися волосами его сына Хлодиона в государстве его отца. С этого времени стали правилом короли с вьющимися [волосами]. Впоследствии они [франки] разведали область торингов и поселились там. Король Хлодион жил в Германии в укреплении Диспарг в области расселения торингов. В то время в области по эту сторону Рейна вплоть до Луары жили римляне, по ту стороны Луары – властвовали готы. Бургунды, пребывавшие в плену ереси Ария, селились на Роне вблизи Лиона. Король Хлодион выслал из своей торингской крепости разведчиков до Камбрэ. Сам же он пересек с большим войском Рейн убил много народа римлян и обратил их в бегство. Он прошел через Угольный Лес и занял город Турнэ. Оттуда он прошел до Камбрэ, где во время своего короткого пребывания приказал перебить всех, схваченных там, римлян. Далее он завоевал всю область до Соммы. В конце концов Хлодион умер после 20-летнего правления и Меровея, происходивший из того же рода, принял государство. По этому дельному королю короли франков и получили имя Меровингов. В то же время гунны перешли Рейн, подожгли Мец, опустошили Трир и через области тунгров продвинулись к Орлеану. Там пребывал тогда святой епископ Аниан, муж, известный своим благочестием. К нему прибыл римский патриций Эгедий и король Торисмунд и с Божьей помощью гунны с их королем Атилиой молитвами святого Аниана были пред городом побеждены и уничтожены.

6. Этот Меровея зачал сына, именем Хильдерика, в свою очередь ставшего отцом знаменитого и отважного короля Хлодвига. Франки были тогда неверующими язычниками и вместо Создателя поклонялись богам неба и земли, идолам и призракам. Над римлянами в этой части Галлии владычествовал король Эгидий, присланный сюда императором. Король же Хильдерик, сын Меровея, начал с невероятной разнузданностью издеваться над дочерьми франков, чьим господином он был, и совращать их. Рассердившись на это, они [франки] хотели убить его, от большого их возмущения, и выгнать за пределы королевства. Когда тот прослышал про это, [он] призвал к себе своего приятеля, мудрого советника Виомадия, и просил совета, как ему утихомирить бушующий гнев франков. Они договорились друг с другом о знаке, из которого он [король] должен был понять, что может без опаски возвращаться [в страну франков] и который был известен только им обоим. Знаком послужил разломанный на две части, золотой; одну половину король Хильдерик увез с собой, другая осталась у Виомадия, объяснившего: «Когда я вышлю эту мою половину, знай, что я примирил франков с тобой и не беспокоясь, возвращайся в мир». И так уехал король Хильдерик в Торингию и укрылся там у короля Бисина и его супруги.

7. Когда король Хильдерик покинул франков, тем пришла в голову дурная идея сделать своим правителем римского принцепса Эгидия. Он господствовал уже восемь лет, когда Виомадий для вида заключил с ним союз, дабы узнать его намерения. Он коварно ободрял Эгидия поработить франков. Тот последовал его совету и начал притеснять их еще сильнее. Из страха своего и возмущения франки теперь со своей стороны обратились к Виомадию с просьбой дать им совет, как им к этому относиться. Он же сказал им: «Забыли ли вы уже, как сильно притесняли римляне ваш народ и как изгнали они вас с вашей родины ? Вы же [в награду] за

то, изгнали вашего мудрого и деятельного короля и поставили во главе себя этого чванливого и надутого императорского солдата; этот ваш поступок был воистину не только не умный, но совершенно идиотский». Они отвечали: «Он был двоедушен по отношению к нам. Теперь нам жалко, [что мы смогли] так поступить с нашим королем, если бы мы только знали где его находится, то он снова со спокойно мог бы быть нашим королем». Тогда выслал этот доверенный короля [Виомадий] ему половину солида, который они до этого поделили, со словами: «Возвращайся обратно в страну франков, ибо теперь все успокоилось». Тот узнал располовиненный золотой, оговоренный знак, понял, что теперь он ожидаем франками и, в ответ на их просьбы, вернулся в свою страну. Во время его пребывания в Торингии король Хильдерик склонил Басину, супругу короля Бисина к измене [мужу]. После его возвращения в королевство франков они изгнали из страны принцепса Эгидия. Та же Басина покинула короля торингов и явилась к Хильдериду. На подробные расспросы о цели и причине ее путешествия из такой отдаленной местности, она дала якобы такой ответ: «Я знаю тебя как деятельного и статного, храброго и мудрого мужа; и я прибыла, чтобы жить с тобой. Был бы мне известен в каком-нибудь отдаленнейшем уголке моря какой-нибудь другой муж, который был бы деятельнее чем ты, то я бы его нашла и жила бы с ним». Полный радости, взял Хильдерик ее в жены. Она забеременела от него и родила сына, получившего имя Хлодвига. Он стал великим королем, [более великим] всех франкских королей и доблестным воином...

35. В тот год император Юстин стал безумным и умер на 18-м году своего правления в городе Константинополе. Тиберий взял бразды правления в свои руки. Затем умер отрок Теудерих, сын Хильпериха. Фредегунда же в те дни снова родила сына, которого они называли Хлотарем. Он стал позднее великим королем и отцом Дагоберта. Австрийский король Хильдеберт двинулся затем с войском в Италию, опустошил и обложил страну налогом. В то время возникла сильная вражда между Хильперихом и его племянником Хильдебертом. Ибо оба [они] подстрекались Фредегундой и Брунхильдой друг против друга. Тогда же умер и блаженной памяти король господин и король франков Хильперих, после 31-летнего правления он был похоронен в бургундском городе Шалон-сюр-Сан в церкви святого мученика Марцелла. Королева Фредегунда отослала свою дочь, зовоемую Риккунда, в сопровождении большого готского посольства с богатыми подарками и огромными сокровищами в Испанию, в жены сыну короля Леовигильда. Королева же Фредегунда была прекрасна, хитра и неверна [мужу]. Майордомом при дворе был тогда Ландерих, лукавый и дельный муж, в которого упоминаемая королева была весьма сильно влюблена, ибо он необузданно вступал с ней в связь. Однажды рано утро король двинулся на охоту к поместью Шелль, недалеко от Парижа, но от великой любви к Фредегунде уже от конюшен еще раз вернулся в ее покои, где она как раз мыла в воде голову; король же приблизился к ней сзади и шлепнул ее палочкой по задку. Думая, что это Ландерих, она сказала: «Что ты там делаешь, Ландерих?». Развернувшись и увидев, что это был король, собственной персоной, она сильно испугалась. Король весьма сильно опечалился и ушел охотиться. А Фредегунда позвала Ландериха к себе, поведала ему что сделал король и сказала: «Поразмысли что надо делать, ибо иначе завтра нас поведут на страшные истязания». Ландерих с тяжелым сердцем отвечал сквозь слезы: «Будь проклят тот час, когда мои глаза в первый раз увидели тебя! Я не знаю, что должен делать, меня же со всех сторон окружили несчастья». Та же сказала ему: «Не бойся, но послушай мой план, который нам надо исполнить, и мы [тогда] не умрем. Если король вернется к ночи, в конце дня, охоты домой, мы подошлем к нему убийцу и объявим, что его подстерег и убил король Хильдеберт Австрийский. Когда же он будет мертв, мы будем править вместе с моим сыном Хлотарем». Когда наступила ночь и король Хильперих вернулся с охоты, послала к нему Фредегунда опьяненных вином убийц и, когда король сошел с коня и его обычные сопровождающие разошлись по их домам, [посланные Фредегундой] палачи вонзили своему королю в живот два ножа. Он же вскричал и умер. Тогда воззвали посланные Фредегундой убийцы: «Западню, западню, приготовил король Хильдеберт нашему господину!». Солдаты забегали туда и сюда, но возвратились, ибо ничего не смогли найти. Малульф, епископ Санлиса, тогда как раз обретавшийся при королевском дворе, приказал перенести его [короля], обрядив в королевские одежды на корабль и затем они с духовными песнями и распеванием псалмов погребли его в присутствии королевы Фредегунды и войска в городе Париже, в церкви святого мученика Винцентия. Он правил 23 года. Фредегунда же правила государством вместе с малолетним королем Хлотарем, ее сыном, и вместе с Ландерихом, которого избрали майордомом двора. Франки же сделали упоминаемого малолетнего короля Хлотаря своим властителем.

36. Когда король Австрии Хильдеберт, сын Сигиберта и племянник Хильпериха прослышал о смерти своего дяди и злодеянии Фредегунды, он собрал войска. Дело в том, что по кончине своего дяди он принял власть в Бургундии. Бургундцы и предводители австрийских франков собрали сильное войско, двинулись в Шампань и под предводительством патрициев Гундоальда и Винтрио, опустошая [все на своем пути] проникли в область Суассона. В ответ на это известие Фредегунда в союзе с Ландерихом и остальными предводителями франков также составила войско. Потом она прошла к вилле Берни-Ривьер, раздавала богатые дары и подношения и ободряла их на войну против врагов их. Узнав же, что войско австрийцев все-таки очень сильно, она собрала франков, бывших при ней, и дала им следующий совет: «Давайте выйдем против них ночью с факелами; притом те [боевые] товарищи, которые стоят в первом ряду, должны нести в руках ветви деревьев и привязать лошадям колокольцы, чтобы ночная стража врагов не смогла обнаружить нас. Затем же, когда рассвет провозгласит [наступление] дня мы можем броситься на них и может быть победим их». Этот

план понравился. После объявления решения, в какой день они должны для битвы собраться все вместе в местечке по имени Друази, в области Суассона, она выступила-как и посоветовала-ночью, в полном вооружении, с ветками в руках и остальными, о чем мы сообщали выше, села на коня и несла маленького короля Хлотаря в руках и они прибыли к Труции. Когда часовые австразийского войска на горах увидели ветви в руках войска франков и услышали перезвон колокольчиков, сказал один [из них] своему товарищу: «Не было ли, на том месте, где мы теперь видим лес, еще вчера чистое поле?». Тот же ответил, смеясь: «Ты, видать, был уже пьян, да и сейчас говоришь как во хмелю: неужели ты не слышишь перезвон наших лошадей, которые пасутся возле того леса?». Когда же это произошло и заалела заря, провозвещающая начало дня, франки вместе с Фредегундой и маленьким Хлотарем под рев боевых труб атаковали спящих австразийцев и бургундцев и перебили большую часть войска, бесчисленное множество, огромное скопление [людей], великого и малого. Гундоальд и Винтрио искали спасения в бегстве и лишь с трудом спаслись. Ландерих же преследовал Винтрио, и этот ускользнул только благодаря быстроте своего коня. Фредегунда с остальным войском продвинулась до Реймса, пожгла Шампань и все опустошила. С множеством награбленной добычи она возвратилась со своим войском в Суассон.

37. В то время король Австрии Хильдеберт имел двух сыновей, старшего, именем Теудеберт от наложницы 57; и младшего, именем Теудериха, от королевы; его он послал с его бабкой Брунгильдой в Бургундию в государство короля Гунтрамна Великого. В то время, в весьма преклонном возрасте, умерла королева Фредегунда, исполненная дней своих и погребена была в Париже, в церкви святого мучника Винцентия. Теудерих же, король Бургундии, был прекрасен, храбр и весьма умен. По совету своей бабки Брунгильды он собрал войско и двинул его против своего дяди Хлотаря. Услышав об этом, созвал Хлотарь франкское войско и быстро двинулся ему навстречу. Они встретились у реки Орвэнн, в области Санса и сражались друг с другом, при этом погибло так много народа, что тела запрудили реку и из-за застывшей крови не могла течь вода. Воистину, в той битве сошел с небес на воинство ангел господень с обнаженным мечом. Узрев поражение своего войска, король Хлотарь спасся бегством, достиг крепости Мелен на Сене и двинулся далее в Париж. Теудерих же опустошил и пожег эту область вплоть до местечка Эссоннэ, и, с богатой добычей, воротился обратно.

38. Тогда Хлотарь покинул Париж и направился в Бротонский лес. Брунгильда же руководила Теудерихом [давая] ему ежедневно сквернейшие советы и молвила: «Почему ты пренебрегаешь этим и не требуешь от Теудеберта сокровища и королевство отца твоего, ты же знаешь, что в действительности он не твой брат, но произшел от измены твоего отца с другой женщиной». Когда Теудерих это услышал, он, в необузданной своей манере, собрал огромное войско и пошел на своего брата Теудеберта. У укрепления Цюльпих они вступили в битву. Они храбро дрались, пока не увидел Теудеберт поражение своего войска и не обратился в бегство, явившись в город Кёльн. Теудерих пожег и разграбил всю страну рипуариев; население добровольно подчинилось ему, прося «Пощади нас и страну нашу, господин и король, ведь мы уже принадлежим тебе, не истребляй же долее наш народ!». Он же сказал: «Если вы хотите чтобы вас пощадил, приведите мне Теудериха живого или мертвого или [принесите] его отрубленную голову». Тогда пошли они в тот город, что-то наврали Теудериху и объявили: «Вот предложение твоего брата: отдай ему обратно сокровища твоего отца, что ты хранишь, он ответит свои войска». [Поверив в] эту ложь, которую они ему рассказали, он вступил в сокровищницу своего дворца. Когда же он открыл сундуки [с сокровищами], один из них обнажил меч, вонзил его сзади в затылок [Теудеберту], и они взяли его голову и принесли ее на стены Кёльна. Увидев это, Теудерих захватил Кёльн и овладел большими богатствами. Когда же предводители этих франков в церкви святого мучника Гереона приносили ему клятву, ему показалось, что ему нанесли коварный удар в бок. На это сказал он: «Охраняйте двери, не знаю я, кто из этих вероломных рипуариев ударил меня». Когда же сняли с него его одеяния, то нашли только маленькую кроваво-красную отметину. Он возвратился оттуда с богатой добычей, и, с сыновьями и красивой дочерью своего брата Теудеберта, направился в Мец, куда прибыла и королева Брунгильда. Пленных отроков, сыновей Теудеберта, он умертвил. Младшего, лежавшего еще в белых одеждах, он швырнул об скалу и раздробил ему череп.

39. Увидев свою племянницу, прекрасную дочь Теудеберта, возжелал Теудерих взять ее в жены. Тогда обратилась к нему Брунгильда: «Как можешь ты жениться на дочери твоего брата?». Он же отвечал: «Не ты ли сказала мне, что он вовсе не мой брат? Как же ты позволила мне свершить столь страшное злодеяние, убить собственного брата, ты, злая дрянь?». И вытащил он свой меч из ножен и хотел убить ее. Она же была спасена стоявшими вокруг знатными, с трудом выбралась и бежала в свои покои в доме. В страшной своей ненависти, она, к своему несчастью, передала рукою слуги Теудериху отравленный напиток. Король же Теудерих принял его, ничего не подозревая, и начали скоро слабеть силы его, в грехах своих испустил он дух несправедливой своей жизни и скончался. Маленьких же его сыновей умертвила Брунгильда.

По смерти сих королей бургунды и австразийцы заключили мир с остальными франками и возвели Хлотаря единоправным правителем всех трех государств. Король Хлотарь собрал войско пошел в Бургундию и, под предлогом желанья взять ее в жены, просил Брунгильду мирно явиться к нему. Она нарядилась с королевской роскошью и прибыла в крепость Ренев [находящуюся] на одноименной реке. Едва увидав ее, вскричал он «Ты, богопротивная, зачем сотворила ты столько бед; и как посмела ты практически уничтожить столь большой королевский род?». Тут объединились оба войска: бургундов и франков и под крики их всех, что

Брунгильда заслужила позорнейшую смерть, приказал король Хлотарь посадить ее на верблюда и возить так по всему войску, затем привязали ее к ногам диких коней; и разорвались ее члены и она умерла. В конце концов огонь стал местом ее погребения и сожжены были ее останки 80. Король же восстановил мир во всей области и повернул домой. Благородный Гундоланд, способный и ревностный муж, был [тогда] майордомом при дворе короля.

41. У короля Хлотаря был энергичный и храбрый сын, именем Дагоберт, проявлявший интерес ко всему и весьма искусный. Когда он возмужал, король послал его вместе с герцогом Пипином, правителем в Австразию. Набольшие же австразийских франков собрались [вместе] и избрали своим королем Дагоберта. В те дни возмутились саксы и выставили войско, состоявшее из многих народностей, против короля Дагоберта и Хлотаря. А Дагоберт со своей стороны созвал очень большое войско и перейдя [через] Рейн, без промедления двинулся на саксов. Храбро сражаясь, он был поражен в голову, поверх шлема, небольшая прядь волос его была [при этом] срезана и упала на землю, откуда ее поднял стоявший за ним оруженосец [Дагоберта]. Когда тот [Дагоберт] увидел поражение своего войска, он сказал своему слуге: «Помчись возможно быстрее с этой прядью к моему отцу, дабы он пришел нам на помощь, пока не погибло все войско». И этот быстро умчался, пролетел через Арденнский лес и пришел к реке. Туда же прибыл король Хлотарь с большим войском. Явившись, отдал тот быстрый вестник королю отрезанную прядь волос сына его, отчего он глубоко опечалился и, еще ночью, с ревом военных труб, перешел с войском Рейн и поспешил на помощь сыну. Когда же их войска, радостные сердцем и с бурной радостью, соединились, то двинулись к Везеру и разбили там свои палатки. Бертоальд, саксонский герцог, стоял на другом берегу реки, уже решив вступить в битву, когда он услышал этот шум в народе [франков], и спросил, что это. Те же ответили «Прибыл владыка и король Хлотарь и оттого радуются франки». Тот же возразил им с усмешкой и молвил: «Вы – лжецы, которым [должно быть] страх помутил рассудок, если вы утверждаете – Хлотарь у вас, тогда как мы слышали, что он мертв». Король [Хлотарь] также стоял там, в военном снаряжении, шлем на голове прикрывал его, ставшие седыми, волосы. Когда он снял шлем и обнажил голову, узнал Бертоальд, что тот-король и закричал: «Что ты здесь делаешь, двуличный мул?». Услышав это, король вскипел гневом за это поношение, бросился на своем быстрейшем коне в Везер и переплыл реку. Бывши разъяренным, ринулся он за Бертоальдом, в то время как войско франков, последовавшее за королем, вместе с Дагобертом с трудом преодолевало огромную пучину [реки]. И так король преследовал Бертоальда и жестоко рубился с ним. Тогда сказал Бертоальд «Отойди от меня, король, чтобы я тебя не убил; если ты победишь меня, будут говорить все, что ты убил [всего лишь] только язычника Бертоальда, слугу твоего; [но] если я убью тебя, среди всех народов сразу разнесется неслыханная весть, что храбрый король франков был убит слугою». Король не дал себя умиловать этими словами, но напал еще яростней. Тогда закричал королевский конник, следовавший за королем на большом отдалении: «Покажи этому врагу свою ратную силу, господин мой и король!». У короля же руки были очень тяжки, ведь он был в броне. Обрушился король на Бертоальда, убил его, насадил его голову на копье и повернул обратно к франкам. Те уже горевали по нему-ведь они не знали что с ним произошло, увидев же его, были они в великой радости. Король опустошил всю страну саксов, истреблял население и не оставил никого живым, кто был больше чем его меч, так называемая спада. Это произвел король в той области в виде примера [для других районов страны] и победоносно вернулся в свою страну.

42. В последующее время умер король Хлотарь после 44 лет своего правления, государство перешло к полному усердия его сыну, королю Дагоберту, [ставшему], королем трех государств. Король Дагоберт отличался смелостью, [был] отцом франкам, строг в вынесении приговоров и благодетелем-церквям. Он первым начал раздавать церквям святых милостыню из королевской казны. Во всем государстве он установил мир. Слава его дошла до многих народов. На все окрестные королевства нагонял он страх и ужас. Сам же он осуществлял правление франками мирно и в совершенном спокойствии. Тогда и блаженный Аудоин выдвинулся в епископы. В то время, со смертью Гундоланда, славного древнего рода, король Дагоберт поставил во главе франков славного Эрхонольда. Ранее упомянутый король имел уже от своей королевы Нантильды из рода саксов, двух сыновей- Сигеберта и Хлодвига. Он отправил Сигеберта, старшего своего сына, в Австразию вместе с герцогом Пиппином в предназначенное для того королевство; младшего же, Хлодвига, конечно, оставил при себе.

43. Затем упомянутый король Дагоберт, подхватив сильную лихорадку, заболел и умер в месте Эпинэ-сур-Сен в области Парижа и был похоронен в храме блаженного Дионисия-мученика. Франки же оплакивали его много дней, а правил он 44 года. Его сын Хлодвиг стал королем над франками, взял себе жену из племени саксов по имени Бальтильда, от рождения остроумную и красивую. После этого король Сигеберт Австразийский поставил по смерти Пиппина его сына, Гримоальда майордомом. Когда же по прошествии некоторого времени умер и король Сигеберт, майордом Гримоальд подверг его несовершеннолетнего сына Дагоберта постригу и выслал его вместе с епископом Дудо из Пуатье на чужбину в Ирландию и сделал королем своего собственного сына. Франки же сильно возмутились этим, сделали Гримоальду засаду, схватили его и привели к королю франков Хлодвигу для суда. В Париже он был закован в кандалы и брошен в жуткую темницу и, как он того и заслужил преступлениями против своего господина, в конце концов умер в сильных мучениях.

44. В это же время приказал Хлодвиг, побуждаемый к тому дьяволом, отрезать руку святого мученика Дионисия. К названному же времени на государство франков обрушились губительные удары судьбы. Однако же сам Хлодвиг предавался низменным страстям, был развратником, совратителем женщин, обжорой и пьяницей. О его смерти и кончине история не сообщает ничего достойного памяти. Ибо историки оценивают его кончину по-разному, но, так как они ничего не знают об окончании его порочности, и то, от своей неуверенности [в изложении событий], сообщают [об этом] по разному: тот так, а этот – этак. От королевы Бальтильды, пишут они, он имел троих сыновей – Хлотаря, Хильдерика и Теудериха. Когда упомянутый выше король Хлодвиг наконец умер, то правления его было 16 лет. Франки тогда посадили на престол Хлотаря, старшего из трех отроков, который правил вместе с королевой-матерью.

45. В то время, после смерти майордома Эрхонольда, франки пребывали в нерешительности, затем же, посоветавшись друг с другом, возвели Эброина в высокую должность придворного майордома. В эти дни умер в отроческом возрасте король Хлотарь, на четвертом году своего правления. В короли франков был возведен брат его, Теудерих. Другого его брата, Хильдерика послали они с герцогом Вульфальдом на правление в Австразию. В то время франки устроили заговор против Эброина, возмутились против Теудериха, прогнали его за пределы страны, и насильно постригли обоих [в монахи]. Постригя, отослали они Эброина в монастырь Люксоиль в Бургундию. Далее они послали в Австразию за Хильдериком и призвали его. И, когда явился он, вместе с герцогом Вульфальдом, возвели его в короли франков. Тот же Хильдерик был чрезвычайно легкомысленным, во всех делах поступал непредусмотрительно, и тяжело угнетал франков, пока не проявились среди них великая ненависть и возмущение против него. Одного из них, франка, именем Бодило, против закона приказал он прибить к столбу и исхлестать. Когда же франки-Ингоберт, Амальберт и прочие предводители франков это увидели, [то] сильно разгневались и составили против того Хильдерика заговор. Бодило с остальными франками также восстал и против него и заманил короля в ловушку; он убил его вместе с его беременной королевой, сообщать о чем [мне] больно. Вульфальд с трудом удрал и, спасшись бегством, возвратился в Австразию. Франки же выбрали Леудесия, сына Эрхонольда, на должность майордома при [королевском] дворе. Из Бургундии в этом обсуждении приняли участие святой Леудегар, епископ Отена и его брат Гаэрин, и дали свое согласие. Эброин отрастил тем временем свои волосы, собрал, для поддержки, сообщников вокруг себя, силой вырвался из монастыря Люксоиль и в полном боевом снаряжении вернулся во Франкию. Затем он послал к св. Аудуину, [спрашивая] что тот ему посоветует. Тот передал ему с гонцом в письме лишь одно «Память о Фредегунде придет тебе на помощь». Тот же, будучи умен, понял [это] послание. Выступив ночью он собрал свое войско, подошел к Уазе, перебил стражей и перешел Уазу у Сент-Максенса, умертвив там всех своих противников, которых нашел. Леудесий вместе с королем Теудерихом и большей частью своих сторонников спасся бегством; Эброин преследовал их. Достигнув имения Безье он [здесь] завладел королевской казной. Затем он прибыл в Креси-эн-Понтъен и [здесь] захватил короля. Леудесию он велел явиться к нему, коварно пообещав [тому] безопасность, после чего убил его; пылая рвением он сам захватил власть. Святого епископа Леудегара он покарал различными пытками и в конце концов приказал зарубить его мечом; также и его брата его, Гаэрина, он обрек на ужасные муки. Остальные же франки, сторонники их [Леудесия и Теудериха] едва сумели спастись бегством, некоторые из них удалились в ссылку и были лишены их имущества.

46. В то время, после смерти австразийца Вульфальда и после того как перемерли короли, в Австразии правили Мартин и Пипин Младший, сын Ансегизела, [вплоть] до тех пор не стали они, наконец, враждовать с Эброином; выставив большое австразийское войско и поведя его против короля Теудориха и Эброина. Им навстречу поспешали Теудерих и Эброин со своим войском; в месте Буа-Рояль дю Фэ они встретились и сразились в жестокой битве. Великое множество народа polegло там. Наконец австразийцы оказались побеждены и обратившись в бегство, бежали. Со страшной яростью преследовал их Эброин и опустошил большую часть той области. Спасаясь бегством, Мартин прибыл в Лаон и заперся там; Пипин же скрылся в другое место. Таким образом Эброин одержал победу и возвратился домой. Придя со своим войском в имение Экри, он выслал посланцев к Мартину, предписывая ему явиться к королю Теудериху и давая клятвенные заверения [в безопасности]. Коварно и вероломно дали они [ему] клятву на пустых ларцах реликвий, он же поверил им, явился в Экри и был там умерщвлен вместе со своими спутниками.

47. И так притеснял Эброин франков все более и более жестоко, пока не стал, наконец, пытаться преследовать франка Эрменфреда. Тот же, тайком напав на него ночью, жутким образом умертвил вышеназванного Эброина и затем скрылся к Пипину в Австразию. Франки же держали совет и по желанию короля избрали блистательного Варатто на место придворного майордома. Тогда же принял Варатто заложников от вышеупомянутого Пипина и заключил с ним мир. Упомянутый Варатто имел в то время деятельного и предприимчивого сына, [бывшего] дикого нрава и буйного поведения, восставшего против своего отца и лишившего его [Варатто] высокого положения; он звался Гислемар. Святой епископ Аудоин предостерег его: он не должен был так гнусно обращаться с отцом; тот же не прислушался к этому. Также и между тем Гислемаром и Пипином шли междоусобия и многочисленные столкновения. В конце концов Бог покарал его за причиненную отцу несправедливость и многие другие ужасные преступления, и испустил он свой мерзкий дух, как это ему и предсказывал святой Аудоин. После его смерти, Варатто снова вступил в свою прежнюю должность. В те дни в королевском имении Клиши, в непосредственной близости от Парижа,

скончался в Господе святой епископ Аудоин Руанский, исполненный своих дней и знаменитый своими чудесами; он был погребен в церкви св. апостола Петра в Руане.

48. В течении последующего времени умер вышеупомянутый Варатто; у него была умная жена, именем Ансефлида. Франки же были различных мнений и колебались туда-сюда. В конце концов, будучи все еще не едины во мнениях они, к несчастью, набрали на Берхара, невзрачного, неумного и неспособного к совету мужа и определили его майордомом. Тогда поднялся Пипин Австрийский, собрал большую армию и двинул войска против короля Теудериха и Берхара. Когда же сошлись они друг с другом в битве у местечка Тертри и сражались, то обратился в бегство король Теудерих вместе со своим майордомом Берхаром. Пипин остался победителем. В последующее время Берхар был убит [своими] двуличными друзьями и потому по наущению Ансефлиды Пипин принялся осуществлять собственное правление как майордом короля Теудериха. Он завладел казной и, оставив при Теудерихе одного из своих людей, некоего Нордеберта, возвратился в Австрию. У верховного короля Пипина была весьма благородная и умная супруга именем Плектруда. Она родила ему двоих сыновей; имя старшего было Дрого, имя младшего-Гримоальд. Дрого получил [во владение] герцогство Шампань.

49. После умер король Теудерих; он правил 19 лет. Его сын Хлодвиг, рожденный от королевы Хродхильды, принял, будучи отроком, звание короля. Немного погодя скончался также и этот король Хлодвиг, будучи еще ребенком, после двухлетнего правления. После этого королем был выбран его брат Хильдеберт, сиятельный муж. Умер и Нордеберт. Гримоальд, младший сын верховного короля Пипина, стал майордомом при дворе короля Хильдеберта. Пипин также вел многие войны против язычника Радбода и других владетелей, против свевов и еще многих народов. Гримоальд имел от наложницы сына, именем Теудоальд. Примерно в то же время умер Дрого, сын Пипина; вышеупомянутый верховный король Пипин имел от другой женщины сына, именем Карл, видного, замечательного и способного мужа.

50. Тогда упокоился славный господин, блаженной памяти справедливый король Хильдеберт; он правил 17 лет и был погребен в монастыре Шуази-о-Ба, в церкви святого архимученика Стефана. За него правил его сын, отрок Дагоберт. Гримоальд имел тогда супругу именем Теудесинда, дочь языческого герцога Радбода. Сам же Гримоальд был благочестивым, умеренным, миролюбивым и праведным майордомом. Когда же впоследствии заболел его отец, верховный король Пипин, и он [Гримоальд] прибыл его проведать, то был в церкви святого мученика Ландеберта убит язычником Рантгаром, сыном Велиала. Оттого они [нейстрийские франки], по приказу деда, посвятили Теудоальда в высокое придворное звание его отца.

51. В то время Пипин заболел сильной лихорадкой и умер; двадцать семь с половиной лет был занимал он высшее положение среди вышеуказанных королей. Теперь же все бразды правления тайно исполняла Плектруда со своими внуками и королем. В те дни по наущению дьявола в лесу Куиз сражались вновь франки против франков, уничтожая друг друга в страшной резне. Теудоальд спасался бегством и остался жив; в то время царил сильное преследование. После бегства Теудоальда они выбрали Раганфреда на главное место при дворе [место майордома]. Этот собрал вместе с королем войско, они пересекли Угольный лес и опустошали и грабили ту страну вплоть до Мааса; с языческим герцогом Радбодом они заключили дружеский союз. В те дни Карл, с большим трудом и с Божьей помощью, бежал из заключения, в котором его держала гопожа Плектруда.

52. В следующем году, после пятилетнего правления, заболел и умер король Дагоберт. Франки поставили королем некоего клерика Данизля, еще до того как он отрастил себе волосы, и назвали его Хильперихом. В то время они вновь собрали войско и двинулись против Карла к Маасу. С другой стороны против Карла восстали фризы. Этот [Карл] начал действовать против фризов, но понеся тяжелые потери среди своих сторонников, спасался бегством и отошел. В последующее время Хильперих и Раганфред снова выставили войско, прошли через Арденнский лес, достигли Кельна на Рейне и опустошили [тамошнюю] местность. Когда Хильперих получил от госпожи Плектруды богатые подарки он [вместе с Раганфредом] пустился в обратный путь; в местечке Амблев Карл напал на них и нанес им большие потери.

53. В то время выставил упомянутый господин Карл войско и вновь выступил против Хильпериха и Раганфреда. Эти со своей стороны также собрали войско и начали приготовления к битве; Карл же настаивал на заключении мира. Когда же они это отвергли, ранним утром 12 календ апреля в воскресенье Великого поста, в местечке под названием Винчи, началась битва. После мужественного сопротивления Хильперих и Раганфред обратились в бегство. Карл остался победителем. Опустошив и разграбив ту местность он, богатой добычей, вернулся назад в Австрию; прибыв к Кельну он вызвал там возмущение. Он боролся с госпожой Плектрудой, полный рвения вступил во владение казной своего отца и сделал своим королем Хлотаря. Хильперих и Раганфред призвали тогда на помощь герцога Эудо. Этот собрал войско и повел его против Карла. Тот же мужественно и бесстрашно выступил ему навстречу; тогда бежал Эудо, отошел в Париж и отступил, вместе с Хильперихом и королевской казной, за Луару. Карл преследовал его, но не смог настичь. В этот год умер упомянутый король Хлотарь. В следующем году Карл выслал посольство к Эудо и заключил с ним дружеский союз. Тот выдал ему, наряду со многими подарками, короля Хильпериха, который, однако, больше не правил долго. А именно-он умер вскорости после того и был погребен в городе Нуайон; он правил пять с половиной лет. Франки же выбрали королем Теудериха, сына Дагоберта Младшего, воспитанного в монастыре Шелль, каковой и находится сейчас на шестом году своего правления.

Начало правления короля франков Хлодвига (Григорий Турский, «История франков», II, 27)

Одним из основных источников для изучения раннего периода Франкского государства является «История франков» Григория Турского (ок. 540-594 г.) с автобиографией автора (настоящее имя Григория Турского – Григорий Флоренций).

Григорий Турский – писатель, принадлежал к старой галло-римской знати. Родился он в Оверни, получил для своего времени хорошее образование, в 573 г. стал епископом города Тура. Григория Турского называют «отцом французской истории». Это не случайно, ибо его труд является важнейшим источником для изучения истории меровингской эпохи. «История франков» включает события, очевидцем которых был ее автор, а также более ранние факты, записанные им по рассказам или по тем произведениям, которые не дошли до наших дней.

Гл. II. 27. После всего этого скончался Хильдерик, и вместо него стал королем сын его Хлодвиг. На пятый год правления его¹ Сиагрий, король римлян, Эгидия сын, пребывал в городе Суассоне, которым некогда владел вышеупомянутый Эгидий. Хлодвиг пошел на него с Рагнахарием, своим родственником, который тоже был королем, и вызвал его на бой. Тот не уклонился и не побоялся сразиться. И вот когда бились друг с другом, Сиагрий, видя поражение [своего] войска, обратил тыл и спешно бежал к королю Алариху в Тулузу. Хлодвиг же послал к Алариху сказать, чтобы выдал его, в противном случае знал бы, что пойдет войною за укрывательство. И вот Аларих, опасаясь, как бы не подвергнуться из-за него гневу франков, – а готам свойственна трусость, – связанного выдал посланным [Хлодвига]. И по прибытии распорядился Хлодвиг заключить его под стражу. А получив королевство его, приказал тайно поразить мечом.

В то время многие церкви были разграблены войском Хлодвига, ибо тогда он погрязал еще в заблуждениях язычества. И вот неприятели похитили из одной церкви вместе с другими церковными украшениями удивительной величины и красоты чашу. А епископ той церкви² послал к королю просить, чтобы, если нельзя его церкви получить другие священные сосуды, то по крайней мере получила бы хоть (означенную) чашу. Выслушав эту просьбу, король сказал посланному: «Иди за нами в Суассон, ибо там будет лежать всего, что захвачено. Если мне доста-нется по жребию тот сосуд, который просит святой отец, я выполню [его просьбу]». И вот, прибывши в Суассон, король сказал, когда сложил посредине всю добычу: «Прошу вас, храбрейшие воители, не откажите дать мне вне дележа хотя бы вот этот сосуд» – он имел в виду вышеупомянутую чашу.

Когда король сказал это, те, у кого был здравый смысл, отвечали: «Все, что мы видим здесь, славный король, принадлежит тебе, как и сами мы подчинены твоему господству. Делай все, что тебе будет угодно, ибо никто не может противиться твоей власти». Когда они так сказали, один легкомысленный, завистливый и вспыльчивый с громким криком поднял секиру и разрубил чашу, промолвив: «Ничего из этого не получишь, кроме того, что полагается тебе по жребию». Все были этим поражены, но король подавил обиду кротостью и терпением. Затаив в груди скрытую рану, он взял чашу и передал ее посланному епископа.

По прошествии года приказал он собраться всему войску с оружием, чтобы показать на Мартовском поле, насколько исправно содержится это оружие. И вот, когда обходил там ряды, подошел к тому, кто разбил чашу, и сказал ему: «Никто не содержит в таком беспорядке оружие, как ты, ибо и копье твое, и меч, и секира – все никуда не годится», и, вырвавши у него секиру, бросил ее на землю. А когда тот наклонился, чтобы поднять ее, король, взмахнувши своею "секирою, разрубил ему голову: «Так, сказал он, – ты поступил с чашею в Суассоне». А когда тот умер, велел остальным расходиться по домам, внушив тем большой к себе страх.

Много вел он войн и много одержал побед. На десятый год своего правления пошел войною на тюрингов и подчинил их своей власти.

¹Т.е. в 486 г.

²Ремигий, епископ Реймский.

Война франков с вестготами (Григорий Турский, «История франков», II, 37)

В 507 г. Хлодвиг начал войну с Аларихом II, стремясь «взять землю вестготов под свою власть». Осуществлению захватнических целей Хлодвига помогала католическая церковь, благословляя его на борьбу с вестготами, которые были арианами, т.е. в глазах католических ортодоксов еретиками. В свою очередь король франков защищал интересы духовенства, запрещая грабежи в их владениях, которыми обычно сопровождался захват чужой территории.

Гл. II.37. И вот король Хлодвиг сказал своим: «Очень мне неприятно, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдем с помощью божией и, одолев их, возьмем землю под власть нашу». Так как речь эта пришла всем по сердцу, собрав войско, он двинулся к Пуатье. В это время пребывал там Аларих. И так как часть врагов проходила через Турскую территорию, издал из уважения к блаженному Мартину распоряжение, чтобы не брали из области той ничего, кроме травы и воды. Но вот один из войска, разыскав сено некоего бедняка,

сказал: «Не распорядился ли король брать только травы и ничего другого? Это же как раз и есть трава. Не нарушим поэтому его предписания, если возьмем ее». И взял силою у бедняка его сено.

Дошел слух об этом поступке до короля, и он тотчас же поразил названного [воина] мечом, сказав: «Как надеяться нам на победу, если мы будем наносить оскорбление блаженному Мартину?» И этого было достаточно, чтобы войско ничего более в этой стране не брало...

Когда затем король прибыл с войском к реке Вьенне, он не знал, в каком месте перейти ее вброд, ибо она разлилась от дождей. И вот ночью молил господу, чтобы удостоил указать ему брод, которым он мог бы перейти [реку]. Когда настало утро, удивительной величины лань, по велению божию, вошла перед ним в реку и перешла ее. Так узнал народ, где ему переправиться.

Когда же король подошел к Пуатье, то еще издали, будучи при шатрах, увидел он огненный столб, который, вышедши из базилики святого Гилярия, как будто двигался на него. Это означало, что с помощью света, изливаемого блаженным исповедником Гилярием, он легче одолеет войско еретиков, против которых названный первосвященник часто сражался за веру. Накрепко приказал [король] всему войску, чтобы ни там, ни в пути никого не грабили и ни у кого не отнимали имущества.

Тем временем король Хлодвиг сразился с Аларихом, королем готов, на полях Вулье, в десяти милях от Пуатье. Эти сражались дротиками, те защищались мечами. Когда готы, по обыкновению обратили тыл, король Хлодвиг, с божьею помощью, одержал победу. Был ему помощником сын Сигиберта Хромого¹, именем Хлодерик. Этот Сигиберт охромел, будучи ранен в колено во время битвы с алеманами у Толбиака. Когда король убил во время бегства готов короля Алариха, внезапно напали на него двое из неприятелей и поразили с двух сторон копьями. Но он спасся благодаря латам и быстроте коня...

Спасшийся при этой битве Амаларик, сын Алариха, убежал в Испанию и с мудростью занял отцовский королевский престол. Хлодвиг же отправил сына своего Теодориха через города Альбн и Роде в Овернь, и он подчинил власти своего отца те города от пределов готов до границы бургундов². Аларих правил 22 года, Хлодвиг же, перезимовав в Бордо и взяв из Тулузы все сокровища Алариха, прибыл в Ангулем...

¹ Сигиберт Хромой – король рипуарских франков.

² В 508-510 гг.

Сосредоточение власти в руках единого короля франков Хлодвиг (Григорий Турский, «История франков», II, 40, 41, 42)

Настоящий документ ярко рисует облик вероломного Хлодвигу, Стремясь стать единым королем всех франков, он предательски уничтожает других вождей, в том числе и своих ближайших родственников. Следует подчеркнуть, что политику Хлодвигу одобряла франкская знать, заинтересованная в его завоевательных походах.

Гл. II. 40, 41, 42. Когда Хлодвиг король пребывал в Париже, послал он тайно к сыну Сигиберта, чтобы сказать ему: «Вот, отец твой стар и хромает на большую ногу. Если он умрет, тебе по праву достанется вместе с нашею дружбою его королевство». Тогда тот, движимый желанием достигнуть этого, замышляет отцеубийство. Когда однажды отец его, выехав из Кельна, переправился через Рейн, чтобы погулять в лесу Буконии, и в полдень уснул в своем шатре, сын его, подослав убийц, убил там отца в уверенности, что завладеет его королевством. Но по правосудию божию сам попал в яму, которую вражески вырыл для своего отца.

Послал он послов к королю Хлодвигу, чтобы известили его осмерти отца, и сказал: «Отец мой скончался, и я владею его сокровищем и его королевством. Приходи ко мне, и я охотно передам тебе из сокровищ его то, что понравится». А Хлодвиг в ответ сказал: «Благодарю тебя за доброе расположение и прошу показать нашим посланным [сокровища], которыми ты будешь потом владеть сам безраздельно». Послы пришли, и он разложил отцовские сокровища. Когда они рассматривали разные [драгоценности], он промолвил: «Вот в этот ящик мой отец имел обыкновение складывать золотые монеты». «Опусти, – сказали они ему, – руку свою до дна и все исследуй». Когда он сделал это и сильно наклонился [над ящиком], один из послов поднял руку и ударил его секирою в череп. Так этот недостойный испытал ту же участь, какую уготовил отцу.

Когда Хлодвиг узнал об убийстве Сигиберта и его сына, он сам явился туда же¹ и, созвав весь народ тот, сказал: «Послушайте о том, что случилось. Когда я плыл по реке Шельде, Хлодерик, сын моего родича, беспокоил своего отца, говоря, что я хочу убить его. А сам, когда отец удалился в лес Буконию, подослал к нему разбойников и умертвил его. Но когда он разыскивал отцовские сокровища, то тоже погиб, не знаю, кем пораженный. Что до меня, то я в этом деле совсем не участник, так как не могу проливать кровь своих родичей и совершать такое грешное дело. Но раз уж так случилось, вот вам мой совет, которому, если вам угодно, последуйте: обратитесь ко мне, чтобы быть под моей защитою». Услыхав эти слова и одоблив их шумом оружия и криками, подняли Хлодвигу на щит и поставили над собой королем...

После этого двинулся против Харарика [короля²]. Когда [Хлодвиг] давал битву Сиагрию, этот Харарик, вызванный на помощь Хлодвигу, стоял в отдалении, не помогая ни той, ни другой стороне, но выжидая исхода дела, чтобы завязать дружбу с тем, кому достанется победа. За это досадовал на него Хлодвиг и по-тому пошел

против него, захватил его хитростью вместе с сыном и, связав, остриг обоим волосы. И повелел Харарика поставить священником, а сына его – дьяконом. Когда же Харарик жаловался на свое унижение и плакал, то сын его, как передают, сказал: «Эти листья³ срезаны с зеленого дерева и не совсем еще высохли. Скоро они оправятся [настолько], что смогут отрасти снова. Пусть так же скоро погибнет тот, кто сделал это».

Речь эту Хлодвиг понял в том смысле, что они грозятся снова отпустить себе длинные волосы⁴ и убить его. Поэтому приказал отрубить им обоим головы. По их смерти приобрел королевство их с сокровищами и народом...

Истребив также многих других королей и своих первых родственников из-за боязни, как бы не отняли у него королевства, он распространил свою власть на всю Галлию. Однако, собрав однажды своих, он, как передают, говорил о родственниках, которых сам же погубил, следующее: «Горе мне, ибо я остался, как странник среди чужих, и не имею родственников, которые могли бы мне подать помощь, если бы случилось несчастье». Но он это говорил не потому, что горевал о их смерти, а по хитрости, рассчитывая, не сможет ли он случайно найти еще кого-нибудь из родственников, чтобы и его лишить жизни.

¹ Т.е. в Кёльн – столицу рипуарских франков.

² Харарик был одним из королей салических франков.

³ Т.е. длинные волосы.

⁴ Длинные волосы считались у Меровингов отличительным признаком членов королевского дома. Острижение волос знаменовало исключение из королевской семьи. Наоборот, отпущенные волосы снова символизировали право домогаться королевской власти.

Внешняя политика Франкского государства после Хлодвига

Григорий Турский о внешней политике Франкского государства после Хлодвига.

(Григорий Турский, «История франков», III, 29, 32)

29. После этого Хильдеберт отправился в Испанию¹. Когда он вместе с Хлотарем вторгся в эту страну, их войска окружили город Сарагосу и осадили его. Но осажденные со смирением обратились к богу. Надев власняницы, воздерживаясь от пищи и питья, ходили они вокруг городской стены с пением псалмов и с туникой блаженного Винценция-мученика. Женщины, накинув черные покрывала, распустив волосы и посыпав их пеплом, следовали за ними с плачем, так что можно было подумать, что они оплакивают мужей. И все [жители] этой местности возложили такую надежду на милосердие господне, что там говорили, что они постились, как ниневитяне², и считали, что их молитвы непременно умилоствят господя. Между тем осаждающие, не понимая, что делают осажденные, и видя, что те ходят таким образом вокруг стен, думали, что они совершают какое-то колдовство. Тогда они схватили одного простого горожанина и спросили его, что означает то, что они делают. Тот ответил: «Они носят тунику блаженного Винценция и молят у нее, чтобы господь сжалился над ними». Испуганные этим, франки отошли от города³. Однако, завоевав большую часть Испании, они вернулись в Галлию со значительной добычей⁴...

32. Теодоберт же отправился в Италию⁵ и захватил там большую добычу. Но так как эта местность, как говорят, нездоровая, то его войско подверглось различным видам лихорадки; поэтому многие из воинов нашли в этой стране свою смерть. Видя это, Теодоберт вернулся оттуда, причем он и его люди унесли с собой богатую добычу. Однако говорят, что он тогда дошел до Тицина, куда он позднее направил Букцелена⁶.

А он [Букцелен], захватив малую Италию и отдав ее под власть упомянутого короля, устремился в большую Италию⁷. Здесь после многочисленных сражений с Велисарием он одержал победу. И после того как император увидел, что над Велисарием одерживают частые победы, он отстранил его и на его место поставил Нарсеса; Велисария же, чтобы унижить его, поставил главным конюхом, кем он и был ранее. А Букцелен провел тяжелые сражения против Нарсеса. Захватив всю Италию, он расширил свои завоевания до самого моря; а из Италии он направил Теодоберту большие богатства. Когда Нарсес сообщил об этом императору, тот, наняв наемников-чужеземцев, послал их в помощь Нарсесу. Но, вступив в сражение, Нарсес был побежден и вновь отступил. Затем Букцелен овладел Сицилией. Потребовав с нее выкуп, он отослал его королю. И, впрямь, Букцелену в этих походах сопутствовала большая удача.

¹ В 542 г. Хильдеберт вместо того, чтобы закончить завоевание Септимании, решил нанести удар по вестготам в самом центре их королевства и Испании. При поддержке своего брата Хлотаря Хильдеберт пересек Пиренеи, но был остановлен возле Сарагосы и вынужден был отступить.

² По библейскому сказанию, жители Ниневии, чтобы спасти свой город от гнева господнего, оделись во вретича и постились 40 дней. Ср.: Иона. 3. 4-5.

³ Григорий Турский отступление от Сарагосы подает как нравоучительную историю, на самом же деле, как говорит Исидор в «Истории готов» (Гл. 41-43; Р. 283-284), готы во главе с Теодиском одержали над войском франков большую победу.

⁴ Вместо военного и политического успеха Хильдеберт вывез из Испании дорогую для вестготов реликвию, так называемую тунику св. Винценция, диакона сарагосской церкви, принявшего мученическую смерть во время гонений на христиан при римском императоре Диоклетиане. Хильдеберт приказал прибить ее к воротам Парижа.

⁵ Марий Аваншский помечает начало этой кампании 539 г., Теодоберт, воспользовавшись войной готов с римлянами, несмотря на свой договор с Византией и готами, вторгся в Италию и опустошил Лигурию и Эмилию. Но болезни вынудили его войско отступить. Во втором периоде войны римлян с готами, начавшемся в 541 г., франки укрепились в Северной Италии. Историк Прокопий Кесарийский сообщает: «...король Теодоберт... обложил данью некоторые области Лигурии, область Коттийских Альп и большую часть области венетов». Однако хронология и продолжительность оккупации, как пишет Ж. Тессье, нам неизвестны. Видимо, это имело место при жизни Теодоберта, между 540-547 гг.

⁶ Очевидно, как замечает Р. Бухнер, это алеманнский вождь Бутилин, который вторгся в Италию при Теодобальде. Р. Латуш отмечает, что эта кампания, предпринятая в 553 г., закончилась тяжелым поражением франков, в котором погиб герцог Букцелен, возглавлявший этот поход. Марий Аваншский датирует это поражение 555 г. и тоже говорит о гибели со всем своим войском герцога Букцелена.

⁷ В подлиннике: Italia minor – вероятно, Верхняя Северная Италия (Цизальпинская). Italia major – большая, т.е. Средняя и Южная Италия.

(Григорий Турский, «История франков», IV, 23, 29)

23. Тут же после смерти короля Хлотаря гунны вторглись в Галлию¹. Против них выступил Сигиберт и, вступив с ними в бой, победил их и обратил в бегство. Однако позже их король через послов добился дружбы с Сигибертом. Но в то время, когда Сигиберт был занят гуннами, Хильперик, брат его, захватил Реймс и отнял все принадлежавшие Сигиберту города. И из-за этого – что еще хуже – между ними возникла междоусобная война. Когда победитель гуннов Сигиберт возвратился, он занял город Суассон, захватил в плен находящегося там сына короля Хильперика Теодоберта и взял его под стражу. Затем он выступил против Хильперика и вступил с ним в сражение. Победив и обратив его в бегство, Сигиберт восстановил свое право господства над своими городами. Сына же Хильперика Теодоберта он приказал содержать в течение года под стражей в вилле Понтион. Так как Сигиберт был человеком мягкосердечным, он отправил его позднее невредимым к отцу, одарив подарками, но предварительно взял с него клятву, что он никогда ничего против него не будет предпринимать. Однако впоследствии, впав в грех, Теодоберт нарушил клятву...

29. Гунны же пытались вновь вторгнуться в Галлию. Против них с войском выступил Сигиберт, взяв с собой великое множество храбрых воинов. Когда они должны были вступить в сражение, гунны, сведущие в искусстве волшебства, явили им различные наваждения и разбили их наголову. А когда войско Сигиберта обратилось в бегство, сам он был задержан гуннами и содержался у них под охраной до тех пор, пока позднее, будучи ловким и проворным, он не подкупил дарами тех, кого он не смог одолеть храбростью в сражении. В самом деле, одарив их подарками, он заключил с королем гуннов договор о том, чтобы никогда при их жизни не было между ними никакой войны; и это по праву расценивается скорее как похвала ему, чем бесчестие. Но и король гуннов дал королю Сигиберту много подарков. А самого короля гуннов называли Гаган². Ведь этим именем называли всех королей этого народа.

¹ Р. Латуш по этому поводу замечает, что здесь речь идет об аварах, народе урало-алтайского происхождения. Они заняли область нижнего Дуная, откуда делали набеги вплоть до Тюрингии.

² Это титул, а не имя. Испорченное слово *gaganus* восходит к тюркскому слову «каган», что значит «хан».

(Григорий Турский, «История франков», VI, 2)

2. Между тем послы короля Хильперика, уехавшие три года тому назад к императору Тиберию¹, вернулись, понеся большой урон и потерпев бедствие. Ибо, не осмелившись из-за раздора королей войти в порт Марсея, они прибыли в город Агд, расположенный в королевстве готов. Но прежде чем достичь берега, их корабль, гонимый ветром, налетел на мель и разбился на части. Когда послы и их слуги увидели, что им грозит опасность, они ухватились за доски и с трудом достигли берега, при этом многие из слуг погибли; большинство же спаслось. Вещи же, выброшенные волной на берег, унесли жители. Послы, получив обратно из этих вещей наиболее ценные, доставили их королю Хильперiku. Однако многое осталось и у жителей Агда.

В то время я отправился к королю в виллу Ножан, и там он показал нам большое блюдо, сделанное из золота и драгоценных камней, весом в пятьдесят фунтов и сказал: «Я изготовил это для прославления и возвеличения народа франков. И многое еще, если я буду жив, сделаю». Кроме того, он показал мне золотые монеты, присланные императором, каждая весом в один фунт. На одной стороне монеты было изображение императора с надписью по кругу: «Тиберий Константин, вековечный август», на другой стороне монеты была изображена квадрига с возничим и надпись: «Слава римлян». Он показал мне также много разных украшений, привезенных послами.

¹ Имеется в виду византийский император.

(Григорий Турский, «История франков», IX, 25, 29)

25. Хотя Хильдеберт, приняв подарки¹, обещал свою сестру лангобардам², когда они просили ее в жены своему королю³, однако теперь он пообещал ее пришедшим к нему послам готов, ибо он узнал, что этот народ

принял католическое вероисповедание⁴. К тому же он направил к императору посольство⁵, чтобы сказать, что теперь – чего он прежде не сделал – он выступит против лангобардов и по соглашению с ним изгонит их из Италии. В то же время он направил свое войско для завоевания этой страны. Он призвал герцогов, и они, отправившись туда с войском, вступили с врагом в сражение. Но наши потерпели сокрушительное поражение, причем многие были убиты, некоторые взяты в плен, большинство же, обратившись в бегство, с трудом вернулось на родину. И такое там было избиение франкского войска, какого доселе не было и в помине...

29. И вот король Хильдеберт по приглашению епископа города Майнца Сигимунда решил отпраздновать пасху⁶ в вышеупомянутом городе. В ту пору его старший сын Теодоберт сильно страдал от опухоли в горле, однако он выздоровел. Между тем король Хильдеберт набрал войско и готовился с ним выступить в Италию для покорения лангобардов. Но лангобарды, узнав об этом, направили к нему послов с дарами, говоря: «Да будет между нами дружба! И да не погибнем мы и заплатим тебе установленную дань. И если будет необходима наша помощь в борьбе с врагами, мы ее с готовностью предоставим». Услышав это, король Хильдеберт направил к королю Гунтрамну гонцов, чтобы он собственными ушами услышал, то, что они предлагают. Гунтрамн не возражал против этого условия и согласился заключить мир. Но король Хильдеберт приказал оставаться войску на месте. Он послал к лангобардам послов, с тем чтобы выяснить, подтвердят ли они все, что наобещали, и только тогда его войско уйдет домой. Но эти обещания лангобардов вовсе не были ими выполнены.

¹ Как дары невесте.

² Т. е. Хлодозину.

³ Сначала Хильдеберт обещал свою сестру Хлодозину Автари, королю лангобардов, но позднее, когда король вестготов Реккаред принял католическое вероисповедание, Хлодозина была помолвлена с Реккаредом. Хильдеберт не только оставил без внимания просьбу Автари, но решил выступить против него, дабы выполнить свое обещание византийскому императору Маврикию – изгнать лангобардов из Италии.

⁴ О принятии Реккаредом, королем вестготов, католического вероисповедания см. кн. IX, гл. 15. Лангобарды же оставались арианами до начала VII в.

⁵ К императору Маврикию. См. кн. X, гл. 2.

⁶ 10 апреля 589 г.

(Григорий Турский, «История франков», X, 2-4)

2. Грипон, возвратившись от императора Маврикия¹, рассказал следующее. В прошлом году, когда он и его спутники приплыли на корабле в некий африканский порт, они попали в великий² Карфаген. Пока они ожидали указания находившегося там префекта, каким образом им подобает явиться на прием к императору, один из слуг, а это был слуга Евантия, прибывшего с Грипоном, обокрал какого-то купца и принес краденое в гостиницу. Тот же, кому принадлежали эти вещи, последовал за ним и потребовал вернуть ему его собственность, но тот отпирался. И так как скандал день ото дня все больше разгорался, то купец, однажды встретив этого слугу на улице, задержал его, схватив за одежду, и сказал: «Я не отпущу тебя до тех пор, пока ты не возвратишь мне вещи, которые ты нагло украл у меня». А тот, пытаясь вырваться из его рук, не раздумывая, обнажил меч и сразил им купца, а затем тотчас возвратился к себе, но не рассказал своим спутникам о случившемся.

В то время там были послами, как мы сказали³, Бодигизил, сын Муммолина из Суассона, Евантий, сын Динамия из Арля, и сам Грипон, родом франк. Все они, закончив трапезу, легли отдохнуть и заснули. Когда же градоначальнику сообщили о том, что совершил слуга послов, он, собрав воинов и вооружив весь народ, направился к их гостинице. Неожиданно разбуженные, послы удивились при виде того, что происходило. Тогда тот, кто был главным, воскликнул: «Сложите оружие и выйдите к нам, и мы спокойно разберемся, как совершилось убийство». Услышав это, послы испугались, так как до сих пор они еще не знали о случившемся, и попросили дать им честное слово, что, когда они выйдут без оружия, те не причинят им никакого вреда. Те поклялись, но нетерпение не позволило им соблюсти клятву.

Как только Бодигизил вышел, они сразили его мечом; та же участь постигла и Евантия. Когда они были повергнуты перед дверьми гостиницы, Грипон, схватив оружие, вместе со слугами, которые были с ним, вышел к ним и сказал: «Что произошло, мы не знаем, но вот спутники мои, которые были посланы к императору, пали от меча вашего. Бог смертью покарает вас за поругание наше и за их гибель, ибо, убивая нас, вы убиваете неповинных и пришедших с миром. Не будет больше мира между нашими королями и вашим императором. Ведь мы прибыли, чтобы заключить мир и оказать помощь государству⁴. Ныне же "Бога призываю во свидетели"⁵, что это вы повинны в том, что между нашими правителями не будет соблюден обещанный мир». После того как Грипон произнес эти и подобные им слова, боевой пыл у карфагенян остыл, и они разошлись по домам. Префект же пришел к Грипону и принялся утешать его, огорченного случившимся, советуя ему, как явиться на прием к императору. Прибыв к императору, Грипон изложил дело, ради которого он был послан, и рассказал о гибели своих спутников. Император был сильно огорчен этим и обещал наказать виновных за смерть послов согласно тому приговору, который вынесет суд короля Хильдеберта. После этого, приняв от императора дары, Грипон с миром возвратился домой.

3. Когда Грипон рассказал об этом королю Хильдеберту, тот приказал немедленно двинуть войско в Италию и направил туда двадцать полководцев для ведения войны с лангобардами. Я не почел нужным давать в рассказе перечень их имен. Но когда герцог Авдовальд и Винтрион⁶ с людьми из Шампани дошли до города Меца, лежащего на их пути, они подвергли его таким грабёжам, совершили столько убийств и насилий, что казалось, будто они врагами пришли в собственную страну. Но так же поступили и другие герцоги вместе со своими отрядами, так что они нанесли вред собственной стране и населению прежде, чем они одержали победу над вражеским племенем.

Приближаясь к границе Италии, Авдовальд с шестью герцогами устремился вправо и подошел к городу Милану⁷. Неподалеку от него они расположились на равнине лагерем. А герцог Олон совершил неудачное нападение на Беллинцонскую крепость, расположенную близ города в долине Тессина⁸, был ранен дротиком в грудь, упал и умер. Когда же они предпринимали вылазки, чтобы добыть что-нибудь на пропитания, на них нападали лангобарды и повсюду уничтожали их.

А в области самого города Милана было некое озеро, называемое Церезием, из которого вытекала какая-то река⁹, маленькая, но глубокая. Франки узнали, что лангобарды устроили засаду по ту сторону этого озера. Когда франки подошли к нему, еще прежде, чем им перейти реку, о которой мы упоминали, один из лангобардов, защищенный панцирем и шлемом, с шестом в руке, стоя на другом берегу, обратился к войску франков: «Сегодня станет ясно, кому господь дарует победу». Из этого следовало, что лангобарды решили принять исход поединка за знак победы для себя. Тогда некоторые [из франков] перешли реку и, сразившись с этим лангобардом, убили его. И тут все войско лангобардов обратилось в бегство. Франки же, перейдя реку, никого из них не нашли, а обнаружили у врагов только лагерные приспособления для очага и крепления для палаток. И так как они никого из врагов не настигли, они вернулись в свой лагерь. И туда к ним прибыли гонцы от императора с вестью о том, что к ним на помощь идет войско. «Через три дня, – сказали они, – мы придем с ним, и вот вам знак¹⁰: когда вы увидите, что горят дома виллы, расположенной на горе, и пламя пожара поднимется до самого неба, знайте, что это мы, как обещали, идем с войском». Но франки, прождав, согласно уговору, шесть дней, так и не увидели, чтобы кто-нибудь пришел.

Хедин с тринадцатью герцогами вторгся в левую часть Италии¹¹ и захватил пять крепостей, от которых потребовал присяги на верность. Однако его войско тяжело страдало от дизентерии, ибо климат для этих людей был и неподходящим, и непривычным, отчего многие и погибли. Но после того как поднялся ветер и прошел дождь, воздух начал понемногу свежеть и принес больным исцеление. Что же дальше? Они блуждали по Италии почти три месяца. И поскольку они ничего не добились и не смогли ни отомстить врагам, потому что те укрепились в хорошо защищенных местах, ни захватить в отместку их короля, так как он укрылся за стенами Тицина, то войско, ослабленное, как мы уже сказали, нездоровым климатом и измученное голодом, решило возвратиться домой. Все же они вернули под власть короля те земли, которыми раньше владел его отец, и, взяв с жителей этих мест клятву на верность, они привели оттуда пленных и привезли другую добычу. На обратном пути они так страдали от голода, что, не дойдя до родных мест, отдавали оружие и одежду, чтобы добыть пропитание.

А король лангобардов Аптахар¹² отправил посольство к королю Гунтрамну, поручив сказать: «Благочестивейший король, желаем быть покорными и верными вам и вашему народу, как были мы верны вашим отцам. Мы не нарушим и клятвы, которую наши предки дали вашим предкам. Теперь же перестаньте преследовать нас, и пусть у нас будет мир и согласие, чтобы в случае необходимости мы могли оказать друг другу помощь в борьбе с врагом, чтобы противники, которые теснят нас со всех сторон, при виде того, что наш и ваш народ в безопасности и что между нами мир, больше боялись, а не радовались нашим раздорам». Король Гунтрамн принял эти слова благосклонно и отправил посланцев к своему племяннику королю Хильдеберту. А пока они [послы], выполняя поручение, еще находились здесь, прибыли другие послы с известием о смерти короля Аптахара и о том, что его преемником стал Павел¹³. Они привезли с собой такого же рода послание, о котором мы упоминали выше. Но король Хильдеберт назначил им день, когда он сообщит им, что он предпримет в будущем, и приказал им удалиться¹⁴.

4. Маврикий же отправил королю Хильдеберту со связанными руками и в оковах тех карфагенян – а было их приблизительно человек двенадцать, – которые в прошлом году убили его [Хильдеберта] послов¹⁵, очевидно, с тем условием, что если король захочет их убить, он вправе будет это сделать, если же он отпустит их под залог, то пусть удовлетворится суммой в 300 золотых за каждого; так что пусть он выберет то, что он захочет, лишь бы ссора была прекращена и между ними самими ни по какому поводу не возникала бы вражда. Но король Хильдеберт отказался принять связанных людей, говоря: «Нам неизвестно, действительно ли люди, которых вы привели, есть те убийцы, или это другие, и, может быть, они чьи-то слуги, тогда как наши послы, убитые на вашей земле, знатного рода». Как раз при этом присутствовал и Грипон, который в то время, когда произошло убийство, был послом, как и те, которых убили, и он сказал: «Префект этого города напал на нас с двумя или тремя тысячами людей и убил моих товарищей. В этом побоище я и сам погиб бы, если бы не был в состоянии мужественно защищаться. Но если я окажусь там, я смогу узнать убийц. Если ваш император, как вы говорите, решил соблюдать с нашим государем мир, то он должен наказать их». И поскольку король решил отправить присланных людей к императору, он велел им удалиться.

¹ Грипон, видимо, возглавлял посольство короля Хильдеберта II к императору Маврикию.

² Имеется в виду Карфаген в Африке в отличие от Нового Карфагена в Испании.

³ См. кн. IX, гл. 25. Но Григорий Турский не назвал имена послов.

⁴ Т.е. Византии. Хильдеберт II обещал императору Маврикию изгнать лангобардов из Италии. В 582 или 583 г. между императором Маврикием и королем Хильдебертом Австразийским было заключено соглашение на таких условиях: Маврикий платит 50.000 золотых монет королю Австразии за экспедицию против лангобардов. В 584 г. Хильдеберт решил выполнить свое обещание и перейти через Альпы. При этом известии, как пишет Григорий Турский (кн. VI, гл. 42), лангобарды, боясь поражения, подчинились его власти, обещая быть ему верными. Это не устраивало императора Маврикия, и он потребовал возвращения денег (кн. VIII, гл. 18). Тогда Хильдеберт послал в Византию посольство, чтобы засвидетельствовать искренность своих намерений. В 585 г. Хильдеберт отправил в Италию армию, но ее военачальники не поладили между собой, и экспедиция успеха не имела (кн. VIII, гл. 18). В 588 г., в то время как новое посольство от Хильдеберта и Брунгильды отправилось в Константинополь, франкская армия пересекла Альпы. Экспедиция кончилась поражением (кн. IX, гл. 25). В 589 г. австразийская армия опять начала готовиться к походу. Лангобарды, не желая войны, предложили Хильдеберту мир и обещали платить ему дань (кн. IX, гл. 29). Хильдеберт возобновил с лангобардами переговоры, однако это не имело последствий, так как в 590 г. он опять послал в Италию войско во главе с двадцатью герцогами. Об этом походе Григорий и сообщает подробно в этой (3) главе.

⁵ 2 Кор., 1, 23.

⁶ О нем см. кн. VIII, гл. 18.

⁷ Об этом походе франков в Италию есть сведения и у Павла Диакона в «Истории лангобардов» и в «Австразийских письмах».

⁸ В подлиннике: in campis Caninis – Канинская (Собачья) долина; теперь делана в кантоне Тессин по реке Тичино в южной части Швейцарии, севернее Лаго Маджоре.

⁹ Вероятно, озеро Лугано (Северная Италия), река же – Треса.

¹⁰ Ср.: Лк., 2, 12.

¹¹ В подлиннике: levam Italiam — видимо, Северная Италия. В «Австразийских письмах» (40) Хедин, вождь франков, ошибочно назван Этенном. Он, как сказано в этом письме, дошел до Вероны и сидел около этого города, а затем заключил перемирие с королем лангобардов Автари. Из этого же письма видно, что подробности военного похода в Италию против лангобардов были оговорены между греками и франками. Франки должны были соединиться с византийцами перед Тичином (теперь Павия), но этого не произошло, главным образом, видимо, по вине франков. Как только франки вступили в Италию, Автари выступил против них и одержал победу. Павел Диакон пишет: «...Франки потерпели жестокое поражение... Войско франков понесло здесь такой урон, какого нигде больше не помнят». Оставшиеся в живых вернулись в Галлию. Договор, заключенный с королем лангобардов, положил конец вражде. Предприятие Хильдеберта II, по-видимому, преследовало только личные цели: отвоевать старые владения франков. Король Хильдеберт, неверный своему слову, не оправдал надежд императора Маврикия, который полагал найти в нем союзника против лангобардов.

¹² Так Григорий Турский называет короля лангобардов Автари (584-590 гг.).

¹³ Автари умер 5 сентября 590 г., в начале ноября его преемником стал Агилульф. Об этом говорит Павел Диакон в «Истории лангобардов». Кто такой был Павел – неясно, его имя нигде не упоминается. Может быть, это христианское имя Агилульфа.

¹⁴ О заключении мира (591 г.) между франками и лангобардами сообщает Павел Диакон.

¹⁵ См. кн. X, гл. 2.

Битва при Тулузе (721 г.) («Мосарабская хроника 754 года», 86)

Битва при Тулузе – сражение, состоявшееся 9 июня 721 г. между арабской армией под руководством вали Аль-Андалуса Аль-Самх ибн Малика, осадившим город Тулузу, и армией под руководством герцога Аквитании и Васконии Эдом Великим. Сражение закончилось поражением арабов.

Точного описания битвы не существует. Она упоминается в ряде франкских хроник («Петавианские анналы», «Лоббские анналы» и др.). Однако более подробные описания битвы есть в двух испанских хрониках продолжателей Исидора Севильского: в так называемых «Арабо-византийской хронике 741 года» и «Мосарабской хронике 754 года». Наиболее полное описание битвы содержится в «Мосарабской хронике 754 года».

86. В западных областях арабы достигли многих побед благодаря своему предводителю аль-Саму. Управляя Испанией чуть менее трех лет, он по собственной инициативе провел перепись населения Дальней и Центральной Испаний. Он разделил между союзниками добычу, оружие и все прочее, что после захвата Испании оставалось нераспределённым, а также наполнил казну множеством движимого и недвижимого имущества. После этого он сделал Нарбонну своей и начал беспокоить народ Франков частыми набегами. Он разместил гарнизон Сарацин в Нарбонне, чтобы усилить защиту города. Собрав силы, аль-Сам напал на Тулузу и окружил город войсками, пытаясь победить её с помощью камнеметов и других осадных машин. Узнав о том, что происходит, Франки собрались под командой Одо¹. И там, близ Тулузы, во время серьёзного сражения, в которое были вовлечены обе армии, Франки убили аль-Сама, предводителя Сарацинских войск, вместе с частью его воинов, а прочих обратили в бегство. Абд ар-Рахман принял команду над Сарацинами на один месяц, пока не прибыл, назначенный правителем, наместник Анбаса.

¹ Одо был герцогом Аквитании.

Войны Карла Мартелла с арабами («Хроника продолжателей Фредегара», 13, 20)

Об этих войнах рассказывается в «Хронике продолжателей Фредегара», возникшей в VIII в. Под именем Фредегара известен автор (или авторы) обширной франкской хроники, составленной в VII в. Одна часть этого памятника, доводящая изложение до 584 г.,

представляет собой летописную компиляцию из произведений римских или франкских авторов более раннего периода, например хроники св. Иеронима, Исидора Севильского, книг Григория Турского и др. Вторая часть памятника состоит из оригинального текста, рассказывающего о событиях с 584 по 642 гг.

Хроника Фредегара имеет большое историческое значение, так как это почти единственный источник для франкской истории первой половины VII в. Автор описывает то, чему сам был свидетелем. В основном это факты из политической жизни Франкского государства.

Хроника Фредегара была доведена до 768 г. другими авторами и известна в истории как «Хроника продолжателей Фредегара».

Глава 13. В это время герцог Одон¹ нарушил условия договора. Узнав о том через вестников, Карл-государь, двинув войско, перешел Луару реку, обратил в бегство означенного герцога Одона, взял множество добычи... и возвратился восвояси. Одой же герцог, видя свое поражение и унижение, возбудил для помощи против Карла-государя и народа франков вероломный народ сарацинов. Вышедши с королем своим Абдирамоу², они переправились через Гаронну и подошли к городу Бордо. Предав пламени церкви, истребив жителей, достигли Пуатье. Сожгли базилику святого Гилярия, о чем жалко говорить, и держали путь к дому блаженнейшего Мартина³. Карл-государь отважно выставил против них войско и ринулся в битву. С помощью Христа ниспроверг их шатры, завязал кровавую сечу, короля их Абдираму положил убитым на месте и, разбив войско, поборол их и одолел. И так торжествовал победу над неприятелями...

Глава 20. Тогда снова поднялся сильный народ исмаилитов, которых называют теперь искаженно сарацинами. Ворвавшись в реку Рону... означенные сарацины... вступили в сильно укрепленный и расположенный на холмах город Авиньон... и опустошили окрестности. Против них славный муж, герцог Карл, на-правил в те места с войском брата своего, ревностного мужа, герцога Хильдебранда, вместе с другими герцогами и графами. Они весьма поспешно подошли к городу, разбили шатры... и готовили войско к бою, пока не прибыл воитель Карл, который обложил стены, устроил укрепления и усилил осаду... При криках войска и звуках трубных, с осадными приспособлениями устремляются они на городские укрепления и стены и взбираются на них по канатам. Ворвавшись в город, предают его пламени, берут в плен неприятелей, истребляют, покоряют... и подчиняют их своей власти...

Видя это, старшие по рождению и князья сарацин, которые проживали в те времена в Испании, собрав вражеское войско под предводительством другого короля... идут против Карла и изготовляются к битве. А... победоносный герцог Карл, спешит им навстречу... Когда обе стороны вступили в битву, сарацины, будучи побеждены и побиты и видя, что пал их король, пустились в бегство, обратив тыл. При этом те, Кто уцелел, пустились вплавь по морю, чтобы спастись на кораблях, но, сталкиваясь, топили друг друга. Франки же напали на них на судах с дротиками и, потопив в воде, уничтожили. Так франки восторжествовали над неприятелями, взяли великое множество добычи и военного снаряжения, захватили много пленных и, предводимые победоносным герцогом, опустошили область готов. Прославленные города Ним, Агд и Безье они разрушили до основания, предав пламени их стены и укрепления... Поразив силы неприятелей, предводимый во всем Христом... невредимым вернулся [Карл] в свое королевство, в землю франков, оплот его могущества.

¹ Одон – герцог Аквитании.

² Имеется в виду арабский наместник в Испании Абд-эр-Раман.

³ Т.е. к городу Гуру.

Битва при Пуатье (732 г.) («Мосарабская хроника 754 года», 104-106)

Битва при Пуатье произошла 10 октября 732 г. поблизости от города Тура. В битве столкнулись франкские силы под руководством Карла Мартелла, майордома Австразии и арабские силы под командованием Абдур-Рахмана ибн Абдаллаха, генерал-губернатора аль-Андалусии. Франки одержали победу.

Достаточно подробное освещение битвы при Пуатье можно встретить в «Мосарабской хронике 754 года».

104. Преследуя спасавшегося бегством Одона, Абд ар-Рахман решил разорить Тур, разрушив его дворцы и спалив церкви. Здесь он столкнулся с консулом Австразии, внутренней Франции, Карлом¹, мужем, воинственно настроенным с юного возраста и искусным в военном деле, пришедшим по зову Одона. После того, как каждая из сторон в течение почти семи дней изнуряла противника стычками, они наконец выстроили боевые порядки и завязалось жестокое сражение. Северяне встали недвижимой стеной, так что их плотные ряды, казалось, обледенели, и в мгновение ока они разметали арабов мечами.

105. Воины Австразии, многочисленные и облаченные в железо, найдя царя Абд ар-Рахмана, убили его ударом в грудь. Ночью они вложили мечи в ножны, отложив схватку на следующий день, а на заре увидели лагерь бесчисленной арабской армии и стали готовиться к битве. Вынув мечи из ножен, европейцы видели ровные ряды палаток и навесов арабов такими же, как днем ранее. Не ведая, что палатки пусты, и думая, что там находятся готовые к бою фаланги сарацин, они послали разведчиков и только тут обнаружили, что все отряды Исмаилитов ушли: они тесными рядами тихо бежали посреди ночи в свою страну.

106. Опасаясь, что сарацины могут попытаться устроить засаду, европейцы действовали медленно и тщательно обыскивали всё вокруг, но ничего не нашли. Решив не преследовать сарацин, они честно поделили трофеи между собой и, похоронив своих убитых, отправились на родину.

¹ Карл Мартелл, майордом Австразии (714-741 гг.).

Внешняя политика Франкского государства после Карла Мартелла (Анналы королевства франков 741-829 гг.)

Анналы как таковые возникли из записей на краях пасхальных таблиц, которые велись в монастырях. Позднее эти записи собирали, дополняли и они превращались в самостоятельные произведения. Анналы были распространены достаточно широко, но до наших дней дошли только сравнительно небольшие их отрывки. В анналы попадали в основном события, связанные с историей того монастыря, где они велись. Анналисты, также записывали, и те события «профанной» истории, которые мог охватить их кругозор. «Анналы королевства франков», возникли в правление первых Каролингов и велись при королевской капелле. Они должны были отражать деяния монарха и тем самым служили для его возвеличения в глазах современников и потомков.

«Анналы королевства франков» несмотря на тенденциозность, обусловленную официальным, придворным характером этого сочинения, остаются одним из важнейших источников эпохи Каролингов.

741

В этом году умер майордом Карл¹, оставив трёх сыновей наследников, а именно Карломана и Пипина, а также Грифона². Грифон, который среди прочих из них был младшим по рождению, имел мать по имени Свангильда, племянницу Одилона, герцога баваров³. Та [женщина] дурным советом побудила его к надежде на всё королевство настолько, что он без промедления занял город Лаон, и объявил войну братьям. Они, быстро собрав войско [и] осадив Лаон, взяли брата в плен и потом уделили внимание приведению королевства в порядок и возвращению провинций, которые после смерти отца отложились от франков⁴. И для того, чтобы пойдя в чужие [края] они оставили дома [после себя] полную безопасность, Карломан, взяв Грифона, приказал стеречь [его] в Новом замке⁵, что расположен в Арденнах; в этой тюрьме, как говорят, он оставался до того времени, когда тот самый Карломан отправился в Рим.

742

Карломан и Пипин, овладевшие королевством франков [и] желавшие сначала вернуть Аквитанию, вступили с войском в ту самую Аквитанию против герцога этой провинции Хунальда⁶; и захватив некий замок, который называется Луккас⁷, прежде чем уйти из той провинции, разделили между собой в месте, которое называется Вьё Пуатье⁸ королевство, которым сообща владели. В том же году после их возвращения домой Карломан, вторгся с войском в Алеманнию, которая также отложилась от франков, [и] опустошил [её] огнём и мечом⁹.

743

Карломан и Пипин, соединив войска, выступили против Одилона, герцога баваров и, завязав [с ним] сражение, рассеяли его войско. И после того как они оттуда вернулись, Карломан один пошёл в Саксонию, и взял крепость, что называется Хохензеебург¹⁰ и в ней сакса Теодерика, вождя того места.

744

Те самые братья, Карломан и Пипин, объединённым отрядом вступили в Саксонию, и вновь взяли в плен выше упомянутого Теодерика.

745 (746)

В этом году¹¹ Карломан признался своему брату Пипину в том, что задумал задолго до того, [а именно] что он хочет оставить мирской образ жизни и служить Богу¹² в положении монаха. И отказавшись по причине этого в текущем году от похода, ради исполнения обета Карломана и для того, чтобы устроить его путешествие – ибо [Карломан] решил отправиться в Рим – Пипин отдыхал, прилагая усилия, чтобы [его] брат надлежащим образом и с почётом пришёл туда, куда желал.

746 (747)

Пришедший в Рим Карломан, оставив мирскую славу, изменил состояние¹³ [на монашеское] и построил монастырь в честь святого Сильвестра¹⁴ на горе Соратте¹⁵, где, как сообщают, когда-то, во времена гонения, которое произошло при императоре Константине¹⁶, скрывался святой Сильвестр. И пробыв там некоторое время, [Карломан], по более здравом размышлении, покинул то место. Намереваясь служить Богу, он пришёл в монастырь св. Бенедикта¹⁷ в провинции Самний¹⁸, расположенный около крепости Кассино¹⁹, и принял там монашеское состояние.

747 (748)

Брат Карломана и Пипина по имени Грифон, не желая быть покорным своему брату Пипину, хотя он жил у того в почёте, собрав отряд, бежал в Саксонию и, собрав войско саксов, расположился [лагерем] на реке Окер²⁰ в месте, которое называется Орхайм. И Пипин, выступивший с войском франков через Тюрингию, вопреки уловкам брата вторгся в Саксонию и расположился [лагерем] на реке Майссау в месте, которое

называется Шёнинген²¹. Однако, сражения между ними не произошло, но они разошлись на основании договора.

748 (749)

Грифон, не доверявший верности саксов, ушёл в Баварию и с помощью войск, которые стекались к нему из Франкии²², он подчинил своей власти то герцогство, взял в плен Тассилона и Гильтруду²³, [а также] принял Свидгера, пришедшего к нему на помощь. Когда это было донесено Пипину, он с большим войском выступил в Баварию и захватил своего брата Грифона со всеми [его соратниками], которые с ним [были] или к нему перешли, Тассилона восстановил в герцогском достоинстве и, вернувшись домой, дал Грифону двенадцать графств как свойственно герцогам. Но тот не был доволен таким благодеянием²⁴, но в том же году бежал к герцогу Аквитании Вайфару²⁵.

749 (750)

Епископ Бурхард Вюрцбургский²⁶ и пресвитер капеллан Фулрад²⁷ были посланы к папе Захарии²⁸, чтобы просить совета понтифика по делу королей, которые в то время были во Франкии, которые носили лишь королевское имя, но [не имели] никакой королевской власти; через тех [послов] выше упомянутый понтифик передал, что лучше было бы назвать королём того у кого находится высшая власть; и сообщив [это], он своим авторитетом приказал поставить королём Пипина.

750 (751)

В этом году по благословению римского понтифика Пипин был назван королём франков и в честь этого звания помазан святым маслом рукою святой памяти архиепископа и мученика Бонифация²⁹ и по обычаю франков возведён на престол королевства [франков] в городе Суассоне. Хильдерика же, который ложно пользовался именем короля, после того как была острижена его голова, отправили в монастырь³⁰.

753

В этом году король Пипин с большим войском вступил в Саксонию; и хотя саксы весьма упорно ему сопротивлялись, однако, будучи разбиты, они бездействовали, и притом он сам дошёл до места, которое называется Рейме³¹, что находится на реке Везер. В том походе был убит архиепископ Хильдигар у горы, которая называется Ибург³². Когда король вернулся из Саксонии, пришёл вестник [который сообщил о] смерти его брата Грифона и [о том] кем и как он был убит.

В этом же году папа Стефан пришёл к королю Пипину³³ в поместье, которое называется Кьерси³⁴, убеждая того, чтобы он защитил его и римскую церковь от нападков лангобардов. И сделавшийся уже [к тому времени] монахом брат короля Карломан пришёл по приказу своего аббата, чтобы при своём брате возражать на просьбы римского понтифика. Полагают, однако, что он был вынужден это делать, поскольку и он не мог пренебрегать приказами своего аббата, и тот аббат не смел противиться указаниям короля лангобардов³⁵, который ему это повелел.

754

После того как Папа Стефан принял от короля Пипина клятвенное обещание о защите Римской церкви, он помазал того самого [короля] и с ним двух его сыновей, Карла и Карломана³⁶, священным маслом в честь королевского звания. И остался он на зиму во Франкии.

В том же году, увенчали мученичеством архиепископа Бонифация Майнцкого, который проповедовал слово Божье во Фризии, [и] был убит язычниками.

755

По приглашению и внушению выше названного римского понтифика король Пипин вторгся в Италию с сильным войском, чтобы взыскать с короля лангобардов права блаженного апостола Петра. Поскольку лангобарды сопротивлялись и перекрыли границы Италии произошло весьма ожесточённое сражение у самых горных перевалов. Поскольку лангобарды уступили, все войска франков, без большого труда преодолели очень трудный проход.

Король же лангобардов Айстульф не отважился вступить в бой [и] был осаждён королём Пипином в городе Павии. Пипин не снял осаду до тех пор, пока не получил 40 заложников, чтобы подтвердить возвращение прав святой римской церкви. Всё же при этом, когда были даны 40 заложников, а обещания подтверждены клятвой, он вернулся в своё королевство и отправил обратно в Рим папу Стефана с пресвитером капелланом Фулрадом и немалым отрядом франков.

Монах же Карломан, брат короля, который оставался в городе Вьенне с королевой Бертрадой³⁷, умер охваченный лихорадкой прежде чем король вернулся из Италии³⁸. Его тело по приказу короля было унесено обратно в монастырь святого Бенедикта, в котором он прежде принял монашеский сан.

756

Хотя король лангобардов Айстульф в прошлом году дал заложников и клятвенно пообещал как от своего имени, так и от имени своих лучших [людей], что возвратит права святой Римской церкви, на деле он не исполнил ничего из обещанного. Вследствие этого король Пипин снова вступил с войском в Италию и осадил Айстульфа, запершегося в городе Павии, и осадой вынудил к исполнению его обещаний, и переданную ему Равенну и Пентаполь и весь экзархат, относящийся к Равенне, он передал святому Петру³⁹.

И когда [Пипин] совершил те [деяния], он вернулся в Галлию. Когда же после его ухода Айстульф, замышлял как бы не столько исполнить своё обещание, сколько хитростью изменить то, что они [уже]

исполнили, он упал на охоте со своего коня. И получив из-за этого ранение, он через несколько дней скончался⁴⁰. В королевстве ему наследовал Дезидерий, который был его коннетаблем⁴¹.

757

Император Константин отправил королю Пипину многочисленные подарки⁴², среди которых [был] и орган. Те [подарки] прибыли к нему в поместье Компьень⁴³, где он тогда провёл общий совет своего народа. Туда пришёл и Тассилон вместе с первыми [людьми] из своего народа⁴⁴ и по франкскому обычаю своими руками передал самого себя в руки короля в качестве вассала⁴⁵. И над телом святого Дионисия он клятвенно пообещал⁴⁶ [хранить] верность как самому королю Пипину, так и его сыновьям Карлу и Карломану. И не только там, но также и над телом святого Мартина и святого Германа⁴⁷ он пообещал подобной [же] клятвой от своего имени сохранять верность выше названным господам в дни своей жизни. Сходным образом и все вельможи и старейшины баваров, которые вместе с ним пришли к королю, в выше названных почитаемых местах пообещали от своего имени сохранять верность королю и его сыновьям.

758

Король Пипин с войском вторгся в Саксонию. И хотя саксы очень сильно сопротивлялись и защищали свои укрепления, [король] поразивший в сражении защитников, сам вступил на вал, которым они пытались защитить родину⁴⁸. Повсюду завязав сражения, он убил великое множество из них. И [оставшихся в живых] он заставил пообещать, что они исполнят любую его волю и каждый год в знак почтения на общем собрании будут давать в подарок 300 лошадей. Итак, когда те [условия] были составлены и подтверждены по саксонскому обычаю, (так как они должны были быть неизменными), сам [король] вернулся с войском в Галлию.

759

Родился сын короля Пипина, которого Пипин пожелал назвать своим именем. Но, настигнутый преждевременной смертью мальчик, умер на третьем году после своего рождения.

В этом году король отпраздновал Рождество Господне в Лонглие⁴⁹, а Пасху в Юпилле⁵⁰. И он не совершил никакого похода за пределы своего королевства.

760

Так как герцог Аквитании Вайфар, не пожелал [то] имущество, которое было в его распоряжении и принадлежало церквям находящимся в руках короля Пипина вернуть управителям тех почитаемых мест, и не захотел слушать самого короля, который предостерегал [его] от этого через своих послов, [то] своим упрямством [герцог] побудил [короля] начать против него войну. В самом деле, собравший отовсюду войска король, вступил в Аквитанию [и] объявил, что он намерен взыскать имущество и права церковей посредством войны.

И так как он расположился лагерем в месте, которое называется Тедоад⁵¹, [то] не осмелившийся состязаться [с ним] в войне Вайфар, послал к королю посольство. Он клятвенно пообещал, что им будет исполнено [всё], что приказано [королём], права церковей будут возвращены, [а также] будут даны заложники, какие потребуются. Он также дал двух из вельмож племени, [а именно] Адальгара и Итера. И когда он это сделал, [то] настолько смягчил раздражённый против него дух короля, что [король] тотчас же отказался от войны. В самом деле, взяв заложников, которых дали для уверенности в исполнении обещанного, король, воздержался от войны. И по возвращении домой он распустил войско, [и] зазимовал в поместье Кьерси, в котором отпраздновал и Рождество Господне и Пасху⁵².

761

Хотя Герцог Вайфар дал заложников [и] принёс клятвы, он всё же предпочёл потребовать отмщения за войну, принесённую к нему [в герцогство] в прошлом году. Он, добился того, чтобы его войско, которое опустошало владения франков, дошло до самого города Шалона⁵³. Когда это было сообщено королю Пипину, который проводил общий совет в поместье Дюрен⁵⁴, [то] созвавший отовсюду союзников [король], вторгся в Аквитанию с большим военным снаряжением. Он взял силой некоторые города и замки. Среди них основными были Бурбон, Шантеле [и] Клермон⁵⁵. Некоторые добровольно предались победителю, более же всего замки Оверни, которые тогда были попорчены войной. Всё же король разорил огнём и мечом всё, что нашёл за пределами укреплений. После этого он пришёл к городу Лиможу⁵⁶, а на зиму вернувшись в поместье Кьерси, отпраздновал [там] Рождество Господне и Пасху⁵⁷. В том походе вместе с королём был его первородный сын Карл, к которому после смерти отца перешла вся верховная власть.

762

Король Пипин, желая положить конец начатой им войне, вновь вступил с большими войсками в Аквитанскую провинцию. И, захватив город Бурж и замок Туар⁵⁸, он вернулся. И зазимовал он в поместье Жентильи⁵⁹. В нём же он отпраздновал Рождество Господне и торжества пасхального праздника⁶⁰.

763

С наступлением подходящего времени года король Пипин провёл собрание в Невере⁶¹. И, собрав отовсюду войска, он вновь напал на Аквитанию и опустошил огнём и мечом всё, что было за пределами укреплений. Он дошёл до самого города Каора⁶². Намереваясь вернуться оттуда во Франкию, он со всем войском, пришёл обратно через Лимож. Из этого похода вернулся на родину герцог Баварии Тассилон, с помощью хитрости притворившийся больным. И когда [Тассилон] утвердился в намерении отпасть, он клятвенно отрёкся от того, чтобы впредь приходиться и иметь дело с королём.

После того как король распустил войско на зимний постой, он расположился на зиму в поместье Лонглие и там отпраздновал Рождество Господне и Пасху⁶³. Случилась же в то время такая сильная и суровая зима, что по лютости морозов, очевидно, никакая из зим прежних лет не могла [с ней] сравниться.

764

Король Пипин, душа которого разрывалась в разные стороны из-за двух войн, [а именно] уже начатой прежде аквитанской, и баварской, которую следовало начать по причине отложения герцога Тассилона, провёл всеобщее собрание своего народа в городе Вормсе⁶⁴. И в этом году он остался дома, отложив поход на будущее. И зазимовал он в поместье Кьерси и в том же [поместье] он отпраздновал Рождество Господне и святое торжество пасхального праздника⁶⁵.

В шестом часу третьего июня случилось затмение Солнца⁶⁶.

765

В этом году король Пипин остался дома. И хотя при этом из-за аквитанской войны он ещё не покинул того, что определено границами его королевства, он, тем не менее, провёл общее собрание своего народа в поместье Атини⁶⁷. Зимний постой он устроил в Аахене, где он также отпраздновал и Рождество Господне и Пасху⁶⁸.

766

После того как король Пипин для завершения аквитанской войны собрал совет в Орлеане⁶⁹, он пришёл в Аквитанию [и] вновь отстроил разрушенную Вайфаром крепость Аржентон⁷⁰. И, разместив гарнизоны франков там, а также в городе Бордо, он вернулся и отпраздновал Рождество Господне в Самусси, Пасху же – в Жентильи⁷¹.

767

Когда между восточной и западной церковью, то есть [между] римлянами и греками, началось исследование о святой Троице и об изображениях святых король Пипин собрал совет в поместье Жентильи, [и] по поводу этого исследования провёл синод. Когда после Рождества Господня оно окончилось, он пришёл в Аквитанию для завершения выше упомянутой войны. И, проходя через Нарбонну, он взял штурмом Тулузу, [и] принял сдачу Альбийского и Жеводанского округов⁷². И после этого он вернулся во Вьенн. Там он совершил таинства праздника Пасхи⁷³ и восстановил силы войска после [ратного] труда. В месяце Августе, когда тёплое время года уже почти закончилось, он пришёл [в Аквитанию] для завершения войны⁷⁴. И когда [король] шёл в Бурж, он по франкскому обычаю провёл собрание в поле. И потом, подойдя к реке Гаронне, он захватил многие замки и скалы, а также пещеры, в которых защищались многочисленные отряды [его] врагов. Главнейшими среди тех [городов] были Альи, Туренн и Пейрусс⁷⁵. Вернувшись в Бурж, он распустил войско на зимний постой. Сам [король], поселившись там, отпраздновал Рождество Господне. В этом же году умер папа римский Павел⁷⁶. Туда [же] к королю пришёл гонец, [сообщивший] об этом.

768

Как только король Пипин увидел, что настало подходящее время для ведения войны, он созвал отовсюду войско [и] направился к городу Сенту⁷⁷. И когда [король] по пути захватил Римистаин⁷⁸, [и] подошёл к выше упомянутому городу, к нему были приведены мать, сестра и племянники герцога Вайфара. После того как [король] приказал охранять тех принятых по совети [заложников], он пошёл к реке Гаронне. Там в месте которое называется Монс⁷⁹ к нему явился Эровик с другой сестрой выше упомянутого герцога и передал как себя так и её королю. Итак, благополучно совершив несколько [браних] подвигов, король вернулся и отпраздновал Пасху⁸⁰ в замке, который называется Сельс⁸¹.

[Король] снова пришёл в город Сент, взяв с собой жену и свою семью. И, оставив там жену и семью, он со всеми войсками вознамерился преследовать герцога Вайфара, [собираясь] отступить не прежде, чем либо схватит, либо убьёт восставшего. Когда же в Перигорской области [король] убил герцога Вайфара и, как ему казалось, завершил аквитанскую войну, он вернулся в Сент.

И когда [король] пробыл там некоторое время, он слёг от болезни. Однако, в том состоянии он был перенесён в Тур⁸² [и] молился у [гробницы] святого Мартина. Когда [же] [король] пришёл оттуда в Париж, 24 сентября он умер. Его тело было похоронено в базилике бражленного мученика Дионисия. Сыновья же его Карл и Карломан были сделаны королями с согласия всех франков, и приняли знаки королевской власти Карл в городе Нойоне, [а] Карломан в Суассоне⁸³. И Карл, который был старшим по рождению, придя в Аахен, отпраздновал там Рождество Господне, а в городе Руане – Пасху⁸⁴.

¹ Карл (ок. 688 – 15/22.10.741 гг.). В IX в. получил прозвище Мартелл (Молот). Незаконнорожденный сын франкского майордома Пипина II и Хальпаиды. Майордом франков – (718-741 гг.). В 714-718 гг. вёл войну за наследство отца со своей мачехой Плектрудой и майордомом Нейстрии Раганфридом. В ряде сражений (при Амблеве в 716 г., Винши в 717 г. и Суассоне в 718 г.) утвердил свою власть в королевстве франков. При этом Карл Мартелл не носил титула короля. В источниках он фигурирует как *dux*, *princeps*, *patricius*, *subregulus*. В ряде военных кампаний Карл Мартелл вернул королевству франков Аквитанию, Бургундию, Прованс, Тюрингию подчинил Алеманнию, западную Фризию, Баварию, наложил дань на саксов. Наиболее известна война, которую Карл Мартелл вёл против испанских мусульман. В результате битвы при Пуатье в октябре 732 г., а также в ходе кампаний 30-х гг. VIII в. франкам удалось остановить их продвижение за Пиренеи. Карл Мартелл известен также за «бенефициарную реформу», в ходе которой церковное имущество бралось в долг и передавалось воинам-бенефициариям на условии несения военной службы. Вследствие данной реформы Карл Мартелл смог создать боеспособное войско, но заслужил неодобрение церкви. Майордом являлся фактическим правителем королевства. Он сосредоточил в своих руках все королевские прерогативы: командование армией, суд, дипломатию и т.д. После смерти короля франков Теодориха IV в 737 г. и до смерти

самого Карла Мартелла франкский трон оставался свободным. В 739 г. Карл Мартелл разделил королевство франков между своими сыновьями от первой жены Хротруды Карломаном и Пипином.

² По завещанию Карла Мартелла Карломан (ок. 707 – 17.8.754 гг.) получил Австрию, Алеманию и Тюрингию; Пипин III (ок. 714 – 24.9.768 гг.) – Нейстрию, Бургундию и Прованс; Грифон, (726-753 гг.) должен был получить внутренние области королевства франков.

³ Одилон (ок. 715 – 18.1.748 гг.) – сын алеманнского герцога Готфрида и представительницы алеманской ветви Агилольфингов. Герцог Баварский (736-748 гг.). Был женат на дочери Карла Мартелла Гильтруде; Свангильда – дочь герцога Тассилона II Баварского и Иммы. Стала женой Карла Мартелла в 725 г.

⁴ В латинском тексте «...a Francorum societate...», т. е. «...от союза франков...». В VIII в. франки воспринимались как союз племён.

⁵ Карломан, взяв Грифона, приказал стеречь [его] в Новом замке... – Neufchateau в Арденнах.

⁶ Хунальд (?-774 гг.). Герцог Аквитании (735-745 гг.). Сын герцога Одо Аквитанского. В 745 г. отрёкся от титула в пользу своего сына Вайфара и удалился в монастырь. В 768 г., после смерти Вайфара встал во главе антифранкского восстания в Аквитании, которое было подавлено Карлом Великим в 771 г. (об этом восстании см. погодную запись за 769 г.). Умер во франкском плену.

⁷ г. Лош-сюр-Урк, департамент Шампань-Арденны, Франция.

⁸ Возможно имеется в виду г. Пуатье, департамент Вьенна, Франция.

⁹ В латинском тексте «...ferro et igni...», т. е. «...железом и огнём...». Выражение восходит к одному из афоризмов Гиппократ, встречается у Цицерона, Ливия и других античных авторов. Широкую известность оно получило после издания романа Генрика Сенкевича «Огнём и мечом». В таком варианте выражение стало известно русскоязычному читателю.

¹⁰ В неотредактированной псевдо-Эйнхардом версии «Анналов королевства франков» говорится о взятии Карломаном Хохензеебурга «*reg placitum*», т. е. по договору. Имеется в виду Зеебург, земля Саксония-Анхальт, Германия.

¹¹ События 745 г. пропущены, вместо них приводятся события следующего года. Из-за этого хронология до 750 (751 г.) смещена на год назад, 751 (752 г.) пропущен. С 753 г. правильная хронология восстанавливается.

¹² Считается, что Карломан принял это решение добровольно. Мотивом ухода в монастырь могло быть раскаяние Карломана, ставшего в 744 г. инициатором Канштатского избения алеманской знати.

¹³ В оригинале «...habitum mutavit...». Это выражение можно понимать также как «...сменил одежду...».

¹⁴ Сильвестр I, папа римский (314-335 гг.).

¹⁵ Монте-Соратте, горная цепь из шести вершин, в 10 км к югу от Чивита-Кастеллана, провинция Лацио, Италия. Высшая точка – 691 м над уровнем моря. Горная цепь получила своё название в честь Сорана, бога италийских племён. Впервые была упомянута Горацием. Под Сорактом (совр. Соратте) по преданию построил свою хижину св. Сильвестр, который бежал от религиозных гонений на христиан.

¹⁶ Римский император Константин Великий (306-337 гг.). Один из самых выдающихся правителей Римской империи. С 306 по 312 гг. вёл гражданскую войну за контроль над Западной римской империей с Максенцием, сыном императора Максимиана. В 312 г. император одержал решающую победу и стал христианином, выполнив тем самым обет, данный накануне битвы. Совместно с восточно-римским императором Галерием Константин в 313 г. издал Миланский эдикт, который разрешил открыто исповедовать христианство. До 324 г. Константин правил вместе с коллегами на востоке Галерием, затем Лицинием. В 324 г. он одержал победу над Лицинием и объединил Римскую империю. Константин перенёс столицу в основанный им город Константинополь. Император провёл монетную и военную реформы. При нём в римской армии стали в большом количестве служить германцы. Константин вёл успешные войны с алеманнами и визиготами. Он восстановил границы римской империи, вернув территории, утраченные в III в. Отношения Константина с христианской церковью явились образцом для средневековых правителей, включая Хлодвига и Карла Великого. Константин созывал церковные соборы для обсуждения вопросов вероисповедания. Никейский собор 325 г. принял символ веры. При Константине Великом было признано ересью учение александрийского пресвитера Ария. Тем не менее Константин колебался между православием и арианством, что привело к росту влияния ариан и обращению в арианство варварских племён.

¹⁷ Св. Бенедикт Нурсийский (ок. 480 – ок. 547 гг.). Основатель монашества в Западной Европе. Составил монашеские правила, касающиеся поведения, духовной жизни и организации монахов. Основанный им монастырь в Монте-Кассино в 589 г. был разрушен лангобардами и вновь восстановлен ок. 720 г. При Каролингах правила св. Бенедикта были очень популярны среди монахов франкской державы.

¹⁸ Здесь составитель анналов употребил анахронизм, поскольку на территории «провинции Самний» во времена Карломана находилось лангобардское герцогство Беневент.

¹⁹ Монте-Кассино, Лацио, Италия. Здесь находится один из старейших монастырей в Европе, основанный св. Бенедиктом Нурсийским в 524 г.

²¹ Река в Нижней Саксонии, Германия.

²¹ Шёнинген, земля Нижняя Саксония, Германия. Это первое упоминание о данном городе в письменных источниках.

²² Здесь и далее название области употребляется в таком варианте, хотя латинское «*Francia*» в зависимости от традиции произношения может звучать и как «Франкия», и как «Франция». Область Франкия (фр. Иль-де-Франс) располагалась между Сенной, Мозелем и Маасом.

²³ Тассилон III (741 – после 794 гг.), герцог Баварии (748-788 гг.) из династии Агилольфингов. Единственный сын герцога Одилона Баварского и Гильтруды, дочери Карла Мартелла; Гильтруда (ок. 715-754 гг.) дочь Карла Мартелла. Фактическая правительница Баварии в 748-754 гг.

²⁴ В оригинале «*Sed illi tali beneficio contentus non erat...*». Под бенефицием в период раннего средневековья в Западной Европе понималось земельное владение, которое жаловал король или другой сеньор в пожизненное пользование своему вассалу на условии несения им военной или административной службы.

²⁵ Вайфар (?-768 гг.), герцог Аквитании (745-768 гг.). Сын герцога Хунальда Аквитанского. Получил герцогство после отречения отца.

²⁶ Бурхард, епископ Вюрцбургский (741-753 гг.).

²⁷ Фулрад, аббат Сен-Дени, близкий друг Пипина III.

²⁸ Захария (ок. 679-752 гг.), папа Римский (741-752 гг.). Во внешней политике ориентировался на союз с лангобардами, особенно во время правления королей Лиутпранда (712-744 гг.) и Ратхиза (744-749 гг.). Папа поддерживал миссионерскую деятельность св. Бонифация. В частности, утвердил три новых епископства, основанных святым. Захария перевёл на греческий язык «Диалоги» Григория Великого.

²⁹ Он же Винфрит, (ок.675-754), архиепископ Майнцский (745-754). Один из самых влиятельных миссионеров VII-VIII вв. Проповедовал христианство среди фризов, саксов и других германских народов. Основал несколько епископств (Эрфуртское, Фрайзингенское, Регенсбургское, Вюрцбургское), а также Фульдский монастырь. Пользовался поддержкой римских пап и франкских майордомов Карла Мартелла, Карломана и Пипина III. Бонифаций реформировал церковь во франкской державе, регламентировал поведение и образ жизни франкского духовенства, являлся сторонником монашеского устава св. Бенедикта. Погиб как мученик во Фризии 5 июня 754 г. Эта дата стала днём его памяти.

³⁰ Хильдерик III (ок.720-752/753), король франков (743-751). Сын короля франков Хильперика II.

³¹ г. Рейме, земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия.

³² В неотредактированной версии ARF ...in castro, quod dicitur Iuberg... Редактор анналов по всей видимости посчитал, что название Iuberg указывает не на крепость, а на гору, в противном случае было бы Iuburg. По видимому имеется в виду Бад Ибург, в Нижней Саксонии.

³³ Папа римский Стефан II (III) (752–757 гг.).

³⁴ г. Кьерси, департамент Пикардия, Франция.

³⁵ Королём Лангобардов в то время был Айстульф (749-756 гг.). Предпоследний лангобардский монарх Айстульф стремился захватить владения римских пап и Византийской империи и тем самым распространить свою власть на всю Италию. Важнейшим достижением этого правителя стал захват Равенны, центра византийских владений (экзархата) в Италии. Благодаря тенденциозному жизнеописанию папы Стефана II Айстульф вошёл в историю как чрезвычайно жестокий и кровожадный правитель. Нельзя, однако, отрицать вероломство этого лангобардского короля, который с лёгкостью нарушал заключённые прежде договоры. Что касается упомянутого в этом месте анналов визита Карломана, то он не только не принёс Айстульфу ожидаемых результатов, но и лишил его важного заложника, поскольку Карломан не вернулся в Италию.

³⁶ Карл Великий (2.4.742/47 – 28.1.814 гг.), король франков (768-771 гг., совместно с братом Карломаном; 771-800 гг. единолично), король лангобардов (774-800 гг.), император 25.12.800 – 814 гг. Старший сын Пипина III и Бертрады Младшей, дочери графа Хериберта Лаонского. Самый известный и выдающийся представитель династии Каролингов, один из культурных героев европейского средневековья. Карломан (751 – 4.12.771 гг.), король франков (768-771 гг., совместно с братом Карлом). Сын Пипина III и Бертрады Лаонской.

³⁷ Бертрада (Берта) Младшая (725 – 12/13.7.783 гг.), королева франков. Дочь графа Хериберта Лаонского. Мать Карла Великого.

³⁸ В этом предложении вместо ожидаемого plusquamperfectum indicativi pass. употребляется imperfectum conjunctivi pass.

³⁹ Имеется в виду знаменитый «Пипинов дар», т.е. передача королём франков папскому престолу территорий, отвоеванных у лангобардов. С этого события начинается история папской державы, «Патримония св. Петра». Равеннский экзархат – созданная в конце VI в. административно-территориальная единица Византийской империи во главе с экзархом, правителем, который наделялся широкими военными и гражданскими полномочиями. Пентаполь (пятиградье) включал приморские города: Комакьо, Анкону, Римини, Пезаро, Фано и др.

⁴⁰ В оригинале «... intra paucos dies vivendi terminum fecit...», т.е. довлжно «... в течение нескольких дней исполнил срок жизни...».

⁴¹ Коннетабль (лат. comes stabuli) – у франков слуга, в обязанности которого входило заведование королевской конюшней, организация поста королевского двора, командование армией. С XII в. во Франции connetable – военный советник короля, командир королевских рыцарей. С XIV в. – главнокомандующий армией. Дезидерий III, король лангобардов (757-774 гг.).

⁴² Константин V Копроним (718-775 гг.), византийский император (741-775 гг.). Сын императора Льва III Исавра. Последовательный сторонник иконоборчества. Сам писал иконоборческие трактаты. В 720 г. стал соправителем отца. В начале своего правления был вынужден бороться с узурпатором Артабаздом, который захватил контроль над Константинополем. В 743 г. Константин отвоевал столицу, ослепил самозванца и его сыновей. Император вёл успешные войны против арабов и болгар, однако почти полностью игнорировал ситуацию в Италии. В связи с иконоборческой ориентацией Константина V произошёл разрыв между Византией и папством. Это привело к переориентации Рима на союз с франками.

⁴³ г. Компьень, департамент Уаза, Франция.

⁴⁴ Франкские анналисты различали gens – иноземный народ и populus – подданных франкского короля.

⁴⁵ В оригинале «... more Francico in manus regis in vassaticum manibus suis semetipsum commendavi...».

⁴⁶ Св. мученик Дионисий (?-258 гг.), традиционно считается первым епископом Парижским. Святой покровитель Франции. По преданию – один из восьми епископов, отправленных при императоре Деции для христианизации Галлии. Во времена правления Валериана был обезглавлен на Монмартре.

⁴⁷ Св. Мартин Турский (336-397 гг.), христианский монах-отшельник, экзорцист и проповедник, епископ г. Тура (371-397 гг.). Ученик Илария Пиктавийского, один из наиболее почитаемых во Франции святых. Родился в Паннонии, воспитывался в Павии, жил в Галлии. Занимался миссионерской деятельностью. Возле его келий возникли древнейшие монастыри в Галлии – Лигюже (близ Пуатье) и Мармутье (на Луаре). Биография Мартина Турского написана его учеником Сульпицием Севером. Св. Герман – епископ Парижский, (?-576 гг.).

⁴⁸ Первоначальная версия анналов даёт более конкретные географические сведения о сражении «... et firmitates Saxonum per virtutem introivit in loco, qui dicitur Sitia...». Имеется в виду г. Ситен, земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия.

⁴⁹ Лонглие, Бельгия, Валлонский регион, провинция (бельгийский) Люксембург.

⁵⁰ Пасха – 22 апреля 759 г. Юпилль, Бельгия, Валлонский регион, провинция (бельгийский) Люксембург.

⁵¹ Неизвестный топоним в Оверни, Франция.

⁵² Пасха – 6 апреля 760 г.

⁵³ г. Шалон-сюр-Сон, департамент Сона-и-Луара, Франция.

⁵⁴ Дюррен, земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия.

⁵⁵ Бурбон, департамент Алье, Франция; Шантель, департамент Алье, Франция; Клермон-Ферран, департамент Пюи-де-Дом, Франция.

⁵⁶ г. Лимож, департамент, Верхняя Вьенна, Франция. Можно вставлять после комментария 55, порядок не нарушается.

⁵⁷ Пасха – 29 марта 761 г.

⁵⁸ г. Бурж, департамент Шер, Франция; г. Туар, департамент Дё-Севр, Франция.

⁵⁹ Жентильи, предместье Парижа, Франция.

⁶⁰ Пасха – 18 апреля 762 г.

⁶¹ г. Невер, департамент Ньевр, Франция.

⁶² г. Каор, департамент Ло, Франция.

⁶³ 3 апреля 763 г.

⁶⁴ Вормс, земля Рейнланд-Пфальц, Германия. Здесь и далее термин conventus generalis переводится (дословно) как всеобщее собрание.

⁶⁵ 25 марта 764 г.

⁶⁶ Все даты переведены из римского календаря в современный.

⁶⁷ г. Аттиньи, департамент Вогеzy, Франция.

⁶⁸ Пасха – 14 апреля 765 г. Г. Аахен, земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия.

⁶⁹ г. Орлеан, департамент Луара, Франция.

⁷⁰ г. Аржентон, департамент Эндр, Франция.

⁷¹ Пасха – 6 апреля 766 г. Самусси, департамент Эна, Франция. Жентильи – южное предместье Парижа.

⁷² г. Альби, департамент Тарн, Франция; г. Жеводан, департамент Альпы Верхнего Прованса, Франция.

⁷³ 19 апреля 767 г.

⁷⁴ В оригинале «... ad reliquias belli profectus est...» т.е. дословно «он пришёл на остатки войны».

⁷⁵ Альи, департамент Канталь, Франция; Туренн, департамент Коррез, Франция; Пейрусс, департамент Ло, Франция.

⁷⁶ Павел I, папа римский (757-767 гг.).

⁷⁷ г. Сент, департамент Шаранта Приморская, Франция.

⁷⁸ В кодексе E7 сказано о захвате «...gamastamo...». Топоним не известен.

⁷⁹ г. Монс, департамент Шаранта Приморская, Франция.

⁸⁰ Пасха – 10 апреля 768 г.

⁸¹ г. Шамптосе, департамент Мен и Луара, Франция.

⁸² г. Тур, департамент Эндр и Луара, Франция.

⁸³ г. Нуайон, департамент Уаза, Франция; г. Суассон, департамент Эн, Франция.

⁸⁴ Пасха – 2 апреля 769 г. г. Руан, департамент Сена Приморская, Франция.

Внешняя политика Карла Великого (Эйнхард, «Жизнь Карла Великого»)

«Жизнь Карла Великого» – биография Карла Великого, короля франков, написанная Эйнхардом – франкским ученым, деятелем так называемого «Каролингского возрождения», настоятелем монастырей Фонтенель и Зелигенштадт.

Автор стремился подражать стилю древнеримского биографа Светония, автора работы «Жизнь двенадцати цезарей». Биография написана в первую очередь по образцу биографии Октавиана Августа, первого императора Римской империи.

«Жизнь Карла Великого» состоит из ряда крупных разделов, в одном из которых описывается внешняя политика Карла Великого. Книга оканчивается рассказом о последних днях Карла Великого, его смерти и погребении.

Точная дата написания работы неизвестна. Книга была написана после смерти Карла Великого в 814 г., временем написания обычно считается период с 817 по 833 гг., в правление короля Людовика I Благочестивого.

Я принял решение описать жизнь, повседневные поступки и отчасти некоторые замечательные деяния господина и воспитателя моего, превосходнейшего и заслуженно славнейшего короля Карла, для того, чтобы, насколько возможно кратко, поведать о тех [событиях], которые мне известны...

(5) Из всех войн, которые он вел, первой он предпринял аквитанскую¹ [769], начатую его отцом, но не оконченную. Казалось, что [Карл] может завершить эту войну быстро, еще при жизни своего брата [Карломана], поскольку запросил у него о помощи. И хотя брат, пообещав помочь, обманул его, [Карл] очень решительно провел предпринятый поход [в Аквитанию]. И не раньше желал он прекратить начатое и оставить однажды взятое на себя бремя, чем завершит благодаря выдержке и постоянству превосходным концом то, что замыслил сделать². Ведь и Гунольда, который, после смерти Вайфария, попробовал занять Аквитанию и возобновить уже почти закончившуюся войну, он принудил покинуть Аквитанию и уйти в Васконию³. Однако не стерпев, что тот занял там позиции, [Карл], переправившись через реку Гаронну, передал с послами Лупу, герцогу Васконии, чтобы тот выдал отступника; если же Луп не исполнит [приказ] быстро, сам [Карл] возьмет требуемое войною. Но Луп, последовав здравому смыслу, не только возвратил Гунольда, но даже себя самого с провинциями, которыми управлял, вверил власти Карла⁴.

(6) Приведа в порядок дела в Аквитании и закончив ту войну (когда уже его соправитель [Карломан] успел оставить дела человеческие), Карл, вняв просьбам и мольбам епископа города Рима Адриана⁵, предпринял войну против лангобардов [773-774]. Эта война еще раньше с большими трудностями была начата (по смиренной просьбе папы Стефана) отцом Карла [Пипином], ибо некие из знати Франкии, с которыми [Пипин] имел обыкновение советоваться, до такой степени воспротивились его воле, что провозгласили во всеуслышание, что покидают короля и возвращаются домой. Однако в тот раз война против короля [лангобардов] Айстульфа была начата и очень быстро завершена. Может показаться, что и у Карла и у отца [его Пипина] была похожая или, лучше сказать, та же самая причина для начала войны, однако известно, что [вторая] война потребовала иных усилий и завершилась [не похожим] концом. Ведь Пипин, после нескольких дней осады Тицина⁶, принудил короля Айстульфа выдать заложников и возвратит отнятые у римлян города и крепости, а чтобы не повторилось изложенное, скрепить веру клятвой⁷. Карл же, начав войну, завершил ее не раньше, чем принял капитуляцию короля Десидерия, утомленного долгой осадой⁸ [774], сына [же] его Адальгиза, на которого, казалось, были обращены надежды всех, принудил оставить не только царство, но даже Италию⁹. Он возвратил все отнятое у римлян, подавил Руодгаза, правителя герцогства Фриуль¹⁰, замыслившего переворот¹¹ [776], подчинил всю Италию своей власти и поставил королем во главе покоренной Италии своего сына Пипина¹² [781].

До какой степени был труден для вступившего в Италию Карла переход через Альпы¹³ и какими великими усилиями франков были преодолены непроходимые места, горные хребты и вздымающиеся к небу скалы, а также труднодоступные утесы, я описал бы здесь¹⁴, если бы не было задумано мною в настоящем труде увековечить в памяти скорее образ жизни Карла, чем события тех войн.

Итак, концом той войны было покорение Италии: король Десидерий был изгнан в вечную ссылку, сын же его Адальгиз был удален из Италии, а имущество, отнятое лангобардскими королями, было возвращено правителю римской церкви Адриану.

(7) После окончания той войны вновь началась саксонская война¹⁵ [772-804], казавшаяся уже завершенной. Ни одна из начатых народом франков войн не была столь длинной, ужасной и требующей столь больших усилий, ибо саксы, которые, как почти все живущие в Германии народы, воинственны по природе, преданы почитанию демонов¹⁶ и являются противниками нашей религии не считали нечестивым ни нарушать,

ни переступать как божественные, так и человеческие законы. Были и иные причины, из-за которых ни дня не проходило без нарушения мира, поскольку наши границы и [границы] саксов почти везде соседствовали на равнине, за исключением немногих мест, где большие леса и вклинившиеся утесы гор разделяли надежным рубежом поля и тех и других. Иначе и там не замедлили бы возникнуть вновь убийства, грабежи и пожары. Франки были настолько разгневаны, что для того, чтобы не терпеть больше неудобств, они решили, что стоит начать против них открытую войну. Война та была начата и велась в течение тридцати трех лет с большим мужеством и с той и другой стороны, однако с большим ущербом для саксов, чем для франков. Она могла закончиться быстрее¹⁷, если бы не вероломство саксов. Трудно сказать, сколько раз побежденные и молящие короля [саксы] сдавались, обещали, что будут выполнять приказы, давали заложников, посылаемых ими без промедления, принимали направляемых к ним послов. А несколько раз они были так покорены и ослаблены, что даже пообещали обратиться к христианской религии и оставить обычай поклонения демонам. Но сколько раз они обещали сделать это, столько же раз они нарушали [свои обещания]. Невозможно уяснить вполне, к чему из двух они были более склонны. После того как началась война, едва ли проходил год, чтобы с ними не приключилась подобная перемена. Но сильный дух короля и всегдашнее его постоянство как при неблагоприятных, так и при благоприятных обстоятельствах, не могли быть побеждены переменчивостью саксов и не были изнурены предпринятыми начинаниями. Карл не позволял, чтобы совершающие нечто подобное уходили от наказания. Сам [Карл] мстил за вероломство и назначал им заслуженное наказание, либо сам вставая во главе войска, либо посылая своих графов, пока все, кто имел обыкновение сопротивляться, не были сокрушены и подчинены его власти. Он переселил десять тысяч человек с женами и детьми из тех, что жили по обе стороны реки Альбии¹⁸, и, разделив их разными способами, разместил там и сям в различных областях Галлии и Германии. Считали, что война, которая велась столько лет¹⁸, закончилась при выдвинутом королем и принятом [саксами] условии: саксы, отвергнув почитание демонов и оставив отеческие обряды, принимают таинства христианской веры и религии и, объединившись с франками, составляют с ними единый народ¹⁹.

(8) В ходе той войны, хотя она и тянулась по времени очень долго, сам Карл сталкивался в бою с врагом не более двух раз: один раз у горы, которая называется Оснегги, в месте по названию Теотмелли, и второй раз возле реки Хаза; и это [произошло] в один и тот же месяц, с разницей в несколько дней [783]. В тех двух сражениях враги были до такой степени сокрушены и окончательно разбиты, что более не смели ни бросать вызов королю, ни противодействовать ему своим наступлением, если только не находились в каком-нибудь защищенном укреплении месте²⁰. В той войне были убиты многие, занимавшие высшие посты как из франкской [знати], так и из знати саксов. И хотя на тридцать третий год война завершилась, в ходе ее, в различных частях страны, против франков возникало столь много других серьезнейших войн, которые король мастерски вел, что, рассматривая их, трудно решить, чему в Карле следует больше удивляться – стойкости в трудностях или его удаче. Ведь саксонскую войну он начал на два года раньше итальянской и не переставал вести ее, и ни одна из войн, которые велись еще где-либо, не была прекращена или приостановлена на какой-либо стадии из-за трудностей. Ибо Карл, величайший из всех тогда правивших народами королей, который превосходил всех благоразумием и величием души, никогда не отступал перед трудностями и не страшился опасностей тех [войн], которые предпринимал или вел. Напротив, он умел принимать и вести каждое начинание в соответствии с его природой, не отступаясь в трудной ситуации и не поддаваясь ложной лести удачи в ситуации благоприятной.

(9) Так, во время длительной и почти непрерывной войны с саксами, он, разместив в надлежащих местах гарнизоны вдоль границы, отправился в Испанию [778] [лишь] после того как наилучшим образом подготовился к войне²¹. Преодолев ущелье Пиренеи, он добился капитуляции всех городов и замков, к которым приближался, и вернулся с целым и невредимым войском. Однако на обратном пути, на самом Пиренейском хребте ему все же пришлось на короткое время испытать вероломство басков²². В то время как растянувшееся войско [Карла] двигалось длинной цепью, как то обусловили характер места и теснин, баски, устроив засаду на самой вершине горы – ибо место, подходящее для устройства засады, находится в густых лесах, которых там великое множество – напав сверху, сбросили в лежащую ниже долину арьергард обоза и тех, кто шел в самом конце отряда и оберегал впереди идущих с тыла. Затянув сражение, баски перебили всех до последнего и разграбили обоз, а затем под защитой уже наступившей ночи, скрыв самое существенное [из украденного], поспешно рассеялись в разные стороны. В этом деле баскам помогла и легкость вооружения и характер местности, в которой происходило дело; напротив, тяжелое вооружение, и пересеченность места сделали [франков] во всем неравными баскам. В этом сражении со многими другими погибли стольник Эггихард, дворцовый управляющий Ансельм и Руодланд²³, префект Бретонской марки. И до настоящего времени невозможно было отомстить за содеянное²⁴, поскольку совершив сие, враг так рассеялся, что даже не осталось и слуха, где и среди каких племен их можно найти²⁵.

(10) Карл покорил и бриттов, которые жили на Западе, на одной из окраин Галлии, на берегу океана, и не повиновались его приказам. Послав к ним войско, он заставил их выдать заложников и пообещать, что они выполнят то, что он им прикажет [786]²⁶. После этого Карл с войском вновь вторгся в Италию и, пройдя через Рим, напал на Капуя – город Кампании. Расположив там лагерь, он стал грозить войной беневентцам [786-787], если те не сдадутся²⁷. Арагис, их герцог, упредил войну, послав навстречу королю своих сыновей Румольда и

Гримальда с большими дарами. Он предложил Карлу принять сыновей в качестве заложников, а сам обещал, что вместе со своим народом выполнит [любой] приказ, исключая то, что его обяжут предстать перед взором короля.

Король же после того обратил больше внимания на выгоду для народа, чем на несгибаемость [герцога]. Он принял предложенных ему заложников и согласился в виде большого одолжения не заставлять Арагиса предстать перед ним. Младшего сына герцога Карл оставил в качестве заложника, старшего же вернул отцу и, разослав послов во все стороны для того, чтобы те взяли с Арагиса и народа его клятвы в верности, отправился в Рим. Потратив там несколько дней на почитание святых мест, он вернулся в Галлию²⁸.

(11) Внезапно начавшаяся затем Баварская война [787-788] закончилась быстро. Она была вызвана одновременно и высокомерием и беспечностью герцога Тассилона, который, поддавшись уговорам жены (дочери царя Десидерия, желавшей с помощью мужа отомстить за изгнание отца), заключил союз с гунами²⁹, бывших соседями баваров с востока, и попробовал не только не выполнить приказы короля, но и спровоцировать Карла на войну. Король, гордость которого была уязвлена, не мог стерпеть строптивость Тассилона, поэтому, созвав отовсюду воинов, Карл, отправился с большим войском к реке Лех с намерением напасть на Баварию. Та река отделяла баваров от аламанов. Прежде чем вторгнуться в провинцию Карл, разбив лагерь на берегу реки, решил через послов узнать о намерениях герцога. Но тот, посчитав, что упорство не принесет пользы ни ему, ни его народу, с мольбою лично предстал перед королем, предоставив требуемых заложников, включая и сына своего Теодона. Более того, он клятвенно пообещал впредь не поддаваться ничьим подстрекательствам к мятежу против королевской власти. Так, той войне, которая, казалась, будет долгой, был положен самый быстрый конец. Впрочем, впоследствии Тассилон был призван к королю без дозволения вернуться обратно; управление же провинцией, которой он владел, было поручено не следующему герцогу, но [нескольким] графам³⁰.

(12) После того как те волнения были улажены, была начата (другая) война со славянами [789], которых у нас принято называть вильцами, а на самом деле (то есть на своем наречии) они зовутся велатабами³¹. В той войне среди прочих союзников королю служили саксы, которые последовали за знаменами короля согласно приказу, однако покорность их была притворной и далекой от преданности. Причина войны была в том, что ободритов, которые некогда были союзниками³² франков, вильцы беспокоили частыми набегами и их невозможно было сдерживать приказами [короля]³³.

От западного океана на Восток протянулся некий залив, длина которого неизвестна, а ширина не превышает сто тысяч шагов, хотя во многих местах он и более узок³⁴. Вокруг него живет множество народов: даны, так же как и свеоны, которых мы называем норманнами, владеют северным побережьем и всеми его островами. На восточном берегу живут славяне, эсты и различные другие народы, между которыми главные велатабы, с которыми тогда Карл вел войну. Всего лишь одним походом, которым он сам руководил, Карл так разбил и укротил [велатабов], что в дальнейшем те считали, что им не следует более отказываться от исполнения приказов [короля]³⁵.

(13) За войной со славянами последовала самая большая, за исключением саксонской, война из всех, что вел Карл, а именно [война], начатая против аваров или гуннов³⁶ [791-803]. Эту войну Карл вел и более жестоко, чем прочие, и с самыми долгими приготовлениями. Сам Карл, однако, провел только один поход в Паннонию (ибо этот народ жил тогда в той провинции), а остальные походы поручил провести своему сыну Пипину, префектам провинций, а также графам и даже послам. Лишь на восьмом году³⁷ та война наконец была завершена, несмотря на то, что вели ее очень решительно. Сколько сражений было проведено, как много было пролито крови – свидетельство тому то, что Паннония стала совершенно необитаемой, а место, где была резиденция кагана, теперь столь пустынно, что и следа, что здесь жили люди, не осталось. Все знатные гунны в той войне погибли, вся слава их пресеклась. Все деньги и накопленные за долгое время сокровища были захвачены [франками]. В памяти человеческой не осталось ни одной, возникшей против франков, войны, в которой франки столь обогатились бы и приумножили свои богатства. Ибо до того времени франки считались почти бедными, теперь же они отыскивали во дворце гуннов столько золота и серебра, взяли в битвах так много ценной военной добычи, что по праву можно считать, что франки справедливо исторгли у гуннов то, что гунны прежде несправедливо исторгли у других народов. Только двое из знатных франков погибли тогда: Хейрик, герцог фриульский³⁸, был убит из засады в Либургии [799] горожанами приморского города Тарсатики, а Герольд, префект Баварии в Паннонии, в то время как он строил перед битвой с гуннами войско. Неизвестно, кто убил его и двух его сопровождающих, когда он выехал вперед, ободряя каждого воина. В остальном та война была для франков бескровной и имела самый благоприятный конец, хотя и тянулася довольно долго. После этой войны и саксонская [кампания] пришла к завершению, соответствующему ее длительности. Возникшие после этого богемская [805] и линонская [808]³⁹ войны не были долгими. Каждая из них закончилась быстро, [проводясь] под руководством Карла Юного.

(14) Последняя война была начата против норманнов, называемых данами [804-810]. Вначале они занимались пиратством, затем при помощи большого флота разорили берега Галлии и Германии. Король норманнов Годфрид до такой степени был исполнен пустой снесью, что рассчитывал владеть всей Германией. Фризию, как и Саксонию, он считал не иначе, как своими провинциями. Он уже подчинил себе своих соседей ободритов, сделав их своими данниками. Он хвастался, что скоро войдет с большим войском в Аахен, где был

двор короля. Истинность его слов, хотя и пустых, не оспаривалась [никем]. Скорее полагали, что он предпримет нечто подобное. Его остановила только внезапная смерть. Убитый собственным телохранителем, он положил конец и своей жизни, и войне, им развязанной.

(15) Таковы были войны, которые с великой мудростью и удачей вел самый могущественный король в различных частях земли в течение 47 лет (ведь столько лет он царствовал). В тех войнах он столь основательно расширил уже достаточно большое и могущественное королевство франков, полученное от отца Пипина, что прибавил к нему почти двойное количество [земель]. Ведь раньше власти короля франков подчинялись только та часть Галлии, что лежит между Рейном, Легером и [Атлантическим] океаном к Балеарскому морю; часть Германии, населенная франками, называемыми восточными, что располагается между Саксонией и [реками] Данубием, Рейном и Салой, которая разделяет туринов и сорабов; кроме того, власть королевства франков распространялась на аламанов и баваров. Карл же подчинил в упомянутых войнах сначала Аквитанию⁴⁰, Васконию и весь хребет Пиренейских гор вплоть до реки Ибер⁴¹, которая начинается у наваров и пересекает плодороднейшие поля Испании, вливаясь в Балеарское море под стенами города Дертосы⁴². Затем он присоединил всю Италию, протянувшуюся на тысячу и [даже] более миль от Августы Претории до южной Калабрии⁴³, где, как известно, сходятся границы греков и беневентцев. Потом он присоединил Саксонию, которая является немалой частью Германии и, как полагают, вдвое шире той ее части, что населена франками, хотя, возможно, и равна ей по длине; после того и ту и другую Паннонию⁴⁴, Дакию, расположенную по ту сторону Данубия, а также Истрию, Либурнию и Далмакию, за исключением приморских городов, которыми вследствие дружбы и заключенного союза Карл разрешил владеть константинопольскому императору. Наконец, он так усмирил все варварские и дикие народы, что населяют Германию-между реками Рейном, Висулой, а также океаном и Данубием (народы те почти схожи по языку, но сильно отличаются обычаями и внешностью), что сделал их данниками. Среди последних самые замечательные [народы]: велатабы, сорабы, ободриты, богемцы; с ними Карл сражался в войне, а остальных, число которых гораздо больше, он принял в подчинение [без боя]⁴⁵.

(16) Славу своего правления он приумножил также благодаря завязанной дружбе с некоторыми королями и народами. Альфонса, короля Галисии и Астурии, он связал столь близким союзом, что тот, когда посылал к Карлу письма⁴⁶ или послов, приказывал называть себя не иначе, как «принадлежащим королю». Он приобрел такое расположение королей скоттов⁴⁷, плененных его щедростью, что те называли его не иначе, как господином, а себя – его подданными и рабами. Сохранились письма⁴⁸, посланные от них к Карлу, в которых высказываются такие их к нему чувства. С королем Аароном Персидским⁴⁹, который за исключением Индии владел почти всем востоком, Карл имел в дружбе такое согласие, что тот предпочитал его благосклонность дружбе всех королей и правителей, какие только есть в целом круге земном. Только одному Карлу он считал необходимым уделять почести и щедрые дары. И поэтому, когда послы Карла, которых тот послал с дарами к святому гробу и месту воскресения Господа, нашего Спасителя, пришли к Аарону и сообщили ему о желании своего господина, Аарон не только позволил им сделать то, о чем они просили, но даже разрешил записать это место нашего спасения под власть Карла⁵⁰. Присоединив к возвращающимся послам своих, он направил Карлу замечательные дары вместе с одеждой, пряностями и другими богатствами из восточных земель [807]⁵¹. А ведь несколькими годами ранее Аарон послал ему единственного⁵² имевшегося у него слона, ибо Карл попросил об этом [802]⁵³. И императоры Константинополя Никифор [802-811], Михаил [811-813] и Лев [813-820], добровольно искавшие с ним дружбы и союза, слали к нему многочисленных послов. Однако когда Карл принял титул императора, у них появилось опасение будто бы он хочет исторгнуть у них императорскую власть. Тогда Карл заключил с ними очень крепкий союз, чтобы у сторон не осталось никакого повода для возмущения⁵⁴. Ибо могущество франков всегда внушало опасение римлянам и грекам. Отсюда и существующая греческая поговорка: имей франка другом, но не соседом⁵⁵.

(17) Хотя Карл отдавал столько сил расширению королевства и покорению чужих народов и постоянно был занят такого рода деяниями, в различных местах он начал множество работ, относящихся к украшению и благоустройству королевства, а некоторые даже завершил⁵⁶. Среди них, по всей справедливости, выдающимися можно назвать базилику Святой Богородицы в Аахене, строение удивительной работы, и мост у Могонтиака⁵⁷ через Рейн, длиной в пятьсот шагов, ибо такова ширина реки в том [месте]. Однако мост сгорел при пожаре за год до того, как умер Карл. Его не успели восстановить из-за скорой смерти Карла, который задумал выстроить вместо деревянного моста каменный. Он начал возводить и замечательной работы дворцы: один недалеко от города Могонтиака, возле поместья Ингиленгейм⁵⁸, другой в Новиомаге⁵⁹, на реке Ваал, что течет вдоль южной части полуострова. Но особенно важно то, что если он узнавал о рухнувших от старости храмах, в каком бы месте его королевства они ни находились, он приказывал епископам и пастырям, в чьем ведении они были, их восстанавливать, а сам следил через посланников, чтобы повеления его выполнялись. Во время войны против норманнов он снарядил флот, построив для этого корабли на реках Галлии и Германии, которые впадают в Северное море. И поскольку норманны постоянными набегами опустошали побережье Галлии и Германии, Карл у всех портов и у устьев рек, которые казались доступными для кораблей [неприятеля], разместил дозоры, сторожевые посты и возвел такие укрепления, что враг нигде не смог высадиться на берег. То же он сделал на юге вдоль побережья Нарбоннской провинции и Септимании, а также по всему побережью Италии вплоть до Рима против мавров, незадолго до этого занявшихся пиратством. Благодаря этому при жизни Карла не было

тяжелого урона ни у Италии и Галлии от мавров, ни у Германии от норманнов, и лишь Центумелла⁶⁰, город в Этрурии, был разграблен маврами вследствие предательства, а во Фризии несколько соседствующих с германским побережьем островов были опустошены норманнами.

(18) Как известно, подобным образом Карл охранял, расширял и, вместе с тем, украшал королевство...

(21) Он любил чужеземцев и весьма заботился о том, как их принять. Так что их многочисленность, по справедливости, казалась обременительной не только для дворца, но и для королевства⁶¹. Однако сам он, благодаря величии души, меньше всего тяготился такого рода грузом, поскольку даже значительные неудобства окупались приобретением славы о его щедрости и добром имени.

(22) Он обладал могучим и крепким телом⁶², высоким ростом, который, однако, не превосходил положенного, ибо известно, что был он семи его собственных ступней в высоту. Он имел круглый затылок, глаза большие, живые и огромные, нос чуть крупнее среднего, красивые волосы, веселое привлекательное лицо. Все это весьма способствовало внушительности и представительности его облика и когда он сидел, и когда он стоял. И хотя его шея казалась толстой и короткой, а живот выступающим, однако это скрывалось соразмерностью остальных членов. Поступь его была твердой, внешний вид мужественным, однако голос, хотя и звучный, не вполне соответствовал его облику.

Здоровье его было отменным, за исключением того, что в течение [последних] четырех лет жизни он страдал от часто повторяющейся лихорадки, а под конец еще прихрамывал на одну ногу. Но и тогда он скорее поступал по-своему, чем по совету врачей, которых почти ненавидел, поскольку те убеждали его отказаться от жареной пищи, к которой он пристрастился, и привыкнуть к вареной. Он постоянно упражнялся в верховой езде и охоте, что было для него, франка, естественным, поскольку едва ли найдется на земле какой-нибудь народ, который в этом искусстве мог бы сравниться с франками. Ему нравилось париться в природных горячих источниках и он упражнял тело частым плаванием. В нем он был столь искусен, что его воистину никто не мог обогнать. Вот почему он даже дворец в Аахене возвел и там постоянно жил в последние годы жизни до самой смерти. Он приглашал купаться не только сыновей, но и знать и друзей, а иногда даже свиту, телохранителей и охранников, так что иногда сто и более человек купались одновременно.

(23) Карл носил традиционную франкскую одежду.

Тело он облачал в полотняные рубаху и штаны, а сверху [одевал] отороченную шелком тунику, обернув голени тканью. На ногах его были онучи и обувь, а зимой он защищал плечи и грудь, закрыв их шкурами выдр или куниц. Поверх он набрасывал сине-зеленый плащ и всегда подпоясывался мечом, рукоять и перевязь которого были из золота или из серебра. Иногда он брал меч, украшенный драгоценными камнями, однако это случалось только во время особых торжеств или же если пребывали чужеземные послы. Иноземную же одежду, даже самую красивую, он презирал и никогда не соглашался одевать ее. Лишь однажды, в Риме, по просьбе папы Адриана, и потом еще по просьбе его преемника Льва он облачился в длинную до колен тунику и греческую хламиду, а также обул сделанные по римскому обычаю башмаки.

[Лишь] на торжествах он выступал в вытканной золотом одежде, украшенной драгоценными камнями обуви, застегнутом на золотую пряжку плаще и в короне из золота и самоцветов. В остальные дни его одежда мало чем отличалась от той, что носят простые люди.

(24) Он был умерен в еде и питье, особенно в питье, ибо больше всего ненавидел пьянство в ком бы то ни было, не говоря уже о себе и о своих близких. Однако от пищи он не мог долго воздерживаться и часто жаловался на то, что пост вреден для его тела. Пировал он очень редко, и то лишь по большим праздникам, но при этом с большим количеством людей. Повседневный обед обычно готовился лишь из четырех блюд, не считая жаркого, которое охотники обыкновенно подавали на вертелах и которое Карл любил есть больше какого-либо другого кушанья. Во время трапезы он слушал или чтеца или какое-нибудь выступление. Читали [же] ему об истории и подвигах древних. Он любил и книги святого Августина, особенно те, что озаглавлены О Граде Божием. В питье вина и прочих напитках он был так воздержан, что за обедом редко пил более трех раз.

Летним днем, после обеда, он съедал какой-нибудь плод и пил [еще] один раз, [затем], сняв с себя всю одежду и обувь, оставался без всего словно ночью и в течение двух или трех часов отдыхал. Ночью же сон его прерывался четыре или пять раз так, что он не только просыпался, но и вставал с постели.

Во время одевания и обувания он принимал не только друзей, но даже, если дворцовый управляющий говорил, что возник некий спор, который не могли окончить без его постановления, он тотчас же приказывал привести спорящих и, будто сидя в судейском кресле, разобравшись, выносил приговор. Помимо этого, если в тот день нужно было заниматься чем-то официальным или поручить что-то одному из министров, он делал это в такое же время.

(25) Он был многословен и красноречив и мог яснейшим образом выразить все, что хотел. Не довольствуясь лишь родной речью, он старался изучить иностранные языки. Латинский он изучил так, что обыкновенно говорил [ogage] на нем, словно на родном, но по-гречески он больше понимал, нежели говорил. При этом он был столь многословен, что даже казался болтливим. Он усердно занимался свободными искусствами и весьма почитал тех, кто их преподавал, оказывая им большие почести. Грамматике он обучался у дьякона Петра Пизанского⁶³, который был тогда уже стар, в других науках его наставником был Альбин, прозванный Алкуином⁶⁴, тоже дьякон, сакс из Британии, муж во всем мире ученейший. Под его началом Карл много времени уделил изучению риторики, диалектики, а особенно астрономии. Он изучал искусство

вычислений [computandi] и с усердием мудреца пытливно выводил пути звезд. Пытался он писать и для этого имел обыкновение держать на ложе, у изголовья [in lecto sub cervicalibus] дощечки или таблички для письма, чтобы, как только выпадало свободное время, приучить руку выводить буквы, но труд его, начатый слишком поздно и несвоевременно, имел малый успех⁶⁵.

(26) Он свято и преданно почитал христианскую религию, в которой был наставлен с детства. Вот почему он воздвиг в Аахене исключительной красоты базилику, украсив ее золотом, серебром, светильниками, а также вратами и решетками из цельной бронзы⁶⁶. Поскольку колонны и мрамор для этой постройки нельзя было достать где-либо еще, он позаботился о том, чтобы его привезли из Рима и Равенны⁶⁷.

Он ревностно и часто посещал церковь и утром, и вечером, и даже в ночные часы и на заутреню⁶⁸, насколько позволяло здоровье и весьма заботился, чтобы все, что в ней совершалось, проходило наиболее достойно⁶⁹. Он не уставал напоминать служителям, чтобы они не дозволяли приносить внутрь ничего неподобающего или непристойного. Он обеспечил ее таким изобилием священных сосудов из золота и серебра и одежды для священнослужителей, что во время отправления обрядов даже привратникам, [людям] низшего церковного звания, не было необходимости служить в собственном платье. Он старательно улучшал порядок пения псалмов и церковного чтения. Ведь он был совершенен и в том, и в другом, хотя сам не читал на людях, а пел лишь вместе с другими и тихим голосом.

(27) Карл деятельно занимался поддержкой бедных и бескорыстным милосердием, которое греки называют [милостыней]. Он не забывал подавать милостыню не только на родине и в своем королевстве, но даже за морями в Сирии и Египте, а также в Африке, Иерусалиме, Александрии и Карфагене. Когда он узнавал, что где-то христиане живут в бедности, то обычно, сочувствуя их нужде, посылал им деньги. Именно поэтому он искал дружбы заморских королей, чтобы для живущих под их властью христиан наступило некое утешение и облегчение. В Риме, более других священных и почитаемых мест, Карл заботился о церкви блаженного апостола Петра, в сокровищницу которой он пожертвовал большие суммы денег как золотом, так серебром и драгоценностями. Множество бесчисленных даров он послал епископам. За все время правления для Карла не было ничего желаннее, чем вернуть Риму собственными трудом и усилиями бывшее величие и положение. Он хотел, чтобы благодаря ему церковь [ecclesia] святого Петра была не только цела и невредима, но при его поддержке превосходила бы все прочие церкви красотой и богатством. И хотя он ценил Рим столь высоко, за сорок семь лет своего правления он ездил туда лишь четыре раза – исполнить обеты и помолиться⁷⁰.

(28) Для последнего приезда Карла были и другие причины. Дело в том, что римляне, которые подвергли папу Льва⁷¹ большому насилию, выколол ему глаза и вырвав язык, принудили его молить короля о защите. Поэтому, отправившись в Рим [800], чтобы восстановить положение дел в церкви, пришедшее в полный беспорядок, он задержался там на всю зиму. Именно тогда он принял имя Императора и Августа [25 января, 800], чего вначале совершенно не желал и утверждал, что если бы знал заранее о замысле папы, то в тот день не пошел бы в церковь, несмотря на то, что это был один из главных праздников⁷². и с великим терпением он переносил зависть римских императоров, негодовавших на то, что он принял это звание. Их упорство Карл победил своим великодушием, которым он, несомненно, их превосходил, посылая к ним частые посольства и в письмах называя их братьями...

¹ Это был мятеж, развязанный Гунольдом, который Карл подавил без помощи брата.

² Карл предпринял такие действия из-за опасности заговора между Карломаном и лангобардским королем Десидерием. В связи с этим Карл не только сблизился со своим кузеном, герцогом баварским Тассилоном, который стал зятем лангобардского короля, но и сам женился на дочери Десидерия, оставив свою законную жену Химильтруду. После смерти брата Карл привлек на свою сторону некоторых близких союзников Карломана и завладел его наследством.

³ Гасконь.

⁴ Неточность Эйнхарда. Гасконь в течение последующих десятилетий продолжала оставаться независимой от франкского государства.

⁵ Адриан I (772-795 гг.), римский папа, происходивший из влиятельного аристократического рода; проводил последовательную политику союза с королем франков. Целью Адриана было увеличение собственных владений. Адриан просил Карла о защите по той причине, что Десидерий, предоставив убежище жене Карломана и его сыновьям, возобновил наступление на папские земли. После того как Карлу не удалось вступить в переговоры с Десидерием, он, решив применить силу, выступил против лангобардов.

⁶ Павия.

⁷ На самом деле Пипин вторгнулся в Италию дважды: в 754 и 756 гг.

⁸ Не выдержав осады, начатой в феврале 774 года, Десидерий подчинился Карлу. Лангобардский король и его жена были доставлены во Франкию, где их заставили принять постриг и заточили в пикардийский монастырь в Корби. Карл же, после того как завладел королевским дворцом и его сокровищами, добавил к своему титулу «король франков» продолжение «и лангобардов», а также «римский патриций». Однако лангобардское королевство еще не было им ликвидировано и включено в состав франкского государства. Также не был изменен и административный аппарат лангобардов. Лишь после подавления мятежа герцога Фриуля в 776 г. началось расселение королевских вассалов на территории лангобардов.

⁹ Неточность Эйнхарда. Адальгиз бежал от Карла, причем дважды. Первый раз он бежал в Константинополь (774 г.) после захвата Вероны (второго по значению города лангобардов после Павии). Второй раз – в 776 г. после неудавшегося заговора.

¹⁰ Краткая война с Руотгзамом имела место приблизительно через два года после того, как пала Павия, но Эйнхард, похоже, заключает, что эти события следовали одно за другим.

¹¹ Герцоги Фриуля и Сполетто, поддержанные Адальгизом, устроили заговор, надеясь при помощи византийского флота овладеть Римом и восстановить власть лангобардов. Карл, после того как папа Адриан предупредил его о заговоре, вновь перешел через Альпы и расстроил план заговорщиков. В результате герцог Фриуля был убит, мятежные города подчинились, а Адальгиз был вынужден бежать вновь (776 г.).

¹² 17 апреля 781 года, в пасхальное воскресенье, папа Адриан по просьбе Карла крестил его четырехлетнего сына, назвав его Пипином и возложив корону на его голову. После этого Карл объявил о решении поставить своего сына королем над лангобардами.

¹³ Переход действительно был очень сложным, поскольку лангобарды перекрыли и укрепили перевалы. Карл же напал на лангобардов с тыла. Король Десидерий был вынужден отступить к своей столице Павии.

¹⁴ По-видимому, эта фраза – результат личных воспоминаний Эйнхарда, так как он был в Италии, куда отправился по приказанию Карла (806 г.).

¹⁵ По сути эта война представляла собой ежегодные стычки, требовавшие довольно больших сил от франкского государства.

¹⁶ Саксы были язычниками, почитающими лесные деревья, рощи и источники.

¹⁷ По всей вероятности в стойкости саксов проявлялся национальный дух борьбы за свободу и собственную веру. Саксы всегда сбрасывали власть, навязанную им силой и сами вторгались на территорию захватчиков. Так, еще отец Карла Пипин нанес им очень ошутимый удар, поскольку им была разрушена крепость Эресбург, низвержена языческая святыня – идол Ирминсул и взяты заложники. Однако год спустя саксы, нарушив границу, сами напали на завоевателей.

¹⁸ Эльба.

¹⁹ Карл впервые столкнулся с саксами в 772 г. С тех пор война продолжалась с кратковременными передышками до 804 г., ибо как только Карл или его военачальники покидали земли Саксонии, саксы переставали подчиняться власти франков. В 775 г. Карл углубился на территорию саксов больше обычного, достиг земли остфалов и дошел до реки Оккер, взял заложников и оставил сильные гарнизоны в Эресбурге и Сигибурге. Следующей весной под ответным натиском саксов Эресбург пал. После этого Карл изменил тактику, решив создать «укрепленный рубеж» (марку), который должен был предохранять франков от вторжений саксов. В 776 г. он, вновь укрепив Эресбург и Сигибург, построил новую крепость Карлсбург и оставил в пограничной зоне священников для обращения язычников-саксов в христианскую веру, которое вначале шло довольно успешно. В 778 г. вновь вспыхнул мятеж под руководством лидера вестфальской знати Видукинда. Под его водительством саксы перешли границу у Рейна и дошли до Кобленца, разграбив по пути все земли, и с большой добычей почти без препятствий возвратились назад. Лишь один раз франкский отряд догнал саксов у Лейсы и нанес незначительный урон их арьергарду. Следующий поход 780 года был подготовлен Карлом более тщательно. Вместе со своей армией и священнослужителями Карлу удалось продвинуться до самой Эльбы – границы между саксами и славянами. К этому времени у Карла уже был стратегический план, сводившийся в целом к покорению всей Саксонии через христианизацию. В этом начинании Карлу очень помог англосакс Виллегад, доктор богословия, приступивший к активному насаждению новой веры. Успех был обеспечен и тем, что для усмирения славян-сербов, напавших на пограничные земли Саксонии и Тюрингии, Карл направил войско, в состав которого входили и верные Карлу саксы. Однако Карл вновь потерпел неудачу, поскольку им не была учтена приверженность саксов к своей собственной вере. Прибывший из Дании Видукин и его сообщники восстали, сведя на нет все достижения Карла. Саксы, принявшие новую веру, были уничтожены, христианские храмы разрушены. Одновременно усилилось недовольство нововведениями Карла и во Фризии. Посланное для усмирения восставших мятежников войско Карла, возле Везера, у горы Зунталь, потерпело поражение. В ответ Карл собрал армию, отправился в Верден и принудил старейшин саксов выдать виновников. Видукин успел бежать, но названные 4500 человек были в тот же день приведены в Верден и казнены. В течении следующих трех лет (783-785) Карл вел в Саксонии открытые сражения, карательные рейды, брал сотни заложников, уничтожал поселения. Зима 784-785 гг., в отличие от предыдущих зим, являвшихся для Карла временем отдыха, была также проведена им в Саксонии, в Эресбурге, куда он переселился вместе с семьей. В Бернгау он вступил в переговоры с Видукингом, которые успешно закончил, поскольку Видукин, после того как ему предоставили обещанные гарантии и были даны заложники, прибыл в Аттиньи и принял крещение, причем Карл был его крестным отцом. После этого победа Карла стала очевидной и в летописи 785 г. было записано, что король франков «подчинил всю Саксонию». В дополнение Карлом был издан капитулярый Об областях Саксонии (De partibus Saxoniae), по которому предписывалось наказывать смертью всякое отступление от верности королю и нарушение порядка. Однако в 793 г. вновь вспыхнуло восстание, которое охватило не только Саксонию, но и другие территории, на которых жили фризы, авары и славяне. С 794 по 799 гг. вновь шла война, носившая уже характер истребительной, сопровождающаяся массовыми захватами заложников и пленных, с последующим их переселением в качестве крепостных во внутренние области государства. Спротивление саксов шло с большим ожесточением (особенно упорно в Вихмодии и Нордальбингии). Желая достичь победы над ними, Карл заключил союз со славянами-ободритами, врагами саксов, и вновь вместе с семьей провел зиму 798-799 гг. в Саксонии, в Везере, где разбил лагерь, а по сути выстроил новый город с домами и дворцами, назвав это место Герштель (Heerstelle – стоянка армии). Весной, покинув Герштель, он подошел к Миндену и опустошил всю область между Везером и Эльбой, в то время как его союзники ободриты успешно воевали в Нордальбингии, что позволило решить исход борьбы в пользу Карла. В 799 г. был еще один поход Карла в Саксонию вместе с сыновьями, в котором сам король не проявил никакой активности.

²⁰ В 797 г. Карлом был издан указ, отменяющий прежний террор, и введено равенство саксов и франкского народа.

²¹ Это неверно. Карл лично руководил большинством походов против саксов.

²² Поводом для войны с Испанией послужило для Карла посольство правителя Сарагосы, обратившегося в 777 г. к франкам за помощью в борьбе против омейядского эмира Кордовы. В 778 г. Карл во главе большой армии перешел Пиренеи, однако на обратном пути потерпел неудачу под Сарагосой, в Ронсевальском ущелье.

²³ Это сражение, которое произошло 15 августа 778 г., называется Ронсевальским. Эйнхард не дает этого названия, однако подчеркивает, что только арьергард обоза [франков] и те, кто шел в самом конце отряда были разбиты. В оригинальной версии *Анналов* королевства франков, составленной в 788-793 гг., в событиях, относящихся к 778 году, вообще нет упоминаний об этом сражении. Сказано лишь то, что «после того как были переданы заложники от Ибн-Аль-Араби, Абутия и многих сарацинов, [после] разрушения Памплон, покорения басков и наварров, [Карл] вернулся на территорию Франкии». В исправленной версии *Анналов*, составленной вскоре после смерти Карла, также нет упоминания об этой битве. Но имеется новый важный пассаж:

«Возвращаясь [Карл] решил пройти через ущелье Пиренейских гор. Баски, устроив засаду на самом верху того ущелья, привели в большое смятение все войско [Карла]. И хотя франки превосходили басков как оружием, так и храбростью, однако превосходство [то] было побеждено благодаря неровности места и невозможности [для франков вести] сражение. В той битве многие из приближенных, которых король поставил во главе [своего войска], были убиты, обоз был разграблен; враг же, благодаря знанию местности, тотчас рассеялся в разные стороны». Эйнхард же в своей работе (это третье описание Ронсевальской битвы) делает два основных изменения. Он заменяет «все войско» из переписанной версии *Анналов* франкского королевства на «тех, кто шел в самом конце отряда» и перечисляет только трех из знатных франков, которые пали в битве (Эггхард, Ансельм и Руотланд). Точная дата сражения – 15 августа – известна благодаря эпитафии Эггхарду, стольнику Карла (MGH, Poetae Carolini Aevi, I, 109: "она произошла в восемнадцатый день сентябрьских календ"). Спустя двадцать лет при описании тех же событий неизвестный переписчик *Анналов* вставляет такое сообщение, о котором в ранних текстах нет никакого упоминания. По-видимому, привлечение внимания к этому событию было для него важным. Скорее всего, все подробности взяты им из более поздних текстов. Он говорит, что в бой вступило все франкское войско и утверждает, что было убито множество франкских предводителей.

²⁴ Т.е. Роланд (префект бретонской марки) герой знаменитого французского эпоса Песнь о Роланде.

²⁵ Об этом событии баски, которые называли себя эскальдунаками, впоследствии сложили песню: «Раздался крик среди гор эскальдунаков, и баск, стоя перед своими воротами, преклонил слух свой и сказал: кто идет это, что это значит?.. Это глухой шум от приближающейся армии [Карла]. Наши ответили на него с вершины гор, они затрубили в рога; баск острит свои стрелы... Соединим наши жилистые руки, оторвем эти скалы, скатим их с вершины гор на их головы. Дави их, стреляй их! Да и что им делать в наших горах, этим

людям Севера? Зачем они пришли возмутить мир наш?.. Но скалы, скатываясь, падают; они давят войско, струится кровь, трепещутся тела. О, сколько раздавлено костей! Какое море крови!.. Король Карл скачет в сильном беспокойстве... Бегите, бегите! А теперь, эскальдунаки, оставим скалы; сойдем поспешно, пошлем стрелы в тыл бегущим. Они бегут, они бегут! Где же лес копий? Где эти разноцветные знамена, везавшие посредние? Не блещут уже их оружия, испачканные кровью... Нет уже ни одного, конечно... Горец, ты можешь теперь возвратиться... обнять жену и твоих малюток, спрятать их с твоим рогом... Ночью орлы прилетят клевать раздавленные тела, вечно будут белеть все эти кости».

²⁶ Поражение в Ронсевальском ущелье не остановило Карла в его намерениях вести войну. Уже в 781 г. Аквитания стала отдельным королевством, во главе которого был поставлен младший сын Карла Людовик. В 90-е годы новым королем Людовиком были предприняты кратковременные походы за Пиренеи, в результате чего появился укрепленный рубеж Испанская марка, состоящий из укрепленной пограничной области с городами Героной, Урхелем и Виком. В 801 г. был захвачен арабский город Барселона, ставший главным центром Испанской марки, затем, в 806 г. – подчинение Памплоны.

²⁷ Карл неоднократно вторгался в Бретань, страну кельтского племени бриттов (бретонцев), обкладывая их данью. Повидимому, здесь Эйнхард говорит о кратковременной победе Аудульфа, осуществленной им в 786 г. В 799 г. Карл вновь организовал экспедицию, которая позволила на несколько лет установить мир на этой территории. В 800 г. вожди бриттов принесли Карлу клятву верности в Туре. Однако эта страна не покорилась до конца, сохранив собственные религиозные нравы и обычаи. В 811 г. бритты восстали вновь.

²⁸ Война с Беневентом представлена Эйнхардом крайне упрощенно, причем он все пытается свести к страху Арагиса перед Карлом. В действительности, война была долгой: беневентцы непрерывно восставали и франкам приходилось вновь совершать карательные походы в их страну. Причиной же этой войны послужило намерение Арагиса, беневентского герцога, тайного участника заговора 774-776 гг., стать преемником лангобардского короля Десидерия, тем более, что его женой была дочь низложенного короля. Карл, зная о планах соперника от папы Адриана, решил подчинить себе остаток королевства Десидерия. Арагис, не получивший своевременной поддержки от союзников, направил к Карлу в качестве заложника своего старшего сына Румольда с богатыми дарами с целью остановить нападение Карла на свою территорию. Карл, приняв заложника, все же перешел границу и прибыл в Капую. Арагис, отступив к Салерно, направил Карлу в качестве заложников своего второго сына Гримольда и двенадцать знатных лангобардов, обещая полное повиновение. Карл, согласившись, отпустил в Беневент старшего сына герцога, отправив с ним своих уполномоченных для принятия присяги от Арагиса и его народа, с выплатой ежегодной дани. Однако как только Карл вышел из Италии, Арагис нарушил клятву и заключил союз с Византией для ведения дальнейших боевых действий против Карла. (Одновременно с этим Адальгиз, сын Десидерия, направился со своей армией к Тревизо и Равенне, чтобы подчинить север страны.) Все военные достижения Карла были поставлены под угрозу. Но 26 августа 787 г. Арагис неожиданно умер, причем за месяц до этого скончался его сын Румольд, что привело к провалу византийско-беневентский договор, тем более, что второй сын Арагиса, Гримольд, все еще находился в качестве заложника у Карла.

²⁹ Адальгиз, сын Десидерия, после смерти своих сторонников пытался продолжить начатые против Карла действия, вступив в контакт с Атабергой, вдовой Арагиса, и начав наступление на папские владения. В ответ Карл, несмотря на призывы папы о помощи, а именно, идти обратно в Италию и продолжать удерживать Гримольда заложником, поступил противоположным образом. Он не пошел в Италию и отпустил Гримольда. Впоследствии это действие помогло Карлу, так как когда началась война с Византией, Гримольд поддержал франкскую армию, что привело Карла к победе, в результате которой он завладел Истрией.

³⁰ Гуннами Эйнхард называет аваров.

³¹ В действительности никакой баварской войны не было. Карл, поскольку ему было известно от папы о заговоре Тассилона, заключившего союз с аварами, подчинил Баварию с помощью дипломатических переговоров (подкрепленных некоторыми военными действиями), в ходе которых для Тассилона сложилась безвыходная ситуация, заставившая его подчиниться. Тассилон вынужден был явиться к франкскому королю и дать ему повторную клятву верности. (Ранее он уже давал такую клятву, но она была им нарушена.) Через год, на генеральном сейме в Ингельгейме, Тассилона заставили признаться в плетении интриг вместе со своей женой и приговорили к смертной казни, которую Карл заменил заточением в монастырь. Такая же участь была предназначена его жене и детям. Упразднив герцогскую власть, Карл передал Баварию для управления своим графам, присоединив при этом к своей территории южно-славянские области Карантанию и Крайну. Но прежде чем предпринять полную оккупацию, франкский король выслал многих представителей баварской знати. Повидимому, у Карла были сложности в процессе полного подчинения страны, поскольку спустя шесть лет (в июне 794 г.), во время генерального сейма во Франкфурте, Тассилон был вызволен из монастыря на кратковременный срок и доставлен в город для повторного отказа от притязаний на власть.

³² Это племя, постоянно враждующее со своими соседями, в числе которых были ободриты, славилось свирепостью и воинственным нравом.

³³ Речь идет об ободритах, союзниках Карла в войне с саксами.

³⁴ Вряд ли это являлось настоящей причиной ведения войны. Из Ватиканского кодекса IX в. известно, что вильцы всегда относились враждебно к франкам и их соседям-союзникам. «Решив, что не следует более сносить дерзость [вильцев], король постановил идти на них войной и, снарядив огромное войско... пройдя через Саксонию... вторгшись в страну вильцев, приказал все опустошить огнем и мечом». Вероятно, развязывая ту войну, Карл преследовал цели укрепления и обеспечения безопасности северо-восточных границ своего собственного государства.

³⁵ Балтийский, около 850-900 миль длиной и 100-200 миль шириной.

³⁶ Реального подчинения велатабов власти Карла не произошло. Скорее, этот поход можно рассматривать как важную военную меру для укрепления собственных позиций франкского короля в левобережной Саксонии и временного ограждения от набегов неприятеля. В Мозельских Анналах (запись 788 г.) сказано, что поход завершился «без какого-либо серьезного сражения».

³⁷ Отождествление аваров и гуннов характерно не только для Эйнхарда, но и для всей средневековой литературы. По всей видимости, это происходило из-за сходства в обычаях и нравах между гуннами и аварами. Под аварами обычно подразумевают центрально-азиатские племена самого различного происхождения, объединившиеся под властью единого предводителя, которые появились во второй половине VI века в Паннонии и создали там политическую державу, правителем которой был каган (или хаган). Этот народ вел кочевой образ жизни, исповедовал язычество и сражался исключительно на конях. Центром аварских поселений являлся укрепленный лагерь, называемый Ринг (или Хринг, от нем. ring, кольцо), обнесенный несколькими кольцами укреплений, скорее всего деревянных, между которыми располагались сады и строения. Там же находилась резиденция верховного правителя кагана и хранилось золото, захваченное аварами в войнах или полученное в дар. Это племя, подобно гуннам, внезапно появлялось на своих маленьких коренастых лошадях на чужих территориях, захватывало все, что попадалось им на пути, в особенности церковное убранство, сокровища и реликвии, и, захватив добычу, так же внезапно исчезало.

³⁸ Война против аваров продолжалась с 791 по 803 гг. Авары находились в союзе с Тассилоном (см. прим. 54). Обещав ему вторгнуться на территорию франков в 788 г., они выполнили свое обязательство (не зная о свержении Тассилона), начав войну против Карла. Эта война шла с переменным успехом. Франкскому королю потребовалось мобилизовать все свои силы и заключить союз с южными славянами (как и ранее в войне с саксами) для противостояния кочевникам. Анналы королевства франков (запись 796 г.) так описывают одно из важнейших событий этой войны: «Хейрик, фриульский герцог, отправив своих людей со славянином Вономиром в Паннонию, разграбил оставшийся долгое время спокойным ринг племени аваров (поскольку [их] правители, каган и югур, изнуренные гражданской войной, [проводившейся] между собой, были приговорены [к смерти] и убиты своими) и послал сокровища, собиравшиеся на протяжении многих веков древними правителями, к королю Карлу во дворец Ахена».

³⁹ Хейрик – правитель фриульской марки, созданной в 776 г., после окончательного подчинения Фриульского герцогства лангобардов власти франкского короля. Его смерть (799 г.) не связана с войной против аваров.

⁴⁰ Эта война не была успешной, поскольку в 811 г. лионы восстали вновь.

⁴¹ Эйнхард, повидимому, добавляет Аквитанию для того, чтобы достижения Карла произвели большее впечатление.

⁴² Эбро.

⁴³ Карл не получил Дертосу и его империя не простиралась до реки Эбро.

⁴⁴ Эйнхард преувеличивает, добавляя Калабрию к империи Карла.

⁴⁵ Повидимому, Эйнхард говорит о двух Паннониях, Верхней и Нижней. Это деление восходит ко II веку н. э. Затем эти части, уже во время правления императора Диоклетиана (284-305 гг.), стали носить иные названия: Верхняя Паннония называлась Первой или Савией, Нижняя Второй или Валерией. Упоминание о двух Паннониях у Эйнхарда является данью традиции.

⁴⁶ В результате военных действий Карла, его государство лишь немногим уступало в размере бывшей Западной Римской империи, ибо Карлом были завоеваны Италия, Саксония, Бавария, Бретань, Аквитания, Северная Испания и пограничные области юго-востока.

⁴⁷ Упомянутые Эйнхардом письма не существуют. Вряд ли видел их и сам автор.

⁴⁸ Скорее всего, Эйнхард имеет ввиду Ардульфа, короля Нортумбрии, чем ирландцев, которых называет «королями скоттов». С другой стороны, Карл, конечно же, мог иметь дипломатические отношения с ирландцами.

⁴⁹ Таких писем также не существует.

⁵⁰ Харун-аль-Рашид, Багдадский халиф (786-809 гг.).

⁵¹ К святому гробу и месту Воскресения Господа Карл отправил посла в 799 г. В ноябре 800 г. посол вернулся и привез ключи от этой святыни, но не от Харуна-аль-Рашида (Аарона), как говорит Эйнхард, а от Иерусалимского патриарха, и не в качестве подчинения власти Карла, а в знак уважения.

⁵² Среди даров Харуна-аль-Рашида, посланных через послов в 807 г., были водяные часы, канделябры, шатер, которые не упоминаются Эйнхардом.

⁵³ Вряд ли это был единственный слон в собственности багдадского халифа.

⁵⁴ В 797 г. Карл отправил послов к халифу Багдада с целью привезти слона. Через пять лет (20 июля 802 г.) слон был доставлен Карлу. Это событие было отражено в летописи, сохранилось имя слона – Абу-ль-Аббас. Слон прожил при франкском дворе около девяти лет. Карл, во время походов, брал слона с собой наравне с детьми и дворовой челядью. Это продолжалось до тех пор, пока слон не умер во время одного из походов Карла на север, в Саксонию. Это событие расценивалось современниками как одно из главнейших печальных событий года, поскольку в летописях сохранилась такая запись: «В том же году, когда умер слон, скончался и король Италии Пипин».

⁵⁵ На самом деле в отношении признания императорского титула Карла в Византии события развивались несколько иначе. В те дни в Византии у власти была императрица Ирина, которая, в борьбе за престол, в 797 г. ослепила родного сына (Константина IV) и с которой Карл вел переговоры. С благословения папы Карл направлял посольства к Ирине, предлагая брак, который позволил бы Карлу объединить Запад и Восток под своим правлением. Однако проект Карла о династическом браке был провален константинопольскими сенаторами. 31 октября 802 года в Константинополе произошел дворцовый переворот, Ирина была низложена, престол занял Никифор I (802-811 гг.), который отказался признать Карла в качестве императора. В ответ Карл после довольно продолжительной войны (806-810 гг.) овладел Венецией и Далмацией, которые номинально числились за Византией, но были ослаблены из-за внутренних распри и, благодаря союзу с Багдадским халифом Аароном, заставил Никифора, который вел войну в Болгарии, пойти в 810 году на мирные переговоры. Через 12 лет после начала конфликта византийский император Михаил I (811-813 гг.) преемник погибшего в Болгарии Никифора, формально признал новый титул императора, в расчете на поддержку Запада в борьбе с Болгарией, разгромившей византийское войско в 811 году. За признание своего императорского титула Карл уступил Михаилу I Венецию и Далмацию.

⁵⁶ В тексте: TON FRANKON ΦΙΛΑΟΝ ΕΧΙΣ, ΓΓΤΟΝΑ ΟΥΚ ΕΧΙΣ

⁵⁷ Всего за время правления Карла было построено 232 монастыря, 27 соборов, 65 дворцов.

⁵⁸ Майнц.

⁵⁹ Ингельгейм.

⁶⁰ Нимвеген.

⁶¹ Чивитавекья. Исправленные Анналы королевства франков (запись 813 г.), которым следует Эйнхард, включают еще и Nikeю: «Мавры опустошили Центумеллу, город Этрурии и Nikeю, провинцию Нарбонни».

⁶² Скорее всего речь идет об ирландцах (скоттах), которые прибывали во дворец Карла во время начатой им культурной реформы в огромных количествах. Большой частью они являлись переписчиками и учителями грамматики. Против них выступал Теодульф Орлеанский, в стихах которого встречаются злобные выпады, как, например: скотт, тупица (scottus, sottus, cottus).

⁶³ Многие детали этой главы и следующих взяты из Жизни двенадцати Цезарей Светония, где говорится об Августе (II, 68-93), Тиберии (III, 68-71), Клавдии (V, 30-42), Нероне (VI, 51-52).

⁶⁴ Петр Пизанский, итальянский грамматик и поэт (VIII – нач. IX вв.), находился при дворе Карла с 783 г.

⁶⁵ Алкуин, Флакк Альбин, англо-сакс по происхождению, ученый и педагог, позже аббат в Туре.

⁶⁶ Следует отметить, что культура каролингского двора мало чем отличалась от культуры варварских королей. Сам Карл умел лишь читать, что было не малым достижением, но не писать, однако охотно забавлялся сделанными для него большими буквами, которые угадывал ошупью.

⁶⁷ Это сооружение, находящееся внутри дворца, являлось недостижимым образцом для зодчих последующего времени. Скорее всего архитекторы Карла, прежде чем построить дворцовый ансамбль, внимательно изучали ранние строения в Риме, Равенне, Милане, Тьере. Возможно, что идея дворца-церкви основана на принципе строительства эпохи императора Юстина (565-578 гг.).

⁶⁸ Существует письмо (Codex Carolinus, 67, MGH, Epistolae Merovingici et Karolini Aevi, I, 614) от папы Адриана I, в котором он разрешает Карлу перевезти мрамор и мозаику из дворца в Равенне для строительства в Аахене.

⁶⁹ В то время была только утренняя месса.

⁷⁰ Карл посещал Рим в 774 г. – во время осады Павии, по приглашению папы Адриана I; в 781 г. – во время коронации своих сыновей Пипина и Людовика в качестве королей лангобардов и аквитанцев; в 787 г. во время Пасхи и в 800 г. в рождественский день, когда папа Лев III провозгласил его императором.

⁷¹ Лев III (795-816 гг.), римлянин по происхождению. С момента своего избрания ощущал явное пренебрежение со стороны римской аристократии. После своего избрания на папский престол он переслал Карлу ключи св. Петра и папское знамя в знак признания его власти. Спустя четыре года после начала правления Льва III, в Риме вспыхнуло восстание против папы и сторонников его профранкской политики. 25 апреля 799 г. во время религиозной процессии вооруженные заговорщики похитили папу и заточили его в соборе св. Сильвестра, где палачам было приказано ослепить его и вырвать ему язык. Однако с помощью друзей Лев III бежал и укрылся в Риме, затем в Сполетто и Падерборне (Вестфалия), где находился Карл Великий и где, по всей видимости, была достигнута договоренность о выдвигании Карла на роль главы империи. Под охраной королевских войск Лев III вернулся в Рим. Вслед за ним туда прибыл и Карл, который потребовал от папы очиститься от обвинений в разврате и нарушении клятв, которые выдвигались против него. 23 декабря 800 г. папа торжественно поклонялся на Евангелии, что он невинно. Двумя днями позже, в рождество, во время богослужения в Ватиканском соборе, папа возложил на голову Карла императорскую корону, а собравшиеся толпы провозгласили его римским императором и Августом.

⁷² Это было заранее оговорено в Падерборне с папой Львом III, которому провозглашение Карла императором было выгодно, поскольку с его помощью он рассчитывал восстановить свой авторитет.

Карл Великий и его внешняя политика (Ноткер Заика, «Деяния Карла Великого», II)

Ноткер Заика (840-912 гг.) – последняя крупная фигура так называемого «каролингского возрождения». Он был поэтом, композитором, богословом, историком, агиографом и во всех этих жанрах умел выделяться из единообразной массы монастырской литературы своего времени.

Вторая книга.

В предисловии (недошедшем до нас) к этому ничтожному труду, я обещал следовать в своем рассказе авторитету только трех мужей, заслуживающих доверия. Но восемь дней тому назад, лучший из них, Веринберт, умер, и сегодня, именно 30 мая, мы, осиротевшие дети и ученики, поминаем его, а потому я и заключаю свою книгу (т.е. первую), которую я писал со слов этого пастыря, говоря о благочестии государя Карла и его попечений о церквях. Следующую же книгу (т.е. вторую) о военных деяниях браннолюбивого Карла я изложу по рассказам Адальберта, отца того Веринберта, который вместе со своим господином Керольдом сделал поход против гуннов, саксов и славян, и который в своих преклонных годах воспитал меня, тогда еще мальчика, несмотря на мое отвращение к науке, и наконец, когда я сделал попытки к бегству, принудил силою обучаться.

1. Так как мне приходится теперь писать по показаниям человека светского (т. е. необразованного; понятие светского человека было в то время по отношению к наукам синонимом человека невежественного) и мало вращавшегося в письменном деле, то мне кажется излишним, по моей обязанности писателя, привести на память нечто о древних временах. После того, как богоненавистник Юлиан (т.е. Апостат) погиб божием определением в персидской войне, и от римской империи отпали не только заморские провинции (т. е. Азия и Африка), но и ближайшая, как-то Паннония, Норик, Ретия или Германия, и франки, и галлы, и когда короли галлов или франков, вследствие умерщвления св. Дезидерия, епископа вьеннского, и изгнания святых всельников, а именно Колумбана и Галла, начали клониться к упадку, в то время вторгся народ гуннов (т.е. аваров, которых принимали за прямых потомков гуннов времен Аттилы). Сначала гунны производили грабежи у франков и аквитанов, в Галлии и Испании, а потом соединив свои силы, разнесли, подобно пожару, далеко свои опустошения, а что успевало спастись, то уносили с собою в свой неприступный притон. Вот каковы были их укрепления, по словам вышеупомянутого Адальберта: «Земля гуннов, говорил он мне, была опоясана девятью кругами». А так как я под кругами разумел обыкновенные плетни из ивняка, то и спросил его: «Чему же тут, мой учитель, удивляться?» – он повторил: «Она была укреплена девятью заборами». Но я под забором представлял себе то, чем огораживаются засеянные поля, и снова задал вопрос; тогда он мне отвечал: «Каждый круг был так велик, то есть, обнимал такое пространство, как от Цюриха до Констанца; стена была выстроена из дуба, бука и сосны такой толщины, что от одного края до другого была шириною в 20 футов и столько же в высоту; внутренняя пустота была наполнена камнями и вязкою глиною, а поверхность вала уложена толстым дерном. По краям насажен мелкий кустарник; его, как то можно часто видеть, подрубали и расстилали по земле, так что он давал новые отростки. Внутри такой ограды были расположены местечки и деревни на расстоянии человеческого голоса. Против каждой деревни были проделаны в той неприступной стене узкие ворота, чрез которые могли бы выходить на грабеж не только жившие по краям, но и внутри страны. Далее, между вторым кругом, выстроенным на подобие первого, и третьим лежало пространство в 10 немецких миль, равных 40 итальянским, и так далее до девятого круга; но каждый следующий был уже предыдущих. От одной стены до другой шли укрепления и жилища на таком расстоянии друг от друга, что из каждого можно было услышать сигнальный рожок. В эти-то укрепления стаскивали они в течении 200 лет, и даже более, все богатства запада, и так как при этом готы и вандалы нарушали вообще спокойствие, то западный мир весь обратился в развалины. Не смотря однако, на то, победоносный Карл усмирил их в течение восьми лет до того, что от них не осталось и малейших следов. На болгаров его рука не распространилась потому, что казалось невероятным, что бы они, по разрушению гуннского царства, могли причинить вред франкам. Добычу, найденную им в Паннонии, Карл щедро разделил между епископами и монастырями.

Во 2, 3 и 4 главах автор сообщает, два-три ничтожных случая из войны Карла В. с саксами, и за тем переходит к дипломатическим его сношениям с восточными странами.

5. При таких военных занятиях, великодушный Карл не упускал из виду отправлять то того, то другого с письмами и подарками к отдаленнейшим государям, которые повсюду оказывали ему знаки почтения. Так, с самого театра саксонской войны он отправил посла к Константинопольскому королю, и этот спрашивал, спокойно-ли государство его сына, Карла, или оно подвергается, нападением соседних народов. Когда старший из посольства отвечал, что оно вообще наслаждается миром, и только один народ, по-имени саксы, беспокоят границы франков, частыми грабежами; тогда император, погрязший в праздности и неспособный к войне, отвечал; «О, к чему мой сын так много трудится для борьбы с ничтожным неприятелем, без имени и

силы?! Я дарю тебе этот народ со всем, что ему принадлежит». Посланник, по возвращении домой, рассказал все воинственному Карлу, и он, усмехнувшись, заметил: «Король оказал бы тебе лучшую услугу, если бы он тебе подарил по крайней мере, полотняные штаны на такую дальнюю дорогу».

6. Я не должен умолчать об уме того же самого посланника, проучившего какого-то мудреца Греции. Случилось ему на пути в Грецию заехать вместе своими спутниками в королевский город; все они были размещены по отдельным квартирам, а он поставлен, был к одному епископу, который терзал себя постом и молитвою, и измучил посланника почти постоянным голодом; наконец, весною, когда погода сделалась мягче, он представился королю (т.е. императору). Этот спросил его, чем он пользовался у епископа. Посланник, вздохнув из глубины души, отвечал: «Уж слишком свят ваш епископ, до того что может обойтись и без Бога». Король возразил с удивлением: «Но как же можно быть святым без Бога?» На это ответил тот: «В Писании сказано: Бог есть любовь, а этого-то и нет у епископа». Король пригласил его за тем к столу и поместил между князьями. Эти последние постановили законом, чтобы никто, иностранец-ли он или туземец, не смел за королевским столом, перевернут, куска мяса или его часть на другую сторону, но должен есть с верха, как ему было подано. Посланнику подали на блюде речную рыбу, облитую фаршированным соусом; когда гость, не зная обычаев страны, повернул рыбу на другую сторону, все поднялись с мести объявил королю: «Государь, вы обесчещены так, как не были ни один из ваших предшественников». Король вздохнул и сказал посланнику: «Я не могу защитить тебя, чтобы спасти от неминуемой смерти. Но проси у меня чего хочешь другого, и я тебе ни в чем не откажу. Тот нисколько подумав, и сказал так громко, что все услышали: «Я заклиная вас, государь император, согласиться на одну моюнебольшую просьбу, как то вы мне и обещали». Король отвечал: «Требуй, чего желаешь, и получишь, но я не могу нарушить греческих законов и подарить тебе жизнь». Тогда посланник объявил: «Так как я должен умереть, то прошу тебя об одном: пусть выколят глаза тому, кто видел, что я перевернул рыбу». Испуганный такимтребованием, король начал клясться Христом, что он сам не видал того, но слышал по словам других. За ним начала оправдываться и королева: «Клянусь подательницей всяких радостей Богородицей, св. Марию, я также не заметила того». Ей подражали и другие князья, друг перед другом, чтобы избавиться от опасности; один клялся небесным ключеносцом, другой учителем язычников, остальные ангельскими силами и всем сонмом святых, лишь бы только страшными заклинаниями оправдать себя от обвинения. Так провел тот умный франк тщеславную Элладу в ее собственном доме, и возвратился к себе с торжеством жив и здоров...

В заключении этой главы и в последующих главах 6-12, автор рассказывает в том же роде историю посольства византийского, персидского и африканского, примешивается туда рассказ о Лудовиге Немцеком и о заговоре Пипина против Карла, и наконец возвращается к главному предмету.

13. Около того времени, когда император поднял в последний раз руку на гуннов и принудил другие народы к подчинению своей власти, вторжение норманнов причинило величайшую тревогу между галлами и франками. Победоносный Карл уже думал, после своего возвращения из похода, напасть на их родину с сухого пути, хотя это стоило бы больших трудов и было бы весьма затруднительно. Но Провидение не допустило его до того, или чтобы, как сказано в писании Израиля, тем испытать его, или чтоб наказать нас за наши грехи; все его попытки остались бесплодными, и чтобы объяснить одним примером те бедствия, которые постигли все войско, скажу, что при походе одного отдельного аббата в одну ночь пало от язвы 50 пар быков. Таким образом, Карл, мудрейший из всех людей, чтобы не плыть против течения и не сопротивляться запрету писания, отказался от предприятия. Однажды ему случилось долгое время ездить по своему обширному государству; в это время, Готфрид, король норманнов, ободренный его отсутствием, напал на пределы франков и избрал страну р. Мозеля центром своего государства. Но в один день, когда на охоте он хотел вырвать у сокола утку, подбежал к нему его сын, мать которого он убил, чтобы взять себе другую жену, и заколол его. После этого события, как после смерти Олофериа, никто не осмеливался рассчитывать ни на свою храбрость, ни на свое оружие, но искал спасения в бегстве; таким образом земля франков освободилась без всяких усилий с своей стороны, так что не могла, подобно неблагоприятному Израилю, возгордиться пред Богом. Но победоносный и непобедимый Карл, хотя конечно и воздавал хвалу Богу за такой праведный суд, но тем не менее горько жаловался, что в следствие его отсутствия один из норманнов ушел из его рук. «О горе! восклицал он, мне не удалось видеть, как мой христианский народ отделал бы эти собачьи головы».

Однажды и случилось так, что Карл при своем объезде явился в какой-то город нарбоннской Галлии. Когда он сидел за столом, в гавани появились норманнские лазутчики, высматривая добычу, но никто о них не знал. Всесмотрели корабли, и одни приняли их заеврейских, другие за африканских, а третьи за британских купцов; но премудрый Карл немедленно узнал по их вооружению и по ловкости движения, что это не купцы, а враги, и сказал своим: «Эти корабли набиты то товаром, и несут на себе злейших неприятелей». При этих словах все поспешили к кораблям, один обгоняя другого; но напрасно: едва норманцы узнали, что тут находится он, Карл - Молот, какони его называли, то быстро обратились в бегство, избегая не толькооружия, но и взора преследовавших; они боялись, что ихмечи онемеют иразлетятся на куски. Но благочестивый Карл, мужправдивый и богобоязливый, встал из-за стола и подошел кокошку, которое смотрело на восток. Тут он плакал долгое время, итак какникто не дерзал заговорить с ним, то он тогда сам сказалсвоим воинственным вождям, чтобы объяснить им свое поведение ислезы: «Знаете-ли, о мои возлюбленные, о чем я плакал? Не о том, говорил он, что я боюсь, чтобы эти глупцы, эти ничтожные люди,могли мнебыть опасны; но меня огорчает

то, что они при моей жизни осмелились коснуться этих берегов; и я горюю теперь, потому что предвижу, сколько бедствий они причинят моим преемникам и их подданным». Но чтобы это впредь не случилось, да спасет нас от того покровительство Господа нашего Иисуса Христа, и да отразит норманнов ваш (т. е. Карла Толстого) меч, в их крови закаленный, в соединении с оружием сына вашего брата Карломана; конечно это оружие было запятнано вашей кровью, но теперь оно заржавело, не в следствие трусости, но по недостатку в средствах и тесноте границ вашего вернейшего Арнольда (т. е. Арнульфа, побочного сына того Карломана); впрочем по вашему призыву и по приказу высшей власти, оно может очень легко быть отточено и отчищено, как бывало то прежде. Эта отрасль процветет теперь рядом с нежным вашим отпрыском, в лице Беннолина, совершенно отдельно от плодородного короля Лудовика (т. е. Благочестивого), единственно под верхом вашего покровя. Покамест, я вставляю в историю вашего соименника кое-что о вашем прапрадеде Пипине (т. е. Коротком), чему, божеское провидение будет милостиво к нам, могли бы подражать, или маленький Карл или Лудовик (т. е. дети Карла III Толстого).

Следующия главы до последней из них, 21 главы, составляют потому большое отступление, в котором автор говорит о правлении Пипина Короткого, Лудовика Немецкого, Лудовика Благочестивого, изредка упоминая о Карле Великом; в 21 главе вторая книга прерывается на половине фразы; конец ее и вся третья книга остаются и до сих пор потерянными для нас.

Капитулярии Карла Великого

Франкские короли нередко издавали постановления, которые во времена Меровингов назывались эдиктами, декретами, конституциями, а при Каролингах (начиная с 779 г.) стали именоваться капитуляриями (от слова *capitula*, то есть глава, раздел издававшегося постановления). Особенно много капитуляриев было издано при Карле Великом. Они издавались по различным поводам и касались самых разнообразных вопросов. Стремясь централизовать государственную власть, чтобы обеспечить проведение завоевательной политики и добиться «послушания» местной знати, Карл Великий, издавая капитулярии, пытался сурово расправляться с покоренными народами, обеспечивать созыв войска, укреплять власть своих посланцев, бороться с уголовными преступлениями – убийствами, воровством и прочим, с распрями (файдами), пытался упорядочить организацию суда, разграничить сплетавшуюся и конкурировавшую между собою судебную власть короля, графов, посланцев, вотчинников, сеньоров. Об охране церкви и ее имущества, соблюдении церковниками «канонического образа жизни» также не раз говорилось в капитуляриях. Имеется и капитулярий, посвященный ведению хозяйства в королевских поместьях, чтобы, как писал Карл Великий, «поместил наши, кои мы определили быть для нужд наших, служили всецело нам, а не другим людям».

Приводится (в извлечении) пример такого документа – Саксонский капитулярий 775-790 гг.

Саксонский капитулярий 775-790 гг.

1. Для всех будет благо, если Церковь Христова, будучи созданной в Саксонии и освященной Богом, не должна иметь менее, будучи великой и более прославленной, чем имеют почитатели идолов.
2. Если кто-либо ищет убежища в церкви, не позволено никому дозволять себе изгонять его из церкви силой, но он должен пребывать в мире до тех пор, пока не будет осужден судебным собранием; и по причине славы, надлежащей Богу и святым, и почтения, надлежащей самой Церкви, оставить его в живых и все его члены должны быть ему оставлены. Более того, он может ходатайствовать по своему делу столь хорошо, как может, и он должен быть предан суду; и потому он должен быть доставлен в присутствие господина короля, и последний должен направить его, куда покажется удобным его милости.
3. Если кто-либо вторгнется в церковь силой и вытасит что-либо силой или воровством или сам предаст церковь огню, должен быть наказан смертью.
4. Если кто-либо из не уважения к христианству презирает святой пост и ест мясо, должен быть наказан смертью. Но, тем не менее, его надлежит доставить для расследования священника, чтобы не оказалось, что он был вынужден есть мясо по необходимости.
5. Если кто-либо убьет епископа или священника или диакона, должен быть решительно наказан таким же образом.
6. Если кто-либо будет уверен, что какой-либо мужчина или женщина обмануты дьяволом, по языческому обычаю является колдуном и по этой причине жарит человечину или дает человеческое мясо другим для еды или ест его сам, должен быть наказан вышеозначенным образом.
7. Если кто-либо согласно с языческими обрядами сжигает умершего человека и превращает его останки в пепел, должен быть наказан таким же образом.
8. Если кто-либо из народа саксов, укрывшись среди них, захочет скрыться некрещенным сам, и пренебрегает крещением, и желает вернуться к язычеству, должен быть наказан смертью.
9. Если кто-либо приносит в жертву человека и согласно обрядам язычников жертвует его демонам, должен быть наказан смертью.
10. Если кто-либо создаст тайный сговор против христиан или возжелает присоединиться к нему для сопротивления христианам, должен быть наказан смертью; и кто бы ни был согласившийся на такую измену по отношению к королю и христианскому народу, он должен быть наказан смертью.

11. Если кто-либо сам проявит неверность по отношению к господину королю, должен быть наказан вышеозначенным образом.

12. Если кто-либо похитит дочь своего господина, должен быть наказан смертью.

13. Если кто-либо убьёт своего господина или госпожу, должен быть наказан тем же образом.

14. Если действительно кто-либо, тайно преследуемый за такие смертельные преступления, спасется добровольно у священника и после признания пожелает понести наказание, должен быть по свидетельству священника освобожден от смерти.

15. Относительно меньших нарушений все согласовано. Каждой церкви прихожане должны предоставить дом и два манса земли, и от каждых ста и двадцати человек, знатный и свободных и, подобно тому, литов, должны быть предоставлены этой церкви слуга и служанка.

16. И так будет угодно, будучи угодно Христу, что как только какой-либо доход поступает в сокровищницу или за нарушение мира, или за какое-либо наказание от какого-либо рода, то во всех доходах, принадлежащих королю, десятая часть должна принадлежать церквям и священникам.

17. Подобным образом, в соответствии с волей Бога, мы приказываем, что все должны давать десятую часть от своих имущества и трудов церквям и священникам; благородные, как знатные, так и свободные и, подобным образом, литы, в соответствии с тем, что Бог дал каждому христианину, возвращают часть Богу.

18. Что в день Бога не должно быть собраний и судебных заседаний, если только не в случае великой необходимости, или если война не вынудит это, но все должны пойти в церковь, чтобы послушать слово Божие и должны быть свободны для молитв и добрых дел. Подобным образом, также по особым праздникам они должны посвящать себя Богу и службе в церкви и должны воздерживаться от мирских собраний.

19. Подобным образом, будет угодно это добавить в эти постановления, что все дети должны быть крещены в течение года; и мы постановляем этим, что если кто-либо воздержится от доставления своего ребенка для крещения в течение года без оповещения или разрешения священника, то если он знатный, он должен уплатить 120 солидов в сокровищницу, если свободный – 60, если лит – 30.

20. Если кто-либо заключит запрещенный или незаконный брак, если знатный – 60 солидов, если свободный – 30, если лит – 15.

21. Если кто-либо даст обет на роднике, или дереве, или роце, или совершит жертвоприношение по языческому обычаю, или примет участие в пире в честь демонов, то если он знатный – 60 солидов, если свободный – 30, если лит – 15. Если, действительно, у них нет людей, способных уплатить все сразу, они должны поступить на службу церкви, пока солиды не будут уплачены. Мы приказываем, чтобы тела саксов-христиан передавались на церковное кладбище, а не в языческие погребальные холмы.

23. Мы предписываем, что прорицатели и предсказатели должны быть переданы церкви и священникам...

33. Относительно клятвоступлений, рассматривать их согласно закону саксов.

34. Мы запрещаем, чтобы все саксы вообще сохраняли публичные собрания, за исключением, возможно, когда миссии заставят их собраться вместе согласно нашего распоряжения, но каждый граф должен сохранить судебные собрания и отправлять правосудие в рамках своей юрисдикции. И должно быть на попечении священников, и чтобы не было иначе.

Раздел империи Карла Великого Завещание Карла Великого (806 г.)

В феврале 806 г. Карл Великий составил завещание, в котором указал на то, что после его смерти необходимо разделить империю между своими тремя сыновьями: Людовиком, Пипином и Карлу.

Однако в 810 г. умер Пипин, а в 811 г. умер Карл. Незадолго до смерти, в 813 г. Карл Великий призвал к себе Людовика, короля Аквитании, единственного оставшегося в живых своего сына от Гильдегарды, и, созвав торжественное собрание знатных франков всего королевства, 11 сентября 813 г. назначил его, с общего согласия, своим соправителем и наследником, а затем возложил ему на голову корону и приказал впредь именовать его императором.

Преамбула.

Во имя Отца и сына и святого духа. Карл, светлейший Август, богом коронованный, великий император миротворец, управляющий Римской империей, который и по милости божьей король франков, а также лангобардов, ко всем верным святой божьей церкви и к нам, ныне живущим и к будущим [поколениям]. Мы надеемся, что всем известно, и ни для кого из вас не является неизвестным, что божья милость, волей которой вследствие склонности к смерти сменяются поколения путём рождения потомков величием своего сострадания и благословения одарила нас дав трёх сыновей, а также укрепила нашу волю и надежды королевства и уменьшила заботы, о которых наследникам свойственно забывать.

Таким образом мы желаем и просим, чтобы всем было известно то, что нам угодно по божьей милости оставить этих же сыновей и при нашей жизни и после нашей смерти наследниками империи, которую хранит и бережёт господь, или нашего королевства, если божественная святость определит это. Мы вовсе не желаем, однако, передать это королевство сыновьям неразделённым и без всякого порядка, как предмет для

столкновений. Но мы разделяем всё королевство на три части, предназначая каждому ту, которой он должен править и которую будет защищать. Таким образом каждый удовлетворён своей частью [и] согласно нашим предписаниям будет с божьей помощью стремиться защитить границы своего королевства, которые смыкаются с границами чужеземных народов и оберегать мир и взаимопонимание с братом.

Гл. 1

Освещенные богом разделы, а также упорядочение империи или королевства нашего должны произойти таким образом: мы назначили нашему любезному сыну Людовику всю Аквитанию и Васконию, за исключением Турэни, всё, что находится на запад отсюда и Испанию, город Нивернис на реке Луаре с его округой, округу Авалензе и Альсензе, Кабилон, Матискон, Лугдун, Сабою, Мариену, Тарэнтасию, гору Цинизий, долину Сегусию и оттуда по границам итальянских гор до моря. Все эти области с их городами и всем, что к ним относится на юги до Испании, то есть часть Бургундии и Провинции и Септимании или Готии.

Гл. 2

Италию, которая также называется Лангобардией и Баварию, ту, которой владел Тасиллон, кроме двух вилл, которые называются Ингольштадт и Лаутерхофен, которые относятся к пагу Нордгау, которые мы некогда дали Тасиллону в качестве бенефиция, потом ту часть Аламании, которая находится на южном берегу Дуная и от самого истока Дуная граница идёт к реке Рейну, между рубежами пагов Клетгау и Гегау, и оттуда (идёт) через реку Рейн вверх, по направлению к Альпам, до места, которое называется Энге. Всё, что будет в этих пределах и лежит на юг и восток вместе с Хурской областью и пагом Дургау принадлежит любезному нашему сыну Пипину.

Гл. 3

Ту часть нашего королевства, которая будет находиться между этими границами, это значит Францию и Бургундию, за исключением той её части, которую мы даём Людовику, а также Аламанию, за исключением истока, который мы отписали Пипину, Австразию, Нейстрию, Тюрингию, Саксонию, Фризию и часть Баварии, которая зовётся Нордгау, мы передаём нашему любезному сыну Карлу, чтобы таким образом Карл и Людовик могли держать путь в Италию с целью оказания помощи своему брату, если возникнет такая необходимость: Карл через долину Аугустаны, которая граничит с его королевством, а Людовик через долину Сегусианы, Пипин же имел бы подобным образом выход и вход через Норийские Альпы и Хур.

Гл. 4

Этим (документом) мы утверждаем такой порядок, что если Карл, который является старшим по рождению, умрёт раньше других своих братьев, часть королевства, которой он будет владеть, пусть будет разделена между Пипином и Людовиком, подобно тому, как некогда была разделена между нами и нашим братом Карломаном, таким образом, чтобы Пипин владел частью, которую имел наш брат Карломан, Людовик пусть получит ту часть, которой владели мы по этому разделу.

Если при жизни Карла и Людовика Пипин отдаст долг человеческой смерти, пусть Карл и Людовик разделят между собой королевство, которое он получил, и пусть раздел этот произойдёт таким же образом, а именно, чтобы при входе в Италию через Аугусту Карл получил Эборею, Верчелли, Папию и оттуда граница его владений шла по реке ПО от границ Регенсия, и сам Реджио и Читта Нуову и Мутину, (подходя) к границам святого Петра. Эти города с их предместьями, территориями и графствами, которые имеют к ним отношение и всё, что оттуда на пути в Рим в королевстве, которое получил Пипин, лежит влево вместе с герцогством Сполето. Всю эту выше обозначенную нами часть получит Карл. Всё, что находится в этом королевстве справа от названных городов и графств, на пути в Рим, а именно часть, которая состоит из Транспаданской области с герцогством Тоскана до Южного моря и Провинции, пусть будет получено Людовиком для увеличения его королевства.

Если же раньше вышеупомянутых (братьев), которые останутся в живых, умрёт Людовик, то часть Бургундии, которую мы присоединили к его королевству с Провансом и Септиманией или Готией до самой Испании получит Пипин, Карл же (получит) Аквитанию и Васконию.

Гл. 5

Если же у кого-нибудь из этих трёх братьев родится сын, такой, которого народ пожелает избрать, чтобы он держал в качестве наследства королевство своего отца, мы желаем, чтобы дядя этого ребёнка согласился с тем, что сыну их брата следует править в той части королевства, которую получил их брат, его отец.

Гл. 6

Затем авторитетом нашей воли нам угодно установить и приказать среди названных сыновей наших во имя мира, который бы всегда сохранялся как мы того желаем, чтобы никто из них не совершал вторжения в пределы королевства своего брата и не стремился бы к разладу его королевства или захвату пограничной территории, но пусть каждый из них поддерживает своего брата и в соответствии с совестью и возможностью помогает ему против его врагов как внутри родины, так и против соседних народов.

Гл. 7

И пусть никто из них не принимает человека своего брата, который сбежал к нему по какой-нибудь причине или из-за вины, пусть никто не даёт за него поруки.

Мы желаем, чтобы каждый человек, если он виноват и ему необходима порука, скрывался бы в королевстве своего господина около святых мест или у честных людей и оттуда добивался бы законной поруки.

Гл. 8

Равным образом мы приказываем, чтобы каждого свободного человека, который уйдёт от своего господина против его воли и перейдёт из одного королевства в другое, ни сам король не принимал, ни позволял своим людям, чтобы такого человека принимали или незаконно удерживали. Это мы утверждаем не только в отношении свободных, но даже и в отношении рабов беглецов, чтобы не оставалось никакой противоречивой ситуации.

Гл. 9

В связи с этим нам угодно, чтобы после нашей смерти люди каждого из них имели бенефиции каждый в королевстве своего господина, а не в другом, в противном случае могло бы возникнуть какое-нибудь происшествие. Наследственную собственность каждый их человек может иметь законным образом в любом королевстве.

Гл. 10

После смерти своего господина каждый свободный человек должен будет комендоваться в любом из этих трех королевств, в котором пожелает, то же самое пусть сделает и тот, кто ещё никому не комендовался.

Гл. 11

Что касается дарений и продажи, которые могут происходить между частями, мы приказываем, чтобы никто из трёх братьев не принимал из королевства другого от какого-нибудь человека в качестве дарения или продажи недвижимость, а именно, землю, виноградники, а также леса и рабов, которые уже имеют хижину, или иное имущество, которое входит в понятие наследства, за исключением золота, серебра, драгоценных камней, оружия и одежды, тех, кто не владеет хижинами, а именно то, чем торгуют купцы.

Гл. 12

В случае, если женщина стала вдовой в пределах частей и королевств и возникнут просьбы о брачной связи, которые не отвергаются законом, должно быть позволено равным образом отдавать и брать замуж и воссоединять соседние народы между собой.

Женщина, которая вступила в такой брак, пусть сохраняет своё имущество в том королевстве, откуда она пришла, несмотря на то, что будет жить в другом из-за брачной связи.

Гл. 13

О заложниках же, которые выдаются в результате соглашения и помещаются нами в отдалённом месте для надзора, мы хотим, чтобы король в королевстве которого они находятся и могущество которого возвеличивают, не выдавал их обратно на родину без согласия своего брата. Но пусть они в будущем помогут один другому в содержании заложников, если один брат смиренно попросит другого.

То же мы приказываем и в отношении к тем, кто за свои преступления брошен за решётку.

Гл. 14

Если возникнет судебная тяжба или обвинение, или тому подобный конфликт неподалёку или в соседних королевствах и дело не может быть решено и выяснено при помощи свидетеля, то в качестве доказательства в трудном деле должны рассматриваться воля и приговор божьего суда независимо от того, где и каким родом было подготовлено единоборство или поле для расследования.

Если какой-нибудь человек из одного королевства обвинит человека из другого королевства в предательстве брату своего господина в присутствии господина, то в этом случае последний отвечает за то, что сказал этот человек.

Гл. 15

Помимо прочего мы также приказываем и предписываем, чтобы эти три брата вместе охраняли и оберегали церковь святого Петра, так же, как некогда она поддерживалась нашим дедом Карлом и нашим отцом доброй памяти королём Пипином, а после и нами и чтобы они с божьей помощью стремились защищать её от врагов и вершили свой суд насколько это их касалось бы и служило порядку. Мы приказываем также, чтобы они вершили суд и честь в отношении прочих церквей, которые находятся в их власти, а священников и ректоров назначали бы из почитаемых мест, которые относятся к этому святому месту, в каком бы из этих трёх королевств не находились владения этих церквей.

Гл. 16

Если кто-нибудь случайно или из-за обстоятельств, или договорённости, или из-за неведения захватил бы что-нибудь, а этого мы не желаем, то мы приказываем, чтобы его стремились привести к послушанию ещё одним быстрым судом, так как в результате затягивания может значительно увеличиться ущерб.

Гл. 17

О наших дочерях, сестрах наших сыновей. Мы приказываем, чтобы после того как мы расстанемся с этим телом, каждая из них могла бы свободно избрать под защитой и охраной какого [из них] она окажется.

Если кто-нибудь из них выберет монашескую жизнь, следует с уважением позволить ей жизнь под опекой своего брата, в королевстве которого она пожелает жить.

Но с другой стороны, если её законно и честно попросит в жёны достойный человек, и её саму будет удовлетворять жизнь в браке, пусть ей не будет отказано её братьями, если и мужчины желанны и женщины достойны согласия и разумны, да будет дано позволение.

Гл. 18

Что касается наших внуков, детей наших сыновей, которые уже рождены или тех, которые ещё родятся, нам было бы желательно приказать, чтобы никто из них в результате каких-нибудь случайностей с кем-нибудь из наших сыновей, в случае если их обвиняют, не мог быть убит, изувечен, ослеплён, ограблен без суда и следствия.

Но мы хотим, чтобы они были уважаемы среди отцов и дядей, и подчинялись бы им со всем смирением, которому подобает быть при такой степени родства.

Гл. 19

Наконец, мы должны постановить, что к тем вещам и положениям, которые до сих пор имели какое-либо отношение к выгоде и пользе тех нашими указами и декретами мы хотели бы добавить (следующее). Пусть (они) сохраняются и соблюдаются нашими любезными сыновьями так, как мы указываем соблюдать и сохранять то, что в них уже содержится и записано.

Гл. 20

С другой стороны, всё это мы изложили и решили утвердить в соответствии с порядком таким образом, что пока мы по воле божьей живём, нашим владением является королевство, которое оберегается богом и власть в нём, как будто бы существовало прежнее управление и порядок и все королевские и императорские прерогативы, и чтобы мы отдавали приказы нашим любезным сыновьям и отмеченному богом народу нашему и всем лицам, которые представляют императора и короля своими народами словно дети отца.

Аминь

Внешняя политика Людовика I Благочестивого (Теган, «Деяния императора Людовика», VIII-XXXIV)

Имя автора сочинения – Тегана – известно благодаря аббату в Рейхенау Валафриду Страбу, современнику Тегана, который поместил на приобретенном им манускрипте под названием «Жизнь Людовика, императора» следующую заметку: «Это сочинение написал, в форме хроники, Теган, родом франк, провинциальный епископ Трирской церкви, но весьма коротко и более правдолюбиво, нежели интересно».

...8. После смерти славнейшего императора Карла его сын Людовик выступил из Аквитании, прибыл в аахенский дворец и без всякого сопротивления принял все королевства, которые Бог передал его отцу. Это был 814 год от Рождества Господа, первый год его царствования...

9. После этого к нему пришли послы из всех королевств и провинций и от других народов, и все, которые находились под властью его отца, объявили, что желают сохранить мир и верность по отношению к нему, и без (всякого) принуждения предложили добровольное повиновение. Среди прочих прибыли послы от греков (вместе) с Амальгарием, епископом Трира, который был послом (еще при) блаженной памяти (императоре) Карле к князю Константинопольскому, чье имя сейчас не приходит на память. Когда они пришли, то обнаружили восседающим на престоле отца уже государя Людовика, как того восхотел Господь. Тот милостиво встретил их и с благодарностью принял от них дары и дружески обращался с ними до тех пор, куда они были у него. Немного дней спустя он одарил их с большими почестями и отпустил на родину, и впереди них отправил своих посланцев, (чтобы) позаботиться обо всем, в чем будет необходимость, до тех пор пока они будут в его королевстве.

10. В том же году упомянутый император приказал возобновить все распоряжения для Божьих церквей, сделанные со времен его предков, и сам скрепил их собственноручной подписью.

11. Между тем прибыли послы от беневентцев, которые передали под его власть весь Беневент и обещали ежегодно платить подать в виде многих тысяч золотых слитков, что они делали до настоящего дня.

12. В это же время пришел Бернард, сын его брата Пипина, и подчинился ему как главному и клятвенно обещал (ему) верность. Государь Людовик охотно принял его и почтил его большими и знатными дарами; затем он позволил ему невредимым отправиться в Италию.

13. В то же самое время названный император отправил посланцев своих по всем своим королевствам, чтобы обследовать и разузнать, не совершено ли по отношению к кому-либо какой-либо несправедливости, и повелел, что если бы они нашли кого-нибудь, кто это утверждал и мог удостоверить это вернейшими доказательствами, тотчас предстать с ними перед ним, (императором). Те, разъехавшись, обнаружили бесчисленное множество пострадавших или из-за потери отцовского наследства, или (вследствие) утраты свободы; это совершали несправедливые слуги, графы и наместники по причине (их) дурного нрава. Все эти распоряжения, что преступным образом были совершены руками несправедливых слуг еще при жизни его отца, упомянутый император повелел уничтожить. Притесненным он возвратил отцовское наследство, незаконно обремененных службой освободил (от нее), и обо всем (этом) велел составить (соответствующие) грамоты и собственноручно скрепил их подписью. Делал же он это довольно долгое время.

14. На другой год своего царствования он созвал в Саксонии всеобщее собрание (знати) и постановил на нем много хорошего; и к нему прибыло посольство данов с просьбой о мире; и (посольства) пришли к нему от всех языческих народов, которые жили вокруг; и туда пришел к нему упомянутый выше Бернард, которого он

вновь отпустил в Италию. После того как государь Людовик укрепил в тех областях границы своего королевства, он возвратился в свою резиденцию в аахенском дворце и провел там зиму.

15. На следующий год он отправил свое войско против славян, располагавшихся на востоке; и (франки) жестоко потеснили их и с Божьей помощью вышли победителями. После этого каждый возвратился к себе.

16. В том же году умер римский папа Лев и ему наследовал Стефан. Тот, сразу после того как наследовал понтификат, повелел всему римскому народу принести Людовику клятву верности; и он направил к императору своих послов, извещая его, что непременно желал бы его видеть там, где ему было бы угодно. Когда (император) услышал это, то, преисполнившись большого веселия, начал радоваться и тотчас приказал, чтобы его посланцы отправились навстречу св. понтифику с многочисленными приветствиями и подготовили все к его услугам. Вслед за посланцами навстречу папе выступил сам государь Людовик, и когда они встретились на большой равнине у Реймса, то оба сошли с коней; император трижды простерся на земле всем телом у ног столь важного епископа, и, поднявшись в третий раз, он приветствовал понтифика такими словами: «Благословен грядущий во имя Господне, Бог есть Господь, и он осиял нас». И папа ответил: «Да будет благословен Господь наш Бог, сподобивший наши очи узреть второго царя Давида». Потом они обнялись и поцеловались в мире; потом они направились в церковь; и, после того как они долго молились, понтифик поднялся и со (всем) своим клиром звучным голосом воздал ему подобающие королю восхваления.

17. Затем понтифик почтил его великими и многочисленными дарами, равно и королеву Ирмингарду и всех его знатнейших и слуг. И в ближайшее воскресенье в церкви перед мессой в присутствии духовенства и всего народа он освятил его и помазал императором; и золотую корону удивительной красоты, украшенную драгоценными камнями, которую он принес с собой, возложил на голову его. И королеву Ирмингарду он приветствовал как императрицу и возложил золотую корону на ее голову. На протяжении всего времени, что папа был там, они ежедневно беседовали об улучшении святой церкви Божьей. После того как государь император почтил его великими и бесчисленными дарами, вдвое больше тех, что получил от него, как он всегда имел обыкновение делать, (предпочитая) более дарить, нежели принимать, он позволил папе отправиться в Рим в сопровождении своих послов, которым повелел всюду на пути своем служить ему с полным почтением.

18. Через некоторое время после своего возвращения в Рим упомянутый папа умер. Позднее через откровение божье в разных чудесах обнаружилось, что тот при жизни был истинным почитателем Бога. Ему наследовал папа Пасхалий...

21. Вышеупомянутый император определил своего сына Лотаря, чтобы после его смерти он унаследовал все королевства, которые рукой отца передал ему Господь, а также имел бы титул и империю отца; другие сыновья были раздосадованы этим (обстоятельством).

22. В том же году Бернард, сын Пипина, рожденный от наложницы, подстрекаемый дурными людьми, восстал против своего дяди и возжелал лишиться его королевства. Имел же он вокруг себя неблагодетельных советников. Когда государь император услышал об этом, он выступил из аахенского дворца и отправился в город Кавиллон; туда пришел к нему Бернард со своими дурными советниками, и они предстали (перед ним) и были заключены под стражу. Там же император отпраздновал Рождество Господне.

Оттуда он возвратился в свою резиденцию в Аахен и после Пасхи созвал большое собрание народа и расследовал по этому делу все недостойнейшие заговоры неверных. И обнаружилось, что в этом мятеже были задействованы некоторые как из франков, так и лангобардов, и все они были осуждены на смерть, кроме епископов, которые после того как исповедовались, были низложены. Это были Ансельм Медиоланский, Теодульф Орлеанский и Вольфолд Кремонский. Смертный приговор, висевший над остальными, император не желал приводить в исполнение; но (придворные) советники ослепили Бернарда, а также и его подстрекателей Эгиттео, Регинхарда и Регинхария, который был сыном дочери Хардрада, невернейшего герцога Австрии, который в давние времена хотел восстать против государя Карла и уменьшить ему королевство и который (после подавления мятежа) подвергся такому же наказанию, что претерпел сын его дочери вместе со своими сподвижниками.

23. Через три дня после ослепления Бернард умер. Когда император услышал об этом, он долго плакал в великой скорби и покаялся перед всеми своими епископами, и по их решению он принял епитимью (только) за то, что не воспрепятствовал своим советникам совершить это изуверие. По этой причине, для очищения своей души, он многое роздал бедным.

24. В то же время, чтобы уменьшить (впредь опасность) раздора, он приказал постричь в монахи своих братьев Дрого, Гуго и Теодориха и повелел наставить их в свободных искусствах; позднее он достойно о них позаботился, дал Дрого епархию, а Гуго многие монастыри.

25. Потом государь император выступил с войском в Бретань, и там был убит их герцог Муркоман, и всю ту землю он подчинил своей власти. Возвратившись оттуда, он нашел королеву Ирмингарду в лихорадке, и через несколько дней она умерла с миром.

26. В следующем году он женился на дочери своего герцога Хвельфа, (происходившего) из знатнейшего баварского рода, по имени Юдифь, которая со стороны матери, Эйгильви, принадлежала к знатнейшему саксонскому роду, и сделал ее королевой. Была же она очень красива. В том же году он созвал всеобщее собрание в королевской вилле Ингельгейм.

27. На следующий год он послал свое войско против восточных славян, герцога которых звали Лидуит; они обратили его в бегство и опустошили ту страну. Оттуда они снова возвратились домой.

28. В следующем году он созвал всеобщее собрание, и там его сын Лотарь, первородный от королевы Ирмингарды, взял в жены дочь графа, который происходил из рода некоего герцога Этиха и был труслив как никто. Так его прославили его домашние, поскольку некогда он не осмелился поставить ногу перед своей оградой. Уже тогда он склонялся к неверности, которую проявил по отношению к отцу по наущению названного своего тестя и многих других злопыхателей. Оттуда Лотарь вместе с женой отправился в Вормацию.

29. На следующий год он созвал всеобщее собрание во дворце в Аттиниаке. Оттуда он отправил своего сына Лотаря с женой Ирмингардой в Италию. Государь же император, выступив оттуда, направился во Франхоновурт, где и отпраздновал Рождество Господне.

30. После этого он отправил своих послов, почтеннейшего аббата и пресвитера Адалунга и Хунфрида, герцога Реции, в Рим из-за непристойных речей, которые римский народ вел о римском понтифике Пасхалии, обвиняя его в том, что тот якобы убил множество людей. Упомянутый папа очистился клятвой в Латеранской патриаршей церкви в присутствии тех послов и римского народа, с 34 епископами и 5 пресвитерами и дьяконами. И вскоре после отъезда тех послов папа умер, и римский народ не желал хоронить его останки в церкви святого апостола Петра, до тех пор пока папа Евгений не наследовал ему и сам не повелел похоронить его тело в том месте, которое он выстроил еще при жизни.

31. На следующий год император вновь отправился в Бретань и по причине неверности (ее жителей) великим опустошением разорил всю ту землю.

32. В другой год он с большим войском находился во дворце Аахена, и туда пришли к нему послы от болгар и принесли дары: он любезно принял их и снова отпустил на родину.

33. На следующий год он был в королевском дворце Ингельгейм, и туда пришел к нему от данов Хериолт, которого государь император поднял от святого источника крещения, и жену его подняла от источника госпожа августа Юдифь. Затем государь император передал ему большую часть Фризии и почтил его почетными дарами, и позволил идти с миром со своими послами.

34. На другой год он отправил свое войско против сарацин...

Договор, заключенный в 817 г. между императором Людовиком I Благочестивым и папой Пасхалием I

Договор, заключенный в 817 г. между императором Людовиком I Благочестивым и папой Пасхалием I

Во имя всемогущего бога отца и сына и святого духа. Я, Людовик, император Август устанавливаю и составляю через этот договор утверждения нами, тебе, блаженному Петру, князю апостолов, и через тебя твоему наместнику, господину Пасхалию, высочайшему первосвященнику и всеобщему папе и его преемникам навечно, так чтобы от предшественников ваших вплоть до нашего времени в вашей власти и господстве вы владели бы и располагали городом Римом с его дукатом и предместьями, а также всеми посёлками и его территориями горными и приморскими, побережьями и портами или всеми городами, замками, городками и посёлками в пределах Тусции, то есть Портумом, Центумцеллой, Чере, Бледой, Мантуранумом, Сутриумом, Непе, Каstellом, Галлисом, Хортом, Полимартиумом, Америкей, Тоди, Перусией с тремя её островами, то есть большим и малым, Пульвенсисом, Нарни, Утрикулумом со всеми пределами и территориями, относящимися к описанным выше городам. Таким же образом в пределах Кампании Сеньи, Ананьи, Ферентинум, Алятрум, Патрикум, Фризилуну с пределами Кампании, а также и Тибур со всеми пределами и территориями, относящимися к этим городам, а также и экзархат Равенны с совокупностью [всего, что к нему относится] с городами, городками поменьше, местечками и замками, которые священной памяти господин король Пипин и доброй памяти отец наш император Карл возвратили блаженному апостолу Петру и вашим предшественникам уже давно посредством акта дарения, то есть город Равенну и Эмилию, Бобиум, Цезену, Форумпопули, Форумливия, Фавенцию, Имолу, Бононию, Феррарию, Комиаклум и Адрианис и Габелум со всеми пределами, территориями, а также островами на суше и на море, относящимися к вышеназванным городам. Также и Пентаполис, а именно Ариминум, Пенсаурум, Фанум, Сенегалию, Анкону, Хуману, Хесис, Форумсемпрония, Монтеферетри, Урбинум и Вальвенскую территорию, Каллис, Луциолис, Эугубиум, со всеми пределами и землями, относящимися к этим же городам. Таким же образом Сабинскую территорию, поскольку она была уступлена посредством дарственного письма нашим отцом, императором Карлом блаженному апостолу Петру к совокупности точно так же его послами аббатами Итериум и Магенариум в пределах той же сабинской территории был назначен также Реатинум. Таким же образом в пределах Тусции Лангобардской Каstellум Фелицитатис, Урбиветум, Бальнеум регис, Ференти, Каструм Битервиум, Орты, Марку, Суану, Популониум, Роселлы, и острова Корсику, Сардинию и Сицилию в совокупности со всеми окрестностями и территориями, побережьями, бухтами, портами, относящимися к описанным выше городам и островам. Так же в пределах Кампании Сору, Арки, Аквинум, Арпинум, Теану и Капую и владения на которые распространяются ваши

власть и господство, а именно Беневентское и Салернское, и владение нижней и верхней Калабрии и владение Неаполитанское, и вверенныенам богом владения повсюду в пределах королевства и империи нашей признаются вашими. Таким же образом мы подтверждаем право на все те вышеописанные провинции, города и городки, селения и замки, деревни и территории, а также и владения уже упомянутой твоей, о апостол Пётр, церкви, а через тебя твоему наместнику, нашему духовному отцу господину епископу Пасхалию, общему и всеобщему папе и его преемникам до самого скончания века мы таким же образом подтверждаем, пусть они удерживают в своём праве, власти, а также господстве. Подобным образом, через посредство того подтвердительного постановления мы утверждаем дарение, которое добровольно сохранили за блаженным апостолом Петром, светской памяти дед наш, король Пипин, а позднее, господин и отец наш император Карл. Также между священной памяти папой Адрианом и господином и отцом нашим императором Карлом было решено, чтобы в указанных выше дарениях удерживались в равной мере и ценз и подать или прочие выплаты, которые имели обыкновение ежегодно вносить либо из Лангобардской Тусции, либо из герцогства Сполетского во дворец короля Лангобардов; ведь тот же самый первосвященник тому же самому [императору] предписал своей волей, чтобы таким же образом названный ценз выплачивался с вышеназванных герцогств, то есть Тосканского и Сполетского, в пользу церкви блаженного апостола Петра. Помимо этого герцогства эти [поступают] в полное наше распоряжение и присоединяются к нашей стране. Кроме того, посредством того нашего утвердительного постановления мы повелели присоединить к вашей части всё выше указанное таким образом, чтобы они пребывали во власти, господстве и распоряжении вашем и ваших преемников, чтобы ни нами, ни нашими сыновьями или преемниками посредством какого – нибудь договора либо условия ваша власть не уменьшалась ни в коей мере, или из всего вышеназванного, а именно, из провинций, городов, городков, селений, замков, деревень, территорий и владений а также податей и цензов, ничего не было отнято у вас, либо у ваших преемников; и чтобы мы впредь не отняли этого и чтобы мы не потворствовали кому – нибудь, желающему [это] отнять, но чтобы мы скорее могли обещать защитить то, что было упомянуто выше, то есть провинции, городки, города, селения, замки, территории, владения, а также острова, цензы и подати [принадлежащие] церкви блаженного апостола Петра и понтификам, навечно поселившимся в святейшей его резиденции. Мы будем просить о том, чтобы всё это было надёжно предоставлено в его распоряжение с целью пользования и извлечения доходов, а также приведения в порядок. В тех наших [постановлениях] мы требуем, чтобы никакая область или полномочие не было устроено или провозглашено либо отнято или хвастливо обещано, кроме как [по согласию] того, кто в то время владел бы управлением его святой церкви. И если какой – нибудь человек из вышеназванных городов, относящихся к вашей церкви, пришёл бы к нам, желая уклониться от вашего господства и власти, или опасаясь хоть сколько – нибудь несправедливого ухищрения от кого – либо, либо избегая начатого обвинения, мы никоим образом не будем его принимать, если только за него не будет сделано законное поручительство, таким образом если вследствие этого, обвинение, которое начато, пусть будет найдено прощительным; если же нет, то в противном случае мы посылаем его, пойманного, обратно под вашу власть. Исключая тех, кто пришёл бы к нам по причине того, что они испытывают насилие либо притеснение сильных, пусть они будут достойными принять правосудие через наше покровительство, им положена другая участь и она очень отдалена вышеназванными.

И когда епископ этого места по святейшему божественному вызову уйдёт из этого мира, никто из нашего королевства, ни франк, ни лангобард, ни человек из какого – нибудь другого народа, находящийся под нашей властью не имеет права выступать против римлян ни публично, ни частным образом, либо устраивать заранее. И пусть никто не посмеет совершить какое – либо зло против человека в городах или землях, находящихся под властью блаженного апостола Петра. Но следует, чтобы со всем почтением и без какого бы то ни было волнения римлянами была устроена почётная гробница своему епископу.

И посвятить того, кого все римляне выбрали бы на епископскую должность по божьему вдохновению и при посредничестве блаженного Петра единственно совещанием и единодушием без какого – либо обещания, без какой – нибудь двусмысленности либо противоречия каноническому порядку, и когда он был бы посвящён, пусть будут отправлены послы к нам, либо к нашим преемникам, королям франков, которые завяжут между нами к ним дружбу и любовь и мир, так же, как было в обычае поступать во время блаженной памяти нашего прадеда, или господина Пипина, деда нашего, или также императора Карла, отца нашего.

Также, чтобы это было поручено утвердить всем верным святой божьей церкви и нам, и хранилось бы очень надёжно на протяжении [жизни] будущих поколений и последующих времён, мы утверждаем этот договор подтверждения нами [дарений] подписью собственной руки и досточтимых епископов, а также аббатов, а также наших знатных людей под присягой, [связанных] обещаниями и подписями, и направляем через посла святой Римской церкви номенклатора Теодора господину папе Пасхалию.

Я, Людовик, милостью божьей император, подписал. И подписали три сына его, 10 епископов и 8 аббатов, и 15 графов и один библиотекарь, и один мансионарий.

Ордонанс Людовика I Благочестивого о разделе империи (817 г.)

Правление Людовика I Благочестивого (814-840 гг.) сопровождалось безуспешными попытками сохранить целостность империи. Нередкими были смуты. В 817 и 830 гг. Людовик I Благочестивый издал два ордонанса, которые привели к окончательному распаду империи Карла Великого.

Преамбула.

Раздел империи господина Людовика между его любезными сыновьями Лотарем, а также Пипином и Людовиком на четвёртом году его императорства.

Во имя господина нашего и спасителя Иисуса Христа, Людовик, в согласии с божьим провидением император Август.

Мы, во имя бога, в год воплощения господина нашего 817, индикта 10-го и в 4-й год нашей власти, месяца июля, в нашем Аквисгранском дворце, согласно обычаю, предлагаем собрать священное собрание и сейм нашего народа, а также духовенства, будем трудиться для обсуждения дел всей нашей империи. Благодаря божьему провидению немедленно сделано так, что наши верные окружают нас нерушимой защитой и миром, как велено богом. Для всего королевства и для наших сыновей мы изучаем обычаи наших предков. В качестве напоминания, благочестиво и добросовестно возникла возможность всем нам, тем, кто рассуждает разумно, видеть, что во имя любви и уважения наших сыновей, единство империи от бога разрушается нами, чтобы сохранить её человеческим разделом. Не случайно тут вызывается чрезвычайная ситуация в святой церкви и обида для тех, в чьё правление сложились все обычаи королевства, чего мы не приветствуем. В связи с этим, мы утверждаем, что необходимо, чтобы мы управляли постами, молитвами и раздачей милостыни, потому что наша болезнь не ждёт. В установленном порядке через три дня на тех съездах, по воле всемогущего бога, как нам представляется, сделано так, что желания наше и всего нашего народа избрать нашего любезного первородного сына Лотаря совпали. Таким образом, согласно изъявлению божьего провидения, нам и всему нашему народу угодно, чтобы он был коронован императорской короной по торжественному обычаю в качестве нашего соправителя и помощника в империи, если это позволяет бог и получено общее согласие. Заключен договор, чтобы таким же образом его братьев, а именно (aequívocum) Пипина и Людовика следует вознаграждать по общему согласию королевским достоинством и установить более мелкие поименованные титулы в которых после нашей смерти под властью старшего брата они владели бы королевской властью как ниже обозначено в статьях, которые мы установили между ними. Эти статьи созданы для пользы империи, нужны, чтобы сохранить постоянный мир между ними и для защиты всех церквей, их желательно обсудить вместе со всеми нашими верными, старательно записать и нам утвердить написанное собственными руками, чтобы довести результат богу, чтобы было утверждено клятвой всех общин, таким образом преданные общины все вместе нерушимо сохраняют постоянный мир у себя и среди всех христианских народов. Согласно нашей императорской власти над сыновьями и нашим народом, с помощью всех подданных король и император должны поддерживаться своими народами как отцы сыновьями.

Гл. 1

Мы желаем, чтобы Пипин получил Аквитанию и Васконию, и всю Тулузскую марку, и сверх того четыре графства, то есть в Септимании Каркассонское, в Бургундии – Августодунское и Аваленское и Нивернэ.

Гл. 2

Таким же образом мы желаем, чтобы Людовик держал баиаров, карантанов и богемцев и авар, также склавов, которые живут в восточной части Баиарии и сверх того две господские виллы для своих служб в паге Нордгау: Лютрауф и Ингольдэштадт.

Гл. 3

Мы желаем, чтобы те два брата, которые выделяются королевским титулом, владели бы каждый по отдельности распределённой властью во всём достоинстве в пределах своего титула, только чтобы в епископствах и аббатствах придерживались церковного порядка и чтобы на прочих предоставленных должностях служили бы с уважением и полезным делом.

Гл. 4

Мы также желаем, чтобы раз в год в удобный час, как вместе, так и по отдельности по тем делам, которые устанавливает договор, чтобы следить и заботиться относительно того, что необходимо и способствует общему благу и постоянному миру, равным образом, (младшие братья) приходили бы к старшему брату со своими подарками для обсуждения (дел) с братской любовью.

Если случайно кто-нибудь как-либо обременён какой-то неотложной необходимостью и не может в привычное и удобное время прийти, тот посылает к своему старшему брату послы и подарки; таким образом хотя бы настолько, чтобы (по возникновении) первой возможности в удобное время не уклоняться, а приходиться с подарками.

Гл. 5

Мы приказываем и напоминаем, чтобы старший брат, если к нему придут два брата оба сразу, или кто-нибудь один, как упомянуто, (поскольку ему вечным богом предоставлена большая власть), таким же образом сам одаривал бы их с благочестивой братской любовью наилучшими подарками.

Гл. 6

Мы желаем и напоминаем, чтобы старший брат своим младшим братьям, перед тем как те совершают поход против иноземных народов, чтобы разумно оказать ему помощь, которую таким образом он поручил и

предложил в удобное время; от себя самого, либо через посредство верных пусть предоставляет своё войско как необходимую им помощь.

Гл. 7

Мы также приказываем, чтобы ни мир, ни войну против иноземцев и тех народов, которые враждебны империи, которая оберегается богом, без согласия и совета старшего брата, (чтобы) никак не принимали наперёд и не поддерживали. Неожиданный набег и вход мятежников, либо неожиданные нападения, равным образом, (его) братья должны стремиться отбить во главе с ним.

Гл. 8

Что же касается послов (которых) посылают к иноземным народам либо для установления мира, либо поддержания войны, либо передачи городов или замков, либо если будут какие-нибудь иные важные непосредственные причины, ему надлежит ничего не отвечать без согласования со старшим братом, либо отсылать их. Для наилучшего (понимания) дел после этого пусть отвечают послам лично. Также мы приказываем, чтобы (в случае) если они так или иначе будут иметь дело к их соседям, всегда не забывали бы передавать сведения старшему брату, чтобы тот всегда оставался внимательным и осведомлённым для какой бы необходимости это не понадобилось.

Гл. 9

Мы также представляем необходимым приказать, чтобы каждый вассал после ухода от нас сохранял бенефиций для избежания недоразумений только на пользу власти своего господина, а не иного человека.

Гл. 10

Но если случится так, что кто-нибудь из них из-за стремления к земным вещам, от которых отворачивается бог, чего мы менее всего желаем и что есть корень всего дурного, будет действовать либо как человек злоупотребляющий, либо как угнетатель церкви, или станет преследовать бедных, или будет действовать как тиран, который насаждает жестокость для всех, во-первых тайно, во-вторых немедленно (брат) через своих послов предупреждает господина дважды и трижды; если будет противодействие прибытию от брата послов, в присутствии другого брата во имя отцовской и братской любви его карают и наказывают. И если по этой причине он избежал бы справедливого наказания, все общины решают его изгнать, чтобы вследствие этого спасительного наказания он не смог повторить дурные поступки, императорская власть и решения всех общин должны (его) сдерживать.

Гл. 11

Также опекуны церковью Франкии пусть имеют равную силу прав и отношений к ним как в Аквитании, так и в Италии и в других местах, а также провинциях, частях названной империи с того времени, когда наши наследники получают права, которые, разумеется, утверждаются нами.

Гл. 12

Что же касается налогов, переписей и рудников, каждый (из братьев) в своих владениях может собирать и иметь их. Пусть владеют ими сами, чтобы могли удовлетворить с того свои потребности и могли бы подготовить старшему брату лучшие дары.

Гл. 13

Мы также желаем, чтобы если у кого-то из них после нашей смерти будет свадьба, пусть он женится с согласия и то совету старшего брата. Но, с целью избежания противоречий и возникновения недоразумений, мы предусматриваем, чтобы никто из них не собирался с иноземными язычниками. Поистине, все люди для укрепления мира (женятся) повсюду внутри страны, перед этим они завещают (имущество).

Гл. 14

Если кто-нибудь из них умрёт и оставит законных сыновей, его власть не делится между ними, но народ собирается вместе и выбирает одного из них, которого пожелает бог. Поэтому старший брат вместо брата и сына возьмёт на себя и выполняет с почтением и отеческим авторитетом то распоряжение согласно со всеми постановлениями. В отношении к другим детям (следует) действовать святой любовью, беречь от смерти как наших родных и относиться (к ним) с уважением.

Гл. 15

Если кто-нибудь из них умрёт без законных детей, его власть возвращается к старшему брату. Если ему довелось иметь детей от сожительницы, мы заклинаяем, чтобы в отношении них он действовал с сочувствием.

Гл. 16

Если кто-нибудь из тех, кто имеет отношение к нашему отходу от власти, по Рипуарскому закону не достиг ещё правоспособного возраста, мы желаем, чтобы он достиг совершеннолетия, пусть таким же образом, как некогда нами, его страна опекается и управляется лично старшим братом. И когда наследник достигнет совершеннолетия, пусть он овладеет обозначенным объёмом власти во всём.

Гл. 17

Таким же образом королевство Италия, если бог пожелает определить нашего помощника, целиком подчиняется нашему сыну, подобно тому, как сделал наш отец и мы, (это положение) по воле бога до сих пор сохраняется.

Гл. 18

Мы также желаем, чтобы все наши люди (сохраняли) благочестие, преданную верность и известную твёрдость ко всем наследникам, чтобы тот из наших сыновей, кто волей нашей милости будет наследовать,

умрёт без законных детей для всякого блага и успокоения церквей и единства империи, надлежит избрать одного из наших сыновей, если (superstites) братья его позволят; те, кого мы определяем, продолжить дело поскольку постановление требует исполнения, оно не исходит от людей, но необходимо богу, необходимо, чтобы постановление исполнялось.

Ордонанс Людовика I Благочестивого о разделе империи (830 г.)

Правление Людовика I Благочестивого (814-840 гг.) сопровождалось безуспешными попытками сохранить целостность империи. Нередкими были смуты. В 817 и 830 гг. Людовик I Благочестивый издал два ордонанса, которые привели к окончательному распаду империи Карла Великого.

Преамбула.

Во имя господина бога и спасителя нашего Иисуса Христа. Людовик, по установлению божьего провидения император Август, всем верным святой церкви господней и всему правоверному народу, как настоящему, так и будущему, племенам и народам, которые находятся под нашей властью и управлением. Мы хотим, чтобы всем стало известно, что мы постановляем произвести следующий раздел вручённого нам богом королевства между нашими любезными сыновьями Пипином, Людовиком (и) Карлом, чтобы после нашего ухода вследствие смерти каждый из них мог бы иметь влияние. Если божья благодать возжелает, чтобы они пережили нас, им следует передать их долю для держания и управления. Мы хотим, чтобы этот раздел был описан и отмечен нижеследующим образом, и чтобы каждым из них в отдельности, согласно нашему постановлению увеличивались границы его королевства за счёт чужеземцев. Пусть они с божьей помощью стремятся и стараются защищать (свои королевства) и способствуют сохранению мира и братской любви. Нам желательно сформировать способ и порядок такового раздела.

Гл. 1

Этим же нижеследующим распоряжением мы устраиваем так, чтобы если после нашего отхода с этого света кто-либо из них умрёт раньше своих братьев и таковой оставит сына, которого пожелает избрать его народ для того, чтобы он наследовал своему отцу в королевском достоинстве, мы хотим, чтобы с этим согласились дяди того ребёнка, и отпустили бы править сына своего брата в то королевство которое держал его отец, их брат. Если же таковой (король) не имел бы сына, тогда мы хотим, чтобы та часть королевства, которую тот же самый (король) держал, была бы поровну разделена между его братьями, которые остались в живых.

Гл. 2

Также между вышеназванными сыновьями надлежит установить и предписать (следующее) ради того, чтобы между ними постоянно пребывали мир и согласие. Мы желаем, чтобы никто из них не смел вторгаться в границы или пределы королевства своего брата и не нападал коварным образом, чтобы разорить его королевство или раздробить его марки, но кому-нибудь из них лучше следовало бы поддержать своего брата, когда возникло бы соответствующее обстоятельство, и предоставил бы ему помощь против его врагов в согласии с разумом и возможностью.

Гл. 3

И пусть никто из них не принимает человека своего брата через предоставление ему поручительства, если тот бежал к нему из-за какой-либо причины или вины, так как мы хотим, чтобы любой человек, виновный и нуждающийся в поручительстве, в королевстве своего господина искал бы убежища либо около святого места, либо у почтенных людей и вследствие этого право поручительства будет предоставлено по обычаю.

Гл. 4

Мы также предписываем, чтобы всякого из тех, кто оставил своего господина против его воли и перебрался из одного королевства в другое, не принимал бы ни король того королевства, ни разрешал бы своим людям, чтобы они принимали или имели намерение несправедливо удерживать (того). Не только всякого из тех, но даже и (всякого) из беглых слуг, мы приказываем выслеживать, чтобы не произошло никакого случая несогласия. Но мы также предписываем и то, чтобы никто из тех трёх братьев, пребывающих вместе с нами не мог требовать клятву верности ему от какого-нибудь другого из наших людей и переманивать его вследствие этого либо от нас, либо от другого его господина (и) подобной клятвой склонять к себе.

Гл. 5

Также нам угодно предписать, чтобы после нашей смерти люди каждого из них получили бенефиции каждый в королевстве своего господина, а не другого, поскольку из-за этого, если будет иначе, не может не случиться какого-нибудь недоразумения. Пусть же каждый из тех людей получит своё наследство без препятствия в том королевстве, к которому он законным образом имеет отношение.

Гл. 6

И пусть всякий свободный человек после смерти своего господина получит разрешение на компенсацию в том из этих трёх королевств, где захочет. Равным образом (пусть комендуется) и тот, кто ещё никому не комендовался.

Гл. 7

О дарениях же и продажах, которые будут осуществляться между частями (империи). Мы предписываем, чтобы никто из тех трёх братьев не принимал из королевства другого от какого-нибудь человека дарение или продажу недвижимой вещи. А именно: земель, виноградников, а также лесов и слуг, которые уже освобождены либо прочим вещей, которые считаются наследством человека, исключая золото, серебро и драгоценные камни, оружие и одежду, а также не освобождённых слуг и их вещи, которые по отдельности попали к торговцам. Мы же приказываем, чтобы всё остальное тем людям не было запрещено.

Гл. 8

Если же, в соответствии с тем как это должно происходить, женщины законным образом получают предложение о браке из других краёв и королевств, не следует отказывать законным требованиям. Но надлежит их обоюдно отдать и принять, и сочетать людей между собою тесными узами. Те же самые женщины имеют право (перевезти) свои вещи в королевство, откуда они пришли, однако в остальном они должны жить рядом с мужем сообща.

Гл. 9

О заложниках, которые были даны ради доверия, и помещены нами из разных мест под стражу. Мы не хотим, чтобы тот король, в королевстве которого они находятся без желания своего брата, королевство которого они возвеличили, были бы возвращены на их родину, но скорее в будущем в приёме заложников оказывали бы друг другу взаимную помощь, если брат разумно пожелает попросить об этом брата. То же мы приказываем и в отношении тех, кто из-за своего злодеяния отправлен в заточение либо выслан.

Гл. 10

Если возникнет тяжба либо подобная напряжённость и противоречие между краями из-за границ или пределов королевств, которую невозможно будет разрешить либо выявить свидетельскими показаниями людей, тогда мы желаем, чтобы для выяснения сомнительного обстоятельства божья воля и правое дело изучалось бы знаменем с крестом. Чтобы из-за какого-нибудь родственника никогда не готовилось сражение или поле для судебного поединка. Если же какой-нибудь человек из одного королевства обвинит человека из другого королевства в присутствии своего господина в неверности брату своего господина, пусть его господин пошлёт его к своему брату, чтобы он доказал там то, что сказал об этом человеке.

Гл. 11

Помимо прочего мы постановляем и предписываем, чтобы те три брата предоставляли заботу и защиту церкви святого Петра так же, как некогда (это делалось) нашим прадедом Карлом и нашим дедом Пипином и блаженной памяти отцом нашим императором Карлом а после предоставляется нами. Чтобы они старались защищать её с божьей помощью от врагов и могли бы исполнять своё правосудие насколько это их касается и велит разум. То же самое мы приказываем и в отношении прочих церквей, которые находятся в их власти, дабы они осуществляли своё правосудие и почётное право, и пасторы, а также ректоры тех святых мест имели полномочия, которые касаются тех священных мест, в которых они владеют теми церквями от того или иного из тех трёх братьев.

Гл. 12

Если что-нибудь из этих постановлений и соглашений по какой-нибудь причине или небрежности, чего мы не желаем, посмеет нарушить, мы приказываем, чтобы эту (провинность) скорейшим образом они старались исправить согласно закону, чтобы вследствие промедления не мог возникнуть больший ущерб.

Гл. 13

Таким же образом мы устроили всё это и решили утвердить этим порядком, что доколе божественному величию будет угодно поддерживать в нас эту телесную жизнь, власть наша существовала бы над всем богом хранимым королевством и империей так же, как это было до сих пор в управлении и обустройстве и во всей королевской и императорской власти и чтобы мы держали преданных вышеназванных наших сыновей, а также наш любимый богом народ со всем смирением, которое предоставляется отцу сыновьями, а императору и королю своими подданными. И если кто-нибудь из тех трёх наших сыновей из-за большого послушания и доброй воли прежде желающий быть угодным всемогущему богу, а после нам, заслужит хорошую репутацию, чтобы ему (надлежало) объединить высшую честь и власть. И мы распоряжаемся так, чтобы в нашей власти оставалось, чтобы мы добавили ему и королевство и честь, а равно и власть из части его брата, который не стремится быть угодным (богу).

Гл. 14

Наконец нам угодно подтвердить (то), что этими нашими предписаниями и постановлениями мы внушаем, чтобы со временем каждое из них способствовало соглашениям и договорам для пользы и блага тех (сыновей). Мы хотим, чтобы это (постановление) уважалось и сохранялось нашими вышеназванными верными сыновьями. Итак, то, что уже постановлено и написано там, мы приказываем сохранить и сберечь.

К Аквитании (присоединяется) всё, что между Луарой и Сенной и за Сенной 28 пагов, то есть Каталонис, Мельтианум, Амбиенсис, и Понтиум до самого моря.

К Баварии – всю Тюрингию, Рипуаров, Атоаров, Саксонию, Фризию, Арденны, Асбанию, Брагменто, Франдеры, Менпискон, Медененти, Аинау.

Аустербан, Адертенсис, Терваненсис, Боленсис, Квентовик, Камалеценсис, Вирдоманденсис.

К Аламании – всю Бургундию, за исключением того, что было дано Пипину, весь Прованс и всю Готию и к тому половину Франкии: Варенсис, Унгенсис, Кастренсис, Порциано, Ремегенсис, Лугдуненсис, Мосселис, Треверис.

Страсбургская клятва (14 февраля 842 г.)

Еще в 817 г. империя, оставшаяся после Карла Великого, была разделена на части, а за императором Людовиком I Благочестивым сохранилась лишь номинальная верховная власть. Начались новые разделы, смуты и междоусобицы, в которых приняли участие сыновья императора, причем все отчетливее выделялись французская, германская и итальянская области, имевшие своих королей. Первоначально, сыновья начали войну против отца. После его смерти (840 г.) они воюют между собой. 14 февраля 842 г. Карл Лысый, обладавший землями к западу от Мозеля и Людовик Немецкий, владевший территориями к востоку от Рейна, заключили в Страсбурге договор против старшего брата Лотаря, к которому перешла императорская корона, и который хотел на деле осуществить свои императорские права. Они поклялись в Страсбурге противостоять козням Лотаря, владевшего Италией и некоторыми другими областями. Небольшие внутренние части текста их клятвы – это первые в истории письменные источники на романском (древнефранцузском) и тевтонском (древне немецком) языках. Событие воспроизведено в «Четырех книгах истории» внука Карла Великого, графа Нитгарда (ок 790-843 гг.). Первым важным последствием клятвы двух королей явился Верденский договор 843 г, узаконивший распад империи.

Таким образом, Людовик и Карл сошлись 14 февраля (842 г.) в городе известном прежде под именем Аргентурии, а ныне его называют обыкновенно Страсбургом, и дали друг другу торжественную клятву, как она читается ниже, Людовик на романском языке, а Карл на тевтонском. Но прежде, нежели была принесена клятва, они рассказали собравшемуся народу, один по-немецки, а другой по-романски. Людовик начал, как старший, и говорил так: «Вы знаете, как часто преследовал Лотарь моего брата по смерти отца и как он старался окончательно погубить его... Он был побежден, и его приверженцы рассеялись куда могли. Но побуждаемые братской любовью и из жалости к христианскому народу, мы не хотели его истребить; как прежде, так и теперь мы убеждали предоставить каждому свое право. Он не хотел, однако, подчиниться... и продолжал враждовать против меня и моего брата и опустошать наши земли огнем, грабежом и убийством. Поэтому мы, доведенные, наконец, до коайности, сошлись вместе и определили в вашем присутствии произвести клятву, чтобы вы не могли сомневаться в нашей верности и братской любви. И все это мы делаем руководимые не незаконными страстями, но желанием... обеспечить благосостояние нашего государства. Если же я – чего упаси Боже – попытаюсь нарушить клятву, данную мною брату, то каждый из вас освобождается от повиновения и присяги, которую вы мне дали». Когда и Карл повторил те же самые слова на романском языке, Людовик, как старший, первый произнес клятву в следующих выражениях: «Ради Божьей любви и ради христианского народа и нашего общего спасения, от сего дня и впредь насколько Бог даст мне смысла и силы, так буду защищать этого моего брата Карла и, помогая ему, и всякими другими способами, как то должно по правде защищать брата, с тем, чтобы и он мне сделал то же самое, и с Лотарем не вступлю никогда ни в какие сношения, которые заведомо будут вредны моему брату Карлу». Когда же кончил Людовик, Карл произнес подобную же клятву на тевтонском языке. Клятва же, которую произнесли войска, каждое на своем языке, выражалась на романском языке следующим образом: «Если Людовик клятву, которой он своему брату Карлу клялся, сохранит, а Карл, мой государь, со своей стороны, того не сдержит, а я не буду в состоянии его удержать и в том ему воспрепятствовать, то никакой помощи против Людовика не окажу ему».

Верденский договор (11 августа 843 г.) (Отрывок из «Бертинских анналов»)

Верденский договор – соглашение о разделе империи Карла Великого, заключенное 11 августа 843 г. в Вердене между тремя сыновьями императора Западного Людовика I Благочестивого – Лотарем I, Карлом II Лысым и Людовиком II Немецким.

Формально признавалось существование империи, или, вернее, сохранялся императорский титул, который достался старшему – Лотарю. Но земли империи были разделены на три части линиями, идущими с севера на юг. Запад – «королевство западных франков» (впоследствии – Франция), – получил Карл, восток – «королевство восточных франков» (впоследствии – Германия), – получил Людовик, Лотарю досталась часть между владениями Карла и Людовика, обширная полоса земель от устья Рейна до устья Роны, и Италия.

Таким образом, в результате раздела образовалось три государства: так называемое Среднее королевство (самое недолговечное государство, которое уже после смерти Лотаря в 855 г. распалось на 3 королевства – Лотарингию, Прованс и Италию), Западно-Франкское королевство (примерно в этих границах позднее образовалась Франция) и Восточно-Франкское королевство (примерно в этих границах позднее образовалась Германия).

Раздел был совершен чисто механически и очень неудачно. Особенно это относится к части Лотаря, заключавшей в себе страны богатые, плодородные и населенные, но разноязычные, с разными экономическими и политическими связями. Эта часть была легкой приманкой для соседей, и ее слишком трудно было защищать. За Верденским договором последовали новые столкновения и новые договоры.

Ниже приводится отрывок из так называемых Бертинских анналов – летописного свода Сен-Бертенского монастыря, охватывающего историю государства франков с 830 до 882 гг.

...843

Лотарь и Людовик удерживающие сами себя в пределах своих королевств, живут в мире. Карл приходит в Аквитанию. Когда там всё было устроено, Бретонец Номинойо и Лантберт, которые прежде отложились от

верности ему, убивают Райнальда, герцога Намнет, [а] многих берут в плен. В то же время как от этого беспрестанно проистекал столь большой ущерб, когда грабители опустошали всё без разбора, люди собрали по многим местам всей Галлии небольшое количество муки вперемешку с землёй, чтобы съесть [её] обращённую в вид хлеба, и это было достойно слёз, напротив, весьма достойное проклятия злодеяние, когда повозки грабителей бывали полны пищей и люди лишались самой смеси земли для лепёшек. Норманнские пираты, напавшие на город Намнет, убив епископа, многих клириков и мирян и шестьдесят простолюдинов, после разграбления города ушли разорять земли нижней Аквитании; в конце концов, придя на какой-то остров, после того как они привезли с материка дома, как если бы они оставались зимовать в постоянном лагере. Карл идя навстречу на уговор с братьями соединяется [с ними] у Виродуна; где после распределения частей, Людовик всё по ту сторону Рейна, на этой же стороне Рейна города и паги Немет, Вангий и Могунтию получил¹; Лотарь между Рейном и впадающей в море Скальдой², и с другой стороны вдоль Камераценсу, Хаино, Ломенсу, Кастритиям и их графство, которое примыкает к ним на этой стороне Мозы до самого впадения Арара в Родан и до впадения Родана в море со сходным образом примыкающими к нему с обеих сторон графствами; прочее до самой Испании досталось Карлу: и после принесения клятвы [государство] в конце концов было разделено с обеих сторон. Тем временем, после того как беневентцы примирились друг с другом, сарацины с божьей помощью были изгнаны от них.

¹ «Бросать жребий», «решать жеребьёвкой», «получать по жребию».

² Как вариант – впадения Скальды в море. Скальда – Шельда.

Прюмский договор (855 г.) (Отрывок из «Бертинских анналов»)

Прюмский договор – документ, подписанный императором Лотарем I 19 сентября 855 г. и определявший принципы раздела Срединного королевства между его сыновьями.

В 855 г. император Лотарь I тяжело заболел. Ему стало понятно, что он уже не может в полной мере управлять своим королевством. Под влиянием архиепископа Реймса Гинкмара он принял решение отречься от престола и уйти в монастырь. До осуществления этого шага он произвел раздел своих владений между тремя сыновьями. Документ о границах их владений, оформленный императором в виде своего завещания, был подписан им 19 сентября 855 г. на вилле Шюллер (около Прюма).

Согласно этому разделу сыновья Лотаря наделялись следующими землями:

Людовик II получил Итальянское королевство и сохранил за собой титул императора, которым он владел с 850 г.

Лотарь II получил лучшую часть Срединного королевства – земли от северного побережья до южных границ Верхней Бургундии с такими крупными городами как Ахен, Кёльн, Трир, Мец, Туль, Верден, Страсбург, Утрехт, Льеж и Камбре. Впоследствии эти земли получили название Лотарингия.

Карл, несовершеннолетний и болезненный сын Лотаря I, получил Прованское королевство.

Через несколько дней после составления документа о разделе, 22 сентября 855 г., Лотарь I отрекся от престола, принял постриг и удалился в Прюмский монастырь, где и умер спустя 5 дней.

...855

Лотарь отдаёт всю Фризию своему сыну Лотарю; Рорик и Годефрид ушли оттуда на родину, то есть в Данию с надеждой на получение королевской власти. Лотарь ослаб, вследствие чего братьям Людовику и Карлу был дан повод для того чтобы вернуться к согласию...

Франкское государство после раздела (Флор Лионский, «Жалоба о разделе империи»)

Так называется ода, написанная в середине IX в. Флором, дьяконом Лионской епархиальной церкви.

...Франкская нация блистала в глазах всего мира. Иностранные королевства – греки, варвары и сенат Лациума – посылали к ней посольства. Племя Ромула, сам Рим – мать королевства – были подчинены этой нации: там ее глава, сильный поддержкой Христа, получил свою диадему, как апостолический дар... Но теперь, придя в упадок, эта великая держава утратила сразу и свой блеск и наименование империи; государство, недавно еще единое, разделено на три части, и никого уже нельзя считать императором; вместо государя – маленькие правители, вместо государства – один только кусочек. Общее благо перестало существовать, всякий занимается своими собственными интересами: думают о чем угодно, одного только бога забыли. Пастыри божьи, привыкшие собираться, не могут больше при таком разделе государства устраивать свои синоды, нет больше собрания народного, нет законов, тщетно вздумало бы прибыть посольство туда, где нет двора. Что же случилось с соседними народами на Дунае, на Рейне, на Роне, на Луаре и на По? Все они, издревле объединенные узами согласия, в настоящее время, когда союз порван, будут раздираемы печальными раздорами... В то время как империя разрывается на клочья, люди веселятся и называют миром такой порядок вещей, который не обеспечивает ни одного из благ мира.

Договор в Ахене между Карлом Лысым и Людовиком II Немецким относительно раздела Королевства Лотаря II (870 г.)

Речь идет о Мерсенском договоре 870 г. – соглашении, заключенном 8/9 августа 870 г. в Мерсене между западно-франкским королем Карлом Лысым и восточно-франкским королем Людовиком II Немецким о разделе Лотарингии в связи с отсутствием прямых наследников у их племянника, лотарингского короля Лотаря II, умершего в 869 г. В результате, западная часть Лотарингии отошла к Карлу Лысому, восточная часть Лотарингии отошла Людовику II Немецкому.

В год от Воплощения Господа нашего Иисуса Христа 870, в день перед мартовскими нонами, в тридцать второй год «правления» наиславнейшего короля Карла, во дворце в Ахене, было заключено это соглашение между ним и его братом королем Людовиком.

Граф Ингельрам со стороны короля Карла:

Я обещаю со стороны своего господина, что мой господин король Карл согласен, что его брат, король Людовик, должен держать ту часть королевства Лотаря, как они или их преданные представители от их имени сочтут самым справедливым и подходящим. Ни по отношению к этой части, ни по отношению к королевству, которым он «Людовик» прежде владел, он «Карл» не намерен причинять по злокозненности или неразумению какие-либо обман или хитрость при условии, что его брат Людовик, со своей стороны, будет нерушимо соблюдать так долго как жить будет такие же верность и преданность моему господину, какие я обещаю ему со стороны этого господина.

Также Лиутфрид со стороны короля Людовика:

Я обещаю со стороны своего господина, что мой господин король Людовик согласен, что его брат, король Карл, должен держать ту часть королевства Лотаря, как они или их преданные представители от их имени сочтут самым справедливым и подходящим. Ни по отношению к этой части, ни по отношению к королевству, которым он «Людовик» прежде владел, он «Карл» не намерен причинять по злокозненности или неразумению какие-либо обман или хитрость при условии, что его брат Людовик, со своей стороны, будет нерушимо соблюдать так долго как жить будет такие же верность и преданность моему господину, какие я обещаю ему со стороны этого господина. Таким же образом граф Теодорик как третий соприсяжник в этом деле со стороны наиславнейшего короля Карла и как четвертый граф Ральф со стороны короля Людовика.

При том присутствовали следующие: архиепископ Лиутберт, епископ Альтфрид, епископ Одо, граф Адальельм, граф Ингельрам, граф Теодорик, а также граф Ральф.

Сражение при Андернахе (876 г.) и Рибмонский договор (880 г.) (Отрывок из «Ведастинских анналов»)

Сражение при Андернахе – состоявшееся 8 октября 876 г. сражение около города Андернах, в котором войско короля Восточно-Франкского государства Людовика III Младшего разгромило войско короля Западно-Франкского государства Карла II Лысого. Историки называют это сражение первой битвой между национальными армиями немцев и французов.

Рибмонский договор – договор, подписанный в феврале 880 г. в городе Рибмон между королем Восточно-Франкского государства Людовиком III Младшим и королями Западно-Франкского государства, братьями Людовиком III и Карломаном II.

После смерти 10 апреля 879 г. короля Западно-Франкского государства Людовика II Заики, его наследниками частью франкской знати во главе с Гуго Аббатом и графом Тьерри Казначеем были провозглашены сыновья умершего монарха, Людовик III и Карломан II. Одновременно другая группа франкских аристократов, возглавляемая королевским канцлером Гозленом и графом Парижа Конрадом Черным, пригласила занять престол короля Восточно-Франкского государства Людовика III Младшего. Последний с войском вторгся в пределы королевства западных франков и дошел до Вердена, куда к нему прибыло посольство. Послы от имени сыновей Людовика II Заики предложили королю в обмен на отказ от притязаний на трон ту часть Лотарингии, которая в 870 г. по Мерсенскому договору 870 г. перешла к королю Карлу II Лысому. Людовик III Младший дал согласие на это предложение и вернулся в свою столицу Франкфурт, а сыновья Людовика II были возведены на престол их отца.

В 880 г. Людовик III Младший снова вторгся в Западно-Франкское королевство и дошел до Рибмона. Здесь, король восточных франков вступил с королями западных франков в переговоры и заключил с ними мирный договор, окончательно передававший ему всю территорию Лотарингии.

В год Господень 876 на праздник Рождества Господа нашего король Карл принял от упомянутого папы Иоанна имперское достоинство и многочисленными дарами воздал честь св. Петру и названному папе и затем, получив папское благословение, возвратился обратно во Франкию. После смерти его брата, Людовика, он, следуя дурному совету, вторгся в его королевство, которое отец оставил своим сыновьям, и с многочисленной свитой прибыл в ахенский дворец, но не так, как ему следовало бы. Оттуда он направился в Кельн. Его племянник, Людовик, желая мира, отправил к нему послов, однако, не добившись того, о чем просили, они возвратились к посылавшему их. После этого император Карл и король Людовик, оба подстрекаемые дьяволом, начали воевать друг против друга и сошлись у Андернаха; и по Божьей воле победа выпала Людовику, многие же благородные франки были тогда захвачены в плен или убиты. Император Карл бежал и возвратился затем в свое королевство. Эта битва произошла 7 октября 10 индикта¹...

В год Господень 880. Норманны огнем и мечом опустошили город Турнэ и все монастыри на Шельде, убивая и уводя в плен жителей тех земель. Гоцлин и Конрад, вместе со своими сподвижниками, недовольные

дружбой аббата Гуго и их господ с Людовиком, побудили того еще раз прийти во Франкию. Аббат Гуго, вместе со своими сторонниками и господами, а также многочисленным войском немедленно выступил против него, и они расположились у Сен-Кантена, Людовик же с войском – на реке Уазе. И в то время как с обеих сторон были направлены посланники, упомянутые короли сошлись и при посредничестве аббата Гуго укрепили между собой мирные союзы, при этом они возвратили свою милость отпавшим от них. Это произошло в феврале.

После этого Людовик вознамерился двинуться обратно в свое королевство, и по пути он встретил норманнов, которые возвращались из грабительского похода; и когда у Тимеона между ними произошла битва, он одержал бы над ними блестящую победу, если бы по несчастью не погиб его сын Гуго. Его убил Готфрид, король данов, и из-за его смерти король не пустился преследовать их. Там пали также многие знатные мужи того народа; остальные, кому удалось бежать, возвратились в свой лагерь. В этой битве принял участие также аббат Гуго.

В то время как Людовик возвратился к себе, короли Людовик и Карломан со своими верными прибыли в Амьен и здесь франки разделили между ними королевство: Людовик получил часть Франкии и всю Нейстрию, Карломан же Аквитанию, часть Бургундии и Готию. И затем каждый отправился в свои владения.

¹ Индиктом назывался порядковый номер текущего года внутри определенного временного цикла – индикциона, длительность которого в средние века определялась 15 годами. Номер самого индикциона высчитывался, когда за исходную точку индикционного счета брался 3-й год до Рождества Христова.

Вторжения в пределы Франкского государства норманнов и борьба с ними («Анналы Сен-Вааста», Извлечение)

Ведастинские анналы. В тексте анналов есть указание на то, что их автором являлся некий монах из монастыря св. Вестада, расположенного возле Арраса. Во временном отношении анналы охватывают 874-900 гг. В территориальном плане наибольшее внимание автором уделяется событиям, происходящим в Австразии и Нейстрии. Однако, в них достаточно фрагментарно говорится о том, что совершалось в Бургундии, Аквитании, а также на правом берегу Рейна.

До 882 г. Ведастинские анналы являются, по сути, лишь извлечением из Сен-Бертенских анналов, обогащенным заметками местного значения. Далее записи становятся самостоятельными. Они приобретают особую важность вследствие обстоятельного описания походов норманнских дружин в пределы франкского королевства. Анналист сообщает подчас уникальную информацию о боевой тактике норманнов, об отношениях норманнов с франками. Автор не обходит молчанием и важнейшие политические события того времени.

В год Господень 874 король Карл¹ осадил норманнов в городе Анжер, но, по совету нечестивейших людей он, взяв заложников, позволил им уйти невредимыми. В те же дни произошло нашествие саранчи.

В год Господень 875 умер император Людовик². Король Карл отправился в Италию и большая часть народа той страны приняла его с миром³. Его племянник, Карломан⁴ с войском также направился туда и попытался побеспокоить его в пути⁵, но при посредничестве послов они сошлись для беседы и, после того, как между ними был заключен мир, Карломан возвратился в свою страну⁶. Карл же стремился продолжить начатое путешествие до тех пор, пока не достиг пределов св. Петра; там с почетом встреченный папой Иоанном⁷.

В год Господень 876 на праздник Рождества Господа нашего король Карл принял от упомянутого папы Иоанна имперское достоинство и многочисленными дарами воздал честь св. Петру и названному папе и затем, получив папское благословение, возвратился обратно во Франкию. После смерти его брата, Людовика⁸, он, следуя дурному совету, вторгся в его королевство, которое отец оставил своим сыновьям⁹, и с многочисленной свитой прибыл в аахенский дворец, но не так, как ему следовало бы. Оттуда он направился в Кельн. Его племянник, Людовик¹⁰, желая мира, отправил к нему послов, однако, не добившись того, о чем просили, они возвратились к посылавшему их. После этого император Карл и король Людовик, оба подстрекаемые дьяволом, начали воевать друг против друга и сошлись у Андернаха; и по Божьей воле победа выпала Людовику, многие же благородные франки были тогда захвачены в плен или убиты. Император Карл бежал и возвратился затем в свое королевство. Эта битва произошла 7 октября 10 индикта¹¹.

Между тем, когда происходило все это, даны или норманны, промышляющие пиратством, вошли в Сену и, грабя и убивая, жестоко опустошили королевство франков. Карл направил против них войско, но это не принесло никакой пользы. Тогда он начал думать об освобождении королевства при помощи выкупа и в 877 году отправил послов, которые поговорили бы с норманнами [о том], чтобы те, наделенные дарами, покинули королевство. И по заключении этого договора церкви были ограблены¹² и все королевство вносило подать для того, чтобы освободиться от этой беды. В то время, как знатнейшие люди королевства были заняты этим, император Карл решил оставить в королевстве для совершения указанного дела своего сына, Людовика¹³, со своими знатнейшими, сам же снова стал готовиться к поездке в Италию и дальше до пределов св. апостолов. Противясь воле своих [приближенных]¹⁴, он вместе с супругой вновь вступил в Италию и навстречу ему в город Павию прибыл папа Иоанн, и там они приветствовали друг друга.

Те же, которые остались во Франкии, уплатив подать, побудили данов покинуть королевство. И в то время, как папа и император находились в Павии, внезапно пришло известие о том, что Карломан с сильным войском приближается к императору. Император был очень взволнован этим и, видя себя лишенным всяческих средств, чтобы противостоять ему, передал упомянутому папе дары, которые он вез с собой для св. Петра,

среди них золотое распятие, подобное которому еще не было подарено никем из королей. Сам он хотел возвратиться через Альпы Прованса во Франкию, но, как рассказывают, был отравлен неким евреем по имени Седехия¹⁵ и умер в Альпах в местечке под названием Нантуя¹⁶ 16 октября, 11 индикта на 54 году своей жизни, на 37 своего королевского и на 2 году своего имперского правления. Тело его положили в гроб в том же королевстве¹⁷, пока оно не было переправлено во Франкию¹⁸; после его пронесли по разным местам. Франки же собрались в декабре в пфальце¹⁹ Компьен и сделали своим королем²⁰ его сына Людовика²¹.

В год Господень 878 папа Иоанн, притесненный Ланбертом, герцогом Сполето, прибыл во Франкию; и о его появлении было сообщено королю Людовику, который задерживался тогда у Луары из-за норманнов. Он немедленно поспешил в Труа навстречу папе и там они приветствовали друг друга. Там же епископ Лаона Гинкмар, [некогда] ослепленный Бозо²², перед папой и всеми галльскими епископами был очищен от всего, в чем его раньше обвиняли, и по повелению папы отслужил мессу. Там же был уличен в неверности Бернард²³ герцог Отюна. Также король и все знатнейшие оказывали папе много почета и уважения, и в качестве охраны на пути в Италию выделили ему Бозо.

Король Людовик²⁴, сын Людовиками, отправил к королю Людовику²⁵ послов с предложением о встрече в Геристале, чтобы укрепить мир. Тот немедленно поспешил в указанное место: они приветствовали друг друга и заключили между собой прочный мир. Это произошло в октябре; и приблизительно в середине этого месяца наступило солнечное затмение, около 8 часов дня, 12 индикта.

В год Господень 879 умер Балдуин²⁶ и был Погребен в монастыре Ситин. Также тяжело заболел король Людовик и в святую страстную пятницу на 33 году жизни, 12 индикта он окончил свою жизнь и был погребен в церкви св. Божьей Матери Марии, которую приказал воздвигнуть с королевским великолепием в своем дворце в Компьене его отец²⁸. Но после его смерти между франками возник прискорбный и гибельный раздор: аббат Гуго²⁹, помня о верности, в которой он поклялся королю Людовику, своему родственнику, вместе со своими единомышленниками, желал поставить королями в отцовском королевстве его сыновей, Людовика и Карломана. Аббат же Гоцлин³⁰ и граф Конрад³¹, а также многочисленные их сторонники призывали в королевство вышеупомянутого короля Людовика³².

В то время пока они пребывали друг с другом в раздоре, норманны, расположившиеся по ту сторону моря³³, переправились через него в огромном количестве на своих кораблях и, не встречая никакого сопротивления, в середине июля огнем и мечом опустошили Теруан, город моринов³⁴. И увидев, сколь счастливым было для них начало, они, переходя с места на место, опустошили огнем и мечом всю землю менапиев³⁵. Затем они вошли в Шельду и огнем и мечом погубили весь Брабант. Против них поднял оружие Гуго³⁶, сын короля Лотаря, но, по неосмотрительности, немало способствовал тому, чтобы увеличилась их заносчивость; ибо вместо того, чтобы совершить нечто благое и полезное, он постыдно бежал оттуда, в то время, как многие из его сподвижников были убиты или захвачены в плен. Среди пленных находился также аббат, сын Адаларда³⁷.

Когда происходило все это, аббат Гуго отправил Вальтера, епископа Орлеана к королю Людовику с просьбой, чтобы он взял часть королевства Лотаря, которую его отец, при разделении с Карлом уступил тому³⁸, но потом возвратился бы в свое королевство и оставил бы с миром своих двоюродных племянников. Услышав об этом, [король Людовик] принял во владение эту часть королевства и отправился обратно в свою страну. Гуго же рукой архиепископа Ансегиза³⁹ помазал на царство Людовика и Карломана. В это же время, в сентябре родился их брат Карл.

Норманны же не переставали опустошать церкви, убивать и уводить в плен христиан. Бозо, герцог Прованса, противозаконно присвоил себе королевский титул и овладел частью Бургундии⁴⁰. А норманны, жаждущие убийств и опустошений и алчущие крови человеческой, к несчастью и погибели королевства, в ноябре разбили свою зимнюю стоянку в монастыре Гент, а в декабре на монастырский двор Во на Сомме были принесены мощи св. Вестада. Рагнелм, епископ Турнэ, умер в 13 индикт.

В год Господень 880. Норманны огнем и мечом опустошили город Турнэ и все монастыри на Шельде, убивая и увозя в плен жителей тех земель. Гоцлин и Конрад, вместе со своими сподвижниками, недовольные дружбой аббата Гуго и их господ с Людовиком⁴¹, побудили того еще раз прийти во Франкию. Аббат Гуго, вместе со своими сторонниками и господами⁴², а также многочисленным войском немедленно выступил против него, и они расположились у Сен-Кантена, Людовик же с войском – на реке Уазе. И в то время, как с обеих сторон были направлены посланники, упомянутые короли⁴³ сошлись⁴⁴ и при посредничестве аббата Гуго укрепили между собой мирные союзы, при этом они возвратили свою милость отпавшим от них. Это произошло в феврале.

После этого Людовик вознамерился двинуться обратно в свое королевство, и по пути он встретил норманнов, которые возвращались из грабительского похода; и когда у Тимеона между ними произошла битва, он одержал бы над ними блестящую победу, если бы по несчастью не погиб его сын Гуго. Его убил Готфрид, король данов, и из-за его смерти король не пустился преследовать их. Там пали также многие знатные мужи того народа; остальные, кому удалось бежать, возвратились в свой лагерь. В этой битве принял участие также аббат Гуго.

В то время, как Людовик возвратился к себе, короли Людовик и Карломан со своими верными прибыли в Амьен и здесь франки разделили⁴⁵ между ними королевство: Людовик получил часть Франкии⁴⁶ и всю Нейстрию, Карломан же Аквитанию, часть Бургундии и Готию. И затем каждый отправился в свои владения.

После этого король Людовик направил Генриха⁴⁷, одного из своих знатнейших, выступить с Людовиком и Карломаном против тирана Бозо. И в этом походе Генрих в тяжелой битве разбил Теотбальда⁴⁸, сына Хукберта⁴⁹. Людовик же направил Гоцлина и многих других защищать королевство от норманнов, а сам вместе с братом двинулся с остальным войском в Бургундию и снова принял под свою власть города, которыми завладел тот тиран. И объединившись с королем Карлом⁵⁰, братом Людовика, они заперли Бозо во Вьенне и предложили ему мир, который он все-таки не пожелал принять. В то время как они взяли город в кольцо, он очень прочно укрепился внутри.

Вследствие этого епископы по совету королей и знатнейших мужей предали его анафеме. А король Карл, поднявшись среди ночи, без ведома Людовика и Карломана, поджег свой лагерь и таким образом возвратился домой. В это время умер также король Карломан⁵¹, брат Карла и Людовика. Осаждающие Вьенн, видя, что врагам не может быть причинено никакого вреда, приняли решение возвратиться на родину.

Аббат Гоцлин и войско, которое было с ним, решили вступить в борьбу против норманнов. Они отправили посольство к тем, кто находился по ту сторону Шельды, чтобы в установленный день они прибыли и, одни на этом берегу реки, другие на том, уничтожили бы норманнов. Но все произошло не так, как они того желали. Дело в том, что они не только не совершили чего-либо славного, но, напротив, едва спаслись позорнейшим бегством. При этом многие из них были убиты или попали в плен. Их страх и трепет обрушились также на жителей тех земель; норманны же, возгордившись победой, не отдыхали ни днем, ни ночью, сжигая церкви и убивая христиан. Поэтому между Шельдой и Сеной, а также по ту сторону Шельды все монахи, каноники, монахини с мощами святых и [люди] всех возрастов и сословий обратились в бегство. Сами же даны не щадили никого, ни старых, ни малых, но опустошали все огнем и мечом. Так как Гоцлин и те, кто был с ним, видели, что не могут противостоять им, они распустили в начале октября войско и каждый возвратился домой. Норманны или даны сменили свою стоянку и в ноябре соорудили у Куртре крепость, чтобы перезимовать там. И оттуда они опустошали земли менапиев и свефов вплоть до истребления жителей, поскольку считали их очень враждебными; и всепожирающий огонь поглотил страну. Король же Людовик возвратился во Франкию и отпраздновал Рождество Христово в пфальце Компьен.

В год Господень 881. 26 декабря норманны в огромном количестве подошли к нашему монастырю⁵² и 28 числа сожгли монастырь и город⁵³, за исключением церквей, а также и монастырский двор и все [крестьянские дворы] в округе, убив всех, кого смогли найти. И они прошли всю страну до Соммы и захватили огромную добычу в виде людей, скота и лошадей. После того, в тот же день, 28 числа они вторглись в Камбре и опустошили город огнем и убийствами, а равным образом и монастырь св. Гаудерика. Отсюда с неисчислимой добычей они возвратились в лагерь и разорили все монастыри на Хискаре⁵⁴, а их жители были изгнаны и убиты. И в преддверии праздника очищения св. Марии⁵⁵ они снова пришли в движение, пройдя через Теруан до Центулы, навестили монастырь св. Рихария и св. Валариха, все местечки на морском побережье, все монастыри и деревни, потом отправились дальше до города Амьена и монастыря Корбье и, отягощенные добычей, беспрепятственно возвратились оттуда в свой лагерь. С приближением праздника св. Петра⁵⁶ они снова появились в Аррасе и убили всех, кого нашли; и, опустошив огнем и мечом все земли в округе, они невредимые возвратились в свой лагерь.

Между тем король Людовик, немало омраченный тем, что ему пришлось наблюдать, как уничтожается его королевство, собрал войско и приготовился к битве. Однако, норманны, которым во всем сопутствовала удача, в июле с большим войском переправились через Сомму и по своему обычаю опустошили страну вплоть до земель вблизи города Бовэ. Король же Людовик переправился с войском через реку Уазу и двинулся в Лавьер, куда, по его мнению, норманны должны были зайти на обратном пути. Разведчики, разосланные [с этой целью в разные стороны], сообщили, что те возвращаются, нагруженные добычей. Король выступил им навстречу и повстречал их в округе Виме у деревни Сокур, и произошло сражение. Вскоре норманны обратились в бегство и отступили к упомянутой деревне; король же преследовал их и добился над ними славнейшей победы. И когда победа частично уже была достигнута, воины начали хвастаться, что они добились ее собственными силами и не воздали хвалу Господу; и небольшой отряд норманнов, сделав вылазку из упомянутой деревни, обратил все войско в бегство и многих из тех, а именно около 100 человек, они убили; и если бы король, поспешно соскочивший с коня, не остановил их и вновь не вселил в них мужества, они все покинули бы это место в позорнейшем бегстве. После того, как была достигнута эта победа⁵⁷, король, убивший так много норманнов, торжественно отправился обратно через Уазу; только очень немногие даны, которые смогли спастись, сообщили в лагерь о гибели своих. С этого времени норманны начали бояться юного короля Людовика. Король же прибыл с войском, которое он собрал, в округ Камбре и разбил лагерь у Этрюна, намереваясь сражаться с данами. Когда норманны узнали об этом, то возвратились в Гент; и, отремонтировав свои корабли, они отправились в путь, двигаясь по воде и суше, добрались до Мааса и остановились на зиму в Эльзасе.

В это время умер также король Людовик Старший⁵⁸. Брат же его Карл⁵⁹ отправился в Рим и приобрел императорское достоинство⁶⁰.

В год Господень 882. Восточные франки собрали против норманнов войско, но вскоре обратились в бегство; при этом пал Вало, епископ Меца. Даны разрушили знаменитый дворец в Аахене, предав его огню, и сожгли монастыри и города, славнейший Трир и Кельн, а также королевские пфальцы и виллы⁶¹, повсюду истребляя местное население. Император Карл собрал против них бесчисленное войско и осадил их в Эльслоо. Но к нему вышел король Готфрид⁶² и император передал ему королевство фриз⁶³, которым прежде владел дан Рорик⁶⁴, дал ему в супруги Гизлу, дочь короля Лотаря⁶⁵ и добился, чтобы норманны покинули его королевство.

Король же Людовик отправился к Луаре, чтобы изгнать норманнов из своего королевства, а также принять в дружбу Гастинга, что он и сделал. Но, поскольку король был молод, он стал преследовать некую девочку, дочь Гермунда; и так как она побежала в отцовский дом, король в шутку погнался за ней на лошади, при этом он ударился плечами о подъемные ворота, а грудью о седло своего коня и получил серьезный ушиб. Вследствие этого он заболел, велел отнести себя в Сен-Дени и здесь умер 5 августа, оставив франков в глубокой скорби и был похоронен в церкви св. Дионисия. И они отправили послов и призвали его брата Карломана, который поспешно прибыл во Франкию⁶⁶. Из Италии пришел также некий Берард, который не давал покоя тирану Бозо.

В октябре норманны укрепились в Кондэ и жестоко опустошили королевство Карломана. Король же Карломан со своим войском расположился лагерем на Сомме в Барло; норманны все-таки не прекращали своих грабежей, при этом принудив к бегству всех жителей, оставшихся на том берегу Соммы. Отсюда они пошли с войском через Тьераш и пересекли Уазу. Король преследовал их и настиг у Аво. И в разгоревшейся битве франки добились победы, при этом погибло около тысячи норманнов; однако, они ни в коей мере не были укрошены этим поражением. Карломан отправился в свой пфальц Компьен, а норманны возвратились в Кондэ к своим судам; из этого места они опустошали огнем и мечом все королевство вплоть до Уазы, сносили стены и до основания разрушали монастыри и церкви, губили мечом и голодом служителей слова Божьего или продавали их за море и убивали местных жителей, не встречая никакого сопротивления. Тогда аббат Гуго, услышав об этом, собрал своих людей и пришел к королю; и когда норманны возвращались после своего грабительского похода из округа Бовэ, он вместе с королем последовал за ними в лес Виконь, но норманны рассеялись в разные стороны и с незначительными потерями возвратились к своим кораблям. В эти дни ушел из жизни Гинкмар⁶⁷, архиепископ Реймса, муж, заслуженно почитаемый всеми, которому

В год Господень 883 на епископской кафедре наследовал Фолко⁶⁸, достойнейший во всех отношениях человек. После этого норманны сожгли монастырь и церковь св. Квентина, а также церковь Богоматери в городе Аррасе. Король Карломан вновь преследовал норманнов, не совершив, правда, ничего достойного и полезного. В эти дни умер также Гротгар, епископ Бовэ; его преемником стал Гонорат. С наступлением весны норманны покинули Кондэ и отправились на побережье. Здесь они оставались все лето, вынудив фламिंगов⁶⁹ бежать со своих земель и, свирепствуя повсюду, опустошили все огнем и мечом. С приближением осени король Карломан, чтобы защитить королевство, обосновался с войском в округе Виме, у виллы Мианнэ, напротив Лавьера; норманны же с конницей и пешими отрядами, а также всяческим военным снаряжением пришли в Лавьер в конце октября; и, поскольку их корабли, кроме того, вошли из моря в Сомму, они принудили короля со всем его войском бежать и отступить за Уазу. Затем они обосновались на зимовку в Амьене; отсюда они опустошали все земли до Сены и на обоих берегах Уазы и, не встречая сопротивления, предавали огню монастыри и церкви Божьи. Когда же франки увидели, что сила норманнов во всех их предприятиях все больше возрастает, они послали к ним некоего дана по имени Зигфрид, ставшего христианином, чтобы он искусно переговорил [с их вождями]⁷⁰ о возможности выкупить королевство. Тот отправился в Бовэ и оттуда в Амьен, чтобы выполнить данное ему поручение.

В год Господень 884. В это время умер Энгельвин, епископ Парижа, и на его место встал аббат Гауцлин⁷¹. Норманны же не прекращали убивать и уводить в неволю христиан, разрушать церкви, сносить стены и сжигать деревни. На всех улицах лежали тела священников, благородных и иных лайенов⁷², женщин, детей и младенцев; не было ни одной дороги или места, где бы не лежали убитые, и всякому было мучительно и прискорбно созерцать, как народ христиан доведен почти до полного истребления.

Между тем, поскольку король был еще слишком юн, все знатнейшие собрались в пфальце Компьен, чтобы обсудить между собой, что же им следует делать⁷³, и, посоветавшись, они отправили дана Зигфрида, племянника дана Рорика, который был христианином и сохранял верность королю, вести переговоры с самыми знатными людьми своего народа [о том], чтобы они взяли дань и затем покинули королевство. Тот, стараясь выполнить данное ему поручение, прибыл в Амьен и известил знатнейших из народа [данов] о цели своего визита. И после длительных переговоров, во время которых он ездил туда и сюда, извещая то тех, то этих, норманны потребовали, наконец, от короля и франков в качестве дани 12 тысяч фунтов серебра по их собственным меркам. И после того, как обе стороны обменялись заложниками, те, кто жил на том берегу Уазы, вновь до некоторой степени были в безопасности. Со дня очищения св. Марии⁷⁴ и до октября эта безопасность взаимно сохранялась.

Однако норманны, в привычной манере, продолжали грабительские походы по ту сторону Шельды, опустошали все огнем и мечом, разрушая монастыри, города и селения, и неистовствовали, истребляя местное население. И после Пасхи⁷⁵ они начали собирать дань; церкви и церковные сокровища были разграблены. После же того, как дань была уплачена, в конце октября франки объединились, чтобы противостоять

норманнам, если те не сдержат своих обязательств. Норманны же сожгли свой лагерь и ушли из Амьена, а король и франки, переправившись через Уазу, большую часть пути следовали за ними. Упомянутые даны, двигаясь дальше, пришли в Булонь; там они совещались о том, что им следует делать, и часть из них отправилась за море, остальные пошли в Ловен, расположенный в некогда принадлежавшем Лотарю⁷⁶ королевстве; и здесь они разбили лагерь, чтобы перезимовать. Франки же, которые были с Карломаном, возвратились на родину, и только некоторые молодые люди остались с ним, чтобы поохотиться в лесу Безю. И в тот момент, когда король хотел заколоть кабана, один из сопровождавших его, по имени Бертольд, желая помочь ему, случайно ранил Карломана в голень. Получив рану, король прожил еще семь дней, но скончался в том же месте...⁷⁷ декабря в возрасте 18 лет. Его тело было перевезено в Сен-Дени и здесь погребено. Франки же совещались и отправили графа Теодориха⁷⁸ в Италию к императору Карлу⁷⁹ с тем, чтобы тот прибыл во Франкию.

В год Господень 885. Император Карл, получив известие, немедленно отправился в путь и дошел до Понтьона; сюда к нему пришли все, кто был в королевстве Карломана и подчинились его власти⁸⁰. Затем император Карл снова возвратился в свою страну, приказав тем, кто был из королевства умершего Лотаря и из королевства Карломана, идти в Ловен против норманнов. Оба войска в установленный для сбора день прибыли в названное место, кроме аббата Гуго, который отсутствовал в этом походе по причине болезни ног. Но они не совершили там ничего достойного и с великим позором возвратились обратно. И франки, пришедшие из королевства Карломана, были осмеяны данами, которые кричали: «Для чего вы к нам пришли? В этом не было необходимости. Мы знаем, кто вы; вы хотите, чтобы мы снова к вам вернулись – мы это обязательно сделаем».

В это же время дан Готфрид, собравшийся нарушить свою клятву [верности]⁸¹, вследствие хитрости Герульфа⁸², своего верного, был убит герцогом Генрихом⁸³. Также Гуго, сын короля Лотаря, был ослеплен по приказу императора, последовавшего совету упомянутого герцога⁸⁴.

25 июля норманны со всем своим войском вторглись в Руану, а франки следовали за ними до этого места. Поскольку их корабли еще не прибыли, норманны переправились через реку на кораблях, найденных на Сене, и, не откладывая, тотчас приступили к укреплению своего лагеря. Между тем сошлись все, кто жил в Нейстрии и Бургундии и, собрав войско, они выступили, намереваясь воевать с норманнами. Но когда они уже должны были схватиться, случилось так, что Рагнольд, герцог Мэна, погиб с немногими людьми, и, вследствие этого, остальные в великой скорби возвратились на родину, не совершив чего-либо полезного.

Тогда норманны, алкавшие пожаров и смерти, снова начали неистовствовать – они убивали христиан, уводили их в плен и разрушали церкви, не встречая сопротивления. И франки вновь приготовились к обороне, но не к открытой битве – они соорудили укрепления, чтобы сделать для норманнов невозможным передвижение на кораблях. Они построили крепость на Уазе у Понтуаза и поручили ее охранять Алетрамну. Епископ Гауцлин приказал укрепить Париж. Но в ноябре норманны вошли в Уазу, осадили упомянутую крепость и не давали тем, кто в ней заперся, брать воду из реки (других же источников у них не было). Защитники крепости сильно страдали из-за недостатка воды. Что много говорить? Они запросили мира и добивались, чтобы им позволено было уйти живыми; и после того, как обе стороны обменялись заложниками, Алетрамн со своими людьми отправился в Бовэ. Норманны же сожгли упомянутую крепость, захватив в качестве добычи все, что нашли в ней. Дело в том, что те, которые покинули крепость, оставили там все свое имущество, кроме оружия и лошадей; только при этом условии им было позволено уйти.

Невероятно кичащиеся этой победой, норманны дошли до Парижа⁸⁵ и тотчас атаковали одну из башен – они надеялись, что ее можно будет быстро завоевать, поскольку построена она была еще не полностью. Христиане мужественно обороняли ее и сражение продлилось с утра до вечера⁸⁶; наконец, ночь прервала битву и тогда норманны возвратились на свои корабли. Но аббат Гауцлин и граф Одо⁸⁷ со своими людьми работали всю ночь, чтобы еще больше укрепить башню, подготовив ее к сражению. На другой день норманны вновь поспешили на штурм этой башни и была тяжелая битва вплоть до заката солнца. Даны, потеряв многих из своих, возвратились на корабли. Но потом они соорудили напротив города крепость и приступили к настоящей осаде, построили осадные орудия, попытались развести [под стенами] огонь и использовали все свои способности для того, чтобы завоевать город. Но христиане храбро сражались против них и из всего выходили победителями.

В год Господень 886 в феврале жителей города постигло тяжелое несчастье. Значительным подъемом воды в реке был разрушен маленький мост. Епископ, услышав об этом, еще ночью послал благородных и храбрых мужей из своего окружения для защиты башни с тем, чтобы с наступлением утра можно было снова восстановить мост. Для норманнов же все это не осталось сокрытым. Они поднялись перед рассветом, в большом количестве поспешили к этой башне, окружили ее со всех сторон для того, чтобы никакая помощь из города не могла прибыть к тем, кто был в ней, и начали штурмовать ее. И так как те, кто находился в башне, оказывали отчаянное сопротивление, крик толпы достигал неба, в то время как епископ и все горожане, стоя на городской стене, громко стенали и плакали от того, что ничем не могут им помочь, и, поскольку епископ был не в состоянии сделать что-либо иное, он поручил их Христу. Норманны же стремительно прорвались к воротам башни и подожгли их. И те, которые находились там, побежденные ранами и огнем, попали в плен и для того, чтобы опозорить народ христиан, были различными способами убиты и брошены [норманнами] в реку. Затем они разрушили эту башню и продолжили далее осаду города.

Епископ же, с сердцем, разбитым тяжелой утратой, послал к графу Херкенгеру письмо с поручением как можно скорее отправиться в Германию и умолять Генриха, герцога австразийцев⁸⁸, оказать помощь ему и всему народу христиан. Херкенгер немедленно исполнил данное ему поручение и сделал так, чтобы Генрих с войском отправился в Париж, но тот ничем не сумел помочь и вновь возвратился в свою страну. Тогда Гауцлин, который всячески стремился поддержать христиан, заключил мир с датским королем Зигфридом, чтобы таким образом освободить город от осады. Пока все это происходило, епископ был застигнут тяжелой болезнью и окончил свою жизнь⁸⁹, и был похоронен в собственном городе. Его смерть не осталась тайной для норманнов. Еще прежде, чем о его смерти стало известно жителям, снаружи норманнами было объявлено, что епископ умер. Теперь народ, лишившийся своего отца и истомленный осадой, пребывал в состоянии глубокой подавленности. Сиятельный граф Одо пытался воодушевить людей своими увещаниями, однако норманны изо дня в день продолжали совершать нападения. С обеих сторон многие были убиты, еще больше обессилело от ран; кроме того и еды в городе оставалось все меньше.

В это время...⁹⁰ умер почтеннейший аббат Гуго и был погребен в Оксере в монастыре св. Германа. Одо же, видя, что народ повергнут в уныние, тайком покинул город, чтобы искать помощи у знатнейших людей королевства и, кроме того, через них уведомить императора⁹¹, что город будет вскоре потерян, если ему не подоспее помощь.

Вернувшись, он нашел город в великой скорби по поводу его отсутствия; но больше всего [у людей] удивление вызвало то, что он вообще попал в город. Норманны наперед узнали о его возвращении и ожидали его перед воротами башни. Он же пришпорил своего коня и, разя врагов направо и налево, пробил себе дорогу в город и скорбь народа превратилась в радость. Никто из смертных не может сосчитать, какие опасности они там перенесли и сколько тысяч людей пало в различных сражениях с обеих сторон. Дело в том, что норманны беспрерывно тревожили этот город, применяя различные виды оружия, [осадных] машин и стенобитных орудий. Все христиане при этом с великим усердием взывали к Богу и всегда спасались; и борьба в том или ином виде продолжалась около восьми месяцев, прежде чем император пришел к ним на помощь.

С приближением осени император с могучим войском прибыл в Кьерси и послал вперед себя под Париж упомянутого Генриха, герцога австразийцев. Очутившись со своим войском вблизи города, он неосмотрительно с немногочисленной свитой отправился верхом вокруг лагеря данов, чтобы посмотреть, как его войско могло бы напасть на лагерь врагов и где им следует укрепить собственный лагерь. И вот его конь внезапно провалился в один из рвов, который сделали норманны, и сбросил его на землю. Тотчас же из засады выскочили несколько данов и убили его; это принесло христианам столько же великой скорби и страха, сколько радости данам. И когда они сняли с него оружие, один из франков, по имени граф Райнер, спустился туда и вырвал у них тело Генриха, оставшись невредимым. О случившемся немедленно известили императора, который был сильно опечален полученным сообщением и принял решение идти под Париж с большим войском; однако, поскольку герцог был мертв, он не совершил ничего полезного.

В это время, 17 сентября, город Бовэ был частично разрушен огнем. В этом пожарище погибло все ценнейшее имущество монастыря св. Веста в виде сокровищ, священных одеяний, книг и документов.

Император же подошел со своим войском к лагерю норманнов и, поскольку они расположились на обоих берегах реки⁹², он принудил их оставить один берег, переправиться через реку и ограничиться лагерем на другом берегу. Затем он отослал в город гарнизон, а войску повелел переправляться через реку. И, так как приближалась зима, противники вскоре начали обмениваться посланцами, чтобы император мог заключить с данами мир. И это было воистину презренное решение. Потому что им не только был обещан и передан выкуп за город⁹³ но и без каких-либо препятствий открыта дорога, чтобы зимой они разграбили Бургундию⁹⁴. После этого император, утвердив в этом городе епископа по имени Аскрих⁹⁵ и передав графу Одо земли его отца Ротберта⁹⁶, поднял лагерь и поспешил возвратиться туда, откуда пришел. В монастыре св. Медарда в Суассоне он разделил земли между франками. И не успел он еще покинуть это место, как упоминавшийся выше король Зигфрид вошел в Уазу и, двигаясь со своими людьми сзади императора по земле и по воде, все опустошал огнем и мечом. Когда император узнал об этом – огонь доставил ему самое верное известие, – он поспешно возвратился в свою страну. После этого Зигфрид предал огню славнейшую церковь св. Медарда, монастыри, деревни и королевские пфальцы, убивая и увозя в плен местных жителей. Норманны же, которые из-под Парижа двинулись на кораблях вверх по Сене, вошли со всем своим войском, вооружением и кораблями в реку Йонну и осадили город Сане. Однако Эврард, епископ этого города, немедленно вступил с норманнами в переговоры о выкупе города и добился, чего хотел.

В год Господень 887. Норманны по своей привычке бродили до Сены и Луары. В это время умер также Эврард, епископ Санса, которому наследовал юный Вальтер⁹⁷. До лета они оставались там и пожарами и убийствами превратили страну в пустыню. Зигфрид в конце весны возвратился со своими людьми на Сену, делая то же, что и обычно, а осенью отправился во Фрисландию, где и был убит. Даны из-за обещанной императором дани снова пришли под Париж. Чтобы уладить это дело, Аскрих отправился к императору и возвратился с тем, за чем ходил. И после уплаты дани даны, поскольку не было никого, кто мог бы им помешать, снова прошли по Сене в Марну и разбили лагерь у Шези.

Когда восточные франки увидели, что силы императора слабы для управления империей, они лишили его власти⁹⁸ и посадили на королевский трон его племянника Арнульфа⁹⁹, сына Карломана. Западные же

франки разделились между собой; одна часть хотела поставить королем Видо¹⁰⁰ Итальянского, другая – Одо. Также, Беренгар¹⁰¹ присвоил себе Итальянское королевство. В эти дни умер Хродерард, епископ Камбре. Карл¹⁰² же, утративший власть, должен был быть задушен своими; однако вскоре он окончил свою здешнюю жизнь¹⁰³, чтобы, как мы верим, овладеть жизнью небесной. Норманны в своей обычной манере опустошили всю страну до Мааса, а также и часть Бургундии.

В год Господень 888. Как мы уже сказали, франки не были едины между собой; те, которые принадлежали к партии архиепископа Фулькона, пытались сделать королем Вито, иные же, среди которых самым выдающимся был граф Теодорих, [мечтали видеть на троне] Одо. Итак, те, которые призывали Одо, собрались в пфальце Компьен и, с согласия своих единомышленников¹⁰⁴, рукой епископа Вальтера помазали его на царство¹⁰⁵. В Лангре некоторые из Бургундии сделали королем Вито, [прибегнув к помазанию] с помощью Гелло, епископа этого же города¹⁰⁶. Между тем, пока все это происходило, 17 марта епископом Камбре и Арраса был поставлен Додило. Те же, кто жил по ту сторону Юра и по эту сторону Альп¹⁰⁷, собрались в Туле и потребовали, чтобы Рудольф¹⁰⁸, племянник аббата Гуго, был помазан на царство епископом упомянутого города, что тот и сделал.

Видо же, сделавшись королем и услышав, что во Франкии королем стал Одо, возвратился в Италию с теми, кто решил последовать за ним¹⁰⁹. Там он вел с королем Беренгаром немалое число войн, из которых всегда выходил победителем. И принудив, наконец, Беренгара бежать из королевства, он отправился в Рим и стал императором¹¹⁰.

Король же Одо поспешил перетянуть на свою сторону частично лестью, частично угрозами тех франков, которые не желали подчиняться его власти¹¹¹.

Но после того, как они присягнули ему в том, что признают его власть, они обратились к королю Арнульфю [с тем], чтобы он пришел во Франкию и принял причитающееся ему королевство. Вдохновителями этого раздора среди них были архиепископ Фулькон, аббат Рудольф¹¹² и граф Балдуин¹¹³. Однако пока это происходило, [на долю] Одо по Божьему милосердию выпала неожиданная победа. В день рождения св. Иоанна Крестителя¹¹⁴ он с небольшим отрядом натолкнулся на войско данов на реке Эна и, вступив в сражение, вышел из него победителем¹¹⁵. Эта победа принесла ему немалую славу. После того он был приглашен Арнульфом на встречу¹¹⁶. И, думая о своем собственном благополучии, а также о благе королевства и своих сподвижников, он, не колеблясь, отправился к королю в сопровождении самых знатных из своего окружения и послал вперед себя Теодориха и некоторых других людей, чтобы сообщить ему о своем прибытии и договориться с ним обо всем необходимом. Те выполнили данное им поручение и уведомили его, в какой день они должны прибыть на условленную встречу. В то время, пока посланники ходили туда и сюда, к королю Одо, оставив своих союзников, пришел Балдуин и обещал впредь быть верным ему. Одо же принял его радушно и с почетом, и призвал его оставаться верным своему обещанию, приказав следовать за ним на ту встречу. Итак, в условленный день король Одо, в твердой уверенности на помощь своих сторонников, прибыл в Вормс и был с почетом принят королем Арнульфом. И, после того, как они стали друзьями¹¹⁷, король Арнульф с честью отпустил его в свое королевство, попросив при этом простить тех, кто перешел на его сторону.

Между тем норманны осадили город Мо, построили осадные машины и соорудили насыпь, чтобы завоевать город. Но граф Теутберт¹¹⁸ мужественно противостоял им, пока не пал, как и почти все его воины. Тогда после гибели графа, епископ Зигмунд, охваченный страхом, приказал замуровать городские ворота. И когда те, что были заперты в городе, утомленные осадой, обессиленные от голода, опечаленные гибелью своих, увидели, что к ним ниоткуда не придет помощь, то начали вести переговоры с известными им норманнами о том, чтобы, сдав город, они могли уйти, сохранив жизнь. Что дальше? Предложение было передано норманнам и под видом мира от них получены заложники. Городские ворота были открыты, путь для христиан освобожден и выбраны люди, чтобы вести их, куда они пожелают. Но, после того, как они переправились через Марну и уже удалились от города на значительное расстояние, норманны бросились их преследовать и пленили епископа со всем народом. Затем, возвратившись, норманны сожгли город и разрушили стены, как они того и желали. И они оставались там почти до ноября.

Осенью король Одо пришел с собранным им войском в Париж и они разбили лагерь вблизи города для того, чтобы его снова не осадили. Норманны же возвратились по Марне в Сену; двигаясь отсюда дальше по земле и воде, они вошли в реку Луан и соорудили вблизи ее берега укрепленную стоянку. Король Одо отправился в Реймс навстречу посланникам Арнульфу, которые доставили присланную им корону. Он был коронован ею в церкви св. Божьей Матери в день св. Брикция¹¹⁹ и всем народом провозглашен королем¹²⁰. Там же, следуя благочестивым убеждениям, он простил тем, которые прежде отвергли его, их прегрешения, вновь принял их в свое окружение и призвал их впредь сохранять ему верность. Король Одо праздновал Рождество Господне в монастыре св. Веста.

В год Господень 889. После рождественских праздников он с немногими франками отправился в Аквитанию, чтобы добиться там признания своей власти. Когда об этом услышал Рамнульф¹²¹, герцог большей части Аквитании, он пришел к Одо¹²² вместе со своими сторонниками и привел с собой маленького Карла, сына короля Людовика¹²³. И Рамнульф присягнул ему, что было законно и достойно, одновременно и за этого мальчика, чтобы относительно него не возникло никаких дурных подозрений. Приобретая таким образом [верность] части аквитанцев, король поспешил возвратиться во Франкию, где вновь появились норманны. Даны

же, по своему обыкновению, опустошили огнем и мечом Бургундию, Нейстрию и часть Аквитании, не встречая сопротивления. К осени они вернулись под Париж и король Одо выступил против них; и после того, как они обменялись посланниками, одаренные королем норманны снова ушли из-под Парижа. Затем они покинули Сену и, двигаясь дальше по морю на кораблях, по суше пешком или на лошадях, разбили стоянку в округе города Кутанс возле крепости Сен-Ло и немедленно осадили эту крепость.

В год Господень 890. Пока длилась эта осада, умер Листа, епископ¹²⁴ упомянутого выше города. И когда пали знатные люди из гарнизона той крепости, ее укрепления были, наконец, захвачены, жители убиты, а сама крепость сравнена с землей. Однако бретонцы мужественно защищали свое королевство и вынудили данов, истощенных [боями,] возвратиться на Сену. Накануне праздника Всех святых даны, войдя через Сену в Уазу, подошли к городу Нион, чтобы разбить здесь лагерь для зимовки. Тех же, кто шел сухопутным путем, король Одо встретил у Германиака. Но из-за неудобства места он не сумел причинить им никакого вреда. Норманны продолжили свой путь до [намеченной] цели и разбили лагерь напротив города. Гастинг¹²⁵ со своими людьми укрепился на Сомме возле Аргуёв. Король же Одо, собрав войско, осел на берегу Уазы с тем, чтобы норманны не опустошали беспрепятственно его королевство.

Гастинг заключил с аббатом Рудольфом коварный договор о том, что он может беспрепятственно отправляться, куда пожелает. В день св. евангелиста Иоанна¹²⁶ упомянутый Гастинг появился возле крепости и монастыря св. Веста. Опасаясь, что с ним пришли все, кто был в Нионе, и из страха перед предательским нападением аббат Рудольф сдержал народ, что также предписал Гастинг. Когда после их ухода он все-таки узнал правду, то весьма сожалел о сделанном. Но он устрасил их частыми вылазками и они не отваживались позднее снова приходить к упомянутой крепости.

В год Господень 891. От норманнов, что были под Нионом, отделился отряд и прошел всю страну до Мааса; оттуда они возвратились через Брабант, переправились через Шельду и затем, двигаясь дальше по непроходимым местам, попытались вернуться в лагерь. Король же Одо преследовал их и настиг у Гальтеры¹²⁷, но не так, как того желал. Дело в том, что, бросив добычу и рассеявшись по лесам, они спаслись и таким образом вернулись в лагерь. С приближением осени¹²⁸ они покинули Нион и отправились на побережье, где провели все лето; отсюда они двинулись к Маасу. Король Арнульф, услышав об этом, немедленно поспешил и, переправившись через Шельду, гнался за ними почти до Арраса. Однако он не сумел их настигнуть и затем вновь возвратился в свое королевство. Норманны же, которые зимовали в Нионе, решили остановиться на зимовку у Ловена и в ноябре прибыли туда; норманны из-под Аргуёв укрепились у Амьена. Король Арнульф собрал войско и отправился против норманнов; и с Божьей помощью он завоевал тот лагерь, при этом было убито огромное число данов, и после победы возвратился в свое королевство. Однако норманны, которые были рассеяны во все стороны, вновь собрались и укрепились в том месте. Король Одо, собрав войско, пришел в Амьен, но ничего не совершил. Позднее даны из-за нерадивости [королевской] стражи неожиданно напали на Одо в округе Вермандуа и принудили его к бегству.

В год Господень 892 умер аббат и левит Рудольф и был похоронен в монастыре св. Веста, в церкви св. Петра слева от алтаря. На третий день после его кончины, когда жители крепости уже послали к королю графа Эгфрида с сообщением о его смерти, для того, чтобы он дал им ответ, что они должны делать по его воле, в полном несоответствии тому, что они велели сказать королю и что обещали графу Эгфриду, по совету хитрейшего Эверберта они призвали Балдуина Фландрского и приняли его к себе против воли короля. И, по настоянию Эверберта, граф Балдуин отправил к королю Одо послов и велел ему сказать, что хотел бы с его согласия получить аббатство своего родственника. Король же Одо ответил, что прежде он должен позволить ему стать господином над своей собственностью, которую ему вручил Господь, и что тот должен войти к нему в доверие для того, чтобы он нашел в нем одного из верных ему, [королю], людей. Однако Балдуин не пожелал согласиться на это. Король снова и снова отправлял послов, но они возвращались ни с чем. С того времени Балдуин был враждебно настроен по отношению к королю. Итак, оставив своего брата в Аррасе, он сам еще до Великого Поста прибыл во Фландрию¹²⁹.

Но в понедельник¹³⁰ перед Пасхой нас постигло невосполнимое несчастье. Дело в том, что в шестом часу дня в этой крепости вспыхнул пожар и разрушил там церкви св. Веста, св. Петра и св. Марии. В этом огне у нас были похищены все реликвии святых, а крепость практически уничтожена. После этого на нас обрушился великий голод и бесплодие земли, так что местные жители, сильно голодая, покидали свои родные места.

Балдуин же заново отстроил крепость и приготовился к сопротивлению. Однако епископы отлучили его от церкви. Тогда король Одо, собрав войско, отправился как будто в Аррас; в действительности же он намеревался идти во Фландрию. Балдуин двинулся из Арраса по другой дороге, опередил короля и встал на его пути; таким образом, король без какого-либо успеха вновь возвратился в свою страну. Еще до этого Валкер, один из его родственников, присвоил себе крепость Лаон, которую получил от короля; но король осадил крепость и вскоре занял этот город. По истечении нескольких дней его судили, однако король не помиловал его и велел отрубить ему голову. Это произошло прежде, чем король отправился во Фландрию. Дело в том, что Балдуин при посредничестве Эверберта заключил с Валкером мир и мир этот стоил Валкеру жизни.

Когда норманны, возвращаясь из Лаона увидели, что все королевство истощено голодом, они покинули осенью Франкию и отправились за море. Франки, которые уже долго были враждебны Одо¹³¹, объединились с другими, чтобы исполнить свои намерения, и посоветовали королю покинуть Франкию и отправиться на

зимовку в Аквитанию, чтобы Франкия, терзаемая столько лет, могла снова прийти в себя¹³². И, поскольку Рамнульф умер¹³³, а Эбулюс и Гоцберт¹³⁴ отпали от него, он мог бы или снова присоединить их, или изгнать их из своего королевства, или лишить их жизни. Он поверил этому и последовал их совету, не зная, что они замышляют против него зло. И когда он подошел к границам Аквитании, Эбулюс, заранее извещенный о его прибытии, обратился в бегство, но у какой-то крепости был убит камнем. После случившегося его брат Гоцберт был подобным образом окружен и вскоре окончил свою жизнь.

В год Господень 893. Франки, оставшись во Франкии, собрались в Реймсе, намереваясь обнаружить свою враждебность и ненависть по отношению к королю Одо и приняли по этому поводу решение вновь встретиться в этом месте в день очищения св. Марии¹³⁵, чтобы потом явно продемонстрировать то, о чем они теперь договорились между собой. Также они отправили людей и велели прийти на это собрание сыну Людовика, Карлу, который был еще совсем мальчиком¹³⁶, и вновь собравшись в Вормсе в условленный день, они провозгласили Карла преемником на отцовском троне и сделали его королем¹³⁷. И все вступили в сговор против короля Одо. Молва о том быстро распространилась и принесла королю Одо весть о случившемся; но, так как в соответствии с ранее принятым решением, он задерживался в Аквитании, то потребовал от своих верных, находившихся во Франкии, не колебаться и твердо сохранять верность по отношению к нему. После Пасхи¹³⁸ архиепископ Фулькон и граф Хериберт, взяв с собой короля Карла, со всем войском выступили против короля Одо; и против них¹³⁹ с многочисленным войском пошли Рихард¹⁴⁰, Вильгельм¹⁴¹ и Гадемар. Король не замедлил двинуться против мятежников и отправил к тем, что были с Карлом, посольство, предложив им покаяться, в чем они по отношению к нему провинились и вспомнить о клятве, которую они ему давали. Все это завершилось тем, что каждая из сторон, ничего не добившись, возвратилась к себе. Карл со своими вернулся во Франкию, Одо же остался в Аквитании. Но во время сбора урожая король Одо внезапно появился во Франкии и принудил Карла и его сторонников покинуть королевство. Все же в сентябре Карл со своими неожиданно прибыл во Франкию и, обменявшись послами, они [с Одо] заключили между собой мир до Пасхи. Итак, король Одо отправился в Компьен; Карл же вместе с Фульконом возвратился в Реймс.

В год Господень 894. После Пасхи король Одо, собрав войско, решил идти в Реймс против Карла и верных ему людей; те же, которые отпали от него, собрались в Реймсе вокруг своего короля. И король Одо прибыл туда и разбил лагерь напротив них. Когда сподвижники Карла увидели, что у них недостаточно сил для сопротивления Одо, они ночью ушли из города со своим королем, предварительно укрепив его и выставив стражу, а также под предлогом мирных переговоров получив от Ротберта¹⁴² заложников, и отправились с королем под защиту короля Арнульфа. Король Арнульф радушно принял своего родственника, уступил ему отцовское королевство и выделил для поддержки людей из восточной Франкии. Возвращаясь от Арнульфа, они натолкнулись на Одо, который ожидал их с войском в своем королевстве на реке Эсн. Те, что были при Карле со стороны Арнульфа, поддерживали с королем Одо дружеские отношения. [Люди Одо] остались стоять на другом берегу упомянутой реки. И каждый, ничего не добившись, возвратился к себе. Король Одо остался во Франкии, Карл же отправился к Рихарду¹⁴³; король Одо последовал за ним, намереваясь с помощью оружия положить конец спору. Но Божьим милосердием не было допущено, чтобы спор разрешился кровью. В это же время Манассом¹⁴⁴, верным Рихарда, был ослеплен Теутбольд¹⁴⁵, епископ Лангра. Король Одо вновь возвратился во Франкию, Карл же со своими оставался в Бургундии [в тех местах], где они имели такую возможность.

В год Господень 895. Сторонники Карла, находясь в бедственном положении – поскольку король Одо лишил их всего, чем они владели во Франкии – сильно опустошили Бургундию. И их [негодующий] крик долетел до слуха короля Арнульфа; он отправил во Франкию послов и приказал Одо и Карлу прийти к нему, чтобы положить конец этому бедственному состоянию¹⁴⁶. Все же сторонники Карла удержали своего короля от этой поездки и отправили королю Арнульфу лишь свое посольство. Король Одо, напротив, двинулся в путь с отборным отрядом отважных мужей и пришел к королю Арнульфу, которому оказал великий почет. Король же уважительно принял его и с радостью отослал обратно на родину. И в присутствии короля Одо король Арнульф сделал королем своего сына Цвентибольда¹⁴⁷ и передал ему королевство, которое прежде принадлежало Лотарю.

Когда король Одо возвращался от Арнульфа, он встретил по пути архиепископа Фулькона, направлявшегося к Арнульфу. Тот едва успел спастись бегством, в то время как граф Аделунг, сопровождавший его, был убит. Сторонники Карла отправились к Цвентибольду и предложили ему часть королевства при условии, что он придет и поможет своему родственнику Карлу. Когда об это услышал король Одо, он переправился через Сену, не обращая внимание на изнуренность своих сподвижников. Король же Цвентибольд и Карл пришли с войском и осадили Лаон. Однако граф Балдуин и его брат Рудольф, а также Райнер, следуя дурному совету покинули Карла и отправились к Цвентибольду. Когда сторонники Карла увидели, как уменьшается их число и когда стало известно, что Цвентибольд со своими замышляет лишить Карла жизни, прямо с места осады они отправили к Одо послов и просили выделить Карлу и им часть королевства, какую тот пожелает, и снова помириться с ними. Король с готовностью согласился на это, собрал войско и возвратился во Франкию. Когда об этом сообщили Цвентибольду, отступившему от Лаона, поскольку епископ Дидо, вступив в переговоры, попросил о перемирии и так как он увидел, что знатнейшие сподвижники Карла поддерживают его не так, как прежде, он поспешно возвратился в свое королевство. Король же Одо

пришел в Корбье и дальше в Аррас и осадил крепость и монастырь св. Вестада; все же из христианского сострадания он не хотел завоевывать его с помощью оружия. Когда люди Балдуина увидели, что не могут сопротивляться ему, они попросили о мире, дали королю заложников и обратились к своему сеньору с тем, чтобы он указал им, что им следует делать [дальше]. И поскольку их посланец не вернулся, король велел открыть ворота и вошел в монастырь и крепость, отправился в пределы св. Вестада и, опустившись на землю возле его могилы, усердно молился и, не сдерживаясь, плакал; также он выслушал там мессу, отслуженную в благодарение Господу. Вследствие всех этих дел со стороны Карла и его знатнейших прибыли Хериберт¹⁴⁸, Херкенгер¹⁴⁹ и Хекфрид¹⁵⁰. С Ротбертом¹⁵¹ возвратились посланники Балдуина и сделали то, что приказал их сеньор. И король тотчас повелел возвратить Ротберту ключи от крепости, а всем своим людям покинуть ее – так люди Балдуина снова получили крепость во владение. Король же велел идти из Арраса в Сен-Кантен и Перонну. Дело в том, что Родульф¹⁵² организовав заговор, под покровом ночи отнял крепость Сен-Кантен у сына Теодериха. Но так как туда и сюда ходили послы, король отложил свой поход и, чтобы провести зиму без раздоров, только после Пасхи повелел верным Карла явиться на собрание.

В год Господень 896. Король Одо перезимовал во Франкии, король же Карл на Мозеле. Из-за этого сторонники Карла видели в Балдуине врага и ими повсюду были причинены опустошения. Весь этот год прошел в различных собраниях. Король Одо созвал своих верных на собрание, поскольку хотел выделить Карлу часть королевства, которую они держали. Но граф Родульф сорвал все это собрание; затем Хериберт и Херкенгер, все уже безвозвратно потеряв, отправились к королю Одо и лишь немногие остались с Карлом. После этого король Одо осадил крепость Сен-Кантен и Перонну и изгнал оттуда людей Родульфа. Архиепископ же Фулькон, который до сих пор оставался на стороне Карла, увидев себя окруженным верными Одо, поневоле пришел к королю и исполнил все, что тот приказал. Карл, услышав об этом, удалился в королевство Цвентибольда.

В это время норманны под предводительством своего герцога Хундео на пяти барках вошли в Сену. И так как король предпочел решать другие дела, то заметно ухудшил свое положение и положение королевства. Родульф же, распаленный гневом из-за утраты крепостей, не прекращал разграблять аббатство Сен-Кантен, до тех пор, пока наконец не был убит Херибертом в битве. Норманны, численность которых к тому времени заметно увеличилась, вошли в Уазу и, не встречая сопротивления, укрепили лагерь в Шуази.

В год Господень 897. Затем они, не встречая сопротивления, отправились за добычей [и дошли] вплоть до Мааса. Когда же они возвращались обратно из своего грабительского похода, им повстречалось королевское войско; однако ничего не произошло. Все же после этого норманны вновь оснастили свои корабли и возвратились в Сену, чтобы [не столкнуться] с войском короля и не оказаться в окружении. Здесь они оставались все лето и грабили, не встречая отпора. Карл же в монастыре Дуниниум¹⁵³ крестил на Пасху¹⁵⁴ Гундеуса, которого к нему привели.

Тогда сторонник Карла, видя свою малочисленность и не имея надежного убежища, вновь направились к королю Одо, чтобы напомнить ему, что их сеньор является сыном его прежнего сеньора¹⁵⁵ и поэтому надо уступить тому какую-то часть из отцовского наследства. Король, посоветовавшись со своими, ответил, что хотел бы пожалеть его, если это ему удастся. И после того, как они периодически обменивались посольствами. Карл пришел к нему. Он радушно принял его, дал ему из королевства столько, сколько ему показалось уместным¹⁵⁶, пообещал дать ему еще больше, примирил его с Херибертом и затем отпустил домой. Также к королю пришел Балдуин, побужденный Ротбертом. Тот с честью принял его, а он [в свою очередь] исполнил все, что приказал ему король. Затем Одо отпустил его домой. Норманны же, надеясь на свою многочисленность, опустошали огнем и мечом все остальные части королевства. Тогда король, желая выкупить королевство, отправил к ним посольство и после заключения договора они пошли на Луару, чтобы перезимовать там. Король же Одо прибыл в крепость Ла Фер на Уазе и там тяжело заболел. И чувствуя себя день ото дня все хуже и хуже, он обратился ко всем с просьбой сохранить верность Карлу.

В год Господень 898 1 января он умер в том же месте и тело его было перенесено в Сен-Дени и там с честью погребено. После смерти короля франки собрались...¹⁵⁷ в Реймсе и вновь посадили Карла на отцовский трон. Балдуин, не желая встречаться с Херибертом, отложил свое прибытие. Однако он отправил послов, которые сообщили королю, что он ему верен, как тому и надлежит быть.

Норманны же в начале года возвратились на свои корабли после того, как опустошили часть Аквитании и Нейстрии, разрушив при этом большое число крепостей и убив множество людей. После этого к королю пришел граф Ротберт, брат короля Одо, и, с честью принятый королем, он принес тому клятву верности и возвратился затем в свою страну. Так же поступил Рихард¹⁵⁸ и Вильгельм¹⁵⁹. Затем Карл в округе Виме с небольшим войском преследовал вплоть до...¹⁶⁰ норманнов, возвращавшихся с добычей; и, хотя некоторые из них были убиты, а очень многие ранены, норманны, по своей привычке, держались непроходимых мест и возвратились потом на свои корабли. Зимой они пришли в Бургундию и остановились там на зимовку; однако граф Рихард ночью, в праздник Невинных младенцев¹⁶¹, дал им бой и, добившись победы, заставил отступить к Сене. Граф Райнер пришел к королю Карлу, торжественно обещал быть ему верным и посоветовал Карлу и его сподвижникам напасть на королевство Цвентибольда. Но тот собрал своих верных и выступил против Карла; они обменялись посольствами и Карл, так ничего не совершив, возвратился в свое королевство.

В год Господень 899 Балдуин, вопреки воле короля вторгся в Перонну, но вскоре вновь покинул ее. После этого в ноябре появились норманны, стремящиеся разбить лагерь на Уазе. Они прошли всю страну до Мааса, а король Цвентибольд преследовал их, но не догнал. Король Карл осадил крепость св. Веста и, после того, как все жители были выселены, те, кто держал крепость, отправили послов к Балдуину; и они, хотя и неохотно, дали королю заложников в обмен на возможность отступить, захватив свое имущество. Король же пришел на упомянутое собрание¹⁶². И в округе Камбре к нему присоединился Балдуин. И первым делом между королем Карлом и Цвентибольдом был установлен мир и Балдуин возвратил королю крепость и вывел из нее своих людей; король же передал ее графу Альтмару¹⁶³. На этом собрании, кроме того, должны были помириться Хериберт и Балдуин. И каждый возвратился в свою страну.

[В год Господень 900]¹⁶⁴. Летом король Карл, собрав войско, расположился на Уазе, чтобы посоветоваться, что ему делать со своими врагами. Балдуин же отправился на это собрание с намерением так расположить к себе короля, чтобы тот вновь отдал ему земли, которых его лишил. И когда Фулькон вместе с Херибертом воспротивились [этому], 16 июня Винемар¹⁶⁵ со своими людьми неожиданно напал на архиепископа и смертельно ранил его. Его тело было перевезено в Реймс и погребено в церкви св. Ремигия. Однако позднее, после того, как Геревей был поставлен и утвержден синодом епископом Реймса, все убийцы епископа были прокляты и изгнаны из пределов святой Матери Церкви. Король же совещался с Ротбертом, Рихардом и Херибертом о том, что им следует предпринять против норманнов. Тогда в один из дней случилось так, что один из верных Рихарда, по имени Манас¹⁶⁶, в беседе с королем нехорошо отозвался о Ротберте. Ротберг, узнав об этом, сел на коня и возвратился домой; и, поскольку все они перессорились между собой, то каждый, ничего не добившись, возвратился к себе.

¹ Имеется в виду Карл Лысый, король Западно-Франкского королевства.

² Имеется в виду Людовик II, старший сын императора Лотаря I. Король Италии, с 850 г. носит титул императора.

³ После смерти Людовика II Карл Лысый постарался подчинить его королевство своей власти.

⁴ Карломан, старший сын Людовика Немецкого. С 872 г. – король Баварии.

⁵ Итальянский поход Карломана был вызван тем, что Людовик II перед смертью завещал ему Итальянское королевство вместе с императорским титулом.

⁶ Т.е. в Баварию.

⁷ Имеется в виду папа Иоанн VIII (872-882 гг.). В 875 г. поддержал Карла Лысого, расширил с его помощью границы Папского государства. Убит заговорщиками.

⁸ Речь идет о Людовике Немецком, короле Восточно-франкского королевства.

⁹ В 872 г. Людовик Немецкий окончательно разделил Восточно-франкское королевство между сыновьями. При этом Карломан получил Баварию, Людовик Младший – Франконию, Саксонию и Тюрингию, Карл – Швабию.

¹⁰ Т.е. Людовик Младший, средний сын Людовика Немецкого.

¹¹ Индиктом назывался порядковый номер текущего года внутри определенного временного цикла – индикциона, длительность которого в средние века определялась 15 годами. Номер самого индикциона высчитывался, когда за исходную точку индикционного счета брался 3-й год до Рождества Христова.

¹² Для уплаты дани Карл Лысый изъял часть церковных богатств.

¹³ Речь идет о Людовике Заике.

¹⁴ Переориентация Карла Лысого на Италию была негативно воспринята большинством его сподвижников, чьи материальные и политические интересы лежали к северу от Апеннинского полуострова.

¹⁵ Это сообщение не подтверждается другими источниками.

¹⁶ Т.е. Мантуя.

¹⁷ Т.е. в Итальянском королевстве. Тело Карла начало быстро разлагаться и издавать ужасное зловоние. Так что для перевозки его вынуждены были засмолить и поместить в обернутую кожами бочку.

¹⁸ Карл Лысый был похоронен в Сен-Дени, фамильной усыпальнице Каролингов.

¹⁹ В IX в. королевское землевладение было организовано следующим образом. Вдоль дорог, по которым передвигался королевский двор, располагались королевские виллы. Они предназначались в основном для краткосрочных стоянок. На длительное время король останавливался в пфальцах, представлявших собой укрепленные поселения с обширным хозяйственным комплексом. К пфальцу, как правило, тяготело несколько вилл. Кроме постоя, пфальцы использовались королями для проведения общегосударственных собраний знати.

²⁰ В тексте – *in regnum statuunt*.

²¹ Т.е. Людовика Заику, единственного из четырех сыновей Карла Лысого, пережившего отца.

²² Бозо или Бозон, граф Вьенна, герцог Прованса. В последние годы правления Карла Лысого один из самых могущественных феодалов Западно-франкского королевства. В 876 г. получил от Карла в управление Итальянское королевство. Был женат на Ирмингарде, дочери императора Людовика II. В 879 г. объявил себя королем Прованса. Однако вскоре был окружен королевскими войсками и потерял значительную часть владений. Умер в 887 г.

²³ Бернард, маркграф Готии, обладал огромной властью в Лангедоке. После смерти Карла Лысого правил на юге Франции как самостоятельный властитель. Не признал коронации Людовика Заики и в 878 г. поднял против него мятеж. Усилиями Гуго Аббата, Бозона, Бернарда Плантавельно и королевского камерария Теодориха мятеж был подавлен, а Бернард утратил большую часть своих владений.

²⁴ Т.е. Людовик Младший.

²⁵ Имеется в виду Людовик Немецкий.

²⁶ Имеется в виду Людовик Заика.

²⁷ Имеется в виду Балдуин I по прозвищу Железная Рука. Владел многочисленными графствами во Фландрии и, кроме того, являлся аббатом монастыря Сен-Бертен. Был женат на Юдифи, дочери короля. Не раз отличался в борьбе с норманнами.

²⁸ Церковь св. Марии была сооружена в Компьене по приказу Карла Лысого и представляла собой копию императорской капеллы в Аахене. Людовик Заика – первый из западных Каролингов, погребенный не в аббатстве Сен-Дени. Добиваясь поддержки франкской аристократии при восхождении на престол, Людовик передал фамильное аббатство Гоцлину.

²⁹ Гуго Аббат, племянник императрицы Юдифи по линии отца, а императрицы Ирмингарды по линии матери; возможно, являлся сводным братом Одо Парижского. Наследственные владения Гуго находились в районе Оксера. Он был графом Тура и Анжера, аббатом Сен-Мартен в Туре, Сент-Эньян в Орлане, Кормери, Сен-Вааст, Сен-Коломб в Сансе, Сен-Жермен в Оксере. Талантливый военачальник, прославившийся в борьбе с норманнами. В 878 г. участвовал в подавлении мятежа Бернарда Готского. В династической борьбе поддержал

Людовика III, а затем и Карломана. Главная фигура при дворе до 884 г. После того, как Карл III Толстый получил корону Западно-франкского королевства, Гуго постепенно устранил от двора. Умер в мае 886 г.

³⁰ Гоцлин, сын графа Роргона из Мана, сводный брат и преемник архикапеллана Людовика, внук Карла Великого; дядя Бернарда Готского и кузен семейства Рамнульф в Пуатье. Аббат монастырей Жюмьен, Сент-Аман, Сен-Дени, Сен-Жермен де Пре, епископ Парижа. В династической борьбе долгое время держал сторону немецких Каролингов. В 878 г. заключил с Людовиком Младшим, сыном Людовика Немецкого, договор в Фуроне, предусматривавший возможность наследования престола одним лицом в двух королевствах. Умер в апреле 886 г.

³¹ Конрад принадлежал к могущественному роду Вельфов. Близкий родственник Гуго Аббата. Граф Парижа. Долгое время принадлежал к партии Гоцлина.

³² Т.е. Людовика Младшего.

³³ Т.е. на Британских островах.

³⁴ Морины – одно из племен, населявших Фрисландию.

³⁵ Менапии – одно из племен, населявших Фрисландию.

³⁶ Имеется в виду Гуго Лотарингский, сын короля Лотаря II и рабыни Вальдрады.

³⁷ Возможно, речь идет о Рудольфе, умершем в 892 г.

³⁸ Речь идет о Мерсенском разделе. В 870 г. Карл Лысый и Людовик Немецкий поделили между собой королевство Лотаря II. В 879 г. Гуго Аббат предложил Людовику Младшему взять долю Карла Лысого, но отказаться от вмешательства в династическую борьбу за трон Западно-франкского королевства. Также см. прим. 30.

³⁹ Имеется в виду Ансегиз, архиепископ Санса. Помазание Людовика III и Карломана произошло в аббатстве Феррьер.

⁴⁰ 15 октября 879 г. во дворце Мантай, недалеко от Вьенны, в присутствии шести архиепископов, а также епископов и множества светских вельмож, герцог Бозон и его супруга Ирмингарда были коронованы на престол.

⁴¹ Т.е. Людовиком Младшим. Имеется в виду договор 879 г., заключенный между Гуго Аббатом и Людовиком.

⁴² Т.е. Людовиком III и Карломаном.

⁴³ Т.е. Людовик Младший, Людовик III и Карломан.

⁴⁴ Встреча состоялась в Рибмоне.

⁴⁵ Это говорит о решающей роли знати в делах управления королевством.

⁴⁶ Т.е. Австразии, которая являлась ядром Каролингского государства.

⁴⁷ Генрих, герцог Франконии. Ближайший сподвижник Людовика Младшего и Карла III Толстого. Один из виднейших военачальников своего времени. Не раз отличался в войнах против норманнов. Погиб под Парижем в 886 г.

⁴⁸ Теотбальд, сын Хукберта, брата Титберги, жены Лотаря II. Помогал Гуго, сыну Лотаря II в его борьбе за отцовское наследство.

⁴⁹ Хукберт, брат Бивена, аббата Горца и Бозона Итальянского. Граф-аббат ряда монастырей в Юра, аббат монастыря Сен-Мартен в Туре.

⁵⁰ Имеется в виду Карл III Толстый, младший сын Людовика Немецкого, получивший по разделу 872 г. Швабию.

⁵¹ Имеется в виду старший сын Людовика Немецкого, король Баварии. Он умер от атеросклероза и эпилепсии, наследственной болезни Вельфов, передававшейся только по мужской линии.

⁵² Т.е. к монастырю св. Вестада (Сен-Вааст) возле Арраса.

⁵³ Т.е. Аррас.

⁵⁴ Т.е. на реке Изер во Фландрии.

⁵⁵ 2 февраля.

⁵⁶ 22 февраля.

⁵⁷ Битва при Сокур-ан-Виме состоялась 3 августа 881 г.

⁵⁸ Т.е. Людовик Младший, король Восточно-франкского королевства.

⁵⁹ Т.е. Карл III Толстый.

⁶⁰ После смерти Карла Лысого место императора оставалось вакантным в течение четырех лет.

⁶¹ О пфальцах и виллах см. прим. 19.

⁶² Готфрид принял крещение и принес Карлу Толстому вассальную присягу.

⁶³ Готфрид получил Фрисландию при условии, что будет защищать эти земли от набегов других норманнских дружин.

⁶⁴ Рорик получил Фрисландию от императора Лотаря I на тех же условиях.

⁶⁵ Т.е. Лотаря II (855-869 гг.).

⁶⁶ По разделу 880 г. король Карломан получил южные территории, Аквитанию, Готию и часть Бургундии. Узнав о смерти брата, Карломан немедленно отправился в его королевство.

⁶⁷ Гинкмар, архиепископ Реймса. Воспитывался в монастыре Сен-Дени. С 822 г. занимает должность архикапеллана при дворе императора Людовика Благочестивого, а после его смерти (840 г.) при дворе Карла Лысого. В 845 г. получает архиепископскую кафедру в Реймсе. Ближайший сподвижник Карла Лысого. В немалой степени способствовал благополучному разрешению политического кризиса 858-859 гг. Принимал активнейшее участие в деле о разводе Лотаря II. В течение нескольких десятков лет под его непосредственным руководством создавались Сен-Бертенские анналы, официальная летопись Западно-франкского королевства. Незадолго до смерти Гинкмар покинул Реймс, спасаясь от норманнов, и умер в Эперне в ноябре 882 г.

⁶⁸ Фулькон – родственник герцогов Сполетских, аббат монастырей Сен-Бертен, Сен-Вааст и Сен-Медард. В 883 г. получил архиепископскую кафедру в Реймсе. В династической борьбе поддержал Карла Простоватого, коронованного благодаря его усилиям. Возглавлял королевскую канцелярию. Убит в июне 900 г. наемниками Балдуина Фландрского.

⁶⁹ Фламинги – одно из племен, населявших Фрисландию.

⁷⁰ В рукописи отсутствует аблатив *principibus eorum*.

⁷¹ См. прим. 30.

⁷² Лайен или граф-аббат, светское лицо, занимавшее духовную должность без посвящения в сан.

⁷³ При решении важнейших политических вопросов, затрагивавших интересы государства, роль аристократии была исключительно велика. В особенности это характерно для последней четверти IX в., когда королевская власть все больше ослабевает, а в разных частях королевства то и дело появляются тираны, выходцы из знатных фамилий, стремящиеся к узурпации власти, такие как Бернард Готский или Бозон Провансальский.

⁷⁴ 2 февраля.

⁷⁵ Пасха пришлось на 19 апреля.

⁷⁶ Т.е. Лотарю II.

⁷⁷ Точная дата в рукописи отсутствует.

⁷⁸ Граф Теодерих, камергер Людовика Заики. Принимал участие в подавлении мятежа Бернарда Готского. Принадлежал к аристократической партии, возглавляемой аббатом Гоцлином.

⁷⁹ Имеется в виду Карл Толстый, король Восточно-франкского королевства (882-887 гг.). Получил императорскую корону из рук папы Иоанна VIII в 881 г.

⁸⁰ Представители светской и духовной аристократии принесли новому королю присягу на верность. Отдельные части бывшей империи Карла Великого вновь соединились в одних руках. Это указывает на живучесть представлений об имперском единстве в умах франкской знати. Однако новые политические реалии резко шли с ними вразрез, что стало очевидным почти сразу.

⁸¹ Готфрид, один из норманнских вождей, принесший вассальную присягу Карлу Толстому и получивший в качестве лена Фрисландию, должен был защищать северные земли королевства от набегов своих соотечественников. Однако он мало что делал в этом направлении. Более того, он вступил в союз с Гуго, мятежным сыном Лотаря II, и обещал ему поддержку в борьбе за отцовское наследство. В начале 885 г. Готфрид в ультимативной форме потребовал от Карла Толстого Зинциг, Андернах и Кобленц, в противном случае отказываясь от своей присяги. Он собрал войско и угрожал привести норманнов в самое сердце королевства. Чтобы уладить это дело, император Карл направил к нему своего ближайшего сподвижника, графа Генриха, а также Виллиберта, архиепископа Кельна.

⁸² Герульф – вассал Готфрида.

⁸³ Во время переговоров Эверхардом, графом Хамаланда, был спровоцирован вооруженный конфликт, в ходе которого Готфрид был убит Генрихом.

⁸⁴ После ослепления Гуго был заточен в Сен-Галленский монастырь.

⁸⁵ Норманны появились под Парижем в ноябре 885 г., впервые после 866 г.

⁸⁶ 1 Мак. 9:13.

⁸⁷ Одо – старший сын Роберта Сильного, граф Тура, Блуа и Анжера, аббат Сен-Мартен в Туре, Мармутье и Кормери. Его власть распространялась почти на всю Нейстрию. Граф Парижа с конца 882 г. Отличился при обороне города от норманнов в 885-886 гг. 29 февраля 888 г. стал королем Западно-франкского королевства. Умер 1 января 898 г. Погребен в аббатстве Сен-Дени.

⁸⁸ Т.е. восточных франков. Имеется в виду Генрих, герцог Франконии.

⁸⁹ Епископ Гоцлин умер в апреле 886 г.

⁹⁰ Дата в рукописи отсутствует. По другим источникам известно, что Гуго Аббат умер 12 мая 886 г.

⁹¹ Т.е. Карла III Толстого.

⁹² Т.е. Сены.

⁹³ Император уплатил норманнам 700 фунтов серебра.

⁹⁴ Это очень сильно подорвало престиж императора.

⁹⁵ Аскрих, епископ Парижа, глава королевской канцелярии.

⁹⁶ После смерти Гуго Аббата граф Одо получил все его лены – обширные владения в Нейстрии, некогда принадлежавшие его отцу, Роберту Сильному.

⁹⁷ Вальтер, архиепископ Санса, глава королевской канцелярии. Принимал непосредственное участие в помазании на царство Одо, позднее его брата Роберта, а также Рауля, герцога Бургундского.

⁹⁸ Резкое недовольство политическим курсом Карла Толстого, всячески пренебрегавшего интересами Восточно-франкского королевства, вылилось в открытое выступление знати всех пяти германских племен против короля. В ноябре 887 г. во Франкфурте Карл III был лишен короны. Формальным поводом к этой акции явилось обвинение короля в физической немощи и неспособности управлять государством: Карл с юных лет страдал эпилепсией и атеросклерозом.

⁹⁹ Карла Толстого на троне сменил его племянник Арнульф, маркграф Каринтии, сын Карломана Баварского.

¹⁰⁰ Вито, сын Ламберта Нантского, герцог Сполето королевского происхождения, родственник и союзник архиепископа Фуль-кона Реймского.

¹⁰¹ Беренгар, маркграф Фриульской марки.

¹⁰² Т.е. Карл III Толстый.

¹⁰³ Карл умер в январе 888 г. после крайне неумело проведенной операции по трепанации черепа.

¹⁰⁴ На церемонии присутствовал узкий круг преданных Одо людей, чьи владения располагались в Нейстрии: Отгон, граф Тура, Фулькон, граф Анжера, Гарнего, граф Блуа, а также епископы Вальтер Орлеанский, его племянник Вальтер из Санса, Адалард Турский и его брат Ренон из Анжера.

¹⁰⁵ Церемония состоялась 29 февраля 888 г.

¹⁰⁶ Это произошло в самом начале 888 г.

¹⁰⁷ Т.е. в Верхней Бургундии.

¹⁰⁸ Рудольф происходил из рода Вельфов. Сын герцога Конрада, младший брат Гуго Аббата, внучатый племянник императрицы Юдифи. Владел доставшимися от отца Лозанной, Сином, Женевой. Являлся аббатом монастыря Сен-Морис в Агоне. Королевство Рудольфа включало в себя также провинцию Безансон, принадлежавшую ранее Бозону Провансальскому.

¹⁰⁹ Видо не имел поддержки в среде западно-франкской аристократии.

¹¹⁰ Видо получил императорскую корону из рук папы Стефана V в 891 г. Незадолго до этого папа объявил его своим приемным сыном.

¹¹¹ В тексте *dominatui* вместо *dominationi*.

¹¹² Рудольф – аббат монастыря св. Вестада.

¹¹³ Т.е. граф Балдуин II Фландрский, сын Балдуина I по прозвищу Железная Рука, внук Карла Лысого. Граф Фландрии с 879 г. Граф-аббат монастырей Сен-Вааст в Аррасе, Сен-Пьер и Сен-Бавон в Генте, Сен-Бертен. Один из сильнейших аристократов Западно-франкского королевства. Принадлежал к партии Фулькона Реймского.

¹¹⁴ 24 июня.

¹¹⁵ Речь идет о битве при Монфоконе.

¹¹⁶ В тексте – *placitum*. Имеется в виду возглавляемое королем собрание аристократии, в компетенцию которого входило решение важнейших политических вопросов.

¹¹⁷ Арнульф признал коронацию Одо в обмен на вассальную присягу со стороны последнего.

¹¹⁸ Теутберт, граф Мо, брат Аскриха, епископа Парижа.

¹¹⁹ 13 ноября.

¹²⁰ Одо был заново коронован в Реймсе, что в значительной степени легитимизировало его положение в глазах знати.

¹²¹ Рамнульф II, граф Пуатье (866-890 гг.). Связан узами родства с Бернардом Готским и Гоцлином, епископом Парижа. Владел большей частью Аквитании.

¹²² Встреча Одо и Рамнульфа состоялась в Орлеане.

¹²³ Имеется в виду Карл Простоватый, сын Людовика Заики.

¹²⁴ *Eriscorus* в рукописи отсутствует.

¹²⁵ Гастинг, один из норманнских вождей.

¹²⁶ 27 декабря.

¹²⁷ Местоположение не выяснено.

¹²⁸ Имеется в виду весна.

¹²⁹ Речь идет о Балдуине Фландрском.

¹³⁰ 17 апреля.

¹³¹ Речь идет о партии, возглавляемой Фульконом Реймским.

¹³² Королю вместе с двором было предложено перезимовать в аквитанских пфальцах с тем, чтобы королевские пфальцы на землях к северу от Луары, разоренные войнами, норманнскими набегами и неурожаем, несколько восстановили свои материальные ресурсы.

¹³³ В 890 г.

¹³⁴ Эбулюс и Гоцберт, аквитанские графы, сыновья Рамнульфа. Их мятеж был вызван попыткой Одо передать владения в Пуатье своему брату Роберту Нейстрийскому.

¹³⁵ 2 февраля.

¹³⁶ Карлу Простоватому едва исполнилось 14 лет.

¹³⁷ Карл был помазан 28 января 893 г. в Реймсе архиепископом Фульконом в присутствии большого числа светских и духовных феодалов.

¹³⁸ Пасха пришлась на 8 апреля.

¹³⁹ Т.е. Одо и его сторонников.

¹⁴⁰ Ричард Отенский, герцог Бургундии, брат Бозона Провансальского. Не раз отличался в борьбе с норманнами. Чтобы помешать распространению влияния Робертинов на землях к югу от Луары, весной 893 г. поддержал Карла Простоватого. Присоединил к своим владениям графство Оксер, аббатства Сен-Жермен и Сент-Коломб, распространил свое влияние на епископства Лангр и Труа. К концу жизни под его властью находилось 17 из 18 бургундских графств, а сам он начал именовать себя герцогом. Умер летом 921 г.

¹⁴¹ Вильгельм Благочестивый, герцог Аквитании, сын Бернарда Плантавело. Весной 893 г. поддержал Карла Простоватого по тем же причинам, что и Ричард Заступник. Подобно последнему присвоил себе герцогский титул. Умер в 918 г.

¹⁴² Имеется в виду Роберт Нейстрийский, брат короля Одо.

¹⁴³ Т.е. Ричарду Отенскому.

¹⁴⁴ Манасс или Манассия, граф Шалона, зять и вассал Ричарда Отенского.

¹⁴⁵ Теутбольд, епископ Лангра. Родственник Карла Простоватого, принимал участие в его коронации. В 894 г. был ослеплен и низложен людьми Ричарда Заступника.

¹⁴⁶ Король Арнульф, самая значительная фигура на политическом небосклоне Европы в последние десятилетия IX в., иногда выступал в качестве арбитра, улаживая споры между корольками, во множестве появившимися в отдельных частях бывшей франкской империи после свержения Карла Толстого.

¹⁴⁷ Цвентибольд, незаконнорожденный сын Арнульфа Каринтийского. По решению отца и с согласия знати в 895 г. стал королем Лотарингии. Убит лотарингскими аристократами в августе 900 г.

¹⁴⁸ Хериберт или Герберт, граф Вермандуа, владел землями от Перонны до Сен-Кантена. Тесть Роберта Нейстрийского.

¹⁴⁹ Херкенгер, граф Труа, виконт Санса, вассал Ричарда Отенского.

¹⁵⁰ Хекфрид, граф Седани.

¹⁵¹ Роберт, брат Балдуина Фландрского.

¹⁵² Имеется в виду Рудольф Бургундский (см. прим. 108).

¹⁵³ Точное месторасположение не известно.

¹⁵⁴ 27 марта.

¹⁵⁵ Т.е. короля Людовика Заики.

¹⁵⁶ Король Одо уступил Карлу Лан.

¹⁵⁷ Дата в тексте отсутствует.

¹⁵⁸ См. прим. 140.

¹⁵⁹ См. прим. 141.

¹⁶⁰ Название места в рукописи неразборчиво.

¹⁶¹ 28 декабря.

¹⁶² Имеется в виду встреча, о которой договорились Карл Простоватый и Цвентибольд.

¹⁶³ Альтмар, приближенный Карла Простоватого, граф Арраса, аббат монастыря Сен-Вааст.

¹⁶⁴ Год в рукописи не указан.

¹⁶⁵ Винемар, вассал Балдуина Фландрского.

¹⁶⁶ См. прим. 144.

1.5.

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Противодействие феодальным войнам (Из «Хроники» Рауля Глабера)

Отрывок из «Хроники» Рауля Глабера характеризует наличие в IX-XI вв. феодальной раздробленности в Западной Европе, показывает, насколько обычным явлением были в то время междоусобные войны.

Книга IV, глава 5. В 1000-й год от страстей христовых¹... епископы, аббаты и другие преданные делу святой веры мужи вся-кого звания стали созывать собрания церковных соборов, прежде всего в областях Аквитании. Провинции Арля, Лиона и всей Бургундии, до крайних пределов Франции, следовали этому примеру. Издавались по всем епархиям распоряжения, чтобы прелаты и магнаты королевства собирались в определенных местах на соборы для установления мира и поддержания веры. При оповещении [о том] с радостью сходилась во множестве весь народ – великие, средние и малые. Все ожидали решения пастырей церкви, дабы подчиниться ему с не меньшим послушанием, как если бы голос, провозглашенный с небес, посылал на землю оповещение людям; ибо страшила всех память о бедствиях минувшего времени², и боялись, что не в состоянии будут воспользоваться обилием грядущего урожая.

Постановления соборов, расписанные по главам, содержали не только то, что запрещалось совершать, но также и благочестивые обеты, которые решили принести в дар всемогущему господу. Важнейшим из них было постановление о соблюдении нерушимого мира; гласило оно, что каждому человеку ...можно ходить без оружия; похитителя же или захватчика чужого имущества по всей строгости закона либо имени лишать, либо подвергать тягчайшим телесным наказаниям. А святые места по всем церковным областям чтить и оказывать им особое уважение; если бы виновный искал там убежища, можно ему выходить без обиды, за исключением нарушителей постановлений, касающихся сохранения настоящего мира; таковым же, даже если бы их схватывали у подножья алтаря, не избегать наказаний за преступления. А всем клирикам, монахам, монахиням, также тем, кои вместе с ними по стране путешествуют, ни от кого не терпеть никакого насилия... Постановления этих всех [присутствовавших] зажигали столь великим воодушевлением, что когда епископы поднимали жезлы свои к небу, они с простертыми к господу дланями единодушно взывали: «мир, мир, мир...».

Книга V, глава 1. В то время, по внушению благодати божией, сначала в областях Аквитании, а потом постепенно и по всей территории Галлии стали из-за страха и любви божией утверждать следующее соглашение: чтобы с вечера среды и до утра понедельника не дерзал никто из смертных ни отнимать что-либо у кого бы то ни было силою, ни удовлетворять свое мщение какому-либо врагу, ни даже требовать залога от поручителя. Тому же, кто осмелился бы нарушать это общественное постановление, либо платиться жизнью, либо быть отторженному от общества христианского и изгнанному из родины. Всем было угодно ... именовать [это соглашение] божьим перемирием...

¹ В 1033 г.

² Рауль Глабер имеет в виду голод 1027 г., страшное описание которого он нам оставил.

1.6. АНГЛИЯ

Политика Англии в сфере торговли при Эдуарде I

Из всех королевских хартий, пожалованных Эдуардом I иностранным купцам в XIV в., наиболее интересны две самые ранние: от 1302 г. и от 1303 г. Король предоставлял хартии с привилегиями, которые можно условно разделить на три группы: во-первых, жаловались индивидуальные привилегии отдельным купцам; во-вторых – коллективные, для купцов из тех или иных городов или стран – наконец, привилегии, касающиеся всех иностранных купцов, торгующих в Англии. Именно такой общей хартией и была «Купеческая хартия» 1303 г. Хартии 1302 г. и 1303 г. не только во многом схожи между собой по содержанию, по структуре и порядку размещения пожалованных привилегий, но и неотделимы друг от друга.

Предоставленные иностранным купцам привилегии в начале XIV в. не были всеобъемлющими и не гарантировали полную неприкосновенность личности купца и торговли. Однако они были все-таки значительными и обеспечивали привлечение в Англию иностранных купцов. Купеческие хартии увеличили поступления в королевскую казну финансовых средств, необходимых для покрытия военных расходов Эдуарда I.

Хартия от 1302 г.

ОРДОНАНС,

принятый для процветания королевских купцов из герцогства Аквитания. 1302 г.

Принимая во внимание благополучие купцов из нашего герцогства Аквитания и желая предоставить этим купцам привилегии, обеспечивающие им спокойствие и полную безопасность на время пребывания в наших владениях, чтобы они охотно служили нам и нашему королевству, мы решили благосклонно отнестись к их петициям и от имени своего и своих наследников жалуем этим купцам нижеперечисленные свободы. Все купцы-винооторговцы могут свободно приходить, пользуясь королевским покровительством и защитой, в королевство Англию и другие наши владения с вином и другими товарами. В нашем королевстве и в городах, находящихся под нашей властью, они могут торговать оптом как с натурализовавшимися иностранцами, так и с жителями нашего королевства, а также с чужаками, иностранцами или другими лицами. Товары, которые купцы-винооторговцы привезут, купят или иным образом приобретут в наших владениях, они могут как свободно перевозить внутри наших земель, так и вывозить, заплатив необходимые пошлины. Исключением являются только вина, вывоз которых без специального разрешения запрещен¹.

Кроме того, купцы-винооторговцы из этого герцогства могут селиться в городах и проживать со своим товаром с согласия тех, кому принадлежат постоянные дворы и дома.

Любой контракт, заключенный этими винооторговцами с любым человеком, откуда бы он ни происходил, относительно всякого рода товаров, должен быть прочным и нерасторжимым. Никто из купцов не должен отказываться от выполнения сделки по контракту или расторгать его после того, как дан задаток. В том случае,

если возникает спор по такому контракту, судебное разбирательство должно быть проведено в соответствии с обычаями и порядками тех мест, где эти контракты были заключены и зарегистрированы.

Далее мы освобождаем купцов из герцогства Аквитания от взимания древнего побора в две бочки вина, который обычно взимался с каждого корабля, груженного вином, при прибытии его в королевство, таким образом, что одну бочку брали из груза, размещенного перед мачтой, а вторую – (из груза) за мачтой. Мы обещаем от своего имени и от имени своих наследников, что не будем ни под каким видом производить эти поборы с вина и других товаров. В случае, если товары будут отобраны против воли этих купцов, им надлежит немедленно уплатить цену, за которую они продали бы свои товары другим людям. При этом оценивать и определять цену вина и товаров должны сами купцы-винооторговцы, а не мы и не наши слуги.

Если при проверке окажется, что вина в бочке не хватает, продавец вина обязан возместить недостающую часть, и возмещение должно быть дано в соответствии с той ценой, за которую эту бочку вина продали.

Повелеваем, что как только корабли с вином нового урожая придут в королевство, вино старого урожая, где бы оно ни находилось, должно быть осмотрено и проверено, чтобы выявить, нет ли среди старого вина испорченного или негодного. Те же, кто будет проверять вино, должны состоять наполовину из купцов-винооторговцев герцогства Аквитания, а наполовину из достойных людей того города, где будет проходить проверка. Проверяющие должны дать клятву, что будут выполнять свои обязанности честно и без обмана, с испорченным вином поступать по обычаю².

Поскольку с давних времен установлено, что продавец и покупатель должен платить один пенс за каждую проверенную бочку вина, то мы желаем, чтобы этот порядок соблюдался и в будущем, как обычай.

Затем если купцы-винооторговцы обратятся с жалобой на обиды, притеснения, причиненные им, а также по долгам или любым другим искам, то бейлифы и чиновники ярмарок и городов должны вершить этим купцам каждый день быстрый суд без всяких задержек и проволочек по купеческому праву. В том же случае, если бейлифы и чиновники провинятся перед этими винооторговцами или кем-либо из них, откладывая правосудие и чиня им препятствия, даже если винооторговцы и возместили свои убытки за счет противоположной стороны в суде, то бейлифы и другие чиновники подлежат наказанию в зависимости от их проступка. Король желает, чтобы такое наказание в пользу купцов-винооторговцев ускорило для них правосудие.

Далее, во всякого рода исках, за исключением тех преступлений, за совершение которых наказанием является смертная казнь, по которым купцы-винооторговцы этого герцогства являются истцами или ответчиками, и если в том месте, где проводится суд, есть достаточное число купцов из Аквитании, половина суда присяжных должна состоять из достойных и честных людей тех мест, где рассматривается иск. В том же случае, если достаточного числа купцов их этого герцогства не удастся найти, их следует заменить теми, кто будет найден подходящим, а остальных надлежит выбрать из числа местных жителей того места, где рассматривается иск.

Никакие дополнительные платежи и поборы не должны никоим образом накладываться на вино, принадлежащее этим купцам.

От своего имени и от имени своих наследников мы полагаем разумным постановить, чтобы отныне этот ордонанс строго соблюдался. Купцы-винооторговцы из герцогства Аквитания не должны лишаться пожалованных им свобод и привилегий. Эти привилегии могут только расширяться.

Взамен предоставленных свобод и за освобождение от пошлин купцы согласились платить нам и нашим наследникам с каждой бочки вина, которую они доставят в наше королевство и за перевозку которой они платят морякам, 2 ш. сверх «старой пошлины». Эту пошлину они должны выплачивать в течение 40 дней после того, как вино будет выгружено с корабля. И мы желаем, чтобы эти купцы-винооторговцы, заплатив данную пошлину в 2 ш. в одном месте королевства, были полностью свободны от уплаты ее в других местах – при условии, что за другие привезенные товары они должны платить те же пошлины, что и остальные купцы.

¹ Лицензии на реэкспорт вина из Англии выдавались крайне редко. В XIV в. известно лишь несколько таких случаев. Как правило, речь идет о вывозе старого вина, которое «... настолько слабое, что его невозможно продать в Лондоне». В 1374 г. указывалось, что, «поскольку вино старое и слабое и его невозможно продать в Англии, разрешается отправить его в Пруссию, где за него можно взять хорошую цену».

² За совместное хранение вина старого и нового урожая эти вина подлежат конфискации. Если же при проверке устанавливали, что вино скисло или испортилось, оно уничтожалось. Вероятно, именно «по обычаю» поступили с Джоном Пенроузом, который за продажу плохого вина был приговорен «выпить досуха свое вино, а остальное вылить ему на голову и запретить впредь заниматься продажей вин».

Хартия от 1303 г.

КУПЕЧЕСКАЯ ХАРТИЯ 1303 г.

Эдуард, милостью божьей король Англии, лорд Ирландии и герцог Аквитании, обращается к архиепископам, епископам, аббатам, приорам, графам, баронам, шерифам, стюардам, чиновникам, бейлифам и ко всем своим подданным. Заботясь о благополучии купцов из нижеперечисленных королевств, земель и провинций, а именно: Германии, Франции, Испании, Португалии, Наварры, Ломбардии, Тосканы, Прованса, Каталонии, нашего герцогства Аквитания, Тулузы, Фландрии, Брабанта и всех других иностранных земель, под

каким бы именем они ни были известны, мы желаем, чтобы эти купцы могли, находясь под нашим покровительством и защитой, свободно прибывать в наши владения. Прибывающих купцов мы намерены использовать для службы нам и нашему королевству.

Мы благосклонно отнеслись к многочисленным прошениям этих купцов и решили от нашего имени и от имени своих наследников пожаловать им следующие свободы и привилегии.

Прежде всего все купцы, пользуясь нашим покровительством, могут свободно приходить в наше королевство Англию и другие наши владения с любыми товарами. При этом они не должны платить пошлины за ремонт стен и мостов, а также за мощение улиц.

В наших землях и городах эти купцы могут торговать оптом как с натурализовавшимися лицами или жителями нашего королевства, так и с иностранцами, чужаками и другими лицами. Однако такие товары, которые обычно называют мерсери, или пряности, они могут продавать в розницу, как делали это прежде.

Кроме того, все эти купцы могут свободно распоряжаться своими товарами, отправлять или перевозить их куда им будет угодно. Купцам разрешается везти свои товары в любые страны, за исключением тех, жители которых являются врагами короля. Вывозить товары позволено только после уплаты надлежащих пошлин. Единственным исключением является вывоз вина, которое, если его доставили в Англию любым законным способом, не может быть вывезено из королевства без специального разрешения и королевского позволения.

Все вышеупомянутые купцы могут свободно селиться во всех городах и останавливаться в них, получив согласие тех, кому принадлежат постоянные дворы и дома.

Любой контракт, заключенный между купцами и другими людьми, откуда бы они ни были, относительно товаров любого рода, должен быть прочным и нерасторжимым, чтобы ни один купец не мог отказаться от заключенного ранее контракта или расторгнуть его после того, как договаривающиеся стороны дали и получили «божий пенс». И если возникнет спор по такому контракту, судебное разбирательство должно проводиться по правилам и обычаям тех ярмарок и городов, где этот контракт был заключен и зарегистрирован.

Обещаем этим купцам, что ни под каким предлогом не будем причинять им ущерб арестами или конфискациями товаров по праву захвата. Если же в случае создавшейся необходимости товары будут захвачены, то купцам будет немедленно уплачена та цена, за которую купцы могли бы продать их на рынке, или товары будут возмещены другим образом, но так, чтобы сами купцы при этом были удовлетворены. При этом ни мы, ни наши чиновники не должны оценивать или определять стоимость их товаров.

Мы постановляем, чтобы все бейлифы и чиновники ярмарок и городов оказывали этим купцам каждый день быстрое правосудие в соответствии с купеческим правом по всем отдельным искам, которые относятся к компетенции этого права. И если окажется, что вышеупомянутые бейлифы и чиновники причинят беспокойство купцам, задержав их товары, то виновные в причинении убытка должны быть наказаны, даже если купцы и получают полное возмещение ущерба. В этом случае штраф, наложенный на чиновников и бейлифов, должен поступать пострадавшим купцам, чтобы ускорить для них правосудие.

Все судебные иски, по которым купцы являются истцами или ответчиками, кроме уголовных преступлений, наказанием за которые является смертная казнь, должны рассматриваться судом присяжных. Половину состава суда присяжных должны составлять люди из тех земель, откуда сам купец, а другую половину - добропорядочные и честные люди из того места, где был подан иск. Если в том месте, где должен состояться суд, не окажется достаточного числа купцов из вышеназванных земель, то их должны заменить теми, кого найдут подходящими для этого.

Мы предписываем, чтобы во всех торговых городах и на ярмарках нашего королевства в определенных местах были установлены весы. Перед взвешиванием продавец и покупатель должны видеть, что чашки весов пусты, и, когда весовщик убирает руки, чашки весов должны находиться на одном уровне. Во всем нашем королевстве должен быть один вес и одна мера, подлинность которых должна подтверждаться нашей печатью. Каждый желающий может иметь у себя весы для взвешивания не более 25 фунтов веса, если это не противоречит праву лорда того места, где он проживает, и не ущемляет привилегии, пожалованные нами, а также обычаи, соблюдаемые в городах и на ярмарках.

Далее, если шерифы и мэры не будут постоянно оказывать купцам полное и быстрое правосудие, мы желаем, чтобы был назначен судьей для этих купцов честный и благоразумный человек, проживающий в Лондоне, к которому они могли бы обратиться и получить быстрое возмещение долгов. При разбирательстве спорных дел, в которых участвуют купцы, этот судья должен руководствоваться купеческим правом, даже если спорные вопросы, возникающие между купцами, не указаны в этой хартии.

Повелеваем, чтобы эта хартия строго соблюдалась, и любые привилегии, которые мы или наши наследники будем жаловать, не должны ущемлять вышеперечисленные свободы и освобождения от пошлин и поборов.

За предоставленные привилегии и освобождения от пошлин купцы единодушно согласились платить следующие пошлины:

- 2 ш. сверху «старой пошлины» с каждой бочки вина, которую эти купцы привезут в наше королевство и за перевоз которой платят фрахт морякам. Эта пошлина должна быть выплачена в течение 40 дней после того, как вино выгружено с корабля на берег;

- с каждого тюка шерсти или 300 овечьих шкур, которые сами купцы или другие для них будут покупать и вывозить из нашего королевства, они должны платить дополнительно 40 п. сверх «старой пошлины» в половину марки, которую прежде до этого платили;

- половину марки за каждый ласт кож, вывозимых из нашего королевства, сверх того, что до этого платили;¹

- 2 ш. с каждого куска сукна, называемого «скарлет» или полностью окрашенного красителем «грейн»;

- 18 п. с каждого куска сукна, окрашенного с добавлением красителя «грейн»;²

- 12 п. с каждого квинтала воска³.

И поскольку некоторые из этих купцов торгуют и другими товарами, такими, как мелкие и дорогие товары, сукна из Тарса, шелк, сандал, зерно, лошади и другие животные и товары, на которые трудно установить фиксированную пошлину, эти купцы согласились платить с перечисленных товаров стоимостью в 1 фунт 3 пенса за ввоз этих товаров в наше королевство в течение 15 дней после того, как товары доставлены, разгружены или проданы, и подобным образом с вывозимых товаров.

При уплате пошлины в 3 п. с товаров стоимостью в 1 фунт этим купцам должно оказываться доверие, если купцы предъявят гарантийные письма от своих лордов или товарищей. В том случае, если купец не имеет таких грамот, он должен дать клятву, что заплатит пошлину. В отсутствие купца клятву должен дать его слуга.

Кроме того, разрешается членам купеческих товариществ продавать и покупать шерсть друг у друга внутри нашего королевства без уплаты пошлины. Однако так, чтобы это не наносило ущерба нашим пошлинам.

Да будет известно, что после того, как эти купцы один раз заплатят пошлину, они должны быть свободны от уплаты за свои товары в других местах нашего королевства, несмотря на то, остаются ли товары в королевстве или вывозятся.

От своего имени и имени своих наследников мы приказываем, чтобы купцы не платили ничего сверх установленных пошлин. У них запрещается вымогать деньги и брать товары по праву захвата.

Дано нашей рукой в Виндзоре 1 февраля в 31 год нашего правления.

¹ В один тюк входило 300 овечьих шкур или шерсть, полученная со стрижки 300 овец. Ласт кожи – 200 кож.

² Скарлет – дорогое шерстяное сукно, окрашенное красителем, называемым «грейн». Этот дорогостоящий краситель получали из высушенных личинок жучков, которые жили только в коре вечнозеленых дубов. Основными районами, откуда доставлялся краситель в Западную Европу, были Пиренейский полуостров, Малая Азия и Северная Африка. Часто «грейн» применялся с различными минеральными и растительными добавками, придающими сукну цвета от пурпурного до черного.

³ Квинтал = 50,5 кг.

Фрэнсис Бэкон о Генрихе VII и его правлении (Фрэнсис Бэкон, «История правления короля Генриха VII»)

Фрэнсис Бэкон (22 января 1561 г. – 9 апреля 1626 г.) – английский философ, историк, политический деятель. В числ его произведений – «История правления короля Генриха VIII».

Этот король (если говорить о нем так, как он того заслуживает) был загадкой наилучшего свойства – загадкой для мудрецов. Было (и в его добродетелях и в его судьбе) нечто достойное не столько книги увещаний, сколько созерцания.

Он был бесспорно религиозен, что проявлялось как в чувстве, так и в набожности. Но, хотя он и умел верно (по тем временам) разглядеть суеверие, его порой приводило в ослепление человеческое лукавство. Он благоволил к церковникам. Он оберегал привилегии святых убежищ, хотя и претерпел из-за них немало зла. Он построил много богоугодных заведений, помимо достопамятной Савойской больницы, и вместе с тем был втайне великий милостынник, что свидетельствует о том, что его публичные начинания были скорее во славу божию, нежели в его собственную. Он всегда проявлял любовь к миру и искал его, а его обычным предисловием ко всем договорам были слова о том, что, когда Христос явился в мир, звучала песнь мира, когда же он его оставил, мир был им заповедан. Эта добродетель не могла проистекать из страха или мягкости, ибо он был храбр и деятелен, и потому, без сомнения, была истинно христианской и нравственной. Однако он знал, что мира не добиться, выказывая желание избежать войны. Поэтому он грозил войной и распускал воинственные слухи до тех пор, пока не выговаривал выгодных условий мира. Немало значило и то, что столь большой почитатель мира был столь удачлив в войне. Ведь его оружие брало верх, будь то в войнах с чужеземцами или гражданских, да и сам он не знал, что такое поражение. Война, начатая его высадкой на берег Англии, а также восстания графа Линкольна и лорда Одли закончились его победой; войны с Шотландией и Францией – миром, о котором просил противник; война в Бретани – смертью герцога. Мятеж лорда Ловелла и эксетерский и кентский мятежи Перкина – бегством бунтовщиков еще до начала боевых действий. Словом, ратная удача никогда ему не изменяла. Она была тем более надежной оттого, что усмирять возмущения подданных он предпочитал лично – порой его участие ограничивалось помощью и содействием военачальникам, но он постоянно находился в деле. Впрочем, в этом им руководила не только отвага, но отчасти и недоверие к другим. Он много заботился и радел о законах, что тем не менее не мешало ему поступать по собственной воле.

Ведь ее осуществляли таким образом, что от этого не страдали ни прерогатива короля, ни его доход. Впрочем, так же как законы порой подгонялись под прерогативу, он и прерогативу подчинял парламенту. Ведь вопросы чеканки денег, войны и военной дисциплины (входившие в компетенцию абсолютной власти) он передавал в парламент. В его время хорошо отправлялось правосудие, за исключением тех случаев, когда одной из сторон был сам король, а также когда адвокаты чересчур вторгались в область *meum* и *tuum*¹. Ведь в его цравление суд был поистине правым, в особенности поначалу. Но больше всего заслуг у него в той области права и политики, которая наиболее долговечна и, так сказать, претворена в медь и мрамор, а именно в создании хороших законов. К тому же при всей своей строгости он был милосердным государем: в его время пострадало всего трое вельмож – граф Уорик, лорд-камергер и лорд Одли, хотя первые два потерпели вместо многих других, заслуживших нелюбовь и дурную славу у народа. Однако никогда прежде рука правосудия не пролила столь мало крови во искупление столь больших восстаний, как после Блэкхита и Эксетера. Что до суровости, с какой обошлись с теми, кто был захвачен в Кенте, то она постигла лишь самое отребье народа. Его помилования шли как впереди, так и по пятам его меча. Но вместе с тем у него было странное обыкновение перемежать большие и непредвиденные помилования с жестокими казнями, чего (принимая в расчет его мудрость) нельзя приписать непостоянству или неровности его нрава. Объяснить это можно либо тем, что он имел на это причину, о которой мы теперь не знаем, либо тем, что он положил себе за правило не быть однообразным и пользоваться обоими способами по очереди. Но чем меньше он проливал крови, тем больше взимал денег, так что кое-кто даже высказывал предположение, что он потому столь бережлив в одном случае, чтобы выжать побольше денег в другом, ибо все вместе было бы невыносимо. От природы он бесспорно стремился скопить состояние и был не очень расположен радоваться чужому богатству. Люди (которые ради сохранения монархий проникнуты естественным желанием обелять своих государей, пусть даже несправедливо обвиняя их советников и министров) приписывали это влиянию кардинала Моргтона и сэра Реджиналда Брея, которые, как выяснилось впоследствии (будучи его старейшими и самыми влиятельными советниками), столь же потакали его прихотям, сколь и умеряли их. Тогда как сменившие их Эмпсон и Дадли (будучи личностями, которые могли выслужиться перед ним, не иначе как рабски следуя его склонностям) не только уступали ему (что делали и их предшественники), но также прокладывали ему путь к этим крайностям, за которые он сам при смерти испытывал раскаяние и которые его наследник отверг и стремился исправить. Для его крайней алчности в то время придумывали множество оправданий и объяснений.

Одни полагали, что беспрерывно досаждавшие ему восстания побудили его возненавидеть свой народ. Другие – что все это делается для того, чтобы сбить с них спесь и содержать в принижении. Третье – что он хочет оставить сыну золотое руно. Четвертые подозревали, что у него большие замыслы в отношении заморских стран. Но, пожалуй, ближе других к истине были те, кто не простирали свои объяснения столь далеко, а скорее приписывали это характеру, возрасту, миру и состоянию ума, сосредоточенного только на достижении одной цели. К последнему я должен добавить, что, имея каждый день возможность наблюдать нужду в деньгах других государей и ухищрения, к которым они прибегали с целью их раздобыть, он по сравнению с ними еще больше убеждался, сколь счастлив обладатель полной казны. Что касается затрат, то он никогда не скупился на расходы, которых требовали его дела; возводившиеся им здания блистали великолепием, но его награды были весьма ограниченными. Словом, он употреблял свои щедроты скорее на возвеличение короны и памяти о себе, нежели на вознаграждение чужих заслуг. Он был высокомерен и любил во всем поставить на своем и все сделать на свой лад, как поступает всякий, кто чтит самого себя и хочет властвовать на деле. Будь он частным лицом, его назвали бы гордецом, но он был мудрым государем и таким образом лишь соблюдал расстояние между собой и другими. Здесь он ни для кого не делал исключения, не допуская ни малого, ни большого посягательства на свою власть или тайны. Ведь им не руководил никто. Королева (несмотря на то что она подарила ему много детей, а также и корону, хотя последнее он предпочитал не признавать) ничего не могла с ним поделаться. Он весьма почитал свою мать, но мало ее слушал. Людей, общество которых было бы ему приятно (таких, как Гастингс при короле Эдуарде IV, а позднее Чарлз Брэндон при короле Генрихе VIII), у него не было, если не считать таких людей, как Фокс, Брей и Эмпсон, потому что они столь подолгу находились при нем. Это напоминало инструмент, подолгу употреблявшийся работником. В нем не было и следа тщеславия, однако наружное великолепие и величие он выдерживал неукоснительно, ибо сознавал, что величие заставляет людей склоняться перед ним, тогда как тщеславие склоняется перед ними.

Своим союзникам за границей он был верен и с ними справедлив, но не откровенен. Скорее, он так усердно выведывал про них, а сам был настолько замкнут, что они для него стояли как бы на свету, а он для них – в темноте; впрочем, между ними не было отчуждения и соблюдалась видимость взаимной осведомленности о делах. Что же до мелкой зависти к иностранным государям и соревнования с ними (что часто встречается среди королей), то этого за ним никогда не водилось, – напротив, он предпочитал заниматься собственными делами. Хотя его слава была велика дома, она была намного большей за границей. Ведь иностранцы, не имевшие возможности следить за развитием событий и судившие о них по их итогам, отмечали, что он все время с кем-то сражается и все время побеждает. Кроме того, она проистекала также из сообщений, которые зарубежные государи и государства получали от своих постоянных послов в Англии и от агентов, которые во множестве посещали двор и которых он не только жаловал любезностью, наградами и доверительным обхождением, но и (во время бесед) приводил в восхищение своим всеобъемлющим

пониманием мировых дел: хотя все эти суждения он извлекал главным образом из разговоров с ними самими, но сложенные воедино они казались достойными восхищения каждому в отдельности. Потому-то в письмах к своим повелителям они всегда столь высоко отзывались о его щедрости и искусном правлении. Более того, даже вернувшись домой, они обыкновенно продолжали поддерживать с ним сношения, — столь ловок он был в умении создавать прочную привязанность иностранцев.

Он песя о том, чтобы получать надежные сведения из всех зарубежных краев и щедро за них платил. Для этого он использовал не только свое влияние на постоянных послов чужеземных государей в Англии и на своих пенсионеров при римском дворе и других дворах христианского мира, но также расторопность и бдительность своих послов в иностранных державах. Его инструкции на этот счет всегда были подробными и четкими и содержали гораздо больше статей относительно сбора сведений, нежели ведения переговоров, причем от послов требовалось в каждой отдельной статье дать особый ответ на каждый его вопрос.

Что до тайных агентов, которые и дома и за границей раскрывали заговоры против его, то поистине в его положении это было необходимо: ведь под него постоянно вели подкоп столько кротов. Нельзя это и порицать, ибо если правомерно подсылать лазутчиков к отъявленным врагам, то тем более это оправданно по отношению к заговорщикам и предателям. Однако оказывать им доверие на основании присяг или проклятий — это, пожалуй, непростительно, ибо это слишком святые одежды для маскарада. Впрочем, наверняка польза от шпионов и инквизиторов была еще и в том, что (помимо того, что их труды послужили раскрытию многих заговоров) молва о них и подозрительность, ею вызываемая без сомнения, удержали многих от новых заговоров.

С королевой он был нисколько не угодлив и отнюдь ее не баловал, но обходился с ней дружески, уважительно и без ревности. К детям он был полон родительской любви, заботился об их воспитании, стремился выделить им долю наследства побольше, постоянно следил, чтобы они не терпели недостатка в должном почете и уважении, но не слишком желал, чтобы их озарял свет народной приязни.

Он часто обращался в свой Совет и нередко заседал в нем сам, ибо знал, что таким путем он укрепляет свою власть и проверяет свое суждение; он был также терпим к свободе высказывания и обсуждения, которой пользовались советники, пока сам не объявлял своей воли.

Знать он держал в кулаке и предпочитал выдвигать на государственные должности церковников и юристов, которые были более послушны ему и менее заинтересованы в расположении народа, что увеличивало его всевластие, но не безопасность. Более того, именно это, по моему убеждению, было одной из причин волнений его беспокойного царствования. Ибо знать, хотя и была лояльна и послушна, тем не менее не объединялась с ним и не мешала всякому идти своим путем. Он не боялся способных людей, как Людовик XI. Напротив, ему служили самые способные люди того времени, без которых он не смог бы столь успешно устроить свои дела. На войне — Бедфорд, Оксфорд, Суррей, Добени, Брук, Пойнингс. В прочих делах — Мортон, Фокс, Брей, приор Лэнтони, Уорэм, Урsvик, Хасси, Фровик и другие. Причем его не заботило, насколько хитры были те, кого он нанимал, поскольку он полагал себя гораздо изворотливее их. Он был столь же и верен в своем выборе сколь верен своему выбору. Ибо, как это ни странно, хотя сам он был замкнутым государем и бесконечно подозрительным, а его время изобиловало тайными заговорами и тревогами, тем не менее за двадцать четыре года своего правления он не сместил и не уволил ни одного советника или дворцового слугу, за исключением лорда-камергера Стенли. Что касается отношения к нему его подданных в целом, то здесь дело обстояло так: из трех чувств, которыми природа привязывает сердца подданных к суверену, — любви, страха и почтительности — более всего ему принадлежало последнее; второе — в добрую меру, а первое и совсем мало, ибо он отдавал предпочтение двум другим.

Был он государем печальным, самоуглубленным, полным дум и тайных наблюдений, писал собственной рукой множество заметок и памяток, особенно таких, которые касались людей: кого взять на службу, кого наградить, о ком справиться, кого опасаться, кто от кого зависит, какие были партии, и тому подобное, тем самым (как бы) ведя дневник своих мыслей. По сей день бытует забавная история о том, как его обезьянка (подученная, как полагают, кем-то из приближенных) порвала на куски его главную записную книжку, случайно оставленную без присмотра, из-за чего двор, не любивший этих многомысленных помет, едва не умер от веселья.

Он был действительно полон страхов и подозрений. Но сдерживал и подчинял он их с той же легкостью, с какой им поддавался, и поэтому они не представляли опасности, тревожа его самого больше, чем других. Правда, что замыслов у него было такое множество, что они всегда вязались между собой, правда и то, что, с одной стороны, они приносили пользу, а с другой — доставляли вред. Кроме того, порой он не мог правильно взвесить соотношение того и другого. Ясно, что поначалу он сам питал слух, причинивший ему позже столько неприятностей (о том, что герцог Йоркский, вероятно, спасся и жив): тогда у него было бы больше причин не царствовать по праву своей жены. Он был приветлив, любезен и красноречив и становился необыкновенно ласков и льстив на слова, когда желал кого-либо убедить или добиться того, к чему лежало его сердце. Он был скорее прилежен, чем умен, и читал большинство сколько-нибудь достойных книг на французском языке. Впрочем, он понимал и по-латыни, как явствует из того, что кардинал Адриан и другие, которые вполне могли писать по-французски, обычно писали к нему на латыни.

О его удовольствиях сведений нет. Впрочем, из инструкций Марсину и Стейлу касательно королевы Неаполя видно, что он знал толк в красоте. К развлечениям он относился так же, как великие государи к пирам, – приходил, бросал на них взгляд и удалялся. Ибо никогда еще не жил государь, который столь полно отдавался бы делам и был бы в них настолько самим собой: ведь даже в разгар ристаний и турниров, балов и маскарадов (которые тогда называли игрищами с личиной) он скорее оставался царственным и терпеливым зрителем, чем обнаруживал заметное участие.

Без сомнения, как и у всех мужей (а более всего у королев) его судьба воздействовала на его натуру, а натура – на судьбу. К обладанию короной его привела не просто судьба частного лица, которая могла наделить его умеренностью, но судьба изгнанника, развившая в нем все задатки наблюдательности и предприимчивости. Поскольку же его времена были скорее благоприятными, нежели спокойными, они успехом подняли его уверенность в себе, но почти испортили его характер тревогами. Его мудрость, часто помогавшая ему избегать бед, обратилась скорее в умение избавляться от опасностей, когда они уже наседали, чем в дальновидность, способную предотвратить и устранить их издали. Даже по природе зоркость его ума походила на одну из разновидностей зрения, позволяющую видеть лучше вблизи, нежели вдаль. Ибо его изобретательность возрастала в зависимости от обстоятельств, особенно когда положение становилось опасным. Опять же независимость того, чем вызывались непрестанные тревоги его жизни, его ли недалевидностью, упрямством, ослепляющей его подозрительностью или чем-то еще (поскольку им больше неоткуда было проистекать), конечно же, они не могли не быть связаны с какими-то большими недостатками и коренными изъянами в его характере, обычаях и поступках, которые он достаточно старательно скрывал и поправлял с помощью тысячи мелких уловок и предосторожностей. Но они лучше всего видны из самого повествования. Однако если его при всех недостатках сравнить с современными ему королями Франции и Испании, то окажется, что его отличала большая гибкость в политике, чем Людовика XII Французского, и большие цельность и чистосердечие, чем Фердинанда Испанского. Впрочем, если Людовика XII заменить на Людовика XI, который жил несколько раньше, тогда сочетание венценосца получится более совершенным. Ибо Людовика XI, Фердинанда и Генриха можно назвать *tres magi*² тех времен. В заключение скажем, что если и не совершил этот король ничего более великого, то он тем и не задавался, ибо всего задуманного он достиг.

Внешне он был привлекателен, чуть выше среднего роста, хорошего телосложения, но худощав. Его лицо выражало благочестие, что делало его немного похожим на монаха: не будучи отчужденным и замкнутым, оно не было и подкупающим и приятным, а скорее принадлежало человеку благожелательному. Однако оно проиграло бы под кистью художника, ибо выглядело всего лучше, когда он говорил.

К рассказу о его достоинствах можно присовокупить одну – две истории, придающие ему даже некоторую святость.

В ту пору, когда к его матери леди Маргарите сватались многие знатные женихи, ей однажды ночью приснилось, что некто в облике епископа, облаченный в священнические ризы, прочит ей в мужья Эдмунда графа Ричмонда (отца короля). Более того, она не имела других детей, кроме будущего короля, хотя сменила трех супругов. Как-то раз, умывая руки на большом пиру, король Генрих VI (чья невинность придавала его лику святость) остановился взглядом на короле Генрихе, тогда еще молодом юноше, и сказал: «Вот тот, кто будет мирно владеть тем, из-за чего мы ныне сражаемся». Но истинно благословенной оказалась его судьба доброго христианина, равно как и великого короля, – счастье при жизни и раскаяние при смерти. Так он вышел победителем из обоих сражений – греха и креста.

Он родился в Пемброкском замке³, а похоронен в Вестминстере. Саркофаг и часовня над ним представляют собой один из великолепнейших и красивейших памятников Европы. Его посмертный памятник-усыпальница стала для него более богатым жилищем, нежели при жизни его были Ричмонд и другие дворцы. Я могу лишь уповать, что таковым будет для него и сей памятник его славы.

¹ «Мое и твое» (лат.).

² «Тремя волхвами» (лат.). Трех евангельских волхвов, пришедших поклониться младенцу Христу, три названные Бэконом короля не напоминают ничем, кроме числа.

³ Пемброкский замок расположен на территории Пемброкшира, самого западного графства в Южном Уэльсе, на берегу р. Пемброк.

Фрэнсис Бэкон о Генрихе VIII и его правлении (Фрэнсис Бэкон, «История правления короля Генриха VIII»)

Работа над еще одним историческим сочинением «Историей правления короля Генриха VIII» была начата по желанию принца Чарльза. Она нарушала планы Фрэнсиса Бэкона, желавшего целиком отдаться философским исследованиям, и писалась медленно и неохотно. Впервые этот фрагмент (все, что написал Бэкон) опубликован в 1629 г.

После смерти этого мудрого и удачливого короля, короля Генриха VII, скончавшегося на вершине своего процветания, наступил (как обычно бывает при столь безоблачном закате) один из прекраснейших рассветов королевства, когда-либо известных в этой стране или где-либо еще. Юный король в возрасте около

восемнадцати лет, ростом, силой, сложением и чертами был одним из красивейших людей своего времени. Будучи склонен к наслаждениям, он, однако, жаждал и славы; так что в душе его был открыт путь через славу к добродетели. Не лишен он был и знаний, хотя и уступал в этом отношении своему брату Артуру. У него никогда не было ни малейших обид, разногласий или зависти по отношению к его отцу, королю, которые могли бы дать повод к изменениям при дворе или в совете при восшествии на престол нового государя; все свершилось в полном спокойствии. Он был первым наследником и Белой и Алой Розы; так что в королевстве не осталось теперь недовольных партий, и сердца всех обратились к нему; и не только сердца, но и взоры, ибо он был единственным сыном в королевском семействе. У него не было брата¹, а второй ребенок хотя и радует королей, но слегка отвлекает взоры подданных. То, что он был уже женат в столь юном возрасте, обещало скорое появление наследника короны. К тому же не было королевы-матери, которая могла бы как-то вмешиваться в дела правления или сталкиваться с советниками в борьбе за власть, пока король предается наслаждениям. Не было ни одного выдающегося или могущественного подданного, который мог бы затмить или заслонить собой фигуру короля. Что же касается народа и государства в целом, то они пребывали в состоянии того смиренного повиновения, которое должно было ожидать от подданных, проживших почти двадцать четыре года под властью столь благоразумного короля, как его отец, пришедший к власти не без помощи меча, проявивший столько мужества в отстаивании королевских прав и всегда победоносный при подавлении народных бунтов и мятежей. Корона, чрезвычайно богатая и усеянная драгоценностями, и королевство, обещавшее стать столь же богатым в ближайшее время. Ибо не было войн, не было голода, не прекращалась торговля; корона, правда, высасывала чересчур много, но теперь, когда она была полна и на голове у юного короля, можно было надеяться, что она будет требовать меньше. Наконец, он унаследовал репутацию отца, высоко стоявшую во всем мире. Он состоял в тесном союзе с двумя соседними государствами, некогда давним врагом и давним другом, Шотландией и Бургундией. У него были мирные и дружеские отношения с Францией, обеспеченные не только договором и союзом, но и тем, что Франция не имела ни нужды, ни возможности вредить ему, если учесть, что планы французского короля целиком были направлены на Италию. Так что можно с полным правом сказать, что едва ли когда-нибудь встречалось столь редкое совпадение примет и предвестников счастливого и процветающего царствования, какое теперь находили в этом юном короле, названном в честь отца Генрихом VIII.

¹ Принц Артур умер еще при жизни короля Генриха VII.

Фрэнсис Бэкон о Елизавете I и ее деятельности (Фрэнсис Бэкон, «О счастливой памяти Елизаветы, королевы Англии»)

Предположительно год написания этого текста – 1608. Фрэнсис Бэкон придавал ему большое значение (в первоначальном варианте завещания он – единственный, в отношении которого явно выражено желание, чтобы он был опубликован). Впервые опубликован в 1658 г.

Елизавета и по характеру, и по судьбе своей была удивительной личностью среди женщин, достопамятной личностью среди государей. Но не у монахов или кабинетных сочинителей должны мы искать объяснений в подобном случае, ибо люди этого разряда, сильные в стиле, слабые в суждениях и пристрастные в чувствах, не являются надежными свидетелями в том, что касается истинного хода дел. О таких вещах следует судить министрам и другим людям, занимавшим высокие посты, тем, кто держал бразды правления и был знаком с трудностями и тайнами государственных дел.

Правление женщин во все времена было редкостью; еще реже такое правление бывало благополучным; сочетание же благополучия и продолжительности есть вещь наиредчайшая. Эта королева, однако, правила полных сорок четыре года и не пережила своего счастья. Об этом счастье я и собираюсь кое-что сказать, не сбиваясь на славословие, ибо слава – это дань людская, а счастье – дар Божий.

Во-первых, я отношу к ее счастью то, что до вступления на престол она вела жизнь частного лица; не столько из-за того чувства, столь глубоко коренящегося в человеческой природе, в силу которого блага, приходящие к нам неожиданно, всегда ценятся больше, но поскольку принцы, возрастающие в королевском семействе в уверенности, что им предстоит наследовать престол, бывают обычно испорчены излишней свободой и попустительством своих воспитателей и становятся поэтому и менее способными, и менее воздержанными. Вы поэтому обнаружите, что лучшими королями оказываются те, которые прошли обе школы жизни, такие, как Генрих VII у нас и Людовик XII во Франции; оба они в недавние годы и почти в одно и то же время пришли к высшей власти от жизни не только обыкновенной, но беспокойной и несчастливой; и оба замечательно преуспели, прославившись один мудростью, другой справедливостью. Весьма сходным образом обстояло дело и с этой королевой, чьи ранние годы и открывающиеся перспективы сменились неопределенностью, с тем, чтобы позднее, когда она утвердилась на престоле, судьба ее до самого конца сохраняла устойчивость и постоянство. Елизавета от рождения предназначалась к тому, чтобы царствовать, затем ее лишили прав на престол, позднее его занял другой. Судьба ее в правление брата была благополучна и спокойна, в правление сестры более несчастлива и неопределенна. И все же она не взошла из тюрьмы на трон

внезапно, с умом ожесточенным и переполненным сознанием своего несчастья, но сначала обрела свободу и была утешена надеждами; и так, наконец, спокойно и благополучно, без смут и соперничества, началось ее правление. Обо всем этом я говорю для того, чтобы показать, как Провидение, замыслив создать совершенную королеву, подготовило ее, заставив пройти эти несколько ступеней ученичества. Не следует и беду ее матери рассматривать как повод к сомнениям в достоинстве ее рождения; тем более, поскольку ясно, что Генрих VIII полюбил другую женщину, прежде чем разгневаться на Анну¹, и что он не избег порицания потомков как человек, от природы в высшей степени подверженный как приступам влюбленности, так и приступам подозрительности, и неистовый в том и другом, вплоть до пролития крови. Кроме того, само выдвинутое против нее обвинение было, если только принять во внимание лицо, которого оно касалось, невероятным и основывалось на самых жалких домыслах; об этом тайно перешептывались (как принято в таких случаях) уже тогда, и сама Анна перед смертью торжественно и в памятных словах отрицала свою вину. Найдя посланца, чьей верности и доброй воле она могла, как ей казалось, довериться, она передала королю в тот самый час, когда готовилась взойти на эшафот, послание следующего содержания: он не изменил своему обычаю осыпать ее почестями; из нетитулованной дворянки сделал ее маркизой; затем поднял ее до себя и позволил разделить с ним трон и ложе; и вот теперь, наконец, когда уже не осталось более высокой ступени земной славы, он благоволил увенчать ее невинность мученичеством. Слова эти посланец не осмелился передать королю, плывавшему тогда новой любовью, но молва, защитница правды, донесла их до потомства.

В большой мере также я отношу счастье Елизаветы за счет времени ее правления, которое было не только весьма продолжительным, но и пришлось на ту пору ее жизни, когда человек наиболее пригоден к тому, чтобы руководить делами и держать в своих руках бразды правления. Ей было двадцать пять лет (возраст прекращения опеки), когда началось ее царствование, и продолжалось оно до ее семидесятилетия, так что она никогда не испытывала ни зависимости от чужой воли и других невыгодных обстоятельств, свойственных положению подопечного, ни неудобств томительной и бессильной старости. Старость и обыкновенным людям приносит немало страданий, но у королей она, помимо общих всем несчастий, бывает связана еще и с закатом величия и бесславным уходом со сцены. Ведь едва ли найдется хоть один монарх, который бы правил до наступления старости и дряхлости без ущерба для своей власти и репутации; выдающийся пример тому мы имеем в лице Филиппа II – короля Испании, могущественного государя, в совершенстве владевшего искусством правления, который в конце своей жизни, утомленный годами, глубоко осознал то, о чем я говорю, и мудро покорился естественному ходу вещей: добровольно пожертвовал территориями, завоеванными во Франции, уступил там мир, попытался добиться того же И в других местах, с тем чтобы иметь возможность оставить своему преемнику прочное государство и порядок во всех делах. Судьба Елизаветы была, напротив, столь постоянной и благополучной, что ее преклонные, но при этом исполненные бодрости и энергии годы не только не принесли с собой какого-либо упадка в состоянии ее дел, но – как безошибочный знак ее счастья – ей было дано умереть не прежде, чем судьба мятежа в Ирландии была решена победой, чтобы слава ее не показалась в чем-либо омраченной или неполной.

Не следует забывать и о том, каков был народ, которым она правила; ибо доведись ей править среди жителей Пальмиры или в такой миролюбивой и изнеженной стране, как Азия, наше удивление было бы меньшим; женственным народом вполне хорошо может управлять и женщина, но то, что у англичан, народа особенно свирепого и воинственного, все совершалось по мановению женской руки – это заслуживает высочайшего восхищения.

Заметьте также, что этот самый нрав ее народа, всегда жаждущего войны и с трудом переносящего мир, не помешал ей заботиться о достижении и сохранении мира на протяжении всего ее царствования. И это ее стремление к миру, вместе с успехами в его осуществлении, я отношу к величайшим ее заслугам – как то, что составило счастье ее эпохи, подобало ее полу и было благотворным для ее совести. На десятом году ее правления произошли, правда, небольшие волнения в северных графствах, но они были немедленно усмирены и подавлены. После этого до самого конца ее жизни в стране царил мир, прочный и глубокий.

Два обстоятельства сопутствовали этому миру, которые хотя и не имели отношения к его ценности, но сообщали ему особое великолепие. Одним из них были бедствия соседей, которые подобно вспышкам огня усиливали его блеск и славу; другим – то, что выгоды мира не исключали военной славы, так что репутация Англии в том, что касается силы оружия и воинской доблести, была за счет многих благородных деяний не только сохранена, но и упрочена. Ибо помощь, посланная в Нидерланды, Францию и Шотландию, морские экспедиции в обе Индии, некоторые из которых обошли вокруг света, флоты, отправленные в Португалию и для того, чтобы тревожить берега Испании, множество поражений, нанесенных ирландским мятежникам, – все это способствовало сохранению воинских добродетелей нашего народа во всей их силе, а его славы и величия – во всем их блеске.

Ко всему этому величию присоединялось еще и то достоинство, что если, с одной стороны, соседние короли были обязаны ее своевременной поддержке сохранением своей власти, то, с другой стороны, народы, которые неразумными государями были предоставлены жестокости их министров, неистовству черни и всякого рода грабежам и разорению, воззав к ней о помощи, получали облегчение в своих страданиях, благодаря чему они и выстояли донныне.

Советы ее были не менее спасительны и благотворны, чем оказываемая ею помощь; свидетельством тому могут служить увещания, с которыми она столь часто обращалась к королю Испании, чтобы он умерил гнев против своих нидерландских подданных и позволил им вернуться под его руку на условиях не слишком невыполнимых, равно как и постоянные предостережения и настойчивые просьбы, обращенные к королям Франции, чтобы они соблюдали свои указы об умиротворении. Я не отрицаю того, что в обоих случаях ее советы не имели успеха. Во-первых, их успеху помешало общее состояние дел в Европе, ибо амбициям Испании, можно сказать, выпущенным из тюрьмы на свободу, ничто не мешало обратиться, как это и произошло, на разрушение королевств и республик христианского мира. Другим препятствием была кровь невинных, тех, кто вместе с женами и детьми был убит у своих очагов и в своих постелях гнуснейшим сбродом, который, подобно собачьей своре, вооружала и направляла государственная власть. Эта невинная кровь взывала о справедливом возмездии, и страна, виновная в столь ужасном преступлении, должна была искупить его гибелью многих от руки друг друга. Но, как бы то ни было, это ничуть не умаляло ее правоты в том, что она исполняла свой долг мудрого и благожелательного союзника.

Есть и еще одна причина восхищаться этим миром, об установлении и сохранении которого столь много заботилась Елизавета, а именно то, что он был следствием не какого-либо особого миролюбия эпохи, а ее собственной осторожности и умелого правления. Ибо в королевстве, страдавшем от религиозных междоусобиц и игравшем роль заслона и оплота в борьбе против непомерных амбиций Испании, в поводах для войны недостатка не было. Елизавета своими войсками и своими советами умела предотвратить ее; это доказало событие, явившееся самым достопамятным примером удачи из всех событий нашего времени. Когда испанский флот, собранный с таким трудом и напряжением, с таким ужасом ожидаемый всей Европой, воодушевленный столь прочной верой в свою победу, начал бороздить воды наших проливов, он не захватил ни единой шлюпки на море, не обстрелял ни одного дома на суше, ни разу даже не подошел к берегу, но был сначала разбит в сражении, а затем рассеян и обессилен в ходе жалкого бегства, потеряв множество кораблей, тогда как на земле и во владениях Англии в это время сохранялись неизменные мир и спокойствие.

В спасении от предательских покушений заговорщиков она была не менее удачлива, чем при отражении вражеских нападений. Немало заговоров с целью лишить ее жизни было счастливейшим образом раскрыто и уничтожено; жизнь ее, однако, не стала от этого более тревожной и напряженной, численность ее охраны не возросла, она не замкнулась в стенах дворца и не сократила частоту выездов, но по-прежнему спокойная и уверенная в себе и помнящая больше об избавлении, чем об опасности, держалась привычного образа жизни и не вносила в него никаких изменений.

Следует отметить также характер той эпохи, в которую процветала эта королева. Ибо бывают времена столь варварские и невежественные, что людьми тогда править так же легко, как пасти стадо овец. Но жребий этой королевы пал на время в высшей степени просвещенное и культурное, когда невозможно превзойти других и прославиться, не обладая величайшими способностями и исключительным сочетанием добродетелей.

Кроме того, достоинства женского царствования обычно затмеваются браком; заслуги и достижения королевы приписываются ее мужу. Та же из них, кто остается незамужем, целиком и полностью сохраняет свою славу за собой. В ее случае это было тем более так, что у нее не было помощников, на которых можно было бы опереться в деле управления, кроме тех, которыми она сама себя обеспечила: ни брата, ни дяди, ни кого-либо еще из королевского рода, чтобы разделить ее заботы и поддержать ее власть. И даже тех, кого она сама возводила до высокого положения, она столь крепко держала в руках и связывала друг с другом, что, вселяя в каждого величайшее усердие к тому, чтобы угодить ей, сама себе она всегда оставалась полновластной хозяйкой.

Она правда, была бездетной и умерла, не оставив потомства, – судьба, которую она разделила со счастливейшими людьми, такими, как Александр Великий, Юлий Цезарь, Траян и другие. Вопрос этот всегда был предметом спора; обе стороны выдвигали свои доводы: одни считали, что бездетность умаляет счастье, ибо быть счастливым и в качестве индивида, и в продолжении своего рода есть благо, превышающее то, на что может рассчитывать человек; другие считали ее венцом и довершением счастливой участи, ибо лишь то счастье можно считать совершенным, над которым судьба не имеет дальнейшей власти, чего не может быть там, где есть потомство.

Не была она обижена и наружностью: высокий рост, изящная фигура, выражение лица в высшей степени величественное и в то же время мягкое, необычайно удачное и здоровое телосложение; ко всему этому следует добавить, что, до конца сохранив здоровье и энергию и не испытав ни превратностей судьбы, ни невзгод старости, она в легкой и покойной смерти обрела наконец ту эвтаназию, о которой столь усердно молил Август Цезарь и которой, как рассказывают, удостоился этот замечательный император, Антонин Пий, чья смерть напоминала сладкий и безмятежный сон. Подобным же образом и в последней болезни Елизаветы не было ничего жалкого, ничего ужасающего, ничего отталкивающего для человеческой природы. Ее не мучили ни жажда жизни, ни усталость от болезни, ни приступы боли; ни один из симптомов не был пугающим или отвратительным, в них проявлялась скорее хрупкость природы, чем ее испорченность и унижение. За несколько дней до смерти, по причине чрезмерного усыхания ее тела, истощенного заботами правления и никогда не подкрепляемого вином или более обильной диетой, ее разбил паралич; при этом она все же сохраняла способность говорить (что не слишком обычно при этой болезни), мыслить и двигаться, только более

замедленно и вяло. Такое состояние ее тела длилось всего несколько дней, менее напоминая последний акт жизни, нежели первый шаг к смерти. Ибо долго оставаться в живых при нарушенных способностях – это несчастье; но утратить ясность сознания и в этом состоянии быстро умереть – это спокойный и благополучный отрезок и завершение жизни.

В довершение всего, будучи в высшей степени счастливой во всем, что касалось ее самой, она была столь же удачлива и в отношении достоинств своих министров. Ибо ее окружали люди, каких, вероятно, и по сей день не рождает этот остров. Ведь Бог, когда благоволит королям, возвышает и совершенствует также души их слуг.

В ее посмертной судьбе было два счастливых обстоятельства, которые высотой и величием, вероятно, превышали все то, что сопутствовало ей при жизни: ее преемник на троне и оставленная ею память. Ибо преемником ее стал человек², который, хотя и превзошел и затмил ее в том, что касается мужской доблести, потомства и новых территориальных приобретений, выказывает тем не менее благоговейное уважение к ее имени и чести и сообщил в некотором роде непреходящий характер ее деяниям тем, что не стал вносить сколько-нибудь существенных изменений ни в подбор лиц, ни в порядок ведения дел – до такой степени, что сын отцу редко наследовал столь спокойно и с изменениями и перестановками столь незначительными. Что же касается памяти, она столь прочна и свежа и на устах, и в умах людей, что теперь, когда смерть погасила зависть к ней и усилила свет ее славы, успех ее памяти в некотором роде соперничает с успехом ее жизни. Ибо если какой враждебный слух (плод партийных и религиозных раздоров) еще и странствует по свету (да и то робкий и притихший, отвергаемый общественным мнением), то нет в нем правды и не суждена ему долговечность. Главным образом по этой причине я и свел воедино эти наблюдения относительно ее счастливой судьбы и полученных ею знаков божественного попечения, чтобы злонамеренные люди страшились хулить то, что получило столь явное Божье благословение.

И если кто-нибудь скажет в ответ, как было сказано Цезарю: «Здесь и правда немало такого, что достойно удивления и восхищения, но что здесь достойно похвалы?», то я, конечно же, отвечу, что считаю подлинное удивление и восхищение своего рода высшей похвалой. Кроме того, столь счастливая судьба, как я описал, может выпасть на долю лишь таких людей, кто, при всей исключительности получаемых ими свыше поддержки и попечения, являются в силу своих добродетелей в какой-то мере творцами собственного счастья. И все же я считаю полезным добавить несколько замечаний о ее нравственных качествах, ограничивая себя, однако, тем, что особенно вдохновляет клеветников и дает пищу их злословию.

В религии Елизавета была благочестива, умеренна, постоянна и враждебна новшествам. Что касается благочестия, то, хотя самые убедительные его доказательства заключены в ее деяниях, оно проявлялось и в ее повседневных образе жизни и беседах. Молитвы и богослужение, будь то в ее часовне или личных апартаментах, она пропускала редко. Была усердным читателем Священного Писания и творений святых отцов, особенно св. Августина. Ряд молитв на особые случаи сложен ею самой. Если даже в обычной беседе ей доводилось помянуть Бога, она почти всегда именовала Его Создателем и придавала своему взгляду и лицу выражение смиренно-благоговейное – я сам часто наблюдал это. Что же касается того, что, как некоторые утверждают, она будто бы не выносила мысли о конечности человеческой жизни и не терпела каких-либо упоминаний о старости и смерти, то это совершенная ложь. Очень часто, за много лет до смерти, она шутливо называла себя старухой и вела беседы о том, какую эпитафию ей хотелось бы иметь на своей могиле; она говорила, что ее не влекут к себе ни слава, ни пышные титулы и что она предпочла бы надпись в одну-две строки, где в немногих словах сообщались бы сведения о ее имени, девстве, годах ее царствования, реформации религии и деятельности по сохранению мира. Это правда, что, когда ее в самом расцвете лет, еще способную к деторождению, просили назвать наследника, она ответила, что не позволит, пока жива, разворачивать перед своими глазами саван; и между тем, незадолго до кончины, когда она была в задумчивом настроении и, вероятно, размышляла о собственной смертности, то, будучи прервана в своих размышлениях одним из домочадцев, который посетовал, что многие высокие посты в государстве слишком долго остаются незанятыми, она встала и с некоторым неудовольствием сказала, что ее пост не останется пустым и на мгновение.

Что касается ее умеренности в делах религии, то здесь возможны некоторые затруднения ввиду суровости законов, изданных против подданных-папистов. По этому поводу, однако, я хотел бы сообщить некоторые факты, которые сам внимательно наблюдал и в истинности которых уверен.

Ее цель без сомнения заключалась в том, чтобы, с одной стороны, не насиловать совесть подданных, но, с другой – не допускать, чтобы государство подвергалось опасности под предлогом свободы совести и религии. Основываясь на этом, она с самого начала решила, что в народе смелом и воинственном, всегда готовом перейти от борьбы умов к вооруженной борьбе, для государственной власти допустить свободное существование в стране двух религий значило обречь ее на верную гибель. В начале, когда она еще не вполне освоилась на троне и все вызывало ее подозрения, она повелела арестовать и держала под стражей – впрочем, имея на то законные санкции, – нескольких епископов из числа самых беспокойных и непримиримых. По отношению же к остальным, будь то клир или миряне, никаких особых розысков не проводилось, и они пользовались ее милостивым попустительством. Таково было положение дел в первое время. И даже позже, разгневанная отлучением, которому подверг ее папа Пий V (акт, достаточный не только, чтобы возбудить

негодование, но и как основание для новой политики), она почти ни в чем не изменила милосердие, оставаясь верной пути, который отвечал ее собственному характеру. Ибо обладая как мудростью, так и силой духа, она мало смущалась звуком подобных угроз, зная, что может рассчитывать на верность и любовь своего народа и на то, что папистская партия внутри страны не может причинить большого вреда, пока ее не поддерживает враг из-за рубежа. Однако примерно на двадцать третьем году ее правления положение изменилось. Речь идет не об искусственной границе, придуманной в целях лучшего изложения событий, а о вехе, отмеченной и запечатленной в официальных документах.

Дело в том, что мучительные наказания, налагаемые прежними законами на подданных-папистов, до этого года не применялись. Но именно к этому времени стал проявляться вынашиваемый Испанией честолюбивый и обширный план покорения нашего королевства. Основной частью этого плана было создание внутри королевства революционной партии из недовольных, которая должна была присоединиться к вторгшемуся врагу; надежды на его осуществление основывались на наших религиозных раздорах. На достижение этой цели и были обращены все силы; это было время, когда начали процветать семинарии и в Англию засылались священники, которые должны были возбуждать и распространять ревность к римско-католической религии, проповедовать, что папское отлучение государя освобождает подданных от повиновения, возбуждать и подготавливать умы, вселяя в них ожидание перемен. Примерно в то же время была совершена попытка открытого вооруженного нападения на Ирландию; имя и правление Елизаветы подвергались многообразной и злобной клевете, а в мире наблюдалось странное брожение и возбуждение, предвестие каких-то более значительных потрясений. И хотя я не утверждаю, что все священники были знакомы с этим планом или знали о том, что происходит, ибо они могли быть всего лишь орудиями злобы других людей, но все же остается истиной и подтверждено показаниями многих свидетелей, что с упомянутого мною года до тридцатого года правления Елизаветы (когда план Испании и папы был приведен в исполнение с помощью памятной армады сухопутных и морских сил) почти всем священникам, присланным в страну, было наряду с прочими обязанностями, принадлежащими их сану, поручено внушать, что существующее положение не может длиться долго, что следует ожидать в скором времени нового поворота событий и что об английском государстве заботятся и папа, и католические государы, а от англичан требуется лишь оставаться верными самим себе. Кроме того, некоторые из священников открыто занимались деятельностью, прямо направленной на расшатывание и подрыв государства. Наконец, были перехвачены отправленные из разных мест письма, с помощью которых был обнаружен план их действий. В этих письмах говорилось о том, как можно обмануть бдительность королевы и ее совета: она думает лишь о том, как помешать католической партии обрести главу в лице какой-нибудь знатной особы, тогда как по нынешнему плану все должно быть организовано и подготовлено действиями частных лиц и людей незначительных; причем между ними не должно быть связей или знакомства; все должно делаться под прикрытием исповеди. Таковы были коварные приемы, которые этим людям (как мы видели позднее в деле достаточно похожем) хорошо знакомы и привычны. Подобное сгущение опасностей вынудило Елизавету наложить ряд суровых ограничений на ту часть ее подданных, которая была восстановлена против нее и безнадежно отравлена указанными средствами и которая в то же время богатела, будучи свободной от государственных обязанностей и тягот. И вот, по мере того, как зло возрастало, причем выяснялось, что источником его являются семинарские священники, которые воспитывались в чужих краях за счет щедрости иностранных монархов, открытых врагов королевства, чья жизнь прошла в местах, где само имя Елизаветы произносилось не иначе как имя отлученного от церкви и проклятого еретика, кто (и не будучи сам запятнан изменой) был известен своей близостью к людям, непосредственно виновным в такого рода преступлениях, и сам коварством и пагубным влиянием растлевал всю массу дотоле добродушных и безвредных католиков и вливал в нее свежую закваску злобы, против этого зла не оставалось иного средства, как вовсе запретить людям этого разряда под страхом смерти вступать в пределы королевства, что и было наконец, на двадцать седьмом году ее правления, сделано. И даже наступившее вскоре после этого событие, когда страшная гроза со всей своей яростью обрушилась на королевство, нимало не смягчило зависть и ненависть этих людей, но скорее усилило ее, как будто они напрочь отбросили всякое чувство признательности к своей стране, которую они были готовы отдать в рабство врагу. И хотя и справедливо, что страх перед опасностью со стороны Испании, который и был тем, что побуждало к такой суровости, впоследствии исчез или притупился, но поскольку память о прошедшем осталась глубоко запечатленной в умах и сердцах людей, а раз принятые законы нельзя было отменить, не создав впечатления непостоянства, или пренебрегать ими, не оставив впечатления слабости и беспорядка, силою самих обстоятельств Елизавета не могла вернуться к тому положению вещей, которое имело место до двадцать седьмого года ее правления. К этому следует добавить усердие некоторых из ее чиновников в деле пополнения государственной казны и старания вершителей правосудия, видевших единственное опасение страны в соблюдении законов; все они настойчиво требовали казней. И все же ее собственные естественные склонности ясно проявились в том, что она настолько притупила лезвие закона, что лишь небольшая часть священников была подвергнута смертной казни. Все это говорится не для того, чтобы защитить ее действия, ибо они не нуждаются в защите; к ним вынуждала забота о безопасности страны, и все эти преследования – как по характеру, так и по размерам – уступали кровавым примерам, которые показало священство, примерам, едва ли вообразимым в христианской среде и, более того, вызванным в ряде случаев скорее высокомерием и злобой, нежели необходимостью. Но мне, как я полагаю, удалось обосновать

свое суждение и показать, что ей действительно была свойственна умеренность в делах религии и что возможные отклонения в этом отношении были порождены не ее характером, а характером эпохи.

Что касается ее постоянства в религии и благочестии, то здесь лучшим доказательством служит ее политика по отношению к папизму, который в правление ее сестры приобрел характер государственного установления, пестовался с величайшей заботой и трудами, пустил глубокие корни в стране и был упрочен поддержкой и рвением всех, кто располагал силой и влиянием; и все же, поскольку он не был в согласии ни со словом Божиим, ни с первохристианской чистотой, ни с ее собственной совестью, она тотчас же с величайшим мужеством и с ничтожной опорой приступила к его уничтожению и искоренению. Притом делалось это не опрометчиво, не под действием непреодолимого импульса, но осмотрительно и в должное время, как можно заключить из многих обстоятельств и среди прочего из ответа, данного ею по следующему случаю. Через несколько дней после ее восшествия на престол, когда освобождались узники тюрем (поскольку по обычаю начало нового царствования принято ознаменовывать и чествовать дарованием свободы узникам), некий придворный, в соответствии с характером и привычками присвоивший себе права шута, подошел к ней, когда она направлялась в часовню, и, по собственному ли побуждению или по наущению людей умнее его, подал ей прошение, прибавив во всеуслышание, что осталось еще четверо или пятеро узников, заслуживающих освобождения, о котором он и молит ее, а именно четыре евангелиста и апостол Петр, давно заключенные, так сказать, в темницу непонятного языка, в силу чего они не могут беседовать с народом. На что она мудро ответила, что не мешало бы сначала спросить у них еще и о том, хотят ли они получить свободу, парировав таким образом неожиданный вопрос неопределенным ответом, чтобы целиком и полностью оставить решение за собой. В то же время, осуществляя эти перемены, она не проявляла ни робости, ни порывистости, но, действуя в должном порядке, степенно и зрело, после переговоров между партиями и обсуждения вопроса в парламенте, она наконец в течение всего одного года так упорядочила и благоустроила все, что касается церкви, что до последнего дня своей жизни она не позволила ни в едином пункте отступить от этих установлений. Более того, на каждом заседании парламента она публично предостерегала против новшеств в церковном уставе и обрядах. На этом можно покончить с обсуждением вопросов религии.

Что до менее важных черт ее характера – того, например, что она позволяла лести и ухаживания, и даже проявления влюбленности по отношению к себе, и что ей это нравилось, и что это продолжалось за пределы того возраста, которому естественны такие суетные склонности, то если кто-либо из людей более серьезного склада стал бы придавать этому слишком большое значение, то ему можно, было бы заметить, что нечто достойное восхищения есть и в этих вещах, как бы ни смотреть на них. Ведь если смотреть не слишком строго, они очень напоминают истории, которые мы находили в романах про королеву благословенных островов, с ее двором и обществом, позволяющую влюбленное поклонение, но запрещающую вожделение. Если же принимать их всерьез, то они вызывают восхищение другого рода и весьма высокого свойства, ибо, очевидно, что эти вольности мало вредили ее славе и вовсе не вредили ее величию, не ослабляли ее власти и не мешали сколько-нибудь ощутимо ее делу – в то время как нередки случаи, когда подобным вещам позволяют влиять на благополучие общества. И в заключение следует сказать, что она была, несомненно, доброй и нравственной королевой и таковой желала казаться. Пороки она ненавидела и стремилась сиять неподдельным блеском. Говоря о ее нравственности, я хочу вспомнить один относящийся к теме случай. Распорядившись написать письмо своему послу относительно послания, которое должно было быть вручено лично королеве-матери Валуа³, и обнаружив, что ее секретарь вставил пункт, в котором послу повелевалось сказать королеве-матери в порядке комплимента, что от таких двух королей, как они, ждут, хотя они и женщины, в устроении дел, в добродетели и искусстве правления не меньше, чем от величайших мужчин, она не потерпела этого сравнения и приказала вычеркнуть его, сказав, что методы и принципы, используемые ею в деле управления, совсем иного рода, нежели у королевы-матери. Не была она избалована ни властью, ни долгим правлением, но из желавших похвалить ее наибольшее удовольствие доставлял ей тот, кто умел так повернуть беседу, чтобы ловко намекнуть, что даже если бы она провела жизнь в положении человека низкого звания, она бы не смогла прожить ее, не выделившись чем-нибудь среди людей; так мало она склонна была заимствовать что-либо у своей судьбы в пользу своих достоинств. Если бы я вздумал распространяться о ее достоинствах, нравственных или политических, то мне пришлось бы либо заняться банальным перечислением и описанием добродетелей, что было бы недостойно столь редкой государыни, либо, чтобы придать им блеск и красоту, отвечающие особенностям ее личности, мне пришлось бы углубиться в историю ее жизни – задача, требующая и больше досуга, и более богатых источников информации. Итак, я высказался в немногих словах, в меру своих способностей. Но истина в том, что подлинную хвалу этой женщине воздало время, которое, хотя его и немало утекло с тех пор, не создало в этой половине рода человеческого никого, подобного ей в управлении государственными делами.

¹ Мать Елизаветы Анна Болейн (1507? – 1536 гг.) стала английской королевой в 1533 г. после того, как Генрих VIII расторг свой брак с Екатериной Арагонской. В 1536 г. ее обвинили в нарушении супружеской верности и казнили.

² Имеется в виду король Яков I Стюарт.

³ Екатерина Медичи (1519-1589 гг.) – жена французского короля Генриха II и мать королей Франциска II, Карла IX и Генриха III (династия Валуа).

Эдинбургский договор 1560 г.

Эдинбургский договор – мирный договор между Францией и Англией, заключенный в Эдинбурге 6 июля 1560 г. и завершивший англо-французское противостояние в Шотландии. Эдинбургский договор стал поворотным моментом в шотландской истории: он завершил почти трехсотлетний период англо-шотландских войн и традиционной ориентации Шотландии на Францию (так называемый «Старый союз») и открыл период англо-шотландского сближения, приведший в 1603 г. к мирному объединению двух британских государств под властью одного монарха.

Французское доминирование в Шотландии в период регентства Марии де Гиз (1554-1560 гг.) вызвало восстание протестантов в Перте в начале 1559 г., которое быстро переросло в общешотландскую протестантскую революцию, в ходе которой в страну были введены английские войска. Шотландия стала полем сражения между Англией и Францией. Переход на сторону восставших ведущих аристократов и большинства городов Шотландии, а также смерть в июне 1560 г. Марии де Гиз обеспечил победу восставшим. Франция, в которой также надвигалась угроза религиозных войн, была вынуждена пойти на примирение с Англией.

В соответствии с условиями подписанного в пригороде Эдинбурга 6 июля 1560 г. мирного договора английские и французские войска покидали территорию Шотландии. Шотландская королева Мария Стюарт должна была отказаться от претензий на английский престол и признать королевой Англии Елизавету I. Франция и Англия обязались не вмешиваться во внутренние дела Шотландии. Договор фактически закрепил победу в Шотландии протестантства и курса на сближение Шотландии с Англией.

Несмотря на отказ Марии Стюарт ратифицировать Эдинбургский договор, с уходом из Шотландии французских войска в 1560 г. он фактически вступил в силу.

Из «Хроники Р. Линдсея Питскотского»

Роберт Линдсей из Питскота – шотландский кальвинистский хронист второй половины XVI в.

11 мая 1559 г. божьего правления многие дворяне и простой народ округов Файфа, Ангуса, услышав о жестоком королевском указе¹, собрались в Перте в церкви Святого Джона и попросили Джона Нокса, который вернулся в Шотландию, публично проповедовать Евангелие Христа. После его проповеди началось уничтожение алтарей, статуй и икон. После этого они избрали божьего слугу Нокса своим проповедником и двинулись к картезианскому монастырю Chaterhouse. Конгрегация отправила посланника к настоятелю монастыря, чтобы он убедил его покинуть идолопоклонство и стать истинным слугой божьим. Посланником был выбран лэрд Монкриф, который, будучи родственником настоятеля этого монастыря, надеялся, что ему удастся убедить его оставить свои заблуждения. Но настоятель не пожелал говорить с Монкрифом. Тогда конгрегация вошла в монастырь, разрешила настоятелю уйти и взять с собой столько серебра и золота, сколько он мог с собой взять, остальное было вынесено из монастыря на нужды города. Наутро монастырь был разрушен до основания. Такая же участь постигла все монастыри серых и черных монахов, за исключением монахов монастыря Tilliclain, который спас от разрушения лорд Рутвен, находящийся в родстве с настоятелем.

¹ Имеется в виду указ Тайного совета Шотландии от 2 мая 1559 г., по которому 4 проповедника подлежали смертной казни за отправление кальвинистского культа.

Из «Истории реформации в Шотландии» Джона Нокса

«История реформации в Шотландии» Джона Нокса охватывает историю реформационного движения в стране с 1523 по 1565 гг.

...Вдовствующая королева¹, узнав о событиях в Перте, решила двинуть французские войска, заявив, что «она сравнивает Перт с землей». Подстрекаемая ее французскими друзьями и также не без финансовой помощи, которую она и монсеньор де Ойзел получили от проклятых папистов, она потребовала от знати присоединения к ней для подавления восстания, как она оценила наше выступление. Жестокий зверь епископ Сент-Эндрюса призвал дворянство «идти вперед на этих еретиков, чтобы навсегда избавить от них королевство». Конгрегация обратилась с воззванием к королеве-регентше, в котором мы заявили Ее Милости, что мы были вынуждены взяться за оружие, чтобы защитить себя от преследований в деле религии. Конгрегация обратилась также «ко всем верным, исповедующим божью истину», призывая их собраться в Перте. Первым с помощью божьего провидения прибыл в Перт верный лорд Глэнкайри, с армией в 2 500 человек. Из Лотиана прибыли лэрды Орминстон, Кадлер, Халтон, Ресталринг и Колстаун. Лорд Рутвен прибыл из Сэнт-Джонса с несколькими десятками конных всадников. Эрл Росс, шериф Файфа, прибыл с большим отрядом. Горожане Данди провозгласили себя верными принципам реформации и прибыли в Перт с несколькими пушками.

¹ Мария де Гиз.

Лорд Г. Перси – Тайному совету (1 июля 1559 г.)

...Способ их¹ действий следующий: они уничтожают все аббатства и монастыри, настоятели которых не признали принципов реформации, а также приходские церкви. Они очищают их от всех следов

идолопоклонства и вводят в употребление книгу Общих Молитв благочестивого короля Эдуарда. Священникам под страхом смерти запрещено отправлять католическую мессу...

¹ Т.е. кальвинистов.

Обращение «Лордов Конгрегации» к королеве Елизавете (17 июля 1559 г.)

...Объединение двух королевств – это заветная мечта всех умных людей Англии и Шотландии. Наши глаза давно смотрят на тот вечный союз, который неразрывно свяжет наши королевства. Случай для этого сейчас наиболее благоприятный. Мы вступили в открытую борьбу против Дьявола и идолопоклонства, против тех людей, которые являются врагами Англии и друзьями Франции. Во имя спасения Христа мы заклинаем Ваше Величество и английский, народ быть с нами. Мы согласны принять любые условия, которые предложат нам Ее Величество и Ее совет.

Дж. Нокс – королеве Елизавете (20 июля 1559 г.)

Ваше Величество напрасно гневается на меня из-за моей книги, которая была написана в другие времена и касалась правления других особ. Те, кто пытаются представить меня врагом Вашего Величества, являются гнусными обманщиками и предателями.

Вспомните, как из-за страха лишиться жизни Вы отклонились от Господа и впали в идолопоклонство. Но Господь не только простил Ваше прошлое прегрешение, но и вознес Вас на вершину власти, чтобы Вы правили его людьми для славы церкви Господа. Поэтому в своем правлении Вы должны уповать только на вечное провидение божие, а не на законы, которые из года в год могут меняться. Только в этом случае Ваше правление будет долгим и счастливым, а я, с моей стороны, буду благословлять и укреплять Вашу власть языком и пером. Но если Вы отклонитесь от воли божьей и будете опираться в правлении только на свои собственные законы, то тогда Ваша власть будет недолгой.

Прошу извинить за мои грубые слова, написанные искренним другом Вашего Величества.

Докладная записка У. Сесия Тайному совету «О средствах, необходимых для восстановления в Шотландии древних свобод» (5 августа 1559 г.)

Шотландия не может иначе достигнуть благоденствия, как только при помощи двух средств: или соединиться с Англией неразрывным вечным союзом, или составить вместе с нею одну английскую монархию. Чтобы утвердить этот вечный союз, необходимо вырвать Шотландию из-под влияния Франции – этого старинного врага Англии. До тех пор, пока управление Шотландией будет находиться в руках французов, а не шотландцев, союз этот невозможен.

Для восстановления в Шотландии ее древних свобод и для заключения вечного союза необходимо следующее:

1. С согласия трех сословий Шотландия должна быть свободной от идолопоклонства, как это было осуществлено в Англии.
2. Шотландия должна управляться шотландцами по происхождению, так же как и другие принцы правят страной без всяких иностранных советников.
3. Шотландия никогда впредь не должна вести войны с Англией, если только Англия не нападет первой.
4. Ни один шотландский дворянин не должен получать пенсии, бенефиции, титулы из Франции.
5. Все государственные должности и также церковные бенефиции должны быть переданы в руки шотландцев.
6. Во время отсутствия королевы управление страной должно находиться в руках Совета, состоящего только из шотландцев.
7. Распоряжаться финансами королевства должен парламент.

В случае, если французские король и королева откажутся удовлетворить эти требования, то тогда совершенно законно общины и знать могут передать престол ближайшему наследнику престола. Став вновь свободной, Шотландия сама с божьей помощью найдет средства к объединению обоих королевств.

Королева Елизавета – Р. Сэдлеру (7 августа 1559 г.)

...Мы уполномочиваем Вас двинуться к границам Шотландии и вступить в соглашение и контакт с любым лицом в Шотландии, стремящимся к заключению вечного мира между нашими королевствами.

Мы также уполномочиваем Вас вознаграждать любое лицо той суммой денег, которые Вы найдете нужным из тех 3000 ф. ст. золотом, которые были выданы Вам. При этом нужно делать все тайно, чтобы Ваши действия не нарушили мира, заключенного, между нами и Шотландией.

Елизавета – Марии де Гиз, королеве-регентше Шотландии (7 августа 1559 г.)

Ваше Высочество, наша дорогая сестра и союзница. Посланник нашего дорогого брата – короля Франции уведомил нас, что некоторые наши офицеры на границах вступили в соглашение с мятежниками, поднявшими восстание против Вашей власти. Мы нашли это крайне странным, чтобы кто-то из наших подданных без нашего ведома вступил в контакт с мятежниками. По всей видимости, Вас неверно информировали. Мы проведем самое тщательное расследование и примем самые строгие меры для наказания виновных. Остаюсь искренней в желании укрепить наши хорошие отношения, которые возникли в прошлом между нашими королевствами.

Из «Истории реформации в Шотландии» Джона Нокса

...Когда лорды, лэрды и представители городов собрались в Эдинбурге, лорд Рутвен задал вопрос: «Может ли она¹, которая отказалась следовать советам дворян, являющихся советниками королевства по праву рождения, она, чье тираническое правление угрожает иностранным ярмом королевству, быть регентшей?».

Первым встал Д. Уиллок, проповедник, и сказал: «Хотя Господь и назначает правителей своими заместителями на земле, однако они могут быть низложены, когда употребляют вверенную им власть для уничтожения своих подданных».

Затем поднялся мистер Нокс, который согласился с мнением Уиллока, добавив при этом, что, «во-первых, низложение королевы-регентши происходит не из-за каких-то частных обид, нанесенных ею Конгрегации, а вследствие ее политики, угрожающей национальной независимости страны; во-вторых, ее низложение не означает, что мы отказываемся от подчинения нашим суверенам², и, в-третьих, если она подчинится знати и Слову Божьему, то может быть восстановлена в должности регента».

Затем стали высказываться и другие присутствующие, и каждый говорил в пользу низложения. В заключение все подписали документ, в котором от имени дворянства и общин протестантской церкви Шотландии уничтожались полномочия, данные вдовствующей королеве нашими суверенами. Акт о низложении был публично провозглашен на всех площадях Эдинбурга и отправлен Марии де Гиз в Лейт.

¹ Мария де Гиз.

² Марии Стюарт и Франциску II.

Дж. Нокс – Р. Крофту (25 октября 1559 г.)

...Несмотря на помощь, которую вы нам оказываете, дела наши, Ваша честь, крайне плохи. Из-за нехватки денег мы не можем продолжать войну. Нам необходимо иметь в ближайшее время не менее 3 000 солдат, в противном случае я не могу ручаться за успех кампании. Англия без всякого риска нарушить мирный договор с Францией может послать в Шотландию 1 000 [60] или более человек, так как ваши подданные могут спокойно служить любому принцу в качестве наемников. Если Вас такой вариант не устраивает, то тогда вы можете объявить своих солдат, посланных в Шотландию, мятежниками...

Королева Елизавета – адмиралу лорду Винтеру (27 декабря 1559 г.)

Мы уполномочиваем Вас двинуть эскадру к шотландским берегам ... При появлении французского флота воздерживаться от каких-либо враждебных актов, но в случае попытки французской эскадры пристать к шотландским берегам воспрепятствовать этому всеми средствами, включая открытые военные действия. Но действовать при этом Вы должны на свой страх и риск.

Докладная записка У. Сесилия Тайному совету (3 января 1560 г.)

Согласно законам бога и природы, каждая нация имеет право защитить себя не только против настоящей опасности, но и против той, которая может возникнуть в будущем. Поэтому каждый: правитель должен защищать себя от этого любыми средствами.

Французы являются древними и непримиримыми врагами Англии, война с которыми длится уже несколько десятилетий. Принцы Лотарингские, которые в настоящее время управляют Францией, настроены

резко враждебно против английской нации и стремятся свергнуть с престола Ваше Величество. Они открыто поставили под сомнение законность рождения Вашего Величества и посоветовали своей племяннице принять титул и герб английской короны. Несмотря на заключение мира в Като-Камбрези, они стремятся склонить Рим издать специальную буллу о незаконнорожденности Вашего Величества и также заключить сепаратный мир с Испанией... Шотландия представляет для французов самое удобное место для атаки на Англию. Поэтому с политической точки зрения было бы крайне неразумно ожидать, пока противник начнет действовать. Шотландское дворянство, несмотря на все их усилия, не в состоянии отстоять свою независимость и изгнать французов. Поражение шотландцев немедленно приведет к вторжению французов в Англию и создаст угрозу завоевания нашего королевства. Поэтому ничего другого не остается, как встретить врага вне английской территории, поддержать Конгрегацию военным путем, сокрушить честолюбивые замыслы Лотарингского дома и изгнать французов из Британии.

Королева Елизавета – герцогу Норфолку (15 февраля 1560 г.)

...Во время встречи с шотландскими представителями дайте им сначала понять, что мы крайне недовольны тем, что не вся знать в графствах Лотианте и Файфе присоединилась к нам... и также удивлены, почему они, несмотря на значительный перевес в силах, не могут так долго изгнать французов. Затем переходите к конкретному обсуждению всех деталей: об оказании им военной помощи в соответствии с инструкциями, данными Вам. В ходе переговоров дайте им также понять, что, очевидно, Франция начнет военные действия против нас за помощь, которую мы им оказываем. Поэтому нам необходимо знать, на какую помощь со стороны Шотландии мы можем рассчитывать в случае французского вторжения. Вы можете предложить им заключить неразрывный союз между нашими королевствами, который предусматривал бы оказание шотландцами всевозможной военной помощи нам в случае войны с Францией или какой-либо другой державой. Особенно настаивайте на том, чтобы граф Аргайл оказал помощь для подавления восстания в Ирландии.

Бервикский договор

В Бервике 27 февраля 1560 г. лорд Норфолк от имени правительства Ее Величества заключил соглашение с герцогом Шательро – вторым лицом в Шотландии – и также знатью, присоединившейся к нему для защиты древних свобод и привилегий их страны.

Ее Величество королева, хорошо осведомленная о стремлениях Франции завоевать Шотландию, уничтожить ее свободы и присоединить ее к французской короне, вопреки законам данного королевства, соглашениям и обязательствам Франции, по просьбе шотландской знати согласна взять упомянутое королевство Шотландию, герцога Шательро, знати и общины страны под свое королевское покровительство для защиты их от завоевания и для сохранения их свобод в течение всего правления королевы Шотландии и французского короля, ее супруга.

Ее Величество обязуется послать в Шотландию достаточное количество войск, пехоты и кавалерии, а также артиллерию, чтобы совместно с шотландскими войсками на суше и на море сокрушить угнетающую власть Франции в этом королевстве и оказывать помощь королевству, знати и подданным Шотландии до тех пор, пока французы, враги Шотландии, не будут окончательно изгнаны из страны.

В случае захвата крепостей, находящихся в руках Франции, они должны быть или разрушены шотландцами, или переданы герцогу и его партии по их собственному выбору. Англичане могут строить укрепленные форты на шотландской территории только с разрешения герцога, знати и сословий Шотландии.

Герцог и знать, присоединившаяся к нему, обещают никогда впредь не вступать ни в какие-либо соглашения с Францией, не получать оттуда никакой помощи, сопротивляться попыткам Франции завоевать Шотландию и присоединить ее к французской короне. В случае вторжения Франции на территорию Англии оказать военную помощь в размере 2 000 пехоты и 2 000 кавалерии. В знак выполнения принятых на себя обязательств герцог и дворянство обязуются предоставить заложников правительству Ее Величества.

В заключение герцог и знать, присоединившаяся к нему, заявляют, что Ее Величество королева Англии не преследует в Шотландии никаких других целей, кроме защиты свобод шотландской короны от угрожающего ей завоевания... и провозглашает свою лояльность к своим суверенам, Ее Величеству королеве и французскому королю, ее супругу, которым они будут и впредь подчиняться во всем, что не противоречит древним свободам королевства Шотландии...

Отчет адмирала лорда Винтера лорду Норфолку (29 февраля 1560 г.)

По прибытии в Лейт я сказал ей (Марии де Гиз. — А. П.), что я был послан Ее Величеством королевой с провизией на нескольких кораблях в форт Бервик, но из-за плохой погоды заблудился, пристал сюда, думая, что здесь царят мир и спокойствие. Но по пути к Лейту мы были обстреляны из орудий и узнали о жестокостях,

творимых французами по отношению к Конгрегации. Поэтому я решил на свой страх и риск оказать им помощь. Но об этом моя повелительница не знает ничего.

Епископ Куадра – герцогине Пармской (7 марта 1560 г.)

...На другой день английские корабли, которые были посланы в Шотландию, вошли в устье Фирфа и прибыли к форту Лейт. Французы открыли огонь по ним, повредив два корабля. Англичане открыли ответный огонь по форту, но не смогли причинить ему большого ущерба. Тем временем англичане захватили 3 французских корабля с провиантом и вооружением и передали его шотландским мятежникам...

Епископ Куадра – Филиппу II (7 марта 1560 г.)

Французский двор предложил английскому правительству вывести свои войска из Шотландии, за исключением небольшого контингента войск – 300-400 человек, при условии, если королева Елизавета выведет свой флот из Шотландии, а мятежники сложат оружие и подчинятся власти Марии де Гиз. Разрешение вопроса об английском титуле они предлагают передать на рассмотрение специальной комиссии, состоящей из английских и французских представителей. Однако королева отказалась обсуждать эти предложения. Я уверен, что французы напрасно тратят время на бесплодные переговоры. Английская королева отнюдь не собирается выводить свой флот из Шотландии.

Королева-регентша Шотландии – де Ойзелу (3 мая 1560 г.)

С момента прибытия врагов к Лейту я не получала от Вас никаких известий. Начавшиеся переговоры с шотландцами прервались с прибытием англичан. Епископ Валенсии сообщил мне в письме, что испанский король обещал послать 24 корабля с солдатами и провизией в Шотландию. Сообщаю Вам, что лорд Грей собирается в ночь на 6-7 мая предпринять решительный штурм крепости, и он пригрозил, что возьмет Лейт, каких бы потерь ему это ни стоило.

Лорд Грей – герцогу Норфолку (8 мая 1560 г.)

Мы были очень рады, ваша честь, сообщить вам хорошие новости, но увы... Вчера, следуя указаниям вашей светлости о быстрейшем окончании кампании, мы решили предпринять штурм Лейта с двух сторон – со стороны реки и с юго-западной части цитадели. Утром мы вывели солдат из лагеря и пошли на приступ. Если бы солдаты точно придерживались приказов своих офицеров, то, несомненно, крепость была бы взята. Но, к нашему стыду, армия, за исключением солдат Бервикского гарнизона, состоит из новобранцев, не имеющих никакого военного опыта. Поэтому мы были отбиты с большими потерями. Точное количество убитых и раненых при штурме мы еще не подсчитали, но, думаю, их число будет около тысячи человек...

Эдинбургский договор, заключенный между Англией и Францией 5-6 июля 1560 г.

Согласовано и постановлено: ...что все военные и морские силы обеих сторон будут выведены из королевства Шотландии. Все военные операции, ведущиеся в Англии и Шотландии против Франции, или в Шотландии и Уэльсе против Англии, Ирландии или Шотландии, немедленно будут прекращены. Форты Лейт и Дунбар должны быть разрушены.

Так как королевство Англии и Ирландии принадлежит по праву королеве Елизавете, поэтому никому более не дозволено называться, писать имя или присваивать титул короля или королевы Англии или Ирландии, использовать гербы королевства Англии или Шотландии. Согласно и постановлено, что Наихристианнейший король и королева Мария навсегда отказываются от титула и герба королевства Англии или Ирландии, они также запретят всем своим подданным в королевствах Франции и Шотландии и их провинциях использовать упомянутый титул в каких-либо целях.

Учитывая, что дворянство и народ Шотландии высказали свою лояльность и подчинение наиболее христианскому королю и королеве Марии, они через своих представителей согласились удовлетворить просьбы и мольбы дворянства и народа Шотландии... Наихристианнейший король и королева Мария обещают выполнить все, что их представители согласились предоставить дворянству и народу Шотландии в Эдинбурге 6 июля 1560 г. при условии, что дворянство и народ Шотландии выполняют все то, что было включено в статьи данного соглашения.

Уступки, предоставленные Их Величествами королевой Шотландии и ее супругом своим шотландским подданным:

I. Уполномоченные короля и королевы, рассмотрев петицию, предоставленную знатью и народом Шотландии по поводу пребывания на шотландской территории французских солдат, постановляют от имени короля и королевы, что Их Величества впредь не будут вводить французские войска или солдат другой нации в пределы шотландского королевства, если только ему не грозит иностранное вторжение. В этом случае с согласия и одобрения парламента король и королева могут использовать иностранные войска для защиты королевства.

Французские войска, находящиеся сейчас в Лейте, будут отправлены во Францию, когда английская армия и флот покинут пределы королевства.

II. Что касается петиции о созыве парламента, уполномоченные постановили, что парламента должен собраться 10 августа этого года в соответствии с обычной процедурой.

III. Депутация постановила, что ни король, ни королева не могут объявить войну или заключить мир без совета и согласия парламента, что соответствует законам и обычаям страны, и как это делали раньше их предшественники – короли Шотландии.

IV. Что касается петиции, представленной уполномоченными, по поводу политического управления и положения дел в королевстве, мы согласились и постановили, что во время отсутствия королевы страной будет управлять Совет, состоящий из 14 человек, выбираемый из состава 24 лиц, названных парламентом. 7 регентов назначает Их Величество королева, остальных – парламента.

Ни одному лицу любого ранга не дозволено вмешиваться в государственное управление без согласия Совета. Советники имеют право собираться так часто, как они того пожелают, в составе не менее 6 человек, за исключением особо важных государственных дел, когда требуется присутствие всех из них.

VII. Уполномоченные заключают, что впредь король и королева не будут представлять никаких должностей: государственных, судебных, должностей казначея, лорда – хранителя печати, контролера и т. д., они будут замещаться только подданными королевства. Также Их Величества обещают не передавать должности казначея и контролера в руки духовных лиц.

VIII. Уполномоченные заключают, что ближайший парламента должен принять акт об амнистии всех тех лиц, которые приняли участие в событиях, происшедших после 6 мая 1559 г.: этот акт будет подтвержден Их Величествами королем и королевой.

IX. Согласовано и постановлено, что ближайший парламента должен быть собран согласно закону, на заседание которого обязаны явиться без всякого страха все те лица, которые обычно присутствуют.

X. Согласовано и постановлено, что между дворянством и другими подданными Шотландии должен быть заключен мир.

XI. Уполномоченные заключают, что ни король, ни королева не будут мстить и преследовать тех лиц, которые принимали участие в событиях, происшедших после 6 мая, а также лишать их должностей, бенефиций и владений, которыми они владеют в настоящее время, будут считать их во все времена как подданных, верных и преданных своим суверенам.

XII. Согласовано и постановлено, что жалобы епископов, аббатов и других церковных деятелей на понесенные убытки должны быть рассмотрены на заседании парламента. В настоящее время запрещается конфискация имущества, применение насилия в отношении церковных лиц. Лица, совершившие эти действия вопреки принятой статье, должны преследоваться дворянством как нарушители общественного спокойствия и порядка.

XIII. Что касается статей о религии, представленных частью дворянства и народом Шотландии, то они будут переданы непосредственно на рассмотрение короля и королевы.

Дипломатическая переписка Елизаветы I

Ответ послу Польши (1559 г.)

Двор находился в Гринвиче, когда прибыл посол от Польского Королевства. Он был сыном Герцога Финляндского, который почти сорок лет назад просил руки Елизаветы как сват Эрика Шведского. Роберт Сесил, ныне прочно утвердившийся на посту Секретаря, который Елизавета даровала ему в то время, когда Эссекс был в Кадисе, в послании графу на борт корабля, описал посла как «джентльмена отличных вкуса, остроумия, умения вести беседу, языка и личных качеств». Елизавета была поражена его внешним видом и ярко выраженным интеллектом. Она решила принять его публично в Приемном Зале. Он был одет в длинное парадное платье из черного бархата, покрытое драгоценностями, и подошел поцеловать руку Елизаветы, находившейся на троне под балдахинем. Затем он отошел назад, чтобы начать свою речь.

Как только латинские фразы прозвучали в Приемном Зале, изумление покрыло лица собравшихся придворных. Конфликт между королевой Англии и королем Испании влиял на торговлю Короля Польши, разрушая торговые пути и нарушая законы природы и народов. Елизавета ожидала лестного послания. Она

выдержала паузу в течение нескольких секунд, а затем, повернувшись к молодому человеку, она без подготовки начала свой ответ на безупречной латыни:

O quam decerta fui [резким возмущенным голосом] expectavi legationem mihi vero querelam adduxisti. Как я была обманута! Я ожидала дипломатическую миссию, но вы принесли мне конфликт! Я приняла вас как посла по достоинству ваших рекомендаций, но вместо этого нашла в вас посылающего вызов. Никогда в своей жизни я не слышала такой наглости. Я изумляюсь, я действительно изумляюсь такой небывалой и беспрецедентной дерзости в обществе. Я не могу поверить, что ваш король, если бы он был здесь, сказал бы такие слова. Но если бы он действительно, во что я едва верю, дал вам такие указания, то даже если Король молод, и если он король не по рождению, а по избранию-и к тому же избран недавно-он показал бы, что у него очень плохое понимание порядка, которым регулируются подобные проблемы между Монархами, порядка, который соблюдался по отношению к нам его лучшими [людьми], и которого он, возможно, будет придерживаться в будущем. А что касается вас, то вы производите впечатление человека, изучившего много книг, но еще не начавшего изучать книги Монархов, равно как и оставшегося несведущим в [правилах] поведения между Королями. Что касается законов природы и законов, которые вы только что упомянули, знайте, что закон природы и народов таков: когда объявлена война между Королями, любой из них может перерезать линии снабжения другого, не зависимо от того, где они начинаются, и никто не может сделать это предпосылкой поражений, если это не сделано хорошо. Это, я говорю, и есть закон природы и народов. А что касается вашего союза с Австрийским домом, благодаря которому вы неплохо разжились, то пусть не покинет вашу память то, что был один [правитель] из этой династии, который пытался отнять Польское королевство у вашего Короля. Что касается других дел, которые слишком многочисленны, чтобы заняться ими здесь и сейчас, вам следует подождать до тех пор, пока вы не услышите, что полагают некоторые мои советники, назначенные рассмотреть их. Между тем прощайте и будьте с миром.

«Это был один из самых лучших ответов на импровизированной латыни, который я когда либо слышал», – написал Сесил отсутствующему Эссексу. Существует традиция, что Елизавета, сознавая свой успех, повернулась спиной к неудачливому молодому дипломату, громко замечая своим придворным: «(Мои) господа, я была вынуждена сегодня почистить мою старую, заржавевшую, латынь».

Ответ на предложение Эрика Шведского (1560 г.)

У Елизаветы на протяжении ее жизни были дюжины поклонников, но ни один не был таким пылким, как король Швеции Эрик, который сделал ей предложение, когда она была только «леди Елизавета».

В 1560 году он попытался приехать в Англию, но ему помешал шторм, поэтому он послал своего брата в качестве свата. Вот ответ Елизаветы.

Светлейший Принц Наш Очень Дорогой Кузен

Ваше покорное послание и письменно, и в чувствах было передано нам 30-го декабря вашим наидражайшим братом, герцогом Финляндии. Хотя мы видим отсюда, что ваши пыл и любовь к нам не ослабли, все же со своей стороны мы сожалеем, что не можем доставить радость вашему Светлейшему Высочеству такой же любовью. И это вовсе не потому, что мы хоть немного сомневаемся в вашей любви и честности, но, как часто мы заявляли и в словах, и письменно, до сих пор мы никогда не испытывали чувства такой любви по отношению к кому-либо.

Поэтому мы опять и опять просим ваше Светлейшее Высочество, чтобы вы были добры ограничить вашу любовь, чтобы она не перешла границ дружбы в настоящем, и не пренебрегала ими в будущем. А мы в свою очередь позаботимся о том, чтобы все, что не будет востребовано для святого сохранения дружбы между Монархами, было бы предоставлено нами вашему Светлейшему Высочеству. Это кажется странным для вашего Высочества писать, что вы знаете от вашего брата и ваших послов, что мы твердо решили не выходить замуж за отсутствующего мужа; и что мы не дадим определенного ответа, пока мы не увидим вашей особы.

Мы определенно думаем, что если Господь даже и склонит наши сердца к размышлению о замужестве, то мы никогда не примем и не выберем отсутствующего супруга, каким бы могущественным и богатым не был бы Монарх. Но то, что мы не дадим вам ответа до тех пор, пока мы не увидим вас, настолько далеко от истины, что мы даже никогда не думали об этом. Напротив, я всегда давала и вашему брату, кто определенно является превосходнейшим принцем и заслуженно очень дорог нам, и также вашему послу приблизительно одинаковый ответ с небольшими вариациями в словах, что мы не помышляем взять мужа, но чрезвычайно ценим эту холостую жизнь, и надеемся, что ваше Светлейшее Высочество не будет больше тратить время в ожидании нас.

Пусть Господь хранит ваше Светлейшее Высочество много лет в добром здоровье и безопасности. Из нашего дворца в Вестминстере, 25 Февраля.

Вашего Светлейшего Высочества сестра и кузина.

Елизавета.

Письмо, отправленное Елизаветой Марии Шотландской (1586 г.)

Вы различными средствами и способами пытались взять мою жизнь и привести мое королевство к уничтожению через кровопролитие. Я же никогда не действовала так жестоко по отношению к вам, напротив, я защищала вас и оказывала поддержку как себе самой. Вам будут приведены доказательства этих предательств, и все станет явным. Кроме того моя воля такова, чтобы вы дали ответ перед дворянами и пэрами королевства так, как если бы я лично присутствовала при этом. Я требую, предписываю и приказываю, чтобы вы держали ответ потому, что я хорошо осведомлена о вашем высокомерии.

Говорите откровенно, без умалчивания, и в скором времени вы сможете получить мое расположение. Елизавета.

Письмо, отправленное Марией Шотландской Елизавете (1586 г.)

Мария Стюарт, Шотландская Королева, Елисавете, Английской Королеве.

Хотя должна я умереть по определению, подписанному вашею рукою, не думайте, чтобы я умерла врагом вашим. Я исповедую такую веру, которая поучает сносить все в свете напасти, как ваша вера позволяет вам делать зло ненаказанно. Хотя и осуждена я, как преступница; тем не менее я невинна. Не за то буду я обезглавлена, будто бы хотела лишить вас жизни; но за то, что носила корону, которой вы желали. Вера, повелевавшая Святому Павлу молиться о Нероне, повелевает и мне молиться о вас. Притом незаконная Королева недостойна гнева Королевы, получившей скипетр от справедливости и своей породы.

Такие слова без сомнения для вас оскорбительны; но осужденной на смерть, чего мне бояться о жизни? Казнь моя, которую почитаете вы позорною, составит верх моей славы. Не думайте, чтобы вы ненаказанно меня умертвили; вспомните, что некогда будете вы судимы, как и я. Но я не только не желаю быть отмщенной, хотя бы мщенье и было справедливо; напротив почла бы себя весьма счастливою, когда бы временная смерть, которую имею претерпеть, могла вас наставить на путь той жизни, которая будет продолжаться столько же, как и вечность.

Прощаюсь, с вами Государыня; помыслите, что Корона весьма опасное благо, когда лишаешь жизни сестру.

Письмо, отправленное Елизаветой I Якову VI (1587 г.)

Несмотря на то, что Елизавета I подписала смертный приговор Марии Стюарт, она не хотела отдавать приказ о его немедленном осуществлении. Вследствие этого Беркли пригласил к себе тех членов Совета, что находились в столице, и они решили взять ответственность за казнь на себя. Приказ был послан из Лондона 4 февраля 1587 г. и достиг Фотерингеа на следующий вечер. 7 февраля 1587 г. графы Шрусбери и Кент, на которых была возложена обязанность организовать казнь, предупредили Марию Стюарт, чтобы она подготовилась к смерти на следующий день. 9 февраля 1587 г. известие о ее казни достигло Лондона, и было получено королевой с удивлением и ужасом. На следующий день она выразила свое негодование казнию Хаттону и 10 февраля 1587 г. она созвала Совет, отчитала членов Совета и удалила их от себя. Дэвисона, своего секретаря, она отправила в Тауэр. Четыре дня спустя Елизавета I написала Якову VI, чтобы объявить о своей невинности в смерти Марии Стюарт.

Мой дорогой Брат, я хотела бы, чтобы вы знали (даже если не чувствуете) о той глубокой печали, которая переполняет меня из-за этого несчастного происшествия, которое (совершенно противоположно моему намерению) случилось. Я только что отправила моего родственника, которому до настоящего времени доставляло удовольствие делать вам услуги, чтобы лично сообщить вам то, что слишком утомительно для моего пера, чтобы написать вам. Я молюсь, чтобы вы, как Бог и многие другие, знали, как невинна я в этом происшествии: чтобы вы мне поверили [я заверяю вас], что если бы я и просила о чем-нибудь, то просила бы именно об этом. Я не так ущербна, что бы страх перед каким-нибудь человеком или монархом заставил меня бояться совершить то, что справедливо; или если это сделано, отрицать [справедливость] этого. Я не так низкородна и не так порочна по своей натуре. И поскольку скрывать [свои намерения] не подходит королю, я никогда бы не умолчала о своих поступках, но заставила бы их стать явными, как я и считаю нужным. Таким образом, убеждаю вас, что хотя я знаю, что [подозрение] заслуженно, все же [поверьте] если бы я намеревалась [сделать] это, я бы никогда не переложила бы это на другие плечи; тем не менее, я нанесу себе большую обиду, думая, что [подозрений] нет. Подробности вы сможете получить от посланца. А что касается вас, [я] думаю, что во всем мире у вас нет более любящей родственницы, более дорогого друга, чем я; и никто не будет заботиться более тщательно, чтобы сохранить вас и ваше благополучие. А кто будет убеждать вас в обратном, считайте, что они более равнодушны к другим, чем к вам. И с этим я поспешу прекратить вас тревожить: моллю Бога послать вам долгое правление.

14 февраля, 1587.

Ваша наиболее любящая [вас] сестра и кузина

К[оролева] Елизав[ета].

Письмо Елизаветы I Генриху IV

Долголетние религиозные войны, которые велись во Франции, создавали благоприятный предлог для вмешательства Испании во внутренние дела Франции. В качестве ревностного защитника католической религии Филипп II оказывал поддержку ослабленной королевской власти, а затем «католической лиге» в их борьбе против гугенотов.

Постепенно подчиняя их своему влиянию, он стремился поставить Францию в прямую зависимость от Испании. Генрих IV, придя к власти, свою борьбу за единство и независимость Франции неизбежно должен был начать с изгнания испанских отрядов. Именно к этому моменту и относится приводимое письмо английской королевы Елизаветы. Предлагая Генриху IV свою помощь против Испании, Елизавета I дает общую оценку всей внешней политике Испании.

Союз Филиппа II с папою имеет целью восстановить власть Рима во всех христианских государствах. Испанский король который уже давно задумал всемирную монархию, хочет благодаря союзу с папою достичь апогея задуманного им могущества, прикрываясь при этом заботою о восстановлении папской власти и единства церкви.

Франция является театром, в котором разыгрывается политическая трагедия. Лига [католическая] поддерживается испанскими деньгами, – таковы последствия союза папы с государями, принявшими на себя защиту римского первосвященника.

Последствия эти начались во Франции, но распространяются и на все другие европейские государства, если только бог допустит это. Все христианские государи должны поэтому быть заинтересованы в данном вопросе. Они не захотят оставаться праздными зрителями борьбы, успешный исход которой будет иметь всеобщее значение.

Лучше всего обдумать меры к общему тесному союзу и обнаружить по крайней мере такое согласие и такую взаимную связь для охраны нашей политической независимости, которые не уступали бы согласию и союзной связи папы, испанского короля и их союзников, соединившихся с целью погубить нас.

Военные действия на море во время войны между Англией и Испанией (Альфред Штенцель, «История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики»)

Альфред Штенцель – немецкий моряк, писатель. Во время франко-прусской войны 1870-1871 гг. был начальником штаба эскадры Немецкого моря, затем был преподавателем морской академии, командиром панцирного судна, директором верфей, командиром учебной эскадры, преподавателем военно-морской истории в морской академии в Киле. Автор фундаментальной работы «История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики».

Том 2, глава XIII. Эпоха Великой Армады.

Отношения между Англией и Испанией, которые были вполне дружественными при вступлении Елизаветы на престол, с течением времени делались все хуже. Обыкновенно это объясняют религиозными причинами, которые, несомненно, способствовали обострению отношений, но главным поводом для несогласий были политические соображения, связанные с вопросами морского судоходства и господства на море.

Филипп II в начале своего царствования обратил мало внимания на один из важнейших советов своего отца: «если он хочет мирно править своими владениями и обуздать своих врагов, то должен обеспечить себе власть на море» – и потому очень немного сделал для своего флота; однако, после битвы при Лепанто дело приняло другой оборот.

Англии, для того, чтобы сделаться богатой и могущественной, необходимо было сломить мировую торговую политику Испании, которая властвовала почти над всеми заокеанскими странами (с 1581 года Филипп II сделался и королем португальским). Предлогов для столкновений и та и другая сторона дали достаточно. Испанцы грубо и жестоко относились к англичанам; в 1562 г. в Испании было сожжено инквизицией 26 англичан. Со своей стороны Дрэйк и другие командиры, поклявшиеся мстить испанцам, полной мерой отплачивали им за это; пиратские набеги англичан постоянно увенчивались крупными успехами, и они увозили домой значительную добычу. В то же время Елизавета, сперва тайно, а потом и явно, стала поддерживать восставшие Нидерланды, хотя поддержка эта и не приводила к значительным успехам. Затем, когда Филипп II в 1585 г. обложил пошлиной все английские корабли в своей империи, Елизавета снарядила эскадру из 21 корабля для разбойничьего похода против Вест-Индии, под командой Дрэйка. Последний разграбил сперва Виго, затем Канарские острова и Зеленый мыс; после этого он захватил Сан-Доминго (имевший в те времена большое значение) и Картагену, которые вынуждены были откупиться за большие деньги. В конце июля следующего года он возвратился в Европу.

Тогда Филипп II изъявил согласие на предложение, еще ранее сделанное дон-Хуаном Австрийским, как генерал-губернатором Нидерландов, переправить испанскую армию, находившуюся в Нидерландах, в Англию и завоевать ее. Сам дон-Хуан рано скончался, сокрушенный горем, вследствие лукавой и двудушной политики Филиппа II, который предательски убил в Мадриде его доверенного и друга Эскоредо. После смерти дон-

Хуана, во главе 30-тысячной испытанной армии стал Александр Фарнезе (внебрачный отпрыск Габсбургского дома), выдающийся полководец, который отличился еще при Лепанто, а затем, в качестве главнокомандующего, одержал крупные успехи в Нидерландах, захватив город Антверпен. Англия не могла выставить даже приблизительно таких сил.

Для переправы армии в Англию Испания не могла воспользоваться гаванями Нидерландов, в особенности Антверпеном, так как доступ к ним с моря не был свободен, на море распоряжались гезы, а кроме того, Испания уже в течение 20 лет вела сухопутную войну против Нидерландов, во время которой нидерландское судоходство продолжало процветать и доставлять Нидерландам средства для дальнейшего сопротивления. Если бы испанскому флоту удалось овладеть морем, жизненный нерв восстания был бы перерезан, и оно очень скоро пришло бы к концу, но, по-видимому, это соображение никогда не принималось в расчет Филиппом II. Флиссинген тоже находился в руках неприятеля. Благоразумные советники Филиппа находили важным для успеха обширного плана высадки в Англию, предварительно завладеть этими гаванями, но Филипп, который лично занимался всеми подробностями этого предприятия, не хотел и слышать ни о какой отсрочке. Вследствие этого, для посадки на суда были назначены Ньюпорт и Дюнкирк, два не имевших гаваней города, расположенные на совершенно прямой береговой линии; у городов этих, защищенные до некоторой степени якорные стоянки в открытом море образовывались только песчаными банками. Здесь были сделаны все необходимые приготовления и собраны мелкосидящие суда для посадки войск и погрузки всего обоза. Для переправы оставалось только добиться господства на море, для чего Филипп II приказал снарядить такой флот, который мог бы безусловно преодолеть всякое сопротивление.

Уже в начале 1586 года Филипп поручил составление плана формирования такого флота маркизу де Санта Круз, который при Лепанто командовал резервом и немало способствовал победе; Санта Круз еще в 1583 г. рассматривал, по поручению короля, приблизительно такой же план, но те цифры, которые он тогда приводил, были настолько громадны (он требовал армию в 94000 человек и флот свыше 550 судов, в том числе 150 больших кораблей и 40 галер), что Филипп на них не согласился.

В 1587 году, после казни Марии Стюарт, вопрос об экспедиции был окончательно решен, и приготовления немедленно начались. Все подходящие суда в испанских и португальских гаванях были задержаны и собраны; взяты были, кроме испанских кораблей, еще и португальские, неаполитанские, и венецианские суда, как парусные, так и гребные; среди них оказалось и несколько ганзейских судов. Сборным пунктом был назначен Лиссабон.

Известия об этих приготовлениях возбудили большую тревогу в Англии. Дрэйк, который вместе с Хоукинсом, был наиболее проникательным из английских морских начальников, немедленно предложил напасть на испанцев. Королева согласилась на это, но не желала при этом рисковать большими средствами. В апреле 1587 года Дрэйк вышел из Плимута, имея четыре королевских корабля и 20 вооруженных купеческих судов, поставленных Лондоном и другими городами; 19 апреля он вошел в Кадикс, где стоял герцог Медина Сидония, совершенно не ожидавший нападения и потому не сделавший никаких приготовлений. Дрэйк отбил несколько галер и завладел рейдом; он захватил или уничтожил множество судов, в том числе 6 судов в 100 и более тонн (самые крупные суда, какие тогда существовали) и 21 апреля, с очень ничтожными потерями, но с несколькими ценными призами, снова вышел в море. Медина Сидония счел наиболее подходящим отправиться верхом в Севилью за подкреплениями. После этого Дрэйк подошел к устью Тахо и вызвал находившегося в Лиссабоне испанского генерал-капитана Санта Круза на бой, от чего последний уклонился, так как корабли его еще не были готовы к выходу в море. Тогда Дрэйк пошел к Азорским островам, причем не делал секрета из своего намерения перехватить там возвращавшиеся из Вест-Индии испанские галеоны, что отвлекло испанцев от подготовки Армады и заставило их выделить дополнительные суда для охраны морских путей. Захватив большую испанскую каракку с богатым грузом, Дрэйк в конце июня, пробыв в отсутствии менее трех месяцев, возвратился в Англию. Поход Дрэйка задержал выход Армады в море почти на год, что дало англичанам дополнительное время для подготовки к войне.

Эту экспедицию сами англичане считали такой безумно смелой, что капитан одного из самых крупных кораблей, участвовавший в ней, со страху вернулся с дороги назад, и сама Елизавета отдала приказ о возвращении экспедиции, но приказ этот застал ее уже в пути.

Том 2, глава XIV. Поход Великой Армады.

По мнению Санта Круза, потеря такого большого числа судов в Кадиксе делала поход в этом году невозможным, несмотря на то, что Филипп настаивал на нем. Санта Круз, однако, продолжал уклоняться, за что подвергся такому дурному обращению со стороны короля, что все приписали именно этой причине ту болезнь, которая его постигла зимой и окончилась его смертью. В его лице Испания потеряла единственного человека, способного командовать подобной экспедицией.

После его смерти выбор Филиппа II пал не на кого иного, как на того самого герцога Медина Сидония, который только что перед тем доказал в Кадиксе свою полную растерянность и неспособность, не имел никакого понятия о морском деле и никакого военного опыта. К тому же он вовсе не был честолюбив и противился своему назначению, но король настоял на своем желании.

Согласно предположениям Санта Круза, Армада должна была выйти в море не позднее марта месяца 1588 года, чтобы избежать северных ветров, которые после этого времени постоянно дуют у берегов

Португалии, и чтобы прийти к берегам Англии раньше, чем ее флот будет готов; однако смена главнокомандующего и неисполнительность интендантского ведомства, привели к тому, что эскадра была кое-как готова к выходу в море только к маю месяцу.

В эскадре было 130 судов, общим водоизмещением около 62300 тонн, с 2430 орудиями и 30500 людьми, в том числе 8050 матросов (т. е. около 1/4), 18 973 солдат и 2088 рабов-гребцов; остальные, около 1400 человек, были офицеры, большое число молодых людей знатного происхождения, которые записались добровольцами (146 дворян и 728 человек прислуги), и множество священников (180) и монахов, между тем, как врачей было всего только 12.

Заготовленные для Армады припасы включали миллионы фунтов галет, по 600000 фунтов солонины и соленой рыбы, 300000 фунтов сыра, 400000 фунтов риса, 6000 мешков бобов, 40000 галлонов оливкового масла, 14000 бочек вина, 124000 ядер и пороха на 500000 зарядов.

Экспедиции этой был придан характер крестового похода, и все его участники перед отправлением совершили покаяние и приняли причастие. Во время похода были запрещены азартные игры, дуэли, на суда не были допущены женщины. На кораблях развевалось множество хоругвей, вымпелов и церковных знамен.

Главные силы флота были разделены на шесть эскадр, сообразно числу областей: Португалии (Медина Сидония), Бискайи (Хуан Мартинез де Рекальдо), Кастили (Диего Флорес де Вальдес, Андалузии (Педро де Вальдес), Гвипуско (Мигель де Окендо) и Леванта (Мартин де Бертендона); в каждой эскадре было по 10-14 кораблей от 1250 до 166 тонн, с 52-12 орудиями на каждом, и 500-110 членами экипажа; к эскадрам этим были добавлены еще несколько легких судов, в качестве посыльных. В числе 75 военных кораблей было только 19, имевших менее 300 тонн, при чем 56 имело 500 и более тонн, а в их числе 7 имело от 1000 до 1250 тонн; это были самые большие корабли, которые вообще существовали в те времена. Медина Сидония командовал португальской эскадрой на флагманском корабле "Сан Мартин", лучшим корабле во всем мире; главным советником и ментором при нем состоял опытный в морском деле кастилец Диего Вальдес, по профессии судостроитель, человек недоверчивый и осторожный. Кроме того, во флоте состояли:

1) дивизион из четырех больших тяжеловооруженных галеасов из Неаполя с 50 орудиями и около 335 членами экипажа, не считая 300 гребцов (по 5 человек на весле), под командой Гуго де Монкада;

2) дивизион из четырех галер из Португалии, на которых было только по пять орудий и около 100 человек экипажа, не считая 220 гребцов;

3) множество судов с запасами, из которых 23 больших, по 650-160 тонн, все вооруженные, имевшие до 38 орудий и 280 человек экипажа; все эти суда, в числе которых было много ганзейских, были соединены в одну эскадру (командующий - Хуан Гомез де Медина);

4) наконец, множество легких судов, в том числе 27, водоизмещением мене 100 тонн; они большей частью тоже были вооружены, но годились только для посылок и разведочной службы (командующий - Антонио де Мендоза).

Никогда до тех пор не собиралось такого количества крупных парусных судов и потому флот этот производил на всех подавляющее впечатление. Прозвание «непобедимый», однако, официально этому флоту присвоено не было (оно было придумано английскими памфлетистами) и назывался он «La felicissima Armada». 6 мая 1588 года весь флот спустился к Белему у устья Тахо, но здесь должен был в течение 14 дней ожидать попутного ветра; только 20 мая по старому стилю (10 дней разницы) армада вышла в море.

Англия уже давно начала готовиться к отражению нападения, но приготовления эти велись недостаточно настойчиво и упорно, а вначале шли даже и небрежно. Елизавета еще в 1585 г. назначила на высокий пост Верховного Адмирала, имевший особое значение при тогдашних обстоятельствах, лорда Говарда Эффингэма, несмотря на то, что он был католиком, а сама она была отлучена папой от церкви. Она, конечно, знала, что Говард принадлежит к тем католикам, которые больше ценят свою родину и чтут приказания своего государя, чем указания извне. Он и выполнил верно и ревностно все, что было в его силах, но неуместная экономия и нерешительность королевы постоянно мешали ему.

С целью обмануть Елизавету и удержать ее от приготовления к войне, Филипп начал с ней, через герцога Парму, переговоры об устраниении возникших между ними недоразумений, при чем переговоры эти тянулись год за годом. Елизавета, конечно, была слишком умна, чтобы не понять этой хитрости, но несмотря на тревожные сведения о непрекращающихся в Испании приготовлениях, она не принимала с достаточной энергией необходимых предупредительных мер; она продолжала надеяться, что предстоящая война разыграется, как это бывало до сих пор, вдали от берегов Англии. Успехи Дрэйка утвердили ее в этой надежде.

Правда, королевские корабли были приведены в готовность, были вытребованы корабли из других городов, но относительно заготовки запасов провианта и боевого снаряжения достаточно энергичных мер не принималось. Королева не прислушалась к тем словам, с которыми Говард обратился к ее министру Уолсингэму: «бережливость и война ничего общего между собой не имеют». Это причиняло много забот адмиралу и могло повлечь за собой большую опасность для страны и для флота.

Лорд Говард безуспешно предлагал держать постоянно для наблюдения у испанского берега шесть больших и шесть меньших кораблей и регулярно сменять эти корабли. Дрэйк хотел предпринять морской набег, как в прошлом году.

Однако Елизавета, как только получила известие, что Армада вошла в Корунну, распорядилась разоружить самые большие корабли и демобилизовать половину экипажа; Говарду стоило большого труда добиться отмены этого приказа – в течение нескольких дней он держал экипажи на половинном пайке и покрывал расходы на снаряжение из собственного кармана. Дрейк в то же время получил от королевы упрек в том, что он израсходовал слишком много пороха, обучая людей и тренируясь в стрельбе по мишеням. Наконец, королева, города и частные лица выставили все имеющиеся корабли, на юг были стянуты войска и устроены сигнальные станции.

Число английских кораблей, которые были, в конце концов, снаряжены, считая в том числе и те 23 корабля, которые добровольно присоединились к флоту во время сражения, было не менее 197, с экипажем около 15000 человек; это были, впрочем, главным образом, купеческие корабли и суда, из них 88 имели только от 90 до 120 тонн и годились лишь для вспомогательной службы.

В составе этого флота имелось 34 различных судна королевского флота с 12320 тонн водоизмещения и 6300 человек экипажа, при чем только 26 из этих судов имели 100 и более тонн и только 13, т. е. половина, - 500 и более тонн. Купеческие корабли, в том числе много каботажных судов, были частью поставлены Лондоном и другими городами, частью наняты. Вооруженных купеческих кораблей во флоте было до трех дюжин, маленьких каботажных судов – около 80. Командовал ими, в звании вице-адмирала, Френсис Дрэйк, его флагманским кораблем был 43-пушечный «Ревендж». Число матросов на военных кораблях составляло от 2/3 до 3/4 всего экипажа; например, «Арк Роял», флагманский корабль Говарда, при 800 тоннах водоизмещения, имел 270 матросов, 55 орудий и 125 солдат.

Английские корабли были более быстрыми и маневренными, чем испанские, а английские пушки - более дальнобойными. На испанских судах, вооруженных орудиями крупного калибра, артиллерию обслуживали те же солдаты, у англичан же были профессиональные артиллерийские расчеты, привычные к морскому бою; конструкция английских морских лафетов, снабженных колесами, позволяла быстро откатывать и перезаряжать орудия; при меньшем калибре английские ядра обладали большей ударной силой, что давало англичанам преимущество в бою на длинной дистанции. Поэтому они старались не приближаться слишком близко к испанским судам и обстреливали их издалека. Новые военные корабли, построенные по проектам Хоукинса, имели также более широкие пушечные порты, что облегчало наводку и увеличивало зону обстрела. Испанцы же, полагавшиеся на свою прекрасную пехоту, по-прежнему старались применять абордажную тактику, оправдавшую себя при Лепанто.

Филипп II, возможно, и не собирался завоевывать Англию и присоединять ее к своей империи (будучи ранее женат на Марии Тюдор, он мог претендовать на английский престол). В его планы входило либо свергнуть Елизавету и посадить на престол своего ставленника-католика, либо заставить ее выполнить все прежние требования Испании, которые сводились к следующему: Англия должна была: а) вывести английских солдат из Испанских Нидерландов, особенно из Флашинга, блокировавшего гавань отвоеванного испанцами Антверпена; б) прекратить поддержку нидерландских повстанцев; в) прекратить пиратские действия против испанских судов и признать монополию Испании на торговлю с Вест-Индией; г) возместить Испании расходы по снаряжению Армады и убытки, нанесенные ей действиями английских пиратов; д) восстановить в правах английскую католическую церковь и вернуть ей конфискованные Генрихом VIII земли.

Даже в том случае, если англичане не будут окончательно разбиты, Филипп надеялся, что угроза вторжения, по крайней мере, сделает Елизавету более сговорчивой в отношении прав английских католиков, которым в то время было запрещено служение мессы и отправление других обрядов по канонам их церкви.

Медина Сидония получил подробные инструкции, в том числе, по возможности уклоняться от боя на море и не предпринимать самостоятельно высадки на берега Англии. Он должен был при этом установить контроль над проливом между Англией и Фландрией, вытеснив оттуда англичан и голландцев, что позволило бы герцогу Парме переправить, на заготовленных им баржах и других транспортных судах, часть своей армии, не менее 16000 солдат (английские документы того времени говорят о 30000 пехоты и 18000 кавалерии, но это преувеличение), из Фландрии в Англию и высадиться на побережье Кента (согласно первоначальному плану, Медина Сидония собирался встретить транспорты Пармы у Маргейта, у юго-восточного побережья Англии). Флот же должен был, вслед за этим, выгрузить в Англии подкрепления – находившихся на борту испанских солдат и осадную артиллерию, способную разрушить береговые укрепления, построенные еще при Генрихе VIII. В Англии, таким образом, должны были высадиться около 35000 испанских солдат – англичанам было бы нечего им противопоставить, кроме наскоро вооруженного ополчения.

Перед испанским командованием, однако, сразу встало несколько проблем, которые так и не удалось разрешить. Главная из них - невозможность скоординировать действия Армады и Фландрской армии. Войска герцога Пармы были рассредоточены вдоль побережья Фландрии, транспортные суда укрыты в каналах и устьях рек – это было необходимо для сохранения в тайне сроков и целей операции. На побережье Фландрии мало удобных гаваней, суда с глубокой осадкой не могут подходить там близко к берегу, где мелководье, отмели и песчаные банки препятствуют навигации, поэтому Парме пришлось подготовить большое количество мелкосидящих судов. Для того, чтобы собрать армию и погрузить ее на суда, требовалось не менее недели, но командование Армады не могло сообщить Парме, когда именно она приблизится к берегам Фландрии, он же не мог загодя посадить своих солдат на суда и ждать приближения Армады - без прикрытия испанского флота его

баржи сделались бы добычей курсировавших в проливе голландцев и англичан (к берегам Фландрии для перехвата испанских судов была направлена Восточная эскадра под командованием лорда Сеймура).

Второй проблемой было отсутствие дружественных портов в Ла-Манше, где Армада могла бы пополнить запасы или укрыться от шторма. Испания и Франция, хотя формально и не были в состоянии войны, оставались соперниками, поэтому рассчитывать на радушный прием у берегов Франции испанцы едва ли могли. Франция в это время пребывала в состоянии вялотекущей гражданской войны, и там периодически возникали столкновения между католиками и гугенотами. Испания попыталась воспользоваться этим и заручилась поддержкой главы «Католической Лиги», герцога де Гиза. Католики должны были захватить укрепленный порт Булонь недалеко от границы Испанских Нидерландов, получить оттуда подкрепления и удержать порт до прихода Армады. Этот план был сорван английскими шпионами, предупредившими охранявший Булонь французский королевский гарнизон, который оказал подошедшим католикам сопротивление. Елизавета же выслала несколько кораблей для его поддержки. Испания, таким образом, не получила в свое распоряжение ни одного порта на севере.

19 июня, дойдя до Корунны на севере Испании, Армада остановилась, чтобы пополнить запасы. Ночью некоторые корабли пострадали во время шторма. Они нуждались в ремонте, поэтому Армада задержалась там до 21 июля, и только новый королевский приказ заставил ее снова выйти в море. Медина Сидония направился к острову Уайт, рассчитывая найти там удобную стоянку и дожидаться известий от Пармы. 29 июля англичане заметили приближение Армады с берегов Корнуэлла. 30 июля Западная эскадра английского флота, вышедшая навстречу Армаде из Плимута, зашла Армаде в тыл, и на следующий день атаковала ее. У Плимута испанцы понесли первые потери, но не от вражеского огня: «Розарио», флагманский корабль Педро де Вальдеса, столкнулся с «Санта Каталиной» и потерял мачту, а через некоторое время на «Сан Сальвадоре», где находилась казна флота, по неизвестной причине произошел пожар и взорвались две бочки с порохом. Казну и оставшихся в живых членов экипажа удалось снять, но судно пришлось оставить. На рассвете 1 августа отставший «Розарио» был захвачен Дрэйком (на его борту было 500 солдат и матросов и 50 пушек); такая же участь вскоре постигла и обломки «Сан Сальвадора».

Говард тем временем разделил свой флот на четыре отряда, которые поочередно обстреливали испанские корабли. Испанцы сохраняли предписанный им королевской инструкцией боевой порядок (в форме полумесяца, с транспортом посередине), поэтому англичане старались не подходить к ним слишком близко. После нескольких стычек им удалось отогнать испанский флот от острова, но при этом они израсходовали почти все боеприпасы, которых у них и без того было мало. Существенного вреда испанцам их пушки не причинили. Так, «Сан Мартин» 4 августа подвергался обстрелу в течение часа, но все его повреждения свелись к потере флаштока.

Но Медина Сидония не догадывался о том, что англичане испытывают затруднения с боеприпасами. Их беглый огонь убеждал его в обратном. Он принял решение двигаться к берегам Фландрии, навстречу Парме, о котором он так и не получил никаких сведений. Незадолго до этого он отправил к нему посыльное судно, но оно не вернулось. Парма в это время находился в своей ставке в Брюгге. Он не был в состоянии ни помочь испанскому флоту, ни связаться с ним. Его баржи текли, команды разбежались, а посыльные суда перехватывались голландцами.

5 августа Армада двинулась к Кале. Западная эскадра последовала за ней. Комендантом Кале в то время был Жиро де Молеон, католик, симпатизировавший испанцам и ненавидевший англичан (он потерял ногу при штурме Кале в 1558 г., когда французам удалось вновь отобрать этот город у Англии). Гавань Кале была слишком мала для такого огромного флота, но он позволил испанским судам встать на якорь под прикрытием береговых батарей, где они были в относительной безопасности от английских атак, и пополнить запасы воды и продовольствия. Дальше, в сторону Дюнкирка, испанский флот двигаться не мог – выяснилось, что голландцы убрали все бакены и другие опознавательные знаки к востоку от Кале, как раз там, где начинаются банки и отмели, и что англичане и голландцы курсируют в районе Дюнкирка, готовые перехватить транспорты Пармы. По пути к Кале испанцы потеряли еще одно судно – «Санта Анну», поврежденное и едва не захваченное англичанами в бою у острова Уайт. Его снесло и выбросило на французский берег недалеко от Гавра.

Лорд Говард решил воспользоваться затруднениями испанцев. В ночь с 7 на 8 августа, англичане пустили в сторону тесно сбившихся испанских кораблей восемь брандеров. Это вызвало панику среди испанских капитанов – вероятно, что они приняли обыкновенные брандеры, груженные хворостом, смолой и соломой, за начиненные порохом «адские машины», с которыми они уже встречались во время войны в Нидерландах. Испанцы слышали, что итальянский инженер Гьямбелли разрабатывал подобные «плавучие мины» для английского флота. Пытаясь избежать столкновения с пылающими брандерами, многие испанцы перерубили якорные канаты. Лишившись якорей, они уже не могли сохранять боевой порядок у Кале, испанский строй распался. Сами брандеры не причинили испанцам никакого вреда, но многие корабли Армады пострадали от столкновений с соседними судами. Говард не мог в полной мере воспользоваться замешательством противника – не хватало пороха и ядер. Англичане ограничились атакой на потерявший управление галеас, дрейфовавший у входа в бухту. Испанский адмирал остался на месте с четырьмя большими галеонами. Он был готов принять бой, рассчитывая задержать англичан и дать остальным кораблям Армады время перестроиться

На следующий день, 8 августа, англичане получили подкрепления и боеприпасы - к Говарду присоединилась эскадра лорда Сеймура. Они решились, наконец, померяться силами с Армадой в открытом бою, тем более что численное преимущество теперь было на их стороне. Атаку возглавил Дрэйк. Его корабли открыли огонь с дистанции 100 метров. За ним последовал отряд Форбишера. В этом сражении, произошедшем между Грейвлинем и Остенде, сказалось преимущество английской артиллерии. Англичане по-прежнему избегали абордажных схваток, обстреливая противника, но теперь уже на близкой дистанции, где их пушки причиняли испанским кораблям значительные разрушения, и сосредоточив огонь на отдельных, оторвавшихся от строя кораблях. Испанская артиллерия была не столь эффективна. Выяснилось, что испанские чугунные ядра, в силу какого-то технологического дефекта, разлетаются на куски при ударе об обшивку, не пробивая ее, что пушки, установленные на переоборудованных торговых судах, при полном бортовом залпе причиняют, за счет отдачи, больше вреда им самим, нежели противнику. Канонада продолжалась около девяти часов. Испанские суда, менее маневренные, из-за противного ветра не могли оказать помощи друг другу. Англичанам удалось потопить один или два испанских корабля и повредить еще несколько. Матросы едва успевали откачивать воду с пробитого в нескольких местах испанского флагмана. Потеряв управление, один испанец сел на мель у Кале, три корабля, отнесенные ветром на восток, где они тоже сели на мель, были вскоре захвачены голландцами. Англичане не потеряли ни одного корабля, потери личного состава за несколько дней непрерывных сражений составили около 100 человек. Испанцы в этом бою потеряли 600 человек убитыми и около 800 ранеными.

Сражение не принесло англичанам полной победы, к тому же у них опять кончились боеприпасы, которые, на этот раз, они в ближайшее время восполнить не могли. Медина Сидония опять таки не подозревал об этом и не решился атаковать противника, тем более что его собственный, огромный, как казалось, запас пороха и ядер подходил к концу – ни одна из сторон не ожидала, что при новой тактике морского боя в одном сражении можно израсходовать столько боеприпасов. Испанский адмирал уверился в том, что с имеющимися у него силами установить контроль над проливом невозможно, а о том, чтобы двигаться к Маргейту и к устью Темзы не могло быть и речи, поэтому 9 августа, не предупредив Парму, он направился на север, намереваясь обогнуть Шотландию и спуститься на юг вдоль западного берега Ирландии (окончательное решение использовать этот обходной путь было принято 13 августа). Дрейфовать к востоку от Англии не имело смысла – Армаду могло снести на фламандские банки. Возвращаться назад через Дуврский пролив Медина Сидония тоже не решился, опасаясь новых атак английского флота – испанцы не знали о затруднениях англичан и упустили шанс вернуться домой до начала осенних штормов.

В течение двух дней англичане преследовали Армаду. 11 августа они получили известие, что армия герцога Пармы готова к погрузке на суда (до командования Армады это известие, видимо, не дошло, а Парма все еще надеялся, что Армада подойдет к Дюнкирку и прикроет его транспорты), и тогда Сеймур вернулся со своим отрядом в пролив, чтобы предотвратить ее возможную высадку. Остальные английские корабли преследовали Армаду еще в течение суток, а затем повернули назад, поскольку не имели на борту достаточно воды и продовольствия. Намерения испанцев англичанам были неизвестны; они предполагали, что Армада может пополнить запасы у берегов Дании или Норвегии и вернуться назад, поэтому английский флот еще в течение многих дней находился в боевой готовности.

Армада тем временем обогнула Шотландию и 21 августа вышла в Атлантический океан. Испанские моряки плохо знали этот район, навигационных карт на него у них не было. Начавшиеся в сентябре штормы разметали испанский флот, многие корабли, сбившись с курса, потерпели крушение у берегов Ирландии, выбравшиеся на берег испанцы были либо убиты на месте местными жителями, либо захвачены в плен ради выкупа. Всего Армада потеряла около 3/4 личного состава. Между 22 сентября и 14 октября уцелевшие 67 или 65 ее кораблей достигли испанских берегов.

Известие о постигшей Армаду катастрофе воодушевило и англичан, и протестантов всей Европы, которые убедились в том, что могущественная Испания не столь уж непобедима, и что Господь не всегда принимает сторону испанского короля. На следующий год Филипп II послал еще одну эскадру, около 100 кораблей, к берегам Англии. Она дошла до Корнуэлла и повернула назад из-за плохой погоды – испанским капитанам, вероятно, очень не хотелось иметь дело с английским флотом. Испания и Англия оставались в состоянии войны до 1604 г., до восшествия на престол Якова I Стюарта, который пошел на уступки и согласился практически на все требования, предъявленные Испанией.

Последствия поражение Великой Армады часто преувеличиваются. Конечно, оно было для Испании большим ударом и подорвало ее престиж в глазах других европейских стран, но Испания еще долго оставалась крупнейшей мировой державой, обладавшей сильнейшими армией и флотом, а до безраздельного господства Англии на море было еще очень далеко. Дальнейший постепенный упадок Испании был вызван не военными неудачами, а тем, что из них не всегда делались, или не могли быть сделаны, соответствующие выводы.

Испанцы, учитывая опыт Армады, научились строить мощные и быстроходные военные корабли (в течение следующих 4 лет Филипп II заложил 40 новых галеонов), усовершенствовали артиллерию, однако их политический консерватизм и царивший повсюду протекционизм не позволял им создать соответствующий корпус морских офицеров, без которого даже самые лучшие корабли мало чего стоили. Служба на флоте в этой

крупнейшей морской державе, в силу традиции, читалась гораздо менее престижной, чем служба в армии, и давала меньше шансов для продвижения.

Признав, раньше времени, превосходство англичан на море, Испания, вместо того, чтобы реорганизовать свой флот, занялась усовершенствованием системы береговой обороны. Построенные в Вест-Индии форты и береговые батареи были достаточно эффективны, и английские пираты уже не могли с прежней легкостью совершать рейды вглубь испанских владений и атаковать приморские города, но на море они по-прежнему захватывали испанские суда.

Развитие американских колоний вызвало значительный отток населения из самой Испании и из подвластных ей стран Европы. Это явление можно было бы рассматривать как позитивное, поскольку Испания смогла избавиться от многочисленных безработных солдат, разорившихся идалго и т. п., которым, после изгнания мавров, было трудно найти применение в Европе. Но отток продолжался (в колониях дышалось все-таки легче, чем в Мадриде), и это истощило людские ресурсы страны. Наконец, претензии Испании на гегемонию в Европе и главенство среди католических стран заставили ее нести такие военные расходы, что в правление Филиппа II она, несмотря на огромные доходы с колониальной торговли, серебряные рудники и т. п., была трижды вынуждена признать свое банкротство.

Моральные последствия постигшей испанский флот катастрофы стали очевидны гораздо раньше, чем экономические. Подняли голову европейские протестанты, воспряли почти уже полностью разгромленные нидерландские повстанцы, английские каперы, и без того самонадеянные, стали действовать еще более дерзко. Европу наводнили протестантские памфлеты, в том числе и английские, в которых, что характерно, поражение Армады приписывалось не храбрости английских капитанов, а воле Провидения. Такова же была и английская официальная версия: слова «flavit Jehovah...» – «дунул Господь, и они рассеялись», на выбитой в честь избавления от испанской угрозы медали, тому свидетельство (надо заметить, что уже тогда многие возражали против такого умаления роли английских моряков). В «победу английского флота» это событие превратилось только в историографии XIX века, и эта оценка долгое время считалась общепризнанной.

Существуют и альтернативные оценки итогов похода Армады. Например, Ф. Фернандес-Арместо считает, что неудачу Армады не следует рассматривать как победу английского флота. Ведь за время всех сражений, имевших место в июле-августе 1588 г. англичане пустили ко дну всего один или два испанских корабля, а все прочие потери испанцев были вызваны столкновениями, случайными пожарами, дурной погодой и т. п. – к исходу 8 августа они потеряли всего 6 кораблей из 125 вошедших в пролив. По его словам, «Армада ознаменовала возрождение, а не упадок морского могущества Испании; утраченные корабли были заменены новыми, гораздо лучшими, а в испанских владениях были воздвигнуты приморские укрепления. После Армады Испания стала представлять гораздо большую угрозу для Англии, чем прежде».

В этих словах, конечно, есть доля истины, ведь большая часть неудач, постигших испанцев, является следствием ошибочных решений их собственного командования. Так, например, вопрос о координации действий Армады и Фландрской армии повис в воздухе – Филипп II, похоже, полагался исключительно на помощь свыше, и это был его личный просчет. Ничто не мешало испанцам высадиться сразу где-нибудь в районе Плимута, даже пожертвовав одним-двумя кораблями (на большее у английского флота не хватило бы пороха) – 20000 испанских солдат с осадной артиллерией произвели бы не меньшее впечатление, чем все 35000, а Англия сразу лишилась бы морских баз на юге. Но Медина Сидония был связан королевскими инструкциями и не решился проявить инициативу – именно эти инструкции, а не англичане, побудили его к дальнейшим ошибочным действиям. Его план обогнуть Британские острова с севера, в не самое подходящее время года, без лоцманов и карт, тоже нельзя признать удачным, поскольку именно он привел к потере половины судов Армады, но это опять таки был его собственный план.

С другой стороны, энергичные, хотя и не всегда эффективные действия английского флота, оказали существенное влияние на ход событий. Прежде всего, не будь этого флота, ничто не мешало бы Парме в любой момент погрузить на баржи свою огромную армию и высадиться в Англии. Для того и потребовалось снарядить Великую Армаду, чтобы нейтрализовать английский флот, изгнать его из пролива и дать Фландрской армии возможность переправиться.

Налет Дрэйка на Кадикс, помимо того, что он задержал выход Армады почти на год, укрепил боевой дух англичан и поколебал уверенность испанцев. Действия английского флота у острова Уайт и Плимута возымели тот же эффект: испанцы ничего не могли сделать с английскими кораблями, которые кружили вокруг Армады и обстреливали ее, находясь вне пределов досягаемости испанских пушек. Близость английского берега создавало иллюзию, что английские корабли могут до бесконечности пополнять запасы пороха и ядер (при том, что в действительности их склады были пусты), и именно это заставило Армаду направиться к Кале, под защиту французских береговых батарей. Там английские брандеры помогли испанцам избавиться от якорей и посадить несколько судов на мель. Не будь этой ночной атаки, испанцы могли бы спокойно стоять там, пополнять запасы и ждать известий от Пармы. Дальнейшие маневры английского флота, расстрелявшего все боеприпасы, были чистым блефом, но именно они убедили испанцев в том, что дорога назад через Дуврский пролив закрыта. Победа на море достигается не только путем уничтожения или захвата судов противника. Иногда бывает достаточно перехватить у него инициативу или заставить его действовать себе во вред. Англичанам удалось добиться именно этого, и катастрофа, которая постигла Великую Армаду, была в

значительной мере следствием тех роковых решений, которые они своими действиями навязали испанскому командованию, поэтому ничто не мешает расценивать ее как одну из побед английского флота.

Речь Елизаветы I перед войскам в Тилбери (1588 г.)

Речь, произнесенная Елизаветой I земскому ополчению, собранному в Тилбери (Эссекс), чтобы отразить ожидаемое вторжение Испанской Армады.

Мой возлюбленный народ!

Мы были убеждены теми, кто заботится о нашей безопасности, остеречься выступить перед вооруженной толпой, из-за страха предательства; но я заверяю вас, что я не хочу жить, не доверяя моему преданному и любимому народу. Пусть тираны боятся, я же всегда вела себя так, что, видит Бог, доверяла мои власть и безопасность верным сердцам и доброй воле моих подданных; и поэтому я сейчас среди вас, как вы видите, в это время, не для отдыха и развлечений, но полная решимости, в разгар сражения, жить и умереть среди вас; положить за моего Бога и мое королевство, и мой народ, мою честь и мою кровь, [обратившись] в прах. Я знаю, у меня есть тело, и [это тело] слабой и беспомощной женщины, но у меня сердце и желудок короля, и я полна презрения к тому, что Падуя или Испания, или другой монарх Европы может осмелиться вторгнуться в пределы моего королевства; и прежде, чем какое-либо бесчестие падет на меня, я сама возьму в руки оружие, я сама стану вашим генералом, судьей и тем, кто вознаграждает каждого из вас по вашим заслугам на поле [боя]. Я знаю, что за вашу расторопность вы уже заслужили награды и кроны; и Мы заверяем вас словом монарха, они будут обязательно выплачены вам. В несчастные времена мой лейтенант генерал¹ будет замещать меня, [ибо он] самый благородный или более опытный человек, чем никогда не командовавший [войсками] монарх; без сомнения вашим послушанием моему генералу, вашим согласием в лагере, и вашей ценностью на поле [боя], мы вскоре одержим славную победу над врагами моего Бога, моего королевства и моего народа.

¹ Роберт Дадли, граф Лестер; он был королевским фаворитом, одно время ходили слухи, что он был ее любовником.

Гибель «Непобедимой армады» (Сообщение из Англии о «Великой армаде», полученное 19 ноября 1588 г. в Аугсбурге из Гамбурга)

Непобедимая армада или Великая и славнейшая армада – крупный военный флот (около 130 кораблей), собранный Испанией в 1586-1588 гг. для вторжения в Англию во время англо-испанской войны (1587-1604 гг.). Поход Армады состоялся в мае-сентябре 1588 г. под командованием Алонсо Переса де Гусмана, герцога Медина-Сидония.

Непобедимая армада была потрепана англо-голландским флотом из лёгких и манёвренных кораблей, которым командовал Чарльз Ховард, в серии боёв, завершившихся Гравелинским сражением. В них отличились «пираты Елизаветы», самый известный из которых – Фрэнсис Дрейк. Сражения длились 2 недели. Армада не сумела перегруппироваться и ушла к северу, отказавшись от вторжения, причём английский флот следовал за ней на некотором отдалении, идя вдоль восточного побережья Англии.

Армада короля Испании отплыла от португальских берегов в составе 135 парусов, в том числе: 4 галер из Неаполя, 4 португальских галионов, 44 венецианских кораблей и т. п.

5 июля армада достигла Коруньи и оттуда должна была направиться во Фландрию на соединение с силами герцога Пармского (Александр Фарнезе, герцог Пармский, был в то время испанским наместником (штабсгальтером) в Нидерландах.), чтобы затем напасть на Англию. Английская армада стояла в то время в Плимуте.

Когда через 8 дней армада вышла из Коруньи, она направилась в Остенде, а затем к берегам Англии, где она от 4 до 5 дней сражалась с английской армадой. В этом сражении англичанам досталось два судна. На одном из них находился дон Педро ди Мендоза, который в качестве пленного был отправлен в Англию. Благодаря непогоде были потеряны 4 португальских галиона, оставшихся у французского берега.

Тогда корабли поплыли дальше и бросили якорь у Кале, так как они не могли больше пройти к Дюнкерку.

В Кале они хотели дождаться герцога Пармского. Последний дал, однако, знать, что он не сможет прибыть раньше чем через 8 дней. Адмирал ответил, что он желает плыть обратно в Испанию. Между тем англичане пустили навстречу армаде несколько горящих кораблей, что заставило испанцев обрубить якорные цепи и поспешить в открытое море. К тому времени каждый корабль оставил по два якоря на мели, а четыре крупнейшие галеры потерпели аварию и сломались под Кале.

На следующий день к 8 часам обе армады столкнулись снова и вели в течение 8 часов сильную перестрелку. В этой битве испанцы потеряли 4 корабля: две португальские галеры, один корабль из Бискайи и еще один. Все четыре пошли ко дну. Три больших венецианских корабля остались у берегов Фландрии под

большой угрозой затопления. Из них два корабля достались жителям Флиссингена, а третий затонул. На одном находился начальник гарнизона Севильи. Как передают пленные, испанцы потеряли в битве при Кале 4 тыс. человек, в том числе начальника кавалерии севильской и неаполитанской.

К этому моменту испанцы еще должны были иметь 120 кораблей, хотя некоторые лица насчитывали только 110.

Большого галиона, посланного герцогом Флорентийским, после этой битвы никто не видел. Вслед за этим корабли отступили, и англичане в течение пяти дней гнали их вплоть до берегов Шотландии. Там испанцы пересчитали своих солдат и убедились в том, что потеряли уже 8 тыс. человек. Они были частью убиты, частью же погибли вследствие болезней.

Оттуда, не пополняя запасов провизии, армада направилась к Ирландии. Там снова погибло два корабля: один назывался «Св. Себастьян», а другой «Св. Матвей», на обоих было 465 человек.

Так как на кораблях испытывался острый недостаток пресной воды, пришлось у берегов Ирландии выбросить за борт много лошадей и мулов. Когда корабли отплыли от Ирландии, главноначальствующий герцог де Медина Сидония приказал всем капитанам держать курс на Корунью или на другую ближайшую испанскую гавань.

В течение 10 дней все корабли плыли вместе. Потом, вследствие непогоды, герцог Сидония с двадцатью семью кораблями отстал, и было неизвестно, где он находится. Когда армада последний раз находилась вся вместе, в ней было не свыше 78 кораблей. Из больших галер не оставалось ни одной. Два корабля герцога Сидония сели на мель. Лишь 3-4 человека из его отряда спаслись. Они рассказывали, что адмирал имеет лишь 25 бочек вина, мало хлеба и совершенно не имеет воды. Его мачты ослабели и не позволяли натянуть все паруса. 10 сентября большой корабль «Мария-делла-Роза» был выброшен на берег Ирландии. На нем находился полковник Мигэль Оквендо – начальник одной из частей этого флота. Был на нем также и принц Асколи, побочный сын испанского короля, двадцативосьмилетний юноша. Кроме того, на нем было 10 знатных господ, 7 капитанов и 500 солдат. Все они погибли. Спасся лишь один человек, который доплыл, уцепившись за бревно. На этом корабле было 50 пушек и 25 других металлических орудий, а также 15 тыс. дукатов – серебряные реалы и золото.

В тот же день два больших корабля были прибиты к берегам Ирландии. На них было 850 человек, из коих 700 погибло, остальные взяты в плен.

Эти корабли разбились о берег. 12 сентября был выброшен на берег еще один большой корабль. 13 дворян, пливших на этом корабле, были пойманы, а 400 человек спаслись на суше. С другого корабля было снято 78 трупов. На следующем корабле были взяты в плен 3 дворянина, епископ и 79 солдат. Остальные погибли.

17 сентября погибло два больших корабля: «Св. Иоганн» и «Св. Мартин». Адмиралом был де Рикардо, и его корабль был едва ли не самым большим во всем флоте. На нем было 800 солдат, 60 португальских и 40 бискайских моряков. Все они уже в течение 4 дней ничего не ели.

Потом погиб еще галион, на котором находились маркиз и старый гарнизон Неаполя и Севильи. Там были также дон Алонзо де Лайба, Местре де Кампо – начальник миланской кавалерии. 18 сентября из Ирландии пришло известие, что волны выбрасывают на берег много мертвых тел.

1.7. ФРАНЦИЯ

Внешняя политика Людовика VI Толстого

(Сугерий, «Жизнеописание короля Людовика VI Толстого», 1, 16, 23, 26, 28)

Людовик VI Толстый – король Франции (1108-1137 гг.).

Сугерий или Сюже, также Сюжер (1081 – 13 января 1151 г.) – аббат из Сен-Дени, могущественный советник французских королей Людовика VI и Людовика VII, автор сочинения «Жизнеописание короля Людовика VI Толстого».

Глава 1.

О том, каким отважным он был в юности и с какой силой он отразил английского короля Вильгельма Рыжего, когда тот напал на наследственное королевство Людовика.

Славный и замечательный французский король Людовик, сын великолепного короля Филиппа, в первом цветении своей юности, будучи в 12 или 13 лет, был изящным и красивым, и подавал надежды, что при таком достойном развитии, как своего характера, так и своего прекрасного тела, он сможет быстро и с честью расширить свое будущее королевство, а также будет защищать церковь и бедняков. Этот высокородный

юноша, согласно с древним обычаем Карла Великого и прочих великих королей, подтвержденным имперскими хартиями, и сам, по своей природной склонности, привязался к святым мученикам и их слугам в Сен-Дени.

Дружбу с этой церковью, зародившуюся в детстве, он пронес через всю свою жизнь, выказывая большую щедрость и почтение, столь большое, что в конце своей жизни его упование на нее уступало только его чувству к Богу, и он вверил ей себя самого, свое тело и свою душу, с такой преданностью и щедростью, что если бы это было возможно, то он остался бы там монахом.

Во время его юности, растущее мужество и юношеский пыл развили его дух, и ему наскучили охота и мальчишеские игры, в которых прочие его сверстники находили удовольствие, забывая заниматься оружием. И когда его беспокоили нападения многих могущественных людей королевства и выдающегося и могущественного английского короля Вильгельма, сына еще более могущественного короля Вильгельма, завоевателя англов, то его стойкость только возрастала, когда имела возможность проявить себя, а его мужество смеялось над испытаниями, он отбрасывал леность и открывал ворота благоразумию, и вместо досуга занимался важными делами. Английский король Вильгельм был искусен в военном деле, алчным на добычу и страстно желающим славы. После того, как его старший брат Роберт был лишен наследства, ему посчастливилось наследовать своему отцу Вильгельму, а затем, после того как Роберт отправился в Иерусалим, он заполучил и герцогство Нормандию. Оттуда он столь сильно беспокоил нормандскую границу французского королевства, что все время вынуждал воевать упомянутого юного принца.

Пока они сражались, проявились и их схожесть и их различия. Они были похожи в том, что не хотели уступать друг другу. Они отличались тем, что один был зрелым мужем, а другой-юношей; один богатый, имеющий возможность расточать сокровища Англии, могущий набрать блестящих рекрутов и заплатить сполна своим воинам, а другой-нуждающийся в деньгах, экономный в расходовании казны своего наследственного королевства, могущий сплотить войско только своим тяжким и энергичным трудом, и все же, при этом-смело оказывающим сопротивление. Вы могли видеть стремительно пересекавшего границы молодого человека, то в Берри, то в Оверни, то в Бургундии, сопровождаемого горсткой людей, и в случае необходимости достаточно быстро возвращающегося к Вексену, чтобы противостоять со своими 3 или 5 сотнями людей королю Вильгельму с его тысячами. И поскольку превратности войны никогда не известны заранее, то иногда уступал он, а иногда заставлял бежать врага.

В этих столкновениях с обеих сторон было взято много пленных. Знаменитый юноша и его люди захватили, среди многих других, графа Симона, знатного барона Вильгельма де л'Эль, человека равно прославленного и в Англии и в Нормандии, Пагана Жизорского, благодаря стараниям которого был впервые укреплен замок Жизор. С другой стороны, король Англии пленил смелого и знатного графа Матье Бомонского, блестящего и прославленного барона Симона де Монфора и господина Пагана Монтейского. Но в то время как, благодаря скорому прибытию выкупов из Англии, большого беспокойства о наемниках не было, тяжесть слишком долгого плена изнуряла французов. Они никакими другими средствами не могли избежать цепей как только принести оммаж английскому королю, поступить к нему на службу и клятвенно пообещать нападать на своего короля и разорять его королевство.

Обычно говорили, что этот гордый и пылкий король домогался французского трона, поскольку знатный принц был у отца единственным сыном от его наизнатнейшей жены, сестры графа Фландрии Роберта. От своей второй жены, Бертрады, графини Анжуйской, король имел еще двух сыновей, Филиппа и Флора. Но они не рассматривались в качестве наследников, поэтому смерть единственного наследника могла бы стать бедой. Но, поскольку ни по праву, ни по естеству, французы не могут быть подданными англичан, а скорее англичане должны быть подданными французов, то все обернулось против этой отвратительной надежды. Эта безумная мысль владела королем Вильгельмом и его людьми в течении более чем трех лет, пока он, наконец, не пал духом, осознав, что не может взять верх ни с помощью англичан, ни с помощью тех французов, которые связали себя с ним принесением оммажа. От отплыл обратно в Англию, где дал волю своим похотям и страстям. Однажды, во время охоты в Новом лесу, он был нечаянно поражен случайной стрелой и умер.

Это было воспринято как божественное воздаяние, для которого были причины, так как он был невыносимым угнетателем бедных, жестоким грабителем церквей, после смерти епископов и прелатов, нечестиво присваивал их имущество. Некоторые обвиняли наизнатнейшего мужа Уолтера Тирелла в том, что это он выпустил стрелу. Но я часто слышал от этого Тирелла, не связанного ни надеждой, ни страхом, клявшегося и подтверждавшего клятву, что в этот день он не был в той части леса, где находился король, и вообще, в тот день не видел его в лесу. Поэтому, ясно, что когда столь великий безумец и столь великий человек внезапно обращается в пепел, то это может случиться только по божественной воле, которая и осуществилась над тем, кто был столь тяжким бременем для других, а испытал еще более тяжкую участь, и тот, кто домогался всего был и всего лишен. Бог, который «лишает перевязей царей» подчиняет себе и королевства и их законы.

С большой поспешностью, пока старший брат Роберт находился в великом походе в Святую землю, Вильгельму наследовал его младший брат. Генрих был наиболее разумнейшим человеком, чьи замечательные и достойные похвалы качества ума и тела дают писателю самый благодатный материал. Но не он является моей целью, и я только вкратце касаюсь его, также кратко как я буду касаться и предметов о королевстве Лотарингии, поскольку я намереваюсь описать деяния франков, а не англов...

Глава 16.

О встрече короля Людовика с королем англичан Генрихом в Нюфле.

В это время Генрих, король англичан, счастливо прибыл в Нормандию. Он был весьма храбрым человеком, превосходным на войне и в мирной жизни, и его высокая репутация была известна почти во всем мире. Чудесный, хотя и несколько грубоватый, пророк, провидец и возвеститель вечных судеб Англии, Мерлин, во всеуслышанье, с изяществом и правдивостью превозносил достоинства Генриха. Но свои похвалы он внезапно прервал, как это свойственно пророкам, словами: «Затем явится лев правосудия, и когда он зарычит, то задрожат галльские башни и островные драконы. В эти дни золото будут добывать из лилий и из крапивы, а серебро потечет из под копыт мычащих животных. Люди с постриженными волосами будут рядиться в разные одежды, и их внешний вид будет знаком их внутренней сущности. Ноги лающих будут обрублены, дикие звери обретут мир, а человечество-подвергнуто мукам. Ценность монеты изменится, и половина станет целым. Исчезнет хищность коршунов, и затупятся зубы волков. Детеныши льва превратятся в морских рыб, а орел совет свое гнездо на горе Аравии».

Все сказанное этим великим и древним пророком столь точно приложимо к храброму королю, и как к нему самому, так и к правительству его королевства, что ни одна йота или слово не кажется неуместным. То, что сказано в конце о детенышах льва, очевидно относится к его сыну и его дочери, которые потерпели кораблекрушение и стали добычей морских рыб, и их физическое превращение доказывает правдивость пророчества.

Так, король Генрих, благодаря счастливой судьбе, ставший наследником своего брата Вильгельма, по совету опытных и надежных людей, обустроил королевство Англию по законам ее древних королей, а также, для завоевания популярности, клятвенно подтвердил старые обычаи королевства. Затем он отплыл в герцогство Нормандию и, опираясь на помощь французского короля, привел страну в порядок, пересмотрел законы и силой водворил мир, угрожая вора вырыванием глаз или повешением. Эти и подобные угрозы, быстро приводимые в исполнение, произвели глубокое впечатление (ведь «на обещания может быть щедрым каждый»), и «при нем на земле воцарилась тишина». Нормандцы-это свирепые потомки данов, они лишены желанной жить в мире и неохотно его придерживаются. И это только подтверждает грубую правоту слов пророка: «Исчезнет хищность коршунов, и затупятся зубы волков». Ни знатные, ни простые люди не отваживались мародерствовать или воровать. Именно это имел в виду Мерлин сказав: «При рыке льва правосудия задрожат галльские башни и островные драконы». Именно так и случилось, поскольку Генрих приказал либо скрыть почти все башни и укрепленные места Нормандии (которая есть часть Галлии), либо разместил в них своих людей, которых он сам и оплачивал, или же, если они уже были разрушены, приводил к покорности своей воле. «Дрожащие островные драконы» – это английские бароны, которые не отваживались даже ворчать в продолжении всего его царствования.

«В эти дни золото будут извлекать из лилий» – это значит, что его стали извлекать у доброго духовенства; «и из крапивы» – то есть и у скупых мирян. И он извлекал его столько, что все должны были служить ему, а он мог оплатить эту службу. Поскольку лучше, когда один человек получает что-то от всех людей, но зато и защищает их всех, чем когда, все гибнут из-за того, что один человек не имеет ничего. «Серебро потечет из под копыт мычащих животных» – это значит, что раз он обеспечил безопасность для крестьян, то у них наполнились житницы, а полные житницы означают изобилие серебра и полную казну.

При случае, он вывел их замка Жизор Пагана Жизорского, причем скорее лестью, чем угрозами. Этот чрезвычайно хорошо укрепленный замок очень удачно расположен на границе Франции и Нормандии и стоит на богатой рыбой реке, называемой Эпта. По старому договору и в соответствии с измерениями, выполненными с помощью мерной веревки, он отделяет земли французов от земель данов. Замок предоставляет нормандцам удобный опорный пункт для их набегов на Францию, и в то же время, сдерживает французов. Если бы представился бы какой-либо шанс заполучить его, то король Франции, естественно, использовал бы его с не меньшей готовностью, чем король Англии, и из-за его такого удачного местоположения и из-за предоставляемого им укрытия. Поэтому, захват Генрихом этого замка вдруг разжег ненависть между двумя королями. Король Франции попросил Генриха либо отдать замок, либо снести его, но эти требования были отклонены. И тогда, обвинив его в нарушении договора, он назначил день и место для переговоров по этому вопросу.

Тем временем, как это часто бывает в подобных делах, злобные слова их приближенных, вместо того, чтобы погасить вражду, когда это было еще возможно, только разожгли ее еще больше. Для того, чтобы выглядеть на переговорах гордыми и грозными они увеличили свою военную мощь. Людовик собрал еще большее число французских баронов-графа Роберта Фландрского с примерно тысячью воинов, палатина графа Тибо, графа Неверского, герцога Бургундского и многих других, вместе с их архиепископами и епископами. Затем он прошел через земли графа Мелена (Melun), разграбил и сжег их из-за того, что этот граф поддерживал короля Англии. Таким образом, он подготавливал более благоприятную почву для переговоров.

Когда каждая из сторон собрала огромную армию, то обе они пришли в местечко под названием Ле-Планш-де-Нюфле, где расположен зловеющий замок, о котором, местные жители говорят, что проводившиеся там переговоры никогда, или почти никогда, не были успешными. Затем оба войска расположились на разных берегах реки, так, где ее нельзя было перейти. Но после некоторого раздумья, избранная группа самых знатных

и мудрых французов перешла ее по хрупкому мосту, столь старому, что казалось, они в любой момент могут оказаться в воде, и приблизилась к английскому королю.

Затем, один из них, назначенный благодаря своему красноречию для ведения переговоров (которые король не приветствовал), сказал от имени своих товарищей: «Когда, благодаря великодушию короля Франции, ты получил из его щедрых рук герцогство Нормандское в качестве фьефа, то среди прочих, а даже прежде прочих, условий ты дал клятву насчет Жизора и Брэя, в том, что если тебе удастся каким-либо образом приобрести эти два места, то ты не станешь их удерживать, но, в соответствии с договором, в течении сорока дней после приобретения сроешь их до основания. Поскольку ты этого не сделал, то король приказывает тебе сделать это немедленно или, если ты отказываешься, -то выдвини для этого веские основания. Королю постыдно нарушать закон, раз и король и закон имеют одну и ту же силу величества власти. Если же люди забывают свои обещания, или делают вид, что забыли о них, когда не хотят признавать это открыто, то мы готовы установить правдивость этих людей и для этого, согласно закону о поединках, выставить двух или трех баронов».

После этой речи они повернули к французскому королю, а за ними вслед отправилось несколько нормандцев, которые успели приблизиться к королю еще прежде возвращающихся французов. Бесстыдно, ничего не сделав для того, чтобы оправдать свою позицию, они стали требовать, чтобы этот вопрос рассматривался в судебном порядке. Их единственной целью было любым способом затянуть переговоры, чтобы о правде не узнали столь много великий мужей королевства. Поэтому, назад были посланы еще более знатные люди с первоначальным предложением, по которому они храбро брались испытать на чьей стороне находится правда, и в этих испытаниях бесподобный воин Роберт Иерусалимский, граф Фландрии, силой оружия был готов опровергнуть все словесные утверждения, показав на чьей стороне лежит закон.

Но нормандцы не приняли и не отвергли открыто эти предложения. Тогда король Людовик, могучий как духом, так и телом, послал быстрых гонцов к королю Генриху, требуя от него одно из двух-либо он разрушит замок, либо, раз он нарушил клятву, то должен будет встретиться в личном единоборстве с королем Франции. Он сказал: «Приди, и пусть горечь от этой схватки достанется тому, кому достанется слава правды и победы». А о месте поединка он предложил следующее: «Наш поединок должен состояться на месте, достаточно удаленном от берега реки, так чтобы через нее можно было свободно переправиться, чтобы обеспечить обеим сторонам возможно большие гарантии. Или, если он предпочтет это, то чтобы гарантировать честность поединка, пусть каждый предоставит самых знатных людей из своей армии в качестве заложников, а я, отведя свою армию назад, позволю совершить переправу». А некоторые шутили, крича, что король должен сражаться на постоянно ломающемся подвесном мосту, и король Людовик, имея храброе сердце, был согласен и на это.

Но английский король сказал: «Этот предмет слишком важен, чтобы я мог потерять столь благородный и наиболее полезный замок при подобных обстоятельствах». И отвечая на эти и подобные предложения, он сказал: «Если я увижу своего сеньора короля перед тем местом, где буду защищаться я сам, то я не стану избегать встречи с ним», будто бы он не хотел сражаться только из-за неблагоприятного места.

Разгневавшись на этот насмешливый ответ, французы взяли за оружие – «словно этому месту суждено вызывать войны», – и то же сделали нормандцы. Каждая армия спешила переправиться через реку, и только невозможность осуществить переправу воспрепятствовала великой и ужасной резне. Затем они провели остаток дня в переговорах, и той же ночью нормандцы вернулись в Жизор, а наша армия-в Шомон. Но как только первые лучи восхода загасили звезды на небе, французы, помня оскорбления предыдущего дня, и притом, что с утра их пыл только возрос, вскочили на быстрых коней и, проявляя необыкновенную ярость и изумительную храбрость, вступили в бой около Жизора. Они отбросили уставших нормандцев к воротам, старались проявить свое большое превосходство, достигнутое в непрерывных войнах, тогда как те были расслаблены длительным миром.

Эти и подобные этому столкновения были прелюдией войны, которая продлилась почти два года, и которая нанесла больший урон королю Англии, так как ему она обошлась дороже, поскольку, для защиты страны, он поставил вдоль всех границ Нормандии, на всем протяжении герцогства, крупные гарнизоны. А король Франции полагался на старые укрепления, на естественные препятствия и на храбрость вассалов, которыми он мог свободно располагать-фландрцев, людей из Понтье, Вексена и прочих приграничных районов. Поэтому, он непрерывно нападал на Нормандию, грабил и жег ее. Когда Вильгельм, сын английского короля, принес оммаж королю Людовику, то тот, в знак своей особой милости, добавил этот замок к его фьефу, и при этом вернул ему свою прежнюю благосклонность.

Но прежде чем это случилось, эта странная война унесла много жизней и стала причиной многих жестокостей.

Глава 23.

О мире, заключенным с английским королем.

Великие мужи королевства и церкви взяли в свои руки дело заключения мира между королем Англии, королем Франции и графом Тибо. Те, кто подстрекал короля Англии и графа Тибо и, тем самым, стоили заговор против королевства, теперь могли по справедливости подсчитать свои беды- они были истощены войной и, при этом, ничего не приобретали от мира. Теперь они получили возможность поразмышлять над тем, что наделали и над тем, что досталось им по заслугам. Ланселен, граф Даммартен потерял, без надежды на возврат, право

сбора пошлин в Бовэ. Пагану де Монтэй не удалось дело с замком Ливри – целый месяц он горько оплакивал разрушение его укреплений, в дальнейшем он был полностью восстановлен в еще большей силе благодаря деньгам английского короля. Мило де Монлери ныл и вздыхал, после того как его чрезвычайно выгодный брак с сестрой графа был расторгнут по причине близкого родства. Брак доставил ему меньше славы и удовольствия, чем развод-позора и несчастья. Люди получили по заслугам за то, что совершили, в полном согласии с утверждением канонического автора: «Все усилия, предпринимаемые для нарушения мира в итоге дадут ничто»...

Глава 26.

О возобновлении войны с Генрихом Английским.

Беспричинное высокомерие-хуже чем гордость. Поскольку, если гордость не оскорбляет более высокого, то высокомерие невыносимо и для равного. Как сказал поэт: «Цезарь не мог снести, чтобы быть вторым, Помпей не мог быть равным первому». И поскольку «всякая власть нетерпима к разделению», то Людовик, король франков, который находил удовольствие в том, чтобы быть выше Генриха, не мог снести положения с Нормандией. Он всегда обращался с английским королем так как будто бы тот был его вассалом. Но благородство его королевства и его огромное богатство делали такое приниженное положение нестерпимым для короля Англии. Поэтому он положился на графа Тибо и на многих других врагов Людовика, чтобы возмутить и королевство и королевский дом и после этого вывести себя из-под его сюзеренитета.

Так взаимная злоба привела к возобновлению всех бедствий войн прошлых времен. Поскольку Нормандия граничит с Шартром, то король Англии и граф Тибо объединились для нападения на ближайшую к ним границу королевства и направили Стефана, графа Мортена, который приходился братом Тибо и племянником Генриху, с войском на Брие, чтобы, при отсутствии графа, помешать королю внезапно занять эту землю. Людовик не охранял границу ни от нормандцев, ни от шартрцев, ни от людей Брие. Окруженный врагами и, из-за большой протяженности своих владений, вынужденный обращать свое внимание то на одно, то – на другое, он, тем не менее, в часто проходивших боях показал всю силу королевского величества

Но, благодаря благородной предусмотрительности английских королей и нормандских герцогов, нормандская граница представляла собой исключительно хорошую линию обороны, состоящую из недавно построенных замков и непроходимых вброд рек. Людовик это хорошо знал, и когда он решил проникнуть в Нормандию, то он подошел к границе с горстью людей, намереваясь двигаться очень скрытно. С осторожностью, он послал вперед переодетых под простых странников лазутчиков, у которых кольчуги были спрятаны под одеждой, а мечи висели по бокам. Они отправились по общей дороге к старому городу под названием Гасни, который мог бы предоставить французам свободный и легкий доступ внутрь Нормандии. Там легко пройти через протекающую вокруг него реку Эпту, но на большом расстоянии, как вверх и вниз по течению, переправа уже невозможна. Внезапно лазутчики откинули свои одежды и выхватили мечи. Увидев это, жители города бросились к оружию и дрались с неистовством, но лазутчики выстояли и с величайшей храбростью отбросили их. Затем, когда они стали уставать, с горной стороны, подвергая себя опасности, на них обрушился король, оказав своим людям весьма своевременную помощь, и занял, не без потерь для себя, центральную площадь города и церковь вместе с ее укрепленной башней.

Когда он узнал, что английский король находится поблизости с большой армией, то Людовик, как он и привык, кликнул своих баронов и призвал следовать за собой. К нему поспешили молодой и изящный Балдуин, граф Фландрии, истинный рыцарь Фульк, граф Анжу и многие другие знатные люди королевства. Они сломали линию обороны Нормандии, а затем, пока одни укрепляли город, другие предавали грабежу и огню землю, разбогатевшую в течении долгого мира, опустошали и приводили в смятение все вокруг-дело почти невероятное, поскольку там же находился и английский король.

Тем временем, Генрих весьма поспешно занялся новым строительством. Он воодушевил рабочих и воздвиг замок на холме, ближайшем к тому, на котором французский король, перед своим уходом, оставил гарнизон. Генрих планировал, что из своего нового замка, с помощью большого войска рыцарей, и используя арбалетчиков и лучников, он отрежет доставку продовольствия неприятелю, заставит его испытывать нужду и тем отгородит его от своей земли. Но король Франции ответил по пословице «зуб за зуб» и, как в игре в кости, нанес ответный удар. Он собрал войско, внезапно вернулся и яростно атаковал новый замок, который его люди называли Маласис. С большим трудом и после многих нанесенных и полученных тяжелых ударов, которыми обменивались словно на своеобразном рынке, где они (удары) были чем-то вроде платы, он заставил замок сдаться, разломал на куски и полностью разрушил. И к славе королевства и к позору его врагов, он доблестно положил конец всем проискам против себя.

Но колесо фортуны никогда никого не щадит. Как говорится: «Если фортуна хочет, то ты из риториков станешь консулом, если она захочет-то из консулов станешь ритором». Английский король, владея долгое и великолепное время самым приятным унаследованным достоянием, стал удаляться от наивысшего положения колеса фортуны и его мучила непрерывная цепь неприятностей. С одной стороны- король Франции, из Понтье (Ponthieu), что на фландрской границе-граф Фландрии, а из Мэна- граф Фульк Анжуйский-все они использовали всю свою мощь, чтобы доставить ему как можно больше хлопот и нападали на него всеми силами. И он испытывал все бесчинства войны не только из-за внешних границ, но и от своих собственных людей- от Гуго де Журнэй, от графа О и от графа Омальского, и еще от многих других.

Как коронованный злодей, он страдал от внутренней злобы. Страхась тайных заговоров среди своих камергеров и слуг, он часто менял кровать и увеличил число вооруженных телохранителей, которые, из-за его ночных страхов, дежурили около него. Он приказал, чтобы его щит и меч всегда бы лежали около него во время сна. Жил некий близкий друг короля по имени «Н.», который обогатился благодаря королевским милостям и был хорошо известен благодаря своему влиянию, но стал известен еще лучше благодаря своему предательству. Когда его заговор был раскрыт, то он был осужден на потерю своих глаз и гениталий-милостивое наказание, поскольку он заслуживал и повешения. Из-за этого и других заговоров король не мог наслаждаться чувством безопасности и примечательно, что будучи великодушным и храбрым, он стал осторожным в мелочах. Даже в своем доме он носил меч и запрещал своим самым верным слугам покидать свои дома без мечей, в этом случае, словно в игре на фанты, на них налагался штраф.

В это время человек по имени Энгерран де Шомон, по натуре сильный и благоразумный, смело пошел в наступление с маленьким отрядом и захватил замок Анделис, предварительно скрытно разместив на стенах среди воинов гарнизона своих собственных. Заручившись поддержкой короля, он с великой храбростью укрепил его и полностью подчинил себе все земли вплоть до реки Андель, и от реки Андель и реки Эпты до Пон-Сен-Пьер. Получил поддержку многих рыцарей выше его рангом он встретил короля Генриха на открытой местности, и, поскольку тот отступил, без всякого почтения преследовал его. И в упомянутых пределах, он распоряжался землей короля, как своей собственной. Что же до Мэна, то когда, после долгих проволочек, король Генрих решил объединиться с графом Тибо и освободить людей, осажденных в замке Алансон, то он получил отпор от графа Фулька. В этот бесславном деле он потерял много людей, замок и цитадель.

Сильно раздосадованный по поводу этой и других непрекращающихся долгое время неприятностей, он уже дошел по полного корыта несчастий, когда божественное провидение, бывшее до сих пор жестоким гончим псом, насланным на него в наказание (поскольку, хотя он и был щедрым жертвователем церкви и раздавал богатую милостыню, но при этом отличался распушенностью), проявило жалость, решило пощадить его и вызволить из глубокого уныния. Неожиданно, из несчастий и неудач колесо фортуны опять подняло его наверх, когда, скорее благодаря божественной помощи, чем из-за его собственных действий, те, кто досаждал ему и казались стоящими выше его, оказались брошенными на самое дно или же вообще перестали существовать. Так, Бог обычно милостиво простирает свою сострадающую десницу над теми, кто уже близок к отчаянию и отчаялся в помощи людей.

Граф Балдуин Фландрский, чьи частые бешенные набеги на Нормандию так сильно досаждали королю, во время бесшабашной и бурной атаки на замок О и прилегающий участок побережья, получил неожиданный, хотя и достаточно легкий удар копьём в лицо. Он с презрением отнесся к столь легкой ране, но именно она и вызвала смерть. Смерть Балдуина позволила охранить английского короля и всех его союзников.

Энгеррана де Шамона, самого смелого из людей и неутомимого обидчика Генриха, охватил весьма опасный гнев, из-за чего он не преминул опустошить некоторые земли в архиепископстве Реймском, принадлежащие Деве Марии. После заслуженных им долгих мучений и сильной немощи в теле, он слишком поздно узнал, как следует относиться к царице небесной, и умер. Граф Фульк Анжуйский, хотя и был связан с Людовиком узами оммажа, клятвами и многими заложниками, но все же прежде верности ставил стяжательство. Без совета с королем он, предательским образом, что говорило о его бессовестности, позволил своей дочери выйти замуж за сына короля Генриха, Вильгельма, и благодаря этим дружеским узам, он вступил с ним в союз и отрекся от всего того, что раньше обещал под клятвой.

Однажды, король Людовик уже заставил Нормандию молчать с своим присутствии. Он безжалостно грабил ее и малыми силами, и большими. Ими он дразнил английского короля и его людей так долго, что стал презирать их как людей из сделанных соломы. Затем, однажды король Генрих вдруг обнаружил, что французский король стал смел до опрометчивости, собрал большую армию и в боевом порядке скрытно приблизился к нему. Чтобы ошеломить Людовика, он зажег огни и спешил своих вооруженных рыцарей, поскольку они умели более храбро сражаться в качестве пехотинцев, и постарался насколько можно тщательно применить для войны все свое здравомыслие.

Людовик и его люди не удостоили себя приготовлениями к битве. Они просто бросились на врага с большой храбростью, но с малым умом. Люди Вексена, под командованием Бушара де Монморанси и Гуи де Клермона, были в авангарде и они очень сильно разбили наголову первую линию нормандцев, заставив их бежать с поля битвы, и храбро отбили первую линию всадников, развернув их против пехотинцев. Но французы которые намеревались следовать за ними, оказались в замешательстве, и наступая против очень хорошо устроенных и управляемых линий, они, как часто случается в подобных обстоятельствах, не могли, в полной мере, использовать свое оружие и отступили. Видя неудачи своих войск, изумившийся этому король, вел себя как обычно при неудачах- используя всю свою твердость, чтобы защитить себя и своих людей и, по возможности, с честью, он отступил в Анделис, хотя и понес при этом большие потери в своей рассеянной армии. Эта неудача, вызванная его же собственной опрометчивостью, на некоторое время его подкосила. Но затем, чтобы не дать своим врагам возможности оскорбительно утверждать, что он больше не желает идти в Нормандию, и проявляя в несчастье еще больше смелости, чем обычно и, что характерно для людей, подобных ему, еще больше стойкости, он вновь созвал свою армию, призвал отсутствовавших, пригласил баронов со всего королевства и сообщил королю Генриху, что в определенный день он вторгнется в его землю и сразится с

ним в славной битве. Он так спешил выполнить свое обещание, будто дал его под клятвой. Поэтому, во главе дивной армии, он бросился в Нормандию, разграбил ее, взял штурмом, после жаркого боя, хорошо укрепленный замок Иври, который сжег дотла, а затем двинулся в Бретой. Хотя он еще некоторое время оставался в этой стране, он не видел английского короля и не встретил никого, кому бы мог отомстить за перенесенное унижение. Поэтому, он обратился в сторону Шартра, чтобы разбить графа Тибо, и начал ожесточенный штурм города, намереваясь сжечь его дотла. Но ему воспрепятствовала в этом депутация духовенства и горожан, которые несли перед собой лик преподобной Девы и которые молили его со всей преданностью, как главного защитника их церкви, пощадить их ради ее любви и не мстить своему собственному народу за то зло, которое было причинено другими. Перед их мольбами король преклонил свое королевское величие и, чтобы предотвратить сожжение и разрушение города и благородной церкви Богоматери, он приказал Карлу, графу Фландрии, отозвать свое войско и побережь город ради любви и страха перед церковью. Когда они вернулись на свою землю, то еще долго и непрерывно продолжали отплачивать жестокой мстостью за свое временное поражение...

Глава 28.

О том, с какой доблестью он отразил попытку Генриха вторгнуться в королевство.

Вернемся к моей цели-прославлению в моей истории короля Людовика. Император Генрих долго таил свое недовольство королем Людовиком, вызванное тем, что именно в нашем королевстве, на соборе в Реймсе, папа Каликст отлучил его от церкви. Поэтому, еще до смерти папы Каликста, он собрал войска какие только смог-из лотарингцев, германцев, бавар, швабов и даже саксонцев, хотя эти последние и были с ним в открытой вражде, и он хотел бы послать их в другое место. По совету короля Генриха Английского, чья дочь была его королевой, и который недоброжелательствовал Людовику, он спланировал устроить неожиданный набег на Реймс и постараться разрушить его за то, что папа сделал с ним на соборе проходившем именно в этом городе.

Когда, от близких друзей, об этом плане стало известно королю Людовику, то он храбро и смело созвал такое ополчение, какое и сам не ожидал собрать, затем пригласил своих нобилей с себе и рассказал им о состоянии дел. С тех пор как он уверился, и потому что ему об этом говорили, и на собственном опыте, что Святой Дионисий был для него особым покровителем и, после Господа, главным защитником королевства, он поспешил в его церковь, с молитвами и дарами, умоляя его от всей глубины своего сердца, чтобы он защитил королевство, охранил его собственную особу и, как и раньше, отразил бы врага. Затем, поскольку франки имеют привилегию-когда в их королевство кто-либо вторгается извне, то они имеют право, ради своей защиты, возложить на алтарь мощи святых заступников и мощи их сотоварищей. И это было торжественно и благоговейно сделано в присутствии короля. Затем король взял из алтаря знамя, принадлежавшее графству Вексен, которое он держал в качестве лена церкви, и в соответствии со своей вассальной присягой, получил его, будто бы от своего сеньора. В сопровождении нескольких телохранителей он полетел на врага, призывая всю Францию, со всей силой, следовать за ним. Небывалая дерзость врага вызвала негодование и пробудила у франков их природную храбрость. Там, где он проходил, он везде созывал рыцарское ополчение и полагался как в отношении людей, так и целых отрядов на их прежнюю храбрость и память об их прошлых победах.

Идя со всех сторон, мы соединились в одну армию в Реймсе. Войско рыцарей и пехотинцев было так велико, что казалось оно, подобно саранче, покрывало собой всю землю. Оно заняло собой не только берега реки, но также горы и равнины. Всю неделю Людовик ждал немецкого нашествия, а затем, после обсуждения создавшегося положения с нобиллями, было предложено: «Давайте смело двинемся им на перехват, чтобы они, после своего надменного и самонадеянного деяния против нашей возлюбленной земли, не вернулись бы из Франции безнаказанными. Их своенравство должно кончиться бегством не только с нашей земли, но и с их собственной, той которая принадлежит франкам. Так мы открыто вернем им то зло, которое они тайно замыслили против нас».

Но другие, со степенностью, порожденной опытом, убеждали продолжать ждать врага и дальше. Когда они пересекут границу, то их можно будет перехватить на марше, наголову разбить, опрокинуть, одержать победу и убивать их безжалостно как сарацин, бросить их варварские тела без погребения на вечное поругание, на съедение волкам и воронам. И такая бойня и жестокость будут законными ради защиты страны.

Во дворце лучшие люди королевства, в присутствии короля, определили боевые порядки и решили какие отряды необходимо отрядить для взаимной поддержки. Один корпус из более чем шести тысяч рыцарей и пехотинцев они составили из людей Реймса и Шалона, Второй, такой же численности, составили люди Лаона и Суассона. Третий-люди из Орлеана, Этампа и Парижа, в его составе был и посвященный королю большой отряд из Сен-Дени. Надеясь на помощь своего покровителя, король присоединился именно к нему, пояснив: «Я буду сражаться в этом отряде и храбро и будучи в безопасности, поскольку помимо помощи наших святых сеньоров, там находятся мои земляки, среди которых я вырос и которых хорошо знаю. Как долго я живу, так долго они всегда помогали мне, и если я умру, то они сохранят мое тело и доставят его домой».

Граф палатин Тибо, хотя и был связан договором против Людовика со своим дядей, английским королем, но вместе со своим благородным дядей Гуго, графом Труа, откликнулся на зов Франции и составил четвертый корпус. А авангард составил пятый корпус, состоявший из герцога Бургундского и графа Неверского. Рауль, благородный граф Вермандуа, королевский кузен, выдающийся как по рождению, так и по своей рыцарственности, был послан держать правое крыло вместе с одетым в шлемы и кольчуги большим отрядом из

Сен-Квентена и всех его окрестностей. Король одобрил решение, чтобы люди Понтье, Амьена и Бовэ держали левое крыло. Наиблагороднейший граф Фландрии, вместе с десятью тысячами человек нетерпеливо рвущихся в бой-он утроил свою армию по сравнению с обычным временем-был направлен в арьергард. Все эти бароны пришли с земель, граничащих с королевскими. Но Вильгельм, герцог Аквитании, благородный граф Бретани воинственный граф Фульк Анжуйский также состязались с ними в стремлении дать твердый отпор тому оскорблению, которому подверглась Франция, хотя дальность их пути и недостаток времени помешали им собрать большие отряды. Было также решено, что где-бы войско не оказалось вовлеченным в битву, необходимо будет обеспечить сохранность обоза, фургоны и телеги с водой и вином для уставших и раненных следует ставить в круг, образуя подобие крепости, чтобы те, чьи раны вынудят их покинуть сражение, смогли бы восстановить свои силы напившись и сделав перевязку, с тем чтобы смочь вернуться в бой с восстановленными силами.

Император услышал вести о приготовлениях к этому великому и ужасающему походу и о такой большой армии из сильных мужей. Воспользовавшись ложной атакой для того, чтобы скрыть свои истинные намерения, он тайком бежал и улизнул в другом направлении, предпочитая покрыть себя позором отступления, нежели подвергнуть свою империю и себя самого, уже находящегося на пороге гибели, жесточайшей мести французов. Когда французы узнали об этом, то только мольбы архиепископов и духовенства, с большим трудом, отвратили опустошение его королевства и разорения его несчастных обитателей.

Одержав такую великую и славную победу, еще более великую, чем если бы она была одержана на поле брани, французы расходились по домам. Радостный и величественный король наисмиреннейше пришел к своим покровителям, святым мученикам, и после благодарения Господа, воздал благодарность и им. Он вернул им освященную корону своего отца, которую до этого незаконно хранил, поскольку, по праву, все короны умерших королей принадлежат им. С великой охотой он убрал внешнюю ярмарку, проходившую на площади, еще одна – внутри бурга, – уже принадлежала святым, и торжественно пожаловал им, подтвердив это королевским указом, все пространство викариата внутри границ, обозначенных скрещенными мраморными колоннами, поставленными, подобно Геркулесовым столбам, для отражения врагов. В течении всего времени, когда войско находилось на войне, священные и почтенные серебряные шкатулки с реликвиями святых оставались лежать на главном алтаре. День и ночь в их честь братья вели непрерывные службы, и толпы народа и благочестивых женщин приходили сюда молиться о помощи армии. Король лично нес на своих плечах своих господ и покровителей и будучи весь в слезах благоговения, перенес их на их обычное место. Затем он наградил их за службу, которую они несли в этом и в других случаях, пожаловав им земли и прочие блага.

А германский император в этом деле был унижен и день ото дня терял силы, и он умер еще до конца года, подтвердив тем самым справедливость древнего наблюдения: если кто-бы то ни было, знатный человек или простой, нарушит мир королевства или мир церкви, и против его притязаний на алтарь будут положены реликвии, то этот человек не проживет и года, но умрет либо сразу, либо еще до истечения текущего года.

Английский король был сообщником немецкого, ведя войну против Людовика и графа Тибо, и он задумал занять, в отсутствие короля, некоторые пограничные земли. Но он был отражен одним единственным бароном-Амори де Монфором, человеком с ненасытной жадной войны, и при поддержке войска из Вексена. Так, добившись лишь малого или же вообще ничего, Генрих отступил, и его надежды оказались тщетными.

Ни в настоящее время, ни в древности Франция не совершала более выдающегося подвига, более славного показа своего могущества, чем тогда когда, соединив вместе все силы своих сынов, она в одно и то же время одержала триумфальную победу и над германским императором и, в отсутствии Людовика, над английским королем. После этого погасла гордость его врагов, и «земля была тиха под его присмотром», и те из его противников, которым он мог милостиво позволить вернуться к их домам, отдали ему свои руки в знак дружбы. «Кто отказывался от справедливых требований, в итоге уступил тому, у кого оружие наготове».

Совещание по вопросам торговли с участием Людовика XI (1482 г.)

Людовик XI – король Франции в 1461-1483 гг.

В декабре 1481 года некоторые добрые города королевства получили от короля грамоты, в которых он предписывал им выбрать двух опытных и сведущих купцов от каждого города, которые должны явиться в конце января будущего года к королю или управляющему двором Мишле Галару, чтобы выслушать и обсудить все то, что скажет и объявит им управляющий, когда нижеуказанные представители городов соберутся в Туре.

Прежде всего:

От Парижа...

От Тулузы...

От Лиона – Жан Баронне и Антуан Виллар.

От Монпелье – Жир О' Бюиссон и Этьен Сезий.

От Буржа – Жан Аруссар и Пти-Жан де Монпелье.

От Труа – Жан де Маризи и Жан Геннекан Младший.

От Орлеана – Пьер Компен и Жан Райяр.

От Тура – Жан Бриссоне и мэр Луи де Ламезьер.

От Анжера – Гильом Леруа и Жан Лефевр.

От Пуатье – Гильом Массе и Пьер Ру.

От Лиможа – Жан Дуэ и Жан Петро.

Управляющий двором подробно изложил этим лицам намерение и волю государя короля, а именно, чтобы купцы его королевства, а также вышеуказанных городов составили компанию с капиталом в сто тысяч ливров и более для морской торговли с Левантом и другими странами, а также, чтобы было построено много галер, грузовых судов и других кораблей, дабы иностранцы больше не имели касательства к торговле в королевстве. После нескольких выступлений управляющего двором купцы означенных городов посовещались между собой, а затем ответили, что готовы во всем повиноваться доброй воле и желанию короля, но на это не могут дать согласие, так как пославшие их города не уполномочили их на это, а велели им лишь явиться сюда, выслушать то, что скажет им король и его управляющий и доложить об этом своим горожанам.

Тем не менее они основательно обсудили все вместе вопрос о том, как эти города могут составить компанию. Это показалось им очень трудным делом по многим соображениям: во-первых, потому, что некоторые из этих городов бедны, не привыкли к мореплаванию и никогда им не занимались, во-вторых, потому, что в это время года очень трудно собрать большую сумму денег, так как все представители говорили в один голос, что в их краях наблюдается большая нужда в зерне и муке, так что почти невозможно будет накормить несчастный народ, если не будет на то милость божия.

Далее, эти купцы думают, что означенные города вряд ли согласятся войти в компанию, так как некоторые из них расположены далеко от моря и, как сказано, никогда не занимались мореплаванием, так что совершенно не знакомы с этим делом.

Они говорят также, что, по их мнению, в настоящее время нет большой надобности в том, чтобы строить новые галеры помимо тех, которые имеются налицо, ибо у вас, господин управляющий, имеются три исправных [корабля], и Жан Моро сделает еще две или три хороших каравеллы из тех, которые остались от покойного короля Сицилийского.

Они считают также, что едва ли найдутся товары для того, чтобы нагрузить суда и корабли, которые уже готовы или строятся теперь.

Далее означенные купцы думают, что если королю угодно написать народам Генуи, Флоренции, Неаполя, Сицилии, Венеции, Каталонии и другим христианским народам о том, что они не должны требовать или взимать за право ввоза или вывоза товаров французскими купцами большую сумму, чем та, которую платят или будут платить они сами, когда приедут во Французское королевство, в земли и владения государя, что является обычным домениальным правом короля, и в том случае, если иностранцы не захотят оставить в мире и спокойствии французских купцов, да будет угодно королю приказывать требовать и взимать со всех иностранных купцов, которые согласятся на это, такие же налоги, надбавки, ввозные и вывозные пошлины, какими будут обложены в этих странах французские товары.

Означенные купцы считают также, что лучшим средством [поощрения торговли] будет, если королю угодно будет даровать своим подданным право свободной торговли и мореплавания в морях Леванта и других, а также в областях Лангедока и Прованса, и что в таком случае найдется значительное число купцов, которые поместят туда большую часть своего [капитала] с большей охотой и щедростью, чем если бы торговля велась в компании; тем не менее означенные купцы и [пославшие их] города ни в чем не хотят противоречить воле и желанию короля и всегда готовы в этом и во всех других вопросах сделать и поступить так, как он им велит и прикажет.

Договоры короля Франции Карла VIII, заключенные им во время Первой Итальянской войны

Карл VIII (по прозвищу «Любезный») – король Франции в 1483-1498 гг.

В 1495 г., во время так называемых Итальянских войн, участие в которых приняла также Франция, Карл VIII заключил договоры с Папой римским Александром VI и герцогом Милана Людовиком Моро, которые, однако, не исключали наличие между ними разногласий.

Само участие Франции в Первой Итальянской войне 1494-1496 гг. оказалось не очень удачным.

В августе 1494 г. Карл VIII перешел Альпы с многочисленной армией и дошел до Неаполя, в целом не встречая сопротивления. Неаполе он короновался, принял титул короля Неаполитанского, Иерусалимского и императора Востока и затем в течение двух месяцев праздновал свою победу. В это время возникла новая коалиция против Франции: Венеция, Папа римский Александр VI, а также герцог Милана Лодовико Сфорца, которые должны были задержать французов в долине По, а Максимилиан Австрийский, Генрих Английский и Фердинанд Католик – начать нападение на Францию. Карл Армия союзников была разбита в сражении при Форново 6 июля 1495 г., после чего Карл VIII вернулся во Францию. Вскоре Король Фердинанд при помощи испанцев снова овладел Неаполем, а герцог Монпансье, оставленный в Неаполе, умер от чумы, после чего д'Обиньи привел во Францию остатки французских гарнизонов.

Договор короля Франции Карла VIII с Папой римским Александром VI (1495 г.)

1. Папа заключает примирение с кардиналами и некоторым из них, как присутствовавшим, так и отсутствовавшим, обязуется платить за кардинальскую шапку.
2. Папа обещает предоставить королю четыре города, а именно: Террачину, Чивиттавеккью, Витербо и Сполето. Они должны быть возвращены Папе, как только король покинет Неаполь.
3. Королю передается брат Турка, Джем, временно, до окончания войны, причем деньги за него продолжает получать Папа.
4. Папа обещает не назначать ни на одно церковное место своих людей без согласия короля.
5. Папа отдает в качестве заложника своего сына, кардинала Валенсии, назначив его легатом при короле.
6. Король со всем смирением, на которое только способны короли, выражает Папе свое сыновье почтение.
7. Папа возводит в сан кардинала двоих людей короля: епископа Сен-Мало и епископа Ле-Мана.

Договор короля Франции Карла VIII с герцогом Милана Лодовико Моро (1495 г.)

1. Герцог Миланский обязуется служить королю Франции против кого угодно и обязался сразу же снарядить в Генуе за свой счет два нефа, чтобы направить их на помощь неаполитанскому замку, а через год поставить еще три нефа;
2. Если же король совершит новый поход в Неаполь, то герцог Миланский должен лично помогать ему в отвоевании королевства и пропустить через свои земли людей короля;
3. Если через два месяца венецианцы не примут этого мира и пожелают поддерживать Арагонский дом, то герцог должен будет служить королю и против них лично и со своими подданными, за что ему перейдут все захваченные у венецианцев земли;
4. Герцог Миланский прощает королю Франции его долг в 80 тысяч дукатов из 180 тысяч, которые он ссудил королю во время похода, и обязуется выдать двух генуэзцев в залог выполнения договора;
5. Генуэзский замок передается на два года в руки герцога Феррарского, как нейтрального лица, и герцог выплачивает одну половину охраны замка, а король другую;
6. В случае, если герцог Миланский предпримет что-либо против короля с помощью Генуи, герцог Феррарский может передать замок королю;
7. Герцог Миланский должен также выдать двух заложников из миланцев.

Союз между Францией и Турцией (Письмо турецкого султана Сулеймана I Великолепного французскому королю Франциску I, 1526 г.)

После битвы при Павии (1525 г.) Франциск I, король Франции, попав в плен к Карлу V, королю Испании, в 1519 г. принявшему титул императора «Священной Римской империи», был вынужден искать союза Франции с Турцией в целях совместных военных действий против Карла V. Вслед за первым посольством, не достигшим цели, к султану был отправлен тайный агент, Жан Франджипани, которому удалось достигнуть Константинополя. Султан благосклонно отнесся к просьбе пленного короля Франциска I и ответил ему соответствующим письмом.

Результатом явилось создание франко-турецкого союз, который был заключен Франциском I и Сулейманом Великолепным в 1528 г. на почве взаимного интереса в ослаблении державы Карла V Габсбурга. Этот «святоотечественный альянс Лилии с Полумесяцем» вызвал скандал в христианской Европе, где еще витали идеи совместных «крестовых походов» против «неверных» турок, и потому редко афишировался.

Он [бог] высок, богат, великодушен и щедр.

Милостью того, чье могущество прославлено и чье слово произнесено, священными чудесами Мухаммеда (да спасет и да благословит его бог), этого солнца на небе пророчества, этой звезды в созвездии апостолов, этого вождя пророков и предводителя отряда избранных, содействием его четырех святых друзей Абубекра. Омара, Османа, Али (да будет над ними всеми милость превысокого бога), а также всех угодников божьих, – я сам, султан султанов, государь государей, раздающий короны шонархам всего земного шара, я, тень бога на земле, султан и падишах Белого и Черного морей, Румелии, Анатолии, Карамании, Румской земли, Зулькад-рии и Диарбекра, Курдистана, Азербайджана, Персии, Дамаска, Алеппо, Каира, Мекки и Медины, Иерусалима, всей земли Аравии, Йемена и многих других земель, завоеванных оружием моих благородных и знаменитых предков (да освятит господь их могилы), а равно приобретенных огненным мечом и победною

саблей моею августейшего величества, я есть султан Сулейман-хан, сын султана Селим-хана, сына султана Баязид-хана.

Ты, Франциск, король Французской земли, через вашего верного слугу Франкипана [Франджипани] вы обратились с письмом в мою Порту¹, убежище государей; вы передали также через него некоторые словесные поручения; вы довели до нашего сведения, что неприятель овладел вашей страной и что вы сами находитесь в настоящее время в плену, и вы обратились сюда за помощью и средствами для вашего освобождения. Все эти сообщения были повергнуты к подножию моего трона, этого прибежища для всего мира; моя императорская ученость овладела ими во всех подробностях, и я получил о них самые полные сведения.

Нет ничего удивительного в том, что императоры терпят поражения и попадают в плен. Итак, мужайтесь и не падайте духом. Наши славные предки и наши знаменитые предшественники (да освятит господь их могилы) никогда не прекращали войн для того, чтобы отразить врага и покорить новые земли. И мы также следовали их примеру. Мы непрестанно завоевывали провинции и сильные неприступные крепости. Днем и ночью наш конь стоит оседлан, и мы опоясаны саблей.

Да поможет всевышний доброму делу. Куда бы ни склонялась по воля, да будет она исполнена. Но, впрочем, расспросивши нашего агента, вы узнаете от него все нужное. Итак, да будет это известно вам. Написано в начале луны ребиул-ахира² 932 г. [1526 г.] в резиденции столицы империи, в вернохранимом Константинополе.

¹ Название правительства Турции. Это слово вошло в употребление в XVI в. и обозначает французский перевод турецкого слова «капу» – дверь. У турок этим словом называли придворное учреждение визирей, или министров, заседающих у входа, у дверей помещения с тронном султана.

² Четвертый месяц мусульманского календаря.

1.8. ГЕРМАНИЯ

Генрих I Птицелов и его политика

Генрих I Птицелов (ок. 876 г. – 2 июля 936 г.) – герцог Саксонии с 912 г., с 919 г. – первый король Германии из Саксонской династии (Людольфингов).

(Видукинд Корвейский, «Деяния саксов», I, 17-41)

КНИГА I

...17. У него [Оттона] родился сын, весьма необходимый всему миру, Генрих¹, который первым полновластно правил в Саксонии. Уже в раннем возрасте он украсил свою жизнь добродетелями всякого рода, изо дня в день преуспевал его выдающийся ум и [ширилась] слава о всех его добрых поступках, ибо с юных лет он направлял величайшие усилия на прославление своего рода и на утверждение мира во всей стране, [подчиненной] его власти. Отец же, видя благоразумие юноши и великую его предусмотрительность, оставил ему войско и [поручил] поход против доленчан, с которыми долго воевал сам. Доленчане не в состоянии были выдержать натиска [Генриха] и призвали против него авар, которых мы называем венграми, – народ очень жестокий 163 в войне.

18. Авары, как полагают некоторые, являются остатком гуннов. Гунны вышли из готов, а готы, как повествует Иордан, вышли с острова по названию Сульце. Они называются готами по имени собственного своего вождя Гота. Однажды в его присутствии некие женщины в его войске были обвинены в колдовстве, [дело их] было расследовано, и их признали виновными. Так как их было чрезвычайно много, он воздержался от [применения] заслуженного ими наказания, однако изгнал их всех из войска. Изгнанные устремились в ближайший лес; так как [последний] граничил с озером и был окружен Меотийскими болотами, то выйти оттуда не представлялось возможным. Некоторые из этих женщин, будучи беременными, рожали здесь же. От них рождались все новые и новые, и так образовался сильный народ; жили они по обычаю диких зверей, грубые и необузданные, и так стали свирепыми охотниками. Спустя много веков, еще в те времена, когда жившие там совершенно не знали о другой части мира, случилось так, что однажды на охоте они набрали на оленя, стали его преследовать, пока, идя за ним, не перешли через Меотийские болота [и не прошли таким образом] путь, который до этого считался всеми людьми непроходимым; когда они увидели там города, селения и неведомый до этого человеческий род, они вернулись той же дорогой и сообщили обо всем этом своим друзьям. И те из любопытства отправились всей толпой, чтобы проверить то, о чем услышали. Однако [жители] соседних городов и селений, увидев толпу неизвестных людей, страшных по своему виду и одежде, подумали, что это

злые духи, и обратились в бегство. Те, остолбеневшие при виде нового и удивленные, вначале воздержались от убийства и грабежа, но, поскольку никто не оказывал сопротивления, то, движимые чувством человеческой жадности, устроили великое побоище и не пощадили никого; захватив большую добычу, они вернулись в свои поселения. Но, увидев, что дела у них идут плохо, они снова вернулись со своими женами, детьми и всей группой утварью и, сея опустошение среди соседних племен, стали заселять, наконец, Паннонию.

19. Однако, потерпев поражение от Карла Великого, изгнанные за Дунай и окруженные громадным валом, они лишены были возможности предпринимать привычные для них опустошительные походы. При императоре Арнульфе вал был разрушен, и таким образом путь для причинения вреда оказался для них открытым; это произошло потому, что император был разгневан на Святополка, короля моравов. Какое опустошение и какой урон нанесли они империи франков, об этом свидетельствуют до сих пор опустошенные города и [целые] области. Поэтому мы полагаем [нужным] сказать об этом народе, чтобы твоя светлость могла судить, с кем должны были вести борьбу твой дед и твой отец и от каких врагов благодаря их доблестной предусмотрительности и их славному оружию была освобождена почти вся Европа.

20. Итак, названное войско венгров, привлеченное славянами, после большого опустошения, произведенного им в Саксонии, и захвата неисчислимой добычи возвращалось в землю доленчан. [По пути] оно повстречалось с другим войском венгров, которое пригрозило вступить в войну со своими [возвращающимися] сородичами, так как последние отказались от его помощи, а теперь несли [с собой] столь великую добычу. Поэтому случилось так, что Саксония подверглась второму опустошению со стороны венгров, и [в то время] - когда первое войско [венгров] ожидало в земле доленчан возвращения второго, она была доведена до такой степени нищеты, что [жители ее], покидая собственную землю, служили в этот год ради хлеба другим народам.

21. Итак, после того как умер отец отечества и великий государь Оттон, герцогская власть над всей Саксонией перешла к его славному и знаменитому сыну Генриху. Хотя у него были и другие сыновья – Танкмар и Людольф, однако последние умерли еще до [смерти] своего отца. Так как король Конрад часто имел случай убеждаться в доблести нового герцога, то он стал опасаться того, что вся власть его отца перейдет к нему. Поэтому получилось так, что он возбуждал недовольство саксонского войска, а для вида говорил много хвалебного во славу знаменитого герцога, обещал оказывать ему большие услуги, воздавал великие почести. Саксы не обращали внимания на это притворство и убеждали своего герцога, чтобы он, в случае если король не захочет добровольно оставить ему отцовское достоинство, завладел им помимо воли короля. Король, видя, что отношение к нему саксов хуже обычного и что ему не удастся одолеть их герцога в открытой войне, так как [герцог] пользуется поддержкой отряда храбрейших воинов, а также бесчисленного войска 194, решил действовать иначе, [стараясь] устранить [герцога] при помощи хитрости.

22.

A²

Наконец со стороны друзей короля были затеяны против [Генриха] козни. Однако они были открыты золотых дел мастером, который изготовлял золотую цепочку для употребления с коварной целью. Ибо когда один из участников заговора пришел к этому мастеру, чтобы посмотреть на его работу, то, как передают 196, рассматривая [цепочку], глубоко вздохнул. Когда же мастер спросил о причине вздоха, то в ответ услышал, что цепочка эта вскоре должна будет обогреться кровью наилучшего мужа – Генриха. Мастер, когда услышал это, промолчал, как бы не придавая этому значения. Исполнив свою работу и отдав ее, он попросил отпустить его и получил на это разрешение; выйдя навстречу герцогу [Генриху и повстречав его] у моста под названием Кассала, [мастер] спросил его по секрету, куда он держит путь. Тот ответил, что приглашен на пир и почетное подношение и хочет туда идти. Мастер тотчас сообщил [герцогу] то, что слышал, и удержал его от пути. Герцог призвал посла, который в это время прибыл, чтобы пригласить герцога, и попросил передать его господам благодарность за верность и приглашение и [сказать], что он [герцог] не может в настоящее время навестить их из – за внезапного нападения варваров и не мешкая приступит к своим обязанностям. [В действительности], однако, герцог со своей дружиной направился на восток и, собрав войско, занял все земли, которые принадлежали в то время во всей Саксонии и в Тюрингии Майнцскому епископу Гато. Бурхарда и Барду, из которых один был зятем короля, он поставил в столь тяжелое положение и настолько изнурил частыми войнами, что те покинули страну, а он разделил все их владения между своими воинами. А Гато, видя, что его козням пришел конец [и] дела саксов процветают, изнуренный в равной степени как непомерной печалью, так и болезнью, вскоре после этого умер; это был человек очень благоразумный, в период малолетства Людвига он весьма усердно заботился о державе франков, улаживал многие раздоры в королевстве, а Майнцскую церковь украсил благородным строением.

B³

А для этого дела он имел, как говорят, весьма подходящего человека, Майнцкого епископа по имени Гато. Это человек неизвестного происхождения, однако он обладал проницательным умом, и было трудно различить, когда его решение лучше, когда хуже. Об этом можно заключить на основании одного его поступка. Ибо когда была война между Конрадом, отцом короля Конрада, и Адальбертом, то вначале был убит брат Адальберта, затем в знак мести за брата Адальбертом был убит также Конрад, и никто из королей не мог прекратить столь великую войну между этими выдающимися людьми. Наконец, чтобы уладить столь великий раздор, послали архиепископа; прибыв в город Адальберта, он клятвенно пообещал или добиться для него мира

с королем, или восстановить его без ущерба на своем месте. Адальберт, согласившись с этим, просил его, во имя веры и дружбы, отвезти у него чего - либо, что будет ему угодно. Но тот отказался и сразу покинул город, а когда [Гато] проходил через город со всей дружиной, он, говорят, воскликнул: «О, сколь часто просит тот, кто отвергает предложенное; долгая дорога и поздний час вызывают у меня опасение, ибо ведь мы не сможем, будучи весь день голодными, совершать наш путь». Адальберт, обрадованный, склонился к ногам архиепископа и настоятельно просил его вернуться в город, дабы отвезти [его стол]. Архиепископ, вернувшись с Адальбертом в город, как ему казалось, стал свободным от данной клятвы, поскольку вернул того на его место невредимым. Вслед за этим Адальберт, представленный королю Людовику, был осужден и казнен. Итак, есть ли что - либо более негодное, чем такое вероломство? Однако ценой одной снесенной головы были сохранены жизни многих людей. И что может быть лучше такого решения, благодаря которому был устранен раздор, восстановлен мир. Итак, благодаря таким превратностям, в то время... [и т. д. как в редакции С [см. ниже), опуская фразу «Этот, как рассказывают, Адальберт... считаем это не более как плодом народной молвы» и вплоть до слов «умер на следующий день»].

С⁴

В то время на майнцском престоле находился епископ по имени Гато, человек проникательный, рассудительный, по свойственной ему разносторонности превосходивший многих людей. Этот муж, желая угодить королю Конраду и народу франков, из хитрости, обычно свойственной людям, которым мы ее благодаря милости всевышнего прощаем, заказал сделать для него золотую цепочку и пригласил [герцога] на пир с тем, чтобы почтить его большим подарком. Между тем епископ зашел к мастеру с целью посмотреть на работу и, рассматривая цепочку, как говорят, вздохнул. Мастер спросил, что за причина [такого] вздоха. Тот ответил ему, что цепь эта должна быть обгажена кровью наилучшего мужа, дорогого ему Генриха. Мастер, услышав это, промолчал, а когда работа была сделана и отдана, попросил [позволения] отлучиться, на что получил разрешение; выйдя навстречу герцогу [Генриху], идущему по упомянутому делу, [мастер] сообщил ему о том, что слышал. [Герцог], сильно разгневанный, призвал посла, прибывшего как раз от епископа, чтобы пригласить его [герцога]. «Иди, – сказал [герцог], – и скажи Гато, что шея у Генриха не сильнее, чем у Адальберта, и что мы предпочитаем сидеть дома и размышлять о службе ему, чем обременять его многочисленной нашей дружиной». Этот, как рассказывают, Адальберт, когда – то поддержанный самим епископом в вере, был обманут его советом, но так как мы этого не проверяли и никогда не получали подтверждения этому, то считаем это не более как плодом народной молвы. [Генрих] тотчас занял все земли, которые по праву принадлежали ему [Гато] и находились во всей Саксонии и Тюрингии. А Бурхарда и Барду, из которых один был зятем короля, он поставил в столь тяжелое положение и настолько изнурил тяжелыми войнами, что те покинули его страну, а он разделил все их владения между своими воинами. А Гато, видя, что его козням пришел конец, изнуренный в равной степени как непомерной печалью, так и болезнью, несколько дней спустя умер. Были также и такие, которые говорили, что он был поражен молнией и, сокрушенный этим ударом, умер на следующий день.

23. Король же послал брата с войском в Саксонию, чтобы ее опустошить. Когда тот приблизился к городу, который называется Гересбург, он, как передают, стал заносчиво говорить, что ничто так его не заботит, как то, что саксы не осмелятся показаться перед стенами, чтобы он мог с ними сразиться. Эти слова были еще на его устах, как тут в миле от города саксы ринулись навстречу ему и, когда завязалось сражение, учинили такую сечу франкам, что мимы спрашивали, где та преисподняя, которая сможет поглотить такое количество убитых. А брат короля Эберхард, который [наконец] избавился от опасений по поводу [возможного] отсутствия саксов – ведь [теперь] он видел, что они присутствуют, – был постыдно обращен ими в бегство и ушел [с места боя].

24. Король, прослышав, как плохо воевал его брат, собрав все доблестные [силы] франков, отправился на поиски Генриха. Последний был обнаружен в крепости города под названием Грон, и [король] попытался взять приступом эту крепость. После того как [к Генриху] были отправлены послы с предложением сдаться добровольно, [король] дал обещание, что [в случае сдачи. Генрих] станет [для короля] другом и не будет рассматриваться как враг.

Во время пребывания этих послов появился Титмар с Востока, человек очень искусный в военном деле, весьма многоопытный в различных делах и врожденной своей хитростью превосходивший многих смертных. Придя [к Генриху], когда у него находились послы короля, он спросил, где тот хочет, чтобы войско разбило лагерь. [Генрих], полагавший уже было, что придется сдаться франкам, почувствовал вновь уверенность, услышав о войске, [и] поверил, что оно есть. На самом деле, однако, Титмар говорил это лишь для вида, ибо [в действительности] пришел всего лишь с пятью людьми. А когда герцог [Генрих] спросил, сколько же [у него] отрядов, тот ответил, что может вывести их до 30; послы были обмануты и вернулись к королю. Титмар, таким образом, одолел своей хитростью тех, которых герцог Генрих не мог победить оружием. Ибо франки еще до рассвета покинули лагерь и каждый вернулся к себе [домой].

25. Король же отправился в Баварию, сразился с Арнульфом и там, как рассказывают некоторые, раненый вернулся к себе в отечество. И так как он чувствовал себя изнуренным вследствие недуга и [был удручен] тем, что ему не сопутствует счастье, то призвал брата, который как раз [в это время] навел его, и сказал ему так: «Чувствую я, брат [мой], что не смогу влачить эту жизнь дольше, так повелевает бог, который

распоряжается всем, так велит тяжелый недуг. Поэтому подумай о себе, и, что прежде всего касается тебя, позаботься о всем королевстве франков, и будь внимателен к моему, твоего брата, совету. Брат [мой], мы располагаем войском, которое всегда можно собрать и которым [лишь] следует руководить, в нашем распоряжении города и оружие с королевскими инсигниями, мы имеем все, чего требует королевское величие, все, кроме счастья [добрых нравов]. Счастье, брат [мой], с [сопутствующими ему] благороднейшими нравами перешло к Генриху, высшее благо государства находится [теперь] у саксов. Так возьми эти инсигнии, святое копье, золотые запястья, меч древних королей и корону, ступай к Генриху и заключи с ним мир, чтобы всегда иметь его в качестве союзника. Что пользы будет от того, если народ франков вместе с тобой падет перед ним? Ведь [все равно] он будет королем и повелителем многих народов». На эти слова брат со слезами ответил, что согласен. Вскоре король умер; это был человек сильный и могущественный, выдающийся во время мира и войны, известный своей щедростью и многими добродетелями; он был погребен в своем городе Вилинабурге, и все франки с печалью его оплакивают.

26. Итак, как и повелел король, Эберхард явился к Генриху, вверил ему себя и все свои сокровища, заключил с ним мир и снискал [его] дружбу, которую сохранял верно и прочно до конца. Затем, когда князья и старейшины войска франков собрались в месте по названию Фридислар, он назначил [десигнировал] его королем перед всем народом франков и саксов. А [Генрих], когда архиепископ, которым в то время был Геригер, предложил ему корону и помазание, [последнее] не отверг, но и не принял: «Мне достаточно того, – сказал [Генрих], – что вы по соизволению милости божией и по своему милосердию провозгласили меня королем и определили меня перед моими знатными [людьми]. А помазание и корона пусть будут уделом лучших, мы же полагаем, что мы недостойны такой почести». Речь [Генриха] встретила одобрение всего народа, и, стекаясь толпами, поднимая правую руку к небу и с громкими криками провозглашая имя нового короля, все его приветствовали.

27. Генрих 247, став, таким образом, королем, отправился со всей своей дружиной на войну против герцога Швабии Бурхарда. Этот [герцог] хотя и был непобедимым воином, однако, будучи весьма благоразумным, решил, что не сможет выдержать борьбы с королем, и поэтому сдался ему сам со всеми своими городами и всем народом своим. После столь успешного оборота дел [Генрих] перешел отсюда в Баварию, во главе которой был герцог Арнульф. Когда последнего обнаружили в крепости города по названию Регенсбург, [Генрих] осадил город. Арнульф, видя, что не в состоянии сопротивляться королю, открыл ворота [своего города], вышел навстречу королю и сам сдался ему со всем своим герцогством. Он был с почетом принят [Генрихом] и провозглашен другом короля. Король [Генрих], преуспевая и возвышаясь со дня на день, приобретал все большие силы, величие и славу. А после того как [Генрих] воссоединил, усмирил и упорядочил [свое] королевство, которое во многих своих частях было приведено при его предшественниках в беспорядок вследствие внутренних и внешних войн, [он] отправился в поход против Галлии и державы Лотаря.

28. Лотарь был сыном императора Хлодвига, потомка Карла Великого; его братьями были Карл и Хлодвик. Карлу достались области Аквитания и Васкания, имеющие границей Барселону, город Испании, на западе, Британское море на севере, горный хребет Альпы – на юге и реку Маас на востоке. Земля между рекой Маас и рекой Рейн отошла к Лотарю. Областью Людовика стала [страна] от Рейна до границ Иллирика и Паннонии, вплоть до реки Одер и области Дуная. При этих братьях, еще до того как они разделили власть, произошло знаменитое сражение при Фонтинате. После происшедшего [все] оставалось нерушимым и все владения по праву наследства перешли к Карлу, прадеду того Лотаря, о котором мы упомянули выше.

29. Из Восточной Франконии к [Карлу] прибыл некто по имени Одо, человек сильный и благоразумный, своим советом он содействовал удачной войне с датчанами, которые уже в течение многих лет тревожили королевство Карла, причем за один день [войны] их было убито сто тысяч. Одо стал вследствие этого знаменитым, занял выдающееся положение, и сам король провозгласил его вторым [человеком] в королевстве; [однако] когда он прибыл к королю, он довольствовался услугами всего лишь одного слуги. Карл, умирая, завещал, чтобы Одо помнил о милости, оказанной ему, чтобы он не отказал его сыну, если тот родится, в таком же покровительстве, которое было оказано ему самому. Ибо тогда у него сына не было, но королева была беременна; и когда после смерти отца родился сын, Одо провозгласил его в королевстве и дал [ему] имя отца.

Однако император Арнульф, изгнавший из Германии Карла старшего, после его смерти предъявил притязания на все королевство. Одо выдал ему корону, скипетр и прочие королевские регалии; и благодаря императору Арнульф получил владение своего господина. Вследствие этого до сего дня между потомками Каролингов и преемниками Одо идет борьба из – за королевства, а также идет спор между Каролингами и восточными франками из-за королевства Лотаря.

30. По этой причине король Генрих отправился в поход против Карла и неоднократно разбивал его войско, и судьба благоприятствовала храброму мужу. Ибо Гуго, отец которого Роберт, сын Одо, был ослеплен в войске Карла, подослал [туда людей] и хитростью захватил [Карла] и заключил его под государственную стражу до конца жизни. А король Генрих, узнав о случившемся с Карлом, опечалился, подивился превратностям судьбы, общей [всем] людям, ибо тот [Генрих] прославился набожностью не меньше, чем доблестью оружия. И [Генрих] решил воздержаться от войны, надеясь победить лотарингцев скорее хитростью, поскольку племя это было изменчивым, привычным к лукавым уловкам, склонным к войне и изменениям в делах. В то время среди лотарингцев был некто по имени Кристиан, который, видя, что у короля все идет

успешно, стал изыскивать [возможность] заслужить большую милость у короля, и вот, притворившись больным, он призвал к себе Гизелберта, которому по наследству после отца перешла верховная власть над страной, хитростью захватил его и под стражей отправил к королю Генриху. А Гизелберт был знатного рода и происходил из древней семьи. Король принял его с большой радостью, так как полагал, что только через него сможет завладеть всей Лотарингией. Затем, видя, что юноша этот весьма усерден, что происходит он из знатного рода и принадлежит к людям могущественным и богатым, стал обращаться с ним благожелательно и потом, наконец, обручив с ним дочь по имени Герберга, связал его с собой в равной степени и родством и дружбой, отобрав у него все лотарингские владения.

31. Славная, благороднейшая, обладающая исключительной мудростью королева, по имени Матильда, родила ему [Генриху] еще и других детей. [А именно] первородного сына, любимца мира, по имени Оттон, второго [сына], нареченного именем отца, мужа храброго и ловкого, Генриха, и, наконец, третьего, по имени Бруно, которого мы видели как выполняющего обязанности и архиепископа и великого герцога. И пусть никто не считает его [Бруно] повинным в этом, так как мы читаем, что и святой Самуил и многие другие были в одно и то же время и священнослужителями и правителями. Она родила ему также еще и вторую дочь, которая вышла замуж за герцога Гуго. А сама госпожа королева была дочерью Гиадорика, братьями которого были Видукинд, Иммед и Регинар. А этот Регинар был тем самым, который воевал против датчан, в течение долгого времени опустошавших Саксонию, он победил их и освободил отечество от их вторжения вплоть до сего дня; а были они [эти три брата] потомками великого герцога Видукинда, который почти в течение тридцати лет вел жестокую войну против Карла Великого.

32. Когда внутренняя война уже кончилась, вновь по всей Саксонии пошли венгры, они предавали огню города и селения и совершали повсюду такое кровопролитие, что угрожали величайшим опустошением. Король же находился в крепости города под названием Верлаон. Ибо [в борьбе] против столь жестокого племени, [как венгры], он не мог положиться на воинов, еще неопытных и привыкших [лишь] к внутренней войне. Какую резню учинили в те дни [венгры], сколько они сожгли монастырей, об этом, полагаем, лучше умолчать, чем вновь повторять описание наших бедствий. Случилось так, что одного из венгерских князей взяли в плен и связанным привели к королю. Венгры же настолько почитали этого [князя], что за выкуп его предложили громадное количество золота и серебра. Но король отказался от золота, он потребовал мира и, наконец, добился его; после того как пленного вместе с дарами возвратили [венграм], был провозглашен мир на девять лет.

33. Когда король перешел Рейн с целью распространить власть над Лотарингией, к нему прибыл посол Карла и, приветствуя его в смиренных выражениях, сказал: «Мой господин, Карл, наделенный некогда королевской властью и недавно лишенный ее, послал меня к тебе заявить, что для него, окруженного врагами, нет ничего более отрадного, ничто не доставляет ему большего удовольствия, чем слышать о твоей славе и твоих великолепных успехах, чем утешаться при известии о твоих доблестях. И [Карл] посылает тебе это как знак верности и доверия». [При этих словах] он вынул из – за пазухи руку достопочтенного мученика Дионисия, оправленную в золото и драгоценные камни. «Возьми это, - сказал посол, – как залог вечного мира и взаимной любви. Карл очень желает поделиться с тобой этой частицей святых останков, составляющих единственное утешение франков, населяющих Галлию, после того как славный мученик Вит покинул нас на погибель и посетил Саксонию, принеся вечный мир вам. Ибо после того, как тело его перенесено от нас, у вас прекратились внутренние и внешние войны, и как раз с этого времени датчане и норманны стали производить вторжения в нашу страну». Король [Генрих] с величайшей благодарностью принял божественный дар, преклонился перед святыми останками и почтил их величайшим уважением.

34. Знаменитый мученик, о котором поведал посол Карла, родился в провинции Ликий, происходил из знатной, но языческой семьи. Отец представил его начальнику провинции Валериану, а этот начальник заставил его поклоняться идолам; между тем он потерял руку и получил ее [обратно] здоровой благодаря молитве этого [юноши]. У палачей отсыхали руки, но заслугами мученика становились здоровыми. Отец, видя, что [сын его] смеется над пытками, вернул [его] домой и залез в комнату, изобиловавшей всеми искушениями. Но когда Нил – именно так звали отца – увидел там [святые] таинства, он ослеп. Он был вынужден отказаться от почитания идолов и признал Христа. Но когда благодаря заслугам своего сына Вита [отец] прозрел, он отрекся от Христа и пытался убить сына. Воодушевленный и руководимый ангелами, почтенный воспитатель Модест взял мальчика с собой, переплыл море и прибыл к реке Силер. Там под одним деревом они расположились на отдых, свободно предавались молитвам и ежедневно бросали пищу орлам. Мальчик же стал проповедовать о Христе среди людей, навещавших его, многих обратил [в христианскую веру] и многих склонил принять крещение. После этого, вызванный императором Диоклетианом, он отправился в Рим, и когда сын императора по молитве Вита очистился от злого духа, его [Вита] принуждали возжечь курения богам. Так как он ответил императору грубо, его бросили диким зверям, но те его не тронули. Затем его бросили в середину горящей печи, но ангел унял пламя, и [мальчик] вышел невредимым. Закованный в громадные железные кандалы, он был переведен в тюрьму, но там его навещил господь с сонмом ангелов. Наконец, посредством пытки, которая называется катаста, его истязали вместе с Модестом и некоей благородной женщиной Кресценцией, и когда он уже лишился всякого движения членов, ему дал утешение Христос. Ибо палачи, пораженные молнией небесной и уstraшенные раскатами грома, бежали от него; и вдруг он оказался на том месте, где раньше молился, и после того как ангел господен его водворил туда и когда была произнесена

последняя молитва, они [Вит, Модест и Кресценция] отдали души свои небесам. Некая прекрасная женщина Флоренция предала их тела земле в том месте, которое называется Мариан. В славу твою я позаботился о том, чтобы записать его последнюю молитву, – для того чтобы ты из этой [записи] могла заключить, какой любовью к нему ты можешь воспылать и каким пламенем любви к нему можешь заслужить постоянное его покровительство. «Господи Иисусе Христе, – сказал он, – сын бога живого, исполни желание сердца их, и освободи их от всех пут мира сего, и вознеси их к славе своей, – их, которые ради меня прославляют тебя и хотят обрести славу благодаря моему мученичеству». За этим обращением последовало изъятие господнего обещания, что все, о чем он просил, будет выполнено и утвердится. Много времени спустя в Рим пришел некто по имени Фульрад и, прочтя там деяния славного мученика, установил место его погребения; придя [туда], он взял святые останки и перенес их в Парижскую область. Оттуда в правление императора Людовика они были перенесены в Саксонию, и, как признал посол Карла, с тех пор дела франков стали приходить в упадок, а [держава] саксов стала расти, пока заботились о расширении ее размеров, что мы видим при твоём отце, любимце мира и главе всей земли, высшая власть которого простирается не только на Германию, Италию и Галлию, но почти на всю Европу. Итак, чти [этого] столь великого покровителя, с прибытием которого Саксония из рабской страны стала свободной, а из платящей дань владычицей многих народов. Столь великий и столь могущественный приспешник бога всевышнего не нуждается в твоей милости, однако мы, его служители, нуждаемся. Поэтому, как ты можешь видеть в нем посредника для себя у небесного повелителя, так мы видим в тебе своего защитника у земного короля, то есть у твоего отца и брата.

35. Итак, как благоразумно поступал король Генрих в деле укрепления отечества и покорения варварских народов, после того как он получил от венгров мир на девять лет, рассказывать [об этом] выше наших сил, хотя и умалчивать никоим образом не следует. Прежде всего он отобрал каждого девятого из числа военных поселенцев и поселил их в городах с тем, чтобы каждый из них выстроил за остальных своих сотоварищей по восемь домов, собирал и сохранял третью часть всего урожая, а остальные восемь [поселян] чтобы [тем временем] сеяли и собирали урожай для девятого и сохраняли его в своих определенных местах. [Генрих] пожелал, чтобы все собрания, соборы, а также пиршества устраивались в городах; над строительством [городов жители] должны были трудиться день и ночь, поскольку им в течение мира следовало изведать то, что они должны были делать в случае необходимости против врага и чтобы вне городов находились только незначительные строения, или чтобы их совсем не было. И после того как [Генрих] приучил [своих] жителей к такому положению и порядку, он внезапно обрушился на [тех] славян, которые называются гаволянами, и, измучив их многими сражениями, разбил, наконец, во время лютой зимы на льду лагерь, овладел городом по названию Бранибор, [добившись этого] с помощью голода, оружия и холода. Овладев вслед за этим городом всей областью, он отправился походом против земли доленчан, войну с которой завещал ему когда – то его отец; осадив город по названию Гана, он взял его, наконец, на двадцатый день. Добыча, захваченная в городе, была роздана воинам, все взрослые были убиты, женщины и дети отданы в рабство. После того со всем войском [Генрих] подошел к Праге, городу чехов, и принял в подчинение их короля, о чем предрекали некие чудеса, но поскольку мы этого не проверили, то считаем нужным об этом умолчать. Однако был брат Болеслава, который, пока был жив, оставался верным и полезным королю [Генриху]. Итак, обложив чехов данью, король [Генрих] вернулся в Саксонию.

36. После того как Генрих наложил дань на соседние народы, а именно: на ободритов, вильцев, гаволян, доленчан, чехов и ротарей - и [после того как] был установлен мир, ротари нарушили верность и, собравшись большой толпой, пошли приступом на город по названию Валислав и взяли его, захватив в плен и перебив всех его жителей, которых было бесчисленное число. Когда это совершилось, все варварские народы поднялись. Они осмелились восстать вновь. Для обуздания их дерзости войско с [особой] военной защитой было вручено Бернарду, вся область ротарей подчинена ему, а в качестве товарища ему был придан Титмар; они получили приказ осадить город по названию Ленцен, на пятый день осады прибыли лазутчики, которые сообщили, что войско варваров недалеко и что в ближайшую ночь [варвары] решили напасть на лагерь, а когда многие подтвердили то же самое, народ тоже поверил в сказанное; после того как войско собралось у палатки начальника, в тот же час по совету своего товарища начальник распорядился, чтобы в течение всей ночи все были наготове, дабы варвары не смогли неожиданно напасть на лагерь. Когда же собравшаяся толпа была распущена, в лагере стали чередоваться уныние и радость, так как одни страшились войны, другие ее желали; в зависимости от своего нрава воины колебались между надеждой и страхом. Тем временем прошел день и наступила ночь, она была темнее, чем обычно, по воле божьей и [сопровождалась] сильным ливнем, чтобы расстроить зловещий замысел варваров. И как было приказано, саксы в течение всей ночи были под оружием, а на рассвете по данному знаку и после совершения таинства воины принесли под клятвой обещание сначала вождям, а затем друг другу – оказывать помощь в предстоящей битве. С восходом солнца, когда после ливня наступила ясная погода, с поднятыми знаменами они вышли из лагеря, причем военачальник, совершавший наступление на варваров, находился на передней линии. Но небольшое число [его воинов] не могло противостоять бесчисленному числу воинов [противника], поэтому он вернулся к [своему] войску и сообщил ему, что конница у варваров невелика, но пешего войска у них бесчисленное множество и что ночной ливень поставил их в такое затруднение, что, даже понуждаемые конницей, они едва ли выступят на битву.

Когда заходящее солнце осветило влажную одежду варваров и испарения поднялись до самого неба, у людей появилась надежда и вера в бога, ясный и светлый образ которого сопровождал их. По данному знаку, ободряемые военачальником, отряды войска с громкими криками ринулись на врага. Так как из-за чрезвычайной тесноты доступ к врагу оказался затруднен, с помощью оружия они стали продираться справа и слева и, отделяя каждого от его товарищей, сеяли смерть. И когда битва стала уже изнурительной, и многие как с той, так и с другой стороны погибли, а варвары все еще удерживали строй, тогда военачальник и приказал своему помощнику, чтобы тот со [своим] отрядом пришел ему на помощь. Тот послал тогда на край [расположения] вражеского [войска] начальника во главе пятидесяти вооруженных [всадников], чем привел в расстройство ряды [неприятеля]; в течение всего дня враги или подвергались истреблению, или обращались в бегство, и так как их убивали повсюду, то они пытались спастись бегством в соседний город. И поскольку помощник военачальника им в этом воспрепятствовал, то они стали бросаться в находившееся поблизости озеро, и произошло так, что все это громадное множество [врагов] было истреблено мечом или утонуло в море. Из пеших не осталось в живых никого, из конных уцелели лишь очень немногие, а битва завершилась поражением всего вражеского войска.

Между тем поднялось великое ликование по случаю одержанной победы, и в то время как все [воины] вместе восхваляли вождей, каждый из них в то же время превозносил другого, даже трусливого, как обычно бывает при таких счастливых обстоятельствах. На следующий день [победители] направили знамена к упомянутому городу, горожане же сложили оружие и просили только о сохранении жизни, что и получили. Им было приказано безоружными выйти из города; однако слуги, все деньги, жены, дети и имущество короля варваров стали добычей [победителей]. В этом сражении из наших погибли двое Лютариев и некоторые другие знатные. Итак, военачальник с помощником и другими начальниками вернулись победителями в Саксонию. Король принял их с почетом и воздал им достойную похвалу, ибо они, располагая малым войском, благодаря покровительству божьему одержали славную победу. Ибо были такие, которые говорили, что варваров погибло 200 000. На следующий день все пленные, как им и предвещали, были обезглавлены.

37. Радость по случаю недавней победы еще более увеличили торжества по поводу королевской свадьбы, которая справлялась в то время с большой пышностью. Ибо король женил своего сына Оттона на дочери короля Англии Эдмунда – Эдит, [которая приходилась] сестрой Адальстану; она родила ему сына по имени Людольф, великого мужа, заслуженного, ценимого всеми народами; дочь, по имени Людгард, которая [затем] вышла за герцога франков Конрада.

38. Король же [Генрих], поскольку он располагал войском, уже изведавшим конное сражение, задумал начать борьбу против [своих] старых врагов, то есть венгров, и, собрав весь народ, обратился к нему с такой речью: «От скольких опасностей только что освобождена ваша держава, некогда находившаяся в совершенном беспорядке, вы сами лучше знаете, вы, которые исстрадались, истощенные столь многими внутренними распрями и внешними войнами. А теперь благодаря благосклонности к нам всевышнего, благодаря нашим усилиям и вашей доблести вы видите [королевство наше] умиротворенным и объединенным, [а] варваров побежденными и поработченными. [Единственное], что остается, что мы считаем необходимым, – это чтобы мы в равной степени поднялись против [нашего] общего врага авар. До сих пор я обирал вас, ваших сыновей и дочерей и наполнял государственную казну за ваш счет, теперь я вынужден обирать церкви и церковнослужителей, кроме одних только людей у нас никаких других средств не остается. Итак, рассудите сами меж собой и решите, что следует нам делать в таком случае: следует ли мне отнять сокровища и ради нашего избавления отдать их врагам господу богу или мне следует при помощи этих средств придать [большее] великолепие божественной службе, чтобы [таким образом] скорее получить избавление от того, кто поистине является нашим Создателем, равно как и Избавителем?» [В ответ] на это народ обратил глас к небу, умоляя, чтобы вечно живой господь дал ему избавление, ибо [бог] верен и справедлив во всех путях своих и непорочен во всех деяниях своих. Затем [народ] дал обещание королю оказать ему свою помощь против жестокого племени; все, подняв правую руку к небу, подтвердили [этим] договора. Заключив такое соглашение с народом, король распустил толпу. После этого прибыли к королю послы венгров за обычной данью; но, получив отказ, с пустыми руками вернулись в свою страну. Когда авары об этом узнали, они не мешкая, поспешили вторгнуться в Саксонию с большим вражеским войском и, совершая путь через землю даленчан, попросили помощи у своих старых друзей. А эти [друзья], зная, что [авары] спешат в Саксонию к саксам, готовые с ними сразиться, бросили им в качестве дара жирного пса. А так как у тех, кто спешил, не было времени на другое сражение, чтобы отомстить за нанесенное оскорбление, то доленчане долго провожали [бывших] друзей насмешливыми криками. Итак, [авары – венгры] на сколько могли неожиданно вторглись в пределы тюрингов и прошли по всей этой стране, как подобает врагам. А там они разделились, и одни [из них] устремились на запад, стараясь с запада и юга вступить в Саксонию. Но саксы объединились также с тюрингами, вступили [с венграми] в сражение и, перебив [их] вождей, остальных из этого западного войска рассеяли по всей той стране. Некоторые из них [венгров] погибли от голода, некоторые не выдержали холода, а некоторые были убиты или взяты в плен и погибли жалким образом, как были [того] достойны. То же войско, которое осталось на востоке, прослышало, что в соседнем городе живет сестра короля, вышедшая замуж за тюринга Видо, – она была рождена от незаконного брака, – и что у нее много денег, золота и серебра. Поэтому они с такой силой начали наступать на этот город, что, если бы ночь не помешала осаждающим видеть, они взяли бы его. Но так как в ту же ночь они

услышали о гибели [своих] товарищей и о том, что король идет на них с сильным войском, [ибо] разбил лагерь близ места по названию Риаде, они, движимые страхом, бросили свой лагерь и по своему обычаю стали с помощью огня и сильного дыма собирать рассеявшиеся отряды. На следующий день король повел войско вперед, убеждая его, чтобы оно возлагало надежду свою на милость божью и не сомневалось в том, что помощь господня будет [оказана] таким же образом, как и в других сражениях; и что венгры – общий враг для всех, и пусть [саксонские воины] думают только о спасении [своего] отечества и близких; и что они скоро увидят, как враги обращаются в бегство, если будут мужественно и твердо стоять в борьбе. Воины, воодушевленные этими знаменательными словами и видя императора то в первых, то в средних, то в крайних рядах, а перед ним архангела, ибо подобием и изображением его было украшено главное знамя, стали обретать уверенность и большую стойкость. Король, однако, боялся, как это и произошло, что враги, увидев вооруженных воинов, тотчас обратятся в бегство; [поэтому] он решил послать отряд тюрингов, вооружение которых было недостаточным, с тем, чтобы [враги] стали преследовать этих [почти] безоружных воинов и таким образом задержались бы до прихода войска. Так и было сделано; но тем не менее [враги], заметив вооруженное войско, обратились в бегство, так что на протяжении восьми миль лишь немногие были убиты и взяты в плен. Лагерь [их] был разгромлен, и все пленные, [находившиеся в нем], освобождены.

39. Король [Генрих] вернулся победителем и всеми средствами, как [это] следовало, выражал благодарность богу за дарованную ему победу над врагами, а дань, которую он обычно давал врагам, он употребил на богоугодные дела, определив, что она должна послужить для щедрой раздачи бедным. Затем войско провозгласило его отцом отечества, повелителем и императором и разнесло славу о его могуществе и доблести среди всех народов и королей далеко во все стороны. Поэтому приходили к нему знатнейшие люди из других государств, стремясь удостоиться его милости, дорожа тем, что обрели верность этого столь великого человека. Среди таких [знатнейших] был и Герберт, зять Гуго, который просил [Генриха] быть ему защитой перед его [Герберта] господином, так как против него [Герберта] выступил Рудольф вопреки всякому праву и справедливости, установленным королем. Сам же король был таким, что ни в чем не мог отказать друзьям. Итак, король [Генрих] отправился в Галлию, вел [там] переговоры с королем [той страны] и, когда дело было завершено, вернулся в Саксонию. А если бы зашла речь о возвышении [людей из] его народа, то надо сказать, что редко можно было или совсем нельзя было найти человека среди известных людей во всей Саксонии, которого он не возвысил бы прекрасным подарком, должностью или каким-либо пожалованием. Обладая большим благоразумием и мудростью, он выделялся вместе с тем могучим телосложением, что служило прекрасным украшением королевскому достоинству. В военных состязаниях [король] также настолько превосходил всех, что в остальных вселял страх. На охоте он был столь горяч, что за один раз захватывал по сорок или более животных; а на пирах хотя и бывал достаточно весел, однако ничуть не ронял королевского достоинства, ибо он внушал воинам такое уважение, а равным образом и страх, что даже среди забав они не считали [возможным] позволить себе какую-нибудь дерзость.

40. После того как он подчинил себе все окружающие народы, он обратился со всем войском против датчан, которые совершали на кораблях разбойничьи набеги на страну фризов; он победил [датчан] и заставил их платить дань, а короля их по имени Кнут принудил принять христианство. Покорив, таким образом, все окружающие народы, он, наконец, решил отправиться в Рим, однако, пораженный недугом, прервал путь.

41. Когда [Генрих] почувствовал, что его одолевает тяжелый недуг, он созвал весь народ, назначил королем своего сына Оттона, остальным же сыновьям роздал владения и имущество; Оттона же, который был самым главным и самым великим, он поставил во главе братьев и всей державы франков. Сделав надлежащее завещание и приведя все дела, как полагается, в порядок, [Генрих] скончался. [Это был] владыка и величайший из королей Европы, никому не уступавший по своим душевным и телесным достоинствам, он оставил сына, который превзошел его самого, а сыну оставил великую и обширную державу, которую он сам обрел не как наследство от предков, а благодаря собственным усилиям и которая была пожалована ему только господом. Правил [Генрих] в течение 16 лет, а прожил 60. Сыновья перенесли останки его в город под названием Кведлинбург и похоронили в церкви св. Петра перед алтарем под стеною и плач многочисленной толпы.

¹ Генрих I Птицелов.

² Данный текст, обозначаемый здесь как редакция А, содержится в Дрезденской рукописи, редакция которой отличается от редакции В (представленной Штейнфельдской рукописью и изданием Фрехта).

³ Данный текст, обозначенный здесь как редакция В, содержится в Штейнфельдской рукописи и в издании Фрехта и отличен от редакций А и С новыми фактами.

⁴ Текст главы 22 книги I, обозначенный здесь как редакция С, содержится в Монтекасиновской и Пантелеоновской рукописях.

(Титмар Мерзебургский, «Хроника», I, 3, 10-19, 28)

...3. Начнём, поэтому, с Генриха¹, который объединил принадлежавшие тогда многим правителям части этого города, и завоевал, благодаря своей доблести и трудолюбию, гораздо большее, чем это, количество земель. Имея своими родителями благороднейшего Оттона² и Хатуи³, ребёнком он подрастал, как скрытое [от взоров] дерево⁴, а когда повзрослел, то явил миру прекраснейшие таланты, распустившись как цветок в весеннюю пору. В этом возрасте он был отправлен своим отцом в землю, которую мы, тевтонцы, называем

далеминцы⁵ – славяне же зовут её Гломачи – с большим войском, разорил и сжёг её большую часть, и победителем вернулся назад...

10. ...Он обложил данью следующие земли: чехов, далеминцев, ободритов, вильцев, гевеллеров и редариев⁶. Последние, однако, тотчас восстали, и, возмущив на это других, напали на город Вальслебен⁷, разрушили его и сожгли. Чтобы отомстить за это, наш король собрал войско, и, осадив город Ленцен⁸, напал на его союзников, которые стремились защитить ленчан, и, хотя немногие бежали, разгромил их. После этого он овладел этим городом. Из наших же два моих прадеда, носившие одинаковое имя – Лиутар⁹, лучшие воины и рода знатнейшего, украшение и утешение¹⁰ отечества, погибли со многими другими 5 сентября¹¹...

15. (8.) Король изгнал аваров¹², часто против него восстававших. Но, однажды, когда он попытался разбить их в неравном сражении, он был разбит и бежал в город под названием Пюхен¹³. Так как он избежал здесь смертельной опасности, горожане были награждены ценными подарками и значительно большими правами, чем имели до сих пор, или сейчас ещё имеют жители этой округи.

Когда бы Генрих из-за своей гордыни ни поднимался против Бога и своего господина, всегда власть его смирялась, а сам он побуждался к соответствующему исправлению. Я слышал, что, отправившись на молитву в Рим, он передвигался больше пешком, нежели верхом; а, когда многие люди спрашивали, почему он так поступает, он открыто признавался им в своей вине¹⁴. (9.) В 931 г. от воплощения Господня он стал императором¹⁵.

16. Укрепив некую гору, расположенную возле Эльбы и густо заросшую тогда деревьями, он основал здесь город, назвав его Мейсен, по названию ручья, протекающего к северу от него¹⁶. Отсюда он подчинил своей власти милиценов¹⁷, заставив их платить себе дань. Также, долго осаждая город Лебус¹⁸, о котором в последующем я расскажу более подробно, он заставил его жителей бежать в небольшое укрепление, расположенное ниже города и сдать ему. С того самого дня, как этот город погиб, сожжённый по праву, вплоть до нашего времени он лишён жителей. Если что-то во время его правления и было, как говорят многие, несправедливо, пусть милосердный Бог простит его за это.

17. Сверх того, он силой сделал послушными себе норманнов и данов, и, вместе с их королём Канутом, научил их, уже отошедших от прежнего заблуждения, нести иго Христова¹⁹. Но, так как я слышал много удивительного об их древних жертвоприношениях, то не хотел бы пройти мимо, не рассказав о них. Есть в тех местах одно место, столица тамошнего государства, именем Лейре²⁰, в округе, называемом Зеландия, где каждые 9 лет в месяце январе, в то время, как мы празднуем наше Рождество Господне, они все собираются там, и приносят в жертву своим богам 99 человек и столько же коней, с жертвенными собаками и петухами, заменяющими ястребов, полагая, как я уже говорил, истинным, что те будут служить им в потустороннем мире и заступятся перед богами за их преступные деяния. Насколько хорошо поступил наш король, отвадив их от столь ужасного обычая! Ведь приятную приносит Богу-Отцу жертву тот, кто избегает при этом пролития человеческой крови. Предписал ведь Господь: «Не умерщвляй невинного и правого!»²¹.

18. (10.) Этот король украсил творение древних римлян в Мерзебурге каменной стеной, а ниже её велел соорудить из камня и освятить 19 мая каменную церковь, которая ныне является матерью всех прочих церквей города. Одушевлённый благочестивым намерением, он построил также другие города, для блага государства²², и храмы Господу, ради спасения души.

Проявив на протяжении своей жизни многочисленные достоинства, в 16-й год своего правления, на 60-м году жизни, 2 июля в Мемлебене²³, он умер, был похоронен в основанном им самим Кведлинбурге, и заслуженно оплакан всей знатью.

19. Случилось это в 936 г. от воплощения Господня. Талантами же оставленных им сыновей он обрадовал печальные сердца князей и обеспечил им возможность избрания [преемника] по их воле. Горе народам, лишённым надежды управляться потомством своих государей. Ведь из-за начавшихся между ними раздоров и длительной борьбы им долгое время не предвидится ни какого-либо выхода [из этого положения], ни спасения. Если не найдётся кто-либо достойный такой должности в линии близких родственников [умершего правителя], пусть, по крайней мере, будет избран подходящий человек из другого рода, далёкий от всеобщей ненависти. Ведь величайшее преступление, когда правят иноземцы. Из-за этого возникают притеснения и большая опасность для свободы. При Генрихе, о котором я говорил, и его наследниках, вплоть до наших дней, саксы были возвышены и во всех отношениях почитаемы. Всё, за что их хвалят, тщательно сохранено тёзкой умершего короля, тоже Генрихом²⁴, о котором я напишу, если буду жив. Боюсь только, что он будет последним [в роду]...

28. (17.) Многие деяния этого нашего короля и императора²⁵, дражайший читатель, достойны вечно жить в нашей памяти; но, поскольку я не могу их полностью, как они имели место, включить в настоящий труд, я оставляю это намерение, с печалью в сердце, ибо он, как я уже говорил, с честью носил имя наших королей и справедливо, с достоинством утверждал свою власть. Я написал лишь малую книгу о великих его деяниях, но надеюсь, что памятные труды его уже вписаны в книгу жизни, ибо он был верным слугой предшественника Христа²⁶, величайшего, как утверждал Христос, Господь и Бог наш, из рождённых жёнами, а также первым положил основание последующего почитания Бога в нашем городе. И всё, что позже было воздвигнуто на этой основе, пусть по праву служит его славе. Ведь славное начало и хороший конец, где бы это ни было, лучше всего согласуются между собой. А если во всём добиться этого невозможно, возблагодарим Господа за то, что

он уже сделал, и почтим величие его, чтобы исполнилось всё намеченное. Смиренно умоляйте Бога о милости все верующие, а особенно ты, славный Мерзебург, с духовенством твоим, как Киприда вознесённый, во времена любимого твоего государя над остальными городами твоей округи. Постоянно благодари Бога, и, чтобы всяческие блага исполнились в тебе по Божьему промыслу, усердно в страхе моли его. Ведь только дурным людям свойственно забывать добро, и то, что Всемогущий Господь создал им на благо, оборачивается для них злом. Если я ещё что-либо смогу добавить к указанной книге, то не замедлю это сделать. Если же кто-нибудь помянет нашего великого правителя хотя бы одним добрым словом, да будет к нему наиболее милостив Господь из всех моих слушателей!

¹ Генрих I Птицелов.

² Оттон Светлейший (р. между 830 и 840 гг. – ум. 912 г. 30 ноября) – сын Лиудольфа; герцог Саксонии в 880 – 912 гг. из рода Людольфингов.

³ Хатуи (Гедвига) (р. 853 – ум. 903 г. 24 декабря) – дочь Генриха Бабенберга, с 873 г. – жена Оттона Светлейшего. Помимо Генриха родила Оттону ещё 2-х старших сыновей – Танкмара и Лиудольфа, умерших до 912 г., и 2-х дочерей – Оду (жену, сначала Цвентибольда Лотарингского, а затем графа Герхарда) и Лиутгарду, аббатису Гандерсгеймского монастыря.

⁴ Гораций. Оды, I, 12, 45.

⁵ Поход имел место в 905/906 г. Генриху тогда было 29 лет. Далеминцы (гломачи) – славянское, в то время языческое, племя, населявшее область между рр. Эльба и Мульде, в совр. Верхней Саксонии.

⁶ Во время перемирия с венграми ок. 929 г. Ободриты – славянское племя в западной части Мекленбурга между Эльбой и Балтийским морем; вильцы (слав. Velici – «великие») – племенной союз лотичей в восточной части Мекленбурга и Передней Померании между рр. Эльба, Эльде, Пеене и Одер; Гевеллеры (или стодоране; см. IV, 29) – в Гавелланде. См. Видукин, I, 36; редарии – племя лотичей в Мекленбург-Стрелице.

⁷ В 929 г. Вальслебен – город в Альтмарке, между совр. Вербеном и Аренбургом.

⁸ В 929 г. Ленцен – древнеславянский город на р. Локниц, недалеко от Эльбы.

⁹ Титмар называет здесь своего прадеда с отцовской стороны – Лиутара I фон Штаде, и прадеда со стороны материнской – Лиутара I фон Штаде. Оба являлись основателями династий соответственно Вальбек и Штаде.

¹⁰ См. Вергилий. Энеида, X, 858 f.

¹¹ Битва при Ленцене произошла 5 сентября 929 г. Немецким войском командовали маркграф Бернгард и граф Титмар.

¹² Т.е. венгров.

¹³ В 924 г.? Пюхен – на левом берегу Мульды, близ Вурцена.

¹⁴ Вымысел.

¹⁵ Генрих I не был императором.

¹⁶ В 929 г. Ручей Мейзабах севернее Мейсена.

¹⁷ В 929 или 934 г. Мильцены (мильчане) жили в западном Обер-Лаузице в районе Бауцена.

¹⁸ Лебус – на р. Флеминг к северо-востоку от Шлибена. Пустовал до 1012 г. См. VI, 59.

¹⁹ Генрих предпринял поход против датчан в 934 г. После похода была создана Датская марка. Кнуба, король шведских викингов в районе Хайтабу (а не Канут), был вынужден принять крещение. См. Видукин, I, 40. Адам Бременский называет здесь датского короля Горма.

²⁰ Лейре – к юго-западу от Роскилле. См. Адам, IV, 27.

²¹ Исход, 23, 7.

²² Имеется в виду строительство Генрихом I ряда крепостей с целью защиты от набегов венгров.

²³ 2 июля 936 г. См. Видукин, I, 41. Мемлебен – город на р. Унштрут. Здесь позже скончался сын Генриха I – Оттон I.

²⁴ Генрихом II, которому Титмар посвятил 5 – 8 книги своей «Хроники». Труд свой он действительно не успел окончить.

²⁵ Генрих I не был императором.

²⁶ Т.е. Иоанна Крестителя. См. Матфей, 11, 11; Лука, 7, 28.

Внешняя политика Оттона I Великого (Видукин Корвейский, «Деяния саксов», II, 1-5, 14, 20-21; III, 1-10, 30, 42-49, 52-76)

Оттон I Великий (23 ноября 912 г. – 7 мая 973 г.), герцог Саксонии (936-961 гг.), король Германии с 936 г., король Италии с 961 г., император Священной Римской империи с 962 г. Во время его правления была основана Священная Римская империя.

КНИГА II.

1. После того как умер Генрих – отец отечества, величайший и наилучший из королей, весь народ франков и саксов избрал своим государем его сына Оттона¹, назначенного уже некогда отцом в короли; когда же намечалось место [для проведения] общих выборов 8 [короля], то было решено произвести их во дворце Ахена. Место это расположено невдалеке от [города] Юлии, названного так по имени своего основателя Юлия Цезаря. И когда он [Оттон] туда прибыл, герцоги, начальники областей с остальными отрядами вассалов собрались в колоннаде, которая соединена с базиликой Карла Великого, они посадили нового герцога на сооруженный там трон, протянули к нему руки и торжественно обещали ему свою верность и помощь против всех врагов и [так] по своему обычаю сделали его королем. В то время как герцоги и остальные должностные лица все это совершали, архиепископ со всем духовенством и всем простым народом ожидал выхода нового короля в базилике. Когда тот вышел, архиепископ выступил ему навстречу, левой рукой коснулся правой руки короля и, неся в правой руке посох, перевитый лентой, облаченный в стеллу и соответствующую одежду,

вышел на середину храма и остановился. [Отсюда] он обратился к народу, который стоял вокруг, ибо галерея внизу и наверху в этой базилике была устроена в виде круга так, что весь народ мог его видеть. «Вот, – сказал он, – я привожу вам Оттона, которого бог избрал, государь Генрих некогда назначил, а теперь все князья произвели в короли; если вам это избрание по душе, то покажите это, подняв правую руку к небу». [В ответ] на эти слова весь народ поднял правые руки кверху и громким голосом пожелал новому герцогу благополучия. Затем вместе с королем, одетым по обычаю франков в плотную тунику, архиепископ двинулся к алтарю, на котором лежали королевские инсигнии, меч с поясом, плащ с застежками и жезл со скипетром и короной. В это время архиепископом был некий Гильдеберт, по происхождению франк, по роду занятий – монах, получивший воспитание и образование в Фульдском монастыре, своими заслугами добившийся того, что стал настоятелем этого монастыря, а затем был возведен в сан архиепископа Майнцской кафедры. Это был человек удивительной святости, и помимо мудрости, которой его наделила природа, он был весьма известен своей ученостью. Про него говорили, что он, кроме прочих дарованных ему качеств, обладает даром пророчества. И когда между архиепископами, а именно между архиепископами Трирским и Кёльнским, возник спор о том, кому надлежит посвящать короля и [притязания] первого [основывались на том], что его епископство древнее и основано якобы святым апостолом Петром, а [притязания] второго [на том], что место относилось к его диоцезу, то хотя каждый из них считал, что честь посвящать в короли принадлежит ему, однако и тот и другой уступили ее Гильдеберту, обладавшему всем известным высоким достоинством. [Итак], он подошел к алтарю, взял здесь меч с поясом, повернулся к королю и сказал: «Прими этот меч и сокруши им всех противников Христа, варваров и плохих христиан, волей божьей тебе передана власть над всей державой франков для сохранения прочнейшего мира среди всех христиан». Затем, взяв запястья и плащ, он надел их на [короля] и сказал: «Пусть эта одежда с ниспадающими складками напоминает тебе о том, какое усердие в вере должно тебя воспламенять, [и о том], что в сохранении мира ты должен оставаться непреклонным до конца». Затем, взяв скипетр и жезл, он сказал: «Пусть эти знаки служат тебе напоминанием о том, что ты должен с отцовской строгостью наказывать подданных и протягивать руку милосердия прежде всего слугам божьим, вдовам и сиротам, и пусть в душе твоей никогда не иссякнет елей сострадания, и пусть и сейчас и в будущем тебя венчает вечное вознаграждение». И без промедления архиепископы Гильдеберт и Винфрид помазали [короля] святым елеем и увенчали золотой короной. Те же архиепископы подвели его к трону и поднялись к нему по ступенькам, идущим спиралью: трон был сооружен между двумя колоннами удивительной красоты: отсюда [король] мог видеть всех и был виден всеми.

2. После того как была произнесена хвала богу и торжественно соблюдены таинства, король спустился в залу, подошел к мраморному столу, убранному с королевской пышностью, и сел [за стол] с архиепископом и со всем народом, прислуживали же им герцоги. Герцог Лотарингии Гизелберт, власти которого подлежало это место, заботился обо всем, Эберхард руководил пиршеством, франк Герман возглавлял кравчих, а Арнульф ведал конницей и заботился о размещении и разбивке лагеря. Зигфрид же, самый выдающийся из саксов и второй человек после короля, свояк [покойного] короля, теперь также связанный родством [с новым королем], имел попечение в это время над Саксонией, чтобы не произошло какого-либо вражеского вторжения, а также держал при себе и воспитывал младшего Генриха. А король после того, как пожаловал каждого из князей соответствующим [их] достоинству подарком, как подобало королевской щедрости, приспешенный радости отпустил толпу.

3. Между тем варвары свирепствовали, замышляя новые дела. Болеслав уже убил своего брата, мужа христианской веры и, как передают, в служении богу весьма усердного, и, так как [Болеслав] опасался соседнего подкороля из-за того, что тот подчинился повелениям саксов, он объявил ему войну. Тот обратился к Саксонии с требованием помощи. К нему был послан Азик с отрядом мерзбургцев и с сильным отрядом гессенцев, еще ему было придано войско тюрингов. Ибо первый [из указанных] отрядов был набран из разбойников. Король Генрих был без сомнения достаточно строг к иноземцам, к согражданам же снисходителен во всех делах, поэтому, когда он видел, что кто-либо из воров или разбойников отличается храбростью и способностями к войне, он освобождал его от полагающегося наказания и поселял в пригороде Мерзбурге, он давал такому человеку землю и оружие и приказывал ему щадить своих сограждан, а по отношению к варварам, насколько хватит отваги, предпринимать разбой. Толпа, набранная из такого рода людей, представляла собой готовый отряд для военного похода. Болеслав же, когда услышал о войске саксов и о том, что против него идут отдельно саксы и отдельно тюринги, поскольку был [человеком] острого ума, разделил своих союзников и выставил [свои силы] навстречу каждому из [вражеских] войск. А тюринги, когда неожиданно для себя увидели, что против них идут враги, избежали опасности путем бегства. Азик же с саксами и остальными вспомогательными отрядами немедля ринулся на врагов и большую часть их сокрушил оружием, остальных же обратил в бегство и вернулся в лагерь победителем. И так как он не знал о войске, которое преследовало тюрингов, то воспользовался одержанной победой недостаточно осмотрительно. Болеслав, видя, что наше войско рассеяно, что одни заняты снятием доспехов с убитых, другие – восстановлением телесных сил, а некоторые – сбором корма для лошадей, объединил отступающее и бегущее войско, неожиданно обрушился на ничего не ожидавших и беспечных вследствие недавней победы воинов и уничтожил предводителя со всем нашим войском. Оттуда он отправился к городу короля, сначала взял его

приступом, [а затем] превратил это место в пустыню, что можно видеть и по сей день. Война эта длилась до 14-го года правления [Болеслава]; с этого [года] он стал верным и полезным слугой короля.

4. Однако король, получив известия о такого рода делах, отнюдь не пришел в замешательство, а, наоборот, с божьей помощью собравшись с силами, со всем войском вступил в пределы страны варваров, стремясь укротить их свирепость. Война была, конечно, принесена к ним еще его отцом в связи с тем, что они оскорбили послов его сына Танкмара, о котором мы намерены подробнее рассказать впоследствии. Новый король решил назначить нового военачальника, он избрал на эту должность мужа благородного, деятельного и достаточно благоразумного, по имени Герман. Вследствие получения такой должности [последний] стал вызывать зависть не только у отдельных князей, но и у своего брата Вихмана. Поэтому, притворившись больным, Вихман покинул войско. Вихман был человеком могущественным и сильным, [к тому же] великодушным и настолько сведущим и искусственным в войне, что его подчиненные заявляли, что он знает больше, чем обычный человек. Герман, находясь в первых рядах войска, по вступлении в страну начал войну с врагами, отважно их победил и этим вызвал еще большую зависть у недругов, среди них был Эккард, сын Людольфа, который настолько был раздосадован удачей Германа, что поклялся совершить еще большее или отказаться от жизни. Поэтому, отобрав наиболее храбрых мужей из всего войска, он, нарушив запрет короля, перешел с друзьями болото, которое находилось между вражеским городом и лагерем короля, и немедля напал на врагов, но был ими окружен и погиб со всеми своими людьми. Тех, которые с ним погибли, отобранных из всего войска, насчитывалось 18 человек. Король же, уничтожив множество врагов, а остальных обложив данью, вернулся в Саксонию. Все это произошло в 7 календы октября.

5. После этого испытать доблесть нового короля пришли старые враги – венгры. Вступив во Франконию, они решили, если можно, вторгнуться в западные области Саксонии. Когда король об этом узнал, он, не мешкая, с сильным войском выступил им навстречу, обратил их в бегство и изгнал из своих пределов...

14. Между тем, когда все это происходило, старый наш враг – венгры неожиданно вторглись в Саксонию, разбили лагерь на берегу реки Бады и оттуда стали распространяться по всей области. Предводитель [венгров], выйдя из лагеря с частью войска, в тот же день к вечеру направил знамена к городу под названием Стедиербург. Однако горожане, увидев врагов и [увидев], что они из-за дороги и из-за дождя, который был сильным, стали медлительны, смело сделали вылазку из ворот и сначала устрашили [врага] криком, а затем стремглав обрушились на противников, многих из них перебили, захватив большое число лошадей и знамен, а остальных обратили в бегство. Жители встречавшихся городов, заметив бегство [венгров], теснили их оружием со всех сторон и большую часть из них уничтожили, а самого князя, загнав в грязную яму, убили. Другая часть войска [венгров] направилась на север, но один славянин завел их хитростью в местность под названием Тримининг, где [то войско] из-за трудностей этого места, окруженное вооруженными отрядами, погибло, что внушило большой страх оставшимся [венграм]. Однако предводитель этого войска с немногими [из своих воинов] бежал, но был схвачен и, доставленный к королю, сумел выкупить себя за большое вознаграждение. Когда обо всем этом стало известно, все войско врагов пришло в замешательство, они стали искать спасения в бегстве и [с тех пор] в течение тридцати 125 лет не появлялись в Саксонии...

20. Варвары, однако, пользуясь нашим затруднением, нигде не прекращали поджоги, убийства и опустошения, а Геро, которого король поставил над ними, они задумали убить с помощью хитрости. Однако он, предупреждая хитрость хитростью, пригласил около тридцати князей варваров на большой пир и всех их, усыпленных вином, в одну ночь умертвил. Но так как [Геро] не хватало [сил для борьбы] со всеми племенами – ведь именно в это время поднялись ободриты, уничтожили наше войско и убили самого его предводителя по имени Гайка, – то король поэтому часто сам водил против них войско, которое во многих [сражениях] нанесло им ущерб, поражение и довело их до крайнего несчастья. Тем не менее они предпочитали войну, а не мир и пренебрегали любым бедствием ради дорогой свободы. Ибо это такой род людей: грубых, способных переносить лишения, привыкших к самой скудной пище, и то, что для наших обычно представляется тяжелым бременем, славяне считают неким удовольствием. В самом деле, прошло много дней, а они сражались с переменным успехом, те ради славы, за великую и обширную державу, эти за свободу, против угрозы величайшего рабства. Именно в те дни саксы испытывали натиск многих врагов: с востока – славян, с юга – франков, с запада – лотарингов, с севера – датчан и тоже славян, поэтому варвары вели войну долго.

21. Был некий славянин по имени Тугумир, оставленный королем Генрихом, согласно законам своего рода, на основании отцовского наследства, господином тех, которых называют гаволянами. Этот человек, получив большие деньги и поверив в большие посулы, дал обещание, что предаст [свою] страну. Поэтому, сделав вид, что тайно бежал, он прибыл в город под названием Бранибор; когда народ принял его и признал своим господином, он в скором времени выполнил то, что обещал. Он пригласил к себе своего племянника, который один оставался из всех князей племени, и, захватив его хитростью, убил, а город со всей областью передал во власть 158 короля. Когда это произошло, все варварские племена, вплоть до реки Одер, равным образом подчинились и стали платить дань королю...

КНИГА III

1. После смерти королевы Эдит 6 король перенес на единственного сына Людольфа всю любовь, которую он питал к его матери, и, составив завещание, объявил, что последний будет королем после него. Сам [Людольф] к этому времени был еще нежным юношей, имея не больше 16 лет.

2. Король же отправился в поход в Галлию и после того, как войско было собрано у города Камбрэ, поспешил вступить в королевство Карла под предлогом отмщения за обиду, нанесенную его тестем Людовику. Гуго, когда об этом услышал, выслал посольство и поклялся памятью своего отца, который в свое время погиб, что он будет сопротивляться богу и собственному королю, так как располагает таким количеством оружия, которое король до этого никогда не видел, к этому он добавил слова презрения, лживо и надменно говоря о саксах и [заявляя], что те воинственны и что он легко может одним махом повергнуть семь копий саксов. На это король дал достаточно бранный ответ, сказав, что он имеет

А

такое громадное количество соломенных шапок, которое [Оттон I] может ему [Гуго] предоставить, что ни сам он [Гуго], ни отец его никогда не видели. И действительно, хотя войско [саксов] было и очень большим, а именно состояло из тридцати двух отрядов, однако не нашлось почти никого, кто не воспользовался бы соломенной шапкой.

В

такое громадное количество соломенных шапок, которое [Оттон I] может ему [Гуго] предоставить, что ни сам он [Гуго], ни отец его никогда не видели. И действительно, хотя войско [саксов] было очень большим, а именно состояло из тридцати двух отрядов, однако не нашлось никого, кто не воспользовался бы соломенной шапкой), за исключением Корвейского аббата по имени Бово с тремя его спутниками. Это был человек мудрый и известный, предназначенный, но не оставленный нам богом. Дед его отца, Бово, стал знаменит тем, что читал королю Конраду греческие грамоты; этот предок его носил такое же имя, как и родитель, и превосходил всех доблестью и мудростью. А сам он был внуком Варина, который стал монахом из воина и первым из всех был избран, согласно уставу, в Новой Корвее в аббаты. Он был человеком удивительной святости и в дополнение к своим добродетелям и блаженной памяти принес в Саксонию драгоценное сокровище – останки дорогого мученика Вита.

С

такое количество соломенных шапок, которое [Оттон I] может ему [Гуго] предоставить, что ни сам он [Гуго], ни отец его никогда не видели. И действительно, хотя войско саксов было очень большим, а именно состояло из тридцати двух отрядов, однако не нашлось никого, за исключением очень немногих, кто не воспользовался бы таким покрытием. А Гуго, уверенный в приходе короля, а также и побуждаемый страхом, отпустил Адальберта.

[Завершающая фраза к редакциям А, В и С]:

Людовик, которого отпустили, пошел навстречу королю и присоединился со своими союзниками к его войску.

3. Король же с войском отправился в Лаон и попытался взять его с помощью оружия; оттуда он пошел в Париж и там осадил Гуго, но в то же время почтил должным образом память мученика Дионисия. Оттуда он повел войско против города Реймса, где племянник его Гуго, вопреки всякому закону и обычаю, был провозглашен епископом, в то время как законный епископ продолжал здравствовать. С помощью оружия он взял город, изгнал незаконно возведенного епископа, а законного восстановил в его положении и в церкви.

4. Выбрав из всего войска отряд отборных воинов, [король] оттуда пошел на город датчан Роуен, однако по причине трудностей этой местности и наступления суровой зимы воинов постигло большое бедствие; с уцелевшей [частью] войска, не завершив дела, через три месяца он вернулся в Саксонию, а города Реймс и Лугдун вместе с другими городами, захваченными [ранее] с помощью оружия, были [теперь] уступлены королю Людовику.

5. Гуго, изведав силу короля и доблесть саксов 35, не допустил, чтобы они враждебно вторглись в его пределы. Однако, когда на следующий год король предпринял опять такой же поход, он вышел навстречу ему к реке под названием Кар, но на этот раз подчинился, заключил по повелению короля с ним договор и с тех пор сохранял верность.

6. Король, видя, что его сын Людольф стал уже мужчиной, решил дать ему в жены дочь герцога Германа, известную богатством и знатностью, по имени Ида. Вскоре после того как тесть умер, [Людольф] получил ее [в жены]; все герцогство, таким образом, осталось ему во владение. Обретя власть, он расстался со своим спокойствием, которое было присуще ему в детстве, повел войско в Италию и, захватив там несколько городов и передав их под стражу, дернулся во Франконию.

7. В это время, захватив власть, в Лангобардии правил Беренгар человек жестокий и алчный, который всю справедливость продавал за деньги. Опасаясь королевы, отличавшейся исключительным умом, вдовы короля Людовика, [Беренгар] во многом ее преследовал, чтобы таким образом скорее затмить блеск ее благородства.

8. В это время король отправился в военный поход против Болеслава, короля чехов, и так как необходимо было взять город под названием Новый, в котором был осажден и {таким образом} заперт сын Болеслава, то король, приняв благоразумное решение, прервал сражение, чтобы воины, предавшись грабежу, не подверглись какой-либо опасности. Учитывая доблесть короля и громадную численность его войска, Болеслав вышел из города и счел лучшим подчиниться такому величию, чем подвергать себя крайней опасности 51, стоя

под знаменами, выслушал короля и, дав ему ответ, снискал, наконец, его милость. Король, овеянный славой полной победы, вернулся в Саксонию.

9. Так как добродетель упомянутой ранее королевы не была тайной для короля, то он решил отправиться [к ней] под предлогом путешествия в Рим. Прибыв в Лангобардию, он попытался золотыми дарами завоевать себе любовь королевы. Когда он надежно убедился [в ее чувстве], то сочетался с ней браком и вместе с этим получил город Павию, который являлся местом пребывания короля. Его сын Людольф, увидев это, огорченный, покинул короля, отправился в Саксонию, и на некоторое время задержался в Саалфельде, в месте, которое [некогда] было осквернено заговором.

10. После того как в Италии с королевской пышностью была отпразднована свадьба, король выехал оттуда с вестью о новом брачном союзе, намереваясь провести ближайшую пасху в Саксонии, возбудив тем самым большую радость и признательность на родине. Король Беренгар под воздействием увещаний герцога Конрада, под защиту которого [вместе] с военной охраной была оставлена Павия, последовал за королем в Германию, предполагая заключить с ним мир и подчиниться всему, что он прикажет. Когда он приближался к королевскому городу, то на расстоянии мили от него навстречу ему вышли князья, графы, высшие должностные лица, и, принятый по-королевски, он был проведен в город, где ему было предложено остановиться в подготовленном для него помещении. Однако в течение трех дней он не удостоился видеть короля. Это вызвало досаду у Конрада, одинаковое с ним чувство испытывал и сын короля, Людольф, и оба они считали виновниками этого дела Генриха, брата короля, которого могло побудить к этому старое чувство зависти, и поэтому они стали избегать его. Генрих, зная, что юноша [Людольф] лишен материнской опеки, стал обращаться с ним презрительно, и настолько, что не удержался даже от оскорблений. Между тем король [Беренгар] договорился с королем [Оттоном], и, снискав милость короля и королевы, принес обещание сдаться и назначил срок и место у города Аугсбурга для заключения добровольного договора...

30. Между тем [король] узнал, что в Баварию вошли авары, соединились с [его] противникам и предполагают испытать его силы в открытой войне. И он не утратил такого обстоятельства, никогда не забывая, что является божьей милостью господином и королем, но, собрав сильное войско, выступил навстречу чрезвычайно жестоким врагам. Однако последние уклонялись от встречи и, получив от Людольфа проводников, прошли по всей Франконии, нанося при этом, прежде всего друзьям [короля], такой ущерб, что у одного – по имени Эрнуст, принадлежавшего к противной стороне, захватили в плен сначала более тысячи людей, а затем и всех остальных; таким образом, все эти [действия врага] превосходят то, что можно считать правдоподобным. В воскресенье, перед пасхой, [все жители] Вормса публично встретили авар и преподнесли им многочисленные дары из золота и серебра. Оттуда [авары] отправились в Галлию и другой дорогой вернулись к себе на родину...

42. В тот год 134 Геро одержал славную победу над славянами, которые называются укры. В помощь ему король послал герцога Конрада. Добыча была взята оттуда огромная; в Саксонии поднялось [по этому поводу] великое ликование.

43. Ближайшую пасху король правил с братом, а после этого повел войско против Регенсбурга, вновь обрушив на город оружие и осадные сооружения. Так как [город] был лишен помощи саксов и страдал из-за голода, то горожане вышли из ворот и вместе со [всем] городом сдались королю. Последний осудил главарей [восстания] на изгнание, остальных же, [составлявших] множество, пощадил, а сам со славной победой вернулся на родину, возвратив брату всю область Баварию.

44. Вернувшись в июльские календы в Саксонию, [король] был встречен там венгерскими послами, которые посетили его якобы в подтверждение старой верности и дружбы, а в действительности, как казалось некоторым, они желали разузнать об исходе внутренней войны. Задержав на несколько дней их у себя и одарив дарами, он отпустил [их] с миром, но от послов брата, то есть баварского герцога, он услышал [такие слова]: «Венгры в большом числе вошли в твои пределы, они решили начать с тобой войну». Услышав это, король, будто он и не переносил тягот прошлой войны, выступил против врагов. При этом он смог взять с собой лишь немногих саксов, так как его уже отягощала война со славянами. Когда лагерь расположился в районе Аугсбурга, к [королю] подошло войско франков и баварцев, с сильной конницей прибыл в лагерь также герцог Конрад, с приходом которого воины воспрянули духом и не хотели уже больше откладывать сражения. Ибо [Конрад] отличался храбростью и, что редко бывает присуще храбрым людям, был весьма рассудителен, а когда шел на врага, на коне или пешком, был неутомимым воином, и соратники любили его и во время мира, и во время войны. Отрядами лазутчиков того и другого войска было установлено, что [одно] войско расположено недалеко от другого. После того как в лагере объявили пост, было приказано, чтобы на следующий день все были готовы к сражению. Поднявшись на рассвете, заверив друг друга в соблюдении [внутреннего] мира и в оказании помощи, прежде всего герцогу, а также друг другу, [воины], подняв знамена, вышли из лагеря, числом около восьми отрядов. Войско вели по суровой и трудной местности для того, чтобы не дать врагам привести отряды в замешательство множеством стрел, которыми они ловко пользовались, чему благоприятствовали кустарники, [их скрывавшие]. Первый, второй и третий отряды составляли баварцы, во главе их стояли военачальники герцога Генриха; последний между тем в сражении отсутствовал, так как страдал телесным недугом, от которого и умер. Четвертым [отрядом] были франконцы, их руководителем и попечителем – герцог Конрад. В пятом, который был самым большим и назывался королевским, пребывал сам государь, окруженный

воинами, отобранными из числа лучших, и отважной молодежью; перед ним [несли] знамя с изображением архангела, от которого зависит победа, окруженное плотной толпой [воинов]. Шестой и седьмой [отряды] состояли из швабов, во главе которых стоял Бурхард, женатый на дочери брата короля. Восьмой состоял из тысячи отборных чешских воинов, снабженных оружием лучше, чем [обеспеченных] счастьем; в этом [отряде] находилась вся поклажа и обоз, так как, будучи последним, он считался как бы наиболее безопасным. Однако все произошло иначе, чем предполагали; ибо венгры, отнюдь не мешкая, перешли реку Лех, окружили войско и стали забрасывать стрелами именно последний отряд, а затем с ужасным криком напали [на него], одних убили, других взяли в плен и, овладев всей поклажей, обратили в бегство остальных воинов этого отряда. Подобным же образом они напали на седьмой и шестой отряды и, когда многие из воинов были повергнуты, [остальных] тоже обратили в бегство. Когда король понял, что впереди происходит сражение, а сзади последние отряды подвергаются опасности, он послал туда герцога с четвертым его отрядом, тот отнял [захваченную врагами] добычу и опрокинул их разбойничьи ряды. А когда грабительские отряды противника были рассеяны, герцог Конрад с победоносными знаменами вернулся к королю; и достойно удивления, что в то время как старые воины, привыкшие к славе и победам, медлили, он [одержал победу], имея в распоряжении [только] молодых воинов, почти не искушенных в военном деле.

45. В то время как все это происходило в Баварии, Тиадорик вел с переменным успехом борьбу против варваров. Пытаясь взять один их город, он преследовал врагов до входа в ворота и, загнав их внутрь города, захватил и сжег пригород, все же находившиеся вне [городских] стен были им или перебиты, или взяты в плен. Когда [Тиадорик] после того, как пожар был погашен, возвращался обратно и половина [его] воинов уже успела перейти болото, расположенное возле города, славяне, заметив, что наши оказались в затруднительном положении и не имеют возможности ни сражаться, ни бежать, с громким криком обрушились сзади на них, повернувшись обратно. И когда наши [воины] обратились в постыдное бегство, они [славяне] уничтожили до пятисот мужей из их числа.

46. Между тем великий страх и тревога охватили всю Саксонию по причине неудачи, постигшей короля и его войско. Нас повергли в ужас, кроме того, необыкновенные знамения. Во многих местах сильной бурей были разрушены храмы, и это приводило в трепет тех, кто это видел и слышал; от удара молнии погибли некоторые духовные служители обоего пола, и еще многое происходило в то время такое, о чем страшно рассказывать и что поэтому нам следует опустить. [Король], предвидя всю трудность приближающегося сражения, чтобы ободрить своих соратников, обратился к ним со следующей речью: «Нам необходимо запастись мужеством в столь тяжелом испытании; это видно и вам самим, мои воины, ибо вы имеете дело с противником, стоящим не [где-то] вдаль от вас, а [непосредственно] перед вами. До сих пор с помощью ваших неутомимых рук и вашего славного непобедимого оружия я одерживал победы везде за пределами моей страны и державы, так неужели же мне теперь в своей державе, своем королевстве, надо показать [врагам] спину? Знаю, что противник превосходит нас числом, но не доблестью и не оружием; как нам известно, значительная часть [вражеского войска] совершенно лишена всякого оружия и почти лишена божьей помощи. Им служит оплотом лишь собственная смелость, нам же – надежда на бога и его помощь, покровительство. Позорно было бы, если бы мы, ныне повелители почти всей Европы, подали руку врагам. Уж лучше мы, мои воины, со славой умрем в бою, если близок конец, чем, поддавшись врагу, будем в рабстве влачить нашу жизнь или подобно несчастным животным, [идушим на убой], кончать ее на виселице. Я бы сказал больше, мои воины, если бы я знал, что с помощью слов можно увеличить доблесть и смелость в ваших душах. Лучше уж начнем беседу [с врагом] с помощью меча, чем с помощью языка». Сказав это, он поднял щит и священное копьё и первым направил коня на врага, выполняя обязанность и храбрейшего воина, и выдающегося полководца. Более смелые из врагов вначале оказывали сопротивление, но затем, увидев, что союзники [их] обратились в бегство, пришли в смятение, смешались с нашими и были уничтожены. Некоторые из оставшихся [в живых], поскольку лошади их устали, вошли в ближайшие деревни и, будучи окружены воинами, были сожжены вместе с домами; некоторые, переплыв через реку, протекавшую поблизости, не смогли подняться на противоположный берег, были поглощены водой и погибли. В тот же день лагерь был захвачен и все пленные освобождены. На второй и третий день полчища оставшихся [в живых врагов] настолько были истреблены соседними городами, что почти никому не удалось спастись. Но победа над столь свирепым народом была достигнута не без кровопролития.

47. Так как герцог Конрад сражался весьма храбро, то он был крайне возбужден и разгорячен как [собственной] пылкостью, так и солнечным зноем, который в тот день был особенно сильным; он снял забрало и хотел глотнуть [свежего] воздуха, но тут [вражеская] стрела пронзила его горло, и он пал мертвым. Тело его по распоряжению короля было с почетом поднято и перенесено в Вормс, и здесь этот великий муж, славный всеми душевными и телесными доблестями, был погребен, сопровождаемый плачем и рыданиями всех франков.

48. Три предводителя венгров были взяты в плен и приведены к герцогу Генриху и, как того и заслуживали, были приговорены к позорной смерти, а именно; были казнены через повешение.

49. Король снискал славу благодаря замечательной победе, и войско провозгласило его отцом отечества и императором. Приказав поэтому воздать почести и достойное почитание господу отдельно в каждой из церквей и поручив затем через послов сделать то же самое по отношению к святой матери, победитель, при ликовании и великой радости саксов, вернулся [в Саксонию] и был весьма радушно принят своим народом;

ведь до него никто из королей на протяжении двухсот лет не праздновал такой победы. (Сами [саксы], занятые на войне с венграми, не принимали участия в борьбе со славянами.)...

52. Вскоре же после ближайшей пасхи в страну вторглись варвары. Вождем их, причем только в этом злодеянии, а не в управлении [их страной], стал Вихман; не допуская никакого промедления с военной помощью [саксам], явился сам герцог Герман; видя, что у врагов войско сильное, а его военные силы весьма незначительны, так как внутренняя война не давала покоя, он считал более благоразумным в установленном трудном положении отложить борьбу и приказал толпе [жителей], стекавшихся в большом числе в один город, так как остальным они не доверяли, любым способом добиваться мира. Воины [Германа] очень неохотно приняли такое его решение, и больше всех {был недоволен} Зигфрид, отличавшийся особой воинственностью. Но жители Кокаресцеми, как и приказал герцог, добились мира на том условии, что свободные с женами и детьми должны безоружными подняться на [городскую] стену, оставив посреди города в распоряжении врага [своих] рабов и все свое обзаведение. Когда варвары вторглись в город, один из них узнал в жене какого-то вольноотпущенного свою служанку. Когда [варвар] попытался вырвать ее из рук мужа и в [завязавшейся] драке получил удар, он стал кричать, что саксы нарушили мир, и поэтому все вновь обратились к битве, в которой [варвары] никого [из взрослых] не оставили в живых, всех совершеннолетних [мужчин] предали смерти, а матерей с детьми увели в плен.

53. Стремясь отомстить за это злодеяние, император, одержав победу над венграми, вошел как враг в страну варваров. Было рассмотрено дело о саксах, которые вошли в сговор со славянами: решили, что Вихмана и Экберта следует объявить врагами государства, а из остальных пощадить тех, кто захотел бы вернуться к своим. При этом присутствовали также послы от варваров, заявившие, что [их народ] хочет платить дань согласно обычаю, оставаясь на положении союзника, тем не менее, однако, они хотят сами удерживать власть в [своей] стране; они согласны на мир только на таких условиях, в противном случае будут с оружием бороться за свободу. Император ответил, что никоим образом не отказывается от мира с ними, но предоставить его на любых условиях не может. Разве только они искупят нанесенную ими обиду достойным почитанием и исправлением; и он повел войско в [их] страну, опустошая и предавая огню все [на своем пути], пока, наконец, не раскинул лагерь у реки Раксы, трудной для перехода из-за болотистой местности; [здесь] он был окружен врагами, ибо сзади была дорога, заваленная крепкими деревьями и защищаемая отрядами воинов [противника], спереди находилась река, рядом с рекой болото, а [дальше] воинственные славяне с громадным войском, мешавшие [нашим] действовать и отрезавшие им путь. [Наше] войско было истощено болезнями, голодом и другими лишениями. И когда такое [положение] длилось уже много дней, к князю варваров по имени Стойнеф был послан наместник Геро с предложением сдаться императору [на условии], что тогда его примут как друга и не будут испытывать как врага.

54. Геро обладал, конечно, многими хорошими качествами: военным опытом, большим благоразумием по внутренним делам, достаточным красноречием, широкими познаниями; свою рассудительность он сумел показать больше на деле, чем на словах: он был ловок в приобретении и щедр в пожалованиях и – что наиболее важно – проявлял большое усердие в служении господа. Итак, через болото и реку, к которой примыкало болото, предводитель приветствовал варвара. Славянин ответил ему тем же. [Тогда] наместник сказал ему: «Хватит с тебя и того, что ты затеял войну против одного из наших, против слуги моего господина, а не против [самого] господина, моего короля. Каким же должно быть твое войско и каким твое оружие, если ты такое предполагаешь? Если вы [действительно] хоть сколько-нибудь доблестны, если обладаете хитростью и [достаточно] храбры, тогда дайте нам возможность пройти к вам или же вы придите к нам, и пусть тогда на ровном месте будет испытана храбрость воинов». [В ответ на это] славянин, по обычаю варваров скрежеща зубами и изрыгая множество ругательств, стал издеваться над Геро, над императором и над всем [саксонским] войском, зная, что оно из-за многих тягот оказалось в трудном положении. Тогда Геро, раздраженный этим и поскольку был человеком горячего нрава, сказал: «Завтрашний день покажет, храбры ты и твой народ или нет, ибо завтра вы без сомнения увидите, что мы вступим с вами в борьбу». Хотя Геро некогда уже снискал себе славу благодаря своим выдающимся деяниям, тем не менее его [вновь] стали провозглашать как великого и знаменитого за то, что он с [такой] великой славой начал [дело] со славянами, которых называют руанами. Геро вернулся в лагерь и сообщил то, что услышал. Император же поднялся среди ночи и приказал метанием стрел и другими средствами вызвать [врага] на сражение, делая при этом вид, что [наше] войско якобы хочет перейти реку и болото. Славяне, [после выслушанных] вчера угроз ни о чем другом не думавшие, стали готовиться к битве, всеми силами защищая дорогу. А Геро со своими союзниками руанами вывел из лагеря около тысячи воинов и, в то время как враги ничего не подозревали, быстро построил три моста и послал гонца к императору, вызывая все войско. Увидев это, варвары устремились навстречу [нашим] отрядам. Поскольку пешим воинам варваров пришлось пройти более длинный путь, [пока] они вступили в сражение, то, ослабленные усталостью, они скоро отступили [перед нашими] воинами и, когда пытались искать спасения в бегстве, без промедления были истреблены.

55. Стойнеф с конницей, [расположившись] на высоком холме, выждал исхода дела; увидев, что воевавшие на его стороне обратились в бегство, он попытался и сам бежать, однако вместе с двумя своими спутниками был настигнут в роще и, поскольку был утомлен сражением и лишился оружия, нашему воину по имени Госед удалось его обезглавить. Один из спутников [Стойнефа], оставшийся в живых, был взят в плен и

вместе с головой и доспехами короля тем же воином был доставлен к императору. Благодаря этому Госед стал известным и знаменитым; в награду за столь славный поступок он получил в дар от императора двадцать мансов с доходами от них. В тот же день лагерь противника был взят, многие в нем были убиты или уведены в плен; и кровопролитие продолжалось до глубокой ночи. На следующий день голову короля [варваров] выставили в поле, а возле [этого места] обезглавили семьсот пленных, советнику [короля варваров] выкололи глаза, вырвали язык и оставили как бесполезного среди трупов. Вихман и Экберт, сознавая свои злодеяния, ушли в Галлию, бежав к герцогу Гуго.

56. Император приобретший благодаря многократным победам славу и известность, стал вызывать страх и вместе с тем благосклонность к себе многих королей и народов, ему приходилось поэтому принимать различных послов, а именно от римлян, греков и сарацин, и получать через них дары разного рода – золотые, серебряные, а также медные сосуды, отличавшиеся удивительным разнообразием работы, стеклянные сосуды, изделия из слоновой кости, выючные седла различной выделки, благовония и мази различного рода, животных, невиданных до этого в Саксонии, львов и верблюдов, обезьян и страусов, и окрестные христиане все возлагали на него свои дела и чаяния.

57. Людольф же, сын императора, поскольку хотел сохранить верность своим друзьям, оставил отечество и отправился с ними в Италию; проведя [в этой стране] почти целый год, он встретил [там] свой последний час, и смерть его нанесла жестокую рану всей державе франков. Воины устроили его погребение с должными почестями, тело [его] перенесли из Италии в Майнц и похоронили в базилике мученика Албана, чему сопутствовали печаль и рыдание многих народов. После себя [Людольф] оставил сына, нареченного именем отца.

58. Послание [с известием] о его смерти было доставлено императору, когда тот находился на войне, так как воевал [тогда] с ротарями, поэтому император пролил много слез, оплакивая смерть сына; в остальном он преданно положился на правителя всех – бога, который до этого заботился о его державе...

63. После упорядочения необходимым образом всех дел во Франкнии и Саксонии и у окружающих соседних народов [император], решив отправиться в Рим, прибыл в Лангобардию.

При моих недостаточных способностях мне не рассказать [как подобает] о том, как император после двухлетней осады пленил лангобардского короля с женой и детьми и отправил их в изгнание, как одержал победу в двух битвах над римлянами и завоевал Рим, как подчинил герцогов Беневента, как одолел греков в Калабрии и Апулии, как открыл залежи серебра в Саксонии и с каким великолепием расширил вместе с сыном свою державу, но, как я упомянул уже в начале моей истории, достаточно будет, если я буду трудиться с такой же преданностью, [как раньше]. Впрочем, пусть [этот] смиренный труд, [написанный] с великой преданностью, прославит твою светлость, которую всем на почитание и нам в утешение оставило отечеству величие [твоего] отца и брата. И что послужило во внутренней войне концом, пусть для книжечки [этой] будет венцом.

64. Получив прощение на родине, Вихман вел себя спокойно, пока имел надежду на возвращение императора. Но когда возвращение последнего было отложено, он отправился в северные части страны, стремясь якобы снова затеять войну с королем датчан Гарольдом. Тот же велел [передать] ему, что он понимает, что Вихман без хитрости готов на союз с ним лишь в том случае, если, [воспользовавшись им], сможет убить герцога или кого-либо из князей, в противном, же случае не замедлит повести дело обманным путем. Между тем преступные замыслы [Вихмана] были раскрыты неким проезжим купцом. Некоторые из соучастников [его заговора] были схвачены и, как действующие против государства, осуждены государем. Они кончили жизнь на виселице, сам же [Вихман] вместе с братом едва успели убежать.

65. Датчане с древних времен были христианами, тем не менее, следуя обычаю отечества, поклонялись идолам. И случилось, что на каком-то пиру в присутствии государя возник спор о почитании богов, когда датчане стали утверждать, что Христос – бог, но имеются и другие боги, более [могучие, чем Христос], так как могут вызывать перед людьми еще большие знамения и чудеса. Против этого [утверждения], выступил один клирик, ныне ведущий набожную жизнь епископ по имени Попо, который заявил, что единым богом является [бог] отец с едиnorodным сыном, господом нашим Иисусом Христом и со святым духом, а идола – суть ложные боги. Король Горальд, тот именно, который, как говорят, был скор на слушание и медлителен в беседе, спросил [клирика], не желает ли он сам лично разъяснить свою веру. Тот незамедлительно ответил согласием. Король распорядился взять клирика под стражу до следующего дня. С наступлением же утра он велел бросить в огонь большой кусок железа, а затем приказал клирику во имя католической веры [взять и] нести это раскаленное железо. Исповедник Христов не колеблясь взял железо и нес его столько времени, сколько угодно было королю: [затем] он показал всем свою руку, оказавшуюся неповрежденной; тем самым он доказал, что католическая вера заслуживает одобрения. [В ответ] на это обращенный [в веру] король распорядился почитать богом одного только Христа, приказал уничтожить идолов у подчиненных народов и с тех пор воздавал должные почести священникам и служителям господа. Но и это заслуженно приписывается доблести твоего отца, ибо благодаря его неусыпной деятельности церковь и церковные служители стали процветать в этих областях.

66. Итак, маркграф Геро, не забыв о принесенной присяге, видя, что Вихман обвинен, и узнав о [существовании] дела, отпустил его к варварам, от которых его [ранее] принял. Охотно принятый ими [Вихман] частыми нападениями стал беспокоить варваров, живших дальше. В двух сражениях он нанес поражение

королю Мешко, под властью которого были славяне, которые называются лицикавики, убил его брата и захватил при этом большую добычу.

67. В это же время наместник Геро одержал величайшую победу над славянами, которых именуют лужичане, принудив их к крайнему подчинению; однако [он добился этого] не без большого ущерба, [поплатившись] гибелью [своего] племянника, лучшего мужа, а также других многих благородных мужей.

68. Герцогу Герману подчинились два подкороля, наследовавшие от отцов взаимную вражду; одни [из них] назывался Селибур, другой – Мистов. Селибур стоял во главе вагров, Мистов во главе ободритов. Они часто обвиняли друг друга, [наконец] Селибура признали виновным, и герцог присудил его [к уплате] 15 талантов серебра. [Селибур] тяжело воспринял приговор [и] был вынужден поднять оружие против герцога. Но так как войска у него было недостаточно, то, отправив послов, он попросил у Вихмана помощи против герцога. [Вихман] же, не зная для себя ничего более отрадного, чем возможность причинить какую-нибудь неприятность дяде, срочно прибыл со своими приверженцами к славянину. Как только Вихман вошел в город, последний тотчас же был окружен валом [для защиты] от вражеской осады. Войско под предводительством герцога осадило город. Между тем, не знаю – случайно или по [чьему-то] разумному совету, Вихман с немногими [своими сторонниками] вышел из города, якобы для того, чтобы получить для себя помощь от датчан. Прошло немного дней, в течение которых возникла нехватка в пище для воинов и в корме для скота. Находились такие, которые утверждали, что славяне лишь делают вид, что ведут войну, что [их] война на самом деле не настоящая, что представляется невероятным, чтобы люди, с детства привыкшие к войне, были столь плохо в военном деле подготовлены; они утверждали, что герцог затеял [все] это по своему замыслу, чтобы каким-либо способом одержать верх над племянником и таким образом по крайней мере восстановить благополучное положение на родине и не погибнуть среди язычников. Тем временем горожане, терзаемые голодом и тяжело перенося зловоние скота, вышли все из города. Герцог обратился с суровыми словами к славянину, обвинил его в вероломстве и в негодности его действий, однако получил от него следующий ответ: «Почему же ты обвиняешь меня в вероломстве? Ведь вот благодаря моему вероломству безоружными стоят те, которых ни ты, ни господин твой император победить не смогли». [В ответ на это] герцог промолчал, но тем не менее лишил славянина власти над областью, передав ее сыну его, который раньше был получен им как заложник. Воины Вихмана были подвергнуты различным наказаниям, а добыча, [захваченная] в городе, роздана воинам; у отлитой из меди статуи Сатурна найденной среди прочего награбленного в городе, [герцог] устроил для народа большое зрелище и [после этого] победителем вернулся на родину.

69. Вихман, узнав, что город взят и сторонники его потерпели поражение, повернул на восток, снова появился у язычников и повел переговоры со славянами, которых зовут вилинами, [он хотел], чтобы они каким-либо образом вовлекли в войну Мешко – друга императора, что отнюдь не осталось для него [Мешко] тайной. Последний послал [посольство] к королю чехов Болеславу, ибо тот был его зятем, и получил [от него] два отряда конницы. И когда Вихман повел против него войско, он [Мешко] выставил против него прежде всего пеших воинов. В то время как [воины] по приказу [князя] стали постепенно отступать перед Вихманом и тот все дальше оттягивался от лагеря, в тыл [ему] была послана конница, [и князь] дал знак отступающим повернуться обратно и наступать на врага [Поскольку и спереди и сзади Вихман оказался стесненным, он попытался бежать, но сторонники обвинили его в предательстве, так как [ведь] он сам подстрекал их к битве, а [теперь] надеется при первом удобном случае легко спастись на коне бегством. [Вихман] вынужден был сойти с коня, пешим вступил в сражение вместе со своими приверженцами и сражался в этот день мужественно, защищаясь с оружием [в руках]. Изнуренный уже голодом и долгой дорогой, которую вооруженный проделал в течение всей ночи, утром с немногими своими [воинами] он вошел в какой-то двор. Его обнаружили вражеские начальники и по вооружению [его] поняли, что перед ними муж высокого положения, а когда его спросили, кто он такой, тот признался, что он Вихман. Они потребовали от него сложить оружие и затем обещали, что доставят его в неприкосновенности к своему господину и добьются у него, чтобы [Вихман] вернулся невредимым к императору. И хотя [Вихман] попал в крайне тяжелое положение, он, однако, памятуя о своем знатном происхождении и доблести, отказался подчиниться этим людям, но просил их, чтобы они известили о нем Мешко и [сказали], что он хочет сложить оружие и подчиниться ему. Когда те послали к Мешко [известить его об этом], бесчисленная толпа окружила [Вихмана] и стала дерзко на него нападать. Он же, хотя и был изнурен, многих из них, однако, опрокинул на землю и, наконец, схватив меч, передал его знатнейшему из врагов со словами: «Возьми этот меч и отнеси своему господину, пусть он примет его в знак [своей] победы и пусть передаст [своему] другу императору, чтобы тот смог или надсмеяться над повергнутым врагом, или по крайней мере оплакивать родственника». Сказав это, он, насколько мог это сделать, повернулся к востоку, на родном языке обратился с молитвой к господу и отдал милосердию творца душу свою, отягченную многими горестями и несчастьями. Таков был конец Вихмана, и таков [был конец] почти всех, кто поднимал оружие против императора, отца твоего.

70. Император получил оружие Вихмана и, удостоверившись при этом в его смерти, написал герцогам и [другим] высшим лицам Саксонии послание такого рода: «Оттон, августейший император божьей милостью, обращается со всем расположением к герцогам Герману и Тиадорику и ко всем другим правителям нашего государства. По воле бога я здоров и все дела [мои] идут вполне благополучно. Между прочим, к нам прибыли послы константинопольского короля, люди достаточно выдающиеся по своему достоинству, и, как мы узнали,

они весьма старались получить мир. Однако по воле божьей, как бы ни обстояло дело, они никоим образом не осмелятся склонить нас на свою сторону войной. В случае, если бы мы выразили несогласие, они отдадут [нам] провинции Апулию и Калабрию, которыми до сих пор владели. Если же они подчинятся нашей воле, то мы решили этим летом направить [свою] супругу с носителем нашего имени во Францию, а сами отправимся в путь, сопутствуемые господом, через Фраксинат для сокрушения сарацин [и таким образом прибудем и] к вам. Кроме того, мы желаем, чтобы ротари, которые, как мы слышали, понесли такое поражение, ибо вы знаете, как часто они нарушали верность и какие обиды наносили, не получали от вас никакого мира, Поэтому, обдумав это с герцогом Германом, всеми силами тесните их и положите конец уничтожению их. Если будет необходимо, мы сами пойдем на них. Сын наш на рождество получил корону от святого епископа к достоинству [нашей] державы. Написано в Кампаньи близ Капуи в 15 календы февраля». Когда это письмо было прочитано на собрании народу в месте, которое называется Варла, в присутствии князей и многочисленного простого люда, стало ясно, что мир, уже пожалованный ротарям, следует сохранить, чтобы [император] мог вести теперь войну против датчан, так как для ведения одновременно двух войн войска было недостаточно.

71. Император, в достаточной степени доверяя послам греков, направил к условленному месту часть [своего] войска со многими знатными мужами, чтобы им, согласно торжественному обещанию послов, была передана девица и с почетом приведена к [его] сыну. Однако греки обратились к хитрости своих предков – ведь они испокон веков были господами большинства народов мира, превосходя их не доблестью, а хитростью, – и внезапно напали на не ожидавших и не подозревавших ничего худого людей, разграбили [их] лагерь, многих убили, многих схватили и привели к своему императору в Константинополь. Те же, которые смогли убежать, вернулись к [своему] императору и рассказали, что произошло.

72. А он [император], взволнованный этим обстоятельством и желая смыть с себя это бесчестие, послал в Калабрию, придав им сильный отряд войска, выдающихся [своих] мужей – Гунтера и Зигфрида, которые не раз уже прославляли себя как во внутренних, так и во внешних делах. Греки же, возгордившись прошлой победой, стали менее осторожными и [поэтому] попали им в руки; бесчисленное множество их было перебито, а тем, которые попали в плен, вырвали ноздри и разрешили вернуться в новый Рим. Они [Гунтер и Зигфрид] взяли с греков дань в Калабрии и Апулии и, украшенные этой победой, обогащенные взятой у врага добычей, вернулись к императору.

73. Когда царь в Константинополе узнал от своих о неудачном сражении, [то жители этого город;] восстали против своего императора и с помощью ухищрений его собственной супруги я военного заговора свергли [императора, а] на место господина поставили в империи воина. Поставленный король немедленно освободил пленных, а девицу с большим войском и богатыми дарами отправил к [нашему] императору. Последний сразу препроводил ее к [своему] сыну, и когда была отпразднована великолепная свадьба, по всей Италии и Германии по этой причине настало великое веселие. В то время, как все это происходило в Италии, архиепископ Вильгельм, муж мудрый и рассудительный, благочестивый и ко всем благожелательный, управлял державой франков, которая была вверена ему [его] отцом.

74. Его мать, правда, была чужеземкой, однако происходила из знатного рода. Когда он узнал, что мать императора, по имени Матильда, женщина удивительной святости, начала недомогать, он стал ожидать ее смерти, однако получилось так, что его собственная смерть наступила раньше. И если бы мы захотели что-либо сказать, чтобы воздать хвалу [Матильде], то мы не в состоянии были бы это сделать, так как добродетель этой женщины превосходит все наши способности. Разве сможет кто-либо достойным образом поведать об ее неутомимости в отношении богослужения? Всю ночь мелодии разного лада и рода божественных песнопений наполняли ее келью. Ибо келья ее находилась рядом с церковью, в ней она спокойно отдыхала; каждую ночь, поднявшись, она выходила из нее в церковь, а внутри кельи у дверей ее и на дороге плотным рядом стояли мужчины и женщины и пели, восхваляя и превознося божественную кротость. Находясь в церкви, она проявляла усердие в чтении молитв и в бдении и дождалась торжественной обедни. Затем она везде выслушивала немощных, навещала [их] по соседству, предоставляла им необходимое, протягивала руку помощи 'беднякам и со всей щедростью принимала пришельцев, которые всегда [здесь] находились; никого она не отпускала без ласкового слова, никого не оставляла без подарка или без необходимой поддержки. Часто она посылала что-либо необходимое [даже] странникам, которых замечала издали из своей кельи. И хотя подобные заботы она несла весьма смиренно и днем и ночью, тем не менее, однако, она не умаляла королевского достоинства и, как пишут, хотя и была всегда как королева окружена народом, однако всегда и повсюду оставалась утешительницей страждущих. Всех домашних слуг и служанок она обучала различным искусствам, а также грамоте, ибо и сама знала грамоту, которую достаточно успешно изучила после смерти короля. И если бы я захотел рассказать о всех ее добродетелях, [то] мне не хватило бы времени, даже если бы я обладал даром красноречия Гомера или Марона, [то и его для этого] не хватило бы. Итак, достигнув преклонных лет и всеобщего почета, совершив много добрых дел, одарив многих милостыней, раздав все королевские богатства слугам и служительницам божьим, а также беднякам, она во вторые иды марта отдала душу спую Христу. В это же время завершил свой последний день и Бернгард, которого в свое время весь народ провозгласил самым достойным [сана] священника. Пусть никто не упрекнет нас за то, что мы передали благочестивую молву об этих [людях], а то время как не все с опасностью для истины могли проверить. От некоего отшельника мы

слышали, что он, не знаю, то ли в состоянии вдохновения, то ли в явившемся ему видении, наблюдал якобы, как бесчисленное множество ангелов с неопишуемой торжественностью возносили на небо душу епископа и королевы.

75. Итак, император, когда ему стало известно о смерти матери, сына, а также некоторых других высоких лиц, – ибо уже раньше умер и Геро, человек великий и могущественный, – решил отказаться от похода во Фраксинат и по завершении дел в Италии остаться на родине. До него также дошел слух, что многие из саксов якобы хотели восстать, но поскольку этот слух был необоснован, мы полагаем, что недостойно о нем и рассказывать. Император с великой славой покинул Италию и после пленения короля лангобардов, покорения греков и победы над сарацинами – с победоносными отрядами вступил в Галлию, чтобы оттуда пройти по Германии и отпраздновал, ближайшую пасху в таком знаменитом месте, как Кведлинбург; множество различных народов, собравшись здесь, с великой радостью приветствовали возвращение императора с сыном в отечестве. Однако он оставался там 17 дней, не больше, и выехал оттуда, желая отпраздновать воскресенье господне в Мерзебурге. Печальный проходил он по этим местам, [вспоминая] смерть превосходного мужа, герцога Германа, который оставил у всех людей вечную память о себе благодаря своей рассудительности, справедливости и удивительной неумолимости как во внутренних, так и во внешних делах. Приняв послов из Африки, которые оказали ему королевские почести и преподнесли дары, он оставил их [послов] у себя. Во вторник перед троицей он прибыл в место по названию Миминлев. На следующую ночь по обычаю он встал с постели на рассвете и присутствовал на ночном и утреннем богослужении. После этого он немного отдыхал. Затем, отслушав обедню, согласно обычаю роздал милостыню бедным, отведал немного пищи и снова отдыхал в постели. Когда же наступил [обеденный] час, он вышел радостный и веселый и сел к столу, а закончив все свои дела, присутствовал при вечернем богослужении. По окончании евангелических песнопений он почувствовал жар и усталость. Окружавшие его князья, заметив это, усадили его в кресло. Когда он опустил голову, словно уже умирая, они привели его в себя. Попросив причастить его телом и кровью господними и причастившись, он без стога, с величайшим спокойствием испустил последний вздох, в то время как шла божественная служба милосердному создателю всего сущего. Оттуда его перенесли в опочивальню, и так как время было уже позднее, о смерти его объявили народу. Народ много толковал, воздавая ему хвалу и благодарность, вспоминая, с какой отеческой снисходительностью он правил подданными, как освобождал их от неприятеля, как победил орудием гордых врагов – авар, сарацин, датчан, славян, подчинил Италию, а у соседних народов разрушил святилища идолов, воздвиг храмы и призвал священнослужителей. Рассказывая друг другу много прочего хорошего о нем, парод присутствовал на королевских похоронах.

76. Хотя он уже и был некогда помазан на королевство и наречен святой апостольской властью императором, однако с наступлением утра [следующего дня] они стали наперебой, как [это было заведено у них] испокон веков, протягивать руки [к нему], как к единственной надежде всей церкви, как к сыну императора, они обещали [ему] верность и свою помощь против всех врагов и [это обещание] подтвердили военной присягой. Итак, вновь избранный в государи уже всем народом, он перенес тело отца в город, который тот сам пышно построил, с великолепием воздвиг под названием Магдебург. Итак, в майские ноны, в среду перед троицей, скончался император римлян, король народов, оставив по себе на веки многие и славные следы памяти как в духовных, так и в светских делах.

¹ Оттон I Великий.

(Титмар Мерзебургский, «Хроника», II, 1-2, 5, 9-15, 29-31, 45)

1. (1.) Все знатные люди королевства, стремясь смягчить великое горе королевы Матильды, единогласно избрали своим королём и государем её сына Оттона, что соответствовало указанию и просьбе его отца, и, подняв вверх правые руки, воскликнули: «Пусть живёт и здравствует вечно король-победитель!»...

2. Многие напасти, однако, расстроили его благополучие. Ведь безбожный Болеслав¹, убив своего брата Венцислава², князя Чехии, верного Богу и королю, долгое время оказывал ему отчаянное сопротивление. Позже, однако, несмотря на своё мужество, он был побеждён королём и передан в услужение³ его брату – Генриху, герцогу Баварии.

Восстали также авары, некогда враждебные его отцу, но надолго им усмирённые. Однако, обращённые в бегство, они быстро вернулись восвояси⁴...

5. (3.) Между тем, Беренгар⁵, захватив королевство Людовика, 20 апреля⁶ схватил и ограбил в Комо его вдову Адельгейду, после чего достойным жалости образом мучил её тюрьмой и голодом. Король наш услышал о её достойной похвалы красоте и манерах. Сделав вид, будто направляется в Рим, он, достигнув в пути Ломбардии, через послов начал переговоры с названной госпожой. Устроив ей бегство из тюрьмы и приобретя подарками её расположение, он заставил её уступить его воле. Вместе с ней он приобрёл также город Павию⁷. Дудо⁸, сын его, крайне этим огорчённый, поспешил в наши земли, и укрылся в местах, примыкающих к Заальфельду⁹, удалённых и удобных для злодейства. После этого король, укрепив гарнизоном Павию и приведя в порядок все необходимые там дела, вернулся домой. За ним последовал Беренгар в сопровождении герцога

Конрада¹⁰. Сдачей себя и своего сына в городе Аугсбурге, он заслужил милость короля, а, смиренно умоляя о прощении, смягчил также гнев королевы, после чего с добрым миром вернулся на родину...

9. (4.) И вот авары, будто уже забыв свершённое [ранее] преступление, опять подняли против нас оружие¹¹. Об их вторжении королю сообщил герцог Генрих, отозвав его из уже начатого похода. Король же, вызвав к себе в город Аугсбург всех своих вассалов, заявил, что лучше умрёт, чем будет терпеть далее столь великое зло. Ободряя их, он обещал награду и свою милость всем, кто будет ему помогать, и наказание – уклоняющимся. Собрав отовсюду лишь 8 отрядов, он выстроил их против врага и ободрил, говоря, что, погибнув здесь, они обретут награду в вечности, победив же – получат радость в этой жизни. Внезапно, энергичный враг тайно обошёл их ничего не подозревающие ряды возле стремительной реки Лех и, одолев, многих тогда убил и ограбил. Узнав об этом, король отправил герцога Конрада с его людьми назад, а тот, отняв пленных со всей добычей из пасти хищного волка, одержал победу и вернулся в лагерь.

10. На следующий день, а именно, в праздник Христова мученика Лаврентия¹², король, пав ниц и признав себя одним виновным за всех пред Богом, проливая слёзы, дал такой обет: Если Христос удостоит в этот день во имя вмешательства столь великого глашатая¹³ даровать ему победу и жизнь, то в городе Мерзебурге он создаст епископство в честь того, кто одержал победу над огнём¹⁴, а свой большой дворец, недавно начатый, перестроит ради него в церковь. Тотчас же поднявшись с земли, он отпраздновал мессу и принял от славного Ульриха¹⁵, своего исповедника, предложенное им Святое Причастие. Затем, взяв щит и священное копьё, он, опережая воинов, первым атаковал оказывающего сопротивление врага и, быстро обратив его в бегство, громил и преследовал вплоть до вечера. Когда резня, наконец, завершилась, король с победоносной дружиной расположился на зелёном лугу и попытался тщательно выяснить, остался ли кто-нибудь ещё из его войска. Тут он узнал, что герцог Конрад¹⁶, его зять и выдающийся воин, погиб; его тело, заслуженно оплаканное и тщательно ухоженное, он отправил для погребения в Вормс. Сверх того, он отправил послов к своей святой матери, которые, всё по порядку изложив, освободили её от тревоги, и, одновременно воспламенили сердца верующих во славу Христа. Столь великий дар божьей милости всё христианство и, особенно, доверенные люди короля встретили ликованием, единодушно вознося Богу хвалу и свою величайшую благодарность. (5.) В том же году умер герцог Генрих, брат короля¹⁷...

12. (6.) Пока это происходило, со стороны славян пришла ужасная война¹⁸, которую начали, подстрекаемые графами Вихманном и Экбертом¹⁹, Накко и брат его Стойнеф. Герцог Герман²⁰, не надеясь одолеть их, просил короля о помощи. Тот, будучи неутомим, с сильным войском вступил в эти северные края, которые часто, как учит писание, открывают бедствия²¹. Там он взял в плен Стойнефа, укрывшегося во время бегства своих спутников в некоей роще, и приказал его казнить²². Виновников же этого преступления – братьев Вихманна и Экберта, сыновей сестры своей матери²³, он отправил в изгнание.

Лиудольф же, сын короля, вняв совету дурных людей, опять проявил непокорность, и, покинув родину, отправился в Италию²⁴. Пробыл здесь почти целый год, он 6 сентября, к несчастью, скончался²⁵. Тело его было доставлено его соратниками в Майнц и в печали погребено в церкви Христова мученика Альбана. Король был тогда в походе против редариев²⁶, когда получил весть о столь великом горе. Сверх меры расстроенный этим, он оплакал сына, как Давид Абсалон. Когда умер Дитхард²⁷, епископ Хильдесгейма, его место занял Отвин, аббат Магдебургской церкви²⁸.

13. (7.) После того, как улеглись суровости этих войн, король, опять сделав вид, будто отправляется в Рим, с сильным войском вступил в Ломбардию²⁹. Осаждая в течение 2-х лет на горе Сан-Леон³⁰ пресловутого Беренгара, он, наконец, хитростью захватил его вместе с женой Виллой³¹, сыновьями и дочерьми, и отправил в ссылку в Бамберг, где тот позднее умер³². Затем, отправившись с сильным войском в Рим, он дважды победил оказавших ему сопротивление его граждан³³, и со славой вступил в город в 961 г. от воплощения Господня. Сверх того, он вместе со своей супругой был помазан римским папой Иоанном³⁴, по просьбе которого сюда прибыл, в императоры. Произошло это в 29-й год его правления. Став патроном римской церкви, он распространил свою власть на Беневент, Калабрию и Апулию, победив их герцогов³⁵.

(8.) В эти дни наступил золотой век; у нас впервые была открыта серебряная жила³⁶; побеждён был также Вихманн.

14. У данов, которыми тогда правил Гаральд³⁷, благодаря священнику Поппо было восстановлено презираемое ими христианство. Ведь он, порицая короля и народ, отошедший от богослужения своих предков и предавшийся [ложным] богам и демонам, убеждал, что есть только один Бог в 3-х лицах. Когда же король спросил, не желает ли он доказать свои слова раскалённым железом, тот с радостью ответил, что готов к этому; а на следующий день он отнёс в указанное королём место освящённый огромного веса [кусок] железа и неустрашимо поднял свою, совсем непострадавшую руку. Король, очень обрадованный этим чудом, со всеми своими людьми тотчас же смиренно подчинился власти Христа, и до конца жизни, по обычаю верующих, следовал божьим заповедям. Император же, услышав это, призвал к себе почтенного мужа Поппо, спросил, Христов ли он воин, и возвёл его в епископское достоинство.

(9.) Геро, маркграф Остмарка, подчинил императорской власти Лаузиц³⁸, Сельпули³⁹, а также Мешко⁴⁰ с его подданными. Герцог Герман сделал Селибура и Мистуи⁴¹, и их людей данниками императора.

15. Сын императора, носивший одно с ним имя, то есть Оттон Младший, рождённый славной матерью Адельгейдой⁴², по приказу отца, пребывавшего в то время в Кампании близ Капуи, стал в день Рождества

Господня римским императором⁴³. Желая сосватать своему сыну в жёны дочь Константинопольского императора, Оттон I вверил попечению послов этого государя, присланных к нему по другой причине, своих знатных людей, чтобы те доставили это поручение. В пути греки с обычным для них коварством неожиданно набросились на них, и, одних убили, а других, взятых в плен, доставили своему государю августу. Однако, некоторые из пострадавших убежали и открыли своему императору исход дела. Возмущённый потерей своих людей, Оттон отправил в Калабрию лучших своих воинов – Гунтера⁴⁴ и Зигфрида⁴⁵, чтобы тотчас же отомстить [грекам] за подобное злодеяние. Они разбили данайцев, которые, гордясь прежней победой, вышли им навстречу, и, одних убили, а другим, захваченным во время бегства, отрезали носы. Затем, взыскав с греков в Калабрии и Апулии дань, радостные и нагруженные богатой добычей, они вернулись домой⁴⁶. Константинопольцы же, опечаленные гибелью и пленением своих [земляков], составив заговор против своего государя⁴⁷, по совету коварной императрицы⁴⁸, убили его с помощью некоего воина⁴⁹, которого и назначили на его место правителем всей империи. Тот, сейчас же отправив нашему императору через море, с великолепными подарками и отборной свитой, хоть и не ту девушку, о которой он просил, но собственную племянницу по имени Феофано⁵⁰, освободил своих людей и заслужил желанную дружбу цезаря-августа. Были, правда, некоторые люди, которые стремились помешать этому браку и советовали императору отослать девушку назад. Он их, однако, не послушал, и дал её в жёны своему сыну, к радости всей знати Италии и Германии⁵¹...

29. (19.) Между тем, Ходо⁵², почтенный маркграф, собрав войско, напал на Мешко, верного императору и платящего ему дань вплоть до реки Варты⁵³. На помощь Ходо пришёл со своими людьми только мой отец – граф Зигфрид⁵⁴, тогда ещё юноша, не познавший радостей брака. Вступив в сражение с Мешко в день святого Иоанна Крестителя и сначала побеждая, они затем были разбиты братом Мешко – Цидебуром. Погибли все лучшие воины, за исключением лишь названных графов. Случилось это в местности, называемой Цеден⁵⁵. Император, обеспокоенный известием о несчастье, отправил из Италии послов, велевших Ходо и Мешко, если они хотят сохранить его милость, оставаться в мире до тех пор, пока он сам не придёт, чтобы разобрать причину спора.

30. (20.) После этого, подчинив себе все отряды врагов, он пересёк крутую дорогу через Альпы, посетил Баварию⁵⁶, и, мудро всё там обустроив, прямым путём направился к городу Магдебургу, где торжественно справил Вербное Воскресенье⁵⁷. Как обычно в большие праздники, он был введён в церковь к вечерне, утрени и обедне в процессии почтенных епископов, и, по порядку, прочего духовенства, с крестами, мощами святых и кадилами. В великом страхе Божьем, который есть начало всякой мудрости⁵⁸, он стоял и сидел там, пока не кончилась служба, не говоря ничего, кроме молитвы. Затем, со множеством свечей, в сопровождении большой свиты священников, герцогов и графов, он вернулся в своё жилище. Во спасение же души своей он передал на следующий день Богу и непобедимейшему воину его Маврикию неисчислимые дары, в землях, книгах и прочей королевской утвари, утвердил все права фогтов, после чего, в присутствии и с согласия императрицы и сына, вручил дарительные грамоты, имея свидетелями всех верующих во Христа.

31. Затем он отправился в Кведлинбург, чтобы провести там во славу Божью и ради светской радости близкую уже Пасху⁵⁹. Здесь по приказу императора собрались князья Мешко⁶⁰ и Болеслав⁶¹, послы от греков, Беневента, венгров, болгар, датчан и славян, а также вся знать королевства. Когда же все дела были мирно улажены, все они, радостные, получив щедрые подарки, вернулись к себе. Там же 1 апреля⁶² умер герцог Герман, чем омрачил императору радость. Когда тело его было доставлено в Люнебург его сыном Бернгардом⁶³, случилось, что поблизости находился Бруно⁶⁴, епископ Верденской церкви. Поскольку при жизни он подверг Германа опале, сын смиренно просил его дать отпущение по крайней мере мёртвому и разрешить похоронить его в церкви. Но его просьба не была исполнена...

45. Но, завершая речь, скажу, что никогда после Карла Великого королевский трон не занимал более великий государь и защитник отечества, чем он. Хотя многие князья, как я говорил, умерли раньше, чем он, все, кто его пережил, не забыли славных обычаев его времени, не желая следовать тому новому образу жизни, что последовал, и до конца своей жизни добровольно не сходили с правильного пути старинной правды и правосудия. Они видели тогда исполнившимся то, что было записано неким мудрецом, предвидевшим будущее: «Сначала был золотой век, затем – бронзовый, а позже грядёт век железный»⁶⁵. Услышь же каждый из верующих правдивое увещание блаженного Григория: «Когда возрастают дары, растёт и потребность дарить»⁶⁶; давайте же остерегаться чрезмерно грешить во вверенных нам делах, и смиренно молить Бога за душу императора, чтобы он милостиво простил многочисленные проступки грешного раба своего, которые тот не сумел предотвратить в столь многих подведомственных ему делах; чтобы властитель всех королевств и всех народов в настоящем и будущем, вечно бодрствующий благодетельный страж помог бы ему. И ты, кем бы ты ни был, мой преемник, помни столь великие его пожалования, служи верной защитой спасению его души, поминай её, особенно в день воина Христова Лаврентия⁶⁷, посредничества которого упорно добивайся. Ведь как при жизни Оттона, ради заслуг этого святого, Божьей волей была ему уступлена победа над зримыми врагами, так и получив от Бога упокоение, которого он всегда желал, пусть он избежит также козней врагов незримых, и, удалённый от всего дурного, в день Страшного суда будет помещён по правую руку от Бога-Отца.

¹ Болеслав I Грозный (ум. 967 (972?) г.) – князь Чехии в 929 – 967 (972) гг. Сын Вратислава и Драгомиры. Убил своего брата – Вацлава I, после чего находился в состоянии войны с Германией. Оттон I предпринял против него 2 неудачных похода (начиная с 946 г.). Только в 950 г. Болеслав признал себя его вассалом.

² Венцеслав или Вацлав I Святой (ум. 28 сентября 935 г.; по другим данным в 929 г.) – князь Чехии в 920 – 935 гг. После смерти канонизирован, объявлен мучеником.

³ Т.е. в вассальную зависимость.

⁴ Вторжение венгров состоялось в 937 г. Через Франконию, Швабию и Лотарингию они достигли пределов Франции. См. Видукинд, II, 5.

⁵ Беренгар I – маркграф Иврей. С 941 г. был вассалом Оттона I; с 947 г. – регент, а с 950 г. – король Италии. Противником его был не Людовик, как говорит Титмар, а Гуго, король Прованса и Италии в 926 – 947 гг., и сын последнего – Лотарь (931 – 950 гг.). Женой Лотаря и была Адельгейда (р. ок. 931 г. – ум. 999 г.), сестра Конрада, короля Бургундии в 937 – 993 гг.

⁶ 951 г.; освобождена была 20 августа.

⁷ Первый Итальянский поход Оттона I в 951/952 г. Женитьба его на Адельгейде и принятие титула короля Италии. См. Видукинд, III, 9.

⁸ Т.е. Лиудольф.

⁹ Заальфельд – город на р. Заале в Тюрингии. Здесь в декабре 951 г. Лиудольф справил Рождество с королевским великолепием, уже этим продемонстрировав претензии на королевскую власть.

¹⁰ Конрад Рыжий (ум. 955 г.) – герцог Лотарингии в 944 – 955 гг. В 952 г. Оттон I оскорбил его тем, что не поддержал его соглашения с Беренгаром. См. Видукинд, III, 10.

¹¹ В 955 г. Только в Аугсбурге тогда был епископ Ульрих (Отельрик), защищая город от венгров, а король прибыл к р. Лех из Ульма (а не из Аугсбурга).

¹² 10 августа 955 г. В этот день и состоялась знаменитая битва на р. Лех.

¹³ Т.е. св. Лаврентия.

¹⁴ Титмар ошибается. Ульрих был в это время в Аугсбурге.

¹⁵ См. II, 38.

¹⁶ Генрих I Баварский умер 1 ноября 955 г. Оставил после себя 2-х сыновей – Генриха II Сварливого и Бруно, а также дочерей – Гедвигу (ум. 994 г.), жену герцога Бурхардта III Швабского, и Гербергу, аббатису в Гандерсгейме (ум. 1001 г.);

¹⁷ В 955 г. Стойнеф и Накко, князья ободритов и вильцев, начали войну во время вторжения венгров. См. Видукинд, III, 50 – 55.

¹⁸ Вихманн II Младший (ум. 967 г. 22 сент.) и его брат Экберт – сыновья Вихманна I Старшего и Фридеруны, дочери графа Дитриха, сестры королевы Матильды.

¹⁹ Герман I Биллунг – герцог Саксонии в 936 – 973 гг., маркграф Вендской марки (в нижнем течении Эльбы). Родной дядя Вихманна II и Экберта, с которыми враждовал.

²⁰ Иеремия, I, 14.

²¹ Король разбил славян в сражении у Рекнитца, восточнее Мекленбурга 16 октября 955 г.

²² Т.е. по их матери – Фридеруне, сестре королевы Матильды, они были двоюродными братьями Оттона I. Оттон изгнал их во Францию.

²³ По заданию короля для борьбы против Беренгара осенью 956 г.

²⁴ Умер 6 сентября 957 г. См. Видукинд, III, 57.

²⁵ В 957 г. в Мекленбурге-Стрелитце. См. Видукинд, III, 58.

²⁶ Дитхард (ум. 954 г. 13 сент.) – 10-й епископ Хильдесгейма в 928 – 954 гг.

²⁷ Отвин (ум. 984 г.) – 11-й епископ Хильдесгейма в 954 – 984 гг.; в 950 – 954 гг. – 2-й аббат монастыря св. Маврикия в Магдебурге.

²⁸ Описывается 2-й поход Оттона I в Рим (с августа 961 г. по 965 г.).

²⁹ Сан-Леон (близ Монтефельтро и Сан-Марино) он осаждал с начала 962 г. до декабря 963 г. См. Видукинд, III, 63.

³⁰ Вилла – племянница короля Гуго, жена Беренгара. Она и её дочери были пленены, сыновья же Беренгара – убиты.

³¹ Сам Беренгар умер 4 августа 966 г.

³² Титмар описывает события римского восстания 3 января 964 г. Две победы – 3 января и 23 июня 964 г.

³³ Иоанном XII (955 – 964 гг.). Помазание состоялось 2 февраля 962 г.

³⁴ Во время 3-го римского похода в 966 – 972 гг.

³⁵ В Раммельсберге, близ Гослара. См. Видукинд, III, 64.

³⁶ Гаральд Синезубый (ок. 936 – 986 гг.) – принял христианство ок. 965 г. Поппо не мог быть епископом Шлезвига. См. Видукинд, III, 64; Адам Бремен., II, 35.

³⁷ Лаузиц (Лужица) – подчинена в 963 г. (как и Сельпули и Мешко). Ядро Нижнего Лаузица находилось между реками Шварцер-Эльстер, Нейссе и Шпрее.

³⁸ Сельпули – округ, расположенный севернее Нижнего Лаузица.

³⁹ Мешко – первый достоверно известный князь Польши. Умер в 992 г.

⁴⁰ Селибур – князь Вагров (в Вост. Гольштейне); Мистуи – князь Ободритов.

⁴¹ Оттон II родился в 955 г.

⁴² Коронация состоялась 25 декабря 967 г. Оттон II был коронован в присутствии отца папой римским Иоанном XIII (965 – 972 гг.).

Оттон I находился в то время в Риме, а не в Капуе, как ошибочно полагает Титмар. В Капую он прибыл только 18 января 968 г. См. Видукинд, III, 70.

⁴³ Гунтер – маркграф Мерзебурга в 965 – 976 и 979 – 982 гг. См. III, 20; IV, 39. Титмара.

⁴⁴ Зигфрид – граф Гассегау. См. Видукинд, III, 72.

⁴⁵ Имеется в виду 3-й итальянский поход Оттона I в 969 г. Целью его было урегулировать отношения с Византией, заставить Константинопольского императора признать императорский титул Оттона I. С этой же целью был предпринят и указанный здесь и ниже дипломатический брак. В указанном отрывке имеется в виду поражение, нанесённое в 969 г. немцами герцогу Беневента и Капуи Пандульфу при Бовиане.

⁴⁶ Никифор II Фока – император в 963 – 969 гг. Был убит 10 декабря 969 г.

⁴⁷ Императрица Феофано – жена императоров Романа II и Никифора II Фоки.

⁴⁸ Императором стал Иоанн I Цимисхий (969 – 976 гг.).

⁴⁹ Т.е. не дочь императора Романа II – Анну, а дочь цезаря Стефана Лакапина и августы Анны.

⁵⁰ Брак состоялся 14 апреля 972 г. в Риме.

⁵² Один из преемников Геро в Саксонском Остмарке и Лаузице в 965 – 993 гг. См. IV, 60.

⁵³ Мешко с 963 г. платил дань императору (см. II, 14.). Он не желал, однако, признавать Варту от Цантоха до Кюстрина северной границей Польши и Померании, чего, напротив, желал Ходо, рассматривая Померанию в качестве зоны своих интересов.

⁵⁴ Зигфрид фон Вальбек (ум. 991 г. 15 марта) – сын графа Лиутара II (см. II, 21) и Матильды фон Арнебург, отец Титмара.

⁵⁵ Битва произошла 24 июня 972 г. Цеден (совр. Цедьня) – городок на правом берегу Одера, между Кёнигсбергом (совр. Хойна) и Бад-Фрайенвальде. Цедьня и Хойна находятся сейчас в Щецинском воеводстве Польши.

⁵⁶ По Видукинду III, 72. Отгон I в августе 972 г. был на Боденском озере и области Верхнего Рейна, в декабре 972 г. – во Франкфурте.

⁵⁷ 16 марта 973 г.

⁵⁸ Притчи. I, 7.

⁵⁹ 23 марта 973 г. См. Видукинд III, 75.

⁶⁰ Вернее, сын Мешко I – Болеслав (будущий Болеслав I Храбрый). Его цель – уладить разногласия с Ходо.

⁶¹ Болеслав II Благочестивый (972 – 999 гг.) – князь Чехии. Прибыл ради решения проблемы Пражского епископства.

⁶² Вернее 27 марта 973 г. Титмар спутал дату его смерти с датой смерти Германа II (1 апреля 1012 г.).

⁶³ Бернгард I – герцог Саксонии в 973 – 1011 гг.

⁶⁴ Бруно (ум. 976 г. 14 февраля) – 12-й епископ Вердена в 962 – 976 гг. Видимо, брат Вихманна II и Экберта, а значит – племянник герцога Германа.

⁶⁵ Гораций. Эподы, 16, 64.

⁶⁶ Григорий Вел. Гомиллии I, 9, с. 1.

⁶⁷ 10 августа. Св. Лаврентий – покровитель Мерзебургского Собора. См. II, 10.

Конрад II и его политика (Випон, «Деяния императора Конрада II», VII, IX, XI-XVIII, XXI-XXII, XXVI, XXXIII, XL)

Конрад II (ок. 990 г. – 4 июня 1039 г.) – король Германии (1024-1039 гг.), первый император Священной Римской империи из Салической династии (с 26 марта 1027 г.).

VII. Каким образом король с итальянцами обошелся.

В первый год своего правления король Конрад день святой Пятидесятницы¹ в городе Констанце отмечал. Туда архиепископ Миланский Гериберт² вместе с остальными знатными людьми Итальянского королевства³ к королю прибыл и, сделавшись своим [человеком], поклялся в верности посредством святых даров и дал заложников в залог [того], что когда [Конрад] пойдет с войском для предстоящего покорения Италии, он сам его примет и вместе со всеми своими государем и королем публично провозгласит и тотчас коронует. Этому примеру остальные лангобарды последовали, за исключением тичинцев, что по-другому называются павийцами, которые послов отправили с дарами и дружбой, чтобы короля за оскорбление, нанесенное ему жителями города, они умилиствовали, однако достичь этой милости от короля, согласно своему стремлению, никаким образом не смогли. О том, каким именно делом они возбудили недовольство, вкратце скажем.

В городе Павии был дворец, королем Теодорихом⁴ некогда восхитительно сооруженный⁵, а позже императором Оттоном III⁶ без меры украшенный. Узнав о смерти императора Генриха, предшественника короля Конрада, согласно человеческому обыкновению в новых делах неумеренно себя держать, павийцы в тот же час, не подумав спокойно, напали на беззащитный дворец. Решившись на беззакония, они уничтожили стены короля и весь дворец, вплоть до самого каменного основания; они разрушили его, чтобы ни один король в будущем среди этого города дворец не решился заложить⁷. Из-за этой дерзости долго большая распря между королем и павийцами была.

Сказали павийцы: «Кого оскорбили мы? Императору нашему верой и честью вплоть до конца жизни его служили; после же его смерти у нас не было никакого короля, не справедливо было бы обвинять нас в том, что мы разрушили королевский дворец». И возразил король: «Знаю, – сказал, – что дворец короля вашего не вы разрушали, так как в то время никого не имели; но королевский дворец разрушен, не имеет смысла отпираться. Если король умирает, королевство остается, как остается корабль, если погибает кормчий. Это же было не частное, а государственное здание; права на чужую собственность вам не принадлежали. Виновны те, кто совершают нападение на чужую собственность. Поскольку вы совершили нападение на чужую собственность, вы несете ответственность перед королем».

Подобного рода много слов бурно высказывалось послам, которые удалились, оставив бесплодные попытки примирения. Прочие же итальянцы, щедрыми дарами от короля почтенные, с миром отпущены были. Король же, оставив в надлежащем порядке Швабскую область⁸, в замок Цюрих направился, куда [пришли] некоторые итальянцы, которые в Констанце не прибыли и он принял их под свою власть. Отсюда через несколько дней в город Базель он отправился....

IX. О Болеславе, герцоге славян.

В тот же год, который был выше нами упомянут, славянин Болеслав⁹, герцог поляков, королевские регалии и имя короля в нарушение прав короля Конрада, себе присвоил и за эту опрометчивость вскоре был пожран смертью¹⁰. Сын его Мешко 91, такой же мятежник, брата своего Оттона 92, так как он пользовался частичной благосклонностью короля, в провинцию Русь изгнал. О том же, как дерзость этого Мешко и некоего Удальриха, герцога Богемии, коварство король Конрад впоследствии усмирил, в своем месте скажем...

XI. Как король с войском в Италию отправился.

В год от воплощения Христа 1026-й король Конрад по совету и просьбе князей королевства своего сына, мальчика Генриха, королем после себя назначил¹¹ и передал его Бруно, Аугсбургской церкви епископу, под опеку и вышеназванным врагам своим и проiscaм их через посредство сына и прочих вассалов своих старательно противодействуя, сам с большим войском в Италию начал стремиться. В этом походе вышеупомянутый Эрнст, герцог Швабии, немного королю послуживший, пусть и против закона и права было бы служить в благородном деле кроме как добровольно, получил в держание от короля Кемптенское аббатство и для надлежащей защиты родного края с почетом был отправлен назад.

XII. Каким образом король подчинил павийцев.

Король, вступивший в Италию через Верону, между Миланом¹² и Павией¹³ прошел в Верчелли и там же отпраздновал святую Пасху. В самые дни Пасхи Лев, епископ того города, муж весьма разумный, землю с миром оставил¹⁴, его кафедру миланский каноник Ардерих¹⁵ наследовал. Король уже почти всю равнинную Италию своей власти подчинил¹⁶. Так как город Павия был весьма многолюдным, быстро взять его он не смог¹⁷, а оказать милость павийцам не захотел, потому что они разрушенный дворец, на месте, где он прежде стоял, все еще восстановить отказывались; но защитников их, маркграфа Адальберта и Вильгельма¹⁸, и прочих князей в тех же краях [Конрад] необычайно угнетать начал; замок их, называемый Орба¹⁹, опустошил и многие другие замки и укрепления мощные разрушил.

В это время большое зло произошло в Италии из-за того что упорствовали павийцы: многие их церкви вместе с их замками были сожжены и народ, который там искал убежища, погиб от огня и меча; земли были опустошены, виноградники были уничтожены; король пресекал вход и выход, суда отнял, наложил запрет на торговлю и таким образом через два года сокрушил всех павийцев²⁰, откуда всё, что он приказал, они после всех проволочек не выполнили.

XIII. О возмущении, которое произошло в Равенне.

Тем временем король Конрад вступил в Равенну и с большой властью там распорядился. В один из дней несчастные павийцы затеяли ссору с королевским войском и, уповая на свою многочисленность, предприняли попытку изгнать войско из города и посреди каких-то ворот стеснили их так, что тем [воинам], которые были снаружи, они помешали прийти на помощь тем, кто находился внутри. И когда поднялось волнение, начало усиливаться сражение. Некоторые в домах на постояльцев своих напали, другие на улицах сражались, а иные ворота осаждали; большинство со стен, а многие с высоких башен бесплодное сражение начали с камнями и кольями в руках.

Со своей стороны тевтоны, которые оружием и умением противостояли, сбившись в толпы спереди и сзади от равеннцев, их окружали и свирепо мечами проложив путь друг к другу, тех, кто находился посередине, убили или ранили или обратили в бегство. Некий граф по имени Эппо²¹, благородный рыцарь из Баварии, со знаменем из города вышедший, тех горожан, которые стояли на мосту, победил и многие из них, стремительно упав с моста, в воде утонули.

Король Конрад, якобы находившийся в опочивальне, узнав об этом мятеже, схватил оружие, приказал привести коня и когда выехал во двор и увидел равеннцев, побежденных его войском, пытавшихся укрыться в церквях и со всех сторон искавших убежища, то пожалев их, так как с обеих сторон то были его люди, призвал войско прекратить преследование горожан и сам вернулся во дворец. Утром же, оставшиеся равеннцы во власницах с голыми ногами и с обнаженными мечами, как предписывал их закон побежденным горожанам, прошествовали перед королем, ибо он сам повелел, чтобы они всеми способами загладили свою вину. Там король Конрад весьма щедро на будущее раненого тевтона по обыкновению наделил, которому большую часть ступни с голенью полностью отрубили в битве; он велел сделать кожаные поножи, обе приказал наполнить деньгами и поставить их рядом с постелью раненого.

XIV. Как король из-за жары отправился в горы.

Тем временем сильная жара пришла в Италию, так что ухудшился воздух, и множество людей оттого подверглось опасности. Король Конрад, никому не уступая, кроме одного лишь Бога и летней жары, ушел в близлежащую горную область с тенистой местностью и умеренным климатом по другую сторону реки Адидже²², и там, принятый архиепископом миланским, на протяжении двух месяцев и более роскошную королевскую пищу имел. Уйдя оттуда осенью, равнинную Италию снова объехав, он устроил совещания и королевские советы в удобных местах, мятежников в оковы заключив, замирил королевство и так, проехав повсюду, на границу Италии и Бургундии прибыл.

XV. Как послы короля Рудольфа к королю Конраду в Италию прибыли.

В начале 1027 года от Рождества Христова король Конрад в городе Иврее рождество Господне отпраздновал²³. Туда прибыли послы от короля Бургундии Рудольфа, пообещавшие, что он прибудет в Рим на предстоящую [церемонию] избрания и провозглашения короля Конрада императором, что король благосклонно выслушал и, отпустив послов с дарами, сам переправился через [реку] По²⁴ и начал двигаться в Рим. Но, подступив к городу Лукке, нашел его враждебным себе вместе с маркграфом Реджинеро²⁵. Там немного задержавшись, король спустя несколько дней город и маркграфа принял в свою милость и всю Тоскану вскоре себе подчинил. И таким образом, сделавшись триумфатором, отправился навестить римские вершины.

XVI. Как король Конрад сделался римским императором.

Итак, король Конрад, прибывший в Рим в тот же год, что и прежде, то есть, от рождения Спасителя 1027-й, десятого индикта, папой Иоанном²⁶ и всеми римлянами с чрезвычайным почетом принят был и в день святой Пасхи, которая в том году в седьмой день до апрельских календ завершилась²⁷, избран римлянами императором, благословение от папы принял, назвавшись именем римского цезаря и августа. Также и королева Гизела, посвященная в императрицы, то же имя получила. Все это совершилось в присутствии двух королей – Рудольфа, короля Бургундии и Кнуда, короля Англии²⁸, – и по окончании церковной службы император, шествуя между ними, с почетом проследовал в свои покои. В самые пасхальные дни между римлянами и тевтонами по ничтожной причине возникла большая распря²⁹. Двое начали ссору из-за кожи быка и когда уже вознамерились кулаками друг друга бить, все императорское войско было приведено в движение и вооруженные всадники и пехотинцы с обеих сторон сошлись. Там был убит один из наших, некий юноша по имени Беренгар, сын Лиутольда, графа из Швабии, весьма благородный и чрезмерно храбрый. Жители Рима, долго сопротивлявшиеся, в конце концов, бежали побежденные, и многие из них погибли. Император вышеупомянутого юношу, так как он был ему дорог и близок, возле могилы императора Оттона³⁰ похоронить распорядился. На следующий день римляне, которые устроили мятеж, прошли перед императором с голыми ногами: свободные с обнаженными мечами, рабы с плетеными кольцами вокруг шеи, словно готовые к повешению, так как император приказал, они оправдывались.

XVII. Как император пришел в Апулию.

Итак, установив мир между римлянами и тевтонами, император отправился в Апулию и города Беневент и Капуо, также как и остальные города той области³¹ или силой, или доброй волей себе подчинил, и норманнам, которые из отечества своего неизвестно какой необходимостью принужденные, хлынули в Апулию³², там жить свободно позволил и для того, чтобы они служили защитниками границ области против греков, их коварные уловки своим князьям подчинил. Все дела свои по справедливости и благополучно завершив, император, возвращаясь назад, снова миновал Рим и вторично Италию прошел насквозь.

XVIII. О тиране Тассельгарда.

В то время был в Италии один тиран Тассельгарда³³, который во время царствования императора Генриха много преступлений совершил в королевстве, но за моря уходя и другие укрепления, которые он имел на крайний случай для безопасности, преследования императора Генриха избежал. Был он благородного происхождения, презираемый в лицо, отвратительный в нравах, величайший грабитель церквей и вдов. Император Конрад был усердным преследователем его, засады ему спереди и сзади всевозможными способами устроил. Когда же из одного своего замка он бежать захотел в другой, то императорскими воинами был схвачен. Император, услышав об этом, так торопился, что почти 100 латинских миль³⁴ прошел в течение одного дня и ночи – ведь он думал, что, согласно обыкновению, тот снова убежит. И пришедшему императору был представлен тот самый тиран. Когда император его увидел, то, как говорят, воскликнул: «Неужели это и есть тот самый лев, который пожирал зверей Италии? По [милости] святого креста Господня этот лев не съест более мой хлеб!». И после этих слов над ним немедленно был произнесен приговор остальными князьями королевства и предписано повесить его на виселице. После этой казни по всей той провинции мир и покой, надолго скрывшиеся, сразу же воцарились...

XXI. Как король Бургундии императора встретил у Базеля.

Император, проехав Швабию, всех швабов, которые мятежниками были, в милость принял укрепления их разрушил; прибыв к Базелю, короля Бургундии Рудольфа призвал, который поспешил туда ему навстречу за пределы города, близ места, которое Мюттенц называется и, устроив семейный совет, император ввел короля в город вместе с собой. Упрочился между ними мир при посредстве императрицы Гизелы, и королевство Бургундское императору завещалось согласно тому обещанию, которое прежде таким же образом предшественнику его императору Генриху дано было³⁵; король еще раз дарами почтенный, вместе со своими [людьми] возвратился в Бургундию.

Император же, спустившись по Рейну, во Франконию пришел и там герцог Куно, его двоюродный брат, прежде мятежник, предался в руки его, которого император в свободе немного арестами стеснил³⁶ и после разрушения укреплений, лучшими из которых он владел, снова в милость свою принял и все почести ему вернул. Позже, когда Адельберо, герцог Истрии или Каринтии, поверженный как государственный преступник, императором, вместе с сыном своим был изгнан³⁷, его герцогство этот самый Куно от императора принял³⁸, так как это герцогство отец Куно прежде держал. Так герцог Куно был верным и хорошо служил императору и сыну его, королю Генриху, до тех пор, пока оставался жив³⁹.

XXII. О посольстве епископа Страсбургского.

В это же время Вернер, епископ города Страсбурга, от императора послом в Константинополь был отправлен⁴⁰. Между тем, для молитвы отправиться дальше в Иерусалим он замышлял, чтобы, как мы думаем, [быть готовым] к Суду Господа, которого никто не в силах был бы обмануть и удивительно избежать. Ибо, в то время как свита из большого количества людей и также из большого количества животных – лошадей, быков, баранов, свиней, многие из которых служат по большей части мирским удовольствиям, – вместе с ним двинулась, то, когда они пришли в Венгрию, королем Стефаном было запрещено им идти своим путем, так что в то время он ни одного из пилигримов не пропустил⁴¹. Оттуда вернувшись через Баварию, [Вернер] вместе со всеми своими сопровождающими отправился дальше в Италию и, надолго около границ Вероны задержавшись,

все же с большим трудом через Венецию вступив в Адриатическое море, после трудного плавания Константинополя достиг. Когда он был с почетом принят греческим императором⁴², который весьма дружественно с ним обошелся, стал желать того, чтобы с помощью императора добраться до Иерусалима, [но] это желание, всегда по какому-либо поводу возникавшее, он никогда выполнить не смог. Спустя некоторое время он умер⁴³ и был погребен в том городе, и епископство его Вильгельм⁴⁴, страсбургский каноник, принял. Все же после через посла греческий император⁴⁵ императору Конраду написал письмо золотыми буквами...

XXVI. Как император на венгров с войском пошел.

В это время большие распри между людьми из Паннонии и Баварии, все-таки по вине баварцев, произошли, так что Стефан, король Венгрии, много нападений и грабежей в земле нориков, то есть баварцев, мог бы совершить. Откуда двинувшись с большим войском, император Конрад на венгров пошел. Король же Стефан, менее всего подходящий для того, чтобы выступить против императора, молитвами и постами, наложенными на все королевство его, исключительно на защиту Господа уповал. Император же за укрепления королевства, реки и леса, проникнуть не имея возможности, все же грабежами и пожарами вблизи границ королевства⁴⁶ за обиды свои достаточно отомстив, назад возвратился, пожелав порой благоприятной начинание свое завершить. Но собственный сын, король Генрих, тогда еще ребенок, Энгильберту, епископу Фрейзингенскому доверенный, посольством короля Стефана мир предложенный, принял по совету князей королевства, без ведома отца, из милости на примирение согласился⁴⁷: справедливо и благоразумно поступил тот, кто короля несправедливо притесненного, добровольно просившего милости, принял в число друзей...

XXXIII. Как король Генрих славян подчинил.

Между тем, в то время как то, о чем мы выше говорили, император в Бургундии предпринимал, сын его, король Генрих, хотя и [находился] в юных годах, не медля привел в действие государственное дело в Богемии и в прочих провинциях славянских, где и Удальриха, герцога Богемии⁴⁸, и многих остальных противников цезаря энергично подчинил, и возвращающегося отца встречая двойной победой, вдвойне радость народам доставил.

Вслед за тем, собрав воинов из Саксонии, на тех, которые лютичами называются [и] которые некогда [были] наполовину христианами, но из-за отступничества подлого совсем сделались язычниками⁴⁹, император пошел и непримиримую вражду необычным способом там уладил. Между саксонцами и язычниками происходили в это время многократные раздоры и набеги. И когда цезарь пришел, начал выяснять, с какой стороны мир, который долгие невредимым между ними сохранялся, первым нарушен был. Говорили язычники, что саксонцы мир первые нарушили и что поединком, если цезарь позволит, они готовы это доказать. И против саксонцы [выступили], для того, чтобы изобличить язычников во лжи подобным единоборством, хотя несправедливо говорили они, когда императору торжественно клялись. Император согласно советам своих князей, хотя и не достаточно осторожно поступая, это дело поединком между ними рассудить разрешил.

Сразу же два бойца сошлись, оба своими избранные. Христианин на одну только веру, которая без праведных дел мертва, положившись, и не столь усердно помыслив о том, что Бог, который есть истина, все на правом суде рассудит, что солнце его восходит над добрыми и злыми, что дождь идет над правыми и неправыми, дерзко сражаться начал. Язычник же одно сознание справедливости, за которую он сражался, имея во взоре пламенном, сопротивлялся. В конце-концов, христианин, сраженный язычником, пал. Из-за этого дела язычники в такое возбуждение и дерзновение пришли, что если бы император не присутствовал, они немедленно накинулись бы на христиан; но император для того, чтобы в будущем их нападения надлежащим образом сдерживать, построил замок Вирбен⁵⁰, в котором отряд воинов разместил, и князей саксонских, чтобы совместно они противостояли язычникам, клятвой и императорским распоряжением связал. Оттуда он вернулся во Франкию.

На следующий же год этот замок язычниками хитростью захвачен был и многие из наших [людей], которые в нем находились, ими убиты⁵¹ были. Этим разгневанный, император вторично с войском к реке Эльбе⁵² пришел. Но так как язычники переправе намеревались препятствовать, император через другой речной брод часть войска скрытно переправил и так, обратив врагов в бегство, сам на берег свободный провинции вступив, неизмеримыми опустошениями и пожарами повсюду, кроме неприступных мест так усмирил их, что дань, прежними императорами наложенную, и еще с избытком, императору Конраду они после должны были выплатить⁵³.

Много же потрудился император Конрад сначала и потом в народе славян, о чем один из наших⁵⁴ сделал краткий перечень в стихах, который после императору преподнес. Там можно прочесть, как император в это время в болоте по пояс стоял, сражаясь сам и побуждая воинов, чтобы они сражались и, победив язычников, слишком жестоко убивал их за некоторые нечестивые их обряды. Ибо говорят, что некогда изображение деревянное распятого на кресте господа нашего Иисуса Христа, было осквернено издевательством язычников, [которые] на него плевали и даже кулаками били, в конце же выкололи глаза и обрубили руки и ноги. Отомстив за это, император пленных язычников в большом количестве за одно изображение Христа подобным же образом умертвил и разными смертями истребил. Поэтому в тех стихах цезарь называется мстителем за веру и сравнивается с римскими монархами Титом и Веспасианом⁵⁵, которые в отместку за Господа триста иудеев за одну монету считали, так как иудеи Христа за тридцать денариев продали.

Вернувшись назад, император некоторые противоречия в государстве нашел и своей властью их уничтожил. В тот же год Адельберт, герцог Каринтии, милость императора утратив, герцогства лишился и в ссылку отправлен был⁵⁶...

XL. Песнь на смерть императора Конрада.

Тот, кто голос звонкий имеет, эту песнь исполнить сумеет,
 О том годе, что столь скорбным был,
 И ущерб невыразимый причинил,
 Из-за чего все человечество испытало боль внутри и извне
 И вздыхал народ над господином наяву и во сне:
 «Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!»
 Тот год, что от рождения Христа был тысяча тридцать девятый,
 Погубил многих знатных людей:
 Пало много могущественных сеньоров,
 Скончался и император Конрад – любитель законов,
 Низвергнут был цезарь, что мира являлся главой.
 Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!
 В это же время славная утренняя звезда закатилась,
 Когда королева Кунелинда с жизнью простилась.
 Сколь жестокий год! Погиб Герман, что сыном императрицы был сам,
 Герцог, который сделался страшен врагам;
 Также пал Куно, герцог франконов, и бóльшая часть сеньоров.
 Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!
 Пусть же императора слава в нашей памяти останется,
 Чтобы жил вышеупомянутый доброго нрава муж;
 Пусть славный государь в новой песне часто прославляется,
 Чтобы после смерти славная молва
 В этом лучшим соучастником его жизни была!
 Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!
 Королевской кровью порожденный,
 Из всех оказался непревзойденный,
 Этот славный человек под своею короной прекрасный.
 Разве кому-то скипетр, держава или власть более подходящей была,
 Когда государства дела он возвысил посредством этого труда.
 Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!
 После того как Франкию он изобилием мира наполнил,
 Укротил алеманов и всех королевства тиранов,
 На саксонцев и нориков наложил узду закона,
 Даже Италия смогла увидеть его достойные удивления дела.
 Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!
 Подчинился Рим ему сперва,
 А затем весь полуостров до конца:
 Были испытаны равеннцы в битве его знатю,
 Почувствовали веронцы неодолимые цезаря мечи,
 Запад хоть и с опозданием поставил он на колени своей властью.
 Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!
 Вернувшись в Алеманию и козни обнаружив,
 Их все цезарь также разрушил –
 Словно ветер пыль разогнал.
 Одновременно всех, кто был склонен к грабежам, он наказал
 И граждан, замеченных в этом, сослал.
 Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!
 Где бы император ни оказался, мир повсюду даровать старался:
 И когда повел войну с язычниками,
 Чтобы они не причиняли христианам вреда,
 То не защитило их болото и соленая вода;
 Хорошо славян он усмирлял, варваров и всех вероломных стеснял.
 Боже царь, посмотри на живых и сжался над мертвыми!

¹ 6 июня 1025 г.

² Гериберт или Ариберто д' Интимано – архиепископ Миланский (1018-1045 гг.), во время междоусобия 1024-1026 гг. был одним из проводников имперского влияния в Италии. Как рассказывает миланский хронист XI в. Арнульф, «Между тем, пока Италия волновалась, Гериберт уклонившись от сотрудничества со своими сотоварищами, против их воли и вопреки их противодействию один

направился в Германию для избрания тевтонского короля. Когда же тевтоны избрали себе королем Конрада, он восславил его и на глазах у всех короновал, приняв от него, помимо многих даров, епископство Лоди, дабы он не только рукополагал епископа, но и наделял его владениями. Вернувшись же назад, успокоенным во всем, он всю своими посольствами взволновал Италию, одних делом, других надеждой благожелательными сделав, пока его избрание почти все прославлять не стали. Такую поддержку получил Конрад, придя в Италию, чтобы по обычаю быть коронованным им в качестве короля». В своем рассказе Арнульф, стремившийся искусственно усилить политическую роль миланского архиепископа, смешивает ряд разновременных событий: 1) элекционный рейхстаг в Камбе и коронацию в Майнце в сентябре 1024 г., в которых, согласно Випо, никто из итальянских князей участия не принимал; 2) описанную Випо встречу в Констанце в июне 1025 г.; 3) коронацию Конрада II в качестве короля Италии, которая состоялась весной 1026 г.

³ Вместе с Герибертом в Констанцу прибыл епископ Верчелли Лев.

⁴ Теодорих Великий (454-526 гг.) – король остготов (с 471 г.), основатель остготского королевства в Италии.

⁵ Согласно хронике Титмара Мерзебургского, во время восстания павийцев в 1004 г., направленного против Генриха II, дворец, где остановился король, был разрушен. Адемар Шабаннский сообщает, что после подавления мятежа по приказу монарха дворец был возведен на развалинах города.

⁶ Оттон III (980-1002 гг.) – германский король с 983 г., император Священной Римской империи с 996 г., троюродный брат Генриха II.

⁷ Арнульф Миланский сообщает, что после смерти бездетного императора Генриха «павийцы в отместку за сожжение города дворец королей, который был рядом, разрушили. Случилось же так, что в то же время знатные люди, собравшись вместе, намеревались рассуждать о том, кому становится королем. Вследствие этого они разошлись в разные стороны, не имея одного мнения на всех». В другом месте Арнульф рассказывает о причинах, которые посеяли вражду между императором и павийцами: во время первого итальянского похода в 1004 г. жители Павии устроили беспорядки, выступив в пользу его соперника, маркграфа Ардуинна Иврейского, поэтому Генрих приказал сечь город.

⁸ Лат. regno Sueviae.

⁹ Болеслав I (967-1025 гг.) – князь Польши (с 992 г.) и Чехии (1003-1004 гг.) из рода Пястов. Боролся с Генрихом II за присоединение лужицких и мейсенских земель, по Мерзербургскому соглашению 1013 г. и Бауценскому миру 1018 г. признал себя вассалом империи. После смерти Генриха II принял королевский титул, но вскоре скончался (17 июня 1025 г.).

¹⁰ Составитель Квентлинбургских анналов высказался по этому поводу с таким же осуждением, как и Випо: «Болеслав, герцог Польский, получив известие о смерти императора, августа Генриха, возгордился душой, наполненной ядом, так, что даже возложил на себя корону, безрассудно сделавшись узурпатором. После этого для самонадеянной и дерзкой души его в скором времени последовала божья кара. Ибо, будучи приговоренным к страшной смерти, он внезапно умер».

¹¹ Мешко II (990-1034 гг.) – король Польши (1025-1031 гг.).

¹² Судя по хронике Титмара Мерзебургского, Мешко II имел двух сводных братьев – старшего Бесприма, которого отец отстранил от наследования, и младшего Оттона. Некоторые исследователи считают, что Бесприм и Оттон – одно лицо.

¹³ Генрих III был избран преемником своего отца в феврале 1026 г. на имперском совете в Аугсбурге, коронация состоялась в 1028 г.

¹⁴ Лат. Mediolanum.

¹⁵ Лат. Pavia.

¹⁶ Лев, епископ Верчелли (998-1026 гг.), близкий сотрудник Оттона III и Генриха II, скончался 10 апреля 1026 г.

¹⁷ Ардерих, епископ Верчелли (1026-1041 или 1026-1044 гг.), в 1037 г. был арестован Конрадом II по обвинению в государственной измене и выслан в Германию.

¹⁸ Герман из Райхенау под 1026 г. пишет: «Король Конрад, справившись с мятежной стороной, во время Великого поста с войском пошел в Италию и Пасху в Верчелли справлял и всю Италию, кроме Лукки, тускулумского города, по эту сторону от Рима себе починил. Эрнст, герцог Швабии, когда в тот же самый год по просьбе матери с ним примирился в качестве бенефиция принял Кемптенское аббатство...». Несколько иначе написано в Больших Сент-Галленских анналах: «Король Конрад Рождество Господне в Ахене праздновал и весенней порою в Италию вошел и почти всю ее по эту сторону Рима себе подчинил, только Лукка ему сопротивлялась вместе с маркграфом Реджинеро».

¹⁹ Со времени лангобардов Павия была традиционным местом коронации итальянских королей. Так как Конрад II не смог войти в Павию, считается, что его коронация так называемой железной короной лангобардских королей была проведена в Милане. Существует гипотеза, что Конрад II был коронован сначала в Монце, а затем в миланской церкви св. Амвросия.

²⁰ Адальберт IV, маркграф д'Эсте, и Вильгельм III, маркграф Монферрато.

²¹ Кастелло д'Орба в провинции Алессандрия (Пьемонт).

²² Павия капитулировала в начале 1027 г.

²³ Эппо или Эберхард – личность не установленная.

²⁴ Лат. Atesim.

²⁵ 25 декабря 1026 г.

²⁶ Лат. Padus.

²⁷ Реджинеро или Раньеро – маркграф Тосканы.

²⁸ Иоанн XIX – римский папа (1024-1033 гг.), брат и преемник Бенедикта VIII.

²⁹ 26 марта 1027 г.

³⁰ Кнуд I Великий (ок. 995-1035 гг.) – король Англии (с 1016 г.), Дании (с 1018 г.), Норвегии (с 1028 г.) – совершал в этот момент паломничество к могиле св. Петра.

³¹ Арнульф пишет, что «непосредственно во время пасхального торжества, когда король Конрад в базилике апостолов к вершине власти через апостолическое посвящение готовился вознестись, Гериберт, равеннский архиепископ, безрассудно правую руку короля схватил и удержал, что миланскому архиепископу принадлежало по праву. Так как инцидент произошел на глазах у всех, его упрекнули остальные епископы, поскольку он не собирался отказываться от того, что ему не принадлежало. Несмотря на это, он продолжал упорствовать. Гериберт же, миланский архиепископ, чтобы в день праздника восстания не случилось в народе, благоразумно многочисленной толпы отвел возмущение, воспрепятствовав прочим своим [сторонникам], хотевшим сопротивляться и во всем возражать». Благодаря вмешательству самого Конрада, место архиепископа Равеннского, которое не решался занять миланский прелат, занял его викарий, епископ Верчелли Ардерих.

³² Випо имеет ввиду императора Оттона II (правил в 973-983 гг.).

³³ Южноитальянский регион Апулия в XI в. являлся объектом соперничества между Священной Римской империей и Византией.

³⁴ Проникновение в Южную Италию норманнов из Франции началось в 1016-1017 гг.

³⁵ Тассельгард – графство в Центральной Италии, на территории провинции Фермо. Графом Тассельгарда был Хеймат.

³⁶ Вероятно, Випо имеет ввиду римскую милю, которая равнялась тысяче шагов или 1,48 км.

³⁷ В 1016 и 1018 гг.

³⁸ Герман из Райхенау сообщает, что герцог Куно был отправлен в ссылку в 1027 г., после государственного совета в Ульме (Chronicon Herimanni Augiensis. S. 120).

³⁹ См. гл. 33.⁴⁰ Куно получил герцогство Каринтия в 1036 г.⁴¹ Куно скончался 20 июля 1039 г., после чего герцогство Каринтия отошло к короне.⁴² Герман из Райхенау датирует это посольство 1027 г. (*Chronicon Herimanni Augiensis*. S. 120–121).

⁴³ Стефан или Иштван I (ок. 975 – 1038 гг.) – до принятия христианства Вайк, князь Венгрии (с 997 г.) из рода Арпадов, крещен императором Оттоном III. В 1001 г. получил от папы Сильвестра II королевский титул. В 1030 г. выступил против империи. Канонизирован папой Григорием VII в 1083 г.

⁴⁴ Византийский император Константин VIII (правил в 976–1028 гг.).⁴⁵ Вернер Страсбургский скончался 28 октября 1028 г.⁴⁶ Вильгельм занимал епископскую кафедру в Страсбурге с 1028 по 1047 гг.⁴⁷ Випо имеет ввиду византийского императора Романа III Аргиропула (правил в 1028–1034 гг.).

⁴⁸ Герман из Райхенау под 1030 г. сообщает: «Император Конрад уже с давних пор тлевшую вражду со Стефаном, королем Венгрии, раздув, напал на Паннонию, и сколько мог, как бы реки и болота не препятствовали, вплоть до Рабы разорил». Иначе описывают результаты этого похода Большие Альтаихские анналы: «Император Конрад, спешно идя на Венгрию с войском, в день воскресный на рождество св. Альбана в монастыре Альтаихском переночевал. Вернулся же он из Венгрии без воинов и ничего не достигнув, потому что войско испытывало голод и Вена была взята венграми».

⁴⁹ Согласно хронике Германа из Райхенау, Хильдесхаймским анналам и «Всеобщей швабской хронике», мир был заключен в 1031 г.

⁵⁰ По свидетельству Хильдесхаймских анналов, Ольдржих в 1032 г. отказался прибыть на имперский совет в Мерзебург, в 1033 г. он признался в интригах против императора, был арестован и отправлен в ссылку. На трон был возведен его брат Яромир (чешский князь в 1004–1012 и 1033–1034 гг.), сам Ольдржих получил прощение в 1034 г. и вскоре умер.

⁵¹ Христианизация полабских славян, использовавшаяся как средство укрепления имперского влияния, началась при Оттоне I, но в результате антиимперских восстаний 983 и 1002 гг. ее результаты были уничтожены.

⁵² Лат. *Virbina*.

⁵³ «Всеобщая хроника Швабии» под 1035 г. сообщает: «Язычники, которые лотичами называются, замок Вирбину на границах Саксонии взяли, многих христиан убили и захватили, император Конрад на них с войском пошел».

⁵⁴ Лат. *Albia*.⁵⁵ «Вышеупомянутые язычники императору Конраду дань выплатили» – сообщает под 1036 г. «Всеобщая хроника Швабии».⁵⁶ Випо имеет ввиду себя.

⁵⁷ Веспасиан (9–79 гг.) – римский император с 69 г., первый из династии Флавиев. До прихода к власти был римским наместником в Иудее и руководил подавлением иудейского восстания 66–70 гг. Тит (39–81 гг.) – сын и соправитель Веспасиана, император с 79 г.

⁵⁸ В 1035 г.

Внешняя политика Генриха IV (Отберт Льежский, «Жизнеописание императора Генриха IV», 1-7)

Генрих IV (11 ноября 1050 г. – 7 августа 1106 г.) – германский король, император Священной Римской империи, представитель Салической династии.

Глава 1.

...Не только князья собственной империи его боялись, но и царей востока и запада столь слава его устрашала, что данниками они становились прежде, чем побежденными. Сам царь греков, что, скрывая страх, дружбы его добивался и страшился в будущем получить в качестве врага, упредил дарами, чтобы он не превратился в неприятеля.

Свидетельством этого была золотая плита шпейерского алтаря, как новизной работы, так и весом металла вызывавшая восхищение, что греческий царь¹ передал, когда про обет и рвение императора в отношении Шпейерского собора узнал, в качестве благородного дара, который был достоин как того, кто послал, так и того, кем он был принят. Но и царь Африки, поскольку могущества императора очень испугался, его казну весьма увеличил.

Тех, кто угнетал бедных, [император] подавил; тех, кто занимался грабежом, отдал на расправу; тех, кто против него сопротивлялся и против власти его поднялся, так усмирил, что на потомстве их его королевской мести следы и поныне видны. Потому ни стало удивительным, что и своими [делами] в настоящем и делами империи на будущее он старался, чтобы они научили [людей] не нарушать мира, не сотрясать империю войной. На этом я хотел бы оторвать стиль, ибо надлежит [перейти] к мятежам, лживым поступкам и преступлениям, о которых истину писать опасно, а ложь – преступно. Здесь досаждают волк, а там – собака. Что тогда делать? Говорить или молчать?

Рука начинает и сомневается, пишет и отклоняется, записывает и стирает, так что едва ли знаю, чего хочу. Но стыдно в начале краткого рассказа остановиться и голову без тела нарисовать. Продолжу то, что начал, твердый и уверенный оттого, что верность твоя мною замечена и того, что написано, ты никому не откроешь, или, если его вынесут наружу, автора не выдашь.

Глава 2.

Когда император Генрих, о котором мы говорим, своему отцу, славнейшему императору Генриху III² наследовал в королевстве, он был еще ребенок, ибо отец его рано ушел из жизни, но государство еще поддерживалось в прежнем положении: ни войны не возмущали мира, ни трубный глас не нарушал тишины, не совершались грабежи, не подвергали сомнению верность.

Этому благополучному положению королевства светлейшая императрица Агнесса³, женщина зрелого ума, много способствовала, так как, обладая равными правами с сыном, государственными делами управляла.

Но так как людей незрелого возраста бояться мало и, в то время как страх ослабевает, дерзость возрастает, детские годы короля много порочности вложили в душу. В то время каждый стремился сравняться со знатым, или же стать знатым самому; и многие увеличивали власть преступным путем, ибо не было какого-либо страха перед законом, который под маленьким королем имеет мало силы.

И, для того чтобы по своей воле все делать смогли, они сперва отняли ребенка у матери, которую из-за трезвого ума и тяжелого нрава боялись, выставив в качестве причины тот факт, что королевство не должно управляться женщиной, невзирая на то, что о многих королевах можно прочесть, будто они управляли королевством с мужским благоразумием.

Но поскольку король, будучи ребенком, оказался вырван из объятий матери и в руки князей для воспитания перешел⁴, то, чтобы они не предписывали сделать, он делал, так как был ребенком; кого они хотели, он возвышал, кого они хотели – низлагал, так что следовало бы с полным основанием сказать, что не столько они служили своему королю, сколько повелевали.

Когда дела государства обсуждали, не столько о королевстве, сколько о своих интересах заботились; и чтобы им было преимущество, во всех делах, что они делали, прежде всего, они свою жалобу подавали. Было ли это вероломство или более, хотя [короля] следовало охранять в детских поступках словно запечатанного, они оставили его без своего руководства, чтобы таким образом добиться от него того, чего желали.

Но, когда его возраст и умственные способности достигли определенного уровня, он смог различать, что добродетельно, что безнравственно, что полезно, что нет, осознав то, что делалось по внушению князей, осудил многое из того что делал; и сам сделавшись себе судьей, изменил то, что смог изменить. Он запретил войны, насилие и грабежи, стремился к возобновлению мира и справедливости, восстановлению законов, находившихся в пренебрежении, и пресечению свободно совершавшихся преступлений.

Приближенных, злодеяний которых посредством эдикта он обуздать не смог, разбирая их дела по закону и праву курии, исправил все же мягче, чем требовала вина. И те, не справедливостью, но незаконием стали это считать и отбросили закон, так как были им стеснены, и на каждого злодейски набрасывались, отказавшись терпеть узду, словно стремились или к уничтожению или к лишению [короля власти], положились на свои замыслы, не подумав о том, что сами должны своим согражданам мир, королевству правосудие, королю – верность.

Глава 3.

В это время саксонцы, суровый народ, неукротимый в борьбе, на войне столь же стремительный, сколь и дерзкий, ставящий себе в качестве славной заслуги первобытную ярость, внезапно подняли оружие на короля, который с небольшим количеством воинов против бесчисленного количества вооруженных людей сражался, оценив опасность, едва ускользнув, предпочел жизнь славе и счастливо спасся⁵. Поэтому, видя, что в своем начинании не достигли того, чего желали, останки сына короля, который в то время еще не сделался императором⁶, решили вырыть – о бесчеловечный замысел, о позорная месть!

Этой двойной тяжелейшей несправедливостью разгневанный, король повел войско против того народа, сразился и победил⁷, но победил, повторяю, выступившее против него войско, но не непоколебимость мятежа. Ибо, если тотчас сойдясь в сражении и победив их, когда побежденные обратились бы в бегство и были преследуемы, хотя бы их добро он разграбил, укрепления разрушил, и сделал все то, что победитель делает по своему усмотрению, но все же [эти меры] не смогли привести их к покорности.

Когда он оттуда собрался уходить, приготовился вновь с войском на них напасть, они же, не доверяя своим войскам, которые в прежней войне были тяжелейшим образом разбиты, чтобы к спасению приблизиться, сдались, надеясь на короля, что только ради выражения покорности милость свою он легко дарует⁸. Но недолго продолжалась эта надежда, ибо король, приговорив их, отправил в ссылку по разным землям, где тяжелым заключением стеснил, дабы послабления по указу они ожидали.

Из этой ссылки одни ускользнули благодаря бегству, другие – благодаря деньгам, которые оставлялись стражникам, в то время как они намеревались возвратиться к родному месту и своему дому, взаимно связав себя новым заговором, чтобы быть готовыми к смерти, чем к новому подчинению.

Но и заговор их оказался сильным, поскольку некоторые из лангобардов, франков, баварцев, швабов, давших и принявших клятву, с ними соединились, так что короля со всех сторон военными действиями поразили⁹.

Увидев же, что короля войной можно ударить, но не свалить, потревожить, но не победить, ибо сила его все еще была непобедима, для того, чтобы силы его истощились, они стали измышлять и приписывать ему преступления, которые только наихудшая и грязная вражда и зависть могла придумать. И это мне писать, а тебе читать покажется отвратительным, если изложить то, что перемешав истину и ложь, перед римским понтификом Григорием¹⁰ о нем они говорили: не следует столь бесчестному человеку, более известному преступлениями, чем именем, царствовать, тем более, когда королевское достоинство Рим на него не возложил, тогда как Риму надлежало бы вернуть свое право ставить королей и следовало бы позаботиться об этом апостолическому наместнику и Риму, исходя из совета князей, смотря по тому, чья жизнь и благоразумие соответствуют такой чести.

Обманутый такой выгодой, равно как и честью поставить короля, которую они обманом ему предоставили, приведенный в движение, папа наложил на короля отлучение от церкви и епископам и другим князьям королевства от общения с отлученным королем воздерживаться предписал¹¹. Сам же обещал скоро посетить пределы Тевтонского королевства, где церковные и преимущественно государственные дела намеревался обсудить.

Он прибавил вот что: освободил всех подданных от присяги, которую королю на верность приносили, чтобы разрешить возмутиться тем, которые были связаны клятвой. То, что было сделано, не понравилось многим, – если хоть кому-то не нравится то, что сделал понтифик, – и они заявили, что это сделано столь же напрасно, сколь и незаконно, и таким образом останется. Но не рискну излагать их утверждения, дабы не показалось, будто я вместе с этими людьми опровергаю сделанное понтификом.

Вскоре епископы, как те, которые находились на стороне короля из любви, так и те, которые поддерживали его из страха, опасались следовать его приказу и многие устранились от оказания помощи королю, что и большая часть знати сделала.

Тогда же, увидев свое дело в столь стесненном положении, [король] начал как в тайне, так и по хитроумному соображению, быстрое и неожиданное движение навстречу папе¹², и одним этим деянием двух выгод добился, то есть получил разрешение от церковного отлучения и подозрительное для себя соглашение апостолического наместника со своими противниками сам посредством этого пресек. На возлагаемые против него преступления он едва ответил, поскольку на обвинение противников своих, если бы оно было и истиной, он не собирался отвечать для того, чтобы самому защититься.

Чем вам оказался полезен этот результат – тем, что он был бы связан отлучением, а когда от отлучения освободился, властью своей еще более властно пользуется? Чем вам помогло обвинение его в ложных преступлениях, когда на обвинение ваше также легко ответить, как ветру развеять пыль? Мало того, что безумие вас против вашего короля и правителя мира вооружило? Ничего злорадства ваша, скрепленная клятвой, не достигла, ничего не совершила. Того, кто Господа руку в королевстве утвердил, ваша [рука] свалить не смогла. Где же присяга, которой вы ему клянетесь! Почему благодеяния, которые с царственной щедростью он направлял на вас, забываете? До сих пор ли вы пользуетесь здравым умом, а не гневом; раскаиваетесь ли вы в том, что начали, что как не могучая сила победила вас и, подчинив, ногами своими попирает и эту кару налагает, чтобы показать последующим векам, чего королевская рука стоит. Во всяком случае, вы, о епископы, увидите, что не погибнете на праведном пути, увидите, что не следует становиться нарушителями клятв; о том, что последует для вас, сами знаете.

Глава 4.

Когда король от папы назад вернулся, благословение вместо злословия получив, то нашел в качестве короля, поставленного над собою, герцога Рудольфа¹³, который, услышав молву о возвращении его, прежде готовый к бегству, чем к сражению, прежде к поражению, чем к победе, бежал в Саксонию. Ведь легко королевство принять, а трудно удержать.

Но никого не удивит то, что одного мужа, в военных делах опытного и смелого, теперь заставило бежать, так как часто справедливое и победоносное дело смелых в ужас ввергло и в бегство. О, алчность, наихудшая чума, которая развратила добрые нравы и саму добродетель к поражению привела.

Этот достойный герцог, муж, пользовавшийся большим авторитетом и славой во всем королевстве, придерживавшийся правоты и истины, сильный на войне, и вообще наделенный превосходной доблестью во всем роду, он, я скажу, подчинившийся жажде власти, которая победила всех, и предателем своего господина сделавшись, поставил клятву верности ниже сомнительной чести.

Все же, говорили, что папой на это он направлялся, но когда-нибудь такой доблести муж скорее жажде власти, чем внушению уступил бы; и то в качестве аргумента для себя утверждали [эти люди], что папа безмолвствовал, когда после оправдания короля Рудольф королевство захватил, согласно тому, что написано комедиографом: тот, кто молчит, достоин похвалы.

Поэтому, когда удалился Рудольф, голову которого, если бы он был схвачен, карающий меч по достоинству бы отсек, король в Баварию и Швабию вступил¹⁴ и за заговор против себя опустошил, крепости их сокрушил, но все же, хотя за начало интриги в отношении себя наказывал, однако, знакомый с уздой в проявлении мести, долго сдерживал поводья наказания, которое было меньше меры вины.

Но Рудольф, что вновь уравновесил позор бегства проявлением доблести, осадил город Вюрцбург¹⁵, где все же более обманом, чем доблестью сражался.

Ибо король для изгнания врага войско вознамерился созвать и, когда [воины] построились с обеих сторон для битвы и передние ряды между собой в схватке сцепились, некоторые из всадников королевской стороны, вознаграждением привлеченные, которые себя к стороне короля едва ли в качестве верных сторонников причисляли, внезапно на него самого оружие обратили; но поставив по телу синяки, ран они не нанесли.

Увы, несчастны те, для кого плата была причиной злодеяния и убийства, на которых в одном и том же месте и преступление свалилось и месть; ибо на них столько правых мстителей в пустую обрушивались, что их тела утратили человеческую фигуру.

И был мятеж, поднялся шум, было брошено слово об убийстве короля и из-за этого слова уstraшенное войско обратилось в бегство, преследуемое врагами, и поскольку на конях всадники, за исключением немногих, спаслись, лишь пехотинцам незавидная досталась участь и по этой причине победа была столь большим преступлением, сколь малой заслугой¹⁶. Так враг, город взяв и поставив гарнизон, в Саксонию возвратился¹⁷.

Что, дерзновенный, стала тебе полезной беспорядочная резня бежавшего народа или удача во взятии города, никогда ты королевством не овладеешь, так как недолго городом [владел].

Ибо король, спустя немного времени с войском вернувшись назад, захваченный город взял¹⁸; ведь эти [люди], которым провинцией была поручена оборона города, из него бежали.

После в Саксонию с войском часто вступая¹⁹, либо как победитель, либо как равный назад возвращался; но следует написать, какую в момент последнего прихода счастливую победу он одержал, чтобы было дано всему миру свидетельство о том, что никому против своего господина не следует подниматься.

Ибо достойнейшее отмщение отсечением правой руки за преступление клятвы явил Рудольф, который не побоялся своему господину, королю, верность нарушить; и подобно тому, как иные раны могут не [сразу] привести к смерти, явилась [она] также для этой части тела наказанием, чтобы через наказание была познана и вина²⁰.

Но следует написать и о другом, что в той победе тронуло, а именно о том, что как победившее, так и побежденное войско бежало; бесспорно, это произошло сверху, по указанию божественной милости, что после того как пали головы из-за взаимного бегства было предотвращено другое взаимное убийство.

Но жестокий народ не придал значения ни этому ущербу, ни знаку; точнее сказать, он не мог быть побежден рукой, но был побежден упрямством, поставив себе нового короля Германа²¹, который и сам иным образом погиб.

Ибо, когда саксонцы его из своей земли вознамерились прогнать, как всякого кто там был и в чем-то им не понравился²², вернувшись на свою родину и продолжая носить пустое имя короля, он присоединился к епископу Трира Герману²³, которого также подталкивал к тому, чтобы он сочувствовал рискованной борьбе против короля из-за укреплений неодолимой твердости. Какова же может быть власть короля, который имел защиту не от своих, но от чужих укреплений!

Однажды, когда он вознамерился совершить поездку, то придумал такую игру, чтобы на замок, куда они направлялись, напасть под видом врагов и, какая дерзость, какая доблесть духа внутри у защищавших нашлась перед теми, кто совершить нападение пытались. Какой удивительный путь, какая неожиданность часто происходила, что же в будущем, что произойдет!

И когда ворота замка оказались запертыми и без охраны, штурмующие стали ломиться внутрь, одни из тех, кто находился там, схватив оружие, храбро выступили против нападавших, другие бессильно стали укрытия искать, одна женщина, которая имела женский пол, но не женскую душу, выйдя из башни, бросила камень в голову короля [Германа]; и так от женской руки он пал²⁴, и смерть его была позорной. Но для того чтобы обелить этот позор [его сторонники] то, что было сделано женщиной, приписали мужчине.

Глава 5.

После этого судьба дела по созданию королей долгое время оставалась неопределенной, и этот случай прошлого был страшен будущему. Наконец, властолюбие победило и маркграфа Экберта²⁵, который овладения королевством сильной рукой добивался. Все же он поздно был научен смертью, которая одна из всех поражениями наставить смогла.

Был город в Саксонии, который, увидев, что быстрое движение судьбы становится для короля благоприятным, на его сторону переметнулся, заранее предвкушая, что клятва верности послужит и укреплению его положения и получению помощи от короля. Из-за чего недостойно вознегодовавшие князья саксонцев окружили город и подвергли его осаде²⁶.

Маркграф же Экберт, который надеждой о том, что королевство отдастся под его власть, наполнялся, чтобы приготовиться к тому, что желал, сверх того всю силу на осаду того [города] двигал и, послав большинство людей вперед, с немногими сам последовал.

Тот, кто отклоняется от общего пути, чтобы случайно не натолкнуться на врагов, – кто же так могущественен, что не имеет врагов или вражеских козней не боится? – скрывает дорогу, которая провела через какой-нибудь лес. Как окутано тайной правосудие твое, Господи, как чудно устройство и скрыто то, что ты намереваешься делать, пока не откроешь то, что скрывал!

Уже зной полуденного солнца коней и сидевших на них всадников опалил, так что стал вызывать жажду. Кроме того, такая тяжелая усталость к утомленным подкралась, что от дремоты усталые шеи они склонили, и кони их, не стянутые уздой, вольным путем отправились.

Совсем недалеко в стороне у леса [удалось им] одинокую мельницу заметить²⁷, где они, разойдясь, предались сну, между тем, мельника послав, чтобы из селения питье страдавшим от жажды принес.

[Мельник], в то время как поспешно взваливал на плечи свои мех, встретил каких-то щитоносцев, к упомянутой осаде направлявшихся, которые были тайными приверженцами короля, хотя находились на стороне его врагов.

И они спросили его, откуда он идет, куда направляется, отчего так спешит и задыхается; не став скрывать то, что знал, на гостей своих и причину пути он указал. Они же изумились или испугались, вернее же

сказать, обрадовались, поговорив между собой о том, что надлежало делать, о том, каков риск против награды, что доблесть, слава, доверие могло бы быть, если столь важного врага короля они убьют; дабы тот случай напрасно для себя не упустить, они решили проявить большую доблесть посредством большой опасности; попеременно побуждаемые храбростью, направить коней к мельнице они поспешили, но достигли ее прежде своими помыслами, чем лошадьми.

Началась битва, которая была тяжелой, длительной и сомнительной, так как равной оказалась доблесть и количество собравшихся, ибо одни сражались ради славы, а другие ради жизни. Наконец восторжествовала фортуна короля и яростный враг не в сражении, но на мельнице убитый, позорно пал.

Весьма счастливая ты и все еще много названий [имеющая], мельница, к которой притянула людей не столько работа вращавшихся мельничных колес, сколько молва, которая и перемальвается, когда рассказываешь о той битве и, пересказав, размалываешь.

Так та сходка князей расстройством завершилась, так от осады несостоявшееся дело повернулось вспять. Таким образом, дело короля изо дня в день продвигалось к более высокому и благоприятному положению, противники же его опускались вниз и каждое их начинание заканчивалось неблагоприятно.

Глава 6.

Когда вследствие этого они заметили, что не достигли никакого успеха, ни с помощью оружия, ни путем избрания королей, еще раз они вооружились упреками и перед понтификом обвинили его во многих других нечестивых преступлениях²⁸, что христианнейших королей, которых они сами не без участия апостолической власти создали, убил, в то время как за преступление свое был лишен королевства, которое захватил с помощью кровопролития, огнем, грабежом, оружием все опустошил и свою тиранию против церкви и государства всеми способами применял.

За эти преступления, что они сами подбросили, понтифик вторично связал короля отлучением;²⁹ но не большой вес имело то отлучение, так как было видно, что при этом не благоразумием, но произволом, не любовью, а ненавистью [руководствовался папа].

Король, увидев, что понтифик ведет к тому, чтобы королевства его лишить, не довольствуясь его подчинением, а только отречением от власти, от покорности к мятежу, от смирения к высокомерию вынужденно вернулся, и готовился устроить понтифику то, что понтифик ему самому устроить намеревался.

Оставь, прошу, славный король, откажись от того усилия, что для свержения главы церкви с его высоты предпринимает и в возвращении насилия становишься виновным. Счастлив терпящий несправедливость, но не воздающий преступлением.

Таким образом, король искал причины и обстоятельства, чтобы так или иначе его изгнать, и измыслил то, что прежде он незаконно на римский престол воссел, потому что отрицал то, что к нему, когда он был архидьяконом, еще при жизни своего предшественника³⁰, посредством честолюбия приблизиться захотел.

Истина ли это или ложь – об этом я мало знаю. Одни это признавали, другие говорили как о вымысле и обе стороны приводили в качестве аргумента Рим; эти говорили, что Рим – господин мира, никогда не будет открытым для такого греха; те же говорили, что Рим невольник алчности и легко допустит за деньги любой грех. Для меня этот вопрос остается нерешенным, поскольку, будучи неуверенным, не могу защищать, не отваживаюсь утверждать.

В то время король с войском шел на Рим³¹, сокрушая на пути каждого, кто сопротивлялся. Он взял замки, смирил мятеж, сломил упорство, уничтожил партии. Но его приход, возбужденный Рим, который должен был встретить почестями, готовился встретить оружием, словно приход спустившегося с Альп пунийца Ганнибала, и королю своему, как врагу, ворота затворил.

Отчего король, движимый справедливым негодованием, город обложил осадой, как того требовало дело, и как [жители] не дали ему войти, так он не дал им выйти. Он отправил людей в окрестности, чтобы они разрушали замки, разоряли селения, расхищали добро, он навредил провинции извне, за то, что Рим заперся изнутри. За пределами города была война, а внутри страх.

Везде появлялись осадные машины; здесь стену таран пробивал, там воин по лестнице взойти на нее пытался. Те, кто в городе находился, против них стрелы, камни, горящие колья и огонь бросали, изредка выходили, чтобы сражаться друг с другом. С каждой стороны мужественно сражались, так как этих дело, а тех опасность отважными сделала.

Однажды, когда войско с обеих сторон сражением и зноем утомленное, около полудня предавалось сну, и дозорный, как захотела фортуна, не бодрствовал, один из наших щитоносцев подошел к стене, чтобы собрать стрелы. И когда, поднявшись и напрягая слух, понял, что внутри никого нет – ибо стена и укрепление оказалось пустым – при помощи уверенности духа и подвижности тела руками и ногами вверх стал взбираться, пока, наконец, вершину стены не схватил. После того как, обведя глазами вокруг, никого не увидел, находясь между надеждой и страхом, движениями всего тела подавал знак сотоварищам, которые поздно знак заметили бы, если он не кричал. Тогда, схватив оружие и лестницы, они поспешили, быстрее, чем можно сказать слово, на стену поднялись, взяв город, запоздавших защитников перебили, схватили, обратили в бегство³².

Теперь король не считал достойным войти через открытые ворота, где передние ряды задерживают задние, которые прижимают передних; но в отместку за необдуманное сопротивление он приказал, чтобы был пробит в стене столь широкий вход, чтобы все войско сомкнутым строем одновременно могло пройти. Тогда

езде всюду оказалась смерть и плач; Рим содрогнулся, когда от удара обрушились высокие башни. Бежал папа, который, всех ввергнув в опасность, всех в опасности оставил³³. Наконец Рим в своем упорстве раскаялся, но прежде мог удостоиться почета и от короля дары заслужить, теперь же огромное количество денег для короля едва добыл, чтобы не быть разрушенным полностью.

Потом, когда все успокоилось, король причину, ради которой пришел, объявил публично; о преступлении папы, которое стало известно, он рассказал и, когда многие этот факт признали, папу Климента к избранию для всех он представил³⁴; от него он сам с одобрения всех граждан был посвящен в императоры и сделался патрицием города, в Риме он остался некоторое время, пока не привел все к прочному согласию.

Глава 7.

Не следует оставлять без внимания то, что распространилось в рассказах верных людей в тевтонских краях, и в самом Риме было признано. Император имел обыкновение один храм ради молитвы часто посещать³⁵ и ни одного дня, что бы ни происходило, не пропускать. Выбрал он себе в этом храме особое место для молитвы, где столь усердно, сколь и тайно молитвам мог бы предаваться.

Этот его обычай между тем некий темный ум человек заметил, побужденный собственной или чужой подлостью большой камень на балку, для того чтобы сверху в голову императора ранить, положил, и подняв потолочную доску, которая выходила прямо на голову монарха, для метания груза отверстие открыл, часто пробуя камень на веревке вниз бросать, чтобы при метании не промахнуться.

После того как достаточно провел испытаний, злодей с помощью уловки навстречу ночью поднявшись, там выжидал, когда император для молитвы на обычное место встанет. Тогда тот кровожадный о чужой гибели [помышлял], но о своей не ведал, с силой в голову императора приготовился бросить груз, но сам, несчастный, с грузом вниз упал – император же немного от этого места отошел и остался невредимым.

По всему Риму быстро распространилось известие об этом деле и простой народ, который не может легко успокаиваться, тем временем пришел в движение, против желания императора полуживое тело из обломков и вывернутых камней в пустую откапал. Тогда же все, приписав это небесному знамению, а не случайности, верой и душой императору подчинились; и вражеский замысел не только ему верность сторонников упрочил, но и многих из врагов верными сделал; итак, в то время как он навредить старался, полезным оказался.

Наконец, император, разобравшись со всеми римскими делами, и поставив в городе гарнизон, чтобы город не изменил присяге, новым высоким достоинством обремененный, в Тевтонское королевство вернулся. Но ни одна фортуна не продолжительна; тот гарнизон, который император в Риме поставил, оказался сражен недугом, который появляется в этом месте в летнее время года, так что не один из воинов не избежал смерти³⁶. Тогда Рим, уничтожив иго, которое налагал на него гарнизон, предавшись произволу, вернулся к прежнему и, подняв против императора оружие, изгнал папу, а другого поставил, ибо тот прежний понтифик, Григорий, уже из жизни ушел³⁷.

Когда об этом стало известно императору, он снова против Рима войско повел; но, прибыв в Италию, встретился с посланцами от Рима, предлагавшими заключить мирный договор, и возвратился³⁸, так как его преследовала молва об интриге оставшихся позади противников, оставив в Италии сына Конрада, который уже тогда был возведен в достоинство наследника его королевства³⁹; ему же усилению Матильды⁴⁰, присвоившей себе почти всю Италию, надлежало противостоять, и королевство, которое в будущем делается его собственным, из руки женщины исторгнуть...

¹ Византийский император Алексей I Комнин (1081-1118 гг.), посольство которого посетило Генриха IV в 1084 г.

² Генрих III (1017 – 5 октября 1056 гг.) – германский король с 1028 г. (самостоятельно правил с 1039 г. после смерти своего отца Конрада II), император «Священной Римской империи» с 1046 г.

³ Агнесса Аквитанская (скончалась 14 декабря 1077 г.) – вторая жена Генриха III, исполнявшая функции регентши империи в 1056–1062 гг.

⁴ После того как в 1062 г. Генриха выкрали у матери ведение государственных дел оказалось в руках группы князей и епископов, в которой выделялись соперничавшие между собой архиепископ Кёльна Анно II (1056-1075 гг.) и архиепископ Гамбурга и Бремена Адальберт (1043-1072 гг.).

⁵ В августе 1073 г.

⁶ В марте 1074 г.

⁷ У реки Унструт 5 июня 1075 г.

⁸ 25 октября 1075 г. близ Зондерхаузена.

⁹ Это случилось после первого отлучения Генриха от церкви (22 февраля 1076 г. на Латеранском синоде).

¹⁰ Папа Григорий VII (около 1020 – 25 мая 1085 гг.) – до принятия в 1073 г. сана понтифика – кардинал Гильдельбранд, один из идеологов церковных реформ второй половины XI века, предусматривавших ликвидацию вмешательства светских властей в церковные дела, в ходе конфликта с Генрихом IV сформулировал идею приоритета папской власти над властью светских правителей (т.н. Диктат папы, 1075 г.).

¹¹ После съезда в Трибуре в октябре 1076 г., на котором оппозиционные князья пригрозили низложить короля, если он не добьется снятия отлучения.

¹² Зимой 1076/1077 г. Встреча короля и папы состоялась 27 января 1077 г. в замке Каносса, принадлежавшим маркграфине Матильде Тосканской (1046-1115 гг.) – вдове лотарингского герцога Готфрида Бородатого.

¹³ Рудольф фон Рейнфельден (скончался 16 октября 1080 г.) – герцог Швабии с 1057 г., муж сестры Генриха IV Матильды. Избран королем оппозиционными князьями на съезде в Форкхайме 15 марта 1077 г. во время пребывания Генриха в Италии.

¹⁴ В мае 1077 г.

¹⁵ В августе 1077 г.

¹⁶ В действительности инцидент, описанный автором, относится к августу 1086 г., когда Генрих IV пытался снять осаду с Вюрцбурга, осажденного сторонниками Германа фон Зальма (см. ниже).

¹⁷ 12 августа 1086 г.

¹⁸ После битвы при Блейкенфельде (1086 г.), которая в тексте смешивается с битвой при Мельрихштадте (1078 г.).

¹⁹ Вероятно, имеются ввиду походы 1078-1079 гг.

²⁰ Рудольф был смертельно ранен в битве на Эльстере 15 октября 1080 г. и умер на следующий день.

²¹ Герман фон Зальм был избран преемником Рудольфа Швабского 6 августа 1081 г.

²² Герман бежал из Саксонии в 1088 г., где его соперником сделался Экберт Мейсенский.

²³ Автор допускает неточность: трирский архиепископ (Эгильберт) находился на стороне Генриха IV, епископ Меца (Герман) в то время был лишен кафедры, которую вернул лишь после гибели Германа фон Зальма (в 1089 г.).

²⁴ 28 сентября 1088 г.

²⁵ Экберт II (убит 3 июля 1090 г.) – маркграф Мейсена в 1068-1089 гг.

²⁶ Вероятно, автор имеет ввиду осаду Кведлинбурга, которая имела место в 1088 г.

²⁷ У реки Зельке.

²⁸ В этой главе автор возвращается к изложению событий 1080 г.

²⁹ 7 марта 1080 г.

³⁰ Имеется ввиду папа Александр II (1061-1073 гг.), при котором Григорий VII был фактическим руководителем римской курии в ранге кардинала-архиепископа.

³¹ Война в Северной и Средней Италии продолжалась с 1081 по 1084 гг. В этот период войска Генриха IV неоднократно осаждали Рим.

³² В результате этого штурма (3 июня 1083 г.) был взят так называемый город Льва (Леонина), однако этот успех не был развит из-за появившейся перспективы разрешения конфликта между папой и королем на церковном синоде; остальная часть Рима капитулировала 21 марта 1084 г. во время следующего посещения Генриха.

³³ Во время осады 1083-1084 гг. Григорий VII находился в замке Св. Ангела, откуда в июне 1084 г. удалился в Салерно вместе с норманнскими войсками Роберта Гвискара.

³⁴ Виберт Пармский (скончался в 1100 г.) – архиепископ Равенны с 1072 г., сторонниками Генриха на соборе в Бриксене был избран папой под именем Климента III в июне 1080 г., посвящение в епископы Рима состоялось 24 марта 1084 г. (в католической традиции он считается антипапой).

³⁵ Церковь св. Марии на Авентинском холме.

³⁶ Здесь автор смешивает события: гарнизон из 300 (по другим данным – 400) рыцарей под командованием Ульриха фон Годсхейма был оставлен в Риме летом 1083 г. и погиб к концу того же года; императорскую корону Генрих IV получил во время следующего прибытия в Рим из рук Климента III (31 марта 1084 г.); император удалился из Рима вместе с Климентом в мае того же года при наступлении армии Роберта Гвискара.

³⁷ Григорий VII умер 25 мая 1085 г. в Салерно, его преемник, аббат Монте-Кассино Дезидерий, был избран в Риме папой 24 мая 1086 г. под именем Виктора III (1086-1087 гг.), но вскоре покинул город, который был занят Климентом III, оставшимся здесь до 1089 г., после чего некоторое время Рим переходил от Климента к преемнику Виктора Урбану II (1088-1099 гг.).

³⁸ В действительности, пребывание Генриха IV в Италии продолжалось с 1090 по 1097 гг., о чем свидетельствует, например, Эккехард из Ауры.

³⁹ Старший сын Генриха IV Конрад (1074-1101 гг.) был его соправителем с 1087 г. до своего отрешения от власти в 1098 г.

⁴⁰ Маркграфиня Тосканской, которая в 1089 г. по политическим соображениям вышла замуж за 17-летнего сына бывшего баварского герцога – Вельфа V (этот брак был расторгнут в 1095 г., после чего его отец Вельф IV перешел на сторону императора).

Внешнеполитическая деятельность Фридриха I Барбароссы (Оттон из монастыря Св. Власия, «Хроника», Извлечение)

Фридрих I Гогенштауфен (1122 г. – 10 июня 1190 г.) – король Германии с 1152 г., император Священной Римской империи с 1155 г., герцог Швабии в 1147-1152 гг. под именем Фридрих III.

Хроника, доходящая до описания событий 1209 г., которая дошла до нас под названием «Хроника Оттона из монастыря Св. Власия», представляет собой продолжение сочинений Оттона Фрайзингского и Рахевина.

5. В год 1153 от человеческого воплощения Господа¹ после смерти Конрада герцог Фридрих Швабский князьями был избран королём² и правил как 94-й властитель после Августа³...

7. В год 1155 от человеческого воплощения Господа⁴ король Фридрих предпринял военный поход против герцога Польши⁵ и с оружием напал на его область. Он неожиданно переправился с войском через реку⁶, разорил местность, вынудив поляков сдаться, и выплатить дань, которую не получал с них уже несколько лет, а также обязал их любым способом принять участие в его военном походе в Италию. Однако это обещание оказалось совершенно бесполезным, так как после возвращения короля герцог нарушил свою клятву, не принял участие в походе и вообще не исполнил ничего из того, что обещал, чем вполне обоснованно привёл короля в ярость.

Когда король Фридрих по своему желанию привёл в порядок все дела в Галлии и Германии, он собрал из всех частей империи одно сильное войско и двинул его в поход на Италию. Распорядившись там по своему усмотрению, он подчинил всех мятежников, окружил оставшуюся в одиночестве Тортону⁷, захватил её и разрушил. Оттуда он направился к городу (Риму) и покорил его, несмотря на сопротивление римлян, потому что сильным натиском он подавил их в короткий срок, убив при этом многих из них. При покровительстве папы, он вступил в город, был коронован императором и стал 94-м принявшим титул Августа⁸. Между тем среди римлян вспыхнуло восстание, и они сражались с войском императора. В конце концов, они были разбиты, побеждены, и им пришлось сдаться. После того, как все было приведено в порядок, он, по совету кельнского архиепископа⁹, епископа Констанцы, Германа¹⁰, а также некоторого других князей, решил прежде

всего выступить против Вильгельма¹¹, сына Роджера¹², который правил Апулией под именем короля. Однако другие отговаривали его. Он отложил это на более позднее время и возвратился в области по ту сторону Альп. На этом пути он попал в засаду, устроенную веронцами. Он выказал такую ярость, что решил не оставлять их без наказания. По его приказу перед веронцами был построен мост через Эч¹³ из связанных друг с другом судов, чтобы перевести войско. Некий Альберих¹⁴ и разбойники, в огромном количестве собравшиеся из города и из разных других мест, собирались выше по течению реки устроить засаду из плотов, чтобы, – если часть войска перейдёт через реку, – с помощью именно этих плотов освободить суда из связки и вынудить сражаться оставшуюся на этом берегу часть войска. Однако, несмотря на то, что эта попытка была тщетной, переход оказался в опасности. При этом император там наступал, и, как сообщалось, сам он уже полностью перешёл реку и, двигаясь далеко впереди, устремился с всем войском в Альпы. Поэтому те побежали по хорошо известным кратчайшим тропам вперёд в альпийские долины. Когда часть войска была уже далеко впереди, они напали на императора с остальными людьми и угрожали ему, если он не даст им денежного выкупа, они перережут ему путь и будут сражаться с ним. Между тем, император, будучи бесстрашным всегда и везде, счёл для себя позором вступить в такую сделку с разбойниками. Выказав это, он остался с частью войска, который была у него, и всеми возможными способами приготовился сражаться на этом месте. И вот, пфальцграф Оттон Виттельсбах Старший¹⁵, отец герцога Людовика¹⁶, впоследствии ставший герцогом Баварии, выбрал из войска подготовленных людей, обошёл с ними долину и незаметно от врагов поднялся на гору с другой стороны, под её прикрытием. Подав [врагам] знак с тылу, он обрушился на них с криками и сбросил их в пропасть. Таким образом, он убил их всех, за исключением 12-ти знатных людей, которых передал императору. 11 из них казнили через повешение, а тот, кто их вешал, был отпущен. Затем император вернулся с почестями через Триентскую долину¹⁷ и, после того как перешёл Альпы, распустил войско по своим областям...

11. В год 1158 от человеческого воплощения Господа¹⁸ император Фридрих приготовился к военному походу против Вильгельма, сына Роджера, завоевателя Апулии, Калабрии и Сицилии, а в это время взбунтовались миланцы и нанесли ему многочисленные оскорбления. Поэтому он повернул оружие против них и второй раз¹⁹ повёл войско через Триентскую долину в Италию. Выйдя на равнину, он с помощью итальянцев, прежде всего жителей Павии и Кремоны, настолько усилил войско, что вынес приговор своим врагам миланцам, и вся Лигурия была предана огню и мечу. Жителей Кремы, сторонников миланцев, он обложил осадой и за много дней разными способами сделал их неспособными к сопротивлению. В конце концов он принял сдачу так, что они, сохранив свою жизнь, покинули эту область, а сам город был взят и разрушен до основания. Затем²⁰ он построил боевые порядки против миланцев. И вот, около Милана²¹ поднялись боевые стяги, и 1000 рыцарей, построенные в боевой порядок, поспешно двинулись в наступление и напали на город. Император конечно не знал, что горожане подготовились к битве перед воротами. Нападение было необдуманным, и горожане встретили их. Завязалась битва, в которой было много погибших с обеих сторон, и рыцари императора, которые из-за своей небольшой численности не смогли противостоять силе горожан, бежали. Император был очень возмущён неудачей рыцарей и смог только собрать всё своё мужество. Предусмотренное наказание он [отложил] на будущее, объявил рыцарям прощение и со всех сторон окружил город. В этой борьбе со стороны императора пали граф Экберт Питтенский²² и многие другие. А горожане, потеснённые со всех сторон усилиями императора, оказывали отчаянное сопротивление, и, возместив понесённые потери, часто вырывались из ворот, совершали отчаянные поступки, — с обеих сторон было много убитых, — а после больших потерь в войске отошли за ворота. При одном нападении, в стычке с императорскими воинами, там, где их осаждали итальянские рыцари, они убили храброго итальянского маркграфа Вернера, вместе со многими другими, имя которого до сего часа звучало как Вернер Маркский²³. С этого времени горожан ежедневно повсюду изматывали осадными орудиями и битвой²⁴, их уничтожали разными способами, и причиняли им всевозможные беды. Поэтому горожане уже больше не могли выдержать натиск императора. Подавленные плотной осадой и всевозможными осадными орудиями, силы их иссякли. При посредничестве герцога Фридриха Ротенбургского²⁵, герцога Генриха Баварии и Саксонии²⁶, герцога Бертольда²⁷, а также короля Богемии²⁸, они предложили императору условия мира. Много золота они передали императрице и огромную сумму денег императору, и те приняли всё это. Император, как было сказано, достиг с ними соглашения, и после того, как был установлен мир, назначили день, когда сами горожане должны предать себя со всем своим имуществом под власть императора и при покровительстве князей снискать его милость²⁹. Отойдя от города, он прошёл около четырёх латинских миль, где организовал трибунал и расположился среди многочисленных князей. Всё войско, торжественно блистая своей выправкой, выстроилось по отрядам в длинную процессию, которая растянулась от города до места трибунала. Дорога до императора между войсками была открыта для горожан. Во главе шёл архиепископ³⁰, облачённый в епископское одеяние, но босиком, со всем клиром и с остальными церковными иерархами в таком же облачении, с печальными лицами, неся святые мощи. За ними босиком следовали консулы, бароны и другие знатные люди всех свободных сословий, в длинных одеяниях с обнажёнными мечами привязанными около шеи. После них шли люди служивого сословия со всем народом, неся на шее ярмо. По этой дороге они пришли, в порядке своего положения, подавленные, словом и видом признаваясь в оскорблениях, нанесённых императору. Князья просили за них, и их подчинение было подтверждено всяческими клятвами. Император проявил сочувствие,

однако те, которым вернули прежние права на жизнь, и сам город, как мы укажем далее³¹, воздали добром за зло. Таким образом, осада прекратилась, и он с войском ушёл...

14. В год 1160 от человеческого воплощения Господа³² император Фридрих созвал баронов из Италии на всеобщий имперский съезд при Ронкалье³³ и торжественно провёл эту встречу с князьями. Там он обновил старые законы и сам провозгласил новые, отвечающие насущным потребностям империи. Он восстановил законы, от которых уже отвыкли, и с правовой точки зрения рассмотрел, при какой системе законодательства города Италии будут подчинены империи. Князья и правоведа³⁴ тщательно проверили это и общим решением признали, что все регалии городов, а именно, деньги, пошлины, корабельные сборы, звания подесты, консула и судьи теперь будут относиться к ведению империи³⁵. Избранные горожанами на эти должности должны будут получать их из рук императора по праву лена и передаваться только после совета с ним.

Также на этом имперском съезде он установил для империи ежегодный доход в 30000 талантов, который уже давно был предан забвению и невниманию, а кроме того, по соображениям императора указом предусмотрено, где, когда, с кого и каким способом должно взиматься продовольствие, внесение которого было определено издавна, и подати, отвечающие нуждам империи. Чтобы провозгласить и утвердить это, по Италии были разсланы императорские посланники, среди которых прежде всего были канцлер, пфальцграф Оттон Виттельсбах, граф Видо Бьяндратский³⁶ и граф Гоцвин³⁷. Побывав для этого во многих городах, они прибыли в Милан, где созвали горожан на собрание, огласили им императорские постановления и настоятельно призвали к их выполнению³⁸. Горожане непривычные к таким вещам, отвергли императорские указы и, с позором изгнав посланников, собрали силы для нового восстания. Посланники, выбравшиеся едва ли не бегством, вернулись к императору, сообщили ему о несправедливости и восстании миланцев, а затем попросили его всеми силами отомстить им. Тот без промедления пожаловался князьям на то, что опозорили империю, выставил солдат, двинул войско против Милана и разорил всё огнём и мечом. Лигурийцы сопротивлялись, как только могли. Император посоветовался с жителями Павии и послал их грабить на пастбищах скот миланцев, а сам с отборными рыцарями засел в засаду. Жители Павии бросились грабить скот и всеми силами преследовали убегающих миланцев. Император выстроил войско, вырвался из засады, напал на них и вынудил сражаться с ним. Они не выдержали натиска и решимости немцев в битве. После того, как многие пали, а 500 знатных жителей были взяты в плен, они бежали и устремились обратно в город. Таким образом, император добился победы и с величием торжествовал над миланцами³⁹. Он напал на замок Треццо⁴⁰, где они оставили отряд, и захватил его. Находящиеся в замке были взяты в плен или пали в бою, а на их место он поставил своих людей⁴¹. Как только император отошёл, лигурийцы выбрались из города и полностью разрушили захваченный замок⁴², захватив людей императора, при этом латинян подвергли пыткам и убили, а немцев содержали в плену⁴³.

15. В год 1161 от человеческого воплощения Господа император Фридрих решил показать всем итальянцам власть империи на примере миланцев. Он собрал вместе всю военную силу и подготовил её к грядущей битве. Он отправил письма в Германию и из всех областей империи стянул дополнительные войска⁴⁴. Король Венгрии⁴⁵ также прислал императору отряд рыцарей с лучниками, что усилило войско. Когда было собрано войско из различных королевств и областей, он вначале повернул оружие против союзников миланцев и обложил осадой жителей Пьяченцы, возлагавших надежды на многочисленные башни⁴⁶, решительным приступом взял город, опрокинул башни, сравнив их с землёй⁴⁷. Оттуда он повернул на жителей Мантуи, и всё, чем они владели, предал огню и мечу, вынудив их сдаться⁴⁸. Все города, благосклонно настроенные к миланцам, он принудил сдаться или же разрушил до основания. Между Миланом и Пьяченцой он на пустом месте выстроил новый [город] Лоди⁴⁹, чтобы разместить войска и укрепиться здесь для борьбы с миланцами⁵⁰. Миланцы увидели, что со всех сторон их ожидает поражение и всеми возможными способами приготвили к тому, чтобы вытерпеть грядущие несчастья. Чтобы выдержать осаду, они старательно укрепили весь свой город рвами, стенами, башнями и различными метательными орудиями, оружием и запасли продовольствие. Они были готовы сопротивляться всеми силами, но это оказалось напрасным. Ведь они не могли противостоять ярости императора и мощи империи. Опасно плыть против потока⁵¹, и безрассудно не подчиняться великому. Убедительным подтверждением этого служит то, что благородный Милан, столица Лигурии и цвет всей Италии, был разрушен до основания.

16. В год 1162 от человеческого воплощения Господа⁵² императрица вступила в брак с императором⁵³. Её вместе с епископом Аугсбурга Конрадом⁵⁴, герцогом Вельфом и многими знатными людьми перевезли через Альпы из наших областей вместе с войском⁵⁵. Объединённое войско⁵⁶, насчитывающее около 100000 человек, снова обложило Милан осадой⁵⁷ и всеми силами при помощи различных осадных орудий вело борьбу. Жители вынуждены были сопротивляться – ведь ничто кроме нужды не делало их воинственными – за отечество, за родителей, за детей, за жён и, наконец, за жизнь⁵⁸, и в частых вылазках осуществляли смелые нападения, отбивались от врагов снарядами, а также стрелами и метательными снарядами с передовых укреплений. Но император для защиты от их нападений повсюду установил военные отряды и поражал миланцев с помощью различных метательных орудий, катапульт, таранов и разного рода снарядов. Перед лицом императора рыцари с воодушевлением сражались за честь, славу и вознаграждение, из тщеславия и бахвальства, причём многие то тут, то там вырывались вперёд. Изнурённые и ослабевшие от неоднократных поражений, горожане, наконец, попросили о мире⁵⁹ и всевозможными способами попытались смягчить ярость императора. Однако достигнуть этого они могли только при одном условии: сдать оружие и покинуть город. Им обещали сохранить жизнь и

позволили взять с собой только самые необходимые вещи⁶⁰. И они приняли такой мир. В великой скорби они передали свой город неприятелю, и своими глазами увидели, как разрушили любимые ими стены. Император вошёл со всем войском⁶¹, и захватил многочисленную богатейшую добычу⁶², как то, церковное имущество и другие ценности. Мощи святых, прославившие этот город, были собраны во всех церквях и унесены. Бывшие там три волхва, которые, увидев звезду, пришли с дарами к колыбели Христа⁶³, были подарены архиепископу Кёльна, Регинольду⁶⁴, более всех отличившемуся со своими воинами при этой осаде. Достопочтенный епископ перевёз их через Альпы и поместил в кёльнской церкви⁶⁵. Эти покровители озарили всю Германию и всячески облагородили весь немецкий народ. В целости и сохранности они до сего дня пребывают в той же самой церкви, каждый – в своей отдельной раке из драгоценного металла.

Император же, как было описано, до основания разрушил весь город⁶⁶, после того, как он вступил в Милан, разрушил стены и повалил башни. Для того, чтобы сделать его непригодным для жилья, после разрушения он предал всё огню. Вообще всё то, что осталось – сгорело. Жителей он разделил на четыре части, выделил им для поселения незастроенную местность, где они должны были построить четыре города, и велел им, как сказано, жить отдельно в четырёх разных местах⁶⁷.

Итак, война была закончена. Император поблагодарил князей за ратный труд, рыцарей он щедро одарил подарками и отправил на родину. Много дней без него оставалась Германия, и, наконец, он снова увидел её с грандиозным ликованием всего войска. Некоторое время он пребывал по эту сторону Альп, в разных местах государства проводил многочисленные встречи с князьями, где решал дела империи, и управлял всем по своему усмотрению, а также вершил суд.

17. В год 1163 от человеческого воплощения Господа император Фридрих четвертый раз отправился в Италию, но уже без боевого снаряжения, в Германии он также в различных местах устраивал с баронами Италии собрания, занимался делами империи в суде, некоторое время при этом пребывая на отдыхе⁶⁸...

19. В год 1165 от человеческого воплощения Господа император услышал про разорение империи на этой стороне Альп, и вернулся из Италии⁶⁹. По его приказу рыцари Вельфа, взятые в плен пфальцграфом, были освобождены, а князьям сообщили о всеобщем королевском съезде, назначенном на время поста⁷⁰...

20. В год 1166 от человеческого воплощения Господа, после того, как споры князей, как уже говорилось, были улажены, и все дела в Германии были организованы лучшим образом, император Фридрих собрал со всех уголков империи войска, четвертый раз перешёл через Альпы⁷¹ и предпринял военный поход в Италию. Оттуда он прошёл через Апеннины, повёл армию через Тусцию⁷² в Анконскую марку и осадил мятежный город Анкону⁷³. Между тем кёльнский архиепископ Райнальд⁷⁴, который, решая государственные задачи⁷⁵, ещё раньше отделился от него, теперь со своим рыцарским отрядом вернулся к императору и направился к крепости Тускул около Рима⁷⁶, чтобы провести некие переговоры. Лазутчики в Риме разузнали, что римляне, собравшись со всего города, – а их насчитывалось около 30000 воинов, – устремились к крепости и, к стыду императора, совершенно неожиданно окружили в ней архиепископа⁷⁷. Об этом стало известно императору в Анконе⁷⁸. Он созвал князей и посоветовался с ними, можно ли прекратить осаду Анконы и прийти на помощь архиепископу, или не стоит этого делать, и что произойдёт из-за этого, ведь на некоторых князей и особенно простолудинов слухи об отказе от осады могли оказать вредное воздействие. Среди тех князей, которые не советовали снимать осаду, больше всех возмущался и проявлял недовольство архиепископ Майнца, Христиан⁷⁹, а мирские князья и им подобные пренебрегали опасностью и не замечали её. Он призвал всех своих людей, а также некоторых других, кого смог подкупить деньгами или уговорить добрым словом, в результате чего собрал 500 рыцарей и 800 наёмников⁸⁰, наилучшим образом подготовленных к ведению боевых действий⁸¹, и отправился с ними в Тиволи⁸² на римлян, чтобы освободить архиепископа. Придя туда⁸³, он расположился лагерем против римлян⁸⁴, которые в этот день не предпринимали никаких действий. Через посланников он умолял их вспомнить, чего стоила свобода у древних римлян, и уверял, что их требования будут исполнены. Но они отвечали, что прошлое совершенно не похоже ни на то, что сейчас и ни на что другое. Они не выставляли никаких требований, а только весьма дерзко угрожали, что его со всем его войском нынче же отдадут в пищу птицам небесным и диким зверям⁸⁵. Затем они сняли осаду и вывели на битву тридцать тысяч воинов⁸⁶ против пятисот немецких рыцарей. Получив от них такой ответ, архиепископ несколько не испугался, ибо не трудностей боялся он⁸⁷. Будучи против них в меньшинстве, его люди всё же были более совершенны в воинском искусстве. Обещаниями и угрозами он настоятельно увещевал их, чтобы они не надеялись на бегство, ибо слишком далеко они от родины и от армии императора, чтобы бежать, но памятуя о своей личной доблести и врождённом малодушии неприятеля⁸⁸, они, приложив все силы, смогут отстоять свою жизнь⁸⁹. Так вещал благородный голос. Когда он увидел рыцарей, осенённых немецким военным духом – ведь его увещевания так или иначе придали им веру в свою непобедимость – он выстроил боевые порядки. Он выбрал тех, кто пойдёт в бой первыми, тех, кто при столкновении с противником, ударит со стороны, а также вспомогательный отряд, который должен будет помочь тем, против кого делается жестокая битва⁹⁰, а сам он с отборными [людьми] выдвинулся на помощь. И вот, он, надеясь на Бога, поднял военные стяги и, ведя выстроенные когорты, двинулся на битву с римлянами.

Тем временем, архиепископ Кёльнский с людьми из крепости и всеми своими людьми, хорошо владеющими оружием, числом около 300 рыцарей⁹¹, был готов любым способом прийти на помощь и ещё до начала битвы тайно скрылся в крепости. И вот, началось сражение. Сперва в рыцарских схватках ломались

копья, затем были пущены в ход мечи⁹², и стрелы противоборствующих сторон заслонили дневной свет, как при снегопаде. И вдруг кельнский архиепископ выскочил из крепости с отборными рыцарями, напал на римлян с тыла и смело бросился на отступающих. Таким образом, окружённые спереди и сзади, они вынуждены были биться со всех сторон. Пока римляне сражались, надеясь только на свой численный перевес, епископ Христиан со своим вспомогательным отрядом ворвался с фланга в их боевые порядки, расстроил их и разбил на три разрозненные группы. После того, как многие из них были убиты, а другие попали в плен, побеждённые римляне бросились бежать к городу, а победители преследовали их и с крайней жестокостью добивали. После того, как епископы удержали их от кровавой бойни, они снова появились в боевом снаряжении и провели ту ночь в ликованиях и торжествах.

Утром римляне поспешили на поле брани, чтобы вынести тела погибших, но епископ послал на их ряды рыцарей, которые обратили их в бегство. Они едва успели живём вернуться в город. Наконец они отправили посланников к епископам, покорнейше умоляя их разрешить им из любви к святому Петру забрать мёртвых по христианскому обычаю. Епископы дали своё согласие при условии, что они подсчитают погибших и взятых в плен во время битвы с их (епископов) стороны и под клятвой передадут им список, и только после этой передачи они с миром смогут предать земле своих погибших. Подсчёт был выполнен, и епископы обнаружили, что число умерших и взятых в плен в этой битве составляет 15000⁹³. После этого они получили разрешение и, наконец, с громкими причитаниями забрали своих погибших и похоронили их.

Когда император и всё его войско услышали об этом у Анконы, и Анкона сдалась, осада была прекращена, он с войсками двинулся против города (Рима) и обрушился на него сильным натиском⁹⁴. Горожане, изнурённые войной, о которой было рассказано выше, поначалу ещё могли своими ослабленными силами оборонять стены, а когда император со всеми силами напал на город, они, потерпев поражение, отступили к церквям и нескольким укреплениям. Прежде всего они бежали к церкви Святой Марии, что перед церковью Святого Петра, и к самой церкви Святого Петра, которую они укрепили как замок, где собирались снова, насколько возможно, оказать сопротивление.

Но рыцари императора вооружённой толпой разбили ворота церкви Святого Петра секирами и бердышами⁹⁵. Под командованием Фридриха Ротенбургского они пронесли враждебные знаки⁹⁶ до самого алтаря и осквернили его убийством многих людей⁹⁷. Также они подожгли церковь блаженной Марии, а тех, кто был в ней, убили или взяли в плен. Они осквернили её грабежом, совершённым многими нечестивцами, так что буквально сбывлись слова псалмопевца: «показывали себя подобными поднимающему вверх секиру на сплетшиеся ветви дерева. И ныне все резьбы в нём в один раз разрушили секирами и бердышами. Предали огню святилище Твоё; совсем осквернили жилище имени Твоего»⁹⁸. Это вторжение императора в город (Рим) случилось в месяце июле, в год 1166⁹⁹ от человеческого воплощения Господа.

Император дождался – О, хоть бы он не достиг её! – следующей победы. Императрица была коронована¹⁰⁰, и он покинул город. И сразу же всё войско оказалось зараженным чумой, она поразила почти всех¹⁰¹. А началась она среди знатных людей согласно Иезекиилю: «Начните от святилища Моего»¹⁰². Сначала смерть унесла князей, а затем, уничтожив княжескую верхушку, жестокая чума разразилась среди всех остальных. Поэтому умерли архиепископ Кельна, Райнальд¹⁰³, а также епископ Регенсбурга, Эберхард¹⁰⁴, и Шпайера, Готфрид¹⁰⁵. Ещё в области Тусция умерли от чумы герцог Фридрих Ротенбургский¹⁰⁶, сын короля Конрада, Беренгар Зульцбахский¹⁰⁷, а до них в Сиене – молодой Вельф¹⁰⁸, сын герцога Вельфа, с другими князьями, графами, свободными людьми и министрами князей, а также огромное количество народа из войска. Останки Вельфа были перенесены в Алеманию¹⁰⁹ и с великой скорбью погребены отцом Вельфом со всеми знатными людьми страны у Штайнгадена¹¹⁰. Также и герцог Фридрих Ротенбургский подобным образом был похоронен в Эбрахе¹¹¹.

Миланцы также увидели, что силы императора из-за уничтожения его войска существенно уменьшились. Воодушевившись такой переменой обстоятельств, они собрались, – император при этом находился поблизости – из всех мест, куда их расселили, на руины своего города и снова отстроили его, вложив все силы и средства¹¹². Несмотря на то, что императора сильно потрясла смерть его людей, он всё же не стерпел того, что из-за обрушившихся на него невзгод миланцы нанесли ему такое оскорбление, и огнём и мечом преследовал тех, кто проезжал через их епископство¹¹³. А те, жаждавшие отомстить за его несправедливость, с оружием преследовали императора, который собирался добраться до Германии¹¹⁴. Поэтому император схватил заложников, которые те передали ему при уничтожении города Милана, и приказал в разных местах повесить их¹¹⁵. Когда преследователи императора обнаружили повешенных, они пришли в ужас. Каждый из них с причитаниями увёз тело того, кто был ему дорог, на этом преследование императора прекратилось.

Когда император прибыл в город Сузу¹¹⁶ – он расположен на входе в Альпы – горожане попытались его убить. Однако хозяин предупредил его, и он ускользнул от них. В ночь накануне того утра, когда горожане хотели убить его, он велел лечь в свою кровать рыцарю по имени Гартман Зибенайх¹¹⁷, похожему на него, а сам с двумя другими бежал в одежде слуги¹¹⁸. Ранним утром пришли горожане и стали искать императора, а камердинер ответил им, что он ещё спит. Без промедления, они ворвались внутрь и, не найдя его, решили, что он бежал. Они скрывая свой страх перед императором, удалились и позволили войску уйти. Таким образом император ушёл от них. Он перешёл через Альпы и привёл на родину войско, которое после смертей, болезни и

разнообразных невзгод было крайне истощено. Когда впоследствии он вернулся в Италию, то, памятуя о случившемся, до основания разрушил город Сузу¹¹⁹...

22. В год 1170 от человеческого воплощения Господа¹²⁰ миланцы всеми способами приготовились к будущему поражению: они часто испытывали на себе решительность императора и очень его боялись, поскольку затеяли восстановление города. Они объединились со всеми городами Италии¹²¹, за исключением Комо, Павии, Кремоны¹²² и некоторых других городов, которые благоволили императору и стояли на его стороне. К позору для императора они отвергли папу Каликста и подтвердили свою приверженность папе Александру, уже давно находящемуся на чужбине, признали его за папу и были готовы ему повиноваться. На территорию Паленсе¹²³, окружённую очень глубокими защитными рвами, они привели много людей, отобранных из всех союзных с ними городов, и недалеко от Верчелли¹²⁴ построили Алессанрию, названную в честь папы Александра. Они сполна обеспечили город продовольствием и всем необходимым для предстоящей обороны и укрепили его, чтобы противостоять императорской власти, а с другой стороны, наилучшим образом показать силу всей Италии.

Узнав об этом, император решил, что никак не возможно позволить им безнаказанно это делать. Поэтому он отовсюду собрал очень сильное войско и в пятый раз прибыл в Италию¹²⁵. Со всех сторон стекались из городов войска на подмогу. Он двинул войско против Алессанрии и обложил город осадой¹²⁶.

23. В год 1171¹²⁷ от человеческого воплощения Господа город был осаждён. Эта осада не была похожа на предыдущую, ни по качеству укреплений, ни по решимости, проявленной горожанами при сопротивлении, ни по тяжёлому положению и потерям среди императорских воинов, ни по своей продолжительности. Здесь не было ничего того, что не скрывало бы несчастье и опасность. Ничто не препятствовало действиям, которые могли быть совершены друг против друга. Император снаружи храбро боролся с городом при помощи метательных орудий, таранов, баллист и всех видов оружия, а также различных осадных орудий и подмостков, и ещё [использовал] очень высокие башни из прочно связанных брёвен, которые можно было передвигать, и на которых засели рыцари и лучники. Горожане сражались с не меньшей отвагой и также применяли изготовленные ими осадные орудия и подмостки, посредством которых они воздавали за понесённый ущерб. Таким образом, они смело мстили и зачастую совершали очень организованные вылазки, сражались в тяжёлой битве с императорскими войсками и бросались на неприятеля во время внезапных атак, которые проводили с большой решительностью.

Тем временем миланцы и веронцы с войском, собранным из городов, которые были к ним благосклонно настроены, решили сразиться с императором, расположившемся при осаде города. Те, кто находились в осаде, в определённый момент должны были оказать им поддержку, чтобы совместными усилиями легче можно было одолеть императора. Узнав об этом, император прекратил осаду и отошёл от города, так как он наверняка не смог бы их победить¹²⁸. Деревянную башню, которую император приказал сделать для захвата города, горожане путём подкопа дважды опрокидывали и, наконец, предали огню, когда наверху на ней сражались [воины императора], из-за чего император понёс большие потери в войске. Поэтому все остальные приспособления, которые он сделал для захвата города, а именно, кротов, лисичек, ежей и котов¹²⁹ – их называли такими именами – он приказал спалить и двигаться навстречу приближающемуся войску, чтобы встретиться с ним ещё до того, как с ним соединятся те, кто был в Алессанрии. И вот, когда они уже сблизились друг с другом, итальянцы сильно испугались немцев и отправили посланников к князьям. Они просили императора о мире и сдавались со всем имуществом. Император, ратуя о мире, решил милостиво принять их. И вот, они предали себя и своё имущество в руки императора и снова проявили своё благоразумие. Князья просили за них, а они подтвердили своё смирение всевозможными клятвами, и император сменил в отношении них свой гнев на милость¹³⁰. Император с войском возвратился в Павию, а итальянцы снова отправились в свои места. Во время возвращения на родину короля Богемии¹³¹, император начал переговоры со своими советниками о том, как ему поступить, чтобы города, к которым он проявил милость, исполняли императорские указы, и отправил своего посланника с ценным указанием, чтобы ускорить дело.

Увидев, как разбежалось войско императора, миланцы снова взбунтовались¹³². Император оказался в бедственном положении и отправил посланников в Германию, чтобы на помощь к нему двинулось войско, а также к Генриху, сыну своего дяди, герцогу Саксонии и Баварии, чтобы он выступил в Кьявенну¹³³ навстречу ему для переговоров¹³⁴. Когда он прибыл, император бросился к нему и смиренно умолял, повредив тем самым императорскому величию власти¹³⁵. Герцог Генрих, используя момент, сулящий власть и богатство, был готов прийти на помощь империи и попросил за это в дар на правах лена Гослар, очень богатый город в Саксонии¹³⁶. Однако император, не желая отдавать такой лен, счёл просьбу неприемлемой и не согласился. Поэтому Генрих усакал обратно, оставил его в опасности.

Император отправился обратно в Павию. Для предстоящей борьбы он усилил её, а также Кремону¹³⁷, пришедшими туда [жителями] Комо. Они собрали военное ополчение и поджидали неприятеля. К императору вместе с другими баронами, пришедшими в Италию из областей нижнего Рейна присоединился епископ Вормса¹³⁸ с боеспособным отрядом. Когда построились боевые порядки и противники с огромными армиями встали друг против друга – всего насчитывалось около 100000 бойцов¹³⁹ – началось сражение¹⁴⁰, при этом итальянцы полагались на свою численность¹⁴¹, а император на опыт и отвагу. Поэтому императорские воины сражались с полной отдачей и уже ожидали победу, но из засады внезапно выскочили на помощь шеренги

бойцов из Брешии и напали на войско императора со стороны. Они разделили императорское войско на части и, после того как многие попали в плен или были убиты, вынудили его бежать. Лигурийцы одержали благородную победу, а император едва сумел уйти от них. Они преследовали его, а затем в триумфе вернулись в Милан, захватив богатые трофеи. Пленных в этой войне, среди некоторых других, было около 500 человек из Комо и многого немцев. Несчастный император возвратился в подданные ему города...

28. В год 1186¹⁴² от человеческого воплощения Господа император Фридрих отправил посланника к королю Сицилии Вильгельму, сыну Роджера¹⁴³, предлагая обручить его сестру¹⁴⁴ со своим сыном, королём Генрихом¹⁴⁵. Таким образом, королевство Сицилия с герцогством Апулия и княжеством Капуя¹⁴⁶ в качестве приданого передавалось королю Генриху, а после смерти Вильгельма, как свёкра Генриха возвращалось обратно Римской империи, поскольку после смерти бывшего императора Лотаря¹⁴⁷ оно было отторгнуто Роджером, который взял в плен папу Иннокентия¹⁴⁸ и вынудил посвятить его в короли. И вот император шестой раз вступил в Италию¹⁴⁹. Миланцы, в знак того, что они снова обрели императорскую милость, предложили ему торжественно отметить свадьбу его сына в Милане. Из-за того, что они подчинились империи, которая своей силой крайне подорвала их, он согласился и сообщил всем итальянским баронам о всеобщем королевском съезде в Милане. На этот съезд прибыли князья из областей по эту сторону Альп, а также из всей Италии, Тусции¹⁵⁰, Кампании, Апулии и Сицилии. Они с большой роскошью и королевскими почестями приняли дочь Вильгельма, невесту короля Генриха, когда к ним прибыли император и новобрачный, и с большой радостью для империи провели свадебные торжества¹⁵¹.

На этом итальянском съезде всем, кто каким-нибудь способом доказал свою приверженность, навсегда предоставили полное прощение, восстановили мир и объявили амнистию – то, что называется забвением злодеяния¹⁵². После закрытия королевского съезда император и его сын¹⁵³ со своей женой пересекли Альпы и преисполненные радости вернулись на родину.

Как повелось ещё от готского короля Теодериха¹⁵⁴, все короли так или иначе оказались связаны с императором Фридрихом родственными узами, договорами или вассальной зависимостью, и состояние империи при его правлении всячески улучшалось. Так, он был в союзе с королём Франции¹⁵⁵, а дочь короля Сицилии была замужем за его сыном, король Венгрии всегда проявлял к нему смиренную покорность и послушание¹⁵⁶, дочь короля Испании¹⁵⁷ была женой его другого сына, Конрада¹⁵⁸, что также не могло остаться без последствий. Кроме этого, раньше на королевском съезде в Доле¹⁵⁹ близ Безансона император удостоил короля Дании¹⁶⁰ короной и даровал ему королевство по праву гоминиума, а также удостоил короной герцога Богемии¹⁶¹ и повысил до звания короля, предоставив ему соответствующие права и королевский титул.

29. В это время умер Балдуин, король Иерусалима¹⁶², оставив после себя незамужнюю дочь¹⁶³, а поскольку у него не было сына, то она и стала наследницей королевства. Оно действительно стало разделившимся само в себе, опустело из-за грехов¹⁶⁴ и могло пасть от язычников, поскольку оказалось в руках девицы, ибо это – недобрый знак для правления¹⁶⁵. Каждый из князей желал править в нём, а девица, получив наследство империи могла оставить его себе, если она не замужем, или передать сыну, если замужем, а если нет сына, то – близкому родственнику. Из-за этого разгорелась чёрная зависть, которая и привела королевство к падению. Но она отвергла местных князей и с благословения патриарха¹⁶⁶ и рыцарей Храма¹⁶⁷ передала власть над королевством недавно прибывшему графу Видо Аскалонскому¹⁶⁸, который был прекрасен обликом и не раз проявлял свою храбрость¹⁶⁹, а затем связала себя с ним узами брака. Этим сильно возмутились остальные князья и особенно граф Триполи¹⁷⁰, который тяжело перенёс то, что королевство попало к какому-то чужеземцу. Он собрал деньги и призвал в королевство сарацин, передал им несколько замков и городов, подстрекая захватить Иерусалим¹⁷¹. Они подстроили, чтобы несколько рыцарей Храма вместе с некоторыми знатными людьми той земли, подкупленными деньгами, притворились, что совершают разбойничий набег на королевство сарацин. А те будто бы двинулись отражать грабителей всякого проходящего¹⁷². Таким образом, сарацины вскоре захватили довольно большую часть той области.

30. В год 1187 от человеческого воплощения Господа, когда сарацинский король Саладин¹⁷³, живший в Дамаске, узнал о недостойных деяниях христиан и решил, что пока они одержимы ссорами, завистью и алчностью, настал удобный момент для подготовки сил к захвату всей Сирии и Палестины. Из сарацин со всего Востока он собрал сильное войско, двинулся на христиан и по всей Палестине огнём и мечом захватил много замков и городов, убил или взял в плен многих христиан, а на их место привёл сарацин, чтобы они жили там. Король Иерусалима¹⁷⁴, выдающийся князь Райнальд Антиохийский¹⁷⁵ а также другие христианские князья на Воздвижение собрали большое войско, отправились против Саладина и вступили с ним в схватку¹⁷⁶. Однако он победил их и убил многих христианских рыцарей. А Крест Господень, О, горе! оказался захвачен, а христиане обращены в бегство. Король и светлейший князь Райнальд вместе с другими христианами попали в плен, и их угнали в Дамаск. Там короля¹⁷⁷ и упомянутого князя обезглавили за приверженность истинной вере.

Эта победа воодушевила язычников: все провинции были разорены ими, все города христиан захвачены или разрушены, за исключением Тира, Сидона, Триполи, Антиохии и некоторых других сильно укрепленных городов и крепостей, которые остались у христиан. Прежде всего сарацины захватили Акко¹⁷⁸, где был порт и основной оплот христиан на побережье¹⁷⁹. Они обложили осадой Иерусалим и разрушили все церкви в его окрестностях, а именно: Вифлеем¹⁸⁰, церковь на Масличной горе¹⁸¹ и многие другие, и, наконец, при условии выселения из города христиан, им сдали Иерусалим¹⁸². Святые места нашего Спасителя были осквернены и

заселены язычниками. Я полагаю, не стоит скрывать, что при овладении Иерусалима наседающими язычниками после убийства множества христиан, сарацины захватили одну башню¹⁸³ и укрепили на ней знамя Саладина. Из-за этого отчаяние охватило христиан, которые держали оборону на стенах, и, чтобы не низложили их остриём меча¹⁸⁴, в этот день уже были готовы оставить город на произвол судьбы. Один немецкий рыцарь увидел это. Из отчаяния он проявил решительность¹⁸⁵, увлѣк окружавших себя людей в атаку на неприятеля и силой утвердился на башне. Он убил на ней язычников, копьѣм сбил знамя Саладина и сбросил его с вершины башни прямо в грязь, чем придал защитникам города надежду и решимость к сопротивлению, а затем снова повѣл их обратно оборонять стены. После того, как город, как уже говорилось, при определённом условии был сдан, в ответ на просьбы¹⁸⁶ было проявлено уважение ко Гробу Господню¹⁸⁷.

Это прискорбное разорение Святой Земли произошло в год 1187 от человеческого воплощения Господа, через 98 лет после прибытия франков, когда эта земля была освобождена от язычников герцогом Готфридом¹⁸⁸. И вот, Саладин завоевал Палестину, притеснил церковь на той стороне моря, и застонала эта земля, оставшись на многие годы под властью язычников.

В этом же году умер папа Урбан III¹⁸⁹, его преемником стал Григорий VIII¹⁹⁰. Однако через 10 дней он скончался¹⁹¹, и его сменил Климент III, по списку пап – 174-й¹⁹². Когда он¹⁹³ услышал от посланников о прискорбном разорении в стране на той стороне моря, то возвестил, что для церкви наступило время покаяния¹⁹⁴, дабы смилостивился Бог. Он отправил кардинал-епископов и кардинал-священников в качестве легатов в области на той стороне моря, по-отечески сожалел о смятении, возникшем у сынов церкви, заклинал их прийти на помощь матери, претерпевшей насилие, и вспомнить грудь¹⁹⁵, молоком которой была вскормлена первая церковь в Иерусалиме, дабы укрепились она мужской силой. Он великодушно призвал их словом проповеди, чтобы они облачились крестом для отпущения грехов и прославились будучи служителями Креста, чтобы они положили конец такому позору, когда Крестом завладели язычники, и снискали себе честь и славу.

31. В год 1188 от человеческого воплощения Господа император Фридрих во время поста собрал всеобщий королевский съезд в Майнце¹⁹⁶ и обсудил там государственные дела, после того, как во всей Германии были прекращены военные неурядицы и восторжествовал прочный мир. Туда прибыли легаты апостольского престола¹⁹⁷ и от имени господина папы устно и письменно представили императору жалобы о запустении церкви на той стороне моря, да вообще всей церкви, и обратились за защитой к империи, дабы она оказала помощь. Он обдумал всё и согласился помочь им. Вместе со своим сыном, герцогом Фридрихом Швабским¹⁹⁸, он принял крест паломничества за отпущение грехов и во всеуслышание призвал отомстить за позор. Воодушевлѣнные его примером, то же самое сделали многие знатные люди империи, а также огромное количество людей разных сословий и возрастов. Добившись этого от съезда, кардиналы удалились и понесли в различные области империи слово проповеди, после чего многие во имя Христа оставили отцов и матерей, женщин, детей и свои пашни¹⁹⁹, приняли крест и последовали за ним²⁰⁰ в крестовый поход за море. Они были полны решимости и собрали бесчисленное войско. Дату выступления их всех император назначил на май будущего года²⁰¹. Бедным он определил, что расходы на провизию должны быть не меньше трёх марок, а богатые должны были приготовить провизии в соответствии со своими возможностями. Тем же, кто смог собрать провизии меньше, чем на три марки, он под страхом отлучения запретил участвовать в крестовом походе, ибо хотел, чтобы у войска было достаточно всего необходимого.

Пока это происходило в империи, папа со своей стороны отправил кардиналов к французскому королю Людовику и к английскому королю²⁰², призвал их к тому же делу через принятие креста, и во имя него объединил многих людей в областях вышеупомянутых королевств. К этому времени жители Кельна, приложили огромные усилия и затратили большие деньги для укрепления своего города, который они окружили очень крепкой стеной²⁰³. Это не понравилось императору и вызвало у него подозрение. Он строго пригрозил им уничтожением и вынудил их разрушить стены со всех четырёх сторон.

В эти дни к императору прибыли²⁰⁴ посланники султана, короля Конья²⁰⁵, и от имени своего господина предложили ему возобновить договор – если бы он ещё и соблюдался – о свободном проходе всей армии через Киликию, если воины пройдут, как честные люди²⁰⁶. Император хотел пройти с войском через Киликию, страну султана²⁰⁷, столицей которого была Конья, и поэтому, опасаясь его, язычники той страны предпочли мир, нежели войну, – если бы на самом деле оказалось так, как они обещали²⁰⁸.

32. В год 1189 от человеческого воплощения Господа император Фридрих собрал на Троицу в Пресбурге²⁰⁹ в Венгерской марке²¹⁰ всеобщий королевский съезд²¹¹ и объединил войско паломников с рыцарями Христа. Он передал регалии своему сыну²¹², королю Генриху, и по своей воле разделил владения, доходы и титулы среди своих сыновей. После того, как он всё благополучно обустроил, он простился со всеми и затем вместе со своим сыном, герцогом Швабским, носящем то же имя²¹³, маркграфом Мейсена²¹⁴, саксонцами и многими другими князьями и епископами, а также с войском, которое было оснащено всевозможным военным снаряжением и было очень многочисленным, отправился в военный поход на Ближний Восток против короля сарацин Саладина и всех врагов Христа. Император держал свой путь через Венгрию, король²¹⁵ которой любезно удостоил его многими подарками, а также с избытком предоставил воинству провизию: муку, вино и мясо. Когда император переправился в Болгарию²¹⁶, её жители не дали ему пройти путѣм царским²¹⁷, он ворвался туда силой и многих из тех, кто оказал ему сопротивление, он убил, а многих взял в плен и повесил по обеим сторонам дороги на деревьях, таким образом показав себя не с сумой и посохом, с которыми хотел

посетить Гроб Господень, а с копьём и мечом. Пройдя Болгарию, он приблизился к Греции. Греки отказались предоставить обеспечение всему войску, поведя себя ещё хуже, чем болгары, и к тому же они обманули рыцарей Святого Гроба, когда по приказу константинопольского императора²¹⁸ при обмене продовольствия на то, что им было нужно, они собрали весь товар и ушли за укрепления. Император не мог стерпеть такого от христиан. Он дал войску разрешение на разбой и издал указ обращаться с греками, как с язычниками, как с теми, кто своими поступками не заслужили нашего расположения. Из-за этого случая войско устремилось к очень богатому городу Филипполь²¹⁹ и решительным приступом овладело им²²⁰. Там была захвачена богатая добыча. Затем подобным же приступом они взяли сильно укрепленную крепость Димотика²²¹. Такими жестокими методами император подчинил себе множество греческих крепостей и городов, и после завоевания этой области и захвата богатой добычи он заставил остальных торговать с ним. Это произошло в конце августа, поэтому император созвал князей и по их совету решил остаться зимовать в Греции, так как вся страна в окрестности была ему подчинена. Он укрепил одну труднодоступную гору и разместил там войско, назвав её по-немецки, «Кёнигсберг». На ней он расположился сам со всей своей силой против²²² города Константинополя²²³ и велел подвозить всё, что было необходимо войску, из соседних городов. Таким образом, римской силой и немецкой храбростью император победил греческое коварство²²⁴. Он пребывал там всю зиму до Пасхи следующего года²²⁵, в то время как греки и их император, ненавидящие его, избегали появляться перед ним²²⁶.

33. В год 1190 от человеческого воплощения Господа умер папа Климент III²²⁷, его преемником стал Целестин III, по списку пап – 175-й²²⁸.

Через семь лет герцог Восточной марки Леопольд²²⁹, войско жителей Кёльна, а также многие с низовий Рейна²³⁰, принявшие крест, из Бриндизи²³¹ добрались по морю до Акко. Туда уже прибыли король Англии Ричард²³² и король Франции Людовик²³³ с хорошо оснащённым войском и объединились с пизанцами и итальянскими войсками. Они осадили Акко и всеми силами нападали на него²³⁴, а Саладин с крайним напряжением переносил тягости осады.

Через семь лет сын императора Фридриха, король Генрих, собрав войско, перешёл через Альпы и вторгся в Италию, откуда пошёл в Рим, где был с почётом принят папой Целестином, и с согласия римлян в день святой Пасхи вместе со своей супругой был коронован императором и удостоен звания «выдающегося», как 95-й император после Августа²³⁵. Он снижал себе такую благосклонность римлян, тем что удовлетворил их алчность многочисленными подарками и передал им замок Тускул²³⁶, который до сих пор служил оплотом империи против всех мятежей. Эта передача никоим образом не ущемила императорскую власть. В этот же день римляне вышли из города и в эту же Пасху²³⁷ до основания разрушили замок. Они сломали башни и стены, а затем дотла спалили их в отместку за поражение, которое когда-то в войне потерпели от архиепископа Майнца Христиана²³⁸.

Константинопольский император²³⁹, не выдержав силы императора Фридриха, принёс извинение за случившееся и усмирил свой нрав. Он установил мир²⁴⁰, обеспечил войско необходимым количеством провизии, тем самым вернул ему хорошее расположение духа и дружелюбие. Император заключил с ним договор и после Пасхи²⁴¹ этого года, после того, как с большим трудом были построены корабли, переправился с войском через Геллеспонт²⁴².

34. В то время, когда император Генрих получил императорскую власть, император Фридрих продвигался с германскими силами на восток. Он вступил с войском в Азию и некоторое время с большим успехом двигался вперёд, и во всём Руме²⁴³ все повиновались ему.

Когда приблизился император со своим войском, солдан²⁴⁴ Конья нарушил договор²⁴⁵, отказался привезти со всей Киликии²⁴⁶ продукты и другие вещи для продажи их войску, показав себя варваром и вероломным скифом²⁴⁷. Поэтому войску угрожал очень сильный голод, и пришлось есть непривычную пищу: мулов, ослов и лошадей. Кроме того, армия язычников, подобно разбойникам, постоянно нападала на замыкающие отряды и обозы христианского войска, сильно беспокоила их непрерывными набегами и убивала некоторых людей. Часто они появлялись открыто перед стройными рядами наших, требуя рукопашной борьбы с ними один на один, но отступали, когда никто из наших не хотел биться с ними таким способом. Император считал, что все эти бедствия, голод и всяческие лишения, которые испытывало войско ради сохранения мира, совершаются без ведома султана, и согласно мирному договору с султаном он воздерживался от разбоя и грабежа. Когда же благодаря лазутчикам император узнал правду о том, что султан намеренно совершил очевидную измену, то так рассвирепел, что при всех объявил султана врагом и призвал отомстить всей Киликии с Памфилией и Фригией²⁴⁸, а язычники, видя, что те продвигаются в полной боеготовности, бежали от них. Благодаря такой передышке войско восстановило силы. Теперь император построил боевые порядки против Конья, столицы всей Киликии и резиденции султана, и очень быстро захватил её. Конья была многолюдным городом, укрепленным очень мощной стеной и высокими башнями. В центре него находилась неприступная крепость, где всё было приготовлено для осады, тогда как в остальных местах никакой провизии не было. Всё устроили так, чтобы император, куда бы он ни пришёл, нигде не смог разместить войско. Однако по воле Бога все усилия язычников оказались тщетны, и дело приняло другой оборот. Ещё не было трёх часов дня²⁴⁹, когда император внезапно с большой силой обрушился на город, уничтожая многих язычников, которые оказывали ему сопротивление. К девятому часу после штурма города он захватил его. Бесчисленное множество

людей обоего пола разного возраста он поразил мечом²⁵⁰, а султан со своими приспешниками скрылся в крепости. Таким образом, в седьмой день он взял город и осадил крепость. Когда султан увидел, что сила немцев все растёт, что они идут в наступление без всяких колебаний, презирая страх смерти, будто бы осенённые божественным вдохновением, он на собственном опыте убедился, что отступать ему опасно, и решил соблюсти права императора. Он выправил положение, покался и пожелал провести переговоры. Ему предоставили такую возможность. Он спустился из крепости, и по воле императора сдался на милость и немилость, выдал заложников и примирился с ним²⁵¹. Город Конья и вся страна были ему возвращены.

35. Когда это закончилось, и у войска оказалось большое количество добычи, император с триумфом покинул Конью²⁵². К нему отовсюду сходились²⁵³ князья со всей Армении, наиболее известным из которых был Лео²⁵⁴ – христианский князь тех, кто жил в горах. Он с радостью принял императора, горячо поблагодарил его за прибытие и за победу над язычниками, а затем оказал ему торжественный почётный приём. Затем император отправился к Тарсусу, известному как место рождения апостола Павла²⁵⁵, и всё шло, как он хотел. «И умолкла земля пред ним»²⁵⁶. Но страшен Бог в своих делах над сынами человеческими²⁵⁷, и ещё не пришло время милосердия над Сионом²⁵⁸, чтобы для лодки императора Фридриху явить такой же прочный якорь, как для лодки Петра²⁵⁹. Нить надежды оборвалась и после таких выдающихся успехов всё закончилось. Среди волн этого мира он покинул лодку, которую тряхнуло и разбило, так и не успев очиститься. Выдающийся император Фридрих по дороге в Тарсус вошёл в одну реку – тогда стояла очень сильная жара, – и несмотря на то, что он хорошо плавал, из-за резкого охлаждения ослаб и утонул. Император, который был сильным на земле и на воде, так нелепо окончил свои дни²⁶⁰. Некоторые утверждают, что это произошло в реке Кидн, где нечто подобное случилось²⁶¹ с Александром Великим²⁶², который был «в опасности смерти»²⁶³, но не погиб. Ведь Кидн находится недалеко от Тарсуса. Фридрих ушёл из жизни в 1190 году от человеческого воплощения Господа, после того как 38 лет²⁶⁴ был королём и 35 – императором. Его смерть стала неизлечимой раной для всего христианского войска, безутешным плачем они оплакивали императора, ведь остался он жив, весь Восток бы трепетал перед ним. Его внутренности с остальными частями тела погребли у Тарсуса, а кости перевезли в Антиохию²⁶⁵ и похоронили там с королевскими почестями.

И вот, сын, герцог Фридрих Швабский, благородный наследник отца²⁶⁶, щедро разделил богатство отца. Будучи гордостью христианского войска и его единственной надеждой, Фридрих как мог утешал людей в такой сильной скорби. Вскоре он восстановил нормальное состояние духа, повёл армию вперёд подальше от этого гибельного и проклятого места и достиг Антиохии²⁶⁷, но после того как смерть императора лишила войско головы, во всём теле разразилась чума, от которой не убереглись ни бедные, ни богатые. В Антиохии страшная смерть унесла значительную часть войска, многие остались лежать у этого города. После того, как войско едва не погибло от ниспосланного свыше наказания, Фридрих объединил своих людей с остальными христианами, осаждавшими Акко, которые оказали ему торжественный приём²⁶⁸. Через некоторое время Фридриха охватил сильный жар, и он внезапно скончался²⁶⁹. Его там же похоронили и сильно скорбели о нём. И вот, благородные и славные императорские деяния, надежда всей церкви на отца и на сына ушли в ничто, «как вода протекающая»²⁷⁰, и можно ли выразить скорбь о такой утрате в плаче Иеремии, где он в причитаниях о сынах Сиона, – а паломники Святого Гроба и есть сыны Сиона – говорил: «Сыны Сиона драгоценные, равноценные чистейшему золоту, как они сравнены с глиняною посудой, изделием рук горшечника!»²⁷¹. Будь они живы, кто бы одолел их с таким прозорливым умом, с такой храбростью, с таким войском, объединённым в одно целое с другими войсками при Акко. Какой народ, какая область, кто из сильнейших королей, вообще, много ли королей на Востоке имели у себя силу итальянцев, мужество французов, знание военного искусства²⁷² и, что важнее всего, сочетали в себе страстность, отвагу и непобедимость правителя империи. Но нет вопреки Господу ни совета, ни силы²⁷³. «Ведь если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его, если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж»²⁷⁴. Ты восстанешь, Господь, и умилосердишься над Сионом, и сделаешь всё, как Ты пожелаешь, если пришло время помиловать²⁷⁵. Если бы человек был свободен в своём выборе, то, будь на это Твоя воля, Фридрих сохранил бы за собой звание победителя. Поэтому, если бы Ты только пожелал, он принёс бы себя в жертву во имя Святого Гроба и Твоего Святого Креста, а Ты бы возрадовался этой жертве и позволил душе его соединиться с душами блаженных в небесном Иерусалиме. Аминь.

¹ Деяния Фридриха II, 1.

² Фридрих Барбаросса избран королём 4 марта 1152 г. Ср. Деяния Фридриха II, 1.

³ Деяния Фридриха II, 10.

⁴ В этой главе рассказывается о событиях 1154–1157 гг.. Ср. Деяния Фридриха II, 11, 12, 17–43; III, 1–5.

⁵ Болеслав IV Кудрявый – герцог Польши в 1146–1173 гг.

⁶ Фридрих переправился через Одер и напал на Польшу в январе 1157 г..

⁷ Тортона – город на юго-востоке итальянской провинции Пьемонт, который Фридрих осаждал 7 недель (См. Кельнскую хронику).

⁸ Папа Адриан IV короновал Фридриха 18 июня 1155 г. пока его войска сражались с отрядами римлян, противников папы.

⁹ Арнольд II Видский – архиепископ Кёльна в 1151–1156 гг.

¹⁰ Герман I Арбонский — епископ Констанцы в 1138–1165 гг.

¹¹ Вильгельм I Злой – король Сицилии в 1154–1166 гг. и герцог Апулии.

¹² Роджер II – король Сицилии в 1105–1154 гг.

¹³ Эч (итал. Адидже) – река в северной Италии.

¹⁴ Видимо имеется в виду Альбрехт II, граф Тироля в 1141–1165 гг. Автор здесь несколько запутался.

- ¹⁵ Оттон IV Виттельсбах – пфальцграф Баварский в 1156–1180 гг., герцог Баварии (под именем Оттон I) в 1180–1183 гг.
- ¹⁶ Людовик I – герцог Баварии в 1183–1231 гг.
- ¹⁷ Триентская долина – долина реки Эч (Адидже), где находится город Триент (Тренто).
- ¹⁸ В сообщении о 1158 годе рассказывается о событиях, которые произошли в 1158–1160 годах. Ср. Деяния Фридриха в такой последовательности: II, 51 сл.; III, 29 сл., 32, 35; IV, 47 сл., 67–73; III, 36–39, 41–46; IV, 51; III, 41–48, 50–53.
- ¹⁹ Фридрих снова отправился в Италию в 1159 г.
- ²⁰ Осада Кремы происходила в 1160 г., здесь и далее имеет место смешение событий из осады Кремы и Милана.
- ²¹ Осада Милана происходила в 1158 г.
- ²² Экберт III – граф Питтена (область в 60 км южнее Вены) в 1148–1158 гг. История о гибели графа Экберта содержится также в Кёльнской хронике.
- ²³ Вернер – маркграф Анконы; он погиб при осаде Кремы в июле 1159 г.
- ²⁴ Это относится к осаде Кремы.
- ²⁵ Фридрих IV Ротенбургский – герцог Швабии в 1152–1167 гг., сын короля Конрада III.
- ²⁶ Герцогом Баварии и Саксонии тогда был Генрих Лев (см. прим. 46), которого не было при осаде Кремы.
- ²⁷ Бертольд IV – герцог Церингена в 1152–1186 гг., ректор Бургундии в 1152–1156 гг.
- ²⁸ Владислав II – герцог Богемии в 1140–1158 гг., король Богемии в 1158–1172 гг.
- ²⁹ Приём миланцев был назначен на 8 сентября 1159 г.
- ³⁰ Оберто да Пировано – архиепископ Милана в 1146–1166 гг.
- ³¹ См. главу 14.
- ³² В главе 13 излагаются события 1158 и 1159 гг. Ср. Деяния Фридриха в такой последовательности: III, 57; IV, 1–10, 7 сл., 13, 23, 25, 51; III, 35; IV, 37.
- ³³ Ронкалья – городок в 10 км к востоку от Пьяченцы. Съезд проходил с 11 по 26 ноября 1158 г.
- ³⁴ Фридрих пригласил четырёх правоведов из Болонского университета, Булгаро, Мартино, Якопо и Уго, и задал вопрос, какое право первично. Трое из них, Булгаро, Якопо и Уго, утверждали, что единственное законное право – римское, его носителем является империя, а все остальные государственные образования должны ей подчиняться. Мартино, не согласился с этим.
- ³⁵ Новое императорское право было изложено в «Ронкальских постановлениях» императора Фридриха. Сам он назвал это «Восстановлением».
- ³⁶ Видо – граф Бьяндрате, небольшого города, расположенного в 70 км северо-восточнее Турина.
- ³⁷ Гозвин II – граф Хайнсберга (к северу от Ахена) ок. 1130–1167 гг.
- ³⁸ Посланные были в Милане в январе 1159 г.
- ³⁹ 15 июля 1159 г.
- ⁴⁰ Треццо – замок в 30 км северо-восточнее Милана на реке Адда.
- ⁴¹ Фридрих занял Треццо в июле 1158 г.
- ⁴² Лигурийцы захватили замок после 12 апреля 1159 г.
- ⁴³ Это случилось в 1159 г.
- ⁴⁴ Письмо было написано в 1158 г., а войска отправились в 1159 г.
- ⁴⁵ Геза II – король Венгрии в 1141–1162 гг. По другим источникам было 500 лучников-сарацин.
- ⁴⁶ Ср. Юдифь 7:32 «и они пошли на стены и башни своего города»
- ⁴⁷ Вынесенный в 1159 г. приговор (Деяния Фридриха IV, 11) был приведён в исполнение не полностью. Также из Деяний Фридриха (IV, 31) следует, разрушения Пьяченцы не планировалось.
- ⁴⁸ Это сообщение ошибочно.
- ⁴⁹ Лоди был разрушен миланцами в апреле 1158 г., а 3 августа 1158 г. Фридрих заложил новый город в 7 км от прежнего, там, где он находится в настоящее время.
- ⁵⁰ Ср. Лукан, Фарсалия II, 394 «Здесь укрепиться решил...»
- ⁵¹ Ср. Экклезиаст 4:30 «не удерживай течения реки»
- ⁵² В главе 16 излагаются события 1159–1164 гг., но не по порядку хронологии, а произвольно.
- ⁵³ Фридрих вступил в брак с Беатрикс ещё в 1156 г.
- ⁵⁴ Конрад Хиршегский – епископ Аугсбурга в 1152–1167 гг.
- ⁵⁵ См. также Деяния Фридриха IV, 46.
- ⁵⁶ Вернее, войска были предназначены для осады Кремы, где находился император.
- ⁵⁷ Осада Милана началась в 1161 г.
- ⁵⁸ Ср. Гай Саллюстий Крисп, О заговоре Катилины 58, 11 «мы боремся за отечество, за свободу, за жизнь»
- ⁵⁹ Осада Милана прекратилась 1 марта 1162 г.
- ⁶⁰ Фридрих велел жителям покидать Милан начиная с 6 марта 1162 г.
- ⁶¹ Фридрих вступил в Милан 26 марта 1162 г.
- ⁶² Ср. Второзаконие 3:7 «и захваченное в городах взяли себе в добычу»
- ⁶³ О трёх волхвах см. Матфей 2:1,2.
- ⁶⁴ Регинольд (Райнальд Дассельский) – архиепископ Кёльна в 1159–1167 гг.
- ⁶⁵ Останки трёх волхвов привезли в Кёльн 23 июля 1164 г. и поместили в Кёльнском соборе. Около 10 лет из золота, серебра и драгоценных камней для них изготавливали саркофаг. Рака трёх волхвов – одна из самых ценных святынь христианского мира.
- ⁶⁶ Фридрих начал разрушать Милан 26 марта 1162 г.
- ⁶⁷ Ср. Иеремия 48:9 «города его будут пустынею, потому что некому будет жить в них»
- ⁶⁸ С октября 1163 по октябрь 1164 г.
- ⁶⁹ Фридрих вернулся из Италии в октябре 1164 г.
- ⁷⁰ Император собрал королевский съезд в Ульме. Согласно «Истории Вельфов» (гл. 31) это произошло на третий день после Пепельной среды (начала Великого поста), которая в в 1166 г. приходилась на 15 марта.
- ⁷¹ Фридрих перешёл через Альпы в конце октября 1166 г.
- ⁷² Тусция – старинное название Тосканы. Фридрих прошёл через Тоскану в марте 1167 г.
- ⁷³ Фридрих осадил Анкону в начале мая 1167 г.
- ⁷⁴ Райнальд Дассельский — архиепископ Кёльна в 1159–1167 гг., с 1156 г. – канцлер.
- ⁷⁵ Ещё в марте епископ Майнца, Христиан, покинул императора и отправился в Геную.
- ⁷⁶ Тускул – древний город, остатки которого находятся в 25 км северо-западнее центра Рима на Тускуланском холме. Райнальд отправился в Тускул в мае 1167 г.
- ⁷⁷ Римляне окружили епископа 27 мая 1167 г.
- ⁷⁸ Следующее сообщение не соответствует действительности.

- ⁷⁹ Христиан I Бухский – архиепископ Майнца в 1160-1161 и в 1165-1183 гг. После смерти в 1167 г. Райнальда Дассельского стал канцлером.
- ⁸⁰ Название sariandi происходит от servientes (служащие), в других источниках они называются также brabanzones.
- ⁸¹ В других источниках сообщается о пятистах воинах.
- ⁸² Тиволи – город в 30 км восточнее Рима.
- ⁸³ Христиан пришёл к Монте Порцио в 4 км восточнее Фраскати.
- ⁸⁴ Христиан расположился там 29 мая 1167 г.
- ⁸⁵ Ср. Иеремия 19:7 «отдам трупы их в пищу птицам небесным и зверям земным»
- ⁸⁶ В различных источниках количество колеблется от 30000 до 40000.
- ⁸⁷ Ср. Деяния Фридриха II; 42.
- ⁸⁸ Ср. Хронику Оттона Фрайзингского VII, 20
- ⁸⁹ Ср. Гай Саллюстий Крисп, О заговоре Катилины 58, 11 «мы боремся... за жизнь»
- ⁹⁰ Ср. 1-я Книга царств 31:3 «битва против Саула сделалась жестокая»
- ⁹¹ В других источниках 140 и меньше.
- ⁹² Ср. Гай Саллюстий Крисп, О заговоре Катилины 60, 2 «солдаты отбрасывают копья, пускают в ход мечи»
- ⁹³ По сравнению с другими источниками данные Оттона сильно преувеличены.
- ⁹⁴ Фридрих вошёл в Рим 24 июля 1167 г.
- ⁹⁵ Ср. Псалмы 73:6 «разрушили секирами и бердышами»
- ⁹⁶ Ср. Псалмы 73:4 «поставили знаки свои вместо знаменей наших»
- ⁹⁷ Вильгельм фон Гизебрехт сомневался в этом.
- ⁹⁸ Псалмы 73:5–7.
- ⁹⁹ На самом деле это было в 1167 г.
- ¹⁰⁰ Императрица была коронована 1 августа 1167 г.
- ¹⁰¹ Чума разразилась в августе 1167 г.
- ¹⁰² Иезекииль 9:6.
- ¹⁰³ Архиепископ Кёльна, Райнальд Дассельский, умер 14 августа 1167 г.
- ¹⁰⁴ Архиепископ Регенсбурга, Эберхард, умер 21 августа 1167 г.
- ¹⁰⁵ Архиепископ Шпайера, Готфрид, умер 28 января 1168 г.
- ¹⁰⁶ Фридрих Ротенбургский умер 19 августа 1167 г.
- ¹⁰⁷ Беренгар Зульцбахский умер 21 августа 1167 г.
- ¹⁰⁸ На самом деле Вельф VII (Младший) умер 11 или 12 сентября 1167 г.
- ¹⁰⁹ Алемания (лат. Alemannia) – историческая область на юго-западе Германии между реками Рейн и Дунай, названная по племени алеманов.
- ¹¹⁰ Штайнгаден – премонстрантский монастырь на юге Баварии около города Вальхайм.
- ¹¹¹ Эбрах – цистерцианский монастырь в северной Баварии между Бамбергом и Вюрцбургом. Там также в 1146 г. была похоронена мать Фридриха Ротенбургского, Гертруда Зульцбахская.
- ¹¹² Миланцы начали восстанавливать свой город 27 апреля 1167 г.
- ¹¹³ Это происходило в сентябре 1167 г.
- ¹¹⁴ 11 сентября 1167 г. Фридрих бежал от миланцев.
- ¹¹⁵ На самом деле достоверно засвидетельствована только казнь в Сузе некоего Цилия де Прандо из Брешии.
- ¹¹⁶ Суза – город в 50 км западнее Турина у начала подъёма на перевал Мон-Сени. Фридрих прибыл в Сузу в марте 1168 г.
- ¹¹⁷ Гартман Зибенайх – камергер императора.
- ¹¹⁸ В разных источниках число сопровождающих колеблется от одного до пяти.
- ¹¹⁹ Фридрих разрушил Сузу 30 сентября 1174 г.
- ¹²⁰ На самом деле речь идёт о событиях 1168 г.
- ¹²¹ Уже в 1164 г. города Верона, Падуа, Виченца и Венеция заключили Веронскую городскую лигу, в марте 1167 г. к ним присоединились Кремона, Мантуя, Бергамо, Брешия, в конце марта — Милан, а позднее и другие города. Объединение получило название Ломбардская лига. Всего в неё входило 16 городов.
- ¹²² Кремона входила в число основателей лиги, но после заключения в 1177 г. мира в Венеции император добился выхода Кремоны из лиги.
- ¹²³ Закладка города произошла 1 мая 1168 г. около Роверето (Пьемонт) на правом берегу реки Танаро. Название «Паленсе» (от лат. palus – «болото», «топь»), по-видимому, дано просто по характеру местности.
- ¹²⁴ Алессандрия расположена в 50 км к югу от Верчелли.
- ¹²⁵ Фридрих прибыл в Италию в сентябре 1174 г.
- ¹²⁶ Осада Алессандрии происходила с 27 октября 1174 г. до 13 апреля 1175 г.
- ¹²⁷ На самом деле здесь описываются события, происшедшие в 1174–1177 и в 1170 гг.
- ¹²⁸ Фридрих прекратил осаду Алессандрии 13 апреля 1175 г.
- ¹²⁹ Названия различных осадных орудий и приспособлений.
- ¹³⁰ Предварительный мир заключён 16 мая 1175 г. при Монтебелло, небольшом поселении на юго-западе Ломбардии.
- ¹³¹ Это был не король Богемии, а брат герцога Богемии Собеслава II, Ульрих II, бывший в 1175-1177 гг. герцогом Брюнна (ныне – Брно).
- ¹³² 31 января 1176 г. города Милан, Брешия, Пьяченца, Верона, Падуа, Мантуя, Парма, Модена и Болонья, представленные своими правителями, возобновили Ломбардскую лигу.
- ¹³³ Кьявенна – поселение на севере Италии севернее озера Комо на реке Мера.
- ¹³⁴ Переговоры прошли в конце января – начале февраля 1176 г.
- ¹³⁵ Ср. Лукан, Фарсалия VII. 378–379 «Рад бы я в ноги упасть, когда бы величие власти не повредили мы тем»
- ¹³⁶ Гослар – город в Саксонии, около которого находились серебрянные рудники. Где-то между 1152 и 1168 гг. Генрих Лев видимо уже имел права на имперский фогт Гослар, который он в 1176 г. очевидно потребовал снова.
- ¹³⁷ Здесь Отгон ошибается.
- ¹³⁸ Конрад II, который тогда был только избран епископом, но ещё не помазан.
- ¹³⁹ Другие источники, излагающие события со стороны Фридриха, называется около 12000 человек.
- ¹⁴⁰ Битва при Легнано произошла 29 мая 1176 г.
- ¹⁴¹ Ср. Гай Саллюстий Крисп, Югуртинская война 13, 3 «надеясь на свое многочисленное войско».
- ¹⁴² В настоящей главе излагаются события 1158, 1162 и 1184-1188 годов.
- ¹⁴³ Вильгельм II Добрый, король Сицилии в 1166-1189 гг., был сыном Вильгельма I Злого, а Роджеру II приходился внуком.
- ¹⁴⁴ Констанция Норманнская (1154-1198гг.) была сестрой Вильгельма I и посмертной дочерью Роджера II.

- ¹⁴⁵ Генрих IV – старший сын императора Фридриха, германский император в 1191-1197 гг. Обручение Констанции и Генриха состоялось 29 октября 1184 г.
- ¹⁴⁶ Ср. Хронику Оттона Фрайзингского VII, 24.
- ¹⁴⁷ Лотарь II – германский император в 1133-1137 гг. В 1139 г. Роджер II объединил всю южную Италию под своей властью, отторгнув её от Священной Римской империи.
- ¹⁴⁸ Папа Иннокентий II попал в плен к Роджеру II в сражении при Галуччо 22 июля 1139 г.
- ¹⁴⁹ Фридрих I отправился в Италию в сентябре 1184 г.
- ¹⁵⁰ Тусция – итальянская область Тоскана.
- ¹⁵¹ Констанция и Генрих были обвенчаны 27 января 1186 г. в миланской церкви Св. Амвросия.
- ¹⁵² Ср. Павел Орозий, История против язычников II, 17, 15.
- ¹⁵³ Генрих VI остался в Италии. Между королевским съездом, прошедшем в январе 1186 г., и возвращением Фридриха I в Италию прошло пять месяцев.
- ¹⁵⁴ Ср. Хронику Оттона Фрайзингского V, 1. Теодерих I – король вестготов в 419-451 гг. Две дочери Теодериха были замужем за королями вандалов и свевов.
- ¹⁵⁵ Фридрих I и французский король Филипп II Август в декабре 1187 г. встречались в районе городка Музон на севере Франции.
- ¹⁵⁶ Бела III – король Венгрии в 1172-1196 гг.
- ¹⁵⁷ Беренгуэла Кастильская (1180-1246) – дочь короля Кастилии Альфонса VIII. В 1188 г. в восьмилетнем возрасте была обручена с Конрадом II.
- ¹⁵⁸ Сын Конрад был против обручения между 1190 г. и 30 августа 1193 г. Об этом он сообщал в одном письме епископу Толедо, Гонсалесу, который участвовал в расторжении брака и умер 30 августа 1193 г.
- ¹⁵⁹ Доль – город в 45 км юго-западнее Безансона. Съезд проходил после 29 сентября 1162 г.
- ¹⁶⁰ Вальдемар I Великий – король Дании в 1157-1182 гг.
- ¹⁶¹ Владислав II – герцог Богемии в 1140-1172 гг., получил от Фридриха I королевский титул 18 января 1158 г. за участие в его итальянских походах.
- ¹⁶² Балдуин (Бодуэн) V, сын Сибиллы, был коронован в ноябре 1183 г. в пятилетнем возрасте, как соправитель своего дяди Балдуина IV. Балдуин IV умер 16 марта 1185 г., и Балдуин V остался малолетним королём, регентом которого был граф Триполи Раймунд III. Летом 1186 г. Балдуин V умер.
- ¹⁶³ Сибилла была не дочерью, а сестрой Балдуина IV, она получила престол королевства после смерти своего сына Балдуина V.
- ¹⁶⁴ Ср. Лука 11:17 «всякое царство, разделившееся само в себе опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падёт»
- ¹⁶⁵ Ср. Хронику Оттона Фрайзингского V, 29 по Юдифь 16:7.
- ¹⁶⁶ Гераклий Кесарийский – латинский патриарх Иерусалима в 1180-1191 гг.
- ¹⁶⁷ Решение Сибиллы прежде всего одобрил великий магистр ордена Храма Жерар де Ридфор.
- ¹⁶⁸ Гвидо (Ги) де Лузиньян – французский дворянин, приехавший в 1170-х годах в Палестину. В 1180 г. женился на Сивилле и стал графом Яффы и Аскалона. В 1186 г. стал королём Иерусалима.
- ¹⁶⁹ Ср. Юстин, Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» III, 6, 12.
- ¹⁷⁰ Раймунд III – граф Триполи в 1152-1187 гг., регент при малолетнем короле Балдуине V в 1185-1186 гг.
- ¹⁷¹ Это сообщение не соответствует действительности.
- ¹⁷² Ср. Судья 9:25 «грабили всякого проходящего мимо их по дороге»
- ¹⁷³ Саладин (Салах ад-Дин Юсуф ибн Айюб) – султан Египта в 1171-1193 гг. и эмир Дамаска в 1174-1186 гг., родоначальник династии Айюбидов.
- ¹⁷⁴ См. прим. 27.
- ¹⁷⁵ Райнальд Антиохийский (Рено де Шатильон) – князь Антиохии в 1153-1160 гг., владелец крепости Крак де Моав в Иордании в 1177-1187 гг., откуда он совершал набеги на арабов.
- ¹⁷⁶ Битва крестоносцев с Саладином произошла 3/4 июля 1187 г. при Хаттине в Галилее.
- ¹⁷⁷ Рено де Шатильон и Ги де Лузиньян были взяты в плен во время битвы при Хаттине, однако отрубили голову только Рено.
- ¹⁷⁸ Саладин захватил Акко 9 июля 1187 г.
- ¹⁷⁹ Ср. Хронику Оттона Фрайзингского VII, 30.
- ¹⁸⁰ Вифлеем (ныне Бейт-Лехем) – город в 10 км южнее Иерусалима.
- ¹⁸¹ Церковь Пресвятой Девы Марии над могилой Богородицы.
- ¹⁸² Саладин захватил Иерусалим 2 октября 1187 г.
- ¹⁸³ Башня, которую недавно построили госпитальеры.
- ¹⁸⁴ Ср. Исход 17:13 «И низложил Иисус Амалика острием меча»
- ¹⁸⁵ Ср. Деяния Фридриха II, 23 цитату из Егессипа, Иудейские войны, III, 9.
- ¹⁸⁶ Ср. Хронику Оттона Фрайзингского VII, 2, Хронику Эккехарда 1099 г.
- ¹⁸⁷ Сарацины обещали пускать христиан в город ко Гробу Господню. См. главу 40 хроники.
- ¹⁸⁸ Готфрид Бульонский – один из руководителей Первого Крестового похода, первый правитель Иерусалимского королевства в 1099-1110 гг. Ср. Хронику Оттона Фрайзингского VII, 4, Хронику Эккехарда 1099 г.
- ¹⁸⁹ Урбан III умер 20 октября 1187 г.
- ¹⁹⁰ Григорий VIII избран папой 21 октября 1187 г.
- ¹⁹¹ Григорий VIII пробыл на папском престоле 58 дней, он умер 17 декабря 1187 г.
- ¹⁹² Климент III избран папой 19 декабря 1187 г.
- ¹⁹³ Письма об этом разослал ещё Григорий VIII, ср. II 16014, 16019, 16034.
- ¹⁹⁴ Об этом также объявил ещё Григорий VIII.
- ¹⁹⁵ Ср. Песнь Песней 1:3 «*temores uberum tuorum super vinum*» в синодальном переводе перевод неточный: «превозносить ласки твои больше, нежели вино»
- ¹⁹⁶ Съезд в Майнце проходил 20-27 марта 1188 г.
- ¹⁹⁷ Среди них был кардинал-епископ Генрих Альбанский.
- ¹⁹⁸ Ср. Хронику Оттона Фрайзингского VII, 8, Хронику Эккехарда 1103 г.
- ¹⁹⁹ Ср. От Марка 10:29 «...кто оставил бы дом, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня»
- ²⁰⁰ Ср. От Матфея 16:24 и От Марка 8:34 «возьми крест свой и следуй за Мною»
- ²⁰¹ Почти все источники указывают день выступления 23 апреля 1188 г.
- ²⁰² Французский король Филипп II Август, которого Оттон ошибочно назвал Людовиком, и английский король Генрих II приняли крест ещё 21 января 1188 г. в присутствии кардинал-епископа Генриха Альбанского, однако Генрих II умер 6 июля 1189 г., и его обет унаследовал Ричард I Львиное Сердце.

- ²⁰³ Кёльн укрепили в марте 1188 г. Кроме упомянутого здесь наказания, в Кёльне разрушили ворота и на жителей наложили штраф в 2260 марок. См. Кёльнскую хронику.
- ²⁰⁴ Посланные прибыли скорее всего в декабре 1189 г. в Нюрнберг.
- ²⁰⁵ Кылыч-Арслан II – правитель Конийского султаната в 1156-1192 гг. Конья
- ²⁰⁶ Ср. Бытие 42:10-11 «пришли купить пищи... мы люди честные».
- ²⁰⁷ Киликия – историческая область на юге Малой Азии между хребтом Тавр и Средиземным морем. Здесь и далее Оттон отождествляет Киликию с Конийским султанатом, однако это неверно, так как в Киликии тогда находилось Киликийское армянское государство.
- ²⁰⁸ Об этом см. главу 34 хроники.
- ²⁰⁹ Пресбург – ныне Братислава.
- ²¹⁰ Венгерская марка – область Священной Римской империи по берегам Дуная на границе с Венгрией, существовавшая во второй половине XI в. Впоследствии вошла в состав Восточной марки. В описываемое время Венгерской марки, как отдельной области, уже не существовало.
- ²¹¹ Съезд проходил 28 мая 1189 г.
- ²¹² Вероятно это случилось ещё в конце апреля – начале мая 1189 г.
- ²¹³ Фридрих V – герцог Швабии в 1167-1191 гг., третий сын императора Фридриха.
- ²¹⁴ Видимо, это был граф Дитрих, младший сын маркграфа Мейсена, Оттона Богатого.
- ²¹⁵ Бела III – король Венгрии в 1172-1196 гг.
- ²¹⁶ Фридрих переправился через реку Сава, являющуюся границей Венгрии и Болгарии.
- ²¹⁷ Ср. Числа 21:22 «...пойдем путём царским»
- ²¹⁸ Исаак II Ангел – византийский император в 1185-1195 и 1203-1204 гг.
- ²¹⁹ Филипполь – совр. Пловдив, город на юге Болгарии.
- ²²⁰ Практически всё население покинуло город, он был взят 25 или 26 августа 1189 г.
- ²²¹ Димодика – совр. Дидимотихон, город на северо-востоке Греции у границы с Турцией. Фридрих взял Димодику 24 ноября 1189 г.
- ²²² Ср. 1-я Книга Маккавейская 16:6 «и двинулся против них сам...».
- ²²³ Император зимовал в Адрианополе (ныне – Эдирне), почти на 150 км отстоящем от Константинополя.
- ²²⁴ Ср. Деяния Фридриха IV, 20.
- ²²⁵ Сообщение неточно. Император ещё 2 марта 1190 г. выступил из Адрианополя, а в Пасху уже переправился через пролив Дарданеллы.
- ²²⁶ Ср. Псалмы 88:24 «Сокрушу пред ним врагов его и поражу ненавидящих его»
- ²²⁷ Климент III умер в конце марта 1191 г.
- ²²⁸ Целестин III избран 30 марта 1191 г.
- ²²⁹ Леопольд V – герцог Восточной марки (Австрии) в 1177-1194 гг. Он выступил в крестовый поход 15 августа 1190 г.
- ²³⁰ В феврале и апреле 1189 г. крестоносцы с Рейна и Везера отправились за море. Одна группа сражалась в Португалии, захватила крепость Альвор и в августе прибыла в Святую Землю. Другая группа четырьмя неделями позже захватила Силвиш и в середине октября была в Марселе.
- ²³¹ Видимо здесь ошибка Оттона (см. предыдущее прим.), так как ландграф Тюрингии Людовик отправился из Бриндизи в Святую Землю 26 июня 1189 г.
- ²³² Ричард I Львиное Сердце высадился около Акко 8 июня 1191 г.
- ²³³ Не Людовик, а Филипп II Август высадился около Акко 20 апреля 1191 г.
- ²³⁴ Осада Акко началась 28 августа 1191 г.
- ²³⁵ Генрих VI был коронован 15 апреля 1191 г. в понедельник после Пасхи.
- ²³⁶ Тускул – древний город, остатки которого находятся в 25 км северо-западнее центра Рима на Тускуланском холме.
- ²³⁷ Здесь ошибка в дате, на самом деле это произошло видимо 17 апреля 1191 г.
- ²³⁸ О борьбе архиепископа Христиана с жителями Рима см. главу 20.
- ²³⁹ См. прим. 77.
- ²⁴⁰ Мир был заключён 14 февраля 1190 г. в Адрианополе. Византийский император обязался обеспечить войско крестоносцев провизией и судами.
- ²⁴¹ Фридрих заключил договор с византийским императором 25 марта 1190 г.
- ²⁴² Фридрих переправился через пролив Дарданеллы 28 марта 1190 г.
- ²⁴³ Рум – одно из названий Конийского султаната.
- ²⁴⁴ В тексте «soldanus» то есть «султан».
- ²⁴⁵ Об этом договоре см. главу 31 хроники.
- ²⁴⁶ См. прим. 66.
- ²⁴⁷ Ср. Послание к колоссянам 3:11 «Где нет... варвара, скифа».
- ²⁴⁸ Памфилия – область Малой Азии на побережье залива Анталья, Фригия – в центральной части Малой Азии.
- ²⁴⁹ Фридрих начал штурм Коньи 18 мая 1190 г.
- ²⁵⁰ Ср. 1-я книга Царств 22:19 «...поразил мечом и мужчин и женщин»
- ²⁵¹ Султан Кылыч Арслан заключил мир с Фридрихом 23 мая 1190 г. Он вёл переговоры не лично, а через посланников.
- ²⁵² Фридрих покинул Конью 26 мая 1190 г.
- ²⁵³ Ср. Книга пророка Даниила 13:4 «И сходились к нему...»
- ²⁵⁴ Левон II – правитель Киликийского армянского государства в 1187-1219 гг.
- ²⁵⁵ Тарсус – город на юге Турции у реки того же названия. О месте рождения апостола Павла см. Деяния апостолов 22:39, 22:3.
- ²⁵⁶ 1-я книга Маккавейская 1:3 и 11:52.
- ²⁵⁷ Ср. Псалмы 65:5 «...Бога, страшного в делах над сынами человеческими».
- ²⁵⁸ Ср. Псалмы 101:14 «Ты восстанешь, умилосердишься над Сионом; ...ибо пришло время».
- ²⁵⁹ Ср. Матфей 8:24-26 «сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами...».
- ²⁶⁰ Фридрих утонул 10 июня 1190 г.
- ²⁶¹ Фридрих утонул в реке Салеф (турецк. Гёксу, греч. Каликадн). Кидн (Тарсус) – другая река Киликии, находящаяся восточнее Салефа.
- ²⁶² Ср. Павел Орозий, История против язычников, III, 16, 5 «Александр... вступил разгоряченным в очень холодные воды Кидна, ооченел и в результате судороги мышц оказался близок к смерти».
- ²⁶³ Экклезиаст 34:12.
- ²⁶⁴ Фридрих Барбаросса погиб на 39 году своего правления.
- ²⁶⁵ Антиохия (ныне Антакья) – город на юге Турции.

²⁶⁶ Ср. Хронику Оттона Фрайзингского VI, 19.

²⁶⁷ Фридрих Швабский с войском достиг Антиохии в июне 1190 г.

²⁶⁸ Фридрих Швабский подошёл к Акко 7 октября 1190 г.

²⁶⁹ Фридрих Швабский умер 20 января 1191 г.

²⁷⁰ Псалмы 57:8.

²⁷¹ Плач Иеремии 4:2.

²⁷² Ср. Хронику Оттона Фрайзингского V, 36.

²⁷³ Ср. Притчи Соломоновы 21:30 «...нет совета вопреки Господу».

²⁷⁴ Псалмы 126:1.

²⁷⁵ Ср. Псалмы 101:14 «Ты восстанешь, умилишься над Сионом, ибо время помиловать его – пришло время».

Фридрих I Барбаросса. Грамота городу Любеку (1188/1226 г.)

Противостояние саксонского герцога Генриха Льва и германского императора Фридриха I Барбароссы привело в 1180 г. к смещению и опале Генриха. В 1181 г. Любек был взят Фридрихом, результатом чего в конечном итоге и стало издание грамоты, в которой император устанавливал границы города по отношению к землям мекленбургских, гольштейнских и других владетелей. Сохранившийся до Второй мировой войны в Государственном архиве Любека (ныне – в Немецком центральном архиве в Потсдаме) экземпляр грамоты долгое время считался оригиналом, но, по всей вероятности, является списком, который был подготовлен около 1225 г. для подтверждения германским императором Фридрихом II и подвергся тенденциозной любекской редакции; впрочем, Фридрих II подтвердил в мае 1226 г. эту редакцию в полном объеме). Так как вмешательство любекских редакторов в текст вряд ли затронуло интересующие нас внешнеторговые установления, документ представлен под традиционной датировкой 1188 г.

Во имя Святой и Нераздельной Троицы. Фридрих, Божией милостью римский император¹, август. [В связи со спором между городом и графами Адольфом Шауенбургским и Бернхардом Рацебургским² очерчиваются пределы города, внутри и вне которых гражданам Любека усваиваются определенные права на использование угодий и лесов. Помимо собственных установлений, подтверждаются все права, которые даровал Любеку его основатель саксонский герцог Генрих³; следует перечисление норм из области судопроизводства и торговли, среди которых и следующее:] Русь, готы, норманны⁴ и прочие восточные народы⁵ пусть приходят в неоднократно упомянутый выше город (Любек) беспошлинно⁶ и без ганзы⁷ и свободно уходят. Также купцы, из какого бы королевства, из какого бы города ни пришли, пусть продают и покупают свободно, платя только положенную пошлину – с фертона⁸ 4 денария⁹, с тысячи марок – не больше¹⁰. Если же кто-либо пожелает отправиться за море¹¹, сколько бы ни было у него товара, от каждого пусть заплатит 15 денариев, а если у него ничего нет и он ест собственный хлеб¹², пусть заплатит 5 денариев, и если вернется ранее, чем через год и один день, то сколько бы ни было у него товара, за который он должен был бы заплатить пошлину, за столько не платит¹³. [Продолжается перечень установлений: о свободной покупке серебра в городе, о наблюдении за качеством монеты, о запрете на постройки негражданами в черте города и проч. Перечислены свидетели во главе с майнцским архиепископом Конрадом.] Свершено сие в год от Воплощения Господня¹⁴ 1188-й, 7-го индикта, в правление господина Фридриха, римского императора, августа, в год королевства его 37-й, а императорства – 35-й¹⁵. Дано при крепости Лайзниц в 13-е календы октября¹⁶, счастливо. Аминь.

¹ О «римской» титулатуре германских императоров см. Оттон из Фрейзинга.

² Гольштейнским графом Адольфом III, сыном Адольфа II, названным здесь родовым именем гольштейнских графов – по замку Шауенбург (Шаумбург) на Среднем Везере, и рацебургским графом Бернхардом III.

³ Генрих Лев ок. 1158 г.

⁴ В несколько более ранней «Хронике» Хельмольда «готов» не было, «норманны» расшифрованы как датчане, шведы и норвежцы, а русь стоит в перечислении не на первом, а на последнем месте. Появление «готов», безусловно, объясняется доминанцией готландского купечества в балтийской торговле, вполне определившейся в XII в.; ср., впрочем, Гельмольд из Босау, примеч. 35.

⁵ См. Гельмольд из Босау.

⁶ Из сравнения с непосредственно следующей нормой видно, что привилегия для купцов из «восточных народов» состояла в освобождении от пошлины при въезде в Любек и выезде из него; торговую же пошлину они платят, как все.

⁷ Что такое в данном случае hansa, не вполне понятно. Вообще говоря, этот немецкий термин обозначал некую группу, отряд, как следствие — купеческое объединение. Таким образом, доступ в любекский порт был связан с принадлежностью к той или иной «ганзе»? И грамота Фридриха I освобождала купцов из названных стран от такого ограничения? Или, метонимически, имелся в виду некий «ганзейский» налог, взимаемый в Любеке в связи с его принадлежностью к «готландской ганзе»?

⁸ Фертон, или, в немецкоязычной форме, фердинг – стоимость, равная четвертой части марки серебра.

⁹ Серебряная монета весом в 1-1,5 г.

¹⁰ Т.е. с любой суммы до тысячи марок пошлина одинакова – 4 денария. Обычно пошлина бывала пропорциональна стоимости сделки; установление фиксированной (и при том низкой) пошлины призвано было стимулировать торговую активность. Марка – денежно-весовая единица, равная полуфунту, т.е. обычно ок. 200 г. серебра.

¹¹ Эта норма, надо полагать, действует в отношении купцов любекских, а не заезжих. В ошибочном переводе М. Б. Свердлова фраза «si quis transfretare voluerit» приобретает противоположный смысл: «если кто прибудет водным путем».

¹² Т.е., очевидно, не работает на постороннего хозяина.

¹³ Эта норма устанавливает условия пользования любекским портом для «отправляющихся за море» любекских купцов. Снова явно стремление стимулировать оборот порта путем отмены ввозных пошлин для купцов, совершающих не менее одного заморского рейса в год.

¹⁴ См. Бертинские анналы.

¹⁵ Указание на индикт совпадает с приведенной датой (сентябрь 1188 г.), так как новый индикт начинался 1 сентября. Согласен с датой и счет лет королевства (Фридрих I был коронован в марте 1152 г.), если за первый год принимать март-декабрь 1152 г. Но вот счет лет императорства не может быть верен ни при каком способе счисления (императорская коронация имела место в июне 1155 г.): следовало бы говорить о 34-м годе.

¹⁶ 19 сентября.

Восточная политика правителей Германии

В VIII-XIII вв. немцы вели острую территориальную борьбу с западнославянскими народами, особенно в бассейне реки Лаба и прибрежных регионах Балтийского моря от Шлезвига до Прибалтики, где они также остро конкурировали с местными балтийскими и финно-угорскими племенами (предками литовцев, латышей, эстонцев). Для борьбы с этими восточными народами были организованы и немецкие крестовые походы, имевшие переменный успех. Данная политика вкладывается в рамки понятия «Натиск на Восток» («Drang nach Osten»).

Крестовый поход 1147 г. против славян (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 62-65)

Документ рассказывает о крестовом походе 1147 г. против славян и об успешной обороне ободритского князя Никлота.

62. О НИКЛОТЕ

Третье войско крестоносцев предприняло поход против славянских народов, а именно, против соседящих с нами бодричей и лютичей, чтобы отомстить за уничтожение и смерть, причиняемые ими христианами, главным образом данам. Начальниками этого похода были Адельберо, [архиепископ] гамбургский¹, и все саксонские епископы, кроме того, молодой герцог Генрих², герцог из Церинге Конрад³, маркграф из Сальтвиделе⁴, Адальберт, Конрад из Витина⁵. Никлот, услышав, что в скором времени будет собрано войско, чтобы уничтожить его, созвал весь народ свой и начал строить замок Дубин⁶, который мог бы послужить для народа убежищем в случае необходимости. И отправил он посольство к графу Адольфу, напоминая ему о союзе, который они заключили, и вместе с тем прося его предоставить ему возможность побеседовать с ним и посоветоваться. И когда граф не согласился, говоря, что это было бы неосторожно с его стороны, ибо могло бы нанести обиду другим государям, он велел передать ему через послов: «Я решил быть глазами и ушами твоими в земле славянской, которую ты начал заселять, чтобы славяне, которые некогда владели вагрской землей, не причиняли тебе обид, оправдываясь тем, что они несправедливо лишены наследия своих отцов. Почему же ты оставляешь друга своего в пору нужды? Разве дружба не проверяется в несчастье? До сих пор я удерживал руку славян, и они не причиняли тебе вреда, теперь же я могу отнять свою руку и предоставить тебя себе самому, потому что ты с презрением отверг друга своего, забыл о договоре и отказал мне во встрече с тобой в минуту нужды».

И поведали послы графа Никлоту: «Наш господин в этот раз не может беседовать с тобой, потому что этому препятствуют известные тебе обстоятельства. Так сохрани же доверие к нашему господину и свои обязательства по отношению к нему и, если увидишь, что славяне втайне готовят войны против него, окажи ему поддержку». И Никлот обещал. И тогда сказал граф жителям своей земли: «Имейте надзор за скотом и имуществом вашими, чтобы они случайно не подверглись разграблению со стороны воров или разбойников; об общей безопасности будет моим делом заботиться, чтобы вы не подверглись какому-нибудь непредвиденному нападению войска». Ибо этот мудрый муж полагал, что своей хитростью он предотвратил неожиданные удары войны. Но дела сложились иначе.

63. СОЖЖЕНИЕ КОРАБЛЕЙ

Никлот, чувствуя, что выступление в задуманный поход неизбежно, тайно подготовил морское войско и повел корабли к устью Травны с намерением разорить всю вагрскую землю прежде, чем саксонское войско вольется в ее пределы. Вечером же он отправил посла в Зигеберг потому, что обещал графу оказать ему поддержку. Но посольство это оказалось ненужным, ибо граф отсутствовал и не было времени, чтобы собрать войско. На рассвете дня, в который с благоговением поминаются страсти святых Иоанна и Павла (1147, 26 июня), морское войско славянское спустилось в устье Травны. Жители города Любека, услышав шум, производившийся войском, позвали мужей города, говоря: «Мы слышим сильный шум, как будто рокот приближающейся толпы, и не знаем, что это такое». И они послали в город⁷ и на рынок предупредить о грозящей опасности. Но опьяневшие от обильных возлияний люди не могли двинуться ни по дороге, ни на кораблях, пока, окруженные врагами, не потеряли из-за подброшенного огня своих кораблей, нагруженных товарами. В тот день было убито около 300 и больше мужей⁸. Священник, монах Родольф, бежал в замок, но был настигнут язычниками, которые нанесли ему тысячу ран и убили его. Находившимся в замке в течение двух дней пришлось выдерживать самую жестокую осаду. Два отряда конницы промчались через вагрскую землю и асе, что нашли в предместье Зигеберге, истребили. Округ, называемый Даргунским, и все земли, расположенные вниз от Травны и заселенные вестфальцами, голландцами и другими чужеземными народами, были поглощены ненасытным огнем. Они [славяне] убили храбрых мужей, которые пытались с оружием в руках оказывать им сопротивление, и увели их жен и детей в плен. Но мужей гользатских, которые обитают за Травной, к западу от Зигеберга, они пощадили и, остановившись на полях селения Кузалины, не стали продвигаться дальше. Кроме того, славяне не опустошили деревень, которые были расположены в полях

Свентинфельд и тянулись от рени Свалы вплоть до реки Агримесов и Плуньского озера, а также не тронули имущества людей, там живущих. И повторяли в то время все уста, что эту беду навлекли якобы гользаты из ненависти к пришельцам, которых граф отовсюду привлекал к заселению страны. Вот поэтому одни только гользаты и не испытали общего несчастья. Но и город Утин⁹, благодаря своему месторасположению – естественной укрепленности – уцелел тоже.

64. О ПРЕСВИТЕРЕ ГЕРЛАВЕ

Я хочу рассказать об одном деле, заслуживающем право сохраниться в памяти потомков. Разорив вагрскую землю, как им хотелось, славяне пришли в конце концов в округ Сусле, имея намерение разорить бывшую там колонию фризов, население которой исчислялось в 400 и более мужей. Когда славяне прибыли сюда, едва ли сотня фризов находилась в маленькой крепости, остальные возвратились на родину, чтобы привести в порядок оставшиеся там хозяйства. Когда все то, что было вне крепости, славяне сожгли, тогда те, кто в крепости оставался, поняли, какое жестокое нападение им угрожает. И правда, в течение целого дня их храбро осаждали 3 тысячи славян и уже предвкушали свою несомненную победу, в то время как фризы оттягиванием боя старались отдалить свою гибель. Но когда славяне увидели, что без кровопролития победа им не достанется, они пообещали фризам жизнь и целостность членов, если, выйдя из крепости, они сдадут оружие. И тогда некоторые из осажденных в надежде сохранить жизнь начали добиваться того, чтобы сдать крепость. Обличая их, мужественный священник сказал: «Что это вы, о мужи, хотите делать? Вы думаете, что, сдавшись, вы сможете сохранить себе жизнь, что язычникам можно доверять? Вы заблуждаетесь, о мужи соотечественники, неразумно такое мнение. Разве вы не знаете, что среди всех пришельцев нет ни одного народа, более гнусного для славян, чем фризы? Поистине, наш запах кажется им зловонием. Зачем же жертвуете вы жизнью вашей, зачем добровольно спешите к гибели своей? Именем господина, создателя мира, которому нетрудно в скором времени спасти нас, призываю вас, чтобы вы еще немного испытали силы свои и вступили в бой с неприятелем. Пока мы окружены этим валом, пока мы владеем своими руками и оружием, мы еще можем надеяться сохранить жизнь. Если же мы лишимся оружия, то, кроме позорной смерти, нам ничего не останется. Поэтому погрузите сначала мечи свои, добровольной выдачи которых они требуют, во внутренности их и отомстите за кровь вашу. Пусть узнают они вкус храбрости вашей и пусть не возвращаются с победой без кровопролития». И, говоря так, он явил им отвагу своего духа и, бросившись к воротам с одним лишь мужем, разогнал вражеские отряды и собственной рукой умертвил громадное число славян. Лишившись в конце концов одного глаза и раненный в живот, он сражался без передышки, являя как бы божественную силу и духа и плоти. Славные сыновья Сарвии¹⁰ или Маккавеи¹¹ сражались некогда ничуть не лучше, чем этот священник Герлав и небольшое число мужей в замке Сусле. И отстояли они крепость от рук разорителей.

Услыхав об этом, граф собрал войско, чтобы вступить в бой со славянами и изгнать их из своей страны. Когда слух об этом дошел до славян, они вернулись на свои корабли и отплыли, увозя пленников и разную добычу, захваченную в земле вагров.

65. ОБ ОСАДЕ ДИМИНА

Между тем всю Саксонню и Вестфалию облетел слух о том, что славяне совершили вылазку и, таким образом, первыми начали войну. Тогда все это войско, носящее знак креста, поторопилось спуститься в землю славян, чтобы покарать их за недоброжелательность. Разделившись, они осадили две крепости – Дубин и Димин – и изготовили много машин против них. Пришло также и войско данов к присоединилось к тем, которые осаждали Дубин, и от этого осада усилилась. В один из этих дней находившиеся в осаде заметили, что войско данов действует вяло, ибо те, которые дома настроены воинственно, вне его обычно трусят; и, совершив внезапную вылазку, они убили многих данов и удобрили землю их трупами. Оказать им помощь было невозможно, так как между ними лежало море. Поэтому исполненное гнева войско тем упорнее продолжало осаду. И говорили между собой вассалы герцога нашего и маркграфа Адальберта: «Разве земля, которую мы разоряем, не наша земля, и народ, с которым мы воюем, не ваш народ? Почему же мы оказываемся врагами самим себе и сами уничтожаем доходы свои? Разве этот удар не падает и на головы повелителей наших?» И начали они с этого дня чинить всякие волнения в войске и облегчать осаду частыми перемириями. И каждый раз, когда славяне в стычке бывали разбиты, они удерживали войско от преследования бегущих и не давали ему овладеть крепостью. В конце концов вашим это надоело, и был заключен такой договор, что славяне принимают христианскую веру и отпускают данов, которые находились у них в плену. И тогда многие притворно приняли крещение, а из плена отпустили всех стариков и непригодных [людей], остальных же, которые здоровьем были крепче и более приспособлены для работы, задержали. Таким образом, этот великий поход закончился умеренным успехом¹². А тотчас же после этого еще худшее время настало, потому что славяне не выполнили своего обещания креститься и не удержали рук своих от опустошения Дании.

66. О ГОЛОДЕ

Граф наш, стараясь наладить поколебленную дружбу, заключил мир с Никлотом и остальными восточными славянами. Однако он не вполне им доверял потому, что они первые нарушили договор и предали землю его великому опустошению. И он начал ободрять народ свой, подавленный вражеским разорением, и просил его, чтобы он не поддавался несчастьям, памятуя, что маркоманы¹³ должны обладать большим терпением и не щадить крови своей. И прилагал большое усердие в выкупе захваченных в плен...

¹ Адальберт (Адельберо) – архиепископ гамбургский (1123-1148 гг.).

² Генрих Лев.

³ Конрад – герцог фон Церинген. Умер в 1152 г.

⁴ Сальтвиделе – Зальцведель.

⁵ Витин-Веттин, на р. Сале.

⁶ По поводу местоположения крепости Дубин есть ряд точек зрения.

⁷ В подлиннике: «civitas», – т.е. торгово-ремесленное предместье, посад крепости Любек.

⁸ Об этом нападении Никлота на Любек см. статьи Н.П. Грацианского.

⁹ Утин – теперь Эутин.

¹⁰ Сыновья Сарвии (Саруи), Иоав и Авесса – библейские персонажи. Вторая книга царств, 14, 1 и 16, 9.

¹¹ Маккавей – библейский персонаж. По преданию, Маттафия, по прозвищу Маккавей, восстал против господства чужеземных захватчиков ков его родины, Иудеи. После его смерти пятеро сыновей Маккавея продолжали борьбу.

¹² О крестовом походе на славян см. статьи Н.П. Грацианского.

¹³ Жители пограничных военных областей – марок.

Гибель Никлота (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 87)

Документ, относящийся к событиям 1160 г., рассказывает о дальнейших походах Генриха Льва против Никлота.

87. УБИЙСТВО НИКЛОТА

После этого герцог Генрих вторгся в землю славян с большим войском и опустошил ее огнем и мечом. Никлот, видя храбрость герцога, сжег все свои крепости, а именно Илово¹, Микилинбург, Зверин² и Добин, принимая меры предосторожности против грозящей осады. Одну только крепость оставил он себе, а именно Вурле, расположенную на реке Варне, возле земли хижан. Отсюда они [славяне] Ежедневно выходили и устраивали слежку за войском герцога и из своих засад убивали неосторожных. В один из дней, когда войско [герцога] стояло под Микилинбургом, отправились сыновья Никлота, Прибислав и Вартислав, чтобы причинить вред, и убили несколько человек из лагеря, вышедших за кормом [для коней]. Храбрейшие из войска преследовали их и многих из них схватили, и герцог велел их повесить. Сыновья же Никлота, оставив коней и знатнейших мужей, пришли к отцу. Он сказал им: «Я полагал, что воспитал мужей, а они трусливее, чем женщины. Так лучше я пойду сам и попробую, не смогу ли я случайно больше преуспеть». И он отправился с некоторым числом избранных людей и устроил засады в потаенных местах, неподалеку от войска. И вот вышли отроки из лагеря на поиски корма для коней и подошли близко к засадам. Затем пришли солдаты вперемешку со слугами числом около 60, все в панцирях, спрятанных под одеждой. Не заметив этого Никлот на самом быстром коне появился между ними, пытаясь кого-нибудь из них пронзить копьем, но копье прошло до панциря и, нанеся безопасный удар, отскочило. Он хотел вернуться к своим, но, внезапно окруженный, был убит³, и никто из его сподвижников не оказал ему помощи. Голова его была опознана и доставлена в лагерь, к немалому удивлению многих, как это такой муж, по попущенью божьему, единственный из всех своих погиб. Тогда сыновья его, услышав о смерти отца, сожгли Вурле и скрылись в лесах, посадив семьи свои на корабли.

Опустошив всю страну, герцог начал отстраивать Зверин и укреплять замок: И поставил он туда -некоего благородного и воинственного мужа Гунцелина⁴ с войском. После этого он вернул милость свою сыновьям Никлота и отдал им Вурле и всю землю. А потом разделил землю бодричей и роздал во владение своим рыцарям. А в замке Куцине герцог поставил некоего Людольфа, фогта⁵ из Брунсвика. В Миликове⁶ повелел он быть Людольфу из Пайна⁷; Зверин и Илинбург поручил Гунцелину; Микилинбург отдал он Генриху, некоему благородному мужу из Скато⁸, который привел из Фландрии множество народа, и поселил их в Микилинбурге и во всех окрестностях его. Епископом в земле бодричей герцог поставил Берно⁹, который после смерти Эммегарда возглавлял Магнополитанскую церковь. Магнополис же – это то же самое, что Микилинбург. И пожаловал герцог в дар Микилинбургской церкви 300 мансов, как раньше сделал это для церкви Рацисбургской и Альденбургской.

Обратившись с просьбой к императору, он получил от него власть основывать, одарять пожалованиями и утверждать епископства во всей славянской земле, которую сам или его предки подчинили себе щитом своим по праву войны. Вследствие этого он призвал к себе Герольда, епископа альденбургского, Эвермода, епископа рацисбургского, и Берно, епископа микилинбургского, чтобы они приняли от него свои должности и присоединились к нему, принося присягу в вассальстве, как обычай требует поступать по отношению к императору. Хотя они считали это распоряжение весьма тяжелым для себя, однако, уступили ради того, кто потерпел унижение ради нас, и чтобы молодая церковь не понесла ущерба. И пожаловал им герцог привилегии на владения и на поборы, и на суд. А славянам, которые продолжали оставаться в земле вагров, полабов, бодричей и хижан, герцог повелел, чтобы они платили поборы епископу, как их платят у полонов и поморян, то есть с плуга по 3 модия ржи и по 12 денаров местной монеты. Модий же у славян называется на их языке корец¹⁰. Славянский же плуг означает двух волов и столько же лошадей. И увеличились десятины в земле славянской, потому что стеклись сюда из своих земель тевтонцы, чтобы населить землю эту, просторную, богатую хлебом, удобную по обилию пастбищ, изобилующую рыбой и мясом и всеми благами.

¹ Илово находилось на восточном берегу Зверинского озера. Немецкое название крепости было, видимо, Илинбург.

² Зверин – теперь Шверин.

³ Никлот был убит в 1160 г.

⁴ Гунцелин фон Гаген, с 1160 г. граф шверинский — один из самых активных сподвижников Генриха Льва по угнетению славян. Уме;) в 1185 г.

⁵ Фогт – правитель замка. Лаппенберг сообщает, что лицо это упоминается в грамотах Генриха Льва.

⁶ Миликово – теперь Малхов. Славянское название крепости было, видимо, Малахове.

⁷ Имя Людольфа из Пайна (Пейна), должностного лица при Генрихе Льве, по свидетельству Лаппенберга, встречается в им выданных грамотах.

⁸ Лаппенберг предполагает, что это граф фон Шота, упоминаемый в двух грамотах от 1163 г.

⁹ Годы, когда Берно занимал кафедру в Микилинбурге, не удалось точно установить, видимо, это было в 1161-1162 гг.

¹⁰ Корец (suritze) – мера сыпучих тел. Единственное славянское слово, занесенное Гельмольдом в свою хронику, не считая топонимики и имен собственных.

Борьба Генриха Льва с сыновьями Никлота (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 92)

Документ рисует дальнейшую борьбу сыновей Никлота с Генрихом Львом.

92. ПЛЕНЕНИЕ ВАРТИСЛАВА

Сыновья Никлота, Прибислав и Вартислав, не удовольствовавшись землей хижан и черезпенян, стремились снискать себе землю бодричей, которую герцог отнял у них по праву войны. Узнав об их кознях, Гунцелин из Зверина, правитель бодричей земли, объявил об этом герцогу. И тот опять вознегодовал на них и разгневался и в зимнюю пору пришел с большим войском в славянскую землю (1163). Они же засели в городе Вурле и укрепили замок против осады. И герцог послал вперед Гунцелина с храбрейшими мужами, чтобы они скорее начали осаду, опасаясь, как бы славяне не ускользнули случайно. Сам же он как можно скорее последовал за ними с остальным войском. И они осадили крепость, где были Вартислав, сын Никлота, и много благородных мужей и, кроме того, великое множество простого народа. Старший же по рождению, Прибислав, с некоторым числом конников скрылся в лесах, чтобы из засады убивать неосторожных.

И радовался герцог, потому что славяне, укрепившись духом, выжидали его в крепости и ему представлялась возможность их покорить. И сказал он младшим в своем войске, которые, побуждаемые неразумной жадностью сражений, подзадоривали врага и вступали с ним в бои: «Зачем, когда это совершенно излишне, вы приближаетесь к воротам города и сами создаете опасность для себя? Такого рода стычки не приносят пользы и грозят гибелью. Лучше оставайтесь в шатрах своих, где вас не могут достать стрелы неприятеля, и имейте надзор за осажденными, чтобы кто-нибудь из них не ускользнул. Нашим же делом будет без шума и жертв овладеть по милости божьей этим городом».

И тотчас же он велел доставить из лесной чащи деревья и готовить военные машины, такие, какие он видел в Кримме¹ и Медиолане. И он изготовил весьма сильно действующие машины, одну, сколоченную из досок, для того, чтобы разбивать стены, другую, более высокую, воздвигнутую наподобие башни и возвышавшуюся над замком, для того, чтобы направлять стрелы и прогонять тех, кто стоял на валах. И с того дня, когда была выстроена эта машина, никто из славян не осмеливался высунуть голову или показаться на валах.

В это время стрелой был тяжело ранен Вартислав.

В один из дней герцогу донесли, что Прибислав с множеством конников показался неподалеку от лагеря. Тот отправил на поиски его графа Адольфа с отрядом избранных юношей, но они, весь день скитаясь по болотам и лесам, никого не обнаружили, обманутые проводником, который проявлял большее расположение к неприятелю, нежели к нашим. И тогда герцог приказал отрокам, добывающим корм² для лошадей, никуда в этот день не выходить, чтобы не попасть в засаду к неприятелю. Однако несколько гользатов, будучи народом упрямым, не обратили внимания на приказ и вышли за кормом. И Прибислав неожиданно приблизился и, напад на неосторожных, около сотни их уничтожил; остальные же убежали в лагерь. Тогда герцог, сильно этим разгневанный, усилил осаду, и уже укрепления замка заколебались, угрожая упасть и разрушиться вследствие подкопов.

Тогда Вартислав, потеряв надежду на лучшее и получив право свободного прохода, пришел в лагерь к графу Адольфу, чтобы получить у него совет. Граф ответил ему: «Поздно обращаться за лекарством, когда больной безнадежен. Опасности, сейчас угрожающие, раньше должны были быть предвидены. Кто, спрашиваю, дал тебе совет, чтобы ты подвергался опасности осады? Большим безумием было вкладывать ногу в оковы, когда не было еще убежища и никак не был подготовлен побег. Теперь тебе ничего другого не остается, как сдаться. Если что и может послужить путем к спасению, так это, я вижу, только сдача». И сказал Вартислав: «Замолви за нас слово у герцога, чтобы мы были допущены к сдаче без опасности для жизни и без вредительства членов». Тогда граф отправился к герцогу и, обратившись к тем, от кого зависело решение, объяснил им все дело. И те, узнав волю государя, дали обещание, что если бы кто-нибудь из славян отдался во власть герцога, ему будут сохранены жизнь и целостность членов под тем, однако, условием, что и Прибислав сдаст

оружие. Тогда, сопровождаемые светлейшим графом, вышли из крепости Вартислав и все благородные мужи славянские и пали к ногам герцога, держа каждый меч свой на голове своей. И принял их герцог и заключил в темницу. И велел тогда герцог, чтобы если кто из данов в плену в замке находился, то отпустить их на свободу. И ушло их великое множество, воздавая благодарность храбрейшему герцогу за свое освобождение. Затем он приказал охранять замок и простой народ в нем и поставил над ними некоего Любомира, старого воина, брата Никлота, чтобы он возглавил их землю и знал, что они все находятся в его подчинении.

Вартислава же, князя³ славянского, увел с собой в Брунсвик и одел на руки его оковы; остальных же рассадил по темницам, пока не выплатят последнего квадранта. Славяне были так унижены для того, чтобы узнать, что «лев, силач между зверями, не посторонится ни пред кем»⁴.

Тогда Прибислав, который был старше возрастом и обладал более острым умом, желая прийти на помощь плененному брату, начал через послов испытывать мысли герцога и просить о мире. И когда герцог потребовал заложников, чтобы закрепить верность обещания, Прибислав сказал: «Какая надобность господину моему требовать у слуги своего заложников? Разве он не держит в темнице брата моего и всех благородных мужей славянской земли? Пусть же он и держит их вместо заложников и поступает с ними, как ему угодно, если мы нарушим верность своим обещаниям». Пока через посредников шли об этом переговоры и Прибиславу давалась надежда на лучшее, некоторое время обошлось без воин и был мир в славянской земле с марта месяца до февральских календ⁵ следующего года, и все крепости герцога, а именно Миликово, Куцин, Зверин, Илово, Микилинбург, были невредимы.

¹ Кримме – Кремона.

² В подлиннике: «rabulatores» – фуражиры.

³ Гельмольд употребляет здесь термин «regulus».

⁴ Притчи Соломоновы, 30, 30.

⁵ До 1 февраля 1164 г. Как показывает сам Гельмольд, в середине февраля этого года началось восстание бодричей против немецких феодалов-угнетателей.

(Гельмонд, «Славянская хроника», II, 2, 4)

2.

В тот же день, когда такие бедствия обрушились на приморские страны по берегу океана, в славянском городе Микилинбурге произошло великое кровопролитие. Ибо Вартислав, младший сын Никлота, содержавшийся в оковах в Брунсвике, приказал, как рассказывают, через послов своему брату Прибиславу, говоря: «Вот меня держат заключенным в оковы вечные, а ты поступаешь так нерадиво! Старайся же неусыпно, приложи все силы, поступай, как подобает мужчине, и если не можешь миром, то посредством оружия вырви меня. Разве ты не помнишь, как отец наш, Никлот, когда его держали в темнице в Люнебурге, не мог выкупить себя ни просьбами, ни деньгами? После того же, как побуждаемые доблестью, мы взяли за оружие, подошли и разрушили города, разве он не был освобожден?». Выслушав это, Прибислав собрал тайком войско и неожиданно пришел в Микилинбург. Генрих же из Скатен, правитель замка, тогда случайно отсутствовал, и народ, находившийся в замке, не имел начальника. Приблизившись, Прибислав сказал мужам, бывшим в крепости:

«Великое насилие, о мужи, причинено как мне, так и моему народу, ибо мы изгнаны из земли, где родились, и лишены наследства отцов наших. Вы увеличили эту обиду, ибо вторглись в пределы нашей страны и овладели городами и деревнями, которые должны принадлежать нам по праву наследования. И вот, мы предлагаем вам на выбор жизнь или смерть. Если вы откроете нам крепость и вернете принадлежащую нам землю, мы выведем вас мирно с женами и детьми вашими и всем имуществом. Если кто-нибудь из славян что-либо отберет у вас из того, что вам принадлежит, я возвращу вдвойне. Если вы не захотите уйти и, напротив, будете этот город упорно защищать, клянусь вам, что если будет к нам милостив господь и победа будет [нам] благоприятствовать, я всех вас перебью острием меча. В ответ на эти слова фламिंगи¹ начали посылать стрелы и наносить раны. Войско же славянское, более сильное и людьми и оружием, в жаркой битве вторглось в крепость и перебило всех мужчин, в ней находившихся. Ни одного человека не оставили славяне из этих пришельцев; жен же их и детей увели в плен, а замок сожгли. После этого они вернулись в замок Илово, чтобы разрушить и его.

Тогда Гунцелин, вассал герцога и правитель земли бодрицкой, узнав от лазутчиков, что славяне выступили, пришел с небольшим отрядом в Илово, чтобы оказать городу помощь. Опустошив Микилинбург, Прибислав с самыми храбрыми мужами пошел впереди войска своего, желая скорее начать осаду, чтобы кто-нибудь случайно не ускользнул. Услышав об этом, Гунцелин сказал своим: «Выйдем скорее и сразимся с ним раньше, чем придет остальное войско. Ибо они утомлены битвой и кровопролитием, которое сегодня совершили». И ответили ему верные его: «Неосторожно было бы нам выйти, ибо тотчас же, как мы выйдем, славяне, которые находятся внутри города этого и, кажется, стоят на нашей стороне, закроют за нами городские ворота и нас не впустят. А город окажется в руках славян». И не понравились слова такие Гунцелину и мужам его. И, созвав всех тевтонцев, какие были в городе, он сказал им в присутствии находящихся в городе славян, перехода которых на сторону неприятеля опасались: «Дошло до меня, что славяне, которые вместе с нами

находятся внутри города, присягнули Прибиславу, что выдадут нас и город. Так слушайте же, о мужи-соотечественники, обреченные на смерть и уничтожение. Как только вы увидите вероломство, бросайтесь к воротам, подкиньте огонь под стены города и сожгите этих изменников с женами и детьми. Пусть умирают вместе с нами, пусть никто из них не останется в живых, чтобы не похвалялись нашей гибелью». Услышав это, ужаснулись славяне в душах своих и не осмеливались приступить к тому, что в душе замыслили. С наступлением вечера все славянское войско подошло к замку Илово, и сказал Прибислав славянам, которые там находились: «Всем вам известно, какие бедствия и гнет лежат на нашем народе из-за насильственной власти герцога, злоупотребляя которой он причинил нам много мучений и отобрал у нас наследственное владение отцов наших и поселил во всех землях пришельцев, то есть фламिंगов и голландцев, саксов и вест-фальцев и другие разные народы. От этой обиды страдал мой отец до самой смерти, а брат мой из-за этого содержится в заключении в вечных оковах, и никого, кроме меня одного, не осталось, кто бы думал о благе нашего народа или хотел бы поднять его из развалин. Вернитесь же к благоразумию, о мужи, оставшиеся от славянского народа, обретите вновь смелость и передайте мне этот город и мужей, которые несправедливо заняли его, чтобы я им отомстил, как отомстил тем, которые вторглись в Микилинбург».

И он начал увещевать их выполнить обещание. Но те, охваченные страхом, отказались. Тогда славяне отошли далеко от замка, потому что наступила ночь и надо было раскинуть лагерь. Они заметили, что Гунцелин и бывшие с ним – мужи храбрые и воинственные и что без большого кровопролития овладеть замком было бы нельзя, и поэтому на рассвете они сняли осаду и вернулись на свои места. Гунцелин же, как «кисторгнутая из огня головня»², покинул Илово, поставив в нем стражу от славян, и отправился в Зверин. И обрадовались жители города неожиданному его прибытию, ибо накануне распространился слух, что он сам, а равно и мужи его убиты. . .

4. ПОВЕШЕНИЕ ВАРТИСЛАВА

Когда герцог Генрих Лев услышал о том, как поколебались дела в Славии, он омрачился духом и отправил сильное войско в Зверин для охраны его. И велел он графу Адольфу и лучшим мужам Гользатии отправиться в Илово и оборонять замок. После этого он собрал большое войско и призвал родственника своего, маркграфа восточных славянских земель Адальберта³ и всех храбрейших мужей Саксонии на помощь, отплатить славянам за все то зло, которое они причинили. Он привлек и Вальдемара, короля данского, с его морским войском, чтобы он тревожил их и с суши и с моря. Граф Адольф поспешил со всем народом нордальбингов, чтобы встретиться с герцогом у Миликово. Герцог перешел здесь Альбию, напал на славянские земли и приказал Вартислава, князя славянского, казнить через повешение возле города Миликово потому, что погубил его брат его, Прибислав, нарушив обещание мира, установленного договором⁴. И повелел герцог графу Адольфу через посла, говоря: «Подымись с гользатами и штурмарами и со всем народом, который с тобой пришел, и ступайте впереди герцога к месту, что называется Вирухне⁵. То же сделает Гунцелин, правитель земли бодрицкой, и Рейнольд, граф дитмаршей, и Кристиан, граф Альдёнбурга, что находится в Амерланде, земле фризов⁶. Все они пойдут впереди вместе с тобой с тем числом вооруженных людей, которое у них имеется». И тогда выступил граф Адольф и другие благородные мужи, которые были с ним вместе выделены по Приказу герцога, и пришли они в место, что называется Вирухне и отстоит от города Димина «а расстоянии около 2 миль, и здесь раскинули лагерь. Герцог и другие государи задержались в месте, которое называется Миликово, чтобы через несколько дней последовать за ними с остальным войском, с лошадьми, несущими запасы пищи, которой хватило бы вполне войску. Все же войско славян засело в городе Димин. Были там и князья их, Казимир и Богуслав⁷, князья поморян, а с ними и Прибислав, виновник восстания. И отправили они посла к графу, желая быть допущенными через него к условиям мира, и обещали 3 тысячи марок, а послав вторично послов, обещали уже 2 тысячи. И не понравилось такое заявление графу Адольфу и сказал он своим: «Как это вам кажется, о мудрые мужи? Вчера они обещали 3 тысячи марок, теперь предлагают 2. Такое заявление не мира ищет, а навлекает войну». И послали славяне ночью лазутчиков в лагерь разведать состояние войска. Альденбургские же славяне были с графом Адольфом, но вели себя коварно, потому что все, что происходило в войске, передавали через лазутчиков неприятелю. И сказали графу Адольфу Маркрад, старейшина земли гользатской, и остальные, которые поняли эти тайные дела:

«Из самых достоверных слухов мы узнали, что враги наши готовятся к войне. Наши же весьма вяло действуют и ни в ночных стражах, ни в дневной охране не проявляют должного внимания. Внуши осторожность народу, потому что герцог возлагает на тебя надежды». Но граф и другие благородные мужи не придали этому значения и сказали: «Да будут мир и спокойствие, померкла уже доблесть славян». И ослабела охрана в войске. Между тем из-за того, что герцог задержался, у войска истощились запасы пищи.

И были назначены отроки, которые должны были пойти в войско герцога и принести припасы. Когда на рассвете они вышли, вдруг показались поднимающиеся на холм клинья славян, состоявшие из бесчисленного количества как конных, так и пеших. Увидав их, отроки повернули назад и своими громкими криками подняли спавшее войско. Иначе бы все во сне смерть приняли. Тогда славные и доблестные мужи, Адольф и Рейнольд, выйдя с небольшим числом гользатов и дитмаршей, которые, проснувшись от сна, раньше прибежали, застигли неприятеля при спуске с холма и, опрокинув первый отряд славян, они гнали их до самой глубины болота. Но поспешивший вслед за ними второй отряд славян обрушился на них, как гора. И тогда были убиты граф Адольф и граф Рейнольд и все храбрейшие мужи.

И захватили славяне лагерь саксов (1164, 6 июля) и расхитили добычу в нем. Гунцелин и Христиан и с ними более 300 воинов, соединившись воедино, стояли в стороне от битвы, не зная, что делать. Ибо им страшно было вступить в бой с таким огромным неприятельским войском, когда все их соратники были или перебиты, или обращены в бегство.

И случилось, что отряд славян подошел к одному шатру, где находилось много оруженосцев и лошадей. Когда славяне сильно насели на них, стараясь их одолеть, оруженосцы стали звать своих господ, которые толпой стояли неподалеку: «Что вы стоите, о храбрейшие воины, почему не придете на помощь слугам своим? Ведь вы поступаете постыдно». Те, побужденные криками их, напали на неприятеля и, сражаясь как бы в слепой ярости, освободили своих слуг. Потом, быстро влетев в лагерь, трудно сказать, сколько ударов нанесли и какое избиение людей устроили, пока не рассеяли эти победоносные отряды славян и не получили обратно лагерь, который раньше потеряли. И в довершение головокружением господь смешал умы славян, и они пали от руки лучших воинов. И, услышав об этом, саксы, прятаясь в убежищах, вышли из них и, вновь обретя смелость, кинулись храбро на врагов и перебили их в жарком бою. И покрылось поле это горами мертвецов.

И пришел поспешно герцог, желая оказать поддержку своим, и увидел поражение, нанесенное народу его, и [узнал], что мертв граф Адольф и все храбрейшие мужи, и залился обильными слезами. Но горе его облегчила полная победа и громадные жертвы среди славян, счетом до 2,500 человек. И велел тогда герцог тело убитого графа Адольфа, порезав на куски и высушив, набальзамировать, чтобы его можно было повсюду провезти и предать погребению в родовом склепе. И исполнилось пророчество, которое он высказал накануне своей гибели, особенно часто повторяя стих: ты огнем «искусил меня, и ничего не нашел»⁸.

Избежавшие меча славяне пришли в Димин и, предав огню этот сильнейший замок, отправились в глубь области поморян, уходя от герцога. На следующий день пришел в Димин герцог со всем войском и нашел замок сожженным и поставил здесь часть войска, чтобы оно разрушило вал и сравняло с землей и оказывало помощь раненым, о которых надо было проявить заботу. Сам же он с остальным войском отправился навстречу королю Вальдемару. И, объединив свои силы, они оба пошли, чтобы опустошить все пространство земли поморян, и пришли в место, что называется Столпе⁹. Здесь некогда Казимир и Богуслав заложили аббатство в память отца своего Вартислава, который тут был убит и погребен¹⁰. Он первый из поморских князей обратился в веру под руководством святейшего Отгона, епископа бавембергского, и сам основал епископство в Узнаме¹¹ и распространил христианскую веру в земле поморян. И вот сюда-то пришло войско герцога, и никого здесь не нашлось, «кто оказал бы ему сопротивление. Ибо славяне, все время идя вперед, убегали от лица герцога, не имея смелости где-нибудь остановиться из страха перед ним.

¹ Фламिंगи – фламандцы.

² Захария, 3, 2.

³ Адальберта – Альбрехта Медведя.

⁴ Вартислав, сын Никлота, казнен в 1164 г.

⁵ Вирухне – деревня на берегу Пены, нем. Ферхен.

⁶ Район, расположенный к западу от р. Везер.

⁷ Сыновья поморского князя Вартислава I (1124-1136 гг.). Старший, Богуслав, княжил с 1156 г. в западной части Поморья; младший, Казимир (1156-1180 гг.) – в восточной.

⁸ Псалтирь, 16, 3.

⁹ Столпе – теперь Слупск (Польская Народная Республика).

¹⁰ Вартислав I был убит в 1136 г.

¹¹ Узнам – Узедом, крепость на острове того же названия.

Альберт Медведь и его завоевания (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 88)

Документ рассказывает о покорении славянских земель, расположенных между Гавелой и Лабой, Альбертом Медведем.

88. ОБ АЛЬБЕРТЕ МЕДВЕДЕ

В то время восточную часть Славии держал маркграф Адальберт, по прозвищу Медведь, который по милости к нему божьей сильно преуспевал в увеличении владений своих. Ибо он поработил всю землю брежан, стодорян и многих других народов, обитающих на Гаволе и Альбии, и усмирил имевшихся среди них мятежников. Наконец, когда славяне мало-помалу стали убывать, он послал в Траектум и в края по Рейну, а потом к тем, кто живет у океана и страдает от суровости моря, а именно, к голландцам, зеландцам и фландрейцам, и вывел из всех этих стран весьма много народа и поселил их в славянских городах и селениях. И весьма окрепли от прихода этих поселенцев епископства Бранденбургское и Гавельбургское, так как увеличилось количество церквей и выросли сильно десятины.

Но и южный берег Альбии в это время стали населять переселенцы из Голландии, а именно, всю эту, начиная от города Сольтведеле, болотистую и равнинную страну, что называется Бальземерланд и Марсцинерланд¹. Многими городами и селениями вплоть до Богемских гор² завладели голландцы. Некогда, а именно во времена Оттонов, эти земли, как говорят, были заселены саксами, что можно видеть по древним валам, насыпанным на берегах Альбии в болотистой земле бальзамов, но впоследствии, когда славяне одержали

верх над ними, саксы были перебиты, а землей их вплоть до наших дней владели славяне. Теперь же, когда бог одарил герцога нашего и других государей счастьем и победой, славяне частью перебиты, частью изгнаны, а сюда пришли выведенные от пределов океана народы сильные и бесчисленные и получили славянские земли, и построили города и церкви, и разбогатели сверх всякой меры.

¹ Первольф и Богуславский под немецким названием Бальземерланд видели славянское – Белая земля. Марсцинерланд представлял собой западную часть Бальземерланда, лежал на Лабе между городами Вербен и Арнебург. Так считают Гильфердинг и Богуславский. Они выводят это название из старонемецкого Marsch (современное Moor), болото.

² Очевидно, Богемский лес.

Поборы саксонских князей с покоренных племен (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 83)

83. ОБРАЩЕНИЕ ПРИБИСЛАВА

...В ближайшее воскресенье весь народ этой земли собрался на рынок в Любеке, и епископ, прийдя сюда, обратился к народу со словами поощрения, чтобы, оставив идолов, он начал почитать единого бога, который на небесах, и, приняв благодать крещения, отказался от злых дел, а именно от грабежей и убийства христиан. И когда он [епископ] закончил свою речь к народу, Прибислав сказал с согласия остальных: «Твои слова, достопочтенный епископ, – божьи слова и ведут нас к спасению нашему, но как вступим мы на этот путь, когда мы опутаны столь великим злом? Чтобы ты мог понять мучение наше, выслушай терпеливо слова мои, ибо народ, который ты здесь видишь, это – твой народ, и справедливо будет нам раскрыть пред тобой нужду нашу. И тогда ты сам посочувствуешь нам. Ибо государи наши так жестоко поступают с нами, что из-за платежей и тягчайшей неволи смерть кажется нам лучше, чем жизнь. Вот в этом году мы, жители этого маленького уголка, уплатили тысячу марок герцогу, потом столько-то сотен марок графу, и этого еще мало, ежедневно нас надувают и обременяют вплоть до полного разграбления. Как приобщимся мы к новой вере, как будем строить церкви и примем крещение, – мы, перед которыми ежедневно возникает необходимость обращаться в бегство? Но если бы было такое место, куда мы могли бы убежать! Если мы перейдем Травну, там такое же несчастье, если пойдем на реку Пену, и там все так же. Что же остается другое, нежели, покинув землю, не уйти на море и жить там в пучинах. И разве наша вина, если мы, изгнанные с родины, возмутим море и отберем дорожные деньги у данов или купцов, которые плавают по морю? Разве это. не будет вина государей, которые нас на это толкают?» На что епископ сказал: «Если князья наши до сих пор плохо обходились с вашим народом, то это неудивительно, ибо они полагают, что совершают не такой уж большой грех по отношению к язычникам и тем, кто живет без бога. Почему вы не прибегнете скорее к христианской религии и не подчинитесь творцу вашему, пред которым склоняются те, кто носит мир¹. Разве саксы и другие народы, которые носят имя христиан, не живут в покое, довольные своими узаконенными порядками? Только одни вы от всех терпите ограбление, так как от всех отличаетесь по религии». И сказал тогда Прибислав: «Если герцогу и тебе угодно, чтобы у нас с графом была одна и та же вера, пусть будут нам даны права саксов на владения и доходы, и мы с охотой станем христианами, построим церкви и будем платить свои десятины»...

¹ Имеются в виду императоры германские, носившие в качестве императорской регалии украшенный крестом шар (якобы земной шар).

Договор короля Германии Фридриха I с Папой римским Евгением III (23 марта 1153 г.)

Господин король обяжет одного из своих предствителей поклясться от имени короля, а ма же он, вложив свою руку в руку легата господина Папы, пообещает не заключать ни премирия, ни мира ни с римлянами, ни с Роджером Сицилийским без согласия и одобрения Римской церкви и господина Папы Евгения или его преемников, которые обязаны будут соблюдать этот договор с королем. И всеми силами своего королевства он будет стремиться подчинить римлян господину Папе и Римской церкви, как они были ему покорны в течение последних ста лет.

Он станет поддерживать и защищать, насколько это будет в его силах и в качестве доверенного лица и поверенного в делах Римской церкви, авторитет папской власти и regalia святейшего Петра, которыми Папа распоряжается в настоящее время. Те же, которыми он в настоящее время не распоряжается, он поможет ему всеми силами вернуть их и будет защищать после того, как они будут возвращены.

Он не уступит королю греков никаких земель по эту сторону моря. А если тот захватит эту страну, то он силами королевства примет все возможные меры для его изгнания.

Он выполнит все эти клаузулы и будет их соблюдать без отступлений и уверток.

Через устное обязательство апостолической власти господин Папа, а также вышепоименованные кардиналы в присутствии вышепоименованных легатов господина короля, пообещает и будет прославлять короля как возлюбленного сына святейшего Петра, короновать его императором, не чиня ему ни осложнений, ни препятствий, когда он прибудет для получения всей полноты своего величия, и помогать ему в выполнении его миссии, состоящей в поддержании, приращивании и возвышении авторитета Королевства.

Всякому, кто посягнет на то, чтобы дерзко нарушить или уничтожить правосудие и авторитет королевства, господин Папа по сердечной просьбе носителя королевского сана направит канническое предостережение, которое должно быть удовлетворено. И если после апостольского предостережения эти люди откажутся воздать справедливость праву и власти короля, он пригрозит им отлучением от Церкви.

Папа не уступит королю греков никаких земель по эту сторону моря. Если тот дерзнет захватить эту страну, господин Папа силой, дарованной ему святейшим Петром, примет все меры к его изганию.

Все эти клаузулы будут соблюдаться одной и другой сторонами без отступлений и уверток, кроме тех случаев, когда они будут изменены по добровольному и обоюдному согласию обеих сторон.

Оттон IV. Письмо рижскому епископу Альберту и воинству Христову (7 июля 1212 г.)

Оттон IV Брауншвейгский – император Священной Римской империи (1209-1218 гг.).

Во имя святой и неделимой Троицы. Божьей Милостью Оттон Четвертый, император Римлян и всегда великий. Когда народы Ливонии и Летции (Lettiae) от бессодержательности идолопоклонничества к почитанию Христианской веры покорились, заботой божественного милосердия, достопочтимой Рижской церкви епископ Альберт и братья Воинства Христова, в Риге поставленные, прежде приведенные в волнение спором о судьбе названных земель, наконец к такому единодушному соглашению дружно пришли, что сами братья Воинства Христова третью часть этих земель – вод, лесов, деревень и городов (civitas), и всего другого, что обнаруживается: что или уже есть, или с этого времени появится в будущем, внутри этих земель держат от Рижского епископа, но однако ничем этому епископу во времена подчинения не обязаны, кроме как тем малым и скромным, что в заверении (authenticum) господина папы над этим соглашением кратко написанном было выражено, а что больше этого – то [дается] вследствие церковного почтения, а не из-за обязанности исполнять какой-либо другой долг. Потом также названные братья вне Рижского диоцеза, обратив в бегство Sarracenis, с Божьей помощью захватили две пограничные земли с их крепостями – Угенузен (Ugenusen) и Саккеле (Sackele), которыми, потому что они не держатся от Рижского епископа или какого-либо другого человека, они имеют право, по нашему разумному судебному решению, без противоречия как угодно свободно владеть. Таким образом, покровительством нашей власти мы подтверждаем содержание выше упомянутого примирения в споре между многократно упомянутыми Рижским епископом и братьями Воинства Христова, а также [подтверждаем] этим братьям право на свободное владение другими землями, Угенузен и Саккеле. Чтобы никто в последующем этому каким-либо злонамеренным образом не мог воспрепятствовать, и чтобы это наше подтверждение оставалось твердым и неизменным в вечности перед всеми, мы приказали скрепить этот лист этой нашей печатью. В год от Рождества Господа тысяча двести двенадцатый, в год нашего правления в качестве короля четырнадцатый, в качестве императора четвертый. Дано около Гельмштата, в июльские ноны, в первый год индикта.

Конрад IV. Военные наставления (1241 г.)

Наставления, которые, как кажется, были даны немцам в эслингенской курии. В рукописи Инсбрукского университета (XIII в.), которую заново отыскал Редлих, они следуют за энцикликой императора Фридриха II против татар от 20 июня 1241 г.

1. Пусть государи сами не ищут татар в поле, но защищают свои границы; ведь если им, божьим попущением, случится потерпеть поражение, они уже не смогут своих воинов собрать воедино.

2. Пусть с ними будут баллистарии¹.

3. Пусть [у них] не будет [с собой] пива, но хлеб они пусть [тщательно] берегут.

4. Пусть съестные припасы свозятся не к Рейну, а в защищённые места.

5. Также, пусть [всякий] имеющий доход в три марки возьмёт [с собой] щит, который называется «сетцишильт»².

6. Также воспрещаются беспрестанные кутежи и драгоценные одежды.

¹ Т.е. арбалетчики. Ср. у Плано Карпини: «Все же желающие сражаться с ними должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки, баллисты, которых они очень боятся, достаточное количество стрел ...». – Плано Карпини. «История монгалов».

² Иначе: «павеза», тип большого, прямоугольного щита.

Карл IV. Золотая булла (1356 г.)

Золотая булла 1356 г. – законодательный акт Священной Римской империи, принятый имперским рейхстагом в 1356 г. Самый известный из документов, называвшихся «Золотая булла». Текст документа, составленный на латыни, был утвержден императором Священной Римской империи Карлом IV Люксембургским. Действие Золотой буллы прекратилось с окончанием существования Священной Римской империи (1806 г.).

Карл IV, озабоченный более всего укреплением своей власти в Чехии и расширением личных владений, закрепил политический распад империи, издав в 1356 г. «Золотую буллу», которая признавала полный суверенитет князей в их владениях, узаконивала войны между феодалами, вновь запретила союзы городов. Также она регламентировала избрание германского короля (императора) коллегией семи имперских курфюрстов (архиепископов Майнца, Кёльна и Трира, короля Чехии, Рейнского пфальцграфа, герцога Саксонии и маркграфа Бранденбурга) и определяла права этих курфюрстов. Ведущая роль в рейхстаге отводилась архиепископу Майнцскому. Кроме того, она запрещала разделение территорий курфюршества. Этим же документом подтверждалось право курфюрстов на неограниченную чеканку собственных монет.

«ЗОЛОТАЯ БУЛЛА»

...Глава II

Об избрании римского короля

1. После же того, как... князья-избиратели или их послы вступят в город Франкфурт, они должны немедленно, на другой же день, рано утром прослушать в присутствии их всех в церкви св. апостола Варфоломея заказанную ими мессу... И архиепископ майнцский даст им форму присяги, и он с ними и они или, в случае их отсутствия, (их) послы с ним принесут на народном языке присягу...

3. Наконец, по принесении князьями-избирателями или (их) послами... присяги... пусть приступят они к избранию и никак уже названного города Франкфурта не покидают, прежде чем большая часть их не выберет временного главу мира или христианского народа, то есть римского короля, долженствующего стать императором. Если же они не успеют это сделать в течение 30 дней, считая без перерыва со дня принесения упомянутой присяги, то после этого, по прошествии этих 30 дней, пусть они питаются лишь хлебом и водою и никоим образом не выезжают из вышеназванного города до тех пор, пока ими или большею частью их не будет избран правитель или временный глава верующих, как об этом сказано выше.

4. После же того, как в том же месте они или большая по числу часть их совершит избрание, такое избрание должно считаться и рассматриваться так же, как если бы оно было совершено ими всеми единодушно без чьего-либо несогласия. И так как то, о чем ниже пишется, по древнему, установленному и похвальному обычаю всегда до сего нерушимо было соблюдено, посему и мы постановляем и предписываем всей полнотой данной нам императорской власти, что тот, кто вышеуказанным способом будет избран римским королем, тотчас же по окончании избрания, прежде чем он в силу власти Священной империи займется какими-нибудь другими делами или предприятиями, должен всем вместе и каждому в отдельности князьям-избирателям, духовным и светским, которые считаются ближайшими членами Священной империи, незамедлительно и беспрекословно подтвердить и одобрить своими грамотами и печатями все их привилегии, грамоты, права, вольности, пожалования, старинные обычаи, а также почетные саны и все, что они от империи получили и чем обладали вплоть до дня выборов, и все перечисленное повторить еще раз им, после того как будет коронован императорской короной. Такое подтверждение избранный сам сделает и повторит каждому князю-избирателю особо, сперва от своего королевского имени, а затем под императорским титулом, и во всем этом будет обязан всем этим князьям-избирателям вместе к каждому из них в отдельности не чинить никаких препятствий а, наоборот, без злого умысла оказывать милостивую поддержку.

5. Мы постановляем, наконец, что в случае, если три князя-избирателя, присутствующие (на выборах), или (их) послы за (их) отсутствием, выберут в римские короли четвертого среди них или из их среды, то есть князя-избирателя, присутствующего или отсутствующего, то голос этого избранного, если он будет присутствовать, или его послов, в случае его отсутствия должен иметь полную силу, увеличивая число избирающих и образуя большинство вместе с (голосами) прочих князей-избирателей...

Глава III

О местах, занимаемых архиепископами Трирским, Кёльнским и Майнцским

...Красе и славе Священной римской империи, чести императора и желанному благу государства благоприятствует единодушие достопочтенных и светлейших князей-избирателей, которые, как высокие столпы, с ревностным благочестием и предусмотрительной мудростью поддерживают собою священное здание и помощью коих укрепляется десница императорской власти; и чем более полной благодатью взаимного благоволения связываются они между собою, тем более обильные блага мира и спокойствия счастливо изливаются на христианский народ.

Поэтому, чтобы между достопочтенными архиепископами майнцским, кёльнским и трирским, князьями-избирателями Священной империи пресечены были впредь на вечные времена поводы ко всяческому спорам и подозрениям, которые в будущем могли бы возникнуть относительно первенства или ранга их мест на императорских и королевских собраниях; и чтобы сами они, пребывая в спокойствии сердец и душ, лучше, в полном единодушии и со рвением действительной любви могли размышлять на утешение христианскому народу о делах Священной империи, мы, по обсуждении со всеми князьями-избирателями, как духовными, так и светскими, и по их совету постановляем и полнотой императорской власти настоящим законным эдиктом,

долженствующим сохранять силу на вечные времена, утверждаем, что вышеназванные достопочтенные архиепископы при всех публичных императорских актах, как-то, в судах, при наделении ленами, на званых обедах, а также на совещаниях по всяким прочим делам, ради которых случится, что они должны будут собраться для обсуждения вопросов, касающихся обоюдной пользы и чести их и империи,— могут, в праве и должны сидеть так: (архиепископ) трирский — прямо против лица императора; майнцский — в своем архиепископстве и в своих областях, и за пределами своих областей в пределах канцлерства по Германии, за исключением лишь Кёльнской области, а Кёльнский — в своем архиепископстве и в своих областях и за пределами своих областей во всей Италии и Галлии — по правую сторону римского императора...

Глава IV

О князьях-избирателях вообще

1. Сверх сего мы постановляем: всякий раз, как отныне впредь случится проводить имперское торжественное собрание (*curiam*), при любом заседании, как в совете, так и за (обеденным) столом, и в любых иных местах, где императору или римскому королю случится заседать вместе с князьями-избирателями, — чтобы по правую сторону императора или римского короля, непосредственно за архиепископом майнцским или кёльнским, а именно, за тем (из них), которому придется в то время, в силу его привилегии, сидеть с указанной правой стороны от императора, сообразно с тем, в какой это будет местности и в какой из областей, — должны занимать места: первое — король Богемии, как государь, коронованный и помазанный, а непосредственно за ним второе — пфальцграф рейнский; с левой же стороны, непосредственно за тем из названных архиепископов, которому придется сидеть с левой стороны, первое место займет герцог саксонский, а за ним второе — маркграф бранденбургский.

2. Далее, когда бы и сколько бы раз в будущем ни случалось (престолу) Священной империи быть вакантным, архиепископ майнцский будет тогда иметь власть, — как он имел (эту) власть, насколько известно, сыздавна, — созывать письменными извещениями прочих вышеупомянутых князей, своих соучастников по упомянутым выборам; когда же они все или те, которые смогут и пожелают присутствовать (на выборах), соберутся к назначенному дню выборов, названный архиепископ майнцский — и никто другой — должен будет опросить голоса своих соизбирателей, каждого в отдельности, в следующем порядке: первого, разумеется, он опросит архиепископа трирского, коему мы представляем первый голос, который, как нам известно, принадлежал ему до сих пор; второго — кёльнского архиепископа, коему по рангу и должности присвоено первому возлагать королевскую корону на римского короля; третьего — короля Богемии, коему, среди светских князей-избирателей, по его королевскому сану, по праву и по заслугам принадлежит первенство; четвертого — пфальцграфа рейнского; пятого — герцога саксонского; шестого — маркграфа бранденбургского; о голосах их всех названный архиепископ майнцский расспросит в указанном порядке. После этого названные князья-избиратели, его соучастники (по выборам), спросят, в свою очередь, его, чтобы и он сам выразил свое мнение и объявил им, (за кого подаст) свой голос.

3. Сверх того, на торжественных имперских собраниях (*curias*) маркграф бранденбургский будет подавать воду для омовения рук императора или римского короля, а король Богемии — первый кубок, который, однако, он, в силу привилегии своей королевской власти, не будет обязан подавать, имея королевскую корону (на голове), если только не пожелает (сделать это) по доброй воле; затем пфальцграф (рейнский) будет обязан подносить блюдо, а герцог саксонский, как это повелось исстари, исполнять обязанности маршала.

Глава V

О праве пфальцграфа (Рейнского), а также герцога Саксонского

1. Далее, сколько бы раз, как сказано выше, ни оказывался престол Священной империи вакантным, светлейший пфальцграф рейнский, эрцтрухзес (верховный стольничий) Священной империи на основании своего княжеского достоинства или пфальцграфской привилегии должен до принятия власти будущим римским королем быть временным правителем (*provisor*) этой империи в рейнских землях, в Швабии и в областях, где действует франконское право, с властью творить суд, предоставлять церковные бенефиции, собирать налоги и доходы, раздавать лены, принимать присяги на верность вместо (императора) и от имени Священной империи...

И мы желаем, чтобы в тех местах, где действует саксонское право, этим же правом временного правления (*provisionis*) пользовался светлейший герцог Саксонский эрц-маршал Священной империи, таким же образом и на таких же условиях, как это изображено выше.

2. И хотя император или римский король по тем делам, за которые его могут призвать к ответу, должен, как это говорят установлено по обычаю, держать ответ перед пфальцграфом рейнским, эрцтрухзесом, князем-избирателем Священной империи, однако сам пфальцграф не будет вправе производить этот суд ни в каком другом месте, кроме как при императорском дворе, то есть (там), где на ту пору император или римский король окажется пребывающим...

Глава VII

О наследовании князей-избирателей

Среди тех бесчисленных забот, которыми ежедневно утруждается сердце наше ради благосостояния Священной империи, коей мы благополучно, по воле божьей, правим, наши помыслы направлены главным образом на то, как бы всегда соблюдалось желанное и благотворное единение между князьями-избирателями Священной империи, и (как бы) сердца их в согласии искреннего благорасположения пребывали. Их

заботливостью тем легче и тем скорее может быть оказана помощь колеблющемуся миру, чем менее в их среду будет закрадываться какое-либо недоразумение и чем чище будет сберегаться их (взаимное) благорасположение после того, как будут устранены (всяческие) сомнения, и право каждого будет с полной ясностью провозглашено...

Для того чтобы между сыновьями этих светских князей-избирателей в будущем не могли возникать поводы к беспорядкам и несогласиям по вопросам указанного права, голоса и власти, и (чтобы), таким образом не мог быть опасными проволочками нанесен ущерб общему благу, – мы с божьей помощью, желая наилучше предотвратить будущие опасности, устанавливаем и императорской властью постановляем настоящим законом, долженствующим иметь силу на вечные времена, чтобы после того, как кто-либо из этих светских князей-избирателей скончается, право, голос и власть, в этих выборах переходили беспрекословно к его законному первородному сыну недуховного звания...

Глава VIII

Об иммунитете короля Богемии и обитателей (его) королевства

В бозе почившими императорами и римскими королями, нашими предшественниками, некогда всемилостивейше было предоставлено и пожаловано светлейшим королем Богемии, нашим прародителям и предшественникам, а равно королевству Богемии и этого королевства короне, и по похвальному обычаю с незапамятных времен нерушимо и долговременно соблюдаемому и предписанному теми, кто его соблюдает без возражений и без перерывов, установлено, что никакой князь, барон, сеньор, рыцарь, слуга, городской обитатель, горожанин, одним словом никто из этого королевства и всех принадлежащих ему земель, где бы они ни находились, – какого бы положения, звания, ранга или состояния он ни был, – не может впредь на вечные времена быть вызываем и привлекаем, по настояниям какой-нибудь из сторон ни в какой суд за пределами этого королевства и ни в чей-либо иной суд, кроме как в суды короля Богемии и судей его королевской курии. Посему, по надлежащем рассмотрении, возобновляя и вместе с тем подтверждая императорским авторитетом и полнотой императорской власти эту привилегию, обычай и пожалование, – мы этим нашим настоящим императорским постановлением, долженствующим сохранять силу на вечные времена, устанавливаем, что если, вопреки указанной привилегии, обычая или пожалованию, кто-либо из вышеназванных, как-то: князь, барон, сеньор, рыцарь, слуга, обитатель города, горожанин или крестьянин или иной кто-либо из ранее упомянутых лиц, по какому-либо делу, уголовному, гражданскому, или смешанному, или по какому бы то ни было процессу, в какое бы то ни было время вызван будет в чей бы то ни было суд за пределами названного королевства Богемии, то он ни в малейшей мере не будет обязан являться (туда) или давать ответ на (этом) суде.

Поэтому, если случится, что против таких не являющихся будут каким-либо судьей за пределами Богемии, именем чьей бы власти он ни действовал, возбуждаться каким-нибудь образом судебные дела, вестись процессы или выноситься и объявляться приговоры, предварительные (по частному вопросу) или окончательные (по основному делу), один или несколько, по каким бы то ни было делам или процессам, — (в таком случае) мы нашей волей и вышеназванной полнотой императорской власти признаем совершенно ничтожными и отменяем такого рода вызовы, предписания, процессы, приговоры, а равно их (принудительные) исполнения и все, что могло бы на основании их или части их воспоследовать, быть потребовано или совершено. К этому мы в особенности добавляем и императорским эдиктом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, нашей волей и упомянутой полнотой власти постановляем, чтобы, как в названном королевстве Богемии с незапамятных времен непрерывно соблюдалось, так и впредь не дозволялось бы никакому князю, барону, сеньору, рыцарю, слуге, обитателю города, горожанину или крестьянину, словом, никакому лицу или обитателю часто упоминавшегося королевства Богемии, какого бы положения, ранга, сана или состояния они ни были или он ни был, — апеллировать к какому бы то ни было иному суду на какие бы то ни было процессы, приговоры, предварительные (по частному вопросу) или окончательные (по основному делу) или на предписания короля Богемии или каких бы то ни было его судей, а также на принудительные исполнения этих (приговоров), состоявшихся или вынесенных в королевском суде, или в присутствии короля королевства, или (в суде) вышеназванных судей, исполненных или подлежащих исполнению...

Глава IX

О золотых и серебряных и иного вида рудниках

Настоящим постановлением, долженствующим сохранять силу на вечные времена, мы устанавливаем и, по надлежащем рассмотрении, объявляем, что наши наследники, короли Богемии, а равно князья-избиратели, все вместе и каждый в отдельности, которые когда-либо будут, – духовные и светские, — всеми копиями, золотыми и серебряными, и рудниками олова, меди, железа, свинца и других любых металлов, а также соли, как найденными, так и могущими быть найденными когда-нибудь впоследствии в указанном королевстве, в землях, ему принадлежащих и во владениях, подвластных тому же королевству, — могут полностью обладать и законно владеть со всеми, безо всякого исключения, правами, как таковые (вещи) могут находиться и обыкновенно находятся в (чем-либо) владении...

Глава X

О монетах

Кроме того, мы постановляем, чтобы каждому будущему королю Богемии, нашему преемнику, (предоставлено было) следующее право, которое, как известно, предоставлялось с древнего времени нашим предшественникам, достославным королям Богемии, и которым они мирно и непрерывно обладали, а именно (право) производить и разрешать производить чеканку золотых и серебряных монет во всяких местах и частях своего королевства, подчиненных ему земель и принадлежащих (ему владений), где король предпишет и где ему заблагорассудится, – всяким способом и во всякой форме, которые до сего времени соблюдались в самом королевстве Богемии и в этих (его землях);...

Равным образом мы желаем, чтобы настоящее постановление и пожалование, в силу настоящего нашего императорского закона, полностью было распространено на всех князей-избирателей, как духовных, так и светских, на их преемников и законных наследников во всех тех видах и на всех тех условиях, как говорится выше.

Глава XI

Об иммунитете князей-избирателей

Мы постановляем также, что никакие графы, бароны, сеньоры, ленники, вассалы, владельцы замков, рыцари, слуги, горожане, городские Обитатели и никакие (вообще) лица, подданные церковью кельнской, майнцской и трирской, какого бы положения, состояния и сана они ни были, (как) в прежние времена не могли быть вызываемы, (так) и отныне впредь на вечные времена не должны и не могут быть привлекаемы и вызываемы по требованию какого бы то ни было истца вне территории и за границами и пределами этих церковей и владений, к ним принадлежащих, в какой бы то ни было и в чей бы то ни было суд, кроме как в суд архиепископов майнцкого, трирского и кельнского и их судей, как это и было соблюдаемо, насколько нам известно, в прежние времена...

Мы желаем, чтобы это же постановление в силу настоящего нашего императорского закона полностью было распространено на светлейших: пфальцграфа рейнского, герцога саксонского и маркграфа бранденбургского, князей-избирателей светских, или недуховных, на их наследников, преемников и подданных – во всех тех видах и на всех тех условиях, как говорится выше...

Глава XII

О собрании князей-избирателей

Среди тех многообразных забот о государстве, которыми беспрестанно занимается наша мысль, наше величество по многом размышлении усмотрело, что необходимо будет, чтобы князья-избиратели Священной империи для обсуждения (вопросов, касающихся) блага самой империи и земного мира, собирались чаще, чем это принято, так как они – (эти) прочные основы и незыблемые столпы империи, – живя в землях, далеко отстоящих друг от друга, имеют возможность сообщать друг другу и вместе с тем обмениваться друг с другом мнениями о наиболее тягостных недостатках (настоятельных нуждах) знакомых им областей и способны благотворными, предусмотрительными решениями своими умело содействовать надлежащему исправлению таковых. И вот на торжественном сейме нашем, проведенном в Нюрнберге нашим величеством вместе с достопочтенными духовными и светлейшими светскими князьями-избирателями и многими другими князьями и сеньорами, мы, переговорив с этими князьями-избирателями и по их совету, сочли за нужное вместе с названными князьями-избирателями, как духовными, так и светскими, к общей пользе и благу установить, что эти князья-избиратели должны впредь лично съезжаться ежегодно один раз, спустя четыре, считая непрерывно, недели после праздника Пасхи, (то есть) воскресения Господня, в каком-либо из городов Священной империи...

Глава XV

О заговорах

Кроме того, проклятые и священными законами порицаемые заговоры и (тайные) сходки или недозволенные сообщества (лиги) в городах или за их пределами, между городом и городом, между лицом и лицом, либо между лицом и городом, – под предлогом ли покровительства или принятия в граждане, – или заговоры какой бы то ни было окраски, а также союзы и соглашения и заведенный насчет этого обычай, который мы рассматриваем скорее, как пагубу, – мы отвергаем, осуждаем и по надлежащем рассмотрении объявляем лишенными силы; (а именно те соглашения и союзы), которые города или лица какого бы то ни было сана, состояния, или положения до настоящего времени устраивали или в будущем вздумают устраивать, как между собой, так и с другими без одобрения сеньоров, подданными или слугами коих они (являются) или на землях коих они пребывают, даже если они (эти соглашения) и не направлены против этих сеньоров; поскольку не подлежит сомнению, что (эти заговоры и сообщества) признавались священными законами в бозе почивших августейших предшественников наших недопустимыми и подлежащими отмене. Отсюда, конечно, исключаются те союзы и лиги, о которых известно, что их заключили между собою князья, города и другие ради общего мира провинций и земель...

Глава XVI

О пфальбюргерах

Далее, так как некоторые граждане и подданные князей, баронов и других (лиц), – как на это до нас доходят частые жалобы, – стремясь сбросить с себя узы исконного подданства и даже с безрассудной дерзостью пренебрегая им, добиваются, чтобы их приняли в число граждан других городских общин; и довольно часто в прошлом добивались этого; и, однако, в действительности продолжают проживать в землях, в больших и малых

городах и селениях прежних сеньоров, которых они осмелились или осмеливаются так коварно покинуть, претендуя (в то же время) на пользование вольностями и защитой тех городских общин, к которым они так переходят, – их в областях Германии обыкновенно называют пфальбюргерами; – то, поскольку не должно потворствовать ничьему коварству и обману, мы полномочной императорской власти, находя поддержку в мудром совете князей-избирателей духовных и светских, по надлежащем рассмотрении постановляем и настоящим законом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, утверждаем, что отныне и впредь упомянутые граждане и подданные, издаваемые так над теми, кому они подчинены, ни в коем случае не должны ни в каких землях, местностях и провинциях Священной империи получать права и вольности тех городских общин, принятия в гражданство которых они столь коварно добиваются и доселе добивались, – разве только они, переселяясь на самом деле со всем своим имуществом в эти городские общины, имея там свои очаги и постоянно и действительно, а не фиктивно, там проживая, принимают в них на себя полагающиеся налоги и муниципальные повинности...

Глава XVII

Об объявлениях частных войн (файдах)

Относительно тех, которые под предлогом, что у них имеется законное основание к объявлению частной войны (файды) каким-либо лицам, объявляют (эту) войну в местах, где те не имеют жилищ или обычно не проживают, и заранее их не предупреждают, мы объявляем бесчестным нанесение всякого ущерба, причиняемого поджогами, расхищениями или грабежами тех, которыми объявлена война. И так как нельзя брать под защиту ничей обман или коварство, то настоящим постановлением, долженствующим сохранять вечную силу, мы определяем, что такого рода объявления частных войн, таким путем совершенные и готовящиеся в будущем быть совершенными против каких бы то ни было сеньоров или лиц, с которыми (дотоле) поддерживалось общение, знакомство или добрая дружба, не имеют законной силы; и никому не дозволяется под предлогом объявления частной войны нападать на кого-либо, производя поджоги, расхищения или грабежи, если об объявлении войны не будет послано извещение за три полные дня (до начала ее) лично тому, против кого объявляется война; или об этом не будет публично объявлено в том месте, где последний обычно проживает, и если (факт) посылки такого рода извещения не сможет быть полностью подтвержден достоверными свидетелями. Всякий же, кто иначе вздумает объявлять войну и нападать на кого-нибудь не так, как упомянуто, должен без судебного разбирательства лишиться чести, как если бы не было сделано никакого объявления войны. Также мы предписываем подвергнуть его, как изменника, через любых судей установленным наказаниям. Мы запрещаем и осуждаем незаконные войны и раздоры, все вместе и каждую в отдельности, также все незаконные поджоги, расхищения и грабежи, непричитающиеся и необычные пошрины, навязанные конвои и обычные вымогательства платы за эти конвои, – под страхом наказаний, которыми священные законы повелевают карать все вышеуказанные (деяния) и каждое из них...

Глава XX

О неотделимости курфюршеств от прав, с ними связанных

Так как все княжества и каждое (из них) в отдельности, в связи с которыми светские князья-избиратели получают, как известно, права и голос на выборах римского короля, долженствующего потом стать императором, до такой степени сопряжены и неразрывно соединены с этим правом, должностями, санами и с другими правами, с ними связанными и от них проистекающими, что право, голос, должность и сан, а также другие права, относящиеся к какому-либо из этих княжеств, не могут доставаться никому другому, кроме того, о ком известно, что он владеет самим курфюршеством с его территорией, вассально-зависимыми землями, ленами и доменами и со всем к нему относящимся, – то настоящим императорским эдиктом, долженствующим сохранять силу на вечные времена, мы предписываем, что каждое из названных курфюршеств должно в такой степени оставаться и быть навеки нераздельно соединенным и связанным с избирательным правом, голосом, должностью и всеми прочими санами, правами, и всем к нему относящимся, что владелец какого-либо курфюршества должен также пользоваться спокойным и свободным обладанием правом, голосом, должностью, саном и всем к нему относящимся и почитаться всеми за князя-избирателя; и сам, а не (кто-либо) иной, должен быть без всяких возражений приобщаем и допускаем прочими князьями-избирателями к выборам и ко всем иным актам, которые надо будет совершать ради чести и блага Священной империи; и ничто из вышеизложенного никогда не должно быть отделяемо либо обособляемо от другого, так как все это нераздельно и должно быть нераздельным; и ни в судах, ни вне (их) не может быть ни требуемо, ни получено, ни даже судебным решением отделяемо; и никто, заявляющий притязание на одно без другого, не должен быть выслушиваем...

Глава XXII

О местах князей-избирателей в процессиях и кому надлежит вести инсигнии

Для определения же порядка следования в процессиях (светских) князей-избирателей в присутствии шествующего императора и римского короля, о чем мы упомянули выше, мы постановляем, чтобы всякий раз, как на торжественном императорском собрании князьям-избирателям придется вместе с императором или римским королем шествовать в процессиях при каких-либо актах или торжествах, и нужно будет нести императорские инсигнии, – герцог саксонский, несущий императорский или королевский меч, должен шествовать непосредственно перед императором или королем и находиться между ним и архиепископом

трирским; а пфальцграф рейнский, несущий императорскую державу, должен шествовать от герцога саксонского с правой стороны, маркграф же бранденбургский, несущий скипетр, – с левой по прямой линии; король же Богемии должен следовать непосредственно за самим императором или королем, не имея никого посередине.

Глава XXIV 6¹

Если кто-либо с князьями, рыцарями или частными лицами или даже с какими бы то ни было лицами из плебса вступит в преступное сообщество и принесет клятву данному сообществу относительно убийства достопочтенных и светлейших наших и Священной римской империи духовных или светских князей-избирателей или одного из них, то (так как они являются частью нас самих, и так как законы требуют, чтобы с той же строгостью каралось желание совершить преступление, как и совершение его) да будет он сам, как виновный в оскорблении величества, казнен мечом с конфискацией всего его имущества в пользу нашей казны; сыновья же его, которым мы по особому императорскому милосердию даруем жизнь, (ибо они должны были бы погибнуть от той же казни, как отец, так, чтобы их пример внушал страх перед отцовским, как бы унаследованным ими преступлением) и, да будут устранены от всякого, наследования с материнской и дедовской стороны, а также (со стороны) других родственников, да не получают они ничего по завещаниям других лиц, да будут навсегда нищими и бедными, да тяготее над ними всегда бесчестие отца, да не будут допускаемы они ни до какой почести, ни к какой присяге, да будут они, словом, такими, чтобы им, погрязавшим в вечной нужде, и смерть была утешением, а жизнь наказанием; наконец, мы повелеваем, чтобы беспощадно были лишены доброго имени те, которые когда-либо попытаются заступиться за таковых. К дочерям их, сколько бы их ни было, должна, согласно нашей воле, перейти только четвертая, определенная законом Фальцидия, доля из имущества матери, скончается ли она, оставив завещание или не оставив его, так чтобы дочери скорее получали скудное подаяние, чем пользовались полными выгодами и добрым именем наследниц; ибо решение относительно них должно быть потому более мягким, что мы уверены, что по слабости своего пола они будут менее дерзновенными. Также освобождения из-под отеческой власти, которые указанными лицами были бы предоставлены либо их сыновьям, либо дочерям, – конечно, после издания (настоящего) закона, – не должны иметь силы. Приданное, всяческие дарения, ровно как отчуждения чего-либо, о которых станет известно, что они совершены обманным или каким-нибудь образом или по закону в то время, когда упомянутые (лица) уже замыслили вступить в заговор или (преступное) сообщество, не должны иметь никакой силы. Жены же вышеназванных (лиц), получив обратно свое приданое (если к ним относится положение, что принятое ими от мужей, как подаренное они обязаны сохранять для сыновей), пусть знают, что по прекращении узурфрукта им придется оставить нашей казне все, что по закону причиталось сыновьям. И четвертая Фальцидиева доля также из этих вещей должна выделяться только дочерям, но не сыновьям.

То, что мы предписали относительно упомянутых (лиц) и их сыновей, мы с такой же строгостью распространяем на их приверженцев, соумышленников и слуг с их детьми. Однако, если кто-нибудь из них в самом начале устройства заговора, воспламенившись рвением к истинной похвале, сам выдаст этот заговор, – он будет пожалован нами наградой и почестью; тот же кто, уже приняв участие в заговоре, хотя бы поздно, откроет неизвестные дотолде тайны замыслов, будет сочтен достойным поощрения и помилования. Далее мы постановляем, что если станет известно о чем-либо совершенном против вышеназванных князей-избирателей, то даже после смерти виновного можно возбуждать уголовное преследование. Вместе с тем при этом преступлении, которое относится к оскорблению величества (императора) в лице его князей-избирателей, за господина подвергаются пытке также и его рабы. Сверх сего, мы желаем и настоящим императорским эдиктом постановляем, чтобы даже после смерти виновных можно было возбуждать это обвинение, так чтобы в случае изобличения умершего была осуждена его память, а имущество его отнято у наследников; ибо, как только кто возымеет преступнейшее намерение, с тех пор он подлежит наказанию за умысел. Далее мы предписываем, чтобы с тех пор, как кто-либо вознамерится совершить такое преступление, он не может ни отчуждать (своего имущества), ни отпускать на волю (своих рабов), и должник законно может не платить ему долга. По этому делу, то есть по делу преступного заговора, направленного против князей-избирателей, духовных и светских, согласно нашему решению за господина, как сказано выше, допрашиваются под пыткой рабы. И если кто умрет, и обнаружится, что умерший был замешан в таком деле, то на имущество его должен быть наложен арест ввиду неопределенности того, кто будет его преемником.

Глава XXV

Если подобает, чтобы прочие княжества сохранялись в своей целостности, дабы укреплялось правосудие и верные подданные наслаждались покоем и миром, то гораздо более должны сохраняться в неприкосновенности княжества, до-мениальные владения, саны и права их величеств князей-избирателей, ибо, где большая угрожает опасность, (там) следует применять и большие меры к ее предотвращению, — чтобы из-за падения столпов не разрушалась и основа всего здания. Поэтому мы предписываем и настоящим императорским эдиктом, долженствующим сохранять силу навеки, приказываем, чтобы отныне и впредь на вечные будущие времена достославные и величественные княжества, а именно: королевство Богемское, пфальцграфство Рейнское, герцогство Саксонское и маркграфство Бранденбургское, их территории, области, зависимые и вассальные земли и любое к ним принадлежащее, не раздроблялись (по долям), не разделялись (в натуре) и не расчленились под каким-либо условием; но с тою целью, чтобы они, наоборот, навсегда оставались

в совершенной своей целостности, в них должен наследовать первородный сын, и ему одному должно принадлежать право и верховенство...

Глава XXIX

1. Мы узнали также из вполне ясных известий и преданий древних, что с незапамятных времен теми, кто нам счастливо предшествовал, непрерывно соблюдалось то, что избрание римского короля, будущего императора, совершалось в вольном городе Франкфурте, первая коронация — в Ахене, а первый его королевский сейм проводился в городе Нюрнберге; поэтому мы объявляем, что по тем же основаниям вышеуказанное должно соблюдаться и на будущее время, если этому или чему-либо из этого не встретится законное препятствие...

Взаимоотношения России и Германии в начале XVI в. (Инструкция императора Максимилиана I своему послу Георгу Шнитценпаумеру, отправленному к великому князю Русскому Василию Ивановичу, 11 августа 1513 г.)

Максимилиан, Божьей милостью избранный Римский император и проч.

Инструкция, что должен делать и выполнить наш верный любезный Георг Шнитценпаумер, наш советник, при светлейшем Василии, великом Господине и князе всея Руси, герцоге Московском, как нашем любезном друге и брате, а именно:

Во-первых, по заявлению ему нашего приветствия и передаче нашей приложенной при сем верующей грамоты, сказать нашу братскую любовь и дружбу.

И тогда тщательным образом представить и изложить то дружеское согласие и союз, в каком мы обыкновенно прежде находились с ним и блаженной памяти его отцом, (заявить) что мы со своей стороны также желаем, не переставая, поддерживать их с особенным тщанием, охотою и страстным желанием, а равно не быть для него бесполезными во всем том, что относится к благополучию и пользе собственной его персоны и его государства.

И поэтому мы послали к нему нашего советника Шнитценпаумера, в особенности же руководясь тем, что мы слышали, как ему причинены со стороны короля Польского замечательные и нестерпимые неприятности. И этот самый король поступает также с нами и священной Римской империей несправедливо и почти с презрением, а именно: он позволяет себе дерзости, старается погубить для христианства и подавить, вопреки всякому закону, Тевтонский орден нашей Пресвятой Девы, что служит не к малому вреду и убытку не только немецкой нации, но и всего христианства, так как рыцарство этого ордена, непрерывно и даже ежедневно ведя борьбу с неверными, упражняет и употребляет свои силы для охраны христианской виры и не расточает своего имущества безрассудно, но к благу христианства. Таким образом этот орден, почтенное убежище и приют немецких дворян, снабжаемый дарами со стороны великих и богатых людей, до сегодняшнего дня уподобляют всеобщему госпиталю дворянства немецкой нации со славной и превосходной репутацией. И поэтому, чтобы вышеупомянутый польский король не остался безнаказанным по отношению к этому самому великому государю, князю всея Руси и герцогу Московскому, за неправильное и презрительное поведение и поступок, мы намерены, упомянув о такой прежней и дружеской готовности и согласии, к которому мы привыкли со стороны его отца и которое мы практиковали прежде по отношению к нему, побудить вышеозначенного нашего советника Шнитценпаумера и заставить придерживаться по отношению к господину всея Руси нашего образа действий, чтобы он (великий князь) к благу своему, упомянутого ордена и всего христианства и в отместку, в особенности же в виду таких основательных причин, вследствие которых мы также наконец решились удерживать вышеупомянутого польского короля от его прежних насильственных поступков, пожелал бы сделать со своей стороны то, что такой мужественный воин должен делать, именно, — согласиться с нашим мнением и на наше предприятие, начать дела самым практическим манером и как можно храбрее исполнить их.

Для исполнения всего этого мы заблагорассудили единодушно заключить союзный договор с королем датским, герцогом саксонским, маркграфом бранденбургским, с ним и точно также с гроссмейстером Тевтонского ордена Пресвятой Богородицы против вышеупомянутого польского короля, вследствие чего мы можем быть гарантированы на вечные времена, что он впредь не обидит нас несправедливым поступком, и почтенный орден получит возможность находиться в мире и покое.

Поэтому мы намерены, соблюдая должную почтительность, вместе с нашим вышеупомянутым дорогим дядей, курфюрстами и князьями послать наших послов к королю датскому вести таким манером переговоры о делах, хотя мы сами лично, если б нам можно было, готовы были бы сделать это (обуздать польского короля), не только помогая нашей силой и деньгами, но и лично, как это было бы до французской и венецианской войны, в которую мы теперь впутаны. Но как скоро, как мы верно надеемся на это, мы освободимся от этих войн, благодаря нашей победе и торжеству, то мы намерены для исполнения всего этого пустить в ход свою собственную личность и не перестать до тех пор, пока великий государь и князь всея Руси не пожелает этого.

Вследствие этого наш советник Шнитценпаумер должен побудить этого великого государя и князя, если последний хочет, чтобы мы не сомневались в нем, что он вместе с нами и упомянутыми курфюрстами и

князьями исполнит это, послать своих послов к королю датскому и написать нам и своему соседу гроссмейстеру, когда он намерен это сделать, для того, чтобы гроссмейстер и впредь посылал нам такие грамоты и давал бы нам знать обо всем этом, и мы со своей стороны могли бы во время послать с поручением своих послов и назначить день, когда будут трактовать об этом, и вышеупомянутые курфюрсты и князья могли бы послать своих послов к упомянутому королю датскому.

Таким образом мы должны не переставать делать все то, что нужно для осуществления нашего предприятия и желания и что служит также к его пользе и к пользе его личности и государства; и этот великий государь и князь всея Руси должен принять к сердцу такое наше дружеское побуждение и просьбу к его дружбе, как выше упомянуто. Все это должен вышеназванный советник наш Георг Шнитценпаумер передать этому великому государю и князю всея Руси, Василию, герцогу Московскому, с большим числом подобных слов, чтоб он положился во всем на нас, что мы с полным основанием не хотели скрыть от него нашего дружеского образа мыслей, как это ему (Шнитценпаумеру) хорошо известно вследствие нашего указа и желания. Поступая так, он делает честь нашему серьезному мнению о нем и нашему государству. 11-го августа 1513 года, в 28-ой год нашего правления (Прилагаемый перевод инструкции Максимилиана I Шнитценпаумеру сделан нами при содействии В. А. Зентбуше, коему и считаем долгом выразить свою живейшую признательность.).

1.9. ИТАЛИЯ

Венеция в международных отношениях на Апеннинском полуострове («Краткие Венецианские анналы»)

Венецианская республика – государство (697-1797 гг.) со столицей в городе Венеция. Располагалась в северо-восточной части территории современной Италии, имела колонии на территории государств, лежащих в Адриатике, бассейнах Эгейского, Мраморного и Черного морей.

Известно, что герцог Доминик Сильвий правил 12 лет и воевал с Роберто Вискардом, когда Петро Урсиул, сын его Генрих и Брат Доминик Урсиул были рассеяны, переданы императору и умерщвлены в плену. После этого герцогом стал Виталий Фалетро. Прежний герцог, Доминик Сильвий, правил 11 лет 3 месяца.

Герцог Виталий Михаил правил 5 лет.

Орделяф Фалетро правил 15 лет и был убит во время войны в Славонии, к вящей славе Венеции.

В год господень семисотый, в последний день января, во времена герцога Венеции Юстиниана Патриция, из Александрии в Венецию перевезли тело святого Марка, апостола и евангелиста. В год господень тысяча шестьдесят второй правивший тогда герцог Доминик Контарен захватил Иадеру.

В год господень тысяча восьмидесятый венецианцы выступили с кораблями против Роберта Вискарда.

В год господень тысяча девяносто четвертый, шестого июня, тело блаженного Марка, апостола и евангелиста, было положено под колонну в церкви. До восьмого октября тело находилось там, и церковь, где было помещено тело, была посвящена блаженному Марку, апостолу.

В год господень тысяча девяносто шестой, папой стал Урбан, славный Алексей счастливо правил Грецией, а патриарх Петр возглавил новую церковь в Аквилее, епископ Генрих управлял церковью в Кастельяне, в Венецию привезли св. Николая исповедника и двух других святых.

В год господень тысяча девяносто девятый, 7 июля, венецианцы отправились с флотом ко гробу христову.

В год господень тысяча сто пятый, 14 января, загорелся дом Генриха Гена, огонь уничтожил 6 церквей, а именно: св. Апостолов, св. Кассия, св. Марии божьей матери, св. Агата, св. Августина и св. Стефана, со всеми близлежащими строениями. После 68-и дней.

В год господень тысяча сто шестой, 5 апреля, загорелся дом Кавканина Йеминского, огонь уничтожил церковь и монастырь св. Лаврентия, и церковь св. Захария, и церковь св. Севера, св. Прокула, св. Марии Прекрасной, св. Схоластов, св. Марка с дворцом дожа, св. Басса, св. Юлиана, св. Йеминиана, св. Мойши, св. Марии Юбаники, св. Ангела, <св. Отцов>, св. Маврикия, св. Виталия, св. Самуила, св. Григория, св. Агнеты, св. Йервасия, св. Варнаввы, св. Василия, св. Рафаэля, св. Николая Дорсодурского. Всего сгорело 24 церкви, со всеми близлежащими строениями.

В год господень тысяча сто седьмой. Венеция вступила в союз с Равенной, Падуей и Тарвизо.

В год господень тысяча сто восьмой, 3 декабря начался поход против Боамунда из Венеции. Герцогом тогда был Орделяф Фалетро.

В год господень тысяча сто двенадцатый, 6 ноября, от патриарха Петра к императору прибыл посол с 13-ю шлемами..

В год господень тысяча сто пятнадцатый, 8 августа, герцог Орделяф Фалетро вторгся в Далмацию и, захватив ее до Иадеры и Белграда, вернулся в Венецию. В следующем месяце он с конным войском и кораблями снова выступил на Далмацию. И в день св. Павла с небольшим количеством всадников угнал с поля большое стадо и захватил Иадеру и очень мощный замок, который был в ней, сильно укрепленный, и город Белград.

Также неожиданной атакой захватил замок под названием Сибиник и срыл его до фундамента, и так взял под свою руку всю Далмацию; в Венеции были захвачены венгерские рыцари с благородными мужами и многими женами и сыновьями.

В год господень тысяча сто шестнадцатый, 3 января, по десятку свидетельств, было ужасное землетрясение. Разрушены многие церкви, несчетное количество домов, башен и замков, древних и новых; и горы со скалами рушились и падали; земля во многих местах раскололась, и проступили серные воды. В тот день сгорела церковь св. Гермахора и св. Иоанна Деколлаци, вместе со многими строениями.

В год господень тысяча сто двадцатый, в середине декабря сгорела церковь св. Петра нашего епископа, со всеми епископскими домами и многими окружающими строениями. Это произошло в среду, ближе к ночи, а в субботу Бонифаций Фалетро был посвящен в пресвиторы и одновременно назначен на епископство.

В год господень тысяча сто двадцать второй, 15 августа, герцог Доминик Михаил отправился с большим конным войском и флотом ко Гробу Господню. Затем,

В год господень тысяча сто двадцать пятый, 3 июня, он вернулся в Венецию, одержав победу над сарацинами, захватив Тир и овладев до этого в Греции 10-ю городами. Кроме того, он захватил несколько городов в Далмации и захватил многих венгерских дворян и далматийских рыцарей.

В год господень тысяча сто сорок седьмой, в начале апреля, случился большой спор между патриархом Генрихом Дандулло и герцогом Петро Поллани со всей Венецией; поэтому было приказано изгнать патриарха со всеми его родственниками и многими священниками.

В год господень тысяча сто сорок девятый, в октябре, загорелся храм св. Марии Богородицы, огонь уничтожил 13 церквей, вместе с церковью св. Рафаила.

В год господень тысяча сто пятьдесят девятый, венецианцы с большим войском пришли под Иадеру и захватили ее.

В год господень тысяча сто шестьдесят первый, случилась большая ссора между немецким императором со всеми землями и Венецией, он осадил ее. Тогда аквилейский патриарх со всеми герцогами и рыцарями вышли, чтобы переехать на остров Град, и были захвачены венецианцами.

В год господень тысяча сто шестьдесят седьмой, 15 декабря, третьего дня перед праздником св. Луки, прибыли 3 легата греческого императора на трех кораблях. А через 3 дня после этого праздника загорелся храм св. Спасителя, огонь уничтожил церковь св. Луки, св. Бенедикта, св. Гавриила, св. Самуила, св. Патриния, св. Варнавы и св. Василия с их близлежащими строениями, из которых мало какие уцелели. В другой день пришли послы венгерского короля и сказали, что отдают замуж свою королеву Марию за графа Николая, сына герцога Виталия Михаила.

В год господень тысяча сто шестьдесят восьмой, 2 ноября, 6 кораблей из Венеции захватили 5 кораблей из Анконы со всеми людьми, из которых Якоб да Мулино и Вичардино были повешены.

В год господень тысяча сто семьдесят первый, 4 марта, в день св. Георгия, император Мануил арестовал всех венецианцев, бывших во всех частях Рима со всем их имуществом и кораблями. В этом году в Рим вышло сто галер с герцогом Виталием Михаилом.

В год господень тысяча сто семьдесят третий, из Венеции вышел ostis (флот?) против Анконы.

В год господень тысяча сто семьдесят седьмой, в марте, во времена герцога Себастьяна, папа Александр, кардиналы, архиепископы, епископы, аббаты и приоры 8 марта прибыли в Венецию. И были встречены в часовне св. Девы Марии с великой славой.

В этом году император Фридрих, герцоги, графы и знать ото всех народов пришли в Венецию 9 июля, и на праздник св. Якова был со славой принят в obsculo (?) мире божьем папой Александром в церкви блаженного Марка, и оставался в дворце герцога до 13 сентября. Папа Александр выехал из Венеции 17 ноября.

В год господень тысяча сто восемьдесят седьмой, в июле, войско Венеции пошло под Иадеру, и вернулось в сентябре.

В год господень тысяча сто восемьдесят восьмой, турок Саладин захватил Гроб Господень, Акру и множество других городов. Римский император Фридрих выступил против него с более чем ста тысячами людей, из них 10 тысяч были рыцарями. Венецианцы с большим флотом и войском отправились ко Гробу Господню.

В год господень тысяча сто девяносто пятый, в месяце августе, венецианцы выступили против Пизы, взяли Полу, уничтожили восставших против них, до основания разрушили стены, и захватили все их имущество. В этом году захватили 3 пизанских корабля со всеми [людьми].

Из договора Вармунда, патриарха Иерусалимского с венецианцами (1123 г.)

Документ характеризует то особое привилегированное положение, которое обеспечили себе итальянские города – в данном случае Венеция – в завоеванных крестоносцами странах Востока. Он свидетельствует о том, что венецианцы добились целого ряда очень важных торговых привилегий и получили наделенные правом экстерриториальности владения (кварталы во всех городах Иерусалимского королевства).

...Так как Балдуин II Иерусалимский... со многими другими находится в плену, то мы, Вармунд, божьей милостью патриарх св. города Иерусалима (вместе с высшими должностными лицами и рыцарством Иерусалимского королевства)..., собравшись в Акре в церкви св. креста, утверждаем обещания короля Балдуина согласно его письмам и заявлениям, которые король через своих послов, отправленных в Венецию, сделал венецианскому дожу, и... ниженаписанные условия соглашения.

Во всех городах, находящихся под властью упомянутого короля или его преемников, а также его баронов, венецианцы пусть имеют церковь, улицу, торговую площадь, баню и печь, владея ими вечно и наследственно и так же свободно от всяких поборов, как [свободна] собственность короля. В Иерусалиме, на торговой площади, пусть они имеют столько же, сколько и король.

Если же венецианцы пожелают устроить в Акконе, в своем квартале печь, мельницу, баню, весы, меры и чаны для меры вина, масла или меда, то всем живущим там, кто бы ни пожелал, пусть будет дозволено беспрепятственно печь, молоть, мыться так же свободно, как у самого короля; пользоваться же мерами, весами и чанами разрешается следующим образом: когда венецианцы ведут торг между собой и собственными товарами, то они должны мерить венецианскими мерами, когда же венецианцы продают свои товары иноземцам, то должны продавать на свою меру, а когда венецианцы совершают сделки, приобретая что-либо у иноземцев, не-венецианцев, то пусть при покупке пользуются за установленную плату королевскими мерами.

Венецианцы не должны уплачивать каких-либо сборов, установленных обычаем или как-либо иначе, а именно: ни при въезде, остановке, продаже, покупке, пребывании или выезде, ни вообще по какой-либо иной причине. Только когда они приходят или уходят со своими кораблями, везя паломников, то по обычаю королевства должны отдавать королю третью часть.

Со своей стороны, король Иерусалимский и мы все должны по условию займа¹ уплачивать дожу венецианскому из королевской доли доходов с рынка в Тире в день Петра и Павла [29 июня] по 3000 сарацинских бизантиев²...

С иноземцев, ведущих торговлю с вами, мы не будем взимать больше того, что они до сих пор платили, и не больше, чем с тех, которые ведут торговлю с другими народами.

Если венецианец будет иметь какую-либо тяжбу или спор по какому-либо делу с венецианцем, то пусть это разбирается в курии венецианцев. Если кто имеет жалобу или иск к венецианцу, то пусть дело разбирается в венецианской курии. Если венецианец подаст жадобу на кого-либо не-венецианца, то дело рассматривается в королевской курии.

Если умрет венецианец, сделав предсмертное распоряжение или без него, что мы называем без языка, то его имущество дается в распоряжение венецианцев.

Если венецианец погибнет во время крушения, то оставшееся имущество возвращается его наследникам или другим венецианцам³.

Над горожанами всякой нации [т.е. не-венецианцами по происхождению и потому не обладающими их правами], живущими в квартале и домах венецианцев, пусть венецианцы имеют те же податные и судебные права, что и король над своими горожанами.

Наконец, когда венецианцы получают навсегда третью часть двух городов Тира и Аскалона со всем относящимся к ней с третьей частью принадлежащих к ним земель, если святому духу угодно будет с божьей помощью и их подмогой... передать во власть христиан один или оба эти города, находящиеся в рабстве у сарацин, а не в руках франков, то пусть венецианцы владеют этой третью свободно и с теми же самыми правами, что король над остальными двумя третями...

Вышесказанные условия мы, патриарх Иерусалима Вармунд, заставим самого короля, если он с божьей помощью когда-либо выйдет из плена, утвердить на святом евангелии. Если же кто другой прибудет в Иерусалимское королевство для избрания в короли, то также до его провозглашения заставим подтвердить вышеустановленные обещания, в противном случае никоим образом не дадим согласия на его вступление на престол.

¹ Помимо оказания военной помощи, венецианцы дали иерусалимскому патриарху ссуду в 100 тыс. бизантиев. Сирийский бизантий – золотая монета с содержанием чистого золота около 3,12 грамма.

² Сарацинский бизантий – золотая монета с содержанием золота около 2,5 граммов.

³ В этой статье Вармунд – в виде льготы венецианцам отказывается от общераспространенного в средние века так называемого берегового права, по которому судно, потерпевшее крушение, и все находящееся на нем имущество становилось собственностью владельца побережья, близ которого произошла катастрофа.

Деятельность Ломбардской лиги

Ломбардская лига – союз из 16 северо-итальянских городов (состав не был постоянным) в противостоянии со Священной Римской империей. Лига была создана 7 апреля 1167 г. в монастыре Понтида. Ее учредителями были – Милан, Лоди, Феррара, Парма и Пьяченца. Договор между ними был подписан на 20 лет для борьбы с императором Священной Римской империи против его господства в ломбардских городах. В течение апреля – декабря 1167 г. к Лиге присоединились и другие города.

В битве при Леньяно в 1176 г. Ломбардская лига силами городских ополчений наголову разбила рыцарей Фридриха I Барбароссы, вынудив последнего в 1183 г. признать самостоятельность городов Ломбардской лиги. Ломбардская лига была возобновлена в 1198 г. на 10 лет. В 1226 г. в связи с попыткой Фридриха II Штауфена покорить Ломбардию снова продлена на 11 лет.

Первая клятва членов Ломбардской лиги от 1167 г.

Клянусь помогать Венеции, Вероне, ее укреплениям и предместьям, Виченце и Падуе, Тревизо, Ферраре и Брешии, Бергамо, Кремоне, Милану, Лоди, Пьяченце, Парме, Модене, Болонье и всем областям, каковые бы они ни были, которые войдут в эту лигу с вышепоименованными державами, и всем тем, кто согласно с нами также произнесет эту клятву, против каждого, кто пойдет на нас войной либо со злом, против всех, кто потребует от нас больше, чем мы сделали со времен короля Генриха до прибытия императора Фридриха. И я не изменю ни одному из вышепоименованных городов, ни любому другому из тех, кто войдет с нами в эту лигу. А если я узнаю, что кто-то хочет это сделать, или если меня о том спросят, я без промедления дам о том знать общей ассамблее или совету лиги.

Точно так же я не подпишу ни мира, ни договора, ни перемирия, ни перерыва без общего согласия и одобрения вышепоименованных городов и буду помогать всем, кто произнесет эту клятву, против всякого, кто нанесет им ущерб. И я заставлю поклясться всех граждан мужского пола, от четырнадцати до шестидесяти лет, которые проживают со мной, в течение месяца после моей клятвы, кроме клириков, паралитиков, немых и слепых. И клятва эта остается в силе в течение двадцати лет с будущей Пасхи.

Клянусь вести себя как глава и вождь при защите городов Венеции, Вероны, ее укреплений и предместий, Виченцы, Падуи, Тревизо, Феррары, Брешии, Бергамо, Кремоны, Милана, Лоди, Пьяченцы, Пармы, Модены, Болоньи и всех городов и краев, которые принесут эту клятву в союзе с вышепоименованными городами. Я по доброй воле стану содействовать интересам и общей пользе вышепоименованных областей, дабы сохранить принципы тех, кто принес эту клятву по приказу ректоров одного города или избранного ими магистрата. И если мне представится подходящий случай привлечь к нам новый город, народ или человека, я воспользуюсь им в общих интересах вышепоименованных областей. И я буду выполнять все это, пока буду пребывать в моем нынешнем руководящем положении.

Вторая клятва членов Ломбардской лиги от 1170 г.

Клянусь на святом Евангелии не заключать ни мира, ни перемирия, ни какого бы то ни было соглашения с императором Фридрихом, ни с его сыновьями, супругой или любым другим лицом, выступающим от его имени; и не утверждать такого соглашения, заключенного кем-либо другим, ни мною самим, ни через третье лицо. Я буду действовать чистосердечно и искренне и по мере моих возможностей и сил, чтобы никакое войско, ни большое, ни малое, из Германии или любой другой императорской земли за горами, не вошло в Италию. А если таковое войдет сюда, то буду вести решительную войну против императора и против всех тех, кто держит его сторону или примкнет к ней на тот момент, пока войско сие не выйдет из Италии.

Я буду также вести решительную войну против маркиза Монферрата, графа Бьяндрате и всех тех, кто станет держать сторону императора, и я изгоню приспешников императора из города, из замков и всех мест, где то будет в моих силах, и разрушу и велю разрушить их имущество. Также я не приму в своем городе рыцарей и пехотинцев, завербованных в их городах. Я не предоставляю договорных прав ни императору, ни его сторонникам и помешаю в том тем, кто пожелает это сделать. Я не заключу ни мира, ни окончания войны, ни перемирия с императором или с кем-либо из его сторонников без общего одобрения и приказа всех вышепоименованных городов.

...Наконец, я, консул, обяжу людей моего города в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет принести эту клятву по доброй воле. Если кто-либо откажется это сделать, то я разрушу и разорю его недвижимость и имущество.

Булла Папы Александра III «NON EST DUBIUM» от 1170 г.

Александр III – папа римский с 7 сентября 1159 г. по 30 августа 1181 г.

Документ свидетельствует о позиции, которую занял Александр III в конфликте между Фридрихом I Барбароссой и Ломбардской лигой.

«Нет никакого сомнения в том, что по Божьему вдохновению вы заключили договоры о согласии для защиты мира и свободы Божьей церкви и ваших, как утверждает император Фридрих, и что вы объединились с тем, чтобы суметь смело сорвать с вашей шеи рабское ярмо. И мы, рассматривая ваш мир как свой церковный, тоже знаем, насколько вы в то же время связаны с этой Церковью и в какой мере вы являетесь ее сподвижниками как в победе, так и в поражении (от которого да уберезет вас Господь)».

В имя этого общего дела, затеянного ради защиты Церкви, Папа сообщает ломбардцам о переговорах с епископом Бамбергским и ради сохранения союза определяет меры, которые должны будут провести в жизнь легаты:

1. «Если жители или города Ломбардии создадут какой-либо клятвенный союз, не спросившись общих консулов, мы приказываем и повелеваем легатам предать анафеме, не взирая на протесты и апелляции, город, где союз этот будет создан, и отлучить от церкви как его консулов, так и тех, кто создаст союз или поможет делом и советом в его создании».

2. Если один из городов выходит из лиги, он перестает быть епархиальным центром, а все те, кто подтолкнет город к отделению, будут лишены сана.

3. «Кроме того, поскольку ректоры, которых вы совместно выбирали, не только трудятся ради согласия и мира, но твердо и уверенно поддерживают и то, и другое, мы желаем и повелеваем, если один из городов или его граждане оскорбляют и выказывают неповиновение приказу ректоров, запретить богослужение в том городе, где произойдет оскорбление, и пусть меч анафемы поразит главных виновных».

4. Если пламя раздора вспыхнет между городами, или случайно поднимутся между ними распри, а консулы этих городов не подчинятся приказу общих консулов, мы повелеваем прекратить богослужения в этих городах и отлучить от церкви до полного скупления вины их консулов и главных виновников распрей».

Мир в Венеции (1177 г.)

Мир, заключенный в 1177 г. в Венеции, подвел итог конфликту между Фридрихом I Барбароссой и Ломбардской лигой.

1. Господин император Фридрих, соответственно тому, что он принимает господина папу Александра как католического и вселенского Папу, должен оказывать тому должное почтение, также как его, Фридриха, католические предки оказывали его, Александра, католическим предшественникам. Он должен также оказывать то же самое почтение наследникам Папы, которые будут возведены на католический престол.

2. И господин император должен преданно восстановить мир как с господином Папой Александром, так и со всеми его наследниками и всей Римской церковью.

3. Далее, каждое владение и держание, будь то от префектуры или какого-либо иного учреждения, которым Римская церковь обладала и которое она получила от нее или от иных, ей должны быть восстановлены добросовестно за исключением имперских прав. Римская церковь должна также восстановить каждое владение и держание, которые она отняла от нее или от них сама, за исключением всех прав Римской церкви.

4. Владения, которые господин император должен восстановить, он должен помочь удержать.

5. А также все вассалы Церкви, которых по причине схизмы господин император захватил или принял, господин император должен освободить и должен возвратить господину Папе Александру и Римской церкви.

6. Далее, господин император и господин Папа должны обоюдно помогать друг другу в защите привилегий и прав Церкви и империи; господин Папа как добрый отец должен помогать своему преданному и возлюбленному сыну, всехристианнейшему императору, и господин император, с другой стороны, как преданный сын и всехристианнейший император, должен помогать своему возлюбленному и почитаемому отцу, викарию Св. Петра.

7. Далее, любое имущество, которое во время схизмы и по причине ее без юридического обоснования были отняты у Церкви в пользу господина императора или его подданных, должно быть ей возвращено.

8. Императрица также должна признать господина Папу Александра в качестве католического и вселенского папы. Господин король Генрих, ее сын, должен также признать его и должен оказывать должное почтение ему и его католическим наследникам и обязан принести клятву, которую господин император должен принести.

9. Господин император и господин король Генрих, его сын, заключают истинный мир с прославленным королем Сицилии на пятнадцать лет, как было предписано и изложено в письменном виде посредниками при «заключении» мира.

10. Он заключает также истинный мир с императором Константинополя и всеми помощниками Римской церкви и он должен обеспечить незлокозненно возвращение их или сам, или через своих подданных на службу Римской церкви.

11. Далее, относительно жалоб и споров, которые существуют как нерешенные между Церковью и империей со времен папы Адриана, должны быть назначены посредники господином Папой и господином императором для того, чтобы положить этому конец посредством «вынесения» судебного приговора или посредством соглашения. Если же вышеназванные посредники не смогут придти к соглашению, дела должны

быть разрешены приговором господина Папы и тех, кого изберет господин император, или он сам или те, кого он изберет для этой цели.

12. Далее, названному канцлеру Христиану должна быть пожалована архиепископия Майнца, а Филиппу – архиепископия Кельна; и они должны быть утверждены во всей полноте архиепископского сана и должности. И в первую из архиепископий, которая освободится в королевстве Германия, должен быть назначен мастером Конрад согласно авторитету господина Папы и с помощью господина императора, если тот, тем не менее, покажется ему подходящим.

13. Тем же, кто избрал Каллиста, должно быть пожаловано аббатство. Далее, те, кто избрал данного кардинала, должны вернуться в те места, которые они прежде держали, если только они не откажутся от них по своей собственной воле или по приговору суда; и им должен быть возвращен сан, который они имели до схизмы.

14. Далее, Геро, избранный ныне епископом Хальберштадта должен быть смещен безоговорочно, и Ульрих, истинный епископ Хальберштадта, должен быть восстановлен. Отчуждения, совершенные Геро, и бенефиции, пожалованные «им», а также всеми узурпаторами, должны быть аннулированы авторитетом господина Папы и господина императора и должны быть возвращены своим церквям.

15. Что касается выборов епископа Бранденбурга, который был избран архиепископом Бремена, то должно быть проведено расследование и, если они будут признаны каноническими, то ему должна быть передана эта церковь, а в иных обстоятельствах «она» должна быть отчуждена или передана как бенефиций Балдуину, который ныне управляет церковью Бремена, должна быть возвращена этой церкви, если «то» будет каноническим и законным.

16. Таким же образом, то, что было отнято у церкви Зальцбурга во времена схизмы, должно быть возвращено ей полностью.

17. Все клирики, которые принадлежат к Италии или иным регионам вне королевства Германия, должны быть возвращены под управление и юрисдикцию Папы Александра и его наследников. Но, если будет просьба господина императора о продлении полномочий тем, кто получил их канонически, то он может рассчитывать на количество в десять или двенадцать человек, если он хочет настаивать.

18. Далее, Гарзидоний из Мантуи должен быть восстановлен в своем прежнем епископстве таким образом, несмотря на то, что он ныне является епископом Мантуи согласно авторитету господина Папы и помощи господина императора, и «ему» должна быть передана епископия Трента; если только не будет договорено между господином папой и господином императором, что приготовленное должно быть передано от него в иную епископию.

19. Далее, архиепископство Сакко должно быть восстановлено во всей полноте прежнего архиепископства и иных бенефициев, которые оно имело до схизмы.

20. Все те, кто распоряжался прежде епископствами в королевстве Германия «лично» или через делегатов, должны быть восстановлены в санах, которые они получили; они не должны быть угнетаемы по причине схизмы.

21. Далее, что касается названных епископов Страсбурга и Базеля, которые были посвящены в сан Гвидо из Кремоны, дело должно быть рассмотрено комиссией в том самом королевстве «Германия» вышеназванными посредниками в «количестве» десяти или восьми человек, которыми они должны быть выбраны; и они должны принести клятву, что они будут давать единодушно такие советы Римскому понтифику и господину императору, какие они сочтут данными соответственно канонам, а именно – без угрозы душам господина императора и господина папы и их самих; и господин Папа должен принять их совет.

22. Далее, господин Папа и все кардиналы, когда они признают господина императора Фридриха в качестве Римского и католического императора, они должны признать Беатрис его пречистой женой и католической и Римской императрицей, далее, при условии, что она будет коронована господином Папой Александром или его легатом. Далее, они должны признать господина Генриха, их сына, в качестве католического короля.

23. Господин Папа и кардиналы должны заключить истинный мир с господином императором Фридрихом и императрицей Беатрис и королем Генрихом, их сыном, и всеми их сторонниками, соблюдать в качестве духовных полномочий те, которые были предоставлены настоящим документом в распоряжение и юрисдикцию господина Папы Александра, соблюдая все права Римской церкви против «попыток» удержания владения Св. Петра, соблюдая все условия, которые были предписаны выше со стороны Церкви так же хорошо, как и со стороны господина императора и империи.

24. Далее, господин Папа обещает, что он будет соблюдать записанный выше мир, и так же будут «поступать» все кардиналы; и он заставит соблюдать составленный документ, подписанный всеми кардиналами. Сами кардиналы также должны выполнять написанное в подтверждение вышеназванного мира и должны положить души свои за это.

25. И господин Папа, созвав собор, так быстро, насколько это возможно, где совместно с кардиналами должны присутствовать епископы, и монахи, и священники, должен объявить отлучение всем, кто будет пытаться нарушить этот мир. Потом на большом соборе он должен сделать то же самое.

26. Многие из римских нобилей и господ вождей Кампании также должны под клятвой подтвердить этот мир.

27. Далее, господин император должен подтвердить своей собственной клятвой и «клятвой» принцев вышеназванный мир с Церковью и вышеназванный мир на пятнадцать лет с прославленным королем Сицилии и перемирие с ломбардцами на шесть лет, а именно, от календ следующего августа; и он должен убедить ломбардцев, которые, со своей стороны, подтверждают это самое перемирие, как было условлено и записано в основном тексте перемирия. Но, если со стороны императора будет кто-нибудь, кто откажется поклясться в вышеназванном перемирии, император должен приказать всем, кто есть с его стороны, что им не надлежит ради своей безопасности и покровительства давать клятву «верности» этой персоне и препятствовать или противостоять тем, кто желает нанести ей вред, и если кто-нибудь нанесет ей вред, он не должен нести ответственности за это. Далее, господин император не должен отзывать это указание до тех пор, пока длится перемирие. И господин король Генрих, его сын, должен подтвердить вышеназванное, как было определено в документе. Господин император также должен подтвердить вышеназванный мир с Церковью, и с прославленным королем Сицилии на пятнадцать лет, и перемирие с ломбардцами своим собственным документом и своей собственной подписью и «подписью» князей.

28. Но если, храни нас Бог, господин Папа умрет первым, то господин император и господин король Генрих, его сын, и князя должны крепко соблюдать эту форму мира и согласия в качестве уважения к его преемникам, и всем кардиналам, и всей Римской церкви, и прославленному королю Сицилии, и ломбардцам, и остальным, кто сочувствует им. Таким же образом, храни нас Бог, если первым умрет господин император, господин Папа, и кардиналы, и Римская церковь должны крепко соблюдать вышеназванный мир в качестве уважения к его преемнику, и Беатрис, его пречистой жене, и королю Генриху, его сыну, и всем, кто принадлежит к королевству Германия, и всем его сторонникам, как было сказано выше.

Подписано Виманном, архиепископом Магдебурга; Филиппом, архиепископом Кельна; Кристианом, архиепископом Майнца; Арнольдом, архиепископом Трира; Ардуином, имперским протонотарием.

Мир в Констанце от 25 января 1183 г.

В 1183 г. в Констанце был подписан мир Фридриха I Барбароссы с Ломбардской лигой. Города признали императора своим сюзереном, а последний согласился на сохранение их старинных вольностей, в том числе таких важных, как право возводить укрепления и организовывать лиги. За императором осталось право инвестировать городских консулов, его суд был признан высшей инстанцией.

Во имя Святой и Неделимой Троицы, Фридрих, божественной милостью император римлян, август, и Генрих, его сын, король римлян, август...

1. Мы, Фридрих, император римлян, и наш сын Генрих ... настоящим жалуем городам, землям и членам Лиги регалии и иные права внутри и за пределами городов, как обычно «они» их имели, то есть каждый член Лиги должен иметь те же самые права, как город Верона имела в древности или имеет ныне, с тем, чтобы могли соблюдать свои обычаи, как соблюдали их с древности и как ныне соблюдают в том, что касается права реквизиции лесов, лугов, мостов, рек и мельниц, как они имели обыкновение это делать с древности и как они это делают и в том, что касается армии, городских укреплений, уголовной и имущественной юрисдикции в городах и за их пределами, и во всем, что касается пользы для этих городов.

2. Регалии, которые не были пожалованы членам Лиги, должны быть установлены следующим образом; в...каждом городе для этой цели должны быть избраны некие люди как от епископства, так и от города; эти люди должны быть доброй репутации, способные к решению подобных вопросов и как таковые не преследуются против любой из партий. Действуя с епископом диоцеза «совместно», они должны честно расследовать проблемы регалий и изъять те, что по праву принадлежат нам. Если, тем не менее, города не пожелают подчиниться этому расследованию, они должны уплатить нам годовую пошлину в две тысячи марок серебра как компенсацию за наши регалии. Если эта сумма покажется чрезмерной, она может быть снижена...

17. Все обиды, убытки и вред, которые мы или наши приверженцы понесли от Лиги или от кого-либо из ее членов, настоящим прощаются, и все такие нарушители настоящим возвращаются в наше расположение.

18. Мы не желаем пребывать дольше, чем необходимо в каком-либо городе или епископстве.

19. Должно быть разрешено городам возводить укрепления внутри и вокруг своих границ. Пусть договоры, ранее заключенные между городами Лиги, останутся в силе.

20. Должно быть разрешено Лиге сохранять свою организацию как есть ныне или обновлять ее так часто, как это необходимо.

Мы будем инвестировать консулов, если местный епископ не получит от императора привилегию инвеституры от его имени. Если же такая передача функций не имеет места, консулы получают инвеституру раз в пять лет от самого императора или от его представителей в Ломбардии. Прежде чем они будут утверждены в своем звании и полномочиях, они принесут клятву верности императору, и все мужчины в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет также, тогда как вассалы должны будут приносить клятву регулярно. Консулы будут разбирать в суде дела, максимальный штраф за которые по приговору составит двадцать пять

марок серебра; все остальные дела останутся в юрисдикции императора. Она является апелляционной судебной инстанцией для дел, решения по которым станут выносить консулы; при этом все суды высшей инстанции будут заседать в Италии и ни в коем случае не в Германии.

Города обещают помогать нам, чтобы «хранить и возвращать имущество и прерогативы», которыми мы владели в Ломбардии, и обзывать к соблюдению мира любую коммуну, которая его нарушит.

Венециано-Генуэзские грамоты

Документы характеризуют отношения между Венецианской и Генуэзской республиками, а также политику Венеции и Генуи.

Снимок с одного из писем, посланных господином Дожем Генуи

Велелепному и могущественному мужу господину Бартоломею Градонику, милостию Божею Дожу Венеции, Далмации, Кроации и владетелю четвертой части и половины всей Римской империи, другу своему любезнейшему и брату, Симон Буканигра, тою же милостию Дож Генуэзцев и народа этого защитник, здоровья и умножения благих успехов желает. Письма от любезного вашего братства, недавно представленные нам канцлером вашим Коррадом де Креденция, а также и жалобы его о некоторых безчинствах, совершенных против ваших сограждан Анфреоном Пассием, бывшим консулом нашим в Тане, и товарищами его смутили не только нашу душу но и сердце всех наших сограждан, особенно потому, что наше и граждан Генуэзских желание есть, поступать с вашими везде любезно, братски и доброхотно, карая преступления и соблазны в обществах нашем и вашем, на благоденствие коих злые люди стараются посягать. Цель наша есть ненарушимо пребывать с вами в тесном союзе и любезном братстве на славу Богу к чести обоих обществ и к пользе и изобилию купцов. Знайте, что мы после того, как мудрый муж Николин де Фраганеско, натариус ваш и синдик, предстал пред нами лично, при нем же избрали торжественно нашего консула, для исполнения консульской должности в Тане, изустно изложив ему наше намерение касательно этого дела, а также и о том, чтобы ни одно наше судно к странам Романии не подходило. В тоже время мы уполномочили означенного консула и подтвердили ему с лицами, недавно отплывшими на наших галерах, употреблять все меры к прекращению соблазнов и несогласий и к водворению братской любви, поддерживая ее взаимною устойчивостью и добровольными услугами, так чтобы ваши и наши враги возбуждались бы более к горести, а для друзей порождались бы радости из радостей. И если кто из наших к этой земле пристанет, буде правитель, буде частная особа, того так наказывать, чтобы не только разрушать всякую пользу, могущую произойти от преступления, но страхом наказания воздерживать других от желания нарушать право. Прося ваше велелепие и братство быть уверенным, что вышеупомянутая жалоба огорчила нашу душу и сердца наших граждан, мы надеемся, что вы, по воле Господней, убедитесь в нашей искренней к вам привязанности из самого дела, и увидите сколь мы расположены ко всему, что относится к братской любви и ко взаимному нашему благоденствию.

Дано в Генуе двадцать четвертого дня, тысяча триста сорок второго года.

Договор, заключенный с теми лицами, которые посылались к Джанибеку

1343 года, 3-го дня, месяца Ноября, 12-го индикта. Благородные и мудрые мужи Симонет Дандуло, Марк Лауредано, Резинус Контарено, Иоанн Маврогено и Иоанн Градониго, почтенные граждане города Венеции, заключили по поручении Дожева правительства, с мудрыми мужами Николаем Райнерио, из улицы С. Марии Магдалины в Венеции, и Цанаки Барбазелла, из улицы С. Маргариты в Венеции, следующее условие:

Во первых, помянутые Райнерио и Барбазелла отправятся с одним только слугою и на собственном их иждивении чрез Лоллео (Орду?) в Тану, ускоряя сколько можно путь свой, и прибыв на место, сами представят Дожевы грамоты, и исполнят в Тане все поручения, которые будут на них от Дожева правительства возложены.

Окончив это дело, они отправятся прямо в местопребывание Хана или императора Чани-бека, где бы он ни находился, и вручат ему грамоты Дожевы, и употребят возможные старания для точнейшего исполнения возложенных на них от Дожева правительства поручений.

А за всю дорогу и за все вышесказанное, вышеименованные господа обязуются выдать от имени дожа Николету Райнерии и Цанакию Барбазелле, прежде их отправления из Венеции в путь, сорок лир Венецийских, из общественной Венецийской казны, с тем условием, что представят за означенные деньги то обеспечение, которое потребует правительство.

И ежели случится, чего однакоже да избавит Бог, что ктонибудь из них пропадет или умрет на пути, то проживший да исполнит и совершит данное им обоим поручение. Если же в следствие какого либо случайного препятствия, означенные Райнерий и Барбазелла не в состоянии будут исполнить возложенного на них дела, тогда останется в воле правительства вознаградить их за труды и расходы, понесенные ими, предоставляя им

часть полученных ими денег. Остальную же часть обязуются они возвратить в казну. Но ежели смерть не допустит их привести данного поручения в исполнение, тогда они к возвращению денег отнюдь не обязаны.

Ежели же они оба, по воле Божией, достигнут своего назначения и узрят хана, тогда обязываются ходатайствовать у него о выдаче охранительной грамоты для послов, каких Дожево правительство намеревается к нему отправить. В случае получения помянутой грамоты, один из них немедленно возвратится в Венецию, а другой отправится в Тану, и сохраняя при себе ханскую грамоту, будет ожидать там или прибытия послов, или иного распоряжения правительства. Тот, коему достанется жить и ожидать в Тане, должен получать кроме определенных уже денег, по четыре дуката в месяц за все то время, что он прослужит правительству свыше своего товарища, считая срок службы со дня прибытия его в Тану по возвращении из Орды.

Ежели который нибудь из обоих товарищей пропадет или умрет на пути, а другой достигнет хана и получит от него охранительную грамоту, тогда ему должно возвратиться в Тану и остаться там как сказано выше. На место же товарища, коему следовало отправиться в Венецию, он пошлет на свой счет гонца с донесением, описывая нам все, что он совершил.

Сверх того он уведомит также, при случай, нашего Байла, пребывающего в Константинополе, о всем что слышал и сделал, касательно данного ему от правительства поручения.

1344 г., последнего числа Апреля, я Рафаинус, нотариус управления, по приказанию Правительства, означенные обеспечения возвратил и отметил, ибо помянутые Николай Райнерий и Иоанн Барбазелла счастливо совершили путь свой.

Документ от 1344 г.

В присутствии вашем велелепный Дождь Венеции, и пред вашим советом, мы Коррадус Цигала посол Дожа и Общины Генуезской, излагаем следующее:

Так как в прошлом году были убиты, пленены и ограблены в Хазарии, области принадлежащей Джанибеку, многие из ваших Венецианских, а также многие из наших Генуезских купцов с их товарами, то желая совещаться о средствах к получению мира и спокойствия от означенного хана, дабы впредь в его владениях как вы Венециане, так и мы Генуезцы могли бы торговать и вести дела по прежнему порядку, предлагаем вам от имени Дожа города Генуи и его совета, а равномерно и всей общины нашей устроить это дело к большей пользе и чести обеих сторон. Ежели вы на наше предложение согласны, и готовы действовать на деле, то мы от имени Дожа и общины Генуезской обещаем, для достижения предположенной цели, избрать те средства и пути, которые окажутся удобными для обеих сторон, зная несомненно, что мы снабжены на этот конец достаточным полномочием, в чем вы и сами можете в надлежащее время убедиться.

Образец некоторых грамот Генуэзского Дожа, касательно событий, случившихся с Генуэзцами в Кипре

Велелепному и благородному мужу господину Андрею Дандоло, Божию милостию Дождю Венеции, Далмации и Кроации, властелину четвертой части и половины всей Римской империи, брату любезнейшему, Иоанн де-Мурта, тою же милостию Дождь Генуезский и защитник народа желает постоянства в счастии и благих успехов.

Пришедшего от вашего лица отличного мужа, Николая де-Фраганеско, нотариуса синдика и посла вашего мы видели, приняли его с радостью, и выслушали со вниманием все, что он нам, по представлении доверительных грамот, изустно сообщил. Дело идет о трех предметах: 1) Он говорил от вашего имени, что на острове Кипре, попусшением врага рода человеческого, расстраивающего мир и тишину, произошла между вашими и нашими какая то ссора, среди которой от съезжавшегося народа произошли незаконные дела, совершились преступления, и что для избежания впредь подобных случаев, вы намерены ввести между вашими такой порядок, чтобы вновь ссор не происходило. При этом случае он предложил нам принять и с нашей стороны такие же меры. 2) Он сообщил нам, что некоторые из Генуезских купцов, пребывающих в Кафе, производить торговлю, как в самом городе, так и во владениях Хана Джанибека, вопреки условиям и союзу существующими между вами и нами, причиняя этой торговле нам обеим вред, и подавая пагубный пример, который требует непременно, чтобы с нашей стороны были приняты меры, сообразные долгу чести. В третьих, он жаловался на запрещение, сделанное нашими Генуезскими согражданами, жившими некогда в Трапезунте, вашим согражданам, перестроить и укрепить рвами одно здание, определенное служить убежищем вашим купцам и всем Христианам против вторжения неверных.

Все донесения вашего синдика мы выслушали, поняли и в следствие их препровождаем вам в ответ: 1) о споре или драке в Кипре мы слышали с величайшим прискорбием, и желая жить с вами в мирном и братском согласии, располагая также и народ наш к избежанию подобных случаев, мы приказали комиссарам нашим, туда отправившимся разгласить, чтобы никто впредь не дерзал подыматься на обиду другого, а старался напротив того усмирять споры, дабы каждый жил в мире.

В следствие наших внушений, мы надеемся, что и вы с вашей стороны к тому же миролюбию расположите и ваших сограждан. На вторую просьбу, относящуюся до тех, которые нарушали наш союз в делах империи Хазарской, мы уверяем вас во имя Божие, что это нарушение сделано вопреки данному от нас по этому предмету указу, мимо нашего участия и одобрения.

Но когда это дело дошло чрез вашего синдика до нашего сведения, не только наша душа но и сердца других наших сограждан горько смутились. И для того, чтобы вы убедились в невинности нашей и в прискорбии души нашей, мы и отправляем к нашим поверенным в Кафу приказание розыскать преступников, и поступить с ними строго для примера другим, и в доказательство искреннего нашего расположения в пользу вашу. Погрешившие не избегнут тяжкого наказания, и все прочее относящееся до союза нашего сохранится ненарушимо. Относительно последней, т. е. третьей статьи. мы скажем в ответ, что вероятно велелепие ваше, а также и ваша община запомнят, как блаженной памяти государь император Алексей Трапезунтский, тому уже будет 45-ть лет, а может быть и более, из уважения к милостивым распоряжениям государей Императоров предшественников своих, в пользу нашу благосклонно уступил общине Генуезской ту землю, на которой вы намереваетесь сделать эти окопы, т. е. рвы, что все и явствует из публичных документов, писанных по гречески и по латыни, снабженных императорскими золотыми печатями и скрепленных рукою публичного нотариуса в урочище Арзерум, в сказанной империи Трапезундской. После того мы получили подтверждение вышепомянутых прав от наследников его в сказанной Империи и даже от ныне владычествующего Императора именем ручательство, что, по Божьим и человеческим законам, та земля, на коей ваши люди намерены строить окопы, принадлежит нам и общине нашей Генуезской, хотя ваш синдик и оспаривает наши доводы, утверждая, будто бы эта земля есть ваша.

Но в доказательство искренности, которую мы к вам питаем, а равномерно и для сохранения ваших и наших сограждан от нападения Агарян, мы с удовольствием дозволяем вам укрепить рвами и другими средствами ту пустую землю, о коей идет дело, для безопасности верных, исповедывающих римско-католическую веру. Однако от этого дозволения не должно произойти какого либо вреда правам нашим и Генуезской общине, и не следует толковать его как сделанную вам уступку, ибо права обеих сторон имеют оставаться непрекосновенны. Снисхождение наше имеет целию возрастание взаимной между нами любви, как мы и сказали вашему синдик, от коего можете об этом подробнее узнать. С нашей стороны приказано уже нашим людям в Трапезунте не препятствовать более продолжению вышеупомянутых рвов и окопов. Ежели ваш синдик и не отправился скорее отсюда, то да извинят нас обстоятельства, которые по несчастию долгое время стесняют нас. Дано в Генуе, 1344 года 19-го Февраля.

**Акт о союзе, заключенном Венецианскою общиною с одной стороны
чрез Марка Лауреано, назначенного на этот конец
полномочным от правительства,
а с другой стороны Коррадом Цигалла, полномочным Генуезским**

Во имя Божие, аминь.

Так как неожиданным образом, в недавнем времени, были во владениях хана Джани-бека, и в Тане, пленены, убиты и ограблены многие Венецианские купцы, а равномерно и многие Генуезские граждане, лишились в тоже время в означенных местах их имений и товаров, то светлейший Венецианский Дождь Андрей Дандоло почел за благо совещаться торжественно с советом своим о выкупе пленных граждан, и об удовлетворении их за понесенные убытки. Подражая его примеру, светлейший Генуезский Дождь Симон Буканигра рассматривал также в своем совете дело о выкупе и удовлетворении уведенных в плен Генуезцев, и находя, что соединенные силы будучи крепче сил разрозненных, пожелал, для лучшего успеха в этом деле, заключить между обоими общинами взаимный союз. На этот конец, снесясь с советом своим, он уполномочил мудрого мужа Коррадо Цигалла, гражданина города Генуи, быть представителем и полномочным общины Генуезской при светлейшем Дожде и при общине Венецианской, для совещания и соглашения с ними о всем, что ему полномочному покажется нужным и полезным совершить и исполнить, как в деле об убытках нанесенных лицам и собственности Генуезцев и Венециан в областях Джани-бека, для взыскания с хана Татарского и владетеля Хазарии, так и относительно общего посольства, имеющего отправиться к самому хану Джани-беку, для взыскания с него удовлетворения за убытки им причиненные Венецианским и Генуезским купцам.

Все означенное явствуя вполне из доверительной грамоты данной помянутому Корраду Цигалле, писанной рукою Берта Мазурия, публичного нотариуса священной Империи Римской, и канцлера светлейшего Дожа Генуезского, лета 1344, индикта 11-го, июня 2-го, и мною нижеподписавшимся нотарием виденной и прочтенной, светлейший Дождь Венеции, вместе с советом своим избрал, постановил и определил от себя и от имени общины Венецианской, благородного мужа Марка Лауредано гражданина Венеции, и прокуратора церкви св. Марка, полномочным для совещания от Венецианской общины с помянутым полномочным Генуезским о всем изложенном в доверенности данной ему Марку Лауредану, писанною рукою Рафаила-де Каризинис,

публичного нотариуса, властью Императора определенного, и дьяка Венецианского Догодата, 1344 года, индикта 12-го, июня 17-го дня, и мною нижеподписавшимся нотариусом виденной и прочтенной.

А по тому, вышепомянутый Коррад Цигалла, полномочного славного и могучего Симона Буканигры, Божию милостию Дожа Генуезского, на основании данной ему полной мочи, а Марк Лауредан, уполномоченный светлейшим Дожем Венеции Андреем Дандоло, по силе данной ему от Дожа и общины Венецианской доверенности, имея надлежащую власть совещаться, заключать, подписывать и исполнять все, что будет ими условлено по тому делу, о коем ведутся переговоры, непринужденно, в полном знании дела, и держась сколько можно ближе к смыслу и виду данных им полномочий, торжественно условились и обоюдную подписью укрепили следующие о взаимном союзе статьи: 1) Благородные мужи Марк Руццини и Иоанн Стено, назначенные послами от Дожа и общины Венецианской к хану Джани-беку, отправятся до места названного Кафа, и там соединятся с двумя послами, определенными к тому-же хану от светлейшего Дожа Генуи Симона Буканигры, и получив от хана те грамоты, или обеспечения, которые покажутся им достойными доверия, и достаточными для прикрытия их, и для успешного содействия в порученном им деле, они отправятся во имя Христово, в дальнейший путь, и единодушно, и согласно достигнуто и предстанут пред лице хана Джани-бека. Первым их попечением будет настоятельно требовать освобождения и выкупа лиц находящихся в плену у Татар, а также и возвращения товаров, вещей, и собственности, похищенных у Венецианских и Генуезских купцов. Имение, товары и вещи, принадлежащие Венецианам, будут, в случае их выдачи, доставлены Венецианскими послами их личному правительству, а пожитки, товары и вещи, отнятые у Генуезцев, доставятся, в случае их возвращения из рук Татар, чрез Генуезских послов в Генуу. Ежели же помянутым послам не удастся прямым ходом получить обратно товаров, вещей и пожитков, похищенных Татарами, а Генуезские или Венецианские послы успеют посредством сделки исходатайствовать от Хана выдачи похищенного, или части его, то каждая из пострадавших сторон должна в отношении к потерянному имуществу принять участие в выкупе, согласно с торговыми обычаями. Денежные же суммы, которые имеют за причиненные убытки причитаться, должны быть между Венецианскими и Генуезскими купцами распределенными по равномерности. До отъезда своего в обратный путь, послы приложат общее и единодушное старание об утверждении между ними и Ханом мира, любви и доброго согласия.

Заключенный союз должен продолжаться год, начиная с 1-го будущего июля месяца, и оканчивая 1-м июлем следующего года. По истечении назначенного срока, договаривающиеся стороны будут свободны по прежнему, касательно взаимных их отношений, и обратятся в тоже положение, в коем находились до заключения союза. Ежели случится, чего да избавит Бог, что обоюдные послы цели своей не достигнут, и Хан откажется решительно от всякого удовлетворения, тогда послы обязаны возвратиться в Кафу, и ожидать там удобного случая для возобновления переговоров с Ханом и заключения с ним условия, соответствующего цели и пользе обеих общин. Но если послы Генуезские, находящиеся теперь в Орде, сами собою или посредством своих личных поверенных будут иметь доступ к Хану, и вступать с ним в переговоры, а пребывающие в Кафе по распоряжению Генуезского правительства начальники узнают, что переговоры длятся и надлежащего условия с Татарами не заключено, то они обязаны дать немедленно знать вышепомянутым послам пребывающим в Орде, о заключенном вновь между Венециею и Генуею союзе о прекращении дальнейших с Ханом переговоров, и об удержании себя от всякого частного ходатайства, несогласного с определением союзного акта. А ежели переговоры хотя и не достигли еще удовлетворительного заключения, но доведены уже послами до такой степени, что прекратить их невозможно, тогда предоставляется Генуезским послам право довершить свое дело, не взирая на заключенный с Венециею союз. В таком случае, когда дойдет до сведения Венецианских послов, по прибытии их в Кафу, о заключенном между Генуезцами и Ханом Джани-беком договоре, им равномерно предоставится право вступить с своей стороны в сношения с ханом, для исходатайствований от него тех условий, который покажутся им самыми выгодными для общины Венецианской. Генуезцы же принимают на себя обязательство, где-бы они не находились, в Кафе, или во владениях Хана, помогать Венецианам в их переговорах с ханом, как словом, так и делом. Обязуются также вышепомянутые полномочные торжественным взаимным договором в продолжении союза, отдельно от общего сведения и соизволения обеих доверившихся сторон, во владениях Хана, ни торговать, ни в условия и сделки не вступать.

В заключение, благородный муж Коррад Цигалла, полномочный велелепного Генуезского Дожа Симеона Буканигры, и Марк Лауредан, полномочный знаменитого Дожа Венеции, условились: все вышеизложенное как вместе, так и в особенности хранить ненарушимо, обещая полномочный Венецианский от имени правительства своего ни правом, и ни делом, ни лично, ни посредством других, ни прямо, ни косвенно, правительству и общине Генуезской не вредить; но все условные статьи соблюдать свято и ненарушимо, под опасением пени в десять тысяч дукат золотом, которая пеня будет взыскиваться при всяком нарушении договорных условий в течении одногодичного времени, определенного быть законным сроком настоящему союзу. С своей стороны полномочный общины Генуезской Коррад Цигалла обещал в той же силе, ни общине, ни правительству Венецианскому, ни прямо, ни косвенно, ни собою, ни чрез других вреда не наносить, под опасением той же пени в десять тысяч золотых дукатов. И присягнули полномочные Генуи и Венеции и душею своею, что как господа Дожи, так и общины их уполномочившие, будут с величайшею точностью исполнять, все вышеизложенные условия.

В большее обеспечение для каждой из договорившихся сторон, оба полномочные, по данной им власти, отдали один другому под залог все животы и собственности их взаимных общин, до полного удовлетворения убытков, расходов и пеней, означенных в настоящем акте, обещая друг другу где-бы ни случилось, и во всяком месте, вносить вышепомянутые пени, и платить с избытком за причиненные убытки и обязаны они также не прибегать ни к какой отговорке.

Совершен в благополучном граде Венеции, пред престолом святого апостола и евангелиста Марка. Лета по Рождестве Господа 1344-го, Индикта 12-го, дня 18-го месяца июня, в присутствии вызванных свидетелей Иоанна Брагадина, Марка Градениго, сына покойного Николая Градениго, Николая Поллано Венецианских граждан, и Вильгельма Санта-Винцентия живущего в Пере, Агапита Марцелло, Петра Вивалдия Генуезских граждан, Оберта де-Пексано нотариа и канцлера Дожа и общины Генуезской и других.

Акт о союзе, заключенном Генуэзцами касательно Кафы

Во имя Святой и нераздельной Троицы Отца и Сына и Духа Святого аминь, и Преславной Матери Приснодевы Марии, блаженного Марка апостола и евангелиста, блаженного Лаврентия и всего Небесного Чина.

Для чести, славы велеlepных господ: господина Андрея Дандуло, Божею милостию Венеции, Далмации и Кроаии Дожа, владетеля четвертой части и половины всей Римской империи, общества и людей Венецианских, и господина Иоанна де Мурты, Божию милостию Дожа Генуезцев, общества и людей Генуи, и для спокойствия мира, благоволения и любви, которые бы, Божию властью всегда и счастливо продолжались, аминь.

Так как между Ханом Джани-беком вождем неверных Татар и подчиненными ему сановниками, областными правителями, и вассалами с одной стороны, и купцами, Венецианскими и Генуезскими с другой, попусшением дьявола, врага рода человеческого, дело свое несправедливо творящего, произошли несогласия, заблуждения и соблазны нескончаемые даже неслыханные, коих следствием были насилия, отнятия благ временных и похищения вещей и убытки, убийства тех и чего более да не будет, гибель душ и лиц христианских, кои содержатся в тюрьме и во власти вышепомянутого вождя Агарян, ужаснейшая потеря. И так как, если не употребить в этом несчастье нужного вспоможения, то оно может обратиться не только в тяжкое зло и опасность для христиан Венецианских и Генуезских, но даже в поношение римско-католической веры, то желая употребить для сей болезни врачевания по Евангельскому слову: паси овцы моя, не дои, не стриги, сам Господь повелел; благородный и мудрый муж, господин Марк Дондуло, сын господина Марка, гражданин Венеции: полномочный вышепомянутого велеlepного господина Дожа и общества Венецианского, имея на нижеследующий полный, подробный достаточный и общий указ, как явствует из публичного документа, написанного и скрепленного рукою моею, Рафаила де Карезинис нотариуса, 1345 года, Индикта 13-го, двадцать первого дня, настоящего месяца июля; от имени и от лица господина Дожа и общества Венецианского и всех и каждого из городских и окружных жителей Венеции с одной стороны; и благородные мужи Бенедикт Финаморн гражданин Генуи, и Конрад де Креденция, нотариус и канцлер Дожа и общества Генуи, как явствует из публичного акта, написанного и скрепленного рукою Роландина де Манаролия нотариа и канцлера общества Генуи, 1345 года, Индикта 12-го, по обряду Генуи 2-го дня июля, здесь мною нижеподписавшегося нотариусом, виденного и читанного от имени и от лица вышесказанного общества Генуезского, с другой стороны: согласились и признали себя согласившимися, в качестве полномочных на союз, долженствующий благополучно продолжаться от ныне, до календ ближайшего месяца Апреля, со всеми условиями, во всех Формах, с обязательствами, сбеспечениями и обещаниями нижеследующими, и о которых ниже говорится. При заключении этого союза, состояли подписавшие его благородные мужи, Марк Лауредан, Бенедикт де Молино прокураторы святого Марка, Визин Контарено, Райнерио де Мусто и уже помянутый Марко Дандуло, уполномоченные на это дело от Дожа, совета и общества Венецианского, и вышепомянутые господа Бенедикт Фенамори и Конрад де Креденция послы полномочные Дожа и общества Генуи, и отказались помянутые употреблять злоумышление, ложный предлог, иск без причины, отговорку из злого умысла для того, чтобы вышепомянутый союз не состоялся и дело не пошло бы надлежащим ходом; и отреклись они также от всяких законных предлогов для опровержения и уничтожения условленного. В тоже время Марко Дондуло, полномочный Дожа и общества Венецианского, и Бенедикт Финамори и Конрад де Креденция, полномочные Генуезские, обязались между собою торжественно, от имени своих доверителей, в течении настоящего союза до календ ближайшего месяца Апреля, отдельно не совершать и не позволять совершения какого либо условия и договора с Ханом Джани-беком или его сановниками, или чиновниками второстепенными, или даже с его наследником, в случае его смерти, исключая того случая, в котором последует благоизволение, в согласие обеих сторон, так что помянутый мир с ним может и должен быть заключен не иначе, как со взаимного одобрения обеих сторон. И во весь условленный срок настоящего союза, не может никто из помянутых сторон, ходить, приставать, плавать, с вещами или товарами на кораблях или без оных, а также посылать или переправлять вещи, или товары в какие либо страны, или в места подвластные помянутому Хану Джани-беку, или лежащие в его владениях, кроме Кафы, и оттуда на запад до Перы, считая доступными все места,

находящиеся между Кафою и Перою. В эти же места, в Кафу, а оттуда в Перу и на запад можно помянутым сторонам, и каждой из них ходит, приставать и плавать на корабли вооруженном и невооруженном, и также торговать и свободно производить торговлю, как воззя, так и вывозя вещи, товары и съестные припасы по сколько они хотят и сколько позволит удобство корабля, вещей и товаров, в продолжении настоящего союза. И не может ни одна из вышепомянутых сторон ни под каким предлогом, исключая Кафы, ни ходить, ни приставать, ни плавать, с товарами на кораблях или без оных прямо или окружными путями на восток или в Тану, или вообще в места, принадлежащие Джани-беку, т. е. его владению подвластные, не может также ни торговлю там производить, ни позволять чтобы другие производили. И в знак величайшей любви и расположения к Венецианам вышепомянутые Бенедикт и Конрад полномочные Дожа и общины Генуезской, от имени своих доверителей согласились и соглашаются, чтобы в продолжение настоящего союза Венецианские граждане и подданные с вещей и товаров провозимых ими в город Кафу, не платили ни пошлин, ни потребительных налогов, ни подвергались-бы ни каким другим взысканиям, или платежам, которые в том месте взимаются; так что ни сами Венециане не могут быть понуждаемы к платежу какой либо пошлины, ни вещи, ни товары их не должны быть отягчаемы оными, а да будут свободны и изъяты от них во все продолжение настоящего союза. А так как может породиться сомнение или вопрос о том привезены ли в положенный срок вещи или товары Венециан к помянутому городу Кафе, или нет, может явиться сомнение, в течение ли союза куплены или обменены Венецианами в городе Кафе от неверных Татар, Монголов или Сарацинов и от других лиц, как христианских так и неверных вывозимые ими товары, или не по окончании ли уже настоящего союза оные сделки совершены, так как может породиться вопрос имеют ли Венециане право вывести эти вещи пользуясь льготами, определенными союзом; то для яснейшего предуведомления, и для отвращения недоумений помянутые полномочные Генуезского общества согласились дозволить в этом случае Венецианским купцам как за вещи и товары ими в город Кафу ввезенные или в нем выгруженные, так и за товары вывозимые, или деньги за проданные вещи приобретенные, ни пошлин, ни платежа не взыскивать, но оставлять в таком положении и при таких условиях, как будто бы настоящей союз не окончился. По окончании же настоящего союза, обе стороны должны быть, и оставаться в своем первоначальном положении и всему исключая вышепомянутого, оставаться по прежнему; так что чрез настоящей союз ни одна сторона не приобретает и не теряет права на что либо. А для того, чтобы между этими сторонами, т. е. между обществами Венецианским и Генуезским сохранилась и далее бы приумножилась искренность и взаимная любовь, о которой апостол Павел непрестанным гласом возвещает; вышепомянутые Бенедикт Финамори и Конрад де Креденция полномочные Дожа и общества Генуи, для блага и мира помянутых сторон захотели и согласились: чтобы в продолжение времени предстоящего союза, общество Венецианское могло и чтобы ему позволено было избрать, послать и иметь в сказанном городе Кафе одного консула или байла, который должен управлять Венецианами там живущими, или временно бывающими и все денежные и гражданские споры, которые между Венецианами возродятся, знать и разрешать, и решения свои приводить в действие, так как байлу покажется лучше и полезнее. А поелику достойно и справедливо желать, чтобы там, где мирная любовь и чистая привязанность процветают, можно было бы видеть это из самого дела; то чтобы Венецианские купцы могли пребывать и жить в сказанном городе Кафе без затруднения, пользуясь законным равенством и не отягчаясь излишними и несправедливыми издержками за дома и магазины, которые будут ими у жителей Кафы нанимаемы, то для сего вышепомянутые полномочные обеих сторон согласились и взаимно друг другу обещали, чтобы в помянутом городе Кафе консул общества Генуезского и байл Венецианский избрали бы двух добрых купцов с чистою совестью и хорошим именем, одного Генуезца и одного Венецианца, непричастных в деле помянутых домов и магазинов, и поручили бы им оценивать означенные дома и магазины и назначать за них платы; и какую плату эти два купца положат и определят, такую и взыскивать, а никак не более. Хозяевам же сказанных домов и магазинов запретить запрашивать более определенной цены, а консулам и чиновникам Генуезским, которые там будут, поставить в обязанность смотреть за тем, чтобы плата бралась по решению и по оценке означенных двух оценщиков, не принимая никакой отговорки в течении настоящего союза. Кроме того, так как с распространением коварства людей, род людской должен быть подчинен закону и правосудию, то и признается необходимым, что несправедно действующие должны быть наказаны; для сего вышепомянутые полномочные по данной им от доверителей их власти, согласились охотно, что если которая нибудь из сказанных сторон, по дерзновению или понуждаемая духом злобы и неправды будет нарушать условия союза, хотя, плавая или торгуя, кроме сказанного города Кафы, на востоке и в Тане; то со всяким и со всеми туда плавающими, в противность настоящему союзу поверенные и чиновники той общины, коей такой или таковые принадлежат, должны поступать, как с возмутителем или с возмутителями, с непокорным или с непокорными и вероломными врагами; и всякого, таким образом противудействующего, наказывать и отобрать имение его в казну той общины, которой он принадлежит. И о всем вышесказанном и ниженаписанном вместе и о каждом в особенности, вышепомянутые стороны и полномочные их договорились, согласились и взаимным формальным условием подтвердили; вникать, выполнять, сохранять, и заставить других вникать выполнять и сохранять все и каждое из вышепомянутого и нижеследующего и ни в чем не противодействовать, ни правом, ни делом, ни по какой причине, ни каким способом, ни прямо, ни косвенно, ни под каким предлогом; но все и каждое ненарушимо сохранять под страхом пени в 10-ть тысяч дукатов золотых, с вознаграждением убытков, издержек, барышей за каждую неисполненную статью, и эта пеня столько раз будет взыскиваться за каждую нарушенную статью от

нарушившей ее стороны, сколько раз последует нарушение. Взысканная пеня должна поступать той стороне, которая свято хранит договор. А заплачена ли пеня или нет, взыскано или нет, тем не менее, все каждое из выше и ниже написанного, да останется в своей силе. Также поклялись полномочные и каждый из них жизнью сказанных гг. Дожей и самых обществ, прикасаясь попеременно к письмам святых Божиих евангелий пред главным алтарем, церкви святого блаженного Марка в сохранении и в подтверждении всего вышесказанного, обещая, что все оное будет действительно исполнено, как сказано выше. И в обеспечение обещанного вышесказанные полномочные отдали взаимно под залог все животы и собственности обеих общин до полной уплаты пеней и удовлетворения причиненных убытков, владея животами противной стороны, до тех пор, пока виновная сторона не внесет определенной пени, и не вознаградит за убытки той из договорившихся общин, которая исполнила свято условия.

Обещались полномочные между собою взаимно, т. е. один другому вносит определенные пени и платы как в Венеции, так и в Генуе или Кафе, или где бы ни случилось, и отказались от привилегий суда, от дней праздничных и непраздничных, от права требовать приведения в первобытное состояние, от иска и апелляции и вообще от всех прав как канонических, так и гражданских, общих и частных, обычных и муниципальных, и всяких других, посредством которых сказанные полномочные или их общины могли бы нарушить или не исполнить настоящего союза. В заключение повелели помянутые полномочные, чтобы о настоящем союзе было сделано несколько образцов одного и того же содержания. Совершено в Венеции, в церкви блаженного Марка апостола и евангелиста, пред главным алтарем; лета по Рождестве Господа нашего Иисуса Христа 1345, Индикта 13-го, 22-го дня месяца июля, в присутствии благородных и мудрых мужей господ Марка Лауредана, Бенедикта де Молино прокураторов святого Марка, Райнерио де Муста, Петра Чиурано, Людовика Витала и Марка Чиурано всех граждан Венеции и других свидетелей сюда призванных.

Я, Рафаил де Карезини, публичный нотариус, определенный императорскою властью и дьяк догата Венецианского присутствовал при вышепомянутом и скрепил.

Титул повелителя Татар и беев Таны, 1349 г.

Превосходительнейшему и славнейшему господину Джани-беку, Хану ханов благополучному повелителю Татар и всех стран восточных; достопочтеннейшему владыке моря, высоко превознесенному, Андрей Дандуло и проч. здоровья, чести и славы приумножения.

Светлейшей и превосходнейшей государыне Тайгалу-катун, достопочтеннейшей повелительнице Татар; Андрей Дандуло, здоровья и совершения всех благ желает.

Также могущественным сановникам Ахмету, Сараю, Калонтаю, Хуртша-баши, Янгел-бею, Усеину, Кордаю, Амчама-улану. Андрей Дандуло и проч.

Отличному и могущественному мужу Сика-бею, владыке Таны, возлюбленному другу, здоровья и уверение искренней любви.

Велелепному и могущественному господину Мега-бею, высокопочтенному сановнику светлейшего государя повелителя Татар, своему уважаемому другу, здоровья со всяким веселием и честью.

Копия одного письма, посланного господину Дожу Венеции господином Дожем Генуи

Любезнейший друг и брат. Нам памятно что мы уже два раза к велелепному и любезному братству писали о неудовольствии и прискорбии нами ощущенном по прочтении ваших писем и по услышании что Конрадин де Креденция, наш канцлер, изустно сказал нам о преступлениях, сделанных Афроном Паксием в Тане. По истине, душа наша была этим много возмущена; а желая исправить это, послали мы туда на наших галерах, консула Бельтрамина Мерела, нашего возлюбленного гражданина, дав ему указ и поручение, по которым братство и любезное согласие между нашими и вашими наперед, не только должно умножиться, но и бывшие беспорядки наказаться и исправиться так, чтобы радости друга преисполнялись радостями, а врага нашего и вашего достигли бы до величайшей скорби. В следствие чего напоминаем вашему велелепию, чтобы и вы поручили вашему консулу, т. е. байлу, которого пошлете в те страны, снести с нашим консулом, как мы это и своему поручили, с данным при том повелением прекращать повод ко всяким обидам и разделение между вашими и нашими так, чтобы братство поддерживалось взаимными согласиями и услугами, во славу Божию, и для выгод всех купцов.

В заключение писем сообщаем вашему братству приятные вести, полученные нами из общества Пизанского, о преобразовании города Лукки.

Дано в Генуе 12-го июля.

Симон Боканигра, Божию милостию Дож Генуезцев и того же народа защитник.

Копии с писем, которые господин Дожд Генуэзцев и совет Генуи, послали подесту Неры и консулам Кафы и Таны для исполнения сказанного декрета

Вождь Генуэзцев и проч..... и совет и проч.... намереваясь жить по братски и в мире с велепным братом нашим господином Дожем Венеции и с его гражданами и подвластными ему, и начавшийся Божиим покровительством мир поддерживать нужными средствами и взаимным доброжелательством, мы обнародовали и утвердили настоящий декрет и предостережение и повеление наше, а для того, чтобы тех, коих любовь к Богу и к общему благу не отдалят от зла, обуздывали бы по крайней мере строгость законов: повелеваем под страхом нашего негодования и милости, это наше повеление исполнять, и вместе с тем побуждать других к исполнению, поражая нарушителей оною наказанием им назначенным. А так как нас побудило к сему повелению тяжкая нам и неприятная жалоба вышепомянутого велепного брата нашего господина.... Дожа и общества Венецианского, об известных происшествиях, случившихся в прошедшем году, бывших им во вред, а с нашей стороны и со стороны общества Генуи показавших явную обиду и оскорбления в отношении к ним, учиненные известными Генуэзцами или выдающими себя за Генуэзцев, соблазненными дьявольским наущением в Тане, стране Хазарии; то хотим, поручаем вам и повелеваем, против всякого виновника в драке, в смятениях, в убийствах и в других оскорблениях, там совершенных, поступать как можно согласнее, с долгом справедливости и нашей чести и по долгу нашего общества, давая нам знать обо всем, что исполнится из вышесказанного.

Дано в Генуе, в 4-й день Февраля.

Определение и предписание данное Дожем и обществом Генуэзским, во избежание соблазнов в Тане

Во имя Господа, аминь. Лета от Его Рождества тысяча триста шестьдесят первого, первого Февраля, по Генуэзскому счислению тринадцатого Индикта; превосходительный и велепный Симон Буканигра милостию Божию Дожд Генуэзцев и защитник народа, наместник и адмирал императорский, для сохранения любви, благорасположения и мира между велепным господином Иоанном Дельфино, тою же милостию Дожем Венеции и проч... и обществом Венецианским с одной стороны, и между им же господином Дожем и обществом Генуэзским с другой, и во избежание соблазнов между обеими сторонами, вместе с своим советом, торжественно и согласно во всех отношениях с законами постановил, повелел и решил: написать от имени своего письма и присовокупить их к наказам, данным Генуэзскому консулу в Тане и байлу пребывающему в Константинополе и всем консулам и сановникам своим в империи Хазарской, настоящим и будущим: чтобы эти консула, байлы и сановники, властью и в силу предписания данного им теперь самым Дожем и обществом Генуэзским, обнародовали в Тане, в Константинополе и во всем Хазарском царстве: что всякий Генуэзец, и считающийся Генуэзцем, должен с Венецианами и с теми, кои за Венециан почитаются, жить в мире, спокойно, в добром братстве, благорасположении и в искренней любви, и воздерживаться от взаимных ссор и драк. А если, от чего да избавит Бог, произойдет спор или драка между Генуэзцами и Венецианами или между почитающимися за Генуэзцев и Венециан, то ни один Генуэзец или считающийся за Генуэзца не должен трогаться с места и братья за оружие, или бежать туда, где происходит смятение, не имея на то ясного позволения или приказания со стороны консула или сановника или байла Генуэзского, который теперь там находится, или со временем будет находиться в Тане, в Константинополе и во всем царстве Хазарском. А если какой Генуэзец, или почитаемый Генуэзцем поступит против сказанного выше, или против чего нибудь из вышесказанного, тот самым таковым действием, подпадает пене в 200 дукатов золотых за каждое упущение, из собственных своих денег. Наложение же наказания денежного или личного, смотря по свойству и по положению лиц зависит от консула, сановников и байла Генуэзских, которые находятся или со временем будут находиться в вышепомянутых местах. Кроме того, если нанесено будет смертоубийство или поражение Венецианам, или тем, кои считаются Венецианами, то консул, сановники и байл Генуэзские, которые находятся или со временем будут находиться в Тане, в Константинополе и в царстве Хазарском обязуются наложить наказание личное, или денежное, как следует по закону и по величине преступления. Впрочем, в помянутом случае драки или ссоры между Венецианами и Генуэзцами, или между почитаемыми за Венециан и Генуэзцев, консул или сановники Генуэзские, которые находятся или будут находиться в Тане, обязуются приложить общее усилие с консулом и чиновниками Венецианскими, там же находящимися, для прекращения спора или драки. Этому же примеру должны следовать и Венецианские сановники во всем Хазарском царстве. А если ссора или драка произойдет в Константинополе, или в Пере, то байл Венеции, пребывающий в Константинополе, вместе с правителем Перы, должен стараться, чтобы драка или ссора прекратилась, подвергая суду и наказанию виновных, и на основании настоящего определения и предписания с сохранением между обеими договорившимися сторонами взаимной привязанности и благорасположения. И обязуются вышепомянутые консул, сановники и байл Генуэзские, которые находятся или будут находиться в Тане,

Константинополе и во всем царстве Хазарском, по долгу присяги и под страхом потерять благоволение вышепомянутого Дожа и общества Генуезского исполнять изложенное с точностью: подвергаясь, означенные консулы и сановники, кроме вышесказанных пеней, тем наказаниям, к которым будут от Дожа и общины Генуезской приговорены.

Совершено в Генуе, на площади Дожева дворца, где собирается совет, в присутствии нотариусов и канцлеров вышепомянутого Дожа и общества Генуезского: Леондара де Монте, Альда Юрисперита, Петра де Реца и Георгия де Клаваро.

Я, Рафаил де Гуаско де Монелия, нотариус и канцлер вышепомянутого велелепного Дожа и общества Генуи, при вышепомянутом присутствовал и записал.

Декрет и повеление, данное господином Дожем и обществом Венеции, во избежание соблазнов в Тане

Во имя Христа, аминь. Лета от Его Рождества тысяча триста шестьдесят первого, тринадцатого дня Генваря; превосходительный и велелепный Иоанн де Дельфино, милостию Божиею Дож Венеции, и проч... Для сохранения любви, мира и благорасположения, которые под Божиим покровом да продолжатся вечно, между превосходительным и велелепным господином Симоном Буканигрою, тою же милостию Дожем Генуезцев и защитником этого народа предводителем морских сил и наместником императорским и с самым обществом Генуезским с одной стороны, и между им же господином Дожем и обществом Венеции с другой, и во избежание соблазнов и обид, между вышепомянутыми сторонами, вместе с своим советом торжественно, и согласно во всем с законами, постановил, повелел и решил: написать предписания и присовокупить их к наказам, данным Венецианскому консулу в Тане, и байлу в Константинополе и всем консулам своим в Хазарском царстве, настоящим и будущим, чтобы эти консулы, байл и сановники, властью и в силу декрета от самого господина Дожа и общества Венеции, данного им теперь, обнародовали в Тане, в Константинополе и во всем Хазарском царстве, что всякий Венецианин, и считающийся за Венецианина, должен с Генуезцами и с теми, кои Генуезцами считаются, жить мирно, спокойно, в добром братстве, благорасположении, в искренней любви, и воздержаться от взаимных ссор и драк. А если, от чего да избавит Бог, произойдет спор или драка между Венецианами и Генуезцами, или между считающимися за Венециан и Генуезцев, то ни один Венецианин, или считающийся за Венецианина, не должен трогаться и браться за оружие или бежать туда, где происходит смятение, без ясного позволения и приказания со стороны консула или сановника и байла Венеции, которые теперь находятся или со временем будут находиться в Тане, Константинополе и во всем Хазарском царстве, а если какой Венецианин, или почитаемый за Венецианина, поступит против вышесказанного, тот, самым таковым действием уже подпадает пене в 200 дукатов золотом, за каждое упущение из собственных его денег. Наложение же наказания денежного или личного, смотря по положению и по свойству лиц, зависит от консулов, сановников и байла Венецианского, которые находятся, или со временем будут находиться, в вышепомянутых местах. Кроме того, если нанесено будет человекоубийство или поражение Генуезцам, или тем, кои считаются Генуезцами, то консул, сановники и байл Венеции, которые находятся или со временем будут находиться в Тане, Константинополе и в Хазарском царстве, обязуются приложить наказание личное, или денежное, как следует по закону, смотря по обширности преступления. Впрочем, в помянутом случае драки или ссоры между Венецианами и Генуезцами, или между принимаемыми за Венециан и Генуезцев, консул и сановники Венеции, которые находятся или будут находиться в Тане, должны и обязуются соединиться с консулом и сановниками Генуезскими там пребывающими, и стараться, чтобы спор или драка прекратились; подобно этому должны поступать консулы и сановники Генуезские во всем царстве Хазарском. А если ссора или драка произойдет в Константинополе или в Пере, байл Венецианский, находящейся в Константинополе вместе с правителем Перы должны стараться, чтобы драка или ссора прекратилась преследуя и наказуя виновных, согласно с настоящим определением и предписанием, сохраняя между обеими сторонами взаимную любовь, привязанность и благорасположение. И обязуются вышепомянутые: консул, сановники и байл, которые находятся, или будут находиться в Тане, Константинополе и во всем царстве Хазарском, под страхом потерять благоволение вышепомянутого господина, господина Дожа и общества Венецианского исполнять вышепомянутое с точностию, а кроме вышепомянутых пеней, сами консулы, сановники и байлы будут наказываемы властью вышепомянутого господина Дожа и общества Венеции.

Совершено в Венеции, в Дожевом дворце, в присутствии благоразумных мужей и нотариусов Амадео де Бонгвадани, Варфоломея Урсо, Петра Якобинн и Георгия де Бонгвадани, свидетелях нарочно призванных. Для большей верности, вышепомянутый Дож призвал свидетелей чрез меня нижеподписавшегося нотариуса, и скрепил свинцовою висячею печатью.

Копия с писем, отправленных от Генуэзского Дожа в Кафу, с предписанием вознаградить нас за взыскания, коими нас подвергли в Кафе

Славный и превосходительный друг, а также и брат любезнейший. Письма ваши приняли с искреннею любовию и, вполне поняв содержание их, не мало были оскорблены; ибо по истине, главное наше намерение есть жить с вами и вашими в любви и братстве; а по тому отвечаем вашей предусмотрительной дружбе, что с первым судном, идущим в Кафу, прикажем письменно правителю нашему, там находящемуся, за несправедливое взыскание, сделанное с ваших, положить вам должное и достойное удовлетворение, а с вашими, как в Кафе, так и в Готфии обращаться братски и с любовию; для того, чтобы чистая любовь, которая между вами и нами до сих пор пребывала братски, могла сохраняться. За сим остаемся расположенными и готовыми на все приятное вам.

Дано в Генуе 2-го Августа.

Гавриил Адорно, Божию милостию Дож Генуэзцев и проч... и совет двенадцати старейшин, избранных городом Генуею.

Копии с писем Дожа и совета старейшин Генуи, посланных властям и правителям в остров Хиос и всяким местникам своим

Дож Генуи и проч., и проч., и проч.

Совет старейшин.

Любезнейшие! приказываем вам сей час и без всякого замедления возвратить и свободно отпустить велелепному брату, господину Дожу Венеции, или кому, вам, напишет и прикажет чрез свои письма, пред сим взятый галиот Марина Марипера Сильвестром де Марини, со всеми вещами, товарами, снастями и грузом, найденными в нем и нагруженными в Латаки, Сирии и других местах, кроме острова Кипра. А если какаянибудь из вещей продана, или какнибудь отчуждена, то велите: заплатить цену ее той особе, кою вышеупомянутый велелепный Дож Венеции прикажет, не взирая ни на какие другие наши грамматы и запрещения, или другие какие либо препятствия, как от нашего общества, т. е. Генуи, так и других лиц. Вещи же и товары, нагруженные в Кипре, удержите при себе и пришлите к нам в Геную, на первом удобном корабле.

И обо всем, что сделаете из вышеупомянутого, сей час же напишите нам в ответных письмах.

Дано в Генуе, тысяча триста восемьдесят третьего года, девятого дня июня.

Копии с писем, посланных Дожу Венеции великолепным г. Дожем и советом старейшин Генуэзских, о возвращении галеаццы Марипетры

Славный и велелепный, любезнейший брат. Многие письма от вашего велелепного братства получили и благосклонно вникнули в то, что Томазий Бонинконтра, нотариус (письмоводитель) вашего правительства нам ясно изложил, по делу об одной галеацце, состоявшей под начальством Марина Марипетра, гражданина и подданного Венецианского и взятой Силвестром де Марини, гражданином нашим, и о взыскании Марка Захарии, Иоанна Серводио, Нерия де Бонавентуры и Прима, называвшего Рагоцци Венецианских граждан, коих товары и богатства были, как говорят, отняты и задержаны нашим консулом и коимисарами города Кафы, не смотря что по правилам общего мира, взаимные обиды должны были прекратиться. Приняв вашу просьбу в рассмотрение, мы отвечали Томасу Бонинконтру и вашему братству сообщаем, что помянутый Марин Марипетро плавал на вышеупомянутой галеацце, против правил утвержденного между вами и нами мира, к месту и порту Херинис, показывая тем большое недоброжелательство и презрение к вышесказанному миру, в следствие чего нашими законоведами и советом нашим подано было мнение: за противодействие вышеупомянутому миру подвергнуть его Марипетро надлежащей пени, и мы надеемся, что ваше братство признает наказание виновного справедливым. Впрочем мы повели освободить и передать вашему братству, или кому оно прикажет, самый галиот со всеми вещами найденными в нем и с товарами нагруженными в Латаки в Сирии, и в других странах, вне острова Кипра. Также все товары, помянутых Венециан, задержанные консулом и комиссарами нашими в Кафе, чрез наши письма повелеваем возвратить вашему велелению или кому оно прикажет, рассчитав, что эти товары взяты в Кафе три дня после того как неприязненные действия должны были перестать, но наши начальники в Кафе были в неведении о заключении мира. Мы же с нашей стороны расположены теперь и всегда ненарушимо сохранять помянутый мир и желаем с вашим велелепным братством жить дружно и братски.

Поручая господину Томасу, послу и вестнику вашему засвидетельствовать пред вами о тщательной заботливости и величайшей привязанности нашей к вам, просим от всего сердца ваше братское велелепие

извинить нас за медленность в отдаче требуемых объяснений. Эта неисправность произошла от некоторых гражданских смут и других препятствий, случившихся в нашем городе, после его прибытия.

Леонард де Монтальдо, Божию милостию вождь Генуезцев и совет пятнадцати мудрых старейшин.
Дано в Генуе, тысяча триста восемьдесят третьего года, июня девятого дня.

Копия с писем господина Дожа и совета Генуи, посланных к консулам массарам и обществу город Кафы, настоящим и будущим возлюбленным нашим

Дож Генуезцев и проч. и совет старейшин.

Любезнейшие! по прочтении писем, и по тщательном исчислении дней, после которых должны прекратиться, согласно содержанию мирного условия и договоров, оскорбления между обществами Венеции и нашим и подданными сих обществ, мы узнали о похищении товаров, принадлежавших нижеименованным купцам и гражданам Венеции, задержанных вами в Кафе после законного срока по незнанию с вашей стороны о вышеупомянутых мире и договорах. Желая, чтобы мир и договор вышеупомянутые с нашей и вашей стороны твердо и ненарушимо сохранялись, хотим и повелеваем вам: вещи эти возвратить без всякого ущерба и без замедления времени велелепному брату, любезнейшему господину Дожу Венеции и тем особам, коим он повелит чрез письма свои, особенно прибавляя, чтобы вы с вышеупомянутым велелепным любезнейшим братом господином Дожем Венеции и его гражданами и подданными жили и обходились так, как с нашими возлюбленными братьями и друзьями дружно и по братски.

Имена тех, коим принадлежат вещи и товары вами задержанные суть, следующие: сер Марк Захария, сер Иоаннин Серводио, сер Петр, названный де Бонавентура, и сер Петр, называющаяся Рагоссио, граждане Венеции.

Дано в Генуе, тысяча триста восемьдесят третьего года, июня девятого дня.

Копия с писем господина Дожа и совета Генуи, посредством которых просят они, чтобы наши удерживались от плавания к землям и местам, принадлежащим Татарам

Славный и велелепный любезнейший брат!

Давно надеясь иметь с Соркатом мир, и обнадеженные послами повелителя Хазарии видеть его скоро заключенным, мы избегали от нанесения обид Татарам, ожидая покойно заключения мира. Но недавно с прискорбием узнали из писем наших правителей, пребывающих в восточных наших владениях и писанных двадцатого Января, что вышеупомянутые послы, прибегая к ложным притворствам и обычным обманам, отдаляются от совещания о мире и лишают нас надежды видеть его заключенным. Теперь нам необходимо восстать войною против Татар и вступить в их земли для нанесения им большего урона. Но так как нам известно, что гром войны часто и невинным вредить, не по обдуманному намерению, но по воле необузданного Марса, которому если кто предался, не легко избегает преступлений, решили просить ваше велелепие, сообразованно предостеречь ваших сограждан, дабы они в продолжении войны не ходили лично и не посылали бы, через других, вещей и товаров своих в какую либо землю или места, принадлежащие Татарам, и которым мы можем нанести вред, и воздерживались бы от пребывания в помянутых местах. И таким образом вернее избегнем повода ко всяким соблазнам между подданными нашими и вашего велелепного братства, с которыми желаем соединиться вечною любовию. Нашими же восточными землями предлагаем нашим подданным воспользоваться для их выгоды и удобства.

После чего сообразованно передать нам чрез настоящего гонца ваш ответ, который, надеемся, будет соответствовать нашим дружеским к вам чувствам.

Дано в Генуе, тысяча триста восемьдесят седмого года, последнего дня Мая.

Копия с писем Дожа и общества Генуи в ответ Венецианскому Дожу о том, чтобы Генуезцы воздерживать от плавания к землям и местам, принадлежащим Татарам

Славный и велелепный брат любезнейший. Грамматы ваши, писанные 10-го дня текущего месяца июня, мы получили сего дня и вняв их содержанию, вашему велелепному братству отвечаем, что капитану, консулу и чиновникам нашим, недавно отплывшим в Кафу, дали повеление, соответственно дел, которые у нас теперь на востоке происходят. И так, как всегдашнее желание нашего сердца есть отстранять все то, что может породить повод к соблазнам, то и просим ваше братство устроить так, чтобы ваши Венециане не появлялись в местах и

землях, принадлежащих врагам нашим Татарам, после того как мы против них выступим, ибо этим вышепомянутые Венециане могут вредить сами себе против нашей воли и желания. И неудивительно славный брат. Ибо ты и сам знаешь, что военная ярость, свирепствующая без рассуждения, не распознает друзей между врагами, низвергая все своим вихрем. Желаем, чтобы ваши так вели себя в этом случае, как желали ли бы они видеть нас поступающими в оном.

Дано в Генуе, тысяча триста восемьдесят седьмого года, восемнадцатого июня.

Форма письма, данного консулу Таны и капитану галер, и содержащего в себе повеление не позволять перевозить Сарацинов с места на место

Мы узнали, что некоторые из наших граждан и подданных иногда вывозят и перевозят суда Сарацинов и людей империи Татарской, из стран Хазарии и моря Таны к противоположным странам Турции, т. е. с места на место, с их богатствами, что легко может произвести соблазны, и не приносит нашим большой пользы.

Согласно с данным нам правом, пишем вам от своего имени и от совета нашего, чтобы вы тайно имели над сим тщательный надзор и попечение, а если узнаете искусным образом что нибудь о подобных проступках, то помешайте, да не делается это отнюдь ни кем из наших. Во всяком случае поступайте как только можно осторожнее, не обнаруживая ваших действий. И для лучшего исполнения вышеупомянутого постановляем, что вы в тайне имеете право предписывать и налагать пени, взыскивать их и брать другие предостережения так, как вам покажется согласнее с нашим намерением, ведя себя так в этом деле, чтобы могли заслужить нашу похвалу.

Дано восемнадцатого дня марта, Индикта второго, тысяча триста девяносто четвертого года.

Подобно тому как сделано было сер Леонарду Кальбо, консулу Таны, подобная и капитану галер в Романии.

Морское и торговое могущество Венеции в первой половине XV в. («Завещание» дожа Томазо Мочениго)

Речи венецианского дожа Томазо Мочениго (время его правления 1414-1423 гг.), дошедшие до нас в изложении венецианских летописцев, были произнесены в 1421 г., и одна, приводимая ниже, в 1423 г., незадолго смерти дожа. Она поэтому называется иногда «Завещанием Томазо Мочениго».

Для оценки данных, приводимых Томазо Мочениго, надо сравнить их с цифрами, относящимися к другим государствам, и тут окажется, что Венецианская республика занимала среди них по своему могуществу одно из первых мест. Государственные доходы Венеции, составлявшие около миллиона дукатов, были равны доходам Франции. Они превосходили доходы таких государств, как Англия, Испания и др. и оставляли позади такие итальянские города, как Милан, Флоренция и даже папскую курию.

Наш город вложил 10 млн. дукатов¹ капитала в торговлю во всем мире и на своих нефвах², галерах³ и прочих судах ведет ее так, что прибыль от вывоза достигает 2 млн. дукатов и от ввоза в Венецию тоже 2 млн. дукатов. От вывоза и ввоза скапливается 4 млн. дукатов.

Вы знаете, что в нашем флоте имеется 3 тыс. мелких судов размером от 10 до 200 амфор⁴ и 17 тыс. моряков. Мы имеем 300 нефов с 8 тыс. матросов. Каждый год у нас плавают 46 больших и малых галер, на которых 11 тыс. матросов. У нас имеется 3 тыс. корабельных плотников, 3 тыс. конопатчиков, у нас 16 тыс. ткачей по шелку, льну и фустанее⁵. Стоимость домов составляет 7 млн. 50 тыс. дукатов, а аренда их дает 500 тыс. дукатов. Тысяча благородных имеет доход от 700 до 4 тыс. дукатов в год.

Вы знаете, что доходы Венеции составляют 774 тыс. дукатов, доходы с Терра-фермы⁶ – 464 тыс. дукатов, доходы с моря⁷ – 376 тыс. дукатов.

[Мочениго далее настойчиво советует избегать войн и вести мирную политику...]

Если последуете моему совету, то увидите, что будете господами золота христиан и весь мир вас будет бояться и чтить вас...

Война с турками создала доблестных людей, опытных в морском деле и испытанных во всяких обстоятельствах как умением управлять, так и своим мужеством... Вы имеете семь капитанов⁸, могущих командовать флотом в 60 галер и больше, и на кораблях среди арбалетчиков у вас есть рыцари, которые могли бы быть хорошими командирами галер и могли бы управлять ими. У вас сотни человек штурманов, годных управлять вооруженными галерами, очень опытных, чтобы выполнить какое-нибудь предприятие. У вас имеется опытных и надежных экипажей на сотню галер и опытных гребцов на сотню галер. Таково положение, созданное войной с турками, так что весь свет говорит: «Венецианцы – они господа над капитанами матросов и гребных команд на галерах».

Вы знаете, что наш город чеканит ежегодно золотой монеты на 1 млн. 200 тыс. дукатов, а серебряной в виде мещанини [«половинок», т.е. полугроссо], гроссо⁹ и сольди на 800 тыс. дукатов, из коих 5 тыс. марок¹⁰ в год идет в Египет и в Сирию, а в ваши владения в Италии идет ежегодно на 100 тыс. дукатов и мещанини и сольди, а в ваши заморские владения уходит ежегодно гроссет [грошиков] и сольди на 50 тыс. дукатов. В Англию ежегодно уходит сольди на 100 тыс. дукатов. Остальная монета остается в Венеции.

Вы знаете, что флорентинцы вывозят к нам ежегодно 16 тыс. штук сукна тончайших, тонких и средних сортов. И мы вывозим их в Апулию, в королевство Неаполитанское, Киликию, Каталонию, Испанию, Берберию, Египет, Сирию, Кипр, Родос, Романию, Кандию, Морею, Лиссабон, и каждую неделю означенные флорентинцы привозят еще разного рода товаров на 7 тыс. дукатов и покупают у нас шерсть французскую, каталонскую, кармазин, кошениль, воск, золотую и серебряную нить, сахар, серебро и всякие специи крупные и тонкие, квасцы, индиго, кожи, драгоценные камни, и все это к великой прибыли нашей страны.

¹ Дукат, или цехин (от цекка – монетный двор) – золотая монета, которую начали чеканить в Венеции с 1284 г., с содержанием около грамма чистого золота. Дукат делился на 100 сольди.

² Неф – широкое тяжелое судно, главным образом торговое, идущее под парусами.

³ Галера – быстроходное гребное судно. Галеры служили преимущественно для военных целей и для перевозки ценных грузов.

⁴ Амфора – мера объема, равная 0,6 тонны.

⁵ Фустанья – смешанная ткань с льняной основой и хлопчатобумажным утком.

⁶ Терра-ферма – твердая земля, континент, венецианское владение на континенте. Сама Венеция, как известно, расположена на острове.

⁷ С заморских колоний.

⁸ Капитан – командующий эскадрой.

⁹ Гроссо (буквально «толстяк») – серебряная монета, введенная в Венеции около 1200 г. вместо прежних тонких обесцененных серебряных динаров. По ценности гроссо составлял около 1/24 – 1/25 дуката.

¹⁰ Марка – мера веса для драгоценных металлов. Венецианская марка была равна приблизительно 200 граммам.

Из речи дожа Помазо Мочениго, произнесенной в 1420 г.

Ежегодно Венеция вывозит в Ломбардию товаров на следующую сумму: на 100 000 дук[атов] конопля, на 250 000 дук. хлопка, на 30 000 дук. бумажной пряжи, на 120000 дук. итальянской шерсти, на 120 000 французской шерсти, на 250 000 парчи и шелковых материй, на 30 000 перцу, на 64 000 корицы, на 8000 имбирю, на 95 000 сахару, на 30 000 швейного и вышивального прикладу, на 120 000 красильного дерева, на 50 000 других красок, на 250 000 мела и на 30 000 рабов. «Я не считаю, – говорит Мочениго, – дохода от продажи соли»¹. Согласитесь, что такая торговля очень выгодна. Посмотрите, сколько она приводит в движение кораблей, чтобы перевезти товары в Ломбардию, чтобы ехать за ними в Сирию, в Романию, в Каталонию, во Фландрию, в Кипр, в Сицилию, во все концы мира... доход купцов составляет не менее 600 000 дукатов».

¹ Этот доход приносил около 1 млн. дукатов. Венеция снабжала солью всю Италию и отчасти соседние страны.

Итальянские войны (1494-1559 гг.)

Итальянский поход Карла VIII

Итальянские войны (1494-1559 гг.) – серия военных конфликтов между Францией, Испанией и Священной Римской империей с участием других государств Западной Европы (Англия, Шотландия, Швейцария, Папская область, Венеция и итальянские города-государства), а также Османской империи за обладание Италией и гегемонию в Европе и Средиземноморье. Возникнув как династический спор за престол Неаполитанского королевства, Итальянские войны быстро превратились в общеевропейский конфликт.

Первая итальянская война 1494-1496 гг., также иногда называемая Итальянская война Карла VIII, явилась началом Итальянских войн. Война противопоставила Францию Священной Римской империи, Испании и союзу итальянских государств, возглавляемому папой Александром VI.

Филипп де Коммин (1447-1511 гг.) – французский дипломат и историк, советник королей Людовика XI и Карла VIII. Известен своими мемуарами. Работу над мемуарами Филипп де Коммин начал в 1489 г. по просьбе архиепископа Вьеннского Анджело Като. Воспоминания делятся на 2 части: первая состоит из 6 книг и охватывает правление Карла Смелого и Людовика XI, вторая состоит из 2 книг и полностью посвящена итальянскому походу Карла VIII.

(Филипп де Коммин, «Мемуары», Книга VII)

ГЛАВА I

Продолжая свои воспоминания, хочу Вам рассказать, как случилось, что ныне царствующий король Карл VIII предпринял поход в Италию, в котором участвовал и я, и вышел он из города Вьенн, в Дофине, 23 августа 1494 года, и вернулся в свою страну около октября 1495 года...

ГЛАВА VII

Я уже рассказал о том, что произошло на побережье возле Рапалло. Дон Федерико отступил к Пизе и Ливорно и не смог собрать тех пехотинцев, что высадил на берег. Флорентийцы, которые всегда питали больше симпатий к Французскому дому, нежели к Арагонскому, сильно тяготились союзом с этим последним. Наша армия в Романье, хотя и была очень слабой, тем не менее действовала удачно и начала мало-помалу теснить дона Ферранте, герцога Калабрийского. И тогда король, побуждаемый сеньором Лодовико и другими названными мной, принял решение двигаться дальше. Сеньор Лодовико сказал ему по прибытии: «Сир, не бойтесь этого похода. В Италии три державы, которые мы считаем могущественными, и одна из них, Милан,

заодно с вами. Другая – Венеция – держится в стороне. Так что Вы имеете дело только с третьей – Неаполем, с которой некоторые из Ваших предшественников успешно воевали, когда объединялись со всеми нами. Если Вы доверитесь мне, то я помогу Вам стать более великим, чем Карл Великий, ибо мы легко изгоним Турка из Константинопольской империи, когда завладеем Неаполитанским королевством»¹. В отношении ныне царствующего Турка это была бы правда, если бы нам все благоприятствовало.

Таким образом, король стал отдавать распоряжения относительно своих дел, соглашаясь с желаниями и намерениями сеньора Лодовико, что породило зависть у некоторых из наших – сначала уодного камергера, а там и у другого (и все это было некстати, поскольку без сеньора Лодовико было не обойтись, и играло на руку монсеньеру Орлеанскому, претендовавшему на Миланское герцогство), а в особенности у генерального сборщика, который уже считал себя всемогущим, и между ним и сенешалем начались контры. Сеньор Лодовико поэтому предупредил короля, что генеральный сборщик, предлагая остановить продвижение, действует против него, Лодовико, и вводит всех в заблуждение. Генеральному сборщику и впрямь лучше было бы не вмешиваться, ибо он никогда не вникал в государственные дела и не имел о них понятия, а к тому же был человеком несдержанным на язык, хотя и очень привязанным к своему господину.

Между тем было решено направить несколько посольств, в том числе и в Венецию, куда поехал я. Я несколько дней задержался с отъездом из-за того, что король заболел оспой и был при смерти, так как у него началась еще и лихорадка; но болезнь продолжалась лишь шесть или семь дней. Я тронулся в путь, как и другие послы, оставив короля в Асти, и был твердо уверен, что он не пойдет дальше. Я добрался до Венеции со своей свитой и мулами за шесть дней, и дорога была самой лучшей в мире. Я боялся вступать в разговоры, опасаясь, как бы король не двинулся дальше; но господь бог распорядился иначе, и король все же пошел дальше, в Павию и прошел через Казале, где находилась маркиза Монферратская, благосклонная к нам добрая дама, не терпевшая сеньора Лодовико (он ее также ненавидел). Когда король прибыл в Павию, у него возникли кое-какие подозрения, ибо ему не хотели позволить расположиться в городе и замке, хотя он желал расположиться именно там, что и сделал, велев усилить на ночь охрану, как мне рассказывали те, что были вместе с ним. Сеньор Лодовико был напуган этим и обратился к нему с вопросом, не подозревает ли он его в чем-нибудь. Однако различие в манере держаться между нами и ими было таково, что дружба не могла долго длиться, и что касается нас, то мы менее сдержанны на язык – но не король, а его приближенные².

В замке Павии находился герцог Миланский Джан-Галеаццо, о котором выше шла речь, и его жена, дочь короля Альфонса, вызывавшая большую жалость, ибо ее муж был болен и содержался вместе с сыном, живущим и поныне, и одной или двумя дочерьми, как в заключении; сыну его было тогда около пяти лет. Никто, кроме ребенка, не виделся с герцогом. Когда я провел там, еще до приезда короля, три дня, то так и не нашел способа увидеть его, поскольку мне отвечали, что он болен. Но король с ним разговаривал, поскольку был его двоюродным братом, и позднее пересказал мне этот разговор, состоявший из одних общих слов, так как король не желал ничем раздражать сеньора Лодовико, хотя, как он признавался, охотно бы предостерег герцога. Именно тогда герцогиня бросилась на колени перед Лодовико, умоляя его пощадить ее отца и брата. Он ответил, что не может и что у нее есть более важная обязанность – молиться за мужа и за себя, ибо она еще молодая и красивая женщина.

Оттуда король направился в Пьяченцу, и там сеньор Лодовико получил известие, что его племянник, герцог Миланский, при смерти. Получив разрешение короля, он уехал; король просил его вернуться, и он обещал. Герцог умер еще до того, как он добрался до Павии. И он немедленно, как на почтовых, помчался в Милан; я узнал об этом из писем состоявшего при нем венецианского посла, сообщавшего в Венецию, что сеньор Лодовико хочет стать герцогом. По правде говоря, низложение герцога было неуютно Венецианской сеньории; и меня там спросили, не выступит ли король в поддержку ребенка. Но хотя этот поступок был бы разумным, я высказал сомнение, поскольку король нуждался в названном Лодовико.

ГЛАВА VIII

В конечном счете он стал герцогом; и ради этого, как говорили некоторые, он и настоял на том, чтобы мы перешли горы. На него возложили вину за смерть его племянника; родственники и друзья последнего в Италии выступили, чтобы отнять у Лодовико власть. Они легко бы это сделали, если бы не продвижение короля, который уже был в Романье, как Вы слышали. Граф Каяццо и монсеньер д'Обиньи заставили их отступить, ибо сеньор д'Обиньи получил подкрепление в 150 или 200 французских кавалеристов и некое число швейцарцев. Дон Ферранте отошел к своим друзьям, простояв полдня лицом к лицу с нашими людьми. А отступили они к Форли, госпожой которого была незаконная дочь Миланского герцога, вдова графа Джироламо, что был племянником папы Сикста, — так во всяком случае говорили, — и она держала их сторону³. Но наши люди взяли штурмом одну ее крепость, в течение полудня подвергнув ее обстрелу, поэтому она по доброй воле перешла на нашу сторону.

Народ Италии повсюду воспрял духом, стремясь к переменам, ибо он стал очевидцем невиданных для него вещей. Ведь они не имели понятия об артиллерии, в которой французы были искусны, как никто. Дон Ферранте двинулся к Чезене, доброму городу, принадлежавшему папе, чтобы затем через Анкону вернуться в Неаполитанское королевство. Когда его люди отклонялись от своего пути, население грабило обоз и имущество, ибо по всей Италии люди только и ждали, чтобы восстать, и это случилось бы, если бы со стороны нашего короля хорошо велось дело, соблюдался порядок и не было грабежей (но все делалось наоборот, о чем я

сильно скорблю, ибо французская нация могла бы приобрести честь и добрую славу этим походом). Народ ведь поклонялся нам, как святым, видел в нас людей справедливых и добрых, но такое отношение длилось недолго, и виной тому были беспорядки и грабежи, учинявшиеся нами, а также проповеди, с которыми враги повсюду обращались к народу, обвиняя нас в том, что мы совершаем насилие над женщинами и отнимаем имущество и деньги, где только найдем. В более тяжких грехах в Италии обвинить невозможно, ибо итальянцы ревнивы и алчны, как никто. Что касается насилий над женщинами, то это ложь, что же до остального, то кое-что было на самом деле.

ГЛАВА IX

Итак, по ходу рассказа я оставил короля в Пьяченце, где он совершил торжественную заупокойную службу по своему двоюродному брату – герцогу Миланскому. И, как мне кажется, он почти совсем не представлял, что ему дальше делать, поскольку новый герцог Миланский уехал от него. Как мне говорили знающие люди, у всех было сильное желание повернуть назад из-за неуверенности и плохого снабжения и те, кто первыми хвалили поход, теперь его хулили, вроде обер-шталмейстера сеньора д'Юрфе. Хотя его там не было и он больной находился в Генуе, от него были получены письма, где он выражал сильные опасения за будущее, основанные на полученных им предостережениях. Но, как я говорил в других местах, господь показал, что это он руководит походом, и король получил неожиданное известие, что герцог Миланский возвращается и что во Флоренции что-то происходит в связи с упоминавшейся мной враждой против Пьеро Медичи, который жил, как если бы был сеньором, вызывая этим зависть самых близких родственников и многих других добропорядочных людей (всех из дома Каппони, Содерини, Нерли и почти всех граждан).

По этой причине король пошел дальше, направляясь в земли флорентийцев, чтобы либо вынудить их встать за него, либо захватить их слабые города, дабы расположиться там на уже начинающуюся зиму. Некоторые небольшие города выступили за него, в том числе и Лукка, враг флорентийцев, и выразили королю полную покорность и готовность служить. Советы герцога Миланского преследовали две цели – не допустить в этот сезон дальнейшего продвижения короля и заполучить Пизу, большой прекрасный город, и Сарцану с Пьетрасантой.

Два последних города принадлежали ранее генуэзцам, но были во времена Лоренцо Медичи захвачены флорентийцами.

Король двинулся через Понтремоли, принадлежавший герцогу Миланскому, и осадил Сарцану, очень сильный замок, самый лучший у флорентийцев, но плохо обеспеченный припасами из-за их ожесточенных распрей. Но, кроме того, если говорить правду, флорентийцы вообще неохотно выступали против Французского дома, чьими верными слугами и сторонниками они были во все времена как по причине своих торговых дел во Франции, так и потому, что принадлежали к гвельфам. Если бы крепость была хорошо снабжена, то королевская армия потерпела бы неудачу, поскольку это был бесплодный и горный край, где не было никакого продовольствия и к тому же все было завалено снегом. Он простоял там всего лишь три дня⁴, и еще до того, как крепость сдалась, туда прибыл герцог Миланский, приехавший через Понтремоли, где горожане и его гарнизон затеяли большую драку с нашими немцами⁵, которыми командовал один человек по имени Бюзе, и убили нескольких из них. Хотя я и не присутствовал при этом, я знаю это со слов короля, герцога и других людей. Эта драка привела в дальнейшем к большим затруднениям для нас, о чем Вы позднее услышите.

Тем временем во Флоренции начались волнения и горожане стали говорить, что они не хотят испытывать на себе опасную ненависть короля и герцога Миланского, который постоянно держал посольство в городе, и они избрали 15 или 16 человек, чтобы направить их к королю. И Пьеро Медичи согласился послать их; правда, у него и выхода иного не было при том положении дел, ибо флорентийцы были бы разбиты, поскольку в городе был небольшой запас продовольствия и они понятия не имели, что такое война. Когда эти послы прибыли, то изъявили согласие принять короля во Флоренции и сделали разные предложения; для большинства из них важно было только одно – чтобы король пришел и дал им возможность изгнать Пьеро Медичи, и им казалось, что они нашли доброе взаимопонимание с теми приближенными короля, кто руководил тогда его делами и кого я довольно часто называл.

А в то же время названный Пьеро вел переговоры и через одного своего служащего по имени Лоренцо Спинелли, который был управляющим его банком в Лионе, – человека, известного в своем мире и долго прожившего во Франции; но о делах при нашем дворе он не мог иметь никакого понятия, впрочем, как и те, кто при нем состоял, – столь часто там происходили перемены. И договаривался он с теми, кто ненавидел стоявших у власти⁶, т. е. с монсеньором де Брессом, ставшим позднее герцогом Савойским, и монсеньором де Мьоланом, камергером короля и губернатором Дофине. А вскоре после этого к королю прибыл и сам Пьеро, чтобы дать ответ на заданные запросы; как мне рассказывали, Пьеро Медичи чувствовал, что погубит себя, если не выполнит желание короля, и потому хотел заслужить его добрую милость и в этом опередить других.

По его прибытии ему навстречу были посланы монсеньор де Пьен, уроженец Фландрии, камергер короля, и генеральный сборщик Брисоне, которого я уже часто упоминал. Они сказали ему, что хотят получить в свое распоряжение Сарцану, и он немедленно дал согласие. Кроме того, они попросили его передать королю Пизу, Ливорно, Пьетрасанту и Рипафратту. Он на все согласился, не переговорив со своими спутниками, которые хорошо знали, что король уже расположился на отдых в Пизе; однако они не думали, что король

оставит за собой эти города, составлявшие всю мощь их государства. Мне рассказывали об этом те, кто вел переговоры с Пьеро, и при мне они смеялись над ним и удивлялись, как это он так быстро согласился на столь большие уступки, на какие они и не рассчитывали.

Итак, король вошел в Пизу, а вышеназванные вернулись во Флоренцию; Пьеро велел устроить жилище для короля в своем доме, который был самым прекрасным из домов горожан или купцов, какой мне только приходилось видеть, и обставлен он был так, как ни у одного другого человека этого сословия во всем мире.

Однако нужно сказать несколько слов о герцоге Миланском, который уже хотел выпроводить короля из Италии, надеясь извлечь из этого выгоду, оставив за собой те города, что взял король. Он очень торопил короля с передачей ему Сарцаны и Пьетрасанты, говоря, что они принадлежат генуэзцам, и ссудил ему в то время 30 тысяч дукатов; об этом займе он рассказал мне и позднее некоторым другим, чтобы заручиться нашим обещанием вернуть его. Получив отказ короля, он уехал на диво сердитым, сказав, что дела призывают его обратно; никогда после этого король его уже не видел, но он оставил мессира Галеаццо да Сан-Северино при короле, полагая, что тот и граф Карло да Бельджойозо будут присутствовать на всех советах.

Пока король находился в Пизе, названный мессир Галеаццо по указанию своего господина собрал в своем доме влиятельных жителей города и посоветовал им восстать против флорентийцев и обратиться к королю с просьбой дать им свободу, надеясь, что таким способом Пиза окажется в руках герцога Миланского, которому она некогда и принадлежала, во времена герцога Джана-Галеаццо, первого под этим именем в Миланском доме, страшного и злого тирана, но тем не менее весьма почитаемого. Его останки покоятся в картезианском монастыре Павии, возле парка, над большим алтарем, куда поднимаются по лестнице. Мне показывали их (т.е. его кости, которые пахли так, как им и положено) монахи-картезианцы. Один из них, уроженец Борго, назвал его при мне святым, и я спросил у него на ушко, почему он зовет его святым, если вокруг него нарисованы гербы многих незаконно захваченных им городов, на которые он не имел никаких прав (его изображение на коне, высеченное из камня, возвышалось над алтарем, и останки находились под ногами коня); и тот тихо ответил: «Мы здесь у себя зовем святыми всех, кто делает нам добро». Ведь он построил им эту прекрасную картезианскую церковь, всю из чудного мрамора, которая является самой красивой, какую только мне когда-либо приходилось видеть.

В продолжение нужно сказать, что мессир Галеаццо мечтал о власти. И, как я думаю, герцог Миланский, на чьей незаконной дочери он был женат, обнадуживал его, выказывая желание сделать его своим преемником, как если бы тот был его сыном, поскольку у герцога не было взрослых детей. Флорентийцы очень жестоко обращались с пизанцами, словно с рабами; они завоевали их около 100 лет назад, в тот год, когда венецианцы захватили Падую, положив начало своим владениям на материке⁷. Эти два города, примерно равные по числу жителей, оказались в одинаковом положении, они были старыми врагами своих завоевателей, вражда с которыми началась задолго до их покорения. Пизанцы собрали совет, и, согласившись с тем, что предложил им сделать столь могущественный человек, как мессир Галеаццо, они после заседания, чтобы добиться свободы, большой толпой вышли навстречу королю, шедшему к мессе, и все, как мужчины, так и женщины, стали кричать: «Свобода! Свобода!», умоляя его со слезами на глазах даровать им ее. Один докладчик и советник парламента в Дофине по имени Рабо, шедший перед королем, сказал ему – то ли выполняя чье-то поручение, то ли свое обещание, а может, и не понимая, чего они просят, – что они достойны сострадания ввиду жестокого обращения с ними и что им нужно пожаловать то, чего они добиваются. И король, даже не понимавший, что значит это слово «свобода» и не способный, естественно, дать им ее, так как город не принадлежал ему и он был там лишь дружески принят, когда оказался в большой нужде, – король, который едва начинал постигать беды Италии и понимать, как обращаются государи и коммуны со своими подданными, ответил, что будет рад сделать это. Советник, названный мною, передал им его слова, и народ сразу же закричал: «Ноэль!»⁸. Они бросились к очень красивому мосту через реку Арно и сбросили на землю большого льва, стоявшего на массивном постаменте из мрамора при входе на мост и называвшегося Мардзокко (он символизировал флорентийскую синьорию), а затем столкнули его в реку; а на этом постаменте позднее поставили изображение короля Франции, с мечом в руке и попирающего своим коном Мардзокко, т. е. льва. Впоследствии, когда в город вошел римский король, они поступили со статуей короля так же, как и со львом. Но таково уж свойство народа в Италии – угождать более сильным; однако с ним так дурно обращались и обращаются, что он заслуживает извинения.

ГЛАВА X

Король покинул Пизу, где недолго пробыл⁹, и направился к Флоренции. Там ему указали на тот урон, который он нанес флорентийцам, когда нарушил свое обещание и предоставил свободу пизанцам. Те, кому было поручено объяснить с флорентийцами по этому поводу, извинялись, говоря, что король сделал это по недоразумению, и вступили в новое соглашение, о котором я ниже расскажу (а сейчас лишь вкратце остановлюсь на том, как кончил Пьеро Медичи); они также договорились о въезде короля во Флоренцию, совершенном им после того, как он оставил гарнизоны в Пизе и в других городах, что были ему открыты.

Названный Пьеро после передачи королю упомянутых мной городов, что было сделано отчасти с согласия флорентийцев, полагал, что король их не будет удерживать и что как только он выедет из Пизы, где ему нечего было делать более трех или четырех дней, то он вернет ее ему. Думаю, что если бы король пожелал провести в ней зиму, то флорентийцы согласились бы, хотя Пиза была им дороже всего, даже Флоренции, не

считая их собственными жизнью и имуществом. Когда Пьеро вернулся во Флоренцию, то встретил там суровый прием со стороны всех, и было это не без причины: ведь он лишил их всей силы и мощи, всего, что они завоевали за 100 лет; казалось, что их сердца предчувствовали будущие беды. И как по этой причине, которая, по-моему, была главной, хотя они никогда об этом не говорили, так и из ненависти к Пьеро, о чем я уже говорил, они задумали вернуть свою свободу, которую, как считали, у них отняли, и решили изгнать его из города, забыв о благодеяниях его предшественников Козимо и Лоренцо Медичи.

Хотя Пьеро Медичи не знал об этом, он тем не менее пребывал в тревоге; он направился ко дворцу Синьории, чтобы переговорить о приеме короля, который находился в трех милях от города. При Пьеро, как обычно, была его охрана; когда он постучался в ворота дворца, то один человек из Нерли, которого я знал, как и его отца (а их было несколько братьев, очень богатых), ему сказал, что войти он может не иначе, как только один; причем этот человек был вооружен. Пьеро немедленно вернулся домой, вооружился и вооружил слуг и дал знать об этом некоему Паоло Орсини, находившемуся на содержании флорентийцев, ибо Пьеро по матери был Орсини и всегда, как и его отец, держал при себе кого-нибудь из этого дома; он решил сопротивляться, а в случае неудачи покинуть город. Скоро он услышал повсюду крики: «Свобода! Свобода!» — и увидел вооруженный народ. И он, вняв доброму совету, покинул город с помощью Паоло Орсини, и это была скорбная развязка для него, если учесть, что могуществом и богатством он и его предшественники, начиная с Козимо, главы дома, были равны великим государям. Но в этот день судьба отвернулась от него и он потерял и честь, и состояние.

Я тогда находился в Венеции и узнал эти грустные для меня новости (поскольку я любил его отца) от флорентийского посла; если бы Пьеро доверился мне в свое время, то с ним бы не приключилось это несчастье; ведь по прибытии в Венецию я написал ему и предложил заключить соглашение, на которое мне были даны устные полномочия от сенешала Бокера и генерального сборщика, и если бы он согласился на него, то король, к своему удовлетворению, получил бы проход или, в худшем случае, заполучил бы в свои руки Ливорно и сделал бы для Пьеро все, что бы тот ни пожелал. Но он прислал мне насмешливый ответ через того сира Пьеро Каппони, которого я выше упоминал. Флорентийский посол на следующий день передал Синьории письмо от своей Синьории, в котором сообщалось об изгнании Пьеро за то, что он пожелал стать сеньором города с помощью Арагонского дома и Орсини, и излагались многие другие ложные обвинения. И таковы уж злоключения этой жизни, что если кто разбит и бежит, то он всюду встретит одних лишь преследователей, и даже друзья станут врагами, как этот посол по имени Паоло Антонио Содерини, один из самых мудрей людей в Италии: накануне он говорил мне о Пьеро как о своем естественном сеньоре, а потом, по приказу своей Синьории, объявил себя его врагом, но от себя лично он, правда, не сделал никаких заявлений. Через день стало известно, что Пьеро едет в Венецию, а король с большим триумфом вошел во Флоренцию; и тогда венецианцы письменно известили посла, что ему следует покинуть их Синьорию и вернуться назад, воспользовавшись дувшим в это время попутным ветром (я видел это письмо, которое он мне показал); и он уехал.

Два дня спустя приехал Пьеро, в коротком платье, похожем на платье слуги; в Венеции его приняли с большими сомнениями, настолько там боялись не угодить королю. Однако по здравому рассуждению они не могли отказать ему и старались узнать от меня, что скажет об этом король, а пока в течение двух дней держали его за городом. Мне хотелось помочь ему, и никаких инструкций, враждебных ему, я от короля не имел, поэтому я сказал венецианцам, что, как полагаю, Пьеро бежал от страха перед народом, а не от короля. И тогда ему позволили войти в город. Я посетил его на следующий день после того, как он переговорил с Синьорией, которая его хорошо разместила, дозволила носить оружие в городе и содержать 15 или 20 вооруженных слуг; ему оказали большие почести, несмотря на то, что Козимо, о котором я говорил, помешал им в свое время овладеть Миланом; но, невзирая на это, к нему проявили уважение из почтения к его дому.

Когда я увидел его, то он мне показался человеком не способным вновь стать на ноги. Он долго рассказывал мне о своей злосчастной судьбе, и я по мере возможности утешал его. Между прочим, он рассказал, что потерял все свое имущество и в довершение этого один его фактор, оставшийся в городе, отказал ему в его просьбе прислать сукно для него самого, его брата и для Паоло Орсини на сумму всего в 100 дукатов. Вскоре он получил через монсеньора де Бресса, ставшего позднее герцогом Савойским, известие от короля, который пригласил его к себе. Король же тем временем уже уехал из Флоренции, как будет ниже сказано.

ГЛАВА XI

Сейчас мне потребовалось немного времени, чтобы рассказать об этом Пьеро Медичи, и это достойно удивления, ибо власть его дома продолжалась 60 лет и была столь великой, что больше и быть не может. На следующий день после его бегства из Флоренции король вошел в город, где Пьеро приготовил для него свой дом. Туда заранее прибыл сеньор де Бальзак, чтобы устроить жилье, и когда он узнал о бегстве Пьеро Медичи, то принялся грабить все, что только попадалось ему в доме, говоря, что их банкир в Лионе должен ему большую сумму денег. Среди прочего он взял целый рог единорога¹⁰, стоивший шесть или семь тысяч дукатов, два больших куска от другого рога и много других вещей. Остальные делали то же, что и он. В один из домов города было снесено все самое ценное, и народ все растащил. На долю Синьории пришлось наиболее богатые драгоценности, около 20 тысяч дукатов, имевшихся в наличии в городском банке, много прекрасных агатовых сосудов и такие красивые камни, что диву даваться можно (я их видел однажды), а также около трех тысяч

золотых и серебряных медалей весом в 40 фунтов, таких красивых, что, думаю, нигде в Италии больше не было подобных. Все имущество, потерянное им за этот день, стоило 100 тысяч экю.

Итак, король, как сказано, прибыл во Флоренцию и заключил с горожанами договор; они, полагаю, сделали это по доброй воле. Королю они выплатили 120 тысяч дукатов, из которых 50 тысяч сразу же, а остальные в два приема через довольно краткие сроки. Они передавали королю все свои города, о которых я говорил, и изменяли свой герб: вместо прежней красной линии они брали королевский герб; король взял их под свое покровительство и охрану и поклялся на алтаре святого Иоанна в том, что вернет им города через четыре месяца после того, как войдет в Неаполь, или же раньше, если вернется во Францию; но события повернулись иначе, о чем речь будет впереди.

Он недолго оставался во Флоренции и направился в Сиену, где был хорошо принят, а оттуда – в Витербо, где его враги имели намерение засесть и укрепиться, чтобы в случае благоприятных обстоятельств дать бой (как мне рассказывал посол короля Альфонса и посол папы в Венеции), но дон Ферранте отступил к Риму. По правде говоря, я ожидал, что король Альфонс выступит собственной персоной, поскольку считался неустранимым, а сына оставит в королевстве, тем более что это место, Витербо, как мне кажется, имело очень выгодное для них расположение: за их спиной были бы королевство Неаполитанское, земли папы и крепости, принадлежавшие Орсини. Поэтому я был поражен, когда мне пришло письмо от короля из Витербо; позднее командор сдал ему и замок в Витербо, и все это при содействии кардинала Сан-Пьетро-ин-винколи, который вместе с домом Колонна управлял этими городами. Мне казалось тогда, что господь желает положить конец этому походу, и я написал королю и посоветовал заключить доброе соглашение, но затем раскаялся в этом, поскольку его противники сами искали соглашения с ним.

Акквапенденте и Монтефьясконе, как и все крепости в округе, были сданы ему еще до Витербо, о чем я узнал из его собственных писем и тех депеш, что получала Синьория, которую ее послы извещали обо всем происходившем день за днем, и мне показывали некоторые из них или уведомляли об их содержании через секретарей.

Оттуда король направился в Непи и затем в земли, принадлежавшие Орсини; все эти земли были переданы ему незаконным сыном сеньора Вирджинио Орсини, сеньором Карло Орсини, якобы по приказу отца, который состоял на службе у короля Альфонса и говорил, что будет помогать ему до тех пор, пока дон Ферранте держится в Риме и землях церкви, но не более того. Так вот и живут в Италии сеньоры и капитаны: беспрестанно вступая в сделки со своими противниками из страха, что окажутся в накладе. Затем король был принят в Браччано, главном городе сеньора Вирджинио, красивом, хорошо укрепленном и имеющем большой запас продовольствия. Я слышал, что король остался чрезвычайно доволен и городом, и оказанным ему там приемом, ибо его армия, как никогда до этого, крайне нуждалась в продовольствии. И если учесть, сколько раз эта армия оказывалась на грани развала с тех пор, как собралась во Вьенне, в Дофине, и какими судьбами она сохранялась, то станет ясно, что вел ее сам господь.

ГЛАВА XII

Из Браччано король отправил кардинала Сан-Пьетро-ин-винколи в Остию, которая была его епархией. Это был важный город и владели им Колонна, захватившие его у папы; немного позднее люди папы отняли его у кардинала¹¹. Город был укреплен слабо, но с давних пор он держал Рим в большой зависимости от себя. Названный кардинал был большим другом дома Колонна, который принял нашу сторону благодаря кардиналу Асканио, брату герцога Миланского и вице-канцлеру в Риме¹², и питал ненависть к Орсини, ибо Колонна и Орсини всегда противостояли и противостоят друг другу, как у нас Люсы и Граммоны или в Голландии Хуки и Кабиллау¹³.

Если бы не эти раздоры между Колонна и Орсини, то папские земли были бы самым благодатным в мире краем, ибо там не платят ни тальи, ни других налогов, и ими всегда бы хорошо управляли, ибо папы всегда мудры и пользуются добрыми советами; но вместо этого там очень часто происходят грабежи и жестокие массовые убийства. Вот уж четыре года, как мы видим, что это творят и те и другие, ибо позднее Колонна выступили против нас, что принесло им великий урон, поскольку они получили от нас более 20 тысяч дукатов ренты в Неаполитанском королевстве с таких прекрасных сеньорий, как графство Тальякоццо и прочие, ранее принадлежавшие Орсини, и имели многое другое, вроде солдат и пенсии; мы им ни в чем не отказывали, но они, изменив нам, поступили поистине вероломно и без всяких причин. Но нужно учесть, что с давних пор они были сторонниками Арагонского дома и других врагов Французского королевства, поскольку принадлежали к гибеллинам, а Орсини, как и флорентийцы, будучи гвельфами, поддерживали Францию.

Вместе с кардиналом Сан-Пьетро-ин-винколи в Остию был послан королевский майордом Перрон да Баски, который за три дня до этого привез морем, высадившись в Пьомбино, 20 тысяч дукатов (это были деньги, ссуженные герцогом Миланским); а при нашем небольшом флоте остался принц Салернский и некий сеньор де Серенон, из Прованса; буря их забросила на Корсику, сильно повредив суда, и они столько времени потратили на ремонт, что ни на что уж не могли пригодиться. Этот флот стоил больших денег, а короля нагнал лишь в Неаполе.

В Остии у кардинала было около 500 кавалеристов и две тысячи швейцарцев и при нем состояли граф де Линьи¹⁴, двоюродный брат короля по матери, сеньор д'Алегр и другие. Они задумали перейти там Тибр и затем окружить дона Ферранте, сидевшего в Риме, и сделать это при помощи и содействии Колонна; главами этого

дома в то время были Просперо и Фабрицио Колонна и кардинал Колонна, и им по поручению короля сеньор да Баски оплачивал две тысячи пехотинцев, которых они набрали по своему желанию и держали в принадлежавшем им городе Дженцано.

Нужно иметь в виду, что здесь я веду речь сразу о нескольких событиях, и о каждом из них необходимо кое-что сказать особо. Еще до того, как король овладел Витербо, он послал камергера сеньора де Тремойля, президента парламента де Гане – хранителя его печати и генерального сборщика Бидана в Рим на переговоры с папой, который, по итальянскому обычаю, все время с кем-нибудь о чем-то договаривался. Когда они были уже там, папа ночью впустил в город дона Ферранте со всей его армией и наших людей ненадолго посадил под арест. Но в тот же день папа выслал из города наших послов, оставив в заключении кардинала Асканио, вице-канцлера и брата герцога Миланского, и Просперо Колонна; некоторые говорят, что он сделал это по их просьбе. Обо всем этом я был немедленно извещен письмом короля, а Синьория получила от своих людей еще более полные сведения. Все это случилось до того, как король вошел в Витербо, а он ни в одном месте более чем на два дня не задерживался; и разворачивались события для нас гораздо успешнее, чем можно было ожидать, ибо, как все понимали, в это вмешался господь — владыка сеньоров.

Наша армия, стоявшая в Остии, из-за плохой погоды бездействовала. Нужно также иметь в виду, что люди, которых привел монсеньор д'Обиньи, вместе с ним вернулись назад и были не у дел. Около 50 итальянских солдат, находившихся вместе с ним в Романье под командованием сеньора Родольфо Мантуанского¹⁵, сеньора Галеотто делла Мирандола и брата сеньора Галеаццо да Сан-Северино Фракассы¹⁶, получив хорошую плату, были распущены. Как Вы уже слышали, король из Витербо направился в Непи, принадлежавший сеньору Асканио. И самым приятным известием для него было то, что, пока наши люди стояли в Остии, в Риме обвалилась более чем на 20 локтей в ширину стена, открыв проход в город.

Папа при неожиданном появлении нашего юного короля, которому благоприятствовала судьба, не имея другого выхода, согласился впустить короля в Рим и попросил охранную грамоту для дона Ферранте – герцога Калабрийского и единственного сына короля Альфонса; грамоту выдали, и дон Ферранте ночью выехал в Неаполь. Его провожал до ворот кардинал Асканио. Король вступил в Рим¹⁷ при оружии, желая дать понять, что он имеет право повсюду поступать так, как ему угодно; навстречу ему вышли некоторые кардиналы, губернаторы и сенаторы города. Ему предоставили дворец святого Марка (что находится в том квартале, где жили тогда Колонна со своими друзьями и сторонниками), а папа укрылся в замке Святого Ангела.

ГЛАВА XIII

Можно ли поверить в то, чтобы король Альфонс, столь гордый и выросший на ратном поле, а также его сын и все эти могущественные Орсини побоялись остаться в Риме? Ведь они видели и знали, что герцог Миланский и венецианцы заколебались и стали договариваться о создании лиги против короля, которая, как я уверен, была бы создана, если бы королю оказали сопротивление в Витербо и Риме и задержали бы его на несколько дней. В общем, господь пожелал дать знать, что все это выше человеческого разума; и надо заметить, что после обвала в Риме городской стены обвалилась на 15 локтей и наружная стена замка Святого Ангела, как мне рассказывали некоторые, в том числе и два кардинала, присутствовавшие при этом и положившие много труда, дабы убедить короля, что это – чудесное знамение и что папу нужно взять силой, о чем я позднее расскажу.

Однако следует немного сказать и о короле Альфонсе. Как только герцог Калабрийский дон Ферранте, о котором я не раз говорил, вернулся в Неаполь, его отец, король Альфонс, решил, что недостойн короны по причине своих жестоких злодеяний, жертвой которых стало около 24 принцев и баронов. Он их схватил, нарушив данное им с отцом обещание, и сразу же после смерти отца казнил (его отец держал их некоторое время под стражей после войны, начатой ими против него¹⁸); так же он поступил и с двумя другими, арестованными его отцом, в нарушение обещания о безопасности, и одним из них был принц Россано, герцог Сесский. Этот герцог был женат на сестре дона Ферранте и имел от нее сына, которого женил, чтобы обезопасить его, на дочери дона Ферранте¹⁹, поскольку сам герцог замышлял изменить дону Ферранте, за что сумел бы избежать наказания, если бы не вернулся по требованию короля, получив заверения в безопасности, и не был схвачен. Дон Ферранте посадил в тюрьму сначала его самого, а затем и сына, когда тому исполнилось 15 или 16 лет. Отец пробыл в заключении 34 года к тому часу, когда Альфонс стал королем; а Альфонс велел всех этих узников перевезти на Искью, небольшой остров возле Неаполя, и всех там убить. Но кое-кто остался в неаполитанском замке, как, например, сын принца Россано и граф Пополо. Я усердно выспрашивал, как же их убили, ведь многие считали их живыми, когда наш король вошел в Неаполь, и один из их доверенных слуг рассказал мне, что убиты они были одним африканским мавром (которому было приказано сразу же уехать в Берберию, чтобы преступление не вышло наружу) без всякого снисхождения к старости этих принцев, проведших 34 года в заключении.

Король Альфонс был самым жестокосердным, самым порочным и сластолюбивым человеком. А его отец был еще более страшным, ибо никто никогда не мог предвидеть его гнева, и, оказав какому-либо человеку радушный прием, он бывало его вероломно хватал, как поступил с графом Якопо²⁰, которого схватил и казнил, хотя тот был послом герцога Франческо Миланского, на незаконной дочери которого король был женат (правда, это дело было между герцогом и королем согласовано, поскольку они оба боялись доблестного Якопо и его товарищей, которых называли Браччески²¹; и был Якопо сыном Николо Пиччинино); таким способом он

схватил и многих других, без всякого к ним милосердия и пощады, о чем рассказывали мне его приближенные; не имел он никакого сострадания и к народу.

А что до их страсти к деньгам, то они оба держали в руках всю торговлю в королевстве и доходили до того, что раздавали народу свиней для выпаса и откормки, дабы повыгоднее их затем продать; а если у кого-либо свинья умирала, то тот обязан был заплатить за нее. В местах изготовления оливкового масла, как, например, в Апулии, они скупали его по установленной ими самими цене; так же было и с пшеницей, которую они закупали до того, как она созреет, а затем продавали по самой высокой цене. А если их товар падал в цене, они принуждали народ поднимать цены; и в то время, когда продавали они, никто другой продавать не имел права. Если бывало узнают, что какой-нибудь сеньор или барон хорошо ведет хозяйство и скопил немалую сумму, то требовали у него дать взаймы, и тот под угрозой вынужден был уступать. Они отнимали у сеньоров лошадей для выведения хорошей породы (а пород было несколько) и заставляли сеньоров разводить их для них. А пасти эти свои стада, насчитывавшие многие тысячи коней, кобылиц и жеребят, посылали в разные места на пастбища все тех же сеньоров и других людей, причиняя им большой ущерб.

Оба они учинили насилие над многими женщинами. К церкви они не испытывали никакого почтения и не повиновались ее установлениям. Продавали епископства, и отец продал, например, епископство Тарентское за 13 тысяч дукатов одному еврею для его сына, принявшего крещение. Несколько аббатств они передали своим сокольничим для их сыновей, говоря им при этом: «Вам ведь придется держать так много соколов и кормить так много людей за свой счет!». Сын никогда не соблюдал поста и даже вида не делал. Они оба многие годы прожили без исповеди и причастия. Так что хуже, чем они, и жить невозможно. Некоторые люди, правда, говорили, что молодой король Ферранте был бы еще хуже (хотя перед смертью он стал смиренным и милосердным), если бы не оказался в нужде.

ГЛАВА XIV

Читателям может, пожалуй, показаться, что я говорю все это из какой-то личной ненависти к ним. Но право же, это не так; я говорю это, чтобы продолжить воспоминания и показать, что нашим походом с самого начала руководить человеку было невозможно и что это делал сам господь, избравший нашего доброго и юного короля, которому столь дурно служили и армия которого была столь плохо снаряжена, своим орудием мести королям Неаполя, которые были столь мудры, богаты и опытны, имели так много мудрых людей, заинтересованных в защите королевства, так много союзников и приверженцев, что они издавна предвидели беду, но тем не менее не смогли ни обезопасить себя, ни защититься; ведь, кроме неаполитанского замка, нигде королю и одного дня не сопротивлялись. Как сказал нынешний папа Александр, французы пришли в деревянных шпорах и с фурьерским мелом в руках, чтобы без всяких затруднений пометить свои квартиры. И он сказал «деревянные шпоры» потому, что сейчас, когда молодые люди отправляются в город, пажи вставляют им в туфли небольшие деревянные колышки и они разъезжают на мулах, покачивая ногами.

Наши люди редко надевали доспехи во время этого похода; король прошел путь от Асти до Неаполя за четыре месяца и двенадцать дней; посол потратил бы на это меньше времени. Наконец, скажу, что, как я слышал от некоторых добрых людей, ведущих монашескую, святую жизнь, и от многих других (а ведь глас народа – глас божий), господь бог пожелал наказать королей Неаполя так, чтобы все это ясно видели, и тем самым дать урок всем королям и государям, дабы они жили как подобает добрым людям и в соответствии с заповедями божьими. Потому-то короли из Арагонского дома, о которых я веду речь, и лишились сразу и чести, и королевства, и больших богатств, и всякого рода имущества, которое разошлось по стольким рукам, что вряд ли можно узнать, где оно теперь; а кроме того, трое из них за год или чуть более лишились и жизни, но надеюсь, что души свои они не загубили. Ведь король Ферранте, бывший незаконным сыном Альфонса²² (а этот Альфонс был королем мудрым, честным и добродетельным), перенес великие мучения, когда узнал о выступлении против него французской армии, от которой он не мог себя обезопасить; и он понимал, ибо был очень мудрым человеком, что они с сыном прожили жизнь дурно и навлекли на себя всеобщую ненависть. Во время перестройки одной капеллы, как меня уверяли некоторые из наиболее близких к нему людей, была найдена книга, на обложке которой было написано: «Король и его тайный совет», и в ней якобы были перечислены все его злодеяния; ее видели только трое, ибо он бросил ее в огонь.

Причиняло ему страдание еще и то, что его сын Альфонс и внук Ферранте не желали верить в приход французов и отзывались о нашем короле презрительно, угрожая встретить его у самых Альпийских гор, и они едва было не исполнили свою угрозу. Несмотря на его запреты, они не желали молчать; и он говорил им, что молит бога, чтобы им никогда не пришлось столкнуться с французским королем в Италии, и что ему самому пришлось перенести много бедствий из-за французов, хотя он и вел борьбу лишь с одним незначительным человеком из Анжуйского дома – герцогом Жаном, сыном короля Рене. Он из всех сил старался с помощью своего посла по имени мессир Камилло Пандоне остановить короля, пока тот еще не тронулся в поход, и предлагал стать его данником и выплачивать 50 тысяч дукатов в год, а также признать его сеньором своего королевства и принести ему клятву верности и оммаж. Но, видя, что не может добиться какого-либо мира ни с нами, ни с Миланским государством, он от этого заболел и умер²³; обуреваемый душевными муками, он исповедался и, надеюсь, покался в грехах.

Его жестокий и грозный сын Альфонс, постоянно находившийся при армии, пока наш король не вышел из Рима, отказался от короны. Им овладел такой страх, что все ночи напролет он кричал, будто слышит

французов и что деревья и камни вопиют: «Франция!» — и не осмеливался выйти из Неаполя. А когда его сын вернулся из Рима, он ввел его во владение королевством, и тот короновался и проехал по Неаполю в сопровождении наиболее важных особ, таких, как его дядя дон Федерико, кардинал Генуэзский и послы; а затем были устроены все положенные по такому случаю торжества.

А сам Альфонс бежал на Сицилию с королевой, своей мачехой (она была сестрой короля Фердинанда Кастильского, ныне живущего, которому и принадлежало королевство Сицилия), в один из ее городов. Это была великая новость для всех, и особенно для Венеции, где я тогда находился. Одни говорили, что он отправился к Турку, другие — что он уехал, дабы облегчить положение сына, к которому в королевстве не питали такой ненависти, как к нему; а по-моему, он поступил так из одной лишь трусости, ибо жестокие люди никогда не были смелыми, о чем известно из истории и о чем свидетельствует отчаянье Нерона и некоторых других.

Он так спешил уехать, что сказал своей мачехе в день отъезда, как передавали мне те, что были с ним, что если она сегодня не поедет, то он бросит ее. И она попросила, чтобы он подождал еще трое суток, дабы исполнился ровно год с того дня, как он стал королем, на что он ответил, что если ему не позволят уехать, то он выбросится из окна, и добавил: «Разве вы не слышите, как все кричат: “Франция!”». И тогда они сели на галеру. Он захватил с собой всяких вин, ибо любил вино более всего, и различных семян, чтобы развести сад, но никакого распоряжения об имуществе и состоянии не сделал, и оно почти все осталось в неаполитанском замке. Он взял лишь кое-какие драгоценности и немного денег, и они направились в ее город в Сицилии, а оттуда в Мессину или Палермо. Он повез с собой нескольких монахов, так как дал обет уйти из мира, и особенно он любил одетых в белое монахов из Монте-Оливето (они-то мне и рассказали обо всем этом, когда были в Венеции, где в их монастыре покоятся мощи святой Елены). Там он с этими монахами стал вести самую святую жизнь, денно и ночью служа богу, как они это делают в своих монастырях, живя постоянно в постах, воздержании и творя милостыни. А затем с ним случилась страшная болезнь — у него появился песок в моче, а тело покрылось язвами. Как мне говорили, никогда еще ни один человек так не мучился, как он; однако он проявил великое терпение и решил постричься в монахи и дожить свои дни в одном из монастырей Валенсии Великой. Но болезнь его так прихватила, что он недолго прожил и умер; есть, однако, надежда, что ввиду полного раскаяния душа его удостоилась райской славы.

Сын ненамного пережил его и умер от лихорадки и дизентерии. Думаю, что им лучше было бы вообще не появляться на свет. Так что менее чем за два года в Неаполе перебивало пять королей: троих я называл, а еще король Карл VIII Французский и ныне царствующий дон Федерико, брат Альфонса.

ГЛАВА XV

Для большей ясности следует сказать, что, как только дон Ферранте короновался, он почувствовал себя новым человеком и решил, что с бегством отца все прежние обиды и вражда исчезли. Он набрал сколько смог людей, как конных, так и пеших, и двинулся к границе королевства в Сан-Джермано, хорошо укрепленное и удобное для обороны место, через которое французы позднее прошли дважды; он разбил там лагерь и поставил в городе гарнизон. Место это было защищено маленькой речкой, которую не всегда можно было перейти вброд, горами и расположенным у их подножья замком. И тогда-то друзья Ферранте воспряли духом.

Король в это время находился еще в Риме, где пробыл по меньшей мере дней 20 и вел кое-какие переговоры. При нем были соблюдавшие нейтралитет 18 кардиналов и другие особы, и среди них — упомянутый Асканио, вице-канцлер и брат герцога Миланского, и кардинал Сан-Пьетро-ин-винколи, сильно враждовавшие и с папой, и между собой, а также епископ Горицийский, кардинал Сен-Дени, кардинал Сан-Северино, кардинал Савелли, Колонна и другие. Все они желали устроить над папой, отсиживавшимся в замке Святого Ангела, суд и избрать нового. Дважды наша артиллерия была готова открыть огонь по замку, как мне рассказывали наиболее видные лица, но король по своей доброте всегда противился этому. Замок оборонять было трудно, так как насыпь была искусственной и небольшой, а часть стены чудом обвалилась. Папу они обвиняли в том, что он купил свое священное достоинство, и это было правдой; главным купцом, всем этим заправлявшим, был при этом упомянутый Асканио, который получил большие деньги и в качестве вице-канцлера стал управляющим дворцом и имуществом папы и многими городами патримония святого Петра. Они спорили из-за того, кому быть папой, однако, по-моему, они могли бы прийти к согласию и избрать нового папу, удобного королю, и даже папу-француза. Не знаю, хорошо или плохо поступил бы в этом случае король, но уверен, что он сделал бы все возможное, чтобы добиться мирного соглашения; однако он был слишком молод и окружен дурными наставниками, чтобы заняться таким великим делом, как реформа церкви; на это он имел полное право, однако ему не удалось ее провести. Не сомневаюсь, что все сведущие и разумные люди сочли бы реформу благим, великим и весьма святым делом, но она требовала огромного труда; так что намерение короля в данном случае было благим (и оно до сих пор остается таковым), но ему некому было помочь.

Поэтому король избрал иной путь и заключил с папой мирное соглашение, которое, правда, не могло долго оставаться в силе, поскольку папу принудили к нему и он слишком явно готовился к организации лиги против короля, о которой позднее пойдет речь. По этому соглашению, папа примирился с кардиналами и некоторым из них, как присутствовавшим, так и отсутствовавшим, обязался платить за кардинальскую шапку. Папа обещал предоставить королю четыре города: Террачину и Чивитавеккью, которые он отдал, Витербо, уже

взятый королем, и Сполето, так и не отданный, несмотря на обещание. Они должны были быть возвращены папе, как только король покинет Неаполь, что и было сделано, хотя папа его и обманул. По соглашению, королю передавался также брат Турка, за которого получали от Турка 45 тысяч дукатов в год и потому боялись его потерять²⁴. Папа также обещал не назначать ни на одно церковное место своих людей без согласия короля; были и другие пункты касательно консистории. Своего сына, кардинала Валенсии, папа давал в заложники²⁵, назначив его легатом при короле. А король со всем смирением, на которое только способны короли, выразил папе сыновнее почтение. Папа возвел в сан кардинала двоих его людей: генерального сборщика (которого чаще всего звали просто генералом), бывшего до этого епископом Сен-Мало, и епископа Ле-Мана, происходившего из дома Сен-Полей, который в это время находился во Франции.

ГЛАВА XVI

Когда дела эти были завершены, король покинул Рим²⁶ большим другом папы, как ему казалось; но восемь кардиналов уехали из Рима, недовольные соглашением, и шестеро из них были сторонниками вице-канцлера и кардинала Сан-Пьетро-ин-винколи, хотя, как кажется, Асканию лишь притворялся, а в душе был согласен с папой, но его брат, герцог Миланский, еще не порвал с нами. Король направился в Дженцано, а оттуда в Веллетри, и там кардинал Валенсии бежал от него. На следующий день король взял штурмом Монтефортино, принадлежавший Якопо Конти, который взял у короля деньги и затем перешел на сторону противника, ибо Конти были сторонниками Орсини; при этом были перебиты все осажденные.

После этого король пошел в Вальмонтоне, принадлежавший дому Колонна, а затем остановился в четырех милях от Монте-Сан-Джованни, очень сильной крепости, которая была взята (и все или почти все находившиеся там – убиты) только после семи- или восьмичасового обстрела; она принадлежала маркизу Пескаро и находилась на папской земле; и там соединились все силы французской армии.

Оттуда король направился к отстоявшему в 16 милях или около того Сан-Джермано, где король Ферранте, только что венчанный на царство, расположился лагерем, как было выше сказано, со всеми набранными им людьми. Это была его последняя надежда, и, кроме этого места, сражаться было уже негде, ибо оно лежало на границе его королевства и было удобно расположено благодаря речке и горам.

И он направил множество людей для охраны и обороны горного ущелья Канчелле, в шести милях от Сан-Джермано.

Но еще до того, как король подошел к Сан-Джермано, король Ферранте в беспорядке отступил, оставил и город, и горный проход. В этот день нашим авангардом командовал монсеньор де Гиз, а король шел сразу за авангардом. В ущелье Канчелле был направлен монсеньор де Рье, и засевшие там арагонцы очистили его; после этого король вступил в Сан-Джермано. Король Ферранте бежал прямо в Капуу, где жители отказались впустить его солдат и разрешили войти лишь ему самому с небольшим количеством людей. Но он там не задержался и, опасаясь восстания, каковое и случилось, выехал в Неаполь, обратившись к капуанцам с просьбой стоять за него и обещав на следующий день вернуться; ночью все его люди должны были дожидаться его в Капуе, но, вернувшись через день, он никого не застал, ибо все ушли; сеньор Вирджинио Орсини и его кузен граф Питильяно пошли в Нолу и там со своими людьми были захвачены нашими. Они утверждали, что имеют охранную грамоту и что с ними поступают не по праву; грамота действительно была, но на руках они ее не имели. Их не заставили ничего платить, но злоключения и неприятности они перенесли большие.

Из Сан-Джермано король двинулся в Миньяно и Трани, которые ему были открыты. Затем он расположился в Кальви, в двух милях от Капуи. Туда к нему пришли жители Капуи договориться о передаче города, и король вступил в Капуу со всей армией. А из Капуи он на следующий день пошел в Аверсу, что на полпути от Капуи до Неаполя и на расстоянии пяти миль от каждого из городов; там его посетили неаполитанцы и договорились с ним о сдаче города, сохранив за собой свои старые привилегии; и в Неаполь первыми были отправлены маршал де Жье, сенешал Бокера, хранитель печати президент Гане и секретари.

Король Ферранте, видя, что народ и вооруженная знать восстали против него и накануне его приезда разграбили его большую конюшню, сел на галеру и отплыл на Искью, остров в 18 милях от Неаполя. А наш король с великой радостью и торжественностью был принят в городе²⁷; все вышли ему навстречу, и первыми те, кто всего более был обязан Арагонскому дому, вроде членов дома Караффа, которые получили от Арагонского короля 40 тысяч дукатов дохода в виде наследственного имущества и бенефициев; ведь короли там передают земли своего домена в держания, и то же самое делают и другие, так что во всем королевстве, как думаю, не найдется и трех человек, которые бы не держали своего имени либо от короны, либо от кого другого.

Никогда еще народ не выражал такой любви к королю и его нации, как в этот день; людям казалось, что они полностью избавились от тирании, и они по своей воле переходили на нашу сторону. В Калабрии перешли все, хотя туда были посланы без войска только монсеньор д'Обиньи и Перрон да Баски. По доброй воле перешла и вся Абруцце, начиная с города Аквила, которая всегда была доброй сторонницей французов. Перешли и все города Апулии, за исключением хорошо укрепленного и бдительно охранявшегося Бриндизи и Галлиполи, который также охранялся, ибо иначе народ там встал бы на нашу сторону. В Калабрии же не подчинились три города: Амантея и Тропея, ранее верные анжуйцам, а позднее поднявшие флаг нашего короля; но поскольку он передал их монсеньору де Преси и не пожелал включить в свой домен, они подняли арагонские флаги. Арагонским остался и замок Реджо; но они все держались благодаря тому, что король не

послал военных сил против них. Таранто сдался, как город, так и цитадель, и все по своей воле, поскольку в Апулию было отправлено немного наших людей. Король получил также Отранто, Монополи, Трани, Манфредонию, Барлетту и все остальные города, за исключением вышеназванных. В течение трех дней жители городов приходили к нашим людям, чтобы сдаться, и их направляли в Неаполь. Туда же съехались и все принцы и сеньоры королевства, чтобы принести оммаж, кроме маркиза Пескаро, но его братья и племянники приехали.

Граф Арена и маркиз Сквиллаче бежали в Сицилию, поскольку король отдал их земли монсеньору д'Обиньи. В Неаполь прибыли принц Салернский, приведший наш флот (который оказался бесполезным), его кузен принц Бизиньяно с братьями, герцог Мельфинский, герцог Гравинский, старый герцог Сорский, который давно уже продал свое герцогство кардиналу Сан-Пьетро-ин-винколи (а брат последнего, префект Рима, владеет им и поныне), граф Мантуоро, граф Фонди, граф Трипальда, граф Челано, который, будучи давно уже изгнанником, ехал вместе с королем, молодой граф Троянский из дома Косса, граф Пополо, которого освободили из неаполитанской тюрьмы вместе с молодым принцем Россано, уже упоминавшимся мной (он долгое время пробыл в заключении с отцом, который просидел 34 года; этот юный принц уехал с доном Ферранте), маркиз Котроне, все члены дома Кальдора, граф Маддалони, граф Марильяно (которые оба принадлежали к семейству Караффа, державшему всегда в своих руках высшие должности при Арагонском доме), а также и все остальные сеньоры королевства, кроме троих вышеназванных.

ГЛАВА XVII

Когда король Ферранте бежал из Неаполя, оставив в замке²⁸ маркиза Пескаро с некоторым числом немцев, он направился к отцу, чтобы получить помощь от Сицилии. Дон Федерико держался на море с несколькими галерами и дважды, получив охранную грамоту, приезжал переговорить с нашим королем. Он просил короля оставить его племяннику, дону Ферранте, часть королевства с королевским титулом, а за ним самим сохранить имущество его и жены, и в его отношении дело было несложным, поскольку он имел небольшие владения. Король предложил для него и его племянника земли во Франции, и я полагаю, что он выделил бы им хорошее большое герцогство, но они не согласились. А оставаясь в своем королевстве, они отказались бы от любого договора, какой бы им ни предложили, как только заметили бы, что дела оборачиваются в их пользу.

Перед неаполитанским замком, где были одни немцы, ибо маркиз Пескаро ушел оттуда, была расставлена артиллерия, и начался обстрел; и если бы кто отправил четыре пушки к острову Искья, то был взят бы и он. Но с этого и началось беды. Ибо взятые были все сопротивлявшиеся крепости, которых насчитывалось четыре или пять, и пошли пиры, празднества и турниры. Наши столь возгордились, что не считали уже итальянцев и за людей.

Король венчался на царство и расположился в Кастелло ди Капоана, а иногда наезжал в Монте Имперiale²⁹. Подданным он оказал большие милости и снизил подати; как я уверен, народ сам по себе от него не отвратился бы (хотя этот народ непостоянен), но ему следовало бы ублажить кое-кого из знатных людей, которых дурно приняли и грубо обошлись с ними у городских ворот. Лучше всего обращались с теми, кто из дома Караффа и которые были истыми арагонцами, хотя и у них многое отняли, не оставив им ни одной ни должности, ни службы; с анжуйцами вроде графа Марильяно³⁰ обращались хуже, чем с арагонцами. Был издан указ, в котором на президента Гане возлагалась вина за получение денег, а на сенешала – за то, что он присвоил герцогство Нольское и возвел себя в сан обер-камергера; этим же указом за всеми, кроме анжуйцев, сохранялись их владения и всем под угрозой судебного преследования запрещалось их расширять. А тех, кто самовольно захватил чужие земли, как граф Челано, силой выдворяли. Все службы и должности были отданы французам, причем одну и ту же должность давали и двоим, и троим. Все очень большие запасы продовольствия в неаполитанском замке³¹ были после его захвата с ведома короля розданы всем желающим.

Замок был сдан после соглашения с немцами, которые получили все имущество, что находилось в нем; был также взят после обстрела и Кастель дель Ово. Эта победа свидетельствует о том, что те, кто руководил этим походом, действовали не сами по себе; как ясно всем, это поистине было делом господним; но те крупные ошибки, о которых я сказал, были совершены людьми, ослепленными славой и не понимавшими, откуда идет это благо и честь, людьми, которые действовали в соответствии со своими дурными страстями и слишком малым опытом. И как видим, судьба так быстро и очевидно переменялась к ним, как быстро происходит смена дня и ночи на Готланде и в Норвегии, где летом дни длиннее, чем где-либо, и как только наступит ночь, тут же или чуть спустя, через четверть часа, уже наступает новый день. Точно так же всякий мудрый человек мог бы наблюдать, как в короткое время этот славный и добрый поход обернулся поражением, хотя он мог бы принести много блага и чести всему христианскому миру, если бы люди поняли, что их вел господь; ведь Турка, который еще жив и является самым никудышным человеком в мире, так же легко было бы ниспровергнуть, как и короля Альфонса; к тому же в руках нашего короля был его брат, которого тот боялся более всего на свете, но он недолго прожил после бегства кардинала Валенсии (говорят, что он был выдан королю уже отравленным)³².

А сколько тысяч христиан готово было восстать – никто и представить себе не может. Ведь от Отранто до Албании всего 60 миль, а от Албании до Константинополя около 18 дней перехода по суше, как мне подсчитали те, кто часто проделывал этот путь; и на этом пути нет ни одной крепости, кроме двух или трех, ибо

все остальные разрушены. Там три густонаселенные страны – Албания, Славония и Греция, и их жители постоянно ждали известий о нашем короле от своих друзей в Венеции и Апулии и сами писали им, ожидая лишь этого Мессию, чтобы восстать.

От имени короля к ним был послан епископ Дураццо, албанец³³; он разговаривал со множеством людей, с детьми и племянниками многих сеньоров и знатных особ этих областей: с родственниками Скандербеге, с сыном самого Константинопольского императора³⁴, с племянниками сеньора Константина, ныне правящего в Монферрате³⁵, которые были также племянниками или кузенами короля Сербии. Все они были готовы встать на сторону короля. Более 500 янычар перешло бы к нему; были бы взяты также благодаря сеньору Константину и его сторонникам (а он несколько дней прятался у меня в Венеции) и Скутари с Круей, поскольку Македония с Фессалией и Албанией составляли его патримоний, который некогда принадлежал Александру Великому; Скутари и Круя находятся рядом, и в свое время его отец или дядя заложил их венецианцам, но те потеряли Крую, а Скутари передали Турку по мирному договору.

Сеньор Константин находился в трех лье от этих городов, и он выполнил бы свой замысел, не задержись епископ Дураццо в Венеции на несколько дней после отъезда сеньора Константина. Я каждый день поторапливал епископа с отъездом, ибо мне он казался человеком легкомысленным, но он говорил, что сделает что-нибудь такое, что заставит всех говорить о себе. К несчастью, в тот день, когда венецианцы узнали о смерти переданного папой в руки короля брата Турка, они решили немедленно известить об этом Турка через своих секретарей, и приказали не пропускать в эту ночь ни одного судна мимо двух башен у входа в залив, и велели поставить дозор, ибо они опасались лишь того, что могут проскочить некоторые из стоявших в порту маленьких судов, называемых грипами, пришедших из Албании или с греческих островов; а ведь тот, кто первым принес бы эту новость Турку, получил бы хороший подарок.

А бедный архиепископ хотел выехать к ожидавшемуся его сеньору Константину именно в эту самую ночь; он вез много мечей, щитов и дротиков для сторонников сеньора Константина, у которых ничего не было. Когда он проходил мимо двух башен, его вместе со слугами схватили и посадили в одну из них, а его судно пропустили. И тогда-то были найдены письма, раскрывавшие весь замысел. Как мне рассказывал сеньор Константин, венецианцы предупредили об этом самого Турка и его людей из ближайших крепостей; и если бы не прошедший вперед грип, скипер которого, албанец, известил его о происшедшем, то он был бы схвачен; но он бежал морем в Апулию.

ГЛАВА XVIII

Однако пора мне кое-что рассказать о Венеции и о том, зачем я там находился, пока король продвигался к Неаполю, взяв верх над своими противниками.

Я выехал из Асти, чтобы поблагодарить венецианцев за добрый ответ, что они дали двум послам короля, и чтобы поддержать, насколько это было в моих силах, нашу дружбу с ними; ибо по своей силе, уму и умению искусно действовать они были единственными в Италии, кто мог бы легко помешать королю.

Герцог Миланский, который помог мне в этой поездке, написал туда своему постоянному послу (а он там всегда держал кого-либо), чтобы тот составил мне компанию и поруководил мною. Этому послу Синьория выплачивала 100 дукатов в месяц, предоставила прекрасно устроенное жилище и три лодки бесплатно, чтобы ездить по городу. Венецианский посол в Милане имел то же самое, кроме лодок, поскольку там ездят на лошадях, а в Венеции – на лодках по воде.

В пути я проехал через их города – Брешию, Верону, Виченцу, Падую и другие. Везде мне оказывали большой почет, чтя того, кто меня послал, навстречу мне выезжало большое число людей вместе с их подеста, или капитаном (у них оба капитана одновременно не выходят из города и второй доезжает только до городских ворот). Они провожали меня в гостиницу и хозяину приказывали, чтобы он отменно принимал меня, с учтивыми словами оплачивая расходы. Но если сосчитать все чаевые, что приходилось давать музыкантам, трубачам и тамбуринщикам, то выгода от бесплатного обслуживания была уж не так и велика; но тем не менее обходились они со мной учтиво.

В тот день, когда мне предстояло приехать в Венецию, меня встретили в Фузине, в пяти милях от Венеции; там с судна, проходящего по реке из Падуи, пересаживаются на маленькие барки, очень чистые и с обитыми красивыми бархатными коврами сидениями. Оттуда плывут морем, ибо добраться до Венеции по суше нельзя; но море очень спокойное, не волнуемое ветром, и по этой причине в нем вылавливают множество рыбы всяких сортов.

Я был поражен видом этого города со множеством колоколен и монастырей, обилием домов, построенных на воде, где люди иначе и не передвигаются, как на этих лодках, очень маленьких, но способных, думаю, покрывать и 30 миль. Около города, на островах, в округе по меньшей мере в пол-лье, расположено около 70 монастырей, и все они, как мужские, так и женские, очень богаты и красивы и окружены прекрасными садами; и это не считая того, что расположено в самом городе, где монастыри четырех нищенствующих орденов, 72 прихода и множество братств; удивительное зрелище – столь большие красивые церкви, построенные на море.

В Фузину навстречу мне приехало 25 дворян, хорошо и богато одетых в красивые шелка и шарлаховое сукно; они приветствовали меня и проводили до церкви Сант-Андреа, что возле самого города, и там я вновь был встречен таким же числом других дворян, а также послами герцога Миланского и Феррарского. Они также

произнесли приветственную речь, а затем посадили меня на другие суда, которые они называли пяitto и которые гораздо больше первых; два из них были обиты алым атласом и застелены коврами, и в каждом из них помещалось 40 человек. Меня усадили между этими двумя послами (а в Италии почетно сидеть посредине) и провезли вдоль большой и широкой улицы, которая называется Большим каналом. По нему туда и сюда ходят галеры, и возле домов я видел суда водоизмещением в 400 бочек и больше. Думаю, что это самая прекрасная улица в мире и с самыми красивыми домами; она проходит через весь город.

Дома там очень большие и высокие, построенные из хорошего камня и красиво расписанные, они стоят уже давно (некоторые возведены 100 лет назад); все фасады из белого мрамора, который привозится из Истрии, в 100 милях оттуда; но много также на фасадах и порфира, и серпентинного мрамора. В большинстве домов по меньшей мере две комнаты с позолоченными плафонами, с богатыми каминами резного мрамора, с позолоченными кроватями, с разрисованными и позолоченными ширмами и множеством другой хорошей мебели. Это самый великолепный город, какой я только видел, там самый большой почет оказывают послам и иностранцам, самое мудрое управление и торжественней всего служат богу. И если у них и есть какие-либо недостатки, то уверен, что господь простит им за то, что они проявляют такое почтение к служению церкви.

В обществе 50 дворян я доехал до Сан-Джорджо – аббатства черного реформированного монашества, где меня и разместили. На следующий день за мной приехали и отвезли в Синьорию³⁶, где я представил свою грамоту дожу, председательствующему на всех их советах; он избирается пожизненно и почитается, как король; ему адресуются все послания, но один он всего делать не может. Его влияние гораздо большее, чем оно было бы у государя, если бы таковой имелся у них. Он был дожем уже 12 лет, и я нашел его человеком благонравным, мудрым и очень опытным в итальянских делах, а также приятным и любезным³⁷.

В этот день я ни о чем другом не вел разговоров; мне показали три или четыре комнаты с богатыми золочеными плафонами, с постелями и ширмами; сам дворец красив и роскошен, весь из тесаного мрамора, а с фасада и боков – из позолоченных камней, каждый из которых шириной примерно в дюйм. В этом дворце четыре прекрасных зала, богато позолоченных, и много других помещений, но двор маленький. Из комнаты дожа можно слушать мессу, которую служат у большого алтаря капеллы Сан-Марко, и эта капелла самая красивая и богатая в мире, хотя и называется лишь капеллой; она вся из мозаики. Они похваляются тем, что нашли секрет этого искусства и создали, как я видел, соответствующее ремесло.

В этой капелле находится их сокровищница, о которой много говорят, и состоит она из вещей, предназначенных для украшения церкви. Там есть 12 или 14 больших бриллиантов, каких я никогда не видел. Два из них – самые крупные, один в 700, а другой в 800 каратов, но они не чистой воды. Еще там дюжина золотых кирас, спереди и с боков украшенных очень хорошими камнями, и дюжина золотых корон, которые в старые времена надевали на себя во время некоторых праздников 12 женщин, называвшихся королевами, и проходили в них по островам и церквам. Короны однажды были похищены вместе с большей частью женщин города прятавшимися за островами грабителями из Истрии и Фриуля, что расположены поблизости; однако мужья бросились в погоню, настигли их, вернули все в Сан-Марко и основали капеллу, которую каждый год в день этой победы посещают члены Синьории. Там собраны большие богатства для украшения церкви, среди которых и много других золотых вещей в рубиновых, аметистовых и агатовых сосудах, а также в одном небольшом, но изумрудном; однако если все оценить, то это не такое уж великое сокровище. Просто золота и серебра в сокровищнице совсем нет, и, как сказал мне дож в присутствии членов Синьории, у них говорить о необходимости большой сокровищницы считается смертельным преступлением; и думаю, что они правильно поступают, опасаясь внутренних раздоров.

Затем мне показали арсенал, расположенный там, где они держат свои галеры и производят все необходимое для флота, и этот арсенал представляет собой самую удивительную ныне вещь на свете; но и в былые времена он был таковым.

Я пробыл там восемь месяцев, освобожденный от всех расходов, как и другие послы. И скажу Вам, что, по моему разумению, венецианцы столь мудры и настолько склонны усилить свою Синьорию, что когда они займутся этим, то их соседи проклянут этот час. Ибо венецианцы как никто хорошо понимали, что им нужно для защиты и обороны, и в то время когда король был в Италии, и позднее; и они по сию пору воюют с ним, расширяя свои владения за счет взятых в залог семи или восьми городов Апулии, которые неизвестно когда вернут. Когда король вошел в Италию, они не могли поверить, что он так легко и быстро берет города, ибо для них это было необычно; почему впоследствии и они, и другие в Италии стали строить и строят много крепостей.

Они не спешат расширять свои владения, как римляне, ибо не столь доблестны, и никто из них, в отличие от римлян, не отправляется воевать на материк, за исключением их проведиторов и казначеев, которые сопровождают капитанов, дают им советы и обеспечивают всем необходимым войско. Но все войны на море велись их собственными дворянами в качестве военачальников и капитанов галер и нефов и другими их подданными. Однако благодаря тому, что они лично не служат в сухопутных армиях, у них нет таких храбрых и доблестных людей, которые стремились бы к власти, как бывало в Риме, и поэтому они у себя в городе не знают гражданских смут, а это их самое большое богатство, какое только я вижу. И здесь они все прекрасно предусмотрели: у них ведь нет народных трибунов, которые у римлян были отчасти причиной разладов, поскольку народ не пользуется у них никаким доверием и никуда не приглашается, а все должности занимают

дворяне, за исключением секретарских. Кроме того, большая часть народа у них – из иноземцев. Они хорошо знают по Титу Ливию о всех ошибках, совершенных римлянами, поскольку изучают его историю и хранят его останки во дворце Падуи³⁸. И на основании этих и других соображений я говорю еще раз, что они – на пути к величию.

ГЛАВА XIX

Нужно, однако, рассказать о моей миссии, заключающейся в том, чтобы принести благодарность за добрые ответы, данные двум служителям короля, которые ранее посетили Венецию, и в том, чтобы получить согласие венецианцев на продолжение нашего похода, поскольку это было еще до того, как король вышел из Асти. Поэтому я напомнил им о прежних долговременных союзах между королями Франции и ими; более того, я предложил им Бриндизи и Отранто на условии их возвращения в случае, если им взамен будут даны лучшие земли в Греции. Они же произносили самые прекрасные слова о короле и его делах, поскольку не верили, что он пойдет дальше, а в ответ на мои предложения сказали, что они – друзья и слуги короля и не хотят, чтобы он покупал их любовь. Поэтому король не удерживал эти города и добивался, чтобы венецианцы вступили в войну на его стороне, чего они совсем не желали делать.

У венецианцев были также послы из Неаполя, которые ежедневно умоляли их о помощи, предлагая все что угодно, но, как признавался король Альфонс, правивший в то время, они потерпели неудачу, хотя и убеждали, что Венеция окажется в опасности, если наш король возьмет верх. Турок тоже прислал немедленно своего посла, которого я несколько раз видел; по наущению одного папского представителя он угрозами пытался заставить венецианцев объявить войну нашему королю. Они всем давали благоприятные ответы, ибо вначале не испытывали никакого страха перед нами и только смеялись. Кроме того, герцог Миланский передал им через своего посла, чтобы они ни о чем не заботились, ибо он-де знает способ, как спровадить короля назад так, чтобы у него ничего не осталось в Италии; то же самое он передал и Пьеро Медичи, как рассказывал мне этот последний.

Но когда они и герцог Миланский увидели, что король получил в свои руки города флорентийцев, особенно Пизу, то они прониклись страхом и заговорили о том, чтобы помешать его походу. Совещались они долго, а тем временем король продвигался все дальше: и ходили послы от одних к другим. Король Испании тоже начал бояться за острова Сицилию и Сардинию, а король римский проникся завистью, поскольку ему внушали опасения насчет имперской короны, и заявил, что король намерен ее захватить и просит уже об этом папу, хотя это была неправда.

Из-за своих опасений оба эти короля направили большие посольства в Венецию, когда я находился там. Король римский, бывший их соседом, послал четырех человек: епископа Тридентского³⁹, который был главным, двух рыцарей и одного доктора. Им был оказан большой почет, предоставлены хорошо устроенные жилища, как и мне, на расходы выдано по 10 дукатов в день и бесплатно кормили их лошадей, оставленных в Тревизо. Вскоре прибыл и один очень благородный рыцарь из Испании⁴⁰, хорошо одетый и с большой свитой, которого также приняли с большим почетом и освободили от всех расходов. Герцог Миланский, кроме своего постоянного посла, прислал еще епископа Комо и мессира Франческо Бернардино Висконти.

И начались тайные ночные совещания, ведшиеся вначале через секретарей; но никто, особенно герцог Миланский и венецианцы, не осмеливался еще публично выступить против нашего короля, ибо неизвестно было, удастся ли создать лигу, о которой стоял вопрос. Меня посетили послы Милана, принесли письмо от своего господина и сказали, что приехали потому, что венецианцы прислали еще двух послов в Милан, а так как миланцы обычно держат в Венеции только одного посла, то следовало прислать в ответ и других; но это была ложь, ибо все они собрались, чтобы организовать лигу против короля, однако столько стариков не могут быстро прийти к согласию.

Затем эти послы спросили меня, не знаю ли я, кто прибыл в качестве послов Испании и римского короля, чтобы они могли известить своего господина. Я был уведомлен из нескольких мест, как слугами послов, так и другими, что посол Испании переодетым проехал через Милан и что немцами руководил герцог Миланский. Я знал также, что неаполитанский посол постоянно передает пакеты с письмами, приходящие из Неаполя, и было все это до того, как король покинул Флоренцию⁴¹. Я расходовал много денег, чтобы быть осведомленным, а средствами я располагал большими; поэтому я знал о первоначальном содержании статей их договора, которые еще не были согласованы, поскольку венецианцы очень медлительны в таких делах. По этой причине, видя, что лига вот-вот будет создана, я не желал больше делать вид, будто ничего не знаю, и сказал миланским послам, что если они прибегают к столь странным приемам, то я намерен указать на то, что король вовсе не желает терять дружбу герцога Миланского, если только есть средство ее сохранить; и что я, как слуга короля, не хочу допустить и извинить того, что они, возможно, отправляют герцогу, своему господину, неблагоприятные донесения; и что я уверен в плохой осведомленности герцога, которому следует хорошо подумать, прежде чем терять признательность короля за его былые услуги; и что короли Франции никогда не проявляли неблагодарности, и какие бы слова ни были произнесены, взаимную любовь терять совсем не стоит, ибо она весьма полезна для обеих сторон. Я просил их соблаговолить высказать то, что их тревожит, дабы известить об этом короля, пока не случилось чего-либо непоправимого. Но они все заверили меня, произнеся великие клятвы, что не имеют никаких подобных намерений, и при этом лгали, поскольку приехали, чтобы обсудить вопрос о создании лиги.

На следующий день я направился в Синьорию, чтобы переговорить об этой лиге и высказать то, что считал необходимым в такой ситуации. Среди прочего я сказал им, что по союзному договору с нынешним королем и с его отцом, покойным королем Людовиком ни одна из сторон не может поддерживать врагов другой, поэтому они не могут, не нарушая обещания, вступить в лигу, о которой идет речь. Они попросили меня выйти, а затем, когда я вернулся, дож сказал мне, что не следует верить всему, что говорят в городе, ибо каждый волен говорить что угодно; и что они и в мыслях не держали создавать лигу против короля и не слышали о ней никогда, но, напротив, желают организовать лигу, объединяющую нашего короля, двух других королей и всю Италию против Турка, так чтобы каждый нес свою долю расходов, а если кто-либо в Италии не пожелает вносить положенной ему доли, то чтобы король и другие принудили его к этому силой. И они предложили заключить соглашение, по которому король получил бы определенную сумму денег наличными, а они помогли бы ему продвигаться дальше и взяли бы в залог города Апулии – те, которые они сейчас держат; кроме того, король был бы признан, с согласия папы, главой Неаполитанского королевства, и получал бы ежегодно некую сумму денег, и держал бы три города. Если бы господу было угодно, чтобы король пожелал тогда прислушаться к моим предупреждениям!

Я ответил, что не осмеливаюсь заключать такое соглашение, и просил их не торопиться с созданием этой лиги, сказав, что напишу обо всем королю; я обратился к ним с просьбой, которую обращал и к другим, высказать мне все их тревоги, не умалчивая ни о чем, в отличие от миланских послов. И они пожаловались на то, что король удерживает папские города, а еще более на то, что удерживает флорентийские, и особенно Пизу, сказав, что король не раз письменно заявлял, в том числе и им, о своем желании получить в Италии одно лишь Неаполитанское королевство и потом двинуться на Турка, тогда как сейчас он хочет захватить в Италии все, что возможно, и ничего не имеет против Турка. Еще они сказали, что монсеньор Орлеанский, оставшийся в Асти, внушает страх герцогу Миланскому, ибо его люди очень угрожающе себя держат; под конец они обещали мне ничего нового не предпринимать, пока я не получу ответа от короля или же пока не истечет время, необходимое для его получения, проявив при этом больше чести, чем герцог Миланский. Я известил обо всем короля и получил холодный ответ. И с этого времени они стали открыто собираться каждый день, поняв, что их замысел раскрыт.

Тем временем король был еще во Флоренции, и если бы ему оказали сопротивление в Витербо, на что венецианцы надеялись, то они послали бы туда людей, как и в Рим, если бы король Ферранте остался в нем; они и помыслить не могли, чтобы он бросил Рим, и, когда узнали об этом, начали испытывать страх. Послы обоих королей всячески торопили их с заключением соглашения, угрожая в противном случае уехать из Венеции, поскольку они провели в ней уже четыре месяца. Они каждый день ходили в Синьорию. Я делал все возможное, ибо понимал, что если лига будет создана, то наш поход и обретенная благодаря ему великая слава обратятся в дым. Но венецианцы еще надеялись, что королю будет оказано сопротивление у Сан-Джермано и что туда будут стянуты все силы Неаполитанского королевства, как оно и было.

ГЛАВА XX

Узнав, что Сан-Джермано оставлен и король вошел в Неаполь, они послали за мной и сообщили мне эти новости, делая вид, будто рады им. Они сказали, однако, что неаполитанский замок хорошо защищен, и я видел, что они питают надежду, что он устоит. Они дали согласие на то, чтобы неаполитанский посол набрал в Венеции людей и отправил их в Бриндизи, но тем временем, пока решался вопрос о лиге, их послы сообщили, что замок сдался. Они вновь послали утром за мной, и я застал человек 50 или 60 в комнате дожа, который был болен желудком; он передал мне эту новость с радостным лицом, но, кроме него, никто в этом собрании не способен был притвориться радостным. И одни сидели у подножия скамей, подперев головы руками, другие – в иных позах, но все явно опечаленные. Думаю, что даже когда в Рим пришло известие о проигранной Ганнибалу битве при Каннах, то и тогда сенаторы не были так напуганы и потрясены. Никто, кроме дожа, не взглянул на меня и не произнес ни одного слова, и меня это весьма удивило. Дож спросил у меня, намерен ли король сдерживать то, что обещал им; и я всячески заверил их, что так оно и будет, и объяснил, каким путем можно сохранить добрый мир, предложив свои услуги в надежде избавить их от подозрений; затем я ушел.

Переговоры о лиге не были еще завершены, и немцы, недовольные этим, хотели уехать. Герцога Миланского приходилось упрашивать по поводу не знаю уж какой статьи⁴², но тем не менее он велел своим людям согласиться на все, так что в итоге договор о лиге был спешно заключен⁴³. Пока они этим занимались, я постоянно извещал обо всем короля, торопя его принять меры, чтобы либо остаться в королевстве, изыскав побольше денег и набрав как можно больше пехотинцев, либо тронуться в обратный путь, оставив в главных городах сильные гарнизоны, и сделать это, пока еще не собрались его противники. Я также предупредил монсеньора Орлеанского, который находился в Асти лишь с людьми своего дома, чтобы он разместил там солдат, поскольку, как я его убеждал, он скоро подвергнется нападению. А монсеньору де Бурбону, оставшемуся во Франции регентом вместо короля, написал, чтобы он срочно послал людей для защиты Асти, ибо если бы этот город был потерян, то из Франции было бы невозможно доставить королю помощь. Еще я известил маркизу Монферратскую, которая была врагом герцога Миланского и проявляла большую благосклонность к нам, чтобы она в случае необходимости помогла монсеньору Орлеанскому людьми, поскольку с потерей Асти потеряны были бы и маркизаты Монферрат и Салуццо.

Договор о лиге был заключен поздно вечером. А утром, ранее, чем обычно, меня вызвали в Синьорию. Дождь сказал мне, что во славу святой троицы заключен союз между нашим святым отцом, папой, королями римским и кастильским, венецианцами и герцогом Миланским с тройкой целью: во-первых, чтобы защитить христианский мир от Турка; во-вторых, для защиты Италии; и в-третьих, чтобы сохранить их государства. Об этом я должен был известить короля. Их собралось там очень много, около сотни или более человек, и все гордо стояли с высоко поднятыми головами, совсем непохожие на тех, какими они были в тот день, когда сообщили мне о падении неаполитанского замка. Дождь сказал также, что написал своим послам при короле, чтобы они простились с ним и вернулись назад. Одного из них звали мессиром Антонио Лоредано, а другого – мессиром Доменико Тревизано.

У меня сжалось сердце, и я очень испугался за короля и всех его спутников, полагая, что военная готовность лиги большая, чем была в действительности, поскольку они сами мне это внушили. Я боялся, что немцы уже готовы выступить, и если бы это было так, то королю не удалось бы выбраться из Италии. Я решил, будучи разгневан, не говорить многого, но они вынудили меня выйти на поле ристалища, и я сказал, что еще вчера вечером известил об этом короля, как делал неоднократно и ранее, и что он сам писал мне об этом, уведомленный о готовящемся заключении договора из Рима и Милана. Дождь переменялся в лице от удивления: как это я говорю, что писал об этом накануне вечером, если во всем мире нет людей более скрытных, чем они, и нигде заседания советов не обставлены такой секретностью, а людей часто заключают в тюрьму по одному лишь подозрению в разглашении тайны. Но именно поэтому я и сказал им так. Кроме того, я заявил, что написал уже и монсьеюру Орлеанскому, и монсьеюру де Бурбону, чтобы они разместили в Асти людей, надеясь этим задержать их наступление на Асти, и если бы они были готовы настолько, насколько думали и похвалялись, они без труда взяли бы Асти, ибо город был плохо защищен и в таком положении оставался еще долгое время спустя.

Они принялись убеждать меня, что не имеют ничего против короля, но хотят защитить себя от него, ибо он злоупотребил данным им обещанием овладеть одним лишь Неаполитанским королевством, а затем пойти против Турка, проявив совсем другое намерение — разгромить герцога Миланского и флорентийцев и захватить земли церкви. На это я ответил, что короли Франции всегда содействовали возвышению церкви, приумножению ее богатств и всегда защищали ее; и что нынешний король будет скорее делать то же самое, нежели притеснять церковь; и что ими движут совсем не эти побуждения, а желание посеять смуту в Италии и извлечь из этого выгоду для себя; и что я уверен в том, что они именно так и поступят. Им не понравились эти мои слова, как мне передали; но из того, что они овладели городами Апулии, взятыми ими в залог за оказанную королю Ферранте помощь против нас, всем стало ясно, что я сказал правду.

Я встал, чтобы уйти. Они меня вновь усадили, и дождь спросил, не намерен ли я приступить к переговорам о мире, поскольку накануне я завел об этом речь. Но тогда я поставил условием начала переговоров о мире отсрочку на 15 дней образования лиги, дабы я успел написать королю и получить ответ.

Когда все было сказано, я вернулся к себе. А они пригласили послов, сходящихся один за другим, и когда я выходил с их собрания, то встретил неаполитанского посла, в красивой новой одежде и радостного, на что были причины, ибо для него создание лиги было великим событием.

После обеда все послы членов лиги отправились кататься на лодках, что было одним из развлечений в Венеции; и у каждого посла количество лодок соответствовало числу сопровождающих лиц и размеру выплачиваемого Синьорией содержания; а всего было около 40 лодок, украшенных штандартами с гербами хозяев. Все это общество с множеством музыкантов проехало мимо моих окон. Послы Милана, по крайней мере один из них, который многие месяцы составлял мне компанию, сделали вид, будто меня уже не узнают. В течение трех дней ни я, ни мои люди не выходили в город, хотя ни разу ни обо мне, ни о ком из моих людей не было сказано бранного слова. Вечером был устроен великолепный праздник, зажжены огни на колокольнях и множество фонарей на посольских домах и произведен артиллерийский салют. Около 10 часов вечера я сел на крытую лодку и проехался вдоль берегов посмотреть праздник, в особенности вдоль посольских домов, где пировали и гуляли.

Но в этот день еще не было оглашения договора и большого празднества, поскольку папа попросил подождать несколько дней, чтобы сделать это в воскресенье, накануне пасхи, которое они называли оливковым воскресеньем. Он хотел, чтобы каждый государь и послы там, где будет оглашение, несли в руках оливковую ветвь, которую они считали символом мира и союза, и чтобы в Испании и Германии договор был обнародован в один и тот же день. В Венеции по этому случаю по земле настелили деревянную дорогу, красиво обитую, как они это делают на праздник Тела господня, и она вела от дворца до конца площади Сан-Марко. После мессы, которую служил папский посол, отпустивший грехи всем присутствующим на оглашении договора, они, члены Синьории и послы, все хорошо одетые, прошли процессией по этой дороге; многие, во всяком случае немцы, были в платьях из малинового бархата, который им выдала Синьория, а все их слуги были в новых, но очень коротких одеждах. По возвращении процессии были показаны мистерии и в лицах изображены Италия, а затем все короли и государи и королева Испанская. Тогда же они огласили договор у порфиروهого камня, где у них всегда происходят оглашения. За всем этим украдкой наблюдал из окна турецкий посол, который было уже отправился домой, но они пожелали, чтобы он остался и посмотрел это празднество; а ночью он пришел

поговорить со мной при содействии одного грека и пробыл в моей комнате почти четыре часа; он очень желал установления дружбы между своим господином и нами.

Я дважды получил приглашение на это празднество, но отказался. В городе я еще оставался месяц, и обращение со мной было столь же хорошим, как и раньше; а затем по требованию короля и с их разрешения я уехал⁴⁴ и в полной безопасности и за их счет был доставлен до Феррары. Герцог Феррарский выехал мне навстречу и в течение двух дней радушно принимал меня, избавив от расходов, и так же поступил мессир Джованни Бентивольо в Болонье. А туда за мной приехали флорентийцы, и я направился во Флоренцию дожидаться короля, к рассказу о котором я сейчас и возвращаюсь.

¹ Готовясь к походу в Италию, Карл VIII заявлял, что истинной целью его экспедиции является освобождение Константинополя и святых мест от турок. 22 ноября 1494 г. он даже издал соответствующий манифест, чтобы успокоить итальянские государства, и торжественно заверил их, что оккупация Неаполитанского королевства является лишь необходимым средством достижения этой цели.

² Людовик Орлеанский со своими приближенными открыто говорил о претензиях на Миланское герцогство.

³ Екатерина, незаконнорожденная дочь Галеаццо Сфорца и вдова Джироламо Риарио, племянника Сикста IV.

⁴ Король подошел к Сарцане 29 октября 1494 г.

⁵ Т. е. швейцарцами.

⁶ Под стоявшими у власти Коммин подразумевает в первую очередь Брисоне и де Века.

⁷ Флорентийцы захватили Пизу в 1406 г., а венецианцы Падую в 1405.

⁸ Возглас ликования, которым во Франции обычно встречали короля.

⁹ 9-10 ноября 1494 г.

¹⁰ За рог мифического животного единорога в средние века выдавали или рога некоторых видов антилоп, или бивни нарвала. Считалось, что рог единорога помогает обнаружить яд в пище.

¹¹ Колонна захватили Остию в сентябре 1494 г., и кардинал по поручению короля ввел туда войска 25 декабря того же года. Позднее папа вернул себе этот город.

¹² Асканио Сфорца.

¹³ Ожесточенно враждовавшие между собой два наваррских и два голландских рода.

¹⁴ Луи де Люксембург граф де Линьи, сын казенного коннетабля Сен-Поля и Марии Савойской, сестры французской королевы Шарлотты.

¹⁵ Родольфо Гонзага, дядя маркиза Мантуанского.

¹⁶ Фракасса – прозвище Гаспаро да Сан-Северино.

¹⁷ 31 декабря 1494 г.

¹⁸ Война 1486 г., о которой Коммин говорит в главе I данной книги.

¹⁹ Сын принца Россано был лишь обручен с дочерью короля – Беатриче; замуж она вышла за венгерского короля Матвея Корвина.

²⁰ Кондотьер Якопо Пиччинино.

²¹ Прозвище, образованное от имени знаменитого кондотьера начала XV в. Браччо да Монтоне.

²² Альфонс I Великодушный был неаполитанским королем с 1442 по 1448 г. Как король Арагона и Сицилии (1416-1458 гг.) – Альфонс V.

²³ 25 января 1494 г.

²⁴ Джем был передан французам временно, до окончания военной кампании, причем деньги от султана Баязета должен был по-прежнему получать папа.

²⁵ Цезарь Борджа.

²⁶ 28 января 1495 г.

²⁷ 22 февраля 1495 г.

²⁸ В замке Кастель Ново. В Неаполе был и другой замок – Кастель дель Ово.

²⁹ Монте Имперiale – замок Монте (Поджо) Реале.

³⁰ Имяются в виду сторонники Анжуйского дома.

³¹ Неаполитанским замком Коммин называет Кастель Ново.

³² Джем умер 25 февраля 1495 г.

³³ Мартино Фирмиано.

³⁴ Андрей Палеолог 6 сентября 1494 г. подписал с Карлом VIII договор, по которому уступал королю свои права на Константинопольскую и Трапезундскую империи и на Сербию в обмен на пенсию (4300 дукатов в год), земли с доходом в 5 тысяч дукатов и войско в 100 копий.

³⁵ Константин Аранити. См. о нем гл. XVI книги восьмой.

³⁶ 3 октября 1494 г.

³⁷ Агостино Барбариго, избран дожем в 1486 г.

³⁸ В Падуе в 1413 г. были обнаружены останки человека, которые без колебаний сочли останками Тита Ливия, уроженца этого города, и воздвигли надгробный памятник, который Коммин, несомненно, видел.

³⁹ Ульрих фон Лихтенштейн.

⁴⁰ Лоренсо Суарес де Мендоса.

⁴¹ Король покинул Флоренцию 28 ноября 1494 г.

⁴² Затруднения на переговорах были вызваны тем, что Максимилиан отказался признать Лодовико Моро герцогом Миланским, считая его узурпатором.

⁴³ 31 марта 1495 г.

⁴⁴ 31 мая 1495 г.

(Филипп де Коммин, «Мемуары», Книга VIII)

ГЛАВА I

В продолжение моих воспоминаний для лучшего вашего осведомления считаю необходимым вернуться к рассказу о короле, который со времени вступления в Неаполь до того момента, как его покинуть, только и помышлял о приятном времяпровождении, тогда как другие были озабочены тем, чтобы побольше загрести и

поживиться; но для него это извинительно ввиду его возраста, а вот для других такое ослепление совершенно непроситительно, ибо король во всем полагался на них. Ведь если бы они догадались убедить его укрепить три или четыре замка, то это королевство и по сей день оставалось бы за ним или, по крайней мере, он сохранил бы Неаполь, но он раздал запасы из замков Неаполя и Гаэты; а укрепил он замок Неаполя – город бы не осмелился восстать против него. После создания лиги король стянул к себе все свои силы и распорядился, чтобы 500 французских кавалеристов, 2500 швейцарцев и немного французских пехотинцев остались охранять Неаполитанское королевство, а с остальными решил вернуться во Францию тем же путем, каким пришел; лига же готовилась помешать ему в этом.

Король Испании направил на Сицилию несколько каравелл с небольшим числом людей. Однако еще до ухода нашего короля они овладели Реджо в Калабрии, что возле Сицилии, хотя я несколько раз писал королю, что они должны там высадиться, о чем мне сообщил неаполитанский посол, полагавший, что высадка уже произошла. И если бы король вовремя послал туда людей, то они удержали бы замок, поскольку жители города были за него. Кроме того, переправившееся из Сицилии войско взяло Амантею, Тропею и Отранто в Апулии, куда не были посланы наши люди, хотя там жители сначала подняли флаги нашего короля, но ввиду того, что силы лиги расположились возле Бриндизи и Галлиполи и в городах совсем не было наших людей, они подняли арагонские флаги и впустили дону Федерико, стоявшего в Бриндизи. Таким образом, по всему королевству стало меняться умонастроение и судьба отвернулась от нас, хотя еще два месяца назад была очень благосклонной, и случилось это как из-за создания лиги, так и из-за отъезда короля, оставившего незначительные – не столько по численности, сколько по недостатку военачальников – силы.

Главнокомандующим был оставлен монсеньор де Монпансье, из дома Бурбонов, – добрый и храбрый рыцарь, но легкомысленный человек; раньше полудня он и не вставал. В Калабрии король оставил монсеньера д'Обиньи, шотландца по национальности, доброго, мудрого и честного рыцаря, который был коннетаблем Неаполитанского королевства; ему, как я говорил, он передал графство Арена и маркизат Сквиллаче. Он оставил и сенешала Бокера Этьена де Века, который был капитаном Гаэты, обер-камергером и владел герцогством Нола и другими сеньориями; через его руки проходили все деньги этого королевства, и время, возложенное на него, оказалось более тяжелым, чем он мог и способен был снести; он был сильно озабочен тем, чтобы удержать королевство. Оставлен был также монсеньор Донжюльен, лотарингец, ставший герцогом Монте-Сант-Анджело, который во время оборонительных сражений проявлял чудеса храбрости. В Манфредонии король оставил мессира Габриеля де Монфокона, которого очень уважал и наделил обширными землями. Но тот столь плохо подготовился к обороне, что сдал город через четыре дня из-за недостатка продовольствия, хотя получил город с большими запасами (к тому же в местности этой хлеб – в изобилии). Но все, что было найдено в замках, они распродали, и Монфококон был одним из виновников этого. В Трани остался Гийом де Вильнев, но слуги продали его дону Федерико, который долгое время продержал его на галерах. В Таранто остался Жорж де Сюлли, который держался очень хорошо и умер от чумы; он сохранял город за королем до тех пор, пока голод не вынудил его сдаться.

В Аквиле оставался балъи Витри¹, который также хорошо защищался, а в Абруцце – мессир Грасьен де Герр, державшийся доблестно.

У всех у них было мало денег; они должны были получить их с Неаполитанского королевства, но все источники доходов там иссякли. Король рассчитывал также на хорошо им обеспеченных принцев Салернского и Бизиньяно (которые, пока могли, служили ему верно) и на Колонна, получивших от него все, что они просили; им и их людям он передал более 30 городов. И если бы они пожелали сохранить их для него, как должны были бы сделать и в чем поклялись, то оказали бы ему великую услугу, а сами удостоились бы славы и получили бы выгоду, ибо, по-моему, они и за 100 лет никогда не достигали такого могущества, как при нем, но они вступили в сговор с врагами короля еще до его отъезда; правда, они стали служить ему, следуя примеру Милана, ибо сами были, естественно, гибеллинами, но тем не менее им не следовало нарушать клятву, коли король с ними столь великодушно обошелся. Король сделал для них даже большее: он под охраной, как бы в качестве пленников, увел с собой их врагов – сеньора Вирджинио Орсини и графа Питильяно, также из рода Орсини, поступив незаконно, поскольку он хорошо знал и понимал, что они были схвачены, несмотря на охранную грамоту, и король показал, что понимает это, когда отпустил их по просьбе Колонна, не желая везти их дальше Асти. Но члены рода Колонна первыми неожиданно выступили против него, еще до того, как он прибыл в Асти.

ГЛАВА II

Отдав распоряжения по своему разумению, король тронулся в путь² с имеющимися при нем людьми, среди которых, полагаю, было по меньшей мере 800 кавалеристов, включая сюда его придворных, 2500 швейцарцев, а всего у него было, как думаю, около семи тысяч человек на содержании³. Из них 1500 человек составило охранение, следовавшее за придворным обозом как бы в качестве прислуги. Граф Питильяно, считавший лучше меня, говорил, что всего было девять тысяч человек; и сказал он мне это после нашей битвы, о которой речь впереди. Король направился к Риму, откуда папа пожелал заблаговременно уехать в Падую, отдавшись под власть венецианцев, приготовивших ему там жилье.

Позднее венецианцы, как и герцог Миланский, воспряли духом и отправили в Рим людей, и хотя те прибыли вовремя, папа тем не менее не рискнул остаться, чтобы дожидаться короля, несмотря на то что король

готов был ему служить и выказывал всяческое почтение и даже прислал послов с просьбой, чтобы папа не покидал Рима; папа выехал в Орвьето, а оттуда в Перуджу, оставив в Риме кардиналов для приема короля. Король там долго не задержался и никому не причинил вреда. Мне он написал, чтобы я выехал к нему в Сиену, где я его и застал. По своей доброте он радушно принял меня и спросил, усмехаясь, вышлют ли венецианцы людей, чтобы встретить его; ведь вся его компания состояла из молодых людей, которые не могли поверить, что, кроме них, еще кто-то умеет владеть оружием.

В присутствии одного из его секретарей по имени Бурден я передал ему то, что сообщила мне при отъезде Синьория, то есть что венецианцы и герцог Миланский совместно выставят 40 тысяч человек, но не для нападения на него, а якобы для обороны, и рассказал, что, когда я покидал Падую, один из их провекторов, направленных против нас, приватно известил меня о том, что их люди не станут переходить реку возле Пармы (кажется, она называется Ольо), которая протекает по их земле, если только король не нападет на герцога Миланского. С провектором мы договорились об условном знаке, по которому могли бы в случае необходимости посылать друг к другу людей, чтобы найти доброе согласие; я не хотел полностью порывать отношений с ним, так как не знал, что может случиться с моим господином. Об этой договоренности слышал только присутствовавший там Алоис Марчелло, бывший в тот год губернатором Монте-Веккио, своего рода их казначеем; он должен был проводить меня. Там были также люди маркиза Мантуанского, доставившие ему деньги, но они не слышали наших слов. Я передал королю бумагу, где было указано число их конников, пехотинцев и стратиотов и приложен список командующих. Но в окружении короля немногие люди верили моим словам.

После двух дней пребывания короля в Сиене, когда лошади уже отдохнули, я стал торопить его с отъездом, поскольку враги его еще не собрались; я боялся, как бы не подоспели немцы, хотя римский король проводил сборы неохотно, желая получить от венецианцев побольше наличных денег.

Однако что бы я ни говорил, король вынес на решение совета два других незначительных вопроса, и прежде всего — стоит ли возвращать флорентийцам их крепости и брать ли у них 30 тысяч дукатов, которые они оставались должны в счет своего дара, а также 70 тысяч дукатов, что они предлагали займы, дабы поставить королю на службу при его возвращении 2 тысячи пехотинцев, а также 300 кавалеристов под командованием Франческо Секко, храброго рыцаря, пользовавшегося доверием короля. Я вместе с другими держался того мнения, что король должен взять все деньги, а из городов оставить за собой только Ливорно, пока мы не дойдем до Асти. В этом случае он смог бы выплатить жалованье своим людям и у него еще остались бы деньги, так что можно было бы измотать противников и затем ударить по ним. Но это мнение не было принято, и помешал монсеньор де Линьи, молодой человек, двоюродный брат короля, и непонятно по какой причине, разве что только из жалости к пизанцам. Другой вопрос был вынесен на совет монсеньором де Линьи через одного человека по имени Гоше де Дентвиль и через некоторых жителей Сиены, желавших иметь монсеньера де Линьи своим сеньором; ибо в городе шла постоянная вражда⁴ и он управлялся хуже, чем любой другой город Италии.

Мне предложили высказаться первым, и я заметил, что, как мне кажется, королю стоит продолжать свой путь, а не заниматься подобными несерьезными предложениями, которые не будут иметь никакого значения уже через неделю, и что Сиена — город имперский и передать его сеньору де Линьи значило бы восстановить против себя империю. Все придерживались того же мнения, но тем не менее решение было принято противоположное. Сиенцы приняли де Линьи в качестве своего капитана и обещали ежегодно выплачивать определенную сумму денег, из которых он так ничего и не получил, и это задержало короля на шесть или семь дней⁵. Королю там представили дам; и он оставил в городе около 300 человек, ослабив свои собственные силы. Оттуда он двинулся в Пизу, пройдя через Поджибонси и Кафель-Флорентино. И не прошло и месяца, как оставленные им в Сиене люди были оттуда изгнаны.

ГЛАВА III

Я забыл рассказать, как, будучи во Флоренции, когда ехал к королю, посетил в реформированном монастыре брата-проповедника по имени брат Джироламо⁶, человека, как говорили, святой жизни, прошедшего 15 лет в этом монастыре; со мной был королевский майордом Жан Франсуа, человек весьма мудрый⁷. А причиной посещения было то, что он всегда проповедовал к великой пользе короля и слова его удержали флорентийцев от выступления против нас, ибо никогда еще проповедник не пользовался в городе таким доверием. Что бы там ни говорили или ни писали в опровержение, он постоянно уверял слушателей в пришествии нашего короля, говоря, что король послан богом, дабы покарать тиранов Италии, и что никто не сможет ему оказывать сопротивление и противиться. Он говорил также, что король подойдет к Пизе и вступит в нее и что в тот же день во Флоренции произойдет государственный переворот (так оно и случилось, ибо в этот день был изгнан Пьеро Медичи). Он заранее предрекал и многое другое, как, например, смерть Лоренцо Медичи, и открыто заявлял, что имел на сей счет откровение. Проповедовал он также, что церковь будет реформирована мечом, чего, правда, не случилось, хотя все шло именно к тому, но еще может случиться.

Многие хулили его за то, что он утверждал, будто имеет откровение от бога, но другие верили ему; что же касается меня, то я считаю его добрым человеком. Я спросил у него также, сможет ли король, не подвергая опасности свою персону, вернуться назад, учитывая, что венецианцы собрали большую армию, о чем брат Джироламо знал лучше меня, хотя я только что от них вернулся. Он мне ответил, что у короля будет много

трудностей на обратном пути, но он выйдет из них с честью, даже если его будут сопровождать всего 100 человек, и что господь, приведший его сюда, выведет и обратно, но за то, что он не исполнил своего долга и не реформировал церковь, как и за то, что он допустил, чтобы его люди обирали и грабили народ, и особенно приверженцев его партии, словно они были врагами, хотя они по доброй воле открывали ему ворота, господь вынес ему приговор и вскорости накажет его; но он добавил, чтобы я передал королю, что если он пожалеет народ и помешает своим людям причинять зло и будет их карать за это, как ему и положено, то господь отменит или смягчит приговор, но чтобы он не думал, что для прощения достаточно будет сказать: «Я сам не причиняю никому никакого зла». Еще он заметил, что сам пойдет к королю и все ему выскажет; так он и сделал и вел с королем речь о возвращении флорентийцам их городов⁸.

Мне пришла в голову мысль о смерти монсеньора дофина, ибо я не видел ничего другого, что могло бы взять короля за живое⁹. И я говорю это для того, чтобы стало понятнее то, что весь этот поход был поистине тайной божией.

ГЛАВА IV

Как я сказал, король пошел в Пизу, и пизанцы, мужчины и женщины, стали умолять своих гостей-французов, чтобы они во имя бога удержали короля и не позволили ему возвратиться их под тиранию флорентийцев, которые и в самом деле обращались с ними жестоко. Но таково положение многих городов Италии, которые подчинены другим, а Пиза враждовала с Флоренцией 300 лет, пока последняя ее не покорила. Их слова и слезы вызвали жалость у наших людей и заставили забыть об обещаниях и клятве, данной королем на алтаре св. Иоанна во Флоренции; в это дело вмешались разного рода люди, вплоть до лучников и швейцарцев, и они стали угрожать тем, кого подозревали в желании, чтобы король сдержал обещание флорентийцам, например кардиналу Сен-Мало (я сам слышал, как один лучник угрожал ему), которого я ранее называл генеральным сборщиком Лангедока¹⁰. Дерзкие слова были высказаны и маршалу де Жье, а президент де Гане свыше трех дней не осмеливался ночевать у себя. А больше всех старался помочь пизанцам граф де Линьи; они со слезами приходили к королю, вызывая жалость у всех, кто, по их разумению, мог бы им помочь.

Однажды после обеда собрались 40 или 50 дворян королевского дома и со своими топориками на груди пошли в комнату короля, где он, сидя за столом, играл с монсеньером де Пьеном и одним или двумя камердинерами, и больше там никого не было. Один из сыновей Салазара Старшего обратился к нему со словами в защиту пизанцев, обвиняя некоторых из вышеназванных его приближенных в том, что они изменяют ему. Но король, ласково обошедшись с ними, отослал их обратно, и на этом все кончилось.

Король потерял в Пизе шесть или семь дней¹¹; он сменил там гарнизон и передал цитадель некоему Антрагу, человеку дурных нравов, служившему герцогу Орлеанскому, а над ним поставил графа де Линьи. Там были оставлены пехотинцы из Берри. Этот Антраг заполучил в свои руки Пьетросанту, как полагаю, за деньги, и еще одну крепость поблизости, называемую Мотроне, а также Либрефатто возле Лукки. Очень сильный замок Сарцана был передан по настоянию графа де Линьи его приближенному бастарду монсеньору де Русси, а замок Сарцанелла – другому близкому ему человеку. Король оставил в этих местах много людей (хотя нужды в них там не было), но отказался от помощи и предложений флорентийцев, о чем я уже говорил, поставив тем самым своих людей в безнадежное положение.

Как только король выехал из Сиены, он узнал, что герцог Орлеанский захватил у герцога Миланского город Новару, и поэтому мог быть уверен в том, что венецианцы объявят ему войну, поскольку от их имени я передал ему, что если он начнет военные действия против герцога Миланского, то они окажут тому всяческую помощь по недавно заключенному договору о лиге, и они уже держали наготове большое войско.

Следует иметь в виду, что, когда лига была создана, герцог Миланский задумал захватить Асти, полагая, что там никого нет; но благодаря моим письмам, о которых я говорил, герцог Бурбонский ускорил посылку туда людей. Первыми пришли туда около 40 копий из отряда маршала де Жье, что оставались во Франции, и они успели вовремя, а за ними подошли 500 пехотинцев, посланных маркизом Салуццо.

Это заставило остановиться людей герцога Миланского, которых вел мессир Галеаццо да Сан-Северино, и они расположились в замке, которым герцог Миланский владел в полулье от Асти. Мало-помалу к Асти подошло около 350 наших кавалеристов и дворян из Дофине и почти две с половиной тысячи швейцарцев и вольных лучников из Дофине; всего собралось примерно 7500 человек. Однако они слишком долго собирались и совсем не помогли нам в том деле, ради которого были вызваны, т. е. в поддержке короля, ибо вместо того, чтобы помочь королю, они сами стали нуждаться в помощи. Сеньору Орлеанскому и его капитанам было предписано ничего не предпринимать против герцога Миланского, а лишь охранять Асти и выйти навстречу к королю к реке Тичино, чтобы помочь ему переправиться, ибо это была единственная река, лежавшая на его пути. Следует сказать, что герцог Орлеанский не ходил в поход дальше Асти, где был отставлен королем, и ему, несмотря на предписание короля, пришла в голову соблазнительная мысль захватить город Новару, что в 10 лье от Милана. Он был принят там с большой радостью и гвельфами, и гибеллинами, а помогла ему во всем этом маркиза Монферратская.

Замок Новары продержался два или три дня; если бы герцог Орлеанский пошел сам или направил своих людей к Милану (а предложений подобного рода было предостаточно), то его и туда бы впустили и приняли даже с большей радостью, нежели в его собственном замке Блуа, как рассказывали мне наиболее могущественные люди Миланского герцогства. Он мог бы это сделать без опасений в первые три дня,

поскольку люди герцога Миланского еще находились в Аноне, возле Асти, когда была взята Новара, и подошли к Новаре лишь через четыре дня; но, вероятно, он не доверял получаемым известиям об их продвижении.

ГЛАВА V

Из Сиены король направился в Пизу, о чем вы уже слышали и знаете, что там произошло; из Пизы он прошел в Лукку, где был хорошо встречен горожанами. Он пробыл там два дня и пошел в Пьетросанту, которую держал Антраг, при этом король совсем не боялся ни врагов, ни друзей. Между Луккой и этой крепостью была прекрасная горная местность, которую легко было бы защитить силами пехоты, но его противники еще не собрались. Возле Пьетросанты есть проход между потоком Серавецца и скалами с одной стороны и очень глубокими приморскими болотами – с другой, где нужно идти дорогой не шире пруда; и этого перехода от Пизы до Понтремоли я боялся больше всего, ибо был наслышан о том, что достаточно здесь поставить поперек повозку и два добрых орудия, чтобы небольшим числом людей полностью преградить нам путь.

Из Пьетросанты король пошел в Сарцану, и там кардинал Сан-Пьетро-ин-винколи предложил поднять восстание в Генуе и направить туда наших людей. Вопрос этот обсуждался на совете (я присутствовал на нем наряду с множеством придворных и капитанов), где было единогласно решено, что это не имеет смысла, ибо если король выиграет сражение, то Генуя сама склонится перед ним, а если проиграет, то ее не удастся удержать. И это был первый случай, когда я услышал, что они считают сражение неизбежным. Королю было доложено о принятом решении, но, невзирая на него, он направил в Геную монсеньора де Бресса, ставшего впоследствии герцогом Савойским, моего свояка сеньора де Бомона де Полиньяка¹² и сеньора д'Обижу из Амбуазского дома с 20 кавалеристами, набранными по приказу, и 1500 арбалетчиками, прибывшими совсем свеженькими морем из Франции. Я поразился: неужели у столь юного короля нет добрых советников, которые решились бы объяснить ему, в сколь опасное положение он ставит тем самым самого себя. А что до меня, то, кажется, он мне совсем не верил.

У нас был небольшой флот, состоявший примерно из восьми галер, который пришел из Неаполя под командованием губернатора Дофине монсеньора де Мьолана и Этьена де Нева из Монпелье. Он подошел к Специи и Рапалло в то время, о котором идет речь, и был разбит на том самом месте, где наши люди в начале похода нанесли поражение королю Альфонсу, причем разбит теми, кто в этом первом сражении был на нашей стороне, а именно – мессиром Алоисом Фьеско и мессиром Джованни Адорно, увезшими теперь свою добычу в Геную. Было бы лучше, если б люди с этих судов оставались при нас, но даже и с ними нас было бы мало. Монсеньор де Бресс и этот кардинал расположились в предместьях Генуи, полагая, что в городе начнется возмущение в их пользу; но герцог Миланский вместе с правившим там домом Адорно и с Джаном-Алоисом Фьеско, мудрым рыцарем, разместили своих людей так, что наше сухопутное войско ввиду малочисленности оказалось под угрозой разгрома, постигшего уже наш флот; и если оно уцелело, то лишь потому, что правители Генуи не осмелились выйти из города, опасаясь, как бы не поднялись Фрегозо¹³ и не закрыли им ворота. Наши люди с большим трудом добрались до Асти и не участвовали в сражении, которое было дано королем, где они были бы весьма кстати.

Из Сарцаны король вынужден был пойти в Понтремоли, к подножью гор. Этот город и замок были довольно сильными и расположены в недоступной местности, и если бы там было достаточно защитников, то нам бы их было не взять. Но, очевидно, брат Джироламо сказал мне правду, когда предрекал, что господь будет руководить королем, пока тот не окажется в безопасности, ибо его враги как будто ослепли и поглупели, не став защищать этот замок.

В городе было 300 или 400 пехотинцев, и король направил туда свой авангард под командованием маршала де Жье, с которым был мессир Жан-Джакомо Тривульцио, влиятельный дворянин из Милана, добрый капитан и благородный человек, яростный враг герцога Миланского, изгнавшего его в Неаполь, где он и был принят на королевскую службу после бегства короля Ферранте; с его помощью город был взят без единого выстрела, и гарнизон ушел из него.

Но тут случилась серьезная беда, ибо швейцарцы вспомнили, как во время последнего посещения города герцогом Миланским между ними и жителями произошла большая драка, о которой я упоминал, и в ней было убито почти 40 немцев; в отместку они, несмотря на капитуляцию, перебили всех мужчин, разграбили город и подожгли его, уничтожив припасы и все прочее, при этом погибло более десятка самих швейцарцев, напившихся пьяными; и маршал не знал, как и удержать их. Они осадили также замок, чтобы схватить находившихся внутри людей, которые были слугами мессира Джана-Джакомо Тривульцио, разместившего их, когда ушел гарнизон; и потребовалось, чтобы король лично послал туда людей, дабы разогнать швейцарцев. Разрушение этого города нанесло немалый урон и нашей чести, и нашим припасам, значительное количество которых оказалось уничтожено в то время, когда мы остро нуждались в них, хотя местное население и не было враждебно к нам настроено, за исключением жителей городских окрестностей, которым мы причиняли зло.

Если бы король пожелал прислушаться к предложениям мессира Джана-Джакомо, то многие города и дворяне перешли бы на его сторону, ибо тот хотел, чтобы король всюду вывесил штандарты находившегося в руках сеньора Лодовико малолетнего сына герцога Миланского Джана-Галеаццо, умершего в Павии, о чем я выше рассказывал. Но король не пожелал этого сделать из любви к монсеньору Орлеанскому, который претендовал и претендует на это герцогство. Король прошел дальше Понтремоли и расположился в небольшой

долине, где не было и десятка домов, названия которой я не знаю¹⁴; он провел там – непонятно почему¹⁵ – пять дней, очень голодных, в 30 лье от нашего авангарда, ушедшего вперед; кругом были очень высокие и крутые горы, через которые никогда ранее не проходила мощная артиллерия, как пушки и тяжелые кулеврины, которые мы тогда перетаскивали. В свое время герцог Галеаццо¹⁶ провез через них четыре фальконета или других орудия того же веса – около 500 фунтов, и местное население было этим поражено.

ГЛАВА VI

Нужно рассказать и о герцоге Орлеанском, который, взяв замок Новара, потерял там несколько дней и затем отошел к Виджевано. Два городка, расположенных поблизости, прислали к нему людей с предложением войти в них, но он отказался и поступил мудро. Жители же Павии дважды присылали к нему людей, и в этом случае ему следовало бы прислушаться. Возле Виджевано он оказался перед лицом всей армии герцога Миланского, которую вели братья Сан-Северино, которых я столь часто упоминал. Городок этот был захудалым, хуже Канда¹⁷; я посетил его немного позже, когда в нем собрались герцог Миланский и военачальники, и они мне показали то место, где стояли в боевом порядке оба войска. Миланцы держались близ города и в самом городе, и если бы герцог Орлеанский продвинулся еще на 100 шагов, они бы ушли за реку Тичино, через которую соорудили большой лодочный мост и уже стояли на берегу, готовые к переправе. Я видел также разрушенную земляную насыпь, которую они сделали со стороны реки для прикрытия переправы, намереваясь покинуть город и замок, что явилось бы для них немалой потерей. Это было излюбленное место герцога Миланского, где самая великолепная охота на птиц всякого рода, какую я только знаю.

Но монсенюру Орлеанскому случайно показалось, что он в опасности, и, решив что и без того уже многого добился, он отступил в местечко Трекате, с сеньором которого, имевшим поручение от герцога Миланского, я беседовал несколько дней спустя. В Трекате к герцогу Орлеанскому прибыли представители от наиболее значительных лиц Милана и предложили ему войти в город, обещая дать в залог своих детей. И они без труда впустили бы его, ибо позднее влиятельнейшие особы города рассказывали мне (но герцог Орлеанский этого не знал), что герцогу Миланскому не удалось бы найти достаточно людей, чтобы обороняться в миланском замке, и что знать и народ желали уничтожения этого дома Сфорца. Об этих переговорах мне рассказывали также герцог Орлеанский и его люди, но он не очень-то доверял этим предложениям и ему не хватало человека, который бы разбирался в этих делах лучше него, а кроме того, не было единодушия и среди его капитанов.

К войску герцога Миланского присоединилось около двух тысяч немцев, приведенных мессиром Фредериком Капеллером, уроженцем графства Феррета, и это придало смелости и мессирю Галеаццо, и другим; и они пошли к Трекате, чтобы дать бой герцогу Орлеанскому, но герцог отказался вступить в сражение, хотя его войско было более многочисленным, чем миланское. Возможно, его капитаны не пожелали рисковать, опасаясь, что, проиграв, они могут погубить короля, от которого они не имели никаких вестей, ибо противник охранял все дороги. И все войско герцога Орлеанского ушло в Новару, где очень дурно распорядилось снабжением – как сохранением имевшихся запасов, так и поставкой дополнительного хлеба в город, хотя в округе можно было бы достать хлеб даже без денег, и впоследствии в городе ощутили сильную нехватку его. А их враги расположились в полулье от них.

ГЛАВА VII

Я уже говорил, что король остановился в долине за Понтремоли, где без всякой надобности наше войско провело, сильно голодая, пять дней. Там наши немцы, виновники великих бесчинств в Понтремоли, боявшиеся немилости и гнева короля, совершили похвальное дело: они по своему почину пришли и предложили перетаскать артиллерию через эти удивительные горы (я называю их так потому, что они очень высокие и крутые и там нет прохоженных путей; я видел все самые высокие горы Италии и Испании, и через другие горы перетаскать артиллерию было бы гораздо легче). И предложили это на условии, что король простит им то, что они натворили. У нас было 14 тяжелых и мощных артиллерийских орудий. По выходе из долины дорога поднималась круто вверх, и я видел, что мулы шли по ней с большим трудом. Немцы попарно ухватились за крепкие веревки, сразу по 100 и 200 человек, и когда одни уставали, их сменяли другие. Кроме того, были использованы и лошади из конной артиллерийской тяги и по одной лошади дал каждый человек из королевской свиты, у кого были лошади в обозе, чтобы быстрее преодолеть горы; но если бы не немцы, лошади не смогли бы пройти.

По правде говоря, немцы не только перетаскивали артиллерию – без них наше войско вообще бы не прошло. Так что они оказали большую помощь, правда, они испытывали столь же большую необходимость и столь же острое желание перейти горы, сколь и другие; они натворили множество бед, но добро, сделанное ими, искупило содеянное зло. Самым сложным был, однако, не подъем, а спуск, ибо за вершиной сразу же начиналась долина (ведь дорога была такой, какой создала ее природа, совершенно неустроенной), и лошадей, и людей приходилось поддерживать с противоположного ската, что было несравненно более тяжким делом, чем подъем, причем постоянно требовались то плотники, то кузнецы, а когда какое-либо орудие срывалось, то нужны были огромные усилия, чтобы его поднять. Некоторые считали, что лучше уничтожить всю тяжелую артиллерию, чтобы быстрее продвигаться, но король ни за что не согласился на это.

Маршал де Жье, находившийся в 30 милях от нас, торопил короля, и мы соединились с ним через три дня¹⁸. Враги разбились напротив него, по меньшей мере в полулье, прекрасный лагерь, и они бы победили, если

бы напали сначала на маршала, а потом на нас. Он расположился в Форново (что значит «новая дыра»)¹⁹, доброй деревушке у основания горы при выходе на равнину, чтобы не допустить, дабы нас атаквали в горах. Но у нас был лучший страж, чем он, – сам господь бог внушил нашим врагам иной план. Их алчность была столь велика, что они решили подождать нас на равнине, чтобы ничто из добычи не ускользнуло от них; ибо они считали, что с гор мы могли бы бежать к Пизе, во флорентийские крепости, но они заблуждались, так как мы отошли от них слишком далеко, и, кроме того, если бы дело дошло до схватки и мы бы бежали, то они смогли бы успешно нас преследовать, ибо знали дороги лучше нас. Со своей стороны мы пока что воздерживались вступать в бой; но маршал де Жье сообщил королю, что когда он перешел горы, то отправил 40 всадников к войску врага на разведку и они были отброшены стратиотами, которые убили одного дворянина по имени Ле Беф, отрезали ему голову, подвесили к вымпелу копыя и отвезли своему проведитору, чтобы получить за нее один дукат²⁰.

Стратиоты напоминают мусульманских конников, и одеты они и вооружены, как турки, но на голове не носят уборов из полотна, называемых тюрбанами; люди они суровые и круглый год спят на открытом воздухе, как и их лошади. Они все греки, приходящие из тех мест, которыми владеют венецианцы; одни из Наполи-ди-Романия в Морее, а другие из Албании, из-под Дураццо. У них хорошие турецкие лошади. Венецианцы доверяют им и постоянно держат их на службе. Я видел их всех, когда они высадились в Венеции и им был устроен смотр на острове, где расположено аббатство Сан-Николо; их было почти полторы тысячи. Люди они храбрые, и сражаться с ними нелегко.

Стратиоты гнались за нашими всадниками, как я сказал, до месторасположения маршала, где стояли немцы, убили троих или четверых из них и захватили с собой их головы, ибо таков их обычай. Когда венецианцы воевали с Мухаммедом Оттоманским, отцом нынешнего Турка, то он не желал брать пленных и давал дукат за голову противника, и венецианцы стали делать то же самое; и полагаю, что этим они хотели навести страх на войско противника. Но стратиоты, в свою очередь, были сильно напуганы артиллерией, ибо когда выстрелили из фальконета и убили одну из их лошадей, то они, не привыкшие к такому, сразу же отступили. Но, отступая, они схватили одного из капитанов наших немцев, который без оружия сел на лошадь посмотреть, ушли ли они, и был сражен их копыями. Этого мудрого человека отвезли к маркизу Мантуанскому, главному капитану венецианцев, при котором были его дядя сеньор Родольфо Мантуанский и граф Каяццо, военачальник герцога Миланского, хорошо знавший пленного капитана. Нужно сказать, что все их войско было в боевой готовности, по крайней мере те, кто собрался, ибо пришли еще не все, хотя сбор начался за восемь дней до того. Так что если бы не долгие беспричинные стоянки, о которых я говорил, то король смог бы спокойно и безопасно вернуться во Францию; но господь распорядился иначе.

ГЛАВА VIII

Маршал, опасаясь, что его будут атаковать, поднялся в горы, и при нем было, как он мне рассказывал, не более 160 кавалеристов и 800 немцев, ибо от нас помощи ему ждать было нечего, поскольку из-за трудностей, связанных с передвижением артиллерии, мы подошли только через полтора дня после того; и в пути король останавливался в домах двух небогатых маркизов.

Поднявшись в горы, чтобы дождаться нас, находившихся еще довольно далеко, наш авангард пребывал в беспокойстве. Однако господь, всегда желавший спасти наше войско, и на сей раз помутил разум врагам. Граф Каяццо спросил у нашего взятого в плен немца, кто командует авангардом, и тот сказал. Он спросил также о нашей численности, хотя сам все знал не хуже, поскольку во время всего похода был на нашей стороне. И немец преувеличил наши силы, сказав о 300 кавалеристах и 1500 швейцарцах. В ответ граф заявил, что он лжет, и что во всей нашей армии не наберется более трех тысяч швейцарцев, и что половину из них послать вперед не могли. Пленник был отправлен в шатер маркиза Мантуанского, а они стали между собой совещаться о том, как атаковать маршала. Но маркиз поверил в число, названное нашим немцем, и сказал, что у них нет столь хороших пехотинцев, как наши немцы, и что еще не все собрались, а сражаться без отсутствующих опасно; и что если они будут отбиты, то Синьория придет, пожалуй, в гнев, так что лучше дождаться нас на равнине, поскольку мы не сможем пройти иначе, как только у них на виду. Его мнения придерживались и оба проведитора, с которыми никто не осмеливался спорить.

Хотя другие утверждали, что, разбив авангард, они возьмут и короля, тем не менее все быстро согласилось с тем, что следует подождать нашу армию на равнине, полагая, что тогда никто не сможет ускользнуть. Я узнал об этом совещании от них самих, когда вместе с маршалом де Жье впоследствии беседовал с ними. Таким образом, уверенные, что через день или чуть позже король перейдет горы и расположится в деревне Форново, они отошли к своему лагерю. Тем временем подошли и остальные их люди; и мы могли продвигаться лишь у них на виду – настолько узким было то место.

Спускаясь с гор, мы обозревали Ломбардскую равнину, одну из самых благодатных, красивых и густонаселенных в мире. И хотя она считается равниной, ездить по ней тяжело, поскольку она вся изрыта оврагами, как и Фландрия, и даже больше; но земля ее лучше и плодороднее, и дает она как добрую пшеницу, так и хорошее вино и фрукты; при этом они никогда не оставляют земли под паром. Из-за сильного голода и тягот, что мы претерпели в пути по выходе из Лукки, нам доставляло истинное удовольствие любоваться этой равниной. При спуске артиллерия доставляла чрезвычайные хлопоты – настолько дорога была крутой и неудобной. С высоты было видно войско противника со множеством палаток и шатров, казавшееся очень

большим, каким оно и было на самом деле; венецианцы выполнили то, о чем они через меня сообщили королю, сказав, что с герцогом Миланским они поставят 40 тысяч человек; ибо если там и не было столько, то недоставало немного, ибо собралось 35 тысяч солдат, четыре пятых из которых принадлежали Святому Марку²¹. Там было около 2600 кавалеристов в доспехах, и при каждом из них конный арбалетчик и другие вооруженные люди, так что на одного кавалериста приходилось четыре конника²². А стратиотов и легких конников насчитывалось пять тысяч, остальные же были пехотинцами, и они расположились в хорошо укрепленном и защищенном сильной артиллерией месте.

ГЛАВА IX

Король спустился с гор около полудня и расположился в деревне Форново; и это был пятый день июля 1495 года, воскресенье. Мы нашли там большое количество хлеба, вина и фуража для лошадей. Народ повсюду встречал нас радушно (и никто из добропорядочных людей не причинял ему зла) и приносил пищу: маленькие очень черные хлебцы, весьма дорогие, вино, на три четверти разбавленное водой, и немного фруктов; все это доставляло радость армии.

Я кое-что купил, но велел испробовать все в моем присутствии, ибо было подозрение, что эти припасы оставлены, дабы отравить наше войско, так что поначалу никто к ним не прикасался. А два швейцарца погибли, попив воды; их схватил озноб, и они умерли в канаве, что вызвало у людей еще большие опасения. Но еще до полуночи все начали есть, сначала лошади, а затем и люди, и чувствовали себя хорошо. По этому случаю следует сказать о честности итальянцев, ибо мы нигде не обнаружили яда; но если бы они пожелали к нему прибегнуть, то в этом походе мы с большим трудом смогли бы уберечь себя.

Мы прибыли, как Вы слышали, в воскресенье в полдень; король спешился и выпил воды, многие из знатных людей съели по куску хлеба; полагаю, что в этот час ничего съестного уж больше не осталось, поскольку местный хлеб мы еще не осмеливались есть.

Сразу же после обеда к самому войску подскочило несколько стратиотов, вызвав у нас переполох; ибо наши люди их еще не видели. Вся армия в полном порядке приготовилась к бою, разделившись на три части: авангард, средние войска и арьергард; от одного строя до другого не было и полета ядра, так что они легко могли прийти друг другу на помощь. Но тревога оказалась напрасной, и все разошлись; однако до наступления ночи тревоги возникали еще раз или два. У нас палаток и шатров было мало, и наш лагерь раскинулся в их сторону, поэтому достаточно было и 20 стратиотов, чтобы поднять панику, тем более что они не отходили от края нашего лагеря, скрываясь в расположенном там леске.

Мы находились в долине между двумя небольшими холмами, и по ней протекала река, которую можно было перейти вброд, если не было паводков, что в этом краю случаются быстро и неожиданно, но длятся недолго; такие речки называются потоками. Долина была каменистой, усеянной большими камнями, что мешало лошадям; а в ширину она была около четверти лье. На одном из холмов, что справа, расположились наши враги, и нам нужно было пройти мимо них по другой стороне реки; до их войска было, кажется, пол-лье. Был и другой путь – подняться на левый холм, ибо в тот момент мы находились на их стороне реки²³, но такое движение выглядело бы как отступление.

За два дня до того мне было сказано, чтобы я переговорил с ними (ибо и самые мудрые начали испытывать тревогу) и кого-нибудь взял с собой, дабы произвести подсчеты и разузнать положение их дел. Я весьма неохотно взялся за это (к тому же я не мог идти без охранной грамоты), но ответил, что имею добрую договоренность с проведиторами, достигнутую после отъезда из Венеции в тот вечер, когда я прибыл в Падуя, и что уверен в их согласии вступить со мной в переговоры на полпути от одного войска к другому; но сказал также, что, предложив им прийти на встречу, я лишь придам им смелости и что вообще мне слишком поздно это поручили.

В то воскресенье, о котором идет речь, я написал проведиторам (одного звали мессир Лука Пизани, а другого – мессир Марко Тревизано) и попросил их, чтобы один из них пришел переговорить со мной в безопасное место, как они мне предложили сделать при отъезде из Падуи, о чем выше было сказано. Они ответили, что сделали бы это с большей охотой, если бы мы не начали войну против герцога Миланского, но тем не менее один из них или оба – как уж они решат – придет в определенное место на полпути между нами. Этот ответ я получил в воскресенье вечером, но никто из доверенных лиц короля его не оценил. Я же боялся брать на себя слишком много, чтоб не сочли трусостью то, что я тороплюсь с переговорами, и в тот вечер не стал ими заниматься, хотя охотно помог бы королю и всей нашей армии выйти из тяжелого положения, если бы смог это сделать, не навлекая на себя опасности.

Около полуночи кардинал Сен-Мало, перед этим разговаривавший с королем (а мой шатер был рядом с королевским), сказал мне, что утром король выступает и что он пройдет вдоль лагеря противника, даст по нему несколько артиллерийских залпов, чтобы ошеломить врага, и, не останавливаясь, двинется дальше. Я уверен, что это было предложение самого кардинала, человека, ничего не понимающего в таких вещах и слишком неопытного, чтобы судить о них; королю следовало бы собрать на совет самых мудрых людей и капитанов, но за время обратного похода я лишь трижды видел, как собирался совет, после чего поступали наперекор принятым решениям. Я сказал кардиналу, что если подойти к их войску на столь близкое расстояние, чтобы можно было открыть огонь, то немисливо избежать схватки, и что ни тем, ни другим не удастся удержаться и не вступить в бой, и что это решение идет вразрез с начатыми мной переговорами.

Мне было совсем не по душе присоединяться к такому решению, но мое положение с начала царствования этого короля было таково, что я не осмеливался противоречить, чтобы те, кого он наделил властью, не сделались моими врагами; а ведь он, наделяя властью, не знал никакой меры.

В эту ночь еще дважды поднималась тревога, и все потому, что против стратиотов не приняли мер, какие следует принимать против легкой конницы; ведь 20 пеших кавалеристов со своими лучниками всегда бы остановили две сотни стратиотов, но дело это было для нас еще новым. Той ночью разразилась на диво сильная гроза, и гром и молнии были такими, что и передать невозможно; казалось, будто разверзлись твердь и небеса, знаменуя пришествие страшных бед. Ведь мы находились у подножия высоких гор, летом, в жаркую пору; и хотя гроза – явление природное, все равно было страшно, тем более когда ощущаешь себя в опасности перед лицом столь многочисленного противника, обойти которого не было никакой возможности, и оставалось лишь принять сражение, располагая небольшим числом людей. Ведь у нас имелось – худых ли, хороших – не более девяти тысяч человек, из которых две тысячи составляли королевская свита и слуги знатных людей в армии. А пажей, обозную прислугу и прочих подобных людей я совсем не принимаю в расчет.

ГЛАВА X

В понедельник утром, около семи часов, в шестой день июля 1495 года, король сел на лошадь и несколько раз велел позвать меня. Я подошел к нему; он был при полном вооружении, на самой красивой лошади, какую мне только приходилось видеть в своей жизни; звали ее Савойя. Некоторые говорили, что это была лошадь де Бресса, подаренная ему герцогом Карлом Савойским; она была вороной, всего с одним глазом и не очень крупная, под стать росту седока. И казалось, что это совсем другой человек, а не тот юноша, каким создала его природа, если судить по его внешнему виду и нраву; ведь он и по сей день говорит очень робко (ибо воспитан был в большом страхе) и роста невысокого, но эта лошадь придала ему величие; и лицо у него стало внушительным, и цвет его приятным, а речь – уверенной и мудрой. И я подумал, вспомнив о брате Джироламо, что тот сказал правду, что руководить королем будет сам господь и что в пути его ждут трудности, из которых он выйдет, сохранив свою честь.

Король сказал мне, что если противник согласится вступить в переговоры, то чтобы я начал их; и он назначил для переговоров присутствовавшего при этом кардинала и маршала де Жье, который вряд ли мог заниматься ими, поскольку командовал в то утро авангардом, который доверили ему ввиду разногласий между графом Нарбоннским и де Гизом: они уже несколько раз были командующими и каждый из них утверждал, что настал его черед вести авангард. Я ответил королю: «Сир, я охотно займусь этим, но только мне никогда не приходилось видеть, чтобы две столь большие армии, сошедшиеся так близко, разошлись без боя».

Вся наша армия вышла на берег, построилась в боевом порядке, один строй возле другого, как в предыдущий день; мне эта военная мощь казалась очень незначительной в сравнении с тем, что я видел у герцога Карла Бургундского или у отца молодого короля. Я и кардинал отошли по берегу в сторону и продиктовали письмо двум вышеназванным проведиторам (писал его доверенный секретарь короля Роберте); кардинал сказал, что заботиться о мире – обязанность, подобающая его должности и сану, так же как и моей должности посла, недавно прибывшего из Венеции, тем более что я уже принимал на себя функции посредника; мы написали им, что король не имеет намерения причинять кому-либо ущерб и что он хочет лишь пройти своей дорогой, и потому если они пожелают вступить в переговоры и прийти на встречу, как было условлено за день до этого, то мы будем рады и употребим все силы на благо мира.

Со всех сторон начались уже стычки; поскольку мы продвигались шагом той дорогой, что проходит мимо них по другому берегу реки²⁴, как я говорил (от нас до них было, пожалуй, четверть лье, и все их войско выстроилось в боевом порядке, ибо, по своему обычаю, они устраивают столь большой и просторный лагерь, что очень быстро наводят порядок и принимают боевое положение), они послали часть стратиотов, конных арбалетчиков и кавалеристов, чтобы те, двигаясь незаметно, заняли деревню, из которой мы вышли, переправились там через речку и ударили по нашему большому обозу, состоявшему, полагаю, из более чем шести тысяч вьючных животных – мулов, лошадей и волов. Противник за несколько дней до того столь хорошо расставил свои силы, что лучше и не придумаешь, причем таким образом, чтобы атаковать короля со всех сторон и в случае нашего разгрома не дать ускользнуть ни одному человеку. И те, о ком я сказал, напали на наш обоз.

А по левому берегу наступали маркиз Мантуанский со своим дядей, сеньором Родольфо, граф Бернардино да Монтоне и весь цвет их армии, числом до 600 кавалеристов, как они мне впоследствии рассказывали. Все в доспехах, с плюмажами, длинными копьями и в сопровождении многочисленных конных арбалетчиков, стратиотов и пехотинцев, они с правого берега перешли на левый, чтобы ударить нам в хвост. На маршала де Жье с нашим авангардом двинулся граф Каяццо примерно с 400 кавалеристами, с таким же сопровождением и с большим числом пехотинцев. За ним шел другой отряд, почти в 200 кавалеристов, который вел сын мессира Джованни Бентивольо, сеньора Болоньи, молодой и неопытный человек (им, как и нам, не хватало опытных военачальников); он должен был ударить по авангарду после графа Каяццо. Такой же второй отряд шел и за маркизом Мантуанским, и с той же целью, а вел его мессир Антонио Урбино, незаконный сын герцога Урбинского. Еще два больших отряда осталось у них в лагере. Все это я знаю от них самих, ибо со следующего дня начал переговоры с ними и многое видел собственными глазами. Венецианцы не хотели

рисковать всеми своими силами и оставлять лагерь незащищенным, но им стоило ввести в бой все свое войско, если уж они начали сражение.

Я ненадолго отвлекусь, чтобы рассказать, что случилось с письмом, отправленным мною и кардиналом с одним трубачом. Оно было получено проведиторами; но когда они его прочитали, наша артиллерия, до сего времени молчавшая, начала вести огонь, на который сразу же ответила их артиллерия, которая была хуже нашей. Проведиторы немедленно послали нашего трубача обратно, а вместе с ним маркиз отправил и одного своего с сообщением, что они рады будут вступить в переговоры, но при условии, что наша артиллерия замолчит, как и их собственная.

Я был тогда при короле, разъезжавшем взад и вперед, и велел этим двум трубачам поехать остановить артиллерийскую стрельбу, и те передали фельдцейхмейстеру, чтобы он больше не стрелял. На короткое время огонь с обеих сторон прекратился. Но неожиданно они вновь сделали выстрел, и наша артиллерия ответила еще более мощным огнем, поскольку подвезли еще три орудия. Когда эти два трубача опять приехали в их лагерь, то, поскольку они решили сражаться, нашего трубача арестовали и отвели в палатку маркиза. Граф Каяццо сказал, как я знаю от присутствовавших при этом, что не время вести переговоры, раз мы наполовину разбиты; и один из проведиторов, который мне и рассказывал об этом, согласился с ним, а другой – нет; маркиз также поддержал его, но его дядя, который был добрым и мудрым человеком, любившим нас и против своей воли поднявшим против нас оружие, всеми силами воспротивился. Однако в конце концов они все согласились с тем, что нужно начать сражение.

ГЛАВА XI

Надо сказать, что король включил в авангард все свои главные силы: тот насчитывал примерно 350 кавалеристов и три тысячи швейцарцев, и на него уповало все наше войско. А кроме того, король велел спешиться и присоединиться к авангарду 300 лучникам и 200 конным арбалетчикам, причем все эти люди были из его охраны, так что он тем самым нанес ущерб самому себе. К ним присоединили и прочих пехотинцев, которых было немного; с нашими немцами шли брат герцога Клевского монсеньор Анжильбер Клевский и Лорне, а командовал немцами балы Дижона. Артиллерия двигалась впереди них. Здесь были бы весьма кстати те, кого оставили во флорентийских землях и послали в Геную вопреки всеобщему мнению.

Наш авангард подошел на очень близкое расстояние к их лагерю, и он потому и был усилен, что мы полагали, что он первым начнет бой. Два других наших соединения шли вдалеке и не могли быстро прийти на помощь авангарду, как за день до этого. А маркиз уже вышел на берег и переправился на нашу сторону реки, оказавшись прямо за спиной у нас, в каких-то четверти лье от арьергарда; итальянцы двигались тихим шагом и тесно сомкнутыми рядами, что представляло собой удивительно красивое зрелище. Король, развернувшись спиной к авангарду, поскакал к арьергарду. Я держался вместе с кардиналом, ожидая ответа от проведиторов; сказав ему, что время забав прошло, я поехал к королю. По дороге я потерял пажу, бывшего моим двоюродным братом, камердинера и лакея, следовавших за мной на небольшом расстоянии, но я не видел, чтобы их убили.

Не проехав и 100 шагов, я услышал, что в той стороне, куда я направлялся, поднялся шум. Это были стратиоты, налетевшие на обоз и на те три или четыре дома, где останавливался король; они убили там или ранили четверых либо пятерых человек, а остальные убежали. Но из погонщиков вьючных животных они перебили почти сотню и учинили страшный беспорядок в обозе. Когда я подъехал к королю, то он посвящал кого-то в рыцари²⁵; но враги были уже совсем рядом, и ему пришлось остановиться. Я услышал, как бургонский бастард Матье, которому король очень доверял, и один простой, но добропорядочный дворянин по имени Филипп дю Мулен закричали королю: «Уходите, сир, уходите!» – и заставили его отъехать к войску под его знамя. В какой-то момент, как я видел, король оказался ближе всех, исключая этого бастарда, к противнику, примерно в 100 шагах, почти без охраны и сопровождения, и случилось это менее чем через четверть часа после того, как я подъехал. А ведь его предшественники не появлялись на поле боя и имели лучшую охрану. Но в конце концов хорошо охраняется тот, кого оберегает бог, а им руководил сам господь, как истинно пророчествовал брат Джироламо.

Арьергард стоял по правую руку от короля, чуть вдалеке, и ближе всего к нему с этой стороны был отряд Робине де Фрамезеля, состоявший из 80 копий герцога Орлеанского, и отряд сеньора де ля Тремойля, насчитывавший около 40 копий. В толпе этих кавалеристов было также 100 шотландских лучников. Я же находился с левой стороны, где стояли дворяне с жалованьем в 20 экю и другие люди королевского дома, а также пансионари. Ради краткости я не буду перечислять капитанов, но командовал арьергардом граф де Фуа.

Как я сказал, четверть часа спустя после моего прибытия король оказался очень близко от врагов; их кавалеристы с копьями наперевес тронулись легким галопом и ударили по нашим двум отрядам. Но эти отряды, действуя одновременно вместе с шотландскими лучниками, отбили их, и король лично принимал в этом участие. Левое же крыло, где был я, ударило по ним с фланга; воспользовавшись тем большим преимуществом, что можно было атаковать с двух сторон, мы нанесли им мощный удар. Стратиоты же, шедшие у них в хвосте, как только увидели, что наши мулы и сундуки несутся к нашему авангарду, настигаемые другим отрядом стратиотов, сразу же бросились тоже в погоню за обозом, оставив без прикрытия свою кавалерию; несомненно, что если бы они бросили против нас еще 1500 легких кавалеристов, вооруженных своими страшными мечами, то при своей малочисленности мы были бы полностью разбиты. Однако господь помог нам, и, нанеся удар копьями, итальянцы сразу же почти все бросились назад, а их пехота устремилась вдоль берега.

В тот самый момент, когда они ударили по нашим отрядам, граф Каяццо атаковал авангард; но до схватки дело не дошло, ибо, не успев скрестить копыя, итальянцы испугались и бежали. Наши немцы схватили 15 или 20 из них за уздечки коней и убили, а остальные ушли, почти не преследуемые, поскольку маршал более всего заботился о том, чтобы не разъединять свои силы, ибо довольно близко от себя видел другой отряд противника. Однако кое-кто все же бросился в погоню, и часть бегущих, с мечами в руках, ибо копыя они побросали, помчалась той дорогой, по которой прошли мы, – по берегу реки.

Следует вам сказать, что те, кто атаковал короля, были удивительно легко отбиты и обращены в бегство и мы устремились в погоню за ними. Одни из них побежали в деревню, откуда ушли мы, другие – более коротким путем к своему войску; и преследовали их все, кроме короля. Он остался на том же месте с немногими людьми, подвергая себя опасности, поскольку мы оторвались от него. Одним из первых был убит сеньор Родольфо Мантуанский, дядя маркиза; он должен был дать знать мессииру Антонио Урбино, когда тому следует вступать в бой, ибо они полагали, что дело будет долгим, как обычно бывает у них в Италии. Полагаю, что мессир Антонио не получил никакого сигнала к выступлению, и этим можно извинить то, что он не принял участия в сражении. Нас сопровождало множество слуг и лакеев, и они, окружив итальянских кавалеристов, перебили многих из них – ведь они все были с топорами в руках, которыми рубили деревья для устройства лагеря, и ими они разбивали забрала шлемов и сильными ударами в голову убивали их, ибо иначе убить кавалериста было очень трудно, настолько шлемы были прочными, и я не видел, чтобы кого-либо из них убили иначе, как только втроем или вчетвером. Много подвигов было совершено и длинными мечами, которыми вооружены были наши лучники и слуги. Король некоторое время оставался на том же самом месте, где была проведена атака, не желая ни участвовать в погоне, ни присоединиться к авангарду, ушедшему вперед. Около себя он оставил семерых или восьмерых молодых дворян. Он, будучи в первых рядах, счастливо избежал опасности во время первого натиска, хотя бастард Бурбонский был схвачен чуть ли не в 20 шагах от него и увезен в лагерь противника.

ГЛАВА XII

Итак, король остался на том месте, о котором я сказал, со столь малой охраной, что при нем и был-то один лишь его камердинер по имени Антуан дез Обю, человек слабый и плохо вооруженный, а остальные отъехали немного в сторону, как рассказывал мне тем же вечером сам король в их присутствии, отчего они должны были испытывать сильный стыд за то, что бросили его. Однако они вовремя подоспели к нему, когда на него с камердинером напал небольшой отряд разбитых кавалеристов, скакавших вдоль берега и увидевших, что возле него нет людей. У короля была лучшая лошадь в мире, но он, тронувшись с места, стал защищаться; в этот момент и подскочили его люди, что были невдалеке, и обратили итальянцев в бегство. И тогда король, вняв совету, поскакал к авангарду, который стоял на месте, что для короля было очень кстати; однако если бы авангард продвинулся вперед еще на 100 шагов, то он заставил бы бежать все войско противника. И одни говорили, что ему следовало бы это сделать, а другие – что нет.

Наш отряд, пустившийся в погоню, достиг почти края их лагеря со стороны Форново, и я не видел, чтобы кому-либо из наших был нанесен хоть один удар, кроме Жульена Бурнеля, свалившегося замертво от удара одного бежавшего итальянца; правда, он был плохо вооружен. Там мы остановились, и раздался клич: «К королю!». И тогда все остановились, чтобы дать передышку сильно уставшим лошадям, ибо мы долгое время скакали по плохой каменистой дороге. Мимо нас проскакал отряд бегущих итальянских кавалеристов примерно в 30 человек, но мы не тронулись с места; нас пронял страх.

Как только наши лошади немного отдохнули, мы тронулись крупной рысью обратно, возвращаясь к королю, хотя не знали, где он находится. Но, едва отъехав, мы увидели его вдалеке и тогда велели нашим слугам спешиться и собрать на поле копыя, которых там было предостаточно, особенно с толстыми деревянными древками, которые, правда, немногого стоили, ибо были полыми и легкими, весившими менее метательного копыя, но зато красиво украшенными; так что мы оказались снабжены копыями лучше, чем утром. Мы двигались прямо к королю, и на пути столкнулись с пересекавшими поле итальянскими пехотинцами, до того времени прятавшимися на берегу, и это были те, кого вел в атаку на короля маркиз. Некоторых из них мы убили, а другие ускользнули, переправившись через реку, но мы не стали увлекаться погоней. Несколько раз в пылу сражения раздавался крик: «Вспомните о Гинегате!» – напоминавший о проигранном при короле Людовике XI сражении против римского короля и призывавший разграбить их обоз, но на сей раз мы ничего не грабили и ничего не захватили.

Стратиготы же похватали с наших вьючных животных все, что хотели, но из самих животных увели лишь 55 с самой красивой упряжью, принадлежащих королю и его камергерам, прихватив с собой и одного камердинера короля по имени Габриэль, при котором были реликвии, с давних пор принадлежавшие королю; камердинер шел при обозе, поскольку там везли королевскую постель. Большое число сундуков было брошено и потеряно, а многие оказались разграблены нашими же людьми (тогда как противник заполучил лишь то, о чем я сказал); за нашим войском пешком следовала толпа бродяг обоего пола, и они обчищали трупы.

Потери с той и другой стороны были таковы (я думаю, что я близок к истине, поскольку получил сведения с обеих сторон): мы потеряли Жульена Бурнеля, капитана королевской охраны, одного дворянина на жаловании в 20 эку, девять шотландских лучников, из других конников авангарда – около 20 человек, а в обозе потери составили 60 или 80 погонщиков; итальянцы же потеряли 350 кавалеристов, погибших на поле боя; в

плен не попал никто, чего, вероятно, никогда не бывало в сражениях. Из стратиотов погибли немногие, поскольку они набросились на обоз, а всего у них погибло около 3500 человек, как говорили мне некоторые из их наиболее высокопоставленных людей (правда, другие называли иную цифру); из знатных людей, согласно виденному мною списку, полегло до 18 персон, среди которых четверо или пятеро из дома Гонзаго, к которому принадлежит маркиз; этот последний потерял почти 60 кавалеристов – дворян из своих земель, а пехотинцев среди погибших не было ни одного.

Удивительно, что столько людей было убито в рукопашной схватке, ибо артиллерия с обеих сторон, как полагаю, уложила всего десяток человек 26 и весь бой длился не более четверти часа, ибо, как только итальянцы сломали или метнули копья, они все бежали. Погоня же продолжалась примерно три четверти часа. В Италии не привыкли к таким битвам, поскольку они сражаются, вводя одно соединение за другим, и бой, бывает, тянется целый день, никому не принося победы.

С их стороны бегство было великое: бежало почти 300 кавалеристов и большая часть стратиотов, одни – в Реджо, что довольно далеко оттуда, а другие – в Парму, до которой было около восьми лье. В тот момент, когда утром завязалось сражение, от нас бежали граф Питильяно и сеньор Вирджинио Орсини, и последний остановился в доме одного дворянина; они ведь были нашими пленниками на слово, и мы нанесли им большую обиду. Граф же бежал прямо к своим. Он был хорошо известен среди кавалеристов, поскольку служил у флорентийцев и у короля Ферранте. Когда они повернули назад, он бросился за ними с криком: «Питильяно! Питильяно!». Когда он достиг их лагеря, то там уже грузили палатки и стояло множество нагруженных мулов. Он проскакал около трех лье вслед за убегающими, крича им, что победа за ними, дабы они вернулись за добычей, и таким образом подняв их дух, он большую часть их повернул обратно, а если бы не он, то они бы все разбежались. Так что этот человек, ушедший от нас, оказал им отнюдь не малую услугу. А вечером он предложил атаковать нас, но никто и слушать его не хотел. Об этом мне впоследствии рассказывали они сами, в том числе и маркиз Мантуанский, сказавший, что именно граф остановил их войско; и действительно, если бы не он, то ночью все они бежали бы.

Когда все мы собрались вокруг короля, то увидели за пределами их лагеря множество кавалеристов в боевом строю, причем виднелись только их головы и копья, а также пехотинцев, не вступавших в бой. Но расстояние до них было большее, чем казалось, и, чтобы атаковать их, нужно было перейти реку, вода в которой поднялась и стала разливаться, ибо весь этот день шел на диво сильный дождь с молнией и громом, особенно во время битвы и погони. Король спрашивал совета, стоит ли двинуться на них или нет. При нем состояло трое итальянских рыцарей: один – Джан-Джакомо Тривульцио, который жив по сю пору и преуспевает; другой – мессир Франческо Секко, достойнейший рыцарь 72 лет, который был на содержании флорентийцев; а третий – мессир Камилло Вителли. Последний со своими тремя братьями был на жалованье у короля, и прибыл он к нему без приглашения, чтобы участвовать в битве при Сарцане, из Читта-ди-Кастелло, проделав очень большой путь; этот Камилло приехал один, поскольку понял, что со своим отрядом он не сможет добраться до короля.

Двое последних высказались за то, чтобы ударить по еще виднеющимся войскам. Французы же держались иного мнения и говорили, что и без того сделано уже достаточно и что время позднее и пора устраиваться на ночлег. Мессир Франческо Секко упорно настаивал на своем предложении, указывая на то, как те беспорядочно двигаются взад и вперед по дороге в Парму, ближайший город на пути их отступления, и говоря, что это бегущие и возвращающиеся обратно. Как мы узнали позднее, он говорил правду, его поведение и речи выдавали храброго и мудрого рыцаря; если бы мы выступили, то итальянцы бы все разбежались (в этом мне признавались все их военачальники и некоторые даже в присутствии герцога Миланского), и это была бы самая великая и самая выгодная для нас победа за последние 200 лет, ибо если бы мы сумели ею воспользоваться, мудро повели свои дела и хорошо обходились с народом, то через восемь дней наступления на герцога Миланского у того ничего бы не осталось, кроме Миланского замка, – настолько было сильно желание его подданных перейти к нам; то же самое случилось бы и при наступлении на венецианцев, при этом нечего было бы беспокоиться о Неаполе, ибо венецианцы нигде не смогли бы найти людей, кроме как в самой Венеции, Брешии и небольшом городке Кремона, ибо все остальное они в Италии потеряли бы²⁷. Но господь распорядился так, как сказал мне брат Джироламо: он оставил за нами одну только честь, всех же других благ мы не заслужили, поскольку не смогли бы ими тогда воспользоваться по причине своей бестолковости и отсутствия порядка. Но я уверен, что если бы сейчас, т. е. в 1497 году, король оказался бы в таком же положении, то он сумел бы лучше распорядиться.

Пока мы разговаривали, уже стемнело, и итальянский отряд, стоявший напротив нас, ушел в свой лагерь, а мы остались на нашем берегу. Лагерь мы разбили в четверти лье от места сражения; король остановился на небольшой мызе, или ферме, где было много необмолоченного хлеба, чем и воспользовалось все войско. Поблизости стояло и несколько других домишек, но они нам были ни к чему, поскольку все устроились на ночлег, как могли, под открытым небом. Помню, что я лег в винограднике прямо на землю, без всякой подстилки и без плаща, так как утром король его у меня позаимствовал, а багаж мой был далеко и искать его было уже поздно. Кто имел что, тот поел, но еда была у немногих, да и то это был какой-нибудь кусок хлеба, взятый у слуги. В комнате короля находились раненые – сенешал Лиона и другие, которых он велел укрыть и накормить; все чувствовали, что легко отделались, и уже не мнили о своей славе, как было накануне сражения,

ибо враг держался поблизости. Этой ночью все немцы стояли в дозоре и король раздал им 300 экю; они хорошо справились со своим делом, и всю ночь звучали их тамбурины.

ГЛАВА XIII

На следующий день утром я решил попытаться продолжить переговоры о соглашении, по-прежнему заботясь о безопасном проходе для короля. Но я с трудом мог найти трубача, согласившегося поехать в войско противника, поскольку во время сражения, будучи неопознанными²⁸, были убиты восемь трубачей и один взят в плен; кроме того, итальянцы удерживали у себя того трубача, которого король посылал к ним накануне сражения. Однако один из трубачей все же согласился и отвез им охранную грамоту от короля, и они через него прислали мне свою, чтобы начать переговоры на полпути от одного войска к другому, что мне казалось делом затруднительным; но я не желал ни прерывать переговоры, ни усложнять их. Для ведения их король назначил кардинала Сен-Мало, маршала Франции сеньора де Жье, а также своего камергера сеньора де Пьена и меня; итальянцы же поручили их главному капитану Синьории маркизу Мантуанскому, графу Каяццо (я неоднократно упоминал его в своих воспоминаниях, он был капитаном, командовавшим людьми герцога Миланского, и некогда служил нам), а также проведиторам венецианской Синьории Луке Пизани и Марко Тревизано. Мы приблизились к ним настолько, что могли их разглядеть (на берегу они были только вчетвером); нас разделяла река, сильно разлившаяся накануне; из их лагеря, кроме них, никто не вышел, а на нашей стороне были только мы и дозор, располагавшийся в этом месте. Мы послали к ним герольда узнать, не пожелают ли они переправиться через реку.

Как я сказал, эта встреча казалась мне делом весьма безнадежным, и думаю, что и все остальные испытывали сомнения; итальянцы даже их и не скрывали, заявив, что договоренность была вести переговоры на полпути от одного войска к другому, а они-де прошли более половины пути и потому реку переходить не станут, тем более что все они – командующие войском и не желают подвергаться такому риску. Наши же представители, также считавшие себя важными особами, побоялись перейти на их берег и предложили пойти мне, не сказав даже, что я должен делать и говорить. Я ответил, что один, без свидетелей, не пойду, и взял с собой королевского секретаря Роберте, своего слугу и герольда. Итак, я переправился через реку. Мне казалось, что даже если я ничего и не добьюсь, то все равно, выступив в качестве посредника, я выполню свой долг по отношению к собравшимся.

Подъехав к итальянцам, я указал им на то, что они не прошли полпути, как сказали, а лишь доехали до берега реки. Я полагал, что если мне удастся всех собрать вместе, то они не разъедутся, не договорившись. Они ответили, что река слишком широкая и в ней быстрое течение, так что переговоры провести не удастся; и я не знал, что делать, дабы склонить их к тому, чтобы они переправились через реку. Они спросили, не сделаю ли я какого-либо предложения; но я не имел никаких инструкций и поэтому сказал, что не могу им ничего предложить, но если они пожелают что-либо предложить сами, то я доложу обо всем королю.

Пока шел этот разговор, подъехал один из наших герольдов и сообщил мне, что наши вышеупомянутые сеньоры уехали, передав мне, чтобы я действовал по своему усмотрению, чего я делать не хотел, ибо они лучше меня знали волю короля, поскольку были ближе к нему и перед нашим отъездом о чем-то шептались с ним. Не хуже их я знал лишь то, в каком положении его дела в данный момент.

Маркиз Мантуанский заговорил со мной о сражении и спросил, убил бы его король, если бы взял в плен. Я ответил, что нет и даже наоборот, радушно принял бы, ибо у короля есть причина любить его — ведь он своей атакой дал королю возможность проявить храбрость и обрести большую честь. Затем он просил меня позаботиться о пленниках, в особенности о его дяде сеньоре Родольфо, полагая, что тот жив, хотя я знал, что это не так. Я заверил его, что со всеми пленниками обращаться будут хорошо, и просил за бастарда Бурбонского, попавшего в плен к ним. Насчет пленников нам было легко договориться, ибо, как я сказал, их почти совсем не было, и такое, кажется, случилось впервые. Маркиз потерял в бою нескольких своих родственников, семь или восемь человек, а также весь свой отряд почти в 120 кавалеристов. После этих переговоров я откланялся и сказал, что вернусь к ним до наступления ночи, и мы заключили перемирие на этот день.

Вернувшись с секретарем к королю, я сообщил свои новости; король собрал совет в убогой комнатухе, но никакого решения принято не было, и все только смотрели друг на друга. Король переговорил потихоньку с кардиналом и затем распорядился, чтобы я вернулся к ним, дабы узнать, что они скажут (хотя инициатива переговоров шла от меня и итальянцы, надо полагать, ждали, что я начну их первым), а кардинал потом добавил, чтобы я не вступал ни в какое соглашение. Я и не думал заключать соглашение, ибо не имел никаких инструкций, и не желал возражать и отказываться от поездки, ибо надеялся чем-либо помочь, по крайней мере, узнать кое-что о положении противника, который, без сомнения, пребывал в большем страхе, чем мы, и потому мог бы сделать какое-нибудь предложение, что придало бы уверенности обеим сторонам и продвинуло бы переговоры; и я тронулся в путь.

Когда я добрался до берега реки, уже надвигалась ночь; ко мне подъехал один из их трубачей и сообщил, что четверо их представителей просили меня не приезжать этим вечером, поскольку уже поздно и их дозор состоит из стратиотов, которые никого не знают, так что мне может грозить опасность. Трубач хотел провести у нас ночь, чтобы утром проводить меня, но я отослал его назад, сказав, что утром, около восьми часов, буду на берегу реки, и чтобы он меня ждал, и что если произойдут какие-либо изменения, то я пришлю герольда. Ибо я

не хотел, чтобы он ночью разведал что-либо о нашем положении, и, кроме того, я не знал, какое решение примет король, поскольку я видел, как ему нашептывали что-то на ухо, что повергало меня в сомнения. И я вернулся, чтобы известить обо всем короля.

Все поужинали, чем могли, и устроились на земле спать. Вскоре после полуночи я зашел в комнату короля и застал там его камергеров, готовившихся седлать лошадей. Они сказали, что король решил срочно уйти в Асти или в земли маркизы Монферратской. А мне они предложили остаться, чтобы продолжить переговоры; но я извинился и сказал, что не желаю идти по доброй воле на смерть и не поеду в последних рядах конницы.

Как только король проснулся, еще до рассвета, он прослушал мессу и сел на коня. Протрубили тревогу, но сигнала сниматься не дали. Думаю, что в сигнале тревоги никакой нужды не было, поскольку он мог внушить страх армии, по крайней мере людям сведущим, так как после сигнала мы разворачивались спиной к противнику и трогались в путь, как бы спасаясь от него, что для войска может обернуться страшной бедой. По выходе из лагеря дорога была очень плохой — она проходила по выбитой и лесистой местности. К тому же мы сбились с пути, так как проводников совсем не было; я слышал, как спрашивали проводников для знаменосцев и для обер-штальмейстера, но все отвечали: «У меня нет».

Заметьте, что проводник у нас все же был: сам господь провел нашу армию сюда и, согласно брату Джироламо, он намеревался ее вывести и обратно, ибо невероятно было, чтобы король проехал ночью без проводника по столь опасной местности. Но еще более важным знаменем того, что господь бог желает предохранить нас, было то, что противник не заметил нашего отхода до полудня и все ждал возобновления начатых мною переговоров.

К тому же и река разлилась так, что до четырех часов пополудни никто не осмеливался переправиться через нее, чтобы преследовать нас; но позднее граф Каяццо с 200 легкими итальянскими кавалеристами перешел ее, подвергая себя большой опасности из-за сильного течения и потеряв утонувшими одного или двух человек, как он мне впоследствии рассказывал. Мы вынуждены были идти гуськом по горбатой и лесистой дороге, тянувшейся шесть миль или около того; а затем мы попали в большую красивую долину, где нас уже ждал авангард с артиллерией и обозом, который был столь большим, что издали казался огромным войском. Поначалу мы испугались их из-за белого квадратного флага мессира Джана-Джакомо Тривульцио, ибо с таким же флагом вступал в бой маркиз Мантуанский. А авангард испугался нашего арьергарда, поскольку видел, что тот, дабы сократить путь, шел не по дороге. Все выстроились в боевом порядке, но страх продолжался недолго, ибо с обеих сторон подъехали вестовые и сразу же узнали друг друга.

Оттуда мы направились передохнуть в Борго-Сан-Донино, и там у нас был дан сигнал тревоги, что сделано было весьма кстати, дабы отвлечь немцев, которые, как мы боялись, могли разграбить город. И заночевали мы во Фьоренцуоле. На второй день мы остановились на ночлег около Пьяченцы и перешли там реку Треббью, оставив на другом берегу 200 копий, наших швейцарцев и всю артиллерию, кроме шести орудий, взятых королем; сделано это было, чтобы лучше и удобнее расположиться на ночь, ибо эта река обычно неглубокая, особенно в летнее время; но около десяти часов ночи вода в ней так поднялась, что ее нельзя было перейти ни пешком, ни на коне, и обе части армии не могли оказать друг другу помощь, что было очень опасно из-за близости противника. Всю ночь мы пытались отыскать средство переправиться с одного берега на другой, но ничего не нашли, пока вода не спала сама около пяти часов утра, и тогда были протянуты веревки с одного берега на другой, чтобы помочь перейти пехотинцам, которым вода доходила до пояса.

Сразу же после них переправилась кавалерия и артиллерия; приключение это было неожиданным и рискованным, если учесть, что в том месте поблизости находился враг; в Пьяченцу, помимо гарнизона, вошел и граф Каяццо²⁹, поскольку некоторые жители города намеревались впустить короля, но они хотели, чтобы сделано это было под эгидой малолетнего сына последнего герцога Джана-Галеаццо, незадолго до того умершего, как вы слышали. Если бы король соблаговолил прислушаться к этому предложению, то при посредничестве мессира Джана-Джакомо Тривульцио и других к нему примкнули бы многие города и многие лица. Но он не желал вызывать неудовольствие своего двоюродного брата герцога Орлеанского, находившегося в это время, как вы знаете, в Новаре. А по правде говоря, король не очень-то хотел усиления своего брата и предпочитал не вмешиваться в это дело³⁰.

На третий день после того, как мы покинули место сражения, король обедал в Кастель-Сан-Джованни, а ночевал в лесу. На четвертый день он обедал в Вогере, а ночь провел в Понте-Куроне. На пятый день он заночевал возле Тортоны и перешел реку, называющуюся Скривия, которую охранял Фракасса; люди, что Фракасса имел под своим началом от герцога Миланского, находились в Тортоне, и, когда он был извещен теми, кто устраивал жилище короля, что король желает лишь перейти реку, он отошел в Тортону и сообщил, что может выдать нам сколько угодно припасов. Он так и сделал, и, когда наша армия проходила мимо ворот Тортоны, Фракасса вышел в сопровождении лишь двоих человек к королю, извинился, что не принял его в городе, и велел вынести из города множество припасов, снабдив все наше войско; а вечером он пришел к королю, к месту его ночлега. Нужно иметь в виду, что он происходил из дома Сан-Северино, был братом графа Каяццо и мессира Галеаццо и незадолго до того состоял на жаловании короля в Романье, как я говорил в другом месте.

Оттуда король направился в Ницца-делла-Палья, что в маркизате Монферрат, куда мы хотели добраться поскорее, чтобы быть среди друзей и в безопасности, ибо легкая кавалерия графа Каяццо постоянно сидела на нашем хвосте и в первые дни причиняла нам большое беспокойство, а у нас было немного конников, изъявлявших желание ехать сзади, – ведь чем ближе мы были к безопасным местам, тем менее наши люди желали сражаться. Поэтому и говорят, что такова наша французская натура, и итальянцы в своих историях пишут, что когда французы наступают – они более чем мужчины, а когда отступают, то они хуже женщин; я согласен с первым утверждением, ибо поистине французы — самые твердые люди на всем свете, и я имею в виду кавалеристов, ну а что до второго, то при отступлении все люди вообще менее смелы, чем когда покидают свои дома, выступая в поход.

ГЛАВА XIV

Итак, продолжая рассказ, следует заметить, что с тыла нас защищали 300 немцев, у которых было множество кулеврин, а кроме того, им дали аркебузы на подставках, и с их помощью они быстро отогнали стратиотов, которых было немного. Основная часть войска противника, с которым мы сражались в Форново, двигалась как можно быстрее, но, поскольку они выступили через день после нас и кони их были закованы в броню, они не сумели нас догнать и приблизиться на расстояние менее чем в 20 миль, так что в пути мы не потеряли ни одного человека. Когда они поняли, что не смогут нагнать нас (а может быть, они и не сильно желали этого), они пошли к Новаре, под которой стояли люди герцога Миланского и римского короля, как вы слышали выше; но если бы они смогли нагнать нас во время нашего отхода, то, возможно, добились бы большего успеха, чем под Форново.

Я не раз говорил, что господь постоянно давал знамения, указывающие на то, что именно он руководит походом, но здесь стоит еще раз сказать об этом. Ведь со дня битвы до нашего прихода в Ницца-делла-Палья мы ни разу не устраивали лагеря, и каждый располагался, где мог. Мы испытывали сильную нужду в припасах; кое что нам доставляли местные жители, но они легко могли бы нас отравить, если б пожелали, подмешав яд в пищу, вино или воду, как могли бы в один момент осушить источники и колодцы; правда, мне попадались только небольшие родники, но если бы они захотели, то им удалось бы и их обезводить. Однако господь бог, надо верить, лишил их этого желания. Я был свидетелем столь сильной жажды, что толпы людей пили из рвов тех маленьких городков, через которые мы проходили. Мы проделывали длинные и долгие переходы и пили грязную стоячую воду; и чтобы напиться, мы заходили в нее по поясу, поскольку за нами шла толпа невоенного люда и большое число вьючных животных.

По поводу остановок я никогда не слышал споров. Король всегда трогался в путь до рассвета, и без проводников мы шли, пока не наступал полдень, когда мы останавливались, чтобы поесть; каждый подыскивал себе место и сам приносил корм своему коню и кормил его; помню, что я сам делал это дважды. В течение двух дней мне нечего было есть, кроме очень плохого хлеба, и при этом я был из тех, кто испытывал наименьшую нужду.

За одно следует похвалить нашу армию – за то, что мне никогда не приходилось слышать, чтобы люди жаловались, хотя поход был самым трудным, какой я помню на своем веку, а я испытал с герцогом Карлом Бургундским очень тяжелые походы. Мы двигались, не опережая тяжелые артиллерийские орудия, которые доставляли много хлопот, поскольку не хватало лошадей; но всякий раз, когда требовались дополнительные лошади, их находили у знатных людей в войске, которые охотно их предоставляли, так что мы не потеряли ни одного ядра и ни одного фунта пороха. Думаю, что люди никогда еще не видели, чтобы столь тяжелая артиллерия и с такой скоростью прошла по тем местам, где прошли мы. И если я говорил о беспорядке, имевшем место в связи со стоянками и другими делами, то случалось это не потому, что в войске не было опытных людей, а потому, что судьбе было угодно, чтобы эти люди пользовались наименьшим доверием. Ведь король был юным и своевольным, как я уже говорил. В заключение же скажу, что господь бог пожелал, чтобы вся слава похода досталась ему самому.

На седьмой день после отхода с места сражения мы вышли из Ницца-делла-Палья и стали лагерем возле Алессандрии; на всю ночь был выставлен усиленный дозор. А утром, перед рассветом, мы, т. е. король и люди его дома, собрались и направились в Асти, а кавалерия еще оставалась в лагере. В Асти мы нашли большое количество всякого продовольствия, что явилось великим благом и подспорьем для армии, испытывавшей сильную нужду во всем, поскольку она претерпела большой голод, жажду, жару, постоянно недосыпала и перенесла немало трудностей; все снаряжение было изодрано и никуда не годилось.

Прибыв с королем в Асти, я, перед тем как лечь спать, отправил одного дворянина по имени Филипп де ла Кудр, который раньше служил мне, а затем перешел на службу к герцогу Орлеанскому, в Новару, где был осажден врагами этот герцог, как вы могли слышать. Город был еще не настолько плотно блокирован, чтобы человек не мог в него пробраться или выехать оттуда, поскольку противник стремился взять его измором. Через этого дворянина я передал герцогу, что от имени короля ведутся кое-какие переговоры с герцогом Миланским и что я тоже веду их при посредничестве герцога Феррарского, и потому мне кажется, что ему следует приехать к королю, убедив остающихся в городе, что он вскоре вернется и приведет помощь; ведь в городе находилось 7500 человек, получавших жалование, как французов, так и швейцарцев, и по численности это была прекраснейшая армия.

После первого дня пребывания в Асти король был извещен герцогом Орлеанским и другими, что под Новарой собрались две армии противника; герцог Орлеанский просил помощи, поскольку у него из-за дурных распоряжений, сделанных вначале, кончилось продовольствие. Ведь в городе и окрестностях было достаточно продуктов, особенно хлеба, и если бы с самого начала были сделаны запасы и хорошо налажено снабжение, то противник никогда бы не взял города и, продержавшись в нем месяц, герцог, к великому стыду врагов, с честью бы покинул его.

ГЛАВА XV

Пробыв несколько дней в Асти, король направился в Турин. Покидая Асти, он послал майордома по имени Перрон да Баски в Ниццу, чтобы подготовить флот для отправки на помощь неаполитанским замкам, которые еще держались. С этим флотом он послал в качестве своего наместника и командующего монсеньора д'Арбана. Флот дошел до острова Понца, где оказался на виду у противников, но те не смогли подойти к нему из-за плохой погоды. Пользы от него было мало, так как д'Арбан повернул в Ливорно, и там большая часть его людей покинула суда и бежала на берег. А вражеский флот зашел в Порто-Лонгоне, близ Пьомбино, и простоял там без движения почти два месяца, так что если бы люди не покинули наш флот, то он легко бы смог помочь этим замкам, ибо положение Порто-Лонгоне таково, что из него можно выйти лишь под одним ветром, который зимой дует редко. Д'Арбан был достойным человеком, но неопытным в морском деле.

В это же самое время, когда король находился в Турине, между ним и герцогом Миланским начались переговоры, в которых приняла участие герцогиня Савойская, бывшая дочерью Монферратского дома, вдовой и матерью малолетнего герцога, который был тогда еще жив³¹. Велись они и через других людей; я также был привлечен к ним. Члены лиги, т. е. военачальники, стоявшие лагерем под Новарой, хотели, чтобы их вел я и прислали мне охранную грамоту. Но поскольку среди придворных всегда есть завистники, кардинал, которого я уже столько раз упоминал, не позволил мне вести их; он надеялся на результаты переговоров мадам Савойской, от имени которой их вел казначей Савойи³², мудрый и добрый слуга своей госпожи, в доме которого остановился кардинал. Но переговоры затянулись, поэтому к швейцарцам отправили бальи Дижона³³ в качестве посла, чтобы он набрал около пяти тысяч человек.

Только что я говорил о флоте, собранном в Ницце, чтобы помочь неаполитанским замкам, что он не смог оказать им поддержку по вышеупомянутым причинам, и тогда монсеньор де Монпансье и другие знатные люди, находившиеся в замках Неаполя, решили ввиду такой неудачи покинуть их, воспользовавшись морскими судами, стоявшими возле замков, но оставить там достаточное число людей для обороны – в зависимости от запасов продовольствия, которые были так невелики, что меньше и быть не может. Оставив командующим Огнуа и двух других знатных людей, они в сопровождении 250 человек уехали.

Сеньор де Монпансье, принц Салернский, сенешал Бокера и другие направились в Салерно. Король Ферранте заявил, что они нарушили соглашение и что он может казнить заложников, выданных за несколько дней до того, а ими были монсеньор д'Алегр, некий де ла Марк из Арденн, сеньор де ла Шапель из Анжу, Рокаберти из Каталонии и Жанлис.

Следует иметь в виду, что примерно за три месяца до того король Ферранте вошел в Неаполь с помощью сообщников и пользуясь бездеятельностью наших людей, которые были хорошо о всем осведомлены, но ничему не сумели воспрепятствовать. Я еще расскажу об этом, хотя говорить могу только со слов наших предводителей, а о тех событиях, при которых не присутствовал, я долго рассуждать не люблю. Когда король Ферранте уже находился в Неаполе, туда дошел слух, будто наш король погиб в битве при Форново, и наших людей, державшихся в замке, уверили с помощью подложного письма герцога Миланского в том, что так оно и есть, и они уверовали в это; поверили в это и Колонна, которые сразу же отступились от нас, поскольку всегда стремились быть на стороне более сильного, и это несмотря на то, что многим были обязаны королю, как я говорил уже в другом месте.

Из-за этого обмана, но главным образом потому, что наши люди, которых было немало, понимали, что они заперты в замке³⁴ с небольшим запасом продовольствия, без лошадей и другого имущества, потерянного в городе, после примерно трех месяцев и 14 дней они заключили 6 октября 1495 года соглашение и дней через 20 покинули замок. Они обязались в случае, если через определенный срок им не придут на помощь, покинув замок, отбыть в Прованс, не вступая более в военные действия ни на море, ни на суше против Неаполитанского королевства, и выдали заложников. Однако, по словам короля Ферранте, они нарушили это соглашение, отплыв без его ведома, наши же утверждали обратное; тем не менее заложникам грозила серьезная опасность, и не без причины. Думаю, что наши люди поступили мудро, уехав, несмотря на соглашение, но лучше было бы им сдать замок в условленный день и вернуть заложников, тем более что они и 20 дней не продержались бы из-за нехватки продовольствия и не имея никакой надежды на помощь. Сдача неаполитанского замка привела к полной потере королевства.

ГЛАВА XVI

Остановившись, как я сказал, в Турине и иногда наезжая для развлечений в Къери, король ждал вестей от немцев³⁵, к которым направил посла, и пытался выяснить, нельзя ли укротить герцога Миланского, чего ему очень хотелось бы. Его совсем не трогало положение дел герцога Орлеанского, который начал испытывать нужду в продовольствии и ежедневно просил о помощи; он был зажат в Новаре теснее, чем раньше, и войско его противников выросло на 1000 всадников, приведенных из графства Феррета мессиром Фредериком

Капеллером, доблестным и опытным рыцарем, известным как во Франции, так и в Италии. У них было также 11 тысяч немцев из земель римского короля и ландскнехты, которыми командовал уроженец Австрии мессир Георг Эбенштейн, доблестный рыцарь, взявший в свое время для римского короля город Сен-Омер. Ввиду возрастания сил противника, с которым не удавалось войти ни в какое почетное для короля соглашение, королю посоветовали отправиться в Верчелли и посмотреть, как можно спасти герцога Орлеанского с его войском, у которого, как я говорил в другом месте, был совсем небольшой запас продовольствия, когда он вступил в Новару.

Для него лучше было бы сделать то, что я советовал ему по прибытии в Асти и о чем выше говорил, т. е. покинуть город, выдворив оттуда всех бесполезных людей, и приехать к королю, поскольку лично он смог бы повести дела так, как ему хотелось, и тогда, по крайней мере, оставшиеся в городе не страдали бы так сильно от голода, ибо он смог бы быстрее принять какое-либо решение, если б понял, что сохранить за собой город нельзя. Но архиепископ Руанский³⁶, который сначала был вместе с ним в Новаре, а потом по его поручению выехал к королю и был в курсе всех дел, постоянно просил его не покидать города, обещая помощь, и ссылаясь на всемогущего кардинала Сен-Мало, который якобы придерживался того же мнения. Архиепископ обещал помощь из добрых чувств к герцогу, но я был совсем в ней не уверен, ибо никто не захотел бы идти сражаться без короля, а последний не имел к этому ни малейшего побуждения. И все дело упиралось в этот единственный город, который герцог Орлеанский хотел удержать, а герцог Миланский вернуть, поскольку он расположен в 10 лье от Милана и является ключом к обладанию всем герцогством, где девять или десять крупных городов, лежащих друг возле друга на небольшом пространстве. Герцог Миланский поэтому говорил, что если ему вернуть Новару, не требуя взамен Генуи, то он все сделает для короля.

В Новару несколько раз отправляли муку, половина которой в пути исчезала; а обоз под охраной примерно 60 кавалеристов, которых вел молодой дворянин Шатильон из дома короля, был разграблен. Некоторые из сопровождавших при этом были схвачены, другие успели добраться до города, третьим еле-еле удалось убежать. Трудно даже поверить в то, как бедствовало наше войско в Новаре; там каждый день умирали от голода, а две трети людей были больны. Их все время обнадеживали, но надежды их были тщетны. Те, кто управлял королевскими делами, жаждали битвы, не учитывая того, что, кроме них, этого не хотел никто; все главнокомандующие, как, например, принц Оранский, вновь прибывший к королю, который ему очень доверял в военных делах, и все прочие командиры стремились с честью выйти из положения путем соглашения, поскольку уже приближалась зима, денег не было, а французов в армии оставалось все меньше, и многие были больны; люди каждый день уходили с разрешения короля и без него. Но все эти скверные признаки не мешали тем, о ком я выше говорил, писать герцогу Орлеанскому, чтобы он не двигался с места, и подвергать его большей опасности; они рассчитывали на тех немцев, что обещал привести бальи Дижона, которого просили набрать их как можно больше. Среди нас не было согласия, и каждый говорил и писал, что хотел.

Противники заключения соглашения, мешавшие собраться нам для переговоров, утверждали, что король не должен их начинать первым и что следует предоставить это нашим врагам, которые, в свою очередь, отвечали, что и они не желают быть первыми. А время между тем шло, к несчастью для тех, кто был в Новаре; в их письмах только и шла речь об умирающих ежедневно от голода и о том, что они не продержатся более десяти дней, затем – более восьми и наконец – более трех; правда, они отодвигали свои сроки. Поистине столь сильный голод людям приходилось испытывать лишь за 100 лет до нашего рождения³⁷.

Пока тянулось это дело, умерла маркиза Монферратская, и начались споры за власть над маркизатом, на который, с одной стороны, претендовал маркиз Салуццо³⁸, а с другой – сеньор Константин³⁹, дядя умершей маркизы, который был греком, разоренным турками, как и ее отец, король Сербии. Сеньор Константин укрепился в замке Казале, держа при себе обоих ее сыновей, старшему из которых было лишь девять лет; они были детьми покойного маркиза и этой мудрой и прекрасной дамы, верной сторонницы французов, которая умерла в возрасте 29 лет. Власти домогались и другие родственники, и этот важный вопрос был поставлен теми, кто их поддерживал, перед королем. Король приказал мне отправиться туда и уладить его в интересах безопасности детей и в соответствии с желанием большинства жителей области. Король беспокоился, как бы из-за своих распрей они не призвали на помощь герцога Миланского – ведь услуги этого Монферратского дома были нам весьма полезны.

Мне очень не хотелось уезжать, пока я не добился возобновления мирных переговоров, ввиду тех наших бед, о которых я говорил, и приближения зимы. Я боялся, как бы эти прелаты⁴⁰ не убедили короля дать сражение, в котором некому было бы участвовать, если бы не подошли крупные иностранные силы из Швейцарии. Но если бы они подошли и их оказалось бы достаточно, для короля тогда возникла бы новая опасность – оказаться в зависимости от них; а кроме того, враги наши были могущественны и держались в удобном и хорошо укрепленном месте.

Учитывая все это, я рискнул сказать королю, что, как мне кажется, он хочет подвергнуть и себя, и свое государство большой опасности из-за незначительного повода, и что ему стоит вспомнить, в сколь тяжелом положении он оказался под Форново, но там он вынужден был пойти на это, тогда как сейчас его никто не принуждает, и что ему не следует упускать возможность заключить почетное соглашение только потому, что ему говорят, будто он не должен первым начинать переговоры. Я предложил, если он пожелает, провести переговоры так, чтобы не была затронута честь ни одной из сторон. Он ответил мне, чтобы я поговорил с

монсеньером кардиналом, что я и сделал. Но тот мне дал странный ответ, ибо жаждал сражения, победа в котором, по его словам, не вызывает сомнений. Говорили, что герцог Орлеанский обещал ему 100 тысяч дукатов ренты для его сына, если овладеет Миланским герцогством. На следующий день я прибыл к королю откланяться, направляясь в Казале, и провел у него полтора дня. Я встретился с монсеньером де ла Тремойлем и поведал ему о своих заботах, поскольку он был близок к королю, спросив, стоит ли мне снова поговорить с королем. Он ответил утвердительно и ободрил меня, ибо все ведь желали вернуться домой.

Король находился в саду. Поэтому я возобновил прежний разговор с кардиналом, и тот сказал, что как служитель церкви он должен начать переговоры. Я же сказал, что если их не начнет он, то это сделаю я, и король и наиболее близкие к нему люди, как мне кажется, не рассердятся на меня за это. С тем я и уехал. Но перед отъездом я уведомил принца Оранского, главнокомандующего армией, что если мне удастся что-либо предпринять, то я сообщу ему.

Я отправился в Казале, где меня хорошо приняли все члены Монферратского дома; я нашел, что большинство их встало на сторону сеньора Константина; все полагали, что так безопаснее для детей, поскольку он не мог унаследовать маркизат, тогда как у маркиза Салуццо такие права были. Я несколько раз собирал как знать и служителей церкви, так и представителей городов и по их просьбе и по просьбе большинства сделал заявление, что король желает, чтобы управление было вручено сеньору Константину; ввиду могущества короля и той любви, что эта область питала к Французскому дому, противиться воле короля они не стали.

Примерно на третий день моего пребывания там туда приехал майордом главного капитана венецианцев маркиза Мантуанского с соболезнованием по поводу смерти маркизы, поскольку маркиз был ее родственником; и мы с ним завели разговор о том, как заключить соглашение и избежать сражения, ибо все к этому располагало. Король раскинул лагерь возле Верчелли; сделал он это, правда, не перейдя реку⁴¹, с малым числом палаток и шатров, которых он вообще мало взял, а из тех, что имелись, многие были потеряны; из-за начинавшейся зимы было уже сыро, да и место представляло собой низину. Король провел там лишь одну ночь и уехал на следующий день в город, оставив принца Оранского, графа де Фуа и графа де Вандома, который захворал болезнью желудка и умер, что явилось тяжелой утратой, поскольку он был красивым, юным и мудрым человеком и прибыл к нам на почтовых, ибо распространился слух, что должно быть сражение, а в поход с королем в Италию он не ходил. С ними остался также маршал де Жье и некоторые другие капитаны; основную силу составляли немцы, участвовавшие в походе короля, ибо французы неохотно задерживались в лагере вблизи города, и многие из них покинули лагерь с разрешения и без, а многие болели.

От этого лагеря до Новары было 10 больших итальянских миль, что составляет 6 французских лье; место труднопроходимое и топкое, как во Фландрии, и потому там вдоль дорог по обеим сторонам вырыты очень глубокие канавы, глубже, чем во Фландрии. Зимой там большая грязь, а летом пыль. Между нашим войском и Новарой в одном лье от нас была небольшая крепость Борго, которая находилась в наших руках, а у них была другая – Камара, в одном лье от их войска; помимо того, нас разделяли сильно разлившиеся воды.

Как я уже начал говорить, мы с майордомом маркиза Мантуанского, прибывшим в Казале, вступили в переговоры. Я привел ему доводы, по которым его господину следовало бы избегать сражения: что он уже испытал опасности при первом сражении и что он воюет за людей⁴², которые никогда не приумножат его могущества за оказанные им услуги, и что ему следует войти в соглашение с нами, в чем я со своей стороны помогу. Он ответил мне, что его господин этого сам желает, но нужно, чтобы мы, как нам уже говорили, начали переговоры первыми, поскольку в их лигу входит папа, римский король, король Испании и герцог Миланский, т. е. стороны более высокого ранга, чем наш король. Я заметил, что это безумие – заниматься сейчас подобными церемониями и что король должен будет при этом присутствовать собственной персоной, тогда как от других явятся лишь представители; и я предложил ему, чтобы мы с ним в качестве посредников и начали переговоры, если он пожелает, но при условии, что его господин их вскоре продолжит. Мы договорились, что я на следующий день пошлю в их лагерь трубача с письмом к венецианским проведиторам – мессире Луке Пизани и мессире Марко Тревизано, функции которых состояли в том, чтобы давать советы капитанам и обеспечивать войско.

Следуя нашей договоренности, я изложил проведиторам суть разговоров с этим майордомом, воспользовавшись случаем, чтобы продолжить свою посредническую миссию, о чем условился с ними по выезде из Венеции; к тому же король был совсем не против, а мне это казалось необходимым, поскольку испортить дело – всегда найдется достаточно людей, а вот исправить его (так, чтоб найти и возможность, и желание уладить столь серьезные разногласия и выслушать многословные речи всех, кто якобы занимается этим) – таких людей мало; ведь во время подобных кампаний мнения сильно расходятся.

Проведиторы обрадовались этой новости и известили меня, что скоро пришлют мне ответ и по своей почте дадут знать об этом в Венецию. Им быстро ответили из Венеции, и в наш лагерь приехал один граф⁴³, служивший герцогу Феррарскому, люди которого вместе с его старшим сыном и этим графом находились на жаловании герцога Миланского; другой же сын герцога Феррарского служил нашему королю⁴⁴. Этот граф, которого звали Альбертино, встретился с мессиром Джаном-Джакомо и затем обратился к принцу Оранскому в соответствии с договоренностью между мной и вышеупомянутым майордомом, сообщив, что ему поручено маркизом Мантуанским, проведиторами и другими капитанами их войска просить охранную грамоту для маркиза и прочих, числом до 50 всадников, чтобы они смогли приехать на встречу с представителями короля,

которых тот соблаговолит назначить; они ведь понимали, что с их стороны разумным будет оказать честь королю и приехать к нему или прислать своих людей первыми. Затем граф попросил разрешения поговорить с королем, и ему было дозволено.

В частном разговоре он посоветовал королю ничего не предпринимать, заверив, что их войско пребывает в сильной тревоге и скоро развалится; и эти слова, сказанные по секрету, выдали желание графа сорвать соглашение, а не помогать и содействовать ему, несмотря на то что его официальная миссия имела противоположный смысл, как вы слышали. При этом тайном разговоре присутствовал мессир Джан-Джакомо Тривульцио, большой враг герцога Миланского, а он рад был бы не допустить мира; но всего более желал этой войны господин этого мессира Альбертино – герцог Феррарский, испытывавший огромную ненависть к венецианцам за то, что они отняли у него земли, Полезино и другие, поэтому он и прибыл в армию лиги к герцогу Миланскому, который женат был на его дочери.

Выслушав графа Альбертино, король позвал меня и стал советоваться, выдавать или нет охранную грамоту. Желавшие сорвать мирные переговоры, например мессир Джан-Джакомо и другие, действовали, кажется, в пользу герцога Орлеанского, выразив желание сражаться (на совете еще не было служителей церкви, которых в этот момент не нашли)⁴⁵ и уверяя, что армия противника разойдется, ибо иначе умрет от голода. Другие же, в их числе и я, говорили, что мы быстрее их умрем от голода, поскольку они находятся все же в своей стране, и что они слишком сильны, чтобы удариться в бегство и дать себя разбить, и что подобные речи произносят те, кто желает войны во имя собственных интересов, ради которых королю и его армии рисковать не стоит. Короче говоря, охранная грамота была выдана и отослана и было условлено, что на следующий день в два часа пополудни принц Оранский, маршал де Жье, сеньор де Пьен и я подьем к одной сторожевой башне между Борго и Камарой и там встретимся с ними.

Мы подъехали туда в сопровождении отряда кавалеристов и застали маркиза Мантуанского и одного венецианца⁴⁶, которому было поручено командование стратиготами, и они учтиво объяснили, что со своей стороны также желают мира. Мы договорились, что на следующий день несколько их человек приедут в наш лагерь, дабы удобнее было вести переговоры, а затем король пошлет к ним своих людей, которых назначит. Так и было сделано.

На следующий день к нам прибыли мессир Франческо Бернардино Висконти, от имени герцога Миланского, и один секретарь маркиза Мантуанского; с нашей стороны с ними встретились вышеупомянутые лица и кардинал Сен-Мало. И мы приступили к мирным переговорам⁴⁷. Мы потребовали Новару, где был осажден герцог Орлеанский, и Геную, заявив, что это фьеф короля, захваченный герцогом Миланским. Они извинились, сказав, что действуют против короля только ради собственной безопасности и что герцог Орлеанский, захватив Новару силами короля, первым начал войну; но что их господин ни за что не согласится на наши требования, хотя готов, дабы угодить королю, принять любое другое. Они пробыли два дня и вернулись в свой лагерь, куда затем отправились и мы – маршал де Жье, де Пьен и я, ибо они хотели видеть именно нас.

Мы были бы рады передать Новару в руки людей римского короля, входивших под командованием мессира Георга Эбенштейна, мессира Фредерика Капеллера и мессира Ганса⁴⁸ в состав их армии, ибо иначе помочь городу мы могли, если бы только дали сражение, чего нам совсем не хотелось; чтобы обосновать это условие, мы сослались на то, что герцогство Миланское является фьефом империи.

Мы несколько раз ходили туда и обратно, из одного лагеря в другой, не достигнув согласия; но я все время оставался в их лагере ночевать, ибо таково было желание короля, боявшегося срыва переговоров. В конце концов мы опять собрались у них; приехали также бальи Амьена монсеньор де Морвилье и президент де Гане, знавший латынь, ибо до сих пор я объяснялся на плохом итальянском, и мы письменно изложили статьи договора. Процедура была такой: как только мы приехали в дом герцога Миланского, он вышел с герцогиней, чтобы встретить нас в начале галереи; мы все встали перед ним возле его комнаты, где были расставлены двумя тесными рядами кресла, одно против другого. Мы сели с одной стороны, а они с другой. Первым из них сел представитель римского короля, затем посол Испании, маркиз Мантуанский, оба венецианских проведитора, венецианский посол, а потом герцог Миланский с женой и последним — посол Феррары. Говорили только герцог с их стороны и один из нас; но по своему темпераменту мы не могли говорить столь сдержанно, как они, и два или три раза принимались говорить все вместе, и тогда герцог восклицал: «О, по одному!».

Что касается выработки статей, то все, в чем мы достигали согласия, немедленно записывалось одним нашим и одним их секретарем, а в конце они оба читали тексты, составленные один по-итальянски, а другой по-французски; и когда мы вновь собирались, чтобы посмотреть, не нужно ли что-нибудь добавить или сократить, то их опять зачитывали. Это хорошая процедура при выработке столь важного договора. Переговоры тянулись дней 15 или более, но в первый же день мы договорились о том, что герцог Орлеанский сможет выйти из Новары; на этот день мы заключили перемирие, которое затем день за днем продлевали до самого мира. Ради безопасности герцога маркиз Мантуанский отдал себя в руки графа де Фуа в качестве заложника и сделал это охотно и без страха, чтобы успокоить нас, но заставил нас поклясться, что мы по чистой совести ведем мирные переговоры, а не для того только, чтобы выволить герцога Орлеанского.

В Новару освободить герцога Орлеанского отправился маршал де Жье с людьми герцога Миланского, и они позволили выйти только самому герцогу с небольшим отрядом, что тот с великой радостью и сделал; оставшиеся же в городе были так измучены голодом и болезнями, что маршалу пришлось оставить им в заложники своего племянника монсеньера де Рамфора, обещая, что всех их выпустят через три дня.

Выше вы уже слышали, что балы Дижона был направлен к швейцарцам, ко всем их кантонам, чтобы набрать до пяти тысяч немцев, и к моменту выхода герцога Орлеанского из Новары они еще не пришли; если бы они пришли, то я нисколько не сомневаюсь, что произошла бы битва. И хотя обещали, что их придет гораздо больше, чем просили, ждать их было невозможно – столь невыносимый голод был в городе; от него и от болезней уже умерло две тысячи человек, а оставшиеся были так истощены, что походили скорее на мертвых, нежели на живых; думаю, что никогда люди не испытывали более сильного голода, не считая осажденных в Иерусалиме⁴⁹. И если бы господь их надоумил сделать запасы хлеба, имевшегося в окрестностях города, когда они его захватили, то они никогда не дошли бы до столь бедственного положения и вынудили бы врагов с позором снять осаду.

Через три или четыре дня после того, как герцог Орлеанский покинул Новару, обе стороны согласовали вывод из города и всех остальных воинов; чтобы обеспечить их безопасность, назначены были маркиз Мантуанский и мессир Галеаццо да Сан-Северино, командующие венецианскими и миланскими войсками, и они выполнили порученное им дело. Город же остался в руках его жителей, поклявшихся не впускать в него ни французов, ни итальянцев, пока не заключен мир. Кроме того, в замке осталось 30 наших людей, которым герцог Миланский позволил покупать в городе продукты за деньги, но каждый раз лишь на один день.

Если б не видеть собственными глазами, то невозможно было бы поверить в изможденность вышедших людей. Лошадей вышло очень мало, ибо почти все были съедены. И хотя их было почти пять с половиной тысяч человек, среди них не нашлось бы и 600, способных сражаться. Многие отставали в пути, и им оказывали помощь их собственные враги. Помню, что я спас одним экию почти 50 человек, лежавших в саду возле неприятельского замка Камара, накормив их супом; там умер лишь один из них да в пути четверо, ибо от Новары до Верчелли, куда они направлялись, было 10 миль. Король проявил милосердие к тем, кто добрался до Верчелли, велел раздать им 800 франков милостыни и выплатил жалование как живым, так и мертвым, в том числе и швейцарцам, из которых умерло почти четыре сотни. Но, несмотря на все это, в Верчелли умерло около 300 человек, одни от переизобилия, а другие от болезней, и множество их валялось в городской грязи.

Примерно в это время, когда все уже вышли из Новары, кроме 30 человек, оставшихся в замке (из них каждый день одного не досчитывались), прибыли швейцарцы⁵⁰ – восемь или десять тысяч человек – и влились в наше войско, где уже было около двух тысяч швейцарцев, участвовавших в походе на Неаполь. Другие же 10 тысяч остановились близ Верчелли: дело в том, что королю не советовали объединять эти два отряда, насчитывавших вместе почти 20 тысяч воинов. Думаю, что никогда еще не собиралось столько людей из их страны. По мнению тех, кто знал ее, там осталось мало людей, способных носить оружие. Большинство из них пришло по своей воле, и потребовалось даже поставить охрану у выхода из области Пьемонт, чтобы никого не пускать больше, иначе пришли бы даже женщины и дети.

Можно спросить, не был ли вызван такой наплыв их любовью к покойному королю Людовику, который сделал для них много добра и помог им завоевать славу и уважение во всем мире. Некоторые старики действительно любили короля Людовика, а среди них было немало капитанов в возрасте старше 72 лет, которые воевали еще против герцога Карла Бургундского. Но все же главной причиной была их алчность и великая бедность. При этом два кантона – Берн и Швиц⁵¹ – объявили себя нашими противниками, но тем не менее к нам пришли все их бойцы. Так много прекрасных воинов я никогда еще не видел, и мне казалось, что их невозможно разбить, если только не взять голодом, холодом или какой другой нуждой.

Пора, однако, вернуться к переговорам. Герцог Орлеанский, уже восемь или десять дней живший в свое удовольствие, постоянно посещаемый разного рода людьми, некоторые из которых, кажется, объясняли ему, почему так много людей, что были с ним в Новаре, оказались в такой нужде, громогласно рассуждал о необходимости сражения, и его поддерживали другие, например монсеньор де Линьи и архиепископ Руанский, занимавшийся его делами, а также две или три менее важные особы. Толкали его к этому и некоторые швейцарцы, пришедшие предложить свои услуги в войне. Все они не приводили никаких доводов, ибо у герцога Орлеанского никого не оставалось в Новаре, кроме 20 или 30 человек в замке. Поэтому оснований для сражения больше не было; ведь король не имел никаких претензий, и если прежде хотел сразиться, то лишь затем, чтобы спасти герцога, своих слуг и подданных. Враги же были очень сильны, и лагерь их невозможно было взять – настолько он был укреплен рвами, полными воды, и удобно расположен, а кроме того, им пришлось бы защищаться только от нас, ибо со стороны города опасности больше не существовало. У них имелось 2800 тяжело вооруженных кавалеристов, пять тысяч легкой кавалерии, одиннадцать с половиной тысяч немцев⁵² во главе с добрыми командирами мессиром Георгом Эбенштейном, мессиром Фредериком Капелером и мессиром Гансом, а также другие силы, в том числе и многочисленная пехота; казалось, они хотели дать понять, что сами не уйдут и что их нужно атаковать в лагере.

Было и другое, еще большее опасение: как бы все швейцарцы не объединились, не захватили короля и всех богатых людей в армии и не увели их в свою страну, ибо сопротивление оказать было бы трудно; и после заключения мира появились кое-какие признаки этой опасности, как вы увидите.

ГЛАВА XVIII

Пока у нас шли споры (и герцог Орлеанский схватился с принцем Оранским так, что стал уличать его во лжи), маршал, сеньор де Пьен, президент Гане, сеньор де Морвилье, видам Шартрский⁵³ и я отправились в лагерь противника и заключили мир, хорошо сознавая, что он долго не продлится, но мы вынуждены были это сделать потому, что надвигалось холодное время года и у нас не было денег, и нужно было с честью уйти, имея на руках письменный текст достойного мира, который можно было бы разослать повсюду. И король подписал его в своем Большом совете в присутствии герцога Орлеанского⁵⁴.

Суть его была такова, что герцог Миланский должен был служить королю против кого угодно и обязан был сразу же снарядить в Генуе за свой счет два нефа, чтобы отправить их на помощь неаполитанскому замку, который тогда еще держался, а через год поставить еще три нефа; в случае, если король совершит новый поход в Неаполь, то он должен лично помогать ему в отвоевании королевства и пропустить через свои земли людей короля. Если же венецианцы через два месяца не примут этого мира и пожелают поддержать Арагонский дом, то герцог должен будет служить королю и против них, лично и своими подданными, за что ему перейдут все захваченные у венецианцев земли. Он также прощал королю долг в 80 тысяч дукатов из 180 тысяч, которые ссудил королю во время похода, и обязался выдать двух генуэзцев в залог выполнения договора. Генуэзский замок передавался на два года в руки герцога Феррарского, как нейтрального лица, и герцог оплачивал одну половину охраны замка, а король другую; в случае, если герцог Миланский предпримет что-либо против короля с помощью Генуи, герцог Феррарский может передать замок королю. Герцог Миланский должен был также выдать двух заложников из миланцев, и их он выдал; и если бы король не уехал так быстро, он выдал бы и генуэзцев, но, узнав о его отъезде, он отказался это сделать.

После того как мы вернулись от герцога Миланского, принесшего клятву в исполнении мирного договора, а венецианцы взяли два месяца отсрочки для принятия решения, утверждать его или нет (ибо на большой срок они откладывать не хотели), наш король также дал клятву и на следующий день решил двинуться в путь, мечтая вернуться во Францию, как и все его окружение. Но ночью швейцарцы, что были в нашем войске, стали совещаться, разбившись по кантонам и собравшись под звуки тамбуринов в кружки, как они обычно делали, когда совещались. Об этом мне рассказывал Лорне, долгое время бывший их командующим и хорошо знавший их язык; он остался на ночлег в лагере и ночью пришел оттуда, чтобы предупредить короля. Одни из них предлагали схватить короля и всех его приближенных, т. е. богатых людей; другие, соглашаясь с ними, хотели потребовать лишь трехмесячную плату, говоря, что так было установлено еще отцом короля, который всякий раз, как они приходили к нему со знаменами, выплачивал именно такую сумму. Третьи хотели бы схватить только главных лиц, не трогая короля (и уже готовы были исполнить свой замысел, так что город Верчелли наполнился людьми). Но король покинул город еще до того, как они приняли решение, и направился в Трино, город маркиза Монферратского. Вся вина ложилась на них, поскольку мы им не обещали большей платы, чем за месяц, тогда как они прослужили всего пять дней. В конечном счете с ними удалось договориться, но еще до этого они схватили бальи Дижона и Лорне (и это сделали те, кто ходил с нами в Неаполь), своих давних командиров, чтобы получить дополнительную плату за 15 дней их обратного пути; некоторым уплатили за три месяца, и общая сумма составила 500 тысяч франков, выдачу которых с их согласия гарантировали поручители и заложники. А случилось все это по вине самих же французов, кое-кто из которых, досадуя на этот мир, им и предложил поступить таким образом, о чем один из капитанов швейцарцев сообщил принцу Оранскому, который уведомил об этом короля.

Приехав в Трино, король послал к герцогу Миланскому маршала де Жье, президента Гане и меня, чтобы мы пригласили его приехать для переговоров; мы привели герцогу не один довод, чтобы убедить его поехать к королю, доказывая, что это по-настоящему закрепило бы мир, но он возражал, сославшись на некое заявление монсеньора де Линьи, который якобы сказал, что его, герцога, следовало бы схватить, когда он был у короля в Павии, а также на речи кардинала, пользовавшегося полным доверием короля. Кое-какие безрассудные речи действительно в свое время произносились (но кем, не знаю), однако король в то время искренне желал его дружбы. Король находился в Роббио и хотел устроить встречу так, чтобы их разделял барьер. Но когда он ознакомился с его ответом, то отправился в Кьери, где провел одну или две ночи, а затем тронулся в путь, чтобы перейти горы. Меня он отправил в Венецию, а других в Геную снаряжать два нефа, обещанные герцогом Миланским. Но герцог ничего не сделал, и вместо того, чтобы сдержать обещание, он ввел нас в большие расходы на приготовления, а затем не позволил судам выйти в море и послал два своих судна – но против нас.

ГЛАВА XIX

Моя миссия в Венеции заключалась в том, чтобы узнать, желают ли они принять этот мир, и выдвинуть три условия: во-первых, чтобы они вернули Монополи, захваченный ими у нас; во-вторых, чтобы они отозвали маркиза Мантуанского и других, которых направили в Неаполитанское королевство на службу к королю Ферранте⁵⁵; и в-третьих, чтобы они заявили, что король дон Ферранте не принадлежит к их вновь созданной лиге, членами которой до сих пор назывались лишь папа, римский король, король Испании и герцог Миланский. Когда я приехал к ним, то меня приняли с почетом, но отнюдь не так, как в первый раз, поскольку мы теперь были в открытой вражде, а тогда – в мире.

Я изложил свое поручение. Дождь сказал, что они рады меня принимать и что ответ я получу быстро, но прежде ему нужно посоветоваться с сенатом. И в течение трех дней совершались всеобщие процессии,

распределялась милостыня и произносились публичные проповеди – это они молили господу явить милость, чтобы они приняли доброе решение; мне сказали, что они часто поступают таким образом в подобных случаях. В этом городе, как мне кажется, и впрямь почтительней, чем где-либо, относятся к служению богу, и церкви там самые богатые и красивые; в этом они подобны римлянам, и думаю, что могущество их Синьории, достойной и далее скорей возвеличиваться, нежели ослабевать, идет именно от этого.

В заключение скажу, что я прождал ответа 15 дней, и в результате все мои требования были отклонены под тем предлогом, что венецианцы якобы не ведут никакой войны с королем, а все, что они сделали, так это ради того, чтобы помочь своему союзнику герцогу Миланскому, которого король-де хотел разгромить. Затем я имел отдельный разговор с дожем, и он предложил мне доброе соглашение, по которому король Ферранте принес бы с согласия папы оммаж за свое королевство нашему королю и выплачивал бы ему ежегодно 50 тысяч дукатов в виде ценза, некоторую сумму наличными ссудили бы ему и венецианцы. Они надеялись благодаря этой ссуде заполучить в свои руки те города, что они держали в Апулии, вроде Бриндизи, Отранто, Трани и других. Кроме того, король Ферранте предоставил бы королю или оставил за ним какой-либо город в районе Апулии в качестве гарантии выполнения договора (они имели в виду Таранто, остававшийся еще за королем) и в придачу еще один или два города. Свое желание передать города именно с этой стороны они обосновывали тем, что они наиболее удалены от Франции и что оттуда удобнее будет выступить против Турка. А об этом намерении король возгласил, вступив в Италию, уверяя, что поход предпринят, дабы быть поближе к Турку; но, напоминая об этом, они лукавили, ибо со стороны короля это было ложью, а от господы скрыть свои мысли нельзя. Сверх того, дож Венеции предложил мне, что если король пожелает выступить против Турка, то ему будет предоставлено достаточно крепостей в упомянутом районе и вся Италия окажет ему содействие, а римский король, в свою очередь, также начнет войну; и что вместе с нашим королем они будут так держать в своих руках всю Италию, что никто не осмелится противоречить их повелениям; со своей же стороны они снарядят для него 100 галер, а на суше выставят 5000 конников.

Я откланялся дожу и Синьории⁵⁶, сказав, что доложу обо всем королю. Прибыв в Милан, я нашел герцога Миланского в Виджевано, где находился в качестве посла и майордом нашего короля Риго. Герцог выехал навстречу мне, сделав вид, что охотится, ибо они весьма почтительны к послам. Я просил его позволить поговорить с ним отдельно, и он обещал, но по всем признакам отнюдь не желал этого разговора. Я хотел поторопить его с теми судами, что он обязался отправить по договору в Верчелли и которые были готовы к отплытию (а неаполитанский замок еще держался), но он только притворялся, будто готов их передать нам.

В Генуе от имени короля находились майордом Перрон де Баски и Этьен де Нев, которые сразу же написали мне, как только узнали о моем прибытии в Милан, и пожаловались на то, что герцог Миланский обманул их, сделав вид, будто хочет передать им корабли, а в действительности отправив два судна против нас. Губернатор Генуи то говорил им, что не может допустить на суда вооруженных французов, то, что на каждое судно может подняться не более 25 человек, то приводил иные возражения того же сорта, в тайне дожидаясь новостей о сдаче неаполитанского замка, где, как герцог хорошо знал, запасов продовольствия было лишь на месяц или около этого. А флота, собиравшегося в Провансе, было недостаточно для оказания помощи без этих двух нефов, ибо противник держал возле замка огромный флот, как свой собственный, так и венецианский и испанский.

Я провел у герцога три дня. В один из дней герцог собрал совет, где пришел в гнев из-за того, что я находил его ответ по поводу этих двух нефов неудовлетворительным, ибо он говорил, что по договору в Верчелли он обещал снарядить два нефа, но отнюдь не обещал, что позволит подняться на них французам. На это я ему ответил, что его оправдание кажется мне весьма неубедительным и что если бы он мне вдруг одолжил доброго мула, чтобы перейти горы, то неужто он велел бы мне вести его под уздцы, так, чтобы я на него смотрел, но сесть не мог? После долгих споров он отвел меня в сторону на галерею. И тогда я объяснил ему, какие труды я и другие принял на себя, чтобы заключить договор в Верчелли, и в сколь опасное положение ставит он нас, французов, нарушая его и допуская потерю королем этих замков, что означало бы потерю всего Неаполитанского королевства, что привело бы к вечной ненависти между ним и королем. За соблюдение договора я предложил ему княжество Тарантское и герцогство Бари, которыми он уже владел. Я напомнил также об опасности, которой он подвергает и себя, и всю Италию, соглашаясь на то, чтобы венецианцы владели городами в Апулии. Я, как на исповеди, обо всем сказал правду, особенно о венецианцах, но он в заключение ответил лишь, что на нашего короля нельзя полагаться, как нельзя и доверять ему.

После этого разговора я получил разрешение герцога на отъезд, и он проехал пол-лье вместе со мной. При расставании он, видя, сколь грустным я уезжаю, произнес прекрасные слова, хотя это и была ложь (если дозволено так говорить о государях). Он сказал мне, неожиданно изменив тему разговора, что желает проявить ко мне свои дружеские чувства и, дабы король меня радушно принял, на следующий день пошлет мессира Галеаццо (и тот сделал бы все, если бы ему это было поручено) направить эти два нефа на соединение с нашей армией, заявив, что желает услужить королю и сохранить для него неаполитанский замок, а вместе с ним и все королевство (он и впрямь сохранил бы его ему, если бы выполнил обещание); и что, когда они будут отправлены, он собственноручно напишет мне об этом, чтобы король узнал эту новость от меня первого и понял бы, что обязан этим мне, и что курьер нагонит меня еще до того, как я приеду в Лион.

С этой доброй надеждой я и уехал; с нею я пересекал горы, и как заслышу за собой почтового курьера, так и думаю, что это тот самый, что должен доставить мне обещанное письмо, хотя, зная людей, я имел основания для сомнений. Я доехал до Шамбери, где застал монсеньера Савойского, радушно принявшего меня и задержавшего на один день; затем я добрался до Лиона, так и не дождавшись курьера. Я обо всем доложил королю, который, будучи в Лионе, только и думал, что о пирах да турнирах, а все остальное его не касалось.

Все, кто в свое время возмущался миром, подписанным в Верчелли, теперь были очень рады тому, что герцог Миланский обманул нас, и вошли в большое доверие к королю; мне же он намылил шею, как это обычно делается при дворах государей в подобных случаях, и я был весьма расстроен. Я рассказал королю о предложении венецианцев, показав письменное его изложение, но он его почти не оценил, а кардинал Сен-Мало, руководивший всеми делами, оценил и того менее. Однако, когда я поговорил с королем об этом в другой раз, то мне показалось, что он предпочел бы принять это предложение, дабы не потерять Неаполитанское королевство; но я не видел людей, способных заняться этим делом, и те, что стояли у власти, не хотели обращаться к людям, способным им помочь, а если и обращались, то как можно реже. Сам король, пожалуй, и обратился бы, но он боялся обидеть тех, кого облек доверием, и в особенности кардинала, его братьев и родственников, которые ведали его финансами.

Это может служить прекрасным уроком государям, ибо им следует стараться самим вести свои дела с помощью по меньшей мере шести человек, а иногда, в зависимости от предмета обсуждения, приглашать еще кого-либо, но так, чтобы все они были равными; ведь если один окажется столь могущественным, что остальные будут его бояться (как было при короле Карле VIII и продолжается до сих пор, когда один является главным), то он и будет на самом деле и королем, и сеньором, а настоящего короля перестанут уважать и станут плохо ему служить, поскольку его управители будут обделывать свои личные дела, а его дела забросят.

ГЛАВА XX

Я вернулся в Лион 12 декабря 1495 года, после 22-месячного отсутствия. Наши замки в Неаполитанском королевстве еще держались, как я говорил ранее; наместник короля монсеньор де Монпансье и принц Салернский оставались еще в Салерно, а в Калабрии находился монсеньор д'Обиньи, который все время болел, но держал себя великолепно. В Абруцце был мессир Грасьен де Герр, в Монте-Сант-Анджело – Донжюльен, а в Таранто – Жорж де Сюлли. Но они испытывали такую нужду, что и представить невозможно, а забыли о них настолько, что едва удосуживались сообщать им новости, а когда все же посылали им вести, то лгали или давали пустые обещания, ибо король, как я говорил, сам ничем не занимался. А ведь если бы им лишь вовремя послали деньги, которых здесь, в Лионе, растратили в 12 раз больше, то они никогда бы не потеряли королевства; я имею в виду те 40 тысяч дукатов, что с большим запозданием были им отправлены в счет жалованья более чем за год, когда все уже было потеряно. Если бы эти деньги пришли месяцем ранее, то не случилось бы тех бед и того бесчестья, о которых вы услышите, и не начались бы раздоры между ними; причиной же всему было то, что король сам ничем не распоряжался и не слушал людей, приезжавших от них, а его приближенные, замешанные в это дело, были неопытны и ленивы и кое-кто, как я думаю, находился в сговоре с папой. Так что господь, как кажется, стал полностью обходить короля своей милостью, хотя вначале он ее и оказывал.

После того как король пробыл в Лионе два месяца или около того, он получил известие, что монсеньор дофин, его единственный сын, при смерти, а три дня спустя пришла весть о его кончине⁵⁷. Король, естественно, погрузился в скорбь, но она длилась недолго; однако мать, королева Французская и герцогиня Бретонская Анна, скорбела так сильно и долго, как только может это делать женщина. Полагаю, что, кроме естественной любви, которую матери обычно испытывают к детям, причина здесь и в том, что сердце ее предчувствовало и другую беду. Король, переживавший недолго, как было сказано, пожелал утешить ее и устроил танцы, пригласив к ней для этого разодетых молодых сеньоров и дворян. Среди них был и герцог Орлеанский, которому было около 34 лет, и на королеву это подействовало крайне удручающе, ибо ей казалось, что герцог рад этой смерти, поскольку после короля оказался ближе всех к короне. По этой причине они долгое время не разговаривали.

Дофин умер примерно в трехлетнем возрасте; это был красивый и разговорчивый ребенок, не по годам смелый. И скажу вам, что именно по этой причине отец столь легко и перенес его смерть, ибо он уже боялся, что как только ребенок вырастет и его способности разовьются, то он сможет ограничить его власть и могущество. Ведь сам король был на редкость щеделушен и умом не отличался, но зато невозможно было найти более доброго существа.

Так поймите же, сколь достойны жалости могущественные государи и короли, если они даже собственных детей страшатся! Боялся своего сына (а это был ныне царствующий король Карл) и столь мудрый и добродетельный король Людовик, который благоразумно принимал предохранительные меры, пока не оставил сына в 14 лет королем. А сам король Людовик внушал страх своему отцу, королю Карлу VII, и даже с оружием выступил против него вместе с некоторыми сеньорами и рыцарями королевства из-за споров при дворе и в правительстве, о чем он мне неоднократно рассказывал; было ему тогда около 13 лет, и борьба эта длилась недолго. А когда он стал взрослым, то у него произошла уже крупная размолвка с отцом, королем Карлом VII, и он удалился в Дофине, а оттуда во Фландрию, оставив Дофине королю, своему отцу, не доводя дела до войны; обо всем этом шла речь в начале моих воспоминаний.

Ни одна тварь не избавлена от страданий, и все добывают хлеб свой в трудах и в поте лица, как заповедовал господь, сотворив человека и нерушимо определив такую долю для всех людей. Но тяготы и труды неодинаковы: телесные легче, а духовные тяжелее; у мудрых одни, а у глупых другие, но у глупых страдания и горести сильнее, чем у мудрых, хотя многим кажется, что наоборот, – ведь у них меньше утешений. Бедным людям, которые работают и трудятся, чтобы прокормить себя и детей и уплатить талью и другие налоги своим сеньорам, пришлось бы жить в слишком великих тяготах, если бы в этом мире на них лежали одни труды и заботы, а на долю государей и сеньоров приходились бы одни радости; но все обстоит иначе, и если бы я взялся описать все страдания, что на моих глазах претерпели могущественные люди, как мужчины, так и женщины, лишь за 30 последних лет, то получилась бы целая книга. Причем я имею в виду людей отнюдь не такого положения, которых описывает Боккаччо⁵⁸, а таких, которые выглядят богатыми, здоровыми и процветающими, так что те, кто не общался с ними так близко, как я, счел бы их счастливыми. Я много раз замечал, что их горести и страдания вызываются столь незначительными причинами, что если не жить с ними, то с трудом и поверить можно; по большей части они связаны с подозрениями и доносами, этой тайной болезнью, царящей в домах могущественных государей и приносящей много зла и им самим, и их слугам и подданным, болезнью, сокращающей им жизнь настолько, что после Карла Великого во Франции едва ли можно найти короля, прожившего более 60 лет.

Из-за подозрительности король Людовик, когда приблизился к этому возрасту, будучи больным, счел себя уже почти мертвым. Его отец, Карл VII, совершивший во Франции столько прекрасных дел, когда заболел, то вообразил, что его хотят отравить, и не желал ничего есть. У короля Карла VI, сошедшего с ума, были подозрения другого рода, и все из-за доносов; это великая ошибка государей, что они не проверяют доносов, даже не очень важных, ибо, если бы их проверяли, их стало бы меньше. Следовало бы заставлять людей говорить в присутствии друг друга, т. е. обвинителя – в присутствии обвиняемого, и тогда ложные доносы прекратились бы. Но ведь есть столь глупые государи, что обещают и клянутся ничего не говорить из того, что было им доложено, и потому нередко носят тревогу в себе и проникаются ненавистью к лучшим и наиболее верным слугам, причиняя им ущерб к удовольствию и удовлетворению наиболее дурных слуг, а тем самым они наносят вред и урон своим подданным.

ГЛАВА XXI

Монсеньор дофин, единственный сын короля Карла VIII, скончался где-то в начале 1496 года, и это была самая большая утрата, какую только мог понести король, ибо после у него ни один ребенок не остался в живых. Беда эта была не единственной, поскольку в то же самое время он получил известие, что неаполитанский замок был сдан теми людьми, которых оставил там монсеньор де Монпансье, как из-за голода, так и ради освобождения выданных монсеньором де Монпансье заложников, каковыми были монсеньор д'Алегр, затем один из сыновей дома де ла Марк, что в Арденнах, некий де Ла Шапель из-под Лудена и один каталонец по имени Хуан Рокаберти. Все находившиеся в замке вернулись домой морем.

Другое бесчестье и урон причинено ему было человеком по имени Антраг, который держал укрепленную цитадель Пизы и властвовал над городом, а затем передал ее в руки пизанцев, нарушив клятву, дважды данную королем флорентийцам в том, что он вернет им этот город вместе с Сарцаной, Сарцанеллой, Пьетросантой, Либрефатто и Мотроне, которые были ему предоставлены флорентийцами, когда он испытывал большие затруднения после его прибытия в Италию, как и 120 тысяч дукатов, из которых мы должны были им вернуть лишь 30 тысяч. В другом месте обо всем этом уже говорилось. Однако все эти города были проданы: бастард Сен-Поль продал генуэзцам Сарцану и Сарцанеллу; Антраг продал Пьетросанту жителям Лукки, а Либрефатто – венецианцам; и все это было сделано к бесчестью и урону короля и его подданных и повлекло за собой потерю Неаполитанского королевства.

Первую клятву относительно возвращения этих городов, как было уже сказано, король дал на алтаре св. Иоанна во Флоренции. Вторую — в Асти, по возвращении назад, когда флорентийцы ссудили ему 30 тысяч дукатов наличными, в коих он очень нуждался, причем на условии, что если Пиза будет возвращена, то ему не нужно будет их выплачивать, а кроме того, ему будут возвращены драгоценности и прочее, что он оставил в залог. Они также обязались предоставить ему еще заем в 70 тысяч дукатов, которые должны были выплатить людям короля в Неаполитанском королевстве, и оплатить содержание 300 кавалеристов в этом королевстве, которые служили бы королю до тех пор, пока оно не было бы полностью подчинено. Но из-за вышеупомянутого злодеяния все это осталось невыполненным, и нужно было вернуть 30 тысяч дукатов, ссуженных флорентийцами; а причиной такого ущерба было непослушание и наущничанье, ибо кое-кто из близких к королю придал Антрагу смелости, чтобы он смог действовать таким образом.

В это же время, где-то во втором месяце 1496 года, монсеньор де Монпансье, сеньор Верджини Орсини и мессир Камилло Вителли, видя, что все потеряно, собрали силы и захватили несколько маленьких крепостей. Против них выступил король Ферранте, сын короля Альфонса, обратившегося, как вы слышали, к религии. Заодно с королем Ферранте действовал брат жены сеньора де Монпансье маркиз Мантуанский, который был главным капитаном венецианцев; они настигли де Монпансье в городе Ателла – месте очень невыгодном для французов из-за недостатка продовольствия.

Ферранте и маркиз Мантуанский разбили лагерь на возвышенности и укрепили его, как бы опасаясь сражения, ибо король Ферранте со своими людьми всегда и всюду был бит, а маркиз вернулся из-под Форново, где уже сражался с нами.

Венецианцы взяли в залог шесть очень важных городов Апулии – Бриндизи, Отранто, Галлиполи, Трани и другие. Они держали в своих руках также захваченный у нас Монополи, город, впрочем, незначительный. За это они ссудили королю Ферранте некоторую сумму денег и поставили на его службу в королевстве кавалерию, расходы на которую оценивали в 250 тысяч дукатов. Кроме того, они желали поставить ему в счет и расходы на охрану этих городов, и я думаю, что в их намерение отнюдь не входило вернуть их, ибо не в их привычке возвращать удобно расположенные города, как эти, лежащие на берегу их залива и позволяющие им стать истинными его владыками, к чему они всячески стремятся. От Отранто, что находится у выхода из залива, до Венеции, кажется, 900 миль. На этом побережье папе принадлежат Анкона и другие города, но все желающие плавать по заливу должны платить пошлину Венеции, и потому приобретение этих городов значит для нее гораздо больше, нежели многие думают; к тому же оттуда она получает большое количество необходимых для нее продуктов – хлеба и масла.

В том месте, о котором идет речь⁵⁹, среди наших людей начались споры из-за начавшей уже ощущаться нехватки продовольствия и отсутствия денег: кавалеристам задолжали за полтора года и более и они терпели сильную нужду. Немцам тоже были должны, но все же не так много, ибо все деньги, что монсеньор де Монпансье смог достать в этом королевстве, пошли на них. Тем не менее им были должны более чем за год, но они, правда, разграбили несколько мелких городков и неплохо обогатились. Но если бы те 40 тысяч экю, что им несколько раз обещали прислать, были бы доставлены вовремя или они знали бы, что могут получить их во Флоренции, то раздоров не было бы, однако они потеряли всякую надежду. И если бы, как говорили мне некоторые из их предводителей, наши люди согласились дать бой, то они его, вероятно, выиграли бы, а если бы и проиграли, то отнюдь не потеряли бы половину людей, как случилось это в результате заключения ими соглашения, оказавшегося для них гибельным. Оба командующих – монсеньор де Монпансье и сеньор Верджинио Орсини – желали сражения⁶⁰, но им пришлось умереть в заключении, ибо в отношении них соглашение соблюдено не было. Они оба обвинили монсеньора де Преси, юного рыцаря из Оверни, в том, что это он помешал сражению, но тот был очень храбрым рыцарем, хотя и не склонным подчиняться своему командующему.

В их войске было два вида немцев. Было 1500 швейцарцев, пришедших еще вместе с королем и служивших ему до самой его смерти так верно, что и сказать невозможно. И были другие, которых мы называем ландскнехтами, что значит «земляки»; они были выходцами из разных областей – из верховьев Рейна, Швабии, Во, Савойи и Гельдерна. Они, естественно, ненавидели швейцарцев, а швейцарцы их. Их всего насчитывалось 700 или 800 человек, и присланы они были позднее, получив жалованье за два месяца, которое сразу же по прибытии проели; а больше им денег не платили. Из-за такой нужды и ввиду опасного положения они, в отличие от швейцарцев, не испытывали к нам любви и потому договорились с доном Ферранте и перешли на его сторону. По этой-то причине, а также из-за раздоров среди предводителей наши люди и заключили себе на гибель нечестивое соглашение с доном Ферранте, который поклялся его соблюдать, поскольку маркиз Мантуанский хотел обеспечить безопасность своему зятю – монсеньору де Монпансье.

По этому соглашению, они все сдавались противнику, передавали ему всю королевскую артиллерию и возвращали все крепости, что наш король еще держал в этом королевстве, как в Калабрии, где находился монсеньор д'Обиньи, так и в Абруцце, где был мессир Грасьен де Герр, а также Гаэту и Таранто. Король же Ферранте был обязан переправить их со всем имуществом, впрочем незначительным, морем в Прованс. Король Ферранте, однако, велел всех – а их было около пяти или шести тысяч человек – отправить в Неаполь.

Другого столь бесчестного соглашения в наше время не было и не будет; ни о чем подобном я и не читал, разве что о соглашении, заключенном, как рассказывает Тит Ливий, двумя римскими консулами с самнитами, жившими близ нынешнего Беневенто, в горном проходе под названием Кавдинское ущелье; римляне тогда не пожелали его соблюдать и отослали обоих консулов в качестве пленников к врагу⁶¹.

Если бы наши люди вступили в сражение и проиграли его, то и тогда они не потеряли бы погибшими столько народу, ибо две трети из них умерли от голода и чумы, когда находились под охраной на судах возле острова Прочида, куда их отправил король Ферранте. Там умер и монсеньор де Монпансье, и одни говорят, что от яда, а другие, коим я больше верю, — что от лихорадки. Полагаю, что из них всех вернулось домой никак не более 1500 человек, ибо из швейцарцев, которых насчитывалось около 1300 человек, вернулось не более 350, и все были больные. И они достойны хвалы за верность, ибо ни за что не пожелали перейти на сторону короля Ферранте, предпочтя смерть, которую многие из них приняли на Прочиде из-за жары, болезни и голода, поскольку их долгое время так плохо кормили на этих судах, что и сказать невозможно. Я видел, как они вернулись, особенно швейцарцы, привезшие все свои штандарты; они все были больны, и по их лицам было видно, сколь много они выстрадали; когда они на судах выходили подышать воздухом, то их приходилось поддерживать.

По соглашению, сеньор Верджинио с сыном⁶², как и все итальянцы, служившие королю, могли вернуться в свои земли; но его и его единственного законного сына (у него был еще незаконный, сеньор Карло, человек весьма достойный) задержали. Многих итальянцев из его отряда ограбили, когда они стали

расходиться. Так что если б не злая судьба, обрушившаяся на тех, кто заключал это соглашение, то их и жалеть не стоило бы.

Вскоре после того, как король Ферранте добился для себя той чести, о которой я выше сказал, и заново женился – на дочери своего деда короля Ферранте⁶³ (она родилась от его брака с сестрой ныне царствующего короля Кастилии и приходилась сестрой его собственному отцу королю Альфонсу), которой было 13 или 14 лет, он заболел опасной лихорадкой и через несколько дней умер. Королевство перешло по наследству дяде Ферранте королю Федерико, который владеет им и поныне. Мне даже страшно и говорить о подобных браках, которых на моей памяти на протяжении лет 30 в этом доме было несколько.

И случилась эта смерть после заключения упомянутого соглашения в Ателле, в 1496 году. Король дон Ферранте, а затем и Федерико, когда стал королем, обвиняли сеньора де Монпансье в том, что он не сдал крепости, как обещал по договору. Но Гаэта и другие были не в его руках, и хотя он был наместником короля, тем не менее те, кто именем короля держал эти крепости, не соглашались сдать их по его приказу. Правда, сдав их, король ничего бы не потерял, ибо на их охрану и снабжение ушли большие деньги, а сдать их все же позднее пришлось. И я нисколько не преувеличиваю, ибо сам видел, как однажды отправляли помощь и продовольствие неаполитанскому замку, а затем раза три – в Гаэту; эти четыре экспедиции обошлись более чем в 300 тысяч франков и оказались бесполезными.

ГЛАВА XXII

Вернувшись из похода, король, как уже сказано, долгое время провел в Лионе, интересуясь лишь турнирами и джострами; он надеялся сохранить за собой те крепости, о которых я говорил, но его не волновало, каких денег это будет стоить, и он ни малейшего труда не прилагал, чтобы вникнуть в дела. Из Италии ему приходило довольно много предложений, важных и достойных внимания короля Франции, который богат людьми и деньгами и располагает обильными запасами хлеба, производимого в Лангедоке, Провансе и других областях, чтобы посылать все это в Италию. И что касается королей Франции, то они всегда должны понимать, как итальянцы служат, помогают и оказывают содействие, ибо иначе, что бы король ни предпринял, он ничего не добьется. Ведь они не служат бесплатно и не могут этого делать, если только это не герцог Миланский или какая-нибудь их синьория. Когда какой-либо бедный капитан проявляет искреннее желание послужить Французскому дому, надеясь добиться своих прав в Неаполитанском королевстве или в герцогстве Миланском, то, сколь бы он ни был верен и даже если является сторонником вашей партии (а в Италии самая надежная связь – между теми, кто принадлежит к одной партии), он не сумеет вам долго служить, не получая оплаты, ибо люди его бросят, а он потеряет все свое состояние; большинство же капитанов не имеет ничего, кроме верности своих солдат, которым они платят из денег, получаемых от тех, кому они служат.

Но каковы были те предложения, о которых я сказал? Они были столь серьезными, что еще до потери Гаэты, а затем позднее, через два года после возвращения короля, когда герцог Миланский не сдержал ни одного своего обещания (и поступил он так не только по лживости и злему умыслу, но и потому, что боялся, что если король станет слишком могущественным, то он его свергнет с престола, ибо считал короля человеком неверным и мало надежным), стоял вопрос о том, чтобы направить в Асти герцога Орлеанского с большим числом добрых воинов; и я видел его уже готовым к отъезду, тогда как его обоз был уже отправлен. Герцог Феррарский заверил нас, что предоставит 500 кавалеристов и 2000 пехотинцев; хотя он и был тестем герцога Миланского, он предпочитал отвести от себя опасность, которая угрожала ему со стороны венецианцев и герцога Миланского (и уже с давних пор, как выше было сказано, ибо венецианцы отняли у него Полезину и только и мечтали о том, чтобы его разгромить), и дружбе с зятем предпочел бы более надежное положение для себя и своих детей, а к тому же он считал, что герцог Миланский с его помощью договорится с королем, когда почувствует страх. Маркиз Мантуанский, продолжавший еще служить венецианцам в качестве их главного капитана, был недоволен ими и относился к ним подозрительно, а потому обещал присоединиться с 300 кавалеристами к своему тестю, герцогу Феррарскому, ведь его жена – дочь герцога Феррарского и сестра герцогини Миланской. Мессир Джованни ди Бентивольо, который правит Болоньей как сеньор, поставил бы нам 150 кавалеристов и прислал бы двух сыновей, под началом которых также была кавалерия и добрая пехота; а владения его расположены в таком месте, где он мог бы оказать немалую помощь против герцога Миланского. Флорентийцы, лишенные Пизы и других городов, о которых шла речь, оказались настолько разоренными, что могли подняться на ноги только благодаря большим переменам, и они предоставили бы нам за свой счет 800 кавалеристов и 5000 пехотинцев, оплатив их содержание за шесть месяцев. Орсини, Вителли и префект Рима, который был братом кардинала Сан-Пьетро-ин-винколи, неоднократно мной упоминавшегося, привели бы 1000 кавалеристов, поскольку все они состояли на жаловании у короля; однако сопровождение их кавалеристов не такое, как у наших (наших сопровождают лучники), плата же самим кавалеристам почти одинаковая; одному кавалеристу выплачивается 100 дукатов в год, а тысяче – 100 тысяч дукатов, но нашей кавалерии требуется двойная сумма из-за наличия лучников.

Всех этих солдат нужно было бы хорошо оплачивать, кроме флорентийских. Герцогу Феррарскому, маркизу Мантуанскому и Бентивольо следовало бы возместить только часть расходов, поскольку они претендовали на земли герцога Миланского. Заметьте, что если бы на герцога Миланского неожиданно напали отряды герцога Орлеанского и всех тех, кого я назвал, то он не сумел бы защититься и был бы либо разбит, либо вынужден встать на сторону короля против венецианцев. Содержание всех этих итальянцев на

протяжении довольно долгого времени обошлось бы менее чем в 80 тысяч экю, и после разгрома герцога Миланского Неаполитанское королевство само собой оказалось бы вновь в наших руках.

Виновным в том, что это сулившее успех предприятие не было осуществлено, оказался сам герцог Орлеанский; хотя и говорили, что он должен выступить со дня на день, ибо уже отправил вперед все необходимое и оставалось лишь тронуться в путь ему самому и его готовой, оплаченной армии (а в Асти его уже ждали 800 французских кавалеристов и почти 6000 пехотинцев, из которых 4000 были швейцарцы), он изменил намерение и дважды просил короля поблаготворить поставить этот вопрос на совете, что и было сделано, и оба раза в моем присутствии. Совет, на котором присутствовало по меньшей мере человек 10-12, единогласно постановил, что ему следует выступать, поскольку он заверил в этом вышеупомянутых друзей в Италии, которые уже понесли расходы и держались наготове. Но герцог Орлеанский – то ли по чьему-то совету, то ли потому, что боялся уезжать, видя, сколь плохо чувствует себя король, которому он наследовал бы в случае его смерти, – заявил, что ради собственных претензий он в поход не пойдет, но охотно это сделает в качестве наместника короля и по его приказу. Тем совет и закончился.

На следующий день и все последующие дни флорентийские и другие послы оказывали сильное давление на короля, чтобы он заставил герцога выступить, но король отвечал, что не может посылать на войну силой, и потому поход оказался сорван⁶⁴. Король был недоволен, ибо понес большие расходы и питал надежду отомстить герцогу Миланскому, тем более что он ежечасно получал известия о приготовлениях Джан-Джакомо Тривульцио, наместника короля и герцога Орлеанского в Асти, который был уроженцем Милана, имел в Миланском герцогстве много родственников и был там любим, а потому располагал поддержкой множества людей, как родственников, так и других.

После этой неудачи последовали и другие, даже две или три одновременно, и прежде всего в Генуе, жители которой склонны ко всяким смутам. Неудача постигла мессира Баттиста да Кампофрегозо, могущественного главу одной из партий Генуи; он был изгнан из города, и ни его сторонники, ни сторонники дома Дориа, которые были дворянами, в отличие от Фрегозо, ничем не могли ему помочь. Дориа, которые не могли быть дожами из-за своего дворянства, поддерживали Фрегозо, ибо в Генуе ни один дворянин не может быть дожем, и им некоторое время был названный мессир Баттиста. Однако он был обманут своим дядей кардиналом Генуэзским⁶⁵, который незадолго до описанных событий передал власть над Генуей герцогу Миланскому, и в Генуе стали править Адорно, которые, не принадлежа к дворянам, часто становились дожами с помощью дворянской семьи Спинола. Таким образом, в Генуе знатные люди делают дожей, но сами быть ими не могут. А мессир Баттиста надеялся поднять вооруженное выступление своей партии в городе и округе, желая, чтобы синьория перешла под власть короля: противники были бы изгнаны, а он со своими людьми стал бы у власти.

Другая неудача случилась, когда жители Савоны обратились к кардиналу Сан-Пьетро-ин-винколи и предложили передать ему город, надеясь получить свободу, ибо они находились под властью Генуи и платили подати. Если бы удалось овладеть этим городом, то Генуя оказалась бы в тисках, поскольку королю принадлежал Прованс и он распоряжался в Савоие.

Получив эти новости, король велел мессире Джан-Джакомо Тривульцио оказать поддержку мессире Баттиста да Кампофрегозо и предоставить людей, чтобы сопровождать того до ворот Генуи и посмотреть, не восстанут ли его сторонники. А с другой стороны, король, побуждаемый кардиналом Сан-Пьетро-ин-винколи, написал мессире Джан-Джакомо, чтобы он в то же время послал людей к кардиналу, чтобы они провели его к Савоне; этот приказ был передан ему также устно сеньором де Сереноном из Прованса, человеком дерзким на слова, дружившим с кардиналом. Король приказал мессире Джан-Джакомо перебраться в такое место, откуда он смог бы поддерживать их обоих, не предпринимая ничего против герцога Миланского и не нарушая заключенного с ним в предыдущем году мира, о котором говорилось в другом месте.

Однако эти приказы плохо согласовывались друг с другом. И так часто случается с распоряжениями могущественных государей, когда они отсутствуют на месте событий и вынуждены быстро рассылать письма и людей с приказами, предварительно не выслушав мнений о положении дел. Ведь удовлетворить требования и просьбы мессира Баттиста да Кампофрегозо и кардинала одновременно было невозможно. Идти к стенам Генуи без большого числа людей не имело смысла, поскольку в городе многочисленное, храброе и хорошо вооруженное население. А если еще предоставить людей кардиналу, то армию пришлось бы разбить на три части, ибо часть должна была остаться при мессире Джан-Джакомо. Кроме того, в Генуе и Савоне находилось много людей герцога Миланского, ибо они, как и король дон Федерико и папа, очень боялись, как бы Генуя не изменила им.

У мессира Джан-Джакомо был, однако, свой замысел: он хотел, не дробя своих сил, выступить прямо против герцога Миланского, и, если б ему удалось это осуществить, он сделал бы великое дело. И он приступил к его выполнению: написав королю, что желает защитить тех, кто направится к Генуе и Савоне, он под этим предлогом вышел на главную дорогу, ведущую от Александрии к Генуе, по которой герцог Миланский только и мог послать помощь против наших, и взял три или четыре небольших города, которые сами открыли ворота. При этом он говорил, что не ведет войны с герцогом Миланским, поскольку сделал это по необходимости. Король также отнюдь не считал, что начнет войну с герцогом, если захватит Геную и Савону, ибо, как он говорил, эти города герцог держит от него и он имеет право лишить его их.

Но, удовлетворяя просьбу кардинала, мессир Джан-Джакомо передал ему часть армии, чтобы пройти к Савоне. Они нашли город хорошо защищенным и вернулись обратно, так что замысел провалился. Другая часть армии была дана мессире Баттиста для похода к Генуе, и тот уверял, что его ждет удача. Но, после того как они прошли три или четыре лье, в его отряде, как среди немцев, так и французов, зародились сомнения, впрочем напрасные, и они, поскольку отряд был малочислен, испугались опасности, которая их могла подстергать, если бы не восстали приверженцы мессира Баттисты.

Таким образом, сорвались все эти замыслы, что усилило герцога Миланского; он избежал большой беды, которая случилась бы, если бы мессир Джан-Джакомо смог развернуть активные действия, но венецианцы прислали герцогу много людей. Наша армия отступила. Пехотинцы были распущены, города, что были взяты, возвращены, и война завершена для короля без всякой пользы, хотя на нее истратили большие деньги.

ГЛАВА XXIII

С начала 1496 года, когда прошло уже три или четыре месяца после возвращения короля из-за гор, и вплоть до 1498 года король ничего в Италии не предпринимал. Все это время я был при нем и присутствовал при решении почти всех дел. Король переезжал из Лиона в Мулен, из Мулена в Тур и всюду устраивал турниры и джостры, ни о чем ином и не помышляя. Его наиболее доверенные люди так перессорились, что хуже и быть не может. Одни из них хотели продолжить действия в Италии – это были кардинал и сенешаль⁶⁶, надеявшиеся извлечь из этого выгоду и укрепить свою власть, ибо во время похода все шло через них. Им противостоял адмирал⁶⁷, который распоряжался всей властью при юном короле до похода в Италию и хотел, чтобы все планы насчет нее были оставлены, поскольку видел в этом выгоду для себя, полагая, что вернет себе былое могущество и отнимет его у других. Так обстояли дела года полтора или около того.

Тем временем король отправил послов к королю и королеве Кастилии⁶⁸, поскольку стремился после войны с ними добиться мира. Их силы были велики и на море, и на суше. И хотя на суше они добились немногого, на море они оказали значительную помощь королям Ферранте и Федерико, ибо Сицилия⁶⁹ расположена по соседству с Неаполитанским королевством, в полутора лье от него, возле Реджо-ди-Калабрия; говорят, что когда-то все это было сушей, но море пробило пролив, называемый нынче Фаро-ди-Мессина. Из Сицилии, сеньорами которой были король и королева Кастилии, доставлялась в Неаполь немалая помощь и каравеллами, присланными из Испании, и людьми. В Сицилии располагалась и тяжелая кавалерия с легкой конницей, которая затем вступила в Калабрию и начала военные действия против людей нашего короля. А их суда постоянно оказывали поддержку им, так что когда все их силы соединились, то наш король оказался гораздо слабее.

В других районах король Кастильский причинил королю небольшой ущерб. Его многочисленная конница вошла в Лангедок, где провела некоторое время, занимаясь грабежами; часть ее пробыла там два, три и даже четыре дня, но ничего большего она сделать не смогла. Монсеньор де Сент-Андре из Бурбонне, находившийся на этой границе от имени губернатора Лангедока монсеньера герцога Бурбонского, захватил тогда городок Сальс в Руссильоне, откуда испанцы вели войну с королем. За два года до того Руссильон с округом Перпиньян был им возвращен⁷⁰, и этот городок входит в данный округ. Захватить его было очень сложно, поскольку там находилось много народа, в том числе и дворяне королевского дома Кастилии, а примерно в одном лье стояла лагерем их армия, более значительная, чем наша. Однако сеньор де Сент-Андре так мудро и скрытно осуществил свой замысел, что взял город за 10 часов, о чем я знаю из его письма. Город был взят приступом, причем убито было 30 или 40 испанских дворян, и среди них сын архиепископа Сант-Яго; погибло также 300 или 400 других людей, ибо они не ожидали, что все произойдет так быстро, поскольку не знали, на что способна наша артиллерия, поистине лучшая в мире.

Теперь вы знаете, что произошло между нашими королями и как для короля Кастильского эта война обернулась позором и бесславием, если учесть, сколь велика была его армия. Ведь когда господь бог желает покарать человека, то он обычно начинает с небольших огорчений; но затем он причинил королю и королеве Кастилии гораздо большие; так же господь поступил и с нашим королем.

Король и королева сильно провинились перед нашим королем, нарушив клятву после того, как он совершил большое благодеяние и вернул им Руссильон, охрана и восстановление которого стоили таких денег его отцу. Тот дал за него в залог 300 тысяч экю, и наш король оставил им залог ради того, чтобы они не мешали ему в его планах завоевания Неаполитанского королевства. Они тогда восстановили старый союз Франции и Кастилии, каковой был союзом короля с королем, королевства с королевством и подданных с подданными; тогда было обещано не мешать королю в этом завоевании и решено не выдавать замуж дочерей короля и королевы Кастильских за представителей Неаполитанского, Английского и Фландрского домов. Это последнее предложение о браках было сделано с их стороны, и привез его от имени королевы Кастильской один кордельер по имени брат Жан де Молеон. Но когда король начал войну и дошел до Рима, они всюду разослали послов, чтобы заключить союз против него, в том числе и в Венецию, где я находился; там и была создана лига, о которой я много говорил, и в нее вступили они, папа, римский король, венецианская Синьория и герцог Миланский. И они сразу же начали против короля войну, заявив, что соблюдать такое обязательство, как не выдавать замуж дочерей за названных королей, невозможно (а у них было четыре дочери и один сын), хотя сами же и сделали это предложение, как я сказал⁷¹.

Возвращаясь к моей теме, нужно сказать, что все военные действия нашего короля в Италии оказались неудачными и за ним сохранялась в Неаполитанском королевстве только Гаэта (ее еще удерживали, когда начались мирные переговоры с королем и королевой, но вскоре она была потеряна; в Руссильоне же военные действия больше не возобновлялись, и каждый остался при своем). Они прислали одного дворянина и одного монаха из Монсеррато⁷², ибо все дела вели через подобных людей то ли из лицемерия, то ли чтобы меньше расходоваться, и переговоры о возвращении Руссильона вел упомянутый брат Жан де Молеон, кордельер⁷³. Эти послы в первую очередь стали просить короля, чтобы он соблаговолил забыть о той обиде, что нанесли ему король и королева (королеву всегда упоминают, поскольку ей принадлежала Кастилия и ее власть была большей, так что их брак был весьма честным и равным), а затем предложили перемирие, включая всех членов лиги, по которому король сохранял бы за собой Гаэту и другие крепости, удерживаемые им в королевстве, и мог бы их во время перемирия свободно снабжать; они предложили также назначить день, когда могли бы собраться послы всех членов лиги, чтобы обсудить мирный договор⁷⁴. После заключения такого мира король и королева хотели вернуться к плану завоевания мавров – пересечь море, отделяющее Гранаду от Африки, и захватить ближайшие к ним земли короля Феса. Однако некоторые утверждали, что они отнюдь не имели такого желания и были удовлетворены сделанным, т.е. завоеванием Гранадского королевства; это было поистине прекрасное и великое завоевание, самое прекрасное в наше время, подобного которому предшественники никогда не осуществляли; и из любви к ним я хотел бы, чтобы они никогда ни о чем ином не помышляли и выполнили бы то, что обещали нашему королю.

Вместе с теми послами король отправил сеньора де Клерье из Дофине; король пытался заключить мир или перемирие, не включая в него членов лиги. Но если бы он принял их предложение, то спас бы Гаэту, а этого было бы достаточно, чтобы отвоевать Неаполитанское королевство с помощью его друзей.

Вернувшись, де Клерье привез новое предложение, ибо Гаэта была потеряна еще до того, как он достиг Кастилии⁷⁵. Это новое предложение состояло в том, чтобы вернуться к прежней старой дружбе, завоевать Италию и поделить добычу, и сделать это так, чтобы расходы были общими и короли действовали бы вместе. Но до этого король и королева желали общего перемирия между членами лиги и назначения дня встречи в Пьемонте, куда все могли бы прислать послов, ибо они хотели выйти из лиги с честью. Судя по тому, что случилось впоследствии, это предложение было лишь уловкой, чтобы выиграть время и дать возможность передохнуть королю Ферранте, который был еще жив, и дону Федерико, вступившему позднее во владение королевством. Правда, король и королева были не прочь получить это королевство, ибо у них было больше прав на него, чем у тех, кто им владел и владеет⁷⁶. Анжуйский же дом, чьим наследником был наш король, отстаивал предпочтительность своих прав. Но мне кажется, что по природе и характеру населяющих его людей, которые только и желают перемен, это королевство должно принадлежать тому, кто сможет его удержать.

Позднее сеньор де Клерье и некий Мишель де Граммон вновь поехали в Испанию с некоторыми предложениями. Де Клерье питал мало почтения к Арагонскому дому и надеялся получить маркизат Котроне в Калабрии, который считал своим и который удерживался королем Испании со времени последнего завоевания, совершенного его людьми в Калабрии; де Клерье был добрым человеком, но излишне доверчивым, особенно в отношении высокопоставленных особ. Вернувшись во второй раз⁷⁷, они привезли с собой послов королей Испании; де Клерье сообщил, что король и королева, учитывая их права на Неаполитанское королевство, готовы удовлетвориться только ближайшими к Сицилии землями, т.е. Калабрией, а все остальное предоставить нашему королю и что король Кастилии лично отправится в поход и возьмет на себя такие же расходы по армии, как и король. Король Кастилии уже овладел четырьмя или пятью сильными крепостями в Калабрии, одной из которых является Котроне, хороший и сильно укрепленный город. Я присутствовал при этом докладе, и многим показалось, что все сказанное неправда и что следует послать туда кого-либо более смышленного, чтобы проверить эти предложения. Поэтому к первым послам был добавлен сеньор де Бушаж, человек мудрый и пользовавшийся большим доверием короля Людовика, как нынче и короля Карла, сына покойного короля Людовика.

Испанский посол, которого привез де Клерье, никак не подтвердил того, о чем сообщил де Клерье, но, правда, заявил, что, как он уверен, де Клерье не сказал бы того, что не слышал от его сеньоров; тем самым он дал понять, что произошла какая-то ошибка – никто ведь не мог поверить в то, что король Кастилии лично явится в Италию и пожелает или сможет нести такие же расходы, как и наш король.

Когда сеньор де Бушаж, де Клерье и Мишель де Граммон вместе с другими прибыли к королю и королеве Кастилии, их разместили под охраной в таком месте, где они ни с кем не могли общаться. Король и королева трижды беседовали с ними, и, когда де Бушаж рассказал им о том, что сообщили де Клерье и Мишель де Граммон, они ответили, что высказывали лишь свои соображения, ничуть не больше, и что они охотно вступают в переговоры о мире и готовы заключить его к чести и выгоде нашего короля. Де Клерье был весьма раздосадован таким ответом, и не без причины, и стал доказывать им в присутствии сеньора де Бушажа, что они ему раньше говорили иначе.

Сеньор де Бушаж и его спутники заключили тогда перемирие⁷⁸, которое могло быть расторгнуто через два месяца после объявления одной из сторон; в него не включались члены лиги, но оно распространялось на зятьев и сватов короля Испании: на римского короля и короля Англии, ибо принц Уэльский и эрцгерцог Австрийский были женаты на их дочерях и до сих пор живут с ними⁷⁹. Правда, принц Уэльский еще очень

молод. У них была еще одна дочь на выданье⁸⁰, ибо всего их было четыре; старшая овдовела после того, как вышла замуж за короля Португальского и он на глазах у нее сломал себе шею, пустив в карьер арабскую лошадь, и случилось это через три месяца после женитьбы⁸¹.

Когда де Бушаж вернулся и сделал доклад, король понял, что правильно поступил, послав его, и что, по крайней мере, он будет теперь уверен в том, в чем ранее сомневался; относительно же де Клерье он решил, что тот слишком легковверен. Де Бушаж сообщил ему, что не смог ничего сделать, кроме как заключить перемирие, и оно действительно было удачным, поскольку означало раскол лиги, которая так помешала королю в его делах и которую он, несмотря на все попытки, никак не мог расколоть. Де Бушаж сказал также, что вслед за ним к королю приедут послы короля и королевы Кастилии и они, как было сказано ему при отъезде, получат полномочия заключить добрый мир. А еще он сказал, что принц Кастильский, единственный сын короля и королевы Испании, был болен, когда они уезжали.

ГЛАВА XXIV

Через 10 или 12 дней после возвращения де Бушажа и его спутников от одного королевского герольда, оставленного в Испании, чтобы привезти испанское посольство, де Бушажу пришло письмо. В нем было сказано, чтобы он не беспокоился, если послы задержатся на несколько дней, ибо скончался принц Кастильский 82, по которому короли (их именно так называли)⁸³ скорбят так сильно, что и представить невозможно, в особенности королева, за жизнь которой даже стали опасаться. Я и впрямь никогда не слышал о таком трауре, какой был объявлен по всем их королевствам, ибо все ремесленники, как рассказывали мне позднее их послы, прекратили работу на 40 дней, все оделись в черные одежды из грубого сукна, а знатные и состоятельные люди ездили и на мулах, покрытых до колен этим сукном, так что открытыми оставались только глаза; черные флаги вывесили на воротах всех городов. Когда мадам Маргарита, дочь римского короля и сестра монсеньора эрцгерцога Австрийского, которая была женой этого принца, получила скорбную весть, то, будучи беременной на шестом месяце, она разродилась мертвой девочкой⁸⁴.

Сколь же печальна была эта смерть для их дома, который покрыл себя такой славой и честью и владел по праву наследования такими обширными землями, каких никогда не было ни у одного христианского государя, державшего наследственные земли, и который совершил столь прекрасное завоевание Гранады и вынудил нашего короля уйти из Италии, сорвав его планы, что считалось их великим успехом, принесшим им почет во всем мире! Папа даже хотел передать им титул «христианнейших», отняв его у нашего короля, и несколько раз уже употребил его в бреве, отправляемых им; но поскольку этому воспротивились некоторые кардиналы, он дал им другой титул и стал называть «католическими»; этот титул остается по сей день, и надо полагать, что и в будущем Рим сохранит его за ними. Они привели свое королевство в полное повиновение и восстановили в нем справедливость, так что казалось, что и бог и мир хотят почтить их более, чем любого другого государя, к тому же и сами они пребывали в добром здравии.

Но это еще не все. Свою старшую дочь, которую они любили сильнее всего на свете, после того как потеряли принца, своего сына, они через несколько дней после его смерти выдали замуж за короля Португальского Эммануила, молодого и недавно вступившего на престол государя⁸⁵. Корона Португалии перешла к нему после смерти последнего из их умерших королей, который был крайне жестоким правителем⁸⁶. Он, например, велел отрубить голову своему тестю, а позднее убил и его сына, своего шурина, который был старшим братом нынешнего короля, последний же жил в постоянном страхе. Шурина он убил собственноручно во время обеда, в присутствии его жены, и своим наследником он сделал незаконнорожденного сына⁸⁷. Совершив эти злодеяния, он стал жить в большом страхе и подозрениях и вскоре потерял единственного сына, который сломал шею, объезжая арабскую лошадь, когда пустил ее в карьер, о чем я уже говорил. Его сын был первым мужем той дамы, о которой идет речь и которая вышла замуж за ныне царствующего короля Португалии вернувшись в эту страну вторично; она была, как говорят, честной и мудрейшей из всех женщин на свете.

Продолжая разговор о несчастьях, постигших в короткий срок короля и королеву Кастилии, столь славно и счастливо проживших почти до настоящего времени, т. е. до 50-летнего возраста (правда, королева была двумя годами старше), нужно сказать, что они выдали дочь за короля Португалии, чтобы не иметь более врагов в Испании, которая вся принадлежала им, кроме Наварры, где их власть также была велика, поскольку они владели четвертью ее главными городами. Они выдали ее за короля Португальского еще и ради того, чтобы разрешить вопрос о ее вдовьей части и понесенных ранее расходах и чтобы удовлетворить некоторых португальских сеньоров, которые были изгнаны из своей страны после того, как покойный король умертвил двух вышеупомянутых сеньоров, и потеряли в результате конфискации свое имущество. Оно и поныне им не возвращено, хотя обвинены они были в том, что хотели возвести на престол нынешнего короля Португалии; одного из этих рыцарей вознаградили в Кастилии, а их земли в Португалии отошли к королеве Португальской, о которой я веду речь.

Следует иметь в виду, что нет ни одного народа, который испанцы ненавидели бы так, как португальцев; они презирают их и насмеваются над ними. Поэтому королям Испании не по душе было отдавать свою дочь за человека, неудобного для королевства Кастилии и других их сеньорий. Если б они могли, они бы так не сделали, и это причиняло им новое огорчение вдобавок к тому, что им приходится расставаться с дочерью. Однако печаль их прошла, и они провезли жениха и невесту по всем главным городам своих королевств и

представили дочь как наследную принцессу, а короля Португалии — как своего наследного принца, которому надлежало стать королем после их кончины. И тогда пришло и некоторое утешение: названная дама, принцесса Кастильская и королева Португальская, забеременела. Но затем горе преисполнило их настолько, что, думаю, они хотели бы, чтобы господь забрал их из этого мира: ибо эта дама, которую они так любили и уважали, умерла в результате родов, и случилось это менее месяца назад, а у нас сейчас октябрь 1498 года. Но родившийся сын, ставший причиной ее смерти, выжил и был назван по отцу Эммануилом⁸⁸.

Все эти великие несчастья случились с ними на протяжении трех месяцев. Но еще до кончины их дочери горестное и печальное событие произошло в нашем королевстве, где скончался король Карл, восьмой под этим именем, о котором я так много говорил и о смерти которого еще буду говорить ниже. Господь бог, как кажется, сурово взирал на эти два дома, недовольный, что наши королевства не имеют сострадания одно к другому.

Всякие перемены в королевстве бывают болезненными для большей части людей, и хотя некоторые от этого выигрывают, во сто крат больше таких, кто проигрывает; однако при смене короля неизбежны изменения многих обычаев и порядка жизни, ибо то, что нравится одному королю, другому не по душе. Как я говорил уже в другом месте, если рассмотреть жестокие и неожиданные кары, ниспосланные господом нашим на великих мира сего за последние 30 лет, то окажется, что этих кар было больше, чем за 200 предшествующих лет, если говорить о Франции, Кастилии, Португалии, Англии, Неаполитанском королевстве, Фландрии и Бретани. И если б написать о всех тех случаях, коим я был очевидцем (и о всех особах, как мужчинах, так и женщинах), то получилась бы большая и весьма удивительная книга. Достаточно было бы знать о событиях последних 10 лет, чтобы понять и постигнуть могущество божие, ибо великим людям господь наносит удары более жестокие, более тяжкие и более продолжительные, чем малым. Так что мне кажется, что если все учесть, то станет ясно, что великие не имеют преимуществ в этом мире перед малыми. И великие люди сами бы поняли это, если бы пожелали видеть и слышать то, что происходит с их ближними, и если бы боялись, чтобы то же самое не произошло и с ними; ведь они как угодно наказывают людей, живущих под ними, а господь бог по своей воле располагает ими самими, ибо никто другой над ними не властен. Счастлива та страна или королевство, где король или сеньор мудр и страшится бога, следуя его заповедям.

Мы показали вкратце, какие горести обрушились в течение трех месяцев на эти два больших и могущественных королевства, которые незадолго до того испытывали такую ненависть друг к другу и так старались причинить друг другу зло, надеясь возвеличиться и неудовлетворенные тем, что имели. И скажу еще раз, что когда сменяются государи, то всегда есть люди, испытывающие радость и улучшающие свое положение, но даже и им столь неожиданная смерть поначалу внушает ужас.

ГЛАВА XXV

Теперь я хочу оставить разговор об итальянских и кастильских делах и вернуться к нашим, чтобы поведать как о горестях и утратах, так и радостях, испытанных разными людьми в связи с кончиной во Франции нашего короля Карла, восьмого под этим именем. Он жил в своем Амбуазском замке, где предпринял самое большое строительство, к какому только приступали короли за последние 100 лет, причем как в замке, так и в городе, и результаты видны, если взглянуть на башни, на которые можно подниматься верхом на лошади, и те постройки, что были начаты в городе, где планировались столь крупные и дорогостоящие здания, что их долго бы не удалось закончить. Он привез из Неаполя многих великолепных мастеров — каменотесов и художников. Приступая к выполнению своих замыслов молодым, король, казалось, не думал о смерти и надеялся жить долго; он собирал прекрасные, доставлявшие ему радость вещи из разных стран — Франции, Италии, Фландрии. В душе он все время надеялся вернуться в Италию и признавался, что совершил там множество ошибок, и даже перечислял их; ему казалось, что если ему удастся туда вернуться и отвоевать потерянное, то он сможет лучше обеспечить охрану этой страны, нежели в первый раз.

Переговоры шли повсюду, и было сделано совсем новое предложение: королю, чтобы восстановить его власть в Неаполитанском королевстве, обещали привести 1500 итальянских кавалеристов под командованием маркиза Мантуанского, Орсини, Вителли и префекта Рима — брата кардинала Сан-Пьетро-ин-винколи, а монсьею д'Обиньи, столь хорошо послужившему королю в Калабрии, предлагалось отправиться во Флоренцию, где ему оплатили бы половину расходов на армию за шесть месяцев. В первую очередь следовало бы взять Пизу или, по крайней мере, маленькие крепости в округе, а затем объединенными силами вступить в Неаполитанское королевство, откуда все время прибывали посланцы от сторонников нашего короля.

Папа Александр, ныне правящий, также повсюду усиленно договаривался о поддержке короля, будучи недоволен венецианцами, и прислал тайно курьера, которого я сам приводел в комнату короля незадолго до его смерти. Венецианцы же были готовы сговориться против герцога Миланского, а о переговорах с Испанией вы уже слышали. Римский король больше всего на свете желал дружбы с нами, чтобы вместе с королем осуществить свои замыслы в отношении Италии. Этот римский король по имени Максимилиан был заклятым врагом венецианцев и пользовался полной поддержкой империи и Австрийского дома, откуда был родом.

Наш король был склонен жить добродетельно, по заповедям божьим; он желал навести добрый порядок в правосудии и церкви и так устроить свои финансовые дела, чтобы, помимо доходов с домена, взимать с народа в виде талли только миллион двести тысяч франков (эту сумму ему предоставили штаты в Туре, когда он уже стал королем)⁸⁹. Он хотел, чтобы эта сумма шла на оборону королевства, а сам он чтобы жил за счет домена, как прежде делали короли; и он мог этого добиться — ведь если бы хорошо управлять его большим доменом, то

доходы с него, включая габели, соляные склады и др., превзошли бы миллион франков. В то же время это было бы большим облегчением для народа, который платит сейчас более двух с половиной миллионов франков тальи.

Он старался покончить со злоупотреблениями бенедиктинцев и других орденов. К себе он приблизил добрых монахов и слушал их. Ему хотелось добиться, чтобы все епископы имели лишь по одной епархии, кроме кардиналов, которые могли бы иметь по две, и чтобы они жили при своих приходах⁹⁰. Но навести порядок среди служителей церкви было бы очень трудно.

Он щедро раздавал милостыню нищим. За несколько дней до смерти, как рассказывал мне его исповедник, известный прелат епископ Анжерский⁹¹, он устроил публичную аудиенцию, на которой выслушал всех, в особенности бедняков, а затем отдал добрые распоряжения; я виделся с ним за восемь дней до его кончины в течение целых двух часов, и после этого никогда уже не видел его живым. Если бы даже на этой аудиенции и не были отданы важные распоряжения, то тем не менее она помогла бы держать многих в страхе, особенно чиновников, некоторые из которых после нее были смещены за вымогательства.

Находясь на вершине мирской славы и исполненный благих намерений в отношении бога, король однажды, 7 апреля 1498 года, в канун Вербного воскресенья, вышел с женой, королевой Анной Бретонской, из ее комнаты и направился ко рву замка посмотреть на игру в мяч; и повел он ее туда впервые. Они взошли на разломанную из-за проводившихся работ галерею, которую называли галереей Акельбака – по имени того, кто ею раньше владел и охранял ее; это было самое неприличное место в замке, ибо там был развал и все ходили туда справлять свою нужду. При входе на галерею король ударился лбом о косяк, хотя был невысокого роста; затем он посмотрел на игру и со всеми поговорил. Я при этом не присутствовал, так как за восемь дней до того уехал домой. Но мне рассказывали об этом епископ Анжерский и королевские камердинеры. Последнее, что он произнес, будучи здоровым, были слова о том, что он надеется, если сможет, полностью избежать смертных грехов и тех, которые могут ему быть отпущены. После этого он упал навзничь и потерял речь. Случилось это около двух часов пополудни, и оставался он там до 11 часов ночи. Трижды к нему возвращалась речь, но ненадолго, как рассказывал мне его исповедник, который в ту неделю дважды его исповедовал, причем один раз в связи с приходом к нему золотушных больных. На галерею входили все кто хотел, а он девять часов пролежал на жалком соломенном тюфяке, пока не отдал богу душу. Исповедник, находившийся при нем неотлучно, сказал мне, что все три раза, когда к нему возвращалась речь, он говорил: «Да помогут мне господь мой, пресвятая дева Мария, монсеньор святой Клод и монсеньор святой Блез!». Так и покинул сей мир этот великий и могущественный государь; и в сколь же убогом месте это произошло, когда у него было столько прекрасных дворцов и строился еще один; но пришла беда – и для него не нашлось даже убогой комнаты.

На этих двух примерах⁹², что приведены здесь, можно прекрасно понять, сколь велико могущество бога и сколь ничтожна наша жалкая жизнь, в которой мы принимаем на себя такие тяготы ради мирских вещей, а смерти сопротивляться не можем – что короли, что пахари.

ГЛАВА XXVI

Я уже говорил в другом месте, в связи с событиями в Италии, что во Флоренции на протяжении 15 лет жил брат-проповедник, или якобинец, известный своей святой жизнью (с которым я виделся и беседовал в 1495 году), по имени брат Джироламо; он предсказал многое из того, что случилось в дальнейшем, о чем я уже говорил, и всегда заявлял в публичных проповедях, что наш король пересечет горы и что об этом, как и о других вещах, о которых он говорил, ему якобы было откровение от бога; говорил он и то, что король избран богом, чтобы реформировать церковь и покарать тиранов. Но из-за того, что брат Джироламо утверждал, будто имел обо всем этом откровение от бога, многие были им недовольны, а папа и некоторые жители Флоренции его возненавидели. Однако он жил, как видно, прекраснейшей жизнью и произносил замечательные проповеди, обличая пороки и вернув многочисленных жителей города на путь добродетели.

В том же, 1498 году, когда почил король Карл, окончил жизнь и брат Джироламо, через четыре или пять дней⁹³. Я объясню, зачем я это рассказываю. Он всегда публично проповедовал, что король вновь вернется в Италию, чтобы выполнить возложенную на него господом миссию – мечом реформировать церковь и изгнать тиранов из Италии, и что если он этого не сделает, то господь жестоко его покарает. Все его первые и последние проповеди были отпечатаны и продаются. Эту угрозу королю, что господь его жестоко покарает, если он не вернется, он не раз повторял в письмах к королю незадолго до смерти того, а мне он говорил об этом лично, когда я беседовал с ним о том, что произойдет на нашем обратном пути из Италии: тогда он и сказал, что над королем свершится суд небесный, если он не исполнит того, что предназначал ему господь, и не прекратит грабежей.

Незадолго до кончины короля среди флорентийцев вспыхнули раздоры. Одни продолжали с надеждой ждать прибытия нашего короля, уповая на обещания брата Джироламо, и несли большие расходы, впадая в великую нужду, чтобы вернуть Пизу и другие города, переданные в свое время королю, из которых венецианцы удерживали Пизу; другие же горожане хотели встать на сторону лиги, отложившись от короля, говоря, что ждать короля – безумие и глупость и что брат Джироламо всего лишь еретик и обманщик, которого нужно посадить в мешок и бросить в реку; однако он пользовался такой поддержкой в городе, что никто не осмелился бы это сделать.

Папа и герцог Миланский часто писали флорентийцам, настраивая их против упомянутого брата Джироламо, и убеждали их, что вернут им Пизу и другие города, если они откажутся от дружбы с королем, схватят брата Джироламо и покарают его. Однажды во Флоренции собралось заседание Синьории, на котором присутствовали некоторые из его врагов, а состав Синьории менялся каждые два месяца. И там оказался один кордельер, то ли приглашенный, то ли пришедший сам⁹⁴. Он вступил в спор с братом Джироламо, назвал его еретиком и сказал, что тот обманывает народ, говоря, что получает откровения от бога, и предъявил другие обвинения, а затем предложил ему в доказательство правоты испытание огнем; слова эти были сказаны в присутствии членов Синьории. Брат Джироламо не захотел подвергнуться испытанию огнем, но его товарищ предложил сделать это вместо него, и тогда с другой стороны выступил товарищ кордельера. Был назначен день, когда они должны были быть преданы огню, и они в этот день пришли оба в сопровождении своих братьев-монахов; однако якобинец держал в руке *Corpus Domini*⁹⁵, а кордельеры и Синьория хотели, чтобы он шел без него, но тот отказался, и тогда все они вернулись в свои монастыри. Народ же, подстрекаемый врагами брата Джироламо и Синьорией, отправился к монастырю, схватил там его вместе с двумя другими и сначала подверг невероятно жестоким пыткам. Тогда же народом был убит главный человек в городе и друг брата Джироламо – Франческо Валори. Папа прислал комиссара с полномочиями устроить процесс, и в конце концов все трое были сожжены. Ему предъявили обвинение лишь в том, что он внес раздоры в город и что в пророчествах говорил то, что узнавал от своих друзей из Совета.

Я не хочу ни извинять, ни обвинять его и не знаю, совершили ли они зло или добро, осудив его на смерть, но знаю, что он говорил многие истинные вещи, о которых никто из жителей Флоренции не мог бы его уведомить. И что касается короля и тех бед, что он предсказал ему, то случилось то, что вы знаете: сначала умер единственный сын короля, а затем и он сам; я видел письмо, которое он написал королю.

ГЛАВА XXVII

С королем случился удар, или апоплексия; врачи надеялись, что болезнь уйдет в руку, так что он перестанет ею владеть, но отнюдь не умрет; однако произошло иначе. У него было четыре добрых врача, но он доверился самому неопытному из них и дал ему такую власть, что другие и говорить не осмеливались, хотя накануне, за четыре дня до смерти, видели признаки болезни и хотели дать ему слабительное. Все тогда бросились к герцогу Орлеанскому, к которому, как ближайшему родственнику, переходила корона.

Камердинеры короля Карла богато убрали его тело, и сразу же началась служба, не прекращавшаяся ни днем ни ночью, и каноников сменяли кордельеры, а когда кончали те, то начинали «добрые люди», чей монастырь был им основан 96. Он оставался в Амбуазе восемь дней, сначала в красиво обтянутой и украшенной комнате, а затем в церкви, и все было устроено так богато, как никогда еще не делалось для королей. Все его камердинеры, приближенные и служащие не отходили от его тела. Служба и процессии продолжались целый месяц, пока он не был погребен⁹⁷, и обошлось это в 45 тысяч франков, как рассказывали мне люди из финансового ведомства.

Я приехал в Амбуаз через два дня после его кончины и пошел помолиться к его телу, возле которого провел пять или шесть часов. По правде говоря, я никогда не видел подобной, столь глубокой скорби. Но ведь его приближенные – камердинеры и 10 или 12 юных дворян, приставленных к его комнате, – пользовались его благорасположением и получали такие большие подарки, составлявшие целые состояния, каких еще никогда не делали короли. Кроме того, он разговаривал со всеми мягко и любезно, как никто другой; думаю, что он ни разу никому не сказал неприятного слова. И он не мог умереть в лучший час, чтобы оставить по себе добрую память в истории и вызвать самые сильные сожаления служивших ему людей. Полагаю, что со мной он обошелся круче, чем с кем бы то ни было, но я понимаю, что было это в его юности и виноват был не он, а потому я не могу держать на него зла⁹⁸.

Переночевав в Амбуазе, я отправился к новому королю, к которому был в свое время близок как никто и из-за которого произошли все мои беды и несчастья; однако в тот момент он с трудом вспоминал об этом. Он очень мудро вступил во владение королевством, ибо в тот год, до конца которого оставалось еще шесть месяцев, он не отменял пенсий, от должностей отстранил лишь немногих, заявив, что желает за всеми сохранить в неприкосновенности положение и состояние (это ему пошло на пользу), и решил как можно быстрее отправиться на коронацию. В качестве пэров Франции у него были следующие лица⁹⁹: первым шел герцог Алансонский – и он был за герцога Бургундского; вторым – за герцога Нормандского – шел монсеньор де Бурбон; третьим – вместо герцога Гиенского – был герцог Лотарингский; первым графом – за графа Фландрского – шел монсеньор Филипп де Равенштейн; вторым – взамен графа Шампанского – монсеньор Анжильбер Клевский; и третьим, заменявшим графа Тулузского, был монсеньор де Фуа. И произошла коронация Людовика XII, ныне царствующего, в Реймсе 27 мая 1498 года.

С ним в четвертый раз к власти пришел представитель боковой ветви. Первые два раза это произошло при Карле Мартелле или его сыне Пипине и при Гуго Капете – все они были майордомами, или королевскими управляющими, и захватили королевство, узурпировав власть у королей. В третий раз это было при Филиппе Валуа, а в четвертый – при нынешнем короле. Но последние двое получили трон справедливо и законно. Все это так, если начинать первое поколение королей Франции с Меровея. Но до Меровея во Франции было еще два короля – Фарамон, который был первым избранным королем Франции, ибо, другие назывались герцогами или королями Галлии, и Клодион, его сын¹⁰⁰. Фарамон был избран в 420 году и правил 10 лет, а сын его

Клодион правил 18 лет, так что оба этих короля правили 28 лет. Меровея, пришедший после, был не сыном Клодиона, а родственником, поэтому может показаться, что прямые ветви королевских поколений прерывались пять раз, но, как я сказал, первое поколение принято начинать от Меровея, ставшего королем в 448 году. С этого времени, когда началось первое поколение королей Франции, до коронации Людовика XII, ныне царствующего, прошло 1050 лет. А если начинать с Фарамона, то на 28 лет больше, что составит 1078 лет с тех пор, как появился впервые король Франции. От Меровея до Пипина прошло 303 года, и все это время продолжался род Меровингов. От Пипина до Гуго Капета – 237 лет, и это время рода Пипина и Карла Великого, его сына. Род же Гуго Капета непрерывно продолжался 339 лет и оборвался с приходом короля Филиппа Валуа. А династия Филиппа Валуа длилась без перерывов до кончины короля Карла VIII в 1498 году; он был последним в этой династии, которая правила 169 лет и представлена семью королями: королем Филиппом Валуа, королем Иоанном, королем Карлом V, королем Карлом VI, королем Карлом VII, королем Людовиком XI и королем Карлом VIII. И конец.

¹ Клод де Ленонкур.

² Король выступил из Неаполя 29 мая 1495 г.

³ По другим источникам, король оставил в Неаполитанском королевстве около 12 тыс. человек и примерно столько же взял с собой.

⁴ В Сиене шла борьба двух партий, одна из которых («популяр») обратилась за помощью к Карлу VIII.

⁵ Король пробыл в Сиене четыре дня (13-17 июня).

⁶ Речь идет о знаменитом Джироламо Савонароле.

⁷ Жан-Франсуа де Кардон.

⁸ Первый раз Савонарола встречался с королем в ноябре 1494 г., а во второй раз, о чем говорит Коммин, 18 июня 1495 г. в Поджибонси.

⁹ Коммин хочет сказать, что божьей карой королю, предвещанной Савонаролой, могла быть только смерть дофина.

¹⁰ Брисоне.

¹¹ На самом деле только три дня (20-23 июня).

¹² Жан де Полиньяк был женат на Жанне де Шамб, сестре жены Коммина, Элен де Шамб. Дочери Жана де Полиньяка Анне, племяннице Коммина, принадлежал один из пяти лучших списков «Мемуаров».

¹³ Фрегозо (Кампофрегозо) – один из могущественных кланов Генуи.

¹⁴ Долина Магриола.

¹⁵ Из-за трудности переправы тяжелой артиллерии.

¹⁶ Галеаццо-Мария Сфорца, герцог Миланский.

¹⁷ Канд – небольшой городок возле Шинона (департамент Эндр и Луара).

¹⁸ 3 июля 1495 г.

¹⁹ В действительности название Форново происходит от лат. «Fogum novum», но Коммин производит название от итал. «fogo novo».

²⁰ За голову первого француза было выдано 10 дукатов, а затем стали давать по одному дукату.

²¹ Т. е. Венеции, называвшейся Республикой св. Марка.

²² Один тяжелооруженный кавалерист и четыре вспомогательных конника составляли итальянское копье (французское состояло из шести человек).

²³ Французская армия остановилась на правом берегу Таро, где был разбит и лагерь противника.

²⁴ В день битвы французы перешли на левый берег реки.

²⁵ Посвящение в рыцари накануне или после сражения было старой средневековой традицией.

²⁶ Артиллерия оказалась неэффективной, поскольку шел сильный дождь и порох был подмочен.

²⁷ Коммин хочет сказать, что венецианцы в этом случае не смогли бы помочь Арагонскому дому отвоевать Неаполитанское королевство у французов.

²⁸ Трубачи не считались участниками сражений, поэтому их нельзя было убивать.

²⁹ Не граф Каяццо, а его брат Фракасса.

³⁰ Спор между Лодовико Сфорца (Моро) и герцогом Орлеанским за Миланское герцогство. Герцог Орлеанский считал себя законным наследником Милана, как родственник дома Висконти по своей бабке Валентине Висконти.

³¹ Герцог Карл-Иоанн-Амедей.

³² Себастьяно-Ферреро ди Гальянико.

³³ Антуан де Бессе.

³⁴ Коммин сначала говорит об осаде двух неаполитанских замков (Кастель Ново и Кастель дель Ово), а завершает рассказ сдачей лишь Кастель Ново.

³⁵ Т. е. швейцарцев.

³⁶ Жорж Амбуазский, фаворит Людовика Орлеанского.

³⁷ Коммин, вероятно, имеет в виду осаду Кале 1347 г., жители которого вынуждены были сдаться Эдуарду III Английскому, поскольку страдали от голода.

³⁸ После смерти маркизы Марии Сербской, вдовы Бонифацио V, остался несовершеннолетний маркиз Гульельмо VIII. Маркиз Салуццо претендовал на регентство, поскольку его жена была двоюродной сестрой Гульельмо VIII.

³⁹ Константин Аранити.

⁴⁰ Кардинал Сен-Мало (Брисоне) и архиепископ Руанский.

⁴¹ Река Сезия.

⁴² За венецианцев.

⁴³ Граф Альбертино Боскетто.

⁴⁴ Альфонсо д'Эсте, сын герцога Феррарского, служил у герцога Миланского, а Ферранте д'Эсте состоял на службе у французов.

⁴⁵ Кардинал Сен-Мало и архиепископ Руанский.

⁴⁶ Бернардо Контарини.

⁴⁷ Эти переговоры, шедшие с 16 по 19 сентября, завершились четырехдневным перемирием.

⁴⁸ Ганс Хедерлейн.

⁴⁹ Коммин вспоминает осаду Иерусалима при императоре Тите в 70 г. н. э.

⁵⁰ Швейцарцы пришли 26 сентября 1495 г.

⁵¹ В действительности не Швиц, а Цюрих.

⁵² Немцев было не более 9 тысяч.

⁵³ Жак де Вандом.

⁵⁴ 9 октября 1495 г.

⁵⁵ Коммин ошибается. Маркиз Мантуанский с венецианской армией был направлен в Неаполитанское королевство против французов весной 1496 г., а Коммин выехал в Венецию 4 ноября 1495 г. Вероятно, ему было поручено воспрепятствовать оказанию помощи Арагонскому дому – об этом намерении венецианцев французское правительство вполне могло догадываться.

⁵⁶ Коммин выехал из Венеции 24 ноября 1495 г.

⁵⁷ Дофин Карл-Орланд умер 6 декабря 1495 г.

⁵⁸ Коммин имеет в виду сочинение Дж. Боккаччо «О знаменитых мужах и женщинах», очень популярное во Франции; французский перевод его существовал уже в нескольких изданиях к тому времени, когда писал Коммин.

⁵⁹ В городе Ателла.

⁶⁰ В действительности швейцарцы и немцы отказались сражаться, поскольку не получали жалованья, поэтому граф де Монпансье вынужден был остановиться в Ателле.

⁶¹ Коммин вспоминает знаменитый эпизод Самнитских войн (321 г. до н. э.).

⁶² Джан-Джордано Орсини.

⁶³ Хуане Арагонской, тетке Ферранте II, было 17 лет, когда он на ней женился.

⁶⁴ Мысль о походе была оставлена из-за капитуляции Ателлы.

⁶⁵ Паоло да Кампофрегозо.

⁶⁶ Брисоне и де Век.

⁶⁷ Луи Мале, сеньор де Гравиль.

⁶⁸ Коммин не всегда различает, что Фердинанд был королем Арагона, а Изабелла — Кастилии, и нередко называет их обоих королями Кастилии или Испании.

⁶⁹ Сицилия принадлежала Арагонскому дому.

⁷⁰ Готовясь к походу в Южную Италию, Карл VIII вернул Испании Руссильон по Барселонскому договору 19 января 1493 г.

⁷¹ Главным предлогом для вступления Испании в войну против Франции было стремление поддержать папу и обеспечить неприкосновенность его владений.

⁷² Дон Фернандо герцог де Эстрада и брат Грасиан де Киснерос. Этому испанскому посольству предшествовало французское посольство в Испанию, т. е. инициатива переговоров исходила от французского правительства, а не испанского, как полагает Коммин.

⁷³ Коммин хочет сказать, что Фердинанд и Изабелла предпочитали пользоваться услугами монахов в качестве дипломатов.

⁷⁴ Иначе говоря, испанская сторона отвергала проект сепаратного мира, предлагая привлечь к договору всех членов Священной лиги.

⁷⁵ Гаэта была взята 19 ноября 1496 г.

⁷⁶ Фердинанд Арагонский мог претендовать на Неаполитанское королевство в качестве наследника своего дяди Альфонса Великодушного, которому Ферранте I приходился незаконнорожденным сыном.

⁷⁷ Это была третья, а не вторая поездка Клерье в Испанию (май – начало июня 1497 г.).

⁷⁸ Перемирие было заключено 24 ноября 1497 г.

⁷⁹ С принцем Уэльским Артуром, сыном Генриха VII, была обручена Екатерина; женой эрцгерцога Австрийского Филиппа Красивого была Хуана Безумная.

⁸⁰ Незамужней оставалась Мария, которая лишь в 1500 г. вышла замуж за Эммануила Португальского после смерти своей старшей сестры, Изабеллы, его первой жены.

⁸¹ Изабелла была сначала замужем за наследником Португальского престола Альфонсом, а после его гибели вышла замуж за португальского короля Эммануила.

⁸² Испанский инфант дон Хуан умер в октябре 1497 г., поэтому Коммин ошибается, говоря, что известие о его смерти пришло после заключения перемирия с Испанией (24 ноября 1497 г.), ибо французские послы должны были, конечно, знать о его смерти до своего возвращения во Францию.

⁸³ Коммин имеет в виду испанское выражение «los reyes», употреблявшееся в отношении Фердинанда и Изабеллы.

⁸⁴ Маргарита Австрийская, вышедшая замуж за дона Хуана Кастильского в конце марта 1497 г., после того как французский король Карл VIII отказался от брака с ней, разродилась мертвым сыном, а не дочерью.

⁸⁵ Эммануил взошел на португальский престол в 1495 г. На Изабелле он женился в октябре 1497 г.

⁸⁶ Иоанн II (1481-1495 гг.), которому Эммануил приходился шурином. Коммин несколько ошибается: Иоанн II собственноручно убил только старшего брата Эммануила, Якова, но своего тестя, их отца, не убивал.

⁸⁷ Он действительно одно время хотел сделать наследником престола своего незаконного сына в обход прав родного сына Альфонса, погибшего в результате падения с лошади.

⁸⁸ Изабелла умерла 24 августа 1498 г., родив сына, которого назвали Михаилом, а не Эммануилом.

⁸⁹ Турские штаты – 1484 г.

⁹⁰ Коммин имеет в виду, что король хотел покончить с наиболее вопиющими злоупотреблениями среди духовенства — с практикой сосредоточения в одних руках сразу нескольких должностей и бенефициев, а также с так называемым абсентизмом духовенства.

⁹¹ Жан де Рели, видный церковный и политический деятель того времени.

⁹² Два примера – смерть Людовика XI и Карла VIII.

⁹³ В действительности через полтора месяца. Карл VIII умер 7 апреля 1498 г., а Савонарола был сожжен 23 мая.

⁹⁴ Брат Франческо Апулийский.

⁹⁵ Гостию.

⁹⁶ Монастырь «добрых людей» (или отшельников св. Франциска) был основан близ замка Плесси-ле-Тур и состоял из учеников Франциска Паолийского, приглашенного Людовиком XI.

⁹⁷ Погребение состоялось в Сен-Дени 2 мая 1498 г.

⁹⁸ При Карле VIII Коммин был заключен в тюрьму и затем приговорен к ссылке (см. статью).

⁹⁹ По старой традиции на церемонии коронации должны были присутствовать, выполняя каждый свою особую функцию, пэры Франции – крупнейшие вассалы короля (герцоги Бургундский, Нормандский, Гиенский и графы Фландрский, Шампанский и Тулузский; кроме них, раньше еще были и духовные пэры). Но поскольку к концу XV в. все эти феодальные владения, кроме Фландрии, были включены в состав королевского домена, титул пэра стал номинальным и давался на время церемонии коронации ближайшим сподвижникам короля.

¹⁰⁰ Фарамон – легендарная личность. Недостаточно удостоверены источниками и личности Клодиона и Меровея. Последний, согласно легенде, родился якобы от жены Клодиона и морского чудовища, откуда и имя Меровея.

1.10. ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

Битва при Ковадонге (718 г.) (Из «Хроники Альфонсо III»)

Битва при Ковадонге была первой крупной победой христианских сил на Пиренейском полуострове после арабского завоевания этого региона в 718 г. Победа при Ковадонге, значение которой не было отмечено современниками, обеспечила выживание христианских крепостей в северной Испании и сейчас считается началом Реконксты.

«Хроника Альфонсо III» – раннесредневековая латиноязычная хроника, описывающая историю Пиренейского полуострова со времен короля вестготов Вамбы до конца правления короля Астурии Ордоньо I. Получила название по имени своего предполагаемого автора, короля Альфонсо III Великого. Хроника повествует об истории Испании на протяжении примерно двух столетий.

8. Арабы, после захвата королевства, убили многих мечом, а остальных подчинили себе, договорившись о мире. Город Толедо, победитель всех народов, пораженный, пал, побежденный Исмаилитами; подчиненный, он стал служить им. Они поставили префектов над всему провинциями Испании и платили дань королю Вавилона многие годы до тех пор пока не избрали собственного короля и не основали отдельное королевство в благородном городе Кордобе¹. В то самое время, в местности Астурийцев, в городе Гихоне был префект именем Муннуса, соратник Тарика. Пока он держал префектуру, Пелайо, меченосец королей Витицы и Родерика, удрученный властью Исмаилитов, прибыл в Астурию вместе с сестрой. Из-за нее Муннуса отправил Пелайо в Кордобу в качестве посланника². Прежде чем Пелайо вернулся, Муннуса женился на его сестре. Когда Пелайо вернулся, он никоим образом не одобрил брака. Поскольку он уже думал о гибели церкви, он поспешил смело заявить об этом. Злобный Тарик послал к Муннусе солдат с приказом схватить Пелайо и отправить в Кордобу, закованного в цепи. Однако, когда они явились в Астурию, пытаясь коварно захватить его в деревне Брес, Пелайо от товарища узнал о планах Халдеев. Видя, что будет невозможным сопротивляться такому великому числу Сарацин, Пелайо прорвался через их ряды, бежал и прибыл на берега реки Пилоны³. Он обнаружил, что она широко разлилась, переплыл ее с помощью лошади, на которой сидел, и скрылся в горах. Сарацины закончили погоню. Как только Пелайо достиг гор, он присоединился к людям, которые там собрались. Он взобрался на высокую гору, называемую Аусеба и отправился в пещеру на той стороне, которую считал самой безопасной⁴. Из этой огромной пещеры течет поток, называемый Энна. После того, как Пелайо послал свои приказы всем Астурийцам, они собрались вместе и избрали его своим главой⁵. Услышав об этом, воины посланные за ним, вернулись в Кордобу и поведали все своему королю, сказав что Пелайо, как предполагает Муннуса, мятежник. Услышав об этом, король, охваченный безумной яростью, приказал собрать со всей Испании огромную армию и послать в Астурию, во главе её он поставил своего товарища Алькама. Он приказал Оппе, епископу Толедо и сыну короля Витицы⁶ – из-за предательства которого и погибли Готы – отправиться с Алькамой и войском в Астурию. Тарик посоветовал Алькаме, что если Пелайо откажется договориться с епископом, его нужно захватить силой и доставить в Кордобу. Ведя армию в почти 187000 воинов они вошли в Астурию.

9. Пелайо со своими приверженцами находился на горе Аусеба. Вражеская армия приблизилась к ней и расставила неисчислимое множество шатров у входа в пещеру. Епископ Оппа поднялся на холм перед Ковадонгой и спросил Пелайо: «Пелайо, Пелайо, где ты?». Пелайо, находясь у входа, ответил: «Я здесь». Тогда епископ сказал ему: «Я предполагаю, ты помнишь, мой брат и сын, как некоторое время назад вся Испания была подчинена единому порядку, установленному Готами, и тем превосходила все остальные земли в силе и знании. Если вся армия Готов оказалась неспособна противостоять нападению Исмаилитов, то как ты надеешься защитить себя на вершине этой горы? Мне кажется это сложным. Лучше, прислушайся ко мне и отверни душу от этого решения, так чтобы ты мог наслаждаться дружбой Халдеев и иметь от того множество выгод». На это Пелайо ответил: «Разве не читал ты в священных писаниях, как церковь Господня сравнивается с горчичным зерном, которое вырастет божьей милостью?». Епископ ответил: «Разумеется, я читал». Пелайо сказал: «Христос – наша надежда на то, что из малой горы, которую ты видишь, благополучие Испании и войско Готов будут восстановлены. Я верю, что обещание Господа, данное Давиду, осуществится через нас: «Я посету их неправедности с розгами и грехи их с плетью; но не удалю милость мою от них». Поэтому, полагаясь на милость Иисуса Христа, я презираю и не боюсь многочисленности врагов. Что же до битвы, которой ты пугаешь нас, есть у нас заступник перед лицом Отца – Господь Иисус Христос, который способен освободить нас от этих ничтожеств». Епископ повернулся к войску и сказал: «Идите вперед и сражайтесь. Вы слышали, что он мне ответил. Мне кажется, вы никогда не достигните мира с ним, кроме как силой меча».

10. Тогда Алькама приказал своим людям начать сражение. Они подняли оружие. Были заряжены катапульты. Были приготовлены пращи. Засверкали клинки. Заколыхались копья. Стрелы полетели

непрерывным потоком. Однако Господь продемонстрировал свою силу. Когда камни катапульта приближались к святилищу святой девы Марии, что было внутри пещеры, они поворачивали обратно и поражали Халдеев. Поскольку Господь не считает копья, а дарует победу тому, кому пожелает, то когда Астурийцы вышли из пещеры на бой, Халдеи обратились в бегство, разделившись на две части. Епископ Оппа был захвачен в плен, а Алькама убит. В том месте полегло 124 000 Халдеев. А те 63 000, которые остались живы, отправились к перевалу горы Аусеба и затем к Либане через Амьюэсу. Но они не смогли избежать Божьего гнева. Когда они достигли перевала – который находится за рекой называемой Дева, сразу за деревней называемой Косгайя – случилось так, что гора задрожала у основания и сбросила 63 000 человек в реку, где они все погибли. Даже ныне, когда река наполняется менее возможного, она открывает следы этого события. Не думайте, что это безосновательно и выдуманно. Помните, что Тот, Кто однажды разрезал воды Красного Моря, дабы дать проход детям Израиля, ныне уничтожил огромной горой Арабов, которые преследовали Божью церковь⁷.

¹ После захвата власти в Халифате Аббасидами, умайядский принц Абд-ар-Рахман бежал сначала в Африку, а затем в Испанию, где в 756 г. основал независимый Кордобский эмират.

² Арабские источники утверждают, что Пелайо находился в Кордобе в качестве заложника.

³ Находится близ Канхас де Онис.

⁴ Пещера Ковадонга, в нескольких милях к востоку от Канхас де Онис.

⁵ Пелайо, король Астурии (718-737 гг.).

⁶ Согласно Мозарабской хронике 754, Оппа был сыном Эгики, т.е. братом Витицы. В Овьедской редакции он назван епископом Севильи, а не Толедо.

⁷ В историю эта битва вошла под именем сражения при Ковадонге. Она произошла между 721 и 725 гг., скорее всего в 722 г. По арабским источникам, то была не битва, а скорее стычка. Аль Маккари пишет, что «во времена Анбасы ибн Сухайм Аль-Кальби, поднялся в земле Галисии дикий осел по имени Пелайо», но воины Ислама «завоевали Памплону в Галисии, и не осталось никого, кроме скалы, где прятался он с 300 своих...». С ними он внезапно атаковал сарацинский дозор и тут же скрылся в горах. Мусульмане позднее осадили его, пока у него не осталось лишь «30 диких ослов» (воинов), но, решив с такими ничтожными силами, Пелайо не представляет для них никакой опасности, сняли осаду.

Взятие Толедо Альфонсом VI (25 мая 1085 г.)

Взятие Толедо Альфонсом VI (25 мая 1085 г.) – одно из наиболее значительных событий в истории Реконксты. С этого момента Толедо становится не только стратегическим центром войн Реконксты, из которого можно было совершать походы в мусульманские владения, но одновременно и выдающимся культурным центром.

Глава 867. В этом году¹ собрал король Альфонс огромное войско, большее нежели когда-либо, и пошел на Толедо, как это бывало и ранее, и осадил город. Мавры хорошо укрепили Толедо, и был окружен город стенами и надежно защищен рекой Тахо. Но скопилось в Толедо великое множество людей и иссякли припасы, и принуждены были мавры сдать город королю Алфонсу. И было это в день св. Урбана, девятнадцатый день месяца мая.

И обратились мавры к королю с просьбой, чтобы оставил их в городе и чтобы сохранили они свои дома и имущество и все то, чем они владеют, и король дон Альфонс разрешил им жить в Алькасааре и в садах, что по ту сторону ворот Алькантары, и повелел он, чтобы платили мавры те же подушные подати, что взимались с них мавританскими королями, и, кроме того, объявил он, что главная мечеть должна извечно принадлежать маврам.

Таково было соглашение, которое заключили между собой король дон Альфонс и мавры после завоевания Толедо.

И после того было это соглашение утверждено и скреплено подписями, и христиане утвердились в городе; совершил король поход на города и селения, что лежат в окрестностях Толедо, и нашими стали все земли, которые завоевал он, как о том повествует архиепископ толедский дон Родриго... И трон короля был перенесен в королевский дворец Толедо, и воздвигнуты были здесь каменные стены и крепкий замок. Тогда как раньше имелись в Толедо лишь земляные валы, как о том рассказывают те, кому ведомы древние предания. Кроме того, поселены были в Толедо люди, исповедывающие христианскую веру, и осели они здесь прочно, и было их столько, что по численности превосходили они прежнее население города. Затем король дон Альфонс, видя знаки благоволения господнего, повелел, чтобы отныне собирались в Толедо его кортесы. И призвал он «рикос омбрес»² со всего королевства, и пришли они в Толедо, а с ними явились и другие именитые мужи и архиепископы, и епископы, и аббаты, и иные духовные особы...

¹ 1085 г.

² «Рикос омбрес» (букв. «знатные люди») – могущественные сеньоры, представители высшей феодальной знати Кастильского королевств.

Договор Кастилии и Леона с Генуей (1146 г.)

В 1147 г. король Кастилии и Леона Альфонс VII, опираясь на поддержку генуэзцев и пизанцев, отвоевал у мусульман г. Альмерию. Походу предшествовала дипломатическая подготовка, в результате которой в 1146 г. был подписан союзный договор Кастилии и Леона с Генуей. Договор представляет собой две грамоты: одна содержит обязательства леоно-кастильского короля, другая содержит обязательства генуэзской коммуны.

[Во имя Господа аминь. Во славу Господа всемогущего, отца, сына и святого духа. Я, Альфонс, император Испании, с вами, генуэзцами, заключаю следующие договор и соглашение. В будущем году с наступлением теплых дней я со своим войском, настолько сильным, насколько это возможно, честно и без обмана выступлю сначала на Альмерию, затем – [в другие] прибрежные области Испании, напад на Гиспалис, т.е. на Севилью, а после Севильи – на Тортосу, о чем договорюсь с консулами коммуны Генуи, которые будут находиться в войске¹. И я буду находиться в том же войске, где будут генуэзцы², если только по воле Господа не возникнет какое-либо непреодолимое препятствие к этому или же будет договоренность между нами и ими. И я буду охранять вас и ваше имущество всеми моими силами честно и без обмана. И да будете вы владеть свободно и без всякого притеснения третьей частью всех городов и местечек, которые мы завоеуем вместе, или же тех, что сдадутся вам или мне, вместе со всем тем, что к ним относится. Две же части остаются мне. И ни я, ни мой наследник ни в помыслах, ни на деле не будем стремиться к тому, чтобы коммуна Генуи потеряла свою треть. Кроме того, я заставляю, и мои наследники сделают то же самое, поклясться тех людей, которым я верю свою часть [завоеванного], в том, что они ни в помыслах, ни на деле не будут стремиться к тому, чтобы вы когда-либо потеряли свою третью часть [завоеванного]. И если кто-нибудь захочет ее у вас отобрать, они должны будут помочь вам без обмана и злого умысла ее защитить и удержать. В той части [владений], где ваш город обладает темпоралиями, ваша церковь пусть владеет спиритуалиями³. А во всех тех городах, которые я присоединю и в которых вы не должны владеть третьей частью, вы можете иметь церковь и при ней такое количество домов и имущества, чтобы пятеро пресвитеров вместе со своими клириками могли жить вполне достойно. И еще вы можете владеть [в каждом городе] одним подворьем из лучших и одной печью, и одной баней, и хорошим садом. И во всех моих землях, которыми я владею сейчас и которые присоединю в дальнейшем, да пребудете вы и люди из вашей земли в спокойствии и безопасности вместе с вашим имуществом. И во всех моих владениях, как на суше, так и на море, вы не должны платить ни пошлин, ни дорожных, ни береговых сборов. И после того как мы вместе пробудем в войске два месяца, я выплачу вам из моих собственных денег 40 тыс. мараведи⁴: для расходов на [осадные] машины 10 тыс. и 30 тыс. [как плату] за сто галер⁵. И если галер будет меньше, чем сто, то вы получите меньшее на 200 мараведи за каждую [недостающую] галеру. А если их будет больше, то вы получите больше на 200 мараведи за каждую [лишнюю] галеру⁶. Если же мы возьмем город до истечения двух месяцев, я выплачу вам эти деньги в двухнедельный срок после взятия города. И все галеры, что будут при войске, будут считаться вашими, кроме тех, которые граф Барселонский приведет за свой счет. И пока мы будем совместно находиться в войске, я не заключу никакого договора, или соглашения, о передаче мне какого-либо города или местечка на побережье, ни о выплате [мне] денег, ни о чем, что привело бы к ущербу для генуэзского войска без совещания с генуэзскими консулами, которые будут находиться в войске. И если я, начиная с ближайшего дня св. Мартина⁷ и вплоть до того дня, когда генуэзское войско возвратится [в Геную], завоеую что-либо в означенных пределах, я передам третью часть вам, генуэзцам. И когда с помощью божией мы завоеуем два епископата, что вам мы передадим третий; а именно Дению. А я сохраню за собой епископат Валенсию и еще один епископат взамен Дения. И из всех других таких епископств я жалую вам [каждое] третье епископство, и ни я, ни мой наследник никогда не будем замышлять чего-либо, чтобы генуэзская церковь его потеряла⁸.

Этот договор клятвенно подтвердит мой сын, когда ему исполнится 14 лет и когда это будет угодно консулам коммуны Генуи. Кроме того, генуэзцы, которые будут управлять этими землями, должны признать власть императора и его наследников, однако с тем, чтобы они владели своей долей свободно и безо всякого притеснения. Обе клятвы должны быть даны поочередно⁹. Все это я буду соблюдать честно и без обмана, если только не возникнет по воле господина какого-либо непреодолимого препятствия и если не будет [соответствующей] договоренности с консулами генуэзской коммуны, которые будут в войске. И если вдруг, чего да не случится, возникнут такие обстоятельства, что я не смогу явиться, настоящий договор и соглашение исполнит мой сын вместе с нашими графами и приближенными. Любое положение данного договора может быть расширено или ограничено в соответствии с нашим желанием, выраженным или нами самими или через наших послов и генуэзских консулов, или [желанием] нашего наследника.

Этот договор утвердил император, а также честно и на законном основании пообещал, что и он, и его наследники будут исполнять его так, как это записано выше. Затем он в своем присутствии велел поклясться на евангелии своим баронам в том, что и он, и его наследники будут исполнять все так, как записано выше. Вот имена тех, кто принес клятву: [Арменгол, граф Ургельи, свидетельствует собственной рукой. Также граф Амальрик (Амори). Граф Родриго Гомес. Бермудо Перес, сын графа Галисийского. Гарсия Гарсес, сын графа Нахерского. Гарсия Гомес, его брат. Фернандо Яньес Галисийский. Диего Яньес и Рамон Яньес, его братья. Фестуго, его сын. Понсе Минербийский. Король Педро, наследник [или внук] короля Гарсии. Родриго Муньос

де Гусман. Гонсало де Мараньон. Гарсия Фортуньонес Дарокийский. Апрель Леонский. Диего Муньос. Масет. Альвар Перес, сын графа Ларского. Диего Лопес, сын графа Нахерского. Николая Пелайос. Муньо Такон. Родриго Гонсалес Олесский. Гутер Родригес, его сын. Гонсало Падела. Фернандо Родригес Беневерский. Родриго Муньос Лавейлийский. Фернандо Гутьерес. Босо. Фортуньо Муньос. Гарсия Перес, родной брат Насарес. Педро Бермудес Кастанельский. Педро Хордон. Родриго Перес, сын Педро Браолеса. Диего Фернандес Леонский. Гарсия Альваро Алкубельский. Педро Бермудес. Педро Альфонсес. Мартин Диса. Нуньо. Диего Муньос.] Вот те, кто должен поклясться: [Граф Фернандо Галисийский. Граф Понсе Саморский и Саламанкский. Граф Рамиро Флорес Астурийский. Пелайо Курво. Гонсало Фернандес. Альваро Родригес. Гутьере Фернандес. Лопо Лопес. Диего Муньос.]

¹ В редакции В: «...договор и соглашение. ...месяца мая я соберу войско, настолько сильное, как это возможно, и в течение всего этого месяца буду наступать на Альмерию, честно, без обмана и злых умыслов. И я буду находиться...» – и далее по тексту редакции А. Начало фразы в рукописи В выскоблено. В рукописи А эта фраза договора исправлена следующим образом: «Начиная с ближайшего месяца мая и вплоть до следующего месяца мая...» – и далее по тексту редакции В. В редакции С: «В течение ближайшего месяца мая я соберу...» – и далее по тексту редакции В.

² В редакции В: «И я буду находиться в этом войске, о чем договорюсь с консулами коммуны Генуи, если...» – и далее по тексту редакции А.

³ Темпоралии – светские права и доходы от них; спиритуалии — права и доходы, связанные с отправлением религиозного культа.

⁴ Мараведи – испано-арабская монета, содержавшая в середине XII в 3,8 г чистого золота.

⁵ Текст грамоты А исправлен так: «...сборов. В настоящее время для расходов на [осадные] машины я выплачу вашему послу 5 тыс. мараведи в течение 20 дней после того, как он к нам явится, и еще 5 тыс. вашему послу или послам в Барселоне до ближайшей пасхи. И после того, как мы вместе пробудем в войске два месяца, я выплачу вам из моих собственных денег 30 тыс. мараведи как плату за сто галер. И если...» и т. д. В редакции В названы другие цифры: соответственно 10 тыс., 32 дня, 10 тыс. В редакции С: 10 тыс., 31 день, 10 тыс.

⁶ В редакции С текст от «И после того...» до «...галеру» опущен.

⁷ День св. Мартина (Турского) – 11 ноября.

⁸ В редакциях В и С данный раздел договора от «И когда...» до «...его потеряла» отсутствует.

⁹ В редакции В: «...притеснения. А именно: генуэзцы должны поклясться моим наследникам в том, что будут честно помогать им защитить свои две трети, а мои наследники – генуэзцам в том, что будут честно помогать им защищать свою треть. Все это...» и далее по тексту редакции А.

Битва при Аларкосе (1195 г.) (Из «Анналов Толедо I»)

Битва при Аларкосе – сражение, произошедшее 19 июля 1195 г. недалеко от крепости Алркос, находящейся на холме, у подножья которого течёт река Гвадиана и расположенного недалеко от города Сьюдад-Реаль, между войсками Кастилии под командованием Альфонса VIII и войсками Альмохадов под командованием Якуба аль-Мансура, закончившаяся полным поражением христианских войск, в результате, которого была потеряна почти вся территория Новой Кастилии, и которое затруднило все последующие попытки Реконксты вплоть до битвы при Лас-Навас-де-Толоса.

Кастильские войска потерпели поражение от значительно превосходящих сил противника. После победы аль-Мансур занял большую часть Новой Кастилии. В руках Альфонса VIII остался только город Толедо. В память этой победы Якуб аль-Мансур воздвиг в Севилье Хиральду – высокую башню, увенчанную железным позолоченным шаром огромных размеров.

Поражение короля дон Альфонсо при Аларкосе, в среду, в 19-й день июля. Эра MCCXXXIII [1195 год].

Внешняя политика Альфонсо VII Императора («Хроника Альфонсо Императора»)

«Хроника Альфонсо Императора» составлена анонимным автором ближе к середине XII в. и посвящена правлению одного из наиболее выдающихся правителей средневековой Испании – Альфонсо VII Императору, королю Кастилии и Леона (1126-1157 гг.).

Произведение делится на три части и одна из них посвящена событиям Реконксты 1109-1146 гг. Очевидно, именно она является ядром работы, будучи проникнута духом священной войны с неверными, и Господь, по мнению автора, уготовил Альфонсо такую судьбу – вести войну с «тем гнусным народом».

Древние авторы, поелику творения их передавались из поколения в поколение, выводили на свет выдающиеся деяния королей, императоров, консулов, нобилей и иных героев. Имея это в виду, подумал я, что было бы великолепно написать о достижениях короля Альфонсо VII. То есть, изложить события, через которые Всевышний принес спасение народу Христову. Посему, я писал лишь о том, что я узнал и услышал от тех, кто был очевидцами...

(1) Следует отметить, что, процарствовав 16 лет, 8 месяцев и 7 дней, королева Уррака умерла в 1164 году Испанской эры¹. Почила она в Леоне восьмого марта. Похоронили ее с почестями, близ ее предков, в королевской усыпальнице. Альфонсо, сын королевы Урраки и графа Раймунда Бургундского, правил после нее с Божьего соизволения. Его сочли обещанным свыше и чудесным образом ниспосланным (на землю). На следующий день после смерти матери он, под Божьим водительством, явился в град Леон. Королевство

получило свое именование по этому городу. Ему было 19 лет, и это случилось во время радостного времени юбилейного года. По его прибытии, объявленном жителям Леона, епископ Диего Гельмирес вышел навстречу ему со всем людом и клиром. Они приветствовали его так, словно он уже был королем. Тогда, с великой радостью, они провозгласили его королем в церкви Св. Марии в указанный день. Затем они немедля развернули королевское знамя.

Подчинение леонцев и астурийцев; Нападение на Башни Леона.

(2) На третий день после коронации, граф Суарио, муж правдивый и здравомыслящий, явился к королю со всеми своими друзьями и родичами. Он держал Асторгу, Луну и Гордон до реки Эо, а также до Кабрунани. Пришел он со своим братом, Альфонсо, и с его сыном, Педро Альфонсо, что позже стал графом, и со следующими нобилиями: Родриго Бермудес, Родриго Гонсалес и Педро Браолис. Слишком долго было бы перечислять прочих в его отряде. Граф Альфонс Журдэн, кузен короля, уже пребывал там вместе с ним. Он был сыном графа Раймунда Тулузского и инфанты Эльвиры. Она приходилась дочерью королю Альфонсо VI.

(3) После длительных переговоров с мятежниками, все еще занимавшими башни, король отправил к ним с посланием Альфонса и Суарио и епископа Гельмиреса: «Я приму вас с миром, и вы удостоитесь высокого положения в моем королевстве, если сдадите башни без боя». Мятежники постоянно утверждали и клялись, что не сдадут башни. Они добавили, что они не хотят, дабы он правил ими. Они возлагали свои надежды на графа Педро де Лара и его брата Родриго Гонсалеса. Те были оба кастильцами и предпочитали миру войну с королем.

(4) На следующий день король штурмовал башни и захватил их. Он свершил это со своими консулами-наместниками, Альфонсом и Суарио, и с их вассалами. Участвовали (в штурме) и горожане. Однако, бывшим в башнях и попавшим в плен, дозволили уйти. Было то очень мудрый поступок, ибо милосердие произвело сильное впечатление на врагов короля. В общем, следующие леонские нобили явились к королю и заключили с ним мир: Родриго Мартинес, брат его Осорио и Рамиро Фроилас. Всех их позже сделал графами король. Также явились граф Рамиро, Педро Лопес, брат его Лопе Лопес и граф Гонсало Пелаес 26, что был наместником Астурии. Он стал союзником короля, и был назначен консулом во главе всех военных пограничных гарнизонов Астурии. Многие другие, не упомянутые здесь, тоже пришли с миром к королю.

Встреча в Саморе; Подчинение галисийцев и кастильцев.

(5) Затем король отправился к Саморе и встретил в Риковадо Терезу, королеву португальцев, и графа Фернандо. Он заключил с ними мир на условленное время. Следующие нобили также заключили мир с королем: Гарсия Иньигес, что держал Сеа, Диего Муньис из Салдани, Родриго Велас, галисийский граф, что держал Саррию, и граф Гутьерре, брат графа Суарио. Граф Гутьерре в действительности заключил мир с Альфонсо в Галисии. Сыновья графа Педро Фроиласа также обещали подчиниться. Среди них был Родриго, позднее пожалованный в графы королем. Среди прочих, кто удостоился высоких почестей, были Баласко, Гарсия и Бермудо; также граф Гомес Нуньес, Фернандо Яньес и Диего (Гельмирес), архиепископ Компостелы. Были там также и многие иные прелаты и аббаты из Галисии. Все эти мужи были представлены королю и смиренно признали его своим владыкой в Саморе. Они передали под его власть весь приграничный край по реке Дуэро.

(6) Другие графы увидели, что власть короля растет с каждым днем. Были они кастильцами, Педро де Лара и брат его, Родриго Гонсалес, что жил в Астурии-де-Сантильяна. Химено Иньигес тоже был там. Он управлял Койянсой на землях Леона. Но они испугались и все, как один, устремились налаживать мирные переговоры. Однако, соглашение их с королем было крайне неискренним, ибо они хотели подчиниться королю Арагона.

Положение на границе с Арагоном; Взятие Бургоса

(7) Король Арагона удерживал Каррьон и Кастрохерис и прочие замки в округе. В близлежащей области он правил городом Бургосом, Вильяфранка-де-Монтес-де-Ока, Нахерой, Белорадо (Беллифортис?) и прочими укреплениями и городами со рвами и стенами. Всех их он у королевы Урраки отнял посредством войны и страха. Кроме того, он постоянно нападал на кастильцев, ненавидя их, ибо они желали мира и почитали короля Леона. Прочие же кастильские вожди (Duces), кроме названных выше, пришли к леонскому королю, хотя арагонцы на них нападали, и заключили с ним мир от всего сердца. Были же то Родриго Гомес, что после был поставлен им (королем) консулом, и брат его Диего, и Лопе Диас, что позже принял от него с честью титул графа, и Гарсия Гарсес с Гутьерре Фернандесом, и братом его Родриго, и Педро Гонсалес, и брат его Родриго де Виллаэскуза.

(8) Однако, горожане Каррьона и Бургоса и те, кто занимал Вильяфранку, поняв, что они несправедливо поступают с королем Леона, который был их подлинным господином, отправили посланников к нему, просить его прийти быстро и занять их города. Потом он пришел и занял города, все они подчинились ему. Но был там некий арагонский рыцарь, по имени Санчо Арнальдес, хранитель замка Бургоса, который, не желая отдавать замок королю, подвергся нападению иудеев и христиан и был ранен стрелой, отчего умер, а замок, который он удерживал, захвачен и передан королю. Услышав о том, король Арагона был разгневан и встревожен...

Осада Байонны королем Арагона; битва при Фраге.

(49) Оставим же дела сии и тотчас же поведем речь об арагонском короле. Здесь мы упомянем о его гибели и его деяниях после его возвращения из Морона и Альмасана.

(50) В то время, когда Альфонсо [VII] воевал со своими мятежными нобилями, Педро де Лара и его братом Родриго, король Арагона собрал немалое войско из рыцарей и пехотинцев. Затем он отправился за пределы собственных границ в Гасконь [1130-1131 гг.]. Там он окружил град Байонну, что стоит близ реки Гаронны. Он оставался в этом краю несколько дней и разграбил всю округу. Он атаковал Байонну многими военными машинами, которых привез с этой целью (туда). Тем не менее, (даже) с их помощью ему не удалось захватить город. Поэтому ему пришлось с позором вернуться в Арагон [октябрь 1131 г.].

(51) Он собрал большое войско из своей страны и из Гаскони. Попросив совета у своих нобилей относительно способа возвеличить свою власть, он объединился с отрядом отважных и стойких людей. Среди них были Ги, епископ Лескара, Арно До, епископ Хаки [и Уэски], епископ Сан-Висенте-де-Рода [т.е. епископ Роды и Барбастро Пьер-Гийом], аббат Сан-Викториана, Гастон де Беарн и Сентуль де Бигорра [оба погибли в 1130 г.; имеется в виду сын Гастона, Сентуль V Беарнский]. Отважные люди от французов и многие другие иностранцы присоединились к его делу. Он собрал войско и отправился сначала в Сарагосу. Оттуда он проследовал в другие города и замки, которые он захватил у мавров. Он выступил в землю Альморавидов и осадил крепкий город Фрагу [январь 1133 г.]. Вся область кругом Валенсии и Мурсии и вся Гранада подверглись нападению. Его отряды грабителей дошли до Альмерии и устроили там большую резню, уведя многих в рабство. Кроме того, они подожгли всю эту область. Однако, известный Альморавидский государь, Абенгания [Яхья б. Али б. Гания, наместник Валенсии, родственник эмира] из Валенсии и Мурсии, скопил большое воинство. Собрав его, он пришел под Фрагу, сражаться против Альфонсо I. Абенгания был разбит дважды, и он бежал с поля боя, оставляя христианам многочисленную добычу.

(52) Король Арагона всегда возил с собой что-то вроде ковчега. Он был сделан из чистого золота, украшенного изнутри и снаружи драгоценными камнями. Внутри его хранился крест, сделанный из материала Истинного Креста. Его почитали как реликвии Искупления грехов наших (Христом). Его он забрал силой из церкви Святых Мучеников Факунда и Примитива, когда сражался в Леоне. Эта церковь стоит близ реки Сеа. У него также были другие небольшие ящички из слоновой кости, отделанные золотом, серебром и драгоценными камнями. В них хранились мощи Святой Марии, обломки Истинного Креста, мощи апостолов и мучеников, исповедников и дев, и патриархов и пророков. Ковчег и сундуки стояли в шатре, где находилась его часовня, которая всегда стояла рядом с шатрами короля. Священников и большое количество клириков постоянно охраняли с предельной заботой. Они всегда служили им мессу.

(53) Бывшие внутри Фраги мавры хотели сдать город королю, чтобы он позволил им мирно уйти. Однако, условия показались ему неприемлемыми. Господь ужесточил его сердце, чтобы он неизбежно потерпел неудачу. Предначертано было случиться этому, поелику он принес немало несчастья христианам в Леоне и Кастилии. С арагонским правителем случилось то же несчастье, на которое он обрекал христиан. Он замышлял захватить город и перебить там всех благородных мусульман. Он хотел пленить их жен и детей, и поклялся королевским словом забрать себе все их богатства. Наконец Абенгания привел туда мавританские рати из Северной Африки. Он встретился с царями Кордовы, Севильи, Гранады, Валенсии [?] и Лериды. Сначала отправились посланцы для этого сбора. Несметные силы конницы, пехоты и лучников двинулись на Фрагу. Альфонсо I не понимал все этого из-за своих грехов. Ибо Господь желал не помогать ему, но унижить его.

(54) Ранним утром 17 июля дозорные, что день и ночь стояли на страже, увидели громадное войско мусульман, приближающееся к городу. Они бежали в лагерь и предупредили короля. Он повелел архиепископам, прелатам, рыцарям и пехотинцам готовиться защищать лагерь. Однако многие арагонские рыцари вернулись в свои дома по приказу Альфонсо. Он намеревался присоединиться к войску под Фрагой, уладив некоторые дела в Арагоне. По этой причине они в действительности не участвовали в битве.

(55) Божественным правосудием позволено было мавританским полкам в боевых порядках окружить лагерь. Они начали атаку копьями, стрелами, камнями и прочими метательными снарядами. Так они перебили множество людей и животных. Епископы, клир и весь христианский люд начал молиться Господу избавить их от власти неверных и простить грехи короля. Господь не воззвал к их мольбам. Архангел Гавриил, верховный посланник Господа, не донес их прошение до Божьего суда. Не послал Господь и Михаила, владыку Небесного Воинства, на помощь им.

(56) Когда военачальники, воины и епископы поняли, что не смогут сопротивляться врагу из лагеря, они вышли, чтобы противостоять им в открытом поле. Начался ожесточенный бой. Когда шла эта битва, другие силы неверных [мусульманские авторы указывают, что это были жители Фраги] скрытно подошли с другого направления и пошли на штурм лагеря. Все бывшие внутри были перебиты. Золотой ковчег, содержащий крест, был захвачен вместе с другими сундуками и всей часовней короля. Его шатер был разорван в клочья. Епископ Лескар, весь клир и простой люд, включая двор Альфонсо, попали в плен. Епископы Хаки, (т.е.) До, Сан-Висенте-де-Рода и аббат Сан-Викториана погибли в битве.

(57) Следующие лица были военачальниками в бою: Гарсион де Габестон, Бертран де Лаон, Фортунель де Фол, Ожье де Мирамон, Раймунд де Талар, Кальвет де Сю, Гастон де Беарн и Амори де Нарбонн. Также были многочисленные отважные вспомогательные войска из Франции и немало других иностранцев. Все арагонские военачальники и их воины погибли. Также пали там все пешие телохранители короля – в общей сложности, 700 воинов.

Бегство короля-воителя; его кончина.

(58) В конце концов, бежал (и) король, в сопровождении всего лишь десяти рыцарей, одним из которых был Гарсия Рамирес [будущий король Наварры]. Он проехал через Сарагосу и оттуда направился в монастырь Сан-Хуан-де-ла-Пенья. Он вступил в аббатство и велел закрыть и замкнуть на засовы двери. Охваченный ужасным горем, он заболел и, через несколько дней, умер от разбитого сердца. Он был похоронен рядом со своими предками в королевских могилах. Среди всех арагонских правителей прошлого не было ему равных ни в храбрости, ни в умении, ни в военной удали. Он ни потомства не оставил, ни сделал распоряжений о судьбе своего дома и королевства. Он умер 8 сентября 1172 года Испанской эры. [В действительности, Альфонсо не раз составлял свое завещание, умер он 7 сентября и не в Сан-Хуан-де-ла-Пенья, а в замке Поленьино, близ селения Сариньены, в 55 км от Фраги, и не от разбитого сердца, а от тяжелых ран, полученных в битве].

Плен епископа Лескара; скорбь о гибели короля.

(59) Епископ Лескар был уведен пленником в город Валенсию. Они причинили ему много мучения, чтобы заставить его отвергнуть Христа (того, кто умер за грехи наши и привел к Крещению). Кроме того, они совершили над ним обрезание, согласно их вере. Епископ, однако, обменял заложников на свою свободу и выплатил им три тысячи золотых монет в их денежной системе. Вскоре после этого он вернулся в свой диоцез в Лескаре [не ранее декабря 1134 г.].

(60) Христиане, проживавшие в укрепленных городах и замках кругом Сарагосы, узнали, что их король умер. Напуганные угрозой мавров, они бежали и укрывались в Сарагосе. Пришли неверные и заняли покинутые города и даже готовились выстроить там свои дома. Горожане Сарагосы и всех окрестных городов, особенно из замков, завоеванных Альфонсо, громко жаловались: «О, ты, наш величайший защитник, что оставил ты нам для защиты? В королевство, которое отнял ты у мавров, теперь вторгнутся Альморавиды. Мы беззащитны и будем уведены в плен».

(61) Собрались вся арагонская знать и простой народ. Они vybrили головы, разорвали одежды, а женские лица наполнились горем. Они громко стонали и с обильными слезами обращались к небесам, говоря: «О, король, как случилось так, что пал ты, тот, кто привык спасать нас? Чьи грехи вызвали падение Божьего Гнева на нас, так что мы лишились нашего избавителя? Теперь враги наши, неверные, завоюют нас!»...

Нападения на Толедо Али и Тешуфина [1109]

(96) На мгновение мы отвлечемся от погодного изложения событий и поговорим о неистовых войнах, которые христианам приходилось вести в прошлом. После кончины короля Альфонсо VI, отца королевы Урраки, к мавританскому правителю Али перешла власть над Альморавидами. Он также правил над испанскими мусульманами с этой стороны моря. Его внушительное господство простиралось и над другими народами. Он царствовал словно змея, чья жажда усиливается с жарой. Он надменно поднял голову, неизменно уверенный в победе после смерти Альфонсо VI, непревзойденного мужа. Али созвал все имевшиеся войска Альморавидов и всех наемных арабов. Под его началом состояла армия из тысяч всадников, лучников и пехоты. Было их без числа, словно песку на морском берегу. Али сначала совещался с несколькими усердными советниками. Затем он созвал все свое войско, пересек море и прибыл в Севилью. Его сопровождал сын, Тешуфин. Он велел всем вождям Альморавидов, которые управляли испанскими мусульманами, выставить их отряды конницы, лучников и пехоты. Он велел им запастись лестницами и прочими военными машинами, как деревянными, так и железными. Все это готовилось с намерением овладеть городом Толедо, к которому Али направился в великой спешке. Он также собирался уничтожить другие города и городки, расположенные с другой стороны гор. Он снялся с лагеря из Севильи и несколько дней спустя достиг Кордовы. Там к нему присоединились все войска с этой части мусульманских земель. Они снялись с лагеря и прошли сквозь землю, которая принадлежала Альвару Фаньесу. Они продолжали захватывать крепкие города и замки. Некоторые из них подверглись уничтожению, а некоторые были укреплены ими. Наконец, они пришли в область близ Толедо и уничтожили Сан-Сервандо и Алеку. Затем, приблизившись к самому городу, они установили свои военные машины в нужных местах. Какое-то время они целились в город и обстреливали его стрелами, камнями, копьями и зажигательными снарядами. Но в то время в городе находился Альвар Фаньес, один из самых вдохновляющих из всех христианских предводителей. С ним было немало рыцарей, лучников, пехотинцев и крепких юных воинов. Они стояли на стенах, в башнях и у ворот города. Они продолжали храбро сражаться с маврами, многие тысячи которых пали у городских стен. Так неверные были обращены в бегство мужеством христиан. Они стали слишком далеко от городских башен, чтобы причинить вред или городу, или стоявшим на стенах.

(98) Когда король Али увидел положение дел, он приказал пехоте собрать большое количество дров по рощам и виноградникам. Али велел сложить их украдкой ночью в основании мощной башни у предмостного укрепления, обращенного к Сан-Сервандо. В полночь мавры стали поджигать дерево, с помощью катапульта метая стрелы в качестве головешек. Они, конечно, делали это с целью сжечь дотла башню. Но христиане в башне быстро ответили, вылив великое множество уксуса на дерево. Огонь тут же погас. В городе с Альваром Фаньесом было также много здравомыслящих пожилых людей. Они были весьма предусмотрительны, и король Альфонсо VI оставил их там до тех пор, пока его правящий потомок не сможет освободить Толедо от угрозы неверных.

(99) И вновь когда король Али осознал неудачу своего замысла, он страшно разгневался. Уже утром следующего дня он приказал своим начальникам конницы собрать большие отряды из отборнейших

пехотинцев, подкрепленных всеми видами военных машин. Он указал прочим войскам Альморавидов и арабов поступить так же. Они должны были подвести машины к основанию городских стен и поставить их в нужных местах. Так то несколько катапульт установили близ ворот Алькара. С этого места они могли метать головни в город. Были также военные приспособления, которые бросали камни и дротики. Они подвели стрелявшие стрелами скорпионы, мантелеты и тараны для разрушения стен и лестницы, которых ставили на башни.

(100) Христиане противостояли со своими машинами машинам мавров. Схватка длилась семь дней. За это время враг не смог нанести никакого вреда городу. На седьмой день христиане вывалили из города наружу через ворота на западной стороне. Обратив мавров в беспорядочное бегство, они подожгли все военные машины, которые те бросили, и прочие устройства, которыми король Али и его военачальники замыслили уничтожить городские стены.

(101) Когда происходили эти сражения, Бернардо, архиепископ Толедо, простирался с клириками, стариками и беднотой на полу церкви Святой Марии. Они умоляли Господа и Марию не поминать грехи ни королей, ни народа. Они молились о том, чтобы никто не погиб и не попал в плен, и чтобы женщины не стали посмешищем неверных. Не желали они и того, чтобы их дети стали военной добычей. Они молились, чтобы Господь сохранил их град от гибели, а его священство от позора, бесчестья или презрения. Господь услышал их молитвы и пожалел свой народ. Он отправил Архангела Михаила оберегать град Толедо и укрепить его стены, дабы они не были разрушены. Он явился на утешение сердцам воинов и на защиту христиан. Всего этого не случилось бы, не реши Господь оберечь город, ибо, как сказал Давид, «Если не защитит Господь город, то тщетно охранять его».

Разграбление Мадрида и прочих пограничных местечек

(102) Тогда увидел король Али, что чаша весов склонилась в бою не в пользу сарацин. Их вожди пали, а их народ погибал без числа, поэтому он и все его войско отступило от города. Они ушли и захватили города и замки в области Транс-Сьерры. По грехам нашим, удалось ему уничтожить стены Мадрида, Олмоса, каналеса и многих других мест. Он взял большое количество пленных, унес большую добычу и оставил за собой путь разрушения. Однако, более серьезно укрепленные башни этих городов не были захвачены, и многие христиане остались в безопасности внутри их. Гвадалахара и другие города и замки не понесли урона. Их стены не были уничтожены, ибо Господь отомстил сарацинам. В самом деле, сей отвратительный народ начал гибнуть все чаще и чаще от меча христиан.

Али покидает Испанию; его двор.

(103) При таких обстоятельствах Али спешно возвратился в Кордову. Там он призвал свое сына Тушуфина и сказал ему: «Бери под свое начало все сарацинские царства и будь королем над всеми мусульманами от берегов Средиземного моря до христианского города Толедо. Владей землями до Сантарена, а на другой стороне полуострова – до Сарагосы и Барселоны. В первую очередь, сын мой, я повелеваю тебе уничтожить Толедо мечом. Уничтожь все его города и замки до реки Дуэро, ибо жители Толедо открыто не повиновались мне и вели против меня войну. Присылай всех твоих пленников-христиан за море к моему двору». После чего король Али прошествовал к Севилье. Он пересек Средиземное море и отправился в свой город Марокко, бывший столицей Альморавидов. Он увез с собой всех пленников-христиан, которых смог захватить. Он также доставил в Марокко всех пленников, которых он захватил в земле испанских мусульман.

(104) При дворе короля Али был человек, которого звали Алименон. Был он храбрым и умным моряком, который командовал флотом Альморавидов. Когда видел он, что погода подходит для плавания, он брал флот кораблей и плыл вдоль галисийского берега полуострова, а затем через Ла-Манш. Или же он плыл через Средиземное море на Сицилию, Константинополь или против Аскалона на берегу Палестины. Он нападал на Бари в Адриатике и другие порты в этой области. Алименон атаковал область Барселоны, а также франкские королевства. Он оставлял повсюду развалины и жестоко убивал и резал христиан. Всех своих пленников он привозил ко двору короля Али, своего господина. Вследствие чего при его дворе было большое количество христианской знати и простолюдинов.

(105) Случилось так, что в то время Господь покровительствовал пленникам-христианам, а также их неверному господину. Король Али начал хорошо обращаться с христианами. В самом деле, он возлюбил многих из них еще больше, чем представителей его собственного восточного народа. Он даже назначил некоторых из них слугами в своих личных покоях. Других он сделал военачальниками в своем войске. Некоторые начальники-христиане управляли военными отрядами, которые насчитывали не менее тысячи воинов. Те же начальники возглавляли его гвардию. Он жаловал им золото и серебро и города и замки. Он покровительствовал им с тем, чтобы они были в более выгодном положении для войны с Альмохадами. Король особенно желал от них, (чтобы они) сражались с предводителем Альмохадов, Абд аль-Мумином. Этот правитель победоносно мчался по всей Северной Африке (и никто не оказывал ему) сопротивление.

(106) Среди пленников короля Али был знатный христианин из Барселоны, чье имя было Ревертер. Он был человек справедливый, скромный и богобоязненный. Король поставил его во главе рыцарей-христиан, а также сделал его военачальником в своем войске. Этот человек никогда не терпел поражений в боях. Все войны короля Али велись со стратегической помощью и военными знаниями Ревертера. Однако по прошествии лет Али очень состарился и в конце концов умер [1143]. Его сын Тешуфин сменил его на престоле. Он тоже обращался с христианами-пленниками благожелательно, как и его отец.

Альморавиды отвоевали Ореху, Сориту, Сорию и Альбалат [1113]

(107) Следующие события произошли в правление королевы Урраки. Король Севильи и король Кордовы, и все прочие Альморавидские правители на юге собрали большое войско конницы, пехоты и лучников. Они пришли на земли Толедо и начали штурмовать замок в Орехе. Они перебили там христиан и взяли многих в плен. Они захватили другой замок в Сорите и сильно укрепили его. Там они оставили свою конницу, пехоту, съестные припасы и много оружия и военных машин. Вслед за тем они вернулись на юг.

(108) Примерно тогда же Сорию сдали сарацинам некие злокозненные люди, которые притворялись христианами, но на самом деле были неверными. Сарацины также взяли другой замок в Эстремадуре, именуемый Албалат. Они усилили его и замок в Сории многочисленной конницей и пешими воинами. Эти войска с каждым днем продвигались вперед по Эстремадуре до реки Дуэро. Войска в Орехе делали то же самое против Толедо и против других городов в районе Транс-Сьерры. Они зверски убили многих и увезли множество добычи.

Нападение на Толедо; уничтожение Асеки [1130]

(109) Через несколько лет король Тешуфин собрал всю свою рать и пошел на Толедо. Но христиане услышали о его приближении и укрепили свой город. Тешуфин со всем своим войском пересек реку Тахо и двинулся на замок Асеку. Это укрепление недавно заселил Тельо Фернандес, дукс Сальданы, а также другие христиане. Альморавиды штурмовали с полуночи до заката следующего дня. Наконец, они пробились и захватили замок. Совершив это, они сравняли его с землей. Почти триста христианских воинов пали в бою. Тельо Фернандес, военачальник там, вместе со многими другими, попал в плен и был отведен в Кордову. Из Кордовы его перевезли через Средиземное море во дворец короля Али. Он так и не вернулся в Испанию.

Поражение наместников Толедо и Моря [1131]

(110) В те времена был в Калатраве предводитель испанских мусульман, чье имя было Фарас. Он был ратоборцем среди испанских неверных. В Сан-Эстебане был тогда влиятельный вождь Альморавидов по имени Али. Эти двое предприняли неудержимый поход и зверски убили великое множество (народу) на землях кругом Толедо. Они собрали всех Альморавидов и испанских мусульман в Орехе. Они также привели войска из областей южнее реки Гвадалквивир. Они украдкой вошли в толедские владения ночью. Они устроили засаду на скрытом участке земли. Все их действия остались незамеченными Гутьерре Армилдесом, наместником Толедо, который тогда пребывал в Аламинe.

(111) Ранним утром следующего дня несколько альморавидских всадников, гонящих скот, появились на близлежащей равнине. Они сымитировали бегство. Гутьерре Армилдес с 40 рыцарями преследовал их. Когда они дошли до места засады, враг внезапно появился и начал бой. Битва была необычайно жестокой, и Армилдес был убит. Большинство других рыцарей, сопровождавших его, тоже погибли.

(112) Одним из уцелевших был Муньо Альфонсо. Он родился в Галисии, но был теперь наместником Моря. Он был взят в плен вместе с другими христианскими рыцарями, и всех их отвезли в Кордову. Их бросили в тюрьму. Мавры истязали Муньо Альфонсо, не давая ему ни пищи, ни питья. Через несколько дней он выкупился за большое количество золота, серебра, скота и оружия. Он отправился в Толедо, а затем в свой замок в Море. Впоследствии он сражался во многих битвах, (выходя) из этого замка, и поразил и убил многих могучих мавританских вождей. Эти битвы описаны ниже.

Поражение наместников Эскалоны и Иты

(113) Упомянутые ниже вожди неверных вернулись вновь на границу близ Толедо. Там они сражались с двумя братьями, Доминго и Диего Альваресами. Эти двое совместно держали титул наместника Эскалоны. Фарас и Али также сражались со многими христианскими рыцарями из других городов. По грехам их христиане были разбиты, и наместники Эскалоны были убиты, вместе со многими другими. Мавры также поразили в бою Фернандо Фернандеса. Он был наместником Иты. Войска неверных одолели его и многих из его воинов.

Причины, по которым Альфонсо VII пренебрегал границей

(114) Пока гремели вышеназванные сражения, Альфонсо I, король Арагона, совершил весьма враждебный поход против Кастилии и Леона. Он занял следующие города: Кастрохерис, Эррера, Кастрильо, замок в Бургосе, Сан-Эстебан де Гормас, Вильяфранка, Белорадо, Граньон, Нахеру и многие другие замки. Император и его верные подданные находились в состоянии войны со всеми этими городами. Альфонсо VII не пользовался искренней поддержкой ни графа Педро де Лара, ни его брата графа Родриго Гонсалеса, ни графа Гонсало Пелаеса из Овьедо [1132]. Более того, Педро Диас восстал в Валье, и Химено Иньигес поступил так же в Койяансе. Они вместе сеяли смуту и объединились в заговоре с арагонским королем. Из-за этой измены всех их ждал жалкий конец, как об том написано в этой книге.

(115) Когда закончилась война с королем Арагона, началась другая война в Кастилии с королем Гарсией Памплонским и королем Альфонсо Португальским. Мы уже написали о военных нападениях последнего на Галисию [1137]. Из-за этих войн Император не предпринимал походов на юг в земли мавров. По этой причине те добились большого могущества в христианских владениях. Их власть длилась до тех пор, пока император не отправился в Херес [1133] и не захватил Ореху [1139] и Сорию. И хотя неверные наступали до таких пределов, каждый год христиане, живущие в области Транс-Сьерры и в Эстремадуре, собирали свои силы и замыслили военные походы. Их было от тысячи до пяти тысяч воинов, а иногда и до десяти тысяч. Они отправлялись в

земли Альморавидов и испанских мусульман и убивали их и брали великое множество пленных. Немало добычи уносили они и оставляли землю в огне. Также они убили нескольких мусульманских вождей и уничтожили многие их замки и города. В конечном итоге христиане нанесли больше вреда неверным, нежели неверные – им.

Победа над Тешуфином при Лусене [1132?]

(116) Тем временем король Тешуфин, Асубель Кордовский, Абенсета Севильский и прочие альморавидские предводители собрали огромное войско 15. Они замыслили внезапно подойти к окрестностям Толедо и полностью уничтожить там города. Таким образом они надеялись заслужить себе великую славу среди арабов. Они вышли из Кордовы и через несколько дней стали лагерем на равнине у Лусены.

(117) В тот же день тысяча отборных хорошо вооруженных рыцарей шла от Авилы и Сеговии в сопровождении большого отряда пехоты. Они двигались по дороге, которая в итоге привела их на равнины Кордовы. Таким образом, когда они шли, им стало известно, что король Тешуфин и его рать стоит лагерем на равнине Лусены. Немедленно они призвали на помощь в защите Владыку Небесного и Земного, Святую Марию и Святого Иакова. И божественным вдохновением сказано было им остановиться там, где они есть, и ставить палатки в этом месте. Они разделили пехоту на две части. Половину оставили в лагере охранять обоз и припасы. После полудня другая половина пехоты и все хорошо вооруженные рыцари выступили. Примерно в пятом часу ночи они обрушили шатры короля Ташуфина и принесли ужас и ад крошечный в его лагерь.

(118) Сбежалась огромная толпа Альморавидов и сарацин, дабы схватить свое оружие и начать бой. Битва была ожесточенной, и большая часть сарацинского отряда была перебита, тогда как другие бежали из лагеря во все стороны. Король Тешуфин был ранен в бедро копьями. Все же, он вскочил на неоседланную лошадь и бежал. Христиане захватили весь лагерь с королевскими знаменами мавров, всех их мулов и верблюдов, золото, серебро и другие богатства. Затем они возвратились в свой лагерь. Каждый воин отправился домой в Эстремадуру, восхваляя и благославляя Господа. Тешуфин с позором вернулся в Кордову. Там о нем позаботились его врачи и его раны зажили после нескольких дней выздоровления. Однако он хромал до самой смерти.

Кавальгада на Севилью Родриго Гонсалеса де Лара [1130 или 1132]

(119) После смерти Гутьерре Армилдеса, консул [т.е. наместник Толедо] Родриго Гонсалес снискал расположение императора. Он был назначен командующим всех войск в Толедо и предводителем Эстремадуры. Он собрал большое войско, как в Кастилии, так и в Эстремадуре. Было оно намного больше всей вместе взятой конницы и пехоты Толедо и прочих городов, подчиняющихся Толедо. Родриго Гонсалес повел эту рать в земли вокруг Севильи и опустошил всю область. Он срубил фруктовые деревья и взял большое количество добычи, несметное число пленников из тех земель, золота, серебра, дорогих одежд, табуны коней, кобыл, ослов, стада быков, коров и многих других пород скота.

(120) Король Севильи [Умар] увидел все это и тут же созвал многие тысячи Альморавидов, арабов и испанских мусульман. Они прибыли с морских островов, а также от приморских народов, и были среди них многие влиятельные арабские вожди. Король выступил против лагеря Родриго Гонсалеса. Консул узнал об этом маневре и вывел войско из лагеря, заняв позиции, чтобы встретить неверных. Пехота христиан была поделена на два отряда, лучники и пращники.

Всех храбрейших воинов поставили в передних рядах. Затем шли ряды рыцарей из Авилы. Вторую линию составили воины Сеговии. Родриго остался в тылу с воинами Толедо, области Транс-Сьерры и Кастилии в качестве резерва с тем, чтобы укрепить слабых и помочь раненым.

(121) Битва началась с кличей и грома медных труб и барабанов сарацинов. Они кричали и призывали Мухаммеда. Христиане воззвали всем сердцем к Господу, деве Марии и Святому Иакову. Они молились о том, чтобы они смилостивились над ними и забыли о грехах короля и их предков. Недавно начался бой, но многие с обеих сторон уже получили ранения. Понял Родриго, что войско короля Севильи сильнее. Поэтому все храбрейшие воины присоединились к Родриго, и они устремились вперед. Король Севильи пал на поле и умер, как и многие из его военачальников. Родриго Гонсалес преследовал уцелевших на всем протяжении их пути до врат Севильи. Собрав добычу, он начал отходить к лагерю.

Поражение консехо Саламанки

(122) В то же время знать Саламанки вступила в земли близ Бадахоса. Когда они узнали о том, что Родриго Гонсалес замысливает поход на Севилью, они сказали: «Давайте отправимся в области вокруг Бадахоса и прославим свое имя. Мы не будем делиться нашей новой славой или бесчестьем с кем-либо другим». Они собрали необычайно большое войско и вышли по дороге, которая ведет к Бадахосу. Они опустошили всю область, оставляя за собой одни развалины. Они также взяли в плен многих врагов. Добыча их состояла из домашней обстановки вместе с множеством золота и серебра. Они забрали всех лошадей, мулов, верблюдов, ослов, быков и многих других пород скота.

(123) Когда все это происходило, король Тешуфин собрал огромное войско, чтобы сразиться с консулом Родриго. Когда услышал он от некоего испанского мусульманина, бежавшего из лагеря Родриго, что король Севильи и все знатные люди убиты, он побоялся направить туда свой поход. Но от того же беженца узнал он, что христианские войска стоят лагерем в районе Бадахоса. Тешуфин последовал за христианами и разбил свой лагерь напротив их стана. Однако он не стал тут же завязывать бой с ними, поскольку уже наступал вечер.

Христиане тщательно разведали положение дел. Они перебили всех пленников-неверных в своем лагере. Так поступили они, дабы избежать возможности того, что эти пленники смогли навести беспорядок в лагере, захватив оружие во время битвы. Через своих переводчиков король Тешуфин повелел, чтобы христиан спросили, кто их возглавляет. Они ответили: «Мы сами себе предводители». Когда Тешуфин услышал ответ, он сразу же понял, что все они глупцы и безрассудны. Это, конечно, весьма обрадовало его, и сказал он окружающим его: «Да будет известно, что их Бог оставил этих глупцов». Многие дворяне Саламанки, поняв, каким будет исход сражения, тайно бежали из лагеря. На рассвете начался бой, и христианам сразу же пришлось отступить. Все рыцари и пехотинцы были убиты, и лишь немногие, кто бежал верхом, спаслись. Все укрепления лагеря были взяты, и то было большое несчастье для христианских ратей. Король Тешуфин увез всю добычу и с победой вернулся в Кордову.

(124) Одной неудачи было мало, чтобы научить саламанкских военачальников уму-разуму. Еще трижды случалась та же беда в этом году и следующим летом. Причиной этих бедствий было лишь то, что они излишне положились на собственную мощь и недостаточно – на силу Господа. После этого они раскаялись в своих грехах и отмолили большую часть их. Они предложили десятину и первые плоды Господу, и он покровительствовал им. Они обрели дар мужества и благоразумия, начав войну. По этой причине, благодаря молитвам своим, были они постоянной угрозой для мавров в их земле под началом графа Понсио и прочих полководцев Императора. Они сражались в нескольких битвах и одержали великие победы, захватив большую добычу. Город Саламанка прославился своими рыцарями и пешими. Город также очень разбогател благодаря военной добыче.

Паломничество Родриго Гонсалеса; победы Родриго Фернандеса в Альмонте, Серпе и Сильвии

(125) Консул Родриго вернулся в Толедо без особых трудностей, со всем его войском. Они молились Господу и славили его на обратном пути, ибо Он спас тех, кто верил в него. Прочие битвы, в которых консул Родриго сражался с королем Альморавидов, не описаны в этой книге. Когда его войны завершились, консул стал паломником и, в духе набожности, отправился через море в град Иерусалим.

(126) Наконец Император доверил Толедо Родриго Фернандесу. Он дал ему многие города и городки в Эстремадуре. Родриго был назначен главой всего войска Толедо. Вслед за назначением, он собрал все войско из Толедо и со всей Кастилии, и конницу, и пехоту. Он повел их на юг, в землю неверных. Там он убил многих и нанес много разрушений. Он взял множество пленных, огромное количество золота и серебра и много прекрасных одежд. Он также захватил тот скот, что нашел там на полях. Куда бы они ни шли на юге, они оставляли за собой одни разрушения.

(127) Когда об этом разорении донесли Тешуфину, он очень разгневался. Он созвал всех своих друзей, всех военачальников, а также его командиров конницы. Более того, наемники были набраны в других царствах, на морских островах и на побережье. Также огромная рать Альморавидов переправилась через Средиземное море на юг Испании. Это войско было столь велико, что невозможно было счесть его отряды. Затем король выступил с войском навстречу христианам в Альмонте.

(128) Как только наместник Толедо увидел приближающиеся полки, он сказал христианам: «Не страшитесь их числа и не тревожьтесь при мысли об их нападении. Помните, как король Альфонсо VI и наши отцы захватили Толедо и отодвинули границу к реке Дуэро. Теперь давайте помолимся Господу о Его сострадании, и Он сокрушит их перед нашими глазами». Затем выстроились в боевые порядки. Конница, пехота и лучники с обеих сторон собрались для боя. Начался бой, и, видит Господь, пали несколько тысяч врагов. В результате разбит был король Тешуфин и вынужден бежать с поля боя со всем его войском. Христиане захватили множество золота, серебра, коней, мулов, верблюдов и многую другую ценную добычу. Они вернулись в Толедо, распевая гимны и восхваляя Господа, ибо добр Он и милость Его всетерпима.

(129) Родриго Фернандес, наместник Толедо, собрал войско во второй раз и двинулся на юг в землю мавров. Их короли пришли на него у Серпы. В этом столкновении победил наместник Толедо и взял большую добычу у врага. Он с большой радостью вернулся в Эстремадуру. Наконец, в третий раз он собрал свои войска и пошел во вражеские земли и нанес им много вреда. Он убил многих Альморавидов и испанских мусульман. Неверные короли собрали большое войско из конницы и пехоты и встретили его в Сильвии [Сильвеше?]. Когда началась битва, они отступили и погибли многие тысячи их воинов. Оставшиеся разбежались во все стороны. Вновь наместник Толедо завоевал победу, и христиане захватили большое количество добычи у врага. Вернувшись в Толедо, все они ликовали. На обратном пути они пели весь *Te Deum*.

Восстановление Асеки

(130) Жил в то время в Эстремадуре некий рыцарь по имени Госельмо де Ривас. Был то человек, склонный к воинственности, а также очень богатый. Он владел серебром, хлебом, вином и всеми богатствами мира в большом количестве. Он отправился к Императору и попросил назначить его для восстановления замка Асеки. Прошение весьма угодило Альфонсо. Поэтому Госельмо и вся его фамилия отправились в Асеку. Наместник Толедо сопровождал их с большим войском. Они разбили шатры у основания замка, который был уничтожен королем Тешуфином, когда он захватил его у Тельо Фернандеса. Замок был вновь выстроен с высокими стенами и прочными башнями, окружающими его, чтобы не дать врагу вновь уничтожить его. Госельмо де Ривас со многими энергичными рыцарями и хорошо вооруженными пехотинцами должен был охранять крепость. Гонцы из Толедо снабдили его продовольствием, так что сам Толедо мог получить кое-что

от крепости напротив Орехи. Используя этот город как базу, многие из врагов вели войну, как в окрестностях Толедо, так и в Эстремадуре. Ожесточенные бои произошли при Калатраве и Орехе. Иногда христиане были победителями в этой войне, а иногда они были вынуждены бежать.

Поход Императора через земли Хаэна [1138]

(131) В мае 1176 года Испанской эры Император объединился с Родриго Фернандесом, главой толедского воинства. Этот человек добился больших успехов во всех его походах. Император также привел графа Родриго из Леона, своих придворных советников и большое войско из Эстремадуры. Они выступили и, преодолев определенное расстояние, разбили лагерь близ реки Гвадалквивир. Многие отряды на несколько дней удалились из главного лагеря в поисках добычи. Они разграбили все земли в окрестностях Хаэна, Баэсы, Убеды и Андухара. Они поджигали все города, которые встретили на пути. Они также рубили виноградники, оливковые рощи и все прочие деревья. Позади они оставляли всюду одни развалины. Спустя несколько дней они вернулись к Императору, который пребывал в главном лагере. Они привели большое число пленников, и мужчин, и женщин, а также детей. Они привезли с собой много золота и серебра и много изысканных и дорогих одежд. Также в лагерь доставили много другого добра, включая прекрасную мебель и большие табуны коней и кобыл, стада быков, коров, овец и коз.

(132) В ходе этого похода некий отряд из Эстремадуры пересек реку Гвадалквивир без дозволения Императора. Они вступили на вражеские земли, поджигая и уничтожая там все. Собрав добычу, они вернулись туда, где перешли реку. Из-за отсутствия планов на будущее и из-за большого количества добра, которое они везли, они не стали переходить реку, и остались на другом берегу. В полночь случился необычайно сильный дождь, и река разлилась как в наводнение. Утром люди на том берегу оказались в западне. Они не могли переплыть реку, не могли и придумать какой-либо иной способ достичь другого берега.

(133) Император предвидел надвигающееся несчастье, и он ушел со своей особой стражей, чтобы не быть свидетелем неизбежной гибели своих подданных. Примерно в третий час дня попавшие в ловушку на том берегу реки подняли глаза и увидели конные отряды Альморавидов и испанских мусульман, намеревающихся сразиться с ними. Они настолько перепугались, что паника охватила всех их. В результате они лишились всего воинского искусства в бою. Они кричали через реку начальнику Толедо и графу Родриго, умоляя сжалиться над ними. Но эти военачальники отвечали им: «Вода поднялась так высоко, что перейти реку теперь совершенно невозможно. Исповедуйтесь в своих грехах, молитесь и приобщайтесь святых тайн. Господь да смилостивится над вашими душами».

(134) Христиане теперь были надежно защищены верой. Они подняли свое оружие и перебили всех пленников-неверных. Они убили даже женщин, детей и животных. Тотчас же приближающиеся рати обрушились на них и все христиане погибли. Уцелел один из них, и был он христианским рыцарем, который бросился в реку и был вынесен течением на берег. Все, кто лицезрел это чудо, и христиане, и мавры, были крайне поражены. Враги отрезали много голов у христиан. Затем они собрали добычу и ушли. Когда все закончилось, консулы снялись с лагеря и отправились к Императору. Они сообщили обо всем, что произошло, и в итоге он убыл в очень мрачном настроении. Он отправился в Толедо, а каждый из его воинов убыл в свои земли.

Провал нападения на Сорию; смерть графа Родриго Мартинеса

(135) В июле того же [1138] года Император вновь собрал свою придворную стражу, графа Родриго Леонского и саламанкцев, и они выступили на Сорию. Альфонсо намеревался захватить город. Сначала он устроил засаду на некотором расстоянии от стен. Затем он отправил в набег к городу отряды, чтобы захватить людей, женщин и весь домашний скот на полях. Когда враги внутри увидели это, они отважно вышли через городские ворота, преследуя христиан, которые сделали вид, что бегут. На самом же деле они хотели увести их подальше от города. Когда они прошли место, где скрывались христиане, Император появился на поле. Те, кто был в засаде, внезапно набросились на мавров и их вождей и убили их всех. Никто не выжил.

(136) Когда жители города Сории увидели происходящее за пределами стен, они быстро закрыли ворота и укрепили их тяжелыми балками. Император велел передвинуть лагерь как можно ближе к городу. Он разослал гонцов по всей Эстремадуре и Леону с приказаниями отправить всю конницу и пехоту для блокады Сории. Если кто-либо отказывался прийти, Император был очень недоволен этим человеком и вся его собственность конфисковывалась. Христианские военачальники соорудили высокие деревянные башни, которые и впрямь превышали в высоту городские стены. Все это вылилось в такую отличную блокаду, что никто из врагов не мог ни войти в город, ни покинуть его. Христианские войска также привезли машины и мантелеты, которыми намеревались покорить город.

(137) Император созвал военачальников и велел им подготовить военные машины для штурма города. Сам он отправился с охотниками в горы, в поисках оленей, вепрей и медведей. Утром начался штурм. Консул Родриго Мартинес сам забрался на одну из деревянных башен. Многие рыцари, лучники и пращники вошли с ним на башню. Тогда один из врагов по чистой случайности выстрелили из лука в ту башню, где находился консул. По грехам нашим, стрела нашла свою цель с другой стороны плетенки. Наконечник стрелы нашел шею консула. Он пронзил его шлем и броню и ранил его.

(138) Тем не менее, консул, поняв, что он ранен, быстро ухватился за наконечник стрелы и вытащил его. Тотчас же ему стало хуже. Ни заклинатели, ни врачи не смогли остановить кровотечение. В конце концов,

Родриго сказал окружавшим его: «Унесите мое оружие, ибо я крайне пал духом». Тут же они забрали его оружие и унесли его в его шатер. Весь день они пытались залечить его рану. Но медицина оказалась бессильна, и примерно во время захода солнца он умер. Когда новости о его смерти разнеслись по лагерю, каждый пережил ужасное утро – более страшное, чем кто-либо может вообразить. Когда Император возвратился с гор, ему сообщили о смерти консула. Он узнал об этом, когда въезжал в лагерь. Альфонсо собрал всех советников и в их присутствии назначил консулом на его место Осорио, брата Родриго.

(139) На следующий день Император осознал свои многочисленные неудачи в этом походе. Итак, покоровшись судьбе, он отступил от осажденного города. Его знать отправилась вместе с ним. Он прибыл в Саламанку, а другие благополучно вернулись каждый к себе домой. Граф Осорио, новый консул, отвез тело брата в Леон. Его сопровождал как его собственный военный отряд, так и дружина его брата. В каждом городе оплакивали смерть Родриго Мартинеса. В Леоне его похоронили с почестями в склепе его отца близ базилики Св. Марии. Могила находилась вблизи от епископского престола.

Тешуфин возвращается в Морокко

(140) После этих событий король Тешуфин пересек Средиземное море и прибыл в город Морокко в дом своего отца, короля Али. С собой он забрал многих христиан. Их называли мосарабами, и были то христиане, что веками жили на юге Испании под владычеством мусульман. Он увез с собой всех пленников, которых он захватил, пребывая на полуострове, и разместил их по городам и замкам вместе с прочими пленниками-христианами. Они должны были противостоять Альмохадам, которые нападали на все владения Альморавидов в Северной Африке.

Грабежи на границе; потеря Моря

(141) Через несколько лет король Кордовы Асуэль и король Севильи Абенсета и прочие вожди неверных на юге собрали большое воинство. Они вернулись к городам, что лежали на толедской границе. Они убили многих и нанесли большой ущерб в Эскалоне и в Алаmine. Они захватили замок Мора из-за беспечности Муньо Альфонсо. Я говорю о беспечности, поелику он не был ни должным образом защищен, ни снабжен припасами, чтобы выдержать крупномасштабные атаки. По этой причине враги захватили его. Они укрепили его отважными людьми и снабдили его припасами.

(142) Надо отметить, что, когда войско Альморавидов и испанских мавров пришло на земли окрест Толедо и его городов, оно не осталось там надолго. Скорее оно пробыло там весь день и ночь, после чего сразу же вернулось домой. Это войско наступало на юг так быстро потому, что боялось Императора и его рыцарей, что жили в Авиле, Сеговии и в Эстремадуре.

Отмщение за захват Моря; набеги Муньо Альфонсо

(143) Когда Император узнал, что Мора захвачена врагами, он отправился туда и выстроил другой замок напротив ее. Этот замок (назвали) Пенья Негра [Черный Утес] и он был крепче, нежели замок Мора. Он укрепил его очень энергичными рыцарями и пехотинцами и снабдил его многими припасами. Он поручил этот замок Мартину Фернандесу. Впоследствии он ежедневно нападал на обитателей замка Мора, пока Император не отбил его. Лишившись Моря, Муньо Альфонсо стыдился предстать перед Императором. Однако, он предпринял довольно опасный поход со своими соратниками из Толедо, Гвадалахары, Талаверы, Мадрида, Авилы, Сеговии и иных городов. Он продвигался в походах против Альморавидов и испанских мусульман все дальше на юг. Он наносил великий урон и опустошения и увозил огромную добычу. Он сражался со многими мусульманскими вождями, и он поразил и убил многих из них.

(144) Поняв, что Муньо Альфонсо славный воин, Император повелел ему прибыть к его двору, где он получит награду за свои отважные деяния. Он назначил его помощником наместника Толедо и приказал всей коннице и пехоте в районе Транс-Сьерры подчиняться ему. Они уже знали о его выдающихся подвигах и военном умении, благодаря многим битвам, в которых они сражались с ним на юге. Но Альморавиды и испанские мусульмане в Орехе все еще служили причиной немалых бедствий в окрестностях Толедо и всех его городов.

Император приказывает наместнику Толедо, Родриго Фернандесу, и его брату Гутьерре блокировать Ореху

(145) В тринадцатый год своего правления [1139] осознал Император Альфонсо, что Господь дал ему немногую передышку от его врагов. Он совещался со своими советниками, и велел своим двум наместникам, Гутьерре Фернандесу и его брату, Родриго Фернандесу, напасть на замок Ореху. Они должны были сделать это в апреле. Каждый должен был привести свое войско, а также всех рыцарей и пехотинцев из Толедо и из городов в области Транс-Сьерры. Также должны были явиться и войска из Эстремадуры.

(146) Тогда Император собрал всех воинов из Галисии, Леона и Кастилии. Их сопровождало большое число пехотинцев. Все они присоединились к нему и отправились под Ореху. В крепости пребывал знаменитый предводитель неверных Али. Он был печально известен убийствами христиан и их вождей в области Транс-Сьерры. Его сопровождало большое количество лучников, всадников и немало пехотинцев. Среди них были как Альморавиды, так и испанские мусульмане. Замок в Орехе был крайне прочным и хорошо защищен всякого рода оружием. Особое значение придавалось катапультам, метавшим большие камни. Император приказал своим ремесленникам выстроить несколько военных машин для штурма замка. Кроме того, он повелел

выставить вдоль берега реки стражу, чтобы отрезать врагов от воды. Особый мантелет поставили на реке в особом месте, где мавры привыкли тайно брать воду.

Попытки врагов помочь замку; оборона Толедо императрицей

(147) Когда короли на юге услышали об осаде, они были крайне встревожены. Особенно гневались Асуэль Кордовский и Абенсета Севильский. Абенгания, возглавлявший войско Валенсии, также был обеспокоен. Они призвали других королей и военных предводителей юга и собрали всю имевшуюся в наличии конницу и пехоту. Они даже получили военную помощь с морских островов. Король Тешуфин выслал большое войско Альморавидов из Марокко. Наконец, к ним присоединился арьергард из пехотинцев, за которым следовало множество верблюдов, нагруженных мукой и всевозможными съестными припасами. Было их примерно тридцать тысяч всадников. Пехоты же и лучников было без счета.

(148) Они вышли из Кордовы и начали путь вдоль главной дороги, что ведет к Толедо. Они стали лагерем, достигнув истоков реки Альходор. Там Абенгания со своей конной гвардией стал в засаде. Если бы Император пришел дать им бой, им было велено идти прямо к его лагерю. Там они должны были поджечь его и перебить всех его воинов. Они должны были усилить замок в Орехе конницей и пехотой. Также они должны были снабдить его провиантом, который несли с собой, и пополнить их запасы воды. Затем они должны были следовать до условленного места и объединиться с остальными. Отсюда они собирались отправиться к Толедо и ждать Императора, чтобы сразиться с ним.

(149) Однако, разведчики Альфонсо явились в его лагерь и, в присутствии его знати и советников, сообщили ему о передвижениях и замыслах врагов. Словно вдохновленные свыше, все они решили не сражаться с маврами, но ждать их в лагере, даже если они потеряют замок. Огромное войско Альморавидов и испанских мусульман приблизилось к Толедо и направило острие своей атаки на Сан-Сервандо. Высокие башни не были разрушены, хотя они снесли одну из них, поменьше, расположенную напротив замка. То была сторожевая башня, и погибли только четверо христиан. Многие из врагов тогда отправились в Асеку. Однако, они не причинили там никакого ущерба.

(150) В конце концов, вражеское войско начало уничтожать виноградники и сады. Однако, в Толедо пребывала Императрица Беренгария, со многими рыцарями, лучниками и пехотинцами, которые охраняли ворота и стены города. Увидев, что делают мавры, она выслала гонцов к их королям с таким посланием: «Ваша Императрица, супруга Императора, спрашивает: знаете ли вы, что ведете войну с женщиной и что невелика честь для вас [воевать против меня]? Если уж вы хотите битвы, то идите к Орехе и сражайтесь с Императором, который ждет вас с оружием в руках и урядив полки». Когда вражеские правители услышали это послание, они подняли глаза и увидели Императрицу, восседавшую на королевском троне на высокой башне алькасаара. И украшения, и свита ее, всё было, как подобает Императрице. Ее окружали многочисленные знатные дамы, певшие под звуки цитр, люгней, цимбал и псалтерионов. Увидев ее, мавры не только были совершенно изумлены, но также и пристыжены. Они склонили головы перед Императрицей, отступили и более не причиняли вреда землям. Они собрали свои войска, которые находились в засаде, и вернулись в свои земли без победы и без чести.

Завершение осады; заключение договора

(151) Тем временем Император повелел поставить вдоль реки стражу, так что враги не могли пополнять свои истощавшиеся запасы воды. Эти стражники поставили особый мантелет в месте, где тайно брали воду. Мавры вышли из замка и подожгли его, поскольку его никто не охранял. Находившимся внутри замка людям не удалось покинуть его после этих событий, и они ужасно страдали от голода. Многие из них умерли из-за отсутствия пищи и воды. Водохранилища полностью высохли, и воды негде было достать. Мастера Императора выставили против замка осадные машины и военные приспособления и начали рушить его башни.

(152) Али увидел это и посоветовался со своими советниками, после чего он отправил Альфонсо следующее послание: «Позволь нам прийти к соглашению благодаря мирному договору. Дай нам времени один месяц, чтобы мы могли вновь отправить гонца через море королю Тешуфину и всем испанским мусульманам с этой стороны моря. Если никто не пожелает прийти нам на помощь, мы выйдем и возвратим твой замок тебе. Тогда ты позволишь нам мирно уйти, взяв все наше добро, в наш город Калатраву». Император ответил: «Я заключу с вами следующее соглашение: дайте мне пятнадцать ваших знатных людей в заложники, за исключением Али. Если никто не придет к вам на защиту, мы передадим мой замок мне. Ваши катапульты и все ваше оружие и богатства останутся в замке. Вам будет дозволено взять с собою только свое личное имущество. Христианские пленники в ваших темницах останутся в замке, их будут кормить мои люди за мой счет». Хотя и нехотя, но Али и его люди приняли условия договора и отдали заложников Императору. Их немедленно отправили под стражей в Толедо. Али поклялся, что выполнит каждое условие договора. Император также дал согласие.

Сдача замка

(154) Ранним утром последнего дня месяца замок сдался. Башни заполнили христианские рыцари, и королевские знамена поднялись на самой высокой из них. Державшие знамена кричали так громко, как только могли, «Да здравствует Альфонсо, Император Леона и Толедо!». Когда епископы и весь клир увидели это, они подняли руки к небу и сказали: «Хвала тебе, Господи, признаем величие Твое».

(155) Али и его воины вышли из замка, забрав только то, что принадлежало им лично. Они оставили там всех христианских пленников, и с ними – все свои богатства. Они прошествовали к Императору, который мирно принял их. Несколько дней они были его гостями в лагере. Тем временем заложники возвратились к ним. После этого Император позволил им вернуться в Калатраву. Граф Родриго сопровождал их, чтобы защитить от жителей области Толедо, желавших убить их.

(156) Осада сего замка началась в апреле месяце, и сдался он Альфонсо в октябре 1177 года Испанской эры [=1139 г. от Р.Х.]. Так было забыто всякое бесчестье, что было связано с потерей замка. То была крупнейшая кампания, которая велась на землях и Толедо, и Эстремадуры. Впоследствии Император велел укрепить замок отрядом рыцарей и пехотинцев, военными машинами и всякого рода оружием. Запасы воды, как и продовольствия, были пополнены. Все войско со всеми его знатными людьми и военачальниками разошлось по домам, воспевая и восхваляя Господа, ибо великая победа досталась через слуг Его, Альфонсо Императора.

Встреча Императора в Толедо по его возвращении из Орехи

(157) После этих событий, Император решил вернуться в Толедо. Когда было объявлено о его прибытии, все главы христиан, мавров и иудеев и все простолюдины города вышли ему навстречу с тамбуринами, лютнями, псалтерионами и многими другими музыкальными инструментами. Каждый на своем языке восхвалял и прославлял Господа, который помог всем начинаниям Императора. Они говорили: «Да благословен будет он, кто пришел во имя Господа, и да благословен ты и твоя жена и твои дети и королевство твоих отцов, и да благословлены будут твои сострадание и терпение».

(158) В стенах города Раймундо, архиепископ Толедо, возглавил долгий ход клириков и монахов на рыночную площадь города и приветствовал Императора. Они отправились в церковь Св. Марии, и в течение этого времени епископ распевал «Из страха перед Всевышним следуем его заповедям». После молитвы архиепископа, Альфонсо убыл в алькасар в королевском дворце и оставался там несколько дней. Затем он посетил города и замки в области Толедо. Во время этого посещения он предпринял поход, чтобы укрепить правосудие в империи, принеся смерть всем преступникам. В результате, по всей Эстремадуре преследовали и карали злодеев. Благодаря Императору, правосудие, мир и добродетель разнеслись повсюду, и все граждане его королевства были обрадованы столь благоприятным положением дел.

Отвоение Сории [июнь 1142]

(159) После захвата Орехи прошли два года и шесть месяцев, когда Император обратил свое внимание на Сорию. Он разбил лагерь вокруг города и повелел своим мастерам соорудить деревянную башню, которая высотой превзошла бы стены города. Затем они начали подкапываться под стены и рушить башни военными машинами и мантелетами. Альморавиды и испанские мавры в Сории были совершенно запуганы этими действиями. Первоначально они укрепили ворота прочной дополнительной стеной, тем самым воспрепятствовав входу, и выходу. Наконец, ужасный голод овладел городом, и многие из врагов погибли от истощения.

(160) Когда Альморавиды поняли, что нет никакой возможности выжить, они попросили у Императора мира на следующих условиях: Им предоставят времени тридцать дней на то, чтобы убедиться, могут ли они получить помощь извне и быть освобождены. Если они не получают помощи, они мирно сдадут город, выдав всех пленников и богатства. Альфонсо и все его советники приняли предложение. По соглашению, Альморавиды отправили гонцов Тешуфину, Абенсете и Асуэлю. Посланники изложили события, предшествующие мирному договору, а также условия соглашения между Императором и Альморавидами из замка. Поелику король Тешуфин и прочие правители не могли оказать им никакой помощи, они велели им сдаваться и спасать свои жизни. Это очень опечалило Тешуфина. Они велели им исполнить все требования Императора в договоре. Что и было сделано, и весьма своевременно.

(161) Когда город был передан Альфонсо, он был очищен от всякой магометанской скверны. Город и храм были омыты от всякого загрязнения их неверными. Церковь посвятили Св. Марии и всем святым. Посвятили в сан епископа благочестивого человека, чье имя было Наварро Так город вернулся к своему прежнему состоянию, когда епископская кафедра пребывала там во времена архиепископа Ильдефонса и короля Рекареда. В то время все земли от берегов Средиземного моря до Атлантического океана на севере были христианскими. Город Сория был отвоен в 1181 году Испанской эры [на самом деле, 1180 год = 1142 г. от Р.Х.]. После того, как Императору достались Божьей помощью столь потрясающие победы, он с почетом и в мире вернулся в Саламанку со всем своим воинством, восхваляя Господа, милость коего вечна.

Устрашенные Альморавиды покидают замок Альбалате, оставляя его пустым; победа Муньо Альфонсо при Монтеле

(162) Когда Альморавиды и испанские мавры в Альбалате услышали, что Сория пала, они были объаты ужасом и оставили свой замок. Они ушли, оставив его совершенно пустым. Христиане из Авилы и из Саламанки пришли и сравняли его с землей. В течение следующего года Муньо Альфонсо, наместник Толедо, отобрал девятьсот рыцарей и тысячу храбрейших пехотинцев из Толедо, Авилы, Сеговии и соседних городов. Этот знатный человек был очень деятельным вождем, посвятившим себя войне. По своему обычаю, он повел свое войско на центральную равнину Кордовы и стал там лагерем. Пребывая в этой области, он захватил большое количество золота, серебра и прочих богатств. Также ему досталось немало пленных. Во время этого

похода многие погибли на равнине в окрестностях Кордовы. Однако одному пленнику удалось бежать к королю Асуэлю Кордовскому и королю Севильи Абенсете. Оба этих правителя в то время были вместе. Они замыслили поход в земли христиан, намереваясь в первую очередь поразить Толедо. Однако, они еще не приняли окончательного решения, как вдруг внезапно появился пленник, спасшийся от христиан. Он сообщил им обо всем, относящемся к последним христианским победам в окрестностях Кордовы.

(163) Узнав об этом, они немедленно подняли тревогу по всей равнине Кордовы, Кармоны и Севильи. За сим извещением последовал общий призыв ополчения. Звуки барабанов и труб раздавались по всем городам, замкам и деревням. В итоге, тысячи всадников, пехотинцев и лучников пустились в погоню за христианскими воинами. Однако, Муньо Альфонсо, всегда бывший настороже, увидел большой отряд неприятелей, готовый к бою. Их королевские знамена были подняты для битвы и прочие войска присоединились к ним, включая арьергард.

(164) Муньо Альфонсо тут же опознал в них рати королей Асуэля Кордовского и Абенсеты Севильского. Он обратился к своим воинам с такими словами: «Короли Альморавидов преследуют нас с большой силой конницы и пехоты. Мы же выдвинем наше войско во фруктовые сады округ Монтиеля. Там мы соберем все наши силы в боевой порядок и будем ждать врага». Христианское войско проследовало до того места и разбило там лагерь. Все воины преклонили колени и помолились следующим образом: «О, Иисус из Назарета, кто висел на кресте и проливал кровь ради нас, рати неверных объединились, чтобы погубить нас. Смилуйся над нами и избави нас, о, могущественная Дева Мария. Заступись за нас перед сыном Твоим, Господом нашим, Иисусом Христом. Спаси нас, и мы честно отдадим твоей церкви в Толедо десятину со всего того, что ты дала или отдашь нам. Святой Иаков, апостол Христов, оборони нас в битве, чтобы мы не могли пасть в этой страшной сече».

(165) Закончив молиться, Муньо Альфонсо выстроил их сомкнутым строем против мавров. Вновь Муньо обратился к своему войску: «О, чада христиан, мужайтесь и сражайтесь смело и решительно с Абенсетой, королем Севильи, который известен как храбрый среди врагов. Если Абенсета будет разбит или убит, все они потерпят поражение. Я убежден, что никто из вас не погибнет в бегстве, ибо для нас лучше пасть вместе в бою, чем умереть, разбежавшись в беспорядке. Соратники мои, помните, что шестьдесят два рыцаря и я (одни из них здесь со мной, другие остались дома) сражались с королем Тешуфином и со всем войском Кордовы на поле Альмодавар де Тендас. Господь отдал их в десницы наши, и были они разбиты. Тешуфин бежал, многие из его вождей и воинов были убиты, остатки войска отступили, но лишь один из нас пал в бою. Мы взяли у них бесчисленную добычу и с миром вернулись в свой город. Помните, что Господь столь же легко отдает многих в руки немногих, как и немногих в руки многих. Так да исполнится воля Господня». Затем они причастились на мессе, отправляемой клириками, сопровождавшими их.

(166) Полки Альморавидов и испанских мавров, над которыми развевались королевские знамена, приблизились и выстроились грозными порядками против христиан. Король Абенсета понял, что мало христиан. В их рядах не было видно знамен магнатов, и только флаг Муньо Альфонсо, наместника Толедо, веял над ними. Тогда Абенсета обратился к окружающим, отметив обратное в своих войсках: «О, глупцы христиане, собачьи дети, как это вы пришли лишиться своих голов?». Но в это самое время начался бой. На Абенсету тут же напали два толедских рыцаря, Педро Альгвасил и Роберто Монхомарис. Он был убит и обезглавлен.

(167) Король Асуэль увидел этот и внезапно развернулся [и бежал]. Остальные вражеские предводители и их воины отступали через горы. Они бежали туда и скрывались в пещерах или среди скал. Но их преследовали Муньо Альфонсо и его христианская дружина. Спасаясь бегством, Асуэль был сброшен на землю и обезглавлен Муньо Альфонсо. Было почти что невозможно счесть тела павших. Кроме того, многие из неприятельских вождей были взяты в плен. Христиане захватили столько пехотинцев, сколько они могли удержать.

(168) Среди добычи оказалось много золота и серебра, королевские знамена и многие драгоценные одежды, великолепное оружие, мулы и верблюды, нагруженные многими другими сокровищами. Головы королей поместили на древки королевских знамен. Головы вражеских магнатов и вождей сажали на копья. Муньо Альфонсо велел завернуть тела королей в тончайшие шелковые одеяния и положить на зеленоющем поле и оставить там стражу из врагов, пока их не заберут оттуда. Христиане вернулись в свой лагерь, распевая молитвы и благословляя Господа, ибо милость его вечна.

Триумфальный въезд Муньо Альфонсо в Толедо

(169) Утром следующего дня Муньо Альфонсо и его соратники свернули лагерь и выступили в Толедо. Они вошли в город через Альянтарские врата. Впереди их развевались [трофейные] королевские знамена с головами королей на навершиях. Затем шли благородные мавританские рыцари в цепях; затем мавры-простолюдины со связанными сзади руками. За ним следовали христианские пехотинцы, ведущие королевских коней и мулов магнатов и военачальников. На всех их были седла, роскошно отделанные золотом и серебром. В конце [процессии] двигались верблюды и мулы, нагруженные трофейным оружием и всей добычей.

(170) Вся победоносная процессия остановилась у врат церкви Св. Марии. Там их поджидали Императрица Беренгария, Раймундо, архиепископ Толедо, весь клир, рыцари города и весь люд. Они пришли посмотреть на плоды столь чудесной победы. Они были поражены, увидев головы неверных королей,

водруженные на королевские знамена. Все они вступили в церковь, распевая радостно *Te Deum*. Архиепископ благословил их, и все они разошлись по домам.

(171) На следующий день рано утром Императрица, Муньо Альфонсо и его сотоварищи отправили Императору, пребывавшему в Сеговии, послание: «Скачи без промедления в твой дом в Толедо. Здесь ты увидишь плоды великой победы, которой Господь свершил для тебя и всего твоего королевства». Услышав об этом, Император был весьма обрадован и тут же пустился в путь.

(172) Когда Муньо Альфонсо и его победоносные воины услышали, что Император приближается, они вышли навстречу ему на некотором расстоянии от города. Первыми несли королевские знамена с водруженными наверх их древков головами королей. За ними шествовали победители. Потом появились головы знатных людей и вождей на копьях. Вражеские рыцари шагали позади всех в цепях. Вослед рыцарям шли мавры-пленники. У всех у них руки были связаны сзади. Затем двигались королевские кони, мулы прочих военачальников и все захваченное оружие. Вьючные животные и верблюды, нагруженные добычей, завершали шествие. Когда Император узрел все это, особенно головы королей на верху знамен, он был крайне удивлен. Немедля он возблагодарил Господа: «Да благословен будет Господь Бог, Творец всего сущего, грозный и могущественный, справедливый и милостивый, и Он один предвечен. Он тот, кто спас всех вас от меча сих королей, И Он всегда избавит меня и всех верных ему от всякого зла».

(173) Тогда они вернулись в город и прибыли в королевский дворец. Сначала, как и было обещано, все отдали Господу и церкви Св. Марии десятину. По обычаю, они отдали Императору пятину от всего того, что принадлежало неприятельским королям. Они также вручили ему королевские знамена, несколько лошадей и многочисленные иные дары. Из общей добычи они отложили драгоценные вещи, которые отослали церкви Св. Иакова в Компостелу. Остальная добыча была поделена согласно обычаю между Муньо Альфонсо и его соратниками.

(174) Муньо Альфонсо велел подвесить на верху алькасаара Толедо головы королей и головы магнатов и предводителей. Так и сделали, чтобы показать христианам, Альморавидам и испанским маврам божественную помощь, отдавшую им победу. Однако, через несколько дней Императрица из сострадания приказала снять головы. Она повелела иудейским и магометанским врачам смазать их миррисом и алоэ, обернуть в тончайшие ткани и отправить в ящиках из серебра и золота на юг. Их с почетом отвезли в Кордову, где отдали супругам этих королей. Эта победа была одержана в марте месяце, в 1181 году Испанской эры [=1143 от Р.Х.].

Абенгания назначен правителем магометанской Испании

(175) Когда Тешуфин услышал, что правители южной Испании убиты, он и все его королевство были очень удручены. Новости также вызвали немалое политическое замешательство. Тешуфин созвал всех знатных людей христиан, что были при его дворе, а также Альморавидских и арабских нобилей, которые были его советниками. Он спросил у них, что они думают относительно оставшейся без правителя южной Испании. Они единогласно посоветовали ему назначить правителем этой области Абенганию. Они настаивали на том, что нет более опытного человека для этой должности назначения, будь то в Северной Африке, или в южной Испании. Абенгания был верным другом Тешуфина, и находился тогда при его дворе. Поэтому король поручил ему наместничать в Кордове, Кармоне, Севилье, Гранаде и править всей страной, принадлежащей испанским мусульманам. Тешуфин велел Абенгании взять из его казны побольше золота и серебра. Он должен был употребить эти средства на поход в земли христиан с тем, чтобы отомстить за смерть мавританских королей, недавно убитых там. Абенгании велено было не щадить ни одну из христианских земель и привести каждый укрепленный христианский город под власть короля Тешуфина.

Поход Императора на Кордову и Севилью

(176) В том же самом году, в котором случились вышепомянутые битвы, Император созвал большое войско рыцарей, пехоты и лучников, и под его началом все они стали лагерем близ реки Тахо в Толедо. Он призвал двух военачальников, Муньо Альфонсо, правителя Толедо, и Мартина Фернандеса, наместника Иты. Он велел им заботиться о землях и населении и пребывать самим в Пенья Негра (город, прозванный Пенья Кристиана [Христианский Утес]). Они должны были особенно печься о том, чтобы Альморавиды не пришли и не укрепили замок в Море.

(177) Король Альфонсо и его войско выступили в окрестности Толедо. Было время жатвы, поэтому они подпалили все поля и срубили все фруктовые деревья. Действительно, они предали огню все области близ Кордовы, Кармоны и Севильи, и вся земля была опустошена. Они сожгли виноградники, оливковые рощи и фиговые деревья, и ничего там не оставили [после себя], кроме крепких городов. Император убил многих и увез множество пленников и большую добычу.

Поражение и гибель Муньо Альфонсо

(178) Пока Император был на юге, вождь Фарас, наместник Калатравы, замыслил напасть на окрестности Толедо. Все военачальники неверных, которые сидели в землях до реки Гвадалквивир, объединились с Фарасом. Они намеревались укрепить замок Мору и заманить Муньо Альфонсо в засаду, и убить его и всех его соратников, что были в замке Пенья Негра.

(179) Незадолго до рассвета в первый день августа Муньо Альфонсо покинул замок Пенья Негра. Сорок рыцарей из Толедо сопровождали его. Для обороны замка он оставил своего соратника, Мартина Фернандеса. Муньо Альфонсо и его рыцари двинулись в горы близ Калатравы, чтобы разведать передвижения неприятеля в

этой области. Выполняя эту задачу, они заметили молодого мавра, скрывавшегося в пещере в горах. Они тут же схватили его. Его доставили к Муньо Альфонсо, который спросил [пленника], кто его военачальник, откуда он и что он здесь делает. Пленник ответил, что он магометанин, служащий Фарасу, главе Калатравы. Он был отправлен шпионить за христианами. Когда же его спросили о действиях Фараса, он ответил, что его вождь неподалеку с большим войском и многочисленными животными, везущими продовольствие для снабжения замка Мора. Он указал, что Фарас действительно сопровождает войско с припасами, и что под его началом около четырех тысяч воинов. Пленник рассказал Муньо Альфонсо, что их цель – убить его и его товарищей. Он еще говорил, когда внезапно появился авангард неприятеля. Муньо Альфонсо и его рыцари немедленно вступили с ним в бой. Мавры скоро были разбиты и отступили. Многие из них пали там, а прочие рассеялись во время отступления, оставив немало добычи на поле брани.

(180) После этого Муньо Альфонсо вернулся в Пенья Негра и сообщил Мартину Фернандесу о событиях. Он также предупредил, что Фарас приближается с большим войском, чтобы воевать с ними. Немного поразмыслив, они вместе вкусили хлеба и выпили вина. Затем Муньо Альфонсо, Мартин Фернандес и все их рыцари оставили лагерь и собрали свои войска, чтобы встретить неверных в битве. Они нашли врагов готовыми к бою у истоков реки Альходор. Начался бой, и многие пали с обеих сторон, и Мартин Фернандес был ранен. Тогда оба войска разошлись, и их разделяло большое открытое пространство.

(181) Поняв, что на сей раз превосходство не на их стороне, Муньо Альфонсо молвил Мартину Фернандесу: «Дон Мартин, ты и твои воины немедленно отправятся в Пенья Негра. Усердно защищайте ее, если Альморавиды появятся с другого направления и займут замок. Это крайне расстроит нашего Императора. Мои соратники и я будем сражаться и предоставим остальных воле Господней». Мартин Фернандес и его воины вернулись в замок, чтобы оборонять его. Муньо Альфонсо тогда обратился к своему пасынку, которого он посвятил в начале этого года в рыцари: «Уходи в Толедо в дом своей матери и защищай ее, других моих сыновей и твоих братьев. Я молюсь, чтобы твоя мать не лишилась нас обоих в один и тот же день». Но пасынок отказался уйти и настаивал, что он лучше погибнет на стороне Муньо Альфонсо. Тогда разгневанный Муньо ударил его древком копья и, хотя и неохотно, пасынок в слезах отправился в Толедо.

(182) В это время Альморавиды вернулись, чтобы атаковать Муньо Альфонсо и его соратников. Многие были ранены с обеих сторон в этой второй брани. Когда Муньо убедился в том, что противник сильно теснит на поле его и его людей, они взобрались на некую скалу, именуемую Пенья дель Куэрво [Вороний Утес]. Вражеские лучники настigli Муньо и напали на него, он был ранен и умер. Все его воины пали рядом с ним. Большинство неприятельских военачальников тоже погибли.

(183) Фарас, предводитель мавров, прибыл и обезглавил Муньо Альфонсо. Он также отрезал его правую руку с плечом и его правую ступню с ногой. Он снял с него все оружие и обернул его тело в чистые одеяния. Многие другие христианские рыцари были тоже обезглавлены. Голова Муньо Альфонсо была отослана в Кордову в дом вдовы короля Асуэля, а потом в Севилью, в дом короля Абенсеты. После этого ее отвезли в Северную Африку королю Тешуфину, так что о смерти Муньо Альфонсо узнали во всей земле неверных. Рука и ступня и головы других рыцарей были вывешены на самых высоких башнях Калатравы.

Прославление Муньо Альфонсо

(184) Когда горожане Толедо получили вести о вражеском успехе, они возвратили обратно тело Муньо Альфонсо и тела его соратников. Они погребли их на кладбище Св. Марии в Толедо. Несколько дней вдовы погибших навещали кладбище. Они громко рыдали и выражали свое горе так: «О, Муньо Альфонсо, мы скорбим по тебе. Как женщина любит своего мужа, так и город Толедо любил тебя. В бою твой щит никогда не отворачивался, а твое копье никогда не обращалось назад. Твой меч всегда достигал великих побед. Не объявляйте о его смерти ни в Кордове и Севилье, ни в доме короля Тешуфина, чтобы не возрадовались дочери сарацинов, а дочери Толедо скорбели».

(185) Надо заметить, что Муньо Альфонсо и сопровождающие его воины встретили свой конец из-за очень тяжкого греха, который совершил Муньо. Он убил свою дочь, отпрыска своей законной жены. Он поступил так потому, что она общалась с неким юношей. Он не пожалел свою дочь, как Господь жалел его во всех битвах, в которых он сражался. Он забыл о женщине, обвиненной в сожительстве, которую грамотеи и фарисеи представили пред очи Господа и которую они хотели забросать камнями. Господь сказал им: «Пусть тот из вас, кто сам без греха, первым бросит в нее камень». Однако, Муньо Альфонсо раскаивался в своем грехе всю свою жизнь. Он даже хотел совершить паломничество в Иерусалим. Но архиепископ Толедо, Раймундо, и прочие клирики наложили на него епитимью – постоянно воевать с неверными. Церковь поступила так по просьбе Императора. Муньо благочестиво нес покаяние, пока не был убит маврами.

Возвращение Императора

(186) Когда случились описанные выше события, Император двигался по окрестностям Кордовы, Кармоны и Севильи. Он возвращался из этой области южной Испании, одержав там большую победу над врагом. Когда он прибыл на примыкающие к Талавере земли и стал лагерем на равнинах близ реки Тахо, рыцари из Талаверы прибыли к нему с визитом. С ним было их окружение. Император узнал от них о смерти Муньо Альфонсо, и был крайне огорчен этими вестями. Знатные люди и королевские советники увидели великую печаль Императора. Они пришли и стали вокруг него и молвили ему, что в королевстве его есть немало подобных Муньо Альфонсо людей, а есть даже и те, кто лучше его. Сказали они, что удача,

сопутствовавшая Муньо, была его удачей и оставалась с ним до последнего дня его жизни. Так должно было быть, ибо Господь говорил, что никто в королевстве не должен быть столь же преуспевающим и удачливым, как Император. Услышав это, Альфонсо думал о его значении примерно полчаса. Затем он обратился к воинам, повелев каждому вернуться к себе домой. В следующем году все войска из Галисии, Леона, Кастилии и Эстремадуры должны были присоединиться к нему в Толедо в середине сентября. После того, как воины услышали это, они разошлись по домам.

Поход Императора в Андалусию; недовольство Альморавидами

(187) В конце 1182 года Испанской эры [= 1144 г. от Р.Х.] все военачальники Императора прибыли в Толедо, каждый со своим отрядом. Сопровождение короля и все наместники прибыли, как и воины Эстремадуры. Император созвал свое войско и отправил крупные отряды в набег перед собой по всем окрестностям Кордовы, Кармоны, Севильи и Гранады. Они опустошили все земли близ Базсы и Убеды, и разорили поля близ Кордовы и Севильи. Они зашли на юг вплоть до Альмерии. Там они уничтожали все виноградники и рубили оливковые рощи, фиговые деревья и все фруктовые сады. За собой они оставляли пожары. Они также поджигали города, маленькие городки и небольшие деревни. Большая часть скота погибла в пламени. Они захватили мужчин, женщин и детей вместе с бесчисленными конскими табунами. Также им достались мулы, волы, коровы и весь скот с полей. Более богатая добыча состояла из золота, серебра и дорогих домашних вещей. Они взяли все это и все, до чего могли дотянуться. Они привезли эту добычу в целости и сохранности Императору в его лагерь у Гранады. Ничего не осталось в Андалусии от Альмерии до Калатравы, исключая немногих прочнейших городов. После грабежа, Император и его войско вернулись в Толедо, везя с собой добра в избытке. Они одержали важную победу на юге и обезопасили еще больше свои земли.

(188) Вожди испанских мусульман на юге и их народ поняли, что их постигли очередные неудачи. Они видели, что Император и его войско каждый год приходят в их владения. Они видели ежегодное опустошение их земель войсками Толедо, Сеговии, Авилы и Саламанки. Поэтому они собрались на площадях и в мечетях, чтобы поразмыслить над своими бедами. Во-первых, они окончательно убедились, что не смогут выстоять в войне с Императором и его ратями. Некоторые из них открыто высказывались и говорили, что Альморавиды захватили их лучшие земли и владения. Они забрали их золото и серебро, и похитили их женщин и детей. Испанские мавры, по этой причине, решили сразиться с Альморавидами и вытеснить их из Испании. Они хорошо понимали, что они не связаны с домом короля Тешуфина. Не было у них и прав наследования ни среди сынов Али, ни среди потомства его отца Йусуфа. Другие предлагали заключить мир с Императором. Также они советовали платить ему королевскую дань, как то делали их предки. Последний совет казался мудрым, но в то самое время они поняли, что им следует готовиться сражаться с африканцами. Они обратились к мечетям и молились, упрасывая Мухаммеда, их лжепророка, жалиться над ними. Они молились, чтобы он помог им и исполнил их замыслы. Затем отправились к королю Сафадоле и прочим потомкам королей испанских мусульман гонцы с просьбой прийти и воевать с Альморавидами.

Восстание против Альморавидов

(189) В октябре 1182 года [= 1144 г. от Р.Х.] Испанской эры Магомет, вождь испанских мусульман, из царского рода, перебил всех Альморавидов в Мертоле и в ее окрестностях. Затем, убиты были все Альморавиды в Валенсии, Мурсии, Лериде, Тортосе и в нескольких прочих местах. В то время король Сафадола и все горожане южных городов от Средиземноморского побережья до Толедо поднялись против Альморавидов, возглавляемых тогда Абенганией. Многие тысячи Альморавидов и испанских мусульман погибли во время восстания. Испанские мусульмане побеждали сначала и успешно вытеснили Абенганию и всех прочих Альморавидов из Кордовы. Также они изгнали их из многих других городов на юге. Хотя Абенгания, похоже, лишился власти в Кордове, он удержал самую высокую башню в городе. Его сторонникам далось то же самое в Монторо, Кармоне и Севилье. Все Альморавиды, которым удалось избежать мечей испанских мусульман, бежали к Абенгание и оказали ему значительную поддержку. Из-за этих поступков, многие погибли, и в южной Испании воцарился хаос. Положение напоминало то, что сложилось, когда неверные впервые пересекли Средиземное море и захватили эту землю.

Восстание в Кордове

(190) Жил тогда в Кордове мавританский священник, по имени Абен Амдин. Богаче его во всей Кордове не было никого. Его призвал к себе Фарас, предводитель Калатравы, вместе со всеми кордовскими знатными людьми и его родичами и друзьями. Они пришли к нему, и он предложил им устроить заговор и убить короля Сафадолу. Сафадола тем временем собрал всех своих верных христианских рыцарей и пехотинцев, и окружил себя ими. Он выступил с ними из Кордовы, и Фарас тоже оставил город. Позднее, когда они встретились, Сафадола молвил Фарасу: «Из-за того, что ты намеревался предать меня, я должен покончить с твоим заговором». Затем он обернулся к христианским воинам и велел им убить Фараса. Они тотчас исполнили его приказ.

Смерть Сафадолы

(191) Смерть Фараса заставила Абен Амдина и горожан Кордовы искать смерти Сафадолы. Поэтому они продолжали преследовать его. Он двинулся к Хаэну, а оттуда в Гранаду. Он неоднократно сражался с Альморавидами по пути, и захватил многие их города. Однако, Абен Амдин стал правителем Кордовы. Тогда Сафадола отправил гонцов к Императору, передав ему, что Убеда и Базса и соседние им города отказываются

подчиняться ему, а также не желают платить Императору дань. Получив известия об этом, Альфонсо призвал графов Понсио, Манрике и Арменхола, а также Мартина Фернандеса. Им он повелел не щадить никого из мятежников в этих городах.

(192) Они отправились на юг с большим войском. Они опустошили земли и подавили всякую активность мятежников. Взято было немало добычи и великое множество пленников. Когда тамошние жители поняли опасность своего положения, они отправили послов к Сафадоле. Они просили его помочь им защититься от нападений христиан. Было ясно, что если он это сделает, то они будут служить ему добровольно. Сафадола тут же появился с большой ратью. Он поставил воинов перед христианами, а сам мирно въехал в их лагерь. Он просил их вернуть ему всю их добычу и пленников. Затем он пообещал сопровождать их ко двору Императора. Там ему следовало бы покориться, какие бы приказы король Альфонсо не отдал ему. Графы отказались исполнить его просьбу. Они напомнили Сафадоле, что это он просил военной силы, чтобы подавить мятеж на юге. Это он жаждал истребления мятежных земель. Графы настаивали на том, что они исполняли недвусмысленный приказ Императора. Сафадола ответил, что если они не вернут ему добычу и пленников, он употребит против них военную мощь. Графы ответили, что настало время для такой битвы. Тут же выстроились войска, и начался ожесточенный бой.

(193) Наконец войска под началом Сафадолы начали отступать, и были разбиты. Во время битвы сам Сафадола был захвачен христианами. Когда его удерживали, мимо проезжал другой отряд рыцарей. Они опознали Сафадолу и, руководствуясь своими религиозными чувствами, убили его. Когда графы узнали, что произошло, они были очень обеспокоены. В королевский город Леон отправились гонцы, дабы сообщить Императору о последних событиях во время похода. Услышав о смерти Сафадолы, Альфонсо крайне расстроился. Он объявил о своей непричастности к смерти своего друга. И христиане, и мавры от реки Иордан в Аравии до Атлантического океана узнали, что Император никогда не замышлял убить короля Сафадолу.

Абен Амдин просит помощи у Императора

(194) Абен Амдин, правитель Кордовы, не смог выстоять в войне с Абенганией и Альморавидами. Он и его друзья бежали в Андухар, где их приняли горожане. Абенгания преследовал их и осадил Андухар. Сначала он набрал катапульта, военных машин и осадных приспособлений. Затем он атаковал Абен Амдина и тех, кто был в городе. Увидев серьезность положения, Абен Амдин отправил к Императору гонцов. Послание поведало ему об осаде Абенганией Андухара. Абен Амдин просил Альфонсо смилостивиться и прийти ему на выручку. Он уверил Императора, что после этого он и его друзья будут верно служить ему.

(195) Услышав это, Альфонсо призвал своего верного друга, Фернандо Хуанеса. Он был правителем Лимии и тем, кто помог Императору в Лимии во время войны его с королем Португалии. Фернандо было приказано взять рыцарей Императора столько, сколько он пожелает, и отправиться к Андухару. Он и Абен Амдин должны были защищать город, пока не подоспеет Альфонсо. Фернандо сразу же убыл с большим отрядом рыцарей. Увидев его, вступающим в город, Абен Амдин и горожане возрадовались. Фернандо и Абен Амдин объединили силы и сразились в нескольких битвах с Абенганией, иногда за городской стеной. Многие воины с обеих сторон погибли тогда.

Смерть Ревертера

(196) Когда случилась означенная кампания, умер Ревертер. Был он предводителем христиан в плену в Северной Африке при дворе короля Тешуфина. Все тамошние пленники-христиане осыпали себя пылью и грязью и оплакивали его смерть. В печали своей, они обращались к нему: «Ревертер, предводитель наш, щит наш и защита, почему ты покинул нас? На кого ты нас оставил? Теперь нападут Альмохады и убьют нас вместе с нашими женами и детьми». Даже король Тешуфин и весь его дом скорбели о смерти Ревертера.

Продвижение Альмохадов

(197) Абд аль-Мумин, неверный вождь Альмохадов, в то время содержал двор в Бужии и на горе Колоббар в Атласских горах Северной Африки. Он также правил несколькими другими народами в мусульманском мире. Услышал он о смерти Ревертера, и был очень доволен, ибо вел с ним ожесточенную войну какое-то время. Абд аль-Мумин немедленно выступил в земли короля Тешуфина с войском в более чем сто тысяч всадников. Его лучников и пехотинцев было столь много, что невозможно было счесть их. Крепкие города, и мусульманские, и христианские, пали. Многие были убиты, и вся земля, по которой прошло это огромное войско, была сожжена. Показав свою силу, Абд аль-Мумин обратился против города Марокко.

Смерть Тешуфина; завоевание Марокко Альмохадами

(198) Король Тешуфин был объят ужасом и весь трясся, когда слышал об успехах Альмохадов. Все его царство тоже содрогалось при известиях об этих победах. Тешуфин собрал всех христианских военачальников, бывших помощниками Ревертера, вождей своего народа и все свое войско. Он вышел навстречу Абд аль-Мумину, и бой был столь ожесточенным, что продолжался несколько дней. Наконец король Тешуфин был разбит и бежал. Он нашел убежище в некоем замке, но король Альмохадов преследовал его и окружил замок. Абд аль-Мумин поджег смоляные факелы, а потом с помощью катапульта и огненных стрел направил огонь на башню, где находился Тешуфин. Башня загорелась, и король Тешуфин погиб в огне. Многие христианские и Альморавидские князья, как и тысячи всадников и пеших воинов тоже погибли в пламени.

(199) Дом короля Али был приведен в немалое смятение. Положение было столь же угрожающим, как и в то время, когда Альморавиды начали править в Испании. Когда умер король Тешуфин, король Альмохадов

овладел несколькими замками и занял все укрепления, какие мог. Он преодолел защиту многих хорошо укрепленных городов, и убил там многих. Он укрепил за собой свои новые приобретения с помощью храбрых воинов, которые могли воевать в городах. Все, кто противился Абд аль-Мумину, были захвачены и сожжены с их женами и детьми.

(200) Когда Абенгания и все Альморавиды в Испании прослышали о смерти короля Тешуфина (а также о гибели многих сопровождавших его князей), они были ошеломлены, им неоткуда было более ждать помощи. Напротив, испанские мусульмане были весьма обрадованы этим событием. Император и его двор вовсе не сожалели о смерти Тешуфина...

(201)... Св. Иоанна Крестителя в месте, где ранее стояла синагога Сатаны. Епископ Бургоса умер во время осады, когда там был Император. Это случилось в день рождества Св. Иоанна Крестителя.

Приготовления к покорению Альмерии

(202) Никогда мы не должны прекращать молиться и почитать Господа, который повсюду обороняет слуг своих. Он ниспровергает врагов Своего закона и превращает их в ничто. Когда Император Леона (настоящий бич арабов) все еще осаждал Кордову, его посетили нобили и красноречивые посольства из Генуи. Они просили его позволить им уничтожить его именем город Альмерию. Этот град был столицей пиратов, плававших от одного конца Средиземного моря до другого. Иногда они нападали на область Бари или Аскалона. Они грабили Константинополь, Сицилию и даже Барселону. В других случаях они совершали набеги на Геную и Пизу в Италии. Они вторгались во Францию, Португалию и даже в Галисию и Астурию. Они захватывали добычу и пленников-христиан, после чего быстро скрывались на своих лодках. Генуэзское посольство настаивало на значении Альмерийского похода. Наконец они замолчали, чтобы позволить Императору принять решение. Он одобрил их намерения и дал им тридцать тысяч мараведи на средства для похода. Они обещали прийти и помочь ему кораблями, людьми, оружием, машинами и продовольствием. Император и посланники обоюдно условились установить месяц август в качестве предела для прибытия итальянских войск.

(203) Затем Альфонсо отправил Арнальдо, епископа Асторги, своим послом к графу Барселонскому, также к Гийому де Монпелье. Он просил их также прибыть в августе и помочь разрушить Альмерию. Он напомнил этим двум знатым лицам, что такой поход на неверных весьма поспособствует спасению их душ. Они с радостью приняли его приглашение и обещали появиться бок о бок с генуэзцами.

Альмохады в Испании

(204) В том самом году, когда пала Кордова, племя, что всеми зовется Альмохады, из Северной Африки пересекло Средиземное море. Они соорудили огромную военную машину и взяли штурмом Севилью. Они также покорили другие города близ Севильи и в отдалении от нее. Они населили эти места, и убили всех знатных людей и христиан, которые зовутся мосарабами. Также они перебили всех евреев, которые жили в южной Испании с давних пор. Дома, имущество и жены их были захвачены и отошли к Альмохадам.

Возвращение пленников-христиан из Марокко

(205) Примерно в то же самое время многие тысячи христианских рыцарей и пехотинцев, сопровождаемые их епископом и множеством клириков, пришли из Северной Африки в Испанию. Они пересекли юг и вступили в Толедо. То были пленники-христиане, упомянутые выше, которые жили при дворе короля Али, а также при дворе его сына Тешуфина.

Разрушение Альмерии

(206) Поскольку мы позаботились об изложении важных событий, если мы перейдем с прозы на стихи, мы можем уменьшить утомительность и повысить наш стиль. Мы решили воспеть французских и испанских военачальников, которые прибыли в поход на Альмерию в поэме...

¹ В хронике используется календарь Испанской эры. Чтобы получить год от Р.Х., необходимо отнять от даты по Испанской эре 38 лет. 1164 год соответствует 1126 г. от Р.Х. Уррака умерла 8 или (что менее вероятно) 9 марта этого года в Салданье, на р. Каррьон в Тьерра-де-Кампос. Альфонсо VII тогда находился в Саагуне, примерно в 30 километрах на запад.

Об участии свободных крестьян в Реконкисте

(Из законодательного сборника XIII в. «Семь частей» Альфонса X)

Составлен в 1256-1262 гг. С 1348 г. после утверждения на кортесах в Алькала приобрел законодательную силу.

...Граница Испании по самой своей природе более беспокойна, чем старые земли, и события, которые там происходят, очень бурны и сложны.

Пеоны¹, идущие в поход с командирами пеших и конных отрядов, — это люди закаленные, вскормленные на воздухе и привыкшие к работе на земле. Ибо если бы они такими не были, они не смогли бы долгое время оставаться невредимыми, несмотря на всю их ловкость и отвагу.

Поэтому командиры пеших и конных отрядов должны заботиться о том, чтобы брать с собой пеонов в отряды, которые отправляются в тыл врага, а также в другие военные экспедиции, часто предпринимаемые во время войны, о чем было уже сказано выше.

Кроме того, они очень подвижны и ловки, их тела хорошо приспособлены для того, чтобы переносить трудности войны.

Нужно заботиться о том, чтобы они всегда были хорошо вооружены – имели хорошие копья, дротики, мечи и кинжалы. Нужно также брать с собой людей, умеющих стрелять из арбалета, и тех, которые доставляют все необходимое для арбалетчиков. Ибо эти люди очень важны на войне.

Начальники конницы и пехоты должны заботиться о них и почитать их словом и делом, распределяя среди них вознаграждение, какое положено. Если случайно окажется, что та-ких пеонов, о которых говорилось выше, невозможно иметь, то, отправляясь в поход в земли врага, лучше иметь немного хороших пеонов, чем много плохих [воинов].

¹ Пеоны – крестьяне, участники ополчения.

Битва при Лас-Навас-де-Толоса, 16 июля 1212 г.

Битва при Лас-Навас-де-Толоса состоялась 16 июля 1212 года между соединенными силами католических королевств Кастилии, Арагона, Наварры и Португалии и силами мавров династии Альмохадов. Закончилась стратегическим разгромом мусульманских сил. Битва считается поворотной точкой процесса Реконксты, за которой последовало необратимое изгнание мусульман с Пиренейского полуострова.

(Из «Всеобщей хроники»)

О численности войск, выступавших в поход против арабов.

...Благородный король дон Альфонсо приказал своим писцам и чиновникам пересчитать всех пришедших из других стран крестоносцев¹, чтобы знать, сколько среди них рыцарей и сколько пехотинцев.

Епископ Родриго сообщает, что среди тех, кто пришел из-за рубежей Испании, было рыцарей более 10000 и пехотинцев около 100000. И как повествует история, из Кастилии и соседних с ней областей Испании – Арагона, Леона, Галисии, Португалии и Астурии – было тоже 10000 кабальерос и 100000 пехотинцев.

Об участии городских коммун в битве

Из городов королевства Кастилия пришло к благородному королю дону Альфонсу много добрых людей. Из больших городов и укрепленных замков прибыли многочисленные отряды, хорошо снабженные лошадьми, оружием и всем необходимым для того, чтобы участвовать в походе: продовольствием, доспехами для лошадей, кольчугами и всем прочим, что предназначается для защиты тела в бою и помогает хорошо сражаться. И всего этого у них было столько, что невозможно сосчитать, так что среди них не было ни одного, кто в чем-нибудь имел недостаток. Они даже добровольно отдавали снаряжение из своих запасов другим и делились со всеми тем, что у них было.

Несмотря на то что в своих городах и местечках они жи-вут под покровительством сеньора, однако когда он уходит в поход, они имеют обыкновение братья за оружие и знают благородное искусство верховой езды. С древних времен они носят имя всадника, которое дается обычно тому, кто совершил много славных подвигов в борьбе против мавров, а иногда и против тех христиан, которые воюют друг с другом. Все они взяли за оружие так же, как некогда в прошлом это делали их отцы.

О посвящении в рыцари свободных людей перед битвой.

...Благородный король дон Альфонс сначала собрал идалго и простых людей, своих соотечественников, и весь свой королевский двор и сказал им: «Друзья мои, среди всех собравшихся вы мои соотечественники и вассалы...

Смотрите, друзья мои, если есть среди вас такие, кто нуждается в лошадях и не имеет их, или такие, у кого нет оружия или денег, или они нуждаются в чем-нибудь другом, придите ко мне и попросите, и я все исполню для каждого».

И как он сказал, так все и исполнил, и дал им лошадей, оружие, денег, и даже дал рыцарское звание тем, кто его не имел, но был его достоин...

Об уходе крестоносцев после взятия крепости Калатрава накануне битвы.

Изо всей добычи, [захваченной в Калатраве], король дон Альфонс не взял себе ничего и все отдал крестоносцам и ко-ролю Арагона.

А между тем враг человеческого рода, тот, кто является врагом всех нас, – дьявол, который никогда не перестает за-видовать добрым делам людей, вселился в тех, кто составлял войско христово, помутил их рассудок и повернул их сердца к зависти.

И заставил он их отступить от намеченной цели и изменить обещанию, которое они дали. Поэтому почти все крестоносцы заявили, что они слагают с себя крест, который приняли, дав обещание сражаться в этой битве, и заявили, что отказываются от сражения и возвратятся в свои земли. Но король дон Альфонс, еще более

укрепившись в своем решении, ничего им не дал и разделил провиант между теми, кто остался и не отказался от намерения выполнить до конца начатое дело. Но эти самые крестоносцы, т.е. те, что пришли из-за гор, изменили благому намерению и доброму делу и как пришли, так и вернулись каждый сам по себе, и все ушли.

Остался архиепископ Нарбонны со своими людьми и некоторыми рыцарями из провинции Вьенна. И как говорит архиепископ Родриго², осталось всего 130 рыцарей и несколько пехотинцев. Среди них остался Теобальд де Бласон со своим отрядом, человек благородный и свободный, уроженец Испании, кастилец по происхождению, и с ним некоторые рыцари из Пуату.

Остался и король Арагона со своим войском...

¹ Крестоносцами в хронике названы отряды духовных и светских сеньоров, прибывших из различных стран Европы для участия в сражении против арабов. Хроника упоминает отряды, пришедшие из Франции и Италии, и также отряды австрийского герцога, который прибыл на поле битвы, когда сражение уже было закончено.

² Родриго – архиепископ Толедо, автор хроники Альфонса XIII.

(Из «Анналов Толедо I»)

Когда была потеряна Сальватьерра, король дон Альфонсо отправил архиепископа дона Родриго во Францию, и Германию, и к римскому Папе, и дал Римский Папа¹ такое прощение грехов по всему миру, чтобы были прощены все их грехи; и сие прощение было из-за того, что король Марроко сказал, что сразиться со всяким, кто поклоняется кресту, где бы то ни было; и вышли мавры из крайних портов, и пришли в Толедо в день Пятидесятницы, и вернули все Толедо, и убили многих иудеев у них, и вооружились толедские рыцари, и защитили иудеев; а затем через 8 дней вошел в Толедо король дон Альфонсо, и король Арагона, и пришли на помощь великие люди со всей Испании, и со всех крайних портов, вырезали весь сад короля и всего Алькардета, и причинили много вреда Толедо, и продолжалось сие долго; затем вышли короли с войском, и взяли мечем Малагон, и долго сражались за Калатраву, пока ее не отдали, и взяли Аларкос, и Бенавент, и Пьедрабуэна, и Каракуэль, и прошли порт Мурадаль, и взяли Феррат. И пришел король Марроко со всем своим войском, и взял Лосу, и не позволили ему пройти, и прорвались они через Сьерру, и прошли, и стали лагерем в Лас-Навас-де-Толос, и расположил король свои полки вокруг христиан за 4 дня, и устроил он им большие состязания; на рассвете в понедельник остановился дон Диего Лопес со всеми своими рыцарями, и все короли из пяти королевств подоспели к первым столкновениям. И король Наварры² был на правом фланге, а король Кастилии удерживал тыл со всеми другими людьми со всего мира. И установил король мавров свои полки, и сразился с полком Диего, и королев, и двинулись мавры к первому полку, и бросился король Наварры на них, но не смог их ни выдержать, ни сдвинуть. Затем бросился со всеми, кто был в тылу, и порадовал Бога, что были мавры разбиты, и умерли все, кроме тех, кто убежал от конницы, и убежали те, что из Баэсы, и из других многих городков в Убеду. И пошли христианские короли, чтобы захватить Убеду, и взяли много пленников и пленниц, более 60 тысяч. Затем король заселил Бильч, и Баньос, и Толосу, и Феррат. И во всем этом деянии не приближались люди с земель по другую сторону гор, арабами 16 июня 1212 года в битве при Лас-Навас-де-Толоса. Позади войск альмохадов размещался лагерь, в центре которого находилась палатка их вождя Мухаммада аль-Насира (христиане называли его Мирамамолин). Палатку охраняла его личная гвардия, состоявшая из тысячи африканских рабов, которые были скованы между собой цепью (по одной из легенд она была золотой) и окружали палатку своего господина, образовывая как бы живую стену, которая защищала от возможного нападения. В один из решающих моментов битвы, королю Наварры со своими рыцарями удалось приблизиться к палатке вождя альмохадов, но они никак не могли преодолеть плотную стену скованных цепями охранников. Тогда Санчо разрубил эти цепи и на своём коне прорвался к палатке, увлекая наваррцев за собой. Видя этот успех, им на помощь поспешили и другие. В палатке сидел Мухаммад аль-Насир, читающий Коран, а на голове его был большой белый тюрбан с огромным зелёным изумрудом в центре. Мирамамолин вскочил на своего коня и в ужасе бежал. В войске мавров началась всеобщая паника и вскоре всё оставшееся войско обратилось в бегство. После этой битвы Санчо получил герб в виде червлёного щита с перекрещивающимися золотыми цепями и зелёным изумрудом в центре. вернувшиеся из Калатравы, а постарались захватить Толедо с помощью предательства. Но люди Толедо закрыли им проходы, оскорбляя их, и называя их неверными, и предателями, и отлученными от церкви. А после того, как короли благополучно добились цели относительно христианства, они вернулись из того войска. И сие было в 16 день июля. Эра MCCL [1212 год].

¹ Иннокентий III (в миру – Лотарио Конти, граф Сеньи, граф Лаваньи; ок. 1161 – 16 июля 1216 г.) – папа римский с 8 января 1198 по 16 июля 1216 г.

² Санчо VII Сильный (умер в 1234 г.) – король Наварры (1194-1234 г.), сын короля Санчо VI и Санчи Кастильской. Санчо внес решающий вклад в победу войск христианской коалиции над арабами 16 июня 1212 г. в битве при Лас-Навас-де-Толоса. Позади войск альмохадов размещался лагерь, в центре которого находилась палатка их вождя Мухаммада аль-Насира (христиане называли его Мирамамолин). Палатку охраняла его личная гвардия, состоявшая из тысячи африканских рабов, которые были скованы между собой цепью (по одной из легенд она была золотой) и окружали палатку своего господина, образовывая как бы живую стену, которая защищала от возможного нападения. В один из решающих моментов битвы, королю Наварры со своими рыцарями удалось приблизиться к палатке вождя альмохадов, но они никак не могли преодолеть плотную стену скованных цепями охранников. Тогда Санчо разрубил эти цепи и на своём коне прорвался к палатке, увлекая наваррцев за собой. Видя этот успех, им на помощь поспешили и другие. В палатке сидел Мухаммад аль-Насир, читающий Коран, а на голове его был большой белый тюрбан с огромным зелёным изумрудом в центре.

Мирамамолин вскочил на своего коня и в ужасе бежал. В войске мавров началась всеобщая паника и вскоре всё оставшееся войско обратилось в бегство. После этой битвы Санчо получил герб в виде червлёного щита с перекрещивающимися золотыми цепями и зелёным изумрудом в центре

Письмо короля Кастилии Альфонсо VIII Папе римскому Иннокентию III о результатах победы объединенных сил христианской Испании над войсками Альмохадов при Лас-Навас-де-Толоса 16 июля 1212 г.

Письмо было написано вскоре после битвы при Лас-Навас-де-Толоса (16 июля 1212 г.).

ПИСЬМО КОРОЛЯ ПОНТИФИКУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ЭТОЙ СЛАВНОЙ БАТАЛИИ

Святейшему Отцу Иннокентию, папе Милостью Божьей, Альфонсо, король Кастилии и Толедо, той же (Милостью), шлет привет, целуя Ваши руки и ноги. Мы знаем, что Ваше Святейшество не забыло о том, что мы намеревались сразиться с вероломством сарацинов, и мы почтительно и преданно доносили Вам через наших гонцов, прося Вашей помощи во всех делах относительно отца и господина, что помогло нам признать то, что мы получили в дружелюбной и сострадательной манере от нашего любящего Отца.

По этой причине мы не замедлили отправить наших герольдов (коих мы сочли наиболее подходящими для выполнения этого поручения) с посланиями нашими в разные части Франции, добавив, что мы возместим, в разумных пределах, стоимость пропитания всех рыцарей, которые присоединятся к походу, и всех сержантов до надлежащих пределов. Отсюда вышло то, что, когда люди слышали об отпущении грехов, которое Вы пожаловали тем, кто присоединится к нам, прибыло великое множество рыцарей из стран за Пиренеями, включая архиепископов Нарбонны и Бордо и епископа Нанта. Явившихся было до 2000 рыцарей с их оруженосцами и до 10000 их конных сержантов с 50000 пешими сержантами, всех которых мы должны были снабдить провизией. Также явились наши прославленные друзья и родичи короли Арагона и Наварры на помощь католическому делу, со всеми их силами. Мы сумели снабдить всех их, как мы обещали через наших герольдов, задержавшись на время в Толедо, когда мы ждали некоторых наших людей, которые должны были участвовать в походе, и следует сказать, что цена (этого) для нас и для нашего королевства оказалась крайне тяжелой из-за большого количества людей. Нам пришлось снабдить их не только тем, что мы обещали, но также деньгами и одеждой, ибо почти каждый, будь то рыцарь или сержант, нуждался в них. Однако, Господь, который умножает плоды правосудия, в изобилии обеспечил нас в согласии со щедростью Его милости и беспристрастно и щедро дал нам все, о чем можно было мечтать.

Когда оба войска собрались, мы выступили в путь, который Господь избрал для нас, и пришли к некоей крепости, именуемой Малагон, вполне достаточно защищенной, французы, которые на день опережали нас, сразу пошли на штурм и взяли ее с Божьей помощью.

Хотя она пала, щедро обеспечив нас всем необходимым, их [французов] стала слишком беспокоить труднопроходимая местность, которая была пустой и довольно жаркой, и они пожелали повернуть и отправиться домой. В конце концов, под принуждением нашим и короля Арагона, они продолжили путь до Калатравы, которая лежит лишь в двух лье от вышеупомянутой крепости, и все мы – кастильцы и арагонцы и французы, каждый со своей стороны – начали атаку ее именем Господа. Сарацины внутри ее, поняв, что они выстоят против всего войска Господня, договорились сдать это место нам, при условии, что им позволят уйти невредимыми, хотя и без своего имущества. Мы не желали принимать подобное соглашение. Король Арагона и французы устроили совет по этому поводу и узнали, что место сильно укреплено стенами и другими сооружениями, глубокими рвами и высокими башнями, так что не могло быть взято, пока не сделают подкоп под стенами и не обрушат их; но это очень навредило бы братьям Сальватьерры, которым оно раньше принадлежало, и которые не смогли бы занять его (ибо стены были снесены) в случае необходимости. По этой причине они настоятельно просили передать им место целое и невредимое, с оружием и всеми большими запасами провизии, что были в нем, и чтобы сарацинам позволили уйти с пустыми руками и без оружия. Поэтому мы, приняв во внимание их настойчивые желания в этом деле, согласились на предложение, условия были таковы, что половина всего того, что было внутри, отходило королю Арагона, а другая половина – французам, ничего не оставалось нам или нашим людям. Французы – все еще увлеченные мыслью уйти, хотя Господь Бог показал нам милость и благосклонность, и хотя мы желали щедро снабдить их всех необходимым – движимые побуждением отправиться по домам, все вместе оставили крест, вместе с архиепископом Бордо и епископом Нанта, хотя здесь всё близилось к битве с сарацинами; и они ушли, исключая немногих, кто остался с архиепископом Нарбонны и Тибальдо де Бласоном, который был одним из наших вассалов, а также его люди и некоторые другие рыцари из Пуату. Тех, кто остался, рыцарей и сержантов, едва насчитывалось 150; а из их пехотинцев и вовсе никого не осталось.

Поскольку король Арагона ожидал в Калатраве (прибытия) нескольких своих рыцарей и короля Наварры, который еще не присоединился к нам, мы выступили с нашими людьми и прибыли к некоему

вражескому замку, именуемому Аларкос. Мы взяли этот замок, невзирая на то, что его хорошо защищали, вместе с тремя другими, Каракуэлем, Бенавенте и Пьедрабуэной.

Продвигаясь вперед, мы достигли Сальватьерры, где к нам присоединился король Арагона, приведя лишь немногих благородных рыцарей в своем войске; и король Наварры, которого также сопровождал отряд едва ли в 200 рыцарей.

Поскольку султан сарацинов был неподалеку, мы решили не атаковать Сальватьерру, но идти на сарацинское войско; мы достигли горной гряды, которую было невозможно перейти, кроме как в нескольких местах. Поелику на нашей стороне мы находились у основания цепи, подоспевшие с другой стороны сарацины смогли занять гребень, препятствуя нашему переходу. Но наши люди поднимались храбро, потому что к тому времени лишь несколько сарацинов достигли этого участка, и наши люди отважно отбросили их с Божьей помощью; и они захватили крепость, именуемую Ферраль, которую сарацинский правитель выстроил с тем, чтобы преградить нам путь. Когда она пала, воинство Господне смогло подняться на горные вершины беспрепятственно, но трудно ему пришлось из-за нехватки воды и бесплодной земли. Сарацины, видя, что не могут закрыть сей перевал, заняли другой проход на покатом склоне, необыкновенно узкий и труднопреодолимый; и вправду, там тысяча человек легко могла защищать его против крупнейшей армии на земле. На другом конце его стояло все войско сарацинов, уже разбив палатки.

Поскольку мы не могли ни оставаться там, из-за нехватки воды, ни наступать, из-за неприступности перевала, некоторые из наших людей советовали нам спуститься с горы и поискать подалее другой перевал. Но мы, обеспокоенные уроном для веры и бесчестьем для нашей персоны, отказались принять подобный совет, предпочтя скорее умереть за веру на труднопроходимой земле перевала, чем искать более легкий путь или отступить от дела, которое касалось веры, каким бы образом это не произошло.

Когда мы подобным образом укрепились в нашем решении, наши бароны – которые наносят первые удары в битве – услышали о предложении некоего пастуха, которого Господь Своим Повелением послал нам, что в этом самом месте есть другой, относительно несложный проход. На землях близ вражеского лагеря, хотя бесплодных и сухих, они разбили лагерь, поскольку сарацины не знали об этом перевале. Когда сарацинское войско поняло, что случилось, оно двинулось вперед, чтобы не дать им разбить лагерь. Наши люди, хоть и было их немного, храбро защищались.

Мы и короли Арагона и Наварры ждали, в полном вооружении, с нашими людьми на месте, где мы остановились в первый раз, на гребне горы, пока всё воинство Господне благополучно не достигло места, где наши передовые дозоры обозначили место для лагеря. Хвала Господу, случилось так, что хотя дорога была трудной и безводной, а также скалистой и лесистой, мы не потеряли ни единого из наших людей. То была суббота, 14 июля. Вечером этого же дня сарацины, заметив, что мы благополучно поставили все наши палатки, выстроились в боевые порядки и приблизились к нашему лагерю, доставляя себе удовольствие в стычках, а не в турнирах, как преддверие битвы.

Ранним утром следующего дня, воскресенья, сарацины выстроили все свое огромное войско. Мы же, желая узнать их численность и их расположение и позицию, и найти, как они поступают во всех случаях, послушались совета наших опытных и закаленных воинов и решили ждать до следующего дня, понедельника. При таких обстоятельствах, мы поставили всадников и пеших так, чтобы враг никоим образом не смог атаковать края нашего строя, и этого, благодаря милости Божьей, не случилось.

На следующий день, понедельник, мы все вооружились и вышли во имя Господа в полном порядке на битву с ними за католическую веру. Враг занял некоторые возвышенности, очень крутые, подняться на которые было очень нелегко из-за лесов, которые лежали между нами и ними, и из-за нескольких очень глубоких ущелий, пересекаемых ручьями, все это составляло немалую помеху для нас и очень помогало неприятелю. Тогда в самом деле Он, кем, в ком и от кого происходят все чудеса, направил Свое воинство против Своих врагов; и наши передние ряды, и часть средних рядов, благодаря Кресту Господню, сразили многие строи врага, которые стояли на нижних высотах. Когда наши люди достигли последнего из их строев, состоящего из огромного числа воинов, среди которых был царь Карфагена, начался ожесточенный бой меж всадниками, пехотинцами и лучниками, наши люди были в ужасной опасности и с трудом держались. Тогда мы, поняв, что сражение становится совершенно невыносимым для них, устремились в атаку с конницей, неся перед собой Крест Господень и наше знамя с образом девы Марии и ее Сына, наложенным на наш знак. Поелику мы уже решили умереть за веру Христову, как только увидели позор, нанесенный Кресту Христову и образу Богородицы, когда сарацины забросали их камнями и стрелами, мы прорвали их строй с их огромным множеством воинов, хотя сарацины храбро сопротивлялись и стояли сплошной стеной вокруг их господина.

Господь Наш поразил великое множество их мечом Креста. Тогда султан с немногими из своих обратился в бегство. Прочие из врагов какое-то время выдерживали наши атаки, но вскоре, понеся большие потери, остальные развернулись и побежали. Мы преследовали их до наступления темноты, убив во время бегства больше, чем в битве.

Так была победоносно выиграна битва Господня, одним Господом и через одного Господа. Богу честь и слава, который даровал победу Его Креста через Иисуса Христа, Господа нашего.

Сарацинских всадников насчитывалось 185000, как впоследствии мы узнали из подлинного описания от некоторых слуг султана, которых мы взяли в плен; пеших воинов было без счета.

На их стороне пало в битве 100000 воинов, может быть больше, согласно оценкам сарацин, захваченных нами позже. Из армии Господа – событие это нельзя не упомянуть без самого горячего благодарения и едва ли кто в него поверит, разве только не подумает о чуде – пало лишь двадцать или тридцать христиан во всем войске. Какой повод для радости и благодарения! Но здесь есть одна причина для сожаления: что столь немногие в столь огромном воинстве отправились к Христу как мученики.

Чтобы показать, сколь несметной была численность врагов, когда наше войско отдыхало после битвы два дня во вражеском лагере, для всех костров для приготовления пищи и печения хлеба и прочих дел не требовалось ничего, кроме вражеских стрел и копий, которые валялись повсюду, и даже так мы сожгли едва половину их. Хотя нашему войску не хватало еды и прочих припасов, поскольку мы провели столь много времени в опустошенных и бесплодных землях, мы обнаружили такое изобилие еды и оружия, а также боевых коней и вьючных животных, что наши люди, забирая все, что пожелали, бросили еще больше животных, чем забрали с собой.

На третий день мы двинулись к некоторым вражеским крепостям, Вильчесу, Баносу и Толосу, и сразу же захватили их.

Наконец мы достигли двух городов, Баэсы и Убеды, крупнейших на этой стороне моря, за исключением Кордовы и Севильи. Мы нашли Баэсу уже уничтоженной. Множество народу бежало из всех соседних поселений в Убеду, потому что она была исключительно сильной как из-за своего расположения, так и из-за своих укреплений. Поскольку люди знали, что ни один город подобных размеров никогда не был взят штурмом или захвачен императором или каким-либо другим испанским правителем, они думали, что там будут в безопасности. Однако, милостью Божьей мы захватили Убеду в скором времени и, поскольку у нас не было достаточно людей, чтобы заселить ее, мы сравняли ее с землей. Там пострадало 60000 сарацин: одних мы убили, других взяли в плен на службу христианам и монастырям, которые необходимо починить в пограничных областях.

Мы повелели все это написать для Вас, Святейшего Отца, ревностно вознося всяческие благодарности, какие только можем, за помощь всего христианства, и скромно вопрошая Вас, кого Господь избрал для верховного достоинства среди Его священников, со всяческой похвалой Ему, принести жертву для спасения народа.

Соглашения христианских правителей с арабскими правителями, заключенные в эпоху Реконксты

Представленные документы относятся ко второму периоду Реконксты, когда битва при Лас-Навас-де-Тодоса (16 июля 1212 г.) – кульминационный момент борьбы с маврами, ставший кульминационным моментом истории Испании, – обеспечила победу над исламом и решила судьбу испанских христианских королевств. Отныне окончательная победа над маврами была предreshена, продолжалось время «великих завоеваний». Параллельно кастильско-леонскому отвоеванию Андалусии шло каталано-арагонское отвоевание Валенсии. Это была бурная эпоха, полная драматических ситуаций, когда война, то затухая, то разгораясь вновь, шла с переменным успехом, обретая формы, далекие от хрестоматийных представлений о войне. Периоды прямой военной конфронтации сменялись периодами, пусть худого, но мира. Интересы, позиции, политика христианских и мусульманских королевств переплетались, а иногда завязывались в такой тугой узел, развязать который могли или военные действия, или заключение новых договоров и союзов.

Договор короля Хайме I с эмиром Валенсии

Договор о перемирии короля Хайме I и эмира Валенсии датирован 24 ноября 1224 г. До 1227 г. Хайме I, впоследствии прославивший себя рядом крупных побед над маврами и получивший титул Завоевателя, был вынужден все свои усилия сосредоточить на борьбе против своевольной и непокорной знати. Ее представители воевали и друг с другом, и против короля, они самостоятельно предпринимали внешние экспедиции и, напротив, отказывали королю в войсках и деньгах (как было, например, при захвате Балеарских островов). Для предотвращения гражданских войн королю приходилось лавировать и идти на компромиссные соглашения со знатью.

В этих условиях было важно сохранить мирные отношения с мусульманскими соседями. Представленный договор как раз и отражает внешнеполитическую линию короля в первый период его правления.

Это – копия [договора] о перемирии между двумя равными владыками, не дающего преимущества ни одной из сторон. Он составлен одним из государственных секретарей Андалуса факихом Абу-р-Раби ибн Салимом¹ в связи с заключением мира для Валенсии и других областей Восточного Андалуса.

Вот его содержание:

Это – акт о прекращении враждебных действий, который подписал и обязался соблюдать, заверил и скрепил такой-то [фулан] от имени короля Арагона и графа Барселонны – представляющего ... сына Педро, сына Алфонса, сына Раймонда – да сделает господь его благородство постоянным – печатью своей и именем.

[Этот акт] аналогичен мирным соглашениям, составленным по желанию и заверению. Он предусматривает передачу такому-то права на заключение перемирия, на утверждение его статей и обязательство по выполнению его положений и пунктов, что потребовало правильных суждений и откровенных мнений; такой-то проявляет готовность и согласие на то, чтобы защищать права мусульман и отдает им должное, стремясь к тому, к чему стремились стороны, и изучив дело благоразумно и в соответствии с

требованиями обстоятельств после попыток, при которых рассуждения достигли своих предельных высот, и поисков, которые переплелись через благословение господне и помощь всевышнего с его желанной всеобъемлющей милостью и присущей ему помощи и [указания] направления.

Это нашло свое отражение в подписании договора о перемирии королем Арагона в отношении Валенсии и всех ее земель: окраин и центральных частей, пограничья и пространств, а также возвышенностей и низин, территорий, входящих в ее состав и подчиненных Валенсии, вблизи и в отдалении, — сроком на два непрерывных солнечных года со всеми входящими в них днями и месяцами.

Его действие определяется, и начало его устанавливается воскресным днем 24 ноября [1224 г.], что соответствует десятому дню месяца зу-л-ка'да 621 г. хиджры, которым и датируется этот документ.

[В соответствии] с перемирием война между сторонами прекращается и устраняются ее последствия к пользе обеих общин², причиненные ею бедствия общинам и ущерб ликвидируются. Суша и море при этом равнозначны. Причинение тайных и явных обид запрещается. Истинность необходимого при этом, своей ясностью и очевидностью, в разъяснениях и объяснениях не нуждается. Нет места ни для запутанности и сложности, ни для зла и хитрости. Должна быть только гарантированная безопасность для всех мусульман всех упомянутых местностей и для всех христианских общин страны Арагон. Каждый поступивший на службу королевства Арагон в любой его части какой бы ни была форма этого поступления, и даже просто наблюдатель, входят в это определение и подпадают под пункты данного соглашения о перемирии. Никаких особых условий для владельцев крепостей, отдаленных от этого королевства, с определенными для них известными налогами — нет. Если же владелец откажется от части крепости и станет жить в ней уединенно, то пусть таковой останется с тем, что он для себя выбрал, даже если ему будет нанесен какой-либо ущерб. Но если он захочет чем-то ущемить одну из сторон, то мусульмане и арагонцы должны добиться его свержения и сообща сражаться с ним, пока не положат конец его злодеяниям и не устранят последствия этого зла.

Границей, разделяющей обе части, является середина расстояний, как это установлено предыдущими перемириями. Действия каждой из сторон в пределах своих границ свободны, если сторона пожелает что-то возвести в целях благоустройства и строительства.

Если кто-то из жителей королевства Арагон отправится к мусульманам, не мысля о делах порочных, то такое намерение допустимо, и нет никакого греха в использовании такового на службе и в проявлении в отношении него благодеяния.

Путь для купцов, обычно прибывающих из страны Арагон в Валенсию по суше и по морю, открыт для прохождения и обеспечивается полной безопасностью в оба конца следования. Арагонские купцы, следующие с товарами по морю, должны отказаться от следования на военных судах, которым может быть нанесен урон. Купцы не должны пользоваться этими судами. Прибывающие в торговых целях купцы разных рангов и отличий не подвергаются устрашениям за деяния, ими не совершенные, и действия, не приведшие к нарушениям [договора].

В случае если кто-то из членов обеих общин был арестован по самому незначительному поводу, противоречащему положениям настоящего перемирия или нарушающему его обязательства, жители каждого края должны проявить справедливость по отношению к тому, против кого совершено [преступление], возвратить ему награбленное, но вместе с этим доставить первого для наказания за содеянное. Никому из членов обеих общин не позволяется проявлять произвол по отношению беспристрастного рассмотрения содеянного преступления; наоборот, дело должно быть отправлено туда, откуда исходит запрос. Дело должно быть истребовано там, где этот запрос возник, с тем, чтобы наместник стороны, где произошел этот инцидент и население которой повинно в этом, мог беспристрастно рассмотреть [жалобу] противной стороны и устранить помехи, [возникшие] из-за этого дела. Поэтому дело это обязательно должно быть завершено во исполнение верности, которой следует придерживаться, и во имя осуществления обязательств, мотивы которых были согласованы.

В случае если кто-либо из людей одной из общин переберется в какую-либо крепость другой общины, то этот человек должен быть в полной безопасности, получить гарантию сохранности своей жизни и имущества и, будучи уверенным в своей безопасности, он мог бы вернуться на родину невредимым.

На основании этих очевидных условий и прочных обязательств и был заключен настоящий мир, и его положения обязательны для упомянутых мусульман и арагонцев. При этом данный акт излагает истину, необходимую для обеих общин, и он выражает действительность того, о чем договорились представители двух общин.

От имени короля Арагона его представитель Педро³... в соответствии с полномочиями и верительной грамотой, полностью взял на себя все королевские функции, что было утверждено королем Арагона. Означенные условия были утверждены после того, как упомянутые выше положения были ему досконально разъяснены и должным образом истолкованы. Он подтвердил получение письма от короля, от имени которого он представлял на этих переговорах о мире, подтверждая своим заявлением и подписью действия в соответствии с положениями, изложенными в письме. Для выполнения положений этого договора о мире и закрепления его условий он привел в свидетели вельмож и сановников своего государства.

И да поможет всевышний господь!

¹ Речь идет об одном из высокопоставленных чиновников ал-Андалуса.

² Мусульманской и христианской.

³ Очевидно, имеется в виду Педро III (1276-1285 гг.) – старший сын Хайме I, принимавший участие в управлении государством и ставший после смерти отца королем Арагона.

Договор короля Фернандо III с владельцем Альмохадов

Договор о перемирии заключен между королем Кастилии Фернандо III Святым и одним из мусульманских владельцев, оставшихся в Испании после ликвидации на ее территории владычества династии Альмохадов. Движение альмохадов (араб. ал-муваххидун – «исповедующие единство божие») выступало против закостенелого консерватизма и приверженности букве закона, характерных для преобладающего в Северной Африке исламского вероучения (маликизм). Основатель движения альмохадов Абу Абдаллах Мухаммед ибн Тумарт (ум. в 1130 г.), приняв в начале XII в. присягу вождей берберов племени Масмуда, возглавил это движение и провозгласил себя мессией (махди). В 1130 г. главой альмохадов стал Абд ал-Му'мин (ум. в 1163 г.), который в 1146 г. ликвидировал в Марокко династию Альморавидов и, вторгшись со своими войсками в Испанию, в течение пяти лет захватил все мусульманские территории на полуострове.

В 1212 г. в битве при Лас-Навас-де-Толоса король Кастилии Альфонс VIII при помощи других христианских королевств разгромил армию альмохадов под командованием Мухаммеда ан-Насира, и с этого года началось вытеснение альмохадов из Испании. В 1217 г. королем Кастилии стал Фернандо III Святой, который, используя междоусобицы среди альмохадов или тех, кто правил после них, в 1236 г. захватил земли по течению Гвадалквивира, Мурсию, Хаэн и Кордову, а в 1248 г. – Севилью.

В приведенном договоре речь идет о перемирии между «королем сильным», т.е. Фернандо III, который дал мощный толчок Реконките, овладев почти всеми мусульманскими территориями на Юге полуострова, и «владыкой ослабевшим». Им мог быть один из мусульманских правителей эмир Мурсии Мухаммед ибн Али (Удизель), оставшийся на землях, некогда подвластных альмохадам. Судя по тексту мирного договора, мусульманский эмир, заключивший его с королем Фернандо III, добился от последнего нейтралитета или его видимости, чтобы, пользуясь этим, продолжать контролировать земли Мурсии, которая еще оставалась под номинальной властью мусульман, т.е. речь идет о событиях, имевших место между 1217 и 1236 гг. За нейтралитет король Фернандо III, помимо увеличения своей доли в государственных сборах, получил от мусульманского властителя большую сумму денег, что его, кажется, устраивало до поры до времени.

Это – копия [соглашения] о перемирии между владыкой ослабевшим и королем сильным, заключенного факихом Абу Абдаллахом ибн...¹ – одним из государственных секретарей ал-Андалуса от имени некоторых мусульманских владык – последователей ал-Махди ибн Тумарта, главы призыва альмохадов – с доном Фернандо – королем Кастилии, одним из королей франков, в отношении Мурсии – одной из земель ал-Андалуса.

Вот его содержание:

Это мы заключили с благословения всевышнего Аллаха, его направления, помощи и поддержки от имени Высокого Эмирата, по повелению, на которое мы опираемся в его высочайших и направляющих наставлениях. Мы заключили его – и да содействует нам Аллах – для Кастилии вместе с таким-то [фулан], выступающим в своем обязательстве с нами от имени того, кто его направил к нам – владыки величайшего, величественнейшего и почтеннейшего, дона Фернандо – короля Кастилии, Толедо, Кордовы, Леона и Валенсии – да продлит Аллах его великодушие и превосходство через его благочестие – как только мы получили его письмо с его известной и признанной всеми печатью, являющейся его знаком и которое уполномочивало такого-то [фулан] от его имени во всем, что им будет договорено и решено.

Мы договорились, что мир между нами и его упомянутым посланником устанавливается на два года, начиная с месяца мухаррама, который является начальной датой первого года действия этого соглашения, что соответствует такому-то месяцу из христианских месяцев и распространяется на все находящиеся в настоящее время под нашим контролем земли, подвластные призыву ал-Махди – да возвысит его всевышний Аллах, – их города, пограничные окраины, центры и области, начиная от острова Хукар (Шакр) до Эльвиры (Бейра) и ал-Мансуры (в Тунисе) – да защитит их всех Аллах. И будет этот мир охраняться обеими сторонами, и его обязательства будут соблюдаться представителями обеих религиозных общин, без какого-либо вероломства по отношению к нему и без нарушений в истолковании какого-либо из его положений. На их города не будут совершаться набеги, их жителей не будет терзать страх – какие бы ни случились испытания и каковы бы не были удары судьбы, будь то открыто или тайно. Но если это случится со стороны христиан, то королю Кастилии надлежит освободить пленных, возвратить захваченное и награбленное и проявить справедливость в части захваченного, если таковое будет отсутствовать, чтобы [возместить] ущерб. Таким же образом должны [поступать] и мы, чтобы спор был разрешен по справедливости после того, как дело будет проверено и выяснено с помощью кого бы то ни было.

Этим перемирием [предусматривается], чтобы крепости не стали объектом вероломства и зла, чтобы христиане не преступали границ своих земель для возведения какого-либо сооружения, чтобы через земли Кастилии не оказывалась поддержка нашему противнику и помощь тому, кто сеет смуту против нас. Все земли, подвластные этому призыву [альмохадов] и вошедшие в подданство после заключения настоящего перемирия, вступают в него, увеличивая свои доли в податях, которые являются одним из условий достоверности этого положения.

Когда до истечения срока действия этого перемирия останется два месяца, король Кастилии должен оповестить нас о своей заинтересованности или незаинтересованности в соглашении, исходя из принципов полной доброжелательности.

Посланник упомянутого [короля] взял перед нами на себя эти условия от его имени, закрепил с нами эти акты и обязательства в отношении всего, о чем мы упомянули.

По этому перемирию мы обязались выплатить королю упомянутой Кастилии за верность своим обещаниям и безусловное [выполнение] своих обязательств 140 тысяч динаров за каждый из двух годов изложенного выше перемирия, разделив эту сумму на три взноса в год, с тем, чтобы их получали его доверенные лица и передавали ему целиком и полностью. Из этой суммы он получил столько-то [князя], чтобы вручить ее своему отправителю. Ему же было дано заверение в том, что он получит оставшуюся определенную сумму по истечении определенного срока целиком и полностью.

Если эта сумма будет выплачена ему в течение 40 дней, то перемирие будет продолжаться. В противном случае, если эта сторона не будет в состоянии выполнить все оставшиеся условия соглашения, то мир будет считаться расторгнутым и теряет силу, если пожелает Аллах.

В подтверждение содержания этого документа такой-то [фулан] – да возвысит его Аллах – в качестве исполнителя высочайших распоряжений – да возвеличит их Аллах – подписал это соглашение о перемирии и клятвенно засвидетельствовал его содержание лично. При этом присутствовал упомянутый ал.м...л Тур². Ему был переведен этот документ, разъяснены его положения и удостоверено его содержание. Он взял на себя все это от имени своего отправителя короля Кастилии в соответствии с данными ему в этом полномочиями и клятвенно засвидетельствовал свою верность и законность такого-то [числа]. И Аллах споспешествует, когда пожелает. Он податель благ и всего лучшего, когда рассудит своей милостью. И мир!»

¹ Пропуск в тексте.

² В тексте неразборчиво. Видимо, речь идет о старшем сыне Фернандо III – Альфонсе, который подписал документ о союзеренитете над Мурсией.

Договор короля Хайме II с султаном ал-Маликом ал-Ашрафом

Договор о дружбе и перемирии 1293 г. между мамлюкским султаном ал-Маликом ал-Ашрафом и королем Арагона, Каталонии, Валенсии Хайме II. Первые годы его правления (до 1295 г.) прошли в обстановке возобновленной войны с Францией, поводом к чему послужила передача Хаймом II сицилийской короны сыну Фадрике. Король опасался франко-кастильского союза и поэтому делал все возможное, чтобы его предотвратить. Этими двумя обстоятельствами и объясняется содержание договора с мусульманским владыкой.

Это – копия договора о перемирии [худна] между ал-Маликом ал-Ашрафом Салах ад-Дином Халилом ибн ал-Малик ал-Мансур Сайф ад-Дин Калаун¹ – владыкой Египта и Сирии и доном Хайме² – верховным правителем Арагона и владетелем Барселоны, что в стране ал-Андалус, через посредство послов – упомянутых ниже его братьев и зятьев, которые будут названы, – заключенного в месяце сафаре 692 г.³

Вот его содержание:

Устанавливается дружба и взаимное согласие между ал-Маликом ал-Ашрафом и славным, высокочтимым, достойным, доблестным, храбрым, бесстрашным, прославленным и превосходным владыкой господином королем доном Хайме — верховным правителем Арагона, а также его братьями – доном Валазариком [Родериком] и доном Педро и его зятьями. Оба посла, прибывшие к Высокому порогу⁴, просили от имени их отправителя короля дон Хайме, чтобы они вступили в перемирие и взаимное согласие и чтобы король дон Хайме принял на себя от их имени все обязательства, которые он будет принимать от своего имени, и чтобы он исполнял их распоряжения. Вот эти [персоны]: славный, высокочтимый, достойный, доблестный, храбрый, бесстрашный, прославленный и превосходный владыка дон Санчо⁵ – король Кастилии, Толедо, Леона, Валенсии, Севильи, Кордовы, Мурсии, Хаэна и Запада (ал-Гарб), поручитель [гарант] государства Арагон и Португалии, и славный король дон Альфонш⁶ – владыка Португалии.

Исполнение этого [начинается] с четверга 19 сафара 692 г., что соответствует началу последней декады января года 1292-го [от рождества] господина нашего Христа, да будет мир над ним!

Совершено это в присутствии послов короля дон Хайме, а именно – высокопреподобного [ал-мухташам ал-кабир] Руссо Демара Монд, губернатора [хаким] короля дон Хайме в Валенсии и его товарища, преподобного старшины Демона Аллемана⁷, жителя Барселоны, которые прибыли с письмом короля дон Хайме, скрепленным печатью означенного короля.

Смысл содержания письма в том, что он уполномочил этих двоих [изложить] его позицию и пожелания и просил, чтобы они выполняли все, что будут говорить от его имени. Содержанием их бесед и [обсуждаемых] вопросов будет определение положений перемирия, дружбы и взаимного согласия, а также условий, которые ставятся ал-Маликом ал-Ашрафом перед королем доном Хайме и по которым он [король] примет указанные ниже обязательства и даст клятву, как сам, так и упомянутые его братья и зятья. Оба посла поставили свои подписи под всеми разделами, о которых речь пойдет ниже, согласно распоряжению и предначертанию короля, и дон Хайме, и его братья и зятья дают по ним следующие обязательства: дружба и взаимное согласие устанавливаются от указанной выше даты и на протяжении следующих друг за другом годов и лет и сменяющих друг друга ночей и дней – на суше и на море, на равнинах и на горах, вблизи и вдали. Государство султана ал-Малика ал-Ашрафа – его крепости и твердыни, пограничные окраины, подвластные ему страны, гавани его городов и прибрежных земель и суши, все области [климаты] и города и все, что входит в состав его

государства и под его сюзеренитет из числа некоторых областей таких стран, как Византия, Ирак, Восток, ал-Шам (Сирия), Халеб, Приевфратье, Йемен, Хиджаз. Египет и Запад. Граница этой страны, ее областей и ее гаваней и прибрежных земель по земле аш-Шама тянется от Константинополя и по прибрежной земле Византии, а именно: от Триполи западного (ливийского) по побережью Барки, Александрии, Дамйетты, ат-Тины, Катйи, Газзы, Аскалона, Йаффы, Арсуфа, Кайсарии, Аслиса, Хайфы, Акки, Сура, Сайды, Бейрута, Джубайла, ал-Батруна, мыса Триполи Восточного, Тарсуса, Мара-кийи, ад-Маркаба и далее по побережью от ал-Маркаба – Бап-йаса и других пунктов, Джабала, ал-Лазикийи, ас-Сувайдийи и всех гаваней и суши до побережья Дамйетты и озера Тиннис.

Ее граница по суше на западе: от Туниса, африканских областей, городов и гаваней, Триполи Западного с его пограничьем, областями и гаванями, Барки с ее пограничьем, областями и гаванями до пограничья Александрии, Розетты и озера Тиннис, его побережья, прилегающих областей и гаваней.

И все, что включает в себя эти упомянутые государства и страны, и те, которые не упомянуты, а также города, пограничные и прибрежные области, гавани и пути на суше и на море, отъезжающие и прибывающие, воины и войска, туркмены и курды, бедуины и оседлые, купцы и галеры, корабли и суда, имущество и скот, люди различных вероисповеданий, сословий и пола, и все, что имеется во владениях из других видов имущества, оружия, товаров, продаваемого и покупаемого, будь то в малом количестве или большом, вблизи или вдаль, будь это на суше или на море, а также люди или души, имущество, семьи и дети – все обеспечивается безопасностью со стороны короля дона Хайме, его упомянутых братьев и зятьев, их детей, рыцарей и всадников [кабальерос], их союзников, моряков и сухопутных воинов и всех, кто от них зависит. Таким же образом это будет относиться ко всем завоеванным всевышним Аллахом руками самого ал-Малика ал-Ашрафа, его детей, воинов и войск крепостям, твердыням, странам и областям. На них тоже распространяются эти условия.

Государство короля дона Хайме и государство его братьев и зятьев и страны, упомянутые в этом перемирии, а именно:

Арагон, его округа и области; Сицилия с ее островами, городами и областями, Баррубулия с ее округами и областями, остров Мальта, Пантеллерия с ее городами и округами, Майорка, Ибиса с городами ... и прилегающими к ним округами и все, что завоеует король дон Хайме из земель его врагов – франков, прилегающих к его владениям – все это обеспечивается безопасностью со стороны ал-Малика ал-Ашрафа, его детей, воинов и войск, галер и моряков – в безопасности страна и все в ней находящиеся рыцари, всадники и подданные. Жители его государства пребудут в спокойствии за свои души и имущество, семьи и детей на суше и на море, отъезжающие и приезжающие.

Сам король дон Хайме, его братья и зятья являются друзьями тех, с кем дружат ал-Малик ал-Ашраф и его дети, и врагами тех, кто враждует с ними из числа других франкских и нефранкских королей.

В случае если со стороны папы римского или какого-либо франкского короля, коронованного или некоронованного, великого или малого, или же со стороны Генуи или Венеции или всевозможных франкских и христианских сект и орденов – братства тамплиеров, госпитальеров, или Византии, а также со стороны других христианских орденов – кто-либо вознамерится нанести удар государству ал-Малика ал-Ашрафа посредством войны или ущерба, то король дон Хайме, его братья и зятья должны им воспрепятствовать и отогнать, используя свои галеры и корабли и вторгаясь в эти страны. Они лично должны воспрепятствовать вторжению в государство ал-Малика ал-Ашрафа, в его гавани, побережья и пограничные области, упомянутые и не упомянутые, и сразиться с ними на суше и на море своими галерами, кораблями, всадниками, кавалерией и пехотой.

В случае если один из союзников ал-Малика ал-Ашрафа из числа франков уклонится от перемирия, установленного между ним и ними, и возникнет необходимость расторжения договора, то ни король дон Хайме, ни один из его братьев и зятьев, ни их рыцари, ни всадники, ни жители их стран не окажут им помощи лошадьми, кавалерией, оружием, пехотой, деньгами, помощью, провизией, кораблями, галерами и прочим.

В случае если папа римский, короли франков, цари Византии, [ханы] татар и другие потребуют у короля дона Хайме или его братьев или зятьев или от их стран помощи или содействия – кавалерией или пехотой, деньгами, кораблями, галерами или оружием, то он не должен давать им согласия на что-либо из этого ни тайно, ни явно, не выделять ни одному из них ничего и не помогать им в этом. А когда они узнают, что один из них направляется против государства ал-Малика ал-Ашрафа для войны и нанесения ущерба, то ал-Малик ал-Ашраф в кратчайшее время должен быть уведомлен об этом и о том, куда они намереваются осуществить свое вторжение, до того, как они предпримут поход из своих стран, и они не должны скрывать от него ничего.

В случае если один из мусульманских кораблей окажется разбитым в стране короля дона Хайме, в стране его братьев или стране его зятьев, то [им надлежит] обеспечить его охрану, сохранить корабль и его имущество и помочь в ремонте корабля и отправить его вместе с имуществом и товарами в государство ал-Малика ал-Ашрафа. Таким же порядком, если разобьется корабль из страны короля дона Хайме, страны его братьев и зятьев и его союзников в государстве ал-Малика ал-Ашрафа, то на них также распространяются эти положения.

В случае если один из мусульманских или христианских купцов – подданных государства ал-Малика ал-Ашрафа или кто-либо из иноверцев – жителей его государства умрет в стране короля дона Хайме или стране его братьев, зятьев, детей или союзников, то они не должны относиться с возделением к его имуществу и

товарам, а должны перевезти его товары и вещи в государство ал-Малика ал-Ашрафа, чтобы с ними поступить по назначению. Таким же образом надлежит поступить с тем из подданных государства короля дона Хайме, стран его братьев, зятьев и союзников, кто умер в государстве ал-Малика ал-Ашрафа. На него также распространяются упомянутые положения.

В случае если территорию государства короля дона Хайме, стран его братьев, зятьев и союзников будут пересекать послы из государства ал-Малика ал-Ашрафа, которые следуют в одном из направлений — близком или дальнем, отбывают или прибывают, или же они были заброшены в их страны ветром, то послы, их гулямы и слуги и те, кто следует с ними из числа послов владык или других лиц, — все они должны быть обеспечены сохранением жизни и имущества и переправлены в государство ал-Малика ал-Ашрафа.

Если в одной из стран короля дона Хайме, его братьев и зятьев произойдет случай, повлекший за собой расторжение договора, то каждый из них — король дон Хайме, его братья и зятья — должен вызвать того, кто это сделал, и принять в отношении его необходимые меры.

Королю дону Хаме, его братьям и зятьям, каждому из них, надлежит дать возможность жителям их стран и прочим людям из франков доставлять к пограничным окраинам мусульман железо, доспехи, лесоматериалы и прочее.

В случае если кто-либо из мусульман попадет в плен на суше или на море в период заключения этого перемирия и он будет из других стран — восточных или западных, ближних или дальних — и будет доставлен в страну короля дона Хайме и страны его братьев и зятьев для продажи его там, то королю дону Хайме, его братьям и зятьям надлежит освободить пленного и переправить его в государство ал-Малика ал-Ашрафа.

В случае если между купцами-мусульманами и купцами стран короля дона Хайме, его братьев и зятьев имеются деловые взаимоотношения, касающиеся их товаров, а купцы эти находятся в государстве ал-Малика ал-Ашрафа, то их дело должно быть разрешено на основе благородного шариата.

В случае если один из мусульман сядет на какой-либо корабль страны короля дона Хайме, его братьев и зятьев и повезет на нем свой товар, который впоследствии пропадет, то королю дону Хайме, его братьям и зятьям надлежит возвратить этот товар, если он будет обнаружен, или [возместить] его стоимость, если он будет утрачен.

В случае если из стран ал-Малика ал-Ашрафа, вступивших в это перемирие, сбежит кто-либо в страну короля дона Хайме, его братьев и его зятьев, или отправится с чужим товаром, то королю дону Хайме, его братьям и зятьям надлежит возвратить беглеца или же того, кто находился с товаром, вместе с товаром в государство ал-Малика ал-Ашрафа, пока он остается мусульманином. Но если он перешел в христианство, тогда возвращается бывшее с ним его личное имущество. На тех из подданных короля дона Хайме, его братьев и зятьев, кто сбежит из их стран в государство ал-Малика ал-Ашрафа, упомянутые выше правила распространяются таким же образом.

В случае если из стран короля дона Хайме, его братьев, зятьев и союзников из числа франков отправится кто-либо с целью паломничества в благословенный Иерусалим и у него в руках будет письмо короля дона Хайме с его печатью на имя наместника ал-Малика ал-Ашрафа в благословенном Иерусалиме, то таковой получает широкие права, позволяющие ему осуществить его паломничество и возвращение в свою страну, будучи уверенным в безопасности своей и своего имущества — будь это мужчина или женщина. Однако король дон Хайме не будет давать никаких писем никому из своих врагов или из врагов ал-Малика ал-Ашрафа с целью паломничества.

Сам король дон Хайме, его братья и зятья будут охранять все страны ал-Малика ал-Ашрафа от любого ущерба, и каждый из них будет стараться, чтобы ни один из врагов ал-Малика ал-Ашрафа не достиг государства ал-Малика ал-Ашрафа, не будут оказывать им помощи для нанесения вреда государству ал-Малика ал-Ашрафа и его подданным. Они будут помогать ал-Малику ал-Ашрафу на суше и на море во всем, что он пожелает и что изберет.

На всех, кто отъезжает, прибывает или передвигается из стран короля дона Хайме, его братьев и зятьев в пограничье Александрии, Дамьетты и пограничные окраины мусульман и стран султана с различными товарами и всевозможными предметами торговли, распространяются налоговые законы, утвержденные в действующей государственной канцелярии [диване] за последнее время. И в данном случае с ними никаких инцидентов происходить не должно. Таким же образом действуют правила в отношении тех, кто передвигается из султанских земель в страны короля дона Хайме, его братьев и зятьев.

Эта дружба и перемирие сторонами устанавливаются на основании предписанных выше условий постоянно и непрерывно. Правила и положения [перемирия] будут действовать с наилучшей устойчивостью. Государства, упомянутые в нем, почитаются за одно государство и за один субъект. Его действие не прекращается ни со смертью одного из владык, ни после смещения одного и прихода к власти другого. Его правила будут подтверждены, а его дни, месяцы и годы будут оставлять его положения в силе. Об этом и было составлено это перемирие, которое утверждается с упомянутой выше даты. И они остаются такими с помощью всевышнего Аллаха, который спешествует своим великодушием!»

¹ Восьмой султан из династии мамлюков Бахри. Правил с 11 ноября 1290 по 13 декабря 1293 г.

² Король Арагона, Каталонии и Валенсии Хайме II.

³ Месяц сафар 692 г. хиджры начался 11 января и закончился 8 февраля 1293 г.

⁴ Здесь – двор султана ал-Малика ал-Ашрафа.

⁵ Король Кастилии Санчо IV (в 1284-1295 гг.).

⁶ Возможно, речь идет о короле Португалии Альфонсе III (1285-1291 гг.), с которым была достигнута предварительная договоренность о перемирии еще при его жизни.

⁷ Передача имен послов с арабской графики весьма затруднена. Возможны варианты: Русудимар Мунд, Русудим Рамонд (Раймонд). Второе имя может читаться как Демон Алман или ал-Ман.

Песня об осаде Альмерии

Песня посвящена неудачной осаде мусульманского города Альмерии арагонцами Хайме II – с июля 1309 г. по январь 1310 г.

Будь в помощь мусульманам – о, Господь двух миров!

1. Это Ты, который Единственный, Всевышний.

Был пред тобой человек

Дабы одобрить лучшего из рабов Твоих:

Он, Мухаммад, который их уверял

Что Ты поможешь им!

2. И, несомненно, Ты направил им

Кого-нибудь, кто им послужит опорой!

Призвав пророка

И воззвав к святым,

Они не оказались отвергнутыми, разочарованными!

3. Погуби, Господь мой, врага!

Не дай ему достичь своей цели!

Тебе хорошо ведомо то, чему они поклоняются,

Эти нечестивцы:

Господь мой, отрази их и обрати в ничто их усилия!

4. Дьявол сказал им:

«Распространяйтесь на вашей земле!»

Не равные ли им

Погибли среди их старцев

От мечей Меринидов?

5. Они преисполнились уверенности, когда собрались вместе,

Что они будут владычествовать в ал-Андалусе,

Затем – что они истребят создания [божьи],

Приведенные в пассивное положение

Среди этих мудехаров (которыми являемся мы)!

6. Дьявол воодушевил их

По мере их знаний;

И удержал в их трубах

Дыхание проклятого Сатаны,

Чтобы напомнить им об успехах предков их.

7. И христиане повторяли тогда

Мудехарам: «Станьте христианами!

Смените (на другую одежду) эти шубы (которые выделяют вас).

Тогда вы будете окружены почетом,

В точности как новообращенные (Альмогатасес)».

8. Люди с рассудительными ответами говорили (мудехарам):

«Стойко переносите вашу боль!

Не сегодня-завтра

Божественная помощь избавит вас

И уничтожит безбожников!».

9. Когда настал 700-й год

И к нему добавились еще девять лет

Джавми [Хайме] послал вестника своего объявить:

«Кто пожелает прийти на помощь мне,

Сражаться с мусульманами,

10. Тому я дам виноградник, по цене его аренды

А также дом рядом!

Он будет (пребывать) в почете подле меня!

Те, кто получают мой дар, не будут наслаждаться им под видом долга
И владение им будет обеспечено им в будущем!».

11. Он собрал войска и припасы,
Слишком многочисленные, чтобы перечислять.
Затем его люди излились по стране,
Чтобы собрать подати с зажиточных
И со всех богачей.

12. Он оставил землю, лишенную (людей),
Как в горах, так и на равнинах,
От Жероны до Мурсии.
Не осталось никого, способного нести тесак
Или способного произнести меньшую жалобу.

13. (Они выступают в поход), с крестом на плече,
Они настаивают, что их Бог
Повелел им поступить подобным образом:
То ложь этих проклятых

По отношению к Владыке Мира!
14. Итак, они возлагают на себя оружие,
Эти злые христиане,
С лицами, отмеченными неудачей!
Большинство были новообращенными,
И были также здесь еврей-лжецы.

15. Астролог поведал им:
«Ваш гороскоп благоприятен!
Вы находитесь под знаком Марса,
А мусульмане – под знаком Юпитера:
Они будут побеждены!».

16. В Альмерию они явились,
Они страстно желали захватить ее,
Дав бой ее жителям:
Это увенчало бы их славой,
Утвержденной на веки вечные!

17. Хочешь услышать рассказ?
Когда я увидел, что море
Наполнилось галерами,
Я сказал: «Господь Мой, помоги нам,
Приверженцам Единого»!

18. Прибыли португальцы,
Как всадники, так и пехотинцы,
В несметном количестве,
С лошадьми, покрытыми кольчужными попонами,
И латниками.

19. А также кастильцы,
Явившиеся себе на погибель, проходят по дорогам
В направлении Альхесираса.
Они разбили лагерь,
Уверенные (в победе).

20. Затем вражеские всадники объездили
Неровную местность и равнины.
Было бы слишком долго рассказывать о том.
Что же до стойкости, проявленной мусульманами,
Никто не сможет описать ее!

21. Аллах показал Свою мощь,
Затем проявил Свое милосердие
К Пророку и его народу:
Сердца были удовлетворены.
Будь им в помощь, о мой Господь!

22. Они стойко сражались за веру!
Немало их пали мучениками:
Господь созданий собрал их,
Отпустив им грехи,

Тела их приведя в безупречное состояние.
23. Ах, какие люди!
Ах, да, какие люди!
Они готовились к бою.
Наклонялись, чтобы избежать стрел,
Держались под ударами копий,
Не отступали, поворачиваясь спиной к врагам!
24. Они держались на месте.
Аллах видел их крепость
И наполнил их сердца убеждением,
Что они стойкие воины
И что их сердца искренни!
25. Аллах даровал чудо,
Изменив этих воинов.
Они истребили вражеские рати
Среди толп неверных
И вынудили других запереться в осаду.
26. Затем мор обрушился
На христиан, грешников,
(Появившись) в их палатках и шатрах.
Слышен был звон колоколов,
Когда среди них умер знатный человек.
27. Затем у них подорожала провизия,
И (появились) дезертиры и бедствия.
Вшами наполнились их головы!
Если бы ты видел их изнуренными, в нужде,
И их бритые головы!
28. Обезьяньи морды напоминали их лица,
И христиан, и евреев!
Аллах покрыл морщинами их физиономии.
Они лежали на солнце,
Пока смерть вершила свое дело!
29. Дождь свирепствовал ночью и днем,
И блохи рассеивались
Как уведенная в плен семья.
То был ясный знак божественного гнева,
Предостережение тем, кто придет позже!
30. Не было лекарств, чтобы ухаживать за всеми.
Они стали жертвами своего зловония,
Среди своих завываний, подобно псам.
Ты мог видеть их тогда добычей ужаса,
Отчаявшимися добиться того, на что они рассчитывали!
31. Аллах отправил в их лагерь тучи мух,
Бросившихся на паршивых
Как туман или облако!
Они покрывались шрамами (?), полные ужаса,
Расчесав все тело до крови.
32. Затем, случилось так, что их писцы
Уподобились прокаженным.
Они уверились, что Аллах обрушил
Свой гнев на грешников
И что они заблуждались.
33. Они сказали: «Отправим в море
Всех, кто сеял зло,
И их уведут в плен.
Ибо (если мы оставим при себе) женщин и грешников,
Мы будем тоже захвачены!».
34. Они заполонили ими суда
И отправили в некое место,
Которое могло бы послужить им убежищем.
Но мусульмане вышли

И взяли их в плен!
35. Если бы ты видел мудехаров,
Когда до них дошла эта весть!
Они выслушивали ответы на вопросы,
Склонив головы,
С радостью в сердце!
36. Они направили свои молитвы к Аллаху,
В мечетях, благочестиво,
Чтобы враг никоим образом не отомстил бы
Владениям Верующих
И чтобы они сами были под защитой от их преступлений.
37. Затем они передали известия
О том, что опустошение было осуществлено,
В Кастилию, и что это стало
Уроком для тех, кто усомнился,
(Свершенным) руками мусульман.
38. Христиане, проведая об этих бедствиях,
Где пролилась их кровь,
Были тогда уверены в своей гибели
И тотчас протрубили отступление,
Побежав к своим жилищам.
39. В их палатках возник
Огонь и они сгорели.
Друг за другом они тонули
В море, о те, кто слушает меня,
Все, кому ничем не помогли.
40. Хайме послал своих гонцов,
Но не стал ждать их возвращения
Из-за того, о чем ему говорили.
Он бросил своих всадников в бою
И поднялся к матросам.
41. Он сказал им: «Вставайте, идти к парусу!
Подчиняйтесь моим словам!
Всадники Ислама наступают
В нашем направлении, прямо сюда,
И движутся на нас!».
42. Если бы ты мог видеть их возвращение!
Свои палатки они разодрали в клочья!
С трудом они отступили,
Каждый глас изрекал стон:
«Сжальтесь над нами, добросердечные!».
43. Одежды их были в лохмотьях,
Уздечки их коней состояли из кусков,
Лица пестрели
Чернотой, подобной грязи,
Которая покрывала их до низа головы!
44. Вернувшиеся в свою семью
Заразили ее при встрече,
И их соседи отчитались за это (?).
(Другие) поддались болезни (в пути)
И лежали на дорогах.
45. Те, кто приближался к ним, пожалели о том:
Они заболели или постоянно чувствовали себя плохо
И смерть тут же настигла их.
Мест погребения не хватало для их трупов;
Их хоронили в церквах.
46. Если бы ты видел, что они делали
В Аликанте, когда разместились там:
То была обоюдная резня,
Деяние людей без веры,
Знак для созерцателей!

47. Тот, кто не удалился в спешке,
 Спешил от живого, невзирая на его мольбы,
 И его слезы струились как дождь!
 Они выстроили свод на водоеме
 И он стал жилищем преступников.

48. В Аликанте большая
 Водонапорная башня стала могилой
 Для костей неверующих.
 Там их погребали насильно,
 Еще живых и умоляющих!

49. Ведомо тебе, Господи, что
 Я не закончил и половины своей поэмы.
 Сколь многое еще могу поведать я!
 Если другие составители пожелают поговорить на эту тему,
 Они завершат свой труд лишь по истечении немалого срока.

50. Я устал жить здесь как мудехар!
 Господь, дай мне (возможность) покинуть эту страну в состоянии
 Хорошем и в благоприятное время!
 Ибо здесь я среди хлама и презрения,
 В гуще неверующих.

51. Вот то, что искренне поведал ал-Кайси,
 Умоляя Того, кто обладает славой;
 Быть может, благосклонно воспримет Он его просьбу,
 Которая суть воззвание Верующих:
 «Да придет Аллах на помощь
 Всем мусульманам!».

Об участии свободных крестьян в битве при Тарифе в 1340 г. (Из «Хроники Альфонса XI»)

Битва при Тарифе, состоявшаяся в 1340 г. – одно из сражений эпохи Реконксты.

...И поскольку были здесь пехотинцы из гор Бискайи, и Гипускоа, и Алавы, и Астурии, всем им в Севилье король дал щиты, шлемы, копья и арбалеты.

И кроме того, были там и пехотинцы из других городов королевства и из земель орденов.

Во главе их в качестве командира был поставлен дон Перо Нуньес де Гусман из Леона. И король приказал, чтобы все пехотинцы выступали под стягом Перо Нуньеса. И кроме того, король приказал, чтобы рыцари Перо Нуньеса и рыцари королевского отряда, которых король выделил для этого, стали во главе отрядов пехотинцев... в соответствии с тем, что приказал король, пехотинцы находились с доном Перо Нуньесом; значительная часть их занимала вершину горы Пенья дель Сиерво, а среди тех, которые находились с войском, были крестьяне и простые, незнатные люди.

Захват Лиссабона испанцами (Письмо из Лиссабона от 1 сентября 1580 г., полученное фирмой Фуггер от своего агента)

Документ характеризует важнейшее событие международной жизни XVI в. – захват Лиссабона испанцами. Неожиданная смерть португальского короля Себастьяна, погибшего в предпринятой им африканской экспедиции, послужила для испанского короля Филиппа II поводом, чтобы предъявить, в качестве родственника, свои претензии на престол Португалии.

Значение этого события заключалось в том, что вместе с португальской короной Филипп II становился обладателем обширнейших колониальных владений, и, таким образом, в его руках с этого момента сосредотачивались все вновь открытые земли, которые в конце XV в. были разделены между Испанией и Португалией. В результате, Испания превращалась в настоящую «мировую державу» и это неизбежно должно было обострить конфликт между Испанией и Англией.

Виной тому, что я давно уже не писал, – война и связанные с нею беспорядки, которые были тут у нас. 25 августа герцог Альба покорил Лиссабон силой меча. Ходит слух, что со стороны португальцев пало 3 тыс. человек, часть которых я лично видел на другой день после битвы. Мертвецы валялись друг на друге подобно свиньям. Я вышел на осмотр поля битвы вместе со свитой графа де Лодрон, расположившегося у нас в доме.

Все улочки завалены трупами людей и лошадей, так что мы должны были ходить по ним, как по мосту. Некоторые были еще живы, время от времени среди груды тел подымалась то рука, то нога, то голова. В общей сложности это было ужасное зрелище. Пригород, который втрое больше самого города, предавался разграблению день за днем в течение трех суток. Забиралось все. Не оставляли даже гвоздя в стене. Войска, однако, не вошли в город, так как герцог Альба издал на то суровое распоряжение. Войска еще продолжают оставаться под городом. Нам, слава господу, не причинили никакого ущерба.

Четыре дня назад сюда пришло 5 кораблей из Индии. Должен был прибыть еще один корабль, который в этом же году отправился в португальскую Индию. Он, однако, повернул назад. Никто знает, где находятся корабли, высланные навстречу этому флоту.

Взаимоотношения Испании и Англии

Оценка испанской политики Елизаветой I (Из письма Елизаветы I Генриху IV)

Долголетние религиозные войны, которые велись во Франции, создавали благоприятный предлог для вмешательства Филиппа II во внутренние дела Франции. В качестве ревностного защитника католической религии Филипп II оказывал поддержку ослабленной королевской власти, а затем «католической лиге» в их борьбе против гугенотов.

Постепенно подчиняя их своему влиянию, он стремился поставить Францию в прямую зависимость от Испании. Генрих IV, придя к власти, свою борьбу за единство и независимость Франции неизбежно должен был начать с изгнания испанских отрядов. Именно к этому моменту и относится приводимое письмо королевы Елизаветы I. Предлагая Генриху IV свою помощь против Испании, Елизавета I дает общую оценку всей внешней политике Испании.

Союз Филиппа II с папою имеет целью восстановить власть Рима во всех христианских государствах. Испанский король, который уже давно задумал всемирную монархию, хочет благодаря союзу с папою достичь апогея задуманного им могущества, прикрываясь, при этом заботою о восстановлении папской власти и единства церкви.

Франция является театром, в котором разыгрывается политическая трагедия. Лига [католическая] поддерживается испанскими деньгами, – таковы последствия союза папы с государями, приникшими на себя защиту римского первосвященника.

Последствия эти начались во Франции, но распространяются и на все другие европейские государства, если только бог допустит это. Все христианские государи должны поэтому быть заинтересованы в данном вопросе. Они не захотят оставаться праздными зрителями борьбы, успешный исход которой будет имен, всеобщее значение.

Лучше всего обдумать меры к общему тесному союзу и обнаружить, по крайней мере такое согласие и такую взаимную связь для охраны нашей политической независимости, которые не уступали бы согласию и союзной связи папы, испанского короля и их союзников, соединившихся с целью погубить нас.

Морской разбой англичан (Сообщение из Севильи от 21 января 1569 г.)

Из Виго в Галисии прибыло несколько писем, в которых содержится следующее. В минувшем году один англичанин отправился с восемью хорошо оснащенными кораблями из Англии в Гвинею, к морскую сферу короля Португалии. Променяв свои товары на 15 сотен чернокожих, он с этими [невольниками] на борту взял курс к берегам Новой Испании. Чтобы проделать все без противодействия и по своему усмотрению, невдалеке от Вера Крус, в котором испанский флот всегда разгружается и производит погрузку, он занял небольшой островок Сан Хуан де Луа, мимо которого постоянно вынужден проходить испанский флот. Там он преградил воды кораблями и орудиями с таким расчетом, чтобы испанский флот, состоявший из 30 кораблей, вскоре затем прибывший, не мог без его согласия войти в гавань Вера Крус. Испанский генерал был вынужден заключить с упомянутым англичанином договор, по которому этот последний получал возможность свободно распродать своих чернокожих и увезти с собою вырученные деньги. Все это было указано в договорной грамоте, и каждый дал другому по 12 заложников. По истечении немногих дней испанский генерал, вошедший в гавань Вера Крус, сочтя договор несправедливым или гневаясь на насильственные действия англичанина, нарушил этот договор, но не открыто и гласно, а тайно, на деле. По его указанию и скрытно семь старых кораблей были зажжены, выпущены из гавани и направлены в сторону английских судов. Подобным образом намеревались сжечь все английские корабли с их капитанами. Однако, когда англичанин заметил это и понял обман, он рассердился и поступил с прочими испанскими кораблями так, что четыре из них он отправил ко дну. При этом его собственные корабли не потерпели ни малейшего ущерба. С 12 испанскими заложниками на борту он взял курс к берегам родины. На обратном пути буря рассеяла его корабли, и он на единственном корабле, терпя бедствия

и недостаток в пище, добрался до Виго. Он не смог бы далее продержаться на море и трех дней! Там [в Виго] он обеспечил себя всем необходимым и направился в Англию. Неизвестно, где остальные его корабли и какова их участь.

Нападение англичан на Кадикс (Донесение фирме Фуггер из Венеции, 22 мая 1587 г.)

5-го сего месяца мы получили письмо из Мадрида, гласящее, что, по сообщениям из Севильи от 30 апреля, английский корсар Дрейк со ста кораблями напал на Кадикс. При этом он располагал хорошо вооруженными талионами. Нападавшие захватили стоявшую в этом порту королевскую армаду, которая насчитывала 22 корабля и талионы. Снаряжение и прочие вещи они предали огню, так как не могли вести с собой кораблей. Люди, находившиеся в составе команд испанских кораблей, по большей части заблаговременно бежали на сушу. Эти корабли представляли собой нерв всей армады. Дай бог, чтобы индийская флотилия армады не попала в их руки, ибо следует опасаться, что Дрейк станет ее подстергать.

Тогда на море не останется никакого флота, способного противостоять Англии.

Пожалование папой Филиппу II короны Англии и Ирландии (Из Зальцбурга от 14 июля 1588 г.)

Война поворачивается лицом к Англии, и из мирных попыток не получается ничего. Его папское святейшество в присутствии моего милостивейшего господина Зальцбургского архиепископа в Ватикане повелел публично огласить буллу. В этой булле английская королева [Елизавета] в качестве давно осужденной еретички лишается своего королевства, страны и подданных. Эти подданные, какого бы сословия они ни были, освобождаются от присяги, в силу которой они несут свои обязанности верноподданных.

Папа лишает Елизавету всех донныне ей принадлежавших титулов, отрешает ее от почестей и передает их все целиком королю Испании. Этот последний должен отныне в качестве законного, избранного и утвержденного короля Ирландии, в качестве защитника католической веры править в этой стране. Он должен победить королеву и стремиться подчинить себе ее страну и людей. Его святейшество публично провозгласил его величество [Филиппа II] королем Испании, Англии и Ирландии и хочет даровать ему этот титул на вечные времена, однако, с условием, чтобы его величество, получив эти провинции [Англию и Ирландию], подобно неаполитанскому королю, повинен был давать римскому престолу определенную ежегодную пенсию. Чтобы его величество мог это сделать легчайшим образом, его святейшество отпустил в виде вспомоществования один миллион крон. Половина дается к моменту ныне предстоящего отплытия армады, а вторая будет выплачена, как только пехота его величества высадится в Англии и захватит там какую-либо из известных гаваней.

Гибель «Непобедимой армады»

Непобедимая армада или Великая и славнейшая армада – крупный военный флот (около 130 кораблей), собранный Испанией в 1586-1588 гг. для вторжения в Англию во время англо-испанской войны (1587-1604 гг.). Поход Армады состоялся в мае-сентябре 1588 г. под командованием Алонсо Переса де Гусмана, герцога Медина-Сидония.

Непобедимая армада была потрѐпана англо-голландским флотом из лёгких и манѐвренных кораблей, которым командовал Чарльз Ховард, в серии боѐв, завершившихся Гравелинским сражением. В них отличились «пираты Елизаветы», самый известный из которых – Фрэнсис Дрейк. Сражения длились 2 недели. Армада не сумела перегруппироваться и ушла к северу, отказавшись от вторжения, причѐм английский флот следовал за ней на некотором отдалении, идя вдоль восточного побережья Англии.

(По свидетельству современника-англичанина, 8 августа 1588 г.)

27-го дня этого месяца [июля] к ночи испанцы стали на якорь перед Кале, предупрежденные лодчанами, что если они продвинулись дальше, то можно опасаться, что силой течения они будут отнесены в Северный океан. Поблизости стал также на якорь лорд-адмирал со своими кораблями на расстоянии пушечного выстрела от них; к нему присоединили свои корабли Сеймур и Винтер. Теперь здесь английский флот состоял из 140 кораблей, способных сражаться, плыть на парусах и поворачиваться как угодно; однако здесь было не более пятнадцати кораблей, которые некоторым образом выдерживали и отражали всю тяжесть сражения. Испанцы сейчас же, как это они не раз делали раньше, настойчиво просили герцога Пармского через отправленных один вслед за другим посланцев, прислать 40 легких голландских кораблей, без которых они не могли успешно сражаться с английскими кораблями по причине чрезвычайной величины и неповоротливости испанских кораблей и замечательной подвижности английских. Они весьма настойчиво просили его выйти в море с армией, которую испанский флот будет защищать под своим крылом (так было решено), пока она не высадится

в Англии. Но он, не будучи готов, не мог явиться на их зов, так как его плоскодонные корабли, приспособленные для плавания в мелких водах, давали течь, запасы съестных припасов не были приготовлены... На следующий день после того, как испанцы бросили якорь, лорд-адмирал приготовил восемь из своих худших кораблей, обмазал их воспламеняющимся составом, дегтем и смолой, наполнил серой и другими горючими материалами и, под командой Юнга и Проуса, послал их во мраке ночи по ветру на испанский флот. Когда испанцы увидели приблизившиеся к ним брандеры и все море было освещено их пламенем, то они предположили, что эти брандеры угрожают не только пожаром, но также снабжены смертоносными орудиями и губительными изобретениями, с криком испуга подняли якоря: перерубили свои канаты и в паническом ужасе, с большой поспешностью и в беспорядке вышли в море. Среди этой суматохи большой галлеас сломал свой руль; он носился туда и сюда и на следующий день, в страхе плывя по направлению к Кале, сел на песчаную мель... а солдаты или были потоплены, или пали под мечом, и большое количество золота досталось в добычу. Корабль и артиллерия достались губернатору Кале.

Испанцы передают, что, когда приблизились брандеры, герцог командовал всему флоту сняться с якоря, с тем чтобы, когда опасность исчезнет, каждый корабль возвратился на свое место. Действительно, он возвратился, дав сигнал выстрелом из большой пушки, чтобы остальные сделали то же самое, однако сигнал был услышан только на немногих кораблях, так как они были рассеяны повсюду и от страха часть их понеслась в открытый океан, а другие направились к мелям Фландрии.

Тем временем Дрейк и Феннер жарко обстреливали своей артиллерией испанский флот, который снова собрался против Гравеллинга... Весь испанский флот в течение всего дня терпел самые ужасные бедствия.

В последний день месяца рано утром подул сильный вест-норд-вест, и испанский флот, старавшийся возвратиться в узкий пролив, был унесен по направлению к Зеландии. Англичане не преследовали их, потому что (как думают испанцы) они видели, что они почти были обречены на гибель, так как при вест-норд-весте они не могли не наткнуться на пески и банки вблизи Зеландии. Но так как скоро ветер поворотил на юго-запад, то они поплыли по ветру и, миновав банки, вечером совещались, что делать; с общего согласия было решено возвратиться в Испанию через Северный океан, так как они нуждались во многом, особенно в тяжелой артиллерии, корабли их были испорчены и не было надежды на то, что герцог Пармский сможет выставить свой флот.

Поэтому они, выйдя в глубокие воды, направили курс на север и по временам вступали в бой с преследовавшим их английским флотом.

(Сообщение из Англии о «Великой армаде», полученное 19 ноября 1588 г. в Аугсбурге из Гамбурга)

Армада короля Испании отплыла от португальских берегов в составе 135 парусов, в том числе: 4 галер из Неаполя, 4 португальских галионов, 44 венецианских кораблей и т.п.

5 июля армада достигла Коруньи и оттуда должна была направиться во Фландрию на соединение с силами герцога Пармского¹, чтобы затем напасть на Англию. Английская армада стояла в то время в Плимуте.

Когда через 8 дней армада вышла из Коруньи, она направилась в Остенде, а затем к берегам Англии, где она от 4 до 5 дней сражалась с английской армадой. В этом сражении англичанам досталось два судна. На одном из них находился дон Педро ди Мендоза, который в качестве пленного был отправлен в Англию. Благодаря непогоде были потеряны 4 португальских галиона, оставшихся у французского берега.

Тогда корабли поплыли дальше и бросили якорь у Кале, так как они не могли больше пройти к Дюнкерку.

В Кале они хотели дождаться герцога Пармского. Последний дал, однако, знать, что он не сможет прибыть раньше чем через 8 дней. Адмирал ответил, что он желает плыть обратно в Испанию. Между тем англичане пустили навстречу армаде несколько горящих кораблей, что заставило испанцев обрубить якорные цепи и поспешить в открытое море. К тому времени каждый корабль оставил по два якоря на мели, а четыре крупнейшие галеры потерпели аварию и сломались под Кале.

На следующий день к 8 часам обе армады столкнулись снова и вели в течение 8 часов сильную перестрелку. В этой битве испанцы потеряли 4 корабля: две португальские галеры, один корабль из Бискайи и еще один. Все четыре пошли ко дну. Три больших венецианских корабля остались у берегов Фландрии под большой угрозой затопления. Из них два корабля достались жителям Флис-сингена, а третий затонул. На одном находился начальник гарнизона Севильи. Как передают пленные, испанцы потеряли в битве при Кале 4 тыс. человек, в том числе начальника кавалерии севильской и неаполитанской.

К этому моменту испанцы еще должны были иметь 120 кораблей, хотя некоторые лица насчитывали только.

Большого галиона, посланного герцогом Флорентийским, после этой битвы никто не видел. Вслед за этим корабли отступили, и англичане в течение пяти дней гнали их вплоть до берегов Шотландии. Там испанцы пересчитали своих солдат и убедились в том, что потеряли уже 8 тыс. человек. Они были частью убиты, частью же погибли вследствие болезней.

Оттуда, не пополняя запасов провизии, армада направилась к Ирландии. Там снова погибло два корабля: один назывался «Св. Себастьян», а другой «Св. Матвей», на обоих было 465 человек. Так как на кораблях испытывался острый недостаток пресной воды, пришлось у берегов Ирландии выбросить за борт много лошадей и мулов. Когда корабли отплыли от Ирландии, главно-начальствующий герцог де Медина Сидония приказал всем капитанам держать курс на Корунью или на другую ближайшую испанскую гавань.

В течение 10 дней все корабли плыли вместе. Потом, вследствие непогоды, герцог Сидония с двадцатью семью кораблями отстал, и было неизвестно, где он находится. Когда армада последний раз находилась вся вместе, в ней было не свыше 78 кораблей. Из больших галер не оставалось ни одной. Два корабля герцога Сидония сели на мель. Лишь 3-4 человека из его отряда спаслись. Они рассказывали, что адмирал имеет лишь 25 бочек вина, мало хлеба и совершенно не имеет воды. Его мачты ослабели и не позволяли натянуть все паруса. 10 сентября большой корабль «Мария-делла-Роза» был выброшен на берег Ирландии. На нем находился полковник Мигэль Оквендо – начальник одной из частей этого флота. Был на нем также и принц Асколи, побочный сын испанского короля, двадцативосьмилетний юноша. Кроме того, на нем было 10 знатных господ, 7 капитанов и 500 солдат. Все они погибли. Спасся лишь один человек, который доплыл, уцепившись за бревно. На этом корабле было 50 пушек и 25 других металлических орудий, а также 15 тыс. дукатов – серебряные реалы и золото.

В тот же день два больших корабля были прибиты к берегам Ирландии. На них было 850 человек, из коих 700 погибло, остальные взяты в плен.

Эти корабли разбились о берег. 12 сентября был выброшен на берег еще один большой корабль. 13 дворян, пливших на этом корабле, были пойманы, а 400 человек спаслись на суше. С другого корабля было снято 78 трупов. На следующем корабле были взяты и плен 15 дворянина, епископ и 79 солдат. Остальные погибли.

17 сентября погибло два больших корабля: «Св. Иоганн» и «Св. Мартин». Адмиралом был де Рикардо, и его корабль был едва ли не самым большим во всем флоте. На нем было 800 солдат, 60 португальских и 40 бискайских моряков. Все они уже в течение 4 дней ничего не ели.

Потом погиб еще галион, на котором находились маркиз и старый гарнизон Неаполя и Севильи. Там были также дон Алонзо де Лайба, Местре де Кампо – начальник миланской кавалерии. 18 сентября из Ирландии пришло известие, что волны выбрасывают на берег много мертвых тел.

¹ Александр Фарнезе, герцог Пармский, был в то время испанским наместником (штатгальтером) в Нидерландах.

1.11. СКАНДИНАВИЯ

Внешняя политика скандинавских правителей

Саги рисуют широкую картину жизни скандинавов, разложение их родового строя, управление, королевскую власть, вырастающую из власти племенного вождя, или викинга, их походы с грабительскими и торговыми целями, хозяйство, верования и др.

Произведения содержат массу ценнейших сведений как по истории Норвегии (в повествование о ее конунгах вплетаются многочисленные отдельные саги и рассказы из жизни норвежцев и исландцев), так и других стран, где бывали норвежцы и исландцы, – Дании, Швеции, Англии, Прибалтики, Киевской Руси, Византии и др.

(Из Саги о Харальде Прекрасноволосом¹)

Деление страны и управление государством

Гл. 6. Конунг Харальд установил во всех подчиненных им землях такой порядок: он присвоил весь одал² и заставил всех бондов³, имущих и неимущих, платить поземельные подати. В каждом фюльке⁴ он посадил ярла, который должен был блюсти законы и порядок и собирать пеню и подати. Ярлу полагалась треть всех податей и повинностей для его стола и других расходов. Каждому ярлу были подчинены четыре херсира [правителя], иногда и больше, и каждому полагалась вейцла [кормление] на 20 марок. Каждый ярл обязан был поставить конунгу для войска 60 воинов, а каждый херсир – 20 человек. Конунг Харальд так сильно увеличил повинности и поземельные подати, что его ярлы были могущественнее и богаче, чем прежние конунги. Когда же в Трандхейме⁵ узнали об этом, к конунгу Харальду устремились многие владетельные мужи и отдались ему под руку [«сделались его людьми»].

Битва в Гаулардале⁶

Гл. 7. Рассказывают, что ярл Хакон, сын Грьотгарда, прибыл к конунгу Харальду из Ирьяра и привел большой отряд на помощь конунгу. После этого конунг Харальд направился в Гаулардаль, и здесь произошла

битва. Два конунга были убиты, и конунг Харальд овладел их землями. Это были фюльки Гаулардаль и Стринд. Он поручил ярлу Хакону управлять фюльком Стринд. Потом конунг Харальд направился в Стьордаль и, выиграв там еще одну битву, овладел этим фюльком. После этого собрались вместе интрэнды⁷ – сошлись четыре конунга со своими войсками: один из них правил в Верадале, другой – в Скауне, третий – в Спарбигвафюльке, четвертый – с внутреннего острова – правил в фюльке Эйна. Эти четыре конунга выступили со своим войском против конунга Харальда. Он принял бой и победил, а из конунгов одни пали в битве, другие же бежали. Конунг Харальд выдержал в Грандхейме восемь сражений, если не больше, и, победив восемь конунгов, овладел всем Гранд-хеймом.

Конунг Харальд подчинил себе фюльк Наумудаль

Гл. 8. На севере в Наумудале были конунгами два брата, Херлауг и Хрольлауг. Три лета они возводили курган. Он был сложен из камня и скреплен известью и деревом. А когда курган был совсем готов, до братьев дошла весть, что конунг Харальд идет на них войной. Тогда конунг Херлауг велел доставить много еды и питья, вошел в курган, взяв с собой двенадцать человек, и велел после этого заложить курган. Конунг же Хрольлауг взошел на холм, где обычно сидели конунги. Он велел устроить там почетное место для конунга и сел на него, потом он велел положить подушки на скамейку для ног, на которой обычно сидели ярлы, и пересел с возвышения вниз на место ярла и сам назвал себя ярлом⁸. Потом Хрольлауг поехал к конунгу Харальду и передал ему свои владения. Он предложил конунгу, что будет служить ему, и рассказал обо всем, что он проделал. Тогда конунг Харальд взял меч, опоясал им Хрольлауга, повесил ему на шею щит и назвал своим ярлом, возведя его на почетное место. Он отдал Хрольлаугу весь фюльк Наумудаль в управление, сделав его там ярлом.

Убийство Аки

Гл. 14. Конунг Харальд снарядился в поход на восток через лес Эйдаског и достиг Вермланда⁹. Здесь он велел устраивать для себя пиры. Жил тогда человек по имени Аки.

Это был самый могущественный бонд в Вермланде, очень богатый и в то время уже немолодой летами. Он прислал людей к конунгу Харальду и звал его на пир. Конунг обещал приехать в условленный день. Аки пригласил на пир также конунга Эйрика¹⁰ и назначил ему тот же день встречи. У Аки была уже большая изба для пиров, но тут он велел построить другую – новую, не меньше прежней, и украсил ее наилучшим образом. Он распорядился убрать ее внутри новыми тканями, а старую избу – старыми. Когда же конунги прибыли на пир, конунга Эйрика с его дружиной поместили в старой избе, а конунга Харальда вместе с его людьми – в новой. И так же было дело со столовой утварью: людям Эйрика подали старые сосуды и рога, правда, позолоченные и красивой работы, а люди конунга Харальда получили новые сосуды и рога, они все были отделаны золотом, блестящие и украшенные рисунками. Но брага и тем и другим подавалась отменная. Раньше Аки был человеком Хальв-дана [Черного]¹¹. Когда наступил последний день пиршества, конунги собрались в путь. Им подали верховых коней. Тогда Аки приблизился к конунгу Харальду, ведя за собой своего двенадцатилетнего сына по имени Обби. Аки сказал: «Господин, если Вы дорожите нашей дружбой, потому что я выказал свое расположение к Вам, когда принимал Вас в своем доме, то вознаградите за это моего сына: я отдаю его Вам на службу». Конунг поблагодарил его за прием, сказав ему много добрых слов, и обещал ему свою дружбу. Тогда Аки достал богатые дары и поднес их конунгу. Потом Аки подошел к конунгу свеев. Конунг Эйрик был одет и собирался уезжать. Он был очень мрачен. Аки взял ценные дары и вручил их конунгу. Конунг отвечал немногословно и сел на коня. Аки пошел проводить его и беседовал с ним. Неподалеку был лес, и дорога шла через него. А когда Аки дошел до леса, конунг спросил: «Что же это ты принимал нас с конунгом Харальдом по-разному, и ему во всем досталась лучшая доля. Ты ведь знаешь, что служишь мне». «Я думал, – говорит Аки, – что Вам, конунг, и Вашим людям хватало угощения на этом пиру. А утварь там, где Вы пили, была старая потому, что Вы – человек старый, а конунг Харальд теперь – в цвете лет. А если ты напоминаешь мне, что я служу тебе, то я знаю также, что и ты мне служишь»¹². Размахнулся тогда конунг мечом и поразил Аки насмерть, асам поехал прочь...

Битва в Хаврсфьорде

Гл. 18. Пришли вести с юга страны, что хёрды и риги, эгды и тели¹³ объединились и восстали. Были у них и корабли, и оружие, и много воинов. Главари там были Эйрик – конунг хёрдаландский, Сульки – конунг рогаландский со своим братом – ярлом Соти, Кьётви Богатый – эгдский конунг – с сыном своим Ториром Длиннолицым, а из Теле-марка – два брата: Хроальд Унылый и Хадд Суровый. Когда же эти вести дошли до конунга Харальда, он собрал войско, спустил суда на воду, снарядил потом своих людей и поплыл вдоль берега на юг. Было с ним много людей из каждого фюлька. А когда он уже миновал Стад¹⁴, это стало известно конунгу Эйрику. К этому времени конунг Эйрик собрал надежное войско, и вот он двинулся на юг навстречу силам, которые, как он знал, шли ему на поддержку с востока. Все войско сошлось севернее Ядара и направилось к Хаврсфь-орду¹⁵. Здесь уже стояло войско конунга Харальда. Началось там великое сражение, ожесточенное и долгое, и кончилось оно победой конунга Харальда. В битве пали конунг Эйрик и конунг Сульки, и ярл Соти, его брат. Торир Длиннолицый направил свой корабль против корабля конунга Харальда, а Торир был ярый берсерк¹⁶. Он сражался ожесточенно, пока не был убит. Никого из защитников на корабле не осталось. Тогда конунг Кьётви бежал и занял один остров, выгодный для обороны. После этого обратилось в бегство все их

войско: кто – на кораблях, а кто перебрался на берег и дальше – посуху на юг за Ядар... Конунг Харальд стал единовластным правителем в Норвегии

Гл. 19. После этой битвы конунг Харальд не встречал в Норвегии сопротивления. Самые ярые его враги были убиты, а другие бежали из страны, и было их великое множество, потому что тогда были заселены обширные земли, ранее пустовавшие. Тогда были заселены Ямтланд и Хельсингьяланд¹⁷; правда, в обеих этих областях кое-кто из норвежцев жил и раньше. В то время, когда конунг Харальд завоевывал Норвегию, были найдены и заселены за пределами страны Фэрейские острова¹⁸ и Исландия. Немало людей отправлялось на Хьялтланд¹⁹, а многие владетельные мужи покидали Норвегию, изгнанные конунгом Харальдом, и становились викингами на западе: зиму проводили на Оркнейских или Судрейских²⁰ островах, а летом занимались разбоем в Норвегии и причиняли стране большой ущерб. Много было и таких владетельных мужей, которые подчинились конунгу Харальду, отдались ему под руку и жили вместе с ним в стране.

Поход конунга Харальда на запад

Гл. 22. Конунг Харальд узнал, что во многих местах в средней части страны разбойничали викинги, жившие зимой за западным морем²¹. Он стал устраивать каждое лето морские походы и обследовал острова и шхеры, но, как только до викингов доходила весть о его войске, все они обращались в бегство и большинство уходило в открытое море. Конунгу это надоело, и вот однажды летом он поплыл со своим войском на запад за море. Вначале он достиг Хьялтланда и перебил здесь всех викингов, кому не удалось бежать. Потом он поплыл на юг к Оркнейским островам и полностью очистил их от викингов. После этого он отправился на Судрейские острова и воевал там, убив многих викингов, которые прежде сами повелевали войском. Здесь было много битв, и чаще всего конунг Харальд оказывался победителем. Потом он воевал в Скотланде²², и здесь также было немало битв. А когда он достиг Мена²³ – дальше на западе, – там уже раньше стало известно, как он разорял страну, и весь народ бежал в глубь Скотланда. Никого из людей там не оставалось, и они увезли с собой все, что можно было из добра, а когда конунг Харальд и его воины сошли на берег, они не нашли добычи...

В ту пору пал в битве Ивар, сын Рагнвальда, ярла в Мэри²⁴, и в возмещение конунг Харальд, отплывая на запад, дал ярлу Рагнвальду Оркнейские острова и Хьялтланд. Рагнвальд же отдал потом обе страны своему брату Сигурду, и тот остался на западе, когда конунг отплыл на восток. Перед отъездом конунг сделал Сигурда ярлом...

Примирение конунга Харальда и ярла динара

Гл. 31. Конунг Харальд призвал для похода своих людей и собрал большое войско. Он поплыл с ним на запад к Оркнейским островам. Когда же ярл Эйнар²⁵ узнал, что явился с востока конунг, он отправился в Нес...

Ездили гонцы и послы от конунга к ярлу и от ярла к конунгу, и дело дошло до соглашения между ними. Они встретились, и ярл полностью принял решение конунга. Конунг Харальд присудил ярлу Эйнара и всех оркнейцев к уплате 60 марок золотом. Бонды считали этот выкуп слишком большим. Тогда ярл предложил заплатить за всех, но за это он должен был получить в собственность весь одал на островах. Большинство бондов согласилось по той причине, что у бедняков было мало земли, а богачи думали, что смогут выкупить свой одал, когда захотят. И ярл выплатил всю виру конунгу. Осенью конунг отплыл обратно на восток. Долго еще потом оркнейские ярлы владели всем одалем на островах, пока Сигурд Хлэдвессон не вернул одал владельцам.

О сыновьях Харальда

Гл. 33. Конунгу Харальду было в то время 50 лет, и многие из его сыновей были взрослыми, а некоторые уже умерли. Многие из них были заносчивы и непокорны и враждовали между собой. Иногда они изгоняли ярлов конунга из их владений, а случалось, что и убивали их. И вот конунг Харальд созвал многолюдное вече²⁶ на востоке страны и пригласил на него уплэндцев²⁷. Тогда он дал всем своим сыновьям звание конунгов и установил закон, что все его прямые потомки должны после смерти отца наследовать звание конунга, а потомки по женской линии – звание ярла. Он разделил страну между сыновьями...

¹ «Сага о Харальде Прекрасноволосом», правившем в конце IX – начале X вв., повествует о первом объединителе Норвегии.

² Одаль – наследственная родовая земельная собственность в Норвегии. Сообщение Снорри об «отнятии всего одаля» конунгом Харальдом в современной историографии считается недостоверным.

³ Свободные люди.

⁴ Фюльк (букв, народ) – первоначально территория расселения племени, впоследствии – округ в объединенном государстве.

⁵ Область в Северо-Западной Норвегии, вокруг Трандхеймс-фьорда.

⁶ Местности, упоминаемые в главе, расположены в Трандхейме.

⁷ Жители внутренних округов Трандхейма.

⁸ Т.е. правителем, подвластным конунгу. Рассказ свидетельствует о превращении самостоятельных князьков в подданных конунга всей Норвегии.

⁹ В Швеции.

¹⁰ Конунга Швеции.

¹¹ Отца Харальда Прекрасноволосого.

¹² Букв.: «Я – твой человек, ты – мой человек».

¹³ Жители округов Юго-Западной Норвегии (Хордаланд, Рогаланд, Эгдафюльк и Телемарк).

¹⁴ Местность на побережье в Западной Норвегии.

¹⁵ Фьорд в Юго-Западной Норвегии, в котором произошла решительная битва между конунгом Харальдом и противниками объединения Норвегии (около 900 г.).

¹⁶ Берсерки – воины, считавшиеся непобедимыми. В разгар битвы их охватывало неистовство, они срывали с себя доспехи и бросались в гущу сражения.

¹⁷ Область на востоке Норвегии, на границе с Швецией.

¹⁸ Фарерские острова.

¹⁹ Шетландские острова.

²⁰ «Южные острова» - Гебридские острова.

²¹ Западное море – Северное море.

²² Шотландия.

²³ Остров Мен.

²⁴ Мэри – область в Северо-Западной Норвегии.

²⁵ Ярл Оркнейских о-вов. Причиной похода конунга Харальда против него послужило убийство ярлом Эйнармом одного из сыновей Харальда.

²⁶ Тинг – народное собрание.

²⁷ Жители Упланда – области в Восточной Норвегии.

(Из Саги о Хаконе Добром¹)

Гл. 11. Пока Хакон был конунгом в Норвегии, между бондами и торговыми людьми царил мир, так что никто не наносил вреда другому человеку или его имуществу. Всего было в изобилии на суше и на море. Конунг Хакон был человек очень веселый, словоохотливый и приветливый. Он был очень умен и выказывал большие способности в составлении законов. Он составил законы Гулатинга², прибегая к советам Торлейва Мудрого. Он составил также законы Фростатинга³ с помощью ярла Сигурда и других трёндов, которые слыли самыми мудрыми. Хейдсевистские же законы⁴, как рассказывалось раньше, составил Хальвдан Черный.

О конунге Хаконе

Гл. 13. Конунг Хакон был добрым христианином, когда он приехал в Норвегию⁵. Но так как вся страна была языческая и повсюду поклонялись языческим божествам, и поскольку язычниками были многие влиятельные люди, чья помощь, так же как и любовь всего народа, представлялась ему необходимой, то он решил исповедовать христианство втайне. Он соблюдал воскресные дни и постился по пятницам. Он ввел закон, чтобы праздновать ель⁶ в одно время с христианским рождеством. Каждый человек должен был наварить по сорок горшков браги (иначе его заставляли откупаться деньгами) и праздновать, пока брага не кончится. Раньше празднование ёля начиналось в ночь, которая приходилась на середину зимы, и длилось три ночи. Конунг рассчитывал, что если ему удастся утвердить свою власть и полностью подчинить себе всю страну, то он сможет ввести христианство. Прежде всего он склонил к христианской вере самых близких к себе людей. Многие крестились из любви к нему, многие покончили с жертвоприношениями. Конунг Хакон подолгу жил в Грандхейме, потому что Грандхейм был средоточием силы в стране. Как только ему показалось, что он заручился поддержкой влиятельных людей, для того чтобы ввести христианство, он послал в Англию за епископом и другими духовными людьми, и, когда те приехали в Норвегию, конунг Хакон объявил, что он хочет всю страну обратить в христианство. Жители Мэри и Раумсдаля⁷ решили поступить так же, как поступили трёнды. Тогда конунг Хакон велел освятить церкви и назначил священников. Когда он приехал в Грандхейм, то созвал бондов на тинг и потребовал принять христианство. Бонды ответили, что они хотят перенести это дело на Фростатинг; они хотят, чтобы там собрались люди из всех фюльков Грандхейма. Тогда, сказали бонды, они дадут ответ на этот трудный вопрос.

О жертвоприношениях

Гл. 14. Сигурд Хлада-ярл⁸, подобно Хакону, своему отцу, ревностно приносил жертвы богам. Вместо конунга он устраивал все жертвенные пиры в Трёндадале⁹. По старому обычаю, когда совершалось жертвоприношение, все бонды должны были прийти к месту, где находился храм, и принести с собой еду, которой хватало бы на все время, пока длится пир. На этот пир все мужчины должны были принести брагу. Там убивали разный скот, а также лошадей. Вся кровь, которую при этом собирали, называли жертвенной. Жертвенными назывались чаши, в которых стояла эта кровь, и прутья для кропления жертвенной кровью, сделанные, как кропила. Ими нужно было окропить все жертвенники и стены храма внутри и снаружи, а также и людей. Мясо для веселого пиршества должно было свариться. Огонь следовало разводить на полу посреди храма, а над ним должны были кипеть котлы. Полные кубки нужно было пронести над огнем. Тот, кто устраивал пир и был главным, должен был благословить кубок и всю жертвенную еду. Сначала нужно было выпить кубок Одина за победу и могущество своего конунга, затем – кубок Ньорда и кубок Фрейя за удачливый год и мир. После этого многие пили обычно кубок Браги¹⁰ и за своих родичей, которые уже лежали в могиле; этот кубок называли поминальным...

Тинг в Фросте

Гл. 15. Конунг Хакон приехал на Фростатинг. Там собралось множество бондов. После открытия тинга говорил конунг Хакон. Он начал с того, что изложил свое предложение бондам и земледельцам, могущественным и слабым, а также всему народу, молодым и старым, богатым и бедным, женщинам и мужчинам, и просил, чтобы весь народ принял христианство и стал верить в одного бога, Христа, сына Марии. Они должны отказаться от всяких жертвоприношений и отречься от языческих богов. Наконец, они должны

соблюдать каждый седьмой день и в этот священный день не браться за работу, и через каждые шесть дней они должны поститься. Едва конунг объявил об этом народу, как поднялся сильный ропот. Бонды были недовольны тем, что конунг хочет лишить их работы. Они кричали, что из-за этого они не смогут возделывать земли. Работники и рабы, напротив, утверждали, что они смогли бы не работать, если бы не были вынуждены добывать пропитание. Они считали недостатком конунга Ха-кона, его отца и их родичей, что все они скупались на еду, хотя были щедры на золото.

Асбьерн из Медальхуса в Гаулардале¹¹ поднялся, чтобы ответить на речь конунга. «Конунг Хакон, мы, бонды, думали, – начал он, – что небо снизошло на землю, когда ты впервые был на тинге здесь, в Трандхейме, и мы провозгласили тебя конунгом, а ты вернул нам наш одаль. Теперь же мы не знаем, вправду ли мы получили свободу или ты снова хочешь поработить нас, выставляя такое удивительное требование, чтобы мы отказались от веры, которой придерживались наши отцы и наши предки, сначала во времена сожжения и теперь во времена погребения покойников, а они были много могущественнее нас, и эта их вера до сих пор нам помогала. Мы выказали вам такое большое доверие, что передали тебе все законы и права в стране, чтобы ты правил нами. Теперь же вот наша воля и твердое решение бондов – придерживаться тех законов, которые ты установил для нас здесь, на Фростатинге, а мы их подтвердили. Все мы будем следовать за тобой и считать тебя конунгом до тех пор, пока будет жив хоть один из тех бондов, которые собрались сегодня здесь на тинге, если ты, конунг, будешь соблюдать подобающую умеренность и требовать от нас лишь то, что мы можем тебе предоставить и что не будет для нас неисполнимым. Если же ты захочешь осуществить свое намерение, не считаясь ни с чем, и применишь против нас силу и принуждение, тогда все мы, бонды, как это уже решено между нами, откажемся от тебя и выберем себе другого вождя, который будет так править нами, что мы сможем свободно исповедовать ту веру, какую хотим. Теперь, конунг, до того как закончится тинг, ты должен выбрать одно из этих условий». После этой речи бонды одобрительно зашумели и подтвердили, что они хотят, чтобы было так, как он сказал.

Ответ Сигурда ярла

Гл. 16. Когда наступила тишина, бондам отвечал Сигурд ярл. Он сказал: «Бонды, конунг Хакон желает жить в согласии с вами, и он никогда не хотел бы лишиться вашей дружбы». Бонды ответили, что они хотят, чтобы конунг совершил для них жертвоприношение за удачливый год и мир, как это делал его отец. После этого шум улегся, и тинг был распущен [Конунгу Хакону пришлось уступить, попытка установить в Трандхейме христианскую веру не удалась].

¹ Конунг Хакон правил приблизительно с 934 по 961 г. Хронология истории Норвегии в X в. не совсем точная.

² Гулатинг – народное собрание в Юго-Западной Норвегии.

³ Фростатинг – областной тинг в Трандхейме.

⁴ «Законы Хейдсевитинга» – законы, применявшиеся на областном тинге в Юго-Восточной Норвегии, сохранились лишь в фрагментах.

⁵ В детстве Хакон воспитывался при дворе англо-саксонского короля Этельстана.

⁶ Языческий зимний праздник у скандинавов.

⁷ Фюльки, расположенные по соседству с Трандхеймом.

⁸ Хлалир – местность в Трандхеймс-фьорде, владение ярлов Северо-Западной Норвегии.

⁹ Трёндалаг (букв.: закон трендов) – область Трандлейма, на которую распространялись «Законы Фростатинга».

¹⁰ Кубок героев

¹¹ Фюльк во внутренней (удаленной от моря) части Трандхейма.

(Из Саги о конунге Харальде Сером Плаще¹)

Гл. 14. Однажды летом Харальд Серый Плащ отправился со своим войском на север, в Бьярмаланд², и воевал там. На берегу Вины³ произошла большая битва между Харальдом и бьярмами. Конунг Харальд одержал победу и убил много народа. Он воевал по всей стране и взял великое множество добычи. Об этом говорит Глум Гейрасон⁴:

Обагрил князей повелитель,
Дерзкий на слово, меч иа востоке
Пред горящим северным градом;
Убегающих бьярмов я видел.
Славу добрую в этом походе
Примиритель людей снискал,
Там вокруг витязя молодого
Буря копий ревела на Вины берегу,
Гибель конунга Эрлинга

Гл. 16. Конунг Харальд и его братья отправились со своим войском на север, в Трандхейм. Конунги не встретили там никакого сопротивления и собирали дань, налоги и прочие причитающиеся конунгам подати. Они заставляли бондов платить большие поборы, потому что долгое время, пока там находились враждовавший с конунгами Хакон ярл и большое число его людей, конунги получали мало доходов из Трандхейма.

Осенью конунг Харальд с большей частью войска уехал домой, в южную Норвегию, а конунг Эрлинг со своим войском остался в Трандхейме. Он предъявлял большие требования к бондам и жестоко их притеснял, а бонды были недовольны и не могли примириться с убытками. Зимой бонды собрались и образовали большое войско. После этого они направились к конунгу Эрлингу, который на-ходился на пиру, и там произошла битва. Конунг Эрлинг пал в битве, и вместе с ним погибло великое множество народа.

Когда Норвегией правили сыновья Гуннхильд⁵, случился большой неурожай. Чем дольше они правили страной, тем сильнее становился голод. Вину за это бонды возлагали на конунгов, потому что они были жадны до денег и жестоко притесняли бондов. Наконец, скоро у людей по всей стране не стало больше ни хлеба, ни рыбы. В Халогаланде⁶ наступил такой сильный голод и такая нужда, что вскоре перестал расти хлеб. Снег по всей стране лежал до середины лета, а скот до середины зимы стоял на дворе...

¹ Харальд Серый Плащ (правил с 961 по 970 гг.) – сын конунга Эйрика Кровавой Секиры (сына Харальда Прекрасноволосого)

² Северная Русь, побережье Ледовитого океана или Белого моря.

³ Северная Двина.

⁴ Глум Гейрасон (умер ок. 980 г.) – исландец, придворный скальд Конунга Харальда Серого Плаща.

⁵ Гуннхильд – жена конунга Эйрика Кровавой Секиры, мать конунга Харальда Серого Плаща и его братьев.

⁶ Современный Хельгеланн – Северная Норвегия.

(Из Саги об Олаве Трюггвасоне¹)

Гл. 52. Жил в Вике² человек по имени Лодин. Он был богат и хорошего рода. Он часто бывал в торговых поездках, а иногда и в походе. Однажды летом Лодин поехал в торговую поездку на восток³. У него был корабль и много товара. Он направился в Эйстланд⁴ и торговал там все лето. Когда настало время торга, туда привезли много разных товаров. Много рабов прибыло на продажу...

Гл. 53. ...Конунг [Олав Трюггвасон] явился в Вик и потребовал, чтобы все люди приняли христову веру. Тех, кто противился, он жестоко наказывал: одних повелел убить, других искалечить, а некоторых изгнал из страны...

Сватовство Эрлинга Скьяльгссона

Гл. 56. Конунг Олав поехал со своими людьми на Гулатинг, потому что бонды прислали ему сказать, что они хотят ответить на его речь⁵. Когда обе стороны явились на тинг, конунг пожелал сначала говорить с местными хёвдингами. После того как они собрались, конунг изложил свое дело и потребовал, чтобы они выполнили его волю и крестились. Тогда Альмод Старый сказал: «Мы, родичи, обсудили между собой эту речь, и все мы пришли к одному решению. Если ты, конунг, собираешься обречь нас, родичей, на такую участь, нарушить наши законы и насильно подчинить нас себе, то мы будем противодействовать тебе всеми силами, и пусть победа достанется тому, кого изберет судьба. Если же ты, конунг, захочешь пойти нам навстречу, то ты сможешь сделать так, что все мы будем верно тебе служить». Конунг спрашивает: «Чего вы хотите от меня потребовать, чтобы наилучшим образом прийти к соглашению?» [Хёвдинги потребовали, чтобы конунг Олав выдал свою сестру Астрид за Эрлинга Скьяльгссона, одного из могущественных людей в области Гулатинга].

Хордаланд принимает христианство

Гл. 57. ...Тогда они обсудили это сватовство; кончилось тем, что Астрид была просватана за Эрлинга. После этого конунг [Олав] велел созвать тинг и приказал бондам принять христианство; Альмод и Эрлинг были первыми, кто исполнил требование конунга, а с ними все их родичи. Ни один человек не осмелился тогда сказать что-либо против. Так весь народ был окрещен и принял христианство.

Распространение христианства в Норвегии

Гл. 59. Осенью того же года конунг Олав назначил в Стаде, к северу от Драгсейда⁶, тинг четырех фюльков. На тинг должны были прибыть жители Согна и Фирдафюлька, Сунн-Мэри и Раумедаля. Вместе с конунгом Олавом на тинг поехало много его людей из восточных областей страны и войско, которое присоединилось к нему в Рогаланде и Хорда-ланде. Когда конунг Олав приехал на тинг, он провозгласил христианство, подобно тому как он делал это в других местах. Оттого что у конунга было много своих людей на тинге, бонды пребывали в большом страхе. В конце своей речи конунг предложил им на выбор одно из двух: либо они примут христианство и крестятся, либо в противном случае они должны будут биться с ним. Поскольку бонды не видели никакой возможности сражаться против конунга, было решено, что весь народ примет христианство.

А конунг Олав поехал тогда со своим войском в Норд-Мэри и обратился в христианство этот фюльк. Затем он отправился морем в Хладир и приказал разрушить там языческий храм. Все имущество и все драгоценности, принадлежащие храму и жрецам, он взял себе. Он взял- большое золотое кольцо из двери храма, которое было сделано по приказанию Хакона ярла. После этого он велел сжечь храм. Когда бонды узнали об этом, они решили послать ратную стрелу⁷ по всем фюлькам и созвали войско, чтобы пойти против конунга...

Тинг в Трандхейме

Гл. 65. Летом конунг Олав собрал большое войско на востоке страны и направился с этим войском на север, в Транд-хейм. Прежде всего он высадился в Нидаросе⁸, затем приказал разослать по побережью всего Трандхеймс-фьорда сообщение о созыве тинга и назначил в Фросте⁹ тинг восьми фюльков. Но бонды приняли

сообщение о созыве тинга так, будто это была ратная стрела, и собрались свободные и рабы из всего Трандхейма. Когда конунг явился на тинг, бонды были в полном вооружении. После открытия тинга конунг обратился к народу с речью и потребовал принять христианство. Ему не пришлось долго говорить. Бонды закричали, призывая его замолчать. Они угрожали, что иначе они его схватят и выгонят из страны. «Мы поступили так с Хаконом, приемным сыном Адальстейна¹⁰, когда он обратился к нам с подобным предложением, – говорили они. – А с тобой мы считаемся не больше, чем с ним».

Когда конунг Олав увидел, что бонды разгневаны, и заметил к тому же, что у них большое войско, которому он не мог противостоять, то он повел речь по-иному и согласился с бондами. Он говорил: «Я хочу, чтобы между нами установился мир, как это было и прежде. Я хочу поехать с вами туда, где вы приносите самые большие жертвы, и посмотреть там ваши обычаи. Тогда мы решим вопрос о вере, которой нам лучше придерживаться, и все придем к согласию».

Когда конунг заговорил с бондами ласково, они смягчились. Они также стали говорить более мягко и склонялись к примирению. Наконец было решено, что летнее жертвоприношение будет происходить в Мерине¹¹ и туда, как обычно, приедут все хёвдинпи и могущественные бонды. Туда должен был также приехать конунг Олав.

Пир в Хладире

Гл. 67. Конунг Олав ввел свои корабли в устье реки Нид. У него было тридцать кораблей и большое хорошо вооруженное войско. Сам конунг со своими дружинниками часто бывал в Хладире.

Когда приблизился срок жертвоприношения в Мерине, конунг Олав устроил большой пир в Хладире. Он разослал приглашения в Стринд, Гаулардаль и Оркадаль, созывая к себе на пир хёвдингов и других могучих бондов. Когда все было приготовлено и приглашенные съехались, то в первый вечер был великолепный пир и превосходное угощение; мужчины были здорово пьяны. Ночью все мирно спали.

На другое утро, после того как конунг оделся, он велел читать себе мессу. По окончании мессы конунг приказал трубить в рог, собирая домашний тинг¹². Тогда все его люди оставили корабли и пришли на тинг. После открытия тинга поднялся конунг, взял слово и говорил так: «У нас был тинг в Фросте. Там я предложил бондам принять христианство. Но они потребовали от меня, чтобы я отправился с ними на жертвоприношение, как это сделал конунг Хакон, приемный сын Адальстейна. Мы порешили на том, что встретимся в Мерине и принесем там большие жертвы. Но если я вместе с вами поеду туда, то заставлю принести самую большую жертву, как это обычно бывает, – людей. Я не хочу выбирать для этого рабов или людей никчемных. Для того чтобы предать богам, я отберу людей самых знатных. Я называю имена Орма Люогры из Медальхуса, Стюркара из Гимсара, Кара из Грютинга, Асбьерна Торбергссона из Варнеса, Орма из Люксы, Халльдора из Скердингстада». Он назвал еще пять имен самых знатных людей. Он сказал, что хочет принести их в жертву за удачливый год и мир, и велел тотчас же позвать этих людей к себе на пир. Когда бонды увидели, что у них не хватает людей, чтобы выступить против конунга, они просили пощадить их и предоставили ему решить дело. Они согласились с конунгом в том, что все бонды, которые там были, должны принять христианство. Бонды поклялись конунгу, что они будут придерживаться правильной веры и покончат со всякими жертвами. Все эти люди находились в гостях у конунга до тех пор, пока не оставили в качестве заложников своих сыновей, братьев или других близких родичей.

О тинге

Гл. 68. Конунг Олав направился со всем своим войском в Трандхейм. Когда он приехал в Мерин, там собрались все трандхеймские хёвдинги, которые больше всего противились христианству. Вместе с ними были все крупные бонды, раньше совершавшие здесь жертвоприношения. Народу собралось очень много, столько же, сколько до этого на Фростатинге. Тогда конунг велел позвать народ на тинг. Обе стороны явились в полном вооружении. После открытия тинга слово взял конунг и потребовал, чтобы народ принял христианство. От имени бондов на речь конунга отвечал Скегги Железный. Он сказал, что бонды хотят, как это и прежде было, чтобы конунг не нарушал их законов. «Мы хотим, конунг, – говорил он, – чтобы ты совершил жертвоприношение, как это делали конунги до тебя». После его речи поднялся одобрительный шум. Бонды кричали, что они хотят, чтобы все пошло так, как говорил Скегги. Тогда конунг говорит, что он хочет проехать в храм и посмотреть их обычаи, когда они будут совершать жертвоприношение. Бондам это понравилось, и обе стороны поехали в храм.

Трандхейм принимает христианство

Гл. 69. И вот конунг Олав едет в храм, а с ним некоторые из его людей и несколько бондов. Когда конунг пришел туда, где находились боги, там сидел Тор. Он был наиболее почитаем из всех богов и украшен золотом и серебром. Конунг Олав поднял отделанную золотом дубинку, которую он держал в руке, и ударил Тора, так что тот упал с возвышения. После этого прибежали люди конунга и столкнули с возвышения всех богов. Пока конунг находился в храме, снаружи, перед дверью, ведущей в храм, был убит Скегги Железный. Это совершили люди конунга.

Когда конунг пришел к народу, он предложил бондам выбирать одно из двух: либо все они должны принять христианство, либо они должны биться с ним. Но после смерти Скегги в войске бондов не осталось предводителя, который подал бы знак к нападению на конунга Олава. Было решено покориться конунгу и принять то, чего он требовал. Тогда конунг Олав велел окрестить всех людей, которые там были, и взял у

бондов заложников, чтобы они придерживались христианства. Затем конунг Олав приказал своим людям отправиться во все фюльки Грандхейма. Ни один человек не возражал теперь против христианства. Так был крещен весь народ в Трендалаге.

Гл. 78. В Годей, на фьорде, который называется Салпти¹³, жил бонд по имени Рауд Сильный. Рауд был очень богат, у него было много слуг. Он был могущественным человеком. За ним следовало великое множество лопарей, как только ему это было нужно. Рауд приносил большие жертвы богам и был весьма сведущ в колдовстве. [По приказу конунга Олава Рауд Сильный, отказавшийся принять христианство, был зверски убит, а его владение захватил конунг.]

Гл. 80. ...Конунг Олав взял там великое множество денег золотом и серебром и другого имущества, оружия и различных драгоценностей. Всех людей Рауда конунг велел окрестить; тех, кто не хотел креститься, он велел убить или замучить...

¹ Олав Трюггвасон – правнук Харальда Прекрасноволосого, правил Норвегией с 995 по 1000 гг.

² Вик – область в Юго-Восточной Норвегии.

³ Аустрвег – путь по Балтийскому морю.

⁴ Страна эстов, Эстония.

⁵ Конунг Олав требовал от населения перейти в христианскую веру.

⁶ Западное побережье Норвегии.

⁷ Ратная стрела – знак о созыве ополчения бондов.

⁸ Нидарос – торговое место в Грандхейме, в устье реки Нид. После христианизации страны – резиденция епископа (затем архиепископа) Норвегии. Современный город Тронхейм.

⁹ Фроста – местность, где собирался Фростатинг.

¹⁰ Мёрин – главное языческое капище в Грандхейме.

¹¹ Хакон Добрый. Адальстейн – английский король Этельстан.

¹² Хустинг созывали не в обычном месте, а там, где находился конунг. В домашнем тинге участвовали преимущественно дружинники конунга.

¹³ В Халогаланде, Северная Норвегия. Правители Халогаланда еще в IX в. собирали дань с лопарей, живших в этом районе. Об этом сохранился записанный английским королем Альфредом рассказ знатного человека из Халогаланда, по имени Отгар.

(Из Саги об Олаве Святом¹)

Гл. 1. ...Сигурд Свинья² был богатым хозяином и заставлял своих людей много работать. Часто он сам отправлялся взглянуть на свои пашни и луга, на свой скот, на ремесленные или иные работы своих людей.

Гл. 12. [Конунг Олав отправился в Англию]. Свейн Вилобородый, конунг датский, был в это время в Англии с войском датчан. Он пробыл там уже некоторое время и завладел землей конунга Адальрада³. Датчане захватили обширные земли в Англии, и дело дошло до того, что конунгу Адальраду пришлось покинуть страну и бежать на юг в Валланд⁴. В ту самую осень, когда конунг Олав приплыл в Англию, пришла весть, что конунг Свейн Харальдссон внезапно умер. ...Когда конунг Адальрад узнал про это, он сразу отправился обратно в Англию. Вернувшись, он призвал к себе всех, кто желал поступить к нему, чтобы вместе с ним отвоевать обратно страну. К нему стеклось множество народу, и конунг Олав с большим отрядом норвежцев тоже пришел к нему на помощь...

Гл. 14... Большая часть страны вновь перешла во владение конунга Адальрада, но тингманы⁵ и датчане сохранили в своих руках много бургов, и во многих местах страна еще принадлежала им.

Гл. 15. Конунг Олав предводительствовал войском, когда они двинулись к Кантарабюрги⁶ и бились там, пока не завладели городом. При этом они убили множество народу и сожгли город...

Конунг Олав объехал затем множество мест в стране [в Англии], собирая дань с народа или опустошая земли...

Там конунг Олав пробыл в тот раз три зимы.

Гл. 22. Ярлу Эйрику не понравилось, что ЭрлингСкьяльгссон⁷ столь могущественен, и он присвоил себе все королевские владения, которые конунг Олав ранее пожаловал Эр-лингу в качестве вейцлы⁸. Но Эрлинг, как и раньше, продолжал собирать подати в Рогаланде, так что земледельцам нередко приходилось платить подать два раза, потому что иначе он опустошил бы их земли. Виры ярлу тоже доставалось мало, потому что наместники там не удерживались. На вейцлу ярл ездил только в сопровождении большого количества людей...

Гл. 23. У Эрлинга всегда было дома тридцать рабов, кроме прочих работников. Он давал им задания по хозяйству на день, но разрешал каждому, кто того желал, работать для себя самого в сумерки или по ночам, оставляя им на это время. Он давал им пахотную землю, на которой они могли сеять для себя хлеб, оставляя себе выручку от продажи урожая. Каждому он назначал размер выкупа, и многие выкупали себе свободу в первые же год – два. Все, кто старался, выкупали себя за три зимы. На эти деньги Эрлинг покупал себе новых рабов. Вольноотпущенников своих он направлял кого на ловлю сельди, кого на другие заработки. Некоторые корчевали лес и строили на раскорчеванных местах жилища. Всем помогал он добиться достатка.

Гл. 33. Конунг Сигурд Свинья был в поле, когда посланцы [от Олава Харальдссона] пришли к нему... С ним там было много людей. Одни жали, другие вязали снопы, третьи свозили хлеб домой, четвертые складывали его под навесы или в амбары. Сам же конунг с двумя слугами то ходил по полю, то направлялся туда, где зерно складывали в амбары...

Гл. 36. В это время в Уппланде было много конунгов, которые правили отдельными фюльками. Большинство из них было потомками рода Харальда Прекрасноволосого. ...Конунг Сигурд Свиный встретился в Хадаланде с этими конунгами фюльков. На встрече этой был и Олав Харальдссон. Сигурд изложил конунгам, с которыми он договорился об этой встрече, замысел своего родича Олава и попросил помощи как войском, так и советом и соглашением. Он указал, как необходимо им сбросить иго, в которое их ввергли датчане и шведы⁹, и сказал, что теперь появился человек, который мог бы стать во главе этой борьбы. Он перечислил много подвигов, совершенных конунгом Олавом во время его военных и викингских походов...

Гл. 37. После этого конунги создали тинг. На нем конунг Олав рассказал народу об этом решении и о том, что он претендует на королевскую власть. Он призвал бондов признать его конунгом страны и пообещал им взамен соблюдать старые законы и защищать страну от иноземных войск и хёвдингов. Говорил он об этом долго и искусно, и слова его были встречены криками одобрения. Затем один за другим начали подниматься конунги и в речах своих к народу поддерживали его. Кончилось тем, что Олав был призван конунгом всей Норвегии и страна была ему отдана по уппландским законам.

Гл. 38. И конунг Олав отправился в путь и велел устраивать ему вейцлы всюду, где были усадьбы конунга. Сначала он ездил по Хадаланду, а затем направился на север в Гуд-брандсдалир. Произошло так, как и предполагал Сигурд Свиный: к нему стеклось такое многочисленное войско, что казалось, будто и половины будет ему много; а было у него примерно триста шестьдесят человек. Вейцлы, которые были установлены, оказались поэтому малы, ибо обычным было, чтобы с конунгами, когда они ездили по Уппланду, было шестьдесят – семьдесят человек и никогда их не бывало более ста двадцати. Конунг ехал быстро и в каждом месте оставался только на одну ночь...

Гл. 46. ... В то время в Норвегии было множество лендрманов. Многие из них были людьми могущественными и происходили из знатных родов: недавние предки их были конунгами или ярлами; при этом они были очень богаты. Лендрманы были главной опорой конунгов и ярлов, правивших страной, потому что в каждом фюльке лендрманы правили бондами...

Гл. 57. Конунг Олав... брал себе на службу людей, как было в обычае у конунгов. При нем было шестьдесят дружинников (хирдманвов) и тридцать гостей¹⁰; он устанавливал им жалованье и давал им законы. И еще было у него тридцать слуг, которые должны были выполнять необходимые работы по двору и заботиться о припасах. Кроме того, у него было много рабов...

Гл. 58. ...Он велел часто, чтобы ему переоказывали законы, которые Хакон Воспитанник Адальстейна ввел в Трандхейме. Сам он устанавливал законы, советуясь с мудрейшими людьми, исключая отдельные места и добавляя новые, как ему казалось правильным. Законы, касающиеся христианства, он ввел, советуясь с епископом Гримкелем и другими духовными лицами. Он всячески стремился искоренить язычество и те древние обычаи, которые, по его мнению, вредили христианской вере. В конце концов бонды подчинились законам, установленным конунгом...

Гл. 60. ...Конунг поплыл вдоль берега на юг. Он останавливался в каждом фюльке, созывая бондов на тинги. А на каждом тинге он велел огласить закон о христианстве и связанные с ним установления. Он отменил тотчас многие дурные языческие обычаи в народе, потому что ярлы хотя и придерживались древних законов и права, но в отношении христианства позволяли каждому поступать, как ему хочется. К тому времени уже в большинстве прибрежных селений народ был крещен, но христианский закон большей части людей был неизвестен. Однако в дальних долинах и горных селениях еще процветало язычество, потому что, когда народ был предоставлен себе, в памяти людей сохранялась та вера, которую они восприняли в детстве. Тем же людям, кто не желал подчиняться конунгу в отношении соблюдения христианства, он грозил суровой расправой – как знатным, так и простым...

Эрлинг [Скьяльгссон] заявил, что хочет иметь все те вейц-лы, которые ему дал Олав Трюгвасон, а затем – ярлы Овейи и Хакон Он сказал [Олаву]: «Тогда я стану твоим человеком и буду тебе верным другом». Конунг сказал: «Мне думается, Эрлинг, тебе было бы не хуже принять от меня такие же большие вейцлы, какие ты получил от ярла Эйрика... Я сделаю тебя самым знатным человеком в стране, но вейцлы раздавать я буду по собственному усмотрению, потому что я не намерен допускать, чтобы лендрманы имели право одала на мои родовые владения и чтобы мне приходилось покупать ваши услуги богатыми вознаграждениями»...

Гл. 64. Конунг Олав ввел христианский закон во всем Вике так же, как и на севере страны. Это прошло успешно, потому что жителям Вика христианские обычаи были известны гораздо лучше, чем жителям севера страны, поскольку з Вике и зимой и летом было полно купцов – датских и саксонских. Жители Вика также совершали много торговых поездок в Англию и Саксонию или Флемингеланд¹¹, или Данию. Некоторые бывали в викингских походах и зимовали в христианских странах.

Гл. 66. Гудлейк Русский был родом из Агдера [южная Норвегия]. Это был опытный мореход и богатый купец, побывавший в торговых поездках во многих странах. Часто он ездил на восток, в Гардарики¹², и поэтому звался Гудлейком Русским...

Летом Гудлейк направился в Аустрвег в Хольмгард¹³ и купил там прекрасную шелковую ткань, из которой, по его замыслу, следовало сшить королевский наряд, а также драгоценный мех и замечательное убранство для стола.

Гл. 73. Конунг Олав... расследовал, как народ соблюдает христианскую веру. А если ему где казалось что-нибудь неправильным, он учил народ истинной вере. Тех же, кто не хотел отступить от язычества, он жестоко карал: одних изгонял из страны, другим по его приказу отрубали руки или ноги или выкалывали глаза, иных он велел повесить или зарубить Никого, кто не хотел служить богу, он не оставлял безнаказанным. Так он проехал через весь фюльк¹⁴, карая как знатных, так и простых людей...

Гл. 83. Конунг Олав приехал в Тунсберг (Тёнсберг) перед пасхой и провел там большую часть весны. В то время в город прибыло много торговых судов - саксонских, датских, с востока из Вика и из северной части страны. Собралось там множество народу...

[Норвежская знать изменила конунгу Олаву и перешла на сторону датского конунга Кнута. Олаву пришлось покинуть Норвегию в 1028 г]...

181... А когда настало лето, конунг Олав снова собрался в дорогу и взял себе корабль Летом он отправился в путь и плыл не останавливаясь, пока не добрался до Гардарики к Ярицлейву¹⁵ и королеве Ингигерд. Королева Астрид и королева Ульвхильд остались в Швеции, и на восток конунг взял с собою своего сына Магнуса. Конунг Ярицлейв радушно встретил конунга Олава и предложил ему остаться у него и взять столько земли, сколько ему нужно, чтобы покрыть расходы по содержанию своих людей. Конунг Олав принял это предложение с благодарностью и остался там...

...Долгое время в Норвегии был обычай, что сыновья лендрманов или могущественных бондов уходили в походы на военных судах и добывали себе богатство, совершая набеги как на другие страны, так и в Норвегии. С тех же пор, как Олав стал конунгом, он так умиротворил всю страну, что искоренил в ней всяческий разбой. Если случалось ему карать грабителей, то по его приказу их казнили или отрубали им конечности. И тут не помогали ни заступничество людей, ни предложения виры... Знатных и простых он карал одинаково...

Гл. 187. С тех пор как конунг Олав приехал в Гардарики, он много размышлял и раздумывал, какое ему принять решение. Конунг Ярицлейв и королева Ингигерд предложили конунгу Олаву остаться у них и взять правление той страной, что называется Вулгария¹⁶. Эта страна - часть Гардарики, и народ в ней языческий. Конунг Олав обдумал это предложение, но когда он изложил его своим людям, то они не захотели селиться там и стали убеждать конунга вернуться в Норвегию, чтобы отвоевать обратно свое государство...

[Конунг Олав делает попытку отвоевать Норвегию и погибает в битве при Стиккестаде в июле 1030 г. Против него сражались не только изменившая ему часть знати, но и многочисленное крестьянское войско].

¹ Сага о конунге Олаве Святом, или Олаве Харальдссоне (правил Норвегией с 1015 по 1028 гг.), - центральная часть «Хеймскринглы», содержащая описание событий, происшедших между 1015 и 1030 гг., Снорри написал также более пространную отдельную «Сагу об Олаве Святом». Вскоре после смерти конунга Олава Харальдссона католическое духовенство провозгласило его святым. Олав Святой считался покровителем Норвегии и ее королей.

² Конунг в Рингерике, в Уппланде (Юго-Восточная Норвегия), родственник Олава Харальдссона.

³ Этельред II, король Англии (979-1014 гг.).

⁴ Франция.

⁵ Датская дружина в Англии.

⁶ Кентерберри.

⁷ Эрлинг Скьяльгссон был лендрманом (управителем области, в которой он имел право сбора кормления) конунга Олава Трюгвасона, а впоследствии - конунга Олава Харальдссона.

⁸ Территория, население которой должно было давать вейццу - кормление, будучи передана конунгом служилому человеку, становилась ленным владением последнего.

⁹ После смерти конунга Олава Трюгвасона Норвегию поделили между собой государи Дании и Швеции.

¹⁰ «Гости» состояли на жаловании у конунга, получая 1/2 жалования хирдмана. Их обязанностью было выслеживать врагов короля и расправляться с ними.

¹¹ Фландрия.

¹² Русь.

¹³ Новгород Великий.

¹⁴ В Уппланде.

¹⁵ Ярославу.

¹⁶ Волжская Болгария.

Взаимоотношения между правителями скандинавских государств (Неизвестный автор, «Финляндская хроника»)

«Финляндская хроника» не является историческим трудом, - это несколько легенд о древних и даже мифических правителях, так или иначе связанных с Финляндией. Впервые изначальный латинский текст «Финляндской хроники», написанный в конце XVII в., был опубликован в 1728 г.

Первословие

Протекающая через Або река Аура разделяет Финляндию на две части, одну из которых называют Северной Финляндией, а вторую - Южной Финляндией. Обе эти части образуют единое целое, ограниченное Ботническим заливом, Финским заливом и Ладогой.

На своем языке наш народ называет себя «suomalaiset», и название это совершенно отлично от тех, которые обычно употребляют чужеземцы. Название это происходит от слова «suomi» – рыба чешуя, от которого слова в свою очередь нисходит слово «suomi», что означает «местность, богатая рыбой».

Не смею утверждать, что этот народ происходит от Калева, тем более от тех родов, что в Священном Писании именуют шумафанами и эштаолянами. Употребляемое же шведами и немцами название «fippi» происходит от слова «Venno», которое финны ранее употребляли для приветствия и в обращении друг к другу, совершенно также, как ныне французы употребляют слово «месье». Поскольку в немецком языке у произносится как f, то и Корнелий Тацит в своем труде "Германия" именует обитателей нашей земли не «венами», а «фенами», равно как и Плиний называет нашу страну не «Веннингия», а «Феннингия».

Шведы же в произношении своем превратили е в и, а потому называют нас финнами. Стремясь переделать на немецкий манер то, о чем говорилось ранее, а именно общеупотребляемое финнами слова «Venno», они дали это прозвище всему народу, произнося это слово, не как «вено», а как «финно».

Однако этот народ такой древний, что шведские и датские историки, возводящие происхождение своих народов ко внукам Ноя, упоминают финнов в самом начале свих летописаний. Некоторые даже считают, что оба народа как шведы, так и датчане, происходят из Финляндии.

Что же до государственного управления, то у нас нет ни одного историка, который мог бы в достаточной степени точно поведать нам о том; мы, однако, понимаем, что в нем произошли множественные перемены. Из всех этих перемен я решил упомянуть только три самых важных. В самые давние времена Финляндией управляли свои короли, спустя некоторое время такие страны как Россия, а ныне страна подчинена власти шведов. Сейчас Финляндию называют Великим герцогством и считают лучшей провинцией шведской короны.

Тот, который желает знать, какую же службу сослужили финны нынешнему шведскому королевству, пусть вспомнит о военных преуспеваниях шведов, о приращении земель шведского королевства, и он увидит, что везде финны проявили свои заслуги самым отличным образом. Будучи вместе с Россией они отличились во всех героических деяниях: многожды они отражали врагов, спасая ее землю от татарских набегов.

Вероятно почти каждый полагает, что, начиная летописать историю финского народа, мы предложим читателям только небылицы да наши собственные измышления. Так знайте же, что мы опираемся на многознание историков других скандинавских народов, на их летописи и хроники. И мы намерены неукоснительно придерживаться начертанных ими путей, поскольку наши праотцы не сохранили для потомков те труды, которые поведали бы о деяниях их народа. Таким образом, не имея отчужденных летописцев, мы можем призвать на помощь таковых от соседних с нами народов. Особенно тщательно мы будем изучать исландцев и норвежцев, ибо они в своих исторических трудах очень часто вспоминают о наших королях. Помимо того и в Финляндии сохранилось множество старинных песен, которые называются "рунами", и которые по сути равны песнопениям скальдов других скандинавских народов. Они в значительной степени освещают нашу историю.

Так, опираясь на эти накопленные знания, мы и будем создавать "Финляндскую хронику", о тех событиях, что до сих пор не собраны в отдельном едином повествовании. Хотя это мое незамысловатое представление не отличается ни блеском, ни красотой стиля, я все же не могу отрешиться от мысли, что, несмотря на все затруднения и помехи, которые будут усложнять мой труд, я должен подчеркнуть и возвестить, что у Финляндии, как и у других стран, были в древности свои короли.

Ростиоф, первый король Финляндии

Не подлежит сомнению, что изначально у древнего народа было множество королей, прежде чем он был вынужден склониться перед чужеземной властью. Однако сейчас я не смог отыскать правителей более, чем те пятнадцать королей, которых я и перечислю в дальнейшем.

Первым из них был Ростиоф. К такому высокому положению его вознесли мудрость и славные деяния, в чем превзойти его никто не смог. Он был настолько мудр, что в мире не было такой премудрости, овладеть которой он был бы не в силах, и праотцы наши восхищенно преклонялись перед его разумностью. Во всех своих деяниях они строго придерживались его указаний, почитая их важнейшей путеводной нитью в своих деяниях и свершениях. Самой удивительной необыкновенностью его было умение предсказывать грядущее. И впоследствии предсказания его всегда исполнялись с большой достоверностью. Он обладал даром проникновения в суть вещей и мог ясно видеть, кого ждет удача, а кого постигнет несчастье, насколько умен и мудр тот или иной человек, какая кому уготована судьба, и даже чем закончится та или иная болезнь.

Если принять во внимание, что в те времена господствовали простые жизненные традиции и обычаи, не покажется удивительным, что предсказывая судьбы, он был дружески настроен ко всем людям. Всегда выказывая ласку и приязнь, имея удачу и счастье во всех своих начинаниях, он снискал всеобщее благорасположение. И тогда ему вручили высшую власть и сочли достойным божественных почестей. Все беспрекословно и ревностно выполняли его повеления.

Так Ростиоф правил своими подданными много лет, и его трудолюбие и мудрость в управлении были столь велики, что он не нуждался в помощниках. Его имя прославилось и среди всех соседних народов. Все восхищались его искусством прорицания, возносили ему молитвы и воздавали ему божественные почести. Он принимал повелителей Швеции, Дании и Норвегии, которые приезжали в страну, чтобы встретиться с ним. Он

сумел сделать так, что они уверовали, будто без его помощи их не ждет ничего хорошего. Так вот все безмерно любили его и жаждали его помощи для преуспевания в своих делах.

В разных концах Финляндии увлекались сочинением песен и рун в честь Ростюфа, ему приносили дары, которые он принимал как пожертвования. Вначале такие песни и руны слагали только именитые люди благородного происхождения, но позже он разрешил творить славословия в его честь любому своему подданному, способному к стихосложению и песнопению.

Изю всего этого мы можем заключить, что первый человек, которого обожествляли на Севере, был родом из Финляндии, где имя Ростюфа помнили и почитали в течение многих столетий. Однако среди соседних народов поклонение ему длилось едва ли одно столетие. Вскоре из Азии в Швецию пришел Один и, поселившись в Упсале, новыми чудотворными деяниями взял королевскую власть и перенял все божественные почести, которые ранее воздавались Ростюфу. Таким образом, Корнелий Тацит ошибается, утверждая в своих писаниях, что «фены» есть народ безбожный. Безусловно, он описал бы натуру «фенов» совершенно иначе, если бы только знал насколько они боялись обидеть и оскорбить Ростюфа.

Мы можем согласиться с тем, что финны никогда не страшались ни римлян, ни римских богов. Однако своих отеческих богов они весьма почитали и всячески выражали свое им почтение. Среди финнов необычайно высоко ставились мудрые люди и причислялись к сонму богов как до кончины, так и после нее, в то время как среди римлян считалось преступлением обожествлять человека, чей земной путь еще не завершен. Но финны никогда не признавали богом того, кто не был отличен каким-либо благом чудодеем, римляне же поселяли в небесные чертоги даже тех, кто отличен был только своим злодейством.

Кроме того, Тацит утверждает, что «фенны» пренебрегали людьми, и все по той причине, что другие народы боялись их силы и мощи. Однако историкам соседствующих с финнами народов, которые не имели Тацита единственным источником знания, можно доверять больше, чем историкам римским, которые в те далекие времена не могли иметь глубоких знаний об условиях бытия в Финляндии.

Что же касается Ростюфа, то божественные почести, которые ему воздавались, не помогли избежать судьбы обычного смертного. На его похоронах проливались горькие слезы и раздавались многочисленные прехвальные песнопения в память усопшего. Его усыпальницу – по тогдашним представлениям-- украсили самым блестящим образом: собрали множество камней, из которых соорудили огромный курган. Таков был первый король Финляндии.

Форньот, второй король Финляндии

Форньот очень интересовался теми знаниями и искусством, которыми обладал Ростюф. Поэтому наши праотцы столь высоко ценили его, что слава его разнеслась и среди соседствующих с финнами народов, и многие множества людей стремились стать его учениками. Таким образом, в его правление по всей Финляндии царил мир и спокойствие. Кое-кто считает, что имя Форньот происходит от Фенниот, и от него взяло свое начало слово Финн. Однако мы не можем присоединиться к этому мнению.

У Форньота было много детей, имена, равно как и жизненный путь которых, нам неведомы. Из истории тех времен нам достоверно известно только то, что Гюльф, сын его дочери, стал королем Швеции. Большую часть своей жизни Форньот прожил на морском побережье, в то время как Ростюф предпочитал располагать жилища во внутренних землях.

На похоронах Форньота звучали хвалопения и поедалось много пищи, как это было заведено народным обычаем.

Вероятно наши праотцы были способны, и с удовольствием предавались сложению песен, что чувствуется и сейчас, потому что даже в наше время молодые люди сочиняют стихи и слагают превосходные песни на родном языке.

В те времена люди считали, что предаваясь самому безудержному пьянству на похоронах, они окажут наибольшую честь покойному. Такое воздаяние почестей было и на похоронах Форньота.

Снио, третий король Финляндии

Так же как финнам трудно произнести имя Снио с двумя согласными в начале слова, точно так же трудно поверить, что они называли бы так этого короля от имени Нио или Неу, что означает Николай, поэтому сочтем за лучшее удовольствоваться тем именем, которое сберегли нам летописцы прошлого.

Шведский король Валанде приехал к Снио с целью установить с ним союз и дружбу. Счастье сопутствовало устремлениям Валанде. У короля Снио была дочь, молодая пленительная красавица, в которую Валанде влюбился и попросил ее себе в жены. На его сватовство ответили согласием. Короли сговорились сыграть свадьбу незамедлительно. Брачный обряд был прост: жених произносил обет любви, верности и нежности, а отец девушки отвечал, что заключает этот брачный союз, уповая на милостивое благоволение Ростюфа. Затем в подтверждение своих твердых намерений жених протягивал руки отцу невесты, потом ее матери и после этого, наконец, самой невесте. После такого обряда бракосочетание считалось законно свершенным. В знак радости от этого события устраивались роскошные празднества и пиры, которые длились много дней и сопровождалась обильными возлияниями и песнопениями.

И в то время, когда в Финляндии налаживались брачные пиршества, из Швеции пришла весть, что вражеское войско вторглось в страну. Услышав это, Валанде был вынужден без промедления возвратиться в Швецию, чтобы изгнать врагов из своей державы. Поскольку при таком положении дел он не мог взять с собою

свою супругу Дриву, он поклялся вернуться по прошествии трех лет, чтобы забрать ее с собою в Швецию. Ведь он предполагал, что война, вспыхнувшая в его отсутствие, не затянется надолго и закончится через короткое время.

По мнению Дривы это было слишком долгое время, и она считала за лучшее отправиться в путь сейчас же вместе с мужем. Однако Валанде прекрасно понимал, что пребывание ее в Швеции не будет безопасным, и он объяснил, что разумнее будет жене остаться у своего отца, чем подвергаться опасностям войны вместе с супругом. И ему удалось убедить Дриву остаться. Попрощавшись с нею, Валанде возвратился в Швецию и одержал победу, изгнав врагов из своей страны. А у Дривы в это время родился сын. Получив это известие, Валанде возрадовался и снова заверил жену в неизменности своей любви. Сыну дали имя Висбур, и он возрастал под материнским надзором.

Но и через три года Дрива напрасно ждала возвращения Валанде. Когда же она убедилась, что все надежды на возвращение мужа рухнули, то ее любовь превратилась в ненависть. Она не намеревалась поехать в Швецию, хоть Валанде и был ее законным супругом, она считала это неуместным и противным установившимся традициям -- гоняться за мужем, скорее она сама имела право потребовать возвращения мужа к жене. И тогда в душе ее зародились мысли о возмездии. В те времена в Финляндии жила женщина по имени Хульд, которая была настолько искушена в чародействе, что могла по своему желанию могла сделаться невидимой, по своему желанию могла поднять бурю или собрать все ветры в свой платок или в мешок. Когда она еле приоткрывала свой мешок с ветрами, на море начинал дуть мягкий благоприятный мореплавателям ветер, и устанавливались прекрасные погоды. Когда же она развязывала один узелок на сумке, ветер становился сильнее. Развязывая второй узелок, она вызывала довольно сильную непогоду, почти бурю. А после того, как распускался третий узелок, поднималась такая неистовая буря, что корабли тонули вместе с мореходами.

Все, что рассказано об этом чудесном мешке, наверное имело место – ведь все мы употребляем поговорку "Нет у него в мешке никакого ветра!" – когда хотим сказать, что никто не может властвовать над ветрами.

Поскольку было известно, что Хульд могла причинить человеку как добро, так и зло по своему желанию, то она стала всевластной, то пробуждая надежды, то возбуждая страхи. Слава о ее чародействе разнеслась по всему Северу. Так как у нее было такое же имя, как и у знаменитой еврейской пророчицы Хульды, кое-кто считает, что и до наших соотечественников еще в древности доходили кое-какие сведения о Иерусалиме.

Вот к этой чародейке и устремилась Дрива, и страстно умоляла, чтобы Хульд своим чудодейством умертвила Валанде – настолько глубоко уязвленной она чувствовала себя. Свою мольбу она сдобривала лестью и заманчивыми обещаниями: она называла Хульд первейшей женщиной на всем свете, сулила ей королевские подарки, с каждым словом она преувеличивала тяжесть преступления и вероломство Валанде, и умоляла, чтобы тот никак не избежал мести жены, тестя и даже своего сына. Соблазненная такими мольбами и посулами Хульд приказала королеве выбрать способ мести. Ей следовало выбрать, считает ли она за лучшее, чтобы Валанде немедленно прибыл в Финляндию или понес наказание у себя дома. Дрива предпочитала первое, но когда она изложила свою задумку отцу, тот выступил против, она выбрала второе решение и попросила Хульд умертвить Валанде в Швеции. Хульд захотела исполнить оба пожелания и наслала на Валанде напасть по имени Тира. (Она же мара. Переводчик) Тира сначала возбудила у Валанде жгучее желание немедленно отправиться в Финляндию, а затем причинила ему жестокие телесные и духовные муки, от которых он скончался. Хульд очень гордилась тем, что помимо мук телесных она могла причинять и духовные страдания.

Как только известие о кончине Валанде достигло Финляндии, Хульд поднялась в глазах короля на небывалую высоту. Оттого она стала советницей короля во всех наиболее важных делах. Она не только сочиняла хитроумные планы, но и часто воплощала их в жизнь. Дрива почитала ее как мать; история умалчивает, какую выгоду извлекла Дрива из этого поклонения, но ясно, что таковая была, ибо несколько позже они обе очень сблизилась.

Мы не можем даже подумать без ужаса о той вере наших пращуров в силу чародейства. У нас есть причина быть вечно благодарными Господу за то, что он ниспослал нам просвещенность и избавил от таковой богомерзкой ереси.

Снио не мог терпеть маленького сына Валанде из-за той ненависти, которую он испытывал к его отцу, и отослал его в Швецию, где позже выросший мальчик захватил власть. Потом король Снио скончался, и его похоронили с подобающими почестями, а Дрива и Хульд жили еще много лет.

Альтус или Атус, четвертый король Финляндии

Достоверно неизвестно, был ли Атус или Альтус, который правил после Снио, его сыном или приходился покойному королю каким-либо родичем. Хотя Снорри Стурлусон не называет его королем, однако есть все основания считать его таковым. Он приумножил полученные от Снио богатства настолько, что его считали богатейшим королем своего времени. Он установил мир и заключил союз с Висбуром, который хоть и родился в Финляндии, все же более выказывал желание мести, чем любви к земле своего рождения. Атус даже отдал Висбуру в жены свою дочь. Она родила Висбуру двух сыновей: Грису и Амунда.

Однако недолго продолжалась эта дружба. Через несколько лет Висбур – уже не знаю по какой причине – отверг свою супругу и отослал ее вместе с двумя сыновьями назад в Финляндию. настолько страстная ненависть владела им, что даже безгрешных детей он считал виновными в несчастье своей матери. Атус принял

гостей в великой радостью, ибо полагал, что дочь с сыновьями приехала навестить отца. Однако когда он узнал об истинной причине приезда, им овладела такая слепая ярость, что он решил любыми силами и средствами отомстить за причиненное дочери бесчестье.

Однако Хульд не одобрила такое опрометчивое решение. Она считала более разумным подождать, пока внуки Атуса достигнут того возраста, когда смогут сами отомстить за перенесенное матерью бесчестье, ведь благородство их происхождения и врожденный характер говорили о том, что они, вне всякого сомнения, позаботятся о возмездии. Колдунья добавила, что будет честно и славно, если сыновья потребуют возвращения отцом материнского вено. Так она убедила короля отложить месть на некоторое время.

Между тем Атус издал закон, согласно которому вместе с покойником надлежало захоронить и часть его богатств. Вероятно он пришел к убеждению, что тогда умершие и в лоне земли не останутся без привычных удобств и наслаждений, которые они имели во время жизни. Королевский указ соблюдался очень строго. Вместе с умершими погребали полные денег шкатулки, большие сосуды, горшки, чаши, ковши и другие предметы хозяйственного обихода. Самые богатые люди копали очень глубокие могилы в надежде получить все радости от погребенного вместе с ними богатства. Если же усопших пытались обмануть и присвоить часть имущества, ночью они восставали из могил и устраивали бесчинное шумство у домов наследников. Сведения о том, что подобный обычай погребения соблюдался, исходят не только от Стурлусона, это подтверждают и сокровища, извлеченные из-под земли в Финляндии.

Таким образом, Тацит ошибается, когда с такой уверенностью поносит "феннов" за их жалкую нищету. Но как же они могли, при отсутствии первейших предметов обихода, соблюдать обычай такого богатого погребения своих усопших? Если бы в нашей стране Финляндии царила такая ужасающая нищета, то она не подвергалась бы так часто и много грабительским набегам морских разбойников. Ведь немало летописцев упоминают в своих трудах множество королей и князей, которые высаживались в Финляндии с разбойными намерениями, находя там свою погибель или уводя прочь корабли, доплыв нагруженные добычей. Первым такая судьба постигла шведского короля Ингвара. Однако его сын не оставил смерть отца без отмщения и на своих кораблях увез из Финляндии великие богатства. Равным образом такая же счастливая доля выпала и норвежскому королю Хенрику. (Короля по имени Хенрик никогда не было в истории Норвегии. Переводчик)

Нам нет нужды приводить об этом многочисленные примеры. Ну кто поверит, что многие короли стремились бы в грабительские набеги на Финляндию, если бы наша страна прозябала в такой беспросветной нищете, как это утверждает Тацит? Упомяну мимоходом лишь о прекрасном храме, который многожды разрушали, но всегда восстанавливали в его прежнем величии и красоте. Такие денежные затраты никоим образом не являются признаком бедности. Тациту, который немногим ранее писал, что среди свионов высоко ценится богатство, не стоило бы укорять «фенов» бедностью, потому что наши соотечественники добывали себе богатства равно такими же средствами, как и соседи – морским разбоем. Не следует слишком доверять Тациту, когда он рассказывает, что наши праотцы оснащали свои стрелы костяными наконечниками по причине отсутствия железа. Ведь они строили корабли, оснащали целые флоты и отправлялись торговать в отдаленные страны, так что не могло быть у них недостатка в таком важном материале, как железо. Владелец Рауталампи – Железного озера получил таковое прозвище то ли потому, что железо имелось во множестве, то ли там был железный рудник – во всяком случае железа там было в изобилии. Мы не оспариваем то, что у «фенов» был обычай оснащать свои стрелы костяными наостриями, однако это вовсе не говорит о том, что наши соотечественники не имели железа, ведь крепили же персы свои копья на огне, хотя железа у них было предостаточно. Да и огромные богатства короля Атуса опровергают утверждения Тацита.

Ожидая пока внуки станут взрослыми, Атус скончался от болезни и не оставил после себя законного престолонаследника. В его усыпальницу положили большие сокровища, как того и требовал его указ. На его могиле соорудили большой каменный памятник. Так – по его разумению – он мог наслаждаться своим богатством, не опасаясь осквернения могилы чужаками. В честь покойного короля звучали погребальные песнопения, как того и требовал уже упоминаемый обычай.

Грис, пятый король Финляндии

Сейчас последует слово, которое финнам трудно произносить, так как в его начале сочетаются два согласных звука, первый из которых совсем не свойственен финскому языку. Я даже полагаю, что простолудины произносят не Грис, а Крис, а чаще употребляют прозвище Поросенок. Все потому, что не достиг зрелого возраста, и его мать взяла на себя заботу о государственном управлении, и возразить против этого никто не посмел.

Тринадцать лет спустя оба брата, Грис и Амунд, отправились в Швецию истребовать от короля Висбура материнское вено, которое он пообещал вернуть их родительнице. Им надлежало получить три поместья и золотую нашейную гривну. Висбур объявил такое вено ничтожным, возвращению не подлежащим и отказал сыновьям в просьбе. Они пообещали отказаться от поместий и попросили вернуть только гривну. Но и ее они не получили. Так и не получив ничего, они отправились в обратный путь, но пригрозили, что вскоре придут снова, чтобы оружием добыть вено, принадлежащее их матери по праву. Когда они вернулись домой, их мать попросила Колдунью Хульд лишить Висбура жизни. Однако та ответила, что этого сделать невозможно до того, пока не погибнет кто-либо из родственников Висбура. Тогда сыновья снарядили несколько кораблей и уплыли в Швецию, где ночью застигли Висбура врасплох и безжалостно сожгли его в собственном доме со

всеми чадами и домочадцами. Затем они опустошили окрестности и с кораблями полными добычи вернулись домой.

Финнам такое деяние очень понравилось. Они превозносили доблесть братьев и даже поставили старшего из них во главе королевства. Грис предчувствовал, что шведы постараются отомстить за смерть Висбура и в свою очередь явятся за разбойной добычей, поэтому он стал укреплять сухопутные войска и морские силы. Однако историки не упоминают о войне, которая могла бы разразиться после таких приготовлений. В этой связи мы только мимоходом заметим, что когда в Финляндии правил рожденный в Швеции король, в Швеции правил король, рожденный в Финляндии.

Скончавшись, Грис оставил королевство своему брату Амунду, к которому был глубоко привязан всю жизнь.

Амунд, шестой король Финляндии

Грис умер, не оставив наследника мужского пола, и престол унаследовал его брат Амунд. Он мирно правил своей державой, не затевал войн с соседями, а соседи -- с ним. Свои меховые одежды, что были тогда в употреблении, он приказал украсить золотом и серебром. Нижняя же одежда с головы до ног была единым целым. О жизни и смерти Амунда у историков нет никаких упоминаний.

Йокулл, седьмой король Финляндии

Йокулл стремился жить в мире и добрососедстве со всеми живущими рядом народами. Он заключил союз с жителями Биармы, с которыми у финнов в те времена шла оживленная торговля. Он со всею страстью предавался охоте и другим благородным забавам, в каковых игрищах приказывал участвовать и лучшим юношам. Больше о его жизнеописании и славных свершениях ничего не известно, равно как неизвестен и год его кончины.

Укко, восьмой король Финляндии

Супругой этого короля была женщина по прозвищу Акка, что значит хозяйка, а посему в Финляндии к имени особо уважаемой женщины добавлялось это слово. О том, что славного свершил этот король, как окончил свой земной путь, сведений не сохранилось.

Фрости, девятый король Финляндии

Между Фрости и шведским королем Агни вспыхнула большая война, которая со всей жестокостью велась как на суше, так и на море. Сначала они сходились в морских сражениях, в одном из которых финский флот потерпел поражение. Во главе своих кораблей Агни устремился в погоню за беглецами и, высадившись на сушу, напал на владения Фрости, который вместе со своим сыном Логи поспешил ему навстречу. Разгорелась беспощадная битва, обе стороны пролили много крови, и телами павших воинов было покрыто все поле брани. Фрости героически сражался и пал в бою, его сына Логи взяли в плен, остальных обратили в бегство. Одержав эту победу Агни начал разорять землю и приказал грузить на корабли все ценное, что попадалось под руку. Военной добычей стала и дочь павшего короля Скъяльв. Агни был восхищен ее станом и красотой и взял ее в жены, и вместе с братом Логи увез в Швецию. Достигнув острова в протоке Стокзунд, где сейчас стоит город Стокгольм, Агни начал устраивать в честь своей королевы роскошные пиршества. Своим собственным примером он вдохновлял гостей пить сколько душе угодно и упиваться до изумления, безудержно радуясь жизни. Скъяльв, показывая свою великую приязнь к королю, привязала ему на шею свою собственную гривну. Но когда разомлевший от вина король улегся почивать, а другие гости, упившись, свалились на землю и погрузились в хмельной сон, Скъяльв со своим братом Логи и другими пленниками вошла в шатер, где вкушал отдых Агни, задушила его и подвесила за золотую гривну на дерево. Большую часть тяжело хмельных воинов они перебили и пожгли корабли. А Скъяльв на нескольких кораблях вернулась в Финляндию.

Кое-кто высказывает суждение, что это враждебное действие и дало причину назвать нашу страну Финляндией. (Здесь автор имеет в виду легендарное происхождение названия страны: якобы после того шведы назвали ее Страной врагов, что впоследствии превратилось в слово Финляндия. Переводчик) Однако это название имеет более древнее происхождение и появилось задолго до того, как возникла вражда между финнами и шведами.

Логе, десятый король Финляндии

После того события, которое мы только что описали, Скъяльв подчинила себе дух брата и начала воодушевлять Логе на различные славные деяния. По этой причине кое-кто считает, что Логе женился на своей сестре. Когда же его избрали королем после своего отца, он стал строить корабли и создавать войско, способное отразить любого врага. Но по нехватке кораблей ни одна из враждующих сторон не предприняла ничего. О других свершениях в его правление нет никаких сведений.

Тенгил, одиннадцатый король Финляндии

Датские морские разбойники сделали разбойный набег на побережье Финляндии, пограбили и пожгли несколько поселений. Для отмщения Тенгил вооружил флот и уплыл в Данию. В схватке он одолел Хадингга. В то время в войске Хадингга был прославленный кулачный боец Арнгрим, однако даже его геройство и доблесть не помогли датчанам одолеть финнов. Одержав победу, Тенгил вывез из Дании неисчислимы богатства. Он умер в своей стране.

Мотле, двенадцатый король Финляндии.

После кончины Тенгила королем избрали Мотле, чья известность зиждилась на том, что был он славен, как мудрейший муж своего времени. Своею великой мудростью, он столь сильно полюбился норвежскому королю Оттару, что тот прислал свою дочь Гунилу в Финляндию и попросил, чтобы Мотле обучил ее всем искусствам, которыми тот славился по всему кругу земному. Мотле не отказал в просьбе и на протяжении трех лет передал девушке знания о многочисленных сложных искусствах, которыми владел сам. Затем он щедро одарил Гунилу ценными подарками и отправил ее назад к отцу. По возвращении в Норвегию Гунила прославилась, как многомудрая женщина. Мотле же озаботился совершенным постижением тех искусств, которым был обучен он сам и все время сохранял мирные отношения с соседствующими народами.

Сумбле, тринадцатый король Финляндии

Король Сумбле обещал отдать свою дочь Сигне в жены датскому королю Граму. Однако, тот долго мешкал с браком и не забирал невесту, и Сумбле посчитал, что король поступает бесчестно. Тогда Сигне обручили с королем Саксонии Хенриком и назначили день свадьбы. Проведав об этом, Грам поспешил в Финляндию, чтобы невеста не ускользнула из его рук. Он прибыл как раз в день свадьбы и оделся нищим, чтобы никто не узнал его. Весь день гости поднимали хмельные чаши. Грам увидел, что гости совсем упились и охмелели, пробрался в дом, где продолжалось свадебное пиршество, и осушил несколько кубков. Он был одет в лохмотья, в складках которых скрывался меч. Он выхватил его, нанес смертельный удар Хенрику и убил многих знатных гостей. Затем он похитил невесту прямо из пиршественного зала. Этим деянием он приумножил свою славу, которую приобрел, победив в кулачном бою 17 славных бойцов.

Сумбле же он оказал великую честь, не причинив зла ни ему, ни его родным и близким. Сумбле отдал свою дочь на попечение Граму и никогда не помышлял о мести. Он даже укрепил мир и дружбу между Данией и Финляндией, отрядив туда посольство.

В конце правления Сумбле царил мир, ибо между ним и соседствующими народами никогда не возникало никаких несогласий.

Одни утверждают, что мы получили название «суомалайсет» от имени короля Сумбле. Однако это название существовало и при других королях-предшественниках, которые правили задолго до Сумбле. Другие считают, что название это происходит от Гомера, а мы, с трудом выговаривающие букву «г», превратили ее в «с». Однако в самом начале нашего труда мы пояснили, что название «Суоми» происходит от слова «суому», что означает рыба чешуя, откуда и произошло слово «суоми», и это вполне очевидно, потому что из года в год у нас добывается рыбы в необычайно большом изобилии.

Уже только одним этим можно убедительно опровергнуть утверждение Тацита о том, что «фены» имели скудные средства для пропитания: еще в глубокой древности наши предки весьма успешно промышляли как охотой, так и рыболовством. Что же касается изумительной отсталости и первобытности, которую Тацит считает особенностью «фенов», то к этому я представляю несколько слов в виде заметки на полях. Если он имел в виду только римлян, то вполне очевидно, что он имел все основания написать так; римляне бахвалились своим изобилием и утонченностью, превзойдя к тому времени все народы и, несомненно, они считали нас варварами. Однако ему следовало бы знать, что финны пребывали в равной утонченности обычаев с соседствующими народами, отстававшими от римлян.

После того, как король Саксонии Хенрик начал стремиться к установлению дружеских отношений с финнами, мы стали именовать всех германцев саксонцами.

Кусо, четырнадцатый король Финляндии

Не смею с полной уверенностью утверждать, что Кусо стал королем сразу же после Сумбле. Вполне вероятно, что в промежуток между их правлениями было еще несколько королей, о которых нам ничего не известно.

Кусо напал на Биарму, разорил всю страну и в три года подчинил ее своей власти. У Биармы, которую мы теперь именуем Карелией, до этого были свои короли, не менее славные, чем финские и другие северные короли. Некоторые имена и деяния их сохранились в исторических трудах Ролофа. Народ поклонялся богу по имени Юмала, для которого биармы возвели роскошный храм. По свидетельствам Саксона Грамматика и Снорри Стурлусона они строили города, где ежегодно устраивались ярмарки.

Многожды упрекаемый мною сочинитель «Германии» Тацит заблуждается, утверждая, что "фенны" не имели даже жилищ. Ну кто поверит, что у биармов были и жилища, и города, а финны, говорящие на том же языке и державшиеся тех же обычаев, якобы даже не позаботились о своих главных потребностях? Неужели предприимчивый и деятельный народ, который обладал большими богатствами и вел оживленную торговлю, был неспособен построить для себя жилища?

Несомненно Або, старинное обиталище наших королей, очень древний город. Замок, называемый нами Кюстё, построил король Кусо. Птолемей утверждает, что границы Финляндии простираются вплоть до Вислы. Отсюда мы можем заключить, что такое обширное пространство просто не могло быть без городов и поселений.

Городом Або соседствующие с ним шведы овладели только тогда, когда после восьмидесятилетней борьбы захватили весь Тавастланд.

Не следует считать наших пращуров ущербными и не думать поэтому, что они пренебрегали строительством жилищ и земледелием. К сожалению названия процветающих городов того времени уже

позабылись. Какими бы мудрыми ни были наши предки, однако они не озаботились оставить своим потомкам летописания своих королей.

Упорядочив дела в Биармии, Кусо победителем возвратился в свой замок. Он повелел направить флот биармов в финские гавани и присоединить его к финскому флоту. Так он укрепил владение новым королевством, которое он считал подвластным себе по праву победителя, желая помимо прочего обеспечить мир среди своих подданных. Для упрочения такого положения он заключил союз со шведским королем Хаконом и выдал свою дочь Тору за норвежского короля Хельге. Более важных сведений о семейных отношениях Кусо, о его кончине и других деяниях описаний не имеется.

Думбер, пятнадцатый король Финляндии

Думбер был славный и могущественный король. У него был сын по имени Бард или Бардер, который славился своим искусством толковать сновидения. Он основал поселение норвежцев в Исландии, где стал королем, и после кончины ему воздали божественные почести. Часть моря, на которую простиралась власть Думбера, так и называлась его именем.

У того короля, об именах которого мы рассказали и описали вкратце его жизнь, на гербовом щите был изображен коронованный лев, держащий в правой лапе обнаженный меч, а левой попирающий изогнутую саблю. Он стоял на золотом поле, усеянном розами.

Таково было положение Финляндии в самом начале нашей истории, когда ею правили свои короли.

Затем финны были так тесно союзны с русскими, что сейчас трудно сказать, какой из народов превосходствовал в этом союзе. О том, какие деяния свершались в те времена, нам не ведомо ничего, кроме того, что наш народ обрел христианскую веру. Об этом свидетельствуют многочисленные русские росписи церквей, которые во множестве остались в Карелии. Известно нам также, что прежде, чем финны отделились от русских, те сровняли с землей шведский город Сигтуну. Таков был второй переломный момент в истории Финляндии.

В год Господнем 1150 шведский король Эрик IX с большим войском прибыл в Финляндию, чтобы принудить обитателей побережья принять христианскую веру. Одержав победу в битве, он завладел всей прилегающей к Або землей. Затем он отправился в Швецию, оставив епископом в Або англичанина Святого Эрика. (Автор путает имена. Видимо по созвучию король Святой Эрик превращен им в епископа Святого Хенрика. Переводчик) Тот не мешкая приступил к нелегкому труду наставления народа на путь истинной веры и служения Господу. Он строил церкви, сам навещал людей как благородного звания, так и низкого происхождения и научал их первоначалам христианской веры.

Однажды епископ без предупреждения завернул в усадьбу зажиточного финна по имени Лалли. Оказалось, что в то время хозяйина как раз не было дома. Утомленный путешествием епископ попросил работницу Герду принести ему еды и питья, что помогло бы ему преодолеть телесное изнеможение. Когда же дерзкая служанка отказалась, сославшись на то, что хозяин унес с собой все ключи, рассерженный таким грубым обращением епископ приказал взломать двери в подвал и продовольственную кладовую. Утолив голод и жажду, он оставил достаточную для оплаты сумму денег и продолжил путь в город Або, до которого оставалось четыре мили.

Вскоре после того, как епископ покинул усадьбу, домой возвратился Лалли. Герда подняла великий шум, она кричала, что в дом ворвались разбойники, взломали все двери и дочиста все пограбили. Лалли поверил ее словам, поспешно вскочил на коня, бросился вдогонку за епископом, сани которого настиг на озере Кеулиё, убил епископа и отрубил ему пальцы, потому как хотел завладеть перстнями убитого. Он снял украшения, бросил отрубленные пальцы епископа на лед, а его самого оставил там. Дома он сразу же стал снимать с пальцев перстни, чтобы показать их Герде, и, как потом говорили, вместе с кольцом оторвал себе палец.

Следующей весной один крестьянин перевозил на своем челноке незрячего нищего и увидел, что на воде покачивается глыба льда с вмерзшим в нее человеческим пальцем. Он сказал об этом слепцу, и нищий, уже зная, что епископ Хенрик нашел свою погибель прошедшей зимой на этом озере, попросил, чтобы крестьянин достал тот палец и подал ему. Завладев пальцем, слепец потерял им свои глаза и вновь обрел зрение. Таков был последний поворот в истории Финляндии, после чего она оказалась под властью Швеции.

Шведские летописи не молчат о преданности финнов и их героических деяниях, они говорят нам, что наши соотечественники во многом только увеличили военную славу Швеции. Хорошо известно, как доблестно сражались финны в Германии, Польше, Дании и России. Если говорить коротко, то пожалуй нет ни одной победы, которую одержали шведы без славного участия финнов.

Однако более пространное описание того периода времени не вмещается в мое скромное повествование, ведь задачей себе я взял лишь рассказать о древних королях Финляндии. Из хроник государства шведского мы черпаем знания о том, какие деяния творил этот особо воинственный народ, находясь под нынешней властью. Надеюсь, что молодежь нашего Отечества проникнется любовью и уважением к своим единомыслителям, и потомки не предадут забвению их славные героические дела. Будь историческое описание каким угодно незамысловатым, оно всегда имеет за основу старинные летописи, саги и руны северных народов. И если мы в чем-то заблуждаемся, то с удовольствием выслушаем более искушенных знатоков, особенно, когда речь идет о делах глубокой древности, и это в немалой мере поможет нам обрести нужные знания.

И если же кто-нибудь почитает, что есть хоть малейшая причина умолчать о деяниях наших древних королей, а не говорить о них во весь голос, то мы призываем его принять во внимание, что повсюду о старинных правителях известно меньше, чем о более поздних царствующих особах. Помимо всего прочего следует помнить, что деяния наших королей в большинстве своем описаны чужеземными историками, которые стремились умалить наши заслуги и оставить в тени нашу историю, возвышая и подчеркивая свое значение.

Я не имел цели вместить в эту книгу всю историю Финляндии. Я довольствуюсь лишь тем, что набрасываю первые ее очертания и, тем самым, даю другим возможность продолжить летописание нашего народа в настоящих исторических трудах.

Мирный договор между Швецией и Новгородом, XIV в.

В каталоге рукописей, хранящихся в архиве графа Делягарди в Лёберёде Швеция), этот договор отмечен 1340 г. Н.И. Карамзин, ссылаясь на шведского историка Далина, относил его к 1350 г. утверждая, что он был заключен в Дерпте.

Мирный договор о рубеже между Швецией и Новгородом, заключенный в царствование короля Магнуса Эриксона 8-го сентября

Я Посадник Юрий с бургграфом (боярином) Варфоломеевым, Тысячским (герцогом) Авраамом и всем Новгородским народом условились и положили с братом нашим Свейским королем Магнусом Эриксоном. И пришли из Свейского королевства послы Эрик Туресон, Геммигер Одисласон, Пер Янсон и священник по имени Вельмундер; также были при сем два Готландские купца Людвиг и Фодра. И положили мы все сообща возобновить вечный мир и целовали на том крест. Даровал сказанный король Магнус Юрию и Новгородскому народу в знак дружбы три области: Саволак, Ескис и Эйрепэ, в Корельской округе. Пойдет рубеж где находится межа, сперва от моря (Финск. залива) и устье р. Сестры до болота, и посреди болота находится гора называемая Руммита по направлению реки Сээйоки¹, которая течет из р. Воксы. Оттуда в Пейвезискиви и далее до Удинкиви. Отсюда супротив Ески, через Гротлямппи до Мустиерви до Лурикомэки, до Тулисо, до Пэттарсари у озера Торса. Оттуда до Валь(р?)павези, до Л(П)ялкоерви, далее до Валкиерви в Юрекепе и острова на Кюмене, которого одна половина лежит в Сиволяксе, а другая принадлежит Русскими; далее до Керелото и Пурувези и Кайкатапула в участке Пустка и Дихивези, и до Самакстайпула и через озеро Иви (Рико?) до Охтасальми и т. д. до Придкаерви в Камкоске (Кольмиской?) до Кассиерви (Красноерви?) и Келлеитайпеле, и отсюда до рубежа прилегающей земли, означенной в другой грамоте.

Статьи мирного договора следуют:

Купцам иметь свободный проезд по всей Германии, через Любек, Готландию и Швецию, Невою к Новгороду, как водою, так и сухим путем. Шведы и жители Выборгского замка и подвластные им не должны чинить насилия над купцами и путешественниками Новгородскими или подвластными (Новгороду), и что бы иметь безопасный путь с обеих сторон. Не следует строить замков, как в Руси, так и в Корелии, ни нам, ни вам пока стоит упомянутый мир. Окружные пристава должны беглых слуг и воровских людей выдавать нам или вам по закону. Шведы не должны приобретать земли и воды в Корелии, а Новгородцы по ту сторону. Равно, ежели Нарва не исправится супротив посадника и Новгорода, то Шведам не помогать ей. А если с той или другой стороны которая из статей сего договора будет нарушена, то договор не теряет своей клятвенной силы, а нарушителей мира подвергать наказанию. И всем в Новгороде и в замках его и во всех землях Новгородских в означенных рубежах, равно во всем Шведском государстве хранить мир. Посадник Новгородский со всею Новгородскою землею заключает мир с Королем Швеции и всею Шведскою землею с Выборгом. Писано вечером в канун Рождества Богородицы. Того, кто нарушит целование креста, да постигнет вечное наказание от Бога и пречистой Девы Марии. Аминь. (Верно с оригиналом).

¹ В встречающихся финских названиях необходимо заметить, что иоки означает река; ерви – озеро; лампи – озерцо; мэки – гора; ниemi – мыс, нос; сари – остров; вези – вода, воды; киви – камень; сальми – пролив.

Договор 1397 г. о Кальмарской унии

Кальмарская уния – личная уния королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей (1397-1523 гг.). Договор об унии Дании, Норвегии и Швеции был заключен в 1397 г. в крупном шведском городе-порте Кальмаре.

Всем, кто услышит или увидит¹ эту грамоту, как ныне живущим, так и потомкам, да будет известно, что, после того как² всеми тремя нижеследующими королевствами – Данией, Швецией и Норвегией с истинным единодушием, согласием, любовью и по доброй воле каждого королевства, с одобрения и согласия высокородной правительницы, нашей милостивой госпожи королевы Маргреты, а также по доброй воле и с полного согласия всех королевств, епископов и клириков, рыцарей и свенов³, и всего народа⁴ каждого королевства высокородный и достойный господин, наш милостивый государь король Эрик был провозглашен, избран и утвержден⁵ над всеми тремя королевствами законным господином и королем, а затем, в воскресенье

Святой Троицы во имя Отца и Сына и Святого Духа здесь, в Кальмаре, с согласия и одобрения всех добрых людей королевств, клириков и мирян, был коронован и возведен на престол указанных трех королевств с почетом, как в духовных, так и в мирских делах подобающим законно коронованному королю, дабы управлять всеми этими тремя королевствами – Данией, Швецией и Норвегией, здесь в названное время и в указанном месте было обсуждено и заключено соглашение о крепком и нерушимом согласии, мире и союзе, и с одобрения и согласия нашего вышеназванного господина короля Эрика и нашей вышеназванной госпожи королевы Маргреты и с истинно единодушного одобрения и согласия всех советников и государственных мужей всех трех королевств было постановлено следующее.

[1] Прежде всего, что отныне указанные три королевства должны иметь одного короля, а именно короля Эрика, в течение его жизни. Затем эти три королевства навечно должны иметь одного короля, и не более, над всеми тремя королевствами, дабы те, если Богу будет угодно, никогда более не разделялись. Затем, после смерти этого короля, над всеми тремя королевствами должен быть избран и провозглашен один король и не более, и ни одно королевство не должно провозглашать короля иначе как с полного согласия и одобрения всех трех королевств. Если Бог даст этому королю или его преемникам сына, одного или нескольких, тогда один, и не более, должен быть избран и провозглашен королем над всеми тремя королевствами; остальные братья должны быть наделены другой властью в королевствах⁶; а с дочерьми, если таковые у него будут, да поступят так, как предписывает закон⁷. И пусть будет избран лишь один из сыновей короля, если Богу будет угодно, чтобы, при наличии такового, его избрали эти три королевства; и пусть, как сказано выше, только один, и никто более, станет королем. Если король, да не будет на то воля Божья, умрет бездетным, тогда государственные советники и [государственные] мужи должны выбрать другого, которого Бог ниспослет им своей милостью, того, кого с истинного согласия всех трех королевств по наилучшему своему разумению сочтут перед Богом достойнейшим, мудрейшим и полезнейшим для королевств. И пусть никто этому не противодействует и не предпринимает ничего противного тому, что здесь предписано.

[2] И все три королевства должны пребывать в согласии и любви, так чтобы одно не отходило от другого из-за каких-нибудь разногласий или раздоров, но если одно из королевств постигнет война или какое-либо нападение иноземцев, то она должна постигнуть все три, дабы каждое помогло другому со всей преданностью и всеми силами, однако таким образом, чтобы каждое королевство оставалось в своем законе и праве, и король довольствовался тем, что ему надлежит иметь.

[3] Отныне король должен распоряжаться и править в своем королевстве Дании замками и крепостями, блюсти законы и отправлять правосудие в соответствии с тем, что там является законами, правом и тем, как следует поступать королю⁸; таким же образом и в Швеции и Норвегии – в соответствии с их законами, правом и тем, как следует поступать королю; и не должен никакой закон или право одного королевства вводиться в другом, те, которые там ранее не были законом или правом, но пусть король и каждое королевство остаются в своих законах и праве, как было сказано выше, и как надлежит тому быть впредь.

[4] Если же случится так, что на какое бы то ни было из этих королевств обрушится война, с каким бы из них это ни произошло, два других королевства, когда король или уполномоченные им чиновники предпишут, должны всеми силами и полной преданностью прийти на помощь и защиту этому королевству туда, куда будет предписано, как на суше, так и на море, и каждое королевство должно оказывать помощь другому, как надлежит, без какого-либо недружелюбия, но так, что если одно или два королевства придут на помощь другому, тогда в этом королевстве государственные лица⁹ должны снабдить их провиантом и фуражом по мере необходимости, и обеспечить, чтобы стране и народу не чинился ущерб; расходы же по вознаграждению за службу, возмещению ущерба и выкупу пленных или по каким-либо другим нуждам должен нести король, и пусть в этом случае государственные должностные лица или народ не жалуются и не ропшут. И если все королевства или какое-либо из них постигнет война с иноземным войском, тогда никакое из них не должно заявлять, что оно не обязано помощью за пределами своих границ¹⁰; все мы решили и согласились, что одно королевство должно помогать другому и следовать в то королевство, которое в этом нуждается, поскольку все три королевства находятся теперь и должны находиться впредь под властью одного короля и господина и быть едины, словно одно королевство.

[5] Настоящим вся вражда и раздоры, которые между королевствами велись долгое время, прекращаются и никогда более не должны возобновляться, и никогда впредь одно королевство не должно воевать с другим или предпринимать что-то, от чего может произойти война или ссора, но да будут все как одно королевство под одним королем, как сказано выше. И пусть каждый, знатный и незнатный¹¹, пребудет в праве и законе и довольствуется законами и правом, и не притесняет кого-либо другого насилем, или другим беззаконием, или какой-либо несправедливостью¹² и не угнетает того, кто стоит ниже его; но все должны быть покорны Богу и нашему господину королю, и всегда – его посланцам, как то надлежит, и должностным лицам, уполномоченным им действовать от его имени; а также должны предавать суду тех, кто преступит это¹³.

[6] Если кто-то в каком-то королевстве будет объявлен вне закона¹⁴ за свои преступления, тот должен быть объявлен вне закона и в остальных королевствах¹⁵, и никто не должен оказывать ему покровительство или защищать; но там, где ему будет предъявлено обвинение, пусть его судят соответственно его преступлениям и как предписывает право.

[7] Также¹⁶ если будут вестись какие-либо переговоры или обсуждаться какие-нибудь дела с иностранными государями, городами или их посланниками к нашему господину королю, в каком бы королевстве он тогда ни находился, он и те его советники, которые будут там присутствовать, но [обязательно] по сколько-то от каждого королевства имеют власть действовать и заключать соглашения от имени указанных трех королевств наиболее угодным Богу, разумнейшим и полезнейшим для нашего государя короля и этих трех королевств образом.

[8] Также¹⁷ все эти перечисленные положения должны выполняться так, как это сказано выше, и их следует толковать и понимать таким образом, чтобы это было сделано к славе Господа Бога и нашего господина короля и к пользе, выгоде и миру королевств, и чтобы каждый жил в законе и праве; и да будет так, что если кто-либо захочет это преступить, то все в этих трех королевствах помогут нашему господину королю и его должностным лицам, которых он назначит, с доброй верой и всеми силами пресечь это и исправить по справедливости и как надлежит.

[9] Отныне наша госпожа королева Маргрета должна владеть и править в течение жизни беспрепятственно со всеми без исключения королевскими правами по своей воле всем тем, что ее отец и ее сын выделили ей и передали во время своей жизни и по завещанию. Также и в Швеции она должна сохранить свой утренний дар¹⁸ и другие владения, относительно которых государственные мужи Швеции договорились с ней и дали ей согласие на то, чтобы она ими управляла; также и свой утренний дар в Норвегии и то, что ее господин король Хакон и ее сын Олаф выделили там ей и передали как во время своей жизни, так и по завещанию; и она может сделать завещание, которое будет исполнено, но так, чтобы с ее смертью земли и замки возвратились свободно и безусловно¹⁹ к королю, за исключением денег и имущества из того вышеперечисленного, что ей отдано во владение, которые она, возможно, как сказано выше, передаст по своему завещанию, из того вышеназванного, что ей было передано и подарено, каковое должно быть строго соблюдено; то, что она раньше передала, выделила или пожаловала в лен в этих трех королевствах во славу Господа Бога²⁰, а также своим друзьям и слугам²¹, останется прочным и неизменным, как уже совершенное; король и государственные мужи в трех королевствах должны беспрекословно, если будет необходимость, помогать ей владеть вышеперечисленным в течение ее жизни. Если же кто-то попытается что-либо из вышепоименованного нарушить или будет делать что-либо против нее, вредить или препятствовать каким-либо образом, тогда все мы должны в доброй вере всеми силами оказать ей помощь, чтобы защитить ее права от тех, кто это сделает, и мы желаем, чтобы она с Божией помощью и с помощью тех, кто ей хочет помочь, защитила себя и оградила себя от хулы.

Для большей защиты всех вышеперечисленных положений, в знак того, что они с Божьей помощью навечно станут неизменными, прочными и нерушимыми во всех отношениях и во всех пунктах, которые перечислены выше, и что будут изданы грамоты на пергамене, по две для каждого королевства, то есть Дании, Швеции и Норвегии, обязательные к исполнению во всех отношениях и во всех пунктах, которые здесь были указаны выше, и они будут скреплены печатями нашего господина короля и нашей госпожи королевы, и членов государственных советов, и [государственных] мужей, и торговых городов всех трех королевств, Дании, Швеции и Норвегии, и все эти положения обсуждены и утверждены²², и должны выполняться во всех отношениях, как предписано выше, мы, Якоб и Хенрик, Божьей милостью архиепископы Лундский и Упсальский, Педер и Кнут, тою же милостью епископы Роскильский и Линчёпингский, Карл Тофтский, Ионес Андерсон, Стен Бентссон, Йонес Рут, Туре Бентссон, Фольмар Якобсон, Эренгисл, Педер Нильссон Агартский и Альгут Магнуссон, рыцари, Арендт, настоятель кафедрального собора в Осло, Амунд Болът, Альф Харильссон и Гуте Эрикссон, рыцари, по доброй воле привесли наши печати к этой грамоте. Писано²³ в Кальмаре в год Господень 1397, в день блаженной девы Маргариты и проч.²⁴

¹ В оригинале – очевидная описка: «Всем, кто услышит, или увидит, или услышит...». Для скандинавских документов того времени было достаточно характерно начало типа «Всем, кто увидит или услышит...», «Всем, кто услышит или увидит...», «Всем, кто услышит, увидит или прочитает...».

² В оригинале – efter thet at... (после того как...; поскольку...) Такая конструкция могла указывать как на последовательность, так и на взаимосвязь событий. Так как далее следует повествовательная часть акта, первый вариант перевода представляется предпочтительным.

³ Свен – в Скандинавских странах младший рыцарь, член рыцарского сословия, не прошедший официальную церемонию посвящения.

⁴ В оригинале – almughae (букв.: «общины»). Этот термин имел разные, хотя и взаимосвязанные значения: во-первых, общество, совокупность правоспособных жителей всей страны; во-вторых, простой народ и, в первую очередь, крестьяне-общинники.

⁵ В оригинале – taken, walder oc wnfongen. Taka et konung (букв.: «Принять (взять) короля») – традиционная формула, означавшая: провозгласить монарха, признать над собой его власть. Относительно содержания в данном контексте причастия walder (избран).

⁶ Т.е. они будут наделены замковыми ленами или получат под свое управление определенные области. Соответствующая практика имела место в Дании и являлась характерной для германских государств. С ней в средние века были знакомы также шведы.

⁷ Т.е. дадут им приданое либо вклад в монастырь.

⁸ В оригинале – oc koning aeger oc bor at gorae.

⁹ Rikesens embitsmen. В тексте изначально было: «королевские чиновники» (koningxens embitsmen). Сделанное исправление являет собой пример смысловой правки данного текста.

¹⁰ ...at han engin thiaenist plictigh aer wtan syt eghit landemaere... В данном случае имеются в виду положения шведских законов, согласно которым свободные крестьяне-бонды Швеции должны были в случае иноземной агрессии защищать свою страну с оружием в руках, но не были обязаны участвовать в военных действиях за пределами страны.

¹¹ Буквально: «высокий и низкий» (hoger oc lagher). Это – распространенное в позднее средневековье идеологическое клише, содержащее апелляцию к интересам и чаяниям как верхов, так и низов общества. Самый знаменитый из скандинавских источников, в

которых оно встречается – выдающийся памятник шведской литературы XV в. – «Песнь о свободе» стренгнесского епископа Томаса. Там говорится: «свобода – достояние как высокого, так и низкого».

¹² В оригинале – слово *hogmod*, имевшее как положительные, так и отрицательные значения: доблесть, высокомерие, гордыня, насилие, несправедливость, обида, оскорбление.

¹³ ...som her amot bryte.

¹⁴ В оригинале – тавтология, образованная из соответствующих юридических терминов. В позднейшем проекте союзного договора от 1436 г. было сделано уточнение, учитывающее различия в правовой терминологии, употребляемой в Швеции, Дании и Норвегии.

¹⁵ Букв.: «как в одном королевстве, так и в другом».

¹⁶ Здесь, по традиции, лат. *Item*.

¹⁷ См. примеч. 16.

¹⁸ Утренний дар – имущество, которое согласно известному распространенному у германских народов обычаю муж давал жене после первой брачной ночи. В Скандинавских странах в случае женитьбы короля или наследника престола это могли быть значительные владения, согласие на передачу которых (так же, как и на сам брак) давали ведущие аристократы страны. «Утренний дар» Маргреты в Швеции – владения, которые она получила от шведских стурманов как полномочная «госпожа» – регентша страны.

¹⁹ *Frij os wmbæogen* – формула, означающая: полностью, без кондиций и ограничений.

²⁰ Т.е. церкви.

²¹ *Henne wene oc thienere*.

²² В оригинале – *talaedhe oc ende*. Значение глагола *tala* в данном случае является дискуссионным.

²³ Заключительное предложение в оригинале – на латыни.

²⁴ На обороте документа, сверху вниз, ряд канцелярских помет. Важнейшие и древнейшие из них – две верхние. Первая, сделанная, по-видимому, вскоре после создания документа, гласит: «О чем было заключено соглашение (по другой существующей интерпретации – "о чем велись переговоры") в Кальмаре». Вторая, по мнению специалистов, относится ко времени около 1425 г. Текст ее следующий: «Соглашение о том, что эти 3 королевства должны вечно быть под одним королем, заключенное в Кальмаре (далее более поздней рукой) когда король Эрик был коронован на шведский престол в 1397 г.».

Письмо короля Дании Христиана III царю России Ивану IV касательно типографии в Москве

В письме, отправленном в 1552 г., содержится просьба, связанная с необходимостью напечатать, используя возможности Московского книгопечатного двора, определенный объем религиозной литературы.

Мы, Христиан, Божию милостию Король Датский, Норвежский, Готский, Вандальский и пр., тою же милостию могущественнейшему, победоноснейшему и славнейшему Государю Иоанну, Императору, всея России, Великому Князю Володимерскому, Московскому и иных, возлюбленному брату и другу нашему, желаем благоденствия и благопоспешения в делах.

С самого начала правления нашего, по благости Божией восприятого над сими Королевствами, ни о чем мы столько не заботились, победоноснейший и славнейший Император, друг и возлюбленный о Христе брат, как о сохранении общественного спокойствия и мира в Государстве нашем, так равно и о всемерном распространении славы и слова И. Христа в церквах владений наших; убеждены, что И. Христос, которого Царство, несомненно, близ есть, по неизреченной любви своей к нам, бедным смертным, рассеяв тьму Папежскую, коею долгое время омрачены были страны наши, паки желает явиться нам в осуждение неверующих и во спасение благочестно и право верующих. На это дело вызывали мы прочих Государей и Князей, исповедующих православную нашу веру, и притом не без успеха; по наследственному же нашему расположению и усердию к возлюбленному брату нашему, к его народу и подданным, руководствуясь примером предков и предшественников наших, мы осмелились склонять к тому же самому и тебя, возлюбленнейший брат.

С такою целию посылаем к тебе, В. Б., искренно нами любимого слугу и подданного нашего Ганса Миссенгейма с Библиею и двумя другими книгами, в коих содержится сущность нашей Христианской веры. Если приняты и одобрены будут тобою, В. Б., Митрополитом, Патриархами, Епископами и прочим Духовенством сие наше предложение и две книги вместе с Библиею: то оный слуга наш напечатает в нескольких тысячах экземпляров означенные сочинения, переведя на отечественный ваш язык, так что сим способом можно будет, в немногие годы, споспешествовать и содействовать пользе ваших церквей и прочих подданных, ревнующих славе Христовой и своему спасению. Молим всеильного и всеблагого Бога, чтобы милость и благость Его неотступно была, с тобою, В. Б., с твоими царствами и подданными. Сверх того, убедительно просим тебя, В. Б., благоволи без замедления допустить к себе и выслушать сего слугу нашего; а по выслушании и исследовании, когда положено будет между вами условие, удостой, как можно скорее, отпуска и благосклонного ответа. Тем самым ты, В. Б., доставишь нам великое удовольствие, за которое мы готовы будем ответствовать всемерно своим дружеским благорасположением. Прощай. Писано из города нашего Выборга, III идусов Маиа, 1552 года от воплощения нашего Спасителя.

Договор русского царя Ивана IV с датским королем Фредериком II, 7 августа 1562 г.

Договор русского царя Ивана IV с датским королем Фредериком II, заключенный 7 августа 1562 г.

1562 г. августа 7

Договорная грамота русского царя Ивана IV с датским королем Фредериком II, кому какими городами и местами владеть и в какие не вступаться

Бог наш Троица, Отец и Сын и Святой Дух, ныне и присно и в веки веком, аминь. Бе присно, есть и будет, ниже начинаем, ниже перестаем, о Нем живем, и движемся, и есмы, Им же царие царствуют и силнии пишут правду, Сего властью и хотением и благоволением удержажом скипетры Ро-сийскаго царствия, мы, великий государь, Божию милостию царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси (полный титул) и государь земли Ливонской и иных. Что присылал к нам ты, приятель наш и сосед Фредерик Второй, король дацкий (титул), послов своею рады любительных и верных, Эллера Герденбориха, преседящего в Маторне, своего гофмистра и раду и рыщера, Иакова Проконгуза, преседящего на Кеболе и приказного в его городе Гелценбориха, Янша Струцовича Улштанта, преседящего в Леметофте, да Сахариаса Велинка, судительства дохтора, бита нам челом и просити, чтоб нам с Фредериком королем быти в приятелстве и в любви и во единачестве и в докончании на всякого недруга заодин.

И мы, великий государь Иван, Божию милостию царь и великий князь всеа Руси, Фредерика, короля дацкого и норвейского, учинили есмя в приятелстве и в любви и во единачестве, и на всякого нам недруга с Фредериком королем быти заодин. А хто будет мне, великому государю Ивану, Божию милостию царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, друг, тот и тебе, Фредерику, королю датцкому и норвейскому, друг: а хто мне царю и государю великому князю, недруг, тот и тебе, Фредерику королю, недруг. А хто будет тебе Фредерику, королю датцкому и норвейскому друг, тот и мне царю и государю великому князю друг; а хто будет тебе, Фредерику королю недруг, тот и мне царю и государю великому князю недруг. А учинитца мне, царю великому князю, валка с моим недругом з Жигимонтом Августом, с королем полским и с великим князем литовским, или на кралевстве Полском и на великом княжестве Литовском иной хто король будет, и тебе Фредерику королю, с королем полским и великим князем литовским против нас, Божию милостию царя и государя всеа Руси, не стояти, и воевод своих с людми в помочь на нас королю полскому и великому князю литовскому не давати, ни казною своею его не спосужати, ни в кралевстве Датцком во всем людей им наймовати не давати.

Также учинитца валка наших вотчин бояром и наместником Великого Новагорода и Ливонские земли с свейским королем с Ириком, или по нем иной король будет, и тебе Фредерику, королю датцкому и норвейскому, с королем с свейским противу нашия вотчины Великого Новагорода и Ливонские земли не стояти, и воевод своих с людми в помочь не давати, и казною своею не спомогати, и во всем своем кралевстве Датцком людей в наем ему наймовати не давати. Также тебе, приятелю моему и соседу, Фредерику, королю датцкому и норвейскому, учинитца валка с Августом, королем полским и с великим князем литовским, или на Полском кралевстве, и на великом княжестве Литовском иной король будет, — и нам, Божию милостию, великому государю царю всеа Руси, королю полскому и великому князю литовскому на приятеля своего и на суседа, на короля датцкого, воевод своих с ним не посылати, ни людей в помочь ему никаких не давати и казною не пособляти, и во всех своих царствах, в Московском и в Ноугородцком и в Казанском и в Азстараханском, людей наймовати не давати, по сей докончальной грамоте, безо всякие хитрости.

Также учинитца тебе, Фредерику королю, валка с свейским королем, и мне великому государю Ивану, Божию милостию царю всеа Руси, не велети вотчин своих бояром и наместником Великого Новагорода и Ливонские земли с королем с свейским стояти с одного, и пособи некоторые чинити, ни людей в наем наймовати не давати и казною не спомогати.

Также учинитца мне, великому государю царю и великому князю всеа Руси, валка с которым моим недругом, и мне у Фредерика короля на того на своего недруга помочи не просити.

Также учинитца мне, Фредерику королю, с которым моим недругом валка, и мне, Фредерику королю, у великого государя на того своего недруга помочи не просити.

А что мне, Божию милостию великому государю Ивану и царю всеа Руси и великому князю, от приятеля нашего от Фредерика, короля датцкого и норвейского, послы его рады любительные и верные Эллер Герденборих, да Яков Броконгуз, да Янш Улштанта да Сахария дохтор, били нам челом от приятеля нашего от Фредерика, короля датцкого и норвейского, о том: которая его доля королевства Датцкого, города, и дворы, и мызы, и острова в моей великого государя Ивана, Божию милостию царя всеа Руси, в отчине в Ливонской земле: остров Эзель, город Апсал, город Лодь, город Леяль, город Касть, и что во всем в Вику городов и дворов и мыз, и города и дворы Курские земли, которые были преж того за эзелским бископом, да в Герском уезде монастырь Падеж, да к тому монастырю два двора, которые к Вику предстоят, двор Бугов, да двор Новой, да в Герском же уезде два двора, двор Фюгфел, двор Якол, да ропата соборная в Колывани, да двор бископов и з

дворы поповыми тое ропаты, – и нам бы те города, и острова, и дворы, и монастыри, и мызы отписати приятелю своему и суседу Фредерику королю к Датцкому королевству.

И мы, Божию милостию царь и великой князь Иван Васильевич всеа Руси, приятеля своего и суседа Фредерика, короля датцкого и норвейского, для его челобиться и прошенья, пожаловали, те имянущи города, и дворы, и острова ему описали, и нам, Божию милостию, царю и государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, в те его города, и в дворы, и в мызы, и в ропаты не вступатися и не воевати: острова Эзеля, а на том острову город по немецки Ренцьборих, а по чюдски Коресар, город по немецки Зоненборих, а по чюдский Масар, и ропат и мыз и дворов, которые на том острову стоят.

Да к тому ж Эзелскому острову не вступатися в острова и не воевати острова Дагды, острова Мона, острова на морском проливе, зоветца Великий Зунт, острова Кина, острова Шкилдова, острова Абра, а в Вицкой земле города Апсаля, города Лода, слободы Старые Перновские, опричь Нового Пернова со всем уездом, опричь того, которые дворы и мызы были х Пернову в Витцком уезде, тем в Вику и быти х Датцкому королевству. Да в Вике жь не вступати и не воевати городка Касти, двора Кокенка, города Леяля и монастыря девича в Леяле с слободами.

А в Курской земле бископовы державы, которые города были бискупа курского, и нам и в те города не вступатися и не воевати: города Пилтема з двором и з слободою, городка Аргенмендя, городка Дондангена, городка Неингуза, городка Анботоденя, городка Сакеня, что на берегу, городка Газанна с слободою, городка Этвалпа, двора Сирова, двора Шлека, двора Арваленя, острова Руяна и со всеми теми месты, которые изстари были к эзелскому бископу, опроч тех городов и дворов и мыз и ропат, которые были за маистром ливонским за Эйдерт Кеклегером и за иными маистры.

И которые есмь города, и острова, и дворы и мызы воименовали, и в те нам города, и острова, и дворы, и мызы, и в ропаты и во все угодыя не вступатися и войны свое нам на них не посылати.

Также приятелю моему и суседу Фредерику, королю датцкому и норвейскому и иных, моих, Божию милостию царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, городов мое вотчины Ливонские земли в Престоянии по латынскии в Естонии, а по неметцки в Гери, город Колывань, по немецки Ревель, а по чюдски Талина, а к городу Колывани в Герском уезде мызы Розика, мызы Кяника, мызы Раски, мызы Алиева, мызы Пруна, мызы Роптова, ропаты Козы, и во весь Герской уезд и в город Колывань и в Вышегород ни в дома, ни в дворы, ни в какие места, ни в ропатные, ни в душевные, ни в морские пристани и во всю Колыванскую державу в города, и в дворы, и в ропаты, и в леса, и в болота и во всякие угодыя от города от Нового Пернова от усть речки Перновки, и речкою Перновкою вверх по витцкой рубеж, по старому витцкому рубежу, а Пернова Новому быти в нашей цареви и великого князя стороне. А от Перновки ж речки рубежом Сарейскою землею до верховья реки до Кигеня, а через реку Кигеню до рубежа до паидежского, а рубежом паидежским, что шшелся с колыванским рубежом до усть реки Вазомы, что река Вазома впала в море. А двору Кегелю, что на реке на Кегеле, и ропате Кегели быти в нашей Цареви и великого князя стороне, а рубежа падежского от усть реки Вазомы и до города до Колывани, а от Колывани до монастыря девича до Бригита, а от Бригита до ракоборского рубежа до усть реки Белые, а по немецки Витенов, – в те в наши цареви и великого князя места в Колывани и в Колыванскую державу, и в убережья морские, и в пристанища морские, и в рыбные ловли, и в остров колыванской Нарген и в иные острова, которые были изстари х Колывани ж, приятелю моему Фредерику, королю датцкому и норвейскому, в описанные дворы и мызы, которые в сей грамоте имянно описаны, и которые и не описаны и во всю Колыванскую державу, во весь Герской уезд, не вступатися и не воевати, опричь дву дворов душевных, которые в Колыванском уезде, двор Фюгефел, двор Яковль сь их деревнями и с угоды, что х тем двором истари; а даны те два двора в Вике к апсалскому протопопствию.

Также приятелю и суседу моему Фредерику, королю датцкому, в моей вотчине в Гестонии в Вирской земле не вступатися и не воевати: города Ракобора, а по немецки Везембориха, городка Борколя, городка Аса, городка Толщ бора, городка Калфа, двора Сица, городка Адеса, а по неметцки Едц, города Ругодива, по немецки Нарв, городка Сыренска, а по немецки Нишлонт, и в те города в Ракобор, и в Ругодив, и во все имянующие города, и дворы, и мызы, и во весь Вирской уезд, и в убережья морские, и в пристанища морские, и в рыбные ловли, и в острова, которые к Ругодиву и к Ракобору и к Толщ бору изстари были, от уст реки Белые до уст реки Норовы не вступатися и не воевати.

Также не вступатися и не воевати немецким языком в Ис-ланте, а по латынски в Естонии: города Юрьева, по немецки Дерпъта, и монастыря Фалконова, а по чюдски Мукова; также городов и дворов, которые в Юрьевской державе: города Новово Городка, а по немецки Неингуза, города Керепети, города Курстеня, а по немецки Заморпала, города Бабья, а по немецки Улсена, города Рындеха, города Ранденя, города Кавлетя, города Конгота, города Старого Костра, по немецки Олденторна, города Нового Костра, а по немецки Вармека, в те города во все Юрьевские державы, и в дворы, и мызы, и в озера и во всякие угодия не вступатися и не воевати.

В Гестонии ж, в державе Велянской, не вступатися и не воевати: города Веляна, а по немецки Фелина, города Тарваса, города Полчева, а по немецки Еверпала, города Лаюса, двора Талкова.

А в Естонии ж, в Каркусской державе: города Каркуса, города Гелмана, города Руина, а к Руину пашенные люди дву языков, чюхны да латыши, мыза Сара.

В Естонию же в город Пернов не вступатися в Новой со всем уездом, опричь того, которые двory и угодыя были х Пернову Новому в Вике предстояли, и тем в Вике и быти, в Вицком уезде.

А в Ярвенской державе не воевати и не вступатися: города Пайды со всем уездом, а по немецки Ветштена, тех всех именующих городов и которые и не воименованы, и монастырей, и ропат, и дворов, и мыз, которые в Естонию в Герской державе, и в Вирской державе, и в Юрьевской державе, и в Ярвенской державе – в мызы, и в дворни, и в ропаты, ни в мызнии двory, ни в душевные и ропатные земли, ни в тех городов уезды, и в озера и в реки, и в леса, и в пристанища морские, и в рыбные ловли, и в острова, которые к тем городом изстари были, не вступатися и не воевати.

Также приятелю моему и суседу Фредерику, королю датцкому и норвейскому, не вступатися и не воевати в латышской язык арцыбискупова владения: города Риги, и в Вышегород и во все рижские присуды, чем владели арцыбискупы и маистры, и что ведали посадники и бурмистры и все приказные рижские люди, и не вступатися ни в дома, ни в двory, ни в пристанища морские; города Ровного, а по немецки Ронембориха, городка Смитлина, города Шваненбориха, а по латышски Голбина, города Сесвегина, а по латышски Чесвина, города Ловдона, города Марингуза, а по латышски Фленка, города Крубориха, города Борзеня, города Сербеня, города Пибала, а по латышски Пилбина, города Эрлеля, города Куконоса на реке на Двине, города Сонсея, по латышски Левея, города Ленворта, города Ишкеля.

В города же не вступатися и не воевати в арцыбискупово владение ливского языка: города Левзеря, по латышски Ломбжа, слободы Залесея, города Трейдена, а по латышски Торойта, города Кремона, города Розеня, а по латышски Аусрозеня, города Ропы, а по латышски Страгна, города Розенбека, города Мойяна, города Перкула.

Маистрова владения: города Кеси, по немецки Венделя, города Маенбориха, а по латышски Алыста, города Адзеля, а по латышски Годи, города Треката, города Володимерца, а по немецки Волмеря, города Арвесея, города Буртника, города Резицы, города Лужи, а по немецки Лудзеня, города Лудер-бориха, а по чюдцки Невгина, города Зелбориха, а по чюдцки Селипиля, города Айскарода, а по чюдцки Сковвена, города Шкуйна, города Уренобреха, городка Нитова, города Анемборика, города Зеилболта, а по латышски Секвалта.

А в ливском языке, которые города были в маистрове ж повелении: города Неимеля, по чюдцки Адежа, города Донемендя, города Карк полма, городка Рижского, которой блиско Риги, города Сшоти. Да маистрова ж владения в Курской земле города в латышском языке: города Боуска, города Митова, города Тукома, города Добленя, города Ауся, города Кандова, города Сабелеля, города Фраубориха, города Виндова, города Голдина, города Дорбина, города Гробина, тех всех именующих городов, которые в сей докончалной грамоте именно писаны, и которые города не поименованы, и монастыри, и ропаты, и двory, и мызы, которые ни бывали в маистрове владении и в арцыбискупове владении и бискупа юрьевского и бискупа колыванского, опричь колыванские соборные ропаты и бискупова двора в Колывани, и в поповы двory тое ропаты, которые в городе, ни в душевныя ропатные двory, ни в землю, ни в мызничские мызы, ни в которые села, и в те во все земли нашия вотчины Ливонские земли, и в озера, и в реки, и в леса, и во всякие угодыя, и в пристанища морские, и во все побережья морское, и в пристанища Двины реки обеих берегов, и в рыбные ловли, и в острова, которые к тем городом изстари были, приятелю нашему и суседу Фредерику, королю датцкому и норвейскому, некоторым обычаем ни во что не вступатися и не воевати.

Так и во всю Ливонскую землю в нашу отчину не вступатися и не воевати, опричь его городов и дворов и земель и ропаты Ливонской земли, что есмь приятелю своему Фредерику королю в сей грамоте имянно описали.

А что Фредерикова королева земля Эзель и Вика, и в Курской земле бискупа эзелского владение, и которою землею кого пожалует, брата ли своего князя Магнуша, или в тех горо-дех учинит своих наместников, – и мне, великому государю, под братом его князем Магнушем и под его наместники тех земель не воевати.

А что мне, великому государю, Божию милостию царю всеа Руси, били челом от Фредерика, короля датцкого, послы его Эллер Албор Герденборих гофмистр с товарищи о дву дворех Колках, что в Герском уезде, да о том договору не учинили, – и мне, великому государю, царю всеа Руси, о тех дворех Колках обослатися с Фредериком королем послы своими, да по той обсылке тому договору учинити, как пригоже.

Также приятелю и суседу нашему Фредерику, королю датцкому и норвейскому и иных, не воевати нашия отчины Великого Новгорода пригородов: города Иванягорода, города Корелы, города Орешка, города Ямы, города Копори с волостми.

А которые наши, Божию милостию, царевы и великого государя земли порубежные сошлись с Фредериковыми Королевыми землями, з городом Варгавом и с иными месты, ино рубеж ведати на обе стороны по старине: которые земли, и воды, и ухожаи, и ловища, и всякие угодия издавна потягли к нашему государству землям, — и в те земли, и воды, и в ухожаи, и в ловища, и во всякие угодия тебе, приятелю Фредерику королю, и твоим людем у нас и у наших людеи не вступатися и не воевати.

А которые земли, и воды, и ухожаи, и ловища, и всякие угодия издавна потягли х королевству Дацкого землям, и в те земли, и в воды, и в ухожаи, и в ловища, и во всякие угодия нам и нашим людем у тебя и у твоих людеи не вступатися и не воевати.

А что будет учинилось меж нашими людами наперед сего до сего нашего докончания, наезды, и войнами и татбами и розбой, того всего не искати, ни поминати на обе стороны, по се наше докончание.

А вперед что учинитца меж моими царицами и великого князя людьми с Фредериковыми Королевыми людьми, каково дело в сей нашей любви, тому всему суд и исправа без перевода.

А блюсти тебе наших людей и управа им давати с своими людьми во всяких делех в своих землях и твоим наместником и всем твоим приказщиком, как и своим людем, по вашему обычаю, в правду, без хитрости.

А нам блюсти твоих людей и управа им давати с своими людьми во всяких делех в своих землях и нашим наместником и всем нашим приказщиком, как и своим людем, по нашему обычаю, в правду, без хитрости.

А знати исцу исца по своей исправе, а порубу в том не быти на обе стороны.

А случитца твоему Фредерику королеву человеку в нашей земле по суду да казни смертныя, ино его не казнити, а держати его на крепости, а о том обошлютца наши приказные люди с твоими людьми, да обослався, по суду и вершат. Также случитца моему царю и великого князя человеку в твоей, приятеля нашего, Фредериков королеве земле по суду до казни смертныя, ино его не казнити, а держати его на крепости, а о том обослався твоим, приятеля нашего, приказным людем с нашими приказными людьми, да обослався, по суду и вершити.

А послом моим и гонцом царем и великого князя по твоим Фредериковым Королевым землям и во все поморские государства землею и водою путь чист безо всяких зацепок. Также и твоим Фредериковым послом и гонцом по моим царем и великого князя землям землею и водою путь чист безо всяких зацепок.

А гостем нашим царем и великого князя и купцом Великого Новгорода, и псковичем, и всех городов Московские земли, также и немцем мое вотчины Ливонские земли городов и иным всяким нашим делным людем ездити водою и землею в королевство Датское, в город в Копонгов и во все города в королевство Датское ездити поволно, и торговати и меняти всякими товары без вывета, кому ж самому с самими с королевства Датского людьми и з заморскими людьми доброволно во всякой поволности, безо всякого насилвания: а меклирем и веркопером на обе стороны отнюдь у них не быти.

А пошлины и мыта платити, как где обычай в которой земле. А которые наши царицы и великого князя купцы и гости, русь и немцы, поедут из Копонгова в заморские государства с товаром, или которые заморских государств купцы пойдут мимо королевство Датское морскими вороты, проливом Зунтом, и приятелю и суседу моему Фредерику королю наших царевых и великого князя гостей и купцов и вотчины наши Ливонские земли немец с товары мимо свое государство в иные в заморские государства пропускати, и назад им по тому ж поволность давати и задержания им никоторого не чинити.

А которые из иных заморских государств купцы и всякие торговые люди и мастеровые с товары пойдут в наши царицы и великого князя государства в московские города, или в ливонские наши города, и тех людей всех с товары пропускати без задержания.

А которые гости и купцы Датского королевства с товары похотят ехати в нашу царицу и великого князя вотчину, в города Великий Новгород и во Псков и в Ругодив и во все в московские города, и в ливонские земли и города, и им во все города нашего государства ездити и торговати воля, и торговати им всякими товары без вывета.

Также которые люди пойдут из за моря дохторы, или мастеровые какие ни есть, на наше имя, — и тебе, приятелю нашему Фредерику королю, тех людей к нам пропускати не задержав, без всяких зацепок.

Также которых наших царевых и великого князя людей занесет ветром, неволею, по морю в королевстве Датское, и тех людей животов сыскивати в правду, без хитрости; а которая пошлина с тех людей доведетца имати, и с тех людей пошлина имати, где в которой земле которая пошлина ведетца. Также приятеля нашего Фредериковых Королевых людей занесет в наши царицы и великого князя государства, и нашим наместником и всем нашим приказщиком по тому ж сыскивати в правду, без хитрости, и где прилучитца им которая пошлина платити, те пошлины платити, в которых городех как ведетца.

А что, Божию милостию, мой великого государя царя и великого князя всеа Руси был двор купецкой в твоей Фредериков вотчине в Датской земле в городе в Готланте, и что твои Фредериковы королевы датского были два двора купецкие, один в Великом Новгороде, а другой двор на Иванегороде, — и тебе Фредерику королю двор купецкой в Готланте моим великого государя купцом и гостем очистить, а другой двор дати в Копонгове; каковы даны дворы купцом Датские земли в Великом Новгороде и на Иванегороде, и мне великому государю те старые дворы очистить, а те дворы купцем и гостем ставити самим.

А церкви русской и ропате на обе стороны не быти. Также чухнов и латышей на обе стороны не перезывати и не принимати; а которой за рубеж збежит, ино того сыскав, отдати назад в правду, без хитрости.

А на том на всем, Божию милостию, мы, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси (полный титул) и государь земли Ливонской и иных, целовали есмь крест к тебе, приятелю моему и суседу, Фредерику королю Второму (титул), по любви в правду; по сей нам грамоте докончальной, тебе, приятелю моему, и правити, как в сей докончальной грамоте писано. А на болшее утвержение печать есми свою золотую привесили к сей утверженной грамоте. Писана грамота в нашем дворе Можайску Московского государства, лета от создания мира 7000 семнадцатого, августа месяца 7 день.

На пергаменте. Внизу привешена на золотом снуре золотая массивная печать около фунта весом; круговое ребро слегка выпуклое, с красивым узором чернью. На концах снура две золотыя кисти, головки коих украшены жемчугом. Первая буква Б, верхка в 2 слишком, затейливо выведена и раскрашена золотом, черною,

розовой и голубою красками. Богословие писано золотом, за исключением начальных букв некоторых слов, каковыя буквы писаны голубою краскою.

Божиею милостию, царь и великий князь Иван Васильевича господарь всея Руси, володимерский, московский, новгородский, царь казанский и царь астраханский, государь псковский и великий князь [519] смоленский, тверский, югорский, пермьский, вятцкий, болгарский», и иных, господарь и великий князь Новагорода Низовские земли, черниговский, рязанский, вологодцкий, ржовский, белский, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондинский и иных и всея Сибирския земли повелитель и государь Ливонския земли и иных многих.

Документы о шведском походе 1590-1591 гг.

Представлены документы о походе шведов к Белому морю в 1590-1591 гг.

Петр Багге во время этой войны, будучи начальствующим лицом в Остерботнии, построил в 1590 г. укрепление Оулу и собрал войско из крестьян Остерботнии. Крестьяне этой провинции отличались всегда своей воинственностью и под предводительством Везайнена, не ожидая подхода войска, перешли Лапландские горы и, опустошая все огнем и мечом, подошли к Белому морю, разорили Печенгский монастырь, осадили Колу, но взять ее не могли. На обратном пути один из пленных русских убил Везайнена.

В следующем году был предпринят шведами второй поход к Коле под предводительством Ханса Ларсона. Русские, опасаясь потерять Лапландию и земли около Белого моря, отправили против шведов сильную рать, с артиллерией, под предводительством двух князей Волконских. Первый занял и укрепил Соловецкий монастырь, второй побил шведов при Сумском остроге.

Осенью 1591 г. шведы предприняли новый поход под предводительством Петерсона (сына Петра) Багге, который однако ж не отважился вступить в бой с кн. Григорием Волконским, переправившемся через озеро Улеа. У Багге было не более 1500 войска, состоящего из одной пехоты, тогда как у русских – до 5000 конницы, по большей части из татар. Финляндская милиция, подоспевшая из южных волостей, заставила кн. Волконского отретироваться, опустошая и сожигая на своем пути все, что ни попадалось.

В августе 1592 г. приступили к мирным переговорам при реке Плесе. В январе 1593 г. заключено было двухлетнее перемирие, обращенное в мирный договор при Тевзине (близ Нарвы) в мае 1595 г.

Инструкция Петру Багге, предводителю похода к Белому морю, Стокгольм, 18 июля 1590 г.

Наставление, касающееся похода на северо-восток, данное нами Иоанном III Божиею милостию королем шведским, готским и вендским, великим князем финляндским, Корелии, Водской пятины и Ингерманландии в России и герцогом эстляндским и лифляндским и пр. пр., нашему верноподданному и дворянину Петру Багге из Сёдерби, начальнику похода. Стокгольм 18 июля 1590 г.

Прежде всего Петр Багге должен собрать поручаемое ему войско и также крестьян из Остроботнии и Вестерботнии, которые найдутся под его ведением и начальством, и идти ему из Остроботнии мимо озера Улео к Белому морю, причиняя неприятелю наибольший вред и урон, грабя и сжигая все что можно. Пусть разграбит и возьмет город Сумы и, если нужно, предаст его сожжению, а также острог, который намеревались построить близ города и называется он Изилена, По взятии его, следует его укрепить валами и бастионами, как можно лучше, дабы могли наши (люди), когда придется, оставаться во той стране на зиму, найти там убежище и защиту.

Снабдив этот блокауз потребным числом войска, означенному Петру Багге наискорейшим образом идти к городу Холмогорам, стараясь о наибольшей добыче мехами или другими ценными предметами, не разбирая будет ли это принадлежность русских или иноземцев. Равным образом следует (ему) захватить все какие он может суда, французские, английские и другие и, посадив на них шведов, отыскать находящиеся там лучшие гавани, как-то: Пихенемэ и Каннолакс и другие, где бы суда могли прозимовать безопасно.

В случае у него (Багге) не окажется достаточно войска, чтобы занять блокауз и охранять суда, то должен он заблаговременно отправить гонца и потребовать помощи людьми из домов Остер и Вестерботнии; однако ж как военные, так и крестьяне не должны оставаться там на зиму и затем он должен сожечь как город, так и крепость и опустошить за собою всю страну.

Затем между Рождеством и Сретением следует ему идти на Кексгольм, сжигая и опустошая по пути всю страну и округ Аунизма, увозя с собою население и забрав скот и добычу, что может захватить и доставить в Кексгольмский уезд. По совершении сего надлежит ему (Багге) идти на соединение с нашей главной военной силой и огромным полчищем в Ингерманландии, или в каком бы городе это не случилось. Затем он, Петр Багге, вместе с там обретающимся Хансом Ларсоном, обязан тщательно исследовать и разведать все местности с торговыми городами и гаванями на Белом море или на Севере, дабы он мог, если зимою не состоится мир с русскими, по весне овладеть оными и тогда тем легче будет для шведской короны добиться своих польз и выгод.

Доношение Свена Педерсена о походе к Белому морю в 1591 г., Улео, 19 января 1592 г.

Для памяти (записано) о нашем походе прошлым летом, с того времени, как мы, во имя св. Троицы, отправились из укрепления Улео в неприятельскую землю, вышли мы из укрепления 7 сентября, а 12-го числа пришли в страну Ригиень, а также о том какой мы нанесли вред неприятелю, огнем и проч.

Первоначально подошли мы к городу Великие Сумы, который вдается в Белое море на 20 миль. Пришли мы туда 22 сентября и сожгли его до основания и в тот же день отправились далее к другому городу 2 мили от Сум, прозываемому Вирма. Этот (город) мы также сожгли до основания. Из Вирмы пошли к третьему городу, 6 миль от Сум, прозываемому Квинна Ниме, который мы также сожгли до основания. Из Квинна Ниме до Свик 5 миль; его также сожгли до основания. Из Свика до Кимена 10 миль, и этот сожгли до основания. Затем в Бортферден (Bortferden. Залив?) мы разделились и на Белом море взяли 2 судна, нагруженные семгою, которую начальник разделил между воинскими людьми. Тут же сожгли мы до 14 селитренных майданов, название которых я узнать не мог, с таким же количеством амбаров, наполненных белой солью до самой крыши. Большие железные котлы (сковороды), от 6 до 8 ластов, разбили мы на мелкие куски. Затем (сожгли?) несколько тысяч ластов заготовленных для селитрениц дров. Попортили также все ихние рыбные ловли (семги) по всему Белому морю, докудова мы там доходили. Вот тот вред, который мы нанесли неприятелю на Белом море. И по Белому морю подошли мы к городу Кимену, который сюда ближе, 28-го сентября. И обратно вниз по реке к нему и сожгли его в тот же день. Оттуда до крестьянской деревни Асмо Кила 3 добрых мили верх по течению до порога (водопада) Виландэ. На двойном расстоянии брошенного камня от той деревни скоро пришли к порогу, где следовало переправиться через реку, но по причине быстрины оказалось невозможным и пошли мы верх по реке не далее как на расстоянии полета стрелы. И между первым и вторым путем лежит небольшое озеро, переход через которое в его узком месте 1/2 четверти (мили (1/4 м. = 2 1/2 версты. Дальнейшие подробности описания обратного пути шведов в Улеаборг не представляют интереса)...

Вот наш поход в неприятельскую землю, сделанный 2 сентября 1591 г., и описание причиненного ему вреда, с показанием расстояний от одного места до другого и их названий и как отдалена одна деревня от другой и проч.

Из Тявзинского мирного договора России со Швецией, 18 мая 1595 г.

А торговле и пристани быть всем иноземцам в Выборе и в Колывани повольно без задержанья, как изстари торговля была, а всем свейским подданным изо всех мест, /л. 89/ из Свеи и из Финские и из Чюхонские земли без задержанья своими караблями и с товары ходити в Ругодив, а не из чюжих мест; а торгу быти на ругодивскоп, а не на иванегородцкой стороне, также и важне и весом и безменом, также мерою аршином, локтями, бочкою осминою, как и обычаех ведетца. А руским людем и иным иноземцом, которым поволено будет, торговати на ругодивской, а не на иванегородцкой стороне, и чтоб оманного и спорченого товару ни с которые стороны не возити, и никоторого товару, не записав, не продавати, а записке быти и браковщиком тутож. А великого государя нашего, царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца торговым людем без задержанья ездити во все места в Свойскую, в Финскую и в Чюхонскую землю, где сами захотят ехати, торговати и промышляти тем обычаем, как изстари бывало. А Свейского королевства подданным повольно ездити в Орешек и в Ладогу и в Корелу и в Новгород, и где им надобе, Ладожским озером и в ыные места караблями, бусами, ладьями, батами, до коих мест мочно теми судами дойти, для торговли и промыслу, также рекою Норовою обема береги от устья в Чюдцкое озеро и во Псков и в ыные места, куды им мочно озером доехати. А великого государя нашего, его царского величества торговым людем, как и велеможного короля подданным, давати с своих товаров тамгу на обе стороны ровно. А из чюжих мест не ходити в Ругодив и не искати пристаней на Руской стороне, в Луге и в Неве и по иным рекам и местом. А Свейского королевства подданным повольно на Руской стороне всяких пристаней и мест искати с своими карабли и бусы и лодьями, где они хотят, также и торговати во всех местех и пристанех во всей Руской земле восточной и западной и северной и полуденной, и на Москве и в Новгороде и во Пскове и в ыных местех, как которые ни имянуютца, также в те земли, которые великому государю нашему, его царскому величеству, впредь бог поручит ис чюжих государств татарские и иные к Руской земле. Также Свейского королевства подданным дворы на Москве, в Новгороде, во Пскове и в ыных местех в Руской земле, которые дворы и огороды за ними были, со всеми их угодыя с повольностью даны будут, а в которых местех дворов за ними не было, и те бы дворы беззаборонно даны были, где им товары свои класть. А великого государя нашего, царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца людем в Выборе и в Колы-вани и в Аbove и в ыных местех по тому ж бы учинено было. Также свейским, финским и Чюхонские земли торговым людем, которые под Свейским королевством живут, которые имеют долги в Руской земле на ком ни буди, письмом или будет добрым людем о том ведомо, и тем бы всем было вольно бес помешки того своего долгу судом доступам. А великого государя нашего, царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца людем, по тому ж бы учинено было от их велеможного государя короля Жигимонта от подданных в Свее и в Финской и в Чюхорской земле, тот долг,

которые свейские и финские и чюхонские должны великого государя нашего, его царского величества людем, и что будет взято на их велеможного государя короля в казну, и то все добрыми товары или готовыми деньгами заплатить в Выборе или в Ругодиве и где будет им годно. Также всякой долг, мал или велик, которой их велеможного государя короля подданные имеют долги в Руской земле, или будет некоторые товары иманы на обиход великого государя нашего, его царского величества, и то б все было заплачено, и которые долги на его подданных, сколько того долгу ни есть, и то все заплатить добрыми товары и готовыми деньгами беззаборонно в Ругодиве или в Выборе или где пригоже, чтоб на обе стороны не были в накладе и в убытках.

А буде некоторой случай учинитца над карабли и бусами и лодьями и батами с купецкими товары, или будет иные какие карабли и суды велеможного государя их короля из Свей дворян и воинских людей к берегу принесет на Рускую сторону, каким обычаем ни буди, и великого государя нашего, царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца людем об них радети и помешки им не чинити и их товаров не таити и вопче сыскивати беззаборонно и на свейскую сторону давати возити. Также б великого государя нашего, его царского величества людем от свейских людей учинено было по тому ж...

Также которые торговые люди с их товары пойдут к великому государю нашему, царю и великому князю Федору Ивановичу, всеа Русии самодержцу морем из Римского государства и из Шпанского королевства и королевства Аглинского и короля датцкого и короля францовского и из Любок и из ьных мест, отколе ни пойдут, сь их с узорочными товары, которые годны его царского величества х казне, и те через королевство Свейское и через Финскую землю и через Чюхонские земли города, которые ныне под Свейским королевством, довольно без помешки и безо всякие хитрости и без задержанья сухим и водяным путем, как они свои товары объявят и запишут, в Колывани или в Выборе...

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича купцам Шведского государства на право ведения свободной торговли в России, 21 июня 1618 г.

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича купцам Шведского государства на право ведения свободной торговли в России, представленная 21 июня 1618 г.

Божию милостию мы, великий государь царь и великий князь Михаил Федорович... [п. т.], даем ведать, что мы милостиво пожаловали купцов Шведского государства следующими вольностями, а именно.

Во-первых, что они должны пользоваться всей свободой торговли в городах нашего государства – Москве, Великом Новгороде и Пскове с нашими русскими гостями и торговыми людьми в силу нашего утвержденного мирного договора, который заключен нашими великими послами.

Для их торгового двора жалуем мы им место, где они должны поставить двор, здесь в Москве на Тверской улице у Николы в Гнезниках, в длину 37 сажен, в ширину 24 сажени. И мы пожаловали им для их узорочных товаров небольшой каменный дом с сводчатым погребом, который теперь стоит на этом участке и в котором они смогут сохранить свои узорочные и другие ценные товары во время пожара.

Мы также милостиво пожаловали им места в Великом Новгороде и Пскове для постройки там себе дворов, а именно в Новгороде на Софийской стороне внутри земляного вала или в предместье, где это будет более удобно, а во Пскове внутри больших каменных стен или на Завеличье сразу около стены у Немецкого двора; оба участка в длину 30 сажень, в ширину 20.

Что касается дворников, то мы пожаловали им держать в дворниках своих шведских людей, двух или трех, как они сами хотят.

Мы пожаловали шведских купцов [правом] приходять и приезжать со своими товарами и имуществом в упомянутые города Москву, Новгород и Псков и торговать с нашими собственными русскими торговыми людьми. И когда они в вышеобозначенных городах продадут свои товары и им должно быть разрешено свободно и беспрепятственно с проезжей грамотой возвратиться обратно в свою землю; а проезжие грамоты они должны получать в канцелярии в Москве у секретаря наших дел, а в Новгороде и в Пскове у наших бояр и дьяков.

Пошлину они должны уплачивать по действующему положению так же, как и другие иноземцы, и по условиям мирного договора.

Мы жалуем также им, что они могут сами иметь на этих дворах всякие напитки для своих потребностей, но не для продажи. А если они привезут иноземные напитки, горячее ли, красное французское или какие-либо другие сорта, и захотят продавать, то они должны продавать бочками, но не ведрами, стопами или чарками, без нашего особого милостивого разрешения так же, как и у других наших собственных русских [подданных] для того, чтобы между нашими русскими подданными и шведскими купцами не могло возникнуть ссор и из-за этого не произошло убийства.

Что касается художественных и ценных товаров, которые они могут иметь и привозить с собой, [и] которые могут быть нужны для нашей казны, то шведские купцы должны показать [эти] свои товары в нашей

канцелярии дьякам пашей думы, [а] в таможене таможенникам, и никто не должен сметь скрывать что-либо из своих товаров, и никто не может продавать те товары, которые не были осмотрены, чтобы не было убытка нашей таможенной пошлине.

Шведские купцы должны иметь право поставить себе двор и жилые постройки на упомянутых участках, как они хотят и имеют желание по своей собственной воле.

Они должны также иметь право иметь своих собственных шведских людей в качестве служителей этого двора, и ни один русский по может быть взят в служители этого двора.

Мы также милостиво предоставляем и жалуем шведским купцам, которые с нашими проезжими грамотами приезжают в наши вышеназванные города Москву, Великий Новгород и Псков, что они не будут подвластны суду наших бояр, воевод, дьяков или каких-либо приказных людей в наших крепостях; они не будут иметь права судить за какие-либо дела ни их самих, ни их слуг. Наши приказные люди не будут также иметь права посылать за ними приставов, если только не произошло убийство, воровство или грабеж, и очевидно, как могло это случиться. И где так будет, что что-либо произошло с упомянутым шведским купцом, с ним самим или с его слугой, и имеется спор и несогласие по поводу торговли или какой-либо другой несправедливости, то должны [это дело] расследовать и судить в Москве наши думные дьяки в Посольском приказе, а в Новгороде и Пскове должны расследовать и судить наши бояре и дьяки, и никто другой, и ни в каком другом месте, кроме того, как здесь указано.

Мы даруем и жалуем шведским купцам на упомянутых дворах такие же вольности и привилегии, какими обладают и пользуются и другие иноземцы в упомянутых городах, а именно, что они в силу этой нашей жалованной грамоты будут пользоваться свободой от всех городских податей, обложений, постоев и всего другого за дворы, которые построят на участках, которые мы им милостиво предоставили и которыми как в их присутствии, так и в их отсутствии будут пользоваться и сохранять.

Мы также распорядились и послали ко всем нашим боярам и воеводам наш строгий серьезный царский указ, что они во всех городах в соответствии с мирным договором должны охранять упомянутых шведских купцов, чтобы им не была учинена какая-либо несправедливость или какой-либо ущерб, так же как и мы этой [грамотой] предлагаем и приказываем нашим приказным людям в упомянутой Москве, так же как и во всех других городах, чтобы они против этого ничего не совершали, но лучше принимали во внимание и полностью [этим документом] руководствовались.

Взамен этого вельможнейший король Густав Адольф Швеции желает пожаловать нашего царского величества Российского государства подданным, новгородским и псковским, также и другим нашего Российского государства городов купцам и торговым людям, свободную торговлю со своими подданными, купцами и торговыми людьми, согласно своему королевскому утверждению и по условиям мирного договора, в городах Шведского государства Стокгольме, Выборге, Ревеле, Нарве, так и во всех других городах в Швеции, Финляндии и Лифляндии. Равным образом жалует нашим подданным купцам и торговым людям в своих городах участки для постройки себе дворов по условиям мирного договора.

Также должно быть пожаловано, чтоб наши подданные купцы и торговые люди, свободно и беспрепятственно могли пользоваться богослужением с пением и молитвой в церкви св. Николая в Ревеле.

Также станут защищать и ограждать наших подданных и купцов с их людьми от всех несправедливостей и насилий так, чтобы им не мог быть причинен какой-либо ущерб или убыток.

Против этой нашего царского величества милостивой жалованной грамоты, которую мы, великий государь, в силу мирного договора с нашим царского величества обеспечением даровали его королевского величества шведским купцам, так и его королевское величество равным образом и в таком же роде хочет дать со своим королевским обеспечением свою королевскую грамоту нашим подданным и купцам о свободной торговле и [торговых] дворах.

Но если вельможнейший Густав Адольф, король Швеции, не захочет в силу мирного договора и своего королевского утверждения пожаловать нашим подданным и купцам вышеуказанные условия, хотя его представители и дали их, и не будет выполнять наш утвержденный мирный договор, или королевские наместники в городах учинят нашим подданным и купцам насилия и этим нарушат мирный договор, тогда эта грамота станет недействительной и утратит силу, и более не будет обеспечивать шведских купцов; этим тогда будет уничтожена торговля.

То, что выше изложено, мы повелели записать в этой нашей грамоте, соблюдая то, что наш утвержденный мирный договор во всем должен в своей силе содержаться и совершенствоваться но тому, как было при отпуске между послами.

Написано и дано в нашем царствующем городе Москве в лето [от создания] мира 7126 21 июня, в лето от рождества спасителя Иисуса Христа 1618.

Эта вышеизложенная грамота подписана великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Руси самодержца, думным дьяком Иваном Курбатовым Грамотиным.

1.12.

РИМСКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Булла Адриана II в «Похвальном слове Кириллу и Мефодию»

Адриан II – папа римский с 14 декабря 867 г. по 14 декабря 872 г. Поддерживал миссию Кирилла и Мефодия среди славянских народов, признал право славян использовать родной язык в богослужении, а после смерти Кирилла назначил Мефодия архиепископом Паннонским и Моравским.

Адриан епископ, раб всех рабов Божьих Ростиславу, Святополку и Коцелу. Слава в вышних Богу и на земле мир и в человеках благоволение¹. Услышав о вас духовную радость, что имеете для (своего) спасения, посылаем брата нашего честного Мефодия, посвященного в архиепископы, в земли ваши, как вы просили у нас, чтобы учил вас, переводя книги на ваш язык, чтобы исполнилось слово пророков, как сказали «Хвалите Господа все народы, и похвалите его все люди»² и «Всякий язык пусть исповедует, что Господь – Иисус Христос во славу Богу Отцу»³. Аминь.

И в Евангелии говорит Господь, посылая учеников своих: «Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам, и се Я с вами во все дни до скончания века. Аминь»⁴.

Вы же, чада возлюбленные, повинуйтесь учению Божьему, что было дано в последние времена ради вашего спасения, чтобы, поучаясь разумно, плод достойный создали и приняли венец нетленный и в этом веке и в будущем со всеми святыми навеки. Аминь.

¹ Лука. 2.14.

² Псалтырь. 116.1.

³ Послание к Филиппинцам. 2.11.

⁴ Матфей. 28.19-20.

Из буллы Иоанна VIII от июня 880 г.

Иоанн VIII – папа римский с 14 декабря 872 г. по 16 декабря 882 г.

Письмена, наконец, славянские, изобретенные покойным Константином Философом, чтобы с их помощью раздавались надлежащие хвалы Богу, по праву одобряем и предписываем, чтобы на этом языке возглашалась слава деяний Христа Господа нашего, ибо мы наставлены святым авторитетом, чтобы воздавали хвалу Господу не только на трех, но на всех языках, как предписывает говоря: «Восхвалите Господа все народы, и почитите его все люди»¹ и апостолы, исполненные Святого Духа, говорили на всех языках о великих делах Божьих²; об этом и Павел, небесная труба, звучит, напоминая: «Каждый язык пусть исповедует, что Господь наш Иисус Христос есть во славе Бога Отца»³; об этих же языках достаточно и ясно напоминает нам в первом послании к Коринфянам, чтобы мы, говоря на языках, воздвигали Церковь Божью⁴. И ничто ни в вере ни в учении не препятствует на том же славянском языке ни петь мессы, ни читать святое Евангелие или божественные чтения из Старого и Нового Завета, хорошо переведенные и истолкованные, или петь все остальные обряды, ибо Тот, Кто создал три главных языка, то есть еврейский, греческий и латинский, Тот создал и все остальные к Своей хвале и славе.

Предписываем, однако, чтобы во всех церквях вашей земли Евангелие для большего почитания читалось и по-латыни, а затем переведенное на славянский язык возвещалось для ушей людей, не понимающих латинской речи, как, кажется, в некоторых церквях это и делается.

А если тебе [Святополку] и твоим судьям больше нравится слушать мессу по-латыни, предписываем, чтобы для тебя обряды мессы совершали по-латыни.

¹ Псалтырь. 116.1.

² Деяния Апостольские. 2.1.

³ Послание к Филиппийцам. 2.11.

⁴ Первое послание к Коринфянам. 14.4.

Декреты о Божьем мире

Период раннего Средневековья характеризовался быстрой милитаризацией общества. Формирование феодала и вассально-ленных отношений привело к высокой степени рассеянности суверенитета. Право ведения войны стало общим правом, ограничивать которое можно было только с помощью специальных постановлений, издаваемых органами, власть которых являлась бы общепризнанной. На роль таких органов претендовали Церковь и королевская власть. Таким образом, в Средние века, помимо традиционных, формами регулирования международных отношений были Вселенские и поместные церковные соборы и светские конгрессы, а способами регулирования международных отношений были декреты и буллы пап, решения соборов и конгрессов.

Мир Божий – в Средние века прекращение междоусобий в известные, освященные воспоминаниями о событиях из жизни Христа дни недели (с вечера среды до утра понедельника), а кроме того – в важнейшие праздники, с их октавами и вигилиями (вечерни предыдущих дней), а также в назначенные церковью для размышления и молитвы времена сочельника и поста.

Нарушение Мира Божьего каралось штрафами, доходившими до конфискации имущества, отлучением от церкви и даже телесными наказаниями.

В Мир Божий включены были и церкви, монастыри, капеллы и др., далее предметы, необходимые для земледелия, клирики, путешественники и женщины.

Впервые Мир Божий был введен в Бургундии клюнийскими монахами. Во Франции он в 1041 г. был установлен для всего клира. Позже его ввели в Германии, Италии, Англии, Испании. Урбан II на церковном соборе в Клермоне в 1095 г. провозгласил Мир Божий обязательным для всего христианства. Он позже был принят в каноническое право и в 1179 г. утвержден как всеобщее церковное правило.

Декрет о Божьем мире Тулузского собора (1041 г.)

§ 1. Этот мир был установлен епископами, аббатами, графами, виконтами и другими благородными лицами, боящимися Бога в нашем епископстве, с тем чтобы на будущее время, начиная с сего дня, никто не дерзал вторгаться силою в церковь, ни в ее ограду, пользующуюся одинаковыми привилегиями, ни на кладбище, ни в здания, которая построены или построятся около церквей на расстоянии 30 церковных шагов.

§ 2. Мы не относим сюда церквей, которые укреплены или укрепятся на подобие замков, ни те церкви, в которые грабители и воры сложат добычу своего хищничества или воспользуются ими для своего убежища; впрочем мы повелеваем, чтобы и такие церкви оставались в охранности, пока не будет подана жалоба епископу или капитулу. Когда же епископ или капитул потребуешь к себе грабителей, и они не явятся на его суд, в таком случае, по определению епископа и капитула, грабители и все их имущество лишаются права церковного убежища. Тот, кто вторгнется в церковь или место, окружающее ее на 30 шагов, и причинит комунибудь зло, за исключением вышеупомянутых грабителей, заплатит пенью за святотатство и вдвое истцу.

§ 3. Определено также, чтобы никто не дерзал нападать на невооруженных клериков, монахов, монахинь, причинять им зло, грабить общины каноников, монахов и монахинь, церковной земли, находящаяся под покровительством церкви, и клериков, не имеющих при себе оружия: если ктонибудь преступит запрещение, то заплатит двойную пенью.

§ 4. Епископы издали также повеление, запрещающее отнимать кобылиц и жеребят моложе 6 месяцев, быков, коров, ослов, баранов, овец, коз, козлов и их малолетних.

§ 5. Никто не смеет сожигать или разрушать жилища крестьян или клериков, их голубятни и сушильни. Никто не смеет умерщвлять, бить, увечить крестьянина, раба и его жену, ни брать их и уводить, если они не сделали преступления, но и в этом случае они должны быть представляемы на суд, к чему прежде всего должно их пригласить добровольно. Одежда крестьянина не может быть отнимаема; никто не смеет сожигать их плуги, лопаты и оливковые роши.

§ 6. Было постановлено, чтобы никто не овладевал чужими вещами для удержания их в залоге или другого какого-нибудь дела. Кто же нарушит мир и в течение двух недель не заплатит двойной пени тому, кому нанес вред, внесет по истечении того срока двойную пенью, которая будет принадлежать епископу и графу, заведующему правосудием.

§ 7. Епископы наистрожайше постановили, чтобы Божия-Мир, к которому обязаны все христиане, соблюдался от заката солнца четвертая дня, т.е. среды, до восхода солнца второго дня, т.е. понедельника. Такой же мир предписан от первого дня адвента до восьмого дня после Богоявления, когда празднуется день св. Гилария. То же самое от понедельника, предшествующего великому посту, до первого понедельника после св. недели, в канун и праздник обретения и воздвижения Креста, в кануны и три праздника св. Марии, в кануны и праздники всех апостолов, в канун и праздник св. Лаврентия; туда же были отнесены кануны и праздники св. Павла Нарбонского, св. Иоанна Крестителя, святых апостолов, св. Михаила архангела, кануны и праздники всех святых, также дни «Четырех времен года». К этому они присоединили предшествующие ночи от заката солнца и ночи последующие до солнечного восхода. Если кто-нибудь во время, назначенное для Божьего-Мира, причинит кому-нибудь зло, то заплатит двойную пенью и подвергнется суду «холодной-воды». Если во время Божьего-Мира кто-нибудь убьет человека, то определено с согласия всех христиан, что за намеренное убийство он будет изгнан на всю жизнь; если убийство случайно, то на время, определенное епископами и капитулом. Если кто-нибудь, в период мира сделает или заставить сделать засаду, чтобы овладеть человеком или его замком, то он заплатит пенью епископу или капитулу, как будто бы он совершил замысел.

Они запретили также, чтобы во время мира, то есть адвента и великого поста, никто не строил замка или другого укрепления, если только он не начал их за две недели до эпохи мира. Они повелели, чтобы

разбирательства и тяжбы по делу мира происходили во всякое время пред епископом и капитулом, также и по делу охранения церквей, о чем было сказано выше. А те, противу которых епископ и капитул произнесли приговоры для приведения их к миру, также поручители и залогодатели, если они обнаружат чувство злобы на епископа или капитул, будут отлучены епископом и капитулом вместе с своими укрывателями и единомышленниками, как нарушители мира господня, и они сами, равно как и их имущества, исключались из Божьего-Мира.

Декрет о Божьем мире Клермонского собора (1095 г.)

§ 1. Сначала было постановлено, чтобы Божий-Мир соблюдался от заката солнца, в среду, до восхода, в понедельник, и кто в этот промежуток времени овладеет имуществом, или полонить человека, или сделает чтонибудь подобное, тот должен все возратить. Если кто сделает набег днем в среду и не успеет вернуться в свое убежище до заката солнца, тот возратить все унесенное им.

§ 2. Всякий кто в те дни ударит, ранит или полонит женщину или мужчину, будет считаться нарушителем мира, исключая случаев законной защиты. Если такое лицо, быв призвано епископом или его служителями, явится в течение 7 дней, то оно заплатит только за убыток; если же не явится в течение 7 дней, то будет отлучено, и затем заплатит, по приговору епископского суда, за убыток, а епископу внесет пени 100 солидов.

§ 3. Тот, кто во время Божьего-Мира убьет человека, будет изгнан на семь лет из своей страны, или он не удовлетворит родственников убитого в такой степени, чтобы они сами пришли просить епископа за него; но и после того он заплатит пеню в 30 фунтов, которая будет разделена между епископом и графом, в судебном округе которого было совершено убийство.

§ 4. Если купцы придут в какое-нибудь безопасное место и останутся там, то пусть они ждут дней Божьего-Мира. Если кто-нибудь захватит их силою или их имущество, то такой будет считаться нарушителем Божьего-Мира.

§ 5. Церкви и кладбища находятся вполне под покровительством Божьего-Мира; если кто-нибудь в их ограде построит новое укрепление и не сроет его по требованию епископа, то он нарушит Божий-Мир, и тот, кто разрушит такое укрепление, поступит не худо.

§ 6. Быки, ослы, коровы, рабочие лошади, бараны и их малолетние — на всех их постоянно распространяется мир; сельские старосты вместе с их домами, собиратели десятины, скот и люди вместе с жилищем и со всем в нем находящемся, принадлежать в целостности миру. Кто их захватит, убьет, сожжет, разрушит дома, унесет и предаст огню вещи, в них находящиеся, тот нарушит Божий-Мир.

§ 7. Каноники, клирики, монахи, священники, женщины с их провожатыми, и странники пользуются миром во все дни.

§ 8. Божий-Мир продолжается непрерывно от того воскресенья, когда поется *Aspiciens a longe* и до восьмого дня после Богоявления, и от первого дня поста до восьмого дня Пятидесятницы. Если кто-нибудь из баронов графства совершит дурной поступок против кого бы то ни было, и обиженный, не нападая на обидчика с оружием, обратится к архиепископу, и если обвиненный, получив охранный лист, пожелает явиться ко двору архиепископа, то граф по приговору архиепископа примет удовлетворение; в противном случае граф будет преследовать со своим войском обидчика и тем не нарушит мира; когда же он возвратится, все обязаны снова сохранять мир по отношению друг к другу.

§ 9. Божий-Мир обязывает графа и всех прочих преследовать барона нарушившего мир, в случае если архиепископ известит о таком нарушении.

§ 10. Тем же миром постановлено, чтобы все бароны и чиновники графов два раза в год, а именно в начале Поста и в восьмой день Пятидесятницы, должны запираются в своих замках и жить там безвыходно три дня...

§ 11. Если купцы пройдут по земле, не заплатив дорожного сбора, и если они могут присягнуть, что поступили так, не зная обычая, то заплатят 60 солидов, и более ничего от них требовать нельзя.

§ 12. В отношении замков и укреплений определено, чтобы всякое такое убежище, из которого выйдет нарушитель мира, обязывалось заплатить пеню за нарушенный мир. Если какой-нибудь тирань или другой злодей, не смея нарушить мира из своего замка, перейдет в другое убежище и оттуда нарушит мир, то он не может быть принят в своем замке, прежде нежели удовлетворит правосудие и исполнит постановление Божьего-Мира. Ныне учреждаемый Божий-Мир будет продолжаться до Пятидесятницы, и после того в течение трех лет.

§ 21. Никто из светских не должен делать покушения на чужое наследство. Если же он поступит так, то ни один священник не может дать ему отпущения.

§ 23. Никто из христиан не должен есть мяса от начала поста до Пасхи.

§ 26. Воздержание от пищи в страстную субботу продолжается до вечера.

§ 27. Весенний пост назначается в первую неделю, Великого поста, а летний спустя неделю Пятидесятницы.

§ 29. Если ктонибудь, преследуемый неприятелем, будет искать убежища у креста 5, то он получает свободу, как если бы он находился в церкви.

§ 30. Если ктонибудь нанес оскорбление церкви и искал убежища у креста, то такой предается суду, с условием сохранить ему жизнь и не подвергать увечью.

§ 31. Анафема тем, которые, в случае смерти клирика, овладеют его имуществом.

§ 32. Если ктонибудь схватит епископа и посадить его в темницу, то он предается вечному бесчестию, и на будущее время лишается права носить оружие.

И все воскликнули: да будет так!

Послание о Божьем мире св. Ивона, 1041 г.

Ивон, милостью божией служитель церкви в Шартре, всем верным своего диоцеза привить!

О мире.

Знайте, мои дражайшие братья, если вы верите в достижение небесного Иерусалима, что для достижения такого дара верховного владыки, вы должны хранить мир, удаляя от вас далеко бич раздора. Христос, вступая в мер, открыл ему учение мира, при песнопении ангелов: «Слава в вышних Богу и на земле мир, к человекам благоволение! Христос, готовый оставить мир и возвратиться на небо, советовал тоже ученикам, говоря им: «Я даю вам мой мир, я оставляю вам мой мир». Апостол повелевает сохранять его: «Сохраните со всеми святость и мир, без чего никто не узрит Бога». Пришествие Христа имело целью не только примирить небо с землею, но и установить мир на земле, чтобы люди соделались единым телом во Христе в единении веры. Как может быть полезно сошествие Христа для того, кто остается вне мира? Вы сами исповедали мир, когда став пред лицом Господа, виновника и друга всякого мира, отказались у купели крещения от дьявола, виновника и друга всякого раздора, и от всех его дел. И так, братия, если вы не хотите нарушить своих обязательств то вы должны сохранять мир, так-как вы клялись пред царем небесным, и Он воздаст вам за то вечною наградой. Знайте, братия, что нет раздоров в царстве небесном. Эти раздоры пришли к нам от виновника зла; христианское государство должно сохранять вечный мир, удалять всякую злую мысль, воздерживаться от всякого дурного поступка. Посмотрите, как вы далеки от такого совершенства, проводя дни, назначенные для спасения и добрых дел, в том, чтобы наносить и совершать дела, достойный осуждения.

Скажите, братия, если ктонибудь из вас употреблял бы свою жизнь на то, чтобы увечить свое тело железом, огнем и подвергать всяким мучениям, а потом прекратил бы такие жестокости на четыре дня, то как вы думаете, не связали-ли бы его друзья, и как умопомешанного не отвели-ли бы к врачу? Не должно-ли еще более связывать святыми правилами религии того, кто является убийцею своей души? Но всякий возраст склонен ко злу, и извращенность людей заставляете их предпочитать злодеев друзьям мира, а потому, подобно сумасшедшим, они обращаются против врачей. Вследствие такой причины мы хотим снизить к вашей слабости, рассчитывая на лучшее поведение с вашей стороны, когда вы будете более способны к спасению; мы закрываем глаза на ваше нечестие и в этом потоке несправедливостей не имея возможности исцелить вас совершенно, мы предпочитаем видеть вас лучше изнуренными и израненными, нежели полумертвыми.

Мы умоляем и просим вас, властью Господа нашего Иисуса Христа, кого мы считаемся представителями, хотя и недостойными, мы повелеваем вам подумать о своем спасении и сохранить мир по крайней мере в течении четырех дней, когда наш Господь и Спасатель учредил таинство нашего искупления, и пусть ваши сердца, ваши руки и ваш язык воздержатся от всякого оскорбления друзей и даже врагов.

Кто повинуется предписаниям христианской религии, тот знает, что в пятый день (четверг) Господь Иисус совершил последнюю вечерю с своими учениками, что на этой вечере он дал им свое тело и кровь в знак примирения и исцеления нас от зол, и повелеть совершать такую вечерю в память о нем. Вечерь кончилась; он омыл ученикам ноги в знак покаяния и отпущения грехов; этим обрядом он показал, что сердца людей, даже преданных религии замараны пылью мира сего, и что нет смертного, который не нуждался бы в покаянии и снисходительности других. В конце того же дня, выданный своим учеником, он был предан в руки евреев; но и при этом он обнаружил столько кротости, что несколько не сопротивлялся и исцелил ухо служителю первосвященника. Точно также в конце пятого дня, окончив свою земную жизнь, Он преславно вознесся на небо в виду своих учеников. Он молить за нас пред отцом, чтобы смиренное стадо последовало за славою своего божественного пастыря. Что хотел сказать всеми этими деяниями ваш Учитель? В чем он не подал нам примера мирной жизни? Потому надобно в этот день, когда предложено было такое исцеление христианам, чтобы никто не ранил себя, нанося рану брату, чтобы никто не осудил себя на вечную смерть, лишая жизни брата, и чтобы Иисус не погиб в его середине.

В шестой день (пятница), первый Адам был сотворен из праха земли, и второй Адам, придя искупить род человеческий, воплотился в утробе Девы. В этот же день произошли страсти Христа, и падший человек кровью Иисуса воспринял на себя образ божий. В такой день, когда на землю был ниспослан мир, всякий человек обязан заботиться о мире, чтобы не впасть в руки смерти, которую привесит злой дух.

В седьмой день (суббота), Бог опочил от дел своих; тем самым св. Дух поучает нас, что мы должны воздерживаться от всякого дурного поступка и ожидать того дня, когда должно избегать тяжелых работ. А

любить Бога и воспевать ему хвалу не может быть названо тяжелою работой. В знак того же покоя, в этот день тело Иисуса опочило в гробнице, а дух его, поправь ад, одержал победу над древним врагом. Христианин, искупленный кровью Христа, не будь неблагодарным к Иисусу, твоему благодетелю! в этот день спасения не призывай ада, похищая имущество ближнего и преследуя Того, кто не только не похищал чужого, но и своим пожертвовал за тебя.

В восьмой день и вместе первый (воскресенье), несомненно для всякого христианина Бог воскрес и своим воскресением преобразил наше воскресение, когда избранным будет дан вечный мир, и плоть ее будет бороться с духом, ни дух с плотью.

Вследствие этих причин и других, которая, я не могу привести по краткости своего послания, наши отцы определили, чтобы мир сохранялся особенно в эти дни, и нарушителей приговорили ее тяжким наказанием, смотря по качествам лица и тяжести проступка. Следуй по их стопам, мы повелеваем прося, и просим повелевая, чтобы вы сохранили мир, учреждения которого мы послали вам письменно, и сохранение его обещайте нам с клятвою над святыми мощами. Это будет спасительно для ваших земных благ и для приобретения благ небесных. Повинующимся мир и благодать именем Бога, тем же, которые не послушаются нами постановленного, анафема, *anathema*!

Будьте здоровы!

Послание о Божьем мире св. Одилона, 1042 г.

Всем архиепископам, епископам, священникам и клирикам, обитающим в Италии:

Милость и Божий мир, и Отец всемогущий, который есть, был и будет, да пребудут с вами!

Мы вас просим, мы молим вас, которые боитесь Бога, искупившего человека своею кровью, позаботьтесь о спасении души и тела, последуйте примеру божию и сохраните мир среди вас, чтобы тем заслужить мир вечный. Мы посылаем вам Божий мир, полученный нами свыше милосердием Божиим, которого мы держимся крепко и который был постановлен следующим порядком: от середины вечера, между всеми христианами, друзьями и врагами, близкими и дальними, мир должен царствовать до восхода солнца в понедельник, и в течение этих четырех дней и ночей должна господствовать полная безопасность; каждый может предаться своим делам, без малейшего страха врагов, под покровом того Божьего мира; и все, которые соблюдут его, будут отпущены Богом, Отцом всемогущим, Иисусом Христом, его Сыном, и св. Духом, св. Девою и хором Дев, св. Михаилом и хором ангелов, св. Петром, князем апостолов, вместе со всеми святыми и всеми верными, ныне и присно, и во веки веков. Те же, которые признали Божий-Мир и намеренно нарушили его, будут осуждены Богом, Отцом всемогущим, Сыном Иисусом Христом, Св. Духом и всеми святыми; да будут они прокляты на веки, осуждены, как Дафан и Авирон, как Иуда, предавший Господа, повергнуты во глубину тартара, как Фараон среди моря, если не принесут покаяния по постановлению. Если ктонибудь в те дни, которые назначены для Божьего-Мира, совершит человекоубийство, то да будет изгнан из своего отечества и отправится в Иерусалим, где подвергнется [960] продолжительной ссылке. Если ктонибудь нарушит мир другим каким образом, то по приговору светских законов пусть заплатит простую пеню, а по святым канонам двойную; ибо мы полагали у себя, что нарушение подобного обета влечет за собою двойное наказание и мирскою властью, и властью церковной. Мы думаем, что наши определения внушены нам свыше, потому что ничего не было доброго на земле, когда Бог открыл своему народу это целительное средство. Мы обещали Богу, и мы ему посвятили четыре дня: пятый день недели в честь Вознесения; шестой в честь страстей; субботу в честь погребения; и воскресный для празднования св. Воскресения; в этот день запрещаются полевые работы и нападения на неприятеля. По власти, ниспосланной нам Богом и дарованной чрез апостолов, мы благословляем и разрешаем всех тех, которые возлюбят Божий-Мир; тех же, которые ему противятся, отлучаем, проклинаем и извергаем из недр церкви. Те, которые накажут нарушителей закона и Божьего-Мира, не будут обвинены, но получать благословение, как друзья божеского дела. Если вещь, похищенная во время тех дней, когда дозволена война, будет перевозиться в дни, назначенные для Божьего-Мира, то нельзя пользоваться этим обстоятельством, для насильственного возвращения ее. Сверх того, мы просим вас, братия, чтобы вы торжествовали Божий-Мир во имя св. Троицы, когда бы ни был он учрежден чтобы вы изгнали из страны всяких грабителей, и предали их проклятию и отлучению во имя вышепоименованных святых; чтобы вы принесли Богу десятину и первые плоды своих работ; чтобы вы дали часть вашего имущества церквям для спасения душ живущих и умерших, и дабы Бог избавил вас от печалей в здешней жизни и по смерти ввел в царство небесное ко Господу, который живет и правит во вся веки вместе с Богом Отцом и Св. Духом.

Посольство Рима в Константинополь (Гумберт, «Отчет о посольстве в Константинополь», 1054 г.)

Документ свидетельствует о серьезных разногласиях между Римом и Константинополем, которые в конечном счете привели к так называемому Великому расколу – расколу в христианской церкви.

Приписываемый кардиналу Гумберту, епископу Сильва-Кандиды
Краткий отчет о том, что проделали послы Святого Римского и Апостольского Престола в Царствующем Граде

На двенадцатом году имперского правления Константина Мономаха, седьмом индикта, в самый день рожества блаженного Иоанна Крестителя, посланники Святого Римского и Апостольского Престола, а именно кардинал епископ Сильва-Кандиды Гумберт, архиепископ Амальфи Петр и Фридрих, диакон и канцлер [Римской Церкви], прибыли от господина Папы Льва IX. По настойчивости сих римских легатов, в Студийском монастыре в пределах города Константинополя, в присутствии императора и его князей (proseum), монах Никита предал анафеме один текст, который распространялся против Апостольского Престола и всей Латинской Церкви под названием "О пресном хлебе, субботе и браке священников". Кроме того, он предал анафеме всех тех, кто отрицал, что Римская Церковь есть первая из всех Церквей и кто положил упрекать ее вечно-православную веру в каком-либо виде. После этого, по предложении тех же Римских легатов и на глазах у всех, православный император приказал, чтобы вышеупомянутый текст был сожжен, что и было исполнено.

II. На следующий день, вышеупомянутый Никита покинул город и предстал перед сими легатами во дворце [... - название неясно]. Получив от них исчерпывающие ответы на свои вопросы, он охотно предал анафеме все слова, попытки и дела против первенствующего и Апостольского Престола. И так, после того, как они приняли его в общение, Никита стал их близким другом. Кроме того, слова или письма этих легатов против разного рода клеветы Греков и особенно против писем епископа Константинополя Михаила и епископа-митрополита Охридского Льва, и против этого самого монаха Никиты были переведены по приказу императора и до сих пор сохраняются в сем городе.

III. Наконец, поскольку Михаил избегал их общества и беседы с ними и продолжал упорствовать в своей глупости, 16 июля вышеупомянутые легаты вошли в церковь Святой Софии, несмотря на возражения недовольного Михаила и в то время, когда духовенство в третий час утра по своему обычаю готовилось к Мессе, возложили хартию об отлучении от Церкви на главный алтарь, под пристальным взором присутствующего народа и духовенства. Как только они покинули [церковь], то отрясли прах от своих ног, во свидетельство им, согласно евангельскому речению (Мф. 10, 14), да будет Бог свидетелем и Судией. После того, как был восстановлен порядок в Латинских церквях в Константинополе и издана анафема против всех тех, кто принимал причастие с того момента от руки любого Грека, осуждающего Римские жертвенные дары, они были приняты православным императором с поцелуем мира, и с его дозволением и имперскими дарами 18 июля в спешке отправились в обратный путь ко св. Петру и своим домам. Но ввиду чрезвычайного давления и просьб со стороны Михаила, обещавшего, что он наконец-то вступит с ними в переговоры, 20 июля император был вынужден своими письмами вернуть их назад из Солебрии. Вернувшись в тот же самый день, они сначала поехали ко дворцу [... - название неясно]. Когда ересиарх Михаил узнал, что они возвратились, он на следующий день попытался привести их в церковь Святой Софии, как будто бы на совет так, чтобы, когда их хартия была предъявлена в переводе, которой он совершенно извратил, они могли бы быть убиты там народом. Принимая против этого меры предосторожности, благоразумный император не хотел, чтобы какой-либо совет состоялся без его присутствия. И так как Михаил всеми способами противился этому, император распорядился, чтобы сии легаты быстро уехали. Так и было сделано. В конце концов, ядовитый Михаил, огорченный тем, что его заговоры не осуществились, возбудил огромное восстание против императора за то, что его волей была оказана помощь легатам. Вследствие этого император вынужден был передать Михаилу переводчиков Латинян, а именно Павла и его сына Смарагда, ослепленных и с лишенными волос головами. И таким образом он прекратил беспорядки. Но после того, как император послал своих людей вслед легатам, он получил подлинный экземпляр буллы об отлучении, который был послан ему из одного из городов Русских, показал его гражданам и уличил Михаила в подделке хартии легатов. Возмущенный сим, он выслал друзей и родственников Михаила из дворца, лишив их постов, и по сей день все еще остается в глубокой враждебности к нему.

Раскол между Римом и Константинополем (Анафема константинопольскому патриарху, 1054 г.)

Фактически разногласия между папой римским и константинопольским патриархом начались задолго до 1054 г., однако именно в 1054 г. папа римский Лев IX послал в Константинополь легатов во главе с кардиналом Гумбертом для разрешения конфликта, начало которому было положено закрытием в 1053 г. латинских церквей в Константинополе по распоряжению патриарха Михаила Керулария, при котором его сакелларий Константин выбрасывал из дарохранилищ Святые Дары, приготовленные по западному обычаю из пресного хлеба, и топтал их ногами. Однако найти путь к примирению не удалось, и 16 июля 1054 г. в соборе Святой Софии папские легаты объявили о низложении Керулария и его отлучении от Церкви.

Вот экземпляр хартии об отлучении от Церкви:

Гумберт, Божией милостью кардинал и епископ Святой Римской Церкви; Петр, архиепископ Амальфи; и Фридрих, диакон и канцлер, всем чадам Католической Церкви.

Святой и Римский, Первенствующий и Апостольский Престол, которому, словно главе, принадлежит особое попечение обо всех церквях, ради мира и на благо Церкви удостоил нас чести, соделав своими послами в этот царствующий град, чтобы в соответствии с написанным, мы бы сошли сюда и увидели, действительны ли те жалобы, которые беспрестанно доходят до его слуха из этого великого города, или же все это не так. Итак, да будет известно славным императорам, духовенству, сенату и народу города Константинополя и всей Католической Церкви, что мы ощутили здесь великое добро, которому весьма радуемся во Господе, но так же и величайшее зло, от которого чрезвычайно печалимся. Что касается столпов имперской власти и ее чтимых и мудрых граждан, то город сей христианнейший и православный.

Что же до Михаила, произвольно именуемого патриархом, и тех, кто одобряет его глупость, то в их среде ежедневно сеются многие плевелы ересей.

Ибо, подобно Симонианам, они продают дар Божий; подобно Валезианам, оскопляют пришельцев и производят их не только в клириков, но даже и в епископов; подобно Арианам, перекрещивают тех, кто уже был крещен во имя Святой Троицы, в особенности Латинян; подобно Донатистам, утверждают, что за исключением лишь Церкви Греческой, Церковь Христова и подлинные Жертва и Крещение исчезли из всего мира; подобно Николаитам, позволяют и защищают плотские браки служителей священного алтаря; подобно Северианам, называют злословным закон Моисеев; подобно Пневматомахам или Феумахам, отсекают в Символе Веры исхождение Духа Святого от Сына; подобно Манихеям, кроме прочего, утверждают, что хлебная закваска одушевлена; подобно Назореям, соблюдают телесную чистоту Иудейскую до такой степени, что отказывают умирающим новорожденным детям в крещении ранее восьми дней по рождении и не подают Причастия женщинам, которым угрожает смерть, в месячных истечениях или при родах, а если они язычницы, то запрещают им креститься; и, растя волосы на голове и лице, не принимают в общение тех, кто стрижет голову и бреет бороду, следуя установленной практике Римской Церкви.

В этих, а также и во многих других ошибках сам Михаил, хотя бы и вразумляемый письмами господина нашего Папы Льва, презрительно отказался покаяться. Кроме того, когда мы, послы Папы, восхотели устранить причины такого большого зла разумным способом, он отказал нам в приеме и беседе, запрещал совершать мессу в церквях, так же как и ранее закрывал церкви Латинян, называя их «азимитами» [«опресночниками»], повсюду преследовал Латинян словом и делом столь сильно, что среди своих собственных чад предал анафеме Апостольский Престол, против воли которого продолжает писать, что он – «вселенский патриарх».

Итак, поскольку мы не потерпели это неслыханное оскорбление и рану, нанесенную Первенствующему, Святому и Апостольскому Престолу, и были озабочены, что католическая вера будет различными путями подрываться, властью Святой и нераздельной Троицы и Апостольского Престола, чье посольство мы выполняем, всех православных отцов семи соборов и всей Католической Церкви, мы подтверждаем следующую анафему, которую преподобнейший Папа произнес в отношении Михаила и его приверженцев, если не покаются.

Михаилу, неофиту, рекомому патриархом, который принял монашеские облачения только из-за страха пред людьми и ныне обвиняемому многими в самых тяжких преступлениях; с ним и Льву, называемому епископом Охридским; также Константину, сакелларию вышеназванного Михаила, который богохульно топтал ногами жертвенные дары Латинян; и всем их приверженцам в вышеупомянутых ошибках и предубеждениях: да будет им анафема, маранафа, вместе с Симонианами, Валезианами, Арианами, Донатистами, Николаитами, Северианами, Пневматомахами, и Манихеями, и Назореями, и всеми еретиками, с самим дьяволом и его ангелами, если однажды не покаются. Аминь, Аминь, Аминь.

Иная анафема, произнесенная в присутствии императора и его князей:

Кто упрямо противится вере Римской Церкви и ее жертвенным дарам, да будет анафема, маранафа, и да не позволено ему будет считаться католическим христианином, но еретиком-прозимитом (не приемлющим пресного хлеба в жертвоприношении). Да будет так, да будет так, да будет так.

Диктат Папы от 1075 г.

Папа Григорий VII (1073-1085 гг.) развернул программу теократии – верховенства духовной власти над светской. Эти идеи были изложены им в приводимом здесь «Диктате папы».

Папа начертал:

1. Что Римская церковь была основана единственно Богом.
2. Что Римский понтифик единственный имеет право именоваться Вселенским.
3. Что он единственный может смещать и восстанавливать епископов.
4. Что совет его легатов, даже если они более низкого сана, выше всех епископов и может выносить приговор об их смещении.
5. Что Папа может смещать отсутствующих.
6. Что, среди прочего, мы не должны оставаться в том же самом доме с теми, кто отлучен им.

7. Что он единственный имеет право согласно канона, соответственно велению времени, давать новые законы, собирать новые общины, основывать аббатства; и, с другой стороны, делить богатые епископства и объединять бедные.
8. Что он единственный может вручать имперские инсигнии.
9. Что единственно Папе принцы должны целовать ноги.
10. Что единственно его имя должно произноситься в церквях.
11. Что это единственное имя в мире.
12. Что этим ему позволено смещать императоров.
13. Что ему позволено смещать епископов, если необходимо.
14. Что он имеет власть посвящать в сан клириков любой церкви, какой пожелает.
15. Что он может тех, кто им был посвящен в сан, сделать главой другой церкви без соблюдения правил соподчинения; и что таковые не могут принять более высокий сан от какого-либо епископа.
16. Что собор не может быть назван Вселенским без его одобрения.
17. Что ни одна глава и ни одна книга не могут быть признаны каноническими без его авторитета.
18. Что приговор, вынесенный им, не может быть никем отменен; и что только он сам, единственный из всех, может его отменить.
19. Что он сам не может быть никем осужден.
20. Что никто не должен осмеливаться осуждать кого-либо, кто апеллирует к апостолическому престолу.
21. Что последние должны быть переданы на рассмотрение более высоких инстанций каждой церкви.
22. Что Римская церковь безгрешна; не грешна она и в вечности, Писание тому свидетель.
23. Что Римский понтифик, если он посвящен в сан канонически, без сомнения возведен заслугами св. Петра; св. Эннодий, епископ Павии, тому свидетель, и иные отцы церкви с ним согласны. Так сказано в декретах св. Симмаха, Папы.
24. Что по его распоряжению и согласию субординаторы имеют право выносить приговоры.
25. Что он может смещать и восстанавливать епископов без созыва собора.
26. Что он тех, кто не в мире с Римской церковью, может не считать католиками.
27. Что он может освобождать людей от их обязанностей по отношению к грешникам.

Послание Григория VII о Каноссе

Император Генрих IV, воспротивившийся папе Григорию VII, был им отлучен от церкви, после чего потерял власть в Германии. Он вынужден был явиться в 1077 г. в замок Каносса (Северная Италия) за прощением и признать папское верховенство. Григорий VII уведомил об этом всех видных феодалов империи. Представлена часть текста сообщения.

...С искренней любовью спешим известить ваше усердие, как король в унижении и в раскаянии достиг снятия отлучения, а также, как все это дело свершилось, начиная с прихода его в Италию и до сих пор.

Как было условлено с послами, которые к нам были присланы вами, мы прибыли в Ломбардию дней за 20 до того срока, когда на перевале должен был встретить и проводить нас кто-нибудь; мы и ждали их прихода, чтобы переправиться по ту сторону. И вот, когда уже по истечении срока нам сообщили, что в это-де время, ввиду многих затруднений (а этому мы охотно сами верим) не могут быть нам посланы навстречу проводники, а иначе переправляться к вам мы не имели возможности, то мы охвачены были немалой заботой, как же нам лучше всего поступить.

Тем временем мы узнали наверняка, что король приближается. Еще не вступив в Италию, он отправил сперва к нам послов, с мольбою предлагая во всем удовлетворить господу, святого Петра и нас, и вновь обещал соблюсти полную покорность, чтобы исправить жизнь свою, лишь бы удостоиться от нас милости отпущения и апостольского благословения. Когда же мы вследствие долгих обсуждений откладывали это дело и через всех послов, которыми мы с ним пересылались, снова и снова горячо уличали его в его деяниях, — он, наконец, по доброй воле, не выказывая ни вражды, ни дерзости, с малым количеством людей прибыл к стенам Каноссы, где мы имели пребывание. И здесь, целых три дня, у ворот замка, отбросив все царствование, в жалком виде, разутый и в рубище, обливаясь непрерывными слезами, взывал он о помощи и утешении апостольского нашего милосердия, так что всех, кто был здесь или до кого дошла молва об этом, он довел до чувства жалостного сострадания; вступаясь за него и просьбами, и слезами, все дивились необычной жестокости нашего характера, а некоторые вопили, что мы являем не суровость грозного апостола, а лютость свирепого тирана.

Наконец, покоренные силон его раскаяния и великой мольбой всех присутствующих, мы, сняв с него узы отлучения, приняли его в лоно святой матери нашей церкви на благое с ней общение. При этом мы взяли с него нижеприведенное обещание...

Клятва короля тевтонского Генриха

Я, король Генрих, ввиду ропота и неудовольствия против меня архиепископов, епископов, герцогов, графов и прочих князей Тевтонского царства, и иных людей, которые примкнули к ним в этом – в срок, который укажет господин наш, папа Григорий, приму на себя всю правду суда его или учиню согласие по указанию его. Если же мне или ему помешает явное препятствие, то, по миновании его, я готов буду совершить вышеуказанное. Также если господин наш, папа Григорий пожелает перейти через мэры или отправиться в иные земли, он будет в безопасности от покушения, членовредительства или плена, как с моей стороны, так и со стороны тех, над кем я буду властен, – и сам он, и свита его, и провожатые, равно и все, кто им посылается и кто к нему из разных краев земли приходит, – и во время пути туда, и на время пребывания там, и на обратном пути. И не будет ему, с моего ведома, никакой помехи, никакой порухи его чести; если же кто учинит подобное, я по совести и в меру своих сил окажу ему помощь.

Вормский конкордат

Разногласия пап и императоров были смягчены Вормским соглашением 1122 г., утвердившим право пап назначать епископов и аббатов в империи, хотя и в присутствии императора. Вормский конкордат – компромиссное соглашение между римским папой Каликстом II и императором Священной Римской империи Генрихом V, завершившее борьбу за инвеституру. Заключен 23 сентября 1122 г. в Вормсе.

Грамота императора

Во имя Святой и Нераздельной Троицы. Я, Генрих, Божию милостию император Римский, август, из любви к Богу, святой Римской церкви и владыке папе Каликсту и ради спасения души моей уступаю Господу Богу, и святым его апостолам Петру и Павлу, и святой Вселенской церкви всякую инвеституру кольцом и посохом и предоставляю во всех церквях, находящихся в пределах королевства моего и империи, свободно совершать каноническое избрание и посвящение.

Владения же и державные права св. Петра, кои от начала сей распри и до нынешнего дня, при отце моем или при мне были отняты, возвращаю оной святой Римской церкви, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

Владения же всех иных церквей, князей и других людей, как клириков, так и мирян, отторгнутые в этой борьбе, я, с согласия и приговора князей, верну, буде они у меня; буде же я их не имею, неложно поспособствую вернуть их.

И заключаю честный мир с владыкою папой Каликстом, со святою Римской церковью и со всеми, кто был или есть на их стороне.

И если в чем-либо Римская церковь потребует помощи, я неложно помогу и окажу должную справедливость, если на что-либо она мне пожалуется. Все сие совершено с согласия и совета князей, коих имена ниже следуют: Адальберт, архиепископ Майнцский; Ф., архиепископ Кельнский; Г., епископ Регенсбургский; О., епископ Бамбергский; Б., епископ Шпейерский; Г., епископ Страсбургский; Г., епископ Утрехтский; У., епископ Констанцкий; Э., аббат Фульденский; герцог Генрих, герцог Фридрих, герцог С., герцог Пертольф, маркграф Типольд, маркграф Энгельберт, палатин Годфрид, пфальцграф Оттон, граф Беренгарий.

Я, Фридрих, архиепископ Кельнский и архиканцлер, скрепляю.

Грамота папы

Я, епископ Каликст, раб рабов Божьих, тебе, возлюбленному сыну моему Генриху, Божию милостию императору Римскому, августу, предоставляю: избрание Тевтонской земли епископов, а равно и аббатов от местной власти зависящих, производить в присутствии твоём без симонии и какого-либо насилия с тем, чтобы ты, буде возникнет разногласие, по совету и решению митрополита и соепископов поддержал бы правую сторону и помог.

Избранный же да получает от тебя державные права передачей скипетра и исполняет высекающие отсюда по отношению к тебе обязанности.

Посвященный же в других частях империи да получит от тебя в шестимесячный срок державные права чрез передачу скипетра и исполняет вытекающие отсюда по отношению к тебе обязанности.

А если ты будешь мне жаловаться на что-либо и просить помощи, я по долгу служения моего окажу тебе надлежащую помощь.

Заключаю честный мир с тобою и со всеми, кто есть и был на твоей стороне во время сей распри.

Послания Папы римского Григория VII к польскому князю Болеславу II и киевскому князю Изяславу Ярославичу (1075 г.)

Папа Григорий VII наиболее известен начатой им борьбой против светской инвеституры духовных лиц (епископов, аббатов), которая вылилась в открытое противостояние с германским королем Генрихом IV. Однако папские планы церковной реформы включали также целый ряд других моментов, в том числе церковнополитических. Григорий VII пытался толковать духовную власть римского патриарха (папы) над поместными церквами Запада как политический сюзеренитет. Эти попытки имели успех только в Хорватии и Далмации, тогда как их категорически отвергли Вильгельм Завоеватель в Англии, Филипп I во Франции и др. Именно с такого рода политикой была связана и королевская коронация в 1076 г. польского князя Болеслава II, одного из главных противников Генриха IV.

Другим важным проектом папы была подготовка (начиная с 1074 г.) крестового похода против турок-сельджуков, которые в то время серьезно угрожали Константинополю. Безусловно, с этим были связаны и надежды Григория VII на восстановление церковного единства между латинским Западом и греческим Востоком. В рамках названных политических представлений и следует рассматривать эпизод с принятием киевского князя-изгнанника Изяслава Ярославича под покровительство папского престола.

1.

Григорий епископ, раб рабов Божних¹, Болеславу, князю Польши², – здравие и апостольское благословение.

[Папа направляет к Болеславу легатов для переговоров об устройении Польской церкви и желает ему, победив гордость своих врагов, снискать радости мира и спокойствия в жизни земной, которые прообразуют мир будущей жизни.]

Они, конечно же, дороги вам, и если так, то среди прочего вам следует блюсти любовь, которую – о чем мы желали бы не говорить – вы нарушили, отняв деньги у короля Руси³. Посему, сострадав вам, очень просим вас и убеждаем, ради любви к Богу и святому Петру, что бы ни было отнято у него вами или вашими [людьми], велите вернуть, ведь вы знаете, что те, кто несправедливо отнимают чужое добро, если не исправятся, когда могут исправиться, ни в коем случае, как мы веруем, не будут иметь части в царствии Христовом и Божиим. Очень желаем, чтобы эти [слова] были восприняты вами с той же любовью, с какой мы говорим [их] ради спасения души вашей. Дано в Риме в 12-е календы мая⁴, индикта 13-го⁵.

2.

Григорий епископ, раб рабов Божиих, Димитрию (Demetrius), королю Руси⁶, и королеве, его супруге⁷, – здравие и апостольское благословение.

Сын ваш⁸, посетив гробницы апостолов⁹, явился к нам со смиренными мольбами, желая получить названное королевство из наших рук в качестве дара св. Петра и изъявив поименованному блаженному Петру, князю апостолов, надлежащую верность¹⁰. Он уверил нас, что вы, без сомнения, согласитесь и одобрите эту его просьбу и не отмените ее, если дарение апостольской властью [обеспечит] вам благосклонность и защиту¹¹. В конце концов мы пошли навстречу этим обетам и просьбам, которые кажутся нам справедливыми, и, учитывая как ваше согласие, так и благочестие просившего, от имени блаженного Петра передали ему бразды правления вашим королевством, движимые тем намерением и милосердным желанием, дабы блаженный Петр охранил вас, ваше королевство и все ваше имение своим заступничеством перед Богом, сподобил вас мирно, всечестно и славно владеть названным королевством до конца вашей жизни и по окончании сего служения¹² испросил для вас вечную славу у Царя Вышнего. И даже более: пусть ведает сиятельность вашего благородства, что мы изъявляем живейшую готовность без сомнения постоянно удовлетворять его просьбы, о какой бы санкции сего престола для справедливого дела [и] для своей нужды он ни просил¹³. Кроме того, чтобы это и многое другое, чего нет в послании, крепче запечатлелось в вашем сердце, отправляем [к вам] этих наших послов, один из которых вам хорошо знаком и надежный друг¹⁴. Они подробно разъяснят вам и то, что есть в послании, и то, чего нет, дополняют изустно. Из почтения к блаженному Петру, коего посланниками они являются, будьте к ним добры и ласковы, с терпением выслушайте то, что они скажут от нашего имени, и без колебаний верьте и, каковы бы дела ни брались они делать или решать там¹⁵ властью апостольского престола, не позволяйте мешать [им] ничьему злему умыслу, но напротив благосклонно помогайте им искренне и с любовью.

Бог Всемогущий да просветит ваш ум и через благо сей жизни приведет вас к славе вечной. Дано в Риме в 15-е календы мая¹⁶, индикта 13-го¹⁷.

¹ Самоуничижительная формула, ставшая частью папской титулатуры.

² Болеславу II.

³ Киевского князя Изяслава Ярославича, изгнанного в 1073 г. из Руси братьями Святославом и Всеволодом Ярославичами. Изяслав бежал к своему польскому родственнику: женой Изяслава была Гертруда – родная тетка Болеслава II; кроме того, Изяслав и Болеслав были двоюродными братьями – внуками киевского князя Владимира Святославича, ибо отец Болеслава II, Казимир I, был женат на Владимировне. Однажды Болеслав уже помог Изяславу, ведь именно польская подмога позволила последнему вернуться в Киев в 1069 г. Но на этот раз польский князь предпочел через некоторое время помириться со Святославом, в результате чего «ляхове» отняли у Изяслава «именье много», «показавше ему путь от себе». Несомненно, этот эпизод и напоминает папа Григорий VII. О дальнейшей судьбе Изяслава повествует Ламперт Херсфельдский.

⁴ 20 апреля.

⁵ 1074/5 сентябрьского года. По содержанию видно, что конец письма добавлен к основному тексту несколько позднее под диктовку лично Григория VII. Очевидно, он появился непосредственно после встречи папы с Ярополком Изяславичем, о чем идет речь в следующем послании, написанном тремя днями позднее.

⁶ Киевскому князю Изяславу Ярославичу, который в крещении получил имя Димитрий.

⁷ Гертруде, сестре польского князя Казимира I; ее русское имя источники не сохранили, хотя сообщение о браке есть только в древнерусских летописях софийско-новгородской группы. Имя устанавливается по его упоминанию в уникальном памятнике – латинском молитвеннике княгини.

⁸ Ярополк Изяславич, впоследствии князь волынский и туровский.

⁹ Стандартный оборот для обозначения визита к папскому двору.

¹⁰ Что конкретно имеется в виду? Иногда считают, что в Риме Ярополк перешел в католичество, однако для 70-х гг. XI в. такая трактовка представляется существенной модернизацией. Из дальнейшего видно, что Ярополк от имени отца признал политический сюзеренитет Римского престола, подключив Киев к церковнополитической программе Григория VII. Такого рода униатские проекты даже в позднейшие времена, когда отношения между Западной и Восточной церквами стали куда более враждебными, не требовали формальной смены вероисповедания, а только признания юридического верховенства папы.

¹¹ Из сказанного, вроде бы, следует, что поездка к папе была личной инициативой Ярополка Изяславича, которую отец должен был одобрить задним числом. Трудно сказать, соответствовало ли это действительности или входило в замысел Изяслава Ярославича, желавшего сохранить столь желанную для политика свободу рук.

¹² Как видно из текста, под термином militia имеется в виду не окончание изгнания Изяслава, как казалось бы, а окончание земного пути князя (жизнь христианского правителя представляется как воинствующее служение церкви), вследствие чего и предпочитаем перевод «служение».

¹³ По какой-то причине папа и в дальнейшем видит Ярополка в качестве посредника в своих сношениях с его отцом.

¹⁴ О ком именно идет речь, неизвестно, но из дальнейшего содержания послания видно, что подразумеваются папские эмиссары, которые должны были сопровождать Изяслава даже и на Русь и обладали особыми полномочиями для деятельности там.

¹⁵ Под этим неопределенным «там» по контексту послания может иметься в виду только Русь.

¹⁶ 17 апреля.

¹⁷ 1074/5 сентябрьского года. По содержанию видно, что конец письма добавлен к основному тексту несколько позднее под диктовку лично Григория VII. Очевидно, он появился непосредственно после встречи папы с Ярополком Изяславичем, о чем идет речь в следующем послании, написанном тремя днями позднее.

Письмо антипапы Анаклета II к сицилийскому королю Рожеру II по случаю его коронации (1130 г.)

Анаклет II (в миру Пьетро Пьерлеони) – антипапа, противостоявший Иннокентию II и занимавший римский престол с 14 февраля 1130 г. по 25 января 1138 г. Известен тем, что даровал Рожеру II корону Сицилийского королевства.

В условиях нарастающей изоляции Анаклет II обратился за помощью к вассалу папского престола Рожеру II, графу Сицилии, герцогу Апулии и Калабрии. Их встреча состоялась в Авелино в сентябре 1130 г., и стороны быстро пришли к соглашению. Рожер II признал Анаклета II папой, обязался выплачивать ему дань и оказывать военную помощь. В обмен на это Анаклет II своей буллой от 27 сентября 1130 г. создал из Апулии, Калабрии и Сицилии наследственное Сицилийское королевство под сюзеренитетом папского престола и передал корону вновь созданного государства Рожеру II. 25 декабря 1130 г. Рожер II был коронован и помазан в Палермо как король Сицилии.

Созданием Сицилийского королевства Анаклет II приобрел важнейшего союзника в борьбе с Иннокентием II, что позволило антипапе выстоять в условиях всеевропейской изоляции. После смерти Анаклета II и окончания схизмы Иннокентий II был вынужден подтвердить решение своего противника и признать Рожера II королём Сицилии.

Церковь при наших предшественниках, Урбане и Пасхалии получила много услуг от твоей матери, которая, шествуя всегда с таким благородством по стопам своего супруга, всегда заботилась об её нуждах и её охране. И ты, которого Божественное провидение в мудрости и силе вознесло над всеми другими князьями Италии, старался осыпать наших предшественников почестями и богатствами. Поэтому мы решили отличить тебя и твоих преемников почётным титулом и властью. В силу этого мы отдаём тебе в лен и, по силе нашего авторитета, передаём тебе, твоему сыну Роджеру и твоим другим сыновьям. Согласно твоим распоряжениям о престолонаследии, а также наследникам твоих детей корону королевства Сицилии, Калабрии и Апулии, которые обнимают всю ту область, какую мы и наши предшественники предоставляли герцогам Апулии, твоим предшественникам, Роберту Гюискару и его сыну Рожеру. Мы с обладанием этим королевством вручаем тебе все королевские отличия и королевские права на вечное время и возвышаем Сицилию в степень первой провинции королевства. Мы разрешаем и позволяем, чтобы от избранных архиепископов твоих владений, которых ты можешь избрать по своей воле, при содействии других епископов, ты и твои наследники получили священное помазание и королевскую корону. Все льготы, дары и привилегии, которые наши предшественники лали твоим предшественникам, Роберту Гюискару, его сыну Рожеру, Вильгельму, герцогу Апулийскому, и тебе самому, обеспечиваем тебе, твоим сыновьям и всем твоим наследникам. Мы даём и поручаем тебе и твоим наследникам княжество Капуанское со всеми его владениями, в том самом виде, как им когда-то владел князь Капуанский. Мы даём тебе в лен и утверждаем за тобой верховную власть над Неаполем и его провинциями. Снисходя к твоим желаниям, мы преставляем архиепископу палермианскому, его преемникам и Палермианской церкви право посвящать трёх епископов Сицилии, т.е. епископов сиракуз, Агригента и катании. Всеми этими привилегиями мы предоставляем всё это тебе и твоим детям, предполагая, что веронсть, которою ты обязан нам и нашим преемникам, будет храниться тобой свято. Ты со своими наследниками каждый год будешь вносить Римской церкви подать в шестьсот шифатов, когда мы этого потребуем. В случае, если в будущем кто-нибудь из светского или духовного сословия будет оспаривать эти привилегии или дара, тот

подлежит отлучению от церкви. Но на всех тех, которые будут исполнять эти права, уступки и обещания, да будет мир Господа Нашего Иисуса Христа. Аминь.

Письмо Папы римского Александра III королям датчан, норвежцев, шведов и готов (1171 г.)

Александр III – папа римский с 7 сентября 1159 г. по 30 августа 1181 г.

Александр и т.д. королям, князьям и другим верным Христа в королевстве датчан, норвежцев, шведов и готов назначенным и т.д. Немало наша душа сокрушается и неумеренной горечью и скорбью терзается, когда мы слышим о свирепости эстов (Estonum) и других язычников на тех землях против верных Бога и о том, что они неистово поднимаются против наставников веры Христианской и ужасно неистовствуют, борясь с мужеством христианского имени. И все же мы хвалим и прославляем Господа, что вы служите единству и непоколебимости христианской религии и твердо остаетесь в католической вере и под руководством Святейшей Римской церкви, которая является главой всех церквей и наставником, Господом поставленным, перед всеми другими церквями обладающая главной привилегией. И потому что полезно нашему делу способствовать укреплению веры и ваших душ, принести вам душевное ободрение и прилежнейшим образом дать вам совет, то мы вас всех наставляем и Господом призываем предаться божественной заботе, уважать милосердие, справедливость и закон, удерживаться от грабежей и недобрых дел, проявлять всецело подчинение и послушание Богу, а по отношению к выше названной Святейшей Римской церкви, словно как по отношению к матери и наставнице, должный почет и уважение проявлять, смиренно повиноваться епископам, священникам и другим вашим прелатам, давать им десятину, первые плоды и дары, соблюдать другие их права, а самих отцов и пастырей душ ваших с почетом поддерживать всеми способами, защищать их права, охотно протягивать им руку и заботиться о них, и, оружием небесным укрепленные и апостольским благословением воодушевленные, для защиты веры Христовой духом твердости снабженные, таким образом сильной рукой распространяющие религию Христа, чтобы победу над недостойными вы смогли бы одержать, и веноч законности, который вам отдан, смогли бы добыть с помощью Господа. Мы же тем, кто против столь часто упоминаемых язычников по мере сил и благородно боролся, соглашаемся, твердо надеясь на милосердие Господа и доброту апостолов Петра и Павла, отпустить на год те грехи, в которых они признались и покались, как мы имели обыкновение отпускать тем, кто посещает могилу Господа; тем же, кто этот конфликт избежал, то мы даруем отпущение всех их грехов, если они в них покались. Дано в Тускулане, в III-й день до сентябрьских ид.

Булла Папы римского Целестина III для Тевтонского ордена от 22 декабря 1196 г.

Целестин III – папа римский с 30 марта 1191 г. по 8 января 1198 г. Выступал в поддержку крестовых походов против балтийских язычников. В 1192 г. Целестин III объявил крестовый поход против балтийских язычников. В результате на восточных берегах Балтийского моря появились государства рыцарских орденов.

Епископ Целестин, раб рабов Божьих, возлюбленным сынам, братьям госпиталя святой Марии немцев в Иерусалиме, как нынешним, так и будущим, которые по уставу придут им на смену, просящим уступить для вечного исполнения положенное по праву, чего требует и сила справедливости, и порядок разума, особенно, когда этому содействует воля и благочестие просителей, и не покидает истина. Ввиду этого, о возлюбленные в Господе сыны, мы милостиво соглашаемся с вашими справедливыми просьбами, и берём под покровительство блаженного Петра и наше собственное названный госпиталь святой Марии иерусалимских немцев, в котором вы предаётесь служению Господу, и утверждаем привилегией настоящей грамоты, постановив, чтобы любые владения, любые имущества, какими этот госпиталь справедливо и канонически овладеет в настоящем или в будущем благодаря пожалованию епископов, щедрости королей или князей, пожертвованию верующих, либо по милости Господней сможет приобрести другими справедливыми способами, оставались за вами и вашими преемниками в целостности и сохранности. При этом мы сочли необходимым указать их поимённо. Это: место, в котором расположен названный госпиталь, со всем, что к нему относится; дом, который вы имеете в Скалоне, с виноградниками и всем, что к нему относится; [и в] Замзи со всем, что к нему относится; дома, которые вы имеете в Раме (Ramas), со всем, что к ним относится; дом, виноградники и владения, которые вы имеете в Яффе, со всем, что к ним относится, и дом, который вы имеете в городе Акко со всем, что к нему относится; усадьба в Кафарсима и участок возле ворот святого Николая со всем, что к ним относится, и дом, который вы имеете в Тироне со всем, что к нему относится. С полей ваших, которые вы возделываете собственными руками или за собственные средства, или с продуктов вашего скота пусть никто не смеет требовать или вымогать у вас десятину. Предоставлять же вам миро, святой елей, совершать освящение ваших алтарей и церквей,

рукоположение ваших клириков, которых надлежит возвести в священный сан, и другие церковные таинства мы повелеваем безвозмездно и без какой-либо превратности епископу диоцеза, если он будет католиком и будет иметь милости и общение апостольского престола. Мы, кроме того, решили, чтобы погребение в этом месте было совершенно свободно, чтобы никто не препятствовал последней благоговейной воле тех, которые решили быть здесь погребёнными, если только они не отлучены и не находятся под интердиктом; но с сохранением прав других церквей, которыми принимаются тела умерших. Желая также с отеческим беспокойством позаботиться на будущее о вашем мире и спокойствии, мы апостольской властью строго воспрещаем, чтобы кто-либо дерзал совершать внутри помещений вашего дома грабёж или воровство, совершать поджоги, проливать кровь, безрассудно хватать и убивать людей, совершать насилие. Кроме того, мы признаём действительными свободы и иммунитеты, пожалованные вашему госпиталю, а также до сих пор соблюдавшиеся разумные обычаи и предписываем, чтобы они оставались нерушимыми на будущие времена. Сверх того, мы апостольской властью разрешаем, чтобы вы имели полное право избирать магистра, который должен руководить вами и вашим домом, а после того, как умрёт тот, кто в соответствующее время будет руководить вами и вашим домом, пусть там никого не назначают посредством какого-либо хитрого мошенничества или насилия, если только этого человека не позаботятся избрать, согласно Богу, братья этого места, или большая и лучшая часть братьев. Итак, мы решили, чтобы никому из людей не дозволялось безрассудно тревожить названный госпиталь, отнимать его владения или удерживать отнятое, ослаблять или изнурять какими-либо мучениями, но все их имущества, которые пожалованы для их управления и поддержания жизни, должны сохраняться в целости, чтобы всячески служить их нуждам, с сохранением власти апостольского престола и канонических прав епископа диоцеза. Итак, если в будущем то ли церковное, то ли светское лицо, зная эту грамоту нашего установления, осмелится безрассудно выступить против неё, и дважды и трижды увещиваемое, не исправит свою провинность достойным удовлетворением, то да лишится оно достоинства своей власти и чести, и да будет признано духовным судом виновным в совершённом нечестии, и да будет отлучено от святейшего тела и крови Бога и Господа искупителя нашего Иисуса Христа, и да подлежит оно на Страшном суде Божьей каре. Всем же, кто сохраняет за этим местом его права, да будет мир Господа нашего Иисуса Христа, чтобы они и здесь получили плод доброго деяния, и у строгого судьи обрели награду вечного мира. Аминь. Аминь.

Дано в Латеране рукой Ченция, кардинала-дьякона [церкви] святой Луции в Орхее, камерария господина папы, 21 декабря, 15-го индикта, в 1196 году от воплощения Господнего, в шестой год понтификата господина папы Целестина III.

Письмо Папы римского Иннокентия III воинству Христову и его Магистру (1210 г.)

Иннокентий III – папа римский с 8 января 1198 г. по 16 июля 1216 г.

Иннокентий и т.д. Магистру Фолькуину и братьям воинства Христова, поставленным в Ливонии, и т.д. Когда касательно участи земель, которые милостью святого духа недавно были обращены к почитанию веры Христианской, между вами и почтенным братом нашим, Рижским епископом, при нашей проверке протекал спор, где мы оставались посередине, и вы пришли к такому соглашению, что вы третью часть этих земель, а именно Литвы и Ливонии будете держать от этого епископа, но не будут связаны никакой временной службой за нее, за исключением того, что будете направлять для защиты церкви и провинции от язычников. А ваш же магистр, который был в силу обстоятельств, взамен обещает Рижскому епископу вечную покорность; но братья и клирики, которые им духовно служат, не будут уплачивать ему ни десятину, ни первые плоды, ни дары, ни кафедральное; колонисты же названной части от доли урожая, самими определенной, отдадут своим церквям десятину, от которых четвертая часть будет уплачена этому же епископу, а кроме этого этот же самый епископ, после неопровержимой проверки и на разумном основании своими силами отдаст возмещение. Вы же и ваши преемники будете иметь право по незанятым церквям на предоставление Рижскому епископу достойных особ, которых он сам не вытеснит от работы по украшению душ. Кроме того, когда он сам будет вас посещать, в своем доме позаботьтесь [его] обеспечить двадцатью подорожными один раз в год; однако при изобилии вашем содержите его дважды в год. От земель, которые по положению [находятся] за пределами Ливонии или Литвы, когда [их] с Божьей помощью вы приобретете, Рижскому епископу нисколько не будете платить и т.д. Дано в Латеране, в XIII-й день до ноябрьских календ. В тринадцатый год нашего понтификата.

Письмо Папы римского Иннокентия III князьям Польши и Померании (1213 г.)

Иннокентий III – папа римский с 8 января 1198 г. по 16 июля 1216 г.

Благородным мужам, князьям Польши и Померании. Хотя, по апостольскому свидетельству, невозможно быть угодным Богу без веры, но для того, чтобы быть угодным, недостаточно одной только веры, но особенно необходима любовь, о которой свидетельствует апостол, что: “если кто-либо на языках людей и ангелов славословит, и даже если имеет такую веру, что сдвинет горы, и раздаст все свое имущество на пищу бедным, но не имеет любви, совершенно ничего ему не принесет пользы”. Как бы то ни было, но некоторые из вас, как мы узнали, нисколько не размышляющие и не старающиеся узнать, что есть их, а что не есть Христа, очень быстро узнали, что некоторые из народов, в Пруссии проживающих, по-новому приняли благо возрождения, и постоянно обременяли их рабскими обязанностями, и привели пришедших к освобождению христианской веры худшими делами, чем то, что было, [когда] они пребывали под игом прежнего рабства, от которого они препятствуют спасению многих, которые должны быть обращены в веру, и временную услугу оказывают лучшим из ангелов, которые помимо раскаяния делающими должны восхваляться. И поэтому мы вас всех просим, увещевая, и призываем во имя Господа, передавая вам апостольское послание, поскольку с его точки зрения тот, кто пришел спасти то, что уже погибло, и дать душу свою в искупление в искупление многих; таким образом, детей новых насаждений не отягчайте, но поступайте настолько мягче с ними, насколько памятью о прежнем образе жизни слабые, легче скатятся в старое заблуждение, так что старые чванливцы едва удержат новый виноградник около евангельской истины. Мы же достопочтенному брату нашему, Г[енриху], Гнезненскому архиепископу, даем наши письма с поручением, чтобы тех поддерживал более склонными к Богу и защищал их от незаслуженных тягот и притеснений, а их притеснителей мы усмиряем посланным предостережением через суровую церковную проверку, не взирая на титулы и звания. Дано в Сигнии в августовские иды, в пятнадцатый год нашего понтификата.

Подписано выше этого Гнезненским архиепископом.

Послание Папы римского Гонория III христианам в России (1224 г.)

Гонорий III – папа римский с 18 июля 1216 г. по 18 марта 1227 г.

Всем христианам в Руссии привет и апостольское благословение [шлет] епископ Гонорий, раб рабов Божиих. Мы полагаем, что вы прочли и запомнили, как апостол, своим примером поучая спутника, побудил в самой первой церкви сделать сборы, которые дали бы многочисленным святым, бывшим в Иерусалиме, возможность получить помощь, если она понадобится, чтобы в подобных случаях воспользоваться этими советами. Итак, достопочтенные братья наши епископы Ливонский, Селонский и Леальский и прочие, которые в пределах Ливонии проповедуют [учение] Господа Иисуса Христа, и тех, кто уже принял крещение, жаждут защитить от гонений язычников, подобно Амаликитянам, разными способами нападающим на Израиль, чтобы его или в пустыне истощить, или изгнать в Египет, не останавливаются перед тяжестью расходов, лишь бы им была оказана щедрая помощь благочестием христиан. Наставляем и увещеваем всех вас, вменяя во отпущение грехов ваших, чтобы от достатка вашего, посланного от Бога, ради столь похвального дела раздавать им жертву милостыни, за что жертвователю воспоследует всяческое благо. Дано в Латеране, XVI Календы декабря, понтификата нашего год девятый.

Послание Папы римского Гонория III королям Руси (1227 г.)

Гонорий III – папа римский с 18 июля 1216 г. по 18 марта 1227 г.

Всем королям Руси привет и всяческие плоды благодати [шлет] Гонорий епископ, раб рабов Божиих. Радуюсь во Господе, ибо, как вы слышали, послы ваши, отправленные к достопочтенному брату нашему, епископу Моденскому, нашему легату апостольского престола, смиренно просили его посетить края ваши, ибо, желая здраво внимать спасительному учению, вы готовы полностью отказаться от всех заблуждений, которые совершили, как было сказано, из-за недостатка проповедников, за что Господь, разгневавшись на вас, донныне подвергал вас многим бедствиям, и ждет вас еще более тяжелое несчастье, если не сойдете с тропы заблуждений и не вступите на путь истины. Ведь чем дольше будете коснеть в заблуждении, тем больших напастей вам следует страшиться. Потому, даже если и не гневается Господь ежедневно, то все же над теми, кто пренебрегает крещением, навис, наконец, меч его возмездия. Итак, желая от вас получить подтверждение, хотите ли вы принять легата Римской церкви, чтобы под воздействием его здравых наставлений вы постигли истину католической веры, без которой никто не спасется, всех вас настойчиво просим, увещеваем и умоляем, чтобы об этом желании вашем сообщили нам в посланиях и через надежных послов. Пока же, поддерживая прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии, не мешайте распространению веры христианской и тогда не вызовете негодования божественного апостольского престола, который при желании легко может воздать вам возмездием. Но лучше, если бы, соблюдая истинное послушание и божественные обряды, при всепрощении

Господнем вы заслужили бы от обоих милость и любовь. Дано в Латеране, XVI Календы февраля, год XI [понтификата нашего].

Послание Папы римского Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому (26 августа 1247 г.)

Во второй половине 40-х гг. XIII в. Римская курия в лице папы Иннокентия IV ведет в Юго-Западной Руси подготовку церковной унии. 3 мая 1246 г. Иннокентий IV назначает архиепископа Прусского, Ливонского и Эстонского Альберта Зуербеера легатом на Русь, поручив ему огласить в русских землях акт об унии.

В ходе переговоров Даниилу Галицкому удалось добиться ряда выгодных для себя политических условий, что нашло отражение в некоторых папских посланиях. Об этом свидетельствует и послание от 26 августа 1247 г., согласно которому немецким рыцарям и членам других духовно-рыцарских орденов запрещалось самовольно селиться во владениях Романовичей. Возможно, этот запрет должен был помочь избежать ситуаций, подобных сложившейся ранее в Дрогичине.

Светлейшему Даниилу, королю Руси¹, и В[асилько], брату его, королю Владимира², и сыну Даниила³, Иннокентий⁴, епископ, раб рабов Божиих.

Оценив по достоинству ваше благочестие, мы соблаговолили внять обетам вашим и просьбы ваши, по воле Господа, благосклонно выслушали. Итак, отзываясь на моления ваши, чтобы ни один из крестоносцев или иных монашеских орденов на занятых ваших землях и тех, что еще будут заняты, ни во что не вмешивался и не мог бы приобретать земельных владений без вашего на то благоволения, предоставляем [это] вашей власти. И не единому человеку не следует нарушить этот лист нашего покровительства или посметь безрассудно выступать против него. Если же кто-либо посмеет сделать это, то пусть знает, что навлечет на себя гнев Всемогущего Бога и Святых апостолов Петра и Павла. Дано в Лугдуне⁵, в VI Календы сентября⁶, в V год [понтификата].

¹ Королю Руси – обычная формула обращения папы Римского к галицко-волынским князьям. Даниил Галицкий был коронован в 1253 г. в Дрогичине.

² В[асилько] – Василько Романович, князь Владимиро-Волинский (1199-1271 гг.).

³ Сыну Даниила – в это время у Даниила было двое сыновей: Роман и Лев, но из текста послания не ясно, кого из них имеет в виду папа.

⁴ Иннокентий – папа Иннокентий IV (Синибальдо Фиески) (1243-1254 гг.).

⁵ В Лугдуне – в Лионе.

⁶ VI Календы сентября – 26 августа.

Послание Папы римского Иннокентия IV князю Александру Ярославичу (15 сентября 1248 г.)

Оригинал документа на пергаменте хранился в Королевской библиотеке в Париже. Копия с оригинала документа хранится также в архиве в Ватикане.

Александру, сиятельному королю Новгорода¹. Господь отверз очи души твоей и наполнил тебя сиянием света своего, ибо, как узнали мы от нашего благословенного брата, архиепископа Прусского, легата Апостольского престола², ты преданно искал и прозорливо обрел путь, который позволит тебе весьма легко и весьма быстро достичь врат райских³. Однако ключи от этих врат Господь вверил блаженному Петру и его преемникам, Римским папам, дабы они не впускали не признающих Римскую церковь, как Матерь нашей веры, и не почитающих Папу – наместника Христа, с сердцем, исполненным послушанием и радости. А потому ты, дабы не быть удаленным им от врат, не угодив Богу, всячески высказывал рвение, чтобы путем истинного послушания приобщиться к единой главе Церкви. В знак этого ты предложил воздвигнуть в граде твоём Плескове соборный храм для латинян⁴.

За это намерение твое мы воздаем искреннейшую хвалу Спасителю всех людей, который, никому не желая погибели, искупил грехи наши, пожертвовав собой, и смертью своей подарил нам жизнь, а множеством своих унижений даровал нам защиту от несправедливости⁵. Мы, нежно заключаю тебя как избранного сына Церкви в объятия наши, испытываем чувство умиления, равное тому чувству сладости Церкви, что ощутил ты, обретающийся в столь отдаленных краях, там, где множество людей смогут по примеру твоему достичь того же единения.

Итак, мужайся, дражайший сын наш. Забудь прошлое, устрями все помыслы к цели более совершенной, дабы, непоколебимо и решительно храня верность Церкви, о чем мы уже говорили, и усердствуя в лоне ее, ты возрастил бы цветы сладостные, кои принесут плоды, навеки избавленные от тлена. И не думай, что подобное послушание чем-то принудительным для тебя будет⁶. Ведь требуя его, мы ждем от человека одной только любви к Богу и возрастания праведности. Ибо, покинув тело, он, по заслугам своим, будет причислен к лику

праведных и внидет туда, где сияет свет неземной и где яства сладкие, коими нельзя пресытиться, и где крепки объятия милосердной любви, коей нельзя насытиться.

Кроме того, вышеупомянутый архиепископ желает навестить тебя. Поэтому мы обращаемся к твоему Королевскому величеству с мольбами, предостережениями и настойчивыми просьбами, дабы ты подобающим образом принял его как выдающегося члена Церкви, дабы ты отнесся к нему благосклонно и с уважением воспринял то, что он посоветует тебе ради спасения твоего и твоих подданных⁷. Мы же, следуя совету того же архиепископа 4, позволяем тебе воздвигнуть упомянутый храм.

Писано в Лионе, в XVII Календы октября, года VI⁸.

¹ Король (гех) – обычное именование русских князей, имевших конкретное княжение, в средневековых западноевропейских документах. Особенностью данной грамоты является то, что за указанием адресата здесь не указан автор послания, хотя из текста грамоты ясно, что она отправлена от имени папы Иннокентия IV.

² Архиепископ Прусский (также – Ливонский и Эстонский) и папский легат – Альберт фон Зуербер. Выходец из Кёльна. До 1229 г. – каноник бременской церкви. В 1229 г. был посвящен в рижские епископы архиепископом Бременским, но в результате интриг вице-легата в Ливонии Балдуина в 1231 г. на Рижской епископской кафедре оказался епископ Николай. Альберт же стал архиепископом Армагским в Ирландии. На должность архиепископа Прусского он был назначен в 1245 г. Тогда же стал папским легатом в регионе Восточной Балтики, на Руси и в Восточной Европе. Еще при жизни епископа Николая Альберт фактически взял на себя управление Ливонской церковью. После смерти Николая (в 1253 г.) перенес свою архиепископскую кафедру в Ригу (январь 1255 г.) и был утвержден папой в должности рижского архиепископа. Буллой от 07.09.1247. папа повелел ему отправиться к Даниилу Галицкому, чтобы осуществить процедуру перехода князя, а также светских и духовных чинов Галицкой Руси в католичество. Одновременно Альберт получил от папы разрешение носить на Руси архиепископскую мантию, что означало согласие Иннокентия IV на включение русских земель в границы архиепископских владений Альберта.

³ Поскольку информацию о намерениях Александра папа Иннокентий IV получил от архиепископа Прусского, то очевидно, первое послание к Александру, а также его ответ были доставлены людьми из окружения Альберта Зуербера.

⁴ Само по себе строительство католической церкви в православном городе не было чем-то необычным. Эти церкви предназначались для торговых людей, прибывавших из стран Западной Европы. Такие культовые сооружения были в средневековом Смоленске и в Новгороде на Готском дворе. Разговор же о соборном храме указывает на то, что Псков рассматривался как предполагаемый центр некой административной территории католической церкви. Зная о дальнейшей политике князя Александра, трудно поверить, чтобы он дал подобное согласие послан католических иерархов. Но если верно предположение о том, что послы застали Александра в ставке хана Бату на пути в Каракорум, то дальнейшая судьба князя и его отношения с великим ханом тогда не были ясны. После убийства отца Александр должен был предусматривать разные варианты своей политики с Монгольской империей, в том числе и не исключать союз с Западом. Поэтому он мог дать весьма уклончивый ответ относительно своих конфессиональных планов, но разрешить строительство культового сооружения для духовных нужд попадавших в Псков католиков. Альберт же, стремившийся вместе с епископом Дорпатским и рыцарями Ливонского ордена утвердить свое господство в Псковской земле, решил заранее заручиться согласием папы на создание здесь епархии, входившей в его архиепископство. Поэтому и результаты переговоров его послов с русским князем были представлены папе в преувеличенном виде. К тому же в такой ситуации было легче, в случае необходимости, получить разрешение на крестовый поход в Новгородское государство для защиты якобы существующей там католической общины.

⁵ Г. Рощко переводит «iniuriis honoravit» как «облек великой славой». Более точно было бы перевести «даровал защиту от несправедливости».

⁶ О том, что признание духовной власти Римского папы не ограничит свободу действий князя Александра в государственной и политической сферах, говорится и в других документах. Отметим это было необходимо, так как взаимоотношения иерархов Западной и Восточной христианских церквей со светскими правителями своей паствы строились на разных принципах.

⁷ Иначе говоря, данное послание было и своеобразным уведомлением князя Александра о прибытии на Русь католического архиепископа. Однако это намерение Альберта реализовано не было. Не ясно также, когда была (и была ли вообще) доставлена эта грамота Александру Ярославичу.

⁸ Поскольку папа Иннокентий IV вступил в должность в конце июня, документы, написанные после 24-28 числа этого месяца, датируются уже следующим годом его понтификата.

Действия Римской католической церкви по организации отпора монголо-татарскому нашествию

В условиях, когда в XIII в. значительно расширились масштабы монголо-татарского нашествия и, когда возникла серьезная угроза Европе, Римская католическая церковь стала предпринимать достаточно активные действия, связанные с организацией отпора монголо-татарскому нашествию. Свидетельством этого являются многочисленные послания понтификов европейским правителям, в том числе русским князьям.

Письмо короля Венгрии Белы IV Папе римскому Григорию IX от 18 мая 1241 г. с сообщением о нападении татар

Святейшему во Христе отцу Григорию божьей милостью святой римской церкви верховному понтифику Б[ела] той же милостью король Венгрии [изъявляет своё] во всем насколько должное, настолько и благочестивое почтение. Поскольку католическая вера по воле Господа дала всходы в венгерских пределах, как наши прародители со всеми подчинёнными их власти, так и мы, после того как приняли на себя управление королевством, с подлинным благоговением и почтением имеем римскую церковь матерью и наставницей. [И чтобы] ваше святейшество было лучше осведомлено, мы вам достоверно сообщаем о несчастном и горестном уделе, доставшемся нам и венгерскому королевству от свирепствующего подобно жестокому зверю татарского войска. Ибо недавно, во время близкое к празднику Воскресения Господня (31 марта 1241 г.), с великой силе и

в большом числе они пришли в Венгрию, и всех, кого только смогли отыскать, не обращая внимания на пол и возраст, убили остриём меча, церкви и освящённые божественным именем места осквернили огнём, убийством людей и другими своими преступлениями, хвастая, что всех и главным образом христиан покорят своему господину. Просим мы и умоляем, пусть прозорливость вашего святейшества, ради помощи христианскому народу, даст нам и венгерскому королевству совет и явит спасительную помощь. Своим усердием вы сможете предотвратить гибель всего мира, и пусть из-за небольшого промедления не разорвёт волк агнца на куски, и не случится это с тем, кому вы стараетесь помочь. Для того чтобы более полно рассказать вам о прочем, мы посылаем к вам очевидца случившихся событий, почтенного отца, любезного и верного нам вацского епископа С[тефана], надеясь, что к сообщённому им о нас вы отнесётесь с несомненным доверием.

Дано в Загребе в XV июньские календы. (18 мая 1241 г.)

Письмо Папе римскому из Фехервара от 2 февраля 1242 г.

Святейшему во Христе отцу и господину¹... божественным провидением святой римской церкви присно понтифику капитул [церквей] Фехервара, Эстергома, Буды, Весприма, Печа, орденов цистерцианцев, премонстрантов, святого Августина и святого Бенедикта аббаты, приоры и братья, [а также] братья проповедники², минориты³, госпитальеры, тамплиеры и других орденов братья, комиты, рыцари, горожане, обитатели замков и все прочие [люди] обоих полов в упомянутых городах, замках, комитатах и прочих укрепленных местах, собранные из венгерского королевства, спасшиеся от татар, [желают] поцеловать землю у [ваших] святых ног. Поскольку святая римская церковь является матерью и наставницей всех церквей, к ней одной, после Бога, словно к материнскому лону осталось обращать свой взор⁴ другим церквям, сильно угнетённым и незнающим, как им должно поступить. И потому от вашей, святой отец, божественной кротости вселенской церкви должна быть забота, чтобы вы по примеру милосердного и сострадательного Господа⁵, чьё место вы занимаете на земле, являли милосердие для всех, особенно в отношении тех, кто в обиду имени распятого на кресте жалким образом был унижен, считая среди них и церковь венгерского королевства, изнурённую многими и различными опасностями и обращённую без малого почти в ничто. К вам, как в особое после Бога убежище, она подняла из глубины мучений⁶ свой затуманенный из-за слёз взор, здраво полагая и твёрдо рассчитывая, что, если ей послужит лекарством апостольское благочестие, она вскоре поправится, чтобы снова восстать⁷. Итак, пусть вашему святейшеству будет известно, что называемые «татарами» недруги того кто был распят, как мы полагаем – во искупление наших грехов, внезапно и словно из ниоткуда вторглись в Венгрию и сильно опустошили это королевство до самой реки Дунай. Они перебили епископов, аббатов, монахов, братьев проповедников, миноритов, тамплиеров, госпитальеров, препозитов, архидиаконов, каноников, священников, клириков, комитов, рыцарей, находящихся в утробе [матерей] младенцев и бесчисленное множество прочих людей обоёго пола, кого, пока те легкомысленно были порознь⁸, они смогли отыскать. Но и юношей с девушками, и грудного младенца со старцем⁹ сжёг ненасытный огонь¹⁰, и не осталось даже плачущих вдов, как сказано у пророков¹¹: стоял плач от множества убиваемых безутешно горько стенающих. Кто одевался в цвета шафрана¹², точно также уходили в неволю, как и нищие¹³. И что более всего достойно сожаления и бесчеловечно – в божьем святилище¹⁴ они сжигали мирян и священников, мощи святых и само тело Господа, умножая свою вину, попирали ногами, церкви превращали в притоны, а могилы святых в стойло для своего скота. В эту же ночь бедствия¹⁵, восклицая одновременно сердцем и устами, мы с самой сильной мольбой обращаемся к вашему святейшеству, да придут перед взор вашего милосердия стенания узников, чтобы была явлена кара за кровь рабов божьих¹⁶, за поругание имени того кто был распят. Чтобы были осуждены¹⁷ человекоубийцы, святотатцы и хулящие¹⁸ за множество злобы своей, познав того, кого они предвкушали пронзить¹⁹. Но и мы, выше наших сил сопротивляясь у переправ через Дунай врагам имени Христова, ожидали помощи от матери церкви, и не было [её]. Когда же Дунай замёрз, у татар появилась возможность свободно в любом месте переправиться на наш берег. После чего, перейдя [реку], исполненные враждебными замыслами²⁰, они снуют туда-сюда по землям [королевства], стремясь в своей злобе исполнить задуманное²¹. Мы же, в большом числе и надлежащим образом вооружившись, держимся в замках Фехервара, Эстергома, Весприма, Тихони, Дьёра, Святой Горы Венгрии²², Мошона, Шопрона, Ферреокаструма, Новокаструма, Залы, Леуки и в прочих замках и укрепленных местах возле Дуная, на другом же берегу в Пожони, Нитре, Комаруне, Филеке, Альбе Новокаструме, а также в прочих замках и укрепленных местах, помимо божьего милосердия, ожидая помощи от вашего святейшества и божьей церкви. Твёрдо надеясь, что если, сочувствуя нам, вы захотите вскоре прийти нам на выручку и помочь сопротивляться нашим врагам, да будет вам известно, что мы часто терпели ущерб от их коварства, в котором и заключается их главная сила. Поэтому сокрушённым сердцем²³ и жалобным голосом²⁴ мы умоляем ваше святейшество милостиво выслушать наиболее нужного нам во Христе фехерварского каноника и препозита церкви святого Николая Фехерварского магистра Шаламона и его товарищей, очевидцев произошедшего и специальных наших посланников, которым мы повелеваем [пасть] к ногам вашего благочестия ради помощи венгерской церкви. Ради Бога удостойте их ласкового внимания и, поскольку промедление для нас опасно, к божьей и вашей славе, как только можно быстро, беспрепятственно отошлите их к нам обратно. Но поскольку мерзость нашего запустения²⁵ велика и из-за её бесконечности её невозможно описать, и да не повредит пространность изложения вашего изысканного

слуха, отнеситесь с самым полным доверием ко всему, что наши посланники должны поведать вашему святейшеству о происходящем в наших пределах. Дано в Фехерваре в день очищения славной девы²⁶.

¹ Трудно понять, кому из понтификов было адресовано это письмо. Во второй половине 1241 г. на римском престоле сменилось 2 папы (Григорий IX ум. 22 августа, Целестин IV ум. 10 ноября), а следующий папа Иннокентий IV был избран лишь спустя полтора года 25 июня 1243 г.

² Доминиканцы.

³ Францисканцы.

⁴ 2 Пар. 20, 12.

⁵ Псал. 85, 15; 102, 8; 110, 4; 111, 4; 144, 8; Иак. 5, 11.

⁶ Плач. 2, 11; 3 Цар. 14, 4; Быт. 48, 10.

⁷ Псал. 40, 9.

⁸ Прит. 23, 28; Суд. 20, 48.

⁹ Втор. 32, 25.

¹⁰ Лев. 6, 10.

¹¹ Наум. 3, 3.

¹² Плач. 4, 5.

¹³ Плач. 1, 18.

¹⁴ Псал. 73, 7.

¹⁵ Быт. 35, 3: «в день бедствия».

¹⁶ Псал. 78, 10-11.

¹⁷ 1 Мак. 7, 42.

¹⁸ 2 Мак. 9, 28; Деян. 19, 37.

¹⁹ Зах. 12, 10; Ин. 19, 37.

²⁰ Дан. 13, 28.

²¹ 1 Цар. 20, 7; 25, 17; Ис. 40, 2.

²² Паннонхалма.

²³ Псал. 33, 19.

²⁴ Иер. 9, 19; 31, 15.

²⁵ Мф. 24, 15; Мр. 13, 14; Дан. 9, 27.

²⁶ В праздник Сретенья Господня, 2 февраля.

Письмо Папы римского Григория IX королю Венгрии Беле IV от 16 июня 1241 г.

Григорий епископ и т.п. возлюбленному во Христе сыну нашему знаменитому венгерскому королю Беле [шлёт своё] приветствие и т.п. Услышав стенания и плач возвышенной скорби, из-за многих горестей преисполнившись печали, мы горько рыдали из-за того что ниспосланный с небес суд уже повсеместно истребляет христианский народ, меч неверных беспрестанно губит верных, а клинок язычников жестоко безумствует среди христиан. Умноженный крик злодеяний человеческого рода, достигнув ушей Создателя, того, кто, словно не видя, молчал до настоящего времени, кто, словно терпя, ожидал от своего народа исправления, заставил обнажить меч мстителя несправедливостей и обрушившейся карой за грехи убрать от глаз своего терпения мерзость бесчестных поступков. Поэтому все, чьим сердцем завладел страх Господень, облачившись во власяницы и посыпав себя пеплом, с вздохами и слезами пусть молят божественное милосердие, чтобы тот Наилучший, кто во все времена привык быть выше зла и кто всегда усерден к прощению, приказал вернуть обнажённый меч в ножны, и, излив свой гнев на народы, которые его не знают, сжалился бы над народом помеченным знаком сына своего. Мы же уповаем, что, хотя Бог и решил избаловать нас строгой бранью, он не желает истребить от лица своего те королевства, которые призывают имя его; и даже стремится избавить от вечного наказания тех грешников, для которых, ради порицания нашего народа, старается употребить благодеяние временной кары: ибо хотя искушение смерти в пустыне и поразило некогда сыновей Израиля, однако гнев Господень на них длился не долго. Однако, хотя мы и были сильно опечалены из-за насилий над всеми верными [христианами], из твоих писем, пролив немало слёз, мы узнаём и о скорби венгерского королевства, которое в значительной степени было захвачено во время татарского нашествия. Чем яснее в твоих письмах мы обнаруживаем благоговение перед Богом и апостольским престолом, чем более явно [в тебе?] мы узнаём светлой памяти твоих прародителей и блистательное королевство в стремлении быть угодным церкви, тем более сильная и ни на что не похожая печаль преисполняет наше сердце. Возлагая большую надежду на того, кто хотя и дал ассирийскому королю Синнахерибу возможность напасть на землю Израиля, однако, раздражённый сокрушением Иезекии, за ночь истребил множество врагов, мы ободряем твоё Спокойствие, усердно призываем и молим Господа Иисуса Христа, твёрдо надеясь на того, кто сделал невредимым простой народ, а взгляд надменный унизил. Побуждаем тебя смело и мужественно, как и подобает королевскому могуществу, напасть на татар, защитить венгерское королевство и католическую веру, которая, как известно, от них особенно пострадала. Ведь чем усерднее и отважнее ты будешь сражаться, тем более величия и чести стяжаешь своему имени. Мы же тебя и венгерское королевство в такой нужде не можем и не должны оставить без помощи, деятельно стараясь с согласия Господа подавать [тебе свои] помощь и совет. Принимая тебя и твою семью под свою и апостольского престола защиту, тебе и всем, кто, приняв знак креста,

выйдет против этих татар на защиту венгерского королевства, мы даём отпущение [грехов] и щедро раздаём индульгенции, которые [обычно] на общем совете выдаются отправляющимся в Святую Землю.

Дано в Латеране в XVI июльские календы, в лето [нашего понтификата] XV.

Таким же образом и знаменитому королю и герцогу Славонии Коломану.

Письмо Папы римского Григория IX с призывом помогать венгерскому королю Беле IV от 16 июня 1241 г.

Григорий епископ и тп. почтенным братьям архиепископам и епископам, а также любезным сыновьям аббатам, приорам, архидиаконам, препозитам и прочим церковным прелатам и клирикам, к кому попадут эти письма [шлёт своё] приветствие и тп. [Услышав стенания и плач возвышенной скорби, из-за многих горестей преисполнившись печали, мы горько рыдали из-за того что ниспосланный с небес суд уже повсеместно истребляет христианский народ, меч неверных беспрестанно губит верных, а клинок язычников жестоко безумствует среди христиан]. Ибо как, не без пролития многих слёз, мы узнали из писем нашего возлюбленного во Христе сына венгерского короля Б[елы], незнающие Бога татарские народы господним попусшением частично захватили венгерское королевство и хотят не только погубить оставшуюся часть, но и всю христианскую землю стремятся превратить в пустыню. Однако чем более явно король Венгрии и его прародители следовали божественным благоволениям и чем более они были пылки в своём благочестии, тем сильнее во все времена было наше сострадание этому королю и его королевству. Если когда-либо случится так, что этот король со своими [спутниками] окажется в ваших пределах, захочет через них пройти или делает там остановку, то всех вас мы ободряем, передавая через апостольские послания отпущение грехов, и настойчиво увещаем со всем почтением [его] принять. Стремясь достойно, как и подобает этому государю, обращаться [с ним], не причиняйте никакого ущерба ни его людям, ни имуществу, мужественно и усердно защищайте его от притеснений других, а также охотно и доброжелательно приходите ему на помощь. Этим вы вскоре сможете заслужить божественное расположение, и мы полагаем, что [если] кто-то нам и церкви во всём [этом] проявит уважение, воздав [королю] почестями и послушанием, тому мы будем обязаны ответным благодеянием.

Дано [в Латеране в XVI июльские календы, в лето [нашего понтификата] XV].

Таким же образом [пишем] знаменитым королям, комитам, баронам, правителям городов и прочих мест, к кому попадут эти письма.

Письмо Папы римского Григория королю Венгрии IX Беле IV от 1 июля 1241 г.

Григорий епископ и тп. любезному во Христе сыну знаменитому венгерскому королю Беле [шлёт своё] приветствие и тп. Когда мы обращаем острейше ума к тайнам сердца, среди прочего, что о верных Христу в различные времена мы препоручаем памяти, непорочная вера твоих предков и их искренняя набожность кажутся нам достойными особого внимания. Наследуя им не только по своему происхождению, но и в следовании их наставлениям, ты тем чаще в нас воскрешаешь память о них, чем усерднее подражаешь их поступкам. При этом Твоя Светлость так всегда была знаменита своим искренним благоволением и непоколебимой верностью к церкви, что, являя их своим подданным, она пылко и почтительно стремилась к этой славе среди прочих государей мира, а также деятельно и неустанно старалась эту славу поддерживать своей неутомимой десницей. Поэтому, как и подобает твоим и твоих предков заслугам, римская церковь тебя, отмеченного таким благочестивым званием, с особой нежностью нося в глубине своего сердца, без всяких сомнений обвивая руками непорочности, отличает своей любовью, дабы среди прочих королей тебя выделяла особая прерогатива [нашей] благосклонности и милости. Добродетель твоих родителей в потомстве сына совершенно точно соберёт более обильный урожай доблестей, чем было рождено от отцовского корня. Во всяком случае, мы настолько ревнуем твоей королевской чести, так стараемся выгоду твоего королевства [уберечь] от потерь, что, присно увеличивая свои неусыпные старания, словно соучастники твоих успехов мы более всего радуемся росту твоего благополучия и сильнее печалимся о причинённом тебе бедствиями ущербе. Услышав же недавно, что татары, намереваясь разорить венгерское королевство, такое в нём учинили опустошение, что кровавым мечом и жестоким убийством совершенно истребили его обитателей, словно стрелой мы были поражены тяжкой болью. Такая невыразимая горечь опьянила нас, что глаза обильными слезами излили сильную печаль сердца. И тем большая туча смятения проливается над нами, чем горше мы сами оплакиваем тяжко израненную церковь, [узнав] что ты, как знатный сын церкви, был жестоко угнетён таковой гибелью верующих. Однако, какими бы пагубными не казались те злодеяния и стенания христиан от совершённого дикостью того народа разорения, обращая глаза разума к Нему и находя основание всякой надежды в Том, кто если когда и обращался к свирепости злодеяний и невыносимости помыслов, обрушивая на людей бич своего мщения, то, помня о милосердии, после строгости наставления проявлял мягкость сострадания, и после розги исправления протягивал руку утешения, [мы уповаем, что] пламенем веры ты

будешь подвигнут против неверных, мужеством сердца будешь укреплен против [их] покушений, и при помощи всемогущей десницы Его божественной власти сможешь везде [им] противиться, и да сможешь ты избежать изгнания в другие страны. Кроме того, бодрствуя в усердной заботе, присно оказывая тебе как самому дорогому сыну апостольского престола милостивые благосклонности, мы по мере сил советом и поддержкой деятельно стараемся помогать пребывающему в таковой нужде Твоему Превосходительству. К этому [добавляем, что] если называемый императором Ф[ридрих], измучившись сердцем и обретя в смиреннии дух раскаяния, почтительно уйдет по повелению матери церкви, [церковь] будет готова восстановить с ним мир, который к божьей славе, ради приращения католической веры и прав церкви, принесет христианам покой, чтобы тем легче и быстрее церковь могла бы помочь и тебе.

Дано в Латеране в июльские календы в лето [нашего понтификата] XV.

Послание Папы римского Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому (22 января 1248 г.)

22, 23 и 24 января 1248 г. папа Иннокентий IV направляет послания последовательно Даниилу Галицкому, Александру Невскому, магистру Генриху фон Вейде (1247-1248 гг.) и рыцарям Тевтонского ордена, содержащие одну и ту же просьбу: немедленно сообщить о приближении татаро-монгольских полчищ. В этих посланиях отчетливо предстают основные направления папской политики в 40-е гг. XIII в.: Тевтонский орден в Пруссии, Русь и Орда.

Татаро-монгольское нашествие придало политике папства новые черты. В 40-е гг. XIII в. папский легат Вильгельм Моденский по повелению папы учредил в Пруссии, где уже начал свою завоевательскую деятельность Тевтонский орден, четыре епископства, наложив руку на треть прусских земель и став их сюзереном, – в Пруссии закладывались основы теократического государства.

Издавна Римская курия вынашивала планы католизации Руси. Особенно активно эта политика проводилась в отношении Галицко-Волынской Руси. Суля русскому князю поддержку против татаро-монголов, курия надеялась облегчить осуществление своих планов. Одновременно ведя переговоры с ордой, папство не прочь было склонить татар к принятию католичества, чтобы затем договориться с ними как с сюзеренами Руси и получить от них признание за папством прав на верховное управление русской Церковью. Впрочем, переговоры с Римской курией были прерваны Даниилом в 1248 г., когда стало ясно, что они не имели реального значения для борьбы с татаро-монголами.

Епископ Иннокентий и т. д. приветствует любезнейшего во Христе сына [нашего,] Даниила, светлейшего короля Руси¹ и т. д. Поскольку опасностей легче избежать, если укрепиться против них щитом Провидения, мы просим светлость твою, умоляем и усердно увещеваем об особом одолжении, чтобы, как только станет тебе известно, что полчище татар движется на христианский мир, ты поспешил бы уведомить об этом любезных детей, братьев дома Тевтонского в Пруссии², дабы, как только через оных братьев дойдет это до нашего сведения, мы могли бы поразмыслить, как с помощью Божией сим татарам оказать мужественный отпор. Дано в Лугдуне, в XI Календы февраля³, в пятый год понтификата нашего.

В том же духе любезнейшему во Христе сыну нашему, брату Даниила, светлейшего короля Руси⁴.

¹ Королю Руси – обычная формула обращения папы Римского к галицко-волыньским князьям. Даниил Галицкий был коронован в 1253 г. в Дрогичине.

² Братьев дома Тевтонского в Пруссии – Тевтонский орден в Пруссии, с начала 30-х гг. XIII в. ведущий завоевание прусских земель. В 1243 г. Римская курия, будучи одним из главных инициаторов агрессии Тевтонского ордена в Пруссию, а также его церковным сюзереном, основала на территории, завоеванной Тевтонским орденом, четыре епископства, получив по праву церковного патроната треть прусских земель.

³ XI Календы февраля – 22 января.

⁴ В том же духе... брату Даниила – по-видимому, текст послания брату Даниила Василько Романовичу не сохранился.

Послание Папы римского Иннокентия IV князю Александру Ярославичу (23 января 1248 г.)

22, 23 и 24 января 1248 г. папа Иннокентий IV направляет послания последовательно Даниилу Галицкому, Александру Невскому, магистру Генриху фон Вейде (1247-1248 гг.) и рыцарям Тевтонского ордена, содержащие одну и ту же просьбу: немедленно сообщить о приближении татаро-монгольских полчищ. В этих посланиях отчетливо предстают основные направления папской политики в 40-е гг. XIII в.: Тевтонский орден в Пруссии, Русь и Орда.

Татаро-монгольское нашествие придало политике папства новые черты. В 40-е гг. XIII в. папский легат Вильгельм Моденский по повелению папы учредил в Пруссии, где уже начал свою завоевательскую деятельность Тевтонский орден, четыре епископства, наложив руку на треть прусских земель и став их сюзереном, – в Пруссии закладывались основы теократического государства.

Издавна Римская курия вынашивала планы католизации Руси. Особенно активно эта политика проводилась в отношении Галицко-Волынской Руси. Суля русскому князю поддержку против татаро-монголов, курия надеялась облегчить осуществление своих планов. Одновременно ведя переговоры с ордой, папство не прочь было склонить татар к принятию католичества, чтобы затем договориться с ними как с сюзеренами Руси и получить от них признание за папством прав на верховное управление русской Церковью. Впрочем, переговоры с Римской курией были прерваны Даниилом в 1248 г., когда стало ясно, что они не имели реального значения для борьбы с татаро-монголами.

Благородному мужу Александру, герцогу Суздальскому¹ Иннокентий епископ, раб рабов Божиих². Отец грядущего века, князь мира, сеятель благочестивых помыслов, Спаситель наш Господь Иисус Христос окропил росой своего благословения дух родителя твоего, светлой памяти Ярослава³ и, с дивной щедростью явив ему милость познать себя, уготовил ему дорогу в пустыне, которая привела его к яслям господним, подобно овце,

долго блуждавшей в пустыне. Ибо, как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де ПIANO Карпини из Ордена миноритов, поверенного нашего, отправленного к народу татарскому⁴, отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата⁵, в присутствии Емера, военного советника⁶. И вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и счастливо не вырвала его из жизни⁷.

Поскольку он столь счастливо завершил свой жизненный путь⁸, то надобно благочестиво и твердо уверовать в то, что, причисленный к сонму праведников, он покоится в вечном блаженстве там, где сияет немеркнущий свет бесконечный, где разливается благоухание, не исчезающее от дуновения ветра, и где постоянно пребывает он в объятиях любви, в которой несть пресыщения.

Итак, желая, чтобы ты, как законный наследник отца своего, подобно ему обрел блаженство, мы, вроде той женщины из Евангелия, зажегшей светильник, дабы разыскать утерянную драхму⁹, разведываем путь, прилагая усердие и тщание, чтобы мудро привести тебя к тому же, чтобы ты смог последовать спасительной стезей по стопам своего отца, достойного подражания во все времена, и с такой же чистотой в сердце и правдивостью в уме предаться исполнению заветов и поучений Римской церкви, чтобы ты, покинув путь греха, ведущего к вечному проклятию, смиренно воссоединился с той церковью, которая тех, кто ее чтит, несомненно ведет к спасению прямой стезей своих наставлений.

Да не будет тобою разом отвергнута просьба наша (с которой обращаемся к тебе), исполняя наш долг, которая служит твоей же пользе; ибо весь спрос с тебя: чтобы убоился ты Бога и всем сердцем своим его любил, соблюдая заветы его. Но, конечно, не останется сокрытым, что ты смысла здравого лишен, коль скоро откажешь в своем повиновении нам, мало того – Богу, чье место мы, недостойные, занимаем на земле. При повиновении же этом никто, каким бы могущественным он ни был, не поступится своею честью, напротив, всяческая мощь и независимость со временем умножаются, ибо во главе государств стоят те достойные, кто не только других превосходить желает, но и величию служить стремится.

Вот о чем светлость твою просим, напоминаем и ревностно увещеваем, дабы ты мать Римскую церковь признал и ее папе повиновался, а также со рвением поощрял твоих подданных к повиновению апостольскому престолу, чтобы вкусил тебе от неувядаемых плодов вечного блаженства. Да будет тебе ведомо, что, коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам, более того – Богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей неусыпно радеть будем¹⁰.

Ведомо, что от опасностей легче бежать, прикрывшись щитом мудрости. Потому просим тебя об особой услуге: как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтоб не преминул ты немедля известить об этом братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы, как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать¹¹.

За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей¹², мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе Господней. Писано в Лионе X дня февральских Календ, в год V¹³.

¹ Князь Александр Ярославич, который был в тот момент князем Новгородским и великим князем Киевским. Именование князей Северо-Восточной Руси «суздальскими», а не «владимирскими», характерно для средневековых западноевропейских источников, встречается и в ливонских хрониках. ПIANO Карпини называл отца Александра – великого князя Ярослава Всеволодовича – «великим князем в некой части Руси, которая называется Суздаль». Именование здесь Александра «князем» или «герцогом», а не «королем», объясняется тем, что «Суздальским» князем он был тогда не по занимаемому столу, а по факту его родства – т.е. принадлежности к дому Суздальских (Владимирских) князей.

² Папа Иннокентий IV, понтификат которого датируется 24 (по другим данным – 25 или 28). Резиденция папы находилась не в Риме, а в Лионе.

³ Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский, князь Киевский, прибыл в Каракорум в 1246 г. на празднования по случаю вступления на великоханский трон хана Гуюка.

⁴ Иоанн де ПIANO Карпини – настоящее имя Джованни дель Пьяно-Карпине (начало 1180-х – между 1248 и 1252 гг.), родом из г. Перуджа, из богатой семьи. Сподвижник Франциска Ассизского, один из основателей Ордена францисканцев и Ордена миноритов. Исполнял дипломатические поручения папы Римского в Германии, Испании, Португалии. Посол папы к монгольскому хану в Каракоруме. Описал свое путешествие из Лиона в Каракорум и пребывание при дворе хана (с лета 1245 г. до ноября 1246 г.). В Каракоруме встречался с князем Ярославом Всеволодовичем. После возвращения в Лион (осень 1247 г.) ПIANO Карпини был посвящен в архиепископы и получил в управление епархию в Антивари.

⁵ О том, что князь Ярослав согласился принять католичество, известно только из данного послания папы. Исследователи относятся к данному сообщению, как правило, с доверием. Хотя Иннокентий IV ссылаясь на ПIANO Карпини, последний в своем сочинении не дает даже намека на то, что князь Ярослав в разговорах с ним изъявил желание перейти в лоно католической церкви. Странно, что он умолчал о таком важном факте, хотя не забыл упомянуть о встречах по поручению папы с князем Даниилом Романовичем Галицким и его братом, князем Васильком. Не преминул он и рассказать о беседе с православными священниками Галицко-Волынской Руси, во время которой не только зачитал грамоту к ним Иннокентия IV, но и от своего собственного имени увещевал их «вернуться к единству святой матери Церкви». Думается, что Ярослав в разговоре с ПIANO Карпини дал лишь «согласие на переговоры с курией». Именно к такой осторожной формулировке склонился по мере исследования темы В. Т. Пашуго. Причем согласие князя могло касаться не столько перемены веры, сколько вопроса о совместных действиях против монгольской угрозы. Думается, что, докладывая папе о результатах дипломатической миссии, ПIANO Карпини преувеличивал свою заслугу в обращении Ярослава к католической вере. Тем более, что письменного подтверждения намерений князя не было, а разговоры проходили только в присутствии переводчика из свиты князя. В записках же для потомков ПIANO Карпини постарался избежать прямых указаний на свою теологическую победу над русским князем на тот случай, если вдруг обнаружится это преувеличение.

⁶ Советник Емер – воин и переводчик Ярослава Темер, известный по сочинению ПIANO Карпини. Он был также переводчиком ПIANO Карпини при аудиенциях его у великого хана Гуюка уже после смерти Ярослава. Естественно, что Темер был в курсе намерений

Ярослава. Но вряд ли его можно в полном смысле считать «советником» князя, т.е. тем человеком, к мнению которого Ярослав прислушивался. В поздних летописных сводах (например, в Московском летописном своде конца XV в., в Воскресенской летописи) упоминается о некоем Федоре Яруновиче, который выдал намерения князя Ярослава «царю», т.е. хану Гуюку. В. Т. Пашуто отождествляет Федора Яруновича с Темером. Это, однако, сомнительно. Темер (Тимир), скорее, восточное имя, а Ярун – славянское. К тому же отчество на «вич» свидетельствует о знатном – боярском, происхождении Федора, что не соответствовало обязанности «толмача». Правда, какой-то боярин Федор Ярунович действительно мог состоять в окружении князя Ярослава. В русских источниках первой половины XIII в. упоминается только один Ярун – воевода, участвовавший в Липицкой битве 1216 г., а также в битве на Калке. Возможно, он и был отцом Федора.

⁷ По рассказу Плано Карпини, подтверждаемому сообщениями русских летописей, Ярослав Всеволодович был отравлен на приеме у ханши Туракины и умер 30 сентября 1246 г.

⁸ Весьма абсурдно звучит упоминание о «счастливой» смерти князя. В связи с этим копированный документ в Ватиканском архиве аббат Альбертранди заменил «feliciter» на «infeliciter» (о «несчастливой», «злосчастной»). Но и в следующей фразе послания говорится о «счастливом» («felicis») завершении жизни Ярослава. Очевидно, «счастливым» завершение жизни князя стало потому, что он успел принять верное решение о переходе в лоно Римской церкви. Последовавшая же вскоре после этого гибель князя представлена как страдание за веру. За что ему и уготовано вечное блаженство.

⁹ Ср. Лука, 15, 8-9.

¹⁰ Смысл двух последних абзацев можно рассматривать, как обещание Александру, если он примет католичество, помочь занять главенствующее положение среди князей Северо-Восточной Руси и противостоять монголам.

¹¹ Иначе говоря, призывая князя к союзу против монголов, Иннокентий IV отводит Александру Ярославичу лишь роль разведчика, оставляя за собой разработку стратегии и тактики военных действий. Последнее предполагало ввод войск католических государств на территорию Руси.

¹² Надежду на то, что Александр примет предложение папы, вселял отказ князя прибыть в Каракорум по требованию ханши Туракины после смерти его отца.

¹³ Lugdunus – латинское название г. Лиона, где находилась резиденция папы Иннокентия IV.

Послание Папы римского Иннокентия IV магистру и братьям Тевтонского ордена (24 января 1248 г.)

22, 23 и 24 января 1248 г. папа Иннокентий IV направляет послания последовательно Даниилу Галицкому, Александру Невскому, магистру Генриху фон Вейде (1247-1248 гг.) и рыцарям Тевтонского ордена, содержащие одну и ту же просьбу: немедленно сообщить о приближении татаро-монгольских полчищ. В этих посланиях отчетливо предстают основные направления папской политики в 40-е гг. XIII в.: Тевтонский орден в Пруссии, Русь и Орда.

Татаро-монгольское нашествие придало политике папства новые черты. В 40-е гг. XIII в. папский легат Вильгельм Моденский по повелению папы учредил в Пруссии, где уже начал свою завоевательскую деятельность Тевтонский орден, четыре епископства, наложив руку на треть прусских земель и став их сюзереном, – в Пруссии закладывались основы теократического государства.

Издавна Римская курия вынашивала планы католизации Руси. Особенно активно эта политика проводилась в отношении Галицко-Волынской Руси. Суля русскому князю поддержку против татаро-монголов, курия надеялась облегчить осуществление своих планов. Одновременно ведя переговоры с ордой, папство не прочь было склонить татар к принятию католичества, чтобы затем договориться с ними как с сюзеренами Руси и получить от них признание за папством прав на верховное управление русской Церковью. Впрочем, переговоры с Римской курией были прерваны Даниилом в 1248 г., когда стало ясно, что они не имели реального значения для борьбы с татаро-монголами.

Магистру¹ и братьям Тевтонского дома в Пруссии Иннокентий епископ, раб рабов Божиих.

Поскольку Даниилу, светлейшему королю Руси и... брату его, а также благородному мужу Александру, князю Суздальскому², направили мы наши грамоты с тем, чтобы, как только станет им известно, что полчище татар движется на христианский мир, они поспешили бы уведомить нас об этом, дабы, как только через вас дойдет это до нашего сведения, мы могли бы поразмыслить, как с помощью Божией сим татарам оказать мужественный отпор, ибо опасностей легче бежать, если укрепиться против них щитом мудрости, просим, как только это станет вам известно через них или от кого-либо из них, вы поспешили бы уведомить нас об этом. Писано в Лугдуне, в IX Календы февраля³, в пятый год [понтификата нашего].

¹ Магистру – в 1247-1248 гг. магистром Тевтонского ордена в Пруссии был Генрих фон Вейде.

² Александру, князю Суздальскому — Александр Ярославич Невский, князь Новгородский, великий князь Владимирский.

³ IX Календы февраля – 24 января.

Послание Папы римского Иннокентия IV христианам Восточной Европы с призывом крестового похода против татаро-монголов (14 мая 1253 г.)

Иннокентий IV в дипломатических миссиях старался внушить европейским правителям, насколько велика татарская угроза. Он задумал выстроить на восточной границе христианского мира своего рода сигнальную систему, важное значение в функционировании которой придавалось Тевтонскому ордену. Вероятно, одним из звеньев этой системы папа видел князя Даниила Галицкого. В качестве главного способа борьбы с татаро-монголами мыслился крестовый поход (красноречивое свидетельство того, насколько прочно вошла в сознание средневековых политиков крестоносная идеология).

Впрочем, когда в 1253 г. Даниил Галицкий известил папу о приближении татар, тот обратился к христианам Чехии, Моравии, Сербии и Померании, а отнюдь не к тевтонским рыцарям, с призывом отразить нашествие, обещая участникам похода отпущение грехов и прочие привилегии, подобно тем, что давались крестоносцам, идущим в Святую землю. Послание такого же содержания было отправлено в Польшу. Архиепископу Рижскому Альберту он направил послание лишь 17 мая 1254 г. Проповедь крестового похода против татар была поручена папскому легату Опизо из Мессаны. Однако его усилия оказались тщетными. Помощь Даниилу Галицкому не оказали ни папа, ни князь, что и заставило его разорвать отношения с Курией; свидетельством этого является послание 1255 г., согласно которому папа позволял литовскому князю Миндовгу воевать с русскими землями и русским народом как с неверными.

Епископ Иннокентий, раб рабов Божиих, всем христианам в пределах королевства Богемии, Моравии, Сербии и Померании [шлет] привет и апостольское благословение.

Поскольку мы, недостойные, по воле Божией, поставлены оберегать других, то обязаны думать не столько о явных, сколько о тайных опасностях, дабы сердца правоверных не дрогнули и они без особых усилий отразили бы эти опасности, тщательно подготовившись и мужественно укрепившись против них щитом Провидения, и чтобы, если, не дай Бог, они нагрянут, христианам было бы не столь тяжело, а ущерб от опасностей этих был бы не столь велик, ибо их удалось предусмотреть. Более того, мы с прискорбием сообщаем о бедствиях, жестоко причиненных некоторым христианским землям внезапным нашествием татар, о бедствиях, о которых невозможно говорить без слез, ибо, нимало не считаясь ни с возрастом, ни с полом, эти татары уничтожили многих христиан. Но хотя их отступление даст вам краткое отдохновение от перенесенных мук, все же, пока они обретаются у врат христианского мира и пока им не будет отрезан путь к вам, вы и помышлять не должны, что можно жить спокойно, ибо расплатой за это может послужить тяжкое разорение. Воистину, недавно из посланий любезнейшего во Христе сына нашего, сиятельного короля Руссии¹, которому по причине соседства с ними стали известны многие их секреты, мы узнали, что упомянутые татары готовятся к уничтожению всех тех, кому во многих местах по благодати Божией удалось спастись от них бегством, и что, доколе не остановит их Бог, они будут яростно попираť соседние с ними христианские земли; посему, чтобы в ближайшем будущем ваши земли не разделили судьбу несчастных и чтобы пагубное нашествие, не возымев мужественного отпора, не погубило многих, то именно им [вашим землям], которые уже подверглись их нашествиям, надлежит положить предел их упрямой гордыне, чтобы сородичи этих татар встретили бы вооруженный отпор. В противном случае, если вы будете безропотно сидеть сложа руки, а не оказывать им отпор, республике² и вашим [землям] будет нанесен немалый ущерб, когда они проложат свой смертоносный путь через вас к другим христианам. Впрочем, пусть в столь решительной битве считается полезным материальное оружие, было бы много полезнее осенить себя знаменем спасительного креста, дабы вы, рыцари Христа, который возглавит ваше войско, вы, осененные славным крестом, с той доблестью, с какой Христос победил воздушные силы, чудом остановили бы натиск сих татар. Воистину, кажется излишним дожидаться трубною гласа³, который воззвал бы вас к битве в столь решающий момент, ибо, нам представляется, вы не лишены здравомыслия и по зрелом размышлении вы и безо всякого сигнала устремитесь в битву, как если бы он прозвучал. Но, чтобы не показалось, что мы не думаем о вашем спасении, а требуем крови вашей, которую при молчаливом попустительстве может пролить меч безбожников, то мы сочли необходимым направить к вам любезного сына [нашего]... аббата Мецано⁴, мужа редкостной честности, знакомого с упомянутыми посланиями и снискавшего своими достоинствами уважение наше и братьев наших, чтобы он сам и другие, кого он сочтет достойными, божественно наделенные мудростью Духа Святого, проповедуя слово креста, старались бы защитить вас знаменем этого креста от сих татар, равно как от прочих язычников, которые не менее татар жаждут крови христианской. Да понесет каждый христианин крест свой и последует во всеоружии за знаменем славы Всевышнего Царя, чтобы по меньшей мере смыть пятно вменяемого вам позора, будто ныне вы малодушно бежите от неверных, которым имя ваше внушит страх. А чтобы ничто не помешало столь спасительному делу, всем, кто, вдохновившись этим призывом, возьмет крест, мы щедро воздадим отпущением грехов и наделим их теми же привилегиями, что и идущих на помощь Святой земле. Дано в Ассизи, во II Иды мая, понтификата нашего год десятый.

В том же духе архиепископам и епископам и всем христианам в Руссии.

¹ Короля Руссии – речь идет о Данииле Галицком.

² Республике – «республика» – обычное в папских документах название христианского (католического) мира.

³ Ср. Откр. 8, 13; 9, 10.

⁴ Аббата Мецано – Опино из Мессаны, папский легат.

Послание Папы римского Александра IV магистру и братьям Тевтонского ордена (25 января 1260 г.)

Документ свидетельствует об изменении папской политики в отношении татар и Руси. Если в 1258 г. папа запрещает ордену проповедников вести пропаганду крестового похода против татар, то теперь сам выступает с призывом к походу и жалуется Тевтонскому ордену русские земли, которые тот сможет отвоевать у татар. Одним из условий является обращение последних в христианство. Дела русской Церкви папа предполагает передать тем ее духовным лицам, которые согласятся на церковную унию. Похоже, послание проливает свет на истинные цели расширения территориальных владений Ордена. Но, по-видимому, тевтонские рыцари, потерпевшие поражение от русских войск на Чудском озере в 1242 г., опасались повторения этого исторического опыта.

По своему содержанию это послание связано с другим, также от 25 января 1260 г., которым тевтонские крестоносцы впоследствии нередко пользовались как одним из основных привилегий орденового государства. В нем Александр IV жалуется Ордену все земли, какие тот сможет отвоевать у язычников. От прочих папских привилегий Тевтонскому ордену в Пруссии последний отличается тем, что в нем не оговаривались вассальные обязанности рыцарей по отношению к Римской курии и не определялись конкретные территории.

В 1260 г. папа еще дважды (21 марта и 8 апреля) обращается к прусскому магистру Гартмуду фон Грюнбаху с призывом борьбы с татарами, но Русь в этом контексте отсутствует.

Епископ Александр¹, раб рабов Божиих, детей возлюбленных... магистра² и братьев Тевтонского Иерусалимского госпиталя пресвятой Марии приветствует и шлет апостольское благословение. Как явствует из дел ваших, вы неустанно печетесь о том, чтобы распространить католический обряд как на востоке, так и в Пруссии и Ливонии и в сопредельных с ними землях во славу Божию, и престолу апостольскому угодно воздать вам, чтобы вы осуществляли это со все большим рвением. Посему мы, внимая вашим просьбам, все земли, замки, деревни и города и прочие места в Русции, которые будут пожалованы их владельцами или отойдут по закону, или занятые безбожными татарами, если сможете отнять у них, впрочем, с согласия тех, к кому, как известно, они относятся, отныне по праву признаем собственностью святого Петра и после того, как они примут обряд христианский, объявляем под особой протекцией и защитой апостольского престола во веки веков и жалуюм их вам и дому вашему со всеми правами и доходами и десятинами навеки в свободное владение, причем эти земли, замки, деревни или города и местности ни вы и никто иной никогда не должен передавать во власть другого. Но мы желаем, чтобы епископ и прочие служители церкви или клирики вышеупомянутой Русции, навсегда вернувшись к единству веры и повиновению святой римской Церкви, уже не принадлежали бы к греческим схизматикам³ и не служили бы постыдно их обряду и распустили всех их духовных лиц. И ни одному человеку не следует этот лист нашей протекции и покровительства нарушать или осмеливаться безрассудно выступать против него. Покусившийся на это навлечет на себя гнев всемогущего Бога и его святых апостолов Петра и Павла. Дано в Ананьи, в VIII Календы февраля⁴, шестой год понтификата нашего.

¹ Александр – Александр IV, папа Римский в 1254-1261 гг. Сменив на апостольском престоле папу Иннокентия IV, которому в последний год его понтификата пришлось отказаться от притязаний на Галицко-Волынскую Русь, он пытался продолжить (но безуспешно) политику своего предшественника. В 1257 г. он обратился с посланием к Даниилу Галицкому, но ответа не получил. На этом русско-папские отношения прерываются.

² Магистра – Гартмуд фон Грюнбах, магистр Тевтонского ордена в Пруссии (1259-1261 гг.).

³ Греческим схизматикам – деятели Римской католической церкви расценивали русское православие если не как вполне язычество, то по крайней мере как ересь.

⁴ VIII Календы февраля – 25 января.

Письмо Папы римского Бенедикта XII хану Узбеку

Бенедикт XII – папа римский с 20 декабря 1334 г. по 25 апреля 1342 г.

Бенедикт епископ и проч. Его Величеству Хану Узбеку Императору Татар светлейшему милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. С радостью и благосклонно приняли мы любезных сыновей мужей благородных Петрано дель Орто, бывшего владетеля Каффы и Алберта его товарища исповедующих католическую веру, посланников вашего величества, вместе с любезным сыном Гелия из Венгрии, францисканцем, посланником высокого князя Джанибека, Вашего первородного сына, назначенных к нам, и то, что они от имени Вашего Величества постарались предложить, мы выслушали терпеливо и ласково и обсудили прилежно. Поелику же упомянутые посланники превозносятся множеством громких похвал Ваше величие, могущество а равно и чувство любви и уважения питаемое Вами до сих пор и прежде к нам и св. Апостольской столице, объяснили нам, присоединив приятный рассказ, что Вы, выражая это чувство любви и уважения в похвальных делах, посланников ваших, отправленных нами за долго перед тем в Китайскую империю представившихся Вам, приняли милостиво и ласково из уважения к Богу, к нам и упомянутой апостольской столице, и человеколюбиво повелели выдать им деньги и все нужное и снабдить их на дорогу до самого места назначения не только не скудно, но даже с избытком и роскошно. – Далее, что снисходя благосклонно на наши просьбы и увещания, с которыми мы поручили Вашей милости христиан католиков подлежащих Римской церкви, живущих в Вашей Империи, Вы усугубили относительно их Вашего Величества щедрости и милости, предоставив им свободу починять и строить по прежнему церкви и другие церковные строения и епископам и духовным католическим проповедывать слово Божие и совершать св. церковные таинства по обычаю и обряду св. Римской церкви, матери всех верных и учительницы. – Кроме того, что, когда несколько подлых людей, решившихся на неслыханное злодеяние, низким и изменническим способом покусились на жизнь Вашу и ночью осадили Вас в Вашем дворце, подложив под него огонь, а после того старались несправедливо сложить это злодеяние на упомянутых христиан, Вы, счастливо избавившись с помощью Божьей от подобной опасности, помня наши просьбы и увещания и вдохновенные Божественной мудростию, сочли упомянутое обвинение несправедливостию и клеветою и по милости Вашей выпустили означенных христиан мирно на свободу, как невиновных в означенном преступлении, исключая трех, которые по наущению злого духа присоединились, говорят, к злодеям и были вместе с ними наказаны. Все это в высшей степени угодное Богу и нам и нашей столице, любящим справедливость и милосердие и одобряющим то что достойно одобрения, увеличивает славу Вашего имени и приспособляет Вас к получению милости Божественной благодати. По истине мы надеемся и веруем что Божественное провидение, которое не ошибается в своих предначертаниях, внушило Вам вышеупомянутые и другия благочестивые дела, в которых

Вы, как мы с радостью узнали, преуспеваете, и ниспошлет вдохновение в сердце Ваше, так что Вы, узнав наконец истину, т.е. Христа, озаренные светом католической веры, и приняв ее, без чего нет никому спасения, войдете в одну овчарню, в которой один пастырь, и не лишитесь пастбищ вечного насыщения по окончании настоящей жизни. По этой причине мы заступающие хотя и за недостаточные заслуги, место Бога на земле, желая этого горячо для спасения души Вашей, просим Ваше Величество и настоятельно увещеваем, чтобы Вы, подумав внимательно, в глубине души Вашей, как коротка жизнь человеческая и как неверны и часто внезапны судьбы мира сего, старались усердно, по силам Вашим, преуспевать во всем, чтобы соединиться с сонмами небесными. Об этом и о всем прочем, относящемся к Вашему спасению, мы покорными молитвами просим и будем просить Бога. Далее за благосклонность и милости оказанные, как это сказано выше, милостию Вашею упомянутым христианам католикам и за подарки от Вас, от Вашего достославного первородного сына и светлейшей императрицы, супруги Вашей, поднесенные нам упомянутыми посланниками и принятые нами с благодарностию во уважение к пославшим их, мы приносим Величеству Вашему чувствительнейшую благодарность, присоединяя к вышесказанным просьбам и увещаниям, чтобы благосклонность Вашей милости к упомянутым христианам католикам, подведомственным упомянутой Римской церкви, всегда возрастала и увеличивалась. Кроме того, так как мы узнали, что между Вами и чиновниками и подданными любезнейших в Христе сыновей наших, светлейших королей Венгерского... и Польского... случаются иногда на границах Вашего и их государств ссоры и войны, которых следствием убийство людей, опустошение и более еще плачевная опасность для душ, то благоволите Ваше Высочество прекратить нападение Ваше на эти государства: а если упомянутые короли нанесут Вам или Вашим подданным не заслуженную обиду или оскорбление и Вы заблагорассудите сообщить об этом нам, мы будем стараться всеми силами с помощью Божию, чтобы со стороны королей сделано было Вам и Вашим подданным приличное удовлетворение. В Авиньоне, 17 Августа, в шестой год первосвященства (1340)

Письмо Папы римского Бенедикта XII хану Джанибеку

Бенедикт XII – папа римский с 20 декабря 1334 г. по 25 апреля 1342 г.

Бенедикт Епископ и проч. Достойному мужу, князю Джанибеку, первородному сыну Е. В. государя Узбека Императора Татар светлейшего милость в настоящем, которая пусть приведет к славе в будущем. Представившегося нам недавно любезного сына Гелию из Венгрии, францисканца, посланника вашей знатности мы приняли ласково, как по уважению к Вам, так равно приняв во внимание его честность, и то что от имени Вашего он хотел нам сообщить, мы выслушали благосклонно и уразумели прилежно. Хотя о любви вашей, внушенной Вам Господом, которую вы питаете и питали до сих пор к св. апостольской столице и Римской церкви матери всех правоверных христиан и учительнице а вместе с тем о благосклонности и расположении, которые оказываете постоянно безпрестанно христианам католикам, повинующимся Римской церкви, живущим в Империи отца Вашего, из любви к Богу и уважения к нам и к упомянутой апостольской столице, мы давно слышали из приятных нам донесений; однакож упомянутый посланник превознося и величая Вас множеством громких похвал, как за это, так равно и за другия хорошия и благочестивые дела, говорил нам много приятного об Вас и о многих Ваших добродетелях, которыми податель всех благ наделил Вас. Радуюсь в Господе добродетельными поступками Вашими и желая Вашего спасения и преуспевания в том, чем можете заслужить милость в настоящей жизни и славу вечного блаженства в будущем, мы убедительно просим Вашу знатность и увещеваем в Господе, чтобы Вы неусыпно заботясь о всем, что нужно для спасения души Вашей, принимало охотно душеспасительные наставления и увещания упомянутого Ильи посланника Вашего, любящего Вас, как мы убедились, искренно, и чтобы Вы, не дозволяя потухнуть в себе чувству благоговения, данному Господом всех добродетелей, приняли упомянутых христиан под Ваше покровительство и оказывали им нужную благосклонность и милости, чтобы сам Бог, источник всех благ и не оставляющий без награды ни одного доброго дела, озарил Вас оком благодати своей, пролил в душу Вашу свет истинной веры и направлял действия Ваши к тому, что угодно ему и полезно для Вашего спасения. За присланный Вами подарок, представленный упомянутым посланником, и за милости оказанные Вами упомянутым христианам, мы еще раз изъявляем чувствительнейшую благодарность. Дано в Авиньоне 17 августа. В шестой год.

Письмо Папы римского Бенедикта XII жене Узбека Тайдолю

Бенедикт XII – папа римский с 20 декабря 1334 г. по 25 апреля 1342 г.

Бенедикт епископ и проч. Достойнейшей Государыне Тайдолю Императрице северной Гартарии милость к настоящим, которая пусть приведет к славе в будущем. На днях, представившиеся нам любезные сыновья Илья из Венгрии, францисканец и благородные Петрано дель Орто бывший владетель Каффы и Альберт его товарищ, посланники Его В. Государя Узбека Императора Татар, супруга Вашего, постарались нам между прочим представить с какою любовью Вы, питая дух благоговения и кротости и нося в душе преданность к нам

и св. римской церкви, обходитесь с христианами католиками, повинующимися римской церкви, живущими в той стране, и с какой готовностью к делам милосердия, Вы оказываете милости и полезное покровительство. Мы следовательно выслушав с удовольствием донесение упомянутых посланников, прославляющих имя Ваше, как по причине выше сказанного так равно и за многие другие похвальные поступки, радуемся очень и благодарим Всевышнего, который внушил Вам эти чувства, надеясь в Господе, от которого происходят все блага, что упомянутые добрые дела Ваши он внушает для того, чтобы Вы наконец познав и приняв истину т.е. Христа, не лишились радости жизни вечной, по окончании жизни настоящей несчастной и непостоянной. По этой причине просим Ваше Величество и увещеваем убедительно в Господе, чтобы Вы, продолжая похвально добрые дела Ваши, и через принятие истинной веры католической, без которой никто не может быть спасен, заслужив получить благодать Божественной милости, упомянутых католиков христиан приняли под Ваше покровительство. Мы же с нашей стороны за спасение Ваше, супруга Вашего и детей душевное и телесное просим Бога усердными молитвами. За милости оказанные Вами упомянутым христианам и подарок присланный от имени Вашего, который мы приняли с благодарностью по уважению к Вам, благодарим чувствительно. Дано в Авиньоне, 17 Августа, в шестой год.

Письмо Папы римского Мартина V Великому князю Литовскому Витовту (1426 г.)

Мартин V – папа римский с 11 ноября 1417 г. по 20 февраля 1431 г.

Приветствую любезного сына благородного мужа Витольда – Императора Литвы, и т. д.

По мере того, как твое превосходительство укрепляет наших послов и легатов, мы все чаще указывали на искоренение ошибок и ересей, которыми очарована Богемия¹, которые принесены врагом рода человеческого.

Действительно, меня растлевают время, меня наказуют за грехи наши и нет возвращения к целительной доктрине - мы не можем до сих пор очиститься, хотя мы пеклись об этом всем нашим неутомимым стремлением. Но те, гордясь в своем коварстве, ожидают не самых лучших дней, подобно врагам веры католической попирают Господа Святого, – так что никому нельзя откладывать меру воздействия на большую святотатственную чуму², чтобы, насколько это возможно быстро, было назначено средство исцеления.

Таким образом, мы бодрствуя дни и ночи, озабочены этим привлекающим внимание делом, чтобы государи христианские сошлись вместе для изгнания врагов дела Христова и выступили против большой заразы для заслуженного ими возмездия.

Мы отправляем в Германию и в другие страны достопочтенного брата Иордана, епископа Альбанского, шлем слово кардинала из Урсина – посла нашего от Святого Престола.

Вместе с тобою, с помощью и благосклонностью прочих христианских царей эти вероломные еретики, эти низменные земледельцы будут выброшены окончательно из виноградника Господня, эти свиньи, о которых слишком долго говорилось.

Поэтому мы приглашаем твое превосходительство, которое всегда было защитником и радетелем веры католической, и находим утешение в Господе.

На самом деле полностью на тебя полагаемся из-за этого проклятия, питаем надежду исключительно на тебя для полного и скорейшего уничтожения еретиков, нужно проклясть их всем сердцем и по мере сил низвергнуть в ад, и ты придешь на помощь щитом заступления своей веры православной.

Есть много дел, которые подобает царю совершать, однако изо всех (дел) нет более важного дела, чем дела веры, чем награда перед Богом за обуздание еретиков, за защиту католической веры и вдохновение искренних заступников (веры).

Вот что тебе всегда можно ревностно делать и за это тебя всегда будет преследовать слава. Однако в этих доблестных твоих деяниях слава станет так сильно сиять, но которую ты сможешь, как будто светом тысяч свечей, который не потушится временем, осиять вечность.

Но кроме этих, а также некоторых других, мы отправляем нашего нунция, чтобы он доставил твоей милости (это письмо), любезного сына Якобино из Rubeis, которому ты велишь давать советы на словах, имея к нему полное доверие.

Дано в Риме в Святой Апостольской Церкви в первый день февраля 1426 года.

¹ Современная Чехия.

² Святотатственной чумой называется ересь, которая охватила Чехию после сожжения Яна Гуса. Эта ересь называлась гуситской ересью. Ересь состояла в том, что миряне также, как и клир хотели причащаться вином и хлебом. До этого миряне причащались только хлебом, а священники – вином и хлебом. Эта ересь и борьба с ней вылилась в так называемы гуситские войны (1419-1434 гг.). Хотя в конце концов гуситы были побеждены в этой войне, но они добились того, что миряне могли причащаться вином и хлебом, т. е. Римская церковь узаконила ересь.

Письмо Папы римского Климента VII Князю московскому Василию III от 18 ноября 1525 г.

Послание адресовано Климентом VII (1523-1534 гг.) Василию III (1505-1533 гг.). Несмотря на общий, казалось бы, доброжелательный тон письма, в нем тем не менее заметно постоянное стремление автора либо к понижению московского князя в титулах, либо к игнорированию последних.

Послание Климента VII к Василию III относится к эпохе, когда речь шла о создании в Европе антиоттоманской коалиции. В свою очередь, Московское государство начинало выступать на европейской политической арене в качестве одного из самых молодых, но сильных участников.

Одновременно папство вело крупную политическую борьбу за расширение своего универсализма. С распространением в 20-е годы XVI в. в германских землях лютеранства и с вероятностью появления новых протестантских вероучений в других западноевропейских государствах папский престол, желая вознаградить себя на востоке Европы религиозными завоеваниями, спешит обратить внимание на Московское государство. В своих посланиях московским князьям папы не скупилась на обещания им королевских титулов и на заверения в любви, дружбе в расположении. Они с радостью пользовались любым предлогом для возобновления диалога Рима с Москвой.

Московскому князю

Возлюбленному сыну. С величайшей радостью мы получили письмо¹ Твоей Милости² и в посланнике Твоем Дмитрие Герасимове³ увидели человека искусного (зачеркнуто: благоразумного) и старательного в передаче Твоих поручений которые, однако, все содержались в письме. В нем Ты сообщаешь о своем желании стоять заодно с нами и другими христианскими государями против неверных и врагов христовых⁴, а также даже убеждаешь нас отправить к Тебе человека, который мог бы Твоей Милости поведать обо всех наших замыслах. Это мы исполнили охотно и послали достойного брата Дж

Франческо (зачеркнуто: Варфоломея) епископа Скарентского⁵, мужа опытного и благонадежного которому мы, благодаря его прилежности и усердию, часто важнейшие дела поручали. Именно с ним мы ведем доверительный разговор обо всех наших намерениях.

Что касается возлюбленного сына нашего генуэзского гражданина Паоло Чентурионе⁶, еще прежде у Тебя побывавшего, то нашим посланником к Твоей Милости он не был; но, так как он к Тебе по своим делам приходил, то мы дали ему письмо, которое, чему весьма радуемся, Ты получил⁷. Ибо [ ] (неразборчиво). Возможны варианты: мы желали бы, мы просим, нам было бы приятно, мы готовы предложить...), чтобы Ты послал к нам своего человека, а также наиприятнейшие дары. И не потому это, что очень мы о дарах печемся, но потому, что нам особо приятно выражение Твоих по отношению к нам милости и доброжелательности.

Что же касается дружбы с нами и союза против неверных, то Ты ведь обещаешь нам все, что только может пообещать римскому первосвященнику, наследнику блаженного Петра могущественный и великий, признающий Господа [Иисуса] Христа государь. И Ты даже спрашиваешь у нас способ, каким образом мог и должен был бы произойти этот союз. Тот достойный посланник, которого мы к Тебе направляем, подробно обо всем Тебе расскажет и поведает обо всех желаниях наших. А мы о том молим Твою Милость, чтобы Ты ему как нам самим доверился.

Посланника же нашего Ты отпусти обратно любезно и без промедления, как только он поведает Тебе о наших намерениях (зачеркнуто: поручениях), подобно тому, как мы отсылаем Твоего гонца назад с заботой и любовью. Однако в этом письме мы всего, что с Твоей помощью свершено должно быть, писать не будем, поскольку посланник наш лично полнее и лучше расскажет о том, что [Твоя Милость], сообразно с исключительным человеколюбием и мудростью [ей присущим], внимательно и с удовольствием выслушает. Мы о том только и просим, то только и вымаливаем у всемогущего Бога [когда к Тебе в письме обращаемся], чтобы Ты не замедлил проявить к нам свою благосклонность, тогда как наше отношение к Тебе известно. Мы обещаем, что если желанный союз свершится, к чему мы столь стремимся, то вся благосклонность наша и Святого престола на Тебя распространится; и да возвысятся Твоя честь и достоинство (да будет дозволено тому случиться!), чтобы Ты воистину познал, что мы испытываем и всегда испытывали несравненную любовь к Тебе и преславным Твоим добродетелям. Тогда как обо всем прочем Твоя милость более подробно узнает от вышеупомянутого достойного посланника нашего. Дано в Риме 18 ноября 1525 года во второй год [нашего понтификата].

¹ Речь идет об ответной грамоте Василия III Клименту VII, датированной апрелем 1525 г. В ней великий князь убеждает римского первосвященника в своем желании присоединиться к «союзу христианских государей против неверных», а также дает согласие на то, чтобы послы «могли ходить с обеих сторон и видеть взаимное... благосостояние». Далее Василий III извещает Климента VII о своем намерении отправить в Рим Дмитрия Герасимова с настоящей грамотой и просит первосвященника без промедления отпустить его назад вместе с папским «нарочным гонцом».

² Безусловно, перевод термина «*Tua nobilitas*» (букв. – твоя знатность, твое благородство) выражением «Твоя Милость» очень условен. И. Григорович в своем сборнике вводит понятие «Ваше Величество», что, однако, на наш взгляд, не соответствует общему тону и логике послания.

³ Биографические сведения о нем крайне скудны. Настоящее имя великокняжеского посланника и переводчика было Дмитрий Герасимов. В списках он иногда упоминается также и как «Митя Малой» или «Митя толмач». За границей, однако, он чаще величался Дмитрием Эразмиусом. Видный итальянский историк и писатель первой половины XVI в. Павел Иовий сообщает, что когда Герасимов прибыл в 1525 г. в Рим с грамотой Василия III, ему было уже около шестидесяти лет. Таким образом, годом его рождения следует, видимо, считать 1465 г. Дмитрий Герасимов был по тому времени очень образованным человеком: он одинаково свободно владел латинским и немецким языками, получил образование в Ливонии и прекрасно разбирался в богословских вопросах (Герасимов был тесно

связан с кружком новгородского архиепископа Геннадия, где им, по поручению архиепископа, были выполнены переводы отрывков из немецкой Псалтири и антииудейских трактатов де Лиры (1501 г.) и Самуила Евреина (1504 г.). При московском дворе он служил толмачем и принимал участие в посольствах в Швецию, Данию, Пруссию Австрию. В Риме посланник Василия III был принят благосклонно: его поместили в самом ватиканском дворце, где «раззолоченные потолки, изящной работы обои и постели покрытые шелковыми тканями, долженствовали удивить взоры московского посла облеченного по приказанию Его Святейшества также в шелковые одежды». Однако несмотря на то, что в Риме ожидали услышать от Дмитрия Герасимова о каких-то тайных и особо важных поручениях Василия III, княжескому посланнику вменялось в обязанность лишь заверить Климента VII в дружеских чувствах и добрых намерениях московского государя.

⁴ Первые попытки римских первосвященников привлечь московских великих князей к участию в антитурецкой коалиции христианских держав были засвидетельствованы еще в 1474 и 1486 гг. Московские князья, однако, неизменно подчеркивая свою ненависть к неверным и «врагам христовым», тем не менее не слишком спешили с заключением каких-либо конкретных договоров.

⁵ Результатом посольства Дмитрия Герасимова явилось прибытие в Москву 20 июня 1526 г. снаряженной Климентом VII дипломатической экспедиции во главе с Джан Франческо епископом Скарентским. Джан Франческо был родом из г. Потенца и принадлежал к ордену миноритов. Довольно рано он приобрел славу выдающегося ученого среди членов своего ордена, помощью и услугами которых на протяжении XVI в. часто пользовались римские первосвященники, когда им надо было снаряжать посольства в отдаленные страны. В 1514 г. Джан Франческо был назначен комиссаром францисканского ордена при римской курии, командирован в Ливан, Данию и Швецию. В мае 1523 г. Адриан VI назначил энергичного монаха епископом Скарентским в Швецию, где он, однако, столкнулся с решительным противодействием Густава I, отказавшегося предоставить епархию кому-либо из иностранцев. Епископ оказался в сложном положении. И лишь 13 октября 1525 г. Дж. Франческо был назначен представителем папской миссии в Москву, куда он и выехал поздней осенью вместе с Дмитрием Герасимовым и капелланом Никколо. О ходе переговоров с московским князем известно немного. При посредничестве епископа Скарентского в Можайске было заключено перемирие на пять лет с польским королем Сигизмундом I, находившимся в состоянии войны с Василием III. В личных беседах князь рассказал польскому посланнику о своем намерении привлечь в Москву итальянских мастеров, зодчих и ремесленников. По возвращении на родину Дж. Франческо сделался правителем г. Асколи, где 24 июня 1528 г. в результате несчастного случая скончался.

⁶ Посольству Дмитрия Герасимова в Рим непосредственно предшествовало прибытие в Москву к великому князю Василию III уроженца Генуи, незаконного отпрыска знатного дворянского рода Паоло Чентурионе. Современники неоднократно отмечали предприимчивость, широту взглядов и величие души этого побочного сына лигурийского дворянина. Как и всех генуэзцев, его с неодолимой силой привлекали к себе водные пространства: он занялся торговыми предприятиями, объехал Египет, Сирию, берега Черного моря и вел торговые операции на Ближнем Востоке. Прекрасно отдавая себе отчет в невозможности ведения спокойной и выгодной торговли итальянских городов с Индией (по причине сильной португальской конкуренции), Паоло Чентурионе всерьез задумывается о речных просторах русских земель. С этой целью он дважды посетил Москву: в 1520 и 1524 гг. Однако деятельный генуэзец одними торговыми делами не ограничился и возбудил вопрос о соединении церквей. Что же касается Василия III, то он сохраняя спокойствие, был предан «греческой вере» и в отношении торговых путей «охранял национальную исключительность своей державы». Интересно, что, каждый раз вручая Паоло Чентурионе рекомендательное письмо к великому князю, римские первосвященники неустанно отмечали и подчеркивали частный характер его поездок. Тем более интересна позиция польского короля Сигизмунда I, не рассматривавшего Чентурионе иначе, как уважаемого посланника папского престола.

⁷ По-видимому, речь идет о послании Климента VII от 25 мая 1524 г. Василию III, в котором, восхваляя мужество, величие духа и «благомыслие» великого князя, римский первосвященник писал: «... мы столь возлюбили Ваше Величество, что ничего столь сильно не домогаемся, как только того, чтобы Ты пребывал в единомыслии как с нами, так и с прочими Христианскими державами, а наипаче с седалищем Апостольским во всех отношениях жил в единодушии и союзе».

1.13. ОРДЕНА

Орден Святого Иоанна Иерусалимского (госпитальеры, мальтийцы)

Госпитальеры или Иоанниты (также известные, как Иерусалимский, Родосский и Мальтийский Суверенный Военный Странноприимный Орден Святого Иоанна, также как Орден Святого Иоанна, как Мальтийские рыцари или Рыцари Мальты). Основанная в 1080 г. в Иерусалиме в качестве амальфийского госпиталя, христианская организация, целью которой была забота о немощных, больных или раненых пилигримах в Святой земле. После захвата христианами Иерусалима в 1099 г. в ходе Первого крестового похода организация превратилась в религиозно-военный орден со своим уставом. На орден была возложена миссия о заботе и защите Святой земли. Вслед за захватом Святой земли мусульманами орден продолжил деятельность на о-ве Родос, владыкой которого он являлся, а затем действовал с Мальты, находившейся в вассальном подчинении у испанского вице-короля Сицилии.

Жалованная грамота императора Священной Римской империи Карла V Ордену святого Иоанна Иерусалимского на владение островом Мальтой (1530 г.)

Божиею милостию Мы, Карл V, император Римский, всегда августейший, и прочая, и прочая, и прочая, – благородным рыцарям святого Иоанна Иерусалимского наше благоволение и дружелюбие.

В поправление и восстановление монастыря, гостиницы и ордена святого Иоанна Иерусалимского, и дабы почтеннейший Великий Магистр и возлюбленные сыны Наши приоры, бальи, командоры и кавалеры помянутого ордена, по потере Родоса, быв выгнаны из оного силой турецкою после страшной осады, и ныне

странствуя многие годы, могли утвердить постоянно себе жилище, спокойно отправлять службу звания своего на общую пользу христианской республики, и употреблять силы свои и оружие противу вероломных врагов святой веры, из особенного Нашего благоволения к сему ордену восхотели Мы добровольно дать им убежище, где бы они могли обрести постоянное себе пребывание и не были бы принуждены скитаться из одной страны в другую.

Того ради силою и властью настоящей грамоты Нашей, с ведома Нашего и с Нашей Королевской воли данной, по зрелом рассуждении и по собственному Нашему побуждению, уступили Мы и добровольно даровали за себя и за Своих преемников и наследников Королевств наших, на вечные времена помянутому честнейшему Великому Магистру того ордена и помянутому ордену святого Иоанна Иерусалимского в ленное благородное, вольное и свободное владение город Триполи и острова Мальту и Гоццо с замками, городками и со всеми землями ведомства их, со всеми правами собственности, господства и владычества во отправление верховного суда, с правом жизни и смерти над жителями мужеска и женска пола, ныне обретающими, или кои впредь обитать там будут, на вечные времена, какого бы чина, звания и состояния они не были, со всеми прочими обстоятельствами, принадлежностями, изъятиями, привилегиями, доходами и другими правами и вольностями.

С условием однако ж, чтобы они и впредь признавали сии владения за ленные короны Нашей Сицилийской, и преемников наших в сим Королевстве, сколько оных будет, не обязуясь ни к какой другой повинности, кроме присылки в день Всех Святых сокола, которого должны они чрез поверенных своих с добрым препоручительством представлять ежегодно вице-королю, или президенту, или кто тогда управлять сим королевством будет, в знак признания их сих островов за ленные Наши. По учинении сего они пребудут свободны от всякой Нам службы военной и другой, какую ленные владельцы повинны главным владельцам. С условием также, чтобы при каждой перемене короля, они присылали послов к преемнику его, для требования и получения от него на помянутые острова инвеституры, как-то обычай есть в таковых случаях.

Тот, кто будет тогда Великим Магистром, обязан также при получении инвеституры дать от своего имени и от имени всего ордена присягу в том, что они не попустят в помянутых городах, замках, городках и островах приключиться какому-либо вреду, ущербу или оскорблению нас, наших владений, королевств и государств, ни наших и преемников наших подданных, как на море, так и на сухом пути. Напротив того, будут подавать помощь противу всех, кто бы причинил, или кто бы захотел причинить им вред. Если же кто из подданных Королевства Сицилийского убежит на который либо из помянутых жалуемых островов, то по первому требованию вице-короля, президента или первого гражданского чиновника того королевства должны они выслать таких беглецов; а тех, кои обвиняемы будут в оскорблении Величества, или в преступлениях еретических, выдать по требованию вице-короля в его руки.

Сверх сего соизволяем Мы, чтобы право постановления в мальтийские епископы оставалось, как и ныне, на вечные времена принадлежащим наследникам нашим в Королевстве Сицилийском, а также, чтобы адмирал орденский был из языка и народа итальянского.

Когда орден, если то Богу угодно будет, возвратит себе остров Родос, и по сей, или другой причине должен будет оставить сии острова и городки, то он не может отдать или сделать передачу сих островов и городков никому без особенного согласия и дозволения того владельца, от которого он имеет оные, яко ленное владение.

Орден может пользоваться в продолжение трех лет артиллерией и военною амунициею, ныне в замке Трипольском находящимися, на таком условии, что он сделает всему опись и объявит, что имеет оные для защиты токмо сего города и под образом ссуды, обязуясь по истечении трех лет возвратить оное обратно, разве Мы по благоволению Нашему и из особенной милости за благо признаем продлить срок сей.

Напоследок все жалованья наши и милости, дарованные нами каким либо людям в тех местах на время, или в вечное и потомственное владение, в награду за какую-либо услугу, или по какой другой причине, останутся неперемненны и ненарушима.

Под сими токмо выше изъясненными и определенными условиями, а не инако, уступаем Мы и отдаем помянутые острова и городки в ленное владение Великому Магистру и ордену, самым выгоднейшим и торжественным образом, как только представить можно, и соизволяем, чтобы они имели оные, владели оными и пользовались всеми правами власти беспрепятственно на вечные времена. И тако Мы отдаем, уступаем и вручаем Великому Магистру и ордену на помянутых условиях все принадлежности, наименования, права имения и лица в том же образе, в каком Мы донныне владели оными без всякого прикосновения.

На сей конец сим повелеваем и силою власти Нашей предписуем всяким людям обоого пола, какого бы звания и состояния они не были, ныне в помянутых городах, островах, землях и замках обитающим, или впредь обитать имеющим, признавать оного Великого Магистра и орден святого Иоанна Иерусалимского за точных и полновластных своих государей, за законных владельцев помянутых островов, городов и замков, и по сему оказывать им всякое повиновение, каковым верные подданные обязаны своему государю, так как и давать присягу в верности, по обычаю в таковых случаях.

Повелеваем сверх того, и силою власти и могущества Нашего предписываем всем нашим именитым, благородным, верным и любезным советникам, вице-королю и генерал-капитану дальней Сицилии, великому юстициарию и его наместнику, всем судебным местам Королевства Нашего, казначействам и интендантам, казначею, блюстителю королевского наследия Нашего, фискалу, всем комендантам крепостей, начальникам над

портами, секретарям и вообще всем Нашим чиновникам и подданным помянутого Королевства Нашего, и особенно помянутых островов и города и замка Триполи, настоящим и впредь будущим повиноваться сей добровольной жалованной Нашей грамоте во всех ее пунктах под опасением гнева Нашего и под штрафом 10000 унций серебра в казну Нашу.

Дана в Капель Франко 24 марта,
индикта III, в лето от Р. Х. 1530,
императорского избрания Нашего 10.

Присяга вице-королю Сицилийскому (1530 г.)

АКТ ПРИСЯГИ,

учиненной послами мальтийскими вице-королю Сицилийскому 29 мая 1530 года

«Мы, брат Гугон де Канон, знаменосец и генерал-капитан над галерами святого Ордена Иерусалимского, и брат Иоанн Бонифатий, бальи монастырский и генерал-казначей помянутого ордена, поверенные и послы пресветлейшего и всесчастнейшего господина брата Филиппа Вилье де Лилль-Адана, Великого Магистра священного дома Гостиницы святого Иоанна Иерусалимского и всего орденского капитула, как за него, так и за всех преемников достоинства его, за весь орден и за самих себя.

Превосходительнейший господин дон Гектор Пиньятелло, герцог Монтелеонский, вице-король и генерал-капитан здешнего Королевства дальней Сицилии и прилежащих к ней островов, яко представляющий особу Его Императорского и Католического Величества Карла, и королевы Иоанны, матери Его, Светлейших Короля и Королевы Сицилийских! Мы клянемся пред вами и даем вам обыкновенную присягу в верности, и обещаем перед Богом, крестом Спасителя нашего Иисуса Христа, и возложим руки на Евангелие Его, именем пославших нас и нашим собственным, соблюдать и признавать согласно с условиями, содержащимися в жалованной грамоте, пожалованные ныне помянутому Великому Магистру острова Мальты и Гоццо и город и замок Триполи за ленные, благородные, вольные и свободные владения Его Императорского Величества и светлейших королей и преемников после них в помянутых королевствах, и наблюдать и хранить все то, что пространно упомянуто в оной жалованной грамоте и привилегиях.

Учинено в присутствии господина Франциска Дельбоска, барона де Балида, королевского наместника в звании великого юстициария сего королевства, благородных дон Антонио де Болонья, Джиролала ди Фалша, членов Верховного Суда, Иакова Бонанно, казначея, Иеронима де ла Рокка, королевского наместника в казначействе и многих других».

Орден рыцарей Христа, а также Орден рыцарей Соломонова Храма (тамплиеры)

Тамплиеры или Бедные Рыцари Христа и Храма Соломона – духовно-рыцарский орден, основанный в Святой земле в 1119 г. небольшой группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном после Первого крестового похода. Один из первых по времени основания из религиозных военных орденов. В XII-XIII вв. орден был очень богат, ему принадлежали обширные земельные владения как в созданных крестоносцами государствах на территории Палестины и Сирии, так и в Европе. Орден обладал также широкими церковными и юридическими привилегиями, дарованными ему лично папой римским, которому орден непосредственно подчинялся, а также и монархами, на землях которых проживали тамплиеры. Орден нередко выполнял функции военной защиты государств, созданных крестоносцами на Востоке, хотя главной целью его учреждения была защита паломников, посетивших Святую землю.

Письмо магистра тамплиеров Понса де Обон к королю Франции Людовику Святому

Письмо магистра тамплиеров Понса де Обон к королю Франции Людовику Святому написано около 1242 г. Краткое по содержанию и писанное не очевидцем, это письмо не вносит существенных дополнений к тому, что известно уже о татарах и их походе на Польшу и Венгрию, но во всяком случае интересно, как один из весьма из немногих памятников, выясняющих источник и объём сведений о татарах во Франции к середине XIII в.

В лето от Р. Х. 1236¹ была Франция и всё иные земли сильно напуганы вестями о татарах. Ибо много бежало людей из Венгрии и из земель которые лежат за Германией; и не состоялось из-за этого во Франции много торговых сделок, из боязни татар; и послал некий брат тамплиер по имени Понс из Обона, письмо королю Франции; и гласило письмо так:

Моему высокому господину королю, милостью Божией королю Франции, понс из Обона, магистр тамплиеров во Франции, привет, с готовностью быть в воле вашей во всё, с почтением и во славу Господа. Известия о татарах, как мы их слышали от братьев наших из Полонии, пришедших в капитул. Доводим до сведения вашего Высочества, что татары разорили и опустошили землю, принадлежавшую Генриху, герцогу Полонии, а его самого, вместе со многими баронами, и шестерых из наших братьев, трёх рыцарей, двух

служителей и пятьсот наших людей умертвили²; а трое из наших братьев, которых мы хорошо знаем, спаслись. Затем они опустошили всю Венгерскую землю и Богемскую; после чего они разделились на три отряда, из коих один находится в Венгрии, другой в Богемии, а третий в Австрии. И разрушили они две лучших башни и три поселения, какие мы имели в Полонии; а всё, что мы имели в Богемии и Моравии, они разрушили совершенно. И мы опасаемся, как бы то же не случилось в немецких областях. И знайте, что король Венгрии и король Богемии и два сына герцога Полонии и патриарх Аквилеи с великим множеством людей не осмелились атаковать даже один из их трёх отрядов. И знайте, что все бароны Германии, и сам император, и всё духовенство и все благочестивые люди, монахи и обращённые, приняли крест; якобины и младшие братья³ [всюду] до самой Венгрии приняли крест, чтобы идти против татар. И если случится, как нам говорили наши братья, что по соизволению Божию [все] эти будут побеждены, то до самой нашей земли не найдётся никого, кто бы мог им [татарам] противостоять.

И знайте, что они не щадят никого, но убивают всех, бедных, малых и больших, за исключением красивых женщин, чтобы утолять свою страсть; а когда они удовлетворили своё желание, они их убивают, чтобы те не могли чего-либо рассказать о состоянии их войска. И если к ним посылают какого-либо гонца, его берут передовые в войске, завязывают ему глаза, и ведут его к своему государю, который, по их словам, должен быть владыкой всего мира. Они не осаждают ни замков, ни укрепленных городов, но всё разрушают. Они едят всякое мясо, кроме свиного. Они не сжигают никаких деревень, кроме тех случаев, когда те обороняются против них; тогда они, в знак победы, зажигают имущество [строения ?] на каком-либо высоком месте, чтобы можно было видеть издали. И если кто-нибудь из них умирает, то его сжигают; а если кто-нибудь из них взят в плен, - ни за что он не станет есть, но уморит себя голодом. Они совершенно не имеют доспехов из железа, и заботятся о таковых и их не ужерживают; есть у них доспехи лишь из вываренной кожи.

И знайте, что наш магистр в Богемии, Венгрии, Полонии, Германии и Моравии не явился в наш капитул, но собирает столько, сколько может людей, чтобы идти против них; это он сообщил нам через братьев нашего капитула, которых он к нам послал; и мы верим, что это правда.

Они [татары] не заботятся о том, чтобы кого-либо брать в союзники. И знайте, что войско их столь велико, - как мы узнали от наших братьев, которые спаслись от них, - что они занимают место на добрых 18 лье в длину и 12 в ширину; и они передвигаются за один день на такое расстояние, как от Парижа до города Шартра.

¹ Год ошибочен. Поход Батые на Запад в 1236 г. лишь начался. 1237-1240 гг. были заняты покорением Руси и южных областей. В Польшу татары проникли лишь в 1240 г., в Моравию и Венгрию в 1241 г.

² Битва при Лигнице, 9 апреля 1241 г. Речь идёт о Генрихе II наз. Благочестивым, сыне Генриха Бородатого и Св. Ядвиги. Генрих II не был, однако, единственным правителем Польши: ему принадлежала лишь нижняя Силезия и В. Польша.

³ Т.е. францисканцы

Орден меченосцев

Братство воинов Христа, более известное под названием Орден меченосцев или Орден братьев меча - немецкий католический духовно-рыцарский орден, основанный в 1202 г. в Риге. Существовал в 1202-1237 гг. В 1237 г., после поражения в битве при Сауле, Орден меченосцев был вынужден слиться с Тевтонским орденом.

Основание Ордена меченосцев (1202 г.) («Ливонская рифмованная хроника»)

Святой муж, которого звали Альбертом,
тогда сам сперва поехал в Рим.
Его папа тут же принял,
назначил его епископом.
Он сказал: «Да будет у тебя власть!
Если там нельзя обойтись без войны,
то создавай духовное братство,
наподобие братьев-храмовников,
называемое рыцарями Бога».

Борьба Ордена меченосцев против княжеств Кокнесе и Ерсика (до 1209 г.) («Ливонская рифмованная хроника»)

Он [Венно] отвоевал у них Кокнесе.
Там русские полки истекали кровью,
там их правитель был убит,

там для русских было много горя,
так он их отбросил назад.
А за некоторыми гнался следом
еще и позор, поскольку с воплями он убежал
от некоей жены.
Так действовали эти герои.
Между ними выделялся некий Хартмут,
который был господином замка Айзкраукле;
он избрал бравых мужей,
с ними он прошел ту землю,
так что вдовы и сироты
со стонами вопили ему вслед.
Они поднимались вверх по Даугаве,
где по дороге случился некий ручей,
который причинил им много хлопот.
Тогда они попали в Ерсикю.

Военные походы меченосцев в Ливонию («Ливонская рифмованная хроника»)

В следующем году взял на себя крест
Барвин из Вентланда. За ним с радостью
последовало много рыцарей...
Когда отправились они [литовцы] в Ремине –
об этом месте лучше не вспоминать, –
там, как на грех, оказались ливы
и стали их трепать:
жен, мужей, стадо скота у них
они угнали, гордясь духом.
Когда эта весть дошла до Айзкраукле,
то собрал бравых мужей
господин того замка с дюжиной братьев,
в Лиелварде, здесь же, неподалеку,
они намеревались отправиться в бой.
К ним присоединились также летты;
их войско, впрочем, было очень мало,
зато стойко держалось в бою.
Мужей было всего четыреста,
но их гнев не мог утихнуть,
и началась битва.
Вскоре литовцы отступили.
Их преследовал брат Лупп्रेхт
и повсюду их гонял
с горсткой своих людей.

Битва при Сауле (22 сентября 1236 г.) и поражение Ордена меченосцев («Ливонская рифмованная хроника»)

Фолквин с братьями узнал,
Что вдалеке существовал
Один духовный честный орден,
Весь справедливости исполнен,
Немецким домом называем,
Опорой слабых почитаем,
Где добрых рыцарей немало.
Тогда всем сердцем возжелал он
Свой орден с тем соединить.
Велел гонцов он снарядить,
И Папу попросил о том,

Чтоб принял их Немецкий дом.
К несчастью, он уже почил,
Господь Всевышний так судил,
В том не было вины его,
С ним пилигримов полегло,
Тогда прибывших в Ригу, много.
Они отправились в дорогу,
Наслышавшись о жизни в крае.
От нетерпения сгорая,
Они просили лишь об этом,
Чтоб он поход возглавил летом.
Из Хазельдорфа рыцарь славный
Стараний приложил немало,
И граф фон Данненберг был с ними:
И все герои так просили –
Их на Литву вести.
«Лишений вам перенести, –
Тогда сказал магистр Фолквин, –
Поверьте мне, придется много».
Заслышав эту речь, они:
«За этим мы сюда пришли!» –
Все разом так проговорили,
Богаты или бедны были.
Противиться не стал магистр боле.
Сказал: «Мы здесь по Божьей воле,
Господь нас сможет защитить.
Охотно с вами мы пойти
Готовы, раз уж вы решили в бой.
Лишь дайте срок нам небольшой,
В поход вас поведу, и там
Добычи будет вдоволь вам».
Гонцов на Русь тогда послал,
Их помощь вскоре прибыла.
Проворно ополчились эсты,
Не медля, прибыли на место;
Латгалы, ливы в бой собрались,
В селеньях дома не остались.
И рады были пилигримы.
Они рвались нетерпеливо
В поход с большой прекрасной ратью:
И до Литвы пришлось скакать им
Полями, много рек переходя.
Лишений множество снеся,
Они в литовский край пришли.
Здесь грабили они и жгли,
Всей силой край опустошая,
И за собою оставляя
Повсюду ужас разоренья.
На Сауле путь возвращенья
Их шел, среди кустов, болот.
Увы, к несчастью в тот поход
Задумали идти они!
Лишь до реки они дошли,
Как неприятель показался.
И мало в ком тот пыл остался,
Что в Риге их сердца сжигал.
Магистр к лучшим подсказал,
Сказал: «Ну, пробил битвы час!
Всей чести дело то для нас:
Как только первых мы положим,
Тогда уж без опаски сможем

Домой в веселье возвращаться». «Но здесь мы не хотим сражаться, – Ему герои отвечали, – Нельзя, чтоб мы коней теряли, Иначе станем мы пешцами». Магистр сказал: «Вы что же, сами Сложить с конями головы Хотите все?» Так в гневе молвил. Поганых множество пришло. На утро, только рассвело, Поднялись воины христовы, Принять нежданный бой готовы, С врагами битву завязали. Но в топях кони увязали, Как женщин, воинов перебили. Мне жаль героев, что почили Там, без защиты оказавшись. Иные, сквозь ряды прорвавшись, Бежали, жизнь свою спасая: Земгалы, жалости не зная, Без разбору их рубили, Бедны те или богаты были. Магистр с братьями сражались, Героями в бою держались, Пока их кони не упали. Они же биться продолжали: Врагов немало положили, И лишь тогда их победили. Магистр с ними пребывал, В бою он братьев утешал. Их сорок восемь оставалось, И эта горстка защищалась. Литовцы братьев оттеснили, На них деревья повалили. Господь, их души сохрани: Погибли с честью они, И не один пал пилигрим; Господь, яви же милость к ним, За то, что приняли мученье. Их душам ты даруй спасенье! Таков конец магистра самого, А с ним и братьев ордена его. Магистром девятнадцать лет Он был и верности обет Хранил он Богу. Точно знаю, Что милосердьем не оставит Его Господь. Все в Божьей воле. Я говорить не стану боле О той ужаснейшей беде. Для христиан тогда везде В Ливонии печали дни настали. Но братья гонцов послали К мужу умудренному, В Зальцахе рожденному, Что возглавлял Немецкий дом. Он, ознакомившись с письмом, Утешил так послов прибывших: «Должны мы, как хотел Всевышний, Перенести смиренно горе. А к вам пришло я братьев вскоре Во множестве. Вам воины нужны

Восполнить рыцарства ряды». По случаю тому магистр Велел созвать капитул быстро. Просил собираться он в дорогу В страну, возлюбленную Богом, Многих комтуров с людьми, Чтобы они там помогли Исправить в крае положенье. «Совместно мы нести служенье,- Сказал он, – Господу должны Всяк час, покуда живы мы: В том долг духовный наш и право. И проследим, чтоб к вящей славе Из братьев лучших дать в число Той помощи». Так все произошло. Среди братьев избран был один, Добродетелью известный им, Магистром в край Ливонский дальний: Его брат Герман Бальке звали. Из лучших собран был отряд, Где каждый был той чести рад: Героя пятьдесят четыре. Их в изобилии снабдили Едой, конями, добрым платьем. Пора настала выступать им В Ливонию тогда. Пришли в край гордо, без стыда. И были приняты по чести Всеми рыцарями вместе; Утешился край ими в горе. Христовы рыцари же вскоре Свой знак отличия сменили, На платье черный крест нашили, Как то велит Немецкий орден. Магистр был радости исполнен, И братья все возликовали, Что с ним в краю том пребывали. Магистр Бальке размышлял, Как повести ему дела, Чтоб люди за него стояли, И чтоб Господня воздаянья Виною нечаянной не лишиться. Та мысль в нем продолжала биться, И разум к добродетели склоняла. Ему в том дисциплина помогала. О всех делах, что в крае были Ему подробно доложили. О Виронии и Ревеле, Что уже немало времени В руках у братьев находились, О том читать мне приходилось, Что знаки все они сложили И на себя крест возложили. Их меченосцами назвали. И крепости и земли в крае У язычников они отняли, И добычи много взяли. Их орден стал Немецким домом: Весь край был радости исполнен. Магистр много был наслышан, О том, как с Ревелем все вышло,

Король датчан забрать хотел его.
 Немного времени прошло,
 Гонцы в дорогу поспешили:
 Все вести Папе сообщили.
 Когда же Папа все узнал,
 Направил в качестве посла
 Он мудрого легата своего.
 И дал такой совет посол его:
 Пусть Харьен, Ревель и Вирония
 Под руку королевскую отходят,
 Владеньем короля датчан.
 А братьям же тот край был дан,
 Что носит имя Йервен,
 И братьям он был передан
 Навечно во владение.
 Воистину, в том нет сомненья,
 Богатым был тот королевский дар,
 Что Дому Немецкому дал Вальдемар.
 За то от Бога будет он
 В вечности вознагражден.
 Проведены границы были,
 Раздел тот письменно скрепили,
 Чтоб договор нарушить никогда
 Не смел никто до Страшного Суда.

Ливонский орден

Братство рыцарей Христа Ливонии – католическая государственная и военная организация немецких рыцарей-крестоносцев в Ливонии на землях куршей, ливов, земгалов в 1237-1561 гг. Потерпел ряд серьезных поражений от русских и литовских войск (Ледовое побоище 1242 г. и др.). Резиденцией магистра служил Венденский замок на северо-востоке современной Латвии. В Ливонской войне XVI в. орден был разгромлен литовскими и русскими войсками, после чего в 1561 г. распался.

О магистрах Генрихе фон Хеймбурге и Дитрихе фон Гронингене, покорении Курземе и основании замка в Кулдиге («Ливонская рифмованная хроника»)

Был доблестный герой затем,
 Из немецких прибывший земель,
 И звался Генрихом тот брат.
 Умом и добродетелью богат,
 Был он в Хеймбурге рожден.
 Магистром был поставлен он
 В тот край, о коем мы сказали.
 Возвеселясь, в путь провожали
 Его, чтоб Ордену служил
 В Ливонии по мере сил.
 Когда в Ливонии узнали,
 Что сам магистр прибывает,
 То приняли его по чести,
 Как славному магистру вместно.
 Когда он замки объезжал,
 Гостеприимство там вкушал.
 Он много замков посетил,
 С епископами говорил,
 Что землями в краю владели.
 Такое видя обхождение,
 Сердца весельем наполнялись.
 В согласии с ним все уживались:
 Когда высказывал то, что желал,
 От них он это получал.

И сам для них добро он делал.
О нуждах края все он ведал,
Помочь охотно соглашался.
Трудов он тяжких не боялся.
Он правил года полтора.
Затем пришла ему пора
В немецкий край свой возвращаться.
И тем он опечалил братьев.
Когда свой пост магистр оставил,
Другого брата все избрали,
Что был известен средь земель
Обширной мудростью своей.
Сердечной добродетелью богат,
Был Дитрих Гронинген тот брат,
Который стал в краю магистром.
Он чести рад был сердцем чистым,
И Господа чтит неустанно.
Ну что еще могу сказать я?
Когда в Ливонию он прибыл,
Он как магистр там был принят.
Ему про все поведали тут братья,
Еще хочу теперь сказать я:
Во все подробности был он
Почтительнейше посвящен.
Тогда узнал он о делах
В подвластных ордену краях,
О том, что Господа в Курляндии не чтут,
Что люди там в язычестве живут.
И мысль об этом лишь одна
Печалью на душу легла.
Ему страданья причинила
И болью сердце поразила.
Господь внушил ему исход -
За веру правую в поход,
Идти и куршей покорить.
Он братьям это не преминул сообщить.
Всем сердцем рыцари возликовали
И с ним пойти все обещали,
Стремясь исполнить всей душой
Магистра замысел благой.
И вот уж день назначен был
Для сбора всех военных сил.
Тотчас отправились гонцы
Во все Ливонии концы.
В поход собрались христиане,
Как то не раз уже бывало.
Епископов оповестили,
И люди короля готовы были.
Все в путь охотно выступали,
Полки все время прибывали.
Им в Риге был назначен сбор.
И воинов шлемы на подбор,
Стеклу подобные, сияли.
Проводников тогда же взяли,
Тех, что с Курляндией знакомы.
И вдоль по берегу морскому,
Все войско, собрано в кулак,
В путь двинулось, за стягом стяг.
Войско растянулось вширь и вдаль,
Готовясь гибельный удар
Всей мощью куршам нанести

И край курляндский захватить.
Сильные полки они послали
Во все концы большого края,
Добычи взяли много очень.
Хочу сказать теперь короче,
Они там разоренье учинили,
Кто убежать не смог, того убили.
Злой напастью опечалась,
Курши на совет собрались:
Чтоб мирной жизнью наслаждаться,
Не лучше ли магистру сдаться?
Старейшины так говорили.
И все согласны с ними были.
Пошло посольство к крестоносцам.
Ну что сказать мне остается?
Они магистру объявили,
О том, что сообща решили.
Магистр был рад от всей души,
И с ними мир он заключил
По мудрому совету братьев.
Полки отправились в путь дальше,
И у горы остановились.
Они здесь славно потрудились,
Прекрасный замок был построен,
Вам имя я его открою:
Назвали замок Гольдинген.
В Курляндии стоит он по сей день.
Когда же замок был готов,
Из братьев многих смельчаков
Избрали замок охранять.
Храбрейших кнехтов отобрать
смогли. И с женами, детьми
Остались в замке жить они.
Пришла и лучших куршей часть,
Чтоб с братьями там проживать.
Заложников другие дали
И в радости все пребывали,
Что принял их магистр хорошо.
По воле братьев все произошло.
Курляндия им подчинилась,
Об этом в книге говорилось.
И радостны все в войске были.
Все Господа благодарили.
Неслась и Богоматери хвала,
Ведь войску та заступницей была.
Полки все в Ригу возвратились.
А те, кто в замке поселились,
Работой в Гольдингене жили,
В трудах все время проводили.
Господь их научил уменью
В тяжелой жизни утешенье
И радость духа обрести.

**Военные походы Ливонского ордена в Ливонию
Битва при Дурбе (13 июля 1260 г.)
(«Ливонская рифмованная хроника»)**

Магистр, призвав братьев,
попросил их прийти с советом.
Он сказал: «Братья, рассудите,

можем ли мы сообщить
нашим комтурам и фогтам, что им
необходимо немедленно явиться к нам».
Тогда братья сказали: «Мы все желаем
сильнее всего теперь,
чтобы гонцы скакали днем и ночью
в Сигулду и Айзкраукле
и в Эстонию живее»...
Тогда литовцы возмутились,
Сердца их гневом распалились
За то, что братья дерзость возымели,
В их землях, не спросясь, осели
Без долгих слов и разговоров.
Они сказали: «Злобный норов,
Видать, сам черт нам показал,
Таких гостей сюда наслал!
От них лишь вред, ни дать, ни взять,
Пора им перья пощипать».
Была готова скоро рать
Литовская, и воевать
Она отправилась в Карсховен.
Там спешно ими был построен
Вблизи от братьев замок крепкий.
Затем они пришли с разведкой
К воротам братьев, чтоб узнать,
Как те способны защищать
Свой замок. Страшно поплатились
Они за то, так что смутились
Их души. И братьям в том заслуга
Принадлежит, и верным слугам.
Копья много раз менялись,
И видно было, как вздымались
С оружием руки с двух сторон.
Был всюду слышен крик и звон.
И копья яростно метали,
И все лишь одного желали,
Урон друг другу причинить
И недруга в бою убить.
Без счета битвы продолжались,
И день, и ночь они сражались
Меж замков двух во поле чистом.
В то время самое магистр
Задумал вновь в поход идти,
Чтоб помощь братьям привести
В Карсховен, где их враг застал.
Он срочно письма написал
В Эстляндию. В них помощи просил
И помощь вскоре получил.
Чтоб не терпело от поганства
Обид честное христианство,
Магистр Буркхард фон Хорнхузен
Коня направил в землю пруссов.
Трудов немало предстояло,
Магистра это не пугало.
И днем, и ночью он скакал,
Но от трудов он не страдал.
Лишь только в Пруссию он прибыл,
Тотчас же братьями был принят,
Как гость, радушно и сердечно.
И вышел маршал сам навстречу,
Ливонскому магистру рад.

Услышал он, как обстоят
Теперь дела, и почему
Магистр прискакал к нему.
Призвал магистр братьев честно
В Карсховен выступить совместно.
Братья все возликовали:
Так ему они сказали:
«В поход готовы мы идти,
Невзгоды, тяготы пути,
Беду и радость разделить,
За вас в сражение вступить».
Как раз в ту пору прискакали
По зову ордена, с крестами,
Одним отрядом тридцать братьев
Немецких. И себя отдать им
Хотелось Богу без остатка,
Отринув дом, друзей, достаток,
Лишь перед Богом быть в ответе.
Никто из них еще в конvente
До сей поры и не живал.
Сам маршал лично отобрал
Из прусских братьев полк прекрасный.
Не тратя времени напрасно,
Они путь к Мемелю держали.
Был час еще довольно ранний.
Из Ливонии же вскоре
Низким берегом вдоль моря
Войско чудное пришло,
Храбрых витязей полно.
Тогда увидели литовцы,
Что слишком дорого придется
Им у стен замка заплатить,
Жизнь лучших воинов положить,
Лишь только штурм они начнут.
И приступ был отложен тут.
Литовцы стали снаряжаться,
К боям иным приготавливаться.
В Курляндию их путь лежал.
На их пути магистр стал
В челе прекрасных двух полков,
Остановить хотел врагов.
Хоть войско было велико,
То братьям мало помогло.
Когда же обе стороны
Готовились, так как должны
Затеять были бой кровавый
Язычники и христиане,
Тут куршей злое помышленье
Немедленное воплощенье
Нашло свое. Они собрались
И в сече биться отказались.
Они то в сговоре решили
И по решению поступили.
Так рассудили: может статься,
Что с жизнью рыцарям расстаться
На поле брани здесь придется,
И им подмоги не найдется,
Так без господ мы заживем;
И немцев силу разобьем,
Тех, что в Курляндии остались.
И курши тотчас с места снялись.

Когда заметили то эсты,
То и они сраженья место,
Оставили своим отрядом.
А братья и их люди рядом
Об этом не подозревали,
О бегстве и не помышляли.
И продолжали полагать,
Что с ними в бой идет вся рать.
Но на чью помощь положились,
Той помощи они лишились.
И были все окружены
Кольцом язычников они.
Хотя отважно защищались,
Но в меньшинстве они остались
Перед врагом на поле том.
Курши всем своим полком
С поля битвы убежали.
Также жизнь свою спасали
Эсты, с войском что пришли,
И побежали так они,
Как не раз уже бывало.
Через то в беду попала
Братьев, добрых сембов рать.
Им мужества не занимать,
О бегстве помышлявших - никого.
Средь братьев не было ни одного,
Кто бы теперь о том не знал,
Что курши только лишь со зла,
Войска оставили в бою,
И многие нашли там смерть свою
Из тех, кто с именем Христа
Пришел на смертный бой туда.
В кольцо врагов заключены
Бесстрашных витязей ряды,
На мученичество Божьей волей
Близ Дурбе на широком поле,
Уж многие обречены.
Язычники же, сил полны,
Без счета христиан разили.
И братьев силы уходили,
Отпор слабее становился их.
Как мученик, магистр погиб
И полтораста братьев с ним.
И многим пилигримам, им
Выпала все та же доля –
Смерть приняли по Божьей воле.
Когда к концу бой подходил,
И добрым христианам сил
Сражаться дальше не достало,
Тут братьям лишь одно осталось:
Им, кнехтам, сембам, крестоносцам,
Сквозь смерть пробиться, как придется,
Уйти, чтоб жизнь свою спасти.
Язычники же захватить
Добычи множество смогли.
Леса прекрасные росли,
За полем всюду, тут и там.
В них жизнь была для христиан.
Те, кто искал себе спасенья,
От смерти страшной избавленья,
В лесу густом тогда укрылись,

Неслышно красться научились,
Сквозь чащу пробираясь скрытно.
Так было войско все разбито.
Буркхард, в том сомнений нет,
В течение трех с половиной лет
В Ливонии магистром был,
О чем уже я говорил,
И даже несколько подольше.
И все о нем скорбели очень.
Воин славный, прирожденный,
Был в Хорнхузене рожден он.
Когда шум битвы перестал,
Как я о том уже писал,
Остатки тех, что в сече бились,
В обратный путь тогда пустились,
И от зари и до зари
В лесах брели, как дикари.
Они без остановки шли,
Пока до дома не дошли.
Ни тени радости у всех,
В сердцах их клокотал лишь гнев.
Лишь только сембы возвратились,
Они узнали, что лишились
Героев многих, в том бою
Отдавших честно жизнь свою.
Они скорбели много дней
О войнах земли своей.
В печаль натанги погрузились,
И пруссов лица омрачились,
И у вармов то же горе;
Жизни многим бой тот стоил
Близ Дурбе, в злополучном месте.
Повсюду разнеслось известье,
Что маршал также в битве пал.
Всегда он храбро воевал,
Язычество искореняя,
Рать мудрых братьев возглавляя.
Вскоре по всем тем краям,
Что названы здесь были вам,
Люди дерзости набрались,
Открыто, стар и млад, поднялись,
Решимостью вооружились,
От христианства отложились.
И вот, прошло немного дней,
Они враждебности своей
Не скрыли и в бои вступили.
И им по нраву битвы были.
На то Господне попущенье,
И прусским братьям в утешенье
Лишь то дано,
Что все равно,
По Божьему соизволенью,
Своим благим упорным рвеньем,
Они и сембов, и другие земли,
Что христианства не хотели
Из ненависти сохранить,
Рукою твердой возвратить
К Христу помогут, против них
И власть, и хитрость применив...
Сам Бурхард из Хорнхаузена,
магистр, обладавший зорким взглядом,

перед тем, как уйти к Богу,
оставил вместо себя брата;
скажу, как его зовут по имени,
чтобы вы могли его узнать:
его имя было Юрье,
и он управлял страной
с мудрым и пламенным сердцем
изо дня в день, с раннего утра и допоздна,
и поэтому нравился людям.
Он источал добродетель.
Как комтур в Сигулде
он ласково
даровал радость молодому и старому.
Должность была ему по плечу.
Брат Юрье взял братьев
и решил вместе с ними,
что они должны дать совет,
который он брался исполнить,
как теперь христианство должно
преодолеть ту обиду,
что была причинена ему при Дурбе.
Совет оказался вскоре под рукой:
что он в военный поход
отправится быстро и вскоре.
Это понравилось брату Юрье,
и он приказал своим гонцам
скакать в земли своих братьев.
И они охотно поскакали
по всем округам братьев
и понесли весть комтурам.
Это понравилось комтурам,
и они приказали людям той земли,
так же, как и немцам,
как принято, выступить в поход.
Нравилось им это или нет,
пришлось делать, как велели:
скакать против злых куршей,
злых врагов.
Это собрание было в Риге.
Брат Юрье избрал,
поскольку он был вместо магистра,
одного из братьев, которому в этом деле
с советом братьев
и торопливым шагом
следовало привести войско
на морской берег земли куршей
и собрать годных к бою мужей,
старых или молодых,
которые соберутся там.
Тогда брат, полный радостных чувств,
выслушал просьбу магистра
и пообещал ее выполнить,
потому что для него было радостью губить куршей.
Он сказал: «Этого врага
надо будет бить за его дерзость.
Тогда нас будет хранить Бог на небесах».
Тогда он пошел на берег моря,
чтобы положить конец куршской заразе.
А брат Юрье поскакал
в Сигулду с печалью,
что ему не удалось отправиться с ними вместе...

Беда гнала крестоносцев в Ригу,
смерть наступала им на пятки,
перед глазами их маячил
некий юноша, который сражался,
пока не пал, побежденный противником.
Так путь домой казался им весьма печальным.
И, когда братья заметили,
как мало стало их войско –
уже десять из них пало, –
они помчались скорее прочь:
необходимость вынуждала их
бежать скорее прочь от ужаса смерти.
Игра окончена –
они очень хорошо поняли это
и отправились прочь, в Лиелварде,
и очень горевали,
что помощник их был весьма слаб
и обманул их надежды...
А сам магистр со своими –
с братьями и с крестоносцами –
отправился, радостный духом, в Ригу,
с весьма воодушевленным сердцем.
Когда они прибыли в Ригу,
то все беды утихли.
Брат Юрье действовал
в Ливонии подлинно, как надлежит,
был магистром на месте магистра
и исполнял эту должность,
пока не прибыл магистр Вернер
из Германии и не обязался
ее исполнять, и так исполнял,
что его все любили...
Но за это время Транайтис
уже оставил Вик.
Когда магистру сообщили об этом,
он послал полки навстречу.
Чтобы спасти свою душу,
горожане и герои
встали рядом с войском братьев,
и братья очень обрадовались.
Они из Риги в Даугавгриву
направились, суровые духом;
они поселились в том монастыре,
что находился на берегу моря:
этот монастырь, здесь упомянутый,
назывался Дюнамюнде.

Раковорская битва (18 февраля 1268 г.) и осада Пскова («Ливонская рифмованная хроника»)

За ним герой отважный правил.
Его магистром Отто звали.
В Ливонии все ликовали.
Был он добродетели исполнен,
Держался он смиренно, скромно,
Добру и чести крепко верен,
И не был он высокомерен.
Миролюбивым мужем был,
Однако в нем военный пыл
Врага при виде пробуждался.

Он как герой отважно дрался,
И подтверждал не раз в краю
Он славу добрую свою.
В его правление случилось,
Что войско русское явилось,
В пределы королевской земли
Повсюду грабили и жгли
Они со всей великой силой.
И воинов множество там было,
Не менее, чем в тридцать тысяч рать:
Никто не смог бы всех пересчитать.
Кто видел их, был мощью поражен,
Но Богом не один уже сражен
Из них, гордыней ослепленных.
Большие толпы пеших, конных
Сошлись со стягами своими.
Из Дорпата сразиться с ними
Епископ Александр пришел,
С собою многих он привел,
Чтоб христианство защищать,
Как доводилось мне слышать.
Что я еще сказать могу?
Тут доблесть ратную врагу,
Всем русским, что тогда пришли,
В бою показали они.
Мало братьев феллинских пришло,
Магистр с войском где-то далеко
В ту пору с недругами дрался,
Так что за ним удар остался,
Что мог он русским нанести,
Так было б, если бы он смог прийти.
Из Леаля здесь братья были
Они пришли лишь с малой силой.
И Вейсенштейн также прислать
Смог лишь малый полк. Кто хочет знать,
Число, пусть знает: тридцать четыре
Всего в отряде братьев было.
Стекались к братьям люди края
Во множестве, принять желая
в битве с русской ратью.
Когда же всех людей собрать им
Для битвы удалось кровавой,
Тут братья войско ставить стали.
Из местных рать – на левое крыло,
Здесь бой держать им суждено.
Немецких воинов было больше,
И люди короля там были тоже.
По праву руку стала эта рать.
Пришла пора сражение начинать.
Братья и их люди в бой вступили,
Яростно удары наносили.
Тогда упал в разгаре битвы
Епископ Александр убитым.
Тут два полка из русской рати
На братьев бросились, но братья
Тот натиск крепкий отразили.
И руссы тотчас отступили,
Порядки сбив, оставив поле.
Построившись, вернулись вскоре,
Но это мало помогло,
Их много в сече полегло.

Так братья с честью отомстили
За зло которое чинили
Отряды русские давно им.
Большим, широким было поле,
У русских множество убитых,
В отчаянье их повергла битва:
Погнали их, они бежали.
Так руссы многих потеряли.
Господь же милость всю явил:
Ведь каждый немец должен был
С шестью десятками сражаться.
То правда, я готов поклясться.
Король Дмитрий был герой,
Пять тысяч русских повел за собой,
В сраженье ринулся он смело.
К ним еще войско подспело.
Послушайте, что дальше было.
Полк братьев с этой вражьей силой
Столкнулся возле злой реки.
Бой грянул там, где встретились враги.
Немного воинов у братьев,
Всего, теперь хочу сказать я,
Сто шестьдесят героев было,
Невелика полка их сила.
Среди них шел и пеший строй,
Где каждый воин был герой,
Стеною мост они прикрыли,
Благую службу сослужили.
Их было восемьдесят воинов,
Держались с братьями достойно,
Так с русскими рубились крепко,
Что туго приходилось тем нередко.
Так защищались братья вместе
И в край свой возвратились с честью.
Восьмидесяти тем скажу спасибо,
Чей меч врага разил так сильно,
Оружья звон их раздавался,
Когда полк братьев там сражался.
Хочу закончить о печальном.
Пять тысяч русских там лежали,
На поле битвы роковой.
Живые же скорей домой
Назад спешили, что было сил,
И боль позор им причинил.
И много русских жен скорбели
О невозвратной той потере,
В бою мужья их полегли,
Домой уж не придут они.
Так битва вся произошла.
Русские, не забывая зла,
В сердцах враждебность сохраняли,
Что к братьям много лет питали.
Узнав о бедствии, магистр
Собрал людей из лучших быстро.
В совете было решено
Тогда идти на Русь войной.
Возрадовались люди короля.
Готовиться тогда же вся земля,
Все воины к походу стали.
Гонцов повсюду разослали.
Эстонцы, летты, ливы

Идти в поход готовы были.
Из тех, кого собрать он смог,
Магистр составил братьев полк.
Сто восемьдесят братьев было.
Все радовались этой силе.
Когда войска считать все стали,
Восемнадцать тысяч насчитали,
Воинов-всадников лихих.
Многие из них коней своих,
Как рыцари, попонами покрыли.
И корабельщики здесь были,
Их девять тысяч удалось собрать:
Тогда число их стали проверять.
Когда достигли рубежа,
Страны, что Русью названа,
Все войско тут же разделили,
На несколько полков разбили.
Магистр въехал ратей во главе
В край русский на своем коне.
Они округу разорили
Полками сильными своими.
Изборск был братьями сожжен,
И в груды пепла превращен.
Русским он принадлежал,
Город тот, как я сказал.
Но братья не остановились.
Они ко Пскову устремились.
Войско двинулось на город,
Русским показалось, слишком скоро.
Как только братья подошли,
Русские свой город подожгли,
Все тогда в огне спалили,
А сами быстро отступили
В свой замок. Был очень крепким он
И русскими прекрасно защищен.
Тот замок Псковом назывался
Чудный край вокруг располагался.
И братья замок окружили.
Русские ворота затворили.
Ведь так хорош их замок был,
Что храбрость и военный пыл,
Они в то время сохраняли.
И замок неприступным полагали.
К тем русским подошла подмога.
Но проку было в том немного,
Они помочь тем не смогли,
На битву не осмелились они.
Помощь ту, как я уже сказал,
Осажденным Новгород прислал,
Чтобы в крепости своей они
От гостей избавиться смогли.
Там было воинов немало
О том закончу речь, пожалуй.
Был холод, и дожди хлестали,
И приступ все не начинали.
Совет решил осаду снять.
Корабли с людьми поплыли вспять,
Братья берегом скакали.
Русские тогда возликовали.
Тогда же прибыл, торопясь,
В стан их Юрий - русский князь.

А был он короля наместник.
Просил магистра он по чести,
Чтоб согласился тот на встречу
И там его послушал речи.
Ждать не заставил всех магистр,
Он на корабль поднялся быстро
С рыцарями сильными,
Братьями и пилигримами.
Меж них, надежно защищен,
Поплыл тут через реку он.
Лишь только воды переплыл он,
Магистра Юрий сразу принял
И добрый мир с ним заключил,
Чем русских дух возвеселил.
Договорившись так о мире,
Магистр с воинами своими
Обратно на корабль взошли
Тогда магистр объявил
О мире ратникам своим.
Пришла пора вернуться им,
В свои края теперь. Ну вот,
Так завершился тот поход...
Тогда магистр пламенно
и сердечно упрасивал, чтобы срочно
из Ревеля сюда прибыл
господин Эйлард и привел с собой
мужей, способных сражаться,
которые пригодились бы в битве.
Господин Эйлард поступил как муж,
для которого слово свято и помыслы которого чисты,
он сказал: «Магистр, я отправлюсь,
какие бы беды ни случились,
с вами в этот поход,
и тогда сам Бог придет нам на помощь».
Там были рыцари, которые
рассуждали так же, как и он,
истинно, из Тизенхаузена
туда прибыл Иоганн
и Генрих, что из Франгена –
это достойный рыцарь, скажу я, –
они все охотно пошли вместе.
Они договорились, в который день
им нужно быть готовыми,
когда им придется отправляться в путь.
Теперь я закончу свою речь,
далее расскажу о походе.
Этот господин Эйлард из Хоберга
собирается в поход.
Он был гауптманом в Ревеле
и собрал прекрасный полк,
с которым прискакал в Ригу,
и другие шли с ним вместе.
Там пришел Иоганн из Тизенхаузена
и собрал с собой бравых мужей,
которых избрал для похода.
Все войско братьев уже заранее
до них явилось в Ригу,
как случилось мне слышать.
Это очень радовало магистра.
Он поскакал со своим войском
теперь в Литву,

чтобы служить Божией Матери.
За ним пошли бравые курши
и земгалы столь же отважно.
Там шлемы сверкали,
броня блистала, как стекло.
Были по-рыцарски рыцари
из Ревеля там, вооружены
серой, как лед, броней -
они имели честь ее носить.
Глаза у всех сверкали гордостью,
когда это могучее войско отправилось
в поход на Кернаве.
Тогда пришла беда на Трайдена.

Военный поход Ливонского ордена в район Даугавы («Ливонская рифмованная хроника»)

Был Виллекин добрым правителем,
он добр был ко всем людям,
и к бедным, и к богатым.
Так он там жил когда-то
и все время служил Богу.
В его времена случилось так,
что литовцы делали набеги
на землю епископа: куда они шли,
там грабили и жгли.
Уже было слышно известия,
что в Айзкраукле, у Даугавы,
их якобы где-то видели.
Эту весть комтур поспешно
отослал в Кокнесе –
в замок, бывший замком епископа.
Там гауптманом был некий брат,
который чувствовал великую радость,
когда что-то причинял врагам.
Он вскоре был уже готов,
и несколько бравых мужей
он еще получил от города,
еще пришли люди той земли,
и так он собрал изрядное войско.
Когда литовцы услышали,
что те хотели сопротивляться им,
то они собрались домой,
ибо они боялись несчастья.
Со всей своей добычей
они переправились через Даугаву;
добыча у них была богатой,
чему они очень радовались
и собирались отправиться домой.
Но за это время разослал
муж, славный в Ливонии
и бывший комтуром в Айзкраукле,
повсюду своих гонцов.
И он увидел, что герои,
которым стала известна эта весть,
спустя весьма недолгое время
уже прибывают в Айзкраукле,
чему он от души радовался.
Он не хотел медлить
и приказал братьям вооружиться.

Они охотно это сделали.
Когда войско было готово,
они получили весть,
что язычники уже ушли.
Когда комтур услышал это,
он прогневался.
Лед на Даугаве был уже твердый,
туда и пошли с полками.
Из Кокнесе туда также поскакал
упомянутый брат, и пошли
вместе с ним могучие, brave мужи,
чтобы со всей силы бить врага.
Вскоре разведчикам посчастливилось
напасть на след язычников.
И литовцы тоже заметили,
что толпа братьев следует за ними,
но они особо не боялись
и остановились в одном лесу.
Литовцы сказали: «У этих братьев
мы ничего не брали,
и они сами несут нам,
чем нам кули наполнить».
Как рассказывает нам книга,
они построили вокруг себя и лошадей
крепкую изгородь,
которая защитила бы их от братьев.
Когда братья их увидели,
они обрадовались от души.
Когда они спешили,
язычники на них напали.
С обеих сторон много бед
пришлось претерпеть от меча.
То место, где они сражались,
уже становилось красным от крови.
Братья набросились на язычников
и убивали их, те падали на землю;
из тех, кто был за изгородью,
убито было шестьдесят;
среди них был их вождь.
Остальным пришлось бежать.
Они бросили много коней,
щитов и мечей.
Некоторые считали удачей,
если могли в Литву
добраться сами, своим ходом.
А Скарот остался
убитым на поле брани
и был оплакан своими друзьями.
А братья, дух которых столь высок,
и вся большая толпа христиан –
они взяли с собой добычу,
и в этой битве они понесли
лишь небольшую потерю:
погибло двое братьев.
Все прочие живы-здоровы вернулись домой.
Когда об этом было сообщено магистру,
он весьма славил Бога,
которому причитается эта слава,
и Его любимую Матерь –
Они оба были прославлены.

О походе из Риги в Икшкиле («Ливонская рифмованная хроника»)

Тогда на следующий день после угощения
сюда прискакал гонец
и сообщил магистру вот что:
сегодня ночью земгалов
видели около Икшкиле –
они совершили набег на окрестности.
Хотя от замка их и отбили,
но там нанесен большой ущерб –
так было сообщено магистру –
поскольку в городе они грабили,
потом его сожгли,
а теперь они идут домой.
Они пришли пешком,
и их еще можно догнать –
вот что сообщил посланный.
Когда это стало известно магистру,
он приказал спешно готовиться.
Сколько братьев ни было в Риге,
они все радовались от всего сердца.
Кто только хотел воевать
и годился для этой работы,
ими не пренебрегали,
и они шли вместе со всеми с радостью.
Только комтуры из Вильянди
и Вейсенштейна, как я знаю,
были единственными, кто остался,
а остальные ушли вместе.
Еще одному брату приказали остаться,
который был оставлен на месте магистра [Виллекина] –
с тем он так договорился.
Медлить более было нечего.
Он приказал заехать на остров Рига –
так называлось подворье на берегу Риги –
и просил, чтобы приходили
все, кто умеет воевать.
Как он просил, так и произошло:
собралось много бравых слуг,
они все были мужи бодрые,
их броня ярко сверкала
и шлемы блистали.
Сколько собралось леттов и ливов,
их всех зачислили в полк:
их было около двух сотен.
Крестоносцев и бюргеров
было около шестидесяти героев,
мужи охотно и браво
шли бодро в войско братьев.
Тогда войско построили
и каждого поставили на свое место.
Туда пришел некий отважный герой
из Шауэнбурга,
это был Бертольд, некий брат,
которого все любили:
ему доверили знамя,
ибо у него было много добродетелей,
а также мужество,
которое он показал в походе.

И когда они увидели, что все
их войско собралось,
то они более не задерживались
и встали на ноги, чтобы идти в поход.
И так они в своем походе
скакали по дороге бойким шагом,
пока не прибыли в Икшкиле,
где услышали правду
и тут же ее и увидели.
Тогда магистр приказал рассказать,
много ли времени прошло с тех пор,
как войско язычников ушло.
В том замке, что здесь упоминается,
который Икшкиле называется,
в том замке был один рыцарь,
который и сообщил тогда магистру,
в какое время случилось,
что враг ушел прочь,
и куда бежать за ним в погоню.
Ибо, увидев огромное пламя,
каждый сделал из этого вывод,
что было утро, когда он ушел.
Когда же это было сообщено магистру,
он там долее не оставался
и, так как враг был впереди,
его следы вскоре заметили.

Договор короля Литвы Миндовга с Ливонским орденом (1253 г.)

Миндовг, Божьей милостью, король Литовский и т. д.

Так как мы уже призывали, подвигнутые благословением господним на выбор нами главой Христа, посредством совещания с братьями ордена Тевтонского в Ливонии привести народы к свету веры Иисуса Христа и для их возрождения.

Личной милостью, благословенный и найсвятнейший отец и господин наш, папа Иннокентий IV короновал нас на владение всей Литвой и всеми землями. Королевство наше и все наше доброе подчинение и протекция апостольской церкви является порукой и с помощью господина и церкви мы вышли из заблуждения, и с помощью которой мы сможем вывести из заблуждения неверные души в будущем, чтобы наконец были бы достойны не напрасной похвалы и чтобы мы содействовали бы нашею мощною рукой усмирению строптивых врагов государства нашего и врагов веры.

Мы видим необходимость помощи магистра и братьев-предиктов, которые и сами должны нам помогать, и они это пообещали под более крепкой клятвой, что в этих документах полно содержится.

Войско тех самых братьев ордена узнается по обычаю построения и они были готовы и намерены отправиться для сопротивления врагам веры. Мы - против возмутителей веры и хотя нам самим более, чем другим христианам нужна помощь, они (братья) без оков обязанностей собирают себе дань, пополняя убыль в вечной жизни. И при всем том они обладают силами, чтобы соблюдать свои обязательства, данные нам, для этой необходимой помощи, для этого необычайной важности дела.

Называя имена второстепенных земель отечества, владея ими постоянно свободно и спокойно, с согласия всех наших наследников мы признаем и этим договором устанавливается, что сами братья, взвесив собственные возможности и признав наши законные владения, выступают против наших врагов и врагов веры постоянно без помощи и в союзе с нами и нашим мечом.

Те же самые обязательства мы возлагаем на себя, на наших приемников тех пределов и на всех братьев.

Названия же земель таковы: Рассейн – половину, Луков – половину, Бетегалия – половину, Ергаллия – половину, Даинов – половину, Кулено – все, Карсово – все, Кразо – все, Недерово – все, Вейцо – весь, Вейзо – весь, Ванго – весь.

Письменное свидетельство этого дела, настоящий договор мы скрепили нашей печатью. Присутствовавшие здесь с настоящим согласились господин епископ Кульменский, магистр Андреас – предиктор и братья самого Андреаса – Иоханес, Ситтгерус и Теодорих Хассендорп, брат Синдерам с братьями-предикторами, брат Адольф с младшими братьями и свои чужии принимающие участие.

Совершено в Литве в нашей курии в год Господень 1253 июля месяца.

Договоры Ливонского ордена и его союзников с куршами, земгалами и сааремаасцами 1230-1284 гг.

Немецко-куршский договор (1230 г.)

Соборный капитул святой Марии в Риге, братья воинства Христова, советники и прочие рижские горожане всем верным Христа, к коим прибудет настоящая грамота, желают здравствовать во истине.

Да будет известно всем, будущим и ныне сущим, что с куршами и местами, коих названия таковы: Ренде, Валегалле, Пидевалле, Матекуле, Ване, Пуре, Угессе, Кандове, Ансес, мы, когда они изъявили готовность к христианской покорности, заключили таковой договор, а именно:

[1.] Они сами и наследники их платят нам ежегодно с каждой сохи половину корабельного таланта муки тонкого помола и с бороны, в просторечии нами именуемой «эгеде»¹, платят также половину таланта муки тонкого помола.

[2.] Если же кто-либо работает на одной лошади, [запряженной] в соху и в борону, [то] платит только половину таланта муки тонкого помола.

[3.] Сверх того, священников своих, коих они возможно скорее призовут из Риги, ограждают от опасности и жизненных нужд и с покорностью приемлют от них крещение и христианский закон без ущерба для себя во владении и собственности на землю и прочее имущество, без возражения со стороны любой власти.

[4.] Кроме того, те же курши выступают вместе с нами против врагов Христа.

И вот, дабы то, что совершено нами, не потеряло по прошествии времени силу и не было обречено на неудачу, если курши паче чаяния нарушат [установленное], оказав сопротивление, мы, христиане, решили, что надлежит это упрочить и оберечь, и потому нашими грамотами придали этому долговечность и скрепили нашими печатями в присутствии свидетелей, коих имена таковы:

Мавриций, приор святой Марии в Риге, Геденрик, келарь, Генрих, городской казначей;

Волквин, магистр братского воинства, Рудольф из Касселя, Герфрид Вридик, Мариквард из Тюрингии, братья того же воинства.

От советников: Вернер, Фридрих из Вендена, Альберт Утнордиг, Вальдерик.

Паломники: Юстацин из Дут, Александр из Вехте, Томас из Хуневельде, Тодо из Травенеминне.

Любекские горожане: Марриквард из Хагена, Сиффрид из Хозенбурге, Генрих Кленебур и другие, весьма многие.

Составлено в Риге. В лето по воплощении господнем 1230.

¹ Латышск. – ecesas. Немецк. – Egge. («Борона»).

Немецко-куршский договор (28 декабря 1230 г.)

Брат Б[алдуин], монах из Альны, пенитенциарий и посол господина О[ттона], кардинала, легата апостольского наместника, всем верным Христа во веки.

Когда по милосердному внушению духа святого, благоприятствующего,.. где, когда и сколько возжелает, король Ламмекин и язычники из Куронии от земель Эсестуа, а именно Дурпис и Саггара, и кихельконд, названия коих таковы: Тхарголе, Осуа, Лангис, Венелис, Нормис, Киемала, Пюгавас, Сарнитус, Рива, Сакзе, Эдуалия, Алисвангес, Ардус, Алостанотакхос, и от остальных кихельконд деревень, расположенных по обе стороны Венты, изъявили готовность к принятию веры Христовой, приводя земли свои, самих себя и поручителей своих через руку нашу к руке господина папы, они обещали при всех обстоятельствах постоянно держаться этого определения.

Мы же, пребывающие на службе господина папы в этой местности, по общему совету рижской церкви, аббата из Дюнамюнде, всех купцов, воинов Христовых, паломников, а также рижских граждан, в таковое соглашение с ними вошли и условие скрепили; а именно:

[1.] Они постоянно принимают священников, назначенных к ним нашей властью, с почетом обеспечивают их всем необходимым и им, как истинные христиане, во всем повинуются и при всех обстоятельствах их спасительным указаниям следуют, их от врагов будто самих себя защищают, все, как мужи, так жены и дети, тотчас приемлют от них возрождающее таинство святого крещения и отправляют прочие христианские обряды.

[2.] Также принимают епископа, назначенного им властью господина папы, с почтением и преданностью как отца своего и господина, и во всем, как господину своему и епископу по непреложному обычаю прочих христиан, совершеннейше повинуюсь, подчиняются, выказывая ему, отцу и епископу своему, должное почтение и покорность.

[3.] Что же касается тех прав, которые уроженцы Готланда считают подлежащими исполнению, то во всем постоянно они будут считаться ежегодно подлежащими исполнению самим епископом и самими прелатами, так что уроженцы эти не зависят ни от датского, ни от шведского королевств.

[4.] Мы же милостиво предоставили им постоянную независимость до той поры, пока не случится так, что они отпадут.

[5.] Наконец, теперь, когда соглашение заключено и изложенному в настоящей грамоте придана сила постоянного действия, походы против язычников, необходимо совершаемые как ради защиты христианской земли, так и ради распространения веры [Христовой], они участвуют.

[6.] По прошествии же двух лет они вверят себя господину папе и будут навечно вести себя во всем сообразно его благоусмотрению и определению.

[7.] А дотоле сохраняющие вполне наши установления и предписания следуют во всем нашему совету и полностью повинуются, не нарушая ни в чем власти господина папы.

Дабы придать этому неизменную крепость, мы скрепили настоящую грамоту, после того как она была написана прикрепив печать нашу, господина Г[ермана] леальского епископа и иных, сверх упомянутых.

Составлено в лето господне 1230, в день Невинных Младенцев.

Немецко-куршский договор (17 января 1231 г.)

Брат Б[алдуин], монах из Альны ордена цистерцианцев, господина О[ттона], кардинальского диакона в тулианском монастыре святого Николая, легата апостольского наместника, пенитенциарий и посол в Ливонии, всем, к коим настоящая грамота прибывает, во веки.

Когда по милосердному внушению духа святого, где, когда и сколько возжелает, благоприятствующему нам, сколь бы недостойными управителями и попечителями мы ни были, язычники из земли куршей, а именно от Бандове, из Ваннеман, от [живущих] по ту сторону Венты, от деревень, названия коих таковы: Ренде, [Валегалле], Матикхуле, Ванне, Пирре, Угенессе, Ка[н]дове, Анзес, Талсе, Аровелле, Попэ, и от многих других, восприняли христианскую веру, то ради этого они дали своих заложников и приняли возрождающее таинство святого крещения.

Мы же с общего совета и согласия рижской церкви, воинов Христовых, всех сообща паломников, всех рижских граждан и купцов, в таковое соглашение с ними вошли и условие скрепили, а именно:

[1.] Что они принимают епископа, назначенного властью господина папы, и по непреложному обычаю прочих христиан ему во всем и при всех обстоятельствах повинуются и постоянно при всех обстоятельствах предоставляют своему епископу и своим прелатам те же самые права, которых придерживаются истинные христиане.

[2.] Они постоянно принимают священников, назначенных им нашей властью, с почетом обеспечивают их всем необходимым и им, как истинные христиане во всем повинуются, и при всех обстоятельствах их спасительным указаниям следуют; их от врагов, будто себя самих, защищают; от них все, как мужи, так жены и дети, тотчас приемлют возрождающее таинство святого крещения и отправляют прочие христианские обряды.

[3.] Походы против язычников, необходимо совершаемые как ради защиты христианской земли, так и ради распространения веры [Христовой], они участвуют, сообразуясь с непорочной волей господина папы во всем.

Дабы придать этому неизменную крепость, мы скрепили настоящую грамоту, после того как она была написана, прикрепив печать досточтимых отцов господина Г[ермана] леальского епископа, Т[еодорика] аббата из Дюнамюнде, в присутствии коих это было совершено, печать нашу и всех паломников.

Составлено в лето господне 1230, в шестнадцатые февральские календы.

Договор с сааремаасцами (1241 г.)

Во имя господина нашего Иисуса Христа, аминь.

В лето по воплощении господнем 1241, когда досточтимый господин Г[енрих], епископ Эзеля и Поморья, направившись по своим собственным неотложным делам к апостольскому наместнику, полностью и всепреданно вверил дела епископата своего магистру и братьям дома Тевтонского в Ливонии, произошло то, что кратко изложено ниже.

Я, брат Андреас фон Вельвен, в те дни магистр дома братьев Тевтонских в Ливонии, когда был в Поморье, отступники эзельцы, кои к христианам чрезвычайно враждебны и приносят им много вреда на море, приморских землях и прибрежных островах, определением милости божией, прислали своих послов попытки ради заключить в Поморье договор.

И вот, после множества указаний и возражений как с той, так и с другой стороны названные ранее отступники сошлись, наконец, полностью и окончательно на том, что если бы церковь записанное установление соизволила без каких бы то ни было насильственных изменений принять от них навечно, то они выразили бы желание преданной душой и по явной охоте вновь вступить в единение с католической верой, от коей они по дьявольскому наущению отпали.

Установление же было таково:

[1.] По чиншу половину меры муки тонкого помола, что в просторечии именуется «пунт», они обещают давать с каждой сохи и сносить в грузовое судно, каковым епископ их или рижский магистр распоряжаются сообразно своим расходам.

[2.] Если же они не в состоянии иметь грузовое судно, то корабельщики и правители собирают [чинш] на самой земле, каковой затем везут от этих эзельцев в Ригу или Поморье.

[3.] В светском суде они выговаривают себе судью, который судит от [имени] совета старейшин земли то, что подлежит суду раз в году, именно в то время, когда взимается чинш.

[4.] За убийство мальчика платят пеню, три озеринга, а также сама мать в девять воскресных дней, обнаженная, терпит на кладбище бичевание.

[5.] Также если кто по языческому обычаю принес жертву и кто способствовал ее принесению, и тот и другой дает половину марки серебра; а тот, кто так приносит жертву, три воскресных дня, обнаженный, сносит на кладбище побои.

[6.] Если кто в пост (in sexta feria, vel quadragesima, vigiliis apostolorum seu quatuor temporibus – т. е. в пятницу или в четырехдесятницу, или в дни перед праздником Апостолов, или в среду, пятницу, субботу на неделе, после первого воскресения поста, после Троицы, Воздвиженья Креста и на неделе перед Рождеством) ест мясо, платит половину марки серебра.

[7.] Если случилось человекоубийство между своими или людьми другой земли, [виновный] вносит выкуп десятью марками серебра.

[8.] Приходским клирикам и церквам дают необходимое, каковое обычно давали до отпадения, вместе с возмещением всего отнятого; а посему я полагаю, что упомянутые эзельцы к верным, находящимся среди них, были мало благосклонны, что весьма препятствовало продвижению и приращению веры в пределах Ливонии.

Я, упомянутый брат А[ндреас], магистр рижский, по совету братьев моих и клириков, вассалов от Поморья и множества других верных, тевтонов и эстонцев, по настоятельной необходимости и в убеждении величайшей пользы упомянутое установление, без ущерба для права диоцезы епископа во всем, принял, навечно скрепив настоящую грамоту, сверх утверждения и упрочения [ее] соборным капитулом упомянутых [лиц], прикреплением нашей печати.

Свидетелями были: господин Николай, который нес тогда епископскую службу; Вальтер, священник, комтур в Поморье, тогда называемый Робертом; брат Фридерик Стульт, брат Генрих Стульт, маршалк; брат Ио[анн], камерарий, и многие другие братья дома Тевтонского; Синдерамм, брат ордена доминиканцев; Конрад, Дидрих, братья ордена францисканцев. Вассалы церкви Иоанн из Бардевика, Гейденрих из Бекесховете, Генрих из Брахеля. Герберт, брат епископа Иоанн из Хуксарии, Дидрих из Паллеле, Дид[рих] Эзэке, старейшины из эстонского Поморья и другие, весьма многие.

Договор с сааремаасцами (27 августа 1255 г.)

Брат Анно, магистр братьев дома святой Марии тевтонов в Ливонии, всем, кому случится увидеть настоящую грамоту, желает здравствовать во господе Иисусе Христе.

Поскольку божественным определением и предустановлением отступники эзельцы вновь вернулись в лоно матери церкви, от которой они отпали, то важно подкреплять их будто новорожденных сосцами всяческого утешения, дабы под столь тяжелым бременем, усугубленным нашим жестокосердием, они ни коим образом не воздали злему духу.

Посему желательно, дабы они, стремясь к попечению веры, познали, какие, указанные ниже, права мы добавили к правам, дарованным им после отпадения магистром Андреем дома святой Марии тевтонов в Риге, нашим предшественником.

А добавлены были такие статьи права:

[1.] Первое, что они не производят никакого возмещения убытков, понесенных за время отпадения и прежде, исключая человекоубийство.

[2.] Второе, что ни одно наследство среди них не может быть передано в пользование господина земли, пока есть некто, о ком известно, что он в родстве [с оставившим наследство] и выплатил возмещение за человекоубийство.

[3.] Третье, если случилось кому-либо быть изгнанным из земли эзельской сообразно с обычаем их за прегрешение против естества, наследники его сохраняют за собой свое наследство, испросив [на то] согласие господина земли.

[4.] Четвертое, что наследство рабов в земле их, которое было передано до отпадения, никем не взыскивается.

[5.] Пятое, что если случится, некто сам себя по наущению дьявольскому убьет до смерти, то такая смерть ни с чьей стороны не влечет наказания, если только это не совершено с чьей бы то ни было помощью.

[6.] Шестая – статья, в которой старейшины земли в нашем присутствии высказали согласие за всю землю, что если кто-нибудь убьет своего ближнего по той причине, что тот владеет его наследством, [то] право

его, какое было у него на это владение, переходит господину земли, и сверх того он предоставляет господину полное возмещение, какое обычно предоставляется за человекоубийство в этой земле.

[7.] Седьмое – о суде братьев наших, который у них есть на Эзеле, потому что не было твердо разграничено, когда он должен кончатся и когда начинаться, и наши люди просили, чтобы мы соблаговолили назначить им срок, когда суд наш должен кончатся и когда начинаться. Мы же, склонившись на их усердные мольбы, назначили срок, и в этом их желание совпало с нашим, что от праздника святого Михаила (т.е. 29 сентября) вплоть до Великого поста (т. е. до последнего воскресенья перед Великим постом, когда поется псалом *Esto mihi* (71,3)) должен длиться наш суд, с тем, однако, что если нашему посланному на каком-либо законном основании воспрепятствуют совершить его дело и суд, то он совершит начатое еще раз на протяжении упущенного времени, когда сможет; по истечении же этого срока эзельцы пользуются в суде своим правом.

[8.] Со своей стороны они клятвенно обязались быть готовыми к походам, на конях зимой и на кораблях весной и летом, если это понадобится от них братьям, и ревностно и без принуждения, будучи добровольно нашими помощниками, постоянно поддерживать нас против всех, сколько дозволяют силы.

Составлено в присутствии брата Теодорика из Феллина, брата Германа из Вендена, брата Георгия из Зегевальде, брата Людовика из Риги, брата Гейденриха из Ашерата, брата Генриха из Гольдингена, брата Бернгарда из Мемельбурга, комтуров; также брата Эвергарда, брата Эмунда, брата Генриха Цвево, брата Иоанна из Вендена, брата Людекина Балькен, брата Вольперта, брата Германа из Сигельхорста, судей и весьма многих других братьев.

Дано на Эзеле в присутствии Илле, Кулле, Эну, Мунтеленэ, Таппетэ, Иальдэ, Мелетэ, Какэ и весьма многих эзельцев.

В лето господне 1255, шестые сентябрьские календы.

Дабы это оставалось незыблемым и постоянным, настоящую грамоту положили мы скрепить прикреплением нашей печати и эзельской.

Немецко-куршский договор (август 1267 г.)

Мы, брат Отто фон Люттерберг, магистр братьев немецкого Ордена Лифляндии, пишем всем христианам, которые эту грамоту увидят или услышат в чтении, приветствуем во имя Иисуса Христа, если же противоположное [нами сказанному] придет на мысль потомкам, то следует их твердо убедить свидетелями и грамотами.

§ 1. Поэтому пусть знают все, что мы по общему совету всей земли Курляндии простили и забыли всем куршам все измены, общие и отдельные, которые они нам учинили в пору неурядицы, и их полностью вторично простили, так что следует покончить с мезтью и с нашей и с их стороны.

§ 2. Кто из среды их хороших [и] верных украдет у другого его лошадь или возьмет, то должен виновный ее возместить и возвратить, или это останется без должного решения.

§ 3. С каждого гагена в Курляндии следует давать братьям [рыцарям] в виде чинша два лопа ржи; и если будет, что он ржи иметь не может, то пусть он дает один лоп пшеницы и один лап ячменя, и так он свой чинш уплатил.

§ 4. С каждой лошади, на которой он боронит, когда она достигнет четырех лет, следует давать вышеназванный чинш.

§ 5. Четыре дня должен каждый работать на земле, на которой он сидит, на братьев [рыцарей]; два дня летом и два дня зимой.

§ 6. Где братьями [рыцарями] строится замок [для защиты] от язычников, которые вере христовой неверны, должен он же [им] один месяц служить на своем собственном содержании. Когда строят, то должны они эти издержки нести, когда [же] не строят, то хотим мы их освободить от этих издержек и всей другой работы.

§ 7. Далее, хотим их навсегда освободить от другой замковой работы. Далее, от десятины с наследства дочерей мы хотим их навсегда высвободить.

§ 8. Каждое наследство должны они удерживать [до] четвертого колена, но так, чтобы его господин в своем праве не понес никакого ущерба.

§ 9. Далее, [место], где он поселится, должен он иметь в вечном наследовании, если никаких других наследственных притязаний на него не возникает.

§ 10. Далее от всякой вещи, что будет найдена на морском берегу, пусть нашедший имеет третью часть найденной вещи, две части [имущества] они должны принести и передать в руки фогта; он должен держать его год и день; и если в течение этого времени придет кто-либо правомочный требовать это имущество, его следует ему возвратить; и если будет так, что никто не придет в течение [этого] времени требовать имущество, то должен завладеть вещь господин земли. Того же следует держаться относительно якорей, которые не обозначены [не имеют клейма]; если же будет так, что они обозначены, [то] кто их найдет, того следует вознаграждать за его труд.

§ 11. Далее, от любой вещи, которая плавает в море [и] которая к берегу еще не пристала, нашедший [ее] пусть имеет половину, другую половину пусть берет господа земли.

§ 12. Далее, каждый, кто в своей жизни впадает в нужду, должен обещать помогшему ему не больше чем третью часть своего имущества, если он не вступил с ним в более выгодное соглашение.

§ 13. Далее, если какой-либо человек утверждает, что его ограбили, то должен он их [свидетелей] представить в течение трех месяцев, если было так, что они были за Двиной; если же свидетели были за морем, то пусть он их представит в течение года и дня.

§ 14. Далее, все они должны подлежать ливскому праву.

В подтверждение чего мы прикрепили печать к этой грамоте. Дано в Риге в год господа нашего тысяча двести шестьдесят седьмой, в месяце августе.

Немецко-земгальский договор (6 июля 1272 г.)

Мы, Альберт [Суэрбер], по милосердию божию архиепископ святой церкви в Риге, Иоанн, той же милостью пробст той же церкви, брат Вальтер фон Нордек, магистр братьев немецкого Ордена святой Марии в Лифляндия, всем тем, кто эту грамоту увидит или услышит в чтении, желаем здоровья именем того, который исцеляет всех, кто надеется на него.

§ 1. Когда земля Земгалии по милости божьей достигла умиротворения и [оставила] заблуждения языческой веры, и истину веры Христовой, которую они однажды приняли, но отрунули, приняла, и мы, бывшие при том, понудили старейшин земли к встрече и имели между ними и нами много переговоров повсюду об их чинше и их праве; наконец одобрили их по общему совету и согласию [и] их чинш и их право определили таким образом, что, следовательно, по непремennomу обычаю и религиозной потребности [они] обязаны всегда давать вместо десятины от каждого гагена два лопа рижской меры, один рожью, другой ячменем.

§ 2. Далее, должны служить работой два дня летом и два дня зимой, так, однако, что в эти четыре дня с каждого гагена они должны давать одну телегу к перевозке того, что мы потребуем; и все другие люди, которые достигли такого возраста, что они могут работать, должны служить нам собственноручно, как-то: косить сено, носить и колоть дрова, если это необходимо.

§ 3. Разрешается им также в виде исключения зерно, о котором шла речь, если будет так, что оно не уродится в поле, возмещать соответствующей платой, а именно: уплачивать за каждый лоп два артинга рижского серебра, или две мордки, или восемь серых шкур; к большей плате никак не принуждать.

§ 4. Еще должны быть они охотно готовыми к постройке замков, сооружению дорог и к походам.

§ 5. И фогты должны вершить их право трижды в году; должны они по праву и обычаю земли Летляндии и Эстляндии судить, требуя [соблюдения] обычных установлений.

Для большего сбережения и вечной сохранности мы прикрепили к этой настоящей грамоте нашу печать и, сверх [того], скрепили ее [печатью] с изображением города Риги.

Дано в год господа нашего тысяча двести семьдесят второй в восьмой день апостолов Петра и Павла.

Тевтонский орден

Тевтонский орден (Германский орден, Немецкий орден) – германский духовно-рыцарский орден, основанный в конце XII в. Принимал активное участие в борьбе с «язычниками», русскими княжествами, Великим княжеством Литовским и Польшей. Трудности орден стал испытывать с 1410 г., когда объединённые войска Великого княжества Литовского и Польши нанесли ему сокрушительное поражение армии в Грюнвальдской битве.

Первые годы существования Тевтонского ордена («Повествование о началах Тевтонского ордена»)

Сообщения о начале Тевтонского ордена, содержащиеся на пергаментном манускрипте общим объемом в 159 страницы на немецком и латинском языке. В предшествующем этому сообщению календаре упоминаются св. Елизавета Тюрингская, равно как и великий магистр Герман фон Зальца и Конрад Тюрингский – как умершие. Согласно этому манускрипту должен был быть написан после 1241 г.

Во имя святой и неделимой Троицы.

Начинается [повествование] о том, как впервые был основан дом госпиталя святой Марии немцев в Иерусалиме, и как ему были пожалованы уставы как в отношении рыцарства, так и в отношении больных. В 1190 году от воплощения Господнего.

В то время, когда Акко¹ был осаждён христианским войском и с помощью Господней освобождён из рук неверных, некие мужи из городов Бремена и Любека², имевшие рвение Господне в совершении трудов милосердия, из паруса корабля, что зовётся когг³, в добрый час основали в войске некий госпиталь, позади

кладбища святого Николая, между горой, на которой располагалось войско, и рекой; собирая в нём многих и разных больных, они с чистой душевной оказывали им всем полновесные услуги человечности, с великим и благоговейным усердием заботясь о названном госпитале до прибытия Фридриха⁴, сиятельного герцога Швабии, сына римского императора Фридриха⁵,

который, стремясь к небесному отечеству и, в то время как пылал искренним желанием всё оставить ради Христа, спеша с этим намерением поскорее оказать действительную помощь Святой земле, добрался до Армении с толпами немцев, которых Бог отличил [блеском] оружия и силой духа.
Но увы! Здесь повелитель империи принял смерть, и творец хранит на небесах его душу.
Цезарь, который посвятил себя служению истинному агнцу, утонув в реке, посеял семена великой скорби.

Наконец, когда названные бременские и любекские горожане решили вернуться к себе на родину, они по настоянию названного герцога и других знатных мужей войска передали названный госпиталь со всеми пожертвованиями, коих было достаточно, и принадлежностями [капеллану] Конраду и камерарию по имени Бурхард. В войске же в то время не было никакого иного госпиталя для больных, кроме этого. Названные же капеллан и камерарий, отрёкшись от мирской роскоши, счастливо вступили на путь жизни и, добровольно подставив свои шеи под приятное иго Господне, смиренно приняли исповедание, основав названный госпиталь в честь Пресвятой Богородицы, девы Марии, который нарекли первоначальным именем – госпиталем святой Марии немцев в Иерусалиме с той надеждой и уверенностью, что по возвращении Святой земли христианскому культу в святом городе Иерусалиме будет находиться главная резиденция этого ордена, мать, глава и одновременно наставница. Ведь в то время они не имели в мире никаких владений и земель. Даже место, в котором они тогда находились, им не принадлежало. Итак, часто называемый герцог Фридрих, внимательно наблюдая Божьим взором за ростом этого слабого начинания, отправил послов с письмами к своему брату Генриху⁶, сиятельному королю римскому, который впоследствии стал императором, умоляя, чтобы он добился у папы Целестина⁷, который тогда стоял во главе римской церкви, утверждения упомянутого госпиталя, что и было подтверждено привилегиями римской церкви. Между тем, некоторые богобоязненные мужи, сбросив мирские одежды, [сделав] исповедание, приняли устав этого дома. По взятии же города Акко братья названного дома купили в стенах этого города, перед воротами святого Николая огороженное место, часть которого была пожалована им в виде милостыни некоторыми верующими, и построили в нём церковь, госпиталь и другие необходимые для их потребностей постройки, где благоговейно служащие царю царей доставляли больным и бедным постоянные и исполненные душевной сладости утешения любви; должность магистра этого дома и управление им в то время исполнял клирик. В этой церкви также был погребён названный герцог Фридрих, как он и просил. Итак, по прошествии времени, когда ранее названный Генрих, римский император, подчинил своей власти Сицилийское королевство, он переправил на помощь Святой земле вышедшее из Германии сильное войско как князей, так и магнатов, но, в то время как сам он через некоторое время умер, отдельные лица, услышав о том, что император Генрих уплатил долг смерти, решили вернуться на родину. Однако, многим князьям и магнатам Германии, которые там были, показалось полезным и достойным даровать названному госпиталю устав ордена рыцарей храма; в связи с этим решением немецкие прелаты, князья и магнаты, которые там были, собрались в доме храма, пригласив на столь спасительное совещание прелатов и баронов Святой земли, каких смогли тогда найти, и все они единодушным решением постановили, чтобы часто называемый дом имел устав госпиталя святого Иоанна Иерусалимского в отношении больных и бедных, как и прежде имел его, а в отношении клириков, рыцарей и других братьев впредь соблюдался бы устав рыцарей храма. Это было совершено в 1195 году Господнем, в марте месяце. Вот имена прелатов, князей, магнатов и благородных мужей, заседавших на совете: достопочтенный патриарх Иерусалимский, Генрих, сиятельный король Иерусалимский, архиепископы Назаретский, Тирский и Кесарийский, епископы Вифлеемский и Акконский, магистры Госпиталя и Храма и очень многие братья из обоих домов. Имена баронов этой земли: Рудольф, правитель Тивериады, Гуго, его брат, Райнальд, правитель Сидона, Эймар, правитель Кесарии, Иоанн из Ивеллина и многие другие из Иерусалимского королевства. Из Германии: Конрад, архиепископ Майнцский, Конрад, епископ Вюрцбурга, канцлер императорского дворца, Вольфхерий, епископ Пассау, который впоследствии стал патриархом Аквилеи, епископы Гардольф Хальберштадтский и Цейцский, Генрих, пфальцграф Рейнский и герцог Брауншвейгский, Фридрих, герцог Австрии, Генрих, герцог Брабанта, который был тогда капитаном войска, Герман, пфальцграф Саксонии и ландграф Тюрингии, Конрад, маркграф Ландсберга, Дитрих, маркграф Мейсена, Альбрехт, маркграф Бранденбурга, Генрих фон Калентин, маршал империи. Графов же и магнатов присутствовало очень много⁸.

После того как решение было утверждено, и был пожалован устав рыцарей храма, они в этом же месте назначили магистром некоего брата по имени Герман⁹, который имел прозвище Вальпот и был братом этого дома, и магистр храма дал ему писанный устав ордена рыцарей храма, который впредь следовало соблюдать в этом доме. Этот брат был рыцарем. Также некий знатный рыцарь по имени Герман фон Кирххайм отрёкся от мира перед всеми собравшимися в этом месте, намереваясь все дни своей жизни служить Господу в этом доме,

и магистр храма тут же дал ему белый плащ в знак того, что все братья рыцари упомянутого дома впредь будут пользоваться белыми плащами, согласно требованиям устава [рыцарей] храма. Итак, прелаты и князья Германии и все, кто там был, отправили названного магистра Германа вместе с господином Вольфхерием, епископом Пассау, к господину папе Иннокентию с письмами их всех, настойчиво умоляя, чтобы он соизволил утвердить для названного дома устав Иерусалимского госпиталя в отношении больных и бедных, и устав рыцарей храма – в отношении клириков, рыцарей и других братьев. Итак, господин папа, выслушав их просьбы и рассмотрев их письма, милостиво согласился с их просьбами, ибо они, казалось, просили разумно, апостольской властью утвердив для дома госпиталя святой Марии немцев в Иерусалиме уставы названных домов и вручив власть названному магистру.

¹ Акко (Акра, Сен-Жан д'Акр) – город в Западной Галилее, в 18 км к северу от Хайфы. Во время Третьего крестового похода крестоносцы осаждали его с 28 августа 1189 г. по 12 июля 1192 г.

² Граждане Бремена и Любека с графом Адольфом Гольштейнским вместе прибыли в Палестину и удалились вместе с ним же обратно, отчего получилась видимость того, что Адольф был каким-либо образом связан с основанием Ордена.

³ Кокка, Когг, это вообще морское судно.

⁴ Фридрих V – 3-й сын Фридриха I Барбароссы, герцог Швабии в 1167-1191 гг.

⁵ Фридрих I Барбаросса – король Германии в 1147-1190 гг., император с 1155 г.

⁶ Генрих VI – 2-й сын Фридриха I Барбароссы; король Германии в 1190-1197 гг. и Сицилии в 1194-1197 гг., император с 1191 г.

⁷ Целестин III (Гиацинт Бобо) – римский папа с 30 марта 1191 г. по 8 января 1198 г.

⁸ Сообщения Германа Корнера об этом собрании совершенно непригодны, настолько, насколько этот писатель вообще пользуется дурной славой. Он настолько тесно сжимает события, что и это собрание проводится во время крестового похода 1190 г. Он называет не только герцога Швабского, но также и короля Филиппа Французского и Генриха Английского и других в качестве его участников, частью изменяет имена лиц, как-то Гвидо вместо Генриха, короля Иерусалимского, Людовик, вместо Герман, ландграф Тюрингский, вставляет имена духовных лиц Св. Земли, некоторых, названных в нашем отчете участников, он выпускает, как-то патриарха Аквилейского, епископов Гальберштадта и Цейца, герцога Австрийского и пр. и составляет таким образом список имен, который не имеет абсолютно никакого исторического значения.

⁹ Герман (или Генрих) Вальпот – первый верховный магистр Тевтонского ордена в 1198-1200 гг.

Булла Папы римского Гонория III магистру и братьям Тевтонского ордена в Ливонии о предоставленных им привилегиях (1216 г.)

Булла «Папы Гонория III к Магистру и Братиям Немецкого ордена в Ливонии о привилегиях им данных». Подобные привилегии во множестве жаловались римской курией различным церковным организациям в Средние века. Вместе с тем эта булла представляет собой интереснейший памятник той эпохи, когда благодаря «апостольской милости» папства возникла и усилилась духовно-рыцарская корпорация, ставшая со временем очагом католической агрессии в Центральной и Юго-Восточной Европе.

В условиях господства феодальной раздробленности папство опиралось на широко разветвленную церковную иерархию, придавая особое значение монашеским, а также духовно-рыцарским орденам, крупнейшие из которых подчинялись непосредственно римской курии. Так, Иннокентий III (1198-1216 гг.) утвердил Тевтонский орден и санкционировал создание Ордена братьев воинства Христова (или Меченосцев). С его же именем связано возникновение нищенствующих орденов – Францисканского и Доминиканского, ставших главным орудием папства в его борьбе против еретических движений.

Политику создания и укрепления монашеских, а также духовно-рыцарских орденов продолжал и преемник Иннокентия III Гонорий III (1216-1227 гг.). Он всеми средствами добивался дальнейшего усиления могущества католической церкви. При нем римская курия продолжала вмешиваться в дела различных государств, организовывала новые крестовые походы, беспощадно преследовала еретиков, возглавляла завоевание земель прибалтийских «язычников», значительно усилила католическую экспансию на Восток. Наконец, лично Гонорий III санкционировал деятельность Ордена кармелитов и всячески покровительствовал тевтонским рыцарям, поощряя их агрессивные устремления. В первые же месяцы своего понтификата Гонорий III не только утвердил все привилегии, полученные Тевтонским орденом ранее, но и предоставил ему новые, еще более значительные. Полное представление о них дает публикуемый ниже текст одной из наиболее больших булл, полученных когда-либо Тевтонским орденом от римской курии.

Епископ Гонорий, раб рабов божьих¹, магистру и братьям госпиталя св. Марии в Иерусалиме² шлет пожелание вечного благоденствия как в настоящем, так и в будущем.

Хотя бог ничего не сажает и не орошает, но дарует семя, однако благодаря бережливости в расходовании этого дара, старанию и заботе человека земля производит растения, некоторые из которых до сих пор приносят обильные плоды и при благоприятных обстоятельствах сулят еще более обильные.

Итак, молодые саженцы христианской религии в необыкновенном изобилии произвели цветы и плоды почета и добродетели [бог же даровал семена] и до такой степени стали распространять свои ветви, что, кажется, [и в будущем] обещают богатейший урожай плодов.

Мы, которые поставлены стражами в божьем винограднике²⁷ и как возделыватели, должны прилагать старания для более усердного ухода и надзора за ростками добродетели, некоторые наши насаждения предполагаем оросить бальзамом апостольской милости и способствовать нашей неусыпной заботливостью множеству добрых дел, благодаря которому христианская религия процветает в настоящее время и будет божьей милостью процветать в будущем³.

Поэтому, возлюбленные в боге сыновья, мы милостиво признаем ваши справедливые просьбы и принимаем под покровительство св. Петра и наше ваш Орден, или госпиталь, в котором вы объединены в честь и славу божью как для защиты своих интересов, так и для освобождения церкви Христовой, со всеми вашими именами и имуществом, которыми, как известно, ваш Орден владеет законно в настоящее время либо на

основании уступки первосвященников, дара королей или князей, пожертвования верующих или другими справедливыми способами, при ручательстве бога, сможет завладеть [в будущем].

Мы утверждаем эту привилегию настоящим письменным предписанием, постановляя, чтобы в будущем [ваш Орден, его имения и имущество] навечно находились под покровительством и защитой апостольского престола.

Мы, кроме того, постановляем, также, чтобы в то же время наряду с установлениями вашего Ордена навечно соблюдались устав братьев госпиталя о бедных и больных и устав братьев воинства Храма о клириках, рыцарях и прочей братии⁴. Помимо того, мы предписываем вам заботиться об охране католической церкви и неустрашимо бороться за ту, которая находится во власти язычников⁵, для избавления ее от их скверны. Вы можете беспрепятственно обратиться для своих потребностей то из награбленного язычниками, что вы захватите у них, и мы запрещаем принуждать вас против вашей воли выделять кому-нибудь из этого долю.

Настоящим постановлением мы также подтверждаем, что братья вашего Ордена, благочестиво служа богу, давая ему свой обет и оправдывая [его] своим образом жизни⁶, должны быть подчинены и повиноваться не светской власти, а своему магистру или тем, кому он сам предпишет.

Кроме того, поскольку ваш Орден оказался достойным быть источником и родоначальником благочестивых установлений и порядков, пусть он навечно считается главой и руководителем всех относящихся к нему святых объединений⁷. Дополнительно мы предписываем, чтобы после твоей смерти, возлюбленный в боге сын Герман, магистр уже названного Ордена⁸, во главе братьев этого Ордена был поставлен желательно кто-нибудь из твоих преемников, обязательно опытный в военном деле и благочестивый, признавший ваши религиозные установления и обычаи, причем он должен быть избран одновременно всеми братьями Ордена либо теми из них, кто старше и мудрее⁹.

Впредь никакому священнослужителю или мирянину не разрешается нарушать, ограничивать или изменять разумно установленные магистром и братьями обычаи, принятые для соблюдения ваших богослужебных обязанностей, как и те обычаи, которым вы следовали значительное время и которые были установлены письменным предписанием если не самого магистра, то, по крайней мере, в результате единогласного их утверждения старшими членами капитула.

Кроме того, мы решительно запрещаем любому духовному или светскому лицу осмеливаться требовать от магистра и братьев названного Ордена вассальной верности, владений, присяги либо другой светской службы¹⁰, которая часто требуется от мирян. Мы запрещаем также вашим братьям после принятия обета в вашем Ордене и облачения в монашеское одеяние возвращаться ко всякой мирской жизни. После раз навсегда данного обета о принятии креста пусть ни у кого из них не возникнет тайной мысли отречься от положений вашего устава либо переселиться в другое место под предлогом возврата к прежней или принятия новой религии¹¹ против воли или без ведома братьев либо того, кто является магистром. Никакому ни духовному, ни светскому лицу не разрешается принимать и удерживать их.

Что же касается плодов, добываемых трудом ваших собственных рук¹² или в результате расходов, то никому не разрешается брать десятину с ваших владений, приобретенных до церковного собора, или требовать ее с приплода от вашего скота.

Кроме того, мы апостольской властью утверждаем за вами [право на те] десятины, которые вы сможете брать по решению и с согласия епископов с владений клириков или мирян, либо на десятины, которые вы приобретете с согласия епископов и их клириков.

Для заботы о ваших душах и более полного использования возможностей их спасения, а также для лучшего совершения вашим святым братством церковных таинств и божественных служб мы разрешаем вам принимать, на пользу богу, достойных клириков и священнослужителей, наиболее подходящих для вашего священного ритуала, откуда бы они к вам ни приходили, и держать их при себе как в главной вашей резиденции¹³, так и в подчиненных ей областях и объединениях, лишь бы это было по соседству, испросив их от их собственных епископов, причем они не должны давать никакого другого обета и не должны повиноваться другому ордену. В случае же, если епископы не захотят вам их уступить, тем не менее, властью святой Римской церкви вам разрешается их принять и удержать. Если же после принятия обета будут обнаружены какие-нибудь нарушители ваших богослужебных обрядов или [порядков] Ордена, вам разрешается по согласованию с более мудрыми членами капитула удалить их, а им самим предоставить возможность перейти в другой орден, где они, на пользу вере, хотели бы пребывать и служить богу, вместо них же – заново избрать других, достойных, о которых в вашем братстве будут благоприятные отзывы в течение одного года; после этого, если их поведение будет соответствовать [требованиям устава] и они окажутся полезными для служения в вашем Ордене, тогда лишь пусть дают обязательный обет, обещая вести жизнь согласно правилам и повиноваться своему магистру, но с тем условием, чтобы соблюдать образ жизни, принятый у вас, носить ту же одежду [с тем отличием, что их одежда будет закрытой]¹⁴, а также участвовать в трапезах¹⁴. Но пусть ни капитул, ни руководство вашего Ордена не позволяют им внезапно прекращать¹⁵ [свое служение], кроме тех случаев, когда это будет им предписано вами. Кроме того, не подвластные никакому лицу вне вашего капитула 56, пусть они подчиняются тебе, возлюбленный в боге сын, магистр, и твоим преемникам, согласно установлениям вашего Ордена, как будто они повинуются своему магистру и прелату.

Освящение же алтарей или церквей, назначение клириков, которых нужно будет возвести в священный сан, и прочие церковные торжественные церемонии вам будут совершать епархиальные епископы, если только они будут католическими, заслужат милость и благосклонность апостольского престола и захотят безвозмездно должным образом вам [это] совершить. В противном случае вам разрешается обратиться к любому католическому епископу, которого вы предпочтете и который нашей властью пусть выполнит то, что требуется. Если же когда-нибудь к вашему Ордену благодаря благочестивому пожертвованию кого-либо будут присоединены пустующие земли¹⁶, вам разрешается основывать там деревни, строить церкви и устраивать кладбища для нужд живущих там людей, так, однако, чтобы по соседству не было никакого аббатства или братства духовных лиц, которым это могло бы нанести ущерб¹⁷.

Когда же у вас на любом законном основании соберутся многочисленные земли, вам предоставляется полное право строить на них часовни и устраивать кладбища для нужд переселяющихся [к вам], и только тех, которые будут принадлежать к вашему Ордену. Ведь связано с большой опасностью для души и не подобает благочестивым братьям при посещении церкви смешиваться с толпой мужчин и женщин.

Разумеется, все те, кого вы примете в ваше братство, должны обещать, положив поверх алтаря устав, в котором это должно предусматриваться, что они будут тверды в добродетели, будут стремиться к обращению остальных и, в течение всей своей жизни служа богу, соблюдать покорность вашему магистру.

Итак, мы постановляем, что те, кто обязал себя служением в ваших братствах или объединениях, находясь под покровительством св. Петра и нашим и, не нарушая прав своих сеньоров, могут мирно владеть теми землями, на которых обоснуются.

Что же касается тех, которые были приняты в ваше братство и, оставаясь до сих пор в миру, появились в вашем Ордене, сменив мирскую одежду, либо тех, которые даровали вам свое имущество при жизни, сохраняя его у себя в пользовании до тех пор, пока они будут находиться в миру, и в случае, если церквам, к которым они относятся, будет запрещено отправление божественных служб, а эти люди умрут, то мы также постановляем, чтобы вы обязательно разрешили в отношении их церковные похороны у себя либо при других церквах, на которые не наложен интердикт и которые ранее эти люди выбрали для похорон, если они сами не будут отлучены от церкви либо не подвергнутся личному интердикту¹⁸.

[Мы постановляем также], что вы можете перенести к своим церквам для погребения [тела] других собратьев, если прелаты церковью не разрешат их похоронить при своих церквах. Кроме того, если кто-нибудь из ваших братьев будет послан вами в какую-нибудь церковь, замок, город или деревню для принятия [в ваш Орден] названных братств или объединений, то в этом городе, замке или деревне братьям вашего Ордена при их торжественном прибытии разрешается открыть только одну церковь раз в году, причем в божественных службах позволено участвовать всем, кроме отлученных от церкви и тех, на кого наложен личный интердикт.

Мы также постановляем, что никакому епископу в церквах, подчиненных вам, ни по какому праву не разрешается обнародовать решение об интердикте или об отлучении от церкви.

Однако если будет обнародован интердикт, общий для этой местности, то, за исключением отлученных от церкви и тех, на кого наложен личный интердикт, закрыв двери и без ударов в колокола, полностью совершите божественную службу.

Сверх того мы устанавливаем апостольской властью, что в любом месте, куда вам случится прийти, вам разрешается принимать от досточтимых католических священников покаяние, помазание или какие-либо другие церковные таинства, чтобы у вас всегда была возможность для восприятия духовных благ.

И так как все мы едины во Христе и пред богом между нами нет различия, то мы верим, что ваш Орден и объединенные в нем братья заслуживают как отпущения грехов, так и других милостей и благословения, дарованных вам апостольским престолом.

Итак, решительно никому не разрешается совершать опрометчивые действия во вред указанному Ордену: захватывать у него и удерживать захваченные владения, дробить их или причинять ему какие-либо другие обиды. Все [принадлежащее Ордену] властью апостольского престола должно всегда сохраняться в неприкосновенности и невредимости, принося всяческую пользу вам и другим верным богу.

Таким образом, если кто-нибудь, зная о содержании нашего постановления, осмелится необдуманно выступить против него и после сделанного дважды и трижды напоминания не испустит свою вину, [дав] соответствующее удовлетворение, то он должен быть лишен достоинств власти и почета; пусть знает, что он предается суровому суду вечности, отлучается от священнейшего тела и крови бога и Спасителя Иисуса Христа и подлежит строгой каре во время последнего [божьего] испытания¹⁹. Те же, кто хранит [заветы] всемогущего бога и святых апостолов Петра и Павла, да обретут его благословение и милость.

Дано и т.д.

¹ Так именовали себя в посланиях римские папы.

² По данным орденских хроник, а также других источников, в Иерусалиме около 1118 г. возник немецкий госпиталь св. Марии, который был подчинен Ордену иоаннитов. Тевтонский орден, также возникший из госпиталя, который был устроен немецкими крестоносцами и купцами в 1190 г. во время осады Акры, принял официальное название: *Domus hospitalis S. Mariae Theutonicorum Ierosolimitani*. Тем самым новый орден претендовал на старый иерусалимский госпиталь и его владения, надеясь создать там главную орденскую резиденцию.

³ Целью папства не было лишь распространение христианства, о чем лицемерно утверждает Гонорий III. Вся булла является ярким свидетельством того, что основная задача папства и проводника его политики – Тевтонского ордена – чисто материального характера: увеличение доходов церкви, усиление ее экономического и политического могущества.

⁴ Во время торжественной церемонии преобразования немецкого госпиталя в духовно-рыцарский орден, состоявшейся в 1198 г. в Акре, магистры госпитальеров и тамплиеров вручили первому магистру Тевтонского ордена копии уставов своих орденов.

⁵ Имеется в виду борьба за отвоевание Иерусалима и других городов и областей на Ближнем Востоке, захваченных в 1187 г. египетским султаном Салах-ад-дином (Саладином).

⁶ Рыцари Ордена давали монашеский обет целомудрия, послушания и бедности, что предписывалось статьёй 1-й орденского устава. Впрочем, со временем этот обет стал формальностью.

⁷ Т.е. орденских конвентов, в которых были объединены рыцари, а также различных полумонашеских организаций (бюргерских, женских и т.п.), вступавших под патронат Ордена и оказывавших ему финансовую и иную поддержку.

⁸ Герман фон Зальца, магистр Ордена в 1209-1239 гг. Происходил из тюрингенских министриалов. Был близок к императору Фридриху II и выполнял некоторые его дипломатические поручения. Ловкий политик и один из хитрейших дипломатов своего времени. Г. фон Зальца всегда и везде старался извлечь выгоды для своего Ордена. В орденской летописной традиции об этом магистре обычно сообщалось, что он «получил самые большие и наилучшие привилегии, которые имеет Орден, с крупными владениями, которые были предоставлены Ордену в Польше, Рومании, Армении, Германии, Венгрии, Ливонии и Пруссии...».

⁹ В первые десятилетия деятельности Ордена магистр избирался в присутствии всех или большинства членов Ордена. Затем установился весьма сложный порядок выборов специальной коллегией, создаваемой с этой целью делегатами от орденских провинций.

¹⁰ Орден был подчинен непосредственно папе или его легатам.

¹¹ Т.е. вступать в другие ордена.

¹² Здесь следует усматривать «плоды, добываемые трудом» феодально-зависимых крестьян в поместьях Ордена.

¹³ В 1220 г. резиденция магистра находилась в г. Акра.

¹⁴ Т.е. они должны носить обычное одеяние священников.

¹⁵ Как и монахи, все полноправные члены Ордена, кроме магистра и его заместителей, обязаны были питаться совместно.

¹⁶ Это могли быть и земли «язычников», которые в средневековой Европе считались «ничьими», т.е. пустующими. Видимо, основываясь именно на таком представлении, император Фридрих II пожаловал Ордену Пруссию еще до ее завоевания.

¹⁷ Гонорий III опасается возникновения конфликтов между различными церковными организациями. Его опасения были не напрасны, ибо такие распри были обычным явлением. Например, в 1241 г. тамплиеры изгнали тевтонцев из их владений в Палестине («война плащей»). Последним пришлось просить защиты у императора Фридриха II.

¹⁸ Это была очень важная привилегия, поскольку люди средневековья придавали похоронам огромное значение. Кроме того, «церковь извлекала из погребения немалые выгоды: похороны сопровождалась пожертвованиями для бедных и благочестивыми пожалованиями в пользу церкви». Это обстоятельство также вызвало ожесточенную борьбу между орденами, монахами и епископами за право похорон. Интердикт – временный запрет папой (реже епископом) совершать богослужение и религиозные обряды в пределах определенной территории (локальный интердикт). Интердикт мог налагаться и на отдельное лицо (личный, или персональный, интердикт). Отлучение – исключение из религиозной общины.

¹⁹ Т.е. страшного суда.

Послание Папы римского Гонория III тевтонам города Висбю (1227 г.)

Данное послание непосредственно связано с поездкой легата Вильгельма Моденского на о. Готланд в конце 1226 г., во время которой он призвал жителей острова принять участие в крестовом походе против эстов Сааремаа (Эзеля), обещая отпущение грехов. По рассказу хрониста Генриха, на призыв легата откликнулись тевтоны, живущие на Готланде, а готы (т.е. местные жители острова) и датчане отказались..

Висбю – порт и международный торговый центр на Готланде, где постоянно жили купцы разных стран Европы, в том числе и из германских городов. Через Висбю проходил морской путь в Ливонию. Тевтонская (т.е. немецкая) община Висбю могла помочь, главным образом, в финансировании и снаряжении крестоносного войска.

Оригинал документа хранится в Тайном архиве в Ватикане.

Тевтонам города Висбю, жителям Готланда Гонорий епископ, раб рабов Божьих. Хотя апостольский престол, словно сердобольная мать, держит в объятиях любви всех христиан, все же тех, кто неколебим в вере и проявляет себя надежным в делах, она окружает особой любовью. Она настолько благосклонна к их молитвам, насколько они ее милость, словно должное вознаграждение, себе, как кажется, по справедливости стяжают. Как нам стало известно, вы, воспламенные заботой о вере христианской, намерены заботливо защищать новообращенных в Ливонии и Эстонии от гонителей, мужественно давая отпор как язычникам, так и рутенам. Поэтому мы, вняв вашим мольбам, вас, город и порт ваш берем под защиту блаженного Петра и нашу и настоящим посланием утверждаем покровительство, настойчиво увещевая, чтобы за то, что вы печетесь об обращении эзельцев и прочих язычников, никто не нанес вам вреда или ущерба. Итак, никто и т. д. Дано в Латеране в XVI Календы февраля, в год XI.

Восточное направление внешней политики Тевтонского ордена («Хроника Тевтонского ордена»)

Ледовое побоище – одно из немногих крупных событий военной истории Древней Руси, которое освещается источниками двух сторон – как русскими, так и западными. Текст о Ледовом побоище и предшествовавших ему событиях имеется в 5 прибалтийско-немецких хрониках XIII-XVI вв., в том числе в «Хронике Тевтонского ордена» (XV в.).

«Хроника Тевтонского ордена» – это официальная история ордена. Списки хроники хранились в замках и учреждениях ордена и служили для справок и для ознакомления рыцарей с прошлым их организации. Она охватывает события до 1467 г. Время ее составления – вторая половина XV в. В хронику включены также разделы, излагающие историю ливонской ветви ордена. Главным источником для этих разделов до 1290 г. служила «Старшая ливонская Рифмованная хроника». Компилятор орденской хроники пересказывает, иногда очень сокращенно, ее содержание прозой. Язык дошедших до нас рукописей «Хроники Тевтонского ордена» – средненижнегерманский.

Представлен отрывок «Хроники Тевтонского ордена» за 1238-1242 гг.

Этот магистр Герман Балк¹ воевал в союзе с людьми короля против русских, которые причиняли ордену много вреда, особенно дерптскому епископу Герману, и магистр Герман² пришел с силой к замку на Руси, называемому Изборск, и здесь выступили им навстречу русские, и завязался ожесточенный бой. Христиане победили, и там было убито восемьсот русских, другие обращены в бегство, и из них многие взяты в плен. Этот магистр со своими братьями-рыцарями и войском разбили свои палатки на поле перед Псковом, так называется город на Руси. Магистр приказал, чтобы каждый приготовился к штурму замка и города. Русские попросили мира, и псковичи подчинились ордену, и тогда был заключен мир с русскими. Князь Герпульт согласился на то, чтобы замок и город и все прилежащие земли перешли в руки ордена и их жители стали христианами. Магистр занял город и замок христианским отрядом [во главе] с двумя своими братьями-рыцарями, и все возносили хвалу богу и его пречистой матери за большую победу и возвратились в Ливонию.

О Ливонии

Во времена этого магистра Конрада³ был большой город на Руси, называемый Новгородом, и там был князем Александр. Он узнал, что псковичи перешли под власть Тевтонского ордена, во времена магистра Германа фон Зальца⁴, как выше описано. Этот князь Александр собрался с большим войском и с большой силой пришел к Пскову и взял его. Несмотря на то, что христиане храбро оборонялись, немцы были разбиты и взяты в плен и подвергнуты тяжкой пытке, и там было убито семьдесят орденских рыцарей. Князь Александр был рад своей победе, а братья-рыцари со своими людьми, которые там были убиты, стали мучениками во имя бога, прославляемыми среди христиан”.

¹ Herman Valck, K. – Balck – первый магистр ордена в Ливонии после слияния ордена меченосцев с тевтонцами.

² Здесь и далее вновь неоднократно упоминается «магистр Герман» или просто «магистр» в качестве предводителя рыцарского войска, совершающего поход на Русь и взявшего Изборск и Псков.

³ Конрад ландграф тюрингенский был великим магистром Тевтонского ордена в 1239-1241 гг.

⁴ Герман фон Зальца, великий магистр Тевтонского ордена в 1210-1239 гг. В действительности, Псков был захвачен немецкими рыцарями через год после смерти магистра Германа фон Зальца, умершего в 1239 г.

Мемориал об отношениях орденской Пруссии с Польшей

Следующая памятная записка содержалась в рукописи государственного архива в Кёнигсберге, сейчас утерянной. Время составления падает на 1521-1525 гг., т.к. упомянуто заключение мирного договора и маркграф Альбрехт именуется правящим великим магистром.

Памятная записка об отношении Ордена к Польше.

Тевтонский орден прусских рыцарей берёт начало в сирийском городе Акко. Однако, в правление римского императора Фридриха II, когда сарацины уже взяли Птолемаиду, братья, уйдя оттуда, вернулись в Германию; это были благородные и весьма опытные в военном деле мужи, чей предводитель Герман фон Зальца¹, став магистром императорского двора, поскольку угождал не только цезарю, но и римскому епископу, получил княжеские инсигнии от них обоих. Однако, чтобы не отупеть от безделья, они приходят к папе, к цезарю, просят в дар Пруссию, если смогут исторгнуть её у неверных, добиваются своего и, опираясь на папские и императорские грамоты, умоляют немецкий народ начать войну с пруссами. Более 53 лет они яростно сражаются и, наконец, надевают ярмо на побеждённых язычников. Они переходят в Ливонию, опустошают там всё вокруг и очень многих варваров привлекают к христианской религии. Могуществом, высокомерием, славой они становятся равны королям. Много раз вызываемые на бой поляками, они никогда не отказывались, и чем больше была опасность, тем большую отвагу они всегда проявляли. К пруссам с запада примыкали поморяне. Их князь Святополк, после того как избавил родную землю от польского ига, умер победителем и оставил сыновей – Мествина, Варцеслава, Самбория и Тибория, из которых двое последних вступили в Тевтонский орден и все отцовские владения, какие имели в Померании, передали ордену. Варцеслав был избран в герцоги в ходе борьбы с Мествином, но, вынужденный бежать в Пруссию из-за преследований брата, подарил ордену власть над своим уделом, который не смог удержать. Мествин, как говорят, обручился с монахиней, из-за чего по справедливому приговору Божьему не имел потомства и назначил наследником Пшемыслава, короля Чехии (которого называют Оттокар). Пшемыслав, как мы читаем, отвоевал разваленное (Болеславом, сыном монаха) Польское королевство, был убит цезарем Рудольфом и оставил наследником обоих королевств Венцеслава II. Тот передал Померанию в виде жалованья Отто, маркграфу Бранденбургскому, магистру своего двора. С другой стороны Вальдемар, преемник Отто, получив 10 000 марок золота, уступил Померанию со всем наследством и правами братьям из Пруссии, передав вдобавок грамоты императора и самого короля Чехии. Всё же некие чужеземцы, которых в народе зовут панами, презрев должную присягу ордену, поддались бесчестному Локетку, изгнанному из Польши, который впоследствии был вновь призван из изгнания на королевский трон, и тот, долго и напрасно требуя Померанию, собрал поляков и стал нападать на Кульмскую землю, переданную ордену герцогом Мазовии. Магистр Лотарь², урождённый герцог Брауншвейгский, поведя в бой своих братьев, разгромил польское войско и, прогнав в Польшу короля вместе с немногими, обратившими тыл людьми, преследовал его и силой отнял у него всю ту часть королевства,

которую называют Куявией; он вернул её не ранее, пока по прошествии лет светлейшими королями Карлом Венгерским и Иоанном Чешским не было решено, что Куявия должна быть возвращена полякам, а Померанией и Кульмской землёй должны на основании вечного права владеть братья. Король Польши Казимир по прозвищу Великий подтвердил это, осуществив с магистром размежевание земель королевства и ордена и обещав в королевских грамотах и в присутствии Ярослава, примаса Гнезненского, и прочих прелатов, воевод, и очень многих кастелянов этого королевства, что ни он, ни его преемники ни в какое время не будут выступать против этого разграничения. После того как братья силой своего оружия вырвали из рук неверных Пруссию и Ливонию, купили их большой кровью, они объявляют войну литовцам и русским. В 1348 году после воплощения Слова магистр Генрих Дуземер³ разбил Кейстута, отца Витовта, великого князя Литовского, в его земле, убив Нармонда, русского короля, и многих других князей того и другого народов. Когда же Дуземер умер и ему наследовал Винрих⁴, муж такого же великолепия, Кейстута, князя Литвы, притащили в Пруссию и долгое время держали там в оковах; наконец, плохо охраняемый, он, полагаясь на помощь одного вероломного стража, бежал и вновь овладел [своим] государством. В 1370 году, полагая, что пришло время сокрушить пруссов и возвысить свою славу, он вторгся в Самбию и всюду огнём и мечом разорял попадавшие ему навстречу уезды братьев. За ним, как говорят, следовало сто тысяч варваров⁵. Но не столь гордым было его прибытие, сколь постыдным возвращение, ибо он был побеждён братьями на поле Рудау⁶ и бежал с огромными потерями среди своих людей. Брат этого Кейстута Ольгерд имел сына по имени Ягайло. Получив возможность, он пленил обессиленного и не имеющего сил сопротивляться дядю вместе с Витовтом и, отправив послов в Пруссию, из ссылки просил о мире и княжестве, ради получения которого обязался оставить идолов и всегда быть послушным магистру. Однако, когда умер Кейстут, который, как говорят, убил себя сам, Витовт, сбросив оковы, вместе с женой и детьми бежит в Пруссию, донимает магистра многими слезами, клянётся в верности, ввиду чего тот соизволил помочь ему и его людям, весьма любезно его принял и, тщательно наставив в католической вере, привёл к святому крещению. Перед ним, просвещённым, он открыл все замки своего ордена и велел почитать его не меньше, чем самого себя. О том же, сколь крепка литовская верность, дали знать Ягайло и Витовт вместе с их потомками. Через несколько лет, когда умер Людовик, король Польши, Вильгельм, князь Австрии, получил его дочь вместе с королевством. Но полякам был негоден немецкий король, и они, призвав из Литвы Ягайло, о котором мы говорили, и прогнав Вильгельма, отдали новообращённому его супругу, напрасно сопротивлявшуюся. В то время как поляки совершают всё то, о чём было сказано, Витовт, предав прусские замки и многие обратив в пепел, ушёл в Польшу и присоединился к королю, от рук которого некогда бежал. Имея власть, они вновь требуют земли Померании и Кульмскую землю, о которых было сделано упоминание выше. Когда им было по праву отказано, они в 1410 году вторглись в Пруссию и начали войну против Ульриха⁷ тогдашнего магистра, и тот не отказал им в битве. Заранее заняв место, название которого было Танненберг⁸, он через фециалов посылает королю два меча; храбро и деятельно вступив с ним бой, он, перебив мечом несметное множество поляков, татар, литовцев и русских, наконец, вместе с 600 братьями, утомлённый, пал посреди горы трупов. Известно, что сильный отряд чехов, изгнанный пруссами (за гуситское нечестие), принёс этому королю удачу. В следующем же году, когда по всему ордену было собрано новое войско, поляки, вернув земли, о которых шёл спор, заключили с ним договор о вечном мире, обещав под присягой верно и честно, без лжи и коварства [его соблюдать] и никогда ни по чьему желанию, наущению и велению не затевать против ордена новые тяжбы, даже если против ордена собственной персоной выступит император. Этому согласию, скрепленному грамотами и печатями, добавил прочности священный Констанцкий собор. Император Сигизмунд также придал ему силы, поручив под угрозой штрафа в 10 000 марок чистого серебра соблюдать грамоту вечного мира и всё, что содержится в этой грамоте, по сути и букве того, что следует ниже:

Мы, Сигизмунд, Божьей милостью римский император, король Венгрии и Чехии и пр., провозглашаем, одобряем, дружески заключаем, полагаем, объявляем и решаем, и в то же время посредством этого нашего третейского решения и дружественного установления в этих строках приговариваем, что уния вечного союзного договора, заключённого в Торне между королём Польши и герцогом Витовтом, с одной стороны, и магистром и орденом крестоносцев, с другой стороны, должна быть провозглашена при взаимном согласии названных сторон, уния, в коей чётко предусмотрено, что её не должны нарушать никакие разногласия, и мы желаем, решаем и поручаем, чтобы она была в силе вечно, даже если случится – чего не дай Бог! – что ей будет оказано противодействие одной из сторон, потому что мы не хотим, чтобы названное согласие было прекращено или нарушено в каком-то своём пункте, но оно должно вечно оставаться в силе. Мы также провозглашаем, приговариваем и пр., что пограничные пределы, рубежи или границы земель Померании, Кульмской земли, Михаловицкой и замка Нессау со всем, что к ним относится или прилегает, должны быть и оставаться в отношении ордена так, как это было установлено посредством соглашений, заключённых светлейшими правителями, Карлом, королём Венгрии, и Иоанном, королём Чехии, и посредством пожалований, дарений, отказных Казимира, прежнего короля Польши, и его преемников, а также по соглашению, заключённому в Торне, и по нашему решению, данному в Буде. Дано во Вратиславии в 1420 году.

И вновь это согласие, возобновлённое в Брестском соглашении под 1436 г., прикоснувшись к святыням, поклялся соблюдать, подтвердил и скрепил печатью Казимир, сын Ягайла, ставший вторым князем Литвы, третьим королём Польши, а то, каким образом он эту клятву сохранил, яснее ясного станет известно из

нижеследующего. В 1454 году, когда должность магистра занял Людовик⁹, между орденом и подчинёнными городами возник спор. Их правители, связанные пагубным союзом, отказали братьям в повиновении. Николаю V и одновременно Фридриху III была подана жалоба, и те, рассмотрев дело и осудив союз, оба приказывают связанным этим союзом вернуться к повиновению братьям. Те, не без тяжкой ярости взявшись за оружие, нападают на замки братьев, грабят, разрушают, очень многих братьев бросают в оковы, сопротивляющихся убивают, и, прогнав оттуда остальных, признают своим государем Казимира, короля Польши. Тот, вступив с войском в провинцию, не только объявил братьям войну, но также вопреки клятве нарушил заключённый договор и начал сражаться. Приняв под свою власть земли Померании, Кульмскую землю и другие принадлежащие ордену, он попытался напасть на жителей Конитца, которые вместе с другими верными до сих пор подчинялись ордену. Но его вероломство не осталось безнаказанным. Тут же явился славный Рудольф, герцог и князь Заганский. Ведя войско великого магистра, он с 7000 атаковал короля, имевшего под рукой 30 000 поляков. Завязалась битва, и обе стороны сражались изо всех сил. Рудольф был сражён в столкновении, а король сброшен с коня; пали лучшие с обеих сторон. Наконец, когда победитель атаковал победителя, и места раненых заняли свежие силы, поляки, которые превосходили числом, но уступали доблестью, не выдержав натиска немцев, обратились в постыдное бегство. Король, поддержанный друзьями, едва вырвался из схватки. Рудольф, победив ценой своей жизни, оставил по себе вечную память, совершив достойное похвалы дело, когда со столь малым числом рыцарей победил, сокрушил, уничтожил столько тысяч врагов. Победённые поляки, хотя и получили достойную плату за своё деяние, всё же, придя в себя, не возвратили чужое, но, тревожа орден целых 14 лет и, наконец, вопреки всякому божескому и человеческому праву лишив его привилегий и собственности, пытались подчинить его новым весьма пагубным законам; в то время как сиятельный Альберт¹⁰, нынешний магистр, отказался исполнять их, как дурные, вынеся это на суд римского понтифика и императора, Сигизмунд, король Польши, вернувшись к отцовскому образу действий, в 1520 году вновь во главе вражеского войска напал на Пруссию, ведя отважных рыцарей не иначе, как если бы шёл для воровства. Но Альберт, славный прусский магистр, встретил их осадными и метательными машинами и учинил по отдельным местам такой разгром, что все устья дорог заполнил трупами поляков, и вернулся к миру с врагом не ранее (хотя его трижды просили об этом дружественные князья), пока не опустошил вражеские поля, учинив месть за безрассудную ссору. Наконец, было решено положиться на цезаря, чтобы тот выслушал, рассмотрел всё это дело и вынес приговор вместе с надёжными князьями.

Первыми вождями этого славного ордена были немцы, и никого не принимали в него, если он не был немцем благородного рода и не был готов сражаться за веру Христову. Поверх приличествующей одежды они носили белый плащ, сагум или пышное покрывало, отмеченные чёрным крестом. Вместо канонических часов они повторяют молитву Господню, за исключением священников, которые совершают богослужения по собственному обряду и имеют митрополию в Риге, ливонском городе, чей примас обязан носить орденское одеяние наряду со многими другими церковными прелатами и подчиняться в земных делах магистру. Далее магистры Ливонии и Германии оказывают послушание великому магистру Пруссии. Прусский же магистр должен по крайней мере подчиняться римскому епископу и императору. Велик орден и нет ему равных! Кто, говорю я, в состоянии точно исчислить славных герцогов, графов, баронов и деятельнейших рыцарей, которые знатностью рода, чистотой нравов и жизни, а также славными подвигами, совершёнными устами и рукой, сделали свой орден знаменитым и чрезвычайно блистательным. Но до нашего сведения дошли: Фридрих¹¹, герцог Саксонии, чьё имя по праву следует указать одним из первых, который, заняв должность магистра, не без величайшей славы, справедливости и мира исполнял её целых 12 лет и, наконец, отойдя в царствие небесное, занял место упокоения рядом со своими предками. С ним может соперничать Альберт, происходивший из знаменитого и славного рода маркграфов Бранденбурга, потомок Фридриха, племянник Альберта (который за величие совершённых подвигов был назван немецким Ахиллом), князь исключительной мудрости, величия души, замечательный добротой и щедростью, которого изумительно возвышают не только рыцарские навыки и императорские достоинства, но и сама знатность рода, величие тела, красноречие и сила делает знаменитым. Близок к ним и [точно также] знаменит Эрих, родом герцог Брауншвейгский, потомок цезарей Оттонов, славное украшение ордена, у которого, казалось, ни в чём не было недостатка для полноты славы. Ни в коем случае не должен быть пропущен и Вильгельм, граф Монферрато, почтенный и украшенный многими достоинствами муж, достойный величайшей похвалы, который некогда был выдвинут в магистры за свои исключительные заслуги, когда он был великим сенешалем ордена, но, став генералом, принёс отечеству больше пользы; он был автором того совета, когда империи требовался князь. Среди священников достойным славы был господин Иов, епископ Помезании; он был высокого роста, изысканной наружности, славен замечательным красноречием и неутомим в исполнении посольств и прочих трудов своего ордена, словно второй Иов. Умолчу о господине Квирине Шлигке, умолчу о баронах фон Хайдек, соратниках великого магистра, а также о прочих, в ком ярко блистает благородство рода, стройность тела, приятность лица, в ком сияет также храбрость и величие души, мудрость, изысканность жизни и нравов. Ливонией же правил непобедимейший Вальтер, родом вестфалец, муж правого ума, высокой души, на боку которого, как уверяют, всегда висел меч, который уже в наше время в страшной битве одолел русских схизматиков, которых называют московитами, и, причинив великий ущерб, ограбил лагерь, при покровительстве великого и превосходного Бога, чья сила – во всём во веки веков.

Из другого о том же.

Орден госпиталя тевтонского дома в Иерусалиме, замечательное украшение, а также пополнение всего христианского мира, был впервые учреждён во славу всемогущего Бога и Его непорочной матери Марии усердием святых, по совету, при помощи и содействии многих светлейших и сиятельнейших князей, королей, герцогов, графов, баронов и других знатных мужей. В этот орден, подражая рвению счастливых Маккавеев, вступили многие замечательного благородства мужи, которые, будучи готовы даже умереть за учение евангельской истины, по своим природным качествам жертвовали свои жизни и, чтобы обеспечить спокойствие всем прочим верующим во Христа, отвергнув губительный покой и плотские соблазны, предприняли ради своих братьев справедливые и благочестивые войны против внешних врагов. В это время Польская земля (которая уже не была королевством, а была разделена на провинции), тревожимая идолопоклонниками пруссами разными битвами и сражениями, искала спасения в смирении, и, словно доведённая до гибели, пребывая в печали, оплакивала ежедневные потери; славные воины, увещаемые герцогами Мазовии и Куявии, вновь привели её в спасительную гавань и к благополучию, и не только позволили наслаждаться безопасным и мирным положением, но и преступных пруссов, приведённых, наконец, к истинному миру после многочисленных вооружённых конфликтов, благополучно привели к святейшей римской церкви. Не было недостатка в тех, которые протянули руку помощи воинам Христовым. Какую-то помощь оказали французы, какую-то англичане, какую-то шотландцы, какую-то испанцы, датчане, какую-то немцы. В те дни ни одна сторона верующих во Христа не пребывала в праздности; все народы, подчинённые римской церкви, стремились оказать помощь и, особенно, было видно, как ради её поддержания сражались могущественные и благородные мужи, щедро проливая собственную кровь, те, чьими благочестивыми трудами и усилиями этот священный орден расцвёл и, по капле орошаемый милостью Святого Духа, словно новое насаждение, разросся благодаря плодоносному семени Бога Саваофа в отборный виноградник, а Пруссия, после того как варвары были выбиты чужеземцами и она впустила миролюбивых поселенцев, сделалась оплотом христианской религии и прочной стеной нашей веры, а впоследствии на многие годы была приличным госпиталем и весьма подходящим домом рыцарского войска благородных и славных мужей, желающих сражаться за правду, благочестие и веру, в котором храбрейшие мужи искали и блистательно обретали отличительные знаки своей бодрости, словно в месте, более достойном, чем многие другие. Мы читаем про Оттокара, могущественного короля Чехии, ставшего соратником братьев и некогда совершившего в этой земле множество подвигов; Леопольда, герцога Австрии, ставшего здесь украшением рыцарства; про Отто, герцога Брауншвейгского, маркграфов Мейсенского и Бранденбургского, и обо всех, кто был из благородных мужей в Германии, стяжавших себе там великую славу. Вспомогательные рыцарские отряды из Франции, Англии, Дании, Испании, Паннонии и Германии также сидели здесь за столом чести. Но поляки не могли без досады видеть орден процветающим, с неудовольствием переносили благополучие тех, при помощи которых им самим некогда было возвращено благополучие; убеждая святейших отцов лживыми софизмами, они приказывают им убрать в ножны вынутые против неверных мечи и ослабить руки, готовые к битве. Наконец, они не переносят, что в покое живут те, благодаря которым они сами некогда обрели покой, подражая образу действий неблагодарных, которые после получения благоденствий забывают о них и ненавидят тех, усилиями которых они стали счастливы, и жестоко преследуют их. Пусть позаботятся те, кто называют себя именем Христа, Бога нашего, чтобы столь славный орден, который руками святых отцов (как было сказано выше), трудами и потом столь светлейших и сиятельнейших князей, королей, герцогов, графов, баронов и знатных мужей, посредством обильного пролития крови был доведён до состояния своего расцвета, не дай Бог, не подвергся гибели в это смутное время. Пусть те, кого это касается, особо остерегаются, как бы знатная прусская провинция, которая, видимо, подчиняется по крайней мере римскому престолу, империи или королевству, совершенно не перешла во власть чужеземцев. Ибо это – то отечество, тот орден, который, как известно, столько лет вёл множество благочестивых войн ради славы имени Христова, который в частых победах сдержал столько врагов распятия по левую руку всевышнего и сломил силу тех, которые бахвалились в своём могуществе. Ради овладения страной, ради упрочения веры ему случалось нанимать столько храбрых новобранцев, и подвергаться различным смертельным опасностям, и святые отцы, римские епископы превозносили его похвалами и бесчисленными привилегиями, и Священная Римская империя милостиво оберегала его под крылом своего покровительства до нынешних времён.

¹ Герман фон Зальца (ум. 1239 г. 20 марта) – верховный магистр Тевтонского ордена в 1210-1239 гг.

² Лотарь или Лютер Брауншвейгский (ум. 1335 г. 18 апреля) – верховный магистр Тевтонского ордена в 1331 – 1335 гг.

³ Генрих Дуземер (ум. 1353 г.) – верховный магистр Тевтонского ордена в 1345-1351 гг.

⁴ Винрих фон Книпроде (ум. 1382 г. 24 июня) – верховный магистр Тевтонского ордена в 1351-1382 гг.

⁵ Откуда происходит сообщение о 100 000 варваров, неизвестно.

⁶ Битва при Рудау произошла 17 февраля 1370 г. – Рудау – ныне Мельниково (Зеленоградский район, Калининградской обл.).

⁷ Ульрих фон Юнгинген (ум. 1410 г. 15 июля) – верховный магистр Тевтонского ордена в 1407-1410 гг.

⁸ Битва при Грюнвальде произошла 15 июля 1410 г.

⁹ Людовик фон Эрлихсхаузен (ум. 1467 г. 4 апреля) – верховный магистр Тевтонского ордена в 1450-1467 гг.

¹⁰ Альбрехт Бранденбургский (р. 1490 г. 17 мая. ум. 1568 г. 20 марта) – верховный магистр Тевтонского ордена в 1510-1525 гг.

¹¹ Фридрих фон Веттин (р. 1473 г. 26 октября ум. 1510 г. 14 декабря) – верховный магистр Тевтонского ордена в 1498-1510 гг.

Договор вице-магистра Тевтонского ордена Бурхарда фон Хорнхаузена с Даниилом Галицким и Земовитом Мазовецким (1254 г.)

В 1253 г. тевтонские рыцари начали завоевание прусского племени ятвягов. Ятвяги занимали земли на польско-русском пограничье. При этом, польские хроники и русские летописи содержат значительный фактический материал о походах (нередко совместных) польских (мазовецких) и русских (галицких) князей против ятвягов. После вторжения в начале 30-х гг. XIII в. в Пруссию тевтонских рыцарей «ятвяжский вопрос» еще более обостряется, т.к. отныне в походах против ятвягов участвуют и крестоносцы.

Тевтонский орден попытался использовать конфликтную ситуацию в своих интересах. По-видимому, для тевтонских рыцарей наибольшую опасность представлял Казимир Куявский, судя по тому, что в конце 1254 г. в Рачонже Мазовецком (городе польского епископа) был заключен договор с Даниилом Галицким и его зятем Земовитом Мазовецким, согласно которому Орден в лице прусского вице-магистра Бурхарда фон Хорнхаузена (магистр в 1254-1256 гг.) уступал им треть завоеванных ими земель, за что князья обязались оказывать военную помощь Ордену. Впрочем, договор вскоре (не позднее 1257 г.) был расторгнут.

Во имя Господа нашего Иисуса Христа Аминь. Брат Бурхард фон Хорнхаузен¹, вице-магистр братьев дома Тевтонского в Пруссии, [всем христианам], которые узрят написанное здесь, как ныне живущим, так и грядущим, [желает] вечного спасения во Господе. Да будет известно всем вам, что мы, по совету и с согласия братьев наших, великому мужу, Даниилу, первому королю рутенов², и светлейшему князю Самовиту, князю Мазовецкому³, и их детям третью часть [земли Ятвяжской], которую предстоит подчинить имени Христа, со всеми правами и властью мирской жалуюм в вечное владение. За это всякий раз, как нам потребуется [помощь] против этого варварского народа и любого другого, воюющего против веры христианской, они предоставят нам свою помощь и услуги. Если же по какой-то причине они, не дай Бог, не смогут этого сделать, будь то нехватка или отсутствие воинской силы, то пусть пополнят ее своими людьми, а если потребуется, примут и личное участие. И поскольку сеятель раздора⁴ не терпит согласия людского, подстрекая к тому, чтобы погибли плоды согласия и возникла ненависть между людьми, то, чтобы достичь вечного согласия между нами, мы договорились с упомянутыми нобилями таким образом, чтобы они не только помогали нам против упомянутых язычников, врагов имени Христа, но и против кого бы то ни было, любого занятия и положения, согласно вышеозначенному оказывали всяческую помощь. А мы в свою очередь вышепоименованным нобилям окажем помощь против тех, в борьбе с кем они помогают нам, до тех пор, пока не принадлежające им или силой отнятое не вернут или не пойдут на дружеское примирение. И мы со своей стороны не будем вступать ни в какие соглашения с захватчиками, пока не будет выполнено все предлежащее. Добавим также, что, если вышеупомянутым нобилям будет грозить война⁵ и если кое-кто из наших людей перейдет к ним, чтобы получать плату за службу, мы не будем им препятствовать, но не позволим, чтобы они вернулись к нам, пока не окончится начатая война; и мы снимаем с них все обвинения, которые могут быть возбуждены против них в связи с этой войной. Если же кто-либо нарушит упомянутое соглашение или договор, то будет лишен всех означенных прав. А чтобы это вечно соблюдалось всеми и каждым, настоящую грамоту мы скрепили печатью достопочтенного отца нашего Андрея, епископа Плоцкой церкви, и нашей, и вышеупомянутых князей. Писано в Рачонже⁶ в год благодати тысяча двести пятьдесят четвертый. Восьмые Календы...

¹ Бурхард фон Хорнхаузен – впервые упоминается в связи с завоеванием Пруссии в 1252 г. В 1254 г. был комтуром Самбии. В 1255-1256 гг. – магистр Пруссии. В 1257-1260 гг. – магистр Ливонии. Погиб в походе на Литву в битве при Дурбе (1260 г.).

² Королю рутенов – рутены – русские. Даниил Галицкий был коронован в Дрогичине в 1253 г.

³ Самовиту, князю Мазовецкому – Земовит, князь Черский и Мазовецкий в 1245-1262 гг.

⁴ Сеятель раздора – обычная метафора дьявола.

⁵ «Если... будет грозить война» – имеется в виду усобица между Казимиром и Земовитом. Орден спешил заключить союз с Казимиром, через земли которого пролегал путь крестоносцев.

⁶ В Рачонже – Рачонж – город епископа Плоцкого.

Установление контроля Тевтонского ордена над Померанией

«О том, как Померанская земля была подчинена ордену Тевтонских братьев». Современник Длугоша, тот же, кому мы обязаны обратным переводом Дусбурга из труда Ерошина на латинский, который он назвал *Chronica vetus*, равно как и под названием *Chronica nova* – не менее страдающим погрешностями латинским переводом немецкой рифмованной хроники Виганда Марбургского, вставил под вышеупомянутым названием, между двумя хрониками в основном примыкающую к *Chronicon Olivense* историю завоевания восточной Померании Тевтонским орденом с некоторым географическим вступлением.

О том, как Померанская земля была подчинена ордену Тевтонских братьев.

Именно ради тех, который находят удовольствие в чтении военных и прочих историй, я добавил в конце этого сочинения о названной стране рассказ о её подчинении.

Поморяне, как свидетельствует Исидор, ведут происхождение от славян по латыни; на языке же галльском и итальянском их называют вандалы, на венгерском – земенитц, на польском – поморзитц, на русском – галмации, на славянском – другими вендскими поморами, а по-немецки их в народе называют вендами. Носители названных языков, а именно, поляки, русские, литовцы, пруссы, могут понимать друг друга. В горных районах проживают также чистые славяне – в Кирнитии и других местах; в Каноле же – смуглые и

бритье, как некогда поляки в Чипсе, в Чехии и в Венгрии; и хотя земли эти чересчур песчаные, скот их всё же имеет хорошие пастбища. Они проживают в песчаной и бесплодной земле; но в избытке имеют молоко и мёд, коими и питаются. Они – христиане по греческому обряду; священники же их придерживаются русских обычаев. Есть также неверующие славяне, которые суть дикари, едят всё, что выбрасывает море, во время голода – даже мертвечину, даже человечину; и их по праву следует избегать христианам. Всё же они стараются приобрести также Венецию.

О границах и межевых столпах этой земли.

Нижняя земля, по народному Нидерланд, начинается у Саксонии, от реки Эльбы, впадающей в море, и тянется вдоль берега моря до Померании и Вислы, впадающей в море. Она включает в себя также Штеттинскую, Зундскую, Шверинскую, Вендскую, Славянскую, Рюгенскую, Кошалинскую, Каминскую, Штольпскую земли, которые все, согласно своим княжениям, пишутся померанскими. Пруссия заключена между Вислой, где к югу подступает море; поблизости находится: Самбия, Курляндия, Озилия, Истинландия, далее следует Ливония, Дания, Ютландия, и возвращается в Сконе, внутри которого – Готланд, Швеция; посредине же, кажется, расположена Хейла, которая граничит с Путциком и Пилирландом по эту сторону Балтийского моря вплоть до Вислы; они зовутся славянами, вендами и поморянами, по-польски – померсин; земля холодная и бесплодная, но радует молоком и рыбной ловлей; они торгуют с немцами и имеют прибыль; раньше они были дикарями, а теперь подчинены господами крестоносцам.

О том, каким образом Померания попала в руки крестоносцев.

Среди прочих предшествующих магистров был в Пруссии также брат Поппо из Швабии, суровый к врагам, благочестивый к своим, который воздвиг множество крепостей против язычников. Он начал распрю и войны против померанских властителей и убил со стороны Святополка, герцога названной земли, огромное множество людей; но и его людей также погибло немало. Эти войны продолжались семь лет, не имея иной причины, кроме их личной вражды; поэтому, если бы эти двое не были суетны (?), войны были бы редки и пр.

Внезапно из Рима прибыл легат по имени Фирман и, прекратив раздор, отдал в заложники Мествига, сына Святополка, а магистр отослал его в Австрию, где герцог почтительно с ним обращался. Этот герцог также, понимая в душе несчастья братьев и ордена, отослал ордену вооружённых людей, а именно, 3000 лучников и пр. Братья, выйдя им навстречу, принимают их с радостной душой. Названный Святополк, между тем, проанализировав свои потери, отзывает назад своего сына, отданного в залог так, что его не вернули бы и за тысячу талантов. Он собрал из своих людей огромное войско, укрепил и вооружил свои замки по эту сторону Вислы, и совершил из них много зла плывущим по Висле и на самой реке. Так заключённый легатом мир был нарушен; он начал строить замок Свеце и снабдил его людьми и продовольствием. Он поднялся до Кракова, Куявии и Мазовии, и сильно тревожил их грабежом, огнём и убийством, уводя в плен мужчин и женщин, овец, коров, коней и пр., и в немилосердии так разграбил и опустошил названные земли только из ненависти к крестоносцам.

Он сражался также против язычников, а именно, против натангцев, пруссов, судовикцев, русских и особенно храбро против ордена, тревожа их на Висле; и они долгое время пребывали в состоянии войны, пока по Божьей милости не был прислан легат – Иаков де Бард или Барба, который впоследствии стал папой Урбаном IV; он быстро заключил между сторонами вечный и прочный мир; он всё сгладил и обратил зло в добро, и Святополк принуждал к миру свой народ, пока не умер; и следует надеяться, что благодаря этому он обрёл царствие небесное.

После этого прибыл Мествиг и получил Померанское герцогство к его благу. Он велел своим людям сохранять мир с орденом, и ни в чём ему не вредил. Он был лишён наследников. Братья, посовещавшись, приходят к нему и говорят, что его отец якобы нарушил заключённый между ними мир. И братья бросают ему вызов. Поэтому Мествиг, услышав, что его отца обвиняют в вероломстве и непочтительности, движимый и пр., отдал братьям замок Меве вместе с 15 деревнями со всеми доходами и узуфруктами, и жил с ними в мире до самой смерти. Он не оставил наследников. Тогда в Кракове жил герцог Пшемыслав, который был его родственником и по роду, и по крови. Названный Мествиг послал за ним, чтобы тот пришёл в Померанию и принял герцогство. После того как названный герцог прибыл, он при жизни отказался от своего и передал в его руки, и поручил воинам и пр., чтобы те повиновались ему. Тогда этот герцог Пшемыслав обнёс Гданьск столбами и вернулся в Краков; и был коронован в короли, и писал себя королём Польши и герцогом Померании, и примерно через год был незаконно убит одним слугой маркграфа. Вследствие этого для померанцев вновь возникло много бед. Поэтому они назначают себе некоторых капитанов – пана Хенцила (Свенца?) и других, которые должны были заботиться о благе страны. Наконец, они соглашаются с кандидатурой герцога Куяевского Лешка, которому отказывают герцогство; но тот умер. После него они принимают в герцоги Богуслава из Рюгена, который был убит. После этого они через месяц посылают к чешскому королю Венцеславу, который был женат на дочери названного короля Пшемыслава. И тот, придя, принял Померанию, а после него – его сын Венцеслав, который также был убит через год одним рыцарем. После этого они изгоняют всех чехов и дружно избирают герцогом Владислава Польского, которому присягают и отдают в заложники названных капитанов. После этого названный герцог был настойчиво увещиваем господином Свенцем и двумя его сыновьями, и бургграфом (?), за большую сумму денег [уступить им] то, чем

он, казалось, владел, ибо они долгие годы охраняли и возглавляли эту страну. Но тот ничего им не дал, и удалился; и поделом, что названный Хиско (Свенца? Еско?) не имел в этой земле ни прав, ни власти.

После этого по зрелом размышлении они посылают к маркграфу Вальдемару и принимают его, пославшего рыцарей, с большим могуществом в городе Гданьске, которым до сих пор владели вместе с замком и были подчинены герцогу Владиславу, который прежде звался Локетком; после этого они отделились от него и восстали против фогта.

Господин Владислав удалился, как было сказано выше. Жители замка каждый день сражались против города и рыцарей, присланных маркграфом. Капитанами в замке были Войцех, Бог Камерарий, бургграф Войслов, которые тогда жестоко нападали и всячески вредили жившим в городе убийством и огнём. Лежавшие вокруг земли точно также страдали; девиц насиловали и пр. В замке, видя со стороны названных рыцарей названные злодеяния, которые нельзя было унять ни угрозами, ни просьбами, посылают за помощью против рыцарей и горожан к пруссам, поведав им об их высокомерии и наглости. Вскоре послы вернулись. Вследствие этого брат Гунтер фон Шварцбург пришёл с пруссами и другими в большой силе, желая отомстить за их беды. И пеший, и конный, с приступами и стрелами он атаковал город снаружи и изнутри. Названные рыцари, видя это, обратились к Гунтеру, издеваясь над его семьёй, насмехаясь и [делая] другие гадости. Но те всё это сносили с терпением. Поэтому им представили, что названные рыцари и горожане незаконно сражаются против своего законного господина и капитана замка и всей Прусской земли. Поэтому названный Гунтер разгневался и в гневе пошёл со своими людьми на штурм города и овладел им. Так он был взят, и тот перебил всех рыцарей и пр. из-за названных издевательств; и они наполнили ров телами убитых, и никто не был взят в плен. Стены города были разрушены и срыты, и этот раздор был, наконец, прекращён по совету мудрых людей.

После этого тевтонские господа мирно и с честью владели замком, пока не послали к маркграфу Вальдемару, ибо братья сознались, что нет никого ближе их отчизне. Тот, придя, принял Померанию в присутствии многих знатных мужей. Наконец, братья советуются со своими преемниками, как бы им подчинить Померанскую землю целиком. Поэтому они без робости совершают с маркграфом покупку этой земли вплоть до Штольпенской земли и Нового Калиша за наличные, пересчитанные и отвешенные фунты. Они договариваются об этом деле и получают серебро через [два] года после того, как был побеждён Гданьск. Также после Вознесения Господнего в присутствии многих рыцарей и пр. состоялось освобождение от чехов и поляков, маркграфства и поморян, утверждённое грамотами и печатью. О Мария! Помоги нам в последние часы, чтобы и нам не было отказано в твоей поддержке!

Город Гданьск был побеждён в 1309 году от Рождества Христова. На второй год после этого, на Вознесение Господне, Померания была куплена у маркграфа Вальдемара, избавлена, опечатана, освобождена.

Грюнвальдская битва (Ян Длугош, «История Польши»)

Грюнвальдская битва – решающее сражение «Великой войны» 1409-1411 гг., произошедшее 15 июля 1410 г. между союзным польско-литовским и тевтонским войсками. Союз Королевства Польского и Великого княжества Литовского под предводительством короля Владислава II Ягайло и великого князя литовского Витовта одержал решающую победу над Тевтонским орденом под руководством великого магистра Ульриха фон Юнгингена. Большинство рыцарей ордена было убито или взято в плен. Грюнвальдская битва была одной из крупнейших битв средневековой Европы и является одной из важнейших побед в истории Польши и Литвы.

Достаточно подробное изложение событий, связанных с Грюнвальдской битвой представлено в произведении Яна Длугоша, польского историка и дипломата, автора «Истории Польши» в 12 томах.

ГОД ГОСПОДЕНЬ 1410

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ОТРЯДОВ, ЗНАМЕН И ГЕРБОВ ЗЕМЕЛЬ КОРОЛЕВСТВА И МУЖЕЙ, КОТОРЫЕ УЧАСТВОВАЛИ В ПРУССКОЙ ВОЙНЕ.

Между тем как польский король Владислав упорно продолжал слушать богослужение и возносить молитвы¹, все королевское войско, построенное по отрядам и знаменам – польское под командованием Зиндрама из Машковиц, мечника краковского, литовское же под командованием одного великого князя литовского Александра, – подошло с поразительной быстротой и встало боевым строем напротив врага; и тогда как польское войско заняло левое крыло, литовское держало правое. Но в такой крайности всякая быстрота казалась медленной. Было известно, что польское войско имело в этой битве пятьдесят знамен, которые мы называем хоругвями, составленных из известных и опытных рыцарей, кроме литовских хоругвей, числом сорок. Первой хоругвью была большая хоругвь Краковской земли, на знамени которой был белый орел, увенчанный короной, с распростертыми крыльями, на красном поле; в ней заняли ряды все виднейшие вельможи и рыцари Польши и все заслуженные и опытные воины, превосходя все прочие мощью и числом; предводителем ее был упомянутый Зиндрам из Машковиц, а знаменосцем рыцарь Марцин из Вроцимовиц из рода Полукозы; впереди, в ее первом ряду, в силу их превосходства и заслуг стояли девять² рыцарей, а именно: Завиша Черный из Гарбова, герба Сулима; Флориан из Корытниц, герба Елита; Домарат из Кобылян, герба Гжималия; Скарбек из Гур, герба Габданк; Павел Злодзей из Бискупиц, герба Несобя; Ян Варшовский, герба Наленч; Станислав из Харбиновиц, герба Сулима; Якса из Тарговиска, герба Лис. Вторая хоругвь – Гонча, на

знамени которой были два желтых³ креста на лазурном поле; ее вел Енджей из Брохоциц, рыцарь герба Озория, а впереди ее стояли пять рыцарей, а именно: Ян Сумик из Набжоз, герба...⁴, который шестнадцать лет служил у турецкого султана в должности паши, Бартош и Ярослав из Пломикова, герба Помян; Добеслав Оквия, герба Венява, и чех Зигмунт Пиква. Третья хоругвь – дворцовых чинов⁵, имела на знамени воина в доспехах, сидящего на белом коне и потрясающего мечом в руке, на красном поле; ее вели Енджей Цолек из Желехова, герба Цолек⁶, и Ян из Спрова, герба Одровонж; в первом ее ряду были следующие рыцари: Мщуй из Скшинна, герба Лебедь; Александр Горайский, герба Корчак; Николай Повала из Тачова, герба Повалов; Сасин из Выхуча, также герба Повалов. Четвертая – святого Георгия, имевшая на знамени белый крест на красном поле; под ним были все наемные чехи и моравы, а предводителями были чехи Сокол и Збиславек, знаменосцем же был чех Ян Сарновский, так как король Владислав хотел оказать честь чешскому народу. Пятая хоругвь – земли Познанской; на ее знамени был белый орел без короны на красном поле. Шестая – земли Сандомежской, которая имела на одной половине знамени три серые полосы или черты на красном поле, а на другой – семь звезд на лазурном поле. Седьмая – калишская, имела на знамени бычью голову на шахматной доске, украшенную королевским венцом⁷; из ноздрей быка свешивалось круглое кольцо. Восьмая хоругвь, земли Серадзской, имела на одной половине знамени половину белого орла на красном поле, а на другой – половину огненного льва на белом поле⁸. Девятая хоругвь, земли Люблинской, имела на знамени оленя с длинными рогами⁹ на белом поле. Десятая – земли Ленчицкой, имела знаменем половину черного орла и половину белого льва на желтом поле¹⁰. Одиннадцатая, земли Куявской, имела на одной половине знамени половину черного орла на желтом поле, на другой – половину белого льва на красном поле¹¹. Двенадцатая – земли Леопольской, имела на знамени желтого льва, всходящего как бы на скалу, на лазурном поле. Тринадцатая – земли Велюньской, имела на знамени косую снежно-белую черту, разделяющую равномерно красное поле¹²; ввиду редких рядов этой хоругви король для ее пополнения присоединил к ней наемных рыцарей из Силезии. Четырнадцатая хоругвь, земли Пшемысльской, имела на знамени желтого орла с двумя головами, повернутыми равномерно в разные стороны, на лазурном поле. Пятнадцатая – земли Добжинской, имела на знамени изображение старика до бедер, с головой, украшенной короной, и с рогами, на желтом поле. Шестнадцатая хоругвь, земли Холмской, имела на знамени белого медведя, стоящего между двумя зелеными деревьями, на красном поле¹³. Семнадцатая, восемнадцатая и девятнадцатая – земли Подольской, которая имела три знамени, ввиду многочисленности своего населения; каждое из них имело солнечный лик на красном поле¹⁴. Двадцатая – земли Галицкой, имела на знамени черную галку с короной на голове на белом поле. Двадцать первая и двадцать вторая – князя Мазовии, Земовита, имели на знамени белого орла без короны на красном поле. Двадцать третья – князя Мазовии, Януша, имела знамя, разделенное на квадраты белого и красного цвета, расположенные крест-накрест; с белым орлом на двух из них и с вороном на остальных двух. Двадцать четвертая – Миколая Куровского, архиепископа гнезненского, имела на знамени реку, отмеченную наверху крестом, на красном поле. Двадцать пятая – Альберта Ястшембца, епископа познанского, на знамени ее была подкова с крестом в середине, на лазурном поле; предводителем ее был рыцарь Яранд из Брудзева. Двадцать шестая – Кристина из Острова, каштеляна краковского, имела на знамени медведя, уносящего деву в короне, на красном поле¹⁵. Двадцать седьмая – Яна Тарновского, воеводы краковского, имела на знамени серп луны, охватывающий звезду, на лазурном поле. Двадцать восьмая – Сендзивоя из Остророга, воеводы познанского, имела на знамени головную повязку, свитую в круг и перевязанную узлом посередине, с расходящимися концами, на красном поле. Двадцать девятая – Миколая из Михалова, воеводы сандомежского, имела на знамени белую розу на красном поле. Тридцатая – Якуба из Конецполя, воеводы серадзского¹⁶, имела на знамени белую подкову, передней стороной опущенную вниз и отмеченную крестом, на красном поле¹⁷. Тридцать первая – Яна, иначе Ивана, из Обихова, каштеляна сремского, имела на знамени голову зубра с висящим из ноздрей круглым кольцом, на желтом поле. Тридцать вторая – Яна Лигензы из Бобрека, воеводы ленчицкого¹⁸, имела на знамени изображение головы осла на красном поле. Тридцать третья – Енджея из Тенчина, каштеляна войницкого, на ее знамени был двуострый топор на красном поле. Тридцать четвертая – Збигнева из Бжезя, маршалка польского королевства, на знамени ее была львиная голова¹⁹, изрыгающая пламя, на лазурном поле. Тридцать пятая – Петра Шафранца из Песковой скалы, краковского подкомория, на ее знамени был белый конь, опоясанный черной подпругой посередине, на красном поле. Тридцать шестая хоругвь – Клеменса из Мошкокова, каштеляна вислицкого, на ее знамени изображены были два с половиной желтых креста на желтом поле²⁰. Тридцать седьмая – Винцента из Гранова, каштеляна сремского²¹ и старосты Великой Польши, имела на знамени серп луны со звездой в середине, на лазурном поле. Тридцать восьмая – Добеслава из Олесницы, имела на знамени белый крест с тройной чертой в виде W в четвертом углу на красном поле. Тридцать девятая – Спытка из Ярослава, имела на знамени серп луны со звездой посередине, на лазурном поле. Сороковая – Марцина из Славска, имела на знамени в верхней части черного льва, в нижней части – четыре камня²², на коричневом поле. Сорок первая – Доброгоста из Шамотул, имела на знамени повязку, свитую в круг и перевязанную посередине узлом, с расходящимися концами, на красном поле. Сорок вторая – Кристина из Козеглув, каштеляна сандецкого²³, имела на знамени стрелу с двойной поперечиной, украшенную крестом, на красном поле. Сорок третья – Яна Менжика из Домбровы²⁴, имела на знамени две рыбы, называемые форелями, одну на белом поле, другую – на красном. Сорок четвертая – Миколая, подканцлера королевства Польского, имела на знамени три трубы на белом поле²⁵. Сорок пятая – Миколая Кмиты из Висниц, имела на знамени

красную реку, украшенную крестом. Сорок шестая – братьев и рыцарей Грифов, имела на знамени белого грифа²⁶ на красном поле; ее предводителем был Сигизмунд из Бобова, краковский подсудок²⁷. Сорок седьмая – рыцаря Заклики Кожеквицкого, имела на знамени белую черту в виде двойного W, снабженную крестом, на красном поле. Сорок восьмая – братьев и рыцарей Козлероги, имела знаменем три копья²⁸, пересекающиеся на красном поле; ее предводителем был Флориан из Корытниц²⁹, каштелян вислицкий и староста пшедецкий. Сорок девятая – Яна Енчиковца, барона моравского, имела на знамени длинную белую стрелу, разведенную на конце, на красном поле, которая у поляков называется Odrowansz; ее предводителем был Гельм мораванин, и в ней служили одни мораване, которых прислал в подмогу польскому королю Владиславу упомянутый Ян Енчиковец, помня о милостях, оказанных его отцу Енчику королем Владиславом. Пятидесятая – Гневоша из Далевии, краковского подстолия³⁰, имела знаменем белую стрелу, разведенную посередине³¹ направо и налево, с косым крестом над развилкой, на красном поле; в ней служили только наемные рыцари, не из поляков, а из чехов, моравов и силезцев, приведенные упомянутым подстолием Гневошем; герб же и знатный род, носящий оружие с этими знаками, носит у поляков искаженное усеченное название Стшегомя; вместо чего следует лучше произносить «тши гуры», то есть «три горы», по названию силезского города «Тшигоры», иначе «Тшегом», так как он тогда состоял в их владении, отчего и носит название по своему происхождению. Пятьдесят первая – Сигизмунда Корибута, литовского князя³², имела знаменем коня с всадником в доспехах на красном поле. Кроме того, были в литовском войске Александра Витовта, великого князя Литвы, хоругви, под которыми стояли только рыцари литовские, русские, самагитские и татары. Эти хоругви, однако, имели более редкие ряды и меньше оружия, чем польские; так же и конями они не могли сравняться с поляками. Знамена же, определенные таким хоругвям, были почти все одинаковы, ибо почти каждая имела на знамени воина в доспехах, сидящего на белом, иногда черном, либо гнедом, либо пегом коне и потрясающего мечом в простертой руке, на красном поле. Только десять из них имели другое знамя и отличались от остальных тридцати; на них на красном поле были нарисованы знаки, которыми Витовт обыкновенно клеймил своих коней, которых имел множество; так как знаки эти нельзя описать как предметы, их можно изобразить таким образом³³: Назывались же хоругви по именам земель литовских, а именно: Троцкая, Виленская, Гродненская, Ковенская, Лидская, Медницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Новгородская, Брестская, Волковыская, Дрогичинская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская; некоторые же носили названия по именам литовских князей, которые по повелению князя Витовта предводительствовали ими, а именно: Сигизмунда Корибута, Лингвеневича Симеона³⁴, Георгия³⁵.

ОПИСАНИЕ ЗНАМЕН И ОТРЯДОВ КРЕСТОНОСНОГО ВОЙСКА³⁶.

Прусское войско как рыцарской силой, так и числом знамен уступало польскому. Два знамени или хоругви имел магистр: одно первое, большое, в котором состояли все отборные рыцари; другое – малое; оба имели знаменем черный крест с черным же орлом в середине³⁷. Третья хоругвь, тоже всего Ордена, имела знаменем широкий черный крест на белом поле; ее предводителем был Фридрих фон Валлерод, маршал Пруссии. Четвертая – Конрада Белого Контнера, князя олесницкого³⁸, имела знаменем черного орла на желтом поле; из всех князей Силезии он один со своими воинами лично участвовал в битве, хотя нельзя сомневаться, что почти все князья Силезии участвовали в ней желанием и сочувствием. Пятая – князя Казимира Щецинского, имела знаменем грифа на белом поле; князь тоже лично со своими воинами помогал магистру и крестоносцам. Шестая хоругвь – святого Георгия, имела знаменем красный крест на белом поле³⁹; ее предводителем был Георг Керцдорф, и она рыцарскую доблесть предпочитала бегству. Седьмая – епископа помезанского⁴⁰, имела на знамени изображение святого евангелиста Иоанна в виде желтого орла, между двумя желтыми посохами; ее вел Марквард фон Решембург. Восьмая хоругвь – епископа и епископства самбийского⁴¹, имела знаменем три красных клобука на белом поле; ее вел Генрих граф Каменецкий из Миснии. Девятая хоругвь – епископа и епископства кульмского, иначе ризенбургская, имела на белом знамени обнаженный красный меч, скрещенный с красным же посохом; ее предводителем был Дитрих фон Зовембург⁴². Десятая хоругвь – епископа и епископства Вармийского⁴³, иначе гейльбергская, имела верхнюю половину знамени красную с белым изображением агнца божия, держащего над собой одной ногой маленькое знамя; из груди агнца кровь струится в поставленную перед ним чашу; а другую половину – просто белую. Одиннадцатая хоругвь – великого командорства, имела знамя с широкой белой полосой на красном поле; ее предводителем был Конрад Лихтенштейн, великий командор. Двенадцатая хоругвь – города Кульма, имела на одной половине знамени белые волны, на другой половине — красные с добавлением черного креста и черной же черты поверху; знаменосцем ее был Николай, по прозвищу Никш⁴⁴, хорунжий кульмский, которого потом магистр крестоносцев Генрих фон Плауэн, преемник Ульриха фон Юнингена, казнил как нарушившего верность; предводителями же были рыцари Януш Ожеховский и Конрад Репловский. Тринадцатая хоругвь – казначей Ордена, имела знаменем белый ключ на красном поле; предводителем ее был Морейн, казначей крестоносцев⁴⁵. Четырнадцатая хоругвь – командорства и города Грудзендза, имела знаменем черную голову зубра на белом поле; ее предводителем был Вильгельм Эльфештейн, командор Грудзендза. Пятнадцатая – командорства и города Бальги, имела знаменем красного волка на белом поле⁴⁶. Шестнадцатая – командорства и города Шонзее – имела знаменем две красные рыбы, изогнутые так, что они соприкасались ртами и хвостами, на белом поле; ее предводителем был Никлош Вильц, командор Шонзее. Семнадцатая хоругвь – города Кинсберга имела знаменем белого льва с желтой короной на голове, на красном поле; над ним помещен был черный крест на

белом поле; ее предводителем был вице-маршал или вице-командор кинсбергский. Восемнадцатая хоругвь – командорства Старогардского, имела на знамени четыре квадратных поля, частью черных, частью белых, расположенных крест-накрест. Ее предводителем был Вильгельм Ниппен, командор Старгарда⁴⁷. Девятнадцатая хоругвь – командорства и города Тухоли, имела на знамени два поля – красное и белое, разделенные каждое посередине продольными черными чертами; ее предводителем был Генрих⁴⁸, командор тухольский, спесь, ослепление и дерзость которого дошли до того, что, отправившись в этот поход, он приказывал, куда бы он ни шел, нести перед собой два обнаженных меча. Когда некоторые честные и скромные люди советовали ему не вести себя так надменно, то он обязался клятвой, что не вложит этих мечей в ножны, пока не обагрят их оба кровью поляков. Двадцатая хоругвь – замка и командорства нешавского, имела знаменем в середине белое поле, а с обеих сторон – черные; ее предводителем был Конрад Гоцфельд⁴⁹, командор нешавский. Двадцать первая хоругвь – рыцарей и наемников из Вестфалии, имела на поле две скрещенных красных стрелы. Двадцать вторая – фогства и города Рогозьно, имела на белом поле три розы на красной косой полосе; ее предводителем был Фридрих Вед, рогозьненский фогт⁵⁰. Двадцать третья – командорства и города Гданьска, имела на знамени два креста: именно один красный на белом поле и другой белый – на красном; ее предводителем был Иоганн Шоменфельд, командор гданьский⁵¹. Двадцать четвертая – командорства и города Энгельсберга (который по-польски зовется Копшивно), имела на красном поле изображение белого ангела с распростертыми крылами и руками; ее вел Бурхард Вобек, командор энгельсбергский. Двадцать пятая – командорства и города Бродницы, имела знаменем красного рогатого оленя на белом поле; ее предводителем был Балдуин Штолл⁵², командор бродницкий. Двадцать шестая – замка Братиана и города Нове Место, имела знаменем три коричневых оленьих рога, соединенные в круг, на белом поле; ее предводителем был Иоганн фон Редере, фогт братианский. Двадцать седьмая – города Брунсберга, имела знаменем два креста, один белый на черном поле, другой – черный на белом. Двадцать восьмая – наемных рыцарей, имела знаменем две скрещенных стрелы: одну заостренную, другую же без железного острия, а только с древком; та и другая – красные, на белом поле. Двадцать девятая – наемных рыцарей, имела знаменем белого волка на красном поле: в ней состояли швейцарские воины, пришедшие на помощь магистру прусскому и Ордену собственным иждивением. Тридцатая – командорства и города Ласина, иначе Лешкена, имела знамя в три поля: верхнее – красное, нижнее – черное, а среднее – белое; вел ее Генрих Кушечке, фогт ласинский⁵³. Тридцать первая – командорства и города Члухова, имела на знамени в верхней части, на красном поле, изображение белого агнца божьего, держащего над собой одной ногой белое маленькое знамя; из груди его струится кровь в чашу; а в нижней части – только белое поле; вел ее Арнольд фон Баден, командор члуховский. Тридцать вторая – города Бартештейна, имела знаменем белую секиру на черном поле. Тридцать третья – командорства и города Остероды; ее знамя составляли четыре квадратных поля, именно белые и красные, расположенные крест-накрест; ее вел Пенченгаун, остеродский командор⁵⁴. Тридцать четвертая – рыцарей Кульмской земли, имела на знамени красные и белые волны с черным крестом над ними; ее вел граф Иоганн фон Зейн, командор торуньский. Тридцать пятая – командорства и города Эльбинга, имела на знамени два белых креста, один в верхней части, другой – в нижней, на красном поле⁵⁵; вел ее Вернер Теттинген, командор эльбингский. Тридцать шестая – иноземных рыцарей из нижней Германии, имела знаменем широкую черную косую полосу на белом поле. Тридцать седьмая – командорства и города Торуня, имела на знамени замок с тремя красными башнями и черными воротами с двумя открытыми желтыми створками, на белом поле; вел ее вице-командор торуньский. Тридцать восьмая – собранная из рыцарей, прибывших с Рейна, имела знаменем на белом поле косую широкую черную черту. Тридцать девятая – города Гнева, иначе, по-немецки, Меве, которую вел Иоганн граф фон Венде, командор гневский⁵⁶; его подручными были жители и горожане Гневского округа; она была набрана из рыцарей, прибывших из Франконии; на ее знамени были две белых скрещенных стрелы на красном поле, одна заостренная, другая без железного острия, только с древком. Сороковая – города, называемого Свента Секирка, по-немецки Хейльгебейт, имела знаменем на черном поле белую секиру. Сорок первая – командорства и города Брунсвика, имела знаменем на лазурном поле красного льва с белыми полосами в трех местах, именно на груди, животе и на одной ноге, и с желтой короной на голове⁵⁷. Сорок вторая – командорства и города Гданьска, имела в верхней части знамени красный крест на белом поле, в нижней – белый крест на красном поле; предводителем ее был вице-командор гданьский⁵⁸. Сорок третья – состоявшая из рыцарей из Миснии, имела в верхней части знамени белый крест на красном поле, а в нижней – красный крест на белом поле. Сорок четвертая – командорства и города Щитно, имела знамя, разделенное наискось на белое и красное поле; вел ее Альберт фон Эчбор, командор Щитна, иначе Ортельсбурга. Сорок пятая – командорства и города Рагнеты, имела знаменем три красных клобука на белом поле; ее вел граф Фридрих фон Цоллерн, командор Рагнеты⁵⁹. Сорок шестая – города Книпова, имела в верхней части знамени красную корону на белом поле, а в нижней части – белый крест на красном поле⁶⁰. Сорок седьмая – состоявшая из ливонцев, имела знамя в три поля: верхнее светло-голубое, посередине – белое и нижнее – красное. Сорок восьмая – фогтства и города Тчева, имела знаменем четыре белых и черных чередующихся поля, наподобие частокола; ее вел Матиас фон Беберах, тчевский фогт⁶¹. Сорок девятая – города Большого Ольштына, иначе Мельзак, имела знамя из трех полей: вверху – черное, посередине – белое и нижнее – красное⁶². Пятидесятая хоругвь – наемных рыцарей, имела знамя с четырьмя квадратными полями, двумя лазурными и двумя красными, расположенными крест-накрест. Пятьдесят первая – командорства и города Бранденбурга, имела знаменем красного орла на поле; ее вел

Марквард фон Зальцбах, командор бранденбургский. Хоругвь же командорства и города Свеца, знамя которой состояло только из белых и красных полей, расположенных крест-накрест, не участвовала в настоящей битве, ибо командор свеценский Генрих фон Плауэн со всеми местными воинами и рыцарями Свеценского командорства был оставлен на месте, чтобы защищать Померанскую землю от нападения и опустошения, которого опасались со стороны Януша Бжозоголового из замка Бьдгощи, так что командор свеценский со своей хоругвью и воинами не мог принять участия в битве.

ПОДКАНЦЛЕР УПРЕКАМИ УДЕРЖИВАЕТ ЧЕХОВ ОТ ОТПАДЕНИЯ.

В этот день триста чехов-наемников без согласия и без ведома короля ушли было из королевского лагеря, неизвестно из страха ли, или подкупленные врагами. Встретив их уходящими, Миколай, подканцлер Польского королевства, следовавший за королевским лагерем, на вопрос, куда они направляются и по какой причине уходят, получил ответ, что король не производит им выплату выслуженного жалованья. «Я знаю, – сказал подканцлер, – что король Владислав щедро заплатил все, что вы выслужили, и даже прежде чем вы выслужили, так что побудила вас к вашему нынешнему уходу не обида, на которую вы должны бы были жаловаться прежде всего королю и его советникам, но страх и малодушие, когда вы узнали, что у короля сегодня будет сражение с врагами». Эта резкая речь столь сильно задела и уязвила чехов, что они оставили мысль об уходе, и, возвратившись в покинутый ими королевский лагерь, вскоре поспешили на битву, чтобы вместе с королевскими рыцарями вступить в схватку с врагами.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ, ВЗОЙДЯ НА ХОЛМ, ОСМАТРИВАЕТ ВРАЖЕСКОЕ ВОЙСКО И ОТСЫЛАЕТ В ОБОЗНЫЙ ЛАГЕРЬ НЕСПОСОБНЫХ К СРАЖЕНИЮ.

Закончив полностью свои молитвы, Владислав, король польский, уставший от просьб и криков уже не только великого князя Литвы, Александра, но и своих рыцарей, призывавших его вооружиться на битву, встает с колен, надевает вооружение, облачается с головы до ног в блестящие доспехи; тут его осаждают рыцари новыми, еще более громкими криками с требованием скорее подать знак к битве, ибо ничего не казалось им достаточно скорым. Хотя как польское, так и литовское войска, построенные в боевом порядке, вышли на бой, и вражеские силы стояли напротив, на расстоянии не более полета стрелы, при оружии и готовые к бою, и хотя между ними завязывались уже предварительные стычки в отдельных поединках, однако поляки считали противным чести вступить в бой с врагом, пока король не подал знака.

Польские рыцари непоколебимо решились или победить, или умереть. Прусское же войско не обладало такой твердостью духа, так как состояло из смешения воинов разных языков и народностей и, кроме того, из толпы ремесленников, слуг и обозной прислуги, бесполезных на войне.

Итак, король, облачившись в доспехи, сел на коня, и без всяких знаков королевского достоинства (за исключением того, что перед ним несли малого размера знамя с вышитым на нем белым орлом) проследовал на высокий холм, чтобы осмотреть вражеское войско; взойдя на вершину, находившуюся между двумя рощами, где была широкая поляна, откуда легко можно было полностью обозреть врагов, король, оценивая скорее на глаз, чем разумным расчетом, свои и вражеские силы, приходит то к радостным, то к грустным для себя предвидениям; насмотревшись вдоволь на численность вражеского войска, он спустился с холма и препоясал большое число поляков рыцарским поясом⁶³, разжигая в них краткой, но веской речью боевой пыл и наставляя каждого в долге чести; затем король, как был, на коне, снова совершил исповедание грехов Миколаю, подканцлеру Польского королевства⁶⁴. Затем, сменив коня, он сел на сильного и выносливого, выбранного из тысяч, мерина, рыжеватой, иначе *czisawy*⁶⁵, масти, с маленькой и узкой лысинкой на лбу, и потребовал шлем. Взяв его и держа в руках, он велел Миколаю, подканцлеру королевства Польского, со всеми священниками и нотариумами и прочей толпой невоенных людей, бесполезных в сражении, идти в обоз и ожидать его прибытия, которое последует, когда войско будет построено. Ибо по тайному и здравому суждению было решено, чтобы король не подвергал себя опасности битвы, держась в обозе и лагере. И вот, исполняя решение своих советников, Владислав, король польский, велел подканцлеру Миколаю отправиться вперед в лагерь, подавая надежду, что и сам туда прибудет, чтобы не быть вынуждену и самому, если бы он не подал надежды, что и сам последует за ним, по настоянию советников удалиться к обозу.

ПРУССКИЙ МАГИСТР УЛЬРИХ, ОСМОТРЕВ СВОИ И ВРАЖЕСКИЕ ВОЙСКА, ПРОЛИВАЕТ СЛЕЗЫ, ВЫЗЫВАЯ ЭТИМ ПОРИЦАНИЕ ВЕРНЕРА ТЕТТИНГЕНА, КОМАНДОРА ЭЛЬБИНГСКОГО.

В это время магистр крестоносцев Ульрих фон Юнингген, увидя, что и королевские и его войска в великом множестве сошлись и стоят в боевом строю, по отрядам, готовые к сражению, утратившись и, сменив самонадеянность, которая обуяла его до дерзости, на тревогу, удалился в сторону и не только предался скорби, но даже дал волю обильно текущим слезам. Между тем такое поведение магистра очень не понравилось его командорам, толпа которых его окружала; эльбингский командор Вернер Теттинген, подойдя к нему, при всех стал попрекать, убеждая вести себя как мужчина, а не как женщина, и лучше подать пример мужества, чем малодушия своим рыцарям, ожидающим от него знака к битве. Без гнева снеся этот попрек, магистр Ульрих отвечает, что он пролил слезы, которые все видели, не по какой-либо робости или малодушию, а в силу своей набожности и истинной скорби о том, что именно при его магистерстве и правлении будет пролито столь много христианской крови, что даже тот, кто не станет очевидцем, сможет получить об этом представление. Он страшится также, как бы уже пролитая кровь и та, что сейчас будет пролита, не была бы взыскана с него, и поэтому он не в силах скрыть тревоги или скорби и горестных предчувствий. Он добавил также, что как муж

решительный пойдет в битву без страха и в час испытаний будет тверд до конца, на чью бы сторону ни выпад жребий. А Вернер Теттинген пусть лучше смотрит за собой, заботясь лучше о себе и о своей особе, звании и положении; пусть он не мнит о себе и о своих силах столь надменно и высокомерно, чтобы, когда наступит битва, не пасть с тем большим позором, чем надменнее он превозносится над прочими.

Это предостережение не было напрасно: ведь магистр Пруссии Ульрих пал, сражаясь грудью с врагом, почитая недостойным пережить поражение своего войска; Вернер же Теттинген, командор эльбингский (который позорно бежал с поля битвы и не мог остановиться в своем бегстве, пока не достиг Эльбинга), станет для всех примером хвастливости и надменности, не оставшихся безнаказанными.

СПОКОЙНО ПРИНЯВ ЗАНОСЧИВОЕ ПОСОЛЬСТВО УЛЬРИХА, МАГИСТРА ПРУССИИ, И ПРИСЛАННЫЕ ИМ ДВА ОБНАЖЕННЫХ МЕЧА, КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ НАЗНАЧАЕТ СЕБЕ ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ И ПОВЕЛЕВАЕТ ДАТЬ ЗНАК К БИТВЕ.

Получив королевский приказ, Николай, подканцлер Польского королевства, выступил было впереди короля к обозу; между тем, когда король уже хотел надеть шлем на голову и ринуться в битву, вдруг возвещают о прибытии двух герольдов; один из них нес знамя короля римлян, именно с черным орлом на золотом поле, а другой – князя щецинского, с красным грифом на белом поле. Герольды выступили из вражеского войска, неся в руках два обнаженных меча без ножен, требуя, чтобы их отвели к королю, и были приведены к нему под охраной польских рыцарей, во избежание оскорблений. Магистр Пруссии, Ульрих, послал их к королю Владиславу, чтобы побудить его немедленно завязать битву и сразиться в строю, прибавив к тому же еще и дерзостные поручения. Увидя герольдов и предполагая, что они, как это и было, пришли с каким-то новым и необычным посольством, Владислав, король польский, велел вызвать обратно подканцлера Миколая и выслушал объявление герольдов в присутствии его и некоторых вельмож, несших личную охрану короля, а именно: князя Мазовии Земовита младшего⁶⁶, племянника по родной сестре короля, Яна Менжика из Домбровы, чеха Золавы, секретаря Збигнева из Олесницы⁶⁷, Добеслава Кобылы, Волчка Рокуты, Богуфала, начальника кухни, Збигнева Чайки из Новодвора, носителя королевского копья, носителя малого знамени Миколая Моравца и Данилки из Руси, носителя королевских стрел; ввиду того, что великий князь Литвы Александр спешил на бой и был занят построением своих войск, вызвать его не удалось. Оказав королю подобающее уважение, послы изложили на немецком языке цель своего посольства, причем переводил Ян Менжик таким образом: «Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату (они опустили как имя Александра, так и звание князя) через нас, герольдов, присутствующих здесь, два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дольше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии, Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов отступить, насколько ты хочешь от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы»⁶⁸.

Так сказали герольды. И в самый момент этого объявления замечено было, что войско крестоносцев, в подтверждение сказанного герольдами, отступило на значительное расстояние, чтобы видно было, что оно на деле подтверждает достоверность заявления герольдов. Это заявление было, конечно, глупым и не подобающим набожности крестоносцев: как будто бы им было ведомо, что успех находится в их власти и что кому судьба определит в этот день. Владислав же, король Польши, выслушав дерзкое и заносчивое посольство крестоносцев, принял мечи из рук герольдов и, без всякого раздражения и негодования, а со слезами, без какого-либо осуждения, но с удивительным, как бы небесным смирением, терпением и скромностью дал герольдам ответ: «Хотя у меня и моего войска достаточно мечей и я не нуждаюсь во вражеском оружии, однако ради большей поддержки, охраны и защиты моего правого дела и эти посланные моими врагами, жаждущими моей и моего народа крови и истребления два меча, доставленные вами, я принимаю во имя бога и прибегну к нему, как к справедливейшему карателю нестерпимой гордыни, к его матери, деве Марии, и заступникам моим и королевства моего, святым Станиславу, Адальберту, Венцеславу, Флориану и Ядвиге⁶⁹. Я буду молить их обратить гнев свой на них, как на столь же дерзких, сколь и нечестивых врагов; ведь врагов моих нельзя утишить и умиротворить ни справедливостью, ни смирением, ни предложениями моими, пока они не прольют кровь, не растерзают утробу и не наденут нам на шею ярма. На надежнейшей защите божией и его святых и их поддержке и заботе покоится моя уверенность, что они поддержат меня и мой народ силами своими и своим заступничеством и не допустят, чтобы я и народ мой были повержены столь лютыми врагами, у которых столь часто я искал мира. И в настоящий момент я не отверг бы мира, если бы он был возможен на справедливых условиях; я отвел бы даже теперь занесенную для битвы руку, если бы даже видел в этих двух мечах, принесенных вами, явное небесное знамение, предвещающее мне победу в бою. Выбора же поля битвы я для себя не требую и не притязую на это, но как подобает христианину, человеку и королю, установление его я предоставляю божественной воле, чтобы получить то место для сражения и тот исход войны, какие будут определены божественной милостью и счастьем нынешнего дня; я уверен в том, что всевышний положит ярости крестоносцев конец, которым и ныне и на будущее время укрощена будет их столь нечестивая и нестерпимая гордыня, ибо я твердо знаю, что вышние силы будут стоять за правое дело. Поле, на котором мы стоим и где нам предстоит сразиться, Марс, равный для обеих сторон, и справедливый судья подавят и унижат великую, превозносящуюся до небес гордыню моих врагов, по упованию моему, что бог окажет помощь мне и

моему народу в предстоящей битве». (Упомянутые два меча, дерзостно посланные крестоносцами в помощь польскому королю, хранятся и по сей день в королевской сокровищнице в Кракове, служа всегда новым и неувядающим напоминанием на будущее время о дерзости и поражении одной стороны и о смирении и торжестве другой.)

Сказав это и передав герольдов под охрану рыцаря Дзивиша Мажацкого, герба Елита, а подканцлеру снова велел следовать в лагерь, король надевает шлем на голову и во имя господ приказывает войску выступать и дать сигнал к бою, а рыцарям начинать сражение. Король призывает и молит всевышнего обратить свой гнев на крестоносцев, как на нарушителей договоров и людей безбожной гордыни, презирающих всяческую справедливость, а доблесть его рыцарей воодушевить и поддержать, ибо кротчайший король даже под скрежет и звон оружия и под резкие звуки труб стремился к справедливому решению, готовый отставить все орудия войны, лишь бы заключить мир на справедливых условиях. Однако, выслушав оскорбительное и заносчивое посольство крестоносцев, король отказался от этой мысли; он отложил всякую надежду на мир, которую хранил до этого часа, считая тщетным свое старание при том, что крестоносцы всюду трубили о своей великой гордыне. Это был, бесспорно, наилучший король, побеждавший врагов своих не столько мечом, сколько кротостью и справедливостью, сражаясь больше церковными службами и молитвой, чем оружием. Так положено было и по зрелом обсуждении решено, чтобы Владислав, король польский, не становился ни в какую определенную хоругвь, под каким бы знаменем она ни была; главнейшей заботой в тот день было всячески охранять его жизнь, и было дано весьма ясное распоряжение, чтобы сам король держался в удаленном и надежном месте, неизвестном не только врагам, но даже своим, огражденный свитой и отборной охраной войска из телохранителей и рыцарей. Были поставлены также в разных местах быстрые кони, сменяя которых король мог бы избегнуть опасности в случае победы врагов, потому что короля одного оценивали в десять тысяч рыцарей. В отряде королевских телохранителей было (как мы упомянули выше) маленькое знамя с белым орлом в качестве герба; его знаменосцем был Миколай Моравец из Куношовки, герба Повала. Сам же отряд телохранителей состоял из шестидесяти рыцарей-копьеносцев⁷⁰. Главными королевскими телохранителями были следующие: Земовит младший, князь Мазовии, сын Земовита старшего, племянник короля по родной сестре; Федушко, иначе Феодосий, литовский князь⁷¹, со значительным отрядом воинов, и Сигизмунд-Корибут, литовский князь, племянники короля по отцу: эти три князя были его родственниками. Кроме того, при короле были Миколай, подканцлер королевства Польского, герба Тромба, впоследствии гнезненский архиепископ; Збигнев из Олесницы, герба Дембно, впоследствии краковский епископ и кардинал; Ян Менжик из Домбровы, герба Вадвиц, впоследствии воевода леопольский; Ян Золава, чешский барон, герба Товачов; Беньаш Беруш из Бялы, главный королевский спальник, герба Веруша; Генрих из Рогова, герба Дзялоша, впоследствии подскарбий Польского королевства⁷²; Збигнев Чайка из Новодвора, герба Дембно, который нес королевское копьё; Петр Мадаленский, герба, имеющего два плужных лемеха, повернутых спинками друг к другу на голубом поле, называемого по-польски...⁷³; чех Ян Сокол и многие другие. Александр же Витовт, великий князь Литвы, предоставивший охрану своей жизни и свободы одному богу, скакал, разъезжая по всему как польскому, так и литовскому войску, часто сменяя лошадей, с немногими спутниками, но без всяких телохранителей; князь восстанавливал во многих местах расстроенные ряды литовского войска, и возобновлял бой, и громким криком и возгласами до самого конца всячески, но тщетно удерживал своих от бегства.

ПОЛЯКИ И КРЕСТОНОСЦЫ СХОДЯТСЯ, И ПРОИСХОДИТ ЖЕСТОЧАЙШАЯ БИТВА.

Лишь только зазвучали трубы, все королевское войско громким голосом запело отчую песнь «Богородицу», а затем, потрясая копьями, ринулось в бой. Войско же литовское, по приказу князя Александра, не терпевшего никакого промедления, еще ранее начало сражение. Уже Миколай, подканцлер королевства Польского, направляясь вместе со священниками и нотариями в королевский лагерь и проливая обильные слезы, повернул в сторону, потеряв из виду короля, когда один из нотариев предложил ему несколько приостановиться и дожидаться столкновения столь могучих войск, – зрелища, конечно, редкостного, какого никогда потом не увидеть! Согласившись на его предложение, Миколай обратил лицо и взоры на завязавшееся сражение. В это самое время оба войска, подняв с обеих сторон крик, который обычно издавали, устремляясь в бой, сошлись посреди разделявшей их равнины, причем крестоносцы после по крайней мере двух выстрелов из бомбард старались разбить и опрокинуть польское войско; однако усилия их были тщетны, хотя прусское войско бросилось в бой с более сильным натиском и криком и с более высокого места. На месте столкновения стояло шесть высоких дубов; на ветви их взобралось много людей (неизвестно – из королевского войска, или из войска крестоносцев), чтобы видеть сверху столкновение передних рядов и успехи того и другого войска. Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди на расстоянии даже нескольких миль. Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи, и острия копий направлялись в лица врагов; когда же хоругви сошлись, то нельзя было отличить робкого от отважного, мужественного от труса, так как те и другие сгрудились в какой-то клубок и было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного. Наконец, когда копья были переломаны, ряды той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный

грохот, какой производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями; и тогда среди сражающихся самый отважный Марс мог быть замечен только по руке и мечу.

ЛИТОВЦЫ, ПОКАЗАВ ТЫЛ, БЕГУТ ДО САМОЙ ЛИТВЫ.

Сойдясь друг с другом, оба войска сражались почти в течение часа с неопределенным успехом; и так как ни то, ни другое войско не поддавалось назад, с сильнейшим упорством добиваясь победы, то нельзя было ясно распознать, на чью сторону клонится счастье или кто одержит верх в сражении. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжелая и опасная схватка (так как их передние ряды уже были истреблены), обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско; войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение, и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть. Отбросив литовцев, крестоносцы могли бы сильнее ударить по польскому войску. Однако их расчет не вполне оправдал надежды. Когда среди литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдерживать вражеский натиск, оказалось в худшем положении и даже отошло на расстояние одного югера⁷⁴; когда же крестоносцы стали теснить сильнее, оно было вынуждено снова и снова отступать и, наконец, обратилось в бегство. Великий князь литовский Александр тщетно старался остановить бегство побоями и громкими криками. В бегстве литовцы увлекли с собой даже большое число поляков, которые были приданы им в помощь. Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстоянии многих миль, и считали себя уже вполне победителями. Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы; там они сообщили, что король Владислав убит, убит также и Александр, великий князь литовский, и что, сверх того, их войска совершенно истреблены. В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство⁷⁵, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптанно в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении⁷⁶; все же остальные, оставя поляков сражаться, бросились врассыпную в бегство, преследуемые врагом. Александр же Витовт, великий князь литовский, весьма огорчаясь бегством своего войска и опасаясь, что из-за несчастной для них битвы будет сломлен и дух поляков, посылал одного за другим гонцов к королю, чтобы тот спешил без всякого промедления в бой; после напрасных просьб князь спешно прискакал сам, без всяких спутников, и всячески упрашивал короля выступить в бой, чтобы своим присутствием придать сражающимся больше одушевления и отваги.

РЫЦАРИ ЧЕШСКИЕ И МОРАВСКИЕ, ИЗ ТРУСОСТИ ИЛИ ПО УМЫСЛУ СВОЕГО НАЧАЛЬНИКА ЯНА САРНОВСКОГО, УХОДЯТ ИЗ РЯДОВ ВОЙСКА В БЛИЖАЙШИЙ ЛЕС; ЗАТЕМ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В БОЙ ИЗ-ЗА УПРЕКОВ ПОДКАНЦЛера, А ИХ НАЧАЛЬНИК ТЕРЯЕТ ВОИНСКУЮ ЧЕСТЬ.

В то же время обратилась в бегство также и хоругвь святого Георгия на королевском крыле, в которой служили только чешские и моравские наемники и которую дали вести чеху Яну Сарновскому. Со всеми чешскими и моравскими воинами хоругвь ушла в рощу, где Владислав, король Польши, жаловал верных воинов рыцарской перевязью, и стояла в этой роще, не думая возвращаться в бой. Подканцлер Польского королевства Миколай заметил ее, но счел не за чешскую, а за хоругвь рыцаря Добеслава из Олесницы и его рода и семьи (ибо белый крест, изображенный на их хоругви, имел некоторое сходство с белым крестом, который носил в качестве герба на знамени Добеслав из Олесницы). Охваченный великим негодованием, подканцлер выбегает из королевского лагеря вместе с нотариумами и священниками и прибывает к самому месту стоянки хоругви, и, считая, что там находится Добеслав из Олесницы, обращает к нему брань и укоры в таких словах: «Как ты мог, неверный и бессовестный рыцарь, обратиться в позорное бегство в то время, как кипит битва за твоего короля и твой народ, а твои соратники яростно сражаются, находясь в крайней опасности? И тебе не стыдно укрываться в этом лесу и прятаться, уклоняясь от сражения, тебе, который некогда так часто одерживал победы в личных поединках, благодаря твоей исключительной телесной силе. Подобает ли это твоей чести? Ты пятнаешь себя и весь твой род столь безмерным преступлением, что не найдешь никогда достаточно сильнодействующих вод, чтобы смыть его». Сильно задетый такой речью, упомянутый знаменосец, чех Ян Сарновский, полагая, что она обращена к нему, подняв забрало своего шлема, ответил вице-канцлеру Миколаю: «Не страхом и не своей волей, почтенный отец, но натиском и потоком бегущих из сражения и стоящих под моим знаменем я занесен сюда». Однако стоявшие под знаменем чешские и моравские рыцари – Явор, Сигизмунд, Раковец из Ракова и другие – сказали: «Свидетельствуем тебе, достойный муж, что нас погнал в этот лес с поля битвы этот негодяй, наш начальник, и чтобы никто не осудил нас за преступное бегство, мы возвращаемся в бой, покинув нашего начальника и знамя, которое он несет». Сказав это, они немедленно покидают Яна Сарновского и знамя и сколь возможно быстрее возвращаются на поле сражения и присоединяются к рядам польских рыцарей⁷⁷. Упомянутый же чех Ян Сарновский лишился с того времени чести, так что даже его собственная жена, по возвращении его из королевства Польского после битвы, упорно не желала принимать его ни в замок, ни на ложе, ставя ему в вину подлое бегство. Под тяжестью таких оскорблений и укоризн он прожил недолго и угас, захнувшись от постоянной тоски и печали. Ведь измена и малодушие, обнаруженные им в тот день в отношении Владислава, короля польского, когда этот рыцарь добровольно бежал с поля битвы, дошли до всеобщего сведения и стали известны и при дворе Сигизмунда,

короля венгерского, и среди чешских и моравских баронов; этот поступок нельзя было ничем изгладить, смыть или стереть из памяти даже с течением времени. А совершилось ли бегство и отпадение упомянутого Яна из малодушья или он был подкуплен золотом крестоносцев, в точности неизвестно.

ПОЛЯКИ СНОВА ВОДРУЖАЮТ ЗНАМЯ, УПАВШЕЕ ПОД НАТИСКОМ ВРАГОВ. ПРУССАКИ, ВОЗВРАТИВШИСЬ ПОСЛЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЛИТОВЦЕВ, ВОЗОБНОВЛЯЮТ БИТВУ, И ОДНОГО ИЗ НИХ, КОТОРЫЙ СО ВСЕЙ СИЛОЙ УСТРЕМИЛСЯ НА КОРОЛЯ, УБИВАЕТ БЕЗОРУЖНЫЙ ЗБИГНЕВ ИЗ ОЛЕСНИЦЫ, КОРОЛЕВСКИЙ НОТАРИЙ.

После того как литовское войско обратилось в бегство и страшная пыль, застилавшая поле сражения и бойцов, была прибита выпавшим приятным небольшим дождем, в разных местах снова начинается жестокий бой между польским и прусским войсками. Между тем как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом (которое нес Марцин из Вроцимовиц, хорунжий краковский, рыцарь герба Полукозы) под вражеским натиском рушится на землю. Однако благодаря весьма опытным и заслуженным рыцарям, которые состояли при нем и тут же задержали его падение, знамя подняли и водрузили на место; если бы отборный отряд храбрейших рыцарей не встал около него грудью, защищая его своими телами и оружием, то знамя не удалось бы снова водрузить. Чтобы загладить это унижение и обиду, польские рыцари в яростном натиске бросаются на врагов и всю ту вражескую силу, которая сошлась с ними в рукопашном бою, опрокинув, повергают на землю и сокрушают. Между тем возвращается войско крестоносцев, преследовавшее бегущих литовцев и русских; ведя с собой множество пленных и держа себя победителями, крестоносцы, очень довольные, спешат в прусский лагерь. Но, видя, что бой принимает неблагоприятный оборот для их оружия и сил, они бросают пленных и добычу и скачут в бой на подмогу своим, которые к тому времени сражались уже менее охотно. С подходом новых воинов борьба между войсками становится ожесточенной. И так как с обеих сторон пало множество воинов и войско крестоносцев понесло тяжелые потери рыцарями, а к тому же его отряды смешались и предводители их были перебиты, то появилась надежда, что оно обратится в бегство. Однако, благодаря упорству крестоносцев Ордена и рыцарей чешских и немецких, замиравшее уже было во многих местах сражение снова возобновилось.

В то время как битва между тем и другим войсками еще продолжала кипеть, Владислав, король польский, стоял, наблюдая издали мужество сражавшихся; возложив упование на милость божию, король молча ожидал бегства и окончательного разгрома врагов, которые, как он видел, в нескольких местах были уже опрокинуты и повержены. Между тем в сражение вступили шестнадцать свежих вражеских хоругвей (под столькими же знаменами), целых, еще не испытавших военного счастья; повернув ряды в сторону, где стоял король Польши только с телохранителями, они, казалось, устремились на него, потрясая копьями. Король же, полагая, что вражеское войско бросилось на него в расчете на малочисленность его охраны, и страшась крайней опасности, отправляет Збигнева из Олесницы, своего нотариуса, к расположенным поблизости воинам, стоявшим под знаменем дворцовых рыцарей; король приказывает спешно идти на помощь, чтобы отвратить грозную опасность, которой подвергнется жизнь их короля, если они не подспеют достаточно быстро. Но и эта хоругвь как раз собиралась вступить в бой. Поэтому королевский рыцарь Миколай Келбаса, герба Наленч, один из стоявших под этим знаменем, обнажив саблю против королевского вестника, нотариуса Збигнева, грозным голосом бранит его, приказывая удалиться. «Разве ты не видишь, несчастный, что на нас нападают враги, а ты понуждаешь нас, оставив предстоящее сражение, идти на защиту короля! Что же это – как не бежать из строя и, отступая, подставлять спину врагу, чтобы когда наши силы будут сломлены, подвергнуть нас и короля явной опасности?» Получив отпор такими упреками, Збигнев из Олесницы уходит из дворцовой хоругви, в середину которой он зашел; тотчас же королевские воины сходятся с врагом и, сражаясь с величайшим мужеством, теснят и опрокидывают его. Между тем Збигнев из Олесницы, возвратившись к королю, сообщает, что все рыцари пойдут в сражение и добавляет, что те, кто сражается или собирается вступить в бой, не могут принять ни совета, ни приказания. К прочим же хоругвям, ведшим бой, сказал королю Збигнев, он не подходил, так как из-за шума и суматохи они не могли бы принять ни совета, ни повеления. Тогда малое королевское знамя, которое носили за королем, с белым орлом на красном поле в качестве герба, из осторожности унесли, чтобы не выдать пребывания здесь короля, и спрятали по распоряжению королевских телохранителей; короля же Владислава заслонили конями и людьми, обступившими его, чтобы не догадаться, что он там стоит. Король Владислав стремился в бой с большим пылом и давал коню шпоры, порываясь ринуться в самую гущу врагов, так что его с трудом удерживали обступившие телохранители. Из-за этого чеха Золаву, одного из телохранителей, слишком грубо схватившего королевского коня за узду, чтобы он не мог ехать дальше, король ударил концом своего копья, но не сильно; король требовал пустить его в бой, пока его не отговорили и не удержали просьбами и решительным сопротивлением все телохранители, заверявшие его, что они пойдут на любую крайность, прежде чем это произойдет. Между тем рыцарь прусского войска, немец родом, которого звали Диппольд Кикериц фон Дибер, из Лузании, с золотой перевязью, в белом тевтонском плаще (который по-польски мы называем *jakka*)⁷⁸, с ног до головы облаченный в доспехи, выскочил на рыжей лошади из рядов большой прусской хоругви (находившейся в числе упомянутых шестнадцати); затем подскакав к самому месту, где стоял король, и потрясая копьем на виду всего вражеского войска, стоявшего под шестнадцатью знаменами, казалось, собирался напасть на короля. Между тем король Владислав, стараясь отразить его нападение, и сам взмахнул копьем; Збигнев из Олесницы, королевский нотариус, без доспехов и безоружный, предупредив удар,

грозивший королю, обломком копья поразил рыцаря в бок, сбросив его с коня на землю. Король Владислав ударил врага, который беспомощно бился лежа на спине, копьем в лоб, открытый свороченным вверх шлемом, не причинив вреда; охранявшие короля рыцари тут же убили врага, а пешие воины сняли с него оружие и доспехи. Мог ли кто-нибудь совершить в той битве что-либо более удачное? Конечно, не было совершенно ничего более мужественного, ничего более отважного, чем подвиг Збигнева; ведь он отважился без оружия и доспехов напасть на вооруженного с головы до ног, юноша – на мужа, и притом еще неопытный воин – на заслуженного рыцаря; обломком копья он преодолел длиннейшее копье и, сбросив грозного врага с коня, отвратил не только от своего короля, но и от целого войска опасность, которая могла возникнуть в случае ранения или смерти короля. Телохранители короля наперерыв стали превозносить перед королем отвагу Збигнева, и Владислав, польский король, выразил сильное желание отличить его, опоясав рыцарской перевязью в награду за этот славный подвиг. Однако благородный юноша не допустил, чтобы король отличил и облек его такой честью; он возразил королю Владиславу, собиравшемуся возложить на него знаки рыцарского достоинства, что он подлежит зачислению в ряды не светского воинства, а церковного; и он предпочитает навсегда остаться лучше воином Христовым, чем короля земного и смертного. Тогда король Владислав сказал: «В этом ты избрал лучшую долю. И если я останусь жив, я не премину выдвинуть тебя для облечения высшим духовным саном, чтобы вознаградить твой подвиг». И с этого времени король еще больше полюбил Збигнева, оказывая ему перед всеми исключительное благоволение и милость; затем, по прошествии времени, взысканный милостью короля, он возведен был в сан епископа краковского, после того как совершенная тогда погрешность, поставленная ему на вид, была отпущена папой Мартином Пятым⁷⁹.

ПОСЛЕ РАЗГРОМА И РАССЕЯНИЯ ПРУССАКОВ ИХ ЛАГЕРЬ ПОДВЕРГАЕТСЯ РАЗГРАБЛЕНИЮ; НАЙДЕННЫЕ ТАМ ОКОВЫ, УГОТОВАННЫЕ ПОЛЯКАМ, НАЛАГАЮТСЯ НА ШЕЮ ВРАГОВ. ВИНО ИЗ РАЗБИТЫХ ПО ПОВЕЛЕНИЮ КОРОЛЯ БОЧЕК, СМЕШАННОЕ С КРОВЬЮ УБИТЫХ, ТЕЧЕТ КРАСНЫМ ПОТОКОМ.

Отряд крестоносцев, стоявший под шестнадцатью знаменами (из которого скорее опрометчиво, чем с дерзновенной отвагой, выехал мисненский рыцарь Кикериц⁸⁰, чтобы напасть на короля), видя, что упомянутый рыцарь Кикериц убит, тут же начал поворачивать назад, при этом один крестоносец, ведший хоругви, сидя на белом коне, понуждал копьем находившихся под знаменами рыцарей к отступлению, крича по-немецки: «Негум, негум!»⁸¹ И, повернув, отряд поехал в правую сторону, где стояла большая королевская хоругвь, уже разгромившая врагов, с некоторыми другими королевскими хоругвями. Большая часть королевских рыцарей, увидев войско под шестнадцатью знаменами, сочла его за вражеское (как это и было), прочие же, склонные по слабости человеческой надеяться на лучшее, приняли его за литовское войско из-за легких копий, иначе сулиц, которые в нем имелись в большом количестве, и поэтому не сразу напали на этот отряд, стоя в нерешительности; между тем среди них нарастал спор о возникшем сомнении. Желая его разрешить, Добеслав из Олесницы, рыцарь герба Крест, который называется Дембно, один погнал коня на врага, потрясая копьем; против него выехал из прусского войска крестоносец, ведший конные хоругви и пешие отряды, и, поскакав навстречу Добеславу, ехавшему на него, отбил кверху копье, направленное Добеславом, своей метательной сулицей, пропустив копье над головой. Так как сперва Добеслав Олесницкий метнул копье, которого крестоносец избежал одним небольшим отклонением и опущением головы, – даже подняв свое копье вверх, – и тем увернулся от удара Добеслава, пытавшегося его поразить. Добеслав же, видя, что промахнулся и считая безрассудным сражаться со всем вражеским отрядом, поспешно поскакал назад, к своим. Крестоносец погнался за ним, прищпорив коня, и, в свою очередь размахнувшись, пустил гибельное копье в Добеслава и нанес коню Добеслава сквозь покрытие (которое мы называем *kroneurz*)⁸² рану в бедро, однако не смертельную; затем он ускакал, чтобы не быть в свою очередь захваченным польскими рыцарями, и присоединился к своим⁸³. Тогда польские ряды, отбросив одолевавшее их сомнение, под многими знаменами обрушиваются на стоявших под шестнадцатью знаменами врагов (к ним сбежались и другие уцелевшие из хоругвей, разбитых под другими знаменами) и сходятся с ними в смертельном бою. И хотя враги еще некоторое время оказывали сопротивление, однако, наконец, окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены множеством королевских войск; почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен. Когда этот вражеский отряд был разбит и повержен и стало известно, что в нем пали великий магистр Пруссии Ульрих, маршалы Ордена, командоры и все виднейшие рыцари прусского войска, то остальная масса врагов повернула назад и, раз показав тыл, обратилась уже в явное бегство; Владислав, король польский, и его войско одержали, хотя и поздно и трудную, но полную и несомненную победу над магистром и Орденом крестоносцев. Тогда-то рыцарь Георгий Керцдорф, который в войске крестоносцев нес знамя святого Георгия, предпочел лучше честно сдаться в плен, чем постыдно бежать, и, пойдя с сорока соратниками навстречу польскому рыцарю Пшедпелку Копидловскому, герба Дряя, преклонив колена к земле и сдав знамя, был взят в рыцарский плен, как он и просил о том. Захвачены были также в плен и оба князя, которые с собственными воинами и под своими знаменами участвовали в сражении на стороне крестоносцев: Казимир Щецинский – Скарбком из Гур, а Конрад Белый Олесницкий – чехом Иоштом из Зальца. Кроме того, взяты были в плен и многие другие рыцари разных войск и народностей. Большая же часть рыцарей, которая разбежалась из прусского войска и искала защиты в прусском обозе при стане, подверглась нападению королевских воинов, ворвавшихся в прусский обоз и стан; они были перебиты или захвачены в плен; и вражеский стан, полный

разного добра, обоз, и все имущество прусского магистра и его войска также были разграблены польскими рыцарями. При этом в крестоносном войске было найдено несколько телег, нагруженных только оковами и цепями, которые крестоносцы везли с собой, чтобы заковывать пленных поляков, предвещая себе, не испросив божьего соизволения, верную победу и помышляя не о битве, а о торжестве; найдены были и другие телеги, нагруженные сосновой лучиной, смазанной жиром и смолой, и, сверх того, обернутой в пропитанные жиром и смолой тряпки, чтобы (при наступлении темноты) с помощью их преследовать побежденных и бегущих; при этом крестоносцы наперед возомнили в своей спесивой уверенности в победе, не считаясь с могуществом божьим, будто они совершат дело, которое находилось в руках божьих. Однако этими цепями и оковами сами они были связаны поляками, ибо праведный бог поправил их самонадеянность. То было дело, достойное созерцания, и зрелище удивительное для оценки судьбы дел человеческих: свои же оковы и цепи сковали собственных господ, а вражеские повозки, превышавшие количеством несколько тысяч, в течение четверти часа были разграблены королевским войском так, что от них не осталось даже и малейшего следа. Было, кроме того, в прусском стане и в обозе много бочек с вином, к которым королевское войско после разгрома врагов, утомленное сражением и летним зноем, сбегалось было, чтобы утолить жажду; некоторые рыцари для утоления жажды черпали вино шлемами, другие перчатками, иные даже сапогами. Но Владислав, король польский, из опасения, чтобы войско его, опьяненное вином, не стало бесполезным, так что в случае нападения его легко мог бы победить даже слабый враг, и чтобы от чрезмерного питья на него не напали болезнь и бессилие, велел разбить и уничтожить бочки с вином. Когда они по приказу короля были разбиты, вино полилось на трупы павших, которых на месте вражеского стана были немалые кучи, образуя в смешении с кровью убитых людей и коней красный поток; было видно, как он протекал до луга селения Тамберга⁸⁴, образуя своим течением русло и берега наподобие дождевого потока. От этого, говорят, возник повод для распространения в народе выдумок и басен, будто в этом сражении было пролито столько крови, что она текла как поток. Затем в небольшой роще, засаженной деревьями (которые мы называем *multicoraces*)⁸⁵, недалеко отстоявшей от вражеского стана, было найдено семь вражеских знамен, брошенных беглецами и только воткнутых в землю как бы на ее попечение; их немедленно доставили к королю. Командор тухольский Генрих, который требовал, чтобы перед ним носили два меча и никакими добрыми советами его нельзя было отговорить от этой спеси, был достигнут преследователями в то время, когда, позорно бежав с поля битвы, добрался до селения Вельгнова; он был жалким образом умерщвлен отсечением головы и понес злосчастную, правда, но заслуженную кару за свою безрассудную гордыню.

Некоторым же благочестивым и богобоязненным людям и том, кому было даровано это узреть по божьему соизволению, видим был в воздухе во время битвы некий почтенного вида муж в епископском облачении, непрерывно благословлявший польское войско, пока шла битва и пока победа не склонилась к полякам. Считают, что это был блаженнейший Станислав, епископ краковский, покровитель поляков и первомученик, предстательством и помощью которого поляки, как известно, одержали столь славную победу.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БЕГУЩИХ ВРАГОВ ПОЛЯКАМИ И ЧИСЛО ПЛЕННЫХ И УБИТЫХ.

Разграбив вражеский обоз, королевское войско подошло к холму, где раньше находился привал и стан врагов, и увидело много конных отрядов и клиньев обращенных в бегство врагов, сверкавших на солнце доспехами, в которые почти все они были одеты. Пустившись по собственному почину преследовать их и вступив в какие-то зыбкие луга, королевское войско бросилось на врагов. Затем, преодолев сопротивление немногих смельчаков, остальных рыцарей (по приказанию короля стараться не пускать в ход оружия) привели невредимыми, без насилия и увечья. Тогда Владислав, король польский, велел рыцарям по данному знаку преследовать бегущих, но при этом, насколько возможно, избегать резни. Преследование растянулось на много миль, и лишь немногие спаслись, успев убежать; большинство же было захвачено и также приведено в стан, где победители обошлись с ними милостиво, на следующий день передав их королю. Множество врагов захлебнулось в суматохе и давке в пруду, отстоявшем в двух милях от поля битвы. Наступившая ночь прекратила преследование.

В этой битве пало пятьдесят тысяч врагов, взято в плен было сорок тысяч⁸⁶; рыцарских знамен было захвачено, как сообщают, пятьдесят одно; победители весьма обогатились, завладев вражескими доспехами. Хотя трудно, я думаю, точно подсчитать, сколько пало врагов, но известно, что дорога на протяжении нескольких миль была устлана телами павших, земля пропитана была кровью убитых и самый воздух оглашался стонами и воплями умирающих.

ДВА БРАТА ОРДЕНА КРЕСТОНОСЦЕВ ЗА ДЕРЗКИЕ СЛОВА, НАГЛО БРОШЕННЫЕ ВИТОВТУ, КНЯЗЮ ЛИТОВСКОМУ, НАКАЗАНЫ ИМ СМЕРТЬЮ ПРОТИВ ВОЛИ КОРОЛЯ.

Когда королевское войско по приказу короля пустилось преследовать бегущих врагов, король польский Владислав, взойдя на возвышенный холм, расположился там, чтобы наблюдать зрелище дальнейшей удачи, которое являл тот день: преследованием и отводом пленных врагов польскими рыцарями. Там короля встретил впервые после победы великий князь литовский Александр. Во все время битвы князь действовал среди польских отрядов и клиньев, посылая взамен усталых и измученных воинов новых и свежих и тщательно следя за успехами той и другой стороны. Он сообщил как большую и приятную новость, что в сражении захвачены двое братьев Ордена крестоносцев, а именно Марквард фон Зальцбах, бранденбургский командор, и Шумберг; эти крестоносцы во время свидания между упомянутым Александром, великим князем Литвы, и магистром и

Орденом близ Ковно на реке Немане оскорбили обидными и грязными словами упомянутого князя Александра и его родительницу, говоря, что она-де была не особенно целомудренна. Князь добавил, что он решил наложить на них подобающее им наказание, казнив их отсечением головы. Владислав же, польский король, не возгордился счастьем победы, но со своим обычным милосердием и скромностью запретил упомянутому князю Александру учинять какое-либо наказание захваченным и сдавшимся в плен врагам: «Не подобает, – сказал он, – дорогой брат, проявлять жестокость к врагам, которых мы одолели в бою не нашей доблестью, но соизволением милостивого бога; не следует мстить пленным за наши обиды и оскорбления, но, справив благодарственное молебствие всевышнему богу за дарованное торжество, надлежит проявлять к несчастным побежденным всяческую кротость и милосердие. Ведь довольно и того, что по справедливому божьему приговору мы уже обуздали и покарали их, и теперь нам надлежит пощадить тех, кого пощадил сила и военное счастье». Князь литовский Александр последовал бы королевским увещаниям, если бы его снова не раздражили, побудив привести в исполнение задуманную месть, дерзкие, заносчивые и надменные речи упомянутых крестоносцев Шумберга и Маркварда. Упомянутый князь Александр, оскорбленный словами людей, которые, находясь в плену, осыпали его угрозами, считая недостойным вести скромные речи и просить прощения, велел их обезглавить в следующее же воскресенье, в двадцатый день июля, в стане около Моронга, причем король польский Владислав ничуть не препятствовал князю. Когда Александр-Витовт указывал крестоносцу Маркварду на теперешнее его положение и участь, браня за оскорбительные слова о своей матери, Марквард, забыв о своей доле и о давнем гневе князя, которого ему бы следовало смягчить кроткими словами, раздражил князя. Он весьма заносчиво сказал князю: «Ничуть не страшусь я теперешней участи; успех склоняется то на ту, то на другую сторону; переменится счастье и подарит нас, побежденных, завтра тем, чем вы, победители, владеете сегодня». Оскорбленный такими словами, слишком дерзкими для пленника, великий князь Витовт, хотя и не замышлял против него никакой жестокости, велел отправить командоров Маркварда и Шумберга на казнь. Многие обвиняли Маркварда за то, что он, нуждаясь в милосердии, возбудил гнев и ненависть; я же не берусь разбираться, правильно или неправильно поступил князь Александра излив ярость на сдавшихся в плен крестоносцев.

ВО ВРЕМЯ ОТДЫХА ПОЛЬСКОГО ВОЙСКА, КОГДА ГОЛОС ГЛАШАТАЯ ПРИЗЫВАЛ СОВЕРШИТЬ БОГОСЛУЖЕНИЕ, ПРИХОДИТ ИЗВЕСТИЕ, ЧТО УБИТ МАГИСТР ПРУССИИ УЛЬРИХ.

Солнце клонилось к западу, когда Владислав, король Польши, покинул холм, на котором стоял некоторое время, и место битвы; пройдя расстояние в четверть мили по направлению к Мариенбургу, причем за ним следовал многочисленный обоз, король разбил стан над озером; туда собралось и все войско, возвратясь после преследования врагов. Все были охвачены общей безграничной радостью, потому что, одержав над гордым и сильным врагом великую и на много веков достопамятную победу, возвратили родину в руки всевышнего бога, спасши ее от жестокого и незаконного вторжения и захвата крестоносцами, а самих себя – от неминуемо угрожавшей гибели или пленения.

Всю следующую ночь возвращались после преследования врагов королевские воины с пленными и добычей без числа и сдавали пленных и вражеские знамена королю, в ту ночь бодрствовавшему и наблюдавшему за караулами; он приказывал стеречь их до завтрашнего дня. Когда же пришли в стан у упомянутого озера, король Владислав сошел с коня и усталый от трудов и жары расположился на покой, пока устраивали шатер, в тени кустов желтой ежевики, на ложе из ветвей клена, имея при себе одного только нотариуса Збигнева из Олесницы. От громких криков, которые король издавал во время битвы, убеждая и возбуждая рыцарей к бою, голос его стал до того хриплым, что в этот и на следующий день с трудом можно было понять его слова, и то только вблизи. Когда же установили шатер, король вступил в него и только тогда, впервые сняв доспехи, велел поскорее приготовить обед; ведь ни король, ни войско его в тот день не отведали никакой пищи и голодали все до самого вечера, и лишь с заходом солнца король и войско принялись за еду. При заходе солнца выпал дождь, продолжавшийся всю ночь, и много раненых из того и другого войска, королевского и прусского, оставленных на поле боя, которые могли бы выжить, если бы их оттуда вынесли и ухаживали за ними, погибло от холода. Затем по распоряжению короля, в начале ночи, королевский глашатай Богута объявляет приказ всему войску собраться на следующий день к королевской часовне прослушать торжественное богослужение и воздать благодарение всевышнему богу за дарованную победу; знамена же и пленных немедленно представить королю или своим начальникам и должностным лицам; в приказе значилось также, что и следующий день будет проведен на той же стоянке. Между тем Мщуй из Скинна принес известие Владиславу, польскому королю, что Ульрих, великий магистр Пруссии, убит; в доказательство смерти магистра он показал королю Владиславу нагрудный золотой ковчег со святыми мощами, который слуга упомянутого Мщюя, по имени Юрга, снял с убитого. Король Владислав с тяжким вздохом и стоном прослезился, дивясь повороту счастья и судьбы, или скорее человеческого высокомерия. «Вот, – сказал он, – о мои рыцари, сколь мерзостна гордыня пред богом; тот, кто вчера хотел подчинить, своей власти многие страны и королевства, кто считал, что не найдется равного ему по могуществу, повержен и лежит без всякой помощи своих сподвижников, убитый самым жалким образом, свидетельствуя, сколь гордыня ниже смирения». Отверзая затем уста во славу создателя, король сказал: «Слава тебе, всемилостивый боже, который смирил, поразив, гордого, и десницей доблести своей сломил врагов моих и ныне прославил десницу свою на мне и на народе моем».

СВОЕЙ МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ ПОЛЯКИ УПУСКАЮТ СЛУЧАЙ ЗАВОЕВАТЬ МАРИЕНБУРГСКИЙ ЗАМОК.

Между тем, как одни королевские советники, рассудив, решили, чтобы Владислав, король польский, со всем своим войском провел на месте битвы три дня, как победитель, другие возражали и по весьма здравым соображениям и основаниям настоятельно требовали без всякого промедления, ночью и днем, быстрым походом двигаться на Мариенбург. Если бы король не отверг этот совет, как бесполезный, но, произведя отбор, послал бы лучшие войска и как можно скорее двинул их на осаду Мариенбургского замка, то легко завоевал бы главный замок, пока сердца защитников его были охвачены ужасом и горестью; он овладел бы мирным путем, не прибегая к оружию, также и остальными, которые немедленно сдались бы. Этот совет оказался бы не только разумнее по замыслу, но и удачным по исходу; ведь когда в замке Мариенбург стало известно о разгроме, то все охранявшие замок (а их было немного) пришли в смятение от великого страха; если бы король на другой или третий день после победы подступил с войском к замку, его защитники помышляли бы скорее о сдаче, чем о сопротивлении. И хотя бы Владислав, король польский, и его советники тщательнее это предложение обсудили! Но охваченные радостью великого дня и полагая, что с войной покончено, они не последовали совету, который должен был по всем основаниям быть самым мудрым; ведь природа отказалась даровать им оба блага, именно и проницательность, и счастье, и вот оказалось, что король и советники не сумели воспользоваться ни одержанной победой, ни удобным моментом и благоприятным случаем, ибо если бы после разгрома сил крестоносцев король-победитель сразу же двинул победоносное войско на осаду и приступ Мариенбургского замка, то без сомнения это принесло бы величайшую пользу его делу, а ему лично – славу завершения войны. Как величайшую ошибку короля оценивали опытные в военном деле люди также и то, что он пренебрежительно отверг совет послать рыцарей для захвата крепости Мариенбурга. Это было бы легко сделать, пока она стояла почти пустой, лишённая защитников, до прихода туда Генриха фон Плауэна, командора Швеца, с отрядом; в особенности же пока вся охрана крепости, к тому же немногочисленная, потеряв голову от только что пережитого страшного разгрома, была охвачена сильным трепетом, впад в оцепенение. Произошло ли это потому, что, предавшись радости, в упоении настоящим, поляки сочли за лучшее заниматься захватом добычи и пленением врагов, чем завоевывать крепости; либо потому, что они в своем большинстве полагали справедливым и законным пребывать три дня на месте торжества; либо потому, что, как известно из опыта и по природе вещей, никому обычно не дается в удел полного счастья; либо же, наконец, это могло случиться по той причине (как я склонен скорее полагать), что некий высший жребий, шадя тогда Орден крестоносцев, сохранил такую возможность до более подходящего времени, предназначенного для завоевания Мариенбургской крепости.

КОРОЛЬ ЗАБОТИТСЯ О ПОГРЕБЕНИИ МАГИСТРА ПРУССИИ И ПРОЧИХ, ПАВШИХ В БОЮ, КАК СВОИХ, ТАК И ВРАГОВ. ВЕРНЕР ТЕТТИНГЕН БЕЖИТ С ПОЛЯ БИТВЫ.

В среду, на другой день после дня рассеяния апостолов, шестнадцатого июля, после дождя воссиял ясный день, и Владислав, король Польши, немедленно, на рассвете же, велел отыскать среди трупов тела прусского магистра Ульриха, маршала, командоров и прочих знатных особ, павших в бою, чтобы предать их с подобающими почестями церковному погребению; ведь король почитал одинаково славным и победить врага и проявить милосердие к нему в несчастье и поражении. Труп магистра Пруссии Ульриха с двумя ранами (одной – в лоб, другой – в сосок) был доставлен королю Болеминским, жителем Кульмской земли, одним из пленников, которому было поручено это дело (ибо он был наиболее близок, как оказалось, среди всех к прусскому магистру); были доставлены также труп маршала Фридриха Валлероде, труп великого командора Конрада Лихтенштейна и трупы командоров Иоганна фон Зейна торуньского, графа Иоганна фон Венде мевского и Арнольда фон Баден члуховского. Рассматривая их, а также одеяние и раны, от которых они пали, король не произнес ни одного слова порицания или оскорбления и не проявил насмешки или злорадства; а напротив, с залитым слезами лицом он скорбел по своей доброте об их гибели; затем велел обернуть их чистой тканью и отправить на телеге, покрытой пурпуром, в Мариенбург для погребения⁸⁷. Тела же других командоров и знатных и благородных особ он распорядился похоронить в деревянной приходской церкви в Тинбарге⁸⁸, раненых, которые могли еще выздороветь, король приказал лечить, полагая, что получит больше славы от победы и возбудит меньше зависти, если украсит ее в глазах всех добродетелью умеренности. Выказывая этим поведением двоякую милость к побежденным своей любезностью и лаской, король Владислав явил величайший пример мягкости и обходительности не только в глазах собственных народов, но также врагов и чужеземных народов: победу свою он более украсил в надлежащей мере справедливостью и скромностью, чем отравил желчью зависти.

В той же церкви были погребены и тела павших в польском войске, которых отыскивали и находили родные и друзья; и победителям оказано было не более пышное погребение, чем побежденным. Еще живых раненых как из польского, так и из прусского войска привезли в стан, где им предоставили всевозможный уход и лечение.

После подсчета стало известно, что в королевском войске пало только двенадцать знатных рыцарей; среди них можно выделить следующих: Якубовского, герба Роза, и Имрама Чулицкого, герба Червня. Поэтому поистине достойно удивления, что при столь малых потерях среди польских рыцарей было разгромлено столь сильное и многочисленное войско, причем все выдающиеся рыцари в войске крестоносцев были перебиты или

взяты в плен. Вернер Теттинген, командор эльбингский, противник мира, бежал с поля битвы, забыв о своих заносчивых словах (как ему и предсказал командор мевский, граф фон Венде); проезжая через стан крестоносцев, он не решился никому довериться и свое бегство прекратил, только достигнув Эльбинга. Затем, покинув Эльбинг, он смешался с толпой беглецов в Мариенбурге. Командор же мевский, граф фон Венде, раненный в грудь, был найден павшим на поле битвы.

По моему суждению, Владислав, король Польши, более достойно и славно поступил бы, если бы не отправлял в Мариенбург тела магистра, маршала и командоров Пруссии, а повелел похоронить их в какой-нибудь из соборных, монастырских или приходских церквей своего королевства: так его славная победа сияла бы все новым блеском от постоянного их лицезрения.

КОРОЛЬ ПРИГЛАШАЕТ НА ПИР СВОИХ ВЕЛЬМОЖ И ДВУХ ПЛЕННЫХ ВРАЖЕСКИХ КНЯЗЕЙ.

Затем в королевской часовне (где были и хоры, и шатер наподобие церкви) совершались громогласно церковные службы, слушать которые собралось все польское войско. Первой была совершена обедня благословенной владычице нашей Марии, вторая — святому духу и третья — пресвятой троице; на других же алтарях совершались обедни за упокой душ усопших, убитых накануне. Шатер часовни со всех сторон был обставлен вокруг вражескими знаменами и хоругвями; они были принесены для осмотра польскими рыцарями и прикреплены к часовне; развернутые и распушенные знамена от легкого дуновения ветра издавали сильный шум. В тот же день Владислав, король польский, устроил великое пиршество, на которое пригласил и обильно угощал как собственных князей и вельмож, именно Александра, великого князя литовского, Януша и обоих Земовитов, старшего и младшего мазовецких, так и пленных — князей Конрада Белого олесницкого, Казимира щецинского и прочих более знатных (ибо упомянутые два князя, Конрад Белый олесницкий и Казимир щецинский, были взяты в плен, сражаясь на стороне крестоносцев); однако со стороны короля им был оказан прием и проявлено более ласковое обхождение, чем это соответствовало их положению пленных. Их легко отпустили на свободу, хотя их злодейское деяние требовало бы достойного возмездия.

ТРЕВОГА В МАРИЕНБУРГЕ ПРИ ИЗВЕСТИИ О ПОРАЖЕНИИ.

Между тем венгерские бароны Николай де Гара и Сциборий из Сцибожиц, находясь в Мариенбургском замке, вместе с оставленными для защиты замка крестоносцами Ордена, проявляли чрезвычайное беспокойство об исходе предстоящей вскоре битвы и о том, кому выпадет успех. В это время туда прибыл бежавший с поля боя, усталый и запыхавшийся человек, который на распросы венгерских баронов, откуда он пришел и с какими новостями, ответил, что спешно прискакал из стана магистра Пруссии и что Владислав, король Польши, победил прусского магистра в великой сече; он добавил, что все крестоносное войско уничтожено. Между тем как венгерские бароны старались яснее понять, каким порядком началась битва и как она окончилась, крестоносцы, охранявшие Мариенбургский замок, перехватив это донесение и изменив его, распустили слух, что между польским и прусским войсками еще не дошло до общего столкновения, а происходили лишь отдельные стычки. Но когда венгерские бароны выехали за ворота замка, внезапно прибыл отряд беглецов с поля битвы, которые подтвердили первое сообщение о поражении. Один из них был рыцарь Петр Свинка, некогда хорунжий добжинский, который еще до начала войны перешел от Владислава, короля Польши, к магистру Пруссии; он рассказал полностью весь ход сражения, приведший к победе короля и поражению крестоносцев. Когда свита Сцибория из Сцибожиц (почти все они были поляки) при этой новости возликовала в безмерной радости, Сциборий, как муж предусмотрительный, велел хранить эту благою весть про себя. Когда же она разгласилась и стала общим достоянием, он запретил своей свите выражать радость, пока они находятся в стенах прусского замка. Крестоносцам, находившимся в Мариенбурге, победа Владислава, короля польского, сначала показалась столь невероятной, что первого вестника о поражении крестоносцев они сочли не только лжецом, но чуть ли не сумасшедшим. Потом, когда прибывавшие один за другим утверждали одно и то же, они, наконец, поверили. Сердца их исполнились горести и уныния, и все они обратили свои помыслы на то, чтобы покинуть замок Мариенбург, используя для бегства любой подходящий случай. И если бы Владислав, король польский, одержав победу, быстрым переходом приступил к Мариенбургу (как ему весьма предусмотрительно и здраво советовали некоторые), то без всякого ущерба и опасности для себя и войска он в первый же день по прибытии овладел бы замком, который сдался бы или легко был бы взят приступом. Ибо крестоносцы, духовные и светские, и прочие защитники Мариенбургского замка, как безумные, бегали по дворам, домам и горницам много дней и ночей, предаваясь плачу и скорбным жалобам; и так как всеми защитниками овладел трепет и помыслы о бегстве, то замок был бы сдан, если бы кто-нибудь приложил усилия вырвать его из рук людей, охваченных трепетом...

ПОСЛЕ ПОДСЧЕТА ПЛЕННЫХ ОДНИХ ПОЛЯКИ ОТПУСКАЮТ НА СВОБОДУ, СВЯЗАВ КЛЯТВЕННЫМ ОБЕЩАНИЕМ; ДРУГИХ ЖЕ ОТДАЮТ ПОД СТРАЖУ; КОРОЛЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЛИТОВСКИЙ ОСМАТРИВАЮТ ТРУПЫ УБИТЫХ; В ПОЛЬШУ ПОСЫЛАЮТ РАДОСТНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОДЕРЖАННОЙ ПОБЕДЕ.

После проведенного с большой торжественностью королевского пиршества всем рыцарям был отдан приказ сдать пленных и построить их на одной открытой со всех сторон равнине. Там Владислав, король польский, разместил отдельно шестерых нотариев для переписи имен, рода и положения пленных. Итак, пленных приводили и представляли сначала королю, затем — нотариам: отдельно — крестоносцев Ордена, отдельно — прусских рыцарей, отдельно — кульмских, отдельно — ливонских, отдельно — жителей прусских

городов, отдельно – чехов, отдельно – моравов, отдельно – силезцев, отдельно – баварцев, отдельно – мисненцев, отдельно – австрийцев, отдельно – рейнцев, отдельно – швабов, отдельно – фризов, отдельно – лужичан, отдельно – тюрингенцев, отдельно – поморян, щецинцев, кашубов⁸⁹, саксонцев, франконцев, вестфальцев. Ведь столько народов и племен собралось в великом множестве, чтобы уничтожить народ и самое имя поляков! И хотя каждая из упомянутых народностей была представлена большим количеством воинов, однако чехи и силезцы превосходили числом остальных. Итак, после отделения каждой народности подходил королевский нотариус и, приказав всем встать в круг, сам, стоя в середине, записывал их имена, звания, должности, положение и происхождение. Когда все полностью были переписаны, пришли двое королевских вельмож – Збигнев из Бжезя, маршалок Польского королевства, и Петр Шафранец, краковский подкоморий; каждого пленного в отдельности они обязали новым обещанием и новой клятвой в том, что, верные рыцарскому слову и чести, они явятся лично в ближайший день святого Мартина в Краковский замок к ленчицкому воеводе Яну Лигензе из Пшецлав, краковскому судье Яську из Олесницы и к подстаросте краковскому Пшедборию из Пшеход. После принятия пленными этого обязательства Владислав, польский король, проявил не свойственную для победителя умеренность: почти всем, за исключением немногих пленников, разрешил уйти под простое рыцарское слово; князей же Казимира щецинского и Конрада олесницкого, а также Кристофера Керцдорфа, чеха Венцеслава Дунина и всех крестоносцев Ордена он задержал, распределив по королевским замкам: в Ленчицу, Серадзь, Хенцины, Люблин, Сандомеж, Леополь, Пшемьсль и другие, повелев тщательно стеречь и смотреть за ними. В промежутке, пока переписывали пленников, Владислав, король Польши, сев на коня, проехал с братом своим, великим князем Литвы Александром, на место битвы, посмотреть на павших; при этом рыцарь Болеминский давал объяснения и показывал их королю, хотя король и сам узнавал некоторых, в особенности графа фон Венде, и опознавал трупы павших и поверженных. После осмотра король только в сумерки вернулся в стан. Оттуда он отправил нарочным гонцом спальника своего Миколая Моравца, герба Повала (из селения Куношувка близ Ксенжа), в Польское королевство с посланием, объявлял супруге своей, королеве Анне, а также Миколаю Куровскому, архиепископу гнезненскому, и вельможам, охранявшим Краковский замок⁹⁰, университету⁹¹ и краковскому городскому совету⁹², что он учинил великую сечу с крестоносцами, одержав великую победу; король повелевал также отслужить богу благодарственные молебствия во всех храмах. Во свидетельство же победы и радостных событий гонец Моравец вез с собой по повелению короля хоругвь епископа помезанского, с гербом, изображавшим святого Иоанна Крестителя в образе орла. По прибытии его в Краков и объявлении о победе короля, весь город огласился великим ликованием и радостью и славословиями богу в церквях и всю ночь в ознаменование радости сиял огнями. Когда затем весть о торжестве распространилась по всему Польскому королевству, все города и села Польши оглашались ликующими кликами людей, праздновавших в безмерной радости счастливую победу.

ГОРОД ГОГЕНШТЕЙН С ЗАМКОМ СДАЕТСЯ КОРОЛЮ; ОТ ЕПИСКОПА ВАРМИЙСКОГО ПРИБЫВАЕТ К КОРОЛЮ ПОСЛАНЕЦ, УМОЛЯЯ ПОЩАДИТЬ ЦЕРКОВНОЕ ИМУЩЕСТВО.

В четверг, в день святого Алексия, семнадцатого июля, король польский Владислав, освободив и отпустив всех пленников, число которых, как считали, превысило сорок тысяч, одаривает их с королевской щедростью пищей и одеждой в дорогу; кроме того, он дает пленникам надежных провожатых, чтобы довести их до ближайшего города Остероды. Затем король выступает со своим войском и, дойдя до замка и города Гогенштейна, располагается станом. Замок и город Гогенштейн отдались во власть короля, который пожаловал их в держание Яну Кретковскому, герба Доленга. Этой-то умеренностью, милостями и кротостью, проявленными королем Владиславом к пленным и побежденным, он, думается, еще блистательнее воспользовался результатом победы; он снискал величайшую награду и величайшую хвалу за свою доброту, освободив закованных и несчастных пленников, вместо того чтобы изливать на них ярость. В тот же день приехал к королю посланец епископа вармийского Иоанна⁹³ с просьбой считать его самого и имущество его епископата сданными королю и не позволять опустошений и поджогов. Но король, отвечая посланцу, отказался выполнить просьбы епископа и отдать такое распоряжение, так как и сам посланец сочтен был человеком, не заслуживающим доверия; однако король сказал, что не отвергнет просьбы, если епископ явится сам лично для того, чтобы сдать и сдать свое имущество.

¹ Трудно сказать, как было в действительности. Изображая Владислава-Ягайлу погруженным накануне боя в бесконечные молитвы, Длугош, как полагает С. Кучинский, мог следовать традиции своих польских источников. В своей дипломатической переписке поляки всегда старались изображать короля ревностным христианином, стремясь опровергнуть заявления Ордена, утверждавшего, что Владислав-Ягайло и Витовт приняли христианство только притворно. Не исключено и другое. Длугош мог намеренно изобразить Владислава-Ягайлу усердно молящимся перед боем, чтобы обосновать изложенное ниже свое положение: Грюнвальдская победа была дарована польскому королю богом в награду за его благочестие и набожность.

² Очевидно, ошибка Длугоша, ниже он перечисляет только восемь рыцарей.

³ Польск. *goncza* означает «преследующая». Лат. *caeruleus* – «синий», переведено здесь и всюду дальше как «желтый». Почему-то именно этот термин Длугош употребляет для обозначения желтого цвета. На это указывает польский историк К. Гурский.

⁴ Название герба у Длугоша пропущено.

⁵ В тексте «*subiculaŕium*» – собственно «спальников».

⁶ Польск. *ciotek* означает «телец».

⁷ Шахматная доска состояла из белых и красных клеток, венец был золотой.

⁸ Орел был черным, лев был изображен на желтом поле, оба были объединены одной короной.

⁹ Олень на знамени имел рога и, кроме того, корону на шее.

¹⁰ На самом деле: половину белого орла на красном поле и половину красного льва на белом поле под одной короной.

¹¹ Правильно: половину черного льва на желтом поле.

¹² Папроцкий описывает этот герб иначе: агнец божий на белом поле.

¹³ Надо: среди трех зеленых деревьев на зеленом поле.

¹⁴ Правильно: на белом поле.

¹⁵ По Папроцкому: черного медведя, на желтом поле.

¹⁶ Якуб из Конецполя – воевода серадзский в 1394-1430 гг.

¹⁷ На самом деле: на лазурном поле.

¹⁸ Ян Лигенза – воевода ленчицкий в 1384-1419 гг.

¹⁹ Львиная голова на знамени была серой.

²⁰ На самом деле: на лазурном поле.

²¹ На самом деле: каштеляна накловского.

²² Черный лев на коричневом поле, как бы поднявшийся из-за белой стены. На стене – три желтых камня.

²³ Кристиан из Козеглув – каштелян санецкий в 1386-1417 гг.

²⁴ Ян Менжик – в 1405-1423 гг. чашник королевства.

²⁵ Были изображены три черных трубы, на каждой по четыре золотых полоски.

²⁶ Гриф с золотым клювом и лапами.

²⁷ На самом деле Сигизмунд из Бобова был краковским подсудком в 1431-1436 гг.

²⁸ Три желтых копыя.

²⁹ Флориан из Корытниц указан Длугошем уже в первой хоругви.

³⁰ Гневош из Далевец был подстоием в 1410-1426 гг.

³¹ Не в середине, а в конце.

³² Сигизмунд Корибут – племянник Владислава-Ягайлы, сын Карибута-Дмитрия.

³³ Так называемые «Гедиминовы столпы» (три белых столпа на красном поле). Знак описывается по Папроцкому, так как в издании Длугоша передан очень приблизительно типографским знаком.

³⁴ Так Длугош записал здесь имя брата Владислава-Ягайлы, Семена-Лингвена.

³⁵ Трудно сказать, кого следует видеть под именем Георгия. Обычно принято считать, что это – Юрий, сын Семена-Лингвена. В последнее время высказано мнение, что Длугош имел в виду или Юрия Владимировича, князя пинского, или Юрия Михайловича, двоюродного племянника Ягайлы и Витовта.

³⁶ Описание хоругвей Ордена, захваченных победителями в Грюнвальдском бою и во времена Длугоша стоявших еще в кафедральном соборе на Вавеле (Краков), впервые было сделано Длугошем в 1448 г. в особом труде его «Прусские знамена» и снабжено выполненными по его заказу рисунками (в красках) знамен. Описания орденских знамен в этом первом труде Длугоша и в его «Истории» далеко не совпадают. Все расхождения, а также все неточности, допущенные Длугошем в описании знамен, отмечены в примечаниях, сопровождающих новейшее издание «Прусских знамен», опубликованное К. Гурским. Эти примечания использованы ниже.

³⁷ На рисунках в «Прусских знаменах» черный с золотом крест, в центре — золотой щит с черным орлом.

³⁸ Длугош ошибочно отождествляет здесь Конрада Белого, князя олесницкого, с его братом Конрадом Контнером, т. е. князем контским (Силезия).

³⁹ На рисунке в «Прусских знаменах» наоборот: белый крест на красном поле.

⁴⁰ Епископом помезанским в 1409-1418 гг. был Иоанн Рейман.

⁴¹ Епископом самбийским был Генрих фон Зеефельд в 1395-1414 гг.

⁴² Называя эту хоругвь еще ризенбургской, Длугош впадает в ошибку, потому что г. Ризенбург находился на территории не Хелминского епископства, а Помезанского. Фамилия предводителя была, видимо, Зонненбург.

⁴³ Епископом вармийским был в 1401-1417 гг. Генрих фон Фогельзанг.

⁴⁴ Николай Никш – Миколай Рыньский, поляк по происхождению. Был одним из основателей и вождем возникшего в 1397 г. в Хелминской земле «Общества ящериц», которое ставило себе целью освобождение хелминской земли из-под власти Ордена и воссоединение ее с Польшей. В 1411 г. казнен магистром Ордена, о чем ниже рассказывает сам Длугош.

⁴⁵ Морейн – Томас фон Мергейм, казначей Ордена в 1407-1410 гг.

⁴⁶ Комтуром Бальги был Фридрих фон Цоллерн в 1410-1412 гг.

⁴⁷ Вильгельм Ниппен – Не Вильгельм, а Эбергард фон Иппинбург.

⁴⁸ Генрих фон Швельборн – комтур тухольский в 1404-1410 гг.

⁴⁹ На самом деле Готфрид фон Гоцфельд – комтур нешавский в 1407-1410 гг.

⁵⁰ Настоящее имя предводителя хоругви было Фридрих фон Венден, фогт в Рогозньо в 1407-1410 гг.

⁵¹ В «Прусских знаменах» это знамя приписано Эльблонгу. Фамилия начальника хоругви была Шенфельд, был комтуром в Гданьске в 1407-1410 гг.

⁵² Балдуин Штольм – Балдуин фон Шталь, комтур бродницкий в 1409-1410 гг.

⁵³ Правильное имя фогта было Конрад фон Кунсек. Длугош неверно приводит название города, отождествляя Лешкен (Ляски) на Жулавах, где именно была резиденция этого фогта, и Ласин, город, относившийся к комтурству Рогознья.

⁵⁴ Пенченгаун – Гамрат фон Пинценау, комтур остродский в 1410 г.

⁵⁵ В «Прусских знаменах» это знамя приписано отряду города Гданьска с бургомистром во главе, в «Истории» не упоминающемуся.

⁵⁶ Имя графа фон Вендена было Фридрих.

⁵⁷ Города и комтурства такого в Прусской земле не было. Кому в действительности принадлежало это знамя, не установлено.

⁵⁸ В «Прусских знаменах» это знамя приписано Эльблонгу.

⁵⁹ Фридрих фон Цоллерн был комтуром Рагнеты в 1402-1407 гг. В 1410 г. комтуром в ней был Гельфрих фон Драге.

⁶⁰ В «Прусских знаменах» это знамя отнесено к городу Кенигсбергу, иначе Крулевцу, а знамя отряда города Кнейгофа (Книпавы) вообще не отмечено.

⁶¹ Матиас фон Беберах – точнее Матиас фон Беберн, был фогтом в Тчеве в 1402-1410 гг.

⁶² Длугош ошибочно объединяет два разных города: Ольштын (у крестоносцев Алленштейн), названный им Большим в отличие от меньшего, Ольштынка, и Мельзак (польск. Пененжно). Описанное здесь Длугошем знамя ни одному из этих городов не принадлежало.

⁶³ Выработанный в течение ряда столетий ритуал, которым сопровождалось посвящение в рыцари, был очень сложным. Кандидату в рыцари вручали оружие, затем его опоясывали мечом, подвязывали ему шпоры, наносили легкий удар и т.д. В походной обстановке король ограничил обряд посвящения основным только его элементом – опоясыванием, причем только перевязью, без меча.

⁶⁴ Подканцлер Миколай Тромба был духовным лицом, краковским каноником.

⁶⁵ Польск. *czisawy* (*cisawy*) означает «рыжеватый», «гнедой».

⁶⁶ Земовит – сын Земовита IV (см. 1387 г., прим. 9) и сестры Владислава-Ягайлы, Александры.

⁶⁷ Збигнев из Олесницы – в 1423-1455 гг. епископ краковский, кардинал. См. о нем выше, в статье Л. В. Разумовской.

⁶⁸ Несколько иначе эпизод с присылкой Владиславу-Ягайле мечей от магистра Ордена излагается в другом источнике, известном под названием «Хроника войны Владислава, короля польского, с крестоносцами». По ее рассказу, герольды вручают один меч королю, а второй – Витовту и обращаются с речью к обоим. В речи этой ничего не говорится о предложении магистра отвести свои войска, чтобы освободить часть равнины для польского войска. Магистр только призывает поляков не скрываться в лесу, а выходить на равнину и начать бой.

⁶⁹ Станислав, Адальберт, Венцеслав, Флориан, Ядвига – национальные святые, покровители Польского королевства.

⁷⁰ Т.е. рыцарей, возглавлявших «копья», самые малые боевые единицы в войске того времени (см. выше статью Л. В. Разумовской).

⁷¹ Федушко был сыном Любарта, дяди Владислава-Ягайлы, – следовательно, не племянником, а двоюродным братом короля.

⁷² Генрих из Рогова был подскарбием в 1421-1423 гг.

⁷³ Название этого герба, пропущенное Длугошем, было Ларисса.

⁷⁴ Югер, польск. морг, составлял немного больше половины гектара. Неясно, почему Длугош для измерения расстояния употребил меру площади, а не длины.

⁷⁵ На основе рассказа Длугоша о бегстве литовского войска создается впечатление, якобы бежало все литовско-русское войско в целом, кроме трех русских полков. Между тем в «Хронике» Посильге сообщается об участии литовцев в окончательном разгроме орденского войска в тот же день. Да и сам Длугош в дальнейшем говорит о литовском войске под Мариенбургом и о возвращении его в Литву. Поэтому проф. Кучинский полагает, что большая часть литовско-русского войска никуда не бежала с поля битвы.

⁷⁶ Предполагается, что смоленскими полками командовал талантливый полководец, брат Владислава-Ягайлы, Лингвен-Семен.

⁷⁷ Почти такой же рассказ об уходе чешского отряда с поля боя Длугош поместил выше. Там не указан только инициатор ухода, Ян Сарновский. Видимо, в обоих случаях речь идет об одном и том же эпизоде.

⁷⁸ Польск. jakka вообще означает «кафтан».

⁷⁹ Подтверждая в 1423 г. избрание Збигнева Олесницкого в епископы, папа Мартин (1417-1431 гг.) предварительно отпустил ему совершенный им, с точки зрения церкви, во время Грюнвальдской битвы грех, а именно участие в вышеописанном убийстве немецкого рыцаря.

⁸⁰ Выше Длугош указывает, что рыцарь Кикериц был из Лужиц. Это по соседству, но не одно и то же.

⁸¹ Немецк. hegen означает «кругом», «назад».

⁸² Польск. krowezg означает «покров».

⁸³ С. Кучинский склонен рассматривать выступление Добеслава Олесницкого как ответ на такое же выступление рыцаря со стороны Ордена, что, очевидно, было принято в рыцарской среде.

⁸⁴ Т.е. Танненберг.

⁸⁵ Слово multicores, очевидно, связано с cortex – «кора». По любезному разъяснению проф. М. Плеззи, этот термин Длугоша, встречающийся и в других его сочинениях, служит для обозначения берез.

⁸⁶ Генрих фон Плауэн доносил папе римскому, что в битве пало 13 тысяч «христиан», имея в виду крестоносцев, братьев Ордена. Если даже допустить, что магистр для умаления понесенного поражения уменьшил цифру убитых, и учесть, что, кроме крестоносцев, убито было ведь много и других рыцарей, то и то круглая цифра Длугоша пятьдесят тысяч – несомненное преувеличение. Также преувеличено им, конечно, и число взятых в плен.

⁸⁷ «Хроника» Посильге рассказывает, что Владислав-Ягайло велел положить тело покойного магистра перед своей палаткой всему народу на посмеяние, что, конечно, следует рассматривать как явную клевету.

⁸⁸ Т.е. в Танненберге.

⁸⁹ Поморяне, щещинцы, кашубы – славянское население побережья Балтийского моря. Под поморянами, название которых было некогда общим для всех племен этой области, Длугош здесь понимает население Восточного (Гданьского) Поморья под щещинцами – население Западного Поморья. Кашубы жили к западу от нижнего течения Вислы, т.е. тоже на территории Западного Поморья. Они единственные представители прибалтийских, как лужичане – полабских славян, покоренных немецкими феодалами, дожившие до наших дней. Кашубы входят сейчас в состав Польской Народной Республики.

⁹⁰ Т.е. бургграфам Краковского замка.

⁹¹ Университет в Кракове был основан Казимиром III в 1364 г., но после его смерти, при Людовике, а тем более в период внутренних неурядиц, сопровождавших вступление на престол Ядвиги, захирел. Мысль о необходимости восстановления высшей школы в Польше не оставляла, видимо, Ядвигу, высоко образованную для того времени женщину. Она сумела внушить ее и своему мужу. Университет был вновь открыт в 1400 г. и скоро стал центром просвещения и национальной науки. Одновременно он принимал активное участие в политической жизни страны.

⁹² Начиная с XIII в. польские города пользовались самоуправлением, представительством которого был городской совет.

⁹³ На самом деле епископа вармийского звали Генрих.

Оценка деятельности Тевтонского ордена некоторыми современниками (Из трактата Павла Влодковица, разоблачающего агрессивную политику Тевтонского ордена, 1415 г.)

Павел Влодковиц – ректор Краковского университета, автор антиклерикальных трактатов. На Констанцском соборе, осудившем Яна Гуса, он выступил в его защиту. Павел Влодковиц не только отстаивал суверенитет Польши от посягательств папского Рима, но впервые выдвинул принцип признания прав за нехристианскими народами.

...5. У язычников, хотя они не признают Римской империи, нельзя отнимать их государств, собственности и власти, так как [они] владеют всем этим, не совершая греха и благодаря бога, который сотворил все это для человека, которого создал по своему подобию...

28. Император не имеет права давать разрешение на захват земель язычников, не признающих его власти.

29. Императорские привилегии, предоставленные Прусскому ордену или другим относительно захвата земель язычников, не дают им никакого права, но только вводят в заблуждение христиан, ибо нельзя дать то, чего не имеешь...

Прусский орден, воюя с мирными язычниками, а вернее, нападая на них, никогда не вел справедливой войны по той причине, что те, кто нападает на стремящихся жить в мире, не имеют за собой никакого права – ни естественного, ни божеского, ни канонического, ни гражданского...

32. Нельзя обращать язычников в христианскую веру мечом и насилием, так как этот способ соединен с обидой ближнего.

Столкновения между Тевтонским орденом и Польшей в XVI в.

Рукопись «Новое стихотворение о недавней войне в Пруссии» - один из манускриптов, относящихся ко времени правления Альбрехта Бранденбургского Гогенцоллерна, последнего великого магистра Немецкого ордена и первого герцога прусского, повествующий о войне между Тевтонским орденом и Польшей в 1519-1520 гг. Рукопись датирована 1520 г., т.е. практически современна описываемым событиям, и является ценным историческим свидетельством.

Прусская война, описанная в рукописи, была бедна великими битвами и храбрыми героями, но богата разрушениями и бедствиями. Она стоила обеим сторонам огромных денег. И если польская корона смогла оправиться от ее последствий, то Тевтонский орден был обречен. Спустя пять лет (в 1525 г.) он будет упразднен, а его последний магистр Альбрехт Бранденбургский станет прусским герцогом, зависимым от польского короля.

1. Шел 1519 год,
Посланцы из Данцига и Эльбинга прибыли
С людьми из Союза и родичами,
Чтобы изгнать Орден совершенно
и людей его побить.
2. Первое слово было за Брагвайном
Затем молвил Фербер,
Цема последним быть не хотел.
Они желали достохвальный Орден Из
Пруссии изгнать.
3. В разрушенном городе Торуне
Все они в большой злобе убеждали
Польского короля.
Они оклеветали Орден,
А сами при этом были порочны и бесстыжи
4. Так говорили они: «Высокородный король,
Мы поклялись тебе –
За тебя согласны умереть.
Дай нам людей, у нас есть деньги,
Мы вернемся с честью и ценной добычей.
5. Немецкий орден нам непригоден,
Но он может превзойти нас
И в оружии, и в людях.
Но мы хотим первыми быть
И не желаем им больше кланяться.
6. У нас здесь тридцать тысяч человек,
Мы хотим сейчас же выступить из страны,
А ты оставайся здесь, ты – король,
За семь недель и не больше,
Мы страну завоюем».
7. Король отвечает: «Вы молодцы,
Но подумайте, что вы хотите.
Это может нам выйти "боком":
Сами не будем выгоды иметь,
Что мы Орден хотим изгнать.
8. Какие слухи могут пойти,
Магистр ведь мой племянник,
Рожденный от сестры моей.
Если вмешается Империя.
Тогда наше дело пропало».
9. Они говорили: «Высокородный король,
Мы пришли к тебе как к господину,
Ты ведь не хочешь нас предать.
Мы будем стоять насмерть,

Служить тебе всей жизнью».

10. Король сказал: «Знает Бог,

Вы не хотите моей смерти.

В неверном городе Торуне

Пусть забьют барабаны

И возвестят о войне».

11. Незадолго перед новым годом.

Подошел пан Фирлей.

С большой толпой челяди,

С поляками и татарами –

Всего тридцать тысяч наших врагов.

12. Они вторглись в орденскую страну,

Магистру послали письмо.

И отказали ему в повинении,

Они уже жгли его народ

И многих беспощадно перебили.

13. Магистр был хладнокровен,

Он прискакал в Браунсберг,

Получив ключ к стране, Маркграф

Альбрехт раньше звали его,

И он не посрамил своего имени.

14. Он обратился к епископу Хейльсберга.

Но посланец епископа вел себя перед ним как князь,

На утро первого дня года,

А ведь он его епископство

Обезопасил вместе с городом.

15. Он хотел перекрыть путь

Непрошенным гостям.

И было бы во благо, епископу,

То, что достохвальный князь наш

Сделал в епископстве.

16. Слуги епископа, Божьей милостью,

Гостей пригласили,

Поляков приняли,

И они нанесли большой урон

Городам и всей стране.

17. Гости сразу же

С усердием стали жечь села,

Божьи храмы они ограбили,

Они бесчестили женщин всячески,

Развязные и порочные поляки.

18. Татары были не лучше,

Они пролили много христианской крови,

Много детей закололи.

Маркграф Альбрехт был хладнокровен -

Все это не осталось не отмщенным.

19. Поляки хотели захватить князя,

Знали они, что у него нет людей,

Они стремительно

Примчались к Хохенштайну,

Желая его там застать.

20. Пан Фирлей подошел к городу.

Ему сразу открыли ворота,

Утром они были незапертые.

Они приняли гостей дружелюбно,

Так как в дружбе были давно.

21. Короче говоря,

Много маленьких городков, занятых поляками

Было оставлено.

Господин Шлик выбил их оттуда,

И не многие из них ушли от него.

22. Позже они вернулись,
Но дьяволом были весьма посрамлены.
Был им сделан огненный подарок:
Сгорело много польского добра,
Чего они не ожидали.
23. Чехи пришли в Мельзак,
Думали, что они в безопасности,
Но магистр «пошел на охоту»
И захватил гостей вместе с городом,
Четыре сотни он перебил
24. Командиров он захватил
Их было семьдесят семь человек,
Поднялся и выступил оттуда
А город он сжег,
Оставив врагов в ярости
25. Поляки пошли большой войной.
Они подошли к Голланду,
Но их туда не хотели пускать.
Много сотен пришло туда, чтобы отдать свою жизнь, -
И немцы их постреляли.
26. Они разбили свой лагерь в поле,
Но бросился на них один немецкий герой
С горящей головнёй,
Отплатил им, предав обоз их огню,
И многих гордецов заставил выть.
27. Голланд держался долго.
Обещали, что не будет гостям покоя
От огня и от пушек.
Они защищались,
Но все же пустили врагов.
28. Эльбингцы представляли для них опасность.
Они должны были восстанавливать укрепления,
И в то время, как они бросились на землю,
Вскоре пожалев об этом,
Пострадали от пушек.
29. Поляки дошли в один переход
К Кенигсбергу¹, столичному городу, и лагерем встали
Их внутрь не пустили,
Как почтенные, достойные рыцари
Они гарцевали пред городом.
30. Господин магистр с советниками,
Провел их предводителей в город,
Они туда пришли
И дали князю свое благородное слово,
Но все это было ложью.
31. В Торуне был подготовлен зал,
Там он должен был присягать королю.
Они уговорили его пуститься в путь
Но Бог послал ему много хороших наёмников,
Которые пришли из Дании.
32. Было много разговоров.
Поляки толковали,
А моравы были напуганы.
Они хотели теперь устроить трезвон,
И зазвучали все колокола
33. Кенигсберг враги не смогли взять,
И повернув обратно,
Пошли к Браунсбергу
Говорили: «Через четыре года
Не будет ему счастья».
34. Они воздвигли крепкое укрепление,

И там начался танец «босьяков».
Солдаты магистра
«Наступили полякам на хвост»
И многих поубивали.
35. Четырнадцать часов находились в «болоте»
В Браунсберге, орденом городе.
И теперь не могли пожаловаться
На преподнесенный им урок
36. В день св. Магдалины.
Была замечательная потеха:
Много великанов толстолобых и толстокожих
Лежало на земле,
И поляки должны были отступить.
37. Татары пришли к Рисселю на охоту
И стали там лагерем,
Чехи и поляки – рядом.
Они искали магистра и действительно нашли.
Многим это стоило жизни.
38. Князь подошел туда,
Перебил шестьсот человек, это сущая правда,
Они лежали там и здесь,
Их поедали вороны.
В результате они хорошо получили.
39. Моравы пошли по всей стране,
И поляки пустились в бегство,
Потянулись в города.
Князь их хорошо «угостил»,
Они недалеко убежали.
40. Многие, кто прежде был на коне,
Должен был бежать на своих двоих,
Ползти и хромать,
А некоторые были пьяны,
Как дубы бесчувственные.
41. Мазовшане взяли Йоханнесберг.
Это оказалось одно бахвальство.
Немцы заставили их заплатить «за собак».
Через три часа
Осталось там четыреста мертвых врагов.
42. Князь подошел с малыми войсками
И жёг мазовшан вдоль и поперек,
А заодно и поляков.
Они хотели с ним сразиться
И ничего у них не получилось.
43. Достохвальный князь получил свою награду.
Поляки выбыли из игры.
Сломлено было их мужество
Тринадцать тысяч их погибло
В Пруссии, земле Ордена.
44. А некоторые стали жертвами огня,
Что не доставило им удовольствия.
Огонь застал многих врасплох
И перещелкал их как щенков.
Это было для воров чувствительным ударом.
45. Некто из Штрасбурга
Своим письмом
У Ордена много отнял городов.
И был за это вознаграждён
Двумя ляжками ягненка.
46. Цема был укрошен.
Он был старостой полдюжины приходоу.
Хотел он орден прогнать,

Лучше сидел бы дома
В Старгарде, со своей женой.
47. А дворянчики погибли,
Они все хотели стать господами,
А им следовало стыдиться:
Нужно было думать о последствиях,
Прежде, чем затевать войну.
48. Если война продолжалась бы дальше,
Они пошли бы по миру.
Наверно они думали:
«За наши шуточки,
Нас славно угостят».
49. Данцигцы и эльбингцы ошиблись,
Когда они поступили, как задумали,
Они были высокомерны
И не рассчитывали,
Что их назовут изменниками.
50. Они захватили все добро, принадлежавшее Ордену,
Которое он приобрел своей кровью,
Не желая уступить,
Вели себя нагло,
Потом это стоило многим жизни.
51. Названный выше немецкий магистр
Имеет право на Пруссию,
Орден ему в этом подмога
Неверные были повержены,
Их высокомерие обернулось бесчестьем.
52. Они сыграли в удивительную игру:
Они тело Господне брали часто,
Осмеливались попать ногами,
Многих бедных людей они ограбили,
Которые не причинили им вреда
53. Они прогнали мой Орден²
Из их страны,
А сами остались «хорошими».
Они далеко забрались
До Толькмитта.
[54 и 55 не читаются из-за испорченности листа].

¹ Кенигсберг (Konigsberg, польск. Krolewec) – замок построен в 1255 г., городское право получил в 1286 г. Назван в честь короля Богемии Оттокара.

² Здесь автор единственный раз переходит от повествования от третьего лица к первому. Это единственный намек на принадлежность автора к ордену.

1.14. ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ

Деятельность Ганзейского союза

Ганзейский союз, Ганза (нем. Hanse, букв. «группа», «союз»), Любекская ганза, Немецкая ганза – союз немецких свободных городов в XIII-XVII вв. в Северной Европе для защиты торговли и купечества от власти феодалов и от пиратства. В союз входили города Германской империи, либо города, населенные немецкими гражданами (бюргерами), имеющие автономное городское управление («городской совет») и собственные законы (Любекское право или аналогичные местные правовые нормы).

Членами Ганзы в разное время были более 200 больших и малых городов, расположенных главным образом в бассейне Северного и Балтийского морей. Для выработки общих правил и законов представители городов регулярно собирались на съезды в Любеке. Ганзейские купцы и компании пользовались определенными правами и привилегиями. В неганзейских городах существовали представительства и филиалы Ганзы («конторы»).

Гамбург и Любек Грамота о дружбе и взаимной правовой защите (1230 г.)

Честным и мудрым мужам и возлюбленным друзьям своим я фогту, консулам и прочим любекским горожанам – фогт, консуя и община города Гамбурга шлют изъявления готовности к услугам и доброжелательства. Да ведает благоразумие ваше, что настоящую нашу взаимную дружбу и взаимную любовь мы всемерно и со всяким тщанием и впредь соблюдать желаем. Посему уведомляем вас, что наши права должны быть и вашими правами, и наоборот; вследствие этого горожане ваши и товары их, к нам беспрепятственно вывозимые, должны пользоваться тем же миром и тою же безопасностью, какими и наши горожане с их товарами пользуются. На то издаем настоящую нашу грамоту, скрепленную приложением нашей печати.

Любек и Гамбург Договор об охране торговли (1241 г.)

Фогт, совет и община города Любека... Мы и возлюбленные друзья наши, горожане Гамбурга, заключили взаимное соглашение о нижеследующем:

В случае, если против наших или их горожан поднимутся разбойники и иные злые люди, начиная от места впадения в море реки, именуемой Травой, и до Гамбурга, а также по всей Эльбе до моря, и будут чинить на наших и на их горожан вражеские нападения, то мы с ними и они равным образом с нами на одиноковых началах должны будут участвовать в расходах и тратах на уничтожение и искоренение этих разбойников.

Далее, если кто из проживающих вне города кого-либо из горожан Гамбурга или Любека дерзким самосудом лишит жизни, ранит, избьет палкою или каким-либо иным образом, чего да не будет, обидит, мы совместно с ними и они с нами сообща понесем расходы, какие потребуются для возмещения вреда и наказания. И если с их горожанами около их города или с нашими около нашего что-либо приключится, они со своими, а мы с нашими горожанами на общий счет накажем.

Кроме того, если над кем-либо из их горожан близ нашего города Любека или над нашими горожанами близ города Гамбурга будет учинено какое-либо насилие, мы их обидчика или обидчиков, а они нашего или наших на общий счет будем разыскивать для наложения на них взыскания и наказания по этому делу...

Любек, Росток и Висмар Объявление о преследовании разбойников и их укрывателей (1259 г.)

Всем во Христе верным... Общины городов Любека, Ростка и Висмара. Так как многие купцы, плавающие с товарами по морям, не могут из-за пиратов и разбойников пользоваться твердым миром и надежною безопасностью..., то вот мы общим советом постановили объявить настоящею грамотою во всеобщее сведение о нижеследующем: грабители купцов не могут пользоваться миром в церквах, на кладбищах, на воде и в полях, но все горожане и кпцы будут считать их лишенными покровительства законов. А если разбойники вьются куда-нибудь с награбленной добычею, всякая область и всякий город, какие примут их добычу, будут считаться городами и всем купечеством виновными наравне с разбойниками и также лишенными покровительства законов...

Договор об охране торговых сношений по Балтийскому морю, заключенный между Любеком и Висби (1280 г.)

Всем, до кого дойдет настоящая запись, фогт, консулы и община немеем города Висби шлют привет во имя спасителя мира.

Хотим довести до всеобщего сведения, что мы и наши особенные друзья, все достопочтенные горожане и купцы – обитатели города Любека – взаимно договорились о нижеследующем. Если бы случилось – пусть этого не будет – что какие-нибудь лица как высшего, так и низшего звания причинят нам, или им, или же их, или нашим согражданам, или каким-либо другим, к ним искренне расположенным, немецким купцам какое бы то ни было утеснение, отягощение или убыток в гавани реки Травы или в Зундском проливе, или начиная от тех мест вплоть до Новгорода, или на всем протяжении Восточного моря и во всех портах и на всех промежуточных станциях для судов, мы совместно с любекскими горожанами исправим это [зло] и отомстим общими усилиями и за общий счет, согласно нашей и их потребности в силах [для этой цели], поскольку так было условлено сообща между нами и ими.

Но так как указанный договор должен нерушимо соблюдаться нами и ими целиком в течение ближайших десяти лет, мы засвидетельствовали вышеписанное на данном листе своей подписью и прочно скрепили привешенной нашей печатью.

Дано в год от рождества христового 1280, в субботу перед рождеством богородицы.

Постановления Ганзейского союза от 1260-1264 гг.

Желаем довести до вашего сведения о решении, принятом по тщательном обсуждении мудрыми и честными людьми на помощь всем купцам, которые пользуются и управляются Любекским правом.

Во-первых, каждый город пусть по мере возможности оберегает море от пиратов и иных злодеев так, чтобы морские торговцы свободно могли вести свою торговлю.

Далее, если кто подвергнется за свой проступок изгнанию из одного города, пусть ни в какой из них вновь не принимается.

Далее, если кто-либо из горожан будет схвачен в плен, его не должно выкупать никакими средствами, но следует послать ему его пояс и нож.

Далее никакой купец не должен покупать другого, если тот будет захвачен в плен, или принимать его от кого-либо другого в уплату долгов. Если сделает это, потеряет жительство свое в том городе и во всех прочих, в каких действует Любекское право.

Далее, если кто за разбой и грабеж будет объявлен вне закона в одном городе, он будет числиться таковым и во всех.

Далее, если кто из государей осадит один из городов, никакой другой город не будет оказывать ему в чем-либо помощи в ущерб первому, если только не сеньор его.

Далее, если в стране будет война, ни один город не будет вредить телу или имуществу кого-либо из горожан этих городов, но искренно окажет ему помощь.

Далее, если кто возьмет жену в каком-нибудь из этих городов, но явится первая жена и потребует его и сможет через посредство правомочных свидетелей доказать, что он ее законный муж, он будет обезглавлен.

Далее, если кто из горожан выдаст за кого-либо свою дочь или внучку, а другой заявит, что она его законная жена, и не сможет доказать этого через посредство правомочных свидетелей, он будет обезглавлен.

Настоящее решение будет действовать в течение одного года. а о том, что определят после, город даст знать своими письмами.

Дано в день Иоанна Крестителя в Висмаре.

Из постановлений Ганзейского союза от 1265 г.

...Далее, если на морях соберутся пираты, все города должны, сообразно раскладке, производить затраты на уничтожение их.

Грамота, данная английским королем Эдуардом II немецким купцам, принадлежащим к составу немецкого подворья в Лондоне (7 декабря 1317 г.)

Эдуард, божьей милостью король Англии... привет. Да будет вам ведомо, что славной памяти государь Генрих¹, покойный король Англии, наш дед, своей грамотой, пожалованной купцам немецкого королевства, именно тем, которые владеют подворьем в Лондоне, называемым в простонародье немецкий гильдейский двор,

обещался поддерживать всех и каждого в отдельности и соблюдать по всему его королевству все те вольности и вольные обычаи, которыми они пользовались как в его правление, так и в правление его предков...

Желая оказать названным купцам еще большую милость, мы... пожаловали им именем нашим и наших наследников и данной ней грамотой утвердили за ними и их преемниками – обладателями вышеназванного подворья на вечные времена в пределах нашего королевства и власти нижеследующие вольности:

1. Именно, чтобы ни сами они, ни их имущество, ни товары их в пределах указанного королевства и власти не подвергались аресту и не задерживались никем, кроме как их сотоварищами, ни за какой долг, в отношении которого отсутствовали бы поручители или главные должники и ни за какой действительно ей вершенный или намеченный к совершению поступок.

2. И чтобы мы или наследники наши не облагали ни их самих, ни их имущество или товары новой, неположенной пошлиной, сохраняя за нами и наследниками нашими исстари существующие поборы.

3. И чтобы эти купцы по всему королевству на вечные времена были свободны от мостового, дорожного и городского² сборов.

¹ Генрих III (1216-1272 гг.).

² Имеется в виду сбор на ремонт городских стен.

Статуты ганзейской конторы в Брюгге

а) Приблизительно от 1348 г.

Во имя божие, аминь. Для пользы и блага всего купечества Римской империи германской нации определены и приняты с ведома и согласия всего вышеназванного купечества, пребывавшего в то время в Брюгге, писанные здесь статьи о нижеследующем:

1. Во-первых, вышеназванное купечество желает, что если кто и нарушит постановления статей, содержащихся в наших привилегиях, учинивши тем вред господам и нарушивши договор, он повинен уплатить всему вышеназванному купечеству соответствующий штраф.

2. Далее, они желают, чтобы никто не должен был торговать товаром, который нельзя перепродать без убытка в Брюгге или вообще в области Фландрии; никто не должен также ссужать деньги под залог, письменное обязательство или на срок, чтобы нажить этим более денег или прибыли в пределах города или вышеназванной области. Желают также, что если кто-либо будет таким образом обманут вопреки справедливости и это сможет быть доказано через двух добрых купцов или маклеров, имеющий сведения по данному делу, он должен уплатить названным купцам по 5 шиллингов с каждого фунта всей суммы. И когда бы старшины ни пожелали, они могут всякого привести по своему усмотрению к присяге, чтобы он показал правду по этому делу,

3. Далее, никто не должен давать маклеру более того, что положено исстари, под угрозой штрафа в 5 шиллингов.

4. Далее, ни один купец не может вызвать другого в какой-либо суд, помимо нашего собственного суда, разве только кто-нибудь будет от суда уклоняться. И никто из наших людей не может наложить арест на чужое имущество иначе, как по нашему праву, разве только он сделает это из-за опасения того, что другой может предупредить его, действуя по фландрскому праву, или разве он сделает это с разрешения старшин. Штраф за это – марка золота.

5. Дальше, желают, чтобы если какой-либо человек, живущий не по нашему праву, учинит кому-либо из наших несправедливость и не пожелает за это уплатить штраф сообразно учиненной несправедливости, тогда следует сделать о том представление перед старшинами. Старшины же должны просить всех купцов, чтобы они не давали этому человеку зарабатывать у них деньги до тех пор, пока он не внесет штраф. Далее, желают, чтобы, если кто-нибудь из наших людей это нарушит, повинен был уплатить в размере одного фунта...

б) От 1354 г.

Эти нижеписанные статьи установлены с разрешения и согласия всего немецкого купечества... в Брюгге, в год [воплощения] нашего господа... 1354, в день 20-й апреля месяца.

7. Далее, постановлено... в названном году..., что если кто-либо заплатит за свой товар пошлину не в таком размере, как следовало бы заплатить по обычаям Фландрии, и будет в том уличен сборщиком пошлин, он должен внести купеческой общине столько же, на сколько он провинится перед сборщиком, да еще заплатить 10 шиллингов штрафа. И это не должно быть допускаемо.

8. Далее, если какой-нибудь своенравный человек в гордыне и гневе, без разрешения купечества, будет гнушаться немецким правом и отвергать его, такового не должно вновь принимать под покровительство купеческого права... И если кто-либо имеет с вышеназванным человеком соглашение, именно относительно недвижимости или общей доли в купеческом корабле, таковому следует соглашение с ним разорвать в течение года и дня, под угрозой штрафа в размере марки золота.

в) Приблизительно от 1360 г.

9. Далее, ни один человек, пользующийся немецким правом, должен входить в товарищество и владеть недвижимостью совместно с фламандцами, под угрозой штрафа в размере марки.

Постановление о ганзейской торговле в Новгороде (22 февраля 1346 г.)

Да будет ведомо всем, кто увидит и услышит эту запись, что старшины и мудрейшие из немецких купцов, которые тогда были в Новгороде, в полном единодушии согласились, руководствуясь письмами и полученными через вестников указаниями городов вне страны и внутри ее, у моря, о нижеследующем:

1. Чтобы никто не совершал в Новгород более одной поездки в год, кто бы он ни был, и не привозил в Новгород товары более одного раза в течение года, будут ли эти товары его собственные, или компанейские, или какие-либо иные. Постановлено, что если кто-либо будет застигнут с такого рода товарами, их подлежит считать конфискованными, вне или внутри страны, где бы то ни было, в пользу св. Петра¹.

2. Далее, всякий, кто приезжает сюда по санному пути, по санному должен и уехать обратно; и лишь в том случае, если кто-либо везет общий фрахт или если можно доказать, что у него есть какая-либо уважительная причина, он может ехать с первой водой. И если случится, что кто-либо воспользуется первой водой, он должен именоваться летним путешественником.

3. Далее, если кто приедет сюда водным путем, тот должен водным путем и выехать обратно; и лишь в случае, если он везет общий фрахт, ...может он ехать в зимнее время. И если случится, что кто-либо пропустит вышеназванную последнюю воду, таковой должен именоваться зимним путешественником. Это решение должно действовать до рождества, как оно действовало уже в течение трех лет, и его надо соблюдать честно.

4. Далее, никто не должен ездить с товаром по суше, будет ли то [путь] через Пруссию или Швецию, нельзя также ездить с повозками на Эзель или в Курляндию и вообще каким бы то ни было путем совершать поездки с повозками, под угрозой лишения свободы и конфискации имущества; разрешается ездить только на кораблях – в Ригу, в Ревель, или в Пернов. Если случится, что кто-либо нарушит это вышеназванное постановление, тот лишится свободы и имущества, и это не должно быть терпимо.

5. Далее... должны мы держаться следующих правил в отношении русских: по единодушному решению, для пользы всего купечества, после ближайшего праздника св. Михаила нельзя покупать – ни в розницу, ни оптом – сукна, материи и изделий из пушнины русского производства, а также все прочее, что изготовлено вне домашнего хозяйства [русских]. Можно покупать лишь хлеб и тому подобные [сырые] продукты по их настоящей стоимости. Все вышеупомянутое никто не должен покупать после ближайшего дня св. Михаила ни в Новгороде, ни в Пскове, в Полоцке, ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни в Феллине, в Готланде, ни в ином каком-либо месте, куда обычно ездят русские... Все это не должен покупать ни один человек, который желает пользоваться купеческим правом, кто бы он ни был. А если кто нарушит это постановление, тот карается конфискацией имущества и платит штраф в 10 марок... в пользу св. Петра.

6. Далее, никто не должен иметь в Новгороде в год более тысячи марок [вложений] ни в товариществе, ни в своем собственном деле, ни как-нибудь по-иному. Если кто это нарушит, его товар должен быть конфискован в пользу подворья св. Петра.

7. Далее, вменяется в обязанность старшинам св. Петра от каждого принимать клятву в том, что он с помощью бога, всех святых и св. Петра будет соблюдать по доброй воле и без всякого царства содержащиеся в настоящей записи постановления...

8. Далее, ни один ученик старше 20 лет не может пользоваться в Новгороде купеческим правом, но всякий, кто желает жить по этому праву, должен пройти обучение здесь, кто бы он ни был.

Дано в 1346 р. в соборе св. Петра. Вам вменяется в обязанность... прибавить список этой записи на носу корабля. Будьте здоровы, милые друзья.

¹ Имеется в виду церковь св. Петра, бывшая центром ганзей воря в Новгороде.

Обязательства Бремена при обратном приеме его в немецкую Ганзу (3 августа 1358 г.)

Мы, консулы и община города Бремена, выражаем безмерную благодарность почтенным мужам, консулам приморских городов, а также других городов и рядовым купцам немецкой Ганзы Священной Римской империи за то, что они вновь благосклонно приняли нас в свою среду и допустили пользоваться вольностями и привилегиями названных купцов, хотя мы и были лишены этих вольностей в течение некоторого времени¹. Мы желаем довести сведения всех и каждого, кто когда-либо пожелает лично выслушать или увидеть настоящий документ, и публично заявляем этим документом, что хотим нерушимо и твердо соблюдать все без исключения нижеписанные пункты и статьи, по которым договорились и пришли к соглашению в городе Любеке: от нашего имени и с нашей стороны достопочтенные мужи и господа Генрих, по прозвищу Донельдей, и Бернард Деттенгузен, специально посланные нами для данной цели сочлены нашей консульской коллегии, а со стороны купцов вышеназванной Ганзы собравшиеся в Любеке достопочтенные мужи, господа консулы города Любека и других городов.

А именно, во-первых, когда бы и сколько бы раз ни потребовали нас господа консулы нижеписанных городов, т.е. Любека, Висмара, Ростока, Штральзунда и Грейфсвальда, для успеха и пользы всех

вышеупомянутых купцов на помощь и для обороны гавани, именуемой Норзунд, мы должны охотно послать туда хорошее, вполне снаряженное судно с 50 вооруженными людьми и прочим военным снаряжением на наш счет и риск; и если бы бог дал нам и нашим помощникам, таким же защитникам названной гавани, победу над пиратами и прочими грабителями, то полученную при этом добычу мы должны быть готовы охотно разделить с названными нашими помощниками по количеству людей, т.е. по доле на каждого мужа.

Затем, когда бы и сколько раз ни потребовали нас господа гамбургские консулы для обороны реки Эльбы, мы обязаны охотно послать для означенной обороны на Эльбу на судне сотню вооруженных мужей точно так же за наш счет и риск, и если бы мы и тут захватили добычу у грабителей, мы должны поделить поровну между нами и помощниками нашими, сообразно количеству и числу лиц так, как это выше сказано. А если окажется необходимым послать в вышеуказанные места не по одному, а по несколько судов, мы должны это сделать без какого-либо возражения.

Равным образом мы хотим с признательностью выполнять и твердо соблюдать все пункты и пожелания, принятые и постановленные господами консулами вышеуказанных городов в качестве представителей всех вышеуказанных купцов; и если бы кто-либо из наших граждан безрассудно дерзнул поднять паруса и совершить со своими кораблями и товарами такие рейсы и посетить такие места, которые оказались бы под запретом со стороны вышеуказанных господ консулов и купцов, стало быть, нарушил соответствующие постановления и решения и не захотел соблюдать ни тех, ни других, у такого [нашего согражданина] надлежит конфисковать все его имущество, а самого лишить свободы, причем две части имущества, которое он имел при себе в том городе, где его поймали, должны отойти к вышеназванным купцам, а третья часть – господам консулам того города, где он был захвачен; все же остальное его имущество, которым он до поры владел в нашем вышеуказанном городе и в других местах, должно быть сохранено в неприкосновенности для передачи в распоряжение его наследников и ближайших родственников.

Равным образом настоящим обещаем и даем твердое обязательство в том, что будем ограждать вышеназванных купцов от ущерба. В отношении же всех тех преимуществ и договоров, которые мы имели и которыми пользовались до сих пор с тех времен, когда мы были лишены тех вольностей, какими пользуются вышеназванные купцы, разумеется, мы всецело за то, что такие преимущества и договоры не должны быть убыточными и опасными для вышеназванных купцов, так как всякие лукавые и зловердные оговорки совершенно исключены всем вышеписанным.

Точно так же, если, боже упаси, нам или кому-либо из нас, или нашим согражданам, или кому-нибудь от нашего имени, с нашего ведома, отбросив в сторону всякие церемонии, довелось действовать или выступать против вышеписанного, в таком случае, мы и преемники наши должны быть исключены на вечные времена из упомянутой Ганзы вышеназванных купцов и должны быть лишены всех прав вышеназванных купцов. В удостоверение всего вышеписанного к настоящему [документу] привешена печать нашего вышеназванного города...

¹ В течение какого именно времени в точности неизвестно. Есть основания полагать, что это время было довольно продолжительным.

Ганза. Штральзундский мир (24 мая 1370 г.)

Штральзундский мир завершил войну между королевством Дания и военно-торговым союзом городов Ганза. После поражения Дании в войне мир был заключен 24 мая 1370 г. в городе Штральзунд. По условиям мира Ганза достигла пика своего влияния и могущества.

Пусть знают все, кто прочтет или услышит этот документ, что мы, Ханнинг ван Пудбуск, правитель Датского королевства, Николай, архиепископ Лундский, Эрик, епископ Одензесский, Николай, епископ Рошильдский (и 27 перечисленных [ниже] комендантов крепостей, рыцарей и оруженосцев), советники нашего милостивого государя, высокородного господина и князя, короля датского Вольдемара, по воле, приказу и доверенности нашего государя, в соответствии с нашими разумными обычаями и по доброй воле, посовещавшись со всем народом... постановили и договорились о прочном, полном и вечном перемирии во всех отношениях между нашим государем, его королевством, его воинами и слугами, с одной стороны, и городами Любеком, Росток, Штральзундом, Висмаром, Грейфсвальдом, Штетин, Кольбергом, Ней-Штаргардом, Кёльном, Гамбургом и Бременом; прусскими городами Кольменом, Торном, Эльбингом, Данцигом, Кенигсбергом, Брюнсбергом и всеми остальными прусскими городами; лифляндскими городами – Ригой, Дерптом, Ревелем, Перновым и другими; городами на Зюдерзее – Кампен, Девентером, Утрехтом, Зволле, Гассельтом, Гронингеном, Зирикзе, Брилем, Мидельбургом, Арнемюйден, Гардервииком, Зутореном, Эльбургом, Ставорном, Дортрехтом, Амстердамом, а также другими городами, владельцами замков, купцами и их челядью, которые занимаются военным делом и связаны военными законами, с другой стороны – так, как это изложено ниже:

1. Во-первых, что все бюргеры, купцы и их челядь и все те, на кого распространяются их теперешние и будущие права, могут посещать [все области] Датского королевства и Сконии; и что они могут привозить, и

увозить свои товары по морю и по суше и беспрепятственно вести торговлю [во всех областях этих стран]; однако они должны платить полагающиеся при этом пошлины, которые описываются ниже.

2. На всем побережье Дании, Сконии и других областей Датского королевства всякие остатки кораблекрушения, найденные на берегу, будь то обломки корабля или какая-нибудь другая находка, объявляются принадлежащими им [немецкому купечеству], а именно: если кто-либо из одного из вышеупомянутых городов потерпит кораблекрушение у берегов этого королевства и обломки его корабля и остатки его имущества будут выброшены на берег в каком-нибудь месте этого королевства... и люди [бывшие на корабле] утонут или погибнут, это имущество может быть [подобрано и] сохранено ближайшим фогтом или другим начальником. Содержащиеся среди найденного ценные вещи он должен с ведома честных людей¹ отнести в ближайшую церковь, составить опись и оценку этих вещей и хранить их в целости до прихода наследников или тех, кто сможет предъявить на них законные притязания²; если они представят в течение года и дня письмо от того города, горожанами которого они являются, и доказательства того, что они являются законными наследниками этого имущества или могут предъявлять на него законные притязания, эти вещи должны быть целиком выданы им, и рабочим должно быть уплачено причитающееся им вознаграждение. Если кто-нибудь в этом государстве присвоит себе такие остатки кораблекрушения и откажется выдать их тому, кто имеет на них право, то следует заставить его подчиниться закону – он должен отдать взамен [присвоенного] другое имущество; это должно быть исполнено неукоснительно без доверенности истца³. Он должен, не взирая ни на что, возвратить имущество тому, кто имеет на него законное право.

Если шкипер будет вынужден бросить якорь или канат в море или гавани, ему должно быть разрешено беспрепятственно поднять якорь, когда он этого захочет.

3. Далее, пусть посадят вышеупомянутые города своих фогтов в поселениях в Сконии, Фальстербо и в своих поселениях в Дании; эти фогты имеют право суда по всем тяжбам и спорам над всеми, живущими в этом поселении, а также над всеми бюргерами и их челядью, где бы они ни находились, за исключением тех дел, которые судятся по Любекскому праву⁴, [то есть] всех уголовных дел, а также дел о ранах, нанесенных острым оружием. Исключается лишь тот случай, когда какой-нибудь город имеет высшие полномочия на основании грамоты датского короля.

4. Далее, все те, кто издавна живет в поселениях [Ганзы], пользуются правами и привилегиями, могут с их [ганзейских городов] разрешения и впредь оставаться в этих поселениях.

5. Далее, если немец нарушит датское право, то нельзя вызывать его в датский суд; жалобу на него следует принести немецким фогтам, согласно их праву.

6. Если захотят обвинить кого-либо [из немцев] или принести на него жалобу, то по этому делу следует обратиться к немецким фогтам, которые будут судить его по законам его города.

7. Далее, горожане ганзейского союза городов могут иметь [в своих поселениях] шесть трактиров в каждом поселении для [продажи] пива и меда; вино же в этих областях можно беспошлинно цедить и хранить в любом месте.

9. Далее, они могут свободно и беспрепятственно продавать в своих поселениях платяные ткани и полотно [холст] полотнищами, свертками и кусками.

10. Далее, они могут продавать холст локтями в лавках, торгующих тканями, причем с каждой лавки они должны платить [торговую пошлину] не более одного большого шиллинга.

11. Мясники, сапожники, мелочные торговцы, меховщики и другие ремесленники могут [беспрепятственно] заниматься своим делом и своим ремеслом⁵, но должны при этом платить по одному большому шиллингу за каждую лавку (bode); это относится к тем, которые не живут в поселениях [Ганзы].

12. Далее, вышеупомянутые бюргеры и купцы могут иметь в Сконии свои трешкоты⁶ и рыбацьи лодки и беспрепятственно заниматься рыбной ловлей: за каждый трешкот они должны платить торговую пошлину не более одного большого шиллинга, независимо от своего местонахождения.

13. Они могут также иметь свои собственные повозки и беспрепятственно пользоваться ими; за каждую повозку они должны платить не более восьми грошей независимо от своего местонахождения.

14. Если повозка перевернется и причинит убыток [кому-нибудь], можно задержать лошадь, повозку и товары до тех пор, пока купец не возместит убыток.

15. С количества одежды и вина, которые можно увезти на четырех лошадях, надо уплатить тому, кто этим ведает, 1/2 сконийской марки. Тот, кто причинит вред этому товару, должен уплатить купцу соответствующее возмещение. Количество [товаров], которое можно увезти на двух лошадях, не облагается пошлиной.

16. Все купцы могут грузить и выгружать [товары] в любое время, но обязательно днем.

17. Всякий купец может иметь при себе оружие тогда, когда он сходит на берег или возвращается обратно на свой корабль, но только не тогда, когда он находится на постоялом дворе (herberghe); если он нарушит это – будет носить оружие в других случаях – он должен уплатить штраф в размере одной сконийской марки.

18. Далее, они могут иметь свои собственные ладьи и небольшие лодки; с каждой ладьи они должны платить одну сконийскую марку, а с небольшой лодки – 1/2 сконийской марки. Они могут грузить и разгружать их в любом месте и в любое время.

20. Далее, никто не должен уплачивать штраф за другого; каждый должен нести ответственность только за себя. Никто не должен также брать на себя чужую вину.

21. Слуга не должен портить или уничтожать имущество своего хозяина.

22. Если купец будет перевозить на корабле какой-нибудь товар из Скони и в Фальстербо, он не должен платить никакой пошлины. Если же товар будет перевозиться по суше, то с каждой повозки следует уплатить по одному артигскому пфеннигу⁷.

23. Если фогт захочет купить у купца товар, эта сделка может быть заключена лишь с согласия последнего, и фогт должен заплатить за товар его обычную цену.

24. Далее, новую монету нашего государя короля должно пускать в обращение не раньше, чем за восемь дней до праздника св. Михаила. Каждым купец должен расплачиваться королевской монетой; тот, кто нарушит это и будет уличен, должен уплатить штраф в размере пяти сконийских марок.

25. Далее, ярмарка, находящаяся в Фальстербо, на побережье Зунда, должна оставаться там впредь и не может быть перенесена в другое место.

26. Следует взимать следующие пошлины: с сельди внутри страны – двадцать сконийских пфеннигов с ластва⁸; сельдь, которая перевозится морем вокруг страны по Зунду, не облагается пошлиной, но корабль, на котором перевозится сельдь, должен уплатить обычную пошлину – с каждых одиннадцати шиллингов стоимости сельди не более четырех гротенов⁹ большими или английскими или любекскими пфеннигами; далее сельдь перевозится беспошлинно. С одного ластва сельди следует уплатить государственной казне пошлину и размере двадцати сконийских пфеннигов. С воловьей или коровьей кожи – десять сконийских пфеннигов. С фунта сала двадцать сконийских пфеннигов. С бочонка масла – двадцать сконийских пфеннигов. С бочонка говядины – пять сконийских пфеннигов. С лошади, за которую заплачено более двадцати марок, – два артига. С куска платяной ткани, в котором до двадцати полотниц, – одно эре. Циновка, ящики и постельные принадлежности не облагаются пошлиной.

27. Все немецкие купцы, имеющие земельные владения¹⁰ в Скони и Фальстербо, могут свободно и беспрепятственно пользоваться ими, то есть постольку, поскольку они лежат на датской земле вне поселений немецкого купечества.

28. Если кто-нибудь умрет в этом королевстве, немецкий фогт или тот, кому он это поручит, имеет право передать имущество покойного его законным наследникам; если наследников не окажется, он должен передать это имущество тому, кто имеет на него право.

29. Далее, эта грамота не отменяет те грамоты и привилегии, которые были ранее даны датским королем. Все записанные здесь привилегии даются на вечные времена. Не следует также никого притеснять и предъявлять [незаконные] требования; за всеми должны остаться записанные здесь права и привилегии. Пошлину можно уплачивать по выбору: [давая] один любекский пфенниг за два сконийских.

Мы обещаем также королю и его преемникам и всем настоящим и будущим жителям королевства соблюдать и исполнять на вечные времена верой и правдой, без хитрости и лукавства то, что записано в вышеизложенных статьях и документах. Мы, горожане названных городов, купцы, владельцы замков и их челядь, обещаем соблюдать это твердо, постоянно и непоколебимо, без всяких духовных и светских ограничений.

Вышеприведенные документы должны навеки прекратить всякие споры и раздоры¹¹ между нашим государем королем и Датским королевством, с одной стороны, и вышеназванными городами и их жителями, с другой стороны. А для большей надежности мы, Хеннинг ван Пудбуск, правитель Датского королевства, а также рыцари и оруженосцы и вышеупомянутые господа архиепископ и епископы, приложили каждый по своей доброй воле свою печать.

Составлено и записано в Штральзунде в 1370 году.

¹ В тексте: «bedderv lude».

² В тексте: «de dat gud myd rechte vorderen moghen».

³ В тексте: «one volborth das klegers».

⁴ По праву суда города Любека.

⁵ В тексте: «bruken erer veylinghe und eres ombachtes».

⁶ Трешкот – небольшое грузовое судно, которое обычно тянут бичевой.

⁷ Артиг (в Новгороде и Пскове – артуг) – шведская медная монета, имеющая хождение в северо-восточной части Балтийского моря. Равняется 1/3 эре.

⁸ Ласт – мера веса в прибалтийских странах, равная приблизительно 2 тоннам.

⁹ Гротен – (от groschen – грош) – мелкая серебряная разменная монета, находившаяся в обращении в Нижней Саксонии и Нидерландах; чеканилась в Бремене и Ольденбурге.

¹⁰ В тексте: «eghene erde hebben».

¹¹ В тексте: «twidracht unde schelinghe».

Договор Новгорода с Ганзой (март 1487 г.)

Торговые отношения Ганзы и Новгорода регулировались специальными договорами и уставом Ганзейского двора – «Скра». В договорах прописывались гарантии безопасной торговли – «чистого пути» ганзейским купцам – в Новгородскую землю, а новгородским купцам – по Балтике.

Договоры заключались в результате обычно сложных и длительных переговоров между Новгородом и Ганзой. В них подводились итоги предшествующего развития и санкционировались на какой-то последующий отрезок времени сложившиеся отношения. За каждым договором стояло реальное соотношение сил между Новгородом и Ганзой в соответствующий хронологический период. Изменения в этом соотношении отражались в нормах договоров.

Приводится текст договора 1487 г., изданного в *Hanserecesse* по копии, изготовленной в 1510 г. для посольства Иоганна Роде в Москву. Копия хранится в городском архиве Любека.

Договор 1487 г. – последний русско-ганзейский договор, заключенный перед закрытием ганзейского двора в Новгороде (1494 г.). В нем нашли решение некоторые важные вопросы, являвшиеся предметом борьбы Новгорода с Ганзой на протяжении всего XV в.

Договорная грамота Новгорода с ганзейскими городами о 20-летнем мире.

По божьей воле и по велению великого государя царя русского великого князя Ивана Васильевича всея Руси и его сына великого князя Ивана Ивановича всея Руси. Сюда в отчину великого князя, в Великий Новгород к наместникам великого князя в Новгороде, Якову Захарьевичу и Юрию Захарьевичу, к боярам и жителям людям, к купеческим старостам и к купцам, и детям купеческим, и ко всему Новгороду, отчине великого государя царя русского, приехали немецкие послы: от Юрьева посадник господин Тиман Геркен и господин Иоганн Гаке, ратман, от Колывани посадник господин Иоганн Рутерт и господин Лодевик Круфт, ратман, приехали послами от Любека, от Риги, Юрьева и Колывани и от 73 городов на сем поморье и заморских, и от всех купцов и всех немецких купеческих детей, и били челом великому государю царю Руси и наместникам в Великом Новгороде, Якову Захарьевичу и Юрию Захарьевичу, и докончали мир за 73 города немецких с наместниками великого государя в Новгороде, в отчине великого государя царя русского, и за всю державу новгородскую от благовещения до благовещения на двадцать лет, на следующих условиях.

Немецкому гостю приезжать в Великий Новгород со своим товаром водою и горою, торговать по старине, и путь иметь чистый, приезжать и отъезжать, по старым грамотам и по этой грамоте, по старому крестному целованию и по этому крестному целованию, безо всякой хитрости. Также новгородскому гостю и новгородцу ездить в Немецкую землю, в ее города, со своим товаром горою и водою, торговать по старине, приезжая и отъезжая по чистому пути, по старому крестному целованию и по этому крестному целованию, безо всякой хитрости.

А возникнет распря между шведами и великим государем, его отчиной Великим Новгородом, или между магистром, или с жителями Нарвы, немецкого купца из-за этого не задерживать.

А случится новгородскому купцу зло на море от злых людей, которые являются жителями 73 городов, то 73 городам их искать; а найдут они злых людей, то казнить их смертью и новгородскому купцу его товар возвратить. Если же случится зло от других злых разбойников, и 73 города узнают (об этом), то сообщить им о разбойниках наместникам великого государя в Великом Новгороде, отчине великого государя, по крестному целованию; а сумеют они схватить злых людей, то казнить их смертью и новгородскому купцу его товар возвратить. Также если случится ущерб в Новгородской земле немецкому купцу или его товарам, то наместникам великого князя в его отчине, в Великом Новгороде, искать злых людей; а найдут они злых людей, то казнить их смертью и немецкому купцу товар его возвратить. И из-за злых разбойников новгородских купцов не задерживать ни в Риге, ни в Юрьеве, ни в Колывани. А захочет новгородец погрузить свой товар вместе с немцем на один корабль или лодью, и случится зло или ущерб товарам на море, то немцу с новгородцем делить всегда, что останется, соразмерно доле каждого, без хитрости, по крестному целованию, с обеих сторон.

И великого государя наместникам в Великом Новгороде, в отчине великого князя, в Великом Новгороде, исправу дать немецким детям, по всем обидным делам по старым крестным целованиям, по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте, безо всякой хитрости. Также немцам из 73 городов исправу дать великого князя отчине, Великому Новгороду, и купцам в Великом Новгороде и купеческим детям по всем обидным делам по старым крестным целованиям и по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте, безо всякой хитрости; и во всех делах истцу знать истца по крестному целованию.

И в течение этого мира, который они заключили с наместниками великого князя в отчине великого князя, в Великом Новгороде, с немецкими детьми чьи имена стоят в этой грамоте, приезжать в Великий Новгород честным людям немецким послам от заморья и от сего поморья, от 73 городов, приезжать в Великий Новгород, чтобы говорить обо всех обидных делах купцов; а договорятся немецкие послы с великого князя наместниками в отчине великого князя, в Великом Новгороде, обо всех обидных делах купцов, то добро; а не договорятся, то послам иметь на обе стороны чистый путь, приезжать и отъезжать безо всякой хитрости, по старым крестным целованиям и по этому крестному целованию, по старым грамотам и по этой грамоте.

А немцам не причинять новгородскому купцу никаких насилий, ни в клеть сажать, ни в погреб, ни заключать в оковы, без исправы, по крестному целованию. Также наместникам великого князя в Новгороде немецкого купца ни заключать в оковы, ни мучить, без исправы, с обеих сторон безо всякой хитрости, по крестному целованию.

На всем этом и на этой грамоте по велению государя царя русского наместников великого государя в Новгороде, Якова Захаровича и Юрия Захарьевича, крест целовать великого князя боярам новгородским Григорию Михайловичу, Кузьме Остаховичу, и купеческим старостам Ивану Елезаровичу, и Никите Леонтьевичу, за всех новгородцев, за отчину великого государя царя русского; также немецким послам крест целовать, от Юрьева посаднику господину Тиману Геркену и господину Иоганну Гаке, ратману, от Колывани посаднику господину Иоганну Рутерту и господину Лодевику Круфту, ратману, по приказу 73 городов за всех купцов немецких и за всех немецких купеческих детей, с обеих сторон, справедливо, без хитрости. И к этой грамоте наместники государя великого князя царя русского в Новгороде, Яков Захарьевич и Юрий Захарьевич, свои печати привесили и руку дали и немецкие послы 73 городов, от Юрьева господин Тиман Геркен, посадник, и господин Иоганн Гаке, ратман, от Колывани посадник господин Иоганн Рутерт и господин Лодевик Круфт, ратман, свои печати здесь привесили в году 1487 в марте.

Изгнание ганзейцев из Англии (Донесение из Кёльна от 12 февраля 1598 г.)

Письма из Амстердама подтверждают изгнание немецких купцов из Англии. Это принесет ущерб многим и в особенности купцам из восточных владений, которые долгие годы вели в Лондоне торговлю и имели там собственный дом.

Ранее, в течение 1470-1474 гг., имел место конфликт между Англией и Ганзой – англо-ганзейская война. Одной из причин вызвавших войну было усиление английского давления на торговлю ганзейских городов южного побережья Балтийского моря. Война велась главным образом силами каперов в Северном море и Английском канале. Война окончилась Утрехтским соглашением в 1474 г., по которому Ганзейскому союзу гарантировалось право собственности на Стальной двор в Лондоне.

КОРОЛЕВСКИЙ ДЕКРЕТ ОБ ИЗГНАНИИ

Мы, Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры, шлем привет нашему любезному и верному мэру и судье нашего города Лондона. Под именем «мандата» последовала жалоба со стороны римского императора ко всем курфюрстам, епископам, графам, сословиям и подданным, адресованная по поводу несправедливостей, чинимых в нашем королевстве по отношению к союзным ганзейским городам.

Римский император жалуется на убытки, причиненные ганзейскими городами со стороны наших купцов, именуемых «Merchant Adventurers»¹. Его жалоба явно противоречит всякому праву и всяческой справедливости. Между тем нашим купцам не только шпрещается торговать в Римской империи, но и под угрозой штрафа и наказания предлагается избегать [посещения] страны и иоспрещается выступать в качестве негоциантов в гаванях или иных центрах империи. Им угрожают тюремным наказанием и конфискацией всего их имущества, а равно и всякие другие крайние запреты преследуют наших подданных. Мы в свое время послали римскому императору, курфюрстам и другим князьям письмо, чтобы был известен наш ответ на выпады ганзейских городов.

Мы домогались в этом письме, чтобы [указанный выше] запрет был не отменен, а лишь отсрочен. Но так как мы сомневаемся, чтобы все это имело успех, мы сочли целесообразным предложить выехать всем пребывающим в нашем королевстве ганзейцам и подданным Римской империи.

Это особым образом относится к тем, кто живет в «Немецком дворе» в городе нашем Лондоне. К этим мы применили те же угрозы, которые содержатся в императорском указе.

Для выполнения настоящего декрета повелеваем вам, нашему майору и судье упомянутого города Лондона, тотчас пойти к дому, называемому «Немецкий двор», потребовать находящегося там старосту этого дома и сообщить ему содержание настоящего нашего декрета.

Прикажите ему к 28-му числу этого месяца, дню, когда наши купцы должны покинуть Римскую империю, оставить пределы нашего королевства. Вы прикажете далее, чтобы все лица, служащие ганзейским городам и принадлежащие к подданным Римской империи, выехали к тому же указанному нами дню. Вы возьмете с собой вашего майора и судью и двух офицеров, чтобы 28 января вступить в распоряжение «Немецким двором». Это [действие декрета] будет длиться до тех пор, пока мы не узнаем о наличии каких-либо путей и способов обеспечить снова нашим подданным возможность торговли в Римской империи.

В подкрепление нашей воли мы опубликовали этот указ в нашем королевском совете.

13 января на сороковом году нашего правления.

Примечание. Действие этого декрета не распространяется на те расположенные в Польше ганзейские города, которые не имеют ничего общего с упомянутой выше императорской жалобой.

¹ Компания «купцов-предпринимателей».

1.15. ОТНОШЕНИЯ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1337-1453 ГГ.)

Договор между Англией и Францией (Жан Жуэнвиль, «Книга св. Людовика»)

В документе рассказывается о том, как французский король Людовик IX (1226-1270 гг.) уступил английскому королю Генриху III (1216-1272 гг.) некоторые земли Франции. Речь, в частности, идет о Парижском договоре – договоре, заключенном 4 декабря 1259 г. в Париже. Согласно этому договору, Генрих в пользу Людовика отказался от контроля над Нормандией (кроме Нормандских островов), графства Мэн, Анжу и Пуату, тогда как Людовик в пользу Генриха отказался от прав на Сентонж, при этом Генрих получил право быть вассалом при Людовике на территории Гаскони и части Аквитании, а также поддержку последнего на мятежных английских территориях.

Фактически, данное соглашение означало, что английские короли по-прежнему оставались французскими вассалами (правда, только на территории Франции). Договор не способствовал возникновению дружеских отношений между Англией и Францией. Некоторые историки утверждают, что он явился одной из причин Столетней войны.

Жан Жуэнвиль (1225-1317 гг.), маршал Шампани, составил посвященную королю Людовику IX «Книгу о святых речах и добрых делах св. Людовика». Приводимый из нее отрывок, написанный около 1274 г., относится к событиям 1248-1254 гг.

Мир, который он заключил с королем Англии, заключил он против желания своего Совета, который заявлял ему: «Сир, нам кажется, что вы теряете землю, которую даете королю Англии, ибо он не имеет на нее прав: ведь его отец потерял ее по суду»¹. На это король ответил, что ему хорошо известно отсутствие прав у английского короля, но есть основательная причина дать ему землю. Ведь мы женаты на сестрах, и наши дети двоюродные братья; поэтому подобает быть миру между нами. Для меня же в мире с королем Англии великая честь, ибо он становится моим человеком, кем он не был раньше.

В 1202 г. Иоанн Безземельный, как вассал французского короля, судом французских пэров был лишен своих французских владений.

Амьенская миза (1264 г.)

4 января 1264 г. Людовик IX вынес свое решение, известное как Амьенская миза.

Людовик, Божией милостью король франков, всем, кто будет видеть настоящие письмена, привет. Делаем известным, что возлюбленный родственник наш Генрих, блистательный король Англии, и написанные ниже бароны Англии обратились к нашему посредничеству, как это содержится в нижеследующем письме; содержание же письма самого короля такое: «Генрих, Божией милостью король Англии, сеньор Ирландии и герцог Аквитании, всем, до кого дойдут эти письмена, привет. Знайте, что мы обратились за посредничеством к государю Людовику, блистательному королю франков, относительно постановлений, ордонансов, статутов и обязательств всех оксфордских и относительно всех споров и несогласий, которые мы имеем и имели до праздника Всех святых, ныне прошедшего, с баронами королевства нашего и они с нами по поводу провизий, ордонансов, статутов и обязательств оксфордских вышеназванных, обещая и через возлюбленных и верных наших Уильяма Белета, рыцаря, и Роберта Фулька, клирика, по нашему специальному поручению принося клятву своею душою, коснувшись святых Евангелий, что то, что король Франции обо всем вышеуказанном и о чем-либо из этого сверху или снизу решит и постановит, мы будем добросовестно соблюдать, так однако, что этот господин король Франции должен вынести свой приговор об этом около ближайшей Пятидесятницы. Во свидетельство чего мы повелели приложить к настоящему письму печать нашу. Мы же, Эдуард, названного выше господина Англии перворожденный сын, Генрих, сын Ричарда, короля Германии, Роджер Ле Биго, граф Норфолкский и маршал Англии, Джон де Уоррен, Уильям де Валенс, Гэмфри де Боэн, граф Герфордский и Эссекский, Гуго Ле Биго, Филипп Бассе, Джон Фиц Алкан, Роберт Брюс, Роджер Мортимер, Джон де Вердун, Уильям де Бреус, Джон де Байльоль, Генри де Перси, Реджинальд Фиц Питер, Джэкоб де Альдейл, Аллан Ла Зуш, Роджер Клиффорд, Эмо Экстранен, Джон Ле Грей, Филипп Мармион, Роберт Невилл, Джон де Макгро, Варен Бессинберн, Адам де Джесмут, Роджер де Сомери, Ричард де Фолио, Роджер де Лейберн и Уильям Латимер, на названное выше посредничество, устроенное названным государем нашим, королем Англии, как сказано выше, соглашаемся и клянемся, коснувшись святых Евангелий, что то, что господин король Франции обо всем сказанном выше и о чем-либо из этого сверху или снизу решит и постановит, мы будем соблюдать добросовестно, так однако, чтобы этот господин король Франции должен вынести об этом свой приговор около

ближайшей Пятидесятницы, как выражено выше. Во свидетельство чего к настоящему рукописанию, скрепленному печатью господина нашего вышеназванного короля Англии, мы наши печати велели приложить. Дано в Виндзоре в воскресенье, ближайшее после праздника святой Люции-девы, в год 1263. При составлении этого документа присутствовали Джон де Чишелл, Уильям де Уилтон, брат Джон де Дерлингтон, магистр Эрн., канцлер короля Германии, Роджер де Меесенден и многие другие».

Письмо же баронов таково: «Всем, кто увидит настоящее письмо, Г. лондонский, У. устерский епископы, Симон де Монфор, граф Лестерский и сенешаль Англии, Гуго Диспенсер, юстициарий Англии, Гэмфри Боэн младший, Г. де Монфор, С/имон/ де Монфор младший, Адам де Ньюмаркет, Петр де Монфор, Ральф Бассе де Сейпкот, Болдуин Уэйк, Роберт де Роуз, Уильям Ле Блонд, Уильям Маршалл, Уолтер Колвилл, Ричард де Грей, Уильям Бардольф, Ричард де Танни, Генри Гастингс, Джон Фиц Джон, Роберт Вьюпонт, Джон де Весси, Никола де Сегрейв, Джофри де Люси, привет в Господе. Знайте, что мы обратились за посредничеством к господину Людовику, блистательному королю Франции, относительно постановлений, ордонансов, статутов и обязательств всех оксфордских и относительно всех споров и несогласий, которые мы имеем и имели до праздника Всех святых, недавно прошедшего, с господином нашим блистательным королем Англии и он с нами по случаю постановлений, ордонансов, статутов и обязательств оксфордских, названных выше, крепко обещаю и принося клятву, коснувшись святых Евангелий, что то, что король Франции обо всем вышесказанном или о чем-либо из него сверху и снизу решит или постановит, мы будем добросовестно соблюдать, но так однако, чтобы этот господин король Франции произнес свое решение об этом около ближайшей Пятидесятницы. Исполнено в Лондоне в день святой Люции-девы в год 1263».

Кроме того, названный выше король Англии, с одной стороны, и вышеупомянутые бароны, с другой стороны, относительно всех споров, возникших между ними после названного выше праздника до прошедшего дня святой Люции, по названной выше причине обратились к нам за посредничеством и обещали через посредство клятв, принесенных с прикосновением к святым Евангелиям, что они добросовестно будут соблюдать то, что мы решим и постановим об этом или о чем-либо из этого, так однако, чтобы около ближайшей Пятидесятницы мы постановили об этом наше решение и обо всем, что следует в то же время принять во внимание при рассмотрении предметов, непосредственно относящихся к посредничеству или их касающихся. Мы же, созвав для этого стороны в Амьене, причем названный король лично и некоторые бароны лично, а другие через посредство уполномоченных явились перед нами, выслушав вышесказанные об этом предложения и также более полно поняв защитительные доводы и резоны сторон, обратив внимание на то, что оксфордскими провизиями, ордонансами, статутами и обязательствами и тем, что из них и благодаря им последовало, праву и чести королевской было причинено величайшее умаление, произошло смятение королевства, угнетение и расхождение церквей, и другим лицам королевства, церковным и светским, местным и иноземным, были нанесены тяжелейшие убытки и что можно было не без правдоподобного основания опасаться, как бы в будущем не случилось нечто, еще более тяжелое, мы, обсудив с советом баронов и магнатов, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа названные выше провизии, ордонансы, статуты и обязательства, все, как бы их ни описывать, и все, что из них или по причине их последовало, нашим решением или нашим ордонансом кассируем и уничтожаем, тем более, что известно, что Верховный первосвященник объявил их своими письменами кассированными и уничтоженными, постановляя, чтобы как названный король, так и бароны и другие, которые согласились на настоящее посредничество и которые всячески обязались соблюдать сказанное выше, совершенно освободили себя от исполнения их. Прибавляем также, что на основе названных выше провизий и обязательств или ордонансов или какой-либо сверх этого уступленной королем власти никто не должен издавать новых статутов или исполнять и соблюдать уже изданные и за несоблюдение названных никто не должен становиться непримиримым врагом другого или за это подвергаться какому-либо наказанию. Постановляем также, что все грамоты, составленные относительно названных выше провизий и по их поводу, недействительны и ничтожны, и предписываем, чтобы они были возвращены и переданы баронами самому королю Англии. Далее, решаем и постановляем, чтобы крепости, какие только были переданы для обеспечения безопасности или по причине сказанного выше и до сих пор удерживаются, свободно были возвращены названными баронами этому королю, чтобы этот король владел ими, как владел ими до времени названных провизий. Далее, решаем и постановляем, чтобы свободно позволено было вышеназванному королю смещать и удалять главного юстициария, канцлера, казначея, советников, младших юстициариев, шерифов и всяких других чиновников и министерялов своего королевства и своего дома на полной своей воле, как он это делал и мог делать до времени названных выше провизий. Далее, мы отменяем и кассируем то изданное постановление, что королевство Англия впредь должно управляться уроженцами ее, и чтобы иноземцы удалились и не могли возвращаться, исключая тех, пребывание которых верные короля сообща допустят, постановляя названным нашим решением, что иноземцам позволяется пребывать безопасно в названном королевстве, и что король может безопасно звать в свой совет иноземцев и местных, каких найдет полезными и верными, как он это мог делать до вышеназванного времени. Далее, решаем и постановляем, чтобы названный король имел полную власть и свободное правление в своем королевстве и в том, что к нему принадлежит, и находился в том положении и в той полной власти во всем и повсюду, как был до названного выше времени. Не желаем также и не намереваемся настоящим постановлением умалить в чем-либо королевские привилегии, грамоты, вольности, статуты и достохвальные обычаи королевства Англии, которые существовали до времени этих провизий.

Постановляем также, чтобы этот король проявил благосклонность в отношении к вышеназванным баронам и оставил всякий гнев, какой имеет в отношении к ним по поводу вышесказанного, также и бароны в отношении к нему, и чтобы один другого по поводу вышесказанного, о чем обратился к нашему посредничеству сам или через другого, впредь ни в чем не утеснял или обижал. Это же наше постановление или наше решение вынесли мы на другой день после блаженного Винценция-мученика в год 1263 в месяце январе. Во свидетельство чего к настоящему письму мы повелели приложить нашу печать. Исполнено в год, месяц и день и в месте, указанные выше.

Обращение Эдуарда I к подданным

Документ содержит обращение английского монарха Эдуарда I (1272-1307 гг.) к своим подданным с призывом отобрать у французов Гасконь.

С подобным приглашением прибыть в парламент для обсуждения важных дел английские короли стали обращаться к разным общественным сословиям с последней трети XIII столетия. Данное приглашение адресовано первому сословию, а относится к 1295 г.

Обращение к духовенству

В достаточной мере всем ведомо и уже, как мы думаем, по всем странам мира распространилась об этом весть, как король Франции обманым и хитрым способом отстранил нас от нашей страны Гасконии. Ныне же, не довольствуясь названным выше обманом и беззаконием, для завоевания королевства нашего огромный флот и громадное множество воинов собрав, с каковыми уже сделал враждебное нашествие на королевство наше и на жителей этого королевства, вознамерился совсем истребить с лица земли язык английский, если бы гнусному плану затеянного им беззакония соответствовала его сила, что да отвратит бог. Так как предусмотренные заранее удары менее опасны и так как здесь ваши интересы затронуты в сильнейшей мере, как и прочих сограждан этого королевства, то мы повелеваем вам, крепко наказывая именем верности и любви вашей к нам, чтобы в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего ресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего приора и капитул церкви вашей, архидиаконов и весь клир вашего диоцеза, чтобы эти приор и архидиаконы лично, а названный капитул через посредство одного, а этот клир через посредство двух достойных представителей, имеющих полную и достаточную власть от этих капитула и клира, вместе с вами присутствовали для того, чтобы здесь тогда всеми способами вместе с нами и с остальными прелатами и магнатами и другими жителями королевства нашего обсудить, постановить и исполнить то, с помощью чего следует устранить эти опасности и злоумышления.

Фландрия в политике Англии и Франции (Жан Фруассар, «Хроники»)

Документ описывает положение Фландрии, на которую притязали и Франция и Англия.

Фруассар из Валансьенна (1337-1404 гг.) – автор «Хроник Англии, Франции, Испании и соседних стран от конца правления Эдуарда II до коронации Генриха IV», освещающих события с 1326 по 1399 гг. Приводимый отрывок написан в 1370-е годы, а касается он положения Фландрии непосредственно перед Столетней войной.

Вы слышали перед этим рассказ о том, как король Англии запер все морские проходы и не пропускал ничего во Фландрию, а особенно шерсть и овечьи шкуры. Этим все страны Фландрии были глубоко поражены, так как суконное производство – главный предмет, которым они живут, и было уже много разорившихся благородных людей и богатых купцов. Приходилось выбираться из земель Фландрии многим честным мужчинам и женщинам, которые перед этим были обеспечены трудом по производству сукон, и они шли искать себе довольства в Генегау и другие места, где могли найти его; великие роптания по поводу этого распространились и рассеялись по стране Фландрской, и особенно в больших городах. Говорили, что тяжело и дорого обходится им любовь, которую граф, их сеньор, питал к французам, так как благодаря ему и его делам они подверглись этой опасности и ненависти английского короля и что гораздо полезнее было бы для общего блага страны Фландрской находиться в мире и любви с королем английским, чем с королем Франции.

Правда, что из Франции к ним приходит много хлеба, но так как им не на что его покупать и нечем платить, все по недостатку заработка, то в этом-то и беда их, потому что мера хлеба стоит денье, а у кого нет его, тому нехорошо. Из Англии же к ним идет шерсть и с нею вместе большие выгоды, которые позволяют им поддерживать свое благосостояние и жить в довольстве. К тому же они получают достаточно хлеба и со стороны Генегау, так как область эта в мире с ними.

Принятие решения об объявлении Англией войны Франции (Жан Фруассар, «Хроники», 28)

Глава 28.

Совет короля Эдуарда советует ему начать войну против короля Филиппа Французского.

В то время, когда ни о чем кроме этого крестового похода, не говорили, сеньор Робер д'Артуа находился в Англии и был очень близок к особе короля, которому он постоянно советовал устроить войну из-за того, что король Франции удержал его наследство. Король провел много совещаний на этот счет, и советовался со своими самыми важными и близкими советниками о тех способах, какими он сможет отстоять свое право, так как он с радостью бы улучшил свое положение, если бы знал как. Обсуждался вопрос, что будет, если он предъявит свое право на наследство, а ему в этом откажут, как можно было предположить, и что если тогда он останется спокойно сидеть и не станет поддерживать своих притязаний, то этой будет более позорно, чем вовсе и не заявлять о них. Он ясно видел, что для него невозможно будет покорить такое великое королевство как Франция, если всю свою силу он приведет только из своей собственной страны, то есть, если он не заручится, с помощью своих денег, могущественными друзьями и их помощью в Империи и в других местах. Поэтому он часто требовал ответа от членов своего тайного совета, что они думают на этот счет.

Наконец, те дали ему единодушный ответ: «Дорогой сир, этот вопрос такой важности, что мы не хотим советовать вам ничего определенного на этот счет, но рекомендуем вам, дорогой сир, отправить соответствующим образом проинструктированных посланцев к славному графу Эно, на чьей дочери вы женаты, и к сеньору Жану, его брату, который ранее столь доблестно помогал вам, чтобы попросить их светлости посоветовать вам, как надо действовать. Ведь в данном вопросе они осведомлены лучше, чем мы. Если они согласятся с вашим мнением, то пусть дадут вам совет, кто из сеньоров более всего способен вам помочь, а также пусть укажут на наиболее пригодные средства, чтобы привлечь их на вашу сторону». Король согласился с этим предложением и попросил епископа Линкольнского, из любви к нему, взять на себя эту поездку и пожелал, чтобы в этом посольстве его сопровождали два рыцаря-баннерета и 2 сведущих в праве советника. Они выехали так быстро, как смогли, погрузились на корабль и высадились в Дюнкерке, откуда поехали через Фландрию в Валансьенн, где застали Гильома, графа Эно, который столь жестоко страдал от подагры и песка в мочи, что не мог двигаться. Сеньор Жан, его брат, также был здесь, чему они весьма обрадовались, и рассказали им о цели своей миссии. На что славный граф сказал: "Я молю Бога, чтобы король преуспел в этом деле, что меня весьма бы порадовало, ведь как вы можете легко представить, я гораздо больше заинтересован в том, кто женат на моей дочери, чем в короле Филиппе, который никогда ничего для меня не сделал, хотя я и женат на его сестре. Еще он тайком расстроил брак юного герцога Брабантского с моей дочерью, и исходя из этого, я никоим образом не подведу моего дорогого возлюбленного сына, короля Англии, раз его советники присоветовали ему предпринять это дело. Я также окажу ему всяческую помощь, так же как и Жан, мой брат, здесь присутствующий, который помогал ему и раньше. Но теперь, вы должны поискать других сторонников, более могучих, чем мы, поскольку территория Эно столь мала в сравнении с королевством Францией, а Англия лежит слишком далеко, чтобы ему помочь»

«Сир, конечно вы дали очень превосходный совет и засвидетельствовали большую любовь и добрую волю, за что, от имени нашего господина и короля, я приношу большие благодарности, - ответил епископ Линкольнский, - но, дорогой сир, назовите нам имена тех сеньоров, которые, по вашему мнению, могут оказать лучшую помощь нашему хозяину, чтобы мы смогли сообщить ему о них».

«Клянусь своей душой, - ответил граф, - я не могу вспомнить более ни о каких сеньорах, которые мог бы так сильно помочь ему, кроме как о герцоге Брабантском, его кузене, епископе Льежском, герцоге Гельдернском, который женат на его сестре, архиепископе Кельнском, маркграфе Юлихском, мессире Арнольде Бланкенхайме и сеньоре Фокмонском. Это те сеньоры, которые могут в короткое время снарядить большее количество воинов, чем другие, о которых я знаю. Сами по себе они очень воинственны, и если они захотят, то легко смогут выставить 10 тысяч человек, полностью вооруженных и снаряженных, но вы должны будете платить им деньги вперед, поскольку они такие люди, что любят поразжиться. Если, с помощью своих средств, король, мой зять и ваш господин, сможет вступить в союз с этими сеньорами, о которых я упомянул, и будет лично находиться по эту сторону моря, то он сможет перейти через реку Уазу, чтобы поискать короля Филиппа и предложить ему сражение».

После вернулись в Лондон с тем ответом, что получили, и когда король Эдуард его выслушал, то он доставил ему большое удовольствие и успокоение. Новости о том, что надвигается такое дело, были вскоре доставлены во Францию, и в таком преувеличенном виде, что король Филипп стал очень безразличен к тому крестовому походу, о котором столько проповедовалось, и в котором он принял на себя руководство. Он отменил приказания своим чиновникам, которые уже сделали огромные приготовления, и дал им указания не делать их дальше, пока он не увидит в каком направлении намеревается действовать король Англии, так как тот только и занят тем, что собирает себе воинов.

Король Англии приказал 10 рыцарям-баннеретам, 40 рыцарям-башелье, в сопровождении епископа Линкольнского, который действительно был доблестным мужем, пересечь море и ехать прямо к Валансьенну,

чтобы провести переговоры с теми сеньорами Империи, которых назвал граф Эно и действовать так, как посоветуют он и его брат Жан. Когда они придут в Валансьенн, то они должны будут поддерживать весь престиж государства и не скупиться на расходы, как если бы там находился лично сам король Англии, и что они не должны не упускать ничего, чтобы увеличить свою большую славу и высокую репутацию. Среди них было много молодых рыцарей-башелье, у которых один глаз был закрыт куском ткани, так что они не могли им видеть. Говорили, что они дали обеты неким дамам у себя в своей стране, что будут пользоваться не больше, чем одним глазом, пока лично не совершат какие-нибудь воинские подвиги во Франции, и что не будут отвечать ни на один вопрос, с которым к ним обратятся. Все вокруг сильно изумлялись такому странному поведению. После того, как их с почетом приняли и устроили в их честь празднества в Валансьенне, епископ Линкольнский и большая часть рыцарей поехали, по совету графа Эно, к герцогу Брабантскому. Герцог великолепно их принял и согласился обещать королю Англии, которому он приходился двоюродным братом, свою помощь и поддержку всеми средствами, что находятся в его власти, и позволить ему входить на свои земли и покидать их, вооруженным или невооруженным, так часто, как тот пожелает. По рекомендации своего совета и за круглую сумму во флоринах, он также обещал, что если король Англии, его кузен, пошлет вызов королю Франции и вступит на его земли с достаточным войском, и сможет получить помощь от вышеупомянутых сеньоров, то он также пошлет вызов и присоединится к ним с 1000 латников.

Затем послы вернулись в Валансьенн. Благодаря переговорам и своему золоту, они уговорили герцога Гельдернского, зятя короля Англии, маркграфа Юлихского, архиепископа Кельнского и его брата Валерана, и сеньора Фокмонского приехать в Валансьенн, чтобы провести с ними переговоры в присутствии графа Эно, который был неспособен ехать верхом, и в присутствии его брата Жана. Они повели дела так хорошо, щедро разбрасывая флорины среди князей и прочего народа, что те согласились послать вызов королю Франции и отправиться с королем Англии туда и тогда, когда ему будет угодно, и что каждый будет служить ему вместе с определенным числом воинов, имеющих шлемы с плюмажем. Теперь пришло время, когда мы должны говорить о копьях, мечах и кольчугах. Я говорю вам, что вышеупомянутые сеньоры обещали послам из Англии, что они объединятся с сеньорами по ту сторону Рейна, у которых есть достаточно силы, чтобы привести еще большое число воинов, но они должны будут их снабдить на приемлемые для них средства. Затем эти немецкие сеньоры попросились и уехали в свою страну, а английские сеньоры остались еще на некоторое время с графом Эно. Они чрезвычайно хотели перетянуть на свою сторону епископа Льежского Рауля, и отправили ему много писем, но он не желал ничего делать против короля Франции, чьим вассалом он был, и которому он поклялся в верности. К королю Чехии они не посылали, так как знали, что он прочно связан с королем Франции, благодаря браку Иоанна, герцога Нормандского, с мадам Боной, дочерью этого короля, и что он никогда ничего не сделает против него.

Манифест Эдуарда III от 1337 г., объясняющий причины войны Англии с Францией

Эдуард III – король Англии (1327-1377 гг.). Именно в его правление, в 1337 г. началась так называемая Столетняя война.

Перед вами предложения, сделанные королю Франции королем Англии во избежание войны.

Во-первых, король Англии отправлял королю Франции многочисленные послания с просьбами вернуть ему земли в герцогстве Гиень, которые тот необоснованно удерживал у него, но король Франции не реагировал на просьбы до тех пор, пока не пообещал, что если король Англии самлично придёт во Францию, он воздаст ему по справедливости и окажет благосклонность и благоволение. Доверяя его обещанию, король Англии тайно прибыл во Францию, смиренно прося отдать ему земли, высказывая предложения и оказывая королю Франции почести как должно и даже более того; но король Франции постоянно откладывал переговоры и решение и фактически ничего не сделал для него, более того, в течение переговоров все более несправедливо обрисовывал права короля Англии на герцогство.

Также король Англии, видя затруднения короля Франции, для того, чтобы добиться его благоволения и получить то, что тот удерживал, изложил ему известные предложения, упомянутые ниже, то есть, когда от первого отказались, он предложил еще одно.

Во-первых, женитьбу его старшего сына, ныне герцога Корнуолла на дочери короля Франции без востребования чего-либо за этот союз.

Также бракосочетание его сестры, ныне графини Гельдерн с его сыном за значительную сумму денег.

Также женитьбу его брата, графа Корнуолла, прощенного Богом, на любой даме королевской крови.

Кроме того, чтобы компенсировать неудобство, причиненное королю Франции, он предложил ему столько денег, сколько тот мог обоснованно потребовать.

Также по причине того, что королю Англии дали понять, что король Франции желает предпринять крестовый поход в Святую землю и желает, чтобы король Англии захотел ему продемонстрировать свои благосклонность и благоволение так, чтобы ни одно препятствие крестовому походу не могло быть ему

приписано, он предложил королю Франции выступить с ним в крестовый поход со значительной военной силой, но таким образом, чтобы до выступления король Франции полностью вернул ему все земли.

Затем он предложил выступить с ним в вышеуказанный поход при условии, что прежде король Франции возвратит ему половину или определенную часть земель.

Также после этого он сделал ему еще более значительное предложение: что он выступит с королем Франции, если тот возвратит ему половину или определенную часть земель по возвращении из Святой земли.

Также, чтобы остановить недовольство короля Франции, который пытался обвинить короля Англии в воспрепятствовании крестовому походу, он открыто заявил о своей готовности выступить с ним в поход, если по возвращении король Франции проявит справедливость по отношению к нему.

Но король Франции, который пытался всеми способами сохранить то, что он несправедливо захватил, не стал принимать ни одно из данных предложений, но, изыскивая возможности к этому, занимался поисками поддержки и содействия у шотландцев, врагов короля Англии, пытаясь оттянуть войну с последним при помощи войны с ним Шотландии, так, чтобы он не имел сил преследовать свои цели где-либо еще. Тогда, ради учтивости по отношению к королю Франции и по просьбе, изложенной в его посланиях, король Англии даровал шотландцам отсрочку войны и перемирие в надежде на мирные переговоры, но в течение этого перемирия шотландцы убили графа Этольского и других, и захватили несколько высокопоставленных людей из числа верных королю Англии, и осадили, и захватили земли и другие места, принадлежащие королю и его людям.

Принятие Эдуардом III титула и герба короля Франции, 1340 г.

Эдуард, милостью Божией король Франции и Англии и повелитель Ирландии, сим дает истинное толкование нижеперечисленных вопросов всем прелатам и иным служителям церкви, пэрам, герцогам, графам, баронам, благородным и простым людям, проживающим в королевстве Франция.

Великий повелитель король, имеющий право изъявления своей воли, желает однако, чтобы власть его являлась объектом закона, распоряжаясь так, чтобы каждый получил то, что принадлежит ему, демонстрируя таким образом, что справедливость и законность должны предвдварять восшествие короля на престол.

Итак, королевство Франция было передано нам по наследству Божией волей согласно естественного права в результате недавней смерти Карла; но последний король Франции, брат, состоящий в родстве с нашей матерью и графом Филиппом Валуа, сыном брата короля и, следовательно, находящийся в меньшей степени родства по отношению к вышеупомянутому королю, навязал свою власть королевству, пока мы находились в нежном возрасте, и удерживает это королевство против воли Бога и справедливости; могло бы показаться, что мы пренебрегаем нашим правом и даром Божественного благоволения и не желаем подчиниться побуждению нашей воли и Божественному соизволению, но мы признали наше право на королевство и возложили на себя ношу управления королевством как мы и должны были сделать, приняв решение с непоколебимым намерением действовать совместно с добрыми и верными слугами, чтобы воздать по справедливости всем в соответствии с законом и достойными похвалы обычаями, чтобы восстановить закон и обычаи, которые были в силе при Людовике, нашем предке, и изгнать того узурпатора, когда ситуация покажется нам наиболее благоприятной. Мы не имеем намерения искать выгоды за ваш счет при помощи несправедливого вымогательства, как, например, изменений в общем доходе или еще как-нибудь, так как мы, благодаря Господу, обладаем достаточным количеством собственных источников и в делах государства намереваемся действовать неопрометчиво и обоснованно, но держа волю под контролем, нас будут направлять совет и пожелания пэров, прелатов, магнатов, верных вассалов королевства во славу Господа, для защиты и процветания Церкви, перед которой мы благоговеем в крайней набожности и которой содействуем при помощи общественного и частного добра, соизмеряя свои дела с благоволением Бога, проявляя справедливость. Мы в огромной степени обеспокоены вашей честью, удобством и миром, так как, Бог ведает, ничего не будет более приемлимым для нас, чем достичь этого нашими стараниями, особенно между нами и христианами вообще, поборник мира должен посылать мир, также как клятва католических князей должна быть обращена против хулителей имени Христа и во имя возрождения Святой земли, освященной кровью нашего Спасителя, к которой цели мы стремились по благоволению Святого Духа. Принимая во внимание то, что мы подавали графу Филиппу любезные и справедливые предложения мира, на которые он не отреагировал, не дал обоснованного ответа, более того решил вести с нами несправедливую войну, он всячески стремился нанести вред нашим владениям, поэтому нас насильно заставили прибегнуть к оружию для собственной защиты и восстановления своих прав, не желая уничтожать или подавлять добрых и бедных, но, наоборот, стремясь обеспечить им безопасность и удобство, мы изъявляем добросердечное желание, чтобы все и каждый житель королевства, кто по своей воле подчинится нам как истинному королю Франции в соответствии с мудрым советом и совершит это до следующей Пасхи, обещая должную верность нам как королю Франции, исполняя свои обязанности, как наши возлюбленные и преданные жители Фландрии это сделали, и предложили себя в услужение в качестве готовых служить преданно, будут допущены в наш мир и благоволение и под нашу особую защиту и протекцию, и мы

обещаем отстаивать их как должно и защищать их без какого-либо притеснения или вмешательства с нашей стороны или со стороны наших слуг как в отношении их личности, так и их владений в какой бы то ни было форме.

И, так как вышеупомянутое провозглашение не может быстро облететь каждого из вас индивидуально, мы обеспечим, чтобы оно было прикреплено к внешней стороне врат церквей и других публичных мест так, чтобы их можно было заметить, в качестве утешения нашим верным подданным и правильным указанием для тех, кто отдалился от нас своим недоброжелательным отказом. Написано в Генте, в феврале первого года нашего правления во Франции и на четырнадцатом – в Англии.

Кампания 1346 г. в освещении Эдуарда III (Военный дневник Эдуарда III, 1346 г.)

Этот дневник кампании Креси существует в единственном списке, который является копией конца XIV в. Четыре листа из середины документа отсутствуют, а в конце переписчик дважды повторяет целую страницу. Возможно, что было сделано несколько копий и переписчик прервался на том моменте, когда обнаружил, что по ошибке вставил вторую копию в другой документ. В итоге, мы имеем лишь фрагмент: будь рукопись полна, она могла бы дать нам живой отчет из первых рук о самой битве, учитывая, что стиль письма, в целом, на высоком уровне.

Сие есть ратные деяния славнейшего лорд-принца Эдуарда, милостью Божией короля Англии и Франции и Эдуарда, старшего сына этого короля, принца Уэльского, герцога Корнуолла и графа Честера, которые они свершили на море и в королевстве Франции, с последнего дня июня 1346 года и далее.

Поездка короля Эдуарда к английскому берегу прошла без происшествий. Здесь он собрал прославленную и непобедимую армию знати, рыцарей и ополчения, и флот кораблей, ужасающих как взоры, так и разум врага, с целью установить свои наследственные права на королевство Франции, которое было его по [наследственному] праву матери. И когда они собрались со всех концов Англии в Портсмуте и в его окрестностях, люди, кони и необходимый провиант были изготовлены к погрузке на борт кораблей. Когда необходимый провиант был поднят на борт, и когда собралась гигантская эскадра кораблей, король бросил якорь у острова Уайт, напротив города Ярмута, и три дня ждал оставшегося флота.

Военная знать, которая осталась позади, зная, что король был в Ярмуте, выступила одним эскадром 5 июля. Все больше кораблей собиралось с каждым днем, пока они не заполнили всю гавань острова, называемую Нидлс; и они были готовы к отплытию, когда внезапно ветер сменился на противную четверть. Поэтому король дал всем сигнал к отходу и они резко прервали свой поход и вернулись в Портсмут, где каждый день пытались выйти в открытое море.

Моряки выбрали якоря одиннадцатого июля и корабли, как приказал король, вышли в море. Никто из них не знал, в какую часть света они натянут такелаж (slacken the ropes), но Господь наш помог королю Англии, и ветра и течения были благоприятны. Они высадились благополучно на острове Св. Маркуфа, в порту Ла Хог.

Рассвет двенадцатого разбудил жителей острова новостями горькими и лишившими их покоя. Когда они увидели грозный лик кораблей, они бежали от вражеского короля так спешно, как только могли в пещеры и леса, бросая все свое имущество, как я впоследствии узнал. В полдень король и его армия высадились на побережье и строем, направились к высокому холму возле берега, где Эдуард, принц Уэльский, Уильям Монтагю, Роджер Мортимер, Уильям ле Рос, Роджер де ла Уэр и Ричард де ла Вер, и некоторые другие их товарищи были приведены королем к рыцарской присяге (knighted). Затем солдаты рассыпались по всем направлениям, избивая вражеских пехотинцев и сжигая добротные деревни¹ и поместья. В это самое время были преданы огню, вместе со всей оснасткой, четырнадцать кораблей, хорошо подготовленных врагом к нападению на Англию, которые были обнаружены лежащими на берегу. Король и его окружение взобрались, по стратегическим соображениям, на более высокий холм, с которого он [король] мог обозреть и оценить всю местность. Затем они спустились вниз, чтобы найти подходящие жилища и расположились в небольшой деревне в двух милях от порта. Но когда граф² Уорвик направлялся на привал с одним из своих эскайров, внезапно враги, прятаясь в дремучем лесу, яростно набросились на него, так что он думал, что наверняка будет повержен. Но прежде чем противник мог насладиться первой своей победой над англичанами, граф воспрянул духом, и, вместе с эскайром, храбро контратаковал и убил нескольких напавших, хоть и кони их были уставшими. Остальные, опасаясь, что их тоже убьют и думая, что вместо одного англичанина здесь целая тысяча, засверкали пятками со всей скоростью. И кто может отрицать, что Всемогущий шел впереди английского короля и его марширующей армии, облегчая их тяготы, когда пятьсот генуэзцев³, направленных королевским противником защищать порт, проведя десять недель непрерывно на побережье, ушли, так как у противника было тяжело с деньгами, в другое место всего за три дня до высадки. В это самое время Робер Бертрам, констебль Франции, призвал знатных и могущественных людей полуострова, и всех младше определенного возраста, вооружаться под флаги королевского противника⁴ и сопротивляться нападению на их страну, наметив двенадцатое в качестве дня сбора. Но видя английский флот, гостей, которых они не хотели принимать, они в спешке побежали, оставив путь в Нормандию свободным для короля и английской армии.

13-го числа с кораблей была выгружена масса припасов, как для людей, так и для коней, чему враг не оказал никаких препятствий. Те, кто остались на борту в те день и ночь чувствовали себя невезучими, потому что остальные смело и бодро жгли окрестности, покуда само небо не воспыало огнем. Однако английский король, сострадая мучениям бедного люда страны, издал по армии эдикт, чтобы ни один дом или поместье не были сожжены, ни одна церковь или священное место – разграблены, и ни один старик, ребенок или женщина в его королевстве французском – не были подвергнуты насилию или приставанию; и чтобы [солдаты] не трогали любых других людей, кроме тех, кто оказывает сопротивление или причиняет зло, под страхом смерти или отсечения членов. Он также повелел, что если кто-либо поймает кого-либо за этими занятиями или другими преступными деяниями и приведет того к королю, получит награду в сорок шиллингов.

14-го числа англичане, горящие желанием воевать с врагом, рыскали по разным частям страны и несколько их достигло города Барфлер, где они нашли множество спрятанных богатств и вернулись невредимыми с пленниками, как горожанами, так и крестьянами. Но вначале они предали огню город и семь тщательно снаряженных кораблей, которые они застали в порту. Подобным же образом армия занималась разорением 15-го, 16-го и 17-го числа; английский король назначил графа Нортгемптона констеблем, а графа Уорвика маршалом армии, сдерживать стремительность войск. Затем они разделили армию на три части [дивизии]: авангард, под командованием принца Уэльского, центр, под командованием короля и арьергард, под командованием епископа Дюрхейма. В авангарде свои знамена подняли: графы Нортгемптон и Уорвик, Бартоломью де Бургхерш старший, Джон Вердун, Джон Мохоун, Томас Оутред, Джон Фитцвальтер, Уильям Кердстон, Реджинальд Сэй, Роберт Бурчье, Уильям де Сант-Аманд и другие. В центре: граф Оксфорд, Эдуард Монтагю, Ричард Тэлбот, Реджинальд Кобхэм, Роберт Феррерс, Джон Дарси младший, Томас Брэдстон, Джон Дарси старший, Джон Грэй, Эбл Строндж, Майкл Пойнингс, Морис Беркели, Джон Стирлинг, Питер Брюс, Джон Чеве́рстон, Батлер Уэм, Годфри д' Харкурт, который в Ла Хоге принес оммаж на свои земли и владения в герцогстве Нормандском английскому королю, Уильям Уайлдсби, Уолтер Уотвонг, Джон Торсби, Филип Уэстон. В арьергарде: графы Арундель, Саффолк и Хантингтон, Хью Деспенсер, Роберт Морли, Джеймс Одли, Джон Грей, Томас Астли, Роберт Колвилл, Джон Саттон, Уильям Кантильюп, Джеральд Делизл, Джон Строндж, Джон Болорд. Восемнадцатого июня с разделенной таким образом, в соответствии с королевским указом, армией и со всеми должными приуготовлениями, король начал свой поход в Нормандию, горя желанием встретиться с противником. Очень узкими, заросшими лесом дорогами, армия достигла, без ущерба и происшествий, города Валонье, богатого и ценного места. Жители города вышли и бросились к ногам короля, прося его единственно пощадить их жизни; король всемирносерднейше принял их под свой мир [юрисдикцию] и приказал повторить его более ранний указ с теми же наказаниями и наградами. Король разместился в палатах герцога Нормандского, в то время как принц остановился в палатах епископа Кутансе.

Девятнадцатого некие злодеи, не побоявшиеся нарушения королевского эдикта, оставили армию и выжгли все рядом с дорогой. Английская армия прошла мимо отличного города Монтебур и сбросила свои доспехи в Сен-Кам дю Мон. Здесь до них дошли слухи, что [мост поблизости] разрушен отступающими солдатами, надеявшимися помешать продвижению короля. Насыпь [дамба, гать] была узкой, а глубина большая, слишком большая, чтобы перебраться вброд. Не мог король найти и другого места для перехода через реку: поэтому он поручил Реджинальду Кобхэму, Джону Стирлингу, Роджеру Мортимеру, Хью Деспенсеру, и Бартоломью де Бургхершу с помощью плотников восстановить и укрепить дамбу и мост.

20-го король и его армия благополучно перешли мост и дамбу и подошли к городу Карентану, окруженному проточной водой, болотами и украшенному довольно мощным замком; но пехотинцы, которые шли впереди, жадно пожрали огромное количество еды, не заботясь об опасности и вреде, который это могло причинить войску. Королевским указом было строжайше приказано, что ни один не должен съедать больше, чем ему необходимо, с теми же наказаниями и наградами. Король остановился на ночь здесь, а принц провел ночь в замке поблизости. После того, как они перешли мост, оставив остров Св. Маркуфа позади, они достигли теперь пределов Нормандии. Король и его армия перешли четыре моста во время описанного марша и прошли по узкой дамбе. Они разбили палатки у Понт-Хеберта, после более длинного, чем обычно, дневного перехода. В тот день мост в Нормандию, разрушенный отступающим противником, был восстановлен принцем Уэльским, но никто не мог перейти его до утра, пока весь авангард не подготовился к переходу: ибо король слышал, что Роберт Бертрам и другие враги были неподалеку от его армии, и не хотел потерять ни кого из своих людей, пока они не могли бы быть защищены. Авангард перешел двадцать второго и взобрался на вершину холма поблизости, и выстроился в боевом порядке против возможного вражеского нападения, которое, как они полагали, было близким. Здесь Генри де Бургхерш был посвящен в рыцари принцем Уэльским. Ночью эти лорды вошли в Сен-Ло, укрепленный город с замком, где было довольно самой разной еды. Констебль, маршал Франции и другие противники ночевали здесь за день до этого. 23-го числа, с утренним сигналом, король отдал приказ армии собраться в Торины, но, получив свежую информацию, изменил планы и пошел в другом направлении, к Кормолену. Враг также был здесь предыдущей ночью. Те, кто отвечал за расквартировку английской армии в Торины, готовя дома для знати, узнали о вражеском отступлении и, подпалив город и окрестности, поспешили к королю, собираясь маленькими группами со всей округи.

Оставив Кормолен 24-го числа, они предали огню город и близлежащие деревни, чтобы враг знал об их приходе. Но несколько лучников, надеясь на собственные силы и действуя вопреки королевскому эдикту,

погибли от удушья, когда дом, который они грабили, был подожжен засевшими в засаде врагами. Той ночью армия разбила лагерь у Сен-Жермен Д'Эктуа. 25-го король прибыл в Фонтене-Ле-Песнель, а принц направляется в Шуа. Ибо король знал, что путь ему прегражден, и он сможет продвигаться, лишь дав сражение. Все бежавшие от него в Нормандии собрались в великолепном городе Кан, чтобы преградить дорогу королю и его армии. Король, помня о жертве Спасителя, послал брата-августинца Джеффри из Мальдона, профессора теологии, с письмами к противнику, призывая город и замок Кана сдать. Если они сделают это, то могут оставить себе все свое имущество и городу не будет причинено никакого вреда. Но они отказались позволить ему [монаху] вернуться к королю и заковали его в цепи в замке Кана. Этот преступный поступок французов, то, что они не вернули посланника, означал, что их наказание будет гораздо более суровым. Ибо 26-го, когда посланник не вернулся, принц и его войска, разбуженные на рассвете горном, подожгли их жилища; факельщики побежали по всем сторонам, исполняя свой долг, пока куда бы ни посмотреть, было бы видно яркое пламя. Принц скомандовал своим лордам; все они подошли к Кану одновременно, вместе с обозами, следующими за авангардом, так что, когда они пересекали поля, число людей, должно быть, казалось еще большим. Королевские войска приблизились к городу: шлемы лордов, их знамена и бронированные кони производили отличное зрелище. Он [король], свершивший на своем пути величайшие ратные подвиги, был тем, кого, определенно, в наименьшей степени можно было бы подвергнуть упреку и злословию. Подошел арьергард и занял позиции на холмах по четырем сторонам города, их лэнсы⁵ были подняты и знамена дерзко развивались, надеясь найти хорошее место для атаки. Город имел весьма хорошо укрепленный замок, великолепные дома и церкви; с одной стороны он был защищен рвом⁶ и основательными деревянными стенами, с другой – защищен болотами, каменной стеной и морем, рукав которого разделял город [на две части], с мощным мостом через него. На обычный взгляд, взять его казалось невозможным. Но короля усиливала справедливость его дела, и принц, демонстрирующий свою силу в малейшем отцовском споре, напал на город со своими частями, не встретив сопротивления при входе в город.

Принц сразу захватил для себя и своих сподручных аббатство: здесь похоронена Матильда Добрая⁷, бывшая королевой Англии. Король занял подходящее имение в предместьях города, и арьергард разбил свои палатки. Враги англичан разместили своих людей в безопасности в городе, как описано ниже. Епископ Байё, который захватил посланника и разорвал письма от короля, о чем будет сказано ниже, защищал замок совместно с четырьмя баронами, двумя сотнями мечников⁸ и сотней генуэзских арбалетчиков. Мечники и часть генуэзцев были посланы, на тридцати лодках, стоящих наготове в гавани, охранять защитную дамбу от англичан, а остальные рыцари обещали сторожить упомянутый мост, который они укрепили тяжелыми заграждениями. Горожане перенесли все свое добро в эту часть города, надеясь, что здесь они хорошо защищены от англичан; и почти половина города опустела. Около восьми часов, как уже упоминалось, принц вошел в город: после того, как все распределились на постой, и армия была накормлена из огромных запасов еды и питья, и все вновь изготовились, граф Уорвик с умеренным числом мечников отправился к мосту, чтобы справиться⁹ с вражескими лучниками и прочими норманскими солдатами [стоявшими] там.

Граф Нортгемптон и Сэр Ричард Тэлбот последовали с ним, но когда они увидели врага, то, не сдерживая себя более, бросились на него, вдохновляя себя громкими криками. Части, лежавшие в засаде, присоединились к сражению; граф вскоре нашел себе ровню и рыцари сражались в рукопашную, нанося тяжкие удары. Командиры сновали туда-сюда, налаживая переправу вброд лучников и уэльсцев: им противостояли, бранясь и метая копыя, вражеские мечники и генуэзцы, выделенные для защиты брода. Лучники у входа в гавань сожгли две вражеские лодки. Пока тянулась битва на мосту, и все больше и больше английских войск прибывало, французы поворотились и побежали в дома и верхние комнаты. Графы и прочие командиры последовали [за ними], рубя по сторонам. Оставшиеся корабли отплыли и англичане пересекли реку в легких лодках, убивая всех, кого поймали. Те, кто нашли убежище в домах, видя так много своих убитых земляков и [свою] скорую гибель, сдались своим преследователям, но пехотинцы английской армии убивали знатных людей наряду с простыми, не позволяя никому выкупить [свою жизнь]. Тем не менее, англичане вернулись с большим количеством знатных пленников. И те, кто мог нести добычу, вернулись из домов с огромными богатствами. Граф О, обещавший либо удерживать город против врагов английского¹⁰ короля сорок дней, либо сражаться за короля на поле, был пленен Сэром Томасом Холландом. Граф Тарканвилль был захвачен Сэром Томасом Дэниелом, входящим в свиту принца Уэльского; а также много другой знати [было захвачено]. Имелось 95 пленных и 2500 убитых, помимо тех, кто было убит во время преследования в полях. Никому не удалось и совершить вылазку из замка во время битвы. Король издал прокламацию по армии, чтобы никто не смел захватывать в плен женщин, детей и духовенство, либо грабить дома и церкви, [под страхом] тех же наказаний. Во время первой английской атаки на город три или четыре высоких здания у моста были подожжены и всю ночь ярко горели. 27-го епископ оставался засевшим в замке, но пять [его] слуг на рассвете вышли и попали в засаду, [устроенную] англичанами, охранявшими этот участок, которые погнались за ними и троих из них убили. Двое были препровождены к королю; они поведали ему о том, кто находился в замке, о захвате Джеффри из Мальдона, посланника, упомянутого ранее, о том, как были порваны его [короля] письма и все прочее об этом, настаивая, что правдой является то, что епископ Байё порвал письма и сурово заточил упомянутого Джеффри. Они также сказали, что гарнизон замка Кана сдался бы, если бы не упрямое сопротивление вышеупомянутого епископа. Англичане дружно вернулись к работе по разграблению¹¹ города,

беря лишь драгоценности, одежду и красивые украшения из-за запрета [короля]. Англичане отправили свои трофеи на суда. Корабли следовали из Ла-Хога вдоль побережья, жгли города, поместья и сожгли более сотни судов, собранных из различных портов для помощи врагам англичан. Теперь они находились на расстоянии самое большее в девять миль и готовились доложить королю Англии о своих собственных успехах. Им досталось столько разного доставленного добра, что они не могли увезти всю добычу из Кана и других мест. 28-го ничего не было сделано [нового], кроме того, что была выжжена вся сельская округа и то лишь для того, чтобы люди не сидели без дела. Неописуемый страх охватил людей во всей округе и 29-го пятнадцать лучших людей города Байё пришли, под надежной охраной, сдать город королю.

На этом месте четыре листа рукописи отсутствуют. Некоторые детали того, что произошло в данном интервале могут быть получены из хроники монастыря Малмсбери, возможно, основывающейся на том же самом тексте:

Оставив в районе немного своих людей, король удалился из Кана и направился в Нормандию¹², опустошая все на пути. Он сделал отклонение [от маршрута] к Троарну, где не нашел ни мужчин, ни женщин. Но когда он подошел к Лизье, который его люди взяли и разграбили, он встретил двух посланных Папой кардиналов, у которых уэльские солдаты отобрали двадцать отборных лошадей¹³. Он пробыл там целый день, из уважения к Божьему дню¹⁴ и к кардиналам, выслушав их призывы к миру и согласию; они также предложили ему, если он заключит мир, Гасконь и Понтуа в ленное держание от французского короля, так же как его отец¹⁵ держал их. Король считал их миссию потерей времени и, после возвращения лошадей, украденных уэльсцами, отправил их с надежным сопровождением в папскую курию. Мосты через Сену были разрушены нормандцами; тем не менее, уэльсцы переплыли [через реку] и и убили много нормандцев, вернувшись невредимыми и привезя с собой несколько маленьких лодок. Часть английских мечников перебралась в них [через реку] и убила по меньшей мере 105 нормандцев, которые нередко выставляли англичанам напоказ свои задние места¹⁶.

Король перешел [на другой берег] по косе у излучины реки Сены, ведя всю свою армию по месту, где никто раньше не проходил¹⁷. Английская армия свирепо атаковала замок у реки; здесь были ранены Ричард Тэлбот и Томас Холланд.

Далее продолжается текст рукописи:

В тот же самый день Роберт де Феррерс, взяв с собой своих людей, тайно пересек Сену в маленькой лодке¹⁸ и атаковал мощнейший замок Ла Роше Гийон. Противник сопротивлялся, но они взяли внешнюю стену и жестоким приступом взяли вторую. Гарнизон, напуганный штурмующими, впали в малодушие и сдали замок и сами сдались в плен на милость упомянутого Сэра Роберта. Здесь пал Сэр Эдуард Аттевуд. Замок был полон знатных дам, которых он [Ричард] отпустил невредимыми, без позора и оскорблений. Взяв с них клятву, что они заплатят выкуп за взятых в плен рыцарей и сквайров, он отправил их назад в замок и вернулся к английской армии рассказать королю о своих успехах. Более сорока нормандцев были убиты или захвачены в тот день. Принц провел ночь в Муассо, а король – в Френюзе (Freneuse). Кардиналы Неаполя и Клермонта пришли вновь по поводу мирного договора и династического [брачного] союза с англичанами, но поскольку договор был не по вкусу англичанам, они вернулись той же ночью к противнику, получив насмешливый ответ от англичан. Одиннадцатого числа сельская округа по всем сторонам [от англичан] была сожжена. Английская армия, пройдя мимо города Мантса (где стоял лагерь авангард французской армии), захватила Обергенвиль в Иль-де-Франсе (?)¹⁹. Графы Нортгемптон и Уорвик с умеренным количеством вооруженных людей выдвинулась к прекрасному городу Мелён, укрепленному, как Кан, мощными стенами и рвом, чтобы посмотреть, сможет ли английская армия перейти Сену по мосту этого города. Но они не смогли выполнить задание, потому что мост с фронта защищала башня, которую невозможно было захватить; [она была] полна мечников и арбалетчиков. Безопасная позиция французам, в такой же мере как и их издевки и рожи, разозлили англичан и они не смогли удержаться от штурма башни. Часть защитников была убита стрелами, а некоторые английские командиры ранены камнями²⁰. Англичане увидели, что ближе к городу мост разрушен и вернулись к армии английского короля, в худшем случае имея ранения. Никто, впрочем, в том сражении не погиб. И хотя враг был напротив английской армии и мог выбрать разные места для перехода реки, они так и не показали, как и не предложили сразиться²¹.

На рассвете 12-го англичане надели доспехи и зажгли повсюду сигнальные огни дабы вдохновить врага на атаку и дерзко, в этом же месте, пересекли реку. По всполохам огня и [тучам] пыли они знали, что цвет французской армии был на противном берегу; но Филипп, полагая, что если англичане пересекут реку, то направятся к Парижу, испугался ярости горожан. Он знал, что вряд ли сможет защитить Понт-де-Пуасси от англичан, так как стена, хоть и довольно мощная, не была оснащена²². Со слезами на глазах он приказал своей сестре настоятельнице со своими монахинями ордена Св. Доминика (которые здесь в уединении служили Христу) и всем остальным горожанам покинуть [город] и разрушить за собой мост, о чем я узнал впоследствии. Так, в соответствии с приказами так называемого короля, они разрушили мост и отступили с его армией в Париж. Опасаясь подхода англичан, он предусмотрел, что если англичане подойдут, то стены и ворота будут разрушены²³. Французы также подготовили осадные орудия, на случай, если англичане придут и начнут, на другой день, штурмовать город. Но король направился во Фреснез, а принц в Бурэ, откуда англичанам был виден не только Париж, но и почти весь Иль-де-Франс. 13-го король и армия предприняли налегке поездку к Пуасси, зная, что мост через Сену в этом месте разрушен. Король повелел плотникам без промедления его

починить. Король расположился в недавно построенном королевском дворце, совсем рядом с восхитительным городским приорством²⁴; принц же остановился в старом дворце французского короля. Приорство пустовало, поскольку его обитатели были выдворены оттуда страхом прихода английского короля и прочих англичан. Оно имело прекрасную церковь, построенную будто бы за один день²⁵, украшенную восхитительнейшими алтарями и картинами. Даже служебные строения были построены из квадратных плоских балок и обработанных камней. Нигде в мире не найти приорства прекрасней этого, и воистину признаю я, что строители его были лучше [строителей] дворца, в котором остановился король. В полдень, когда плотникам нашли дерево для починки моста – и они всего лишь перекинули балку через сломанный участок – был замечен вражеский эскадрон, дерзко скачущий с огромной скоростью к мосту. Англичане мигом надели доспехи, чтобы броситься на врага, но никто не пересекал мост из-за опасной для перехода балки, которая была шестьдесят футов длиной и один фут шириной. Но несмотря на опасность, они встретили противника, ибо двадцать пять знамен было поднято и развернуто у основания моста. Французы наступали строем, как хищный волк на стадо овец. На некоторое время они разделили английские войска²⁶, но видя, что они не могут более выстоять против англичан, французы повернули и отступили. Английские пехотинцы преследовали их сколько могли, убивая всех захваченных. Никто из англичан в схватке не погиб. Некоторые из них [французов], чтобы быстрее скрыться от англичан, оседлали лошадей из повозок, использовавшихся для обеспечения гарнизона моста, и, по двое – по трое на одной лошади, укрылись от англичан. Но пять сотен или больше французов мертвыми лежали в поле. Англичане нашли двадцать одну повозку с каменными ядрами и [снарядами для] пращи, а также со съестными припасами (которые были выгружены), а остальное предано огню. Они вернулись к основной части английского войска, неся с собой оружие и разные французские штандарты. В тот же день мост был починен, так что лошадь и повозка могли без опаски его перейти. 14-го до армии дошли слухи, что враги... в мощнейшем городе Париже, и король оставался тот день и следующий на месте, ожидая появления врага, которого он сердечно (heartily) надеялся увидеть. В тот же самый день прекраснейшие места королевства Франции – замок Монжу (Montjoie) и самый восхитительный дворец, Кастель Ле Руа, выстроенный Филиппом Валуа в последние два года, который он предпочитал всем остальным, а также город Сен-Жермен-на-Лайе с другим дворцом французского короля, и вся сельская местность вокруг, – были сожжены почти одновременно. Вечером королем было объявлено по армии, что на следующий день не должно быть, под страхом прежних наказаний, никаких грабежей или поджогов, поскольку [в тот день] был праздник Успения Пресвятой Девы. Вместо [грабежей] все должны были творить благочестия [во имя] Богоматери; в тот день не произошло ничего, достойного записи. 16-го король и его армия после того, как предали огню дворец французского короля, в котором останавливался принц Уэльский, спокойно прошли через мост у Пуасси. Приорство и другой дворец были оставлены на попечение нескольких королевских слуг. И когда они миновали мост, он остался стоять починенным из того разрушенного состояния, в котором они его нашли. Сельская местность была выжжена до самого Мулё, где король остановился. А принц остановился в Гризи-Ле-Платрэ рядом с прелестным городом Понтуа. Король, с помощью архиепископа Безансона, отправил ответ на письма противника (которые были доставлены ему в Отиле, и на которые он не ответил), в которых писал: «Филипп Валуа, мы прочли твои письма в которых ты говоришь, что изволишь сразиться с нами и всеми нашими силами, между Сен-Жермен-де-Пре и Вальграль-де-ле-Пари или между Франконвиллем и Понтуа во четверг, субботу, воскресенье или следующий вторник, а до этого мы и наши люди не чинили бы вреда, сжигая и грабя. На это мы даем тебе знать, что с Божьей помощью и с честным правом, которое мы имеем на корону Франции, которую ты злодейски удерживаешь, лишив нас наследственных прав, против Бога и права, мы пришли без гордыни и самонадеянности в наше королевство Франции, ведя наш путь к тебе дабы положить конец войне. Но хотя ты мог иметь битву с нами, ты разрушил мосты между собой и нами, так что мы не могли приблизиться к тебе либо пересечь реку Сену. Когда мы подошли к Пуасси и починили мост, который ты разрушил, мы стояли три дня, дожидаясь тебя и собранной тобой армии. Ты мог подойти с любой стороны по собственному усмотрению, и поскольку мы не могли достать тебя, дабы дать сражение, мы решили продолжить дальше [путь] в твоё королевство, чтобы помиловать наших преданных друзей и покарать изменников, которых ты несправедливо зовешь своими вассалами; и мы желаем оставаться в нашем королевстве, не покидая его, дабы вести войну до нашего успеха так хорошо, как только можем, к гибели наших врагов. Посему, если ты желаешь (судя по твоим письмам) дать нам сражение, дабы пощадить тех, кого ты зовешь своими вассалами, да будет теперь известно, что в какой бы час ты ни приблизился к нам, ты найдешь нас готовыми встретить тебя на поле, с Божьей помощью, чего мы больше всего желаем ради общего блага Христианского мира, ежели ты не примешь или не предложишь каких-либо разумных условий для мира. Но ты никогда не сможешь диктовать нам, не примем мы и дня и места для битвы, на условиях, которые ты назвал. Отиль, 17 августа, 1346».

Принц Уэльский получил деревню Вессенкурт в качестве подарка для себя и своих людей.

18-го числа того же месяца приблизились к городу в Пикардии, через который им нужно было пройти. Принц и его эскадрон растянулись по фронту перед городом, и воистину он очень хотел получить разрешение от отца своего короля, чтобы его люди могли атаковать. Но он не осмелился, ибо король сказал ему, что хочет встретиться с противником лично, и не желает терять кого-либо из своих людей в такой атаке. Король направился к Милли, и после того как прошел мимо этого города, достиг в безопасности со своим эскадром Тройсеррэ. Утром 19-го, когда армия прошла через центр города Одель, где был замок к западу от города...²⁷,

где лорд замка со своей женой и придворными оставался предыдущей ночью. Не ушли они и когда прибыла армия, но покорились милости англичан. В то время, когда город и сельская округа были сожжены, король и принц достигли аббатства Соммеро (Sommegeux). 20-го англичане пересекли [реку] у Кампс-ен-Амьен. Король окончил свой дневной переход здесь, а принц остановился у Мольенс-Видам. В то же время город По, окруженный каменной стеной и имевший весьма мощный замок...²⁸ был атакован авангардом английской армии. Но прибыли королевские посланцы и сказали рыцарям не предпринимать дальнейших атак. Они дали отбой на короткое время, а когда посланцы уехали, возвратились к своему занятию, атакуя город более жестоко, чем обычно. В это время посланцы вернулись и нашли англичан роющими подкопы; но англичане боялись нарушать королевский приказ в присутствии посланцев и прекратили наступление. Но когда посланцы снова уехали, они предприняли неистовый штурм. Горожане защищали город с помощью луков и мангонелей, а также камней, бросаемых из укрытий; с другой стороны, часть их²⁹ снарядов разрушила стены и ворота. Под конец англичане приставили штурмовые лестницы, и, поскольку [многие] защитники были ранены английскими стрелами, англичане смогли захватить стены по всем сторонам [крепости]. И так англичане вошли в город; и любого бежавшего пикардийца, которого ловили, предавали смерти без права на выкуп. Они приблизились к городскому замку, и бросили горящие факелы к его воротам; но как только пикардийцы, прятавшиеся в замке, были атакованы, они сдали замок и все, что в нем имелось англичанам. Англичане вошли и взяли много пленных, включая несколько женщин и детей, и нашли множество добра, как из города так и из сельской округи, включая коней и отличные драгоценности. Ибо каждый, кто искал трофеев, мог найти там что взять. И принц Уэльский дал своим рыцарям и лучникам, и слугам своего двора ...

(Здесь рукопись обрывается)

¹ Речь идет, скорее всего, о маленьких городишках, деревнях, по сути (здесь и далее прим. переводчика).

² Титул «эрл» применительно к XIV в. соответствует титулу графа.

³ Наемные арбалетчики французского короля.

⁴ Т.е. короля Франции.

⁵ Lance – тяжелое рыцарское копье.

⁶ Наполненным водой.

⁷ Возможно, Матильда Блаженная.

⁸ Скорее всего, речь идет о рыцарях.

⁹ Возможно, для того, чтобы попробовать договориться, так как ниже идет речь о том, что два графа не смогли сдержать себя, бросившись в атаку.

¹⁰ Видимо, ошибка в оригинальном тексте; скорее всего, должно быть «французского короля».

¹¹ Так в тексте – work of despoiling.

¹² Точнее, вглубь Нормандии.

¹³ В другом источнике говорится о весьма учтивом приеме, оказанным королем кардиналам.

¹⁴ Очевидно, было воскресенье.

¹⁵ Эдуард II.

¹⁶ Следует понимать фигурально, т.е. бежали. «Возможно, насмешка, напоминающая известную французскую историю относящуюся к периоду, когда бежали англичане» – прим. англ. комментатора.

¹⁷ Другие источники говорят о бросе, по которому проходило максимум 3-4 человека одновременно, а король за час провел по нему всю армию.

¹⁸ Возможно, речь идет о нескольких лодках.

¹⁹ Примечание англ. комментатора.

²⁰ Видимо, праща.

²¹ Из других источников можно узнать, что вся французская армия довольно долго шла рядом с английской, отделенная рекой Сенной, но не рискнула дать сражение.

²² Защитными системами – котлами с варом, камнями, баллистами и пр., необходимым для того, чтобы выдержать штурм.

²³ Неясно, имеется ли ввиду их подрыв, или король боялся, что англичане их разрушат.

²⁴ Priory-небольшой католический монастырь, не путать с итальянским приоратом – городским органом местного самоуправления.

²⁵ Этот пассаж объясняется тем, что в Средние Века, на протяжении столетий церкви перестраивались, достраивались, чинились после пожара и пр., что в итоге отрицательно влияло на их эстетический вид. Церковь недавно построенная, должно быть, впечатляла средневековых людей своей гармоничностью.

²⁶ Т.е. разорвали строй и вклинились глубоко в порядки англичан.

²⁷ Пропуск в тексте.

²⁸ Пропуск в тексте.

²⁹ Т.е. нападающих англичан.

Битва при Креси (1346 г.) (Жан Фруассар, «Хроники», 129-131)

Битва при Креси произошла 26 августа 1346 г. у местечка Креси в Северной Франции, став одним из важнейших сражений Столетней войны.

Глава 129.

Битва при Креси между королями Франции и Англии.

Англичане, которые были распределены по 3 полкам и сидели на земле, при виде своих врагов бесстрашно поднялись и выстроились в соответствии со своими рангами. Люди принца сделали это первыми, и

его лучники были выстроены в виде решетки или бороны 94, а латники находились позади. Графы Нортхэмптон и Аруднел, которые командовали вторым полком, расставили войска на своем фланге в хорошем порядке, чтобы, если возникнет необходимость, помочь и поддержать принца.

Вы должны знать, что эти короли, графы, бароны и сеньоры Франции, наступали не в правильном порядке, но один за другим, и таким путем, каким им хотелось. Как только король Франции оказался в виду англичан, его кровь начала закипать, и он крикнул своим маршалам: «Прикажите генуэзцам идти вперед, во имя Бога и Сен-Дени». Там было около 15 тысяч генуэзских арбалетчиков, но они были совершенно измотаны, после того как прошли пешком 6 лье в полном вооружении и со своими арбалетами. Они говорили коннетаблю, что находятся в не лучшем состоянии, чтобы в этот день совершать в бою великие дела. Выслушав это, граф Алансонский сказал: «Вот что происходит, когда нанимают таких негодяев, которые пропадают, когда в них возникает нужда». В это время пошел сильный дождь, сопровождаемый громом и очень ужасным солнечным затмением, а перед этим дождем в воздухе с громкими криками парила огромная стая воронов. Вскоре погода разгулялась, и очень ярко засветило солнце, но оно светило французам в лицо, а англичанам в спину. Когда генуэзцы выстроились в некоторый порядок и приблизились к англичанам, они издали громкий крик, чтобы напугать их, но те оставались совершенно спокойными, и казалось, не обращают на них внимания. Тогда они второй раз издали крик и продвинулись еще немного вперед, но англичане не сдвинулись с места.

Они закричали в третий раз, установили свои арбалеты и начали стрелять. Тогда английские лучники сделали один шаг вперед и стали пускать свои стрелы с такой силой и быстротой, что казалось, что это идет снег. Когда генуэзцы ощутили на себе эти стрелы, которые разбивали их щиты, головы и пробивали доспехи, то одни отрезали веревки у своих арбалетов, другие побросали их на землю, и все повернули назад и отступили в полном замешательстве. У французов для поддержки генуэзцев был большой отряд богато одетых латников верхом на лошадях. Видя генуэзцев отступающими, король Франции вскричал: «Убейте мне этих негодяев, а то они без всякой причины встали на нашей дороге». Тогда вы могли видеть, как эти вышеупомянутые латники обрушились на отступавших генуэзцев и убили всех, кого смогли.

Англичане продолжали стрелять также сильно и часто, как и до того. Некоторые из их стрел падали на всадников, которые были великолепно экипированы, и убивали и ранили многих, заставив их падать среди генуэзцев, так что они пришли в такое расстройство, что уже не могли больше собраться с силами. В английской армии было некоторое количество пеших корнуэлльцев и валлийцев, которые вооружились длинными ножами. Они прошли через ряды латников и лучников, которые освободили им проходы, подошли к французам, когда те оказались в таком беспорядке и нападали на графов, баронов, рыцарей и оруженосцев, убив многих из них, о чем позже король Англии сильно жалел. Там был убит доблестный король Чехии. Его звали Иоанном Люксембургским, он был сыном славного короля и императора Генриха Люксембургского. Узнав о ходе битвы, он осведомился, где находится его сын, сеньор Карл. Его приближенные сказали, что не знают, но полагают, что он сражается. Король сказал им: «Судари, вы все мои люди, мои друзья и братья по оружию этого дня. Поскольку я слеп, то прошу вас провести меня как можно дальше в самую гущу битвы, чтобы я смог скрестить с кем-нибудь свой меч». Рыцари ответили, что они поведут его прямо вперед, и чтобы не потерять его в давке, они поспешили связать вместе упряжь своих коней и поставили короля во главе, чтобы он мог осуществить свое желание, и двинулись вперед на врага. Сеньор Карл Чешский, который уже подписывался титулом короля Германии и носил щит, подошел к месту боя в хорошем порядке, но когда увидел, что, вероятно, все повернется против французов, он отступил, не знаю точно по какой дороге. Его отец король поскакал в гущу врагов и нашел доброе дело для своего меча, поскольку он и его соратники сражались самым славным образом. Они продвигались вперед, пока все не были убиты, и на утро их всех, с их лошадьми, нашли на земле связанными друг с другом.

Граф Алансонский в правильном порядке наступал на англичан, чтобы с ними сразиться. Тоже, но с другой стороны, делал граф Фландрский. Два этих сеньора, со своими отрядами, пройдя вдоль рядов лучников, подошли к отряду принца, где они какое-то время храбро сражались. Король Франции жаждал подойти к тому месту, где, как он видел, развеваются их знамена, но перед ним стояла живая стена лучников. В этот день он подарил мессире Жану де Эно прекрасного черного коня, и тот посадил на него своего рыцаря по имени мессир Жан де Фюссель, который нес его знамя. И этот конь понесся вместе с ним и проложил себе дорогу вдоль рядов английской армии, а когда уже надо было возвращаться назад, то споткнулся и упал в ров, серьезно ранив всадника. Он бы погиб, если бы не его паж, который последовал за ним в обход полков и нашел его не способным подняться. Однако единственным препятствием для этого был его конь, а англичане в этот день не покидали своих рядов, чтобы захватить пленников. Паж спешил и поднял его, но вернулся он не той дорогой, которой пришел, так как там было трудно пройти из-за давки. Эта битва, которая состоялась в субботу между Ла-Бруайе и Креси была очень кровавой и жестокой, и о множестве совершенных там славных подвигов так никто и не узнал. Ближе к вечеру многие рыцари и оруженосцы французов потеряли своих командиров, они бродили по полю и падали на него, нападая на англичан мелкими отрядами. Их быстро уничтожали, поскольку англичане решили на этот день не давать никому пощады, и ни от кого и слышать не хотели о выкупе.

Ранее днем, несколько французов, немцев и савойцев прорвались через лучников отряда принца и вступили в бой с латниками, из-за чего им на помощь пришел второй полк, и именно в это время, при других бы обстоятельствах, англичане могли быть серьезно потеснены. Первый полк, видя опасность, в которой он

оказался, спешно послал одного рыцаря к королю Англии, который находился в готовности на возвышенности, около ветряной мельницы. Прибыв к королю, он сказал: «Сир, французы сильно атакуют графа Варвика, лорда Стаффорда, лорда Реджинальда Кобхэма и прочих рыцарей, что находятся при вашем сыне, и они просят вас придти к ним на помощь с вашим отрядом, поскольку, если число врагов возрастет, то они уже ничего не смогут сделать». Король спросил: «Мой сын убит, сброшен с коня, или тяжело ранен, что вы не можете держаться сами?» «Ничего подобного, слава Богу, – ответил рыцарь, – но он находится в такой горячей схватке, что очень нуждается в вашей помощи». Король ответил: «Нет, сэра Томас, возвращайтесь к тем, кто вас послал и скажите им от меня, чтобы сегодня ко мне больше не посылали, и до тех пор, пока мой сын жив, не ждали бы моего прихода, чтобы ни случилось. И скажите, что я приказываю им позволить мальчику заслужить свои рыцарские шпоры, поскольку я решил, если так будет угодно Богу, что вся слава и честь этого дня будут отданы ему и тем, на чье попечение я его оставил». Рыцарь вернулся к лордам и сообщил королевский ответ, который их сильно воодушевил и заставил их раскаяться, что они послали такого гонца.

Точно известно, что мессир Жоффруа де Аркур, который находился в полку принца, говорил нескольким англичанам, чтобы они высматривали бы, когда в бой против него вступит знамя его брата - он очень сильно желал его спасти. Но он слишком запоздал, поскольку тот пал на поле битвы, и то же произошло с графом Омальским, его племянником. С другой стороны, графы Алансонский и Фландрский крепко дрались под своими знаменами и со своими людьми. Но они не могли сопротивляться силе англичан, и были там убиты, также как и многие другие рыцари и оруженосцы, которые состояли при них, или примкнули к ним. Граф Блуа, племянник короля Франции, и герцог Лотарингский, его зять, славно защищались со своими отрядами, но были окружены войсками англичан и валлийцев и убиты, несмотря на всю свою доблесть. Граф де Сен-Поль и граф Осеррский тоже были убиты, также как и многие другие. Позже, после вечерни, у короля Франции осталось не более 60 человек, считая всех. Мессир Жан де Эно, который был одним из них, один раз помог королю снова сесть на коня, поскольку конь под ним был убит стрелой. Он сказал королю: «Сир, отступайте, пока еще есть возможность, не подставляйтесь так просто. Если вы сегодня проиграли эту битву, то в следующий раз вы выиграете». Сказав это, он взял под уздцы королевского коня и увел его силой, как прежде уговаривал его отступить. Король скакал, пока не приехал в замок Ла-Бруайе, где нашел ворота запертыми, поскольку было уже темно. Король приказал позвать его губернатора, тот пришел на стену и спросил, кто он такой, чтобы звать его в столь поздний час? Король ответил: «Откройте, откройте, губернатор, это счастье Франции». Услышав голос короля, губернатор немедленно спустился вниз, открыл ворота и опустил мост. Король и сопровождавшие его люди вошли в замок, но при нем было только 5 баронов: мессир Жан де Эно, сеньор Шарль де Монморанси, сеньор де Боже, сеньор де Обиньи и сеньор де Монфор. Король не захотел прятаться в таком месте, как это, но, немного отдохнув, около полуночи вновь выехал со своими приближенными, и поехал в сопровождении проводников, которые хорошо знали эту местность, и около рассвета они уже приехали в Амьен, где король остановился. В эту субботу англичане никогда не покидали своих рядов, чтобы кого-нибудь преследовать, но оставались в поле, защищая свои позиции и обороняясь против всех, кто их атаковал. Битва была кончена в час вечерни.

Глава 130.

На следующее утро англичане вновь наносят поражение французам.

Когда в эту субботнюю ночь англичане больше не стали слышать ни сигналов, ни возгласов, и никто уже не издавал кличи в честь какого-нибудь сеньора или знамени, они поняли, что поле битвы - их, и что их враги разбиты. В наступившей ночи они разожгли огромные костры и факелы. Тогда король Эдуард отошел от того места, где за весь день он так и не надел шлема, и со всем своим полком подошел к принцу Уэльскому. Он заключил его в объятия и, поцеловав, сказал: «Милый сын, Бог наградил вас доброй стойкостью. Вы, сын мой, благодаря проявленной вами наибольшей преданности, сами выиграли этот день. Вы достойны быть государем». Принц очень низко поклонился и, смутившись, воздал все почести своему отцу королю. Англичане в течение этой ночи часто возносили благодарности Господу за счастливый исход дня, но не буянили, поскольку король запретил всякий шум и бесчинство. Утром в воскресенье был такой сильный туман, что едва ли можно было разглядеть на расстоянии более, чем полакра. Король выделил из армии отряд под командованием двух маршалов, в составе около 500 копий и 2000 лучников, чтобы сделать разведку и посмотреть не собираются ли где французские отряды. Часть войск, из Руана и Бовэ, вышла в это воскресное утро из Абвиля и Сен-Рикье, что Понтье, чтобы соединиться с французской армией, и они еще не знали о поражении накануне вечером. Они столкнулись с этим английским отрядом и, полагая, что это должны быть французы, поспешили к ним примкнуть.

Как только англичане обнаружили, кто они такие, они напали на них, и произошел ожесточенный бой. Но французы вскоре обратили тыл и бежали в большом беспорядке. Во время этого бегства в открытом поле, между живыми изгородами и кустарниками, было убито свыше 7000 человек, и если бы была ясная погода, то не ушел бы ни один из них.

Спустя немного времени, тот же отряд напал на архиепископа Руанского и великого приора Франции, которые также не знали о поражении французов, так как им сообщили, что король не вступит в битву до воскресенья. Там начался новый бой, ведь двух этих сеньоров сопровождали добрые воины. Однако они не смогли устоять против англичан, но почти все были убиты, вместе с двумя военачальниками, которые ими

командовали. Спасти удалось очень немногим. В течение утра англичане нашли многих французов, которые заблудились в субботу и ночевали в открытом поле, не зная, что случилось с королем или с их собственными военачальниками. Англичане предавали мечу всех, кого встречали, и мне ручались за истинное, что пеших солдат, присланных от городов, местечек и коммун, в это воскресенье было убито вчетверо больше, чем во время битвы в субботу.

Глава 131.

Англичане считают число убитых в битве при Креси.

Этот отряд, который должен был обнаружить французов, вернулся, когда король шел к мессе, и ему доложили обо всем, что они видели и с кем повстречались. После того, как его уверили, что нет никаких признаков того, что французы соберут другую армию, он послал людей, чтобы установить число погибших и то состояние, в котором они находятся.

Он приказал это дело лорду Реджинальду Кобхэму, лорду Стаффорду и трем герольдам, чтобы они осмотрели их гербы, и двух секретарей, чтобы записывать их имена. Им пришлось много потрудиться, осматривая все мертвые тела, и они провели на поле битвы весь день, не возвращаясь до того времени, когда король уже сел ужинать. Они представили ему очень обстоятельный отчет обо всех, кого они заметили и сказали, что нашли 8 знамен, тела 11 принцев, 20 сотен рыцарей и около 30 тысяч простых воинов.

Англичане простояли этот день на месте, а утром в понедельник приготовились к выступлению. Король приказал поднять с земли тела главных рыцарей и отнести в расположенный неподалеку монастырь Монтенэй (Montenau, чтобы похоронить их там в освященной земле. Он возвестил по всем окрестностям, что дает перемирие на 3 дня, чтобы мертвые могли быть похоронены. Затем он выступил в поход, идя через Монтрель-сюр-мер.

Его маршалы совершили разведку до самого Эдена, и сожгли Вобэ и Серэ, но ничего не сделали тамошнему замку, так как он был крепким и хорошо охранялся. В ночь понедельника они расположились на постой на берегах Канша, около Бланьи. На следующий день они ехали по направлению к Булони и сожгли города Сен-Жос и Нешатель. Тоже самое они сделали и с Этаплем в графстве Булонь. Вся армия прошла через лес Арделу и через графство Булонь и подошла к городу Висан, где король, принц и все англичане стали на ночлег, и отдохнув там весь день, в четверг они подошли к крепкому городу Кале.

Осада Кале в 1346 г. (Жан Фруассар, «Хроники», 132, 143-145)

После одержанной в 1346 г. победы при Креси английский король Эдуард III осадил ключевую французскую крепость Кале. Осада продолжалась почти год. Попытки французов прорвать блокаду провалились.

Глава 132.

Король Англии осаждает Кале.

Губернатором Кале был бургундский рыцарь по имени мессир Жан де Вьенн, и с ним были мессир Арнуль д'Андреген, мессир Жан де Сюри, мессир Бардо де Бельбурн, мессир Жоффруа де ла Мотт, мессир Пепен де Вер и многие другие рыцари и оруженосцы. Прибыв к Кале, король осадил город и построил между рекой и мостом деревянные дома. Они устроили улицы, крыши покрыли соломой или хворостом, и в этом городе короля было все необходимое для армии. Помимо рыночной площади там еще каждую среду и субботу были рынки для мяса и всех видов товаров. Одежду, хлеб и все иное, что поступало из Англии и Фландрии – все это можно было здесь найти за деньги, так же как и все удовольствия. Англичане делали частые вылазки к Гину 106 и по его окрестностям, и до ворот Сен-Омера и Булони, откуда они доставляли к армии большую добычу. Король не делал атак на город, так как знал, что это будет лишь напрасный труд, и он лишь потеряет людей и артиллерию, но он сказал, что пробудет здесь столь долго, сколько понадобится, чтобы принудить город к сдаче измором, если только король Франции не явится сюда, чтобы снять осаду. Когда губернатор Кале увидел приготовления короля Англии, он собрал вместе всех бедных жителей, у которых не было никаких запасов провизии, и однажды в среду утром выслал из города 17 сотен мужчин, женщин и детей. Когда они проходили через английский лагерь, их спросили, почему они оставили город. Они ответили, потому, что им нечего было есть. Король на это позволил им пройти в целости, приказав дать им хороший обед и каждому по 2 стерлинга в качестве милостыни и благотворительности, о чем многие из них настоятельно молили короля...

Глава 143.

Король Франции собирает огромную армию, чтобы снять осаду Кале.

Король Филипп Французский, который чувствовал, что его подданные в Кале должны были быть сильно стеснены, приказал всем рыцарям и оруженосцам своего королевства собраться в Амьене, или около этого города, на неделе, после дня Троицы. Никто не пожелал оставить без внимания этот приказ, но все собрались на месте точно в назначенное время. Король Филипп устроил торжественное заседание двора в Амьене, на котором присутствовали его старший сын, герцог Нормандский, младший сын, герцог Орлеанский, герцог

Бурбонский, граф Фуа, сеньор Людовик Савойский, сеньор Жан де Эно, графы Арманьяк, Валентинуа, Форез и многие другие графы, бароны и рыцари. Когда все знатные особы собрались в Амьене, то стали держать совет. Король Франции очень хотел получить свободный проход через Фландрию, чтобы он смог послать через нее часть своей армии дорогой на Гравелин, усилить гарнизон Кале, атаковать англичан и сразиться с ними со стороны города. Поэтому он послал во Фландрию очень величественное посольство, чтобы договориться с фламандцами по этому вопросу, но у короля Англии было там так много друзей, что фламандцы не удовлетворили его просьбу. На это король сказал, что тогда он продвинется до Булони.

Король Англии, который обнаружил, что не может взять Кале иначе, как голодом, приказал соорудить из прочного бруса большую башню, чтобы запереть сообщение с морем, и он повелел, чтобы она была построена и защищена так, чтобы ее нельзя было разрушить. Он поставил ее между городом и морем и укрепил всеми видами воинских орудий, а в качестве гарнизона поставил туда 40 латников и 200 лучников, которые охраняли гавань и порт Кале так строго, что никто не мог ни войти, ни выйти из города без риска быть потопленным или взятым в плен. Этим он гораздо больше удручил осажденных, чем всем, что делал до сих пор, и вскоре в городе начался голод. Король Англии так активно работал с фламандцами (с которыми, как вы только что слышали, король Франции хотел заключить договор), что около этого времени они в количестве 100 тысяч человек вышли из Фландрии и осадили город Эр. Они сожгли всю страну вокруг него до самого Сен-Венана, Мурвилья-Жоржа, Эстелли-ле-Ветр и полосу земли вокруг Лоо, а также земли до самых ворот Сент-Омера и Теруэна.

Король Франции избрал своей резиденцией город Аррас. Он послал большой отряд воинов усилить свои гарнизоны в Артуа и, в частности, своего коннетабля мессира Шарля д'Эспань в Сент-Омер. Он был коннетаблем, поскольку граф О и Гин, который был коннетаблем до него, находился в плену в Англии, как я уже упоминал выше. Фламандцы продолжали вторжение в страну и задали французам достаточно работы, прежде чем ушли назад. Когда фламандцы вернулись, после того, как хорошенько ознакомились со всеми землями вокруг Лоо, король Франции и его армия оставили Аррас и пришли в Эсден. Армия и ее обоз растянулись на три лье. Отдохнув один день в Эсдене, король двинулся к Бланьи, где остановился, чтобы посмотреть, стоит ли идти дальше. Ему посоветовали направиться в ту часть этой страны, что называется Ла-Белун и, соответственно, он начал свой поход туда. За ним последовала и вся армия, которая насчитывала, если считать людей всех рангов, до 200 тысяч человек. Король и его армия прошли через графство Фокенберг и пришли прямо на холм Сангат, что между Кале и Вессаном. Они двигались в вооружении, с распущенными знаменами, при лунном свете, так что их славная армия представляла собой прекрасное зрелище. Когда осажденные жители Кале увидели со городских стен море их палаток, то они подумали, что сейчас начнется новая осада.

Глава 144.

Король Англии охраняет все пути вокруг Кале, так что король Франции не может приблизиться к нему, чтобы снять осаду.

Теперь я поведаю о том, что должен был сделать, и что сделал король Англии, когда увидел какую громадную армию привел с собой король Франции, чтобы снять осаду Кале, которая уже стоила ему так много денег и трудов. Он знал, что город находится на грани голода и может продержаться еще очень немного. Поэтому ему было бы очень горько, если бы его принудили снять осаду именно в этот момент. Он рассудил, что французы не могут приблизиться ни к его войску, ни к городу Кале, иначе как по двум дорогам. Одна, нижняя, шла вдоль морского берега, а другая, верхняя, - из глубины материка, однако на ней было много рвов и болот и только один мост, называемый мостом Ниолле, по которому можно было бы пройти. Поэтому он распорядился, чтобы его флот расположился вдоль берега, как можно ближе к береговой линии и обеспечил его множеством разных военных орудий, так чтобы французы не смогли бы пройти этим путем. Графа Дерби с достаточным отрядом латников и лучников он послал охранять мост Ниолле. Так что французы и здесь были предупреждены в своих намерениях идти этим путем, если бы только они бы не попытались пройти болотами между Сангатом и морем, но они были непроходимы. Еще около Кале была высокая башня, которая охранялась 30 английскими лучниками, и она была усилена двойным рвом, чтобы служить крепкой защитой при проходе через дюны. Когда французы разбили свой лагерь на холме Сангат, то к этой башне подошли люди из Турнэ, которых насчитывалось около 15 сотен человек. Гарнизон обстрелял их и нескольких ранил, но турнэйцы переправились через рвы и с топорами и ломами достигли подножия башни. Схватка была очень ожесточенной, и многие турнэйцы были убиты и ранены, но, в конце концов, башня была взята и снесена, а все кто в ней находился, были преданы мечу.

Король Франции послал двух своих маршалов, сеньора Боже и сеньора Сен-Венан разведать местность и посмотреть, где армия сможет пройти, чтобы сразиться с англичанами. Но после разведки всех путей, они вернулись и сказали королю, что приемлемого пути для этого нет, иначе как с риском потерять неизвестное число людей. Положение оставалось таким же весь этот день и следующую ночь, но на утро, прослушав мессу, король Франции послал к королю Англии сеньора Жоффрау де Шарне, сеньора Эсташа де Рибомона, мессира Ги де Неля и сеньора Боже, которые, пока туда ехали, посмотрели, насколько строго охраняются все пути. Им было позволено ехать свободно, поскольку так распорядился король Англии, и он очень гордился позицией, занятой графом Дерби, который был поставлен на мосту Ниолле, через который они также проезжали. Они ехали, пока не прибыли к тому месту, где находился король, которого они нашли в окружении его баронов и

рыцарей. Все четверо спешили и со многими поклонами подошли к королю. Затем сеньор Эсташ де Рибомон сказал: «Сир, король Франции сообщает вам через нас, что он пришел на холм Сангат для того, чтобы дать вам сражение, но он не может найти никаких средств, чтобы к вам приблизиться. Поэтому, он хотел бы, чтобы вы создали ваш совет, на который он пошлет нескольких своих людей, с тем, чтобы они все вместе смогли бы определить место, на котором могло бы состояться генеральное сражение». Королю Англии посоветовали дать следующий ответ: «Судари, я прекрасно понимаю просьбу, которую через вас передал мне мой противник, который несправедливо удерживает то мое наследство, которым более подобает владеть мне. Поэтому, если вам будет угодно, передайте ему от меня, что я нахожусь на этом месте вот уже почти 12 месяцев, и об этом он хорошо знал. И если бы он захотел, то мог бы придти сюда и побыстрее, но он позволил мне оставаться здесь так долго, что я издержал огромные суммы денег и сделал так много, что в ближайшее время должен стать хозяином Кале. Поэтому я ни в малейшей степени не намерен ни следовать этой просьбе, ни делать так, как удобно ему, ни отказываться от того, чего я добился, ни от того, что я так страстно хочу завоевать. Поэтому, раз никто из его армии не сможет пройти этой дорогой, то вы можете поискать другую. Четверо ноблей вернулись назад, и их сопровождали до самого моста Ниолле, и они передали королю Франции ответ короля Англии.

Пока король Франции изобретал способы сразиться с англичанами, в его лагерь в качестве послов прибыли два кардинала от папы Климента. Сразу по прибытии они посетили обе армии и, приложив все свои силы, добились нечто вроде перемирия, во время которого должны были встретиться и постараться достичь мира по 4 сеньора с каждой стороны. Со стороны короля Франции были назначены герцог Бургундский, герцог Бурбонский, сеньор Людовик Савойский и мессир Жан де Эно. Английскими представителями были граф Дерби, граф Нортхэмптон, лорд Реджинальд Кобхэм и сэр Уолтер Мэнни. Оба кардинала были самыми активными участниками этого дела, разъезжая взад и вперед, от одной армии к другой. Эти посредники совещались вместе 3 дня, выдвигались различные мирные предложения, хотя ни одно из них не возымело действия. За это время король Англии усилил свою армию, и сделал глубже и шире рвы на дюнах, чтобы не допустить того, чтобы французы застали его врасплох. Когда три дня прошло, и никакого мирного соглашения не состоялось, два кардинала уехали в Сент-Омер. Король Франции, поняв, что он ничего не добьется, на следующее утро снялся с лагеря и двинулся дорогой на Амьен, где он распустил все свои войска, латников и тех, кого прислали ему разные города. Когда жители Кале увидели их отход, то это повергло их в большую горе. Некоторые англичане напали на арьберггард и фургоны, груженные вином и прочим добром, на которых везли также и нескольких пленных. Все это было доставлено в лагерь перед Кале.

Глава 145.

Город Кале сдается королю Англии.

После ухода короля Франции и его армии с холма Сангат, осажденные ясно увидели, что все их надежды на спасение подошли к концу, и это повергло их в такую печаль и в такое горе, что даже самые твердые из них едва могли его вынести. Поэтому они самым убедительным образом упросили своего губернатора Жана де Вьенна подняться на стену и подать знак, что он желает вступить в переговоры. Услышав про это, король Англии послал к нему сэра Уолтера Мэнни и лорда Бассета. Когда они подошли поближе, сеньор де Вьенн сказал им: «Дорогие судари, вы, которые и сами являетесь храбрыми рыцарями, знаете, что король Франции, чьими подданными мы являемся, послал нас сюда охранять этот город и замок от всякого вреда и ущерба. Это мы и делали как можно лучше, насколько позволяли наши способности. Теперь все надежды нас оставили, так что мы находимся в самом затруднительном положении, и если ваш славный король, ваш сеньор, будет к нам беспощаден, то мы все погибнем от его гнева. Поэтому я прошу, чтобы вы упросили его проявить к нам сострадание и, чтобы, проявив великодушие, позволили бы нам удалиться в то государство, откуда мы родом, и чтобы он удовлетворился бы обладанием городом и замком и всем, что в них находится. Он здесь найдет достаточно богатств, чтобы быть удовлетворенным». На это сэр Уолтер Мэнни ответил: «Жан, мы не находимся в неведении о намерениях нашего милорда короля, поскольку он говорил нам о них. Знайте, что ему не угодно, чтобы вы ушли так. Он решил, что вы должны сдать ему на всю его волю, и как ему будет угодно - одним он позволит заплатить выкуп, а другие будут преданы смерти, поскольку жители Кале причинили ему столь много вреда, и их упрямая оборона стоила ему слишком много жизней и денег, что он чрезвычайно зол». Сеньор де Вьенн ответил: «Эти условия слишком тяжелы для нас. Нас всего лишь горсть рыцарей и оруженосцев, которые верно служили своему сеньору и хозяину, как это делали и вы, и мы понесли большой ущерб и претерпели много страхов, но мы вынесем и больше того, что способен вынести любой человек в таком положении, прежде чем согласимся, чтобы самому маленькому мальчику в городе пришлось бы хуже, чем лучшему из нас. Поэтому я еще раз прошу вас, из сострадания, вернуться к королю Англии и упросить его проявить к нам милосердие, я уверен, он проявит к вам свою благосклонность. Ведь я столь высокого мнения о вас, что надеюсь, что по Божьей милости, он изменит свое решение». Два сеньора вернулись к своему королю и сообщили ему о том, что произошло. Король сказал, что у него нет намерений удовлетворять эту просьбу, но что он будет настаивать на сдаче полностью на его волю. Сэр Уолтер ответил: «Милорд, вас могут все за это порицать, так как вы подаете нам очень дурной пример. Ведь если вы прикажете нам отправиться в какой-нибудь из ваших замков, то мы не будем повиноваться вам с радостью, если вы предадите смерти этих людей, поскольку тоже самое, в аналогичных обстоятельствах, может случиться и с нами». Многие присутствовавшие там бароны поддержали это мнение. На это король ответил: «Джентльмены, я не столь упрям, чтобы держаться

своего мнения в одиночестве против вас всех. Сэр Уолтер, вы сообщите губернатору Кале, что единственная милость, которую он может ожидать от меня будет в том, что 6 главных горожан Кале выйдут из города с непокрытыми головами и босыми, с веревками на шеях и с ключами от города в своих руках. Эти 6 человек будут в полном моем распоряжении, а остальные жители будут прощены».

Сэр Уолтер вернулся к сеньору де Вьенну, который ждал его на стене, и рассказал ему обо всем, что ему удалось добиться у короля. «Я прошу вас, - ответил губернатор, - чтобы вы были столь добры и остались здесь еще немного, пока я схожу и сообщу всем горожанам о том, что случилось, поскольку раз они хотят от меня, чтобы я так поступил, то им следует и узнать результаты этого». Он отправился на рыночную площадь и приказал звонить в колокол, после чего все жители, мужчины и женщины, собрались в зале городских собраний. Тогда он сообщил им о том, что сказал, и о тех ответах, что получил, и что он не смог добиться более благоприятных условий, и что они должны дать короткий и немедленный ответ. Это вызвало такой взрыв плача и отчаяния, что самое черствое сердце не могло бы не преисполниться сочувствием, горько плакал даже сам сеньор де Вьенн.

Спустя недолгое время поднялся самый состоятельный из горожан по имени Эсташ де Сен-Пьер и сказал: «Судари, и высшие и низшие, будет очень печально, если так много людей умрет от голода, раз нельзя найти никаких способов этого избежать, и в глазах нашего Спасителя будет достоин награды поступок, способный предотвратить такое несчастье. У меня есть такая вера и уверенность в милости Божьей, если я умру ради спасения своих сограждан, что я называю свое имя первым из шести». Когда Эсташ сказал так, все они поднялись и поклонились ему почти как божеству, многие упали к его ногам со слезами и стонами. Другой горожанин, очень богатый и уважаемый, поднялся и сказал, что будет вторым вместе со своим товарищем Эсташем, его имя было Жан Дэр. После него предложил себя, став сотоварищем своих двух кузенов, Жак Висан, который был очень богатым купцом и землевладельцем. То же сделал и его брат Пьер Висан. Затем себя назвали еще двое других, и таким образом собралось то число людей, которое требовал король Англии. Затем сеньор Жан де Вьенн сел на маленькую лошадку, поскольку ему было тяжело ходить, и препроводил их к воротам. Над всем городом повисли плач и стенания. Итак, они были препровождены к воротам, которые губернатор приказал открыть, а затем закрыть за ним и шестью горожанами, которых он привел к внешним укреплениям и сказал сэру Уолтеру Мэнни, который ждал его там: "Как губернатор Кале, я сдаю вам, с согласия жителей, этих шестерых горожан, и я клянусь вам, что они были и являются на сегодняшний день самыми богатыми и уважаемыми жителями Кале. Я молю вас, добрый мессир, чтобы вы поимели бы доброту и попросили бы короля, чтобы он не предавал их смерти». «Я не могу отвечать за то, что король с ними сделает, - ответил сэр Уолтер, - но можете на меня положиться, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы их спасти». Укрепления были открыты, и тогда шесть горожан двинулись к королевскому шатру, а сеньор де Вьенн вернулся в город.

Когда сэр Уолтер Мэнни представил королю этих шестерых горожан, они упали перед ним на колени с непокрытыми головами и сказали: «Наиславнейший король, вот перед тобой шесть граждан Кале, который были первостатейными купцами, и которые принесли тебе ключи от замка и от города. Сами мы сдаемся на всю твою волю, но чтобы ты пощадил остальных жителей Кале, которые испытали много горя и страданий. Поэтому, по благородству своего ума, снизойдите к нам и проявите свое милосердие и сочувствие». Все бароны, рыцари и оруженосцы, которые собрались там в огромном числе, плакали при этом зрелище. Король смотрел на них гневным взором (ведь он очень сильно ненавидел народ Кале за тот великий ущерб, который прежде претерпел от них на море) и приказал отрубить им головы. Все присутствовавшие упрашивали короля, чтобы он был более милостив к ним, но он не стал их слушать. Тогда сэр Уолтер Мэнни сказал: «О, благородный король, позволь мне обуздать твой гнев, твоя душа имеет славу великого благородства, поэтому не заставляй ее потускнеть деянием, подобным этому, и не позволяй никому говорить о себе позорными словами. Если ты предашь смерти этих шестерых почтенных людей, которые по своей собственной воле сдались на твою милость, чтобы спасти своих сограждан, то весь мир станет говорить, что ты поступил жестоко». На это король моргнул и сказал - «Пусть так», и приказал послать за палачом, ведь жители Кале нанесли ему столько вреда, что подобало бы, чтобы они за это ответили. Королева Англии, которая была в это время на сносках, упала на колени и со слезами сказала: «О, благородный государь, с тех пор как я с большой опасностью пересекла море, чтобы повидать тебя, я никогда ни о чем тебя не просила. Теперь я самым смиренным образом прошу тебя о даре - ради Сына блаженной Марии, и ради твоей любви ко мне, помиловать этих шестерых людей». Король некоторое время молча на нее смотрел, а затем сказал: «О, леди, я бы хотел, чтобы вы были где угодно, но только не здесь. Вы просите таким образом, что я не могу вам отказать, и потому я отдаю их вам, и поступайте с ними, как вам заблагорассудится». Королева препроводила шестерых горожан в свои апартаменты, и сняв веревки вокруг их шей, одела их в новые одежды и прислуживала им за богатым обедом. Затем она подарила каждому по 6 ноблей и в безопасности вывела их лагерь.

Битва при Пуатье (1356 г.) (Жан Фруассар, «Хроники», 158-163, 165)

Битва при Пуатье – крупное сражение, состоявшееся 19 сентября 1356 г. между английской армией Эдуарда Чёрного Принца и французскими войсками Иоанна II Доброго во время Столетней войны.

Глава 158.

Король Франции ведет огромную армию на битву при Пуатье.

После взятия замка Роморантен и пленения вышеупомянутых рыцарей, принц и его армия шли, как и прежде, сжигая и разрушая страну, и приближаясь к Анжу и Турени. Король Франции, который находился в Шартре, выехал оттуда и направился в Блуа, где пробыл 2 дня. Затем он поехал в Амбуаз, затем в Лош, где узнал, что англичане находятся в Турени, избрав через нее дорогу для своего возвращения через Пуату. Сведения у него были, поскольку за английской армией постоянно наблюдали несколько умелых и опытных французских и бургундских рыцарей, которые посылали королю подробные сведения об их продвижении. Тогда король Франции переехал в Ла-Э в Турени. Его армия переправилась через Луару по мостам в Орлеане, Мене, Сомюре, Блуа и Туре и в прочих местах, где это было возможно. Там было такое множество добрых и крепких людей, что одних только латников было, по крайней мере, 20 тысяч, не считая прочих воинов, Всего было 25 герцогов и графов и свыше 120 знамен. Четверо юных сыновей короля также находились при нем: Карл, герцог Нормандский, сеньор Людовик, который стал впоследствии герцогом Анжуйским, сеньор Жан, будущий герцог Беррийский, и самый младший – сеньор Филипп, ставший позже герцогом Бургундским.

Около этого времени, папа Иннокентий VI послал во Францию двух кардиналов – мессира Бертрана, кардинала Перигорского и мессира Николая, кардинала д'Эжель, с тем, чтобы постараться заключить мир между королем Франции и его врагами, и особенно, между ним и королем Наваррским, который все еще оставался в тюрьме. Во время осады Бретей оба кардинала вели частые переговоры с королем на этот счет, но согласия достичь не смогли. Кардинал Перигорский уехал в город Тур, где ему сообщили, что король Франции со всей возможной быстротой идет на англичан. Поэтому он оставил Тур и поспешил в Пуатье, так как узнал, что именно в той стороне обе армии сближаются друг с другом.

Когда король Франции узнал, что принц Уэльский спешит вернуться назад как можно быстрее, то решил не никоим образом не допустить того, чтобы тот от него ускользнул. Со всей своей армией он вышел из Ла-Э и взял путь на Шовиньи, где в четверг разбил лагерь, как в самом городе, так и вне его, на лугах вдоль берегов реки Вьенны. На следующее утро, после завтрака, король переправился через реку по мосту Шовиньи и полагал, что англичане должны находится прямо перед ним, но здесь он ошибался. Однако, он пустился за ними в погоню, и свыше 40 тысяч лошадей переправилось по этому мосту в пятницу, многие другие сделал то же в Шательро, и переправившись, все они пошли дорогой на Пуатье. С другой стороны, принц Уэльский и его армия не знали в точности о движении французов, но предполагали, что те находятся недалеко, так как у их фуражиров были большие трудности в добывании фуража, в котором вся армия очень нуждалась. Они жалели о том великом опустошении, которое они учинили в Берри, Анжу и Турени, так что они и сами больше не могут добыть там себе продовольствия.

В эту пятницу случилось так, что когда король Франции и сопровождающие его великие толпы народа переправлялись через мост Шовиньи, три великий французских барона, сеньор Осеррский, сеньор Рауль де Жуаньи и граф де Жуаньи, были вынуждены задержаться на этот день в городе Шовиньи, а с ними осталась и часть их людей. Остальные уже переправились, без обоза и без доспехов, а только с тем, что было в их седельных сумках. Утром в субботу, они снялись с лагеря, перешли мост и последовали вслед за армией короля, которая находилась на расстоянии около 3 лье. Они ехали полями и пустошами, которые окружали леса, чтобы прибыть в Пуатье. В эту же субботу, принц снялся с лагеря в расположенной неподалеку деревне и выслал вперед отряд в поисках разведчиков, чтобы добыть сведений о французах. Этот отряд состоял из примерно 60 человек, которые по этому случаю были хорошо вооружены и сидели на хороших конях. Среди рыцарей были мессир Эсташ д'Обресикур и мессир Жан де Гистелль. По случайности, они добрались до пустоши, окруженной вышеупомянутым лесом. Французы быстро увидели, что этот враги, и они как можно скорее надели свои шлемы и, распустив знамена и взяв копыя наперевес, они пришпорили своих коней.

Англичане, как только заметили этих французов, которых было около 200 копий, решили позволить им себя преследовать, так как принц и его армия находилась неподалеку. Поэтому они развернулись и поскакали по проселочной дороге через лес. Французы преследовали их с криками и большим шумом, и как скакали галопом, так и попали в армию принца, которая остановилась среди пустошей, чтобы подождать своих товарищей. Сеньор Рауль де Жуаньи и те, кто находился под его знаменем, продвинулись так далеко, что подошли почти к знамени принца. Бой был очень ожесточенным, и мессир Рауль сражался хорошо. Однако он был взят в плен, также как и граф Жуаньи, виконт де Броз (Breuse) и сеньор де Шовиньи. Большая часть французского отряда была либо перебита, либо взята в плен. Благодаря этому, принц узнал, что король Франции идет впереди него, и что он не может вернуться домой, не сразившись с ним. После этого он собрал всех оставших и приказал никому, под страхом смерти, не выезжать вперед и не вступать в бой впереди отрядов, возглавляемых

маршалами. В эту субботу они шли маршем примерно с 9 часов и до вечерни, когда оказались на расстоянии нескольких лье от Пуатье. Капталю де Бушу, мессиру Эйенону де Помьеру (Haumenon de Pomiers), сэру Бартоломео Баргершу и мессиру Эсташу д'Обресикуру было приказано выехать вперед и посмотреть, где стали лагерем французы. Эти рыцари, с 2 сотнями хорошо вооруженных воинов, верхом на своих лучших скакунах, выехали вперед, и вскоре увидели армию французского короля. Вся равнина была покрыта воинами, и эти англичане не удержались от атаки французского арьергарда. Они многих выбили из седла и взяли в плен, так что начали приходить в движение главные силы французов. Известия об этом были доставлены королю Франции, когда он как раз готовился въехать в Пуатье. Узнав об этом, он развернулся и приказал своей армии сделать тоже самое и стать в открытом поле, так как было уже слишком поздно, чтобы разбивать лагерь. Английский отряд вернулся к принцу и доложил ему о том, что видел французов, и что их армия неисчислима. Услышав это, принц сказа: «Бог нам поможет, теперь мы должны подумать, как сразиться с ними наилучшим образом». Этой ночью англичане располагались на очень сильной позиции, среди виноградников и живых изгородей, и у обеих армий была хорошая стража.

Глава 159.

Положение французов перед битвой при Пуатье.

Утром воскресенья, король Франции, которому очень не терпелось сразиться с англичанами, приказал отслужить в своем шатре торжественную мессу, и он и его четыре сына получили причастие. Месса закончилась, когда к нему пришли герцог Орлеанский, герцог Бурбонский, граф Понтье, сеньор Жак де Бурбон, герцог Афинский, коннетабль Франции, граф Танкарвиль, граф Зальцбургский, граф Даммартен, граф Вантадур и многие французские бароны, а также и другие великие сеньоры, которые были держателями окрестные фьефов, такие как монсеньор Клермонский, мессир Арно д'Андреге, маршал Франции, сеньор де Сен-Венан, сеньор Жан де Ланда, сеньор Эсташ де Рибомон, сеньор де Фьенне, сеньор Жоффрау де Шарне, сеньор де Шатильон, сеньор де Сюлли, сеньор де Нель, мессир Робер де Дюра и многие другие, которые, согласно полученному приказу, прибыли на совет. Долгое время они совещались и, наконец, было решено, что вся армия выступит в поле, и каждый сеньор должен будет развернуть свое знамя и идти вперед, во имя Бога и Сен-Дени. После чего затрубили трубы, и все изготовились, сели на своих коней и направились к той части поля, где было водружено и развевалось на ветру королевское знамя. Там можно было увидеть всю французскую знать, наряженную в дорогие блестящие доспехи, со славными знаменами и вымпелами - ведь здесь был весь цвет французского рыцарства, ни один рыцарь, ни один оруженосец не пожелал оставаться дома из страха перед бесчестьем. По совету коннетабля и маршалов, армия была разделена на 3 полка, каждый состоял из 16 тысяч латников, которые перед этим уже проявили себя как люди испытанной храбрости. Герцог Орлеанский командовал первым полком, где находилось 36 знамен и в 2 раза больше вымпелов. Второй был под командованием герцога Нормандского и двух его братьев, сеньора Людовика и сеньора Жана. Третьим командовал король Франции.

Пока эти полки строились, король подозвал к себе сеньора Эсташа де Рибомона, сеньора Жана де Ланда и сеньора Жискара де Боже и сказал им: «Скачите вперед, подойдите к английской армии так близко, как только сможете и посмотрите на их лица. Обратите внимание на их численность и разведайте, как нам лучше всего с ними сразиться, конными или пешими». Повинуясь приказу короля, три рыцаря его оставили. Король сел на белую лошадь и поскакал вдоль рядов своей армии, громко говоря: «Вы, люди Парижа, Шартра, Руана и Орлеана, привыкли грозить, что сделаете с англичанам, если сможете их встретить, и вы сильно желали встретиться с ними с оружием в руках. Теперь это желание исполнено, я поведу вас на них, и пусть мы посмотрим, как вы отомстите им за все то зло и вред, что они вам причинили. Будьте уверены, что мы не разойдемся без боя». Те, кто слышал его, ответили: «Сир, с Божьей помощью, мы встретимся с ними очень весело». В этот момент вернулись три рыцаря и, пройдя сквозь толпу, подошли к королю, который спросил, какие новости они принесли. Мессир Эсташ де Рибомон, которого его товарищи попросили говорить за них, отвечал: «Сир, мы тщательно осмотрели англичан. По нашим подсчетам, их насчитывается около 2000 латников, 4000 лучников и 15 тысяч пехотинцев. Они занимают сильную позицию, но мы не представляем себе, как они смогут сформировать больше одного полка. Тем не менее, они расположились с большим умом, укрепили все дороги вдоль живых изгородей и расставили вдоль них часть своих лучников, так что если будет только одна дорога для атаки, то придется проходить между ними. Эта узкая дорога не имеет другого входа и так узка, что в один ряд по ней могут проехать едва ли четыре всадника. В конце дороги, среди виноградников и терновника, где нельзя двигаться в правильном строю ни верхом, ни пешим, расставлены спешенные латники, а перед ними, наподобие бороны, расставлены их лучники. Так что разбить их будет нелегко». Король спросил, каким образом они посоветуют ему их атаковать. «Пешими, Сир, – ответил мессир Эсташ, – за исключением 300 самых опытных и доблестных людей вашей армии, которые должны быть хорошо вооружены и быть верхом на лучших конях, чтобы, если это удастся, разбить этот отряд лучников. И тогда, ваши полки должны будут быстро выдвинутся вперед в пешем строю, атаковать латников в рукопашную и доблестно сразиться с ними. Это – лучший совет, что я могу вам дать, и если, кто-нибудь знает лучший, то пусть он его выскажет». Король ответил: «Да будет так», и в сопровождении своих двух маршалов, он поехал верхом от полка к полку и выбрал, сообразуясь с их мнением, 300 рыцарей и оруженосцев, имевших в его армии наилучшую репутацию. Все они были хорошо вооружены и находились на лучших конях. Вскоре после этого, был образован полк из

немцев, который должен был оставаться верхом, чтобы помогать маршалам. Им командовали графы Зальцбургский, Нейдо и Нассау.

Король Иоанн был облачен в королевские доспехи, и еще 19 человек были одеты также, как он. Своего старшего сына он вверил попечению сеньора де Сен-Венан, сеньора де Ланда и сеньора Теобальда де Бодене. Сеньор Жоффруа де Шарне, как самый доблестный и умелый рыцарь во всей армии, нес знамя Франции. Сеньор Режиналь де Квенолль, по прозвищу Архипресвитер («archpriest»), нес все доспехи юного графа Алансонского.

Глава 160.

Перед битвой при Пуатье кардинал Перигорский пытается заключить мир между королем Франции и принцем Уэльским.

Когда полки короля Франции были выстроены, все сеньоры встали под свои знамена и были ознакомлены, как им действовать, было приказано, чтобы все те, кто были вооружены копьями, укоротили их до длины в 5 футов, чтобы ими было легче владеть, и чтобы все сняли свои шпоры. Когда французы были готовы начать движение на врага, к королю галопом подскочил кардинал Перигорский, который ранним утром оставил Пуатье. Он сделал глубокий поклон и воздев руки взмолился, чтобы тот, из любви к Богу, на минуту бы остановился, чтобы он смог с ним поговорить, после чего начал: «Наидражайший сир, вы имеете здесь при себе весь цвет своего королевства против горстки людей – ведь именно это представляют собой англичане в сравнении с вашей армией. Вы можете овладеть ими и иными путями, нежели с помощью битвы, и для вас будет вас более почетно и полезно овладеть ими этими средствами, нежели подвергать риску такую прекрасную армию и таких благородных особ, которых вы сейчас имеете при себе. Посему я прошу вас, во имя человеколюбия, и из любви к Богу, чтобы вы позволили мне отправиться к принцу и убедить его в опасности того положения, в котором он оказался». Король ответил: «Это мне очень угодно, но поспешите вернуться назад».

После этого кардинал уехал, и со всех ног отправился к принцу, которого он нашел пешим, среди своей армии, в самой гуще виноградника. Когда кардинал туда приехал, то спешился и подошел к принцу, который принял его крайне любезно, и отвесив ему поклон, сказал: «Дорогой сын мой, если ты хорошо учел всю мощь той великой армии, что привел с собой король Франции, то позволь мне, если я это смогу, провести между вами обоими переговоры». Принц, который уже вышел из юного возраста ответил: «Сир, если будет сохранена честь и моя и моей армии, то я готов выслушать любые приемлемые условия». Кардинал ответил: «Дорогой сын мой, ты хорошо сказал. И, если я смогу, то принесу мир, поскольку будет очень прискорбно, если столь много достойных людей, здесь присутствующих, встретятся друг с другом в бою». Кардинал вернулся к королю Франции и сказал: «Сир, вам нет причины спешить сразиться с ними, ведь они не могут от вас ускользнуть. Поэтому я умоляю вас даровать им перемирие с этого времени и до завтрашнего восхода солнца». Вначале король не хотел на это соглашаться, так как часть его совета отказывалась дать на свое согласие, но кардинал говорил так красноречиво, что король, в конце концов, согласился. Он приказал поставить на том месте, где он стоял, очень красивый и богатый шатер из красного шелка и распустил свои войска по местам их стоянок, за исключением полка коннетабля и маршала.

Все это воскресенье кардинал сновал от одной армии к другой и страстно желал примирить обе стороны. Но король не хотел и слышать ни о каких других условиях, если четыре главные особы из числа англичан не будут отданы на его волю, и если принц и его армия не согласятся на безусловную сдачу. Было сделано много предложений, принц предлагал сдать королю Франции все города и замки, которые были им завоеваны в этом походе, отдать ему без выкупа своих пленников и поклясться не поднимать оружие против короля Франции в течение семи лет. Король и его совет отказались это принять, и дело некоторое время оставалось в ожидании. В конце концов, они объявили, что если принц Уэльский и 100 его рыцарей не сдадутся в плен королю Франции, то он не позволит им уйти без боя. Эти условия принц и его армия с презрением отвергли.

Пока кардинал, радея о мире, разъезжал от одной армии к другой, некоторые рыцари каждой из сторон выехали вперед, к краям вражеских армий, чтобы изучить их позиции. В течение дня случилось так, что сэр Джон Чандос проезжал мимо одного из крыльев французской армии, и сеньор Жан де Клермон, один из королевских маршалов, делал тоже самое, наблюдая за англичанами. Когда оба рыцаря возвращались в свои лагеря, они встретились. Они оба имели одинаковую эмблему на своих плащах, которые носили поверх прочей одежды – Деву Марию, вышитую на лазурном поле или окруженную серебряными солнечными лучами. Увидя это, сеньор де Клермон сказал: «Чандос, с каких это пор вы носите мой герб?» «Это именно вы носите мой, – ответил Чандос, – поскольку он столько же мой, сколько и ваш». «Я это отрицаю, – сказал сеньор де Клермон, – и если бы не перемирие между нами, я бы быстро показал бы вам, что у вас нет права его носить». «Ба, – ответил Чандос, – вы можете найти меня на поле завтрашним утром, приготовьтесь защищаться, и пусть оружие докажет, что он больше мой, нежели ваш». Сеньор де Клермон ответил: «Это хвастовство англичан, которые не могут придумать ничего нового, кроме того, чтобы присваивать себе то хорошее, что принадлежит другим». На этом они и расстались без лишних слов, и каждый вернулся к своим войскам. Кардинал Перигорский, оказавшись неспособным примирить короля и принца, поздним вечером вернулся в Пуатье. Это день французы провели на своих стоянках, где жили спокойно, имея изобилие продовольствия, тогда как, с другой стороны, англичане оказались в трудном положении, не зная куда отправиться за фуражом, так как они

были столь плотно блокированы французами, что никуда не могли двинуться, не подвергаясь при этом опасности. В это воскресенье они сделали много насыпей и вырыли рвы вокруг тех мест, где были расставлены лучники, что бы лучше их прикрыть.

Утром понедельника принц и его армия были быстро приведены в готовность, и построились, так же как и накануне. Французы тоже поднялись с восходом. Кардинал, вновь вернувшийся этим утром, полагал, что своими увещеваниями он сможет помирить обе стороны, но французы сказали ему возвращаться туда, куда ему будет угодно и не пытаться навязывать им еще какие-либо переговоры или разговоры о мире, а то как бы с ним не случилось ничего худого. Видя, что все его труды напрасны, кардинал покинул короля Франции и уехал к принцу Уэльскому, которому сказал: «Дорогой сын мой, старайся как только можешь, поскольку должна произойти битва, а я не могу никакими средствами умиротворить короля Франции». Принц ответил, «что таково намерение и его самого и его армии, и что Бог защитит правого». Затем кардинал распрощался с ними и вернулся в Пуатье. В его свите было несколько рыцарей и латников, которые больше тяготели к французам, нежели к англичанам, и которые, увидев, что битва неизбежна, покинули своего господина и примкнули к французским войскам, выбрав своим командиром кастеляна Ампосты, который в то время входил в свиту кардинала. Кардинал ничего об этом не знал до своего приезда в Пуатье.

Боевой порядок полков армии принца был в точности такой, как о нем докладывали королю Франции три вышеупомянутых рыцаря, за исключением того, что за это время он приказал нескольким доблестным и мудрым рыцарям оставаться верхом, аналогично отряду французских маршалов, и еще распорядился расставить 300 латников и столько же конных лучников на небольшом, не слишком крутом и не слишком высоком холме на своем правом крыле, и спрятаться за ним, чтобы окружить крыло, на котором находился полк герцога Нормандского. Сам герцог лично шел в этом полку в пешем строю. Это были все изменения, которые принц внес в боевой порядок. Сам он находился при главных силах, в гуще виноградников, полностью вооруженный и, держа неподалеку коней, на случай, если вдруг в них возникнет нужда. Слабые места они укрепили и прикрыли своими повозками и багажом.

Я хочу назвать некоторых из самых знаменитых рыцарей, которые находились рядом с принцем Уэльским. Там были: Томас Бьюкамп, граф Варвик, Джон Вер, граф Оксфорд, Уильям Мотекьют, граф Сосбери, Роберт Хафффорд, граф Саффолк, Ральф, лорд Стаффорд, граф Стаффорд, брат графа, лорд Ричард Стаффорд, сэр Джон Чандос, лорд Реджинальд Кобхэм, лорд Эдвард Спенсер, лорд Джеймс Одли и его брат лорд Питер, лорд Томас Беркли (сын лорда Мориса Беркли, который умер в Кале за 9 лет до этого), Ральф, лорд Бассет Дрейтонский, Джон, лорд Уоррен (старший сын Джона Плантагенета, последнего графа Уоррена, Стратерна и Суррея, по правам своей первой жены Мод Херфордской), Питер, лорд Маули, 6-й этого имени, лорд Джон Уиллоугби Эресбийский, лорд Бартоломью Баргерш, лорд Уильям Фелтон и его брат лорд Томас Фелтон, лорд Томас Брейдестан, сэр Уолтер Пейвли, сэр Стифен Коссингтон, сэр Мэттью Горней, сэр Уильям де ла Мор и другие англичане. Из Гаскони были сеньор де Пюмьер, сеньор д'Альбре, капталь де Буш, сеньор Жан де Шомон, сеньор де Л'Эспар, сеньор де Розз, сеньор де Кузз, сеньор де Монферран, сеньор де Ладула, сеньор Сулдиш де ла Трэн и многие другие, который я не могу припомнить. Из энюэрцев: мессир Эсташ д'Обресикур, сеньор Жан де Гистель и еще два других иностранца - сеньор Даниель Фаселль и сеньор Дени де Морбек. Вся армия принца, считая всех, не превышала 8 тысяч человек, тогда как французов, тоже считая всех, было свыше 60 тысяч воинов, среди которых более 3 тысяч рыцарей.

Глава 161.

Битва при Пуатье между принцем Уэльским и королем Франции.

Когда кардинал, оказавшись неспособен добиться сколько-нибудь почетных условий мира, уехал, и принц Уэльский увидел, что битва неминуема, и что король Франции относится и к нему и к его армии с большим презрением, он так обратился к своим людям: «Теперь, мои славные соратники, хотя нас и мало по сравнению с войском наших врагов, но давайте из-за этого не падать духом, так как победа не всегда сопутствует числу, но бывает там, где бывает угодно Всемогущему Богу. Если, благодаря счастливой судьбе, мы одержим победу, то мы завоюем величайшую честь и славу во всем мире, а ежели, напротив, нам случится погибнуть, то на это у меня есть живые отец и любимые братья, а у вас – родственники и добрые друзья, которые непременно отомстят за нашу смерть. Посему я прошу вас постараться и сражаться мужественно. И если это будет угодно Богу и Святому Георгию, то меня вы сегодня увидите истинным рыцарем». С такими словами и доводами обращался принц к своим людям, так же поступали и маршалы с остальными, так, что все они были сильно воодушевлены. Сэр Джон Чандос встал рядом с принцем, чтобы охранять его и быть ему советчиком, намереваясь, чтобы не случилось, не оставлять в этот день своего поста.

Лорд Джеймс Одли также долгое время оставался около принца, но когда он увидел, что они уже точно должны вступить в бой, то сказал ему: «Сир, до сих пор я самым верным образом служил моему сеньору – вашему отцу, вас самим и буду продолжать служить, покуда я жив. Дорогой сир, сейчас я должен уведомить вас, что ранее я дал обет, что если когда-нибудь буду принимать участие в битве, в которой будут сражаться король, ваш отец, либо кто-нибудь из его сыновей, то я должен буду сражаться на самом остром атаки и, либо быть лучшим его воином, либо умереть, пытаясь стать таковым. Поэтому я самым настоящим образом прошу вас, в качестве награды за все мои службы, что я исполнил, пожаловать мне ваше разрешение покинуть вас, чтобы я сам решил, где мне встать, чтобы исполнить свой обет». Принц удовлетворил эту просьбу и

задержав его руку в своей сказал: «Сэр Джеймс, пусть Бог позволит вам в этот день воссиять в своей доблести ярче всех остальных рыцарей». Затем рыцарь от него отъехал и встал в первой шеренге полка вместе всего лишь с 4 оруженосцами, которых взял с собой для собственной охраны. Этот лорд Джеймс был умным и доблестным рыцарем, и именно по его совету армия была выстроена в таком боевом порядке. Лорд Джеймс начинал наступать, чтобы вступить в бой с полком маршала. Таким же образом, мессир Эсташ д'Обресикур предпринял большие усилия, чтобы быть первым с бою, и ему это удалось или почти удалось, и в то время, когда лорд Джеймс Одли двигался вперед, чтобы увидеть врага, так же поступил и мессир Эсташ. Ранее я упоминал, что немцы, что были на стороне французов, были сведены в один конный полк, который остался, чтобы помогать маршалам. Мессир Эсташ д'Обресикур, сидя верхом на коне, выставил вперед свое копье и взяв свой щит, пришпорил коня и поскакал вперед от своего отряда. Немецкой рыцарь по имени Людвиг фон Кукибрас на гербе которого было изображено 5 красных роз на серебряном поле, а на гербе мессира Эсташа – три красные укороченные вертикальные полосы на горностаевом фоне) увидев, что мессир Эсташ покинул ряды своей армии, также отставил свой полк, которым командовал граф Иоанн Нассауский, и бросился ему навстречу. Столкновение между ними было столь яростным, что оба упали на землю. Немец был ранен в плечо, поэтому, он не смог подняться так ловко, как мессир Эсташ, который, встав на ноги после падения, поспешил к лежащему на земле рыцарю. Но к нему подъехало 5 немецких латников, которые сбили его с ног и взяли в плен. Они отвели его к отряду графа Нассауского, который не уделил ему много внимания, и я не знаю, брали ли они у него слово оставаться их пленником. Но какой-то своей упряжью они привязали его к повозке.

Теперь сражение началось с обеих сторон. Отряд маршалов наступал прежде тех, кто должен был разбить отряд лучников. Он вошел в узкий проход между живых изгородей, вдоль которых были расставлены лучники, которые, как только ясно увидели своих врагов, начали стрелять из своих луков с обеих сторон изгороди, и стреляли они так великолепно, что лошади, утыканные их стрелами, окрасились болезненными ранами, и больше не двигались вперед, но поворачивали назад и, став неуправляемыми, опрокидывали своих всадников, который не могли с ними совладать. Упав, всадники, к своему смущению, не могли вновь встать на ноги, и в результате, этот отряд маршалов так и не смог добраться до принца. Однако было несколько рыцарей и оруженосцев, так хорошо экипированных, что благодаря силе своих коней, они прорвались вперед и проломили изгороди. Но, не смотря на все свои усилия, и они не смогли дойти до полка принца. Лорд Джеймс Одли, сопровождаемый четырьмя своими оруженосцами, встал с мечом в руке перед этим отрядом, далеко впереди остальных, и проявлял чудеса храбрости. Благодаря своему пылу, он зашел так далеко, что вступил в бой с сеньором Арно д'Андреге, маршалом Франции, прямо под его знаменем, и они бились довольно значительное время, причем сеньору Арно весьма досталось. Полк маршалов вскоре был разгромлен стрелами лучников и при помощи латников, которые нападали на врагов, когда те оказывались на земле, выбитыми из седла, и либо захватывали их в плен, либо убивали – как им хотелось. Сеньор Арно д'Андреге был взят в плен, но не лордом Джеймсом Одли, и не его четырьмя оруженосцами, а другими воинами, так как сам лорд Джеймс в этот день не останавливался ни на миг, чтобы захватить себе пленника, но все время был занят только боем и преследованием врагов. С другой стороны, сеньор Жан де Клермон, который, куда мог, сражался под своим знаменем, но, будучи опрокинут на землю, не смог ни подняться, ни обещать выкуп, и был убит на месте. Некоторые говорили, что это произошло из-за его перебранки накануне с сэром Джоном Чандосом.

В короткое время этот отряд маршалов был полностью разбит, а поскольку он стал отступать на задние ряды, то и вся армия не могла двигаться вперед. Те, кто находились в задних рядах, будучи неспособны идти вперед, отступали на полк герцога Нормандского, который был широкий по фронту и густой, но быстро становился довольно жидким с задней части, так как когда воины в нем узнали, что отряд маршалов разбит, то стали садиться на коней и ехать вперед. В это время, подошел из-за холма отряд англичан и, пройдя на скаку, в сопровождении большого отряда лучников, вдоль французских полков, напал на одно из крыльев полка герцога Нормандского. Сказать по правде, английские лучники сослужили бесценную службу своей армии, так как они стреляли так плотно и так хорошо, что французы не знали, куда им повернуться, чтобы избежать их стрел и, благодаря этому, англичане медленно, но не переставая, двигались вперед, и постепенно распространились повсюду. Когда английские рыцари увидели, что первый отряд французов разбит, и что другой, под командованием герцога Нормандского, находится в расстройстве, и в нем начали открываться бреши, они поспешили сесть на своих коней, которые у них были наготове под рукой. Как только все они сели верхом, то вскричали: «Святой Георгий, за Гиень!», и сэр Джон Чандос сказал принцу: «Сир, сир, теперь идите вперед, ведь этот день наш, сегодня Бог дал в ваши руки победу. Давайте набросимся на нашего врага, короля Франции, ведь он должен находиться там, где самая большая гуца народу. Я хорошо знаю, что его доблесть не позволит ему бежать и, если это будет угодно Богу и Святому Георгию, то он останется у нас. Но он должен хорошо сражаться, а вы ранее говорили, что покажете себя сегодня добрым рыцарем». Принц ответил: «Джон, вперед! Вы не увидите меня сегодня обращающим свой тыл, но я всегда буду в передних рядах». Затем он сказал сэру Уолтеру Вудленду, своему знаменосцу: «Знамя вперед, во имя Бога и Святого Георгия». Рыцарь повиновался приказу принца. В этой части битва была очень жаркой, и в ней участвовали большие толпы. Многие были выбиты из седла, и вы должны знать, что если кто-нибудь падал, то уже не мог подняться вновь, если ему быстро и хорошо в этом не помогали. Когда принц шел со своим полком на врагов, то перед самым переходом в атаку, он заметил около небольшого куста справа от себя лежащего мертвым сеньора Робера де

Дюра и, позади него, его знамя и 10 или 12 его людей. Видя это, он приказал двоим своим оруженосцам и трем лучникам положить его тело на щит, отнести его в Пуатье и отдать кардиналу Перигорскому и сказать ему, то «я салютую ему этим подарком». Так и было сделано, поскольку ему сообщили о том, что сопровождавшие кардинала воины остались на поле битвы и с оружием выступили против него, и это было очень не подобающим, и не пристало так поступать слуге церкви. Ведь они, под предлогом делать добро и установить мир, ездил от одной армии к другой, и они не должны были поднимать оружие на какой-либо стороне. Однако, эти сделали именно так, на что принц был очень разгневан, и именно потому и послал кардиналу тело его племянника, мессира Робера де Дюра, и жаждал отрубить голову попавшему в плен кастеляну Ампосты, несмотря на то, что он был человеком кардинала 31, но сэр Джон Чандос сказал: «Милорд, не думайте о таких вещах в такой момент, когда вы должны обратиться к делам величайшей важности. Может быть, кардинал сможет так хорошо оправдаться, что вы убедитесь, что он вовсе не виноват».

Затем принц атаковал отряд герцога Афинского, и произошедшая схватка была очень ожесточенной так, что многие были сброшены с коней. Французы, которые сражались тесной толпой, кричали «Монжуа Сен-Дени!», а англичане им отвечали «Святой Георгий за Гиень». Затем принц встретился с полком немцев под командованием графа Зальцбургского, графа Нассау и графа Нейдо. Но вскоре и они были опрокинуты и пустились в бегство. Английские лучники стреляли столь хорошо, что никто не желал подойти к ним поближе, чтобы повстречаться с их стрелами, и они предали смерти многих из тех, кто не мог заплатить выкуп. Три вышеупомянутых графа были убиты там, также как и многие другие рыцари и сопровождавшие их оруженосцы. В сумятице боя был спасен своими людьми мессир Эсташ д'Обресикур, которые увезли его от опасного места. Позже он совершил много славных воинских подвигов, и захватил в этот день многих пленников.

Когда французы из полка герцога Нормандского увидели, что принц быстро к ним приближается, то они думали только о бегстве. Сыновья короля, герцог Нормандский, граф Пуатье и граф Турень, которые были очень юными, также легко поверили, что тому, что говорили им те люди, попечению которых они были вверены. Однако, сеньор Жискара д'Англ и мессир Жан де Сэнтре, которые находились подле графа Пуатье, не захотели бежать, но ринулись в гущу сражения. Три сына короля, в соответствии с данными им советами ускакали прочь с более чем 800 копий, которые еще не приближались к врагу, и взяли путь на Шовиньи. Когда сеньор Жан Де Ланда, сеньор Теобальд де Бодене и сеньор Сен-Венан, которые были телохранителями герцога Нормандского, ускакали вместе с ним на добрую лигу, то первые два из них его покинули и упросили сеньора Сен-Венана не покидать его, пока они не придут в безопасное место. Сделав это, сами они, решили, что приобретут больше славы, если останутся на поле битвы. Возвращаясь, они встретили полк герцога Орлеанского, почти полный и невредимый, который бежал прочь, хотя и находился позади арьергарда полка короля. Правда и то, что там было много добрых рыцарей и оруженосцев, которые, невзирая на бегство своих полководцев, скорее были готовы идти на смерть, чем заслужить хоть малейший упрек. Полк короля наступал в правильном порядке, чтобы встретиться с англичанами. Было нанесено множество тяжелых ударов мечами, боевыми копьями и другим оружием. Король Франции, вместе со своим младшим сыном, сеньором Филиппом, атаковал полк английских маршалов, графов Варвика и Саффолка, в котором также находились несколько гасконцев, например, капталь де Буш, сеньор Пюмьер, сеньор Амори де Шарре, сеньор де Лангура (Languran), сеньор де л'Эстрад. Сеньор Жан де Ланда и сеньор Теобальд де Бодене вернулись вовремя, они спешили и присоединились к полку короля. На одной стороне сражался вместе со своим полком герцог Афинский, коннетабль Франции, а немного выше сражался герцог Бурбонский, в окружении добрых рыцарей из Бурбонэ и Пикардии. Около них находились люди из Пуату: сеньор де Пон, сеньор де Партене, сеньор де Дампьер, сеньор де Монтабуто, сеньор де Сюржер, сеньор Жан де Сантре, сеньор Жискара д'Англ, сеньор д'Аржанта, сеньор де Линьер, сеньор де Монтранд виконт де Рошешуар, граф де Ольной. Сражались и многие другие, например, сеньор Жак де Боже, сеньор де Шато-Виллэ и прочие рыцари и оруженосцы из Бургундии. На другом конце находились графы Вантадур и Монплеизир, сеньор Жак де Бурбон, сеньор Жан д'Артуа и сеньор Жак, его брат, сеньор Арно де Серволь по прозвищу Архипресвитер, облаченный в доспехи юного графа Алансонского. Там были также овернцы: сеньор де Маркуэй, сеньор де ла Тур, сеньор де Шалантэ, сеньор де Монтагю, сеньор де Рошфор, сеньор де ла Шэр, сеньор д'Ашэ, лимузенцы: сеньор де Ланаль, сеньор де Наруэль и сеньор Пьер де Буффьер, пикардийцы: сеньор Гильом де Мерль, сеньор Арно де Ренваль, сеньор Жоффруа де Сен-Дизье, сеньор де Шони, сеньор де Эли, сеньор де Монзан, сеньор де Анье и многие другие. Сеньор Дуглас из Шотландии, также находился в полку короля и некоторое время бился очень доблестно, но когда он увидел полное расстройство французов, то, как мог, занялся своим спасением, так как он гораздо больше смерти страшился попасть в руки англичан.

Сэр Джеймс Одли, с помощью своих четырех оруженосцев, всегда находился в самом центре битвы. Он был тяжело ранен в бок, голову и лицо, и куда ему позволяли его силы и дух, он продолжал сражаться и идти вперед. Он все шел вперед, пока не покрылся кровью. К концу боя, четыре его оруженосца, что были его телохранителями, подняли его, очень слабого и раненого, вынесли из боя и отнесли поближе к живой изгороди, чтобы он мог остыть и набраться сил. Так нежно, как только могли, они освободили его доспехов, чтобы исследовать его раны, забинтовать их и зашить самые опасные из них.

Король Иоанн, со своей стороны, показал себя добрым рыцарем, и если четверть его людей вела бы себя так же славно, как и он, то победа в этот день досталась бы ему. Однако, те, кто оставался с ним и исполнял свой долг, насколько это было в их силах, были либо убиты, либо взяты в плен. Едва ли кто-нибудь из тех, кто был с королем, пытался бежать. Среди убитых были герцог Пьер де Бурбон, герцог Афинский, коннетабль Франции, епископ Шалонский из Шампани, сеньор Жискара де Боже и сеньор де Ланда. Архипресвитер, мессир Теобальд де Бодене и сеньор де Помпадур, тяжело раненные, были взяты в плен. В другом месте поля битвы были взяты в плен графы Водемон и Женвилль, а также граф де Вандом. Недалеко от того места были убиты сеньор Гильом де Нель и сеньор Эсташ де Рибомон, сеньор де ла Тур и сеньор Гильом де Монтагю. Сеньор Луи де Мелваль, сеньор Пьер де Буффьер и сеньор де Сенераш были пленены. В этом бою было убито и пленено свыше 200 рыцарей и оруженосцев. Отряд нормандских рыцарей еще продолжал биться в другой части поля, и там были убиты мессир Гинато де Шамбли и мессир Бодрен де ла Уз. Многие другие, которые дрались в составе малых отрядов, были рассеяны.

Глава 162.

Два француза, бежавших с битвы при Пуатье, преследуются двумя англичанами, которые сами становятся пленниками.

Среди боев, стычек, бегств и погонь, которые происходили в течение этого дня, случилось приключение с мессиром Эдом де Руси, о котором я не могу в этом месте умолчать. Он бежал с поля битвы как только увидел, что битва безнадежно проиграна, не желая попасть в руки англичан. Он уже ускакал почти на лье, когда его стал преследовать английский рыцарь, который, держа копье наперевес, крикнул ему: «Мсье рыцарь, обернитесь. Вам должно быть стыдно так бежать». На это мессир Эд остановился, и англичанин его атаковал, думая направить свое копье прямо в цель. Но он просчитался, поскольку мессир Эд увернулся от удара в сторону, и при этом, не упустил нанести свой собственный - он нанес своим копьем столь яростный удар по шлему своего врага, что тот был оглушен и упал на землю, где лежал без чувств. Мессир Эд спешил и, приставив копье к его груди, сказал, что непременно убьет его, если он не сдастся ему в плен. Англичанин сдался и уехал вместе с мессиром Эдом, который впоследствии получил за него выкуп.

Случилось так, что в разгар общей погони, один оруженосец из Пикардии по имени Жан де Эланэ (Helennes), оставив полк короля и, встретив своего пажа со свежей лошастью, сел на нее и поскакал прочь как можно быстрее. В это время вблизи оказался лорд Беркли, молодой рыцарь, который в этот день впервые развернул свое знамя. Он немедленно пустился за ним в погоню. После того, как лорд Беркли следовал за ним некоторое время, Жан де Эланэ развернулся, взял в руки свой меч наподобие копья и так бросился на лорда Беркли. А тот, держа меч за рукоять, размахивал им и занес руку, чтобы нанести удар по оруженосцу, когда тот будет проскакивать мимо него. Увидев предполагаемое направление удара, Жан де Эланэ позволил его нанести, но не упустил сделать и свой, и когда они разъехались в стороны, то от его удара меч лорда Беркли упал на землю. Когда рыцарь увидел, что потерял свой меч, но что у оруженосца он остался в руках, он спешил и поспешил туда, где лежал его меч. Но прежде чем он смог до него добраться, оруженосец нанес ему сильнейший удар, который пробил доспехи и ранил его в оба бедра, так что он больше не мог ничем себе помочь и упал на землю. После этого Жан спешил и, завладев мечом рыцаря, приблизился к нему и спросил, не желает ли он сдаться. Рыцарь спросил его имя. «Меня зовут Жан де Эланэ, – ответил тот, – а как твое?» «Воистину, товарищ, – ответил рыцарь, – меня зовут Томасом, и я являюсь лордом Беркли, очень красивого замка на реке Северне, на границах Уэльса». «Лорд Беркли, – сказал оруженосец, – ты будешь моим пленником. Я обеспечу твою безопасность и позабочусь о твоём здоровье, так как, сдаётся мне, ты серьёзно ранен». Рыцарь ответил: «Я сдаюсь по своей воле, так как ты честно победил меня». Он дал ему свое слово, что будет его пленником. Затем Жан вытащил свой меч из бедра рыцаря, открылась рана, но он ее плотно перевязал и, посадив его на своего коня, а сам, идя пешком, привел его в Шотельро. Из дружбы к нему он пробыл здесь 15 дней и распорядился о помощи врача. Когда рыцарь немного оправился, он поместил его на носилки и препроводил в безопасности в свой дом в Пикардии, где тот оставался более года, прежде окончательно выздороветь, хотя остался хромым. Когда он уехал, то заплатил выкуп в 6 тысяч ноблей, так что этот оруженосец получил большое состояние благодаря тому, что захватил в плен лорда Беркли.

Глава 163.

О том, как король Иоанн был взят в плен в битве при Пуатье.

Часто случается, что на войне и в любви фортуна оказывается более благосклонной и чудесной, чем можно даже ожидать или надеяться. Сказать по правде, эта битва, что произошла около Пуатье, на полях Бовуар и Мопертюи, была очень кровавой и рискованной. Было совершено множество доселе неслыханных славных воинских подвигов, и воинам обеих сторон сильно досталось. Сам король Иоанн совершал чудеса. Он был вооружен секирой, которой сам сражался и защищался. Граф Танкарвилль, стараясь пробиться сквозь толпу, был взят в плен подле него. То же самое случилось и с мессиром Жаком де Бурбоном, графом Понтье и сеньором Жаном д'Артуа, графом О. В другом месте, немного поодаль, мессир Карл д'Артуа и многие другие рыцари и оруженосцы были взяты в плен отрядом под знаменем капталя де Буша. Преследование французов продолжалось до самых ворот Пуатье, было много убитых и поверженных людей и лошадей, так как жители Пуатье закрыли свои ворота и не желали никого впускать. По этой причине, на мостовой перед воротами

произошла большая резня, и там было убито и ранено такое количество народа, что некоторые сдавались сразу, как только замечали англичан, и было много английских лучников, которые захватили 4, 5 или 6 пленников.

Сеньор Пон, могущественный барон из Пуату, был там убит, как и некоторые другие рыцари и оруженосцы. Виконт де Рошешуар, сеньоры де Партене и де Сентонж и сеньор де Монтадре были взяты в плен. Тоже случилось и с сеньором Жаном де Сэнтре, но он был так изранен, что больше уже никогда полностью и не оправился, а ведь его считали самым совершенным рыцарем во Франции. Сеньор Жискард д'Англ был оставлен на смерть среди мертвых, он хорошо дрался в этот день. Сеньор де Шарне, который был вблизи короля, храбро сражался во время всей битвы, он всегда был в гуще сражения, так как нес знамя своего королевского сюзерена. Его собственное также развевалось на поле вместе с его гербом – три серебряных щита на червленом поле. Англичане и гасконцы так быстро охватили королевский полк, что силой сломали его ряды, и французы так перемешались со своими врагами, что временами одного рыцаря атаковало 5 человек. Сеньор де Помпадур и сеньор Бартоломью де Брюн (Brunes) были пленены. Сеньор де Шарне был убит, держа в своих руках знамя Франции, лордом Реджинальдом Кобхэмом, а позже его судьбу разделил и граф Даммартен.

В это время была большая давка, из-за страстного желания добраться до короля, и те, кто находился ближе всего к нему и узнали его, кричали: «Сдавайтесь, сдавайтесь, или вы мертвец». В том месте поля боя находился молодой рыцарь из Сент-Омера, который за жалованье сражался на стороне короля Англии. Его звали Дени де Морбек и он 5 лет назад самовольно отправился в Англию, так как в дни своей молодости был изгнан из Франции за убийство, совершенное им во время драки в Сент-Омере. Для этого рыцаря удачно сложилось так, что он оказался около короля Франции как раз в то время, когда того сильно пинали туда и сюда, а так как он был очень сильным и крепким, то благодаря своей силе, пробился сквозь толпу и сказал королю на хорошем французском: «Сир, сир, сдавайтесь». Король, который видел, что оказался в очень неприятном положении, обернулся к нему и спросил: «Кому я должен сдаться, кому? Где мой кузен, принц Уэльский? Если я увижу его, то буду говорить с ним». «Сир, – ответил мессир Дени, – он не здесь, но сдавайтесь мне, а я отведу вас к нему». «Кто вы?» – спросил король. «Сир, я – Дени де Морбек, рыцарь из Артуа, но я служу королю Англии, так как я не служу Франции, лишившей меня всего, что я здесь имел». Тогда король отдал ему свою правую перчатку и сказал: «Я сдаюсь вам». Вокруг была большая толпа и давка, так как все хотели крикнуть «я поймал его». Ни король, ни его младший сын Филипп не смогли пробиться вперед и освободиться от толпы.

Принц Уэльский, который был отважен как лев, получил в этот день великое удовольствие, сражаясь со своими врагами. Сэр Джон Чандос, который находился рядом с его особой, не покидал его весь день и не останавливался для того, чтобы брать пленников, сказал ему ближе к концу битвы: «Сир, вам подошло бы остановиться здесь и водрузить свое знамя поверх этого кустарника, чтобы оно послужило местом сбора ваших войск, которые, кажется, очень сильно рассеялись. Ведь я не вижу ни одного французского знамени или вымпела, и ни одного значительного отряда, способного собраться, чтобы напасть на нас. И вы сами должны немного отдохнуть, так как я вижу, что вы очень разгорячены». Тогда знамя принца было помещено на высоком кусте, начали играть менестрели, и приступили к своим обязанностям трубачи и горнисты. Принц снял свой шлем, и рыцари, находившиеся в его свите и принадлежавшие к числу его камергеров, вскоре подготовили и разбили небольшой шатер малинового цвета, куда принц и удалился. Затем принесли ликер ему и другим рыцарям, что были с ним, и их число возрастало ежеминутно, так как многие возвращались от погони и останавливались здесь, чтобы сдать своих пленников.

Как только вернулись оба маршала, принц спросил их, не знают ли они чего-нибудь о короле Франции, и они ответили: «Нет, сир, ничего определенного, но мы полагаем, что он должен быть либо среди убитых, либо пленных, так как он никогда не оставляет своего полка». Тогда принц, обращаясь к графу Варвику и лорду Кобхэму, сказал: «Я прошу вас сесть на коней и обскать поле боя, чтобы вы могли вернуться и доставить мне о нем определенные сведения». Оба барона немедленно вскочили на своих коней, оставили принца и поскакали на небольшой холмик, чтобы осмотреть окрестности. Оттуда они увидели толпу пеших воинов, которые двигались очень медленно. Король Франции был среди них и оказался в большой опасности, так как англичане и гасконцы отняли его у мессира Дени де Морбека и спорили о том, кому он должен принадлежать. Самые решительные кричали «это я взял его». «Нет, нет, – отвечали другие, – это мы взяли его». Король, чтобы уберечься от этой опасности сказал: «Месье, месье, я умоляю вас любезно препроводить меня и моего сына к моему кузену принцу, и не спорить столь яростно по поводу моего пленения, так как я столь великий сеньор, что всех вас могу сделать достаточно богатыми». Эти слова и другие, которые сыпались из уст короля, мало ему помогли, но споры постоянно начинались вновь, и они шагу не могли ступить без волнения. Когда два барона увидели этот отряд людей, они спустились с холма, прищипорили своих коней и поскакали к ним. Подъехав, они спросили, что тут происходит. Им ответили, что здесь находится король Франции, который взят в плен, и что более десяти рыцарей и оруженосцев одновременно претендуют на то, что он принадлежит именно им. Тогда два барона силой пробившись сквозь толпу и приказали всем отойти в сторону. Они приказали именем принца и под страхом неминуемой смерти, чтобы все держались на расстоянии и не приближались без приказа и не думали бы это сделать. Все они отступили позади короля, и два барона, спешившись, приблизились к королю с глубокими поклонами и мирно препроводили его к принцу Уэльскому...

Англичане получают очень много в результате битвы при Пуатье.

Таким образом, как вы знаете, эта битва была выиграна на лугах Мюпертюи, в 2 лье от города Пуатье, 19 сентября 1356 года. Она началась около 9 часов и закончилась в полдень, но еще не все англичане вернулись из преследования, и именно для их созыва принц поместил свое знамя над кустарником. Они не вернулись и ко времени гораздо позже вечерни, все еще преследовали врагов. Говорили, что был убит весь цвет французского рыцарства, и что король и его сын, сеньор Филипп, которому было 17 лет от роду, а также бесчисленное количество баронов, рыцарей и оруженосцев было взято в плен, и от 5 до 6 тысяч человек всех званий осталось лежать мертвыми на поле брани. Когда все англичане собрались, то обнаружили, что пленников у них в 2 раза больше, чем их самих. Поэтому они посоветовались, нет ли риска того, что они могут сбежать, и не будет ли более разумным получить за них выкуп на месте. Так и было сделано, и пленники нашли, что англичане и гасконцы очень любезны, так как многие в этот день были отпущены на свободу в обмен на обещание явиться до Рождества в Бордо и заплатить выкуп.

Когда они вернулись к своим знаменам, то удалились в лагерь, примыкавший к полю битвы. Некоторые и сами сняли доспехи и сделали тоже самое и со своими пленниками, к которым они выказывали всяческую любезность, ведь кто бы сколько не захватил пленников, все они оставались в его полном распоряжении, и он мог как пожелает, получать за них выкуп или нет. Можно легко догадаться, что все, кто сопровождал принца, стали очень богатыми и славой и добром, как благодаря выкупам за своих пленников, так и за счет большого количества золотых и серебряных пластин, богатых драгоценностей и дорожных сундуков, набитых поясами (которые были очень тяжелы за счет своего золота и серебра) и отделанных мехом мантий. Они потеряли счет доспехам, палаткам и прочим вещам, так как французы явились сюда так величественно и так богато одетыми, как будто бы были уверены в победе.

Договор между Англией и Францией, заключенный в Кале, 1360 г.

Мир в Бретиньи – мирный договор, подписанный 8 мая 1360 г. возле французской деревни Бретиньи между королем Англии Эдуардом III и дофином Франции Карлом V во время Столетней войны, согласно которому Франция лишалась трети своей территории на юго-западе. Англия же обязалась не посягать далее на французский трон и Нормандию.

Договор, заключенный в Бретиньи 8 мая, после Пасхи, исправлен статьями «договора» в Кале и ратифицирован королем Франции в этом самом месте.

Первое, названный король Англии в добавление к тому, что он сохранял в Гиени и Гаскони, должен получить навечно для себя и своих наследников все владения, которые следуют ниже, и владеть ими на тех же условиях, что и король Франции, его сын и иные из его предков, королей Франции, владели ими; как сказано, что имели во владении – во владении и что в феоде – в феоде, с «этого» времени и на условиях, сообщаемых ниже:

Город, замок и предместья Пуатье и всю землю и округ Пуату, с феьефом Туар и землей Белльвилль.

Город и замок Сент и всю землю и округ Сентонж по обе стороны реки Шарент.

Город и замок Ажен, и землю, и округ Аженэ.

Город и замок, и все целиком предместье Перигер, и землю, и округ Периге.

Город и замок Лимож, и землю, и округ Лимузен.

Город и замок Кагор с землей и округом Каурзен.

Город и замок, и предместье Тарб, и землю, и графство и округ Бигорр.

Город, землю и округ Горр.

Город и замок Ангулем, и графство, землю и округ Ангума.

Город и замок Родез, и землю, и округ Руэргю.

2. И, если здесь имеются иные владельцы, подобно графу де Фуа, графу д'Арманьяк, графу д'Иль, графу де Периге, виконту де Лимож и иных, кто имеет какие-либо земли и места внутри пределов названных регионов, они должны принести оммаж королю Англии и предоставлять все другие службы и платежи, причитающиеся на основании этих земель и держаний, тем же образом, как они несли в минувшее время.

3. Далее, король Англии должен получить все то, что принадлежало королю Англии и его предкам в городе Монтрой-сюр-Мер и его принадлежности.

4. Далее, король Англии должен получить целиком графство Понтье; это «условие» сохраняется, если что-либо из графства и его принадлежностей было отчуждено прежними королями Англии какой-либо иной персоне, чем королю Франции, то последний не должен возвращать это королю Англии. И, если такие отчуждения были сделаны прежним королям Франции, и король Франции сохраняет это в своих руках в настоящее время, то он должен отказаться от них полностью «в пользу» короля Англии; исключение «составляет» то, если короли Франции владеют ими в обмен на иные земли, то король Англии должен вернуть то, что он имеет в обмен или оставить в его руках земли, таким образом отчужденные. Однако, если прежние короли Англии отчуждили что-либо другой персоне, чем королю Франции, и это впоследствии пришло в руки последнего, король Франции не должен их возвращать. Далее, если такие земли обязаны оммажем, король

должен принести его другому, кто должен принести оммаж за них королю Англии; а если нет, король Франции должен принести его владельцу, он должен принести оммаж за них в течение года со дня отъезда из Кале.

5. Далее, король Англии должен получить замок и город Кале; замок, город и сеньорию Марш, замки и сеньории Сангатт, Кулонь, Ам, Ле Валь и Уа с землями, лесами, реками, рентами, именными, церковными бенефициями и всеми иными принадлежностями и места, расположенные внутри пределов и границ (сообщается в деталях, какие).

6. Далее, король Англии должен получить замок, город и все целиком графство Гюинь со всеми землями, городами, замками, крепостями, местами, людьми, оммажами, сеньориями, чашами, лесами и правами внутри его в той же степени, как прежний покойный граф де Гюинь имел их до времени своей смерти. И церкви, и добрый народ внутри пределов названный графств Гюинь, Кале, Марш и других мест должны стать людьми короля Англии, как они были «ранее» короля Франции и прежнего графа де Гюинь. И все эти владения, Марш и Кале, содержащиеся в этой статье, и те, непосредственно предшествующие, король Англии должен сохранять во владении, за исключением наследия Церкви, которое должно оставаться целиком там, где оно расположено; за исключением, далее, наследия иных персон из областей Марш и Кале, расположенных вне города Кале, с ежегодным доходом от ста фунтов стерлингов с земли и ниже в действующей в округе монете, каковы должны оставаться им «...»

7. Далее, согласовано, что король Франции и его старший сын, регент, при первой же возможности, но не позднее праздника Святого Михаила следующего года возвращают, передают и вручают королю Англии и его наследникам и преемникам без обмана и коварства все привилегии, повиновение, оммажи, преданность вассалов, фьефы, службы, обязательства и права и так далее., а в других случаях право или цвета права «принадлежат» королю или короне Франции в городах, графствах, замках и так далее, со всеми их принадлежностями и апанажами, где бы они ни были и в каждом одинаково. И король, и его старший сын согласно условий соглашения должны управлять всеми архиепископами, епископами и иными прелатами Святой церкви; и, далее, король Англии и его наследники должны распоряжаться графами, виконтами, баронами, дворянами, горожанами и всеми иными из городов, графств, земель, деревень, островов и мест, которые должны пребывать под их управлением, как «ранее» под управлением короля и короны Франции. И согласно тех же условий, они должны быть освобождены ими настолько полностью, как возможно, от всех оммажей, верности, клятв, обязательств, подчинения и обещаний, сделанных любым из них любым способом королю и короне Франции.

8. Далее, согласовано, что король Англии должен получить графства, города, замки, земли, деревни, острова и места со всеми принадлежностями и апанажами, где бы они ни были, владеть «ими» самому навечно и передавать по наследству всем своим наследникам и преемникам во владение в той мере, в какой держал «их» во владении король Франции, а также фьефы и службы, как имел король Франции, исключая все в названных выше статьях касательно Кале и Марша «...»

13. Далее, согласовано, что король Франции должен уплатить королю Англии три миллиона золотых крон, из которых два должны быть достоинством монеты Англии, из этой суммы шестьсот тысяч крон должны быть уплачены королю Англии или его заместителю в Кале в течение четырех месяцев со времени прибытия сюда короля Франции. И в течение следующего года должны быть уплачены по четыреста тысяч крон в городе Лондоне, в Англии, так, пока не будут уплачены три миллиона крон.

14. Далее, согласовано, что в счет уплаты шестисот тысяч крон в Кале, и за вручение в залог названного ниже, и за уступку города, замка и крепости Гюинь и городов в этом графстве, королевская персона должна быть отпущена из плена, и ему должно быть разрешено отправиться в Кале и вернуться в его собственное королевство без всяких помех; он не должен поднимать оружие сам или его народ против короля Англии, пока он выполняет то, что он должен соблюдать согласно данного договора «...»

(Далее следуют имена сорока одного заложника и пленного, которые должны быть удержаны англичанами как залог доверия).

17. (В течение трех месяцев со дня отъезда короля Франции из Кале должны быть представлены от него в Кале четыре заложника от Парижа и по два заложника от каждого из восемнадцати других городов).

18. Далее, согласовано, что при первой возможности в течение одного года со дня отъезда короля Франции из Кале, Джон, граф де Монфор, должен получить графство де Монфор со всеми принадлежностями, принеся вассальный оммаж королю Франции и обещание в обязательствах и службах во всех случаях, которыми обязан добрый и верный вассал своему законному сеньору, в отношении графства; и, далее, здесь ему должны быть вручены его иные наследства, которые никогда не были частью герцогства Бретань, принесены оммаж или любые иные обязательства, которые надлежит «...»

20. Далее, по вопросу о владении герцогством Бретань, которое оспаривается Джоном де Монфором, с одной стороны, и Шарлем де Блуа, с другой, согласовано, что обоим королям надлежит вызвать сначала их или представителей от тяжущихся сторон Блуа и Монфор, и им лично или через представителей надлежит информировать обе стороны о правах; и надлежит попытаться привести стороны к согласию по всем вопросам в споре между ними и настолько, как возможно, в этих вопросах.

21. И, если так случится, что одна из сторон не возжелает выступить в надлежащей манере перед королями или их представителями, когда они соберутся, и, если, далее, короли или их представители предпишут

или объявят, что стороны должны пребывать в согласии, если представят свой приговор в защиту одной стороны, и одна из сторон не возжелает согласиться с этим или повиноваться приговору, в таком случае названные короли должны выступить против нее со всей своей мощью и должны помочь той «стороне», которая изъявит желание согласиться и повиноваться; однако в любом случае оба короля не должны каждый собственной персоной или посредством других, вести или предпринимать войну против друг друга, кроме вышеговоренных случаев; и сузеренитет, и оммаж над герцогством «Бретань» должны всегда оставаться у короля Франции.

22. (Земли Филиппа Наваррского и его приверженцев возвращаются им с полным прощением...).

25. (Всем людям, изгнанным или лишенным прав и владений во время войны как приверженцам одной из сторон, права и владения должны быть возвращены).

26. Далее, согласовано, что король Франции должен вручить королю Англии все города, замки, деревни и все иные места, поименованные выше, которые должны быть переданы королю Англии по настоящему договору так быстро, как возможно, но не позднее года со дня его отъезда из Кале.

27. Далее..., король Англии в счет собственных выплат и расходов должен вручить все крепости, захваченные и занятыми им и его людьми, привержанцами и союзниками во Франции, Турени, Анжу, Мэне, Берри, Оверни, Бургундии, Шампани, Пикардии и Нормандии и во всех иных частях и местах королевства Франция, за исключением тех, «что» в герцогстве Бретань и в округах, и змелях, которые настоящим договором должны принадлежать и быть переданы королю Англии.

28. Далее, согласовано, что король Франции должен повелеть предоставить и вручить королю Англии или его наследникам или представителям все города, замки или крепости и иные земли, округа и места, поименованные выше, с их принадлежностями в счет собственных выплат. И, если здесь будут какие-либо персоны, столь непокорные, «что» они откажутся возратить королю Англии какие-либо города, замки, крепости, округа, места или укрепления, которые по настоящему договору должны принадлежать ему, король Франции должен обязать /их/ вручить их королю Англии как свои собственные расходы, и таким же образом король Англии должен вручить как свои собственные расходы укрепления, которые по настоящему договору должны принадлежать королю Франции. И короли, и их народы обязаны помогать друг другу по необходимости, если какая-либо сторона обратится с просьбой.

29. Далее, согласовано, что архиепископы, епископы и иные прелаты и народ Святой церкви по причине их мирских «владений» должны стать людьми того из двух королей, от кого они держат свои мирские /владения/; и, если они держат от обоих королей, они должны стать людьми обоих за те мирские «владения», которые они держат от них.

(Между двумя королями и королевствами устанавливаются прочные союз и дружба; и это включает в себя отмену союзов, направленных одной стороной против другой, включая, в частности, союз Франции с Шотландией и союз Англии с Фландрией. Все вышеназванные статьи договора должны быть подтверждены Папой).

34. Далее, все люди королевств, кто пожелает обучаться в школах и университетах Франции и Англии должны пользоваться всеми привилегиями и свободами таковых школ и университетов в той же полноте, как они пользовались до войны, и так они сохраняются в настоящем <...>

38. Далее, согласовано, что никто из вышеназванных королей не должен помогать или способствовать чинению изменений или препятствий «со стороны» Римской курии или кого-либо иного «со стороны» Святой церкви, кто бы то ни был, против этого настоящего договора и против названных королей, их помощников, приверженцев и союзников... И, если наш Святой отец или кто-либо иной желающий сделает это, оба короля должны остановить его по мере сил, без какого-либо обмана.

Дано в Кале, 24 октября, года милостью «Божией» 1360.

Разорение Франции бригадами (Жан Фруассар, «Хроники», Извлечение)

Бригады – наемные войска французов и англичан периода Столетней войны. Во время перемирия обе стороны их распускали, предоставляя возможность жить за счет грабежа. Особенно страдали от них крестьяне.

...Те (бригады), которые находились в Гаскони, Пуату и Сентонже, как те, что сражались на стороне короля Франции, так и те, что сражались за короля Англии, никогда не придерживались твердо условий перемирия, заключенного между обоими королями, но отвоевывали часто друг у друга города и сильно укрепленные замки, захватывая их с налету или же путем осады либо ночью, либо днем. И часто случались славные приключения: то с теми, что были из английских войск, то с теми, что были из французских. И всегда наживались нищие бригады на разграблении городов и замков, каковым путем приобретали такое богатство, что чуду подобно. И делались некоторые из них столь могущественными, что становились главарями и капитанами над прочими бригадами, и были среди них такие, которые обладали денежной суммой в сорок

тысяч экю. По правде говоря, это были превеликие чудеса – все то, что они творили. Бывало, и очень часто, – что они выбирали для нападения какой-нибудь добрый город или крепкий замок и в течение одного или двух дней выжидали удобного случая. И затем. 20 или бригадов собирались вместе и шли лесными тропинками и ночью и днем так, чтобы войти в тот город или тот замок, который наметили, прямо при восходе солнца, и поджигали один из домов. А жители города, полагая, что это целая тысяча тяжеловооруженных людей, намеревающихся сжечь их город, спасались бегством, кто как мог. Бригады эти взламывали двери, сундуки и ларцы с драгоценностями и брали все, что находили; затем возвращались своей дорогой, нагруженные добычей. Так действовали они в городе Донзонаке и во многих других городах. И захватывали таким путем многие замки и затем перепродавали их.

Успехи англичан в войне с французами в начале XV в. («Сен-Денийская хроника»)

Некий монах из Сен-Дени, ориентировочно живший в 1350-1414 гг., написал «Хронику» о событиях во Франции конца XIV – начала XV вв. В 1431-1442 гг. приближенное лицо короля Карла VII (1422-1461 гг.) Жювналь дез Юрсен перевел эту «Хронику» с латинского на французский язык, дополнил и переработал. Приводимый отрывок приходится на 1413 г.

И было решено королем и упомянутыми сеньорами (герцогом Бургундским, герцогом Беррийским и другими членами Королевского совета), что необходимо собрать три сословия. Со всей страны пришли люди и собрались в Париже – духовенство, дворянство и добрые горожане. В назначенный день выступил мон-сеньор Ж. де Неель, канцлер монсеньора дофина и в кратких словах указал на действия, происходившие из-за войны (с англичанами) и раздоров и на то великое благо, которое может быть достигнуто благодаря миру и объединению сеньоров. Необходимо принять меры против англичан, старинных врагов короля и королевства Франции, но это невозможно сделать без денег. Поэтому он просил у трех сословий подмоги, которая на самом деле являлась весьма большой тальен. После того как это было сказано, Парижский университет, купеческий прево и эшевены Парижа попросили аудиенции. Они ее получили и выступил мэтр

Б. Жансьен, который темой (своей речи) взял слова «он приказал ветрам и морю и наступила великая тишина». И показал – два ветра, которые властвуют во Франции, – это мятежи и честолюбие. Потом он описал бедность народа и большие подати, которые взимаются... и чрезвычайное вымогательство денежных средств, которое имело место.

По поводу высказываний трех сословий были различные мнения. Представители Реймса очень убедительно показали, что обычных податей будет достаточно для ведения войны, не налагая тальи. Следует принять во внимание бедность народа и его ограбление вследствие раздоров (принцев), и многие присоединились к их мнению. Аббат дю-Монт-С. Жан, очень известное духовное лицо, говорил специально против чиновников финансовых учреждений и тех, которые имели чрезвычайные пожалования от короля. Он указывал, что следует отобрать у тех, кто имеет слишком много, и, сделав это, король будет иметь возможность сопротивляться врагам и иметь средства на ведение войны...

...Англичане радовались раздорам, происходившим между сеньорами Франции. И посоветовали королю Англии собрать армию и послать ее в Нормандию. И на самом деле он послал армию, которая намеревалась высадиться у Дьеппа. Но дворянство и народ той страны собрались на берегу моря и сражались так с англичанами, что разбили их наголову и им пришлось вернуться в Англию. Когда английский король узнал об этом, он был очень недоволен и приказал собрать еще большую армию, это было исполнено, и они взяли Нормандию. Туда направился де Лё-Хёз и взял с собой людей, сколько мог. И намеревался воспрепятствовать высадке десанта англичан, но он принужден был вернуться, так как много его лошадей было убито, а также взято в плен много людей. Англичане пытались завладеть Дьеппом, но потерпели поражение. И направились в Трепорт, вошли в него и сожгли аббатство и часть монахов. Множество людей убили, ранили и взяли в плен и возвратились в Англию со всей своей добычей.

Ордонанс Карла VI от 26 мая 1413 г. О вооруженных отрядах

Данный акт появился в связи ис участвовавшими грабежами, от которых страдало мирное население.

...Король воспрещает военным грабить под страхом повешения, а кто это правило нарушит, должен быть насильственно схвачен и наказан, причем всем балли, прево и чиновникам настоящим поручается выполнить это постановление под страхом увольнения и т. д.

Так как с некоторого времени наши неимущие подданные и духовенство, а также их имущество и личность, которые мы должны охранять и защищать, были многократно ограблены вооруженными людьми и

при этом более систематически и жестоко, чем подданные наших вассалов, под тем предлогом, что они уклонялись от платежей; и одновременно многие иностранные военные разных наций, как например женеvские арбалетчики и др., долгое время грабили бедный народ, совершили много преступлений и проступков, как убийства, изнасилования женщин и проч., даже во время перемирий; а с ними собираются многие разбойники, бродяги и другие злоумышленники; причем вышеупомянутые вооруженные люди хвалились, что имеют от нас и от некоторых крупных сеньоров нашего королевства грамоты на право жить за счет страны. И все это делалось, к великому для нас ущербу, а также к ущербу для вышеупомянутых бедняков и духовенства, поэтому мы приказали и настоящим приказываем и воспрещаем под страхом повешения иметь в стране вооруженных людей, не призванных на службу нами или же нашими ордонансами и не имеющими известного капитана, которому они подчиняются и которых их всех знает и имеет записанными их имена и прозвища. Мы хотим и приказываем, чтобы только в этом случае и ни в каком другом они получали жалование из сумм, получаемых от сборов. Если же они будут разбойничать и грабить или допустят какие-либо иные проступки и нарушения и их капитаны их не схватят и не передадут в руки правосудия либо сами над ними не совершат расправы и суда, в этих случаях все убытки должны быть взысканы с этих капитанов. Приказываем всем нашим сенешалам, бальи, прево и другим судьям и чиновникам, под страхом нашего гнева и лишения должностей, хватать и наказывать сообразно обстоятельствам дела всех вышеупомянутых разбойников, грабителей и преступников. А если в этом будет нужда, пусть призовут себе на помощь столько людей, сколько необходимо для осуществления правосудия. Хотим и приказываем, чтобы вышеупомянутые чиновники и судьи приказали под определенными большими наказаниями всем нашим подданным оказывать этим судьям и чиновникам помощь и содействие, если их к этому призывают и они к этому способны. А если при производстве вышеуказанных арестов последует смерть вышеупомянутых грабителей или что-либо подобное вследствие сопротивления и непослушания этих военных, мы не хотим, чтобы те, кто были ее причиной, подвергались какой-либо ответственности или преследованию, но отныне их освобождаем и прощаем им, без какой-либо специальной грамоты о прощении, кроме настоящей.

Битва при Азенкуре (1415 г.) («План сражения для Азенкурской кампании», 1415 г.)

Битва при Азенкуре – сражение, состоявшееся 25 октября 1415 г. между французскими и английскими войсками близ местечка Азенкур в Северной Франции во время Столетней войны. Особенность этого сражения заключается в том, что имевшая значительное численное превосходство французская армия потерпела сокрушительное поражение, понесла существенные потери. Причиной столь поразительной диспропорции в потерях (несколько тысяч со стороны французов и всего несколько десятков со стороны англичан) было тактически грамотное применение англичанами масс стрелков, вооруженных длинными луками, в сочетании с отрядами тяжеловооруженных воинов.

Сражение открыло новую страницу в истории Франции. В результате поражения при Азенкуре французы были вынуждены подписать в 1420 году договор в Труа, согласно которому английский король Генрих V объявлялся наследником французского трона.

В 1980-х гг. в Британской библиотеке (Коттоновский манускрипт Caligula Dv – том об англо-французских отношениях времен Генриха IV и его преемника) случайно был обнаружен документ, проливающий свет на французскую тактику начала XV столетия. Речь идет о боевом расписании французской армии (конкретно, ее авангарда) в ходе Азенкурской кампании (1415 г.). Как таковой этот план не уникален (сохранился бургундский план, составленный двумя годами позднее), но крайне редок и позволяет нам реконструировать события сражения с большей степенью вероятности.

План не датирован, но мог быть составлен между 13 и 21 октября 1415 г. Итак, французский план был таков: 1. Уничтожить лучников с помощью конного отряда де Рамбюра, который появлялся из-за французского строя, быстро переходил в наступление и врезался в правый фланг противника. 2. В то же время атака в тыл англичан вносила замешательство в их ряды. 3. Скоординировав атаки конницы с продвижением пехоты, спешенные латники в центре и обычные пехотинцы на флангах, под прикрытием своих лучников и арбалетчиков, вступали в бой с англичанами, не подвергаясь опасности обстрела противником. В таком случае, у французов были все шансы на победу. Составители плана старались учесть и возможные неожиданности, которые могли возникнуть на поле боя. В целом, этот документ лишний раз доказывает, как тщательно иной раз планировались битвы в Средневековье.

Ряд деталей плана был претворен в жизнь при Азенкуре. Однако возросшая численность французов сделала его неосуществимым на деле (так, стрелки были размещены не впереди крыльев армии, а позади их) и, вероятно, способствовала неудаче и поражению.

Это то, что представляется (лучшим) месьюру маршалу¹ и месьюрам, что находятся вместе с ним, (составленный) по приказу месьюров д'Алансона² и Ришмона³ и месьюра коннетабля 4, в наущение означенным месьюрам для сражения.

Во-первых, во имя господина, богородицы и месьюра Святого Георгия, полагаем, чтобы образовали большую баталию, которая будет в качестве авангарда; в каковой будут месьюр коннетабль и месьюр маршал со всеми их людьми.

Далее, чтобы в оной баталии знамена месьюра коннетабля и месьюра мар[шала] присоединились бы друг к другу, и чтобы знамя месьюра коннетабля было бы на [пра]вом фланге, а знамя месьюра маршала – на левом фланге. И чтобы справа [люд]и были бы все людьми месьюра коннетабля и вместе. И [сле]ва все люди месьюра маршала.

[Далее], будет другая баталия возле этой, в каковой будут месьор герцог [д'Ала]нсон, месьор граф д'Э⁵ и прочие сеньоры, что названы будут в другом месте. [И в] случае, если англичане составят лишь одну баталию, эти две баталии .... [«должны будут держаться»] вместе; тогда они все смогут объединиться.

[Далее,] представляется необходимым составить 2 больших крыла из пехотинцев; и составит одну из них [х, ту, что] справа, месьор де Ришмон; и в его роте будут, сверх всех [его людей,] месьор де Комбон⁶ и месьоры (sic) Бартрам де Монтобан⁷; а другую, [что] будет слева, составит месьор де Вандом⁸, гран мэтр дворц[а] .... [«и месьор де»] Жалиньи⁹.

.... [«Далее, будут?»] секиры войска и прочие, кого смогут найти в другом [месте] .... [«позади/сбоку/вместе с?»] вышеозначенных 2 крыльев¹⁰.

[Далее, бу]дут все стрелки со всего войска выставлены впереди 2 крыльев [из] пехотинцев, под началом рыцарей и оруженосцев, которые суть их начальники и рас[пределят их, каждо]го на свой фланг.

Далее, составитя большая конная баталия из добрых людей числом до [66] тысячи латников по меньшей мере; каковую баталию поведет месьор мэтр арбалетчиков¹¹ и который восполнит ее до означенного числа из всех ро[т;] каковая баталия будет держаться на расстоянии от всех прочих баталий на левом фланге, немного сзади. И каковая баталия ударит по лучникам и разрушит их мощь. И когда она выступит, чтобы гнать [зачеркнуто, «против»] на означенных лучников, пешие баталии и крылья двинутся, чтобы идти собраться [т.е. идти в бой]; и будет она баталия наполовину из всех слуг войска, сидящих на лучших конях их хозяев.

Далее, будет там другая баталия из 200 конных латников, вместе с другой половиной всех слуг, сидящих на лучших конях их хозяев; и она баталию возглавит месьор Босирдон¹²; и она баталия будет для того, чтобы ударить в тыл баталии англичан, на их слуг и их обоз и в спину баталии англичан. И выступит она баталия тогда, когда месьор мэтр арбалетчиков отправится ударить по лучникам.

¹ Жан II ле Менр (1366-1421 гг.), прозванный Бусико, с 1391 г. маршал Франции. Назначен капитаном Нормандии для кампании 1415 г. При Азенкуре ранен и взят в плен, где и умер спустя шесть лет.

² Жан I Мудрый (09.05.1385 г. – 25.10.1415 г.), первый герцог Алансонский (01.01.1414), граф де Перш, зять герцога Жана V Бретонского. Убит при Азенкуре.

³ Артур III Меченый (24.8.1393 г. – 26.12.1458 г.), граф де Ришмон. Назначен представителем дофина в войске и командовал его личным отрядом. Пленен при Азенкуре (в плену до 22.7.1420).

⁴ Шарль I д'Альбре, коннетабль Франции. Убит в авангарде при Азенкуре.

⁵ Шарль д'Артуа, граф д'Э (1394-1472 гг.), правнук Робера III д'Артуа; присоединился к д'Альбре к 19 октября. При Азенкуре он сражался в авангарде и был пленен (до 1438 г. находился в Англии).

⁶ Речь идет об одном из двух лиц: Жан де Мальтруа, сеньор де Комбур (также Комбор, или Камбур; бретонский вассал Ришмона, убит при Азенкуре); или Жан де Камбу, сеньор де Ворион (тоже соратник Ришмона, пленен при Азенкуре).

⁷ Бертран де Монтобан: наместник Лувра (с мая 1415 г.). На службе Ришмона пал при Азенкуре.

⁸ Луи II (1376-1446 гг.), граф де Вандом и де Шартр. Титул Вандома (его он носил с 1408 г.) подчеркивается в плане, потому что на него претендовал и Гишар Дофин. Вандом командовал одним из крыльев при Азенкуре, где попал в плен (освобожден в 1422 г.).

⁹ Гишар Дофин, сеньор де Жалиньи: капитан Монтрея, участвовал в переговорах перед сражением при Азенкуре, в котором и погиб.

¹⁰ Речь идет об отдельных отрядах пехоты с секирами или алебардами?

¹¹ Давид де Рамбюр, гран мэтр арбалетчиков (с 1412 г.): собирал войска в Сен-Кантене 10 августа. Он отправился защищать границы Пикардии – предполагалось, что Генрих V высадится в Кале, но в середине сентября он находился в Нормандии – в Фекане и близ Руана. К 12 октября он присоединился к армии д'Альбре в Аббвиле. Погиб при Азенкуре вместе с тремя сыновьями.

¹² Луи де Боредон: оверньский капитан. Боредон оказался единственным командиром, названным в плане, который уцелел при Азенкуре (впрочем, ненадолго – по приказу Карла VI два года спустя его утопили в Сене – монарх заподозрил его в любовной связи с королевой).

Возражения королевского совета Франции Дополнительные условия короля Генриха V, 1419 г.

Документ характеризует позицию Франции в отношении Англии.

1. Английский король откажется от французской короны.

Король согласен при условии, что будет добавлено: это не относится к тому, что отойдет к Англии по договору.

2. Он откажется от Турени, Анжу, Мэна и от верховной власти над Бретанью.

Это пункт король отклоняет.

3. Он примет обязательство, что ни он сам и никто из его преемников никогда не допустят передачи французской короны ни одному лицу, которое претендовало бы на то, что имеет на это право.

Король согласен, однако при том условии, что и другая сторона сделает то же самое по отношению к областям и владениям Англии.

4. Он запишет свои отказы, обещания и обязательства в той форме, в какой король Франции и его совет пожелает, чтобы это было сделано.

Этот пункт король не принимает.

5. Взамен Понтье и Монтрея королю Франции будет позволено уступить что-либо равноценное в том месте его королевства, в каком он сочтет удобным.

Этот пункт король отклоняет.

6. Поскольку в Нормандии остаются еще различные крепости, которые английский король не захватил, но которые должны быть ему уступлены, он, приняв это во внимание, откажется от других завоеваний, сделанных им в других местах; каждый вернется в свои владения, где бы они ни находились; кроме того, между обоими королями будет заключен союз.

Король одобряет это при условии, что шотландцы и бунтовщики в этот союз включены не будут.

7. Английский король возвратит 600 000 экю, данных королю Ричарду в приданое за принцессой Изабеллой, и 400 000 экю в возмещение стоимости драгоценностей принцессы, оставшихся в Англии.

Король согласен удовлетворить это требование, выплатив то, что еще остается уплатить за выкуп короля Иоанна, но он просит учесть, что драгоценности принцессы Изабеллы не стоят и четвертой части того, что за них требуют.

Договор в Труа от 21 мая 1420 г.

Договор в Труа – договор заключенный между французами и англичанами в период Столетней войны 21 мая 1420 г. во французском городе Труа. Он был следствием битвы при Азенкуре, где победили англичане, и гласил, что Генрих V, король Англии, объявляется наследником Карла VI Безумного, короля Франции, в обход законного наследника дофина (будущего Карла VII), что фактически означало присоединение Франции к Англии. Традиционно пишут, что этим договором дофин объявлялся незаконнорожденным, тем не менее, в пунктах договора прямых упоминаний этого нет.

В связи с тем, что раздоры и кровопролитные сражения между королевством Англия, управляемым досточтимым королем Генрихом и королевством Франция, управляемым нами, милостью Божией королем Франции Карлом VI де Валуа, истощают хозяйство обеих стран и изнуряют сословия, нами, Генрихом Английским, Филиппом Бургундским, нашим дражайшим и возлюбленным сыном, и нашей спутницей жизни королевой, решено нажеследующим соглашением положить конец ненависти, противоречиям и раздорам и установить между двумя королевствами мир, согласие, спокойствие, взаимную любовь и крепкую дружбу, чтобы не возникало никаких споров и разногласий в будущем, а отношения между двумя странами строились на основах взаимопомощи и обоюдного уважения, как угодно Богу и приличествует христианским государствам.

1. Во-первых, мир между двумя королевствами скрепляется брачным союзом между королем Генрихом и нашей дорогой и возлюбленной дочерью Екатериной. Король Генрих становится сыном нам и нашей дорогой и горячо любимой спутнице жизни, королеве, и будет почитать нас как отца и мать.

2. Далее, на время, отпущенное нам Богом, мы будем считаться королем Франции, нам будут принадлежать доходы, необходимые для нашего личного содержания и для покрытия расходов государства, подобным же образом нашей супруге будет принадлежать титул королевы и причитающаяся часть ренты и доходов. И король Генрих не должен препятствовать такому положению вещей.

3. Далее, наша дочь Екатерина, пребывая в Англии, будет получать сорок тысяч экю ежегодно в качестве наследства, оставленного ей мужем, как и другие английские королевы традиционно получали; две тысячи из этой суммы будут отчисляться в пользу английской знати.

4. Далее, наш сын Генрих должен позаботиться и сделать все от него зависящее, чтобы гарантировать, что наша возлюбленная дочь Екатерина будет исправно и регулярно получать вышеназванную сумму после его смерти, и что ничто не сможет изменить данное положение вещей.

5. Далее, если случится так, что наша дочь переживет нашего сына Генриха, то она, пребывая во Франции, будет получать двадцать тысяч франков в год и обладать землями и сеньориями.

6. Далее, сразу же после нашей смерти корона и королевство Франция со всеми привилегиями и доходами перейдет сыну нашему Генриху и его наследникам.

7. Далее, так как мы не можем единолично справляться с делами государства, наш сын Генрих будет управлять королевством Франция от нашего имени, опираясь на принципы законности и справедливости и в соответствии с законами, обычаями и правами, принятыми в данном королевстве, прибегая к помощи и советам великих и мудрых сеньоров, во славу Бога, для блага нашего и нашей супруги и во имя процветания Франции.

8. Далее, наш сын Генрих обязуется гарантировать, что за судом парламента Франции будут сохранены его исконные авторитет и власть ныне и в будущем.

9. Далее, наш сын король Генрих будет заботиться о наших подданных: о пэрах, дворянах, горожанах, общинах, защищать и уважать их права, обычаи, привилегии и свободы ныне и в будущем.

10. Далее, наш сын король Генрих будет праведно управлять страной в соответствии с законами, обычаями и правами, принятыми в данном королевстве, без каких-либо исключений, и он должен охранять мир и спокойствие наших подданных и защищать их от жестокости и угнетения.

11. Далее, наш сын король Генрих должен заботиться о том, чтобы на должности баля, прево, сенешалей и на другие посты, относящиеся к сеньоральной администрации и в другие институты королевства, в том числе и в суд Парламента, назначались люди сведущие, полезные и способные, чтобы гарантировать добрый, мирный и спокойный режим в королевстве и благополучие наших подданных – пэров, дворян, горожан и общин. Назначение на должности должно проходить в соответствии с принятыми в данном королевстве законами и правами, которые наш сын король Генрих обязуется уважать, соблюдать и охранять.

12. Далее, наш сын король Генрих должен как можно скорее склонить к покорности или заставить силой повиноваться нам, королю Карлу, непокорные и мятежные города, замки и провинции, выступающие за дофина и Арманьяка.

13. Далее, для того, чтобы наш сын Генрих смог справиться со своими обязанностями наиболее эффективно, все сословия – великие сеньоры, бароны, дворяне, горожане и другие, – должны поклясться в следующем:

Во-первых, вышеназванные сословия – великие сеньоры, бароны, дворяне, горожане и другие, – должны подчиняться, покорствоваться и всячески содействовать нашему сыну Генриху, чтобы последний смог как можно скорее водворить мир и спокойствие в королевстве и управлять им на благо и процветание Франции.

Все постановления и решения, которые оговариваются здесь и будут оговорены и согласованы впоследствии между нами, нашей спутницей жизни королевой и королем Генрихом, нашим сыном, принимая во внимание советы специально на то уполномоченных лиц, касательно положения различных сословий в королевстве, будут ими неукоснительно соблюдаться и исполняться.

Сразу же после нашей кончины и впредь все сословия в королевстве Франция – великие сеньоры, бароны, дворяне и горожане, – станут верными вассалами нашего сына Генриха и его наследников. Наш сын Генрих будет беспрекословно и беспрепятственно наречен сувереном и истинным королем Франции, и ничто не сможет изменить данное положение вещей.

Чтобы воспрепятствовать злоумышленникам войти в сговор или соглашение с целью нанести физический или материальный ущерб нашему сыну королю Генриху – убить, опорочить или ограбить, – лица, знающие о готовящемся заговоре, должны незамедлительно сообщить об этом в послании или письме.

14. Решено, все завоевания, который наш сын король Генрих сделает в королевстве Франция вне герцогства Нормандия – на территориях, контролируемых нашими непокорными вассалами, будут считаться подвластными нам землями. Кроме того, он обязуется гарантировать, что все земли и сеньории, захваченные у лиц, честно нам преданных, и подчиняющихся, и готовых придерживаться данного соглашения, будут им возвращены.

15-16. Далее, все те священнослужители в Нормандии и в любых других областях королевства Франция, подчиняющиеся нам, нашему сыну королю Генриху и поддерживающие нашего дорогого и горячо любимого сына герцога Бургундского, которые дадут клятву придерживаться настоящего соглашения, будут продолжать мирно пользоваться своими привилегиями и доходами.

17. Далее, все церкви, университеты, образовательные учреждения и другие духовные колледжи, находящиеся на подвластной нам территории, в герцогстве Нормандия или в других частях королевства Франция, подчиняющихся нашему сыну королю Генриху, будут располагать правами, владениями, рентами, привилегиями, свободами и преимуществами, причитающимися им как божественным институтам, кроме права на трон Франции и прочее.

18. Далее, когда наш сын король Генрих станет королем Франции, герцогство Нормандия и другие земли, завоеванные им в королевстве Франция, воссоединятся с последним.

19. Далее, наш сын король Генрих гарантирует, что людям, подчиняющимся нам и поддерживающим бургундскую партию, которым принадлежат земли, сеньории, доходы, владения, данные им нашим сыном Генрихом в герцогстве Нормандия или в других областях королевства Франция, завоеванных им, будет сделана компенсация, без урезания территории Франции, за счет земель непокорных и восставших вассалов. Данная компенсация не будет производиться в течение нашей жизни, а будет осуществляться нашим сыном королем Генрихом, когда он унаследует французский престол. Но если земли, сеньории, ренты и владения, принадлежащие данным людям на вышеуказанной территории не были даны им нашим сыном королем Генрихом, то эти люди будут восстановлены в своих правах немедленно.

20. Далее, в течение нашей жизни на подвластных нам территориях совместные письма законодательного характера, акты дарения, пожалования бенефиция, привилегий, назначения на должности, помилования и прочее должны будут подписываться нашим именем, заверяться нашей печатью и реализовываться от нашего имени, но в отдельных официальных случаях для нашего блага и для обеспечения эффективного управления, которое, как уже было сказано, будет осуществляться нашим сыном Генрихом, и во избежание административных ошибок королю Генриху будет позволено подписывать документы регулирующего и охранительного характера.

21. Далее, в течение нашей жизни наш сын король Генрих будет носить вышеуказанное имя и титул и не будет именоваться королем Франции или присваивать себе какое-либо другое имя.

22. Далее, в течение нашей жизни мы будем именовать нашего сына короля Генриха на французском языке в следующей форме: «наш дражайший сын Генрих, король Англии, наследник Франции», и по латыни в следующей форме: «*poster precarissimus filius, Henricus, rex Anglie, heres Francie*».

23. Далее, наш сын Генрих не будет безосновательно облагать наших подданных новыми налогами и поборами, а будет прибегать к этому средству лишь когда это будет необходимо для блага королевства Франция и в соответствии с ордонансом, законами и обычаями данного королевства.

24. Далее, чтобы между двумя королевствами установился мир, согласие и спокойствие, и чтобы не возникало никаких споров, разногласий и раздоров в будущем (что не угодно Богу), решено с согласия трех сословий, что с того времени как наш сын король Генрих или его наследники получат корону Франции, Франция и Англия объединятся навечно как неделимое образование под властью одного короля и суверенного сеньора. Права, законы, традиции и обычаи каждого королевства будут почитаться, не будут попираемы ни одним из них и никогда не будут насильно навязываться и переноситься на другую почву.

25. Далее, с этого времени и навечно между королевствами Англия и Франция прекращаются раздоры, ненависть, противоречия и войны и устанавливаются мир, согласие, спокойствие, взаимная любовь и крепкая дружба. Они должны оказывать друг другу взаимопомощь и совместно бороться против врагов, свободно и беспрепятственно торговать друг с другом, соблюдая торговые обычаи и принципы взаимного уважения, ибо это принесет им взаимные процветание и благо.

26. Далее, все союзники королевств Англия и Франция, которые в течение восьми месяцев после ратификации и оглашения данного мирного договора заявят о своем желании присоединиться к нему, будут приняты в конфедерацию.

27. Далее, наш сын король Генрих, сообразуясь с советами нашего дражайшего сына Филиппа, герцога Бургундского, и других сеньоров королевства, специально на то уполномоченных, окружит нашу особу достойной и честной заботой и вниманием, соответствующими нашему состоянию здоровья и королевскому достоинству, во славу Господа, нас, королевства Франция и наших подданных. К нам в услужение будут выбираться люди благоразумные, послушные, скромные и подходящие для данного рода деятельности и непременно уроженцы Франции или других франкоязычных областей.

28. Далее, наша резиденция будет находиться в достойном нашей королевской особы месте, и на подвластной нам территории, и не в каком-либо другом месте.

29. Далее, принимая во внимание бесчисленное количество преступлений и бесчинств, содеянных на территории Франции Карлом, так называемым дофином Вьеннуа, решено, что ни мы, наш сын король Генрих, ни наш дражайший сын герцог Бургундский Филипп не будем заключать ни мирного соглашения, ни договоров с этим Карлом.

30. Далее, если наш сын король Генрих пожелает, то жалованные грамоты нашей супруги королевы, нашего дражайшего сына герцога Бургундского Филиппа и других особ королевской крови, великих сеньоров, баронов, городов и других по вышеупомянутым вопросам (за исключением королевских грамот, заверенных нашей Большой печатью) будут подаваться нашему сыну королю Генриху для согласования перед утверждением.

31. Далее, подобным же образом наш сын король Генрих будет подавать нам на рассмотрение перед утверждением жалованные грамоты его братьев, особ королевской крови, великих сеньоров, баронов, городов и других (за исключением королевских грамот, заверенных его Большой печатью).

Мы, Карл король Франции от своего имени и за своих наследников даем королевское слово и клянемся именем Бога выполнять условия данного соглашения, никоим образом не нарушать его и не отказываться от данных нами обязательств. И чтобы гарантировать, что данный договор является окончательным, а союз крепким и вечным, мы заверили документ нашей печатью. Договор ратифицирован в Труа 21 мая 1420 года, на сороковом году нашего правления.

Манифест дофина Карла против договора в Труа, опубликованный 31 января 1421 г.

Манифест дофина Карла против договора в Труа был проигнорирован.

1. Честь цветов лилии и право на корону Франции ни в коем случае не могут быть переданы чужеземцам, особенно же старым врагам, вопреки королевскому согласию и согласию тех, кто имеет приемлимое право на претензии и интерес к упомянутой короне и ее сбережению.

2. Честь цветов лилии и право на корону Франции определено принадлежат ... благороднейшему принцу Карлу, единственному сыну и наследнику указанной короны; итак, никакой король или любой другой человек не может никаким приемлимым способом распоряжаться ею против его воли под предлогом мира посредством брака или под каким-либо иным предлогом.

3. Честью цветов лилии и правом на корону Франции распоряжаются не только король и королева и их дети, но все, кто принадлежит к королевскому дому Франции, и ныне, и в будущем, таковые как племянники, кузены, племянницы и далее все три сословия Франции согласно их различным званиям и обязанностям.

4. Честь цветов лилии и право на корону Франции поддерживаются и сохраняются верными и преданными людьми короны без заключения какого-либо соглашения с противниками, которое может привести к ущемлению права другого на владычество или господство; совершить иначе будет противно Божественному, естественному праву, гражданскому и каноническому «праву» и противу здравого смысла.

5. Чести цветов лилии и праву на корону Франции не может быть нанесен ущерб теми, кто, будучи верен и предан короне, обвинены в государственной измене, преступлении оскорбления королевского величества и сопротивлении, и уступке врагу, что подтверждается клятвой «в совершении» мнимых преступлений со стороны «людей» незаконных и склонных к постоянному нанесению ущерба.

6. Честь цветов лилии и право на упомянутую корону должны охраняться теми, кто принес клятву и связан ею, и которая, таким образом, должна приносить муки телесные, которые верный человек должен ощущать перед тем, как оставить свои обеты на верность.

7. Ужасный договор этого Генриха Английского был провозглашен под предлогом брака с дочерью короля Франции и под предлогом полного мира между королевствами Франция и Англия и является исполненным зловредности, и обмана, и хитрости, под прикрытием мира и брака он ведет к неисчислимым и нескончаемым раздорам....

11. Договор предназначен для потворствования и вскармливанию всех измен, лжесвидетельств, предательств и разбоя, стремится к порабощению всех сословий благородного королевства Франция – клириков, дворян и мещан, – и к недостойнейшему их подчинению.

12. Договору надлежит противиться и препятствовать каждому доброму христианину, обладающему духовной и светской властью, каждому сообразно своему праву, и тем, кто желает изгнать из христианской Церкви прегрешения, названные выше, особенно со стороны Папы, прелатов, и принцев, и, особенно, пэров, нотаблей и горожан Франции и всех тех, кто ненавидит тиранию и придерживается добродетели и свободы...

Осада Орлеана (21 октября 1428 г. – 8 мая 1429 г.)

Осада Орлеана и его последующее освобождение войсками Жанны д'Арк ознаменовали собой переломный этап в Столетней войне. Освобождение Орлеана стало первым серьезным успехом французских войск со времен катастрофического поражения при Азенкуре в 1415 г. Безнадежное положение Орлеана, имевшего важное стратегическое и моральное значение для французского народа, было спасено внезапным появлением на политической арене крестьянки Жанны д'Арк, возглавившей французские войска, которые сняли осаду с города в течение короткого времени.

(Расписка Уильяма Гласдейла)

Об Уильяме Гласдейле известно немного. Как «весьма прославленный в ратном деле воин», Уильям Гласдейл был заместителем Солсбери, главнокомандующего английской армией во время последнего периода Столетней войны а также в 1424 г. получил звание балли Алансона. Во французских документах и хрониках времен Столетней войны именуется «Гласидас» или «Класидас». Во время Осады Орлеана исполнял обязанности коменданта Турели – небольшой крепости, защищающей мост. Прославился тем, что к нему обратилась со стен Орлеана Жанна д'Арк с призывом остановить кровопролитие. Хроники согласно фиксируют, что Уильям Гласдейл ответил ей отборными ругательствами, «назвал коровницей и шлюхой», доведя до слез. Утонул под весом своих доспехов во время штурма Турели, когда французы пустили по реке горящие баржи, и объятый пламенем мост, по которому Уильям Гласдейл пытался отступить со своими воинами рухнул в реку. О его гибели см. также «Дневник парижского горожанина».

Да будет ведомо всем, что я, Гильом Гласдел¹ – эсквайр², балли Алансона и капитан 30 копий а также стрелков из состава 400 копий отряда, новонабранного для службы монс[еньором]. Регентом Франции, герцогом бедфордским³, дабы вместе с ним нести службу на благо короля нашего. При осаде Орлеана или в иных местах где ему то будет угодно.

Подтверждаю что от Пьера Сюрро, генерального казначея Нормандии⁴ мною была получена сумма в восемьсот сорок три ливра и пятнадцать солей турецкой чеканки, в счет положенного жалования как меня лично так и 29 иных латников и 80 конных стрелков, каковые состоят в сказанном отряде за несение службы в течение месяца в составе [гарнизона] бастиды и башни, обретающихся во главе Орлеанского моста⁵, за месяц, начало которому пришло на 19 день ноября, недавно закончившегося в каковую плату также входит вознаграждение за часовую службу мною понесенную сегодня, в сказанной бастилии предстоящей [отрядам] Томаса Диртайла и Ричарда Фортестья, эсквайров, для сего назначенных месс[ерами] де Саффолком⁶, де Тальботом⁷ и д'Эскалем⁸.

¹ Подобные искажения фамилий при записи на слух постоянны в документах XV века. Так фамилия д'Арк встречается в вариантах Тарк, Дарк, Дай.

² Т.е. оруженосец. Так в Англии вплоть до начала Нового времени называли дворян, еще не получивших рыцарского звания. Многие из них, недостаточно богатые, чтобы вести жизнь, приличествующую рыцарю, на всю жизнь оставались «эсквайрами». Позднее это слово превратилось просто в уважительное обращение к мужчине, иных титулов не имевшему.

³ Джон Ланкастерский, герцог Бедфорд (20 июня 1389 г. – 14 сентября 1435). Считался «Регентом Франции» при малолетнем английском короле Генрихе VI

⁴ Нормандия в XV веке – герцогство, захваченное англичанами и служившее одной из их основных баз во Франции.

⁵ Имеется в виду Турель – мостовое укрепление, состоявшее из двух больших и двух малых башен.

⁶ Уильям де Ла Поль, 1-й герцог Саффолк – главнокомандующий осадной армией после гибели Солсбери

⁷ Джон Тальбот, 1-й граф Шрусбери – один из крупнейших английских полководцев времен Столетней войны, во время осады Орлеана возглавлял отряд из 400 латников - т.е. треть собственно английской армии, осаждавшей город.

⁸ Томас Скейлз (1397-1460 гг.) – один из главнокомандующих английской армией в последний период Столетней войны, наместник Бедфорда во Франции.

(«Дневник Орлеанской осады и путешествия в Реймс»)

«Дневник Орлеанской осады и путешествия в Реймс» представляет собой сочинение, в котором подробно излагается история осады г. Орлеана.

Небольшой трактат, написанный в форме хроники, каковой содержит в себе краткий рассказ об осаде, воздвигнутой англичанами против Орлеана, вылазок, штурмов и сражений, имевших место день ото дня, о приходе и доблестных деяниях Жанны Девы, и о том, как она заставила англичан отступить и сняла осаду посредством милости господней и силой оружия. 1428 год.

[Октябрь 1428 г.]

(12 октября) Граф Салебри¹, бывший весьма знатным сеньором², и самым прославленным среди англичан за свои ратные подвиги, для короля Генриха³, с каковым он был в родстве и выступал его наместником и главой его армии в этом королевстве, принимавший участие во многих сражениях, стычках и победах, одержанных над французами, в каковых всегда проявлял себя как доблестный рыцарь, пожелал силой оружия захватить город Орлеан, каковой держал сторону короля, своего суверена, сеньора Карла седьмого этого имени⁴, и подступил к городу с осадой во вторник в двенадцатый день октября тысяча четыреста двадцать восьмого года в сопровождении огромной армии, каковой приказал занять позиции со стороны Солони⁵, возле одного из близлежащих предместий, называемого Портерио⁶. При каковой армии, вместе с ним состояли мессир Гийом де ла Пуль, граф Суффортский⁷, а также мессир Жан де ла Пуль, его брат⁸, сеньор д'Эскаль⁹, сеньор де Фукемберг¹⁰, балы¹¹ Эвр¹², сеньор де Грэ¹³, сеньор де Мулен¹⁴, сеньор де Помю¹⁵, Гласидас¹⁶, мессир Ланселот де Лиль¹⁷, войсковый маршал, и множество иных сеньоров и солдат, как англичан, так и предателей из французов¹⁸, державших сторону англичан. Но солдаты, бывшие в гарнизоне в тот же самый день перед приходом англичан, следуя совету и с помощью жителей Орлеана разрушили церковь и монастырь орлеанских августинцев¹⁹, и все жилища, каковые нашлись в то время в сказанном Портерио, дабы их враги не имели где расположиться и из чего строить осадные линии против города.

(17 октября) В следующее воскресенье англичане обстреливали город из бомбард²⁰ и больших пушек, всего внутрь попало сто двадцать четыре каменных ядра: причем некоторые из этих ядер весили по сто шестнадцать ливров²¹. Среди прочих возле дамбы Сен-Жан-ле-Блан²² и давилей, что в Фавьере²³ и Портерио, англичане установили огромную пушку, ими названную Воздушным Мостом. Каковая пушка стреляла каменными ядрами весом по восемьдесят ливров²⁴, и ядра эти весьма серьезно повредили многие дома и здания Орлеана, но никого не ранили и не убили, за исключением женщины по имени Белль, жившей рядом с потерной Шено²⁵.

На той же неделе англичане разрушили двенадцать мельниц, стоявших на Луаре, между городом и Новой Башней²⁶, и на их месте установили пушки. Из-за чего защитникам Орлеана пришлось построить в самом городе двенадцать мельниц, работавших на конной тяге, каковые оказались весьма кстати. И несмотря на стрельбу из пушек и других осадных орудий со стороны англичан, французы, бывшие в городе начиная от указанного воскресенья и вплоть до четверга, двадцать первого дня того же месяца, предприняли против них несколько вылазок и сражались между Турнеллями²⁷, что во главе моста и деревней Сен-Жан-ле-Блан²⁸.

(21 октября) В названный день пришедшийся на четверг, англичане осадили внешнее кольцо фортов²⁹, каковое было сооружено из фаши³⁰ и земли, и находилось перед Турнеллями, и осада каковых фортов продолжалась без перерыва в течение четырех часов, ввиду того, что они начали приступ в десять часов утра, и не прекращали его вплоть до двух часов пополудни, причем с обеих сторон совершено было немало подвигов. Французами, оборонявшими форты, командовали сеньор де Виллар³¹, капитан Монтаржи³², мессир Матиас³³, арагонец³⁴, сеньор де Гитри³⁵, сеньор де Курра³⁶, гасконец³⁷, сеньор де Сент Трай³⁸, и его брат Потон де Сент Трай³⁹, также гасконцы, Пьер ла Шапель⁴⁰, дворянин родом из земли Бус⁴¹, также с ними были многие иные рыцари и оруженосцы, не говоря уже о жителях Орлеана, из каковых все без исключения сражались со всей доблестью.

Также немалую помощь им оказали орлеанские женщины; без отдыха снабжавшие защитников тем, без чего невозможно было обороняться, как то водой, маслом, кипящим жиром, негашеной известью, горящим углем и железными шипами⁴². К концу приступа с обеих сторон было много раненых, при том, что англичане пострадали куда больше, с их стороны двенадцать раз под двадцать человек позднее скончались от ран. В то же время, когда продолжался приступ, сеньор де Гокур⁴³ предпринял вылазку из Орлеана, губернатором которого

являлся; но проезжая мимо церкви Сен-Пер-Эмпон⁴⁴ упал с лошади столь несчастным образом, что сломал себе руку; в бессознательном состоянии его отнесли в городскую баню⁴⁵, дабы там попытаться вправить кость.

(22 октября) На следующий день, в пятницу, в двадцать второй день указанного месяца октября, ударили в набат, потому что французы опасались, что англичане подберутся к кольцу фортов возле Туреллей, у подножия моста через вырытый ими подкоп; но англичане к тому часу уже отступили. В тот же день защитники Орлеана разрушили одну из арок моста, и построили еще один дополнительный форт справа от Белль-Круа⁴⁶, каковой находится на мосту.

(23 октября) На следующий день, в субботу, в двадцать третий день указанного месяца, защитники Орлеана разорили и сожгли кольцо фортов, что возле Турнеллей, и окончательно оставили его, потому что англичане уже сумели подкопаться под него, и как рассудили знатоки военного дела, удержать форты было уже невозможно.

(24 октября) На следующий день, двадцать четвертого числа того же месяца октября, англичане штурмом взяли Турнелли, располагавшиеся у основания моста, ввиду того, что они были совершенно разрушены и разбиты огнем из пушек и тяжелой артиллерии, который велся против них. Потому же их стало невозможно защищать, потому что из-за огня там стало невозможно оставаться.

В указанный же день, в воскресенье, вечером, граф Салебри пожелал вместе с капитаном Гласидасом и многими другими отправиться в Турелли, после того, как они были взяты, дабы лучше разглядеть Орлеанскую цитадель⁴⁷; но едва он очутился там и принялся смотреть на город из окон Турнеллей, его ранило из пушки, стрелявшей, как то полагают, с башни Нотр-Дам⁴⁸, но откуда на самом деле прилетело ядро так и осталось непоясненным; посему с того времени и доныне многие верят, что это произошло промыслом Божиим. Ядро из сказанной пушки ударило его в голову, так что ему разбило половину щеки и вырвало один глаз: что было великим благом для королевства, ибо он был полководцем над армией а также из всех англичан самым прославленным и наводящим страх.

В тот же день в воскресенье, потеряв Турнелли, французы, бывшие в городе, разрушили еще одно кольцо фортов, бывшее весьма сильным. Англичане же со своей стороны разрушили два пролета моста перед Турнеллями, после того как башни были взяты, и возвели весьма большое кольцо фортов, используя для того землю и огромные фашины.

(25 октября) В понедельник, в двадцать пятый день названного месяца октября, прибыли в Орлеан, дабы успокоить, поддержать и оказать помощь его защитникам, рыцари, капитаны и оруженосцы, прославленные в ратном деле, каковыми предводительствовали: Жан, бастард Орлеанский⁴⁹, сеньор де Сен-Север⁵⁰, маршал Франции, сеньор де Бей⁵¹, мессир Жан де Шабанн⁵², сенешаль⁵³ бурбоннский⁵⁴, сеньор де Шомон-сюр-Луар⁵⁵, мессир Теольд де Вальперг⁵⁶, ломбардский⁵⁷ рыцарь и доблестный капитан, родом гасконец, по имени Этьен де Виньоль по прозвищу Ла Гир⁵⁸, чье имя было весьма прославленным, с ними был отряд доблестных воинов. Также их сопровождал капитан⁵⁹ Вандомский⁶⁰ мессир Сернэ⁶¹, родом араговец, и множество других, с ними прибыли также восемь сотен вооруженных, как то солдат, лучников, арбалетчиков, и также итальянских пехотинцев, с круглыми щитами.

(27 октября) В среду, в двадцать седьмой день названного месяца, ночью скончался граф де Салебри, и это произошло в Мён-сюр-Луар⁶², куда его увезли от осадных позиций, после того, как он был ранен выстрелом из пушки, каковой стал причиной его смерти. Его смерть привела англичан, державших осаду, в скорбь и уныние, в лагере же у них был объявлен глубокий траур, при том, что случившееся они пытались хранить в строгом секрете, из страха, что о том дознаются в Орлеане. Его тело подвергли бальзамированию и отправили в Англию. Эта смерть, бывшая великой бедой для англичан, напротив, для французов обернулась великой пользой. Многие с того самого времени утверждали, будто граф Салебри закончил свою жизнь подобным образом промыслом Божиим, и полагали, что это произошло равным образом потому, что он нарушил обещание, данное герцогу Орлеанскому, находившемуся в Англии, в плену, согласно каковому он обязывался отнюдь не посягать на его владения⁶³, а также потому, что не шадил ни монастырей ни церквей, каковые грабил и приказывал грабить, едва лишь ворвавшись внутрь. Каковые поступки были весьма греховны, что позволяло полагать, что божье отмщение вскоре его настигнет, и дни его сочтены. В особенности жестоко была ограблена церковь Нотр-Дам, что в Клеры, и вместе с ней весь город⁶⁴.

[Ноябрь 1428 г.]

(8 ноября) Во вторник, в восьмой день ноября армия англичан, каковая уходила частью в Мён-сюр-Луар, частью – в Жаржо⁶⁵ была разбита и рассеяна, в то же время англичане оставили сильные гарнизоны в Турнеллях и кольце фортов, что у моста, в каковых обретался капитан Гласидас⁶⁶ и с ним пять сотен солдат, охранявшие их.

В тот же вторник англичане сожгли дотла и превратили в пепел множество домов, давлен и множество других зданий, что в долине Луары. Со своей же стороны гарнизон Орлеана вместе с горожанами, приложили все возможные усилия, дабы разрушить и сжечь к концу названного месяца ноября множество церквей, бывших в окрестностях города, как то церковь Сен-Эньяна⁶⁷, покровителя Орлеана⁶⁸, и колокольную сказанно церкви, каковая весьма радовала глаз, а также церковь Сен-Мишель⁶⁹, церковь Сен-Ави⁷⁰, часовню Мартруа⁷¹, церковь Сен-Виктор⁷², обретавшаяся в предместье, что за Бургундскими воротами⁷³, церковь Сен-Мишель⁷⁴, что возле рва, монастыри якобинцев⁷⁵, кордельеров⁷⁶ и кармелитов⁷⁷, монастырь Сен-Матюрен⁷⁸, больницу для бедняков

Сент-Пуар⁷⁹ и Сен-Лоран⁸⁰. Также были разрушены и сожжены все предместья, окружавшие город, каковые ранее представляли из себя весьма пленительное и прекрасное зрелище; ввиду того, что в них обреталось множество больших и богатых зданий и предместья, и во всем королевстве не было предместий, каковые превосходили бы их по красоте. Но все же французы, бывшие в гарнизоне при поддержке и помощи горожан их полностью разрушили и сожгли, дабы не позволить англичанам из занять, ибо последнее представляло бы для города весьма большую опасность.

[Декабрь 1428 г.]

(1 декабря) Далее, в первый день декабря Турнелль, что возле моста, посетило несколько несколько английских сеньоров, среди прочих самыми прославленными были мессир Жан Тальбот⁸¹, первый барон Англии, и сеньор д'Эскаль⁸², их сопровождали триста латников, каковые сопровождали обоз с продовольствием, пушками, бомбардами⁸³ и прочим военным снаряжением: из каковых пушек принялись бить снарядами в стены и бросать их в город сильнее и настойчивей чем то было при жизни графа Салебри⁸⁴; ввиду того, что вес каменных ядер доходил до восьми раз по двадцать и четырех ливров⁸⁵, они вызвали в городе большие разрушения, среди каковых разрушенных зданий было множество жилых домов и прекрасных построек, при том что в сказанном городе никто не был ни убит ни ранен: что нельзя объяснить иначе как великим чудом, ибо среди прочего один из снарядов, пятый по счету, попавших на улицу Пети-Суль⁸⁶ влетел в гостиницу, и угодил прямо на стол, где некий человек в то время обедал, при том, что никто не был ни ранен ни убит. Утверждали, что это было чудом, свершившимся по воле Господа нашего, благодаря заступничеству Святого Эньана⁸⁷, покровителя Орлеана.

(7 декабря) Далее, во вторник, в три часа утра, ударили в набат, потому что французы уверились, будто англичане собираются осадить ряд фортов Белль-Круа⁸⁸, что на мосту. И действительно, двое из них уже подняли лестницу к одной из амбразур; но поспешно вернулись к себе в Турнелли, и тогда же, поняв, что французы держатся настороже и у них наготове пушки, арбалеты, деревянные пращи, кулеврины⁸⁹, камни и прочие военные припасы, необходимые для обороны в случае штурма.

(23 декабря) В четверг, в двадцать третий день того же декабря, бомбарда, недавно отлитая по заказу города неким Гийомом Дуизи, весьма искусным мастером, стала обстреливать англичан, стреляя каменными ядрами, весом шесть раз по двадцать ливров⁹⁰; и ее установили на водорезе, бывшем фундаментом для водяных мельниц у потерны Шесно⁹¹, чтобы оттуда обстреливать Турнелли; после каковой бомбарды против них были установлены еще две пушки, называемые Монтаржи⁹² и Риффар, из каковых в течение всей осады обстреливали англичан, причиняя им великий вред.

(25 декабря) Далее, в Рождество, с обеих сторон было предложено и принято перемирие, длившееся с девяти часов утра до трех часов пополудни. В течение этого времени Гласидас и иные, воевавшие на стороне англичан, просили у бастарда Орлеанского⁹³ и сеньора де Сен-Север, маршала Франции, дабы те приказали искусным музыкантам дуть в трубы и горны: каковая просьба была уважена; и те играли прекрасные мелодии в течение достаточно долгого времени. Затем как только время перемирия истекло, все вернулось к прежнему.

В то время, как полагалось праздновать Рождество, обе стороны весьма жестоко обстреливали друг друга из бомбард и пушек, но в особенности много вреда причинял англичанам некий канонир по имени мэтр Жан⁹⁴, каковой считался непревзойденным в сказанном деле. Он же доказал свое умение, весьма часто стреляя по английским позициям из огромной кулеврины, каковую установили на одной из мостовых опор близ фортов Белль-Круа, из каковой кулеврины убил и ранил множество англичан, и однажды желая посмеяться над ними рухнул на землю, словно был убит или ранен, после чего был унесен в город; но сразу же вернулся и присоединился к сражению, сделав так, что англичане к своему великому неудовольствию и досаде поняли, что он жив.

(29 декабря) В среду, на двадцать девятый день сказанного декабря месяца, были разрушены и сожжены еще несколько домов и церквей в окрестностях Орлеана, до сих пор остававшиеся нетронутыми, как то церкви Сен-Лу⁹⁵, Сен-Марк⁹⁶, Сен-Жерве⁹⁷, Сен-Эвюрт⁹⁸, часовня Сен-Эньан⁹⁹, Сен-Винсент, что у виноградников¹⁰⁰, Сен-Ладр¹⁰¹, Сен-Пуар¹⁰² и также церковь Магдалины¹⁰³, дабы лишить англичан возможности располагаться в них, использовать при отступлении и укрепить, дабы из них угрожать городу.

(30 декабря) В предпоследний день указанного месяца из местечка Оргерилии, что неподалеку от Орлеана к Сен-Лорану подошли около двух тысяч пятьсот английских солдат, дабы замкнуть кольцо осады; капитанами каковых отрядов были граф де Суффорт¹⁰⁴ и Тальбот, мессир Жан де ла Пуль¹⁰⁵, сеньор д'Эскаль, мессир Ланселот де Лиль¹⁰⁶, и многие другие. Но в тот же день как они появились, из города было предпринято несколько вылазок, ввиду того, что бастард Орлеанский, сеньор де Сен-Север, мессир Жак де Шабанн и многие иные рыцари, оруженосцы и горожане отличившиеся доблестью, вышли им навстречу и атаковали как врагов. Там же с обеих сторон было совершено множество славных подвигов. Во время одной из этих вылазок мессир Жак де Шабанн был ранен английской стрелой, лошадь под ним была убита подобным же образом.

В тот же день совершено с обеих сторон было совершено немало подвигов, в тот день сражения шли у Креста, что на двенадцати камнях, неподалеку от Сен-Лорана. И в тот же день мэтр Жан со своей кулевриной исполнял свое дело самым лучшим образом.

(31 декабря) В пятницу, в последний день года, в четыре часа пополудни двое французов вызвали на поединок двоих англичан, дабы преломить по два копыя, и англичане приняли вызов. Одного из французов

звали Жан ле Гаске, второго Ведий, оба они были гасконцами, и оба из свиты Ла Гира; сказанный Гаске первым вышел против своего соперника, и ударом копья сбросил его на землю; но Ведий и второй англичанин так и не смогли побороть друг против друга. Каковой поединок наблюдали с достаточно близкого расстояния множество сеньоров, как французов, так и англичан.

[Январь 1429 г.]

(1 января) Далее в субботу, в первый день года, около трех часов пополудни между речкой Фламбер и воротами Реньяр произошло жестокое сражение: с обеих сторон там было много раненых, убитых и пленных, но французов более чем англичан. Аббат де Серкенсо, каковой считался весьма благочестивым, доблестно сражался на стороне французов и в этом сражении получил рану. Там же была потеряна и захвачена англичанами повозка с установленной на ней кулевриной: из-за чего французам пришлось спешно отступить, так как англичане атаковали их силой большой армии.

(2 января) Далее в воскресенье, в два часа после полуночи в городе ударили в набат, ввиду того, что англичане собрались атаковать кольцо фортов, что за воротами Реньяр, и скрытно подойдя, подняли к ним лестницы: однако, обнаружив, что горожане бдительно несут часовую службу, каковые горожане вынудили англичан со всей поспешностью отступить к расположению своих войск и бастилии Сен-Лоран, что в Оргерилах. В результате чего англичане лишь промокли насквозь, потому что в это время шел сильный дождь.

(3 января) Далее в понедельник, третий день января, ранним утром в Орлеан были доставлены девятьсот пятьдесят четыре больших и жирных свиньи, а с ними четыресте баранов. Весь сказанный скот был прибыл через порт Сен-Лу: из-за какового события граждане Орлеана весьма воспряли духом, потому что уже начинали испытывать нужду.

(4 января) Далее, во вторник, четвертый день сказанного месяца, около трех часов после полуночи, ударили в набат, потому что англичане появились перед кольцом фортов, что перед воротами Реньяр, где принялись громко кричать и дуть в рожки и трубы, и то же делал гарнизон Турнеллей, словно бы готовясь начать штурм фортов. Но орлеанцы повели себя столь смело и разумно, отвечая им с помощью пушек и иных метательных орудий, что англичане отступили в свои бастилии, что располагались в Сен-Лоране.

(5 января) Далее, в среду, прибыл в город мессир Луи де Кюлан, адмирал Франции и с ним две сотни солдат, они же пробились через Портерио, что возле Турнеллей, в каковых обретались английские гарнизоны, и пересекли Луару у порта Сен-Лу; после чего он вместе со своими людьми вошел в город, дабы узнать о местных новостях, о городской власти, и всех французах в нем обретающихся, для какового адмирала и его людей был дан великий пир, во время которого многие удостоились хвалы, ибо весьма доблестно сражались против англичан во время боя при Понтерио.

(6 января) Далее, в четверг, в праздник Богоявления, или же Поклонения волхвов, из Орлеана совершили вылазку сеньоры де Сен-Север и де Кюлан, мессир Теольд де Вальпарг, и многие другие как солдаты, так и горожане; и сражение было жестоким, в нем же они весьма отважно атаковали англичан, каковые защищались весьма храбро и хорошо. Также среди сказанных англичан было множество сеньоров, как рыцарей, так и оруженосцев; но их имена для нас неизвестны. Во время сказанной битвы также сослужил французам добрую службу мэтр Жан со своей кулевриной.

К указанному времени, англичане приложив многие усилия, успели закончить два кольца фортов, каковые построили на берегах Луары, причем одно располагалось на маленьком острове, неподалеку от правого берега и деревни Сен-Лоран, и каковое кольцо было построено из фашин, песка и дерева, второе же располагалось в поле называемом Сен-Приве, справа от первого, на берегу реки, каковая лежала между ними, и через нее переправлялись, дабы снабдить продовольствием гарнизон обеих укреплений. И дабы возглавить их оборону, капитаном был назначен мессир Ланселот де Лиль, маршал Англии.

(10 января) В понедельник, на десятый день января того же сказанного месяца в Орлеан было доставлено большое количество орудийного пороха, и также множество разнообразного продовольствия, каковое было привезено из Бурга, дабы поддержать осажденных и укрепить их дух. В указанный день также произошло весьма жестокое и упорное сражение, в каковом принимали участие пушки, кулеврины и иные метательные орудия: причем бывшие при них отлично делали свое дело, так что множество англичан было убито и нескольких взяли в плен.

(11 января) Далее, во вторник, около 9 часов ночи, выстрелом из пушки, вывезенной к кольцу фортов Белль-Круа, что на мосту, все покрытия и кровля Турнеллей были разбиты и сброшены на землю, и шестеро англичан убиты на месте, из каковой пушки велась стрельба.

(12 января) Далее, в среду, на двенадцатый день сказанного января-месяца, ударили в набат, потому что англичане с грозными криками, игрой на трубах и рожках подступили к фортам, что возле ворот Реньяр. В тот же день около 6 часов утра, в Орлеан было доставлено шестьсот свиней.

(15 января) Далее, в субботу, в пятнадцатый день того же месяца января, около восьми часов ночи, бастард Орлеанский, сеньор де Сент-Север, и мессир Жак де Шабанн в сопровождении множества рыцарей, оруженосцев, капитанов и горожан предприняли вылазку из города, дабы попытаться атаковать восточное крыло английского войска, каковое располагалось в Сен-Лоране, что в Оргерильях; но англичане их заметили и подняли свое войско по тревоге; после чего вооружились и завязалось весьма жестокое и упорное сражение. В

конце концов, французы отступили к фортам, что у ворот Реньяр, ввиду того, что англичане ударили по ним силой целого войска, и причинили французам весьма великий урон.

(16 января) Далее, в воскресенье, около двух часов пополудни, к английскому войску прибыло пополнение из двенадцати сотен бойцов, под предводительством мессира Жана Фаско; они же везли с собой продовольствие, бомбарды, пушки, порох, снаряды и иное потребное вооружение, в каковых бывшие в войске испытывали великую нужду.

(17 января) Далее, в понедельник, в семнадцатый день сказанного месяца произошло весьма удивительное событие: англичане выстрелили из пушки, бывшей в фортах Круа-Буазе, вылетевшее из каковой каменное ядро упало перед фортами, что у ворот Банье, в толпе из более чем ста человек, причем никто из них не был ранен или же убит; но ударило рядом с ногой одного из французских солдат, сорвав с него башмак, не причинив ему более никакого вреда: каковое событие весьма поражает ум.

В тот же самый день был назначен поединок между шестью французами и шестью англичанами, каковой должен был состояться в поле, что возле ворот Банье, в каковых поединках имел обыкновение участвовать Тюрпен, владелец почтовых голубей; но ничего не произошло, как он того ни желал, потому что французы вышли первыми и стали дожидаться соперников, каковые поняв свою слабость по сравнению с ними, так и не решились показаться.

(18 января) Во вторник, в восемнадцатый день указанного января-месяца, в девять часов ночи, англичани, бывшие в Турнеллях, выстрелили из пушки, целясь по фортам Белль-Круа, каковым выстрелом был поражен некто Ле Гастелье, уроженец Орлеана, каковой в это время натягивал арбалет, готовясь стрелять по ним.

В тот же день прибыли в Орлеан, в час, когда открыли ворота, сорок голов рогатого скота, и двести свиней.

В указанный день после того, как скотину загнали в город, англичанам, бывших в Турнеллях, удалось захватить большую парусную лодку, две малых и пятьсот голов рогатого скота, каковые торговцы желали доставить в Орлеан, на каковых торговцев указали англичанам некие изменники из ближней деревни, называемой Сандийон, желавшие получить долю добычи; и захваченный скот был перегнан в Жаржо, бывший в то время английским городом.

В тот же самый день, в три часа пополудни случилось на острове, что у основания мельниц Сен-Эньян случилось жестокое и упорное сражение, ввиду того, что англичане сломали один из акведуков, дабы провести большое судно, захваченное ими в порту Сен-Лу, в то время как французы, как то военные, так и жители Орлеана, по воде переправились на остров, дабы отбить судно потерянное тем же утром, навстречу каковым французам вышло большое английское войско, собравшееся за дамбой, бывшей за Сен-Жан-Ле-Блан; и с громкими криками атаковали французов, каковые с великой поспешностью вернулись к своим фортам: что однако, они сделали не ранее, чем на поле боя остались двадцать два погибших. Также в плен попали двое дворян, одного из которых звали Маленький Бретонец, бывшего из свиты Орлеанского бастарда, второго же Ремоне, из свиты маршала Сен-Севера. В сказанной битве также была потеряна кулеврина мэтра Жана, каковой чтобы не быть захваченным в плен, пытался отплыть на малом судне, но другие солдаты бросились туда же: и перегрузили судно настолько, что оно утонуло в реке: затем он захотел спастись на большем судне, но также не смог этого сделать, ибо оно уже успело отплыть. Он же, видя неизбежную опасность, бросился в воду и сумел схватиться за руль последнего судна, каковое уходило с острова, и далее из воды выбрался на палубу, единственный из всех несчастных, пытавшихся уцепиться за судно, добрался таким образом до берега и скрылся в городе, оставив кулеврину в руках у англичан; каковую кулеврину те унесли в Турнелль.

(24 января) В понедельник, на двадцать четвертый день сказанного января-месяца, около четырех часов пополудни в Орлеан прибыл Ла Гир и с ним еще тридцать латников; против каковых англичане открыли огонь из пушки, каменное ядро, вылетевшее из каковой упало между ними, когда они подъехали к воротам Реньяр, при том, что никого из них не убило и не ранило, что было великим чудом. Они же вошли в город целыми и невредимыми и возблагодарили Господа, спасшего их от беды.

(26 января) В среду, на двадцать шестой день того же месяца перед фортами, что возле ворот Банье случилось жестокое сражение, ввиду того, что англичане уверились в том, что солнце светит в лицо французам, каковые оставили форт, чтобы дать им сражение. И тогда они вышли в большом количестве, с видом весьма отважным; и устроили так, что теснили французов вплоть до кромки рва, что возле городских фортов, к каковым подошли на столь близкое расстояние, что один из их знаменосцев оказался от фортов на расстоянии броска копьем; но там им не удалось остаться, ибо из города и фортов по ним прицельно били из пушек, бомбард, кулеврин и из иного оружия. Утверждали, что в этом сражении полегло двадцать англичан, не считая раненых. Однако, из французов никто не погиб, кроме одного из лучников маршала Сен-Севера, каковой был убит выстрелом из орлеанской же пушки: о чем его господин и иные сеньоры весьма сокрушались.

(27 января) Далее, в четверг, на двадцать седьмой день сказанного месяца января, в три часа пополудни, перед фортами, что у ворот Реньяр, произошло весьма жестокое сражение, ибо из своих бастилий вышли четыреста или пятьсот англичан, издавая при том весьма громкий и грозный крик, против каковых из самих фортов вышли навстречу граждане Орлеана, и бросились им навстречу с таким пылом, что расстроили свои ряды, из-за чего маршал де Сен-Север заставил их вернуться в форт.

После того, как он выстроил их в боевой порядок, он вновь приказал им выйти, и со всем разумом и отвагой повел их на врага столь искусно, что заставил всех англичан повернуть назад и вернуться к себе в бастилию Сен-Лоран.

(28 января) Далее, в пятницу, около одиннадцати часов ночи, в Орлеан вернулись некие посланцы, ранее отправленные горожанами к королю с просьбой о помощи.

(29 января) Далее в субботу, на двадцать девятый день того же месяца января, в восемь часов утра, англичане в своем лагере и бастилиях подняли громкий крик, и вооружились и вышли в большом количестве, выстроившись в правильный порядок, продолжая издавать крик, и показывая свою великую отвагу, подошли к заграждению, обретавшемуся на берегу, у башни Нотр-Дам, и к самым фортам, что перед воротами Реньяр; но их там достойно встретили, потому что солдаты и множество Орлеанских граждан немедля вышли им навстречу, выстроившись в правильный боевой порядок, так что последовало жестокое и упорное сражение, как то врукопашную, так и посредством пушек, кулеврин и иного оружия; и с обеих сторон было множество убитых, раненых и пленных. И что особенно важно, погиб некий английский сеньор, о чьей гибели англичане весьма горевали; и отправили его тело для похорон в Жаржо. В тот же день, ближе к утру, также прибыли в Орлеан сеньор де Виллар, сеньор де Сент-Трай и его брат Потон, мессир Терней и иные рыцари и оруженосцы, ранее ведшие переговоры с королем.

В тот же самый день, в субботу, на двадцать девятый день того же указанного месяца января, обе стороны обещали безопасность Ла Гиру и мессире Ланселоту де Лилю, дабы им переговорить друг с другом: каковые переговоры они вели в течении приблизительно часа до времени закрытия ворот. Но после того, как они закончился час, в каковой была обещана безопасность, и каждый из них возвращался к своим, орлеанцы выстрелили из пушки, ядро из каковой поразило мессира Ланселота столь жестоко, что оторвало ему голову: из-за чего бывшие в войске впали в великое уныние, ибо он был их маршалом и весьма доблестным воином.

(30 января) На следующий день, каковой пришелся на воскресенье, произошло жестокое сражение, ввиду того, что англичане потому что англичане вырвали из земли жерди, обретавшиеся на виноградниках Сен-Ладра и Сен-Жан-де-ла-Рюэль, неподалеку от Орлеана, каковые унесли в свой лагерь, дабы там пустить на дрова. Посему маршал де Сен-Север, Ла Гир, Потон, мессир Жак де Шабанн, мессир Дени де Шайи, мессир Сернэ, арагонец, и с ними множество орлеанцев устроили вылазку и ударили по ним, атаковав их с такой доблестью, что убили семерых, и четырнадцать взяли в плен и доставили в город. В указанный же день умер некий доблестный горожанин, по имени Симон де Бужене, уроженец Орлеана, каковой был ранен в горло стрелой противника.

В указанное же воскресенье, ночью из Орлеана отбыл Орлеанский бастард в сопровождении многих рыцарей и оруженосцев, направляясь в Блуа, к Карлу, графу Клермонскому, старшему сыну герцога Бурбоннского; каковые слухи достигли англичан и те объявили тревогу; и усилили караулы, опасаясь, дабы те не осадили их бастилии.

(31 января) На следующий же день, в понедельник, тридцать первого и последнего числа сказанного месяца января, в Орлеан прибыли восемь лошадей, груженные маслом и жиром.

[Февраль 1429 г.]

(3 февраля) Далее в четверг, на третий день февраля, вышли из города маршал де Сен-Север, мессир Жак де Шабанн, Ла Гир, Кура и множество иных рыцарей и оруженосцев; дойдя до фортов Сен-Лоран, ввиду того англичане объявили тревогу, раскрыли двенадцать из своих знамен и вступили в бой не покидая своих фортов и заграждений.

Французы, увидев в конце концов, что враги их не выходят, вернулись, сохраняя правильный порядок, в город, не совершив ничего более.

(5 февраля) В субботу, пятого числа указанного месяца в час, когда надлежало запирасть ворота, прибыли в Орлеан двадцать шесть латников, воинов весьма доблестных, уроженцев Солони, состоявших при особе маршала Сен-Севера; каковые будучи в гарнизоне показали себя весьма достойно.

(6 февраля) На следующий день, в воскресенье, ближе к вечеру из Орлеана отбыли маршал де Сен-Север, Шабанн, Ла Гир, Потон и Шайи в сопровождении двух сотен латников; и сумели добраться до окрестностей Ла Мадлен, в каком месте нашли сеньора д'Эскаля и с ним тридцать латников, каковые с великой поспешностью отступили к своим в бастилию Сен-Лоран; по каковой причине убитыми и пленными англичане потеряли четырнадцать человек.

(7 февраля) В понедельник, на седьмой день сказанного месяца, в Орлеан прибыли мессир Теольд де Вальперг, мессир Жан де Леско, гасконец, и иные посланники, закончившие переговоры с королем, и привезшие с собой известие о помощи, каковая должна была прибыть, дабы освободить город от осады.

(8 февраля) На следующий день, во вторник, в город Орлеан прибыло множество весьма доблестных воинов, весьма хорошо одетых и оснащенных, и среди прочих мессир Гийом Эстюар; брат коннретабля Шотландии, сеньор де Гокур, сеньор де Вердюран, и множество иных рыцарей и оруженосцев в сопровождении тысячи латников, полностью вооруженных и готовых к бою, что представляло из себя весьма прекрасное зрелище.

В тот же самый день, ночью прибыли двести латников, каковые состояли при особе мессира Гийома Ле Бре, и немногим позже еще сто двадцать, бывших при особе Ла Гири.

[Около того времени, жила на свете юная девушка именем Жанна, бывшая родом из деревни, что в Барруа, именем Домреми, расположенной рядом с другой, называемой Гра, в сеньории Валькулер. Каковой, в то время как она пасла неподалеку от дома, принадлежавшего ее отцу и матери несколько овец у них бывших, и в иное время занимавшейся шитьем и прядением, многократно являлся в видениях Господь; и приказал ей отправиться в путь, дабы освободить Орлеан от осады и короновать короля в Рэне, ибо Он обязался быть рядом с ней, с помощью своей небесной силы и военной помощи обеспечить ей выполнение сказанной миссии. Посему она отправилась к мессирю Роберу де Бодрикуру, в кто время бывшему капитаном указанного города Вокулера, и рассказала ему о своем видении, прося и заклиная его, ради великой пользы, каковая должна была произойти от того для короля и королевства, дабы он распорядился одеть ее по-мужски, и дать ей коня и свиту для поездки к королю, куда приказал ей отправиться Бог. Но ни в то время, ни много дней спустя он никоим образом не желал ей верить, но издевался над ней и высмеивал ее видения как плоды фантазии и безумные представления, но желая отдать ее своим людям, дабы те совершили с ней плотский грех, задержал ее при себе. К каковому желанию никто из них, и никто иной после того никогда не имели склонности: ибо едва увидев ее вблизи, успокаивались и лишались всякого задора.]

(9 февраля) В среду, на девятый день того же месяца, из Орлеана в сопровождении двадцати или двадцати пяти латников, направляясь в Блуа, к графу Клермонскому выехали мессир Жак де Шабан, мессир Реньо де Фратам, и Ле Бург де Бар, но по пути им встретились несколько англичан и бургунцев, каковые захватили Ле Бурга де Бара и как пленника отправили его в башню Маршенуар, другим же сеньорам удалось спастись.

В каковой день в Орлеан прибыл мессир Жильбер де Ла Файет, уроженец Бурбоннэ и маршал Франции, приведший с собой триста латников.

(10 февраля) На следующий день, каковой пришелся на четверг, выехал из Орлеана Орлеанский бастард, имея при себе двести латников, намереваясь отправиться в Блуа к графу Клермонскому, и с ним были мессир Жан Эстюар, коннетабль шотландский, сеньор де ла Тур, барон д'Овернь, виконт де Туар, сеньор д'Амбуаз, и иные рыцари и оруженосцы, как то было сказано, вско около четырех тысяч человек, бывших родом из Оверни, Бурбоннэ, и Шотландии, дабы выбрать для себя день и час, в каковой им будет удобнее напасть на англичан и предателей из французоз, доставлявших из Парижа припасы и артиллерию для державших осаду.

(11 февраля) В пятницу, на девятый [исправлено XI^о] день сказанного месяца февраля, также отправились из Орлеана мессир Гийом д'Альбре, мессир Гийом Эстюар, брат коннетабля шотландского, маршал де Сен-Север, сеньор де Гравиль, сеньор де Сент-Трай, его брат Потон, Ла Гир, сеньор де Вердюран, и многие иные рыцари и оруженосцы в сопровождении пятнадцати сотен латников, и в известном месте обнаружили войска графа Клермонского и других уже названных и соединились с ними, дабы идти к обозу и атаковать его. В от же названный день также отправился в путь указанный граф Клермонский, и так случилось, что со всей своей армией он прибыл в Бос, в деревню по имени Рувруа де Сен-Дени, каковая находится в двух лье от Йенвилля. И когда они все собрались вместе, всего у них оказалось три или четыре тысячи латников, и они выступили оттуда лишь на следующий день около трех часов пополудни.

(12 февраля) В указанный день, следующий за вышеназванным, каковой пришелся на субботу, двенадцатый день февраля, в каун первого воскресенья великого поста, мессир Жан Фаско, балыи Эвре, поставленный англичанами, мессир Симон Морье, прево Парижа, и многие другие рыцари и оруженосцы, родом из Англии и Франции, в сопровождении пятнадцати сотен латников, как то англичан, пикардийцев, нормандцев и иных людей из разных земель, везли около трех сотен повозок и телег, груженных провиантом и военным снаряжением, как то пушки, луки, колчаны стрел, арбалеты и тому подобное, желая доставить все это англичанам, державшим осаду Орлеана. Когда же они довелись от своих соглядатаев о приготовлениях французоз и проведали об их намерении атаковать обоз; они же построили оборону и огородились своими телегами и заостренными кольями, как то палисадом, остави для входа единственный длинный и узкий проход, в то время как тыльная часть их позиции, выстроенной из телег была широкой, а передняя длинной и узкой: и сказанный проход был единтсвенным, через который возможно было прорваться тем, кто пожелал бы их атаковать. Закончив каковые приготовления, они выстроились в правильный боевой порядок, готовые равно жить или умереть; ибо у них не оставалось ни малейшей надежды избежать сражения, принимая во внимание их малое число, бывшее по сравнению с огромным французским войском; каковые французоз объединенные единым желанием, согласились, что никто из них не сойдет с коня, за исключением лучников и арбалетчиков, каковых после прибытия обязали начать обстрел.

После какового решения, впереди войска встали Ла Гир, Потон, Сольтон, Канед и многие другие, прибывшие из Орлеана, каковых было около пятнадцати сотен, также они полагали, что анличане, сопровождавшие обоз, двигались друг за другом, отнюдь не в боевом строю, ни о чем еще не догадываясь: и посему все они сошлись во мнении, что атака их будет полной неожиданностью. Но граф Клермонский многократно посылал нарочных к Ла Гиру и остальных, столь решительно изготавившимся атаковать противника, ибо полагали себя в самом выигрышном положении, дабы те дождались его и до его прибытия не предпринимали ничего, ибо он собирался доставить им пополнение в количестве трех или четырех тысяч латников, горящих желанием соединиться с ними против англичан. Из потчения и любви питаемых к нему, они к своему великому неудовольствию отложили исполнение своих намерений, о чем в особенности досадовал Ла

Гир, каковое дело довершило их несчастье, ибо дало время англичанам, собраться и сгрудиться вместе, и далее укрепиться с помощью кольев и телег. Также следует сказать, что Ла Гир и бывшие с ним, каковые отправились из Орлеана разбили лагерь по пути и в такой близости от англичан, что те с легкостью их заметили, и поспешили, как то было сказано, ранее идя друг за другом, ныне укрепиться; полагая чудом, что их не стали немедля атаковать, каковой причиной было запрещение и постоянные посылы от сказанного графа Клермонского, каковой шел к ним со всей возможной поспешностью.

Со своей стороны, коннетабль шотландский был весьма нетерпелив и с трудом сносил ожидания; каковой коннетабль не выдержав, подошел к англичанам имея при себе около четырех сотен латников, бывших людьми весьма доблестными. Таким образом, между двумя и тремя часами пополудни французские лучники и арбалетники приблизились к врагам, причем некоторые из англичан уже осмелились выйти из-за кольца телег, но вынуждены были со всей поспешностью вернуться назад, прогнанные обстрелом, каковой был столь мощным, что многие из них были убиты; те же, кому удалось избежать стрел, присоединились к остальным, прятаясь за своим оборонительным кольцом телег. Посему, коннетабль шотландский, видя, что они стоят вплотную друг к другу, правильно построившись; и по всей видимости, не желая оттуда выходить, он слишком разгорячившись, пожелал во что бы то ни стало их атаковать; что забыл о приказе, дабы никто не спешился, каковой приказ был принят с общего на то согласия. И посему он так и поступил, не дожидаясь остальных; и по его примеру, дабы прийти ему на помощь, бастард Орлеанский, сеньор д'Орваль, мессир Гийом Эстюар, Жан де Майак; сеньор де Шатобрюн, виконт де Бридье, мессир Жан де Лесго, сеньор де Вердюран, и мессир Луи де Рошуар, сеньор де Монпипо, и с ними иные рыцари и оруженосцы также спешили, также им последовали около четырех сотен солдат, не считая арбалетчиков, каковые спешили ранее, и заставили англичан отступить, и сделали это весьма доблестно; но это принесло им мало пользы, ибо едва лишь англичане заметили, что большая часть войска, каковая располагалась в достаточном отдалении, двигалась робко и медлила присоединиться с коннетаблем и прочими спешившимися, поспешно покинули свои укрепления и ударили на пеших французов, расеяли их и повергли в бегство, и это обошлось не без многих жертв, ибо в бою polegло три или четыре сотни французов.

Однако же, не пресытившись резней, каковую они учинили перед своими укреплениями, англичане поспешно рассыпались по полям, преследуя пеших французов, тем более, что они видели двенадцать французских штандартов отделенным большим расстоянием один от другого, в разных местах, причем от главных сил место, где произошел разгром отстояло по меньшей мере на расстояние выстрела из арбалета. Посему Ла Гир, Потон, и многие другие доблестные воины, против своей воли, вынуждены были с таковым позором бежать и собравшись вместе недалеко от места, где случился разгром, собрали около шестидесяти или восьмидесяти воинов, каковые следовали за ними; и ударили на англичан, каковые рассеялись в разные стороны, и многих из них убили.

Известно также, что остальные французам пришлось повернуть назад, как они то и сделали, им не досталось в том бою ни славы ни чести: ибо там пало множество великих сеньоров, рыцарей, оруженосцев, благородных и доблестных капитанов и военачальников, среди каковых погиб мессир Гийор д'Альбре, сеньор д'Орваль, мессир Жан Эстюар, коннетабль шотландский, мессир Гийом Эстюар, его брат, сеньор де Вердюран, сеньор де Шатобрюн, мессир Луи де Рошуар; и мессир Жан Шабо, и с ними множество иных, каковые все принадлежали к высшей аристократии и отличались великой доблестью. Тела каковых сеньоров позднее были доставлены в Орлеан и преданы земле в большой церкви, называемой церковью Св. Креста, где в их честь отслужили торжественную божью мессу.

Смерти в сказанной битве среди прочих сумел избежать бастард Орлеанский, ввиду того, что в самом ее начале был ранен в ступню стрелой из арбалета: и посему двое из его лучников поспешно вывели его толчеи боя, посадили на лошадь и тем спасли. Граф Клермонский, каковой в тот день был произведен в рыцари, по все время жестокой битвы даже не попытался прийти на помощь своим соратникам, частью потому, что они спешили вопреки общему решению, частью потому, что он видел смерть почти всех из них. И как только они уразумели, что англичане стали хозяевами положения, то повернули назад в Орлеан: что обернулось для них не честью, но позором, и для отступления им было места вдоволь, ввиду того, что англичане их не преследовали, ввиду того, что большая часть их не имела коней и отдавая себе отчет в том, что французы превосходят их численно. Посему вся честь и слава победы осталась за англичанами, начальником над которыми был в то время мессир Жан Фаско; вместе с каковым также обретался мессир Томас Рамстон, каковой также имел большую власть над солдатами.

Тем же вечером, достаточно поздно, прибыли в Орлеан граф Клермонский, бастард Орлеанский, сеньор де ла Тур, виконт де Туар, маршал Сен-Север, сеньор де Гравилль, Ла Гир, Потон и множество французских рыцарей и оруженосцев, возвращавшихся после битвы, каковая была проиграна ими по причине отсутствия у них порядка. Посему Ла Гир, Потон и Жаме де Тиллуа последними вошли в город; ибо по общему согласию замыкали строй возвращающихся, дабы в случае, если бывшие в бастилиях уже знали о поражении и пожелали напасть на них, были готовы к отражению атаки, ибо не прими они мер, нападение с тыла могло бы причинить им более вреда, чем фронтальный удар.

[Также милостью божьей, в тот самый день Жанна Дева узнала об этом поражении и сказала мессире Роберу де Бодрикуру, что под Орлеаном король понес великий урон, и ежели ее не направят к нему, понесет

новые. Посему Бодрикур, каковой ее уже испытал и нашел весьма разумной и добродетельной, и почти поверил ее словам, решился наконец исполнить то, о чем она просила с самого начала и приказал одеть ее в мужской костюм как она того и желала. И дабы сопровождать ее, снарядил двух шампанских дворян, одного из каковых звали Жан де Мец, а другого Бернар де Пулоньи, и каковые весьма сомневались в возможности такового путешествия, ибо дорога была смертельно опасной. Она же их убедила, что с ними не случится зла, и они выступили в путь, сопровождая ее и двух ее братьев, направляясь к королю, каковой находился в Шиноне.]

(14 февраля) В понедельник, следующий за днем, когда французы потерпели поражение, четырнадцатого числа того же месяца февраля, англичане, бывшие в гарнизоне Турнеллей, выстрелили из большой пушки, каменное ядро из каковой попало в Орлеане в гостиницу Тет-Нуар, что на Гостиничной улице; каковой гостинице оно причинило немалый ущерб и пробив ее и оказавшись на улице, убила трех горожан, один из каковых был торговцев по имени Жан Тюркуа.

(17 февраля) Далее в четверг, на семнадцатый день сказанного месяца, Жан Фаско и его люди доставили к осадному лагерю англичан обоз с продовольствием и военным снаряжением, каковой прибыл с ними из Парижа, на него также было погружена добыча, захваченная после поражения французов у деревни Руврэ Сен-Дени (каковую битву многие затем прозвали Селедочной); против каковых англичан вышли бывшие в гарнизоне французы и с ними горожане дабы напасть на них и отбить привезенные ими припасы и артиллерию. Но как бы то ни было, в этот раз битвы не случилось.

[Около того времени Жана Дева вместе со своими сопровождающими прибыла в Шинон, и бывшие с нею были весьма поражены и обрадованы тем, что сумели в целости добраться до места назначения, пройдя по дорогам, грозившим смертельной опасностью, пересекая вброд широкие реки, и двигаясь по торному пути, каковой вел их к цели, однако, на нем стояло множество городов и деревень, жители каковых держали сторону англичан, так же как и иных, поддерживавших французов, но в каковых свирепствовали грабежи и разбой. Посему они возблагодарили Господа за явленную им милость, случившуюся, как им то обещала Дева. Каковую историю изложили королю, до их приезда уже не раз обсуждавшего со своими советниками то, как им следовало поступить, ежели англичане захватят Орлеан - отступить ли в Дофинэ, и удерживать сказанную землю вместе с Лионнэ, Лангедоком и Овернью, каковые по меньшей мере они могли бы за собой удержать; но все изменилось, когда по приказу короля перед большим королевским советом предстали эти двое дворян, каковых подвергли допросу о деяниях и особе Девы, о чем они отвечали правдиво. Посему перед советом поставлен был вопрос, можно ли ей дозволить говорить с королем; и решение было принято утвердительное; она же говорила с ним, и поклонилась ему, и узнала его среди толпы людей, из каковых многие пытались выдать себя за короля, желая над ней насмеяться: каковая затея могла бы иметь успех, ибо она его никогда ранее не встречала. Она же к нему обратилась весьма красноречиво, сказав, что послана Господом, дабы предоставить ему защиту и помощь, и что Бог даст ему людей, и по милости Его, как и силой оружия, она снимет осаду с Орлеана, и далее доставит его для коронации в Реймс, как то ей было приказано Богом; каковой желал, чтобы англичане вернулись к себе в страну и оставили королевство в покое, каковое королевство должно было принадлежать ему одному; и ежели они не захотят тому последовать, то навлекут на себя беду.

После того, как она закончила говорить, король приказал с почетом провести ее в дом, ей предоставленный, и собрал свой большой совет, на каковом присутствовали множество прелатов, рыцарей, оруженосцев и военачальников, вместе с каковыми там обретались доктора теологии, гражданского и канонического права, дабы они совместно дали ему совет, следовало ли докторам теологии подвергнуть ее допросу дабы выяснить, в состоянии ли она выполнить то, что обещает. Доктора же нашли ее поведение столь безупречным, и слова столь разумными, что их решение было в высшей степени благоприятно. Посему а так же потому, что было доподлинно выяснено, что она действительно указала день и час, в каковые свершились Селедочная битва, как то выяснилось из писем де Бодрикура, каковые были им писаны еще когда она обреталась в Вокулере; также она поведала королю в присутствии его духовника и малого количества его самых доверенных советников о некоем добром деле, каковое он тайно совершил; чем он был весьма поражен, ибо никто не мог о том знать, за исключением Господа и его самого; ввиду всего вышеизложенного, решено было с почетом препроводить ее в Пуатье, дабы там можно было подвергнуть предварительному допросу, и убедиться в том, что ей можно довериться, и также решено было изыскать для нее деньги и дать ей людей, припасы и артиллерию, дабы таким образом поддержать жителей Орлеана. Она же милостью божьей знала, что было решено касательно нее; ибо на середине пути сказала и это слышали многие: «Во имя Божье, я знаю, что в Пуатье, куда меня везут, меня ожидают многие труды; но Господь мне поможет; так что, с Богом, едем.» Ибо такова была ее манера вести разговор.

Когда же она добралась до сказанного Пуатье, в каковом городе обретался в то время королевский Парламент, многие доктора и другие люди высокого ранга задавали ей множество разных вопросов, на каковые она отвечала весьма хорошо, в особенности на вопрос некоего доктора из якобинского ордена, каковой у нее осведомился, почему ежели Господу угодно, чтобы англичане ушли прочь, ему необходимы были солдаты. На что она ответила, что просит лишь малое количество людей, каковые будут сражаться и Бог даст им победу. Таковой ответ и другие, данные ею привели их к заключению, что королю следовало доверить ей обоз и людей, и направить ее в Орлеан, что и было сделано. Но перед тем ее снабдили надежным оружием, и предоставили ей добрых коней. Так же король пожелал и приказал, дабы для нее был изготовлен штандарт, на каковом по ее

собственному желанию изобразили Владыку Небесного, и девиз: ИИСУС, МАРИЯ. Король пожелал, дабы ей дали уркашенный меч, она же просила его, дабы он лучше отправил искать тот, каковой имел на лезвии изображения пяти крестов, каковой меч обретался у креста, бывшего в Сент-Катрин-де-Фьербуа. Король, весьма изумленный таковой просьбой, спросил, видела ли она этот меч ранее; она же сказала, что нет, при том, что знала наверняка, будто он обретается в Сент-Катрин. Король послал туда людей, и сказанный меч был обнаружен вместе с другими, пожертвованные той церкви в прошлые времена; она же получила у короля разрешения выковать для него добрые ножны, и украсить их. Король дал ей в сопровождающие весьма доблестного и разумного дворянина по имени Жан д'Олон, и дабы служить пажом, как то и полагается по чести, другого дворянина по имени Луи де Кут. При том, что все называемое в этой главе делалось постепенно и в течении множества дней, я излагаю из здесь из соображений краткости.]

(18 февраля) В пятницу, на восемнадцатый день февраля, граф Клермонский покинул Орлеан, уверяя, что желает направиться к королю в Шинон, в каком городе он в то время находился; он же увез с собой сеньора де ла Тур, мессира Луи де Кюлана, адмирала, мессира Реньо де Шартра, архиепископа Рейнского, и канцлера Франции, мессира Жана де Сен-Мишеля, епископа Орлеанского, родом шотландца, Ла Гира и еще многих рыцарей и оруженосцев, прибывших из Оверни, Бурбоннэ и Шотландии, и кроме того две тысячи латников. Орлеанцы же были не слишком довольны их отъездом; однако же, те им обещали, во имя их успокоения, что добьются присылки в город людей и продовольствия. После какового отбытия, в Орлеане оставались только Орлеанский бастард, маршал де Сен-Север со своими людьми, в то время как граф Клермонский, [ставший затем герцогом Бурбоннским], уехал прочь и вышеназванные сеньоры и латники вместе с ним направились в Блуа.

Тогда же граждане Орлеана, видя себя покинутыми, и оставленными с горсткой солдат, понимая, как велико могущество англичан, и как осада ужесточается с каждым днем, отправили Потона де Сент-Трая и с ним несколько горожан к Филиппу, герцогу Бургундскому, и мессире Жану Люксембургскому, графу де Линьи, державшим сторону англичан; дабы просить и умолять их, чтобы они приняли в них участие; и во имя преданности к своему суверену, Шарлю Орлеанскому, бывшему пленником в Англии, дабы сохранить его земли, каковые не чаяли сохранить в указанное время, и чтобы они выступили ходатаями перед англичанами, дабы те прекратили военные действия и сняли осаду до тех пор, пока беды королевства не уврачуются неким образом, и оказали им поддержку и помощь ради своего родственника, бывшего в плену.

(20 февраля) После чего в воскресенье произошло весьма жестокое и упорное сражение, так как англичане вышли из своего лагеря и бастилий под семью штандартами, и далее теснили и гнали французов, вышедших им навстречу вплоть до лагеря Тюрпен, бывшего на расстоянии броска камнем от Орлеана. Однако, их достойно встретили огнем из пушек, кулеврин и иных орудий, каковые беспрестанно стреляли с городских стен, столь метко, что они с великой поспешностью возвратились в свой лагерь, бастилию Сен-Лоран и другие, бывшие в округе.

(22 февраля) Далее, во вторник, на двадцать второй день февраля, граф Суффорт и сеньоры де Тальбот и д'Эскаль отправили в город с герольдом блюдо полное фиг, винограда и фиников, дабы поднести его бастарду Орлеанскому, прося его, дабы он сообразовал послать указанному графу де Суффорту отрез черного велюра, необходимого, чтобы подбить платье. Что он и исполнил весьма охотно, послав его с тем же герольдом; за что граф был ему весьма благодарен.

(25 февраля) В пятницу, на двадцать пятый день сказанного месяца прибыли в Орлеан девять лошадей, груженых пшеницей, сельдью и иными припасами.

(27 февраля) Далее, через день, в воскресенье, предпоследний день того же месяца февраля, река вздулась и поднялась столь высоко, что французы, бывшие в Орлеане твердо полагали, будто два кольца фортов, построенные англичанами на сказанной реке, обретавшиеся по правую сторону бастилии Сен-Лоран и также у Турнеллей, целиком будут подмыты и рухнут: ибо река поднялась настолько, что дошла до бойниц, что в фортах, и течение стало столь свирепым и мощным, что легко было в это поверить. Но англичане проявили столь великое упорство, работая ночью и днем, что форты остались в прежнем состоянии, в то время, как река вскоре вошла в прежнее русло. И несмотря на все, англичане продолжали жестоко обстреливать город из бомбард и пушек, каковой обстрел принес большой урон домам и строениям бывшим в городе.

В указанный день, бомбарда, бывшая в городе, в то время поставленная у основания мельниц, что у потерны Шесно, дабы таким образом вести обстрел Турнеллей, била в них столь жестоко, что обрушила большую часть одной из стен.

[Март 1429 г.]

(3 марта) В четверг, на третий день марта, утром французы устроили вылазку против англичан, пройдя по кромке рва до вплоть до их закрытых фортов Круа-Буассе, что в Сен-Ладре Орлеанском, так что французы ни могли их ни видеть ни поразить из пушек и бомбард. Сказанная вылазка принесла англичанам большой урон, ввиду того, что девятеро из них были взяты в плен. Кроме того, мэтр Жан двумя выстрелами из кулеврины убил пятерых, одним из каковых был сеньор де Грэ, племянник графа Салембри, бывший капитаном Йенвилля; о чьей гибели англичане весьма сокрушались, ибо он отличался великой смелостью и доблестью.

В тот же сказанный день также произошло жестокое и упорное сражение, ввиду того, что французы совершили вылазку из Орлеана, и дошли до самых фортов, каковые англичане имели у Круа-Буассе, и отбили у

них пушку, стрелявшую огромными каменными ядрами, размером с человеческую голову. Также они принесли с собой в город две серебряные чаши, платье, подбитое мехом куницы, множество боевых топоров, гизарм, колчанов со стрелами и иное военное снаряжение. Но немедля после того англичане вышли из своего лагеря и бастилий, неся с собой девять развернутых знамен и гнали французов почти до самых фортов, что у ворот Банье, после чего вернулись, но не ранее чем весьма храбро и мощно атаковали французов, и преследовали их столь неотступно, что многие из них бросались в ров, что у сказанных ворот; каковых англичан бывшие в Орлеане жестоко обстреляли. И среди прочих попал в ров некий Этьен Фаво, бывший родом из самого Орлеана. Так случилось, потому что они не в состоянии были оторваться от преследования. В сказанном сражении многие были убиты, ранены и попали в английский плен, среди пленных особенно следует упомянуть доблестного оруженосца, гасконца по имени Реньо Гийом де Вернад, каковой был также тяжело ранен.

(4 марта) На следующий день, в пятницу, из английского лагеря вышло около трех сотен солдат, и они направились в к виноградникам, в окрестностях Сен-Ладра и Сен-Жан-де-ла-Рюэлль, дабы оттуда вынести жерди: посему на колокольне ударили в набат. Но несмотря на то, англичане захватили в плен множество бедных крестьян, работавших у себя на виноградниках. В тот же самый день в Орлеан доставили двенадцать лошадей, груженных пшеницей, сельдью и иными припасами.

(5 марта) Далее, в субботу, на пятый день сказанного месяца марта, из кулеврины, бывшей в Орлеане был сделан выстрел; каковым выстрелом был убит некий английский сеньор, о чьей гибели англичане весьма скорбели.

(6 марта) На следующий день, каковой пришелся на воскресенье, в Орлеан прибыли семь лошадей, груженных сельдью и иными припасами.

(7 марта) Далее, в понедельник, на седьмой день того же месяца марта, прибыло шестеро лошадей, груженных сельдью. Со своей стороны, англичане часто били из пушек и бомбард, каковые ядра попали на Гостиничную улицу и во многих местах причинили ей немалый ущерб. Тогда же к их войску присоединилось около сорока солдат, родом англичан.

(8 марта) Далее, во вторник большой французский отряд вышел из Орлеана, и наткнулся на шестерых торговцев и девицу, каковые везли в английский лагерь девять лошадей, груженных продовольствием, каковых лошадей они захватили и доставили в Орлеан. В тот же самый день появилось двести англичан, каковые прибыли из Жаржо; также как в их лагерь и бастилии влились еще множество других, пришедших из боских гарнизонов. Посему французы опасались, что те захотят захватить из форты и посему держались настороже и приняли все меры предосторожности, необходимые для обороны.

(9 марта) На следующий день, в среду, несколько французов открыли, что у Орлеанской Богадельни, что рядом с Парижскими воротами, стена была пробита почти насквозь и устроена дыра, достаточная, чтобы пропустить вооруженного солдата. Но затем на месте этой дыры была устроена новая стена в каковой были сделаны две бойницы.

Ввиду того, что нельзя было понять, для чего это было сделано: одни предполагали в том добрые намерения, другие же - злые. Как бы то ни было на самом деле, управитель сказанной богадельни бежал, как только понял, что замысел был раскрыт; ибо ему угрожала непосредственная опасность от орлеанцев, каковые весьма гневались и роптали на этого управителя.

(10 марта) На следующий день, каковой пришелся на четверг, бастард Орлеанский приказал повесить на дереве, бывшем в Орлеанском предместье, неподалеку от бараков Бургундского порта, двух французских солдат, состоявших в свите Галлуа де Вилье, уличенных в недостойном поведении; но как только они умерли, их немедленно сняли с веревки и похоронили в том же предместье.

Кроме того, в тот же самый день, англичане отправились в Сен-Лу, что неподалеку от Орлеана и там начали строить бастилию, каковую укрепили, таким образом содействуя осаде Орлеана, желая заставить их отказаться от каковой осады, Жанна Дева отправилась в путь в сопровождении большого числа сеньоров, оруженосцев и латников, снабженных продовольствием и артиллерией; получив на то разрешение от короля, каковой не замедлил отдать приказ, дабы они выказывали ей не меньшее повиновение чем то полагалось бы ему самому, что они и делали.

(11 марта) Далее, в пятницу, на одиннадцатый день того же месяца марта, ударили в набат на колокольне, потому что англичане, обретавшиеся в Сен-Лу дошли до самого Сен-Эвюртра; где у виноградников схватили множество виноградарей и увели их в плен.

(12 марта) На следующий день большой отряд из бывших в Орлеанском гарнизоне совершил вылазку и вернулся, ведя с собой шестерых пленных.

(15 марта) Далее во вторник, на пятнадцатый день сказанного месяца, ночью в город въехал бастард ле Ланж, вместе с каковым было шестеро лошадей груженных пушечным порохом. Также в этот день тридцать англичан вышли из бастилии Сен-Лу, переодетые в женскую одежду, притворяясь будто собрались за дровами и хворостом присоединились к нескольким женщинам, каковые занимались тем же, намереваясь доставить собранное в Орлеан. Однако же, англичане видя для себя выгоду, поспешно обратились против виноградарей, трудившихся в то время на виноградниках что неподалеку от Сен-Марка, и Борд-о-Миньон, захватили девятерых или десятерых из них и доставили их как пленных в свои бастилии.

(16 марта) На следующий день, каковой пришелся на среду, из маршал де Сен-Север выехал из Орлеана, желая предстать королю и кроме того вступить в права наследования многими землями, каковые отходили к нему после смерти сеньора де Шатобрюна, брата его жены; однако же он обещал горожанам вернуться вскоре, каковыми словами их весьма обрадовал; ибо они питали к нему любовь и уважение, бывшие результатом многих его благодеяний, и многих подвигов, каковые он и его люди совершили в защиту города.

В тот же день англичане, бывшие в бастилии Сен-Лу взяли доставить тяжело груженную повозку в другую свою бастилию - Сен-Лоран. Когда же они оказались в виду Сен-Ладра, то подняли громкий крик: ввиду чего ударили в набат; ибо французам, бывшим в Орлеане решили, что те собираются штурмовать одно из колец фортов.

(17 марта) Далее в четверг сказанного месяца, преставился мэтр Аллен де Бей, орлеанский прево, и смерть его наступила от естественных причин, каковой новостью горожане были весьма опечалены, ибо он всегда отличался добросовестностью в судебных делах.

(19 марта) Далее в субботу, на девятнадцатый день того же месяца в канун Вербного Воскресенья англичане обстреляли Орлеан из бомбард и пушек более крупного калибра чем те, что применяли ранее, каковой обстрел произвел множество жертв и разрушений, как то одним из каменных ядер, пущенным из бомбарды было одновременно убито и ранено семь человек; среди прочих был убит жестянщик по имени Жан Тонно. Еще одно ядро угодили на улицу перед входом в отель покойного Берто Миньона, убив и ранив пять человек.

(21 марта) Далее в понедельник, на двадцать первый день сказанного месяца марта, французы ударили в набат, после чего сделали вылазку из города силами большого отряда, в каковой входили кроме солдат горожане и жители ближних деревень, укрывшиеся в Орлеане, каковой отряд осадил кольцо фортов, заново отстроенное англичанами, каковое обреталось по правую сторону от склада, называемого Кюивре. Однако же, те, едва завидев наступающих французов, оставили форты и бросились бежать, скрывшись затем в бастилии Сен-Лоран, захватив с собой все, что могли из артиллерии и запасов, после чего выступили из сказанной бастилии бастилии с подбадривая себя громким криком и по-видимому, преисполнившись доблести: и затем гнали французов вплоть до богадельни Сен-Пуэр; далее же им пройти не удалось, ибо французы обернувшись, бросились на них и накрыли их огнем из пушек, кулеврин и прочих метательных орудий, чем вынудили тех со всей поспешностью отступить и скрыться в своих бастилиях. В сказанном сражении один из дворян, сражавшихся на стороне англичан, некий Робин Герон, родом из Англии, снискал себе великую славу, показав себя доблестным воином.

(22 марта) На следующий день также произошло жестокое сражение, и били в набат, ибо англичане в большом числе выступили против французов, каковые вышли из города, направляясь к богадельне Сен-Пуэр, дабы сразиться с ними, но едва те дошли до Круа-Морен, как были встречены англичанами, каковые англичане гнали их до самой богадельни Сен-Пуэр и полей Тюрпен; после чего французы наконец собравшись с силами обратились против англичан с такой великой доблестью, что погнали их назад к бастилиям. Один из англичан, по неосторожности упал в колодезь, что возле Круа-Морен, в каковом был убит французами.

В тот же день, в вторник, Дева, обретаясь в Блуа, в каковом городе она ожидала подхода своих людей: отправила герольда с письмом, адресованным сеньорам и капитанам английской армии, стоявшей под Орлеаном, каковое письмо лично продиктовала в качестве главы своих войск, и начав его со слов "Иисус Мария" далее отступив ниже, продолжила так:

«Король и Владыка Англии, склонитесь перед волей Владыки Небес взыскующего с вас королевскую кровь, отдайте Деве, посланнице Бога, Владыки Небесного, ключи от всех добрых городов, занятых вами. Она пришла по воле Божьей дабы взыскать с вас королевскую кровь. Она готова заключить мир, ежели вы готовы проявить благоразумие, сложить оружие, и вернуть все, что вы удерживаете за собой. Король Англии, ежели вы не последуете сказанному, знайте, что я как военачальник буду гнать ваших людей отовсюду, где только повстречаю их, и сумею понудить их уйти из Франции будь то добром или силой. Ежели они проявят послушание, с ними поступят милосердно, ежели нет, поверьте, Дева предаст их смерти всех до единого. Она пришла по воле Владыки небесного, дабы вышвырнуть вас вон из Франции. Дева клянется и заверяет вас, что ежели вы не проявите благоразумия, она сумеет устроить вашим войскам разгром, какового Франция не знала уже тысячу лет. Вы можете быть твердо уверены, что Владыка Небес даст Деве и ее людям силу, каковой вам не собрать даже в сотне мест.

Вы же, лучники и солдаты, стоящие под Орлеаном, во имя Божье, возвращайтесь к себе в страну – в противном же случае, страшитесь Девы и бед каковые вскоре последуют. Не тешьте себя пустой надеждой, ибо Владыка Небесный, сын Святой Марии предназначил Францию не вам, но королю Карлу, подлинному наследнику, каковому она будет вручена, и каковой вступит в Париж во главе доброй свиты. Ежели вы не примете вести, пришедшей к вам от Господа и Девы, то где бы мы ни встретились, мы ударим на вас, вы сами убедитесь, на чьей стороне Господь.

Гийом де ла Пуль, граф Суффортский, Жан, сир де Тальбот, Томас, сир д'Эскаль, лейтенант герцога Бетфордского, он же регент королевства французского для короля английского, отвечайте, желаете ли вы снять осаду с города Орлеана. Ежели нет, вскорости ожидайте беды.

Герцог Бетфортский, называющий себя регентом Франции для короля английского, Дева молит и закликает вас прекратить разрушения. Ежели вы проявите благоразумия, он сделает так, что французы совершат будет лучшее из всего, что когда-либо случилось в христианском мире.

Писано во вторник Святой недели.

Ожидайте вестей от Господа и от Девы».

Герцогу Бетфортскому, называющему себя регентом королевства французского для короля английского.

Когда же сеньоры и капитаны английского войска прочли и выслушали то, что она писала в своих письмах, то воспламенились великим гневом, и насмеялись над Девой, наговорив о ней множество грязных слов, так среди прочего они ее называли коровницей и шлюхой и грозились сжечь, и арестовали герольда каковой доставил письма, потешаясь над тем, что она им писала.

(24 марта) Далее в четверг, на двадцать четвертый день того же месяца марта, в Великий Четверг, англичане обстреляли город из бомбарды, ядро из каковой попало на улицу Шарпентери, где убило и ранило трех человек. В каковой же день возникли упорные слухи о том, что некие горожане уже готовы предать и сдать город англичанам; посему в сказанный и на следующий день, в канун Святой Пасхи, и далее солдаты оставались при полном вооружении, каждый на своем месте, неусыпно несли стражу как в самом городе, так и на стенах и в фортах, что в округе.

(27 марта) В день Святой Пасхи, что пришелся на двадцать седьмой день сказанного месяца марта, тысяча четыреста двадцать девятого года, было заключено перемирие, и в том равно согласились между собой французы, бывшие в Орлеане, и англичане, державшие осаду.

(29 марта) Далее во вторник, на двадцать девятый день того же месяца, в город доставили скот и иное продовольствие.

[Апрель 1429 г.]

(1 апреля) Далее, в пятницу, каковая пришла на первый день апреля месяца сказанного года тысяча четыреста двадцать девятого, французы предприняли вылазку дабы схватиться с англичанами возле их фортов, каковые те выстроили заново неподалеку от амбаров что в Кюивере. Посему англичане вышли им навстречу под двумя штандартами, и обе стороны долгое время оставались неподвижными, обмениваясь лишь выстрелами из пушек, кулеврин и иного метательного оружия, ввиду чего с обеих сторон многие были ранены.

(2 апреля) На следующий день в Орлеан доставили девять жирных быков, и две лошади, груженные козлятиной и иным продовольствием. В тот же день, после полудня французы вновь атаковали кольцо фортов, что у амбаров Кюивре, в каковом месте получили достойный отпор; ибо из бастилии Сен-Лоран им навстречу вышли около четырех сотен латников под двумя штандартами, один из каковых называемый штандартом Св. Георгия, и был наполовину белым, наполовину же красным, причем в центре изображен был крест; они же дошли до церкви Сен-Матюрен и тюрпенского поля, жестоко обстреливая французов, каковые под руководством бастарда Орлеанского, сеньора де Гравилля, Ла Гира, Потона и Тиллуа выстроились в правильный порядок и вели себя весьма мужественно: посему между противниками произошло жестокое и упорное сражение, во время какового обе стороны весьма метко обстреливали друг друга из пушек, бомбард, кулеврин и иных метательных орудий, так что в конце концов равно с английской и французской стороны многие были убиты и ранены.

(3 апреля) Далее в воскресенье, называемое Квазимодо, первое воскресенье после Пасхи, жители Орлеана совершили вылазку и неподалеку от Сен-Лу захватили баржу, в каковой обнаружили девять бочек вина, свинья и дичь, каковые намеревались было доставить англичанам, бывшим в бастилии Сен-Лу; однако же, орлеанцы выпили вино и съели свинину и дичь.

В тот же указанный день, между оруженосцами с английской и французской стороны находившимися соответственно на двух островах [на реке], называемых Сен-Лоран, произошло жестокое сражение; причем у них не было иных щитов, кроме небольших плетеных; они же бросали друг в друга камни и куски кремня. В конце концов же французы вынудили англичан отступить, каковые показали в этом сражении слабость. В этом же сражении как и в прочих, в каковых участвовали оруженосцы, бывшие в Орлеане, их капитаном выступал один из них бывший дворянином родом из Дофине, по имени Эйман де Пюизо: каковой позднее получило от Ла Гира прозвище Капдорат, ввиду того, что был весьма бледен и светловолос, а также выделялся среди прочих доблестью и прекрасным несением караульной службы; позднее он совершил немало ратных подвигов, как в названном королевстве, так и в Германии и иных странах.

(4 апреля) На следующий день, в понедельник, едва открыли ворота города, в него вошло множество французов, каковые побывали в Мене, убили там капитана и зхватили сорок три головы рогатого скота, причем многие из сказанных солдат были ранены.

В сказанный день, после полудня, произошло еще одно сражение между оруженосцами, каковые были вооружены также как накануне; там же один из английских оруженосцев был убит брошенным в него камнем, также с обеих сторон было много раненых: в конечном же итоге английские оруженосцы захватили французский штандарт.

(5 апреля) Во вторник, на пятый день сказанного месяца, когда открыли ворота города, в него вошли торговцы, каковые пригнали из Берри сто одну свинью и шесть жирных быков; каковые подошли к городу

прямо от церкви Сен-Эннан, что в Орлеане. Англичане же едва заметив их поспешно вышли из Турнеллей, дабы их захватить, но опоздали, и остались ни с чем.

В тот же день в город доставили также двух лошадей, груженных сыром и маслом, и семнадцать свиней, каковых гнали от Шатодена. Также узно было, что французы, бывшие в гарнизоне сказанного Шатодена, убили и взяли в плен тридцать или сорок англичан, причем им в руки попало большое количество денег, каковые называемые англичане собирались доставить в английское же войско.

(7 апреля) Далее в четверг, на седьмой день сказанного месяца, к англичанам в бастилию Сен-Лоран было доставлено без всяких помех большое количество продовольствия, и военного снаряжения.

(8 апреля) На следующий день с утра в город прибыло двадцать шесть голов рогатого скота, каковые французы, бывшие в гарнизоне, захватили в Нормандии.

(9 апреля) Далее в субботу, на девятый день сказанного месяца, с утра в город пригнали семнадцать свиней и восемь лошадей (из каковых две были нагружены свининой и козлятиной, остальные же шесть - пшеницей), каковых доставили из Шатодена. Со своей стороны англичане к этому времени занялись сооружением другого кольца фортов и рва неподалеку от давилни Арс.

Дабы помешать им, французы сделали вылазку из города, и направились к фортам; однако же их застиг мощный ливень и ненастье, каковое продолжалась долго, посему им не удалось совершить задуманное, и они вернулись в город, ничего не сделав.

(12 апреля) Далее во вторник, на двенадцатый день сказанного месяца, из Орлеана вышел французский отряд и отправился в Сен-Марсо, что в долине Луары, в каковую церковь ворвался, выбив дверь, захватив же внутри двадцать англичан, их как пленников доставили в город, в той же стычке они потеряли двоих своих товарищей.

(13 апреля) На следующий день, в Орлеан доставили большую сумму денег, дабы уплатить гарнизону, весьма в том нуждавшемуся.

(15 апреля) В пятницу, на пятнадцатый день того же месяца апреля, англичане строили у укрепляли новую бастилию что между Сен-Пуэром и Сен-Ладром, бывшую весьма добротной и крепкой, и весьма вместительной; в ней же разместились множество английских сеньоров и дворян, вместе со множеством латников, желающие оттуда воспрепятствовать любой попытке доставить продовольствие в Орлеан; как то неоднократно завершалось успехом, несмотря на все усилия солдат, обретавшихся в других бастилиях.

(16 апреля) На следующий день из Блуа в Орлеан по дороге Флери-о-Шо прибыло множество скота и иного продовольствия, каковое англичане пытались захватить, и бросились наперерез каравану, однако же, опоздали, ввиду того, что ударили в набат, дабы гарнизон отправился на защиту продовольствия, как то и случилось, и все доставленное благополучно прибыло в город.

В тот же день около пятидесяти французских латников бывших ранее в гарнизонах Солони, бегом направились к Турнеллям и захватили в плен не меньше пятидесяти англичан. Той же ночью из города выехал французский отряд, каковой уничтожил троих английских часовых, несших караульную службу возле Орбетта.

(17 апреля) Далее в воскресенье, на семнадцатый день названного месяца апреля в Орлеан вернулись Потон де Сен-Трай и бывшие с ним, ранее отправленные послами к герцогу Бургундским и графом де Линьи, привезя с собой глашатая, бывшего на службе у сказанного герцога. Каковой герцог, едва узнав о просьбе, обращенной к нему жителями Орлеана, отправился к мессире Жану Люксембургскому и далее с ним вместе к герцогу Бетфортскому, называвшему себя регентом названного королевства от имени короля Генриха Английского, прося у него милости к герцогу Орлеанскому; моля и заклиная его ет дабы тот приказал снять осаду, в каковой обретался город Орлеан и бывшая в нем крепость. Названный же герцог Бетфортский не пожелал ничего об этом слышать, чем герцог Бургундский был весьма уязвлен; и посему направил вместе с послами своего глашатая, каковой объявил всем, бывшим родом из городов и земель, обязанных повиновением сказанному герцогу, и ныне державших сказанную осаду, дабы те оставили город и ушли прочь, не причиняя более никакого зла жителям Орлеана. И посему, подчинившись сказанному распоряжению множество бургундцев, пикардийцев, шампанцев и иных, на чьи земли распространялась власть сказанного герцога бургундского снялись с места и ушли прочь со всей поспешностью.

(18 апреля) На следующее утро, около четырех часов после полуночи, французы вышли против английского войска и сделали так, что с самого начала боя убили часть их солдат, стоявших в карауле и захватили один из их штандартов, и глубоко вклинились в их расположение. В течение какового боя они причинили своим врагам великий урон; те же, охваченные ужасом, подняли крик, призывая к оружию, и выстроились в боевой порядок, приложив к тому все старания, и обратились против французов, те же, видя, что их намерения раскрыты, в большом числе отступили прочь от английского войска, где в их руки попало несколько серебряных чаш, множество одежд, подбитых мехом куницы, а также большое количество луков, колчанов и прочего военного снаряжения. Однако же, англичане пустились их преследовать, и преуспели в своем намерении, так что между ними произошло жестокое и упорное сражение, в каковом с обеих сторон было много убитых и раненых. Особенно следует упомянуть, что выстрелом из кулеврины был убит английский знаменосец; горожане также не избежали тяжких потерь, что выяснилось по возвращении, ибо орлеанские женщины горько плакали и причитали о своих отцах, мужьях, братьях и иных родственниках,

убитых и раненых в сказанном сражении. В тот же самый день обе стороны сумели забрать своих погибших, дабы те были похоронены в освященной земле.

(19 апреля) Далее во вторник, на девятнадцатый день апреля месяца, около сумерек, к английскому войску и бастилиям прибыл обоз с большим количеством припасов и военного снаряжения, с ним же множество латников. бывших его охраной.

(20 апреля) На следующий день, около четырех часов утра, из Орлеана выехал капитан по имени Амад, и с ним шестнадцать всадников, каковые поскакали во весь опор к Флери-о-Шо, где находились расположения англичан, накануне доставивших продовольствие, французам же удалось захватить в плен шестерых из них, а также захватить с собой нескольких лошадей, луков, колчанов и иного военного снаряжения.

Около того же времени англичане укрепили Сен-Жан-ле-Блан, что в долине Луары, и выставили часовых дабы охранять дорогу к нему.

(21 апреля) Далее в четверг, в Орлеан пригнали трех лошадей, груженных пушечным порохом, и многим иным. Также орлеанцы в сказанный день установили несколько пушек, дабы вести стрельбу против англичан, дабы встретить огнем их наступление, и вели против вышедших англичан меткий огонь, так что те вынуждены были вернуться к своему войску; при том, что многие из них следующей ночью вышли из лагеря, дабы перерезать дорогу обозу, каковой собирались доставить в город и захватить его.

(23 апреля) В субботу на двадцать третий день того же апреля месяца, в Орлеан пригнали четырех лошадей, груженных пушечным порохом и иными припасами.

(24 апреля) На следующий день в город прибыл бастард де Маскаран в сопровождении сорока латников.

(25 апреля) На следующий день после того, каковой пришелся на вторник, на двадцать шестой день того же месяца, прибыл также Ален де Жирон, в сопровождении сотни латников.

(27 апреля) Далее в среду, французы совершили вылазку из города, выстроившись правильным порядком, в великой спешке направились к кресту Флери, дабы защитить нескольких торговцев, каковые собирались доставить в город припасы из окрестностей Блуа, дабы поддержать осажденных, ибо до последних дошли слухи, будто тем собираются помешать; однако, им не пришлось ехать далее, ибо они встретили названных купцов; и узнали от них, что предпринимать что бы то ни было уже поздно, ибо англичане уже отобрали у них все, при том вскоре подошло подкрепление из Бона что в Гатинуа, состоявшее из шестидесяти латников, каковые доставили в город других свиней взамен потерянных.

(28 апреля) На следующий день, в четверг, на двадцать восьмой день названного апреля месяца, в Орлеан прибыл весьма прославленный капитан по имени Флерентин д'Илье и вместе с ним брат Ла Гира, в сопровождении четырех сотен латников, каковые прибыли из Шатодена. В тот же самый день случилось жестокое и упорное сражение, ибо англичане вознамерились атаковать орлеанские форты. Однако же, солдаты и многие из орлеанских жителей вышли против них и гнали их назад вплоть до их фортов, убив и ранив многих, при том что иные попадали в ров, окружавший их форты, каковые в то время располагались неподалеку от амбара, что в Кюивье и давилни Арс, в некоей долине, где те обретались с давних пор. Однако же, французы вынуждены были прервать свое наступление и вернуться в город, ибо англичане весьма метко обстреливали их из многих пушек, кулеврин и иных метательных орудий, так что по окончанию сражения с обеих сторон было много убитых и раненых; по их возвращении, один из французов упал в колодезь, где и был убит. Со своей стороны, Дева и иные сеньоры и капитаны бывшие с ней, узнали о том, как англичане потешались и насмехались над ней и над ее письмами, и арестовали герольда, каковой их доставил. Посему они решили между собой, что отправятся силами всего войска, в сопровождении обоза и артиллерии, пройдя со стороны Солони, ибо главные силы англичан обретались со стороны Бос; при том, что ничего не сообщили о том Деве, каковая настаивала на том, чтобы силой оружия пробиться через их порядки. И посему приказала всем бывшим с ней латникам исповедаться, и оставить позади всех своих распутных женщин и все вещи, каковые имели с собой; после чего они выступили и дошли до деревни именуемой Шеси, в каковой остановились на ночлег.

(29 апреля) Далее в пятницу, на двадцать девятый день того же месяца, орлеанцы узнали наверняка, что король посылает к ним по дороге со стороны Солони припасы, порох, пушки и иное военное снаряжение, каковое доставлено будет Девой, посланной Господом Нашим, дабы поддержать и утешить горожан, и снять осаду, каковые известия заставили многих орлеанцев воспрянуть духом. При том, что полагали, будто англичане будут чинить всяческие препятствия на пути обоза, было приказано, дабы всякий вооружился и держался наготове, что и было сделано.

В тот же самый день в город прибыли пятьдесят пеших латников, имевшие при себе гизармы и иное снаряжение; они же прибыли из земли Гатинуа, где ранее обретались в гарнизоне.

В тот же самый день произошло ожесточенное сражение, ибо французы пытались таким образом дать обозу свободную дорогу и время, дабы прибыть в город. И дабы англичане не оставили это без внимания, они совершили вылазку большими силами, и отправились во весь опор к Сен-Лу, дабы там схватиться с противником, причем враги сошлись столь близко, что с обеих сторон было немало убитых, раненых и пленных, при том, что французы унесли с собой в город один из английских штандартов. В то время же, как сражение было в разгаре, в город прибыл обоз и артиллерия, каковые Дева ранее доставила в Шеси. Навстречу же к ней выехали к сказанной деревне бастард Орлеанский и иные рыцари, оруженосцы и латники как то

орлеанцы, так и уроженцы других мест, весьма обрадованные ее прибытием, каковые приетствовали ее с великим почтением, она же им отвечала тем же. Там же решено было, что она въедет в Орлеан не раньше ночи, дабы народ не толпился на улицах, и что маршал де Рэ и мессир Амбруаз де Лоре, каковые королевским приказом были отправлены ее сопровождать вплоть до названного места, вернуться в Блуа, где обретались множество французских сеньоров и латников, как то и было сделано; и далее около восьми часов вечера, несмотря на присутствие английского войска, каковое не пыталось никоим образом им помешать, она въехала в город в полном вооружении, верхом на белом жеребце; приказав нести перед собой штандарт, бывший совершенно белых, на каковом изображены были двое ангелов каждый из каковых держал в руке королевскую лилию; на нем же изображена была сцена будто бы Благовещения. То было изображение Пресвятой Богородицы а перед ней же - ангела, протянувшего ей лилию. По въезде в Орлеан сказанным образом, по левую руку от нее двигался Орлеанский бастард, весьма богато одетый и вооруженный. Позади них двигалось еще несколько дворян и доблестных сеньоров, оруженосцев, капитанов и латников, не говоря о солдатах из городского гарнизона и горожанах, двигавшихся впереди процессии.

Навстречу же им вышли множество латников, горожан и горожанок, неся с собой факела, и иным образом проявляя свою радость, словно бы сам Господь снизошел к ним - и не без причины, ибо им пришлось вынести ранее множество тягот, забот и лишений, и что много раз хуже, постоянный страх быть брошенными на произвол судьбы, и равно лишиться жизни и имущества. Они уже готовы были поверить, что все осталось позади, и милостью Божьей осада уже снята, и милость эта, как им рассказывали, явилась в образе этой простой девушки, на каковую все без исключения мужчины, женщины, дети взирали с любовью и благоговением. Они же толпились дабы только коснуться коня, на котором она сидела, и толпа напирала столь сильно, что один из несших факела оказался черезчур близко к ее штандарту и пламя коснулось полотна. Она в же самый же миг ударила шпорами коня и развернула его к знамени, и сумела потушить огонь столь уверенно, будто война уже много лет была ей не в новинку; что латники а вслед за ними и горожане сочли великим чудом.

Толпа же сопровождала ее в пути по городу и цитадели, выказывая великую радость, и с великой честью сопровождая ее до самых дверей Ренара, как имеловался отель Жана Буше, в то время бывшего городским казначеем на службе герцога Орлеанского, где ее принялся с великой радостью вместе с двумя ее братьями, дворянами ее свиты и слугой, каковые прибыли все вместе из земли Барруа.

(30 апреля) На следующий день, каковой пришелся на субботу, последний день названного апреля месяца, Ла Гир и мессир Флоран д'Илье в сопровождении нескольких рыцарей и оруженосцев, бывших в гарнизоне, и многих горожан вышли из города, и с развернутыми знаменами атаковали английское войско с такой силой, что англичане вынуждены были отступить, оставить французам позиции, где ранее размещались их караулы, каковыми были места вокруг богадельни Сен-Пуэр, на расстоянии двух выстрелов из лука от города. Посему по всему городу кричали, и требовали от жителей выйти наружу, неся с собой связки дров, солому и хворост; дабы их употребить на то, чтобы поджечь английские позиции, но ничего не было сделано, ибо англичане подняли страшный крик и в боевом порядке вышли им навстречу. Вследствие чего французам удалось возвратиться в город лишь после жестокого и долгого сражения, во время которого пушки, кулеврины и бомбарды стреляли весьма метко, и с обеих сторон было множество убитых, раненых и пленных.

Ближе к ночи, Дева отправила двух герольдов в расположение англичан, дабы те потребовали возвращения герольда, каковой ранее привез ее письма из Блуа. Также бастард Орлеанский направил к ним своего посланника, угрожая в случае их отказа, предать злой смерти всех английских пленных, обретавшихся в Орлеане и тех английских сеньоров, каковые были направлены к нему, с целью уговориться о выкупе за пленных. Посему начальствующие над войском отпустили на свободу всех герольдов и посланцев Девы приказав им сообщить, что сожгут и изжарят ее, называли ее потаскухой и советовали вернуться к своим коровам, чем она была весьма опечалена; и вследствие того, когда настал вечер, отправилась на мост, к фортам Сен-Круа, где беседовала с Гласидасом и другими англичанами, бывшими в Турнеллях, и уговаривала их во имя Господа уйти прочь, спасая тем свои жизни. Но Гласидас и бывшие с ним отвечали ей дерзостно, и оскорбляли ее, называя коровницей, как то было и ранее, и громко кричали, что сожгут ее, ежели она попадет к ним в руки. Она же была этим весьма опечалена и ответила им, что слова их лживы, и вслед за тем вернулась в город.

[Май 1429 г.]

(1 мая) Далее в воскресенье, каковое пришлось на первый день мая, названного тысяча четыреста двадцать девятого года, из города выехал Орлеанский бастард, направляясь в Блуа дабы встретиться там с графом Клермонского, маршалом де Сен-Севера, сеньором де Рэ, и многими иными рыцарями, оруженосцами и латниками.

Также в этот день, Жанна Дева предприняла проезд по городу в сопровождении нескольких рыцарей и оруженосцев, ибо орлеанцы охвачены были столь великим желанием видеть ее, что едва не выломали двери в отеле, где она остановилась накануне; и дабы воочию увидеть ее огромная толпа горожан затопила улицы, по которым она проезжала, так, что ей с трудом приходилось проделывать свой путь в толпе, ибо люди не могли не нее наглядеться. И то, что она держиться в седле столь грациозно, показалось всем великим чудом. Воистину также, она держала себя столь уверенно и твердо, словно была солдатом, с юности приученным к войне.

В тот же день она вновь говорила с англичанами в возле Круа-Морен, и советовала им во имя Господа вернуться к себе в Англию, дабы таким способом спасти себя, в противном случае, она их всех предаст смерти; они же отвечали ей все теми же дерзкими словами как и ранее, ведя разговор из Турнеллей, и посему она вернулась вновь в Орлеан.

(2 мая) В понедельник, на второй день мая, Дева верхом на лошади выехала из Орлеана, и отправилась за пределы города, дабы осмотреть бастилии и расположение английского войска; за каковой девой шла огромная толпа людей, испытывавших великую радость оттого, что могли видеть ее и обрестись рядом с ней. Когда же она полностью удовлетворилась осмотром английских укреплений, то отправилась в церковь Сен-Круа, что в Орлеане, где пробыла до самых сумерек.

(4 мая) В среду, на четвертый день названного мая месяца, Дева выехала за пределы города в сопровождении сеньора де Виллара и мессира Флорана д'Илье, Ла Гира, Алена Жирона, Жаме де Тиллуа, и многих иных оруженосцев и латников, бывших числом в пятьсот человек; и отправилась навстречу Орлеанскому бастарду, маршалу де Рэ, маршалу де Сент-Север, барону де Кулонс и многим иным рыцарям, оруженосцам, и сопровождавшим их латникам, вооруженными гизармами и свинцовыми молотами, и везли с собой припасы, каковые были отправлены в Орлеан из Буржа, Анжье, Тура и Блуа; причем орлеанцы были в тот день охвачены великой радостью, и каковые припасы были доставлены в город на виду у англичан, не осмелившихся покинуть свои бастилии, но постоянно державшихся настороже.

В тот же день после полудня Дева вместе с Орлеанским бастардом выехали из города в сопровождении множества дворян, и около пятнадцати сотен латников, с каковыми начали штурм бастилии Сен-Лу, где встретили весьма упорное сопротивление, ибо англичане, ранее приложившие усилия, дабы надежно ее укрепить, защищались весьма доблестно в течение трех часов, причем сказанный штурм был весьма ожесточенным, и посему, когда французам удалось силой овладеть ею, они убили сто сорок англичан еще сорок доставили в город в качестве пленников; но прежде чем уйти, разрушили, сожгли и полностью уничтожили сказанную бастилию к великому сокрушению, досаде и ущербу для англичан. Часть из каковых, обретавшихся в бастилии Сен-Пуар попыталась в то время, как продолжался штурм, силами большого отряда прийти на помощь своим; однако же, орлеанцы при виде того дважды ударили в набатный колокол, и посему маршал де Сент-Север, сеньор де Гравилль, барон де Кулонс и множество иных рыцарей и оруженосцев, солдат и горожан, всего шесть сотен бойцов поспешно оставили Орлеан, и выйдя за пределы города выстроились в в правильный боевой порядок, готовые сразиться с англичанами; каковые при виде того как французы вышли из города и развернулись в боевой порядок, совершенно отказались от намерения прийти на помощь своим товарищам, и с великой досадой и сокрушением вернулись в бастилию, из каковой ранее вышли со всей поспешностью. Несмотря же на их уход, бывшие внутри защищались как только могли, притом, что в конце концов французам удалось овладеть бастилией, как то уже было сказано выше.

(5 мая) Далее в четверг, в каковой праздновалось Вознесение Господа Нашего Дева, Орлеанский бастард, маршалы де Сент-Север и де Рэ, сеньор де Гравилль, барон де Кулонс, сеньор де Вийар, сеньор де Сент-Трай, сеньор де Гокур, Ла Гир, сеньор де Корраз, мессир Дени де Шайи, Тибо де Терм, Жаме де Тиллуа, шотландский капитан по имени Канед, а также иные капитаны, военачальники и граждане Орлеана держали совет, дабы решить как следовало далее действовать против англичан, каковые держали их в осаде. И посему было решено, что они предпримут штурм против Турнеллей и кольца фортов, что у основания моста, при том, что англичане весьма искусно их укрепили, и снабдили вем необходимым для обороны и гарнизон их состоял из большого количества закаленных воинов. И посему капитаны распорядились, дабы все были готовы к завтрашнему утру и вооружились вем необходимым для штурма, каковое распоряжение было в точности выполнено; ибо с вечера были приложены все усилия, дабы все было готово к раннему утру и о том было доложено Деве.

Каковая Дева выехала из Орлеана вместе с Орлеанским бастардом, маршалами де Сент-Север и де Рэ, сеньором де Гравилль, мессиром Флораном д'Илье, Ла Гиром, и многими иными рыцарями и оруженосцами, их же сопровождали четыре тысячи латников; и переправилась через Луаре между Сен-Лу и Новой Башней, и первым был взят Сен-Жан-ле-Блан, каковой англичане ранее сумели захватить и весьма надежно укрепили. После чего французы отошли на островок, каковой располагается напротив Сен-Эньана. В то же время большой отряд англичан, бывших в Турнеллях вышли наружу с громкими криками, намереваясь всеми силами ударить на них, и вступить в рукопашный бой. Однако же, Дева и Ла Гир со всеми своими людьми, сплотив ряды, обрушились на англичан с такой отвагой и силой, что вынудили их скрыться в своих фортах и Турнеллях. И далее сходу взяли форты и ближнюю бастилию, весьма укрепленную англичанами, каковая располагалась при церкви августинцев, и овладели ими с помощью силы, освободив множество французских пленников, обретавшихся там, и раздлавшись со многими англичанами, также бывшими там, и защищавшимися весьма отважно; так что с обеих сторон было совершено немало подвигов. И далее к вечеру, французы подошли к осадой к Турнеллям и окружавших их фортам. Посему граждане Орлеана всю ночь без перерыва снабжали хлебом, вином и иными припасами бойцов, державших осаду.

(6 мая) На следуюий день, каковой пришелся на субботу, на рассвете, французы начали штурм Турнеллей и кольца фортов, и прочих сооружений, каковые англичане возвели для большей их надежности. И штурм был весьма достолавным, и во время его равно осаждающие и защитники совершили множество подвигов, ибо гарнизон состоял из большого числа англичан, бывших закаленными воинами, в избытке

снабженными всем необходимым для обороны. И в бою они показали себя самым лучшим образом, ибо несмотря на все усилия французов, каковые во множестве приставляли лестницы к стенам, каковые с внешней стороны доходили до самого верха их укреплений, и атаковали с такой отвагой и доблестью, упорствуя в своем наступлении так, словно полагали себя бессмертными, в них же били из пушек, луков, арбалетов, поражали копьями, гизармами, свинцовыми молотами, или даже голыми руками, и сбрасывали вниз со стен, так что многие были убиты и ранены. И среди прочих Дева получила ранение, ибо стрела из арбалета прошла навывлет между плечом и горлом. Осаждающие же узнав об этом были охвачены тревогой и сокрушением, особенно же тревожились Орлеанский бастард и другие капитаны. Они же пришли к ней и предложили отложить штурм до следующего дня; она же утешила их несколькими словами, весьма ободряющими и отважными, заклиная их быть твердыми в своей отваге. Они же, не пожелав довериться ей, прервали штурм и отступили, желая вслед за тем отправить артиллерию в тыл до следующего дня. Она же была этим весьма уязвлена и сказала им: «Во имя Господа, вы скоро войдете внутрь, не сомневайтесь в том; у англичан нет больше силы вам противостоять. Посему отдохните короткое время, и подкрепитесь питьем и едой.» Так они и поступили; ибо чудесным образом подчинялись ей во всем. Когда же они насытились едой и питьем, она сказала им: «Возвращайтесь ради Бога и возобновите штурм; ибо, не сомневайтесь в том, у англичан нет больше сил для защиты, и Турнелли вместе с фортами будут взяты.»

Закончив свою речь, она оставила свой штандарт и сев на коня, отъехала прочь от войска, дабы вознести молитву Господу Нашему; и сказала дворянину, бывшему неподалеку: «Смотрите внимательно, и не пропустите момент, когда клин моего штандарта коснется форта.» Дворянин в скором времени сказал ей: «Жанна, клин его касается», она же ответила ему: «Все ваше, входите же.» Вскоре после того, эти слова признаны были пророческими. Ибо в то время из множества храбрых военачальников и бойцов, бывших в Орлеане, и видевших, что готовится новый штурм, нашлось несколько поспевших на мост, при том, что несколько пролетов было разрушено, они привели с собой плотника, и захватили с собой желоб для воды и переносные лестницы, из каковых была сооружена переправа. Видя, что их длины не хватало до другого конца одного из разрушенных пролетов моста, они удлиннили из самых больших желобов небольшим куском дерева, причем укрепили его так прочно, что все вместе надежно держалось. И далее некий весьма доблестный рыцарь по имени Николя де Гирезм, принадлежавший к ордену Розы или иначе Св. Иоанна Иерусалимского, первым перебрался через реку в полном вооружении, несколько воинов последовали его примеру. Позднее утверждали, что это событие скорее чем какое-либо иное можно было назвать чудом, совершенным Господом Нашим, ибо желоб был длинным и тонким, и висел высоко в воздухе над рекой не имея иной опоры, кроме начала и конца разрушенного пролета. Едва переправившись через реку, они по примеру своих товарищей, немедленно вступили в бой, продолжавшийся после того весьма недолго, ибо вскоре после его начала, англичане не имея больше сил для обороны, решили отступить от фортов к Турнеллям. Из них же почти никому не удалось спастись, ибо из четырех или пяти сотен бойцов, каковым было их число, почти все были убиты или утонули, за исключением малой горстки, попавших в плен, причем никто из них не принадлежал к высшему дворянству. Гласидас, бывший капитаном, весьма прославленным в ратном деле, сеньор де Молен, сеньор де Поммен, бальи Манта, и множество иных рыцарей-баннеретов и английских дворян утонули в реке, ибо пытаясь спастись, они все бросились на мост, каковой обрушился под ними; каковое событие обернулось горем для англичан, и великим убытком для доблестных французов, лишившихся большой выгоды, каковую могли обрести, получив выкуп за пленных. Однако же, они были охвачены великой радостью, и вознесли хвалу Господу Нашему, даровавшему им столь славную победу, как то и следовало сделать, ибо как утверждалось, сказанный бой, продолжавшийся с раннего утра и до заката, где доблесть штурмующих противостояла не меньшей доблести защитников, что с давних времен не было сражения столь достопамятного. Также как все очевидцы сошлись во мнении и готовы были поверить, им довелось лицезреть чудо, сотворенное Господом по молитве св. Эньана и Св. Эвюртра, бывших ранее городскими епископами и покровителями Орлеана, причем мнение это разделяли также пленники, в тот же день доставленные в город; один из каковых свидетельствовал, что ему и прочим англичанам, защищавших Турнелли и кольцо фортов, почудилось, будто их осаждало бесчисленное количество людей, словно весь мир ополчился против них. Посему как духовенство так и граждане Орлеана со всем благоговением пропели *Te Deum laudamus*, и было приказано звонить во все городские колокола, дабы смиренно отблагодарить Господа Нашего и обоих святых мучеников за бесконечную милость, явленную Господом; везде же царилась радость и люди славили своих доблестных защитников, наивысшая же хвала пришлась на долю Жанны Девы. Каковая так и не вернулась ночью в город, в сопровождении сеньоров, капитанов и латников, охраняя Турнелли, захваченные столь доблестно, и предупреждая англичан, обретавшихся в бастилии Сен-Лоран против каких-либо попыток прийти на помощь или же отомстить за своих товарищей; те же не решились предпринять ничего подобного.

(7 мая) Напротив, на следующее утро, в воскресенье, на седьмой день мая, того же названного года тысяча четыреста двадцать девятого, они разорили свои бастилии, бывшие в Сен-Пуаре и по соседству, отступив от города, выстроились в боевой порядок. Посему Дева, маршалы де Сент-Север и де Рэ, сеньор де Гравилль, барон де Кулонс, мессир Флоран д'Илье, сеньор де Корраз, сеньор де Сент-Трай, Ла Гир, Ален Жирон, Жаме де Тиллуа и многие другие доблестные воины, и горожане, вышедшие вон из Орлеана силами большого войска, также выстроились в правильный порядок на виду у противника. Таким образом они стояли

неподвижно почти касаясь друг друга, на протяжении целого часа, не начиная сражения. При том, что французы жаждали боя, и просили о том соизволения у Девы, каковая запретила им сражаться ради святого воскресения, и приказала не двигаться с места и не начинать сражения, ежели англичане первыми не пойдут в атаку; в последнем же случае, защищаться упорно и доблестно, не опасаясь ничего, ибо им предстоит одержать победу. По истечении же часа, англичане начали отступление, и также в правильном боевом порядке ушли в Мен-сюр-Луар, оставив свои прежние намерения и отказавшись от продолжения осады, в каковой держали Орлеан начиная с двенадцатого октября тысяча четыреста двадцать восьмого года и вплоть до того дня. В то же время, им не удалось невозбранно воспользоваться захваченным, ибо часть гарнизона пустилась преследовать их и атаковала арьергард, и осыпала их ядрами из больших бомбард и пушек, а также стрелами из луков, арбалетов и другого оружия.

В тот же самый день некий августинец, родом англичанин, духовник сеньора де Тальбота, каковой по приказу своего господина охранял некоего французского пленника, бывшего весьма доблестным воином, по имени бастард де Бар, закованного в ножные кандалы; и вел его под руки, вслед за остальными англичанами, двигаясь весьма медленно, ибо кандалы не позволяли тому ускорить шаг. Каковой де Бар видя, что они весьма отстали от прочих, и как человек искушенный в военном деле, догадавшись, что англичане уходят безвозвратно, силой заставил сказанного августинца на собственных плечах доставить его в Орлеан, и таким образом избежал необходимости выкупать себя из плена. От августинца же удалось узнать многое о бывшем у англичан, ибо он был весьма близок Тальботу и пользовался его доверием.

Тогда же Дева и другие сеньоры и латники с великой радостью вернулись в Орлеан, при том что духовенство и граждане города встречали их с великим ликованием, и далее совместно вознесли смиренную благодарность и хвалу, полагающуюся Господу Нашему за спасение и великие победы, каковые он ниспослал им против англичан, давних врагов королевства. После полудня мессир Флоран д'Илье распрощавшись со всеми сеньорами, капитанами, и прочими воинами, а также с горожанами Орлеана, ушел со своим отрядом в Шатоден, откуда прибыл ранее, и где был капитаном, покрыв себя неувядаемой славой, за все ратные подвиги, каковые он со своими людьми совершил ради спасения и защиты города.

(8 мая) Также Дева, и сопровождавшие ее сеньор де Рэ, барон де Кулонс и многие иные рыцари, оруженосцы и латники, покинув город отправились к королю, дабы возвестить ему о славной победе, и убедить отправиться в путь, дабы короноваться и принять помазание в Реймсе, как была на то воля Господня. Но прежде чем распрощаться с орлеанцами, многие из которых плакали от радости, и смиренно благодарили их, и предоставляли на ее полную волю самих себя и свое имущество, за что она их скромно поблагодарив, продолжила свое святое путешествие; ибо исполнила лишь первую часть порученного ей, каковая состояла в том, чтобы освободить Орлеан от осады. Во время каковой кампании, свершилось множество ратных подвигов, и много было сражений, атак, и также неисчислимое множество иных военных событий, как никогда ранее не виданных на войн, так и привычных ранее, каковых с давних времен не видел под своими стенами ни один город, крепость или замок названного королевства, как то согласно утверждали все видевшие это своими глазами, и принимавшие в том участие как то французы, так и англичане.

(8 и 9 мая) В тот же самый день и следующий за ним устроены были весьма пышные и торжественные шествия, в каковых равно участвовало духовенство, сеньоры, капитаны, латники и представители иных сословий, как жившие в Орлеане, так и обретавшиеся в нем в те времена, и в великом благоговении наполняли собой церкви. Следует же сказать, что в начале осады и ранее того момента, как она была утверждена, горожане никоим образом не соглашались терпеть в Орлеане гарнизон, ибо опасались быть ограбленными или же подпасть под черезчур свирепую власть, при том, что поняв однажды, что солдаты пекутся лишь об их защите, и весьма доблестно сражаются с их же врагами, горожане, изменили свое мнение и позволили тем входить в город и оставаться там сколько им заблагорассудится. И далее сражались с солдатами плечом к плечу, защищая город; и каждый выбрав себе постояльцев, предоставили им приют в своих отелях, и содержали их за счет своего достояния, каковым владели по милости Божьей, и заботились о них словно о собственных детях. Вскоре после того, Орлеанский бастард, маршал де Сент-Север, сеньор де Гравилль, сеньор де Курраз, Потон де Сент-Трай, и многие иные рыцари, оруженосцы и латники, из каковых часть были вооружены гизармами, пришедшие ранее из Буржа, Тура, Анжии, Блуа и других добрых городов названного королевства, покинув Орлеан, подступили к Жаржо, возле какового города в течение трех часов они несколько раз вступали в стычки с англичанами, дабы разведать, возможно ли будет подступить к городу с осадой. Убедившись в том, что ничего не смогут добиться, ибо вода во рвах стояла весьма высоко, они вернулись назад, не претерпев никакого ущерба; в то время как англичанам был нанесен жестокий удар, ибо в одной из стычек погиб некий весьма доблестный английский рыцарь, по имени мессир Анри Бизе, капитан указанного города, и по каковой причине англичане испытали жестокую скорбь.

В то же время как происходили названные сражения, Дева уже прибыла к королю, едва завидев какового, она весьма учтиво опустилась перед ним на колени и обняв его ноги, сказала ему: «Благородный дофин, соблаговолите же отбыть на вашу коронацию в Реймс. Я заклинаю вас отправиться туда без колебаний, ибо в указанном городе произойдет ваша торжественная коронация.» Для каковой Девы король приказал устроить великий пир, и то же сделали все придворные, чествуя ее за добродетельную жизнь, и славные подвиги на поле брани, совершенные под нее началом. После чего король, будучи в Туре, пригласил к себе сеньоров и

военачальников, капитанов и других разумных людей, бывших при его дворе, дабы спросить у них совета, следует ли ему прислушаться к уверениям Девы, каковая со всем жаром и настойчивостью уговаривала его отправиться в Реймс, где ему предстояло принять корону. По каковому вопросу высказаны были разнообразные мнения, причем одни полагали, что ему следует отправиться в Нормандию, другие же напротив, советовали начать с захвата нескольких крупных крепостей на Луаре. В конце концов, король и трое или четверо его ближайших помощников, в величайшей тайне уговорились между собой прежде чем решиться окончательно, узнать у Девы, что сообщил ей голос, и что побуждало ее столь твердо стоять на своем. Однако же, они не решились спросить ее об этом, опасаясь огорчить ее подобным вопросом, о чем она узнала благодаря милости Божьей, и сама явившись к ним и сказала королю: «Во имя Божье, я знаю, что вы желали бы знать, что сказал мне голос, мною слышанный, в том, что касается вашей коронации, и я отвечаю вам, что во время молитвы, каковую я творила привычным мне образом, я жаловалась, что вы не желаете верить моим словам, и тогда голос ответил мне: Дочь, иди же, иди, иди, я не оставлю тебя без помощи, иди. Когда же этот голос снизошел ко мне, я вся преисполнилась радостью.» И закончив говорить, она возвела глаза к небу, охваченная великим благоговением.

Выслушав же ее, король был весьма обрадован, и посему решил довериться ей, и отправиться в Реймс, однако же, прежде чем оказаться там, ему следовало захватить несколько крепостей на Луаре; в то время же как для этого готовилось все необходимое, к королю сошлись множество принцев, и сеньоров, латников и других людей, отдавших себя под его власть. Посему его генеральный наместник, Жан, герцог Алансонский, незадолго до того освободившийся из английского плена, в каковом пребывал со времени битвы при Вернее, и был выпущен на свободу после того, как уплатил часть, причитающегося выкупа, и оставив вместо себя заложников и обязавшись выплатить остальное, как то и сделал вскоре, продав часть своих земель, ныне желал восполнить свои убытки, обязавшись королю, своему верховному сеньору, службой и верностью, каковой король отдал под его начало множество солдат и артиллерии, приказав ему действовать в согласии с Девой и особенно настаивая, дабы тот, ничего не предпринимал не посоветовавшись с нею. Тот же повиновался с готовностью, будучи весьма обрадован тем, что ему предстоит обретаться бок о бок с нею; и того же мнения держались солдаты и народ, каковые согласно полагали ее посланницей Господа Нашего; каковой она была на самом деле. Посему она вместе с герцогом Алансонским, расставшись с королем, вместе с войском, построившемся в боевой порядок, выступили из города. Вскоре после того, они вошли в Орлеан, где горожане приняли их с величайшим ликованием, особенности потому, что вновь увидели Деву, на каковую не могли нарадоваться.

[Июнь 1429 г.]

(11 июня) Пробыв некоторое время в Орлеане, герцог Алансонский, Дева, граф Вандомский, Орлеанский бастард, маршал де Сент-Север, Ла Гир, мессир Флоран д'Илье, Жаме де Тиллуа, и некий доблестный дворянин, с тех пор стяжавший громкую славу, именем Тудуаль де Кармуазен, по прозвищу Буржец, родом из Бретани, в сопровождении многих латников, числом всего около восьми тысяч, в субботу, на одиннадцатый день июня покинули город; причем войско их включало и конных и пеших, из каковых некоторые были вооружены гизармами, топорами, арбалетами, иные же свинцовыми молотами. Также у них было весьма много огнестрельного оружия, как то ручного, так и артиллерии, и отправились осаждать Жаржо, державший сторону англичан; в каковом городе обретались мессир Гийом де ла Пуль, граф де Суффорт, а также мессир Жан и мессир Аликсандр де ла Пуль, его братья, под их же началом находились около шести или семи сотен английских латников, имевшие при себе пушки и другую артиллерию, весьма доблестные воины, как то было доказано во многих сражениях и атаках, в каковых они принимали участие, во время сказанной осады; каковая осада ранее едва не была снята, ибо некие осаждавших вели предательские речи, будто осаду следует на время оставить и идти навстречу мессире Жану Фаско, и иных военачальников противной стороны, каковые двигались со стороны Парижа, имея при себе обоз, артиллерию, а также две тысячи английских латников, желавших снять осаду или по меньшей мере также оказать поддержку и помощь сказанным осажденным в Жаржо. Надо сказать, что многие уже покинули лагерь, и остальные последовали бы за ними, если бы не Дева и многие сеньоры и капитаны, каковые нашли слова, дабы их удержать на месте и призвать остальных вернуться: так что осадное кольцо вновь замкнулось, и начались стычки между осаждающими и осажденными; причем последние весьма метко обстреливали их из пушек и иных метательных орудий, каковым образом убили и ранили многих французов. *Iecerent plusieurs Francois.* Среди прочих, выстрелом из бомбарды оторвало голову одному дворянину родом анжуйцу, каковой стоял почти на том же самом месте, где ранее обретался герцог Алансонский, но предупрежденный Девой об смертельной опасности, каковой подвергался, отступил назад, но не успел отойти и двух туазов, как стоявший перед ним был убит. В течение всего названного дня и следующей ночи, французы обстреливали Жаржо из бомбард и пушек; вызвав в городе множество разрушений; так среди прочего тремя выстрелами из орлеанской бомбарды, именуемой Пастушеской или Овечьей, удалось обрушить самую большую башню. Посему на следующий день, каковой пришелся на воскресенье, двенадцатый день июня, французы спустились в ров, неся с собой лестницы и все необходимое для штурма, и обрушились на осажденных, каковые тем не менее долгое время удерживали их, защищаясь весьма доблестно. Особенно привлек к себе внимание один человек на стене, бывший весьма высоким и крепко сбитым, обряженный в полный доспех со шлемом на голове, каковой защищался весьма неистово и швырял со стен огромные валуны и обрушивал вниз лестницы, и людей, каковые пытались по ним вскарабкаться. На какового солдата герцог

Алансонский указал мэтру Жану, кулевринеру, и тот взяв его на прицел, выстрелил англичанину прямо в грудь, каковой англичанин весьма неосторожно подставил себя под выстрел и мертвым свалился со стены в город.

Дева же, неся в руке штандарт, во время сказанного боя, спустилась в ров, там, где завязалось самое ожесточенное сражение, и подошла к самой стене, так что некий англичанин сбросил ей на голову огромный валун, от удара какового она вынуждена была опуститься на землю. При том же, что камень был весьма твердым и прочным, он разлетелся на части, не причинив Деве никакого вреда; каковая поднялась на ноги будто ничего не произошло, и с великой храбростью, продолжала ободрять французов, говоря им, чтобы шли вперед без страха, ибо англичане больше не в силах защищаться, и слова ее оказались правдивыми; ибо французы, ободренные ими, с новой силой бросились штурмовать стены, и ворвавшись в город, силой овладели им.

Когда же граф де Суффорт, оба его брата и многие другие английские сеньоры поняли, что не в силах более защищать стены, они отступили на мост; во время какового отступления был убит мессир Аликсандр, брат названного графа; однако же им и здесь не удалось удержаться, ибо французы атаковали их со стен. Множество доблестных солдат бросилось преследовать англичан; особенно следует упомянуть некоего французского дворянина, по имени Гийом Реньо, горевшего желанием непременно захватить в плен графа де Суффорта, каковой захотел узнать, дворянин ли тот: на что тот ответил да; и далее рыцарь ли тот; на что тот ответил нет. Тогда же граф посвятил его в рыцари и сдался ему. Подобным же образом были захвачены и взяты в плен мессеры Жан де ла Пуль, его брат и множество иных сеньоров и латников, при том что множество их той же ночью были отправлены по реке в Орлеан, из опасения, что в противном случае их могут убить; ибо многих убили по дороге, во время вспыхнувшей перебранки среди многими французами и частью пленников. Сам же город и даже в бывшая в нем церковь, в каковых имелось много добра, подверглись разграблению.

Той же самой ночью герцог Алансонский и Дева в сопровождении многих сеньоров и латников вернулись в Орлеан, где были встречены с ликованием. Оттуда же они дали знать королю о взятии Жаржо, и о том, что бой продолжался более четырех часов, в течение какового боя было совершено немало подвигов. В овремя взятия Жаржо погибли четыре или пять сотен англичан, и кроме того огромное количество их, как то дворян, так и простых воинов, попало в плен.

После сказанного штурма Жаржо, герцог Алансонский и Дева короткое время пробыли в Орлеане, куда уже прибыло пополнение в количестве шести или семи тысяч латников, многих сеньоров, рыцарей, оруженосцев, капитанов и доблестных солдат; и среди прочих там обретались сеньор де Лаваль и сеньор де Лоиак, его брат; сеньор де Шовиньи де Берри, сеньор де ла Тур д'Овернь и видам Шартрский. Вскоре и король прибыл в Сюлли-сюр-Луар. Следует же добавить, что армия его увеличивалась день ото дня, ибо в нее постоянно вливались новые люди, прибывавшие из всех частей королевства, дабы предоставить себя в его распоряжение.

(15 июня) В то же время герцог Алансонский, будучи главнокомандующим королевской армией выступил из Орлеана в среду, на пятнадцатый день названного июня месяца, сопровождаемый Девой, мессиром Луи де Бурбоном и другими сеньорами, капитанами и латниками, бывших в весьма большом числе, в сопровождении обоза и артиллерии, желая подступить с осадой к Божанси, и захватить на своем пути мост в Мёне на Луаре, при том что англичане надежно укрепили его и поставили на его защиту доблестных солдат, исполненных решимости вести упорное сопротивление. Но несмотря на их сопротивление, мост был взят с налету, так что продвижение французов не было этим задержано.

(16 июня) Оттуда же они, выстроившись в боевой порядок, на следующий день, ранним утром, выступили по направлению к Божанси и беспрепятственно проникли внутрь, ибо англичане оставили город, отступив в замок и на мост, каковые заранее весьма укрепили в ожидании нападения; при том, что французы в самом городе не могли ощущать себя в полной безопасности, ибо многие англичане прятались в домах и лачугах бедноты, откуда внезапно атаковали французов, желавших расположиться на постой в сказанных местах, и между врагами вспыхивали весьма ожесточенные схватки, в каковых с обеих сторон много было раненых и убитых, при том что англичане все же вынуждены были отойти к мосту и в замок, каковые французы взяли в осаду со стороны Бос и окружили пушками и бомбардами. дабы принять участие в этой осаде, к армии присоединился Артюс, граф де Ришмон, коннетабль Франции, брат герцога Бургундского, какового сопровождал Жак де Динан, сеньор де Бомануар, брат сеньора де Шатобриана. Тогда же названный коннетабль молил Деву, и к его мольбе присоединились многие сеньоры, испытывавшие к нему дружескую привязанность, дабы она помирила его с королем, и та, уступив его мольбам, пообещала ему свое содействие при условии, что тот перед ней и прочими сеньорами принесет королю присягу на верность. Также она пожелала, дабы герцог Алансонский и и другие владетельные сеньоры выступили поручителями за него, и скрепили письмо своими печатями, как то и было сделано; после чего коннетабль вместе с другими сеньорами присоединился к осаде. Каковые приняли решение отправить часть своих людей на другой берег Солони, дабы англичане были заперты со всех сторон; однако же, бальи д'Эвре, главнокомандующий над осажденными направил посланца к Деве, дабы уговориться с ней об условиях сдачи. В конце каковых переговоров, продолжавшихся почти до полуночи названного дня 16 июня, было договорено, что англичане оставят замок и мост, им же будет позволено на следующий день уйти прочь, захватив с собой оседланных и взнузданных коней, а также движимое имущество,

цена какового не превысит марку серебром для каждого уходящего; при том, что дадут обязательство не брать в руки оружие ранее чем через десять дней.

(18 июня) Следуя названным условиям они ушли прочь на следующий день, каковой пришелся на восемнадцатый день июня, и отправились в Мён, в то время как французы вошли в замок и оставили там гарнизон для защиты.

В ту же самую ночь, когда велись переговоры о сдаче замка и моста Божанси, сеньоры де Тальбот и д'Эскаль и мессир Жан Фаско подошли достаточно близко, и узнав о взятии Жаржо, оставили в Эстампе обоз и артиллерию, каковы везли с собой из Парижа, дабы предоставить их в распоряжение осажденных, и далее направились со всей поспешностью, желая сохранить за собой Божанси и вынудить французов снять осаду; но не сумели проникнуть в город несмотря на то, что имели при себе четыре тысячи солдат, ибо нашли французов столь хорошо организованными для отпора, что предпочли отказаться от своего намерения. Затем они вернулись к Мёнскому мосту, и отважно приступили к его осаде; однако же, им пришлось отступить и укрыться в городе, ибо французский авангард после взятия Божанси приближался со всей поспешностью, тем же утром намереваясь вступить с ними в бой. Посему в тот же самый день, англичане покинули названный Мён и выстроившись в боевой порядок ушли прочь из города, направляясь в Йенвилль. В то же время, герцог Алансонский и другие французские сеньоры, прибывшие вслед за своим авангардом, узнали о том, со всей быстротой, с каковой только могла двигаться их армия пустились в преследование, по-прежнему сохраняя строгий боевой порядок, так что англичанам пришлось двигаться до самого Йенвилля, не имея возможности остановиться на отдых [вплоть до] деревни в земле Бос, называемой Патэ.

Ввиду того, что Дева вместе со многими другими сеньорами не желали вынуждать солдат двигаться быстрее, они поручили Ла Гиру, Потону, Жаме де Гиллуа, мессире Амбруазу де Лоре, Тибо де Терму и другим доблестным воинам, двигавшимся верхом, взяв с собой как солдат сеньора де Бомануара, так и других, каковые пожелают их сопровождать, догнать англичан и вступить с ними в бой, дабы их задержать и не позволить скрыться за крепостными стенами. Что и было исполнено, и даже более того, ибо французы несмотря на то, что в их распоряжении было всего лишь четырнадцать или пятнадцать сотен бойцов, вступили в бой с такой отвагой, что четыре тысячи англичан потерпели жестокое поражение. Из них же около двух тысяч двухсот человек, как англичан так и предателей из французов, погибло в бою, остальные же, спасаясь от смерти, кинулись бежать по направлению к Йенвиллю, однако, жители города закрыли перед ними ворота; так что им пришлось спасаться бегством в разные стороны. Посему во время бегства многие погибли или же попали в плен, причем их положение ухудшилось из-за того, что французская армия уже успела подойти на помощь своим, и помочь своему авангарду завершить разгром.

В тот день французам удалось захватить множество пленников и богатую добычу, ввиду того что сеньор де Тальбот, сеньор д'Эскаль, мессир Томас Рамстон и еще некий капитан по имени Онкфорт, попали в плен вместе со многими другими сеньорами и доблестными английскими бойцами. Также йенвилльцы оказались в выигрыше, ибо многим из них англичане оставили на хранение большую часть своей казны, сделав остановку в городе во время похода к Божанси, каковому городу они намеревались прийти на помощь.

В тот же день королю и его армии сдался Йенвилль; также некий дворянин, бывший в этом городе заместителем капитана, каковой открыл для французов доступ в большую городскую башню и принес присягу отныне хранить верность королю.

Когда же слухи о названном поражении, ибо во время названного боя многим удалось спастись бегством, и среди прочих мессире Жану Фаско, скрывшемуся в Корбее, заставил английские гарнизоны, стоявшие в боских крепостях, как то в Мон Пипо, Сен-Сигизмон, и других, преисполниться страха и предав их огню и поспешно уйти прочь. Французы же, напротив, воспряв духом, отовсюду притекали в Орлеан, ожидая приезда короля, каковой приказал бы начать двигаться к Реймсу дабы там принять коронацию; однако, он предпочел поступить иначе; и его решением бывшие в городе, уже украсившие улицы и приготовившиеся к встече были весьма раздосадованы, ибо не знали о планах короля, желавшего для обеспечения безопасности своего положения задержаться в Сюлли-сюр-Луар.

Посему же герцог Алансонский и все сеньоры и латники, победившие при Патэ и оттуда вернувшиеся в Орлеан отправились к нему; прибыв же туда Дева не преминула заступиться за коннетабля, говоря о добрых услугах, каковые тот оказал ей и всем благородным сеньорам и доблестным бойцам, приведя с собой около пятнадцати сотен латников; и молила короля простить коннетаблю его промах. Король же склонился к ее просьбе, однако же, по причине великой привязанности, каковую питал к сеньору де ла Тримую, имевшему при нем великую силу, не пожелал разрешить коннетаблю присоединиться к его свите во время путешествия в Реймс; чем Дева и множество больших сеньоров, капитанов и других членов королевского совета остались весьма огорчены, памятуя, как он отдал в их распоряжение большие средства и доблестное воинство. Однако же, они не осмелились возразить, видя, что король полностью подчинен воле сказанного сеньора де ла Тремуя и не может противиться ни одному его желанию, из любви к каковому не пожелал чтобы коннетабль сопровождал его в этом походе.

Посему тот обратил свои мысли на другое и призвал своих солдат, горевших желанием вступить в бой, дабы вместе с ними подступить с осадой к Маршенуару, каковой город обретался между Блуа и Орлеаном. Когда же англичане и бургунцы бывшие в гарнизоне узнали о том, они отправили часть своих людей к герцогу

Алансонскому дабы просить позволения им беспрепятственно уйти прочь, каковой от имени короля договорился с ними, и дал им десять дней, дабы они имели возможность уйти прочь вместе со своим добром, те же, что собирались остаться поклялись в верноподданничестве и в том, что подчиняться королевскому дому, в чем выдали заложников, дабы тем удостоверить надежность сказанного. После чего, как то было условием договора, король должен был простить им все ранее совершенные измены. После заключения сказанного договора, герцог Алансонский послал к коннетаблю, дабы передать ему приказ не двигаться далее, чему тот отказался повиноваться; предатели, бывшие там, узнав, что коннетабль не имеет веры в названный договор, нарушили собственное обещание и использовав данный им десятидневный срок, и хитростью захватили нескольких людей герцога Алансонского, и увели их в плен в Маршенуар, дабы обменять их на своих заложников, и отказавшись от всякой мысли о сдаче, приготовились защищаться далее.

(26 июня) В воскресенье следующее за праздником Св. Иоанна Крестителя, того же года тысяча четыреста двадцать девятого, Бонни сдался мессире Луи де Кюлану, адмиралу Франции, каковой по крикаму короля во главе большого отряда подступил с осадой к этому городу. Каковой король отправил за королевой Марией, своей женой, дочерью покойного Луи, короля Сицилии, второго носителя этого имени, и потому многие почитали, что он возьмет ее с собой на коронацию в Реймс. Несколько дней спустя, ее доставили в Жиень, в каковом городе король много раз держал совет, дабы решить каким способом будет всего удобнее осуществить путешествие в Реймс дабы принять коронацию. В конце на последнем из сказанных советов было решено, что король отправить королеву в Бурж, и отправиться в путь, не пытаясь перед началом путешествия овладеть Косном и Ла Шарите-сюр-Луар с помощью, как то советовали ему некоторые: как то и было сделано, в то время как королеву доставили в Бурж, а король отправился в Реймс.

(29 июня) Король же выехал из Жиеня в день праздника Св. Петра, бывшего в сказанном месяце июне, в сопровождении Девы, герцога Алансонского, графа Клермонского [позднее ставшего герцогом Бурбонским], графа Вандомского, и сеньора де Лавалья, графа Булонского, Орлеанского бастарда, сеньора де Лоиака, маршалов де Сен-Север и де Рэ, адмирала де Кюлана, и сеньоров де Туар, де Сюлли, де Шомона-сюр-Луар, де При, де Шовиньи, де ла Тримуя, де, Ла Гира, де Потона, Жаме де Тиллуа, [Тудуаля де Кармуазена] прозванного Буржем, и многих других сеньоров, дворян, доблестных капитанов благородной крови а также в сопровождении двенадцати тысяч латников, отважных, доблестных и преисполненных бесстрашия, каковые доказали это в доблестных сражениях и ратных подвигах, бывших ранее, и ныне, и после того, и в особенности во время сказанного путешествия. Во время какового они прошли до конца пути, и затем вернулись назад, со всей открытостью, и без страха глядя в лицо опасности, через земли, города, замки, мосты и дороги, бывшие в руках у англичан и бургундцев.

Особенно следует упомянуть, что двигаясь вперед по своему пути, они подступили к Осере и стали готовиться к штурму города. Дева же полагала, и многие сеньоры и капитаны соглашались с ней, что нетрудно будет взять город штурмом, и желали испробовать эту возможность. Но бывшие в Осере тайно передали сеньору де ла Тримуму две тысячи экю, дабы тот оградил их от штурма, и также снабдили королевское войско большим количеством продовольствия, в каковом французы весьма нуждались. И посему не изъявили покорности королю: чем многие состоявшие на армейской службе а также Дева были весьма раздосадованы; ибо ничего не могли с тем поделать. Но все же король, пробыл там около трех дней и затем вместе со всем своим воском отправился к Сен-Флорентину, каковой сдался ему без единого выстрела.

Оттуда же он направился к Труа, где призвал бывших в городе изъявить ему покорность; в чем ему было отказано наотрез; и напротив, горожане заперли ворота и приготовились к защите против возможного штурма. К тому же, пять или шесть сотен англичан и бургундцев, бывших в гарнизоне, совершили вылазку дабы схватиться с королевской армией на марше, и помешать ей расположиться вокруг городе. Однако же им пришлось смешав ряды возвращаться назад со всей поспешностью, ибо из атаквали доблестные капитаны и латники, бывшие в армии короля, каковые затем в течение пяти дней оставались у стен города, словно бы взяв его в осаду. В каковое время бывшие в армии весьма страдали от голода; ибо всего здесь было пять или шесть тысяч человек, каковые уже в течение восьми дней не видели хлеба. Надо сказать, что многие бы тогда же умерли от голода, не будь у них в изобилии бобов, каковые были посеяны в том же году побуждение кордельера по имени брат Ришар, каковой в канун Рождества и ранее того отправлял службу путешествуя по Франции и среди прочего говорил в своей проповеди: «Сейте бобы, добрые люди, сейте их во множестве, ибо тот кому предназначено прийти, придет вскоре.» И ввиду сказанного голода и также потому, что бывшие в Труа отказывали в повиновении, некоторые из советников предлагали королю вернуться, ибо и Шалон и сам Реймс также были в руках противника.

Однако же, когда сказанные соображения обсуждались в королевском совете, и мэтр Реньо де Шартр, в то время архиепископ Реймский, канцлер Франции уже предложил высказаться многим сеньорам и капитанам, большинство из каковых склонялись к тому, чтобы вернуться ибо город Труа был сильно укреплен, при том, что армии не хватало денег и недоставало артиллерии: но мэтр Робер де Масон, человек большого ума, бывший ранее канцлером, когда ему также предложили высказать свое мнение, в заключении заявил, что следовало бы немедленно послать за Девой, ибо по ее совету было предпринято названное путешествие, и посему она быть может, сумела бы найти выход из создавшегося положения. Но случилось так, что едва они пришли к такому решению, она сама с силой постучала в дверь комнаты совета, и будучи пущенной внутрь, выслушала

канцлера, каковой в коротких словах изложил ей причины, склонившие короля предпринять сказанное путешествие, а также те, по каковым казалось разумным его прервать. Она же отвечала на это весьма разумно, предложив королю остаться, и уверив, что грод Труа будет приведен к покорности в течение двух или трех дней, будь то полюбовно или силой оружия. Тогда же канцлер сказал ей: «Жанна, ежели это произойдет в течение шести дней, мы готовы будем ждать.» На что она немедля отвечала, что не питаем в том ни малейших сомнений, и посему было решено ждать.

Тогда же, сев на боевого коня, с палкой в руке, со всей настойчивостью и упорством принялась готовить штурм и приказала обстреливать город из пушек; чему епископ и многие бывшие в городе весьма изумлялись. Каковые горожане полагая, что король имеет над ними законную власть и является их суверенным сеньором, памятуя также о деяниях и свершениях Девы, и слухах, согласно каковым она была посланницей Бога, вступили в переговоры. Из города же вышел епископ в сопровождении нескольких лучших людей, как воинов, так и горожан, с каковыми было заключено соглашение о сдаче, согласно каковому содатам позволено было уйти вместе со своим добром, в то время как горожанам будет даровано полное прощение. Король же сохранил бенефиции тем церковникам, что получили их от Генриха Английского; при условии принесения присяги. На указанных условиях, король и большая часть сеньоров и капитанов, весьма пышно одетых, на следующее утро въехали в названный город Труа, в каковом обреталось множество пленников, причем состоявшие на службе в гарнизоне, сообразуясь с заключенным соглашением собирались увести их с собой; однако же, Дева воспротивилась тому, и король дабы разрешить спор, выкупил их, полностью уплатив то, что за них причиталось.

В тот же самый день, король назначил капитанов и других офицеров, каковым предстояло нести служба в названном городе. На следующий же день через город прошло все его войско, ранее располагавшееся вне городской черты под руководством мессира Амбруаза де Лоре, после чего король вместе со всеми своими людьми покинул город, вняв увещаниям Девы, каковая весьма его торопила, и настояла на том, чтобы король отправился в Шалон, в каковой город въехал при ликовании народа: ибо епископ и горожане вышли ему навстречу и изъявили ему полную покорность. Посему он оставил нескольких капитанов и офицеров, преданных ему, нести гарнизонную службу и продолжил путешествие в Реймс. И ввиду того, что указанный город отказывал ему в повиновении, он остановился в четырех лье от него в замке называемом Сепсо, принадлежавшем архиепископу реймскому. Каковым событием жители Реймса были приведены в смутение, каковое разделяли в особенной степени сеньоры де Шастийон-сюр-Марн и де Савез, бывшие в гарнизоне в месте с англичанами и бургунцами, причем последние приказав горожанам собраться, объявили им, что ежели те сумеют удержать город в течение шести недель, они приведут помощь, после чего заручившись их уверениями в том, уехали прочь. При том, что они не успели еще удалиться от города, как горожане собравшись на общий совет, и с общего согласия всех жителей Реймса, отправили посланцев к королю, каковой даровал им полное прощение, в то время как те вручили ему ключи от города. И далее в утром названного дня, каковой пришелся на субботу, первым торжественно въехал архиепископ, ибо не был в городе с того самого времени, как получил свое назначение. После обеда, к вечеру, туда же в город въехал король в сопровождении всей своей армии; с ним же была Жанна Дева, на каковую были направлены все взгляды. Также в город въехал Рене, герцог де Бар и де Лорен, брат короля Сицилии, и также сеньор де Коммерси, в сопровождении латников, бывших у него на службе.

[Июль 1429 г.]

На следующий день, каковой пришелся на воскресенье, сем[надцатый] день июля, того же названного тысяча четыреста двадцать девятого года, сеньоры де Сент-Север и де Рэ, маршалы Франции, а также сеньор де Гравилль и сеньор де Кюлан, адмирал Франции, согласно древнему обычаю были посланы королем в Сен-Реми, дабы привезти оттуда сосуд со священным миро для помазания. Каковые сеньоры произнеся надлежащие клятвы, иными словами, обязуясь доставить и вернуть сказанное, сохранив его от всякой опасности, со всей торжественностью и благоговением приняли его у порога церкви Сен-Дени из рук аббата, облаченного в праздничную ризу, богато расшитую золотом. К ним же вышел архиепископ, облаченный с не меньшей пышностью, в сопровождении каниоников и принял у них доставленное и утвердил его на высоком алтаре церкви Нотр-Дам, что в Реймсе, перед каковым алтарем явился король, облаченный со всей пышностью ему полагавшейся; от какового архиепископ принял клятвы полагавшиеся по обычаю для истинных королей Франции, желавших принять святое помазание. Немедля после того, герцог Алансонский произвел короля в рыцари, после чего тот принял от архиепископа помазание и корону, при чем тот во всем следовал требованиям церемониала, произнеся все молитвы, благословения и увещания, полагавшиеся при обряде помазания; после чего король с великой пышностью произвел сеньора де Лаваля в графское достоинство. Также на церемонии присутствовали герцог Алансонский и граф Клермонский и множество иных рыцарей. После завершения молебна, сосуд со святым миро был унесен прочь и доставлен туда, откуда был взят.

Дева же, присутствовавшая при церемонии помазания и коронации, после ее завершения, на глазах у всех сеньоров опустила на колени и обняла ноги короля, и обливаясь слезами, сказал ему: «Благородный король, отныне исполнилась воля Господня, каковой пожелал, дабы я освободила Орлеан от осады и привела вас в указанный Реймс где вам предстояло получить святое помазание, дабы все отныне увидели, что вы

истинный король, каковому лишь одному должно принадлежать французское королевство.» И все бывшие там были весьма растроганы этим зрелищем.

В сказанный день два дня следующие за тем, король оставался в Реймсе, после чего отправился в Сен-Маркуль, заступничеством какового французские короли снискали Господнее благоволение, благодаря которому получали силу исцелять золотушных, и куда ему следовало направиться после получения святого помазания: и как король и поступил на самом деле. Оказавшись в каковом месте, где были произнесены все требуемые молитвы и сделаны все приношения, полагающиеся по обычаю; откуда он затем отправился в небольшую крепостцу называемую Вайи, обретавшуюся в долине в четырех лье от Суассона. Горожане названного Суассона поднесли ему ключи от города, их же примеру последовали горожане Лаона, к каковым король загодя направил герольдов, предлагая открыть перед ним ворота; из Вайи он отправился в Суассон, где жители, каковые были весьма ему преданы, приняли его с великой радостью и ликованием, ибо дожидались его прибытия загодя. Оттуда же он получил весьма радостные известия, касательно того, что Шасто-Тьерри, Креси, что в Бри, Провен, Кулемье и многие иные города изъявили ему покорность.

Пробыв некоторое время в названном святом городе Суассоне, он отправился далее в Шасто-Тьерри, и далее в Провен, где остановился на три или четыре дня, и затем приказал своей армии готовиться к бою, и вывел ее в поле бывшее поблизости с местечком, называемым ла Мотт-де-Можь, ожидая там герцога Бетфортского, каковой выступил из Парижа и двигаясь через Корбей, дошел до Мелёна, имея с собой десять тысяч латников, и хвастаясь, что сумеет разбить королевское войско. Однако же, он переменял свое намерение, и вернулся в Париж, при том, что его войско не уступало по численности королевскому, король же склонившись на просьбы многих из своих советников, желавших вернуться к Луаре, постуновил двигаться туда. Однако же, гарнизон Брэ, через каковой город он собирался пройти дабы там переправиться через Сену и обещавшие ему свободный проход, в последнюю ночь перед его появлением, приняли у себя большой отряд англичан и бургундцев, каковое событие пришлось весьма [по душе] герцогам Барскому и Алансонскому, графам Вандомскому и Лавальскому, а также многим капитанам и доблестным латникам, каковые вынуждены были вслед за королем возвращаться против своего желания. Их же воля состояла в том, чтобы постепенно разворачивать наступление, ибо англичане отнюдь не решались оказать им сопротивление.

Посему королевское войско повернуло назад в Шасто-Тьерри и оттуда направилось к Крепи-ан-Валуа, в каковом месте расположилось в поле неподалеку от Дампмартина и Гуэлли. К каковому же войску со всех сторон стекались французы, крича Noel и распевая Te Deum laudamus, и псалмы и гимны, и песнопения, возносил хвалу Господу, и торжествуя, более всего любуюсь на Деву. Каковая, взволнованная их поддержкой и благодарностью, обливалась слезами умиления, и и однажды, оставшись наедине с графом де Дюнуа сказала ему: «Во имя Божье, взгляните на этот добрый преданный народ, ради которого мне хочется умереть в этой стране, когда мне придет время умирать.» Тогда же граф спросил ее: «Жанна, известно ли вам, где и когда вы умрете?» Она же ответила ему что нет, и что препоручает себя в том Господней воле; также говоря ему и другим сеньорам: «Я исполнила то, что поручил мне Господь, как то снять осаду с Орлеана и помочь королю принять помазание. Мне хотелось бы, чтобы Господь милостью своей позволил мне вернуться к отцу и матери, дабы я продолжала пасти своих овец и скотинку, и далее поступала как то хотелось бы мне.» После чего смиренно подняла глаза к небу, творя благодарственную молитву. После каковых слов, произнесенных со всей искренностью и верой, все без исключения бывшие там уверились что она была святой посланницей Господа; как то и было на самом деле. Когда же герцог Бетфортский, дядя короля Генриха Английского и наместник, правивший от его имени городами и местечками, обретавшимися в той части королевства, каковую удерживал в своих руках, проведал что король находится в полях под Дампмарином, во главе многочисленной армии выехал из Парижа и отправился в Миктри, бывший по соседству с названным Домпмарином, и занял там весьма выгодную позицию.

О названном деле доложено было королю; каковой приказал своим людям также держать оборону и приготовиться отразить нападение противника, или напасть на него, ежели к тому представится необходимость и отыщется позиция для того не менее выгодная. Однако же англичане отнюдь не проявляли желания начать наступления, наоборот, укрепившись в весьма удобном для обороны месте; как то следовало из донесений Ла Гира и иных доблестных капитанов и бойцов, сумевших разведать и высмотреть расположение врага, каковые в указанный же день, дабы увериться насколько возможна была победа при нападении, многократно завязывали стычки с англичанами, нападая на них с разных сторон, и тревожа таким образом с утра и до ночи; при том что ни одна из сторон не понесла значительных потерь. После каковых стычек герцог Бетфортский вместе со своей армией вернулся в Париж, король же отошел к Крепи-ан-Валуа, из какового города направил герольдов в Компьень, дабы призвать бывших там к изъявлению покорности, на что те согласились весьма охотно.

Около того же времени несколько французских сеньоров отправились в город Бовуа, в каковом начальствовал епископ мэтр Пьер Кошон, весьма преданный англичанам, бывший, однако, родом из окрестностей Реймса. Однако, несмотря на то, горожане, едва завидев герольдов, на одежде каковых обретался королевский герб, несмотря на сказанное, разразились радостными криками: «да здравствует Карл, король Франции!» и запели Te Deum, и предались великому ликованию. После чего было позволено беспрепятственно уйти из города всем тем, каковые не желали изъявить сказанную покорность, захватив с собой все свое добро.

Несколько дней спустя, герцог Бетфортский отправился из Парижа в Санлис, во главе своей армии, каковая увеличилась на четыре тысячи человек, доставленных из-за моря его дядей, кардиналом Английским, набравшим ее под предлогом борьбы с богемскими еретиками; каковые солдаты были набраны на церковные деньги, однако же, солгал и нарушил собственные уверения, и отправил их воевать против французов, бывших добрыми христианами. Каковые вести дошли до слуха короля, каковой немедленно пустился в дорогу, направляясь вместе со своим войском к Компьенью, и расположился в деревне называемой Баррон, в двух лье от Санлиса, каковой город держал сторону англичан и бургундцев. Посему же он приказал мессире Амбруазу де Лоре [ставшему затем прево Парижа], и сеньору де Сент-Траю попытаться захватить город и ежели сочтут то возможным, продолжать наступление далее, ведя при том разведку о положении герцога Бетфортского и его войска. Каковые, захватив с собой часть из своих солдат, располагавших добрыми конями, отправились ранним утром, и прошли столь близко от английского войска, что видели огромные клубы пыли, поднятые по широкой дороге, соединяющей Париж и Санлис, из чего заключили, что по ней движется противник. С каковым донесением они спешно отправили к королю одного из солдат, дабы загодя уведомить его о подходе англичан; сами же, несмотря на опасность, оставались на месте достаточное время, чтобы разведать наверняка сколько солдат в английской армии и сколько в ней кавалерии, и каким путем она двигалась к названному Санлису, о чем также спешно отправили к королю еще одного из своих солдат. Каковой король приказал дабы все его войско со всей тщательностью собралось вместе и выстроилось в боевой порядок за городом, и далее, подойдя вплотную к нему; закрыло собой проход между рекой, каковая протекала через Баррон и горой называемой Монпиле.

Герцог же Бетфортский вместе со своей армией подошел к Санлису в начале вечера, причем им предстояло пересечь небольшую реку, верхнее течение каковой находилось в названной деревне Баррон; при том что проход был столь узок, что сквозь него могли пройти одновременно всего лишь двое конных. Посему, увидев, что англичане углубились в названный опасный проход, сеньоры де Лоре и де Сент-Трай со всей поспешностью вернулись к королю и сообщили ему обо всем увиденном. Обрадованный каковыми вестями, он немедленно приказал своим войскам ударить на англичан, вынудив их биться в названном проходе; однако же, французы, опоздав, подошли к противнику лишь тогда как большая часть английского войска уже успела закончить переправу. Посему обе армии, завидев друг друга, сблизились и остановились на расстоянии малого лье одна от другой, в каковом положении оставались неподвижно до самой темноты, в то время как множество доблестных бойцов с с той и другой стороны множество раз вступали в стычки между собой; во время каковых стычек с обеих сторон было явлено немало подвигов. Ночь заставила их прервать боевые действия, причем англичане расположились на берегу названной речки, в то время как французы расположились в окрестностях Монпелье.

На следующий день король своим приказом разделил армию на три части, каждой из каковых давалась особая роль в будущем сражении. Первая из каковых (составлявшая авангард) и самая многочисленная из всех, была отдана под командование герцогу Алансонскому и графу Вандомскому. Касательно второй, составлявшей среднюю часть войска, начальником над ней был поставлен Рене, в то время герцог Барский [позднее бывший королем Сицилии и герцогом Анжуйским]. Третья же, в каковой обреталось множество сеньоров и весьма доблестных латников, исполняла роль арьергарда, [король] пожелал находится в ней лично; его же сопровождали герцог Бурбонский и сеньор де ла Тремуй, вместе со множеством рыцарей и оруженосцев. Что касается флангов сказанной армии, разделенной на трое, там располагались и приняли командование согласно приказу маршалы де Сен-Север и де Рэ; с ними же множество рыцарей, оруженосцев и бойцов разного положения. Кроме того, особо был выделен отряд, каковому было положено вступать в конные стычки с англичанами, поддерживать иные части воинства и по необходимости приходить им на помощь, в каковом отряде обретались весьма доблестные сеньоры, капитаны и другие бойцы, причем командование сказанными людьми возлагалось на Деву, Орлеанского бастарда, графа д'Альбре и Ла Гира. Лучников же имели под своим началом сеньор де Гравилль и рыцарь из Лимузена по имени мессир Жан Фуко.

Отдав названные распоряжения, король несколько раз выезжал вперед, отдаляясь от названных трех отрядов к английской армии, каковую возглавлял герцог Бетфортский, и под его началом были бастард де Сен-Поль, и множество пикардийцев и бургундцев, и множество иных рыцарей и солдат, стоявших лагерем возле деревни, имея в тылу широкий пруд. Каковые англичане всю ночь беспрестанно, со всей тщательностью укрепляли свой лагерь, окружив его рвом и частоколом из заостренных кольев. Посему король, выслушав мнение всех принцев крови, бывших там, а также мнение иных сеньоров, рыцарей, оруженосцев, капитанов и весьма доблестных латников, принял решение дать бой англичанам и их союзникам, ежели в том будет необходимость и удастся найти столь же выгодную позицию: ибо несколько доблестных капитанов и латников, весьма опытных в ратном деле уведомили его, что англичане избрали для себя весьма выгодную позицию, и беспрестанно укрепляли свой лагерь с помощью рва и частокола: посему король заключил, что их невозможно было атаковать, не понеся при том весьма великих людских потерь. Однако же, несмотря на то, он приказал приблизиться к противнику на расстояние двух выстрелов из арбалета и объявить им, что французы готовы дать им бой, ежели те пожелают покинуть лагерь. Англичане же не изъявили к тому никакого желания, при том что весь день до заката продолжались многочисленные и весьма славные столкновения между противниками, ибо множество доблестных французов, как то пешие, так и конные, в снова и снова приближались к

английским укреплениям, приглашая их выйти наружу; причем многие англичане раз за разом выходили им навстречу, и отбрасывали французов, каковым приходили на помощь их товарищи, и соединившись, они оттесняли англичан, в свою очередь, получавшими помощь от своих, вновь выходили за укрепления и заставляли французов отступить, до тех пор пока к французам вновь не приходили подкрепления, и доблестно сражаясь, вытесняли врагов с поля боя. Таковые стычки продолжались беспрерывно до самого заката.

В одной из таковых стычек и вылазок, беспрестанно возобновлявшихся пожелал принять участие сеньор де ла Тримуй; каковой разодетый весьма пышно, верхом на прекрасном боевом коне с копьем в руке, ударил шпорами коня, и по воле случая был выброшен из седла, рухнув на землю среди множества врагов: среди каковых подвергаясь весьма серьезной опасности быть убитым или попасть в плен; однако же, французы предприняли все усилия, чтобы оградить его и помочь ему сесть в седло. Последнее же удалось ему с весьма большим трудом, ибо в это время воркуг него кипело весьма жестокое сражение; и далее до самого заката множество французов присоединилось к нападавшим и весьма доблестно приблизившись к английским укреплениям, вступали в рукопашную схватку, каковая могла продолжаться весьма долгое время, пока англичане как то конные, так и пешие, в великом множестве выходили за линию укреплений, заставляя тех отступать. Против каковых из королевского войска выступало множество весьма доблестных сеньоров, рыцарей, оруженосцев и латников, и присоединялись к своим, в совместных атаках против англичан. Посему враги вступили между собой вспыхнуло самое жестокое и опасное сражение, из всех, каковые произошли в тот день; и схватились друг с другом столь рьяно, что пыль поднялась вокруг них столбом, и уже невозможно было различить, где француз и где англичанин; ибо сражающиеся сойдясь вплотную, смешались между собой так, что слились воедино. Это последнее сражение продолжалось до самой темноты, каковая вынудила французов и англичан прекратить схватку и разойтись, причем с обеих сторон в этот день множество было убито, ранено и взято в плен. Англичане же вернувшись за линию своих укреплений, как и прошлой ночью расположились там; французы же собравшись вместе, отошли и встали лагерем в полулье от них неподалеку от Монпилое, там же, где и прыдыдущим вечером. На следующее же утро, англичане снялись с лагеря и отправились в Париж; король же со своей армией вернулся к Крепи-ан-Валуа.

На следующую ночь король встал лагерем неподалеку от Крепи и наутро отправился в Компьень, в каковом городе его встретили со всей пышностью и великолепием, сказанный город изъявил ему покорность незадолго до того и посему король назначил для пребывания в этом городе офицеров гарнизона, среди каковых следует упомянуть дворянина родом из Пикардии, по имени Гийом де Флави, отпрыска весьма знатного рода, каковой был назначен капитаном.

Сюда же в Компьень прибыли посланные из Бовуа и Санлиса, изъявившие покорность королю; каковой отбыл из Компьеня в конце августа месяца, и оттуда направился в Санлис. Узнав об этом, герцог Бетфортский выступил из Парижа в сопровождении многочисленной армии, опасаясь, что король захочет покорить Нормандию, поспешил туда и распределил своих людей по разным крепостям, державшим сторону англичан, разбросанным по разным частям сказанной земли, а также снабдил их артиллерией и припасами; оставив Париж на попечение мессира Луи Люксембургского, епископа Теруеннского, называвшего себя канцлером Франции от имени короля Генриха; с ним же в Париже оставались мессир Жан Ратле, английский рыцарь, и мессир Симон Морье; каковые имели под своим началом десять тысяч бойцов, дабы охранить и отстоять Париж.

[Август 1429 г.]

Также король определил офицеров и капитанов, каковые должны были находиться у него на службе в Санлисе, и выехал из города в последний день сказанного месяца или около того, и направился в город Сен-Дени, каковой выразил ему полную покорность. Там же он оставался в течение двух дней, в каковое же время происходили многочисленные схватки и бои между французами и англичанами бывшими в Париже; причем с обеих сторон было совершено множество подвигов. На третий же день Дева в сопровождении герцога Алансонского, герцога Бурбонского, графа Вандомского и графа Лавальского, маршалов де Сент-Север и де Рэ, Ла Гира, Потона и множества иных доблестных рыцарей, капитанов и оруженосцев, а также большого отряда доблестных латников, встали лагерем в деревне называемой Ла Шапель, каковая обреталась на полпути между Парижем и Сен-Дени.

На следующий день их отряд, выстроившийся в правильный боевой порядок подошел к Свиному рынку, бывшему перед воротами Сен-Оноре, и установил против города множество пушек, из каковых велся обстрел горожанам, причем на стены были вынесено множество штандартов самых разных цветов, с каковыми обходили периметр стен; и среди них обретался один весьма больших размеров, украшенный изображением красного креста. Часть же из французских сеньоров предпочитали действовать против внешних укреплений, среди них следует назвать сеньора де Сен-Вайе, родом из провинции Дофине, каковой вместе со своими людьми сумел поджечь кольцо фортов и палисад, бывшие перед сказанными воротами Сен-Оноре - при том, что англичане их защищавшие были достаточно многочисленны, они все же были вынуждены отступить через сказанные ворота и вернуться в Париж, в то время как французы силой захватили форты и палисад. Полагая же, что англичане пожелают совершить вылазку через ворота Сен-Дени, дабы атаковать французов, стоявших перед воротами Сен-Оноре, герцоги Алансонский и Бурбонский отступили под защиту горы, каковая

обреталась неподалеку напротив названного Свиного рынка, расположиться ближе к стенам для них не было возможности из-за пушек, бомбард и кулеврин, из каких парижане безостановочно стреляли по ним; однако же, их опасения оказались напрасны ибо парижане так и не осмелились выйти из города. Дева же, видя их трусость, напротив, пыталась побудить их подойти к самым стенам, для чего сама отправилась вперед, и вместе с ней были множество сеньоров и бойцов, среди каковых обретался маршал де Рэ, каковые построившись в правильный порядок, спешили и спустились в первый ров. В то время, в каковое остальные еще находились там, она поднялась на кромку вала и оттуда спустилась во второй ров, копьём, бывшим у нее в руке, прощупывая дно во многих местах, дабы определить глубину воды и тины. Занявшись этим, она задержалась там на довольно большое время, воспользовавшись каковым случаем некий парижский арбалетчик пробил ей бедро стрелой; но несмотря на это, она отказалась уйти и и как могла призывала своих воинов нести к ней фашины и связки прутьев, дабы завалить ими ров, и солдаты смогли бы перебраться через него и таким образом пройти до самых стен; что полагали невыполнимым, ибо вода стояла слишком высоко, и под ее началом не было для того достаточно людей, и ночь уже приближалась. Не обращая внимания на темноту, она продолжала оставаться в сказанном рву, наотрез отказываясь вернуться и отступить, несмотря на просьбы и уговоры, каковые к ней обращали многие [каковые] раз за разом подходили к ней дабы убедить ее удалиться, и склонить ее оставить сказанное начинание: вплоть до того, что герцог Алансонский должен был послать за ней и настоять на том, и вынудить ее вернуться вместе с остальными в названную деревню по имени Ла Вийетт, где они встали на ночлег, там же где и прошлым вечером.

На следующий же день они все вместе возвратились в Сен-Дени; где все перевозносили Деву за то, что та показала волю и настойчивость а также пылкую храбрость, желая штурмом захватить столь сильную крепость как Парижскую, не испытывающую недостатка ни в людях ни в артиллерии. [Позднее] нашлись люди, утверждавшие, будто бы все было готово заранее и она по всей видимости отправилась к городу по своей доброй воле, и знала, что собирается делать; ибо в Париже было множество знатных людей, каковые признавали в короле Карле седьмом этого имени своего суверенного сеньора и подлинного наследника французского королевства, каковые насильно и вопреки всякой справедливости, под страхом смерти вынудили отвергнуть его верховную власть и покорность, каковой ему были обязаны и покориться королю Генриху Английскому, и далее королю Генриху, его сыну, каковой [в течении шести лет начиная с того времени], насильно навязал большей части королевства свою власть, однако же, оставшись преданными своему суверенному сеньору, они составили заговор с целью открыть ему ворота Парижа, бывшего его столицей, каковой план не удалось тогда привести в исполнение по причинам изложенным выше. Посему король, видя, что город не проявляет по видимости намерения сдаться ему, будучи в Сен-Дени много раз держал совет; и в конце концов было решено, ввиду того, что парижане повели себя подобным образом и что город охраняет сильный гарнизон, составленный из англичан и бургундцев, и к тому же король испытывал недостаток в деньгах, необходимых для содержания большой армии, назначить наместником королевства герцога Бурбонского, как то и было сделано, причем сказанный герцог получил приказ разместить в городах, крепостях и иных укрепленных местах, бывших на Луаре и изъявивших покорность королю сильные гарнизоны, дабы охранять и защищать названные крепости, для исполнения сказанного король отдал под его начало большое количество людей и также большое количество единиц артиллерии.

[Сентябрь 1429 г.]

Кроме того, графу Вандомскому и адмиралу де Кюлану приказано было укрепиться в Сен-Дени, каковым король также отдал под начало множество латников, дабы те несли гарнизонную службу. После чего он покинул город на двенадцатый день сентября, и отправился в Леньи-сюр-Марн, из какового города уехал на следующий день, назначив в нем капитаном мессира Амбруаза де Лоре, под началом какового должен был оставаться мессир Жан Фуко и большой отряд латников. Оттуда же он на следующий день отбыл в Провен, и далее в Брэ-сюр-Сен, жители какового города изъявили ему покорность. Оттуда же он отправился далее, оставляя в стороне Санс, жители какового не пожелали открыть перед ним ворота; однако же, ему удалось вброд перебраться через Йонну, вниз по течению от города, и далее направиться в Куртенэ, и оттуда в Шасто-Реньяр и Монтаржи и наконец в Жиен, где он пробыл несколько дней, желая заключить договоренность с герцогом Бургундским, каковой послал к нему сеньора де Шарни, дабы сообщить, что готов уступить ему Париж, однако желает прибыть к нему сам. Посему король дал ему разрешение на свободный проезд дабы тот смог беспрепятственно пересечь все города и прочие места державшие сторону короля; таким образом тот прибыл в Париж; после чего не исполнил ничего из обещанного, и напротив, связал себя еще более тесными узами с герцогом Бетфортским, злоумышляя против короля, при том что благодаря данному ему разрешению смог без всякой опасности и каких-либо препон пересечь все земли, города и прочие места, бывшие покорными королю, и вернуться в свои владения в Пикардии и Фландрии. Король же, убедившись в его обмане, пересек Луару, и вернулся в Бурж, откуда ранее выехал победжденный просьбами и мольбами Девы, каковая загодя открыла ему все, чему следовало произойти, как то освобождению Орлеана от осады и принятию им святого помазан.

¹ Томас Монтегю, 4-й граф Солсбери - во французских хрониках часто называемый «Салебри», один из главнокомандующих английской армией в Столетней войне.

² Т.е. дворянином, слово «сеньор» во французских хрониках обозначает принадлежность к знати.

³ Генрих VI – король Англии с 1422 г. Остался сиротой после ранней смерти отца. На момент начала Орлеанской осады королю было 6 лет.

⁴ Карл VII, прозванный «Победителем» (1403-1461 гг.) – главный противник Солсбери в Столетней войне

⁵ Солонь – административный район, бывший частью древнего герцогства Орлеанэ. Располагался к Югу, на противоположном от города берегу Луары.

⁶ Предместье Портеро (или Портерио) начинается сразу за Турельским мостом, соединяющим Орлеан с противоположным берегом Луары.

⁷ Имеется в виду Уильям де ла Поль, первый герцог Саффолк, после гибели Солсбери ставший главнокомандующим войском, осаждавшим Орлеан. Французские хроники постоянно превращают его в «Пуль» – т.е. «журицу».

⁸ Джон де ла Поль – младший брат Уильяма. Воевал во Франции, умер в плену в 1429 г.

⁹ Томас Скейлз (1397-1460 гг.) – один из главнокомандующих английской армией в последний период Столетней войны, наместник Бэдфорда во Франции. Погиб в 1460 г. сражаясь на стороне Ланкастеров во время Войны Роз.

¹⁰ Уильям Невилл, 1-й эрл Кентский, лорд Фалкомбридж (1410–1463) служил под началом Тальбота и Скейлза. Попал в плен, в 1441 г., после освобождения два года спустя вернулся в Англию.

¹¹ Бальи – должность в феодальной Франции, представлявшая из себя главу крупного города или региона. Подчинялся непосредственно королю или сюзерену. В названное время бальи часто совмещал военные и административные функции – т.н. «капитан и бальи».

¹² Эврё – небольшое графство на Юге Нормандии

¹³ Ричард, 6-й лорд Грей, племянник Солсбери, капитан Жанвилля. 3 марта 1429 г. во время осады Орлеана убит кулевринером Жаном Монтклерком.

¹⁴ Уильям де Молен, брат Уильяма Гласдейла.

¹⁵ Ричард Понингс, убит при осаде Турели.

¹⁶ Уильям Гласдейл, назначенный комендантом захваченной англичанами Турели - крепости перед мостом. Прославился тем, что во время переговоров осыпал оскорблениями и насмешками Жанну д'Арк. Во время штурма Турели пытался вместе со своими солдатами отступить через мост к английским укреплениям, но оказался в реке и утонул под тяжестью доспехов.

¹⁷ Ланселот де Лиль – один из английских военачальников. Убит 10 января прицельным пушечным выстрелом.

¹⁸ Имеются в виду пикардийцы и бургундцы, бывшие союзниками англичан в Столетней войне.

¹⁹ Монастырь августинского ордена располагался прямо за мостом, на противоположном от города берегу Луары.

²⁰ Бомбарда – крупнокалиберная пушка. Применялась при осадах.

²¹ Около 57 кг.

²² Дамба Сен-Жан-ле-Блан располагалась справа от моста.

²³ Давильня для выжимки виноградного сока в Орлеанском предместье Фавьер, непосредственно граничившем с Портеро.

²⁴ Около 36 кг.

²⁵ Потерна Шено – башня, включавшая в себя внутренний коридор для выхода к реке. Названа по имени хозяина одного из близлежащих домов.

²⁶ Новая Башня располагалась на Юго-Восточном углу крепостной стены, между набережной Луары и улицей Новой Башни (Тур-Нев). Основание башни уходило в воду.

²⁷ Турель – крепость, состоявшая из двух больших (круглой и квадратной) и двух малых башей. Располагалась на 18 от городских ворот, непосредственно пролете моста, и являлась по сути своей, мостовым укреплением.

²⁸ Находилась справа от моста, неподалеку от крайнего юго-восточного угла стены.

²⁹ Имеется в виду бульвар – внешнее кольцо фортов крепости. Появилось вместе с артиллерией, назначение бульвара состояло в том, чтобы держать противника на расстоянии, не позволявшем обстреливать крепость.

³⁰ Фашина – плотная связка прутьев. Применялась в фортификации в частности для защиты от вражеского огня.

³¹ Аршамбо де Виллар, ставленник и правая рука герцога Орлеанского. Прославился обороной Монтаржи (1427 г.), в котором французы одержали победу.

³² Монтаржи – город в Северной Франции.

³³ Матиас (или Мадр), сеньор д'Аршиак

³⁴ Арагон – в XV веке одно из испанских королевств.

³⁵ Гийом де Шомон, сеньор де Гитри.

³⁶ Раймон Арно, сеньор де Корраз (или де Коарраз), в разных источниках называется уроженцем Беарна или Гаскони

³⁷ Гасконь – историческая область на юге Франции. Во времена Столетней войны была покорена англичанами.

³⁸ Жан де Сентрайль

³⁹ Жан де Сентрайль, прозванный «Потон» – (1390-1461 гг.). Один из выдающихся военачальников времен Столетней войны. Служил под началом Ла Гира.

⁴⁰ Пьер ла Шапель, сеньор замка Ла-Шапель-Сен-Месмен на Луаре.

⁴¹ Бус (фр. Veauce) – район Франции, расположенный к Юго-Западу от Парижа.

⁴² Железный «чеснок» – трехгранные шипы. Разбрасывались вокруг форта для защиты от вражеской конницы.

⁴³ Рауль де Гокур – капитан и бальи Орлеана, начальник над городским ополчением.

⁴⁴ Церковь Сен-Пер-Эмпон располагалась у Потерны Шено, неподалеку от моста. На колокольне церкви неслась караульная служба, здесь же был набатный колокол города.

⁴⁵ Имеется в виду мужское отделение городской бани, располагавшееся возле ворот Паризи на улице Малых Колодцев (Petits-puits)

⁴⁶ Белль-Круа (досл. «Красивый Крест») – кованный бронзовый крест располагался на мосту между 11 и 12 пролетами.

⁴⁷ Если верить хроникеру бургундского герцога Ангеррану де Монреле, Гласдейл обратился к своему командующему с речью, предлагая ему «взглянуть на свой город», за что оба в конечном итоге и были наказаны.

⁴⁸ Башня Нотр-Дам или Святой Девы на Юго-Западном углу стены.

⁴⁹ Жан де Дюона (1402-1468 гг.) – внебрачный сын Людовика Орлеанского и Мариетты д'Энгиен. Руководил обороной города с начала и до конца знаменитой осады.

⁵⁰ Жан де Бросс, сеньор де Сен-Север, маршал Франции с 17 июля 1426 г.

⁵¹ Жан V, сир де Бей, граф де Сансерр. В 1450 г. произведен в адмиралы Франции.

⁵² Жан де Шабанн, сеньор де Палис - великий мэтр д'отель Франции.

⁵³ Сенешаль – глава городской или областной администрации на юге страны. На севере соответствующая должность именовалась бальи.

⁵⁴ Бурбоннэ – исторический район в центре Франции к северу от Оверни.

⁵⁵ Пьер д'Амбуаз, сеньор де Шомон-сюр-Луар, камергер Карла VII и Людовика XII.

⁵⁶ Теольд де Вальперг, бальи Лиона.

- ⁵⁷ Ломбардия – административный район на севере Италии.
- ⁵⁸ Этьен де Виньоль (1390-1443 гг.) прозванный «Ла Гир», т.е. «гнев». Один из выдающихся полководцев времен Столетней войны.
- ⁵⁹ Капитан – глава военной администрации города во времена Столетней войны.
- ⁶⁰ Вандом – город в центральной Франции.
- ⁶¹ Гийом, сеньор де Серней
- ⁶² Мён-сюр-Луар – город и замок на Луаре, к северу от Орлеана.
- ⁶³ Карл Орлеанский попал в английский плен после битвы при Азенкуре. Известно, что он пытался подкупить Солсбери, пообещав ему 6 тыс. франков в обмен на обещание не нападать на Орлеан, как на землю, оставшуюся без сюзерена. Обещание было дано, и почти немедленно нарушено.
- ⁶⁴ Об ограблении церкви в Клери см. «Хроника Девы» – Глава XXXIII. Об ограблении церкви что в Клери. О том, как граф Салисбери подошел к Орлеану.
- ⁶⁵ Жаржо – город на реке Луаре, сравнительно недалеко от Орлеана.
- ⁶⁶ Уильям Гласдейл, капитан на английской службе. Упомянут также в предыдущей главе.
- ⁶⁷ Церковь Сен-Эньяна – сооружена в начале V века н.э. Изначально имелась церковью Сен-Пьер-о-Беф. Находилась на том же берегу реки, что и сам город, однако, после сооружения крепости оказалась за стенами. Восстановлена, существует и поныне.
- ⁶⁸ Св. Эньан (около 358 г. – 17 ноября 453 г.) – месточтимый святой, епископ города, прославленный при жизни. По легенде защитил город от нападения гуннов Аттилы.
- ⁶⁹ Церковь Сен-Мишель на том же берегу, что и город, но вне крепостных стен. Ныне на ее месте городской театр.
- ⁷⁰ Церковь Сен-Ави находилась на противоположном берегу Луары, к Юго-Западу от города. Восстанавливалась, но была окончательно уничтожена в 1710 г. Ныне на ее месте располагается семинария (Grand-Seminaire). Сохраняется также крипта, датируемая VII веком.
- ⁷¹ Часовня Мартруа-о-Кор возле городского кладбища, принадлежала капелланам церкви Сен-Круа. Находилась на том же берегу, что и город, но вне городских стен. Разрушена.
- ⁷² Церковь Сен-Виктор – на том же берегу, что и город, но вне крепостных стен. Разрушена.
- ⁷³ Бургундские ворота в западной части города, от них начиналась дорога на Жьен.
- ⁷⁴ Автор хроники ошибается. На самом деле речь шла о Часовне Сен-Мишель, построена не ранее 1358 г. Находилась на том же берегу, что и город, но за крепостными стенами. В настоящее время не существует.
- ⁷⁵ Монастырь Св. Иакова. Располагался на набережной Луары, перед крепостной стеной города.
- ⁷⁶ Монастырь францисканского ордена. На том же берегу Луары, что и город, но вне крепостных стен. В настоящее время не существует.
- ⁷⁷ Монастырь кармелитского ордена. Располагался также неподалеку от крепостной стены, на той же стороне Луары, что и сам город. Не существует.
- ⁷⁸ Монастырь Св. Матюрина, рядом с крепостной стеной. Ныне не существует.
- ⁷⁹ Больница Сен-Пуар была основана Людовиком Святым для призрения слепых. Рядом с ней располагался матюринский монастырь.
- ⁸⁰ Церковь Сен-Лоран-дез-Оргериль (по имени предместья, где она располагалась. Ныне – церковь Сен-Лоран. Располагалась на набережной Луары, вне крепостных стен. Отстроена заново в 1446 г. Существует и поныне.
- ⁸¹ Джон Тальбот, 1-й граф Шрусбери – один из крупнейших английских полководцев времен Столетней войны, во время осады Орлеана возглавлял отряд из 400 латников – т.е. треть собственно английской армии, осаждавшей город
- ⁸² Томас Скейлз (1397-1460 гг.) – один из главнокомандующих английской армией в последний период Столетней войны, наместник Бедфорда во Франции. Упомянут также в главе «Октябрь 1428 г.».
- ⁸³ Бомбарда – тяжелое осадное орудие.
- ⁸⁴ Т. е. графа Солсбери, первого главнокомандующего английской армией. О его гибели см. главу "Октябрь 1428 г."
- ⁸⁵ 164 ливра – т.е. около 74 кг.
- ⁸⁶ Досл. улица У маленьких башмачков.
- ⁸⁷ Св. Эньан – епископ, покровитель Орлеана. Подробнее см. примечание к предыдущей главе.
- ⁸⁸ Бель-Круа (досл. «Красивый крест») – кованный крест располагался между одиннадцатым и двенадцатым пролетом моста через Луару, рядом с ним мост перекрывала система фортов, получившая от него свое имя.
- ⁸⁹ Кулеврины – здесь – средние и легкие пушки а также ручное огнестрельное оружие.
- ⁹⁰ 120 ливров – около 54 кг.
- ⁹¹ Потерна – башня с проложенным внутри потайным коридором, ведем к реке. Располагалась на набережной, имя своя получила от владельца одного из ближайших домов.
- ⁹² Монтаржи – город и крепость на Луаре. Незадолго до начала осады французы одержали здесь убедительную победу. Отряд, присланный из Монтаржи на помощь осажденным составлял одну из лучших частей гарнизона.
- ⁹³ Жан де Дюнуа – внебрачный сын Людовика I Орлеанского, глава крепостного гарнизона.
- ⁹⁴ Жан де Монклер, прозванный также Жан Лотарингец – искусный пушкарь, специально присланный на помощь осажденному городу королем Карлом VII.
- ⁹⁵ Монастырская церковь и часовня Сен-Лу на том же берегу, что и сам город, но вне крепостных стен. Окончательно перестала существовать в 1580 г., приход Сен-Лу слился с приходом Сен-Жан-де-Брей
- ⁹⁶ Церковь Сен-Марк – также вне городских стен, на том же берегу, что и город. Восстановлена, существует и поныне.
- ⁹⁷ Церковь Сен-Жерве – была расположена к Западу от церкви Сен-Марк. Ныне не существует.
- ⁹⁸ Современная церковь Сен-Эверт. В то время находилась перед крепостной стеной. Восстановлена, существует и поныне.
- ⁹⁹ Часовня Сен-Эньан или часовня Св. Марии покровительницы дороги располагалась в предместье перед Бургундскими воротами, к Востоку от города.
- ¹⁰⁰ Церковь Сен-Винсент, получившая свое имя из-за расположения поблизости к винодельческим фермам, на том же берегу Луары, что и город, но вне крепостных стен.
- ¹⁰¹ Больничная церковь Сен-Ладр в предместье перед воротами Банье (на Парижской дороге). Ныне не существует.
- ¹⁰² Церковь Сен-Пуар – ныне церковь Сен-Патерн. На том же берегу Луары, что и город, но вне крепостных стен.
- ¹⁰³ Монастырская церковь Св. Магдалины – на том же берегу Луары, что и город. Ныне не существует.
- ¹⁰⁴ Имеется в виду Уильям де Ла Поль, 1-й герцог Саффолк ставший главнокомандующим английской армии под Орлеаном после гибели Солсбери.
- ¹⁰⁵ Джон де ла Поль, младший брат Уильяма (Пуля). Погиб в битве при Патэ в 1429 г.
- ¹⁰⁶ Ланселот де Лиль – глава одной из частей английской армии при осаде Орлеана. Убит.

Письма Жанны д'Арк во время осады Орлеана

Известно о нескольких, по крайней мере, двух письмах, которые были написаны Жанной д'Арк во время осады Орлеана.

Письмо Жанны д'Арк англичанам (22 марта 1429 г.)

ИИСУС, МАРИЯ

Король и владыка Англии¹, и вы, герцог Бедфордский², называющий себя регентом королевства французского; вы Гийом де ла Пуль, граф Сулфорк³; Жан, сир де Тальбот⁴; и вы, Томас, сир д'Эскаль⁵, называющий себя наместником сказанного герцога Бедфордского, склонитесь перед волей Владыки Небес; отдайте Деве, посланнице Бога, Владыки Небесного, ключи от всех добрых городов, занятых вами и силой отторнутых от Франции. Она пришла по воле Божьей дабы взыскать с вас королевскую кровь⁶. Она готова заключить мир, ежели вы готовы проявить благоразумие, оставить сопротивление, и вернуть все, что вы удерживаете за собой. Обращаюсь к вам, лучники, солдаты, дворяне и простые люди, стоящие лагерем под [добрым городом] Орлеаном, возвращайтесь в свою страну, как то велит вам Бог; а ежели не подчинитесь, вскорости ждите известий от Девы, с которой вам придется не замедлиться встретиться к великой вашей досаде и горести. Король Англии, ежели вы не последуете сказанному, знайте, что я как военачальник добром или силой, буду гнать ваших людей отовсюду во Франции [как сеющих в названном королевстве французском измену, горе и разрушение⁷], где только повстречаю их, а ежели они не пожелают повиноваться, я прикажу их взвесить предать смерти. Я посланница Бога, Владыки Небес, волю которого исполняю, я пришла, чтобы вышвырнуть вас вон из Франции. Ежели вы повинуетесь мне, я пощажу вас. Но не тешьте себя надеждой, что вам удастся удерживать за собой королевство Французское, ибо Господь, Владыка Небес, сын Святой Марии; предназначил его королю Карлу⁸, подлинному наследнику; такова воля Владыки Небесного, открытая ему Девой, каковой король вступит в Париж во главе доброй свиты. Ежели вы не захотите прислушаться в вести, переданной вам от Господа посредством Девы, мы будем вас бить повсюду и везде, где бы ни обнаружили вас, и устроим разгром, какого Франция не знала уже тысячу лет, и так будет ежели вы не проявите благоразумия.

Знайте, что Владыка Небес даст Деве силу, превосходящую все, что вы способны бросить в бой, у нее есть доброе войско; и вскоре мы увидим, чью сторону держит Владыка Небес. Герцог Бедфордский, Дева просит и закликает вас прекратить разрушения. Ежели вы проявите благоразумие, придите же к ней, и там посредством французов совершенно будет лучшее из всего, что когда-либо случалось в христианском мире. Ответьте, желаете ли вы дать мир городу Орлеану; если же нет, вскоре вам придется пожалеть об этом, ибо вас ждут в скором времени жестокие потери.

Писано⁹ во вторник святой недели¹⁰.

¹ Имеется в виду малолетний Генрих VI, ставший королем в 1422 г. в результате ранней смерти отца. В момент написания письма монарху было 7 лет.

² Джон Ланкастерский, герцог Бедфордский, граф Ричмондский (1414-1435 гг.), младший брат короля Генриха V после смерти последнего был объявлен регентом Франции при юном Генрихе VI

³ Уильям де Ла Поль, 1-й герцог Саффолк - в момент написания письма возглавлял английское войско, осаждавшее Орлеан. В произношении французов той эпохи его имя превращалось в Roule т.е. «куруцу».

⁴ Джон Тальбот, 1-й граф Шрусбери – один из крупнейших английских полководцев времен Столетней войны, во время осады Орлеана возглавлял отряд из 400 латников- т.е. треть собственно английской армии, осаждавшей город

⁵ Томас Скейлз (1397-1460 гг.) – один из главнокомандующих английской армией в последний период Столетней войны, наместник Бедфорда во Франции.

⁶ Этот несколько темный момент обычно трактуется как требование Жанны вернуть свободу пленному Карлу I Орлеанскому, принцу крови, двоюродному брату короля Карла VII. Карл, сюзерен города Орлеана, попал в плен в битве при Азенкуре и действительно, как подтверждают документы того времени, Жанна деятельно хлопотала о его освобождении, ссылаясь при этом на волю неба.

⁷ Эта часть текста имеется лишь в копии XVIII века

⁸ Имеется в виду Карлу VII, дофин королевства французского, происками матери лишенный права наследования. В скором времени после освобождения Орлеана Жанна сумела добиться его коронации.

⁹ Если верить оруженосцу Жанны – Тибо, первый вариант письма составлен был в Пуатье и продиктован Жану Эро. Она же, осведомившись у него, имеются ли в его распоряжении бумага и чернила, сказала: "Запишите за мной следующее: «Вы, Суффорт, Классидас и Ла Пуль, я приказываю вас именем Владыки Небесного, дабы вы отправлялись назад в Англию». (Из показаний на Процессе Реабилитации, собственно текст на старофранцузском языке, показание Тибо записано на латыни). Основной текст письма, как полагается составлен в Пуатье, на пути следования отряда Жанны на помощь осажденному Орлеану. Подлинник на старофранцузском языке не сохранился, в то время как существуют две копии XVIII века, ныне хранящиеся в Национальной Библиотеке Франции. Кроме того, текст, отличающийся лишь в деталях, приведен в документах обвинительного процесса, иной, уже несколько сокращенный и измененный текст приводит Дневник Орлеанской осады

¹⁰ Святая или Страстная неделя у католиков – последняя неделя Великого Поста, непосредственно предшествующая Пасхе.

Письмо Жанны д'Арк англичанам (5 мая 1429 г.)

Англичанам. 5 мая 1429 г.

Вы, англичане, не имеющие ни малейшего права на французское королевство, посредством меня, Жанны Девы, Владыка Небес объявляет и приказывает вам покинуть свои бастилии¹ и возвращаться к себе на родину.

Ежели вы не подчинитесь, я устрою вам такой разгром, о котором помнить будут вечно. О чем пишу я вам в третий и последний раз² и более писать не намерена.

Засим подписываюсь: Иисус, Мария, Жанна Дева,

Ранее я обращалась к вам самым учтивым образом, вы же в ответ силой удержали у себя моих герольдов, вы удержали моего герольда Гиенского. Извольте отослать его мне назад, я же в ответ отошлю к вам нескольких из ваших людей, взятых нами в бастилии Сен-Лу, ибо не все из них мертвы³.

¹ Бастилии – осадные укрепления из дерева, окружали осажденный Орлеан.

² Второе письмо считается утерянным.

³ Подлинник письма не сохранился. Его содержание известно из латинского переложения, сделанного духовником Жанны – Жаном Паскерелем во время Процесса Реабилитации. В латинский текст введены французские слова «fahū» – (сражение, разгром), La Pucelle (Дева), позднее – Jehanne, la Pucelle (Жанна Дева), hérault (герольд), Guyenne (Гиенский). Письмо было по сути своей последней попыткой прекратить кровопролитие под Орлеаном. 5 мая, уже после первой победы осажденных, было прикреплено к стреле и выпущено стрелком, у разрушенного крепостного моста. Как и предыдущие послания, успеха не имело.

Селёдная битва (12 февраля 1429 г.) («Хроника девы», Глава XL)

Селёдная битва, также битва при Руврэ – сражение Столетней войны, произошедшее 12 февраля 1429 г. недалеко от Руврэ, немного севернее Орлеана. Битва является одним из эпизодов осады Орлеана.

В начале февраля 1429 г. англичане выслали из Парижа обоз для обеспечения нужд своих войск, осаждающих Орлеан. Вооруженным конвоем командовал сэр Джон Фастольф. В обозе было около 300 повозок, нагруженных боеприпасами и провизией (главным образом, бочками с сельдью). Начался Великий Пост, что объясняет наличие в обозе такого значительного количества рыбных припасов. Битва была проиграна французами и стала самым значительным событием с начала осады Орлеана (октябрь 1428 г.) и вплоть до появления у стен города Жанны д'Арк (май 1429 г.).

Глава XL.

О битве при Ровре-Сен-Дени, что в земле Бос.

В то время как продолжалась осада, Шарль, граф Клемонский, старший сын герцога Бурбонского, решил прийти на помощь городу Орлеану. Вместе со своим войском он пришел в Блуа и там узнал о том, что герцог Бетфортский послал большие подкрепления своим войскам, каковые англичане отправились из Парижа с огромным запасом продовольствия, чтобы доставить его к английскому войску и пополнить его людьми. После чего он отпривился из Блуа дабы преградить им путь к Орлеану и сообщил о своем намерении бастарду Орлеанскому и другим военачальникам, бывшим вместе с ним в Орлеане, каковые спешно отправились к нему и неподалеку от Йенвилля встретились с указанным графом и его людьми, каковые весьма обрадовались их прибытию, и вскоре они получили известие о том, что англичане находятся невдалеке от города Рувре-Сен-Дени, и с ними движется обоз, нагруженный продовольствием и артиллерия.

Французы полны были решимости сразиться с англичанами, и для указанной цели объединили своих людей, каковое войско оказалось большим, и был при нем граф Клермонский в сопровождении высокородных баронов, уроженцев Оверни и Бурбоннэ; там же был бастард Орлеанский и сир де ла Файет, и де Сент-Север, маршалы, сир де Кюлан, адмирал Франции, виконт де Туар, сир де Белльвилль и иные рыцари и оруженосцы из Берри у Пуату, мессир Жан Эстюарт или Стюарт, коннетабль шотландский, граф д'Эвре, каковому король даровал указанное графство, и его брат и было с ними большое шотландское войско, мессир Гийор д'Альбре, сир д'Орваль, мессир Жан де Нила, сеньор де Шатобрюн, виконт де Бридье, мессир Жан де Лего, Ла Гир и множество иных рыцарей и оруженосцев, и военачальников, имевших право распоряжаться на поле брани. И было решено, что им всем следует биться конными, за исключением только арбалетчиков и артиллеристов, каковые при виде англичан и их подходе, выкатят вперед пушки, кулеврины и иные метательные машины.

Французы продолжали идти вперед, пока не заметили англичан, неподалеку от Рувре, каковые без со страхом ожидали начала битвы. Они окружили себя обозными телегами, и дабы сохранить подобную защиту приказано было их арбалетчикам и купцам, каковые прибыли из Парижа и иных городов, занять оборону перед кольцом телег и окружить их рядом из множества заостренных рогаток. Тогда французские пехотинцы выкатили свои пушки, кулеврины и иные метательные орудия, после чего приблизились к телегам и охранявшим их английским арбалетчикам, каковых начали обстреливать, каковой обстрел причинил им большой урон, потому что у орлеанцев были в избытке отличные и великолепные кулеврины, каковым ничто не могло проитвостоять, ибо они все разносили в щепы.

И в результате этого обстрела многие из англичан и парижских торговцев были убиты, в то время как англичане не осмеливались выйти из кольца защиты, дабы не оказаться под ударом конницы, каковую видели перед собой. Но коннетабль шотландский столь сильно желал схватиться с врагом, что вместе со своими людьми спешился, дабы скорее пробиться к англичанам за кольцо телег, нарушая отданный ему ранее приказ и не дождавшись остальных; с каковым коннетаблем спешился бастард Орлеанский, сеньоры д'Орваль и де Шатобрюн, мессир Жан де Лего и некоторые другие дворяне, каковые желали, своим конным войском ударить и разгромить англичан, но из их намерения ничего не получилось.

В этот же час уже спускался вечер, и была суббота, двенадцатый день февраля, канун факельного воскресенья¹ в год тысяча четыреста двадцать восьмой, англичане вдруг вышли из под защиты своих телег и ударили по указанным шотландцам, каковые были вскоре разбиты. При виде случившегося, оверньцы и другие вместе с ними бросились бежать, вместо того, чтобы сразиться с англичанами, и вернулись в Орлеан, и с ними был указанный бастард, каковой был тяжело ранен в указанной битве, и в ней же погибли указанные коннетабль шотландский, сиры д'Орваль, де Шатобрюн, де Лего, и другие дворяне, количеством около трех или четырех сотен бойцов, и большая часть французской армии. Также погибло много англичан; мессир Жан Фасто руководил обороной со стороны англичан, и он же в конце концов доставил на глазах у французов продовольствие и обоз к войску, осаждавшему Орлеан, во вторник, следующий за поражением французов.

¹ Первое воскресенье Великого Поста, во время которого по обычаю организовывали факельные шествия и пляски вокруг костров.

Договор в Аррасе (1435 г.)

В 1435 г. бургундцы перешли на сторону короля Франции, и Филипп III, подписав с Карлом Аррасский мирный договор, передал ему Париж.

Первое, что король Франции должен возвести в Монтеро, который лежит на Йонне, на свои собственные средства часовню стоимостью в LX парижских ливров снабженную и содержащую книги, чаши, ризы и иные принадлежности настолько, чтобы этого в часовне было достаточно для нужд одного капеллана, который будет каждый день читать мессу заупокой души Жана, герцога Бургундии, и сеньора Нуэйля, который был убит вместе с ним; и в этой часовне герцог Бургундии и его наследники будут слушать обедню.

Далее, король должен спроектировать и возвести в Монтеро не менее чем одно приорство на двенадцать монахов, стоимостью в восемь сотен ливров в постройке.

Далее, должен водрузить на мосту в Монтеро крест, который бы отмечал место, где был убит герцог.

Далее, надлежит читать мессу заупокой, которая должна содержать замечание о месте, где покоится тело герцога, для чего следует выделить десять парижских ливров ренты...

Далее, король увеличивает сеньории названного герцога Бургундии и его наследников мужского и женского пола в областях Макон и Сен-Югон со всеми их принадлежностями, оммажами, принадлежавшими королю, которые герцог должен принять под покровительство; и бальяж Сен-Югон включается в бальяж Макон.

Далее король с радостью уступает герцогу Бургундии и его первому сыну только на протяжении их жизни эды на соль, подати, тальи, фуажи и иные субсидии в областях Макон, Шалон, Отэн и Лантер и все то же в герцогстве Бургундия, графстве Шаролэ и областях внутри них.

Далее, герцог и его сын, первый наследник, получают графство Оксерр, единственно на время их жизни и впоследствии оно возвращается короне Франции в той же природе, как и прежде; и оно получает особого бальи.

Далее, король отказывается в пользу герцога и его законных наследников от замка Бар на Сене со всеми его принадлежностями.

Также уступаются под руку герцога Бургундии и его наследников мужского пола навечно деревни, замки и шателенства Перонн, Мондидье и Руа.

Далее, король передает герцогства Артуа и Болонь, и области вокруг них, включая все города, деревни и замки, принадлежащие королю Франции, вплоть до реки Сомма с одной стороны и с другой – Амьен, Сен-Квентин, Корби, Аббевиль, как и все герцогство Понтье по обеим сторонам Соммы, как и Дурлан, Сен-Реке и области Ожерр во Фландрии и Эно, оммажи остаются за королем и суверенитет за курией Парламента. Все эти владения король может выкупить обратно за сумму в четыреста тысяч экю в два срока.

Далее, ни герцог Бургундии, ни его наследники не приносят оммаж королю ни за названные сеньории, ни за те, которые они получают от королевства Франция в прошлом. Но после кончины Филиппа, герцога Бургундии, его наследник приносит «оммаж» по отношению к королю Франции, какой надлежит приносить вассалом и человеком своему суверену.

Далее, что вассалы герцога Бургундии в случае, когда эти сеньоры находятся по поручению герцога на службе в армии, особенно же королевской, должны нести инсигнии на цепи. И таким же образом в присутствии короля и его коннетабля они не должны принуждаться к ношению иных инсигний, кроме бургундских, а именно креста на цепи...

1.16. ВЕНГРИЯ

Ранняя история Венгрии

(Шимон Кезаи, «Деяния венгров»)

При создании своего труда, Шимон Кезаи (т.е. из Кезы), придворный клирик венгерского короля Ласло IV, опирался на более ранние произведения венгерской историографии, в самостоятельном виде не сохранившиеся: так называемые «Деяния венгров» 1060-х гг.; их продолжение, составленное при короле Кальмане в начале XII в.; аналогичное позднее продолжение XII в. (непосредственно или в переработке 70-х гг. XIII в. неким магистром Акошем). Другой основной источник Шимона Кезаи, на основании которого изложена древнейшая история венгров, – это так называемые «Деяния гуннов». В этом сочинении развивается представление о тождестве венгров с гуннами и, тем самым, говорится о двукратном пришествии венгров в Центральную Европу – в V и IX вв.

[24. Рассказав о судьбе гуннов, надо теперь поведать об их повторном вселении в Паннонию.]

25. Итак, в правление Оттона Шваба в Германии и Италии, Людовика, сына Лотаря, – во Франции, а в Греции – Сурового (Antoninus Durgus), сына Феодора¹, в [349] год от Воплощения Христова² 872-й³ гунны, или венгры, снова войдя в Паннонию, прошли королевства бессов⁴, белых половцев⁵ и город Киев⁶ и потом остановились на реке под названием Уж, где основали крепость⁷. По этой-то реке народами Запада они и были прозваны венграми⁸. И так как потом они основали еще шесть крепостей, то некоторое время оставались в тех краях.

[26. Венгры, разбившись на семь отрядов, каждый под командой отдельного предводителя, переправляются через Дунай в районе Пешта.]

27. Из этих предводителей богаче и родовитее [других] был Арпад⁹, сын Альмоша, сына Элада, сына Угера из рода Турул. Именно этот Арпад со своим родом первым проник через Русские Альпы¹⁰ и первым разбил свой лагерь на реке Уж, ибо его роду, вперед всех скифских племен, усваивается то преимущественное достоинство, что в наступлении он предшествует войску, а в отступлении – идет последним...

[45-51. После смерти короля Иштвана Святого¹¹ проискамы его вдовы Гизелы¹² на трон возводится король Петер¹³. Венгры недовольны его притеснениями, и Петер изгнан в результате восстания во главе с Шамуэлем Абой, который и становится королем¹⁴. Петер просит помощи в Германии и возвращается на престол при поддержке немецкого войска¹⁵ и части венгерской знати.]

52. После того как король Петер и венгры, которые вернули его, укрепились у власти, они начали бесчинствовать¹⁶. По этой причине все венгры в волнении размышляли, как им прогнать Петера и вернуть сыновей Ласло Лысого¹⁷. А пока это происходило, Эндре, Бела и Левенте, перебравшиеся из Чехии в Польшу, были дружески приняты польским князем Мешком¹⁸. Там Бела, победив в поединке князя поморьян, получил в жены дочь Мешка¹⁹. Эндре и Левенте, досадуя на то, что живут в Польше из-за его славы, двинулись на Русь. А так как там они не были приняты владимирским князем из-за короля Петера²⁰, они идут дальше в землю половцев²¹. Те хотели было их убить, думая, что они – лазутчики в их королевстве, но пленный венгр узнал [принцев, и] после этого к ним относились наилучшим образом.

[53-54. Венгры собираются на совет в Чанаде и приглашают вернуться трех братьев²². Те возвращаются, Петер пленен, ослеплен и погибает в темнице.]

¹ Из этих трех персонажей претендовать на реальность может только «Людовик, сын Лотаря», если под ним подразумевать Людовика II, сына франкского императора Лотаря I, но и Людовик II правил не «во Франции», а в Италии. Никаких «Оттона Шваба» и «Антонина Сурового» история не знает. Странно, что автор никак не соотнес своих фантастических героев с действительными, о которых мог бы легко узнать из «Хроники» Регинона, которой он пользуется в других случаях.

² См. «Бертинские анналы».

³ Происхождение этой ошибочной даты неясно; в соответствующем рассказе «Венгерского хроникального свода», который в данном случае отражает один и тот же с Шимоном источник, находим 888 г., близкий к датировке Регинона.

⁴ Видимо, нет смысла задаваться вопросом, кого именно имел в виду Шимон под «бессами». Исторические бессы античных источников – фракийский народ на Балканах. При описании Шимоном географического положения Скифии в гл. 6 бессы, наряду с белыми половцами, названы им в качестве западных соседей Скифии. В «Хроникальном своде» этот этноним иногда применяется для обозначения печенегов.

⁵ Упоминание о половцах в Восточной Европе в IX в. – анахронизм; этот тюркский народ появляется в южнорусских степях только в первой половине XI столетия. Собственно тюркская традиция, вроде бы, ничего не знает о делении половцев на «белых» и «черных», хотя применение цветообозначений типично для тюркской этнонимии. Упоминания о «Черной» и «Белой Кумании» у арабского географа ал-Идриси, работавшего в середине XII в. при дворе Роджера II, норманнского короля Сицилии, являются, скорее всего, отражением латинской (причем, именно венгерской) этногеографической традиции. Последняя различала также между «белыми» и «черными» венграми.

⁶ «Зеркально» аналогичный эпизод присутствует и в гуннской предыстории венгров в первой части труда Шимона. Там передовые отряды гуннов-венгров, выйдя из Скифии, «прошли земли бессов и белых половцев. Потом вошли в Суздаль, Русь и земли черных половцев, наконец благополучно, преодолевая сопротивление названных народов, дошли до Тисы». В данном случае «Суздаль» опущен, а вместо «Руси» появился «Киев». О прохождении «угров» мимо Киева и их дальнейшем переходе через Карпатские горы знает и

древнерусская «Повесть временных лет». Не исключено, что это летописное сообщение восходит к источнику западнославянского происхождения («Сказанию о предложении книг на славянский язык»), в котором могла отразиться и венгерская этногенетическая традиция; однако наличие древней «венгерской» топонимии в окрестностях Киева (урочище Угорское) делает вероятными также и собственно древнерусские корни припоминаний о венграх под Киевом в конце IX в.

⁷ Ужгород, по-венгерски Ungvar.

⁸ Народнотимологическое сближение с лат. (H)ungari облегчалось наличием носового гласного в первоначальной форме гидронима – *Qgъ (название реки, вероятно, связано с индо-европейским названием ужа или угря: ср. слав. *qzъ, *qgogъ). Фактически латинское название венгров, как и слав. qgъ, греч. Ouggroi, происходит от тюркского этникона *on oqug* «десять родов» – названия этнического объединения, в которое одно время входили и мажарские племена.

⁹ По его имени Арпадами (Арпадовичами) в историографии принято называть венгерскую королевскую династию, правившую до начала XIV в.

¹⁰ Карпаты. «Альпами» средневековые авторы нередко именовали любые горы (ср. Венгерский хроникальный свод/1); собственно Альпы Шимон называет «Итальянскими Альпами», а Карпаты – «Русскими Альпами», как, впрочем, и на Руси их именовали «Угорскими (т. е. Венгерскими) горами».

¹¹ Иштвана I, скончавшегося 15 августа 1038 г.

¹² Гизела была сестрой германского императора Генриха II.

¹³ Король Петер был племянником Иштвана I (сыном его сестры, бывшей замужем за венецианским дожем Оттоном Орсеоло), поэтому Шимон вряд ли прав, обвиняя в избрании Петера именно Гизелу.

¹⁴ Ср. «Императорская хроника».

¹⁵ Петер вернулся на престол в 1044 г. с помощью германского короля Генриха III.

¹⁶ Стандартное объяснение конфликта; и короля Петера изгнали, потому что он «бесчинствовал»; и его преемником Шамуэлем венгры были недовольны, потому что он «бесчинствовал». Очевидно, венгерская историческая традиция не знала реальных причин происшедшего.

¹⁷ Ласло был сыном Михая (Михаила), брата князя Гезы, отца короля Иштвана I; таким образом, сыновья Михая – Васой (Василий) и Ласло (Владислав) – приходились Иштвану двоюродными братьями. По генеалогии, отразившейся как у Шимона, так и в «Хроникальном своде», король Эндре I и его братья были сыновьями Ласло, но современная наука поддерживает другую венгерскую генеалогическую традицию (которую знает и Шимон, но отвергает ее как неверную) — о происхождении Эндре и братьев от Васоя. Выше (в гл. 44) Шимон сообщил, что Эндре, Бела и Левенте бежали по совету Иштвана I в Чехию.

¹⁸ Польским королем Мешком II.

¹⁹ Таким образом, Бела (будущий венгерский король Бела I) оказывался свяжком киевскому князю Изяславу Ярославичу: оба они были женаты на сестрах польского князя Казимира I, сына Мешка II. Хронология этого и последующих событий в историографии спорна. Наиболее удовлетворительно выглядят следующие датировки: изгнания венгерских принцев в Чехию – между 1032 и 1038 гг., прибытия в Польшу – конец 1042 г. или несколько позднее, участие Бела в войне против поморян (против князя Се(мо)мысла) – 1042/1043 г., отъезд Эндре и Левенте на Русь – 1044/1045 г. Следовательно, дело происходило в правление в Польше не Мешка II, а Казимира I, тогда как имя Мешка возникло в венгерской традиции задним числом на основе знания, что Бела был женат на его дочери.

²⁰ Слов «из-за короля Петера» нет в соответствующем рассказе «Венгерского хроникального свода» (Венгерский хроникальный свод/2), но в свете реконструируемой хронологии событий они выглядят правдоподобными. На Вольни, во Владимире, тогда наместничал кто-то из старших сыновей киевского князя Ярослава Мудрого: Изяслав или Святослав.

²¹ Говоря о половцах в южнорусской степи в 1040-е гг., венгерская историческая традиция (не только Шимон Кезай) снова (ср. фрагмент 1) допускает анахронизм: речь, конечно, должна идти о печенегах.

²² Не трех, а только Эндре и Левенте, так как Бела оставался в Польше.

(Аноним, «Деяния венгров»)

Книга анонимного летописца («нотариуса») венгерского короля Бела (вероятнее всего Бела III-го), написанная на рубеже XII и XIII вв., является самой древней из дошедших до нас венгерских хроник. Следы более древней хроники, летописи XI в., можно найти в других венгерских письменных источниках, но текст ее не сохранился. Текст этой древнейшей венгерской хроники использовал и Аноним.

Источниками хроники Анонима, кроме потерянной древнейшей хроники, являлись также устные предания и некоторые западноевропейские письменные источники. Последнее особенно заметно при описании Скифии. Хотя Аноним мог использовать все существовавшие источники, касавшиеся эпохи завоевания родины, однако, при описании событий он не был объективен. Так, он не упоминает о болгарской войне конца IX в., для того, чтобы описать проход венгров только через Верецкий перевал во главе с воеводой Арпадом, основоположником династии Арпадовичей, летописцем которой был и сам Аноним.

КНИГА МАГИСТРА П. НОТАРИЯ КОРОЛЯ БЕЛЫ О ДЕЛАХ ХУНГАРОВ.

Предисловие,

(Здесь анонимный автор рассказывает о причинах, побудивших его написать свою историческую работу).

I. О скифии

Скифия означает огромную землю, называемую Дентумогер, границы которой идут на восток от северной части до Черного моря, за ней находится река Танаис с большими болотами, где очень много соболей... У восточной границы Скифии жили народы Гог и Магог... Скифская земля по ширине и по длине обширна. Люди, которые там проживают, называются до сих пор обычно Дентумогер, и они никогда не были подчинены власти ни одного императора. Скифы – древние народы, и имели власть на востоке, как мы сказали выше. Первым королем Скифии был Магог, сын Яфета, и этот народ по имени короля Магога был назван Могер, из потомков этого короля происходил известнейший и властительнейший король Аттила, который в 451 г. по воплощению господина, выйдя из земли скифской, с огромной силой пришел на землю Паннонии и, обратив в бегство римлян, захватил власть...

После этого через большое время из рода этого короля Магога произошел Утек, отец вождя Алмуша, от которого брали свое происхождение короли и вожди Хунгарии, как об этом рассказано будет ниже... Скифская земля... хотя и очень обширна, все-таки не могла ни прокормить, ни вместить такого множества народов.

Поэтому семь главных лиц, которых называли Хетумогер, не вытерпев тесноты этих мест, очень задумались, чтобы оставить их. Тогда эти семь главных лиц держали совет между собой и решили выйти из родной земли, чтобы занять себе земли для жилья, как мы это расскажем в нижеследующем.

II. Откуда происходит название Хунгар

Теперь нужно еще сказать, почему народ, вышедший из скифской земли называют Хунгар. Назвали их Хунгар [от названия] крепости Хунгу¹ потому что после покорения славян, VII главных лиц, прибыв в Паннонию, на этом месте задержались дольше. Поэтому, все окружающие народы называли Алмуша, сына Угека, вождем Хунгарин и его воинов называли хунгарами...

III. О первом вожде Алмуше

В 819 г. после воплощения господ², Угек, как мы сказали выше, из рода древнего короля Магога, был очень знатным вождем Скифии, который взял в жены в Дентумогере дочь вождя Эунедубелиана по имени Эмешу, которая родила сына, названного Алмушем...

IV. О вожде Алмуше

...Когда вождь Алмуш стал зрелым юношей, взял из той же земли себе в жены дочь одного знатнейшего вождя, от которой родился сын по имени Арпад, которого он взял с собой в Паннонию, о чем будет сказано дальше.

V. О выборе вождя Алмуша

Итак... род Хунгаров... ведет свое происхождение от скифского племени, которое на своем собственном языке называется Дентумогер. Та земля, была очень переполнена множеством народов... Поэтому семь старейшин, которые называются Хетумогер... не выдержав тесноты мест... решили попытаться пойти в землю Паннонии, которая была по слухам землею короля Аттилы, из рода которого происходит Алмуш, отец Арпада. Тогда эти семь старейшин... признали, что они не могут закончить начатого пути, если не будет над ними вождя и правителя. Итак, по своей воле и с общего согласия семи лиц, избрали вождем и правителем себе и всем сынам своих сыновей до последнего поколения, Алмуша, сына Угека и тех, кто произойдет из его рода, потому что вождь Алмуш, сын Угека, и те, которые произойдут из его же рода, были более славного происхождения и более могущественными в войне. ...Тогда они, в согласии друг с другом, так обратились к вождю Алмушу: с этого дня мы выберем тебя нашим вождем и правителем, и куда ведет тебя судьба, твоя, туда и мы будем следовать за тобой.

Тогда эти вышеупомянутые лица за Алмуша, вождя своего, свою» кровь по обычаю языческому спустив в один сосуд, дали клятву. И хотя они были язычниками, все-таки клятву, которую дали друг другу, сдержали до самой смерти.

VI. Об их клятве

...Имена этих семи лиц: Алмуш, отец Арпада, Элеуд, отец Зоболшу, ...Кунду, отец Курсана, Оунд, отец Эте, ...Тошу, отец Лелу, Хуба, ...Тухутум, отец Хорки...

VII. О выходе их

В 884 г. от воплощения господ, как написано в летописях, семь старейшин, которые называются Хетумогер, двинулись со скифской земли к западу, среди них был предводитель Алмуш сын Угека из рода короля Магога, муж доброй памяти, господин и советник их, со своей женой и сыном своим Арпадом... вместе с великим множеством союзных народов... перешли реку Этил на бурдюках по способу языческому и не нашли никаких городов или населенных мест... пока не. пришли в Русцию, которая называется Сусудал...

VIII. О Рутении

Когда они дошли до пределов рутенов, без всякого сопротивления дошли они до города Киева и, когда миновали его, переплыв через реку Денепер, то хотели подчинить страну рутенов... И вождь Киева тут же послал послов, призвал на помощь VII вождей куманов, своих наивернейших друзей. Тогда эти VII вождей, имена которых были следующие: Эд, Эдум, Эту, Бунгер, Оушад, Отец Уршу, Бойта, Кетел, отец Олуптулмы... они пришли против вождя Алмуша. И вождь Киева вместе со своим войском вышел впереди них и с помощью куманов со множеством войск отправился против вождя Алмуша... они начали жестоко биться друг с другом, и очень многие пали из: рутенов и куманов. Упомянутые же вожди рутенов и куманов, видя, что свои погибают в бою, обратились в бегство и, чтобы спасти свою жизнь, спеша вступили в город Киев. Вождь Амлуш и его воины преследовали рутенов и куманов до города Киева...

IX. О мире между вождем и рутенами

...и ...вожди рутенов, а также и куманов, просили вождя Алмуша..., чтобы он заключил с ними мир... и, чтобы он, оставив землю Галиции, переселился бы за лес Ховош, на запад, в землю Паннонии... на которой жили славяне, болгары, влахи, и пастухи римлян....

X. О семи вождях куманов

...Тогда эти вышеуказанные куманские вожди... по своей воле покорились вождю Алмушу... Эти семь куманских вождей вместе со своими женами, детьми и с множеством народа начали свой путь в Паннонию. Подобным образом и многие из рутенов, также присоединившись к вождю Алмушу, вместе с ним прибыли в Паннонию...

XI. О городах Лодомер и Галиции

Тогда вождь Алмуш и знатные, которых называют Хетумогер, а также и куманские вожди со своими сородичами и слугами вышли из Киева и ведомые киевскими рутенами, дошли до города Лодомера. Правитель лодомерской и его знатные вышли с различными и дорогими подарками навстречу Алмушу к самой границе и добровольно открыли ворота города Лодомера. Предводитель Алмуш со своим народом оставался здесь три недели... на четвертой неделе предводитель Алмуш со всеми своими (людьми) пришел в Галицию... вождь Галиции... открыл ворота города Галиции... пока вождь Алмуш имел место для отдыха в Галиции в течение одного месяца, вождь Галиции и товарищи его, сыновья которых были отданы заложниками, начали просить вождя Алмуша и его знатных, чтобы они переселились за Ховош, на запад, в землю Паннонии..

XII. Как они вторглись в Паннонию

Вождь Алмуш и его знатные заключили наипрочнейший мир (с рутенами)... Тогда вождь Галиции... подготовил им дорогу через лес Ховош до самого пограничного Хунга и подарил бесчисленное множество скота для еды...

XIII. О крепости Хунг

...Алмуш... сделал вождем... сына своего Арпада еще при своей жизни...

ГЛАВЫ XIV-LII

(В этих главах Аноним описывает завоевание Паннонии, начиная с 903 г.).

ГЛАВЫ LIII-LVII

(Описывается история страны от времени смерти Арпада (907 г.) до времени правления вождя Гейши (Гезы), включая некоторые события из времени правления Стефана I, первого короля, т.е. до самого начала XI в., например, смерть знатного по происхождению Тонузобы, пришедшего в Венгрию из страны биссенов (теченегов) во время правления князя Гезы и умершего во время короля Стефана I-го. Он был похоронен у переправы Обад, на берегу р. Тиссы).

¹ Венгерское название г. Ужгорода — Унгвар. Слово вар обозначает крепость. Таким образом, название этого города не имеет с именем унгар ничего общего.. На самом деле, имя унгар – венгр происходит от тюркского оногур, через форму онгр.

² Фиктивная дата.

(Аноним, «Деяния венгров»)

Глава 7. О выходе венгерских племен с их прародины.

В 884 году¹ от рождества Христова, как говорится об этом в хрониках с погодным изложением событий², семь лиц, имевших княжеское достоинство и называемых [по-венгерски] hetumoger [семь мадьяр]³, выступили из земли Скифии⁴, по направлению на запад. В их числе вышел из этой области вождь Альмош, сын Юдьека, из рода короля Магога, муж, оставивший по себе добрую память, бывший их [князей] господином и советником. Вышел он со своей женой и сыном своим Арпадом, а также с двумя сыновьями своего дяди Хюлека, Совардом и Кадочей, и огромной неисчислимой массой союзных народов. Много дней шли они через пустынные края, переправились через реку Этиль, сидя на бурдюках, как это принято у язычников, и нигде не встретился им путь, который бы вел к городу или человеческому жилью. И не питались они плодами трудов человеческих, как было у (них обычно принято, а утоляли голод мясом и рыбой, пока не вошли в землю Руси, которую называют Суздаль. И юноши их почти каждый день проводили на охоте. Поэтому с тех дней до настоящего времени венгры – лучшие охотники среди других народов. Двигаясь таким образом, вождь Альмош со всеми своими [спутниками] вступил в землю Руси, называемую Суздаль.

Глава 8. О Руси.

После этого достигли области Русов и, не встретив какого-либо сопротивления, прошли до самого города Киева. А когда проходили через город Киев, переплывая [на паромках] реку Днепр, то захотели подчинить себе королевство Русов. Узнав об этом, вожди Русов сильно перепугались, ибо они услышали, что вождь Альмош, сын Юдьека, происходит из рода короля Аттилы, которому их предки платили ежегодную дань. Однако киевский князь собрал всех своих вельмож, и, посоветовавшись, они решили начать битву с вождем Альмошем, желая лучше умереть в бою, нежели потерять свое королевство и помимо своей воли подчиниться вождю Альмошу. Тотчас же киевский князь, отправив своих послов, призвал на помощь семь половецких вождей, своих самых верных друзей. Тогда эти семь вождей, имена которых: Эд, Эдэмен, Эт, Бёнгер, Очад – отец Ертура, Вайта, Кегель-отец Алаптольмы, собрав немалое число всадников, выступили против вождя Альмоша, двигаясь быстрой рысью, ради дружбы своей с киевским князем. И киевский князь со своим войском выступил им навстречу, а [затем] усилившись благодаря помощи половцев, он начал двигаться с огромным числом воинов против вождя Альмоша. Однако вождь Альмош, которому помогал дух святой, надев оружие (armis indutus), расположив войско в боевой порядок, сидя на своем коне, объезжал строй, ободряя своих воинов. Затем он неожиданно остановился перед всеми ними и сказал им...

[Далее Аноним приводит речь Альмоша, которую он взял целиком из «Деяний Александра Великого», вставив в соответствующие ее места обозначения венгров, Русов и половцев].

Воины вождя Альмоша, выслушав его речь, зажглись огромным мужеством. Тотчас зазвучали боевые трубы с обеих сторон, смешались [в бою] оба войска, начав ожесточенное сражение друг с другом. И было

убито очень много Русов и половцев. Упомянутые же вожди Русов и половцев, увидев, что их воины побеждены в бою, обратились в бегство и ради спасения своей жизни поспешно удалились в город Киев.

Вождь Альмош и его воины преследовали Русов и половцев до самого города Киева. Воины вождя Альмоша рубили голые головы половцев, словно то были сырые тыквы. Князя же Русов и половцев, вошедшие в город, увидев отвагу венгров, оставались там, словно немые.

Глава 9. О мире между вождем (Альмошем) и Русами.

Вождь Альмош и его воины, одержав победу, подчинили себе земли Русов и, забрав их имения (вопа), на вторую неделю пошли на приступ города Киева. И когда они начали приставлять лестницы к [городской] стене, то князя половцев и Русов сильно испугались при виде мужества венгров. И когда они поняли, что не в силах им сопротивляться, тогда киевский князь и другие князья Русов и половцев, находившиеся там, направив послов, попросили вождя Альмоша и его князей заключить с ними мир. Когда же послы пришли к вождю Альмошу и попросили его, чтобы он не изгонял их (послов) господ с мест, которые те занимают, то вождь Альмош, посоветовавшись со своими [князьями], отправил обратно послов Русов с требованием, чтобы князья и их вельможи отдали ему своих сыновей в качестве заложников, уплатили бы в виде ежегодного (annuatim) налога десять тысяч марок, а кроме того, предоставили бы продовольствие, одежду и другие необходимые вещи. Князя же Русов, хотя и не по своей воле, однако все это отдали вождю Альмошу. Но они попросили вождя Альмоша, чтобы венгры, покинув землю Галича, удалились бы за лес Ховош на запад, в землю Паннонии, которая первоначально была землей короля Аттилы. И расхвалили венграм землю Паннонии, сказав, что она прекрасна чрезвычайно. Сказали также, что там сливаются известнейшие источники вод – Дунай и Тисса – и другие знаменитейшие источники, изобилующие прекрасной рыбой. Эту землю, сказали они, населяли славяне, болгары и валахи, а также пастухи римлян. Ибо после смерти короля Аттилы римляне назвали землю Паннонии своим пастбищем, так как их стада паслись в земле Паннонии. И по праву землю Паннонии называют пастбищем римлян, ибо и ныне римляне пользуются благами Венгрии. Чего же больше?

Глава 10. О семи половецких вождях.

Вождь Альмош и его вельможи, посоветовавшись между собой, исполнили просьбу князей Русов и заключили с ними мир. Тогда князья Русов, т. е. [князья] киевские и суздальские, чтобы не быть изгнанными со своих мест, отдали своих сыновей вождю Альмошу в качестве заложников и вместе с ними послали ему десять тысяч марок и тысячу лошадей с седлами и удилами, украшенными по русскому обычаю, а также сто половецких мальчиков и сорок верблюдов для перевозки грузов, бесчисленные меха ласки и белки и многие другие, также бесчисленные дары. Тогда упомянутые выше вожди половцев [следуют имена семи половецких вождей], увидев милость вождя Альмоша, проявленную им по отношению к Русам, упали к его ногам и добровольно подчинились ему, сказав: «С сегодняшнего дня тебя избираем своим господином и повелителем до самого последнего нашего потомства. И куда бы ни повела тебя твоя судьба, всюду мы последуем за тобой». И то, что они сказали на словах вождю Альмошу, они скрепили присягой, поклявшись по языческому обычаю. Вождь Альмош и его вельможи таким же образом связали себя по отношению к ним клятвой и присягой. Тогда эти семь половецких вождей согласились идти в Паннонию вместе со своими женами и детьми, а также с огромной массой [своего народа]. Подобным образом многие из Русов присоединились к вождю Альмошу и пришли с ним в Паннонию. Их потомство до сегодняшнего дня проживает в различных местах Венгрии.

Глава 11. О городах Владимир и Галич.

Тогда вождь Альмош и другие лица княжеского достоинства, называемые *hetumoger*, а также половецкие вожди вместе со своими родственниками, слугами и служанками вышли из Киева и в сопровождении киевских Русов пришли к городу Владимиру. Владимирский князь и его вельможи последовали с драгоценными дарами до границы королевства навстречу вождю Альмошу и добровольно открыли ему город Владимир. И вождь Альмош со всеми своими [спутниками] оставался в этом месте в течение трех недель. На третьей же неделе владимирский князь отдал двух своих сыновей вместе со всеми сыновьями своих вельмож вождю Альмошу в заложники. И, кроме того, предоставил как вождю, так и его вельможам две тысячи марок серебра, сто марок чистого золота с бесчисленными мехами и покрывалами, а также триста лошадей с седлами и удилами, двадцать пять верблюдов в тысячу волов для перевозки грузов и другие неисчислимы дары. А на четвертой неделе вождь Альмош со своими [спутниками] пришел в Галицкую землю и здесь выбрал себе и своим [спутникам] место для отдыха. Когда об этом услышал князь Галицкой земли, он вышел навстречу вождю Альмошу босиком со всеми своими вельможами и предоставил «в пользование (*ad usum*) вождя Альмоша различные дары; открыв ворота города Галича, он оказал ему гостеприимство, словно своему господину, отдав ему в качестве заложника единственного своего сына вместе с сыновьями вельмож своего королевства; кроме того, он подарил как вождю, так и всем его воинам десять наилучших скакунов и триста лошадей с седлами и удилами, три тысячи марок серебра и двести марок золота, а также прекраснейшие одежды. После того, как вождь Альмош пробыл на месте своего отдыха в течение одного месяца в Галицкой земле, ее князь и другие его сотоварищи, чьи сыновья были отданы в заложники, начали просить вождя Альмоша и его знатных [приближенных], чтобы они ушли на запад за [лес] Ховош, на землю Паннонии. Сказали они им, что земля эта чрезвычайно хороша и что там сливаются известнейшие источники, имена которых, как мы сказали выше, Дунай, Тисса, Ваг, Марош, Кёрёш, Темеш и другие [...]

Глава 12. Как они вошли в Паннонию.

Вождь Альмош и его вельможи, приняв советы Русов, заключили с ними наикрепчайший мир. Князья же Русов, чтобы их не изгнали с их мест, как мы уже сказали, отдали сыновей своих в заложники вместе с бесчисленными дарами. Затем князь Галицкой земли приказал, чтобы впереди [венгров] пошли две тысячи лучников и три тысячи крестьян, которые должны были расчистить путь через лес Ховош до границы Унга. И нагрузил весь тягловый скот продовольствием и другими необходимыми вещами и снабдил для пропитания домашними животными в огромном количестве. Тогда семь лиц княжеского достоинства, называемые *hetumoger*, и те семь половецких вождей, имена которых мы назвали выше, вместе со своими родственниками, а также вместе со слугами и служанками по совету и при помощи Русов вышли из Галицкой земли в землю Паннонии. И пройдя таким образом через лес Ховош, они удалились в область Унг...

[Далее Аноним подробно описывает занятие венграми их новой родины, доводя изложение событий до правления князя Такшоня (947-970 гг.).]

¹ Венгерский исследователь А. Якубович полагает, что дата 884 г. появилась в результате ошибки переписчика, опустившего цифру V между цифрами XXX и III, сохранившимися в тексте. Предположение это можно признать основательным, поскольку немецкий хронист Регино, труд которого был известен Анониму, указывает как дату выхода венгров из Скифии 889 г.

² В этом справедливо усматривают признание автора в использовании им более ранних, не сохранившихся до нашего времени хроник.

³ Данное место хроники Анонима следует рассматривать как свидетельство о существовании союза семи венгерских племен в период до занятия родины. Сведения о семи венгерских племенах были почерпнуты Анонимом или его предшественником из народного предания, о чем свидетельствует венгерское название совета вождей – *hetumoger*. Венгерские историки доказали существование в раннее средневековье народного предания о семи венгерских воинах, погибших во время похода на Германию в X в. Доказан также факт переработки и использования хронистами этого сказания.

⁴ Под именем Скифии у Анонима фигурирует прародина венгров. Название этой области и ее описание были заимствованы автором венгерской хроники конца XI в., которую используют последующие хронисты, в том числе и Аноним, из хроники немецкого автора Регино. Об использовании венгерскими хронистами народных преданий о прародине венгров свидетельствует сохранение ими венгерского названия этой прародины. Венгерский историк Йозеф Деер, произведя реконструкцию текста с описанием Скифии в хронике конца XI в., показал, что венгерское название прародины – *Dentumoger* – было уже известно ее автору.

(«Венгерский хроникальный свод», XIV в.)

«Хроникальный свод» – название условное, которое памятник получил в историографии. В самом тексте в некоторых списках он именуется «Венгерской хроникой» или «Хроникой деяний венгров». Наименование «Свод» объясняется тем, что в нем сведены воедино несколько сочинений более ранней венгерской историографии, которые в самостоятельном виде не сохранились – прежде всего, бывшие источниками также и для труда Шимона Кезаи, а также «Деяния гуннов», которые считаются его сочинением. Однако, по сравнению с текстом Шимона Кезаи, эти источники воспроизведены в значительно измененном и дополненном виде.

Работа над «Сводом», который предназначался, по всей вероятности, для венгерского короля Лайоша (Людовика) I Великого, была начата придворным капелланом Лайоша Мартином Кальти в 1358 г., но до конца не доведена: текст обрывается на полуслове при описании событий 1333 г.

26. Начало второй хроники венгров¹. [Генеалогия венгерского вождя Альмоша, возводящая его к библейскому праотцу Ною². Альмош родил Арпада, Арпад – Зулту, Зулта – Такшоня.] Итак, в правление в Италии и Германии императора Оттона, происходившего из Швабии, во Франции – Людовика, сына короля Лотаря, и Антония Сурового, сына Феодора³, в год от Воплощения Иисуса Христа⁴ восемьсот восемьдесят восьмой⁵⁶ мадьяры по-народному, или гунны, а по-латински – венгры снова вошли в Паннонию. Пройдя через королевство бессов, белых половцев⁷, Суздаль⁸ и город под названием Киев⁹, они потом перешли [через] Альпы¹⁰ в некую страну, где увидели бесчисленных орлов и не смогли оставаться там из-за этих орлов, потому что с деревьев, как мухи, слетали орлы и пожирали их скот и лошадей. Ибо Господь желал, чтобы они побыстрее прошли в Венгрию. [В тех краях венгры строят себе семь земляных укреплений, где и пребывают некоторое время. Потому-то немцы и зовут тот край Семиградьем¹¹.

27. Венгры выбирают себе семь предводителей и движутся дальше.]...

[78. Император¹² прибывает в Венгрию, где король Петер приносит ему вассальную присягу. В это время Эндре, Бела и Левенте из Чехии перебираются в Польшу к князю Мешко.

79. Мешко ведет войну с поморянами, на которой отличается Бела и получает за это всю поморскую дань и дочь Мешка в жены¹³.]

80. О герцоге Беле, прозванном Бенин¹⁴. Сам же герцог Бела в Польше родил двух сыновей, из которых один получил имя Геза, а другой – Ласло¹⁵, имя своего деда¹⁶. А Эндре и Левенте было не по нраву, что из-за Белы они живут у польского князя как бы в придачу, и они считали бесчестьем пребывать при дворе князя по случаю его (Белы) славы. И испросив разрешение у князя, оставив там своего брата [Белу], они отправились [и] пришли к королю Владимира, который их не принял¹⁷. Так как им не было, где главу преклонить¹⁸, отсюда они направились к половцам¹⁹. Увидев, что они искусно переодеты, половцы посчитали, что те пришли разведать их землю, и если бы их не узнал пленный венгр, определенно убили бы их, а так впоследствии приняли их на некоторое время. Оттуда они после отправились на Русь²⁰.

81. [Заговор некоторых представителей венгерской знати против короля Петера, в пользу Эндре. Петер жестоко расправляется с заговорщиками.] Тогда знать Венгрии, видя бедствия своего народа, собралась в Чанаде²¹ и, сотворив совет всей Венгрии, послала торжественных послов на Русь к Эндре и Левенте с

сообщением, что вся Венгрия верна [им и] ждет их и что все королевство охотно подчинится им как королевскому семени, лишь бы они прибыли в Венгрию и освободили их (венгров) от неистовства немцев. Они (послы) клятвенно утверждали и то, что немедленно, как только те явятся в Венгрию, все венгры единодушно стекнутся к ним и подчинятся их власти.

[82. Эндре и Левенте прибыли в Венгрию, а собравшиеся к ним венгры стали требовать возвращения к вере отцов, разрушения церквей, убийства священников и епископов – иначе они не будут сражаться против Петера. Языческая реакция, которую возглавил некто Вата.

83-84. Венгры убивают своих епископов, которые поспешили навстречу Эндре и Левенте.

85. Петер безуспешно пытается покинуть Венгрию; его захватывают, ослепляют, доставляют к Эндре, и он вскоре погибает.

86. Эндре в 1047 г. коронуют королевским венцом три оставшиеся в живых епископа. Новый король приказывает народу оставить язычество. Но Левенте умирает язычником.]

87. Некоторые утверждают, что эти три брата были сыновьями герцога Васоя от некоей девицы из рода Татун, а не от истинного брака, и что из-за этой связи их знатность происходит от Татун. Это определенно ложь и очень плохое предание. Они знатны и без того, так как являются сыновьями Ласло Лысого, который, говорят, взял жену из Руси, от нее и родились эти три брата²².

88. [Эндре приглашает из Польши Белу, обещая сделать его престолонаследником. Бела возвращается с семьей; королевство делится на три части, две из которых остаются за королем, а третья передается герцогу Беле. Этот первый раздел королевства стал причиной будущих раздоров между королями и герцогами²³.] В то время король Эндре построил возле озера Балатон монастырь в честь святого Аниана, в месте под названием Тихань²⁴. Он взял себе в жены дочь князя Руси²⁵, от которой родил Шаламона²⁶ и Давида. [От наложницы у него был сын Георгий. А у Белы были сыновья Геза, Ласло²⁷ и Ламберт и дочери. Братья жили в мире.]...

[110-111. Конфликт между королем Шаламоном и герцогами Гезой и Ласло, возникший во время венгерско-византийской войны. Временное примирение позволяет войскам Шаламона и Гезы захватить город Ниш²⁸, тогда как Ласло с частью войска герцогов остался в Венгрии, чтобы гарантировать Гезу от захвата королем.]

112. Между тем жители Ниша принесли королю и герцогу в изобилии богатства в виде золота, серебра и драгоценных одежд и получили полагающееся по мирному договору. Потом, возвращаясь от города Кеве²⁹, король и герцог расстались. А Ласло, по совету своего брата, из города Бихар³⁰ отправился на Русь искать помощи своих друзей, дабы защититься от происков короля³¹. Ибо всем уже была хорошо видна обида и ссора короля и герцога. [Несмотря на мир, подтвержденный в Эстергомe,

113-114. король и герцог готовятся к войне. Граф Вид³², главный подстрекатель конфликта, советует королю немедленно напасть на герцога.] Когда король прибыл в Сексард³³ и разбил лагерь в месте Кестельц³⁴, он пришел послушать вечерню в монастыре Святого Спасителя³⁵. После вечерни в монастыре Вид и другие так советовали королю: «Господине, ты знаешь, что Ласло отправился на Русь, а Ламберт – в Польшу³⁶ привести войско для своего брата герцога Гезы. Не раз советовали тебе и сейчас [советуем]: в ночной тишине нападём на герцога, который охотится в Игфане³⁷, схватим его и лишим его глаз. И когда придут Ласло и Ламберт или войско с собой приведут, не смогут стать против нас». [Король откладывает решение до утра. В это время аббат монастыря предупреждает Гезу о заговоре, но советники последнего, собираясь предать его в руки короля, уверяют его в отсутствии опасности.]

115. Герцог же, доверившись им, охотился там, то есть в Игфане. Однако брата своего Ласло, тогда уже вернувшегося из Руси без помощи³⁸, отправил в Чехию, чтобы просить чешского князя Оту помочь им в нужде³⁹.

[116-122. После первоначальной победы король Шаламон терпит решающее поражение при Модьороде⁴⁰.]

123. Когда Шаламон прибыл в Мошонь⁴¹, его мать⁴², увидев [его], заплакала над ним, как и подобает над единственным сыном своим⁴³, которого Бог лишил такого владения, и громко упрекала, говоря: «Дражайший сыне, ты никогда не слушал моих советов, ни советов Эрнея⁴⁴, ни советов других твоих подданных, а всегда удовлетворялся советом Вида, и вот – погубил себя и своих! Разве я не хвалила [тебя] всегда, не говорила, что довлеет тебе венгерская корона и чтобы отдал герцогство с миром братьям твоим». Услышав это, разгневанный король хотел ударить мать по лицу, но его руку удержала его жена⁴⁵. Так как король Шаламон уже понял, что Господь не помогает ему в войне, он в ту же ночь спешно собрался [с остатками сил] в Мошони и Пожони⁴⁶ – замках, которые укрепил еще прежде. Там он оставил также своих мать и жену, отправляясь на битву; по этой причине, побежденный в битве, он укрылся здесь в страхе перед герцогами.

[124. Коронация короля Гезы⁴⁷.

125. Шаламон поражает печенегов, направленных против него Гезой⁴⁸.]

126. После этого король Шаламон, опасаясь короля Гезы и его братьев, с имением и семьей отправился в Штирию... и, оставив мать и жену в монастыре Адмонт, вернулся в Мошонь, намереваясь, собравши войско, напасть на своих братьев.

[127-128. Прибытие германского императора⁴⁹ с войском, призванного на помощь Шаламоном, не смогло переменить дела.]...

136. [Король Шаламон после неудачного нападения во главе печенегов на Византию⁵⁰ исчезает, чтобы провести остаток жизни в молитвах и посте. Говорят, его однажды видели в Венгрии при короле Кальмане⁵¹. Он похоронен в городе Пола в Истрии⁵².] Жена же его и мать покоятся в Адмонте⁵³...

[137. Половцы во главе с неким Копулчем нападают на Венгрию, когда король Ласло был в Славонии⁵⁴. Вернувшийся Ласло поражает половцев на реке Тамиш⁵⁵.]

138. Король идет против Руси. А после этого славный король напал на Русь, потому что это по их совету половцы⁵⁶ совершили набег на Венгрию⁵⁷. Русь, видя, как сильно их теснят, запросили у короля милости и обещали королю верность во всем. Благочестивейший король принял их милостиво⁵⁸. Затем он ринулся на Польшу. [Здесь Ласло осаждает и захватывает Краков⁵⁹. Оттуда идет войной на Чехию⁶⁰.]...

[144. Злые советники возбуждают вражду между братьями – королем Кальманом и герцогом Альмошем⁶¹. Молодые государи собирают войска, но звать с обеих сторон отказывается биться, и братья поневоле расходятся с миром.]

145. А после этого король пошел на Русь⁶², и русская княгиня по имени Ланка, ...этого короля⁶³, вышла навстречу королю, пала [ему] в ноги, умоляя короля со слезами не губить тот народ. Так как она донимала короля, не желавшего слушать, настойчивыми мольбами, король толкнул ее и отодвинул от себя со словами: «Не подобает королевскому величеству бесчеститься женскими слезами». И та с плачем возвратилась назад, прося помощи у всемогущего Бога. На помощь же руси пришли с мольбами⁶⁴ множество половцев с Миркодой⁶⁵. Поднявшись ночью, они ранним утром поразили лагерь короля, жестоко разгромили его до полного уничтожения⁶⁶. А знатные венгры встали на защиту вокруг короля, став для короля как бы необоримой стеной. Половцы же, преследуя графа Эвзу из рода Альмаш⁶⁷, мужа сильного и храброго, убили его и всех, кто были с ним. Также и епископов Купана и Лаврентия⁶⁸ и многих других отважных воинов поразили стрелами. Один из половцев по имени Моноч храбро преследовал венгров. Матфей, лучший воин короля, хотел поймать его и напал на него. А тот, обратившись в бегство, пустил стрелу, пронзив ногу Матфея, и если бы многие товарищи [Матфея], сдвинув щиты, не защитили его, он не избег бы смерти. Тогда против Моноча обратился Петр⁶⁹. Когда тот стрелял в Петра, не смог выстрелить и пока хватал другую стрелу, Петр пронзил его в бок [и] пленного привел к королю живым. Тогда спасся граф Юла⁷⁰, раненный в ноги, от каковой раны он умер в Венгрии. Итак, король и все его [люди], стремительно бежав, прибыли в Венгрию. Казну же его и всех, кто не мог стремительно бежать, захватили половцы. Там была такая сеча, что редко венгры бывали в такой сече⁷¹. Те же из венгров, кто спаслись в лесах, терзаясь голодом, ели жареные подошвы собственных сапог. Что еще скажешь? Такая случилась тогда беда, что и не описать.

[146. От первой жены у короля были сыновья Ласло и Иштван, родившиеся в 1101 г.⁷² Когда король был в Задаре⁷³ и хотел сжечь город за упрямство его жителей, его отвратило от этого явившееся ему во сне видение некоего задарского епископа⁷⁴.]

147. Потом король намеревался двинуться на Русь⁷⁵. В лето Господне 1106-е из Пассау⁷⁶ вернулся герцог Альмош, который бежал туда из-за страха перед королем. Король принял его с миром. Потом он бежал в Польшу. [Альмош приходит с польским и венгерским войском, но мирится с Кальманом, признав свою вину. Затем герцог отправляется в Иерусалим и благополучно возвращается.]

148. Альмош основывает монастырь в Демеше⁷⁷. Новый конфликт короля с герцогом, который опять бежит в Пассау, ища помощи у германского короля⁷⁸.]

149. В год [от Рождества] Господня 1112-й умер N.⁷⁹, сын короля Кальмана (Colomanus), и король взял себе другую жену из Руси⁸⁰, с которой развелся, застав ее в грехе прелюбодеяния, а не вследствие необузданности и безрассудства. Ведь знал, что написано: «Кого Бог связал, человек да не разлучает»⁸¹. То есть незаконно и беспричинно. Потому не сам он с ней разлучился, а закон разлучил его с нею, в обвинение которой – [само] пребывание под судом, в осуждение – [сама] вина, в уличение – [само] злодеяние. Итак, закон отправил ее назад в ее землю⁸². Вне брака она родила сына по имени Борис (Borith), Борис же родил Кальмана⁸³.

[150. В 1113 г., заключив мир с Альмошем, которого поддерживал германский император, Кальман тут же схватил его вместе с сыном Белой⁸⁴ и велел ослепить обоих, после чего сослал их в монастырь Демеш⁸⁵.]

151. После этого король начал сильно болеть и послал схватить Альмоша, чтобы тот по его смерти не стал королем.] Умирая, король приказал своему сыну⁸⁶ и всем князьям, чтобы после его смерти они отомстили Руси за обиду, которую те ему нанесли⁸⁷. [Посланец Кальмана, пытавшийся силой вытащить Белу из монастырской церкви, где тот искал убежища, гибнет на обратном пути, упав с лошади.]

152. Кальман сначала был епископом в Вараде, но потом, ввиду смерти старших братьев, по разрешению папы стал королем⁸⁸. Он был книжник и умер 3 февраля 1114 г.⁸⁹.

153-154. На венгерский престол восходит сын Кальмана Иштван, о котором хронист невысокого мнения. Он не вступает в брак, предпочитая наложниц, но по настоянию знати женится на дочери апулийского короля Роберта Гвискара⁹⁰.]

155. К королю прибыл русский князь⁹¹ по имени Бесен⁹², жалуясь, что его брат изгнал его из княжества⁹³, и ища милости короля, чтобы тот собственной персоной выступил ему на помощь. Король же Иштван, желая отомстить за обиду своего отца, короля Кальмана⁹⁴, пообещал князю помощь и, собрав войско, двинулся на Русь. Когда прибыл, то первым делом осадил крепость⁹⁵. Вышло так, что ранним утром названный князь Бесен

ездил вокруг крепости в поисках места для штурма укреплений, а осажденные вышли из крепости, чтобы сразиться с венграми. Когда князь заметил их, то напал на них, они же бились храбро и нанесли князю смертельную рану⁹⁶. Когда король узнал о смерти князя, он сильно разгневался и приказал всем венграм идти на приступ крепости и выбирать, либо в тот же день захватить крепость, либо погибнуть. Но венгерские предводители собрали совет и сказали: «Зачем и ради чего гибнем? Если мы отстоим княжество, кого из нас король поставит князем? Так давайте же твердо договоримся, что никто из нас не штурмует крепости, а королю скажем, что он делает все это, не посоветовавшись со своими предводителями». Когда же предводители явились на королевский совет, то все разделились на две части. Но Козьма из рода Пазмань⁹⁷, встав, сказал королю: «Господине, что такое? Что делаешь? Если ценой смерти множества своих воинов захватишь крепость, кого поставишь князем? Если станешь выбирать из своих предводителей, то никто [здесь] не останется. Хотите ли вы (предводители), покинув королевство, обладать княжеством? Мы, бароны, не будем штурмовать крепости. Если хочешь штурмовать, войной один, а мы вернемся в Венгрию и изберем себе короля». Затем, по приказу предводителей, глашатаи в лагере возвестили, чтобы венгры как можно скорее возвращались в Венгрию. Тогда король, увидев, что лишен поддержки своих, вернулся в Венгрию. После этого на третий год он послал войско и опустошил польские пределы⁹⁸. Затем послал войско, только отряды своих придворных, опустошил области Болгарии и Сербии⁹⁹...

[160. После смерти короля Иштвана на престол 28 апреля 1131 г. восходит Бела Слепец, сын герцога Альмоша. По настоянию его жены Елены¹⁰⁰ происходит расправа с той частью знати, которая была причастна к преследованию Альмоша и Белы.]

161¹⁰¹. Но так как венгры, подобно соленому морю, всегда колеблются от беззакония, сыны Левиафановы¹⁰² через гонцов пригласили Бориса, незаконнорожденного¹⁰³, прийти и с их помощью занять королевство, так как думали, что он – сын короля Кальмана. Тогда Борис, соединив русскую и польскую подмогу¹⁰⁴, пришел в венгерское пограничье, в местность под названием Шайо¹⁰⁵. Король же, собрав войско, выступил ему навстречу. Многие из знати перешли на сторону Бориса. Виднейшие венгры были созданы для совета с королем. Король спросил их, за кого они считают Бориса – за незаконного или за сына короля Кальмана? Верные подданные королевства отвечали, что с несомненностью знают, что Борис – незаконный и совершенно не достоин королевской короны. А неверные и отрицатели [истины] бормотали что-то невнятное и в нерешительности разбрелись по двум лагерям. Король же и его советники, сколько их было, отделили козлиц от овец¹⁰⁶ и твердо решили, что тут же убьют предателей, чтобы, в случае промедления, изменники не перебежали к Борису и чтобы из этого не вышло опасности для королевства. Итак, сложился заговор, и тогда же схватили графа Ламберта¹⁰⁷, которого, когда его вытащили от короля, его родной брат ударил скамьей¹⁰⁸ по темени, так что через трещину вышел мозг. Там же обезглавили графа Николая, его сына, Мойнольта из рода Акош¹⁰⁹ и многих других там убили. Остальные же из предателей разошлись по областям и хотели, собравшись с силами, напасть на короля. А верные двинулись им навстречу. Во главе предателей были Тьодор из рода Шимад, Фольк, Тит¹¹⁰ и особенно Самсон. Самсон, который был отцом графов Томаса и Турды¹¹¹, похвалялся, что явится на совет к королю и перед всеми похулит его. [Борису нравится его намерение, и тот исполняет его, но гибнет на обратном пути.] А Борис с большим множеством руси и поляков разбил лагерь неподалеку от короля¹¹². Тогда виднейшие люди Венгерского королевства послали сказать князьям¹¹³ руси и поляков, которые пришли помочь Борису: «Не подобает вам искать престола для незаконнорожденного, ведь мы знаем, что по закону королевством должен править Бела, он и правит с согласия всего королевства». Услышав это, князья Руси и Польши не стали далее поддерживать Бориса и вернулись каждый в свою страну¹¹⁴. А Борис со множеством народа вышел сражаться с королем. Но король, с Божией помощью, разбил в сражении всю силу Бориса и обратил его в бегство мечом, замкнул в смерти¹¹⁵ польское войско¹¹⁶ на самый праздник Марии Магдалины¹¹⁷, взял доспехи их и возвратился с великой победой. [Перечислены отличившиеся в этом сражении.]...

166¹¹⁸. Император Конрад¹¹⁹ через Венгрию идет в Иерусалим. [Германский император Конрад проходит через Венгрию на пути в крестовый поход¹²⁰. Это было связано с большими притеснениями и поборами с церковью для немецкого войска.] За идущим впереди императором следовал благородный король Франции¹²¹, благочестиво и как подобает паломнику Христову, будучи с честью принят королем Гезой¹²². Пробыв у него некоторое время, он сочетается с королем Гезой узами соотечества¹²³ и, завязав такого рода приязнь, [получает] от короля Гезы многие дары [и] с почетом сопровождается им, безо всякого ущерба для королевства пересекая со своим войском границы Венгрии [на пути] в Грецию. Но потом король Геза со слов некоего своего воина по имени Гурк узнал, что в свите короля Франции был Борис, незаконнорожденный сын короля Кальмана, и послал к нему со словами: «Нехорошо воздавать злом за добро и не следовало вам защищать замышляющего на мою жизнь». Услышав такое, приближенные короля Франции¹²⁴ заспорили; воины его доискивались, кто же это среди них, кто замышляет смерть короля, чтобы, найдя его, убить. А Борис прибыл по совету некоторых венгров, [утверждавших], что если он сумеет войти в королевство, то многие примут его как господина и многие, оставив короля, примкнут к нему. Он же, услышав такое, не медля припал к стопам короля Франции, прося у него живота и разрешения, чтобы тот позволил ему вместе с собой невредимым выйти за пределы королевства. Когда же король Геза услышал, что Борис – у короля Франции, он просил того ради дружбы выдать ему Бориса в цепях. Когда король Франции услышал об этом, то сказал: «Король, вероятно, знает, что

дом короля подобен церкви, стопы его подобны алтарю, и как я могу выдать в цепях того, кто [пришел] в дом короля как в церковь и припал к стопам короля как к алтарю?» Посол сказал ему, что наши учителя так толкуют дело, что церковь не причащает рожденных вне брака. Борис же, видя, что ему грозит гибель, в ту ночь похитил одного из боевых коней короля Людовика и сбежал. Кто-то из конюхов, попавшийся ему на пути, хотел задержать его, но Борис рассек его ударом меча от макушки до середины груди и скрылся от преследователя.

167. После этого король Геза выделил герцогское содержание своим братьям Ласло и Иштвану¹²⁵ и повел войско на Русь против владимирского князя¹²⁶, чтобы отомстить за обиду своего тестя Мстислава¹²⁷; в помощь ему он уже и раньше посылал войско, с которым русь и половцы обошлись плохо¹²⁸.

[168. У Гезы было четверо сыновей: Арпад, Геза, Иштван и Бела¹²⁹; скончался король 31 мая 1161 г.¹³⁰]...

[175. Король Эндре¹³¹ совершает поход в Святую Землю¹³², возвращается со множеством святых мощей, выдает свою дочь Елизавету¹³³ за тюрингенского ландграфа Людвига, который потом также ходил в Иерусалим и там погиб¹³⁴. Умер король Эндре в 1235 г.]

176. Коронован король Бела Четвертый. После него был коронован его сын король Бела накануне октябрьских ид¹³⁵, в первую неделю, когда поется: «Подаждь мир, Господи»¹³⁶, в кафедральной церкви Святого Петра в Секешфехерваре¹³⁷, которая по его повелению и была освящена; [при этом] брат его герцог Кальман¹³⁸ сбоку от него торжественно держал королевский меч, а русский князь Даниил с величайшим почтением вел перед ним его коня¹³⁹. А правил 35 лет.

¹ Как и Шимон Кезаи, составитель «Свода» придерживается историографической схемы о тождестве венгров и гуннов и, тем самым, о двух пришествиях венгров-гуннов в Паннонию; именно история второго поселения венгров на Дунае и названа в «Будской хронике» «второй хроникой венгров».

² В этой фантастической датировке «Будской хроники» к тому же пропущено указание на место, где правил неслыханный «Антонин Суровый».

³ См. «Бертинские анналы».

⁴ Эта годовая дата, вполне вероятно, находится под влиянием датировки переселения венгров на Дунай, которая дается в «Хронике» Регинона.

⁵ Происхождение столь несообразной хронологии понять трудно; редактор «Лицевой хроники» не только грешит против истории, но и вступает в противоречие с собственной датировкой (понятно, вымышленной) смерти Аттилы, которую выше, в главе 24, он отнес к 445 г.

⁶ Надо ли говорить, что эти хронологические указания никоим образом не соответствуют ни друг другу (византийский император Константин III правил в середине VII, а папа Захария святительствовал в середине VIII столетия), ни времени переселения венгров в Подунавье (конец IX в.).

⁷ См. Шимон Кезаи.

⁸ «Суздаль» в венгерской исторической традиции представляет собой не город, а землю, через которую проходят мадьяры в ходе своего переселения из «Скифии», и является единственным (за исключением Киева) древнерусским топонимом в венгерском переселенческом предании. Видимо, это объясняется венгерско-суздальскими связями середины XII – первой половины XIII в., имевшими, кроме прочего, еще и историко-этнографический аспект. Венгры сохраняли память о заволжской прародине – «древней Венгрии», «Великой Венгрии» — и стремились установить контакты с ней. Донесения о «Великой Венгрии» («Hungaria Maior»), оставленные венгерскими доминиканцами Рикардом и Юлианом, которые совершили путешествия в Поволжье во второй половине 1230-х гг., изобилуют владими́ро-суздальскими реалиями. О происхождении венгров из областей близ «реки Этиль» (Волги) и «Руси, что зовется Суздаль», пишется и в «Деяниях венгров» так называемого Венгерского Анонима (рубеж XII-XIII вв.).

⁹ См. Шимон Кезаи.

¹⁰ См. Шимон Кезаи.

¹¹ Семиградье – Трансильвания. Таким образом, маршрут венгров в «Своде» отличается от представленного Шимоном Кезаи, согласно которому венгры переходят Карпаты много севернее, в районе верховьев Тисы.

¹² Германский король Генрих III. В 1044 г., о котором идет речь, он еще не был императором.

¹³ См. Шимон Кезаи.

¹⁴ Будущий венгерский король Бела I. Смысл и происхождение прозвища неясны.

¹⁵ Будущие венгерские короли Геза I и Ласло I.

¹⁶ См. ниже гл. 87.

¹⁷ См. Шимон Кезаи.

¹⁸ Мф. 8, 20; Лк. 9, 58.

¹⁹ Печенегам.

²⁰ Сообщения о возвращении Эндре и Левенте на Русь у Шимона Кезаи нет, но оно выглядит вполне правдоподобно, учитывая последующий брак Эндре с дочерью киевского князя Ярослава Мудрого. Если принять во внимание данные о русско-венгерском союзе при короле Шамуэле Абе ок. 1043 г., то вероятной датировкой приглашения венгерских принцев на Русь следует признать ок. 1045 г. – сразу после того, как в Киеве узнали о восстановлении в 1044 г. на венгерском троне короля Петра.

²¹ Чанад – город и епископская резиденция в восточной половине Венгрии, на реке Марош (ныне Ценад в Румынии): съезд оппозиционной Петеру знати собрался подальше от королевского двора, располагавшегося в Секешфехерваре (Стольном Белграде).

²² Об этой генеалогии и Ласло Лысом см. Шимон Кезаи. Что за род Татун и какова его «знатность», неизвестно; смысл спора о знатности непонятен: ведь Васой и Ласло Лысы́й были родными братьями (видимо, поэтому и говорится о «неистинном браке» Васоя). Неясны также происхождение и степень достоверности известия о русской жене Ласло. У Шимона Кезаи этих данных нет, а составитель «Хроникального свода» выражается осторожно («говорят»); между тем, в науке они используются почти безоговорочно. Обычно жену Ласло Лысого ищут среди дочерей киевского князя Владимира Святого, причем употребляя и идущее от историографии раннего нового времени имя княжны – Премислава (здесь в качестве мужа гипотетической Премиславы ошибочно указан венгерский король Ласло I).

²³ Имеется в виду конфликт в следующем поколении Арпадовичей: между сыном Эндре I Шаламоном и сыновьями Белы I Гезой и Ласло.

²⁴ Интересно, что в Тихани в XI в. фиксируются православные монахи, появление которых в науке связывают именно с русской женой Эндре I.

²⁵ См. Адам Бременский.

²⁶ Будущий венгерский король Шаламон (Соломон).

²⁷ См. примеч. 15.

²⁸ В Сербии, в среднем течении реки Моравы (античный Наисс), тогда на территории Византийской империи.

²⁹ Крепость на Дунае, несколько ниже Белграда.

³⁰ Крепость и епископская резиденция в Восточной Венгрии. Бихар был одним из центров герцогства Гезы и Ласло.

³¹ В 1072 г., к которому относятся описываемые события, на Руси имело место троювластие сыновей киевского князя Ярослава Мудрого – Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Преславского, причем Изяслав находился в состоянии латентного конфликта с младшими братьями. Родственные узы связывали сыновей Белы I только с Изяславом Ярославичем, который, как и Бела, был женат на дочери польского короля Мешка II. Поэтому можно предполагать, что Ласло отправился именно в Киев к Изяславу.

³² Некий граф Вид действительно упоминается в венгерских грамотах 1050-1060-х гг.

³³ На правом берегу Дуная, северо-восточнее Печа.

³⁴ К югу от Сексарда.

³⁵ В Сексарде; монастырь был основан королем Белой I.

³⁶ Польским князем был тогда Болеслав II, так же как и сыновья Белы I, приходившийся внуком Мешку II. Болеслав II был союзником и киевского князя Изяслава Ярославича, который помог ему вернуться на Русь в 1069 г.

³⁷ Лес Игфан располагался на левобережье Тисы, к северу от ее притока Мароша.

³⁸ Понятно, почему Изяслав Ярославич не смог или не пожелал оказать помощь: в марте 1073 г. он оказался сам изгнан из Киева братьями Святославом и Всеволодом, а это значит, что во второй половине 1072 г. (к этому времени надо отнести поездку Ласло) он вряд ли мог быть расположен к военным предприятиям далеко за пределами Руси.

³⁹ Речь идет о моравском князе Оте (Оттоне) I, родоначальнике оломоуцкой ветви Пржемысловичей; Ота был женат на дочери Белы I Евфимии.

⁴⁰ Гора к северо-востоку от Будапешта.

⁴¹ Крепость на дунайском правобережье, близ границы с Баварской восточной маркой.

⁴² Т.е. Ярославна.

⁴³ Ошибка, выдающая литературный характер рассказа: младший брат Шаламона Давид упоминается в одной из грамот короля Ласло I еще в 1091 г.

⁴⁴ Граф Эрней представлен в рассказе «Свода» как благочестивый антагонист коварству графа Вида.

⁴⁵ Юдита, сестра германского короля Генриха IV; в своем противостоянии с братьями Шаламон опирался на немецкую поддержку.

⁴⁶ Пожонь – венгерское название Братиславы (Словакия входила тогда в состав Венгерского королевства). Шаламон сохранял Пожонь в своих руках в течение всего правления Гезы I.

⁴⁷ В 1074 г.

⁴⁸ Речь идет о печенегах, расселенных в качестве венгерских федератов на западной границе.

⁴⁹ Генриха IV, который, однако, тогда еще не был императором.

⁵⁰ Ок. 1085 г.

⁵¹ Т.е. после 1095 г., что маловероятно, так как ок. 1085 г. жена Шаламона вышла вторым браком за польского князя Владислава I, т.е. была к этому времени уже вдовой.

⁵² На самой южной оконечности Истрийского полуострова, на севере Адриатики.

⁵³ По крайней мере в отношении жены Шаламона это неверно, так как известно о ее втором браке.

⁵⁴ «Славонией» венгерский автор в данном случае именуется Хорватию в целом, где венгерский король Ласло I находился в 1091 г.; с этого времени, после смерти в 1089 г. бездетного короля Дмитрия Звонимира, женатого на сестре Ласло Елене, Хорватия была соединена с Венгерским королевством личной унией, скрепленной официально в 1102 г. Сведения о набегах хана Копулча на Венгрию и походе Ласло I на Русь есть только в «Лицевой хронике».

⁵⁵ Левый приток Дуная к востоку от Тисы.

⁵⁶ Этнонимом «кунь» (Cuni/Kuni) венгерский хронист на этом участке текста пользуется для обозначения как печенегов (в гл. 136), так и половцев.

⁵⁷ Со всей определенностью ответить на вопрос, кто из русских князей навел половцев на Венгрию, трудно. Общий анализ внутривосточной ситуации на Руси и международных связей в это время киевского князя Всеволода Ярославича, с одной стороны, и новгородского и туровского князя Святополка Изяславича – с другой, позволяют думать, что Ласло I выступал союзником Святополка (они были свояками: сын Святополка Ярослав был женат на дочери Ласло). Известно, что в 1091 г. Ярослав Святополчич находился у тестя в Венгрии – вероятно, в поисках военной поддержки. В таком случае, половецкий набег на Венгрию в этом году мог быть инспирирован либо самим Всеволодом, либо его ставленником – волынским князем Давыдом Игоревичем. Именно против Давыда и мог быть направлен карательный поход Ласло I, состоявшийся, скорее всего, уже в следующем, 1092, году. Древнерусские источники о нем молчат.

⁵⁸ В основных списках – *graviter* «важно, серьезно, с неудовольствием»; очевидно, ошибка писца вместо *gratanter*, присутствующего в ряде рукописей и представляющего нам предпочтительным.

⁵⁹ Этот поход на Польшу отразился и в польской историографии – у Анонима Галла, но приурочен не к Кракову, а к Вроцлаву, где засел мятежный сын польского князя Владислава I Збигнев; таким образом, взятие Кракова является очевидно, домислом венгерского хрониста. Поход состоялся уже в правление чешского князя Бржетислава II (который также был привлечен Владиславом I к войне против Збигнева), т.е., вероятнее всего, в 1093/4 г.

⁶⁰ Чем были вызваны военные действия венгров против Чехии, непонятно. В «Чешской хронике» Козьмы Пражского эти события отражения не нашли.

⁶¹ Кальман и Альмош были родными братьями, сыновьями венгерского короля Гезы I. Главы 144-145 есть только в «Лицевой хронике».

⁶² Подробный рассказ об этом походе короля Кальмана и его сокрушительном поражении от половцев у Перемышля сохранился и в «Повести временных лет» (в составе так называемой «Повести об ослеплении Василька Тербовльского»), из которого ясно, что события имели место в 1099 г., что венгров пригласил на подмогу киевский князь Святополк Изяславич, что с этой целью в Венгрию, как и в 1091 г., ездил Ярослав Святополчич и что поход был направлен против волынского князя Давыда Игоревича и Ростиславичей Володаря Перемышльского и Василька Тербовльского, на владения которых претендовал Святополк.

⁶³ Ланка – вероятно, одна из форм (венгерская?) имени Анна или Елена. В латинском оригинале во всех списках налицо пропуск: несомненно, утрачено слово, определявшее родственные отношения между Ланкой и Кальманом. А. Домановски, издатель и комментатор «Хроникального свода», высказал странную догадку, что пропущено *vidua* «вдова». В результате фраза приобретает гротескный смысл заглавной беседы короля с собственной вдовой. Кем была эта «русская княгиня», остается загадкой. Ясно одно – она была в родстве с Кальманом, почему, собственно, и рассчитывала повлиять на короля в личной беседе. Теоретически речь может идти, например, о жене Давыда Игоревича (согласно летописи, она пребывала в Перемышле, пока Давыд искал помощи у половцев) или Володаря Ростиславича. В таком случае пропущенным оказывалось бы слово *soror* «сестра». Действительно, ранее Давыд искал помощи в Польше, у Владислава I, и это наводит на мысль, что он мог быть женат на польской княжне, которая, по хронологическим соображениям, приходилась бы Кальману, по меньшей мере, четвероюродной сестрой (через его прабабку – дочь польского короля Мешка II). О жене Володаря ничего не известно, но если она была венгеркой, то искать ее следовало бы, прежде всего, среди дочерей Гезы I и его брата Ласло I. В таком случае Ланка являлась бы двоюродной или даже родной сестрой Кальмана (впрочем, такое предположение выглядит не слишком вероятным).

Существует также гипотеза, что Ланка — это мать Ростиславичей и что, таким образом, Ростислав Владимирович, кончивший свои дни на тмутороканском столе, был женат на венгерке, очевидно, дочери короля Белы I. Если так, то на месте лакуны должно бы читаться *amita* «тетка» или подобное.

⁶⁴ Так в латинском оригинале («*cum precisibus*»), хотя и непонятно, почему на помощь надо приходиться «с мольбами».

⁶⁵ В «Повести временных лет» половецкий хан носит имя Боняк. Ближе к истине, надо полагать, древнерусская летопись, так как в *Migcodes* угадывается тюрк, *mig* «князь»; тем самым, в рассказе венгерского хрониста, возможно, вместо имени собственного присутствует какое-то искажение титула.

⁶⁶ О сокрушительном поражении венгров говорится и в летописном рассказе.

⁶⁷ По другим источникам не известен. Родовое имя *Almas* (или *Almasi*) не следует смешивать с именем «Альмош», которое всегда пишется *Almus*.

⁶⁸ Каких именно кафедр, неизвестно; на рубеже XI–XII вв. в Венгрии насчитывалось десять епископий. Об участии в походе двух епископов знает и «Повесть временных лет», но среди погибших именуется только «пискупа Купана».

⁶⁹ Ни Матфей, ни Петр по другим источникам не известны.

⁷⁰ Упоминается в качестве «дворского графа» («*comes curialis regis*»), т.е. пфальцграфа, в одной из грамот короля Ласло I.

⁷¹ Хронист не отличается ни красноречием, ни даже грамматической правильностью речи, что составитель и постарался посылить передать в переводе.

⁷² Текст страдает двусмысленностью, так что неясно, родился ли в 1101 г. только Иштван (будущий король Иштван II) или Иштван и Ласло (умерший в отрочестве) вместе, т.е. речь идет о близнецах? Указание на дату рождения – факт в «Своде» исключительный, поэтому вероятнее выглядит вторая из двух возможностей. Все дальнейшее, до конца фрагмента 4 (кроме кратких глав 152–153), имеется только в «Лицевой хронике».

⁷³ На далматинском побережье.

⁷⁴ Вместо имени епископа в тексте пропуск. Очевидно, имелся в виду задарский епископ Донат (начало IX в.), местночтимый святой.

⁷⁵ Когда и в связи с чем? И почему намерение осталось втуне? Возможно, Кальманом двигало просто желание отомстить за разгром в 1099 г., но конфликт с герцогом Альмошем помешал ему. Но возможно соотнести это хронологически достаточно неопределенное известие венгерского «Хроникального свода» с сообщением «Поучения» Владимира Мономаха, согласно которому на 1102 г. Святополк Изяславич планировал новый поход против Ростиславичей. Поход не состоялся – видимо, из-за нежелания Мономаха поддержать это предприятие, но вполне естественно было бы, если бы Святополк, как и в 1099 г., снова просил о помощи венгерского короля.

⁷⁶ На Дунае, в Баварии.

⁷⁷ На Дунае, к югу от Эстергома.

⁷⁸ Генриха V, который однажды, в 1108 г., уже оказывал – впрочем, безуспешно – военную поддержку Альмошу.

⁷⁹ По всей вероятности, Ласло.

⁸⁰ Дочь переяславского князя Владимира Всеволодовича Мономаха Евфимию, о чем знает и «Повесть временных лет»: «Того же лета (в 1112 г.) вѣдоша Володимирѣну Офимью в угры за короля». Этот брак, кроме желания короля иметь еще одного, запасного, наследника, имел, очевидно, и политическую цель: дело в том, что герцог Альмош с 1104 г. был женат на Передславе, дочери киевского князя Святополка Изяславича.

⁸¹ Мф. 19, 6 и др. Развернутое объяснение причин развода свидетельствует о том, что в венгерском обществе присутствовало мнение, будто король отослал вторую жену именно «вследствие необузданности и безрассудства». Этой версии придерживалась та часть венгерской знати, которая поддерживала претензии сына Евфимии Бориса на венгерский престол.

⁸² Действительно, Евфимия Владимировна умерла на Руси в 1138 г.

⁸³ О неоднократных попытках Бориса добиться венгерского престола см. ниже фрагмент 6, а также Оттон из Фрейзинга/3–4, 6–7 и соответствующие примечания. Борис – имя, которое сын Евфимии получил на Руси, но засвидетельствовано также его венгерское династическое имя – Коломан (Кальман). Борис был женат на родственнице византийского императора Иоанна II (Византия, в силу почти постоянного конфликта с Венгрией, поддержала Бориса), от которой имел сына – также Коломана. Такая настойчивость в именовании подчеркивает желание Бориса выглядеть законным преемником короля Кальмана.

⁸⁴ Будущим венгерским королем Белой II Слепцом.

⁸⁵ Ктиторею Альмоша.

⁸⁶ Будущему королю Иштвану II.

⁸⁷ Грамматическая несогласованность присутствует в латинском оригинале. Что за «обида» имеется в виду, неясно. Быть может, в Киеве Бориса официально провозгласили сыном Кальмана? Или Владимир Мономах пытался как-то отомстить за обиду дочери?

⁸⁸ Предваряя сообщение о смерти Кальмана, хронист снова возвращается к обстоятельствам его восшествия на престол, излагая предание, которое противоречит тому, что говорилось в самой «Лицевой хронике» выше. В гл. 140 рассказано о том, что король Ласло I в конце жизни, прозревая в племяннике Кальмане причину грядущих кровопролитий, хотел постричь его в монахи и сделать епископом – но не в Варде, а в Эгере (епископия обнимала часть среднего и верхнее течение Тисы).

⁸⁹ В современной историографии принята другая датировка – 1116 г.

⁹⁰ Дочь Роберта Гвискара (который был не «королем», а герцогом Апулии и Калабрии) вряд ли могла быть женой Иштвана II по хронологическим соображениям.

⁹¹ В латинском оригинале во всех списках – «немецкий герцог» («*dux Teutonicorum*»), но из дальнейшего с несомненностью видно, что это зрительная ошибка вместо «*dux Ruten(ic)orum*».

⁹² Речь идет о вольнском князе Ярославe Святополчиче, зяте венгерского короля Ласло I. Имя «Бесен» (или «Безен») применительно к Ярославу более в источниках нигде не встречается и смысл его неясен; можно лишь догадываться, что так Ярослав прозывался именно в Венгрии.

⁹³ В 1117 г. между Ярославом и киевским князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом вспыхнул конфликт, вызванный тем, что, как выяснилось, Владимир вознамерился по своему завещанию передать киевский стол своему старшему сыну Мстиславу; между тем, по династическим понятиям того времени наследником был именно Ярослав – в качестве генеалогически старейшего в поколении правнуков Ярослава Мудрого. Согласно киевской летописи, Ярослав Святополчич в 1118 г. действительно бежал в Венгрию, но уже через год перебрался в Польшу к Болеславу III. В 1123 г. в войсках, приведенных Ярославом, были и венгры. Владимир Мономах приходился Ярославу Святополчичу не братом, а двоюродным дядей. Недоразумение могло возникнуть из-за того, что на вольнском столе Ярослава сменил сначала Роман, а потом Андрей Владимировичи (оба были троюродными братьями Ярослава): именно против Андрея пришлось сражаться Ярославу и его союзникам в 1123 г.

⁹⁴ См. примеч. 87.

⁹⁵ Владимир, столичный город Вольнской волости.

⁹⁶ Сходное, хотя и отличное в частности, описание гибели Ярослава есть и в «Ипатьевской летописи» под 1123 г.: князя, ездившего под стенами и препиравшегося с жителями Владимира, подстерегли, когда он спускался от города в лагерь. Складывается впечатление, что венгерская традиция, как и летописный рассказ, опирается на свидетельства очевидцев. Летопись ничего не знает об участии в походе самого венгерского короля, тогда как рассказ «Лицевой хроники» по понятным причинам сосредоточен на венграх,

ничего не говоря о поляках и чехах, которые, по летописи, также составляли часть войск Ярослава Святополчица; впрочем, участие поляков и венгров, похоже, не было значительным, потому что ни польская, ни чешская исторические традиции не сохранили памяти о событиях на Вольни 1123 г.

⁹⁷ О родоначальнике этой фамилии, который пришел из Германии на службу в Венгрию еще во времена князя Гезы и короля Иштвана I, рассказывается в гл. 41 «Свода».

⁹⁸ В польских источниках никаких данных о военном конфликте с Венгрией в 1125/1126 г. нет.

⁹⁹ Видимо, в ходе венгерско-византийской войны 1127-1129 гг., причиной которой стало покровительство, оказанное в Византии герцогу Альмошу.

¹⁰⁰ Дочери сербского правителя (жупана) Уроша I.

¹⁰¹ Гл. 161 присутствует только в «Лицевой хронике».

¹⁰² Левиафан – в ряде ветхозаветных текстов гигантский морской змей, дракон; иногда представляется в качестве враждебного Богу могущественного существа, над которым Бог одерживает победу в начале времен. Поэтому в данном случае имя служит одним из прозваний диавола.

¹⁰³ См. выше примеч. 83.

¹⁰⁴ По другим – немецким, чешским — источникам доподлинно известно, что главным союзником Бориса был польский князь Болеслав III (см. Вышеградское продолжение Козьмы Пражского; Оттон из Фрейзинга). Сложнее вопрос о том, кто из русских князей поддержал внука Мономахова в 1132 г. (именно к этому году относится описываемое ниже сражение). Вряд ли Болеслав III был бы столь активен, если бы не испытывал уверенности в том, что делает дело, угодное киевским князьям Мстиславу (умершему в апреле 1132 г.) и Ярополку Владимировичам. Находились ли в войске Бориса киевские полки или дело ограничилось подмогой волынского князя Андрея Владимировича, младшего брата Мстислава и Ярополка, остается только гадать.

¹⁰⁵ Река Шайо (по-славянски – Солоня), правый приток Верхней Тисы, лежала на пути из Руси в Венгрию. К слову «местность» в латинском оригинале имеется невразумительное определение *directus* («in directo loco»), при переводе опущенное.

¹⁰⁶ Мф. 25, 32.

¹⁰⁷ Из рода Пазмань.

¹⁰⁸ Здесь в латинском тексте пропущено слово: «cum sedili <...> scidit» («ударил <...> для сидения»), но общий смысл ясен.

¹⁰⁹ По другим источникам этот Мойнольт не известен.

¹¹⁰ Никто из названных лиц в других источниках не засвидетельствован.

¹¹¹ Ок. 1173 г. упоминается граф Томас, сын Самсона, а через двадцать лет – сыновья графов Томаса и Турды. Отсюда можно сделать заключение, что запись о схватке Белы II и Бориса была сделана примерно в середине второй половины XII в.

¹¹² Т.е. также у реки Шайо.

¹¹³ В главных списках – «к князю» («ad ducem»), но это — явное недоразумение ввиду нормального множественного числа в том же обороте чуть ниже. Об участии польского князя Болеслава III в походе известно по другим источникам; относительно русских князей никаких определенных сведений нет.

¹¹⁴ Как известно, по крайней мере Болеслав III принимал участие в сражении. Да и странно было бы думать, что союзники Бориса были в неведении о контрверзах относительно его происхождения.

¹¹⁵ Пс. 77, 50 («concluit in morte»; славянский текст дает другое чтение: «не охранил от смерти»).

¹¹⁶ Ср. примеч. 114; хронист, как нередко бывает, соединяет в своем рассказе противоречащие друг другу версии событий.

¹¹⁷ 22 июля.

¹¹⁸ Главы 166-167 имеются только в «Лицевой хронике».

¹¹⁹ Германский король Конрад III, который никогда не был императором, хотя и считал себя таковым *de facto* (см. Оттон из Фрейзинга/4).

¹²⁰ Второй крестовый поход 1147 г.

¹²¹ Людовик VII.

¹²² Гезой II, сыном Белы II.

¹²³ Людовик VII стал крестным отцом Иштвана (будущего короля Иштвана III), сына Гезы II от Евфросинии Мстиславны, сестры волынского и киевского князя Изяслава Мстиславича.

¹²⁴ Здесь, как и в ряде других мест, в латинском оригинале какая-то погрешность текста: «*eges Francorum*» («короли Франции»), конечно же, не имеет смысла, и следовало бы читать «*principes regis Francorum*» или т. п. Перевод дан по смыслу.

¹²⁵ После смерти Гезы II в 1162 г. они выступили против сына Гезы Иштвана III в качестве антикоролей Ласло II и Иштвана IV.

¹²⁶ Речь идет о походе 1152 г. на помощь шурина Гезы II киевскому князю Изяславу Мстиславичу против галицкого князя Владимирка Володаревича; эти события с большими подробностями описаны в «Ипатьевской летописи». Тем самым, предприятие было направлено не «против владимирского князя», а наоборот, в его поддержку – ведь Вольно продолжал владеть Изяслав.

¹²⁷ Тестем Гезы II был действительно киевский князь Мстислав Владимирович Великий (венгерский король был женат на Мстиславне Евфросинии). Но Мстислав умер еще в 1132 г., да и сам брак Гезы II с Евфросинией был заключен много позже смерти Мстислава – ок. 1145/1146 г. «Обида» была нанесена не покойному Мстиславу, а его сыну – киевскому князю Изяславу в лице Изяславича Мстислава (см. следующее примеч.).

¹²⁸ В 1151 г., в то время, как Изяслав Мстиславич отбивал от Киева войска ростово-суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого, сын Изяслава Мстислав двигался из Венгрии с подмогой, выделенной Гезой II. Но у западных рубежей Киевской земли она была истреблена галицким князем Владимирком Володаревичем, союзником Юрия. В «Ипатьевской летописи» находим весьма колоритный рассказ о том, как венгры, «пьяни яки мертви», оказались перебиты галичанами, а Мстислав Изяславич едва «утече у Луческ». Хотя в летописи нет данных о том, что в войске Владимирка были половцы, это уточнение венгерского источника выглядит вполне правдоподобным.

¹²⁹ Это известие есть только в «Будской хронике». Об Арпаде никаких сведений не сохранилось; Геза был, видимо, младше Иштвана III и Белы III и был женат на некоей византийской принцессе.

¹³⁰ В науке годом смерти Гезы II принято считать 1162.

¹³¹ Венгерский король Эндре II, сын Белы III.

¹³² В 1217 г.

¹³³ Вскоре после своей ранней кончины (в 1231 г.) причисленную к лику святых; Елизавета Тюрингенская (названная так по мужу: см. следующее примеч.) до сих пор остается одной из наиболее почитаемых святых в Западной церкви.

¹³⁴ Будущий тюрингенский ландграф Людвиг IV был обручен с Елизаветой в 1211 г., а в 1221 г., когда невеста подросла, состоялось бракосочетание. Людвиг IV, как и его дядя ландграф Людвиг III, умер в крестовом походе, хотя и до прибытия в Святую Землю, в 1227 г.

¹³⁵ 14 октября 1235 г.

¹³⁶ Дневные датировки в средневековье часто давались по литургическому (богослужебному) календарю, где каждому дню усвоено свое песнопение.

¹³⁷ Секешфехервар по-венгерски значит «стольный Белград», поэтому латинским названием города было просто *Alba* (*civitas*) «Белый (город)». Церковь св. Петра в Секешфехерваре не была кафедральной.

¹³⁸ В прошлом, в 1214/1215-1221 гг. (с небольшим перерывом), – король галицкий.

¹³⁹ Даниил Романович, тогда бывший князем владимирово-волинским, вел борьбу за возвращение Галича, которым владел его отец галицко-волинский князь Роман Мстиславич, и откуда Даниил с матерью и младшим братом Васильком был изгнан еще в детстве, сразу после смерти в 1205 г. отца. В первой половине 1230-х гг. Даниил Романович дважды на некоторое время занимал Галич в борьбе с венграми. Однако вмешавшись во внутрирусское противоборство между киевским князем Владимиром Рюриковичем и черниговским князем Михаилом Всеволодовичем на стороне первого, Даниил в 1235 г. был вынужден уступить Галич уже не венграм, а Михаилу Всеволодовичу, который посадил там сына Ростислава. Несомненно, своим визитом к новому венгерскому королю Беле IV Даниил надеялся изменить политику Венгрии в отношении Галича. Ведение под уздцы коня сюзерена, т.е. исполнение роли стремянного, – один из употребительных в средневековье обрядов, отражавших вассальную зависимость высокого ранга. Признавая свою формальную зависимость от венгерского короля, волинский князь стремился получить помощь сюзерена в отвоевании Галича. Эти расчеты не оправдались, и Бела IV продолжал поддерживать Ростислава Михайловича. Только зимой 1238-1239 гг. Даниилу удалось овладеть Галичем, а Ростислав бежал к Беле IV, где вскоре женился на его дочери Анне.

(Лиутпранд Кремонский, «Антаподосеос»)

Лиутпранд Кремонский (около 922 – 972 гг.) – итальянский дипломат и историк X в., епископ Кремоны (962-972 гг.). Автор сочинения «Антаподосеос» («Воздаяние»). Это сочинение в шести книгах, написанное Лиутпрандом Кремонским во Франкфурте в 958-962 гг., представляет собой историческую хронику с автобиографическими вставками. Описывая события с 887 по 949 гг., автор прежде всего задавался целью изобличить Беренгарию перед потомками и таким образом воздать ему по заслугам (отсюда название книги).

I. После того, как теплота жизни¹ покинула члены короля Арнульфа, оставив бездыханным его тело, сын его Людовик² всем народом был поставлен королём. Смерть столь славного мужа не могла остаться неизвестной как всем, живущим на свете людям, так и соседям их венграм. День его смерти был для них радостнее всякого праздника, желаннее всех сокровищ. Что же случилось?

II. Уже в первый год после его смерти и назначения его сына, собрав огромное войско, они подчинили себе народ моравов³, который в своё время король Арнульф завоевал с помощью их же доблести; [венгры] заняли также пределы Баварии, разрушили замки, церкви сожгли огнём, народ перебили, а чтобы внушить ещё больший ужас, они пили кровь убитых⁴.

III. Итак, король Людовик, узнав о разорении своего народа и о свирепости [венгров], возбудил души всех своих подданных следующей угрозой: было объявлено, что тот, кто уклонится от участия в войне, которую он собрался вести с венграми, вне всякого сомнения будет повешен. Наконец, бесчисленные толпы этого гнусного народа поспешили навстречу его огромному войску. Ни один жаждущий не пьёт холодную воду с большей страстью, чем этот свирепый народ ожидает дня битвы; ведь нет для него большей радости, чем борьба. Как я узнал из книги, написанной о происхождении [венгров], их матери, как только рожают мальчика, «острейшим ножом разрезают ему щёки, дабы до того, как вкусить питательное молоко, приучился он терпеть раны»⁵. Рассказу этому придают веры раны, которые в знак скорби по убитым родичам наносят себе оставшиеся в живых. Эти *ἀθεοὶ καὶ ἀσεβοῦς ἀντὶ τῶν δακρυῶν*, атеи ке асевич анте тон дакрион, то есть безбожные и нечестивые люди, проливают кровь вместо слёз. Король Людовик, собрав большое [войско], прибыл уже в Аугсбург, – город на границе Швабии, Баварии и Восточной Франконии, – когда пришло не столько неожиданное, сколько нежеланное известие о приближении этого народа. Итак, на следующий день оба войска сошлись на полях близ реки Лех, весьма удобных благодаря своей обширности для ратного труда.

IV. Итак, прежде чем «Аврора покинула шафранное ложе Тифона»⁶, жадный до войны и жаждущий крови народ венгров напал на них, то есть на христиан, ещё толком не проснувшихся; одни, ещё до того, как раздался крик [неприятеля], были разбужены [свистом] стрел, другие же, пронзённые на своих ложах, не проснулись ни от шума, ни от ран; ибо дух покинул их прежде, чем сон. Вслед за тем развернулась тяжёлая битва; повернув [к нам] спины, будто обратившись в бегство, турки⁷, выпустив *boelis*, то есть стрелы, поразили многих [из наших].

Когда всемогущий Элоим⁸ тучами мрачными начал
Закрывать свет почтенный златокудрого Феба⁹,
Вихрем, криком ужасным всё небо гремело,
Молнии часто сверкали с поникшего трона Тонанта¹⁰;
И задрожали все те, кто чёрное делает белым¹¹;
Ибо прекрасно они сознавали, что грешны,
Что гибель их ждёт пред всевышним Вулканом:
Так же стрелы летят из опустевших колчанов
Крепкие латы собой протыкая.
Так же, как когда град истребляет посевы
Шум и грохот стоит, и гуденье по крышам,
Так и шлемы тугие звенят от ударов мечей,
Так же падают люди от стрел, валясь друг на друга.

Склоняясь к закату, Феб достиг уже 7-го часа¹²; до сих пор светлый Марс был милостив к силам Людовика, когда турки, – не новички в военном деле, – устроив засаду, обратились в притворное бегство. Когда же люди короля, не ведая хитрости, в сильнейшем порыве устремились за ними, те внезапно все разом выскочили из засады и вот: те, кто казались уже побеждёнными, сами перебили победителей. Сам король с

удивлением увидел, что он из победителя вдруг стал побеждённым, и тем тяжелее было для него это несчастье, чем менее он его предвидел¹³. Ты увидел бы лес и поля, всюду покрытые павшими, ручьи и реки, ставшие красными от крови; ржание коней и звуки труб внушали бегущим всё больший и больший страх, одновременно возбуждая дух преследователей.

V. Даже после того, как венгры достигли цели своих желаний, столь страшное избиение христиан по прежнему не удовлетворило их злобу; чтобы насытить свою нечестивую ярость, они прошли земли баварцев, швабов, франков и саксов, всё предавая огню. Не было никого, кто ожидал бы их прихода в местах иных, нежели те, что наиболее укреплены самой природой и немалым трудом; на несколько лет народ стал их данником.

VI. Во время правления [Людовика] жил некий Адальберт¹⁴, не простой какой-то человек, но тот великий герой, кто, будучи в своём замке Бабенберге, находился в немалой вражде с государством. Король Людовик, собрав все свои силы, неоднократно ходил против него. Названный же герой вёл с ним войну не вблизи своего замка, – как то обычно для большинства [рыцарей], – но вдалеке от своих укреплений. Рыцари короля, прежде чем на деле научились удивляться его храбрости, упреждая короля, замыслили под видом вызова Адальберта на битву выманить его из замка и убить. Однако, Адальберт, не только знакомый с такого рода хитростями, но и сам на них мастер, отошёл от замка так далеко, что рыцари признали в нём врага только тогда, когда неукротимый меч его, рубя загулял по их шеям. Итак, когда Адальберт, этот герой, почти 7 лет¹⁵ упорствовал таким образом в мятеже, Людовик, поняв, что мужество его и отвагу нельзя победить иначе, как только прибегнув к хитрости, попросил у Хатто¹⁶, архиепископа Майнца, совета, как ему следует поступить в этом деле. Тот, будучи большим докой по части хитрости, сказал: «Успокойся, я освобожу тебя от этой заботы. Я позабочусь, чтобы он пришёл к тебе, а ты уж позаботься, чтобы он не ушёл». Итак, Хатто, уверенный в себе, ибо не раз давал удачный оборот дурному положению дел, под видом дружеского участия отправился в Бабенберг¹⁷, к Адальберту. И сказал ему: «Если ты и не веришь в иную жизнь, кроме этой, временной, всё же неправильно поступаешь, упорствуя в мятеже против своего господина, особенно когда действия твои совершенно напрасны. Ты не представляешь себе, насколько мил будешь всем и, особенно, королю, если смиришь свою дерзость. Итак, поверь мне, дающему тебе совет; прими клятву в том, что ты беспрепятственно сможешь как выйти из замка, так и вернуться назад. Если не веришь пастырским моим обещаниям, то не сомневайся, по крайней мере, в клятве, согласно которой я обязуюсь как вывести тебя из замка, так и привести назад, целого и невредимого». Итак, Адальберт, прельщённый, скорее обманутый этими сладкими, как мёд, речами, принял от Хатто клятву и пригласил его разделить с ним завтрак. Хатто же, помня о коварном плане, который вскоре собирался привести в исполнение, наотрез отказался от этого. Не медля, Хатто покинул замок. Адальберт тотчас же последовал за ним, держа [архиепископа] за правую руку. Хатто, увидев, что тот находится уже вне замка, сказал: «Досадно мне, славный герой, что я, согласно твоему совету, не подкрепил своё тело чем-либо съестным, особенно, когда предстоит длинный путь». Адальберт, не ведая сколько бед и несчастий несут в себе эти слова, сказал: «Так вернёмся, господин мой, и, дабы тело не терзалось муками голода, хоть немного, но подкрепим его пищей». Согласившись с его предложением, Хатто вернулся с ним по той же дороге, по какой и вышел, ведя его назад по прежнему держа за правую руку. Наскоро пообедав, они в тот же день поспешили к королю. Немалый шум и переполох поднялись в лагере, когда сообщили о приходе к королю Адальберта. Король, весьма обрадованный его прибытием, велел знати собраться и прийти на судебное заседание. И сказал им: «Вот уже почти 7 лет¹⁶ Адальберт проливает нашу кровь, причиняет беспокойство, доставив нам своими грабежами и поджогами большие неприятности, о чём знаем мы не понаслышке, а на собственном опыте. Потому и ожидаем мы при таком положении дел, что приговор ваш будет принят как кара за столь явное преступление». Итак, согласно установлениям древних королей, [Адальберт] по единогласному их решению был присуждён, как оскорбивший величие, к отсечению головы. Когда же его, связанного, уже вели на смерть, он, увидев Хатто, сказал: «Ты будешь клятвопреступником, если допустишь мою смерть». А Хатто и говорит ему: «Я обещал, что как выведу тебя, невредимого, из замка, так и приведу назад; полагаю, что именно это я и сделал, когда вывел тебя из замка, а затем сразу же целым и невредимым привёл обратно». Застонав, [Адальберт] слишком поздно понял хитрость Хатто и горько пожалел, что пришёл сюда; тем неохотнее последовал он за палачом, чем более хотелось ему жить, если бы это было возможно¹⁸.

VII. Итак, спустя пару лет¹⁹, когда никто уже не оказывал венграм сопротивления ни на востоке, ни на юге, – ведь болгарский и греческий народы стали уже их данниками, – решили они увидеть, – дабы не осталось что-то, им неизвестное, – народы, живущие на юге и западе. Итак, собрав огромное, бесчисленное войско, вступили они в несчастную Италию. Разбив палатки, скорее рваньё, на реке Бренте, они отправили разведчиков на 3 дня пути, дабы выяснить положение этой земли, а также малое или большое число народа её населяет; вернувшись, послы дали такого рода ответ: «Равнина эта покрыта рядом холмов и, как вы знаете, с одной стороны окружена весьма крутыми, но плодородными горами, а с другой – Адриатическим морем; имеется несколько городов, но все – сильно укреплённые. Силён или слаб тот народ, мы не знаем, но многочисленность его сразу бросается в глаза. И мы бы не советовали вам нападать на него со столь малыми силами. Есть ряд обстоятельств, которые заставляют нас сражаться; это привычка побеждать, смелость духа, умение драться и, особенно, богатства, стремление к которым гложет нас и которых здесь столько, сколько во всём мире мы и не видели, и не надеялись увидеть; всё же мы советуем вам вернуться, – ведь обратный путь не долог и не труден,

и пройти его вполне можно за 10 или меньшее количество дней, – а с наступлением весны, собрав самых храбрых из нашего народа, вернуться, внушая страх не только отвагой нашей, но и численностью».

VIII. Послушав их, венгры немедленно вернулись на родину и всю суровую зиму провели, изготавливая оружие, натачивая стрелы и обучая юношей искусству войны.

IX. Солнце ещё не успело переступить из знака Рыб в знак Овна²⁰, как [венгры], собрав огромное, бесчисленное войско, вступили в Италию, миновали Аквилею и Верону – наиболее укрепленные города – и, нигде не встречая сопротивления, подошли к Тицину, который ныне носит более благозвучное имя – Павия. Король Беренгар не мог надивиться столь дерзкому и необыкновенному деянию, – ведь прежде он не слышал даже имени этого народа. Отправив к итальянцам²¹, тускам, вольскам, камеринцам и сполетцам – к одним письма, к другим послов, он велел им всем прибыть в одно место; и собралось войско в 3 раза более сильное, чем венгерское.

X. Как только король Беренгар увидел, что в его распоряжении находится столь сильное войско, его обуяла гордыня и, приписывая уже победу над врагом более числу своего [войска], нежели Богу, он вместе с немногими спутниками предался наслаждениям в некоем городке. Что же далее? Венгры, увидев столь великую силу, смутились духом и не могли решить, что теперь делать. Сражаться они боялись, а бежать были не в состоянии. Колеблясь между тем и другим решением, они всё же предпочли бежать, нежели сражаться; преследуемые христианами, они вплавь перебрались через реку Адду, – причём из-за сильной спешки многие утонули.

XI. Наконец, венгры, приняв неплохой совет, через посредников просили христиан, чтобы те, получив от них всё награбленное вместе с компенсацией за убытки, позволили им самим невредимыми вернуться домой. К сожалению, христиане наотрез отказались исполнить эту их просьбу, насмеялись над ними и больше думали про цепи, которыми собирались вязать венгров, чем про оружие, чтобы их убивать. Не сумев таким образом смягчить души христиан, язычники сочли за лучшее следовать прежнему своему плану, стараясь спастись бегством; так, убегая, они добрались до широчайших полей у Вероны.

XII. Передовые отряды христиан уже напали на самых молодых из них; произошла стычка, победу в которой одержали язычники. Когда же приблизилось основное войско, те, вспомнив о прежнем плане, опять обратились в бегство.

XIII. Христиане в одно время с язычниками подошли к реке Бренте; ведь, из-за сильно уставших коней венгры не могли бежать дальше. И вот, оба войска встретились, будучи разделены только руслом упомянутой реки. Наконец, венгры, будучи вынуждены сильным страхом, обещали отдать все запасы, пленных, всё оружие и коней, удержав лишь по одному на каждого, чтобы было на чём вернуться домой; сверх того, ради придания веса своей просьбе, они добавили, что если им сохранят жизнь и разрешат вернуться, они, дав в заложники своих сыновей, обещают никогда более не вторгаться в Италию. Но увы! Христиане, ослепленные гордыней и высокомерием, набросились на язычников, будто на уже побежденных, и дали им такого рода апологию *απολογία*, то есть ответ: «Если бы мы приняли в дар то, что нам и так принадлежит, от людей, которые и так находятся в нашей власти, да ещё и заключили бы договор с этими мёртвыми псами, сам сумасшедший Орест поклялся бы в том, что мы сошли с ума»²².

XIV. Придя от такого ответа в отчаяние, самые храбрые из венгров собрались воедино и утешили друг друга следующей речью: «Что ещё более худшее может случиться с людьми, если та жизнь, которую мы знаем в настоящем, уже погублена, – ведь для просьб более нет места²³, надежда на бегство потеряна, а подчиниться – всё равно что умереть, – так стоит ли бояться того, чтобы, бросившись навстречу граду стрел, отомстить за смерть смертью? Не будет ли лучше, если поражение наше припишут судьбе, а не нашей слабости? Ведь умереть, мужественно сражаясь, значит не умереть, но жить. Эту великую славу, эту *κλιρονομία* клирономииан, то есть наследство, полученное нами от отцов наших, передадим также и нашим потомкам. Нам следует верить себе, своему опыту^{23a}, ибо иной раз с малыми силами истребляли мы более многочисленные [войска]. Чем больше толпа бессильного народа, тем удобнее её резать. Марс часто губит бегущего, тогда как смело сражающегося берёт под свою защиту. Те же, кто не помиловал нас, молящих, не ведают и не понимают умом своим, что побеждать прекрасно, но превозноситься в победе крайне пагубно»^{23b}.

XV. Воодушевленные такой речью, [венгры] в 3-х местах располагают засаду и, переправившись через реку, врываются в середину врагов. Ведь большинство христиан, устав от длительного ожидания послов, разбрелось по лагерю, чтобы подкрепиться пищей; одних венгры пронзили с такой быстротой, что проткнули даже хлеб в их глотках, а других, – угнав коней, они лишили их возможности бежать, – они перебили с тем большей лёгкостью, чем яснее последние сознавали, что лишены коней²⁴. Наконец, для увеличения бедствия христиан, среди них обнаружился немалый раздор. Некоторые не только не вступали в бой с венграми, но радовались, когда падали их ближние; эти негодяи действовали так гнусно потому, что надеялись, когда падут их близкие, править более свободно. Не желая помогать своим ближним в беде, предпочтя их гибель, они сами подверглись той же участи. Итак, христиане бежали, а язычники свирепствовали вовсю; они, прежде не сумевшие умолить [христиан] дарами, теперь сами не знали пощады к умоляющим. Наконец, перебив и обратив в бегство христиан, венгры обошли, опустошая, все области королевства. Не было никого, кто мог бы смело ожидать их прихода иначе, чем находясь в самых укрепленных местах. Так велика была их доблесть, что, когда одна часть [венгров] опустошала Баварию, Швабию, Франконию и Саксонию, другая разоряла Италию.

XVI. Но не своей доблести обязаны они были этому успеху; а исполнилось правдивое слово Господа, более прочное, чем земля и небо, в котором он устами пророка Иеремии угрожал всем народам в лице дома Израилева, говоря: «Вот, я приведу на вас народ издалека, народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его – как открытый гроб, все они – люди храбрые; и съест он жатву твою и хлеб твой; сожрёт сыновей твоих и дочерей твоих, съест овец твоих и волов твоих; съест виноград твой и смоквы твои, и разрушит мечом укрепленные города твои, на которые ты возлагаешь надежды. Но и в те дни, – говорит Господь Бог, – не истреблю вас до конца»²⁵.

XVII. В это же время умер король Людовик²⁶. Конрад²⁷, происходивший из рода франков, муж сильный и знаток военного дела, был поставлен королём над всеми народами.

XVIII. При нём могущественнейшими князьями были: Арнульф²⁸ – в Баварии, Бурхард²⁹ – в Швабии, Эберхард³⁰ – сильнейший граф во Франконии, Гизельберт³¹ – герцог в Лотарингии. Но всех их превосходил славой Генрих³², могущественный герцог Саксонии и Тюрингии.

XIX. Во 2-й год по вступлении его в должность названные князья и, в особенности, Генрих восстали против него. Однако, король Конрад победил их не столько силой храбрости, сколько силой мудрости и привёл к повиновению. Арнульф же, вынужденный сильным страхом перед ним, бежал вместе с женой и детьми к венграм³³ и жил у них, пока в теле короля Конрада теплилась хоть искра жизни³⁴.

XX. Наконец, в 7-й год своего правления [король] понял, что настало время быть призванным к Богу. Велев прийти к себе названным князьям, – отсутствовал один только Генрих, – он обратился к ним с такой речью: «Пришло, как вы видите, время, когда я вот-вот буду призван от тления к нетлению, от смертности к бессмертию; поэтому я ещё и ещё раз прошу вас жить в мире и согласии. Пусть, когда я умру, не возбудит вас ни жажда власти, ни честолюбивое стремление к первенству. Изберите королём и поставьте своим государем Генриха, мудрейшего герцога Саксонии и Тюрингии. Ведь он силен как мудростью, так и справедливой строгостью». Сказав это, он велел принести свою собственную корону, – её украшали, скорее, говорю, обременяли, не только золото, которым украшены короны почти всех князей, но и драгоценные камни, – а также скипетр и прочее королевское облачение и, пока был в силах, произнёс такого рода слова: «Вручая эти королевские регалии Генриху, назначаю его своим наследником и преемником королевского достоинства; и не только советую, но и умоляю вас повиноваться ему». Приказав это, он умер³⁵, и вслед за смертью тотчас же последовало исполнение его воли. Ведь когда он скончался, названные князья доставили герцогу Генриху корону и все королевские регалии, по порядку изложив всё, что говорил король Конрад. Тот поначалу смиренно отказывался от королевского достоинства, но чуть погодя не ради честолюбия принял его. Истинно, что если бы «бледная смерть, которая одинаково стучит ногой и в хижины бедняков, и в замки королей»³⁶, не похитила короля Конрада столь скоро, он стал бы тем, чьё имя властвовало бы над многими народами мира.

XXI. В это же время Арнульф, возвратясь вместе с женой и детьми из Венгрии, был с почётом принят баварцами и восточными франками. И они не только приняли его, но и страстно уговаривали стать их королём^{36a}. Король Генрих, узнав, что все подчиняются его приказам и только Арнульф оказывает сопротивление, собрал огромное войско и вступил в Баварию. Услышав об этом, Арнульф не стал дожидаться в Баварии его прихода; собрав какие только мог войска, он поспешил ему навстречу. Ведь он и сам стремился стать королём. Когда оба войска встретились и уже должны были вступить в сражение, король Генрих, муж мудрый и богобоязненный, понимая, что обе стороны могут претерпеть непоправимый ущерб, предложил Арнульфу переговорить с ним с глазу на глаз. Арнульф, полагая, что вызван им на поединок, прибыл в назначенное время в условленное место.

XXII. Король Генрих обратился к нему, спешащему навстречу, с такой речью:

«Почто ты в безумьи противишься воле Господней?

Знай же: стал королём я желаньем народа,

И властью Христовой, который является мира опорой;

Тартар³⁷ дрожал перед ним, и боялся его Флегетон³⁸.

Власть королей тех блестящих, что ужас всем людям внушали^{38a},

Он сокрушил и возвысил убогих,

Дабы должную славу Ему в веках они воздавали.

Ты ж вероломный, прегордый, преступный, гнусный также, суровый, жестокий,

Страстью мерзкой проникнутый, а также свирепым стремленьем,

Столь сильно жаждешь погибели тел христианских?

Если б народ захотел предпочесть тебя моей скромной особе,

Я был бы первым, кто это желанье б одобрил.

Итак, король Генрих, сумев благодаря своей мудрости смягчить душу Арнульфа этой речью, – ведь, она обладала 4-мя достоинствами: была содержательна, кратка, сжата и цветиста, – вернулся к своим.

XXIII. Арнульф же, сообщив всё это своим людям, услышал от них такого рода *ἀλόκριση*, апокрисин, то есть ответ: «Кто может оспорить изречение того мудреца, скорее изречение самой мудрости, где говорится: ‘Мною царствуют цари, властвуют князья, а мудрые вершат правосудие’³⁹, а также другое, сказанное апостолом, о том, что ‘всякая власть – от Бога, и кто противится власти, тот противится установлению Божьему?’»⁴⁰. Ведь никогда бы не был народ при его избрании столь единодушен, если бы не был он избран

ещё до сотворения мира⁴¹ верховной Троицей, которая есть Единый Бог. Если он будет хорошим [правителем], его должно любить и славить в нём Бога; если же плохим – безучастно терпеть. Ведь в большинстве случаев, когда подданные не управляются, но угнетаются властью предержавшими, это происходит из-за их собственных грехов. Равно справедливым нам кажется, чтобы ты, не отставая от прочих, избрал его королём, а он тебя, как мужа, которому покровительствует фортуна и к тому же весьма богатого, осчастливил, укротив ярость твоей души тем, что уступил бы тебе то, чего не имели твои предшественники, а именно: подчинил твоей власти епископов всей Баварии и дал тебе право ставить нового прелата на место умершего». И так, последовав этому превосходному и доброму совету своих людей, Арнульф стал вассалом короля Генриха⁴², а тот, как уже было сказано, почтил его, уступив власть над епископами всей Баварии.

XXIV. В течение того же времени венгры, услышав о смерти короля Конрада и о вступлении на престол Генриха, обратились друг к другу с такой речью: «Возможно, новый король захочет заключить и новые договоры. Давайте, собрав немалое войско, поднимемся и разведем, желает ли король Генрих платить нам положенную дань. Если, как мы верим, он ничем не отличается от прочих королей, мы опустошим его королевство огнём и мечом. Но сначала опустошим пределы не баварцев, а саксов, где пребывает сам король; чтобы, если захочет он собрать войско, – на что мы не надеемся, – ни из Лотарингии, ни из Франконии, ни из Швабии, ни из Баварии не смог получить он своевременно помощи. К тому же землю саксов и тюрингов легко разорять, ибо не укреплена она ни высокими горами, ни укрепленными городами».

XXV. Король Генрих был тяжело болен, когда ему сообщили о скором приходе венгров. Едва дослушав до конца слова посланника, он, отправив послов по всей Саксонии, приказал каждому под страхом смертной казни явиться к нему в течение 4-х дней. В результате, когда через 4 дня собралось огромное войско, – ведь у саксов есть достойный похвалы и подражания обычай, согласно которому ни один мужчина, достигший 13 лет, не может уклониться от воинского призыва, – он, хоть и слабый телом, зато бодрый духом, как мог, вскочил на коня и, собрав вокруг себя воинов, начал возбуждать их воинский пыл такими словами⁴³:

XXVI.

«Славным саксы народом
 В войнах славу стяжав
 Дрались с Карлом⁴⁴ они
 Мир весь себе
 И побеждён был тут он,
 Если ж вернувшись
 Божья милость на это была
 Чтоб спасти от греха
 Ныне ж злобный народ
 Турки, не зная Христа,
 Желая народ полонить
 Горе нам, горе! Герои,
 Шеи наши склонить
 Духом воспряньте, мужи,
 Режьте, рубите в куски их
 Жаркая ярость пусть будет
 Пусть отправляются венгры
 И раскалённую треть пусть
 храбрости лавиной
 некогда были.
 императором славным
 суровым мечом подчинившим.
 всех побеждавший.
 он всё же разбил нас,
 несомненно,
 души саксонцев.
 Богопротивный
 хвалятся громко
 преданный церкви.
 хотят они ныне
 бременем дани!
 как велит нам обычай!
 сильной рукою!
 вашим святым устремленьем;
 к Стиксу⁴⁵ с дарами
 кормчему⁴⁶ там они платят!».

XXVII. Итак, видя, что души людей его в результате этих увещаний воспылали воинским духом, король, опять охваченный даром божественного вдохновения, велел всем молчать и добавил следующее: «Пусть деяния древних королей и писания святых отцов научат нас совершить то, что мы должны сделать. Ведь Богу не трудно сокрушить многих с помощью малого [войска], если те, кто стремится свершить это дело, заслужат его своей верой; если будут они верующими не только исповеданием своим, но и делами, не только устами, но и сердцем. Обещаем же и воздадим, по слову псалмопевца⁴⁷, обеты; первым воздам их я, кто и достоинством, и рангом первый среди вас. Пусть ересь симонии⁴⁸, ненавистная Богу и проклятая блаженнейшим князем апостолов Петром, которую предки наши до сих пор по недомыслию терпели, будет совершенно изгнана из нашего королевства. Пусть благодать соединит тех, кого разделила хитрость дьявола».

XXVIII. Король хотел сказать ещё нечто подобное, когда быстро подъехавший вестник сообщил, что венгры уже находятся у Мерзебурга – крепости на границе саксов, тюрингов и славян. Он также добавил, что они взяли в плен немалое количество женщин и детей, перебив огромное множество мужчин; ведь они сговорились не оставлять в живых никого старше 10 лет, дабы внушить этим немалый страх саксам. Король же, будучи твёрд духом, не устрасился этим; напротив, ещё более настойчиво стал призывать он [воинов] сразиться за отечество и со славой умереть.

XXIX. Между тем, венгры справлялись у пленников – следует ли им опасаться нападения. Узнав от них, что иначе и быть не может, они отправили разведчиков выяснить – так ли это. Разведчики, пустившись в путь, увидели, что король Генрих с огромным войском находится уже вблизи упомянутого города Мерзебурга. Едва успев вернуться к своим, они сообщили им о прибытии врага; ведь никто иной, как сам король предстал перед ними вестником битвы.

XXX. Сразу же началась битва; со стороны христиан слышался святой и чудесный глас: Κύριε ελεῖσον, кирие элейсон⁴⁹, со стороны же [язычников] – мерзкое и дьявольское: «ху, ху!».

XXXI. Перед началом битвы король Генрих дал своим людям такого рода мудрый и спасительный совет: «Когда вы приступите к играм во имя Марса, пусть никто из вас, обладая более быстрым конём, не старается обогнать товарищей. Но, прикрыв друг друга щитами, примите на них первый залп стрел; а затем, стремительным бегом и яростнейшим натиском бросайтесь на них, дабы не ранее смогли они выпустить в вас второй залп дротиков, чем почувствуют на себе раны, причинённые вашим оружием». Итак, саксы, не забыв его спасительнейшего наставления, выстроились в правильную линию и помчались [на врага], – причём более быстрый конь не обгонял более медленного; но, как говорил король, закрыв друг друга щитами, они без всякой для себя опасности приняли на них град стрел; а затем, как и советовал им мудрейший муж, бросились на врагов столь стремительно, что со стенанием жизнь их покинула 49а прежде, чем был выпущен второй залп дротиков. И случилось по милости Божьего дара, что врагам теперь более угодно было бежать, нежели сражаться. Даже быстрый конь казался им теперь слишком медленным. Украшения в виде фалер и почётная роскошь оружия стали теперь для венгров не защитой, но бременем. Выпустив стрелы, бросив луки и сняв также фалеры, – чтобы освободить коней от лишней ноши, – они думали уже об одном только бегстве. Но всемогущий Бог, отняв у них отвагу, чтобы сражаться, лишил их также возможности бежать. Итак, когда венгры были изрублены и обращены в бегство, огромное количество их пленных обрело свободу, и сменился стон их радостной песней⁵⁰. Эту свою победу, столь же достойную славы, как и памяти, король велел изобразить на ζογραφεῖαν, зографуиан, то есть картине, в верхних покоях дворца в Мерзебурге, дабы считали это дело более истинным, чем правдоподобным.

XXXII. Пока это имело место, почти все итальянцы, отправив послов, пригласили к себе некоего Людовика⁵¹, бывшего родом из Бургундии, дабы он, придя к ним и отобрав у Беренгара королевство, стал ими править.

XXXIII. Инициатором же столь гнусного преступления был Адальберт⁵², маркграф города Ивреи, замуж за которого названный Беренгар выдал свою дочь по имени Гизела⁵³; от неё он имел сына, которому дал имя деда⁵⁴. Это тот самый Беренгар⁵⁴, – говорю я, – от безмерной тирании которого ныне стонет вся Италия и из-за козней которого она получает от всякого народа не пользу, но вред. Но вернёмся к делу; о нём же пока сказано достаточно.

XXXIV. Сверх того, этот Адальберт, – да уберегут себя от этого все добрые люди, – был человеком самых отвратительных нравов. Правда, пока он был молод и кровь его кипела, он славился удивительной человечностью и святостью; так, если возвращаясь с охоты, встречал он бедняка и не имел с собой ничего, что мог бы ему дать, то, сразу же, не задумываясь, уступал ему свой рог, висевший на шее на золотой цепочке, а позже выкупал его обратно за столько, сколько тот стоил. Зато позже он приобрёл столь дурную славу, что и стар, и млад пел о нём такую правдивую песню. Чтобы было благозвучнее, скажем её по-гречески: «Ἄδελβέρτος κόμις κοῦρτης, μακροσπάθης, γουνδοπιστής, Адельбертос комис куртис, макроспатис, гундопистис», что означает: «Длинный меч у него, но короткая верность».

XXXV. По его и некоторых других итальянцев призыву названный Людовик и пришёл в Италию. Узнав об этом, Беренгар немедленно вышел ему навстречу. Людовик же, увидев, что войско вышедшего против него Беренгара огромно, а его собственное мало, в страхе был вынужден дать клятвенное обещание, что, если тот его отпустит, он никогда больше не поддастся ничьим уговорам и не придёт в Италию. Беренгар же потому так

легко изгнал Людовика, что посредством многочисленных даров обеспечил верность Адальберта⁵⁵, могущественного маркграфа Тосканы.

XXXVI. Но по прошествии малого времени король Беренгар стал неугоден названному Адальберту. Свою лепту в это дело внесла его жена Берта⁵⁶, мать того короля Гуго⁵⁷, который позже, уже в наше время, правил в Италии. И вот, по совету этого маркграфа, прочие итальянские князья опять пригласили прийти к ним того самого Людовика. Тот же, из-за стремления к власти забыв о клятве, пришёл в Италию.

XXXVII. Беренгар, увидев, что Людовик принят как итальянской, так и тосканской знатью, отправился в Верону. Но Людовик вместе с итальянцами не прекратил преследование и, изгнав его также и из Вероны, силой подчинил себе всё королевство.

XXXVIII. По свершении этого Людовик, объехав кругом всю Италию⁵⁸, решил увидеть также и Тоскану. Покинув Павию, он отправился в Лукку, где и был с почётом и удивительным великолепием принят Адальбертом.

XXXIX. Когда Людовик увидел, что во дворце Адальберта столь много славных рыцарей, столь велико достоинство и столь обширны расходы, то, охваченный завистью, сказал потихоньку своим людям: «Его скорее можно назвать королём, а не маркграфом; он ничем не ниже меня, кроме титула». Слова эти не укрылись от Адальберта. А Берта, женщина весьма разумная, услышав об этом, не только отвратила от верности [Людовику] своего мужа, но и настроила против него прочих князей Италии. Потому-то и вышло, что когда тот, вернувшись из Тосканы, пришёл в Верону и жил там, ничего не опасаясь и не ожидая ничего дурного, Беренгар, подкупив городских стражей и собрав храбрейших мужей, в ночной тишине вступил в город.

XL. Река Атезис^{58a}, подобно Тибру в Риме, протекает по самой середине города Вероны. Через неё построен огромный мраморный мост удивительной работы и удивительной величины. С левой стороны реки, обращённой на север, город укреплен крутым и труднодоступным холмом; так что, если та часть города, что лежит на правом берегу упомянутой реки, будет взята врагами, эта вполне может мужественно обороняться. На вершине этого холма была сооружена дорогой работы церковь и освящена в честь блаженнейшего князя апостолов Петра; здесь-то ради церковного наставления, а также из-за укрепленности самого места и пребывал Людовик.

XLI. Итак, Беренгар, войдя, как мы говорили, ночью в город, тайно от Людовика перешёл со своими людьми мост и перед самым рассветом добрался до него. Тот, разбуженный шумом и криком воинов, пытался выяснить, что случилось, и бежал в церковь; никто, кроме одного из воинов Беренгара, не знал, где укрылся [Людовик]. Но и он, побуждаемый милосердием, хотел не выдавать его, но спрятать. Всё же, опасаясь, что узнанный другими, он будет выдан и наказан смертью, воин пришёл к Беренгару и сказал следующее: «Поскольку Бог был столь милостив к тебе, что предал в руки твои врага твоего, то и тебе следовало бы исполнить его наставления, вернее повеления. Ведь говорит Он: «Будьте милосердны, как был милосерден Отец ваш. Не судите, и не судимы будете. Не осуждайте, и не будете осуждены»⁵⁹. Тогда Беренгар, как человек весьма разумный, понял, что воин знает, где прячется [Людовик] и дал ему ответ в духе софистов: «Неужели ты думаешь, болван, что я хочу убить человека, тем более короля, которого Бог предал мне? Разве не пощадил святой Давид царя Саула, отданного Богом ему в руки, хотя мог убить его?». Тогда воин, убежденный этими речами, открыл ему место, куда бежал Людовик. Когда его схватили и привели к Беренгару, тот обратился к нему с такой гневной речью: «Доколе же ты, Людовик, будешь злоупотреблять нашим терпением?⁶⁰ Сможешь ли ты отрицать, что и в то время, когда благодаря моей осмотрительности мои отряды окружили тебя, ты ещё мог что-то сделать против меня? И что я, склонный к милосердию, которого ты не достоин, отпустил тебя? Разве, – говорю я, – не чувствуешь ты, что запутался в сетях собственного вероломства? Разве не уверял ты меня, что никогда более не вернёшься в Италию? Тем не менее, я дарю тебе жизнь, как обещал это тому, кто тебя выдал, но выколоть глаза тебе не только приказываю, но и строго повелеваю». Вслед за тем Людовик был лишён зрения, и Беренгар овладел королевством⁶¹.

XLII. Между тем, ярость венгров, не имея более возможности изливаться на саксов, франков, швабов и баваров, обрушилась на Италию, где никто не оказывал им сопротивления. Беренгар же, поскольку не мог положиться на верность своих вассалов, сделал венгров своими друзьями⁶².

XLIII. Но и сарацины, которые, как я говорил, заселили Фраксинет⁶³, подорвав силы провансальцев, стали производить немалые опустошения в соседних с ними землях Верхней Италии. Разграбив многие города, они подошли к Аквам – городу, отстоящему от Павии почти на 40 миль. Город получил это название от тёплых вод⁶⁴, чудесным образом заключенных ради купания в четырёхугольное здание. Это внушило всем такой страх, что никто не ожидал их прихода иначе, как в самых укрепленных местах.

XLIV. В это же время сарацины, отплыв на судах из Африки, заняли Калабрию, Апулию, Беневент и почти все римские города, так что в каждом городе одной половиной владели римляне, другой – африканцы. На горе Гарильяно⁶⁵ они соорудили укрепление, в котором в полной безопасности держали жён, детей, пленных и всё своё добро. Никто, ни с запада, ни с севера не мог пройти в Рим, чтобы помолиться у могил блаженнейших апостолов, не будучи схвачен ими и отпущен только за немалый выкуп. Хоть несчастную Италию немало угнетали и венгры, и сарацины из Фраксинета, никто не причинил ей столько зла и несчастий, как африканцы.

XLV. О причине, по которой они отплыли из Африки и прибыли в Италию, говорят следующее. Когда скончались августейшие императоры Лев и Александр, Константинопольской империей правил Роман, – мы

ещё скажем о нём более подробно⁶⁶, – вместе с Константином, сыном императора Льва, который и поныне жив. И вот, как обычно бывает, в первый год после того, как Роман принял власть, против него попытались восстать некоторые народы, в особенности *ἀνατολικάι*, анатолике, то есть восточные. Случилось, что пока император отправлял войска для их усмирения, против него восстали Апулия и Калабрия, две области, ещё служившие тогда империи. Отправив большую часть войск на Восток и не сумев набрать [нового] необходимого по численности войска, император сначала обратился к ним с просьбой – добровольно вернуться к прежней верности [империи]. Когда же те отказались, сказав, что никогда не сделают этого, он в ярости тотчас же обратился к королю Африки, предлагая ему [щедрое] вознаграждение, если тот с помощью своей доблести подчинит ему Апулию и Калабрию. Король Африки, идя навстречу посольству, отправил на судах в Калабрию и Апулию огромное войско и путём величайшего насилия подчинил обе эти области власти императора. Но, уйдя по прошествии определённого времени из этих областей, [сарацины] обратили свой взор на Рим, сделали гору Гарильяно своим опорным пунктом, напали и силой овладели многими весьма укрепленными городами.

XLVI. Господь наш Иисус Христос, единовечный и единосущный Отцу и Святому Духу, чьим милосердием полна вся земля⁶⁷, желает, чтобы ни один человек не погиб, но чтобы все спаслись и пришли к познанию истины, дабы не погибнуть; один Бог предвидел это и до сотворения мира, и после сотворения всего, когда создал Он человека, как господина над всеми тварями и правителя, и когда выкупил его в конце времени пролитием собственной крови тот истинный человек и истинный Бог, – не двое, но один, – и одних привлёк к любви своей и радости собственной отчизны благодеяниями, а других вынудил к этому страхом, но не ради себя, – ибо ни добро наше не служит Ему к прибыли, как свидетельствует пророк, говоря: «ибо не нуждаешься в наших милостях»⁶⁸, ни зло наше не может причинить Ему вреда, – но ради нашей пользы. И вот, поскольку благодеяния Его мы презрели, Ему было угодно на время наказать нас такого рода ужасом. Но, чтобы сарацины не издевались слишком долго и не говорили: «Где же Бог их?»⁶⁹, Бог обратил сердца христиан так, что им более хотелось сражаться, чем как прежде бежать.

XLVII. В это время верховным понтификом достопочтенного римского престола был Иоанн Равеннский⁷⁰. Эту высшую духовную должность получил он, нечестиво поправ и человеческие, и божеские законы, следующим образом.

XLVIII. Городом Римом тогда управляла как мужчина, – стыдно и сказать, – бесстыдная блудница Теодора⁷¹, бабка того Альберика⁷², что недавно умер. Она имела 2-х дочерей – Мароцию⁷³ и Теодору⁷⁴, не только подобных ей во всём, но и ещё более склонных к разврату. Из них Мароция родила преступным образом от папы Сергия, о котором мы упоминали выше⁷⁵, Иоанна⁷⁶, после смерти Иоанна Равеннского получившего должность в Римской церкви, а от маркграфа Альберика⁷⁷ – Альберика, позже, уже в наше время, захватившего верховную власть над городом Римом. В это же время Равеннский престол, архиепископ Равенны считался вторым по значению после Римского архиерея, занимал первосвященник Пётр⁷⁸. По долгу службы он весьма часто посылал в Рим к апостольскому владыке названного папу Иоанна, бывшего тогда служителем его церкви; Теодора, бесстыднейшая, как я говорил, блудница, пылая любовной страстью, прельстилась красотой его лица и не просто желала вступить с ним в связь, а и принудила его позже к этому. Пока совершались эти бесстыдства, умер епископ Болонской церкви, и Иоанн был избран на его место. Чуть позже, перед самым днём его рукоположения умер названный архиепископ Равенны; тогда по наущению Теодоры этот Иоанн, разжигаемый честолюбием, оставил прежнюю Болонскую церковь и вопреки установлениям святых отцов захватил его место. Придя в Рим, он тотчас же был рукоположен в епископы Равеннской церкви. А по прошествии малого времени, будучи призван Богом, умер тот папа, который рукоположил его вопреки праву. Тогда-то извращённый ум Теодоры, подобный уму Глицерии⁷⁹, не имея сил терпеть, что её любовник из-за расстояния в 200 миль, отделяющего Равенну от Рима, очень редко теперь владеет ею, заставил [Иоанна] оставить архиепископство в Равенне и – о ужас! – овладеть верховным понтификатом в Риме. Итак, когда он был таким образом поставлен наместником святых апостолов, пуны, как я уже говорил, достойным жалости образом опустошили Беневент и римские города.

XLIX. Между тем случилось, что некий пунийский юноша, раздражённый несправедливостью, покинул пунов, пришёл к этому папе, Иоанну и, вдохновлённый божественным пылом, обратился к нему с такой речью: «Если бы ты, великий священник, был мудр, то не позволил бы пунам так тяжко разорять народ и землю, тебе подвластную. Выбери подвижных, быстроногих юношей, которые беспрекословно слушались бы меня, как своего повелителя, наставника и господина. И я не позволю, чтобы они имели с собой более 1 щита, 1 копьё и меча, а также что-нибудь ещё сверх простой одежды и малого количества пищи».

L. Наконец, когда 60 [юношей] были отобраны и переданы ему, он выступил против пунов, спрятавшись на узкой тропе, по которой те должны были пройти. И вот, когда пуны, в очередной раз ограбив окрестности, возвращались назад, они внезапно, с громким криком выскочив из засады, перебили их тем легче, чем менее те этого ожидали. Крик из уст и удар от руки следовали друг за другом. И, прежде чем пуны смогли понять, что же произошло, их тела были утыканы копьями. Слух об этом деле и подобный способ борьбы воодушевили многих римлян, после чего они истребили пунов во многих местах; африканцы, ослабленные в результате столь мудрого образа действий, разорвали договоры и, бросив города, оставили себе в качестве укрепления только гору Гарильяно.

LI. Когда Иоанн стал, как мы сказали, папой, весьма славился Ландольф⁸⁰, князь беневентцев и капуанцев, деятельный и знающий военное дело муж. После того, как пунийцы немало потрясли саму основу государства, папа Иоанн обратился к Ландольфу, этому славному князю, за советом – что нужно сделать, чтобы [прекратить] безобразия африканцев. Услышав об этом, князь через послов передал папе следующее: «Дело это, духовный отец, надлежит основательно обдумать. Отправь [послов] к аргосскому⁸¹ императору, землю которого, лежащую по ту сторону моря, они так же, как и нашу, не перестают опустошать. Пригласи к нам на помощь камеринцев и сполетцев; тогда и начнём с Божьей помощью активную с ними войну. Если мы победим, то да будет победа приписана Богу, а не нашей численности; если же победят пуны, то пусть припишут [поражение] нашим грехам, но не нашей пассивности».

LII. Услышав это, папа тотчас же отправил послов в Константинополь со смиренной просьбой к императору оказать ему содействие. Император же, будучи святейшим и богобоязненным мужем, без промедления отправил к нему на судах войска. Когда они поднимались по реке к Гарильяно, туда явился также папа Иоанн, вместе с могучим князем беневентцев Ландольфом, камеринцами и сполетцами. И произошла между ними страшная битва. Пуны же, заметив, что перевес на стороне христиан, бежали на вершину горы Гарильяно, стараясь защищать теперь лишь узкие тропы.

LIII. С той стороны, где подъём был более труден, пунам же для бегства весьма удобен, греки в тот же день построили укрепление, находясь в котором, следили за тем, чтобы пуны не убежали и, ежедневно вступая с ними в бой, перебили немало их количество.

LIV. Итак, в результате ежедневных боёв греков и латинов, по милости Божьей не осталось ни одного пунийца, который бы не погиб от меча или не был тотчас же взят в плен. В этой битве благочестивые верующие видели святейших апостолов Петра и Павла, чьим молитвам, как мы верим, христиане обязаны тому, что пуны бежали, а сами они одержали победу.

LV. В это время умер Адальберт⁸², могущественный маркграф Тосканы, и сын его Видо⁸³ был утверждён королём Беренгаром в отцовской должности маркграфа. Берта же, жена [Адальберта], обладала и после смерти супруга, при своём сыне Видо не меньшей властью, чем её [покойный] муж. Хитростью, дарами и любовными интригами сделала она многих верными себе. Потому-то и вышло, что когда вскоре Беренгар схватил её вместе с сыном и поместил в Мантуе под стражу, она не отдала королю Беренгару ни городов своих, ни замков, но всё это удержала, а чуть позже и сама вместе с сыном освободилась из-под стражи.

LVI. Она, как говорят, родила от своего мужа 3-х детей: Видо, о котором мы уже сказали, Ламберта⁸⁴, который и теперь ещё живёт лишённый зрения, и дочь Ирмгарду⁸⁵, подобную ей в разврате, которую она соединила узами брака с Адальбертом, маркграфом города Ивреи, после того, как умерла его жена Гизела, бывшая дочерью одного короля Беренгара и матерью другого. Ирмгарда родила ему сына по имени Анскарий, о доблести и мужестве которого поведает следующая книга⁸⁶.

LVII. В те времена против короля Беренгара восстали: тот самый Адальберт, зять короля и маркграф города Ивреи, пфальцграф Одельрик⁸⁷, бывший родом из Швабии, а также Гизельберт⁸⁸, весьма богатый и деятельный граф, Ламберт⁸⁹, архиепископ Милана, и некоторые другие итальянские князья. Причиной же их мятежа было следующее. Когда Ламберт после смерти своего предшественника должен был стать архиепископом Милана, король Беренгар потребовал от него, вопреки установлениям святых отцов, немалую денежную сумму, а затем, по получении им денег, велел вписать в книги, сколько должны получить кубикюлярии, а также гостиарии, павонарии⁹⁰ и смотрители живности. Тем не менее, Ламберт, охваченный страстной любовью к сану архиепископа, заплатил столько, сколько потребовал от него король; из этого тебе станет ясно всё то, о чём будет поведано ниже.

LVIII. Пфальцграфа Одельрика, о котором мы упомянули выше, король Беренгар держал тогда в плену. Поставив Ламберта архиепископом, он поручил ему Одельрика, пока сам не решит, как с ним поступить. А тот, не забыв о больших деньгах, уплаченных им за епископство, стал вместе с пленником обсуждать план восстания против короля.

LIX. По прошествии немногих дней король Беренгар, отправив послов, приказал доставить к нему Одельрика. Но Ламберт не побоялся дать послам такого рода иронический ответ: «Я должен буду лишиться своей папской должности, если выдам кого-нибудь на казнь в чьи-то руки». Послы, поняв, что он открыто восстал [против короля], узнали к тому же, что [Ламберт] без разрешения короля отпустил переданного ему последним [пленника]. Сейчас же вернувшись к королю, они [привели] ему вместо ответа строку из Теренция: «Вот кому доверьте порученье! Позаботится!»⁹¹.

LX. В это время прегордыми бургундцами правил король Рудольф⁹². Свою власть он ещё больше увеличил тем, что женился на Берте⁹³, дочери Бурхарда, могущественного герцога Швабии. Итак, итальянцы, отправив послов, просили его прийти к ним и изгнать Беренгара.

LXI. Пока всё это происходило, случилось, что венгры, два короля которых – Дурсак и Бугат были лучшими друзьями Беренгара, подошли к Вероне, не будучи никем замечены. И вот, пока маркграф Адальберт, пфальцграф Одельрик, а также граф Гизельберт и многие другие обсуждали на горе у города Брешии, отстоящей от Вероны на 50 миль, план низложения Беренгара, тот обратился к венграм с просьбой, если они его любят, напасть на его врагов. Они же, будучи весьма кровожадны и воинственны, поспешно взяв у Беренгара проводника, зашли к мятежникам с тыла по неведомым тропам и набросились на них с такой

скоростью, что у тех не было времени ни надеть доспехи, ни взяться за оружие. Многие были взяты в плен, многие убиты; тогда же погиб, мужественно защищаясь, пфальцграф Одельрик, а маркграф Адальберт и Гизельберт были живыми взяты в плен⁹⁴.

LXII. Однако, Адальберт, – он не был героем, но был весьма ловким и хитрым мужем, – увидев, что венгры атакуют со всех сторон и нет никакой надежды на бегство, сбросил перевязь, золотые браслеты и всё своё дорогое одеяние и облачился в дешёвые одежды своего вассала, чтобы венгры не догадались – кто он. А когда его схватили и стали спрашивать – кто он такой, Адальберт ответил, что он – вассал некоего рыцаря. И просил, чтобы его отвели в соседний замок под названием Кальцинария⁹⁵, где якобы живут его родичи, которые и дадут за него выкуп. Будучи отведён туда, – его так и не узнали, – он был выкуплен за очень малую сумму. Выкупил же Адальберта его собственный вассал по имени Лев.

LXIII. Гизельберт же был узан, избит, связан и полунагой доставлен к королю Беренгару. И вот, будучи приведён к нему без штанов, одетый в одну лишь короткую рубаху, он, тотчас бросившись королю в ноги, нечаянно открыл свои гениталии так, что все едва не умерли от смеха⁹⁶. Король же, любя благочестие, оказал ему милосердие, которого тот не заслуживал, не воздав злом за зло⁹⁷, как того желал народ, но тотчас же омыл и одев в лучшие одежды, разрешил ему уйти. И сказал ему: «Я не требую от тебя никакой присяги, но веряю тебя твоей собственной совестью; если ты сделаешь против меня что-то дурное, то дашь в том отчёт Богу»⁹⁸.

LXIV. Вернувшись домой, он забыл оказанные ему благодеяния и, по поручению Адальберта, зятя короля, и прочих участников мятежа, отправился к Рудольфу добиваться его прибытия. И 30 дней не прошло, как Гизельберт, выступив в путь, побудил короля прийти в Италию. Принятый всеми, он из всего королевства оставил Беренгару одну только Верону, после чего полновластно правил Италией в течение 3-х лет.

LXV. Однако, если сам человек в течение 12 часов то нравится себе, то не нравится, то ценит себя, то с презрением отвергает, как может он быть постоянно и в равной мере угоден всем? Итак, по истечении 3-х лет король Рудольф одним по прежнему был угоден, а другим стал казаться в тягость. Потому-то и вышло, что одна часть народа в королевстве встала на сторону Рудольфа, а другая – на сторону Беренгара^{98a}. [Сторонники обоих] готовились к серьёзной гражданской войне; и поскольку Видо, епископ города Пьяченцы, был сторонником Беренгара, они вступили в битву в 12 милях от Пьяченцы, возле Флорентиола⁹⁹.

И вот, жестокое, несчастное сражение

Средь граждан началось, – о ужас!

Дней за 16 до календ секстилия

Пока лучи Феб испускает,

Марс громко в рог трубит военный,

Отец готовит сыну гибель,

А тот – отцу, что за несчастье?!

Вот смерть готовит внуку дед

От рук его же погибая;

И мрачной Фурией гонимый

Вдруг поражает брата брат.

Сам Беренгар король поспешно

Врывается во вражье войско.

Подобно молнии с небес,

Как злобное созвездье Рака

Косит серпом овса колосья,

Так и другой король Рудольф,

Отнюдь не дикий, не жестокий,

Косит мечом простой народец.

LXVI. Король Рудольф выдал свою сестру Вальдраду, – эта славная красотой и мудростью женщина и ныне жива, – замуж за могущественного графа Бонифация¹⁰⁰, который позже, уже в наше время стал маркграфом Камерино и Сполето. Собрав многочисленное войско, Бонифаций вместе с графом Гариардом¹⁰¹ пришёл на помощь к Рудольфу и, будучи мужем одновременно и хитрым, и отважным, предпочёл вместе со своими людьми ожидать сидя в засаде исхода битвы, нежели принять на себя её первый натиск. Только когда уже почти все воины Рудольфа бежали, а Беренгар, дав знак о победе, велел воинам собирать добычу, Бонифаций вместе с Гариардом внезапно выскочили из засады и тем легче [разбили врагов], чем менее те этого ожидали. Гариард пощадил некоторых, разя их не мечом, а копьём; Бонифаций же, никого не щадя, учинил страшное побоище. Итак, Бонифаций протрубил о своей победе; собрались бежавшие сторонники Рудольфа и, начав преследование, обратили в бегство сторонников Беренгара. Сам же Беренгар отправился в своё хорошо известное убежище в Вероне. И так много было убитых в этой битве, что и сегодня ощущается недостаток в рыцарях.

LXVII. Свершив это, король Рудольф силой подчинил себе королевство и, поспешно придя в Павию, сказал всем собравшимся здесь следующее: «Теперь, когда благодаря щедрому дару Всевышнего мне удалось, победив врагов, овладеть королевским престолом, я хочу, вверив королевство Италию вашей верности,

посетить старое своё отечество – Бургундию». А итальянцы в ответ: «Если тебе, – говорят, – это кажется наилучшим, то мы все – к твоим услугам».

LXVIII. Итак, после ухода короля Рудольфа жители Вероны, следуя дурному совету, стали покушаться на жизнь Беренгара, что не укрылось от последнего. Виновником и исполнителем столь гнусного преступления был некий Фламберт¹⁰², которого король сделал своим кумом, воспривяв из святой купели его сына. За день до того, как всё открылось, он велел Фламберту прийти к нему. И сказал ему следующее:

LXIX. «Если бы у тебя не было многих, причём всяких причин любить меня, то можно было бы поверить тому, что о тебе говорят. Говорят же, что ты покушаешься на мою жизнь; но я не верю этому. Я лишь хочу, чтобы ты помнил, что все доставшиеся тебе богатства, достаток и почести ты не смог бы получить без моего содействия. А потому расположение твоё к нам должно быть таким, чтобы достоинство наше могло прочно полагаться на верность твою и любовь. Полагаю, что никому собственное благо и счастье не были ближе, чем мне твоя честь. К этому были направлены все старания мои, труды, заботы и усилия, а также помыслы [жителей] этого города. Знай одно: если я удостоверюсь, что ты по прежнему мне верен, не столь дорого будет мне собственное благо, сколь отрадна возможность отблагодарить тебя за это».

LXX. Сказав это, король протянул ему золотой, немалого веса кубок, прибавив: «Из любви ко мне и за моё здоровье выпей то, что в нём, а его оставь себе». Истинно и несомненно, что когда он выпил этот напиток, в него вошёл Сатана, как и про Иуду, предателя Господа нашего Иисуса Христа написано, что «после сего куса вошёл в него Сатана»¹⁰³.

LXXI. И вот, забыв о прошлых и нынешних благодеяниях [Беренгара], провёл он эту бессонную ночь, склоняя народ к убийству короля. Король же, как обычно, проводил ночь не во дворце, где мог бы защищаться, а возле церкви, в некоей весьма красивой беседке. Даже стражников этой ночью он не поставил, ибо не ожидал ничего дурного.

Вот раздаётся поначалу
Крик петуха, будя всех
Смертных, и, как обычно,
Песню Богу поёт, звеня
Глас колокольный;
Он приглашает, поучая,
Отринув сон,
Воздать хвалу Тому, который,
Дав жизнь, нам указал возможность
Искать небесную отчизну;
И вот король заходит в церковь,
И славу Господу поёт.
Туда же Фламберт устремился,
Ведя с собой толпу народа,
Чтобы убить там короля.
Король, не ведая дурного,
Услышав шум, спешит без страха
Увидеть, что там происходит;
И видит воинов с оружием.
Кричит он Фламберту тогда:
«Что, добрый муж, здесь
За толпа? Чего желает
Народ с оружием в руках?»
Тот отвечает: «Ты не бойся.
Не для того пришёл он, чтобы
Тебя убить, но лишь желает
Сразиться с теми, кто стремится
Тебя и дух твой погубить».
Обманут этими речами,
Спешит король среди них укрыться,
Но схвачен будучи коварно,
Он уведён, и в тыл наносит
Удар ему тот нечестивый Рамфей;
И пал тогда благочестивый,
Вручая Господу свой дух!¹⁰⁴

LXXII. Наконец, на ту невинную кровь, что они пролили, на то преступление, что совершили эти злодеи, если даже мы умолчим, укажет камень, положенный у ворот той церкви, открыто показывая эту кровь всем проходящим мимо. Как ни тёрли, как ни брызгали его водой, кровь так и не удалось с него смыть.

LXXIII. Король Беренгар воспитал, как родного, некоего юношу, скорее героя, по имени Мило, достойного как похвалы, так и доброй памяти. Если бы король последовал его совету, то не испытал бы столь злой судьбы, – если только божественное провидение не решило бы, что иначе и быть не может. Ведь той ночью, когда был обманут король Беренгар, Мило, призвав войска, хотел приставить к нему ночную стражу. Но король, обманутый обещаниями Фламберта, не только не желал, чтобы Мило его охранял, но и прямо запретил ему это делать. Итак, Мило, как муж верный и честный, не забывший оказанных ему королём милостей, не сумев его защитить, – ибо отсутствовал, – постарался по крайней мере жестоко за него отомстить. На 3-й день после смерти короля, он, силой захватив Фламберта и сообщников его в столь гнусном преступлении, приказал их повесить. Этот муж обладал рядом прекрасных достоинств, о которых я, если по милости Божьей буду жив, не умолчу в соответствующих местах.

¹ Выражение встречается также у Цицерона (О природе богов, II, 27), Иеронима (Письмо к Евстохию, 22, 30), Лукреция (III, 128).

² Арнульф умер 8 декабря 899 г. Людовик IV Дитя (ум. 911 г.) – его сын, был возведён на престол 4 февраля 900 г. Был последним королём Германии из династии Каролингов.

³ Походы в Моравию относятся к 902–906 гг.

⁴ Регино, 889 г.

⁵ Иордан, Гетика, 24.

⁶ Вергилий, Георгики, I, 447; Энеида, IV, 585.

⁷ Т.е. венгры. Лиутпранд, подобно грекам, неоднократно называет так венгров.

⁸ Т.е. Бог.

⁹ Феб (по греч. «блистающий») – прозвище Аполлона. У Лиутпранда имеется в виду Солнце.

¹⁰ Тонант или Доннер – бог грома и молнии у древних германцев.

¹¹ Ювенал, Сатиры, 3, 30.

¹² Т.е. около часу дня.

¹³ Венгры разбили соединённое войско баваров, франков и швабов у Аугсбурга 10 июня 910 г.

¹⁴ Адальберт (р. 854 г. ум. 906 г. 9 сентября) – граф Теерский из рода Бабенбергов. Боролся с Конрадинами (к которым принадлежал будущий король Конрад I) за власть над Франконией. Потерпел поражение и был казнён.

¹⁵ Вернее, около 4-х лет.

¹⁶ Хатто I (р. 850 г. ум. 913 г. 15 мая) – 7-й архиепископ Майнцский в 891–913 гг. Был регентом королевства при Людовике Дитя.

¹⁷ Адальберт был осаждён не в Бабенберге (Бамберге), а в Теере, близ Швейнфурта.

¹⁸ Казнь состоялась 9 сент. 906 г. Об этом событии см. Видукинд, I, 22; Титмар, I, 4; Отто Фрейзингенский, VI, 15. Кстати, в рукописи А вся гл. 6 отсутствует.

¹⁹ Скорее, следовало бы сказать «Незадолго до того». Поскольку битва при Бренте состоялась в 899 г. (за 7 лет до казни Адальберта в 906 г.).

²⁰ В конце февраля – начале марта 899 г.

²¹ Под Италией в эпоху Каролингов понималась только Верхняя Италия, т.е. долина р. По.

²² Персий, 3, 118: non sani esse hominis non sanus iuret Orestes.

²³ Теренций, Формион, 547: ut nullus locus relinquatur precii.

^{23a} Овидий, Фасты, V, 674: si juvat expertis credere, «опыту их, если угодно, поверь».

^{23b} Кассиодор, Hist. Tripart. VI, 46.

²⁴ Дата битвы при Бренте – 24 сентября 899 г. (а не весна, как у Лиутпранда).

²⁵ Иеремия, 5, 15 – 18.

²⁶ 24 сентября 911 г.

²⁷ Конрад I (р. 881 г. ум. 918 г. 23 декабря) – король Германии в 911–918 гг. Сын Конрада Старшего, маркграфа Сорбской марки (ум. 906 г.) и Глисмуты (ум. 924 г.), дочери Арнульфа, короля Германии (т.е. сестры Людовика IV Дитя).

²⁸ Арнульф I Злой (р. между 885 и 890 гг. ум. 937 г. 14 июля) – герцог Баварии в 907 – 937 гг. из династии Лиутпольдингов. Сын баварского маркграфа Лиутпольда.

²⁹ Бурхард II (р. ок. 884 г. ум. 926 г. 28 апреля) – герцог Швабии в 917 – 926 гг. Сын Бурхарда I и Лиутгарды Саксонской. Был женат (с 904 г.) на Реглинде, дочери Эбергарда, графа Цюлихгау.

³⁰ Эберхард (р. 885 г. ум. 939 г. 2 октября) – брат Конрада I, герцог Франконии с 918 г. Низложен Оттоном I за мятеж против его власти.

³¹ Гизельберт (ум. 939 г. 2 октября) – герцог Лотарингии (915–939 гг.). Сын Регинара I Длинная Шея, графа Геннегау. Погиб во время мятежа против Оттона I.

³² Генрих I Птицелов (р. 876 г. ум. 936 г.) – первый король Германии из Саксонской династии. Сын Оттона Светлейшего, герцога Саксонии.

³³ Арнульф бежал в Венгрию в 917 г.

³⁴ Выражение *auga vitalis* встречается также у Лукреция, III, 577; V, 787; Вергилия, Энеида, I, 387.

³⁵ 23 декабря 918 г.

³⁶ Гораций, Оды, I, 4, 13.

^{36a} Анналы Зальцбурга: *Wawarii sponte se reddiderunt Arnolfo duci et regnare eum fecerunt in regno Teutonicorum*, «бавары добровольно вернулись к герцогу Арнульфу и сделали его правителем Тевтонского королевства».

³⁷ Тартар – нижняя часть преисподней – Аида.

³⁸ Флегетон – одна из рек подземного мира.

^{38a} Бозций, Утешение философией, II, 1, 3: *dudum tremendos saeva proterit reges*.

³⁹ Псал., 8, 15.

⁴⁰ Рим., 13, 1.

⁴¹ Эфес., 1, 4.

⁴² В 921 г.

⁴³ Речь Генриха написана особым размером. Каждая строчка разбита на две части: первая представляет собой первую половину пентаметра, вторая – конец гекзаметра.

⁴⁴ Т.е. Карлом Великим.

⁴⁵ Стикс – одна из рек подземного мира.

⁴⁶ Имеется в виду Харон – перевозчик душ в подземном мире.

- ⁴⁷ Псал., 21, 26; 49, 14; 60, 9; 65, 13; 115, 14.
- ⁴⁸ Симония – торговля церковными должностями и имуществом.
- ⁴⁹ То есть «Господи, помилуй!».
- ^{49a} Вергилий, Энеида, XII, 952: *vitaque cum gemitu fugit*, «и со стенанием жизнь улетает».
- ⁵⁰ Дата битвы у Мерзбурга – 15 марта 933 г. Ещё один отряд венгров был разбит у Зондерсхаузена.
- ⁵¹ Людовик III Слепой (р. 880 г. ум. 928 г. 5 июня) – король Ниж. Бургундии (890-928 гг.); король Италии (901-905 гг.) и император (с 6 февраля 901 г.). Сын короля Бозо и Ирмгарды, дочери императора Людовика II. Лиутпранд не упоминает о коронации его императором папой Бенедиктом IV.
- ⁵² Адальберт I (ум. ок. 923 г.) – маркграф Ивреи (901-923 гг.). Сын графа Ансария.
- ⁵³ Гизела (р. ок. 880/885 г. ум. после 910 г.) – дочь Беренгара I, жена (ок. 899 г.) Адальберта I, маркграфа Ивреи.
- ⁵⁴ Т.е. Беренгар II (р. 900 г. ум. 966 г. 4 августа) – король Италии в 950-963 гг. Сын Адальберта, маркграфа Ивреи, и Гизелы, дочери короля Беренгара I. Враг Лиутпранда.
- ⁵⁵ Адальберта II Богатого.
- ⁵⁶ О ней см. Ant. I, прим. 107.
- ⁵⁷ Гуго (р. 880 г. ум. 948 г. 10 апреля) – граф Арля и Вьенны, маркграф Прованса; король Италии (926-947 гг.). Сын Теотальда, графа Арльского и Берты.
- ⁵⁸ Т.е. долину р. По.
- ^{58a} Совр. р. Эч.
- ⁵⁹ Лука, 6, 36 – 37.
- ⁶⁰ Цицерон, 1-я Речь против Катилины, I, 1.
- ⁶¹ В августе 905 г.
- ⁶² Ещё в 904 г.
- ⁶³ См. Ant. I, 2 – 3.
- ⁶⁴ По латыни – *Aquae* – воды. Совр. г. Аккуи на р. Бормиде, между Асти и Генуей.
- ⁶⁵ Небольшая возвышенность на берегу моря, близ устья реки Гарильяно. Ныне – гора Монте д'Аргенто.
- ⁶⁶ См. Ant. III, 25.
- ⁶⁷ Псал., 32, 5; 1 Тимоф., 2, 4; Эфес., 1, 4.
- ⁶⁸ Псал., 15, 2.
- ⁶⁹ Псал., 113, 10.
- ⁷⁰ Иоанн X (914 г. март – 928 г. декабрь). В 905-914 гг. был архиепископом Равенны.
- ⁷¹ Теодора I (ум. после 915 г.) – жена (ок. 900 г.) Феофилакты, маркграфа Тускула; пользовалась огромным влиянием в Риме. Носила титул *senatrix* («сенаторша»).
- ⁷² Альберик II (р. ок. 911 г. ум. 954 г. 31 авг.) – сын Альберика I и Мароции; граф Фермо, маркграф Сполето, патриций Рима (с 932 г.). В 932 г. изгнал из Рима короля Гуго, после чего стал фактическим его правителем. В 936 г. женился на Альде, дочери короля Гуго, что не помешало ему по-прежнему быть врагом последнего.
- ⁷³ Мароция (р. ок. 890 г. ум. 936 г.) – ст. дочь Феофилакты Тускуланского и Теодоры Старшей. *Senatrix* Рима. Была замужем трижды: 1. за Альбериком I, маркграфом Сполето (ок. 910 г.); 2. за Видо, маркграфом Тосканы (925 г.); 3. за Гуго, королём Италии (932 г.). Её дети: 1. Альберик II (от 1-го брака); 2. Берта; 3. Ансарий (маркграф Сполето; ум. 940 г.); 4. Иоанн XI (рим. папа).
- ⁷⁴ Теодора II – 2-я дочь Феофилакты Тускуланского и Теодоры Старшей; *senatrix* Рима. Была замужем за Иоанном Кресценцием. Имела от него 2-х детей: Кресценция (ум. 984 г.) и Иоанна XIII (рим. папу в 965-972 гг.).
- ⁷⁵ См. Ant. I.
- ⁷⁶ Иоанн XI (ум. 936 г.) – римский папа в февр. 931 – дек. 935 гг. Сын Мароции.
- ⁷⁷ Альберик I (ум. ок. 920 г.) – граф Фермо, с 897 г.? – маркграф Сполето (после убийства Видо IV, брата короля Ламберта). В 916 г. – активный участник войны с сарацинами (битва при Гарильяно). После брака с Мароцией (ок. 910 г.) – фактически правил Римом.
- ⁷⁸ Пётр был не архиепископом Равенны, а епископом Болоньи. В его церкви и служил дьяконом будущий папа Иоанн X.
- ⁷⁹ Глицерия – имя одной из девушек в произв. Теренция «Девушка с Андроса».
- ⁸⁰ Ландольф I (ум. 943 г.) – сын Атенульфа I, принца Капуи. Герцог Беневента (910-943 гг.).
- ⁸¹ Т.е. византийскому (ромейскому) императору.
- ⁸² Умер в 915 г. (до 8 дек.). Похоронен в Лукке.
- ⁸³ Видо (р. 896 г. ум. 929 г.) – маркграф Тосканы и герцог Лукки (915-929 гг.). Был женат на Мароции. Имел сына – Ансария, маркграфа Сполето и Камерино (в 937-940 гг.).
- ⁸⁴ Ламберт (р. 897 г. ум. 958 г.) – маркграф Тосканы и герцог Лукки (929-932 гг.). Был схвачен и ослеплён своим братом Гуго, королём Италии.
- ⁸⁵ Ирмгарда (р. 901 г. ум. 931 г. 29 февраля) – дочь Адальберта II Богатого и Берты Лотарингской. Замужем (ок. 915 г.) за Адальбертом, маркграфом Ивреи.
- ⁸⁶ См. Ant. IV, 8. и V, 4.
- ⁸⁷ Одельрик (ум. 921 г.) – с 910 г. – вассал Беренгара I, с 916 г. – маркграф (Фриули?) и пфальцграф.
- ⁸⁸ Гизельберт (ум. 929 г.) – граф Бергамо (923 г.), пфальцграф короля Гуго (926 и 927 гг.).
- ⁸⁹ Ламберт (ум. 931 г. 20 июня) – архиеп. Милана в 921 – 931 гг.
- ⁹⁰ Павонарии – смотрители павлинов.
- ⁹¹ Теренций, Братья, 372.
- ⁹² Рудольф II (ум. 937 г. 11 июля) – король Верхней Бургундии (912-936 гг.) и Италии (922-926 гг.). Сын Рудольфа I и Виллы Нижне-Бургундской.
- ⁹³ Свадьба состоялась на Рождество 921 г. или на Богоявление 922 г. Берта (р. ок. 907 г. ум. 961 г. 2 января) – дочь Бурхарда, герцога Швабии.
- ⁹⁴ Сражение у Вероны произошло в 921 г.
- ⁹⁵ Замок Кальцинат.
- ⁹⁶ Теренций, Евнух, 432.
- ⁹⁷ Рим., 12, 17.
- ⁹⁸ Рим., 14, 12.
- ^{98a} Конст. Багр. Об управлении империей, гл. 26.
- ⁹⁹ Дата сражения у Флорентиола (Фьоренцуолы) – 17 июля 923 г.
- ¹⁰⁰ О нём см. Ant. I.
- ¹⁰¹ Вероятно, был виконтом Новары, вассалом маркграфа Ивреи Адальберта I.
- ¹⁰² Фламберт – вассал графа Ингельфреда Веронского (913 и 918 гг.). Упомянут также у Конст. Багр. (Об упр. имп., гл. 26).
- ¹⁰³ Иоанн, 13, 27.

¹⁰⁴ Беренгар I был убит 7 апреля 924 г.

Внешняя политика Коломана Договор венгерского короля с хорватской знатью (1102 г.)

В 1102 г. по договору, обычно называемому *Pacta Conventa*, хорватское дворянство признало династическую унию Хорватии с Венгрией. Договор подразумевал, что Хорватия и Венгрия управляются одним правителем. Король обязался не заселять земли хорватов венграми, гарантировать самоуправление под началом назначенного королем бана (правителя) и уважать привилегии хорватской знати. Коломан в том же 1102 г. короновался в Биограде, ставшему к тому времени хорватской столицей, как король Венгрии и Хорватии. С 1102 г. ведет свое начало существование Венгерско-Хорватского королевства.

Заключением договора *Pacta Conventa* хорватская знать признала Коломана королем, но богатые далматинские города (Сплит, Трогир, Задар и другие) отказались сделать это. Из-за этого король вновь пришел в Далмацию с войском и в 1105 г. заключил Трогирское соглашение с далматинскими городами

Договор *Pacta Conventa* дошел до нас на полях рукописи XIV в. Текст, таким образом, значительно более позднего происхождения, но это не лишает его ценности.

Подобным образом и этим соглашением хорваты предались король Венгрии. Коломан, божьей милостью сын Владислава, короля Венгрии, заняв королевский престол своего отца и прославившись большим рвением, решил подчинить своей власти всю Хорватию вплоть до Далматинского моря. Он дошел со своим войском вплоть до реки Дравы. Хорваты же, прослышав о приходе короля, собрали свое войско и приготовились к сражению. Король же, услышав об их сборе, послал к ним своих представителей, желая обойтись с ними милостиво и заключить с ними соглашения, какие они захотят. Хорваты, выслушав обращение господина короля, открыли совет, все разом приняли [предложенное] и послали 12 знатных наиболее сведущих людей от 12 хорватских племен. А именно: князя (*comes*) Юрия от рода Качичей, князя Утрина от рода Кукаров, князя Мрмонью от рода Шубичей, князя Прибислава от рода Чудомирчей, князя Георгия от рода Сначичей, князя Петра от рода Муричей, князя Павла от рода Русичей, князя Мартина от рода Кариньянов и от рода.

Лапчанов, князя Прибислава от Полетичей, князя Обрада от рода Лачничичей, князя Ивана от рода Ямометов, князя Миронегга от рода Тугомиров. Они, придя к господину королю, выказали ему должное уважение; господин же король, встретив их поцелуем мира¹ и обращаясь с ними с почтением, пришел [с ними] к такому согласию, что все, именованные выше, да сохраняют свои владения и имущество со всеми своими [людьми] в мире и покое. И что ни один род из вышеназванных, ни люди их не должны будут платить ни подать, ни дань² вышеназванному королевскому величеству, за исключением того, чем вышеназванные обязаны господину королю в случае, если кто-либо нападет на его пределы. Тогда, если господин король пошлет за ними, то должны идти по меньшей мере с десятью вооруженными всадниками от каждого из вышеназванных родов за собственный счет вплоть до реки Дравы, а оттуда в Венгрию за счет господина короля и должны оставаться там до роспуска войска...

¹ Поцелуй мира – элемент вассальной сделки.

² «Ни подать, ни дань» – по-видимому, ни регулярные, ни единовременные поборы.

Договорные отношения Венгрии с далматинскими городами

Привилегии короля Гейзы II г. Сплиту (1142 г.)

Каждый венгерский король по восшествии на престол, как правило, подтверждал дипломы Коломана далматинским городам. Привилегии Гейзы II содержат существенные отличия от раннего «трогирского диплома».

В год от воплощения господня 1142... месяца мая, во второй год моего правления. Я, Гейза, король Венгрии, Хорватии и Далмации присягаю на святом кресте предводителям города Сплита, обещая прочный мир и свободу; а также то, что не будете подданными ни моими, ни моих наследников, и не будете обязаны извозной повинностью; епископа же или князя, которого выберет клир или народ, буду утверждать, и позволю вам пользоваться издревле установленным законом¹ с вашим судьей за исключением того, что от портовых пошлин, взимаемых с иностранцев, две части будет иметь король, а третью – городской князь. В городе вашем не позволю селиться никакому венгру или иностранцу, если не будет на то вашей воли. Когда же прибуду к вам для коронования или для того, чтобы обсудить с вами дела королевства, при вхождении в дом любого из граждан не будет применяться сила... Желая, чтобы судья, поставленный мною для рассмотрения дел между вами и иностранцами, постоянно оставался с вами в городе, и не разрешаю ему вообще по своей воле выезжать за пределы города для рассмотрения судебных дел. Если кто из вас будет вести дела на территории моего королевства, на море или на суше, не должен давать ничего от своей коммерции ни мне, ни кому-либо из моих людей; никоим образом не буду брать от вас заложников и приму тех, кто захочет служить у меня при дворе, и

они будут иметь возможность остаться или уйти по собственному усмотрению, и не буду чинить им никаких затруднений. И если кому-либо моя власть покажется отяготительной, и он захочет покинуть ваш город, то уйдет в безопасности с женой и детьми и семьей, куда ему угодно...

[Подписи венгерских архиепископов и епископов].

¹ Закон – городское обычное право.

Из «Хроники Фомы Сплитского» (1260 г.)

Одна из наиболее известных городских хроник славянского средневековья. Автор – архидиакон Фома, видный церковный и политический деятель Сплита XIII в. Хроника задумана как история сплитской архиепископии с древнейших времен, однако большая часть книги посвящена городской истории конца XII – середины XIII вв., причем не только церковной. Фома был одним из инициаторов и наиболее активных сторонников введения коммунального строя в Сплите по итальянскому образцу.

[Завоевание Далмации Коломаном]

Гл. XVII. Итак, [Коломан] дошел до самого моря с тем, чтобы занять приморские города¹. Тогда он прежде всего подошел к городу Сплиту, требуя миром, чтобы далматинцы покорились ему добровольно, не допустив того, чтобы он предварительно уничтожил их [самих] и их [достояние]. А спличане, хорошо укрепив ворота, разойдясь с оружием по окружности стен, не соглашались с королем, опасаясь подчиниться господству народа неизвестного и чужого; ведь они не знали, что король замыслил о городе и горожанах. Тогда король и его приближенные, терпя бесчестие и полагая себя пренебрегаемыми со стороны спличан, начали много угрожать горожанам; и разбив лагерь недалеко от города, опустошали поля и захватывали что могли. Отсюда произошло, что спличане, укрепившись духом, решили лучше вынести все опасности и убытки, но не принимать венгерского ярма. Когда же таким образом прошло некоторое время, они узнали, наконец, через посредников, что [венгры] – христиане и что король хотел бы обойтись с ними милостиво, если они предварительно мирно подчинятся его власти. Тогда спличане, посоветавшись между собой, послали к королю Коломану архиепископа Кресценция, прося у него мира. Он, приняв его милостиво, согласился со всеми требованиями, выдвинутыми спличанами для заключения мирного договора. После же того, как было записано все, что было при этом по благоусмотрению установлено, король со своими приближенными присягнул исполнять все твердо. На следующий же день присягнули спличане, сначала большие, потом – меньшие, а потом все простонародье в том, что на все времена останутся подвластными и верными королю Коломану и его потомкам и королевству Венгрии. Тогда король, вступив в город, был с большим почетом принят клиром и народом. И в тот же день, получив от сообщества обильное снабжение и составив и передав привилегии иммунитета, отбыл.

Оттуда же проездом прибыл в Трогир, а также в Задар; схоже принятый этими городами, и им дал привилегию свободы.

[Попытки венгерских властей упрочить свои позиции в далматинских городах]

Гл. XVIII. Когда же умер доброй памяти архиепископ Кресценций, по настоянию мирян был избран некий клирик со двора короля Коломана по имени Манасес, бывший у короля в милости. Он, посвященный папой, остался в городе и, часто бывая в Венгрии, посещал при этом королевский двор.

Спличане же дали королю Коломану башню на восточном углу. Король же расположил там некоего вождя с немалым отрядом воинов, который был в Хорватии сборщиком королевских даней². Случилось же в это время, что этот вождь пожелал захватить город и полностью его разграбить. После того, как он посоветовался со своими сообщниками, они сошлись на том, что лучше всего было бы это сделать, если бы архиепископ пожелал к ним присоединиться.

Призванный же архиепископ пришел, дал согласие, назначил день, в который, когда весь народ по обычаю сойдется на праздник освящения некоей часовни, венгры, находившиеся в башне, заберутся на городские стены, другие же, находившиеся вне города, увидев знак, сбегутся; и сулил так, что город, лишенный поддержки своих горожан, легко может быть захвачен. И совет понравился вождю и всем его помощникам. И все было приготовлено по воле архиепископа.

В это время некий муж выдающейся отваги по имени Адриан, латинянин родом, из Тревизо³ был вернейшим князем и правителем города. Он, больше заботясь о благе и свободе своих горожан, чем о собственном достоинстве, открыл горожанам низость коварства и немного спустя бежал и вернулся на родину. Спличане же, снесясь с трогирянами и другими далматинцами, поставив повсюду стражу, тайно приняли меры предосторожности. Когда же было объявлено празднество освящения некоей часовни, находившейся в ущелье горы, называемой «Господи, помилуй», все сделали вид, что покинули город, желая проверить, верен ли тот секрет, что им открыл вышеназванный князь Адриан. Сразу же около третьего часа те, что были в башне, начали трубить в трубы, поднимать знамена, рассеявшись по городским стенам. Спличане же, выйдя из укрытий, быстрым шагом бегут к башне, поджигают ее, сбрасывают со стен забравшихся... Архиепископ же, видя свое коварное дело раскрытым, покрытый позором, в смятении уехал из города, чтобы никогда в него больше не вернуться.

¹ Возможно, Коломан получил разрешение присоединить к своему королевству далматинские города от византийского императора Алексея Комнина.

² С начала XII в. Хорватия, как и Далмация в целом, находилась под управлением венгерской короны.

³ Латинянин здесь и далее – итальянец.

Письмо короля Венгрии, Белы IV, к королю Германии, Конраду IV

Датировка послания отсутствует, но ее можно определить по контексту, который содержит упоминание о посольстве епископа Стефана весной 1241 г. Письмо может быть также упомянуто в связи с другим посланием, которое король перед тем направил Фридриху II. В нем Бела IV просил у Фридриха II помощи, обещая в будущем признать себя его ленником. В его ответном письме, сохранившемся у Матфея Парижского Фридрих II обещал Беле IV помощь; просит, однако, Белу IV, обратиться к его сыну, королю Конраду. Действительно Конрад собрал армию в Баварии, очевидно все-же более намереваясь защищать границы империи, чем помогать венграм. Ибо, когда ему в июле доложили, что монголы остановили свое продвижение на Дунае, он распустил свои отряды.

Прославленному повелителю Конраду¹, Божьей милостью сиятельному королю Германии передает Бела, такой же [божьей] милостью король Венгрии, свое приветствие и готовность предложить свои услуги.

Мы вынуждены явить горькие стенания, исходящие из глубин сердца, и превратить нашу радость в глубокую печаль. Ведь мы опасаемся, из-за несчастного исхода наших судеб, гибели христианства. Ибо наш Спаситель явил, устав от, превосходящей всё, злобы нашей эпохи, такую бурю, что кораблик верующих, не только бросался волнами туда и сюда, но и угрожал полностью погибнуть, если Господь не услышит вопль стонающих, и наконец не поспешит на помощь стесненному народу².

Ибо Он, по чьему приказанию управляется мир, из-за грехов людских, как мы твердо верим, допустил, что свирепые народы, называющие себя татарами пришли с востока, как саранча из пустыни³, и опустошили Великую Венгрию, Булгарию, Куманию и Россию, но также и Польшу и Моравию. Лишь немногие замки, оборонявшиеся до сегодняшнего дня, остались невредимы⁴. Бессчетные толпы людей были жестоко истреблены. Передав [завоеванные] земли новым обитателям⁵, они заняли – о несчастье – недавно все наше королевство по ту сторону Дуная⁶. С великой болью сообщаем мы, что достойные почитания архиепископы, епископы, аббаты, монахи, францисканцы и доминиканцы, равно как и монахини, женщины и девушки, которых перед тем бесчестили, и бессчетное множество народа были ужасным образом умерщвлены. А так как мы сопротивлялись не без больших потерь в людях и имуществе, судьба была снова неблагоприятна к нам. Тот, к кому мы забросили якорь нашей надежды, заставил нас, из-за грехов, наших, понести поражение.

Впрочем они планируют, как я узнал из надежного источника, по наступлении зимы врасплох захватить Германию и как только там будет подавлено всякое сопротивление – занять все государства и страны⁷. И так как по опыту прошлого, в настоящее время на кону стоит не только наша судьба, но судьба всего христианства, наш же защитный вал уже частично прорван, мы просим и призываем Вас настойчиво и с молитвами к Господу, чтобы Вы, ради возвеличивания имени Господа, без промедления поспешили на помощь нам и более того – всему христианству, и ваших подданных просьбами и увещеваниями побудили к этому благочестивому делу. Если услышите вы наши просьбы, которые мы от имени всего христианства направляем к Вам, и отведете от остальных верующих опасность, грозящую всему миру, то мы будем вам в благодарность за это вечно обязаны. Впрочем, те, кто окажется достойным божьего назначения и поведут к нам Вашу помощь, могут предупредить нас о их прибытии, чтобы мы с почетом встретили их на границе нашего государства. Если же передатчик этого письма будет докладывать как наш посланец, то окажите ему Ваше милостивое доверие.

¹ Король Конрад IV (1250-1254 гг.), второй сын Фридриха II, от его брака с Изабеллой II (Иолантой) Бриеннской, наследницей Иерусалимского королевства. Королем Конрад был выбран еще при жизни своего отца. в 1236 г. и представлял интересы императора в Германии.

² Здесь намекается на укрощение Иисусом бури на Генисаретском озере. (Марк. 4. 35-41)

³ Иоанн Богослов 9.1-12, см также изображение нашествия саранчи в Ветхом завете. Иавель 1, 1-12. Сравнение монгольских войск и туч саранчи имеет место также у арабских авторов, например у Ал-Умари.

⁴ Эти замки поименованы в письме одного венгерского прелата к папе.

⁵ Страна севернее и восточнее Дуная.

⁶ Указание на колонизацию завоеванных земель.

⁷ О намерении монголов двинуться против Рима и западных правителей сообщает уже Юлиан и его соратники. Здесь Бела очевидно опирается на эту информацию.

1.17. ПОЛЬША

Внешняя политика Польского государства в X – XIV вв. («Анналы Трашки»)

«Анналы Трашки» содержат сведения по истории Польского государства, начиная с правления Мешко I и несколькими веками спустя его правления.

В одном из списков текст заканчивается словами: «Traska etiam fuit ibidem» («Трашка также был там»), которых нет в других списках. Если эта похвальба не доказывает, что этот человек и был продолжателем (поскольку об авторстве всего текста анналов говорить не приходится), то по крайней мере она указывает на человека, для которого род Трешков при Казимире Великом и Ягайло не был безразличен. Из-за этой последней фразы эти анналы и были названы «Анналами Трашки».

Начинаются анналы от первого христианского польского князя Мешко¹ и его знаменитой жены, христианки по имени Дубровка²

В 965 лето Господне наилучший из князей Мешко взял себе в жёны Дубровку, христианку из Чехии, с которой и самые верные христиане пришли в Польшу, и все поляки крестились, а церкви, монастыри, епископат, препозитуры и прочее теми, кто жил в то время, были обустроены и наделены. Этот Мешко, как рассказывается в предшествующих хрониках, 7 лет от рождения своего был слеп.

967. Родился Болеслав Великий³, который был назван «Храбрым». Он покорил чехов и венгров, и саксонцев укротил, и на реке Солава железными метами ограничил пределы Польши. Он с почестями принял святого Адальберта и поместил его в Гнезно...

1018. Болеслав Первый победил и покорил русинов...

1025. Умер Болеслав Великий, и в королевстве [ему] наследовал Мешко Второй⁴, который впал в безумие и скончался. Ему наследовал его сын Казимир⁵. У него было четверо сыновей: Болеслав, Владислав, Мешко и Одон...

1081. Умер король Болеслав, который королевство весьма сильно расширил пределы [польского] королевства: от реки Дунай в венгерском королевстве до саксонской реки Солава, от города Киев, который является митрополией Руси, до гор Каринтии, как рассказывается выше в «Хронике»⁶...

1111⁷. Болеслав совершенно победил чехов...

1119. Болеслав победил двух поморянских князей.

1123. Болеслав Третий переправился через море и захватил замки...

1132. Болеслав ходил в Венгрию и сражался с венграми.

1133. Чехи сожгли церкви в Польше⁸.

1135. Вислица была разрушена учиненной половцами резнёй⁹.

1136. Болеслав выдал свою дочь [в жёны] сыну венгерского короля...

1139. Умер знаменитый князь Болеслав Третий¹⁰. Этот Болеслав завершил церковь святого Вацлава в Кракове, которую заложил¹¹ его отец Владислав, и назначил ей двадцать каноников. В это же время император Генрих IV приходил в Польшу, чтобы подчинить её себе, но поскольку Болеслав ему воспротивился, он бесславно вернулся...

1241. Татары опустошили Польшу и убили князя Генриха¹². В это же время в Венгрии волки, лисы и орлы убивали людей...

1244. Пруссы частыми набегами разорили Луков, Люблин и Сецехов.

1246. Литовцы, придя к Ярошину, устроили сражение с Болеславом и когда князь был побеждён перебили многих его воинов.

1247. Легат апостольского престола брат Иоанн из ордена братьев миноритов с прочими братьями отправился к татарскому королю...

1259. Краковский и сандомирский князь Болеслав опустошил ленчицкую землю. В это же лето татары опустошили краковскую и сандомирскую земли. Это был их второй приход [в Польшу], во время которого они убили и увели бесчисленное множество людей и взяли сандомирский замок.

1261. Мазовецкий князь Земовит¹³ был схвачен и убит пруссами.

1262¹⁴. Мазовецкий князь Земовит был убит литовцами и похоронен в Яздове, и сын его Конрад был схвачен¹⁵. Был коронован Пшемьсл...

1264. В 18 июльские календы¹⁶ краковчане победили ятвягов.

1265. Умерла жена убитого татарами Генриха силезская княгиня Анна¹⁷. Князь Лешек взял себе в жёны Грифину. Поляки ограбили русинов и многих [из них] убили у границ Польши, и князь Роман¹⁸ был убит Лешекком под Завихостом, и прочих [русинов] поляки одних преследовали до Владимира, а множество других перебили...

1273. Краковский князь Болеслав встретился в Опаве с чешским князем Пржемыслом, где они поклялись в вечной дружбе. В это же лето литовцы достойным сожаления образом опустошили люблинскую землю. В это же лето по совету краковского епископа Павла некоторые краковские рыцари пришли со всей своей силой к опольскому князю Владиславу; но Владислав, отправив своё войско, встретил их на поле возле Богушина, и в том сражении пали многие с обеих сторон. Был же после этого голос к епископу Павлу, говорящий: «Горе тебе Павел, лучше тебе было бы, если бы ты вовсе не родился». Эти слова услышали более 70 мужей. [Ибо] было ясно ему, что та сеча у Люблина случилась благодаря епископу. Затем, спустя некоторое время послышался голос, говорящий ему: «Не бойся, епископ Павел, делай что хочешь, ибо я с тобой». Этот голос слышали многие братья-проповедники, в чьём доме за городом Краков он тогда находился. Спустя же некоторое время в то же лето, когда этот епископ один находился в опочивальне, послышался голос говорящий ему: «Не бойся Павел, делай что хочешь, ибо на седьмой год ты умрёшь». И не понял епископ: имелся ли ввиду седьмой год его епископства, или седьмой год с того времени, когда он услышал этот голос. Епископ ответил ему: «Хорошо, ибо я смогу до седьмого года свою жизнь исправить». И этот голос слышали многие, кто находился около его опочивальни. В это же самое лето краковский и сандомирский князь Болеслав, [велико-]польский князь Болеслав, мазовецкий князь Конрад и серадзский князь Лешек, придя в землю опольского князя Владислава, полностью её опустошили, разграбив и предав огню всё от Опавы и Козлов вплоть до Одера, и перебили там множество людей...

1280. В первый год [после] избрания князя Лешека, пришёл русский князь Лев с сильным войском из татар, литовцев и русинов, желая завладеть краковским и сандомирским княжеством. Ему навстречу в субботу, в канун [праздника] апостола Матфея в Гослицах вышли краковские и сандомирские [воины], а именно: палатины краковский Пётр, сын Альберта и сандомирский Януш с 600 воинами, и поразили великое множество татар, литовцев и русинов, ибо Владыка Небесный дал им победу. Сам же Лев на следующий день бежал из [польской] земли будучи сильно ранен; его 15 дней преследовал Лешек, имея с собой 30 тысяч конных и две тысячи пеших [воинов], и достойным сожаления образом разграбил его землю, разрушил русские замки, и вернулся восвояси с миром и славой, когда римскую церковь возглавлял верховный понтифик господин Николай и при краковском епископе господине Павле...

1282. Краковский, сандомирский и серадзский князь Лешек¹⁹ сражался с ятвягами²⁰, сподвигнутый к этому во сне архангелом Михаилом, и настиг их за Наревом. И когда они были побеждены, отнял всю добычу, которую они унесли из Люблина; в этой битве ни один человек из его войска не был убит. Тогда же и чудо случилось, ибо псы, которых увели с собой эти язычники, видя христианское войско, начали радоваться, выть и по некому знаку вместе с христианами устремились на убийство язычников, жестоко их убивая. В это же время²¹ палатин Януш и сандомирские рыцари восстали против вышеупомянутого князя Лешека, и замки Сандомира и Радома передали мазовецкому государю князю Конраду; но князь Лешек изгнал Конрада из [сандомирской] земли и всеми этими замками и землёй мирно овладел. В это же лето в краковской земле был сильный голод, из-за которого бесчисленные тысячи людей ушли одни на Русь, а другие в Венгрию. Но те из них, кто ушёл на Русь были переданы татарам, которые затем ушли в Венгрию, призванные половцами. В это же лето в день блаженного Франциска²², после капитула братьев-проповедников, который отмечал их верховный магистр, враги Христовы язычники литовцы тайком пришли в Сандомирскую землю, в то время когда князь и почти все рыцари из-за этого капитула находились в Кракове, грабя и убивая служителей Христовых, священников и левитов, клириков, рыцарей и их жён и детей, горожан с их жёнами и детьми, крестьян словно скот уводя. Отделив стариков и перебив всех людей этого, преклонного возраста, юношей и мальчиков они навечно обратили в рабов. Убивая христиан, они совершали свои многочисленные обряды. Поскольку никто им не сопротивлялся, безо всякого ущерба для себя они, ограбив людей и землю, ушли. Рыцари же, которые укрылись в сандомирском замке, отправили быстрого гонца к находившемуся в то время в Кракове князю. И он со слезами поведал князю и баронам про опустошение и бешенство этих язычников. Услышав это, знаменитый князь Лешек с баронами в печали зарыдали. Быстро, вооружившись Божьей помощью и доверием более чем крепостью людей и оружия, исповедавав грехи, причастившись тела Христова, князь со своими баронами, друг друга взаимно ободряя, их так рьяно преследовали, что язычники, спасаясь, устремились в самые густые леса. Христиане же, видя что находятся в безопасности, опасались идти за ними [далее], ибо тех было очень много. Однако, по совету благодатного духа, избравив, что отступают, они немного удалились от укрытия язычников. Видя это, все враги Христовы вышли из укрытия, в котором прятались, оставив и связав пленников словно овец на заклание в этом лесу, обратили своё оружие на князя Лешека и его баронов, которые, видя христианское войско объятые страхом, бежали назад. Князь же, положившись на Божью помощь, обратился с такими словами к своим товарищам: «Лучше было бы нам со славой погибнуть ради имени Христа и пленников, чем видеть это зло для нашего народа». Сделав это, он разделил войско на два отряда, и оба эти отряда передал находящимся тогда с ним краковскому палатину Сеготону и сандомирскому палатину Янушу. И с Божьей помощью они окружили и победили язычников. Убитых же язычников, кроме тех, кого воины из этих отрядов рьяно перебили в лесах и болотах, на следующий день насчитали на месте битвы тысячу шестьсот человек. Кроме того они освободили более шести тысяч пленных...

1289. Князья устроили битву на Сиворе²³. Князья Болеслав Мазовецкий, Владислав²⁴ и Казимир²⁵ Куявские [сражались] против силезцев и победили. Многих из силезцев и тевтонцев они взяли в плен [и] убили. Многие воины пали возле Скалы. На Светнице князь Владислав по прозвищу Локетек устроил битву с тевтонцами и победил их. Город же Краков снова был передан силезцам и князь Владислав едва убежал пешком. Епископ Павел был схвачен, многие другие воины были убиты, земля разорена и много зла случилось.

1290. Умер вроцлавский и краковский князь Генрих²⁶. Пшемьсл²⁷ завладел Краковом²⁸, а Владислав Сандомир. В это же лето венгерский король²⁹ утонул под Хроберами и в [той] земле начались долгие войны.

1291. Краковская земля [велико-]польским князем Пшемьслом была передана чешскому королю, и с войском чешского короля пришёл бамбергский епископ. Князь Владислав напал на Вислицу и Облеком, и чешское войско в беспорядке отступило от Сандомира...

1293. Татары были около Сандомира.

1294. В великой сече литовцами были перебиты многие [польские] рыцари и ими же был убит и ленчицкий князь Казимир³⁰.

1295. Великопольский князь Пшемьсл архиепископом господином Иаковом по прозвищу Свинка после праздника блаженного Иоанна Крестителя, в день Господень³¹, в Гнезно был помазан в польские короли. В это же лето литовцы опустошили [польскую землю] вплоть до Гнойно³². Умер епископ Прокопий, которому наследовал немец Иоанн по прозвищу Муската.

1296. В 6 февральские иды³³ великопольский король Пшемьсл позорно был убит своими воинами³⁴, т.е. поляками. Литовцы приходили в сандомирскую землю и были побеждены.

1297. Князь Владислав по прозвищу Локетек с поляками и венграми опустошил Силезию...

1300. Куявский епископ господин Вислав отправился к Христу. Ему наследовал господин Гервард, который скончался в курии верховного понтифика папы³⁵. В это же лето была сильная буря. В это же лето чешский король приходил в Польшу и завладел ею всей. И русины приходили в сандомирскую землю и Новый Город³⁶ разграбили, сожгли и много зла причинили по всей земле, в то время когда войны находились на войне с чешским королём...

1302. Умерла дочь великого князя Руси³⁷, [монахиня] ордена святой Клары Святослава. Также краковские и сандомирские рыцари пришли на Русь, т.е. к Новому Люблину, который за много лет до этого захватили русины, осадили его, затем сразились в небольшом числе с множеством русинов, литовцев и татар, и, с Божьей помощью, одержали над всеми ними триумф. После чего, возвратившись, они захватили и сам люблинский замок.

1304. Князь Владислав по прозвищу Локетек с венграми приходил в краковскую землю и захватил Вислицу.

1305. Вышеупомянутый князь Владислав завладел сандомирской землёй...

1320. Король Владислав был коронован в Кракове властью господина папы почтенным во Христе отцом гнезненским архиепископом Яниславом³⁸. В это же лето его дочь Елизавета сочеталась браком с венгерским королём Карлом³⁹.

1325. В канун [праздника] апостолов Филиппа и Иакова⁴⁰ сын польского короля Владислава по прозвищу Локетек Казимир, взял жёны крещённую во имя Христа, дочь литовского князя Гедимиана Анну, когда ей было 15 лет от роду⁴¹.

1330. Некий рыцарь по имени Фелициан, родом венгр, во вторник после наступления Пасхи⁴² напал на короля Карла, намереваясь убить его самого, его жену Елизавету, дочь Владислава по прозвищу Локетек, и детей. И, отрубив королеве правую руку и самого короля тяжело ранив в руку, сам, жалким образом изрубленный, погиб. За это злодеяние были убиты его сын, дочь и почти вся его семья. В это самое лето по всей Польше был такой большой урожай, что мера пшеницы в Кракове не стоила и гроша. Этим же летом крестоносцы, придя, сожгли замок Вышеград в Куявии, и при этом там погибли многие рыцари, но [они это совершили] и не без великого урона для себя, ибо за каждого нашего они поплатились восемью или девятью убитыми своими. В это же время⁴³ они сожгли замок Накло и захватили епископский замок Раскошь; а замок Радзеюв из опасения перед ними был сожжён своими же. И поскольку им никто не противился, они, хотя и понесли большие потери, с победой и добычей вернулись восвояси. Среди простых же людей они совершили великое кровопролитие, ибо мужчин и женщин, детей и стариков, беременных и новорожденных, клириков и священников, всех кого смогли найти убили мечём. Польский же король Владислав по прозвищу Локетек, видя такую печаль своего народа, собрав войско со всей Польши, [а также приведя] союзников из Венгрии в количестве десяти тысяч и немалое число прочих наёмников, прошёл в осеннее время вплоть до реки Дрвенцы⁴⁴, в то время как крестоносцы со всем своим войском находились на противоположном берегу реки, и в течении многих дней ни наши [к крестоносцам], ни те со своего берега к нашим не переправлялись, даже в тех местах, где были броды; в другом же месте, у брода, по совету одного простолюдина они устлали всю реку сломанными пиками и серпами. Король, оставив в засаде около двух тысяч вооружённых мужей, стал изображать, что якобы со всем своим войском хочет переправиться возле Бродницы, там где против него и собрались все бородачи. Оставшиеся же в засаде [воины] короля, переправившись через реку, дымом подали ему знак о своей переправе. Король, который находился примерно в трёх милях от этого места, поспешно со своим войском переправился через реку и принялся бодро готовиться к встрече с крестоносцами. Те же, видя,

что не в состоянии противиться доблести короля, заключились в укреплениях и, побуждаемые нашими изменниками, хотя и могли тогда завладеть всей страной, возвратив [польскому королю] добжинскую землю, [тамошний?] замок и другой замок Быдгощ, после того как были высланы письма от них и горожан этих городов, выслали двух арбитров, а именно: венгерского короля с нашей стороны и чешского короля со своей. И согласившись заключить перемирие от праздника святого Луки евангелиста⁴⁵ до праздника святой Троицы⁴⁶, наш король договорился с венгерским королём, и они ни чешского короля до границы не отвели, ни сами одни не остались. И так, правдой-неправдой они увели польского короля из той земли; он же пробыл в их земле 15 дней, и, почти полностью её разорив, со своими людьми вернулся восвояси. Рассказывали, что в его войске было две тысячи 100 человек облаченных в шлемы, других, также вооружённых, [но] без шлемов – двадцать тысяч, лучников и прочих [воинов] – почти тридцать тысяч; таким образом было бы правильно заключить, что польское войско насчитывало свыше пятидесяти тысяч человек⁴⁷. Этот король Владислав на праздник святой Троицы собрал совет в Ханчине, и своему сыну Казимиру, который был женат на дочери литовского князя Гедимина, передал во владение Великую Польшу, Серадз, Куявию, веля ему и наставляя, чтобы он учился управлять этими областями королевства. Этот Казимир, придя в Польшу, был совершенно введён в заблуждение познанским палатином, неким Винцентием, которого прежде его отец пожаловал этим землям до [самого] Серадза, и который, если бы не рыцари и горожане городов, [вовсе] хотел отнять ту землю у короля и его сына. Преждеупомнутый же Винцентий, [польского] королевства и [польского] народа самый подлый изменник, и не терпя этого отчуждения [своих прав], около праздника блаженной Марии Магдалены⁴⁸ коварно и тайно привёл крестоносцев, которые захватили почти всю Куявию, и [не взяли] город Владислав, только благодаря Божьей помощи и мужеству оборонявшихся, из-за которых эти бородачи потеряли почти двести человек. Затем с потерями они отступили от города. Вышеупомнутый же Винцентий тайком привёл в Польшу этих бородачей, которые, разорив захваченный город Слупцу, торопились идти к Пиздре, где тогда находился Казимир, желая схватить его. Но по Божьей воле [Казимир уже] покинул этот город, который тогда же из-за измены и небрежности верных горожан они взяли, и когда многие были убиты, город с монастырём братьев, которые [из-за этого] его покинули, был сожжён; и, придя, они опустошили почти все земли на том берегу Варты. И когда были сожжены никем не обороняемые иноземные города и прочие укрепления (это сделал самый мерзкий предатель Винцентий), несмотря на великий урон среди своих людей, с огромной добычей они вернулись восвояси. Некоторое время спустя, собрав многочисленное войско и большое число наёмников с Рейна и из других частей Германии, они пришли к Ленчице, разорив которую, они ушли к Серадзу. Сжегши город и замок Унеюва, другой замок – Серадз и прочие города, они пришли в Калиш, штурмуя который на протяжении двух дней и ничего не добившись, потеряв чуть более сорока из своих людей, ушли в Торунь, где также потеряли погибших в бою двадцать человек. Ибо польский король Владислав, хотя и спешил к Ленчице на встречу [с крестоносцами], однако напасть на них не решился, ибо они его превосходили и числом, и силой. Оказавшись у Ленчицы, он, сам оставаясь в одной или в двух милях [от войска крестоносцев], постоянно следовал за ними, ослабляя их. Также и вышеупомнутого Винцентия, о котором мы уже рассказывали, посредством писем с прямыми [обещаниями] склонив [на свою сторону], примирил с собой со своим сыном. Этот Винцентий, желая смыть с себя имя предателя, тщательно изучил этих бородачей и их войско. И хотя он знал, что крестоносцев и несравненно больше, и что они сильнее, дабы не смущать поляков, краковчан, сандомирчан и прочих, он укрепил их словами, [говоря,] что врагов мало и что они ни на что не способны; хотя до сведения короля он и не отказывался доносить совершенно обратное. Придя следом за ними в Куявию, король около расположенного за Радзеювым села Пловцы, передав себя и своих людей Богу и святыми мучениками Адальберту⁴⁹ и Станиславу, на перенесение блаженного Станислава начал с ними сражение, и с помощью Бога, его святых понтификов и вышеупомнутых мучеников неистовствовал в их избиении, и поразил 20 тысяч из них, в чём были согласны как сам король, так и все прочие. Среди павших было пятьсот бородачей, девятьсот облаченных в шлемы и шестьсот их союзников. Сорок или даже больше облачённых в шлемы, из которых одни были бородачами, другие наёмниками из дальних стран, а прочие: поморяне, пруссы и знатные обитатели их земель, были взяты в плен. Среди них был схвачен и некий облаченный в их одеяние знатный государь по имени Рус, на которого распространялся закон войны и этого похода. Он был отведён в Краков, куда он намеревался идти с войском, и там удерживался в оковах. Произошло это 1331 лето Господне.

И как утверждалось всеми принимавшими участие в сражении, если бы многие из краковчан от того сражения и из той битвы не сбежали, из всех почти 40 тысяч воинов никто бы вовсе не обратился бы в бегство. Часто же упоминаемый Винцентий, чтобы [пресечь] все кривотолки и всеобщую убеждённость в своей измене, о чём практически все ему говорили, а также в чём все его подозревали, сам устремился в битву с крестоносцами, доблестно бился и [так,] храбро сражаясь вместе с господином королём и знатью польского королевства, счастливо добыл триумф победоносной славы над бородачами и их союзниками. И были многие в недоумении, ибо этот Винцентий [с одной стороны] совершил тяжёлое преступление и причинил своему народу столь великое горе, [а с другой стороны] в таком трудном деле и сильной нужде навечно стяжал польскому королевству столь великую славу. И не это было великим чудом, что в то время как среди крестоносцев были убиты [почти] все, из числа поляков погибли всего лишь двадцать знатных и среди простолюдинов примерно 30 мужей, но, в чём определённо все мы согласились, [чудом было,] что Бог и его

святы́е за нас сражались; и пусть в память об этом чуде Бог навечно и беспрестанно будет восхваляем польским народом.

Также в это же время, около праздника святого Михаила, когда стало известно об этом бедствии бородачей, чешский король Иоанн⁵⁰ с сильным войском пришёл к Познани, и штурмовал её с машинами и подкопами. Но поскольку рыцари и горожане мужественно сопротивлялись, оставив пятьсот человек и потеряв многих в подкопах, бросив машины, в беспорядке со многой печалью, запустением и убытками в двадцать тысяч марок вернулся обратно во Вроцлав.

В 1332 лето Господне крестоносцы, выйдя на трапезу Господню⁵¹, осадили город Брест, штурмуя который с машинами и прочими устройствами на протяжении четырёх дней, и, поскольку в нём было мало рыцарей, после того как прочие горожане сдались, на пятый день они захватили его. В это же время им добровольно сдалась Младшая Владиславия. Некоторые рыцари с жёнами и детьми по своей воле покинули [город]; однако палатин Альберт по прозвищу Костелец со своими людьми отступил в замок под названием Пакош, где мужественно сопротивлялся этим крестоносцам. Все же прочие ушли к королю в Краков...

1340. [Воюя] против крестоносцев, татары опустошили люблинскую землю до самого Сандомира...

¹ Мешко I (ок. 935 – 25 мая 992 гг.) – первый польский князь, о котором известно не только из польских, но и из иностранных источников.

² Дубравка (920/931-977 гг.) – дочь чешского князя Болеслава I.

³ Болеслав I (ок. 967 – 3 апреля / 17 июня 1025 гг.) – сын Мешко I и Дубравки. Польский князь (992-1025 гг.), король (1025 г.), в 1003-1004 гг. – чешский князь.

⁴ Мешко II (990 – 10 мая 1934 гг.) – сын Болеслава I и Эмнильды, дочери лужицкого князя Добромира. Польский король (в Германии этот титул не считался легитимным) в 1025-1031 гг. С 1032 по 1034 гг. князь Польши.

⁵ Казимир I (25 июля 1016 – 28 ноября 1058 гг.) – сын Мешко II и Рыксы, дочери пфальцграфа рейнского Эццо. Польский князь с 1039 по 1058 гг.

⁶ В обоих списках эти анналы следуют за «Хроникой» Галла Анонима, на которую указывает и слово «superiorius», т.е. «выше», принадлежащее, как кажется, не автору анналов, а переписчику.

⁷ На самом деле в октябре 1110 г.

⁸ 16 января.

⁹ 9 февраля.

¹⁰ 28 октября.

¹¹ Следы этого события сохранились в польской нумизматике. На монетах Владислава Германа изображён храм в римском стиле, в то время как у Болеслава Смелого – купол храма ещё византийский.

¹² Генрих II Благочестивый (1196/1207 – 9 апреля 1241 гг.) – сын князя Силезии Генриха I и св. Ядвиги, дочери князя Андекса Бертольда IV Хорутанского. Князь силезский, краковский и великопольский в 1238-1241 гг.

¹³ Земовит (ок. 1215 – 23 июня 1262) – сын мазовецкого князя Конрада I и Агафьи, дочери новгород-северского князя Святослава (Андрея) Игоревича. Князь мазовецкий с 1248 г.

¹⁴ 23 июня.

¹⁵ 25 декабря 1261 г.

¹⁶ 14 июня.

¹⁷ 24 июня.

¹⁸ Болеслав Стыдливый, который к тому времени уже назвал Лешка Чёрного своим наследником, в 1266 г. отправил своё войско против грабившего Польшу русского князя Шварна. Сражение состоялось на праздник св. Гервазия и Протасия, т.е. в тот же день когда Лешек Белый победил Романа Галицкого. Имя Лешка и день праздника смутили переписчика и вместо Шварна он вписал имя князя Романа. Наиболее полно это сообщение передано в «Анналах краковских францисканцев»: «В это же лето (1266) на праздник святых Гервазия и Протасия, в день субботний поляки, ограбив Русь, сразились с русинами у границ Польши в месте называемом «porta» и перебили многие тысячи [своих врагов].»

¹⁹ Лешек II (ок. 1241 – 30 сентября 1288 гг.) – сын куявского князя Казимира I и Констанции, дочери краковского и вроцлавского князя Генриха II. Князь серадзский в 1261-1288, ленчицкий в 1267-1288 гг., иновроцлавский в 1273-1278 гг., краковский и сандомирский в 1279-1288 гг.

²⁰ В октябре.

²¹ 1285 г.

²² 4 сентября.

²³ 26 февраля. – прим. польск. изд.

²⁴ Владислав I (1260/1 – 2 марта 1333 гг.) – сын куявского князя Казимира I и Евфросиньи, дочери опольского князя Казимира I. Князь брестско-куявский и добжинский в 1267-1275 гг., брестский и серадзский в 1288-1300 гг., сандомирский в 1289-1292 гг., ленчицкий в 1294-1300 гг., великопольский и поморский в 1296 – 1300, краковский в 1306-1320 гг., польский король в 1320-1333 гг.

²⁵ Конрад II (1250-1294 гг.) – сын мазовецкого князя Земовита I и дочери галицкого короля Даниила I Переяславы. Мазовецкий князь в 1264-1294 гг.

²⁶ 23 июня.

²⁷ Пшемьсл II (14 октября 1257 – 8 февраля 1296 гг.) – сын познанского князя Пшемьсла I и Елизаветы, дочери вроцлавского и краковского князя Генриха II. Князь познанский в 1257-1279 гг., великопольский в 1279-1296 гг., краковский в 1290-1291 гг., поморский в 1294-1296 гг., польский король в 1295-1296 гг.

²⁸ В сентябре.

²⁹ 10 июля; Ласло V Кун.

³⁰ Брат Лешка Чёрного и Владислава Локетка.

³¹ 26 июня.

³² Такое название носят несколько населённых пунктов в воеводствах мазовецком и плоцком.

³³ 8 февраля.

³⁴ В этом месте в Шамотульской рукописи добавлено следующее: «из герба называемого на простом языке «Заремба» возле местечка Рогожно. И когда он был очень тяжело, почти смертельно ранен, а те его почти уже мёртвого уже оставили, неожиданно явился один из его недругов, желая проверить не выжил ли он. Король же слабым голосом обратился к нему, [упрашивая] его помочь ему выжить»

и залечить раны. Было же это в канун [праздника] святой девы Аполлонии. Услышав это, телохранитель, стоя над ним, добил его, обнажённым кинжалом пригвоздив к земле».

³⁵ Согласно Влоцлавскому календарю Гервард умер 1 октября 1323 г.

³⁶ Новый Город или Коршин на Висле.

³⁷ Галицкого короля Льва Даниловича.

³⁸ 20 января.

³⁹ Карл Роберт (1288 – 16 июля 1342 г.) – сын титулярного короля Венгрии Карла Мартелла и Клементины, дочери короля Германии Рудольфа I. Король Венгрии в 1301-1342 гг.

⁴⁰ 30 апреля. В Краковском календаре это событие отнесено к 16 апреля, ко дню святого «Gawla orata».

⁴¹ В этом месте переписчик Шамотульской рукописи добавил одно анахронистичное сообщение, которое, вероятно, было записано на полях рукописи и не имело отношения к этим анналам. На это указывает последующий текст, полностью совпадающий в этой рукописи с малопольскими анналами по рукописи Куропатницкого и с Анналами Трашки. Вот эта вставка: «В 1378 лето Господне, в день блаженного Франциска, в день Господень, когда должно было служить приличествующую этому дню мессу, ректор приходской церкви в Лекно захотел быстрее уйти из церкви и, побуждённый дьяволом, удавился своей собственной рукой в амбаре своего дома и некоей верёвкой, на народном языке называемой «strikem», сам себя повесил, и там достойным сожаления образом испустил свой дух. Был же [тогда] виден чёрный круг, у вершины которого появился баран и его своими рогами бесчеловечно бодал».

⁴² 17 апреля.

⁴³ 9 июля 1329 г.

⁴⁴ Правый приток нижней Вислы.

⁴⁵ 18 октября.

⁴⁶ 3 июня.

⁴⁷ 1330 г.

⁴⁸ 22 июля.

⁴⁹ 27 сентября 1331 г.

⁵⁰ Ян Люксембургский (10 августа 1296 – 26 августа 1346 г.) – король Чехии с 31 августа 1310 по 26 августа 1346 гг.

⁵¹ 16 апреля.

Внешняя политика Польского государства в XIV в. (Ян из Чаркова, «Польская хроника»)

Хроника Яна из Чаркова, архидьякона гнезненского, подканцлера королевства польского (1370-1384 гг.). Ян из Чаркова с 1341 г. был владиславским деканом, а также позанским каноником (1357-1360 гг.) и владиславским кантором (1365-1367 гг.). С начала 1363 г. выступает уже как подканцлер. Со второй половины 1367 г. впервые упоминается как архидьякон гнезненский. В 1366 г. побывал при папском дворе в Авиньоне. После смерти Казимира Великого начался упадок его политической карьеры.

Точная дата смерти Яна из Чаркова не установлена. Вероятно, он умер в самом начале 1387 г., прожив около семидесяти лет.

Оригинал хроники не сохранился, текст дошёл до нас в списках XV в.

...2. О коронации польского короля Казимира (1333).

В году господнем 1333, в восьмой день майских календ (24 апреля) в краковском костёле в присутствии многих князей, панов и польской шляхты Казимир был с честью коронован тогдашними святыми отцами: гнезненским архиепископом Ярославом и епископами Яном краковским, Яном познанским, Михалом куявским и Стефаном любушским. После своей коронации он был весьма счастлив, и особенно в том, что касалось умножения и расширения королевства польского. Куявскую землю, которой ещё со времён его отца Владислава завладели бородатые госпитальеры¹ святой Марии Иерусалимской из немецкого дома, носящие чёрный крест на белом плаще, отобрал у них без войны и [без] единого удара мечом. Вскоре после этого, по смерти сына мазовецкого князя Тройдена и князя всей Руси Болеслава, прозванного Юрием, которого Казимир по своей воле поставил на княжество русское после своего дяди и который был отравлен русинами, упомянутый Казимир в отместку за убийство своего родича с огромными силами вторгся на Русь. Князья, бояре и вся русская шляхта не могли ему противостоять. Добровольно вручив ему себя и свои владения, они приняли его за своего господина и скрепили свою верность присягой.

Когда после окончания этого король Казимир счастливо вернулся домой и пребывал в королевстве польском, некий негодный пан по имени Датко, державший замок Перемышль, вместе с неким Даниелем из Острова и без ведома прочей русской шляхты тайно известили императора татар, что король Казимир напал на Русь, захватил её и препятствует выплате дани, которую русские привыкли платить татарам. В ответ на их донесение татарский царь послал на Русь огромное войско с приказом напасть на Польшу вместе с русинами и жестоко её опустошить. Когда они подходили к Висле, король Казимир преградил им дорогу со своим войском, сильно укрепился и не дал перейти реку. При этом он потерял одного из своих самых прославленных рыцарей, сандомирского воеводу Челея, пронзённого татарской стрелой и на месте испутившего дух. Возвращаясь, татары пытались взять люблинский замок, который тогда был построен только из дерева, однако его гарнизон защищался изо всех сил и вынудил их снять осаду.

3. Как Казимир правил государством и народом.

Кто бы ни совершал разбой или кражу, хоть бы это была шляхта, того приказывал рубить, топить и морить голодом. Уличённым клеветникам он велел клеймить лицо раскалённым железом. В его времена ни один из знатных панов или шляхтичей не смел обижать бедняков.

Напротив краковского замка, на другой стороне Вислы, выстроил город, который от своего имени назвал Казимежем (Уже 27 февраля 1335 г. город Казимеж получил магдебургское право).

Королевство своё хорошо защищал; крестоносцы, видя его силу и предприимчивость, вернули ему куявскую и добжинскую земли, которые заняли при его отце, и заключили с ним вечный мир. Заганьский князь силой удерживал Вшхову – некогда захваченную часть польского королевства с городом. В 1343 году король Казимир захватил этот город и взял много пленников, а потом обратил земли этого князя в пепелище и захватил его каменный замок Гниево, обрушив стены. Потом, смягчённый просьбами и обещаниями князя, не стал присоединять к себе эти земли и повернул домой.

В 1340 году Болеслав, сын мазовецкого князя Тройдена, единогласно избранный русинами князем и господином, был умерщвлён с помощью яда, ибо пытался изменить их закон и веру. Тогда этим русским княжеством завладел Любарт, сын литовского князя Гедимина. В 1349 году Казимир с сильным войском вступил в эту землю и овладел ей целиком, со всеми городами и замками, по доброй воле уступив Любарту лишь город Луцк с его повятом.

По возвращении короля некий Марцин Барышка, викарий краковского костёла, предстал перед ним по фальшивому обвинению со стороны королевских приближённых. В день святого Луки (18 октября 1349 г.) его арестовали, а следующей ночью утопили в реке Висле – без явной причины и совершенно невиновного. С тех пор удача оставила короля. Сначала он праздновал победы над своими врагами, а отныне литовские князья неоднократно нападали на русское княжество, города Владимир и Львов, деревни разоряли и обращали в пепел, полностью захватили сильнейшие замки Владимир, Белз, Брест и другие поменьше. Опустошив большую часть луковской, сандомирской и радомской земель, они увели в неволю множество христианского люда. И если литвины с поляками сходились в какой-нибудь отдельной битве, поляки – увь! – по божьей воле всегда бывали поражены. После нескольких поражений и разорений король Казимир, видя, что литвинов отбить не удаётся, ибо они избегали генерального сражения и, будто злые волки, злодейски разоряли его земли, заключил с ними мир. По этому миру он оставил им владимирскую землю и сам город, сохранив за собой право верховной власти, а также львовскую землю со всеми замками, городами и деревнями.

В 1363 году король устроил в городе Кракове великий пир, на котором присутствовали римский император и чешский король Карл со своими князьями, венгерский король со своими князьями, король Кипра, король Дании, все польские князья и рыцарство из разных земель.

В 1366 году король Казимир, собрав великое множество войска, мощно вторгся на Русь, где его власти покорился князь Юрий белзский, как позже выяснилось, притворно. Король завоевал также и владимирскую землю, где правил Любарт, со всеми её замками и отдал наивернейшему из всех князей

Александрю (Александр был сыном Михаила-Кориата), племяннику Ольгерда и Кейстута, кроме замка Холм, который отдал князю Юрию. Князь Александр владел этой землёй до самой смерти короля, которому верно служил.

В 1368 году литовский князь Кейстут совместно с другими литвинами ограбил Полоцк и спалил в нём замок вместе с множеством людей, которых не смог взять в неволю, а прочих увёл в вечное рабство.

¹ Здесь имеются в виду братья Тевтонского ордена.

Кревская уния (14 августа 1385 г.)

Кревская уния от 14 августа 1385 г. – соглашение о династическом союзе между Великим княжеством Литовским и Польшей, по которому великий князь литовский Ягайло, вступив в брак с польской королевой Ядвигой, провозглашался польским королем.

Мы, Ягайло, божьей милостью великий князь литовский, Руси господин и наследник урожденный, уведомляет всех, кого следует и которые письмо увидят, о том, что нам сообщили со стороны пресветлой госпожи, божьей милостью королевы венгерской, польской, далмацкой и т.д. благородные и уважения достойные мужи ксёндз Стефан, пробощ ханаденский, Владислав, сын Какаса из Каза, кастелян из Потока, Владко, чашник краковский, Николай, кастелян завиховский, и Кристиан, владетель казимерский.

Сперва тогда сказали, как просвещённый князь литовский Ягайло, отправил своё торжественное посольство сперва к польским господам дворянам, а потом к её королевскому величеству. Те же послы, которые были к королевскому величеству определены, взяли с собой верительные письма от главного и верховного посла, великолепного князя Скиргайлы, брата великого князя Ягайлы, который по определённым причинам лично перед её королевским величеством предстать не смог. Его послы, князь Борис и Ганко, виленский староста, представшие перед королевой венгерской, так, излагая дело, говорили:

«Много императоров, королей и разных князей жаждали вступить в постоянные отношения кровного родства с тем же великим князем литовским, но Бог всемогущий сохранил это для особы вашего королевского величества. Поэтому, пресветлая госпожа, исполни это спасительное поручение, прими великого князя Ягайлу в качестве сына и отдай ему в жёны любимейшую свою дочь Ядвигу, королеву Польши. Верим, что от этого союза воздастся слава Богу, спасение душам, почёт людям и увеличение королевству. Прежде же чем то, о чём речь, до завершения дела дойдёт, великий князь Ягайло со всеми своими братьями, ещё не крещёнными, также

с родственниками, со шляхтой, дворянами большими и меньшими, в землях его живущими, хочет, желает и жаждет принять веру католическую святой Римской церкви. Не могли этого получить от него, несмотря на усердные старания, множество императоров и различных князей, так как Бог всемогущий славу эту для вашего королевского величества сохранил.

Для подтверждения и силы этого, обещает великий князь Ягайло собрать и отдать свои деньги для покрытия расходов, которые понесут как Литва, так и Польша, если только королева венгерская дочь свою, Ядвигу, королеву польскую, браком супружеским с ним соединит. Великий князь Ягайло обещает сумму, договорённую между королевой венгерской и герцогом Австрии, а именно дважды сто тысяч флоринов, собрать и выплатить. Этот самый князь Ягайло обещает и ручается собственными затратами и стараниями вернуть королевству польскому все земли, кем-либо оторванные от него и отнятые. Этот же князь Ягайло обещает вернуть первоначальную свободу всем христианам, особенно людям обоёго пола из земли польской, по праву войны захваченным и переселённым, и таким образом, что каждый или каждая смогут отправиться куда захотят. Наконец, этот же великий князь Ягайло обещает земли свои литовские и русские на вечные времена к короне Королевства Польского присоединить.

Мы поэтому, указанный великий князь литовский Ягайло, с вышеуказанным заявлением посольским, данным и оглашённым от нашего имени господам Королевства Польского посредством упомянутого Скиргайлы, брата нашего возлюбленного, как и с заверениями, данными пресветлой королеве венгерской Елизавете, посредством посланных тем же братом нашим уполномоченных, в присутствии послов госпожи королевы, как венгров, так и поляков, к нашему величеству посланных, вместе с братьями нашими, князьями литовскими Скиргайлой, Корибутом, Витовтом, Лингвеном, а так же от имени других братьев наших, присутствующих и не присутствующих, соглашаемся и заявляем это так названной госпоже королеве, как и упомянутым господам Королевства польского; те же заявления польские приказали мы скрепить печатями нашими и братьев наших, и это во всём подтверждаем».

Дано в Креве, в понедельник, в канун Вознесения пресветлой Девы Марии [14 августа] в год Господень 1385.

Письмо короля Польши Владислава II Ягайлы великому магистру Тевтонского ордена Хенрику фон Плауену

Письмо короля Польши Владислава II Ягайлы великому магистру Тевтонского ордена Хенрику фон Плауену характеризует отношения, сложившиеся в начале XV в. между Польшей и Тевтонским орденом.

Славному и достопочтенному господину Хенрику фон Плауену, Ордена дома немецкого в Пруссии магистру верховному.

Владислав, божьей милостью король Польши и т.д.

Славный и достопочтенный, признанный нами искренне. Мы ваше возведение в достоинство как всегда высоко оценили; и оттого, что на высшую ступень достоинства главы капитула вас возвели, такому радостному волнению лично предались и таким образом считаем, что вы достойны этого перед прочими. Воистину с мирных времён между нами ревностная любовь процветает как будто; и здесь процветания ждём живительного духа ради лет, когда свита, что при предшественнике вашем бессовестно нас поносила, высокого положения при вас не удостоится, потому что тогда жалоб распространение и ненависти раздувание, достойное сожаления, и поныне между нами имеющееся, легко можно будет прекратить и предать забвению. Всегда, когда сама к нам приходит ненависть, кто-то с другой стороной её приходит, воскреситель, начинает снова, тот, которому ничего неведомо, чьи доносы испытывают чистоту совести, как восходящее солнце вознесение обетов наших и прочих. Также пылкость наша всегда раздувает жарких бурь и сражений огонь, не религии христианской ставя препоны и нанося удары, но больше мира сладостного зародышу. [Что бы] прийти к согласию желаний к нам в Рацёнж, возле которого наших советников судебные решения [выслушиваются], приезжайте, любезный нам, дела обсудить.

Дано в Бресте во вторник, на следующий день после праздника непорочного зачатия святой Марии, в год Господень 1410.

Господин король лично

Люблинская уния (1569 г.)

Литовские бояре долго избегали слияния Литвы с Польшей, так как хотели сохранить за собой монополию на эксплуатацию литовского, белорусского и украинского крестьянства и не допускать польских помещиков в Литву.

В XVI в. литовские бояре начинают серьезно опасаться усиливающегося Московского государства, которое уже в 1514 г. сумело вернуть себе Смоленск, а в 1563 г. – Полоцк. Стремясь удержать в своих руках русские земли с сидящими на этих землях закабалёнными крестьянами, литовские бояре пытаются найти помощь у шляхетской Польши. Польская шляхта ставит свою помощь Литве

в ее борьбе с Московским государством в зависимости от заключения более тесной унии. Несмотря на протест литовских бояр, которые высказывались лишь за военный союз с Польшей, мелкая литовская шляхта согласилась на унию 1569 г. В силу этого соглашения Польша и Литва образовали с этого момента дуалистическое государство – «Речь Посполитую» с общим королем, избираемым совместно польской и литовской шляхтой, общим сеймом, общей внешней политикой и общей монетой. Польша и Литва при этом сохраняли отдельное войско, отдельные, хотя и аналогичные государственные должности. Приводимый отрывок взят из текста Люблинской унии.

3... Польская корона и великое княжество Литовское составляют одно нераздельное и общее тело, а также неразрывную общую Речь Посполитую, которая соединилась и слилась из двух государств и наций в один народ.

4. Во главе этого народа пусть стоит и приказывает на вечные времена одна глава, один государь и один общий король, который будет избираем совместно поляками и Литвой, а место выбора (будет находиться] в Польше, а потом он будет помазан на Польское королевство и коронован в Кракове...

5. Выбор и провозглашение великого князя литовского, которые до этого происходили отдельно в Литве, пусть прекратятся¹... А так как титул великого князя литовского и чины остаются при выборе и коронации, он должен быть провозглашаем королем польским и одновременно великим князем литовским, русским, мазовецким, жмудским, киевским, подляшским, инфляндским.

11. Соглашения и союзы с иностранными государствами... вбудущем не будут совершаться и никакие послы по важным делам не будут высылаться без ведома и совместного совета обоих народов, союзы же и договоры с каким-либо государством, заключенные прежде, которые были бы невыгодны какой-либо стороне, не должны оставаться в силе.

12. Монета как и Польше, так и в Литве... должна быть одинаковая, равная весом... и с одинаковой надписью.

13. Все статуты и постановления... установленные против польского народа в Литве, касающиеся приобретения и владения имениями поляками в Литве..., не имеют никакой силы, как противные закону справедливости... и унии... Но как поляк в Литве, так и литовец в Польше может всегда свободно приобретать имения и владеть ими...

16. Его королевское величество не будет от сего времени созывать никаких сеймов, отдельных для коронных и литовских сословий..., а только общие сеймы для обоих народов как составляющих одно тело...

¹ В XV и XVI вв. многие из Ягеллонов, чтобы усилить свою позицию в Польше, добивались, вопреки условиям Городельской унии, сначала литовского великокняжеского трона и только потом уже выступали как кандидаты польской короны.

Мирный договор между Османской империей и Польшей (1607 г.)

Подписанный в 1607 г. мирный договор между Османской империей и Польшей предшествовал заключенным вскоре Бушевскому и Хотинскому мирным договорам.

Я, султан Ахмед-хан, сын султана Мехмед-хана [титул султана опущен]. С давних времен короли Польши находили у нашего Священного Порога прибежища [правлящих] султанов, искренний прием, повседневную дружбу и при-ятствие. И на этот раз король [титул Сигизмунда III опущен] прислал к нашему Высокому Порогу избранного и почитаемого им своего дворянина, который является образцом для христианских дворян [имя опущено] и который проявил дружбу и искренность, любовь и преданность. Через этого посла передаю грамоту о мире и дружбе, содержащую следующие пункты:

1. Как уже было обусловлено в заключенном моим покойным отцом мирном договоре, со стороны нашего величества, его высочества крымского хана, нашего великого везира, наших прославленных бейлербеев, наших прочих беев и победоносных воинов не должно причиняться ни малейшего вреда землям, владениям, замкам, городам и всем местностям, которые находятся под властью короля.

2. Со своей стороны, вышеназванный король поручился, что не будет ни малейшего ущерба от его беев, башибузуков казаков и других его подданных и прочих моим землям, владениям, замкам, городам, местечкам, селениям и любой местности, находящейся под нашей властью; он (король) будет другом нашим друзьям и врагом нашим врагам. Когда с обеих сторон будут направляться послы и представители [монархов], не должно быть нанесено никаких обид или вреда их личности и имуществу.

3. Королю дозволяется искать здесь (в Османской империи), пленных, захваченных во время последних набегов; обнаруженных надлежит отправлять [в Польшу], обеспечивая им безопасность. Также должны быть возвращены людям короля пленные, увезенные из Польши ранее, если они не стали мусульманами, но остались неверными, [и] после того, как докажут, что они его поданные. Пленные, захваченные обеими сторонами после заключения этого договора, должны быть отпущены без выкупа.

4. Купцы обеих сторон должны свободно и безопасно ходить и ездить по морю и по суше. После того как они за купленный или проданный товар уплатят пошлину по обычаю и закону, не должно быть никаких претензий ни к их личности, ни к имуществу.

5. Если в нашем богохранимом государстве умрет польский купец, его наследство следует не присваивать, но передавать главе его каравана, чтобы он отвечал за него перед наследниками. А если кто-то из наших купцов умрет в Польше, король должен поступать так же.

6. Если после подписания этого договора кто-либо из здешних жителей нанесет ущерб владениям короля, он должен быть схвачен, наказан и без отговорок направлен на то место, где причинял ущерб. Так же должен поступать король.

7. Если кто-нибудь из нашего богохранимого государства, имея задолженность, уедет в Польшу, он должен быть найден и предан суду. После предъявления доказательств должно быть присуждено кредитору то, что ему следует по праву. Нельзя брать на себя долги другого [даже если он дал поручительство] или задерживать невинного.

8. Поскольку представители [обеих сторон] не смогли договориться о компенсации за ущерб, причиненный сторонами еще во времена наших светлейших предшественников, обе стороны должны отставить все, что было до заключения нынешнего договора, жалобы по поводу ранее нанесенного ущерба не следует принимать.

9. До тех пор, пока король платит его высочеству татарскому хану то, что положено по традиции, и не нарушает мира, со стороны хана и его войска не должно наноситься никакого ущерба землям и людям короля, его права следует соблюдать.

10. Если во время войны татарскому хану будет приказано куда-нибудь отправиться в поход, он должен идти не через Польшу, а избирать другие подходящие пути, не обременяя страну. Если на короля откуда-нибудь нападет враг и он письмом и через посла попросит помощи, хан, получив наше разрешение, должен оказать ее достаточными силами татарского войска, делом доказав свою дружбу. От воеводы и жителей Молдавии его¹ стране и его людям также не должно быть никакого вреда. В противном случае, если это доказано, следует возместить ущерб. Если со стороны короля и его людей будут нанесены потери татарам, молдаванам, их странам и людям, их также надлежит возместить, а виновников наказать.

11. Молдавским купцам, после того как они уплатят пошлину, не следует причинять какие-либо затруднения, чем-либо обременять их.

12. Молдаване, бежавшие в Польшу, чтобы подстрекать там к беспорядкам, должны быть выданы и наказаны.

13. Люди короля, отыскивающие в моих владениях польских пленных, должны их выкупить за ту же цену, которую заплатал их владелец, но не выше. Принявших ислам нельзя требовать назад, неверных же не следует задерживать. Так же следует освобождать пленных мусульман, находящихся во владениях короля; до границы их должны сопровождать люди, направленные королем.

14. Если подданный короля от кого-нибудь из здешних жителей будет требовать долг, правители [этих мест] должны ему способствовать в этом требовании; им надлежит разыскать воров и других злоумышленников, тотчас их наказывать и похищенное имущество без промедления возвратить владельцу.

15. В спорах купцов о купле и продаже нельзя выслушивать жалобы без составления судебного протокола; в процессах по займам или по поручительствам внимание должно быть обращено на протокол и судебный акт. Если же нет ни протокола, ни акта, не следует привлекать никаких свидетелей силой или обманом. Пока правитель этих мест не разберется в этих процессах, король не может принимать жалобы.

16. [Бей] санджаков Силистра Аккерман, смотрители гаваней и таможен не должны пропускать в Польшу никого, кроме слуг нашей Высокой Порты и купцов.

17. Пастухи, идущие отсюда в Польшу, должны сообщать [пограничному] правителю численность своих стад, ничего не утаивая, вносить плату за пастбища, а если пропадет хоть одна овца — требовать у правителя возмещения.

18. Запрещено курьерам отнимать лошадей у путников, едущих в ту или другую сторону, а также янычарам забирать во время войны лошадей.

19. Воеводы Молдавии и Валахии должны сохранять прежнюю дружбу с королем, ни в чем не нарушать условий [мира], с купцов обеих сторон им не следует брать ничего, кроме пошлины и обычного [таможенного] сбора.

20. Если приехавшему торговать в Молдавию или в другие наши владения будет нанесен ущерб, виновный должен быть пойман и примерно наказан. Купцы, прибывшие на законном основании, не должны быть обременены [дополнительными поборами], после уплаты пошлины по обычаю, с них в Стамбуле или Эдирне не следует взимать ни [сбор с] вывозимых денег (рефт), ни пошлины, установленные для торговли мясом (касабие).

21. С талеров, которые они² имеют при себе, не следует взимать пошлину. Вместе с тем, поскольку привозимые из Польши талеры с изображением льва неполновесны и [их использование] наносит ущерб казне султана, за султанской печатью издан указ, дабы отныне в наших владениях были в обращении только полновесные талеры и не было неполновесных.

22. Ни один купец не может быть схвачен вместо другого, даже если он за него поручился.

23. Чауши и сипахи не должны отнимать лошадей на дорогах у подданных [короля]. Если купцы короля захотят выкупить в моих владениях своих пленных соотечественников, кадии не должны им препятствовать в этом. В то же время король не может требовать возвращения тех, кто хотел бы остаться здесь.

24. Земли, находящиеся под властью короля, а также земли, которые он завоеует у [других] неверных, должны без препятствий с их стороны оставаться в его владении.

Наше величество предписывает соблюдать и исполнять изложенные выше условия, [а также приказывает]:

1) купцам, приехавшим торговать в мои владения, предоставлять право без препятствий продавать свои товары в Бурсе, Эдирне и [везде], где они пожелают. Споры купцов между собой, а также случаи убийства должны рассматриваться и разрешаться предводителями караванов;

2) долга с поляков истребовать не иначе, как по долговой расписке;

3) совсем недавно от польских купцов, после уплаты ими пошлины в Стамбуле, опять требовали пошлину в других местах. Но раз они, как обычно, уплатили ее в Стамбуле, никто не должен снова их обременять пошлиной;

4) санджак-беям и другим правителям задерживать татар, которые притесняют торгующих в моих владениях купцов, и, если что-либо у них отнято, возвращать обратно и следить за исполнением договора, а также не разрешать взимать сверх установленного в султанских указах.

Все это по нашему султанскому соизволению. Исполнение договора разрешено нашей милостью, так как мы одобрили все вышеуказанное, что содержит договорный акт. Пусть со стороны нашего величества все будет по чести и справедливости до тех пор, пока король и его бей никак не нарушат договора и союза и пока он будет исполнять все условия дружбы по чести и совести. Этот договор не будет нарушен во время счастливого нашего правления и господства, мир будет нерушим и крепок, дружба – верной и нерушимой. Этот благородный договорный акт дан в 1016 г. после исхода нашего великого пророка (хвала Аллаху!), в месяце реби-уль-эввель 21-го числа на прочно охраняемом троне высшей власти.

¹ Короля.

² Купцы.

Бушевский мирный договор от 23 сентября 1617 г.

В 1617 г. гетман Станислав Жолкевский подписал Бушевский мирный договор, по которому молдавско-валашские земли, а также крепость Хотин переходили под власть турок-османов.

Я, Станислав Жолкевский, воевода киевский, гетман коронный войска сиятельного Сигизмунда III, короля польского, великого князя литовского, русского, прусского, мазовецкого, жмудского, ливонского и прочая, наследного короля шведского, готского, вандалского... пришел на Днестр для усмирения и прекращения татарских набегов во владения наисветлейшего короля, государя моего, а также для прекращения казачьих грабежей. В войске присутствовали (далее перечисление).

Когда через несколько дней на другую сторону, на молдавский берег Днестра, явился ясновельможный Искендер-паша, бейлербей боснийский, гетман светлейшего султана турецкого, и когда войска сошлись и почти дошло до битвы, один к другому направили послов для изъявления старинной дружбы, сохранявшейся с давних времен между сиятельным королем польским и сиятельным султаном турецким и их государствами, было достигнуто соглашение и установлено между нами:

Пункт первый. Казачьим шайкам на Черное море из Днепра не выходить и владениям светлейшего султана никакого ущерба не причинять. Любым способом их следует истребить, чтобы в будущем ни от нас, ни от казаков не было [туркам] никакого ущерба, чтобы не было надобности султанскому флоту выходить в Черное море. Обещаем и обязуемся усмирить и покарать землю [запорожского] войска и самих казаков.

Пункт второй. В отношении татар, по давним обычаям, в соответствии с договором и соглашением с ясновельможным паном Яном Замойским, канцлером и гетманом коронным, заключенным и утвержденным в Цецоре¹, даны были письма с обеих сторон, и посол его королевского величества договорился с каймаком его милости султана Ахмед-пашой [о следующем]: обычные дары в дальнейшем брать чаушу светлейшего султана и послу хана к его королевскому величеству; более ни в каком месте владений нашей короны не причинять ни малейшего ущерба, жить в обоюдной дружбе, по старинным договорам, соблюдать и исполнять все их положения.

Пункт третий. Не причинять семиградской земле от нас и людей наших никакого ущерба. Сыну Гуманая или кому-либо другому не давать дорогу через свою землю, ни деньгами, ни людьми не будем помогать. Купцам, по старинным обычаям, обещаем свободную дорогу, ничего нового для них не будем устанавливать.

Пункт четвертый. Ни один из наших людей не будет ходить в молдавскую землю ни ради жажды властвовать, ни для причинения ущерба кому-либо. Обещаем: тем, кто захочет туда вступить, ни войском, ни деньгами помогать не будем. Молдавский господарь, придерживаясь давнего обычая, должен сохранять

дружбу, стараться, чтобы союз², существующий между светлейшим султаном османским и королем польским, не нарушался. Не должен ничего нового устанавливать и для купцов, придерживаясь старинных обычаев.

Пункт пятый. Также в валашскую землю никто не должен вторгаться с нашей стороны. Обязуемся ни Щербана, ни кого-либо другого, жаждущего господства, не пропускать, войском, деньгами не помогать.

Составлено в лагере над рекой Днестр, у местечка Яруга, 23 сентября 1617 г.

¹ В 1595 г.

² Вероятно, соглашение.

Хотинский мирный договор от 9 октября 1621 г.

Хотинский мирный договор – мирный договор заключенный между Речью Посполитой и Османской империей 8 октября 1621 г., после завершения Хотинской битвы. Этим договором положен конец польско-турецкой войне 1620-1621 гг. и установлена граница между Речью Посполитой и Османской империей на Днестре. Кроме того, Османская империя и Крымское ханство обязались не нападать на Украину и Польшу. В свою очередь, Польша отдавала Турции Хотин и обязалась прекратить походы запорожских казаков.

Мы, Станислав из Ходоростава Журавинский, каштелян белзский, староста владимирский, и Якуб Собеский, воеводич люблинский, комиссар Речи Посполитой, от имени светлейшего Сигизмунда III, короля польского, великого князя литовского, русского, прусского, мазовецкого, жмудского, ливонского и прочая, наследного короля шведского, готского, вандальского и всей Речи Посполитой, направленные из войска его королевской милости от ясновельможного пана Станислава Любомирского, графа на Вишнице, подчасшего и гетмана польного, коронного, старосты сандомирского, спижского, белоцеркавского, добчицкого, также и от панов комиссаров, назначенных от Речи Посполитой для установления мира, к светлейшему и могущественному султану Осман-хану, великому императору константинопольскому, Азии и Европы, Персии и арабов, Кипра и Египта, с целью установления священного мира и старинной, много лет сохранявшейся дружбы между светлейшим домом Оттоманским и светлейшим королем, государем нашим. Оба представителя обсудили и установили условия договора с Дилавер-пашой, верховным везиром Порты и наиславнейшего султана.

Для наилучшего утверждения и укрепления возобновленного союза пан Станислав Сулишовский, секретарь его королевского величества, гонец великого посла, по старинным обычаям, отправится тотчас с султаном [в Стамбул]. А от султанской Порты с нами вместе в лагерь поедет чауш, откуда направится к его величеству королю. Для безопасности и спокойствия его¹, как принято с давних времен, [чауш] будет сопровождать посла к Порте, с тем чтобы он как можно скорее приехал. Посла отправит его величество король для утверждения союза, нами установленного. Это должен быть человек достойный и благоразумный, с которым к Порте явится агент; он будет там жить по обычаю, [заведенному] другими христианскими государями, меняясь [периодически]. А когда великий посол возвратится, султан со своей стороны также пошлет к королю достойного человека, как это принято делать при заключении мира с другими христианскими государями.

1. Речь Посполита должна будет освободить весь Днепр от казаков, что бы они не выходили оттуда на море и не разоряли владения султана. При малейшем протесте султана следует обеспечить компенсацию [за ущерб].

2. Ни молдаване, ни татары добруджские, белгородские, тегинские, килийские, очаковские, крымские не должны причинять какой-либо ущерб владениям, замкам, городам, селам, скоту, имуществу, людям [в землях] короля и Речи Посполитой, а также совершать набеги. Султан должен защищать от татар переправы у Очакова. Если же вопреки заключенному договору владения короля и Речи Посполитой понесут потери от татар, а компенсации они не дадут, ущерб должен быть возмещен, а татарский хан наказан.

3. Однако, если в пустых полях, прежде чем осуществится разграничение, рыбаки и охотники, как это часто бывает, повстречаются и вступят в столкновение между собой, это не должно быть причиной разрыва союза между королем и султаном. Если когда-либо хан с войском по поручению султана [или по своей воле] отправится в соседние владения короля и Речи Посполитой, то должен обходить селения короля, не вторгаясь и не причиняя им никакого ущерба и обид в соответствии с принятыми обеими сторонами условиями о компенсации потерь.

4. Когда султан и король снесутся между собой по поводу установления и размежевания границ между их владениями, то с обеих сторон должны быть назначены люди рассудительные и знающие те места.

5. Речь Посполита в дальнейшем будет ежегодно давать татарскому хану обычную плату. Ее следует отправлять в Яссы тому, кто будет в это время молдавским государем. Он же должен известить хана, а тот – послать в Яссы своих [людей] для получения [платы]. Когда же, по обычаю предков наших государей, [хан] будет призван идти со своим войском против врагов короля и Речи Посполитой, то должен явиться не мешкая и выполнить свой долг, налагаемый дружбой.

6. Поскольку причиной разрыва старинной и священной дружбы между светлейшим домом Оттоманским и королем, нашим государем, не в малой степени были злоба и жадность некоторых молдавских государей, то

в тех владениях должны быть люди осторожные и спокойные, которые бдительно соблюдали бы союз, установленный обеими сторонами, и проявляли необходимую покорность.

7. [Пункт, исходящий лишь от польской стороны]. По заключении договора должны будем Хотин отдать в полном порядке, таким, как застали его по нынешнем приходе войска короля, со всем, [что там было], тому, кто будет в то время молдавским господарем.

8. В заключение король, наш государь, обещает [султану] быть другом его другу, врагом его врага. Он будет придерживать старинных договоров дедов и прадедов короля и султана, утверждавшихся и клятвенно подтверждавшихся через многих великих послов. Установленный нами ныне [договор], который также будет возобновлен великим послом, направленным к Порте, король будет соблюдать, о чем наш государь доводит до сведения всех и каждого. И мы от имени короля, нашего государя, пока Бог будет его хранить на этом свете, обещаем и клянемся именем Господа нашего Иисуса Христа, Бога и Спасителя, следовать этому договору во всех его пунктах, при условии что, подобно королю и Речи Посполитой, во всем соответственно будет действовать и султан. Подписываем на вечную память с приложением наших печатей. В лагере у Хотина 9 октября 1621 г.

¹ Великого посла.

Заключение Хотинского мирного договора от 9 октября 1621 г. (Якуб Собеский, «Дневник»)

Неудача штурма 28 сентября, явившегося самой жестокой битвой Хотинской кампании, заставила султана Османа II и его приближенных ускорить мирные переговоры. Однако автор «Каменецкой хроники» о них почти ничего не сообщает. О договоре же, подписанном 9 октября, пишет: «Я не мог разузнать о его содержании, так как это было делом монархов». Ход переговоров, обсуждение спорных вопросов, своеобразная картина «дипломатии на поле боя» описаны одним из польских уполномоченных для их ведения – Якубом Собеским.

Дневник Я. Собеского с рассказом о мирных переговорах под Хотинем опубликован польским историком А. Нарушевичем в 1819 г.

Заключение Хотинского перемирия.

9 октября 1621 года (по свидетельству участника переговоров Якуба Собеского)

Через некоторое время [после штурма 28 сентября] мы узнали от самих турок в их лагере, что в этот вторник, более чем в какой-либо другой день, [они] понесли потери в людях. Вечером началось тайное совещание у его милости королевича по поводу немедленной отправки посла в турецкий лагерь для переговоров. Дело в том, что оставалась одна бочка пороха. Береги Бог от другого подобного штурма, [иначе] что с нами будет? Началось долгое обсуждение, посылать ли... Поскольку не было времени для дискуссий, быстро пришли к согласию, направив для переговоров сенатора пана белзского каштеляна (С. Журавинского) и от комиссаров сеймовых, сопровождавших войско, – меня. Пан гетман написал письмо султану, везиру, хаджи¹. Составлена была также инструкция...² Позднее, после моего возвращения из турецкого лагеря, эта инструкция была исправлена.

Дары, которые предложил Вевелли [дать туркам]: кизляр-аге – 20 тысяч талеров левковых; его кяхе и придворным – 3 тысячи талеров левковых; дефтердару – 10 тысяч; везирам – по двое сороков соболей; капиджи-паше Хаджи Мехмеду – 4 тысячи талеров левковых; пану Вевелли за труды – 4,8 тысячи польских злотых.

Мы сумели сторговаться на такие подарки: самому султану – 50 сороков соболей, 20 чернобурых лисиц, шкатулку искусной работы, достойную стола султана, двое часов; [великому] везиру – 2 тысячи талеров левковых; кизляр-аге – 2 тысячи талеров левковых; Хаджи-паше – 1 тысячу талеров левковых; дефтердару – 1 тысячу талеров левковых; Вевелли – 5 тысяч злотых; для дворовых этих пашей – 2 тысячи талеров левковых.

29 сентября. В два часа пополудни, послав вперед свои кухни и шатры, выехали с паном белзским из нашего лагеря в турецкий. С собой взяли много людей – друзей и челяди. Отправились до самой турецкой стражи целым отрядом числом в несколько сот на хороших конях, красиво убранных, сами чисто одетые.

Перед турецким лагерем нас встретили несколько дворян Радула; с ними было несколько чаушей, с удовольствием нас приветствовавших и проводивших до места нашего расположения. Ехали через нижнюю часть турецкого лагеря, над Днестром, потом по краю верхнего лагеря до лагеря господаря, где спешили у нашей резиденции. Возле нас, подобно муравьям, сустилась масса людей. Беспрестанно перегоняли к воде и от воды скот: мулов, буйволов, верблюдов, коней. Пыль клубилась, словно проходило большое войско.

Шатры, часто стоявшие, были красивы, с позолоченными шарами на шпилях, особенно те, что принадлежали пашам и агам. Через полчаса после нашего приезда господарь прислал своего дворецкого со знатнейшими дворянами нас навестить и приветствовать, дал также своих телохранителей для охраны и услуг – вообще проявил к нам доброжелательность.

30 сентября. Поутру отправили маршалка пана Петра Тшилатковского с паном Жечицким, старостой ужендовским, с визитом к господарю в ответ на вчерашнюю встречу и с вопросом, где можно будет снестись с

ним. Мы обсуждали, должны ли отправиться к господарю первыми, если он нас не навестит. [Решили], что в такое время не пристало рассуждать о церемониале; если он того пожелает, отправимся в его шатер.

Между тем господарь вслед за паном Тшилатковским прислал своих дворян, приглашая нас к себе. Привели для нас двух убранных коней, просили ими воспользоваться. Не пристало ездить на чужих конях, имея свои. Однако, чтобы [господарь] не счел, что пренебрегаем его любезностью, на одного сел пан Тшилатковский, на другого – пан староста ужендовский.

Застали господаря, совещающегося с его советниками. Он вышел нам навстречу, ко входу в шатер. Затем с ним остался только пан Гралевич: всем своим велел отойти. Мы отдали письмо пана гетмана. Не было никаких переговоров, кроме церемоний и любезностей. Уходя, просили, чтобы добился для нас аудиенции у везира.

Тем временем везир также прислал несколько десятков янычар, особенно хорошо одетых, для оказания нам услуг и охраны. Смеркалось уже, когда Вевелли явился к нам от господаря, приглашая ехать на аудиенцию к везиру. Однако мы уже приготовились лечь спать. Не подобает нашему достоинству спешить без предварительного предупреждения, действовать, по чьей-то указке. Мы отправили Вевелли: поскольку нас не предупредили вовремя, отказываемся от поздних трудов.

1 октября... В час ночи поехали на аудиенцию к везиру, так как все совещания он проводил ночью. Вокруг его шатра застали массу людей. Шатер был подобен зале в роскошном дворце. Сам (Дилавер-паша) восседал за перегородками со вторым везиром Хусейн-пашой [Охридли], который до него был великим везиром, а также с ага-пашой³ и дефтердаром.

Старец встретил нас весьма приветливо и дружелюбно, мы передали ему письмо пана гетмана. Отвечая [везиру], пан белзский подчеркнул стремление всей Речи Посполитой к сохранению старинной дружбы с домом Оттоманским. [Везир сказал, что] он также направит свои усилия и труды на достижение истинного мира. Затем предложил для более удобного ведения переговоров перевести нас из лагеря господаря в их большой лагерь, поближе к его шатрам. Угостив нас шербетом, отпустил, чтобы мы посетили ага-пашу, представив ему письмо от пана гетмана...

Седой человек (Юсуф-ага) восседал на ложе под пологом весьма красивой работы, с четками в руках, едва шевеля губами и веками глаз, подобно какому-то призраку. Господарь, по турецкому обычаю, поцеловал ему одежду. Мы же не хотели унижаться перед поганым. Старец принял нас приветливо. Пан белзский говорил ему о возобновлении дружбы между столь великими государствами. Отвечал пространно и нудно растягивая слова (как это свойственно старикам), приводя почти по каждому поводу положения своей религии.

И у везира, и у аги переводил нам сам господарь. Пан белзский обращался к некоему Симону, тот – повалашски – к господарю, а господарь – по-турецки – к ним. Все это совершалось к большому нашему неудовольствию, ибо было мало надежды, что все будет [правильно] понято, проходя много уст. 2 октября. По предложению везира переселились с первоначального расположения. К нам явился чауш-паша, красиво одетый, с несколькими чаушами. Наши шатры разбились между шатрами везира и дефтердара; ночью к нам явился господарь от везира...⁴

Пункт первый: об окраинных замках в диких полях, на которые турки претендовали, как на свои. Мы, оспаривая эти притязания, дали согласие на двустороннюю комиссию [для демаркации границ].

Пункт второй: вопрос о казаках. Указывали, что причиной роста их численности являются опустошения, чинимые татарами и молдаванами. На море от них (казаков) не могло быть большого ущерба, так как было только шесть челнов, и не наших, а донских, подданных московского царя. Если же они в разгар войны причинили туркам какой-то ущерб, трудно их в этом обвинять: на то и война. Каждый ищет способа гибели и уничтожения врага. Господарь требовал с казаков компенсации. Ему ответили: тот, кто был причиной всего казачьего своеволия, Бородавка, жизнью своей за это заплатил, сами казаки его казнили.

Иного возмездия не можем требовать от казаков. Мы их пригласили, поклявшись в верности. Если нарушим клятву, как тогда турки нам будут верить? Недостойно отступать от них и карать их, оказавших такую услугу (как видели и сами турки) нам и нашей отчизне, являющихся нашими товарищами не по принуждению, но записанными, как и другие, на жалованье Речи Посполитой.

Турки хотели бы иметь компенсацию от казаков. Пусть же и нам постоянно [оказывают] возмещение за [набеги] столь многих татарских мурз. Пусть турецкий султан их усмирит, запретит им переправу у Очакова, а мы освободим Днепр от казаков. И тогда то, что происходило раньше, обе стороны предадут забвению.

Пункт третий: по поводу пана Жолковского, на которого жаловались турки. Признались в том, что в Молдавию он вступил по воле Речи Посполитой, совершив это как гетман и страж границ владений Речи Посполитой. Думая, что Искендер-паша собирается идти на Польшу, [он] предпочел его ожидать во владениях султанских, а не в королевских. Если кто особенно и виноват, так это паша везир и Искендер-паша, нарушившие клятву. Они султана сделали нарушителем клятвы. На это суд божий.

Пункт четвертый: о харадже или дани. Ответили, что допустить это невозможно. Дары, когда примиримся, по-дружески по-хорошему можем дать в соответствии с обычаем, достойными короля, нашего государя, и самого султана, но при условии что о них не будет упомянуто в договоре, ибо это будет означать подданство, от которого мы готовы откупиться кровью. После столь долгих разговоров господарь отправился к везиру по вопросу обо всех этих пунктах.

3 октября... Поутру турки вышли в поле⁵, но быстро возвратились. Желая поколебать нас в нашей решительности, на следующий же день после нашего приезда приказано было известить [всех] в лагере, что султан собирается находиться в лагере под Хотинном еще шесть недель.

Рано пришел к нам господарь договариваться о тех же пунктах. Затем нас призвали к везиру. Он только сам с нами совещался, челяди нашей и своей приказал удалиться. Прежде всего предъявил ультиматум: ежегодно должны поклоняться [султану] как сильнейшему. Если не будете ежегодно давать подарки, не покараете казаков, переговоры ни к чему не приведут. Наш хан с татарами будет воевать всю зиму, султан в лагере будет находиться до Дмитрия⁶. Затем он отойдет, оставив в Молдавии часть войска с татарами. Весной, еще лучше подготовившись, чем нынче, снова отправится на войну. Сказал это и, думая, что напугал нас, пристально на нас посмотрел. [Если согласитесь], тогда свободно и безопасно, [продолжал он], отправитесь в свой лагерь, как приехали.

Пан белзский кратко ответил: то в божьих руках, кто из нас сильнейший, и трудно судить, пока Он не решит. Наша отчизна возникла свободной и свободной окончится. Что касается подчинения, или хараджа, ничего подобного не можем дозволить. В отношении казаков уже говорили через господаря.

Сказав это, [мы] оба поднялись с сидений, поблагодарили, что в отношении нас придерживается своих обещаний, как большой человек, и обещает также придерживаться до нашего отъезда.

Везир, увидев, что не дали долго себя за нос водить, в соответствии с пословицей «С великой бури – малый дождь» быстро перешел от бешенства и угроз к ласковым словам, пригласив нас снова сесть. Наши условия, данные через господаря, принял, согласился, чтобы подарки по доброй воле лишь один раз были даны султану, и без занесения в договор. Везир предложил, чтобы в Порте находились наши резиденты, подобно представителям других христианских государей, меняясь каждые три года. Мы тотчас согласились. Как и мы, хотел он создать комиссию по поводу границ. Пожелал также, чтобы при султани находился наш посланец, пока придет великий посол; содержание его будет оплачивать султан.

С нами должен был отправиться к королю чауш, чтобы сопровождать, по старинному обычаю, великого посла к Порте. В отношении размеров подарков султану ничего не могли решить, не сообщив своим. Поэтому [везир] позволил мне отправиться в лагерь, чтобы, с окончательным решением не задерживаясь, возвратиться назад к нему. 4 октября. Поскольку пан белзский сам не решал вопросы, то, прежде чем отправиться в наш лагерь, я [снова] был у везира для составления некоторых пунктов соглашения, особенно по вопросу о татарах, что для нас было особенно важно. Хотел тотчас составить договор с ханом, но везир ответил, что султан – его господин, а он невольник и будет умалением достоинства государя, если в его присутствии будут заключены особые соглашения с его невольником. То, что ему прикажет султан, он должен выполнять. Его правление и его жизнь в зависимости от милости и воли султана. Мы настаивали на нашем праве мстить за набеги в их землях⁷, не трогая городов султана. Везир ответил: их земля — земля султана, они — подножие его [трона]. Это будет оскорблением для султана. Если, однако, не будет компенсации от своевольных мурз [за грабежи], султан обещает лишить хана власти.

Удовлетворившись этим ответом, я просил разрешения поехать в наш лагерь. Тотчас отпустил [везир] меня, прикомандировав ко мне чауша для большего почета...⁸.

Почти каждый воин настойчиво расспрашивал о переговорах, новости всем нравились, всех ободряли. Особенно у королевича, у пана гетмана, панов сенаторов, панов комиссаров – почти у всех я был желанным гостем, которого любезно выслушивали. Пана Сулишовского решили отправить с войском султана, чтобы ожидал великого посла. 5 октября. К вечеру возвратился в турецкий лагерь. В мое отсутствие часто спрашивали у пана белзского обо мне, едва не часы моего отсутствия считали. Вообще всячески давали понять, что желают быстрого окончания переговоров. О том же украдкой, неофициально беседовали с нашей челядью. 6 октября. Весь день везир не посылал за нами, поскольку пан Сулишовский не приехал вместе с нами. 7 октября. Приехал пан Сулишовский. Поутру с большими трудностями переписывали договор, так как не было своего хорошего переводчика. Я по-польски диктовал валаху, потом он – по-гречески – греку, грек – турку, который и писал договор. 8 октября. Вскоре после того как договор переписали по-турецки, сказано было нам готовиться к целованию одежды султана⁹.

...Прежде всего явились к везиру на большой диван. Сидели и другие виднейшие [сановники], такие, как дефтердар-подскар-бий, кадиаскер, высший среди духовенства судья по всем делам – всего двенадцать, везир тринадцатый. Все хорошо одеты, в высоких тюбанах¹⁰. Сидел с краю также некий мурза со своими [приближенными]. Это был везир хана, которого специально пригласили на диван, чтобы прослушал текст договора, особенно те [пункты], что касаются татар, и все передал хану, своему государю. Впоследствии, если татары что-нибудь натворят, не смогут отговариваться незнанием содержания договора. Да и сам везир там же, на диване, при нас строго приказал, чтобы [мурза] передал хану волю султана: после заключения мира под угрозой тяжелой кары должно прекратить вторжения на землю польскую. Мурза отозвался, напомнив о [ханских] притязаниях на границу под Синими Водами. Ему ответили: здесь не границы устанавливаем, а запрещаем вторжения в Польшу.

Пана Сулишовского поручили везиру. Передавая его, просили, чтобы он, как слуга нашего государя и посланник, пользовался достойным уважением и вниманием. Везир, обещав все это, обратился к нам: уже достигли согласия по всем условиям, остается лишь быть допущенными к целованию султанской одежды, куда

сам вас провожу. Он приказал подать себе и всем пашам шербет в фарфоровой посуде. Пили в знак доброй дружбы. Мы также втроем опорожнили, угостив затем всех, кто был с нами.

[Великий] везир, другие везиры и паши на конях ехали перед нами, сопровождая нас к шатрам султана. Когда приехали на площадь перед шатрами, нам дали знак спешиться перед оградой. Шатры его, похожие на замечательный замок или дворец, были плотно окружены оградой. По углам – широкие палатки, подобные башням, на них – позолоченные шары, а на беседке [султанского шатра] – пять больших шаров, балдахин – из красного бархата на шелковых шнурах. Там он (султан) часто сживал, глядя с того зала, в который надо было подниматься по лестнице, на войско, выходящее из лагеря. Янычары {выстраивались} шеренгами, образуя дороги вроде улиц, чорбаджи с посохами в белых шапках и белых мехах выгоняли из лагеря большую толпу людей. Много было сипахиев, чаушей и простонародья, каждый для форсу как можно лучше себя украсил. Капиджи в дорогих парчовых делиях с серебряными жезлами ходили по дворцу, наводя порядок. Потом принесли стулья, мы уселись на площади перед шатрами султана. Напротив нас – везир с пашами и господарем мултанским¹¹. Затем [везир] пошел к султану докладывать о нас.

Вскоре появился, начал раздавать нам кафтаны: пану белзскому, мне, пану Сулишовскому и – качеством похуже – тем, кто был допущен с нами на аудиенцию к султану. Господарь и Вевелли также взяли кафтаны. Перед нами шли паши. Они стали рядом друг с другом, сложив руки, как его невольники. Вскоре вошли в шатер султана. Двое капиджи, взяв каждого из нас под руки, по одному водили к султану. Вевелли хотел нас уговорить, угождая туркам, снять шапки. Мы этого делать не захотели, ибо это была бы какая-то новая церемония, унижающая нас по сравнению с другими послами.

Беседка была весьма старой, но дорогой работы, большой и широкой, на земле были постланы старые коврики, вытканые золотом. [Здесь же] негр, кизляр-ага, с другими евнухами. Султан сидел на ложе из красного дерева, позолоченного со всех сторон. Его сиденье и покрывало были парчовые. За ним (султаном) у ложа укреплена была сабля и пара луков с сагайдаками из кожи, расшитой простым узором: на тетиве каждого лука – стрела. На нем был не очень большой тюрбан с тремя перьями, опущенными книзу, красная бархатная одежда, подшитая соболями, с шелковыми петлицами и большими пуговицами, так застегнутая, что больше ничего не было видно. Золота и драгоценных камней на нем не было.

Мы должны были выполнить главный обряд, но вместо платья, коротко подобранного, так как [султан] сидел на середине ложа, для целования нам указали край покрывала. Других [поляков], сопровождавших нас, капиджи заставили преклонить колени. Как только закончилось приветствие, всех наших оттуда вывели, остались лишь мы втроем. Пан белзский дал паше, который находился ближе к нам, письмо султану от его милости пана гетмана, тот – другому. Так передавали его из рук в руки до самого везира, который, взяв его, воткнул между подушками султана.

После этой церемонии пана белзского спросили, имеет ли что сказать. Он, отметив постоянство короля, государя нашего, и Речи Посполитой в сохранении старинной дружбы с домом Оттоманским, очень коротко и достойно ответил султану: уже во время войны, при таком ожесточении с обеих сторон, начались переговоры о заключении угодного Богу мира и возобновлении старинного союза. Король, наш государь, будет соблюдать все установленные условия, будучи уверен, что и ваше величество будет действовать так же, сохраняя, по обычаю предков своих, традиционную дружбу с королем и Речью Посполитой.

Переводил один из дворян господаря мултанского. После этой речи были принесены наши дары султану. Турки, взяв их у нашей челяди, устроили шествие с ними в шатре султана. Там была сабля старинной работы, украшенная золотом и драгоценными камнями, пара пистолетов и мушкет, сделанные удивительно искусно. Все это нам дал в дорогу королевич. К этому добавили позолоченный бокал, красивое серебряное ведерко. Когда отнесли подарки, нас отпустили, капиджи-паша проводил нас до наших палаток.

В эти дни было большое беспокойство от турок, которые при заключении мира все досаждали [нам] по поводу выдачи перебежчиков, убежавших от лих почти ежечасно днем и ночью. Впрочем, и наши тоже убегали в турецкий лагерь. Хотя гетман запрещал, турки у нашего лагеря съезжались с нашими воинами: распивали водку, друг друга одаривали, с обеих сторон уж. стал свободен всякий обмен.

Утром того дня, однако, возникло между нами разногласие. Турки не хотели вписывать в договор имя султана, так как в нашем лагере король отсутствовал. Но вскоре на том остановились, что напишут лишь имена везира и [польских] уполномоченных, не упоминая султана¹². Везир согласился на это.

Перед вечером нас призвали к везиру, который отдал нам договор, решив отправить другой экземпляр непосредственно с чаушем к королю. Обещав безопасность и внимание пану Сулишовскому, весьма любезно с наилучшими пожеланиями нас отпустили...¹³.

При расставании, как неоднократно прежде, везир возвращался к требованию, чтобы мы первыми ушли с земли султана и переправились за Днестр. Для этого обещали сохранить свой мост, зная, что наш уничтожен. Настаивали они на этом, как мы понимали, ради престижа и безопасности, не веря, что мы наконец уйдем из Молдавии.

В свою очередь, и мы, также из соображений престижа и не в меньшей степени безопасности, беспокоясь о том, чтобы на переправе нас не разгромили татары и чтобы не потерять порядок [отхода], решительно воспротивились тому, чтобы раньше их (турок) уйти из Молдавии. Отговаривались более всего тем, что, если будем переходить через их мост до того, как они двинутся, легкомысленные люди могут дать повод для

столкновения. Кроме того, переправа через реку столь многочисленных возов отнимет чрезвычайно много времени. Наконец, дело изобразили так, будто почти всех коней, опасаясь осады, отправили по домам в Польшу. Следовательно, вынуждены здесь долго оставаться: пока вернем их из Польши, должно пройти несколько недель. Затем начнется непогода, которая при столь долгой дороге сможет помешать турецкому войску. Вместе с тем обещали как можно скорей начать переправу. Когда везир стал настаивать, чтобы королевич первым перешел реку, написали пану гетману, чтобы будто для удовлетворения их требований приказал разбить на другом берегу реки несколько пустых палаток. Везир также приказал туркам уходить с того берега, что тотчас выполнили. Даже сам капиджи-паша, посланный везиром, преследовал татар по полям, выгоняя их с заречья, с польской территории, на другую сторону. В наш лагерь явился чауш, назначенный осмотреть Хотин, в котором турки собирались сохранить оставшиеся порох и пули.

¹ Речь может идти либо о капиджи-баши Хаджи Мехмед-аге, либо о наставнике султана Османа II Омер-эфенди.

² Текст инструкции опущен ввиду его близости к тексту договора.

³ Имеется в виду ага янычар Юсуф-ага.

⁴ Далее излагается ход переговоров, очевидно, с Радулом.

⁵ Автор говорит о военной демонстрации турок с целью заставить поляков быть более сговорчивыми при обсуждении пунктов мирного договора.

⁶ Речь идет о 26 ноября по старому стилю.

⁷ Послы имели в виду земли Крымского ханства.

⁸ Далее Собеский рассказывает о положении в польском лагере.

⁹ Речь идет о церемонии, завершавшей мирные переговоры.

¹⁰ Такие тюрбаны надевались лишь во время торжественных приемов.

¹¹ Речь идет о Радуле Михне, который после смещения Османом II молдавского господаря Александра был поставлен одновременно господарем Молдавии и Валахии.

¹² Таким образом, договор 9 октября 1621 г. был прелиминарным (временным) до утверждения его султаном и польским королем.

¹³ Далее Я. Собеский приводит текст договора, публикуемый в данном сборнике отдельно.

Договор между Польшей и Турцией 1623 г. в письме турецкого султана Мусташи польскому королю Сигизмунду III

Договор между Польшей и Турцией 1623 г. в письме турецкого султана Мусташи польскому королю Сигизмунду III

Каждый, кто увидит наше письмо, содержащее этот договор, и будет его читать, пусть знает, что с помощью великого Бога, повелителя владык, держу в узде весь мир и управляю им. Множество стран и владений в длани моей: империя Османская и высокое господство разных монархов находятся в моей власти, опекаемы мной и покорны мне.

В это время Сигизмунд III, король польский, великий князь литовский, русский, прусский, жмудский, мазовецкий, ливонский и многих других владений, шведского королевства наследственный король... направил послом к Порогу нашей великой державы, могущественным повелителем которой в настоящее время являюсь я, для возобновления старинной дружбы и подтверждения давно существующего союза князя Збаражского – благороднейшего из народа Мессии, мужественного и благоразумного вельможу, деяниям которого пусть Бог даст успешное завершение.

Через этого посла было передано письмо, которое было прочитано и понято. Он проявил искренность, любовь и покорность. Итак, когда в прошлом году славной памяти султан Осман-хая, сын покойного брата нашего султана Ахмеда (да будет ему место в раю!), пошел на Хотинскую войну, то гетман, наместник польского короля, и находившиеся с ним все господа¹ и капитаны с согласия всего войска обратились с письмом с подписями и печатями всех к благородному султану Осману. В нем они просили об обоюдном и постоянном мире. В этом письме оговорены и записаны пункты и статьи, касающиеся взаимного соблюдения и поддержания договора.

Тогда от Порога могущества нашего, проявив великую милость, врожденное милосердие и обратив султанское внимание на просьбу короля польского, дали письмо просящим для успокоения несчастных его подданных в год хиджры великого пророка (святого Мухаммеда, которым во все времена миры гордятся и которому пусть будет дарован мир божий) – 1032-й, в месяце реби-уль-ахир, а от святого Иисуса (дух которого пусть пребудет с Богом) – 1623 года. [Предназначение] этого нынешнего письма о мире и союзе – [даровать] договор, чтобы находившиеся в нем пункты и статьи обоюдно соблюдались.

[1.] Чтобы от короля польского, от его старост и капитанов, от разбойников казаков, от находящихся в его подданстве своевольных людей нашим державам, пограничным замкам, селам, местечкам и всем другим моим владениям никоим образом не причиняли никаких беспокойств и ущерба, чтобы на Черном море и слова «казак» слышно не было. К тому же, если от разбойников казаков будут какие-либо потери, чтобы не было отговорок, будто нанесли их московские казаки. Не следует позволять казакам московским с казаками польскими соединяться, помогать друг другу. Следует силой их сдерживать, а непослушных – тотчас карать.

[2.] Также землям короля польского, замкам, укреплениям и другим его владениям не должен наноситься ущерб нами, нашими везирами, беями и другими должностными лицами, также благородным нашим войском, молдаванами, добруджцами, белгородцами², теганцами, татарами, там³ находящимися. Места, где могут проходить татары, тамошние беи и начальники должны стеречь. Если же в охране этой попадутся ленивые и невнимательные, то, уличенные, должны быть наказаны. А если польский король могущественному и нам послушному хану крымскому Джанибек-Гирею (пусть возрастает сила его!) обычные дары ежегодно и своевременно будет отсылать и в Яссах людям названного хана отдавать, то и тому хану, по старым обычаям, следует честно соблюдать мир и дружбу. Ниоим образом ни он сам, ни калга-султан, ни мурзы, ни другие татары королевству польскому никакого ущерба наносить не должны. Напротив, если возникнет нужда и с той стороны⁴ хана призовут, то должен оказать помощь войском.

[3.] Если бы также наше величие начало войну, а указанному хану, калге-султаау с войском татарским пришлось бы выступать [в поход], не должны затрагивать королевство польское и вступать в его [пределы], а должны идти издавна установленными путями. Татары не могут селиться в Молдавии.

[4.] Если после нынешнего письма о заключении мира татары или молдаване, войдя в [пределы] королевства польского, причинят какой-либо ущерб или наберут пленников, они не должны продавать их во владениях нашего величества. Так же, если от разбоя казачьего понесут потери владения наши, король польский, покарвав этих⁵, пленных и захваченное имущество должен возратить назад. Кроме того, пленники из государств, послушных нашей власти, не могут быть проданы в королевстве польском.

[5.] Если, начав войну против кого-либо из королей христианских или других, сам лично пойду [с войском] или пошлю войско с сераскером нашим, а также пошлю воевод семиградского, молдавского и валашского, то, извещенный нашим султанским письмом, король польский, проявляя свою покорность и искреннюю дружбу, не должен будет войском и деньгами помогать нашему врагу.

[6.] Если бы также от врага нашего кто-либо появился в Польше для сбора и найма людей за деньги, то должно этому воспрепятствовать. Не следует выпускать капитанов, предводителей и других — никого, кто захочет добровольно помогать нашему противнику.

[7.] Особенно это [касается] семиградского воеводы Бетлена Габора, прославленного среди правителей, исповедующих веру Иисуса. Пусть дела его придут к хорошему завершению! Он верный и славный слуга и невольник великой нашей Порты, а государство семиградское со времен наших предков, доблестных и благородных, является нашим наследственным владением. Так как мы имеем с ним искреннюю дружбу, не следует ни явно, ни тайно помогать из Польши, если на него нападет враг.

[8.] Если в семиградской, валашской и молдавской землях кто-либо из правителей или из прочих, сотворив какой-либо вред (подняв бунт против Порты, убежит в Польшу — таких принимать не должны. Напротив, честно соблюдая обоюдный мир, следует отослать связанного к Порте. Таким образом, будем оставаться другу другом, врагу врагом.

[9.] Для все большего укрепления дружбы с обеих сторон нас просят, чтобы подданные королевства польского и жители польских [владений] могли до белгородского порта⁶ по Днестру товары возить и отправлять, продавать и покупать. Тем, кто туда пойдет ради торговых дел, заботясь о своих купеческих делах, никто не должен причинять никакого ущерба.

[10.] Молдавские господа, по давнему обычаю, к королям польским относились искренне и покорно, следует и теперь проявлять такую же искренность, верность и покорность.

[11.] Поскольку статьям этим и союзу будет сохраняться верность, то по давним договорам, письмам о мире и содержащимся в них пунктам, данным ей⁷ благословенными нашими предками, пленники, где бы они ни были найдены до этого времени⁸, оставшиеся при своей христианской вере, [могут быть выкуплены]. Нашедшие их люди, выяснив, за какую цену были куплены, взяв с хозяина клятву, что не требует больше, чем сам заплатил, могут их выкупить. Отъезду выкупленных никто не должен препятствовать. Тот, кто был захвачен одной из сторон позднее даты настоящего письма о мире, должен быть отпущен без оплаты и выкупа.

[12.] Люди, посланные обеими сторонами, не нуждающиеся в паспортах или каких-либо письменных поручительствах, могут приходиться и уходить. Ни им, ни их вещам и товарам не должен быть причинен какой-либо ущерб.

[13.] Купцам обеих сторон, торгующим и ездящим как по морю, так и по суше, где бы ни совершали свою торговлю, если заплатят по старым обычаям то, что с них причитается, не следует наносить урон — ни им самим, ни их товарам.

[14.] Если из купцов польского короля кто-либо умрет в какой-нибудь провинции нашего государства, вещи и товары умершего не должны быть забраны в нашу пользу, но возвращены старшему каравана, чтобы, привезя назад, отдал кому следует. Также с нашей стороны: если какой-нибудь купец умер в Польше, его товары и вещи следует назад отослать и подлинным наследникам возратить.

[15.] Если из какой-либо провинции нашего государства чей-нибудь должник сбежал в королевские владения, то, вызвав его к правителю этой местности и надежными свидетельствами доказав, что кому принадлежит, обязан возратить [долг]. Без оснований и за чьи-то долги без поручительства за долг или [подтверждения] причиненного ущерба никто не должен быть привлечен к ответственности или принужден к уплате по векселю.

[16.] В условиях сохранения дружественных отношений никто не должен лишать права проезда как послов, так и других лиц, едущих по доброму обычаю. Явившихся на границу следует отправить [по назначению], дав им людей [для охраны]. Другая сторона должна поступать так же.

[17.] Если кто-нибудь из наших [подданных] должен подданному польского короля, правосудие будут осуществлять королевские чиновники. То же и здесь: начальники и правители владений наших должны отправлять правосудие.

[18.] Если вор или разбойник причинит какой-либо ущерб, правитель той местности, поймав виновного, должен без промедления его покарать, а похищенные вещи при надлежащих свидетельствах следует выдать тому, кому принадлежат.

[19.] Купцам в их торговле, или же в поручительствах, или в долгах, или в займе денег, если возникнет какое-либо осложнение и дело попадет в суд, следует доверять при предъявлении ими расписок и опознании их собственноручных подписей. Свидетели по принуждению или подкупленные не могут быть допущены. Так должно быть и с королевской стороны.

[20.] Силистрийский и белгородский⁹ беи, пограничные и приморские начальники, а также начальники, охраняющие порядок в городах, кроме слуг и невольников нашей Порты и купцов обеих сторон, никого в польское государство через Днестр пропускать не должны. Если среди проходящих с той или другой стороны окажутся пленники, они должны быть задержаны и назад возвращены.

[21.] Владельцы отар, когда [их стада] переходят польскую [территорию], должны дать отчет местным начальникам о себе и о своих стадах. Не разрешается тайно переходить туда: за пользование пастбищами они должны платить. Если у тех, кто дал сведения о себе и о стадах, овцы пропадут, начальники тех мест должны овец разыскать и им возвратить.

[22.] Тем, кто является улаками, не следует забирать коней (не отбирать у польских купцов на подводы. Во время войны янычары и другие [воины] их¹⁰ лошадей брать не должны.

[23.] По обычаям, купцам обеих сторон, уплатившим подати и пошлины, не следует их повышать. Нельзя требовать больше, чем они издавна привыкли давать, пусть больше не дают.

[24.] Армяне и другие купцы христианской веры, находящиеся под властью и покровительством польского короля, едущие в Молдавию и в другие владения наши для своих торговых дел, не должны пользоваться скрытыми, неизвестными и необычными дорогами, пусть, как повелось с древних времен, едут привычными для купцов дорогами.

[25.] Если таким [купцам] будет причинен какой-либо ущерб, должны [наши власти] преступников хватать и карать. Купцам, которые своим делом занимаются, нельзя наносить никаких обид.

[26.] Пошлину, уплатив, по давнему обычаю, в Стамбуле, в Бурсе, Эдир-не, [купцы] не должны давать пошлину [с денег], называемую рефт, и другую, [для торговцев мясом], называемую касабие. От талеров, привезенных с собой, не следует более брать пошлину.

Этому письму, содержащему союзный договор, написанному для соблюдения условий, статей и общих соглашений, нужно следовать, пока будет жить счастливо наше величество... и пока со стороны короля польского не будет нарушений этого договора и письма союзного.

Со стороны нашего величества будут честно, по обычаям, соблюдаться и охраняться приязнь, дружба и взаимный мир, чтобы в дни счастливого нашего правления бедные подданные польского королевства и торговцы жили в мире. Да будет это известно, а знаку нашего величества да будет вера! Писано в прекрасном и великом городе Константинополе, в месяце реби-уль-ахир, в году хиджры 1032, от рождения Мессии – 1623.

¹ Магнаты.

² Буджакцами.

³ На границе.

⁴ Со стороны поляков.

⁵ Виновных.

⁶ Аккермана.

⁷ Польской стороне.

⁸ До настоящего письма.

⁹ Аккерманский.

¹⁰ Купцов.

1.18.

ЧЕХИЯ

Моравские земли и экспансия с Запада

(Из «Анналов королевства франков»)

Анналы королевства франков – анналы, описывающие историю Франкского государства с 741 по 829 гг.

Год 805. В этом же году он [Карл Великий] послал свое войско с сыном своим Карлом в земли славян, которые называются чехами. Тот, опустошив их землю, убил их князя по имени Лех.

(Из «Фульдских анналов»)

«Фульдские анналы» IX в. – летопись, которая велась в Фульдском монастыре, близком ко двору правителя Восточнофранкского королевства Людовика Немецкого, самый полный источник об экспансии немецких феодалов в Великоморавскую державу и ее внутренней истории.

845 год... Людовик и сам принял христианскую веру на праздник Богоявления и приказал окрестить пожелавших ее принять четырнадцать чешских князей с их дружинниками.

846 год... [Людовик] ... в половине августа вторгся с войском против моравских славян, стремившихся отделиться [от него]. Когда... по своей воле установил порядок, он уладил отношения и поставил князем Ростислава, племянника Моймира.

855 год... Людовик вернулся без победы, так как малоуспешно вел войско на землю моравских славян против князя, который восстал против него... При отступлении Ростислав преследовал его...

864 год... Людовик в августе месяце... с большой военной силой осадил Ростислава в крепости Девин¹... [и Ростислав] утвердил присягой, что со всеми своими вельможами будет сохранять королю верность.

869 год... Карломан², дважды сразившись с войском Ростислава остался победителем... воевал со Святополком, племянником Ростислава... огнем и мечом опустошил державу Святополка...

870 год... Святополк, племянник Ростислава, стараясь о своих интересах, перешел с государством, которое держал, на сторону Карломана... Разгневанный Ростислав... хотел его убить... преследовал своего племянника со своими воинами, чтобы взять в плен, но... сам попал в ловушку, ибо этим племянником был пленен, связан и выдан Карломану, который его под стражей... отправил в Баварию... а сам без сопротивления покорил все города и крепости...

871 год... Святополк, племянник Ростислава, обвиненный перед Карломаном в предательстве, был посажен в тюрьму. Моравские славяне, думая, что князь их погиб, поставили своим правителем некоего родственника князя священника Славомира, грозя ему смертью, если он не примет власть над ними... Он дал согласие и попытался бороться против воевод Карломана Энгельпалька и Вильгельма³ и изгнать их из занятых городов... Однако... они заставили бежать его [самого]. Между тем Святополк... был отпущен Карломаном и почтенный королевскими дарами вернулся в свою державу, ведя с собой войско Карломана, как будто хотел воевать против Славомира, как льстиво обещал Карломану, если ему разрешат вернуться на родину... но все усилия направил не на поражение Славомира, а на месть... Карломану...

872 год... В месяце мае [Людовик] послал тюрингов и саксов против моравских славян, а те, поскольку у них не было короля и не было согласия между собой, перед лицом неприятеля пустились бежать и, понеся большие потери, бесславно вернулись восвояси... И снова из области франков Карломан прислал людей на помощь против вышеупомянутых славян. Другие же были посланы против чехов и, полагаясь на милость божью, пятерых князей: Святослава, Ви-тыслава, Германа, Спитымира и Мойслава (Боривоя), которые с большим войском пытались поднять восстание против короля, заставили бежать и таким образом одних убили, других ранили.

895 год... В половине июля в Регенсбурге состоялся всеобщий съезд. Сюда прибыли из земли славянской все князья чехов, которых князь Святополк силой освободил от зависимости и подчинения баварам. Среди них наипервейшими были: Спитыгнев и Витыслав. Король принял их с почетом, пожал по обычаю руки в знак примирения, и они отдали себя во власть короля.

¹ Девин – крепость при впадении Моравы в Дунай.

² Карломан – старший сын Людовика Немецкого.

³ Энгельпальк и Вильгельм – маркграфы Восточной марки, к которой в 871 г. присоединили захваченные ими земли.

(Из «Хроники» Регинона)

Регинон (ум. 915 г.) , хронист, предпринял попытку в своей хронике написать всемирную историю от начала н. э. до 906 г.

Год 890. Король Арнульф уступил Святополку, королю моравских славян, королевство чехов, которые до тех пор имели над собой князя из собственной династии и племени и соблюдали франкскому королю обещанную верность и нерушимую дружбу... Шаг этот послужил началом огромного возмущения и привел к их отпадению, так как, с одной стороны, чехи перестали соблюдать эту верность, а с другой, Святополк, поняв вскоре, что благодаря присоединению второго княжества сильно возросло его могущество, в пылу гордости выступил против Арнульфа.

Год 894. В это время умер Святополк, король моравских славян, мудрейший и умнейший человек среди своего народа. Княжеством овладели его сыновья, но правили недолго и несчастливо, так как венгры все опустошили.

Привилегия Собеслава II пражским немцам и ее подтверждения

Привилегия, пожалованная в 1174-1178 гг. пражским немцам князем Собеславом II, является одним из самых знаменитых письменных памятников истории чешского средневековья. Ее значение как исторического источника определяется прежде всего тем, что привилегия является наиболее подробным письменным свидетельством о жизненном укладе и административно-правовом статусе немецкой слободы, а в известной мере – и чешской столицы в целом эпоху, когда общественное и государственное устройство Чехии, в частности, развитие городских центров характеризовалось преобладанием самобытных, выросших из славянской древности традиций и институтов.

Привилегия князя Собеслава II (1174-1178 гг.)

Я, Собеслав, герцог чешский, сообщаю всем, как нынешним, так и будущим, что принимаю под свое покровительство и защиту немцев, проживающих в Пражском подградье, и мне представляется справедливым, чтобы подобно тому, как эти немцы отличаются от чехов по национальности, они точно так же отличались бы от чехов по своему закону и обычаю.

Поэтому я разрешаю этим немцам жить по закону и праву немцев, как это было для них установлено со времени (правления) моего деда короля Вратислава. Я разрешаю им иметь священника¹, которого они сами будут выбирать для своей церкви, подобным же образом – судью, и пусть епископ никоим образом не противится их решению. При обвинении в воровстве или по делу, которое называется «на дворе»² они должны приносить присягу семью руками. Они не обязаны выступать ни в какие военные походы, кроме как ради защиты родины. Если герцог находится в походе за пределами Чехии, то немцы обязаны сторожить Прагу с двенадцатью щитами³. Судить за убийство должен герцог, за совершение убийства, как вошло в обычай, пусть платят герцогу десять марок^{4 5} регенсбургской монетой или (отдают) правую руку убийцы, или же отдают себя на милость герцогу. Если кто-либо нарушит среди них мир, то пусть виновный в этом заплатит герцогу десять марок. Если чех вступает с немцем в тяжбу, требующую представления свидетелей, пусть чех имеет против немца двух немцев и одного чеха, всех – достойных доверия. Подобным же образом (, если в тяжбу с чехом вступает немец, пусть тогда немец имеет против чеха двух чехов и одного немца, но достойных доверия. Касательно римлян⁶ и евреев – подобным же образом. Также если чех или римлянин или кто-либо другой предъявит обвинение (немцу), то наивысший коморник должен направить посла к немецкому судье, и только немецкий судья будет судить эту тяжбу и здесь ничего более не принадлежит коморнику. Кроме того, я объявляю немцам, что они свободны от [обязанности приема на постой] гостей, паломников и иностранцев. Знайте, что немцы – свободные люди. Если какой-либо чужеземец или гость, прибывший из какой бы то ни было земли, пожелает остаться [на жительство] в городе с немцами, пусть имеет закон и право немцев. Если у немца будет обнаружена украденная вещь, она должна быть изъята в присутствии немецкого судьи. Если вор – немец, то его будет судить правитель. Если вора задерживают ночью, он должен быть повешен. Если же его задерживают днем, то он должен быть прилюдно высечен и изгнан из города; если он будет задержан [здесь] впоследствии, он должен быть повешен. Что бы ни совершили немцы, они не должны задерживаться или заключаться в тюрьму, если будут иметь поручителей или собственный дом. По какому бы делу ни обвинялись или были осуждены немцы, их дети и жены не должны терпеть никакого ущерба или обиды. Если кто-либо будет идти ночью по немецким улицам и не будет иметь факела [в том случае], если он будет убит, пусть немцы будут (считаться) невиновными. Если в сундуке у немца будет обнаружена фальшивая или железная монета, виновен тот, кому принадлежит сундук. Если же [фальшивую монету] найдут во дворе или в доме, пусть не будет считаться виновным хозяин дома или двора из-за недоброжелательных и злонамеренных [людей], которые имеют обыкновение подбрасывать такие вещи в дом или во двор. Если у немца будет обнаружен краденый конь, пусть тот, кто опознал коня, сначала поклянется, что конь был у него украден; после этого немец, стоя внутри круга, начертанного мечом на земле, пусть принесет присягу в том, что конь или

[другая] вещь не были им украдены, а были куплены, и что он не знает продавца или его дом. Немцы не должны приносить присягу ни в каком другом месте, кроме как перед церковью святого Петра, если не будет на то особого распоряжения правителя. Если в доме немца будет обнаружена тайная корчма, пусть будет задержан только хозяин дома в присутствии немецкого судьи, и никто другой.

Подтверждение привилегии Собеслава II королем Вацлавом I (1231 г.)

Во имя Господа Бога аминь. Вацлав, Божьей милостью четвертый король Чехии. Всем верным моего королевства, которым будет предъявлена эта грамота, милость и всякое благо. Да будет ведомо всем, как нынешним, так и будущим, что пражские немцы, наши бюргеры, придя к нам и предъявив привилегии наших предков, а именно Собеслава, блистательного герцога Чехии, и незабвенной памяти отца нашего, короля этого славного королевства Пржемысла, смиренно попросили нас, чтобы мы то, что было им в этих привилегиях даровано и пожаловано, повелели обновить, а также подтвердить властью правителя нашего времени. Мы же, вняв их смиренным просьбам, почитая установления наших предков, после благочестивого размышления и по доброй воле повелели подтвердить буква к букве, слово в слово, ничего не изменяя и ничего не упуская, все то, что было ими приобретено со времени их первого призвания в Чехию через пожалования правителей. Начинаются же они так: Я, Собеслав, герцог и т.д. [Далее следует текст привилегии пражских немцев 1174-1178 гг.]. [В дополнение] к этому мы, Вацлав, вышеназванный король Чехии, жалуюм [новые права] и повелеваем их нерушимо соблюдать, чтобы пожалования нашего времени почитались точно так же, как дарованные прежде. Земельными владениями, купленными или приобретенными в качестве залога или же подаренными им правителями, которыми они без чьих-либо претензий обладают в течение трех лет и трех дней, пусть с миром впредь владеют свободно, без каких бы то ни было возражений. Их дома и имущество, как в подградье, так и в селах, если их владельцы будут обвиняться в каком-либо преступлении, пусть никто безрассудным дерзким образом не осмеливается захватывать или подвергать грабежу, пусть также не нападает и в свои необузданные руки ничего не хватает, но пусть готовит судебное разбирательство с тщательно подобранными поручителями в нашем присутствии или в присутствии нашего коморника. От дани, которая называется мир и других податей, которые платят низшие [по социальному статусу] жители страны, а также от обязанности приема на постой, как это было им пожаловано с самого начала, мы их навсегда освобождаем. Если же кто, возможно, замыслит, вопреки установленным правам вышеназванных немцев, нарушить нашу привилегию, непослушанием отягчая свое преступление, тот понесет такое же наказание, как и виновный в оскорблении королевского величества; кроме того, навсегда будет проклят Всемогущим Богом с Дафаном и Авироном⁷.

Подтверждение привилегии Собеслава II королем Пржемыслом Оттокар II (26 ноября 1274 г.)

Мы, Оттокар, Божьей милостью король Чехии, герцог Австрии, Штирии, Каринтии, маркграф Моравии, господин Крайны и Порденоне⁸, с одобрения присутствующих желаем довести до всеобщего сведения, что мы видели привилегию, пожалованную пражским немцам нашим отцом господином Вацлавом, некогда блистательным королем Чехии, в таких словах: Во имя Господа Бога аминь Вацлав и т.д. [Далее следует текст грамоты короля Вацлава I, пожалованной пражским немцам в 1231 г.]. Мы же, Оттокар, Божьей милостью король Чехии, эту вышеприведенную привилегию в том виде, в каком она надлежащим образом и благоразумно была составлена, королевской властью подтверждаем. Для подтверждения этого мы приказали записать наше свидетельство и подкрепить силу настоящей грамоты печатью нашего величества. Составлено и выдано в Праге рукой магистра Генриха, протонотария нашего королевства и плебана в Граце в год от Рождества Господня тысяча двести семьдесят четвертый, в шестые календы декабря, третьего индикциона.

Подтверждение привилегии Собеслава II королем Иоанном Люксембургом (27 июля 1319 г.)

Мы, Иоанн, Божьей милостью король Чехии и Польши, а также граф Люксембургский. Всем, как нынешним, так и будущим, мы желаем сообщить, что собравшиеся в нашем присутствии наши верные бюргеры Большого города нашего Пражского предъявили нам привилегию некогда блистательного правителя господина Оттокара, короля Чехии, нашего предшественника, и настоячиво попросили нас подтвердить эту привилегию и заверить ее отдельные установления нашей природной милостью. Текст же самой привилегии, который мы слово в слово огласили присутствующим, в полном виде таков: Мы, Оттокар и т. д. [Далее следует текст грамоты короля Пржемысла Оттокара II, изданной 26 ноября 1274 г.]. Мы, Иоанн, Божьей милостью король Чехии и Польши, а также граф Люксембургский настоящую привилегию и ее отдельные установления в том

виде, в каком она была надлежащим образом и благоразумно составлена, обновляем, одобряем, утверждаем и силой власти нашего королевства подтверждаем. И чтобы вышеназванные наши бюргеры обрели от нас еще большее утешение, мы прибавляем к прежним пожалованиям нижеследующее, которым они пусть обладают незыблемо и прочно, чтобы все, что в этой нашей грамоте было им пожаловано, нерушимо соблюдалось. А именно мы обещаем всех тех дворян и прочих, кто дал этим бюргерам свои расписки касательно долгов, обязательств и каких-либо других дел призвать и обязать к выполнению того, что они сами обязались сделать, без хлопот [волокиты] судебного разбирательства. Мы постановляем также, что если кто-либо из бюргеров, находившихся за пределами города, был захвачен [в плен], ему должна быть предоставлена свобода без каких-либо препятствий, разве что за жалкие тринадцать денариев⁹. Для предоставления, обновления, одобрения, утверждения привилегии мы приказали записать наше свидетельство и подкрепить силу настоящей грамоты печатью нашего величества. Составлено и выдано в Праге рукой почтенного Иоанна, настоятеля Вышеградского капитула, канцлера королевства Чехии, нашего глубоко чтимого сановника, в шестые календы августа, года от Рождества Господня тысяча триста девятнадцатого, девятого года нашего правления.

¹ Термин «священник» в одной из сохранившихся рукописей выступает как «*plebanum*», в другой – как «*presbiterum*».

² Выражение «на дворе» является, по всей вероятности, чешским термином, применявшимся в том случае, когда украденные вещи обнаруживались в пределах чьей-либо усадьбы, либо в случае незаконного вторжения в чужой двор.

³ Вариант одной из рукописей – «с двенадцатью щитами возле каждого ворот».

⁴ Марка – денежно-весовая единица в средневековой Европе, которая на славянских языках называлась гривной. Понятию марка (гривна) соответствовало определенное количество драгоценного металла (серебра). В тогдашней Чехии марка (гривна) составляла 210 г.

⁵ Вариант в одной из рукописей – двенадцать марок.

⁶ Вопрос об этнической принадлежности римлян привилегии Собеслава остается дискуссионным. Большая часть исследователей видит в них купцов – выходцев из Северной Франции. Высказывались предположения об их итальянском происхождении. На наш взгляд, нельзя исключать присутствия в Пражском подградьи XI–XII вв. купцов из византийских земель.

⁷ Дафан и Авирон (библейск.), упоминаемые в ряде книг Ветхого Завета, братья, участвовавшие в заговоре против Моисея и Аарона и наказанные за это Богом страшной смертью: Дафан и Авирон со своими сообщниками были заживо поглощены землей, а двести пятьдесят других участников заговора были поглощены огнем небесным.

⁸ Порденоне – город на северо-востоке современной Италии, признавший в 1270 г. верховную власть Пржемысла Оттокара II.

⁹ Речь идет, по всей вероятности, о тех пражских бюргерах, которые были захвачены в плен сторонниками короля во время предшествовавшего изданию грамоты мятежа.

Международный аспект Гуситских войн (Из хроники Лаврентия из Бржезовой)

[105.] Поход пражан и таборитов против мейссенцев...

И еще, в то же самое время... отряды трех сторон г. Праги вышли по направлению Моста, чтобы, собрав воедино всех братьев, рассеявшихся по разным городам, изгнать войско мейссенцев из своего королевства. С ними отправился верхом на лошади, чтобы навести страх на тевтонцев, и капитан таборитов Жижка, находившийся в то время в городе для лечения своих глаз... Услышав, что пражане собрались вторично, мейссенцы вернулись из Богемии в свои владения.

И еще, в том же году бароны Богемского королевства и другие господа и рыцари, а также и вассалы, прежде бывшие заодно с пражанами, решили и высказали желание собраться в ближайшее воскресенье... в Чешском Броде вместе с пражанами и другими горожанами, сторонниками истины господней, чтобы обсудить вопросы о благополучии королевства, о порядке его и управлении, а также об единодушной защите святой истины. Для того чтобы вынесенное решение имело полную силу, эти господа хотели, чтобы община г. Праги направила туда своих известных горожан, пользующихся влиянием и обладающих всей полнотой власти. И хотя пражская община дала на это свое согласие и подтвердила письменно, что в назначенный день пражане придут в Чешский Брод, однако господин и пресвитер Иоанн [Желивский], находившийся в то время при войске у Моста, отсоветовал пражанам сначала письменно, а потом, вернувшись, живым словом собираться вместе с баронами, утверждая, что эти вышеназванные господа – предатели и неверные, и неискренне преданные истине. По случаю этого в г. Праге произошло глубокое разделение... При таких взаимных разногласиях было принято окончательное решение послать всего двух консулов и двух представителей от общины и не с полнотой власти, а только чтобы выслушать предложения баронов, и собраться не в Броде, а в Колине; баронам же было указано место в Горах Кутных. Все произошло так, как только что было сказано. И когда пражане съехались с баронами в Горах, не имея полноты полномочий от общины, бароны не вступили с ними ни в какие переговоры, но направили в г. Прагу г-на Ульриха из Нового Дома... убедить пражан, чтобы они прислали кого-нибудь облеченного всей полнотой полномочий, чтобы не распалось объединение баронов с рыцарями... После многократного обсуждения совместно этого вопроса они пришли лишь к такому решению: 1) чтобы бароны послали свое посольство к великому князю Витольду с извещением его о том, что они принимают его своим господином и королем в их королевстве и просят не отказать прибыть в королевство Богемское; 2) чтобы как бароны, рыцари и вассалы, так и пражане с другими городами, примкнувшими к ним, двинули свое войско 18 сентября к Чешскому Броду, а оттуда, куда найдут нужным господа из Праги; 3) чтобы

назначить г-на Ульриха, по прозвищу Вавак, начальником монетного двора, чтобы, собирая там деньги, получаемые из горных рудников, он расходовал их на общее благо всей земли...

[106.] Поражение немецких крестоносцев у Жатца

И еще вышеупомянутые мейссенские тевтонцы вместе с некоторыми примкнувшими к ним богемцами захватили города Хомутов и Кадань, окружили кольцом осады г. Билину, опустошая при этом замки и села, менее всего щадя крестьян и женщин. Когда до пражан дошли слухи об этих бедствиях... из Праги вышли два отряда общины с наемниками... с целью выбить тевтонское войско из занимаемого им лагеря. Тевтонцы же, узнав о приближении пражан, сняли осаду с крепости Билоны. Точно так же и Сигизмунд Дечинский... обратился в бегство со своими людьми, не дожидаясь прихода пражан. Но так как в Богемии в то время вторглись через Эгер по направлению к Жатцу множество тевтонцев с курфюрстами, то пражане... направили своих послов к баронам, с которыми они были заодно, к Жижке и к остальным табо-ритам, чтобы они не отказали прийти с возможно большей военной силой в Слани, чтобы выступить против тевтонцев и изгнать их, ибо, как уже было сказано, курфюрсты, как ду-ховные, так и светские, с баварскими и рейнскими князьями, герцогами, графами, господами, рыцарями и с большой толпой вооруженных людей вторглись в Богемии, побуждаемые к этому объявленным папой крестовым походом. Когда они прибыли к границам Богемии, архиепископы с многочисленной своей овитой, сойдя с коней и притворно показывая всем другим свое смирение, переступили границу пешими, чтобы бог даровал им успех в их борьбе с еретиками-богемцами... Когда они в канун дня св. Матфея совершили по крайней мере шесть атак на город, они были с помощью господ бога, за дело которого люди здесь бились, отражены с великим для себя позором и уроном. Как говорили жители этого города, найдено было впоследствии около 60 убитых из их числа, многие были увезены неприятелем полуживыми и 60 были приведены пленными в город.

Так как к войску тевтонцев стекались из отдаленных стран всего почти христианского мира народы разных языков, чтобы оказаться причастными к объявленной папой милости прощения грехов и освобождения от наказаний, видевшие все это войско целиком утверждают, что никогда раньше не ви-дели такого большого числа людей, столь хорошо вооруженных и размещенных в бесчисленных палатках. По общему мнению, их насчитывалось около 200 000 воинов. И когда они день за днем сжигали города, села, замки и, чтобы заслужить индульгенцию, с большей жестокостью, чем язычники, убивали людей того и другого пола, как старых, так и молодых, и сжигали их в пучине огня, страх и трепет охватил сердца многих в Жатецком крае. Поэтому некоторые, покидая хорошо защищенные укрепления, бежали в города, а если сдавались и были ими приняты на милость, то те их не щадили и сжигали так же, как и остальных. А чтобы еще увеличилась их сила, они отправили посольство к королю Сигизмунду, напоминая ему о клятве, данной им в Констанце, чтобы он пришел для борьбы с еретиками с возможно большей военной силой, угрожая, что в противном случае, если он не придет, князья-курфюрсты позаботятся об избрании другого римского короля. Но прежде еще, нежели король Сигизмунд поспешил к их войску из Венгрии, где он тогда находился, плач, крики, стоны женщин, девиц и вдов дошли до слуха господ Иисуса, и гнев божий и справедливое отмщение пали на все неприятельское войско. Ибо всемогущий господь удивительным образом обратил в бегство все...

[120.] Выступление войска Жижки против Сигизмунда

...Дога в [Кутных] Горах стало известно о приходе короля в Ледеч... брат Жижка с таборитами стал готовиться к бою и поместился со своими людьми над Горами... и стал дожидаться прибытия короля... Когда же [к ним] прибыли также из Богемской и Моравской земель Бочек, Гашек и г-н Венцеслав, сын г-на Петра, они... в день св. Фомы... и Жижка с пражанами приказали священникам, отслужив утром обедню, громким голосом объявить с амвонов, а глашатаям разгласить по всем улицам, что все они готовы дать бой при встрече с королем, и что они нерушимо исполнят данное ими богу и пражанам обещание защищать евангельскую истину, и что они не испытывают никакого страха перед приближающимся королем, ибо, сохраняя верность своим капитанам, знатные господа, рыцари и все пражское войско скорее сложат свои головы, нежели покинут их и отступят... Но едва они успели отойти на два стадия от города, как войско короля отдельными отрядами стало приближаться к войску пражан. Хотя в большом отряде короля среди массы вооруженных конных людей находилось несколько сот быков и коров, чтобы внушить их видом страх (неприятелю) и обратить его в бегство, однако бог, который никогда не оставляет своих воинов без помощи, внушил всем, борющимся за истину его, большую твердость духа. Никто среди всего множества вооруженных людей не испытывал никакого страха и готовился к бою, и все пешие, а также все вышедшие вместе с ними из города кутногорцы – некоторые, чтобы помогать братьям, другие, чтобы посмотреть, какое войско возьмет верх, окружив себя со всех сторон возади, расположились внутри со своими цепями и другим оружием и приспособили много пиксид на возах для отражения неприятеля. После того как священники подбодрили их в нескольких словах, все пали на землю и вознесли горячие молитвы к богу, а затем, поднявшись после молитвы, посвятили много воинов в рыцари, чтобы храбрее они бились в защиту истины и приготовились выступить про-тив короля. И когда несколько отрядов короля пытались натиском прорваться сквозь возы, они были при помощи пиксид отражены с большим для них уроном. Такие нападения неприятеля как прелюдия большого боя продолжались до самого вечера... Итак, пока, как уже было сказано, на поле боя до самой ночи происходили со стороны того и другого войска такого рода военные действия, войско короля разместилось недалеко от войска пражан, с тем чтобы ему доставлялось продовольствие из [Кутных] Гор; табориты с пражанами имели лишь умеренное

количество пищи и питья и в холоде постиглись во славу божью. И, снявшись со своего лагеря, они подошли к месту, которое занимал король со своими людьми, и, сбив его пушки, выбили самого короля со всем его войском с занятого им места¹...

¹ В этом месте хроника неожиданно прерывается. Бои у Кутной Горы окончились грандиозной победой гуситов: сначала Ян Жижка отступил, но потом, 6 января 1422 г., вновь направил удар на войско Сигизмунда, разбил его и непрерывно гнал до самого Немецкого Брода. По дороге Сигизмунд несколько раз пытался дать отпор, но каждый раз терпел поражение.

Влияние движения гуситов на окружающие Чехию страны

Влияние движения гуситов ощущалось также и в окружающих Чехию странах, к примеру, в Польше.

(Виелунский эдикт Владислава Ягеллы против гуситов)

Документ свидетельствует о большом влиянии на Польшу гуситского движения, в которую с территории соседней Богемии проникали реформаторские взгляды Яна Гуса. Королевский эдикт стремится предотвратить в дальнейшем эту опасную тенденцию.

Владислав, божьей милостью король польский, постановляет, что если кто-либо в нашем польском королевстве и подвластных нам землях оказался бы еретиком или заподозренным в ереси, или, наконец, способствовал бы ей, или руководил ею, должен быть схвачен нашими старостами, городским магистратом и иными должностными лицами, а также всеми нашими подданными, как занимающими должности, так и не занимающими. Такой еретик должен быть наказан сообразно размеру его проступка как оскорбляющий наше королевское величие. Те же, которые придут из Чехии и вступят в наше королевство, будут подвергнуты проверке со стороны своих епископов или также инквизиторов по делам ереси, назначенных с этой целью апостольской столицей.

Если же кто из жителей нашего королевства любого сословия не вернулся бы из Чехии до ближайшего праздника вознесения господня, должен быть признан убежденным еретиком и понести наказание, которое обычно определяется еретикам, и, даже возвратившись, не сможет оставаться в нашем королевстве. Тем не менее все имущество этого сорта людей, движимое и недвижимое, должно быть объявлено конфискованным в пользу нашей казны; потомки же их, как мужского так и женского [пола], должны быть навсегда лишены наследства и почестей и никогда не смогут достичь никаких высоких должностей или званий, но должны навсегда оставаться обесчещенными.

Никогда, наконец, [они] не смогут порадоваться каким-либо привилегиям и шляхетским званием. Запрещаем под страхом тех же наказаний всем купцам и другим людям... чтобы не смели вывозить в Чехию никаких товаров, а особенно олова, оружия, продовольствия и напитков. Дан в Виелуне... 9 апреля в год господен 1424.

(Из письма Збигнева Олесницкого к Юлию Цезарини, январь 1432 г.)

Збигнев Олесницкий (1389-1455 гг.) – польский политический деятель, кардинал и епископ Краковский. Стремился подчинить королевскую власть католической церкви. Был решительным противником польско-чешского сближения.

Если эта война продлится, то следует опасаться не только чешских еретиков, но скорее еретиков и схизматиков греческой секты, которые, кажется, соглашаются с чехами по многим вопросам, а именно: причащение под обоими видами, бедность клира, – и по многим другим ложным верованиям у них общий язык. Между ними часто бегают многочисленные посланцы, а последний раз был задержан в польском королевстве один посланец князя Сигизмунда Корибута, пребывающий в Чехии у еретиков, брата которого и почти весь род со стороны отца и со стороны матери находятся у Свидригеллы в Литве и живут по схизматическому обряду, – с дружественным письмом к войску таборитов и к самому князю Сигизмунду, при посредничестве которого все это делается. Эти письма были написаны на народном чешском языке. Перевод их с чешского на латинский, оставляя себе оригинал, посылаю вашему преподобию с таким знаком D, поставленным на обороте. Князь Свидригайло во всем руководствуется советами упомянутых схизматиков и наконец взял в жены жившую по их обрядам. Так что если литвины, которые являются католиками, хотели бы его склонить к заключению союза с нами, то русины, которые сейчас благодаря союзу и помощи этого князя сильнее литвинов, не допустят этого, боясь, как бы не пострадала их вера и могущество. Они держат в своих руках почти все значительные замки и посты. Ничего этого не было при жизни недавно умершего князя Витольда. В договорах, заключенных между польским королевством и литовским княжеством, было запрещено схизматикам-русинам держать замки в Литве и даже допускать [их] к общим совещаниям, как это ваше преподобие увидит в документах этого соглашения. Особенно поэтому мы решили донести вашему преподобию, чтобы вы видели, что это важнейшая причина, хоть есть и другие многочисленные поводы той злой войны...

Упомянутый князь Свидригайло еще при жизни этого победоносного великого князя Витольда привлек тайно многочисленными милостями почти всех этих схизматических князей и рыцарство и тесно привязал их к себе, а особенно обещанием, что, если он при их помощи достигнет того положения, которое сейчас занимает, примет их веру и будет руководствоваться их советами... С упомянутым князем Свидригайлом находится в союзе некий воевода Молдавии... могущественный схизматик, ленник нашего короля и королевства. В последнее время упомянутый князь вышел из-под власти нашего короля... соединился даже с турками..., а что еще более опасно – допустил в свое государство некоего монаха из францисканского ордена, который публично проповедует учение гуситской секты и увлек им уже большинство простонародья. Он бродит по полям, увлекая за собой огромные толпы народа, учит их создавать войско и соблюдать все обычаи, которые приняты у чешских еретиков.

(Из письма Мартина Эренберга к великому магистру Тевтонского ордена от 16 апреля 1428 г.)

Они (гуситы) ездили и еще ездят до сегодняшнего дня по десять и двенадцать всадников куда хотят, чего им никто не запрещает, так как часть князей с ними помирилась и столковалась, а часть из них держит города для них (гуситов), в которых они помещают их больных и раненых и предписывают лечить их и возвращать им здоровье. Они также очень укрепились благодаря тем, которые прибыли в Силезию из Чехии, а также крестьянам, которые к ним присоединились, каких здесь сейчас много...

(Из письма епископа Конрада к великому магистру Тевтонского ордена от 21 мая 1428 г.)

Уважаемый вельможный господин и любимый друг... Ересь, к сожалению, так усилилась и укрепилась благодаря многим, которые присоединились к ней в этих краях, а именно: князья Силезии заключили с [еретиками] мир – Болько-старый, его орат князь Бернард, князь Болько-молодой из Ополя, князь Ян из Зембиц, князь Людвиг из Олавы и князь Вацлав из Глубжиц; а затем, когда еретики вернулись из этих краев домой, с ними заключили мир князь из Рацибора, князь Пжемко из Опавы и князь Казько из Ось-венцима и тот из Цешина. Поэтому очень ослабели другие князья, области и города Силезии.

(Из письма, отправленного 21 декабря 1428 г. Альбрехтом фон Колдицем, лужицким старостой, магистру г. Згоржельца)

Еретики расположились бивуаком недалеко от Клодска и находятся в Бистрице, где сделали подкоп под башню и захватили ее. Они не очень сильны, так что можно было бы их одолеть. Я оповестил князей, страну и города, но никто не желает подняться... Эти из Клодска (мещане) схватили в городе 40 предателей, часть из них были посланцами и слугами тех господ, которые должны были ударить на город, а палач из Свидницы казнит их в настоящее время в течение 14 дней ежедневно, а число их растет с каждым разом все больше. Поэтому остерегайтесь измены.

(Реляция хроники Зигмунда о смерти Януша Зембицкого от 27 декабря 1429 г.)

В год 1429-й, в день св. Яна Евангелиста, во время праздника рождества Христова. Светлейший князь Януш Зембицкий был убит вместе со многими верными ему [рыцарями], хотя некоторая часть от него бежала, горчайшими гуситскими еретиками около Клодска.

(Из хроники Зигмунда Росича от 17 января 1429 г.)

В этом же 1429 г., в день св. Антония (17. XII), вроцлавяне в час ночи взяли Олаву, перебив там многих гуситов и наполнив ими колодцы.

Ключборг. В этом же году г. Ключборг был взят ересиархом Пухалой, который сделал Силезии много зла.

Болеславец. В этом же году, в июне месяце 18-го дня, гуситы взяли г. Болеславец, убив г-на священника Йогана Швейдница вместе со многими священниками и мирянами.

**(Из письма Альбрехта фон Колдиц к лужицким городам
о гуситах в Свиднице от 4 февраля 1429 г.)**

Альбрехт из Колдиц, войт Будишина.

Стране и городам в Горных Лужицах.

Ставлю вас в известность, что еретики прибыли в прошлую субботу, как предупреждали, в Свидницу, и мы разведали их силы; они имеют 800 человек и 500 телег и, когда к нам прибыли, сразу с места двинулись в спешном порядке с двух сторон в город, неся впереди себя на двух шестах гостию¹... Если б [они] увидели, что против них приготовились, тогда прямо с места пошли бы на штурм, а так как по ним сильно стреляли из пушек, пищалей и т. д., тогда отошли. Сейчас они движутся к Сьроде и ко Вроцлаву, чего дальше хотят, не знаю.

Дорогие друзья, наблюдайте внимательно в ваших городах за изменой и огнем, а особенно за предместьями и домами, находящимися наиболее близко к тем местам, откуда можете ждать вреда.

¹ Гостии – букв.: жертвы (*лат.*) – облатки из пресного теста, большею частью с изображением агнца и креста, употреблявшиеся в католической церкви при причастии (с XII в.).

1.19. ЛИТВА

Великое княжество Литовское и его политика при Миндовге (Матей Стрыйковский, «Хроника...»)

Миндовг (1195-1263 гг.) – первый великий князь литовский. Король Литвы с 1253 г.

В сочинении Матея Стрыйковского «Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси» (1582 г.) содержатся довольно подробные сведения о деятельности Миндовга.

Матей Стрыйковский (1547 – между 21 октября 1586 и 1593 гг.) – польский историк, поэт и писатель, дипломат, католический священник (капеллан). Первый историограф Великого княжества Литовского. Наиболее известный труд Матея Стрыйковского – «Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси», описывает события в Речи Посполитой до 1581 г.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Глава первая

Миндов, Мендольф, Мендог или Минда[у]гос¹ Рингольтович,

великий князь, потом король литовский, жмудский и новогрудский года спасителя [нашего] 1240.

По хроникам прусским и Длугоша, Меховиуса, Кромера и др.

Его ясновельможному пану Яну Глебовичу^{1а}, каштеляну минскому, подскарбию Великого княжества Литовского и прочее

Рингольт Альгимунтович, правнук Скирмунтов, пращур Эрдвила Монтвилевича, у Могильно над Неманом одержавший победу над русскими князьями Киевским, Владимирским (Волынским) и Друцким, разгромленными и пораженными, и устраивавший великие и частые смуты против немцев, умер в Новогрудке. А Миндаугос или Миндов, сын его, которого Меховский называет Мендольфом и Мендогом, а Кромер Миндаком, вступил на новогрудский отцовский стол Руси и Великого княжества Литовского и Жмудского². Господствуя в Новогрудке и иных русских замках, он начал казнить своих друзей, хотевших захватить власть.

Потом в том же году князь Миндаугос отправил воевать русские княжества своих племянников Ардvida или Эрдзивила, Викунта (Выкинта), Чевцивила (Тевтивила) или Теофила, который потом был князем полоцким, ибо обращен был в русскую веру.

Полоцк и Витебск захвачены Литвой. (Миндовг) приказал им сначала двигаться к Смоленску, молвив такие слова: «Который из вас что добудет себе на Руси, то пускай держит за удел и за вотчину». А при литовском войске с теми тремя князьями также и много жмудинов вышло на Русь для общего грабежа добычи и расширения границ; в русской стороне им сразу посчастливилось, ибо Товтивил или Теофил Полоцк взял, достигнув наследственного права после Василия Регволодича, который тоже был литвин, и стал после его сына Глеба князем полоцким, а Викунт витебским, а Эрдзивил или Ардвид завладел несколькими пригородками с волостями в смоленском и друцком княжествах.

Итак, эти трое братьев, литовские князья, остановившись на том, что им принесли счастье и удача, либо военная косточка, осели в перечисленных русских княжествах и приняли закон христианский по русскому или греческому обряду, чтобы этим ближе склонить к себе подданных.

Просто собственные слова летописцев. А о своем дядюшке Мендоге, великом князе литовском, не заботились и его верховной власти над собой иметь не хотели. Чего не мог стерпеть Мендог, великий князь литовский, и послал на них, как на врагов и изменников, свое войско, желая их побить и отомстить за такую их лживость и неблагодарность. Узнав об этом, Товтивил, князь полоцкий, с братьями Эрдзивилом и Видуком укрепили свои замки, посадили в них [гарнизоны], а сами, испугавшись великой мощи Мендоговой, бежали к Даниле Романовичу, князю киевскому, который в то время писался королем и царем всей Руси (ибо тоже был коронован папскими легатами: в Дрогичине раз, а в Киеве другой, как о том будет ниже), прося его о защите и помощи против жестокого дядюшки Мендога, великого князя литовского.

Данило Киевский и Василько Галицкий – первейшие русские князья. Побежали также за помощью к Василию или Васильку, князю галицкому и владимирскому. В то время как в Черной, так и в Белой Руси оба они (Даниил и Василько) меж другими русскими княжатами были старшими и мощнейшими.

Итак, князь Данило Романович, монарх и царь всей Руси (как [я], уже в свое время писал), предок князей Острожских, принял в защиту названных беглых литовских княжат и [вместе] с Василько, князем галицким и владимирским, стал собирать войска против Мендога, надеясь при такой погоде и невзгоде заполучить Новогрудок Литовский и остаток русских княжеств, которые еще держала Литва, и вернуть их киевской монархии, как было издавна. А Литву по-старому к выплате дани принудить войной.

Польша повоевана татарами. Послал также к польскому князю Болеславу Стыдливому и к другим польским княжатам, прося их как соседей и как христианских владык о помощи людьми против поганой Литвы. Но поляки им на это ответили, что [они сами] в это время жестоко повоеваны татарами, которых было шестьдесят с лишним тысяч [во главе] с Кайданом, гетманом царя Батыя, которые в то время, пройдя через русские края, Польшу, Куявию, силезские княжества, Моравию и венгерскую землю, свирепо все опустошили.

Князь Викинт [направлен] послом в Ригу от Даниила. Чтобы досадить Литве со всех сторон, Даниил и Василько послали в Лифляндию и в Ригу князя Викинта, племянника Мендогова, который со многими подарками от Даниила, монарха русского, и от брата своего Товтивила, князя полоцкого, просил помощи у лифляндского магистра Андрея (как зовет его летописец, а по-немецки Андриха), обещая ему от своего имени и от имени своей братии половину Жмудской земли до Лифляндии и половину Ятвяжского края на Подляшье [уступить] прусским крестоносцам и оплатить военные расходы, как только Мендога выгонят из Литвы. Рижскому архиепископу и магистру Андрею [он] также передал особенно большие поминки (подарки) от Даниила, монарха киевского, и от Василька, князя владимирского и галицкого.

Литовское войско Миндага поражено под Полоцком. Видя, что это ему наруку, лифляндский магистр обещал помогать и воевать с Мендогом, великим князем литовским. Другого племянника Мендога, полоцкого князя Товтивила, Данило отправил с войском на помощь Полоцку, который в то время осаждало литовское войско Мендога. Объединив свои силы с лифляндскими немцами, Товтивил отбил литовские полки и отсек их от Полоцка на несколько месяцев, войско Мендога, дяди своего, поразил и с великими трофеями и полоном [вместе] с немецким войском двинулся к Риге, благодаря за добрую помощь архиепископа и магистра Андриха Лифляндского.

Литовский князь Товтивил окрещен в Риге. Товтивил был принят рижанами с великой учтивостью и уговорами крестоносцев [пере]крещен из русской в римскую веру, а потом вернулся в свое полоцкое княжество.

Слоним взят. Данило, монарх киевский, князь Дрогичинский, и Василий, князь владимирский и галицкий, готовились [воевать] Литву с другой стороны, и взяли у Мендога Слоним, Волковыйск и Мстибогов. Узнав об этом, Мендог встревожился и отправил своих послов к Даниилу и Васильку, прося о перемирии. А чтобы спокойнее для них мир соблюдал, послал им в заложники своего старшего сына Волштиника (Войшелка), который потом стал чернецом, окрестившись в русскую веру. Но Данило с Васильком послов не приняли и слушать их не стали, двинулись с войсками под Новогрудок, а сына Мендога Волштиника послали в Слоним, а послов в Волковыйск, чтобы там содержались под стражей. А сами от Новогрудка пустились к Ждитову, разоряя и опустошая мендогову края. И позабирали очень много литовских замков и, посадив там русские [гарнизоны], воротились в свои княжества.

Из-за домашнего несогласия Литву со всех сторон тревожат русские и немцы. Товтивил же, или Теофил, князь полоцкий и племянник Мендогов, снова собравшись с лифляндскими немцами, причинил дядюшке много вреда в литовской земле. А еще ему лифляндский магистр Генрих (которого русский летописец зовет Андреем) обещал большую помощь для третьего похода на Литву и сам собственной особой готовился [к походу вместе] со всем орденом крестоносцев.

Посольство Мендога к лифляндскому магистру отвергнуто. Когда Мендог доведался о том, что Товтивилу хотят помогать рижане, архиепископ с магистром и вся земля лифляндская, он и сам сильно встревожился, и вся Литва с ним. И отправил своих послов к лифляндскому магистру Андриху или Генриху с великими подарками, золотой посудой, драгоценностями и дорогими конями и обещал ему еще больше, уговаривая его, чтобы помог его племянника Товтивила из Полоцка выгнать или приказал бы его убить. Но лифляндский магистр отвечал: «Если с нами мир воистину иметь не можешь, ибо ты язычник и не будешь спасен, если не окрестишься в нашу общую веру христианскую и к папе не пошлешь с пожертвованиями [и обещанием]

повиновения, то хотя бы я тем золотом, которое мне даешь, и осыпал очи свои, примириться никогда бы не смог».

Посольство Мендога к папе. Потом Миндог или Мендог, великий князь литовский, стремясь избавиться от буйных набегов со всех сторон, послал к папе, желая принять крест, но притворно, ибо всегда приносил жертвы своим прежним богам.

До сих пор, милые читатели, о литовском князе Миндовге речь шла из стародавнего Летописца, который [я] достал у князей Заславских; а теперь еще из Длугоша, Меховского и Кромера остаток его дел достоверно опишем.

Глава вторая

О коронации Мендоговой на королевство литовское, жмудское, курляндское и новгородское [в] году 1252

При каких князьях это деялось: надежное свидетельство. Во времена правления в Польше Болеслава Стыдливового и при русском короле, киевском монархе Даниле Романовиче, шестом прусском [магистре] Конраде Попиуссе Остерлинге³ и лифляндском магистре Андрихе либо Генрихе; при папе Иннокентии Четвертом; при императоре Фридрихе Втором и его сыне Конраде, согласно доводам немецких, римских, польских и прусских историков, при гнезненском архиепископе Фульке и краковском епископе Прандоте, [польских] князьях Пшемиславе Познанском, Казимире Куявском и Лещицком, Земовите Мазовецком и прочих, [в год] от Господа Христа 1252, Мендакус, которого также называли Мендольф и Миндак, упомянутый князь литовский, теснимый постоянными войнами от русских князей, от собственных племянников и от лифляндских и прусских крестоносцев, а потом поддавшийся частым уговорам тех же орденских магистров, принял [крест] и окрестился в христианскую веру с некоторыми языческими литовскими и жмудскими панями и боярами, о чем свидетельствуют Длугош и Меховский, Кромер, Бельский и прочие.

Миндагово соглашение с крестоносцами. При этом выдал прусскому магистру Конраду из Острелинга и всем орденским рыцарям прусского и лифляндского дома грамоты и имущественные записи, писанные немецким и латинским языком, в которых излагал и признавал, что он многим им обязан и неоднократно ими поддержан, и поэтому и за это земли, которые имел под своим управлением и властью, а именно: Жмудскую, Ятвяжскую (которую Кромер называл Подляшьем), Куршскую, Вейсенскую⁴ и всю землю Литовскую вечным и неотъемлемым дарованием даровал им и записал; однако же Кромер наш не пишет, что собирался записать всю Литву, а ведь, воистину, все, чем сам владел, то все бы им и отдал, а уже имел в то время взрослых сыновей: Рукля и Репикуса.

Потом по совету и уговорам прусских и лифляндских орденских рыцарей [Миндовг] направил своего литовского посла с другими послами магистров прусского и лифляндского к папе Иннокентию Четвертому, поднося ему дары и отдавая сыновнее послушание, как в обычае у христианских владык, и извещая, что веру христианскую принял, и поэтому просит у него корону королевства Литовского.

Какие особы присутствовали при коронации Мендоговой. И тогда папа римский Иннокентий, видя, что это дело полезно для римской церкви, ибо большое и доблестное языческое государство добровольно пришло к Христу, тут же без всяких проволочек корону литовскую освятил и провозгласил, что быть Мендогу литовским королем. И желая сделать для него как можно лучше, послал своего легата орденского брата Гейденрейха (Heinderika), польского провициала, прежнего Армаканского епископа, а в то время Кульмского либо Хелминского [епископа] в Пруссии, который, приехав в Новгородок Литовский [вместе] с архиепископом Рижским и с прусскими и лифляндскими орденскими рыцарями, Миндауга или Мендока с обычными церковными церемониями помазал на королевство Литовское, провозгласил [об этом] и по воле папы и императора короновал новой литовской короной.

Мендог коронован. О чем Кромер: Et a Rigensy archiepiscopo, atque Culmensi episcopo, solenni ritu diademate cinclus и Меховский [то же] и т. д.

Соль в Бохни и в Величке. В том же году (1252) в пяти милях от Кракова впервые нашли соль в деревне Бохни, а потом в Величке. И с этого богатства Польша, к тому времени сильно обедневшая и пришедшая в упадок, поправила свои дела.

Вит, первый литовский епископ при Мендоге. Русский епископ Герард, католик. При той коронации Мендога, первого и последнего литовского короля, некий Витус, неизвестно, немец или поляк, впервые был избран и посвящен в литовские епископы, и потом в 1253 году был при канонизации святого Станислава в Кракове вместе с Герардом, русским католическим епископом римской церкви. О чем Меховский... и т. д.

Глава третья

...Как Мендог, король литовский, веру христианскую порушил, Мазовию, Люблинскую землю и Пруссию разорил, магистра Лифляндского убил и войска крестоносцев в Курляндии поразил в году 1255

Мендог, король литовский, либо сожалел об обмане и утрате своих земель, а именно Жмудской, Литовской, Ятвяжской, Вейсенской и Курляндской, которые за корону и для полной приязни записал было крестоносцам, либо соvrащенный по какой-то другой причине, со всеми своими новокрещенными подданными вернулся к прежнему идолопоклонству, порушив вновь принятую христианскую веру.

Мендог [вторгается] в Люблинскую землю. Потом в 1255 году, собрав литовское войско, [Миндовг] вторгся в Люблинскую землю, которую вширь и вдоль повоевал, Люблинский замок, который был тогда деревянный, и город спалил, и с большой добычей и целыми стадами пленников воротился в Литву.

Данило Р[оманович] занял Люблин – навряде того, как в нынешнем замке видим намалеванным в русской церкви. По этой литовской причине Данило Романович, король русский, стянул свои войска в опустошенную Люблинскую землю, которую занял русскими (там, откуда литва вывела поляков), замок тот Люблинский отстроил и посредине выложил из камня круглую оборонительную башню, высокую и богато украшенную, а другие города и крепости укрепил по-старому. И завладел всей Люблинской землей и частью Сандомирской. О чем [более] пространные свидетельства Длугош и Меховский...

Мендог, король литовский, веру христианскую порушил. Потом Мендольфус, король литовский, по Меховскому в 1260 году, а по Кромеру (что вернее) в 1255⁵, открыто отринув христианскую веру, которую обманно принял на время, тем большим врагом стал соседним христианам.

Мендог воюет Мазовию. Плоцк сожжен. Собрав большое войско, которого было тридцать тысяч военного люда из Литвы, из Жмуди, из ятвягов и из старых пруссов, которые выступили заодно с литвой, [Миндовг] жестоко повоевал всю Мазовию, очень много городов и деревень, сжег стольный замок Плоцкий, оставленный без обороны. Мендог из Мазовии [вторгается] в Пруссию. Отослав в Литву великое множество захваченных людей, добычи, стад коней и разных других трофеев, [Миндовг] с огромнейшей запальчивостью вторгся также в державу прусских крестоносцев, которую разорил, пожег и разграбил, все заложенные крестоносцами новые города сравнял с землей и всех находившихся в них христиан свирепо умертвил. Крестоносцы едва сумели оборонить там лишь несколько замков. Напоследок, желая продемонстрировать свою жестокость, упомянутый король Мендог брезговал брать людей в полон и всех приказывал казнить, а в Литву вывозил или отсылал только награбленное и добычу. А сам с литовским войском без [какого-либо] отпора беспрерывно воевал мазовецкие и орденские земли.

В том же году, когда прусский магистр с орденскими братьями строил замок Каршува на горе святого Георгия в Курляндской земле, язычники пруссы и литовцы, желая тот замок разрушить, осадили его большими силами, а когда два войска прусских и лифляндских крестоносцев с помощью датского короля подтянулись на помощь своим христианам против литовцев, то в день святой Маргариты (13 июля) встретились над рекой Дурбе в Курляндии, где полегло множество немцев, и на поле погибли лифляндский магистр Генрих Горнгаузен (Дусбург зовет этого магистра Бурхардом)⁶, а также прусский маршал Генрих Ботель и много других крестоносцев. А язычники, одержав победу, взяли замки Каршува и Гейльсберг, выморив осажденных голодом, потом осадили Кенигсберг, который недавно построили крестоносцы с чешским королем Отокаром над рекой Прегелем недалеко от морского залива в 1255 году (Это малое море за Кенигсбергом зовется Залив, где янтарь собирают, как я сам видел). Когда же литовцы построили мост над Прегелем, с которого штурмовали замок, многие из них полегли убитыми от выстрелов крестоносцев, и так их вынудили отказаться от осады. Об этом писали Петр Дусбург, Лифляндские хроники, Длугош и Меховский... и т. д.

Землетрясение в Польше. В году 1258, Меховский кладет 7 февраля, в третьем часу дня было страшное, жестокое, неслыханное и необыкновенное землетрясение в Польше, очень испугавшее всех людей. Это было знаменем всего злого, случившегося потом в Польше, ибо наряду с внутренними войнами, когда братья князя выцарапывали друг другу глаза, Польша была жестоко угнетена еще и языческими вторжениями.

А на другой 1259 год, после дня святого Андрея (30 ноября) крупные татарские войска, собранные из различных орд и приумноженные русскими, а также литовскими отрядами, [во главе] с царями Ногаем и Телебугой вторглись в Сандомирскую землю. С ними также были: Василько, родной брат, и Роман со Львом, сыновья русского короля Даниила. А когда с неожиданным и наглым проворством [татары] по льду перебрались через Вислу, то множество людей захватили, а других перебили; спалили Завихостский монастырь, который Болеслав Стыдливый недавно построил и дал два десятка фольварков для монахинь, [сожгли] также другой [монастырь] Святого Креста на Лысой горе и Сандомирский город. Потом замок, в котором собрались вся сандомирская шляхта, панята и простолюдины с женами, детками и имуществом, усиленно штурмуя, добывали целую ночь и день, но тщетно, ибо поляки со стен его мощно обороняли. Видя это, русские князья Василько и Роман со Львом, Даниловичи, стараясь помочь татарам в их жестокостях над христианами, приехали и во время переговоров хитро посоветовали воеводе и старосте сандомирскому Петру из Крампа и его брату Збигневу, чтобы лучше покорились татарам и откупились малой данью, чем вместе с замком всем попусту погибнуть от жестокой языческой сабли. И в том письменно обязались им своей верой, в своих обещаниях гарантируя им безопасность, на что послали им свою охранную грамоту и от царей перемирие на несколько дней.

Измена и жестокость татарские. А когда Петр Крампа с братом Збигневом и виднейшая шляхта на их предательское слово из замка вышли, упомянутыми князьями были приведены к шатрам самих [татарских] царей и воздавали тем честь, стоя на коленях (как в обычае у поганых), то их, коленопреклоненных и просящих мира, поганые сразу же начали мучить, и, содрав с них одежды, зарубили. А потом с огромным криком стремительным штурмом со всех сторон вбежали в замок, когда польское рыцарство утомленно отдыхало, и с установлением перемирия никак не ожидало такой измены от русских князей. И там их всех, великое множество христиан, кроме девушек и красивых женщин, жестоко порубили и поубивали, так что теплая кровь, растопившая снег, ручьями стекала из замка до Вислы. Остаток людей, согнав толпами, потопили в Висле.

Татары спалили Сандомир. Подпалив замок и набрав множество добычи, язычники тут же, не мешкая, с проводниками русскими князьями прытким бегом потянулись к Кракову, пустой город спалили, хворых и нищих посекали.

Татары спалили Краков. Ведь князь Болеслав (Стыдливый), услышав, что татары взяли Сандомир, бежал с женой в Венгрию. Из остального населения большая часть укрылась в лесах, а часть оборонялась в замках и укреплениях. Краковский же замок оборонил воевода Климунт.

Татары [доходят] аж до Бытовских гор. А татары без отпора огнем и мечом все повоевали вдоль и поперек аж до Бытовских гор Опольского княжества, а на третий месяц от своего пришествия, отягощенные множеством трофеев и пленников, воротились на Русь, и литовцы тоже [вернулись] в свои лесные логова. Было это в году 1260, как Кроммер пишет, хотя Длугош и Меховский это поражение и разрушение Сандомира упоминают под предыдущим 1259 годом. Но как свидетельствует тот же Меховский, и Кроммер так думает, татары в то время приходили в Польшу дважды: первый раз зимой 1259 года, после дня святого Андрея, а второй раз летом 1260 года, в июне месяце⁷.

Поляки жалуются папе на татар, будто крестоносцы на литовских язычников⁸. Это же следует и из великих отпущений [грехов], которые папа Александр Четвертый дал полякам, когда те жаловались ему на татарскую жестокость. Сандомирские отпущения. Те из них, которые второго июня посещают сандомирский костел Девы Марии (на кладбище которого погребены тела христиан, убитых язычниками), ежегодно получают великие отпущения – такие же, какие в Риме имеет церковь, которая зовется Sanctae Mariae de Urbe.

Константинопольская империя от французов до греков. В то же самое время Михаил Палеолог, выгнав французов с их императором Балдуином, вернул грекам Константинопольскую империю (1261), которая лет 58 была под французским управлением, или, как считают другие, 63. А ныне с тех пор, как турки в 1453 году Константинополь взяли и Греческой империей овладели, прошло уже 130 лет, и не слышать никакого Палеолога, который бы ту империю христианам вернул. Вскоре потом на Лионском соборе тот же император Палеолог обновил мир между греками и латинянами, который тринадцать раз разрывался и потом [опять] ненадежно мирился.

Татары-христиане. В то же самое время некоторые татарские цари приняли в Азии христианскую веру и долго вели большие войны против сарацин и египтян в Сирии и в Персии, помогая армянским королям, союзным христианам. Нынешние персидские короли – потомки одного из этих татарских царей, Узун-Хасана, которые имеют различия в вере между собой и турками, как греки с нашей римской католической церковью, что я сам видел и вполне уразумел, когда часто бывал на их молитвах в Константинополе, в Никее и в Халцедонии⁹ в 1574 году; к тому же имеют [разных] пророков: персы – Али, а турки – Мухаммеда, и из-за различий этих сект больше, чем из-за границ, и ныне ведут между собой запальчивые войны (и дай Боже, чтобы подольше, а нас бы оставили в покое).

О войне язычников пруссов с крестоносцами в году 1260

В том же 1260 году язычники пруссы присоединились к жмудинам из-за побед над мазурами и крестоносцами литовского короля Мендога. Глапин, прусский языческий князь. Порушив вновь принятую христианскую веру, [пруссы] вернулись к прежнему идолопоклонству, выбрали себе князем некого Глапина (Глаппе) и, призвав на помощь соседей жмудинов, в орденском государстве и своих волостях всех христиан и священников жестоко перебили, церкви пожгли, святыни осквернили, священные сосуды и убранства разодрали и пограбили в канун святого Матфея Евангелиста (в ночь на 16 ноября). Потом на следующий 1261 год христианские войска из польского королевства и из Германии, соединившись с орденскими рыцарями, вторглись в Пруссию, в Натангскую землю, в день Очищения Девы Марии (Сретение, 2 февраля), желая прусских и жмудских язычников унять, перебить и искоренить.

Языческий фортель. Но как только зашли в глубину языческой земли, оставили часть войска при обозном имуществе и военном снаряжении и боевым строем двинулись против язычников, язычники пруссы и жмудины пропустили большое христианское войско и, проведенные [в обход] шпионами (spiegi), ударили на тех, которые были оставлены в обозе при вьюках, и всех их без особого труда поразили и побили и распотрошили обоз с имуществом. Потом, полагаясь на свою мощь и на первое счастье, ударили на все христианское войско. И когда с обеих сторон мужественно встретились, ожесточенная битва длилась несколько часов с переменным успехом, но в конце концов божьей карой язычники одержали победу. Там честный рыцарь Штенкель, граф из Бентхейма, и другой граф из Рейдера, мужественно пробиваясь сквозь ряды язычников, полегли [вместе] со множеством рыцарства немецкой шляхты.

Магдебургский шляхтич Гирхас сожжен жмудинами как жертва. А когда, по языческому обычаю, за победу приносили жертвы своим богам, через метание жребия избрали в жертву для сожжения магдебургского шляхтича Гирхальса и, когда тот был дважды спасен некоторыми язычниками, знавшими его ранее, а жребий выпал ему в третий раз, он сам подчинился добровольно. И так честный рыцарь Гирхальс, в кирасе и с конем, на котором сидел, был заживо сожжен как злодейская языческая жертва.

Языческая победа пруссов и жмудинов. Потом граф Барбиг новым немецким войском прибыл в Пруссию на помощь упомянутым христианам, и когда огнем и мечом повоевал самбийскую и жмудскую землю, мстя язычникам за побитых христиан, тут же язычники пруссы со жмудинами собрались воедино и ударили на немецкое войско в день святой Агнешки (21 января), самого графа гетмана захватили и войско христианское

тремя ударами раз за разом поразили. Потом, пользуясь победой, захватили у крестоносцев замки и города Гейльсберг, Христбург, Кенигсберг либо Крулевец, Бартенштейн; о чем хроники Прусские, Длугош и Меховский... и т. д.¹⁰.

Глава четвертая

О разорении раз за разом Мазовии литвой и руссаками в году 1262 и [о том, как] посекали князя Земовита

Данило, король Русский, помирившись и объединившись с литовским королем Мендогом, послал с ним своего племянника Шварна¹¹ либо Свармира – разорять Мазовию. И так Мендог с литвой, а Шварно с русью, собрав сообща войска, через леса и дебри тайком вторглись в Мазовию и в году 1262, в канун Святого Иоанна Крестителя (23 июня) захватили не ожидавшего [нападения] мазовецкого князя Земовита¹² с сыном Конрадом и со всем его двором, беспечно жившего в фольварке Яшовске или Ездове.

Шварно жестоко зарубил Земовита. И там Шварно, племянник Даниила, короля русского, своей собственной рукой сам жестоко зарубил князя Земовита Мазовецкого, который достался ему [при дележе добычи и пленников], а его сына Конрада литовский король Мендог, ласково с ним обходясь, спрятал невредимым и потом в том же году отдал его за выкуп.

Битва мазуров с литвой и руссаками. Руссаки и литва, распустив на все стороны загоны, жестоко разорали осиротевшую без князя бедную Мазовию, чего не могла стерпеть мазовецкая шляхта, собравшаяся с крестьянами в деревне Длугоседло. И там смело ударили на литву и руссаков, но когда мужественно сошлись и отражали превосходящего неприятеля, то из-за величины [вражеского войска] были одолены и побиты¹³. А одержавшие победу руссаки и литва все мазовецкие края и большую часть куявской земли разорили, а потом, отягощенные несметным числом пленников, взятой добычей, стадами и разными другими трофеями, пожегши городки и села с фольварками, без отпора вернулись в свои края.

Плоцк снова отстроен. Когда литва с руссаками вышли из Мазовии, калишский князь Болеслав Благочестивый, поддавшись горестным просьбам княгини Гертруды, вдовы князя Земовита Мазовецкого, посеченного Шварном, в день святого Михаила (6 сентября) приехал на пепелище и сразу же город и замок Плоцк, сожженный литовцами, заново отстроил, рвами и валами окружил и укрепил, и передал в руки сыновей Земовита, Болеслава и Конрада.

А литва и руссаки, не удовольствовавшись награбленным при первом разорении Мазовии, на другой год снова вторглись в плачевную Мазовию, куда не заходили при первом разорении. Углубившись в эти земли и переправившись через Вислу, [они] огнем и мечом разорали и грабили Ловичскую землю, принадлежащую к Гнезненскому архиепископству, и с большими трофеями, когда никто не смел преградить им [путь], похваляясь, потянулись в свои края.

Cromer. Graves autem jam admodum non modo Masoviae sed Boleslai Pudici ditionibus Litwani esse caeperant ni divinitus auxilium affulsisset etc. intestini elenium motus respirandi spacium nobis dederunt. От литовцев было бы уже совсем душно и тяжело (как Кромер и Длугош пишут) не только Мазовии, но и землям краковского и сандомирского князя Болеслава Стыдливого, тогдашнего польского монарха, если бы сам Господь Бог не соблаговолил ниспослать с неба помощь и спасение.

Мендог убит с сыновьями. Смиловившись над бедной Мазовией, он посеял внутренние несогласия и домашние ссоры между литвой и руссаками (хотя Меховский пишет, что не Господь Бог был причиной раздоров), ибо Стройнат или Тройнята (Тройнат или Трениота), племянник (сын сестры) упомянутого литовского короля Мендольфа или Мендога, намереваясь сесть на престол Литовской земли, спящего [Миндовга] убил, двух его сыновей, Рукля и Репикасса, которых при нем застал, зарезал и в 1263 году сам овладел Великим княжеством Литовским и столицей своего [едино]кровного дядюшки¹⁴.

Стройнат снова воюет Мазовию. Но и этот великий князь Литовский, упомянутый Тройнята или Стройнат, не был ни ласковее, ни спокойнее по отношению к христианам, ибо в самом начале своего правления повоевал Мазовию около Червиньска, а добыв замок Оршимов, взрослых мужчин посекал, молодых недорослей пожег и только женский пол [вместе] с другой добычей вывел в Литву.

Стройнат убит. Однако же вскоре своим окружением, подкупленным Войшелком или Волштиником, сыном Мендога, который постригся в чернецы, и его родичем Теофилом или Товтивилом, племянником того же Мендога, на охоте пойман и после долгих мучений умерщвлен. О том Длугош и Меховский, Кромер и т.д. подробнее пишут, хотя и под разными месяцами...

¹ Mindoph, Mendolph, Mendog, Mindagos. Миндоф и Миндагос встречаются только у одного Стрыйковского, поэтому в заголовке мы решили «подправить» их на Миндов и Миндаугос (Миндаугас), так как такие транскрипции в переводах источников попадаются нередко. Кстати, и сам Стрыйковский всего несколькими строчками ниже так и пишет: Миндаугос и Миндов.

^{1a} Ян Глебович (1544-1590 гг.) герба Лелива – каштелян минский (1571-1585 гг.) и трокский (1585), подскарбий литовский (1580-1586 гг.), воевода трокский (1586 г.). Сын виленского воеводы Яна Глебовича и Анны Заславской, граф Священной Римской империи на Дубровно и Заславле. В 1563-1566 гг. находился в русском плену и, как знаток Библии, приглашался Иваном Грозным для богословских дискуссий.

² Жемайтия – по-литовски буквально «Нижняя земля». Так в современном литовском языке называется западная часть Литвы. Устаревшее название этой территории — Жмудь, а ее жители именовались жмудинами. Русский перевод названия труда Стрыйковского чаще всего звучит так: «Хроника литовская, жмойтская и всей Руси». Однако слово «жмойтская» не соответствует не только современным нормам литовского языка, но и написанию самого Стрыйковского. У него ясно написано: «Жмодзка». Согласитесь, что слово «Жмодзь» на

слух почти не отличимо от «Жмудь», но лишь отдаленно напоминает «Жмойтия». Поэтому в своем переводе я буду употреблять слова «жмудь» и «жмудины», а не «жмойты».

³ Шестым прусским магистром, по Дусбургу, был Хельмерих фон Вюрцбург (1262-1263 гг.), а во время коронации Миндовга эту должность занимал Дитрих фон Грюнинген (1249-1257 гг.). Но Стрыйковский имел в виду не их, а Поппо фон Остерна – прусского магистра в 1241-1247 гг. и великого магистра Тевтонского ордена в 1252-1256 гг. Почему вместо прусского магистра назван великий магистр, как раз понятно и легко объяснимо. В начале XIV века после переноса резиденции великого магистра Тевтонского ордена в Пруссию отдельная должность прусского магистра была упразднена. С тех пор в разных хрониках великого магистра все чаще начинают именовать прусским магистром; эта традиция существовала и во времена Стрыйковского. Особо отметим, что Поппо действительно был шестым великим магистром – по отношению к Герману фон Зальца, если считать Германа первым. На самом деле Герман фон Зальца в списке великих магистров Тевтонского ордена не был первым, чего Стрыйковский мог и не знать.

⁴ В грамоте Миндовга упоминается литовская земля «Вейси», вероятно, Стрыйковский имел в виду именно ее. О дислокации этого топонима смотри соответствующую литературу, здесь же на этом останавливаться не будем.

⁵ Прав как раз Меховский, а не Кромер. Битва при Дурбе произошла в 1260 году. Однако сам Миндовг не имел к этой битве прямого отношения и уж тем более не вел в бой войска (этого, кстати, не утверждает и Стрыйковский — разве что в подзаголовке). Лучшим подтверждением тогдашнего нейтралитета литовского короля служат официальные хроники Тевтонского ордена, которые никогда не обвиняли Миндовга в катастрофе у Дурбе. Мало того, и в XIV столетии орденские документы сохраняют лояльное отношение к Миндовгу, сообщая, что тот пал жертвой своего окружения именно из-за своей приверженности к христианству. «Перемена чувств» Миндовга (как выразился русский летописец) произошла только в 1261 году, тогда же начались литовские набеги на Пруссию и на Мазовию.

⁶ Ливонского магистра действительно звали Бурхард фон Горнгаузен. Выделенные жирным шрифтом и взятые в скобки заметки на полях принадлежат самому Стрыйковскому.

⁷ Так называемое «Сандомирское взятие», судя по впечатлениям современников, было одним из самых жестоких и кровавых погромов, учиненных татаро-монголами в Восточной Европе. Относительно датировки этого события споры ведутся до сих пор. «Великопольская хроника» сообщает, что татарское нападение на Сандомир произошло не после дня Святого Андрея, как у Стрыйковского, а до, т.е. еще в ноябре 1259 г. В церковных мартирологах значится, что блаженный Садок и его товарищи, убитые татарами в Сандомире, погибли 2 февраля 1260 г. Если сандомирский погром был в конце ноября, то возвращались татары как раз в начале февраля (Стрыйковский пишет, что они повернули обратно на третий месяц). День памяти блаженного Садока и 48 сандомирских мучеников католическая церковь отмечает 2 июня.

⁸ В XIV в. и в начале XV в. Тевтонский орден неоднократно подавал папе официальные жалобы на жестокости литовских и жемайтских язычников, которые должны были служить оправданием систематических набегов на Литву самих орденских рыцарей.

⁹ Халкедон (Кадыкей) – во времена Стрыйковского предместье, а ныне район Стамбула. Здесь в 451 г. состоялся IV Вселенский собор.

¹⁰ При написании этого раздела основным источником Стрыйковского была хроника Петра из Дусбурга.

¹¹ Шварн Данилович (1230-1269 гг.) был не племянником (у Стрыйковского – сыном сестры), а родным сыном Даниила Галицкого. Считается, что Шварн был женат на дочери Миндовга.

¹² День святого Иоанна Крестителя (Ивана Купала) – 24 июня, его канун – 23 июня. Согласно «Великопольской хронике» Земовит был убит 22 июня 1262 г. Участие в его убийстве Шварна (тем более – в качестве непосредственного убийцы) очень сомнительно.

¹³ Сражение у Длугоседло, по «Великопольской хронике», произошло 5 августа 1262 г.

¹⁴ Истинная роль Тройната в заговоре против Миндовга и вообще его участие или неучастие в этом заговоре до сих пор являются предметом дискуссий.

Договор Великого княжества Литовского с Ливонским орденом (1253 г.)

Датируется 1253 г.

Миндовг, Божьей милостью, король Литовский и т. д.

Так как мы уже призывали, подвигнутые благословением господним на выбор нами главой Христа, посредством совещания с братьями ордена Тевтонского в Ливонии привести народы к свету веры Иисуса Христа и для их возрождения.

Личной милостью, благословенный и найсвятейший отец и господин наш, папа Иннокентий IV короновал нас на владение всей Литвой и всеми землями. Королевство наше и все наше доброе подчинение и протекция апостольской церкви является порукой и с помощью господина и церкви мы вышли из заблуждения, и с помощью которой мы сможем вывести из заблуждения неверные души в будущем, чтобы наконец были бы достойны не напрасной похвалы и чтобы мы содействовали бы нашею мощною рукой усмирению строптивых врагов государства нашего и врагов веры.

Мы видим необходимость помощи магистра и братьев-предиктов, которые и сами должны нам помогать, и они это пообещали под более крепкой клятвой, что в этих документах полно содержится.

Войско тех самых братьев ордена узнается по обычаю построения и они были готовы и намерены отправиться для сопротивления врагам веры. Мы - против возмутителей веры и хотя нам самим более, чем другим христианам нужна помощь, они (братья) без оков обязанностей собирают себе дань, пополняя убыль в вечной жизни. И при всем том они обладают силами, чтобы соблюдать свои обязательства, данные нам, для этой необходимой помощи, для этого необычайной важности дела.

Называя имена второстепенных земель отечества, владея ими постоянно свободно и спокойно, с согласия всех наших наследников мы признаем и этим договором устанавливается, что сами братья, взвесив собственные возможности и признав наши законные владения, выступают против наших врагов и врагов веры постоянно без помощи и в союзе с нами и нашим мечом.

Те же самые обязательства мы возлагаем на себя, на наших приемников тех пределов и на всех братьев.

Названия же земель таковы: Рассеин – половину, Луков – половину, Бетегалия – половину, Ергаллия – половину, Даинов – половину, Кулено – все, Карсово – все, Кразо – все, Недерово – все, Вейцо – весь, Вейзо – весь, Ванго – весь.

Письменное свидетельство этого дела, настоящий договор мы скрепили нашей печатью. Присутствовавшие здесь с настоящим согласились господин епископ Кульменский, магистр Андреас – предиктор и братья самого Андреаса – Иоханес, Ситтгерус и Теодорих Хассендорп, брат Синдерам с братьями-предикторами, брат Адольф с младшими братьями и свои чужии принимающие участие.

Совершено в Литве в нашей курии в год Господень 1253 июля месяца.

Великое княжество Литовское и его политика при Гедимине (Матей Стрыйковский, «Хроника...»)

Гедимин – основатель династии Гедиминовичей. Великий князь Литовский с 1316 по 1341 гг.

В сочинении Матея Стрыйковского «Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси» (1582 г.) содержатся довольно подробные сведения о деятельности Гедимина.

Матей Стрыйковский (1547 – между 21 октября 1586 и 1593 гг.) – польский историк, поэт и писатель, дипломат, католический священник (капеллан). Первый историограф Великого княжества Литовского. Наиболее известный труд Матея Стрыйковского – «Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси», описывает события в Речи Посполитой до 1581 г.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Глава первая

Гедимин или Гидзимин¹ Витенович, великий князь литовский, жмудский, русский и прочее

Год 1315

Князья, паны и бояре литовские и жмудские, по обычной языческой церемонии напоследок отпраздновав погребение своего великого князя Витеня или Виценя на виленских жеглищах, съехались в Кернов, где после долгих совещаний, видя его сына Гедимина мужем в расцвете лет и не раз испытанного в рыцарских делах против крестоносцев, единогласно избрали его и возвели на великое княжение Литовское, Жмудское и Русское и присягнули ему от всех сословий как истинному наследнику в году 1315 при римском императоре Людвиге и папе Иоанне XXII².

Летописец русский так ведет свой простой рассказ: при польском короле Владиславе Локетке, прусском магистре Карле Тревирском³ и других был великий князь Гедимин по смерти отца своего Виценя на великом княжестве Литовском, Жмудском и Русском, а сидел в столице отца своего Кернове. И поднялись против него прусские немцы и инфлянты (ливонцы), и вторглись со множеством немецкого люда в Жмудскую землю, желая ей завладеть и на ней осесть. А великий князь Гедимин не успел быстро собрать против них войска, ибо только начал править, и послал гетмана своего с немногими людьми на замок Кунасов, который ныне зовется Ковно (Каунас), укрепить его по причине огромной мощи крестоносцев, а был это гетман его Гаштольд и т. д.

Но прусский магистр Карл фон Трир с великим маршалом Генрихом фон Плоцке⁴, с помощью лифляндского магистра⁵ и других вспомогательных полков [германской] империи, разделив свои войска натрое, беспрепятственно разоряли и огнем и мечом воевали всю Жмудскую землю и силой взяли замок Юрборк (Юрбаркас, Георгенбург). Потом осадили главный каунасский замок, ночью и днем непрерывно штурмуя его и подкапывая башни. И хотя Гаштольд с литовцами и жмудинами достаточно храбро оборонялся, [временами] беря верх, но немцы настойчиво и упорно ломались на стены частью по лестницам, частью через двери, выбитые таранами, и так своим множеством одолели утомленных литовцев. А замок Кунасов взяли и, обобрав, сожгли его, воинских людей посекали, женщин забрали в неволю, взяли там же в плен и Гаштольда, виднейшего гетмана литовского. А Гедимин не мог так скоро собрать войска для равной битвы против столь ужасающей мощи прусской, ливонской и всей Немецкой империи, не мог оказать помощи терзаемой Жмуди; поэтому прусские крестоносцы завладели всей жмудской землей, оторвав [ее] от Литвы, а ливонские курляндской. И назначили своих старост в жмудских замках и немецких солтысов⁶ во всех волостях, как о том более пространно упоминают ливонские хроники и русские летописцы, хотя ни Петр из Дусбурга, ни Меховский не пишут, что в то время крестоносцы заняли всю Жмудь, а только [о том], что сожгли Бисенский, Медникский и другие замки.

Гедимин, великий князь литовский, очень встревоженный этими поражениями и утратой жмудской земли, однако, к счастью, не падая духом, а мужественно снося невзгоды, быстро собирал войско из своих людей. А выкупая из неволи своего гетмана Гаштольда, послал за него магистру Карлу тридцать тысяч золотых и так его вызволил, и снова поручил ему командовать всем войском. И все-таки в том же году [он] не мог выступить в большой поход против немцев, будучи ими очень ослаблен и обескровлен отнятием Жмудской земли, откуда литовские войска прежде черпали главные силы и подкрепления.

Но прусский магистр (должен быть Карл, а не Генрих, как пишет Меховский), расхрабившись от первых успехов, вернулся в Литву с еще большим немецким войском и, быстро разделив полки и загоны на четыре части, распростер свою разрушительную мощь еще шире, чем прежде. И много повятов литовских, до

этого дня ни разу не тронутых крестоносцами, повоевал, разорил и вместе с награбленным вывел из Литвы в Пруссию целую армию пленников.

Потом, в 1316 году, когда хлеб уже созревал на полях и близилась жатва, прусский великий маршал Генрих Плоцке в четвертый раз вторгся в Литву и, захватив два литовских замка, Юнигеду и Писту, сжег их, а хлеб по всем волостям либо вытоптал, либо выжег.

Желая отомстить за эти кривды, некий литовский пан Давид⁷, гартынский или гродненский староста, с восемью сотнями вооруженных всадников вторгся в Пруссию, где разорил повят Унсдорф (так у Меховского и Длугоша, а немец Дусбург зовет его Вохенстолф) и, набрав трофеев, возвращался в Литву. Но комтур Капиова (а может, Тапиау) Ульрих Дрейлебен, догнав его и разрушив сначала мост, вступил с ним в битву, в которой немцы убили пятьдесят пять (а Дусбург пишет 45) литовских казаков и отбили пленных. Тапиау, а не Капиов, от Кенигсберга в 5 милях, как я сам измерял⁸. Дусбург пишет, что это было в 1319 году.

В это же время Болеслав, князь брестский и легницкий, с Конрадом, князем глоговским и олесницким, вели в Силезии междоусобную войну и в конце концов Конрад, разоренный войной, дошел до такого убожества, что [носил] холщовый плащик и не имел ни одной лошаденки. Длугош, Кромер, Меховский и другие. Потом за два княжества, Глоговское и Олесницкое, взял по милости [своего] победителя Болеслава два местечка, Любуш и Волаве, для спасения от нищеты. А Болеслав, князь брестский и легницкий, из-за своей расточительности потом тоже пришел в такую нужду, что вынужден был вместе со своими владениями подчиниться чешскому королю Яну (Люксембургскому).

И за определенную денежную сумму оставил [в залог] вроцлавским горожанам своего сына, которого потом выкупили легничане, его подданные. И со знатью случаются чудеса, а не только со слугами...

¹ Гедимин, правивший в Литве с 1316 по 1341 гг., был не сыном, а братом Витеня.

² Людвиг IV Баварский был королем Германии в 1314-1347 гг., но римским императором стал только с 1328 г. Годы понтификата папы Иоанна XXII: 1316-1334 гг.

³ Владислав Локетек был правителем Польши с 1312 года, но короновался лишь в 1320 г. Карл фон Трир (Тревир) – великий магистр Тевтонского ордена в 1311-1324 гг.

⁴ Генрих фон Плоцке был прусским магистром в 1307-1309 гг., великим комтуром в 1309-1312 гг. и великим маршалом Тевтонского ордена в 1312-1320 гг.

⁵ Ливонским магистром в 1309-1322 гг. был Герхард фон Йорк, которого Рюссов ошибочно именует Конрадом фон Йокке. Зато имя его преемника (1322-1324 гг.) было действительно Конрад (Кетельгут).

⁶ Солтыс (шутгайлс, шульц) – должностное лицо типа деревенского старосты, назначаемое феодалом для управления селом и сбора налогов.

⁷ Имеется в виду Давыд Городенский (Гродненский). Некоторые исследователи считают его сыном Довмонта, но эту точку зрения пока не удастся ни достаточно убедительно подтвердить, ни опровергнуть.

⁸ Расстояние от Кенигсберга (совр. Калининград) до Тапиау (совр. Гвардейск) составляет около 40 км, таким образом, миля у Стрыйковского равна примерно 8 км.

Послания Гедимины

Письма Гедимины – один из древнейших памятников письменности Великого княжества Литовского.

Сохранились копии писем Великого князя Литовского Гедимины, написанных по-латыни в Вильне в 1323-1324 гг. и адресованных Папе римскому Иоанну XXII, властям ганзейских городов Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга, Кельна, а также Любека, Ростка, Штральзунда, Грейфсвальда, Штеттина и Готланда, францисканцам и доминиканцам. В письмах Гедимин заявлял о своем желании принять христианскую веру. Крестоносцы обличались в том, что они на самом деле захватчики и ими движут отнюдь не забота о христианизации Литвы. Кроме того, в Литву приглашались рыцари, лекари, ремесленники, купцы, земледельцы, рыбаки, а также священники, причем сообщалось, что уже выстроены две церкви в Вильне и Новогрудке. Всем гарантировалась безопасность, свобода передвижения, полное или на несколько лет освобождение от налогов и повинностей. Письма свидетельствуют о стремлении литовского государя к международному признанию и позволяют усматривать в деятельности Гедимины широкую программу экономической, культурной и военной модернизации Литвы. В письмах впервые упоминается Вильна как столица Литвы.

Сочетание в стилистике писем языческих и христианских черт объясняют тем, что они диктовались язычником князем, а записывались христианином писцом. Письма оцениваются не только как важный источник истории культуры и документы политической истории, но и как образцы средневековой эпистолярной словесности.

Послание Гедимины Папе римскому Иоанну XXII (1322 г.)

Высочайшему отцу, господину Иоанну, первосвященнику римского престола, Гедимин, король литовцев и многих русских и проч[ее].

Издавна мы слышали, что все исповедующие христианскую веру должны подчиняться вашей воле и отцовской власти и что Сама католическая вера направляется попечением римской церкви.

Поэтому настоящим посланием мы сообщаем вашей милости, что наш предшественник король Миндовг со всем своим королевством был обращен в христианскую веру, но из-за возмутительных несправедливостей и бесчисленных предательств магистра братьев Тевтонского ордена все [и король и подданные его] от веры отпали, так же как, – увы, – и мы, [вследствие чинимых] обид, до нынешнего дня пребывали в заблуждении наших предков.

Ведь наши предшественники неоднократно направляли для заключения мира к господам рижским архиепископам своих послов, которых они [братья Тевтонского ордена] безжалостно убивали, как это явствует из случая во времена господина Исарна, который от лица господина Бонифация содействовал установлению мира между нами и братьями Тевтонского ордена и отправил нам свое послание; но когда послы от господина Исарна возвращались, то по дороге одних убили, других повесили и [ли] принудили утопиться.

Также предшественник наш, король Витень направил послание господину легату Франциску и господину архиепископу Фредериду с просьбой прислать ему двух братьев Ордена миноритов, предоставляя им место и уже воздвигнутую церковь. Проведав об этом, братья прусские Тевтонского ордена послали окольными путями отряд и предали эту церковь огню.

Также они захватывают господ архиепископов и епископов и клириков, как явствует из случая с господином Иоанном, которого умертвили в курии во времена господина Бонифация, и с архиепископом господином Фредериком, которого они обманом изгнали из церкви; и [из случая] с одним клириком господином Бертольдом, которого они в городе Риге безжалостно убили в [его] собственном доме.

Также они опустошают земли, как явствует из примера Земгалии и многих других [областей]. Но говорят они, что делают [это] для того, чтобы защитить христиан.

Святой и досточтимый отец, мы с христианами вели борьбу не для того, чтобы уничтожить католическую веру, но чтобы противостоять несправедливостям [т.е. действовали так], как поступают короли и Князья христианские; это очевидно, поскольку у нас [живут] братья Ордена миноритов и Ордена проповедников, которым мы дали полную свободу крещения, проповеди и отправления прочих священных обрядов.

Ведь мы, досточтимый отец, написали вам это затем, чтобы вы знали, почему наши предки впали в грех неверности и неверия. Но теперь, святой и досточтимый отец, мы усердно молим, чтобы вы обратили внимание на наше бедственное положение, поскольку мы готовы, как и другие христианские короли, вам во всем следовать и принять католическую веру, лишь бы только нас ни в чем не притесняли вышеупомянутые мучители, а именно вышеупомянутые магистр и братья.

Послание Папы римского Иоанна XXII Гедмину (1 июня 1324 г.)

Мужа высокого и благородного, Гедмина, славного короля литовцев и многих русских, Иоанн, епископ, раб рабов божьих, [призывает] чтить и страшиться господа.

Направленное к нам послание твоей милости, исполненное преданности и немногословное, пришлось, несомненно, по сердцу нам и братьям нашим, кардиналам святой римской церкви. Им ты возрадовал и возвеселил слух наш, когда мы внимали [уверениям в] твоей преданности, одобряли разумный замысел твоего спасения, напряженно думали, размышляя над тем, что ты заверяешь нас, будто питаешь благочестивую преданность господе и нам, а также римской церкви.

В начале своего послания после первых же слов о твоем любезном [нам духовном] спасении ты добавил, что все исповедующие христианскую веру должны подчиняться нашему руководству и что сама вера католическая направляется попечением римской церкви [и] сообщил нам, что некогда твой предшественник Миндовг вместе со всем своим королевством был обращен в христианскую веру, но вследствие жестоких и вредоносных несправедливостей со стороны любезных сынов [наших] магистра и братьев Тевтонских ордена святой Марии Иерусалимской они от веры той отклонились и вновь впали в прежнее заблуждение подобно тому, как и ты по той же, должно быть, причине, возможно против своей воли, пребываешь до сего дня в таковом заблуждении; а также ты последовательно перечислил в том же послании великое множество невероятных притеснений, несправедливостей, бесчинств, обличающих того же магистра и братьев, добавляя, что ты никогда не ведешь борьбы с христианами из желания сокрушить христианскую веру, но защищаешь себя от врагов своих [подобно тому], как поступают другие короли и князья христианские, и что у тебя живут братья Ордена миноритов [и] проповедников, которым ты предоставил и обеспечил полную свободу крещения, проповеди и просвещения христиан, а также неверных, дабы обратить их к всемогущему господе богу.

Наконец, ты смиренно умолял нас удостоить вниманием твое бедственное положение, поскольку ты готов, подобно другим королям-католикам нам во всем следовать и принять истинную веру, если только тебя не будут ни в чем притеснять вышеупомянутый магистр и братья, и избрал нас и упомянутых братьев наших кардиналов римской церкви в отцы себе и сыновьям своим тем, которые есть и тем, которые будут, а также ты еще нижайше просил, чтобы мы соблаговолили послать к тебе в эти владения для установления мира и определения границ любезного брата нашего Фредерика, архиепископа рижского, вместе с легатом нашим и апостольского престола.

Затем по прошествии некоторого времени второе пронизанное ароматом благочестия послание, которое предназначила нам твоя милость, до краев преисполнило весельем и даже ликованием нас и упомянутых братьев наших, поскольку ты и все остальные князья и бароны твоего королевства, похвально продолжая оставаться твердыми в принятом решении относительно нас и упомянутой церкви, заявили, что [и] ты и они, замечательные [своей] неподкупной искренностью, согласны с тем, что в тебе есть тот дух почтительной покорности, который снизошел на тебя, как мы верим, не без дара божественного милосердия, в соответствии с

чем в начале того же послания указывается, что ты признаешь, сообразно с божественным предначертанием, единого бога отца и сына и духа святого и в это ты крепко веришь и [этого] придержишься, почитая нас от самого этого господя бога, истинного и живого, пастырем и руководителем всех нуждающихся во спасении, чтобы то, что мы связали и разрешили на небесах и на земле, оставалось неизменным по воле высочайшего судьи.

Сверх того, это послание содержит много приятного и любезного нашим намерениям, о чем мы в настоящем послании краткости ради умалчиваем.

Мы же, обсудив с должным вниманием вместе с теми же братьями нашими [кардиналами] как первое, так и второе послание, многократно возблагодарили всемогущего бога отца, от коего происходит всяческое благо, в чьей руке сердца королей, для коего без всякого затруднения исполняется желаемое, за то, что, как кажется, милость святого духа озарила твои духовные очи лучами своего сияния и указала тебе путь католической веры, чтобы ты с присущей королю рассудительностью разумно восстановил ту католическую веру, которую твой ранее названный предшественник принял вместе со своим королевством, хотя они, отклонившись от нее в дальнейшем, впали предосудительно, как повествовало твое послание, в прежнее заблуждение, [и возблагодарили мы всемогущего бога] в особенности в предвидении того, что исполнится великое и благотворное желание наше и самой церкви быть свидетелями, как она пополнится многочисленным потомством рода человеческого и как различные племена народов будут обитать в доме господнем, объединенные попечением этой же веры в единый любезный Христу народ.

Во всяком случае этот дом, именно, единую соборную церковь, непорочную и незапятнанную, избрал наш господ бог для себя и народов, как читается в «Песне песней»: «Одна есть невеста моя, избранная моя, незапятнанная моя».

Так же, сам господ свидетельствует в «Евангелии», что одна есть овчарня у овец и один пастырь, а в «Речениях апостолов» католическая вера утверждает, что едина католическая и апостольская церковь, а церковь эту господ Иисус Христос на себе же самом, как на краеугольном камне, заложил и пролитием драгоценной крови своей искупил ее [и] руководство ею вверил главе всех апостолов, блаженному Петру, викарию своему, и через него его преемникам предоставил преимущество единственной в своем роде привилегии, сказав: «Ты – Петр, и на камне том воздвигну церковь мою», – и [также] когда после воскресения своего трижды повторил Петру: «Паси овец моих», и еще передают, господ молился за веру его, говоря ему в Евангелии: «Я за тебя молился, Петр, чтобы не оскудела вера твоя, и ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих»; а чтобы у этого главы апостолов и его преемников была всеобъемлющая власть и несомненное право допускать [людей] в царство небесное, господ сказал ему: «Тебе дам ключи царства небесного, и что тобой будет связано на земле, будет связано и на небесах, и что тобой будет разрешено на земле, будет разрешено и на небесах». Следовательно, кто к этой овчарне вернется и к покровительству этого пастыря прибегнет вновь, и к тому же совершит жизненный путь, руководствуясь его учением и наставлением, тот заслужит милость спасения. Кто же от них уклонился, погибнет, будучи осужден.

И потому мы с отеческой любовью желаем, чтобы ты, не замедлив в своем спасении, заслужил присоединиться к сотовариществу избранных и воспринял благодать истинного обращения и общения, во что верит, чего придерживается и что хранит мать римская церковь, во всем отстраняясь от заблуждений схизматиков, наставления которых уводят с дороги света и пролагают путь во мрак.

Вот почему мы по совету наших братьев [кардиналов] сочли нужным назначить к тебе и областям, подчиненным твоей власти, в качестве особых нунциев, как наших, так и указанного [апостольского] престола, досточтимого брата нашего Бартоломея, электензийского епископа, и любезного сына Бернарда, аббата монастыря святого Теофрида анициенского епископства, мужей, известных особенным знанием грамоты, достохвальной жизни и обхождения, не лишенных благодати евангельской проповеди и потому любезных нам и указанным братьям [кардиналам] и направляющих очи разума нашего, с тем чтобы тебе в королевстве твоём возвестили «Евангелие» и проповедали бога и господя нашего Иисуса Христа, и разумно наставили и воспитали вас в истине подлинной веры, именно, [веры] святой, католической и апостольской римской церкви, дабы воспринявшие, благодаря их спасительным поучениям о крещении, самого Иисуса Христа, сына божьего, ты и народ твой, которые, возможно, еще не возродились в крещении, удостоились укрепиться святым таинством и украсили его славное имя соблюдением христианской веры.

Далее, поскольку ты в первом, а также во втором названных ранее посланиях нам и указанным кардиналам, братьям нашим, вновь я вновь обращался к упомянутым противоречиям с указанным магистром и братьями, то мы, внимательно выслушав, – это происходит от нашего доверия и непорочного благочестия – что ты не отказываешься следовать здесь нашему и римской церкви суду и, покорно повинувшись ему, с доверием молишь о помощи, сообщим, когда ты после принятия этой веры вступишь в лоно церкви, тем же магистру и братьям посланием нашим, [заклученным] в мандатах, и сделаем по воле господя и благодаря тщательно продуманной предусмотрительности апостольского престола так, чтобы они полностью одумались [чинить] тебе такого рода неприятности, убытки и несправедливости и с тобой постарались жить по-братски и в мире, без которого зиждитель мира почитается недостаточно; и кроме того, поскольку после апостола блюсти всеобщую справедливость обязаны мы, то в отношении тех противоречий, тяжб и спорных дел, которые, как ты утверждаешь, у тебя имеются с указанными магистром и братьями, мы решили, после свершения твоего

счастливого обращения [в христианскую веру], явить величайшую справедливость и оказать защиту тебе и твоим родным и королевству; так что ты, избрав, как сообщается, вместе со своими сыновьями нас и указанных кардиналов, братьев наших, в отцы, можешь заслуженно радоваться, что выбрал таких отцов и что ты в нас и указанной римской церкви найдешь то, что надеялся найти в помощи отца и матери.

Впрочем, и упомянутым епископу и аббату мы предписали в мандатах, чтобы они между тобой и упомянутыми магистром и братьями относительно указанного постарались все уладить и примирить, что приведет к славе и хвале господина, возвышению католической веры, чести апостольского престола, возвеличению церкви и ободрению бедных, спасению души и тела.

Итак, мы твою королевскую милость просим, призываем и настоятельно требуем, чтобы ты во имя господина, а также указанного апостольского престола и нашего величия ради, приняв радушно и встретив достойно тех епископа и аббата, вернее говоря, нас в их [лице], разумно согласился бы с их указаниями и был бы для христиан-католиков, которые у тебя проживают, благочестивым и милосердным, благожелательным и благосклонным, и разрешил бы, чтобы эти епископ и аббат и другие достойные лица, имеющие благодать евангельской проповеди, которых они [епископ и аббат] привели бы для ее свершения, свободно проповедовали [учение] Иисуса Христа вышеупомянутым христианам, а равно и другим [людям], неверным, находящимся под твоей властью.

Дано в Авиньоне.

Послание Папы Иоанна XXII Немецкому ордену (1 июня 1324 г.)

Иоанн XXII и пр[очее] любезным сыновьям магистру и братьям [ордена] Тевтонских госпитальеров святой Марии Иерусалимской [шлет] привет и пр[очее].

Отец светозарный, от которого, как известно, исходит всякое благое деяние и всякий совершенный дар, подготовил, как представляется, ум славного мужа Гедимины, короля литовцев и многих русских, к познанию и приятию света католической веры, что мы узнали из преданнейших посланий его к нам и братьям нашим, кардиналам святой римской церкви, направленных нам лично; поэтому ввиду настоящего стремления указанного короля к познанию [символа веры католической] мы позаботились направить в эти земли в качестве особых нунциев апостольского престола досточтимого брата нашего Бартоломея, епископа электензийского и любезного сына Бернарда, аббата монастыря святого Теофрида анициенского епископства, мужей, особенно известных ученостью, похвально проявивших себя ранее в ведении важных и трудных дел и горячих поборников католической веры, надеясь, что их рукой этот король и другие князья и знать вместе с народом указанных земель, возрожденные благодатью святого крещения, примут истинное и святое учение католической веры и евангельскую истину.

И поскольку этот король в противоречиях, тяжбах и спорных делах, которые, как утверждает, он имеет с вами, не отказывается следовать нашему суду и суду католической церкви, но, более того, с доверием молит о помощи, то, желая его и каждого неверного обратить в католическую веру и стремясь, насколько нам с божьей помощью удастся, достигнуть этого милостями и сохранить благодеяниями, мы вас всех убедительно просим, призываем и требуем, решительно вменяя вам в добродетель благочестивой покорности, чтобы, после того как этот король примет по воле божьей католическую веру, вы совершенно отказались бы чинить неприятности, убытки и несправедливости ему и людям его королевства, и мы желаем даже, чтобы вы с названным королем и другими обратившимися к вере католической людьми этих земель жили по-братски и в мире, без которого жидитель мира почитается недостаточно.

Мы же, поскольку вслед за апостолом должны блюсти для всех справедливость, намереваемся после обращения этого короля в католическую веру явить относительно вышеуказанных противоречий, тяжб и спорных дел знаки апостольского попечения с целью скорейшего установления наивысшей справедливости.

Дано в Авиньоне, в июньские календы, в год восьмой.

Сообщение посланцев папских легатов (22 сентября 1324 г.)

Да будет вам известно, что мы..., посланные господами легатами апостольского престола, [а также] господином архиепископом [рижским] и советниками города Риги к королю Литвы..., прибыли в его город Вильну в субботу после праздника всех святых, и под вечер король приказал позвать нас к себе.

Когда мы пришли к королю, восседавшему вместе с советниками в своих палатах, мы вручили ему послания господ легатов, господина архиепископа, епископа эзельского и дерптского и советников Риги, которые он милостиво принял.

После этого мы сказали ему, что хотим обсудить с ним дела от лица господина апостольского наместника и ранее указанных господ. Он ответил, что в такой час [сделать это] неудобно, так как мы прибыли с дороги и после тягот [пути] должны отдохнуть и быть довольными и веселыми.

На следующее утро мы пошли к братьям-миноритам слушать мессу, и до мессы мы говорили с братом Николаем, стараясь узнать, придерживается ли король прежнего намерения, о котором он писал господину

апостольскому наместнику и всему миру, [и] настоятельно просили его [брата Николая] дать совет (из которого мы поняли, что брат Николай состоит в совете короля), дабы брат Николай ради любви к христианству научил нас, каким образом мы могли бы вести дело господина апостольского наместника, вверенное нам. Он сказал, что намерения короля изменились таким образом, что он вовсе не хочет принимать веру Христову, и ничего другого мы добиться от него не смогли и так пошли в церковь слушать мессу.

Когда кончилась месса, мы говорили с братом Генрихом и Бертольдом, братьями-миноритами, как и прежде прося совета. Они ответили, что у короля были добрые намерения, но – увы, – под влиянием других неожиданно возникших обстоятельств он совершенно изменил и отклонил [свой первоначальный замысел]. Они даже в течение целого года не были в его совете, а был [там] только брат Николай, которого они подозревали в том, [что он является причиной] этого несчастья и того, что [король] отклонился от предстоящего благого дела, которое он начал по внушению святого духа.

Между тем, когда мы были у мессы, король послал за братом Николаем, и, когда после мессы мы хотели идти на подворье в сопровождении брата Бертольда, пришел королевский посол и позвал братьев Бертольда и Генриха к королю.

После того как была совершена трапеза, король послал за нами, но когда мы пришли, мы нашли его в королевских палатах вместе с его советниками, примерно двадцатью, что нам было очень неприятно, так как мы надеялись найти его одного.

После того как мы посоветовались между собой, нам стал ясен [замысел короля] и из него мы поняли, что король изменил [свое решение], [и] чтобы снискать его благосклонность начали говорить о прибытии господ [легатов] и об имевшем место процессе против братьев [Ордена] и о возвращении после заключения мира пленных и их добра, за что он очень благодарил и был доволен.

После этого мы напомнили королю, как он направил свое послание господам советникам в Ригу, указывая, что он не может направить в город своих послов с посланием: ведь в предшествующем году он направил в город своего посла, [а] того в пути схватили, морили голодом и пытали – [и] обращаясь с просьбой к советникам [Риги], чтобы они сами направили к апостольскому наместнику кого-нибудь из своих [доверенных людей] с посланием и делами короля и чтобы они не скупились на плату, потому что подошло время, которое в союзе с малым принесло бы великое; вследствие чего советники с радостью отправили меня... с вашим посланием к господину нашему папе, который через господина архиепископа с несказанной радостью принял ваше послание и на следующий день приказал созвать в консисторию кардиналов, которым он, согласно вашему желанию, сообщил то, что содержалось в вашем послании; при этом присутствовали господин архиепископ и я.

И тотчас господин папа не мог найти подходящих лиц для выполнения дела столь значительного и несущего спасение, но через некоторый промежуток времени он послал, согласно вашему желанию, о котором вы писали господину апостольскому наместнику и архиепископу, достойных уважения во Христе отцов и господ..., [облеченных] полнотой власти, которые с благословения господина вместе с господином архиепископом невредимыми прибыли в Ригу, направив нас пред лицо ваше пожелать вам все больших благ, посланы же они ради вашего обращения [в христианство], которого долго добивались вы и ваши предки, и с великим нетерпением желают видеть вас, так как они направлены [сюда] для вашего спасения и возвышения вашего королевства.

Тогда король спросил, знаем ли мы, что содержалось в послании, которое он предназначил господину апостольскому наместнику и архиепископу, и всему миру.

Мы сказали, каков был смысл послания, что-де король желал принять христианскую веру и креститься.

Тогда в ответ он начал говорить, что не приказывал писать этого, а если брат Бертольд написал, то пусть это падет на его голову. «Но если у меня было когда-нибудь [такое] намерение, то пусть меня крестит дьявол».

После этого он стал уверять, что он хотел бы, как он и писал, господина апостольского наместника почитать отцом, так как он старше меня, и таковых я буду почитать отцами, и господина архиепископа я также почитаю отцом, так как он старше меня, а моих ровесников я буду почитать братьями, а тех, кто моложе меня, – сыновьями, и пусть христиане чтут бога своего по-своему, русские – по-своему, поляки – по-своему, а мы чтим бога по нашему обычаю, и у всех [нас] один бог.

И, короче говоря, король целиком подтверждал содержание послания, исключив только крещение, поскольку он не желал креститься, и в связи с этим прибавил, такие слова: «Что вы мне говорите о христианах? Где больше несправедливости, насилия, жестокости, бесчестия и излишества, чем у христиан, особенно у тех, которые кажутся благочестивыми, как, например, крестоносцы, которые совершают всякое зло; они захватывали епископов, бросали их в темницу и содержали в тяжелых условиях до тех пор, пока те не соглашались на все их желания, а других они изгоняли. Они убивали клириков и священнослужителей, нанесли огромный ущерб городу Риге и не выполнили ничего из того, что в первое время насаждения этой христианской веры клятвенно обещали. Особенно [это относится] к прошлому году, когда здесь находились послы правителей земель и единодушно, без принуждения заключили мир для всего христианства, и скрепили его клятвами и, вдобавок, целовали крест, и тотчас ничего из того, что скрепили клятвами, не выполнили: ведь они убили моих послов, которых я, как мы постановили, направил ради укрепления мира, да и не только их, но

многократно и многих других убивали, брали в плен, бросали в темницы и содержали в тяжелых условиях, и вследствие этого всем их клятвам я не верю».

На следующий день мы отправились в церковь миноритов и слушали мессу. По окончании мессы мы вернулись на наше подворье и, когда была завершена трапеза, король прислал к нам послов из [людей] своего совета, чтобы они спросили у нас, будем ли мы сохранять мир, который был установлен, и кто будет и кто не будет сохранять, и есть ли кто-нибудь, кто будет сохранять мир. Сам-де он готов сохранять, сообразно с тем, что он обещал, а тех, кто сохранять не будет, он-де приведет к покорности, и на это они потребовали ответ.

Посовещавшись между собой, мы ответили что мы не знаем, почему король отказался от предстоящего благого дела, о котором он сообщил господину апостольскому наместнику, господину архиепископу и всему миру, [и] не знаем, что намереваются делать господа легаты, архиепископ и его помощники, но если королю желательно, то пусть он отправит вместе с нами своих послов, которые смогли бы обстоятельнее объяснить ему, будет сохраняться мир или нет.

И ему это было желательно при том [однако] условии, что мы возьмем этих послов под свою ответственность с тем, чтобы они могли прийти и уйти в полной безопасности, что мы и сделали.

После этого на следующий день переводчик короля, христианин, позвал нас на подворье братьев миноритов. Там мы нашли королевского уполномоченного вместе с его советниками в присутствии братьев доминиканцев и миноритов, и этот-то королевский уполномоченный спросил у братьев-миноритов, кто [писал] первое послание, направленное апостольскому наместнику.

Брат Генрих ответил, что то послание, с которым король направил своего собственного посла в город, писал он сам. С послом [же] тем в дороге обошлись плохо, бросили в темницу и морили голодом, а послание господину папе было переслано.

Тогда [уполномоченный] спросил у брата Бертольда, не он ли составлял послание, будто король хочет креститься.

Тот отвечал, что он составлял второе послание, которое было направлено через советников Риги, и в нем ничего не писал, кроме исходившего из уст самого короля, что тот-де желает быть покорным сыном и войти в лоно святой матери-церкви, принять христиан и, короче говоря, прославить веру христову, ибо он осознал свое [духовное] заблуждение.

И уполномоченный сказал в ответ так: «Значит, ты припоминаешь, что король не приказывал тебе писать о крещении?»

Тогда сам Бертольд и брат Николай из Ордена доминиканцев и мы все возразили, что быть покорным сыном и войти в лоно святой матери церкви есть не что иное, как крещение.

На это уполномоченный и брат Николай сказали в ответ, что именно брат Бертольд был тем, кто ввел короля в столь великое заблуждение, и, сказав так, они удалились.

Когда они собирались уходить, мы обратились с настойчивым вопросом к уполномоченному, сможем ли мы поговорить наедине с королем и лично с ним. Он ответил, что сообщит [об этом] королю.

И на следующий день король прислал [к нам] того же самого своего уполномоченного с некоторыми другими из [людей] своего совета, чтобы они поговорили с нами наедине, потому что сам король не мог говорить с нами лично, так как был занят с татарами.

И вот мы начали излагать им дело сообразно с тем, что было нам поручено нашими господами, и, как могли, растолковали им, и просили, чтобы они сами при обсуждении [на совете] разъяснили королю, что если он останется верным и постоянным в прежнем благом намерении, то он сам достигнет такого же великого почета, какой имеет на земле каждый христианский король, и [даже] большего, и высоко вознесет свое королевство и весь свой род.

Ведь господин апостольский наместник дал нашим господам легатам всю полноту власти, какую он лично сам имеет, и что бы король ни пожелал, они предоставят ему вдвое больше и, короче говоря, он станет столь великим и могущественным королем и повелителем, как никто в мире.

Кроме того, мы просили, чтобы [король] дал ответ в посланиях господам нашим легатам, архиепископу и городу, [а] они сказали, что король сделает [это] и отправит [грамоты] со своими послами, чего он [однако] не сделал.

То, что произошло потом [и] что мы тайно услышали относительно этого дела.

Позднее мы услышали от брата Генриха, брата Бертольда и других братьев и даже от лиц недуховного звания, что братья из Пруссии дали много дорогой одежды и добра тем, кто повлиятельнее из Жемайтии, поэтому те поднялись против короля, говоря, что если он примет веру, они захватят его самого, сыновей и всех близких к нему и при содействии братьев Тевтонского дома изгонят из его королевства и полностью истребят.

Такие угрозы они много раз на протяжении этого года бросали в лицо королю; тем же королю угрожали и русские, и будто поэтому-то король отклонился [от принятия] веры, так что он не решается больше говорить о крещении.

Сверх того, мы слышали от тех же братьев-миноритов, что они слышали от сотоварища брата Николая из Ордена доминиканцев и даже мы сами... из его [сотоварища] уст слышали, но [держали] промеж себя втайне, что брат Николай сказал ему следующее: «Однажды, когда я беседовал с королем, король заговорил о своем обращении, прося у меня совета, что делать. Я ответил: "Мне кажется, что вы поступаете не мудро. Вы

почитаете отцом рижского архиепископа, [а] он сам себя не может защитить, ведь он сам добрый двенадцатый год находится в Риме по своим делам, и до сих пор конца этому нет. Следовательно, как вас защитит тот, кто себе самому не может помочь; а господин апостольский наместник так далеко, что вы будете полностью и совершенно уничтожены прежде, чем он придет к вам на помощь. Но если вы хотите идти по этому пути, то вы должны предпочесть какого-нибудь могущественного короля, как король Венгрии или Богемии. Они смогут вас защищать и оберегать».

И много такого мы слышали, но в памяти удержать не смогли.

Позже, когда мы должны были возвращаться, мы направились к отцу Геннекину, переводчику короля, и сказали ему следующее: «Геннекин, ты христианин и обязан почитать Христа и христианскую веру, что ты, как мы знаем, [и] делаешь от всего сердца. Так как мы узнали, что ты был переводчиком между королем и братом Бер[тольдом], когда он писал вышеназванное послание, то призываем тебя во имя крещения, которое ты принял, чтобы ты подумал о спасении своей души и о страшном суде, где каждый обязан будет дать отчет о всех своих делах явных и тайных, и сказал бы нам истину, был ли у короля такой замысел, как писал он господину нашему папе о своем обращении и принятии веры Иисуса Христа».

Он ответил на это, прося, чтобы то, что он скажет, мы хранили в строжайшей тайне, так как, если [это] кому-нибудь станет известно, он лишится жизни: «Вы, господа, так усиленно уговаривали меня, что мне следует сказать правду. Я знаю, что король был тверд в своем решении креститься, так как он с величайшей охотой приказал написать послание, а почему он отклонился, я не знаю. Но дьявол посеял семя свое, и я прощу, как и прежде, чтобы вы держали это в тайне».

После этого мы услышали от некоего брата Ордена миноритов, будто одна женщина из приближенных королевы открыла ему, что, когда мы там были [и] после того как ушли с беседы, король на всю ночь удалился в свою опочивальню, взяв с собой родственника своего Ерудоне, и горько плакал и, перестав, начинал снова, и как будто каждую ночь он делал так трижды, и, насколько эта женщина могла судить, он делал это потому, что он должен отказаться от своего первоначального решения.

Послание Гедимина гражданам Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга, Кельна (25 января 1323 г.)

Всем христианам, рассеянным по всему миру, мужчинам и женщинам, в первую очередь, вместе с [гражданами] некоторых городов, обладающих правовыми преимуществами, [гражданами] Любека, Зунда, Бремена, Магдебурга, Кельна, [а] также и остальным, вплоть до [граждан] города Рима, Гедимин, милостью божьей король литовцев и русских, правитель и князь Земгалии, [шлет] привет, неизменную милость и любовь.

Мы равно уведомляем отсутствующих и присутствующих [при данном акте] людей, живущих на земле ныне, а также и будущие поколения-, что мы направили нашего посла с грамотой к господину апостольскому наместнику и святейшему отцу нашему, желая принять католическую веру. Ответ его мы знаем, и все время с нетерпением ожидаем прибытия его легатов, так что, если они придут к вам, то, содействуя их продвижению, с почетом к нам пропустите. Мы хотим, чтобы вы услужили нам в подобном или более важном случае; ведь какое бы благодеяние вы не оказали им, знайте, что вы [его] нам оказали.

Ибо все, о чем мы святейшему отцу и господину нашему папе подробно написали, мы во хвалу господу и во славу святой церкви будем стремиться неукоснительно, выполнять [и] возводить церкви, как мы [это] уже сделали. Да будет вам известно, что мы два года тому назад в нашем городе Вильно заново построили одну церковь Ордена проповедников; а также церкви Ордена миноритов: в вышеупомянутом нашем городе Вильно одну, в Новгороде – другую, которую сожгли прусские крестоносцы ради уничтожения христианства и искоренения на нашей земле братьев-миноритов, [и] которую в том же году мы приказали отстроить вновь во славу господу всемогущего, родительницы его девы Марии и блаженного Франциска, чтобы постоянно те же братья-минориты воздавали хвалу Христу на благо нам и ради спасения детей и жен наших, а также всех воистину верующих господу Иисусу Христу.

[Мы приглашаем к себе] епископов, священников, верующих любого Ордена, если только жизнь их не порочна, как [жизнь] тех, которые строят монастыри [и] вымогают милостыню у порядочных людей и тогда торгуют и заполняют собой упомянутое государство [Орден] (да что говорить, вы создали разбойничий вертеп) – [так вот], исключая таковых людей, потому что у нас с ними дружбы не будет.

Сверх того всем благомыслящим мы предоставляем землю, собственность и [наше] королевство.

Рыцарей, оруженосцев, купцов, лекарей, кузнецов, тележников, сапожников, кожевников, мельников и пекарей, лавочников, [представителей] любого вида ремесла, – всех их, перечисленных выше, мы наделим землей, каждого соответственно его положению.

Те земледельцы, которые захотят прийти, пусть без налога в течение десяти лет возделывают нашу землю. Купцы пусть въезжают [в нашу землю] и выезжают [из нее] без дорожных повинностей и торговых пошлин, свободно [и] совершенно беспрепятственно.

Если пожелают остаться рыцари и оруженосцы, то мы, как подобает, обеспечим их доходом и наделим владением.

Пусть же весь [этот] народ пользуется гражданским правом города Риги, если только затем советом благородных не будет найдено лучшее [решение].

Всякий, кто воспрепятствует [исполнению] сказанного выше и даже помешает приходящим узнать вышеизложенное, безмерно огорчит нас, и пусть он знает, что нанес [ущерб] не им, но нашему королевскому величию.

Ведь наше желание теперь – никому не причинять вреда, но всем помогать и скрепить вечным союзом мир, братство и истинную любовь со всеми верными имени Христову.

Чтобы это оставалось нерушимым, мы засвидетельствовали и скрепили послание нашей печатью.

Дано в нашем городе Вильне по зрелому размышлению в лето господне 1323 в [день] обращения святого апостола Павла.

Мы просим всех советников, чтобы это послание было списано и список прикреплен к дверям храма, а само послание из почтения к нам без малейшего промедления было послано в соседний город, дабы слава божия таким путем стала известна всем. Молите бога за нас.

Послание Гедимина гражданам Любека, Ростока, Штральзунда, Грейфсвальда, Штеттина и Готланда (26 мая 1323 г.)

Гедимин, милостью божьей король литовцев и русских, правитель и князь Земгалии, мужам почтенным, рачительным и уважаемым, судьям, советникам и гражданам Любека, Ростока, Зунда, Грейфсвальда, Штеттина и Готланда, купцам и ремесленникам всех состояний [шлет] привет, королевскую милость и любовь.

Поскольку все королевства, одним из которых владеем мы, также подвластны царю небесному Иисусу Христу, как форма содержанию и раб дому, то, хотя среди- всех королей мы являемся наименее значительным, однако, божественным промыслом в своих землях, где предписываем и повелеваем, казним и милуем, открываем и закрываем [доступ в наши владения], мы самое могущественное лицо.

И вот сейчас вы без всякого затруднения перешли наши границы, [с целью] посетить Новгород и Псков. Все это мы [вам] позволили, уповая на лучшее будущее.

Теперь вы сами изо дня в день видите и слышите [об] убытке, [который] вы все [понесли]. Наши предки послали к вам своих послов и грамоты, предоставили вам землю, [но] никто из ваших не пришел, ни одна собака из владений их не ответила благодарностью на [это] пожалование.

Написанное выше пусть не пугает вас. Если они [предки наши] обещали одно, то мы с благословения господина сделаем вдвойне и, следовательно, больше; ведь нашему отцу святейшему господину папе мы ради единения с церковью божьей направили наше послание и ожидаем с несказанным нетерпением прибытия его легатов, безопасность которых мы обещали неуклонно блюсти.

Поэтому, заботясь о вас самих, приглашая к себе от всех вас истинных полномочных послов, и людей, заслуживающих доверия, мы сверх нашей подписи и настоящего послания, скрепленного нашей королевской печатью, сверх этого клятвенно обещаем вам всем, что мы установим такой мир, подобного которому христиане никогда не знали.

Мы приглашаем к себе епископов, священников, духовных лиц Ордена проповедников и миноритов, жизнь которых честна и достохвальна; [но] мы не желаем доступа [к нам] тех, которые делают из церквей разбойничий притон, торгуют милостыней в ущерб душам [своим] и даже выходят оттуда признанные разбойники и [люди], умерщвляющие клириков. Мы советуем каждому государю остерегаться таких монахов.

Сверх того, [превосходя] всех наших предшественников, мы уже в настоящем послании объявляем, что по королевскому пожалованию наша земля свободна от торговых пошлин и дорожных повинностей для всех купцов, рыцарей, вассалов, которых мы обеспечим доходом каждого сообразно его положению; для ремесленников любого состояния, именно мастеров, сапожников, тележников, каменотесов, соледобытчиков, пекарей, серебряников, баллистариев, рыбаков, и любого [другого] состояния – пусть приходят; с женами, детьми и домашним скотом пусть согласно предписанию приходят [в нашу землю] и уходят [из нее] совершенно беспрепятственно, так как мы клятвенно обязуемся, что они останутся в безопасности и будут избавлены от всех несправедливостей со стороны наших подданных.

Земледельцам, желающим прийти в наше королевство и остаться [в нем], мы даем [землю] и разрешаем в течение десяти лет свободно и без налога обрабатывать [ее] и половину этого времени быть свободными от любой королевской повинности. По истечении же вышеупомянутого срока и также, в зависимости от плодородия земли, они будут давать десятину, как заведено в других королевствах и у других народов с тем, однако, расчетом, чтобы у нас доход их возрастал сильнее, чем обыкновенно бывает в других королевствах.

Пусть весь [этот] народ пользуется гражданским правом города Риги, если только к тому времени мудрым советом благородных не будет найдено лучшее [решение].

А чтобы сделать вас более преданными и надежными, мы построили две церкви миноритов: одну в нашем королевском городе, именуемом Вильно, и другую в Новгороде, и третью – Ордена братьев проповедников, чтобы каждый славил господу согласно своему обычаю.

Итак, чтобы наше пожалование оставалось нерушимым и крепким, мы повелели написать эту грамоту и скрепить ее нашей печатью. Поскольку известно, что [грамоту, скрепленную] такой же печатью, мы послали господину нашему и святейшему отцу и что мы для себя все точно переписали, мы сохраним [наше слово] неизменным.

Поносящих [же] печать мы в этом послании отвергаем, как злобных рушителей веры, лживых и бесчестных еретиков.

Через княжество господина Бонислава, князя Мазовии, к нам каждый при нашем покровительстве может иметь свободный доступ.

Дано в Вильне, в лето господне, 1323, в самый день тела Христова.

Послание, оглашенное в одном городе, мы просим переписать под наблюдением духовных лиц и других достойных доверия людей и без промедления переслать в другой, чтобы наше желание стало известно всем. Прощайте.

Послание Гедимины монаха Ордена проповедников (доминиканцев) (26 мая 1323 г.)

Гедимин, милостью божьей король литовцев и русских, правитель и князь Земгалии, мужей ученых и благочестивых, магистров и приоров Ордена проповедников всех областей, а, в первую очередь, магистра Саксонии и приоров, повинующихся ему, [а также] всех братьев приветствует и [желает им] всяческих благ.

Да знает ваша достойная уважения и похвалы премудрость, что мы направили наших послов с грамотой к славнейшему отцу нашему папе господину Иоанну, дабы он облачил нас в первую очередь. Его послов с великим трепетом и нетерпением мы ожидаем со дня на день, потому что, лишь будет на то благословение господу нашего Иисуса Христа, мы тотчас же с готовностью примем любое благоизъявление его [папы] воли.

Поэтому мы приглашаем к себе епископов, священников, духовных лиц, кроме тех, которые продают свои обители и замышляют убийство клириков. Мы желаем защищать права церкви, чтить клир и ширить славу господу.

Мы просим, чтобы вы оповестили об этом народ в городах, местах и деревнях, где только кому-либо из вас случилось проповедовать.

И если [среди них] будут рыцари и оруженосцы, то мы дадим им доход и землю, сколько они пожелают; купцам, мастерам, тележникам, баллистариям, сапожникам, [представителям] любого вида ремесла мы предоставляем свободный вход в нашу землю и выход из, нее вместе с женами, детьми и домашним скотом совершенно беспрепятственно и без каких бы то ни было дорожных повинностей или торговых пошлин.

Хотя крестоносцы, вследствие вышеизложенного, в обиду нам сожгли нашу печать, с тем, очевидно, чтобы уничтожить начатое господом и отвести людям глаза, однако мы скрепляем ею это послание, подобно тому, как мы приказали скрепить печатью послание к господину отцу высокопочтимому апостольскому наместнику в знак не подлежащей сомнению истинности и защиты ради, ибо скорее железо превратится в воск, а вода в сталь, чем мы возьмем назад наше слово.

Злоумышляющие против написанного и печати суть клеветники, поборники дьявола, рушители веры, лживые и бесчестные еретики.

Это послание, прочитанное и переписанное магистром Саксонии и приорами, пусть как можно скорее будет послано дальше, дабы во славу божию завершилось то, что было начато.

Дано в лето господне 1323, в самый день тела Христова.

Прощайте.

Послание Гедимины монахам Ордена миноритов (францисканцев) (26 мая 1323 г.)

Гедимин, промыслом божьим король литовцев и русских, правитель и князь Земгалии, верующим во Христе мужам и отцам досточтимым и благочестивым, священнослужителям, стражам и пастырям и всем остальным братьям миноритам, рассеянным по всему миру, а в первую очередь священнослужителю Саксонии и всем остальным братьям, желает здоровья и постоянного преуспевания.

Мы хотим, чтобы вы знали, что мы направили наше послание высочайшему отцу нашему господину Иоанну, первосвященнику апостольского престола, чтобы он споспешествовал нам, как и остальным своим овцам, достигнуть тучного пастбища. Вследствие этого мы получили ответ, что скоро придут его легаты, промедление которых вызывает у нас бесконечную досаду, чтобы тем скорее привести в исполнение дело господне и побороть заблуждение, вводящее в соблазн.

Мы хотим через вас и ваших братьев во всех городах, местах и деревнях объявить всем наше желание и поощрить народ спасительными наставлениями, чтобы [то], что оросил господь, произошло и было пожато и помещилось на небесах с блаженными. Мы же приглашаем епископов, священников, духовных лиц любого Ордена, в особенности вашего, которому мы уже выстроили две церкви, одну в нашем королевском городе, именуемом Вильно, другую в Новгороде, к которым назначьте в этом году нам четырех братьев, знающих польский, земгальский и русский языки, такие, какие теперь есть и были [прежде]; а также [мы приглашаем священников] Ордена проповедников, которому мы предоставим в скором времени церковь. Мы исключаем, однако, [из числа приглашенных] тех духовных лиц, которые, нещадно губя свои души, торгуют во вред государям обителями и жизнью духовенства.

Также общаясь с народом и братьями, уведомляйте ради нашей любви [к вам] в городах, местах и деревнях, что рыцарей и оруженосцев мы обеспечим доходом, а купцам, мастерам, тележникам, серебряникам, соледобытчикам и, равно, ремесленникам любого состояния [предоставим] возможность свободного входа в нашу землю и выхода [из нее] через земли князя Мазовии господина Бонислава [без] всяких налогов, торговых пошлин, без несправедливых посягательств на дорожные повинности, совершенно беспрепятственно.

Написанное здесь мы сохраним неизменным, потому что наше слово останется твердым как сталь.

В свидетельство этого мы почли нужным прикрепить к настоящему посланию нашу печать [такую же, как та], которую мы [привесили к грамоте и] послали господину апостольскому наместнику и нашему святейшему отцу и которую теперь крестоносцы предали огню, чтобы оскорбить это посольство.

Поносящих эту печать и то, что написано здесь, мы в этом послании считаем последователями ложной веры, злыми и коварными еретиками.

Дано в Вильне, в лето господне 1323, в самый день тела Христова.

Когда послание будет прочитано священнослужителем и стражами, пусть его перешлют в другую область и пусть все братья неустанно молятся за короля, детей его и королев и все королевство, дабы господь завершил то, что начал.

Послание Совета города Риги, отправленное Гедимину до 2 октября 1323 г.

Славному правителю господину Гедимину, божьей милостью королю литовцев и русских, советники города Риги [желают] здравствовать во господе.

Да будет вам известно, что мы получили ваше послание, направленное нам недавно, из которого мы узнали, что вы готовы заключить с нами мир, подобно тому, как было у нас с вашим братом и предшественником, доброй памяти Витенем, и, кроме того, чтобы мы без опасения направили к вам своих послов.

Посему знайте, что мы в этих целях охотно направили бы к вам наших послов, но мы не можем этого сделать из-за братьев. Ведь сами они направляют к вам своих послов, когда хотят, [чего] мы сделать не можем и находимся в совершенном неведении относительно их замыслов: ведь нам они ничего не открывают.

Поэтому мы настоятельно и неустанно взываем к вашей милости, чтобы отдельно никакого особого мира с этими братьями вы не заключали, кроме как с согласия трех сторон, как исстари повелось, именно архиепископа с его капитулом, магистра тевтонских братьев и нашего города Риги.

Затем, вы просили письменного ответа относительно положения [дел] нашего архиепископа. Посему знайте, что господин наш архиепископ в римской курии во всем относительно вышеназванных братьев, как нам доподлинно известно, достиг желаемого, и мы надеемся, что сам он, с благословения господя, скоро прибудет с радостной вестью.

Затем, да будет вам, повелитель, известно, что грабители из ваших пределов наносят нам близ нашего города огромный ущерб. Поэтому мы вас умоляем, чтобы вы соблаговолили укротить грабителей так, чтобы они не наносили нам в будущем подобного ущерба.

Прощайте.

Мирный договор Гедимина с Орденом, Датским наместником Ревельской земли, епископами и Ригой 2 октября 1323 г.

Всех тех, которые видят и слышат эту грамоту, приветствует Гедимин, король Литвы, и желает им здоровья и мира господня.

Мы извещаем настоящей грамотой, что к нам по нашим письмам пришли послы: от епископа из Риги господин Вольдемар из Розена и господин Арнольд Стойве, что находится в городе епископа; от капитула господин Иоганн Молендинум и господин Томас; от епископа с Эзеля господин Бартоломей из Феллина и господин Лудольф из Виттенгофа, каноник из Гапезелле; от епископа из Дерпта и всех его вассалов и его города господин Герман Ланге; от наместника благородного короля Дании и его вассалов брат Арнольд, приор

из Ревеля и господин Генрих из Паренбеке; от магистра и всех братьев из Ливонии брат Иоганн из Левенброке, комтур Митавы, брат Отто Брамгорн; от города Риги господин Генрих из Митавы, господин Иоганн Лангезиде и господин Эрнест, от того же города; брат Вессель, приор проповедников; от братьев миноритов брат Альбрехт Склют.

Мы с этими вышеназванными, по совету и с согласия мудрейших, установили прочный мир со всеми христианами, которые отправляют к нам своих послов и хотят поддерживать с нами мир, следующим образом:

[1] Что все пути по суше и по воде должны быть открыты и свободны любому человеку для прохода и проезда [от н]их к нам и [от] нас к ним без каких-либо препятствий.

[2] Вот земля, на которой мы установили мир: с нашей стороны земля Аукштайтля и Жемайтля, Плессеков и все [земли] русских, которыми мы владеем; со стороны господ земли – епископство рижское и город Рига; со стороны магистра – Мемель и земля Курляндия и все, относящееся к Лифляндии, что подлежит власти магистра и его братьев; со стороны епископа Эзеля – все его епископство и все, чем он владеет; со стороны епископа Дерпта – все его епископство и все, чем он владеет, с городом Дерптом; со стороны короля Дании – Гария, Вирляндия, Аллентакен и все, чем он владеет. Этот мир мы следующим образом установили.

[3] Если будет так, что с каким-либо человеком кто-нибудь поступит несправедливо, то он должен требовать [удовлетворения] от поступившего несправедливо и требовать [решения] своего дела по праву земли.

[4] Если при том будет так, что ему не могло быть дано полное удовлетворение по праву, то должен он это [дело] довести до господ земли, в которой несправедливость совершена, они должны дать ему полное удовлетворение по праву.

[5] Далее. Если какое-либо имущество будет увезено в другую страну, его следует вернуть там, где произойдет.

[6] Далее, если захочет свободный человек поехать из одной страны в другую, он может это свободно сделать.

[7] Если бежит холоп из одной страны в другую, то следует выдать его, когда потребуют.

[8] Если будет так, что один человек потребует в другой стране у другого [свое] недвижимое имущество или какую-либо иную вещь, это следует выдать там, где произойдет.

[9] Этот мир[ный договор] должен быть прочным и крепким, и ни один человек не должен его нарушать. Если будет так, что какой-нибудь человек, который нам подвластен, захотел бы нарушить этот мир, он не может иметь на то права без нашего согласия. Кто захотел бы отказаться от этого мира по праву, тот должен предупредить другого за два месяца.

[10] Чтобы все это дело дружественно и наилучшим образом сохранялось между нами, мы даем в нашей стране каждому человеку, который к нам придет или от нас поедет, рижское право.

[11] И каждый с обеих сторон, желающий купить товар, [пусть] ведет любую торговлю, какую хочет.

А для подтверждения этого вышеуказанного дела и для скрепления прочного мира мы привесли к этой грамоте нашу королевскую печать. Эта грамота составлена в нашем замке в Вильно в тысяча триста двадцать третьем году от рождества господня, в воскресенье, после дня святого Михаила.

Послание Гедимина епископам Дерптскому, Эзельскому, Датскому наместнику Ревельской земли и Совету г. Риги, отправленное после 22 сентября 1324 г.

Гедимин, король литовцев и русских.

Досточтимым во Христе отцам и господам епископам дерптскому, эзельскому и наместнику земли ревельской, а также советникам города Риги и всем остальным, пребывающим с нами в мире, [шлем] свою дружбу и милость.

Мы извещаем вас, всех и каждого, и сетуем с болью в сердце, что мир, который был установлен между нами и скреплен с обеих сторон посланиями и утвержден господином папой, теперь без всякой вины нашей враждебно нарушен крестоносцами, братьями Тевтонского ордена, которые, не соблюдая условий договора и пренебрегая тем, что они должны были уведомить [нас] за два месяца до того, как нарушить мирный договор, и не задумываясь о справедливости, нанесли огромный ущерб подвластным нам землям, словно люди, забывшие о спасении своей души.

И [они нанесли ущерб] прежде всего тем, что захватили в плен шестерых живущих поблизости от них, кого почли нужным, дабы получить за них выкуп, и двоих безжалостно убили.

Также повсюду на дорогах – и на суше, и на воде – они расставили свою стражу, так что никто ни от вас к нам, ни от нас к вам не может пройти, хотя это явно противоречит предусмотренному в посланиях с обеих сторон.

Также убили они одного охотника из Упите, а двоих, захватив в плен, увели.

Также похитили они трех коней у Войната [и] отвели их к брату по имени Унгнаде.

Также они, пожалуй, захватили бы нашу крепость Медело, не будь она так сильно укреплена, однако множество людей они убили и иных увели с собой.

Также землю полоцкую они вражески разорили, людей и коней захватили [и] увели; часть из них они вернули, но, к немалому вреду для душ своих, все еще насильно задерживают двадцать человек.

Также ровно сорок дней спустя они снова, словно хищные волки, жестоко опустошили ту же землю, безжалостно убили восемьдесят человек, [а] некоторых увели с собой [вместе с] пятьюдесятью прекрасными конями, одеждой и другим добром, которого не счесть.

Также они приняли около трехсот холопов, подлежащих наказанию, которые бежали из наших владений, и ни одного из них не возвратили.

Таким образом, все [это] и многое другое, о чем рассказывать было бы(долго, причинили нам после установления мира, т. е. во время [действия мирного договора] упомянутые братья-крестоносцы, которые ни бога не боятся, ни людей не страшатся, как люди, полагающиеся на силу своей руки. Но вы все знаете, какая кара постигнет нарушающих этот мир. Мы же, поступая по справедливости и обещав вам справедливость и покорность, им доньше ни в чем никакой обиды не нанесли, тогда как они при видимости мира нанесли нам безграничный урон. Что надлежит после этого делать, или, точнее, с кем поддерживать мир, сообщите нам об этом как можно скорее.

Дано в Вильне в день святой троицы. В знак верности мы почли нужным прикрепить к этому [посланию] нашу печать.

Также они [крестоносцы] нарушили верность [мирный договор], когда, обещав нашим послам безопасный доступ в свои владения, пришедших захватили в плен, исключая Лессе, которого они, изувечив, отпустили. Что стало с остальными, мы не знаем по сей день. Лошадей [же] и все имущество их удерживают [братья-крестоносцы].

Также мы после того как услышали, что господин архиепископ [Фредерик] вернулся из курии, направили к нему, справляясь о его здоровье, нашего посла; они упомянутого посла повесили.

Также было условлено, что они должны вернуть две крепости, именно Дюнабург и Межотне, чего они не сделали.

Все эти упомянутые ранее убытки мы понесли после [заключения] указанного мирного договора.

Сверх того они [после установления мира], везде, где только могут, стараются по мере сил... лишить наших людей этого мира. Так что мир между нами долго сохраняться не сможет, если вы не найдете к этому иного пути.

Заявление Лессе, посла Гедимина (2 марта 1326 г.)

Во имя господина аминь. В том же 1326 г. в восьмой индикт, в двадцать второй [и] десятый месяц папства святейшего господина и отца Иоанна, божьим промыслом папы, на второй день марта, без малого, в три часа.

При мне, государственном писце, и нижеподписавшихся свидетелях, некий уполномоченный [на то] посол славного правителя господина Гедимина, короля литовцев и многих русских, по имени Лессе, произнес речь и сказал примерно следующее: «Досточтимые господина и особенно ты, клирик и государственный писец, я заявляю и говорю от имени господина моего Гедимина, короля литовцев, чьим послом, как вы знаете, я открыто являюсь и неоднократно являлся, от чьего сердца я говорю то, что говорю; и я хочу, чтобы вы хорошо знали, что вышеупомянутый король, господин мой, вместе со всеми своими подданными и подчиненными и желающими присоединиться к нему намерен строго соблюдать мир, установленный недавно между христианскими народами и нами, литовцами, скрепленный римской курией, объявленный всенародно господином нашим архиепископом и послами господина папы, аббатом и епископом; относительно этого мира здесь у вас есть наше повсюду разосланное послание и у нас в наших владениях – ваше; от названного же господина папы у вас есть такого же рода послание, подтверждающее мирный договор; [так вот] согласно содержанию этого послания, именно сообразно с мирным договором и приданием законной силы написанному, [король наш и намеревается строго соблюдать мир], если только не будет вынужден необходимостью [отказаться от этого], защищаясь от своих завистников, враждебным выпадам которых мы, как всем известно, непрестанно подвергаемся. Ведь, после того как упомянутый мир был заключен и утвержден, люди нашего короля были захвачены крестоносцами, безжалостно ограблены и убиты, как уже ясно видно [на примере] послов самого господина короля.

Ведь когда указанный мир был заключен и утвержден, [а] я, как [и] теперь, направлен, что вам. всем известно, в эти владения послом от господина моего короля, меня в Ашерадене, вместе с моими спутниками и свитой взяли в плен братья Тевтонского ордена, ограбили, перевозили из крепости в крепость, обрекали со временем на жалкую гибель, и держали в тяжком плену до тех пор, пока упомянутые послы господина папы своими протестами, заявлениями и с помощью мандатов не вызволили нас, состоятельных и свободных, из плена и оков вместе с отнятым у нас имуществом. Да воздаст им за нас наш господь бог.

Спутников же моих, русских, отправленных вместе со мною, те же братья снова ограбили в своей крепости Дюнабург, когда те, вернув себе добро, после плена возвращались домой.

А поскольку мы на все [это] жалуемся, то они стараются очернить доброе имя господина нашего, названного выше короля, и всех наших литовцев перед господином апостольским наместником, кардиналами, королями, князьями, городами и всеми другими христианами, перед кем [только] могут, говоря, что мы-де

отклоняемся от этого мирного договора, в чем нет нисколько правды, так как об этом ни сам господин наш король, ни кто-нибудь из наших доселе не помышлял, разве только – избави нас бог – это случится, как уже было сказано, в силу какой-либо настоятельной необходимости, ибо мы узнали, что упомянутые братья Тевтонского ордена не выполняют, как требует вышеназванное послание [о мире], мирного договора в той его статье, что все дороги на суше и на воде должны быть во всякое время свободны для каждого.

Это совершенно ясно на примере кораблей с товаром, именуемых «ладьями», державших путь на Русь, которые, как нас известили, были задержаны теми же братьями в их крепости Дюнабург и к тяжкому убытку для дел их [владельцев] не были пропущены далее туда, куда они направлялись; и на примере купеческого каравана, направлявшегося недавно в Литву и прошедшего с огромными трудностями и издержками больше половины пути, который они [братья Тевтонского ордена] недавно захватили, ограбили, [и] даже некоторых [людей] эти же братья увели в оковах с собой в крепость свою Митаву, подвергнув [их] на время тяжелому плену, и принудили после этого вернуться домой, не закончив дела.

Поэтому, когда вышеназванному нашему королю стало известно, что указанный мирный договор в соответствии с его содержанием выполняется весьма плохо, он послал меня в Пруссию к братьям Тевтонского ордена разузнать о соблюдении упомянутого ранее мирного договора, почему они всякий раз, когда [им это] было угодно, не выполняли условия, что все послы должны спокойно и беспрепятственно проходить через земли всех христиан и литовцев, [и приказал мне не прекращать дела], пока не откроется истинна относительно изложенного ранее.

После этого упомянутый король наш Гедимин направил в земли Ливонии своих послов, из которых один, по имени Курсо, [ими] руководил. В Ашерадене их захватили упомянутые братья и взяли в плен, и не пропустили к тем именно правителям, к которым они были посланы.

Затем подобное же упомянутые послы претерпели от братьев [Ордена] в Митаве.

По этой причине король наш и мы все чрезмерно и несказанно удивляемся и не в состоянии скрыть изумления, что эти братья Тевтонского ордена с господином своим папой, который, как вы говорите, есть наместник господина на земле, глава и повелитель всего мира, как видно, ничуть не считаются, поскольку они вовсе не стремятся соблюдать мирный договор, утвержденный именно самим господином папой.

Кроме того, господин наш король желает и воля его такова, чтобы тотчас к нему были направлены послы, которые бы внесли полную ясность во все, о чем упоминалось ранее».

Писано в Риге, в год господень, в индикт, папство, месяц, день, которые [обозначены] выше, в присутствии избранных и достойных уважения мужей, господ, Иоанна Лангезиде..., Эрнеста из монастыря, Генриха из Кальмера, Германа из монастыря и Генриха Мейе, свидетелей для этого особо приглашенных и призванных.

М[есто] п[ечати] п[исца].

Я же, Арнольд из Вифгузен, властью святой римской империи обычный государственный писец, все вышесказанное слово в слово, как слышал, написал и по принятой форме изложил и призванный, подпись свою, как положено, поставил.

Торговый договор (1 ноября 1338 г.) Великого княжества Литовского с Ливонским орденом

Это мир, который магистр Ливонии и король Литвы установили и высказали в следующих словах:

[1] От устья Эвясты прямо по дороге, которой владеет Гедимин, король Литвы, к Ницевре, и от устья Эвясты, пересекая Двину, к усадьбе, которая называется Успальде и от нее прямо к деревне, которая называется Стрипайне; выше той деревни, ни через дорогу, ни на дороге, никакое войско, ни литовское, ни людей магистра, не должно ни убивать, ни грабить. Вот мирные земли в Литве: Балнике, Кедрайхе, Неменсиане.

[2] Далее должна идти мирная земля от Эвясты вверх по направлению к ручью, называемому Педене и далее от ручья – по старому миру, к Адзеле. В мирной земле и выше ее не должно ни то ни другое войско никого убивать или грабить.

[3] Далее, для любого купца, будет ли он христианин или язычник, Двина должна быть свободна, – для едущих вверх и вниз, – где она течет, и [должны быть свободны] все ручьи, которые впадают [в нее], выше Эвясты.

[4] Далее, немецкий купец может ехать по Руси и по Литве безопасно [для] жизни и имущества столь далеко, сколь простирается власть короля Литвы.

[5] Далее, пусть дорога вниз по обеим сторонам Двины, ниже впадения Эвясты, будет безопасна любому купцу на расстояние, на которое он может метнуть копьё.

[6] Если случится, что человек, который не жил в мирной земле, попадет в мир[ную землю], он должен быть в безопасности; если же кто жил в этой мир[ной земле] и вышел из нее и был убит, в этом не следует винить ни одну из сторон, ни магистра, ни короля.

[7] Далее, должен купец иметь свободный путь, который называется «чистый путь»: всегда, когда немецкий купец приходит в Литву или Русь, пусть едет по стране, куда он хочет; равно же русский или литовский купец, всегда, когда он приходит в Ригу, пусть едет, куда он хочет, по стране Лифляндии столь далеко, сколь простирается власть магистра.

[8] Далее, если немецкий купец находится в Литве и умрет как христианин, его имущество должно остаться в безопасности; если же он будет убит [немецким] войском, не должен король иметь в том вины; равно же если будет, что литовское войско двинется в христианскую землю и убьют они своего купца, будет он русский или литовец, не должен магистр в том иметь вины.

[9] Далее, если у немецкого купца в Литве или в Русской земле будет что-либо украдено, это следует судить там, где произойдет; будет также, что немец украдет что-либо у русского или литовца, равно же следует это судить там, где произойдет.

[10] Если будет, что немецкие купцы затеют тяжбу между собой в Литве или в Русской земле, то должны они перенести ее в Ригу и там следует это судить; равно же, если русские или литовцы затеют тяжбу между собой в земле магистра, они должны это представить своим старейшинам.

[11] Далее, если немецкий купец затеет тяжбу против литовца или русского или русский или литовец против немца, это следует судить там, где произойдет.

[12] Если бежит литовец или русский через мирную землю в христианскую и принесет с собой имущество и захочет король поручиться, что это имущество принадлежит другому, имущество следует возвратить; равно же если бежит человек из христианской земли через мирную землю в Литву или в Русскую землю и принесет с собой имущество и захочет магистр или ландмаршалк поручиться, что имущество принадлежит другому, имущество следует возвратить; и если бежит литовец или русский через не защищенную миром землю в христианскую и принесет с собой имущество, это имущество можно не возвращать; и если бежит кто-либо из христианской земли через не защищенную миром – в Литву или Русскую землю и принесет с собой имущество, это имущество можно не возвращать.

[13] Далее, не следует с обеих сторон произвольно устанавливать границы [для купцов].

[14] Еще, если захочет литовец или русский предъявить по стародавнему делу иск немцу, он должен обратиться к тем, кому тот подвластен; равно же должен поступать немец [в отношении] литовца или русского.

Этот мир заключен от рождества господина в тысяча триста тридцать восьмом году, в день всех святых с согласия магистра и ландмаршалка и многих других достойных и совета Риги, которые на этом целовали крест; и с согласия короля Литвы и его детей и всех его бояр, которые так же свои обряды при этом совершили, и с согласия епископа Полоцка, короля и города Полоцка и короля Витебска и города Витебска, которые все на этом вышеназванном мире целовали крест. Этот мир должен сохраняться нерушимо десять лет.

Битва на Синих Водах (1362 г.) (Матей Стрыйковский, «Хроника...»)

Битва на Синих Водах (Синеводская битва) – сражение, состоявшееся между 24 сентября и 25 декабря 1362 г. на реке Синие Воды (Синюха) между войсками Великого князя Литовского Ольгерда и войсками монголо-татарских правителей на Подолье, вблизи крепости Торговица. Воспользовавшись внутренними неурядицами в Золотой Орде, вызванными гибелью ханов Джанибека и Бердибека, Великий князь Литовский Ольгерд организовал кампанию на татарские земли. Литовцы одержали решающую победу над тремя местными нойонами хана Мурада. В результате победы большая часть современной Украины (в т.ч. малонаселенные Подолье и Северное Причерноморье) с Киевом, уже находившимся под литовским влиянием после битвы на реке Ирпень (1324 г.), оказались под контролем Великого княжества Литовского. Победа литовско-русского войска в сражении, произошедшем задолго до Куликовской битвы 1380 г., подорвала могущество Золотой Орды.

Довольно подробное описание Синеводской битвы содержится в сочинении Матая Стрыйковского «Хроника польская, литовская, жомойская и всей Руси» (1582 г.).

Ольгерд, заключив на два года соглашение о мире с прусскими и ливонскими крестоносцами, отправился в поход в Дикие поля против татар. С ним отправились также четыре его племянника, сыновья новгородского князя Кориата, княжичи Александр, Константин, Юрий и Фёдор. И когда они, миновав Канев и Черкассы, дошли до урочища Синие Воды, то увидели в поле большую татарскую орду с тремя царьками, разделённую на три отряда. Один отряд вёл султан Кутлубах, второй возглавлял Качибей-Керей, а третьим командовал султан Димейтер. Ольгерд, увидев, что татары готовы к бою, выстроил своих в шесть изогнутых отрядов, по-разному их по бокам и во главе рассадив, так чтобы татары, как задумали, не могли их окружить в обычных схватках и причинить вред стрелами. Татары с неистовым рвением начали бой, засыпав литву густым железным градом из луков, случились несколько стычек, но нанесли мало потерь из-за правильного её построения и быстрого маневрирования. А литва с русинами вдруг с саблями и копьями нагрянули на них и в рукопашном бою прорвали лобные части и смешали им танцы полукругом, а другие, особенно новгородцы с Кориатовичами, с самострелов со стрелами нагрянули по бокам и длинными копьями сбрасывали их с сёдел, словно ветер снопы в бурю. Не сумев дольше выдержать лобового натиска литвы, татары начали мешаться и испуганные бежать в обширные поля. На побоище остались убиты три их царька: Кутлубах, Качибей (от имени

которого названо Качибейским солёное озеро в Диких полях по дороге как идти в Очаков) и султан Димейтер, и вместе с ними очень много мурз и уланов. Также везде по полям и в реках лежало полно татарских трупов.

Письмо Владислава II Ягайло Конраду Цольнеру (6 января 1383 г.)

Владислав II Ягайло – Великий князь Литовский (1377-1381, 1382-1392 гг.), король Польши (1386-1434 гг.).
Конрад Цольнер – Великий магистр Тевтонского ордена (1382-1390 гг.).

Приветствия многочисленные дружеские с искренним, полным уважения обращением господин магистр, властитель милостивейший.

Владычеству вашему сообщаем, что ваше письмо благоразумным сердцем мы хорошо восприняли, в котором нам весть, что Витовт (Vytaut) и Токвил (Tokwyl), как и встарь, князья литовские возле вас поселились, и смиренное моление за них, чтобы этих князей мы милостиво приняли бы, и дали бы им немного мы из наследства и небольшую вотчину их вернули бы мы и чтобы со всем сердцем просьбу вашу мы бы выполнили, соответствующую высокому уважению и дружбе.

Но в действительности не можем им поверить, вашей милости это поручаем и хотели бы иметь ваше решение над ними. Также ваше владычество помнит, почему вы должны подозревать наших беглецов и [их] удерживать, однако видится наше несогласие, что мы должны греть змею на груди.

Также, например, ваша милость от нас требует, чтобы мы с князьями Мазовии заключили тройной мир после праздника святой Пасхи (Pasca). Хотя дело, ваша милость, мы очень хотим закончить и трехсторонний мир заключить, как ваша милость требует и как вам нравится – через год после праздника святой Пасхи, однако прибавляются такие условия, – чтобы все имущество и товары, которые были у наших людей из Вильно отобраны и захвачены, нетронутыми возвращены или оплачены, и также люди наши из Вильно, которые были арестованы, были отпущены на свободу со всем имуществом.

И из того замка Висна, как вы говорите, хотя вам были предложены какие-то деньги, но об этом мы не печалимся, но видится нам бессмысленность и недостойность, что вы поддерживаете и помогаете врагам и неприятелям нашим нам в убыток и потери, однако с вашей милостью таким образом [все] хорошо умело между нами уладится и обозначится для каждой стороны, что не нужно будет один одному вредить, как к врагу один к одному относиться, но друг друга поддерживать против всех врагов.

Тревожит к тому же ваша милость [то], что от жемайтов, которые на вас усиливают жаловаться, откуда мы просим вас, друга, что те вас никоим образом не приглашали по той причине, что все жемайты подчиняются нам и брату нашему любезному князю Скиргелу, и потому мы даже поддерживаем большую непримиримость наших подданных и литвинов, о которой вам мы не можем писать по этой причине.

Дано в Вильне на [праздник] Богоявления.

Подпись этого письма в действительности была в этих словах, Ягайло великий король Литвы, друг ваш искренний. Выше написанные слова были [такими], как были поданы [в письме], великий властитель, господин Конрад, могучий и великий магистр Тевтонского ордена. Это письмо дано без задержки.

6 января 1383 года, Вильно.

Акт Кревской унии от 14 августа 1385 г.

Кревская уния от 14 августа 1385 г. – соглашение о династическом союзе между Великим княжеством Литовским и Польшей, по которому великий князь литовский Ягайло, вступив в брак с польской королевой Ядвигой, провозглашался польским королем.

Впоследствии, был заключен еще целый ряд соглашений между Великим княжеством Литовским и Польским королевством: Виленско-Радомская уния (18 января 1401 г.), Городельская уния (2 октября 1413 г.), Гродненская уния (15 октября 1432 г.), Краковско-Виленская уния (6 мая / 24 июля 1499 г.), Мельницкая (23 октября 1501 г.), последняя, однако, так и не вступила в силу по причине неутверждения сеймом Великого княжества Литовского. Все соглашения носили характер союза.

Итогом деятельности в рамках интеграции Великого княжества Литовским и Польского королевства явилось заключение Люблинской унии. Люблинская уния – государственный союз между Польским королевством и Великим княжеством Литовским, положивший начало единому федеративному государству, известному как Речь Посполитая. Акт унии был заключен 28 июня 1569 г. и 1 июля 1569 г. утвержден раздельно депутатами польского и литовского сеймов на общем сейме, созванном в Люблине. 4 июля 1569 г. уния была ратифицирована королем польским и великим князем литовским. Заключение Люблинской унии объясняется в том числе необходимостью укрепления позиций Великого княжества Литовского в Ливонской войне.

Мы, Ягайло, божьей милостью великий князь литовский, Руси господин и наследник уроченный, уведомляет всех, кого следует и которые письмо увидят, о том, что нам сообщили со стороны пресветлой госпожи, божьей милостью королевы венгерской, польской, далмацкой и т.д. благородные и уважения достойные мужи ксэндз Стефан, пробощ ханаденский, Владислав, сын Какаса из Каза, кастелян из Потока, Владко, чашник краковский, Николай, кастелян завиховский, и Кристиан, владетель казимерский.

Сперва тогда сказали, как просвещённый князь литовский Ягайло, отправил своё торжественное посольство сперва к польским господам дворянам, а потом к её королевскому величеству. Те же послы, которые были к королевскому величеству определены, взяли с собой верительные письма от главного и верховного посла, великолепного князя Скиргайлы, брата великого князя Ягайлы, который по определённым причинам лично перед её королевским величеством предстать не смог. Его послы, князь Борис и Ганко, виленский староста, представшие перед королевой венгерской, так, излагая дело, говорили:

«Много императоров, королей и разных князей жаждали вступить в постоянные отношения кровного родства с тем же великим князем литовским, но Бог всемогущий сохранил это для особы вашего королевского величества. Поэтому, пресветлая госпожа, исполни это спасительное поручение, прими великого князя Ягайлу в качестве сына и отдай ему в жёны любимейшую свою дочь Ядвигу, королеву Польши. Верим, что от этого союза воздастся слава Богу, спасение душам, почёт людям и увеличение королевству. Прежде же чем то, о чём речь, до завершения дела дойдёт, великий князь Ягайло со всеми своими братьями, ещё не крещёнными, также с родственниками, со шляхтой, дворянами большими и меньшими, в землях его живущими, хочет, желает и жаждет принять веру католическую святой Римской церкви. Не могли этого получить от него, несмотря на усердные старания, множество императоров и различных князей, так как Бог всемогущий славу эту для вашего королевского величества сохранил.

Для подтверждения и силы этого, обещает великий князь Ягайло собрать и отдать свои деньги для покрытия расходов, которые понесут как Литва, так и Польша, если только королева венгерская дочь свою, Ядвигу, королеву польскую, браком супружеским с ним соединит. Великий князь Ягайло обещает сумму, договорённую между королевой венгерской и герцогом Австрии, а именно дважды сто тысяч флоринов, собрать и выплатить. Этот самый князь Ягайло обещает и ручается собственными затратами и стараниями вернуть королевству польскому все земли, кем-либо оторванные от него и отнятые. Этот же князь Ягайло обещает вернуть первоначальную свободу всем христианам, особенно людям обоёго пола из земли польской, по праву войны захваченным и переселённым, и таким образом, что каждый или каждая смогут отправиться куда захотят. Наконец, этот же великий князь Ягайло обещает земли свои литовские и русские на вечные времена к короне Королевства Польского присоединить.

Мы поэтому, указанный великий князь литовский Ягайло, с вышеуказанным заявлением посольским, данным и оглашённым от нашего имени господам Королевства Польского посредством упомянутого Скиргайлы, брата нашего возлюбленного, как и с заверениями, данными пресветлой королеве венгерской Елизавете, посредством посланных тем же братом нашим уполномоченных, в присутствии послов госпожи королевы, как венгров, так и поляков, к нашему величеству посланных, вместе с братьями нашими, князьями литовскими Скиргайлой, Корибутом, Витовтом, Лингвеном, а так же от имени других братьев наших, присутствующих и не присутствующих, соглашаемся и заявляем это так названной госпоже королеве, как и упомянутым господам Королевства польского; те же заявления польские приказали мы скрепить печатями нашими и братьев наших, и это во всём подтверждаем».

Дано в Креве, в понедельник, в канун Вознесения пресветлой Девы Марии [14 августа] в год Господень 1385.

Письмо Владислава II Ягайло Генриху фон Плауену (1410 г.)

Владислав II Ягайло – Великий князь Литовский (1377-1381, 1382-1392 гг.), король Польши (1386-1434 гг.).
Генрих фон Плауэн – Великий магистр Тевтонского ордена (1410-1413 гг.).

Письмо Ягайлы новоизбранному великому магистру Тевтонского ордена с признанием его достойным должности и приглашением для переговоров в Рацёнж

Славному и достопочтенному господину Хенрику фон Плауену, Ордена дома немецкого в Пруссии магистру верховному.

Владислав, божьей милостью король Польши и т.д.

Славный и достопочтенный, признанный нами искренне. Мы ваше возведение в достоинство как всегда высоко оценили; и оттого, что на высшую ступень достоинства главы капитула вас возвели, такому радостному волнению лично предались и таким образом считаем, что вы достойны этого перед прочими. Воистину с мирных времён между нами ревностная любовь процветает как будто; и здесь процветания ждём живительного духа ради лет, когда свита, что при предшественнике вашем бессовестно нас поносила, высокого положения при вас не удостоится, потому что тогда жалоб распространение и ненависти раздувание, достойное сожаления, и поныне между нами имеющееся, легко можно будет прекратить и предать забвению. Всегда, когда сама к нам приходит ненависть, кто-то с другой стороной её приходит, воскреситель, начинает снова, тот, которому ничего неведомо, чьи доносы испытывают чистоту совести, как восходящее солнце вознесение обетов наших и прочих. Также пылкость наша всегда раздувает жарких бурь и сражений огонь, не религии христианской ставя препоны и нанося удары, но больше мира сладостного зародышу. [Что бы] прийти к согласию желаний к нам в Рацёнж,

возле которого наших советников судебные решения [выслушиваются], приезжайте, любезный нам, дела обсудить.

Дано в Бресте во вторник, на следующий день после праздника непорочного зачатия святой Марии, в год Господень 1410.

Господин король лично

Грамота немецким купцам в Полоцке (23 февраля 1406 г.)

Грамота была дана 23 февраля 1406 г. Великим князем Литовским Витовтом немецким купцам на землю в Полоцке для построения храма.

Мы, Александр, иначе Витовт, Божиею милостию великий князь Литвы и пр ... Все те, кои грамоту сию слышать будут, да знают, что Мы, во славу Бога и по многой любви и вере во Христа Спасителя, силою сей грамоты даровали ва вечное время, в неотъемлемую собственность в нашем городе Полоцке, в Русской земле, участок земли на такое протяжение и величину, как Наш маршал Чупурна собственною рукою, по указанию Нашему, отмерил, – обществу Немецких купцов и торговых людей, с правом их на той земле с каменными стенами или из дерева выстроить христианскую церковь и держать при оной христианских священников, – столько, сколько бы они нашли нужным; и в этом ни Мы, ни преемники Наши во веки веков не должны спорить; в удостоверение чего повелели Мы к сей грамоте печать Нашу привесить. Дана в Вильне, накануне праздника Св. Апостола Матфея, в лето от Рождества Христова 1406-е.

Донесение верховного маршала Тевтонского ордена о событиях в Жемайтии (1409 г.)

Донесение датируется 1409 г.

Донесение великого маршала Тевтонского ордена великому магистру о событиях в Жемайтии весной 1409 года

Под нашим правлением земли верны нам. Дорогой господин магистр, Да будут вам дословно известны слова, приведенные в письме, которое пришло от комтура из Бальги. По словам фогта, вернувшегося из Жемайтии, князь Витовт чертовски озабочен тем, что вы в его земли вторгаетесь и [где] с небольшой свитой располагается. Так же он [фогт] не видел при нём [Витовте] ни русских, ни татар. Также он говорил, что господин Свидригайло при нём ведёт божью войну и находится [у него] не только ради своего престола. И поскакал князь Витовт к королю Польши с немногими людьми. Других сообщений мы от него получить не смогли

Дано в Илове в воскресенье на Вознесение Господне в год 1409.

Верховный маршал.

Это слова, великий магистр, за все дни и ночи, совершенно дословно и т. д.

Письмо Папы римского Мартина V Великому князю Литовскому Витовту (1426 г.)

Письмо Папы римского Мартина V Великому князю Литовскому Витовту, в котором он его уговаривает принять участие в крестовом походе для истребления еретиков в Богемии.

Приветствую любезного сына благородного мужа Витольда – Императора Литвы, и т. д.

По мере того, как твое превосходительство укрепляет наших послов и легатов, мы все чаще указывали на искоренение ошибок и ересей, которыми очарована Богемия¹, которые принесены врагом рода человеческого.

Действительно, меня растлевает время, меня наказуют за грехи наши и нет возвращения к целительной доктрине – мы не можем до сих пор очиститься, хотя мы поклись об этом всем нашим неутомимым стремлением. Но те, гордясь в своем коварстве, ожидают не самых лучших дней, подобно врагам веры католической попирают Господа Святого, – так что никому нельзя откладывать меру воздействия на большую святотатственную чуму², чтобы, насколько это возможно быстро, было назначено средство исцеления.

Таким образом, мы бодрствуя дни и ночи, озабочены этим привлекающим внимание делом, чтобы государи христианские сошлись вместе для изгнания врагов дела Христова и выступили против большой заразы для заслуженного ими возмездия.

Мы отправляем в Германию и в другие страны достопочтенного брата Иордана, епископа Альбанского, шлем слово кардинала из Урсина – посла нашего от Святого Престола.

Вместе с тобою, с помощью и благосклонностью прочих христианских царей эти вероломные еретики, эти низменные земледельцы будут выброшены окончательно из виноградника Господня, эти свиньи, о которых слишком долго говорилось.

Поэтому мы приглашаем твое превосходительство, которое всегда было защитником и радетелем веры католической, и находим утешение в Господе.

На самом деле полностью на тебя полагаемся из-за этого проклятия, питаем надежду исключительно на тебя для полного и скорейшего уничтожения еретиков, нужно проклясть их всем сердцем и по мере сил низвергнуть в ад, и ты придешь на помощь щитом заступления своей веры православной.

Есть много дел, которые подобает царю совершать, однако из всех (дел) нет более важного дела, чем дела веры, чем награда перед Богом за обуздание еретиков, за защиту католической веры и вдохновение искренних заступников (веры).

Вот что тебе всегда можно ревностно делать и за это тебя всегда будет преследовать слава. Однако в этих доблестных твоих деяниях слава станет так сильно сиять, но которую ты сможешь, как будто светом тысяч свечей, который не потушится временем, осиять вечность.

Но кроме этих, а также некоторых других, мы отправляем нашего нунция, чтобы он доставил твоей милости (это письмо), любезного сына Якобино из Rubeis, которому ты велишь давать советы на словах, имея к нему полное доверие.

Дано в Риме в Святой Апостольской Церковью в первый день февраля 1426 года.

¹ Современная Чехия.

² Святотатственной чумой называется ересь, которая охватила Чехию после сожжения Яна Гуса. Эта ересь называлась гуситской ересью. Ересь состояла в том, что миряне также, как и клир хотели причащаться вином и хлебом. До этого миряне причащались только хлебом, а священники – вином и хлебом. Эта ересь и борьба с ней вылилась в так называемы гуситские войны (1419-1434 гг.). Хотя в конце концов гуситы были побеждены в этой войне, но они добились того, что миряне могли причащаться вином и хлебом, т. е. Римская церковь узаконила ересь.

1.20

ВАЛАХИЯ И МОЛДАВИЯ

Грамота валашского господаря Мирчи Старого, предоставляющая свободу торговли в Валахии польским и литовским купцам (1390 г.)

Я, господарь (Ио)¹ Мирча, великий воевода и господин всей земли Угровлахийской² и Запланинской³, доверяю всем купцам и горожанам (пръгарем) из земли родителя и брата господства моего короля Владислава из Львова и горожанам из земли брата господства моего великого князя Витольда, как это потребует, да придет в землю господства моего с торговлей, да придет свободно, доверяя господству моему, со множеством товара (добытком), да принесет его бесчисленное множество. И только на одном месте, где хотят развернуть торговлю, в Тырговиште, там да платят пошлину (ваму) и, что им понравится, то да купят. А господство мое, что если същет, то тоже купит. Л что мы не купим, то они могут продавать и покупать на всех торгах и на всех бродах по Дунаю, начиная от Железных врат даже до самого Браилова, и кроме того, и на всех путях презпланинских⁴. И нигде да не платят пошлины, ни на каком торге, ни на каком бросе. А где будет пошлинный товар продан от господства моего, и тот вамеш⁵ да насчитает эту пошлину на меня, а с вас пошлину да не смеет взять. А где пошлинный товар не продан, там да не просматривают его. А кто не обратит внимания на сей хрисовул, тот да примет великое зло и проклятие (оргия) от господства моего...

¹ Ио – сокращенный титул молдавских и валашских господарей, передающий первоначальный смысл греческого имени Иоан, т. е. богом данный. Впервые право на ношение этого титула было дано Константинопольской патриархией болгарскому правителю Борису при его крещении в 864 г. и позже молдавским и валашским господарям.

² Угровлахийская земля – Трансильвания. После завоевания правителями Валахии двух герцогств Трансильвании – Амлаша и Фагараша – к титулу «воевода Басарабы» (древнее название Валахии) присоединяется титул «господин всей земли Угровлахийской».

³ Планина в гористых славянских странах означала горы. Запланина – название Трансильвании и Венгрии, обусловленное местностью и употреблявшееся в Валахии, Молдавии и в Подолин.

⁴ Презпланинские – то же, что и запланинские.

⁵ Вамеш – сборщик торговых пошлин.

**Грамота молдавского господаря Александра Доброго
о торговых пошлинах для купцов
г. Львова и «всей Русской Земли и Подольской»
(8 октября 1408 г.)**

Милостью божьей мы, Александр, воевода и господарь земли Молдавской. Извещаем этим нашим листом всех, кто его увидит или услышит, что мы договорились с советниками (радцями) и с горожанами Львова и со всем их поспольством и установили устав о торговых пошлинах (мытах) в нашей земле, и договорились с ними, чтобы ходили в нашу землю с своей торговлей. А мыта им установили, чтобы давали в нашей земле так. Первое главное мыто сучавское¹, на складе, от сукна от гривны 3 гроша². А если купят в Сучаве татарский товар: или шелк, или перец, или камку³, или тебенки⁴, или ладан (темьян), или греческое вино – от гривны в Сучаве по 3 гр. Если же купят татарский товар на других наших торгах, должны дать там, где купят, от гривны 2 гр.; а главное мыто в Сучаве от гривны 3 гр.; а продавать татарский товар могут там, где захотят. Кто идет к Львову, должен платить главное мыто в Сучаве: от скота – 1 гр., от 10 свиней – 1 гр., от 10 овец – 1 гр., от кобылы – по 6 гр. и каждого коня – по 6 гр., от 100 белок – 1 гр., от 100 лисиц – 10 гр., от 100 овчин сыромятных (суранных) – 4 гр., от 100 кож ягнячьих – 2 гр., от 100 кож яловых – 15 гр.; то мыто сучавское. Кто идет на татарскую сторону, должен платить от 12 кантари⁵ в Сучаве 1 руб. серебра, в Яссах – 30 гр., в Белгороде – полрубля серебра. А кто не идет в Бел-город, тот должен платить только в Тигине столько, сколько в Белгороде, кроме перевозов; а за охрану от каждого воза по 12 гр. Кто хочет погнать скот до татар, должен платить от скота главное мыто в Сучаве 4 гр., в Яссах – 2 гр., в Тигине – 2 гр., от 100 овец в Сучаве – 60 гр., в Яссах – 30 гр., в Тигине – 30 гр., то мыто для тех, кто идет до татар. Сукна могут продавать в Сучаве, а на других наших торгах не могут их продавать. А с теми грошами они могут свободно ходить и покупать по всем нашим торгам то, что захотят. В Трансильванию и Валахию они могут вывозить сукно свободно. Кто повезет сукно в Валахию, должен платить главное мыто в Сучаве от гривны по 3 гр., а на границе, в Бакове, от гривны 2 гр. А что привезут из Валахии: или перец, или хлопок (баволну), или что другое, от 12 кантари в Бакове полрубля серебра, а главное мыто в Сучаве от 12 кантари 1 руб. серебра. А кто повезет сукно в Бистрицу⁶ и в Трансильванию, должен платить в Сучаве от гривны по 3 гр., а в Бане⁷ от гривны полтора гроша, а в Молдавице от гривны полтора гроша. На обратном же пути из Трансильвании от каждого груза (терху) в Молдавице по 2 гр. и в Бане от каждого терху по 2 гр. Кто же повезет сукно в Брашов⁸, должен платить главное мыто в Сучаве от гривны 3 гр., в Бакове от гривны полтора гроша, а в Тротуше от гривны полтора гроша. А на обратном пути от каждого терху в Тротуше по 2 гр., и в Бакове по 2 гр. Коней наших, которые по 3 гривны, и валашских коней могут свободно купить. А на каком торгу купят, там да платят пошлину от каждого коня по 4 гр., а в Сучаве от каждого коня по 6 гр., а в Серете от каждого коня по 2 гр., а в Черновцах по 2 гр. Кто поведет коней или кобыл в Каменец⁹, должен платить пошлину в Дорохое такую, как в Серете, и в Хотине – как в Черновцах; мыто от кобылы такое же, как и от коня. А кто купит скот на торгу в Бакове, или Романе, или Бане, или Нянце или на других наших торгах, тот не должен нигде платить мыта, лишь там, где купил, и взять расписку от мытника. А на каком торгу купит, там должен платить от скота 1 гр., от 10 овец – 1 гр., от 10 свиней – 1 гр., от 100 кож воловьих – 10 гр., от 100 кож ягнячьих – 1 гр., от 100 сыромятных овчин – 2 гр., – да идут на главное сучавское мыто. А в Серете от мелких товаров (крайних речей): от шапок, от ногавиц¹⁰, от корды¹¹, от меча – от гривны по 3 гр. Если повезут товар через Сучаву на Серет, должны платить в Серете половину сучавского мыта от всего, и от кожи, и от шерсти (волны) и от овчины, то мыто серетское. А в Черновцах от немецкого воза мыто – 4 гр., а от армянского воза – 6 гр., от скота – один гр., от 10 свиней – один гр., от 10 овец – один гр., от коня и от кобылы – по 2 гр. А на перевозки и от немецких и от армянских возов по 4 гр., то мыто чериовское. А в Черновцах возы не страсти, если купец заверит, что не имеет запретных товаров: куницы, серебро, воск, коней добрых. А цену сукна в Сучаве установить такую же, как и во Львове. Если львовчане пойдут в Браилов за рыбой, то должны платить мыто на границе, в Бакове или Бырладе, от гривны по полтора гроша, а воза и рыбы не задерживать. А взяв расписку, да придет свободно в Сучаву и заплатит главное мыто от гривны по 3 гр., а воза и рыбы не задерживать. А в Серете должны платить от гривны по полтора гр., а рыбы и воза не задерживать. А в Черновцах мыто от воза. Если львовчане повезут сами из Трансильвании серебро жженое, от того серебра мы можем купить, сколько нам будет нужно; а остальным серебром они могут торговать свободно. А валашским (мунтянским) и брашевским воском они могут торговать свободно. А мыто платить от камене¹² в Бакове 1 гр., а в Сучаве от камене 1 гр. и в Серете от камене 1 гр. А венгерскими куницами торговать им свободно, а мыто платить в Бане полтора гроша от гривны, а в Сучаве от гривны 3 гр., а в Серете полтора гроша от гривны. А из тех куниц мы можем купить, сколько нам будет нужно; а остальными они могут торговать свободно. Кроме того, мы разрешили им держать в Сучаве один дом, но чтобы в том доме корчмы не держать, ни пива, ни меду не варить, мясной лавки не держать, хлеб не продавать. Если же тот, кто будет жить в этом доме, захочет что-нибудь из этого держать, то в этом городе он не может жить. Все это мы установили купцам господаря нашего, короля польского, из всей Русской¹³ земли и из Подольской. А то, что мы выше сего написали, обещаем вечно держать

без лести и без хитрости на веки вечные мы и наши наместники, и никогда это не нарушим по нашей чести и по нашей вере, в соответствии с хри-стианским правом.

А на то свидетели: пан Жюржь, староста [сучавский]; паи Михайло, [староста] дорогуньский; пан Влад, [староста] серетский; пан Оана, дворник сучавский; пан Ядкоипан Илиаш, чашник¹⁴. Также при этом были послы из Львова, которые с нами договаривались: Мычко Куликовский и Зимирстан Ханьс, и Ханьс Верьзсть, и Рус Никкюс, и писарь львовский Ханьс. А для подтверждения всего велели мы нашему верному логофету написать и привесить нашу печать великую к этому нашему листу.

В Сучаве, в лето 6900 и 16 лето, октября 8.

¹ Сучава – один из крупных городов Молдавии XV в.

² Далее сокращенно: гр.

³ Камка – шелковая ткань с разводами.

⁴ Тебенки – кожаные лопасти по бокам седла, подвешенные на пряжках.

⁵ Кантари – мера веса.

⁶ Бистрица – город в Трансильвании.

⁷ Бая – молдавский торг XV в.

⁸ Брашов – город в современной Румынии

⁹ Каменец – город в Подольи,

¹⁰ Ногаанци – паголенки, камаша, составляющие часть обуви, покрывающей голень.

¹¹ Корда – венгерская сабля.

¹² Камене – мера веса для воска.

¹³ Имеется в виду Галиция, населенная украинцами.

¹⁴ Чашник – то же, что и пахарник.

1.21. БОЛГАРИЯ

Из ранней истории Болгарии

Тырновская надпись

Тырновская надпись хана Омуртага (814-831 гг.) о постройке нового ханского аула на Дунае. Надпись высечена на колонне, находящейся в церкви Сорока мучеников в Тырново, куда она в XIII в. была перенесена из столицы Первого Болгарского царства Плиски.

Кан сюбиги Омуртаг, пребывая в своем старом доме, создал преславный дом на Дунае и, измерив расстояние между двумя преславными домами, насыпал посередине курган. От вершины этого кургана до моего старого аула – 20 тысяч оргий¹ и до Дуная – 20 тысяч оргий. Сам же курган преславен. Как бы хорошо ни жил человек, он умирает, и рождается другой. И пусть рожденный после нас, увидев это, вспомнит его создателя. А имя владетеля – Омуртаг, кан сюбиги. Да благословит его бог прожить сто лет.

¹ Оргия – византийская мера длины, около 2 м.

Чаталарская надпись

Чаталарская надпись хана Омуртага (814-831 гг.) о походе против Фомы Славянина и постройке нового аула на р. Тиче. Надпись обнаружена при раскопках ханского аула у с. Чаталар вместе с одним из упоминаемых в ней каменных львов.

Кан сюбиги Омуртаг – богом поставленный владетель в земле, где он родился. Пребывая в стане Плиска, он создал аул на реке Тиче¹ и двинул войска против греков и славян. И построил искусно мост через Тичу вместе с аулом, и поставил в этом ауле четыре колонны, а на колоннах – двух львов. Пусть бог удостоит поставленного им владетеля попирать ногами императора², пока течет Тича... Время же, когда было построено это, по болгарскому счету – первый месяц года вола, а по греческому – пятнадцатый индикт³.

¹ Тича – река в Северо-Восточной Болгарии.

² Имеется в виду Фома Славянин – предводитель восстания в Малой Азии, направленного против византийского императора Михаила II, союзника Омуртага. Фома провозгласил себя императором и даже был коронован антиохийским патриархом Иовом в 821 г.

³ Обе датировки указывают на 822 г.

Надгробные надписи о гибели наиболее видных приближенных хана

Воздвигались в Плиске в память сподвижников хана.

Кан сюбиги Омуртаг. Корсис, копан¹, был моим сотрапезником². Уйдя в поход, он утонул в реке Днепр. Он был из рода Чакарар. Кан сюбиги Омуртаг.

Жупан таркан Цун был моим сотрапезником и погиб на войне. Он был из рода Кюригир. Кан сюбиги Омуртаг. Багатур³ багаин Славна⁴ был моим сотрапезником и, заболев, умер.

¹ Копан – вероятно, то же, что кавхан.

² Сотрапезник – сословный термин, смысл которого состоял в том, что приближенные хана участвовали в ритуальных пирах. Можно предположить, что под этим термином подразумевается также получение от хана пропитания – зерна, скота и т. д.

³ Багатур – воин личной ханской дружины.

⁴ Славна – имя явно славянского происхождения. Обращает на себя внимание и отсутствие указания на род умершего.

Феофан Исповедник о болгарях

Феофан, по прозвищу Исповедник (Конфессор) (ок. 760-818 гг.), – византийский историк из знатной семьи, принял монашество. Как активный сторонник иконопочитания был сослан императором-иконоборцем Львом V. Его «Хронография» охватывает время с 284 по 813 гг. Писал с ортодоксально-конфессиональных позиций. Сочинение Феофана пользовалось популярностью. Примерно в середине IX в. было переведено на латинский язык Анастасией Библиотекарем – видным деятелем папской курии.

[О расселении болгар]

...В этом же году¹ народ болгар напал на Фракию. Необходимо, однако, сказать и о прошлом уногундуров-болгар и котрагов...² [Следует рассказ о времени пребывания протоболгар в Приазовье], [где] находятся Старая Великая Болгария и так называемые котраги, также являющиеся их соплеменниками. Во времена Константина³, [правившего] на Западе, Кробат⁴, бывший господином Болгарии и котрагов, ушел из жизни и оставил пять сыновей, завещав, чтобы они никогда не разлучались друг от друга, проживая вместе, дабы всегда оставаться господами и не прислуживать другому народу. Вскоре после его смерти пять его сыновей, разлучившись, отдалились один от другого вместе с подчиненным властью каждого народом. Первый сын, называвшийся Батбаяном, храня завет своего отца, оставался в земле прадедов вплоть доныне⁵; второй же его брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис⁶, поселился напротив своего брата. Четвертый же и пятый, переправившись через реку Истр, называемую также Данувием, остались – один в Аварской Паннонии⁷, подчиненный там вместе с его войском хагану аваров, а второй, достигнув Пентаполя у Равенны⁸ и оказавшись под властью империи христиан⁹. Наконец, третий из них, именуемый Аспарухом, переправившись через Днепр и Днестр и достигнув Онгла¹⁰, более северных по отношению к Данувию рек, поселился между ним и ими, рассудив, что место безопасно и трудно для овладения с любой стороны: впереди болотистое, а с других сторон окруженное венцом рек, оно представляло большую безопасность от врагов ослабленному разделением народу. После того, как они были разделены таким образом на пять частей и стали малочисленными, выступил великий народ хазар из более внутренних глубин Верзитии, [принадлежащей к] Первой Сарматии¹¹, и овладел всей противоположной землей вплоть до Понтийского моря и, сделав первого брата, Батбаяна, архонта Первой Болгарии, подплатежным, доныне получает с него дань.

[Болгары и Византия]

Когда император Константин¹² узнал, что народ грязный и нечистый неожиданно разбил лагерь по ту сторону Данувия в Онгле и совершает набеги и разоряет лежащие близ Данувия земли, то есть находящуюся в их владении страну¹³, а тогда удерживаемую христианами, он сильно опечалился и повелел переправить все фемы¹⁴ во Фракию. Вооружив флот, он, пытаясь войною изгнать их, двинулся против них по земле и по морю, выстроив в боевой порядок на суше близ так называемого Онгла и Данувия пешие войска, а корабли причалив у лежащего рядом берега.

Увидев этот плотный и многочисленный строй, болгары, отчаявшиеся в своем спасении, бегут в названное выше укрепление и стараются обезопасить себя. После того, как в течение трех-четырёх дней они не осмеливались выходить из этого укрепления, а ромеи не завязывали сражения из-за болот как удобного предлога, мерзкий народ, заметивший расслабленность ромеев, ободрился и стал смелее. Поскольку же император страдал от острых болей в ногах и был вынужден вернуться, чтобы принять баню в Месимврии¹⁵, вместе с пятью дромонами¹⁶ и близкими к нему людьми, он оставил стратигов и войско, приказав затевать схватки, выманивать их из укрепления и завязать с ними сражение, в случае если они выйдут. А если этого не случится, то хотя бы обложить их и стеречь в укреплениях.

Однако люди из конницы, объявив, что император бежал, и поддавшись панике, сами обратились в бегство, хотя их никто не преследовал. А болгары, видя это, преследовали их по пятам и большинство перебили мечами, а многих ранили. Преследуя их вплоть до Данувия, переправившись через него и прибыв к так

называемой Варне близ Одиса и тамошнего внутреннего района, они увидели место, расположенное весьма безопасно: сзади – благодаря Данувии, а спереди и с боков – благодаря ущельям и Понтийскому морю.

Когда же они овладели также из находящихся поблизости славянских народов так называемыми «Семью родами»¹⁷, они поселили северов¹⁸ от передней теснины Верегава¹⁹ к районам на восток, а в районы к югу и западу, вплоть до Аварики, остальные «Семь родов», находящиеся под пактом²⁰.

Итак, когда они распространились в этих местах, они возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением крепости и деревни и поработать их. Вынужденный этим, император замирился с ними, согласившись, к стыду ромеев, из-за множества грехов [их] предоставлять им ежегодную дань²¹.

¹ 680 г.

² Уногундуры-болгары и котраги – прото-болгарские племенные союзы, чаще их называют утигурами и кутригурами.

³ Не Константин, а Константин II (641-668 гг.).

⁴ Кробат, т.е. Кубрат – основатель Великой Болгарии.

⁵ Доне – след использованного Феофаном источника конца VI – начала VII вв.

⁶ Танаис – совр. Дон.

⁷ Аварская Паннония располагалась в бассейне Тисы (в Венгрии), где находился центр Аварского хаганата.

⁸ Пентаполь – область в Равенском экзархате (в Италии), составлявшем тогда византийскую провинцию.

⁹ Империя христиан – здесь Византия.

¹⁰ Онгл – территория между Днестром, низовьем дуная и Карпатами.

¹¹ Верзития – территория расселения хазар в Поволжье.

¹² Константин IV (668-685 гг.).

¹³ Речь идет о временах Феофана.

¹⁴ Фемы – крупные воинские соединения, расквартированные в провинциях империи (имеются ввиду отряды малоазийских провинций).

¹⁵ Месимврия – совр. Несебр.

¹⁶ Дромон – крупный военный корабль.

¹⁷ «Семь родов» – название славянского военно-территориального союза. Нередко переводят – «Семь племен», давая иную интерпретацию этого пассажа.

¹⁸ Северы – племя или объединение племен, может быть, антского происхождения.

¹⁹ Верегава – Ришский, или Вырбишский, перевал через Балканский хребет.

²⁰ Пакт толкуется либо как соглашение (договор), либо как дань. Спорят и о том, кто и у кого был «под пактом».

²¹ Мир датируют августом 681 г.

Никифор о болгарях

Никифор (758-828 гг.) происходил из знатной семьи. В 806-815 гг. – патриарх Константинополя. Как один из главных противников иконоборчества и теоретик иконопочитания был принужден отречься от патриаршьяго сана, после чего был сослан Львом V. Исторический труд под названием «Бревиарий» он написал до 787 г. Сочинение охватывает 602-769 гг. Во многом основывался на утраченных источниках. Особое внимание уделял церковной истории и биографиям крупных деятелей.

[Болгары и славяне]

...[А болгары] покорили и рядом живущие славянские народы, причем одним из них поручили охранять все соседствующее с Аварией, а другим стеречь все находящееся поблизости от ромеев. Укрепившись таким образом и умножившись, они стали разорять деревни и городки Фракии. Видевшего это императора вынудила необходимость заключить мир на условиях выплаты им дани.

«Апокрифическая болгарская летопись» об истории Первого Болгарского царства

«Летопись» представляет собой легендарно-фантастическую интерпретацию болгарской истории с VII по XI вв. и отражает патриотические настроения в болгарском обществе во времена византийского господства. Памятник анонимен и связан с устной народной традицией, близкой к богомильским верованиям. Создан в XI в. или в XII в.

...И тогда услышал я глас... «Исаия, пророк¹ мой возлюбленный, иди к западу от вышних стран Рима, отдели от куман² третью часть, что называют себя болгарами, и засели землю Карвунскую³, которую оставили римляне и эллины». И тогда я... пришел по левую руку от Рима и отделил от куман третью часть и повел их, указывая путь посохом, и привел их к реке, называемой Затиуса, и к другой реке, называемой Ереуса...⁴ И населил я землю Карвунскую, названную мной Болгарской... И поселил я множество людей от Дуная до моря и поставил над ними царя из их числа, имя же его было Слав-царь⁵. И тот царь заселил всю землю и города. Некоторое время *жили* эти люди в язычестве. И тот же царь сотворил сто могил в земле Болгарской, и тогда прозвали его «стомогильный царь»⁶. И было в те годы изобилие всех благ... И был он первым царем в земле Болгарской, и царствовал 119 лет⁷, и скончался.

И после него объявился другой царь, ребенком его носили в корзине три года, а имя ему нарекли Испор-царь⁸, и принял он царство Болгарское. И воздвиг тот царь грады великие: и на Дунае Дристру-град он воздвиг, и великую стену от Дуная и до моря, он же воздвиг и Плиску-град. И множество измаильтян тот царь погубил.

И тот царь заселил всю землю Карвунскую... Царь же Испор царствовал в земле Болгарской 172 года, и потом погубили его измаильтяне на Дунае. После смерти же царя болгарского Испора назвали куман болгарами, были же они и до Испора-царя язычниками, были весьма безбожными и нечестивыми, и всегда были врагами греческому царству на многие лета.

И потом вновь принял царство Болгарское сын Испоря-царя, имя ему Изот⁹. И царь этот погубил Озию, царя, пришедшего с востока со своим войском, и Голиада, франка поморского. В лета этого Изота, царя болгарского, были города в большой чести. И родились у Изота-царя два отрока, одного он назвал Борисом¹⁰, а другого – Симеоном¹¹. Царствовал же царь Изот сто лет и три месяца и в граде, рекомом Плиска, скончался.

После же смерти Изота-царя принял царство Болгарское сын его Борис, и был он благочестив и весьма благоверен. И этот царь крестил всю землю Болгарскую, и воздвиг церкви... на реке Брегалнице¹², и здесь он принял царство, на Овчем поле¹³ создал белые церкви, и пришел в Добрич¹⁴, и там окончил жизнь свою. Царствовал же он 16 лет, и ни греха не знал, ни женщины. И благословенно было царствование его...

Потом же принял царство Болгарское Симеон, брат его. И воздвиг грады великие у моря, и великий град Преслав он воздвиг, и здесь принял царство... Преслав-град он строил и воздвиг его за 28 лет. И много замечательного сотворил царь Симеон. Он царствовал 130 лет и родил святого Петра, царя болгарского, мужа святого и весьма праведного... Вот сколько дани взимал он со всей земли... под властью его царства пребывавшей: охапку пряжи, ложку масла и яйцо в год. Такова была дань ему от земли его людей, и ничего более не брал он. И было изобилие великое при том царе...

После смерти его принял царство Болгарское сын его Петр, и был он царем болгар, а еще и греков¹⁵. И царствовал в земле Болгарской 12 лет, ни греха не зная, ни женщины, и было благословенно царствование его. Тогда же, в дни и лета святого Петра, царя болгарского, было изобилие всего, сиречь пшеницы и масла, меда, молока и вина, и от всяких даров божьих ломались закрома, и не было оскудения ни в чем, но были сытость и изобилие всяческое... Но пришли в ту пору некие завоеватели-исполины по морю¹⁶ и погубили землю Болгарскую, а Петр... оставил царство и бежал на запад, в Рим, и там окончил свое житие.

Потом возвысился другой царь, именем Селевкия, а прозвищем Симеклит¹⁷. И сошел он с горы, называемой Витоша¹⁸, и пошел на поле, рекомое Романия, и там принял царство. И он воздвиг пять городов в земле Болгарской: Пловдив, Срем¹⁹, Брезник²⁰, Средец, Ниш. И царствовал.

И потом взошел другой царь, именем Гаган²¹, а прозвищем Делян... И принял он царства болгарское и греческое... И воздвиг три города в земле Болгарской: Червен²², Несебр²³, Штип²⁴. И царствовал он 28 лет и был казнен иноплеменником на Овчем поле...

¹ Повествование ведется от имени мифического пророка Исайи.

² Куманы – половцы, здесь кочевые народы-тюрки.

³ Карвунская земля – Северо-Восточная Болгария.

⁴ Затиуса – возможно, Серет. Ереуса – возможно, Прут.

⁵ Слав-царь – возможно, обобщенный образ славянских племен.

⁶ Речь идет о многочисленных курганах в Добрудже.

⁷ Данные о сроках правления, как правило, легендарны.

⁸ Испор – хан Аспарух (681-701 гг.).

⁹ Легендарный образ Изота имеет своим прототипом хана Крума, ведшего упорные войны с Византией и франками. Память об этих войнах отразилась в упоминаниях вымышленных царей Озии и Голиада.

¹⁰ Князь Борис не был сыном хана Крума, его отцом был хан Пресиан.

¹¹ Князь (с 913 г. царь) Болгарии Симеон (893-927 гг.) был не братом, а сыном Бориса.

¹² Брегалница – река в Македонии.

¹³ Овче поле – местность на западе Первого Болгарского царства.

¹⁴ Добрич – крепость в Юго-Восточной Болгарии.

¹⁵ Таков был действительный титул Симеона, но не Петра.

¹⁶ Имеются ввиду походы киевского князя Святослава в 968-971 гг.

¹⁷ Возможно, под мифологизированным образом Симеклита скрывается реальная фигура правителя Средецкой области, приобретшей самостоятельность после падения Преслава и завоевания Северо-Восточной Болгарии византийцами в 971 г.

¹⁸ Витоша – гора близ Средеца.

¹⁹ Срем – крепость в Северной Сербии.

²⁰ Брезник – крепость в Западной Болгарии.

²¹ Имеется ввиду Петр Делян.

²² Червен – крепость в Северной Болгарии.

²³ Несебр – важная крепость в болгарском Причерноморье.

²⁴ Штип – крепость в Македонии.

Взаимоотношения Болгарии с Византией

(«Маламирова летопись»)

Византийский император Феофил (829-842 гг.), нарушив мирный договор с Болгарией, вторгся в страну, но потерпел поражение и был вынужден отдать болгарам крупнейший город Фракии Филиппополь (совр. Пловдив).

[Кан сюбиги Маламир] владетель от бога... Мой отец Омуртаг, заключив тридцатилетний мир, по доброму жил с греками. И я вначале жил [с ними] по-доброму, но греки опустошили наши земли. И владетель Маламир, правивший вместе с кавханом Исбулом, выступил против греков и опустошил крепость Проват и крепость Бурдидзо, и земли греков. И прибыл в Филиппополь, а греки разбежались. И тогда кавхан Исбул вместе с преславным владетелем вступил в переговоры с филиппопольцами...

(Летописные заметки (гlossы) болгарского переписчика на полях его рукописи – перевода стихотворной византийской хроники Константина Манассия)

Константин Манассия (вторая половина XII в.) написал хронику, доведенную до 1081 г. Судя по количеству рукописей, она была очень распространена. В середине XIV в. (около 1345-1350 гг.) хроника Константина Манассия была переведена на болгарский язык, как полагают, для болгарского царя Иоанна Александра. На полях своей рукописи болгарский летописец написал замечания из истории болгар от заселения славянами Балканского полуострова (конец V в.) до падения первого Болгарского царства (1018 г.). Этот памятник содержит много сведений о взаимоотношениях болгарских правителей с Византийской империей.

1. [При описании царствования императора Анастасия 491-518 гг.] При Анастасии царе начали болгары занимать землю эту, перейдя у Бдина (Видина), и прежде начали занимать нижнюю землю Охридскую, а потом эту всю.

От выхода же Болгар до нынешнего времени прошло 870 лет.

2. [При описании царствования императора Константина Бородатого, 668-685 гг.] При этом Константине царе пришли болгары через Дунай и, разбив греков, отняли землю эту, в ней живут и доныне. Прежде же земля эта называлась Ми-зий. Будучи бесчисленны, они заняли и эту сторону Дуная и ту - до Драча (Дуррацо) и далее, ибо вlahи, и сербы, и прочие – все они едины.

3. [При описании царствования императора Льва Иконоборца, 717-741 гг.] При этом царе Льве арабы напали на Царьград и на всю землю, но потонули в море, разбитые греками, а остальных всех истребили болгары.

4. [При описании царствования императора Льва, сына Константина, 775-780 гг.] При этом Льве был князем болгар Кардам.

5. [При описании царствования императора Никифора, 802-811 гг.] Этот Никифор царь отправился в поход на болгарскую землю при князе Круме и сначала победил его и похитил его богатства. Потом же Крум собрался со своими, оставшимися от поражения, напал ночью на царя и не только разбил греков, но и самому царю отрубил голову и оковал ее в серебро, и наливал в нее вино, давая болгарам пить.

6. [При описании царствования императора Михаила Ран-гави, 811-813 гг.] При этом царе князь Крум продолжал битву под Одрином (Адрианоподем) и разбил его, и сам царь едва спасся бегством. Болгары же взяли все богатства царя и греков.

7. [При описании царствования Льва Арменина Иконоборца, 813-820 гг.] С этим царем Крум снова сражался во Фракии. Сперва болгары победили, но преследовали греков беспорядочно. Они возвратились, разбили их, и сам Крум едва не был пленен, так как его конь упал под ним.

8. [При описании царствования императора Михаила, 820-829 гг.] При этом царе восстал некий грек по имени Фома и собрал многочисленное войско, желая отнять царство у Михаила. Но вышел болгарский князь Муртаг, разбил его и победил, так как великую любовь имел с Михаилом.

9. [При описании царствования императора Михаила, сына Феофилова, 842-867 гг.] При этом Михаиле царе и при матери его крестились болгары. Некогда, не знаю как, сестра болгарского князя была взята в плен греками и предана в царский дворец и была крещена и научена читать. В царствование же этих царей, так как был великий мир между греками и болгарями, она была обменена на одного боярина, Федора Куфару.

Вернувшись же на родину, она не переставала наставлять брата своего в вере христовой, пока не крестила его. Против него же, крестившегося, восстали болгары, желая убить его за то, что веру их оставил. Но он, выйдя на брань, победил их и с тех пор крестил одних добровольно, а других силою.

10. [При описании царствования императора Василия Македонянина, 867-886 гг.] При этом Василии царе крестились руссы¹.

11. [При описании царствования Льва Премудрого сына Василия Македонянина, 886-911 гг.] Этот Лев царь из неприязни к Симеону, царю болгар, неоднократно наносившему поражения войску его, призвал мадьяр, которые разбили его и взяли в плен болгар, а он [Симеон] заперся в Доростоле. Симеон же снова воевал с мадьярами, взял землю их, а самих разбил и, возвратившись оттуда, вел войну против греков и победил их.

12. [В царствование императора Константина VII – 911-959 гг.] При этом Константине царе Симеон, царь болгарский, вошел с миром в Царьград и получил благословение от патриарха, и обедал с царем и с ним. Выйдя оттуда, он начал покорять и в войне дважды победил греков.

13. [При описании царствования императора Романа Лакапина, 920-944 гг.] При этом царе Романе болгарский царь Симеон много раз доходил со своим войском до Царьграда, зажег даже царский дворец, овладел Одрином и при этом царе умер. Внучка этого царя [Романа] стала женой царя болгарского Петра.

14. [При описании царствования Романа, сына Константина Багрянородного, 959-963 гг.] При этом царе Романе Петр, царь болгарский, умер. Сыновья же его Борис и Роман, бывшие заложниками в Царьграде, отпущены были на свою родину.

15. [При описании царствования императора Никифора Фоки, 963-969 гг.] При этом Никифоре царе завоевали руссы Болгарскую землю, два раза в два года, так как царь Никифор просил Святослава [пойти] на них [болгар].

16. [При описании царствования императора Иоанна Цимисхия, 969-975 гг.] Этот Цимисхий царь, заняв Преславу, отнял все знаки царского достоинства, а самого Бориса отвел в Царьград, снял там с него царские одежды и назначил его магистром, что есть высокий сан у греков.

Овладев Преславой, Цимисхий с большим войском пошел на Святослава, князя русского, покорившего Болгарскую землю и находившегося в Доростоле, победил его и отпустил, и он (Святослав), придя к печенегам, там погиб со всеми своими.

17. [При описании царствования императора Василия II, сына императора Романа, 975-1025 гг.] Этот Василий царь разбил Самуила, царя болгарского, дважды и занял Бдин, и Плиску и Великую Преславу и Малую, и многие другие города. Также и Скопье было передано ему Романом, сыном царя Петра, который владел им по повелению царя Самуила, потому что царство болгар простиралось до Ахрида и до Драча и далее.

Этот царь Василий нанес болгарам тяжелые поражения. Победив царя Самуила, он ослепил 15 тысяч болгар, оставив на каждые сто человек по одному человеку с одним глазом, и отправил их к Самуилу. Увидев их, он умер от яда.

С этого Василия Болгарское царство находилось под властью греческой даже и до Асеня, первого царя болгар.

¹ Болгарский летописец счел нужным записать о крещении Руси, хотя и ошибся в датировке его не целое столетие. Киевский князь Владимир Святославич принял христианство в 988 г. Возможно, однако, что летописец упомянул здесь о принятии христианства отдельными группами восточных славян Руси.

Грамота царя Иоанна Асеня II Дубровнику (после 1230 г.)

Иоанн Асень II – болгарский царь 1218-1241 гг., преемник царя Борила (Бориса). Подобно царю Симеону, он был носителем идем великого Болгарского царства. При вступлении Иоанна Асеня II на престол Болгария была урезана территориально и находилась под постоянной угрозой внешних нападений. Иоанн Асень II, победив Феодора Комнена, эпирского деспота, в битве у села Клокотницы в 1230 г., расширил пределы Болгарского царства. Вскоре после Клокотницкой битвы и была дана Иоанном Асенем II грамота дубровникам купцам.

Дубровник, который называют Славянской Венецией, – славянское название главного города в области того же наименования, расположенной на берегу Адриатического моря. Дубровник всегда оставался фактически независимой торговой городской республикой, хотя в разные периоды своего существования признавал над собой политическую власть Византии, протекторат Венеции, Венгрии и Турции. Особенно высокого развития торговли и мореплавания Дубровник достиг в XIII-XV вв. Экономические интересы его купцов были сосредоточены главным образом на Балканском полуострове. Дубровницкая республика вела не только посредническую торговлю, но вывозила также продукты своей собственной промышленности, главным образом ткани шерстяные и шелковые, ювелирные изделия и др. Кроме того, дубровчане издавна занимались добычей и вывозом в большом количестве соли.

Согласно грамоте Иоанна Асеня II дубровницкие купцы получали право в Болгарии свободного ввоза и вывоза товаров, а также транзитной торговли. Они освобождались от всяких таможенных сборов.

Мое царское величество дает это повеление Дубровницкой стране, любезным и всеверным гостям моего царского величества, да ходят по всей стране моего царского величества – с каким бы то ни было товаром, да ввозят или вывозят, или какой-либо товар перевозят, и любую землю или область да привозят в Бдин ли, или в Браничево и Белград приходят; или в Тырново и по всему Загорью ходят, или в Преславу и Карвунскую область приходят, или в Крынскую область, или Боруйскую; или идут в Одрин и в Димотику, или в Скопскую область, или Прилепскую, или в Девольскую область, или в землю Арбанаскую, или в Солунь – повсюду да покупают и продают свободно, без всякого убытка, не имеют запрета во всех областях, городах и горных проходах¹ моего царства, но да ходят и покупают, и продают без заботы, как и все верные и любезные гости моего царства.

Если же кто причинит им в чем-либо зло в горном проходе и или на базаре, или еще где-нибудь, вопреки таможенному уставу, то пусть знает, что он есть враг моего царского величества и получит не милость, а великий гнев потерпит от моего царского величества.

Асень царь болгарам и грекам.

¹ В тексте памятника – «клизурах». Греческое слово «клизура» сохранилось в современном болгарском языке и обозначает – ущелье, теснина, горный проход. Возможно, что в средневековой Болгарии а горных проходах были устроены таможи.

Договор царя Михаила Асеня с Дубровником (1253 г.)

Михаил Асень – болгарский царь, 1246-1257 гг.

Во имя господи бога нашего Иисуса Христа, аминь. В лето 1253 г. – месяца июня в день святого Вита¹, индикт 11. Да будет чистая приязнь и любовь, как то было изначала между святым и преславным царем всей земли болгарской и греческой Иоанном Асенем и общиною славного города нашего Дубровника, которые жили в правде, любви и истине, чего давно желаем и тебе, святому и верному во Христа бога самодержцу всей болгарской земли господину Михаилу Асеню, рожденному от благоверных и святых царей.

Я, Марсилий Георгий, повелением славного дожа венеианского² князь города Дубровника и все великие и малые судьи и советники, вся община преславного города нашего Дубровника, верные друзья твоего святого царского величества, желая издавна иметь приязнь твоего царского величества, клянемся богом, святым божием евангелием... и обещаем твоему велико святому царскому величеству быть против неверного короля Уроша³, и против его брата, и рода его, и против всех живущих в его земле, и против имеющих власть во владениях его, если они будут неверными и врагами твоего святого царского величества, также да будут неверными и врагами города нашего Дубровник. Если же они, или кто-либо из них, поддадутся твоему святому царскому величеству и преславное твое царское величество будет считать их за друзей, то и нам они будут друзьями.

Если же Урош или кто-либо из сказанных из его рода б), врагом нашего города Дубровника, то да будет он врагом твоему царскому величеству. Но если кто-нибудь из них будет другом города Дубровника, то и твоему высокому царскому величеству да будет он другом.

И если бог помогает твоему святому царскому величеству изгнать твоего и нашего врага Уроша, брата его Владислава, их род и других владетелей из сербских земель, и они прибегут в город Дубровник, то мы не должны принять их и даже слушать их речи, но стараться вредить им, сколько можем. Святое же твое царское величество пусть не заключает без нашего ведома мира с Урошем и не оставляет нас без [заключения] мира с ним, и еще более мы будем содействовать святому твоему царскому величеству против Уроша, твоего и нашего врага, против всего его рода и того, кто будет после него на его престоле, и сообщая войну вести против них или жить в мире с ними в течение жизни твоего святого царского величества и нашей. Мы дадим помощь твоему святому царскому величеству в соответствии с нашими силами на побережье, на море и на суше.

И если с божьей помощью ты завладеешь Рашской⁴ страню со всеми ее землями, а нам бог поможет занять все прибрежные города и крепости, принадлежащие рашскому престолу, то мы должны верно, по доброй воле, без всякого вреда передать их твоему святому царскому величеству или тому, кого твое святое царское величество назначит.

Получив известие о том, что твое святое царское величество вступил в Сербскую землю, мы со всеми нашими силами должны приготовиться в продолжение двух недель после дошедшего до нас слуха и выступить морем против приморских городов и земель [неприятеля] с теми людьми, которые будут тогда находиться в городе Дубровнике, оставив, однако, в нем необходимое для его страны количество людей.

Если бы Урош, или его брат Владислав, или кто другой из его рода или владетель, пожелал нанести нам обиду, или бы нанес ее, то твое святое царское величество да поможет нам по мере своих сил и да причинит им вред.

Если придут в наш город Дубровник люди и купцы от твоего святого царского величества и от севастократора⁵, зятя святого твоего царского величества, то да будут они и имущество их хранимы и покровительствуемы в Дубровнике и в его пределах, подобно самим дубровчанам, и да проживают они в Дубровнике по своей воле, и да устроят свой рынок, продавая и покупая без всякой пошлины и без всякого убытка, и не брать с них никакой пошлины ни у ворот, ни на постах, ни на переправах, ни на дорогах. Но пусть они покупают всякий товар, какой им нужен: золото, серебро, одежды, золотые ткани или что другое им нужно, кроме пшеницы, которая не должна вывозиться из города Дубровника без повеления князя, который будет в это время в Дубровницком княжестве.

Точно так же и люди и купцы преславного города Дубровника, прибыв в землю святого твоего царского величества и в землю зятя святого твоего царского величества севастократора Петра, покупают и продают без убытка свободно, по своей воле всякий товар сказанных землях, и да не взымается с них пошлина или какая-нибудь дань ни в городах, ни в торговых селах, ни на мостах, ни на реках, ни на дорогах; но да будут свободны на всяком месте и проживают, и ходят по своей воле, и возвращаются, и да будут хранимы и защищаемы как лично сами, так и их имущество.

В случае смерти в княжестве Дубровницком какого-нибудь жителя или купца твоего царского величества, или жителя либо купца высокого севастократора Петра, который бы оставил завещание, или бы не имел такового, ни даже товарищей, – должна быть сделана опись всего имущества этого покойника, которое должно сохраняться в целости до того времени, пока твое святое царское величество пошлет для получения его свое письменное требование. Точно так же если случится смерть дубровницким жителям и купцам во владениях твоего святого царского величества или во владениях высокого севастократора господина Петра,

оставившим завещание или не оставившим, и при них не будет товарищей, то имущество такового умершего должно быть хранимо твоим святым царским величеством и передано тому, кто будет послан за имуществом сказанного умершего с письмом от господина дубровницкого князя.

Если люди твоего святого царского величества или Петра высокого севастократора предъявят какую-либо претензию к какому-нибудь жителю Дубровницкого княжества, то мы обязуемся рассмотреть дело в суде без судебных издержек и пошлин в соответствии с нашим законом вынести справедливое решение.

Точно так же да будет справедливое судебное решение: всякой пошлины и судебных издержек в соответствии с законами твоего святого царского величества и высокого севастократора Петра. Да не будет никакого взыскания между твоим святым царским величеством и нами, пока не будет дело рассмотрено в суде и не вынесено решение по справедливости.

Если бог поможет твоему святому царскому величеству завладеть Сербской землей, то да сохраним мы и тогда те старые законы, какие имел город Дубровник, которыми и будем мы управляться со всеми землями и городами приморскими Сербии, как то было при сербском правлении тому уже 15 лет.

И если бог поможет твоему святому царскому величеству стать господином всей Сербской земли, то никакие злые люди да не создадут неприязни между святым твоим царским величеством и нашим городом, но да будет все большая любовь...

Существующий договор о пошлине на соль между сербским краем и городом Дубровником должен быть сохранен и твоим святым царским величеством, а именно: половину прибыли всей соли, продаваемой жителям Рашки, да получает твое святое царское величество, а другую половину – община Дубровника, как то было в старом законе..., а именно: от реки Дрин до Неретвы⁶. Пошлина на соль да не взимается в другом месте, края Дубровника.

Это обещание и это писание, чтобы оно получило большее подтверждение, имеет печать общины и славного Марсилия Георгия князя нашего города Дубровника.

[Следуют подписи судей, вечников, казначеев и других.]

¹ День св. Вита – 15 июня.

² В эти годы Дубровник находился под протекторатом Венеции.

³ Стефан Урош – сербский король (краль), (1243-1276 гг.).

⁴ Рашская страна – Сербия.

⁵ Севастократор – один из первых высших чинов византийской иерархии после деспота. Деспот – звание, присваиваемое членам династии.

⁶ Реки Дрин и Неретва впадают в Адриатическое море. Одна южнее, другая севернее Дубровника.

Дарственная грамота царя Иоанна Александра венецианцам (1347 г.)

Болгарский царь Иоанн Александр вступил на престол в 1331 г. Договор, заключенный Иоанном Александром с Венецией, завершил длительный период военных конфликтов Болгарии с Венецией и восстановил торговые отношения между двумя странами. Сохранилась итальянская копия грамоты.

Мое царское величество дает это повеление моим друзьям и братьям франкам венецианцам и клянется мое царское величество богом отцом и девою Марией... и моей душой, что все венецианские купцы могут передвигаться со своими кораблями и товарами по всему нашему царству здоровы и беззаботны. Они должны платить за торговлю 3% пошлины. Не может нести наказания ни сын за отца, ни отец за сына. Если к несчастью случится погибнуть какому-нибудь кораблю, то спасти имущество и людей. За груз [стоимостью] в 100 перперов¹ да платят 4 гроша². За взвешивание товара на весах – 1 аспра³ и четверть; за прибывший большой корабль [платится] 2 перпера; за малый – 1 перпер. Если товары не продадутся, то [купцы] да уходят, как им нравится – по суше или по морю, и да не платят ничего. Ни один венецианец не может быть подвергнут наказанию прежде, чем он не был на суде. Также если умрет какой-нибудь венецианец, не оставив завещания, никто не может распорядиться его имуществом, кроме самих венецианцев. Они также могут покупать и строить церкви и магазины, где им нравится в землях, и никто может им противиться по этому повелению. Если кто дерзнет противиться, тогда будет он предателем моего царского величества.

¹ Перпер – староболгарская золотая монета, содержащая 16 2/3 карата (карат = 1/5 грамма) золота. 1 перпер равнялся 6 грошам и 5 аспрам.

² Грош – наиболее распространенная серебряная монета средневековой Болгарии. Царь Иоанн Асень начал чеканить медные гроши. 1 грош равнялся 6 аспрам.

³ Аспра – самая мелкая серебряная монета, равная 1/6 гроша.

Письмо царя Болгарии Иоанна Александра дожу Венеции Андреа Дандоло от 4 октября 1352 г.

Письмо подтверждает приведенный договор 1347 г., видимо, в связи с новым периодом напряженности в болгаро-венецианских отношениях.

...Мы получили письмо, переданное благородным мужем Марино Фальери¹, прочли его и отвечаем, что всегда искренне желали и желаем принимать ваши посольства, чего ожидаем и теперь. И всегда мое царство относилось и относится честно к вашему высочеству и к вашей республике и к любому ее подданному, который придет в мое царство. Также, если ваши купцы пожелают прийти в мое царство со своими товарами, мое царство обещает и клянется... что они будут целы и невредимы со своим имуществом и людьми, куда бы они ни пожелали пойти и оставаться, согласно договору и клятве, данным ранее.

¹ Посол Венеции в Болгарии.

Брашовская грамота

Брашовская грамота дана сыном Ивана Александра Иваном Срацимиром, в 50-х гг. XIV в. провозгласившим себя самостоятельным государем Северо-ападной Болгарии со столицей в г. Бдине, горожанам Брашова. Грамота датируется тем периодом (1365-1370 гг.), когда «царство» Ивана Срацимира было завоевано венгерским королем Лайошем Великим, вынудившим бдинского государя признать себя вассалом Венгрии и отменить пошлины на товары, ввозимые в Северо-Западную Болгарию из венгерских владений. Сохранился болгарский список грамоты, возможно являющийся переводом с латинского образца.

От господина Срацимира жупану Якову, Герману Фолногу, Петру Файнглоу и всем горожанам [Брашова]. Да будет так, как вы писали и просили, чтобы ходили ваши люди свободно [в мои владения]. Пусть приходят люди господина короля¹ в город... [Бдин] и торгуют всем, чем они захотят. И я даю свое царское слово... чтобы они находились под защитой моего царства. И не будет им причинено никакого вреда ни на волос, как вы сами увидите. И также те, кто принесет письмо от вас, будут почтены и возлюблены моим царством.

¹ Т.е. Лайоша (Людовика) Великого.

Договор князя Добруджи Иванко с Генуей (27 мая 1387 г.)

Договор, заключенный в 1387 г. между князем Добруджи Иванко и Генуей, содержит ряд норм международного публичного и частного права, представляющих значительный интерес. Договаривающиеся стороны прощают друг другу взаимные обиды и торжественно обещают жить в мире и дружбе. И князь Иванко, и Генуэзская община обеспечивают взаимную защиту подданных другой стороны. В договоре записаны также права генуэзских консулов в болгарских землях, устанавливаются таможенные пошлины и регулируется ряд других вопросов, касающихся торговли. Особый интерес представляют постановления, предусматривающие штраф за нарушение договора.

1. Отличные и могучие мужи, господа Иоан де Мецана, подеста Пера и генуэзцев в Римской империи, Джентиле де Гренальди, Джаноне де Боска, послы и уполномоченные великолепного господина Антонио Адурно, божьей милостью дожа генуэзцев и защитника народа, и совета старейшин города Генуя, а также и совета восьми граждан, поставленных управлять и рассматривать дела в землях Востока, которым (послам) полномочия предоставлены самим господином дожем, советом (старейшин) и советом (восьми граждан), в лице упомянутых господ Джангиле и Джаноне, что явствует из государственных документов с полными, широкими и достаточными полномочиями, писанных рукой Петра Баргалио, нотариуса и канцеляриуса генуэзской общины, 22 марта 1387 года от имени и со стороны генуэзской общины и всех генуэзцев, обитающих в ней и имеющих в мире, – с одной стороны, – и видными и мудрыми мужами, господами Коста и Иолпани, послами и уполномоченными для нижесказанного, посланными великолепным и могущественным господином Иванко, сыном незабвенного великолепного господина Добротица, с полными и достаточными полномочиями, явствующими из открытого письма, подписанного собственноручной подписью названного господина Иванко, а именно: «Иванко деспот божьей милостью», писано 13 дня настоящего месяца мая, представлено сегодня упомянутыми послами указанному подесте и послам от имени и со стороны упомянутого господина Иванко и всех его подданных, – с другой стороны, – в присутствии указанного господина подесты и всей Поры, чьи имена суть (следует перечисление имен).

2. Указанные стороны от имени указанных лиц пришли и сообщили, что явились для заключения доброго и истинно вечнопрочного мира, то есть, что упомянутые стороны от имени упомянутых лиц простили между собой и взаимно, одна сторона другой и вторая первой, все обиды, притеснения, насилия, грабежи, убийства и все, что бы ни было нанесено до сих пор, до настоящего дня и часа одной из упомянутых сторон другой по какой бы то ни было причине и какими бы они ни были. При этом указанные стороны от имени

указанных лиц обещают одна сторона другой и другая первой путем торжественного обещания, данного сегодня и на будущее, не наносить вреда, не поддерживать и сохранять вечный мир и вое, что ниже определено соглашениями, предписаниями, обещаниями, положениями и условиями. Они отказываются от возражений относительно упомянутого мира: что не заключен, как говорилось выше, что нижеупомянутые соглашения, обещания и условия не сделаны, что дело не совершено как упомянуто выше и в дальнейшем, и не считать так, что (договор заключен) при обмане, угрозах, действиях без достаточных оснований и без какого-либо иного права.

3. Упомянутые господин подеста и послы от имени и со стороны упомянутых общины и генуэзцев обещают названным господам Коста и Иолпани, упомянутым послам, со дня заключения настоящего мира и в будущем относиться, держаться и обходиться благосклонно с названным господином Иванко и его подданными и какими бы то ни было другими его подданными в какой бы то ни было земле генуэзской общины; сами же его подданные и люди должны верно охранять и оберегать свои вещи и товары, совершать, отдавать и оказывать суд и справедливость таким же людям и подданным названного господина Иванко, или ручаются совершать, отдавать (суд и справедливость) и содействовать, и то по отношению как ко всем, так и к отдельным генуэзцам, которые им должны, или которые иначе причинили или причинят вред упомянутым людям и подданным со дня заключения настоящего мира в будущем по отношению к имуществу или личности, которые находятся во владениях указанной общины, по тому, как покажется лучше самой общине или управителю, который во главе упомянутой общины строго стоит на страже справедливости.

4. Запрещается также какому бы то ни было генуэзскому кораблю, или таким (кораблям), которые были отправлены из Генуи, наносить какой-либо вред названному господину Иванко и его людям, землям или областям.

5. Точно так, если случится кому-либо принести вещи или товары какого-либо генуэзца (и с ними приютиться в землях или областях указанного господина Иванко, то, после того, как первому будут возвращены товары и лица, таким людям может быть (предоставлен) приют и защита в его области в том, что касается личности и товаров. Таким же образом поступают и по отношению к тем, кто убегает из владений упомянутого господина Иванко и приютился в землях генуэзской общины.

6. В свою очередь упомянутые Коста и Иолпани, указанные послы, которые получают (это обещание) от генуэзской общины и всех отдельных генуэзцев, – (обещают) почитать, держать, принимать и относиться благосклонно ко всем вместе и к каждому в отдельности генуэзцам во всех землях и областях, которые им подчинены и еще будут им подчинены и верно защищать и охранять на суше и на море имущество здравствующих и потерпевших кораблекрушение, и не позволять им препятствовать или обременять (их чем-нибудь), ни наносить им вред или создавать (для этого условия) и позволять (кому-либо) нанести им вред. Напротив, отгонять от всех них обиды, вредительства и тяготы или насилия в своем владении и области, в землях и областях, которые им подчинены или в будущем будут подчинены и в какой-либо другой части света. Но все же в этих землях принимается генуэзский консул, который дает и оказывает суд и справедливость всем генуэзцам и по всем делам и спорам, которые возникнут или породятся между самими генуэзцами или между названными генуэзцами и подданными названного господина Иванко по гражданским и уголовным делам, но таким, где истцу требуется искать суда обвиняемому. Тому консулу, который должен быть избран и направлен прибыть в указанные земли, нужно оказывать помощь, совет, поддержку и покровительство для выполнения его службы и управления и руководства всеми генуэзцами, которые посещают его область, а ему (консулу) и другим генуэзцам давать и оказывать полное правосудие для каждого, кто прибегнет к его (господина Иванко) суду и правосудию в гражданских и уголовных делах. Под генуэзцами однако следует понимать всех тех, кого генуэзский консул объявит, скажет и назовет, что они являются генуэзцами или считаются таковыми.

7. Вышеупомянутые Каста и Иолпани, вышеназванные послы, обещают также упомянутым господам, подесте и послам, что (Иванко) (будет относиться) благосклонно и любезно ко всем генуэзским консулам, которые прибывают в его владения, и будет выслушивать их и кого бы то ни было из них и будет судить быстро и в целом по всем делам, которые его касаются и которые вершатся по совести упомянутого господина, так, чтобы могли быть заслуженно удовлетворены им. Кроме того, те обязываются и обещают дать, передать и доставить указанному консулу или консулам, которые подлежат быть избраны и посланы, как говорилось выше, удобный, подходящий и необходимый участок земли, на котором можно построить склады и церковь, где указанные генуэзцы, которые прибывают и посещают его земли, смогут обитать, пребывать и жить. Никто не может их обременять или беспокоить, или позволять быть обремененными, или обеспокоенными каким-либо или какими-либо из указанных генуэзцев за преступление или проступок, совершенные и сотворенные каким-либо или какими-либо другими генуэзцами. Однако никто невинный да не понесет наказания за кого-либо другого, который совершил преступление или проступок, но (пусть) наказание настигает виновных... Ни сын не будет наказан за преступления отца, ни также наоборот. Против злоумышленных и преступных генуэзцев генуэзский консул, который находится (пребывает) (в) месте совершения преступления, да разузнает, да исследует (обнаружит) и да присудит, как находит лучшим в соответствии со справедливостью.

8. Точно так же упомянутые выше послы обещают, что сам великолепный господин Иванко будет давать генуэзцам хорошее, истинное и законное удовлетворение за весь вред, грабежи, кражи или насилия, совершенные над генуэзцами, раскрытые и известные со дня заключения настоящего мира генуэзским

консулам или консулу, которые пребывают в его области, и совершенные подданными и подвластными названного господина Иванко или каких-либо других лиц какого бы ни было положения и по какому бы то ни было основанию и таким способом, что упомянутым генуэзцам будет дано быстрое и без всякого другого расследования полное удовлетворение за вышеуказанное. Кроме того, обещает, что каждый раз, как требуется представить каких-либо греков, болгар или лиц какого-либо другого положения свидетелями против каких-либо генуэзцев, от них будут требовать присяги с необходимыми и надлежащими обрядами, прежде чем допустить их свидетельствовать в каком-либо суде.

9. Равным образом вышеуказанные послы и посланники обещают, что сам великолепный господин Иванко будет защищать всех находящихся в его области генуэзцев от всяких лиц, как их имущество, так и их самих, и будет охранять и оберегать всех генуэзцев и их имущество во всей своей области. И если случится, что сам господин Иванко пожелает нарушить упомянутый мир, или же генуэзская община явится с войной к нему, то тогда и в таком случае сам господин Иванко обязывается охранять и оборонять самих генуэзцев и их имущество, как и дать им оставшиеся корабли, на которых они могут в подходящее и достаточное время удалиться из его области, вывезти оттуда в течение одного месяца вещи и легкие товары, а соль и корабли в течение шести месяцев, так и таким способом, чтобы они сами свободно могли выехать из его области и свободно вывезти вещи. Таким же образом (надлежит) поступать с его (господина Иванко) людьми и подчиненными, которые пребывают в земле (генуэзской) общины.

10. Точно так упомянутые выше послы и посланники обещают и торжественно соглашаются, что вышеназванный господин Иванко в своих землях, которыми владеет или будет владеть, никак не запретит самим генуэзцам постоянно и когда они могут и имеют возможность вывозить из указанных его областей и владений по своей свободной воле всякие вещи, товары и всякие припасы, которые сами генуэзцы купили или приобрели каким бы то ни было способом, не может запретить указанным генуэзцам, но да позволит им покупать в его области вещи и припасы, какие они пожелают, за исключением времени голода. В таком случае позволено издать в области своей возборонение и запрещение для самих генуэзцев в такой мере, в какой направлено это и против всех других генуэзцев и если случится, что тот даст кому-нибудь позволение (покупать) припасы, то тогда обязывается допустить свободную возможность (приобретать их) упомянутым генуэзцам.

11. Точно так указанные выше послы и посланники обещают, что названный господин Иванко освободит всех вообще и каждого в отдельности генуэзца, которые находятся в каких бы то ни было его землях и местах, вместе с их женами, наложницами и детьми, даже незаконнорожденными, так, однако, что тот да не может задержать каким-либо способом какого-либо генуэзца или кого-либо из его семейства, если не подозревает, что он раб, но им дается возможность, чтобы они могли отбыть, куда они пожелают по собственной воле, как приятели указанного господина Иванко. А относится это к генуэзцам и их семьям всем вообще и к каждому в отдельности, которые будут объявлены генуэзским консулом, что они являются генуэзцами.

12. Точно так вышеназванные послы и посланники обещают, что указанный господин Иванко будет охранять и оберегать все вообще и каждые в отдельности вещи и товары, которые (принадлежат) вышеуказанным генуэзцам, не будет ни требовать, ни взимать сборы от указанных наших генуэзцев за их вещи и товары, которые приносятся, приводятся или переправляются там, и то как по морю, так и по суше, больше чем два на сто от цены и оценки указанной вещи, то есть один на сто за ввоз и столько же за вывоз. Не нужно, однако, под этим понимать корабли, золото, серебро, настоящий жемчуг или другие драгоценности, как те, которые туда ввозятся и приносятся, так и те, которые там приобретаются и оттуда вывозятся; сами наши генуэзцы да будут считаться свободными, освобожденными от таможенной пошлины (мита) и налогов и следует считать их свободными, освобожденными и необложенными (налогами) от самого господина Иванко, от его подданных и должностных лиц, как всегда, однако, подразумевается, что указанные генуэзцы будут обязаны платить указанное выше мито, когда продают или обменивают упомянутые вещи и товары. Если, однако, не продают и не обменивают, никак не будут обязаны заплатить что-либо за них, за исключением вещей и товаров, которые ввозятся или вывозятся из указанной земли в какие-либо другие земли, за которые (товары) надо заплатить только один на сто. Сами же генуэзцы да не могут подвергнуть никаким другим поборам, займам или налогам в указанных его землях со стороны господина Иванко, его людей и подданных.

14. Точно так упомянутые выше послы обещают, что сам великолепный господин Иванко в течение одного месяца со дня, когда он будет извещен об указанном мире, государственным актом скрепит, одобрит и утвердит клятвой и всякими другими гарантиями указанный мир и все вообще и каждое в отдельности, что содержится в нем, который обещает вечно соблюдать.

15. Указанные стороны от имени упомянутых лиц, между собой и взаимно одна сторона другой и вторая первой торжественным обещанием, данным одной и другой стороной, обещают вышеуказанное все и каждое в отдельности, и для вышеуказанных всех и каждого в отдельности и клянутся в этом над Святым божьим Евангелием, касаясь рукой Святого Евангелия – указанный господин подеста, послы и совет, по латинскому обычаю, прикасаются к Святому писанию, и указанные господа Коста и Иолпани, вышеупомянутые послы и посланники, по греческому обычаю; да имеют и поддержат вечно вышеуказанное все и каждое в отдельности они сами, (их) люди и подданные, их служители и указанная (генуэзская) община, как и все генуэзцы, будут его соблюдать, исполнять и охранять точно, добровольно и твердо, и никто да не противодействует и да не

противопоставляется какому бы то ни было основанию или причине, которые можно сказать или измыслить юридически или фактически в качестве штрафа и в покрытие штрафа (в) сто тысяч золотых перперов по курсу Пера. Подлежит этому штрафу та сторона, которая не сохранила (мир), в пользу той, которая сохранила, каждый раз, как будет совершено нарушение или несоблюдение, как говорилось, в пользу стороны.

Вторжение турок-османов в пределы Болгарии (Безыменная Болгарская летопись)

Мурад¹ поднялся снова на бой или против болгар, или против Углеша. Когда Углеши и король Вукашин² узнали это, собралось множество сербского войска, а также из Далмации и из Требинье. Тогда пришло и множество турок вместе с Мурадом, разразился великий бой и случилось страшное кровопролитие на реке Марице. Турки убили у реки Марицы Углешу и короля Вукашина. Оба они погибли в 6879 [1371] году на 26-й день месяца сентября.

Перед этим сражением умер тырновский царь Александр³...

На престол вступил царь Шишман, сын Александра.

В то время в Царьграде царствовал Калоян Палеолог, турки тогда нарушили клятвы, которые дали грекам, и заняли город Галлиполи и окрестные села, взяли Македонию и начали воевать так, как им угодно. На переправе поставили свою стражу, отослав греков по домам.

Царь Калоян после 35-летнего царствования умер в 6880 [1372] году, и на престол вступил его сын Мануил Палеолог. Тогда собралось великое множество турок, и они начали завоевывать и полонить земли и города... Они взяли Драч, даже [область] до Далмации, овладели и всей Арбанаской землей, так как христианские государства были немощны и не было кому им сопротивляться.

Через несколько лет они [турки] отправились против Сербской земли, и там разразилась брань, в коей из них [сербов] было погублено превеликое множество – бесчисленное воинство и настало кровопролитие... Тогда один из воинов по имени Милош, будучи очень храбр,... пронзил [копьем] нечестивого Мурада, выбросил копьем все его внутренности и его прескверную душу. Турки убили сербского князя [короля] Лазаря в 6897 [1389] в июне месяце. Баязид взял царство своего отца Мурада, покорил под свою власть и Сербскую землю, принудил их [сербов] давать ему дань, посылать ему войска и ходить [на войну] с ним, а деспота Стефана⁴ поставил владеть отцовским престолом над сербами.

После немногих дней снова поднялось превеликое множество турок, отправились они против валахов на Мирчо-воеводу, и разразился великий бой, так что среди турок пало много избранных из сильных, так же как и из христианских владетелей... Такое бесчисленное множество копий было поломано, что нельзя было видеть воздух от множества стрел. Там протекла кровавая река от множества человеческих трупов, так что и сам Баязид устрасился и побегал. Он поставил, однако, одного из властелинов управлять этой страной, так как Мирчо убежал в мадыарскую землю. Да и сам Баязид бросился в бегство, желая переправиться через Дунай. Он поставил стражу по всей переправе через Дунай.

Он захватил болгарского царя Шишмана и погубил его в 6903 [1395] году на 3-й день месяца июня, овладев также Болгарской землей⁵, и поставил своих правителей там, по всей Болгарской земле.

¹ Мурад – турецкий султан.

² Два брата, деспот Углеша и король Вукашин (правитель Македонии), объединились с другими сербскими государями и заключили союз с боснийским баном Твртко и болгарским царем Иоанном Шишманом для борьбы против турок.

³ Александр умер в 1371 г.

⁴ Деспот Стефан был сыном сербского короля Лазаря, погибшего в Косовой битве 1389 г.

⁵ Войско турецкого султана Баязида осадило столицу Болгарского царства Тырново. Осажденные мужественно защищались, более 3 месяцев выдерживая осаду. Наконец, город был взят турками и предан разрушению и разграблению (17 июля 1393 г.). Один из свидетелей последних дней жизни древней болгарской столицы говорит, что если бы он взялся описывать подробно виденное им, то он бы потопил своих соотечественников в скорби и слезах, и потому он не дал такого описания. Позднее погиб болгарский царь Иоанн Шишман, 1395 г.

1.22. СЕРБИЯ

Политика первых сербских князей (Из древнейшей сербской хроники)

Этот ценный памятник содержит уникальные сведения о поселении сербов на Балканах и древнейших сербских князьях (поэтому в литературе данный источник именуется также «Хроникой сербских князей»). Он известен нам в пересказе Константина Багрянородного – в его сочинении «Об управлении империей» (середина X в.).

Да будет ведомо, что сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также «белыми» и живущих по ту сторону Турции¹ в местности, именуемой ими Воики. С ними граничит Франгия², а также Великая Хорватия, некрещеная, называемая также «Белой». Там-то и живут с самого начала эти сербы. Но когда двое братьев получили от отца власть над Сербией, один из них, взяв половину народа, попросил убежища у Ираклия, василевса ромеев³.

...Поскольку нынешняя Сербия, Пагания⁴, так называемая страна захлумов⁵, Тервуния и страна каналитов⁶ были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров... то василевс и поселил означенных сербов в этих странах. ...Затем, когда умер сей архонт-серб, прибегнувший к помощи василевса, по наследству правил его сын, затем внук и так далее – архонты из его рода. Через некоторое время был в его роду среди них Воисеслав⁷, затем е сын Родослав, сын этого – Просигоис⁸ и его сын – Властимир. ...В правление же этого Властимира Пресиам, архонт Булгарии⁹, пошел войной на сербов, желая покорить их, однако после трехлетней войны не только ничего не достиг, но и погубил множество своих воинов. После смерти архонта Властимира власть над Сербией унаследовали три его сына – Мунтимир¹⁰, Строимир и Гоиник, поделившие страну. В их правление явился архонт Михаил-Борис, желая отомстить за поражение Пресиама, своего отца. Воюя [с ним], сербы оказались настолько сильнее, что взяли в плен сына Михаила – Владимира с двенадцатью великими боиладами¹¹. Тогда, конечно, сокрушаясь о сыне, Борис против воли заключил мир с сербами. Желая вернуться в Булгарию и боясь, как бы сербы не заманили его в засаду на пути, он попросил для своей безопасности детей архонта Мунтимира, Борена и Стефана, которые и сберегли его невредимым вплоть до самых границ, то есть до Расы. В благодарность за эту услугу Михаил-Борис дал им большие дары, и они взамен дали ему в качестве подарка двух рабов, двух соколов, двух собак и 80 штук меха, о чем булгары говорят как о пакте¹².

Через недолгое время упомянутые три брата, архонты Сербии, выступили друг против друга, и, когда одолел один из них, Мунтимир, он, желая один располагать властью, схватил и отдал в Булгарию двух других¹³. Только Петра, сына одного из братьев – Гоиника, он оставил возле себя и заботился о нем. Но Петр, бежав, прибыл в Хорватию, о чем будет рассказано несколько позже.

Вышеупомянутый находящийся в Булгарии брат [Мунтимира] Строимир имел сына Клонимира, которому Борис дал в жены бул-гарку. В Булгарии у него родился Чеслав¹⁴. Мунтимир же, изгнав братьев и получив власть, породил трех сыновей – Прибеслава, Брана и Стефана, а после его смерти ему наследовал первый сын Прибеслав.

Итак, через один год, выступив из Хорватии, упомянутый ранее Петр, сын Гоиника, отстраняет от власти своего двоюродного брата Прибеслава с двумя его братьями и сам принимает власть, а те, бежав, являются в Хорватию. Через три года Бран, придя для войны против Петра, был разбит им, попал в плен и был ослеплен. По прошествии двух лет Клонимир, отец Чеслава, также бежав из Булгарии, достиг Сербии и вступил с войском в одну из ее крепостей, Достинику, с намерением захватить власть. Воюя против него, Петр убил его и управлял еще 20 лет, начав править в царствование Льва, блаженного и святого василевса¹⁵, подчиняясь и выполняя для него службу. Он заключил мир с Симеоном, архонтом Булгарии, так что даже и кумом его сделал.

...Возревновав к сему, Михаил, архонт захлумов¹⁶, сообщил Симеону, архонту болгар, что василевс ромеев удостоил даров архонта Петра, чтобы он соединился с турками¹⁷ и выступил против Булгарии. Произошла в то время и битва при Ахелое между ромеями и булгарами¹⁸. Поэтому Симеон, будучи взбешен этим, послал против архонта Сербии Петра Сигрицу Феодора и известного Мармаина с войском, а с ними был и архонтопул¹⁹. Павел, сын Брана, которого ослепил Петр... Итак, булгары, коварно действуя против архонта Сербии и вступив с ним в кумовство, скрепленное клятвой, что они не причинят ему никакого ущерба, обманом заманили его к себе и, немедленно связав, увели его в Булгарию. Он умер в тюрьме.

Вместо него вступил [в Сербию] Павел, сын Брана, и правил три года²⁰. А василевс господин Роман²¹, имея в Константинополе архонтопула Захарию, сына Прибеслава, архонта Сербии, послал его с той целью, чтобы он стал архонтом в Сербии. Однако, уйдя и ведя войну, он потерпел поражение от Павла. Тот схватил его и передал булгарам, где его держали в оковах. Затем, через три года, когда Павел враждовал с булгарами, [они]

отправили Захарию, ранее посланного василевсом господином Романом, и он, изгнав Павла, сам овладел властью над сербами²².

Захария тотчас вспомнил о благодеяниях василевса ромеев: он стал врагом болгар, не желая вообще подчиняться им, но склонный скорее быть под властью василевса ромеев. Так что, когда Симеон послал против него войско с Мармаимом и Сигрицей Феодором, он их головы и оружие отправил с поля битвы к василевсу ромеев в качестве трофеев (ибо между ромеями и булгарами продолжалась война). Он никогда не прекращал направлять посольства к василевсам ромеев, как и архонты до него, будучи в подчинении и на службе у них. Но Симеон опять послал новое войско во главе с Книном, Имником и Ичбокклией против архонта Захарии, отправив с ними также и Чеслава.

Тогда Захария, испугавшись, бежит в Хорватию. Булгары же известили жупанов²³, чтобы те прибыли к ним и приняли Чеслава к себе архонтом. Вызвали они их с помощью клятвенных заверений, но довели [лишь] до первой деревни и, немедленно связав их, вступили в Сербию, захватили весь наро от мала до велика и увели в Булгарию. Некоторые, однако, ушли в Хорватию. Страна оказалась пустынной.

Через семь лет²⁴ Чеслав, бежав от болгар, с четырьмя другими прибыл из Преслава в Сербию, но обнаружил в стране лишь 50 мужчин, не имеющих ни жен, ни детей, занятых охотой и так кормивших себя. Овладев с ними страной, он сообщил об этом василевсу ромеев, прося его о защите и помощи, обещая нести службу и повиноваться его повелениям, как и архонты до него.

...[Знай], что в крещеной Сербии имеются населенные крепости: Дестиник, Чернавускея, Мегиретус, Дреснеик, Лесник, Салинес, а в местности Босона²⁵ – Катера и Десник.

¹ Туркия – здесь Венгерское государство.

² Франгия – Франкское королевство.

³ Византийский император Ираклий правил в 610–641 гг.

⁴ О стране так называемых паганов или аренданов (неретвян) см. в гл. 36 труда Константина Багрянородного «Об управлении империей». ⁵ Страна захлумов (Захлумская земля, Захумье, в латинских источниках – Захолмия, либо Хумская земля) описана в гл. 33 названного выше труда.

⁶ Тервуния (Травуния) и страна каналитов (совр. Конавли) описаны Константином Багрянородным в гл. 34.

⁷ В югославской литературе дается транскрипция Вишеслав.

⁸ В Югославской историографии соответственно эти имена транскрибированы Радослав и Просигой.

⁹ Пресиам правил в Болгарии примерно с 836 по 852 гг.

¹⁰ В югославской литературе принята транскрипция Мутимир.

¹¹ Термин «боилады» (или болиады) соответствует позднему «боляре», т.е. бояре.

¹² Пакт – дань.

¹³ Мутимир, видимо, правил в Сербии до 891 или 892 гг.

¹⁴ В югославской литературе принята транскрипция Часлав.

¹⁵ Византийский император Лев VI (886–912 гг.) – отец Константина Багрянородного.

¹⁶ Михаил Вышевич – правитель Захумского княжества (начало X в.).

¹⁷ Турки – здесь венгры.

¹⁸ Симеон Болгарский наголову разбил войска Византии при Ахелое 20 августа 917 г.

¹⁹ Архонтопул – сын князя, т.е. член княжеского рода.

²⁰ Князь Павел правил в Сербии примерно в 917–920 гг.

²¹ Византийский император Роман I Лакапин (920–944 гг.).

²² Захария правил в Сербии, видимо, до 924 г.

²³ Жупан – светский феодал, княжеский сановник или наместник области (жупании, жупы).

²⁴ Часлав, вероятно, бежал после смерти Симеона – в конце 927 г. или в начале 928 г.

Завоевание византийских провинций сербскими войсками и создание Сербско-греческого царства Стефана Душана (Никифор Григора, «Римская история»)

Сочинение византийского писателя Никифора Григоры (1290–1360 гг.), посвященное событиям 1204–1359 гг, содержит много сведений о Сербском государстве, византийско-сербских отношениях. В особенности ценно то, что Никифор Григора как современник пишет о политике Стефана Душана, подразделении его владений и правовых нормах той поры.

...Теперь-то¹ Краль [Стефан Душан], превзойдя самого себя и усвоив слишком неумеренную надменность, думал, что уже ничто не остановит распространения его могущества и верховной власти над остальными греческими землями вплоть до самой Византии [т.е. Константинополя], и провозгласил [он] себя царем ромеев и варварский образ жизни переменял на обычаи ромеев и торжественно возложил на себя тиару и все особенные одежды, усвоенные этому высокому сану, и пользуется ими до сих пор.

И предоставил он сыну [Урошу] управлять по сербским законам страной от Ионического залива и реки Истра [т.е. Дуная] до города Скопия, определив границей его владений величайшую реку Аксий [т.е. Вардар]; себе же взял греческие земли и города до Христопольских проходов для управления ими по установлениям и обычаям ромеев.

¹ Т.е. после завоевания византийского г. Серры 24 сентября 1345 г.

Договор короля Стефана Уроша с Дубровником (1254 г.)

Я, Стефан Урош, с помощью божией краль всей сербской земли и Поморья¹, обещаю находящемуся здесь князю дубровническому Злату Андрею и всем властелям дубровническим и всей общине градской...

1) Как держали земли и виноградники до смерти господина отца моего², так и держите. А что окажется засаженным виноградом, или какие земли заняты после [его смерти], то должно быть исправлено судом, и что суд найдет принадлежащим моему королевскому величеству, будет мое, а что скажет ваше – то вам.

2) Суд пусть собирается от Михайлова дня до Георгиева дня³, где будет нужно, и собирается пусть там, где и прежде, в дни отца моего.

3) Оба судьи пусть приносят присягу, что будут судить по правде...

5) И если где-либо случится преступление между людьми моего королевства и вашими людьми – пусть судом установлена будет правда.

6) Если войска мои где-либо встретятся с вашими людьми, – будут ли они с товарами или без товаров, – да не чинят им никакого зла.

7) Это я сделал, чтобы жили по закону, как в дни господина отца моего...

10) И вы уважайте мое королевское величество, как уважали господина отца моего...

12) Торговцы ваши пусть идут на Бресково⁴ и, уплативши там десятину с соли, после того пусть проходят через всю землю моего королевства свободно.

И как хочет все это сохранить мое королевское величества так бог да сохранит меня в сем веке и будущем.

В лето 676⁵ индиктион 12⁶ месяца августа 23 утверждено мое это обещание перед архиепископом и перед князем Георгием и перед жупаном Стефаном.

Стефан Урош, с помощью божией краль всей Рашской земли и Поморья.

¹ Поморье – часть побережья Адриатического моря, принадлежащая Сербии.

² Стефан Первовенчанный (1196-1228 гг.) – король сербский.

³ Михайлов день – 8 ноября, Георгиев день – 26 ноября ст. стилия.

⁴ Бресково – самый старый торговый пункт средневековой Сербии. Он играл большую роль в сербо-дубровнических торговых сношениях.

⁵ 1254 г.

⁶ Индикт (или индиктион). В Византии существовал счет времени по пятнадцатилетиям. Порядковый номер в пятнадцатилетии назывался индиктом.

Политика Сербского государства при Неманичах (1331-1371 гг.) (Из Сербской – Копоринской летописи)

Летопись содержит краткое описание истории Сербии при Неманичах – с конца XII в. до распада их державы после смерти Стефана Душана. В особенности интересны сведения о событиях второй и третьей четверти XIV в., принадлежащие перу современника – анонимного сербского книжника.

Житие и жительство королей и царей сербских, кто после кого или сколько царствовал. ...Превысокий же и благочестивый Стефан [Душан], первый царь, родился в год 6820¹ и, быв королем, также достиг греческой земли и, сию покорив, поставляет себя в ней царем в год 6856². И весьма свое отечество прославив и почтив, землю сербскую [ее] распространив и расширив, и окрестные народы подчинив, рати начинает и победы творит, и великую тишину и благоденствие своему отечеству подал. Божественные храмы воздвигает и восстанавливает, отечество свое украшая, [и] властелей своих одаряет блестящими одеждами и царскими золотыми поясами. И так, когда он был в веселье и почете царства своего, задумал и создал великий дом архистратигу Михаилу и Гавриилу в городе Призрене, куда по скончании его перенесены были мощи его. Пребыв же похвально и благочестно, конец [жизни] достиг в год 6864, декабря 20, в воскресенье, оставив великую жалость и плач сербской земле.

Родил же и сына прекрасного Уроша в год 6845. Сей же Урош поистине прекрасный и достоивный видом, млад же смыслом, слишком милостив и кроток оказался, советы старцев отменяя, молодых же советы принимая и любя, то же [самое] получил [на свою долю], как и тот Ровоам, или же можно сказать, как Михаил, царь греческий от своего раба Василия пострадал, подобно же [этому] и сей [Урош]... пострадал, и многие обиды и мести и притеснения претерпел, [все это], – говорю я, – [он претерпел] от Вукашина и Углеши.

Сей же Вукашин сподобился от него [Уроша] почета деспотского сана, потом же и [Вукашин] венчал его, впоследствии же [Вукашин] и сбросил его с престола отечества своего, и возлагает [Вукашин] на себя венец королевства сербского, брату же своему Углеше вручает страны греческой земли с саном деспотского

достоинства. Этот же [Урош] праведный, хотя и пострадал в изгнании [с] царского достоинства своего отечества, но посреди своей земли в своем царском сане славно к богу отходит. В год 6879 погиб Вукашин и Углеша в Македонии в пятницу³ днем.

Из продолжения сербской летописи. [Печский список]: ...после всех же этих принимает начальство благочестивый князь Лазарь, [но] ни сын и ни внук же прежденазванных царей того племени, но в этой земле сербской был рожден и воспитан от своих прародителей вовсе не простых. Родители его были вельможами, и даже первыми в царских палатах прежденазванных царей, и саном почтенны, и оказывались начальниками в доме царском. Близкими [они] даже были самодержцам, [будучи] в родстве некоем, хотя, как случается, отдалившись [в дальнейших поколениях], но так случилось тогда, а жена же его была от самой крови царской. ...Сей же, приняв преждереченную державу земли сербской, был же мужем благим, кротким, весьма смиренным... возвысившись, [он] ни в коей мере не старался поставить себя царем же или королем или деспотом...

¹ По летосчислению от «сотворения мира», т.е. в 1312 г.

² В 6856 г. от «сотворения мира», т.е. в 1348 г. В действительности Душан провозгласил себя царем в конце 1345 г., коронован 16 апреля 1346 г.

³ Марицкая битва, в которой Вукашин и Углеша были наголову разбиты османами, произошла 26 сентября 1371 г.

Запись о приеме Дубровником на хранение имущества деспота Юрия Бранковича (1441 г.)

Юрий Бранкович – сербский князь (1427-1456 гг.), носивший титул деспота, признанный за сербскими повелителями византийским императором и обычно носимый византийскими правителями областей (наместниками). Он был одним из последних сербских государей, находился уже в вассальной зависимости от турецкого султана и был обязан платить ему дань, помогать в войнах. Его дочь была взята султаном в свой гарем. Теснимый турками, а от Дуная венграми, он с трудом отстаивал призрачную независимость своей страны. В 1441 г. после разгрома, нанесенного турками за два года до того, Юрий Бранкович готовился к новому столкновению с Турцией. Ему для этого была нужна безопасность и свобода распоряжаться своими средствами, что он и находил в Дубровнике. Богатства его сослужили свою службу, и в 1433 г. соединенные силы Бранковича и польско-венгерской рати, призванной им на помощь, нанесли туркам поражение.

Я, князь, властели и вся община правящего города Дубровника приняли от славного господина деспота Георгия господаря Сербской земли... на хранение нижепоименованное имущество.

А прежде всего дукатов¹ золотых 10 мешков, а в каждом мешке 5 тыс... [следует число монет в каждом мешке].

...Сумма 50 тыс., а из них венецианских 43 тыс. 5 сот и 53 дуката и венгерских 613 дукатов, и турецких 313.

И золота в цепочках 6 мешков: 1 – цепей 65, весом 101 литр 10 унций и 4 аксаги²... [следует перечисление веса каждого мешка]... Сумма золота шестьсот и одиннадцать литров и унция, 2 аксаги.

И серебра смешанного с золотом два мешка... Сумма 343 литра 6 унций 4 аксаги. А вышеуказанные 2 мешка оставлены запечатанным печатью... митрополита.

И серебра белого 29 мешков... [следует перечисление и каждого]... Сумма 2 тыс. и 9 сот и 27 литров 6 унций 3 аксаги.

И аспер³ 32 мешка, из них 20 мешков – в каждом по 30 тыс. аспер, 6 мешков – в каждом по 40 тыс. аспер, 2 мешка – в каждом по 35 тыс. аспер, 2 мешка – в каждом по 25 тыс. аспер, 2 мешка – в каждом по 20 тыс. аспер. Сумма тысяча тысяч аспер, которые весят 3 тыс. и 5 сот литров и 2 унции 3 аксаги.

И вещей серебряных – 9 чаш весом 99 литров и 2 унции, два шандала больших весят 24 литра 9 унций, два шандала малых весят 14 литров 2 унции, один подсвечник весит 6 литров 8 унций... один рукомойник весит 15 литров 4 унции...

2 ведра весом 1 литр 8 унций, 50 чаш с надписями и позолоченные, все весом 53 литра 6 унций. Сумма вещей 348 литров 4 унции.

А по этой вышенаписанной сохранной выписи приняли мы, пока жив господин деспот Юрий, он волен взять вышеуказанное по своему желанию и что скажет с ней сделать. А по его смерти – его жена, госпожа Ирина, а по Ирениной смерти – трем сыновьям его – или им все сразу взять, или каждому свою часть. А если бы захотели взять данное на сохранение, не может взять того, что не внесено в эту запись и лист верующий с печатью, который нам представили посланники господина деспота.

А это написано в выборной палате и думе боголюбимого города нашего Дубровника в лето от рождества христового 1441 г., месяца января в 25 день. И повелели запечатать этот лист нашей обычной великой вислой печатью дубровнической. А написал наш Никша Звездич по повелению властей Дубровника и в великой общине слово в слово. Боже, помилуй его.

¹ Дукат – золотая монета.

² Сербская система мер веса была заимствована из Византии. Основной единицей веса был литр, составлявший единицу, близкую по весу к римскому фунту: он делился на 12 унций, а унция – на 6 аксаг. Весовая величина литра не была одинакова. В частности, в Дубровнике применялось два литра: тяжелый – для взвешивания обычных предметов и легкий – для определения веса драгоценных металлов и бисера. Последний, а о нем, по-видимому, и идет речь в документе, весил около 330 граммов.

³ Аспер – мелкая турецкая монета

Дубровник – крупный центр торговли (Из «Описания Дубровника» Лукки Ф. де Диверсиса, 1440 г.)

«Описание местоположения, зданий, государственного устройства знаменитого города Дубровника», известное под названием «Описание Дубровника», принадлежит перу гуманиста из итальянского города Лукки Ф. де Диверсиса. Лукка Ф. де Диверсис в 1434-1440 гг. преподавал в Дубровнике, был хорошо знаком с порядками города, и его свидетельства пользуются доверием в литературе.

[Структура городского населения]

Ч. III, гл. 1. ...Все, кто живет в Дубровнике, делятся на иностранцев¹ и граждан... Между гражданами некоторые из округа, а некоторые из самого города. Эти первые являются моряками и крестьянами, которые обрабатывают поля, виноградники и сады... [Им] нужно быть сильными телом, но ограниченными разумом... чтобы не могли бы замысливать козни против государства или поднимать восстания. Они всегда готовы отдать жизнь или подвергнуться опасностям по приказу властей, и это воистину достойно удивления. Городское население делится на священников, торговцев и ремесленников. Священники и ремесленники не могут стоять во главе государственного управления... торговлей занимаются простолюдины² и нобили. Между торговцами-простолюдинами на последнем месте находятся розничные торговцы³, которые покупают и продают самые простые вещи, как яйца, кур и тому подобное. Средние торговцы именуется комардарами (т.е. мясниками), они покупают сыр, сушеное и свежее мясо и тому подобное. Самые богатые – это те, которые занимаются куплей и продажей золота, серебра, олова, воска, зерна, кораллов, бумаги, красителей для шерсти, шелка и хлопка и тому подобных товаров большой ценности. Все это делают и нобили, которых я называю купцами первого разряда, хотя некоторые из них живут только от ренты, но они малочисленны. Обязанность нобилей – не только заботиться о торговле, но и управлять городом, расширять и защищать его...

[Городское управление]

Гл. 3. [...] Все нобили, которым исполнилось 18 лет, составляют Большой совет. ...Этот совет издает законы, распределяет и утверждает расходы, раздает льготы и дары, избирает, меняет и отзывает всех служащих в городе и округе... Одним словом, в его руках вся власть в республике... Большой, или Главный, совет представляет, образно говоря, источник, из которого вытекают большие и малые потоки, или ствол, на котором находятся толстые и тонкие ветви. Ибо в этом основном совете создаются все остальные административные органы, которые руководят отдельными службами, в нем возникают, из него вытекают и от него зависят. В этом совете каждый месяц из числа нобилей избирается лицо, которое называется князь, или ректор, города. Когда он отслужит тридцать дней, он уступает свое место другому и может быть избран на эту должность только по истечении двух лет. Ему придается одиннадцать нобилей, из которых пять называются судьями, шесть – советниками. Вместе с князем они образуют Малый совет, который собирается... трижды в неделю... Этим двенадцати придается еще 33 нобилия и из всех образуется Совет приглашенных... Таким образом, существуют советы трех видов, из которых один находится над другим, как общее над особенным. Ибо, когда требуется что-либо решить, прежде всего, дело поступает в Малый совет... он имеет право решать мелкие вопросы... Малый совет, когда возникает необходимость, может и должен созывать [оба] высших совета. «Приглашенные» разбирают сложные вопросы, для [разбора] которых им даны полномочия от Большого совета, ибо эти советники считаются мудрее других...

Гл. 5. ...Между постоянными органами [управления] первый тот, чья обязанность соблюдать... порядок в отношениях между продавцами и покупателями, оптовыми и розничными... Один присяжный чиновник на жаловании измеряет в Дивоне⁴ все оптовые товары... В торговле розничными товарами за порядком наблюдают пять нобилей, которых именуют юстициариями... [они] надзирают за точностью весов и мер... на зерно, вино и гирь для сыра, мяса и хлеба на рынке. Сензалы... [это] два простолюдина, [которые] посредничают между оптовыми продавцами и покупателями... [от них] они получают плату за свой труд.

Гл. 6. ...Вторую постоянную службу выполняют те, кто заботится о застройке города... и коммунальных постройках, улицах, водопроводах, [городских] стенах, оружии...

Гл. 7. ...Третья – это служба, которая заботится о том, что находится вне стен города, то есть о крепостях, полях, островах, селах...

Гл. 8. Четвертую службу отправляют те, которые принимают, хранят, распределяют и тратят доходы с коммунальных имуществ... мерщики зерна, соли... откупщики и сборщики пошлин... таможенники. ...Наконец, это три серьезных, умных и надежных человека... которые всю жизнь хранят ценности, сданные им на хранение, либо дубровницкой коммуной, либо соседними государями...

Гл. 9. [Пятая служба]... хранители книг, в которые записываются сделки, судебные приговоры, гражданские и уголовные решения Совета и городские статуты... [Это] писари или нотариусы... Существует

четыре писаря для книг сделок, судебных решений, статут... которые хорошо изучили латинский язык... ни один из них не может быть дубровчанином... Есть еще один иностранец, который... хранит все деловые книги в определенном месте. Вся эта пятерка и раньше и сейчас состоит из иностранцев. ...[Есть еще] писарь, который одинаково владеет и итальянским и славянским [языком и] ведет записи кириллическим письмом.

Гл. 10. ...[Шестая служба – суд.]

Гл. 11. ...Седьмая служба... охрана города в дни мира и в дни войны [следует подробное описание стражи].

Гл. 12. Восьмая служба – управление коммунальным имуществом.

Гл. 13. ...Девятую службу отправляют те, кто трудится по... снабжению города зерном.

Гл. 14. ...Десятой [считается] служба тех, кто следит за здравоохранением в городе и... округе, тех, кто старается, чтобы вследствие заразы или общения с зачумленными [в городе] не появилась бы какая-либо чумная болезнь... [Одиннадцатая – поддержание мира, обязанность Малого совета и Совета приглашенных.

Гл. 15. Двенадцатая – управление церквями и монастырями...

[Сословные границы]

Ч. IV, гл. 16. ...Дубровчане считают совершенно недостойным, чтобы нобили венчались с женщинами-простолюдинками... Дубровницкие нобили женятся на благородных дамах из других городов, как Драч, Котор, Сплит, Задар, Трогир, а своих дочерей и сестер выдают за нобилей... тех городов. Поэтому простолюдины и не участвуют в пирах и свадьбах нобилей... Подобным же образом и нобили не присутствуют на свадьбах простолюдинов...

¹ Иностранцами в далматинских городах считались и жители соседней городской коммуны.

² У Диверсиса стоит *ropulages* – в югославской литературе принято писать «пучане» (от «пук» – простой народ), в советской литературе последних лет принято обозначение пополаны.

³ У Диверсиса – *infimi* – «незначительные».

⁴ Дивона, или Спонза, – дворец, где хранилась казна и совершались самые важные сделки.

1.23. АВСТРИЯ

Ранний период в истории Австрии

(Конрад из Вицценберга, «Краткая хроника Австрии»)

«Краткая хроника Австрии» – выполненное в конце XII в. на латинском языке генеалогическое исследование Конрада из Витценберга (ум. 10 января 1203 г.), первого аббата бенедиктинского монастыря в Мельке. Сохранилось в рукописи XII в. Охватывает период от Леопольда I (ум. 10 июля 994 г.) до Генриха II Язомиргота (ум. 13 января 1177 г.).

КРАТКАЯ ХРОНИКА ДРЕВНИХ МАРКГРАФОВ И ГЕРЦОГОВ АВСТРИИ

Конрада из Витценберга, аббата Мелькского.

Желая рассказать вам, как вы просили, о старинном роде князей этой нашей страны, а именно, ваших предков, мы прежде всего изложим то, что узнали из сообщений наших старших, с той добросовестностью, с какой это слышали. Мы последовательно добавим также то, что смогли найти в наших хрониках, а именно, о мученичестве святого Коломана, и изложим деяния каждого из князей, как то нашли записанным там же.

Итак, первым маркграфом этой нашей страны, то есть Австрии, был Л. I (Леопольд I)¹, (как нам известно из показаний некоторых людей), от которого и тянется вся цепочка ваших предков, украшенная различными и славными добродетелями, вплоть до вашего времени, Л. VI (Леопольд VI)². О том, каким образом он получил эту страну, мы узнали следующее. Когда, однажды, на охоте он, будучи ещё юношей, следовал по бездорожью за императором, который в то время управлял Римским государством, а именно, след в след, и тот, собираясь поразить зверя, натянул лук сильнее обычного и сломал его, юноша с готовностью вложил в руку замешкавшегося [государя] свой лук, ибо тот был натянут; таким образом император, поразив зверя, довольный проворством юноши, обещал ему королевской властью землю, которой в ближайшее время доведётся стать вакантной и которая будет ему по нраву; а в память и в подтверждение обещания, поскольку при этом никого не было, дал ему сломанный лук. Малое время спустя умер маркграф Австрии и многие из вельмож стали добиваться её у императора для самих себя; этот юноша, выйдя вперёд с подтверждением в виде сломанного лука, потребовал выполнения королевского обещания. Император, вспомнив о его рвении, ничуть не медля, королевской властью утвердил передачу ему марки. А тот, придя в эту землю с большой дружиной, взял штурмом и разрушил сильно укреплённый замок, расположенный на нашей горе, которым владел могущественнейший человек по имени Гизо, и учредил там 12 каноников, а именно, чтобы никто ничего не мог

вновь построить в этом укрепленном месте. Ибо эта гора, которая ныне зовётся искажённым названием – Мельк (отчего получила название и протекающая мимо река), из-за удобства положения и укрепленности издревле называлась Меа Dilecta («Моя дорогая»). Итак, овладев всей этой землёй, он многие годы деятельно защищал и расширял свою марку через своих преемников, а именно, ваших предков, пока по велению Божьему в те земли не пришёл, совершая паломничество, блаженный Коломан; из-за того, что наши князья в то время вели постоянные войны с иноземными народами, своими соседями, он был принят за шпиона.

Итак, в 1012 году от воплощения Господнего блаженный Коломан был повешен в Штоккерау³ и отправился на небеса во времена короля Г. (Генриха)⁴, который был герцогом Баварии, но наследовал императору Оттону III⁵, а Австрийскую марку держал Генрих⁶, ваш предок. Провисев на виселице целых полтора года, он остался нетлен, и его, отмеченного знаменами, сняли и похоронили там, и он провёл столько же времени⁷. Итак, когда после его мученичества прошло три года, чудеса вновь дали о нём знать, и он был поднят и погребён Мегингаудом⁸, епископом Эйхштеттским, в нашем монастыре, когда там ещё жили каноники. Этот маркграф Г. (Генрих) правил примерно 11 лет вплоть до времён Петра⁹, короля Венгрии, который наследовал королю Стефану Святому¹⁰. Подавшись на просьбы и угрозы этого Петра, Поппо¹¹, архиепископ Трирский, брат маркграфа, добился от своего брата, чтобы тот отправил мощи блаженного Коломана в Венгрию; однако, впоследствии венгры, вынужденные голодом и чумой, возвратили их. А маркграф Г. (Генрих), скончавшись в этом самом году, оставил сына Адальберта¹², вашего прапрадеда. Его стараниями в это место была доставлена немалая частица Креста Господнего, которая до сих пор хранится и почитается здесь. Вместе со своим сыном Л. II (Леопольдом II)¹³ он вступил в битву с Ово¹⁴, королём Венгрии, которого поставили вместо короля Петра, и, выйдя победителем, уничтожил большую часть его войска. Сам же Л. II умер при жизни отца. А Пётр, когда король Г. (Генрих)¹⁵, сын короля К. (Конрада), который был первым из следовавших за ним друг за другом на престоле одноимённых мужей, изгнав Ово, собирался восстановить его на троне, был ослеплён венграми, и преемником его стал Андрей¹⁶. Маркграф Адальберт, умирая, оставил сына Эрнста¹⁷, вашего прапрадеда, который прожил после смерти отца десять лет и был убит в первой схватке короля Генриха IV¹⁸ в Саксонии на реке Унштрут в 15-й год Альтмана¹⁹, епископа Пассау.

Ему наследовал его сын Л. III (Леопольд III)²⁰, ваш прадед. В это время произошла неудачная битва при Майльберге²¹ в 1082 году Господнем. При его покровительстве в Мельке был введён монашеский распорядок при аббате Сигибольде, а именно, после того как оттуда удалили каноников в 1089 году Господнем. Скончавшись через 22 года после смерти отца, он оставил сына Л. IV (Леопольда IV)²², вашего деда. Леопольд взял в жёны Агнесу²³, дочь короля Генриха IV. Через семь лет после этого он, с силой вторгшись в пределы Венгрии, устроил великую резню и, штурмом взяв некий город, сжёг его, после чего с миром вернулся. Он также одарил свободой Мельк, что было подтверждено привилегией папы Пасхалия II²⁴, а именно, после того как за год до этого монастырь был освящён епископом Ульрихом²⁵, при аббате С. (Сигибольде), который первым управлял нашей церковью 28 лет. Когда же умер, и аббат Эгнельфальк также ушёл из этого мира, аббатом был поставлен Эрхенфрид. Ещё при жизни маркграфа Л. (Леопольда) он отправился к римскому престолу по поводу Регинмара²⁶, епископа Пассау, который хотел нарушить права Мелькской церкви и отнять десятины, и возобновил властью папы Иннокентия²⁷ старинную привилегию, сведя при поддержке Л. (Леопольда) на нет усилия этого епископа. Этот Л. (Леопольд) умер через 41 год после смерти отца и оставил наследником Л. V (Леопольда V)²⁸, вашего дядю. Он – тот самый муж, который через три года после смерти отца изгнал Генриха²⁹ и получил Баварское герцогство; но – увы! – не долго владел им, ибо на второй год после умножения почестей он окончил жизнь, оставив наследником Генриха³⁰, своего брата, вашего отца. Этот Г. (Генрих), взяв в жёны Гертруду³¹, дочь императора Лотаря, на второй год овдовел. В его времена, в 1147 году Господнем, король Конрад³², третий этого имени, проведя десять лет на престоле, и Людовик³³, король Франции, отправившись с несметным войском в Иерусалим, в то время как [Г.] тоже их сопровождал, почтили Гроб Господень и на третий год вернулись домой. На обратном пути через Грецию за него³⁴ вышла замуж Феодора³⁵, дочь светлейшего герцога, который был братом короля Греции. Затем, через три года, когда умер король Конрад, Фридрих³⁶, его племянник, взойдя на престол, решил вернуть Баварское герцогство тому герцогу Саксонии, который, как мы говорили выше, был изгнан. Этот Г. (Генрих), ваш отец, передал Австрии титул и достоинство, которые он добыл своей доблестью, а именно, чтобы она впрямь была и называлась не маркой, но герцогством, а именно, расширив её границы от реки Энс до реки под названием Ротензала³⁷ и присоединив также графство Боген. После его возвращения в Австрию его министерялы, силой захватив в его отсутствие укрепленный чешский город Подвин, сожгли его.

¹ Леопольд I (ум. 994 г. 10 июля) – маркграф Австрии в 976-994 гг.

² Вернее, Леопольд V (р. 1157 г. ум. 1194 г. 31 декабря) – сын Генриха II, герцог Австрии в 1177-1194 гг. и Штирии в 1192-1194 гг. – Нумерация австрийских маркграфов у автора отличается от общепринятой из-за того, что он считает среди маркграфов Леопольда, сына Адальберта I, называя его Леопольдом II, хотя тот был маркграфом Венгерской марки, а не Австрии.

³ Штоккерау – город в Нижней Австрии, в 25 км к северо-западу от Вены.

⁴ Генрих II Святой (р. 973 г. 6 мая. ум. 1024 г. 13 июля) – сын Генриха II Сварливого; герцог Баварии с 995 г.; король в 1002-1024 гг.; император с 14 февр. аля 1014 г.

⁵ Оттон III (р. 980 г. ум. 1002 г. 24 января) – сын Оттона II и Феофано; король Германии и император в 983-1002 гг.

⁶ Генрих I – сын Леопольда I, маркграф Австрии в 994-1018 гг.

⁷ То есть он полтора года провисел на виселице, а затем ещё полтора года покаялся в том месте.

- ⁸ Мегингауд – епископ Эйхштетта в 991-1014/1015 гг.
- ⁹ Петр I Орсеоло – король Венгрии в 1038-1041 гг. и 1044-1046 гг.
- ¹⁰ Стефан I Святой (ум. 1038 г. 15 августа) – король Венгрии в 997-1038 гг.
- ¹¹ Поппо фон Бабенберг (р. 986 г. ум. 1047 г. 16 июня) – сын Леопольда I, маркграфа Австрии, архиепископ Трирский в 1016-1047 гг.
- ¹² Адальберт I Победоносный (ум. 1055 г. 26 мая) – маркграф Австрии в 1018-1055 гг.
- ¹³ Имеется в виду Леопольд I Сильный (ум. 1043 г. 9 декабря) – старший сын Адальберта I, маркграф венгерской марки.
- ¹⁴ Аба (Ово), Самуил – король Венгрии в 1041-1044 гг.
- ¹⁵ Генрих III (р. 1017 г. 28 октября ум. 1056 г. 5 октября) – старший сын Конрада II и Гизелы; король Германии, Италии и Бургундии в 1039-1056 гг.; император с 1046 г.
- ¹⁶ Андрей I – король Венгрии в 1046-1060 гг.
- ¹⁷ Эрнст I Храбрый (ум. 1075 г. 10 июня) – второй сын Адальберта I, маркграф Австрии в 1055-1075 гг. Пал в битве с саксами на р. Унштрут, сражаясь на стороне Генриха IV.
- ¹⁸ Генрих IV (р. 1050 г. 11 ноября ум. 1106 г. 7 августа) – король Германии в 1056-1106 гг., император с 31 марта 1084 г.
- ¹⁹ Альтман (ум. 1091 г. 8 августа) – епископ Пассау в 1065-1091 гг.; святой.
- ²⁰ Имеется в виду Леопольд II Красивый (р. 1050 г. ум. 1095 г. 12 октября) – маркграф Австрии в 1075-1095 гг.
- ²¹ 12 мая 1082 г. Австрийцы были разбиты Вратиславом II, герцогом Чехии.
- ²² Вернее, Леопольд III Благочестивый (р. 1073 г. ум. 1136 г. 15 ноября) – маркграф Австрии в 1095-1136 гг.
- ²³ Агнеса фон Вайблинген (р. 1074 г. ум. 1143 г. 24 сентября), дочь императора Генриха IV, была женой: 1) (1086 г.) Фридриха I, герцога Швабии; 2) (1106 г.) Леопольда III, маркграфа Австрии.
- ²⁴ Пасхалий II (Раньеро ди Бьедра) – римский папа с 13 августа 1099 г. по 21 января 1118 г.
- ²⁵ Ульрих (ум. 1121 г. 7 августа) – епископ Пассау в 1092-1121 гг.
- ²⁶ Регинмар (ум. 1138 г. 30 сентября) – епископ Пассау в 1121-1138 гг.
- ²⁷ Иннокентий II (Григорий Папарески) – римский папа с 14 февр. 1130 г. по 24 сент. 1143 г.
- ²⁸ Т.е. Леопольд IV (ум. 1141 г. 18 октября) – старший сын Леопольда III, маркграфа Австрии в 1136 – 1141 гг., герцог Баварии в 1139-1141 гг.
- ²⁹ Генриха XII Льва (р. 1129 г. ум. 1195 г. 6 августа) – герцога Баварии в 1156-1180 гг. и Саксонии в 1142-1180 гг.
- ³⁰ Генрих II Языкирготт (р. 1114 г. ум. 1177 г. 13 января) – второй сын Леопольда III, маркграф Австрии в 1141-1156 гг., герцог Австрии в 1156-1177 гг. и герцог Баварии в 1143-1156 гг.
- ³¹ Гертруда (р. 1115 г. ум. 1143 г. 20 апреля) – дочь императора Лотаря, жена: 1) (1127 г.) Генриха X, герцога Баварии; 2) (1 мая 1142 г.) Генриха II, герцога Австрии.
- ³² Конрад III Штауфен (р. 1093 г. ум. 1152 г. 15 февраля) – король Германии в 1138-1152 гг.
- ³³ Людовик VII (р. 1120 г. ум. 1180 г. 18 сентября) – король Франции в 1137-1180 гг.
- ³⁴ Т.е. за Генриха II, отца Леопольда V.
- ³⁵ Феодора Комнина (ум. 1184 г. 2 янв.) была дочерью севастократора Андроника Комнина, племянницей византийского императора Мануила I.
- ³⁶ Фридрих I Барбаросса (р. ок. 1122 г. ум. 1190 г. 10 июня) – король Германии в 1152-1190 гг.; император с 1155 г.
- ³⁷ Рёдель.

(Неизвестный автор, «Краткая хроника Австрии»)

«Краткая хроника Австрии» – написанное неизвестным современником Рудольфа I на латинском языке сочинение по истории Австрии. Сохранилось в рукописи конца XV в. Описывает историю Австрии со времён Конрада I до Рудольфа I.

КРАТКАЯ ХРОНИКА АВСТРИИ

Начинается краткая хроника.

Герцоги Австрии со времени Конрада I, последнего из рода Каролингов, и до настоящего времени.

Альбрехт¹, благороднейший франкский граф, племянник по дочери Отто², герцога саксов, отца Генриха I³, был убит в результате хитрости Хатто⁴, архиепископа Майнцского, за то, что он убил Конрада⁵, брата Людовика, последнего из Каролингов. Он оставил Альбрехта⁶, который освободил от венгров Восточную марку и Верхнюю Паннонию, которыми он и его сыновья долгое время правили от лица империи вплоть до времени Генриха V⁷, при котором Леопольд I⁸, происходивший от этого Альбрехта, был поставлен полноценным маркграфом. Ибо Леопольд⁹, сиятельнейший сын маркграфа Альбрехта, ко всеобщему горю умер в юном возрасте преждевременной смертью и был погребён в городе Трире своим дядей Поппо¹⁰, архиепископом Трирским. Он – тот Леопольд, который вместе со своим отцом Альбрехтом освободил Восточную марку от венгров. Этот Леопольд умер во время свадьбы Генриха II в Ингельхайме.

Леопольд¹¹, сын вышеназванного, наследовал отцу и был вторым маркграфом. Поставленный герцогом Баварии Конрадом III, римским королём и его братом со стороны матери¹², он умер в Регенсбурге и был погребён в Пассау в монастыре, который построил его отец и который он сам неоднократно щедро одаривал.

Генрих¹³, брат названного Леопольда, а также сын Леопольда, наследовал брату в марке. Он также был поставлен своим братом, королём Конрадом III, герцогом Баварии, но, когда король Конрад умер, племянник этого короля, а именно, сын Фридриха, герцога Швабии, император Фридрих I¹⁴, по просьбе князей восстановил на баварском герцогском престоле Генриха¹⁵, герцога Саксонии, сына бывшего герцога Баварии Генриха, изгнанного Конрадом, а своего дядю – Генриха, маркграфа Австрии, тогдашнего герцога Баварии, удалил из этого герцогства. Но, поскольку великое благородство и немалое достоинство этого маркграфа не позволяли лишить его герцогского титула, он в 1156 году по воле и с согласия князей вывел Австрийское маркграфство из-под юрисдикции герцога Баварии и, присоединив к нему некоторые баварские графства, превратил его в герцогство, распространив судебную власть князя Австрии от Энса до леса, который зовётся

Ротензала возле Пассау. Ибо до этого времени четыре маркграфа – Австрии, Штирии, Истрии и Камбии, то есть Фобурга, приходили по вызову на проводимые герцогом Баварии хофтаги, как это и поныне обязаны делать епископы и графы этой земли. Таким образом этот Генрих стал первым герцогом Австрии. Этот Генрих, первый герцог Австрии, после проявления многочисленных достоинств умер в 1177 году.

Герцогство получил Леопольд¹⁶, второй герцог Австрии, сын вышеназванного Генриха. В 1180 году Оттокар¹⁷, чьё маркграфство – Штирию император Фридрих I обратил в герцогство, умер, поражённый проказой, и оставил Штирийское герцогство и всё [имущество] своему родственнику – Леопольду, герцогу Австрии. Этот герцог Леопольд посетил Святую землю и Иерусалим и вернулся домой. Король Англии¹⁸, возвращаясь из Святой земли, был оставлен своими людьми... прибыв в Вену, был там схвачен герцогом Леопольдом, который передал его императору Генриху¹⁹, сыну императора Фридриха. По прошествии же нескольких лет герцог Леопольд, упав с коня, сломал себе голень и умер; ему наследовали его сыновья – Фридрих²⁰ – в Австрии, Леопольд²¹ – в Штирии. Когда же Фридрих умер в заморских краях, Леопольд завладел обеими землями.

Герцогство получил Леопольд, третий герцог Австрии, сын вышеназванного Леопольда, муж миролюбивый и изысканный; в его время монастыри, духовенство и народ в его провинциях наслаждались полнейшим миром. Он взял в жёны Феодору²², дочь греческого царя; в 1225 году, возвращаясь из заморских земель, герцог Леопольд выдал свою дочь Маргариту²³ замуж за Генриха²⁴, сына императора Фридриха II, который впоследствии был лишён королевского звания. В этом же году он с согласия герцога Баварии начал строить город Шердинг²⁵. У него было два сына: старший – Генрих²⁶, и младший – Фридрих²⁷. Последний взял в жёны сестру короля Венгрии²⁸. Этот герцог Леопольд, придя вместе с императором в Рим, умер в Сан-Джермано; его тело было погребено кардиналами в Монтекассино в монастыре святого Бенедикта, а его [внутренности] были доставлены в день святого Андрея в монастырь Лилиенфельд²⁹, который этот герцог построил в великолепном стиле, и погребены там архиепископом, и в этот же день названный монастырь был освящён им в 1231 году.

Герцогством Австрии и Штирии стал править Фридрих, сын названного герцога Леопольда, четвёртый герцог Австрии; в следующем году он был препоясан мечом. Поскольку этот Фридрих был суров и строг в суде, отважен в битвах, жаден до собирания сокровищ, страх перед ним распространился и среди местных жителей, и среди соседей, так что все его не только не любили, но и боялись. Он мощно двинулся с конным войском в Моравию против Венцеслава³⁰, короля Богемии; а когда он вступил также в Венгрию, то огнём и мечом опустошил пределы обоих королевств. Он старался также притеснять знатных и лучших [мужей] своей страны и возвышать незнатных. Со своей женой Агнесой³¹, дочерью Отто, герцога Меранского, он развёлся как с близкой родственницей; впоследствии её взял в жёны Ульрих³², герцог Каринтии. За эти и многие другие выходы он был объявлен императором вне закона. Однако, поскольку герцог Фридрих презирал эдикты императора и враждебность князей, он на состоявшемся в Аугсбурге хофтаге был по приговору князей отстранён императором от герцогства Австрии и Штирии и лишён своих княжеских титулов. В следующем году император вместе с королём Богемии Венцеславом и многими другими князьями вступил в Австрию и овладел почти всей этой землёй, но герцог Фридрих и это счёл маловажным. Когда император ушёл оттуда в Апулию и послал в Австрию охранять эту землю других людей, герцог Фридрих вступил с ними в битву, одержал победу и вновь овладел всей этой страной. Возгордившись этими успехами, он начал войну против Бельи³³, короля Венгрии, но, одержав победу, был ранен копьём возле глаза (неясно, то ли своими, то ли врагами) и умер в 1246 году.

Итак, когда Фридрих, могущественный и беспокойный герцог Австрии и Штирии, был убит, обе провинции в течение почти шести лет были поражены столькими бедами, что никто не в состоянии ни описать их, ни рассказать. Ибо каждый из знатных, и тем более незнатных, не боясь ни Бога, ни человека, делал всё, что хотел, захватывая в плен, рая, убивая и достойным сожаления образом мучая изощрёнными и неслыханными до сих пор пытками людей, не сумевших бежать в укрепления и пещеры этой страны. Также Бела, король Венгрии, желая присоединить к себе лишённые наследников земли, при помощи язычников³⁴ увёл в плен много тысяч людей, многих убил и сделал земли обеих марок почти безлюдными.

Тогда Герман³⁵, маркграф Баденский, рождённый от Ирмгарды, сестры госпожи Агнесы, герцогини Баварской, взял в жёны Гертруду³⁶, дочь герцога Генриха, брата Фридриха, упомянутого ранее герцога Австрии, и присвоил себе на основании подобного брака герцогство Австрию и Штирию. Он родил сына Фридриха³⁷ и дочь Агнесу³⁸ и был пятым герцогом. Эта Агнеса была впоследствии выдана замуж за Ульриха³⁹, герцога Каринтии. Поскольку названный Герман был слабым герцогом и был к тому же застигнут смертью, то не смог унять такую людскую злобу, которая уже чересчур усилилась. Ибо он умер 4 октября 1250 года. Также господин Отто⁴⁰, герцог Баварии, послав в эту землю с войском своего сына Людвига⁴¹, подчинил себе города Линц и Энс вместе с большей частью этой провинции.

Наконец, когда милосердие Божье призрело с неба, а вельможи этой страны уже сильно утомились и очистились, господин Пржемысл⁴² (который звался также Оттокар и был сыном Венцеслава, короля Богемии) по совету отца и призыву магнатов [и] городов Австрии и Штирии привлёк к себе оба герцогства, взяв в жёны госпожу Маргариту, вдову Генриха, бывшего короля римского, а именно, сестру вышеназванного Фридриха, герцога Австрии, и ему тут же подчинилась вся Австрия и Штирия с жителями верхних и нижних земель. Но,

поскольку Бела, король Венгрии, не переставал причинять вред городу Петтау⁴³ вместе с большей частью Штирии, и обе стороны ... в результате заключённого между королями соглашения ему была уступлена часть герцогства Штирии с чёткими границами; а господин Оттокар в мире удержал оставшуюся часть вместе с австрийской землёй. С этого времени благодаря дару Божьей милости и благодаря честности названного господина там на какое-то время восстановился мир.

А в 1267 году Господнем герцог Фридрих⁴⁴, юный сын Германа, маркграфа Баденского, некогда герцога Австрии, был обезглавлен в Апулии вместе с королём Конрадом или Конрадином⁴⁵, внуком императора Фридриха; на него возлагали немалые надежды, что он когда-нибудь овладеет отцовскими герцогствами, а именно, Австрией и Штирией. Позднее, в 1273 году Господнем Рудольф⁴⁶, граф фон Габсбург, став римским королём, начал войну с Оттокаром: Оттокар был убит, а Рудольф завладел Австрией и Штирией.

¹ Адальберт (Альбрехт) фон Бабенберг (р. 854 г. ум. 906 г. 9 сентября) – сын маркграфа Генриха, граф Теерский. Боролся с Конрадинами за власть над Франконией. Потерпел поражение и был казнён.

² Отто Светлейший (ум. 912 г. 30 ноября) – 2-й сын Лиудольфа; герцог Саксонии в 880-912 гг.

³ Генрих I Птицелов (р. 876 г. ум. 936 г. 2 июля) – король Германии в 919-936 гг.

⁴ Хатто I (р. 850 г. ум. 913 г. 15 мая) – архиепископ Майнцский в 891-913 гг. Был регентом королевства при короле Людовике IV Дитя.

⁵ Конрада Старшего (ум. 906 г.), маркграфа из рода Конрадинов, отца короля Конрада I. Он, однако, не был братом Людовика IV.

⁶ Альбрехт I Победоносный (ум. 1055 г. 26 мая) – маркграф Австрии в 1018-1055 гг. Как уже сказано во введении, автор пропускает и Леопольда I, который был маркграфом Австрии в 976-994 гг., и Генриха I, который был маркграфом Австрии в 994-1018 гг.

⁷ Генрих V (р. 1086 г. 8 января ум. 1125 г. 23 мая) – сын Генриха IV; король в 1106-1125 гг., император с 13 апреля 1111 г.

⁸ Имеется в виду Леопольд IV (ум. 1141 г. 18 октября) – сын Леопольда III, маркграф Австрии в 1136-1141 гг., герцог Баварии в 1139-1141 гг. Автор здесь вновь пропускает нескольких маркграфов (см. введение) – Эрнста Храброго (ум. 1075 г. 10 июня), маркграфа Австрии в 1055-1075 гг., Леопольда II Красивого (р. 1050 г. ум. 1095 г. 12 октября), маркграфа в 1075-1095 гг., и Леопольда III Благочестивого (р. 1073 г. ум. 1136 г. 15 ноября), маркграфа Австрии в 1095-1136 гг.

⁹ Леопольд I Сильный (ум. 1043 г. 9 декабря) – сын Альбрехта I, маркграф венгерской марки.

¹⁰ Поппо фон Бабенберг (р. 986 г. ум. 1047 г. 16 июня) – сын Леопольда I, маркграфа Австрии, архиепископ Трирский в 1016-1047 гг.

¹¹ Леопольд IV (ум. 1141 г. 18 октября) – сын Леопольда III, маркграф Австрии в 1136-1141 гг., герцог Баварии в 1139-1141 гг. Он был сыном Леопольда III Благочестивого, а не Леопольда I Сильного.

¹² Конрадом III Штауфеном (р. 1093 г. ум. 1152 г. 15 февраля), который был королём Германии в 1138-1152 гг. Он был братом Леопольда IV по матери – Агнесе фон Вайблинген (р. 1074 г. ум. 1143 г. 24 сентября), дочери императора Генриха IV, которая была женой: 1) (1086 г.) Фридриха I, герцога Швабии; 2) (1106 г.) Леопольда III, маркграфа Австрии.

¹³ Генрих II Язомирготт (р. 1114 г. ум. 1177 г. 13 января) – маркграф Австрии в 1141-1156 гг., герцог Австрии в 1156-1177 гг. и герцог Баварии в 1143-1156 гг.

¹⁴ Фридрих I Барбаросса (р. ок. 1122 г. ум. 1190 г. 10 июня) – король Германии в 1152-1190 гг.; император с 1155 г.

¹⁵ Генриха XII Льва (р. 1129 г. ум. 1195 г. 6 августа), который был сыном Генриха X Гордого, герцогом Баварии в 1156-1180 гг. и Саксонии в 1142-1180 гг.

¹⁶ Леопольд V (р. 1157 г. ум. 1194 г. 31 декабря) – сын Генриха II, герцог Австрии в 1177-1194 гг. и Штирии в 1192-1194 гг.

¹⁷ Оттокар IV (р. 1163 г. ум. 1192 г. 8 мая) – маркграф Штирии в 1164 – 1180 гг., герцог с 1180 г.

¹⁸ Ричард I Львиное Сердце (р. 1157 г. 8 сент. ум. 1199 г. 6 апреля) – сын Генриха II, король Англии в 1189 – 1199 гг. Активный участник Третьего крестового похода в 1189-1192 гг.

¹⁹ Генриху VI Штауфену (р. 1165 г. ум. 1197 г. 28 сентября) – королю Германии в 1190-1197 гг., императору с 1191 г.

²⁰ Фридрих I (ум. 1198 г. 16 апреля) – герцог Австрии в 1194-1198 гг.

²¹ Леопольд VI Славный (р. 1176 г. ум. 1230 г. 28 июля) – герцог Штирии в 1194-1230 гг. и Австрии в 1198-1230 гг.

²² Феодора Ангела (ум. 1246 г. 22 июня) была дочерью или племянницей Исаака II Ангела, императора Византии. Женой Леопольда VI стал в ноябре 1203 г.

²³ Маргарита Австрийская (р. 1205 г. ум. 1267 г. 2 октября) – дочь Леопольда VI Бабенберга, герцога Австрии, жена: 1) (1225 г.) Генриха (VII) Штауфена; 2) (1252 г.) Пржемысла Оттокара II.

²⁴ Генрих (VII) Штауфен (р. 1211 г. ум. 1242 г. 12 февраля) – старший сын императора Фридриха II, номинальный король Сицилии в 1212 – 1217 гг. (Генрих II), король Германии в 1220-1235 гг. (Генрих VII). По обвинению в измене отцу императору был лишён короны, арестован и умер в заключении. При перечислении королей Германии обычно упоминается под порядковым номером VII в скобках, так как фактически был только соправителем и наместником отца.

²⁵ Шердинг – город на р. Инн, к югу от Пассау.

²⁶ Генрих Безбожный (р. 1208 г. ум. 1228 г. 29 ноября).

²⁷ Фридрих II Воинственный (р. 1211 г. ум. 1246 г. 15 июня) – герцог Австрии в 1230-1246 гг. Последний из династии Бабенбергов.

²⁸ Вернее, был обручён (до свадьбы дело не дошло) с Евдокией-Софьей Ласкарь, дочерью Феодора I Ласкаря, императора Никеи, и сестрой Марии, жены венгерского короля Белы IV.

²⁹ Лилиенфельд – город в Нижней Австрии, окружной центр.

³⁰ Венцеслав (Вацлав) I (ум. 1253 г. 23 сентября) – сын Пржемысла Оттокара I, король Чехии в 1230-1253 гг.

³¹ Агнеса Меранская (ум. ок. 1263 г.) была дочерью Отто I, герцога Меранского, графа Бургундского, и его первой жены Беатрисы Бургундской.

³² Ульрих III (ум. 1269 г. 27 окт.) – герцог Каринтии в 1256-1268 гг.

³³ Бела IV (р. 1206 г. ум. 1270 г. 3 мая) – король Венгрии в 1235-1272 гг.

³⁴ Имеются в виду половцы, бывшие на службе у венгерского короля.

³⁵ Герман VI (ум. 1250 г. 4 октября) – маркграф Бадена в 1243-1250 гг. Был сыном Германа V и Ирмгарды, дочери Генриха I, пфальцграфа Рейнского, и сестры Агнесы, жены Отто II, герцога Баварии.

³⁶ Гертруда (р. 1226 г. ум. 1288/99 г. 24 апреля) – дочь герцога Генриха, жена: 1) (1246 г.) Владислава III (ум. 1247 г. 3 янв.), маркграфа Моравии; 2) (1248 г.) Германа VI (см. выше); 3) (1252 г.) Романа Даниловича (ум. 1260 г.), князя Слонима и Новогрудка.

³⁷ Фридрих (р. 1249 г. ум. 1268 г. 29 октября) – маркграф Бадена в 1250-1268 гг.

³⁸ Агнеса (р. 1250 г. ум. 1295 г. 2 января) – была женой: 1) (ок. 1264 г.) Ульриха III, герцога Каринтии; 2) (1270 г.) Ульриха III фон Хойнбурга (ум. 1308 г.).

³⁹ См. выше, прим. 32.

⁴⁰ Отто II Светлейший (р. 1206 г. 7 апр. ум. 1253 г. 29 ноября) – сын Людвига I, герцог Баварии в 1231 – 1253 гг., пфальцграф Рейнский в 1214–1253 гг.

⁴¹ Людвиг II Строгий (р. 1229 г. 13 апр. ум. 1294 г. 2 февраля) – старший сын Отто II, герцог Верхней Баварии с 1255 г. (после раздела Баварии в 1255 г.) и пфальцграф Рейнский в 1253–1294 гг.

⁴² Пржемысл Оттокар II (р. ок. 1232 г. ум. 1278 г. 26 августа) – король Чехии в 1253–1278 гг.

⁴³ Петтау – город в Штирии.

⁴⁴ См. выше, прим. 37.

⁴⁵ Конрад или Конрадин (р. 1252 г. 25 марта. ум. 1268 г. 29 октября) – сын Конрада IV, герцог Швабии в 1262–1268 гг., король Сицилии в 1254 – 1258 гг. Был взят в плен после битвы при Тальякочцо (23 августа 1268 г.) и казнён в Неаполе 29 октября 1268 г.

⁴⁶ Рудольф I Габсбург (р. 1218 г. 1 мая. ум. 1291 г. 15 июля) – король Германии в 1273–1291 гг., герцог Австрии и Штирии в 1278–1282 гг.

Торговые отношения в Европе с участием Австрии

Грамота (1191/1192 г.) штирийского герцога Оттокара IV о таможенных порядках в городе Энсе

Грамота сохранилась в оригинале.

Во имя Святой и Неделимой Троицы. Достохвально и достославно письменное свидетельство, которое, вопреки неправдам, идущим от человека, своей непогрешимой истинностью вещает о должном порядке вещей. Исходя из этого, я, Отакар, Божией милостью герцог Штирии¹, сообщаю всем [своим] подданным² о том, что по усердному прошению жителей Регенсбурга³ и совету моих министериалов [далее перечисляются имена] я возобновил и навечно утвердил порядки на ярмарке в городе Энсе⁴, дабы жители Регенсбурга, Кельна, Ахена, Ульма⁵ придерживались не каких-либо иных порядков, а тех, которые для них установлены со времени первого учреждения распоряжением моего блаженной памяти отца маркграфа Отокара⁶. Форма же возобновления такова.

[1]⁷. Всякий корабль, прибывающий в Энс на Благовещение блаженной Марии Девы⁸, да пребывает там до окончания торга⁹ и ничего с него не взимается, с той оговоркой, что если прибудет ранним вечером, то пусть проходит, если же утром, то не может двинуться дальше¹⁰. [2]. Кроме того, всякий корабль с грузом вина или жита или чего-либо иного, необходимого для пропитания, пусть свободно проходит до дня святого Георгия¹¹; если же захочет пройти позднее, то его следует задержать. С задержанных кораблей ничего не взимается. [3]. После того как торжище закончится и корабли там загрузятся, регенсбургский граф (comes Ratisponensis), явившись с городскими судьями¹² в гавань, пусть расспросит корабельщиков, что за груз на каждом корабле. С центенария¹³ как воска, так и кож или [другого] равноценного [товара] платится 12 денариев¹⁴. Если же городские судьи не поверят корабельщикам, то пусть корабельщики оборонят себя клятвой, о чем бы их ни спрашивали¹⁵ <...> ¹⁶ [4]. Также всякий корабль с грузом вина или жита во время торга пусть заплатит 12 денариев как за модий¹⁷ жита, так и за карраду¹⁸ вина. [5]. Далее, после того как всякий корабль заплатил положенное и регенсбургский граф удалится, сколько бы товара ни было вынесено на берег, с воза платится 12 денариев¹⁹. По свершению сего корабли передвигают вверх по реке, [так что] следующая часть останавливается там, где была предыдущая²⁰; и так пусть свободно проходят в течение всего [остального] года. [6]. Точно так же с возов, переправляющихся по мосту²¹, какой бы товар ни везли, платится по 16 денариев²². [7]. Если же за возом едет на лошади купец, то не платит ничего. Но если едет без воза, то какой бы товар ни вез, пусть заплатит обол²³. [8]. С вьючных лошадей платится не больше и не меньше, чем по 6 ден[ариев]. [9]. Возы²⁴, движущиеся на Русь и из Руси, пусть платят по 16 ден[ариев] и не могут быть задерживаемы²⁵. [10]. Возы, загружаемые в самом городе (Энсе), пусть заплатят по 12 ден[ариев]. [11]. Сверх того, если захотят купить или продать что бы то ни было за золото или серебро, имеют право.

[12]. Купцы, идущие за границу²⁶, а именно из Маастрихта и из внешних земель²⁷, пусть и ныне платят ту же самую пошлину, что давали во времена моего отца: спускаясь – пол-фертона²⁸ серебра, фунт перца, пару башмаков и перчаток²⁹, а поднимаясь – фертон серебра. [13]. Далее, начало торга должно приходиться на второй из дней прошений³⁰, конец – на канун Пятидесятницы; если же это не будет соблюдено, то жители Регенсбурга обязаны [уплатить] мне [штраф] стоимостью в сто фунтов³¹.

Эта возобновительная грамота дана в год тысяча сто <...> ³², в первый год императорства Генриха³³, императора и присно августа [далее перечислены свидетели. Грамота скрепляется герцогской печатью. Перечислены члены регенсбургского посольства, по просьбе которого издана грамота.]

¹ Отакар (Оттокар) IV, первый штирийский герцог (с 1180 г.) из рода Отакаров, графов в Траунгау с родовым замком в Штайре (отсюда название позднейшей марки и герцогства – Steyermark), которым германский император Генрих III передал ок. 1055 г. марку в среднем течении реки Мур (левого притока Дравы) на пограничье с Венгрией.

² См. грамоту Оттона I 968 г.

³ Регенсбург находился, естественно, за пределами Штирийского герцогства, но активное участие регенсбургского купечества в торговле по Дунаю – а Энс был издавна (ср. Раффельштеттенский таможенный устав) одним из важнейших дунайских рынков – заставляло обращаться к штирийскому герцогу, во владения которого с некоторых пор входил и Энс. Интересно, что в дальнейшем в документе

названы купцы из целого ряда других городов, но инициаторами издания устава явились именно «жители Регенсбурга», что подчеркивает роль Регенсбурга как метрополии дунайской торговли.

⁴ При впадении в Дунай его правого притока реки Энса. За Энсом начиналась уже территория Австрийского герцогства. В середине XII в. Энс, принадлежавший до той поры пассауским епископам, перешел в руки штирийского маркграфа Отакара (Оттокара) III.

⁵ Названы нижнерейнские торговые центры левобережья (Кёльн, Ахен) и швабский Ульм близ баварской границы. Это не значит, что в австрийском Подунавье торговали только они: ниже, когда после перечисления норм, действовавших в отношении жителей Регенсбурга, грамота перейдет к другим, непривилегированным, купцам, то эти же «жители Кёльна, Ахена, Ульма» будут названы «купцами, приходящими из Маастрихта и из внешних земель» (пункт 12).

⁶ Маркграфа Штирийской марки Отакара III. Из этой оговорки, вроде бы, следует, что установления грамоты воспроизводят нормы, которые действовали в Энсе в середине XII в. (Оттокар III умер в 1164 г.).

⁷ Рубрикация введена переводчиком.

⁸ 25 марта.

⁹ Эта норма характеризует так называемое *Stapelrecht* – принудительное право, которым обладали некоторые рынки, останавливать на некоторое время следующих через них купцов, вынуждая их торговать там своим товаром.

¹⁰ Оговорка вызвана тем, что церковный, литургический, день начинался накануне вечером, т.е. началом праздника Благовещения, строго говоря, считается вечер накануне 25 марта.

¹¹ 24 апреля.

¹² Существенная привилегия регенсбургских купцов, таким образом, состоит в том, что таможенный досмотр производится «городскими судьями» Энса вместе с «регенсбургским графом». Термин «граф» (*comes*) в данном случае, как часто в средневековье, тождествен термину «судья», и под ним следует понимать регенсбургского таможенного чиновника, который именовался также «ганзграфом».

¹³ Центенарий – мера веса, соответствовавшая 100 фунтам или несколько более, т.е. примерно 40-50 кг.

¹⁴ См. грамоту Фридриха I городу Любеку.

¹⁵ Т.е. таможенники не имеют права лично осматривать груз даже в случае сомнения – еще одна привилегия регенсбургцев. Ср. аналогичные установления: грамоту Леопольда V 1192 г. (пункт 25), торговый и таможенный устав Леопольда VI (пункт 21).

¹⁶ Далее в рукописи стерты полторы строки.

¹⁷ Модий – мера сыпучих тел античного происхождения; римский модий был равен примерно 9 л.

¹⁸ Изначально ср.-лат. *cargada* обозначало, как считается, груз одной повозки, а затем стало употребляться в специальном смысле как мера жидкостей. Но тогда каррада должна быть равной нескольким бочкам, тогда как в данном случае это явно относительно небольшая мера (кувшин, корчага), поскольку облагается пошлиной, как модий зерна. Ср. торговый и таможенный устав Леопольда VI, пункт 7.

¹⁹ Предусмотрен случай, когда товар с корабля, предназначенного к отправлению и уже прошедшего таможенный осмотр, снова выгружался для продажи.

²⁰ Таможенная зона порта была ограничена и не вмещала всех кораблей, участвовавших в ярмарке.

²¹ Через реку Энс из Австрийского герцогства в Штирийское.

²² Ср. торговый и таможенный устав Леопольда VI, пункт 13.

²³ Обол – древнеаттическая серебряная монета в 1/6 драхмы. Трудно понять, какая именно стоимость скрывается в данном случае под этим антиквизированным термином.

²⁴ В оригинале по ошибке стоит форма единственного числа *plastrum*.

²⁵ Т.е. платят положенную проездную пошлину, но на них не распространяется обязательство торговать в Энсе во время ярмарки. Можно попытаться понять причину этому исключению. Возможно, такой востребованный и редкий товар, как меха (которые, несомненно, присутствовали среди груза «взовов из Руси»), иначе мог бы не добраться до Регенсбурга. Но ведь норма распространялась и на «возы, движущиеся на Русь». Поэтому вероятнее думать, что такая привилегия регенсбургским торговцам оказана ввиду дальности пути: задерживать на два месяца караван, который уже находился в пути, как минимум, столько же или которому предстоял двух-трехмесячный путь, было бы слишком накладно для торговцев. Кроме того, это означало бы, что они должны выставить в Энсе на продажу товар, который намеревались сбывать в Киеве. Заметим также, что если бывали «возы из Руси», проходящие по мосту через Энс в марте-апреле, то, следовательно, из Киева они отправлялись еще санным путем. Впрочем, это естественно из желания избежать весенней распутицы до возможности поставить возы на корабли по достижении притоков Дуная на территории Венгрии – скорее всего, Вага (у устья которого располагался Эстергом) и Тисы.

²⁶ Такая же формула о торговцах «из чужих краев, то есть *uber merkh* (за границей)» присутствует и в уставе герцога Леопольда VI (Торговый и таможенный устав Леопольда VI, пункт 14). Что за «граница» имеется в виду? Маастрихт находился на территории Германской империи, а это значит, что речь идет не о политической, а о какой-то торговой, таможенной границе. Кажется, помогают делу данные привилегии венгерского короля Имре или Ласло IV Эстергомской церкви (от 1198 или 1288 г.), где прямо говорится о купцах «из-за Рейна или из Франции либо сопредельных им земель» («*de ultra Renum aut de Francia conterminisve illis partibus*») в отличие от «купцов из областей по сю сторону Рейна». Здесь опять-таки не может подразумеваться политическая граница, которая для Венгрии, к тому же, проходила, понятно, совсем в других местах. Тем самым перед нами, по всей вероятности, все та же таможенная граница по Рейну. Если так, то эти купцы «из внешних земель», очевидно, делают тождественны с теми, которые в грамоте герцога Леопольда VI названы «франками» и «латинянами» (см. торговый и таможенный устав Леопольда VI, примеч. 24, 41).

²⁷ Вероятно, текст надо читать именно так («*de exteris partibus*»), вместо непонятного «*dexteris partibus*» («из лежащих справа (?) земель»).

²⁸ См. грамоту Фридриха I городу Любеку.

²⁹ Кроме общего смысла, лат. *calcei* «башмаки» и *chirotesca* «перчатки» употреблялись также в специальном значении – как название стандартных форм даней или пошлин.

³⁰ В литургическом календаре католической церкви «днями прошений» (*dies rogationum*) именуется три дня перед Вознесением Господним.

³¹ Фунт (*libra*) – обычная, наряду с полуфунтом-маркой, денежно-весовая единица средневековья, соответствующая примерно 408 г. серебра.

³² Годовая дата выписана не до конца, и оставлен пробел. Это позволяет догадываться, что устав Отакара IV фактически так и не был издан: год – 1191 или 1192 – должен был быть проставлен в момент издания, но сделать этого не успели, так как в мае 1192 г. Отакар IV умер.

³³ Первым годом правления императора Генриха VI являлся период с 15 апреля 1191 г. по 14 апреля 1192 г. или по 24 декабря 1191 г. (в зависимости от способа счета); именно это указание обеспечивает датировку грамоты.

Грамота (1192 г.) австрийского и штирийского герцога Леопольда V регенсбургскому купечеству

Грамота сохранилась в оригинале.

[В признание заслуг граждан Регенсбурга перед австрийским и штирийским герцогом Леопольдом¹ тот изъясняет им знак особой милости.]

[I]². Итак, мы с обычной [для нас] щедростью освобождаем их (граждан Регенсбурга) от части наших пошлин, платимых нам с товаров на продажу, которые они ввозят в нашу землю или вывозят из нее.

[Перечисляются штрафы, которые налагаются на герцогских должностных лиц за различного рода оскорбления действием и словом, а также некоторые казусы наследственного и долгового права. Затем следуют статьи, касающиеся торговых пошлин.]

[23]. Желаем также, чтобы они (граждане Регенсбурга) беспрепятственно покупали золото, кожи и все, что пожелают, за исключением серебра. Далее, с груза воза (plaustrum), который на народном языке зовется aein wageniwant³, какие прибывают из Кёльна⁴ перевязанные веревками, пусть заплатят три таланта⁵. Если же мытнику покажется, что такого рода [груз] тканей (vestes) превышает груз воза, о каком сказано, хозяин подтверждает одним [поднятием] руки, что не больше⁶. Далее, если по случаю или необходимости кто-либо развяжет такой груз и снова свяжет, удостоверяет одним [поднятием] руки, что он связал в соответствии с количеством тканей, как они прибывают связанными из Кёльна⁷. Далее, с половины воза⁸ пусть даст 12 солидов⁹, с четверти упаковки – 6 солидов, с сотни кож – 50 денариев¹⁰, с 15 центенариев¹¹ воска – 50 денариев. Спускаясь, пусть с одного воза тканей¹² заплатят судье 52 денария в Вене, в Мельке – 36, в Санкт-Пельтене – 4, в Тульне – 12¹³. В любое время, когда бы ни предпочли прибыть с возами по суше, а не по воде или когда по причине суровой зимы иначе и не будет возможно, с одного воза пусть дадут два таланта¹⁴, приходя, и полталанта – возвращаясь. Мелкие торговцы (institores) со своих товаров, которые называются scamgiwant¹⁵, если везут количество, равноценное полувозу, пусть заплатят 12 солидов, если четверти – 6 солидов. С различных выделанных кож никто не платит никакой пошлины. С центенария меди, олова, колокольной бронзы пусть дадут 10 денариев в Штайне (Steine), а в Маутхаузене¹⁶ – ничего. С груза соленой рыбы, который зовется last¹⁷, пусть дадут в Штайне 50 денариев, а в Маутхаузене – ничего. Русские¹⁸, в какое бы время ни шли, платят 2 таланта и при возвращении из Руси – полталанта¹⁹; пусть дадут двенадцать денариев, если пожелают войти куда-либо (для торговли)²⁰.

[Следуют статьи, касающиеся общественной морали, которым следовало бы находиться в первой половине грамоты. Грамота скреплена герцогской печатью, перечислены свидетели.]

Дано в Вене, в год от Воплощения Господня²¹ тысяча сто девяносто второй, 10-го индикта²², в 7-е иды июля²³, в счастливое правление римлянами²⁴ Генриха²⁵.

¹ Леопольдом V. После смерти в мае 1192 г. бездетного штирийского герцога Отакара (Оттокара) IV герцогство по договору с австрийским герцогом Леопольдом V перешло к последнему.

² Рубрикация в оригинале отсутствует и введена составителями издания 1950 г.

³ В современной немецкой орфографии Wagengewand; смысл названия объясняется тут же: речь идет о стандартных возах, «перевязанных веревками» в месте отправления. Ср. торговый и таможенный устав Леопольда VI.

⁴ Двусмысленность присутствует в самом латинском оригинале: то ли регенсбургские купцы доставляют возы, идущие из Кёльна, то ли эти кёльнские возы служат образцом для регенсбургских.

⁵ Талант – антиквизированное наименование фунта или марки. В данном случае речь идет о фунте. Устав не уточняет, где именно регенсбургские купцы «должны заплатить» эту пошлину, но по логике вещей надо думать, что при въезде на территорию Австрийского герцогства, т.е. в Энзе или расположенном напротив Энса, на другом берегу Дуная, Маутхаузене.

⁶ См. грамоту Оттокара IV 1192 г.

⁷ Т.е. даже если на упаковке окажется отсутствующей кёльнская пломба, мытник не имеет права проверять полноту груза, и владельцу достаточно свидетельствовать, что он ничего не изымал из него и не добавлял.

⁸ Несомненно, лат. vestimentum «одежда» выступает в данном случае в качестве неудачного латинского перевода с.-в.-н. gewand, которое, наряду с тем значением, в котором оно употреблено в уставе («нечто, обвязанное веревками»), имело также и значение, присутствующее и в современном немецком языке – «одежда, наряд». В этом убеждает и сама величина пошлины: 12 солидов действительно равны 1,5 фунтам-талантам, при фунте в 8 солидов, т.е. обычном баварском счетном солиде в 30 денариев (в отличие от франкского в 12 денариев).

⁹ О солиде см. Раффельштеттенский таможенный устав.

¹⁰ См. грамоту Фридриха I городу Любеку.

¹¹ См. грамоту Оттокара IV 1192 г.

¹² Если переводить буквально, то получим «воз одежд», но скорее всего термин «currus vestium» является калькой с вышеупомянутого нем. wageniwant, т.е. представляет собой синоним к vestimentum и plaustrum/onus plaustri.

¹³ Перечисление таможен ведется действительно вниз по Дунаю («спускаясь»), с запада на восток, за исключением наиболее восточной – Вены, названной как столица герцогства на первом месте. Упоминание Санкт-Пельтена, находящегося не на Дунае, а заметно южнее, показывает, что речь идет о сухопутной дороге вдоль правого, южного, берега Дуная.

¹⁴ В полтора раза меньше, чем за воз рейнских тканей (ср. пункт 24).

¹⁵ Ср. соврем. нем. Kramer «розничный торговец, разносчик»; таким образом, с.-в.-н. scamgiwant надо, очевидно, понимать как упаковку товаров, предназначенных для розничной торговли.

¹⁶ Порядок перечисления таможенных пунктов, кажется, показывает, что как металл, так и соленая рыба (пункт 32) везлись с востока на запад: при пересечении австрийско-штирийской границы в Маутхаузене (напротив устья реки Энс, на левом берегу Дуная) они вообще не облагались пошлиной. Почему регенсбургские возы, с одной стороны, и металл, а также соленая рыба – с другой, платили

таможенные сборы на разных таможах, не вполне понятно (Штайн находится на левом берегу Дуная в районе Санкт-Пельтена). Быть может, для возов указаны сухопутные таможи, а металл и рыба доставлялись преимущественно на кораблях и потому платили пошлины в прибрежных таможах на левом берегу?

¹⁷ Мера веса, обычно соответствовавшая уже фигурировавшему выше центенарию (см. грамоту Оттокара IV 1192 г.).

¹⁸ На первый взгляд, лексема *Ruzarii* производит впечатление гапакса – некоего *terminus technicus*, производного от имени Русь. В результате такого внешне естественного толкования в отечественной историографии получил хождение неудачный термин «рузарии» (правильнее было бы «русарии»), который употребляется как название регенсбургских купцов, торговавших на Руси и с Русью. Между тем, мы имеем дело с латинизированным написанием одного из вариантов древне- и средневерхненемецкого этнонима, обозначавшего русь. Суффикс д.-в.-н. *-ari* (с.-в.-н. *-cere*, современный нем. *-er*) являлся в средневековых немецких диалектах весьма распространенным формантом образования катойконимов: *Tenimarkari* «датчанин», *Pescencere* «печенег» и мн. др. Этнонимы же бывали весьма употребительны как наименования соответствующих купеческих корпораций в самых разных языковых традициях: ср. др.-русск. сурожане (обычно в составе оборота «гости сурожане») «жители Сурожа» – «русские купцы, торговавшие с Крымом» (< др.-русск. Сурожь «название торгового города в Крыму, современного Судака»), Упоминание такой формы немецкого названия руси в уставе Леопольда V является хоть и редким, но все же не уникальным. Уже в середине IX в. она фиксируется, например, в составе топонима *Ruzaramarsha* «Русская марка (название населенного пункта в Баварской восточной марке)» (в грамоте восточнофранкского короля Людовика II Немецкого Альтайхскому монастырю).

¹⁹ Таким образом, *Ruzarii* облагаются по обычной для сухопутных торговцев норме (ср. пункт 28). В то же время, эта пошлина в 30 (!) раз выше, чем пошлина с «русских» возов в грамоте Отокара IV (см. грамоту Оттокара IV 1192 г., пункт 9); такая разница объясняется тем, что здесь мы имеем дело с проездной (транзитной) пошлиной через Австрийское герцогство, а в грамоте Отокара IV – всего лишь с пошлиной за право миновать Эннский рынок (так называемой *Vorfahrt*: см. торговый и таможенный устав Леопольда VI).

²⁰ Эта оговорка выделяет *Ruzarii* из прочих регенсбургских торговцев тем, что определяет в их отношении также и торговые пошлины; в остальном же в грамоте идет речь только о транзитных пошлинах, которые и являются предметом привилегии (см. пункт 1).

²¹ См. Бертинские анналы.

²² Указание на индикт совпадает с июлем 1192 г.

²³ 9 июля. Таким образом, устав Леопольда V был издан спустя всего лишь месяц после смерти Отокара IV. Похоже, озабоченное регенсбургское купечество обратилось с ходатайствами о привилегиях одновременно к штирийскому и австрийскому герцогам.

²⁴ Об упоминании Рима в титуле германских императоров см.: Оттон из Фрейзинга.

²⁵ Германского императора Генриха VI.

Торговый и таможенный устав (1198/1230 г.) австрийского и штирийского герцога Леопольда VI

Грамота сохранилась в единственной копии XV в., быть может, неполной, по которой впервые полностью издана в 1977 г. Обычная заключительная часть (перечень свидетелей, датировка и т. д.) в рукописи отсутствует.

[Во избежание злоупотреблений со стороны должностных лиц австрийский и гитирийский герцог Леопольд¹ повелел сделать перепись всем пошлинам, взимающимся на территории герцогств как на воде, так и на суше, как во время ярмарок, так и вне его.]

[1]². Во-первых, постановляем, чтобы [взимание] так называемой *furuart*³ начиналось на Очищение святой Марии⁴ и продолжалось вплоть до окончания ярмарки в Энее⁵. [2]. С того, что называется *recht wagnerwannt*⁶, в Маутхаузене⁷ устанавливаем [взимать] пять талантов⁸, движется или везется он по воде или по суше⁹. Если везет меньше, пусть заплатит согласно¹⁰ расчету недостающего.

[3]. Далее, с воза (*currus*), который называется *ewenwagen*¹¹, – талант.

[4]. Далее, с воза, который называется *gingwagen*¹², что везется из Венгрии¹³ или из Руси¹⁴, – три таланта.

[5]. Далее, с центенария¹⁵ воска – пять денариев¹⁶, с центенария кож – пятьдесят денариев, а тот, кто везет сосуды, пусть заплатит два сосуда *ad cooertoriis*¹⁷ или пять фертонов¹⁸. [6]. Он же пусть заплатит еще марку в качестве *fuirfart*¹⁹. [7]. Далее, с каррады²⁰ меда хозяин [платит] половину таковой (марки), с каррады вина – тридцать денариев. [8]. Горожанин же герцога²¹ с повозки вина – двенадцать денариев, горожанин Нойштадта с повозки вина – восемь денариев²², с кремской *metreta*²³ – четыре денария. [9]. С двух больших *kueffen* соли – денарий, с таланта малых *kufflein* – сорок денариев²⁴. [10]. Люди, зовущиеся *Frannkchen*, вдвоем пусть заплатят один денарий той монеты 25, кроме мальчиков около двенадцати лет, которые не платят ничего, и со всего, что они (франки) несут с собой, кроме товара²⁶, ничего не платят. [11]. Далее, с одного *saume*²⁷ на мосту²⁸ – 12 денариев. [12]. Далее, с бревен для одного помещения, которые намерен [употребить] для собственной постройки, – 12 денариев, но с древесины на продажу платит по усмотрению судьи²⁹. [13]. Далее, во время ярмарки, которая зовется *jarmarkcht*³⁰, с воза, то есть *ewtswagen*³¹, на мосту – 16 денариев, с воза, который зовется *deichselwagen*³², – 32 денария. [14]. Далее, на мосту через Энс иноземец и всякий пришелец из чужих краев, то есть *uber merkh*³³, с лошади – денарий той монеты. Туземец страны с лошади – обол³⁴. [15]. Далее, на мосту через Энс со всего, что может пронести через дверь в воротах, – ничего не платит, если же [приходится] открывать ворота – обол. [16]. Далее, на рынке в Энее продается и покупается за денарии, имеющие здесь хождение, ни в коем случае не за пассауские³⁵. [17]. Далее, купцы пусть приносят серебро для [покупки] монеты и, если им заплатят там как будет должно, пусть продают, если нет – пусть продают дороже, где хотят³⁶. [18]. Далее, кто упустит явиться на ярмарку в положенное время, если случится, что явится [позже], не имеет никаких прав, кроме тех, которые получит по милости судьи. [19]. Далее, во время ярмарки ганзграф³⁷ судить не должен, но весь суд находится в руках городского судьи. [20]. Далее, с ближней стены – 32 денария, со складов – 12, с дальней стены – 12³⁸. [21]. Далее, с центенария кож на выход³⁹ – 50 денариев. За центенарий воска – 5 денариев, и если судья заподозрит корабельщика относительно количества воска или кож, пусть

удовлетворится его клятвой и поверит так⁴⁰. [22]. Далее, сколько бы ни был должен заплатить хозяин в качестве *fiurfart*, из этой суммы горожанин герцога 41 освобождается от подлежащей уплате третьей части. [Следуют отрывочные положения о тех или иных таможенных сборах с иностранных купцов, «латинян или швабов»⁴², в других мытных пунктах герцогства: Ибсбурге, Штайне, Тульне, Мельке, Риде, Швехате и Бруке.]

¹ Упоминание Леопольда, «герцога австрийского и штирийского», позволяет понять, что из многих Бабенбергов по имени Леопольд, бывших маркграфами и герцогами австрийскими, могут иметься в виду только Леопольд V и его сын Леопольд VI. В то же время существенные отличия данного документа от устава Леопольда V от 1192 г. (Грамота Леопольда V 1192 г. заставляют приписывать его Леопольду VI, что и обеспечивает общую датировку 1198-1230 гг. – временем правления этого герцога.

² Рубрикация введена для облегчения сравнения с аналогичными документами 1190-х гг. (грамота Оттокара IV 1192 г., грамота Леопольда V 1192 г.).

³ Т.е., в регулярном современном немецком написании – *Vorfahrt*. Речь идет о пошлине, которая была введена, вероятно, в середине XII в. и именно в отношении Энса; она платилась, если корабль с товаром проплыл мимо ярмарки в месте, обладавшем так называемым *Stapelrecht*; именно поэтому пошлина взималась только во время ярмарки.

⁴ 2 февраля. Католический праздник Очищения Пресвятой Девы Марии имеет в виду предписывавшийся иудейским законом обряд очищения роженицы.

⁵ См. грамоту Оттокара IV 1192 г.

⁶ Несомненно, подразумевается некий стандартный (что подчеркивается определением *recht* «правильный, законный, обычный») воз как единица налогообложения, который в уставе герцога Леопольда V 1192 г. именовался *wagengiwant* (грамота Леопольда V 1192 г.).

⁷ См. грамоту Леопольда V 1192 г.

⁸ О таланте-фунте см. грамоту Леопольда V 1192 г.

⁹ В привилегии венгерского короля Бела IV венским купцам от 1255 г. прямо говорится о «возе с товарами, поставленном на корабль», для плавания по Дунаю («*curtus in navi cum mercimoniis*»).

¹⁰ Перевод дан согласно нашей конъектуре: «*iuxta computationem debitorum*» вместо «*iusta computationem debitorum*», как значится в рукописи. *Debitorum* – также конъектура (издателя) вместо совсем уже бессмысленного *debitatur*.

¹¹ Непонятный термин; если прибегнуть к палеографически допустимой конъектуре *einewagen*, то возможно предположить, что речь идет о повозке с одним конем в упряжке, которая именуется в аналогичных документах также *eintzwagen* (в современной немецкой орфографии – *Einswagen*). Сильно пониженная по сравнению с *recht wagnerwannt* пошлина согласуется с таким предположением, указывая на существенно меньшую грузоподъемность *ewenwagen*.

¹² Термин *gingwagen* по другим источникам не известен и не поддается убедительному толкованию.

¹³ Вероятнее всего, из Эстергома.

¹⁴ Возы из Руси названы в одном ряду с венгерскими, потому что приходили со стороны Венгрии и через нее. Это подтверждается и венгерским документом то ли 1198, то ли 1288 г. – привилегией короля Имре или Ласло IV Эстергомской церкви, упоминающей о «торговцах, приходящих из Руси, в одну лошадь (*ewenwagen*?), останавливающихся в Пеште, или Эстергоме, или каком-либо другом месте, а также тех, что привозят дорогие меха». Написание этнонима явно испорчено; судя палеографически, в оригинале стояло скорее всего *Ruczia*.

¹⁵ См. грамоту Оттокара IV 1192 г.

¹⁶ См. грамоту Фридриха I городу Любеку.

¹⁷ Не только грамматически явно некорректно, но и непонятно. Два сосуда с крышками? Заплатит закрывающим сосуды, т.е. пломбировщиком?

¹⁸ См. грамоту Фридриха I городу Любеку.

¹⁹ Несмотря на не вполне внятную формулировку, пункт 6 явно относится только к везущему «сосуды».

²⁰ См. грамоту Оттокара IV 1192 г.

²¹ Т. е. Вены.

²² Нойштадт – пригород Вены (ныне — в черте города). Вино везлось, видимо, из Восточной Австрии или Венгрии.

²³ Очевидно, разновидность повозки, характерная для торговцев из Крэмса?

²⁴ О происхождении дунайской соли см. Раффельштеттенский таможенный устав, примеч. 10. С.-в.-н. *kuofa*, нем. *Kufe* означало сосуд вообще, бочку, а в специфическом смысле – плоский широкий сосуд, чан (< лат. *кура* «бочка»). Направляющемуся предположению, что соль перевозилась в неких стандартных бочонках, служивших единицами налогообложения, препятствует тот факт, что «малые *kufflein*» взвешивались на таланты-фунты, причем в одном фунте было несколько *kufflein*. Очевидно, в данном случае *kuelfen/kufflein* названы не сами сосуды, а соль, сформованная в виде сосудов, в которых она выпаривалась. Распространенный способ добычи минеральной соли состоял в том, что она растворялась в воде, затем этот раствор подавался по трубам в солеварню, где в особых плоских сосудах (*kuelfen* в собственном смысле) она снова выпаривалась до кристаллического состояния. «Большие *kuelfen*» отличались от «малых» явно не только размером, иначе выходило бы, что одна большая *kuelfe* соли весила 5 г. (примерно половина чайной ложки). Поэтому надо думать, что большая разница в размере пошлины объясняется качеством соли: в «малых *kufflein*» формовалась значительно более высококачественная соль.

²⁵ «Той монеты» («*illius monete*») значит, по всей видимости, монеты, чеканенной в той области, откуда происходят эти «франки». Это – единственный случай, когда в уставе идет речь о подушной пошлине – подденария с «франка». В таможенных тарифах австрийского города Штайна примерно того же времени (1220-х гг.) эти «франки» именуется аналогично: *Franzones*, *Frantzen*. Однако кто имеется в виду, отнюдь не ясно. Высказывалось предположение, что под этим этнонимом скрываются группы населения, немецкого и севернофранцузского происхождения, которые в ходе крестовых походов середины XII – первой четверти XIII в. осели в Венгрии (Knittler 1977. S. 345). Нам представляется, что скорее всего «франки», платящие пошлину в Маутхаузене, тождественны тем купцам-иноземцам, которые также платят «денарий той монеты» при пересечении моста через Энс (см. пункт 14). Как и в документе 1191/2 г., такие купцы «из-за границы», оказываются происходящими по преимуществу «из Маастрихта» и вообще левобережья Рейна, в том числе и франкоязычной Лотарингии. Думаем, что и *Latini*, фигурирующие применительно к другим таможенным пунктам, значат то же. Разность терминологии в разных местах устава – следствие его компилятивности.

²⁶ Перевод в соответствии с нашей конъектурой: «*preter de mercedibus*» вместо «*preter de mercatoribus*» в рукописи.

²⁷ Груз одного выючного животного (см. Раффельштеттенский таможенный устав), соответствовавший примерно 2,5-3 центнерам, т.е. 100-120 кг; ср. пункт 14, где единицей таможенного обложения является лошадь.

²⁸ Из последующего становится ясно, что имеется в виду мост через Энс.

²⁹ См. ниже пункт 19.

³⁰ В немецком варианте термина ярче, чем в лат. *nundinae*, отражается суть явления – торжища, собирающегося однажды в году.

³¹ Несомненно, то же, что выше названо *ewenwagen*.

³² Нем. Deichselwagen буквально означает «повозка с дышлом». Если принять интерпретацию термина ewenwagen/ewtwagen, предложенную выше (см. примеч. 11), то естественно думать, что имеется в виду воз, запряженный парой лошадей — по одной с каждой стороны дышла. Соответственно, вдвое увеличивается как его грузоподъемность, так и взимаемая пошлина: 32 денария вместо 16.

³³ См. примеч. 24.

³⁴ См. грамоту Оттокара IV 1192 г.

³⁵ Пассау — первая таможня вверх по Дунаю за пределами Австрийского и Штирийского герцогств; пассауский рынок также обладал правом принудительной торговли, служа, таким образом, ближайшим конкурентом Энсу.

³⁶ Коль скоро расчеты происходили только за местную монету, то ее надо было приобрести; речь идет о меняльных лавках — официальной и частных.

³⁷ Герцогский или регенсбургский (как в уставе 1191/1192 г.) чиновник, ведавший надзором за таможенным делом (от средневекового нем. hansa «торговое объединение»; см. грамоту Фридриха I городу Любеку). Итак, сравнительно с уставом 1191/1192 г. (см. грамоту Оттокара IV 1192 г.) произошло заметное перераспределение полномочий в надзоре за торговлей в Энее в пользу местной власти. Это видно также по тому, что и в остальном ни о каких привилегиях регенсбургскому купечеству в уставе речи нет, зато присутствуют некоторые таможенные льготы жителям Вены и Нойштадта.

³⁸ Похоже, указаны расценки за место на рынке.

³⁹ Т. е. после окончания ярмарки: ср. пункт 3 устава 1191/1192 г. (грамоту Оттокара IV 1192 г.).

⁴⁰ См. грамоту Оттокара IV 1192 г.

⁴¹ См. примеч. 20.

⁴² «Латиняне» — очевидно, те франкоговорящие купцы, о которых уже шла речь выше, тогда как «швабы» — другая часть «иноземных» купцов, которые в документе герцога Оттокара IV фигурировали как Ulmenses — «жители Ульма» (см. грамоту Оттокара IV 1192 г.), главного торгового центра Швабии из приграничных с Баварией.

Австрия и ее политика в XV в. («Краткая хроника Австрии мелькского анонима»)

«Краткая хроника Австрии мелькского анонима» — составленная на латинском языке неким неизвестным по имени жителем города Мельк сочинение по истории Австрии в XV в. Охватывает период с 1438 по 1464 г. Содержит сведения как о внутригерманских, так и о международных событиях того времени.

КРАТКАЯ ХРОНИКА АВСТРИИ МЕЛЬКСКОГО АНОНИМА

Альбрехт¹, герцог Австрии и зять Сигизмунда², был возведен из-за этого в короли Богемии и Венгрии, а именно, благодаря дочери³ последнего, ибо другого наследника тот не оставил, и был избран во Франкфурте римским королём, а именно, 18 марта 1438 года; вскоре, однако, он был отравлен и умер в 1439 году.

В день евангелиста Иоанна⁴ этот Альбрехт был избран в короли Богемии, а в декабре точно так же был избран в короли Венгрии.

Эпитафия

господина Альбрехта, герцога Австрии.

«В церкви Христовой, которую я, Альбрехт, некогда благочестивый король,

Стремился держать в мире, лежат мои кости.

Здесь моя славная корона укрыта под скалой

Из королевского рода древних отцов Вены,

От скипетра римского я был рождён, чтобы править ныне,

От набожного источника происходит мой род.

Города, замки, повозки, воинов королевств, святотатственные секты

Я победил в боях, поразил мечом.

Я выступал против турок, окружал Табор,

Но прежде приказал сжечь моих евреев.

Королевства чехов и паннонцев меня оплакивают,

Много дней будет плакать вскормившая меня опечаленная Австрия.

Эти мои королевства разорены многими тиранами,

Духовенство, словно овца, отдано ныне на растерзание волкам.

Те, кого я обогатил весьма несчастных, дают мне обычно

Свои многие мёды Ахитофела, Иуды.

Сколько глаз ныне проливает слёзы, столько верных сердец

В мире пусть молятся теперь за меня, те, которые скорбят о деяниях умершего.

А теперь, в тысяча четыреста тридцать девятом году Христовом,

В вечер дня св. Симона, я устремился к звездам».

Эпитафия

Елизаветы, жены Альбрехта, 1442 г.

«Я, Елизавета, дочка и внучка цезаря e tribulis e mundi,

Лежу укрытая мраморным гробом.

Вместе с Владиславом, оставшимся отпрыском, я притязую

На королевство чехов, а также на наследство паннонцев.

Ибо мои венценосные отец Сигизмунд и муж Альбрехт

Безвозмездно владели ими.

Но нечестивый народ гуннов своим мечом изгнал меня,
 Несчастную вдову, вместе с ребёнком.
 Это неправедное дело я оплакиваю по всему миру,
 И, быть может, вечный Бог отомстит за это.
 Если бы я, набожная мать, могла поцеловать ныне
 Маленького сына, о котором печалюсь больше всего.
 В тысяча четыреста сорок втором году Христовом,
 В среду перед днём св. Фомы,
 Обманчивая слава мира стала для меня пустой;
 И я, королева, лежу здесь, покрытая рассыпавшимся прахом.
 Прими меня, Господи, дай взойти на небеса, о Христос,
 Так молитесь, благочестивые, чтобы это было дано мне». 1442 г.
 Также в 1444 году Господнем, около праздника святого Георгия, был сильный ветер.

Эпитафия

короля Владислава⁵, 1457 г.

«Скипетр Владислава, ты, святой Климент, перевернул,

Когда в тысяча четыреста пятьдесят седьмом году,

В праздник св. Климента, Владислав, король чехов, венгров,

Герцог австрийского дома, отравился фруктами

Среди вероломных гуситов, еретиков и сторонников Виклифа

В городе Праге к ущербу для католической веры,

И сын Подебрада, как говорят, в этом виновен.

Благодаря этому он присвоил себя королевство; ведь ради этого он это и сделал,

Да покарает его Бог, и да понесёт виновный кару в этом мире».

Филипп⁶, герцог Миланский, был поражён апоплексическим ударом и умер бездетно.

О Фридрихе III, римском императоре.

Фридрих⁷, герцог Австрии, сын Эрнста, был избран римским королём, но из-за схизмы⁸ отложил коронацию со стороны папы; наконец, когда было восстановлено единство, он с великой славой был увенчан в городе Риме императорской короной папой Николаем V⁹. Когда император Фридрих, проведя коронацию, вернулся из Рима вместе с женой, то был осаждён Ульрихом Эйцингером¹⁰, графом Цилийским, венцами и австрийцами в Нойбурге; наконец, при посредничестве некоторых князей и, главным образом, Сигизмунда¹¹, архиепископа Зальцбургского, ими в австрийскую землю был введён король Владислав, и осада таким образом была снята в 1453 г.

Город Константинополь вместе с престолом греческой империи был атакован и захвачен турецким султаном при огромном пролитии христианской крови¹².

Умирает Сильвестр¹³, епископ Химзее, муж величайшей мудрости.

По поводу турок были проведены многочисленные съезды в Регенсбурге, где присутствовал Филипп¹⁴, герцог Бургундии, во Франкфурте и в других местах; но в отношении реальных мер мало что было решено.

После различных военных потрясений, имевших место в Италии на протяжении многих лет, некий монах заключил между коммунами, городами и князьями мир, продолжавшийся десять лет, что иначе как чуду приписать невозможно; ибо этого тогда не смог добиться ни папа, ни кто-либо другой.

1455 г. В этом году в Нордербе¹⁵, в Венгерском королевстве, некие крестоносцы, бывший, однако, в малом числе, когда там находился брат Иоанн де Капистрано¹⁶ из ордена святого Франциска, без предводителя, без порядка, вверив себя помощи одного Бога, в день святой Марии Магдалины¹⁷ напали на турецкого султана и его многочисленное войско, которые их там осаждали. И в тот день произошло великое избиение турок, и сам султан был ранен и обращён в бегство, бросив там множество пушек, боевого снаряжения, вооружённых судов, которые стали добычей христиан.

Иоанн Хуньяди¹⁸, правитель Венгерского королевства и опытнейший в военном деле, после многочисленных выдающихся подвигов умер в 1456 г.

В этом же году огромное множество крестоносцев из верхних земель спустилось в Венгрию по Дунаю. В то время как их сопровождали король Владислав и Ульрих, граф Цилийский, последний из этого рода, дядя короля, Владислав Хуньяди¹⁹ обманым образом убил в замке Футог²⁰ названного графа Цилийского, из-за чего в королевстве произошло величайшее замешательство в управлении всеми делами.

Крестоносцы вернулись из Венгрии домой без всякого результата; при этом многие из них были убиты, а другие и очень многие умерли по дороге домой от одного и того же страшного недуга.

1457 г. В наказание за смерть графа Цилийского Владислав Хуньяди, убийца этого графа, был обезглавлен в Буде королём Владиславом; тогда был задержан и его брат Матвей²¹, нынешний король Венгрии.

В день св. Климента²² названный король Владислав после заключения соглашения о браке с дочерью короля Франции²³, в то время как на него возлагали большие надежды по восстановлению благополучия королевства, умер в Праге в расцвете своей юности; его смерть стала мучением для многих земель и всеобщим горем.

После праздника Пасхи император Фридрих вновь был осаждён в Цилли Яном Витовцем, в то время как принял во владение домен этих графов; земли его и его вассалов были разграблены, а многие из его совета и семьи задержаны, но, в конце концов, освобождены за определённые денежные суммы; среди последних был и Ульрих, епископ Гурки²⁴.

1459 г. Папа Пий²⁵, призвав императора, королей, духовных и светских князей, назначил в Мантуе съезд и лично пришёл туда из Рима. И в то время как турецкая проблема обсуждалась там восемь месяцев, они так и не предприняли реальных действий из-за отсутствия очень многих.

В этом же году, на сорокадневный пост, император Фридрих был избран в короли Венгрии вопреки Матвею Хуньяди.

В этом же году, в день Пасхи, кардинал Николай Кузанский²⁶, епископ Бриксена, был осаждён в своём замке Браунк Сигизмундом²⁷, герцогом Австрии, и его войском, в тот момент, когда этот кардинал проводил богослужение; из-за этой осады папа Пий применил против этого герцога, его людей и земель строжайшие санкции.

Людвигом²⁸, герцогом Баварии и пр., и Альбрехтом²⁹, маркграфом Бранденбурга, воевавшими между собой, были предприняты многочисленные осады; наконец, между ними был заключён мир, который, однако, не соблюдался.

Сигизмунд, архиепископ Зальцбургский, с удивительной набожностью встретил последние часы своей жизни в 1461 г.

В этом же году, около 12 дня месяца ноября был [архиепископом] избран господин Бурхард³⁰, приор Зальцбургской церкви.

1462 г. Из-за введения этим архиепископом некоего налога всё крестьянское население горных районов Зальцбургской церкви восстало против него и укрепило все горные проходы. Но, когда крестьяне увидели, что сил недостаточно, дело было улажено в результате соглашения и они были наказаны штрафом в 2000 флоринов.

Император Фридрих вместе со своей женой и сыном был в течение многих дней осаждён в Венском замке тамошними горожанами и своим братом, эрцгерцогом Альбрехтом³¹, и особенно жестоко их угнетала нехватка продовольствия. Однако, в то время как он хотел оказать помощь в осаде, имперские ландграфы неудачно сразились; всё же при посредничестве короля Богемии было заключено соглашение, и цезарь вместе с женой и сыном были освобождены и удалились в Нойбург.

Между императором и королём Венгрии было заключено соглашение по поводу короны и замков королевства и в присутствии апостольского легата состоялось возвращение этой короны.

В землях Баварии и Зальцбурга жестоко свирепствовала чума, и эрцгерцог Альбрехт, брат цезаря, умер от яда.

В Морее или Ахайе, в некоей гавани или в морском заливе венецианцы за несколько месяцев воздвигли против турок изумительную стену удивительной длины с многочисленными башнями. Но в этом же году, когда пришёл турецкий султан, эта гавань вместе со стеной были разрушены и сровнены с землёй из-за предательства некоторых подкупленных негодяев; при этом было перебито множество христиан.

1463 г. Тибр в Риме настолько вышел из берегов, что некоторые, как говорят, утонули у ступеней святого Петра и в храме Марии Ротонды. Папа Пий восстановил ступени церкви святого Петра в Риме с большим великолепием и большими расходами.

Когда в Ротенбурге, в деревню Эни, нашли богатую серебряную жилу, туда со всех земель устремилось множество торговцев, и было заключено так много столь разных сделок, что едва ли можно счесть больше денег; те люди потому были жадны до обогащения, что безрассудно и без ума расточали свои деньги. Потому и вышло, что из-за этих контрактов многие дошли до крайней бедности.

Большое количество крестоносцев из Саксонии, а также из болотистых мест и из других районов богатой Германии держали путь в Италию, чтобы вместе с папой Пием отправиться против турок.

Папа Пий решил выступить в поход против турок собственной персоной и добрался до Анконы, а оттуда вознамерился плыть в Ахайю. Но поражённый лихорадкой, он умер там 14 августа.

Иоанн³², герцог Баварии-Мюнхена, умер от чумы в полном расцвете юности.

Между Людовиком³³, королём Франции, и его братом Карлом³⁴, герцогом Бургундии, возникла сильнейшая ссора, следствием которой были многочисленные войны.

Фердинанд³⁵, король Апулии, дружелюбно принял графа Иакова Пициминия, блестящего и весьма опытного мужа рыцарского ордена, прибывшего к нему в Неаполь, но малое время спустя отправил его в тюрьму и казнил смертью.

Кардинал Николай Кузанский, муж опытнейший в духовных и светских делах, после многих трудов и разных тягот, которые он перенёс в своём Бриксенском епископстве, во время переезда уплатил долг природе в Тоди в Тоскане.

1464 г. В то время как атесианские^{35a} строгости продолжались несколько лет, приведя в расстройство очень многих, дела их были улажены и они, за исключением духовенства, были разрешены перед императором апостольским легатом.

Турецкий султан овладел старинным царством Митилены³⁶ и Пелопоннесом, изгнав оттуда и перебив верующих.

Богатая квасцовая жила была найдена в земле римской церкви.

Людвиг, герцог Баварии, после жестокой битвы с маркграфом одержал над ним победу.

Пфальцграф Рейнский³⁷ захватил в плен в Майнцской битве маркграфа Баденского³⁸, графа Вюртембергского³⁹ и епископа Мецкого⁴⁰ вместе с блистательной свитой их придворных и дворян; в конце концов, все они были освобождены из уз плена за огромную денежную сумму и на определённых суровых условиях.

Около праздника Богоявления⁴¹ разбойники, которые называли себя дольчкнехтами, соединившись все вместе в Верхней Каринтии, после причинения многочисленных убытков были побеждены в Матрае людьми Зальцбургской церкви и безжалостно перебиты; добыча, которую они унесли, была возвращена обратно.

Иоанн, сын Рената, был изгнан Фердинандом из королевства Апулии при помощи верховного понтифика; и Франциск Малатеста из Римини в ходе славной войны и после достойной победы был лишён этим понтификом крепостей и городов, и тот заставил его умолять о мире.

¹ Альбрехт V (II) (р. 1397 г. 16 августа ум. 1439 г. 27 октября) – сын Альбрехта IV, герцог Австрии в 1404 – 1439 гг., король Германии, Венгрии и Чехии в 1438-1439 гг.

² Сигизмунд (р. 1368 г. 15 февраля ум. 1437 г. 9 декабря) – король Венгрии в 1387-1437 гг., Чехии в 1420 – 1437 гг., Германии в 1411 – 1437 гг., император с 1433 г.

³ Елизавете (р. 1409 г. 28 февраля ум. 1442 г. 19 декабря).

⁴ 27 декабря.

⁵ Владислав Постум (р. 1440 г. 22 февраля ум. 1457 г. 23 ноября) – сын Альбрехта V, герцог Австрии в 1440-1457 гг., король Чехии в 1440 – 1457 гг. и Венгрии (Ласло V) в 1444-1457 гг.

⁶ Филипп Мария Висконти (р. 1392 г. ум. 1447 г. 13 авг.) – герцог Милана в 1412-1447 гг.

⁷ Фридрих III (р. 1415 г. 21 сентября ум. 1493 г. 19 августа) – старший сын Эрнста Железного, герцог Каринтии в 1424 – 1493 гг., эрцгерцог Австрии (V) в 1463-1493 гг., король Германии в 1440-1493 гг., император с 1452 г.

⁸ Т.е. раскола.

⁹ Николай V (Томмазо Парентучелли) – римский папа с 6 марта 1447 г. по 24 марта 1455 г.

¹⁰ Ульрих II (р. 1406 г. ум. 1456 г. 9 ноября) – последний граф Цилли. Фактический правитель Венгерского королевства при короле Владиславе Постуме, противник Яноша Хуньяди.

¹¹ Сигизмунд I фон Фолькерсдорф (ум. 1461 г. 3 ноября) – архиепископ Зальцбурга в 1452-1461 гг.

¹² Константинополь был взят турками 29 мая 1453 г.

¹³ Сильвестр Пфлигер (ум. 1453 г. 21 октября) – епископ Химзее в 1438 – 1453 гг.

¹⁴ Филипп III Добрый (р. 1396 г. 31 июля. ум. 1467 г. 15 июля) – герцог Бургундии в 1419-1467 гг.

¹⁵ Т.е. в Белграде.

¹⁶ Джованни (Иоанн) да Капистрано (р. 1386 г. ум. 1456 г. 23 октября) – итальянский святой, проповедник крестового похода против турок и еретиков.

¹⁷ 22 июля.

¹⁸ Янош Хуньяди (р. 1387 г. ум. 1456 г. 11 августа) – правитель Венгерского королевства в 1446-1453 гг. Отец Матвея Корвина.

¹⁹ Ласло Хуньяди (р. 1433 г. ум. 1457 г. 16 марта) – старший сын Яноша Хуньяди.

²⁰ Футог – город в Сербии, в 10 км к западу от г. Нови Сад.

²¹ Матвей Корвин (р. 1443 г. 23 февраля ум. 1490 г. 6 апреля) – король Венгрии в 1458 – 1490 гг.

²² 23 ноября 1457 г.

²³ Магдалиной Валуа, дочерью Карла VII. Владислав умер перед самой свадьбой.

²⁴ Ульрих III Зонненбергер (ум. 1469 г. 29 декабря) – епископ Гурки в 1453-1469 гг.

²⁵ Пий II (Эней Сильвио Пикколомини) – римский папа с 19 августа 1458 г. по 14 августа 1464 г.

²⁶ Николай Кузанский (р. 1401 г. ум. 1464 г. 11 августа) – кардинал, философ, математик; епископ Бриксена в 1450 – 1464 гг.

²⁷ Сигизмунд (р. 1427 г. ум. 1496 г. 4 марта) – герцог Австрийский, правитель Тироля и Передней Австрии в 1439 – 1490 гг.

²⁸ Людвиг IX Богатый (р. 1417 г. 23 февраля ум. 1479 г. 18 января) – герцог Баварии-Ландсгута в 1450 – 1479 гг.

²⁹ Альбрехт III Ахилл (р. 1414 г. 9 ноября ум. 1486 г. 11 марта) – маркграф Бранденбурга в 1471 – 1486 гг., маркграф Ансбаха с 1440 г. и Кульмбаха с 1457 г.

³⁰ Бурхард фон Вайсприах (ум. 1466 г. 16 февраля) – архиепископ Зальцбурга в 1461 – 1466 гг.

³¹ Альбрехт VI (р. 1418 г. 18 декабря ум. 1463 г. 2 декабря) – сын Эрнста Железного, эрцгерцог Австрии выше Энна в 1458 – 1463 гг. и ниже Энна в 1462 – 1463 гг.

³² Иоанн IV (р. 1437 г. 4 октября ум. 1463 г. 18 ноября) – сын Альбрехта III, герцог Баварии-Мюнхена в 1460 – 1463 гг.

³³ Людовик XI (р. 1423 г. 3 июля. ум. 1483 г. 30 августа) – король Франции в 1461 – 1483 гг.

³⁴ Карл Смелый (р. 1433 г. 10 ноября ум. 1477 г. 5 января) – герцог Бургундии в 1467 – 1477 гг. Они с Людовиком XI не были братьями.

³⁵ Фердинанд I (р. 1424 г. 2 июня. ум. 1494 г. 25 января) – король Неаполя в 1458 – 1494 гг.

^{35a} Атесис – латинское название р. Эч.

³⁶ Т.е. островом Лесбос.

³⁷ Фридрих I Победоносный (р. 1425 г. 1 августа ум. 1476 г. 12 декабря) – пфальцграф Рейнский и курфюрст Пфальца в 1451-1476 гг.

³⁸ Карла I (р. 1427 г. ум. 1475 г. 24 февраля) – маркграфа Баденского в 1454 – 1475 гг.

³⁹ Ульриха V (р. 1413 г. ум. 1480 г. 1 сентября) – графа Вюртемберга в 1433-1480 гг.

⁴⁰ Георга Баденского (р. 1433 г. ум. 1484 г. 11 февраля) – епископа Меца в 1459-1484 гг.

⁴¹ 6 января.

1.24. ШВЕЙЦАРИЯ

Образование Швейцарской конфедерации «Союзная грамота» (15 июля 1291 г.)

В ходе развернувшейся с середины XIII в. борьбы с Габсбургами три лесных швейцарских кантона Швиц, Ури и Унтервальден заключили между собой 1 августа 1291 г. «вечный союз», заложивший основы Швейцарского союза, т.е. Швейцарской конфедерации, как фактически самостоятельного государства в рамках «Священной Римской империи».

Документ, в котором было зафиксировано оформление «вечного союза» известен как Федеративная хартия 1291 г.. Федеративная хартия 1291 г. была подписана представителями трех альпийских кантонов после смерти короля Германии Рудольфа I Габсбурга в 1291 г., который пытался восстановить власть Габсбургов в регионе. В соответствии с хартией жители Швица, Ури и Унтервальдена обязались оказывать друг другу военную помощь против любой внешней агрессии. Хотя заключение союза кантонов всецело находилось в рамках общеевропейского коммунального движения, позднее Федеративная хартия 1291 г. стала рассматриваться как фундаментальный документ, заложивший основу Швейцарского союза, а предполагаемая дата ее подписания – 1 августа – было провозглашено национальным праздником Швейцарии.

С данным событием связано также возникновение одного из национальных мифов Швейцарии – Клятвы Рютли. В нем говорится, что представители трех коммун Ури, Швиц и Унтервальден (первоначальных кантонов Швейцарии) на Рютли, отдаленном лугу около Фирвальдштетского озера, дали клятву о взаимопомощи и поддержке в борьбе против австрийского владычества Габсбургов. Подробное изложение этого можно встретить в драме Ф. Шиллера «Вильгельм Телль».

Во имя Господа аминь! Почтенен и добропорядочен труд и служит общественному благу, коль скоро договоры, служащие (делу) мира и спокойствия, сохраняются в надлежащей форме.

1. Пусть же узнает каждый, что люди (жители) долины Ури, общины долины Швиц и сообщество людей (жителей) Унтервальдена, входящее в состав Нидвальдена, перед лицом коварства (нынешнего) времени, и с тем, чтобы легче защищать и сохранять в надлежащем лучшем состоянии себя и свое имущество, в твердой верности пообещали себе поддерживать друг друга помощью, любым советом и содействием, имуществом и жизнью, как внутри долин, так и во вне их, со всей властью и силой, против групп или отдельных лиц, стремящихся им, или кому-то из них, учинить насилие, причинить беспокойство или неправду, или сотворить зло против их жизни и имущества. И еще пообещала каждая из общин, немедленно оказать помощь другой настолько, насколько помощь оказалась бы необходимой, причем за свой счет и в том объеме, который был бы необходим для того, чтобы противостоять нападению злодеев и иметь возможность отомстить совершенную несправедливость.

2. Кроме того, они дали друг другу братскую (кровную) клятву исполнять этот договор без всяких задних мыслей, возобновив, тем самым посредством нынешнего союза, содержание более раннего, клятвенно заверенного, соглашения...

3. ...при том, однако, мнения, что каждый, соответственно своему положению, своему господину достойно подчиняться и служить должен.

4. На основании совместного совета и единодушного согласия заключили мы, постановили и пообещали друг другу, что в вышеупомянутых долинах никогда не признаем и не примем в качестве судьи того, кто получил свой пост благодаря каким-либо услугам, либо на основании уплаченной суммы денег, и не является нашим соотечественником».

5. Если же, тем не менее, между отдельными конфедератами все же возникнет усобица, то тогда самые мудрые, благоразумные и рассудительные среди них должны урегулировать спор между конфликтующими сторонами наилучшим, по их мнению, образом, и если одна из сторон отвергнет предложенное решение спора, то тогда остальные конфедераты должны будут встать в ряды ее противников.

6. Кроме того, между ними (договаривающимися сторонами и.п.) существует уговор следующего содержания: если один убьет другого подло и невинно, то тогда он, буде схвачен, жизнь свою потерять должен, коли не удастся ему доказать свою невиновность в данном преступлении так, как этого требует тяжесть его вины. И в случае, если ему удастся ускользнуть, то тогда он уже никогда не получит права вернуться (домой). И тот, кто примет и защитит вышеупомянутого преступника, должен быть изгнан из долин до тех пор, пока участники соглашения не позовут его со всей очевидностью обратно.

7. Кто одному из конфедератов днем или в тиши ночи предательски и вероломно наносит ущерб посредством поджога, то тогда он на веки вечные лишается статуса (нашего) соотечественника. И если кто-нибудь в (наших долинах) ему вспомоществование окажет и защищать станет, то тогда обязан он пострадавшему возместить ущерб (причиненный поджогом).

8. И если, далее, один из участников договора лишит другого его имущества или нанесет вред каким-либо образом, то тогда его имущество, если поймут его в пределах (наших) долин, должно быть конфисковано с тем, чтобы пострадавшему, как того требует право, свершить возмещение.

9. Далее, никто не должен описывать или налагать арест на имущество другого, за исключением того случая, когда тот¹ является его² должником или поручителем. И это может происходить только с позволения его судьи.

10. Кроме того, каждый должен слушаться своего судью и, если это будет необходимо, должен (быть в состоянии) в границах (наших) долин указать того судью, решения которого он обязан исполнять. И если кто-то будет восставать против решения судьи и если вследствие его непреклонности одному из конфедератов будет нанесен ущерб, то тогда все союзники должны принудить согрешившего возместить ущерб.

11. Если же, тем не менее, возникнут между отдельными конфедератами вражда и распри, и если одна из спорящих сторон откажется подчиниться праву и удовлетворить (его требования), то тогда союзники обязаны оказать поддержку другой стороне.

12. Вышеупомянутые, созданные с благородными намерениями и ко всеобщей пользе, договоренности, должны, как того хочет Бог, длиться вечно». «Чтобы доказать это (документально), по требованию названных в ее начале сторон, была создана и подтверждена прикреплением к ней печатей вышеназванных трех общин и долин данная грамота.

Сотворено в году Господа 1291-м, в начале месяца августа.

¹ Т.е. тот, чье имущество арестовано.

² Т.е. того, кто наложил арест на имущество.

Битва при Моргартене (15 ноября 1315 г.) (Из сочинения монаха Иоанна из Винтертура)

Битва при Моргартене – сражение 15 ноября 1315 г. между ополчением недавно образованного Швейцарского союза трех кантонов и австрийскими войсками Габсбургов.

Разгром ополчением швейцарцев армии Габсбургов обеспечил независимость конфедерации и послужил толчком к формированию швейцарского государства. Результаты битвы при Моргартене были юридически закреплены в Брунненском договоре 1315 г.

Брунненский договор 1315 г. – союзный договор между швейцарскими общинами Ури, Швиц и Унтервальден, заключенный в деревне Бруннен 9 декабря 1315 г., вскоре после их победы при Моргартене. Договор подтверждал условия «Вечного союза» (1291 г.), а также добавлял статьи, направленные против австрийских притязаний – в частности, статью, определявшую единство внешней политики трех общин и статью, разрешавшую не выполнять сеньориальные обязательства, если сеньор нападет на участников договора или предъявит им несправедливые требования. Договор стал важным этапом в становлении Швейцарской конфедерации.

Основным источником для сражения при Моргартене является длинный рассказ монаха Иоанна из Винтертура (Витодурана), написанный приблизительно 25-30 лет после самого события. Винтертурцы были подданными Габсбургов, и их контингент, из которого погиб только один человек, был в войске Леопольда Австрийского. Следовательно Иоанн собрал свои сведения от очевидцев, прежде всего от собственного отца, который также был свидетелем сражения.

Это была не битва, людей герцога Леопольда просто резали как скот; горцы убивали их, как овец на бойне. Никто не оказывал сопротивления, но все до последнего, без всяких различий, были перебиты. Ярость конфедератов была столь велика, что отряды австрийской пехоты, видя, как храбрейшие рыцари падают беспомощными, в панике бросались в озеро, предпочитая сгинуть в его водах, нежели пасть жертвой ярости своих врагов.

1.25. НИДЕРЛАНДЫ

Доходы испанской монархии от своих владений при Карле V

Нидерланды к началу царствования Филиппа II считались в Европе самой богатой страной среди всех владений испанского короля, страной, которая давала испанскому правительству больше дохода, нежели другие, не исключая и Нового Света.

Нидерланды – 2 млн. флоринов (в год).

Италия – 1 млн. флоринов (в год).

Новый Свет – ½ млн. флоринов (в год).

Собственно Испания – ½ млн. флоринов (в год).

Из прокламации («Предостережения») Вильгельма Оранского (31 августа 1568 г.)

Послание принца Оранского испанскому монарху, продиктованное страданиями и бедствиями нидерландского народа, произвело на современников сильное впечатление. Это обращение к Филиппу II требовало восстановления местных привилегий и смещения герцога Альбы, снискавшего своими действиями ненависть всего народа. Созданный им «Кровавый совет» («Совет волнений») поставил, по существу, всю страну вне закона. Десятки тысяч ни в чем не повинных людей, старых и молодых, мужчин, женщин и детей, богатых и бедных, знатных и простых, Альба обвинил в ереси, «заставил служить пищей эшафоту и костру».

а) Мы, божиею милостью принц Оранский, приветствуем всех верных подданных его величества. Мало кто не знает, что испанцы давно уже стараются управлять этой страной, как им вздумается. Употребляя во зло доброту его величества, они убедили его предписать введение инквизиции в Нидерландах. Они очень хорошо знали, что, если можно будет заставить нидерландцев терпеть ее действия, они потеряют всякое обеспечение своей свободы; что, если они будут противиться ее введению, они откроют в этих богатых провинциях обширное поле для грабежа. Мы надеялись, что его величество, приняв это дело к сердцу, сохранит свои наследственные провинции от такого конечного разорения. Мы нашли, что наши надежды тщетны. Мы не можем по причине нашей обязанности верно служить его величеству и, [ввиду] нашего истинного сострадания к его верным подданным, спокойно смотреть далее на такие убийства, разбои, бесчинства и страдания. Кроме того, мы уверены, что его величество имеет неверные сведения о нидерландских делах. Вследствие этого мы поднимаем оружие, чтобы противиться насильственной тирании испанцев с помощью милосердного бога, который есть враг всякой кровожадности. Готовые радостно отдать нашу жизнь и все наше мирское богатство за это дело, мы имеем теперь благодаря богу отличную армию из кавалерии, пехоты и артиллерии, набранную всю на наш счет. Мы призываем всех нидерландских верноподданных прийти помогать нам. Пусть они примут к сердцу крайнюю нужду отечества, опасность вечного рабства для самих себя и своих детей и совершенного уничтожения евангелической религии. Только тогда, когда будет, наконец, пересилена кровожадность Альбы, могут провинции снова приобрести свое чистое отправление правосудия и состояние благоденствия для своей республики.

Из «Послания в форме просьбы к его величеству...» (1573 г.)

Тиран скорее окрасит нашей кровью каждый ручей и каждую реку и повесит наши тела на каждом дереве в стране, нежели не насытит вполне свое мщение и не погрузится по уши в наши бедствия. Вследствие этого мы подняли оружие против герцога Альбы и его приверженцев, чтобы освободить нас самих, наших жен и детей из его кровожадных рук. Если он окажется слишком сильным для нас, мы скорее умрем почетной смертью и оставим достойное похвалы имя, нежели склоним наши шеи и доведем наше дорогое отечество до такого рабства. Этим все наши города клянутся друг другу выдержать всякую осаду, отваживаться на все худшее, терпеть всевозможные бедствия и скорее зажечь все наши дома и сгореть вместе с ними дотла, нежели подчиниться когда-нибудь приговорам этого жестокого тирана.

Письмо-манифест Вильгельма Дидриху Сонуа (1568 г.)

Дидрих Сонуа – один из эмиссаров Вильгельма Оранского, которых он направил к правителям различных европейских государств за помощью. Оранский возлагал все надежды на наемные войска и боялся использовать вооруженный народ в борьбе с испанским деспотизмом. Политика эта была беспочвенна, потому все военные усилия принца терпели крах.

Теперь необходимо, чтобы и другие, кроме [меня], приняли участие в пожертвованиях. Потому что, хотя все в руке божией и хотя он сотворил все из ничего, он, однако, даровал разным людям разные способности, посредством которых, как посредством различных орудий, он достигает своих целей. Для этого даровал он одним телесную силу, другим – мирское богатство, иным – еще разные личные дары, которые все должны быть употреблены их обладателями к его чести и славе, если они не желают подвергнуться наказанию недостойного раба, который закопал свой талант в землю... Теперь вы легко можете видеть, что принц не может долгие вести этого великого дела один, так как он потерял земли, вассалов и имущество и уже употребил в дело все, что у него осталось, и, кроме того, наделал тяжелых долгов.

Из письма Вильгельма своему брату Людвигу Нассаускому о наборе наемных войск (6 апреля 1568 г.)

Чтобы высказать нашу любовь к монарху и его наследственным провинциям, отвратить разорение, тяготеющее над страной по причине свирепости испанцев, поддержать привилегии, которым присягнули его величество и его предшественники, предупредить искоренение эдиктами всякой религии и спасти сынов и дочерей страны от унижительного рабства, мы просим нашего возлюбленного брата Людвигу Нассаускому набрать столько войска, сколько он признает нужным.

Расправа с г. Наарденом (По свидетельству современника)

...Испанцы бросились по улицам... Все дома были разграблены; жителей принуждали носить добычу в лагерь, где их убивали в награду. Затем город подожгли со всех концов, чтобы заставить тех граждан, которые спрятались, выйти из своих убежищ. Одних закалывали шпагами, других рубили топорами тех, которые пытались сопротивляться, предавали медленной пытке...

Почти все жители Наардена... были таким образом истреблены... [город] на долгое время перестал существовать.

Герцог Альба писал Филиппу II, что «они перерезали горло бюргерам и всему гарнизону и не оставили в живых никого, рожденного женщиной...».

Из сообщения герцога Альбы Филиппу II об осаде г. Хаарлема (Отрывки из письма)

Осада Хаарлема продолжалась с декабря 1572 г. до середины лета 1573 г. Город мужественно защищался, но, обессиленный от потерь и голода, сдался.

Его защита, бесспорно, принадлежит к числу величайших «оборонительных подвигов» того времени. Жители бесстрашно сражались с опытным и сильным противником, «проявив изумительное единодушие и самоотверженность». Несмотря на обещание Альбы проявить милосердие к защитникам Хаарлема, оставшихся в живых постигла тяжелая участь. Донесение Альбы было составлено во время осады города.

а) Не нашлось ни одного человека, который захотел бы нести морскую службу: все матросы были заодно с восставшими... Защитники города вели себя, как настоящие солдаты... Их инженеры творили неслыханные вещи... Никогда не видели столь; отлично защищенного пункта... Это самая кровавая война, какой давно уже не было... Если бы это была война против какого-либо другого государя, то она давно была бы уже окончена, но рост числа этих изменников – это настоящее чудо!.. Особенно сбивает меня с толку, когда я вижу, с каким трудом вы, ваше величество, достаете новые подкрепления и с какой легкостью люди отдают свою жизнь и свое имущество в распорядение этих мятежников.

б) Это была такая война, какой прежде никогда не видано и не слышано ни в какой стране на свете... Никогда никакая крепость не была защищаема с таким искусством и храбростью, как Гарлем [Хаарлем], ни бунтовщиками патриотами, ни людьми, сражающимися за своего законного государя.

Обращение герцога Альбы к населению Нидерландов (Утрехт, 26 июля 1573 г.)

Обращение это не случайно появилось вскоре после падения Хаарлема. Альба воочию убедился, что на пути покорения страны ему будет противостоять мужественный нидерландский народ и что предстоит долгая и упорная борьба. Поэтому он сделал попытку призвать жителей других городов к покорности, грозя в противном случае полностью разорить и обезлюдить страну.

Вам хорошо известно, что король не раз выказывал желание принять своих детей, в каком бы отчаянном положении ни верну-лись блудные сыны.

Его величество еще раз уверяет вас, что ваши грехи, как бы черны они ни были, будут прощены и забыты в обилии королевской благодати, если вы раскаетесь и вовремя возвратитесь в объятия его величества. Несмотря на ваши многократные преступления, его величество еще старается, как курица, сзывающая своих цыплят, собрать вас всех под родительское крыло. Этим король еще раз предостерегает вас, чтобы вы отдались в его королевские руки и не ждали его ярости, жестокости, бешенства и приближения его армии.

Но если вы презрите это предложение милосердия, если примете его с закрытыми ушами, как было до сих пор, мы вас предостерегаем, что нет строгости, нет жестокости, как бы они ни были велики, которых вам бы не следовало ожидать; мы внесем опустошение, голод и меч, так что нигде не останется и следа того, что теперь существует; его величество разорит и совершенно обезлюдит страну и заставит ее населиться снова иностранцами, потому что иначе его величество не может поверить, чтобы воля божия и его величества была исполнена.

Послание герцога Альбы Филиппу II (1573 г.)

Альба жаловался испанскому монарху на отсутствие какой-либо призна-тельности жителей Хаарлема и клялся «вознаградить себя», поголовно истребив все живое, если захватит город Алькмаар. Но город испанцами не был взят. Они отступили, услышав, что жители Алькмаара просили Вильгельма Оранского разрушить плотины и затопить водой все вокруг.

Если я возьму Алькмаар, я решил не оставить ни одного существа в живых. Нож будет всажен в каждое горло. Так как пример Хаарлема оказался бесполезным, может быть, при-мер жестокости заставит другие города опомниться... До сих пор кротость не произвела ничего... Пусть ваше величество разуверится в мнении, что добротой можно что-нибудь сделать с этим народом. Дела дошли уже до такой степени, что многие люди, родившиеся в этой стране, которые до сих пор стояли за милосердие, теперь вышли из заблуждения и признались в своей ошибке. Они такого мнения, что в Алькмааре не нужно оставить ни одной живой души, а что нужно перебить всех до последнего.

[Дальше в письме, с которого, «казалось, капала кровь», он пытался сказать о своей «кротости».]

Ваше величество, можете быть уверены, что ни один человек на свете не желает больше моего идти путем милосердия, несмотря на мою особенную ненависть к еретикам и изменникам.

Послание Филиппа II герцогу Альбе (1573 г.)

Было совершенно ясно, что неудачная политика Альбы в Нидерландах поколебала доверие к нему испанского короля, и в конце 1573 г. Альба был отозван в Испанию.

Я отлично вижу, что дела зашли в совершенный тупик и надо подумать о том, чтобы исправить их какими угодно средствами, в особенности, когда, мы так 'стеснены в деньгах, что не можем сдвинуться с места. Но все же я никогда не соглашусь на ка-кие-либо меры, несовместимые с нашей святой католической верой и моим королевским авторитетом, даже если бы я должен был потерять из-за этого Нидерланды.

«Гентское умиротворение» (8 ноября 1576 г.)

Документ посвящен мирному соглашению («гентское умиротворение») между северными и южными провинциями Нидерландов с целью объединить свои силы для борьбы с Испанией.

Штаты Брабанта, Фландрии, Артуа, Геннегау, Валансьена, Лилля, Дуэ, Орхии, Намюра, Турнэ, Утрехта и Малина, с одной стороны, и принц Оранский со штатами Голландии, Зеландии и их конфедератами – с другой, обещают поддерживать между собою прочный мир и взаимную связь, объединить их силы для того, чтобы изгнать из Нидерландов иностранцев, а именно испанцев, созвать затем Генеральные штаты, дабы покончить с беспорядком, установить правительство, урегулировать вопросы религии, в частности в Голландии, Зеландии, в Боммеле и у других их союзников; восстановить свободу торговли между всеми провинциями; обеспечить отправление религиозного культа в том виде, в каком оно установилось в каждом городе до созыва Генеральных штатов; обеспечить принцу Оранскому его титулы, привилегии и достоинства; следить за исполнением данных постановлений в отношении тех городов, которые не пожелают их принять; вернуть свободу заключенным... аннулировать осуждения и приговоры судов, постановленные правительством герцога Альбы; восстановить в правах владения имуществом всех тех, которые его потеряли в то время... вернуть духовенству его имущества, за исключением тех, которые расположены в Голландии, Зеландии, причем нынешние владельцы этих имений в упомянутых двух провинциях будут обязаны платить пожизненные пенсии бывшим владельцам церковных бенефиций, потерявшим их в результате конфискации...

Всякий, кто останется на стороне испанцев, будет лишен преимуществ, вытекающих из данного договора, и сможет ими воспользоваться, только примкнув к договаривающимся сторонам.

Города и провинции в лице своих депутатов должны поклясться, что они будут соблюдать данные условия и все, что будет указано Генеральными штатами.

Трофеи и монументы, воздвигнутые герцогом Альбой, будут скрыты до основания.

Утрехтская уния (23 января 1579 г.)

Северные провинции Нидерландов заключили между собой в Утрехте тесный союз, который должен был обеспечить им победу над войсками феодальной Испании. Но этим не ограничивалось его значение. Союз возник в момент усиления феодальной реакции в южных провинциях и представлял собой важный шаг по пути дальнейшего буржуазного развития объединившихся провинций. Уния официально не фиксировала разрыва с Филиппом II, но всю полноту государственной власти она передавала Генеральным штатам отложившихся провинций – сбор налогов, издание основных законов, объявление войны и заключение мира и др. Северные провинции получили также право самостоятельно решать все вопросы, связанные с вероисповеданием. Таким образом, они отстаивали свою политическую и религиозную независимость. В 1581 г. Генеральные штаты объявили о низложении Филиппа II и провозгласили Нидерланды самостоятельным государством, хотя окончательное признание они получили по Вестфальскому миру в 1648 г.

Как то было испытано, после Гентского соглашения, которым почти все Нидерландские провинции обязались стоять друг за друга жизнью и имуществом и изгнать испанцев и других чужестранцев с их сторонниками из этих провинций, эти испанцы, во главе с дон-Хуаном Австрийским¹ и другими своими вождями и полководцами, применяли все средства и постоянно делали попытки привести названные провинции в целом и в частях к подчинению, тираническому правлению и рабству... разрушить союз, заключенный вышеупомянутым соглашением, для совершенной гибели и разорения вышеупомянутых земель и провинций, так как ясно, что, упорствуя в этих планах, они еще недавно думали склонить письмами на свою сторону известные города и области и путем вооруженного нападения овладели некоторыми местами в Гельдерне. Вследствие этого жители княжества Гельдерн и графства Цютфен и жители провинций и земель Голландии, Зеландии, Утрехта и Фрисландии сочли благоразумным особенно и более тесным образом вступить в союз друг с другом не для того, чтобы отделиться от общего союза, заключенного Гентским соглашением, но чтобы укрепить его и охранить себя от всяких затруднений, которые могут в нем возникнуть вследствие каких-либо интриг, посягательств или насилия врагов, чтобы знать, как и каким образом они должны вести себя в подобных обстоятельствах, и иметь возможность защищаться против силы врагов...

I. Названные провинции будут соединены и связаны союзом друг с другом и все вместе и всегда будут помогать друг другу всеми путями и способами, как если бы они составляли одну провинцию; никогда они не будут иметь права отделиться, позволить отделиться или уступить [в чужое владение] по завещанию, дарению, мене, продаже, мирному договору, брачному договору или каким бы то ни было иным способом, – все это, однако, без ущерба для какой-либо отдельной провинции, городов, фьефов и их жителей и для их специальных и частных привилегий, вольностей, льгот, законов, статуты, добрых старинных кутюмов, обычаев и всех других каких бы то ни было прав, в чем они [провинции] не только не будут чинить друг другу никакого ущерба, препятствия или помехи, но скорее будут помогать, поддерживать и укреплять в этом всеми справедливыми и возможными средствами и даже, если понадобится, жизнью и имуществом, а также защищать как бы то ни было и где бы то ни было против всех и каждого, кто пожелает посягнуть на них или овладеть ими...

II. Также [постановлено], что упомянутые провинции... должны будут помогать друг другу жизнью, имуществом и кровью против всяких насилий, какие кто-либо может причинить им, под прикрытием имени его величества короля [Филиппа II] или в его пользу...

IX. Также [постановлено], что без общего единодушного совета и согласия упомянутых провинций не будет заключено никакое соглашение, никакой мирный договор, не будет начата война, не будут взиматься никакие подати и налоги, касающиеся всего союза; но другие дела, имеющие отношение к конфедерации, или дела, зависящие от этих вопросов, будут регулироваться, обсуждаться и решаться большинством голосов провинций, составляющих эту конфедерацию; эти голоса будут подаваться или собираться по способу, обычно соблюдаемому в общем собрании Штатов, но при условии, что это будет постановлено общим советом союзников. Постановлено навсегда, что если провинции не будут в состоянии столкнуться друг с другом в делах, касающихся существования государства, мира, войны или подати, то всякое несогласие во мнениях будет передано и предоставлено будущим штатгальтерам названных провинций, которые придут к соглашению, или решат дело по справедливости...

XII. Постановлено, что упомянутые провинции должны будут согласиться друг с другом относительно чеканки монет...

XIII. В отношении религии жители Голландии и Зеландии будут держаться своего мнения; остальные провинции союза будут регулироваться согласно статьям религиозного мира, уже выработанного губернатором и главным военачальником всех этих земель и его советом с согласия Генеральных штатов... каждая личность [должна быть] свободна в своей религии, и чтобы никто не терпел никаких несчастий по поводу своей религии, согласно Гентскому соглашению.

¹ Новый испанский наместник в Нидерландах, полководец, побочный сын императора Карла V.

Французская интервенция в Нидерланды

Из письма герцога Алансонского¹

Наша цель – добиться доброго спасительного мира и усмирить и истребить ереси и новые секты, которые, как это видно, каждодневно размножаются в этих провинциях.

Из выступления депутата Мондусе на ассамблее Генеральных штатов (март 1578 г.)

Отказ принять помощь герцога Алансонского подвергнет нас опасности увидеть народ восставшим во всей стране.

Действия французских солдат отрядов герцога Алансонского (Из мемуаров католика Монтиньи)

Лишь только перейдя Лис, они не думали более ни о каком повиновении своим главным военачальникам. Они потеряли всякое уважение к своим непосредственным капитанам, предаваясь всякого рода злодеяниям, грабя, убивая, сжигая, творя насилия... вымогая невероятными пытками у большого числа крестьян, выкуп за жизнь. У одних для этого жгли ноги и руки до костей, других подвешивали на 3-4 дня, третьих морили голодом и жаждой.

Из выступления Вильгельма Оранского на заседании Генеральных штатов (июль 1579 г.)

Во всем христианском мире нет принца, который был бы столь расположен к нам, как герцог Алансонский.

Мы уже обещали герцогу, что в случае смены суверена, отдадим предпочтение ему. Герцог опирается на значительные силы во Франции и может рассматриваться в качестве приемлемой фигуры и валлонцами, которые уже однажды призывали его к себе. Надо лишь обставить его призыв соответствующими условиями, из которых главными являются следующие: формирование авторитетного и правомочного правительства из жителей страны, нерушимое соблюдение вольностей и привилегий провинций и провозглашение «религиозного мира» при решительном пресечении крайностей.

Из письма герцога Алансонского принцу Оранскому (февраль 1580 г.)

Я вас уверяю, что вы всегда будете иметь долю в том успехе, которым я буду пользоваться.

Ответ короля Генриха III брату – герцогу Алансонскому – на просьбу о поддержке нидерландской экспедиции (Из донесения венецианского посла)

Фламандцы столь же ненавидят французов, сколь и испанцев. Если они и призовут герцога в качестве суверена, то поставят в столь унижительные условия, что он не будет действительным правителем страны.

Для самой Франции эта война не будет полезна, ибо, как показал опыт недавнего прошлого, французские солдаты принесли больше зла Пикардии и Нормандии, чем испанцам, и вернулись из похода беднее, чем были до него.

Международная обстановка значительно сложнее и менее благоприятна для Франции, чем это изображает герцог, а на помощь английской королевы рассчитывать особенно не приходится. Она боится французского соседства не менее, чем испанского, и предпочтет стравить обе эти державы между собой, чтобы самой пользоваться благами мира.

Отношение Англии к событиям Нидерландской революции

Письмо английского посла во Франции Уолсингэма – лорду Берли, руководителю внешней политики Англии (1572 г.)

Если бы господь не подвиг принца Оранского отвлечь Испанию, опасный огонь уже пылал бы в нашем собственном доме.

Из письма лорда Гудсона лорду Берли (О плане захвата Англией Голландии и Зеландии)

Королева не захочет отказаться от такого выгодного дела, как Голландия и Зеландия, или какая-нибудь часть Нидерландов, которая может быть удержана. Если она этого не сделает, то возьмет король Франции.

Резолюция Филиппа II на дипломатическом донесении

Ссорить англичан с французами хорошо, я одобряю, чтобы это было сделано. То, чего не должно, это пытаться примирить меня с англичанами.

Письмо Елизаветы I Филиппу II после Варфоломеевской ночи

Жители Флиссингена ежедневно предлагают мне передать свой город. Если это на пользу интересам и с согласия короля Испании, я приму эти предложения. Я овладею городом и передам его Альбе.

Инструкция английскому послу Роджерсу, направленному в 1575 г. в Нидерланды

В случае возникновения франко-голландского союза, Елизавета приложит все силы, чтобы помочь испанскому королю помешать этому и добиться, чтобы император и германские князья присоединились к ней в этих действиях.

Из донесения английского посла в Нидерландах Вильсона (1576 г.)

Весь христианский мир сегодня пристально смотрит на трех лиц: дон Хуана, герцога Алансонского и принца Оранского, и трудно сказать, которого из них следует больше опасаться в интересах Англии.

Из письма английского посла во Франции Уолсингэма (11 мая 1578 г.)

Трудно судить, в чем главная опасность. В объединении ли с дон Хуаном или со штатами. Сохранение первого принесет нам зло в настоящем, второе – в будущем, которое скорее постигнет наших потомков, чем нас.

¹ Герцог Алансонский – французский принц, сын Екатерины Медичи.

Указ, объявляющий Вильгельма Оранского вне закона от 15 марта 1580 г.

Страшась влияния Вильгельма Оранского, Филипп II вкуче с церковью решил подорвать его авторитет в Нидерландах и издал указ, в котором изложил причины, побудившие его к этому шагу. Вильгельма обвиняли «в подстрекательстве к протесту», в иконоборстве и публичном проповедничестве, напоминали ему о походах против Альбы, восстании в Голландии и возлагали на него вину за страшную резню, произведенную испанцами в этой провинции, резню, бывшую, по словам врагов Вильгельма, «необходимым последствием его измены».

В ответ на этот указ в том же году появилась известная «Защита принца Оранского», написанная им самим, где он не признает власти испанского монарха и заявляет о своей готовности подчиниться воле народа и выполнить любое его решение.

За все... преступления мы объявляем его изменником и изувером, врагом нашим и нашего отечества, изгоняем его навсегда из наших владений, запрещая всем нашим подданным всех сословий иметь с ним явные и тайные сношения и доставлять ему пищу, питье, топливо или что-либо другое, необходимое для поддержания его жизни. Имущество вышеупомянутого Вильгельма Нассауского предоставляется разграблению каждого из

наших подданных. Позволяется нападать на его имущество и посягать на его жизнь. Тому из наших подданных или иностранцев, кто по великодушию своему избавит нас от этой язвы, представив его нам живым или мертвым, или умертвит его, мы обязуемся немедленно выплатить 25 тыс. крон золотом, даруя ему при этом полное прощение за всякое совершенное им преступление, как бы гнусно оно ни было, и обещая возвести его в дворянство, если он не дворянин.

Убийство Вильгельма Оранского (Сообщение из Антверпена фирме Фуггер, 16 июля 1584 г.)

К вечеру 12-го числа этого месяца мы получили известие, правдивость которого позже подтвердилась, что 10-го числа этого же месяца принц Оранский был убит в Дельфте одним бургундцем по имени Бартоломей Жерар. Этот бургундец за день до этого прибыл из Франции в качестве посла к штатам и к принцу Оранскому с известием о смерти герцога Алансонского¹.

И уже через четверть часа после его прибытия принца больше не было в живых.

Пока я писал это письмо, пришло известие, что упомянутый Бартоломей Жерар был в Дельфте подвергнут пытке и сообщил, что его убедил убить Вильгельма Оранского один иезуит в Италии, действовавший от имени испанского короля. Иезуит обещал ему в качестве вознаграждения 30 тыс. фунтов. В случае, если бы исполнение задуманного повлекло за собой смерть самого Жерара, обещанная сумма должна была достаться его друзьям.

Вслед за этим тот же иезуит послал его в Париж к тамошнему испанскому послу по имени Таксис.

Тот направил его к престарелой королеве Франции², вручившей Жерару письма к принцу Оранскому и сословиям Голландии, чтобы этим путем известить о кончине ее сына, герцога Алансонского. Жерар, раньше чем отправиться в Голландию, посетил принца Пармского³, с которым он поделился замыслом. Лишь после этого он появился у принца Оранского.

¹ Принца Анжуйского, младшего брата французского короля Карла IX, который пожаловал ему Алансонское герцогство.

² Екатерине Медичи.

³ Бывшего в то время командующим всеми испанскими военными силами, действовавшими против Нидерландов.

Нидерланды в XVII в.

Приведенный документ – отрывок из книги «Богатство Англии во внешней торговле» Томаса Мена (1571-1641 гг.). Автор книги – один из директоров английской Ост-Индской компании, обосновавший во многих своих сочинениях по экономике основные принципы меркантилизма.

После успешного завершения Нидерландской буржуазной революции города северных нидерландских провинций начинают стремительно расти, становясь крупными промышленными центрами и центрами широкой заокеанской торговли.

Как изобилие и мощь делают народ порочным и непредусмотрительным, так лишения и нужда делают его разумным и трудолюбивым. В отношении последнего я мог бы привести в пример различные государства христианского мира, которые, имея мало или совсем не имея собственных территорий, все же добивались большого богатства и мощи своей усердной торговлей с иностранцами. Среди них Соединенные провинции Нидерландов являются теперь величайшим и славным примером. С тех пор как они сбросили с себя ярмо испанского рабства, как чудесно они развили все свои способности! Какие большие средства получили они, чтобы защищать свою свободу против мощи такого великого врага! И не произошло ли все это благодаря их непрерывному усердию в торговле? Не являются ли их провинции складами товаров для большинства стран христианского мира, благодаря чему их богатство, судоходство, моряки, ремесла, народ, а потому и общественные доходы и акцизы выросли до удивительной высоты? Если мы сравним времена их порабощения с их настоящим состоянием, они покажутся нам другим народом.

Кто не знает, какая нужда, волнения и беспорядки царили в этих провинциях при испанском владычестве, что приносило испанцам, скорее, большие издержки, чем удовлетворение их честолюбия? Нетрудно было бы также соседним государям в короткое время низвести Нидерланды до их прежнего состояния, если бы безопасность этих государств требовала этого, как несомненно было бы, если бы испанцы были единственными властителями Нидерландов. Но наш очерк не имеет целью показать все пути и средства этих изменений. Наша цель – показать главные причины богатства и величия Голландии. Всему миру чудом покажется, что такая маленькая страна, даже меньше наших двух лучших графств, имеющая мало естественных богатств, пищевых припасов, леса или других необходимых запасов для войны или мира, несмотря на это, обладает всем этим в таком чрезвычайном изобилии, что, кроме своих собственных нужд (которые очень велики), она может снабжать и действительно снабжает и продает другим государствам суда, артиллерийские орудия, снасти, зерно, порох, пули и т.д. и все, что только голландцы собирают со всех концов мира благодаря своей усердной торговле. В этом деле они не менее вредны для других (особенно для Англии), вытесняя их с

рынков, чем заботливы в укреплении своего положения. А для того чтобы достигнуть всего этого и даже более того [их война с Испанией], они имели мало средств, кроме рыболовства, которое им разрешено производить в морях его величества. Оно действительно явилось для них средством невероятного обогащения и их силы и на море и на суше. И сами Генеральные штаты в своей прокламации прямо описывают ценность рыболовства в следующих словах:

Часть прокламации штатов, датированной в Гааге 19 июля 1624 г.

«Крупное рыболовство и ловля сельдей являются главным занятием и основной золотonosной жилой Соединенных провинций; благодаря им много тысяч хозяйств, семейств, ремесел, торговых дел и занятий процветают и работают, причем особенно высоко ценится судоходство и мореходство как внутри, так и вне этих провинций. Кроме того, благодаря рыболовству мы получаем много денег, что увеличивает наши средства, наш флот, таможенные пошлины и доходы Провинций»...

– и многое другое, что ярко выражено в прокламациях Генеральных штатов в защиту сохранения рыболовства, без которого они не смогут долго сохранять свой суверенитет, так как если этот фундамент рухнет, то должно будет пасть все здание их богатства и силы как на море, так и на суше. Тогда значительная часть их судоходства сразу погибнет, их доходы и таможенные пошлины станут незначительными, их страна обезлюдеет из-за недостатка работы и заработка, из-за чего прекратится поступление налогов и сборов, и их торговля с Ост-Индией и другими странами придет в упадок. Таким образом, слава и мощь нидерландцев заключается в ловле сельди, налима и трески в морях его величества.

2

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ВОСТОКЕ

2.1. ГОСУДАРСТВО САСАНИДОВ

Внешняя политика государства Сасанидов

Документы характеризуют внешнюю политику сасанидского государства в конце V – начале VI вв. После постоянных войн между Восточно-Римской империей и государством Сасанидов в III-IV вв. со второй четверти V в. наступает период мирных отношений, что было вызвано в значительной мере аналогичными для обоих государств трудностями: внутренним социальным кризисом и непрерывными вторжениями варварских племен.

Борьба с кочевниками и возникавшими государственными образованиями на северо-восточных и северных границах Ирана является вторым характерным моментом его внешней политики в V-VI вв. С VI в. начинается время периодических войн Византии с Ираном, характеризующихся борьбой за пограничные области и грабительскими походами на земли противника, а также вмешательством в дела соседнего государства; одновременно шла упорная борьба за сферы влияния и торговые пути.

(Из хроники Йешу Стилита)

В документе приведены выдержки из хроники Йешу Стилита («Летописная повесть о несчастьях, бывших в Эдессе, Амиде и во всей Месопотамии»), составленной в 507 или 518 гг. Автор хроники монах-клирик, монофизит, живший в византийской части Месопотамии, помещает ряд кратких, но ценных своей достоверностью известий о событиях в Иране.

...7. В 609 г. (297/298 г. н. э.) ромеи взяли город Низибю, и она оставалась под их властью шестьдесят пять лет. После смерти Юлиана в Иране, случившейся в 674 г. [июнь 363 г. н. э.], Иовиниан, который воцарился после него над ро-меями, более всего дорожил миром и поэтому дал согласие персам владеть Низибией на 120 лет, после чего она должна быть возвращена ее господам [ромеям]. Срок кончался при императоре ромейском Зеноне, но персы не желали возвратить город, и это дело возбудило спор.

8. Между ромеями и персами существовал договор, по которому, если они будут нуждаться друг в друге, в случае войны с какими-либо народами, они будут помогать друг другу, предоставив 300 человек воинов с оружием и конями, или 300 сгатилов вместо каждого человека, и это по желанию стороны, которая нуждается в помощи. Ромеи с помощью бога... в помощи персов не нуждались... Цари же персидские, посылая послов, просили золота, нуждаясь в нем, но они получали его не в виде подати, как полагали многие.

9. В наши дни Пероз, царь персидский (457-484 гг.), из-за войны с кионайе¹, т.е. с гуннами², неоднократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел с ними борьбу, «чтобы они не перешли в вашу землю»...

10. С помощью золота, взятого у ромеев, Пероз подчинил гуннов, захватил большие пространства их земли и присоединил их к своему государству, но в конце концов он был схвачен ими. Когда услышал это Зенон, император ромейский, он послал от себя золото, освободил его и помирил его с ними. Пероз заключил договор с гуннами, что больше не будет переходить границу их земли ради войны. Он возвратился, нарушил договор, отправился воевать и ...попал в руки своих врагов. Все его войско было разбито, рассеяно, а сам он был взят живым. Он пообещал в своей гордости дать за спасение своей жизни 30 мулов, нагруженных зузе³, и послал в землю, что находилась под его властью, и с трудом собрал 20 мешков, так как вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами. За другие десять мешков, пока он не пришлет их им, он оставил поручителем и заложником Кавада, своего сына, и во второй раз заключил с ними договор больше не воевать.

11. Когда Пероз возвратился в свое государство, он обложил подушной податью всю свою землю, послал 10 мешков зузе, освободил своего сына, снова собрал войско и отправился воевать... Когда началась битва, и смешались лагеря друг с другом, все войско его было истреблено, а его самого искали и не нашли, и до сего дня неизвестно, что с ним...

18. После того... Балаш (484-488 гг.), брат его, воцарился вместо него. Это был муж смиренный и миролюбивый. Он не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю нашел опустошенной из-за нападений гуннов... От ромеев и ему не было никакой помощи... Он отправил послов к Зенону, чтобы тот прислал ему золота. Но тот... не захотел им ничего присылать, но послал [сказать]: «Достаточно тебе податей, которые ты взимаешь с Низибии, и они уже много лег принадлежат ромеям».

19. Балаш, так как у него не было золота (денег), чтобы содержать свои войска, был ничтожен в их глазах. Маги⁴ также его ненавидели за то, что он пренебрегал их законами и желал построить бани в городах для омовений⁵. Когда они увидели, что он не уважает войском, они схватили его, выкололи ему глаза и поставили вместо него Кавада, сына Пероза... который был заложником у гуннов. Он-то и повел войну с ромеями из-за того, что ему не было дано золота. Кавад отправил послов и одного большого слона в дар императору, чтобы тот послал ему золото. Пока послы достигли Антиохии сирийской, умер Зенон, и воцарился после него Анастасий⁶. Когда персидский посол оповестил Кавада... относительно перемен в ромейском государстве, он послал ему сказать, чтобы тот... потребовал обычное золото или сказал царю: «Принимай войну».

20. ...Он словами угрозы раздражил благочестивого Анастасия. Этот же, когда услышал его гордые речи и узнал о его дурном нраве, что он [Кавад] обновил отвратительную ересь магизма, зарадуштакан⁷, которая учит, что женщины должны быть общими и что каждый может жить, с кем хочет⁸, и что он делал зло армянам, подвластным ему, за то что они не почитали огонь, он презрел его и не послал ему золота...

21. Когда услышали армяне, которые были под властью Кавада, что не мирно было ему отвечено ромеями, они укрепились, усилились и разрушили храмы огня, которые построили персы в их земле, и убили магов, которые были среди них. Кавад послал против них одного марзбана с войском, чтобы их наказать и обратить их к поклонению огню. Армяне воевали и с ним, разбили его и его армию и отправили послов к нашему императору [Анастасию] с тем, что они ему подчиняются. Но он не пожелал принять их, чтобы не думалось, что он возбуждает войну против персов...

22. ...Знать [персидского] государства ненавидела Кавада за то, что он разрешал их женам изменять. Арабы, которые находились под его властью, когда увидели беспорядок в его государстве, стали разбойничать, насколько хватало сил, по всей персидской земле.

23. ...Знатные персидские [люди] думали тайно убить Кавада за нечистые обычаи и извращенные законы. Когда он это узнал, то он оставил свое государство⁹ и бежал к гуннам, к царю, у которого рос, когда был заложником.

24. Воцарился вместо него у персов Замашп (496-499 гг.), брат его. Кавад же взял себе у гуннов в жены дочь своей сестры¹⁰. Его сестра была там взята в плен во время войны, в которой был убит его отец, а так как она была дочерью царя, то стала женой гуннского царя, и от него у нее была дочь. Когда Кавад бежал туда, она дала ее ему в жены. Он приободрился, породнившись с царем, и плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить знать и утвердиться в своем государстве. И дал ему его тесть немалое войско по его просьбе. Когда он достиг персидской земли, услышал об этом его брат и бежал от него, а Кавад исполнил свое желание и казнил знатных¹¹. ...Арабы же, когда узнали, что ожидается война с ромеями, с большой поспешностью сами собрались к нему. Армяне, боясь, чтобы он не отомстил за то, что они разрушили перед тем храмы огня, не хотели подчиниться ему. Кавад собрал свое войско и воевал с ними. Он взял верх над ними, но не опустошил их, а обещал им, что не будет принуждать к почитанию огня, если они станут ему помощниками в войне с ромеями. Они по боязни против воли согласились.

48. (В августе 502 г.) ...Кавад... собрал все персидское войско, отправился и пошел на север. Он перешел ромейскую границу и с гуннским войском, которое было с ним, осадил Феодосиополь в Армении. Он взял его немного дней спустя, так как правитель этой земли, по имени Константин, восстал против ромеев и предал

город... Кавад ограбил город, опустошил и сжег его, также опустошил все селения северной стороны, а прочих оставшихся взял в рабство. Константина он сделал военачальником, оставил в Феодосии отряд и ушел оттуда.

50. Пришел Кавад... с севера в пятый день месяца Тишри первого (октябрь 502 г.)... и осадил, он и все его войско, город Амид... в Месопотамии. Анастасий... послал ему золото через Руфина... Руфин... оставил золото в Кесарии, отправился к нему [Каваду] и сказал, чтобы он ушел за границу и взял золото. Тот не захотел, но схватил Руфина и приказал его сторожить...

51. Когда Кавад не смог овладеть городом [Амидом], он послал Наамана, царя арабского¹² со всем его войском, чтобы он отправился на юг, в область Харрана. [Часть] персидского войска двинулась до города Константины, т.е. Теллы, грабя, разоряя и опустошая всю область...

52. ...Пришел Нааман с юга и вошел в область Харрана, опустошил, ограбил, взял в плен население, скот, собственность всей Харранской области. Он дошел даже до Эдессы, опустошая, грабя и забирая в плен целые деревни. Кроме скота, имущества и добычи всякого рода было взято в плен 18500 человек помимо тех, что были убиты...

53. Кавад все еще продолжал воевать с Амидом... По причине ли... небрежности, как мы полагаем, или по предательскому сообщению, как говорят люди, или по наказанию божию, но персы овладели стеной с помощью лестницы, не открыв ворот и не пробив стены. Они опустошили город, ограбили имущество, попрали его святыню, издевались над служением, обнажили его церкви и взяли в плен его жителей, за исключением старых, калек и тех, кто спрятался. Они оставили [в Амиде] отряд в 30 тыс. человек и спустились все к горе Шигар.

54. Тогда Кавад отпустил Руфина, чтобы он отправился и сообщил императору то, что случилось...

¹ Хиониты.

² Гунны – эфталиты, так называемые «белые гунны».

³ Название монеты.

⁴ Т.е. зороастрийское духовенство.

⁵ Омования не разрешались зороастрийским духовенством, рассматривавшим это как осквернение воды – одной из священных стихий.

⁶ В 491 г.

⁷ Одно из старых названий маздакизма, образованное от имени его ос-нователя Зарадушта, сына Хурагана, жившего в III в.

⁸ Т.е. Зороастра.

⁹ По другим источникам Кавад был первоначально заключен в тюрьму и лишь после побега из нее отправился к эфталитам.

¹⁰ Женильба на близких родственниках была широко распространенным обычаем, особенно в царской семье.

¹¹ Источники, восходящие к официальной сасанидской истории, искажают картину реставрации Кавада, сообщая, что по возвращении на престол он якобы простил свергнувших его представителей знати. Свидетельство современника событий Стилита, подтверждаемое и некоторыми другими данными, указывает, что Кавад и после возвращения на престол продолжал вести политику, направленную против знати.

¹² Нуман, в 498-503 гг. царь арабского царства Хиры, зависимого от Сасанидов.

(Из «Истории войн с персами» Прокопия Кесарийского)

Документ содержит отрывки из «Истории войн с персами» Прокопия Кесарийского. В 527 г. Прокопий был назначен советником при византийском полководце Велизарии и с тех пор сопровождал его в походах, в том числе в некоторых кампаниях против Ирана. В своем труде он использовал также некоторые исторические сочинения. Подробно описывая дипломатические отношения и военные действия между Византией и Ираном, Прокопий Кесарийский сообщает также ряд важных сведений о внутренних событиях в персидском государстве.

Кн. I. гл. 5. Кавад начал впоследствии властвовать насильственно, вводил в государстве много перемен¹ и между прочим издал закон, по которому женщины могли быть у персов общими². Это многим так не понравилось, что возмущившись, они лишили царя верховной власти и держали под стражею в оковах. На место его избрали царем Перозова брата Власа (Балаша)³... Влас, достигши верховной власти, созвал персидских вельмож для совещания с ними об участии Кавада. Большая часть вельмож не хотела, чтобы Кавад был умерщвлен. Когда высказаны были разные мнения, один из знаменитейших персов по имени Гусанастанд, а саном хана-ранг, – это значит у персов полководец, – начальствовавший в отдаленной персидской области, смежной с землей эфталитов, показав всем ножик, которым персы режут длинные ногти и который был длиною в мужской палец, а шириною менее трети пальца, сказал собранию: «Вы видите этот ножик, он очень короток; теперь он может совершить известное вам дело; а немного спустя, любезные мои персы, двадцать тысяч латников не будут в силах исполнить того самого дела». Этим давал он знать, что если они не умертвят Кавада, то этот царевич причинит персам большие беспокойства. Однако и после этих слов не решались они убить мужа царской крови и положили только содержать Кавада в замке забвения. Так назывался у них тот замок, потому что под смертною казнью запрещено было произносить имя того, кто был в нем заключен...

Гл. 6. О Каваде во время его заключения имела попечение его жена; она приходила к нему и приносила все нужное... Между тем один из приверженных Каваду персидских вельмож, по имени Сеос⁴, жил в окрестностях замка и выжидал случая к его освобождению. Он дал знать Каваду через его жену, что не в

дальнем расстоянии от замка люди и лошади для него готовы: назначено было и место. Раз при наступлении ночи Кавад уговорил жену надеть на себя его платье, уступить ему свое и сесть в том месте тюрьмы, где обыкновенно сидел он сам. Переодевшись таким образом, вышел он из замка; стражи, видевшие его, полагали, что это была его жена, и не считали нужным останавливать или беспокоить его. На рассвете стражи, видя в комнате женщину в одежде ее мужа, нимало не догадывались о его побеге...⁵ Кавад, укрывшись от всех, вместе с Сеосом прошел в землю Уннов Эфталитов. Царь их, выдав дочь свою за Кавада, отправил с ним, как зятем, многочисленную рать на персов. Выступать против этого войска персы не желали и разбежались. Кавад по прибытии в ту область, которая состояла под начальством Гусанастада, сказал своим приближенным, что произведет в ханаранги того из персов, кто первый в тот же день предстанет к нему с желанием служить ему. Но сказав это, он тогда же раскаялся, потому что вспомнил о персидском законе, запрещающем давать какой-либо сан людям посторонним и предоставляющему оный тем, которые по их происхождению имеют права на него. Он опасался, чтоб первый, кто явится к нему, не вышел, пожалуй, такой человек, который по роду своему не может быть ханарангом... случай позволил ему сохранить данное обещание без нарушения закона. Первый, представший ему, был Адергудунвад, молодой человек, отличный в военном деле, родственник Гусанастада. Он первый приветствовал Кавада своим государем... Кавад, завладев столицей без всякого сопротивления, захватил и Власа, оставленного там всеми без всякой защиты, и лишил зрения... После этого Кавад держал в заключении Власа, который властвовал над Персией два года. Кавад, умертвив Гусанастада, на место его возвел Адергудунвада в достоинство ханаранга, а Сеоса объявил немедленно адрастадарансаланом⁶, то есть верховным начальником над всеми властями гражданскими и военными. Сеос первый и последний получил в Персии это достоинство, которое ни прежде, ни после него никому не было даваемо. Кавад утвердил власть свою и сохранил ее незабываемо; в проницательности и деятельности он не уступал никому.

Гл. 11. ...В это время⁷ Кавад стал беспокоиться о том, чтобы персы, тотчас по смерти его не возмутились против его дома, тем более что не имел он надежды передать верховную власть одному из своих сыновей без всякого сопротивления. Закон призывал на престол Каоса, как старшего из них; но это не было угодно Каваду, и воля отца нарушила права природы и законы отечественные⁸. Закон также не позволял царствовать Заму, второму после Каоса сыну, потому что он лишен был одного глаза; у персов же не может быть царем человек одноглазый или имеющий другой какой-либо телесный недостаток. Отец нежно любил Хосроя... Кавад боялся, чтоб они [персы] не возмутились против Хосроя, не погубили рода его и самого царства. И так он рассудил за благо примириться с римлянами и прекратить все причины к войне с тем, чтоб царь Юстин усыновил Хосроя. Кавад почитал это единственным способом к утверждению сына своего в верховной власти. Вследствие этого он направил в Византию к царю Юстину послов с грамотою...

Письмо Кавада чрезвычайно обрадовало⁹ как царя Юстина, так и племянника его, Юстиниана, ...которому надлежало быть преемником престола. Они хотели приступить к делу немедленно составлением записи об усыновлении согласно с римскими законами; но от этого удержал их Прокл, исполнявший при царе... должность квестора. ...Он противился намерению Царя и говорил ему следующее: «...Вам обоим следовало бы всеми силами отвергнуть домогательство варваров; тебе, государь, для того, чтобы не быть тебе последним государем римлян, а тебе, полководец, чтоб оно не было тебе помехою к достижению престола... первая и настоящая цель сего посольства та, чтоб этого Хосроя, кто бы он ни был, усыновлением сделать наследником царя римского...». Так говорил Прокл. Царь и племянник его одобрили его мнение... Между тем получено от Кавада другое послание, в котором он просил царя: прислать к нему для заключения мира знатных людей и притом объявить ему письменно, каким образом желает, чтоб было совершено усыновление сына его. Тогда Прокл... подал мнение; немедленно заключить с ними мир через отправленных от царя первостепенных особ, поручив им объявить прямо Каваду, если он спросит о способе усыновления, что оно должно быть сделано так, как водится у варваров; ...не записями, а оружием. Таким образом, царь Юстин отпустил послов с обещанием, что вскоре за ними последуют знаменитейшие римляне... Назначены были со стороны римлян: Ипатий, племянник прежнего царя Анастасия; Патрикий, имевший начальство над военными силами в восточных областях империи, и Руфин, сын Сильвана, знаменитый между патрикиями и известный Каваду по предкам дарансалан, и Мевод, достоинством магистр. Они съехались в одном месте, на самой границе двух держав, вступили в переговоры и употребили старание к прекращению несогласия и устранению мира на прочном основании. Сам Хосрой прибыл к реке Тигру, чтоб отправиться в Византию, как скоро мир покажется обоим сторонам прочно утвержденным. Много было говорено послами той и другой державы о взаимных несогласиях. Сеос утверждал, между прочим, что римляне насильственно и без всякого на то права владеют Колхидою, которая ныне называется Лазикою и которая издревле была подвластна персам. Римляне слушали с неудовольствием, что персы оспаривают у них уже и Лазику; когда же они объявили персам, что усыновление Хосроя имеет совершиться по обрядам варваров, то это предложение показалось персам невыносимым. Послы разъехались по домам; Хосрой возвратился к отцу, не достигши своей цели, сильно оскорбленный, изъявляя желание отомстить римлянам за нанесенное ему оскорбление.

Впоследствии Мевод донес Каваду на Сеоса, будто он умышленно предложил дело о Лазике, вопреки данному ему от государя наставлению, дабы тем расстроить мир, снесшись прежде с Ипатием, который, не будучи привержен к своему государю, не попустит заключения мира и усыновления Хосроя. Неприятели Сеоса

обвиняли его еще во многом другом и призвали к суду. Персидский совет, составленный не столько по закону, сколько по внушениям зависти, рассматривал дело. Персы, не привыкшие к власти Сеоса, не терпели ее; притом свойства его были им неприятны. Хотя Сеос был человек самый бескорыстный и с строгою точностью наблюдал за правосудием; но им обладал недуг надменности несравненно больше, чем другими людьми, и несмотря на то, что эта страсть так свойственна персидским вельможам, однако сами персы видели, что в Сеосе она доходила до крайности. Сверх того, что мною уже сказано, обвинители Сеоса говорили, что он не хочет жить по существующему порядку вещей и хранить персидские обычаи, что он поклонялся новым богам и недавно похоронил умершую жену, хотя персидскими законами запрещено предавать земле мертвые тела. Итак, судьи приговорили его к смерти. Кавад, казалось, принимал участие в бедствии Сеоса как друга, но никак не хотел спасти его; он также не показывал, что был на него разгневан; но он имел предлог, будто бы не хотел нарушать персидских законов. Однако ж Сеосу он был обязан спасением жизни, ибо тот спас ему и жизнь и царство.

Сеос, таким образом, был осужден и лишен жизни. Звание, ему усвоенное, с него началось, с ним и кончилось; другого адрастадарансалана не было уже в Персии.

¹ Имеются в виду реформы, предпринятые Кавадом под влиянием маздакии.

² Т.е. Зороастра.

³ Здесь Прокопий Кессарийский допускает ошибку. Балаш царствовал до Кавада. То, что он рассказывает далее о Владе, относится на самом деле к Орту Канада Запапу, царствовавшему в 496-499 гг.

⁴ Из данных, сообщаемых Прокопием Кессарийским о Сеосе, определенно следует, что он был тесно связан со сторонниками маздакизма. Некоторые данные позволяют предполагать, что то лицо, которое Прокопий называет Сеосом, соответствует Маздаку арабо-персидской историографии. «Маздак» же, очевидно, титул главы секты.

⁵ Примерно так же, но с некоторым расхождением в деталях, рассказывают о бегстве Кавада из тюрьмы арабо-персидские авторы.

⁶ Этот титул был введен, очевидно, вместо существовавших титулов глав отдельных сословий (артештарансалар – глава воинов, вастрьшансалар – глава земледельцев и т.д. и т.п.) и соответствует, по-видимому, средне-персидскому дристенансалар – глава придерживающихся истинной веры или закона, как называли себя маздакиты. Маздакиты не признавали кастовых различий внутри иранского общества.

⁷ Вскоре после вступления на престол византийского императора Юстина в 518 г.

⁸ Каос был воспитан маздакитами и обещал проводить их политику.

⁹ За усыновление Хосроя Юстином Кавад отказывался от всех старых прерогатив Сасанидского государства по отношению к Византии.

Письмо пророка Мухаммеда шаху Хосрову II Парвизу (627 г.)

Пергамент с текстом письма пророка Мухаммеда шаху Хосрову II Парвизу.

Историческая традиция сообщает о посланиях пророка как к правителям соседних государств и княжеств, так и к вождям отдельных арабских племен. Дискуссия о подлинности посланий Мухаммеда к соседним государям, начатая в прошлом веке, еще не кончилась.

Редакция 1

[Во] имя [А]ллаха всемилостивого и милосердного! От Мухаммеда, раба Аллаха и посланника Его, Хосро[ву] – великому из персов. Мир тому, кто следует правильному пути и верует [в А]ллаха и посланника Его, и свидетельствует, что [нет] божества, кроме Аллаха единого. Нет Ему сото[ва]рища, и истинно Мухаммед – Его раб и послан[н]ик Его. Призываю тебя молитвой к Аллаху, ибо истинно я – посланник Аллаха ко всему человечеству, чтобы предупредить тех, кто живет, и утвердить Слово против неверующих. Прими ислам – и ты спасен. А если ты откажешься от него, то на тебе вина магов.

Редакция 2

Во имя Аллаха всемилостивого и милосердного! От Мухаммеда, посланника Аллаха, Парвизу – сыну Хормуза. А затем: Ибо я воздаю ради тебя хвалу Аллаху. Нет божества, кроме Него, живого, сущего, который послал меня, воистину, вестником и увещателем к людям, к ним, низко павшим и лишенным разума. Кого ведет Аллах, то нет ему заблуждения, а кого он вводит в заблуждение, тому нет наставника. Поистине Аллах видит рабов. Нет ничего, подобного Ему, и Он – слышащий, видящий. Но затем: Если примешь ислам – ты спасен, или же готовься к бою с Аллахом и посланником Его, и не ослабнет он (бой).

2.2. АРАБСКИЙ ВОСТОК

Сведения о Мекке (Ибн-Хосров, «Сафар-Намэ»)

Отрывок из сочинения таджикско-персидского поэта ибн-Хосрова (полное имя: Абу-Муин Насир ибн-Хусрау ибн-Харис) «Сафар-намэ» («Книга о путешествии»). Выдающийся литератор своего времени, он совершил в 1045-1052 гг. паломничество в Мекку, после чего описал встречавшиеся ему по дороге города и страны.

Мекка

...Это город, лежащий на краю пустыни; земля там влажная и покрыта солончаками. Проточная вода есть, но ее мало. Там есть плантации финиковых пальм.

...От Мекки до Медины 100 фарсахов¹ но дорога каменистая, и мы шли восемь дней. В воскресенье 24 мая 1047 г. мы вступили в Мекку и остановились около ворот Баб-ас-Сафа. В тот год в Мекке был недород и четыре мена² хлеба продавали за один нишапурский динар. Муджавиры³ покинули Мекку, и ниоткуда не прибыло паломников.

...Этот год из Магриба⁴ прибыл огромный караван, и, когда он возвращался обратно, бедуины у ворот благородного города Медины потребовали с паломников уплаты денег за право свободного проезда. Между ними началась схватка, было убито более 2000 магрибинцев.

У самого подножия Мервэ есть базар, где 20 лавок друг против друга: все они заняты цирюльниками, которые бреют головы паломникам.

...Я подсчитал, что в Мекке коренных жителей тысячи две, не больше. Все остальные, около 500 человек, – приезжие и муджавиры. В тот год там был недород, 16 мен пшеницы стоили один магрибинский динар, и много народу покинуло город.

В Мекке были дома для жителей каждого города: Хорасана, Мавераннахра, Ирака и других областей, но большая часть их разрушилась и лежала в развалинах.

Багдадские халифы выстроили там много богоугодных заведений и красивых зданий, но в то время, когда я был там, некоторые из них развалились, а другие обращены в частную собственность.

...Климат в Мекке чрезвычайно жаркий. В конце января я видел там свежие огурцы, бадренги и баклажаны... В конце марта старого календаря поспел виноград, его начали привозить из деревень в город и продавать на базарах. В середине апреля появились в обилии дыни, все плоды там есть даже зимой и ни-тогда не прекращаются.

¹ Фарсах – расстояние, проезжаемое на спокойно идущем муле за час.

² Мен – неопределенная мера веса на 1 сумку.

³ Муджавиры – здесь употреблено в смысле «прорицатели», «истолкователи воли аллаха».

⁴ Магриб – западные арабские страны Северной Африки (в настоящее время – Марокко, Алжир, Тунис).

Завоевания арабов (Ал-Балазури, «Книга завоеваний стран»)

Одним из важнейших источников по истории арабских походов является «Книга завоевания стран» Ахмеда ибн-Яхья Белазури (дата рождения неизвестна, умер в 892 г.).

Белазури – перс по национальности – выдающийся арабский историк раннего средневековья. Он родился в Багдаде, много путешествовал. Свои труды писал на арабском языке.

В «Книге завоевания стран» Белазури рассказывает не только о военных походах и сражениях арабов, завоевавших к 640 г. всю Палестину и Сирию, но и затрагивает вопросы экономического положения захваченных ими стран.

Документ посвящен арабским походам. В приводимых отрывках этого документа говорится, что со многими городами арабы заключали договоры, которые гарантировали их жителям личную свободу, неприкосновенность их имущества и их церквей при условии признания власти завоевателей и уплаты налога. Здесь же подчеркивается та роль, которую играло православное духовенство, способствуя сдаче городов арабам и обуславливая эту сдачу благоприятными для жителей городов и церкви условиями.

Сообщая о битве при Ярмуке, источник противопоставляет арабское войско византийскому, подчеркивая тот интересный факт, что румы вынуждены были приковывать себя друг к другу цепями, чтобы не помышлять о бегстве, в то время как арабы, в том числе и женщины-мусульманки, сражались с ожесточением.

Это дает нам возможность объяснить причины побед арабского войска. Из этого же отрывка видно, на чьей стороне находились местные жители, радостно встречающие мусульман и не желающие возвращаться в свое «прежнее состояние».

Завоевания в Сирии и Палестине

Зейд, отправляясь в путь, получил от Мухаммеда следующие наставления: требуй от врагов, чтобы они приняли ислам и либо переселились в Медину, – в таком случае они будут иметь права и обязанности выселившихся, – либо остались в своей стране, и в таком случае они, подобно арабам-мусульманам, будут находиться под властью бога, но не будут получать доли в добыче, за исключением случая, когда они будут участвовать в походе. Если они не хотят принять ислам, то требуй от них уплаты поголовной подати. Если они и на это не согласятся, то вступай в бой. Заключай мирные договоры не от имени бога и его посла, но от твоего имени и от имени твоего отца и твоих товарищей; таким образом, грех не столь велик, если вы не будете в состоянии соблюсти их...

Мухаммед провожал уходивших воинов до Прощальной Высоты, где остановился и приказал им напоследок рубить мечами высокомерные плешивые головы, отшельников же оставлять в покое, не убивать ни женщин, ни детей, ни стариков, не срубать деревьев и не разрушать домов.

Говорят, что Абу-Бекр¹ ...заблагорассудил послать войска в Сирию и написал жителям Мекки, ат-Таифа, Йемена и всем арабам в Недже и в Хиджазе, побуждая их отправиться на священную войну и соблазняя их ею и добычей, которую они возьмут от румов. И поспешили к нему люди, одни, – стремясь заслужить благоволение божие, другие, – желая получить земные блага, и пришли в Медину со всех сторон.

¹ Абу-Бекр (632-634 гг.) – халиф.

Завоевание города Дамаска и земли дамаской

Говорят, что мусульмане, после окончания сражения с собравшимися против них при ал-Мердже, простояли пятнадцать ночей. Затем они вернулись к стенам Дамаска 16-го мухаррема 14-го года¹, завоевали ал-Гуту² и ее церкви. И укрепились жители города и закрыли ворота его. И остановился Халид-ибн-ал-Валид против ворот... с пятью тысячами, данными ему Абу-Убейдой. ...Тот монастырь, при котором остановился Халид, был назван монастырем Халида... И епископ, доставивший Халиду припасы в начале его военных действий, часто становился на стене, для него вызывали Халида, и, когда он приходил, епископ приветствовал его и беседовал с ним. Однажды епископ сказал ему: «О Абу-Сулейман! ваше торжество приближается; у меня есть данное тобою обещание; так заключи со мной мирный договор касательно этого города». И потребовал Халид чернила и бумагу и написал:

«Во имя бога всемилостивого и всемилосердного! Вот что дал Халид-ибн-ал-Валид жителям Дамаска, когда вступил в него: он дал им неприкосновенность их жизни, их имущества, их церквей и стены их города. Ни один из их домов не будет разрушен и не будет занят. Это им обеспечивается клятвой перед богом и от имени пророка его и наместников и всех верующих; им [дамаскинцам] ничего не сделают, кроме добра, если они уплатят поголовную подать».

Затем некто из людей, близких к этому епископу, пришел однажды ночью к Халиду и известил его, что в эту ночь у жителей города праздник, что они будут заняты, что ворота Баб-аш-Шаркий завалены камнем и оставлены без охраны, и посоветовал ему достать лестницу. И принесли ему люди, принадлежавшие к числу обитателей монастыря, который был поблизости его лагеря, две лестницы, с помощью которых толпа мусульман поднялась на стену и спустилась к воротам, при которых были только один или два человека. И мусульмане совокупными усилиями отворили ворота; это случилось при восходе солнца...

¹ 11 марта 635 г.

² Окрестности Дамаска.

Битва при Ярмуке

...Говорят, что Ираклий¹ собрал многочисленное войско, состоящее из румов, сирийцев, жителей ал-Джейры и Армении, числом в двести тысяч и поставил во главе его одного из своих приближенных... Ираклий намеревался воевать против мусульман, а если они будут побеждены, то будет прекрасно, а в противном случае он решил уйти в страну румов и остаться в Константинополе. Мусульмане собрались и медленно придвинулись к румам, и они вступили при Ярмуке в самый жестокий и страшный бой. Ярмук – река, и было в этот день мусульман двадцать четыре тысячи. Румы и их приверженцы приковали себя в тот день друг к другу цепями, чтобы им нечего было думать о бегстве. И бог истребил их в числе семидесяти тысяч, и бежали их разбитые остатки и укрылись в Палестине, Антиохии, Халебе², ал-Джезире и Армении. В битве при Ярмуке принимали также участие женщины-мусульманки, сражаясь с ожесточением... И говорят, что Ираклий, получив известие о битве при Ярмуке и об ожесточенном бое мусульман с войском его, бежал из Антиохии в Константинополь и, проходя пограничным ущельем, сказал: «Прощай, о Сурия! Какая это прекрасная страна

для врага нашего!» – намекая на Сирию и ее прекрасные пастбища. Битва при Ярмуке произошла в раджебе 15 года³ ...

Мне сообщили, что когда Ираклий собрал свои войска против мусульман и мусульмане узнали, что румы приближаются к ним перед битвой при Ярмуке, то возвратили жителям Химса тот харадж, который взяли с них, и сказали: «Нам не до того, чтобы помогать вам и защищать вас, распоряжайтесь, как хотите». И сказали жители Химса: «Ваше правление и ваша справедливость нравятся нам больше, чем та несправедливость и те обиды, которым мы подвергались; с вашим правителем мы наверное отстоим наш город от войска ираклиева». И они заперли ворота свои и поставили у них стражу. Таким же образом посту-пили христиане и евреи, жители тех городов, которые заключили мирные договоры с мусульманами. Они сказали: «Если румы и их приверженцы одержат верх над мусульманами, мы возвратимся в наше прежнее состояние; в противном же случае мы останемся в нашем настоящем положении, пока мусульмане будут в большом числе». И когда бог обратил в бегство неверующих и превознес мусульман, они, жители городов, открыли свои города и вызвали музыкантов, играющих на тимпанах, предались увеселениям и уплатили харадж.

¹ Ираклий (610-640 гг.) – византийский император.

² Алеппо.

³ 19 августа – 7 сентября 636 г.

Завоевание Египта¹

Говорят: Амр ибн ал-Ас после ухода [победоносных] войск с битвы при ал-Йармуке осадил Цезарею. Когда йазид ибн Абу Суфйан принял власть, Амр оставил место себя у Цезареи своего сына, а сам во главе 3,5 тыс. человек отправился в Миср² по собственному побуждению. Это известие разгневало Умара³, и он написал письмо Амру, упрекая и браня его за то, что тот поддался собственному мнению, и приказывал ему возвратиться на свое место, если только письмо Умара будет доставлено до прибытия Амра в Миср. Письмо дошло до него, когда тот был уже в ал-Арише.

Говорят также, что Умар, написав Амру ибн ал-Асу письмо, сам приказал ему отправиться в Миср. Амр получил это письмо в то время, когда он осаждал Цезарею.

Тот, кто пришел к нему с письмом, был Шарик ибн Абда. Амр дал ему тысячу динаров, но Шарик отказался их принять. Тогда Амр попросил его помолчать об этом и не сообщать Умару ничего.

Говорят: Амр отправился в Миср в 19 году⁴. Он остановился в ал-Арише, потом пришел в ал-Фарама, в котором были войска противника, готовые к сражению. Амр дал им сражение, выиграл его и завладел их лагерем. Потом он ушел, направляясь в ал-Фустат, но он остановился в рейха-новых садах, так как жители ал-Фустата вырыли ров.

Город назывался Алйуна, а муслимы его назвали ал-Фустат, так как они говорили: «Это – место сбора и скопления народа (фустат)». Другие говорят, что Амр разбил там палатку (фустат), и поэтому город назван ее именем.

Говорят: Прошло немного времени после осады Амром ибн ап-Асом ал-Фустата, и к нему прибыл аз-Зубайр ибн ал-Аввам ибн Хувайлид во главе 10 тыс. человек, а другие говорят-12 тыс. Среди них были: Хариджа ибн Хузафа ал-Адави и Умайр ибн Вахаб ал-Джумахи. Аз-Зубайр собрался в поход, желая отправиться в Антиохию. Умар ему сказал: «О Абу Абдаллах, не желаешь ли ты управлять Мисром?» Он ответил: «Мне нет никакой нужды в этом, но я отправлюсь туда муджаххидом⁵ и помогу муслимам. Если я найду, что Амр уже завоевал его, я не буду вмешиваться в его дела, а отправлюсь к какому-нибудь морскому побережью и размещусь там. Если же я его найду в джихаде⁶, то я буду вместе с ним». С этим он удалился.

Говорят: Аз-Зубайр сражался на одной стороне, а Амр ибн ал-Ас – на другой. Потом аз-Зубайр принес лестницу, поднялся на нее и, обнажив шашку и глядя на крепость сверху, закричал: «Аллах велик!» «Аллах велик!» – повторили муслимы и последовали за ним. Крепость была взята с бою, и муслимы захватили в качестве добычи все, что там было. Амр сделал жителей города зиммиями⁷ и наложил на них подушный налог – джизью, а на их земли – харадж. Он написал об этом Умару ибн ал-Хаттабу, да будет доволен им Аллах, и тот это одобрил. Аз-Зубайр⁸ взял земельный участок в Мисре и построил знаменитый дом, в котором останавливался Абдаллах ибн аз-Зубайр⁹, когда он вместе с Ибн Абу Сархом отправился в поход на Ифрикию. Лестница аз-Зубайра в Мисре сохранилась [до наших дней].

Рассказал нам Аффан ибн Муслим со слов Хаммада ибн Саллама, со слов Хишама ибн Урвы, что аз-Зубайр ибн ал-Аввам отправился в Миср и ему сказали, что там свирепствовали война и чума. На это он ответил: «Мы и пришли сюда для войны и чумы». Сказал: и муслимы поднимали лестницы и лазили на них.

Мне рассказал Амр ан-Накид со слов Абдаллаха ибн Ва-хаба ал-Мисри, со слов Ибн Лухай'и, со слов йазиды ибн Абу Хабиба, что Амр ибн ал-Ас вступил в Миср во главе 3,5 тыс. человек. Умар ибн ал-Хаттаб обеспокоился, когда его известили о делах в Мисре, и он послал аз-Зубайра ибн ал-Аввама во главе 12 тыс. человек. Аз-Зубайр участвовал в завоевании Мисра и взял земельный участок для постройки дома.

Мне рассказал ан-Накид со слов Абдаллаха ибн Вахаба ал-Мисри, со слов Ибн Лухай'и, со слов йазиды ибн Абу Хабиба, со слов Абдаллаха ибн ал-Мугиры ибн Абу Бурды, со слов Суфйана ибн Вахаба ал-Халвани,

который сказал: «Когда мы завоевали Миср без какого-либо договора, встал аз-Зубайр и сказал: «Раздели его, о Абу Амр», но тот отказался. Аз-Зубайр сказал: «Клянусь Аллахом, ты его разделишь так же, как посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, разделил Хайбар». Амр написал об этом Умару, и тот ответил: "Оставь его в прежнем положении, с тем чтобы он приносил пользу потомкам потомков"».

Сказал: Абдаллаху ибн Вахабу со слов Ибн Лухай'и, со слов Халида ибн Маймуна, со слов Абдаллаха ибн Мугиры, со слов Суфйана ибн Вахаба рассказали подобный этому рассказу.

Рассказал мне ал-Касим ибн Саллам со слов Абу ал-Асвада, со слов Ибн Лухай'и, со слов Йазида ибн Абу Хабиба, что Амр ибн ал-Ас вступил в Миср во главе 3,5 тыс. человек. Умар был обеспокоен этим и послал аз-Зубайра ибн ал-Аввама во главе 12 тыс. человек. Он участвовал вместе с Амром в сражении, и Миср был завоеван. Сказал: Аз-Зубайр взял два земельных участка - в Мисре и в ал-Искан-дарии¹⁰.

Рассказал мне Ибрахим ибн Муслим ал-Хваризми со слов Абдаллаха ибн ал-Мубарака, со слов Ибн Лухай'и, со слов йазида ибн Абу Хабиба, со слов Абу Фираса, со слов Абдаллаха ибн Амра ибн ал-Аса, который сказал: «Народ сомневался в делах Мисра. Одни говорили: "Он был завоеван силой оружия», другие говорили: «Он был завоеван на основе договора». Хорошо известно, что мой отец прибыл туда и с ним сражались жители Алийуны и отец завоевал ее с бою и ввел туда муслимов. Аз-Зубайр был первым, кто поднялся на ее крепость. Ее предводитель сказал моему отцу: "До нас дошли вести о ваших действиях в Сирии, о том, что вы наложили джизью на христиан и иудеев, а землю оставили в руках ее жителей, которые обрабатывают ее и платят за нее харадж. Если вы с нами поступите так же, то это будет для вас более выгодным, чем убить, пленить или выселить нас"». Сказал: «И посоветовался мой отец с муслимами, и они все, за исключением нескольких человек, требовавших раздела земли между ними, дали совет, чтобы он поступил так, как предлагал предводитель Алийуны. И он наложил на каждого взрослого, если только он не был бедным, по два динара в качестве джизьи, и обязал каждого землевладельца, кроме двух динаров, для довольствия муслимов отдавать три ардабба пшеницы, два киста оливкового масла, два киста меда и два киста уксуса. Все это собирали в Дар ал-ризк¹¹ и делили между собой муслимы. Амр обязал также жителей Мисра доставлять ежегодно каждому муслиму шерстяную джуббу¹², плащ или 'имаму, шаровары и пару обуви. Шерстяную джуббу можно было заменить коптской одеждой. Амр написал им на это грамоту и условился о том, что, пока они будут выполнять ее, муслимы не будут брать в плен и продавать их жен и детей и сохраняют им их имущество и богатство. Он написал об этом повелителю правоверных Умару, и он одобрил это. Земля Мисра стала землей хараджа. Однако, так как Амр подписал эту грамоту и условия, некоторые люди думали, что Миср был завоеван на основе договора"». Сказал: «Когда малик Алийуны закончил свои дела и дела тех, кто был вместе с ним в городе, он заключил также договор от имени всего населения Мисра, подобно алийунскому договору. Они говорили: "Если те, которые были неприступными для врага, довольны этим договором, то нам тем более следовало бы быть довольными, ибо у нас нет ни сил, ни укреплений"».

Амр наложил харадж на землю Мисра и назначил на каждый джариб¹³ земли динар и по три ардабба злаков, а на голову каждого взрослого – два динара. Он написал об этом Умару ибн ал-Хаттабу, да будет доволен им Аллах.

Рассказал мне ан-Накид со слов Абдаллаха ибн Вахаба ал-Мисри, со слов ал-Лайса, со слов йазида ибн Абу Ха-биба, что ал-Мукаукис заключил договор с Амром ибн ал-Асом о том, что те из румов, которые захотят выехать из страны, могли выехать, а которые не захотят, могли остаться на условиях, которые он поставит, и что он каждого копта обложит налогом в два динара. Это известие дошло до царя румов, оно разгневало его, и он послал войска. Они закрыли ворота ал-Искандарии и объявили Амру войну. Ал-Мукаукис вышел к Амру и сказал: «У меня к тебе три просьбы: чтобы ты не заключал с греками такого же договора, какой заключил со мной, так как они питают ко мне недоверие; чтобы ты не нарушил договор с коптами, – а с их стороны нарушения не будет; чтобы ты приказал хоронить меня в церкви ал-Искандарии – он ее назвал, – когда я умру». Амр ответил: «Последняя просьба для меня легче первых двух».

Некоторые деревни Мисра сражались с муслимами, и их жители были взяты в плен. Это были деревни: Билхит, ал-Хайс, Султайс. Пленных послали в Медину. Умар ибн ал-Хат-таб вернул их обратно и вместе с коптской общиной сделал их зиммиями. У них был договор, которого они не нарушали. О завоевании ал-Искандарии Амр написал Умару: «А после: Аллах доставил нам победу над ал-Искандарией силой оружия, без какого-либо договора и соглашения». А по словам-йазида ибн Абу Хабиба, она была завоевана на основе договора.

Рассказал мне Абу Аийуб ар-Ракки со слов Абд ал-Гаффара, со слов Ибн Лухай'и, со слов Йазида ибн Абу Хабиба, который сказал: "Амр собирал харадж и джизью Мисра 2 млн. динаров, а Абдаллах ибн Са'д ибн Абу Сарх¹⁴ – 4 млн. динаров. Однажды Усман сказал Амру: «После тебя верблюдицы в Мисре дают больше молока». «Это потому, – ответил он, – что вы изнуряете их верблюжат". Сказал: Умар ибн ал-Хаттаб в 21 году¹⁵ написал Амру ибн ал-Асу, сообщая ему о бедственном положении, в котором находились жители Медины, и приказывая, чтобы тот морем переправил в Медину собранные им в качестве хараджа злаки. Все это вместе с оливковым маслом переправлялось в ал-Джар¹⁶, там принималось Са'дом ал-Джари, потом хранили в одном из домов Медины и по мерке делили между жителями. Во время первого мятежа эти перевозки были прерваны. В дни Муавии¹⁷ и йазида¹⁸ перевозки возобновились, во времена Абд ал-Малика ибн Марвана¹⁹ они опять прекратились, а потом перевозки не прекращались до халифата Абу Джа'фара или незадолго до этого.

Рассказал мне Бакр ибн ал-Хайсам со слов Абу Салиха Абдаллаха ибн Салиха, со слов ал-Лайса ибн Са'да, со слов йазида ибн Абу Хабиба, что люди джизьи в Мисре во время халифата Умара после первого договора заключили новый договор, согласно которому вместо пшеницы, оливкового масла, меда и укуса они взялись платить по два динара сверх прежних двух динаров. Таким образом, каждый человек был обязан платить по 4 динара. Они это одобрили и были довольны.

Рассказал мне Абу Аийуб ар-Ракки со слов Абд ал-Гаф-фара ал-Харрани, со слов Ибн Лухай'и, со слов йазида ибн Абу Хабиба со слов ал-Джайшани, который сказал: «Я слышал, что многие из народа, участвовавшего в завоевании Мисра, говорили, что Амр ибн ал-Ас, завоевав ал-Фустат, послал Абдаллаха ибн Хузафу ас-Сахми к Айн шамсу, который завоевал его землю и заключил с жителями его деревень договор, подобный фустатскому договору. Он послал также Хариджу ибн Хузафу ал-Адави к ал-Файйуму, ал-Ушмунайну, Ахмиму, ал-Башарудату и деревням в верховьях страны, и он действовал так же, как Абдаллах ибн Хузафа. Он отправил также Умайра ибн Вахаба ал-Джумахи к Тиннийсу, Ди-мйату, Туне, Дамире, Шата, Дикахле, Бана и Бусиру, и он действовал так же. И он отправил Укбу ибн Амира ал-Джумахи, а другие говорят Вардана - своего мавла, владельца Сук Вардан в Мисре, к другим деревням в низовьях страны, и он действовал таким же образом. Амр ибн ал-Ас завершил завоевание Мисра, и земля его стала землей хараджа».

Нам рассказал ал.-Касим ибн Саллам со слов Абд ал-Гаф-фара ал-Харрани, со слов Ибн Лухай'и, со слов Ибрахийма ибн Мухаммада, со слов Аийуба ибн Абу ал-Алийа, со слов своего отца, который сказал: "Я слышал, как Амр ибн ал-Ас говорил с минбара: «Я занял свое положение, не заключив ни с одним из коптов Мисра ни договора, ни соглашения. Захочу, убью, захочу – буду брать только хумс, захочу – продам всех, за исключением антабулусцев, имеющих договор, который должен быть соблюден"».

Мне рассказал ал-Касим ибн Саллам, со слов Абдаллаха ибн Салиха, со слов Мусы ибн Алий ибн Рибак ал-Лакми, со слов своего отца, который сказал: «Весь ал-Магриб²⁰ был завоеван силой оружия».

Нам рассказал Абу Убайда со слов Сасида ибн Абу Ма-риам, со слов Ибн Лухай'и, со слов ас-Салата ибн Абу Аси-ма – секретаря Хайяна ибн Шурайха, что последний читал письмо Умара ибн Абд ал-Азиза²¹ к Хайяну – его правителю в Мисре, в котором говорилось: «Миср был завоеван силой оружия, без договора и соглашения».

Рассказал мне Абу Убайда со слов Са'ида ибн Абу Ма-риам, со слов Нахии ибн Аийуба, со слов Убайдаллаха ибн Джа'фара, который сказал: «Му'авийа написал В-ардану - мавла Амра, чтобы тот увеличил налог на каждого копта на один кират, а он ответил: "Как я могу увеличить налог, если в их договоре сказано, что его нельзя увеличить"».

Рассказал мне Мухаммад ибн Сасд со слов ал-Вакиди, со слов Абд ал-Хамида ибн Джасфара, со слов своего отца, который сказал: «Я слышал Урва ибн аз-Зубайр говорил: "Я жит в Мисре семь лет и там же женился, я видел, что его жители были истощены и обложены не сообразно их силам, а он был завоеван Амром на основе мира и договора, и с них взималась определенная сумма"».

Рассказал мне Бакр ибн ал-Хайсам со слов Абдаллаха ибн Салиха, со слов ал-Лайса ибн Са'да, со слов йазида ибн Абу Илаки, со слов Укбы ибн Амира ал-Джухани, который сказал: «Жители Мисра имели договор и соглашение. Амр написал им грамоту о том, что он гарантирует им неприкосновенность их имущества, жизни, жен и детей, что никто из них не будет продан, что наложит на них харадж, который не будет увеличен, и защитит их от их врагов». Укба сказал: «Я был свидетелем этого».

Рассказал мне ал-Хусайн ибн ал-Асвад со слов Йахии ибн Адама, со слов Абдаллаха ибн ал-Мубарака, со слов Ибн Лухай'и, со слов йазида ибн Хабиба, со слов того, кто слышал, что Абдаллах ибн Мугира ибн Абу Бурда рассказывал: «Я слышал, как Суфйан ибн Вахаб ал-Хаулани говорил: "Когда мы завоевали Миср без договора, встал аз-Зубайр ибн ал-Аввам и сказал: 'О Амр, раздели его между нами'. Амр ответил: 'Нет, клянусь Аллахом, не разделю его, пока не напишу Умару'. И он написал Умару. Тот написал в ответ на его письмо, чтобы он оставил его в прежнем положении с тем, чтобы он приносил пользу потомкам потомков"».

Рассказал мне Мухаммад ибн Сасд со слов ал-Вакиди, Мухаммад ибн Умар со слов Усамы ибн Зийада ибн Аслама, со слов своего отца, а этот со слов своего отца, который говорил: «Амр ибн ал-Ас завоевал Миср в 20 году²² и вместе с ним был аз-Зубайр. Когда он был завоеван, жители городов заключили с ним договор, обязуясь платить то, что он им положит. А это было два динара на каждого человека, исключая женщин и детей. И достиг харадж Мисра в его правление 2000 тыс. динаров, а после него – 4000 тыс. динаров».

Рассказал мне Абу Убайда со слов Абдаллаха ибн Са-лиха, со слов ал-Лайса, со слов йазида ибн Абу Хабиба, что ал-Мукаукис – сахиб Мисра, заключил договор с Амром ибн ал-Асом на условии, что с каждого копта будут взиматься два динара. Весть об этом дошла до Ираклия – сахиба ру-мов, он был сильно разгневан и послал войска в ал-Искан-дарию, которые закрыли ее ворота. Амр завоевал ее силой оружия.

Рассказал мне Ибн ал-Каттам, а он Абу Ма-уд, со слов ал-Хайсама, со слов ал-Муджалида, со слов аш-Ша'би, что Алий ибн ал-Хусайн или сам ал-Хусайн просил Му'авию снять джизью с жителей деревни матери Ибрахима, сына посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, в Мисре, и он освободил их от ее уплаты. Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, советовал обходиться с коптами хорошо.

Рассказал мне Амр со слов Абдаллаха ибн Вахаба, со слов Малика и ал-Лайса, со слов аз-Зухри, со слов сына Ка'ба ибн Малика, что пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, говорил: «Когда вы завоеуете Миср, с коптами обращайтесь хорошо, ибо они имеют родство и зиму». Ал-Лайс сказал: «Мать Исма'ила была

из них». Абу-л-Хасан ал-Мада'ини сказал: «Умар ибн ал-Хаттаб записывал имущество своих правителей, когда назначал их на должность, потом то, что оказывалось у них сверх этого, забирал частично или целиком. Он написал Амру ибн ал-Асу: "Стало известно, что ты имеешь вещи, рабов, вазы и животных, которых у тебя не было, когда ты стал править Мисром». Амр ответил: «Наша страна - страна земледелия и торговли. Мы получаем доходы больше, чем потребляем на наши нужды». «Я, – ответил Умар, – достаточно осведомлен о злоупотреблениях правителя. Твое письмо ко мне – это письмо человека, страшщегося, правосудия. Я плохо думаю о тебе и направляю к тебе Мухаммада ибн Масламу с тем, чтобы он отобрал у тебя часть твоего имущества; открой ему свои тайны и выдай все, что он потребует, это избавит тебя от его строгости». Действительно, тайна была открыта, и его имущество было разделено.

Ал-Мада'ини со слов Исы ибн йазида рассказал: «Когда Мухаммад ибн Маслама отобрал имущество у Амра ибн ал-Аса, Амр сказал: "Время, когда сын Хантамы²³ с нами стал так обращаться, – действительно злое время». Ал-Ас одевался в шелковую одежду с каймой из парчи, и вот Мухаммад ему говорит: «Молчи! если бы не время сына Хантамы, которого ты не любишь, ты и теперь был бы во дворе своего дома привязанным к козам, изобилье которых тебя бы радовало, а скудость огорчала". Амр сказал: "Заклинаю тебя Аллахом, чтобы ты не сообщил Умару то, что я сказал. Ведь разговор собеседника не подлежит разглашению". "Пока Умар жив, – ответил Мухаммад, – я не буду говорить о том, что произошло между нами"».

Рассказал мне Амр ан-Накид со слов Абдаллаха, со слов Ибн Луха'и, со слов Ибн Ан'ама, со слов своего отца, который был из тех, кто участвовал в завоевании Мисра: «Миср был завоеван силой оружия, без договора и соглашения».

¹ Ал-Балазури, «Книга завоеваний стран».

² Египет

³ Умар ибн ал-Хаттаб – халиф (634-644 гг.).

⁴ 640 г.

⁵ Муджаххид – участник священной войны.

⁶ Джихад – священная война против немусульман.

⁷ Зиммии – завоеванные мусульманами народы, не принявшие ислам и заключавшие с завоевателями договор, гарантирующий им жизнь и неприкосновенность имущества.

⁸ Аз-Зубайр ибн ал-Аввам — один из близких сподвижников Мухаммада, впоследствии участвовал в борьбе против халифа Али.

⁹ Абдаллах ибн аз-Зубайр, сын аз-Зубайра, участвовал в завоевании Ифрикии, впоследствии, в период смут, правил большей частью халифата.

¹⁰ Ал-Искандария – арабское название Александрии.

¹¹ Дар ал-ризк – помещение для хранения продовольственных запасов, распределяемых между мусульманами.

¹² Джубба – верхняя одежда с широкими рукавами,

¹³ Джариб – мера площади.

¹⁴ Правитель Египта, назначенный после отстранения от этой должности Амра при халифе Усмани (644-656 гг.).

¹⁵ 642 г.

¹⁶ Порт на Красном море.

¹⁷ Халиф из династии Омейядов-Суфйанидов (660-680 гг.).

¹⁸ Халиф, сын Му'авии (680-683 гг.).

¹⁹ Халиф из династии Омейядов-Марванидов (685-705 гг.).

²⁰ Ал-Магриб – Северная Африка.

²¹ Умар ибн Абд ал-Азиз – омейядский халиф (717-720 гг.).

²² 640-641 гг.

²³ Т.е. Умар, Хантама – мать халифа Умара.

Омар в Иерусалиме (Из «Книги хараджей»)

Отрывок взят из «Книги хараджей» («Китаб-ал-харадж» – «Книга о поземельной подати») Абу-Юсуфа Якуб ибн-Ибрахима (731-798 гг.) – последователя Абу-Ханифы, основателя одной из четырех правоверных юридических школ. Абу-Юсуф прославился как выдающийся законодатель, первым получивший титул верховного судьи в Багдаде. Его перу принадлежит несколько трактатов юридического характера и упомянутая «Книга хараджей». Последняя является прекрасным источником для знакомства с аграрными отношениями, сложившимися в Арабском государстве. Это единственное сочинение Абу-Юсуфа, сохранившееся до нашего времени.

В документе приводятся факты о частичных послаблениях первых халифов местному населению, чтобы привлечь его на свою сторону.

Это есть грамота от Омара жителям города Иерусалима в том, что гарантируется им неприкосновенность их крова, и их детей, и их имущества, и их церквей, и что они не будут разрушены, ниже обитаемы...

Омару открыли ворота города, и он вошел и воссел во дворе церкви Воскресенья. Когда настало время молиться, он сказал патриарху Софронию: «Я хочу помолиться». Тот ответил: «Повелитель верующих, помолись на том месте, где находишься». Омар ответил: «Здесь я не буду молиться».

Тогда патриарх привел его в церковь Константина и положил ему циновку в середине церкви. Омар сказал: «Нет, и здесь я не буду молиться». И вышел Омар на лестницу, и помолился один на лестнице. И затем сказал Софронию: «О патриарх, ты знаешь, почему я не помолился внутри этой церкви?» Тот ответил: «Не

знаю, о повелитель верующих!» Тогда Омар сказал: «Если бы я помолился внутри этой церкви, то эта церковь пропала бы для тебя, ушла бы из твоих рук и мусульмане после меня отняли бы ее от тебя, говоря при этом: «Здесь помолился Омар». Но принеси мне бумагу, и я напишу тебе указ». И написал Омар указ, чтобы ни один мусульманин не молился на этой лестнице иначе, как в одиночку, и чтобы на ней не собирались на молитву...

Отношение арабских властей к завоеванному населению

В документе подтверждается уже известный факт, что с побежденным населением (зиммиями) арабы-завоеватели подписывали мирные договоры, сохраняя за христианами свободу вероисповедания и оставляя им их храмы и церкви. Церковнослужители предпочитали заключать подобные соглашения с «неверными», чтобы оставить за собой принадлежавшие им владения.

В документе приводится интересный эпизод о том, как при отступлении полководец Абу-Убейда возвращает сирийцам собранные с них подати, и передается то впечатление, которое этот поступок произвел на местное население.

Интересен также факт переписки Абу-Убейды с халифом Омаром, о котором говорится в том же отрывке. Халиф одобряет тактику своего полководца, обеспечившую ему сочувствие местного населения, и советует Абу-Убейде справедливо относиться к христианам, дабы привлечь их на свою сторону. В этом сказались дальновидная и заранее продуманная политика арабских завоевателей, которые ценой временных уступок пытались обеспечить себе поддержку поданных халифата, с тем чтобы в дальнейшем обрушить на них всю тяжесть налогового бремени и полностью подчинить их своей власти.

Что касается твоего вопроса, повелитель правоверных, о положении зиммиев о том, как были оставлены их храмы и церкви в городах и столицах, а не разрушены, когда мусульмане завоевали их, и как позволили им выносить кресты во время праздников их, то дело в том, что между мусульманами и зиммиями был заключен мирный договор с условием уплаты поголовной подати, и города были сданы с условием, чтобы ни храмы, ни церкви их не разрушались ни в пределах города, ни вне его, чтобы им была дарована жизнь, чтобы мусульмане сражались за них и защищали их против тех врагов, которые будут обижать их, и чтобы они могли выносить кресты во время праздников их...

...Когда же зиммии увидели, как честно соблюдают мусульмане данные ими обещания и как они хорошо обращаются с ними, то они стали жестокими противниками врагов мусульман и помощниками мусульман против врагов их. Жители каждого города, заключавшего мирный договор с мусульманами, послали от себя людей раздобыть известия о румах, об их царе и о том, что они хотят предпринять.

...И пришли к жителям каждого города посланные ими и сообщили им, что румы собрали такую армию, какой еще не видавали...

...Абу-Убейда и мусульмане сочли свое положение опасным. Тогда Абу-Убейда написал каждому наместнику из назначенных им в тех городах, с которыми он заключил мирный договор, приказывая им возвратить зиммиям собранные с них поголовную подать и харадж и предписал сказать им: «Мы возвращаем вам ваши деньги потому, что до нас дошли сведения о собранных против нас войсках, вы же выговорили у нас, что мы защищаем вас, а так как мы не в состоянии сделать это, то возвращаем вам то, что взяли с вас. Мы будем придерживаться заключенных с вами и написанных между нами условий, если бог дарует нам победу над врагом». Когда же мусульмане сказали им это и возвратили им деньги, которые были собраны с них, то зиммии сказали: «Да вернет вас бог к нам и да дарует вам победу над ними! Если бы на вашем месте были румы, они не возвратили бы нам ровно ничего и взяли бы то, что осталось у нас, не оставив нам ничего».

...И столкнулись мусульмане и многобожники и вступили в ожесточенный бой. С обеих сторон было множество убитых. Затем бог помог мусульманам против многобожников и обратил их в бегство.

Запрос Омару и ответ халифа своему полководцу Абу-Убейде

И написал Абу-Убейда Омару о бегстве многобожников, о том, что бог доставил добычу мусульманам, о мирном договоре, заключенном с зиммиями, о просьбе мусульман разделить между ними города, население их, землю и находящиеся на ней деревья и посевы, и о том, что он отказал им в этом, пока не написал об этом Омару, и тот не отпишет ему своего мнения.

Тогда Омар написал ему... утверди то, что дал тебе бог в добычу, в руках тех, кто взял ее; наложи на зиммиев поголовную подать¹ по мере сил их; ты разделишь ее между мусульманами, а зиммии будут возделывать землю, ибо они более знакомы с ней и лучше обрабатывают ее...

Так обложи их поголовной податью, не позволяй вводить их в плен и запрети мусульманам поступать с ними несправедливо, наносить им вред и поедать их имущество, за исключением случаев, когда это разрешается, и честно соблюдай те условия, о которых ты договорился с ними в числе всего того, что ты пожаловал им.

¹ Поголовная подать – джизия.

2.3. МОНГОЛИЯ

Монгольское раннефеодальное государство: становление

Монгольская империя (Великое Монгольское государство) – государство, сложившееся в XIII в. в результате завоеваний Чингис-хана и его преемников и включавшее в себя самую большую в мировой истории территорию. Становление государства монголов происходило в Центральной Азии в начале XIII в.

(Из «Монгол-ун ниуча тобчан» - «Тайной истории монголов»)

Избрание Темучина всемонгольским ханом

Когда он, [Чингис-хан], направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составил сейм и собрались у истоков р. Онона. Здесь воздвигли девятибунчукное белое знамя и нарекли ханом Чингис-хана. Так же и Мухалия¹ нарекли го-ваном². И тут же повелел он Чжебею³ выступить в поход для преследования найманского Кучулук-хана.

Создание гвардии Чингис-хана

...Оказав милости нойонам – темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингис-хан повелеть соизволил: «В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулов⁴ и 70 турхах⁵-кешиктенов⁶. Ныне и вы учреждаете для меня сменную гвардию – кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора из всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10000), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов⁷ и турхахов». К сему повелению следовал указ государя Чингис-хана относительно избрания и пополнения кешиктенов: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит по-полнять таковой сыновьями нойонов – темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойными при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников – с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах по разверстке от тысяч и сотен для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах по разверстке отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего, или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т.е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лица свободного состояния, отправляющиеся на службу также в сопровождении трех товарищей.

...И еще повелел государь Чингис-хан: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянный моего кешиктена выше армейского начальника – сотника или десятника».

Создание уделов

...Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созданием государства. Чжочи⁸ – мой старший наследник, а Отчигин⁹ – самый младший из отцовых братьев». Ввиду этого он, выделяя уделы, дал 10000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 юрт, Чаа-даю¹⁰ – 8000, Огодаю¹¹ – 5000, Толую¹² – 5000, Хасару¹³ – 4000, Алчидаю¹⁴ – 2000 и Бельгутаю – 1500 юрт.

Образование наследственных феодально владений – «тысяч»

По завершении устройства Монгольского государства Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мной в создании государства...»

Всего, таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять нойонов-тысячников из монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из лесных¹⁵ народов.

¹ Мухали – один из главных полководцев Чингис-хана (ум. в 1223 г. в возрасте 53 лет).

² Го-ван – китайский титул (букв. «князь государства»).

³ Чжебе – полководец Чингис-хана.

⁴ Кебтеулы – ночная стража (монг.).

⁵ Турхахи – дневная стража (монг.).

⁶ Кешиктены – гвардия Чингис-хана (монг.).

⁷ Хорчины – лучники (монг.).

⁸ Чжочи (принято «Джучи») – старший сын Чингис-хана.

⁹ Отчигин – младший брат Чингис-хана.

¹⁰ Чаадай (принято «Чагатай») – второй сын Чингис-хана.

¹¹ Огодай (принято «Угэдэй») – третий сын Чингис-хана. Второй монгольский великий хан (1229-1241 гг.).

¹² Толуй – младший сын Чингис-хана.

¹³ Хасар – брат Чингис-хана.

¹⁴ Алчидай – по-видимому, племянник Чингис-хана.

¹⁵ Под лесными народами имеются в виду племена, обитавшие в таежных районах к северу от современной Монголии.

(Плано Карпини, «История Монгалов, именуемых нами Татарами»)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О положении земли Татар, ее качестве и распределении в ней воздуха

О земле мы предположили рассуждать следующим образом: во-первых, мы скажем об ее положении, во-вторых, о качестве, в-третьих, о распределении в ней воздуха.

§ I. О положении земли

Итак, вышеназванная земля расположена в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля Китайцев, а также Солангов, к югу земля Саррацинов, к юго-западу расположена земля Гуиров, с запада область Найманов, с севера земля Татар окружена морем океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с хрящом, редко глиниста, по большей части песчана.

§ II. О качестве земли

В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесная, пищу же себе варят и сидят [для тепла] как император, так вельможи и все другие люди при огне, разведенном из бычачьего и конского навоза. Далее даже и сотая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не может даже приносить плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки редки, откуда там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракарон, но мы его не видели, а были почти за полдня пути до него, когда находились в Сыр-орде, каковая является главным двором их императора. И хотя в других отношениях земля не плодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно, пригодна для разведения скота.

§ III. О распределении воздуха

Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда, когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростерты на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто и так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император и должен был воссесть на царском престоле, в бытность нашу при дворе, выпал столь сильный град, что когда он внезапно растаял, как мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимою же в одной части выпадают сильнейшие снега, а в другой – неглубокие.

И чтобы сделать краткое заключение об этой земле, она велика, но в других отношениях, как мы видели собственными глазами (так как странствовали по ней, езда кругом, пять месяцев с половиной), гораздо хуже, чем мы могли бы высказать...

ГЛАВА ПЯТАЯ

О начале державы Татар, об их князьях, о власти императора и его князей

Сказав об их обычаях, следует присовокупить об их державе, и сперва скажем об ее начале, во-вторых, об ее князьях, в-третьих, о власти императора и князей.

§ I. О начале державы Татар

I. Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался Йека-Монгал, то есть великие Монгалы, второй назывался Су-Монгал, то есть водяные Монгалы, сами же себя они именовали Татарами от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ назвался Меркит, четвертый – Мекрит. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям.

II. В земле Йека-Монгал был некто, который назывался Чингис; он начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу. Далее, он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он преклонил к себе, и они следовали за ним, как за вождем, на все злодеяния. Далее, он начал сражаться с Су-Монгал, или Татарами, после того как подчинил себе многих людей и убил их вождя, в продолжительной войне покорил себе всех Татар, привел их себе в рабство и подчинил. После этого, вместе со всеми ними, он сразился с Меркитами, страна которых была

расположена возле земли Татар, и их также подчинил себе войною. Подвигаясь оттуда, он сразился против Мекритов и покорил их также.

III. Найманы, услышав, что Чингис так возвысился, сильно вознегодовали, ибо у них самих раньше был очень храбрый император и все вышеназванные народы платили ему дань.

Когда он исполнил общий долг всего плотского, его место заступили его сыновья, но они были молоды и глупы и не умели держать народа, а между собою они жили в раздоре и несогласии; отсюда в то время, как вышеназванный Чингис так возвысился, они все же тем не менее устраивали набег на вышеуказанные земли и убивали мужчин и женщин и детей и забирали от них добычу. Чингис, слыша это, соединил всех подвластных себе людей; Найманы также, как и Кара-Китай, т.е. черные Китай, равным образом собрались напротив в огромном количестве в некую долину, сжатую между двух гор, через которую проезжали мы, отправляясь к их императору, и завязалось сражение, в котором Найманы и Кара-Китай были побеждены Монгалами, и большая часть их была убита, а другие, которые не могли ускользнуть, были обращены в рабство.

В земле же вышеназванных Кара-Китаев Оккодай-кан, сын Чингис-кана, после своего назначения императором построил некий город, который назвал Омыл; вблизи него к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят наверное, живут лесные люди; они никак не говорят и не имеют суставов в коленях, а если когда упадут, то отнюдь не могут встать сами без помощи других; но у них есть настолько рассудительности, что они делают войлоки из верблюжьей шерсти, в которые одеваются, и даже ставят их против ветра, и если какие-нибудь Татары идут на них и ранят их стрелами, то они кладут траву в раны и быстро бегут от врагов.

IV. Монгалы же, вернувшись в свою страну, подготовились к битве против Китаев и, снявшись с лагеря, вступили в их землю; император же Китаев, услышав это, пошел против них со своим войском, и завязалось тяжелое сражение, в каковом сражении Монгалы были побеждены, и все вельможи Монгалов, которые были в вышесказанном войске, были убиты, за исключением семи; отсюда и до сих пор, когда кто-нибудь грозит им, говорят: «Вы будете убиты, если пойдете в ту страну, так как там пребывает множество народа, и находятся люди, пригодные к сражению», они отвечают: «Некогда мы также были убиты, и нас осталось только семь, а теперь мы выросли в огромную толпу, поэтому нас не страшит подобное». Чингис же и другие, которые остались, убежали в свою землю.

V. И, несколько отдохнув, вышеназванный Чингис снова подготовился к бою и вышел на войну против земли Гуиров; эти люди – христиане несторианской ереси; их он также покорил войною, и Татары приняли их грамоту, ибо прежде не имели никаких письмен; теперь же эту грамоту именуют Монгальскою. Двинувшись отсюда против земли Сари-Гуйюр и против земли Каранитов, и против земли Войрат, и против земли Комана, Чингис покорил войною все эти земли и вернулся затем в свою землю.

VI. И когда он несколько отдохнул, то, созвав всех своих людей, двинулся равным образом на войну против Китаев, и, после долгой борьбы с ними, они покорили большую часть земли Китаев, императора же их заперли в его главном городе. Они осаждали его так долго, что у войска не хватило вовсе съестных припасов, и, когда у них не было вовсе что есть, Чингис-кан приказал им, чтобы они отдавали для еды одного человека из десяти. Жители же города мужественно сражались против них при помощи машин и стрел, и когда не стало хватать камней, то они вместо камней бросали серебро, и главным образом серебро расплавленное, ибо этот город был полон многими богатствами. И после долгого сражения, не будучи вовсе в состоянии одолеть город войною, Татары сделали большую дорогу под землею от войска до середины города и, открыв внезапно землю, выскочили без ведома тех, в середине города сразились с людьми того же города; и те, которые были вне, таким же образом сражались против горожан; разбив ворота, вошли в город; убив императора и многих людей, завладели городом и унесли золото, серебро и все его богатства и, поставив во главе вышеназванной земли Китаев своих людей, вернулись в собственную землю. И тогда впервые, после победы над императором Китаев, вышеназванный Чингис-кан сделался императором. Все же некоторую часть земли Китаев, как расположенную на море, они никоим образом не одолели вплоть до нынешнего дня. Китай же, о которых мы сказали выше, суть язычники, которые имеют особую грамоту, и, как говорят, у них есть Новый и Ветхий Завет; и они имеют Жития Отцов, и пустынников, и дома, сделанные наподобие церквей, где они молятся в свое время; и говорят, что они имеют некоторых святых. Они чтут единого Бога, уважают Господа Иисуса Христа и веруют в вечную жизнь, но крещения у них отнюдь нет; уважают и чтут наше Писание, любят христиан и творят значительные милостыни; они кажутся людьми очень кроткими и человечными. Бороды у них нет, и в очертании лица они очень схожи с Монгалами, однако они не так широки в лице, язык у них особый; в целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди. Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком, а также всеми вещами, которые обычно поддерживают природу человеческую.

VII. И, несколько отдохнув, он разделил свои войска. Одного из своих сыновей по имени Тоссука, которого также называли кан, то есть императором, он послал с войском против Команов, которых тот победил в продолжительной борьбе; а после того как он их победил, он вернулся в свою землю. Также другого сына он послал с войском против Индов, и он покорил малую Индию; это черные Саррацины, которые именуются Эфиопами. Это же войско вышло на бой против христиан, которые находятся в большой Индии. Слыша это, царь той страны, который именовался в народе Пресвитером Иоанном, выступил против них с соединенным войском и, сделав медные изображения людей, поместил их на седлах на лошадей, разведя внутри огонь, а

сзади медных изображений поместил на лошадей людей с мехами, и со многими изображениями и лошадьми, так подготовленными, они вступили в бой против вышеназванных Татар; и когда они пришли на место боя, то послали вперед этих лошадей, одну рядом с другой; мужи же, бывшие сзади, положили что-то на огонь, который был в вышеназванных изображениях, и стали сильно дуть мехами. Отсюда произошло, что греческий огонь опалил людей и лошадей, и воздух омрачился от дыма, и тогда они пустили стрелы в Татар; от этих стрел много людей было ранено и убито, и таким образом они выгнали их в замешательстве из своих пределов, и мы никогда не слышали, чтобы Татары впредь к ним возвращались.

VIII. Когда они возвращались через пустыни, то пришли в некую землю, в которой, как нам, при нашем приходе ко двору императора, говорили за верное русские клирики и другие, долго бывшие среди них, Татары нашли каких-то чудовищ, имевших женский облик. И, когда через многих толмачей они спросили их, где находятся мужчины той страны, чудовища-женщины ответили, что в той земле все женщины, которые только рождались, имеют человеческий облик, мужчины же имеют облик собачий. И, пока они затягивали пребывание в вышеназванной земле, на другой стороне реки собрались воедино собаки, и так как была лютейшая зима, то все собаки-мужчины бросились в воду, а после этого на твердой земле стали кататься в пыли, и таким образом пыль, смешанная с водой, стала замерзать на них. И, после частого повторения этого, на них образовался густой лед, затем они в сильном натиске сошлись для боя с Татарами. А те часто метали на них стрелы, но стрелы отскакивали назад, как если бы они метали их в камни; также и другое оружие Татар никоим образом не могло повредить им. Собаки же, сделав набег на них, ранили укусами многих и убили и таким образом выгнали их из своих пределов. И отсюда до сих пор еще есть у них пословица: «Твой отец или брат был убит собаками», женщин же их, которых они взяли в плен, Татары отвели в свою страну, и они были там до своей смерти.

IX. И, пока то войско, именно Монгалов, возвращалось назад, оно пришло к земле Буритабет, которых они победили войною. Эти люди – язычники; они имеют удивительный, а вернее сказать, достойный сожаления обычай, так как, когда чей-нибудь отец свершает долг человеческой природы, они собирают всю родню и съедают его, как нам говорили за верное. Они не имеют волос на бороде; мало того, они носят в руках какое-то железо, как мы видели, которым постоянно выщипывают бороду, если случайно на ней вырастает какой-нибудь волосок; и они также сильно безобразны. Отсюда это войско вернулось в свою страну.

X. Чингис-кан также в то время, когда разделил те войска, пошел походом против Востока через землю Кергис, которых не одолел войною, и, как нам говорили, там же прошел до Каспийских гор; горы же эти в той стороне, к которой, они пришли, состоят из адамантова камня, почему и притянули к себе их стрелы и железное оружие. Люди, заключенные среди Каспийских гор, услышав, как гласит предание, крик войска, начали ломать гору, и, когда Татары возвращались туда в другое время, десять лет спустя, они нашли гору сломанною; но, когда Татары пытались подойти к людям, они отнюдь не могли этого, так как перед ними было распростерто некое облако, за которое они никоим образом не могли пройти, потому что совершенно теряли зрение, как только доходили до него; те же, полагая, наоборот, что Татары страшатся подойти к ним, сделали против них нападение, но как только они добрались до облака, то не могли пойти дальше и по вышеупомянутой причине. Но, прежде чем дойти до вышеназванных гор, они шли более месяца по обширной пустыне. Все подвигаясь оттуда к Востоку с лишком на месяц пути, они прошли по большой степи и добрались до некоей земли, где, как нам передавали за вполне достоверное, они видели наезженные дороги, но не могли найти ни одного человека; но они так усиленно искали по земле, что нашли одного человека с его женой, которых привели пред Чингис-кана; и, когда он их спросил, где находятся люди этой страны, те ответили, что они живут в земле, под горами. А вышеназванный Чингис-кан, удержав жену, отправил этого мужчину со своими послами, поручая тем людям, чтобы они явились на его приказ. Тот, пойдя к ним, рассказал им все, что им приказал Чингис-кан. Те сказали в ответ, что в такой-то день явятся к нему для исполнения его приказа, сами же тем временем соединились потаенными путями под землею, выступили против них в бой и, внезапно бросившись на них, убили очень многих. А эти, именно Чингис-кан и его подданные, видя, что они ничего не достигают, а скорее теряют своих людей, – а к тому же они не могли вынести шума солнца; наоборот, в то время когда восходило солнце, им надлежало приложить одно ухо к земле, а верхнее крепко заткнуть, чтобы не слышать этого ужасного шума, но и так все же они не могли остережться, чтобы из-за этого весьма многих из них не убивало, – побежали и вышли из вышеназванной страны; тех людей, однако, именно мужа с женою, они взяли с собой, и те оставались до смерти в земле Татар. На вопрос, почему люди этой земли живут под землею, те сказали, что в одно время года, когда восходит солнце, бывал столь сильный шум, что люди никоим образом не могли выдержать, как выше сказано о Татарах; мало того, они даже били тогда в бубны, тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этого шума. И, во время возвращения Чингис-кана из той земли, у них не хватило съестных припасов, и они ощущали сильнейший голод, но им удалось тогда найти свежие внутренности одного животного; взяв их, они сварили, вынув только кал, и отнесли их к Чингис-кану; тот поел их вместе со своими, и поэтому Чингисом было установлено, чтобы не бросать ничего от зверя, ни крови, ни внутренностей, ни чего другого, что можно есть, за исключением кала.

XI. И отсюда он вернулся в свою землю; там он издал многочисленные законы и постановления, которые Татары нерушимо соблюдают; из них мы упомянем только про два. Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления. Отсюда, до избрания настоящего Куйюк-кана, из-за этого был убит один из

князей, внук Чингис-кана, ибо он хотел царствовать без избрания. Другое постановление – такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения, пока не настанет время их умерщвления: именно, они сражались сорок два года и предварительно должны царствовать восемнадцать лет. После этого, как говорят, они должны быть побеждены другим народом, каким, однако, не знают, как им было предсказано, и те, которые будут в состоянии уйти, как говорят, должны соблюдать тот закон, который соблюдают те, кто победит их войною. Он установил также, что их войско должно быть разделено под начальством тысячников, сотников, десятников и тьмы (то есть десять тысяч). Он установил, также и многое другое, рассказывать о чем было бы долго, да к тому же мы и не знаем [всего]. После этого, свершив свои распоряжения и постановления, он был убит ударом грома.

§ II. О князьях Татар

I. А у него было четыре сына: одного звали Оккодай, второго звали Тоссук-кан, третьего звали Хыадай, а имени четвертого мы не знаем. От этих четырех лиц произошли все вожди Монгалов. Первый, именно Оккодай-кан, имел следующих сыновей: первого – Куйюка, который ныне императором, Коктена и Хиренена; имел ли он больше сыновей, мы не знаем. Сыновья же Тоссук-кана суть: Бату, он наиболее богат и могуществен после императора; Орду, он старший из всех вождей; Сыбан, Бора, Берка, Фаут, имен других сыновей Тоссук-кана мы не знаем. Сыновья Хыадаея суть Бурин и Кадан; имена других сыновей его нам неизвестны. Имена же сыновей другого сына Чингис-кана, имени которого мы не знаем, суть следующие: один называется Менгу, мать коего Сероктан; эта госпожа пользовалась среди всех Татар предпочтительным уважением, за исключением матери императора, а Менгу был могущественнее всех, за исключением Бату; другой называется Бихак. У него было еще несколько сыновей, но имен их мы не знаем.

II. Имена вождей суть следующие: Орду, он был в Польше и Венгрии, Бату, Кадан, Сыбан, Бурин и Буигек, все они были в Венгрии; Хирподан, он находится до сих пор за морем, [в борьбе] против неких солдат земли Саррацинской и других, которые находятся за морем. Другие остались в своей земле, а именно: Менгу, Коктен, Хиренен, Хубилай, Серемум, Синокур, Фуатемур, Карахай, старец Сибедей, который у них называется воином, Бора, Берка, Мауци, Коренца, но это самый младший среди других. Других же вождей очень много, но имен их мы не знаем.

§ III. О власти императора и его князей

I. Император же этих Татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. Точно так же, если он просит дочь девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов Татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным. Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание. Но послы, приходящие из других стран, терпят большую нужду как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы, а в особенности когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на десять человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое; также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день, и очень мало; точно так же если им причиняют какие-нибудь обиды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды.

II. Сверх того, как князья, так и другие лица, как знатные, так и незнатные, выпрашивают у них много подарков, а если они не получают, то низко ценят послов, – мало того, считают их как бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желают брать от них скромный подарок, а говорят: "Вы приходите от великого человека, а даете так мало?" Вследствие этого они не считают достойным брать, и если послы хотят хорошо обделать свои дела, то им следует давать больше. Поэтому и нам пришлось также раздать по нужде на подарки большую часть тех вещей, которые люди благочестивые дали нам для продовольствия. И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «это мое или его», но все принадлежит императору, то есть имущество, вьючный скот и люди, и по этому поводу недавно даже появился указ императора.

III. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть Татары и другие, распределены между вождями. Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно.

IV. По смерти императора, как сказано было выше, вожди собрались и выбрали в императоры Оккодаю, сына вышеназванного Чингис-кана. Он, устроив собранье князей, разделил войска Бату, который приходился

ему во втором колене, он послал против земли Высокого Султана и против земли Бисерминов; ибо они были Саррацины, но говорили по-Комански. И когда он вошел в их землю, он сразился с ними и войною подчинил их себе. А один город, по имени Бархим, долго противился ему; именно они сделали большие рвы вокруг города и закрыли их, а когда те подходили к городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города, раньше чем заполнили те рвы. Люди же из некоего города, по имени Ианкинт (Iankint), услышав это, вышли им навстречу и добровольно предалась в их руки, отчего город их не был разрушен, но они убили многих из них, а других переселили и, произведя грабеж города, наполнили его другими людьми. Пошли они также против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар, Русских, Аланов и других, а также Саррацинов. Саррацинам же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми.

V. Совершив это, они вступили затем в землю Турков, которые суть язычники, победив ее, они пошли против Руссии и произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию. Из Руссии же и из Комании вышеназванные вожди подвинулись вперед и сразились с Венграми и Поляками; из этих Татар многие были убиты в Польше и Венгрии; и, если бы Венгры не убежали, но мужественно воспротивились, Татары вышли бы из их пределов, так как Татары возымели такой страх, что все пытались сбежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: «Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингис-кан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим». И таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию.

VI. Возвратившись оттуда, они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам, у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало. Подвинувшись оттуда, они пришли к Самогедам, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо, как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

VII. Хирподана же в то же время послал Оккодай-кан с войском на юг против Кергис, которых он победил на войне. Эти люди – язычники, они не имеют волос на бороде; обычай их таков: когда умирает чей-нибудь отец, то они от скорби вырезают на своем лице в знак печали как бы один ремень от одного уха до другого. Победив их, он пошел к югу против Арменов; но когда он переходил через пустыни, то они, как нам говорили за верное, нашли также некоторых чудовищ, имеющих человеческий облик, но у них была только одна полная рука, то есть как до локтя, так и после локтя, и то на середине груди, и одна нога, и двое стреляли из одного лука; они бегали так сильно, что лошади не могли их догнать, ибо они бегали, скача на одной ноге, а когда утомлялись от такой ходьбы, то ходили на руке и ноге, так сказать вертясь кругом, Исидор называл их Циклопедами. А когда они утомлялись таким образом, они бежали по прежнему способу. Все же некоторых из них Татары убили, и, как нам говорили Русские клирики при дворе, пребывающие вместе с вышеназванным императором, многие из них приходили в посольстве вестниками ко двору вышеуказанного императора, чтобы иметь возможность заключить мир с ним. Двинувшись отсюда, они пришли в Армению, которую победили войною, а также часть Георгиании; и другая часть явилась по их приказу, и каждый год они платили им в качестве дани по сорок тысяч иперперов; это же они делают и доселе. Отсюда они подвинулись к земле солдана Урумского, который был довольно велик и могуществен; с ним они также сразились и победили. И, воюя и побеждая, они прошли дальше до земли солдана Халании и теперь также занимают эту землю, а сверх того предполагают завоевать там другие земли, и впоследствии вплоть до ныне текущего дня они не возвращались в свою землю. То же войско пошло против земли калифа Балдахского, которую они также подчинили себе, и он им всякий день платит в качестве дани четыреста бизанциев помимо балдакинов и других даров; и всякий год они отправляют послов за калифом, чтобы он явился к ним. Тот посылает вместе с данью великие дары, прося, чтобы они его извинили; сам же император принимает дары и тем не менее посылает за ним, чтобы тот явился.

Военное дело у монголов

Уже современники обращали внимание на специфику военного дела монголов. По многим параметрам военное дело монголов имело преимущества перед их противниками, что стало важным фактором, способствовавшим успехам монголов в процессе завоеваний, охватившем Азию и Европу.

(Из «Юань-чао би-ши» - «Сокровенного сказания монголов»)

Итак, он¹ поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство; составивши же тысячи, назначил нойонов-тысячников, сотников и десятников, составил тьмы и поставил нойонов-темников; оказав милости нойонам-темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингис-хан повелеть соизволил: «В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулсунов и 70 турхах-кешиктеров. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои, ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию – кешиктер-турхах, образуя оную путем отбора из всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10000), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов и турхахов». К сему повелению следовал указ государя Чингис-хана относительно избрания и пополнения кешиктеров: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктеров надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников – с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого, сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах, по разверстке, отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников, вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т.е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния, отправляющихся на службу также в сопровождении трех товарищей». Так гласил указ, и далее: «Нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем указе до всеобщего сведения. После же надлежащего обнародования сего указа все виновные в его нарушении подлежат строгой ответственности. Буде окажутся люди, проявляющие нерадение в деле пополнения состоящей при нас гвардейской стражи или даже выражающие несогласие состоять при нас, то в таких случаях надлежит командировать к нам, вместо них, других людей, а тех подвергать правезе и ссылать с глаз долой в места отдаленные». Так повелевалось с присовокуплением: «Никоим образом не удерживать направляющихся к нам крепостных – аратов, которые хотели бы обучаться во дворце и состоять при нас».

Во исполнение указа Чингис-хана произвели набор от тысяч, отобрали также, согласно указу, сыновей сотников и десятников и откомандировали их. Раньше, как известно, было 80 человек кебтеулов – ночной стражи. Теперь, их число довели до 800, а затем повелено было пополнить их до 1000. При этом повелено никому не возбранять вступления в кебтеулы. Командующим гвардейским полком кешиктеров ночной стражи был назначен Еке-Неурин. Еще прежде было набрано 400 кешиктеров-стрельцов, хорчи-кешиктер. По сформировании их, командующим стрельцами был назначен Есунтее, Чжельмеев сын, совместно с Тугаевым сыном, Букидаем. При этом было поведено: «Вместе с дневной стражей турхаутов, в каждую очередь вступают также и стрельцы-лучники в следующем порядке: в первую очередь вступает во главе своих стрельцов – Есунтее; во вторую – Бугидай; в третью – Хорхудак, и в четвертую – Лаблаха. Под своим же начальством они вводят в каждую очередь и смену турхаутов, носящих сайдаки. Отряд стрельцов пополнять до 1000 и передать под команду Есунтее».

«Прежний отряд турхаутов, вступивший в службу вместе с чербием Оголе, пополнить до 1000 и передать под команду чербия Оголе же, из родичей Боорчу. Один тысячного состава полк турхаутов передать под команду Мухалиева родича – Буха; другую тысячу турхаутов передать под команду Алчидая, из родичей Илугая; третью – чербию Додаю; четвертую – чербию Дохолху; пятую – родичу Чжурчедая – Чанаю; шестую – Ахутаю, из родичей Алчи. В седьмой полк, из отборных богатырей, поставить командиром Архай-Хасара. Этому полку быть несменяемым, повседневным полком – гвардии турхаутов. В военное время быть ему передовым отрядом богатырей». Итак, командированные по избранию от тысяч гвардейцы турхауты составили отряд в 8000. Ночной стражи – кебтеулов, вместе со стрельцами-лучниками, также стало 2000. И всего – отряд в 10 000 человек – тьма кешиктеров. Чингис хан повелеть соизволил: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктеров, будет в военное время и Главным средним полком».

Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингисхан назначил следующих лиц и установил следующий порядок дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими-Буха; во вторую – Алчидай, в третью – Додай-черби и в четвертую – Дохолху-черби. По назначении старейшин очередей был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы: «Вступив в дежурство, дежурный начальник делает переключку дежурным кешиктенам и сменяется затем по истечении трех суток с момента вступления в дежурство. За пропуск дежурства пропустившего оное дежурство наказывать тремя палочными ударами. Того же дежурного за вторичный пропуск дежурства наказывать семью палочными ударами. Того же дежурного за пропуск дежурства в третий раз, если при этом он был здоров и не испросил разрешения на отлучку у дежурного начальника, наказывать тридцатью и семью палочными ударами и, по признании его не желающим состоять при нас, сослать в места отдаленные. Дежурные старейшины обязуются объявлять этот приказ каждой трехдневной смене. Если приказ не объявлялся, ответственность за последствия будут нести дежурные старейшины. Кешиктены же подвергаются законным взысканиям лишь в том случае, если они пропускают дежурства вопреки объявленному им приказу. Дежурные старейшины, невзирая на их старшинство, не должны учинять самовольной расправы, без особого нашего на то разрешения, над теми моими кешиктенами, которые вступили на службу одновременно со мною, с ровесниками моими по службе. О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок. Те же лица, которые, уповая на свое старшинство, позволят себе пускать в ход руки или ноги, такие лица получат возмездие: за палки – палки, а за кулаки – кулаки же!»

И еще повелел государь Чингис-хан: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника – сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников».

И еще повелел государь Чингис-хан: «Ко всеобщему сведению дежурных офицеров. Вступив в дежурство и отбыв каждый на своем посту дневную службу, стрельцы-турхауты еще засветло сменяются кебтеулами и проводят ночь вне дворца. При нас же ночной караул несут кебтеулы, которым, при своей смене, и сдают: стрельцы – свои сайдаки, а повара-бавурчины – свою посуду. Проведя ночь вне дворца, стрельцы-турхауты и повара – бавурчины, пока мы кушаем бульон-шилюн, размещаются сидя у коновязи и договариваются с кебтеулами. После завтрака они расходятся по своим местам: стрельцы – к своим сайдакам, турхауты – к своим помещениям, бавурчины – к своей посуде. По этому правилу и в том же порядке вступает в дежурство каждая очередь. Тех людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади или спереди дворца, кебтеулы обязаны задерживать на ночь, а утром подвергать допросу. Кебтеулы, сменяя друг друга, вступают в дежурство по сдаче своих значков. По сдаче же таковых они и уходят, сменяясь с дежурства. На ночь кебтеулы размещаются на своих постах вокруг дворца. Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи и плечи наотвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец. Если кто явится ночью с экстренным сообщением, обязан сказать об этом кебтеулам и затем, вместе с кебтеулом же, передавать сообщение, стоя у задней стены юрты. Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам. Никто не должен ходить мимо постов кебтеулов. Никто не должен ходить и возле кебтеулов. Не допускается также расспрашивать о числе кебтеулов. Проходящего мимо кебтеулов последние обязаны задержать, равно как и того, кто ходил возле кебтеулов. У того, кто расспрашивал о числе кебтеулов, кебтеулы должны отобрать лошадь, на которой тот ехал в тот день, вместе со всей сбруей и одежой на нем платьем. Помните, как был задержан за хождение ночью мимо кебтеулов даже и сам верный наш Элчигидай».

¹ Т.е. Чингисхан.

(Плано Карпини, «История Монгалов, именуемых нами Татарами»)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных

Сказав о власти, надлежит сказать о войне следующим образом: сперва о разделении войск, во-вторых, об оружии, в-третьих, о хитростях при столкновении, в-четвертых, об осаде крепостей и городов, в-пятых, о вероломстве, которое они проявляют к тем, кто им сдается, и о жестокости, с которой они обращаются с пленниками.

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингис-хан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска

находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообщая, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. Об оружии

I. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем – в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединятся связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами. Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, – из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

II. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они готовят много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестяще, что человек может видеть в них свое лицо.

III. У некоторых из них есть копьа, и на шейке железа копьа они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как феты различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изошрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Есть у них также и другие стрелы для стреляния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стреляния птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

I. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков (*praecursores*), у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее, все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

II. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью, человека,

который бы управлял лошадей. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадей, которую управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

III. Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест; где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

IV. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь Татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то Татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же Татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве Татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предалась в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов.

Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как надлежит встретить Татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными

Сказав о землях, которые им повинуются, следует изложить, как надлежит встретить Татар на войне. Об этом, кажется, нам следует сказать таким образом: сперва следует написать о том, что они замышляют, во-вторых, об оружии и устройстве войск, в-третьих, как надлежит встретить их хитрости при столкновении, в-четвертых, об укреплении крепостей и городов, в-пятых, что надлежит делать с их пленными.

§ I. Что замышляют Татары

I. Замысел Татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингис-кана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: «Храбрость Бога, император всех людей»; и в надписании печати его стоит следующее: «Бог на небе и Куйюк-кан над землею храбрость Божия. Печать императора всех людей». И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением Христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они не владели, то поэтому они приготавливаются к бою против нас. Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка. Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе. Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе не слыхано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно. Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему, души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалат, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы.

II. А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое – через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться непрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли России; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сразу после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом, и вследствие этого они донныне успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что Император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию.

III. И так как он замышляет разорить или обратить в рабство всю землю, а это рабство, так сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежит, стало быть, как сказано выше, встретить его на войне. Но если одна область не захочет подать помощь другой, то та земля, против которой они сражаются, будет разорена, и вместе с теми людьми, которых они заберут в плен, они будут сражаться против другой земли, и эти пленники будут первыми в строю. Если они плохо будут сражаться, то будут ими убиты, а если хорошо, то Татары удерживают их посулами и льстивыми речами, а также, чтобы те не убежали от них, сулят им, что сделают их великими господами, а после того, как могут быть уверенными на их счет, что они не уйдут, обращают их в злосчастнейших рабов; точно так же поступают они с женщинами, которых желают держать в качестве рабынь и наложниц. И таким образом вместе с людьми побежденной области они разоряют другую землю. И нет, как нам кажется, ни одной области, которая могла бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог, потому что, как сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы Татар. Отсюда, если христиане хотят сохранить себя самих свою землю и христианство, то царям, князьям, баронам и правителям земель надлежит собраться воедино и с общего решения послать против них людей на бой, прежде чем они начнут распространяться по земле, так как, раз они начнут рассеиваться по земле, ни один не может соответственно подать помощь другому; ибо Татары толпами отыскивают повсюду людей и убивают, а если кто запрется в крепости, то они ставят вокруг крепости или города для осады их три или четыре тысячи людей и больше, а сами тем не менее рассеиваются по земле и убивают людей.

§ II. Об оружии и устройстве войск

I. Все же желающие сражаться с ними должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки, баллисты, которых они очень боятся, достаточное количество стрел, палицу из хорошего железа, или секиру с длинной ручкой (острия стрел для лука или баллисты должны, как у Татар, когда они горячие, закаляться в

воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзить их оружие), также мечи и копьё с крючком, чтобы иметь возможность стаскивать их с седла, так как они весьма легко падают с него, ножики и двойные латы, так как стрелы их нелегко пронзают их, шлем и другое оружие для защиты тела и коня от оружия и стрел их. А если некоторые не вооружены так хорошо, как мы сказали, то они должны идти сзади других, как делают Татары, и стрелять в них из луков или баллист. И не должно щадить денег на приготовление оружия, чтобы иметь возможность спасти душу, тело, свободу и все прочее.

II. Ряды надлежит подчинить, подобно Татарам, тысячникам, сотникам, десятникам и вождям войска. Эти вожди никоим образом не должны вступать в сражение, как не вступают и их вожди, но должны смотреть за войском и поддерживать порядок. Они должны также установить закон выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, как всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должен быть подвергнут тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих (Татар) преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся, и бегущие. И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжкой пене. Ибо у Татар такого человека убивают без всякого сострадания.

§ III. Как надлежит встретить их хитрости при столкновении

I. Если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и Татар можно отовсюду видеть; если можно, то с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы Татары не могли проникнуть между войском и лесом. И не должно всем зараз собираться воедино, но следует устроить много отрядов, разделенных взаимно, однако не очень отстоящих друг от друга; против тех, кто идет сперва, надлежит послать один отряд, чтобы он вышел им навстречу; если же Татары устроят притворное бегство, то не надо идти далеко сзади их, если случайно нельзя осмотреться возможно дальше, чтобы враги не увлеклись случайно в уготованную засаду, как они обычно делают, и другой отряд должен быть готов, чтобы помочь на случай нужды тому отряду. Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды Татар, сзади, справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение. Отряды же должны остерегаться того, чтобы не бежать за ними далеко по причине засад, которые они обычно устраивают, ибо они более борются коварством, чем храбростью.

II. Вожди войска должны быть всегда готовы, если нужно, посылать помощь тем, кто находится в бою, и вследствие этого должно также избегать очень гнаться за ними, чтобы случайно не утомить лошадей, так как у наших нет изобилия в лошадях, а Татары на ту лошадь, на которой ездят один день, не садятся после того три или четыре дня; отсюда вследствие имеющегося у них изобилия в лошадях они не заботятся о том, не утомились ли их лошади. И если Татары отступают, то наши все же не должны отходить или разделяться взаимно, так как они делают это притворно, чтобы разделить войска и после того вступить свободно в землю и разорить ее всю. Должно также остерегаться от излишней, как это в обычае, траты съестных припасов, чтобы из-за недостатка в них не быть вынужденными вернуться и открыть Татарам дорогу перебить войско и других, разорить всю землю и подвергнуть, от их распространения, хулению имя Божие. Но это должно делать старательно, чтобы, если каким-нибудь ратникам выпадет на долю отступить, другие заняли их место.

III. Наши вожди должны также заставлять охранять войско днем и ночью, чтобы Татары не ринулись на них внезапно и неожиданно, потому что они, как демоны, измышляют много злокозненностей и способов вредить; мало того, должно быть всегда готовыми как днем, так и ночью, не должно ложиться раздетыми и с прохладой сидеть за столом, чтобы нельзя было застать нас неприготовленными, так как Татары всегда бодрствуют, чтобы высмотреть, каким образом они могут причинить вред. Жители же страны, ожидающие Татар или боящиеся, что они придут на них, должны иметь сокрытые ямы, куда должны отложить посева, равно как и другое, по двум причинам, именно: чтобы Татары не могли овладеть этим и чтобы, если Бог окажется к ним милостивым, получить возможность обрести это впоследствии, когда Татары побегут из их земли. Сено и солому надлежит сжечь или крепко спрятать, чтобы татарские лошади тем менее находили себе пищи для еды.

§ IV. Об укреплении крепостей и городов

При желании же укрепить города и крепости прежде надлежит рассмотреть, каково их местоположение. Именно местоположение крепостей должно быть таково, чтобы их нельзя было завоевать орудиями и стрелами, чтобы у них было достаточно воды и дров, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресечь к ним вход и выход и чтобы было достаточное количество лиц, могущих сражаться попеременно. И должно тщательно смотреть за тем, чтобы Татары не могли взять крепости какою-нибудь хитростью. Должно иметь запас продовольствия, достаточный на много лет; следует все же тщательно сохранять съестные припасы и изводить их в определенных размерах, так как неизвестно, сколько времени придется быть заключенными в крепости. Именно когда они начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и в нынешний день с одной горой в земле Аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет, причем те оказали им мужественное сопротивление и убили многих Татар и притом вельмож. Другие же крепости и

города, не имеющие подобного положения, надлежит сильно укрепить глубокими и обнесенными стенами рвами и хорошо устроенными стенами; и надлежит иметь достаточное количество луков и стрел, камней и пращей. И должно тщательно остерегаться, чтобы не позволять Татарам выставлять свои машины, но отражать их своими машинами; и если случайно, при помощи какой-нибудь выдумки или какой-нибудь хитрости, Татары воздвигнут свои машины, то надо, если возможно, разрушать их своими машинами; должно также оказывать сопротивление при помощи баллист, пращей и орудий, чтобы они не приближались к городу. Должно также быть готовыми и в других отношениях, как сказано выше. Должно также тщательно смотреть за крепостями и городами, расположенными при реках, чтобы их нельзя было потопить. А еще надо знать, что Татары больше любят, чтобы люди запирались в городах и крепостях, чем чтобы сражались с ними на поле. Именно, они говорят, что это их поросыта, запертые в хлеву, отчего и приставляют к ним стражей, как сказано выше.

§ V. Что надлежит сделать с пленными

Если же какие-нибудь Татары будут на войне сброшены со своих лошадей, то их тотчас следует брать в плен, потому что, будучи на земле, они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей. И, если их сохранить, они могут оказаться такими, что из-за них можно получить, так сказать, вечный мир и взять за них большие деньги, так как они очень любят друг друга. А как распознать Татар, сказано выше, именно там, где было изложено об их внешности; однако когда их берут в плен и если их должно сохранить, то надо приставить бдительный караул, чтобы они не убежали. Вместе с ними бывает также много других народов, которых можно отличить от них благодаря указанной выше внешности. Надо также знать, что вместе с ними в войске есть много таких, которые, если улучат удобное время и получают уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними, как сами сказали нам, изо всех частей войска, и причинят им больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужным привести только как лично видевшие и слышавшие это, и не для того, чтобы учить лиц сведущих, которые, служа в боевом войске, знают военные хитрости. Именно, мы уверены, что те, кто опытен и сведущ в этом, придумают и сделают много лучшего и более полезного; однако они получают возможность благодаря вышесказанному иметь случай и содержание для размышления. Ибо сказано в Писании: «Слыша, мудрец будет мудрее, и разумный будет обладать кормилами».

(Из «Книги путешествий» Марко Поло)

...Вооружение у них лук, меч и палица; всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки; а на спине у них панцырь из буйволового или другой какой кожи, вареной и очень крепкой. Бьются отлично и очень храбро.

Странствуют более других, и вот почему: коль случится надобность, татарин зачастую уйдет на целый месяц, без всякой еды; питается кобыльим молоком да тою дичью, что сам наловит, а конь пасется на траве, какая найдется, и не нужно ему брать с собою ни ячменя, ни соломы. Государю своему очень послушны, случится надобность, всю ночь простоит на коне вооруженным; а конь пасется завсегда на траве. В труде и лишениях они выносливы более нежели кто-либо, трат у них мало, покорять землю и царства самый способный народ.

Вот какие у них порядки: когда татарский царь идет на войну, берет он с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого над сотнею, иного над тысячею, а иного над десятью тысячами; сносится он только с десятью человеками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячею поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью. Так-то, как вы слышали, всякий отвечает своему старшине.

Когда государь ста тысяч пожелает послать куда-нибудь кого-либо, приказывает он старшине над десятью тысячами, чтобы тот дал ему тысячу, а тот наказывает тысячнику поставить свою часть, тысячник сотнику, сотник приказывает десятнику, чтобы всякий поставил свою часть тому, кто над десятью тысячами; всякий, сколько ему следует дать, столько и дает. Приказу повинуются лучше, нежели где-либо в свете. Сто тысяч, знайте, называются тут, десять тысяч томан, тысяча..., сотня..., десяток...

Когда рать идет за каким-либо делом по равнинам или по горам, за два дня перед тем отряжаются вперед двести человек разведчиков, столько же назад и по столько же на обе стороны, то есть на все четыре стороны, и делается это с тем, чтобы невзначай кто не напал. Когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собою не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья, да глиняный горшок варить мясо. Везут также маленькую палатку укрываться на случай дождя. Случится надобность, так скажут, скажу вам, дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня, да и пьет кровь. Есть у них еще сухое молоко, густое, как тесто; возят его с собою; положат и воду и мешают до тех пор, пока не распустится, тогда и пьют.

В битвах с врагом берут верх вот как: убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно, да сильно так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражьи коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает, оттого что кони у

него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражских коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то побеждали они во многих битвах и покоряли многие народы...

(Из «Книги путешествия» Эвлия Челеби)

Этот народ подобен молнии. К примеру, если оказывается, что неверные находятся на расстоянии одного-двух переходов, то татарам отдается приказ пуститься в набег, то есть скакать галопом. Тогда татары садятся на своих коней, заблаговременно откормленных овсом, уже облегчившихся и почищенных, и скачут.

Да удалит от нас Бог такую участь! Если в это время кто-нибудь свалится с коня – спастись для него нет никакой возможности. Тот человек будет растоптан ногами лошадей и погибнет. И потому у татарского народа нет обычая смотреть назад и оглядываться на свои следы во время движения. Поэтому их кони связываются за хвосты веревкой, по 10-15 в ряд, и все кони вынуждены идти голова к голове, подтягивая друг друга.

А во времена наших предков бывало так, что если лошадь свалится, то она уже не может подняться и погибает под копытами других коней, и не могло случиться так, чтобы человек, упав с коня, спасся. И конь, и человек под ногами коней превращались в кашу, в месиво, в давленное мясо.

...Короче говоря, высшим благоразумием является решение идти не в гуще этого народа, когда он находится в движении, а с краю, ибо, как говорят, «кто стремится к безопасности, тот находится с краю». И если время летнее, то спокойнее находиться вне гущи войска, но в зимние дни идущий посреди этой толпы воинов погружается в тепло крови и пота коней и людей, и холод совершенно не оказывает на него никакого воздействия.

Но у татарского войска со времен рода Чингиза есть еще один закон, который состоит в том, что если ханы отправляются в поход, то впереди становятся 12 отаг в качестве ведущих, и войско выстраивается по 12 лошадиных подпруг в ряд. Таким образом воины образуют строй в

12 колонн, и чтобы им ни встретилось на пути – долины, горы или брод – все 12 колонн воинов держатся сомкнутым строем.

А когда в поход идет калга-султан, 50 тысяч человек его войска образуют 8 колонн. Если же в поход идет нуреддин-султан со своим войском, то идет 40 тысяч воинов 6-ю колоннами. А если в поход отправляется ханский везирь, казак-султаны, прибрежные аги или аги ширинли, мансурлу или седжевутов, то бывает 30 тысяч воинов, которые образуют строй в 5 колонн.

Кроме того, когда в набег идут мурзы или беи племен, то бывает по 10 тысяч воинов, и они образуют 4 колонны. Однако такие набег не называют походами. Если раз в месяц или раз в неделю ходят в набег всего лишь с 10-ю тысячами человек, то эти 10 тысяч идут без строя. Это называется беш-баш. В течение одной-двух недель они бьют и грабят и, объехав небольшие пространства земель неверных, захватывают добычу и возвращаются в Крым. А еще строем беш-баш ходят караги с каким-то удивительным мурзой во главе, вместе с 2-3 тысячами батыров и джигитов. Сколько их ни есть, столько и идет. Счета по колоннам у них нет. Они ходят, собираясь полным войском, сколько имеется в данное время. Однако, неверные очень боятся этого войска и всегда предпринимают предосторожности по отношению к нему, ибо такое войско совершенно не дает врагу пощады или передышки. Если у них не случается своевременного похода, то они отдельными отрядами беспрестанно ходят строем беш-баш на страну неверных. При этом другой отряд может в то же самое время идти по другой дороге. Потому неверные и боятся этого народа. Они никогда не могут быть спокойны, ни в горах, ни в лесах при рубке дров, ни в полях на посевах, ни тогда, когда они просто находятся в своих деревнях. Для неверных татарский народ – словно чума.

Короче говоря, вышеупомянутое построение колоннами установлено предками ханов таким образом, что в походе все идет строгим порядком, и если человек или конь падают, то они не погибают, и поистине, это разумно. Но когда они пускаются в набег, у них нет ни колонн, ни рядов, ни порядка, и все это напоминает день Страшного Суда. Да сохранил Всевышний Господь всех татарских воинов!

(Из анонимного продолжения «Истории царства французского»)

...Как наши братья, мы заявляем, что, если бы волею господи они были побеждены, не найдется на пути их до вашей земли, кто бы мог противостоять им. И знайте, что они не щадят никого, ни богатых, ни бедных, ни малых, ни взрослых, кроме красивых женщин, чтобы удовлетворить с ними свои похоти и, когда так сделают с ними, они их убивают, чтобы они не могли ничего сообщить о состоянии их войска. И если посылают вестников туда, передовые посты их войска их хватают, завязывают им глаза и отводят их к своему господину, который, как они говорят, является владыкою всего мира. Они не щадят ни замков, ни вилл, но уничтожают все. Они едят всякое мясо, кроме свиного. Они не сжигают никакого города, кроме тех, которые оказывают им сопротивление. Тогда они не сжигают добра ни в каком возвышенном месте, чтобы нельзя было издали увидеть знамения их победы. И если кто из них умирает, что сжигают, и если кто-нибудь из них захвачен в плен, он не станет есть и дает себе так умереть с голоду.

У них нет никаких железных доспехов, да о них нет заботы и они их не держат никаких, но их щиты из вареной кожи. И знайте, что наши магистры в Богемии, в Венгрии, в Польше, в Алемании и в Моравии не пришли (к) нашему капитулу, но собирают весь народ, сколько могут, чтобы идти на них; и об этом он поручил нам сообщить через братьев нашего капитула, которых послал к нам, и мы думаем, что это будет. И знайте, что их войско так велико, как мы узнали от наших братьев, ускользнувших из их войска, что оно занимает 18 миль в длину, и 12 в ширину, и что они в один день проезжают на конях расстояние от Парижа до Шартра.

Завоевательные войны монголов как источник обогащения

Многочисленные завоевательные походы, которые совершали монголы, принося им добычу, служили важнейшим источником обогащения.

(Из «Мэн-да бэй-лу» - «Полного описания монголо-татар»)

Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы [они] каждый день гонятся и охотятся. [Это] и есть их средство к существованию. Поэтому [у них] нет пеших солдат, а все – конные воины. Когда [они] поднимают [сразу даже] несколько сот тысяч войск, [у них] почти не бывает никаких документов. От командующего до тысячника, сотника и десятника

В Сань чао бэй-мэн хуй-бянь их должности названы: тэ-му – темник, мэн-янь – тысячник, мао-мао-кэ – сотник и пу-ли-янь – десятник.

[Все] осуществляют [командование] путем передачи [устных] приказов.

Всякий раз при наступлении на большие города они, [монголы], прежде всего наносят поражение маленьким городам и захватывают там население, чтобы обеспечить себя слугами. В таком случае отдается приказ, чтобы каждый воин-всадник непременно стремился захватить десять человек. Когда люди полностью набраны, то каждый [захваченный] человек обязан собрать травы или дров, земли или камней. Затем их насильно гонят по несколько дней и ночей «подряд. Если люди медлят, то [монголы] убивают их. Когда их пригонят к городу, они заваливают крепостные рвы [принесенными ими материалами] и заравнивают их или обслуживают стенобитные машины и участвуют в других [работах]. [Монголы] не останавливаются перед тем, чтобы [пригнать] несколько десятков тысяч человек. Благодаря этому не бывает случаев, чтобы при штурме они не разбили городских стен. Разрушив стены, [монголы] истребляют всех – старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных. Всякого, кто перед лицом противника не принимает приказа [о капитуляции], непременно казнят, пусть даже он оказывался знатным [лицом]...

Все планы военных походов сперва определяются в течение третьей и четвертой луны и рассылаются по всем государствам. Еще на пиршествах [по случаю праздника начала лета] пятого дня пятой луны, совместно решают, куда направиться [с войной] нынешней осенью. [После этого] все возвращаются в свои государства спасаться от жары и откормить [коней] на пастбищах. В восьмую луну все собираются в Яньду и после этого выступают [в поход].

(Из «Юань ши»)

Если при штурме города враг отвечал хотя бы одной выпущенной стрелой или камнем, то по старой системе это считалось отклонением приказа [о капитуляции] и по взятии [города осажденные] непременно подвергались избиению.

Накануне падения Бяньляна¹ первый военачальник Субэ-тэй² прислал посла сказать [императору]: «Цзиньцы оказывали сопротивление долго, [отчего] у нас погибло или ранено много воинов. [Поэтому] следует перебить их (жителей) в день взятия города». Елюй Чу-цай поспешно прибыл [в ставку] и в докладе императору сказал: «Генералы и солдаты вот уже десятки лет терпят невзгоды военных походов и то, чего они хотят, есть только земля и народ. Если получить земли без парода, то как использовать их?» Но император колебался и еще не решался. Заметив это, Елюй Чу-цай добавил: «Здесь собрались все удивительно искусные мастера и семьи с громадными сокровищами. Если их всех перебить, то не останется никакой добычи!» Император согласился с этим и издал указ наказывать только род Вань-яня³, а со всех остальных не спрашивать.

Укрывавшиеся от войск и проживавшие в Бянь составляли 1470000 человек⁴...

¹ Бяньлян – г. Кайфын, одна из столиц государства Цзинь, т. е. чжурчженей.

² Субэтэй – полководец Чингис-хана (ум. в 1248 г.).

³ Род Вань-яня – род чжурчженского императора.

⁴ Событие относится к 1232 г.

Распределение монголами военной добычи (Из «Мэн-да бэй-лу» - «Полного описания монголо-татар»)

Во всех случаях, когда [монголы] занимают город и получают добычу, они распределяют ее пропорционально. Все от низшего до высшего каждый раз оставляют независимо от количества [добычи] одну часть для преподнесения императору Чэн-ци-сы¹, а остальное раздают [чиновникам] по-разному. Получают свою норму также министры и другие [лица], которые находятся в Северной пустыне и [даже] не приезжали на [место] сражения.

¹ Чэн-ци-сы – Чингис.

Дипломатия монголов

Специфический характер был присущ дипломатии монголов.

(Из «Мэн-да бэй-лу» - «Полного описания монголо-татар»)

Послы у них называются сюань-чай. Когда [послы] приезжают от императора или из ставки го-вана, в округах и уездах, а также в ставках начальников, управляющих войсками, через которые проезжают [эти послы], все приходят выразить [им] почтение. Не спрашивая, высок или низок чин [посла], его встречают в домах с церемониями для равных, он проходит через [парадную] дверь с трезубцами и садятся в окружных или областных управах. Правители лично преклоняют колени [перед послом], для встречи [его] выезжают в предместье и устраивают на ночлег в резиденциях правителей или управах. Провожают и встречают его за предместьем с барабанами, трубами, знаменами и флагами, певчихами и музыкой.

Всякий раз, как [послы] увидят лошадей, тотчас меняют. Все сопровождающие и едущие вместе [с ними также] могут сменить лошадей. Это называется «ехать на станционных лошадях», то есть то же, что [значило] «ехать на перекладных» в древности.

Недавно, когда [я], посол, прибыл в ставку их го-вана, церемонии при всех встречах были весьма просты и слова весьма прямы. При этом говорили: «Ты добрый министр доброго императора великих Сунов». Вообще их характер простой, и [в нем] есть дух глубокой древности. Достоин сожаления, что учат их изменившие и бежавшие чиновники цзиньских разбойников! Теперь [они] постепенно уничтожают [их] первозданность, разрушают [их] естественность и обучают [их] коварству. [Это] отвратительно!

(Плано Карпини, «История Монгалов, именуемых нами Татарами»)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили; о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости, которую они проявляют к своим подданным

Описав, каким образом они воюют, надлежит сказать о землях, которые они подчинили своей власти. Об этом напишем мы таким образом: сперва скажем, как они заключают мир с людьми; во-вторых, о названиях земель, которые они себе подчинили: в-третьих, о землях, которые оказали им мужественное сопротивление; в-четвертых, о жестокости, которую они проявляют к своим подданным.

§ I. Как они заключают мир с людьми

I. Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингис-кана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. А когда они получат полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них. Например, в бытность нашу в России, был прислан туда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис, поляки же

и русские называют этого зверя дохорь, и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба.

II. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем Аланов, и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем Солангов.

III. Башафов, или наместников, своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов. И не только государь Татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий Татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно.

IV. Сверх того, если у тех государей, которые им сдались, возникают какие-нибудь спорные случаи, то им надлежит отправляться для разбирательства к императору Татар, как случилось недавно с двумя сыновьями царя Георгиании. Именно один был законный, а другой, имя которого было Давид, родился от прелюбодеяния; законного же звали Мелик; сыну прелюбодейки отец оставил часть земли; другой же, который был моложе, поехал вместе с матерью к императору Татар ради того, чтобы вышеупомянутый Давид предвосхитил путь к нему; мать другого, то есть Мелика, именно царица Георгианская, по которой муж владел царством, так как то царство находилось во владении по женщинам, умерла в дороге. Они же, по прибытии, роздали огромные подарки, в особенности же законный сын, требовавший части земли, которую отец оставил сыну своему Давиду, так как этот последний, будучи сыном прелюбодейки, не должен был владеть ей. Тот же отвечал: «Пусть я сын наложницы, все же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю Татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни». Отсюда приговор был произнесен против законного сына, чтобы он подчинился Давиду, который был старше, и чтобы он владел спокойно и мирно тою землею, которую дал ему отец, и таким образом младший сын потерял розданные им дары и проиграл дело, которое вел против брата своего Давида.

V. Они берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предаться им, как они поступили с обезами, или георгианами, от которых, как сказано, они получают в качестве дани пятьдесят или сорок тысяч иперперов, или бизанциев. Другим народам они дают еще пребывать в спокойствии; однако согласно тому, что мы от них узнали, намереваются завоевать их.

§ II. О названиях земель, которые они себе подчинили

Названия земель, которые они одолели, суть следующие: Китаи, Найманы, Соланги, Кара-Китаи, или черные Китаи, Комана, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйюр (Нуйур), Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть великая Венгрия, Кергис, Касмир, Саррацины, Бисермины, Туркоманы, Билеры, то есть великая Булгария, Корола, Комуки, Буритабет, Паросситы, Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Кангиты, Команы, Брутахи, которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы (Perses), Тарки, малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы, Руфены, Балдах, Сарты; есть и еще много земель, но имен их мы не знаем. Мы видели даже мужчин и женщин из вышеназванных стран.

§ III. О землях, которые оказали им мужественное сопротивление

Имена земель, оказавших им мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им, суть следующие: великая Индия, Мангия, некая часть Аланов, некая часть Китаев, Саксы; именно, как нам говорили там же, они осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины Татар, так что те из-за машин и баллист не могли приблизиться к городу для сражения; наконец, они сделали дорогу под землю и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сразилась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них.

§ IV. О жестокости, которую они проявляют к своим подданным

В земле Саррацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах. Сверх того, когда угодно господам, они забирают всех юношей с женами и сыновьями и заставляют идти сзади себя со всеми своими слугами. Впрочем, эти юноши принадлежат к числу Татар, а вернее сказать, к числу пленных, так как хотя они считаются в их среде, однако не пользуются таким уважением, как Татары, но приравниваются к рабам и посылаются на все опасности, как другие пленные. Ибо в войнах они идут первыми, а также если приходится перейти болото или опасную воду, то им надлежит сперва изведать брод. Им также нужно работать все, что надлежит делать. Точно так же если они кого-нибудь оскорбят или не повинуются по мановению, то их бьют, как ослов. И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными.

Политика монголов в покоренных странах (Из «Юань ши»)

В век Тай-цзу [Чингиса] в Западном крае ежегодно происходили военные действия, и Тай-цзу не имел досуга заниматься Северным Китаем. Чиновники взимали налоги и думали только о себе; их богатства достигали несметного количества, но у казны не было никаких запасов. В связи с этим придворный чиновник Бэдэ и другие сказали императору: «Ханьцы не приносят никакой пользы государству. Можно уничтожить всех их людей и превратить (их земли) в пастбища...»¹.

В году жень-чень (24.1.1232 г. – 10.11.1233 г.), весной, император выступил в карательный поход на юг и перед переправой через Хуанхэ издал указ о том, что если беженцы сами приходят сдаваться, то их не освобождать от казни. [Тогда] некоторые говорили: «Эти люди сдаются, когда им трудно, а когда им легко, убегают. Это будет лишь помощь врагу. Нельзя щадить их!» Но Елюй Чу-цай просил за них императора, изготовил несколько сот флагов для раздачи беженцам [в знак их капитуляции] и вернул [беглецов] в родные места. Так была сохранена жизнь очень многим.

В то время впервые была покорена Хэнань², пленных взяли очень много. При возвращении монгольских войск на Север из 10 пленных бежали 7-8 человек. Тогда издали императорский указ уничтожать не только беглых, но и семьи, которые приютили их или дали им питье или пищу, и вместе с ними наказывать и всю деревенскую общину. После этого беглые не смели останавливаться в домах и большинство из них умирали с голоду на дорогах.

Елюй Чу-цай по своей инициативе изложил [императору] по пунктам восемнадцать дел, о чем в Поднебесной был обнародован эдикт. Вкратце в нем говорилось о том, что [1] в областях следует ставить старших чиновников, а среди пастушеского населения учреждать [должности] темников для командования войсками и приравнивать их во власти и силе, чтобы предотвратить своеволие и произвол; [2] выплачиваемые [населением] средства в землях Северного Китая следует тратить на вспомоществование этому населению; [3] в округах и уездах следует наказывать тех [чиновников], которые посмеют самовольно вводить [новые] подати без получения высочайшего указа; [4] наказывать тех [чиновников], которые заимствуют казенные вещи для торговли; [5] наказывать смертью монголов, мусульман и тангутов, которые занимаются земледелием, но не платят налогов; [6] наказывать смертью надзирателей [над государственной собственностью], которые сами воруют казенные вещи; [7] о преступниках, совершивших правонарушения, наказуемые смертью, должно представлять доклад императору с изложением мотивов, дожидаться ответа и только после этого осуществлять кару...

В то время военачальники и сановники получали рабов из пленных и часто оставляли их в [других] областях. Елюй Чу-цай при переписи населения приказал всех их превратить в крестьян (минь); кто будет владеть ими, скрыв при переписи населения, того казнить³.

Придворный фаворит Кэ-сы Бу-хуа (Кэм Буха) представил доклад императору о мужиках для добычи золота и серебра, для обработки полей в Западном крае и о семьях для выращивания винограда. Император

приказал переселить для выполнения этой [повинности] свыше 10000 семей из Сицзин и Сюаньдэ. Тогда Елюй Чу-цай сказал императору: «По завету прежнего императора народ Шаньхоу⁴ простого нрава, не отличается от соотечественников и можно использовать его по необходимости. Не следует легко передвигать его. Ныне, во время похода в Хэнань, не казните народ, чтобы обеспечить эти повинности». Император согласился с его докладом⁵.

¹ Событие относится к 1230 г.

² Хэнань была завоевана в 1234 г.

³ Событие относится к 1234 г.

⁴ Шаньхоу – местность, начинающаяся за горным проходом Цзюйюн, севернее Пекина.

⁵ Событие относится приблизительно к 1231 г.

Монгольские завоевания (Из «Юань-чао би-ши» - «Сокровенного сказания монголов»)

Монгольские завоевания – войны и походы армий Чингисхана и его потомков в XIII в. в Азии и Европе.

XI. ПОКОРЕНИЕ СЕВЕРНОГО КИТАЯ, СИ-СЯ, ТУРКЕСТАНА, БАГДАДСКОГО ХАЛИФАТА И РУСИ.

§ 247. Затем, в год Овцы, Чингис-хан выступил в поход против народа Китая. После занятия Фу-чжоу и переправы через Хунегенский перевал (Ехулин, в 30 ли к западу от Калгана) он занял Сюнь-дэ-фу и выслал далее передовой отряд под командою Чжебе и Гунгунека. Достигнув Чабчияла (Цзюй-юн-гуань), который оказался сильно укрепленным, Чжебе отступил с намерением вызвать этим способом выступление неприятеля и дать ему бой. Заметив его отступление, Китадское войско на самом деле двинулось его преследовать, выступив из крепости и запрудив до самой горы всю долину реки. Между тем Чжебе, дойдя до Сюнь-дэ-фу-ского мыса, повернул обратно и стремительной лавиной обрушился на рассыпавшегося в беспорядке неприятеля. В это время на Китадцев вслед за Чжебе ударил с главными силами Чингис-хан и погнал их. Он разбил самые лучшие части неприятельского войска, состоявшие из Хара-Китадцев, Чжурчедов и Чжуинцев. Тут до самого Чабчияла пошло такое истребление, что кости трещали словно сухие сучья. Когда Чжебе взял крепость Чабчиял и перешел перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ширадеке. Он осадил Чжунду (совр. Пекан или Бей-пин), а для осады других городов послал особые отряды. Чжебе был отряжен для осады Дун-чана (Дун-цзин, т.е. Восточная столица). Подойдя к Дун-чану и осадив его, Чжебе в виду невозможности его прямого захвата, отступил на расстояние в шесть суток пути, внезапно повернул назад и, пройдя это расстояние ускоренным ходом, при заводных конях, захватил город Дун-чан внезапным нападением.

§ 248. По взятии города Дун-чана, Чжебе возвратился обратно и присоединился к Чингис-хану. Во время осады Чжунду Алтан-хановский вельможа, Вангин-чинсян, представил своему государю такой доклад: «Не пробил ли час падения династии соизволением на то неба и земли? Монголы, чрезвычайно усилившись, разбили наши главные части Хара-Китадские, Чжурчедские и Чжуинские и полностью их истребили. Они захватили и наш опорный пункт Чабчиял. Если теперь мы вновь соберем и снарядим войско и оно опять будет разбито Монголами, то несомненно рассеется по своим городам и деревням. Дальнейшие сборы окажутся невозможными в такой же мере, в какой невозможным станет и заключение мира с неприятелем. Не соблаговолит ли посему Алтан-хан согласиться на временное перемирие с Монголами. А когда Монголы примут наши мирные предложения и уйдут, тогда мы поведем с ними иные речи. Кстати же у Монголов, как слышно, и люди и лошади сильно страдают от непривычно жаркого климата. Дадим же их хану царевну, а военнначальникам и ратным людям золота, серебра тканей и товаров, сколько им под силу увезти. Кто знает, не прельстятся ли они на такие мирные предложения?» Одобрив и утвердив этот доклад Вангин-чинсяна резолюцией «быть по сему», Алтан-хан вступил с Чингис-ханом в мирные переговоры. Он отправил к Чингис-хану для ведения переговоров Вадгин-чинсяна, выслал с ним из Чжунду царевну, или гун-чжу, для Чингисхана, а также золота, серебра, тканей и всяких товаров для войска в таком количестве, какое только им было под силу увезти с собою. Согласившись на эти мирные предложения, Чингис-хан снял осаду городов и, отозвав войска, ушел, причем Вангин-чинсян провожал его до мыса; называемого Мочжоу-Фучжоу. Наши солдаты так нагрузились шелками и вещами, что даже вьюки перевязывали шелковыми кипами.

§ 249. В этот же поход побывали и у народа Хашин (Хэ-син, Си-ся). Когда подступали к его пределам, Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал для Чингис-хана царевну, по имени Чаха, и предложил свои услуги быть у Чингис-хана правой рукой. Кроме этого, Бурхан сообщил: «Ужасались мы слухом о славном имени Чингис-хана. Ныне же мы пребываем в страхе перед величием самоличного пришествия твоего. Тангутский народ готов стать твоею правой рукой и отдать тебе свои силы. Но как их отдал? Кочуем мы недалеко а, городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоём

Явно врага не нагнать нам;
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно!

[«Когда случатся спешные походы или жаркие боевые схватки, то мы в спешном походе – не в силах угнаться, а в жарких схватках не в силах противостоять...»]

А потому вот о чем мы, Тангуты, просили бы соизволения государя Чингис-хана:
Сделай-ка нас ты своею прислугою.
Много верблюдов тебе мы пригоним.
Вырастив их на ковыльных просторах.
Сукон и тканей тебе мы доставим,
Соколов будем прилежно учить мы.
Лучшую птицу к тебе высылая».

[«Среди высоких дересунов-ковылей откормим и пригоним тебе множество верблюдов; будем служить у тебя оруженосцами – хя, будем ткать для тебя сукна и прочие ткани; будем добывать ловчих птиц, обучать их и наилучших поставлять тебе».]

Так докладывал Бурхан. И он сдержал свое слово: собрал со своих Тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам.

§ 250. В один поход были приведены к покорности Китадский Алтан-хан, с которого взято множество тканей, и Хашинский Бурхан, доставивший нам множество верблюдов. Итак, в год Овцы (1211) Чингис-хан, покорив Китадского Алтан-хана, по имени Ахутая, и Талгутского Илаху-бурхана, расположился кочевьем в Саари-кеер.

§ 251. Затем, Чингис-хан вторично выступил в поход против Китадского Алтан-хана Ахутая за то, что он учинил препятствия нашему посольству во главе с Чжубханом, посланному для мирных переговоров с Чжао-Гуанем. Он говорил: «Как смели они, находясь с нами в мире, не пропускать нашего мирного посольства к Чжао-Гуаню?» Выступив в поход, Чингис-хан направился к Тунгуаньскому проходу, а Чжебея отрядил через Чабчиял. Узнав, то Чингис-хан намерен пройти через Тунгуаньскую заставу, Алтан-хан возложил командование войсками на трех военачальников: Иле, Хада и Хобегетаура. Выслав передовой заслон под командою Улаан-дегиленя, он приказал Иле, Хадаю и Хобегетауру итти спешным походом и, таким образом, не допустить взятия Тунгуаньского прохода и перехода Монголов через его перевал. Китадские войска подоспели как раз к тому времени, как мы подходили к Тунгуаньскому проходу. Тогда Чингис-хан вступил в бой с войсками Хада, Иле и Хобегетаура и потеснил Иле и Хада. Тулуй же с Чугу-курगेном ударили наперерез (с фланга) и вынудили к отступлению Удаан-дегиленя. Тесня войска Иле и Хада, наши разбили их, и началось такое истребление Китадцев, как будто бы мы ломали сухие сучья. Узнав о полном поражении своих войск, Алтан-хан бежал из Чжунду в Наньгин. Уцелевшие Китадские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо. «Толуй с Чугу-курगेном действовали прекрасно!» – сказал Чингис-хан и оказал обоим великие милости.

§ 252. Остановившись в Хэ-си-ву, (По П. Кафарову, местечко между современным Пекином и Тяньцзинем) Чингис-хан расположил войска в Шара-кеере, близ Чжунду, Чжебе же, разрушив Чабчияльские укрепления и взяв Чабчиял, отвел войска и присоединился к Чингис-хану. Оказалось, что, покидая Чжунду, Алтан-хан оставил в нем своим наместником (Лю-шоу) вельможу Хада. Чингис-хан отправил в Чжунду Онгура-бавурчи, Архай-Хасара и Шиги-Хутуху, поручив им подсчитать наличность золота и серебра, а также поштучно проверить наличность тканей. Когда они подъезжали, Хада вышел к ним навстречу, захватив с собою из Чжундуских кладовых шитые золотом узорчатые ткани для встречных подношений. Тут Шиги-Хутуху сказал Хадаю: «Раньше эти вещи, как и самый Чжунду, были ведь Алтан-хановы. А ныне Чжунду – Чингисханов. Как же ты смеешь, крадучись как вор, раздавать Чингисханово добро?» И сказав так, Шиги-Хутуху не принял подарков, а Онгур-бавурчи с Архай-Хасаром приняли. Проверив поштучно наличность запасов, все трое вернулись, и когда Чингис-хан стал спрашивать у Онгура, Архая и Хутуху, не дарил ли им чего Хада, то Шиги-Хутуху и говорит: «Он принес и одаривал нас златотканными травчатыми шелками. Но я сказал ему: «Прежде этот Чжунду был Алтан-ханов, а теперь - Чингис-ханов. Зачем же ты, Хада, крадучись как вор, раздаешь Чингисханово добро?» И я не принял подарков, но Онгур с Хасаром приняли его подношения». Тогда Чингис-хан сделал очень строгий выговор Онгуру с Архаем, а Шиги-Хутуху милостивейше соизволил сказать: «Ты держишь в мыслях твоих Великую Ясу – Еке-Иосу. Не ты ли, Шиги-Хутуху, - око смотрения моего и ухо слышания моего!»

§ 253. Вступив в Наньгин, Алтан-хан отправил к Чингис-хану посольство, униженно прося мира и выслав своего сына с сотнею дружины его для службы в гвардии Чингис-хана. Приняв его мирные предложения, Чингис-хан, предполагая сам возвратиться через Чабчиял, отрядил Хасара с войском Левого корпуса, дав ему такое поручение: «Следуя вдоль по берегу моря, привести к покорности город Бегин. Далее следовать через земли Чжурчедского Фухано и, в случае его сопротивления, покарать, а в случае миролюбивого приема пройти мимо его пограничных городов, направиться по берегу рек Ула и Нау, затем перейти в ее верхнем течении реку Таоур и присоединиться к главным силам, в Великом Аурухе». Вместе с Хасаром из нойонов были отряжены Чжурчедай, Толун-черби и Алчи. Приведя к покорности город Бегин, замири-

Чжурчедского Фухало путем переговоров, Хасар, покорив попутные города, перешел в верховьях реку Таоур и соединился на стоянке с Великим Аурухом.

§ 254. Затем, когда Сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с Чингис-хановым послем Ухуна, государь Чингис-хан сказал: «Пойду войною на Сартаульский народ и законною мстью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшения моих златоцарственных поводов?» Перед тем как ему выступить в поход, ханша Есуй обратилась к нему с таким словом: «Государь, каган!

О благе народном все мысли твои:

Проходишь ли ты перевалом высоким,
Широкие ль реки ты вплавь переходишь,
Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.
Но в мире не вечно ведь все, что родилось.
Как семя, народ твой развеется,
Когда, упадешь ты, владыко,
Как падает в бурю высокое дерево.
Кому же ты царство свое завещаешь?
Как стая испуганных птиц, разлетится
Народ твой, когда, пошатнувшись,
Падет его царственный столп и опора.
Кому же ты царство свое завещаешь?

[«Высокие перевалы переваливая, широкие реки переходя, долгие походы исхаживая, помышлял ты заботливо о многолюдном царстве своем. Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому прикажешь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Когда покачнешься и ты, подобный столпу, кому прикажешь народ свой, уподобившийся стае птиц?...»]

Чье имя назовешь ты из четверых твоих витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоём для всех нас: и сыновей твоих и младших братьев, да и нас недостойных. Да будет на то твое царское изволение!» Когда, она так представила государю, Чингис-хан соизволил сказать: «Даром что Есуй – женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили!

Сам же я видно забылся.
Будто за предками мне не итти!
Сам же я видно заспался.
Будто бы смерть и меня не возьмет!

[«А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть!...»]

Итак, – продолжал он, – итак старший мой сын – это Чжочи. Что скажешь ты? Отвечай!» Не успел Чжочи открыть рта, как его предупредил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?» При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадаю за ворот, говорит: «Родитель государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!» И Чжочи с Чаадаем ухватились за ворота, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали – Чаадаю, и разнимают. А Чингис-хан – ни слова. Тогда заговорил Коко-Цос, который стоял с левой руки: «Куда ты спешишь, Чаадай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды изо всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было:

Небо звездное бывало Поворачивалось –
Вот какал распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложились,
Все добычей поживлялись,
Мать широкая земля
Содрогалась –
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переведывались.
Друг на друга всяк посягал
Вольной волею никто не жывал.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать?

Губишь ты речами ядовитыми
 Масло благости царицы-матери!
 Молоко ее сердечное
 Квасишь дерзостью бесчинною!
 Не одно ли чрево материнское
 Вас вынашивало?
 Не одна ли породила
 Вас утроба материнская?
 Вас под сердцем своим она выносила!
 Коли мать прогневишь,
 То ничем не согреть
 Охладевшей души.
 Всех вас чревом своим породила она!
 Коли мать огорчишь,
 Не развеять ничем
 Материнского горя.
 Родитель твой, царь,
 Великий улус созидаю,
 Черной своей головы не шадил,
 Черную кровь свою ведрами лил;
 Черных очей никогда не смежая,
 Тонких ушей на подушку не клал,
 На рукаве он при нужде дремал,
 Жажду слюною своей утоляя,
 Голод десной промеж зуб унимал.
 Пот ото лба до подошв доходил,
 А от подошв и ко лбу поднимался.
 В те поры как государь подвизался,
 Вместе трудилась и мать ваша с ним.
 Высоко бывало причешется,
 Пояс повыше подтянет.
 Плотно бывало причешется,
 Пояс потуже затянет,
 Вот как бывало растит она вас:
 Что взглотнуть бы самой –
 В рот половину вам сунет.
 В рот положить бы себе –
 Все вам одним отдаст.
 Голодом ходит бывало.
 Дума-забота одна у нее:
 Как бы за плечи вас вытянуть,
 С мужами в ровень поставить,
 Как бы за шею вас вытянуть,
 Людям в обиду не дать вас.
 Мыла все вас она, чистила,
 Крепко вас на ноги ставила.
 До молодецких плечей дотянула,
 К конской стати пригнала.
 Наша священная мать и царица
 Светлому солнцу душою подобна,
 Мыслью ж, как море, она широка».

[«Звездное небо поворачивалось – была всенародная [распря. В постель свою не ложились – все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась – всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло – до того шла общая вражда. Некогда было раздумывать – надо было вместе дело делать. Некогда было бежать – надо было вместе биться. Некогда было миловаться – приходилось смертным боем биться. Ты же так говоришь, что у своей матери убавляешь масло ее благоволения; так говоришь, что у священной государыни сквашиваешь молоко ее сердца. Не родились ли вы из одного и того же чрева, не поднялись ли вы от одного и того же лона? Если вы оскорбите свою мать, которая носила вас под сердцем, то душа ее охладает к вам, никогда того не исправить. Если вы огорчите свою мать, из чрева которой родились, то скорби ее никогда уж не развеять. Государь ваш родитель вот как созидал всенародное царство: черной головы своей не шадил (?), черную кровь свою щедро лил (?), черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку

не клал – рукав клал вместо подушки, полу подстилал; слюной своей жажду утолял, десной между зубов голод унимал, со лба его пот лил до самых подошв, а от подошв до лба поднимался. Б упорных трудах его, с подтянутой всегда подпругой, страдала с ним заодно и мать же наша; плотно-наплотно косы стягивала, туго-натуго подпоясывалась, крепко-накрепко косы стягивала, сильно-насилно подпоясывалась и вот как растила вас: что самой проглотить – половину вам отдаст; что кусок откусить – то все про вас пойдет, сама голодная будет ходить. И все-то думает, бывало, как бы вас за плечи вытянуть, да с мужами поровнять; как бы вас за шею вытянуть да с людьми сравнять. Тела ваши обмывала-обчищала, пяту вашу возвышала, доводила вас до богатырских плечей, до мериновых статей. Разве не помышляет она: теперь только и нагляжусь на своих деток. Священная государыня наша светла душой – словно солнце, широка мыслию – словно озеро».]

Так сказал Коко-Цос.

§ 255. Тогда обратился к сыновьям Чингис-хан: «Как смеете вы подобным образом отзывать о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!» Улыбнулся при этих словах Чаадай и говорит: «Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочиевых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как за причинение смерти языком с живого человека кожи не дерут. Ведь оба мы с Чжочием старшие сыновья. Вот и будем мы парюю служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить, пусть ногу по жилам отхватит но самую голень тому, кто" отставать станет. Огодай у нас великодушен, Огодай бы и наречь. Добро быть Огодаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподать ему наставление о Великой темной шапке!» На эти слова Чингис-хан заметил:

«А ты, Чжочи, что скажешь?» Чжочи, говорит: «Чаадай уж сказал. Будем служить парюю с Чаадаем. Высказываемся за Огодай!» – «К чему же, – говорит Чингис-хан, – к чему же непременно парюю? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше – будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чаадаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова! Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам – для пересудов. Помните, как некогда было поступлено с Алтаном и Хучаром, которые точно так же давали крепкое слово, а потом его не сдержали! Что с ними случилось тогда, помните? Теперь же вместе с вами будут выделены в ваши уделы и некоторые из потомков Алтана и Хучара. Авось не сойдете с пути правого, постоянно имея их перед глазами!» Так сказав, он обратился к Огодаю: «А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка!» Огодай сказал: «Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится «хоть ты их травушкой-муравушкой оберни»: – коровы есть не станут, хоть салом обложи – собаки есть не станут!» Не выйдет ли тогда дело по пословице: «Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!» Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!». «Вот это дело говорит Огодай – сказал Чингис-хан. – Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!» Толуй отвечал:

«А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!» Чингис-хан одобрил его слова и так повелеть соизволил: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один – и наследием Отчигина, один же – и наследием Бельгута. В таковом-то разумении я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление – неизменно. И если оное не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а, уж если у Огодай народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни - коровы есть не станут, хоть салом окрути – собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?» Такон соизволил повелеть.

§ 256. Собираясь в поход, Чингис-хан отправил к Тангутскому Бурхану посла с такою просьбой: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ, который порвал мои златые бразды». Не успел еще Бурхан дать ответу, как Аша-Гамбу и говорит: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!» И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом. Тогда Чингис-хан сказал: «Мыслимо ли стерпеть подобное оскорбление от Аша-Гамбу? За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но отставить это сейчас, когда на, очереди другие задачи! И пусть сбудется это тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды. Довольно!»

§ 257. Вслед затем, в год Зайца (1219), Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский народ. С собою в этот поход он взял из ханш Хулан-хатуну, а управление Великим Аурухом возложил на младшего брата, Отчигин-нойона. Чжебе был послан во главе передового отряда, вслед за ним – отряд Субеетая, а за Субеетаем – отряд Тохучара. Отправляя этих трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана, так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к

Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и в свою очередь нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин. Чингисхан же, пройдя вверх по течению реки Шин и разорив Баткесен, ушел. Достигнув речек Эке-горохан и Геун-горохан, он раскинул стан в степи Баруан-кеер. Преследовать Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика он послал Чжалаирского Бала. Всемиловнейше он похвалил Чжебе с Субеетаем и сказал: «Помнишь, Чжебе, ты именовался когда-то Чжирхоадам. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Чжебе-Пикой!» Тохучара же за то, что он самочинным разорением городов втянул в войну Хан-Мелика, Чингис-хан совсем уж было приговорил к смертной казни, но потом, сделав ему строжайший выговор, отставил от командных должностей и тем ограничил его наказание.

§ 258. Затем, на обратном пути из степи Баруан-кеер Чингис-хан отправил Чжочи, Чаадаю и Огодая, приказав им переправиться через реку Амуй и, расположившись лагерем у города Урунгечи, осадить его. Толуя же он послал осаждать города Иру, Исебур и многие другие города. Когда Чжочи, Чаадай и Огодая, донося Чингис-хану о том, что наши войска сосредоточены у города Урунгечи, просили указаний, под чьей командой им состоять, Чингис-хан ответил им, что следует им состоять под командой Огодая.

§ 259. Тем временем, покорив город Отрар, Чингис-хан двинулся оттуда и осадил город Семисгяб. А оттуда пошел осаждать город Бухар. Затем, в ожидании прибытия Бала, он проводил лето в летней резиденции Солтана, в горах у речки Алтан-горохан. Оттуда он послал Толую извещение: «Время жаркое. Расположи должным образом войска, а сам присоединяйся к нам». Как раз в эту пору Толуй взял города Иру, Исебур и Другие. Разгромив город Систен, он громил город Чухчерен, когда прибыл посол с этим известием. Разрушив город Чухчерен, он вернулся на стоянку и присоединился к Чингис-хану.

§ 260. Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодая, взяв город Орунгечи, поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингис-хана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингис-хан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадаю, ни Огодая. Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали ему докладывать: «Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингис-ханово: и взятый город Орунгечи и взявшие его и делившие царевичи. Все мы, и люди твои и кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь сознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы тебе не расслабить воли царевичей. Не признаешь ли ты за, благо, государь, принять теперь царевичей!» Когда они так доложили, Чингис-хан смягчился и повелел Чжочию с Чаадаем и Огодаем явиться и принять их отчитывать. Он приводил им древние изречения и толковал старину. Они же, готовые провалиться сквозь землю, не успевали вытирать пота со лбов своих. До того он гневно стыдил их и увещевал. Тут обратились к Чингис-хану стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган: «Государь! Царевичи еще ведь только обучаются бранному житью. наподобие тех серых соколов, которых только еще начинают напускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом? Не впали бы они со страху в нерадение. А ведь у нас – всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, направил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что это за народ такой? А есть. говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!» Когда они так, докладывали, государь все возражал, но при . :тих последних словах смягчился Чингис-хан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими и повелел Адаркидаю Хонхаю и Долунгирду Хонтохору оставаться при нем; а Сормахона отправил в поход на Багдадский народ, на Халибо-Солтана.

§ 261. Затем, он отправил в поход и Дорбетца Дорбо-Докшина на город Абту, принадлежащий народу Ару-Мару-Мадасари, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус и Багдад.

§ 262. А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил к поход Субеетай-Баатура.

§ 263. После окончательного покорения Сартаульского народа Чингис-хан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов. В это время явились к нему из города Урунгечи двое Сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с сыном. Они беседовали с Чингис-ханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом-Иосун. Посему он и поручил сыну его, Масхут Харумшию, совместно с нашими даругачинами, ведать городами Бухар, Семисген, Урунгечи, У дан, Кисхар, Уриян, Гусендарил и прочими. А Ялавачия увез с собою и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду. Из Сартаульских же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях у Ялавачия с Масхутом.

§ 264. Среди Сартаульского народа Чингис-хан провел семь лет. Тут он дождался возвращения Чжалаиртайского Бала, который, переправясь через реку Шин, преследовал Чжалалдин-Солтана и Хан-Мелика до самой Хиндусской земли. Потеряв с ними соприкосновение, в поисках беглецов он дошел даже до середины

Хиндусской страны, но будучи не в силах вести дальнейшее преследование, он повернул назад и, разорив и полонив пограничный Хиндусский народ и набрав множество верблюдов и легченых козлов, прибыл к Чингисхану. Тогда государь Чингис-хан вернулся на родину, проведя на пути одно лето на Эрдиши, и на седьмой год похода, в год Курицы (1225), расположился в царских дворцах; в Тульском Темном Бору – Хара-тун.

Монгольское завоевание Китая в XIII в. (Сы, «Всеобщее комментированное зеркало для содействия управлению»)

Хронограф Сы Ма-гуана «Цзычжи тунцзянь ганму» был продолжен другими правительственными летописцами в более поздние времена. Здесь повествуется о событиях XIII в.

Разорение страны захватчиками

Монгольский государь¹, оставя Котая и Хотая с войском по северную сторону Пекина, разделил 46 китайских дивизий, равно и татанские войска, на три армии. Трех сыновей своих... послал с правой, т.е. с западной, армией следовать по направлению хребта Тайхан на юг. Они взяли города... прошли до Желтой реки и произвели великое опустошение между городами Пинян и Тайюань². Полководец Бот шел подле моря на восток... и произвел великие грабежи в Ляоси³. Монгольский государь с сыном Тулуем пошел средней дорогой, взял города Сюнчжоу... Цзинань⁴, потом от Дакоу снова повернул с армией к Пекину. В сие время чжурчженские⁵ войска со всех дорог (провинций) отозваны были... для охраны мест, лежащих позади гор в провинции Шаньси, а крестьяне все взяты были в ополчение и поставлены на стенах городских для взятия тех же городов. Так с противных сторон отцы узнавали сыновей, старшие братья зывали к младшим. По сей причине никто не имел твердости защищаться, и города при первом прибытии войск сдавались. Этим образом разорено около 90 областных городов. В провинциях Хубэй, Хэнань, Шаньдун на несколько тысяч ли пространства почти все жители были побиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони – все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины преданы огню, городские стены превращены в развалины.

Осада моноглами города Цайчжоу в 1234 г.

В новый год монгольские войска пировали. Голоса поющих и звуки флейт во все стороны разносились. В городе⁶ томилась голодом и только что испускали вздохи... Перебеж-чики говорили, что минуло три месяца, как город не имеет съестных запасов. Седла, сапоги, ветхие литавры – все сварено; сверх того дозволено есть старых и слабых. Войска питались массой, сваренной из человеческих и скотских костей с зеленью. Нередко съедали целые отряды разбитых солдат.

Война в Сычуани в 1259 г.

Ван Цзянь храбро защищался. Монгольский государь⁷ со всеми силами осадил его, но ни в одном сражении не мог одержать победы. Предводитель первого корпуса генерал Ван Да-чэн с отборными войсками в ночи взшел на стены внешнего города. Ван Цзянь дрался с ними до самого рассвета. Ван Да-чэн, один подъехавши, громко кричал: «Ван Цзянь! Я пришел даровать жизнь войскам и жителям целого города – лучше заблаговременно покориться». Едва кончил он сии слова, как камень, пущенный из баллисты, поразил его. От сего удара получил болезнь и умер. В сие время пошел проливной дождь. Осадные лестницы подламывались. Задние войска не могли вперед подаваться, и все отступили. Монгольский государь также скончался под стенами Хэчжоу⁸. 52 лет от рождения. Князя и вельможи, обернувши тело его в шелковые ткани, положили на двух ослов и отправили на север.

¹ Чингисхан

² Провинция Шаньси.

³ Юго-западный район Дунбэя.

⁴ Провинция Шаньдун.

⁵ Чжурчжени – войска государства Цзинь.

⁶ Цайчжоу – город на юге провинции Хэнань.

⁷ Хан Мункэ (1251-1259 гг.).

⁸ Хэчжоу – старое название г. Хэчуань в Сычуани.

Поход монголов в Иран

Поход монголов в Иран был осуществлен в начале 1220-х годов. В результате было завоевано государство Хорезмшахов.

Разрушив Мерв, Тули-хан¹ устремился на Нишапур и менее чем через неделю, взяв сей город, в отмщение за смерть Тагаджар Гурекана, приходившего прежде сего для завоевания Нишапура, не оставил в оном ни одного живого существа, срыл стены, башни и другие городские строения, и на том месте, где

находились они, посеяли ячмень. В хорасанской летописи упомянуто, что исчисление убитых в Нишапуре продолжалось 12 дней и что число их, кроме женщин и детей, простиралось до 1747000².

От Нишапура Тули-хан устремился на Герат³...

...В Хорасане распространился слух, что Султан Джелал ад-Дин в окрестностях Газнина обратил в бегство некоторых вождей Чингис-хана, вследствие чего во всех городах, где находились даруги⁴, управлявшие именем Чингис-хана, жители возмущались... и убивали их...

¹ Тули-хан (правильно Тулуй-хан; ум. в 1232 г.) – четвертый сын Чингисхана.

² Цифра явно завышена.

³ Герат – город на северо-западе современного Афганистана.

⁴ Даруга – чиновник юстиции.

Монгольское нашествие на Русь

Монгольское нашествие на Русь – вторжения войск Монгольской империи на территории русских княжеств в течение 1237-1240 гг. в ходе Западного похода монголов (так называемого Кипчакского похода) 1236-1242 гг. под предводительством чингизида Батя и военачальника Субэдя. События носили катастрофический для Руси характер.

(Ала-ад-дин Ата-мелик Джувейни, «История завоевателя мира»)

Ала-ад-дин Ата-мелик Джувейни, из округа Джувейн в Хорасане, родился в 1226 г. и с молодых лет находился на службе у монгольских правителей Хорасана, которым служил уже его отец. Несколько раз он ездил в Монголию, Уйгурию и Мавераннахр. С 1256 г. находился на службе у Хулагу-хана. Его сочинение «История завоевателя мира» начато в 1252 или 1253 г. и закончено в 1260 г.

Рассказ о покорении Булгара, страны асов и Руси.

Когда каан (Угетай) во второй раз устроил большой курилтай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угетай) назначил (следующих) царевичей: (сыновей Тулуя) Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату-Хорду и Тангута – и несколько других царевичей, а из знатных эмиров (там) был Субатай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга. В пределах Булгара царевичи соединились: от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его (частью) убили, а (частью) пленили. Оттуда они (царевичи) отправились в земли Руси и покорили области ее до города..., жители которого, по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили (город) с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом, против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его, и нашли (там) много добычи. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо. Сосчитано было 270 000 ушей. Оттуда царевичи решились вернуться.

О войне с келарами и башгирдами.

Когда Русь, кипчаки и аланы также были уничтожены, то Бату решил истребить келаров и башгирдов, многочисленный народ христианского исповедания, который, говорят, живет рядом с франками. Для этой цели он приготовил войска и, по наступлении нового года, выступил. Народы эти обольщались своею многочисленностью, пылом храбрости и прочностью орудий. Услышав молву о движении Бату, они также выступили с 450 000 всадников, которые все славились военным делом и считали бегство позором. Бату отправил авангардом своего брата Шибакана с 10 000 15 человек для разведки (езек) и дозора, (поручив им) высмотреть численность их (неприятелей) и доставить сведения о степени их могущества и силы. Он (Шибакан) отправился, согласно приказанию, через неделю возвратился и дал (такое) известие: «Их вдвое больше войска монгольского и все народ храбрый и воинственный». Когда войска близко подошли друг к другу, то Бату взобрался на холм и целые сутки ни с кем не говорил ни слова, а горячо молился и громко плакал. Мусульманам он также приказал всем собраться и помолиться. На другой день приготовились к битве. Между ними (обоими войсками) находилась большая река. Ночью он (Бату) отправил одну часть войска (в обход), а войско (самого) Бату с этой стороны переправилось через реку. Шибакан, брат Бату, лично двинулся в самую середину боя и произвел несколько атак сряду. Неприятельские войска, будучи сильными, не трогались с места, но то войско (отправленное в обход) обошло их сзади. (Тогда) Шибакан со всем своим войском разом ударил (на них), бросился на ограды царских палаток, и они мечами разрубили канаты палаток. Когда они (монголы) опрокинули ограды царских шатров, войско келаров смутилось и обратилось в бегство; из этого

войска никто не спасся. Те области также были завоеваны. Это было одно из множества великих дел и ужасных побойщ.

Рассказ о Бачмане и уничтожении его.

Когда каан (Угетай) отправил Менгу-каана, Бату и других царевичей для овладения пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских, аланских и других, (когда) все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием (высшего) повеления, то между кипчакскими негодями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было (постоянного) местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день (оказывался) на новом месте, (был) как говорится, в стихе: «днем на одном месте, ночью на другом», и из-за своего собачьего нрава бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели большую старуху. Спросили, что это значит, чей это был стан, куда он ушел и где искать (его). Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранные и награбленные во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть (туда), не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону и обнаружилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать (на остров). Раньше чем он (Бачман) узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собою множество добра и имущества и затем решили вернуться. Вода опять заколыхалась и, когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его (Бачмана) на две части.

(Из летописи «Совершенство по части летописаниям» Ибн аль-Асира)

О том что они (Татары) сделали с Алланами и Кипчаками.

Перебравшись через Ширванское ущелье, Татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе Алланы, Лезгины и (разные) тюркские племена. Они ограбили и перебили много Лезгин, которые были (отчасти) мусульмане и (отчасти) неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к Алланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (Алланы) употребили все свое старание, собрали у себя толпу Кипчаков, и сразились с ними (Татарами), Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: «мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа ни их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.; они (Татары действительно) принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили их (Аллан). Тогда Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали они (Татары) нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что (сами) им принесли. Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и (есть в ней) места теплые зимою (также) со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря. Прибыли они к городу Судаку; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждой; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя к Судаку, Татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них с своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана.

О том, что Татары сделали с Кипчаками и Русскими.

Когда Татары овладели землею Кипчаков и Кипчаки разбрелись, как мы рассказали (выше), то большая толпа из них ушла в землю Русских; это страна обширная, длинная и широкая, соседняя с ними, и жители ее исповедуют веру христианскую. По прибытии их к ним, все собрались и единогласно решили биться с

Татарами, если они пойдут на них. Татары пробыли некоторое время в земле Кипчакдой, но потом в 620 году (4 февраля 1223 г. – 23 января 1224 г.) двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки, успевшие подготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они (Татары) обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание (напасть) на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, (но) потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них; (для последних это было) совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары с значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одолели и одержали победу. Кипчаки и Русские обратились в сильнейшее бегство, после того как Татары жестоко поразили их. Из бегущих убито было множество; спастись удалось лишь немногим из них; все что находилось при них, было разграблено. Кто спасся, тот прибыл в (свою) землю в самом жалком виде, вследствие дальности пути и поражения. Их преследовало множество (Татар), убивая, грабя и опустошая страну, так что большая часть ее опустела. Тогда, собрались многие из знатнейших купцов и богачей Русских, унося с собою то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться чрез море в страны мусульманские. Когда же они приблизились к гавани, в которую направлялись, то один из кораблей их разбился и потонул; спаслись только люди. Существовал такой обычай, что султану принадлежал тот корабль, который разбивался, и (потому) он забрал с него много вещей. Остальные корабли уцелели. Рассказывал об этом деле участвовавший в нем.

О возвращении Татар из земель Русских и Кипчаков к своему царю. Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (Татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (Татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек. Отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю. Пресекался путь (сообщения) с нею с тех пор как вторглись Татары в нее и не получалось от них (Кипчаков) ничего по части бургасских мехов, белок, бобров и (всего) другого, что приносилось из этой страны. Когда же они (Татары) покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился и товары опять стали привозиться, как было (прежде)...

(Из «Истории Монгалов, именуемых нами Татарами» Плано Карпини)

По смерти императора, как сказано было выше, вожди собрались и выбрали в императоры Оккодая, сына вышеназванного Чингис-кана. Он, устроив собрание князей, разделил войска Бату, который приходился ему во втором колене, он послал против земли Высокого Султана и против земли Бисерминов; ибо они были Саррацины, но говорили по-Комански. И когда он вошел в их землю, он сразился с ними, и войною подчинил их себе. А один город, по имени Бархим, долго противился ему; именно они сделали большие рвы вокруг города и закрыли их, а когда те подходили к городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города, раньше чем заполнили те рвы. Люди же из некоего города, по имени Ианкинт, услышав это, вышли им навстречу и добровольно предались в их руки, отчего город их не был разрушен, но они убили многих из них, а других переселили и, произведя грабеж города, наполнили его другими людьми. Пошли они также против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар, Русских, Аланов и других, а также Саррацинов. Саррацинами же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопами его с имуществом и людьми.

Совершив это, они вступили затем в землю Турков, которые суть язычники, победив ее, они пошли против России и произвели великое избиение в земле России, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей России, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию. Из России же и из Комании вышеназванные вожди подвинулись вперед и сразились с Венграми и Поляками; из этих Татар многие были убиты в Польше и Венгрии; и, если бы Венгры не убежали, но мужественно воспротивились, Татары вышли бы из их пределов, так как Татары возымели такой страх, что все пытались сбежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: «Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как

сбудется то, что предсказал Чингис-кан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим». И таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию.

(Из Новгородской летописи)

В год 6732 (1223). В том же году из-за грехов наших пришел народ неведомый, который хорошо никто не знал, кто они и откуда пришли, и что за язык их, и какого они роду-племени, и что за вера их. А называют их «татары», а другие говорят «таурмены», а третьи – «печенеги». Иные же полагают, что это о них Мефодий, патарский епископ, свидетельствует, будто вышли они из пустыни Этривской, лежащей между востоком и севером. Ведь так Мефодий говорит, что к скончанию века явятся те, которых изгнал Гедеон, и завоюют всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтского моря, кроме Эфиопии. Бог один знает, кто они и откуда пришли. Премудрые мужи, кто книги разумеют, знают их хорошо. А мы их не знаем, ни кто они, но здесь написали о них для того, чтобы помнили о них русские князья и о беде, что была от них. Ведь слышали мы, что многие народы они покорили: ясов, обезов, касогов и половцев безбожных множество избили, а других загнали так, что они умирали, убиваемые гневом Божиим и пречистой его матери.

Много же зла сотворили те окаянные половцы Русской земле, потому всемилостивый бог захотел погубить куман, безбожных сынов Измаила, чтобы отомстить за пролитую кровь христианскую; так и случилось с ними, незаконными. Ведь прошли те таурмены всю страну Куманскую и дошли до границы Руси, что зовется вал Половецкий. И прибежали к нам окаянные половцы, остаток побитых, Котян с другими князьями, а Данил Кобякович и Юрий были убиты и с ними множество половцев. Этот же Котян был тесть Мстиславу Галицкому. И пришел он с просьбой с князь-ями половецкими к зятю в Галич, к Мстиславу, и ко всем князьям русским, и дары принес многие: коней, и верблюдов, и буйолов, и девок, и одарил князей русских и сказал так: «Нашу землю татары теперь отняли, а ваша завтра взята будет», и взмолился Котян о помощи зятю своему.

И Мстислав начал просить братью свою, князей русских, так говоря «Если мы, братья, половцам не поможем, то они сдадутся татарам и от того тех сила увеличится». И так подумав много о себе, отправились князья в путь по просьбе и мольбе князей половецких. И начали воины пристраиваться каждый к полку своего князя.

И выступили, собрав землю всю Русскую, против татар, а были они на Днепре, на Зарубе.

Тогда же узнали татары, что идут русские князья против них, и прислали послов к русским князьям, так говоря: «Вот услышали мы, что идете вы против нас, послушав половцев, а мы вашей земли не трогаем, ни городов ваших, ни сел ваших, не на вас пришли, но пришли по божьей воле на холопов и на конюхов своих, на поганых половцев. А вы заключите с нами мир; если половцы прибегут к вам, вы бейте их, а добро берите себе: потому слышали мы, что и вам много зла они причинили. Потому и мы их бьем». Всего этого русские князья не послушали, но послов убили, а сами выступили против татар и, не дойдя Олешья, стали на Днепре. И прислали к ним во второй раз послов татары со словами: «Раз вы послушались половцев, а послов наших убили и идете против нас, то идите, но мы вас не трогаем, и пусть нас рассудит бог», и отпустили русские их послов.

Тогда же Мстислав перешел через Днепр и напал с тысячью воинов на сторожи татарские, и победил их. А оставшиеся в живых татары вместе с воеводой своим Гемябеком спрятались в кургане половецком, и там некому им было помочь, и погребли живым в земле своего воеводу Гемябека, желая жизнь ему сохранить, а тут нашли его половцы и, выпросив у Мстислава, убили.

Когда русские князья услышали про это, они перешли Днепр и выступили все вместе, преследовали татар 9 дней и зашли за Калак-реку. И послали в дозор Яруна с половцами, а сами станом стали тут. Тогда же Ярун столкнулся с татарами, желая биться, и побежали половцы назад, не успев ничего сделать, и потоптали, бежав, станы русских князей, не успевших выстроить свои полки.

И смешалось все, и была сеча злая и лютая. Мстислав же, киевский князь, увидев это несчастье, не сдвинулся с места ни на шаг. Ведь стал он на горе над рекою над Калкой, и было то место каменистое, и устроили здесь укрепление вокруг себя из кольев, и бились с ними из укрепления того три дня. Другие же татары выступили против русских князей, преследуя их до Днепра, а около укрепления того оставили двух воевод Чегирхана и Тешухана против Мстислава и зятьев его Андрея и Александра Дубровецкого: были ведь эти два князя со Мстиславом. Здесь же и бродники с татарами были, и воевода Плоскына. И этот окаянный воевода, целовавший крест честной Мстиславу и обоим князьям, что их не убьют и отпустят за выкуп, обманул их, окаянный: предал их, связав, татарам. А татары укрепление взяли и людей посекали, и здесь русские пали костьми. А князей, взятых в плен, задавили, положив их под доски, а сами сверху сели обедать, и так они свою жизнь окончили. А других князей гнали до Днепра и убили шестерых Святослава Яневского, Изяс-лава Ингваревича, Святослава Шумского, Мстислава Черниговского с сыном, Юрия Несвижского. Тогда же Мстислав Мстиславович прежде всех переправился через Днепр, оттолкнув от берега лодки, боясь, не идут ли за ним татары, а сам едва убежал. А из прочих воинов каждый десятый вернулся восвояси, а иных половцы убили из-за коня, а других из-за одежды.

Вот как за грехи наши бог посеял недоумение в нас и погибли бесчисленное множество людей. И был вопль и плач, и печаль по городам и селам. Несчастье это случилось месяца мая в 31-й день, в день памяти святого Еремея. Татары же повернули от реки Днепра, и никто не знает, откуда они пришли и куда подевались: бог знает, откуда пришли на нас за грехи наши.

(Из Галицко-Волынской летописи)

В год 6732 (1224). Пришло неслыханное войско, безбожные моавитяне, называемые татарами; пришли они на землю Половецкую. Половцы пытались сопротивляться, но даже самый сильный из них Юрий Кончакович не мог им противостоять и бежал, и многие были перебиты – до реки Днепра. Татары же повернули назад и пошли в свои вежи. И вот, когда половцы прибежали в Русскую землю, то сказали они русским князьям: «Если вы нам не поможете, то сегодня мы были побиты, а вы завтра побиты будете».

Был совет всех князей в городе Киеве, и решили на совете так: «Лучше нам встретить их на чужой земле, чем на своей». На этом совете были Мстислав Романович Киевский, Мстислав Козельский и Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий – они были старейшими князьями Русской земли. Великого же князя Юрия Суздальского на том совете не было. А младшие князья были Даниил Романович, Михаил Всеволодич, Всеволод Мстиславич Киевский и иных князей много. Тогда же крестился великий князь половецкий Басты. Василька там не было, он по молодости остался во Владимире.

Оттуда пришли они в апреле месяце и подошли к реке Днепру, к острову Варяжскому. И съехалось тут с ними все кочевье половецкое, и черниговцы приехали, киевляне и смоляне и иных земель жители. И когда переходили Днепр вброд, от множества людей не видно было воды. Галичане и волынцы пришли каждый со своим князем. А куряне, трубчане и путивльцы, каждый со своим князем, пришли на конях. Изгнанники галицкие прошли по Днестру и вышли в море – у них была тысяча лодок, – вошли в Днепр, поднялись до порогов и стали у реки Хортицы на броне у быстрины. С ними был Юрий Домамирч и Держикрай Владиславич.

Дошла до стана весть, что пришли татары посмотреть на русские ладьи; услышав об этом, Даниил Романович погнался, вскочив на коня, посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие другие князья поскакали смотреть на нее. Татары ушли. Юрий сказал: «Это стрелки». А другие говорили: «Это простые люди, хуже половцев». Юрий Домамирч сказал: «Это ратники и хорошие воины».

Вернувшись же, Юрий все рассказал Мстиславу. Молодые князья сказали: «Мстислав и другой Мстислав, не стойте! Пойдем против них!» Все князья, Мстислав и другой Мстислав, Черниговский, перешли через реку Днепр, к ним перешли и другие князья, и все они пошли в половецкую степь. Они перешли Днепр во вторник, и встретили татары русские полки. Русские стрелки победили их, и гнали далеко в степь, избивая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом.

Оттуда они шли восемь дней до реки Калки. Встретили их татарские сторожевые отряды. Когда сразились сторожевые отряды, был убит Иван Дмитриевич и еще двое с ним.

Татары отъехали; около самой реки Калки встретились татары с русскими и половецкими полками. Мстислав Мстиславич повелел сначала перейти реку Калку Даниилу с полком и другим полкам с ними, а сам после них переехал; сам он ехал в сторожевом отряде. Когда он увидел татарские полки, то приехал сказать: «Вооружайтесь!» Мстислав Романович и другой Мстислав сидели в стане и ничего не знали: Мстислав им не сказал о происходящем из-за зависти, потому что между ними была большая вражда.

Сошлись полки вместе. Даниил выехал вперед, и Семен Олюевич и Василько Гаврилович ударили в полки татарские, и Василько был ранен. А сам Даниил, будучи ранен в грудь, по молодости и храбрости не почувствовал ран на теле своем. Ему было восемнадцать лет и он был силен.

Даниил крепко боролся, избивая татар. Увидел это Мстислав Немой и, подумав, что Даниил ранен, сам бросился на них, ибо был он муж сильный; он был родственником Роману от рода Владимира Мономаха.

Он очень любил отца Даниила, а тот поручил ему свою волость после своей смерти, чтобы отдать ее князю Даниилу.

Когда татары обратились в бегство, Даниил избивал их со своим полком, и Олег Курский крепко бился с ними, но новые полки сразились с нами. За грехи наши побеждены были русские полки.

Даниил, увидев, что разгорается сражение и татарские лучники усиленно стреляют, повернул своего коня под напором противника. Пока бежал он, сильно захотел пить, а напившись, почувствовал рану на теле своем, которую не заметил во время боя из-за мужества и силы возраста своего. Ибо был он отважен и храбр, от головы до ног не было у него изъянов.

Побеждены были все русские князья. Такого же никогда не бывало. Татары, победив русских людей из-за прегрешений христиан, пришли и дошли до Новгорода Святополкова. Русские же, не ведая о их лживости, вышли навстречу им с крестами, и были все перебиты.

Ожидая покаяния христиан, бог повернул татар назад на восточную землю, и они завоевали землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их Чингисхан был убит тангутами. Татары же обманули тангутов и впоследствии погубили обманом. И другие страны они погубили – ратью, а больше всего обманом...

В год 6745 (1237). Пришли безбожные измаильтяне, которые раньше бились с русскими князьями на Калке.

Первое их нашествие было на Рязанскую землю, и взяли они приступом город Рязань, выманили обманом князя Юрия и привели к Пронску, ведь княгиня его была в то время в Пронске. Обманом выманили и княгиню, и убили князя Юрия и его княгиню, и всех жителей его земли перебили, не пощадили и детей, даже грудных. Кир Михайлович убежал со своими людьми в Суздаль и рассказал великому князю Юрию о приходе и нашествии безбожных агарян.

Услышав об этом, великий князь Юрий послал сына своего Всеволода со всем войском, и с ним пошел кир Михайлович. Батый устремился на землю Суздальскую, и встретил его Всеволод на Колодне, и они бились, и пали многие из них с обеих сторон. Когда Всеволод был побежден, рассказал он отцу своему о происшедшей битве с нападшими на его землю и города. Князь Юрий, оставив сына своего и княгиню во Владимире, вышел из города и стал собирать вокруг себя войско; но у него не было сторожевых отрядов, и он был захвачен незаконным Бурундаем, который напал на город внезапно, и самого князя Юрия убили. Батый стоял у города, город упорно сопротивлялся, и сказал он горожанам насмешливо: «Где князья рязанские, где ваш город, где ваш великий князь Юрий? Не наша ли рука, схватив, предала его смерти?»

Услышав об этом, преподобный епископ Митрофан стал говорить со слезами всем: «Дети, не побоимся соблазна от нечестивых, не будем думать об этой тленной и скоропроходящей жизни, но о той нескоропроходящей жизни позаботимся, чтобы жить с ангелами. Если наш город захватят приступом и нас предадут смерти, то я ручаюсь вам, дети, что вы примете нетленные венцы от Христа бога». Услышав такие слова, все стали крепко сражаться. Татары били городские стены пороками и стреляли бесчисленными стрелами. Увидел князь Всеволод, что предстоит еще более жестокая битва, испугался, он был очень молод, и сам вышел из города с частью дружины, неся с собой богатые дары, надеясь получить от Батыя жизнь. Но тот, как свирепый зверь, не пощадил его юности, велел перед собою зарезать, и весь город перебил. Епископ преподобный с княгиней и с детьми убежали в церковь, и велел нечестивый церковь зажечь огнем, и так они предали свои души в руки божии.

Разрушив город Владимир, захватив Суздальские ворота, пришел Батый к городу Козельску. Там княжил молодой князь по имени Василий. Нечестивые узнали, что люди в городе крепкодушны, что словами хитрыми нельзя захватить город. Козляне же, с общего согласия, порешили не сдаваться Батыю, говоря так: «Хоть наш князь молод, но отдадим жизнь свою за него, и здесь славу света сего примем, и там получим небесные венцы от Христа бога». Татары упорно бились, хотели взять город, разбили городскую стену и вошли на вал. Козляне на ножах резались с ними. Они решили выйти на татарские полки, и, выйдя из города, разбили пороки их, и, напав на полки татарские, перебили четыре тысячи татар, но и сами были перебиты. Батый же, взяв город, перебил всех, не пощадил и детей, даже грудных младенцев. О князе Василии ничего не известно; некоторые говорят, что он утонул в крови, так как молод был. С тех пор татары не смеют называть этот город Козельском, но – «злым городом», потому что они бились за него семь недель. У татар были убиты три сына темников. Татары искали и не могли найти их среди множества трупов.

Взяв Козельск, Батый пошел в Половецкую землю. Оттуда стал посылать на русские города, и взял приступом город Переяславль, и разрушил весь, и церковь архангела Михаила разрушил, и взял бесценные золотые церковные сосуды, украшенные драгоценными камнями, и преподобного епископа Семиона убил.

В то же время послал он на Чернигов, обступили город большими силами. Мстислав Глебович услышал о нападении иноплеменников на город и пришел на них со всеми своими воинами. Они бились, и побежден был Мстислав, и множество его воинов было перебито, и город взяли и запалили огнем. Епископа оставили в живых и увели в Глухов.

Меньгу-хан пришел осмотреть город Киев. Он встал на другой стороне Днепра, около городка Песочного; увидев город, удивился его красоте и величине, прислал своих послов к Михаилу и горожанам, хотел их обольстить, но они не послушали его.

В год 6746 (1238). Михаил бежал вслед за сыном своим от татар в Угорскую землю, а Ростислав Мстиславич, сын князя смоленского, сел в Киеве. Даниил же пошел походом против него, и взял его в плен, и оставил в Киеве Дмитра; он поручил Дмитру Киев – оборонять его от иноплеменных язычников, безбожных татар.

Ярослав Всеволодович Суздальский узнал, что Михаил бежал из Киева в Угорскую землю, приехал и захватил в плен его княгиню, и бояр его захватил, и город Каменец взял. Услышав об этом, Даниил послал послов, говоря: «Отпусти сестру ко мне, потому что Михаил замышляет против нас обоих». Ярослав послушался слов Даниила, так и сделал, и пришла к ним сестра, к Даниилу и Васильку, и они держали ее в великой чести.

Король не дал свою дочь замуж за Ростислава и прогнал его прочь. Пошли тогда Михаил и Ростислав в Ляшскую землю, к дяде своему Кондрату. Прислал Михаил послов к Даниилу и Васильку, говоря: «Я много раз грешил перед вами, много раз делал тебе зло. Что тебе обещал, того не сделал. Если хотел жить в согласии с тобой, коварные галичане мне не давали. Сейчас же клятвой клянусь тебе, что никогда не буду с тобой вражды иметь».

Даниил и Василько не попомнили зла, отдали ему свою сестру и привели его из Ляшской земли. Даниил, посоветовавшись с братом, обещал Михаилу Киев, а сыну его Ростиславу отдал Луцк. Михаил, боясь татар, не смел идти в Киев. Даниил и Василько разрешили ему ходить за данью по своей земле, дали ему много пшеницы, меду, быков и овец вдоволь. Михаил, узнав о взятии Киева, бежал с сыном своим в Ляшскую землю к Кондрату. Когда татары приблизились, он и здесь не стерпел и ушел в землю Братиславскую, и пришел он к немецкому городу по имени Серед. Когда немцы увидели, что у него большой обоз, они перебили его людей, отняли много добра и убили его внучку. Михаил не дошел и вернулся; он был в большом горе: уже татары пришли воевать к Индриховичу. Михаил же вернулся назад опять к Кондрату.

Мы же на прежнее возвратимся.

В год 6747 (1239).

В год 6748 (1240). Пришел Батый к Киеву с большой силой, с многим множеством воинов своих, и окружили они город, и обступила сила татарская, и был город в великой осаде. Был Батый у города, а воины его окружали город. И нельзя было голоса слышать от скрипения телег его, от рева множества верблюдов его, ржания стад коней его, и была вся земля Русская наполнена воинами.

Захватили у них татарина по имени Товрул, и он рассказал им про всю силу их. Это были его братья, сильные воеводы: Урдю, Байдар, Бирюй, Кайдан, Бечак, Меньгу и Куюк (который вернулся, узнав о смерти хана, и стал ханом: не из рода его, но первый был воевода хана), Себедяй-богатур и Бурундай-богатырь (который взял Болгарскую землю и Суздальскую), и иных бесчисленное множество воевод, их мы не перечислим здесь.

Поставил Батый пороки около города, у Ляшских ворот. Тут вплотную подступали заросшие лесом овраги. Пороки непрестанно били день и ночь и разрушили стены. Вышли горожане на остатки стены, и было видно, как тут ломались копья, разбивались на куски щиты, стрелы помрачили свет. Горожане были побеждены, и Дмитр ранен, а татары взошли на стены и там засели. Но в тот же день и ночь горожане построили другие стены около церкви святой Богородицы. На другой день татары начали приступ, был большой бой между ними и защитниками. Люди укрылись в церкви, влезли на церковные своды, вместе со своим добром, и от тяжести рухнули вместе с ними стены церковные. Так город был захвачен воинами, Дмитра вывели раненым и не убили его мужества его ради.

В то время Даниил ехал в Угорскую землю к королю и еще не слышал о приходе поганых татар на Киев.

Батый же, взяв Киев, узнал, что Даниил в Угорской земле, пошел сам на Владимир и подошел к городу Колодязну. Он поставил двенадцать пороков, но не мог он разбить стены и стал подговаривать людей. Они же, послушав его злого совета, сдались и были перебиты. Затем Батый пошел к Изяславлю и Каменцу и взял их. Видел он, что не сможет взять города Кременец и Данилов, и отошел от них. И пришел к Владимиру, и взял его приступом, и избил всех, не щадя. И так же Галич и многие другие города, которым и числа нет.

Дмитр, киевский тысяцкий Даниила, сказал Батью: «Не медли так долго на этой земле, пора тебе идти на угров. Если замедлишь, земля та укрепится! Соберутся против тебя и не пустят тебя в свою землю». Он так сказал потому, что видел, как гибнет Русская земля от нечестивого.

Батый послушал совета Дмитра и пошел на угров. Король Бела и Коломан встретили его на реке Солоне. Бились их войска, и бежали угры, и татары гнали их до реки Дуная. После победы пробыли они там три года.

Еще до этого ездил Даниил-князь к королю в Угорскую землю, хотел породниться с ним, и не было между ними согласия. Он вернулся от короля и приехал в Синеволодский монастырь святой Богородицы. Наутро он встал и увидел множество бегущих от безбожных татар и воротился назад в Угорскую землю. Он не мог пройти в Русскую землю, потому что с ним было мало дружины. Он оставил сына своего в Угорской земле, чтобы не отдавать его во власть галичан; зная их коварство, он не взял его с собой.

Он прошел из Угорской земли в Ляшскую землю через Бардуев и пришел в Сендомир. Он узнал о своем брате, и о детях, и о княгине своей – что ушли они из Русской земли к ляхам от безбожных татар, и бросился искать их и нашел их на реке под названием Полка, – они порадовались о своем соединении и горевали о поражении земли Русской и о взятии множества городов иноплеменниками.

Даниил сказал так; «Нехорошо нам оставаться здесь, близко от воюющих против нас иноплеменников». Он пошел в землю Мазовецкую к Болеславу, сыну Кондрата. И дал ему князь Болеслав город Вышегород. И оставался он там до тех пор, пока не пришла весть, что ушли из Русской земли безбожные...

После того Даниил, захватив всю землю Болоховскую, пожег ее, ибо те земли сохранили татары, чтобы там для них сеяли пшеницу и просо. Даниил же большую вражду к ним имел, потому что они на татар возлагали надежды...

Вторжение монголов в Европу

К 1240 г., в ходе Западного похода монголов, войска Монгольской империи оказались на границах европейских государств. Появление монгольских войск, от которых исходила серьезная угроза, вызвало настоящий страх у европейцев.

(«Анналы Тьюксберийского монастыря», Извлечение)

Тьюксберийский монастырь, находящийся в графстве Глостершир, был основан в 715 г. и получил название по имени некоего отшельника Теока, который будто бы провел свои дни здесь. «Анналы Тьюксберийского монастыря» начинаются со смерти Эдуарда Исповедника (1066 г.) и обрываются (рукопись повреждена) на 1263 г. Большая часть Анналов содержит чрезвычайно скудные и однообразные сведения, преимущественно из жизни близлежащих монастырей. Лишь с 1200 г. рамки Анналов расширяются.

1240

Явился некий народ, называемый тартарами, сыны Измайловы, вышедшие из пещер [числом] до 30 миллионов и более. Они опустошили все провинции, через которые пролегал их путь. Но герцог баварский¹ многих убил и сбросил в реку.

1241

Генрих, сын императора Фридриха² был убит тартаритами, и великое избиение людей было содеяно в канун [дня] святых Космы и Дамиана.

¹ Ошибка хрониста. Оттон II, герцог баварский (1231-1253 гг.), никогда не сражался с татарами.

² Генрих VII, сын императора Фридриха II Гогенштауфена (1212-1250 гг.), покончил с собой в 1242 г. Вероятно, имеется в виду герцог Генрих II Силезский, павший в битве при Лигнице 9 апреля 1241 г.

(«Большие Шефтларские анналы», Извлечение)

Шефтларский монастырь, расположенный на реке Изар под Мюнхеном, входил во Фрейзингенское епископство. Здесь были написаны анналы, охватывавшие 1096-1248 гг. Сохранился оригинал рукописи. Первоначально анналы были доведены до 1162 г. на основе существовавших сочинений. Записи о местной истории там отсутствуют. С 1163 г. анналы были продолжены различными авторами – современниками событий, которые записывали различные сведения по местной, имперской и всемирной истории. В анналах содержится пространная для них запись о татаро-монгольском нашествии на Русь и другие страны Европы.

1240. В том же году¹ появилось некое неизвестное варварское племя, которое называли татары или исмаилиты. ни совершили величайшее истребление людей, особенно христиан, к преследованию которых и искоренению их имени они устремились. Среди них они совершенно уничтожили поляков и всю Руссию, и всю Моравию. Затем перейдя в Венгрию, они одного короля убили², а другого³ изгнали из королевства. К ним присоединились мнимые христиане и множество еретиков, по подстрекательству которых разорено много монастырей, и множество истинных верующих убито ими самими. Страхом перед ними потрясается вся церковь, и крестовый поход публично проповедуется во всех церквах. Множество людей в различных частях света принимают крест для сопротивления им, но наших границ они не достигли, поскольку нас защищает десница божия. Но как они уйдут назад от христианских пределов, знает только бог – вышний судия.

¹ Запись относится к 1240 г. (по хронологии анналов – к 1241 г.).

² Герцог Кальман.

³ Венгерский король Бела IV.

(Из «Большой хроники» Матвея Парижского)

О татарах, устремившихся из своих мест и опустошивших северные земли. В те же дни (в 1238 г.) посланы были официальные послы к царю франков и сообщали и по правде рассказывали, главным образом со стороны Ветера де Монте, что от северных гор устремился и занял пространные и богатые земли Востока, опустошил великую Венгрию и направил со страшными посольствами угрожающие письма какой-то народ чудовищный и бесчеловечный...

(Из анонимного продолжения «Истории царства французского»)

Франция и все другие земли были напуганы известиями о татарах. Много бежало людей из Венгрии и областей Алемании. И из-за боязни татар много осталось во Франции нераспроданных товаров. И послал тамплиер по имени Поис д'Обен письмо королю Франции, и письмо гласило следующее:

Высочайшему господину королю, милостью бога королю Франции, Поис д'Обен, магистр ордена тамплиеров во Франции, привет и готовность исполнить вашу волю и в точности, во всем почитании и чести господа.

Известия о татарах, как мы их получили от наших братьев в Польше, явившихся в капитул. Мы извещаем ваше высочество, что татары опустошили землю Генриха, польского князя, и убили его со многими баронами и шестью из наших братьев, тремя рыцарями и двумя сержантами, а пятьсот из наших людей погибло, а трое из наших братьев, которых мы хорошо знаем, бежали. Вся земля Венгрия и Богемия опустошены, и при уходе они разделелись на три отряда, и один находится в Венгрии, другой в Богемии и третий в Австрии.

Они разрушили две лучшие башни и три виллы, какие у нас были в Польше, и какие у нас были в Богемии и в Моравии разрушены. И мы подозреваем, что то же происходит в Алемании. И знайте, что царь с великим множеством народу не осмелились напасть ни на один из их отрядов. И знаете, что все бароны Алемании, и сам царь, и все духовенство, и все церковники взяли на себя крест. И рыцари св. Иакова и братья Минориты в Венгрии подъяли крест, чтобы идти на татар...

(Из «Новой хроники» Джованни Виллани)

КНИГА ШЕСТАЯ

28. О ТОМ, КАК ТАТАРЫ ДОШЛИ В ЕВРОПЕ ДО ГЕРМАНИИ

В этом же, 1238 году, нахлынувшие с востока татары, которые захватили Турцию и Куманию, вторглись в Европу, где разделились на две части. Одна из них напала на Польское королевство, а другая на Венгрию, и обе начали войну с тамошними народами. В конце концов они убили брата венгерского короля по имени Феликс, герцога Коломана, что в Паннонии, и польского короля Генриха и разгромили их войска, а все население, взрослых и детей, предали мечу, так что оба этих великих королевства пришли в запустение¹. Среди тех немногих, что спаслись от татарской напасти, наступил столь ужасный голод, что матери поедали детей, и вместо муки использовали каменную пыль, которую мы называем мелом. Опустошив эти страны, татары двинулись в Германию и стали переправляться через Дунай, великую реку в Австрии, кто на лодках, кто на лошадях, а кто с помощью бурдюков, надутых воздухом. Тут местные жители забросали их стрелами и камнями из луков и метательных машин, так что бурдюки пошли ко дну, а вместе с ними и татары, из которых почти никто не уцелел. На этом прекратилось указанное бедствие, которое нанесло столь великий ущерб христианам тех удаленных от нас стран. Ужасное известие о татарах разнеслось так широко, что даже у нас опасались, как бы они не пришли и в Италию.

¹ Татары разбили венгров при Сайо в 1241 г., в том же году осадили город Лигниц в Польше (недалеко от Вроцлава) и разгромили польское войско при Вальштадте, где погиб польский король Генрих II Благочестивый. Эта тяжелая битва и считается одной из причин их ухода. Наиболее вероятно, что он был вызван известием о смерти великого хана Угэдэя (12 декабря 1241).

(Из «Письма венгерского монаха Юлиана»)

...Считая себя сильнее всех на земле, он (Чингисхан) стал выступать против царств, намереваясь подчинить себе весь мир. Поэтому, подступив к стране куманов, он одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и нападали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими, как нам сообщали словесно сами язычники-венгры.

...Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалью. Другая же часть в южном направлении уже напала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских...

Сообщу вам о войне по правде следующее. Говорят, что стреляют они (татары) дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбыть кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому по двенадцати или более, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умертвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить и умереть скорее.

На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ, и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок.

О численности всего их войска не пишу вам ничего, кроме того, что изо всех завоеванных ими царств они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве.

Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он (хан) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными.

Вышесказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привез королю венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому король нашел многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию, нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: «Я Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король венгерский: хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобою воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки мрей?»

Не умолчу и о следующем. Пока я вновь находился при римском дворе, сна пути в Великую Венгрию меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие перед лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, вышесказанный князь суздальский вознегодовал и, отозвав вышеуказанных братьев, запретил им проповедовать римский закон помянутым венграм, а вследствие того изгнал вышесказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей. Те, не желая воротиться обратно и с легкостью отказаться от сделанного уже пути, повернули к городу Рецессу (?), ища пути, чтобы пройти в Великую Венгрию, либо к мордуканам, либо к самим татарам. Оставив там двоих братьев из своего числа и наняв переводчиков, они в день апостолов Петра и Павла, недавно прошедший (?), пришли ко второму князю мордуканов, который, выступив в тот же день, когда они пришли, со всем своим народом и семьей, как мы выше говорили, подчинился татарам. В дальнейшем что случилось с этими двумя братьями: умерли ли они или были отведены к татарам сказанным князем, совершенно неизвестно.

Двое остальных братьев, удивляясь промедлению тех, в день (св.) Михаила... послали некоего переводчика, желая удостовериться об их жизни, но мордуканы, напав, убили его...

Татары утверждают также, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая была бы в состоянии противостоять одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю...

Далее говорят, что женщины их воинственны, как и они сами: пускают стрелы, ездят на конях и верхом, как мужчины; они будто бы даже отважнее мужчин в боевой схватке, так как иной раз, когда мужчины обращаются вспять, женщины ни за что не бегут, а идут на крайнюю опасность. Конец письма о жизни, вере и происхождении татар.

Нашествие монголов на польские земли

(Ян Длугош, «Анналы или хроники славного королевства Польши»)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1211-й

(...)

Татары впервые приходят на половцев и разбивают и поражают всё войско их русских союзников

Неведомый до того дня народ татар, о котором едва [кое-что] слышали, желая распространить своё господство на северные страны, после разгрома и покорения половцев, обитавших по ту сторону моря, а также многих других племён подступил и к землям тех [половцев], которые жили по соседству с русскими по сю сторону моря. Те, не надеясь на свои силы, сообщают об угрожавшей им опасности русским, прося поддержать их всеми силами и говоря, что если они окажутся побеждены татарами, то та же угроза нависнет и над русскими. В то же время к князьям Руси прибывают татарские послы, убеждая их не вмешиваться в половецкую войну и союзом с половцами не вынуждать татар вести войну против Руси; но если они благоразумны, то пусть прогонят половцев, которые уже доставили Руси множество бед, от своих пределов, а татары наверняка прогонят их из других областей. Но князья Руси, последовав недалновидному совету и не подвергнув дело зрелому размышлению, нарушают международное право, убивают татарских послов и выступают с войском против татар на помощь половцам, а именно: Мстислав Романович с киевскими воинами, Мстислав Мстиславич с галицкими воинами, а также Владимир Рюрикович и прочие князья Руси, также князья черниговские, также князья смоленские, также вся Половецкая земля и все её князья. Часть русских князей и воинов шла на конях, а часть [плыла] на кораблях, [и так] дошли до Протолчи; там все пересели на коней и

через двенадцать переходов достигли реки Калчи, где уже разбили свой лагерь татары. Татары, не дав русским и половцам времени на передышку, немедленно напали на них в семнадцатый день. Когда смятые половцы стали разбегаться, смешиваются и русские полки, и двое князей – Мстислав Киевский и... Черниговский – попадают в плен, а после долгой сечи, в которой многие либо пали, либо были пленены, остальные разбегаются. Но и бежавшим угрожала другая, не менее страшная опасность – со стороны союзных половцев, через земли которых они устремляли своё бегство; не щадя ни возраста, ни положения, половецкие селяне убивали русских: всадников – ради коней, пеших – ради одежды. А те из русских, кто укрылись в горах, умерли от голода, множество утонуло в реках, и случилось в тот день такое страшное бедствие, какого никогда не видывали и не слыхивали в русских землях. Галицкий же Князь Мстислав Мстиславич, после того как, спасаясь бегством, добрался до кораблей и переправился через реки, велел иссечь корабли, опасаясь татарской погони, и оттуда, исполненный страха и трепета, беглецом прибыл в Галич. Когда же всё остальное множество русских, спасаясь бегством, прибыло к кораблям и обнаружило, что они разбиты, они, охваченные горем, что не смогут переплыть волн, ослабленные голодом, погибли там за исключением князей и некоторых их воинов, которые переправились через реки на лодках. Владимир Рюрикович, также спасшийся бегством, прибыл в Киев и занял киевский стол. То было первое поражение, которое русские потерпели от татар¹.

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1228–й

(...)

В огромном количестве, которое едва можно было сосчитать, придя на русские земли, татары совершают множество злодеяний, убивают и жгут. Они опустошают, разграбляют всю Рязанскую землю и, убив рязанского князя, умерщвляют даже стариков и детей, а всё остальное множество берут в плен и уводят в рабство, захваченные же крепости сжигают. Не удовольствовавшись этим, они зимой того же года приходят снова – на Суздальскую землю и, совершенно опустошив всю землю, убивают также князя Григория и его сыновей, а также многих других суздальских князей; отобрав у князя Владимира крепость Ростов, они сжигают замок, завладев множеством пленников и добычей досыта².

(...)

ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1229–й

(...)

Огромное множество татар, придя в Смоленскую и Черниговскую земли, терзает и разоряет их жесточайшими убийствами, не щадя никакого возраста. Захватив много крепостей и укреплений, из которых бежали князья и воины, не осмеливаясь оставаться в них, они сжигают. И не испытав никакого сопротивления, ибо все попрятались перед их лицом в болотистые, непроходимые и лесные места, обременённые множеством пленников и добычей, они возвращаются восвояси³.

¹ Рассказ Длугоша о битве 1223 г. на Калке по ряду характерных примет оказывается ближе всего к специфической форме летописной повести об этом событии, которую находим в Софийской I, Московской Академической и Тверской летописях, т.е. в летописях, отражающих владими́ро-суздальское летописание первой трети XIII в., но более всего – к Софийской I. Именно здесь, как и в Ипатьевской, находим, например, уточнение, что русские полки, пройдя пороги, стали «на протолчи» (так и у Длугоша; этого уточнения нет в Тверском сборнике); только здесь имеется добавление о бегстве галицкого князя Мстислава Мстиславича, который, переправившись через Днепр, велел уничтожить корабли, опасаясь погони; тождествен с Длугошем и перечень князей перед поражением татарской сторожи: Мстислав Киевский, Мстислав Галицкий и Владимир Рюрикович (последний не упомянут ни в одной из других редакций летописной Повести на Калке). В то же время только у Длугоша находим датировку битвы не 16 июня, как в Ипатьевской, Софийской I и Академической (в Тверской летописи, как и в Новгородской I, стоит 30 мая), а 17 числом (указание на месяц не вписано); только Длугош сообщает, что от «протолчи» до Калки русское войско добралось за «двенадцать переходов»; только Длугош описывает избивание русских беглецов половцами.

² Установить, из какого русского источника мог почерпнуть Длугош свои сведения о татарском разорении Рязанской и Владимиро-Суздальской земель в 1237–1238 гг., не удаётся, так как рассказ хрониста слишком сжат. «Князь Григорий» – это, конечно, великий князь владимирский Юрий Всеволодович. Но вот известие о ростовском князе Владимире и сожжении Ростова представляются недоразумением. Владимир Константинович сидел не в Ростове, а в Угличе.

³ Источник Длугоша в данном случае неясен.

Нашествие монголов на Польшу в 1241-1242 гг. («Великопольская хроника»)

Вторжение монголов в пределы Польши состоялось в 1240-1241 гг.

«Великопольская хроника» – обширная польская историческая компиляция, написанная на латинском языке и описывающая события от расселения славян на территории Польши до 1273 г. Содержит сведения о нашествии монголов.

71. О первом нашествии татар на Польшу и Венгрию.

Года господня 1241 Батый, татарский король, с ордой тате диким и неисчислимым племенем, шел через Русь с намеренж напасть на Венгрию. Но прежде чем достичь венгерской границы, он направил часть татар на Польшу. И разорили они дотла город Сандомир и Сандомирскую землю, и убивали они народ, не щадя ни пола, ни возраста. Потом через Вислицу они напали на Краков, учинив великое опустошение. Загородили им дорогу под Ополем Владислав, опольский князь, и Болеслав, сандомирский князь, и сражались с ними. Но по воле

божьей, не будучи в состоянии противостоять силе вражеской, обратились они в бегство. Затем эта татарская орда, ограбив Серадз, Ленчицу и Куявы, дошла до Силезии. Тут, при городе Лигнице, Генрих, сын Генриха Бородатого, князя Силезии, Кракова и Великой Польши, во главе многих тысяч рыцарей крепко загородил им дорогу и смело сразился с ними, уповая на божескую помощь. Но волею господ, который часто карает верных за грехи, достопочтенный сей князь потерял 4 тыс. рыцарей и сам погиб, Погиб тогда и князь Болеслав, называемый Шепеткой. Самому Батью, татарскому королю, как только он вторгся в Венгрию, загородили [дорогу] венгерские короли, два брата Коломани Бела, но, потеряв в битве много своих, бежали. И шел Батый, опустошая Венгрию, убивая людей, знатных и простых, не щадя ни пола, ни возраста, и переправился за реку Дунай. Сидел он в этом королевстве больше года, производя над народом ужасные насилия и жестокий грабеж городов.

Нашествие монголов на Венгрию в 1241-1242 гг. (Магистр Рогерий, «Горестная песнь...»)

Вторжение монголов в пределы Венгрии состоялось в 1240-1241 гг.

Магистр Рогерий (? – 14 апреля 1266 г.) – итальянский священник. В 1241-1242 г. стал свидетелем вторжения монголов в Венгрию, о чем рассказал в своем сочинении «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами». Автор рассказывает о внутренней ситуации в Венгрии накануне монгольского нашествия, а также о самом вторжении, доводя свой рассказ до весны 1242 г., когда татарские войска оставили Венгрию.

...Татары..., полностью опустошив Русь и Куманию, – отступив, отошли от границ Венгрии на 4 или 5 дневных переходов, с тем чтобы при возвращении в эти места найти здесь продовольствие для лошадей и для себя и чтобы до венгров не дошли тревожные слухи. Когда же они истребили продовольствие в этих королевствах [Руси и Кумании] и решили занять Венгрию, великий господин Бату, оставив все их семьи, лишь с немногими воинами прямым путем приблизился к Русским воротам¹, находившимся ближе к месту, где король [Бела IV] собирал войско; разбив войско наместника, Бату овладел этими воротами и вошел в них. Король Пейдар [Бейдар]², двигаясь через Польшу, убил одного из польских герцогов, разрушил прекраснейший г. Вроцлав и произвел огромное разорение, поспешил, проявляя такую же жестокость, к Венгерским воротам³ через землю герцога Моравии, который не смог получить помощи от других герцогов. Король Кадан, пройдя в течение трех дней лесами между Русью и Куманией, достиг богатой Родны, королевской деревни, расположенной среди огромных гор и населенной немцами-рудокопами, добывавшими серебро. Здесь проживало бесчисленное множество народа... Богутай же, перейдя вместе с другими королями реку, называемую Серет, достиг земли епископа кунов [половцев]; одолев людей, собравшихся для битвы, татары начали полностью занимать эту землю...

Главный господин Бату, после того как он перешел ворота, начал сжигать деревни, и меч его не щадил ни пола, ни возраста...

Король Кадан, как уже было сказано, взяв Родну и за-хватив графа Аристалда, выбрал для себя 600 вооруженных немцев, более искусных, нежели другие воины; эти немцы находились под командованием указанного графа. Пройдя во главе с ними через леса и рощи, ущелья и стремнины, татары неожиданно приблизились к городу Орады (Вараду). А так как этот город был очень хорошо известен в Венгрии, то сюда собрались отовсюду и господа, как мужчины, так и женщины, и бесчисленное множество простого народа. И хотя епископ с некоторыми канониками ушел отсюда, я все-таки был там с оставшимися. Поскольку крепость с одной стороны была разрушена, то мы в этом месте возвели высокую стену, чтобы, если не сможем защитить город, найти убежище в крепости. И когда в один из дней татары неожиданно появились и пребывание в городе стало небезопасным, я не захотел войти в крепость, но бежал в лес, где и скрывался долго, насколько мог. Татары же, быстро овладев городом и спалив большую его часть, в конце концов ничего не оставили вне стен крепости и, захватив добычу, убивали молодых и старых мужчин и женщин на площадях, в домах и в полях. Короче говоря, не пощадили ни пола, ни возраста. Совершив все это, татары неожиданно отошли, забрав с собой всю добычу...

¹ Верещкий перевел в Карпатах, ныне в Закарпатской области УССР.

² Хан Пейдар – внук Чнггисхана, сын Чагатая, один из татаро-монгольских военачальников.

³ Яблунковский перевал в Карпатах.

Возвращение монголов из Европы (Из «Истории Монгалов, именуемых нами Татарами» Плано Карпини)

Возвратившись отсюда¹, они² пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войско.

Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам... Подвинувшись оттуда, они пришли к Самогедам, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей.

...Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

¹ Т.е. из Венгрии и Польши.

² Т.е. монголы.

Завоевание Багдада монголами в 1258 г.

Битва за Багдад – эпизод монгольского ближневосточного похода. В 1258 г. монгольские войска и их союзники под командованием Хулагу осадили Багдад, столицу Аббасидского халифата. После вторжения Багдад был разграблен и сожжен, погибло от 100000 до 1000000 жителей.

Рассказ о возникновении усобицы в Багдаде, неприязни между даватдаром и везиром и начале невзгод багдадского халифа.

В 654 г. (1256), в конце лета, произошло великое наводнение и г. Багдад был затоплен так, что нижние ярусы тамошних зданий погрузились в воду и стали невидимыми. В течение 50 дней это наводнение нарастало, а затем стало убывать. Половина уездов Ирака была опустошена, и до сих пор еще муста'симский потоп на устах народа. Во время этого события городские подонки и сволочь, бездельники и бродяги протянули руку насилия и власти и каждый день убивали народ. Муджахид-ад-дин Эйбек, даватдар, склонил к себе бродяг и бездельников и в короткое время приобрел большую силу. Когда он окреп и увидел халифа Мустасима нерешительным, нерассудительным и простодушным, он посоветовался с некоторыми сановниками, как бы его свергнуть и на его место посадить другого из рода [тех] же Аббасидов. Везир Муаййид-ад-дин ибн-Альками проведаль об этом обстоятельстве, наедине уведомил Мустасима и сказал: необходимо-де принять меры против них. Халиф тотчас же призвал даватдара, передал ему доклад везира и сказал: «Из-за доверия, которое я к тебе имею, я не послушал слов везира о доносе на тебя и передаю [его слова] тебе. Ни в коем случае ты не должен обольщаться и не сходить с пути повинения». Когда Эйбек почувствовал прощение, снисхождение и милосердие халифа, он в ответ промолвил: «Ежели за мной будет доказана вина, то вот моя голова, а вот меч. Однако куда же направлено прощение и помилование халифа? Коварного везира див попутал, и в помраченном мозгу его появилась склонность и любовь к Хулагу-хану и монгольскому войску. Он клеветает на меня, дабы от себя отвести подозрения. Он против халифа, и между Хулагу-ханом и ним беспрерывно обращаются лазутчики». Халиф выразил ему расположение и сказал: «Впредь будь бдителен и благоразумен». Муджахид-ад-дин Эйбек вышел от халифа и высокомерно собрал вокруг себя множество бродяг и городских подонков, злоумышляя против халифа. Денно и ночью они служили ему. Халиф стал подозревать, собрал войска, чтобы его отразить, и смута и смятение в Багдаде возросли.

Тамошние жители были удручены Аббасидами, стали гнушаться ими и считали, что [наступил] последний час их могущества. Среди них появилось разногласие и [разгорелись] страсти. Халиф перепугался и повелел Фахр-ад-дину Дамгани, сахиб-дивану, успокоить смуту. Собственноручно он написал послание, что-де то, что говорят о даватдаре, клевета и ябеда, у нас к нему полное доверие и он-де под нашим покровительством. Это послание он отправил через ибн-Дарнуша к даватдару, чтобы он явился на служение к халифу. Снискав благоволение, [даватдар] с почетом и уважением вернулся. В городе кликнули клич, что речи, которые говорили о даватдаре, все ложны. В хутбе после поминания халифа поминали имя даватдара, и таким путем та смута была устранена.

Рассказ о походе Хулагу-хана на Багдад, обращении гонцов между ним и халифом и исходе тех обстоятельств.

Идя на Багдад, Хулагу-хан 9-го числа месяца раби'ал-ахыра 655 г. (26.IV.1257) дошел до Динавера, а оттуда повернул обратно и прибыл в Тебриз¹ 12-го числа месяца рад-жаба (27.VII) того же года. 10-го числа месяца рамазана того же года он прибыл в Хамадан и послал гонца к халифу с угрозами и посулами...².

В эту смутную пору, поскольку даватдар был плох с везиром, сволочь и городские подонки, подчиняясь ему, распро-страняли среди жителей слух, что везир заодно с Хулагу-[ханом], желает его победы и низвержения халифа и в этом имеется подозрение. Халиф снова через посредство Бадр ад-дина Дизбег и казия Банданиджейна³ отправил небольшое количество даров и возвестил: хотя-де государю и неведомо, однако пусть он справится у людей знающих, что до сих пор конец всякого государя, который покушался на род Аббасидов и обитель мира Багдад, был ужасен. Хотя-де на них покушались непреклонные государи и могущественные повелители, но основание этого державного здания оказалось чрезвычайно крепким и будет стоять незыблемо до дня воскресения из мертвых. В минувшие дни Я'куб, [сын] Лейса Саффари, покушался на современного [ему] халифа и с многочисленным войском устремился на Багдад, но, не достигнув цели, отдал душу от болезни живота. Точно так же пошел в поход его брат Амр. Его захватил Исма'ил ибн-Ахмед Самани и

связанного отправил в Багдад, чтобы халиф совершил с ним то, что было predetermined судьбой. Из Мисра в Багдад пришел с превеликим войском Бесасири, схватил халифа и держал в заключении в Хадисе. Два года в Багдаде он читал хутбу и чеканил монету именем Мустан-сира, бывшего в Мисре халифом исмаилитов. В конце концов [это] стало известно Тогрул-беку, сельджуку. С громадной ратью он двинулся из Хорасана на Бесасири, взял его в плен и казнил, а халифа освободил из заключения, доставил в Багдад и посадил халифом. Султан Мухаммед, сельджук, тоже покушался на Багдад, но разбитый повернул назад и на пути скончался. Мухаммед Хорезмшах, злоумышляя истребить наш род, повел превеликое войско, однако по приговору гнева божьего был настигнут снежной бурей на горном перевале Асадабада и большая часть его войска погибла. Потерпев неудачу и понеся потери, он возвратился обратно и на острове Абескун лотерпел от деда своего Чингис-хана то, что претерпел. Не будет добра государю от злых умыслов на род Аббасидов. Пусть он поразмыслит о сглазе вероломной судьбы. От этих слов гнев Хулагу-хана возрос...

...[Хулагу-хан] выступил в путь и расположился на берегу реки Хульван 9-го числа месяца зи-л-хиджджэ 655 г. (18.XII.1257). Там он пребывал до 22-го числа того же месяца (31.XII.1257 г.). В те дни Китбука-нойон взял многие города Луристана добром и силой. 11-го числа джакшабата-месяца года змеи, соответствующего 9-му числу месяца му-харрама 656 г. (16.II.1258), Байджу-нойон, Бука-Тимур и

Сунджак в назначенный срок, дорогой на Дуджейль, перейдя через Тигр, достигли окрестностей Нахр-и-Иса...⁴.

Войска разом вошли в город и предавали огню сырое и сухое, кроме домов немногих аркаунов и некоторых чужеземцев. В пятницу 9-го числа месяца сафара Хулагу-хан въехал в город для осмотра дворца халифа. Он расположился во [дворце?...] и пировал с эмирами. Он повелел призвать халифа и сказал: «Ты хозяин, а мы гости, покажи-ка, что у тебя есть для нас подходящего». Халиф понял правду этих слов, задрожал от страха и так перепугался, что не мог при-помнить, где ключи от хранилищ. Он приказал сломать несколько замков и поднес на служение 2000 халатов, 10 000 динаров и сколько-то редкостных предметов, усыпанных драгоценными камнями украшений и жемчугом. Хулагу-хан не оказал им внимания, все подарил эмирам и присутствовавшим и сказал халифу: «Богатства, которые у тебя на земле, они явны и принадлежат моим слугам, а ты скажи о схоронен-ных кладах, каковы они да где». Халиф признался в [существовании] водоема, полного золота, посередине дворца. Его разрыли, и он оказался полным червонного золота, все в слитках по 100 мискалей.

Было повелено пересчитать халифские гаремы. Подробно было перечислено 700 жен и наложниц и 1000 человек прислуги. Когда халиф узнал о переписи гарема, он смиренно взмолился и сказал: «Обитательниц гарема, которых не озаряли солнце и луна, подари мне». [Хулагу-хан] сказал: «Из 700 выбери 100, а остальных оставь». Халиф увел с собой 100 женщин из близких и родных. Ночной порой Хулагу-хан вернулся в ставку и наутро приказал, чтобы Сунджак отправился в город и отобрал все имущество халифа и отправил его [из города]. Короче говоря, все, что собирали в течение 600 лет, горами нагромодили вокруг ханской ставки. Большая часть почитаемых мест, как-то: соборная мечеть халифов, гробница Мусы Джавада, да будет над ним мир, и мо-гильные склепы Русафы были сожжены...

В конце дня в среду 14-го числа месяца сафара лета 656 (20. II. 1258) в деревне Вафк дело халифа прикончили вместе со старшим сыном и пятью слугами, которые при нем состояли.

На другой день казнили прочих, которые стояли с ним у ворот Кальваза. Ни одного Аббасида, кого нашли, не оставили в живых, кроме немногих... В пятницу 16-го числа месяца сафара (23. II) среднего сына халифа отправили к отцу и братьям, и власть халифов из рода Аббасидов, которые восседали [на престоле] после рода Омейядов, пресеклась. Срок их халифата был 525 лет, а числом их было 37 человек согласно тому, как они именуются и перечисляются [ниже]: Саффах, Мансур, Махди, Хади, Рашид, Амин, Ма'мун, Му'тасим, Васик, Мутаваккиль, Мунтасир, Муста'ин, Му'таз, Мухтади, Му'тамид, Му'тадид, Муктафи, Муктадир, Кахир, Ради, Муттаки, Мустаффи, Мути, Таи, Кадир, Каим, Муктади, Мустазхир, Мустаршид, Рашид, Муктафи, Мустанджид, Му-стади, Насир, Захир, Мустансир, Муста'сим. [Последний] халифствовал 17 лет.

¹ В рукописи Института востоковедения Академии наук СССР название города опущено с оставлением пробела.

² Мы опускаем очень пространный рассказ об обмене послов между халифом и ханом, сохранив ту часть, из которой видно неустойчивое положение халифата в последнее перед нашествием монголов время.

³ В тексте – Банданиджан.

⁴ Далее следует рассказ о неудачной обороне и сдаче г. Багдада монголам.

Дипломатические контакты между Монгольской империей и Римом

(Из «Большой хроники» Матвея Парижского)

Матвей Парижский о дипломатических контактах между Монгольской империей и Римом.

Два вестника [посла] татар явились к папе. В то же лето [1248] прибыло два вестника татар к папе. Но многие подозревали по некоторым показаниям, содержащимся в письме, что целью и намерением татар было

двинуться в ближайшее время войной на Ватация, греческого зятя Фридриха, еретика, не повиновавшегося римской курии. Господину папе это, казалось, не было не по душе, так как он подарил им драгоценнейшие одежды, каковые мы называем обыденно из отборного «багреца», с фелениями и различными шкурами горноста, и любезно и благосклонно, и часто беседовал с ними через толмачей, и дал драгоценные золотые и серебряные дары.

(Грамота Великого хана Гуюка Папе римскому Иннокентию IV от 1246 г.)

Одним из уникальных документов, свидетельствующих о дипломатической переписке правителей Монгольской империи, является грамота великого хана Гуюка, направленная Папе римскому Иннокентию IV в 1246 г.

Сложившаяся в результате организованных Чингис-ханом и его потомками завоевательных походов огромная Монгольская империя во второй четверти XIII в. вступила в непосредственное соприкосновение с европейскими христианскими государствами. Панический страх перед неведомым народом возник в Западной Европе еще в начале столетия, когда до нее дошли слухи об обширных завоеваниях и жестокости «татар», как называли во всех источниках того времени монгольских завоевателей. После завоеваний в Восточной Европе, опасность монгольского вторжения заставила европейских государей заняться усиленным сбором сведений об азиатских завоевателях — их обычаях, нравах, религии, государственном устройстве, армии и, главное — о внешнеполитических устремлениях.

Папа римский как глава католической церкви стал одним из инициаторов установления дипломатических контактов с монголами. Энергичный Иннокентий IV пытался восстановить авторитет католической церкви сильной международной политикой, одной из основных идей которой было достижение взаимопонимания с монголами, по возможности путем обращения их в христианство. С этой целью, а также для получения разведывательной информации, папским престолом было направлено четыре миссии к монголам. Руководство самой важной из них, которая должна была достичь великого хана, было возложено на одного из основателей ордена францисканцев, опытного дипломата Джованни дель Пано Карпини (1245-1247 гг.). Посольство было снабжено буллой Иннокентия IV, адресованной «царю и народу тартар». В этой булле, выступая как глава христианского мира, он порицал монголов за их вторжения в христианские земли и, угрожая им гневом Божиим, увещивал воздержаться от подобных походов в будущем и принять христианство. Возвратившись в Европу, Пано Карпини, представил Римскому папе Иннокентию IV ответ великого хана Гуюка и свой подробный отчет о путешествии.

Отказываясь рассматривать папский призыв стать христианином и отклоняя папское право цензурировать его, Гуюк в ответной грамоте предложил Папе и королям лично явиться к своему двору для изъявления покорности, поскольку «силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, кончая теми, где заходит» пожалованы Чингис-хану и его потомкам. В последней фразе нашла краткое выражение идеология чингисидов, претендовавших на мировое господство. «Непокорные» народы и государства следовало приводить к повиновению силой. Таким образом, претензии католической церкви на вселенскую власть натолкнулась на другую универсалистскую доктрину.

Грамота Гуюка была обнаружена в 1920 г. в архиве Ватикана.

Силою Вечного Неба наш, хана великого улуса и вселенной, приказ.

Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял.

После того, как держали совет в [...] области Карал, вы нам отправили просьбу о покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий папа, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать в это самое время.

И еще. Вы сказали. Что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли.

И еще. Вы послали мне такие слова: «Вы взяли всю область Магар (венгров) и Kiristan (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?» И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингис-хан и Каан послали к обоим выслушать приказ Бога. Но приказа Бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет. Они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. В этих землях силою Вечного Бога люди были убиты и уничтожены. Некоторые по приказу Бога спаслись, по его единой силе. Как человек может взять и убить, как он может хватать (и заточать в темницу)?

Разве так ты говоришь: «Я христианин, я люблю Бога, я презираю и...» Каким образом ты знаешь, что Бог отпускает грехи и по Своей благодати жалует милосердие, как можешь ты знать Его, потому что приносишь такие слова?

Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно: «Мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу Бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами.

Вот что вам следует знать. А если вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет? Одному Богу это известно. В конце (месяца) джумада-л-ахира 644 года¹.

¹ 3-11 ноября 1246 г.

2.4. ЗОЛОТАЯ ОРДА И ДРУГИЕ ОСКОЛКИ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Золотая Орда и ее политика (Ибн Хальдун, «Книга назиданий и сборник начал и сообщений»)

Обширный исторический труд кадия Велиэддина Абдеррахмана Абузейда Эльмалики, Эльхадрами Ибн Хальдуна (ум. в 1406 г.), из которого взят отрывок о Золотой Орде, назван автором следующим образом: «Книга назидательных примеров и Сборник подлежащего и сказуемого по части истории Арабов, Иноземцев и Берберов».

О ДЕЯНИЯХ, АРАБОВ, ПЕРСОВ И БЕРБЕРОВ И ТЕХ, КТО БЫЛИ ИХ СОВРЕМЕННОКАМИ ИЗ ЧИСЛА НОСИТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ

XIX. Из истории Ибн Хальдуна.

Династия Душиханидов, царей Татарских в Харезме и Дешт-Кипчаке на Севере, начало их господства и изменения дел их. Уже выше было сказано, что Чингизхан назначил эти земли сыну своему Душихану и поставил его царем над ними. Это – государство обширное на Севере, простирающееся от Харезма до Яркенда, Согда, Сарая, города Маджара, Азака, Судака, Булгара, Башгирда и Джульмана. В пределах этого государства (находится) город Баку (один) из городов Ширвана; около него Железные Ворота, которые Тюрки называют Демиркапу. Границы этого государства на юге доходят до пределов Константинополя. Оно (т.е. это государство) бедно городами, но богато возделанными местами.

Душихан, сын Чингизхана. Первый из Татар, владевших им (т.е. этим царством), Душихан, сын Чингизхана. Он не переставал владеть им до тех пор, пока не погиб при жизни отца в 624 году (1227 г.).

Батухан, сын Душихана. Когда Душихан погиб, то на место его вступил сын его, Батухан, прозванный Саинханом, что значит царь отличный Ибнхальдун вкратце сообщает еще о походе Бату на Куюка. Он не переставал царствовать до самой смерти своей, в 650 году (1252-1253 гг.).

Сартак, сын Душихана. По смерти Батухана, сына Душихана, стал править, вместо него, брат его, Сартак. Он пробыл на царстве два года и умер в 652 году (1254-1255 гг.).

Берке, сын Душихана. По смерти Сартака, сына Душихана, вместо него, воцарился брат его, Берке, как рассказывает Ибнфадлаллах, со слов Ибнелъхакима. Эльмувейед, владетель Хамата, говорит в своей летописи, что «Сартак умер, не оставив потомства, у брата же его Батухана было два сына: Тудан и Берке; Тудан был воспитан для царствования, но сановники не захотели его и возвели на престол брата его, Берке. Мать Тудана отправилась к Хулаву, царствовавшему тогда в Ираке, чтобы побудить его к управлению народом ее. Но ее вернули с дороги и убили, а Берке продолжал царствовать». Конец. Эльмувейед производит род Берке от Батухана, сына Душихана, а Ибнелъхаким, как говорит Ибнфадлаллах, ставит его (Берке) сыном самого Душихана. Эльмувейед сообщает, как он (Берке) принял ислам от Шемседина Эльбахерзи, ученика из (числа) последователей Неджмеддина Кубра, что Эльбахерзи жил в Бухаре и послал к Берке предложение принять ислам. Он (Берке) сделался мусульманином и отправил к нему грамоту с предоставлением ему полной свободы делать в прочих его владениях все, что пожелает. Но он (Эльбахерзи) отказался от этого. Берке отправился в путь для свидания с ним, но он (Эльбахерзи) не позволил ему войти к нему до тех пор, пока его не попросили об этом его приближенные. Они выхлопотали Берке позволение (войти); он вошел, снова повторил обет ислама, и шейх обязал его открыто проповедовать его (ислам). Он (Берке) распространил его между всем народом своим, стал строить мечети и училища во всех своих владениях, приблизил к себе ученых и законовевов и сдружился с ними. Ход рассказа, судя по тому, что говорит Эльмувейед, свидетельствует, что обращение его (Берке) в ислам произошло в его царствование, а по тому, что говорит Ибнелъхаким, это обращение совершилось (уже) при брате его, Бату и о покровительстве, которое Берке оказал халифу Эльмутасуму. Ибнелъхаким не упоминает о Сартаке, а после Бату только называет брата его, Берке. Не нашли мы (отдельной) истории их династии, к которой мы могли обратиться (за сведениями) и вот (все), что мы добыли старанием своим. Следующее же взято из летописи Эльмувейеда, властителя Хамата, одного из потомков Эльмузаффера, сына Шахиншаха, сына Эйюба. Он (Эльмувейед) говорит: потом Берке, во время своего царствования, послал брата своего Баджу на Запад для джихада. Тот пошел войною на царя Алеманнов, из Франков, но был разбит, возвратился и умер с горя. Затем произошла вражда между Берке и между Кубилаем, государем (главного) престола. Берке присвоил себе из владений Кубилая ханские области и поставил над ними Сархада, сына брата своего Баджу, исповедавшего христианскую веру. Хулаку убеждал его отречься от дяди своего Берке и присоединиться к брату его Кубилаю, занимавшему (главный) престол (обещая), что отдаст ему хаканские области и все, что он захочет, вместе с ними. Проведав об этом плане и (узнав), что Сархад замышляет извести

его ядом, он умертвил его и поставил над хаканскими областями брата своего. Хулаку стал требовать возмездия за Сархада и произошла между ним (Хулаку) и Берке битва на реке Тереке в (6)60 году (1261-1262 гг.). Потом Хулаку умер в (6)63 году (1264-1265 гг.). Вступил на престол сын его Абага, который отправился против него (Берке). Берке отрядил для встречи его Сунтая – сына Митукана, сына Джагатая – и Ногая, сына Татара, сына Могола (sic), сына Душихана. Когда оба войска сошлись, Сунтай оробел и обратился в бегство. Перед Ногаем же бежал Абага, и войскам его было нанесено поражение. Вследствие этого возвысилось значение Ногая у Берки и (усилился) гнев Берке на Сунтая, значение которого у него (Берке) было жалко, пока Берке не погиб в (6)65 году (1266-1267 гг.).

Менгутемир, сын Тогана, сына Батухана. Когда умер Берке, царь Дешта на Севере, то на место его воцарился Менгутемир, сын Тогана, сына брата его Батухана, сына Душихана. И были долги дни его. В (6)70 году (1271-1272 гг.) он двинулся на Константинополь, по случаю неудовольствия его на царя его, Ласкариса. Последний встретил его с покорностью и почетом и он (Менгутемир) возвратился от него. Потом в (6)80 году (1281-1282 гг.) он двинулся в Сирию, на помощь Абаге, сыну Хулаву, расположился между Кайсарией и Аблестином, городами румскими, а затем отправился в Дербенд и прошел мимо Абаги, который находился в Эррахаве и вместе с братом своим Менгутемиром, сыном Хулаву, отправился в Хамат, где они и остановились. Тогда выступил против них, из Дамаска, Эльмансур Калавун, царь Египта и Сирии, и встретился с ними в окрестностях Химса. Судьба была неблагоприятна для царей татарских, и часть их войск была перебита, другая взята в плен. Абага быстро покинул свою позицию у Эррахавы, и они (Менгутемир и Абага) возвратились в свои земли разбитыми. Вслед за этим погибли Менгутемир, сын Тогана, царь Севера, и Менгутемир, сын Хулаку, в (6)81 году (1282-1283 гг.).

Туданменгу, сын Менгутемира. Когда Менгутемир умер, то на место его воцарился сын его, Туданменгу; он вступил на престол царства их (Татар) в Сарае и оставался на нем пять лет, а потом сделался отшельником и отрекся от царства в (6)86 году (1287-1288 гг.). Он вполне отдал себя сообществу шейхов-факиров.

Тулабуга, сын Менгутемира. Когда Тудан, сын Менгутемира, сделался отшельником и отказался от царства, то на место его воцарился брат его, Тулабуга. Он устроил поход в Краковию(?) и пригласил к себе на помощь Ногая, – сына Татара, сына Могола (sic), сына Душихана, – который был правителем орды в странах Севера и имел полную власть над царями из дома Душихана. Он (Ногай) присоединился к нему с войсками своими, которые были велики. Они сообща вторглись в Краковию, произвели в ней грабежи, опустошили владения ее и удалились из нее. Но уже настало время зимы. Султан отправился по такому пути, на котором лежала пустыня, так что большая часть его войска погибла от стужи и голода; они (войны) ели свой скот (вьючный) и собак. Ногай же прошел ближайшей дорогой и пробрался в свои владения, уцелев от такой невзгоды. Султан Тулабуга заподозрил его в измене по этому делу и стал мстить ему за его самоуправство, дошедшее до того, что он убил жену отца его, Джиджек, бывшую в силе при отце и брате его; пожаловались на нее Ногаю и он приказал умертвить ее посредством задушения. Он убил (также) эмира, который находился в услужении ее, по имени Байтара. Негодяя на него (Ногаю), Тулабуга решился напасть на него внезапно и послал требовать его к себе (под тем предлогом), что имеет надобность в нем. Дошло известие об этом до Ногая; он всячески старался выказать чистосердечность и расположение к султану и сообщил матери его (Тулабуги), что у него есть (некоторые) советы, которые желал бы сообщить султану наедине. Она отклонила своего сына от его замысла на него (Ногаю) и посоветовала ему пригласить его (Ногаю) к себе и удалить тех, которые были при нем (Тулабуге). Прибыл Ногай, послав сперва за некоторыми из братьев султана Тулабуги, преданными ему (Ногаю), а именно Токтаем, Бурлюком, Сарайбугой и Туданом, сыновьями Менгутемира, сына Тогана. Отправились они с ним и когда они приблизились к ставке султана Тулабуги, то последний выехал верхом навстречу Ногаю с небольшим отрядом своего войска. Явился Ногай, предварительно устроив засаду из части (своего) войска. Когда они оба сошлись (и) стали беседовать между собою, то засада вышла, окружила султана и убила его, в 690 году (1291 г.).

Токтай, сын Менгутемира. Когда Тулабуга был убит, то на место его тотчас же поставили Токтая, а Ногай возвратился в свои владения и отправил к Токтаю (предложение) об убиении тех эмиров, которые советовали Тулабуге убить его (Ногаю). Токтай умертвил всех их, но потом разгневался на Ногаю за то, что он самоуправствовал. Токтай отвернулся от него и помрачился воздух (= произошел разлад) между ними. Некоторые сановники ушли к Ногаю, который восстановил их против Токтая и через дочь свою породнился с одним из них, Тазом, сыном Мунджука. Токтай пошел на него (Ногаю); Ногай же выступил против него и обратил его в бегство. Путь его (Токтая) преградила река Итиль и множество войска его потонуло. Ногай вернулся с преследования его и занял страны Севера. Внуку своему Карадже, сыну Таштемира, он дал в удел, в (6)98 году (1298-1299 гг.), город Крым. Он (Караджа) отправился туда, чтобы захватить доходы с него (Крыма). Они (жители Крыма) угостили его, но ночью напали на него и убили его. Тогда Ногай отправил в Крым войска, ограбил этот город, да окрестные села и поля, и разрушил их. Ногай был очень расположен к своим приверженцам, но, сделавшись полновластным распорядителем в своем деле, он ставил своих сыновей выше тех эмиров, которые были при нем, и они (сыновья) стали несправедливо поступать с ними. Главными помощниками его (Ногаю) из князей монгольских были Аяджи, сын Курмышы, и брат его, Караджи называет их Абаджи и Караджин.). Когда он поставил над ними своих сыновей, то оба они с своим народом ушли к Токтаю. Сыновья Ногаю отправились в погоню за ними; некоторые из них возвратились, а остальные ушли. Сыновья

Ногай убили тех из приверженцев Аяджи и Караджи, которые возвратились с ними, равно как и детей их. Сильно вознегодовали за это эмиры монгольские, которые находились при нем; они ушли к Токтаю и стали возбуждать его к войне против Ногай. Собрался он (Токтай) и пошел на него в (6)99 году (1299-1300 гг.) в Кукалык. Войска Ногай и сыновей его обратились в бегство; он (Ногай) был убит в сражении и голова его была принесена к Токтаю, который умертвил убийцу его (Ногай) и сказал: «простой народ да не убивает царей!» Лагерь Ногай был отдан на разграбление, а пленники и узники их были распроданы во все страны света. Часть их в Египте была обращена в рабство и зачислена в ряды египетского войска. Когда Ногай погиб, то ему наследовал во владениях его сын его Джека. Против него восстал брат его (Тека), но он убил его. Этим он восстановил против себя приверженцев его (Теки), которые решились употребить против него насилие. Заправляли этим делом наместник его Тунгуз и женатый на сестре его (Джеки), Таз, сын Мунджука. Дошло до него (Джеки) известие об этом в то время, когда он отправился в поход в страну Алланов и Русских. Он удалился и отправился в землю Умуков. Потом присоединилось к нему войско его; он снова сразился с обоими (врагами своими) и отнял у них владения. Затем Токтай явился обоим на помощь против Джеки, сына Ногай. Он (Джека) был разбит и удалился в страну Авлаков (Валахов) и хотел защищаться в одной из крепостей Авлакских, в которой находился зять его. Но владетель этой крепости схватил его и обратился относительно его к Токтаю, который приказал убить его в 701 году (1301-1302 гг.). Брат его (Джеки) Турай и сын его Каракисек спаслись бегством. Так очистилась для Токтая атмосфера от враждующих и соперников, и утвердилось положение его в государстве. Он распределил владения свои между братом своим Сарайбугой и сыновьями своими. Одного из сыновей своих, Менглибугу, он послал в земли на реке Дунае, прилегающие к Железным Воротам. Затем Турай, сын Ногай, вернулся из своего убежища и обратился к Сарайбуге, брату Токтая, с просьбою принять его под свое покровительство. Тот оказал ему покровительство, и он остался у него. Подружившись с ним, он (Турай) снял перед ним завесу с того, что у него было на душе и стал возбуждать его (Сарайбугу) отложиться от брата своего Токтая. Брат обоих Бурлюк был старше его и находился у Токтая. Сарайбуга отправился к нему, чтобы посоветоваться с ним по этому делу. Тот ужаснулся его и уведомил об этом брата своего Токтая, который приказал ему тотчас же представить ему брата его, Сарайбугу и Турая, сына Ногай, и умертвил обоих. Владения брата своего Сарайбуги он отдал сыну своему Ильбасару (или Ильбегахдыру). Потом он послал искать Каракисека, сына Джеки, сына Ногай. Тот удалился в страны Северные и обратился с просьбою о покровительстве к одному из тамошних царей. Потом в 709 году (1309-1310 гг.) умерли брат его, Бурлюк, и сын его, Ильбасар, сын Токтая. Токтай же умер после обоих в (7)12 году (1312-1313 гг.).

Узбек, сын Тогрулджая, сына Менгутемира. Когда умер Токтай, то наместник его, Кутлуктемир, возвел на престол Узбека, сына брата его Тогрулджая, по совету хатун Баялуни, жены отца его Тогрулджая. Он (Кутлуктемир) обязал его (Узбека) принять ислам. Он (Узбек) сделался мусульманином и устроил мечеть для (совершения) молитвы. Некоторые из эмиров его не одобрили этого, и он (Узбек) убил их. Он женился на хатун (Баялуни), жене отца своего, так как последний был неверный огнепоклонник. Кутлуктемира, наместника своего отца, он поставил над Харезмом и Ургенджем, оставив от управления ими брата хатун Баялуни. Была дружба между Токтаем и царями Египетскими. Токтай умер в то время, когда послы его находились у Эльмелик-Эннасыра Мухаммеда, сына Калавуна. Они возвратились к Узбеку с почетом, и Узбек возобновил дружбу с ним (Египетским султаном), подослал к нему Кутлуктемира по поводу одной знатной женщины их (Татар), возбуждая его жениться на ней, и назначил ему дочь Бурлюка, брата Токтая. Переговоры по этому предмету возобновлялись до тех пор, пока дело было покончено. Сговоренную царевну отправили в Египет. Эннасыр заключил с нею (брачный) договор и женился на ней, как об этом упомянуто в рассказе о нем. Потом возникла вражда между Узбеком и Абусаидом, царем Татарским в Ираке, (одним) из Хулавуидов, Узбек отправил войска свои в земли Адзербейджанские. Душиханиды заявили притязание, что Тавриз и Мерага принадлежат им, ибо когда Кан (главный хан) послал Хулаву для завоевания владений Исмаилитов и взятия Багдада, то он (Хулаву) потребовал много войска и (потому) с ним отправилось (также) войско этих северных народов, которым в вознаграждение (за это) назначены были Тавриз и Мерага. По смерти Хулаву, Берке потребовал от сына его, Абаги, чтобы он позволил ему построить в Тавризе соборную мечеть и дом для ткания одежд и вышивок. Он (Абага) позволил ему (это) и он (Берке) построил то и другое, но когда между ними произошел разрыв, то (все) это было уничтожено. Потом они заключили мир между собою и дело возобновилось. Душиханиды заявили притязание, что Тавриз и Мерага принадлежат к их владениям, и не переставали предъявлять это требование. Когда случилась эта вражда между Узбеком и Абусаидом, то дело началось с нападения (Узбека) на Муган. Он отправил туда войска в (7)19 году (1319-1320 гг.), которые, опустошив области его, возвратились. Джубан собрался и отправился по следам их, но не достиг их. Узбек выставил предлогом (войны своей) против Абусаида, власть, которую Джубан присвоил себе в его государстве, самоуправство его с потомками Чингизхана и то, что он им ненавистен из-за этого. (В это время) Ясаул, сын Борака, сына Сунтая, сына Митукана, сына Джагатай, был царем Харезма. Узбек подстрекнул его овладеть Хорасаном и помог ему войском чрез наместника своего Кутлуктемира. Ясаул двинулся туда. Абусаид отправил своего наместника Джубана для отражения обоих, но ему не удалось (сделать это). Ясаул овладел значительною частью Хорасана и Джубан на этом заключил с ним мир 15. Ясаул погиб в (7)20 году (1320-1321 гг.). Затем, в (7)21 году (1321-1322 гг.), Узбек отставил своего наместника Кутлуктемира и поставил на его

место Ису Куркуза, но в (7)24 году (1323-1324 гг.) опять возвратил ему наместничество его. Война между Узбеком и Абусаидом не прекращалась до самой смерти Абусаида в (7)36 году (1335-1336 гг.). Потом умер кан Узбек в (7)42 году (1341-1342 гг.).

Джанибек, сын Узбека. Когда умер Узбек, сын Тогрулджая, то на его место вступил сын его, Джанибек; Абусаид же, как мы сказали, скончался еще прежде его. Так как он Абусаид не оставил преемника, то над Ираком стал царить Шейх-Хасан, из потомков Абаги, сына Хулаву, и царство распалось на разные владения. Джанибек посылал все новые войска в Хорасан до тех пор, пока не овладел им в (7)58 году (1357 г.). Затем он пошел в Адзербейджан и Тавриз, которым уже успел завладеть (сперва) Шейх [Хасан] Малый, сын Темирташа, сына Джубана, а после него брат его, Элашреф, как о том упомянуто в рассказе о них. Джанибек с войсками отправился в Адзербейджан, с тем требованием, которое предъявляли его предшественники. Он убил Элашрефа, завладел Тавризом и Адзербейджаном и, возвращаясь, завернул в Хорасан и поставил над Тавризом своего сына Бирдибека. На пути Джанибек захворал и умер.

Бирдибек, сын Джанибека. Когда Джанибек захворал на пути своем из Тавриза в Хорасан, то сановники отправили известие (об этом) к сыну его Бирдибеку, которого он назначил в Тавризе своим наместником. Тот поставил над ним эмира от себя, ускорил путь к своему народу, но прибыл в Сарай, когда отец его, Джанибек, уже умер. На место его (Джанибека) назначили его (Бирдибека). Он стал самодержавно править государством и погиб на третьем году своего царствования.

Мамай, завладевший Сарайским царством. По смерти Бирдибека, ему наследовал сын его, Токтамыш, малолетний ребенок. Сестра его, Ханум, дочь Бирдибека, была замужем за одним из старших монгольских эмиров, по имени Мамай, который в его царствование управлял всеми делами. К владениям его принадлежал город Крым. В то время его там не было (?). Было также несколько (других) эмиров монгольских, поделившихся в управление владениями в окрестностях Сарая; они были не согласны между собою и правили своими владениями самостоятельно. Так Хаджичеркес завладел окрестностями Астрахани, Урусхан своими уделами; Айбекхан таким же образом. Все они назывались походными эмирами. Когда Бирдибек умер и (верховой) власти не стало, а эти (эмиры) правили самостоятельно в провинциях, то Мамай выступил в Крым, поставил ханом отрока из детей Узбека, по имени Абдуллаха, и двинулся с ним в Сарай. Токтамыш бежал оттуда и отправился в царство Урусхана, (находившееся) в гористой области Харезма, а Мамай овладел Сарайским престолом и возвел на него Абдаллаха, которого поставил (ханом). У него стал оспаривать его (престол) один из эмиров государства, который поставил (ханом) из детей канских другого, по имени Кутлуктемира. Мамай победил обоих и убил их. Потом Токтамыш из царства Урусхана в стране Харезмской перебрался в царство потомков Джагатая, сына Чингизхана, в Самарканд и Мавераннехр; им в то время завладел султан Тимур, (один) из эмиров монгольских, который поставил из них (ханом) отрока, по имени Махмуд Сиюргатмыш, женился на матери его, и стал править им самовластно. Тут Токтамыш остался; потом перессорились эмиры, которые овладели областями Сарайскими. Хаджичеркес, владетель Астраханских уделов, пошел на Мамай, победил его и отнял у него Сарай. Мамай отправился в Крым и стал править им независимо. Когда Хаджичеркес ушел из своего владения, то Урусхан послал войска свои из горной страны Харезмской, которые осадили Астрахань. Хаджи выслал свои войска против них с одним из эмиров своих, который прибегнул к хитрости, успел отогнать их от Астрахани, потом внезапно напал на них и на эмира, предводительствовавшего ими. Хаджичеркес был очень озабочен этой враждой. Против него выступил Айбекхан, отнял у него Сарай и несколько времени самовластно правил им. Потом он погиб и после него Сараем правил сын его Карихан (?). Против него выступил Урусхан из гор Харезмских и отнял у него Сарай. Карихан (?), сын Айбекхана, бежал в свои первоначальные уделы. Урусхан утвердился в Сарае, а Мамай в Крыме; ему же принадлежали земли между Крымом и Сараем. Это произошло в течении (7)76 г. (1374-1375 гг.). Токтамыш находился в это время у султана Тимура и Джагатаидов в Мавераннехре. Но душа Токтамыша стремилась к владению предков его в Сарае. Султан Тимур снарядил с ним войско и он (Токтамыш) отправился туда. Когда он добрался до гор Харезмских, то тут ему заградили путь войска Урусхана и разбили его. Он бежал и возвратился к Тимуру. Потом Урусхан умер около лета этого года. Султан Тимур выступил с войсками вместе с Токтамышем, на помощь ему, до границы своих владений, и возвратился восвояси, Токтамыш же отправился дальше и, завладев уделом Урусхана, в горах Харезмских, отправился в Сарай. Тут находились правители Урусхана, но он отнял его у них; (таким образом) он возвратил себе те владения, которые у него отнял Мамай. Он завоевал (также) удел Хаджичеркеса в Астрахани, отобрал все, что было в руках узурпаторов, изгладил следы их и выступил в Крым, против Мамае, который бежал перед ним. (Долго) не получалось (дальнейших) сведений о нем (Мамае), а потом подтвердилось известие о гибели его. И соединилась власть над Сараем и его уделами в руках Токтамыша, сына Бирдибека, так как они принадлежали народу его.

Войны султана Тимура с Токтамышем, государем Сарая. Мы уже упомянули выше о появлении этого султана Тимура в царстве Джагатаидов и о том, как он в 784 году (1382-1383 гг.), перейдя из Бухары и Самарканда в Хорасан, остановился у Херата, где (тогда) был царь из потомков Гуридов, осадил его (Херат) и отнял его у него, потом отправился в Мазендеран, где находился шейх Вели, завладевший им после Хулавуидов. Война его (Тимура) с ним длилась до тех пор, пока он не овладел им (Мазендераном). Шейх Вели прибыл в Тавриз с небольшим остатком своих вельмож. Потом Тимур быстро объехал многие земли и направился (сперва) в Испахань, куда Ибнелмузаффер явился с изъявлением покорности, а затем в Тавриз, в

(7)87 году (1385-1386 гг.), овладел им и разрушил его. До этого он уже ходил в Дешт-Кипчак, в Сарай, отнял его у Токтамыша и выгнал его оттуда. Оставался он (Токтамыш) в других частях (своих) уделов до тех пор, пока Тимур не двинулся в Исфахань; тогда он возвратился в свою столицу. Был у султана Тимура враг из его же родичей, известный под именем Камреддина. Токтамыш, государь Сарайский, стал сноситься с ним и побуждал его к восстанию против Тимура, поддерживая его деньгами и войсками. Он (Камреддин) стал бесчинствовать в тех землях. Дошло известие об этом до Тимура, когда он уходил после взятия Тавриза. Он (Тимур) снова вернулся и война его с Камреддином продолжалась до тех пор, пока он не победил его и не уничтожил эту язву. Тогда он обратил внимание на первое свое дело и начал с того, что двинулся против Токтамыша. Токтамыш выступил ему на встречу и с ним был Оглан Булат, (один) из родичей его. Тимур вошел в сношения с ним и с некоторыми из эмиров его, так что Токтамыш заподозрил их. Настала стычка, приготовились они к битве, и пострадала страна от войск Тимура; все, которые находились в ней, были побиты или удалились с поля сражения. Потом смутился также Тимур и возвратился в свои земли, а Оглан Булат пошел в Сарай, овладел им и напал на имущество Токтамыша и домочадцев его. Разбрелись в разные стороны эмиры, с которыми Тимур входил в сношения. Они отправились в пограничные области и утвердились там. Токтамыш пришел в Сарай и опять завладел им. Оглан Булат бежал в Крым и овладел им. Токтамыш выступил против него с войсками и осадил его (Крым). Вслед затем явился в Сарай сын Урусхана и овладел им. Тогда Токтамыш возвратился (туда) и вырвал его (Сарай) из рук его. Войско его (Токтамыша) продолжало идти в Крым и возобновило осаду его, пока, наконец, не овладело им. Он (Токтамыш) одержал верх над Оглан Булатом и убил его. Отдохнув от войны своей с Токтамышем, султан Тимур отправился в Исфахань и овладел им, потом двинулся в Фарс, также завоевал его и, на двух концах истребив царей из рода Музафферидов, включил все владения их в состав своего царства. Затем он отправился в Багдад и отнял его у Ахмеда, сына Увейса, в (7)95 году (1392-1393 гг.), как об этом сказано было выше. Ахмед прибыл к султану Эззахыру, властителю Египта, умолял его о помощи. Тот выступил с ним и с войском и дошел до Евфрата. Тимур уже успел уйти из Багдада в Маридин, осадил и взял его. Сопrotивлялся ему, однако же, кремль его (города). Тогда он направился отсюда к Курдским укреплениям, прошел мимо их в страны Армянские, а затем в страны Румские. Государь Египетский, султан Эззахыр, послал сына Увейса на помощь войска, а (сам) пошел в Багдад, где находились небольшие остатки Тимурова войска, и отнял его у них; потом Эльмелик-Эззахыр возвратился в Египет. (Между тем) уже наступила зима; Тимур вернулся в пределы своих владений и расположился на землях Карабагских, лежащих между Адзербейджаном, Хамаданом и «Воротами» (т. е. Дербендом). Потом было получено известие, что Тимур из этой местности двинулся на войну с Токтамышем. И затихли известия о нем на некоторое время, но потом, в (7)97 г. (1394-1395 гг.), пришло известие, что султан Тимур одержал победу над Токтамышем, убил его и завладел всеми землями его. Аллах властен над делом своим.

Цари Газны и Бамьяна из рода Душихана. Эти земли Газны и Бамьяна отошли к Душихану; они составляли часть Мавераннехра с южной стороны и граничили с Седжестаном и странами Индии. Они находились (прежде) под властью Харезмшахов, но Татары вырвали их из рук их при первом своем выходе. Чингизхан завоевал их для своего сына Душихана, (от которого) они перешли к сыну его, Орде, а затем к Кунджи, сыну Орды, сына Душихана. Он погиб в начале семисотых годов, оставив после себя сыновей Баяна, Куйлюка и Мангытая, которые разделили земли между собою; старший из них, Баян, находился в Газне. После Кунджи вступил на престол сын его, Куйлюк; против него восстал брат его Баян, обратившийся за помощью к Токтаю, властителю Сарая, который помог ему через брата своего Бурлюка. Куйлюк же обратился за помощью к Кайду, который и помог ему; но он (Куйлюк) не устоял против него (Баяна), бежал и умер в 709 году (1309-1310 гг.). Тогда этими землями стал править Баян, пребывая в Газне. Выступил против него Куштай, сын брата его Куйлюка; ему помог Кайду. Он отнял Газну у дяди своего Баяна. Тогда Баян отправился к Токтаю, и Куштай утвердился в Газне. Говорят, что овладевший ею (Газною) был никто иной, как брат его Мангытай. Других известий о них после этого мы не нашли.

Политика Золотой Орды при Тохтамыше

Тохтамыш – хан Золотой Орды в 1380-1395 гг., хан Тюменского ханства с 1400 г., один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана.

(Из «Анонима Искендера»)

...Он был царем способным, храбрым, с хорошим обращением, краси-вым. Справедливость и хороший характер его общеизвестны. Однако из-за неблагодарности, которую он проявил по отношению ко двору Тимура, все эти его хорошие качества и похвальные свойства пропали и погибли. Это было так, что Тимур, вследствие благосклонности, которую он имел к нему, обсуждал с ним кое-что из государственных дел царства и дал ему испить кое-чего из тайн завоевания и владычества над миром. Характер его не вместил этого, и он хотел в этих же вопросах противоречить своему учителю. Это не удалось.

...Итак, когда Токтамыш одолел врагов державы, он послал Тимуру сообщение о победе (фатх-намэ), наполненное разными видами лести. Его величество послал ему в ответ несколько милостивых советов, как держать власть и державу. Он обратил его внимание на полезное и скверное, общее и частное, и послал бесчисленные дары и подарки. Токтамыш, согласно этому рассказу, также обманывал правителей отдаленных пограничных областей, пока за-получил их (к себе); тех из них, кого он нашел пригодным оставить при себе, удержал, тех, которых нашел пригодными для охраны этих границ, вернул обратно, а тех, которые не соответствовали его пользе, уничтожил. Он овладел властью во всем улусе от границы Либка, крайнего населенного места на севере, до пределов Кафы и сделал (своей) столицей Сарай султана Берке. В продолжение 17 лет он находился на ханском престоле, после же этого, вследствие бунта и неблагодарности (по отношению) к Тимуру, он оказался на границе гибели и исчезновения, лишился крова и дома и, наконец, умер естественной смертью в 800 г. (24 декабря 1397 г. – 12 сентября 1398 г.) в пределах Тулина. После его поражения, когда Тимур ушел обратно, Тимур-Кутлуг, сын Тимур-бек-хана, который нашел убежище при государевом дворе, и Идигу, сын Балтычака, отстали от Тимура и вернулись в стремлении (завладеть) узбекским улусом. До прибытия их Чинтек-оглан собрал беглецов из племен (уймак) и торговлей улуса узбекского возбудил базар царства в своем уме. Когда получилось известие о прибытии Тимур-Кутлуг-оглана и все племена (иль) стали отставать (от него), Чинтек со своими приближенными бежал, и царство досталось Тимур-Кутлугу, а эмиратство Идигу.

(Из летописи Иби Арабшаха «Чудеса предопределения в судьбах Тимура»)

...Эмир Идику был у Токтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избиравшихся во время бедствия для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось Кунграт. У Тюрков (разные) племена и наречия, как у Арабов. Заметив со стороны своего владыки перемену в расположении (к нему), Идику стал бояться его за себя и так как Токтамыш был свирепого нрава, то он (Идику), опасаясь, чтобы несчастье не застигло его внезапно, постоянно остерегался его и всегда был наготове бежать, коли увидел бы, что это нужно. ...Он прибыл к Тимуру, облобызал руки его, изложил ему историю свою, поведал ему, что с ним случилось, и сказал: «ты устремляешься в страны дальние, да в местности дикие и заброшенные, из-за этого подвергаешься опасностям, пересекаешь хребты пустынь и переби-раешь книги путешествий, а вот добыча холодная, перед самыми глазами твоими; ты добудешь ее легко и удобно, как тебе будет угодно и приятно. Для чего же мешкать и дремать? Из-за чего медлить и отлагать? Поднимись с твердою решимостью и я тебе порука в том, (что) нет крепости, которая тебя задержит, и нет преграды, которая тебя остановит; нет пресекаателя (меча), который отгонит тебя; нет отражателя, который заградит тебе путь; нет супостата, который противостанет тебе, и нет воителя, который сразится с тобою. Там только сброд и сволочь. Богатства же там поддадутся уgonу и сокровища придут (к тебе) на своих ногах!» Он (Идику) не переставал подстрекать его (Тимура) к этому, возбуждать да опутывать его на все лады... Тогда Тимур с величайшею быстротою приготовился к завоеванию Дешт-Берке...

...Длился этот бой и погром около 3 дней; затем явилась пыль от бегства войска Токтамышева, показавшего тыл; рати его разбежались и отступили, а полчища Тимура разбрелись по владениям Дештским, да расположились (в них). Он покорил племена их и (ему) подчинились последние и первые из них. Завладел он движимым и разделил его, да недвижимым и унес его с собою, собрал (все) захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увез (с собою все) захваченные деньги, пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и (все) эти края. Возвысилось положение Идику при нем. Затем он перебрался в Самарканд, в сообществе Идику, пожелав от него, чтобы он последовал за ним.

...Идику послал гонца к своим родичам и соседям... без ведома о том Тимура (сказать) чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев... иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что им предписал Идику, и шли, не останавливаясь. Узнав, что дружина его ушла и что люди его ускользнули от Тимура, Идику сказал ему: «О владыка наш, эмир, есть у меня громадное множество родичей и домочадцев; они (составляют) мои мышцы и мои руки и с исправностью их средств пропитания (сопряжено) мое благополучие, но они не безопасны, ибо после меня им приключатся обида и притеснение от Токтамыша; я не сомневаюсь, что он погубит и истребит их всех до единого. Пока я сам защищен против него по милости вашего величества, он будет вымещать злобу своего характера на моих домочадцах и родичах; ведь я наладил нить этих столкновений и ввергнул его в теснины бедствия и лохмотья поражения. Во всяком случае мне не весело на душе, что они живут в одном с ним месте, и может ли жизнь мне быть приятной, пока мои друзья – его соседи? Если светлый разум (твой) разрешит послать гонца в те места и к (этим) многочисленным племенам с монаршим указом и высочайшим наказом, чтобы склонить мысли их и умиливать сердца племен и родов их, да приказать им откочевать и улучшить положение свое, то мы все будем (жить) под достопамятною тенью, в садах благоденствия, покрытых листвою и плодоносных. Мы высвободимся из гладкой степи этого Дешта, завершив минувшие бедствия, и проведем остальное (время) в вертоградах, у подножия которых протекают реки. Но выше всего разум высочайший, и для рабов первое дело – следовать тому, что он постановляет». По уходе Идику от Тимура, последний захотел исправить свое упущение, поняв, что Идику

прельстил его ум и обманул его... Когда Тимур удалился с тем, что он добыл, и, возвратясь в свои владения, утвердился в них, а Идику присоединился к своим сторонникам и обрадовался своим приятелям и наперсникам, то последний принялся за разведку дел Токтамышша, остерегался и оберегался его, но приготовлялся и вооружался к отражению его, не будучи в состоянии зашить то, что разорвал, и починить то, что разломал. Кроме того он не мог присвоить себе название султана, потому что таким, будь это возможно, (непременно) провозгласил бы себя Тимур, завладевший (всеми) царствами. Тогда он (Идику) поставил от себя султана и в столице возвел (особого) хана, созвал к нему предводителей левой стороны и начальников племен ее. Они вняли зову его и прибыли к нему, будучи сильнее других и безопасны от злобных действий Джагатайцев и несправедливости их. Вследствие этого султан его усилился и хан его обогатился (цельми) караванами полчищ; основания его в столице утвердились и столбы его (власти) возвысились. Что касается Токтамышша, то он – когда страх его отошел и в мозгу его (опять) утвердился разум, а враг его ушел и спокойствие его водворилось – собрал войска свои и призвал на помощь народ свой, который и помог ему. Не прекращались удары боя в ожидании битвы между ним (Токтамышем) и Идику... Дошло до того, что они сразились между собою 15 раз, (причем) раз тот одержит верх над этим, а другой раз этот над тем. Дела племен Дештских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подверглись разъединению и розни, тем более, что на них нападали два льва и налегали две беды. Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находились в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счету, ни счислению и не может быть определена ни диваном (палатой), ни дефтером (списком); она ушла к Румийцам и Русским и, по своей злополучной участи и превратной судьбе своей, очутились между христианами многобожниками и мусульманами пленниками... По этим причинам, жившие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения, до разъединения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения. Они дошли до того, что если бы кто поехал по нему (Дешту) без вожака и руководителя, то он вследствие опустошения его (края) непременно погиб бы при переездах своих. Летом ветры сдувают пески и скрывают да сметают дорогу путнику, а зимою снег, падающий там, скопляется на ней и покрывает ее, так что вся земля его (Дешта) пустынна и жилища его безлюдны, привалы и водопой покинуты, пути его, по всему вероятно, губительны и недоступны. Пят-надцатое сражение было не в пользу Идику; он был разбит и рассеян, обращен в бегство и прогнан.

Убедившись, что Токтамыш отчаивается в нем и уверен, что его растерзал «лев смертей», он (Идику) стал попытываться вестей о нем, выслеживать и высматривать следы его, да разведывать, пока из (собранных) сведений не удостоверился в том, что он (Токтамыш) один без войска (находится) в загородной местности. Тогда он, сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночною ездой и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются вода-ные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока (наконец) добрался до него, (ничего) не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он (Токтамыш) очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей схватили его и змеи копий да ехидны стрел уязвили его. Он несколько (времени) обходил их и долго кружился вокруг них; затем пал убитый. Из битв это был шестнадцатый раз, закончивший столкновение и порешивший разлуку (с жизнью). Утвердилось дело Дештское за правителем Идику и отправились дальний и ближний, большой и малый, подчиняясь его предписаниям. Сыновья Токтамышша разбрелись в (разные) стороны: Джелаледдин и Керимбир-ди (ушли) в Россию, а Кубал и остальные братья в Саганак...

Устраивалось дело людское по указам Идику: он водворял в султан-ство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет и никто не противится ему, проведет грань и (никто) не переступит этой черты. К числу тех, которых он поставил, принадлежат Кутлугтимурхан и брат его Шадибекхан, затем Фуладхан, сын Кутлугтимура, а потом брат его, Тимурхан. В его (Тимурханово) время расстроились дела; он не вручил своих бразд (эмиру) Идику, сказав: «нет за ним ни славы, ни почета; я передовой баран (т.е. глава), которому повинуются, как же я стану подчиняться (другому); я бык (т.е. вождь), за которым следуют, так как же я стану сам идти за другим». Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастья, войны и враждебные действия. В то самое время, когда стужались мраки междоусобиц и перепутывались звезды бедствий между обеими партиями в сумраках Дештских, вдруг, в полном величии (собств. в полнолунии) власти Джелалиевой, появился (один) из блестящих потомков Токтамышевых и поднялся, выступая из стран Русских. Произошло это событие в течение 814 года (25 апреля 1411 г. – 12 апреля 1412 г.). Обострились дела, усложнились бедствия и ослабело значение Идику. Тимур(хан) был убит и продолжались смуты да раздоры между царями владений Кипчацких, пока (наконец) Идику, раненый, потонув, не умер. Его выгашили из реки Сейхуна, у Сарайчука, и бросили на произвол судьбы, да смилуется над ним Аллах всевышний! О нем (сообщают) удивительные рассказы и былицы и чудные диковины (небылицы): стрелы бедствий, (пущенные) во врагов его, (всегда) попадали в цель, по-мышления (его были) козни, битвы (его) западни. В основах управления (государством) у него (обращались) монеты хорошие и дурные, разбор которых выделит (настоящую) цель (его стремлений) от того, что (им) достигнуто. Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой пронизательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шутливых намеках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за полу шарията, сделав коран и сунну

да изречения мудрецов посредниками между собою и Аллахом всевышним. Было у него около 20 сыновей, из которых каждый был царь владычный, имевший (свой) особый удел, войска и сторонников. Правил он всеми делами Дештскими около 20 лет. Дни его (царствования) были светлым пятном на челе веков, и ночи владычества его – яркою полосой на лице времен.

Война Тохтамыша с Тимуром (Из «Книги побед» Шараф ад-Дин Али Йезди)

Одним из крупнейших конфликтов с участием Тохтамыша стала война Тохтамыша с Тимуром.

Рассказ о выступлении Тимура на войну против Токтамыш-хана и об одержании победы при помощи божией.

Так как злая судьба, которую непреложное перо начертало на челе несчастий и бедствий, привела Токтамыш-хана к тому, что он, забыв все милости и попечения Тимура, отважился на неблагодарность, то он собрал со всего улуса Джучи, доставшегося ему лишь благодаря помощи и содействию Тимура, огромное войско. Стих: «Из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов, (жителей) Крыма с Кафой и Азаком, башкирдов и м.к.с. собралось войско изрядно большое». С такою неподдающею счету армией, превосходившей число древесных листьев и дождевых капель, в конце 790 г. (1 ноября – 30 декабря 1388 г.), соответствующего году крокодила, в начале зимы двинулся он против Тимура. Когда последний узнал об этом, то с войском самаркандским и кешским выступили из столицы, раскинул ставку в Сагардже и разослал тавачиев для сбора и вызова победоносных войск по всем странам и краям (своих) владений. ...В это время принесли известие, что находящийся в авангарде войска Токтамыш-хана Илыгмыш-оглан с огромным войском, перейдя через Ходженскую реку, расположился близ Уджук-Зернука. ...Тимур отправил Кунче-оглана, Тимур-Кутлуг-оглана и Шейх-Али-бахадур с отрядом войск отрезать неприятелю путь бегства. На другой день, при восходе солнца, месяц победоносного знамени, взойдя на вершине холма Анбара (?), настиг неприятеля; раздался военный клич и завязался бой. Когда огонь сражения запылал от вихря натиска храбрецов, то из отдушины тимурова счастья стал дуть ветерок победы, и враги, показав спину поражения, обратились в бегство. Многие из них погибли под рукою и ногою смерти, объятые ужасом; некоторые, страшась огненного меча, бросились в Ходженскую реку, и пыль их существования унес ветер тления. Тем же, которые спаслись от избиения и спешили бежать, войско, которое ушло вперед, чтобы преградить путь неприятелю, вышло навстречу и (вместе с) победоносным войском, гнавшимся (за ними), окружило их, как дичь на охоте, со (всех) сторон и ударами копий и стрел, мечей и тяжелых палиц истребило их и поводья жизни их передало в жестокие руки Азраила. ...Затем, откочевав оттуда, он (Тимур) благополучно пустился в обратный путь, в месяце сафаре 791 г. (30 января – 27 февраля 1389 г.) сделал привал в Акаре и там пробыл (некоторое время). Когда вследствие наступления авангарда весны губительная армия холода обратилась в бегство и щегольские войска зелени и трав отовсюду задвигались на полях и в садах со всех сторон сошлись победоносные войска. ...Тимур приказал, чтобы мирза Омар-шейх, эмир Хаджи-Сейф-ад-дин и Ику-Тимур отправились и из судов и плотов устроили мост на Ходжендской реке. Поспешив исполнить приказание, они отправились, в нескольких местах устроили мосты и известили Тимура. Его величество в реби 791 г. (28 февраля – 29 марта 1389 г.), соответствующем началу года змеи, откочевав оттуда, с помощью божией, двинулся в путь. Большая часть вражеского войска была перебита; остальные постепенно с сотнею страданий выбрались из этого омута, обратились в бегство и, перебравшись через реку Ардж, пришли к Токтамыш-хану. Войско последнего осаждало Сабран, где Чингирче, Ляд и Кушчи, обороняясь и отбиваясь, храбро сражались. Не будучи в силах овладеть Сабраном, Токтамыш-хан ограбил Ясы и расположился в тех равнинах. Когда ему дали знать о прибытии победоносного войска Тимура, то и у дая и у войска, у всякого, кто услышал это известие, пред могуществом Тимура задрожала нога твердости и стойкости, на них напал страх и ужас, и войско, несмотря на такую многочисленность и обилие оружия и снаряжения, при одном лишь слухе, распалось, и всякий рукою нужды ухватился за полу бегства; они, немедля пустившись бежать, рассеялись и разбрелись как «саранча расплзшаяся»...

Рассказ о походе Тимура в Дешт-и-Кипчак.

...В четверг 12 сафара 793 г. (19 января 1391 г.), когда солнце находилось под восьмым градусом Водолея, высочайший поезд под охраной и помощью божией, двинулся в поход. Когда местность Карасеман стала местом счастливого привала, то прибыли послы Токтамыш-хана. ...Когда весть о прибытии посланцев Токтамыш-хана дошла до благословенного слуха Тимура, он приказал привести их. По исполнении обрядов целования земли они преподнесли 1 сокола и 9 быстрых коней, которых они привели в качестве подарка. Тимур, соблюдая обычай, (принятый) у султанов, взял сокола (себе) на руку, но по чувству царского достоинства, не обратил большого внимания. Послы почтительно и смиренно, с разными извинениями и испрашиваниями прощения, стоя на коленях, представили ему через старших эмиров послание Токтамыш-хана такого содержания: «Его величество в отношении ко мне – отец и благодетель-кормилец, так как прежние права его на мою благодарность за разные милости и благодеяния, которых он удостоил меня, таковы, что из тысячи

одно, а из многих (лишь) немного можно изъяснить. Если государь по крайней милости и состраданию царскому соблаговолит простить тот дурной поступок и неуместную вражду, на которые я осмелился под влиянием несчастной судьбы и советов злобных и научающих злу людей, которых я стыжусь и раскаиваюсь, то это прибавится к прежним благодеяниям и милостям. Я же, зная границы свои, после этого ни на один волос не сойду с пути повиновения и подчинения и ни одной мелочи не упущу в соблюдении условий приличия и послушания». Тимур сказал: «В начале дела, когда он (Токтамыш), уйдя от врагов, раненый и больной, пришел к нам, (всем) людям известно, как он был включен в число сыновей и до какой степени ему была оказана забота. Между прочим, ради него я двинул войско на Урус-хана и (из-за этого) в ту зиму погибло столько лошадей, солдат, имущества и снаряжения. Несмотря на это, я заботился об усилении и поддержке его до тех пор, пока, отделив иль его от и ля Урус-хана, отдал его ему (Токтамышу) и так усилил руку его, что он утвердился в ханском достоинстве на престоле улуса Джичиева. Держава – от бога всевышнего, но причиной того был я. Постоянно я ласково и радушно звал его сыном, а он меня называл отцом. Когда же держава утвердилась за ним, и он убедился в своей силе и могуществе, то забыл долг (благодарности) за милости и благодеяния и не выполнил обязанностей сына. Когда мы, предприняв поход в землю Иранскую, были заняты покорением Фарса и Ирака, то он, вступив на путь возмущения, выслал войско опустошать окраины нашего царства. Мы не обратили внимания на это, (ожидая) не раскается ли он в своем непохвальном поступке и не воздержится ли от своей неосмотрительности и наглости, но от упоения вином гордыни он до такой степени лишился сознания, что совершенно не отличает добра от зла; он вторично повел войско и выслал вперед в качестве авангарда большой отряд, который вторгся в наши владения. Мы тотчас выступили против него, и армия его, не видевши черной массы нашего войска, предпочла бегство. Теперь он узнал о нашем намерении и, чувствуя свою слабость, представляет извинения. Так как с его стороны уже неоднократно наблюдалось несоблюдение договоров, то полагаться на его слова было бы неблагоприятно, и с божьей помощью и небесной поддержкою мы выполним план, который составили и ради которого собрали войско, а там (посмотрим), какова воля творца, (сказавшего): «Вернись к ним, мы пойдем на них с войском, с которым им не совладать, и изгоним их оттуда униженными; они трусы». Впрочем, если он (Токтамыш) говорит правду, что ищет мира, то пусть придет к нам навстречу Али-бека, чтобы мы после переговоров (джанкы) с эмирами выполнили то, что окажется нужным». По выполнении обычая (давать) пир, он приказал соблюсти (в отношении к ним) правила заботы и предупредительности. В среду 16 реби (21 февраля 1391 г.), созвав курилтай, он посоветовался с царевичами и эмирами и, взяв (с собою) послов Токтамыш-хана, при счастливых предзнаменованиях и благоприятном сочетании звезд со всем войском своим двинулся в путь на завоевание...

Рассказ о размещении войска, о приведении храброй армии в боевой порядок и о большой битве.

В понедельник 15 реджеба 793 г. (18 июня 1391 г.), соответствующего году барана, когда после 6 дней погода прояснилась, Тимур-завоеватель в местности Кундузча лично занялся устройством войска и приступил к приведению его в боевой порядок. ...Когда войска обеих сторон выдвинули свои боевые линии друг друга, то армия неприятельская на обоих флангах, правом и левом, несколькими кошунами превышала войско этой (Тимуровой) стороны. Тимур, поддерживаемый богом властелин, который во всяком деле полагался на помощь бога и уповал на милость творца, а не на многочисленность храброго войска и наличие большого количества снаряжения, слез (с коня), как это был его похвальный обычай в каждой битве, искренне и умиленно совершил два раката молитвы и, повернув лицо смирения и покорности в прах повиновения и уничтожения, умолял у порога царя, помощь дарующего, всевышнего и святейшего, о победе и успехе. Окончив свои молитвы перед ведающим сокровенное и тайное и возложив свое упование на безграничную милость божию, он благополучно сел на коня и двинулся вперед. ...С обеих сторон били в барабаны,буны и литавры и заглушали слух времени воинственными криками (сурен). ...Все эмиры и вожди победоносной армии сцепились с войсками противостоявшими и смешали землю поля битвы с одного конца до другого с кровью неприятелей. Щиты и латы на груди и теле врагов были пронзены и разорваны ударами стрел и мечей, а головы гордецов и шеи главарей были разбиты и перетянуты тяжеловесными палицами и петлями арканов. Заметив в своем войске признаки слабости и не видя у себя сил сражаться с Тимуром, Токтамыш-хан покинул эту сторону и обратился на мирзу Омар-шейха, но найдя войско его в полном порядке, отступил и от него, пошел на Шейх-Тимур-бахадур и тысячи сулдузские и в сопровождении большого числа эмиров и храбрецов своего войска вступил в бой. Сколько Шейх-Тимур-бахадур и его туман ни осыпали противников стрелами, но те самоотверженно, ни на что не обращая внимания и обрекая себя на смерть, не отступали, а раз за разом, с мечами и метательными копьями, повторяли свои атаки, наконец, одержали верх, умертвили много людей сулдузских, прошли через середину их и, оста-новившись, построили ряды в тылу Тимурова войска. ... (Тогда) Тимур с отрядом отважных храбрецов повернул на них (врагов). При виде победоносного знамени у Токтамыш-хана исчезла стойкость. Омыв немедленно руку смятения водою печали от короны и престола, он поневоле потерял надежду на царствование и властвование и, страшась за жизнь свою, оглушенный и растерявшийся, отпустил поводья быстроногого коня и с сотней уловов спасся с того поля сражения. Так как прирожденное забвение благодеяний и неуважение к благодетелю схватили полу судьбы его, то он предпочел стойкости бегство. Весь улус Джучиев, пораженный и разбитый, отчаялся в существовании. ...Тимур победоносно и счастливо стал лагерем и занялся исполнением обя-зательств благодарности и хвалы царю царств всевышнему и святейшему. ...Выбрав затем из всего войска по 7 человек из 10, он отправил их в погоню за обреченными на смерть беглецами. Немногим

удалось легко выбраться из этого омута бедствия; жены же их, дети, имущество и снаряжение – все попали в руки победоносного войска. ...Все эмиры и воины, которые по приказанию (Тимура) отправились в разные стороны, победоносно прибыли ко двору Тимура с бесчисленной добычей – лошадьми, верблюдами, быками, баранами и множеством рабов – девушек и детей – на телегах. Всех неприятелей, искавших спасения на островах Итиля, схватив и забрав в плен, привели в (лагерь). Победоносным войсками в этой славной победе досталась такая огромная добыча, что нога изложения и написания совершенно не может достичь границы описания ее. У отдельных людей в высочайшей орде, которые с трудом находили необходимейшее пропитание, скопилось столько лошадей и баранов, что во время возвращения, идя назад, они не были в силах гнать их, а потому некоторых погнали, а некоторых оставляли... В лагере Тимура оказалось столько подобных хуриям девушек и красивых отроков, что одних тех, которые были выбраны лично для Тимура, было более 5000 человек... Тимур, с помощью всевышнего, вступив на престол царствования и миродержавия в том месте, которое было столицей султанства и ханства Джучи-хана и сыновей его, предался удовольствиям и счастливой жизни... Таким образом в этом очаровательном месте он среди удовольствий и счастливой жизни провел 26 дней...

Рассказ о походе Тимура с войском против Токтамыш-хана во второй раз.

В конце зимы 797 г. (27 октября 1394 г. – 15 октября 1395 г.), когда армия зелени по приказу султана весны, придя в движение, победоносно выступила в степь и от блеска прибытия справедливого царя весны совершенно распалось основание несправедливого войска зимы, укрепляющее мир мнение Тимура пришло к решению повести войско в сторону Токтамыш-хана и снова наказать его, чтобы он в другой раз не выдвигал ноги самообольщения из пределов своей силы и мощи. Войска, подобные судьбе, шли в совершеннейшем порядке, отряд за отрядом, поднимая знамена и набросив складки ненависти на чело могущества и мужества, итак как они направлялись на восток и на север, то вперед пошло левое крыло, как это принято у тюрков. Чтобы вызвать повод, Тимур еще в зимовье (своем) написал Токтамыш-хану письмо. Эмиры его, вследствие крайнего невежества и упорства, оказали сопротивление, внесли смуту в это дело и рукою спеси и прахом несчастья наполнили источник счастья благодетеля и глаза собственного благополучия. Токтамыш-хан вследствие речей этих несчастных, сойдя с пути истины, ушел в пустыню гордости и самообольщения, посеял семена горя и смещения, и в ответе своем на письмо Тимура написал грубые выражения.

Рассказ о смотре, который Тимур сделал победоносному войску. ...Когда Тимур со всем своим войском прибыл в местность Тарки и расположился там лагерем, до сведения его довели, что авангард Токтамыш-хана (под начальством) Казанчия остановился на берегу реки Хой. Тимур лично с отборным войском ночью отправился в поход и утром, как ветер переправившись через реку, напал на них, ударами сверкающего меча истреблял презренных врагов, обогрил поверхность степи и равнины кровью неприятелей и зеленью... меча заставил на побеге счастья распуститься бутон победы. Оттуда мирозавоеватель с победоносным войском своим двинулся дальше и, придя на берег реки Сундж, остановился, а Токтамыш-хан, собрав свое войско на берегу реки Терек и выставив вперед туры, арбы и... укрепил свою позицию и приготовился к бою. Тимур, выстроив войско в боевой порядок, подошел и, благодаря (своему) непоколебимому счастью и мощи (своего) войска, напустил поток страха и ужаса в жилище стойкости и самообладания Токтамыш-хана; он (последний) не мог устоять, так что войско его, бросив (заградительные) окопные щиты (чапар) и обратясь в бегство, отступило. Тимур с войском, найдя брод, перешел через реку Терек, а Токтамыш-хан, дойдя до реки Курай остановился и занялся собиранием остатка своего войска. Так как у Тимурова войска оставалось мало продовольствия, то Тимур пошел вдоль берега реки в область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов и в спокойном состоянии мужественно занялись уничтожением неприятелей. В это время сторожевые посты доставили известие, что Токтамыш-хан вторично привел в порядок войско и по берегам реки идет вниз вслед за победоносным войском. ...Когда расстояние между обеими сторонами стало близким, во вторник 22 джумади 797 г. (14 апреля 1395 г.), соответствующего году свиньи, они расположились одна напротив другой.

Рассказ о выступлении Тимура с намерением сразиться.

На другой день в среду утром, войско с обеих сторон с громкими криками пришло в движение. Могущественный Тимур занялся приведением в порядок армии: устроив семь корпусов (кул), он поставил туры и выставил вперед храбрецов (бахадуров); пехота, за щитами, стояла впереди. Мирзу Мухаммед-Султана он назначил в главный корпус, а фланги корпуса укрепил смельчаками, разрывающими боевые ряды. Сам же с 27 кошунами в полном вооружении стал позади войска. Войско неприятельское также выстроило ряды напротив и подняло знамена. В это время кто-то с левого крыла принес известие, что с правого крыла неприятеля Кунчеоглан, Бек-Ярык-оглан, Актау, Давуд Суфи, зять Токтамыш-хана и Утурку с большой толпой наступают на левое крыло победоносного войска Тимура. Тимур поспешно двинулся на них и с построенными в боевой порядок кошунами произвел атаку. Те, увидев стремительный напор войска, подобного судьбе, показали тыл и обратились в бегство. Некоторые из числа 27 кошунов, находившихся при Тимуре, пустились в погоню за бегущими, которые добравшись до своего корпуса (кул), повернулись, бросились на тех, которые гнались за ними, отбросили их, прогнали до Тимура и часть убили, а часть разбежалась во все стороны. Вследствие этого кошуны смешались, а те (воины Токтамыш-хана), осмелев, ринулись вперед и устремились на Тимура. ...Хотя войско неприятельское подходило отряд за отрядом, совершало одно нападение за другим и проявляло

(большие) усилия, оно не могло сбить с места победоносных храбрецов (тимуровых), которые, спешившись и припав на колени (сукдамиши карде), выпускали стрелы. ...Сколько неприятели ни приходили на помощь друг другу и сколько они ни делали нападений копьями, мечами и метательными копьями, те отражали их ударами стрел. Наконец с другой стороны подошел Джеханшах-бахадур со своим туманом, бросился на врагов и завязался великий бой. ...Токтамыш-хан с царевичами Джучиева рода, эмирами и нойонами, показав тыл, обратились в бегство и много воинов их было убито.

Рассказ о выступлении Тимура в набег (илгар) вслед за Токтамыш-ханом.

...Он (Тимур) назначил набег (илгар), двинулся в погоню за Токтамыш-ханом и чрезвычайно быстро днем и ночью шел по следам его. Прибыв к месту переправы через Итиль, называемому Туратурской переправой, он дал находившемуся при нем сыну Урус-хана, Койричак-оглану, отряд узбекских храбрецов, находившихся в числе слуг высочайшего двора, приготовил принадлежности падишахского достоинства, удостоил его шитого золотом халата и золотого пояса, велел ему переправиться через Итиль и передал ему ханство над улусом Джучи. Царевич Джучиева рода, согласно приказанию, перешел на ту сторону реки и занялся собиранием рассеянной армии и устройством улуса, а войска подобные судьбе, поспешив по пятам неприятелей, дошли до Укека и многих из них убили. В этот день несчастным, с одной стороны, угрожали удары губителя-меча, а с другой – волны-кровопийцы Итиля. Большую часть их взяли в плен, а немногие из них бросились на плотках в воду и переправились на ту сторону Итиля. Токтамыш-хан бросил ханство, дом и все, что имел, явное и скрытое, и, опасаясь за жизнь свою, с несколькими людьми бежал, ушел в сторону Булара, в лесистую местность, и спасся от львиных когтей, низвергающих врага. Победоносное войско (Тимура) с этой стороны реки дошло до того же места, до которого оно в первый поход на Дешт добралось с той стороны реки, и ограбило (все это). Место (же) это недалеко от «страны мрака». Победоносная армия и в этот раз ограбила большую часть Дешт-и-Кипчака...

Рассказ о набеге Тимура на правое крыло Джучиева улуса и на область русских.

Тимур-завоеватель, который во всяком деле был доволен только тогда, когда доводил его до крайнего предела, после разбития и изгнания Токтамыш-хана и уничтожения его армии и воинов, захотел в своих высоких помыслах покорить и завладеть всеми теми областями и землями, да подчинить и искоренить все народы и племена тех пределов и местностей. Направляясь против правого крыла улуса Джучи-хана, он двинулся в ту беспредельную степь к реке Узи и в сторожевой отряд назначил эмира Османа, который взяв проводников, отважно отправился в путь. Дойдя до реки Узи, он в местности Манкер-ман ограбил Бек-Ярык-оглана и некоторых из находившихся там людей улуса узбекского и большую часть их покорил, так что лишь немногие и то с одной только лошадей смогли спастись. Баш-Тимур-оглан и Актау бежали и, переправившись через реку Узи, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища (спасения) в бегстве, ушел в Рум поселился на равнине Исраяка, где находится и до сих пор. Повернув от реки Узи, Тимур счастливо направился на русских. Подобные небосводу войска на берегу реки Тан еще раз окружили Бек-Ярыка; спереди у него оказалась река-кровопийца, сзади отважное войско. Дойдя до Карасу, одного из городов русских, они разграбили весь город внутри и снаружи. Бек-Ярык-оглан дошел до полного изнеможения и бессилия, по необходимости и в (полном) смятении, оставив семью и детей своих в когтях несчастья, бежал с одним (лишь) сыном и вышел из окружения их (войск Тимура). Победоносное войско привело к Тимур-у всех жен, детей и домочадцев его. Его величество отвел им шатры и палатки, оказал им всяческую заботу, подарил им множество скота, платья, вещей и разных драгоценностей и отослал веселыми и спокойными вслед Бек-Ярык-оглану. Мирза Мираншах, Джеханшах-бахадур и другие эмиры – темники и тысячники повернули назад, со своими воинами вторично произвели набег на правое крыло Джучиева улуса и, придя туда, уничтожили Бек-ходжу и других эмиров со всем улусом онкол (правой руки), убивая, забирая в плен и разоряя. Города Сарай и Урусчук они также ограбили и весь улус и области подчинили своей власти; имущество и богатства, выходящие за пределы приблизительного счета и воображения, прибавили к прочей добыче. Они взяли бесчисленные стада и табуны и забрали в плен красивых женщин и девушек. Тимур двинулся на Москву, которая также один из городов русских. Прибыв туда, победоносное войско (его) также опустошило всю ту область, вне города, разбило и уничтожило всех эмиров тамошних. В руки воинов попала большая добыча. ...Могущественный Тимур, взяв проводника, отправился оттуда в Бальчимкин. Когда он достиг крепости Азака, мирза Мираншах с бывшим при нем войском, пройдя по берегу реки Тан и ограбив неприятеля, присоединился там к царственному поезду. Последовав обязательный приказ, чтобы в Азаке мусульман отделили от прочих общин и отпустили, а всех неверных предали мечу джихада и, ограбив дома их, сожгли...

Рассказ о нападении победоносного Тимура на Хаджи-тархан и Сарай.

Итак, подойдя близко к Хаджи-тархану, Тимур с немногими людьми из своих приближенных, утром, прежде победоносного войска, поскакал к Хаджи-тархану. Правитель тамошний, Мухаммеди, поневоле вышел навстречу, и его величество отправил его с мирзой Пир-Мухаммедом, эмиром Дженахшахом, эмиром Шейх-Нур-ад-дин, Тимур-ходжа-и-Ак-Бугой и с войском по направлению к Сараю. Тимур вошел в Хаджи-тархан и после раскладки (хавале) денег за пощаду и получения их, все что в нем было одушевленного и неодушевленного (имущества) подверглось разграблению. Упомянутый царевич и эмиры переправились через реку Итиль по льду и согласно приказанию отправили Мухаммеди под лед, где он сделался добычей рыб.

Победоносное войско взяло Сарай и, подложив огонь, сожгло его. Племена и кочевников тех местностей они по большей части ограбили, погнали (перед собой) и привели их. Разрушение Сарая было мстью за дерзость, которую дештские войска проявили в разрушении Зенджир-сарая, ибо они в то время, когда Тимур был занят завоеванием Фарса и Ирака, напали на опустевший Мавераннахр и разрушили дворец Казан-Султан-хана, известный под именем Зенджир-сарай; поэтому-то Сарай таким образом был перевернут вверх дном. Выселив всех жителей Хаджи-тархана, город сожгли, и Тимур с войском вернулся на зимовье...

Рассказ о возвращении Тимура из Дешт-и-Кипчака и северных стран. Когда все области Дешт-и-Хазара, правое и левое крыло улуса Джучиева и прочие северные страны были покорены, когда подобные небосводу войска, сделав набег на области и места того края – (земли) Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микес, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов со всем к ним принадлежащим и относящимся, – выказали свою силу и полную власть, а из врагов те, которые остались в живых, оказались бродящими, растерянными и бездомными, Тимур-завоеватель в начале весны 789 г. (16 октября 1395 – 4 октября 1396 г.), соответствующего году мыши, благополучно выступили из зимовья Бугаз-кум и направился в сторону Дербенда и Азербайджана...

Ярлык Тохтамыша Владиславу II Ягайле

В XIV-XVI вв. ханы Золотой Орды, нередко являясь ставленниками литовских князей и прибегая к их покровительству и защите в борьбе со своими внутривосточными противниками и соседями, продолжали получать дань с попавших под власть Литвы русских земель и выдавать литовским князьям на управление ими ярлыки, из которых в том числе известно о ярлыке Тохтамыша Владиславу II Ягайле. Представлена жалованная грамота – ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша (1380-1395 гг.) к королю польскому и великому князю литовскому Владиславу II Ягайле (1392-1393 гг.).

Тохтамышево слово
Ягайлу.

Мы послали послов, из коих главные Котлубуга и Асан, дать знать о восшествии на великое место, и ты также послал к нам присланника. Третьего года нисколько Угланов, из коих важнейшие Бекбулат и Ходжа Медин, и Беки, из коих главные Бекгич и Турдучак Берди Давуд, отправив вперед человека, по-имени Идикгия, послали (без моего ведома) к Темирю. По тому требованию он выступил. Когда он, веруя в лукавое сердце и такой же язык их, пришёл тайно вперед мы, узнав, собрались; во время битвы прежде те дурные люди ушли с места, отчего и парод ушел с места. Вот что было причиной бывшему до тех пор тому делу. Бог нас пожаловав, предал нам враждующих Угланов и Беков, из коих главные Бекбулат, Ходжа Медин, Бекгич и Турдучак Берди Давуд. Тепер мы послали послов, из коих главные Асан и Тулу Оджа, дать знать об этом случившемся. А далее

С подданных Нам велостей собрав выходы, вручи идущим послам для доставления в казну. Еще по прежнему правилу (мои) негодяны и твои купцы пусть ходят одни к другим: признавая это хорошим для Великого Улуса, мы утвердили грамоту с золотым знаком. Велено написать курячьего года гиджры семьсот девяносто пятого ново-лунного месяца Реджеба восьмого дня, когда Орда была на Дону.

Взаимоотношения Золотой Орды с Венецией

Представлен ряд жалованных грамот – ярлыков золотордынских ханов XIV в., выданных венецианцам и сохранившихся в переводах на латинский или итальянский языки.

Ярлык Узбека венецианским купцам Азова (1333 г.)

Узбек – монгольский хан Улуса Джучи (Золотой Орды) (1313-1341 гг.).

Предвечною бога силою, пламени великого благоденствия покровительством, мой, Узбека, указ Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем под началом с Кутлуг-Тимуром, тысяч, сотен, и десятков князьям, даругам-князьям Азова под началом с Мухаммед-ходжой, таможенникам и весовщикам, заставщикам и караульщикам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем.

Так как обладающий этим ярлыком руководитель государства и народа Венеции обратился к нам с прошением, говоря, что он желает, чтобы его купцы приезжали в Азов, проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили в нашу казну по закону ханский торговый налог, ми, выслушав его прошение и признав его исполнимым, объявляем болотистое место в Азове, что позади церкви госпитальеров, на берегу реки Дон, отданным нами в его пользование, с тем, чтобы его приезжающие купцы проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили бы в нашу казну по закон ханский налог.

Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие к нам на кораблях и совершающие торговые сделки в городе Азове и других городах, пусть платят в нашу казну торговый налог в размере трех процентов; если

купля-продажа ими не производится, пусть никто не требует с них торгового налога. Также, у нас исстари не брали торговый налог с торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью; и ныне пусть не берут. Также, если какой-либо товар продается на вес, то от ханского таможенника и консула выделяются соответственно по одному уполномоченному, которые стоят вместе, следят за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового налога и весового сбора. Также, стороны, совершающие между собой куплю или продажу, дают посреднику или принимают одна от другой задаток; такой задаток считается действительным и входит в стоимость покупки. Также, если поссорится наш человек с венецианцем и один на другого подаст жалобу, то пусть наш правитель края и соответственно венецианский консул тщательно расследуют конфликт и определяют меру ответственности каждого; и пусть не хватает невинного взамен виновного. Также, мы повелели, чтобы венецианцу платили с двухмачтовых и одномачтовых кораблей по прежнему обычаю; все их прибывающие и отбывающие суда обязаны в полной мере соблюдать это,

Баданы для постоянного хранения пайца и алотамговый ярлык, Написан в год обезьяны восьмого месяца в четвертый день убывающей Луны [9 сентября 1332 г.], когда мы находились на Красном берегу у реки Кубань.

Первый ярлык Джанибека венецианским купцам Азова (1342 г.)

Джанибек – монгольский хан Улуса Джучи (Золотой Орды) (1342-1357 гг.).

Предвечною бога силою, великого гения-хранителя покровительством, мой, Джанибека, указ Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков князьям, даругам-князьям Азова под началом с Черкес-ходжой, таможенникам и весовщикам, заставщикам и караульщикам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем.

Этим ярлыком обладающие венецианские послы, говоря, от имени своего дожа, что государство и народ Венеции во главе с их дожем в свое время получили от хана, отца нашего, в качестве пожалования землю в Азове, чтобы жить на ней и строить жилища для сбережения себя и своих товаров, и, показывая на то ярлык и пайцу, они обратились к нам с прошением о пожаловании от нас их купцам разрешения безопасно жить в названном городе Азове, находясь там вместе со своими товарами отдельно от генуэзцев, получая от нас помощь и покровительство и при совершении законной купли-продажи выплачивая нам 3%-й торговый налог. Выслушав их прошение и признав его исполнимым, мы в соответствии с условиями пожалования покойного хана, отца нашего, объявляем нашим пожалованием им участок земли в Азове, лежащий вдоль берега Дона от бани Бедреддина до начала еврейского квартала, оттуда вниз по рву до горы, включая саму гору, чтобы они благоустроивали его, производя там любое необходимое им строительство.

Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие торговать в Азов или любую другую подведомственную нам землю, в случае совершения ими купли-продажи обязаны платить нам 3%-й торговый налог, а в случае, если купля-продажа не производится, не должны платить ничего. Никто из облеченных нами властью не должен чинить им препятствий в пути следования, при въезде куда-либо или выезде откуда-либо; вообще пусть не досаждают им никоим образом. Они исстари не платили торгового налога с золота, серебра и золотой канители; и ныне несколько не должны платить. Также, если продаваемые или покупаемые товары нуждаются во взвешивании, то за правильностью их взвешивания надлежит следить уполномоченным, назначаемым по одному как от нашего таможенника, так и от их консула. Также, если какая-нибудь торговая операция сопровождается выдачей или получением торговым посредником задатка, такая сделка считается скрепленной и никоим образом не может быть расторгнута. Также, воли случится, что кто-либо из наших подданных затеет ссору с венецианцем, нанесет ему обиду или оскорбление, или же, напротив, поступят какие-либо жалобы на венецианцев от наших людей, пусть тогда правитель Азова и венецианский консул на совместном заседании установят, внимательно взвешают и разрешат все вышеозначенные жалобы, обиды и оскорбления с тем, чтобы не был нанесен ущерб ни отцу за сына, ни сыну за отца. Также с прибывающих и отбывающих кораблей о одной и двумя мачтами надлежит взимать пошлину согласно прежнему обычаю. Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, то ему надлежит, как это делают генуэзцы, уплатить нам торговый налог, максимальный размер которого 50%, а минимальный – 40%. Также, чтобы оградить себя от посягательств со стороны генуэзцев, венецианцам разрешается самим организовать любую, на их полное усмотрение, охрану места своего проживания. Также, если случится, что какой-нибудь венецианский корабль потерпит в наших владениях крушение, то все товары, которые на нем находились, где и у кого бы они не были обнаружены, венецианцам разрешается самим требовать и без всякого возражения со стороны их новых владельцев получать обратно.

Выданы для постоянного хранения пайца и алотамговый ярлык. Написано было в год лошади девятого месяца в первый день прибывающей Луны [30 сентября 1342 г.], когда ставка находилась в Балысыра.

Прошение представили восемь князей, а именно: Нангудай, Али, Могулбуга, Ахмат, Беклемиш, Курткабахши, Кутлуг-Тимур, Ай-Тимур. Написал я, [?] –бахши.

Второй ярлык Джанибека венецианским купцам Азова (1347 г.)

Джанибек – монгольский хан Улуса Джучи (Золотой Орды) (1342-1357 гг.).

Предвечною богу силою, великого гения-хранителя покровительством, наше, Джанибека, слово, возвещающее ярлык Монгольского государства князьям тюменов под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям городов, таможникам и весовщикам, проезжим послам, многим людям, всем.

Некогда венецианцы обратились к покойному отцу нашему, великому хану Узбеку, с просьбой предоставить их купцам в качестве пожалования отдельное от генуэзцев место в Азове для производства торговли, за которую они должны будут выплачивать хану 3%-ный торговый налог. Они получили на это пожалование, ярлык и пайцзу. Затем они обратились к нам с прошением о пожаловании, повторяющем условия предыдущего, и получили на то наш ярлык и пайцзу. Впоследствии один из венецианцев совершил злодеяние, в наказание за которое мы на несколько лет запретили их торговцам приезжать в Азов. В настоящее время правительство Венеции известило нас о том, что оно устало от злодея, и просит нас о новом пожаловании в аренду земли в Азове, руководствуясь условиями, изложенными в первом нашем ярлыке, с тем чтобы по отношению к венецианским торговцам не применялись бы ни насилие, ни оскорбления. Со своей стороны они должны выплачивать нам 5%-ный торговый налог, а весовой сбор – сообразно с прежним обычаем.

Наше, Джанибека, слово, сохраняющее силу и на море: Когда на ваших, венецианских, навах и галеех перевозятся мусульманские паломники и торговцы, пусть не причиняются им насилие и ущерб. Вам не следует причинять ущерб и по отношению к приморским селениям Монгольского государства. Если же кто-нибудь из венецианцев причинит ущерб нашим подданным, вы сами должны разыскать, захватить и выдать преступника нам. В случае, если вы не в состоянии его схватить, вам надлежит известить об этом нас, чтобы сын не понес наказание за отца, отец – за сына, а старший брат – за младшего.

Выслушав их прошение и признав его исполнимым, мы, в соответствии с прежними пожалованиями, объявляем нашим пожалованием им для проживания в Азове участок земли, расположенный вдоль берега реки Дон, на восток от бани Сафа ад-дина 100 шагов в длину и 70 шагов в ширину.

Отныне и впредь венецианские купцы, производящие в Азове законную торговлю, должны выплачивать нам 5%-ный торговый налог. Выплата ими весового сбора производится согласно прежнему обычаю. В случае, если торговля ими не производится, наши таможенники не должны взыскивать с них ничего. Никким образом нельзя препятствовать въезду и выезду их повозок с товарами в город и из него. С каждой повозки при этом взимается весовой сбор согласно прежнему обычаю. Они исстари не платили торгового налога с золота, серебра и золотой канители; и ныне нисколько не должны платить. С товара, который взвешивается на весах, после взвешивания должны взиматься 5%-ный торговый налог и весовой сбор согласно прежнему обычаю. Наш начальник таможи и венецианский консул Азова обязаны назначать честных людей по одному от каждой из сторон, которым надлежит внимательно наблюдать за правильностью взвешивания. После выдачи торговому посредником задатка торговая сделка считается скрепленной и никким образом не подлежащей расторжению. Мы предписываем взимать плату с прибывающих и отбывающих венецианских кораблей, сообразуясь с прежним обычаем, когда в расчет принимается количество, две или одна, мачт на корабле. Если венецианец приобретает невыделанную шкуру, он обязан выплатить нам торговый налог: за большую шкуру – 50%, за малую – 40%. Если случится, что кто-либо из наших людей в Азове поссорится с кем-нибудь или подаст жалобу на кого-нибудь из венецианцев, то на совместном заседании даруги Азова и венецианского консула надлежит тщательно разобраться с делом и по справедливости разрешить его так, чтобы не пострадал отец за сына или сын за отца. Если случится, что какой-нибудь венецианский корабль потерпит в море крушение, то ни население Азова, ни даруга города, ни кто-либо еще не имеет права похищать выброшенные морем вещи, наносить им ущерб и даже притрагиваться к ним. Пусть венецианцы сами организуют и осуществляют охрану своего участка в Азове, и генуэзцы не должны тому препятствовать.

После такого нашего распоряжения пусть никто из власть имущих не посмеет оказать неповиновение этому ярлыку, а кто не повинуется – непременно будет утрачен! Также и эти венецианцы под предлогом обладания ярлыком противозаконные действия в городах Монгольского государства пусть не совершают. Совершившие их – непременно будут утрачены!

Милостиво выдан алотамговый ярлык. Написан года свиньи среднего месяца зимы убывающей Луны в 9-й день (26 декабря 1347 г.), когда мы находились в Гюлистане.

Прошение о пожаловании представляли Могулбуга, Ягалтай, Кутлугбуга. Писал (?) -бахши.

Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356 г.)

Высокому величеству, императору императоров великого престола, владыке моря и суши, владетельному императору тех, кто исповедует веру Иисуса Христа, главному и могучему превыше всех, Вашему величеству дожу, а также баронам, которые пребывают при Вашем величестве, а также всем великим и малым Вашего города, мы всем желаем здоровья!

Доводим до сведения Вашего благородия, что Ваш посланник Андреа прибыл к нам и доставил от Вашего высокого величества письма с печатями, которые Вы направили, а мы прочли с удовлетворением и, сочтя Ваш запрос исполнимым, сделали по нему пожалование и послали его Вам. Да будет также известно господину дожу, что в ответ на Ваши письма мы отправили Вам повеление господина императора, которое нам надлежит исполнить.

И мы сочли наилучшим, чтобы Вашим портом стал Провато, название которого Новый город. И, если это устроит Ваше величество, Ваш консул будет там. И пусть то место будет для Вас благословенным. И чтобы Вы не допускали зла, мы и наши построим дома и имения к Вашему удовольствию.

От Вас же мы хотим, чтобы, если Ваши купцы продадут свои товары, то пусть они платят тамгу три за сотню и не более, а если они не продадут, то пусть не платят. Вашим венецианцам, которые содержат таверны, ясак и айлык совсем не нужно платить. Также, если какой-либо венецианец заведет тяжбу с кем-либо из тюмена, тот спор надлежит разрешать правителю Солхата и консулу; если именно Ваши спрашивают с кого-либо из империи или из тюмена, тот спор должен разрешать правитель.

И Вы, ради нашего благорасположения, просите Ваших купцов, чтобы они продавали здесь свои товары больше, чем другие; сделайте, чтобы торговля производилась больше здесь, чем в иных местах, и чтобы наша благосклонность распространялась больше на Вас.

Вашему величеству мы уже сообщали о дошедшем до нас деле, когда в бухте Константинополя 16 галер господина Николо Пизани захватили с корабля генуэзца Николозо Ското купцов из Солхатского тюмена, имена которых Идомелик, Аниманди, Сабадин, Акнок, Тодорос, Джуанес, Стефанос, Идудимент и Калос. У них отняли 4 тыс. сомов. Двое из этих купцов были убиты. Идумелик и Аниманди 2,5 года содержатся в тюрьме в Кандии.

Мы писали Вам и о других захватах. Ответа получено не было. Поэтому и были схвачены двое Ваших купцов, которые находятся во здравии. И по каждому захвату Вы бы распорядились вернуть имущество этих наших, а мы подобным же образом вернули бы то, что мы захватили у упомянутых Ваших купцов. Ваше величество выполнит это условие, потому что мы поклялись не возвращать Вашим купцам, если Вы не вернете свое тем [нашим].

Также сообщаю Вашему величеству, что если какой-либо купец не заплатит тамгу, то он потеряет тот товар. Поэтому мы и сделали пожалование 3%-ного торгового налога для тех, кто не мошенничает с тамгой.

Это письмо составлено в месяц Рабимуоль, в начале луны, в 757. Аминь.

Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.)

Тайдула, Тайдулу, Тайтуглы-хатун (? – 1361 г.) – жена хана Золотой Орды Узбека, мать его сыновей Тинибека и Джанибека, а также дочери, бывшей замужем за сыном правителя Хорезма.

В составе венецианской коллекции из 10 переводов на латинский и итальянский языки ордынских документов XIV в. сохранилось личное послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу Джованни Дольфину. Послание составлено в 1359 г.

По соизволению Бердибека, наше, Тайдулы, слово дожу венецианцев.

Люди империи, поднявшись на кокку Николая Скота,плыли в Константинополь за товарами. Девять Ваших галей, встретив упомянутую кокку, напали [на нее] и захватили тех [людей империи]. Кроме того, Ваша галей ограбила людей империи, которые возвращались с Кипра. Все те упомянутые [люди империи], придя к императору и представив свидетелей, оценили свой ущерб в 2830 сомов.

Император оказал им милость, выдав грамоту с золотой печатью и [назначив] исполнителей, которым обязаны были выплатить назначенные деньги консул и купцы в Азове.

Мы же, посчитав, что тем [это] будет бременем, не позволили [тому] свершиться, а распорядились выдать [пострадавшим] 550 сомов из нашей личной казны, против воли Ваших послов и не соглашающихся. Ныне, в их присутствии, 550 сомов без малейшего небрежения отправлены [по назначению].

Так сказав, грамоту с печатью послали. В год свиньи 2-го месяца в 5-й [день] прибывающей Луны [4 марта 1359 г.], в Гюлистан-сараяе написано.

Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам (1356 г.)

Слово Рамадана венецианским франкам.

Посланец господина дожа, Андреа, доставил грамоту с печатью, запрос господина дожа, и мы нашли исполнимым то, что он запросил.

Прибывающим торговцам-венецианцам надлежит приезжать в Янгишехр. Привозящие свои товары и торгующие ими в Крыму должны платить 3%; если они не торгуют, то не должны платить ничего, а если свои товары они провозят другим, то должны платить тартанак. Их трактирщики не должны платить ни айлык, ни ясак. Также если венецианец затеет какой-нибудь спор с тем, который из тюмена, или же тяжбу с ним, тогда тому, кто спрашивает с венецианца, надлежит идти к консулу и обратиться к нему; если же венецианец спрашивает с того, который из тюмена, ему надлежит идти к правителю края. Когда [венецианская] нава или

галея произведет погрузку, доверенному лицу правителя вместе с доверенным лицом консула надлежит произвести в ней досмотр, чтобы на ней не ушел какой-нибудь беглый или раб, а затем она может спокойно отправляться.

Так были заключены соглашения и договор в году 757 месяца раби аль-авваля в 1-й день [4 марта 1356 г.], в Гюлистане.

Аминь.

Примечание: Пусть настоящее соглашение будет переведено с персидского на латинский язык.

Ярлык Бердибека венецианским купцам Азова (1358 г.)

Мое, Бердибека, слово Монгольского государства всем князьям тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даругам-князьям внутренних городов, служащим государственной канцелярии, а также многим странствующим, и путешествующим людям, всякого рода служб начальникам, послам и посланникам, таможникам и весовщикам, караульщикам и заставщикам.

Так как послы венецианского дожа обратились к нам с прошением: «В правление хана Узбека наши купцы просили у него разрешение на проживание и торговлю в Азове отдельно от генуэзцев и с условием выплаты 3%-ного торгового налога, хан пожаловал их и выдал ярлык с пайцзой. В правление хана Джанибека они повторили свое прошение, и пожалование им было подтверждено сообразно с условиями первого ярлыка. Впоследствии один из наших людей совершил злодеяние, вызвавшее гнев хана Джанибека, который запретил нашим торговцам несколько лет приезжать в Азов. Когда мы устроили злодея, Джанибек еще раз пожаловал наших торговцев и в соответствии с первым ярлыком дал им участок земли в Азове и запретил применять по отношению к ним силу. В случае, если они будут торговать, им надлежало платить 5%-ный торговый налог, размер весового сбора определялся тогда в соответствии с прежним обычаем. Ханский указ относительно тех из наших людей, кто занимается морскими перевозками, предписывал им не причинять ущерба персидским торговцам и паломникам как на море, на наших навах и галейх, так и в венецианских поселениях, располагавшихся на морском побережье в пределах Монгольского государства. Венецианца, причинившего им ущерб, нам самим следовало схватить и выдать хану. В случае, если бы нам не удалось его схватить, нам надлежало сообщить хану имя преступника, чтобы сын не понес наказание за отца, отец – за сына, младший брат – за старшего, старший брат – за младшего».

И так как в свое время отец наш, хан Джанибек, признав прошение венецианцев исполнимым, дал им пожалование, по которому им надлежало проживать в Азове на участке земли, расположенном на восток от бани Сафа ад-дина в длину 100 шагов и в ширину, считая от берега реки, 70 шагов; и вышеозначенный участок должен был предоставить им правитель Азова; и выдан на то ярлык. Также и мы, рассмотрев их прошение и признав его исполнимым, повелели: Пусть эти венецианцы, наше пожалование получившие, живут в Азове на указанном участке земли и производят свою торговлю в соответствии с правилами предыдущего ярлыка!

Венецианские купцы должны торговать честно, платя при этом 5%-ный торговый налог. Уплата ими весового сбора производится согласно прежнему обычаю. Если торговля ими не совершается, то таможенники ничего не должны с них взыскивать. Не должно препятствовать въезду и выезду их повозок с товарами в город и из него. При этом с каждой повозки они обязаны платить весовой сбор согласно прежнему обычаю. Прежде они не платили торговый налог на золото, золотую канитель и серебро. И ныне они не должны его платить. С их товаров, которые взвешиваются на весах, должны взиматься 5%-ный торговый налог и весовой сбор, сообразно прежнему обычаю. Для присмотра за правильностью взвешивания и взимания налога и сбора начальник таможи и венецианский консул назначают каждый по одному доверенному человеку. Если в торговой сделке участвует торговый посредник, то после выдачи им задатка такая сделка уже не может быть расторгнута. Корабль с двумя мачтами и судно с одной мачтой облагаются ввозной пошлиной в соответствии с давним обычаем. Запрошенное Тоглубаем ханское пожалование «на оружие» в размере 3 сомов с каждого корабля венецианцев было получено. В личном указе Тайдулы-хатун подтверждается, что 3 сома с каждого венецианского корабля, прибывающего в Азов, выплачиваются Тоглубаю ее доверенными лицами не от имуществ ханской таможи, а из доли Тайдулы от всей суммы ввозной пошлины. У венецианских купцов ни Тоглубай, ни его доверенные лица на указанную цель ничего не должны запрашивать. Заготовка венецианцами в Азове невыделанных шкур облагается торговым налогом, величина которого в аспрах должна составлять не более 50 и не менее 40% за каждую купленную ими шкуру. Ссоры между азовскими жителями и венецианскими надлежит разрешать вместе правителю города и его венецианскому консулу. За виновного не должен отвечать его родственник. В случае если венецианские корабли потерпят крушение на территории Монгольского государства, то ни его князья, ни государственные служащие не должны не только похищать с них товары, но даже притрагиваться к ним. Венецианцам надлежит собственными силами организовывать у себя в квартале караульную службу. Генуэзцы не должны тому препятствовать.

Так мы возвещаем ярлык. Всякий, кто поступит наперекор этому ярлыку, разве не убоится? Также и венецианские торговцы, получившие это пожалование, не должны применять силу или принуждение в Монгольском государстве и городе Азове. Применившие силу или принуждение разве не убоятся?

Сим последним, этим ярлыком обладающим, выдан для постоянного хранения алотамговый ярлык с пайцзой. Написано года собаки, хиджры 759-го, месяца шаввала в 8-й день [13 сентября 1358 г.], когда ставка находилась на берегу Ахтубы.

Представили совместное прошение князя Хусейн-Суфи, Мо-гулбуга, Сарай-Тимур, Ягалтай, Кутлугбуга. Написал я, писарь Сабахаддин-кадиб.

Предписание хана Бердибека правителю Крыма Кутлуг-Тимуру (1358 г.)

Слово Бердибека Кутлуг-Тимуру.

Идумелик, Иоанн, Стефан и Айниддин Юсуф. Это люди пришли к нам, и ими подано тут такое прошение по торговому делу. Когда [эти] купцы ехали в Константинополь, на них напали галеи венецианцев. 2330 сомов серебром и другими товарами были расхищены, двое людей были убиты, а [двоих] других 2 года держали в тюрьме. И по прошествии двух лет мы были освобождены и пришли к покойному императору, взывая о помощи. Дано было пожалование, согласно которому Рамадан должен был взыскать [все] с венецианских франков, обязав их отыскать и оплатить это имущество. В удостоверение этого франкам было велено оплатить это имущество. И Рамадан лично послал одного [человека] с тем сообщением. И пришедшему туда не было уплачено и был запрещен проезд.

Еще один человек, имя которого Бачман, подал такое прошение, что, когда он следовал с Кипра, на него напали галеи венецианцев и похитили у него товаров на сумму в 500 сомов.

Ныне одновременно с этим ярлыком к этим людям написано.

Вы, Кутлуг-Тимур из Крыма и Черкесбек, находясь совместно в Азове, должны обратиться к консулу венецианцев и рассказать ему об этих людях. Во времена Рамадана было говорено и доказано, что это имущество действительно находится у венецианцев и вследствие этого оно должно быть оплачено. И вы не должны прекращать усилий, направленных к его скорейшей оплате.

Им дан ярлык с золотой печатью в год 759 в 8-й месяц года, в 10-й день Луны [13 сентября 1358 г.]. Представили то прошение князя Могулбуга, Кутлуг-Тимур, Тимур, Кораган, Черкес-ходжа. Написал Сабахаддин-кадиб.

Уведомление правителя Крыма Кутлуг-Тимура венецианским купцам (1358 г.)

Слово Кутлуг-Тимура, правителя Крыма, венецианским послам господину Джованни Квирини и господину Франческо Бону, послам к хану, венецианцам.

Если ваши корабли будут приходить в Провато, Калитру или Солдадию, то внутри этих трех городов и портов, в какой бы порт им ни понадобилось войти, при покупке необходимого вам надлежит платить мне сообразно тому, что вы платили Рамадану. Если их купцы будут производить торговлю, то должны платить три процента; если они не будут торговать, то не должны ничего платить; пусть не взимается с них больше ничего. Кто бы то ни был не должен несправедливо наносить им ущерб и притеснение; и если кто-либо захочет их нанести, мы не допустим. Мы должны охранять и защищать иностранцев, чтобы они могли чувствовать себя спокойно и производить свою торговлю.

Так что тому, кто этим [документом] владеет, он дан нами. Дата: в ставке, в месяц шавваль, дня пятнадцатого.

Взаимоотношения Золотой Орды с Византией

(Из сочинения Эль Омари «Пути взоров по государствам разных стран»)

...Константинополь ...в соседстве земель царя Кипчаков, с которым царь Румский в постоянной ссоре и бесконечных пререканиях в любое время. Царь Румский, несмотря на возгорание огня (вражды) его и на множество защитников и пособников, боится притеснения и злобы его (царя Кипчацкого), снискивает расположение его посредством ухаживаний и всячески затягивает дела с ним от времени до времени. Такое отношение их (Румов) к царям этих стран не прекращалось с тех пор, как сыновья Чингизхана стали править эту землю. Постоянно происходило между ними то возобновление договоров и заключение дружбы, то составление союзов между ними или приношение (подарков) от царя Румского к кану царства Кипчацкого...

(Из летописи «Связки жемчужин» Эль-Айни)

В 668-м году (31 августа 1269 г. – 19 августа 1270 г.) произошла вражда между Менгутемиром, сыном Тогана, царем Татар в Северных странах, и между Ласкарисом, государем Константинопольским. Менгутемир отправил к Константинополю войско из Татар, которое прибыло туда, бесчинство-вало в землях его (Ласкариса) и прошло мимо крепости, в которой находился Иззеддин Кейкаус, сын Кейхосроя, султан земель Румских. Он был заключен в нее в 662 году (4 ноября 1263 г. – 23 августа 1264 г.). ...Татары увезли его, с людьми и женами его, к Менгутемиру, который встретил его с почетом, оказал ему уважение, устроил его в Крыму и женил его на одной из знатнейших женщин своих, по имени Урбайха-тунь, одной из дочерей Берке...

Золотая Орда и Ближний Восток**(Из «Книги назидательных примеров и Сборника подлежащего и сказуемого по части истории Арабов, Иноземцев и Берберов» Ибн Хальдуна)**

...У Татар были две обширные державы. Одна из них держава сыновей Хулаку, взявшая Багдад и овладевшая столицей ислама в Ираке, который он (Хулаку) и сыновья его сделали своим престольным городом; кроме того им принадлежали Иракеладжем, Фарс, Хорасан и Мавераннехр. (Другая) была держава сыновей Душихана, сына Чингиз-хана, на Севере, прилегавшая на Востоке к Хорезму, на Юге к Крыму (?) и пределам Константинополя, на Западе к земле Булгарской. Между этими двумя державами происходили раздоры и войны, как это случается между пограничными государствами. Тюркская держава в Египте и Сирии граничила с державою Хулакуидов, которые желали овладеть Сирией и раз за разом повторяли грабительские набеги на нее. Они старались склонить на свою сторону правителей их и сторонников их из Арабов и Туркменов и с ними одерживали верх над ними (Египтянами), как я это видел в историях их. Между царями их с обеих сторон были частые столкновения и войны с переменным счастьем. Часто они (Египтяне) одерживали верх, благодаря раздорам между державою Души(хана) и Хулакуидами, и отдаленности своей от вражды с Душиханидами, так как между их царством и владениями Египта и Сирии лежали (разные) государства. Явилось у них (Египтян) расположение к ним и стали они постоянно посылать друг другу послов и подарки. Царь Тюркский (Египетский) стал подстрекать царя Сарайского, из Душиханидов, к вражде против Хулакуидов и к набегам на них в Хорасан и на прилегающие к нему окраины их владений, для отвлечения их от Сирии и для удержания их своими военными действиями от набегов на него (султана Егип.). Это не переставало быть обычаем их с самого начала Тюркской державы, а у Душиханидов было большое расположение к этому и они хвастали этим перед Хулакуидами...

(Из «Жизнеописания Эльмелик-Эззахыра»)

В 660-м году (26 ноября 1261 г. – 14 ноября 1262 г.) он (Эльмелик-Эззахыр) написал к Берке, великому царю Татарскому, письмо, которое я писал со слов его (и в котором) он подстрекал его против Хулавуна, возбуждал между ними вражду и ненависть да разбирая довод тому, что для него обязательна священная война с Татарами, так как получают одно за другим известия о принятии им ислама и что этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи. Ведь и пророк – над ним благословение Аллаха и мир – сражался со своими соплеменниками родичами и воевал против Курейшитов... Ислам не состоит только в одних словах; священная война есть одна из (главных) опор его. Пришло уже несколько известий о том, что Хулавун, ради своей жены и вследствие того, что она христианка, установил (у себя) религию креста и предпочел твоей религии почитание веры жены своей, да поселил кафоликоса неверного в жилищах халифов, ставя жену выше себя. В этом письме было много подстрекательств и изложение того, как султан действует по части священной войны. Письмо это он отправил с одним доверенным лицом из Алланских купцов...

О прибытии послов царя Берке... Султан написал, чтобы всем им был оказан почет, а по прибытии в крепость свою собрал их вокруг себя, в присутствии эмиров и народа, прочитал письмо, которое было при эмире Джелаледдине, и письмо, находившееся в руках шейха Нуреддина. Содержали они оба привет и благодарение, требование помощи против Хулавуна, извещение о том, как он (Берке) действует против ясы Чингизхановой и закона народа своего, о том, что все совершаемое им (Берке) душегубство вызвано только враждой к нему, что «я и четыре брата мои принялись воевать против него со всех сторон, чтобы восстановить опять маяк правоты, и возвратить обителям правды (мусульманским странам) прежнее состояние, т.е. благополучие, прославление Аллаха, призыв к молитве, чтение корана и молитву, и чтобы отомстить за имамов и народ». (Далее) он домогался отправки отряда войск к Евфрату, чтобы загородить путь Хулавуна, ходатайствовал за султана Иззеддина, властителя Румского, и просил о содействии ему...

(Из «Летописи Ибн Шохбы»)

В четверг, 23 джумадиэльэввеля 796 года (26 марта 1394 г.), прибыли в Дамаск послы Токтамыш-хана, сидевшего на престоле Узбекхана в землях Кипчацких. Султан пригласил их к себе; они передали ему поклон от своего повелителя и послание, в котором заключалась, между прочим, просьба, чтобы султан и он (Токтамыш) были одною рукою (действовали сообща) против врага-бунтовщика Тимурленка.

...Когда Менгукан воцарился, то он ввел сыновей Джагатаю во владение Мавераннехром, в силу того, что Чингизхан завещал отцу их Джагатаю, но чего он (Чингиз), за смертью, не мог исполнить, и стало мощно слово (повеление) Менгукана. Пришли к нему послы от жителей Казвина и земель Джебальских, жалующься на зло, которое им причиняют соседи их Мелахиды (=Исмаилиты) и на вред, который они наносят им. Тогда он (Менгукан) отправил брата своего Хулаку с громадным войском для поражения Мелахидов, завоевания их крепостей и прекращения дальнейшего их господства. Хулаку стал представлять в заманчивом виде брату своему Менгукану захват владений халифа и выступил с этой целью. Дошло это до Берке, сына Джучи, и не понравилось ему, потому что между ним и халифом утвердилась дружба. Он сказал брату своему Бату: мы возвели Менгукана и чем он воздает нам за это? Тем, что оплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры, презирает нашего клиента и домогается владений халифа, т.е. моего союзника, между которым и мною происходит переписка и существуют узы дружбы. В этом есть нечто гнусное. Он представил поступок Хулаку брату своему Бату в таком гадком виде, что Бату послал к Хулаку (сказать), чтобы он не двигался с своего места. Прибыло к нему послание Бату, когда тот (Хулаку) находился за р. Джейхуном. Он не переправился через нее и с бывшими при нем простоял на своем месте целых два года до тех пор, пока умер Бату и воцарился после него брат его, Берке. Тогда усилились пожелания Хулаку. Он (снова) послал к брату своему Менгукану просить дозволения исполнить то, что он некогда приказал (ему) относительно нападения на владения халифа и отнятия их у него. Он ему так хорошо расписал это, что тот согласился. Хулаку вступил в (те) земли и напал на Мелахидов. Он заподозрил 700 человек из знатнейших лиц Хамадана – это область принадлежала (сперва) Бату, потом Берке – в преданности Берке и тайных действиях против Хулаку и Менгукана. Он умертвил их (всех) до последнего. За тем он стал продолжать свой путь по странам, добрался до Дешт-Кипчака и вступил в него. Три дня он простоял, не находя противника; на четвертый день его настигла конница. Берке напал на них со своими ратями и полчищами. Судьба не благоприятствовала Хулаку, так что он обратился в бегство. ...Он (сражаясь) отступал до тех пор, пока между ним и между Берке оказалась реки Кура. Берке шел (за ним), пока очутился у реки Куры, но он не мог найти пути для переправ. Хулаку вернулся (восвояси), бесчинствовал в стране, плавал в волнах опустошения и проделывал (всевоз-можная) дела. Усилилась вражда между ним и между Беркеканом.

(Из «Истории Вассафа»)

О причинах вражды, происшедшей между Хулагу-ханом и Берке-огулом. В то время, когда государь – завоеватель мира Чингиз-хан сделался владыкою и повелителем царей и царств мира и разделил края и страны между четырьмя сыновьями (своими) – Туши, Чагатаем, Угетаем и Тулуем – и назначил им становища и юрты в четырех странах света так, как было решено умом и найдено правильным его безграничной проницательностью, – подробное исчисление округов и областей изложено и упомянуто в «Тарих-иджехангушай», – Чагатаю были отведены пространства становищ от пределов окраин уйгурских до границ Самарканда и Бухары; обычное местопребывание его всегда находилось в окрестностях Алмалыга. Угетай, который в благополучный век (своего) отца должен был быть преемником султанства (Чингиз-хана), пребывал в пределах Эмиля и Кубака, столицы ханства и центра государства. Юрт Тулуя находился по соседству и в сопредельности (с владениями) Угетая, а земли в длину от краев Каялыка и Хорезма и крайних пределов Саксина и Булгара до окраин Дербенда Бакинского он предназначил старшему сыну, Туши. Что позади Дербенда, называемого Демир-капук (Железные ворота), то всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей войска его (Туши); по временам они делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становищ их (Джучидов). Вот почему с обеих сторон, хулагидской и джучидской, стали проявляться, одна за другой, причины раздора и поводы к озлоблению...

(Из сочинения ан-Нувайри «Крайний предел необходимости по части науки благовоспитанности»)

...В 653 г. (10 февраля 1255 г. – 29 января 1256 г.) была война между Берке и Хулагу, царем Хорасана, обоим Ираков и соединенных с ними земель. Это (произошло) оттого что Хулаку, получив письмо от Боракшин, жены Тогана, как мы сказали выше, захотел завладеть этим государством, чтобы присоединить его к тем владениям, которые находились в руках его. Он снарядился и отправился туда (в Кипчак) с войсками своими, но прибыл (уже) после умерщвления Боракшин, восшествия Берке на царский престол и утверждения

его власти. Когда до Берке дошло известие о Хулаку и о приближении его к владениям, то он двинулся с войсками своими навстречу ему. Между обоими находилась река, называемая рекою Терек, вода которой, вследствие сильной стужи, успела замерзнуть. Хулаку переправился через нее с войсками своими в земли Берке. Когда они сошлись и сразились, то Хулаку потерпел поражение. Прибыв к этой реке, сподвижники его (Хулаку) хлынули на нее; она (ледяная поверхность) проломилась под ними и множество народу из них утонуло. Хулаку вернулся с оставшимися у него людьми своими в свои земли. С этого года началась война между ними. В числе лиц, принявших участие в этом сражении вместе с Берке, был сын дяди его, Ногай, сын Татара, сына Могола, сына Чингизхана. Ударом копья он был ранен в глаз и стал одноглазым. ...Берке в 661-м году (15 ноября 1262 г. 3 ноября 1263 г.) вошел в сношение с султаном Эльмелик-Эззахыром Рукнеддином Бейбарсом Эссалихи, царем стран Египетских и владений Сирийских, известив его о том, что Аллах облагодетельствовал его исламом. Султан ответил ему, поздравив его с этою благодатью и отправил к нему великолепные подарки, в числе которых (находились): священное писание – как говорят (один) из Османовых списков – ковры для молитвы, одежды Левантские, несколько ковров с навесами и шкур, мечи Калджурские с насечками, булавы позолоченные, шлемы, латы, фонари, шандалы, светильники двойные (?), подставки с принадлежностями лакированные, седла Хорезмские и уздечки, все это с золотыми и серебряными насечками, луки с кольцом и луки для метания ядер, самострелы, копья, стрелы в сундучках, котлы из змеевика, канделябры позолоченные, слуги черные и прислужницы-поварихи, быстроногие арабские кони, нубийские верблюды, проворные ослы, обезьяны, попугаи и др. В месяце рамазане упомянутого года (9 июля – 7 августа 1263 г.) султан Эльмелик-Эззахыр отпустил послов его (Берке) обратно и написал ему (письмо), возбуждая его против Хулаку и подстрекая его к войне с ним. В 663-м году (24 октября 1264 г. – 12 октября 1265 г.) была война между войсками Берке и войсками Абаги, сына Хулаку, вследствие того, что когда Хулаку умер в этом году и после него вступил (на престол) сын его Абага, то он (последний) снарядил войско для войны с Берке.

(Из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина)

Когда Хулагу-хан завоевал большую часть Иранской земли, покончил с делом врагов и противников, которые оставались в разных углах, и занялся приведением в порядок и устройством дел владения, сердце его было раздосадовано захватом власти Беркеем, потому что вследствие того, что Бату его в сопровождении Менгу-каана отправил в столицу Каракорум посадить его [Менгу-каана] на престол в кругу родичей, и он некоторое время служил неотлучно у престола Менгу-каана, он (Беркей), опираясь на это, непрестанно слал гонцов к Хулагу-хану и проявлял свою власть. Оттого, что Беркей был старшим братом, Хулагу-хан терпел. Когда с родственниками его (Беркея) Тутаром, Булгаем и Кули произошло событие, между ними появились и изо дня в день росли вражда и ненависть. В конце концов Хулагу-хан сказал: «Хотя-де он и старший брат, (но) поскольку он далек от пути скромности и стыдливости и обращается ко мне с угрозами и понуждениями, я больше не буду с ним считаться». Когда Беркей узнал об его гневе, он сказал: «Он разрушил все города мусульман, свергнул все дома мусульманских царей, не различал друзей и врагов и без совета с родичами уничтожил халифа. Ежели господь извечный поможет, я взыщу с него за кровь невинных». И он послал в передовой рати Нокая, который был его полководцем и родственником Тутара, с тридцатью тысячами всадников отомстить за его кровь. Тот прошел Дербент и расположился на виду Ширвана. Когда Хулагу-хан проведал (об этом), он повелел, чтобы из всех владений Ирана выставили ополчение. ...На восходе солнца они подошли к Дербенту Хазарскому. Толпа врагов находилась на крепостной стене Дербента. Их прогнали с этой стороны выстрелами из луков, отняли от врага стену, взяли Дербент и завязали бой по ту сторону Дербента. Врагу было нанесено поражение. Жилища всех эмиров, вельмож и воинов Беркея сияли в той степи. Кипчакская степь была сплошь в палатках и больших шатрах, а земля та полна лошадей, мулов, верблюдов, коров и овец, а ратных людей их ни одного не было в жилищах. Все бежали, бросив жен и детей. Наши войска расположились в их жилищах и спокойно на досуге наслаждались и развлекались три дня и пировали и веселились с луноликими девами с надушенными амброю кудрями. Когда Беркей и воины проведали о судьбе жилищ, семей, челяди, добра и скота, собрали превеликое, словно муравьи и саранча, полчище и, пройдя простор той степи, напали на эмиров и войско... на берегу реки Терека они от зари до конца дня бились жестоким боем. Так как мало-помалу к врагу прибывала помощь, наша рать обратилась вспять. Река Терек замерзла, и стали переправляться через нее. Вдруг (лед) проломился и множество войска утонуло. Абага-хан невредимый прибыл и расположился в Шаберане. Беркей с ратью, пройдя Дербент, вернулся назад, а Хулагу-хан... достиг окрестностей Тебриза. После этой беды (Хулагу-хан), расстроенный и с удрученным сердцем, занялся возмещением и исправлением потерь и приказал, чтобы во всех владениях приготовили оружие. Войска в другой раз были снаряжены добром и оружием...

В начале века Абага-хана толпа противников и завистников покушалась на эти края, и в другой раз Нокай со стороны Дербента двинулся с полным войском отомстить за кровь Тутара. Абага-хан переправился через реку Куру, а с той стороны подоспел Беркей с тремястами тысяч всадников. Абага-хан с войском опять перешел на этот берег реки и приказал, чтобы прервали переправы. Обе стороны на обоих берегах реки Куры построили лагери кольцом и стали стрелять друг в друга стрелами. Беркей пробыл четырнадцать дней на берегу

реки, и так как переправиться было невозможно, он двинулся в Тифлис, чтобы там перейти через реку. По пути он занемог и скончался. Гроб с ним отправили в Батуеву (столицу) Сарай и похоронили.

В 664 году (1265/1266 гг.) Абага-хан приказал, чтобы по ту сторону реки Куры от Далан-наура до степи Курдаман, смежной с рекой Курой, построили вал и вырыли глубокие рвы. На защиту их назначили отряд монголов и мусульман, и с обеих сторон стали ходить туда и обратно караваны...

(Из летописи «Связки жемчужин» Эль-Лйни)

...Между ним (Менгутемиром) и Абагой, сыном Хулавуна, произошло много сражений, (в которых) Абага разбил его и отнял у него значительную добычу. Затем Абага вернулся в свои земли...

(Из сочинения Эль Омари «Пути взоров по государствам разных стран»)

...Что касается до страсти царей Кипчацких претендовать на владение Тавризом и Мерагою, то господин Низамеддин Абульфадаил Яхья Этгяри рассказал мне об этом (следующее): когда Великий Кан отрядил Хулаку на бой с Исмаилитами и с теми, которые возмутились в Эльдже-бале, то Хулаку просил его об увеличении войск (посланных) с ним, и он (Кан) отправил с ним (людей) из войска каждого из царей Чингизхано-вичей. По завоевании тех стран, которые ими были взяты, эти войска остались при нем (Хулаку) и он отвел каждому отряду из них в содержание одну из (завоеванных) областей. То, что было отведено войску, отправленному с ним со стороны властителя земель Кипчацких и Хорезмских, заключалось в Тавризе и Мераге. И стали они (Кипчаки) получать с них свое содержание. Потом, когда Хулаку умер и воцарился сын его Абага, то они постарались обмануть его тем, что султан их Берке хочет построить в Тавризе соборную мечеть. Он (Абага) дал им разрешение на это, и они построили ее да написали на ней имя султана Берке. Потом они попросили (позволения) построить завод для выделки там тканей для себя. Он (Абага) разрешил им и это. И стали они выделывать там материи для султана Берке. В этом положении оставалось дело до тех пор, пока произошел между ними разлад да они столкнулись и Берке поразил Абагу. Разгневался Абага и уничтожил фабрики. Потом, когда это бывшее столкновение было забыто и дело между обоими царями уладилось, фабрики были возобновлены с тем, чтобы они (Кипчаки) имели право привозить из своей земли имущество для изготовления там того, что захотят. Когда опять прошло некоторое время, то они мечеть и фабрики, выстроенные на имя султана Берке, выставили причиной этого своего домогательства (о Тавризе и Мераге). Затем султан Узбек, правящий ныне государством Кипчацким, не перестает увлекаться призраком, вызываемым этой страстью, и предъявлять свои притязания на это наследство»...

Письма золотоордынских ханов

Письмо, отправленное в 1428 г.

золотоордынским ханом Улуг-Мухаммадом турецкому султану Мураду II

Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II было написано в марте 1428 г. Это важный исторический документ, имеющий большое значение для понимания событий, связанных с борьбой за золотоордынский престол в 20-х годах XV в. Письмо написано, как и ярлыки Токтамышша, Тимур-Кутлука, крымских ханов, на так называемом чагатайском языке.

(1) Милостью всевышнего бога, знамением пророка Мухаммада. (2) От Мухаммада гази Мураду. (3) Мир вам и поклон. Наши прежние братья-ханы и ваши отцы, султаны вилайета Рум, рум и (4) старшие братья неоднократно посылали друг другу послов, обменивались подарками и приветствиями, (5) вели торг через купцов-уртаков и находились в хороших отношениях. Затем наш брат-хан (6) Токтамыш-хан и ваш дед гази Баязид-бек в соответствии с добрым старым обычаем обменивались послами, (7) подарками, приветствиями и, пребывая в дружбе и согласии, удостоились милости господней. (8) Затем, когда всевышний милостью своей вверил высокое место наших прежних братьев-ханов нам, между нами, (9) торе, вспыхнула вражда, и в последующее время события развивались так, что престол достался Бараку. В позапрошлом году (10) с божьей милостью войско двинулось в поход, и мы обратили в бегство Барака и Мансура. Трон и царство [всевышний] вручил нам, они (11) же бежали прочь, собрав наемные свои отряды. Вот уже в течение одного-двух (последних) лет для зимовки мы прикочевываем к Озю. Мы не снарядили к вам человека, (12) полагая, что, если мы его пошлем, Улак его не пропустит. Мы знали, что от вас водным путем к нам отправлен человек. Как случилось, что он не прибыл? О вашем пребывании в добром (13) здравии и благополучии мы узнали от Хаджи Ибад тюрка (?). Теперь ... нам двоим ... один век ... (14) поскольку дал царство, установим с помощью всевышнего, по обычаю наших добрых предков, добрые отношения друг с другом. Если мы будем обмениваться послами, подарками и (15) приветствиями, если будут посещать друг друга наши купцы-уртаки,

то разве это не будет благом? [Ведь все] преходяще, а это останется на веки веков. (16) Сообщите, как лучше удалить ту [55] часть подвластных Улаку неверных, которые находятся между нами. Пусть по суше и по воде ездят купцы-уртаки и (17) неимущие бедняки добывают средства к существованию. Еще, для того чтобы Хаджи Ибад тюрк (?) поехал и справился о вашем здоровье, мы с ним отправили письмо-приветствие, (18) полагая, что вы знаете его как мудрого человека (?), мы отправили письмо-приветствие. Написано в год обезьяны, в Орде, на берегу Озю, (19) двадцать седьмого дня, месяца джумади ал-авваль, года восемьсот тридцать первого¹. 831 год.

¹ 14 марта 1428 г.

Письмо, отправленное в 1466 г. золотоордынским ханом Махмудом турецкому султану Фатих Мехмеду

Письмо написано золотоордынским ханом Махмудом турецкому султану Фатих Мехмеду в 1466 г.

[1] Он

[2] мощью (своей) неповторимую и чудодеяниями мухаммадовыми [3] и бесспорностью укрепляющей – [4-5] в [роду] махмудовом, [приписка:] да увековечит Аллах царствование его!

[6] Предводителю султанов. – милостью владыки обоих миров, – величайшему султану Мехмеду Гази.

[7] Много-много приветов. После того как они достигнут [Вас], извещается, что [8] послы-посланники наших давних ханов - предков наших и послы-посланники из лучших прежних людей Ваших [9] друг к другу приходили, купеческие караваны друг к другу ходили, [10] подарками, приветами обменивались, взаимно справлялись о благополучии и здравии; дружбою, братскими отношениями [11] достигли милости всевышнего бога. Благодарение милости Аллаха, когда великое место прежних ханов – предков наших было милостиво [12] даровано нам и в то время, когда мы, по обычаю наших прежних лучших людей, полагали обмениваться послами-посланниками, купеческими караванами, [13] взаимно справляться о благополучии и здравии, случилось много важных дел; так что наши люди [14] не могли прибыть [к Вам] по той причине. Теперь милостью [241] единого и сущего всевышнего бога, [15] если с этого дня, увеличивая дружбу наших давних добрых людей, [16] умножатся добрые между нами отношения, укрепляя еще более в будущем дружбу между нами, наши добрые люди [17] станут ходить друг к другу, дальний [государь] услышит [об этом], ближний - увидит [это]. В преходящем мире, среди друзей [и] врагов [18] не это ли будет [нам] доброй славой.

Полагая так, отправили мы послом [к Вам] [19] с давних лет старого молельщика за нас по имени Хаджи Ахмад для того, чтобы сообщить [Вам] о нашем добром здравии и лицеизреть Ваше благополучие, отвезти дорожное приветствие и дешевый подарок.

[20] Год курицы, по летосчислению [хиджры] восемьсот семидесятого года, благословенного месяца берата, [21] пятого [дня] по-старому¹, когда Великая Ор да была на берегу Азуглы Узен, во вторник написано.

¹ Т.е. 10 апреля 1466 г.

Письмо, отправленное в 1477 г. золотоордынским ханом Ахмедом турецкому султану Фатих Мехмеду

Письмо написано золотоордынским ханом Ахмедом турецкому султану Фатих Мехмеду в 1477 г.

[1] Он.

[2] Великий государь, брат мой, Султан Мехмед Блаженный.

[3] Досточтимый господин получатель, дражайший и благородный брат, господин султанов арабских и персидских, властелин над выями народов, [4] тень Аллаха на земле, повелитель вод и суши, помогающий рабам Аллаха, покровитель стран Аллаха, побеждающий врагов Аллаха, справедливейший [5] из правителей людей и духов, источник, источающий справедливость и благодеяния, помощь этого мира и веры, [6] наставник ученых и многознающих, - да увековечит Аллах его царство и его власть и да вознесет его место и дворец его выше звезд Малой Медведицы! [7] Я славословлю бога славословием, достойным Его, и Он выше всего! Солнце величия и благополучия, сень господства и успеха, и Он действует обдуманно (не спеша) и ночью, и в сумерках (?), и в [8] полдень, – да сделает Всевышний и Всесильный долгой [его] жизнь и продлит [его] власть, и да будут вечно сияющими и великолепными величие и слава [его] до самого [9] дня Страшного суда, и да исчезнет заблуждение навечно, и да распространится слава во имя святости пророка и его семья!

[10] После изъявления братской любви и глубокого поклона сообщение [11] таково: отправленный посол Карадж Бахатур прибыл; [12] он сообщил нам, что Вы здоровы и благополучны; он привез нам также сведения о завоеванных [Вами] городах. [13] Мы же, услышав эти речи, чрезвычайно и бесконечно обрадовались. Хвала богу всевышнему за благополучное окончание [14] дел. Братские отношения между Вами и нами обнаружили на пути любви. От сих дней и во веки [15] веков пусть не будет недостатка [в дружбе и любви] и послы-

посланники наши с дорогими приветами и дешевыми подарками пусть друг к другу ходят. [16] Для того чтобы дружба-братство наше развивалась изо дня в день, к Вам послом [17] я отправил сына брата моего по имени Азиз Ходжа. Одним сыном (потомком) Чингисхана являюсь я, [18] другим его сыном (потомком) является Азиз Ходжа. Впредь милостью бога между Вами и нами [установившаяся] [19] дружба этим путем пусть умножится, так что, если угодно будет богу всевышнему, в последующие времена среди друзей [и] [20] врагов имя этой [дружбы] пусть останется. Далее, в какую сторону Вы направитесь и походом пойдете, мы также с этой стороны [21] готовы усилить Вас. Одним словом, от сего дня впредь любое дело, которое [22] будет иметь отношение к усугублению братских отношений между Вами и нами, [пусть исполнится]; если Вы изволите обратиться к ускоренному совершению того дела, [23] то воля Ваша. В рассуждении этого и отправлен к Его величеству посол с дорогим приветом и дешевым подарком.

[24] по летосчислению [хиджры] восемьсот восемьдесят второго года, в половине благословенного месяца сафара (май – июнь 1477 г.) записано.

Послания правителей Золотой Орды в Москву

Документы, направленные русским князьям правителями Золотой Орды – очень плохо сохранившийся вид источников. Из ярлыков, выдаваемых в Золотой Орде на княжение, не дошел ни один (в отличие от ярлыков ордынских и крымских ханов правителям Польско-Литовского государства и русским митрополитам). Из посланий сохранились (в русских переводах) только три – Едигея к Василию I, Ахмата и Муртозы к Ивану III. С посланием Муртозы к великому князю московскому тесно связано его же послание касимовскому хану Нурдовлату (собственно, оно и направлялось последнему через Москву, где было задержано, не дойдя до адресата).

Послание Едигея великому князю Василию Дмитриевичу (декабрь 1408 г.)

От (Нет) Едегеа поклон к Василью да много поклонов, како те поклоны приидут и царев ярлык. Оучинилося таково с царевичи и с князьми по думе: царевичев и князеи и мене с ними послал Тахтамышевых детеи деля (дел детии). Слышание учинилося таково, что Тахтамышевы дети у тебе; того дети (деля) пришли есмя ратью. Да еще слышание наше таково, что ся у тебе чинить в градах: торговци и послы царевы приездят, и вы царевых послов на смех подымаете, а торговцов тако же на смех подымаете, да великаа им истома чинится оу тебе: и то не добро. А переже сего оулус был, и сю дрежаву держал да и пошлину, иных царевых послов честил, а гости дрежали без истомы и без обиды. И ты бы спросил старцев, како ся деяло преже сего. И ты с ся старцы не спрашиваешь; что добро было переже сего, а того не деешь ныне (Доб. тако ли добро, что тако деешь). Тако Темир (Доб. Коутлуи) сел на царстве, учинился улусоу господарь (государь), тако от тех мест оу царя в Орде еси не бывал, царя еси не видал (ведал), ни князеи, ни старейших бояр, ни меньших, ни оного еси не присылывал. Тако ся то царство минуло, и потом Шадибек осм лет царствовал; у того еси тако же не бывал, ни брата, ни сына (сына ни брата), ни с которым словом не посылавал. Шадибеково царство тако ся минуло, а нынеча Булат сел на царстве, оуже третии год царствует; тако же еси не бывал, ни сына, ни брата и старейшаго боярина (Пропущено сказуемое, по смыслу – «не посылавал» или «не присылывал»). Над селикым царевым (нет) улусом старейшии если великый князь, а все твои дела не добры. Добрые нравы и добраа дела и добраа доума к Орде была от Феодора от Кошки, добрый был человек; которые добрые дела ордынские, тот тебе поминал. И то ся минуло, и нынеча пак у тебе сын его Иван, казначеи, любовник и старейшина; и ты ныне ис того слова и думы не выступаешь, которая его дума недобрая и слова, и ты ис того слова не выступаешь (Нет) и старцев земских думы ни слова не слушаешь, которые ведают; ино того думою учинилася улусоу пакость. А опять бы еси так не делал, и ты бы своих бояр старейших собрал и многих старцев земских, думал бы еси с ними добрую думу, каа пошлина добро, чтобы твоим христианом многим и великым в твоеи дрежаве не погыбли бы до конца. Или пак всхочешь не тако чинити, или осваиватися, ино ся робятити, како ти ся пошлина ведати, како ти в улусе сем княжити? А како к нам шлешь ежелет (ежелет шлешь) жалобы и жалобные грамоты, а ркучи тако, что «ся улоус истомил, выхода взяти не начем»? Ино мы преже сего улуса твоего не видали, толко есмя слышали; а что твои приказы или твои грамоты к нам, то еси нам все лгал; а что еси имал в своєї державе с всякого улуса с двою сох рубль, и то пак серебро где ся деваает? Како бы созвати, како бы в твоём отдан мужьскы по исправе, ино бы тое напасти улусоу не учинилось, а христиане бы не погыбли.

Ярлык-послание Ахмата великому князю Ивану Васильевичу

От высоких гор, от темных лесов, от сладких вод, от чистых пол. Ахматово слово ко Ивану. От четырех конец земли, от двоюнадесят Поморий, от седмадесять орд, от Болшия Орды.

Ведомо да есть: кто нам был недруг, что стал на моем царстве копытом, а аз на его царстве стал всеми четырьми копыты; и того Бог убил своим копием, дети ж его по Ордам розбежались; четыре карачи в Крыму се от меня отсидели. А вам с есмя государи учинили от Саина царя сабелным концем. И ты б мою подать в 40 день

собрал: 60 000 алтын, 20 000 вешнею, да 60 000 алтын осеннею, а на себе бы еси носил Ботыево знамение, у колпока верх вогнув ходил, зане ж вы блужныя просяники. Толко моя подати в 40 день не зберешь, а на себе не учнешь Батыево знаменья носити, почен тобою в головах и всех твоих бояр з густыми волосы и с великими борадами у меня будут; или паки мои дворяне с хозовыми сагадаками и с софьяными сапоги у тебя будут. А крепкия по лесом пути твои есмь видели и водския броды есмь по рекам сметили. Меж дорог яз один город наехал, тако ж так не стало. А Даньяры бы еси царевичя оттоле свел, а толко не сведешь, и аз, его ищущи, и тебе наиду. А нынеча есми от берега пошел, потому что у меня люди без одожд, а кони без попон. А минет сердце зимы девяности днел, и аз опять на тебя буду, а пить ти у меня вода мутная.

Ярлык-послание Муртозы великому князю Ивану Васильевичу

Сведомо буди, что тот Нурдовлат царь от отца моего до сех мест со мною в любви был; опосле того пак с Менли-Гиреем были есмь правду свою учинили, и Менли-Гирей в тои правде не устоял, после того опять против того себе нашол, таково ж такса над ним стало. А нынеча Менли-Гирей нам недруг, в его место Нурдовлата царя учиним, молвя, надею держим. А нынеча сем путем у тебя Нурдовлата царя просити, Шихбаглулом зовут, слугу своего послал есми. /л. 82/ И сесь Шихбаглул доедет сего Нурдовлата царя, || кое бы ти его к нам отпустить, за то не постой; а жоны бы его и дети у тебя были, коли бог помилует, тот юрт ему даст, и он их у тебя после того тогды добром возмет. Менли-Гирей царь тебе друг учинился, а Нурдовлат царь ведь тебе не недруг жо; нам тот пригожд, и ты сего пусти, нынеча его не заборони к нам отпустить. Молвя, ярлык послал есми.

Послание Муртозы Нурдовлату (1486 г.)

Брат мои Нурдовлат царь. Даи, Господи, твое осподарство у тебя было, они бы твои вперед были на многие лета. Ближней еси нам брат святой и милосердой и прямой ведомой еси, промеж всех добр правдою праведен, а величеством еси велик и ко всем тщивец еси и приветлив. Милосердой государь, ты на сем свете вере еси нашей подпора, бесерменом и бесерменству нашему помочь ты еси и закону наказатель, милосердного Бога милостью истинной еси прямой осподарь. Ино, брате Нурдовлат царь, велика бы и счастлива была твоя держава до второго пришествия, Магатметевы дея молитвы и учеников его. А после сего добра и похвалы, сведомо бы тебе то было, что из старины и до сех мест с вами мы одного отца дети есмь были. Правда, так есть после пак того прилучеи таков сталеся, предние наши о кости о лодыжном мозгу юрта дея своего розбранилися, да того дея промеж их много лиха и нелюбви было; а опосле того опять то лихо от себя отложили, и кои потоки кровью текли, те опять меж их молоком протекли, а тот бранной огонь любовною водою угасили, а с вашим юртом наш юрт как бы один учинил, кои на Божеи покои пошел святой Ахмат царь. И как ся были уж есмь умирили, и тот бранной огонь опять зажег брат твои Менли-Гирей царь, а право свое порушил, и нам не по мере силу учинил был; ино сотворитель всеи вселенней Господь Бог то лихо на него оборотил: сколько над ним дел сталеся, то тебе сведомо. А нынеча отец мои Ахмат царь, милосердие Божие над ним было, он был то нам в прок учинил, а мы пак братья твои, инако учинити того у нас на мысли нет; а хто будет лих, тому противу Бог самому отдаст нам верным. Про твое величество, своего брата, что ты живешь промеж неверных, непригожд ся видит так. Сем случаем величеству твоему тяжелой поклон с лехким поминком, Шихбаглулом зовут, слугу своего послал есми. А ещо сесь Шихбаглул доедет до твоего величества, лицо твое увидит, и что будут у тебя твои таинные речи, и ты те речи про свое величество и здоровье с Шихбаглулом ко мне прикажи, нас себе в любви держа. Нечто ис тое из поганые земли избыти захочешь мысль твоя будет, ино яз к Ивану с тем жо Шихбаглулом о том же грамоту послал есми; а восе пак нечто не всхочешь, мысли твоеи не будет, и ты где ни будешь, там бы еси здоров был, а нас в братстве не забывай. Молвил, грамоту посла есми, лета 891 писана.

Ярлык крымского хана Хаджи-Гирея I (1453 г.)

(1) Во имя бога милостивого, милосердного. (2) Силою единого (бога) и чудесами Мухаммеда. (3) По силе вечного бога в области Мухаммеда, пророка божия. (4) Мое, Хаджи-Гирея, слово. (5) Тюмен-ным, тысячным, сотским и десятским (6) уланам и бекам этого Великого Улуса. (7) Еще судебным чинам и бекам, во главе с Эминекком, правящим Крымским тюменем. (8) Еще судебным чинам и бекам Кырк-Ер'а, во главе с Шах-Мерданом. (9) Сотским бекам его¹ во главе с Халилем. Его высшим и знатным. (10) Его ученым и высшему духовенству (муфтиям), блюстителям нравов (мухте-сибам) его и судьям. Его суфиям и шейхам. (11) Его писцам Присутственных мест. (12) Его сборщикам подати и таможенникам во главе с Ахмед-Ходжа-Хаджикэ, стоящим вверху великой таможни. Еще (13) его² сборщикам подати и таможенникам во главе с Тенгри-берды (из) Кырк-йити-Ер'а. (14) Его хранителям амбаров (пророка) Хызра³. Его (Крыма) (финансовым) оценщикам и сборщикам податей. Его сборщикам так называемого земельного налога. (15) Его войскам охраны (сыска). Его

караулам: заставщикам и привратникам (вратарям), (да будет ведомо следующее). Называя (16) пошлину по подводам. Называя (еще) (пошлину) за караул и за арьергардные войска. Называя плату за косьбу. Называя (еще) (17) налоговую пошлину по числу рогатого скота. Называя черным просом... под предлогом судебного приговора, чего бы то ни было, пусть не требуют. (18) В дома их силою, определив постой, пусть не поселяют. (19) И пусть не берут, называя провиантом и кормом, (пошлин) с продажного товара и со скота. (20) И пусть не употребляют под наряд подвод их лошадей. Так что если (кто) продаст или (21) купит (а именно) товарный рогатый скот и лошадей, рабов и рабынь, если кто продаст или купит, пусть не берут (22) (с них) никаких расходов, пошлин и податей. Еще: если телеги с солью, телеги с зерном и с мукой будут отправлены в Крым и Кафу (23), пусть не взимают с их телег пошлин и податей. Говоря: «выездные» и говоря: (24) «караульные», пусть не испрашивают (с них). Говоря: «мы чиновники – из семи главных» (?), (25); говоря: «провиант!»; говоря: «плата за луга» (!) – да не требуют и не берут. Кто бы ни был (26), да не берут совершенно ничего, употребляя силу. По каким бы то ни было причинам (27) силу и насилие, притеснение и принуждение, тиранство и беззаконие да не делают. Извне на конях или внутри на лодках (28) путешествуя и торгуя, меновую торговлю (29) практикующим послам и путникам их, и переходящим (границу) и путешествующим путникам и посланцам (30) их, охотникам птицами, барсникам, лодочникам их, мостовщикам и перевозчикам из внутренних городов, (31) ремесленным мастерам (32), сельским старостам внешних сел и станций и разным другим по своим делам ходящим людям их, всему (33) населению, многим людям (34) их, всем им правильно делается известным! Держащему этот ярлык (35), Анкарскому Хакиму Ях'е, сыну Махмуда, (36) оказывая милость, мы сказали: «пусть он будет тарханом!» Куда хочет, пусть идет. (37) Куда захочет, пусть шествует! Впредь от сего дня поборов и взысканий пусть (38) не берут! Так называемого «налога» пусть не накладывают и не берут! Поборов и требований (39) пусть не предъявляют! Говоря, что (это) военный дом (?) (или: военные деньги – расходы) пусть не притесняют. Где бы ни было (40), если соберут урожай, называя «сбором с житниц» и называя «сбором с погребов (?), сыра (?)- (41) всего этого да не требуют и не, берут; налога с земли (?) каждый послушный (42) раб (?) в Кырк-Ер'е и в Крыму, и в Кафе, и в Керчи, и в Тамани, и в Каба (43), и в Кыпчаке, всякий, кто окажется в земле, где достигает мое повеление, кто бы ни был, от этого Хакима Ях'и (44) весовых пошлин, провиантного налога пусть не требуют и не берут! Так мы сказали. «Живя в покое (45) и творя праведную и скромную жизнь, нашим предкам рода (46) вечером и утром, утром и вечером в пятикратной молитве мольбы и благословения (47) пусть творят», – мы сказали. Еще: „взирая на прежние твои подвиги, какие различные (48) слова если будут, пусть он просит". — Мы (так) сказали (49). Еще: «так пребывая, сделанному нами по силе ярлыка тарханом Хакиму Ях'е силу и насилие, притеснения и беды, тиранства (50) и несчастья причиняющим людям, что будет доброе?! (Нет), они будут бояться, ведь!» – (51) мы сказали. Говоря так, этот «владенный» золотопечатный с красной печатью ярлык дали. По летоисчислению (52) в год курицы восемьсот пятьдесят седьмого в счастливом сафаре месяце 26-го дня (53) в понедельник. В Великой Орде в Кырк-Ер'е во дворце написано (54) «По просьбе главного судьи Кадылькудата – судьи судей – господина (?) Сабру Джиган, Али писец (бахши) написал».

¹ Т. е. Великого Улуса.

² Т. е. Великого Улуса.

³ Т. е. недавно собранного с полей зерна?

⁴ Т. е. 1453 г.

Письмо крымского хана Менгли-Гирея турецкому султану Баязиду III (1486 г.)

Он!

Величайший падишах (Да увековечит господь его владычество), Ваше величество, султан султанов мира, простирающий безопасность, распространяющий правосудие и благодеяния, побеждающий неверие и неправду, отмеченный вниманием владыки всемилостивого (Да продлит господь его благоденствие до судного дня!).

После молитв услышанных и похвал высоких, если Вам будет угодно спросить [нас] о нынешнем положении Вашего ничтожного раба, то, милостью бога и султана моего благоденствием, мы здоровы и благополучны и пребываем в готовности служить Вам.

Что же касается Престольного [владения], то известно, что положение их весьма тяжелое. [Нами] получено [их] письмо. К тому же [к ним] прибыл [наш] посол. [В настоящее время] он все еще находится в Престольном владении. Как только получим достоверные сведения, мы [сразу же] пошлем сообщение к Вратам Благоденствия.

Также от короля неверных к Вашему ничтожному рабу пришел посольский человек. Мы отправили его обратно с нижеследующим ответом: "Пусть здравствует мой благоденствующий султан! Если ты [король] соединишься с [господарем] Молдавии, то не будет у нас другого врага кроме тебя. Если же Вы не соединитесь с [господарем] Молдавии, а будете жить в мире с нашим падишахом, то станете и для нас добрым другом!"

Приставив [к его послу] нашего человека и определив [королю для ответа] двухмесячный срок, мы отправили [посла обратно]. Когда получим вести из тех краев, мы сразу пошлем сообщение к Вратам Благоденствия. Это же наш первейший долг – сообщать Вратам Благоденствия обо всем, что приличествует правосудию и имени благоденствующего султана, поскольку [мы] – верные рабы Ваши.

И также все мусульмане и неверные Кафы довольствованы Вашим верным слугой Хюсамом кади. Случались [там] рознь и чума. Во времена столь тяжких неурядиц исполнялись надежды бедных и убогих. Получивши от моего султана многие милости, они днем и ночью возносят за благоденствующего султана молитвы и восхваления. Ныне у всего верного бедного и убогого народа Вашего только одно желание, чтобы [кадием] в Кафинский кадилык был вновь назначен Хюсам кади. Осуществив [это] желание бедных и убогих, мой султан получит великое воздаяние. Впрочем, повеление принадлежит моему султану. Да будут безграничными его благоденствие вечное, счастье бесконечное и милость к рабам своим!

[Ваш] ничтожный рабишка
Мангли-Гирей

Грамоты крымского хана Сахиб-Гирея великому князю Ивану IV

Грамоты были написаны в конце 30-х годов XVI в., когда соотношение сил между Русским государством и его кочевыми соседями быстро и резко изменилось в пользу этих соседей. В Казани был свергнут русский ставленник Джан-Али, а на казанский стол сел враждебный России крымский царевич Сафа-Гирей, близкий родственник хана Сахиб-Гирея. Тем самым Казань не только освободилась от русского влияния, но и вступила в союз с Крымом, направленным против Русского государства. Ослабленное внутренними смутами и неудачной войной с Великим княжеством Литовским, Русское государство не смогло помешать воцарению Сафа-Гирея в Казани, однако в Москве решили собрать войско, чтобы попытаться согнать Сафа-Гирея с Казани или восстановить зависимость ханства от России.

В этих условиях хан обратился к царю с первой из представленных грамот. Хан требовал прекратить выступления против Казани, угрожая нападением своих и османских войск. Первоначально в Москве на крымский ультиматум не реагировали, но, когда хан снова прибег к угрозам, решение о походе на Сафа-Гирея было отменено и крымский посол получил возможность посетить Казань. После этого Сахиб-Гирей решил, что с ослабленной Россией можно не считаться, желаемого от нее можно добиться с помощью угроз и что нет оснований как-то маскировать свое отношение к этому государству. Это отношение с редкой для того времени откровенностью получило свое отражение во второй из представленных грамот.

Грамота от 1537 г.

Доставлена в Москву в ноябре 1537 г.

А се грамота другая царева о Казани.

Великие орды великого царя силы находца и победителя Саиб Киреево царево слово московскому князю Ивану Васильевичю. Ярлык от царя. Царем ведомо да есть от царьского седалища слово то.

Казаньская земля мои юрт, а Сафа Гирей царь брат мне. И после бы еси сего дня воины на Казанскую землю не чинил, так же еси, недружбу делая, рати своей не посылал бы еси, как было в предния времена, послов своих и гостей посылал бы еси, межи бы вас доброй мир был.

А как до тебя сесь наш ярлык доидет, а ты на него воиною поидешь, а по сего нашего ярлыка речем между собою миру не учините, и милосердаго Бога милостию меня на Москве смотри. А не помысли себе того, что с одними татары буду, оприч тех, которые в наших волях татарские рати, а опроче пушечного и пищального наряду счастливаго хандикеря вселенского величества конную рать и янычен холопов взяв, иду. И дружба и недружба от кого придет, толды ведаеш. И опосле прибытка не будет. А хоти к нам с тем нашим паробком Дервиш Алеем, кого к нему прикошевав, куны и поминки пошлешь к нам, а с Казанью не помирился и ты не посылай, тол ко же с Казанским юртом помиришься, и ты посылай, занже кто ему друг, тот и мне друг, а кто ему недруг, тот мне недруг, так бы еси ведал.

И ныне сею дорогою к брату своему ко царю слугу своего Телевлюа послал есмы. И сем нашим писаным речем толко их поймешь, знамены то к нашему паробку к Телелею прикошевав своего человека, послал бы еси в Казань да отпустил бы еси наборзе. И после сего дни вперед к брату моему ко царю учнеш посылати, и яз наперед к тебе пошлю, и ты, своего доброго человека прикошевав, к нему учнеш за все посылати, потому наше одиначество от того дела познаетца.

Казань – мой стол и земля моя, а учнеш ее воевати, и ты мне недруг лих будеш, и только доброво миру с ним не учинишь, и ты бы себе никоторого иного мненья в мысли не держал, милосердаго Бога милостью на Москве нас смотри.

И толко наше слово примешь, и ты над своим недругом будеш, и со мною содиначишься, иные земли многая моя рать, тое земли кунами сы тостны будут даваньем обычаино от Бога.

И толко что в сем ярлыке писаны которые речи, и ты их не примешь, и ты худ будеш, и недруг твои над тобою будет. Никак в мысли хитрости не держи, а опосле в думе не будет помочи. Нечто по первому реку Оку хребет себе хочеш держати, и ты на воду не надейся, Оки реки тебе не покажут. И ты б ранее себе прямо помыслил про свое дело, а не помыслишь себе того, и то как Магмет Кирей царь приходил, более того со мною

будет силы и рати и мочи, так бы еси ведал, оприч моей рати будет со мною сто тысяч турской рати да пять тысяч янычен, так бы еси ведал.

Молвя, жиковиною запечатав, грамоту послал есми.

Лета девятьсот сорок четвертого.

Грамота от 1538 г.

Доставлена в Москву в мае 1538 г.

Великие орды великого царя силы находца и победителя Сагиб Киреево цареве слово – Ивану князю заповедь от царя царем и от государского седалища слово наше то.

Наперед сего в присыльных твоих грамотах писаны были речи добрые, и мы по тем твоим речем хотели своего большего посла послати. И после того прислал еси к нам казака своего Янькыдыра с своею грамотою, а в грамоте своей к нам писал еси, рекше, мы посла твоего Тимофея, которого еси послал в Волохи, у себя задержали, и нам бы его ныне к тебе отпустить со всеми его товарищи. И ты того человека своего Тимофея посылал к нашему недругу, и кто от кого к недругу дружбы для которой человек приедет, ино и тот человек недруг, которой ездил, и мне недруга как отпустить. Отец твои, нам рату и правду учинив, в миру ис Казани своего для добра к себя взял Елюку князя да Идил-Ази-дувана наших людей со всеми их товарищи да там их у себя и побил. И опосле того уже два года тому посылали есмя в Казань с Керейчею своего кадья и твои люди на дорозе их, переимав, да к тебе привели и мати твоя их велела побить. И ты того ко мне не приказываешь, а ты к моему недругу посылал еси человека своего, и ты о нем к нам пишешь. А Тимофея мы ведь не убили, жив у нас, а наших бы еси так же живых держал да с нами говорил.

Да ещо еси в своей грамоте писал, чтоб нам к тебе отпустить, а государьского бы нам обычая, как всякой народ, чинить, не учинити, молвил еси. Ино государьского обычая не держал отец твои, как неискусный народ, имени своему убавление делал, заньже никоторой государь так не дельвал.

Да еще еси писал, чтоб мне к тебе недружбы своей не объявляти. Ино яз к тебе недружбу свою объявлю, и мне ни от коле страху нет. А учну тебе недружбу чинить и моей земле нет в том убытка никоторого. От милосердаго Бога надея ми есть, пойду на твою землю и государство твое возму, а ты и захочеш мне лихо чинити, на мою тебе землю не ити. И ныне что мне пишешь, сам себе меня недругом чинишь, и тебе от моей недружбы убытка не будет. А более ста тысяч рати у меня есть и возму, шед, из твоей земли по одной голове, сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прибытка будет, и сколько мне поминков посылаешь, смети того, убыток свои которой более будет, то ли что своею волею пошлеш казну и что сколько войною такою возмут, гораздо себе о том помысли. И только твою землю и твое государство возму, ино все мои люди сыти будут. И ныне меня к себе тем словом зовеш, яз с одною своею ратью не иду и, хандыкереве величество с собою взяв, иду, смотри, какая недружба будет. Хандыкереве величество вселенную покорил от Востока и до Запада, Индию и черных людей арапов и азамов и кизылбаша, фрягов, угорского короля да и оприч того многие земли поймал да и сам там витал. Ино и в твою землю мног достаточно ити витати. Дай боже нам ему твоя земля показати и с ним там витати. Про меня гораздо не знаешь, чаешь меня, как предние наши были, а се иду. И ты на Москве со мною хочеш видетися или, Оки реки встречу пришед, видишься, а яз иду и ты будь готов. И аз схоронясь не иду, не молви после, как Магмед Кирей царь без вести пришел. И только того дела похочеш, ино добро сильно, и мы ити готовы.

Учнешь жо делать по нашему хотенью и по нашему слову, и ты б с сею дорогою, которово есмя наскоро послали к тебе, паробка своего прикошевав, к нему своего большего посла с своею казною наборзе бы еси его к Путивлю послал. А перед ним бы еси часа того послал к нам сказати, чтоб в малых днеш у нас были. А нечто замочают и нам их не ждати, на конь всядем, так бы еси ведал.

Да еще еси к нам писал про Казань, рекши, на Казань царя посадил. Ино Магмед-Аминь царь з братом своим з большим с Алехам-царем о юрте спирались, и того для Магмед-Аминь царь к Москве пришел, и отец твои помочь ему свою дал, и он, шед, на Казани сел. То правда есть и межи государем коли таково дело не бывает, ино тем ли он его на царство посадил, что помочь свою ему дал. С великим царем с Магмедом с упокоиником, з дедом нашим из Суздаля прадед твои Василей бился с ним да и в руки ему попал жив. И в те времена мочно было нашему деду твоего прадеда убить, а Московское государство с сею землею взяти, ино такова ему сила была и мочь. А он его простил, и горсти./ крови пощадел, и все то презрел и Москву ему опять отдал. И того прошлого добра не поминаешь, и ты которово своего человека к нашему недругу посылал Тимофея, и ты о нем пишеш. И моя еще которая и правда была.

И будеш по моему слову, ино вельми добро, и мы с тобою, по тебе посмотря, мир учиним. А не похочеш, и ты посмотрит, что мы тебе учиним. Да что много говорити, что в том прибыток будет. Ведай, что в начале сего месяца майя пойду. А наперед сего, что послал слугу своего Баима, а ныне Токела, и яз в то место оставил у себя слугу твоего Григорья. А опосле которой казак твои Янькыдыр приехал, и яз его к тебе отпустил. А срок есми учинил твоему послу сего майя месяца десятый день. А на тот срок не будет посол твои и з казною и с нашими со всеми людьми и нам их не ждати, ити. А доколе у нас от тебя посол твои с казною будет, большего посла от нас не жди. А будет посол твои с казною наборзе у нас, и мы, по тому посмотря, своего посла пошлем.

А только замочает, на тот, срок не поспет, и ты истому и кручину увидиш. И ты себе промышляи. Молвя жиковиную запечатав грамоту послал.

Лета 7044-го апреля месяца.

Ярлыки крымских ханов

I

Победоносный, храбрый Сахиб-Гирей Хан.

Слово мое:

Великой Орды правой руки и левой руки владетельным слугам боярам: воеводам областей, стотысячникам и десятитысячникам, внутренних городов и деревень бекам исправникам, народным судьям и блюстителям порядка, верховным законоведцам и учителям веры, благочестивым старцам и набожным последователям их, канцелярским писцам диванов, ремесленникам и всему многому Ордынскому народу, чем либо законно владеющему, да будет ведомо: Представитель сего ярлыка, слуга мой Хафиз-Сурджа-Джан-Гиреев за пресный колодец, граничащий югу с Ураз-Хафизом, к северу с Апан-Дервишем, к востоку с Хадир-Ходжием и к западу с Ташки-Алишем, подвел мне лошадь, и потому удостоивая его моих щедрот и милостей, жалую ему сей ярлык за синею печатью и алою тамгою и повелеваю, дабы впредь ни султаны, ни слуги управляющие деревнями, ни бии, ни мурзы и никто из настоящих судей ни под каким видом не причинял ему никаких насильств, обид и притеснений. В удостоверение чего пожалован сей ярлык на крепостное владение помянутым колодцем. Писан в половина месяца Джумадиль-Ахара 956 (1549) года в Бакчи-сарая. Просьбу докладывал Магшук-Бий, писал Халки-Аман.

II

Победоносный храбрый Сахиб-Гирей Хан.

Слово мое:

Великой Орды правой руки и левой руки владетельным слугам боярам: воеводам областей, стотысячникам, десятитысячникам, внутренних селений и городов бекам исправникам, народным судьям и блюстителям порядка, верховным законоведцам и учителям веры, благочестивым старцам и набожным последователям их, канцелярским писцам диванов, ремесленникам и всякому чем либо законно управляющему, да будет ведомо:

Представитель сего ярлыка Садырь-Ахмед, сын Алчин-Даниара, прибыв к порогу высочайшего моего щастия, просил пожаловать ему ярлык на пресный колодец в урочище Кчи-Сакал при рьчке Джитугане, граничащий к югу с Хитаем, к северу с Курляутом, к востоку с Чираком, а к западу с Чагилом, и представил за оный, вместо подводимой лошади и следующих за ярлык 15-ти тысяч акчей, только две тысячи акч.

Почитая его достойным своих щедрот и милостей, жалую ему сей ярлык за синею печатью и алою таигую и повелеваю, чтобы впредь ни старшие ни младшие султаны, ни слуги (чиновники) управляющие деревнями, ни бии, ни мурзы и никто из настоящих судей отнюдь не причинял никаких насильств, оскорблений и обид. В удостоверение чего и дан ему оный. Писан месяца Джумадиль-Ахара 3-го дня 957 (1550) года. В Аль-Альме. Просьбу докладывал Ахмет-паша-Мурза; писал Халки-Аман.

III

Победоносный, храбрый Мухаммед-Гирей Хан.

Слово мое:

Великой Орды правой руки и левой руки владетельным слугам боярам: начальникам областей, стотысячникам, десятитысячникам, внутренних селений и городов бекам исправникам, верховным законоведцам и учителям веры, народным судьям и блюстителям порядка, благочестивым старцам и набожным их последователям, “канцелярским писцам диванов, ремесленникам, перевозчикам и мостовщикам, сокольникам и охотникам, едущим, проезжающим посланцам и гонцам и всему многому Ордынекому народу, законно чем либо владеющему, да будет ведомо:

Представитель сего красноречивейшего, счастливейшего ханского ярлыка и высочайшего вензелевого имени, блещущего славой монархии, Ак-Мухаммед имел счастье подвести лошадь блаженной памяти покойному Хану отцу нашему в получить от него священный ярлык за синею печатью и алою тамгою на крепостное владение землею и пресным колодцем, из которых первая граничит к востоку с урочищем Кингир-Тайки, к западу с Киргиз-Кызылбаем, к северу с Чингир-Чин-Суфием, к северо-западу с Чадыр-Баем и Ибрагимом, и второй лежит на юг от урочища Курут-Чна. А как он подвел и мне лошадь, то в доказательство моих милостей жалую ему также сей ярлык за синею печатью и алою тамгою, и повелеваю, чтобы впредь ни старшие ни младшие султаны и ни кто из настоящих судей, не делали ему никаких притеснений; тем же, которые видя сей мой священный ярлык, учинят насиле, наглость и притеснение и нанесут оскорбление и обиды, тем не хорошо будет, и они да боятся! Пусть помянутый слуга наш Ак-Мухаммед, проводя с сердечным спокойствием жизнь свою в тишине, по окончании дневных своих занятий, возсылает об нас и потомках ваших молитвы и благословения ко Всевышнему. Никто, не вмешиваясь и не препятствуя ему во владении, должен только сообразоваться с сим священным ярлыком, за сяною печатью и алою тамгою в в отвращение зла лично

себе, не причинять ему ни каких обид и оскорблений. В удостоверение чего, пожалован ему сей, за алою тамгою, ярлык. Писан 11-го дня месяца Джумадиль-Ахира, 985 (1577) года. В Альма-сарае.

IV

Даулят-Гирей-Хан.

Слово мое:

Сим священным высочайшим Султанским указом и вензелевым Ханским именем, сияющим славою монарха, повелевается: представителя сего высочайшего фирмана, служащего примером и опорой знаменитейшим вельможам, Ислям-Кирманского бека, слугу моего Мустафу-бека, (да умножится сила его!) по долгу обильнейших щедрот и покровительства моего, желая вознаградить, сего 981 года в первых числах священного месяца Шавалья, определил ему в жалованье по тридцати Турецких акчей (аспров) на день. В удостоверение чего пожаловав ему сию щастливейшую и в восторг приводящую грамоту, повелеваю писцам записать и утвердить ее в своих книгах и настоящему знаменитейшему из вельмож казначею Абдулькадеру, начальствующему над нашими сокровищами, в последующим по нем другим казначеям, помянутое определенное жалованье по 30-ти Турецких акчей на день, как следует, выдавать полным количеством, дабы Мустафа-бек употребляя его на удовлетворение своих надобностей, денно и ночью, утром и вечером с деятельнейшим усердием и рвением молился о долголетьи царствования и об усугублении величия моего. Для того же, чтобы никто отнюдь не причинял ему ни каких препятствий, притеснений и споров, то вручен ему сей ярлык за алою тамгою. Да имеют веру к сему священному знаку! Дана месяца Шавалья 981 (1573) года, в Аль-Алм-сарае. В низу чернильная именная ханская печать.

На поле приписано:

С первых чисел месяца Шавалья сего 984-го года знаменитейшему пилигриму к святым местам Мустафе-беку, к прежде получаемому им жалованью по 30 Турецких акчей (аспров) на день, прибавляется сверх оных еще по десяти, что полного жалованья составит по сороку аспров на день и поручается казначеям выдавать оное помесячно из доходов города Кузлюя (Кезлова). Дано месяца Зюлькагида 984 (1576) г., в Аль-Альме. Чернильная печать того же хана.

V

Даулят-Гирей Хан

Слово мое:

Большой Орды правой руки и левой руки владетельным слугам боярам, воеводам областей, стотысячникам, десятитысячникам, внутренних городов, селений, бекам исправникам, верховным законовещам и учителям веры, народным судьям и блюстителям порядка, благочестивым старцам и набожным их последователям, сокольникам и охотникам, перевозчикам и мостовщикам, канцелярским писцам диванов, ремесленникам и всему великому Ордынскому народу чем либо законно владеющему, да будет ведомо.

Представитель сего священного ярлыка Алчин-Хасян-Суфи за пресный колодец и зимовье, граничащая к востоку с Мангыт-Сумошем, к западу с Катаган-Агышем, к югу с большою дорогою мимо пресного колодца Коби, находящуюся на морской косе, а к северу с Мангыт-Тук-Шейхом, подведя мне лошадь, просил на владение оными как безспорными имуществами, пожаловать ему ярлык за синею печатью и алою тамгою. Почитая его достойным щедрот и милостей, жалую ему за синею печатью и алою тамгою мой священный ярлык, и повелеваю, чтобы впредь ни старшие ни младшие султаны, ни слуги мои, ни беи, ни мурзы и никто из настоящих судей никаких насилий, обид и оскорблений ему не причиняли. Которые же видя сей священный крепостный акт, будут чинить насилие притеснения и обиды, тем не хорошо будет. Пусть помянутый, с сердечным спокойствием проводя в тишине жизнь, после окончания дневных своих занятий сугубит о нас и потомках наших молитвы и благословения ко Всемогущему. В удостоверение чего пожалован ему сей ярлык за алою тамгою. Писан месяца Габигуль-Евваля 7-го дня 984 (1576) года.

VI.

Мухаммед-Гирей Хан.

Слово мое:

Так как происходящие по прямой линии от Хаджи-Хайруллы-Шейха, сына покойного Гайсы-Шейха, приближенные и искренно преданные богомольцы, удостоивались издревле всегда уважения и покровительства, и блаженной памяти дедами нашими Мингли-Гирей Ханом, и Хаджи-Гирей Ханом, (да озарит Бог ложе их светом своим!), существующие с подвластных им 32-х кочующих аулов, дарственные сборы именуемые Сауга, всегда жаловались им в жалованье; а потому в уважение мужества, представителя сего ярлыка, родного сына Хаджи-Хайруллы-Шейха Абдурразака, которое оказал он во время нашего похода на сволочь Персидскую, в сражения с гнусным еретиком Мухаммед-Ханом, поставленным заблудшим Шахом, в наместники Ханства Шириванского, пролитием вражеской крови, и другими доблестями, желая по прежним примерам вознаградить его, увольняя находящиеся под покровительством его кочующие 32 аула во всех местах их кочевков, от существующих в обычае дарственных сборов и повелеваю, чтобы ни слуги мои, таковые сборы взимающие, ни старшие, ни младшие султаны, ни люди их, как обыкновенных, так и выделяемых из добыч дарственных сборов (сауга) не требовали и не только не причиняли бы им ни каких обид и оскорблений, но оказывали бы должную честь и уважение. А кто же причинит обиду, тому самому будет не хорошо. В

удостоверение чего пожалован сей ярлык и Хаканская граммата. Месяца благословенного Ромазана, года от еджры 987-го (1579) в городе Шимахе, что в Персии.

2.5. ГОСУДАРСТВО ТАМЕРЛАНА

Тамерлан и его внешняя политика

Особое значение в изучении деятельности Тамерлана имеет так называемое «Уложение Темура» (другие названия: «Малфузат-и Темури» – «Изречения Темура», «Вакиат-и Темури» – «Воспоминания Темура») – исторический труд, в котором изложена автобиография и взгляды этого выдающегося государственного и военного деятеля на управление государством и войском.

(Тамерлан, «Автобиография», Извлечение)

Во имя Бога, милостивого, милосердного.

Да будет ведомо всем счастливым детям, могущественным родственникам, почетным приближенным п визирям, что Всевышнему благоугодно было поставить меня пастырем парода, возложить на голову мою венец царский и утвердить меня на престол. Всеми этими милостями я обязан присущим мне двенадцати нравственным качествам.

1. Первым таким качеством я считаю беспристрастие. Я ко всем относился одинаково строго и справедливо, не делая никакого различия и не выказывая предпочтения богатому перед бедным.

2. Я всегда строго хранил заветы веры и относился с подобающим уважением к людям, возвеличенным силою Божией.

3. Я щедро раздавал милостынню бедным и терпеливо разбирал каждое дело, прилагая все усилия к тому, чтобы разобрать его как можно лучше.

4. Все мои действия я направлял к общей пользе, не причиняя никому без нужды никакой неприятности и не отталкивая обращавшихся ко мне по разным случаям. Текст Корана, смысл которого, что слуги Божьи должны исполнять одни лишь Его повеления и от Него принимать милости, был мною усвоен, и во всех делах своих я им руководствовался.

5. Делаю, относящимся к вопросам веры, я отдавал всегда предпочтение пред делами житейскими, мирскими, и только исполнив в точности всё, что требует от человека религия, что надлежит Богу, я принимался за исполнение дел житейских.

6. Я всегда был правдив в своих речах и умел отличать правду и том, что мне удавалось слышать о настоящей и будущей жизни Между прочим, я слышал рассказ, что когда Всевышний сотворил первого человека – Адама, ангелы сетовали на Бога за Его первое творение, скорбя, что это дело всемогущего Бога не будет иметь благих последствий. Ангелы высказали Богу уверенности, что созданный Им человек, без всякого сомнения, будет обманывать себе подобных, не будет исполнять данных другим обещания, будет совершать убийства и, вообще, своей несправедливой жизнью заставит своего Творца раскаяться в том, что человек создан. Бог ответил Ангелам, что случаи проявления людской злобы Им предусмотрены и что, сотворив род человеческий, Он имеет в виду ниспослать на землю меч, который воздаст должное преступным людям за их злые деяния. Обдумав содержание этого рассказа, я пришел к заключению, что Бог подразумевал под этим карающим неправду мечом правителей созданного Им человечества, и прилагал все усилия, чтобы поступать во всем справедливо и правильно судить обо всем, что встречалось в моей жизни.

7. Я никогда не давал такого обещания, которого не в состоянии был бы исполнить. Исполняя и точности данные мною обещания, я никому не причинял вреда своей несправедливостью.

8. Себя я считал первым, усерднейшим слугою Бога на земле и без повеления Бога, или пророка, не предпринимал ничего. Без воли Божьей я не причинял вреда ни одному из населявших землю народов Лицам высокопоставленным и простому народу я одинаково желал сделать добро. По мне не было никогда желания завладеть чьим-либо имуществом, и я никогда не заботился о том, чтобы скопить побольше материальных богатств. Никогда я не чувствовал зависти к кому-либо. В этом отношении для меня был крайне поучителен пример амира Хусайна, причиной падения которого была жадность, проявленная им по отношению к имуществу своих подданных.

9. Я придавал одинаковую веру и старался в точности исполнить как повеления Божьи, так и откровения Пророка. Во всех поступках своих я руководствовался исключительно указаниями Шариата и всеми силами

уклонялся от дурных дел. Пророка и его последователей я почитал своими единственными и лучшими друзьями

10. Я высоко поднял на земле знамя Ислама и в распространении веры видел всегда могучий залог собственного моего величия. Я слышал, что вера и величие как бы рождены из одного чрева и потому только то могущество прочно, которое зиждется на твердой вере.

11. Я всегда относился с должным уважением к саидам, почитал улемов и шейхов. Эти лица всегда участвовали в моем совете и все, что ими указывалось по делам веры, я всегда выслушивал со вниманием и исполнял в точности. За это народ меня очень любил и все были мне признательны. В отношениях своих к упомянутым лицам, я руководствовался примером царя Константина; этот благочестивый правитель однажды собрал войско, чтобы идти войной на царя Рай. Двигаясь с войском в стране последнего, Константин вдруг узнает, что в совете царя Рай заседают саиды, улемы и шейхи. Узнав это, Константин отказался от мысли покорить царство Рай и поспешил возвратиться назад со своим войском. Своим приближенным и военачальникам царь объяснил свое решение тем, что в книге Самауви говорится о важности присутствия в совете царском почетных лиц духовного звания. «Если в совете царя заседают духовные лица, сказано там, то никто не в состоянии одолеть такого царя». Константин с дороги написал султану Рай, что правление его подобно правлению царя царей, а потому он раздумал идти воевать с царем, которого не может победить.

12. Своим милостивым вниманием я снискал признательность людей даже самого низкого общественного положения – юродивых, не имеющих определенного пристанища. Я всеми силами старался улучшить положение этих людей. К мусульманам я был снисходителен, за каждую маловажную провинность не взыскивал слишком строго. К потомкам пророка я всегда относился с подобающим уважением. Я избегал выслушивать людей, говорящих неправду. Я слышал, что слава царей зависит от их милостивого отношения к своим подданным, и в Коране сказано, что, простив вину одному виновному, правитель тем самым оказывает милость всем людям. Примером таких милостивых царей я и руководствовался во всех своих действиях. Я слышал, что если Бог возвеличит кого-либо и этот человек во всех своих делах будет руководствоваться справедливостью и будет милостив к своим подданным, то его могущество возрастет, если же такой человек уклонится на путь несправедливости и жестокости, то падет и его могущество. Последствие этого, чтобы поддержать свое могущество, я взял в одну руку свечу справедливости, а в другую – свечу беспристрастия и этими двумя светочами освещал всегда свой жизненный путь, т.е. правилами этими руководился во всех своих поступках. Я выбрал себе четырех министров, проникнутых теми же идеями; назову из них Махмуд Шахаба Хорассанского и Насреддин Махмуда-уль-Арамыра. Этим министрам я повелел неусыпно следить за мной и останавливать меня каждый раз, как я вздумая поступить несправедливо, поверю чьим-либо ложным словам или захочу воспользоваться чьим-либо чужим имуществом. Я слышал, что Бог, возвеличивая какого-нибудь человека, оказывает ему тем самым великую милость, и такое благоволение Творца обязывает возвеличенного человека в свою очередь быть справедливым и милостивым. Сидя на престоле, я постоянно помнил об этом и вполне усвоил себе эти качества...

Однажды я видел во сне, будто бы я закинул невод в большую реку, сеть охватила всю реку, я ею одновременно вытащил на берег всех населяющих воды рыб и животных. Этот сон снотолкователи также объяснили мне как предвещающий великое и славное царствование, – настолько славное, что все народы вселенной мне будут подвластны.

По совету святого шейха Камалая, я отправился к святому саиду Кулялю; саид встретил меня поздравлением с восшествием на престол, который мне суждено преемственно передать моему потомству. Услышав такие слова от почтенного саида Куляля, я очень обрадовался и стал принимать меры к тому, чтобы овладеть всем миром. Всё, что я задумывал, удавалось мне, во всяком предприятии я достигал с успехом поставленной себе цели.

Ильяс, сын Туклук Тимурхана с тридцатью тысячами всадников перешел каменный мост и разбил царский шатер. У меня в это время было всего только 6000 всадников и те, видя значительный перевес в силах на стороне нашего врага, пришли в уныние. К нашему благополучию, как раз в это самое время, от хорасанских саидов, живших в Термезе, пришел отряд, который поспешил присоединиться к моему войску. Прибывшие хорасанцы подходящими увещаниями сумели ободрить и укрепить моих воинов, и они освободились от овладевшего было ими страха пред сильнейшим неприятелем. Я дал сражение Ильясу, и мне удалось победить его. Еще перед сражением, когда мы расположились в виду войска Ильяса и приготовили военные орудия, пришло время молитвы, и я тоже стал молиться. Когда я сделал земной поклон, я услышал чей-то голос, который говорил мне: «Тимур, тебе дарована победа». Подняв голову, я осмотрелся, и оказалось, что подле меня никого нет. Сообразив, что я слышал голос из мира тайн, я принес Богу благодарственную молитву.

Я предпринял поход в Персию. Совершенно неожиданно на меня напал шах Мансур с пятью тысячами всадников. Чтобы сразиться с врагом, я приказал возможно скорей собрать воинов, вооруженных пиками, но, к моему глубокому огорчению, таких воинов не оказалось налицо.

Совершенно неожиданно ко мне явилась помощь оттуда, откуда я и ждать не мог всадник, лицом похожий на араба и вооруженный пикой, прискакал с одной стороны с криком: «О Боже! Дай победу Тимуру». Шах Мансур, услышав этот возглас незнакомца, так перепугался, что без чувств свалился с лошади. Шах Рух поднял его на свою лошадь и увез. Всадник, который так своевременно явился ко мне на помощь, исчез, и я

овладел столицей Персии. Я потребовал от амира Хусайна сдачи крепостей Шадман, Балх и Бадакшан. В это время шейх Заинуддин Абубекр прислал мне письмо, в котором сообщал мне, что ключи Хорассана вручены мне. Получив такое радостное известие, я не сомневался больше в успехе предстоящего мне предприятия. Когда святой Хызр являлся в Самарканд, мне суждено было увидеть его чудеса; он при этом сказал мне несколько неприятных слов, которые меня огорчили до глубины души.

Выехав из Самарканда, я был очень смущен, думая, что обидевшись на слова, сказанные мне святым Хызром, я огорчил его самого. Когда пришло упомянутое известие, я успокоился и понял, что такого святого не может огорчить простой смертный.

После этого я разрушил до основания капища, в которых туземцы поклонялись своим идолам и распространил в этой стране мухамеданскую веру. Самое большое капище принадлежало Тугул-богадуру. Когда я вздумал его разрушить, ко мне обратились жрецы (брахман), поднесли много золота и просили пощадить кумирню. Я не обратил внимания на их просьбы и велел прогнать их. В кумирне находилась между прочими идолами и статуя человека; когда я хотел уже сделать распоряжение, чтобы сломали это изображение, один из жрецов обратился ко мне с просьбой оставить неприкосновенною эту статую святого чудотворца, высокочтимого по их вере. По его словам, этот чудотворец был настолько силен, что в одну ночь мог иметь половое сношение с 1600 женщинами. На это я ответил жрецу, что дьявол еще сильнее их чудотворца, он может в одну ночь познать какое угодно число женщин.

Всякое предприятие свое я начинал с доверием к Богу, не справляясь, благоприятствует ли данный момент началу дела, мною задуманного. Тем не менее звездочеты находили, что всё, что я ни делал, я предпринимал как раз в то время, какое соответствовало данному событию по расположению звезд.

Результат каждого предпринимаемого мною трудного дела был мне заранее известен: я узнавал то, что меня ожидает, по сновидениям. Так, когда Туклук Тимур впервые пришел в Мавераннахр, я увидел во сне, что будто бы ко мне подлетела птица шагин (сокол) и уселась ко мне на руку. В это время пришло много коров, и я их подоил. Сновидение это, объяснили мне, предвещает мне счастье: птица, усевшаяся мне на руку, означает могущество, а множество коров предвещало мне многие выгоды. И действительно, сон мой исполнился: я присоединился к Туклук Тимуру, и это принесло мне серьезные выгоды.

Амир Хусайн, внук амира Казагана из Кабула, пришел, чтобы отобрать земли, принадлежавшие его отцу. Я ему много помогал, но он решился убить меня, несмотря на то, что я был женат на его сестре. Чтобы примирить его с собою, я назначил его наместником в Балх, но это не только не подействовало на него так, как я ожидал, но он, напротив, почувствовал силу свою, остался моим врагом и задумал воевать со мною. Я тоже сделал необходимые приготовления к войне с амиром Хусайном.

Собираясь на войну, я видел сон, будто бы амир Хусайн, на серебряном блюде поднес мне меч, клинок которого весь сплошь был облеплен мухами. Этот сон мне истолковали так, что сновидение обещает мне помощь в моем предприятии Имама Хусайна, потомка пророка. По смыслу сна, могущество амира Хусайна должно было перейти ко мне, а самого его мне суждено было убить. Всё это исполнилось, и я выразил свою благодарность оказавшему мне помощь потомку пророка тем, что совершил путешествие на могилу Имама Рузи.

Однажды я бежал из Самарканда и увидел себя самого во сне плачущим; черный ворон сел мне на плечо, а со всех сторон слетелся рой мух. Я отогнал мух и проснулся в дурном расположении духа. В это время Тугул-богадур напал на меня с тысячею всадников. Я понял, что плач мой во сне и черный ворон означали предстоящее мне горе, а множество мух – Тугул-богадур, которого мне суждено победить. Действительно, вскоре я сразился с Тугул-богадуром и разбил его наголову.

Когда я отправился в Балх, я видел во сне, будто бы мне поднесли несколько бутылок вина, а я разбил их, ударя одной из бутылок по остальным. Меч свой я увидел изукрашенным и счел это за дурное предзнаменование. Шах Мансур напал на меня с 5000 всадников. Я его победил, войско его рассеялось и скрылось в страну кипчаков.

Однажды Тохтамыш-хан, забыв все мои дружеские услуги, сделанные ему в разное время, с бесчисленным войском пришел, намереваясь воевать со мною. Рассчитывая усостыжить его, я написал ему письмо, в котором советовал ему не платить мне злом за сделанное ему мною добро, иначе он будет жестоко наказан за неблагодарность. В это время мне приснилось, будто бы луч солнца, с востока, упал мне на голову, как бы потух и исчез. Снотолкователи объяснили мне, что сон мой знаменует приход Тохтамыш-хана и полное его поражение в борьбе со мною.

Когда я отправился в сторону Ирака, я увидел во сне, что ко мне пришло множество львов и скорпионов. Через день эмиры явились ко мне с изъявлением покорности, и я овладел этой страной.

Собираясь в поход на Индустан, вижу себя во сне в роскошном саду, полном деревьев, обремененных плодами. Птицы в ветвях деревьев спили множество гнезд. Взяв пращу, я разорил эти гнезда. По мнению снотолкователей, сон этот предвещал, что поход мой в Индустан будет вполне удачен, что и исполнилось в действительности: я овладел Индустаном и разорил там множество городов.

Когда я двинулся с поиском в Сирию, против меня соединились войска Сирии, Египта и Турции. Сопротивляться тройственному союзу казалось трудным. Я прочел «салават» и лег спать. Во сне я увидел себя восходящим на высокую гору. Над моей головой нависли свинцовые тучи, меня окутала мгла тумана. Вскоре

однако тучи разразились сильнейшим ливнем и туман после дождя рассеялся. Этот сон, по словам толкователей, предвещал мне полную победу над собравшимися против меня врагами. «Гора, объясняли мне, это столица Сирии, цель твоего похода; тучи и туманы – войска твоих врагов, а дождь – это твое войско. Как виденный тобою дождь, выпав, рассеял тучи и туманы, говорили мне, так и твое войско, обрушившись на вражи полчища, рассеет их». Этот сон исполнился.

Однажды, в то время когда я располагал всего сотысячным войском, на меня напал царь Рума – Кайсар с войском в четыреста тысяч человек. Положившись вполне на заступничество семейства пророка, я прочел «салават» и лег спать. Мне приснилось, что я нахожусь в пустыне, вокруг меня множество народа, а вдали виднеется свет. Я поспешил по направлению видневшейся светлой точки. На дороге я обратил внимание на три кучки золы и поехал дальше. По дороге я догнал пять человек, которые от нас удалялись. Вдруг поднялась сильная буря, и один из шедших по дороге людей объяснил, что эта буря указывает на то, что в это время пророк с большим трудом восходит на небо. Я подошел и удостоился счастья приветствовать пророка. У одного из встреченных нами людей в руках был батик. Пророк знаком руки повелел мне взять этот батик, и я взял его из рук виденного мною человека. Я проснулся, счастливый, что видел во сне пророка и удостоился с его стороны такого внимания. В этот же день я рано утром сразился с Кайсаром, схватил белое знамя, разбил наголову и прогнал его войско. Во время битвы я очень устал и почувствовал себя нездоровым. Думая о смерти, я был очень озабочен, что станет с моим царством после моей смерти и кого из своих потомков мне следует назначить своим преемником, на случай моей смерти. Пророку угодно было успокоить меня: он открыл мне, что 70 поколений моего потомства будут царствовать.

В это время я увидел сон, будто я нахожусь под деревом, которое раскинуло надо мной свои развесистые ветви и защитило меня от солнечных лучей. В чаще ветвей шумели различные птицы и насекомые, которые все ели плоды тенистого дерева, под сенью которого я отдыхал. Я сам попробовал плодов: одни из них оказались сладкими, другие кислыми. Во сне же я услышал голос, что виденное мною дерево представляет мое потомство. Когда я проснулся, снотолкователи объяснили мне мой сон так: дерево – это ты, говорили они, ветви с листьями – твое потомство, плоды – твое могущество и богатство, а животные, евшие плоды с дерева – это подвластные тебе народы, которые пользуются твоими щедрыми милостями.

В то время, когда я был озабочен своими делами, я вижу однажды во сне, что меня окружили различные ужасные призраки духов, свиней, некрасивых мужчин и женщин, диких зверей и птиц. Я в ужасе проснулся и поспешил написать письмо о виденном мною сне моему духовнику, наставнику и покровителю, шейху Заинуддину. Вскоре я получил от него ответ.

«Пугала, привидевшиеся тебе во сне, это дурные дела, тобою содеянные, – писал шейх, – поэтому тебе необходимо покаяться». Я чистосердечно раскаялся в своих прегрешениях и увидел сон, совершенно не похожий на прежде виденный мною страшный сон. В этот раз я увидел себя отдыхающим в великолепном саду, украшенном всевозможными цветами и наполненном фруктовыми деревьями. Посреди сада протекали большие реки и слух мой ласкали нежные звуки музыки. Я снова написал письмо шейху о виденном мною сне, и тот ответил, что я видел хороший сон, и это означает, что раскаяние мое принято Богом и заслужило мне прощение всех совершенных мною прегрешений. «Пророк сказал, писал шейх, что к каждому человеку приставлен злой гений, наблюдающий за его поступками. Своим покаянием ты одолел своего злого гения, и всякому мусульманину надлежит раскаянием и добрыми делами с Божьей помощью ослаблять влияние своего злого гения».

Когда я собирался в поход из Самарканда на Китай, я увидел во сне, будто бы я с ветвей большого дерева слез на землю; на голове у меня была чашка с водой, которая при этом упала и разлилась. В это время отец мой, амир Тарагай, взял у меня из рук лошадь и повел меня в сад. Оставив меня в саду, отец исчез. Снотолкователи дали мне объяснение виденного мною сна, но я не поверил им, а вполне положился на провидение.

В это же время я видел другой сон: будто бы я заблудился в пустыне, где были дикие звери. Пройдя степь, я пришел в сад, где нашел множество плодов и музыкальных инструментов. В саду же находился громадный трон. Вблизи трона находилась высокая башня, а на вершине ее сидели какие-то люди. Пред каждым из них лежала книга, и они что-то вписывали в эти книги перьями. Я спросил их, что они пишут, и получил ответ, что на их обязанности лежит вести запись тому, что должно случиться в жизни с каждым человеком. Заинтересованный, я стал спрашивать, кто записывает обстоятельства моей будущей жизни, но в это время проснулся, встревоженный виденным мною сновидением.

В то время, когда я овладел Персией, жители провинции Шираз, с помощью шаха Мансура, убили поставленного мною наместника. За это я распорядился всех ширазцев предать избиению. Ко мне пришел саид Джамиль-уль-Кадыр и просил помиловать ширазцев, но я не обратил внимания на заступничество саида. В следующую же ночь я увидел во сне пророка, который сурово сказал: «Тимур, ты не уважил просьбы моего потомка и не помиловал население Шираза; разве ты сам не нуждаешься в моем ходатайстве?» Я в страхе проснулся. Я сейчас же отправился к саиду Джамиль-уль-Кадыру и просил у него прощения за то, что не исполнил его просьбы. Ширазцев я не только помиловал, но даже вознаградил этот народ, а Ходже Махмуду отдал страну Мегриджан. Я понял, что следует беспрекословно исполнять то, что скажут саиды, должно оказывать всевозможное почтение потомству пророка. Любовь к потомству пророка укрепилась в моем сердце. По поводу случившегося со мной и виденного мною сна я написал шейху Заинуддину, который вскоре прислал

мне ответ следующего содержания: «Дай тебе Боже всего, что ты у него попросишь. Внуши своему потомству, что помилование пророка существенно необходимо для всех людей. Любовь и почтение к потомкам пророка есть залог спасения в этом и будущем мире. Каждый раз, как станешь на пятикратную молитву, воздай им благословение, чтобы намаз был угоден Богу. Исполнив всё это, ты можешь надеяться быть награжденным в будущей жизни. Оказывай как можно больше внимания потомству пророка».

(Гамерлан, «Уложение Тимура», Извлечение)

Часть первая

ПЛАНЫ И ДЕЯНИЯ

Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Я намечал планы, кои осуществлял для завоевания стран, покорения мира, рассеивания вражеских полчищ, завлечения врага в западню, расположения к себе противника и обхождения с друзьями и неприятелями.

Мой пир¹ писал мне: «Абулмансур² Темуру. В делах управления государством следует придерживаться четырех правил, это: 1) обдуманность действий; 2) совет с близкими; 3) благоразумие; 4) предосторожность. Ибо султана, [действующего] не расчетливо и не советуясь, можно уподобить невежде, чьи поступки и слова нерадивы: его слова и дела порождают угрызения совести и раскаяние. Лучше, если ты будешь управлять государством, придерживаясь советов и рассудительно, дабы впоследствии ты не сожалел и не раскаялся. Знай, что управление государством слагается частью из терпения и выдержки, а частью – из умения притворяться не ведающим скрытое, на самом деле ведая обо всем.

После описания и упоминания мер, кои необходимо соблюдать, следует подчеркнуть, что решительность и терпение, выдержка и благоразумие, бдительность и мужество способствуют осуществлению всех дел. Мир тебе!».

Это письмо явилось для меня как бы путеводным наставлением, из которого я познал, что девять десятых государственных дел решаются расчетливостью, благоразумием и советами и лишь одна десятая – мечом. [Мудрецы] говорят: «Там, где были бессильны мечи несметного войска, разумной мерой можно завоевать страны и одолеть рать».

Я на опыте познал, что один предприимчивый, мужественный, доблестный, решительный и благоразумный человек лучше тысячи нерадивых и безвольных. Ибо один опытный повелевает тысячами людей.

Также я познал на опыте, что победа над вражеским войском достигается не численным перевесом рати, а поражение происходит не из-за малочисленности воинов. Воистину, победа достигается с помощью Аллаха и действиями рабов божьих.

Посоветовавшись и наметив план действий, я повел 243 воина на Карши, где эмир Муса и Малик-бахадур [от имени эмира Хусайна] охраняли крепость и ее подступы во главе двенадцати тысяч всадников³. При помощи Всевышнего Творца и благодаря правильным мерам я взял крепость Карши.

[Затем] эмир Муса и Малик-бахадур повели против меня двенадцать тысяч всадников и осадили меня в крепости Карши. Уповав на помощь Аллаха, действуя предприимчиво и осторожно, я вышел из крепости и совершил ряд нападений на неприятеля. В итоге, при помощи 243 моих ратников я одолел двенадцатитысячное войско [неприятеля] и преследовал его, на протяжении нескольких фарсангов⁴.

Еще на своем опыте я познал, что, хотя исход дела и сокрыт завесой судьбы, не следует пренебрегать мнением и разумным советом мудрого и предусмотрительного человека. Поэтому, следуя наставлению и образу действий [пророка] Мухаммада⁵, да благословит его Аллах и приветствует!, всякое дело я осуществлял, [сначала] советуясь [с умудренными жизненным опытом людьми]. Всякий раз, как собирались советники, я обсуждал хорошие и плохие стороны, пользу и ущерб, надобность и ненадобность задуманных дел и внимал их соображениям. Узнав их мнение, я обдумывал обе стороны [задуманного предприятия], сравнивая пользу и вред, основное внимание уделял его опасностям. Всякое дело, в котором я узревал две опасности, ввергало меня в раздумья, и я избирал то [дело], что таило одну опасность. Так, когда эмиры Туглук Темур-хана⁶ в степях Джете⁷ подняли знамя неповиновения [ему], он попросил моего совета. Я дал ему [такой] совет: «Если ты пошлешь войско для рассеивания восставших, тебя подстерегают две опасности, а если ты выступишь сам [против них] – одна опасность». Он последовал моему совету, направился в степь, и случилось так, как я говорил.

Все свои дела я вел, советуясь, и предпринимал правильные меры для их осуществления. Еще не приступив к какому-либо делу, я намечал меры по его завершению: действуя предприимчиво, решительно, благоразумно, бдительно, предусмотрительно и предвидя последствия, доводил его до конца.

Также я познал на собственном опыте, что советниками могут быть люди, чьи слова не расходятся с их делами, и не отступают они от задуманного ни под каким предлогом, и не возвращаются к делу, дав зарок не исполнять его.

На опыте я познал, что совет бывает двух видов: один – [просто] слетевший с языка, второй – исходящий от чистого сердца. Произнесенное устами я выслушивал, а сказанное от чистого сердца я запечатлевал в своем сердце.

Задумав выступить с войском, я заводил речь о войне и мире и старался познать, склонны ли сердца моих эмиров к миру или жаждут [они] войны. Ежели они говорили о мире, я сравнивал его выгоду с уроном от войны. И какое [из них] было более выгодным, то и выбирал. Если кто из советников пылко говорил о стоящем деле, я выслушивал его, а тому, кто высказывался разумно и смело, внимал.

Совет я испрашивал у каждого, но, поразмыслив о хороших и плохих последствиях всякого мнения, избирал более верное и благое.

Так, когда Туглук Темур-хан, внук Чингиз-хана⁸, переправился через реку Ходженд⁹, дабы завоевать Мавераннахр, и послал мне, эмиру Хаджи барласу¹⁰ и эмиру Баязиду джалаиру ярлык 11, повелевая присоединиться к нему, они посоветовались со мной: «Уйти ли нам со своим народом в Хорасан или явиться к Туглук Темур-хану?». Я сказал им: «Если вы пойдете к Туглук Темур-хану, ваш удел – две пользы и одна неприятность, а если вы подадитесь в Хорасан, вам выпадут две неприятности и одна польза». Не вняв моему совету, подались в Хорасан¹². И я засомневался, не зная, уйти ли и мне в Хорасан или же явиться к Туглук Темур-хану. В данной ситуации я обратился за советом к своему пиру¹³, и он мне ответил:

«Как-то спросили четвертого халифа¹⁴, да почтит Аллах лик его!, если сфера небес – лук, натянутый тетивой земли и извергающий стрелы бедствия, чья мишень – род людской, стрелец же — Всевышний Творец, да воссияет слава Его, где же искать убежища роду Адама? Халиф в ответ сказал, что людям следует искать убежища у самого Всевышнего. Подобно этому, и ты беги сейчас же к Туглук Темур-хану и вырви из его рук лук и стрелы». Получив такой ответ, я укрепился духом и явился к Туглук Темур-хану.

Придя к решению свершить что-либо, я гадал на Коране и действовал по указу Корана. Прежде чем явиться к Туглук Темур-хану, я открыл Коран, и выпала мне «Сура Юсуфа»¹⁵, да будет на нем благословение Аллаха, и повиновался я предписанию священного Корана.

ПЕРВЫЙ ПЛАН, ОСЕНИВШИЙ МЕНЯ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С ТУГЛУК ТЕМУР-ХАНОМ

До меня дошли сведения, что Туглук Темур-хан образовал три полка из [людей] Бекчика, Хаджи-бека эркинита¹⁶, Улуг Туг-Темур-хана кераита¹⁷ и других эмиров Джете и послал их грабить Мавераннахр. И когда те три полка разбили лагерь в местности Хузар¹⁸, я решил, прежде чем идти к Туглук Темур-хану, первым делом прельстить [этих] эмиров различными редкими дарами и разжечь в них алчность, дабы спасти Мавераннахр от грабежа и насилия. Когда я встретился с упомянутыми эмирами, мой величественный вид произвел на них сильное впечатление, и они оказали мне всяческие почести. Так как сердца их были так же узки, как их глаза, то небольшие подношения¹⁹ мои показали им изобилием, и они отказались от намерения завоевать и разграбить Мавераннахр. И только после этого я прибыл к Туглук Темур-хану²⁰. Хан расценил мой приход как хорошее предзнаменование и обратился ко мне за советом. Все, что от меня услышал, он одобрил.

В это время Туглук Темур-хану доложили, что эмиры трех полков собирают с жителей Мавераннахра наличные деньги и дары. Хан тотчас же послал сборщиков дани, дабы эмиры возвратили дары [их владельцам], и запретил им отныне ходить на Мавераннахр, разжаловал их и вместо них назначил ходжу Махмуд-шаха ясаури²¹. Узнав об этом, эмиры подняли знамя неповиновения и возвратились [в свои владения]. По дороге они встретили Оглан-ходжу, – диванбеги²² и главного советника хана. Склонив его на свою сторону, все вместе подались в сторону Джете.

В это самое время было получено известие о том, что эмиры Туглук Темур-хана, находящиеся в Дашт-и кипчаке, [тоже] подняли знамя мятежа. Это известие обеспокоило хана. Посоветовавшись со мною, он отправился в Джете, Мавераннахр же вверил мне и издал об этом ярлык и предписание. Также он вверил мне туман эмира Карачар нойона²³, стоявший в Мавераннахре. Я стал обладателем всего Мавераннахра, вплоть до берегов реки Джейхун²⁴. Таков был мой первый план на заре [создания] моего царства. Так я на опыте познал, что одним предприимчивым шагом можно осуществить дело, неподвластное ста тысячам воинам.

ВТОРОЙ ПЛАН, ОЗАРИВШИЙ ИСТОКИ МОЕГО ЦАРСТВА,

осуществился, когда Туглук Темур-хан, нарушив заключенный со мной союз, вторично повел войско на Мавераннахр, и, отняв у меня бразды правления, вручил их своему сыну Ильяс-ходже. Меня же назначил главнокомандующим и советником, ссылаясь на договор, некогда заключенный между Качули-бахадуром и Кабул-ханом²⁵. Повинуясь слову и обету моих предков, я согласился командовать [его] войсками.

В 762²⁶ году Туглук Темур-хан вторично повел войско на Мавераннахр и вызвал меня к себе. Я выехал и встретился с ним. [Однако,] нарушив наш уговор, он вручил Мавераннахр своему сыну Ильяс-ходже, а меня назначил главнокомандующим. Заметив мое недостаточное рвение, показал договор моего предка Качули-бахадур с Кабул-ханом. Прочитав надпись, сделанную на стальной пластинке, о том, что «ханство принадлежит потомкам Кабул-хана, а командование войском потомкам Качули-бахадур, и поэтому пусть не враждуют они друг с другом», оставаясь преданным этому договору, я принял должность главнокомандующего.

В Мавераннахре усилились злодеяния и притеснения [общины] Узбекия²⁷: так, например, они пленили и заточили в оковы семьдесят человек из числа сайидов и их потомков. Ильяс-ходжа же, в силу неспособности к управлению государством, не мог положить конец их гнету. Я же своей мощью одолел [сих] узбеков и избавил

притесняемых от гнета преследователей. Это стало причиной вражды ко мне эмиров Ильяс-ходжи и узбеков. Они написали Туглук Темур-хану, что, дескать, Темур поднял знамя вражды. Приняв эти лживые слова за истину, хан послал ярлык, предписывающий убить меня. Этот ярлык попал в мои руки, и так я узнал, что приговорен к смерти. Во избежание опасности я решил предпринять следующее: собрав вокруг себя отважных юношей из улуса барлас, объединить их. Первым, кто дал обет повиновения мне, был Ику Темур, вторым — эмир Джаку барлас. И другие бахадурь избрали путь повиновения мне от чистого сердца.

Как только люди Мавераннахра узнали о моем намерении, выразили желание, что мне следует не медля напасть на общину узбеков, поскольку их сердца были полностью отринуты от [общества] притеснявших их узбеков. Со мною объединилось все население Мавераннахра, от мала до велика. Улемы и шейхи страны издали фетву²⁸ об уничтожении и искоренении общины узбеков. К нам также примкнули отдельные эмиры улуса и военачальники. Текст договора и фетвы, принятых по этому вопросу, гласил: «В соответствии с избранным праведными халифами²⁹ путем и деяниями, да будет доволен всеми ими Всевышний Аллах, да оказывает все правоверное население [Мавераннахра], будь то ратники или подданные, улемы или шейхи, почет и уважение Амиру Темуру и пусть величают его «Амир Темур – зенит величия государства»³⁰, и считают его дланью Аллаха на царском троне. И да не пожалеют они своего имущества и жизни ради уничтожения и искоренения общины узбеков, простерших руку насилия на честь, землю, движимое и недвижимое имущество мусульман. Мы будем верны данному соглашению. А если отступим от этого обета, пусть отвратится от нас покровительство Аллаха и попадем мы во власть шайтана».

Когда мне показали эту фетву, я решил поднять знамя ратных свершений и повести войско против узбеков, дабы отомстить злодеям за притесняемых. Но какие-то подлые люди раскрыли эту тайну. Я задумался о том, что случится, если я начну борьбу против узбеков в Самарканде, а жители Мавераннахра не протянут мне руку помощи? Поэтому я решил оставить Самарканд и обосноваться в горах, дабы пришли ко мне те, кто желает присоединиться [ко мне]. И тогда, собрав большое войско, начну войну против узбеков.

Когда я вышел из Самарканды, за мной последовало не более шестидесяти всадников, и я понял, что опасения мои были правильными.

В тех горах я прождал неделю, но никто ко мне не пришел. Поэтому я решил отправиться в Бадахшан³¹ и склонить на свою сторону его шахов. [Но прежде] оседлав коня, отправился [за советом] к эмиру Кулалу, и он указал мне дорогу в Хорезм. В случае победы над узбеками я дал обет пожаловать ему годовой харадж³² Самарканды. Благославив меня на победу фатихой³³, он разрешил мне удалиться.

Когда я вышел от сайида эмира Кулала, меня сопровождали всего шестьдесят всадников. Ильяс-ходжа, получив известие о моем движении на Хорезм, направил письмо правителю Хивы Таваккал-бахадур и велел ему выступить против меня и убить. Таваккал-бахадур выступил против меня во главе тысячного отряда конницы. Со своими шестидесятью всадниками и присоединившимся ко мне в пути эмиром Хусайном, я столкнулся [с неприятелем] и вступил с ним в сражение. В этой сече я проявил такое ратное искусство и выдержку, что от их тысячи остались пятьдесят человек, а от моих шестидесяти всадников – лишь десять. Словом, жемчужина победы досталась мне. Когда весть о моей победе дошла до Ильяс-ходжи и эмиров Джете, они сказали: «Какой удивительный человек [этот] Темур, его осенило счастье и покровительство Всевышнего». Победу в этом сражении я расценил как хорошее предзнаменование, а глаза узбеков покрылись пеленой страха.

ТРЕТИЙ ПЛАН УСТРОЙСТВА МОЕГО ГОСУДАРСТВА

В то время, когда государство мое обессилело, а устои его стали подтачиваться, число моих сподвижников не превышало десяти человек, семеро из которых были на лошадях, а трое пешими. И не было со мною никого, кроме них. Достопочтенную мою супругу, сестру эмира Хусайна³⁴, я посадил на своего коня. Проскитавшись несколько дней в степях Хорезма, однажды, когда стемнело, я набрел на какой-то колодец. В ту ночь три пеших хорасанца предали нас и сбежали на наших конях. Мы, семь человек, остались с четырьмя лошадьми. Положение мое ухудшилось. Но я не падал духом и не раскаивался, что зря замыслил это деяние. Когда я отъехал от колодца, на нас налетели воины Алибека джани курбани³⁵. Он взял нас в плен и запер в темнице, кишашей блохами. Приставив несколько стражников, продержал меня в заточении 62 дня. [Тогда] я тщательно все продумал, и снизошла ко мне помощь Аллаха, и пробудился мой богатырский дух:

Я выхватил меч из рук стражника, и стоило мне накинуться на них, как все они сбежали. Я ворвался прямо к Алибеку. Увидев меня, он раскаялся в содеянном и попросил у меня прощения. Возвратив моих коней и оружие, он одарил меня тощей клячей и дохлым верблюдом. От жадности он позарился на часть подарков, посланных мне Мухаммад-беком, братом его, и лишь после этого отпустил меня с миром. Я [снова] направился в степи Хорезма, и вокруг меня собрались двенадцать всадников. Спустя два дня мы достигли какого-то местечка и остановились передохнуть в одном из домов. Тут появилась группа местных туркмен, и с криками «Воры!» они набросились на нас. Спрятав сестру эмира Хусайна в доме, я вступил с ними в схватку. Среди туркмен некто по имени Мухаммад узнал меня и, воскликнув: «Это же Амир Темур!», воспрепятствовал сражению. Он тотчас преклонил предо мной колени. Я возблагодарил его и возложил на его голову свой головной убор³⁶. С тех пор он со своими братьями стал служить под моим началом.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЛАН, ВОЗНИКШИЙ НА ЗАРЕ МОЕГО МОГУЩЕСТВА

После того, как вокруг меня сплотилось шестьдесят всадников, я подумал: если обоснуюсь в этой местности, здешние люди могут восстать против меня и сообщить узбекам [о моем местонахождении]. Лучше

уйти отсюда и обосноваться [где-нибудь] в безжизненной степи, глядишь, вскоре-вокруг меня соберется воинство, способное стать мощью и опорой моего царства. Я снялся с этого места и направился в Хорасан. В пути ко мне присоединился правитель Махана Мубарак-шах Санджари с сотней всадников и преподнес мне в качестве пишекеш³⁷ добрых коней. Все сайиды и местные жители также присоединились ко мне. Всего в этой степи ко мне примкнули конными и пешими около двухсот человек. Тогда Мубарак-шах, сайид Хасан и сайид Зияуддин посоветовали мне, что, оставаясь [долго] в этой степи, мы будем способствовать рассеиванию войска, [поэтому] надо двигаться в каком-либо направлении и завоевать какой-нибудь вилайет. Я подумал и ответил им:

«У меня есть план. Мы пойдем на Самарканд: вас [на время] рассредоточу в районах Бухары, а сам проникну в окрестности Самарканда и, вступив в разговоры с различными людьми, попытаюсь склонить их на нашу сторону. Собрав достаточно сил, я вызову вас, и затем мы начнем войну с войском Джете и Ильяс-ходжи. И я овладею Мавераннахром».

Они все одобрили мой замысел действий, и после благословения нашего похода, мы вышли в путь. Двести человек я рассредоточил в окрестностях Бухары. Сестру эмира Хусайна Ульджай Туркан-ага тайно [от всех] оставил там же, а сам направился в Самарканд. По пути ко мне присоединился Тамука каучин³⁸ с пятнадцатью всадниками. Я открыл ему свою тайну и отослал его к Мубарак-шаху. Сам же, переговорив с племенами [окрестных районов Самарканда], собрал вокруг себя около двух тысяч человек. В случае, если бы я поднял над Самаркандом знамя царства, они обещали прийти ко мне на помощь.

Ночью тайно пробрался в Самарканд и остановился в доме своей старшей сестры Кутлуг Туркан-ага. Дни и ночи напролет, обуреваемый замыслами, искал я приемлемый план действий. Так я провел [там], скрываясь, 48 дней. В конечном итоге кто-то из горожан проведал о моем местонахождении. На грани провала замысла, я вынужден был ночью оставить Самарканд с сопровождавшими меня пятидесятью всадниками, и снова направился в сторону Хорезма. С нами шла группа пеших воинов. По дороге я захватил несколько коней туркменского табуна и посадил своих пеших воинов в седла.

Достигнув [местности] Ачиги, что на берегу Амударьи, мы разбили лагерь в пересеченной местности. Сюда прибыли оставленные мною в окрестностях Бухары домочадцы, Мубарак-шах, сайид Хасан и другие. Прибыли также Темур-ходжа оглан³⁹ и Бахрам джалаир со своими воинами и выразили желание состоять у меня на службе. Так вокруг меня собралось около тысячи конных воинов. Поразмыслив, я решил идти на Бахтарзамин⁴⁰ и Кандагар⁴¹ с целью установить там свою власть.

ПЯТЫЙ ПЛАН, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ МНОЮ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА

По пути в Бахтарзамин и Кандагар я остановился на берегу реки Хирменд⁴² и разбил там лагерь. Желая дать отдых войску, несколько дней оставался на берегу этой реки.

Тем временем ко мне обратились жители и воины вилайета Гармсир⁴³, и почти тысяча конных воинов, [состоявших] из тюрков и таджиков, присоединилась ко мне. Так моей власти подчинился вилайет Гармсир.

Тогда я задумал завладеть Сеистаном⁴⁴. Когда сия весть дошла до правителя Сеистана, он отправил мне различные подарки⁴⁵ и запросил помощь. Он писал: «Враги притесняют меня и уже завладели семью моими крепостями. Если вы укоротите руки моих врагов, обяжусь поставить вашим воинам шестимесячную улугуфа»⁴⁶. Поразмыслив, я выступил в поход на Сеистан. Когда я яростным натиском овладел пятью из семи его крепостей, захваченных его врагом, в сердце правителя Сеистана проник страх, и он сблизился со [вчерашним] своим врагом. Они осознали, что «если Амир Темур останется в этих краях, то мы, вне всякого сомнения, упустим из рук Сеистан». А посему, объединив воинов и подданных всего Сеистана, они всем миром пошли на меня.

Когда правитель Сеистана не сдержал своих обещаний, я попал в безвыходное положение и был вынужден преградить ему путь и вступить [с ним] в сражение, где одна стрела впилась мне в запястье, а другая вонзилась в ногу⁴⁷. В конце концов я одержал победу. Но, так как климатические условия той страны были вредны моему здоровью, вышел в путь и вернулся в Гармсир, где выждал два месяца, покуда не зажили мои раны.

ШЕСТОЙ ПЛАН, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ МНОЮ ВО ВРЕМЯ ВТОРЖЕНИЯ [В ДРУГИЕ СТРАНЫ]

Подчинив себе Гармсир и залечив раны, я решил поселиться в Балхских горах⁴⁸ и собрать там войско, а затем начать завоевание Мавераннахра. Порешив на этом, я оседлал коня. Меня сопровождали [тогда] всего сорок всадников, но все они были отпрысками благородных семей, потомками знатных родов и эмиров. Я возблагодарил Аллаха, что в эти трудные дни такие молодцы сопутствуют и повинуются мне, не имеющему ни злата, ни достатка, ни провианта. Я утешал себя тем, что, по-видимому, Всевышний Аллах намерен свершить при моем посредстве великие деяния, раз он подчинил мне людей, равных мне по происхождению.

[Затем] направился к Балхским горам и по пути встретился с Сиддик барласом из рода Ильдирим Карачар нойона. Оказывается, он скитался в поисках меня и присоединился ко мне с пятнадцатью всадниками. Я узрел в его приходе хорошее предзнаменование. Проводя дни за охотой, мы продвигались вперед, когда я увидел на возвышении отряд, который непрестанно увеличивался. Я остановился и выслал вперед караул⁴⁹, дабы разузнать, что это за отряд. Караул приблизился к ним и доставил известие о том, что это Казанчи-бахадур⁵⁰, бывший нукер Амира Темура, отделившийся от войска Джете со ста всадниками и с тех пор скитавшийся повсюду в поисках [своего] эмира. Я возблагодарил Всевышнего Аллаха и велел привести

Казанчи-бахадур. Явившись ко мне, он преклонил колени и припал к моим ногам, целуя их. Я обласкал его, надел [на его голову] свою чалму⁵¹ и направился к Дара-и арсиф⁵².

Достигнув Дара-и арсиф, разбил лагерь. На другой день, оседлав коня, приступил к осмотру ущелья. Посредине была возвышенность с чудным воздухом. Я взобрался и расположился на ней. Воины же мои расположились вокруг этой возвышенности.

То была пятничная ночь, и я до рассвета бодрствовал, [моля Аллаха о помощи]. На рассвете я совершил утреннюю молитву, после чего, воздев руки к небу, просил божьего благословения. Глаза мои наполнились слезами. Я обратился с мольбой к Всевышнему Аллаху, прося избавить меня от этой напасти. Еще не успел я окончить мольбу, как вдали показалась группа людей, которые проезжали мимо возвышенности. Намереваясь узнать, чьи это люди, я верхом направился следом за ними и увидел, что их было всего семьдесят всадников. Я спросил: – Чьи же вы будете, бахадур? Они ответили: – Мы нукеры Амира Темура. Скитаемся в поисках эмира и не можем его найти. Я сказал: – Я тоже один из его нукеров. Идемте, я поведу вас к эмиру.

[Тогда] один из них поскакал к своим предводителям, передал им мои слова и сказал: «Мы нашли проводника, который поведет нас к Амиру Темуру». Они прищипорили своих коней и велели не медля привести меня к ним.

Их было три отряда. Предводителем первого отряда был Туглук-ходжа барлас, второго – эмир Сайфуддин, а третьего – Тубак-бахадур. Как только они увидели меня, так, не помня себя, соскочили с коней и преклонив колена, поцеловали мое стремя. Я тоже сошел с коня, и приветствуя, обнял их. Свой головной убор возложил на голову Туглук-ходжи. Золототканым, тонкой работы поясом опоясал эмира Сайфуддина, а халат свой накинул на плечи Тубак-бахадура. Они были весьма взволнованы. Я тоже был взволнован. Настало время молиться, и мы все совершили молитву. Затем отправились в мой лагерь, собрали людей и устроили пир. Назавтра пришел и Шир Бахрам, который ранее по молодости отделился от меня и ушел, мечтая о землях Хиндустана. Раскаившись в содеянном, он просил у меня прощения. Я обнял его и был столь милостив, что он совершенно избавился от смущения.

МОЙ СЕДЬМОЙ ПЛАН, ПРЕДПРИНЯТЫЙ В ДНИ ПОХОДА

Я сделал смотр своему войску, и оказалось в нем 313 всадников. Поразмыслив, решил завладеть какой-нибудь крепостью и обосноваться в ней. Вначале решил захватить крепость Аладжу, которой управлял тогда от имени Ильяс-ходжи Менгли-Буга сулдус⁵³.

Я решил превратить это место в склад продовольствия и [различных] тюков. С этой целью направился к крепости Аладжу. Так как Шир Бахрам и Менгли-Буга сулдус издавна дружили, он попросил у [меня] разрешения: «Я пойду в крепость и склоню его на нашу сторону». Но когда Шир Бахрам достиг подступов к крепости, то сообщил мне: «По словам Менгли-Буги, Ильяс-ходжа доверил крепость ему, и ежели он перейдет на сторону Амира Темура и сдаст крепость, то это будет поступок, далекий от доблести и благородства. А посему, он отказался сдать нам крепость». Но узнав, что я веду войско на крепость, сердце его затрепетало, и он бежал, бросив крепость. В этой крепости вместе с ним находились триста человек из племени дулан джаун⁵⁴, ранее состоявших под моим началом. Они вновь присоединились ко мне. Я перешел оттуда в местность Дара-и суф⁵⁵. В ту пору Имлис, сын Туман-бахадур промышлял грабежом в окрестностях Балха. Узнав о моем прибытии, он перешел под мое начало с двумя сотнями всадников. Проявив к нему милость, подбодрил его.

Остановившись там, я дал Тамука-бахадуру трех всадников, велел переправиться через реку Термез⁵⁶ и доставить мне известие о [состоянии] войска Джете, его целях и намерениях. Тамука [-бахадур] возвратился спустя четыре дня и сообщил, что воины Джете вторглись в вилайет Термез и заняты разбоем и грабежом мирного населения. Узнав об этом, я счел необходимым перейти в местность Дерезег⁵⁷. Решил там временно поселиться, а затем найти благоприятный момент и внезапно напасть на войско Джете. Достигнув Дерезег, я разбил лагерь на равнине Элчи-Буга, на берегу реки Джейхун. Ильяс-ходжа, проведав о моем прибытии в Дерезег, выставил против меня несколько отрядов.

Тем временем было получено известие о том, что эмиры Сулайман барлас, Муса барлас, Джаку барлас, Джалалуддин барлас и Хиндука барлас, которые состояли в войске Джете, отвернулись от эмиров Джете и со своими воинами перебрались в старый Термез. Посланный ими ко мне Тулан-Буга прибыл и сообщил, что [вышеназванные] эмиры готовы присоединиться ко мне с тысячей конных воинов и встать под мои знамена. Их приход расценил как предзнаменование удачи для моего замысла. Они посоветовали мне ночью совершить внезапный бросок на войско Джете. Едва я оседлал коня, как меня известили о приближении войска Джете. Я привел свое войско в боевой порядок и развернул его против неприятеля. Оба войска разделяла река. Подумав, я счел правильным склонить неприятеля на свою сторону ласковыми словами и приятным обхождением и погасить огонь ярости водой благоразумия. Я обратился к главному эмиру⁵⁸ войска Джете эмиру Абу Сайиду. Все, что я ему говорил, он одобрил. Но другие эмиры выступили против него и решились на сражение. Я загорелся жадной битвы и развернул свои войска в [боевой] порядок.

ВОСЬМОЙ ПЛАН, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ С ЦЕЛЬЮ РАССЕЯТЬ ВОЙСКА ДЖЕТЕ

Я подумал: «Вступлю я в сражение с войском Джете, а число их велико, и что если фортуна мне изменит?». Но в тот же миг во мне взыграла гордость: «Раз уж ты предпринял поход, претендуя на царство, то должен действовать соответственно царской славе и сану. Вступив в сражение, ты или выйдешь победителем, или же сложишь голову». Как только я решился, увидел, что неприятель разделился на три отряда и рвется в

сражение. Я разбил свое войско на семь отрядов и решил посылать их на неприятеля один за другим. И как только пламя битвы взметнулось ввысь, повелел, чтобы хираул⁵⁹ осыпал неприятеля стрелами.

Фланговым отрядам шикаул⁶⁰ и чапавул⁶¹ велел перейти в наступление. Сам же начал движение с отрядами джа-вангара⁶² и барангара⁶³ [для поддержки]. С первого и второго броска я опрокинул Абу Сайида, главного эмира войска Джете. Тем временем против меня выступили Хайдар Андхуди и Менгли-Буга. Я лично выступил против них и с первого же натиска заставил обоих обратиться в беспорядочное бегство. Так войско Джете потерпело поражение и рассеялось.

ДЕВЯТЫЙ МОЙ ПЛАН НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЦАРСТВА

После одержанной мною победы над эмирами Джете и распространения в Туране вести о моем походе ради завладения царством я твердо решил [в случае восшествия на престол] властвовать по справедливости. Для становления моего царства я решил раздать собранные в казне деньги и драгоценные вещи ратникам и для начала завладеть крепостью Кахалка⁶⁴. Затем, выдав войску провиант⁶⁵ построил их и прибыл к берегу реки Джейхун. Перебрался на другой берег через Термезскую переправу и послал караул к крепости Кахалка. Сам же остался на берегу Джейхуна и в течение нескольких дней с нетерпением ждал вестей от караула.

Ильяс-ходжа, узнав о моем местопребывании, послал против меня большое войско во главе с Алчун-бахадуром, братом [эмира] Бекчика. Караульные [наши] оказались объяты сном неведения, [враг] обошел их стороною, продвигаясь только ночами, и под покровом темноты внезапно напал на меня. Местность, в которой я находился, была полуостровом, омываемым с трех сторон речной водой. Разбитые вне полуострова несколько шатров были разграблены воинами Джете. Уцелевшие воины спаслись бегством на полуостров. Жажда битвы, я [спешно] выдвинул войско в устье полуострова. Враг оробел и не осмелился вступить [с нами] в сражение. Простоял на этом полуострове около десяти дней, затем покинул его и разбил шатры на берегу реки. Около месяца пребывал напротив войска Джете, пока последних не одолел страх и не повернули они назад. Тогда я перешел реку, занял их лагерь и выслал отряд для преследования неприятеля.

ДЕСЯТЫЙ МОЙ ПЛАН ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Одолов войско Джете, решил идти на вилайет Бадах-шан, занять его и [этим] дать толчок развитию дел государства. Перейдя реку, я обосновался в местечке Хулм. [Здесь] со мной встретился внук эмира Казагана⁶⁶, старший брат моей жены, эмир Хусайн, и мы устроили пир. Посоветовавшись с эмиром Хусайном, я решил идти на Бадахшан.

Достигнув Кундуза⁶⁷, сделал привал, ожидая подхода и присоединения ко мне предводителей племени⁶⁸ юрулдай⁶⁹ [Когда они прибыли], я каждого удостоил чести, одарив халатом, и расположил к себе.

Едва весть о готовности моего войска к сражению дошла до шахов Бадахшана, они начали готовиться к войне. Я решил: прежде, чем неприятель успеет собрать войско, надо проявить расторопность и предприимчивость, напасть на него и рассеять [его]. Я выступил вперед и достиг Таликана⁷⁰. Узнав о моем прибытии в Таликан, шахи Бадахшана избрали мирный путь и решили вступить под мое начало. Удовлетворился своим решением и понял, что не ошибся. Власть моя простиралась [теперь и] на весь вилайет Бадахшан; большинство ратников Бадахшана перешли ко мне на службу.

ОДИННАДЦАТЫЙ ПЛАН ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОЕЙ ВЛАСТИ

После того, как шахи Бадахшана подчинились мне, направился в Хутталян. Придя в эту страну, [узнал], что Пулад-Буга и Шир Бахрам из-за грубого обращения эмира Хусайна отвратились от него и подались в свои улусы.

Снялся с лагеря и расположился на лугах Дашт-и кулак⁷¹. Оттуда я послал лазутчиков для того, чтобы узнать о состоянии войска Джете и Ильяс-ходжи. Спустя десять дней лазутчики доставили сообщение о том, что эмиры Джете: первый – Куч-Темур, сын Бекчика, второй – Темур Нубкан, третий – Сарик-бахадур, четвертый – Шан-кум, пятый – Туглук-ходжа брат Хаджи-бека с двенадцатитысячным войском обосновались между Халати⁷² и Пул-и сангин⁷³. С целью установить мое местонахождение и состояние моего войска, моголы направили ко мне посла. [С целью отвлечь посла] дважды провел свое войско перед ним, затем отпустил посла. Поразмыслив, решил сразу выступить вслед за послом. Но воины не проявили единодушия в этом предприятии. Для сплочения ратников решил к одним проявить милость и заботу, с другими просто сговориться, а третьих склонить к себе богатством, остальных же – клятвами, ласковым словом и обещаниями.

Тем временем до [меня] дошла весть, что Туглук сулдус и Кайхосров, бывшие мои нукеры, ведут на меня войско Джете численностью в шесть тысяч всадников. Едва эта весть распространилась среди моих воинов, как между ними усилилось брожение и охватило их смятение. Но эмир Джаку, Ику Темур, эмир Сулайман и эмир Джалалуд-дин остались со мной.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ПЛАН: О СОЗДАНИИ ЕДИНСТВА В ВОЙСКАХ

Пригласив в укромное место эмира Джаку, Ику Тему-ра, эмира Сулаймана и эмира Джалалуддина, решил сделать их своими сторонниками. Беседуя с ними в уединении, я сказал, что они будут моими сотоварищами в управлении государством. Этим пробудил в них веру в собственные силы и решимость служить мне.

Подобным же образом я вызвал в укромное место и других эмиров, [до того] не согласных со мной, и поговорил с каждым по отдельности. Падким до богатства, алчным и корыстолюбивым из их числа пообещал

всякого рода богатство; жаждающим чинов и должностей посулил какую-нибудь область из числа завоеванных стран и вилайетов. Держал их между надеждой и страхом, к каждому приставил по одному кутвалу⁷⁴.

И остальных воинов обнадежил жалованием и амуницией. Благодаря ласковому и приветливому обхождению они стали моими единомышленниками. Оказанную ими одну услугу я вознаграждал в десятикратном размере и радовал их сердца. В результате все они: и те, кто всемерно поддерживал меня, и те, кто лицемерно отворачивался от меня,— объединились вокруг меня и поклялись в любом деле не терять единства, подчиняться моим приказам, не жалея ни имущества, ни жизни и не щадя себя, сражаться на поле брани.

Успокоившись в отношении войска, начал готовиться к сражению с Ильяс-ходжой. Решение мое относительно ведения войны и уничтожения [неприятеля] состояло в том, чтобы, пока враг пребывает в неведении, проявить проворство и напасть на него. Когда я погадал относительно этого на священном Коране, то мне выпал такой стих:

«Сколько [раз случалось, что] небольшой отряд побеждал отряд многочисленный благодаря милости Аллаха!»⁷⁵. Считаю это добрым предзнаменованием, привел войско в порядок, разбил его на семь полков и выступил. В предраусветную пору я настиг хиравул Туглук сулдуса и Кайхос-рова. После второго натиска я одолел его и погнал до Пул-и сангин, где располагался сам Ильяс-ходжа.

Где нас настигла ночь, там мы и остановились. Пока не остыло поле боя, я решил внезапно напасть на почти тридцатитысячное войско Ильяс-ходжи. Я задумался над тем, что, если я прерву поход, и случится что-либо непредвиденное, то для исправления дел буду вынужден прибегнуть к чьей-нибудь помощи. И хотя за мной следовал с целью поддержки эмир Хусайн, я не стал доводить дело до посторонней помощи. [Тем не менее], применив правильные меры, рассеял [тогда] войско Ильяс-ходжи.

ТРИНАДЦАТЫЙ ПЛАН – С ЦЕЛЮ НАНЕСТИ ПОРАЖЕНИЕ ВОЙСКУ ДЖЕТЕ И ИЛЬЯС-ХОДЖИ

Первым делом я замыслил все войско Ильяс-ходжи сосредоточить в одном месте при помощи моих победо-стных полков. С этой целью расположил две тысячи всадников под предводительством эмиров Муайяда арлата⁷⁶, Учкара-бахадур и эмира Мусы близ моста, напротив [войск] Ильяс-ходжи. Сам же с пятью тысячами всадников переправился через реку, укрепился на горе, расположенной над войском Ильяс-ходжи и ночью велел разжечь костры во многих местах. Воины Джете, увидев множество костров на горе и многочисленное мое войско, стоящее против них у Пул-и сангин, от страха впали в панику. Воины Ильяс-ходжи всю ночь провели без сна и бодрствовали, ожидая приказ «Готовься к бою!». Я тоже в ту ночь бодрствовал на вершине горы, вознося молитвы Всевышнему Творцу, моля его оказать помощь [сему] слабому и нуждающемуся Его рабу и прославляя пророка нашего Мухаммада, для благословит его Аллах и приветствует его близких и сподвижников! Уже сквозь полусон мне послышался чей-то голос, возвещавший: «Победа и слава будут сопутствовать тебе, Темур!». На рассвете совершил молитву вместе со всеми. И тут я увидел, что Ильяс-ходжа со своими эмирами уже оседлали коней и уходят полк за полком. Эмиры и воины рвались в погоню. Подумав, я посоветовал отложить преследование на некоторое время, пока не прояснятся их [подлинные] намерения. Когда они отошли на четыре фарсанга и остановились, я понял их замысел: они стремились выманить нас с горы и [заставить] воевать на открытой местности. Разгромленные мною эмиры [неприятельского] авангарда нашли убежище у Ильяс-ходжи, но он их здорово распек.

Тем временем, видя, что я понял их замысел и не спускаюсь с горы, моголы были вынуждены возвратиться назад и напасть на меня. Я решил развернуть мои полки у подножия горы и приступить к сражению. Когда воины Джете достигли подножия горы, я велел моим бахадурам осыпать неприятеля стрелами, и они ранили многих из них. С наступлением темноты, видя, что ничего не могут поделать, моголы расположились вокруг подножия горы с целью окружить нас. В тот вечер я решил разбить войско на четыре полка и под своим предводительством внезапно напасть на неприятеля. Замысел мой пришелся по душе и моим эмирам, после чего в предраусветную пору, под прикрытием темноты, я с четырех сторон напал на неприятеля. Пока войско Джете собралось и постоилось в боевой порядок, бахадуры мои изрядно потрепали его. Во время сечи с обеих сторон пало много людей, [но, в конечном итоге] войско Джете отступило восклицая «Бежим!»⁷⁷. Я настиг Ильяс-ходжу и прокричал:

«Йул булсун?»⁷⁸. Услышав мой голос, Ильяс-ходжа в гнев осыпал своих воинов угрозами; те остановились и повернулись ко мне [лицом]. До самого восхода [солнца] между нашими воинами продолжалась беспощадная сеча. Опустели наши колчаны. Вражеское войско сражалось, отступая, по пути потеряв много сил и поредев. Оно еле достигло своего лагеря, [расположенного] в четырех фарсангах от того места. Я прекратил преследование и расположился [лагерем] поблизости.

Смирившись со своим поражением, войско Джете больше не решилось воевать. Я же окружил лагерь⁷⁹ Ильяс-ходжи, временами нападая и нанося удары, и довел их до изнеможения. Ильяс-ходжа, не видя другого выхода, [оставил свой лагерь] и переправился через реку Ходженд⁸⁰. Я не стал преследовать его и возвратился в Мавераннахр, осененный победой и славой.

[После этого] я предпринял меры по укреплению независимости моего государства. Эти меры были направлены на подчинение тех эмиров, которые считали себя великими эмирами⁸¹ и ставили себя выше других.

В первую очередь, я объявил эмира Хусайна, внука эмира Казагана, поднявшего знамя своего царства в Ма-вераннахре, своим сотоварищем по управлению [государством]. Я занял примирительную позицию. Он же

внешне выказывал мне дружеские чувства, но изнутри всегда испытывал ко мне зависть и вражду, мечтал сам воссесть на царский престол Мавераннахра⁸². Поскольку я не доверял ему, то повел его к мазару ходжи Шамсуддина⁸³ и поклялся ему в дружбе. Он тоже клятвенно обещал мне не предпринимать каких-либо действий, противоречащих [нашему] уговору.

После этого он еще трижды брал в руки священный Коран и присягал нашей дружбе. [Однако], предав свой обет, он в конечном итоге подвергся возмездию моему.

Эмир шейх Мухаммад, сын эмира Баян сулдуса, [тоже] считал себя великим эмиром⁸⁴. И его я склонил на свою сторону и назначил предводителем семи полков, [тем самым] подчинил себе и сделал своим слугой.

Каждому эмиру упомянутых полков жаловал вилайет. Шир Бахрам, порвавший со мной, ушедший в свой улус, до сих пор не желал подчиниться мне. И его я склонил на свою сторону и призвал к себе. Он прибыл со своим улусом и выразил мне повиновение. Я принял Шир Бах-рама на службу и жаловал ему вилайет.

Принимая во внимание родственные узы с эмиром Хусайном, оказывал ему всяческие благодеяния, но он не стал мне другом. Дошло до того, что он отнял у меня вилайеты Балх и Хисар-и шадман, я же, учитывая, что его сестра живет со мной, не чинил ему притеснений. Учитывая, что эмиры, ранее враждовавшие со мной, в конце концов подчинились мне, я придерживался примирительной политики. Однако эмир Хусайн постоянно хитрил и обманывал, желал моей гибели. В конце концов, я решил подчинить его посредством меча.

После того, как я покорил Туран и очистил Мавераннахр от присутствия узбеков⁸⁵, эмиры некоторых улусов не пожелали склонить голову и повиноваться мне, и каждый пред своим племенем выказывал показную независимость.

Часть моих эмиров соглашалась: «Раз уж мы все сотоварищи в управлении государством, то их тоже следует признать компаньонами государства». Но их слова не повлияли на мое усердие в управлении государством. Я подумал: «Раз Аллах един и нет у него сотоварища, то и священным достоянием Всевышнего Творца, то есть миром, должен владеть один человек».

В то самое время ко мне подошел Бобо Али Шах и сказал: «О, Темур! Всевышний Творец повелел, что если на земле и небесах будет два Бога, то дела земные расстроятся». Я счел его слова наставлением на путь истины. И когда погадал на священном Коране, мне выпал следующий стих: «Мы сделали тебя наместником на земле»⁸⁶. Я счел это благословенным откровением и, вознамерившись подчинить себе не пожелавших повиноваться мне эмиров, считающих себя сопричастными царству, провел несколько совещаний. Затем, первым делом пошел к эмиру Джаку барласу и сделал его своим союзником.

Эмир шейх Мухаммад, сын Баян сулдуса, был ввергнут в пучину пьянства. В конце концов вино одолело его, и он распрощался с этим миром. [После этого] вилайет его подчинил себе.

Также эмир Баязид джалаир, владетель вилайета Ходженд, не послушался моих дружеских увещаний и в конце концов народ выступил против него, схватил и привел его ко мне. Я оказал ему благосклонный прием и этим пристыдил его.

В это время Элчи-Буга сулдус поднял в Балхе знамя независимости. Я настроил против него эмира Хусайна, претендовавшего на трон своего предка эмира Казагана.

Мухаммад-ходжа Аперди, родом из племени найман, захватил вилайет Шибирганат⁸⁷ и поднял против меня знамя вражды. [Но] я вновь пожаловал ему вилайет и [тем самым] сделал его своим слугой.

Бадахшанские шахи, владетели Бадахшана, встали на путь вражды ко мне. Я же вошел с каждым из них в такое соглашение, что они перессорились друг с другом. В конце концов, они нашли убежище у меня.

Кайхосров и Ульджайту Аперди владели вилайетами Хутталян и Арханг [Сарай]⁸⁸. Я оказал Кайхосрову поддержку, и тот захватил вилайет Ульджайту Аперди. В итоге, Ульджайту Аперди нашел у меня убежище.

Хизр ясаури⁸⁹ со своим народом ясаури подчинил себе вилайет Ташкент. Я примирил Кайхосрова с Ульджайту Аперди, дал им в помощь людей, и они, объединившись, напали на народ ясаури и разграбили его. Эмир Хизр ясаури, будучи бессилем [бороться], [также] прибегнул к моему убежищу.

После того, как я очистил Мавераннахр от [шипов] междоусобиц и войн, бесстрашные воины мои стали еще сильнее, и прославился улус барласов. Полки и туманы чагатайских войск, благодаря моим стараниям, [тоже] прославились, и стал я правителем над всеми полками, туманами и народами. Однако, некоторые крепости Маве-раннахра все еще оставались под дланью эмира Хусайна, и власть моя на них не распространялась.

Когда эмир Хусайн увидел восхождение величия и славы моего государства, в нем разыгралась зависть, и нарушив свои клятвенные обеты, он поднял против меня знамя вражды. Я часто приезжал к нему, он же ни разу не приехал ко мне. Мало того, внешне он сиял благорасположением, а на деле хитростью и уловками отнял у меня крепость Карши. Для защиты крепости Карши он назначил эмира Мусу с семью тысячами всадников. Вдобавок послал к нему еще пять тысяч конников. Не довольствуясь этим, он [даже] пожелал убить меня. Поэтому во мне разыграло чувство гордости за государство и подтолкнуло меня к [решению] отобрать у него крепость Карши. Некоторые мои эмиры советовали осуществить поход и захватить крепость с ходу. Я начал строить планы битвы и посчитал, что при захвате крепости меня ожидает несколько опасностей. Я призадумался: если я решусь взять крепость с ходу, а моему войску будет нанесен внезапный удар, [тогда что?]. Я предвидел и другие опасности этого предприятия. Поэтому наметил план сражения следующим образом. Чтобы усыпить бдительность защитников крепости Карши, подамся в сторону Хорасана, а затем

ночью, тайком вернусь назад, совершу внезапное нападение на крепость и завладею ею. Поэтому снялся с места и направился в сторону Хорасана.

Переправившись через Амударью, встретил караван, следовавший из Хорасана в Карши. Предводитель каравана преподнес мне подарки. Я справился у него о положении дел эмиров Хорасана, и поведав ему, что направляюсь в Хорасан, отпустил его [с миром]. С караваном же отправил лазутчика, и до получения вестей от него находился на берегу реки. Лазутчик доставил мне сообщение о том, что караванщики поведали эмиру Мусе следующее: «Мы видели Амира Темура на берегу Амударьи; он направлялся в Хорасан». Едва эта весть дошла до воинов эмира Мусы и эмира Хусайна, они обрадовались и предались увеселениям и пиршествам. Я же, узнав об этом, отобрал 243 самых доверенных, храбрых и испытанных в сражениях бахадура и, переправившись через реку, послал их авангардом⁹⁰. Дойдя до местности Ширкент, пробыл там в течение суток, затем вновь вышел в путь и остановился на расстоянии одного фарсанга от крепости Карши. [Затем] велел связать из арканов лестницы. Тем временем эмир Джакку [барлас] преклонил колено и молвил: «Часть бахадуров отстала, надо подождать их прихода». Я же, пока придут мои бахадуры, задумал осмотреть крепость лично, и в сопровождении сорока всадников-бахадуров направился к крепости Карши. Когда показался силуэт крепости, я остановил бахадуров, а сам отправился дальше, взяв с собой Мубашшира и Абдаллаха, выросших в нашей семье. Так мы достигли крепостного рва 91 и убедились, что он наполнен водой до краев. Оглядевшись вокруг, я увидел желоб, снабжающий крепость [питьевой] водой, который был перекинут надо рвом. Передав коня Мубашширу, по желобу перешел через ров и достиг земляной насыпи. Подошел к воротам и постучал, [ни звука], привратники, оказывается, спали. На всякий случай ворота снаружи были загромождены камнями и глиной. Оглядел крепостную стену, пытаюсь определить места, где можно было бы приставить лестницы и трапы. Возвратился и, оседлав коня, отправился к моим бахадурам.

Тем временем подоспели отставшие полки с лестницами. Все приготовились, взяли лестницы наперевес и направились к крепости. Подобрались к крепости по желобу над рвом. Перенесли лестницы и приставили к стене. Сорок храбрецов взобрались наверх и проникли внутрь крепости. Едва я ступил на лестницу, намереваясь взойти на стену, как прозвучали трубы и рожки. При содействии Всевышнего Творца я овладел крепостью Карши.

Едва эта весть стала известна эмиру Хусайну, он, прикрывшись личиной дружбы, решил [снова] привлечь меня на свою сторону хитростью и коварством.

ЗАМЫСЕЛ ПЛАНА ДЛЯ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ ХИТРОСТИ И ПЛУТОВСТВА ЭМИРА ХУСАЙНА, ВЗДУМАВШЕГО ПОЛОНИТЬ МЕНЯ

Эмир Хусайн поклялся на Коране: «Нет у меня иных помыслов, кроме как соблюдать узы дружбы и родства с [Темур-беком]» и послал мне тот Коран. Еще он сказал:

«Да покарает меня этот Коран – Книга Аллаха, если я попытаюсь содейть что-либо противное тому, что я сказал тебе, или если нарушу свою клятву, причину тебе зло». Считая его мусульманином, я поверил его словам. После этого он послал ко мне своего человека и предложил встретиться в ущелье Чакчак, полагая, что «если мы обновим скрепляющий нас клятвенный договор, видит Аллах, было бы хорошо». [Однако], он намеревался полонить меня хитростью и коварством. И хотя я знал, что нельзя положиться на его клятвы и слова, все же, уважая священный Коран, решил пойти на встречу.

[Тем не менее] решил сначала отправить в окрестности ущелья Чакчак часть моих прославленных бахадуров, спрятать их, а затем, взяв с собой несколько человек, отправиться на встречу. Я послал письмо моим друзьям, находившимся на службе у эмира Хусайна, и попросил их извещать меня о его намерениях. Шир Бахрам, один из моих друзей, предупредил меня о [подлинных] намерениях эмира Хусайна. Тот, [узнав об этом], казнил эмира Шир Бахрама и выступил против меня во главе тысячи всадников. Эта весть дошла до меня в то время, когда я только вступал в ущелье. Как только развернул свое войско, тут же показался силуэт полков эмира Хусайна. Караульные донесли, что это лишь один отряд войска эмира Хусайна, а сам он [еще] не прибыл. И еще сказали: «Услышав, что Амир Темур прибыл один, [эмир Хусайн] послал только один полк, чтобы захватить тебя».

Начал готовиться [к схватке]. Со мною было всего лишь двести всадников. Я терпеливо выжидал, пока полк эмира Хусайна вступит в ущелье. Отправленным [сюда] до моего прибытия воинам, велел преградить им путь к отступлению, а сам выступил против неприятеля. Так я завлек в ловушку большую часть вражеского войска, запер его в ущелье с двух сторон и большую часть его захватил в плен. [Затем] собрал своих людей, построил их в колонну и направился в Карши.

Так я на собственном опыте убедился, что друг пригодится всюду.

Эмиру Хусайну я послал бейт на тюрки следующего содержания; Донеси возлюбленному, о Зефир, кто замышлял коварство, Тому же однажды воздается то зло.

Получив мое письмо, эмир Хусайн раскаялся и попросил у меня прощения. Второй раз я не поверил ему и не обольстился его словом.

ПЛАН, ПРЕДПРИНЯТЫЙ МНОЮ ДЛЯ ОЧИЩЕНИЯ ТУРАНЗАМИНА ОТ ОСТАТКОВ ОБЩИНЫ УЗБЕКОВ⁹⁴

Хотя войска Джете и Ильяс-ходжи были изгнаны из Мавераннахра за реку Ходженд, тем не менее, отдельные отряды узбеков все еще крепко сидели в крепостях Мавераннахра. Поначалу я вознамерился послать

против них свои полки, дабы подавить их. Но меня обеспокоила мысль: а вдруг это дело затянется. Решив, что будет неверно посылать туда войско, от имени Ильяс-ходжи издал приказ⁹⁵, вручил его одному узбеку и в сопровождении группы воинов отправил к ним. Я повелел, чтобы узбеки вышли [из крепостей] и повиновались. Воинам своим [сопровождавшим того узбека] велел поднять пыль и обнаружить себя неприятелю. Получив приказ Ильяс-ходжи и увидев пыль, поднятую моими воинами, неприятель под покровом ночи покинул крепости [Мавераннахра] и рассеялся. Таким образом Мавераннахр был очищен от вознамерившихся убить меня злодеев, и страна подчинилась мне.

Уважая родственные узы, я пожаловал эмиру Хусайну вилайеты Балх и Хисар-и шадман. Он же, не оценив оказанные мною милости и благородство, решил уничтожить меня. [После этого] посововетовавшись с [с приближенными], я также решил устранить эмира Хусайна.

При виде моих побед и завоеваний эмир Хусайн потерял покой и, охваченный завистью, причинил мне и своей сестре, находившейся в моем доме, множество огорчений⁹⁶. Он вознамерился отнять у меня Мавераннахр, а меня самого убить. С этой целью несколько раз совершал набеги на мои владения, но каждый раз терпел поражение.

Было даже время, когда его злоба и несправедливость перешли всякие границы, и он чуть было не одолел меня, столкнув на край гибели. Но именно в это время, по причине его грубости и несправедливости, окружавшие его эмиры отвернулись от него. Он без причины казнил брата эмира Кайхосрова, правителя Хутталаяна. Недовольные им эмиры затаили злобу, он же считал их своими сторонниками. Поэтому, вновь намереваясь разбить мое войско и убить меня, он перевел свою ставку к границам Балха. Едва до меня дошло это известие, как я решил нагрянуть на эмира Хусайна, пока он не привел свои силы в движение. Со всем войском я двинулся на Балх. По пути ко мне со всех сторон стекались грозные отряды.

И так я достиг окрестностей Балха. Эмир Хусайн, обороняясь, выступил против меня. В конце концов, он бежал и укрылся во [внутренней] крепости [Балха]. Все, что обрушилось на его голову затем, проистекало из его же собственных проступков.

ПЛАН ДЛЯ ОБРАЩЕНИЯ НА СВОЮ СТОРОНУ [ЭМИРОВ], ОПАСАВШИХСЯ, ЧТО Я ПОДВЕРГНУ ИХ КАЗНИ ЗА СОДЕЯННОЕ ИМИ, И ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА ПРИЧИНЕННОЕ МНЕ ЗЛО

Когда эмир Хусайн попал в мои руки, его нукеры⁹⁷ и эмиры стали опасаться, что я теперь казню и их. Хотя вначале я и намеревался устранить их, но потом, поразмыслив, что «ведь, они же воины [и следовательно, выполняли приказ]», простил их [прегрешения] и определил к военной службе.

Их верховный эмир, который был правителем Бадахшана⁹⁸, много раз сталкивался в сражениях со мной и бился на мечах. Узнав о казни эмира Хусайна⁹⁹, он испугался моего гнева и держался смиренно. [Поэтому] если бы я послал войско для его поимки, то совершил бы опрометчивый шаг. Я сделал вид, что забыл о нем, и предпринял следующее: постоянно вспоминал его добрыми словами на советах, собраниях и пиршествах, хвалил его мужество и доблесть, покуда его друзья не написали ему о том, что Амир [Темур] относится к нему уважительно и благосклонно. [Поэтому] сетуя [на судьбу], он послал мне письмо, и, полагаясь на мое благорасположение и великодушие, нашел у меня приют.

ПЛАН ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ СТОЛЬНЫМ ГРАДОМ ХОРАСАНА [ГЕРАТОМ]

Как только до правителя Хорасана малика Гийасуддина¹⁰⁰ дошли вести о том, что я завладел вилайетами Балх, Хисар-и шадман и Бадахшан, а также о казни эмира Хусайна, его охватил страх и он начал собирать войска, готовясь к защите. Посововетовавшись [со своими эмирами и приближенными], я решил усыпить бдительность хорасанцев и оставить их в неведении [относительно моих замыслов]. С этой целью я повернул [войско] назад, якобы собираясь в поход на Самарканд. Со временем получил письмо от моего пира¹⁰¹, где говорилось, что малик Гийасуддин встал на путь зла и притеснений. Узнав о моем движении в сторону Самарканда, он успокоился. Тогда, поразмыслив, я решил:

вот теперь сердца хорасанцев спокойны в отношении меня, а посему самое время напасть на них, и повернув от границы Балха [обратно], объединился с оставленными мною около Балха воинами, двинулся на Герат и накрыл пребывающего в неведении малика Гийасуддина. Он был вынужден покинуть город и преподнести мне казну и все свое состояние. Так был подчинен мне Хорасан¹⁰². Подчинились мне также все эмиры Хорасана.

ПЛАН ДЛЯ ЗАВОЕВАНИЯ СЕЙСТАНА, КАНДАГАРА И АФГАНИСТАНА

После подчинения Хорасана эмиры посововетовали мне послать войска в упомянутые три страны. Я же сказал: а что, если при помощи одного войска эта [цель] не будет достигнута? Тогда мне самому придется выступить в том направлении, а у меня намечено множество других дел.

Поэтому, в надежде склонить их на свою сторону, я решил написать письма правителям тех стран следующего содержания: «Если присоединитесь ко мне, то найдете избавление, если же вступите в борьбу, то будете низвергнуты. Тогда вам придется испытывать то, что вам уготовано провидением». Судьба благоприятствовала моему плану. Едва мои послания дошли до них, как они встали на путь повиновения мне¹⁰³.

ПЛАН ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ УРУС-ХАНА¹⁰⁴ И ЗАВОЕВАНИЯ ДАШТ-И КИПЧАКА¹⁰⁵

Тохтамыш-хан¹⁰⁶ в борьбе за ханство потерпел поражение от Урус-хана и нашел приют у меня. В то время, когда я размышлял над тем, пойти ли мне с Тохтамыш-ханом или послать с ним войска, прибыл посол Урус-хана. Посововетовавшись, я решил расположить к себе посла, затем отпустить его [с миром], а вслед за ним

послать войска в сторону Дашт-и кипчака, дабы посол спокойно изложил хану [о своей поездке], и Урус-хан будет пребывать в неведении, а на другой день войско мое внезапно нападет на него.

Действовал, как задумано, и мои меры соответствовали задуманному плану. В то время, когда посол Урус-хана рассказывал ему о происшедшем, полки моего грозного войска, подобно неожиданно свалившейся напасти, налетели на Урус-хана. Он не сумел оказать сопротивления и предпочел путь бегства. Страна Дашт-и кипчак [вернее восточная его часть] подчинилась мне¹⁰⁷.

ПЛАН ЗАВОЕВАНИЯ СТРАН ГИЛЯН, ДЖУРДЖАН, МАЗАНДАРАН, АЗЕРБАЙДЖАН, ШИРВАН, ФАРС И ИРАК

Как только мне вручили жалобы жителей Ирака на притеснения со стороны Музаффаридов и местных правителей¹⁰⁸, я решил готовить поход на Ирак¹⁰⁹.

И тогда я подумал: «А что, если правители этих стран объединятся и поднимутся против меня? Значит надо быть готовым к схватке». И эмиры мои посоветовали начать войну. Сам же я решил, что их следует одного за другим привлечь на свою сторону и заставить подчиниться, а тех, кто не повинуется, необходимо наказывать.

Первым, кто прибег к моему покровительству, был правитель Мазандарана эмир Вали¹¹⁰, который прислал мне дары¹¹¹. В послании его было сказано: «Мы – община из [рода] потомков хазрата Али¹¹². Довольствуемся этой областью. Если вы завладеете этой местностью, на то вы и сильны, а если вы помилите [нас], то это будет богоугодным делом». Данное обращение правителя Мазандарана я счел добрым предзнаменованием и направился в Гилян и Джурджан. После того, как правители тех областей не подчинились мне, я послал на них полки моего грозного войска, сам же повел рать на Ирак. Завоевал Исфакан. Оказав доверие его жителям, вручил крепость им. Они же встали на путь вражды и убили поставленного мною даругу¹¹³ с тремя тысячами моих воинов. Тогда я тоже повелел предать население Исфакана поголовной казни¹¹⁴.

ПЛАН ЗАВОЕВАНИЯ СТОЛИЦЫ ФАРСА (ШИРАЗА) И ОСТАЛЬНОЙ ЧАСТИ ИРАКА

В то время, как я, оставив Шираз Музаффаридам, а в Исфакане расположив три тысячи воинов, повел войско в Дашт-и кипчак для подавления Тохтамыш-хана, жители Исфакана умертвили даругу. Одновременно население Шираза также выказало мне неповиновение. По этой причине, дабы наказать их, я вновь начал готовиться к походу на Ирак и собрал восемьдесят тысяч всадников. Но, принимая во внимание то, что если я войду в Ирак со столь многочисленным войском, то оно может не вписаться там, решил разделить войско на полки и посылать их на захват Ирака частями, один за другим. Придя к такому решению, я разделил войско на три части и повелел им идти вперед себя. Все, собравшиеся в разных местностях Ирака воины [неприятеля, при виде моего войска] рассеялись. Затем я повел войско на Шираз. Шах Мансур¹¹⁵ столкнулся со мной в сражении и был наказан.

ПЛАН РАЗГРОМА ТОХТАМЫШ-ХАНА

В непрерывной погоне за Тохтамыш-ханом в Дашт-и кипчаке на протяжении пяти месяцев мои воины часто стали голодать. Так, например, несколько дней они питались [травой] башбалмак¹¹⁶, мясом, добытым на охоте, яйцами степных птиц. Узнав о таком тяжелом положении моего войска, Тохтамыш-хан решил воспользоваться удобным случаем: двинул на меня свое войско, превосходящее [по численности] муравьев и саранчу, и столкнулся со мной. Мои воины были ослаблены голодом, воины же Тохтамыш-хана были сыты и довольны. До тех пор, пока мои сыновья и внуки, придя ко мне, не преклонили колени, выражая таким образом свою готовность отдать за меня свои жизни, мои полководцы и военачальники не давали согласия на сражение. Тем временем знаменосец Тохтамыш-хана вступил со мной в стговор: я договорился с ним, что когда я начну сражение и два враждебных войска столкнутся, [тот] знаменосец опустит свое знамя. Услышав о том, что сыновья, придя ко мне, припали на колено, взыграло мужество моих эмиров и нойонов¹¹⁷, и ринулись они в сражение, не ведая страха. Тогда я назначил царевича Абу Бакра¹¹⁸, с восемью тысячами всадников в хиравул. В самый разгар сражения я повелел воинам разбить палатки и приступить к приготовлению пищи. Именно в это время опустилось знамя Тохтамыш-хана, и он впал в панику. Тохтамыш-хан бросил улус Джучи¹¹⁹, на разграбление, повернулся спиной к полю брани и обратился в бегство.

ПЛАН ЗАВОЕВАНИЯ ДАРУССАЛАМА¹²⁰ [БАГДАДА] И ИРАК-И АРАБА¹²¹

После завоевания Ирак-и аджама¹²² и Фарса я получил от моего пира¹²³, шейха шейхов, письмо следующего содержания: "Великому воителю Ирак-и араба и Ирак-и аджама [Всевышний] даровал Ирак-и араб и Ирак-и аджам".

Для овладения Багдадом сначала было решено послать к его правителю султану Ахмаду джалаиру посла¹²⁴, чтобы проведал о состоянии, боеспособности и мощи его войска. Посол отбыл в Багдад и направил мне [краткое] донесение, в котором было сказано: «Султан Ахмад представляет из себя кусок мяса с двумя глазами». Уповая на благословение Всевышнего, я выступил и вскоре достиг Багдада. Султан Ахмад джалаир предпочел отступление и бежал в сторону Кербалы¹²⁵. Так мне подчинился стольный град Багдад¹²⁶.

ПЛАН УНИЧТОЖЕНИЯ ТОХТАМЫШ-ХАНА

Как уже сказано выше, Тохтамыш, бросив улус Джучи на разграбление, бежал. Затем, спустя некоторое время, воспользовавшись моим отсутствием, послал многочисленное войско в вилайет Азербайджан через Дербенд и Ширван, возбудил распри и смуту. После того, как я завершал завоевание обоих Ираков, решил

выступить во главе несметного войска на Дашт-и кипчак по Дербендской дороге. [Однако, до начала похода] решил провести смотр своего войска, дабы узнать его численность, и увидел, что выстроенное в боевой порядок, оно растянулось на четыре фарсанга. Я возблагодарил Всевышнего Творца [за это]. Затем переправился через реку Самур¹²⁷ и направил народам улуса Дашт-и кипчак грамоты следующего содержания: «Кто присоединится ко мне, тот будет возвеличен, а кто вознамерится выступить против меня, тот будет повержен».

В 797¹²⁸ году я вступил в Дашт-и кипчак и дошел до земель, раскинувшихся на дальнем севере. Улус Джучи, вставший на путь вражды со мной, разрушил до основания, подчинил вилайеты, улусы и крепости пятого и шестого климатических поясов¹²⁹ (климатов) и возвратился, осененный победой и славой.

ПЛАН ЗАВОЕВАНИЯ ХИНДУСТАНА

Сначала посоветовался с моими сыновьями и эмирами, чтобы узнать их намерения и помыслы. Царевич Пирмухаммад Джахангир¹³⁰ сказал: «Если завладеем Хиндустаном, то его золото подчинит нам весь мир». Царевич Мухаммад Султан¹³¹ сказал: «Хиндустаном-то мы завладеем, но страна эта имеет много преград: во-первых – моря, во-вторых – леса и джунгли, в-третьих – хорошо вооруженные воины и множество боевых слонов, уничтожающих людей». Царевич Султан Хусайн¹³² сказал: «Если мы сумеем завладеть Хиндустаном, то станем повелителями [стран, расположенных] в четырех поясах земли». Царевич Шахрух¹³³ сказал: «Я читал в тюркских канонических сочинениях, что [в мире] есть пять прославленных падишахов. Преклоняясь пред их могуществом, их величают, не упоминая имен: падишаха Хинду стана – рой, падишаха Рума – цезарь (кайсар), падишаха Чина и Мачина¹³⁴ – фагфур, падишаха Туркестана – хакан¹³⁵, падишаха Ирана и Турана – шахиншах. Власть шахиншаха всегда распространялась и на страны Хиндустана. Так как Иран и Туранзамин сейчас находятся под нашей властью, нам надлежит завоевать и Хиндустан». А эмиры сказали: «Ну допустим, покорили мы Хиндустан. Но, если мы останемся жить там, то исчезнет род наш, потомки наши лишатся своих корней, а язык их станет индийским».

Поскольку я уже объявил о своей решимости идти на Хиндустан, не хотел отказаться от своих слов, то ответил им: «Давайте обратимся за помощью к Всевышнему Творцу, погадаем на Коране – воевать нам или нет, и последуем тому, что велит Всевышний Творец». Все одобрили мое предложение. И когда я погадал на священном Коране, то выпал такой великий стих: «О Пророк, борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним. Их убежище – гиенна, и скверно это возвращение»¹³⁶. После того, как улемы разъяснили значение этого стиха эмирам, те, склонив головы, притихли. [Однако] меня огорчило их молчание. Я решил было снять с должностей эмиров, не дающих согласия на поход в Хиндустан, а войска подчинить их заместителям. Но поскольку я их сам возвысил, то не захотел [сам же и] губить. Несмотря на то, что из-за них сердце мое обливалось кровью, я отнесся к ним ласково и терпеливо. Когда они в конце концов согласились со мною, в сердце моем не осталось осадка против них. Затем я заново созвал Совет и, воздев руки в сторону Хиндустана – вместилища наших успехов и удач, испросил благословения [Всевышнего] на победу и завоевания.

ПЛАН ПОХОДА ВОЙСК НА СТОЛИЦУ ХИНДУСТАНА [ДЕЛИ]

Царевичу Пирмухаммаду Джахангиру с тридцатитысячной конницей левого крыла армии, расквартированной в Кабуле, велел идти через Сулаймановы горы, переправиться через реку Синд и внезапно напасть на вилайет Мультиан и захватить его. Султан Мухаммад-хану¹³⁷, царевичу Рустаму¹³⁸ и другим эмирам с тридцатитысячной конницей правого крыла армии велел форсировать реку Синд, двигаться по дороге Кашмирских гор и внезапно напасть на вилайет Лахор. Сам же я возглавлял центр армии (кул, гул) с тридцатитысячной конницей.

Общее число войска, собранного мною для похода на Хиндустан, достигло девяноста двух тысяч всадников. Так как это соответствовало числу благородных имен пророка Аллаха на земле – Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, я отнес это к благоприятному и благословенному предзнаменованию.

Я вышел в путь и остановился в местности Андараб, что на границе Бадахшана, и предав наказанию проживающих на горе Катур¹³⁹ неверных, отправился на священную войну против Хиндустана.

ПЛАН ОЧИЩЕНИЯ ДОРОГИ НА ХИНДУСТАН ОТ АФГАНЦЕВ

Тем временем мне доложили, что афганцы завладели дорогой, ведущей на Хиндустан и промышляют грабежом. В частности, чрезмерно [буйствует] среди них Муса афган, предводитель племени Каркас¹⁴⁰. Он совершил набег на одного из моих верных слуг и подчиненных – Лашкар-шаха афганца, который был назначен Пирмухаммадом Джахангиром в пограничную крепость Ирйаб. Убив Лашкар-шаха афганца, ограбил все, что было в крепости. Тогда же ко мне явился с жалобой Малик Мухаммад, брат Лашкар-шаха. Он слезно призвал к помощи и поведал всю правду о гибели брата; о гневе и пристеснениях эмира Мусы. Я же ответил ему: «Муса афган один из моих доброжелателей», – и велел заточить его [Малик Мухаммада]. Эмиры обмолвились о моей несправедливости.

Муса афган же, узнав о заточении Малик Мухаммада и сказанных мною [о нем] словах, в душе успокоился. После того, получив мой ярлык с требованием явиться ко мне, отбросил всякие подозрения, тотчас же прибыл и подчинил мне крепость.

Когда я, желая осмотреть крепость, вошел внутрь, один из воинов, намериваясь убить, пустил в меня стрелу. Тогда Муса афган понес заслуженную кару. Путь в Хиндустан был открыт.

ПЛАН ОДОЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЯ ДЕЛИ СУЛТАНА МАХМУДА И МАЛЛУ-ХАНА¹⁴¹

Султан Махмуд и Маллу-хан укрепили крепость Дели пятьюдесятью тысячами конных и пеших воинов и 120 боевыми слонами на цепях и приготовились к сражению со мною. Я обеспокоился: что, если я пойду на приступ крепости Дели, и вдруг это предприятие затянется на долгий срок, [тогда что?]. Подумав, я решил сделать вид, что обессилел. [Делал я это для того], чтобы вражеская рать приободрилась, и, выйдя [из крепости] и развернув свои ряды, ринулась на ристалище. Поэтому я велел вырыть ров чуть подальше от того места; где стояло мое войско. Укрепившись за ним со своим войском как следует, послал на неприятеля один полк. Велел приблизиться к врагу, сделать вид, будто бы воины обессилены и якобы испуганы, затем отступить и [тем самым] приободрить врага. Войска неприятеля [видя это] посчитали себя победителями, но как только они гордо выступили на ристалище, то лицом к лицу столкнулись с моими грозными воинами. Правитель Дели султан Махмуд вступил в сражение и потерпев поражение, бежал в горы. Его несметные сокровища и богатства стали добычей моих воинов.

В течении года я покорил столицу Хиндустана [Дели] и в конце этого же года вернулся в [свою] столицу¹⁴².

ПЛАН ЗАВОЕВАНИЯ СТРАН ГУРДЖИСТАНА¹⁴³

После победоносного возвращения из Хиндустана, не успела еще развеяться усталость от хлопот [индийского] похода, как ко мне поступили жалобы от правителей обоих Ираков¹⁴⁴. Они писали, что неверные Гурджистана вышли за пределы дозволенного.

Я постоянно придерживался мнения, что для падишахов нет лучшего дела, чем вести священные войны против неверных, покорять страны и овладевать миром. Как только дошла весть о мятеже неверных Гурджистана, провел совет и решил незамедлительно пресечь их, и сказав: «Как бы не открылся путь для восстания и других злоумышленников из тех мест», не медля приступил к их устранению. Я предоставил право выбора самим ратникам, только что возвратившимся из индийского похода, сказав: «Желающие пусть остаются здесь или идут со мной».

Воинам, размещенным в вилайетах Хорасан, Кандагар, Сеистан, Керман, Табаристан, Гилян, Мазандаран и Фарс, направил ярлыки, повелевая приготовиться к походу и собраться в окрестностях Исфохана, чтобы присоединиться к моему победоносному войску.

Устроил совет, чтобы рассеять в разные места уклонившихся от повиновения. Так, неповинующихся из Хорасана и Фарса [людей] переселил в Туранзамин и тем самым очистил эти страны от их сопротивления. Затем собрался [в поход] на вилайет Гурджистан, чтобы покорить его крепости.

Делал то, что было одобрено советом моих воинов. Надев на голову стальной шлем, накинув на себя кольчугу Дауда¹⁴⁵, опоясавшись египетским мечом, вступил в борьбу, навел страх на храбрецов Турана, бахадуров Хорасана, доблестных [мужей] Гиляна и Мазандарана и овладел крепостями Сиваса¹⁴⁶ и Гурджистана. Находившихся там людей предал мечу; захваченную в них добычу распределил между моими победоносными воинами. Подверг наказанию мятежников и бунтовщиков Азербайджана.

Затем приступил к покорению крепости Малатия¹⁴⁷ и ее окрестностей. Завершив завоевания этих крепостей, я вознамерился подчинить Халеб Хумс¹⁴⁸ и после небольших усилий овладел этой страной. Затем я приступил к завоеванию Египта и Сирии¹⁴⁹.

ПЛАН ЗАВОЕВАНИЯ ЕГИПТА И СИРИИ

Слух о моей славе и могуществе достиг цезаря¹⁵⁰ узнав о том, что я завоевал подвластные ему крепости Сивас и Малатию, выбил оттуда его воинов и рассеял их по окрестностям, у него выиграло самолюбие, и по наущению бежавшего к нему от моих ратников Кара Юсуфа Туркмена¹⁵¹ решил он двинуть на меня свою рать.

Бедствия и гибель цезаря были близки, ибо он, поддавшись на провокацию Кара Юсуфа, повел против меня многочисленное войско. Более того, призвал на помощь воинов Египта и Сирии. Я же, посоветовавшись [со своими эмирами и знатью] решил, что будет правильным разделить мое войско на три полка. Но, так как победа или поражение в сражении сокрыты за завесой провидения, я провел совет с моими эмирами. Они повели себя сообразно натуре воина и посоветовали начать войну. Я, еще раз обдумав свои шаги, решил потушить огонь [ярости] цезаря, пока он не воспламенился, и послал ему письмо, Вот краткое содержание письма: «Да будет безгранична благодарность наша создавшему небо и землю Всевышнему Творцу, подчинившему мне множество стран семи климатов. Султаны и правители мира склонили предо мною голову и вдели кольцо повиновения в свои сердца. Да ниспошлет удачу Всевышний рабу своему, который, уважая себя, не выходит за черту и сдерживает поступь своей отваги. Твой знатный род и происхождение известны всему миру. А посему, действуй сообразно своему положению и не протягивай ноги решимости, ибо, увязнув в болоте огорчений и хлопот, низвергнешься в яму бед и напастей. Изгнанная от врат благополучия свора склочников ради осуществления своих корыстных намерений нашла приют под твоей сенью и пробуждает дремавшую смуту. По их наущению не отворяй напастям и бедам врата своего царства. Передай этого [Кара] Юсуфа мне, в противном же случае при столкновении двух войск завеса провидения прорвется пред твоим взором».

Отослав сие письмо цезарю через проворных послов, решил выступить походом на столицу Сирии [Дамаск]. Направился туда по дороге, проходящей через Хумс и Халеб. Когда достиг города Халеб, узнал, что проведая о моем походе на Дамаск, малик Фарадж¹⁵², сын малика Баркука, спешно направился из Египта в Дамаск. С целью не допустить объединения войск Египта и Сирии, срочно собрался и выступил вперед. Но

малик Фарадж проявил расторопность и прибыл в Дамаск раньше меня. Я прибыл туда вслед за ним и завладел Дамаском¹⁵³.

ПЛАН ЗАВОЕВАНИЯ ГОРОДОВ РУМА И РАЗГРОМА ВОЙСК ЦЕЗАРЯ

После того, как я завоевал города Сирии, падишах Египта и Сирии малик Фарадж бежал с поля боя, а отправленный мною в Рум посол привез непристойный ответ¹⁵⁴ Баязида Ильдирима и сообщил, что тот, узнав о поражении войск Египта и Сирии, [сначала] призадумался и приуныл; но [затем] не медля начал готовиться к походу. Я же, завоевав Дамаск и подчинив себе города Сирии, направился по дороге Мосула¹⁵⁵ на Багдад. Посоветовавшись [с эмирами] пошел на Азербайджан. Этим я хотел узнать, намеревается ли цезарь воевать со мной. После того, как двинулся на Тебриз, некоторых царевичей с многочисленным войском направил на Багдад. В то время правитель Багдада Султан Ахмад джалаир поручил охранять город и крепость своему внуку фарруху, придав ему множество людей.

Царевичи подступили к Багдаду и окружили его, завязалось сражение, и после этого доложили мне обстановку. Я решил выступить, и захватить город и крепость Багдад. Я возвратился туда по тебризской дороге, совершил переход к Багдаду и осторожно, используя военную хитрость, приступил к захвату крепости. Лишь после длившейся два месяца и несколько дней осады крепость и город [Багдад] были взяты и одержана победа¹⁵⁶. Защитник крепости Фар-рух утонул в реке Дижла. После этого, вступил в город и велел казнить всех непокорных и смутьянов, а крепостные и [наиболее важные] городские постройки сравнять с землей.

Из Багдада возвратился в Азербайджан и задержался там до тех пор, пока до меня не дошло известие, что цезарь послал в Халерб, Хумс и Дийарбакр¹⁵⁷ свои полки, а убежавший от меня и нашедший убежище у цезаря Кара Юсуф туркмен стал главарем разбойников и наносит много урона и вреда, особенно караванам паломников, направляющихся в два священных города¹⁵⁸ и возвращающихся оттуда. В то же самое время с тех мест прибыла группа людей и тоже жаловались на притеснения, чинимые Кара Юсуфом. Поэтому стало необходимым наказать Кара Юсуфа и открыть глаза цезаря на реальность. В этой связи провел совет и решил призвать с каждого города и племени войско и, устроив хашар¹⁵⁹, выступить против цезаря. После сбора войска в месяце раджаб 804¹⁶⁰ года я выступил против цезаря. Вперед направил несколько полков, чтобы те до меня внезапно напали на Рум. Другим полкам велел готовить места остановки [для войск] и позаботиться о еде и воде, сам же направился по дороге Ангурия¹⁶¹. Цезарь выступил против меня с четырьмястами тысячами конных и пеших воинов. Я начал сражение и одолел его¹⁶². Воины мои схватили цезаря и привели ко мне.

После семилетнего похода¹⁶³ я возвратился в Самарканд, осененный победой и славой.

¹ Пир (перс. – старец, наставник; основатель тариката). Речь идет о Зайнуddине Абу Бакре Тайбади, крупном хорасанском шейхе, наставнике Амира Темура. По сведениям историка Фасих Ахмада Хавари, шейх умер в последний день месяца мухаррам 791 г. (29 января 1389 г.).

² Абулмансур (араб. – одерживающий победу) – почетное имя, данное Амиру Темуру его современниками – учеными и шейхами.

³ В тегеранском издании «Уложения Тимура»: «две тысячи всадников». Однако, во многих рукописных списках и изданиях «Уложения» четко указано двенадцать тысяч всадников.

⁴ Фарсанг (перс.) – мера длины, равная примерно 12000 шагов; 6-7 км. Называется также фарсах, таш, йигач.

⁵ Мухаммад (Мухаммад ибн Абдаллах) – пророк ислама; видный религиозный и государственный деятель (570-632 гг.).

⁶ Туглук Темур-хан – верховный правитель (хан) Джете (см.), правивший в 1348-1363 гг., считался внуком Чагатаида Дува-хана. Вступил на престол в возрасте 18 лет при помощи всевильного дуглатского эмира Пуладчи. При нем Джете (Моголистан) стал одним из крупных государств Центральной Азии. Ему были подвластны Семиречье; земли, расположенные в отрогах Тянь-Шаня и у озера Балхаш; край по берегам Иртыша; Восточный Туркестан, Мавераннахр и юго-восточная часть Хорезма; позже – Южный Туркестан.

⁷ Джете (монг. – злодей, разбойник, грабитель) – название страны и народа. Так называлась часть улуса Чагатай после распада его на две части (середина XIV в.), включающая Семиречье, Илийскую долину, Восточный Туркестан и ее кочевое население. В исторической литературе известна также под названием Моголистан.

⁸ Не соответствует действительности. Туглук Темур-хан был не внуком Чингиз-хана, а возможно, дальним его потомком. Родословная его обычно представляется так: Туглук Темур – Огул-ходжа – Дува-хан – Мутугэн – Чагатай-хан – Чингиз-хан. Существуют и другие варианты родословной Туглук Темура.

⁹ Река Ходженд – так называлось среднее течение Сырдарьи в средние века.

¹⁰ Эмир Хаджи барлас – влиятельный барлаасский бек, дядя Темура по отцу. Правитель Кеша (Шахрисабза) и окрестных земель. По сведениям автора «Зафар-наме» он в 1358 г. в сговоре с эмиром Баян сулдузом отстранил от власти верховного эмира (амир ал-умара) Абдуллу, сына Казагана и завладел властью в Чагатайском улусе. После вторжения моголов Туглук Темур-хана в Мавераннахр (1360 г.) бежал в Хорасан и был убит в одном из селений Джуина (Иран)

¹¹ Ярлык (тюрк. – ярлыг) – указ, распоряжение верховного правителя.

¹² Часть чагатайских беков бежала в сторону Хорасана весной 1360 года во время вторжения моголов Туглук Темур-хана в Мавераннахр.

¹³ Речь идет о другом наставнике Темура – гончаре Шамсуddине Фахури, видном деятеле тариката накшбандия. Родом он был из Карши и основную часть жизни провел в Кеше; умер в 1371 г.

¹⁴ Речь идет об Али ибн Абу Талибе (656-661 гг.), двоюродном брате и зяте пророка Мухаммада.

¹⁵ Сура Юсуфа – 54-й стих 12-й суры Корана, гласящий: «И сказал царь: "Приведите его ко мне! Я возьму его к себе". Когда же Юсуф заговорил с ним, то сказал: "Ты ведь сегодня у нас сильный, доверенный"».

¹⁶ Эркинит (урякят) – тюрко-монгольское племя, происходившее от дарлакин, существовавших еще до легендарной Аланкувы, мифической прародительницы тюрков. В XV – XVII вв. кочевало в восточной части Чагатайского улуса, т.е. в моголистане.

¹⁷ Кераит – одно из сильных и влиятельных тюркских племен. Их предводители оказывали сильную поддержку Чингиз-хану.

¹⁸ Хузар – тогда большое селение между Самаркандом и Кешем; в настоящее время центр одноименного (Гузарского) района Кашкадарьинской области Узбекистана.

¹⁹ В оригинале «савурин» (тюрк. – подношение, подарок) – специальное подношение ханам, султанам, их женам и вообще высокопоставленным сановникам во время встречи с ними.

- ²⁰ По свидетельству Шарафуддина Али Йезди, автора «Зафар-на-ме», встреча Темура с Туглук Темур-ханом состоялась весной 1360 г.
- ²¹ Ясаури – общее название монгольских племен, находившихся во время завоевания Чингиз-ханом Мавераннахра и Хорасана под началом Чагатаида царевича Ясаура.
- ²² Диванбег – начальник ханской канцелярии (дивана).
- ²³ Карачар нойон – пятый предок Темура (Тарагай – Беркал – Алангиз – Иджил – Карачар); верховный эмир (амир ал-умара) Чагатайского государства после смерти Чингиз-хана.
- ²⁴ Джейхун – одно из средневековых названий Амударьи.
- ²⁵ Кабул-хан – потомок легендарной прародительницы всех тюрков – Аланкувы; третий предок Чингиз-хана. Согласно клятвенному соглашению, заключенному между Кабул-ханом и Качули-бахадуром, Кабул-хан и его потомки получили право на ханство, а Качули-бахадур и его потомки – на высокий чин верховного эмира (амир ул-умара).
- ²⁶ 762 год хиджры – 11.XI.1360 – 2.X.1361 год нашего летоисчисления.
- ²⁷ Община Узбекия – речь идет о тюркско-монгольских племенах, известных с 80-х гг. XIII в. – начала XIV в. под общим названием узбеки. В науке известны под названием «даштикипчакские узбеки» или «кочевые узбеки».
- ²⁸ Фетва – решение, приговор по шариату, вынесенный муфтием или шейхулисламом по какому-либо юридическим вопросам.
- ²⁹ Праведные халифы (араб. – ал-хулафа ар-рашидун) – избравшие правильный путь; первые четыре преемника пророка Мухаммада: Абу Бакр (632-634 гг.), Омар (634-644 гг.), Осман (644-656 гг.) и Али ибн Абу Талиб (656-661 гг.).
- ³⁰ В оригинале: «Кутб салтанат-и али» (полное верховное царство), то есть царства Аллаха.
- ³¹ Бадахшан – обширная область, расположенная по обоим берегам верхнего течения Амударьи.
- ³² Харадж (араб. – дань, повинность, налог) – основной поземельный налог, взимаемый как натурой, так и деньгами: зависел от качества земли, водообеспечения и близости участка к городу и колебался в пределах 1/3 и 1/4 части урожая.
- ³³ Фатиха – первая сура (глава) Корана, произносимая мусульманами при всяких начинаниях; просто благословение Аллаха и его посланника на земле – пророка Мухаммада.
- ³⁴ Речь здесь идет об Ульджай Туркан-ага, сестре эмира Хусайна. Темур женился на ней в 1362 г. От этого брака у Темура родилась дочь Султан Бахт-бегим.
- ³⁵ Джани курбани (в тегеранском издании «Уложения» 1342/1963 года издания – «чун гурбани» – букв. «подобно воронам») – род из племени ойрат (уйрат), переселившийся в Махан, Несу и Абиверд в XIII веке. Этот Алибек был правителем Махана (местность на месте Мары). Событие это произошло в 1362 г.
- ³⁶ В оригинале «мандил» (араб. – платок, повязка на голову) – головной убор в жаркое время года.
- ³⁷ Пишкеш – подарок, преподносимый высокопоставленным особам при встрече. Состоял из дорогих товаров, денег, коней и охотничьих птиц.
- ³⁸ Каучин – влиятельное тюркское племя.
- ³⁹ Оглан (тюрк. – юноша, сын) – потомок хана; синоним персидского слова «мирза» – царевич.
- ⁴⁰ Бахтарзамин (страна Бахтар) – древнее название Балхской области.
- ⁴¹ Кандагар – один из древнейших крупных городов южного Афганистана. Перевалочный пункт между Балхом и Индией.
- ⁴² Хирменд (Гильменд) – одна из главных рек Афганистана и Хора-сана, берущая начало в области Гур.
- ⁴³ Гармсир (перс. букв. – «теплый край») – историческая область, расположенная между Сеистаном и Белуджистаном.
- ⁴⁴ Сеистан (Седжестан) – историческая область, смежная с Герат-ской провинцией на юго-востоке Ирана и юго-западе Афганистана (разделена между этими странами по договору 1872 г.).
- ⁴⁵ В оригинале «армуган» (перс. – дар, подарок) и «савари» (тюрк. – подношение) – дар из драгоценностей и наличных денег, подносимых высокопоставленным особам во время встречи.
- ⁴⁶ Улуфа (араб. – трава, провиант) – провиант и корм для скота.
- ⁴⁷ Случилось это в 1362 г. Темур был ранен тогда стрелами в правую руку и правую ногу, вследствие чего он стал калекой. Поэтому его иногда именовали «Аксак Темур» (тюрк. – «хромой Темур») и «Темурланг» (перс. – «хромец Темур»). Однако, в восточной литературе его называют почетными титулами «Амир Сахибкиран» (эмир, обладатель двух счастливых звезд), «Гураган» (ханский зять). По сведениям Шарафуддина Али Йезди, автора «Зафар-наме», во время похода в 1383 г. Темура на Сеистан ранивший его воин был казнен.
- ⁴⁸ Балхские горы расположены на востоке и юге области Балх. В средневековой исторической литературе они назывались Шамар и Эльбурз-таг.
- ⁴⁹ Караул (тюрк. – сторож, охранник) – сторожевой отряд, охранявший ставку и обоз; специальный отряд, охранявший фланги, арьергард.
- ⁵⁰ Бахадур (тюрк. – единоборец, витязь) – воин и эмир, проявивший в бою примеры доблести и отваги и удостоившийся особой милости верховного правителя. Даже добыча, взятая им на войне, распределению не подлежала.
- ⁵¹ В оригинале «яглык» – род головного убора.
- ⁵² Дара-и арсиф – ущелье в горах Центрального Афганистана.
- ⁵³ Сулдус – крупное монгольское племя, входившее ранее в состав племенных объединений дарлакин.
- ⁵⁴ Дулан джаун – идентификации не поддается: по-видимому, родовое ответвление калмыков.
- ⁵⁵ Дара-и суф – местность, подвластная области Бамиан; расположена на правой стороне караванной дороги, ведущей из Балха в Кабул и далее в Индию.
- ⁵⁶ Река Термез – одно из средневековых названий Амударьи.
- ⁵⁷ Дерезег (Дара-и гез) – подвластная в XVI – XVIII вв. Балху местность, расположенная приблизительно в 4-х фарсангах к югу от него, у знаменитой плотины Банд-и амир, из которой вытекали восемнадцать каналов.
- ⁵⁸ В оригинале «амир ул-умара» (араб. – эмир эмиров) – верховный эмир.
- ⁵⁹ Хираул (тюрк.) – специальный охранный отряд, поставленный на фланг: фланговое охранение.
- ⁶⁰ Шикаул (тюрк.) – подразделение, заграждающее центральные и фланговые полки: арьергард.
- ⁶¹ Чапаул (тюрк. – наезд) – специальный отборный конный отряд для внезапного набега на окрестные селения неприятеля во время походного марша и осадных боев.
- ⁶² Джавангар (монг.) – левый флаг (полк) войска.
- ⁶³ Барангар (монг.) – правый флаг (полк) войска.
- ⁶⁴ Кахалка (Темир капуг, Дербенд-и аханин) – железные ворота, установленные у входа в узкое ущелье длиной три километра и шириной в двадцать метров в Байсун-таге в Сурхандарье.
- ⁶⁵ В оригинале «тагар» (перс. мера веса в 100 тебризских манов) – съестные припасы, собираемые во время похода с населения для нужд войска.
- ⁶⁶ Эмир Казаган – верховный эмир Чагатайского улуса в 1346-1358 гг. При нем престол занимали ханы Данишмандча, Баянкули и Шах Темур, в интересах кочевых феодалов совершал грабительские набеги на сопредельные страны, в том числе на Герат, подвластный куртским маликам. В 1358 г. сам стал жертвой заговора и был убит во время охоты.

⁶⁷ Кундуз – средневековый город Тохаристана (известен с X в.), расположенный на берегу одноименной реки. В XVI – XVIII вв. был подвластен Балхскому ханству. Находился на возвышенном месте и с трех сторон был окружен крепостным рвом. Расположен на караванной дороге из Балха (через Андараб) на Гиндукуш и далее на Кабул.

⁶⁸ В оригинале: «иль» (тюрк.) – народ, племя, общество людей. Иль и улус – народ и страна.

⁶⁹ Юрулдай (вероятно Бурулдай) – племя или род, вошедший в XIV – XV вв. в состав улуса джалаириров.

⁷⁰ Таликан (Талькан) – область на востоке от Балха; расположена между реками Кокча и фархар. Граничила на востоке с Бадахшаном, а на юге примыкала к области Гиндукуш.

⁷¹ Дашт-и кулак – местность в Хутгальяне (Кулябе).

⁷² Халати – должно быть Хулгату – местность, подвластная тогда области Хисар.

⁷³ Пул-и сангин – каменный мост, построенный на р. Абай хингау, притоке р. Сурхаб (Кзыл-сув) в области Хисар.

⁷⁴ Кутвал (инд. араб. «кут») – крепость, «вали» – правитель, то есть, правитель крепости) – гражданский и военный начальник крепости; стражник.

⁷⁵ Коран, сура 2, стих 250.

⁷⁶ Арлат – почитаемое потомками Чингиз-хана и узбекскими правителями древнее тюркское племя.

⁷⁷ В оригинале «ал-фирар»: имеется в виду сура 33, стих 16 Корана, где сказано: «Скажи: "Не поможет вам бегство, если вы бежите от смерти или от убийства"».

⁷⁸ «Йул булсун?» (стар.узб.) – «Куда путь держите?». Содержит элемент иронии и насмешки.

⁷⁹ В оригинале: «урда» (тюрк.) – ставка, лагерь верховного правителя.

⁸⁰ Река Ходженд – средневековое название Сырдарьи в ее среднем течении.

⁸¹ В оригинале: «вазир-и азам» (перс. букв. – великий визирь, старший визирь) – начальник верховного дивана,

⁸² Отношения между Темуром и эмиром Хусайном до 1365 г. были относительно добрыми. Они окончательно расстроились после знаменитой «грязевой войны» (1365 г.), когда эмир Хусайн не поддержал своего союзника и самовольно покинул сражение.

⁸³ Ходжа Шамсуддин – имеется в виду эмир Шамсуддин Кулал, пир (наставник) Темура.

⁸⁴ В оригинале «амир-и азам» (перс. араб. букв. – великий эмир) – верховный эмир.

⁸⁵ Имеются в виду кочевье, то есть даштикипчакские узбеки.

⁸⁶ Коран, сура 38, стих 26.

⁸⁷ Шибирганат – обширная область на западе Балха; орошается рекой Джудзджанан (Сарипуль). В XVI – XVIII вв. была подвластна Балхскому ханству. В область Шибирганат входили тогда свыше 70 селений и деревень.

⁸⁸ Арханг (Сарай) – область, расположенная на левом берегу Аму-дарьи, на пути следования торговых караванов на Тибет и Кашгар. В древности называлась Айбак, а в XVI – XVII вв. – Хазрат имам и входила в состав Балхского ханства.

⁸⁹ Хизр ясаури – предводитель объединения монгольских племен ясаури. В XIII в. племена эти находились под началом царевича Ясаура, командовавшего левым крылом войска Чингиз-хана. Хизр ясаури – потомок того Ясаури; был союзником эмира Хусайна и на его стороне воевал против Темура. Погиб в одном из сражений Хусайна с Амиром Темуром.

⁹⁰ В оригинале: «илгар» (тюрк. – передовой) – отряд, направляющийся форсированным маршем впереди войска для осуществления внезапного нападения.

⁹¹ В оригинале: «хандак» (араб. – ров) – глубокий и широкий ров, выкопанный вокруг крепости и наполненный водой.

⁹² В оригинале: «хакриз» (перс. – насыпь, вал) – искусственная насыпь у крепостной стены; оборонительное сооружение.

⁹³ В оригинале: «бургу» (чагат.) – вид музыкального инструмента; валторна; рог.

⁹⁴ Речь идет о кочевых, то есть даштикипчакских узбеках: о золото-ордынских гарнизонах, расположенных в городах-крепостях Мавераннахра.

⁹⁵ В оригинале «ярлык» – указ верховного правителя.

⁹⁶ Речь идет о притеснениях, причиненных эмиром Хусайном в 1366 г. своим эмирам и даже родственникам. Тогда, обвинив их в предательстве и вражде, он подверг их крупному штрафу. Наказание не миновало даже Темура и его жену, которая приходилась родной сестрой эмиру Хусайну – Ульджай Туркан-ага. Она лишилась тогда всех своих драгоценностей.

⁹⁷ Нукер (монг. – слуга, прислужник, сотоварищ), – постоянно находившийся при особе хана, султана и феодалов.

⁹⁸ В оригинале Бадахшанат – подразумевается как левобережный, так и правобережный Бадахшан.

⁹⁹ Эмир Хусайн был казнен 12 апреля 1370 г. правителем Хутта-ляна эмиром Кайхосровом на основе закона о кровной мести.

¹⁰⁰ Малик Гийасуддин (Гийасуддин II Пир Али) – правитель области Герат (1370-1381 гг.) из династии Куртов.

¹⁰¹ Имеется в виду Зайнуддин Абу Бакр Тайбади.

¹⁰² Хорасан был подчинен в результате войн, которые Темур вел в течение 1381-1383 гг.

¹⁰³ Подчинение Темуром Сеистана, Кандагара и большей части земель нынешнего Афганистана произошло в 1383 г.

¹⁰⁴ Урус-хан – Джучид; хан Ак-орды (1361-1376 гг.). Его борьба за объединение обоих государств – Ак-орды и Золотой орды – равно как и борьба со своим соперником Тохтамыш-ханом, которого поддерживал Темур, успеха не имела.

¹⁰⁵ Речь идет о восточной части Дашт-и кипчака, включавшей территории от Балхаша до низовьев Сырдарьи.

¹⁰⁶ Тохтамыш-хан – Джучид; хан Золотой орды (1376-1395 гг.). В начале, благодаря всесторонней помощи Амира Темура, завладел престолом Ак-орды. Умер от болезни в сибирских лесах после 1405 г.

¹⁰⁷ Событие произошло в 1376 г.

¹⁰⁸ Местные правители – Сарбадары, Чупаниды, Джалаириды и др., пришедшие к власти после монголов. Имеются в виду Джалаириды, правившие в 1336-1432 гг. Ираком, Курдистаном и Азербайджаном.

¹⁰⁹ В подлиннике: «йасак» (монг. – дань, повинность; наказание) – приведен в значение «наказывать», «подвергнуть наказанию». Причиной данного похода Темура на Иран и Ирак послужил бунт правителя Мазандарана эмира Вали-бека и упомянутого выше Алибека джани курбани, правителя Махана.

¹¹⁰ В бомбейском издании «Уложения» ошибочно – Али.

¹¹¹ В оригинале «пишкеш» (перс. – подарок, подношение) – особое подношение царевичам, эмирам, ханам, султанам и другим правителям: состоял, по обычаю, из девяти предметов.

¹¹² Так называли себя тогдашние правители Мазандарана, причислявшие себя к обществу сайидов – потомков пророка Мухаммада и Али.

¹¹³ Даруга (монг. «даруха» – начальник, командир) – при монголах, Темуридах и Шейбанидах – начальники городов и областей, которые отвечали за исправное управление туманом, перепись населения, за набор новобранцев в войско, устройство почтовых сообщений, сбор налогов; доставку ко двору дани, контроль за деятельностью местных властей и т.д.

¹¹⁴ Событие произошло в 1387 г. Такому наказанию, как правило, подвергались яростные противники. Не выступавших с оружием в руках людей, сайидов, шейхов и ремесленников не трогали.

¹¹⁵ Шах Мансур – Музаффарид; правил Фарсом и Ирак-и аджамом в 1387-1393 гг. Погиб в отражении с Темуром 26 апреля 1393 г.

¹¹⁶ Башбалмак – сорт степной травы.

¹¹⁷ Нойон (монг.) – царевич; начальник тумана, т.е. 10-тысячного войска. Здесь в значении: начальник тумана.

¹¹⁸ Абу Бакр – сын Мираншаха, правитель Азербайджана и Ирака. Был и другой Абу Бакр, сын Омар-Шейха.

- ¹¹⁹ Улус Джучи – государство, основанное старшим сыном Чингиз-хана Джучи и его сыном Бату-ханом. В его состав входили территории современного Казахстана, Поволжья, Закавказья и часть России.
- ¹²⁰ Даруссалам (араб. – обиталище мира), эпитет, данный мусульманами стоальному городу Багдаду.
- ¹²¹ Ирак-и араб – Ирак арабский, т.е. собственно, Ирак.
- ¹²² Ирак-и аджам – Ирак неарабский, т.е. западная часть Ирана (древняя Мидия).
- ¹²³ Имеется в виду наставник Темура, шейх Зайнуддин Абу Бакр Тайбади.
- ¹²⁴ Султан Ахмад джалаир – Джалаирид; верховный правитель Ирака, Курдистана и Азербайджана в 1382-1410 гг.
- ¹²⁵ Кербала — средневековый город в Месопотамии, расположенный в долине реки Евфрат, на расстоянии 85 километров к юго-западу от Багдада. Там находится усыпальница имама Хусайна (626-680 гг.), убитого 10 октября 680 г.х.; почитаемое мусульманами-шиитами место.
- ¹²⁶ Первое взятие Багдада Амиром Темуром произошло в конце сентября 1393 г., а второе – 20 июня 1401 г. Речь идет о первом взятии города армией Темура. Тогда Султан Ахмад джалаир бежал в Египет и нашел приют у мамлюка Сайфуддина Баркука (1382-1399 гг.).
- ¹²⁷ Река Самур – так называлась в восточных источниках река Терек. Второе крупное сражение между Амиром Темуром и Тохтамышем, нанесшее непоправимый удар военно-политической мощи Золотой орды, произошло 17 апреля 1395 года.
- ¹²⁸ 797 г.х. – 1394-1395 гг. по нашему летоисчислению.
- ¹²⁹ По представлению греческих и арабских географов населенная часть мира делилась на семь поясов (климатов). Дашт-и кипчак, вместе с Хорезмом, Мавераннахром и Ферганой, входил в пятый и шестой пояса (климаты).
- ¹³⁰ Пирмухаммад Джахангир – внук Амира Темура от старшего сына Джахангира: правитель Газны, Кабула и Балха (1376-1406 гг.).
- ¹³¹ Мухаммад Султан – любимый внук и наследник Амира Темура от его старшего сына Джахангира (ум. в 1403 г. в турецком городе Каракисаре).
- ¹³² Султан Хусайн – внук Амира Темура от его дочери Ога-бегим (ум. после 1405 г.).
- ¹³³ Шахрух – четвертый сын Амира Темура: с 1405 г. правитель Хорасана, а в 1409-1447 гг. – верховный глава всех Темуридов.
- ¹³⁴ Чин и Мачин – вообще Китай в восточных источниках.
- ¹³⁵ Хакан (тюрк. – хан ханов, великий хан) – почетный титул верховного правителя (падишаха) у древних тюрков.
- ¹³⁶ Коран, сура 66, стих 9.
- ¹³⁷ Ошибка: должен быть Султан Махмуд-хан – Чагатаид, подставной хан при Амуре Темуре в 1388-1402 гг.
- ¹³⁸ Царевич Рустам – внук Амира Темура от его второго сына Омар-Шейха. Правитель фарса и Исфакана в 1408-1415 гг.
- ¹³⁹ Катур (Катвар) – название обширной области и народа на северо-востоке Афганистана.
- ¹⁴⁰ Каркас – по-видимому, ошибка: должно быть Какар – племя, населявшее северо-западную провинцию нынешнего Пакистана.
- ¹⁴¹ Маллу-хан – всесильный визирь делийского султана из династии Туглукидов Насируддина Махмуда II (1393-1413 гг.).
- ¹⁴² Имеется в виду Самарканд. Поход Амира Темура в Индию длился один год, с апреля 1398 г. по 27 апреля 1399 г.
- ¹⁴³ Гурджистан – Грузия. Этот поход на Грузию состоялся летом 1399 г.
- ¹⁴⁴ Оба Ирака – Ирак-и араб (собственно Ирак) и Ирак-и аджам (Ирак персидский).
- ¹⁴⁵ Кольчуга Дауда – кольчуга, по преданиям сделанная пророком Даудом, сыном пророка Сулаймана.
- ¹⁴⁶ Сивас – город-крепость в Малой Азии (Турции), расположенный в бассейне реки Кзыл ирмак, на дороге Султания – Тебриз – Кония.
- ¹⁴⁷ Малатия – один из городов Малой Азии, расположенный на верхнем течении реки Евфрат.
- ¹⁴⁸ Халеб и Хумс – древние города Сирии. Первый расположен на севере страны и известен с XX века до н.э. – нынешний Алеппо. Второй расположен на берегу р.Оси (Орион). В древности назывался Эмесса.
- ¹⁴⁹ Завоевательные походы длились на протяжении 1399-1401 гг.
- ¹⁵⁰ Цезарь – Кесарь (Кайсар) Рума, т.е. султан Турции. Здесь имеется в виду турецкий султан Баязид I Ильдирим (1389-1402 гг.).
- ¹⁵¹ Кара Юсуф туркмен – правитель из династии Кара-коюнлу. Вла-дычествовал над южным Азербайджаном (1388-1420 гг.); опираясь на поддержку Баязида I Ильдирима и мамлюков Египта вел активную вооруженную борьбу с Амиром Темуром за Азербайджан и был побежден в войне 1388-1389 гг. После этого нашел приют у турецкого султана; вернулся в Тебриз только в 1406 г.
- ¹⁵² Малик фарадж – Насируддин ибн Баркук; мамлюкский султан Бурджид, правивший Египтом и Сирией в 1399-1405 гг.
- ¹⁵³ Завоевание Дамаска произошло 11 января 1401 г.
- ¹⁵⁴ В оригинале: «жавоб-и насоба» (букв. «непристойный ответ»). Баязид I Ильдирим отказался тогда выдать Кара Юсуфа. Более того, направил Амиру Темиру письмо, полное упреков и оскорблений.
- ¹⁵⁵ Мосул – один из городов Ирака арабского; административный центр вилайета ал-Джазиры. Его называли ключом Ирака и Хорасана.
- ¹⁵⁶ По словам автора «Зафар-наме», взятие Амиром Темуром Багдада во второй раз произошло 20 июня 1401 г.
- ¹⁵⁷ Дийярбакр – город, расположенный в Верхней Месопотамии; один из центров вилайета ал-Джазира.
- ¹⁵⁸ Два священных города – Мекка и Медина, места паломничества всех мусульман мира.
- ¹⁵⁹ Хашар (араб. – сходка, сбор для совместной работы) – принудительная мобилизация населения на строительные и оборонные работы.
- ¹⁶⁰ 804 г.х. – 1401-1402 гг.
- ¹⁶¹ Ангурия – средневековое название современной Анкары – столицы Турции.
- ¹⁶² Сражение произошло 20 июля 1402 г. под Анкарой, в местечке Чимбукабад, и закончилось полной победой Темура над Баязидом I Ильдиримом.
- ¹⁶³ Семилетний поход Амира Темура на западный Иран, Азербайджан, Малую Азию и Сирию состоялся в 1399-1404 гг.

Завоевательная политика Тамерлана

(Низам ад-Дин Шами, «Книга побед», «Зафар-наме»)

Автор «Книги побед», «Зафар-наме» – Низам ад-Дин Шами (ум. 1431 г.). «Зафар-наме» – первая полная официальная история Тимура, единственная написанная при его жизни и охватывающая период в 46 лет – с 760/1358 по 806/1404 гг. Название «Книга побед» точно передает содержание сочинения, представляющего собой политическую историю царствования Тимура, летопись его походов и завоеваний.

ПЕРЕВОД ИЗВЛЕЧЕНИЙ ИЗ ЗАФАР-НАМЕ НИЗАМ АД-ДИНА ШАМИ

I

Рассказ о бегстве эмира Мусы после захвата Балха [Тимуром]...

После того как произошли эти события, Сахибкиран¹ в 773 году (1371-1372 гг.), что соответствовало году Свиньи, поведя войска, отправился, чтобы произвести благословенное нападение. Овладев Могольским вилайетом, он отдал [его] Урунг-Тимуру, когда тот покорился, и, отправившись в обратный путь, пришел на свое место.

В те же самые дни пришло известие, что Кепек-Тимур взбунтовался. Тимур повелел, чтобы Бахрам и Аббас-бахадур, поведя войска, выступили против него. Когда они подошли к мятежнику, [их] воины замыслили вероломство и, стакнувшись с Тизакчи, эмиром сотни, давним недругом Бахрама, вознамерились схватить Бахрама. Он (Бах-рам) узнал об этом умысле и, приняв меры для собственной безопасности, рассказал [об этом] эмирам, что были с ним [в походе]. Исходя из потребности времени, они заключили мир с врагами. На обратном пути они казнили тех людей, что замыслили измену, и возвратились.

Тимур разгневался, немедленно сел на коня и выступил против войск врага. Узнав [о его выступлении], они (враги) тотчас бежали, рассеявшись в разные стороны, поскольку не имели сил для сопротивления. Победоносные войска, преследуя их, гнали [их] до местности Саякиз-Иагач и возвратились, захватив пленных и многочисленную добычу...

II

Рассказ о походе Тимура против моголов и его сражении. с Камор ад-Дином

Первого [числа] месяца ша'бана (26 декабря 1375 г.), соответствующего году Зайца, Тимур выступил в поход, решив [напасть] на моголов, и остановился в местности Кат(а)ван. В ту пору снег и дождь достигли такого предела и стужа дошла до такой степени, что кровь замерзала в жилах, и по причине этого погибло много людей и скота. Люди лишились имущества, добра, лошадей и мулов.

Поскольку дело обстояло таким образом, Тимур возвратился в Самарканд и оставался на месте в продолжение двух месяцев.

Первого [числа] месяца шавваля (23 февраля 1376 г.) он, вновь отдав приказ о снаряжении войск, привел победоносные войска в порядок. Назначив в авангард² эмирзаде Джахангира, [он] отправил при его стремени Шейх-Мухаммада и Адил-шаха. Когда они дошли до местности Джарунка, они послали на разведку одного человека. Он, отправившись и разведав, сообщил: «Камар ад-Дин собрал войска в местности Кок-Тепе, но он не ведает о вашем движении и ожидает Хаджи-бека».

Вышел указ, чтобы авангард спешно выступил, а сам [Тимур] отправился следом. Когда Камар ад-Дин узнал о его приходе, он не счел возможным оставаться на месте. А так как он владел неким местом, обнесенным стеной, которое называют Барка-йи Гуриан, и там протекают три большие реки, то он, перейдя через две реки, остановился у третьей и на дорогах устроил завалы.

Подошел эмирзаде Джахангир, с великой пышностью и с многочисленным и выстроенным в боевом порядке войском, и остановился насупротив. Камар ад-Дин в ночной темноте [еще] обольщался [своей мощью]. Когда же настало правдивое утро, и войска непрестанно подходили, и он воочию увидел их многочисленность, – ужас и страх овладели им, и он обратился в бегство. Бахадур, пустившись преследовать, перебили многих из его войска. Когда солнце поднялось, подошел Тимур с войсками центра³ и отправил вслед за врагом эмира Дауда, эмира Хусайна и эмира Уч-Кара-бахадур. Они отправились согласно приказу, и эмир Хусайн утонул в реке⁴. Они разграбили могольские войска и доставили в Самарканд их добро и скот. Тимур с намерением окончательно уничтожить врага дошел до Байтака.

Затем он послал вперед эмирзаде Джахангира, чтобы тот, усердствуя в поисках Камар ад-Дина, схватил его. [Джахангир], отправившись согласно приказу, разграбил Уч-Парман. Камар ад-Дин укрылся в горах, когда он увидел его (Джахангира) стяг и бунчук, он бежал. Захватив дочь⁵ эмира Шамс ад-Дина, [Джахангир] отправил гонца и уведомил, что прибыли Буйан-ага и Дилшад-ага.

Тимур в течение 53 дней находился на своей стоянке. Получив это известие, он немедля откочевал и подошел к эмирзаде Джахангиру выше Кара-Касмака. Эмирзаде преподнес [Тимуру] Дилшад-агу вместе с неподдающимися учету и исчислению отарами овец, что были захвачены в качестве добычи. Они, откочевав оттуда, спустились к Ат-Баши⁶ и остановились в местности Арпа-Йазы⁷. Откочевав оттуда и пройдя вилайет Йасы, [Тимур] пришел в Узгенд.

Рассказ о походе Тимура на Хорезм в третий раз⁸

...И послал против Камар ад-Дина эмира Сары-Бугу, Адил-шаха, Хитай-бахадур и Ильчи-Бугу с [войском в] 30 тысяч человек, сам, счастливо оседлав коня, направился в Хорезм и дошел до Си-Пайе...

...Когда Адил-шах обнаружил, что в области никого нет, он схватил Хитай-бахадур и Ильчи-Бугу, стакнулся с Сары-Бугой, и они восстали. Собрав свой иль и войско, они осадили крепость и укрепления Самарканда... Когда они сообразили, что не из тех людей, которые могут ему⁹ противостоять, то, бежав, ушли в узбекский вилайет и нашли приют у Урус-хана. В то время когда Урус-хан отбыл на летовье, они также проявили по отношению к нему вероломство и предательство, доказав свою дурную сущность. В конце концов они повели войска и разбили Урус-хана...

Итак, когда они совершили это вероломство, то направились к Камар ад-Дину и побудили его к смуте и бесчинству.

Рассказ о вторжении Камар ад-Дина в Узгенд и извещение [об этом] Омар-шейхом Тимура

Камар ад-Дин, поведя войска, вошел в Андуган. Под руками имелась тысяча [племени] «адак с войском. Эмирзаде Омар-шейх послал сообщить Тимуру, что большой толпою пришел сильный враг и перевернул Андуган вверх дном. Тимур тотчас же оседлал коня и, двигаясь ночью, достиг местности Ат-Баши.

Камар ад-Дин, отправив своих домочадцев в другое место, сел в засаду с 4 тысячами снаряженных людей. В конце концов он бежал. Победоносные войска ушли за ним следом, но ничего не узнали о его иле и курене. В это время войска разбрелись с целью грабежа и добычи, и при Тимуре осталось около 5 тысяч славных воинов, таких, как эмир Муайяд, Хитай-бахадур, Ак-Тимур-бахадур, Шейх-Али-бахадур и другие. И они также направились грабить в края мятежника, а с Тимуром осталось не более 200 человек. Выждав удобный момент, неожиданно подошел Камар ад-Дин со снаряженным войском. В таком положении Тимур не узрел иного средства, кроме твердости [духа], мужества и упования на помощь бога. Он построил в боевом порядке¹⁰ тот малый отряд, ободрил их и сказал: «Победа и торжество – не в большем числе войск, а в милости и помощи божьей. Будьте мужественны, ибо, если мы проявим малейшую нерадивость, дело будет кончено». Все самоотверженно ринулись вперед и, напав [на врага], завязали великую битву. Воистину, они отдали долг мужеству и смелости, отомстили врагу-зложелателю и, сопутствуемые победой и успехом, обратили в бегство его войско.

Тимур вновь оседлал жоня и, сражаясь с Камар ад-Дином в Санкиз-Йагаче, обратил его в бегство... и возвратился из Ата-Кума¹¹.

И по этой причине¹² Тимур приложил много стараний и усилий, чтобы искоренить и уничтожить Камар ад-Дина. Он приказал эмирзаде Омар-шейху¹³ вместе с Ак-Буга-бахадуром, Хитай-бахадуром и именитыми эмирами отправиться на поиски [Камар ад-Дина] и по мере сил и возможностей усердствовать в его поимке. Они отправились согласно его (Тимура) повелению и, настигнув его в горах Кура-Тау, вступили в сражение. В конце концов они, одолев, прогнали его, а из его вилайета привели несчетную добычу и полон. Когда они возвратились, Тимур опять выступил в поход и послал в авангард эмира Мухаммада, Аббас-бахадур и Ак-Буга-бахадур. Они ушли согласно приказу и в Иссык-Куль-Боом¹⁴ подошли к Камар ад-Дину. Мужественно сражаясь, они еще раз обратили его в бегство и повернули обратно, разорив его вилайет...

III

Рассказ о приходе войска Инга-тюри и сражении [с ним] эмирзаде Омар-шейх-бахадур и эмиров в местности Чулак

...В это время¹⁵ пришло известие, что Инга-тюря из Моголистана, забыв обязательства благодарности и порушив договор и соглашение, вторгся в пределы государства и разоряет вилайет, Эмирзаде Омар-шейх выслушал это сообщение и пришел к городу Ходженду с узгендским войском. Когда враги узнали [об этом], они направились из Чакишмана в Узгенд. Эмирзаде тотчас же повернул обратно с намерением преградить дорогу врагу. В местности [у] реки Аксай они увидели тучи войск¹⁶ друг друга и остановились, охраняя место переправы. Река была между ними. Несколько дней они шли по [своим] берегам напротив друг друга. Однажды ночью Инга-тюря применил военную хитрость: оставил на том месте, где он расположился, тысячу человек и приказал, чтобы они, устроив много костров¹⁷, зажгли их. [Сам] же он, отыскав брод, переправился и выстроил ряды войска. Эмирзаде Омар-шейх, выступив ему навстречу, сражался с большой доблестью, но в конце концов отошел в свою крепость.

Инга-тюря хотел, осадив крепость, захватить ее окрестности. Сопутствуемый счастьем эмирзаде, обнажив меч мужества на ристалище усердия, вышел (из крепости) и, уповая на бога, завязал бой...

Врагов было много, а войско эмирзаде малочисленно. Он рычал, подобно льву, и разрывал ударами копья и меча груди врагов. В это время Таваккул-бахадур, обнажив меч, рассек вражеский строй и, подхватив под уздцы лошадь эмирзаде, вывел его с поля брани. Инга-тюря, не признав разумным стоять на месте, повернул. Некоторые последовали [за ним], но большая часть его войска спешила и захватила не поддающуюся счету и исчислению добычу... Тимур отправил Худайдада, Омар-бахадур и Шейх-Али-бахадур с достаточным войском преследовать врага. Они ушли согласно повелению, перебили многих из них и, сопутствуемые победой и успехом, возвратились из местности Булан¹⁸.

IV

Рассказ о походе Тимура на войну с Токтамыш-ханом

В это время¹⁹ пришло известие, что Мулук и Хаджибек²⁰ восстали и собираются в Хорасане. После размышления и обдумывания Тимур вернул эмирзаде Миран-шаха и отправил в Хорасан, а сам вознамерился лично направиться в вилайет узбеков. Нойоны и эмиры собрались и доложили: «Правильнее [было бы], если бы мы сначала пошли на Инга-тюрю и устранили бы его зло, а затем направились бы в сторону узбеков». Тимур согласился с их речами. Они выступили в поход, направляясь через Бури-Баши, и прошли Тубалик-Курук. А Тимур прошел через местность Ур-Таг. Два-три дня войска претерпевали немало трудностей от безводья и испытывали бесконечные бедствия и лишения – шел месяц тому²¹. Вдруг счастливая звезда [судьбы] пришла на помощь, они достигли места, где под травой увидели лед и снег и нашли холодную и годную для питья воду. Люди обрели покой и напоили лошадей. Пустившись в путь, они дошли до местности Туграут, там они решили устроить охоту на диких ослов и поймали много зверья.

Еще раньше в местность Улан-Чарлык и Чапар-Айгыр пришли Улан-Буга и Инкаджак с тысячьо воинов. Оли разыскивали племя барын²², чтобы подчинить тот вилайет Инга-тюре. Сторожевые отряды²³ правого крыла²⁴, выступив, ушли. Мирак и Пир-Али встретились с ними. Произошло сражение, враги тотчас обратились в бегство и рассеялись, униженные и посрамленные. Эмиры вернулись к Тимуру, привели с собой одного пленного и допросили [его]. Он сказал: «Бунтовщики сидят в местности Урунг-Иар». Тимур тотчас же [избрал] из всего войска Шейх-Али-бахадур и Ику-Тимур-бахадур и, отправив их в набег²⁵, приказал: «Постарайтесь в местности Урунг-Иар настичнуть Инга-тюрю, мы же, двигаясь ночью, подойдем вслед за вами».

Когда Тимур отправился, проводник²⁶ ночью ошибся дорогой, и на другой день утром они прошли через Сан-Салыг. На третий день они остановились в местности Кок-Сали. На четвертый день они пришли в местность Ай-Акуз²⁷ и там, собрав царевичей, нойонов и эмиров, устроили совет. Он (Тимур) отправил Омар-шейх-бахадур, сделав его [отряд] авангардом и назначив [ему] проводником Джалала. И лично сам, командуя войском, поднялся на Кара-Гучур, пройдя через местности Кара-Тау, Шипар-Тау²⁸, Кураган и Иарлагу.

Эмирзаде Омар-шейх-бахадур согласно приказу шел со своими войсками через горы и пустыни. Везде, где им случалось встретиться с врагом, они сражались и, одолев с помощью божьей, проходили. В местности Кубаг они учинили жестокое сражение и, разграбив вилайет врага и изгнав оттуда Инга-тюрю, захватили беспредельные и неисчислимые богатства и скот. Они забрали много лошадей, мулов и верблюдов и повернули обратно, пленив луноликих девушек и подобных гуриям красавиц. В местности Акта-Диктур они пришли к Тимуру.

А еще раньше их ушли Шейх-Али-бахадур и Ику-Тимур-бахадур. Так как от них до самого последнего времени не поступило никакого известия, Тимур приказал Омар-шейх-бахадур отправиться на розыски. Он, отправившись одной дорогой, дошел до местности Ит-Ичмаз Ала-Куль, они же пришли к Тимуру по другой. При Омар-шейх-бахадуре было не более 50-60 нукеров. Неожиданно показались 800 человек из вражеского войска и предстали перед ними²⁹. Великий эмирзаде, испросив силу и поддержку у всеславного бога, учинил нападение на них, и произошло ожесточенное сражение. Эмирзаде воздал в тот день долг мужеству, так что ангел восхвалил его мощь, а рок и судьба кричали «браво» его могуществу и силе. Пир-хаджи, сын Тиланчи, проявил в этом бою много отваги, одним нападением он сметал [целый] отряд и одним ударом гнал всех стоявших перед ним [врагов]. Вдруг он был взят в плен ударом стрелы несчастья из засады рока и испил напиток смерти. Эмирзаде Омар-шейх-бахадур мощными ударами рук отваги и счастья одолел врага, обратил в бегство и многих перебил. Он разграбил их имущество и стада и привел к Тимуру табуны лошадей и отары овец.

Некоторое время Тимур оставался в Кара-Гучуре, чтобы лошади откормились, и соизволил разделить между всеми войсками захваченное имущество. [Затем] Тимур, отрядив в набег Джухан-шах-бахадур, Омар-бахадур и Уч-Кара-бахадур с 30 тысячами людей, отправил их в сторону Иртыша на поиски врага. Они шли согласно приказу, пока не достигли Иртыша. Разграбили жителей вилайета, захватили беспредельные и неисчислимые богатства и, согнав все население вилайета, передали его эмиру Ла'лу, который привел [его] в Самарканд.

Тимур, откочевав, прошел через Чукучун, не задерживаясь, прибыл в местность Эмил-Гучур и стал лагерем в Сарай-Ордуме. [Там] он, собрав нойонов, эмиров, царевичей и управителей³⁰, устроил курилтай. Вышел приказ, чтобы привели всех проводников и, расспросив о дорогах, занесли [сведения] в реестры³¹. [Тимур] вместе с эмирами кошунов и туманов постановил, собрав войска, соединиться в местности Юлдуз.

Омар-шейх-бахадур выступил, собрав свои отряды и войско и избрав счастливый час. Тимур приказал, чтобы Бурхан-оглы был проводником, а Буйан-Тимур – его спутником. Поэтому они в благословенный час и в благоприятный день оседлали коней и прибыли в местность Тубшин Индур и Кара-Ходжа³². Войска производили набеги по всем сторонам и краям. Джухан-шах-бахадур и Шейх-Али-бахадур пустились в путь с нукером Сункура и прошли через Кара-Урт.

Другой дорогой отправился Осман с 20 тысячами людей и с эмиром Джалалом, который стал проводником. Они ушли, выйдя на дорогу через Суксаган, Сукур-Лагу и Кок-Йар.

Худайдад-бахадур³³ и Мубашшир вышли на другую дорогу. Враги числом 20 тысяч с проводником по имени Кумартагу отправились через Уруджку и дошли до местности Бикут. Там эмиры упорно сражались с бул(а)гачи-далкар³⁴, всю ночь и весь день оставались там же. В конце концов они, сокрушив их и разграбив вилайет, повернули обратно.

Тимур, взяв [с собой] центр войска и сделав проводником Калантуджи³⁵, выступил и отправился налегке, [без обоза], с отборными войсками. Он дошел до местности Сычкан-Дабан и, обнаружив там иль и вилайет³⁶ бул(а)гачи, приказал, чтобы [воины] перебили все, что смогут, а остальное разграбили. В руки победоносного войска попало беспредельное и неисчислимое количество добра. Тимур, приведя в порядок войска и пустившись в путь, сказал эмиру Йадгару, эмирзаде Сулайман-шаху, Гийас ад-Дин-тархану, эмиру Шамс ад-Дину и Той-Буга-шейху: «Это место, которое прежде было вражеской округой, станет отныне вашим местожительством и юртом». Согласно приказу, они, устроив там стоянку, занялись землепашеством и благоустройством.

Победоносные войска, откочевав оттуда, прошли через местность Ур-Дабан и, переправившись через Ила, дошли до Сють-Куля и Чичаклика, [где] обнаружили многие народы³⁷ и захватили бесчисленное добро и

добычу. Они отправились в путь, двигаясь по равнине, и старались-разузнать о положении бул(а)гачи и салучи. Эмиры и нойоны, оседлав коней, прошли через местность Мулгу-Тау, сразились с Хызр-ходжа-огланом и наседали на врага до тех пор, пока, выбившись из сил, не заключили [с ним] договор и соглашение.

Шах-Малик-тархан убежал оттуда. Он, направившись в пустыню, в местности Ника-Тау удостоился целования августейшего ковра и доложил о своем деле. Тимур гнал [коней], не делая различия между днем и ночью, пока, выйдя через Куказ, не дошел до местности Юлдуз. Эмир Йадгар и старшие эмиры удостоились там аудиенции. Снарядив обоз³⁸, [обеспечив] запасы³⁹ и взяв отборные войска, он (Тимур) прошел через проход Кара-Тур и разыскивал врага⁴⁰, пока не пришел в Кара-Булак. Пройдя Тир-Таш, он обнаружил неприятеля и остановился.

Врагов обуял великий страх, и ночью они повсюду пустились в бегство. С одной стороны многие из беглецов встретились с эмирзаде Омар-шейхом; эмирзаде, окружив их, всех разграбил, а тому, кто взялся за оружие, отделил голову от тела. А с другой стороны, Джахан-шах-бахадур и Шейх-Али-бахадур грабили всякого из врагов, кого находили. Тимур, преследуя неприятелей от Кутал-Наурина до Кара-Таш-Кийа, настиг их в местности Кулан-Кутали и одним ударом обратил в бегство. Войскам досталась многочисленная добыча и бесчисленное имущество. Откочевав оттуда, Тимур пришел в Джальш⁴¹ и, разделив все то имущество и добро, роздал [его] войску. Повернув обратно, он возвратился через Качаура-Тау и Билджир и остановился в Юлдузе. Войска, что были рассеяны по сторонам и краям, собрались в этом месте.

Тимур, отправив гонца, приказал эмирзаде Омар-шейх-бахадuru немедленно отправиться в сторону прохода⁴². Тот согласно приказу тотчас же выступил и проследовал через проход. В пути он встретился с Кубалаком, который был из числа его врагов, схватил его, предал смерти и разграбил его вилайет. Откочевав, он прошел через местности Уч-Парман и Кузан. И, войдя оттуда в Кашгар, пошел на Узгенд и присоединился к победоносным войскам. Когда они (войска) пришли в Улуг-Юлдуз, они там остановились. Некоторое время они предавались веселью и удовольствиям. Он (Тимур) осчастливил эмиров и шарифов халатами, поясами и наградами, средних и меньших [по чину и роду] – прощением и почетом и все войско – рядовых и знатных – наградами, дарами и многочисленными милостями. Оставив в той местности обоз и назначив управлять [им] Джахан-шах-бахадuru, он отправился в Самарканд 15 ша'бана (10 июля 1389 г.) и 7 рамазана (30 августа) счастливо и при благоприятном гороскопе расположился в городе...

V

Рассказ об отправлении Тимуром сына Хызр-ходжа-оглана к отцу и о сватовстве к дочери [Хызр-ходжи]

В ту пору, когда Тимур сделал Самарканд местом пребывания августейших знамен и по сердечному желанию собрался с детьми и царевичами, [в нем] забила жила щедрости и облако благосклонности начало изливаться дождем милостей. Проявлением той милости [явилось то, что] он отправил наконец сына Хызр-ходжа-оглана⁴³ к отцу и пожаловал ему разного рода царские подарки и устроил ради него разнообразные пышные церемонии. Вместе с ним он отправил Гийас ад-Дин-тархана и по случаю своего сватовства к дочери Хызр-ходжа-оглана послал изрядно диковинных животных и редкостных вещей...

Рассказ о движении победоносных знамен в сторону владений Синда и Хиндустана

...Зиму он (Тимур) провел в Ахангаране, отправил в Моголистанский вилайет эмирзаде Мухаммад-султана и приказал, чтобы он заселил линию границы и чтобы засеяли поля и возвели постройки...

3-го [числа] месяца зу-л-хиджжа (17 августа 1398 г.) он (Тимур) принял послов, которые прибыли от Тимур-Кутлуг-оглана⁴⁴, эмира Идигу⁴⁵ и Хызр-ходжа-оглана, устроил пир и одарил [их] почетными халатами, шапками и поясами. Они исполнили [свое] посольство, состоявшее в следующем: «Все мы рабы, слуги и возвращенные милостями его величества. И ежели доселе рубец вражды безобразил лицо нашей искренней дружбы, то затем в зеркале разума мы увидели скверну этого и перестали стоять на том. Если его величество – убежище халифства, следуя божеским качествам, прочтет над нашими грехами стих «Прощает Аллах то, что прежде делалось»⁴⁶, то впредь мы не сойдем с широкой дороги службы и не поднимем головы с порога повиновения». Тимур провел каламом прощения по страницам их грехов...

VI

Рассказ о походе Тимура в Ирак и Азербайджан после возвращения из Хиндустана

Еще такое [было], что эмирзаде Искандар-бахадур сын эмирзаде Омар-шейх-бахадuru, несмотря на [свою] молодость, повел войска в Моголистан. Всевышний бог сделал его победителем над врагами, он сокрушил их войска и захватил владение своего великого отца. Еще (и) такое [было], что скончался Хызр-ходжа-оглан, обладавший совершенной степенью и величием и многочисленным войском, и в отношении к Тимурю он был другом и доброжелателем. После его [кончины] его сыновья по причине [наушения] скверных людей, домогаясь отцовского места, обнажили друг против друга мечи. В конце концов, когда люди и область были разорены, они бежали...

¹ Сахибкиран – «обладатель счастливого сочетания двух светил» – один из титулов Тимура. В дальнейшем все его титулы и эпитеты опускаются и заменяются именем Тимур.

² В тексте: мангалай.

³ В тексте: кул.

⁴ Букв.: «Смерть схватила эмира Хусайна за ворот и погрузила в воду, так что он погиб».

⁵ Имеется в виду Дилшад-ага.

⁶ В исторических сочинениях, посвященных Тимуру и его преемникам, так называют реку – южный приток Нарына – и долину этой реки, которая благодаря своему плодородию была одним из главных летних кочевий монгольских ханов. В Тарих-и Рашиди сообщается, что Ат-Баши «находится в семи днях пути от Кашгара». Е. Бретшнейдер говорит о реке и долине, не устанавливая местоположения селения Ат-Баши. В. В. Бартольд полагает, что селение Ат-Баши, или Ат-Баш, находилось на берегу реки того же названия на месте теперешних развалин Кошой-Кургана.

⁷ Арпа и Йазы – две реки. Арпа впадает в Ала-Бугу, основной приток Нарына. Путь из долины Ат-Баши на перевал Йасы и далее на Узгенд шел через долину р. Арпа.

⁸ Поход имел место в начале 778 (июнь 1376) г.

⁹ Т. е. Джахангиру, которого Тимур послал против них.

¹⁰ В тексте: йасамиши.

¹¹ Ата-Кум в форме Аба-Кум есть в «Анониме Искандара».

¹² Перед этим говорится о смерти Джахангира – старшего сына Тимура.

¹³ Опущено славословие Омар-шейху.

¹⁴ Букв. «Иссык-Кульское ущелье». Слово «боом» (ср. алтайское «теснина» и т. п.) стало географическим названием ущелья Боом, Боомского ущелья.

¹⁵ После месяца тир (июнь 1386 г.).

¹⁶ Букв.: «черноту войск».

¹⁷ Букв.: «огней».

¹⁸ В «Зафар-наме» – Билан, местность к востоку от низовьев Сырдарьи и северо-западнее р. Сары-су.

¹⁹ В 791/1388-1389 г.

²⁰ Хаджи-бек – младший брат Али-бека Джунгурбани. Тимур, разгромив Али-бека, весьма мягко обошелся с Хаджи-беком. Во время набега Тохтамыш-хана на Мавераннахр (1388 г.) Хаджи-бек, восстав вместе с Мулук-сарбадаром, перешел на его сторону. Сын Тимура – Миран-шах – разбил Мулука, осадил и взял г. Туе. Хаджи-бек бежал в Ирак, но по дороге был схвачен в г. Семнани и казнен.

²¹ Месяц сирийского календаря, соответствующий июлю.

²² В тексте: барин; у Йезди – бахрин.

²³ В тексте: караул.

²⁴ В тексте: бараунгир.

²⁵ В тексте: илгар.

²⁶ В тексте: качарчи.

²⁷ Название этой местности В. В. Бартольд читал как Аягуз, отождествляя его с современным географическим названием, сохранившимся в Казахстане.

²⁸ Шипар-Тау В. В. Бартольдом отождествлено с позднейшим Шиберту, происходящим от монг. «глинистое место».

²⁹ Букв.: «явили свою черноту».

³⁰ В тексте: мудаббир.

³¹ В тексте: дафтар.

³² Кара-Ходжа – древний город и область в Турфане. В источниках встречается под разными названиями. Танская история говорит о китайском военном поселении Као-Чан. Китайские источники монгольского периода сообщают о Хо-Чжо, отождествляя его с древним Као-Чан. Согласно Юань-ши, Као-Чан – государство уйгуров, а Кара-Ходжа – один из его центров. В Худуд ал-'алам и Зайн ал-ахбар город называется Чинанджкет («Китайский город»). Причем, согласно первому источнику, он является столицей тогузгузов. У Джувейни 'Кара-Ходжой называется поселение во владениях уйгуров. Последующие мусульманские авторы следуют Джувейни. Развалины Кара-Ходжи находятся в 40-45 км к юго-востоку от Турфана. Впервые их посетил Регель в 1879 г.; затем они были описаны русской экспедицией Клеменца в 1898 г. Развалины эти носят название Шахр-и Идикут («город Идикута»).

³³ Худайдад – сын Хусайни, темник, известный военачальник и влиятельный при Тимуре эмир, участник большинства походов Тимура, атабек Халил-султана; играл видную роль в событиях, происходивших сразу же после смерти Тимура, – в его руках находились во время все земли, лежащие за Сырдарьей, Ходженд и Фергана. Худайдад был убит в 812/1409-1410 г.

³⁴ Что такое «далкар» – неясно: племя бул(а)гачин упомянуто у Рашид ад-Дина как причисляемое к монголам, но прежде не называвшееся монгольским; бул(а)гачины вместе с племенем кэрэмучин жили «у самого края страны киргизов». Абулгази (Родословная тюрков, изд. Демезона, стр. 46) сообщает об уруке бул (а) гачин.

³⁵ В тексте: туджи, может быть, тавачи (?).

³⁶ У Низам ад-Дина Шами слово вилайат («область») употребляется часто в значении улус («народ», «удел»). Например: Ишарат фармуд та вилайат-и у куч карда масхуб-и лашкар-и мансур равана шаванд «Он приказал, чтобы его вилайет (т.е. люди), откочевав, отправились вместе с победоносным войском».

³⁷ В тексте: иль ва вилайат.

³⁸ В тексте: угрук.

³⁹ В тексте: завайид, букв.: «излишки».

⁴⁰ Т. е. Хызр-ходжа-оглана.

⁴¹ В тексте: Чалыш.

⁴² В тексте: кахалга.

⁴³ Имеется в виду находившийся при дворе Тимура старший сын Хызр-ходжа-оглана – Шам'-и Джахан.

⁴⁴ Тимур-Кутлуг-оглан, внук Урус-хана, – хан Золотой Орды (1397-1400 гг.), был возведен на ханский престол эмиром Идигу.

⁴⁵ Идигу Мангыт – в русских летописях Едигей — полновластный правитель-временщик Золотой Орды конца XIV – начала XV вв.

⁴⁶ Коран V, 96.

(Шараф ад-Дин Йазди, «Книга побед», «Зафар-наме»)

Шараф ад-Дин Али Йазди (ум. 1454 г.) – историк и поэт эпохи тимуридов, придворный правителя области Фарс (остан) сына Тимура Шахруха и внука Тимура, Ибрагима б. Шаруха б. Тимура. В 1419-1425 гг. написал на персидском языке хронику под названием «Зафар Наме» («Книга побед»), которая основана на одноименной хронике Низама ад-Дина Шами и других исторических трудах, а также рассказах очевидцев.

ПЕРЕВОД ИЗВЛЕЧЕНИЙ ИЗ ЗАФАР-НАМЕ ШАРАФ АД-ДИНА АЛИ ЙЕЗДИ

Рассказ об августейшем походе его величества Сахибкирана в сторону Джете

В 772 (1370-1371) г., соответствующем году Свиньи, Тимур обратил высочайший помысел свой на поход в сторону Джете...

Как только он переправился через Сейхун, то Кумза и Урунг-Тимур, подчинившись, проделали кольцо рабства и службы в уху повиновения и послушания. Когда тот иль и улус вошел во владение слуг его величества и был завоеван ими, Тимур назначил туда Кебек-Тимура управлять и командовать... и возвратился к местопребыванию трона султанства и престола халифства. В то же время пришло известие о том, что Кебек-Тимур, ответив неблагодарностью на добрые деяния [Тимура], ступил ногой отваги на ковер своевольтства и бунта.

В то время Бахрам Джалаир по той причине, что в Ташкенте во время порицания [Тимуром эмиров] он был благожелательно им упомянут, поместился в ряду слуг двора – убежища вселенной и мулазимов высокого, как Сатурн, порога. Последовал приказ, которому повинуются мир, чтобы он (Бахрам Джалаир), эмир Аббас, Хитай-бахадур и Шейх-Али-бахадур отправились на битву с Кебек-Тимуром и погасили огонь восстания и бунта водой разящего меча. Эмиры и бахадуры, спеша исполнить повеление, смело обратились в путь.

Когда они подошли к бунтовщику и выстроили ряды супротив друг друга, то иль Бахрам Джалаира с сотником Тизакчи, издавна враждовавшим с Бахрамом, замыслив предательство, вознамерились схватить его. Бахраму случилось узнать об этом деле, он сообщил эмирам, сопровождавшим его, и соблюл условия осторожности, {поэтому} стрела их (заговорщиков) умысла не попала в мишень желаемого... Эмиры там же, на берегу реки, заключили с врагами мир и отправились обратно. В пути они наказали ту часть джалаиров, что замыслили вероломство в отношении Бахрама. Когда они прибыли¹, то Тимур разгневался из-за того, что они заключили мир и возвратились.

Рассказ о втором походе Тимура в сторону Джете

Так как, согласно изречению «Воистину, Аллах всевышний любит высоту помыслов и ненавидит низость их», высокий помысел сопутствующего счастьем Тимура в любом деле, которому случалось начаться, удовлетворялся не иначе как достижением предела [его] и края, то он отверг ту мягкость, с какой обошлись эмиры с неприятелем, обратив ристалище битвы и сражения в [поле] мира...

Наконец, Тимур, твердо решив лично направиться в ту сторону, разослал во все края августейший ярлык о сборе войск. Со всех сторон и краев победоносные войска пришли в движение... Победное знамя благополучно проследовало через Сайрам и Йанги. Благодаря дружбе, что снискал Тимур у благословенной семьи избранника, да будет над ним и ими благословение божье и мир, он был осчастливлен таким из чудодействий – «наводил я ужас на месячный путь впереди [себя]», – что войска неприятеля, рассеявшись только от слуха о движении Тимура, бежали. Могущественный Тимур дошел с многочисленным войском до местности Сангиз-Йагач.

Победоносное войска захватило много пленных, обильную добычу и победное знамя, хранимое создателем, отправилось обратно с добычей, не поддающейся счету и исчислению...

Рассказ о третьем августейшем походе Тимура против Джете

В четверг 1 ша'бана 776 (пятница 5 января 1375) г. Тимур, собрав победоносные войска, направился с помощью божьей против Джете. Когда Рибат-и Ката 'ан стал местом августейшего привала, солнце от крайней стужи втянуло голову в серый беличий воротник туч и облако, научившись щедрой царской рукой разбрасывать жемчуг и рассыпать серебро, постоянно источало дождь и снег... Стужа дошла до того, что телесные силы иссякли, ни купля-продажа не могла заставить оторвать руку от руки, ни ноги не могли двигаться. Люди оказались не в состоянии уберечь скот, ибо их собственная жизнь была в опасности. Вследствие этого много народу умерло и пало изрядное количество скота. Тимур возымел такое сострадание и проявил такое милосердие, что повелел возвратиться оттуда и в продолжение двух месяцев оставался в Самарканде, пока не прекратились сильные дожди.

И вновь, в понедельник 1 шаввала (понедельник 5 марта), соответствующего началу года Зайца, он, еще более утвердившись в [своих] намерениях, снарядил победоносные войска и, проведя [им] смотр, направился против Джете.

Тимур послал вперед в качестве авангарда [отряд] эмирзаде царевича Джахангира и назначил состоять при его победоносном поезде Шейх-Мухаммад Байан Сулдуза и сына Бахрам Джалаира – Адил-шаха, которому Тимур после смерти его отца пожаловал предводительство в джалаирском иле. Пройдя Сайрам, они подошли к местности Джарун, [там] они захватили одного джетинца и отослали [его] к Тимуру; когда его допросили о положении Камар ад-Дина, племенем которого было дуглат, то он сообщил: «Он (Камар ад-Дин), собрав свои войска, расположился в местности Кок-Тебе, ожидает Хаджи-бека и не ведает о движении вашего войска».

Последовал высочайший указ о том, чтобы авангард без промедления отправился в путь. Сам [Тимур], также поспешая, погнался коней следом.

Когда Камар ад-Дин узнал, что подошли подобные року войска, он не смог остаться на месте и укрылся в неприступной местности, которую называют Барка-йи Гурийан. Место то – три ущелья, чрезвычайно глубоких, и в них протекают три большие реки. Камар ад-Дин и войска его, пройдя через два ущелья, остановились в третьем и на дорогах устроили завалы и укрепления. Царевич Джахангир двинулся на него, выстроив в боевой порядок победоносные и побеждающие войска. Ударив грохотом барабанов и литавр в таз небесного свода, бахадуры выступили вперед и подбросили ввысь ловающего жизни орла – стрелу из гнезда лука. После того как ударом разящих стрел они внушили врагам представление о мощи своей могучей десницы, они расположились супротив них. Весть стрелы запала в душу войска Камар ад-Дина, [поэтому], когда наступила ночь, все они

обратились в бегство, так что утром там не осталось никого из войска Джете. Победоносные бахадур, преследуя [неприятелей], перебили многих из того нечестивого войска.

Когда Хосрой планет (Т.е. Солнце) поднял пламя восхода, подошел Тимур с остальными войсками и послал вслед за врагом эмира Дауда, Хусайна и Уч-Кара-бахадур. Согласно повелению они отправились по течению р. Ила. Хусайн [же] утонул в какой-то реке, и пламя его жизни погасло. Когда они подошли к илю врага, то, разграбив его, захватили добро, имущество и скот и, разделив покоровшиеся тысячи на курени, отправили [всех] в Самарканд. Тимур с намерением искоренить, неприятелей дошел до местности Пайтак и послал вперед эмирзаде Джахангира с отрядом победоносных войск с тем, чтобы тот захватил Камар ад-Дина, усердствуя в его поисках и разгроме. Царевич согласно повелению отправился в путь. Они разорили джетинские тысячи, становищем которых был Уч-Фирман, и, обнаружив Камар ад-Дина в горах, пустились следом. Пройдя сквозь [тамошний] иль и улус, они разграбили все его (Камар ад-Дина) местности и стоянки. В том числе они захватили старшую жену эмира Шамс ад-Дина – Туйан-агу и ее дочь Дилшад-агу.

Царевич отправил человека и доложил о том Тимуру. А Тимур соизволил избрать то место стоянкой на пять месяцев и три дня. Когда это радостное известие достигло высокого слуха Тимура, он, откочевав оттуда, поднялся выше Кара-Касмака, а эмирзаде, благополучно возвратившись, удостоился там чести приложиться к ноге [Тимура]... Тимур, выступив оттуда, остановился в Ат-Баши, [затем], откочевав в долину Арпа-Йазы, провел там несколько дней в веселье и удовольствиях...

Рассказ о третьем походе Тимура на Хорезм и его возвращении с пути по случаю восстания Сары-Буги и Адил-шаха, [сына] Бахрам Джалаира

(В начале весны 777/февраль – март 1376 г.)

[Тимур] направил в Джете с 30 тысячами конных эмира Сары-Бугу, Адил-шах Джалаира, Хитай-бахадур, Ильчи-Бугу и других эмиров-тысячников и повелел, изрядно стараясь и усердствуя в поисках Камар ад-Дина, известить его там, где обнаружат...

Когда Сары-Буга и Адил-шах обнаружили, что вилайет пуст, они, задумав грешное [дело], схватили Хитай-бахадур и Ильчи-Бугу. К ним присоединился их наперник, которого Тимур назначил даругой в Андуган. Они, собрав свои народы – джалаиров и кипчаков, направились к Самарканду и начали осаду городских укреплений...

Эмирзаде Джахангир... одолел неприятелей. Они, бежав, ушли в Дешт-и Кипчак, укрылись у Урус-хана и стали мулазимами того двора. Тимур победоносно и счастливо остановился в Самарканде, разделив между эмирами улус джалаиров, развеял [его] и разбросал. [Затем] он отправил эмирзаде Омар-шейха управлять в Андугане. Адил-шах и Сары-Буга находились на службе у Урус-хана. В конце концов [у них] забились жила злобы и порока, и, когда Урус-хан уехал на Летовье, они, решив бежать, извлекли меч предательства из ножен вероломства, сразились с Уч-бием, уполномоченным хана, и, убив его, бежали оттуда, ушли в улус Джете, к Камар ад-Дину, и начали побуждать его к смуте и восстанию...

Рассказ о четвертом походе Тимура против Джете

Поскольку Сары-Буга и Адил-шах присоединились к Камар ад-Дину и во всякое время раздували ветром соблазна и подстрекательства огонь старинной вражды, что была в его природе, то Камар ад-Дин, поведя войска, вошел, в Андуганский вилайет. Тысяча [племени] кадак, отложившись от эмирзаде Омар-шейха, присоединилась к нему. Шахзаде, укрепившись в горах, послал к Тимуру человека по имени Данишманд и доложил обстоятельства дела, дескать, пришел с порядочным войском враг и перевернул Андуган вверх дном. Огонь гнева возгорелся [в душе] Тимура, когда он выслушал это известие, и он, тотчас же отправившись туда, спешно погнался коня.

Когда Камар ад-Дин узнал о выступлении Тимура, нога его стойкости поскользнулась И он без промедления повернул обратно. Выведя свой иль и семью из местности Ат-Баши, сам засел в засаде с 4 тысячами снаряженных всадников. Когда Тимур подошел к тому месту и поскольку он не ведал о засаде Камар ад-Дина, он отправил эмиров со всем войском преследовать врага, и [с ним] остались 5 тысяч воинов во главе с такими славными эмирами, как Муайяд, Хитай-бахадур, Шейх-Али-бахадур и Ак-Тимур-бахадур. Они (Хитай-бахадур и Шейх-Али-бахадур) также устремились вслед за врагом, а прочие же присоединились [к ним], так что с Тимуром осталось не более двухсот человек.

В это время Камар ад-Дин, почтя момент удобным, выскочил из засады с 4 тысячами мстительных, ловко владеющих мечом всадников. Обнажив безжалостный меч вражды, он обратился к Тимуру ликом отмщения. Но так как устроитель счастья, которое возрастает со дня на день, поведаль сердцу Тимура истину: «Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения по изволению божьему», то никакой страх и никакая тревога не нашли пути к благословенной душе. Ободряя своих людей, Тимур откровенно сказал: «Победа и успех заключаются в даре божьем, а не в числе войск. Должно проявить все мужество, ибо, если мы выкажем незначительную слабость, дело будет кончено...».

Так как могучий Тимур положил много труда, лично участвуя в той битве, что может быть только следствием небесного покровительства, то его победоносные войска также воздали долг мужеству и отваге, и 4 тысячи славных, мстительных воинов были смешаны, обращены в бегство и рассеяны немногими людьми [Тимура]...

Когда они тронулись, откочевав оттуда, в Санкиз-Йагаче они вновь настигли Камар ад-Дина, и он, еще раз потерпев поражение, обратился в бегство. Эмир Уч-Кара, преследуя его, отправился за ним. Когда они прошли часть пути, Камар ад-Дин вернулся с восемью нукерами. Они окружили его (Уч-Кара) и ударом стрелы убили его лошадь. Он также был много раз ранен. В конце концов он спасся, раненый и пеший...

Рассказ об отправлении Тимуром войск против Камар ад-Дина

В это время пришло известие о том, что Адил-шах Джалаир с несколькими людьми бродит в горах Караджик. Тимур отправил на его поиски Барат-ходжа-кукельташа и Ильчи-Бугу с 15 всадниками. Они, выехав ночью из Самарканда, отправились в путь. Достигнув Отрара, они вывели из города отряд и занялись поисками Адил-шаха в тех горах. Схватив его в местности Ак-Сума, они [его] казнили. Ак-Сума – это башня, построенная на вершине горы Караджик для караула, который наблюдает оттуда за Дешт-и Кипчак.

Сары-Буга, который восстал, свернул вместе с ним с пути правильных действий, бежал и после двух лет [скитаний] вновь явился к порогу убежища вселенной, наставленный проводником-разумом. Царская милость отпустила ему провинности и пожаловала власть над его народом.

Тимур повелел эмирзаде Омар-шейху отправиться против Камар ад-Дина с эмиром Ак-Бугой, Хитай-бахадуром и прочими эмирами и“ стараясь по мере возможности приложить все усилия для его устранения и уничтожения. Они отправились согласно повелению и, двигаясь со всей поспешностью, подошли к Камар ад-Дину в степи Кура-Тау и окрасили в сражении с ним благодаря помощи могущественной державы изумрудный клинок в яхонтовый цвет. От страха лица неприятелей побелели; они бежали и рассыпались, как солома от порыва резкого ветра. Когда Камар ад-Дин убежал, победоносные войска, разграбив его иль и улус, возвратились с обильной добычей и многочисленными рабами...

Рассказ о пятом походе Тимура против Лжете с войском многочисленным, как звезды, и стремительным [в ударах], как судьба

Едва победоносные войска возвратились с многочисленной добычей из набега на Джете, как Тимур в том же году (конец 777 /март – апрель 1376 г.) вновь отправился в ту сторону. В качестве авангарда он отправил Мухаммад-бека, сына эмира Мусы, удостоенного чести родства с Тимуром, эмира Аббаса и Ак-Тимур-бахадуром. Они, двигаясь согласно приказу днем и ночью, настигли Камар ад-Дина в Бугам Аси-Куле, в единственном решительном сражении обратили его в бегство и развеяли ветром разорения его иль; полонив его народ, захватили [людей и сделали их] рабами. Сопутствуемый счастьем Тимур, лично преследуя [Камар ад-Дина], дошел до местности Кучкар. Там довели до высочайшего слуха, что Токтамыш-оглан, усомнясь в Урусхане, обратил лик надежды ко двору – убежищу вселенной и подходит [сюда]. Тимур повелел эмиру Туман-Тимур Узбеку соблюсти обычай встречи, дабы привести его (Токтамыш) с совершенным почетом и уважением. А сам, благополучно возвратившись через Уйнагау, остановился в Узгенде. Выступив оттуда, Тимур счастливо прибыл в Самарканд...

Рассказ об отправлении войск против Джете

В том же году Свиньи (Т.е. в 785/1383-1384 г.), определив эмирзаде Али с войском на отражение и искоренение дурных джетинцев, которые в большинстве своем были лишены украшения исламской веры, [Тимур] отправил его на поиски Камар ад-Дина, возжигателя пламени их дурных свойств, а сам направился в Кеш. Когда эмирзаде Али выступил с войском в поход, в пути племя бахрин – акула моря смуты и леопард гор дерзости и бесстрашия, устроив засаду вероломства, разграбило обоз эмирзаде Али. Он возвратился разбитым и прибыл к Тимуру. Тимур с целью отмщения тем дерзновенным послал Шейх-Али-бахадуром, Сайф ал-Мулука – сына эмира Хаджи Сайф ад-Дина, Итилмиша и Аргун-шах-ахтачи с разящим и опытным в бою войском. Но так как от них вскорости не пришло никакой вести, то он отправил вслед за ними эмира Джа-хан-шаха Чаку, Ильчи-Бугу, Шамс ад-Дина Уч-Кара и Саин-Тимур-бахадуром с 10 тысячами всадников, Только они достигли Ата-Кума, как туда пришли змиры, что ушли ранее. Они, обнаружив племя бахрин, перебили многих из них и, разграбив и сделав рабами [прочих], возвращались обратно. Поскольку эмир Джахан-шах получил приказ о том, чтобы усердствовать в розыске Камар ад-Дина, то он [их] всех повернул обратно, и они вместе, пройдя Исси(к)-Куль, дошли до Куль-Тюбе в поисках Камар ад-Дина. Но так как они не обнаружили его становища, то отправились в обратный путь и осенью (Осень 785/1383 г) прибыли в Самарканд...

Рассказ о причине возвращения Тимура в свою столицу

...В то время доставили известие, что Инга-тюря, племянник эмира Хаджи-бек-ирканута, также предав забвению права Тимура на признательность за [содеянные] добрые дела и благодеяния, порушил договор и соглашение и с огромным войском вступил в Моголистан, Сайрам и Ташкент. Его воины протянули руку насилия для грабежа вилайета.

Едва эмирзаде Омар-шейх узнал о том деле, как [тотчас же] он, собрав узгендские войска, прибыл в Ходженд. Там он узнал, что враги через Чакишман отправились в Андуган. С намерением преградить им дорогу он тотчас же повернул обратно и на берегу Ахсикетской реки, а это то же, что Сейхун, вышел [им] навстречу. С обеих сторон, захватив, остановились. [Затем] несколько дней они шли друг насупротив друга вверх по реке, берег в берег, и подстерегали удобный случай. Однажды ночью Инга-тюря применил военную хитрость, оставил в том месте, где он расположился на привал, тысячу человек и приказал, чтобы они развели много костров, а сам с остальными войсками отправился вверх по реке. Спешно двигаясь, он обнаружил место

переправы и, переправившись через реку, выстроил ряды войска. Когда эмирзаде Омар-шейх выступил ему навстречу, войска противников сошлись, и сражение завязалось...

Эмирзаде Омар-шейх прилагал героические усилия, но поскольку число и многочисленность врагов выходили за пределы счета, то он уклонился от сражения с ними и вошел в андуганскую крепость. Инга-тюря с войсками двигался следом. Когда он подошел [к городу], то захотел, обложив город со всех сторон и краев, приступить к [его] осаде. Так как у сопутствующего счастьем царевича забились жила унаследованного рвения и пыла, он поспешил из крепости наружу и, смело обратившись к врагам с мечом божественной поддержки и щитом упования на бога, завязал сражение...

Поскольку войско Джете было многочисленным, а армия царевича несравненно меньшей и он вследствие крайней удали и мужества оказался среди врагов, рыча, как лев, и рубя мечом и раздирая копьем грудь врага, то Таваккул-бахадур, обнажив меч, напал [на врагов] и, взяв лошадь царевича под уздцы, вывел его с поля боя. Инга-тюря также не признавал разумным оставаться на месте, он повернул обратно и направился в Кафиристан. Эмирзаде Омар-шейх отправил вслед за ним войска. Они, преследуя [его] около трех дней, извели многих из джетинского войска, что уходили задними...

Рассказ об отправлении Тимуром эмирзаде Миран-шаха в Хорасан

...Тимур утвердился в своем решении, чтобы лично выступить вслед за Токтамыш-ханом. Нойоны и эмиры, сговорившись, преклонили колена и языком искренности и доброжелательства доложили: «Если высокая мысль почтет справедливым, то мы отправимся против Инга-тюри и Хызр-ходжа-оглана, сына Тоглук-Тимур-хана, и, воздав им по заслугам, поступим таким образом, дабы они в другой раз не допускали на ум своевольных и дерзновенных мыслей. А по окончании этого дела мы бы отправились в поход на Токтамыш-хана». Тимур благосклонно выслушал их речи.

Рассказ о пятом походе Тимура в Моголистан против Хызр-ходжа-оглана и Инга-тюри

В этом же, 791 (1388-1389) г. Тимур, покоритель вселенной, решил направиться в Моголистан и, возвращаясь из местности Ал-Кошун, проследовал с войсками, слугами и челядинцами по дороге на Бури-Баши. Пройдя через Тупалык-Курук, он взошел на перевал Узнак. Лошади воинов чрезвычайно отошали, [поэтому] Тимур отправил обратно в Самарканд трех человек из каждого десятка и повелел разделить их лошадей между семью оставшимися. Сделав [таким образом] войско двуконным, благополучно и счастливо [он] отправился в путь.

Когда Тимур дошел до Аткан-Сури (Там же: Акин Сури), [там] воды не оказалось, и войска от безводия пребывали в большой нужде. Два-три дня они доставали воду, роя колодцы, и пили. Неожиданно благодаря потоку божеских милостей они обнаружили под травой в тех степях в самые жаркие дни лета много снега и льда, так что воины утолили жажду, а их лошадей и скот напоили. Воздав хвалу всевышнему богу, они отправились в путь. Когда они пришли в местность Тугра-Отлыг, они согласно повелению занялись охотой и, устроив облаву, в степи Айгыр-Йалы изловили много диких ослов; тех, что были жирными, забирали, а тощих оставляли.

Войска остановились в степи Улаг-Чарлыг, достигнув местности Чапар-Айгыр. В ту степь из войска Инга-тюри пришли Улан-Буга и Инка-Чак с тысячью воинов и бродили в поисках племени бахрин. Мирак-Ильчи и Пир Али-таз были караулом правой руки победоносного войска. Нечаянно встретившись с [ними], они отважно вступили в сражение и [начали] бой. Неприятель, без промедления показав спину поражения, обратился в бегство. Победоносные воины, захватив одного из них, привели к подножию высочайшего престола и расспросили его о положении [врага]. Выяснилось, что Инга-тюря расположился в местности Урунг-йар.

Тимур тотчас же отправил ускоренным маршем, без обоза, в ту сторону Шейх-Али-бахадур и Ику-Тимура с некоторыми эмирами и приказал, чтобы они, гоня коней со всей поспешностью, постарались застать Инга-тюря в местности Урунг-Йар, а чтобы враги пребывали в неведении относительно их движения, повелел в пути не разводиться огня. [Сам же] Тимур, выступив ночью с войсками, подобными року, сопутствующий помощью бога, спешно отправился следом за ними.

Когда настал день, выяснилось, что, так как проводник ошибся дорогой, они оказались в другом месте. [Весь] тот день они со всей поспешностью гнали коней по дороге на Кийан-Кази и ночной порой остановились в Куль-Сали; на следующий день, найдя дорогу, прибыли в Пай-Акуз. Когда они остановились там, Тимур собрал совет с царевичами, нойонами и эмирами [и сказал]: «Так как мы плутали три дня, то, должно быть, враги узнали [о нашем походе] и рассеялись. Благое средство в том, чтобы мы направились на них с двух сторон».

Поэтому он отправил [одной дорогой] эмирзаде Омар-шейха с частью войск и сделал их проводником эмира Джалала, сына эмира Хамида. А сам с остальными войсками, пройдя через Шира, Шибарту, Кой-Мураг, Кураган и Буурлагу, поднялся на Кара-Гучур.

Эмирзаде Омар-шейх и победоносные войска шли через горы и степи. Везде, где им случалось встретиться с вражеским народом, они, сражаясь, сокрушали всех и подчиняли, пока в местности Кубак не подошли к Инга-тюре. С обеих сторон прокричали боевой клич... Бахадур победоносного войска, вспомоществуемые поддержкой бога, сокрушили тех нечестивцев, перебив многих из них, и, преследуя Инга-тюря, изгнали его из вилайета и прошли через местность Какама-Бучи. Захватив несчетную добычу, они

полонили изрядное число периликих и луноликих девушек с ланитами, как тюльпан. Могучий царевич, сокрушив и рассеяв злодеев-неприятелей, с победой и одолением и с добычей, не поддающейся учету, благополучно отправился в обратный путь, и в местности Ахта-Диктур был осчастливлен разрешением приложиться к ноге Тимура.

Поскольку прошло длительное время с тех пор, как Шейх-Али-бахадур и Ику-Тимур отправились в набег и от них не было никаких известий, то последовал высочайший фирман о том, что пусть эмирзаде Омар-шейх с отрядом войск выступит [с целью] разузнать о их состоянии. Согласно приказу царевич отправился в поход. Спустя несколько дней Шейх-Али-бахадур и Ику-Тимур, [прибыв] другой дорогой, присоединились к августейшему лагерю.

Когда эмирзаде Омар-шейх достиг степи Ит-Ичмес-Ала-Куль, он неожиданно столкнулся с восемью сотнями всадников под началом Кара-Байан-Тимура, а с царевичем в то время было не более 50 человек. Поскольку все они были эмиры и бахадур, такие, как Худайдад-и Хусайни, Тимур-ходжа-йи Ак-Буга, Хаджи-Махмуд-шах-Йасавури, Пир-хаджи Арлат и подобные им, то они с той непоколебимой верой в помощь тимуровой удачи, которой [всегда] обладали победоносные войска, без раздумий и страха напали на них [врагов], уповая на бога...

Царевич, благодаря искренности устремлений и благодати убеждений, воздав долг мужества в священной войне с теми еретиками и зачинщиками разлада, одержал победу так, что ангел на небесах, разомкнув уста похвалы, возгласил «браво» его доблести и отваге.

Пир-хаджи, сын Тиланчи Арлата, что был из [числа] самых смелых и самых мужественных людей времени, выбил чекан отваги на монете смелости. Как свирепый лев, он, заклеив в той степи вражды тавром небытия чело жизни изрядного числа лишенных веры неприятелей, сбрасывал тела на землю, а души отправлял в чистилище. Для возвышения его достоинства из засады рока ему на погибель вылетела стрела, и он счастливо удостоился мученической смерти за веру, получив [свою] долю в милости изречения: «Были в битвах и были убиты, очищу я от злодеяний их». В конце концов – «что воинства наши будут для них победоносны» – в месте восхода показалась приносящая счастье звезда победы и торжества. Победоносные борцы за веру, одолев следующих путем порока неприятелей, обратили их в бегство. Перебив многих из них, они разграбили все, что имели враги из имущества и скота, и возвратились в высочайший лагерь невредимые и отягощенные добычей, гоня табуны лошадей и отары овец...

Когда Тимур устроил привал, прибыв в местность Кара-Гучур, он разделил между всеми воинами добычу и скот, что захватили со всех краев и сторон войска, подобные року. Некоторое время он соизволил задержаться там, чтобы откормились их лошади, [затем] он приказал, чтобы эмир Джахан-шах, Уч-Кара-бахадур и прочие эмиры, отправившись в набег с 30 тысячами всадников, поспешили в сторону Иртыша на розыски врагов. Они отправились согласно приказу и, гоня коней день и ночь, подошли к Иртышской реке. [Там] расположились таким образом, что половина войск {была} по эту сторону реки, другая половина – по ту, [и] отправились они берегом реки на розыски неприятелей. Когда они доходили до какого-либо места как на островах, так и не на них, где враги, бежав, укрылись, то избиением и грабежом они стирали их с лица земли. Захватив таким образом многочисленный полон и несчетную добычу, они отправились обратно с победой и одолением и присоединились к августейшему поезду.

Тимур разделил на курени моголистанский иль и улус, [который] был им завоеван и в [в котором] утвердилась власть, и отправил в Самарканд, поручив [их заботам] эмира Л'ала, брата Таги-Буга Барласа, Тимур-Буги и прочих эмиров кошунов. Они, погнав ту толпу, привели в Самарканд вместе с имуществом и добычей. Тимур, пройдя Чул, после ряда переходов и остановок достиг местности Эмил-Гучур и в Сарай-Урдуме устроил счастливый привал.

Рассказ о созыве Тимуром курилтая и об отправлении войск во все стороны и края Моголистана для истребления Джетинского улуса

Поскольку [обычно] благословенное расположение духа Тимура не приходило в равновесие до тех пор, пока цель, к которой он обращался высоким помыслом и на которую бросал тень внимания, не завершалась полностью и самым наилучшим образом, то и в этом августейшем набеге, он, несмотря на то что его победоносные войска неоднократно и раз за разом одерживали победы над врагами, сокрушая и подчиняя [их], как уже подробно излагалось, вновь устроил совет с царевичами и нойонами добавлено: «с темниками, тысячниками и эмирами кошунов») относительно искоренения Джетинского улуса.

Вышел приказ, чтобы подобные року войска поотрядно отправились различными дорогами и, охватив все местности и степи той страны, являющейся местом (В тексте: махалл) кочевий народа Джете, не оставили бы и следа от того, что где-либо обнаружат. Согласно обязательному фирману собрали всех проводников и вожатых и, разузнав [у них] о дорогах, занесли [сведения] в реестры. Когда их распределили между эмирами и царевичами, было решено, что каждый отряд отправляется своей дорогой с назначенным проводником на исторжение и искоренение неприятелей и тех людей, что из страха перед их разящими мечами выйдут из любого укромного места, захватят всех; и все соберутся в местности Юлдуз.

В числе отправившихся согласно повелению по заранее установленному пути был эмирзаде Омар-шейх с андуганскими войсками и с их проводниками – Бурхан-огланом и Байан-Тимуром, сыном Бикичика Джете. Они нападали по всем сторонам и краям от дороги и везде, где обнаруживали врагов, завершали дело избиением и

грабежом. Пройдя через перевал Дубасин-Ундур, они достигли поселения Кара-Ходжа. Расстояние между Самаркандом и Кара-Ходжей равно трехмесячному караванному пути.

Другой отряд. Эмир Джахан-шах и Шейх-Али-бахадур с 30 тысячами снаряженных всадников, сделав проводником нукера Сонкура, отправились по дороге, которая была [им] назначена. Перевалив через Кара-Арт и Шуруглук, они везде, где настигали врага, убивали и грабили

Другой отряд. Осман-Аббас с 20 тысячами опытных воинов и с эмиром Джалал-и Хамидом, который стал проводником, поспешил в Сагулганлык и Кок-йар по дороге на Сагизган...

Другой отряд. Худайдад-и Хусайни и Мубашшир-бахадур, сделав проводником Кумартаку, пустились в путь через Уручку с 20 тысячами отважных и смелых воинов. Когда они дошли до местности Бикут, то повстречались с народом бул (а)гачи-вилкар, и произошло крупное сражение... Огонь той битвы бушевал целые сутки, пока из цветника тимурова могущества не поднялся ветер победы, и отважные бахадурь, сокрушив презренных неприятелей ударом каленого меча, обратили их в бегство и рассеяли. Они, разгромив и рассеяв [врагов], возвратились счастливо и победоносно с многочисленной добычей. Тимур лично соизволил выступить с основными войсками, и, так как Калан-Дуджи стал проводником, он направился по дороге Улуг-Кул, сопутствуемый победой и, торжеством. Выступив налегке, быстрым маршем из августейшего лагеря, он поднялся на Сычкан-Дабан. Когда несчастье и бедствие вновь бросили улус бул(а)гачи под могучий удар воинов, подобных року, они (воины) единым нападением смели с лица земли тех нечестивцев, и в могучие и сильные руки победоносного войска попали несметные богатства и несчетная добыча.

Тимур еще во время похода против Токтамыш-хана оставил в Туркестане эмира йадгар Барласа, эмира Сулайман-шаха, эмира Шамс ад-Дин Аббаса и эмира Гийас ад-Дин-тархана. Когда [Тимур], разбив и изгнав войска Токтамыш-хана, вернулся оттуда обратно и обратился против Джете, он послал к ним человека [сказать]: «Вы также войдите в Моголистан и займитесь уничтожением неприятелей». Согласно фирману они, войдя в Моголистан, оставили на том рубеже по повелению Тимура Той-Буга-шейха, дабы он занялся землепашеством, а сами, отправившись на поиски врагов, совершив ряд переходов и остановок, прошли через Ур-Дабан. Переправившись через реку Ила и достигнув Сють-Куля и Чичеклика, они разграбили иль и улус тех областей. Храбрые войска захватили многочисленную добычу и скот. Оттуда они выступили в сторону Балай-Каз, и везде, где им случалось встретиться с неприятелями, они их убивали или брали в полон... В поисках народа бул(а)гачи и салучи они шли, осматривая все края тех областей. Когда они прошли Мулзуд, они встретились с Хызр-ходжа-огланом, что был правителем Моголистана, а с ним было многочисленное войско. Нойоны и эмиры не сочли разумным сражаться с ними в конном строю, а бегство не было в правилах победоносного войска. [Поэтому] они спешили по необходимости и, привязав поводья лошадей к [своим] поясам и пустив по врагам дождь стрел, ударами смертоносных копий преградили им путь одоления и завоевания.

Так как после многих усилий, которые в течение двух суток прилагались противниками..., никто не показал спину другому, не оставил того места, которое держал..., сражение продолжалось. Хотя Купалык и прочие эмиры и бахадурь Джете, подобно мотылькам, бросились в огонь брани, они не одержали верх, и в интересах чести каждого было обратиться поле сражения и распри в [поле]мира. Славные эмиры, подкрепив примирение с Хызр-ходжа-огланом договором и соглашением, направилсь в Юлдуз, что был установленным местом сбора войска, подобных року.

Шах-Малик-тархан, предпочтя бегство тому сражению, отправилсь в степь. В местности Киту он удостоился чести приложиться к тимурову порогу и представил дело, которое наблюдал воочию, совсем по-другому. Когда [подобный] рассказ о событиях дошел до высокого слуха Тимура, он пустился в путь со всей поспешностью. Присоединившись к туману Султан-Махмуд-хана и пройдя через Кунгез, Тимур прибыл в Юлдуз. В этом месте эмир Йадгар Барлас, эмир Сулайман-шах, эмир Шамс ад-Дин Аббас и Гийас ад-Дин-тархан, которые возвращались после сражения и примирения с Хызр-ходжа-огланом, удостоились счастья аудиенции.

Тимур соизволил избрать из (всего) войска опытных воинов и, оставив обоз, отправилсь налегке, ускоренным маршем. Перейдя через реку на переправе в Ула-Кинауре, он спешно гнал коней по пятам Хызр-ходжа-оглана. В той бескрайней степи..., поднимаясь на кручи и спускаясь в теснины, он дошел до местности Кара-Булак и отправилсь оттуда. Когда он прошел через Тир-Гаш и вражеское войско обнаружилось в Кошункае, он соизволил остановиться в той местности. Едва неприятели узнали о приходе победоносного войска, как их одолел ужас и страх, и они в ту же ночь бежали, каждый следуя своим путем... Когда войско Джете рассеялось, каждый из отрядов от ужаса ушел кто куда. Многочисленные толпы (В тексте: гурух) их, бежав, ушли в ту самую сторону, откуда пришли победоносные войска, и встретились с эмирзаде Омар-шейхом. Войска царевича, разграбив их, стерли с лица земли. Большая часть тех беглецов ушла в другую сторону. Шейх-Али-бахадур и эмир Джахан-шах, нечаянно встретившись с ними, покончили со всеми точно таким же образом..., Тимур, пройдя через горы Тари-Рин, преследовал врагов до Кара-Таша. Хызр-ходжа-оглан, отвратившись сердцем от царства и добра, [едва] вынес свою душу с помощью тысячи ухищрений. Стихи:

Хызр-ходжа, который был в Джете ханом,
Бежал, страшась Тимура,

Совсем ушел из родных мест скитальцем,
 С дрожащим от страха телом, с израненным горечью сердцем.
 Не осталось у него ни царства, ни добра, ни войска.
 От ужаса он не отличал головы от ног.
 Все войска его побиты или в плену,
 Дети его и жена познали позор плена.
 Совсем перевернулся его улус вверх дном
 И следа-то не осталось людского в той стране.
 Таковым станет положение того государя.
 Кому возжаждет отомстить Сахибкиран.

Подобные року войска пустили на поток и разорение остальных неприятелей, что обитали в тех горах и степях вплоть до горы Кулан, и, забрав многочисленную добычу — лошадей, верблюдов, овец и прочее, — захватили несчетное число пленных и рабов. Равный по могуществу небесам Тимур, победоносно и счастливо возвратившись оттуда, пришел в Джалыш, где он соизволил полностью разделить между войсками добычу тех побед, которую счетовод воображения не смог счесть пальцами сравнений и предположений. Когда Тимур благополучно и счастливо ушел оттуда и прошел через Качар-Тау и Пула-Чар, Юлдуз стал местом расположения августейшего стана.

Эмиры и воины, которые по приказу ушли во все стороны и края для уничтожения и искоренения врагов, в этом месте удостоились аудиенции согласно установленному сроку с многочисленной добычей и несчетным числом пленных, с победой и торжеством. Место то чрезвычайно свежее и нетронутое, и много там усаждающих источников и обилие тучных трав... Оттуда до Самарканда два месяца караванного пути. Тимур отправил человека к эмирзаде Омар-шейху и приказал, чтобы тот отправился дорогой на проход и уничтожил и истребил всех неприятелей, которые будут в тех окрестностях и округе. Царевич, торопясь исполнить приказание, проследовал через проход и в пути встретился с Купальком, одним из именитых эмиров Джете. Произошло великое сражение...

В конце концов благодаря блеску вечного могущества благородный царевич одержал победу. Пленив Купалька, он извел его мечом мщения и разграбил весь его улус. Захватив в добычу много овец и лошадей, он выступил оттуда и, пройдя через Кусан и Уч-Фирман, вошел в Кашгар. Выйдя оттуда, он при счастливом гороскопе и благословении божьем остановился с победоносными войсками в Андугане, который был его личным уделом.

Рассказ о возвращении Тимура в свою столицу

Когда Тимур освободился от дум о джетинском деле..., он обратился своими высокими помыслами к возвращению в столицу – Самарканд. Выступив со всеми подобными року войсками из Кучук-Юлдуза, он пришел в Улуг-Юлдуз. Там, задав великий той, он предался веселью и развлечениям и осчастливил всех нойонов, эмиров и благородных поясами, халатами и дарами...

Поставив во главе обоза эмира Джахан-шаха, 15 ша'бана 791 (9 августа 1389 г.), соответствующего году Змеи, он направился в столицу и, спешно погоняя коней, 7-го [числа] благословенного месяца рамазана (30 августа) прибыл в Самарканд...

Рассказ об отправлении Тимуром войск против Джете

Тимур также в начале упомянутого 792 (1389-1390 г.) соизволил отправить против Джете с 20 тысячами всадников эмира Сулайман-шаха, Худайдад-и Хусайни, эмира Шамс ад-Дин Аббаса, его брата эмира Османа, а из эмиров кошунов и ханебачеган [отправил] Садик-Табана, Султан-Санджара, сына эмира Хаджи Сайф ад-Дина, Хасан-джандара, Тилак Каучина, Эйд-ходжу, Таваккул-баурчи и Нусрат-кумари.

Когда они, переправившись через Сейхун, проследовали через Ташкент и подошли к Иссык-Кулю со стороны Андугана, от эмирзаде Омар-шейха прибыли и присоединились к ним с 5 тысячами отважных и мужественных воинов эмир Малишапперды, сын его Пейкаш, Бадр и Садр Туркмен. Когда они пришли в Кок-Тебе, то задержались на несколько дней в той местности, чтобы разведать положение неприятеля. Они вышли оттуда, преследуя врагов, через перевал Арадж-Тау и убивали каждого из неприятелей, кого обнаруживали, а если оставляли в живых, то забирали в полон. Таким образом, они проследовали на конях удали и натиска по сторонам и краям тех областей и земель, пока не пройдя Алмалыг и переправившись вплавь через реку Ила, не достигли Каратала, что был юртом Инга-тюри. Там они узнали, что, когда Улджа-Буга-мучалкачи из каучинов, который еще раньше отправился на разведку с четырьмя сотнями всадников, неожиданно встретился с Камар ад-Дином в каком-то уголье для охоты (В тексте: шикаргах), они затеяли великое сражение, и много было убитых с обеих сторон.

Для выяснения обстоятельств этого дела эмиры отправили Хасан-джандара, Малиша и Пейкаша. Они осмотрительно и отважно пустились в путь. Когда достигли места, где произошло то сражение, они увидели много тел поверженных. Среди своих воинов они обнаружили одного раненого из народа минлагу, который был при последнем издыхании и 40 дней пробавлялся одной травой. Они, утешив его, привели к эмирам. Он рассказал: «В той местности мы сражались с Камар ад-Дином, порядочно народу было побито с обеих сторон, и наше войско вышло из сражения разбитым, а Камар ад-Дин отправился в сторону степи Ични-Бучни».

Эмиры немедля погнались коней по его (Камар ад-Дина) следам. Пройдя Ични-Бучни и достигнув Укар-Китачи, они оставили там обоз и отправились налегке. Когда они достигли берега Иртыша, Камар ад-Дин уже переправился через реку и ушел в сторону Тюлеса, в чьих лесах, как говорят, водится соболь и горностай. Они обнаружили лодки и плоты, которые построили ([враги] и на которых они переправились через реку. Несколько дней эмиры оставались на том месте, и каждый послал своего человека за реку наложить свои клеймо и тамгу на высокие ели, которые росли в тех лесах...

Поскольку истекло уже почти шесть месяцев их похода в тех степях и так как припасы у воинов иссякли и они в ту пору пробавлялись большей частью дичью и диким луком (и погода также похолодала): «Подоспела зима, и погода сильно похолодала»), они благополучно отправились оттуда в обратный путь и возвратились дорогой на Алтун-Курка. А дорога та такова, что по обе стороны от нее тянется обширное озеро, которое называют Атрак-Куль. Совершив ряд переходов и остановок, они удостоились в Самарканде высочайшей аудиенции.

Рассказ о сватовстве Тимура к дочери Хызр-ходжа-оглана...

В это время (Конец 799/июль – август 1397 г) Тимур, пожаловав Шам'-и Джахана, сына Хызр-ходжа-оглана, роскошными царскими халатами и почтив государевыми милостями, отправил его из Самарканда к отцу, дабы он испросил у отца свою сестру для него (Тимура), и ради этого важного дела послал вместе с ним Гийас ад-Дин-тархана со многими дарами из редкостных животных и ценных вещей...

Рассказ о разбивке сада Дилгушай и закладке фундамента приносящего радость дворца

И когда солнце переместилось в созвездие Рыб (Т.е. когда наступил февраль 1398 г), Тимур назначил эмирзаде Мухаммад-султана управлять моголистанской границей и приказал, чтобы он возвел крепость в [местности] Ашпара и приложил все старания, чтобы приумножить число построек и увеличить посевы. Он назначил состоять при нем Берды-бека, [сына] Сары-Буги, эмира Хаджи Сайф ад-Дина, Худайдад-и Хусайни, эмира Шамс ад-Дин Аббаса и прочих эмиров с 40 тысячами всадников. Торопясь исполнить приказ, они отправились в путь. Пройдя через перевал Кулан, они разбили победоносный лагерь в Ашира и ее пределах и занялись заселением и землепашеством...

Рассказ о прибытии послов с разных сторон – Тайзи-оглана от калмаков и Шейх Нур ад-Дина из Фарса

Когда луга Дурина (Местность в окрестностях г. Кабула, где остановился на два дня Тимур по пути в Индию в 800/1397-1398 г) благодаря блеску прибытия победоносного поезда [Тимура] сделались предметом зависти высшей небесной сферы, из Дешта прибыли посол Тимур-Кутлуг-оглана и человек эмира Идигу, а из Джете также прибыл посланец Хызр-ходжа-оглана. Эмиры и нойоны подвели их к подножию высочайшего престола. По исполнению обычая целования земли, украсив [свою] речь приветствием и восхвалением, они зачитали имевшиеся у них послания.

Содержание всех посланий заключалось в следующем. «Мы – рабы, слуги и возвращенные милостями его величества. И если раньше рубец вражды безобразил (Букв.: «раздирал») лик нашей чистой дружбы, если мы, ступив с пути повиновения, бежали и бродили в степях, смущенные и ошеломленные, то теперь мы в зеркале разума воочию увидели безобразие и отвратность всего этого и, раскаявшись в [столь] непохвальной вражде, причина которой крылась в шайтановом искусстве невежества и тщеславия, прикусили палец раскаяния зубами сожаления.

Если благосклонное внимание его величества, обратившись к нашему положению, смочет узоры тех прегрешений чистой водой прощения и отпустит наши провинности, то впредь мы никогда не сойдем с дороги повиновения и нисколько не уклонимся от [исполнения] приказаний рабов его величества...».

Тайзи-оглан, выказав неповиновение каану в Большом Юрте и бежав от калмаков, прибыл к подножию высочайшего престола в той же местности. Тимур прижал его к груди, расспросил уважительно и учтиво, отличил многими царскими милостями и щедротами и пожаловал ему халат, затканый золотом, пояс, усыпанный камнями, быстроногих коней, караванных мулов, множество верблюдов с палатками и шатрами и все то, что [необходимо] по части султанской пышности. И победоносный Тайзи-оглан стал мулазимом августейшего поезда...

Затем Тимур отпустил обратно послов узбеков и джете с царскими дарами, редкими и ценными подношениями и благосклонными грамотами, милостиво обойдясь с ними, удостоив их шапок, поясов, халатов и коней, удовлетворив все их просьбы...

Рассказ о получении добрых вестей из разных стран и сторон

В то время (802/1099-1400 г), когда происходили упомянутые события, с разных сторон и концов света пришли благоприятные вести, что было свидетельством и признанием силы державы, увеличивающейся день ото дня, и, между прочим, известие о том, что так как Хызр-ходжа-оглан, который был правителем Джете, предстал перед богом, то между его сыновьями Шам'-и Джахан-огланом, Мухаммад-огланом, Шир Али-огланом и Шах-Джахан-огланом возникла вражда вследствие наущения дурных людей. И между прочим известие о том, что эмирзаде Искандар, сын Омар-шейха, с эмирами повел войска из Андугана, вошел в Моголистан, одолел врагов благодаря блеску могучей державы, сокрушил их и поразил несчастьем...

Подробности повествования об упомянутом эмирзаде заключаются в следующем. Когда Джетинский улус пришел в беспорядок вследствие кончины Хызр-ходжа-оглана, эмирзаде Искандар, почтя момент удобным, несмотря на свои 15 лет, собрал андуганские войска и совместно с такими состоящими при нем

эмирами, как Пир-Мухаммад Таги-Буга Барлас, Нурак Барлас Байан-Гимур, сын Бикичика Джете, Пир-хаджи Малиш и Ширмаст, сын Бахмана Джунгурбани, направился в Моголистан. В поход выступили также те эмиры, которые согласно высочайшему повелению пребывали в Джете, как-то: Берды-бек, Худайдад, сын Хусайна, эмир Шамс ад-Дин Аббас, Дад-Малик Барлас, Сиддик-Табан и пр. Когда поезд царевича приблизился к Кашгару, [эти] эмиры присоединилась к нему.

Они все вместе, смело направившись в ту сторону, разграбили Яркенд. Пройдя через него, они разграбили Сарык-камыш, Калпин, Ала-Куль, Йар-Курган, Чахар-Так и Кинук-Баг. Когда они достигли области Уч, иль и улус, что имели юрт в тех местах, частью вышли навстречу со смирением и покорностью, а часть они, переселив, погнались в сторону Аксу и после многих трудов взяли оружием Уч, [являющуюся] мощной крепостью. Аксу – это три цитадели, каждая из которых соединяется с другой. Она столь известна прочностью и неприступностью, что жители тех местностей считают ее убежищем в дни несчастья и войн. Упомянутый эмирзаде и эмиры отправились в сторону Аксу. Когда они подошли [к Аксу], то расположились снаружи города и занялись приготовлениями [необходимых] для ведения осады средств, т.е. рытьем подкопов, сооружением штурмовых лестниц, строительством осадных башен, установкой катапульта и тому подобных [орудий]. Почти 40 дней провели они в стычках и сражениях. Затем жители крепости, изъявив покорность, вынесли дары и, выставив также вой нескольких богатых хатайских купцов, которые находились [тогда] в крепости, принесли их за себя в жертву.

Оттуда они (эмиры) отправили воинов в набег на Пай и Кусан. Пай – это летовка, а Кусан – зимовка. Победоносные войска разграбили Пай и Кусан, взяли в полон жену эмира Хызр-шаха, Хаджи Мулк-агу, ее дочь Асун-Мулк и прочих и произвели также набег на Тарим. Они угнали много народу, переселив его из тех мест.

После всех тех побед эмирзаде направился из Аксу в Хотан. От Хотана до хатайской столицы Ханбалыга 161 станция по местам, где есть вода и поселения, так как оттуда до Кара-Ходжи 35 станций, от Кара-Ходжи до заставы, которая суть хатайская граница, [где] от горы до горы возведена стена, поставлены ворота, построены дома и почтовые дворы и [особые] люди несут охрану границы, – 31; оттуда до Кан-Джан-Гу, одного из хатайских городов, – 55 станций, оттуда до Ханбалыга – 40 станций, и в Нумнай – 40 станций. Говорят, имеется другая дорога, по которой от Хотана до хатайской границы можно дойти в 40 дней. Однако [по пути] нет ни одного поселения, и только обильные пески. Когда копают в той пустыне колодец, хотя и быстро доходят до воды, все же в большинстве мест вода содержит отраву, и всякое животное, которое напьется этой воды, гибнет. Из диковинок тех мест – два колодца, расстояние между которыми незначительное. При всем этом иногда бывает, что вода одного губельна, а другого – пригодна для питья.

От Хотана до Кашгара – 15 дней пути, а из Кашгара до Самарканда – 25 станций. В Хотане протекают две реки, которые называют Урунк-Каш и Кара-Каш. Большею частью камни в этих реках – нефрит, [который] вывозят оттуда в другие государства. Вода обеих рек стекает с Каранку-Така.

Итак, когда эмирзаде Искандар достиг Хотана, жители города вышли со смирением и покорностью и поднесли дары, и он овладел благодаря мощи могучей тимуровой державы замками и обителями тех пределов и сторон. Помянутый эмирзаде пошел в сторону Каранку-Така. Каранку-Так – это гора, высокая и чрезвычайно крутая, так что привязывают ноги к седлу, чтобы взойти на нее. Жители Хотана и окрестностей находят убежище на той неприступной горе в пору смут и войн.

Когда эмирзаде узнал об обстоятельствах той горы, он повернул обратно и провел зиму в Кашгаре. Отобрав две девятки периликих моголок и подобных гуриям хотанок, он отправил [их] в сопровождении Шейх-Йасаула ко двору – убежищу вселенной, и тот прибыл в победоносный лагерь во время похода на Шам, повествование о коем следует после этого рассказа. [Искандар] отправил [еще] девятку девушек и девятку коней эмирзаде Мухаммад-султану. А тот уже прибыл в Туркестан с целью учинить набег на Джете. Так как эмирзаде Искандар, не задержавшись, поспешил отправиться и ушел раньше, то все это очень не понравилось царевичу. Он отверг его дары и, возвратившись оттуда, прибыл в Самарканд.

Когда наступила весна, эмирзаде Искандар пришел в Андуган и оттуда направился в Самарканд, намереваясь повидаться с эмирзаде Мухаммад-султаном. Когда он прибыл в Ак-Кутал, ему доложили «Царевич очень раздражен и намерен схватить тебя». А поскольку он в душе таил своевольные мысли, то он встревожился и, возвратившись в Андуган, вошел в крепость. Тамошние эмиры Пир-Мухаммад, [сын] Таги-Буга, и Пир-хаджи, сын Малиша, почли это за противление и бунт. Собрав андуганские войска, они осадили крепость. Эмирзаде Искандер, переговорив с ним, вышел из крепости и расположился в том самом розовом саду, который разбил эмирзаде Омар-шейх. Они (эмиры), схватив его доверенных нукеров, заковали в цепи и послали известие эмирзаде Мухаммад-султану в Самарканд: «У него была мысль воспротивиться; так как он вошел в крепость, мы схватили его вместе с нукерами». От царевича прибыл человек и отвез эмирзаде Искандара вместе с нукерами в Самарканд. На берегу реки Кухак он привел его к царевичу. Учинив, заковали эмирзаде в цепи, а его агабега Байан-Гимура, сына Бикичика, казнили с 26 нукерами упомянутого эмирзаде.

Рассказ о возвращении из Шама победоносных знамен

...Там вышло высокое указание, чтобы написали два обязательных к исполнению приказа. Содержание одного [из них] в том, что пусть эмирзаде Мухаммад-султан, находившийся согласно приказу, которому следует судьба, на границе Моголистана, возложив охрану и управление тех границ на Худайдад-и Хусайни, Берды-бека, [сына] Сары-Буги, и прочих тамошних эмиров, направится сам ко двору – убежищу сселенной...

Рассказ о походе Тимура на город Мардин

В это время (Конец ша 'бана – начало рамазана 803/март – апрель 1401 г.) Тимур отправил эмира Аллахдада (Находился на границе до смерти Тимура, после же оставил Ашпару, присоединился к Худайдад-и Хусайни, а затем к Халил-султану. Казнен Шахрухом в 1409 г. после взятия Самарканда) в Самарканд, чтобы оттуда он направился в Ашпару и занялся бы охранением границы с Джете...

Рассказ о зимовке Тимура в Карабаге Арранском и прибытии эмирзаде Мухаммад-султана из подобного раю города Самарканда

(Начало джумада I 804/20-е числа декабря 1401 г.)

Когда привели к подножию халифского престола эмирзаде Искандара, которого упомянутый царевич заковал в цепи вследствие проступка, как уже об этом говорилось, в большом диване его судили по обычному праву, наказали палками и, сняв оковы, освободили.

Повествование о курилтае, созванном Тимуром, и об устройстве пышного пира по случаю свадеб царевичей в Канигиле²

В числе наслаждавшихся там редкостным торжеством и удивлявшихся его совершенной роскошью и великолепием находились послы разных краев и сторон, ибо ко двору – убежищу вселенной прибыли послы из Мисра, земель франков, Хиндустана, Дешт-и Кипчака и Джете. Подобная морю щедрость Тимура отличила и возвысила их, [равно как] и прочих великих и благородных, что собрались со всех сторон и концов (разных) государств, а также всех нойонов и предводителей войск, почетными халатами и многочисленными и обильными дарами...

Рассказ, объясняющий причины похода Тимура в Хатай

(Поход начался 23 джумада I 807/27 ноября 1404 г.)

Прочих послов, что прибыли из франкских земель, Дешта, Джете и других стран, он (Тимур), обласкав их всех, отпустил обратно уваженными и довольными...

¹ Букв.: «удостоились счастья целования ковра».

² Пирь длились с небольшими перерывами в течение сентября – октября 1404 г.

Переписка Тамерлана с Тохтамышем

Осуществляя дипломатические действия, Тамерлан вступил в достаточно активную переписку с Тохтамышем.

ПИСЬМО I

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Хвала Аллаху, который по благости своей сделал нас братьями и соединил нас под своей властью, как неразъединяемые корни, как побеги одного дерева!

Силою Аллаха Всевышнего и благодатями веры мусульманской!

Отправлено это письмо его величеству достославному, Щиту ислама и защитнику правоверных Тимургурагану!

Ты, Великий и высокодостойный султан, – да благословит каждое твоё слово всевышний Аллах, – поистине заменил мне отца, и права твои на меня и на моё почтительное повиновение превышают всё, что можно исчислить и определить. И я, как преданный и покорный сын, униженно молю тебя: проведи теперь драгоценным пером своего прощения по листу моих прошлых ошибок! В мудрости и великодушии, которыми Аллах отметил твоё рождение, забудь мою недопустимую вражду и те недостойные действия, в которых я горько раскаиваюсь и на которые осмелился только из-за несчастной судьбы своей и по коварному подстрекательству низких людей, да покарает их за это справедливый Аллах!

И если я получу теперь твоё милостивое прощение, которое будет для меня подобно благодатному дождю, пролившемуся на иссушённый зноем сад, я обещаю всегда и во всём быть послушным твоему непререкаемому величеству. Я ни на один волос не отойду от прямого пути повиновения и ни одной мелочи не упущу в соблюдении моих обязанностей и условий почтительного и благопристойного послушания.

Прощайте. Искренне расположенный Тохтамыш».

Тохтамыш. Зима 1391 года.

ПИСЬМО II

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

Силою Аллаха Всевышнего и благодатями веры мусульманской!

Великий хан Тохтамыш в своём письме много говорит о моей мудрости, а сам считает меня глупцом, если думает, что я поверю его обещаниям. Ты давал их мне уже не раз и всегда после этого нарушал. У плохого дровосека всегда виноват топор, а у хана Тохтамыша всегда виноваты дурные советники!

Я принял тебя как сына, дал тебе много больше того, на что ты мог рассчитывать. А чем ты мне заплатил? Тем, что захотел отнять у меня Азербайджан, потом поднял против меня Хорезм, потом взбунтовал моих эмиров и, наконец, нанёс мне предательский удар в спину и напал на Мавераннахр. А теперь, когда я повернулся к тебе лицом, ты просишь меня забыть всё это и пишешь столько хороших слов! Я не верю этим

словам! Хан Тохтамыш не отбросил свой кинжал, а только обмазал его мёдом. Не думай, что я стану этот кинжал облизывать!»

Султан-Джамшид Тимур-Гураган. Лето 1391 года.

ПИСЬМО III

«Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Хвала Аллаху, который по благодати своей сделал нас братьями и соединил нас под своей властью, как неразъединяемые корни, как побеги одного дерева!

Силою Аллаха Всевышнего и благодатями веры мусульманской!

Отправлено это письмо его величеству достославному, Щиту ислама и защитнику правоверных Тимуру Гурагану!

Нет на всей земле человека, который более чем я желал бы великому эмиру от Аллаха милости и благоволения в делах.

Я не перестаю сожалеть о сделанных мною ошибках, которые лишили меня твоей дружбы и твоего покровительства, великий эмир. Но ты сам знаешь, как дорого я за эти ошибки заплатил. Я прошу тебя забыть всё, что было, и возвратить твоё благоволение.

Мудрость твоя известна всему миру и потому, нет надобности говорить тебе о том, что истинным виновником всех событий, которые отвратили ивой высокий взор от меня, был эмир Идику – недостойный человек, посеявший между нами вражду, а потом обманувший и меня, и тебя. И теперь всем видно, что только он один извлёк выгоду из того, что произошло.

Воздаяния за неблагодарность за благодеяния и милости я видел и испытал. Если царская милость проведет черту прощения по списку прегрешений и проступков несчастного, то после этого я вытащу голову из узды покорности и не сдвину ноги с пути повиновения.

Да свершится всё по твоему мудрому слову, великий эмир!»

Дипломатические контакты между Государством Тамерлана и Османской империей (Письмо Тамерлана Баязиду I)

Письмо, отправленное Тамерланом Баязиду I, не датировано. Но из его содержания можно сделать вывод, что оно было составлено непосредственно перед выступлением Тимура против Тохтамыша в начале марта 1395 г. Тимур находился в это время на территории своего зимнего лагеря на реке Самур между Баку и Дербентом в Ширване.

Копия письма, отправленного амиром Тимурлангом султану Йылдырыму Баязиду в первый раз, в тот момент, когда между ними еще не произошло разногласие.

Хвала Аллаху, свет величия и власти которого пролился на внешнюю сторону различных предметов, воздействие щедрости и милости которого засверкало на различных уровнях «зрочков» творений. Благословение и мир Пророку, отправленному с самой благородной из всех религий. Обладающему наилучшими поступками и имеющему высочайший нрав. А также величайшим членам его семьи, прекраснейшим сподвижникам и всем кто следует за ними наилучшим образом вплоть до дня Воскресения. Вслед за этой (мольбой):

Если даже, между амиром Тимур-гурганом в отношениях с великим эмиром, самым справедливым правителем неарабов, обнаженным мечом Аллаха против врагов Его и милостью Его, направленной в пользу к приближенным рабам Его, хранителем земель Всевышнего, защитником рабов Аллаха, сражающийся с врагами и недругами Аллаха, прибежищем бойцов и воинов, хранителем границ территорий мусульман, возвеличивающим Истину в мирском и духовном, гази Баязид Бахадирханом – да пусть продлит Аллах его власть – должным образом не были закреплены узы дружбы. Обмен послами и письмами, дружескими связями не имел постоянного и регулярного характера. Однако, так как стало известно, что подобно нам в соответствии с требованием аята «А тех, которые усердствовали за Нас, – Мы поведем их по Нашим путям» (Коран, 29/69), на восточной стороне мира мы заняты сражением с неверными и схваткой с мятежниками и разбойниками, с целью возвышения знамени религии и оживления шариата господина пророков¹ и проявляем максимум усердий и усилий. Он (Баязид) тоже проявляет прекрасное старание и чрезмерные усердия, борясь на западной стороне с заблудшими течениями и противниками древней религии, отрицающими истинную, вечную религию, в соответствии с требованием аята «Поистине, Аллах любит тех, которые сражаются на Его пути рядами, как будто бы они – плотное здание!» (Коран, 61/4). (Баязид) тратит все усилия для оживления шариата и прогресса ислама и создает благоприятные условия для установления единобожия. Благодаря этому все верующие находятся в безопасности и спокойствии, живут счастливо и благополучно. Вслушиваясь в эти значения (известия о стараниях Баязита), день за днем укрепляется дух верующих, усиливаются причины их усердий, повышается их целеустремленность и жизнерадостность. Действительно, каждый правитель, который украшает себя ожерельем аята: «Разве ж тот, грудь которого Аллах расширил для ислама и он обладает светом от своего Господа...» (Коран, 29/22) и прикладывает усилия для возвышения шариата Мухаммада и улучшения положения нации Ахмада на западной стороне, занят сражением и схваткой в окружении своих последователей,

следуя аяту «О пророк! Побуждай верующих к сражению» (Коран, 8/65), соответственно требованию «Кто же ищет не ислама как религии, от того не будет принято» (Коран, 3/85), занят призывом к борьбе с неверными, тот будет награжден Всевышним, Всемогущим Аллахом различными видами щедрой помощи и поддержки. И день за днем община этой династии (Баязида) процветает, их счастливая звезда становится выше и ярче, «Милость в руке Аллаха; дарует Он ее, кому захочет, – ведь Аллах – обладатель великой милости!» (Коран, 57/29).

После этого вступления, содержащего горячие приветствия, изящные хвалебные речи, ведущие к смягчению сердца мы обращаемся к Всевышнему с мольбами за вас. Ведь в народе говорят: «Мольба праведных принимается». Аллах же отвечает на мольбы, помогает и поддерживает своих праведных рабов. Согласно качествам истинного мусульманина, правдивости и преданности его (Баязита), соблюдая этику при всех обстоятельствах, в соответствии с требованием аята «И будьте с правдивыми» (Коран, 9/119), укрепление уз дружбы с ним (Баязитом), надеюсь, будет гарантом успеха и благополучия двух сторон. Согласно содержанию аята «И говорите слово прямое, Он устроит вам ваши дела» (Коран, 33/70-71), совпадающему по смыслу с бейтом «Если ты завоеуешь дружбу благородного человека, то держись за нее» приводят к пользе общины. Раскрывается для светлого сердца того великого (Баязида). С того времени как правитель мира Чингиз-хан по велению Всевышнего овладел странами Иран и Туран и когда солнце государственности его достигло своего апогея, он разделил принадлежащие ему земли среди своих сыновей. В том числе все иранские земли передал и возложил управление ими на своего сына – принца Чагатая. В течение некоторого времени его уполномоченные мудро правили страной, до тех пор, пока трон правления не перешел к Манку-хану и он не начал свободно править державой. И направил своего брата Халоку углана на Иранские земли в сопровождении армии, которую он держал на границе. Затем он (Манку-хан) передал правление государством Халоку углану. Он (Халоку) и его сыновья долгое время правили страной. Ввиду этого между нашими странами регулярно происходили разногласия и возникали взаимные претензии, которые заканчивались военными стычками. По причине того, что страна отошла от правления Чингиз-хана и его потомков, в Стране воцарился хаос. Дороги стали небезопасными и непроходимыми, караваны паломников, направляющихся в благословенную Мекку, характеризованные аятом «И возвести среди людей о хадже: они придут к тебе пешком и на всяких тощих, которые приходят из всякой глубокой расщелины» (Коран, 22/27), лишились возможности достичь этого благословенного места. Разбойники из числа курдов и луров начали бесчинствовать. Торговцы и купцы не могли должным образом заниматься торговлей. Положение страны и ее жителей стало ужасным, и крик «Тот ли, кто отвечает утесненному» (Коран, 27/62) охватил всю страну. Малоизвестный Хасан Тикрити «украл» (завоевал) земли Тикрита. Что соответствует бейту: «У охранника крепости вор украл крепость. Bravo тому вору, который своровал крепость у охранника крепости».

Со всех сторон в одном месте собрались бунтари (провокаторы) и Ахмад Джалаири был не в состоянии бороться с ними. Он тоже занялся различными недозволенными забавами и развлечениями и вышел за рамки шариата. Он начал воспитывать преступников и хулиганов, поддерживать бунтарей. Что соответствует арабской мудрости «Тот, кто привяжет злую собаку у двери своего дома, все люди будут бежать от его хозяина» и никому не было дела до него (Ахмада Джалаири).

Согласно предыдущим вступлениям, принцы и правители улуса в период правления исламского правителя, героя «воды и глины»², наследника праведных правителей, яркой звезды созвездия царей, тени божественной милости, света илкановаго сада (потомков Чингизхана), яркого чингизхановаго света, поддержки истины в духовном и мирском султана Махмуд-хана³ – да продлит Аллах его власть и прольет его милость и щедрость над всем миром – подчинились его власти. Ввиду того, что иранские земли лишились правления чингизхановаго потомства, необходимо направиться в сторону унаследованных земель и отнять эти земли у захватчиков. Ввиду этого Джанки в первую очередь решил использовать территории этой страны для сбора победоносных войск. В момент начала расцвета этой страны со стороны самаркандского центра⁴ дошла весть о том, что несчастный Токтамыш начал погром на границах страны. Поэтому с той целью, чтобы прочить и наказать его, мы направились в сторону Самарканда. Оттуда (из Ирана) в сопровождении огромной армии мы направились в кыпчакскую долину и узбекские земли. Как вы наверняка слышали, с божественной помощью он получил должный урок. Его род, свита, войска, приближенные ощутили вкус смерти и мечей, соответственно аятам «Это – из милости Господа моего» (Коран, 27/40). «Помощь — только от Аллаха, великого, мудрого» (Коран, 3/126). С помощью Всевышнего была достигнута поставленная цель и наведен порядок. Двоюродный брат Туктамышша, имя которого Тимур Кутлуг, долгое время неразлучно сопровождал нас (был в нашей свите), и был из числа приближенных нам, он (Тимур Кутлуг) имел явную вражду к нему (Туктамышшу), подготовив его мы поддержали, снабдили его войском и отправили за реку Итиль в области Джагант, Сыгнак, Наркас, Пувар⁵. С той целью, чтобы он полностью истребил и искоренил его (Туктамышша). Так как со стороны Туранских земель не осталось никакой угрозы, все принцы и правители улуса подчинились исламскому правителю, да пусть продлит Аллах его власть. С того момента как внешняя угроза миновала, как обычно, настало время снова вернуть иранские земли под свою власть и навести там порядок. Таким образом, с помощью Всевышнего, Всемогущего, Милосердного с одной попытки все владения Мазандарана, Гиляна, Курдистана, Луристана, Шулистана, Хузистана, Фариса, Ирака, Хормуза, Кирмана, Киджа, Макрона, Бекра и Азербайджана покорились нам. «Поистине, Аллах дарует Свою власть, кому пожелает. Аллах — объемлющ, знающ!» (Коран, 2/247). В

данный момент, когда границы Грузии, Абхазии, окрестности горы Альбурза⁶, к счастью, пали и присоединились к нашим владениям, и вести о мобилизации армии, готовности войск к сражениям дошли до Токтамышша и его приближенных, они пали духом, впали в растерянность, большая часть его армии присоединилась к стороне Тимур Кутлуга, являющегося нашим соратником, а другая бежала в долину реки Кафа и Аджам Кырым и скрылась там. С божьей помощью их состояние пришло в расстройство. «И усечен был последний из тех людей, которые были неправедны. И хвала Аллаху, Господу миров!» (Коран, 6/45). Такое краткое содержание их истории.

И другой рассказ, произошедший до этого случая, таков. Дорогой сын Амиран Шаха гурган Бахадура, да продлит Аллах его жизнь, несущий письмо – посланник – хаджи Мухаммед дружеским образом отправил его к дорожному (к Баязиту) для информирования его хорошими новостями. В дороге он услышал о том, что та сторона (Баязид) собрала войска против неверных и направила их в сторону запада. Услышав об этом, он вернулся назад. Было задумано, что всякий раз, когда со стороны его Величества приходили посланники, надо было отправить несколько послов с целью укрепления дружбы, до того как было отправлено письмо, на границе Грузии в котором содержалось описание нашего состояния. После этого в Муштате, входящем в провинцию Ширван, мы намеревались провести зиму, находясь у правителя Дербенда и управляющего крепостью Бабул-абваба – Араша, являющегося нашим подчиненным и одним из приближенных, который выражает свое искреннее повиновение, собирается выдать свою дочь за одного из наших дорогих сыновей, и представил своего сына во главе огромной армии для службы в наших рядах. Мы тоже приняли этот жест и проведем это лето в Йайлак Алатак⁷. Мы намереваемся направиться в сторону Шама⁸. Чтобы стало ясно его величеству. Если будет достигнуто приближение сторон друг к другу, то исходя из этой дружбы необходимо обеспечение обмена информацией о состоянии двух сторон. Если на то будет воля Аллаха. В данный момент мы находимся на южной стороне реки Самур, впадающей в Дербенд в районе Самура. Наверняка на той стороне есть торговцы и путешественники, которые хорошо знают местность. Необходимо освободить их от пошлин и отправить, для того чтобы обнаружить их следы (Токтамышша). Мы искренне верим в то, что его величество сочтет нужным, приведет в действие. Мы очень рады нашему сотрудничеству, мы надеемся, что вы, с помощью Всевышнего, отправите бойцов вслед за (Токтамышшем) для полной его ликвидации. По мере возможности приведите это в действие. И только Аллах истинный помощник, и к нему прибежище. Тем не менее было услышано, что он не подчинившись убежал и, перейдя водоем Узу⁹ наверняка направился к побережью реки Кафа. Мы сильно надеемся на помощь Всевышнего. Необходимо продолжать его преследование и приложить максимум усилий для его поимки. Если на то будет воля Аллаха. Надеемся, что, пользуясь случаем его преследования, произойдет стычка с европейскими кяфирами, (неверными) мы с этой стороны, а те уважаемые (то есть Баязид) с той стороны встанем на джихад для борьбы с неверными. Только от Него (Аллаха) зависит успех дел, и только в Его владении интересы (нужды) людей. Такое положение дел. В прошлом году, оказавшись в арабском Ираке и области Шама мы обменивались товарами с местными правителями. В соответствии с этикой предыдущих правителей, мы отправили послов и представителей с подарками, с должными почестями в Шам к черкесскому рабу (мамлюку), ничтожному, малоизвестному купцу, который теперь из-за отсутствия заслуженных правителей, с помощью хитрости и обмана стал правителем Египта. Этот проклятый, неблагодарный жулик, проявив непокорность, убил сына своего господина, тем самым привел себя к власти. Ведь говорится в арабской пословице: «Да, будет проклятие Милостивого над неблагодарным». А также он изолировал духовного лидера, который служил причиной развития ислама и успеха дел мусульман. И аннулировав законы и благодеяния предыдущих правителей Египта, он монополизировал власть в своих руках. Наверняка вы слышали о том, что он бесосновательно убил послов. Такого рода гнусного проступка и омерзительного греха не слышали и не видели со стороны ни одного правителя и благодетеля. Мучение и пытка послов (охарактеризованных кораническим аятом): «Обязанность посланника – только сообщение» (Коран, 5/99), не слышанно не от одного из благородных правителей. Ведь это соответствует аяту «Нет воздаяния тому из вас, кто делает это, кроме позора в жизни ближайшей» (Коран, 2/85). С помощью божественного решения, упорядочив кыпчакский вопрос, надо направиться в сторону Шама. С благословения милости Всевышнего надо «подергать за уши» и проучить этого черкесского паренька. Надеемся, что содержание арабской пословицы: «Несправедливость возвращается к тому, кто совершал ее» будет исполнено. Ведь только от Всевышнего – скорейшее исполнение целей и желаний. А также сын казы (судьи) – Сиваси¹⁰, соответствующий арабскому фразеологизму: «Что проку от крови блохи и что проку от сала воробья», тоже сглупил, допустив дурные мысли в свое сознание, и согласно поговорке: «Два сапога пара» выразил свою симпатию и поддержку черкесскому ничтожному пареньку. Таким образом, из-за непристойного образа жизни, которому он следует, он напоит себя горькой чашей смерти. Ибо арабская поговорка гласит: «Он подобен той хищной птице, которая раздирает себя собственными когтями». Соблюдая принцип искренней дружбы, необходимо ставить в известность о своем состоянии, и исходя из великодушия, оказывать содействие¹¹. Следует поддерживать всякого рода вышеупомянутые взаимопонимание и уважение, которые мы имеем. А также по мере возможности продолжать взаимообмен послами и подарками, сообщать о состоянии здоровья его величества (Баязита) и о прекрасном положении государственных дел. Дабы подобные отношения были словно блеск цветущего сада взаимопомощи и поддержки. Надеюсь, что мы не потревожили вас лишними требованиями. Желаем вам устойчивого мира в начале и конце.

¹ Т.е. закона пророка Мухаммада (с.г.в.).

² Т.е. человеческого рода.

³ В тексте Заки Вал иди Тогана как вариант еще приведен [Сог. Мухаммад].

⁴ Даруль-мульк, Т. е. резиденция, место, где находится правитель.

⁵ Булгар?

⁶ Альбурз – гора в северном Иране, южнее Каспийского моря.

⁷ Летняя резиденция Алатау.

⁸ Сирия.

⁹ Днепр.

¹⁰ Правитель Сиваса Ахмед Бурхан ад-дин.

¹¹ Т. е. оказывать военную помощь.

2.6.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Образование Османского государства

(Из летописи Ашикпаша-заде «Таварих-и Ал-и Осман»)

Турецкий историк Ахмет Ашикпаша-заде (1400 – ок. 1496 гг.) написал хронику об истории турок от основания Османского государства и почти до конца XV столетия. Им обработаны и систематизированы различные предания, тюркские народные сказания, а также хроники иракских, среднеазиатских и арабских авторов.

Данный документ повествует о том, как волна кочевых турок пришла с Востока в Малую Азию.

Рассказ о начале государства Османского

Дедом Османа-гази¹ был Сулейман-шах. Причина прихода последнего в Рум² следующая. Во времена Аббасидов³ армия арабов покорила Рум и Иран. Но Иран выставил на своих границах тюрков, и арабы были разбиты. Вот почему мусульмане тогда не покорили неверных⁴.

Потом иранские беи объединились, чтобы изгнать тех великих кочевых тюрков. К Сулейман-шаху присоединились со своими шатрами до 50 000 кочевых туркмен и татар. Они откочевали от Эрзинджана в Земли Рума и оставались там лет шесть. Но Сулейман-шах, решив проявить отвагу, снова направился в страну тюрков (Тюркистан) и прибыл в область Халеба к крепости Джафар. При переправе через Евфрат он утонул и был похоронен на берегу. Находившиеся с ним кочевники рассеялись. Некоторые остались с сыновьями Сулейман-шаха, а их было трое: Сункар Текин, Эртогрул и Гюн Догду. Два сына двинулись далее в путь, а Эртогрул с 400 кибиток вернулся в земли султана Алаэддина⁵. Разбив по дороге противников султана, [Эртогрул] сам сделался правителем. У Эртогрула было три сына: Осман, Гюндюз и Саруяты. Эр-тогрул послал своего сына Саруяты к Алаэддину: «Пусть он покажет нам место». Султан Алаэддин дал им область Сё-гюд, находящуюся между Караджа-хисаром и Биледжиком, кочевья Туманидж и Эрмени. Направившись через Энгирю⁶, они прибыли в эти земли. Через некоторое время Эртогрул скончался... Существует много сказаний о приходе Эртогрула в Сёгюд. Я рассказал их суть. В Сёгуде Осман встал на место отца. Тотчас началась вражда с Гермиянами⁷. Осман-гази начал завоевание земель.

О законе и постановлениях Османа-гази

Когда после завоевания Караджа-хисара Осман-гази назначил судью (кадия) и военачальника (субаши), они по-требовали законов. Из Гермияна прибыл некий человек и сказал:

– Продайте мне пошлину (бадж) с этого базара.

Эти люди⁸ ответили:

– Пойдем-ка в дом.

Он пришел и повторил сказанное. Осман-гази спросил:

– А что такое бадж?

Тот человек ответил:

– Со всякого, кто придет на базар, я возьму деньги.

– Разве ты продал что-нибудь людям на этом базаре, что возьмешь с них деньги? – сказал Осман-гази.

– Хан мой, таков обычай, – ответил тот. – Во всех землях падишахи берут.

– Это что же, – спросил Осман-гази, – бог повелел, или беи сами установили?

– Это обычай, хан мой, он установлен издавна, – ответил тот.

Осман-гази страшно рассердился.

– Разве полученная кем-либо выгода может принадлежать другому? – сказал он. – Как это я могу вмешаться и взять с кого-то деньги? Уходи-ка ты и не говори больше таких слов, – иначе тебе плохо будет.

Тогда заговорили [кадии и субаши]:

– Хан, это обычай, установленный беями на этом базаре.

Пусть хоть что-нибудь платят.

– Ну раз вы так говорите, – сказал Осман-гази, – то пусть каждый, кто принесет на рынок вьюк (товара) и продаст, платит 2 акче⁹, а если не продаст, то пусть ничего не платит. Кто нарушит этот закон, то пусть всевышний покарает его. И еще: тимар¹⁰, который я дам кому-либо, пусть без причины не отнимают. А если тот, кому я дал тимар, умрет, то пусть передадут сыну его. Если сын мал, то все равно пусть передадут, чтобы во время войны слуги его ходили в поход до тех пор, пока он сам не станет пригодным.

Кому Осман раздал тимары завоеванных областей

Санджак¹¹ Караджа-хисар, называемый также Инёню, он отдал сыну своему Орхан-бею, должность военачальника (субаши) – брату Гюндюзу, Яр-хисар – Хасану Али, который был его лучшим соратником из тех, что пришли вместе с ними. Инегель он отдал Торгуду Али. Имя этого достойного человека знаменито до сих пор. В области Инегель имеется деревня, которая называется Торгуд-или. Тестю Эде-бали он дал в качестве тимара доход с Биледжика. В Билед-жике с отцом он оставил и свою жену. Сам же направился в Енишехри.

О завоевании Енишехри

Осман-гази захватил всю область Енишехри и распорядился справедливо. Газили веселились. Каждому из них он дал деревни. Каждого облагодетельствовал по его достоинству. Собравшиеся к Осману газили набрались сил. Они постоянно хотели воевать.

¹ Гази – «победитель неверных», «борец за веру» – почетный титул.

² Рум – Малая Азия, византийские и сельджукские владения в Малой Азии.

³ Аббасиды – династия арабских халифов (750-1258 гг.).

⁴ Неверные – неверующие, немусульмане,

⁵ Имеется в виду правитель государства Сельджукидов в Малой Азии или Румского султаната, султан Алаэддин Кейкубад III (правил с перерывами с 1284 по 1304 гг.).

⁶ Энгирю – византийская Анкира, современная Анкара.

⁷ Гермияны – правители княжества на западе Малой Азии, образовавшегося после распада Сельджукского государства.

⁸ Имеются в виду кадпи и субаши.

⁹ Акче – мелкая серебряная монета разного достоинства в разное время.

¹⁰ Тимар – «кормление», «содержание», пожалованная в лен земля.

¹¹ Санджак – край, область.

Завоевания турок-османов (Хюсейн, «Удивительные события»)

Хюсейн (конец XVI в. – ок. 1650 г.), автор летописи «Удивительные события», использовал в своем сочинении сообщения ближневосточных хроник двух предыдущих столетий. Ниже приводится отрывок о военно-законодательной деятельности турецкого султана Орхана (1324-1359 гг.).

При Орхане степень славы Османской династии возвысилась. Однажды ставший везиром¹ Алаэддин сказал султану Орхану: – Хвала всевышнему, знамя победы и султаната поднято, воины прибывают к вашей счастливой столице и собираются под вашим знаменем. Отныне по правилам султанов надлежит составить несколько законов. Прежде всего надо начать чеканить монеты от вашего имени. До сего времени мы признавали монеты, оставшиеся от Сельджукидов. И не был еще приобретен большой город, подходящий для монетного двора. Теперь мы захватили такой огромный город, как Бурса.

Тогда султан назначил нужных людей, и чеканилась монета...

Второе суждение Алаэддина. Во всех самостоятельных владениях Рума и у их войска имеются особые одежды и отличительные знаки. Только у этого войска, ведущего войну с неверными, нет особой одежды и нет различия между сипахием [всадником]-господином и райятом²-простолюдином. Большинство правителей Рума надевают на голову золототканый колпак и корону. Большинство сипахиев надевают колпаки из красной материи, а некоторые – золоченые и черные колпаки. Вашему войску достойно было бы надевать колпаки из белой материи в знак почитания сунны (преданий) пророка, и это поднимает вас в глазах других правителей. Султан Орхан принял этот совет и издал указ о том, чтобы войско его и гулямы³ надевали белые колпаки...

Третье суждение Алаэддина. Вследствие существующей вражды между мусульманами и идолопоклонниками⁴ необходимо обязательное умножение войска для ведения многочисленных войн против неверных в обширных областях. Запишем в войско некоторое количество подрастающих мальчиков из турок с жалованьем по 1 акче в день и назовем [это войско] яя⁵. Каждой сотне назначим начальника из всадников (сювари⁶) и на каждую тысячу – одного бея. Когда придется идти в поход, пусть им выдается жалованье, а когда похода нет – жалованье их пусть остается в казне, они же в назначенных местах пусть обрабатывают землю и от положенных повинностей пусть будут свободны. Орхан-хан, приняв и этот совет брата, дал наименование пехотному войску яя, поставил в качестве сотника (юзба- ши) сювари под названием мюселлем и тысячника (бинбаши) под названием яя-бей. В качестве верховного военного судьи (кади-аскер) над этим войском был поставлен Кара Халил...

Алаэддин-паша и... Кара Халил стали снова советоваться об увеличении войска. Они представили султану Орхану следующее: «Большинство стран кяфиров с их детьми уже покорено; мужчины и женщины их превращены в рабов. Все они ваши рабы и рабыни. Взять несколько тысяч из детей неверных дозволено и возможно». Султан Орхан принял совет брата и дал указ о создании нового войска (ени чери). Вышеупомянутый [Алаэддин] выбрал некоторое количество близких к возмужалости мальчиков из кяфиров и дал им наименование девширме (сбор). Затем он распределил их среди турок (знатных, ремесленников и простых людей – райятов), чтобы они обучились турецкому языку и рабскому служению. Через несколько лет этих мальчиков отобрали у турок и поместили в аджеми-огланы а после этого выпустили ко двору. Вот этому новому отряду и дали наименование «новое войско» (ени чери, янычары). Им было положено жалование по 1 иакче в день с надбавкой за выслугу. В походах и при султанах они стали наиболее надежными слугами династии Османов.

¹ Везир – султанский министр.

² Гулямы – низшая категория воинов, обслуживавшая ленников.

³ Т. е. немусульманами.

⁴ Яя – пехота.

⁵ Сювари – «всадник», владелец леца, конный рыцарь.

Битва на Косовом поле (15 июля 1389 г.)

15 июля 1389 г. на Косовом поле в Сербии сербы, хорваты и босницы встретили полчища турецкого султана Мурада и его союзников. Трагическая битва, приведшая к покорению османами югославян, нашла отражение в многочисленных произведениях.

(Описание битвы на Косовом поле по сербским источникам)

Описание битвы на Косовом поле составлено, по предположению историков, выходцем из Далмации, принявшим венецианское подданство. Переводя с греческого языка на староитальянский «Историю» византийского дипломата и историка Дуки, он вставил в текст произведения обширный рассказ о битве, в котором использовал сведения, почерпнутые из сербских источников, а также народные легенды.

Деспот Сербии Лазарь, сын Стефана¹, узнав о столь ужасном и жестоком деле², велел тотчас собраться всем баронам и князьям своей державы и привел это войско на большое поле Косово, расположенное недалеко от богатого города Новамонте³ у реки Сиеницы⁴. Боснийский король Юатко⁵ поручил своему племяннику Влатко Влагенику⁶ с 20 тысячами храбрых воинов оказать помощь своему соседу и соратнику Лазарю.

Итак, Лазарь, отдав приказание своим людям и хорошо разместив свое войско, очень настойчиво, с большим вдохновением стал воодушевлять и убеждать всех христиан отважно сражаться с турками... Со своей стороны, правитель Мурад⁷, боясь, что в силу могущества противника он может не сохранить превосходство, приобретенное в столь трудной борьбе, а также возжаждав христианской крови, велел своему войску выступить с большей частью военного снаряжения. Таким образом, оба эти самодержца, враги по законам, вере и власти, на следующий день сошлись в битве друг с другом вместе со своими войсками...

Мурад очень хотел своими письмами через секретных посланцев попытаться привлечь и склонить на свою сторону за большое вознаграждение капитана⁸ у Лазаря – Милоша Кобыловича⁹, человека и душой и телом настолько отважного и смелого, что нельзя было найти подобного ему в то время во всем мире...

Пришел... день назначенной битвы¹⁰. И Милош... поднялся на своего могучего коня, взял поводья из блестящих железных колец и повернул коня против вражеского войска. Переправившись через реку Сиеницу как перебежчик, он очутился один в чужом лагере и громким приветливым голосом позвал Мурада. Пришедшие турки приняли его как друга, а он сказал окружившей его толпе: «Где наш правитель Мурад? Я – Милош и хочу видеть его милость. Отведите меня лично к нему. Я знаю секретные дела, о которых можно поведать только его милости». Тогда его отвели в большой шатер правителя и подвели к тому, кого он страстно желал лицезреть. Правитель, с радостным видом повернувшись к нему, указал на ноги, чтобы по обычаю их державы он подошел поцеловать их. А Милош, смотря прямо в лицо тирану с гневом, ненавистью и презрением, сильным прыжком вплотную приблизился к нему, схватил его за ноги и мощным рывком стянул его с сиденья, так что тот упал, ударившись головой о землю, а затем, быстро обнажив хорошо отточенный острый кинжал, который для этой цели тайно носил, ударил им Мурада прямо в грудь. Удар пришелся в самое сердце, из-за этой раны варвар затем спустя немного времени скончался. Отважный христианин выполнил свое обещание и завоевал славную победу, окруженный столькими врагами...

Хотя турки были очень напуганы таким скорым и неожиданным поворотом дела, они, однако, без промедления пришли в себч, быстро посоветались между собой о том, как выйти из затруднительного положения, растерянности, вернуть надежду на спасение. И затем постарались скрыть понесенный ими урон. ...Они ринулись в бой с грозными военными машинами, как бешеные собаки.

А деспот Лазарь, который тогда сражался с этими дикими варварами впереди, не знал ни о смерти Мурада, ни о славном подвиге Милоша, своего доблестного рыцаря. ...Он приказал Влатко Влагенику, капитану короля Боснии, о котором мы уже говорили, с 20 тысячами соратников первым вступить в сражение. Тот храбро, с большим натиском ворвался со своими товарищами в строй противника, сокрушил всех турок, которые противостояли ему там, но когда повернул, чтобы вклиниться туда во второй раз согласно военным правилам, послышался разнесшийся по всему войску голос, будто Драгослав Пробишич¹¹, капитан войска деспота, изменил и повернул оружие против христиан. Услышав эту весть, Влатко Влагеник тотчас развернул отряд назад и, обратившись в бегство, быстро отступил со своими товарищами по направлению к Боснии.

О как эта новость воодушевила турок, правильно угадавших, чем смутить наше войско! Что же сулила злая судьба несчастным христианам за их грехи? Лазарь, покинутый без боя своими капитанами, был схвачен живым со всеми знатными людьми своей державы и приведен в шатер Мурада. И увидев тирана, который с величайшими муками доживал последний час своей жизни, а рядом – Милоша, своего храброго рыцаря, лежавшего там же мертвым, Лазарь, обратив глаза и руки к небу, с благодарением, воскликнул: «О всевышний боже... Я сам и моя держава лишились всякой надежды на спасение... теперь прими и мою душу в царствие твое! Я отдаю ее тебе по доброй воле, потому что перед своей смертью я вижу, что твой и мой враг окончит свою жизнь от руки моего рыцаря». Как только Лазарь произнес эти слова, он был убит любимыми сатрапами Мурада, а вместе с ним были казнены и его товарищи – все знатные люди Лазаря. Тут наступил конец и Мураду, и благороднейшему рыцарю Милошу, и Лазарю, и всем знатнейшим людям его двора.

¹ Деспот (князь) Лазарь Хребелянович – правитель Сербии (1371-1389 гг.).

² Имеются ввиду грабительские набеги турок на сербские области.

³ Новомонт — г. Ново-Брдо (букв. Новая гора).

⁴ Сиеница – совр. река Ситница.

⁵ Юатко, правильное Твртко I – король Боснии (1377-1391 гг.).

⁶ Влатко Влагеник, в совр. литературе Влатко Вукович – боснийский воевода.

⁷ Мурад I – султан Османского государства (1362-1389 гг.).

⁸ Капитан – воевода.

⁹ Милош Кобылович, в более поздней исторической традиции – Милош Обилич.

¹⁰ 15 июня 1389 г.

¹¹ Правильнее: Драгослав Прибашич.

(Сербский эпос «Царь Лазарь и царица Милица»)

Лазарь-царь садится за вечерю,
 Рядом с ним – жена его Милица.
 Государю говорит царица:
 «Царь наш Лазарь, сербская корона!
 Утром ты на Косово уходишь,
 Воевод и слуг берешь с собою,
 Никого не оставляешь дома,
 Из мужчин никто не остается,
 Кто бы мог письмо тебе доставить
 И обратно с Косова вернуться.
 Всех моих ты братьев забираешь,
 Милых братьев, Юговичей девять.
 Ты оставь хоть одного мне брата,
 Для сестры сними с него присягу».
 Отвечает ей царь сербский Лазарь¹:
 «Госпожа, жена моя Милица!
 А кого из братьев пожелала б
 Ты оставить в белом нашем доме?»
 «Ты оставь мне Юговича Бошко»...
 Только утром белый день занялся
 И ворота города открыли,
 Быстро вышла из дворца Милица,
 Поспешила к городским воротам.
 Конница проходит перед нею:
 С боевыми копьями юнаки.
 Впереди юнаков едет Бошко...
 Подбегает к воину царица,
 За узду коня его хватает,
 Обнимает брата дорогого.
 Тихо молвить брату начинает:

«Братец милый, Югович мой Бошко!
Царь тебя оставил мне в подарок,
Чтоб не шел на Косово ты поле²,
И на то он дал благословенье,
Чтоб ты знамя передал другому
И со мною в Крушевце остался,
Чтоб свободен был ты от присяги».

Югович ей Бошко отвечает:
«Уходи, сестра, в свою ты башню,
Я с тобою не могу остаться.
Не отдам я знамени другому,
Хоть бы царь весь Крушевац мне отдал.
Не хочу, чтоб воины сказали:
«Глянь на труса, Юговича Бошко,
Он идти на Косово боится,
Кровь пролить за крест честной не хочет,
Жизнь отдать за веру не желает».

И коня направил он к воротам...
Лишь наутро белый день занялся,
Прилетели ворона два черных³
С Косова, с широкого простора.
Сели вороны на белой башне,
На вершине Лазаревой башни.
И один другого вопрошает:
«Не царя ли сербов эта башня?
Что же тут души живой не видно?»
Этих слов никто не слышал в башне.
Услыхала лишь одна царица,
Из дверей она выходит быстро,
Спрашивает воронов двух черных:
«Ради бога, ворона два черных,
Вы сюда откуда прилетели?
Вы не с поля ль Косова явились?
Не видали ль два могучих войска?
Не было ли битвы между ними,
И какое войско победило?»

Отвечают ворона два черных:
«Видит бог, царица дорогая,
С Косова мы утром прилетели,
Видели мы два могучих войска,
Те войска вчера сошлись на битву,
Два царя погубило в этой битве.
Может, кто из турок и остался,
А из сербов, если кто остался,
Тот изранен весь и окровавлен», –
Так они царице говорили.
Вдруг слуга Милутин приезжает,
Руку правую он держит в левой,
У него – семнадцать ран на теле,
Конь под ним забрызган алой кровью,
Спрашивает воина Милица⁴:
«Что с тобою, мой слуга Милутин,
Иль царя на Косове ты предал?»

Отвечает ей слуга Милутин:
«Помоги с коня сойти, царица,
Да умой студеною водицей,
Дай вина мне красного напиться,
Тяжко я на Косове изранен».
Госпожа с седла его ссадила,
И водой студеною умыла,
И вином юнака напоила.

Как пришел в себя слуга Милутин,
 Начала расспрашивать царица:
 «Что на поле Косовом случилось?
 Где погиб царь сербский, славный Лазарь?
 Где погиб Богдан, отец мой старый?
 Где погибли Юговичей девять?
 Где погиб наш Милош-воевода?
 Где погиб Вук Бранкович в сраженье?
 Где погиб наш банович Страхиня?»
 Ей слуга Милутин отвечает:
 «Все на поле Косовом остались,
 Где погиб царь сербский, славный Лазарь,
 Много копий там переломалось,
 Много копий – сербских и турецких.
 Стойко сербы князя защищали,
 Юг-Богдан погиб в той битве первым,
 Только-только началась битва.
 Восемь Юговичей там погибли,
 Братьев ни один из них не предал,
 До конца они в бою рубились.
 Оставался целым только Бошко,
 Он скакал со знаменем по полю,
 Разгонял он янычар турецких,
 Словно сокол голубей пугливых.
 Там, где крови было по колено,
 Встретил гибель банович Страхиня,
 Милош тоже там погиб, царица,
 У Ситницы, у реки студеной,
 Где погибло очень много турок,
 Зарубил султана он Мурада⁵
 И посекал двенадцать тысяч турок.
 Пусть господь спасет весь род юнака!
 Жив он будет в памяти, у сербов,
 Жив он будет в песнях и, сказаньях,
 Сколько жить и Косову и людям».

¹ Лазарь – сербский князь, правивший южной Сербией (1370 г. – погиб 15 июня 1389 г. на Косовом поле, где войско турецкого султана^a громило соединенную сербскую армию.

² Косово поле – долина р. Ситницы, близ гор. Приштины. Здесь разыгралась битва сербов и турок. После некоторого успеха сербов, их потеснили. Это вызвало отступление отрядов Вуковича и Вука Бранковича, которые за это были клеймены как изменники. Лазарь и воеводы попали в плен и были казнены сыном Мурата Баязетом.

³ Ворон считался вещей птицей;

⁴ Милица – жена Лазаря. После его смерти правила Сербией, вассалом Турции. Умерла в 1405 г.

⁵ Во время Косовой битвы один из приближенных Лазаря – Обилия – пробился к султану Мурату и смертельно ранил его. Сам он был зарублен турками. Мурат умер от этой раны.

(Сербский эпос «Гибель Сербского царства»)

Сизый сокол пролетал по небу
 От святого Иерусалима,
 Ласточку в своих когтях держал он.
 Это не был сизокрылый сокол,
 Это был Илья, пророк гремящий,
 И не ласточку держал святитель,
 Богородицы он нес посланье.
 Он отнес на Косово посланье;
 Опускает царю на колени.
 И само письмо проговорило:
 «Лазарь царь, честной владыка сербов,
 Выбери какое хочешь царство:
 Предпочтешь ли ты земное царство
 Или царство вечное на небе?»

Если любишь ты земное царство,
Подтяните у коней подпруги,
Опояштесь саблями стальными,
Нападите на табор турецкий,
И погибнет в битве войско турок.
го Предпочтешь ли небесное царство,
Ты воздвигни на Косове церковь,
Мрамора не положи в основу,
Только чистый шелк и багряницу.
Причастся с войском в этой церкви.
И твое погибнет войско в битве.
И погибнешь, князь, ты вместе с войском».
Эти речи слушает царь Лазарь.
Сам с собою в мыслях рассуждает:
«Боже правый, что делать, открой мне.
Что избрать – небесное ли царство
Или царство краткое земное?»
Выбрал Лазарь небесное царство,
А земное царство он отринул.
Он воздвигнул на Косове церковь,
Не из камня, из чистого шелка.
Призывает к себе патриарха
И двенадцать епископов сербских.
Причастил он и построил войско.
Тут на Косово напали турки.
Юг-Богдан повел войска в сраженье,
Вместе с Югом Юговичей девять,
Сизокрылых соколов могучих.
С каждым братом девять тысяч войска,
А у Юга старого – двенадцать.
Храбро бились они и рубились.
Семь пашей погибло в лютой битве,
А когда с восьмым они сразились,
Юг-Богдан погиб на поле брани,
И погибло Юговичей девять,
Сизокрылых соколов могучих,
И погибло их храброе войско.
В бой вступают Мрнявчевичей трое,
Бан Углёша, воевода Гойко,
И король Вукашин вместе с ними.
У каждого тридцать тысяч войска.
Храбро бились они и рубились.
Семь пашей погибло в лютой битве,
А когда с восьмым они сражались,
Два погибло Мрнявчевича храбрых,
Бан Углеша, воевода Гойко;
Зукашина изранили люто,
Был истоптан он конями турок.
Полегло Вукашиново войско.
В бой вступают дружины Степана,
Много сил у герцога Степана:
Шестьдесят с ним тысяч храброй рати.
Люто бились они и рубились,
Девяти пашей разбили войско,
А когда сразилися с десятым,
Полегли Степановы дружины,
И с дружинами погиб сам герцог.
Вот выходит против турок Лазарь,
За собою сербский князь выводит
Семьдесят семь тысяч храброй рати.
Разогнал по Косову он турок,

Не дает и оглядеться туркам,
А не только в битве с ним схватиться.
Поразил бы Лазарь войско турок –
Бранковича покарай, о боже!
во Предал Вук государя и тестя,
Одолели проклятые турки.
Сербские дружины в битве пали –
Семьдесят семь тысяч храброй рати,
И погиб князь Лазарь вместе с ними.
Был их подвиг хваленья достоин.
Все случилось по воле господней.

(Фрагменты косовских песен)

МУРАТ НА КОСОВЕ

Царь Мурат на Косово собрался.
Вот пришел, и князю сербов пишет,
В Крушевац посланье посылает
Прямо в руки Лазарю-владыке:
«Лазарь, сербский князь и повелитель.
Не бывало, да и быть не может,
Что в одной стране – два господина,
Чтобы двум налог платила рая.
Править мы с тобой вдвоем не можем,
ю Присылай ключи, плати мне подать:
Городов твоих ключи золотые,
За семь лет подушную с народа.
Если же послать мне не захочешь,
Выходи на Косово с войсками.
Эту землю мы мечом поделим».
Лазарь князь прочел письмо султана,
На посланье он роняет слезы.

ЗАКЛЯТЬЕ КНЯЗЯ ЛАЗАРЯ

Вот послушайте, старый да малый,
Лазарь князь так заклинал пред боем:
«Ничего от рук тех не родится,
Кто на бой на Косово не выйдет –
Ни на поле белая пшеница,
Ни на склонах лозы винограда».

КПЯЖЕВ УЖИН

Славу славит Лазарь, князь могучий,
В граде сербском, Крушевце цветущем.
Все бояре за столы садятся,
Все бояре вместе с сыновьями.
Справа посадили Юг-Богдана,
Рядом девять Юговичей юных,
Слева Вука Бранковича место,
Господа садятся по порядку:
Против князя – воевода Милош,
ю Рядом с ним двух равных посадили,
Одного – Косанчича Ивана,
И Милана Топлицу – другого.
Князь литую чашу поднимает,
Говорит своим боярам сербским:
«За кого мне выпить чашу эту?
Если пить по старшинству сединам,
Выпил бы вино за Юг-Богдана;
Если пить по благородству крови,
Выпил бы за Бранковича Вука;
Если пить по дружеской приязни,
За девятерых бы выпил шурьев;

Девять сыновей Богдана Юга.
Если пить по красоте обличья,
За Косанчича бы чашу выпил;
Если пить по высоте и росту,
Выпил бы за Топлицу Милана;
Если пить по храбрости безмерной,
Выпил бы вино за воеводу;
И сегодня за твое здоровье,
зо Милош Обилич, хочу я выпить:
Будь здоров и верный и неверный!
Фрагменты Косовских песен
Прежде верный, а потом неверный!
Утром мне на Косове изменишь,
Убежишь к турецкому султану.
Будь здоров и за здоровье выпей,
Пей вино из чаши золоченой.
Я тебе дарю эту чашу».

Встал поспешно легконогий Милош,
До земли черной поклонился:
«Я тебя благодарю, властитель,
Славный князь, за здравицу спасибо,
За нее и за твое даренье,
Но совсем не за слова такие.
Не был я предателем-злодеем,
Не был им и никогда не буду.
Поутру на Косовом на поле
Я погибну за Христову веру.
Враг сидит у твоего колена,
Пьет вино, своей полкой прикрывшись,
Бранкович – предатель тот проклятый!
Завтра будет Видов день прекрасный,
Мы на Косовом увидим поле,
Кто предатель и кто верен князю.
И клянусь владыкою всевышним,
Поутру на Косово я выйду,
Заколю турецкого султана,
Придавлю ему ногою горло.
Если мне помогут бог и счастье,
В Крушевац вернусь я невредимым,
Я поймаю Бранковича Вука,
Привяжу его к копыю покрепче
(Так кудель привязывают к прялке),
Поташу его на поле битвы».

РАЗГОВОР МИЛОША ОБИЛИЧА С ИВАНОМ КОСАНЧИЧЕМ

«Ты скажи мне, брат Иван Косанчич,
Хорошо ль разведал силу вражью?
Много ль войска собралось у турок?
Можем ли с погаными сразиться?
Можно ль турок одолеть проклятых?»

Говорит ему Иван Косанчич:
«Милош Обилич, мой брат любимый,
Я разведал войско нечестивых,
Полчища врагов неисчислимы.
ю Если б стало наше войско солью,
Плов турецкий был бы недосолен.
Вот уже пятнадцать дней бесстрашно
Я брожу по вражескому стану,
Не нашел я ни конца ни края:
От Мрамора до песков Явора,
От Явора, брат мой, до Сазлии,
От Сазлии до Чемер-Чуприи,

От Чуприи до Звечана-града,
От Звечана, брат мой, до Чечана,
От Чечана до вершины горной —
Все покрылось войском басурманским,
Конь к коню и воины рядами,
Черный лес – их копьа боевые,
Стяги их летучи, словно тучи,
А шатры снегов белее горных.
Если дождь густой польется с неба,
То нигде не упадет на землю,
На юнаков и коней прольется.
Стал султан Мурат на Мазгит-поле,
Захватил и Лабу и Ситницу».
Милош Обилич спросил Ивана:
«Ой, Иван, мой побратим любимый,
Где шатер могучего Мурата?
Обещал я властелину-князю
Заколоть турецкого султана,
Придавить ему ногою горло».
Но в ответ сказал Иван Косанчич:
«Не теряй рассудка, брат любимый!
Где шатер могучего Мурата?
В середине вражеского войска.
Если бы умел летать, как сокол,
И на турка пал бы с поднебесья,
Ты не мог бы улететь обратно».
Начал Милош заклинать Ивана:
«Ой, Иван, мой побратим любимый,
Ты не брат мне, но родного ближе.
Обещай, что так не скажешь князю,
Он тревогой может омрачиться,
И от страха наше войско дрогнет.
Лучше ты скажи другое князю:
Велика врагов проклятых сила,
Но не трудно с ними нам сразиться;
В жаркой сече одолеем турок,
Нет у них воителей искусных,
Много старцев и ходжей почтенных,
Есть ремесленники и торговцы,
Никогда не видевшие битвы,
Воевать пошли наживы ради.
Есть и воины в турецком стане,
Но они внезапно все свалились
От тяжелой нутряной болезни.
Вместе с ними заболели кони,
Заболели сапом лошадиным».

ТРИ ЮНАКА

«Как зовется тот юнак бесстрашный,
Что один раз взмахнет острой саблей,
Острой саблей и правой рукою, –
Двадцать вражых голов отсекает?» –
«Это, братья, Банович Страхиня».
«Как зовется воевода храбрый,
Четырех он копьем пробивает,
В Ситницу через себя бросает?» –
«Это, братья, Сергей Злоглядящий».
«Как зовется тот юнак храбрейший
На огромном коне рыжей масти
Перед войском с княжеской хоругвью,
Тот, что гонит десятками турок,
В волны Ситницы их загоняет?» –

«Это Бошко Югович прекрасный».

(Из описания дьякона Игнатия, сопровождавшего в конце XIV в. московского митрополита Пимена в Константинополь)

Царь Мурат пошел с войском на сербского князя Лазаря, и, слышно, оба пали на поле битвы. Сначала обманом убил его верный слуга Лазарев Милош, тогда турки выбрали царя Баязета, одержали верх над сербами, Лазаря захватили ими в плен, а с ним и многих его бояр, одних убили, других питали живыми. По приказанию султана, Лазарь был усекут... Битва происходила на Косовом поле.

Указ Баязида I, подписанный после битвы на Косовом поле

Наследник Мурада, убитого на Косовом поле сербом Милошем, султан Баязид I Молния (1389-1402 гг.) продолжил завоевание Балкан. Этот указ – одно из первых его постановлений.

Когда дойдет до вас настоящий фирман¹, да будет известно, что после победы, одержанной... на Косове, мой отец султан Мурад... цел и невредим вернулся с поля битвы, в шатер, высоко поднимавшийся к небу, и в то время, как мы испытывали величайшую радость, смотря, как отрубленные головы банов валялись под конскими копытами, как одни стоят со связанными руками, а другие с пробитыми мышцами, – вдруг совершенно неожиданно некто, по имени Милош Кобилич, с лукавством и притворством сказал, что он принял ислам, умоляя принять его в ряды победоносного войска. И когда был допущен поцеловать ногу светлого государя, вместо того чтобы это исполнить, неустрашимо направил он в славное тело пресветлого царя отравленный нож, спрятанный в рукаве, и, нанеся им тяжкую рану, напоил его мученическим шербетом... С надежными людьми отправил я носилки с телом моего отца, чтобы предать его погребению в Бруссе. Когда прибудет тело, вы его предадите погребению, никому не сказав о случившемся, напротив, покажете перед народом знаки победы, чтобы неприятели не могли ничего заметить.

¹ Фирман – указ султана.

Османская империя и ее политика при Баязиде I (Иоганн Шильтбергер, «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год»)

Иоганн Шильтбергер – баварский солдат, необыкновенную биографию которого мы знаем главным образом из оставленной им самим книги путешествий («Reisebuch»). Участник Никопольской битвы (28 сентября 1396 г.), в которой он в качестве оруженосца некоего баварского дворянина сражался в войсках венгерского короля Сигизмунда, он попал в плен к туркам. Ему было в это время около 16 лет. Вместе с немногими пленными, оставленными победителями в живых, Иоганн Шильтбергер отправлен был в турецкую крепость Бруссу, затем получил последовательно ряд должностей при султани Баязиде. Предпринятые им попытки к бегству были неудачны. В качестве турецкого солдата он принял участие в ряде военных кампаний султана Баязида.

В знаменитой битве при Ангоре (1402 г.) турецкое владычество на Востоке, как известно, было сломлено Тимуром, и сам Баязид попал в плен. Как рассказывает Иоганн Шильтбергер, он принужден был разделить его участь и дать увести себя на Восток. После смерти Тимура (1405 г.) Иоганн Шильтбергер все еще оставался в плену. Затем он был подарен был Едигею, который взял его с собой во время одного из наездов в Сибирь.

Вернуться на родину в Баварию Иоганну Шильтбергеру удалось только в 1427 г. Таким образом, он проблуждал по Азии свыше 30 лет. Последние годы жизни Шильтбергера плохо известны. Известно, однако, что он был жив еще в 1438 г., но, по-видимому, скоро умер в глубокой старости. В конце жизни Шильтбергер написал свои воспоминания – «Книгу путешествий».

К ЧИТАТЕЛЮ

В то самое время, когда король венгерский Сигизмунд¹ готовился к походу против язычников, я, Иоганн Шильтбергер, вышел из родины, а именно из баварского города Мюнхена, вместе с господином Леонгардом Рихардингером. Это было в тысяча триста девяносто четвертом году. Возвратился же я из язычества (т.е. плена) в тысяча четыреста двадцать седьмом году.

Ниже вы найдете описание войн и чудесных событий, о которых я собирал сведения в бытность мою в стране языческой, а также о городах и водах, которые я имел случай видеть. Описание мое далеко не совершенное, потому что, будучи в неволе, я не мог делать всего того, что хотел. Однако я старался, по возможности, передать туземные имена городов и стран и, кроме того, я привожу рассказы о разных приключениях, которые читатель прочтет с удовольствием.

1. О первой войне короля Сигизмунда с турками

В связи с тем, что язычники (т.е. мусульмане) причинили Венгрии много вреда, то король Сигизмунд в указанном тысяча триста девяносто четвертом году потребовал помощи от христиан. После этого к нему на

помощь прибыло много народу из разных стран². Собрав весь этот народ, он двинулся к Железным Воротам³, отделяющим Венгрию от Болгарии и Валахии. Переправившись затем через Дунай в Болгарию, он подступил к главному городу Видину. Владетель этого города и края⁴ поспешил к нему навстречу и перешел под власть короля, который занял город с тремястами надежных рыцарей и воинов. Затем он двинулся к другому городу⁵, в котором находилось много турок. Они защищались пять дней, пока город не был взят приступом, причем множество турок было убито, а другие были взяты в плен. Оставив в этом городе гарнизон в 200 человек, король подступил к другому городу, называемому Шистов, который у язычников именуется Никоподем⁶.

Осада этого города с суши и со стороны реки уже длилась 16 дней, когда к нему на помощь пришел турецкий король Баязид⁷ с 200-тысячным войском. Узнав об этом, король Сигизмунд приблизился к нему на расстояние мили с войском, состоявшим приблизительно из 16 тысяч человек. После этого герцог валахский, именуемый Мирча-воевода⁸, стал просить короля чтобы ему было дозволено сделать рекогносцировку. Получив на это согласие короля, он взял с собой около тысячи человек, осмотрел позицию неприятеля, возвратился к королю и доложил, что неприятельское войско состояло из двадцати корпусов и что в каждом из них было до десяти тысяч воинов. Каждый корпус стоял отдельно под своим знаменем. Король тогда хотел привести войско в боевой порядок и поэтому согласился на предложение герцога валахского, чтобы он мог первым напасть на неприятеля. Однако герцог бургундский⁹, услышав это, не пожелал уступить эту честь ему или кому-либо другому и потребовал, чтобы ему было позволено напасть первому ради того, что он прибыл с шестью тысячами воинов из столь отдаленного края и издержал так много денег во время своего перехода.

Король умолял его предоставить возможность напасть первыми венграм, так как им, часто воевавшим с турками, лучше других была известна их манера сражаться. Однако герцог, вместо того чтобы уступить венграм, собрал своих ратников, напал на неприятеля и проскакал через два [его] отряда, но через третий уже пробиться не смог и хотел возвратиться. Однако тут он был окружен турками, которые, стреляя по лошадям, уже сбили с них больше половины всадников и тем самым принудили герцога сдаться¹⁰.

Король же, узнав о нападении герцога, собрав оставшееся войско, в свою очередь напал на противостоявший ему 12-тысячный корпус [турецкой] пехоты, которая вся была растоптана и уничтожена. В этой стычке господин мой Леонгард Рихардингер был сброшен со своей лошади выстрелом. Увидев это, я, Иоганн Шильтбергер, подъехал к нему и помог ему сесть на мою лошадь, а сам я сел на другую, принадлежавшую турку, и поехал обратно к другим всадникам.

После того, как были перебиты все пехотинцы [турок], король напал на другой отряд – конный. Увидев, что король приближается, турецкий король хотел обратиться в бегство. Однако это заметил герцог Сербии, именуемый деспотом¹¹, и прибыл к нему на помощь с 15 тысячами отборных воинов, за которыми двигались командиры других отрядов. Деспот напал на отряд короля (венгров), низложил его знамя и вынудил самого искать спасение в бегстве. Некто фон Цили¹² и бургграф нюрнбергский Иоганн, взяв с собой короля, вывели его с поля битвы и привели на судно (галея), на котором он отправился к Константинополю. Рыцари и прочие воины, видя, что король бежал, тоже повернули назад и многие из них бежали к Дунаю, где часть добралась до кораблей. Их пример оказался заразителен и для других, но так как корабли уже были переполнены людьми, то тем, кто еще пытался взобраться на них, отрубали руки и все они утонули. Другие во время бегства к Дунаю пропали в горах.

Мой господин Леонгард Рихардингер, Вернер Пенциауэр, Ульрих Кухлер и маленький Штайнер, командиры отрядов, пали в сражении вместе со многими другими рыцарями и воинами, которые не смогли добраться до реки, чтобы сесть на корабли.

Число взятых [турками] в плен было более значительным, чем число убитых. Среди пленных были герцог Бургундский, двое французских вельмож, господа Иоганн Бусико и Шатоморан и великий граф Венгерский. Было взято в плен еще много других знатных особ, рыцарей и воинов. Попал в плен и я.

2. Как турецкий король обошелся с пленными

По окончании сражения¹³ король Баязид направился к тому месту, где стоял король Сигизмунд со своим войском, а затем осмотрел и самое поле битвы. Увидев там, как много его воинов было убито, он от горя заплакал и поклялся, что их кровь не останется без мести и строжайше приказал своим воинам, чтобы они на следующий день прибытия к королю со своими пленниками. Тот, кто пленил меня, привел и меня вместе с другими, связанными веревкой.

Между тем король [Баязид] призвал к себе герцога Бургундского, чтобы он стал свидетелем мщения, которое он пожелал увидеть со стороны своих воинов. Видя его гнев, герцог просил его, чтобы он позволил ему выбрать [среди пленных] тех, кого он захотел спасти. Король согласился и герцог выбрал 12 вельмож своего края, а также Стефана Сент-Омера и господина Иван Видинского.

Затем Баязид приказал, чтобы каждый воин умертвил своих пленных и вместо тех, кто не соглашался с этим, он назначил для исполнения его приговор других. Взяли тогда и моих товарищей и отсекали их головы. Когда очередь дошла до меня, сын короля¹⁴, заметив меня, приказал не лишать меня жизни. Меня тогда отвели к другим юношам, ибо тех, которым еще не было 20 лет от роду, не убивали.

Тогда же я увидел господина Иоганна Грейфа, баварского помещика, которого привели связанным веревкой вместе с другими тремя пленными. Увидев страшное мщение, которое здесь происходило, он стал громким голосом утешать рыцарей и воинов, обреченных на смерть. «Будьте довольны, — восклицал он, — что

ваше кровь ныне проливается ради веры христовой. По воле божьей мы будем его детьми на небесах!» Затем он пал на колени и был обезглавлен, как и его товарищи.

Кровопролитие это продолжалось с утра до вечера, когда советники короля, видя, что они не прекращаются, преклонили перед королем колени, умоляя его забыть о своем гневе ради бога, чтобы не быть самому наказанным за чрезмерное кровопролитие. Внимая их просьбам, король дал приказ прекратить казнь, велел собрать оставшихся пленников, часть которых он взял себе, а остальных отдал тем, кто их пленил. Таким образом, я достался на долю короля.

Считали, что в этот день было убито до 10 тысяч человек. Своих пленников Баязид отправил в Грецию, в главный город Адрианополь¹⁵, где мы оставались 15 дней. Затем нас повели в приморский город Галлиполи¹⁶, где турки переправляются через море. Там мы, числом 300 человек, пролежали в башне два месяца. В верхней части этой башни находился герцог Бургундский вместе с теми, кого он спас от смерти.

В бытность нашу в этой башне, по пути в Венедскую землю (Венецию), мимо проплыл король Сигизмунд. Узнав об этом, турки вывели нас из башни к морскому берегу и поставили нас в ряд, чтобы посмеяться над королем Сигизмундом. Они кричали, чтобы он вышел на берег для освобождения своих людей. Это они делали для того, чтобы поиздеваться над ним и долго с ним препирались. Но они не смогли сделать ему ничего, и он уехал.

3. Каким образом Баязид завоевал целый край

На третий день после того, как турецкий король велел умертвить пленных воинов, а нас отправили в указанный город пленными, сам он выступил в поход в Венгрию и, переправившись через реку Саву¹⁷ близ города, именуемого Митровиц¹⁸, овладел целым краем. Затем он перешел в герцогскую область Петтау¹⁹ и, овладев городом того же названия и предав его огню, вывел оттуда 16 тысяч человек с женами, детьми и всем имуществом. Часть людей он взял с собой, а часть оставил в Греции.

По возвращении из-за Савы он приказал вывезти нас из Галлиполи за море, в его столицу Бурсу²⁰, где мы и находились до его прибытия. По приезде он приказал оставленных в живых герцога Бургундского и других поместить в одном доме близ собственного дворца. Одного из этих господ, венгра по имени Годор, он послал в подарок королю-султану²¹ вместе с 60 мальчиками, в их числе должен был находиться и я, но из опасения, что я могу скончаться в пути от ран (а их у меня было три), меня оставили при короле. Король послал также пленных в подарок королям вавилонскому²², персидскому²³, в Белую Татарию²⁴ и в другие страны.

Меня тогда приняли ко двору турецкого короля и я должен был бегать перед ним во время его походов вместе с другими, как это было в их обычаях. За эти шесть лет я дослужился до того, что мне разрешили ездить верхом в свите короля, у которого я таким образом провел двенадцать лет. И все, что турецкий султан совершил за эти двенадцать лет, здесь излагается подробно.

4. Как Баязид воевал со своим шурином и об убийстве последнего

Прежде всего он начал войну со своим шурином, которого звали Караман²⁵, как и страну ему принадлежавшую, в которой главным городом была Ларенде²⁶. Так как Караман не хотел признавать его власти, то Баязид выступил против него с войском, состоявшим из 150 тысяч человек. Узнав об этом, Караман поспешил ему навстречу с 70 тысячами отборных войск, надеясь с ними одолеть короля. Они встретились на равнине у города Кони, принадлежавшей Караману²⁷. В течение одного дня они сразились дважды, но ни одна сторона решительного успеха не добила. Ночью обе стороны отдыхали и никакого ущерба друг другу не нанесли.

Чтобы напугать Баязида, Караман приказал своим войскам бодрствовать, производить шум барабанами и трубами, демонстрируя радость и веселье. Баязид же, напротив, приказал своим воинам развести огни только для приготовления пищи, а затем погасить их. В эту же ночь он послал в тыл неприятелю 30 тысяч человек с тем, чтобы они напали на Карамана на следующее утро, когда выступит сам. На заре Баязид напал на неприятеля и в то же время указанный отряд, выполняя его приказ, напал на него с тыла. Караман, видя, что враг напал на него с двух сторон, бежал в свой город Конию и стал защищаться от Баязида, который в течение 11 дней не мог овладеть городом. Тогда жители [города] передали ему, что они готовы сдать город ему при условии, что он пощадит их жизнь и имущество.

Получив на это согласие, жители сговорились с Баязидом, что уйдут со стен города в тот момент, когда его войско начнет приступ. Этот план был приведен в исполнение. Караман с оставшимися у него воинами бросился на турок и заставил бы их уйти из города, если бы жители поддержали его хотя бы немного. Когда же он увидел, что рассчитывать на них не сможет, он обратился в бегство, однако был схвачен и приведен к Баязиду.

На вопрос Баязида, почему он не хотел признать его своим верховным владетелем, Караман отвечал, что считает себя равным ему государем. Этим [ответом] он так разгневал султана, что тот трижды закричал: «Не освободят ли меня от Карамана?» Тогда явился кто-то²⁸, отвел Карамана и, умертвив его, предстал перед Баязидом, который спросил его о том, что он сделал с Караманом. Узнав о его печальной участи, Баязид заплакал и приказал казнить убийцу на том же самом месте, где он умертвил Карамана, в наказание за то, что он так поспешил с убийством столь знатной особы и не подождал, пока не прошел гнев своего государя.

После этого он приказал надеть голову Карамана на острие копья и носить по всему краю, чтобы другие города, видя что их владетель уже мертв, скорее сдавались.

Оставив затем гарнизон в Кони, Баязид начал осаду Ларенде и потребовал, чтобы город сдался ему, иначе он захватит его силой оружия. Жители тогда послали к нему четырех из лучших граждан с просьбой, чтобы он пощадил их жизни и имущество и назначил бы на место убитого Карамана одного из его сыновей, находившихся в городе. Баязид ответил, что он готов поручиться за их жизни и имущество, но оставил за собой право после занятия города передать его под управление, по своему усмотрению, или сыну Карамана, или же одному из своих сыновей.

Такой ответ вынудил жителей, считавших себя обязанными защищать право сыновей Карамана, не сдавать города, и он мужественно оборонялся пять дней. Видя такое упорное сопротивление, Баязид приказал доставить катапульту и приготовить метательные снаряды. Тогда вдова и сыновья²⁹ созвали вельмож города и объявили им, что из-за невозможности сопротивления могуществу Баязида, они решили предаться его власти, чтобы подданные понапрасну не погибали. После этого сыновья Карамана с согласия жителей вместе с матерью и вельможами открыли ворота крепости и вышли из города.

Когда они приблизились к войску [Баязида], то мать, взяв за руки своих сыновей, подошла к Баязиду, который, увидев сестру с сыновьями, вышел из своего шатра к ним навстречу. Они бросились к его стопам, стали целовать его ноги, прося пощады и передали ему ключи от крепости и города. Баязид повелел стоявшим возле него сановникам поднять их. Он овладел городом и назначил туда начальником одного из своих приближенных³⁰. Сестру же с ее сыновьями он отправил в свои столичный город Бурсу.

5. Как Баязид изгнал короля Севастии

В пограничном с Караманией городе Марсиван (Амасия)³¹ княжил некто Мир-Ахмед³². Узнав, что упомянутая страна (Карамания) была занята Баязидом, Мир-Ахмед обратился к нему с просьбой, чтобы он изгнал из его области короля Севастии (Сиваса) Бурхан ад-Дина, захватившего ее и слишком сильного, чтобы он сам с ним мог справиться.

Свою же область он предложил уступить Баязиду за соответствующее вознаграждение из числа султанских владений. Баязид тогда послал к нему на помощь своего сына Мухаммада с 30-тысячным войском, которое изгнало короля Бурхан ад-Дина из края, который достался Мухаммаду за то, что он так удачно совершил свой первый поход³³. В свою очередь Мир-Ахмед получил приличную компенсацию в другой области.

6. Как шестьдесят христиан сговорились бежать

По прибытии Баязида в свою столицу, мы (христианские пленники), числом шестьдесят, договорились бежать и поклялись во всяком случае обрести одинаковую участь. Время для побега было определено и были выбраны двое старших, которым все обязались подчиняться.

В назначенный день мы поднялись около полуночи и направились к горе, которой мы достигли на заре. Здесь мы спешили, дав лошадям немного отдохнуть, а затем снова тронулись в путь и ехали в течение полных суток.

Когда Баязид узнал о нашем побеге, он послал за нами 500 всадников. Они настигли нас в одном ущелье и стали кричать, чтобы мы сдались. Однако вместо того чтобы выполнить их требование, мы спешили и начали защищаться. Командир отряда предложил нам объявить перемирие на один час и когда это предложение было нами принято, он подошел к нам и предложил нам сдаться, ругаясь за наши жизни. Посоветовавшись, мы ответили, что коль скоро нам известно, что король (Баязид) прикажет предать нас смерти как только мы ему будем представлены, то поэтому мы предпочитаем умереть здесь же ради христианской веры.

Видя нашу решимость, командир снова стал настаивать, чтобы мы сдались, уверяя нас, что мы останемся живы и, присягая, что скорее сам погибнет, чем допустит нашей смерти, если вдруг король, в гневе своем прикажет нас казнить. Тогда мы сдались командиру [отряда], однако король, которому мы были представлены приказал нас тотчас же казнить. Тогда командир бросился к его стопам и сказал ему что, полагаясь на его милость, он заверил нас под присягой, что нас не лишат жизни. Тогда король спросил, не причинили ли мы какого-либо вреда и когда командир отряда ответил на это отрицательно, мы были посажены в тюрьму, где оставались девять месяцев. За это время 20 человек из нас скончались.

Когда наступил праздник языческой пасхи³⁴, старший сын короля эмир Сулейман³⁵ выхлопотал наше освобождение. После этого Баязид вызвал нас к себе и взял с нас обещание, чтобы мы больше не сбегали от него. Он велел снова дать нам лошадей и прибавил нам жалованье.

7. Как Баязид овладел городом Самсуном³⁶

Летом следующего года Баязид повел 80 тысяч воинов в страну Джунайд-бека³⁷ и приступил к осаде главного города, называемого Самсун. Баязид изгнал владельца этого города, названного, как и страна, Джунайдом. Его подданные сдались Баязиду, который овладел городом и страной.

8. О змеях и ужах

Не могу не упомянуть о большом чуде, которое в бытность мою у Баязида случилось близ Самсуна. Внезапно [там появилось такое огромное количество змей и ужей, что город был окружен ими на протяжении мили. Часть этих змей пришла из моря, а часть – из лесов владений Джунайда – страны, изобилующей лесом и принадлежавшей Самсуну.

Девять дней это скопище змей оставалось совершенно спокойным, а на десятый между ними началась борьба. Никто не смел выйти из города, хотя змеи не причиняли вреда ни людям, ни скоту. Видя в этом знак и

предопределение Всевышнего, правитель города запретил вредить этим гадам, борьба между которыми продолжалась до захода солнца. Затем правитель велел открыть ворота и отправился верхом с небольшой свитой к месту побоища, где увидел, что морские змеи были вынуждены отступить перед лесными. А когда на следующий день он приехал снова на поле битвы, чтобы узнать, чем же закончилось дело, то обнаружил там одних мертвых змей. Он велел собрать и пересчитать их, и оказалось их восемь тысяч штук. Их, по его приказанию, бросили в приготовленную для этого яму и закопали. Баязиду же, который в это время был владетелем Турции, он послал донесение о совершившемся чуде. Баязид этому весьма обрадовался: в том, что верх одержали лесные змеи, он видел добрый знак и он, как владетель прибрежного края должен был также с помощью бога сделаться обладателем моря.

Город Самсун состоит из двух частей, расположенных друг от друга на расстоянии полета стрелы. Одна из этих частей, населенная христианами, принадлежала тогда итальянцам из Генуи³⁸, в другой обитают язычники, которым принадлежит весь край. Владетелем края и города тогда был некто Шишман, сын прежнего герцога Болгарии, чьей столицей был город Тырнов и кому принадлежало до 300 городов и крепостей. Баязид овладел этой страной и пленил сына и отца. Последний умер в плену, а сын для спасения жизни принял ислам и после завоевания земель Джунайда, получил от султана этот край вместе с Самсуном³⁹.

9. Как язычники кочуют со своим скотом зимой и летом

В стране язычников богатые имеют обыкновение кочевать со своими стадами и брать на откуп у владетелей землю, на которой имеются хорошие пастбища.

Однажды случилось так, что знатный турок по имени Осман⁴⁰, кочуя по стране, прибыл летом в область, именуемую подобно главному городу своему Сивасом. Владетель этого края Бурхан ад-Дин⁴¹, согласившись, на просьбу Османа, уступил ему пастбище с тем, чтобы он пользовался им в течение лета. Когда же настала осень Осман без предварительного уведомления вернулся на родину. Раздраженный этим владетель отправился с отрядом в тысячу человек к тому месту, где кочевал Осман, а вдогонку ему отправил четыре тысячи всадников, которым приказал доставить к нему Османа и все его имущество.

Узнав об этом, Осман скрылся в гористой местности. Искавшие его найти не смогли и расположились на ночлег на лугу, который находился у подножия горы, на которой скрывался Осман. Когда наступило утро Осман, взяв с собой тысячу всадников, направился на разведку противника и напал на него, так как увидел, что он никаких мер предосторожности не предпринял. Многие из людей [Бурхан ад-Дина] были убиты, другие же спаслись бегством.

Сначала Бурхан ад-Дин не хотел верить этому несчастью, но когда к нему прискакали некоторые из беглецов, то он направил сто всадников, чтобы узнать подробности об этом деле. Осман, приготовившийся напасть на лагерь Бурхан ад-Дина, встретил эти сто человек, обратил их в бегство и в одно и то же время появился вместе с ними в лагере Бурхан ад-Дина. Последний, не видя возможности подготовиться к сражению, стал искать спасение в бегстве. Его примеру последовали его воины. Сам Бурхан ад-Дин едва успел сесть на коня и попытался добраться до соседней горы. Однако это заметил один из воинов Османа и, преследуя Бурхан ад-Дина, помешал ему выполнить его намерение.

Воин этот предложил ему сдаться, но король не хотел с этим согласиться, и тогда воин взял лук и хотел его застрелить. Король открыл ему, кто он такой, предлагая ему один из лучших своих замков взамен обещания оставить его в покое и хотел отдать ему свой перстень как ручательство за то, что сдержит свое слово. Однако все это на воина не подействовало. Он взял короля в плен и представил его своему командиру, который целый день гнался за воинами Бурхан ад-Дина. Многих он перебил и расположился на ночь на том самом месте, где находился лагерь неприятеля. Отсюда он послал за находившимися еще в горах людьми и скотом. Как только они прибыли, он взял с собой пленного короля и начал осаду Сиваса. Жителям города он объявил, чтобы они сдали ему город, если хотят оставаться в живых. тем более, что король их находился у него в плену. Жители ответили, что данное обстоятельство ничего не значит, так как сын пленного короля находился с ними, а сами они считали себя довольно сильными, чтобы предпочесть ему чужого монарха.

Тогда Осман призвал к себе пленного короля и посоветовал ему, если не хотел быть убитым, уговорить жителей сдать ему город. Пленный король согласился с этим, был отведен к городу и стал умолять жителей, чтобы они ради его спасения сдали город Осману. Однако жители ответили, что они Османа не боятся, хотят иметь королем его сына, так как сам он оказался неспособным быть им. Осман был очень раздражен этим ответом и, несмотря на просьбу Бурхан ад-Дина о пощаде и на обещание, что он уступит ему Кайсарию (Кесария), он был предан смерти. Труп его был затем четвертован и каждый кусок, привязанный к шести, был выставлен перед городом, а голова была нанизана на копье и тоже выставлена.

Во время осады Османом города сын пленного Бурхан ад-Дина отправил к своему шуруну, сильному владетелю в Белой Татарии⁴², гонца с просьбой о помощи. Он известил его, что Осман повелел казнить его отца и множество других людей истребил. Желая помочь своему родственнику и изгнать Османа из его края, татарский владыка собрал своих подданных с женами и детьми и стадами, как это было в обычае этого кочевого народа. Считалось, что в его войске было около 40 тысяч человек, не считая женщин и детей.

Узнав о приближении татарского короля, Осман удалился от стен Сиваса в горы и разбил там лагерь. А когда татары подошли к городу, то Осман, взяв с собой 1500 воинов и разделив их на два отряда, ночью внезапно напал на них с двух сторон, причем его воины издавали громкие крики. Услышав эти крики,

татарский царь подумал, что ему хотят изменить и укрылся в городе. Его воинство разбежалось и преследовалось Османом, который отнял у них большую добычу и многих перебил. Оставшиеся татары убралась восвояси. Осман же с отобранным у них скотом и имуществом возвратился в горы, где было его пристанище.

Утром татарский король сел на коня, догнал своих подданных и хотел убедить их возвратиться, но он не смог их склонить к этому и сам тоже был вынужден убраться домой.

Тогда Осман снова явился к городу и потребовал его сдачи на прежних условиях. Однако жители его, вместо того чтобы согласиться на его требование, обратились к Баязиду с просьбой, чтобы он прогнал Османа и принял их в свое подданство. Баязид направил к ним своего старшего сына [Сулеймана] с двадцатью тысячами всадников и сорока тысячами пехотинцев. Я участвовал в этом походе.

При приближении этого войска Осман отправил свой скот и имущество в горы, где они до этого находились, а сам остался перед городом с тысячьо всадников. Сын короля [Баязида] выслал ему навстречу две тысячи человек, которые одолеть Османа не смогли и потребовали подкрепления. Тогда к ним на помощь прибыл сын Баязида со всем своим войском. Осман набросился на него и чуть-чуть не победил его, так как турецкое войско было растянуто. Однако Сулейман ободрил своих воинов и трижды вступал в сражение. Пока они сражались, на лагерь Османа напали четыре тысячи пехотинцев. Осман послал туда 400 всадников, которые вместе с воинами, оставленными для защиты лагеря, прогнали оттуда турок.

Между тем Осман пробился к горам, где находился его обоз и на время остановился там, отправив свое имущество подальше. Тогда сын Баязида подошел к городу, ворота которого были открыты его жителями, просившими его прибыть к ним. Однако вместо того, чтобы исполнить их просьбу, он отправил гонца к своему отцу с просьбой, чтобы он [сам] занял город и край. Баязид прибыл с 150-тысячным войском, овладел городом и краем, назначил туда правителем своего сына Мухаммада⁴³, но не Сулеймана, который изгнал Османа.

10. Как Баязид отнял у султана область

Передав сыну управление упомянутым царством, Баязид приказал предложить королю-султану 44, чтобы он уступил ему город Малатию⁴⁵, которая принадлежала упомянутому царству, но находилась тогда под властью короля-султана. Однако последний ответил, что этот город был приобретен им силою меча и поэтому он уступит его только тому, кто у него отнимет его мечом же. После такого ответа Баязид вторгся в этот край с 200-тысячным войском и начал осаду Малатии.

Видя, что после двухмесячной осады город не сдастся, он велел засыпать рвы, окружил город и приготовился к приступу. Тогда жители запросили пощады и сдались Баязиду, который, таким образом, завоевал город и край⁴⁶.

В это же время белые татары осадили принадлежавший Баязиду город Анкару. На помощь городу Баязид отправил старшего сына [Сулеймана] с 32 тысячами воинов, однако Сулейман с их помощью не смог одолеть врагов и поэтому возвратился к отцу. Тогда Баязид дал ему еще больше войска, с которым ему удалось разбить татар и пленить татарского вождя вместе с двумя владетелями, которых он (Сулейман) представил Баязиду.

Белые татары покорились Баязиду, который назначил к ним другого владыку, а трех пленных взял с собой в свою столицу⁴⁷. Затем он осадил город Адану⁴⁸, принадлежавшую египетскому султану и находившуюся недалеко от Кипра. В окрестностях этого города из домашних животных разводят верблюдов. Поэтому жители города, после того как он был взят Баязидом, доставили ему 10 тысяч верблюдов, которых он перегнал в свои владения.

11. О короле-султани

Примерно около этого времени скончался король-султан Баркук и ему наследовал его сын Абу-Са'адат⁴⁹. Однако в связи с восстанием одного из служителей его отца, Абу-Са'адат примирился с Баязидом и обратился к нему за помощью. Баязид направил к нему 20-тысячное войско, среди которого находился и я. С нашей помощью Абу-Са'адат прогнал своего противника и стал могущественным государем. Когда ему затем сообщили, что 500 человек из служителей его отца, по нерасположению к нему, перешли на сторону его соперника, он приказал схватить их, отвести в поле и изрубить⁵⁰.

Через некоторое время мы возвратились к своему господину Баязиду.

12. Как Тамерлан овладел царством Севастия

Выше было сказано, как Баязид изгнал Османа⁵¹ из города Севастии. Этот Осман, будучи подданным Тамерлана, пожаловался ему и запросил у него помощи для возвращения царства Севастия, отнятого у него Баязидом. Тамерлан согласился на это и послал Баязиду требование, чтобы он возвратил это царство. Однако Баязид приказал ответить ему, что не уступит завоеванного мечом края, который ему самому пригодится не хуже, чем Тамерлану. Тогда Тамерлан собрал до миллиона войск, подошел к Севастии и осаждал ее в течение 21 дня⁵². В конце концов он приказал сделать подкоп под городскую стену, затем овладел городом, где находилось 5 тысяч всадников, направленных туда Баязидом. Все они были живыми зарыты в землю, ибо при сдаче города комендант получил от Тамерлана обещание, что не прольет их крови. После этого город был разрушен, а жители отведены в страну Тамерлана. В числе пленных, вывезенных из города, было 9 тысяч девиц. От Сиваса. под которым потери Тамерлана составили более трех тысяч человек, он возвратился в свои земли.

13. Завоевание Баязидом Малой Армении

Не успел Тамерлан возвратиться в свой край, как Баязид с 300-тысячным войском напал на принадлежавшую Тамерлану Малую Армению, овладел ее главным городом Эрзинджаном и пленил владетеля этого города Мутаххара⁵³. После этого он возвратился в свое царство.

Когда все это узнал Тамерлан, он собрал 1600 тысяч войск и выступил против Баязида, который противопоставил ему 1400 тысяч человек⁵⁴. Оба войска встретились близ Анкары⁵⁵ и в разгар сражения 30 тысяч белых татар, поставленных Баязидом в авангарде боевого строя, перешли на сторону Тамерлана. Несмотря на это, сражение, дважды возобновляемое, осталось незавершенным, пока Тамерлан не приказал выдвинуть вперед 32 вооруженных слона и этим самым заставил Баязида бежать с поля битвы. Он надеялся найти спасение за горами, куда ускакал со свитой числом в тысячу всадников⁵⁶. Однако Тамерлан приказал окружить эту местность и вынудил его сдаться. Затем он захватил его государство, в котором находился восемь месяцев. Перевозя вместе с собой своего пленника, Тамерлан овладел столицей Баязида, откуда вывез его сокровища и столько серебра и золота, что для перевозки потребовалось 1000 верблюдов⁵⁷. Он хотел отвезти Баязида в свою землю, но султан по пути туда скончался⁵⁸.

Таким образом, я попал в плен к Тамерлану, которого сопровождал в его страну, где состоял при нем. Все вышеупомянутое мной случилось в то время, в течение которого я находился у Баязида...

¹ Император Сигизмунд (Жигмунд) – Сигизмунд Люксембургский (1387-1437 гг.), венгерский король; с 1410 г. – император Священной Римской империи.

² Крестовый поход против турок-османов был организован по призыву римского папы Бонифация IX в 1396 г. Под знаменами короля Сигизмунда собралась огромная армия (100 тысяч человек), которая считалась непобедимой. В составе этого воинства имелось 1000 рыцарей и 7000 простых воинов и наемников из Франции во главе с сыном бургундского герцога Филиппа – графа Жана Невера. Этими войсками командовали Филипп д'Артуа, адмирал Жан де Вин, граф де ла Марше, Жак де Бурбон, Анри де Бар, Филипп де Бар, маршал Бусье, коннетабль граф д'Э и др. французские принцы и вельможи. По пути на Восток к крестоносцам присоединились граф Фридрих Гогенцоллерн, Иоганн фон Нюрнберг, курфюрст Палатината Роберт. В составе воинства находились также родосские рыцари под командованием главы госпитальеров Филиберта де Наильяк, рыцари Истрии под командованием графа Цилли Германа и т. д.

³ Железные Ворота – теснина на реке Дунай, на границе Югославии и Румынии.

⁴ Видином и областью в указанное время правил Иоанн Страшимир, брат болгарского царя Шишмана IV.

⁵ Речь идет о городе Раков, расположенном к востоку от Видина.

⁶ Никополь (тур. Нигболу) – город в Болгарии, на правом берегу Дуная, близ устья реки Осма (Алпота).

⁷ Султан Баязид I Ильдырым правил в 1389-1402 гг.

⁸ Герцог валахский – господарь Валахии Мирча (1386-1418 гг.).

⁹ Речь идет о сыне герцога бургундского графе Жане Невере.

¹⁰ Тяжелая французская конница, сметая все на своем пути, доскакала до ставки султана Баязида, однако опьяненные успехом рыцари потеряли порядок и не выдержали удара султанских янычар.

¹¹ Речь идет о союзнике султана Баязида деспоте сербском Стефане Лазаревиче (1389-1427 гг.).

¹² Фон Цили – это граф Цилли Герман Истрийский.

¹³ Сражение у Никополя произошло 25 сентября 1396 г.

¹⁴ Под «сыном короля» подразумевается будущий султан Мухаммад I (Мехмед) Челеби (1402-1421 гг.).

¹⁵ Андрианополь (тур. Эдирне) был завоеван в 1361 г. султаном Мурадом I (1360-1389 гг.). В 1365 г. Эдирне становится столицей османов. Расположена в европейской части Турции на реке Марице.

¹⁶ Город и Полуостров Галлиполи (тур. Гелиболу) были захвачены в 1354 г. Сулейманом, сыном султана Урхана (1324-1360 гг.).

¹⁷ Сава – правый приток Дуная.

¹⁸ Митровиц (Митровица Сремская) – город в Югославии, в южной части Воеводины (Среме), на реке Саве.

¹⁹ Петтау – город в Штирии-Каринтии, в 35 км к ю.-в. от Марбурга, на реке Драве (приток Дуная).

²⁰ Бурса (визант. Брусса) была захвачена османами в 1326 г. До 1365 г. Бурса была столицей османов, которая затем была перенесена в Андрианополь. Расположена на с.-з. склоне горы Улудуг, в южной части гор Мудания (восточнее Мраморного моря).

²¹ «Королем-султаном», т.е. мамлюкским султаном Египта в это время был ал-Малик аз-Захир Сайф ад-Дин Баркук (1390-1399 гг.).

²² «Королем вавилонским» в это время был джелаиридский султан Ирака, Курдистана и Азербайджана Гийас ад-Дин Ахмад ибнУвейс (1382-1410 гг.).

²³ «Королем персидским» в это время был Кара-Иусуф Кара-Коюнлу, правивший Азербайджаном, Ираком и Ираном с перерывом с 1389 по 1420 гг.

²⁴ Белыми татарами были туркмены, находившиеся под властью правителей из династии Дулкадаров. Поход султана Баязида во владения Дулкадаров состоялся в июле – августе 1399 г. Владения Дулкадаров были переданы Насир ад-Дину Мехмеду (1398-1443 гг.).

²⁵ Землями, входившими в описываемое время в состав владений династии Караманидов, управлял Ала' ад-Дин Али-бек ибн Халил (1381-1397 гг.). Женой Ала' ад-Дина Али-бека была сестра Баязида Нафиса-хатун (Нафиса-султан).

²⁶ Город Ларенде (совр. Караман) расположен в 57 км от Конии. До XIV в. Ларенде был столицей Караманидов.

²⁷ Сражение между Баязидом и Ала' ад-Дином Али-беком произошло на равнине Акчай, близ Конии. С начала XIV в. Кония становится столицей Караманидов.

²⁸ Этим «кто-то» был Сары Тимурташ-паша – анатолийский беглярбек султана Баязида, находившийся в плену у караманида Ада' ад-Дина Али-бека.

²⁹ Сыновей Ала' ад-Дина Али-бека звали Мехмед (Мухаммад), который в 1403-1424 гг. с перерывом правил землями Караманидов и Али-бек. Али-бек находился у власти только год (1424 г.).

³⁰ Согласно источнику, Баязид назначил правителем земель Караманидов сына Ала' ад-Дина Али-бека Мухаммада, который через год восстал против Баязида. Однако Баязид разбил Мухаммада и вместе с братом Али-беком заточил в тюрьму в Бурсе, после чего овладел такими городами Караманидов, как Кония, Ларенде, Девели и Аксарай. Караманиды на политической арене вновь появились после 1402 г., когда Тимур разгромил Баязида.

³¹ Марсиван (Амасья) – город в северной Анатолии, расположенный у впадения реки Токат-су в Иешил-Ирмак.

³² Владетель Амасьи эмир Ахмад сын Хаджи Шахгельды-паши (1381-?), предложил в 1391 г. султану Баязиду присоединить Амасью к османским владениям. На этот шаг эмир Ахмад решился потому, что не мог противостоять вторжениям соседнего владетеля кадия Бурхан ад-Дина Ахмада.

³³ Будущий султан Мухаммад (Мехмед) Челеби в 1391 г. был назначен первым османским санджак-беом Амасии.

³⁴ Языческая пасха это – турецкий шекер-байрам, следующий после рамадана.

³⁵ Эмир Сулейман (Сюлейман) Челеби (1377?-1410) – старший сын султана Баязида I.

³⁶ Самсун – самый большой город Турции на берегу Черного моря, расположенный в устье р. Мурад.

³⁷ В 1398 г. султан Баязид отобрал Самсун у его владельца Джунайд-бека из местной династии Кубаидов.

³⁸ В начале XIV в. генуэзские купцы были самой сильной прослойкой в Самсуне и почти сто лет держали управление городом в своих руках. Даже после того, как в 1398 г. Баязид отобрал город у Джунайд-бека, статус Самсуна остался неизменным.

³⁹ Управление городом Баязид передал принявшему ислам сыну болгарского царя Александру.

⁴⁰ Речь идет о туркменском эмире Османе Кара-Юлуке, основателе династии Ак-Коюнлу (1378-1435 гг.).

⁴¹ Речь идет о кадии Бурхан ад-Дине Ахмаде ибн Шамс ад-Дине Мухаммаде (1344-1398 гг.) – кадии, везире, атабеке и владыке, ученом и поэте. Затем он стал везиром сына Мухаммада Ала'ад-Дина Али-бека, а после его смерти (1380 г.) стал правителем Сиваса и объявил себя султаном (1381 г.). С этого времени кадий Бурхан ад-Дин в течение 18 лет непрерывно вел войны с соседями, которые закончились его гибелью в 1398 г.

⁴² Дочь кадия Бурхан ад-Дина была женой Насир ад-Дина Мехмед-бека (см.: прим. 24), который взял сына Бурхан ад-Дина под свое покровительство.

⁴³ Мухаммад I (Мехмед) Челеби Султан (?-1421 г.) – турецкий султан, второй или третий сын Баязида I. В указанное время был назначен беглярбеком Сиваса и его округа.

⁴⁴ «Королем-султаном» в это время был мамлюкский султан ал-Малик ан-Насир Зайн ад-Дин Абу-с-Са'адат Фарадж (1399-1405 гг. и 1406-1412 гг.).

⁴⁵ Малатья – город в Турции. Расположена в южной части низменности, западнее реки Евфрат.

⁴⁶ Малатья была взята Баязидом в августе 1399 г. В осаде города принимали участие сербские войска. Кроме Малатии Баязидом были захвачены крепости Бахасна, Кахта, Диврики, Хисн Мансур и Сумейсат.

⁴⁷ Этими «татарскими» (туркменскими) владетелями были эмиры Халил, Байат и Ахмад из рода главы туркменов Каи Эртугрул-бека.

⁴⁸ Адана – крупнейший город в южной Анатолии. Расположен на правом берегу реки Сейхан, в северной части долины Чукурова. В описываемое время принадлежала туркменам из рода Рамазан. Областью и городом в это время правил Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Рамазан (ум. в 1416 г.).

⁴⁹ См.: прим. 44.

⁵⁰ Против султана Фараджа был организован заговор, во главе которого стояли Айтмыш – главный эмир и атабек египетской армии, правая рука отца Фараджа – покойного султана Баркука и наместник султана в Сирии эмир Танам ал-Хасани. Заговор потерпел неудачу и все наиболее видные его участники – бывшие сановники султана Баркука – были казнены в рамадане 802 г. х. (май 1400 г.).

⁵¹ См.: прим. 40.

⁵² Тамерлан осадил Сивас в августе 1400 г. Осада длилась 18 дней. Войсками Тамерлана командовали эмир Кара-Юлук Осман и владетель Арзинджана Мутаххартан. Наместником Баязида в Сивасе был его сын Сулейман Челеби. Оставив Сивас на попечение Мустафы-бека Малкоч-оглу, Сулейман выехал в Бурсу Видя превосходство осаждавших, Мустафа-бек сдал Сивас Тамерлану, который обещал не проливать крови защитников. 4000 защитников Сиваса были живыми закопаны в землю.

⁵³ Эрзинджан (Арзинджан) находится в восточной Анатолии западнее Арзрума. Баязид захватил Эрзинджан в конце июля 1401 г. и подчинил здешнего владетеля из рода Барак — Мутаххартана, который до этого признал себя вассалом Тамерлана.

⁵⁴ У Тамерлана было 160 тысяч войск, у Баязида – 70 тысяч своих войск и 10 тысяч воинов его шурина – сербского короля Стефана.

⁵⁵ Сражение у Анкары произошло 20 июля 1402 г.

⁵⁶ Всадников было 3000.

⁵⁷ После взятия Бурсы Тамерлан приказал сжечь город. Воины Тамерлана захватили здесь богатейшую казну османов. Были взяты в плен невеста принца Мустафы Челеби (дочь султана Ахмада Джала'ира), жена Баязида (сестра сербского короля) и две его дочери,

⁵⁸ Баязид умер 8 марта 1403 г.

Взаимоотношения Сербии и Турции в XV в. (Из «Истории» Дуки)

Византийский историк XV в. Дука состоял на дипломатической службе у генуэзских правителей о. Лесбос. Его «Турецко-византийская история» подробно излагает события 1391-1462 гг. Опытный политик, знаток итальянского и турецкого языков, Дука был хорошо осведомлен о событиях своего времени, стремился быть объективным, но при этом оставался убежденным противником турок.

[XXX] Придя в Адрианополь, Мурад¹ узнал, что скончался деспот Сербии, шурина Баязида и сын Лазаря². Мурад отправил к его преемнику послов, требуя у него всю Сербию, ибо покойный не имел наследника и умер бездетным. ...Когда Георгий³ увидел послов, он почтил их, как следовало, разгадав злые замыслы дракона. Дескать, если тот наестся и насытится, то немного утихомирится, а если нет, то, раскрыв пасть, проглотит все: и Сербию, и Болгарию, и землю отца⁴. Поэтому нужно, мол, сделать необходимое: отдать ему в жены свою дочь и большую часть Сербии в приданое, – не говоря уж о золоте и серебре, – только тогда просить в обмен мирный договор. С тем и отправил к Мураду послов, а они убедили правителя. Тот послал одного из своих везиров Сарыджу⁵, чтобы сосватать невесту и обменяться клятвами с Георгием относительно взаимной безопасности. Сарыджа, встретившись с деспотом Георгием и закончив дело о сватовстве, ушел, а Георгий попросил разрешения построить крепость на берегу Дуная. Мурад позволил ему, и деспот по договору перешел туда и начал строить Смедров⁶. ...Когда же пришла весна, он [Мурад] принял коварное решение по отношению к деспоту, своему тестю. Ему посоветовал это один из вельмож, скверный человек, непримиримый враг христиан. Звали его Фадулах⁷.

...Так вот, отправляет он послов к деспоту Сербии, требуя укрепление, которое тот воздвиг, то есть Смедров. Деспот ответил ему напоминанием об обещаниях, клятвах и родстве. Но тиран нисколько не внял словам деспота и выступил против него. Он прибыл к Смедрову в начале лета, когда амбары крепости и остальные хранилища для продовольствия были пусты. Выбрав удачный момент, он осадил крепость и три месяца просидел возле нее. Она вынуждена была сдаться⁸, а он поклялся под присягой не обижать никого.

Тогда население ее, открыв ворота, вышло, чтобы поклониться Мураду. Среди них были и первый сын деспота, и дядя его по матери Фома Кантакузин. Мурад оставил здесь в качестве стражи достаточное количество турок, а сам, выйдя оттуда, прибыл в Новоприду⁹, мать городов Сербии. Он захватил ее в сражении, и теперь вся Сербия перешла к туркам...

[XLII] Тем временем наступила осень, и шел уже 6962 год¹⁰. Тиран¹¹, проводя эту зиму дома, решил весной напасть на деспота [Георгия] и присоединить к своей державе всю Сербию. Деспот, со своей стороны, после падения города¹² каждый день ждал этого горестного и обидного известия от хищника. Ведь деспот был стар и мудр, поскольку много несправедливостей претерпел он от тирана, о чем мы часто говорили раньше. Повод к этой несправедливой войне тиран объявил такой: «Страна, которой ты владеешь, не твоя и даже не твоего отца; как известно, Сербия принадлежала сыну Лазаря Стефану, значит, она теперь моя. Поэтому уйди скорее из ее пределов. Я могу предоставить тебе часть земли твоего отца Вулка и город Софию. Если же не уйдешь, я пойду на тебя».

...Тиран же, выйдя из Филиппополя¹³, направился к Софии. Оставив там войско, везиров и весь свой совет, он сам с пешим войском, насчитывавшим до тысяч человек, вторгся в Сербию. Но он не нашел там никого, кто противостоял бы ему, потому что деспот задолго до этого переправился в Венгрию со всем своим домом и все вельможи вместе с ним...

Тиран же дошел до Смедрова, потому что он жаждал взять этот город, поскольку он стоял на берегу реки и давал проход тому, кто собирался переправиться в Венгрию. Но он не сумел ничего сделать и повернул назад¹⁴. Затем он напал на одну из крепостей [т.е. Омол], крепость не сдавалась, а население, пришедшее в это укрепление извне: из деревень и сельских земель, расположилось рядом. Они имели другую оборонительную линию за этой крепостью, которая защищала их. Сама крепость была укреплена, а внешнее укрепление – не очень. Клятвопреступник при помощи договора взял его, а после того как взял, тут же всех жителей обратил в рабство и увел с собой. Однако сама крепость не сдалась.

Итак, вернувшись в Софию, а затем выйдя оттуда, он прибыл в Адрианополь, везя с собой добычу. Там половину ее он отдал своим архонтам и соратникам, трудившимся вместе с ним, а сам, взяв с собой половину пленных, отослал их в деревни вокруг Константинополя и поселил их там. Его доля пленных состояла из четырех тысяч мужчин и женщин.

¹ Мурад II – османский султан (1420-1451 гг.).

² Стефан лазаревич умер 19 июня 1427 г.

³ Речь идет о Георгии (Джурдже) Бранковиче – племяннике Стефана Лазаревича, правившем Сербской деспотиной с 1427 по 1461 гг. Его дочь Мара была взята в гарем Мурада II.

⁴ Отец Георгия Вук Бранкович был владельцем южносербских земель.

⁵ Сарыджа-паша неоднократно назначался правителем завоеванных Балканских земель, составлявших одну провинцию – Румелию.

⁶ Смедров – совр. Смедерево – город на Дунае, в 1430-1459 гг. столица Сербской деспотины.

⁷ Фадулах – правильное Фазлуллах-паша, личный врач Мурада II, пользовавшийся большим влиянием на султана и добившийся звания везира.

⁸ Город пал 27 августа 1439 г. В 1444 г. Мурад II вынужден был вернуть его деспоту.

⁹ Имеется в виду Ново – Брдо.

¹⁰ Речь идет о событиях 1454 г.

¹¹ Имеется в виду султан Мехмед II Фатих (1451-1481 гг.).

¹² Речь идет о падении Константинополя 27 мая 1453 г.

¹³ Филиппополь – совр. Пловдив.

¹⁴ Осада Смедерева длилась до 25 сентября 1455 г., когда войска венгерского полководца Яноша Хуньяди вынудили терок отступить от города.

Завоевание Боснии и Герцеговины (Из «Истории Фатиха» Турсун-бея)

Описание похода на Боснию и Герцеговину в 1463 г. взято из сочинения османского сановника Турсун-бея (ум. в 1490 г.) «История Фатиха», посвященного правлению султана Мехмеда II. В этом труде наиболее полно отразились взгляды сторонников внешней политики Фатиха и его внутривосточных реформ. Рассказ о завоевании Боснии и Герцеговины, вероятно, основан на личных впечатлениях.

...Примерно через два месяца [после решения Мехмеда II о походе] лагерь для сбора победоносной армии был разбит на границах страны [Боснии]. Вначале непобедимые войска двинулись на крепость Бобофча¹, которая охраняла Боснию. Обе стороны вступили в великую битву и невиданное сражение. Наконец, несмотря на упорное сопротивление и стойкость [защищавшихся], рабы подишаха в его собственном присутствии и с помощью аллаха нанесли решающий удар... и взяли крепость. Это приводящее в трепет и сокрушающее известие дошло до слуха гяуров и стало ключом к крепости Висока и еще многим другим крепостям. Вместе с окрестными землями они составили отдельную область и были обложены джизьей². Но некоторые гяуры, пропавшие люди, полагаясь на значительные препятствия и труднодоступную местность, продолжали упорствовать в сопротивлении и скрылись в непроходимых местах, но воистину для таких воинов, которые не могут удержать крепости, пещера – самое подходящее место.

Вот, например, укрытие, которое находилось на крутом утесе у подножия высокой горы, позволявшей видеть [все] сверху. Дорога [туда], шедшая между двух обрывов, напоминала перекидной мост, по которому можно ходить по одному. Посреди утеса имела обширная пещера. Было и другое укрытие в глубоком ущелье среди высоких гор длиной в один-два фарсаха³. По его сторонам – крутые скалы, позади – пропасть, поросшая кустарником... В каждом из таких неприступных мест на высокогорье собирались негодные гяуры со всего нахие⁴, выбирали себе предводителя, злосчастного дьявола, и, упорствуя в своем своеволии, пытались сопротивляться и обороняться от незнающих поражений [османских] воинов... И вот картина такого сражения: на краю горной пропасти у основания утеса схватились воины ислама и безрассудные гяуры, по каменной тропе, напоминающей перекидной мостик, сражаясь врукопашную, приближались они к входу в укрытие. Здесь гяуры собрались все вместе и [сюда] подходили газы⁵. Долгое время гяуры упорно боролись, оказывая храброе сопротивление. Сколь удивительна была эта битва: перед входом в пещеру газы, добывая победу, сражались на саблях, дрались голыми руками, среди боя мусульманин и гяур, обхватив друг друга, срывались вниз. [Чтобы избежать] плена и разграбления после победы [турок], многие гяуры – мужчины и женщины, юноши и девушки, дети, с криком «не дамся турку» жертвовали своей жизнью, сами вместе со стариками кидались в пропасть...

Короче говоря, эту обширную страну со всеми крепостями и землями завоевали и включили во владения падишаха. После этого Махмуд-паше⁶ было приказано идти на Герцеговину, которой управлял бей этой земли, являвшийся наместником [боснийского] короля. Победоносные сипахи захватили большинство его крепостей и земель. Потом он⁷ отправил своего сына⁸ на службу к падишахскому двору, рассчитывая на милость, и был прощен. Сын же был принят к Высокому Порогу...

Кроме того, между землями ислама и Боснией находились два известных кафирских бея по имени Ковач-оглу⁹ и Павлы-оглу¹⁰, каждый из них имел свой бей лик¹¹. Оба они стали рабами падишаха, их крепости и земли были полностью подчинены и вошли в состав земель ислама. Таким образом, в ходе этого счастливого похода были завоеваны и подчинены четыре страны, [в них] назначены санджакбей¹² и кадии¹³, над рудниками поставлены эмины¹⁴, а райю¹⁵ обязали платить шариятскую джизью...

¹ Бобофча – точнее Бобовац, в этой боснийской крепости хранились королевские драгоценности.

² Джизья, или джизье – подушный налог с немусульман.

³ Фарсах – расстояние в 5-6 км.

⁴ Нахие – округ, состоящий из ряда деревень.

⁵ Автор называет турецких воинов газы – бойцами за веру, или воинами ислама.

⁶ Возглавлявший поход в Боснию и Герцеговину Махмуд-паша (ум. в 1474 г.) был в 1455-1468, 1472-1473 гг. великим везиром. Турсу-бей пользовался его покровительством и вместе с ним участвовал во многих походах.

⁷ Завоевание продолжалось до 1482 г.

⁸ В позднейшей османской истории он известен как Херсекоглу Ахмедпаша (ум. в 1518 г.).

⁹ Ковач-оглу или Ковачевич – княжеская семья, правившая небольшим княжеством по среднему течению Дрины.

¹⁰ Павлы-оглу или Павлович – семья, правившая небольшим княжеством к востоку от Сараево.

¹¹ Бейлик – княжество.

¹² Санджакбей – правитель санджака — основной административной единицы в Османской империи.

¹³ Кадий – мусульманский судья.

¹⁴ Эмин – управитель государственным имуществом.

¹⁵ Райя или реайя (ед.ч. райят) – общее название податного населения в Османской империи.

Поход в Албанию Мурада II в 1450 и 1451 гг. против албанцев, возглавляемых Скандербегом (Лаоник Халкокондил, «10 книг историй», Извлечение)

Византийский автор Лаоник Халкокондил (ок. 1430 – ок. 1490 гг.), касаясь событий 1298-1463 гг., дал в своем сочинении интересное описание жизни многих народов, а особенно подробно – на Балканах и в Малой Азии. Свободный от чинопочитания византийских императоров и христианских владык, Лаоник достаточно беспристрастен, хотя не все его сообщения точны. Ниже приведен его рассказ о походе турок в 1450-1451 гг. на албанцев, поднявших во главе со Скандербегом восстание против поработителей.

Итак... с наступлением лета император [султан Мурад II]¹ выступил против сына Ивана Скандербега, который еще ребенком прибыл ко двору императора, стал его любимцем, но бежал в свою родную страну, женился на дочери Арианита² и открыто воевал с императором, ни дани не уплачивая императору, ни ко двору не являясь, ни на увещания не склоняясь. Собрав поэтому все свои войска и из Азии, и из Европы, император выступил на страну Ивана и, когда достиг ее, вторгся в нее. Посылаемые им войска, поджигая все, что возможно поджечь, палили деревни, поля и имущество и уничтожали все находящееся там. Скандербег же и выдающиеся албанцы тайно отправили жен и детей в земли венецианцев, на побережье Ионического моря. Сами же, бродя кругом, переходили из одной области в другую, если их просили об этом их города, и оставались в горах, которые простираются над их страной до самого Иония. Мурад осадил прежде всего Сфетию, объявив жителям, что если они сдадут город, то могут уйти куда каждый пожелает. Но те не согласились. Тогда он бросил на штурм янычар, взял город силой, поработил жителей, а мужчин всех перебил.

Затем, подойдя к Гетии, он занял ее, ибо жители сдались, и, обратив их в рабство, повел войска на Крую, самый выдающийся из городов страны албанцев, расположенный в очень укрепленном месте. Приступив к нему, он осадил его, ударил в стену таранами и низверг значительную ее часть. После этого, на-деясь взять город, он штурмовал его с янычарами, но не мог захватить и отвел войско, ибо год уже кончался и наступившая зима угнетала воинов... А на другой год снова, объявив о сборе войска, выступил против Скандербега...

Албанцы, тайно отправив женщин и детей в укрепления венецианцев, собрались в горах, возвышающихся над городом Круей... Мужчин Скандербег оставил в городе для защиты и охраны стен, отборных воинов, добровольно пожелавших подвергнуться опасностям войны. Мурад же, пригот-овив машины для разрушения стен и придвинув их, пребывал с янычарами в ожидании у города. Когда все было готово, машины ударили в стену и опрокинули значительный участок. Скандербег между тем жег на горе костры, давая знак осажденным в городе, что, когда будет нужно, он сам придет на помощь. Когда же некоторые из воинов императора устремлялись на гору, он сражался сам, совершая дела, достойные, чтобы о них рассказали. Когда достаточная часть стены была обрушена, все войско бросилось на приступ. Янычары пытались ворваться там, где стена лежала на земле, но не смогли одолеть защитников города, сражавшихся так, как не могли и ожидать.

Император задумал поэтому утомить их голодом, а затем снова предпринять еще более сильный приступ, но в это время прибыл от правителя триваллов³ Георгия⁴ вестник, сообщивший, что Иоанн⁵, собрав пэонцев⁶, перешел через Истр и со всем войском двинулся против императора. Услышав об этом, император, как можно скорее собравшись, ушел оттуда...

¹ Мурад II – турецкий султан ((1421-1451 гг.).

² Арианит – знатный албанец, тесть Скандербега, руководитель восстания против турок в 1448 г.

³ Триваллы – здесь сербы.

⁴ Георгий Бранкович – сербский деспот (1427-1458 гг.), зависимый от турок.

⁵ Имеется в виду Янош-Корвин Хуньяди, регент Венгерского королевства и полководец, организатор борьбы против турецкой агрессии.

⁶ Пэонцы – здесь венгры.

Походы Мурада II и Мехмеда II против албанцев в 1450-1451 и в 1452 гг. (Михаил Критовул, «История Мехмеда II», Извлечение)

Михаил Критоваул – греческий писатель и политический деятель, ренегат, перешедший на сторону турок (начало XV в. – ок. 1470 г.). Его исторический труд – панегирик султану Мехмеду II.

С началом весны император выступил против иллирийцев (албанцев). В большинстве своем они кочевники, издревле независимые и живущие без царей. Обитают они в очень высоких, трудно доступных горах, имея на них множество крепостей и укреплений, а также крепкие городки на побережье Иония. Вся их страна защищена отовсюду огромными ущельями, густыми лесами и безводными, обрывистыми кручами. Предводительствуемые недавнее время происходящими из их рода повелителями – неким Арианом (Арианитом) и Александром (Искандером, или Скандербегом), они (албанцы) крепко удерживали свою страну, не желая ни примириться с императором, ни уплачивать дань, ни вообще выслушать его. Мало того, нередко выходя из своей страны и совершая втайне подготовленные нападения и набеги, они причиняли вред соседним с их страной землям императора...

Император [Мурад II], выступив со всем войском, вторгся в их страну, когда уже созрел хлеб, и в упорных набегах на их земли уничтожил хлеба, захватил величайшую добычу из людей и всевозможного скота, взял их крепости (одни – с налету, силой; другие – осадой) и срыл совершенно. Проще говоря, поверг к ногам и разорил всю их страну... И иллирийцы (албанцы), послав вестников, просили императора о заключении мира, выставляя заложников и клянясь давать императору в качестве ежегодной дани определенное число детей и стада скота, ибо у них не было денег, а также предоставлять воинов для походов императора и оставаться его друзьями и верными союзниками. И император согласился на это и заключил мир. ...Погибло [тогда] значительное число иллирийцев как в сражениях, так и в плену, когда их убивали по приказу императора. Было же взято в тех горах детей, женщин и мужчин до 20 тысяч. Из прочих же иллирийцев одни заперлись в крепких крепостях, а другие скрывались в иных горах с их предводителем Александром.

...Императору [Мехмеду II] было сообщено, что повели-тель иллирийцев Александр, попросив некое союзное войско у пэонцев, собрав и взяв также ц своих воинов, устроил втайне засаду и напал па оставленного там и совершенно ничего не подозревавшего сатрапа императора, по имени Балабан, когда он, окружив, осаждал крепость Крую. Поразив его неожиданностью нападения и обратив в бегство, он (Александр) преследовал его, убил многих из бывших с ним воинов, а также и самого храбро сражавшегося сатрапа. Теперь же он доставляет в крепость хлеб и все необходимое, как для длительной осады, и когда в обновленной крепости заперлись стратиоты, вышел из нее, чтобы овладеть всей страной.

Итак, когда об этом было возведено, император был охвачен великим гневом. Нисколько не медля, он тотчас тщательно снарядил как можно большее конное и пешее войско, ибо зима уже кончалась, и с наступлением весны выступил против Александра...

Взятие Константинополя турками-османами

(Саад-эд-Дин, «Хроника», Извлечение)

Придворный историк султанов Саад-эд-Дин (вторая половина XVI в.) написал хронику династии Османов с 1299 г. При этом он пользовался данными из сочинений предшествующих авторов. По своей направленности его хроника тенденциозна и исполнена идеями восхваления подвигов турок, однако фактическая сторона событий передана правильно.

Когда весна была уже на исходе, султан Мехмед, видя, что все готово и что все войска уже собраны, отправился... в поход, приказав одновременно везти на особых телегах огромные пушки, которые он велел изготовить для того, чтобы разрушить стены и башни [Константинополя]. Перед тем как отправиться в поход, он произвел генеральный смотр своей армии... Утром султан прибыл на место, и вся армия приблизилась и заняла позиции перед стенами со стороны суши, приведя в великое изумление осажденных, которые пришли в страх при виде этого войска, даже несмотря на то, что император [византийский], предупрежденный о решении султана, приказал укрепить все слабые места города, через которые было бы легче начать нападение, и сам он был исполнен твердой решимости защищаться до конца.

Прежде чем султан начал осаду, император послал ему предложение взять себе все города и их окрестности вне Стамбула, но оставить ему, императору, город, за что император будет платить султану ежегодную дань. Но султан, не внимая этим предложениям, ответил, что сабля и его религия неразлучны, и потребовал, чтобы император сдал ему город. Получив отказ, император установил на башнях и стенах артиллерию, воинов, вооруженных мушкетами и большими запасами смолы.

К концу первого дня до наступления ночи султан приказал установить в нужных местах батареи и начал подступ к городу при помощи янычар, а как только пушки были установлены, он приказал подвергнуть стены сильному обстрелу, не говоря уже о непрерывном граде стрел и камней, бросаемых метательными машинами, которые подобно дождю засыпали город. Осажденные в свою очередь производили непрерывные залпы из мушкетов и пушек, заряженных каменными ядрами, которыми они причиняли большие страдания многим мусульманам, оросившим своей кровью землю. В это время прибыли два больших корабля, посланные на помощь императору франками, и высадили значительное подкрепление, которое быстро проникло в город. Затем, так как мусульмане принуждены были удалиться от стен вследствие сильных вылазок неприятеля, осажденные стали громко кричать со стен и насмехаться над ними самым оскорбительным образом... И вот султан, собрав начальников, сказал, что для того, чтобы воспрепятствовать неприятелю делать вылазки, нужно вырыть в качестве прикрытия глубокий ров: это позволит укрыться от нападений неприятеля и, во-вторых, не даст возможности неприятелю прорваться и уйти. Так как город окружен стенами с трех сторон, то осаждать его с суши – пропащее время. Приходилось изыскивать средства для атаки его с моря. Это было трудное предприятие, потому что гавань между Галатой и Стамбулом была так прочно защищена цепью, что через нее нельзя было пройти ни одному судну.

Как ни умны были начальники, они не могли придумать средства для преодоления „этого препятствия“. Тогда султану пришла в голову мысль перетащить галеры по земле от нового замка, что позади Галаты, к крайней части гавани и таким путем напасть на город со стороны моря, подвергнув его пушечному обстрелу. Византийцы были уверены, что это единственное место, через которое мусульмане не смогут напасть на них. Однако предприятие, задуманное султаном, удалось благодаря ловкости опытных инженеров, которые при помощи невероятных усилий сумели перетащить галеры через горы. Когда галеры были переправлены, ими воспользовались для того, чтобы устроить мост, и этот мост стал путем для нападения со стороны гавани и для крепкого охвата осажденных и с этой стороны. Император оказался в большом затруднении, будучи принужден разделять свои силы, для того чтобы противодействовать натиску с новой стороны. Он поставил франков защищать ворота Едирех, а со стороны гавани поставил заслон из своих войск, очень недовольных, что им предпочли франков. Это внесло ссору между защитниками, а в султана вселило надежду на счастливый исход великих усилий.

После того как султан убедился в наличии всех этих разногласий, он приказал начать штурм со стороны Едирехских ворот. Соппротивление, оказанное осажденными, было настолько мужественным, что турки лишь к ночи смогли форсировать брешь в стене. Но вместо того, чтобы дать отбой, султан приказал привязать к концу пик факелы, свет которых заменил бы дневное освещение. Он не хотел давать передышки осажденным. Приказание было выполнено, и сражение продолжалось всю ночь. В момент самой жаркой схватки начальник франков появился на высоте стены, сражаясь наряду с другими воинами. Тогда один молодой мусульманин, ловкий и хладнокровный, бросился на него с необычайной быстротой и нанес ему такой яростный удар, что тот, пораженный насмерть, пал ниц на землю. Франки, видя гибель вождя, прекратили битву и тотчас же

отступили по дороге к морю, чтобы сесть на свои корабли. Тут осаждающие почувствовали новый прилив сил. Не обращая внимания на стрелы, выстрелы мушкетов, пушек и град камней, они бросились как львы на приступ и, войдя в бреши, сделанные ими с такой отвагой, они, наконец, захватили их и утвердили там свое знамя. В то же время город был взят, и войска, войдя в него, предали его крови и разграблению. Император в этот момент был в своем дворце на северном конце Едрихских ворот, где он залпами из мушкетов и пушек старался отбиться от атакующих его мусульман. Но так как он узнал, что знамя, к которому был прикреплен коран, уже реет в центре города, он потерял мужество и приготовился отступить ко внешнему дворцу с отрядом своих людей. По дороге, встретив несколько грабивших мусульман, он бросился на них и переколол их всех. Наткнувшись на азапа¹, упавшего на землю от тяжелой раны, он счел своим долгом прикончить его. Азап, несмотря на слабость, напряг все усилия, чтобы избежать удара и продлить свою жизнь, и нанес императору в то же время удар, которым он поверг его на землю, после чего и прикончил его. Это заставило всех, кто сопровождал императора, бежать и рассеяться. Наконец, когда не осталось ни одного человека с оружием в руках, ни одного, кто мог бы оказать сопротивление, открыли городские ворота, и султан въехал в них во главе своей кавалерии.

Грабеж продолжался три дня, и не было ни одного воина, который не стал бы богатым благодаря захваченной добыче и рабам. По прошествии же трех дней султан Мехмед запретил под страхом тяжелых наказаний продолжать грабеж и резню, которая все еще не утихла. Все повиновались его приказу. Когда наступило полное спокойствие, вместо нелепого колокольного звона раздался приятный голос муэдзина, возвещающий пять раз в день час молитвы. Из церквей выбросили идолов, очистили их от запахов, которыми они были оскверняемы, и устроили в них ниши, дабы обозначить место, куда следует устремлять взор, когда творишь молитву. К церквям приделали минареты²; одним словом, не забыли ничего, чтобы превратить их в места благочестия для мусульман.

¹ Азап – рядовой пехотинец, не имевший права жениться.

² Минарет – башня при мечети (мусульманском храме), с которой созывают верующих на молитву.

(Легенда о Мехмеде II)

В период осады Константинополя войсками султана Мехмеда II Завоевателя (1451-1481 гг.) рядом с византийской столицей была возведена турецкая крепость, отрезавшая византийцев от моря. Когда послы византийского императора Константина XI Драгаса Палеолога потребовали срытия крепости, султан грубо их выпроводил, дав ответ, публикуемый ниже.

Легенда об этом событии вскоре попала в исторические хроники.

Я могу делать все, что мне угодно. Оба берега Босфора принадлежат мне: тот, восточный, потому что на нем живут османы, а этот, западный, потому что вы не умеете его защищать. Скажите вашему государю, что, если он еще раз вздумает прислать ко мне с подобными вопросами, я велю с посла живьем содрать кожу.

Документы о падении Кафы

Представленные документы касаются важных событий XV в., связанных с покорением в 1475 г. турками-османами генуэзских поселений на Черном море. В их числе – Кафа.

Письмо настоятеля церкви Доминика

Письмо настоятеля церкви в Alba-Iulia Доминика, протонотария папского, с донесением в 1475 году, что Каффа взята турками и воеводы Стефан Молдавский и Божорад Валашский принесли присягу на верность королю Венгерскому.

Вам желательно знать от меня вкратце высокороднейший посланник, каким образом город Каффа, принадлежавший до сих пор генуэзцам был взят турками. Исполняя ваше желание расскажу то, что я слышал от самого Стефана воеводы Молдавского в бытность у него в посольстве от его величества государя нашего короля Матвея и проч. Этот государь тронутый столь внезапным бедствием и величиною угрожающей опасности, которой следовало бояться по причине близости места, приказал тщательно расследовать это дело, как оно происходило, ибо, как говорят соотечественники, (Каффа), если плыть водою с попутным ветром, находится от Молдавии на расстоянии одних суток, если же ехать сушею, на расстоянии 4 или 5 дней. Причиной столь великого несчастья была ссора между двумя старшими князьями татарскими из коих один, желая царствовать и полагаясь на помощь своих подданных, изгнав другого из отечества, заставил его жить в изгнании в Каффе. Он же, видя, что с каждым днем у него уменьшается надежда поймать врага, прибегнул к уловке и послал посольство к турку, предлагая поделиться добычей, если он захочет подать помощь при взятии города, с условием однако ж, выраженным в особом договоре, что если удастся взять город, будет зависеть от татарина завладеть или городом или найденной в нем добычей, турок же должен довольствоваться тем, что ему

уступит татарин. Турок, пользуясь представившимся случаем, отправляет сейчас готовое войско на флот под предводительством и командой Паши-Востока. Татарин, думая, что ему придут в помощь, придвинул сейчас и сам свои войска к городу. Таким образом, несчастный город, окруженный с моря и с суши, частью чрез измену своих граждан, частью оружием, достался во власть турка, после взятия сперва самого города, а затем бывшей в нем крепости. Турок, по своему старому обычаю, завладев городом, нарушил договор и, считая всю добычу своей, лишил татарина права владеть взятым городом и взятой добычей. Люди взрослого возраста, которых средства и ум подавали повод к опасению, для того, чтобы не составили какого либо против него умысла, были отведены в Константинополь, а (в Каффе) оставлен только простой народ, над которым поставлен начальником с 10 тыс. пехоты для защиты города какой то грек из Трапезунта. Татарин живший в изгнании был взят и казнен и его голова водруженная на пику с двумя знаменами богато вышитыми золотом, которыми пользовались (прежние) правители города, вместе с 500 девицами и столькими же мужчинами, которых в этой добыче признали выдающимся красотой и летами, послали в дар турку, и как сообщил преподобный отец Николай Тинский, получивший это известие от воеводы валашского, который тогда по приказанию нашего князя был в тех местах с подобным же посольством, из добычи этого города посланы были к турку тысяча одиннадцать кожаных мешков полных денег, не считая другой утвари, драгоценных камней и других драгоценных вещей, каждый же (мешок) у этого народа обыкновенно заключает 600 дукатов¹. Довожу также до сведения вашего высококородия, уведомляя о положении дел в тех местах, что оба князя, как Стефан Молдавский, так равно и Божорад валашский, при посредничестве моем и преподобного отца Тинского вместе со всем краем принесли торжественно присягу верности на всегдашнее подданство его королевскому величеству и его священной короне и лично и совсем народом обеих стран (patría) вооружаются ныне для службы нашему государю против турка и мы верим не сомневаясь, что из обеих областей для настоящего похода предпринятого снова против турка, будет набрано 60 тыс. воинов в службу Его Величеству. Вот новости, которые сообщаем согласно с вашим желанием....

¹ По другим известиям, турки взяли 25 тыс. червонцев выкупа за товары иностранные, половину городского имущества и от 15 до 100 аспров с каждого жителя. Огромная сумма, т.к. жителей было около 60 тысяч.

Срочное донесение, приложенное к дипломатической корреспонденции Севастиана Бадоаро, венецианского посла при короле венгерском, дожу Венеции о взятии Кафы Турками

30 июня 1475 года

Светлейший Князь, великолепнейший и почтеннейший Государь!

Собственноручным письмом Его Величества Короля, мне повелено Вам донести о только что полученных Им письмах от Молдавского Воеводы Стефана, равно и от венгерского посла при этом последнем, Альба-Реал'я, о коем недавно я имел честь донести Вашей Светлости, именно о том, что турецкий флот стоит в настоящее время на рейде Каффы, которою он завладел вместе со всеми крепостями. Все италийцы и все именитые граждане упомянутого города изрублены. К туркам присоединились высшие татарские военачальники, а также заальпийцы (sic)¹, к гибели для вышеназванного Воеводы, почему, с крайнею убедительностью, [9] Воевода взывает к Его Величеству о помощи, в виду величайшей важности падения вышеупомянутого города Кафы.

Из Буды, в последний день июня 1475 года, в первом часу ночи².

Севастиан Бадуарио³. Посол и т.д.

¹ Вероятно иностранцы: немцы, поляки и др., находившиеся в то время в Кафе.

² Т.е. в 7 час. вечера.

³ Рецензент De Vigna называет его Бадоаро.

Донесение Леонарда Арте, правителя острова Левкаты, дожу Венеции, о военных силах оттоманского флота до и после взятия Кафы

4-го июля 1475 года.

Светлейший Князь, великолепнейший Государь!

Считаю своим долгом известить Вашу Светлость о действиях и приготовлениях дерзновенного турецкого Султана, а потому доношу Вам о том, что 30-го июня прибыл сюда, в Санта-Маура, наш наблюдатель (шпион), которого мы держим в Константинополе для внимательного выслеживания за действиями Турок. Вот что он передает:

Во 2-й день мая он прибыл в Константинополь и прожил там 17 дней, и видел там турецкий флот, который пошел на Каффу. Там было собрано сто восемьдесят кораблей, три галеры, сто семьдесят меньших

судов, 120 понтонов, на которых находились 3000 всадников и было нагружено сто возов печеного хлеба, и на одну из галер сел Ахмат Басса, т.е. главный начальник всей армады. На другую же из вышесказанных галер сел Диагарж Якуб, флабуларио (начальник войск, комендант) города Гариполя¹. На третьей галере нагружены были оружие и военные припасы.

Этот же наблюдатель говорить, что эта армада, корабли, галеры и все другие суда были отлично вооружены и в должном порядке, в чем он воочию убедился.

Он еще передает, что он видел также корабли Вашей Светлости, проходившие в виду Кателаны (?), но не мог удостовериться, хорошо ли они снаряжены, подобно турецким.

Названный флот, продолжает наш наблюдатель, отплыл из Константинополя 19 мая, и он, наблюдатель, сев на галеру Суббашы Якуба, сопровождал флот от Константинополя до Фонаря, где находится въезд в Верхнее (Черное) море. Плыл он вместе со всей армадой только для того, чтобы видеть и удостовериться, какое направление избрет сказанный флот.

И 27-го этого же месяца, передает еще наш шпион, увидав отплытие флота от Фонаря, он сам отправился в Адрианополь, именно в местность под названием Зуйхалохорж (sic), где собрана была вся сухопутная турецкая армия, и там остановился.

В день 3 июня туда пришло известие из Синопа о том, что флот, еще 27 мая, благополучно дошел до этого порта.

Этот же шпион еще рассказывает, как он, вечером 8 июня, достиг лагеря турецкого войска в тот момент, когда султану было донесено о том, что Уссун Кассан прибыл в Ларзинган с достаточными силами, и что Валах (воевода), хорошо изготовив свои позиции, находился сам в своем лагере, отлично вооруженном.

Что касается до сухопутной турецкой армии, то она очень многочисленна, но недостаточно еще обучена, ибо Султан цвет своего войска поместил на армаду. Эта армия ушла из Зуйхалохорж в то время, когда наш разведчик находился еще в этой местности, и пошла в Загору², с целью перебраться через Дунай и вторгнуться в Валахию.

Перед отъездом оттуда, наш наблюдатель встретил одного товарища, оставшегося в Загоре, который ему передал, что султан получил верное донесение о взятии его флотом Каффы. После этого он же, шпион, уехал в Арту³.

Сюда же⁴, несколько позже, прибыл из турецкого лагеря другой разведчик, по имени Петро Панда, бывший домашним слугой покойного Святого Отца⁵, и рассказал следующее:

Он покинул турецкий лагерь 17-го июня. Этот лагерь расположен до сего дня в Загоре и .... в Константинополь прибыл военный корабль, присланный главным начальником вышесказанного флота, Ахматом пашой, и что на этом корабле находился от главного начальника гонец, который верхом прискакал из Константинополя в Загору, в лагерь турок, и принес известие, как турецкий флот .... и, по случаю получения султаном этого известия, в лагере было устроено большое празднество, гонец же, в награду, был произведен в чин фламбуларио.

И вышеназванный Петро Панда .... узнав обо всем этом и увидав празднества, которые были очень торжественны, отправился в Арту, куда то же известие дошло только неделю спустя после его приезда в этот город, и там также устроено большое ликование.

Этот же Петро еще передает, что корабль, привезший это известие султану, получил приказание немедленно вернуться к армаде и передать ей его повеление безотлагательно направиться прямо на Аспро-Кастро⁶. Что касается до сухопутной армии, она движется к Дунаю, с целью напасть на Валахию. К этому он, Петро, ничего больше не прибавил. Дано в Санта-Мауре, июля четвертое число MCCCCLXXV.

Леонар Арте,

Левкатский Правитель

Палатинский Граф

Кефалонийский.

Светлейшему Государю, доблестному Дожу Венетов.

¹ Галлиполи, в Дарданеллах.

² Местность в Восточной Румелии, у подножия Балкан, в окрестностях Шипки. Старая Загора – ныне Эски Загра. Новая Загора – ныне Ени-Загра.

³ Городок на берегу Адриатического моря.

⁴ Т.е. в С. Маура.

⁵ Римский папа.

⁶ Вероятно Мангуп-Кале.

Доменико д'Альба-Реале и Гаспар, его товарищ, представители Короля Венгерского при Стефане Воеводе Молдавском, передают своему государю о падении Кафы и о несчастных последствиях этого события, равно и о пленении татарского хана

Июль 1475 года.

Пресветлейший Государь, милостивейший Король и Повелитель!

Мы только что выезжали из города Быстрицы¹, как на дороге подошел к молдавским боярам человек от Воеводы Стефана и, вручив им приложенное здесь письма словесно передал нам о том, как недавно Воевода Стефан отправил родного брата супруги своей, Александра, в царство, названное Манго². Александр, прибыв туда и предъявив свои грамоты от Вашего Величества, вступил в полное владение этим же царством Манго. Этот человек еще рассказал, как Турки с сильной армией, севшей на 400 кораблей, пришли осаждать Каффу, которую со всех сторон обложили и вскоре ею завладели вместе с крепостью и всеми жителями. После взятия города, все живущие в нем италийцы и с ними все почетные граждане были истреблены. Остальной части населения, присягнувшей на верность Султану, разрешено было сохранять прежние законы и обычаи. Передают, что Татары, в числе 60,000, соединились с Турками для осады города Каффы. Он еще рассказал о том, что татарский Император (Хан), тот самый, о котором писал Вам Станчул, был взят в плен этими же Турками и Татарами в самом городе Каффе.

В виду этого, Пресветлейший Государь, вышеназванный Воевода Стефан, предвидя угрожающую ему большую опасность, просит нас возможно скорее, посредством этих-же бояр, обратиться с настоящим письмом, дабы Ваше Величество благоволили обратить Свои взоры к нижним частям своего государства. Тот же воевода убежден, что при малейшем движении войск Вашего Величества, Турок не посмеет так легко направить свои силы на Молдавию.

Срочное из Быстрицы, в воскресенье после праздника Рождества Св. Иоанна Крестителя.

Доминик и Гаспар.

¹ Городок в верхней Молдавии, на реке этого-же названия.

² Мангуп.

Письмо Стефана, Воеводы Молдавского, к Королю Венгерскому о падении Кафы и его тревоге, в виду скорого появления у Мокастро турецких сухопутных и морских сил

20 июня 1475 года

Мы, Стефан, Воевода, Божию милостью Господарь Молдавской земли.

Ваше Величество письменно приказали нашим верным и почтенным поданным, графу Станчулу, графу Думе и графу Михаилу донести Ему о всем, что у нас может произойти. Вот почему доношу Вашему Величеству о прибытии сюда человека с письмами от Кастелянов из Альбы¹, которые нам пишут, что к ним в Альбу пристало судно с италийцами из Пангопа². Это же судно, состоящее под командой моряка Филиппа, то самое, на котором отправился из наших владений в Яспу³ наш свояк Александр... Этот гонец словесно рассказал следующее: Брат нашей супруги, Александр, достиг местности... и на третий день вступил во владение отцовским наследством, т.е. названным городом Мангопом, где он находится и в настоящее время.

Что касается до Тур... говорили, что подплыл морем Ахемат Басса на кораблях и стремительно... Каффу, и сражался с Каффой три дня, но на четвертый... Турки взяли верх и завладели приступом Каффой, которая находится... в руках Турок... И находился в Каффе имп... который раньше был Императором в Орде с тысячью Татар, которых Тур... со всеми его людьми, так что теперь Император, и с ним вся Орда... покорились Туркам, и Татары находятся в союзе с Турками. Эти известия... мы получили от врагов Христианства, от неверных... что они идут на нас... И вот, вторично доносится до нас молва, как верный слух, о том, что Турки идут на нас, и водой и сушей, как враги наши и нашей земли. Также говорят, что им предшествует мощный флот, снабженный для осады Альбы и Хилии⁴ большими запасами амуниции и большими осадными орудиями. Они в дороге очень близко, а со стороны суши должен явиться сам Император (Султан), чтобы лично отнять силой от нас нашу землю Валахии, со всеми силами своими и всем своим войском, потому что Валахи на нашей стороне против Турка.

Дано в Яссах в XX день июня.

¹ Альба или Мокастро. «Белая крепость»: Ак – белый, керман – крепость.

² Другое название Мангупа.

³ Яспу – местность на южном берегу Крыма, часто упоминается в средневековых бумагах Кафы и Генуи.

⁴ Килия, местность при устье Дуная.

Анонимное письмо из Хиоса о взятии Каффы и о дальнейших действиях турецкого флота в Черном море (8 июля 1475 г.)

Иисус. 1475 год, 8 день июля, остр. Хиос. Копия донесения, датированного 26 июня, из Перы.

Снявшись с якоря в Константинополе 20 мая, турецкий флот доплыл до Каффы в 1-й день июня, и, без всякого сопротивления, тотчас же высадился на сушу и принялся немедленно бить защитные стены со стороны суши. Хан татарский, чувствуя свое бессилие удержать свою власть над своим народом, решил спастись от смерти и скрылся в Каффу вместе с 1,500 всадниками, оставив за стенами, в степи, своего Бассу, некоего Эминеха, со всем остальным народом.

Этот Эминех привлек на свою сторону всех Татар и, отправившись к начальнику флота, привез с собой свежие припасы и предложил ему свои услуги. Таким образом он помог Туркам против Каффинцев, и в продолжение четырех суток Турки проламывали стены города.

На пятый день Каффа сдалась, потому что горожане, Греки и Армяне, восстали против Латинцев. Эти последние, чувствуя себя численностью слишком слабыми, чтобы долгие защищаться, объявили турецкому начальнику, что желают сдаться, иначе было бы перерезано столько Латинцев, сколько их нашлось бы в Каффе. Вот причина, почему Латинцы, не будучи в сил противостоять этой местной толпе, сдались адмиралу.

Какая последовала судьба стольких душ, еще нет сведений, но пишут, что полагают определить тогданнее население числом слишком в семьдесят тысяч человек, большая часть которых должны были погибнуть. Боже всесильный, будь им милосердным!

Можно сказать, что турецкий адмирал, благодаря Татарам, завладел Каффой почти без боя. Армада должна была тотчас же отправиться оттуда дальше на Никостано¹ и Мокастро. Турки могут быть уверены, что посредством обложения они немедленно займут эти крепости. Подобно Каффе, многие другие соседние местности, как Гофия, Чимбалло, Сольдая, равно и некоторые пункты Цихии и Татари, изъявляют свою покорность и сдадутся на капитуляцию. Поэтому несомненно, с таким же счастьем они достигнут и в Валахии своей цели, чего помилуй Бог! и как только они завладеют этой страной, непременно замыслив направить свой флот на Цозо (?). Более вероятно, что они нападут на этот город, чем на другой, и это должно произойти приблизительно через месяц. Об этом обстоятельстве мы имеем точные сведения, ибо, по распоряжению самого Султана, Турки запасаются мукой в Анатолии, как нам недавно писал Асапи (?). Предвидеть конец всего этого невозможно. Да расстроит всемогущи Бог их замысел!

¹ Никостано – местность. О ней нет нигде указания, даже на венецианской карте XIII столетия. Однако, в виду того, что это название соединено здесь с Мокастро, можно предполагать, что Никостано лежало на берегу моря, на пути из Каффы на запад, где многочисленный турецкий флот мог бы удобно подойти и стать на якорю.

Письмо генуэзского гражданина, жителя Хиоса, Джакомо Джустиниани (10 июля 1475 г.)

Сим извещаю Вас, что мы вчера получили два письма из Перы и Бруссы, от 28 и 29 истекшего месяца, подтверждающая события гибели Каффы, к великому горю всего Христианства. Вот что пишут:

Третьего числа прошлого июня месяца армада султана явилась в виду Каффы и немедленно приступила к высадке войск на берег. Тут же Турки вступили в бой с Татарами и Каффинцами. Татарский хан, увидя, что для него нет спасения, укрылся в Каффу с 1,500 солдатами, оставив на поле прочих Татар под начальством своего Бассы. Этот же со всем татарским народом заключил союз с турецким адмиралом и оказал ему помощь в жизненных припасах и другом необходимом для осады. Тогда, со стороны суши, Турки начали проламывать стены в продолжение четырех суток. На пятый день возмущились городские Греки и Армяне, заявив Латинцам о своем отказе дальше противиться Туркам, и требовали сдачи.

Тогда Латинцы, увидя свое бессилие одним защищаться, сдались на условиях, пока неизвестных, но велено было отрубить голову консулу и 300 генуэзцам. Приведено было в известность все имущество Каффы, 8,000 домов, семьдесят тысяч душ жителей и т.д.

Оставив в побежденном городе гарнизон, адмирал пошел на Мокастро, в Валахии, замок, который, по всей вероятности, не мог устоять, потому что вот уже 20 дней с лишним, как громадное сухопутное турецкое войско находится в этой валахской местности, и сильно сомневаются в спасении всех береговых поселений на этой полосе. Помилуй Бог всех христиан!

Донесение Председателя Рагузского городского совета Венецианскому дожу Пиетро Мочениго о несчастной гибели Кафы и Теодоро

Пресветлейший Князь и Государь!

Сим извещаю вкратце Ваше Величество о том, что нам передают наши представители из Константинополя:

В прошлом году, в Понт Эвксинский, известный также под названием Верхнего моря, вошли 440 турецких судов. Этот флот, о коем знает уже Ваша Светлость, завладел Каффой, вместе с семью другими городами, подвластными Каффе. Жадный дракон велел отправить в Константинополь из Каффы 500 генуэзских и других латинских семейств. Он захватил еще два соседи их с Таной укрепленных христианских замка. Все вышесказанное было совершено турками в этом Верхнем море.

Но в истекшем декабре, в этом же Верхнем море, Турки захватили также графство «Алекса». Город этот, по своему естественному положению, неприступен и окружен искусными укреплениями. Его обычно называют Тодорезой¹. Граф, властелин этой местности, имел, как говорят, в городе и окружающей его территории, 30,000 подвластных домов (семейств). Так как невозможно было покорить графа силой, его принудили сдаться голодом. Город был занят неприятелем, и властелин его, с подданными горожанами и поселянами очутились во власти тирана. Взятый в плен со всею семьею и увезенный в Константинополь, граф был там задушен. Его супруге и дочерям тиран подарил жизнь, оставив их для своей прихоти, чтобы не сказать для своего злоупотребления.

Турок еще в прошлом году намеревался напасть к Молдавию, но он от этого отказался, опасаясь возмездия со стороны Его Величества Короля Венгерского. Ведь этот государь не колебался оказать свою милость Стефану, Господаре Молдавскому. В настоящем году все прочие планы султана осуществлены. Теперь его взоры направлены на Дунай.

¹ Тодореза, Феодоро, также «Алекса», гористая часть Гофии, подвластная Мангупским князьям.

Песнь о Кафе

Извлечена из рукописного Сборника армянских песен, написанного в городе Кафе священником Стефаном, при церкви св. Григория просветителя Армении, в 1603 г. Текст этот написан в стихах на армянском языке того времени, т.е. полукнижным и полународным.

Большого летоисчисления 1032 года¹
 Восстал некий грозный Султан,
 Звали его Осман-пашею²
 Двинулся он на Кизильбаш³,
 И множество было с ним всадников
 Они осадили Эриван,
 И привели в плен наших Армян.
 Много крови они пролили,
 Так что страшно и вымолвить.
 Достигли-ж они до самого Ширвана,
 И Персам много горя причинили;
 Полонив их, обратили (край) в развалины,
 Пришли обратно к Демир-капу⁴
 Привлекли к себе (жителей) и вновь завладели городом.
 Когда-же Татарин⁵ возмутившись,
 Идти к ним в помощь отказался,
 Разневавшись Султан⁶,
 Задумал злобную мысль;
 И послал фирман,
 К Осману-паше, в Демир-капу,
 Вернувшись тогда в Кафу,
 Укрепились в оном городе;
 Еще приказ получен был
 От Султана к Осман-паше,
 Умертвить Татарского Хана⁷,
 И дать ханство Алып-Керею.
 Крамольный же народ татарский,
 Не поделал ему быть подвластным,

О чем известясь Султан,
Дал такой приказ Ислам-хану⁸:
Поди владей твоим народом;
Даю тебе на то второй приказ:
Умертви твоего ты брата,
И спеши в помщь к (нашему) бою
Услышав то Мухаммед-Кирей,
Собрал народ татарский
И другой именуемый Ногайским:
Купно с ними двинулся на город (Кафу),
Бесчисленно их было тысяч,
И всадников мириады,
Их было тысяч семдесят.
И осадили город с суши.
Были при них даже пушки,
И ружья страшнейшие на виде,
Два месяца шла борьба
Так, что видевшие ужасались,
Услышавшие-же изумлялись;
Притащив их поставили на холме
Что паша-тепэ называли⁹
Направив на стены (города), стреляли;
Но повредить все не могли,
Ибо милость Человеколюбца,
Не допустила город Кафу,
Предать в руки татарам,
Этому поганому и злому народу,
И дрались они дней сорок
Пока не прибыли катарги (флот)
И капудан (адмирал) Али-паша
Привели они с собою Ислам-Хана тоже,
Узнав про то народ татарский,
(Часть) предводителей их разбежалась,
Остальные-ж пришед с поклоном к Исламу,
Молвили: «Владей народом ты нашим»
Тогда бежал Мухаммед-Керей,
За ним в погоню его братья,
И настигши его изловили,
Его и сына умертвили.
Трое сыновей его убежали
И настичь их уже не могли
Снова воротившись назад,
И узрев пушки зарытые в земле,
Выкопав их перевезли в город,
И на стене его их поставили.
Ислам уехал в свою столицу
Багчесараем называемую
Спустя за тем пять месяцев
Бежавшие воротились вновь,
И за день до байрама,
Внезапно напали (на Ислама);
Ислам пошел ним на встречу,
Со своими братьями троими;
Обе стороны вступили в бой,
И много опять пролили крови,
Разбитые (бежавшие) бежали,
Едва могли достичь Кафы,
Крепость со дворцом сожгли,
И воротившись в город Крым¹⁰
Целых два месяца разоряли
Город, страну и деревни.

Приходили и на город Кафу,
 Говоря: дайте нам его,
 Нашей злой воле.
 Тогда прибыл еще паша
 Ферхадом его прозывали,
 Воздвиг он башню на краю города¹¹
 И на ней пушки расположил
 Два месяца шла борьба,
 Пока от Хункара¹² не пришла рать,
 И напав на них не уничтожила до последнго.
 Убили они (в числе прочих) и князя
 Властителя народа Ногайского;
 Прочие-же султаны (князи) бежали
 До самой страны ногайской.
 Великий Хан Ислам, снова воротясь,
 Воссел опять в своей столице,
 Но в следующем за тем году.
 Опять пришли (Ногайцы) к воротам Ора¹³,
 Ислам пошел к ним на встречу;
 Они-ж увидя убежали.
 (Татаре-ж) двести русских полонили,
 И всех привезши распродали,
 Мы все ведь под Богом ходим.
 Да благоволит он нас сохранит,
 Дабы не приключилась больше беда,
 Благоустроенному городу Кафе,
 Не многое тут высказал
 Я Иоанн, исполненный грехов,
 По просьбе Григория,
 Диаконом прозываемого.
 Просим вас братья добрые:
 Кто пропоет сие усердно,
 До удостоит прощения Отца небесного,
 Меня негодного, уроженца Тохтаского¹⁴

¹ Соответствует 1581 году христианского летоисчисления. У армян два летоисчисления: обыкновенное большое, и малое Саргавака-вартабеда.

² Осман-паша, прозванный Уздемир, известен своими военными подвигами в Аравии, Персии, Грузии и Крыму при Мураде III, который щедро наградил его впоследствии и возвел в сан великого везира. Слово Султан употреблено здесь в смысле турецкого или татарского князя.

³ Турки и Армяне часто называли, Персиян, как известно, Кизильбашами, т.е. красноголовыми, по красной шапке их воинов.

⁴ Железные ворота, т.е. г. Дербенд.

⁵ Вместо: народ татарский.

⁶ Мурад III, султан турецкий.

⁷ Мухаммед-Кирей, или Гирей.

⁸ Исман-хан, брат Мухаммеда, находился тогда в Коние в тамошнем дервишском монастыре.

⁹ Так называется, по-турецки, находящимся на северо-западной стороне Феодосии гора: она названа русскими уже Лысой горой.

¹⁰ Т.е. Эски-Крым, нынешний заштатный город Старый-Крым.

¹¹ Эта круглая башня до сих пор еще существует в развалинах возле Генуэзской большой башни, на берегу моря.

¹² Сокращенное из персидского слова Худивендиляр, в армянском тексте хонтикар. Так называется иногда турецкий Султан.

¹³ Ор, или Ор-капу, т.е. Перекоп.

¹⁴ Город Токах в Малой Азии.

Управление покоренными народами в Османской империи (Из «Записок янычара»)

Фрагменты взяты из сочинения второй половины XV в., автором которого считается Константин Михайлович из Островицы. Этот исторический источник обнаружен в начале XIX в. и опубликован под заглавием «Записки янычара», под которым он и вошел в научный оборот.

XXXVIII. ...Порядок и управление в Турецкой земле прежде всего зиждится на том, что султан все замки во всех своих землях, заняв их янычарами или своими воспитанниками, крепко держит в своей руке, никакого замка ни одному из вельмож не отдавая; и тот город, который имеет укрепления и замок в нем, султан заняв своими людьми¹, также держит сам. А тех янычар, которые находятся в замке, он снабжает сам, чтобы они на

случай осады не имели нужды, но ни вина, никакого напитка в замке не бывает. А в другое время, когда нет осады, каждый кормится от своей службы. Жалованье они получают от двора каждую четверть года без задержек, а одежду им дают один раз в год...

XXXIX. ...Если когда-либо они [турки] вторгнутся в какую-либо землю и захватят пленных, то султанский писарь идет вслед за ними, и сколько есть мальчиков, всех их он берет в янычары и за каждого дает пять золотых, а их посылают за море.

Таких мальчиков бывает около двух тысяч. И если ему не досталось пленников от неприятелей, тогда он в своей земле у тех христиан, которые имеют юношей, берет их в каждой деревне, определив, какая деревня может дать больше, но так, чтобы общее число было набрано сполна. А те юноши, которых он взял в своей земле, называют чилик, и после своей смерти каждый из них может отдать свое состояние, кому захочет. Те же, которых он берет у врагов, называются пенджик², и они после своей смерти ничего не могут завещать, но все их имущество идет султану, а если кто выслужится и будет освобожден, то он может оставить [имущество] после своей смерти, кому захочет. А на тех юношей, которые находятся за морем, султан не налагает никаких обязанностей, но те, кому они поручены, должны их оберегать и потом отвезти, куда будет приказано. Затем их сажают в лодки, пригодные для этого, и возят на них и обучают боевым действиям. С этого момента о них уже заботится султан и дает им плату. Тогда он выберет из их числа людей к своему двору, которые уже выучены, и поручает им более ответственную службу. Младший должен служить старшему, а которые уже вырастают, тем он поручает гарнизоны городов...

XLII. ...От султана во всех областях приставлены воеводы. Прежде всего это направлено против христиан: воевода смедеревский и его помощник воевода крушовецкий – против венгров, а против валахов – воевода никопольский и его помощник воевода ви-динский; против хорватов и корутан³ – верховный боснийский воевода и его помощник ситницкий воевода. И далее по областям сидят другие воеводы. На море же против каталонцев и влахов действует воевода галипольский и его помощник воевода морейский. Эти воеводы, или санджакбеги, контролируют все края и знают, что происходит в каждом королевстве. А если кто из них найдет, что прошло время, когда он со своими людьми может совершить набег, тогда он посылает гонца к султану, прося разрешить поход в гяурские земли. Султан, выслушав гонцов, отпустит их, и гонцы, после того как их отпустят, немедленно сразу же приказывают взывать по городам, называя воеводу и край [куда намечается поход], прославляя этот поход и говоря: «Вас приведут в эти края, и вы вдоволь добудете мужской и женской челяди и другого всякого добра»...

XLVI. ...Христиан турки называют гяуры, и султан знает численность всех, кто находится под властью турок, и сколько их в каждой земле. Султану платят дань каждый год с каждой христианской головы сорок аспров⁴, что составляет один золотой; в год султан получает этой дани несколько сот тысяч. А если кто может заработать деньги, тот дает [султану] еще один золотой в год, исключая детей и женщин; и все это, не считая других доходов, которые поступают к нему [султану] в его казну с моря, с земли и с серебряных гор. Христиане же дают своим господам, под которыми они находятся и которых они называют тимарерлер⁵, половину султанской дани и к тому же с десятков голов всякого скота или зерно. Работы же никакой они ни на султана, ни на своего господина не выполняют и не поступают на службу.

...Христиане, которые находятся под властью султана, должны поставить десятки тысяч вьючных животных или коней, провиант, отдавая это своими руками, после чего над ними владеют по справедливости, не причиняя им вреда. Под таким-то управлением все живут...

¹ Люди, входившие в состав турецкого гарнизона, назывались мустахфыз – стража крепости.

² Пенджик или пенчек – «пятая часть», доля добычи, причитавшаяся правителю мусульманского государства.

³ Корутане – словенцы из Южной австрии (Каринтии).

⁴ Аспра, тур. название акче – османская мелкая серебряная монета.

⁵ Тимарерлер – владельцы тимаров.

Взаимоотношения Турции и Венгрии в конце XV в. (Рапорт пограничного начальника Юсуфа о настоящем положении дел)

В рапорте сообщается о передвижениях войск на венгерской стороне. Рапорт, не имеющий даты по всей вероятности относится к 1486-1487 гг., т.е. к краткому времени мира между Турцией и Венгрией, который был даже подтвержден мирным договором. Заключение мира произошло в 1483 г. Мирный договор действовал пять лет, а в 1488 г. был продлен еще на два года.

Покорнейшее сообщение к сиятельному двору является следующим. Высокой Порте в покорнейшем сообщении докладывается и сообщается, что проклятые неверные собираются. Возвышенному двору не должно остаться скрытым, что с целью разведать противоположную сторону, был послан один человек. Теперь же он, 29 числа благословенного (месяца) джумади-аль-аввала явился к Вашему нижайшему слуге и передал следующее сообщение. В Димишваре (Темешвар) проклятый князь стоит наготове с 7000 людьми. И король находится в области Будима и собирает свое войско. До 10 числа месяца джумади ал-ахира, они, куда бы они не пошли, обязательно выступят. По этой причине посчитали необходимым снова настоятельно сообщить [об

этом] Высокой Порте. Если они выступят в эту [пограничную] область, то крепость нельзя оставлять пустой. Ваш слуга, с благословением Божиим и с милостью государя, выдвигается в крепость и будет прилагать усилия к ее защите.

Но нет никого, кто снаружи [крепости] управлял бы провинцией и сообщал происходящее Высокой Порте. Ранее, когда это было необходимо, Ваш слуга, брал на себя защиту провинции а другом Вашему слуге поручали двинуться в крепость. Но так как приход неверных близок, Ваш слуга [сам] выдвигается в крепость; нужно позаботиться чтобы одного санджакбеги выслали для управления провинцией. И в подробном донесении, которое мы до этого послали Высокой Порте, было сообщено сколько воинов действительно наличествуют в крепости и было сказано, что потребуется еще больше воинов. Да узнает Высокая Порта, что выделить воинов для крепости Семендер в эти дни является необходимостью. Хотим надеяться, что [к этому привлекут] янычар и азабов и прикажут им, чтобы (эти) воины своевременно прибыли. Если враг придет, они не будут бездеятельно сидеть на месте, (но) с благословения Божьего, будут оказывать сопротивление и усилят оборону крепости. Если он не придет и войска неверных двинутся в другом направлении, то они [янычары и азабы] останутся в крепости и (потом) вернуться на свои места. И (так) сообщается, что кажется крайне желательным, чтобы в этих делах падишаха поступать [именно] так.

Письмо турецкого султана Сулеймана I Великолепного французскому королю Франциску I (1526 г.)

После битвы при Павии (1525 г.) Франциск I, король Франции, попав в плен к Карлу V, королю Испании, в 1519 г. принявшему титул императора «Священной Римской империи», был вынужден искать союза Франции с Турцией в целях совместных военных действий против Карла V. Вслед за первым посольством, не достигшим цели, к султану был отправлен тайный агент, Жан Франджипани, которому удалось достигнуть Константинополя. Султан благосклонно отнесся к просьбе пленного короля Франциска I и ответил ему следующим письмом.

Он [бог] высок, богат, великодушен и щедр.

Милостью того, чье могущество прославлено и чье слово произнесено, священными чудесами Мухаммеда (да спасет и да благословит его бог), этого солнца на небе пророчества, этой звезды в созвездии апостолов, этого вождя пророков и предводителя отряда избранных, содействием его четырех святых друзей Абубекра, Омара, Османа, Али (да будет над ними всеми милость превысокого бога), а также всех угодников божьих, – я сам, султан султанов, государь государей, раздающий короны шонархам всего земного шара, я, тень бога на земле, султан и падишах Белого и Черного морей, Румелии, Анатолии, Карамании, Румской земли, Зулъкад-рии и Диарбекра, Курдистана, Азербайджана, Персии, Дамаска, Алеппо, Каира, Мекки и Медины, Иерусалима, всей земли Аравии, Йемена и многих других земель, завоеванных оружием моих благородных и знаменитых предков (да освятит господь их могилы), а равно приобретенных огненным мечом и победною саблей моесо августейшего величества, я есть султан Сулейман-хан, сын султана Селим-хана, сына султана Баязид-хана.

Ты, Франциск, король Французской земли, через вашего верного слугу Франкипана [Франджипани] вы обратились с письмом в мою Порту¹, убежище государей; вы передали также через него некоторые словесные поручения; вы довели до нашего сведения, что неприятель овладел вашей страной и что вы сами находитесь в настоящее время в плену, и вы обратились сюда за помощью и средствами для вашего освобождения. Все эти сообщения были повергнуты к подножию моего трона, этого прибежища для всего мира; моя императорская ученость овладела ими во всех подробностях, и я получил о них самые полные сведения.

Нет ничего удивительного в том, что императоры терпят поражения и попадают в плен. Итак, мужайтесь и не падайте духом. Наши славные предки и наши знаменитые предшественники (да освятит господь их могилы) никогда не прекращали войн для того, чтобы отразить врага и покорить новые земли. И мы также следовали их примеру. Мы непрестанно завоевывали провинции и сильные неприступные крепости. Днем и ночью наш конь стоит оседлан, и мы опоясаны саблей.

Да поможет всевышний доброму делу. Куда бы ни склонялась по воля, да будет она исполнена. Но, впрочем, расспросивши нашего агента, вы узнаете от него все нужное. Итак, да будет это известно вам. Написано в начале луны ребиул-ахира² 932 г. [1526 г.] в резиденции столицы империи, в вернохранимом Константинополе.

¹ Название правительства Турции. Это слово вошло в употребление в XVI в. и обозначает французский перевод турецкого слова «капу» – дверь. У турок этим словом называли придворное учреждение визирей, или министров, заседающих у входа, у дверей помещения с тронем султана.

² Четвертый месяц мусульманского календаря.

Письмо турецкого султана Мурада III польскому королю Стефану Баторию (1578 г.)

Документ представляет собой копию письма турецкого султана Мурада III (1574-1595 гг.) польскому королю Стефану Баторию (1576-1586 гг.). Письмо датировано 1578 г.

Известно, что, посаженный на польский престол под прямым нажимом турецкого султана и вопреки действиям не только московского царя и австрийского двора, но и части польского дворянства, Стефан Баторий до этого был королем Трансильвании и вассалом турок-османов. И хотя в силу своего положения и договорных обязательств перед Турцией и Крымом Стефан Баторий зависел в своих действиях от последних, его позиция во многом вызывала недовольство Стамбула и крымского хана.

В письме раскрывается не только характер отношений между польским королем и турецким султаном в этот период, но и основное содержание политики Османской империи в той части Юго-Восточной Европы, где она, опираясь на крымских ханов, пыталась еще более укрепить свои позиции, и в частности удержать в повиновении своих вассалов на Дунае – Молдавию и Валахию. В этой политике немалая роль отводилась Польше. Используя угрозы и посулы, турецкий султан настоятельно требует повиновения и полного подчинения условиям заключенного ранее договора (договор между Османской империей и Польшей, заключенный еще при султানে Баезиде II (в 1490 г.), затем многократно возобновлялся) и обращается с польским королем так, как будто тот продолжает оставаться его вассалом.

Гордость управителей народов, приверженных Иисусу, избранник из среды вельмож христианских, устроитель дел у всех народов, поклоняющихся Христу, обладатель всего, что дополняет величие и степенность, почтенный и прославленный король царства Польского Иштван Баторий – да завершатся добром деяния его! Когда придет сия высокая августейшая грамота, да будет известно, что [2] в настоящее время в нашу столицу – прибежище счастья и основание справедливости, убежище и приют султанов [этого] времени, место избавления [от забот] и блаженства хаканов эпохи – прибыло ваше верноподданническое послание. А ранее этого пришло письмо, посланное с прибывшим к величественному Порогу [3] вашим посыльным по имени Маркуш Чипулски¹, направленным к нашему двору и местопребыванию высочайшего могущества. В [этих письмах] сообщалось о том, что превосходительное средоточие эмирского достоинства, опора наместничества, обладатель изобилия небесных надежд и ангельских качеств, подлинное средоточие бесчисленных щедрот Аллаха – всемилостивого владыки, Мехмед-Гирей-хан, – да будут вечными высокие качества его! [4] – арестовал вашего посла по имени Тарановски², который был направлен к нему для подтверждения дружбы [вашей]; что он (хан), получив множество подарков из Московии, стал [ее] единомышленником и сторонником, совершает внезапные набеги на польские земли, угоняя большое количество людей ваших и скота. В связи с этим [вами] изложена просьба, чтобы от нашего Порога вечного Счастья [5] к (вышеупомянутому [хану] – да будут вечными высокие качества его! – был послан человек, дабы в те области, поскольку между ними (т.е. Польшей и Крымом) существует мирный договор, не посылались войска, иначе они (польские земли) подвергнутся полному опустошению, а также чтобы отобрать взятых в качестве пленных [людей ваших] и скот [6] и освободить арестованного по сговору и соглашению с Московией посла вашего. Вы сообщаете [также], что отправили [к нам] одного из достойных людей ваших по имени Крыстоф Джирзек³ для того, чтобы (просить нас) в соответствии с заключенным с вами прежде договором твердо и настойчиво соблюдать мир и согласие [между нами] и даже объявить набег на Московию с целью ее разорения и ограбления. [7] А еще, чтобы ваш названный выше посол (Тарановский?) вел свои переговоры не только относительно положенной от Крыма (?)⁴ дани, но и обо всем, относящемся к миру и согласию, в присутствии наших людей, которых мы направим к упомянутому [хану] – да будут вечными высокие качества его! [8] А также, чтобы нам проявлять твердость и стойкость в покровительстве мирному соглашению и договору между двумя сторонами, дабы не происходило ничего не приличествующего и противоречащего заключенным между [Польшей и Крымом] условиям и обязательствам. Изложенное и объясненное [вами] во всех подробностях [9] было представлено и доложено к нашему падишахскому, излучающему счастье Порогу, [затем] стало достоянием и предметом рассмотрения нашего падишахского всеобъемлющего благородного познания. Теперь отсюда вышеупомянутому [хану] – да будут вечными высокие качества его! – и одновременно вам послана наша августейшая грамота, в которой сказано, (10) чтобы вы своевременно и полностью без остатка, как положено с давних пор и по настоящее время, платили обусловленную договором дань, чтобы существующие между вами спорные дела были улажены и упорядочены вашими собственными средствами, чтобы вы не действовали вопреки установленному между вами соглашению и миру и ничего не предпринимали для изменения существующего мирного договора, точно соблюдая [последний]. [11] Вышеупомянутому [хану] также сделано предостережение, чтобы он, проявляя издавна установленную преданность нашему счастливому Порогу, [относясь к нам] с искренней верой, любовью и приязнью, после полной выплаты [ему] вашей дани не вступал и не вторгался в земли и [12] области, находящиеся под вашей властью, твердо сохраняя дружбу и приязнь в отношениях с вами. [Однако], в то время как (хан) взял на себя обязательство после полной выплаты вами, как разъяснено выше, обусловленной договором дани ни в коем случае не вступать и не вторгаться в польские земли, [13] с вашей стороны не только не вносится положенная ему дань, но наряду с этим заселенные благочестивыми татарами деревни вдоль вод [реки] Озю (Днепра) без конца подвергаются нападениям и разорению. [При этом] [14] множество татар уводится в плен, угоняется их скот, расхищается их имущество и достояние. В особенности не перестают бунтовать и злодействовать казаки, проживающие в расположенных (?) на вашей стороне крепостях Брацлав, Джан-керман (Очаков), Черкес-керман (Черкассы) и Кан-эви (Канев). [15] Поэтому если до сего времени в степях вблизи Ак-кермана паслись сотни тысяч овец, то теперь, из-за разбоя и

грабежей названных смутьянов, от упомянутых овец почти ничего не осталось. [16] Произошло столько мятежей, что из-за пагубных действий тех проклятых (казаков) оказалась разрушенной также крепость Исламкерман (Аслам или Ослам-городок), построенная Девлет-Гирей-ханом⁵, покойным отцом названного выше хана – да будут вечными высокие качества его! Да и в землях самой Польши до 50000 [17] деревень опустели. Вместе с тем, если противник вознамерился бы с какой-нибудь стороны совершить нападение и завоевать [эти земли], то всякий из них, боясь моих царственных могущественных сил, не нашел бы в себе храбрости и мужества вторгнуться на земли хотя бы одной казы⁶. Уже столько времени в области [Крыма] [18] не имеется [моих] полицейских и судей, а из левендов⁷ и казаков никто не осмеливается на бунт и мятеж. В то время как в дни вашего [правления] вы можете пребывать в полном спокойствии, поскольку в ваших краях повсеместно реая и берая⁸ обрели мир и благополучие, благоденствие и уверенность, [19] [на вашей земле] сосредоточилась шайка разбойников, которая не только вторгается в области татар и совершает нападения на них, но и вступает в пределы воеводства Молдавского, которое с давних пор представляет собой одну из провинций нашего богохранимого царства, с обычным постоянным усердием поставляющую нам коней. [20] Правда, после вторжения в область Молдавии они не вынесли и не выдержали устрашающего натиска победоносного войска ислама и обратились в бегство. Именно в вашей стороне [21], фактически вашим отцом⁹, от имени воеводы был схвачен мятежник, прозываемый Ювашка¹⁰, вместе с проклятым Константином¹¹. После этого появился и брат упомянутого разбойника, мятежник по имени Александр¹². Холодной зимой он снова вторгся в указанную область (Молдавию), и так как всегда побеждающее войско ислама в тот момент было не подготовлено (к походу), то некоторое время [22] он (Александр) находился там, предаваясь отдыху. Только по прошествии какого-то срока с помощью Аллаха – владыки всемогущего – один из храбрых джигитов отрубил голову названному мятежнику. А большая часть достигавших [числом] тысячи сбившихся с [правильного] пути проклятых смутьянов стала пищей победоносного меча. Подчинившиеся могуществу поражающего меча [мятежники] [23], связанными и под конвоем, были доставлены к нашему двору в столицу счастья. Из большого их числа никто не был освобожден. Когда в прежние времена польская земля осталась пустой¹³, то московский царь внушил своему сыну, а австрийский король – некоторым из своих подданных желание [завладеть тронem] [24] и каждый из них со своим арканом жадности начал разного рода приготовления и хитрости. Тогда, оказав доверие вашей большой преданности, глубокой искренности и верноподданнической привязанности к нашей столице – прибежищу счастья, мы предпочли вас всем [25] и сделали все возможное, чтобы в это беспокойное время в соответствии с нашим августейшим желанием назначить вас королем в названные земли. Теперь, если вы намерены выразить вашу любовь к нашему Порогу Счастья, то не проявляйте небрежности в том, чтобы [26] взять на себя возможные затраты и расходы, т. е. приложить все необходимое старание и усердие для уничтожения и искоренения всех сеющих смуты и творящих злодеяния проклятых банд, которые собираются как из мятежников польских земель, так и из других мест. Когда в соответствии с этим вы при полной преданности и правдивости [27] проявите себя старательным в уничтожении вреда, причиняемого разбойниками, нападающими [на нас] и вторгающимися в пределы [нашего] богохранимого государства, а также будете соблюдать учтивость и дружелюбие по отношению к вышеупомянутому [хану] – да будут вечными высокие качества его! – будете без остатка выплачивать [ему] обусловленную договором дань, то это обеспечит вам пребывание в благополучии. [28] Что касается того проклятого¹⁴, который прежде утвердился в качестве воеводы, [а теперь] ищет убежища в польских землях, то согласно содержанию направленного ранее нашего священного фермана вам следует всенепременно, не проявляя промедления и нерадивости, срочно прислать его самого или его голову к нашему счастливому Порогу. [29] Разве не противоречит заключенному между нами договору проявление вами нерадивости и промедления в отношении послушания нашему священному ферману? Разве то, что вы находитесь во взаимодействии с вышеупомянутым ханом – да будут вечными высокие качества его! – и с нашей высокой столицей [30] и тем самым ваши земли и [вся] ваша страна столько раз избавлялись от возможных разорений и набегов, может быть объявлено причиной вашего оскудения? Однако в настоящее время, когда некоторые сановные лица польских земель, не проявляя полного повиновения и покорности вам, [31] упорствуют в своих противодействиях и по этой причине ваши земли и области испытывают [затруднения] в установлении положенного порядка и дисциплины, стала понятна ваша неисполнительность. Поэтому моря нашей падишахской милости пришли в движение, и, не проявляя благосклонности к вашей нерадивости [300] к вышеупомянутому хану, [32] – да будут вечными высокие качества его! – [тем не менее] был послан один из чаушей нашего высокого двора, образец среди подобных и близких, Сулейман-чауш, – да умножатся достоинства его! – а также издан наш священный указ относительно того, чтобы арестованный ранее вышеупомянутым ханом – да будут вечными высокие качества его! – ваш посол (Тарановский) был освобожден [33] и с надежными людьми отправлен к вам. [А теперь] необходимо, чтобы, когда прибудет [к вам] один из чаушей нашей крепости и моего высокого двора, образец среди подобных и близких, Мехмед, – да умножатся достоинства его! – вы [34] в соответствии с питаемой вами с давних пор и далеких дней искренней преданностью и большой привязанностью к нашему высокому (счастливому?) Порогу предоставили вышеупомянутому [Мехмеду] возможность полностью и в срок получить положенную дань, как принято ее посылать с давнего времени и по настоящее время. [35] [Следует также] прибрать к рукам имеющихся на ваших границах разбойников и прочих ваших казаков, как и всех ваших знатных и вельможных людей. Пусть в последующие времена они не вторгаются на земли татарских племен и

не нападают на их людей и скот. [36] Пусть они никогда не вступают на земли, находящиеся в пределах богохранимого государства [нашего] и относящиеся к охраняемым нами владениям, будь то области Молдавии, Валахии или другие, находящиеся в той же стороне. А из тех, которые чинят препятствия [исполнению этих предписаний], [37] большую часть следует подвергнуть наказанию. В соответствии с мирным соглашением и договором, заключенными с вышеупомянутым [ханом], – да будут вечными высокие качества его! – как и с другими сторонами, установлена спокойная жизнь. [38] И пусть не прекращаются постоянные покровительство и забота в отношении тех правил спокойствия и благонравия, которые создают преуспеяние и благоденствие. Но как только с вашей стороны будет произведено вторжение и нападение на татарские ли племена, на райятов ли, скот [39] и пленных, находящихся в пределах богохранимого государства [нашего], и таким образом окажется нарушенным договор, то прославленное войско ислама, следуя предписанию чистой веры, обязательно и без промедления тотчас подвергнет наказанию мятежников. [40] Поэтому, как следует подготовившись и рассмотрев последствия [всех] дел, призовите к порядку и дисциплине своих сановников и знатных людей, приведите в действие все ваши усилия и самые лучшие высокие качества, чтобы ничто не вело к нарушению договора и мира. [41] А бежавшие из молдавских земель и схваченные у вас проклятые, именуемые Ювашка и Константин, пусть будут связаны и закованы в цепи и сданы упомянутому чаушу Мехмеду, или [42] пусть позаботятся прислать их к Порогу Счастья в сопровождении нескольких надежных людей. Написано в конце победоносного сафара 986 / 29 апреля – 8 мая 1578 г. в богохранимом Константиинийе.

¹ Маркуш Чипулски – вероятно, следует читать Цыбульский, но личность его пока установить не удалось

² Тарановски – Андрей Тарановский (ум. в конце XVI в.) – известный польский дипломат. Трижды (в 1559, 1571 и 1574 гг.) был послом в Стамбуле Из пер вого посольства вернулся через Россию В 1575 г. ездил также послом в Москву, а позже и в другие страны. Его путешествия описаны им самим и его спутниками.

³ Крыстоф Джирзек – польский дипломат. Долгое время обучался восточным языкам в Стамбуле, где был затем переводчиком при многих польских посольствах. В 1577-1578 гг. являлся самостоятельным послом в Турции. В 1581 г. возглавлял посольство в Москву.

⁴ Смысл фразы не совсем ясен, так как в тексте слово «Крым» явно стоит в исходном падеже («от Крыма» или «из Крыма»), в то время как речь идет о дани, которую Польша платила Крыму.

⁵ Девлет-Гирей-хан по-прозвищу «Жирный» (Семиз; 1551-1577 гг.).

⁶ Каза – в Османской империи судебный округ, находившийся в ведении кадия.

⁷ Левенды – первоначально воины местных отрядов, составлявших охрану провинциальных сановников, или моряки турецкого военного флота. Многие из них, уходя из своих отрядов, превращались в праздношатающихся бродяг, добывавших средства к жизни грабежами.

⁸ Рейя и берая – подданные; податное население.

⁹ Т.е. князем Трансильвании Стефаном IV (ум. в 1571 г.).

¹⁰ Ювашка, или Юван, – по-видимому, здесь имеется в виду князь Молдавии Иоан Водэ Лютый (1572-1574 гг.), который за отказ платить дань султану был окружен со своими войсками в Буджаке и разбит объединенными силами османов, крымского хана, Валахии и Трансильвании.

¹¹ Константин – сын Иоана Водэ, который в 1578 г. пытался захватить молдавский престол, но был схвачен беим Бендера и сослан в Родосскую крепость.

¹² Речь идет о втором сыне Иоана Водэ – Александре, также пытавшемся сесть на молдавский престол и, как можно понять из текста письма, то ли убитом в сражении, то ли скрывшемся в Польше, так как ниже предъявлено требование доставить в Стамбул его самого или его голову.

¹³ Имеется в виду престол польских королей, освободившийся в 1575 г. после бегства во Францию Генриха Валуа.

¹⁴ Очевидно, речь идет об Александре, сыне Иоана Водэ.

Битва при Лепанто

Стремясь ограничить османскую экспансию, восстановить влияние христианской церкви на Ближнем Востоке и захватить новые земли, испанский король Филипп II, папа римский Пий V и Венецианская республика направили к берегам Греции объединенный союзный флот под командованием испанского принца дона Хуана Австрийского. В Коринфском заливе 7 октября 1571 г. он встретился с турецким флотом из 275 судов под командованием Али-паши. В этом сражении турки потеряли 224 корабля, 30 пушек, много человек убитыми и пленными; союзники – 15 кораблей и 8 тыс. человек. Это поражение Стамбула явилось первым сигналом об ослаблении военного могущества Османской империи.

Католический король Филипп II отправил свой флот в Мессину под командой своего побочного брата дона Хуана Австрийского, к которому присоединился Джан Андреа Дориа, генуэзец, со своими галерами, находившимися на жалованье того же короля. К ним примкнул и Марк Антонио Колонна, папский адмирал, со своими галерами, и Себастиан Вениеро, главнокомандующий морскими силами Венецианской республики. На смотре оказалось, что соединенный флот состоял из двенадцати галер папы, восьмидесяти одной галеры испанского короля с двенадцатью кораблями и, быть может, несколько большим числом грузовых судов; из ста восьми галер, шести галеасов и двух кораблей венецианцев; из трех мальтийских галер и трех галер герцога Савойского. Кроме них, были и другие мелкие суда в большом количестве.

Столь сильная эскадра, кроме обычного судового экипажа, насчитывала двенадцать тысяч итальянцев под командой своих доблестных командиров, пять тысяч испанцев, три тысячи немцев и три тысячи охотников, движимых желанием постоять за веру и жаждавших славы...

Отважные бойцы после нескольких совещаний подняли паруса 17 сентября с твердым решением идти на розыски вражеской армады, дабы обломать рога Оттоманской державе, ставшей теперь, после одержанных побед, чересчур заносчивой и гордой.

Утром 7 октября, в воскресенье, они оказались в виду двух сильных вражеских эскадр. Турецкая эскадра вышла из Лепан- то под командой адмирала Али, коменданта Туниса и Алжира, и других пашей и командиров и по количеству парусов значительно превосходила христианскую эскадру. Адмирал Али имел от султана приказ сразиться с неприятелем. Теперь как раз его флот был против христиан на уровне острова Курцоляри. Тогда и та и другая стороны построились в боевой порядок, образуя каждая три отряда, расположенные полумесяцем. Генералиссимус дон Хуан Австрийский, находившийся на одном из фрегатов, двинулся вперед, увещевая и воодушевляя каждого храбро сражаться, защищая веру и честь христианскую, и уверял всех в том, что господь всемогущий окажет помощь и покровительство воинам и вознаградит тех, кто положит жизнь за его святую веру. Растроганные его речами солдаты, плача от умиления, отвечали ему громкими кликами: «Победа, победа!» А в это же время народы христианские возносили непрерывные молитвы, дабы вымолить благословение божие на христианское оружие. С этой же целью папа объявил юбилейный год: совершались многочисленные благочестивые процессии.

Наконец, обе эскадры противников сошлись, и скоро рука божия почтила нас своим благоволением. С начала сражения дул мистраль, благоприятствовавший туркам. Но вот море успокоилось, а затем поднялся ветер сирокко, который нес весь дым на турок и в такой же мере гнал их корабли назад, в какой помогал христианам наступать. Ужасное сражение продолжалось уже четыре часа, но победа еще не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Тяжелые галеры христиан, находившиеся в первой линии, стали наносить такой урон неприятелю своей артиллерией, что некоторые из турецких кораблей начали тонуть. Тогда галеры противников сцепились на бордаж, и тут обнаружилось, кто из неприятелей превосходит другого силой. Великое мужество показал дон Хуан Австрийский, так как его адмиральский корабль оказался в великой опасности, ибо турки, напрягая невероятные усилия, двинули против него свой головной корабль, и уже триста человек около него оказались убитыми. Не менее его храбрыми были два других адмирала: Колонна и Вениеро. Наконец, турецкая эскадра стала в беспорядке отступать, после того как адмирал Али был убит в перестрелке. Ему отрубили голову, и, будучи надета на пику, она окончательно лишила мужества тех, кто мог ее заметить. В руки христиан попало огромное количество неприятельских судов и пленных. Надо считать, что по крайней мере пятнадцать тысяч неверных погибло в этой страшной схватке. Реляции, посланные папе Пию V, и некоторые писатели говорят о тридцати тысячах погибших турок, но, конечно, никто их не считал. Сложили в этом сражении головы свои и более чем пять тысяч христиан, и особо оплакивать приходится смерть Агостино Барбериго, главного интенданта венецианского флота, опытность которого отчасти способствовала победе. Более чем двенадцать тысяч рабов-христиан в результате этого поражения турок получили свободу. Большинство из них, видя, что турки терпят поражение, будучи скованы железными кандалами, способствовали сумятице на своих галерах. Так же и те рабы (гребцы), которые находились на христианских галерах, поскольку им была обещана свобода после победы, взяв оружие, немало помогли своим сражающимся господам. После сражения разделили добычу и пленных, которых оказалось около пяти тысяч...

Весть о столь замечательной победе была сообщена дворам их представителями путем посылки особых курьеров, и трудно описать ликование, которое охватило сердце каждого католика и с какими празднествами и восторгом воздали они благодарение всевышнему. В Венеции радость была так велика, что этот народ потерял голову... Из Венеции эта весть через два дня пришла в Рим, и несказанным утешением было это для папы и народа римского... Всеобщее ликование еще более усилилось при появлении в Риме 16 декабря отважного генерала папской армии Марка Антонио Колонны, который так много сделал для благополучного исхода всего предприятия. Но скажу, что столь потрясающая победа не сопровождалась какими-либо заметными плодами для христианского мира и послужила только распространением сознания, что турецкая не является непобедимой.

Военное дело турок-османов (Вратислав, «Приключения»)

Мелкий чешский дворянин Вацлав Вратислав (1576-1635 гг.) из селения Дмитровичи поступил на службу к австрийскому вельможе Фридриху Креквицу, которого в 1591 г. император Рудольф II направил послом в Стамбул. Посольство из Вены через Балканы прибыло в османскую столицу, где вскоре было арестовано по ложному доносу. Его члены попали в тюрьму, а потом их продали в рабство. Вратислав стал гребцом на галерах, был выкуплен и с трудом выбрался из Османской империи, воспользовавшись походом турок в Венгрию. Вернувшись на родину, он в 1599 г. описал свои приключения. Позднее занимал при австрийском дворе различные посты. Далее приведены четыре отрывка из его сочинения.

ЯНЫЧАРЫ

Янычары во всей турецкой области в большом почете: они турецкого султана дворяне и пешая гвардия, которой состоит при султанине 12 000... Янычары эти набираются из детей христианского народа, живущего под турецкой властью. Набирают их по несколько сотен через два года в третий, малых ребят лет восьми, девяти и

десяти, и приставлены доктора, которые должны каждого рассмотреть в лицо и рассудить, к чему каждый мальчик может быть со временем годен. Самые лучшие берутся на службу турецкому султану, других разбирают паши и иные турецкие начальники. Остальные – тупые головы, продаются за дукат в Анатолию и в Азию до определенного времени, лет до 18, но не свыше чем до 20 лет, и живут там в нужде. Вырастают из холоде, в голоде, в зное, в нагоде, и все с ними обращаются, как с псами... И всех их, как исполнится им около 20 лет, натерпяся они горя, обгорят на солнце и привыкнут ко всякой работе, – привозят в Стамбул из всех мест, куда они были распределены. Тут самых крепких и суровых из них записывают в младшие янычары и отдают под командование старших. Под их надзором младшие приучаются стрелять, рубиться саблями, браться копья, скакать через рвы, лазать на стены и исполнять всякую службу, какую прикажет старший. Каждый находится в полном повиновении у своего старшего и должен ему варить кушанье, колоть дрова и выполнять всякое его желание до тех пор, пока нет войны. А кто пойдет со старшими на войну, должен служить тому, за кем он записан: разбивать палатки, ходить за верблюдами, смотреть за вьюками и все делать, какая бы ни случилась необходимость в работе. А когда произойдет битва или приступ, они идут впереди; тут один перед другим старается себя вымазать. Потом тех из молодых людей, кто покажет свою храбрость, принимают в чин старших янычар... Из них потом выходят жестокие злодеи, и из всех турецких солдат они самые безжалостные к христианам. А боевые люди они самые неукротимые, и в них султан турецкий имеет самую надежную для себя охрану.

БОЛГАРИЯ

Выехали мы из Софии... Нигде по дороге не видели мы таких, как гут, опрятных селений и местечек... Видели мы прекрасные плодородные поля и долины болгарские. В этих местах несколько дней кряду ели мы печеный в золе хлеб... Жены и девицы пекут тот хлеб дома и продают, потому что в том краю особых пекарей нет. Как только узнают женщины, что приехали гости, спешат замесить готовую муку на воде без дрожжей, кладут тесто в горячую золу и, как поспеет хлеб, прямо из печи несут горячий продавать его... Стоит упомянуть о наряде деревенских женщин в этом краю. Они ходят в белых сорочках или кофтах из тканого полотна, не очень тонкого, прошитого насквозь разноцветными нитками по кайме около подола и на рукавах... Они надевают высокую шапку, плетенную из соломы и подбитую холстом вроде тех шляп, что у нас в деревнях делают из зеленого тростника... На горло надевают разноцветные стеклянные бусы и в ушах носят серьги, такие длинные, что висят до плеч.

О том народе болгарском рассказывают, что он пришел в здешние места от скифской реки Волги, где прежде жил вместе с другими народами, а оставил прежние свои поселения отчасти добровольно, отчасти теснимый другими племенами. И от той реки зовутся они болгарями, что значит волгари. Они поселились в горах, называемых Тамус, между городами Софией и Филиппополем, в районах, от природы красивых и возделанных. Живя тут, они довольно долго оставались неподвластны греческому императору. В одном сражении разбили они Балдуина, старшего графа Фландрского, который завоевал Константинопольское царство. Однако не смогли одолеть турецкой силы, были побеждены и должны бедственно покориться турецкому игу, которое тяжело несут и доныне. Языка они славянского, так что мы, чехи, можем с ними разговаривать.

НЕВОЛЬНИКИ

Гассан-паша сделал набег на Хорватию, захватил крепость Выгишт и с великим торжеством привел в Стамбул 300 христианских пленников, из которых каждый должен был нести пять или шесть отрубленных и набитых христианских голов... Ехало несколько сотен повозок, а на них – сотни жен, детей, девушек и парней. Жалко было смотреть на них, как матери держали на руках малых детей, грудных еще младенцев. Видели мы тут и старух, которые с воплями и рыданиями несли в руках отсеченные головы своих мужей. А турки, восхищаясь этим торжеством, ликовали с громкими криками... На другой день рано утром десятую часть тех пленных отвели к султану, а остальных отослали на рынок... Горестное зрелище видеть на том торгу, как тут продают и уводят христиан. Один купит мать, другой – детей, иной – малых ребят, иной – девушек, и так все родные разлучаются друг от друга в разные стороны в неволю и уж не увидятся до самой смерти.

На том торгу сидят группами на отдельных местах старики, взрослые мужчины, молодые люди, девушки, старухи, девчата, женщины с грудными младенцами. Кто хочет купить себе невольника, выбирает из них и ведет в особую комнату, сооруженную тут же на торгу; там раздевает донага, осматривает с головы до ног и, если понравится ему, покупает, а если нет, идет прочь и смотрит остальных, так что несчастные люди каждый почти час должны снимать с себя свои лохмотья и раздеваться донага. Пищей им служит кусок хлеба, питьем – вода, да и то в скудном количестве. Кто сам не испытал, тот не поверит, да и нельзя поверить, каковы несчастье и нужда, в которых живут турецкие невольники. Турки обращаются с ними хуже, чем с собакой. Покуда человек работает, он живет; а не может работать, снимут голову. Счастье человеку, если ему доведется быть убитым на войне, но не попасть в столь страшную и бедственную долю, испытывая днем и ночью, весь свой век, нестерпимые мучения.

СУЛТАН В ПОХОДЕ

Мехмед-паша, поднимаясь за час до полуночи с 50 000 человек, шел впереди султана с главным войском за сутки исправлять дороги и разбивать лагерь для султана и первых военачальников. А лагерь каждый день переменился. И всякий раз к приезду султана устраивался новый стан в виде правильной крепости, на

отмеренном четырехугольном месте, с бастионами. Посередине лагеря разбивались огромные зеленые палатки для султана, его придворных чинов, дворян, коней, повозок и прислуги – все в таком множестве, что между ставками можно было заблудиться, точно в большом городе. В ставках устраивались двери из клеенки, а стража повсюду так была расставлена, чтобы к султанской палатке никто не мог подойти без позволения.

Когда Мехмед-паша выступил из лагеря со своим 50-тысячным войском вперед, для первого наряда, то не слышно было ни малейшего крика, шума или трубного звука. Только слегка трубили в небольшую дудку, чтобы дать сигнал к выступлению. Становясь на ночлег, разбивали стан в тишине, без всякого шума, а наутро снимались и вьючили лошадей и верблюдов... За Мехмед-пашою шел султан с главным своим войском; сам он – посередине, окруженный в большом числе обычной своей стражей с янычарами, спахиями, копыеносцами и с первыми пашами. По правую сторону от него ехало всегда 12 000 спахивей с золотыми знаменами на копьях. По левую сторону – такое же число конников с красными знаменами на копьях, все, точно усеянные маковым цветом. Впереди султана шли пешие 12000 янычар, а за султаном и за пашами – все санджаки султанских земель, и все время в походе тут трубили в большие трубы. Затем ехали все дворяне, а напоследок – Чикул-паша с изменниками, то есть с отуреченными из числа христиан, а также с другими турками, а всего их было 15 000. Возле самого султана ехали копыеносцы с луками и стрелами, а придворные служители наводили порядок, надзирая, чтобы все ехали ровными рядами. В пути потешали султана всякими военными потехами, вы-делывая удивительные штуки. Одни скакали в запуски мимо султана, другие метали копыя, иные на всем скаку становились на седло ногами, поворачивались назад, соскакивали с седла, потом опять вскакивали и проделывали множество тому подобных упражнений...

Когда дошли мы до Белграда, тут все войско соединилось в одну громаду до 500 000... Султан не захотел жить в крепости и остался в полевой ставке. Тут к нему явилось несколько тысяч татар. Они занимались тем, что днем и ночью жгли и грабили христианские селения, находившиеся под охраной у турецких властей, и пригоняли в стан свою добычу, целые стада скота и кобылиц... Каждый день татары захватывали множество людей и приводили к султану.

Взаимоотношения Османской империи с Англией во второй половине XVI в.

Документы характеризуют взаимоотношения османской империи с Англией во второй половине XVI в.

Приближенный султана Мурада III Мустафа-Бей – королеве Елизавете (20 марта 1579 г.)

Ваш подданный У. Харборн пришел ко мне и просил меня добиться разрешения для него торговать беспрепятственно во владениях моего господина Султана Мурад Хана. В то время как я вел переговоры с моим господином по этому вопросу, мне на ум пришла идея каким-либо образом способствовать заключению союза между Вами и им, так как, во-первых, вы придерживаетесь самой лучшей из всех христианских религий и, во-вторых, потому, что по этой причине христиане во всем мире завидуют вам и всеми способами стремятся вредить, если могут. А также потому, что в ваших интересах быть в согласии с таким выдающимся правителем, с которым почти все правители и короли стремятся быть в [20] тесном союзе... Поэтому, я думаю, вы не откажетесь заключить союз с нашим господином, который может помочь вам против всех врагов вашей религии. Если вы согласны, я постараюсь способствовать такому союзу.

Капитуляции, или привилегии, пожалованные турецким султаном английским купцам для торговли в Османской империи (1580 г.)

Мы, могущественнейший правитель Мурад Хан, в знак нашей высочайшей дружбы, указываем и объявляем, что недавно Елизавета, королева Англии, Франции и Ирландии, благороднейшая королева христианского мира, чьим купцам мы желаем удачи, прислала письмо через своего достойного слугу Уильяма Харборна в нашу величественную и великолепную Порту, украшенную справедливостью и являющуюся прибежищем для всех, правителей мира. В этом письме Ее Величество заявило, что не так давно несколько ее подданных посетили нашу могущественнейшую Порту и выразили ей свою покорность и пожелали, чтобы им было пожаловано право свободно прибывать в наши владения и уезжать в целях торговли и чтобы было отдано наше высочайшее приказание, чтобы ни один человек не смел вредить или препятствовать им во время их путешествий, морских или сухопутных. И она выразила пожелание, чтобы мы пожаловали всем ее подданным эту нашу милость, которую до этого мы пожаловали только нескольким из ее подданных. Поэтому, так как мы вступили в дружеские отношения и священный союз с выдающимися королями и правителями, нашими союзниками, которые показали свою преданность, повиновение и готовность оказывать услуги нашей

величественной Порте, а именно французский король, венецианцы, король Польши и другие, таким же образом мы заключили нерушимую дружбу и союз с королевой. Поэтому мы даем разрешение всем ее подданным и купцам мирно и благополучно прибывать в наши владения со всеми их товарами, без каких-либо препятствий вести торговлю, пользоваться их обычаями, покупать и продавать в соответствии с правилами их страны.

И далее, Ее Величество сообщило нам, что некоторые из ее подданных были захвачены в плен и находятся в неволе, и она просит, чтобы они были освобождены. Так как мы пожаловали другим правителям, нашим союзникам, привилегии и государственные указы о нашем нерушимом союзе с ними, равным образом, нашему высочеству угодно пожаловать и утвердить такие же привилегии и государственные указы этой королеве... И мы немедленно приказываем всем нашим бейлербеям, нашим слугам, нашим судьям и всем сборщикам таможенных пошлин во всех местах, гаванях и на торговых путях, чтобы до тех пор, пока существует этот союз, он соблюдался на следующих условиях и статьях, о которых просила королева.

1. Нашим высочайшим распоряжением и милостью мы жалуем, чтобы подданные королевы могли благополучно и безопасно прибывать в наши государственные владения с их имуществом, товарами, грузами и другими произведениями морем на больших и малых судах и сушей. И чтобы ни один человек не вредил им при этом. Они имеют право покупать и продавать без препятствий и соблюдать обычаи и правила их собственной страны.

2. Далее, если указанные люди и купцы во время путешествия или торговли каким-либо образом будут захвачены, они должны быть освобождены и отпущены без каких-либо предлогов и придиорок.

3. Далее, если их корабли придут в какой-либо из наших портов и гаваней, они имеют право мирно вести там торговлю и затем покинуть это место без каких-либо задержек и препятствий.

4. Далее, если случится, что какие-либо из их кораблей в плохую погоду окажутся под угрозой гибели и будут нуждаться в нашей помощи, мы приказываем, чтобы наши люди и корабли были готовы помочь и оказать поддержку.

5. Далее, если они захотят купить продукты за их деньги, никто не должен им препятствовать и устраивать из-за этого беспорядки.

6. Далее, если их корабли будут выброшены на берег вследствие кораблекрушения, наши служащие и судьи и другие наши подданные должны оказать им помощь, и товары, которые могут быть спасены, должны быть им возвращены, и никто не должен причинять им ущерб.

7. Далее, если подданные указанной королевы, их переводчики и купцы в целях торговли сухопутным путем или по морю придут в наши владения, уплачивая положенные сборы и пошлины, путь им должен быть открыт и никто из наших капитанов на море и судах и никакие другие лица не должны вредить им лично и их товарам.

8. Далее, если какой-нибудь англичанин окажется в долгу у какого-либо человека и уедет, так что его нельзя будет найти, пусть никакой другой человек не будет арестован или задержан за его долги, кроме поручителя.

9. Далее, если какой-нибудь англичанин сделает завещание, кому он отдаст свое имущество, это лицо, соответственно, должно его получить. Если же кто-нибудь умрет, не оставив завещания, имущество получает тот, на кого укажут консул или правитель компании.

10. Далее, если англичане или купцы и переводчики из каких-либо мест, подвластных Англии, при покупке или продаже товаров каким-либо образом поспорят с кем-нибудь, пусть идут к судье и потребуют, чтобы решение по их делу было записано в книгу, и если они хотят, пусть они также возьмут письма от судьи, подтверждающие это, чтобы люди могли видеть книгу и письма, если что-нибудь случится. Таким образом спорное и сомнительное дело может быть решено; если же решение не было записано в книгу и лица не получили писем от судьи, он не должен верить ложным свидетельствам, но должен вершить суд по справедливости и не допускать, чтобы с кем-либо плохо обращались.

11. Далее, если какой-нибудь человек станет утверждать, что кое-кто из христиан говорил вещи, оскорбляющие нашу священную веру и религию и клеветал на нее, в этом случае, как и во всех других, пусть не обращают внимания на ложные доносы.

12. Далее, если кто-нибудь из них совершит какое-нибудь тяжелое преступление, убежит и его не смогут найти, пусть никто не будет арестован или задержан за вину другого человека, кроме его поручителя.

13. Далее, если выяснится, что какой-нибудь раб – англичанин, и их консул или правитель [компании] будет ходатайствовать о его освобождении, пусть этого раба подвергнут тщательному допросу, и если окажется, что он действительно англичанин, он должен быть освобожден и передан англичанам.

14. Далее, если какой-нибудь англичанин придет для того, чтобы жить или торговать, если он женат или холост, он не должен платить поголовный сбор.

15. Далее, если в Александрии, Дамаске, Самосе, Тунисе, Триполи, в портовых городах Египта или в каких-либо других местах они захотят выбрать себе консулов или правителей, пусть делают это; если они захотят сменить их в любое время и вместо прежних консулов назначить других, пусть делают это также, и ни один человек не должен им препятствовать.

16. Далее, если их переводчик в какое-либо время будет отсутствовать, будучи занят другими делами, пусть вопрос, который: нужно решить, будет отложен до его возвращения, а до того момента ни один человек не должен их беспокоить.

17. Далее, если среди англичан возникнет какой-либо спор или ссора и они обратятся к своим консулам или правителям, пусть, ни один человек не мешает им, но они свободно это делают с тем, чтобы начавшийся спор мог окончиться в соответствии с их собственными обычаями.

18. Далее, если после пожалования этих привилегий какие-нибудь пираты или просто капитаны кораблей, торгующие на море, захватят англичанина и продадут его за море или на этой стороне моря, дело должно быть расследовано по справедливости, и если потерпевший окажется англичанином и перейдет в мусульманскую веру, он должен быть отпущен на свободу; если он останется христианином, он должен быть возвращен англичанам, а покупатели его должны потребовать свои деньги назад от тех, кто продал им человека.

19. Далее, если военные корабли нашего высочества в какое-либо время выйдут в море и обнаружат английские корабли, нагруженные товарами, ни один человек не должен чинить им препятствия, но должен относиться к ним дружески и не делать им вреда, ибо, так как мы пожаловали статьи и привилегии французам, венецианцам и другим королям и правителям – нашим союзникам, точно так же мы дали их англичанам, и против этого нашего божественного закона и привилегий пусть ни один человек не осмеливается что-либо предпринимать.

20. Далее, если какие-либо из их больших или малых кораблей во время путешествия или в каком-либо месте, куда они придут, будут задержаны или арестованы, пусть ни один человек не продолжает арест этот, но помогает и содействует им.

21. Далее, если пираты или разбойники силой захватят какой-либо из их кораблей и товары, пусть этих разбойников разыскивают со всей тщательностью и пусть они будут наказаны очень сурово.

22. Наконец, все бейлербеи, наши капитаны, наши рабы и слуги капитанов, служащих на море, наши судьи, таможенные служащие и капитаны кораблей должны поступать в соответствии с содержанием этой привилегии и статей, и до тех пор, пока королева Англии со своей стороны будет должным образом соблюдать и придерживаться этого союза и священного мира, о котором говорится в этой привилегии, мы также с нашей стороны строго приказываем, чтобы она соблюдалась и выполнялась. Дано в Константинополе, в июне 1580 г.

Патент или привилегии, пожалованные Ее Величеством сэру Эдварду Осборну, Ричарду Стейперу и некоторым другим купцам Лондона для торговли во владениях Великого султана в 1581 г.

Елизавета, божьей милостью королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры и т. д. Всем нашим служащим, подданным и всем другим людям в королевстве Англии, так и повсюду, находящимся под нашей юрисдикцией, всем кто прочтет или увидит этот патент, привет.

Наши подданные Эдвард Осборн, олдермен города Лондона, и Ричард Стейпер, купец этого нашего города, с большим риском, трудностями и издержками в течение последних нескольких лет организовывали экспедиции сухопутные и морские для того, чтобы установить торговый обмен с землями, островами, владениями и территориями Великого султана. Они также благодаря своим средствам и усердию получили от Великого султана право безопасно и свободно торговать в его владениях. Поэтому есть надежда и вероятность, что в результате этого много пользы будет принесено христианскому миру, будут освобождены христиане, которые находятся в рабстве или нужде во владениях Великого султана, его вассалов или подданных. Может быть налажен прибыльный обмен товарами нашего королевства и получены другие выгоды, преумножающие нашу королевскую славу и достоинство и способствующие увеличению доходов короны и общего богатства нашего королевства.

Вследствие этого мы, заботясь о благе нашего народа и о поощрении наших подданных в их больших предприятиях на пользу государства, жалуем нашим подданным Эдварду Осборну, Томасу Смиту, эсквайру из Лондона, Ричарду Стэйперу и Уильяму Гаррарду, купцам из Лондона, их агентам и служащим право в течение 7 лет свободно вести обмен, торговать и привозить товары из владений Великого султана в соответствии с теми правилами, формой, порядками, которые они сообща установят. Всякие законы, статуты, правила, противоречащие этому, считать недействительными, различия в вере – не играющими роли.

Указанные Эдвард и Ричард и их агенты в течение указанного периода имеют право назначать и принимать в партнеры для торговли лиц, рожденных в Англии, числом не более 12.

Указанные Эдвард, Томас, Ричард и Уильям, их слуги, агенты и заместители и все те, кто будут назначены и приняты в компанию, имеют право устраивать собрания для решения дел, связанных с торговлей в любом удобном для них месте королевства в течение 7 лет и устанавливать различные правила для улучшения руководства компанией и для лучшего ведения этой торговли.

Исходя из того, что Эдвард Осборн сыграл ведущую роль в установлении этой торговли, мы этим патентом назначаем Эдварда Осборна правителем компании сроком на 7 лет. Если случится, что Эдвард умрет

в течение этого периода, тогда Ричард Стэйпер будет правителем. Если же случится, что они оба умрут, тогда купцы время от времени в случае необходимости будут выбирать правителя компании.

Если возникнет острая необходимость сместить правителя компании, мы имеем право сместить такого правителя и назначить на его место другого из членов компании. Мы обещаем, что никакие меры в торговле не будут приниматься без согласия Эдварда, пока он является правителем компании, и в дальнейшем – без согласия другого правителя компании, который будет избран на его место, и большинства членов компании.

Никто, кроме Эдварда Осборна, Томаса Смита, Ричарда Стэйпера, Уильяма Гаррарда и других членов компании не имеет права плавать и торговать с владениями Великого султана... Корабли, имущество и товары наших подданных, которые нарушат это запрещение, должны конфисковаться: 1/2 конфискованного поступает в наше распоряжение, другая половина переходит в собственность членов компании. Нарушители подвергаются тюремному заключению и другим наказаниям, которые мы сочтем нужным наложить..

Члены компании в течение 6 последних лет из семи должны ежегодно ввозить и вывозить столько товаров, чтобы ввозные и вывозные пошлины составляли 500 фунтов ежегодно.

Если окажется, что это пожалование стало невыгодным для нас, наших наследников и преемников или для нашего королевства тогда, по истечении одного года после того, как компания будет предупреждена, этот патент будет считаться недействительным.

Предусматривается также, что мы, наши наследники и преемники время от времени в течение 7 лет имеем право назначать в члены компании двух лиц... Они могут вложить в торговлю столько средств, сколько пожелают, но должны вносить все платежи в соответствии с суммой вложенных денег. Подобным же образом они должны соблюдать все другие постановления компании.

Королевское приказание ее слуге Уильяму Харборну быть послом и агентом Ее Высочества в Турции (1582 г.)

Так как султан Мурад Хан, правитель Турции и Восточной Империи, заключил с нами дружественный союз, и так как для подтверждения и упорядочения его этот правитель пожаловал нашим подданным свободу торговли во всех частях его империи с такими же привилегиями, что и другим правителям, и так как мы не хотим ничего, кроме доброго отношения правителя к нам, мы, будучи уверенными в верности, покорности, мудрости и добром нраве и расположении нашего слуги Уильяма Харборна, сквайра, к нам и нашей службе, настоящим документом делаем, назначаем и узакониваем его в качестве посла, помощника и агента. Даем ему полномочия и власть от нашего имени и для нас поддерживать этот союз дружбы, взять в свои руки пожалованные привилегии и взять под свою власть всех подданных, торгующих в тех краях, чтобы до тех пор, пока они торгуют в тех краях, они подчинялись предписанию и порядку, указанному привилегиями, а нарушители этого нашего договора осуждались и наказывались соответственно. Мы даем ему власть над всеми, торгующими в тех краях, право назначать места их торговли, запрещать торговлю в других местах, назначать консулов и правителей, издавать законы и постановления, в соответствии с которыми все наши подданные должны вести себя как в общественных делах, так и в личной жизни; исправлять и наказывать нарушителей этих законов и, наконец, делать все, что будет необходимо для хорошего управления нашими подданными и их торговлей в тех краях. Если агент будет предпринимать какие-либо действия, противные нашим законам, они должны быть представлены нам и утверждены нами.

Письмо английско королевы Елизаветы турецкому султану, рекомендующее Харборна в качестве посла (1582 г.)

Так как в 1580 г. вы вступили в мирный договор с нами и позволили нашим подданным торговать в ваших владениях, мы будем стремиться к тому, чтобы этот союз процветал и был прочным. Поэтому мы сочли необходимым послать вам нашего Уильяма Харборна, который одновременно выразит вам наши добрые чувства и которого мы будем использовать для установления порядка в торговле наших подданных, как в Константинополе, так и в других местах в соответствии с привилегиями, что пойдет на пользу и вашим и нашим подданным. Поэтому мы просим Ваше Высочество всеми возможными средствами помочь нашему послу в выполнении вашей воли, так как в обязанность ему мы вменили следующее: чтобы все подданные ему подчинялись, насколько позволяет ваше пожалование. Если он добьется вашей благосклонности, торговля между нашими странами будет процветать.

Джон Сандерсон из Константинополя – Ричарду Стэйперу в Лондон (4 января 1597 г.)

Посол сейчас очень занят соперничеством с французским послом, который намерен возобновить свои привилегии, в которые он хочет включить пункты, чтобы все нации, кроме Венеции и Англии, приходили под французским флагом. Мы надеемся, что наш посол одержит верх над французским...

Письмо Джироламо Капелло, венецианского посла в Константинополе, отправленное дожу и сенату Венеции (21 августа 1599 г.)

После длительного ожидания подарка английской королевы султану говорят, что корабль¹ с подарком на борту уже прошел Дарданеллы. Он доставит шерстяные ткани и другие первоклассные товары, а также патент, утверждающий английского агента, находящегося здесь, в качестве посла². Он готовит ливреи для многочисленной свиты и дает понять, что собирается жить на широкую ногу. Турки очень обрадованы прибытием корабля, что они рассматривают как подтверждение их союза с Англией, которому они придают большое значение, так как он позволяет им сдерживать короля Испании. Англичане, которые знают свое преимущество, постараются извлечь из этого всю возможную выгоду и получают согласие на все свои требования, особенно если они будут сопровождать их подарками, на которые они очень щедры. Если их торговля шерстяными тканями здесь будет идти успешно, что вполне вероятно, так как они хороши по качеству и внешнему виду, что нравится туркам, венецианской торговле будет нанесен большой удар. Англичане откроют фактории по всей Турецкой империи, как они сделали в Сирии и Александрии, и получают любые привилегии, о которых попросят.

¹ «Гектор».

² Речь идет о Генри Лелло.

Письмо Джироламо Капелло, венецианского посла в Константинополе, отправленное дожу и сенату Венеции (17 июня 1600 г.)

Противоречия и соперничество между французским и английским послами перерастают в ненависть, так как, кроме вопроса о покровительстве, который до сих пор не решен, пламя вспыхнуло из-за постоянного ущерба¹, который англичане причиняют французам в этих водах и повсюду. По этой причине французский посол не только требует компенсации, но делает все возможное, чтобы добиться изгнания англичан из всех портов и гаваней великого султана. В этих переговорах он достиг такого успеха, что склонил на свою сторону Ахмед-пашу и Капудан-пашу... В результате они задумали не только запретить английское судоходство, но также расторгнуть союз с англичанами, так как, по их словам, они заключили его с единственной целью, чтобы королева была в постоянной борьбе с испанской короной. А в настоящее время, когда она готова заключить мир с Испанией, союз с ней не является подходящим и выгодным.

¹ Речь идет о пиратстве.

Капитуляции, пожалованные Елизавете, королеве Англии (1601 г.)

В нашу Порту, прибежище справедливости, милосердия и счастья... прибыл корабль с подарками для нас от королевы, сопровождаемый почтенным джентльменом, ее послом и другими лицами. Этот подарок был нами любезно принят, а сопровождающие доброжелательно встречены. Во времена нашего отца, счастливейшей памяти султана Мурада,... королева подобным же образом направила посла, чтобы выразить свою дружбу и попросить привилегии для своих подданных и нации, чтобы они могли прибывать и торговать в его владениях. Эти государственные привилегии были им пожалованы, и сделаны распоряжения, что они могут прибывать и приезжать по морю или сухим путем, свободно передвигаться и жить без каких-либо препятствий. Сейчас также в соответствии с сердечной дружбой, которая была между нами, королева написала дружественное письмо в нашу Порту, являющуюся прибежищем всякой справедливости, для того, чтобы мы заключили и установили такие же дружественные отношения с ней, какие мы установили с правителями Французским, Венецианским, Польским и другими, которые подобным образом написали свои дружественные письма к нашему могущественному трону, с тем, чтобы все их подданные, купцы и другие лица могли свободно прибывать и торговать в наших владениях. Эту дружбу мы скрепили такими же дружественными и высочайшими капитуляциями и указаниями, какие были пожалованы им нашим светлейшей памяти отцом. Поэтому подобным же образом, по просьбе королевы, чье письмо было зачитано при нашем могущественнейшем троне и чьи заверения в искренней дружбе приняты нами с готовностью, мы жалуем ее подданным такие же полные привилегии и свободы, какие пожалованы вышеуказанным правителям, с возобновлением прежних капитуляций, пожалованных нашим отцом, а также тем, что добавлено нами в этих наших капитуляциях справедливости, и приказываем, чтобы они соблюдались и выполнялись.

В соответствии с просьбой королевы нами пожаловано и приказано следующее:

1. Во-первых, в соответствии с просьбой посла, переданной от имени королевы, решено, что все английские купцы и другие лица, торгующие в моих владениях под флагом королевы Англии, не должны платить пошлину с цехинов и различных других монет, которые они привезут в мои владения. Мои бейлербеи,

наместники и служащие монетного двора не должны преследовать или беспокоить их, утверждая, что они обязаны сначала уплатить гербовый сбор или обменять их на асперы¹, а затем расплачиваться ими.

2. Далее, кроме пороха и других подобных запрещенных товаров, им разрешается грузить все товары, и никто не должен им в этом мешать.

3. Далее, если какой-либо из английских кораблей из-за опасности плавания через Гибралтар или другого препятствия задержится с отправлением в Англию, они имеют право торговать во всех моих владениях, где они пожелают, и никто не должен им запрещать это или вредить.

4. Далее, если у англичан или других лиц, торгующих под английским флагом, возникнут разногласия или тяжба, они должны рассматриваться только в присутствии их консула или должностных лиц. Если дело будет касаться суммы более 4 тыс. асперов, оно не должно слушаться в другом месте, а отсылаться к нашему престолу.

5. Далее, во всех моих владениях ни один английский консул, назначенный для руководства и защиты своей нации, не может быть арестован, привлечен к суду, отстранен от должности, а дом его не может быть опечатан, пока не будут извещены об этом должностные лица султана и английский посол, с тем, чтобы консул мог ответить на все обвинения, выдвигаемые против него.

6. Далее, если англичанин или кто-либо другой под их флагом, имеющий товары или денежные средства, умрет в моих владениях, мои должностные лица не должны претендовать на них, утверждая, что это товары умершего или отсутствующего.

7. Далее, все привилегии, которые здесь даны или будут пожалованы в дальнейшем английской нации или другим, торгующим под их флагом, которые служат их выгоде и благу, имеют силу капитуляций и не должны им противоречить. Наши должностные лица и судебные исполнители не должны требовать с них налог – десятину.

8. Далее, английские консулы, согласно обычаю, могут нанимать слуг и янычар по своему усмотрению. Эти слуги и янычары не должны, однако, вмешиваться в дела консулов.

9. Каждый англичанин, где бы он ни жил, может покупать виноград и делать вино в своем доме для себя и своей семьи, и никто не должен препятствовать или мешать ему.

10. Далее, никто из моих рабов, янычар и должностных лиц не должны ничего требовать у англичан силой, не вредить и не причинять им беспокойства.

11. Далее, в Алеппо, Искандероне и других местах в моих владениях англичане и все другие под их флагом должны платить пошлину лишь один раз, сверх этого у них не должны требовать ни аспера. С них не должны взимать также налог в пользу таможенных служащих.

12. Далее, поскольку послы королевы Англии и короля Франции, находящиеся в моей счастливой Порте, ведут длительный спор относительно покровительства голландским купцам, торгующим в моих владениях..., этот вопрос был передан на рассмотрение и решение великому, достойному и наиболее опытному в мире моему слуге Синан-паше, который является в настоящее время моим великим везиром и великим адмиралом. Он провозгласил, что голландцы должны быть переданы и пожалованы королеве Англии. Поэтому, в соответствии с решением вышеназванного адмирала и других моих знатных приближенных, приказываем, чтобы все купцы Фландрии, Голландии, Зеландии, Фрисландии и Гельдерна торговали и приходили под флагом королевы Англии так же свободно, как сами английские купцы, уплачивая консулаж и другие сборы как со своих товаров, так и с товаров других, погруженных на их корабли, послу королевы Англии. Впредь французский посол не должен этому препятствовать, так как это мое распоряжение, которое должно тщательно выполняться в соответствии с моими капитуляциями. Отныне и навсегда указанные голландцы должны приходиться под английским флагом и подобно английским купцам уплачивать обычный консулаж английским консулам. Французский посол, французские консулы и другие лица... не должны вредить и причинять беспокойство голландцам.

13. Далее, чтобы не отдавались распоряжения, которые могут нарушить или отменить эти мои статьи... без консультации с послом королевы Англии, который находится в моей счастливой Порте, с тем, чтобы он мог ответить на все претензии и заявления.

14. Далее, что английские купцы в Алеппо, Каире и других моих владениях, торгующие в соответствии с установленным порядком, должны уплачивать за все товары только 3% пошлины...

15. Если за товары, которые грузятся на их корабли, заплачена пошлина в одном порту, но они не проданы и отправлены в другой порт... с них не должна взиматься пошлина во второй раз.

16. Все английские корабли, нагружающие и разгружающие в моих владениях товары, за которые уплачивается пошлина, уплачивают консулаж английским консулам.

17. Далее, наконец, английские купцы и другие представители их нации все товары, которые они привозят или покупают в моей стране, которые не являются запрещенными, могут продавать и вывозить как по морю, так и по суше, и по реке Дон в Азов, в Московию, в Россию и во все места в моих владениях. Они могут также торговать, получать и продавать в Персию, которую мы завоевали нашим мечом, транспортировать и перевозить, и никто не должен вредить им или беспокоить их. И за все товары, которые они будут ввозить или вывозить из Персии, уплачивать пошлину установленных размеров и не более.

И если корабли, которые идут в Константинополь, будут неблагоприятными ветрами отнесены в другие порты и если они не захотят продавать там их товары, пусть никто не заставляет их разгружаться или брать какие-либо товары, и не беспокоит их и не вредит их кораблям и людям. Если они будут испытывать трудности или попадут в опасное место, их правители должны назначить людей охранять и оберегать их корабли и товары с тем, чтобы им не был причинен ущерб, и они должны позволить им покупать все продукты, которые потребуются, за деньги. И если они наймут повозки или суда, чтобы перегрузить свои товары, ни один человек не должен препятствовать или мешать им. И за товары, которые будут привезены из тех мест в Константинополь, они не должны платить пошлину, пока они не сгрузят эти товары или не продадут их. Прибыв из тех краев и завершив свои дела, они могут отправляться дальше спокойно и без препятствий.

¹ Аспер = 1/2 пенса.

Взаимоотношения Османской империи с Россией в начале XVII в.

Грамота султана Мурада IV, отправленная в ответ на московское посольство 1628-1629 гг.

Мирные по своему характеру сношения России с Турцией начались почти непосредственно вслед за завоеванием Константинополя турками-османами. Уже в царствование султана Баязида II (1481-1512 гг.), сына и преемника Магомета II Завоевателя, явились русские послы в Константинополь (стольник Михаил Плещеев и Константин Авксентьев) и возвратились в Москву в сопровождении турецкого посла. Посольства эти за редкими исключениями (во время Смутного времени) чередовались почти непрерывно в течение двухсот лет. Уже в те времена оба государства, объявленные католической Европой как варварские, под влиянием политических событий, нередко помимо обычных торговых целей, в своих переговорах обменивались мыслями о взаимном союзе против общих врагов. Но особенно ясный и положительный характер с русской стороны приняли эти посольства в царствование Михаила Феодоровича, когда Россия, после тяжелого смутного времени, обрел вновь единство, задумала нанести решительный удар своему главному врагу в то время – Польше. Отсюда – все усиления московской политики направились к ослаблению Польши, в том числе, используя союз России с Османской империей.

Кроме того, была еще и другая причина к взаимному обмену посольствами: стремление прекратить постоянные набеги донских казаков и крымских татар на пограничные области. И если русские жаловались на крымских татар, то турки жаловались на донских казаков. Начиная с XVII столетия, казаки сделали грозой для Турецкой империи. На своих легких чайках («шайках») они выходили «погулять» в Черное море, грабили побережья Европейское и Азиатское и нередко отваживались захватывать и жечь даже целые города и крепости (Ахтиополь, Синоп и др.), а в 1624 г. прорвались даже в Босфор и сожгли пригородные селения: Буюкдере, Еникей, Стению и др., чем, по свидетельству турецких летописцев, навели панику на Стамбул.

Представлен турецкий текст грамоты султана Мурада IV, отправленной в ответ на московское посольство 1628-1629 гг., явившееся к нему с предложением оборонительного и наступательного союза против Польши.

До нашего счастливого порога и Высокой Двери, к которым стремятся все государи мира, дошло любвеобильное писание ваше чрез посредство послов ваших...¹, именитых сановников среди христиан, мужей вам преданных и доверенных. В послании сем значилось, что со времен дедов и предшественников ваших основания дружбы и союза стояли по сие время непоколебимо, благодаря вашей любви и преданности к нашей высокой державе, что вы изо дня в день употребляете все усилия к продлению любви и дружбы и к усиленно искренности и единения; но что, во время царствования великого дяди нашего султана Мустафы-хана, ныне отрекшегося от престола и удалившегося, посланные вами к Высокой Двери, для возобновления дружбы и преданности и укрепления основ договоров, послы, вместе со всеми их людьми, по прибытии в Крым, были дерзновенно убиты изменником и бунтовщиком кальгай² Шахин-Гиреем и все их имущество и припасы были разграблены, что вследствие того сообщение чрез те страны сделалось затруднительным и в посылки послов и людей вышло замедление; что, имея в виду выступить в поход против соседей ваших, постоянно на вас злоумышляющих, вы весьма желали бы получить с нашей стороны помощь и содействие, дабы враги оные подверглись должному наказанию с двух сторон, и что, как вы с своей стороны обязуетесь крепко держать Донских казаков, так желательно для вас предписание и внушение с нашей стороны крымцам не делать набегов на Московскую землю. Все, что вы словесно поручили означенным вашим послам и ранее того посланному нами греку Фоме³ касательно дружбы и любви, установившейся еще со времен отцов и дедов ваших, и касательно предполагаемая похода на пограничных соседей ваших, все это подробно было доложено к подножию нашего высокого трона нашими визирями и сановниками, и наш светлый ум постиг все это как в общем, так и в частности.

Так как вы, ссылаясь на дружбу с нашими великими дедами, обратились к нашему порогу, убежищу мира, заявили, что вы друзья друзей наших и враги врагов наших и обязались крепко держать Донских казаков, то мы, следуя обычаю покровительства и благоразумным правилам, унаследованными нами от наших великих дедов и славных отцов, приняли вас в нашу дружбу.

Доколе вы будете относиться к нам чистосердечно, будет вам оказываема помощь и защита соответственно нашему милостивому вниманию в деле поддержания установившихся между нами и вами договоров дружбы, союза и покровительства, и согласно с ревностью нашей в деле соблюдения чести и достоинства государства.

Мы не дозволяем, чтобы делались (крымцами) набеги на вашу землю, и потому отправляем ныне высочайшую грамоту нашу к Джанибек Гирей-хану, поставленному нами ханом и повелителем Крыма и всех татар (да продлятся его высокие качества!), с строгим наказом вести с вами дружбу, как и с прочими друзьями нашими, и отнюдь не вторгаться в вашу страну и не нападать ни на крепости ваши, ни на ваших подданных.

Кроме того, признавая благоразумным в деле нападения на известное племя действовать с усердием с двух сторон, мы, для надлежащего наказания и с помощью Божией уничтожения бунтовщиков и разбойников на Днепре, послали в сем счастливом году визиря нашего Хусейн-пашу (да продлит Господь славу его!) в качестве сераскера (главнокомандующего) с войсками Эрдильского вилаята и с санджак-беями, заимами и тимариотами пятнадцати санджаков⁴ (уездов), а со стороны моря мы выслали к Днепру... чекдирме из императорского флота с войсками и... чаек с воинами Боснийского вилаята. К вам же посылается вновь грек Фома с нашим писанием для извещения, что весьма важно будет, если вы предварительно двинетесь той стороною, как вы писали в послании вашем. По прибытии к вам нашего посла желательно, чтобы вы, подобно вашим предкам и предшественникам и согласно с вашей преданностью и приверженностью к нашему счастливому порогу, крепко утвердили основания дружбы: быть другом друзей наших и врагом врагов наших, придержали крепко, согласно вашему обещанию, подвластных вам Донских казаков и постарались бы соблюсти неукоснительно правила доброго соседства.

О движении вашем против соседей ляхов известите вышеназванного нашего полководца и донесите спешно нашему счастливому порогу, каким именно образом нужно будет помочь вам, дабы поддержка могла быть действительной и дабы своевременно с обеих сторон было проявлено надлежащее усердие в поражении и уничтожении означенных ваших врагов.

Итак старайтесь всегда совершать поступки и дела, свидетельствующая о вашей чистосердечной преданности, дабы установившиеся между нами и вами основания дружбы и мира росли и крепились с каждым днем и дабы не представилось даже возможности пошатнуться им.

Присланные вами дары удостоились милостивого взгляда нашего и были приняты. Оба ваши посла прибыли в нашу славную столицу в зимнюю пору, и потому им пришлось задержаться и пробывать известное время при нашей Высокой Двери. Согласно нашим древним царским положениям и обычаям они были осчастливлены нашими высокими милостями, получили почетные халаты и затем с нашего разрешения отправились в обратный путь к вам.

Ответа наш на дела и статьи, порученные вами послам для словесной нам передачи, сообщат вам изустно эти самые послы и отправленный нами вместе с ними грек Фома; известившись от них о содержании оногo, действуйте согласно ему и, буде то необходимо, не оставьте нас уведомить.

За сим привить всем тем, кто следует истинному руководству⁵.

¹ Имена пропущены в тексте. Очевидно, то были дворянин Семен Яковлев и дьяк Евдокимов, посланные в Константинополь в 1628-1629 гг.

² «Кальгай» или «кальга» титул объявленного преемника крымских ханов, и носился лицом еще при жизни правящего хана.

³ «Грек Фома» – известный Фома Кантакузен, ездивший несколько раз послом султана в Москву и убитый донскими казаками во время похода их на Азов в 1642 г.

⁴ Т.е. иррегулярные войска, которые разные землевладельцы (санджак-беи, займы и тимариоты) обязаны были поставлять в армии в военное время.

⁵ Обычная заключительная формула писем мусульман к иноверцам содержащая, по понятиям мусульман, высокую вежливость: пожелание им сделаться мусульманами.

2.7. ИРАН

Переписка между шахом Исмаилом I и королем Карлом V

Письмо шаха Исмаила I королю Карлу V (1525 г.)

Шах Исмаил Сефевид, или Исмаил I (17 июля 1487 г. – 23 мая 1524 г.), известный также как Шах Исмаил Хатаи – шахиншах Азербайджана и Персии, полководец и поэт, основатель династии Сефевидов. При Исмаиле I территория государства Сефевидов достигла наибольших размеров.

Карлу, сыну Филиппа.

Слава аллаху на небе и привет всем сущим на земле.

Если по божьей воле это письмо достигнет Вас, то Вы узнаете, что некий Петр прибыл к нам с письмом от короля Венгрии и прочли мы письмо этого государя с удовольствием. Теперь же мы отправляем с вышеупомянутым Петром настоящее письмо и надеемся, что получение его вызовет Ваше удовлетворение. Я

очень надеюсь, что Вы внимательно отнесетесь к моим просьбам. Мы должны в месяце апреле (в начале весны) одновременно с двух сторон напасть на нашего общего врага – османского султана. Мы должны начать войну с апреля месяца и продолжать ее до тех пор, пока победа не будет делом нашим. К нам прибыл также через Тебриз посол короля Сузитани (?) и через него мы отправили тому королю письмо, но не получили до сих пор ответа. Как слышал я от подданных османских, христианские государи находятся в войне и вражде друг с другом. Это вызывает удивление, так как при виде распри между ними враги станут еще более дерзкими.

Исходя из этого, я направил письмо королю Венгрии, призывая его воздержаться от вражды с европейскими государями. Я знаю, что он собрал войско с целью повоевать с Его величеством¹ и отправкой ко мне посла с письмом желает сделать меня соучастником в этом деле. Однако, я постоянно отказывал в его просьбе, потому что, как Вы говорите, желаю быть Вам другом в счастье и беде, и тот, кто оставит своего союзника и предаст его, заслужит кары всемогущего бога. Поэтому Вам необходимо скорее приступить к подготовке войска, и я думаю, что нет нужды еще раз писать, чтобы побудить Вас к этому. Расстояние большое и пересылка писем представляет трудности, особенно в связи с тем, что османский султан господствует на морях, а отправка другого посла, кроме настоящего, не представляется возможной.

Конечно, не доверяйте османскому султану. Султан – человек, который не придает значения союзу, клятвам о верности и не пренебрежет ничем, чтобы уничтожить Вас.

Этот старый враг столь вероломен, что отнюдь не будет искренне говорить с великим шахиншахом, царствующим на территории Германии. Слава аллаху, владыке миров. Аминь. Аминь. Написано в шаввале 924 г. х. Искренне преданный и любящий Вас шах Исмаил Сефевид, сын шейха Хейдара.

Письмо короля Карла V шаху Исмаилу I (1525 г.)

Высокому царевичу и могущественному властелину, Исмаилу Суфи, Шахиншаху Ирана, брату, и лучшему другу нашему.

Карл, высокий царевич, который по милости божьей является императором Рима и католического мира, государем Германии и Испании, областей Сицилии и Наварры, Гренады, Балеарских и счастливых островов (?), Индии, новооткрытой золотой страны, повелителем отдаленных земель Африки, княжеств Германии и Франции и т. д.

Благочестивому и счастливому шаху Исмаилу Сефевид, падишаху Ирана, брату и лучшему другу нашему. Молим всемогущего бога, который является триединым, молим счастья и успехов. О, высокий государь и любимый брат! В прошлом году некий по имени Петр из маронитских священников ливанских гор принес нам письмо Вашего величества, в котором убежище пышности и величия² предлагает нам быть готовыми, начиная с прошлого апреля вместе начать войну с нашим общим врагом – султаном османских турок. К несчастью, письмо не было ещё получено нами в то время, которое было назначено Вашим величеством, чтобы спокойно принять необходимые решения по этому поводу. Вызвало наше удивление то, что на упомянутом письме не имелось ни печати, ни подписи, как это принято в переписке государей. На самом деле, что скрывать от вас, некоторое время мы сомневались, можно ли довериться этому письму и его подателю. Но ради Вашего величества и тех пожеланий, которые существовали, мы приняли письмо и его доставителя с особой радостью. И если произошла задержка в ответе, то это потому, что каждый день мы ждали, не будет ли других известий и выяснится, как нам поступить в таком важном деле, где речь идет о принятии мер. В течение истекшего времени не было известий о Вас, кроме того, что мы узнали, что ваше величество поразил удар и Вы составили завещание. Но, надеясь на то, что эти известия не оправдаются, мы пока пребываем в чрезвычайном беспокойстве, так как собирание и движение подобного войска представляет трудности. С другой стороны, мы также были подвержены тяжелой болезни. В довершение всего, государь Франции³ начал с нами войну и в войне этой он потерпел ряд поражений и, наконец, после того, как почти все его войско полегло на поле битвы, он сам живым попал в руки наших войсковых предводителей. Теперь, когда по милости божьей нам досталась победа и так как мы всегда желали мира и всеобщего спокойствия на христианской земле, считаем, что нашим неотложным делом является то, чтобы мы по обоюдному желанию и воле нашей двинули свои войска против турок. С этой целью я и отправляю обратно к Его величеству известного вам гонца⁴, чтобы он довел до Вашего сведения наше решение воевать. Вы мнение свое должны довести до нас, послав человека, полностью заслуживающего Ваше доверие. В этом деле поспешность была бы полезной. Потому что, мы совершенно готовы со своим и союзным войском Вашего величества начать военные действия с врагом, который, в самом деле, бесстыден и нагл. Да сохранит всевышний Его величество в добром здравии и да разрешит все волнующие его дела. Написано 25 августа 1525 г, Иисус спаситель наш. В нашем городе Толедо.

¹ Т.е. Карл V.

² Т.е. Исмаил.

³ Франциск I.

⁴ Т.е. брата Петра.

Переписка между Сефевидами и Великими Моголами

Документы характеризуют взаимоотношения между Сефевидами и Великими Моголами в XVI-XVII вв.

Копия письма, написанного Хумайун-падишахом шаху Тахмасибу

Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

После приветствий, молитв и изъявлений преданности, которые являются обязательными в отношениях искренних друзей, сообщаю, что я считаю себя пылинкой перед солнцем величия и могущественности Его Величества – тени Бога, который является обладателем совершеннейших качеств.

Мое сердце, наполненное искренностью и любовью [к Вам], постоянно тянулось к доставляющему радость порогу Его Величества, от которого исходят счастье и успехи. Но из-за подлости времени и вероломности коловращения небосвода мне пришлось покинуть обширные владения великого Хиндустана и прибыть в тесный Синд.

Бейт: С нами случилось все, что могло случиться – и в горах, и в степи, и на море!

Сейчас, в результате больших усилий, на горизонте видны крылья птицы счастья и удачи. Надеюсь, что после возвращения власти, которая является источником многих успехов, я смогу изложить Его Величеству все пережитое мною. Если будет угодно Аллаху!

Копия письма, написанного Хумайун-падишахом шаху Тахмасибу

Вечное бытие и постоянное правление принадлежит не нам – лишь Всевышнему принадлежит вечное бытие и непрерывное правление!

Моя чистая душа, которая является зеркалом божественных тайн и несомненных предначертаний, выражая искренние чувства дружбы и преданности, сообщает, что в день сотворения в существо этого любящего [раба Божьего] вложена беспредельная любовь к священному роду Пророка [Мухаммеда] и невинным Имамам. И по велению величественного Господа – Вершителя судеб этот ничтожный [раб Божий] по мере своих сил и возможностей проявлял усилие и усердие по выполнению всех предписаний¹ и осуществлению догм шариата главы посланников². И в этом деле не осталось никакой заботы и тревоги в сердце этого от души любящего и вечного друга [Пророка и его рода] – все желания, которые появлялись [у меня], нашли свое осуществление благодаря милости и щедрости того ни в чем не нуждающегося господина³, за исключением того, что мне не довелось иметь счастье обойти вокруг могил святых Имамов, особенно Мешхеда⁴ Резы – султана ангелов и людей, то есть покровителя обездоленных Абульхасана Али ибн Муса ар-Реза, – тысячи ему приветствий и восхвалений!

Стих: Тот, пыль с ног которого служит тутией для наших глаз,

Тот, который является нашим Имамом и предводителем в обоих мирах!

Всегда, день и ночь, я непрерывно молился Повелителю миров, чтобы он способствовал достижению такого счастья. И вот появились плоды этих молитв – благоухающий ветерок милосердия донесся до жителей дома скорби и разлуки, и ангел-вестник постучался в дверь с благой вестью и сообщил о возможности посещения гробницы Его Величества Имама [Резы].

Бейт: Твоя [настоящая] обитель – это небеса,

И стыдно тебе прийти и обосноваться в мире праха!

Как только эти слова донеслись до ушей [моего] разума, [я] очистил свое сердце от земных привязанностей, украсил свое внутреннее зеркало предельной искренностью, преданностью и праведностью и отправился (в путь). Но, несмотря на это, я ждал разрешения Его Величества [Тахмасиба] на то, чтобы совершить паломничество в священный город Имама [Резы]. И, наконец, этот находящийся в ожидании преданный любящий удостоился чести получить высокочтимое письмо, что послужило источником бесконечной радости. И высказав эти слова:

Бейт: Твое приветствие служит успокоением для души,

Твои слова служат ключом для сокровищницы удач!

С караваном надежды отправился в сторону Каабы желаний [далее приводится аят из Корана].

Ответ шаха Тахмасиба Хумайун-падишаху

Бейт: Прилетел удачливый с венцом великодушия на голове,

А на его крыльях было письмо счастья и удачливости!

Письмо, вышедшее из-под пера не имеющего себе равных, избранника Всевышнего, любящего Мухаммеда, Али и их святого рода, слова которого были подобны жемчужинам, дошло в самый счастливый час, и прочтение этого славного и драгоценного письма породило [в моей душе] искры любви, и поскольку в

этом письме, являющемся пределом красноречия, были выражены забота и любезность того высокопоставленного правителя⁵ в отношении этой стороны⁶, попугай речи начал петь эти слова:

Бейт: Если ты соизволишь прийти к нам,
То птица-Феникс окажется в нашем силке!

И поскольку из содержания этого высочайшего письма [Хумайуна] выяснилось, что источником Вашего внимания и великодушия для начала этого дела⁷ является только путь любви и покорности к указывающему правителю дорогу роду Пророка, [и] нет сомнения, что в результате этой веры⁸, о правильности которой свидетельствуют слова Всевышнего [цитируется Коран], удастся добиться таких побед, что все люди мира будут воспевать их такими словами:

Стих: Мир подчиняется нашему желанию, небеса подвластны нам, ангелы служат нам,
Наша надежда обновилась, государство усилилось, судьба помолодела.
Слева от нас – победы, справа – возвышения,
Небосвод держит наше стремя, а бразды мира находятся в наших руках

И вести о [наших] победах и поражениях врагов в результате [Вашей] помощи и содействия дойдут до небес, и сад любви к роду Пророка расцветет еще пышнее. Надеюсь, что после [нашей] полезной встречи будет столько удач и побед, что о них узнают во всех уголках Хиндустана, Туркестана, Ирана и Турана, и их будут вспоминать веками. С помощью Его Величества [Хумайуна] [я] сровню с землей завистников и сеятелей раздора в Индии, огненным мечом разгромлю ту группу негодяев⁹, превращу тьму неверия того края в свет истинной веры, и все люди земли будут наблюдать за победами и успехами нашего освещающего весь мир меча. Иншааллах!

Копия письма шаха Тахмасиба, обитателя рая, написанного Адиль шаху

Наилучшие приветствия и моления, с которыми соловьи любви и дружбы приступают к песнопению, приносятся в дар величественному и могущественному двору главы великих султанов и счастливых правителей, приводящему дела мира в порядок и обеспечивающему людям спокойствие и безопасность, удачливому, справедливому и щедрому повелителю, устраняющему признаки неверия и насаждающему правила правоверности, подтверждающему тем самым смысл изречения: «Справедливый правитель – тень Аллаха!» – Адиль шаху – да продлится до вечности его величие и правление! Мы постоянно следим за тем, как этот высокопоставленный султан с каждым днем поднимает еще выше знамя истинной веры (Имеется в виду шиизм) и с помощью своего закаленного меча стирает с лица земли пыль неверия, добываясь при этом успехов и побед, блестящих, как солнце, и сияние их доходит до каждого уголка земли [приводится аят из Корана].

Далее доводится до сведения Его Величества, что высококравственный господин, глава великих сейидов, избранный стран ислама, указывающий правильный путь людям и пользующийся доверием султанов, благородный и счастливый Мустафа хан постоянно питал благосклонность и проявлял преданность нашему высокому роду, да и его предки находились в числе приближенных нашей династии. И за все это время, пока он находится в тех краях, он постоянно выражает свою привязанность, преданность и веру [нам] посредством писем и посланий. И мы неоднократно [в своих письмах] выражали свое уважение, любезность и милость к нему и поощряли его к тому, чтобы он пожаловал к нам. И вышеупомянутый хан решил направиться к нам и испытать счастье от этой встречи. Но поскольку он знает о моей дружбе и единстве с Его Величеством, ему пришлось добиться разрешения Его Величества и осуществить эту поездку под его покровительством, чтобы это способствовало усилению дружбы и укреплению наших связей.

И после того, как это обстоятельство стало известно моей чистой душе, я неоднократно в своих письмах просил [Вас] позволить вышеупомянутому хану отправиться в путь. И Его Величество обещал, что отправит вышеупомянутого почтенного сейида, но уже прошло немало времени и нет известий об отправлении вышеупомянутого хана.

Мы, поскольку полностью верим в искренность Его Величества, считаем, что причиной этой задержки не может быть препятствие [со стороны] Его Величества. Наверное, препятствием послужило то, что высокопоставленный султан [Адиль шах] в течение этих двух лет был занят в сражениях с неверными европейцами – да проклянет их Аллах! – и поэтому корабль желания не достиг берегов цели.

Слава Аллаху, что уже подул ветер победы и раскрылся бутон удачи, и не осталось никаких препятствий. Надеюсь, что, выполнив свое обещание, он [Адиль шах] отправит к нам вышеупомянутого хана со всеми почестями и уважением и не будет более задерживать его. Во всяком случае, это будет способствовать усилению нашей дружбы и укреплению единства. И мы, безусловно, отблагодарим за отправку вышеупомянутого хана, выполнив требование всеблагого [Аллаха]: «На добро отвечайте добром!»

Изложение остальных вопросов поручается Ага Мелику Мухаммеду – посланнику вышеупомянутого хана. Поэтому нет необходимости растягивать письмо.

Да защитит Всевышний Его Величество от превратностей судьбы и подстрекательств времени! Да расцветет сад его счастья и удачливости еще пышнее милостью Всемилостивого!

Копия письма шаха Тахмасиба, обитателя рая, написанного Адиль шаху

Многочисленные моления, свидетельствующие о [нашей] искренней любви и выраженные в самых красноречивых словах, и бесчисленные приветствия, проявляющие [нашу] преданность и облаченные в самые благозвучные обороты [приводится аят из Корана], приносятся в дар высочайшему собранию и славному двору Его Величества, обладающего величием, могущественностью и храбростью, величайшего из султанов эпохи, возвышающего знамя праведности и правосудия, покровительствующего подданным и оказывающего им милость своей щедростью, защитника основ ислама и вырывающего корни неверия и язычества, основателя мощного государства, прославленного своей справедливостью и подтверждающего тем самым изречение – «Справедливый султан – тень Бога» – Адиль шаха – да продлится до вечности его правление милостью Всевышнего!

Мы всегда стремимся к укреплению искренних связей и дружеских отношений с Его Величеством и уделяем этому огромное внимание с тем, чтобы до конца жизни поддерживать дух доверия и взаимопонимания в наших отношениях, чтобы вести о нашем единстве дошли до ушей разума всех людей. И все наши сердечные пожелания сосредоточены на том, чтобы корабль желаний того высокопоставленного султана [Адиль шаха] плавал в океане устремлений так, чтобы ему не угрожали встречные ветры, и куда бы он ни направлялся, достиг берегов цели, без испытания приливами и отливами. И [моя] душа, постоянно питающая искренние чувства [к Вам], хочет того, чтобы всегда возвышалось его высокое положение и достигло пределов совершенства, чтобы неудачи и трудности обошли его стороной, чтобы нашли свое осуществление все высокие помыслы того справедливого султана [приводится аят из Корана].

Далее разум, украшающий мир, и душа, освещающая землю, свидетельствуют, что искренние отношения того величественного султана [Адиль шаха] с этим доброжелателем [Тахмасибом] известны всем и не нуждаются в изъявлении, и они построены на таком прочном фундаменте, что буря превратностей судьбы и происки времени не способны ослабить их.

Мисра: Это не тот фундамент, в котором можно пробить брешь.

И посредником этого великого дела является глава великих сейидов, высоконравственный господин, пользующийся доверием великих султанов, многоуважаемый, благочестивый, благородный и счастливый Мустафа хан. И вышеупомянутый [Мустафа хан] прежде, чем покинуть пределы нашего государства и отправиться туда, два-три раза был принят нами, и ему были оказаны наивысшие шахские милости и почести благодаря [его] традиционной благосклонности и преданности нашему вечному государству. И вышеупомянутый направился к покровительствующему миру двору [Адиль шаха] с полной надеждой на то, что как только он удостоится чести целовать его порог, он будет возвеличен беспредельными милостями и почестями так, что это станет объектом зависти всех людей, ибо он полностью находится в курсе дружеских связей этого благожелателя [Тахмасиба] с Его Величеством. И поэтому он рассчитывал на благожелательность Его Величества и надеялся, что, получив некоторые необходимые [предметы] для дороги, снова отправится к нам, чтобы способствовать еще большему усилению единства двух сторон.

И я отправил письмо и довел до сведения Его Величества, чтобы он отпустил вышеупомянутого [Мустафу хана]. И Его Величество в своем славном ответном письме писал, что поскольку завоевание области Би-ханегар стало возможным благодаря усилиям того праведного и мудрого хана [Мустафы хана], отправка вышеупомянутого откладывается еще на один год, чтобы с помощью закаленного меча полностью уничтожить несчастных неверных в этой стране. И после этого вышеупомянутый получит разрешение и обретет возможность свидания с тем двором, покровительствующим миру.

Однако прошло немало времени с того обещания, и до сих пор нет известий об отправке вышеупомянутого хана к нам. Надеемся, что Его величество, согласно аяту [цитируется Коран], выполнит свое обещание и немедленно отправит вышеупомянутого хана к нам. И это станет еще одним подтверждением наших добрых отношений перед миром и мирянами. Если Его Величество отправит вышеупомянутого хана со всеми почестями, то это [цитируется Коран] поможет установлению таких прочных и добрых отношений дружбы и единства, о которых предшествующие и последующие султаны не могли бы даже мечтать.

Копия письма, написанного покойным правителем шахом Исмаилом II Мухаммеду Хакиму мирзе, брату шаха Индии Джалал ад-дина Акбар шаха

Высокопоставленный и высокочтимый, обладатель величия и благородства, украшение престола и государства Мухаммед Хаким Мирза, чье изложение и изъявление приносит безмерную радость сердцам преданных друзей и облагораживает душу искренних доброжелателей, прислал [нам] послание, подобное благоухающему ветерку. Наше сердце, наполненное чувствами давней дружбы и любезности, постоянно желает усиления [его] могущества и возвышения [его] положения.

Далее разум, украшающий мир, отмечает, что в эти счастливые времена, когда благодаря божественной милости и чистоте помыслов наш высокий престол добился значительного превосходства и безграничных возможностей, все наши мысли и поступки направлены на наведение порядка и достижение благородных

целей. Мы возвысили знамя справедливости, дабы дела всех людей – и простых и знатных – находились в порядке, чтобы все люди жили в спокойствии и благоденствии, памятуя изречение «Справедливый правитель – тень Бога», и чтобы все желающие могли беспрепятственно совершать паломничество в Каабу и достичь этой высокой цели.

Когда могучий падишах Захирад-дин Мухаммед Бабур, твой высокопоставленный дед, обратился за помощью к моему благородному деду шаху Исмаилу [I] – да поместит Аллах его душу в райских садах! – который в своем величии не уступал Феридуна, Джамшиду, Искендеру и Сулейману¹⁰, он проявил огромное великодушие, и в результате оказанной им помощи и поддержки его победоносной армии тот господин [Бабур] осуществил свои намерения и добился своих целей. И после этого твой почтенный отец Муизз ад-дин Хумайун-падишах также обратился к высокому двору моего покойного отца [шаха Тахмасиба I] – да освятит Аллах его могилу! – и, пользуясь его поддержкой и помощью, победил своих врагов и вернул обратно хранимые Богом владения.

И сейчас, как будто в подтверждение известного всем хадиса [приводится текст хадиса на арабском языке], одна из счастливых звезд того созвездия, то есть высокого рода¹¹, пожалует к нам. Первым, кто удостоился чести находиться на собраниях нашего дворца – покровителя всех людей, стал Феридун Мухаммед хан, который после паломничества в Хиджаз пожаловал к нам и был встречен со всеми почестями. Он же сообщил, что третьим [членом династии Великих Моголов, посетившим Иран] будет украшение шахского престола [Мухаммед Хаким мирза]. Если будет угодно Аллаху, то в скором времени [Мухаммед Хаким] своим посещением окажет честь этой [нашей] стране, что будет способствовать усилению взаимной доброжелательности и укреплению дружбы, и, побывав в святых местах, добьется своей высокой цели (Мухаммед Хаким мирза собирался посетить Мекку, а по пути побывать в Иране).

Желательно, чтобы до достижения той высокой цели [он] поддерживал постоянную связь через письма и послания, сообщал об общем и личном положении.

Поскольку наши искренность и единство совершенно явны, то нет нужды растягивать изложение. Да продлится Ваше правление и счастье!

Письмо шаха Аббаса I Джалал ад-дину Акбар шаху, доставленное Ядгар султаном Румлу

(...): Тот, кто неизменчив – это Ты! Тот, кто бессмертен – это Ты! Мы все временны, вечность принадлежит Тебе, Высшие и священные владения принадлежат Тебе! Глаза [человеческого] разума лишены способности созерцать Его красоту, познать Его совершеннейшие атрибуты. [Приводится аят из Корана.]

Стих: Слово, у которого длинные руки,

Оказалось бессильным перед Его величием.

Воображение преодолело много дорог босиком,

Но вернулось с Его порога с пустыми руками.

Оно путешествовало долго, но не нашло Ему равного,

Глаза много искали, но не увидели Ему подобного!

И наилучших приветствий и славословий заслуживает тот, кто своей высокой, как небосвод, пророческой миссией стал украшением человечества, и если бы не было его, то венец пророчества не сверкал бы так.

Стих: [первые две строки на арабском]

Украшение престола звезд и небес,

Светило мастерской земли.

Небосвод – это порог его двора,

Эмпирей – это подстилка его храма!

Повелитель, который открыл тайны сотворения и изобразил на страницах дней и ночей божественные предназначения.

Стих: Посланник Всевышнего и повелитель, престолом которого является лотос,

Заступник народов и печать пророков.

Хотя он был арабом и его местопребыванием был Ясриб¹²,

Но по его пути идут и арабы, и неарабы.

Да благословит Аллах его и его род приветствует!

[Далее идет восхваление имама Али с цитатами из Корана и хадисов в подтверждение его имамства, затем следует этот стих.]

Стих: Тот повелитель, который вознесся до небес,

И небеса стали его обиталищем

Он – падишах страны праведности,

Он – предводитель правоверных.

Его миссией страна веры получила особый наряд,

Его поддержкой шариат обрел прочность.

Он – наследник завещаний [Пророка] и Имам, наставляющий людей на путь истинный.

Стих: Его миссией была защита веры,

И продолжение дела Пророка.

Он – покровитель земли, а его двор – в небесах,

Он – проявление истины и божественной милости.

Наилучшие приветствия ему и его святому роду!

Правителям страны красноречия и взыскующим сокровенные истины известно, что, согласно [цитата из Корана], священные души человеческие до того, как встретиться и общаться в материальном мире, имели связь и близкие отношения в духовном мире, и это [цитируется Коран] не что иное, как отражение божественной любви, поэтому корыстные отношения сего бренного мира не могут сравниться с ними. И такая [духовная] близость и дружба бывает прочной, не подвергается превратностям, не испытывает нарушений и ослаблений. Особенно тогда, когда основы таких отношений заложены предками и переданы по наследству из поколения в поколение.

Хотя дальность расстояния и препятствует нашей реальной [личной] встрече и общению, однако оно [расстояние] не может преградить путь духовной и душевной близости.

Стих: На дороге дружбы не может быть и речи о близости и дальности [расстояния].

Если между друзьями будет даже сто тысяч привалов!

Тем не менее искренний характер часто не удовлетворяется этим и хочет, чтобы эта внутренняя связь проявлялась во внешних доказательствах, [и] поэтому, прибегая к помощи писем и посланий, посредством их подтверждает свое единство и преданность и старается искренними и дружелюбными словами, вышедшими из-под искусного пера, порадовать душу и освежить разум друзей. Исходя из этого, шлю самые искренние приветствия и пожелания, свидетельствующие о нашей преданности, в адрес Его Величества, могущественного правителя, обладающего умом Феридуна, храбростью Рустама, щедростью Джамшида, справедливостью Нуширавана, богатством Сулеймана и величием Искандера.

Стих: Справедливый и благородный шахиншах, который с ног до головы одарен божественной милостью.

Возвышающийся над покровительством Аллаха,

Освещающий пиршество правления.

От него исходят благодеяния, он благоустраивает мир, в результате чего с каждым днем возвышается его слава, ему сопутствуют удачи и победы.

Стих: Он – сияющая Луна из неба бытия,

Он – драгоценный жемчуг из океана щедрости.

Он – украшает корону правления,

Он – владеет тронem Искандера,

Птица-Феникс под этим голубым небосводом

Бросает свою тень лишь на его голову!

В его подчинении находятся огромные территории на суше и море, он обладает мощной и непобедимой армией.

Стих: Шах, которому подчинены небеса,

Перед ним изъявляют свою покорность Плеяды и Близнецы.

В бою он подобен Хайдару [Али],

От страха перед ним вздрагивает даже гора Каф.

Он – распространяющий мир и безопасность и удостоившийся божественной щедрости и милости, великодушный и величественный хаган Джалал ад-дин Акбар-шах – да продлит Аллах его правление! Со всей сердечностью пожеланий и искренностью намерений, что в правилах преданных друзей, мы молимся Всевышнему, чтобы тот еще больше возносил его положение и увеличил его могущество и богатство, расширил его владения, что в интересах всех людей. Надеемся, что эти мольбы будут услышаны и наши сердечные пожелания найдут свое осуществление.

Стих: Пусть его дворец возвышается так, чтобы небеса стали подстилкой его порога.

Хотя и не удостоился чести созерцать [Ваше] счастливое лицо, но в пиршествах дружеского общения мой внутренний взор постоянно устремляется в лицо не имеющего себе равных правителя.

Стих: Хотя мои глаза лишены возможности видеть тебя,

Но глазами сердца я всегда созерцаю твое лицо.

После всех этих приветствий и искренних пожеланий, что необходимо для проявления благожелательности и преданности, доводится до Вашего сведения, что всем известна прочная дружба и единство, которые имели место в отношениях моего покойного деда – покровителя ислама и обитателя рая – и твоего почтенного и могущественного отца¹³ – да освятит Аллах их могилы и поместит их души в райских садах! И когда Его Величество [Хумаюн] пожаловал к нам, два счастливых правителя заключили прочный союз и договорились, что и впредь должны сохраняться дружба и единство между сторонами. Это со всей ясностью было подтверждено во время восшествия на престол того счастливого правителя. И пока эти славные

повелители находились на престоле правления, [они] так безупречно соблюдали эти договоренности, что лучше трудно себе вообразить. Они постоянно предпринимали шаги в сторону укрепления дружественных отношений, поддерживали непрерывную связь посредством писем и посланий, чему завидовали многие знаменитые правители того времени.

Когда Его Величество [Хумайун], оставив этот бренный мир, переселился в мир вечного блаженства и шахский престол был украшен [Твоим] восшествием, ожидалось, что Ты, исходя из указания о том, что [цитируется Коран], будешь следовать по пути, намеченному тем правителем – обитателем рая [Хумайуном], и бутоны дружбы и преданности превратятся благодаря этому в благоухающие розы. [Однако] Его Величество не проявил [должного] внимания к этому вопросу. Несмотря на это, могущественный хаган [Тахмасиб], соблюдая правила дружбы и единства, направил к справедливому правителю [Акбару] делегацию, чтобы передать поздравления по случаю его коронации и справиться о положении его дел. Но когда Его Величество покровитель ислама и обитатель рая [Тахмасиб] переселился из бренного мира в мир вечный и обосновался в райских садах, тот величественный падишах [Акбар], вопреки ожиданию, проявил равнодушие к правилам дружбы и преданности [и] не справился о положении дел в этой стране. Тем не менее, когда я находился в Герате и обучался делу управления государством, у меня часто возникала мысль о том, чтобы послать к Вам кого-нибудь для возобновления и укрепления давней дружбы и подтвердить тем самым смысл [приводится аят из Корана]. Но пока я вынашивал эту идею, жестокая судьба ниспослала нам большое горе – ушел из жизни мой славный и отважный брат Абулгалиб султан Хамза мирза – да освятит Аллах его могилу!¹⁴

И на этот раз мы ожидали, что со стороны могущественного покровителя [Акбара] придет кто-нибудь, чтобы выразить соболезнование, однако и это ожидание не осуществилось, так как никто не пожаловал к нам с Вашей стороны. Наконец в эти дни по велению судьбы мне пришлось покинуть Хорасан и прибыть в столицу, чтобы взять в свои руки бразды правления и вступить на наследственный престол. И после того как я навел порядок в стране и упорядочил государственные дела, у меня вновь воскресла мысль о том, чтобы восстановить дружественные отношения между сторонами, укрепить основы доверия и преданности во взаимоотношениях. Поэтому Ядгар султан Румлу, который обладает совершенным умом и величием, отличается от всех своим мастерством в красноречии и является одним из самых приближенных и почтенных людей, отправляется к Вам, чтобы передать Его Величеству наше письмо, свидетельствующее о [нашей] любви и преданности, и довести до его сведения наши искренние намерения. И поскольку мы всегда и при любых условиях готовы соблюдать правила искренних дружеских отношений, если Его Величество предложит и посоветует что-нибудь важное в решении трудных вопросов государственного управления, мы с благодарностью будем делать все возможное, чтобы осуществить это, [и] ожидаем, что такой же путь будет избран им, и до дня Страшного Суда ничто не сможет нарушить нашу дружбу, наоборот, она будет развиваться и расширяться.

Желаем, чтобы милостью и покровительством Аллаха Вы постоянно находились на высоком престоле правления для осуществления мер на благо всех людей. Да защитит Всевышний Ваше господство и правление от ослабления и упадка.

Стих: До тех пор, пока из-за вращения голубого небосвода
Сияющая Луна будет то полнолунием, то полумесяцем,
Ты будь полнолунием из-за удач, а твои враги – полумесяцем из-за неудач.
Пусть дела твои совершенствуются, а дела завистников твоих приходят в упадок!

Копия письма шаха Аббаса [I] Джалал ад-Дину Акбар шаху

Бесконечных и беспредельных восхвалений заслуживает тот величественный и Всевышний [Аллах], ибо все частицы Вселенной и живые существа являются проявлениями тайн Его величия и лучами Его красоты и совершенства.

Бейт: В глазах прозорливых людей
Листья зеленых деревьев
Являются книгами познания Творца!

Даже в глазах праведных подвижников и суфиев единственным [истинно] существующим является Он [Аллах].

Стих: В глазах тех, кто способен видеть
Бесконечные проявления [Бога],
Все другие существа являются несуществующими!
Ибо все они являются проявлениями Его субстанции,
Во всех существах нет ничего, кроме Него!

Воистину самым сердечным поклонением достоин тот Повелитель [миров], поскольку все творения мира гласно и негласно свидетельствуют и напоминают о существовании того Единственного [Аллаха], как бы подтверждая смысл этих слов:

Руба'и: Я посетил храмы христиан и иудеев,
Взоры всех христиан и иудеев были устремлены к Тебе!
Чтобы достичь слияния с Тобой,

Я пошел в храм идолопоклонников –

Все идола напевали о любви к Тебе!

Занимаясь непрерывными молитвами и постоянным упоминанием Всевышнего, язык тем не менее признает свою беспомощность, ибо он не способен описывать Его совершеннейшие качества и выразить словами Его величественную и вечную сущность. Поэтому лучше повернуться в сторону [восхвалений] в честь печати Пророков и посланников [Аллаха], господина всех людей, обладателя сокровищницы божественных тайн и совершеннейших знаний [Мухаммеда].

Стих: Словословием его [Мухаммеда] души является Коран,

Разве могут люди восхвалять его?!

Поэтому признавая свою беспомощность и бессилие,

Шлю лишь приветствие издалека!

Наилучших приветствий заслуживает также святой род того господина [Мухаммеда], особенно невинные Имамы – да помилует их всех Аллах! – которые являются предводителями дороги единобожия. Упоминание их славных имен и описание их деяний являются украшением начала любого письма и убранством конца любой речи.

Стих: Начало любого письма украшается

Их именами, идущими после имени Бога.

Поистине, конец любого сочинения,

Поэтического или прозаического,

Получает особый наряд от их имен!

Письмо, которое является отражением счастливой судьбы и проявлением величия и достоинства, составленное и украшенное мудрыми и обладающими обширными знаниями секретарями и писцами, адресованное этому преданному доброжелателю, было получено во время встречи с почтенным и благородным господином, доверенным лицом султана Мир Зия аль-Мульком, который не нуждается в похвале. В то время, когда руками судьбы происходили события, сжимающие сердце, он прибыл подобно птице-Фениксу и индийскому павлину, и как сладкоречивый попугай приятными словами снял покрывало с лица красавицы цели и наполнил радость сердца преданных друзей и искренних доброжелателей Его слова, которые были подобны блестящим жемчужинам, добавили свет очам надежды, его благоухающие строки освежили разум. Слава Аллаху, что дерево, посаженное нашими предками – да будет мир с ними! – с течением времени растет и приносит плоды. И вот новым проявлением давней дружбы и преданности стало [твое] письмо, содержащее много полезных советов, которые обогащают наш разум в поисках путей решения вопросов государства и правления, способствуют упорядочению дел, связанных с религией и жизнью народа. И мы восприняли их с огромной признательностью и уважением, так как они были украшены мудростью теоретического и практического опыта. Мы еще раз поблагодарили Аллаха за то, что он наградил нас такой крепкой дружбой и привязанностью. И те устные рекомендации и секретные послания, которые были переданы многоуважаемым доверенным лицом повелителя [Акбара], были заслушаны с превеликим вниманием, и вышеупомянутому [посланнику] были оказаны наивысшие почести в знак благодарности за выполнение такой важной и благородной миссии. Поскольку в чистоте [Ваших] намерений и искренности [Ваших] поучений нет ни малейшего сомнения, мы полны решимости безотлагательно выполнять те наставления, которые заключались в славном письме и драгоценном послании величайшего из величайших времени [эпохи] (Здесь обыгрывается имя Акбара, которое в буквальном смысле означает «Величайший»). И невозможно найти слова благодарности за проявленную любезность и заботу.

Стих: Лучше воздерживаться от благодарности,

Твоя любезность сама поблагодарит тебя!

Хотя мне не посчастливилось иметь личную встречу и беседу с благословенным повелителем, многое мы услышали о его похвальных качествах и благородных деяниях.

И поскольку падишаха, покровительствующего миру, интересует положение дел в Иране, состояние нашей династии и лично этого преданного [шаха Аббаса], поэтому, исходя из давней дружбы и наследственного единства, [здесь] дается изложение событий [происходящих в Иране] и положение этого преданного [шаха Аббаса] и высокопоставленных сановников.

Вашей безупречной душе и ясному разуму известно, что с момента появления духовного и реального правления священного рода Сефевидов до сих пор чистосердечные суфии и кызылбашские племена в силу своей привязанности и веры считают своим долгом служить этой высокой династии. Однако после кончины Его Величества, обитателя рая – да освятит Аллах его могилу! – знать каждого племени начала претендовать на самостоятельность, и дело дошло до раскола и враждебных действий. И постепенно эти междоусобицы усилились. Это привело к анархии в стране и активизации вражеских племен. Правители Турана и Рума, которые всегда преследовали цель захватить обширные земли нашей страны, пользуясь удобным моментом, перешли к открытому наступлению. Но пока мой удачливый брат (Хамза мирза) и почтенный отец (Мухаммед Худабенде) находились в Ираке и Азербайджане, они сдерживали натиск мощной армии Рума. И я находился в славном городе Герате вместе со своим отважным Лала Аликули ханом [Шамлу], и все эмиры того края подчинялись вышеупомянутому Лала. Поэтому Абдулла хан скрывал свои враждебные намерения. Но между

Аликули ханом и Муршидкули ханом Устаджлу, правителем Мешхеда и некоторых других городов Хорасана, произошла ссора из-за поста векила, и от сквернословия дело дошло до побоища. Большинство эмиров Хорасана держали сторону Муршидкули хана, и он вышел победителем, а Аликули хан ушел в Герат. В то время я из-за малолетства не был в курсе государственных дел. Меня привезли в Мешхед, и вышеупомянутый Муршидкули хан стал моим Лала и векилом.

Тогда же правитель Рума приступил к захвату областей Азербайджана и Ширвана. И кызылбашские эмиры, враждующие между собой, не принимали меры, чтобы отразить наступление [османов]. По велению судьбы мой славный брат [Хамза мирза] покинул этот бранный мир и переселился в рай. И мой почтенный отец, закрыв глаза на все мирские дела, страдал из-за потери света очей (Имеется в виду слепота Мухаммеда Худабенде) и полностью отрешился от государственных дел. Поэтому некоторые из областей Азербайджана и Ширвана перешли в руки румийцев. И когда захват Азербайджана войсками Рума и занятость иракской армии этим, вражда и сражение Аликули хана с Муршидкули ханом и эмирами Хорасана, а также мое отсутствие в Герате стали известны Абдулла хану, он с целью захвата Герата пришел в Хорасан и окружил вышеупомянутый город.

Муршидкули хан, который был векилом, сказал, что из-за междоусобиц в Иране и Азербайджане царит беспорядок и в Хорасане произошло это событие. Сейчас, когда противники подняли головы со всех сторон, если оставаться в Хорасане, то это приведет к тому, что они перейдут к более активным действиям, и мы утратим наследственные земли. Поэтому целесообразно направиться в сторону Ирака, вернуть те края и затем возвратиться сюда со всей армией Ирака и Азербайджана и вместе с силами, имеющимися в Хорасане, приступить к отражению Абдулла хана.

Поскольку дальновидный разум счел это предложение приемлемым, то мы, уповая на милость Всевышнего, отправились в сторону Ирака и за короткий срок покорили все эти земли и освободили опечаленных и ограбленных мусульман от гнета, обрадовали их своей любезностью и щедростью. Некоторые кызылбашские племена, которые не хотели покинуть путь раздоров и вражды и не прислушивались к мудрым советам и полезным призывам, подверглись заслуженным наказаниям. Остальные племена кызылбашей смыли со своих сердец пыль раскола и восстановили былое единство. Во всех землях Ирака, Фарса и Азербайджана были восстановлены правосудие и справедливость. Кызылбашские племена стали более сплоченными и преданными друг другу, чем раньше, и встали на путь повиновения и покорности.

После налаживания дел в Ираке мы с многочисленной армией, которая была собрана в столице, вернулись в сторону Хорасана, чтобы с помощью Аллаха освободить осажденных в Герате и поступать так же, как действовали мои предки, неоднократно сражавшиеся с узбеками в Хорасане.

Однако Муршидкули хан, который был векилом, из-за былой вражды с упомянутым Лала [Аликули ханом Шамлу] избрал путь предательства и под разными предлогами откладывал помощь [осажденным в Герате]. Поэтому нехватка продуктов среди осажденных довела до того, что многие из них умерли с голода, а остальные решили выйти из крепости и вступить в бой [с узбеками], и в ходе этих сражений большинство пали мученической смертью и стали обитателями рая. Тот город [Герат] был захвачен противником. Услышав об этом и узнав о предательстве Муршидкули хана, мы наказали его и решили перейти в наступление и мстить злодеям. Но в это время стало известно, что армия противника, ограбив те края и предав все остальное огню, ушла обратно.

Поскольку тогда еще не был заключен мирный договор с Его Величеством падишахом Рума и у нас не было уверенности насчет [безопасности] границ Ирака и Азербайджана, мы вернулись в столицу. Тогда же прибыли красноречивые посланники могущественного, как Искендер, Феридун и Джамшид, правителя Рума. И мы, восстановив дружбу и единство, заключили мир, целесообразный для обеих сторон. Мирные отношения и дружба между нами стали более прочными, чем во времена покойного шаха [Тахмасиба].

Абдулла хан и Абдул Мумин хан, услышав о том, что мы заняты границами с Румом, воспользовались удобным случаем, пришли в Хорасан и осадили Мешхед. Узнав об этом, [я] не стал ждать сбора войск и без промедления отправился в сторону Хорасана. Но в Рее вспыхнула эпидемия, и большинство воинов начало страдать от лихорадки. Болезнь не обошла и меня, и из-за ее продолжительности пришлось отложить поход в Хорасан. И группа осажденных [в Мешхеде] поступила вероломно, и тот священный город перешел в руки противника.

Другим событием, заслуживающим упоминания, является то, что когда царили беспорядки среди кызылбашских племен, правители Гиляна, Мазендарана и Рустамдара, которые всегда хвастаются укрепленностью своего края из-за наличия в них недоступных гор, непроходимых рек и густых лесов, избрали путь неповиновения. Мы отправили против них многочисленное войско, и за короткое время те области, которые напоминают рай, были подчинены нам. Затем я тоже отправился в вышеупомянутые области и в тех прекрасных краях совершал молитвы, благодарил милостивого Всевышнего за эти успехи. В тот счастливый момент дошло известие, что Абдул Мумин хан [снова] перешел в наступление. Я без промедления покинул тот край и отправился в Хорасан, чтобы встретиться и расправиться с ним окончательно. Однако вышеупомянутый, услышав о моем прибытии, обратился в бегство в направлении Балха и Бухары, предав по своему злополучному обычаю все поля и пастбища огню. Поэтому мы не задержались в том крае и вернулись в Ирак, и затем отправились в Арабистан и Луристан, чтобы налаживать дела в этих краях. Абдул Мумин хан, услышав о

нашем возвращении, снова напал на Хорасан, начал грабить, разрушать и жечь города и села этой области. И на этот раз мы с большой скоростью, уповая на Аллаха, без сбора всей армии с имеющимися в распоряжении войсками отправились туда. Произошло ожесточенное сражение, в ходе которого много узбеков было убито, и немалое количество их эмиров, такие как правители Нисы, Абиварда, Бадахшана, которые были основной опорой того злодея [Абдул Мумин хана], попали в плен. Вышеупомянутый хан, увидев наше явное превосходство, обратился в бегство и поскакал в направлении Мавераннахра.

Теперь, когда у нас нет беспокойства со стороны Его Величества правителя Рума, а также обеспечены мир и безопасность во всех областях [страны] и все жители Ирана находятся в полном подчинении, мы заботимся об их благоденствии и принимаем меры по установлению справедливости.

И выполняя указание Всевышнего [цитируется Коран], я решил отправить в Хорасан продовольствие на несколько лет и другие необходимые припасы. Затем я поеду туда и с помощью Аллаха, Пророка и невинных Имамов сделаю так, чтобы жители того края больше не испытывали притеснений того племени¹⁵. Границу этой области будем укреплять так, чтобы противники в будущем не могли переходить ее. И пока я не осуществлю это, не вернусь в столицу. Все зависит от усилия и стремления.

Для того, чтобы выразить нашу преданность и передать наши искренние чувства и пожелания, я отправляю к Вам Манучехр бека эшикагаси-баши (Главный церемониймейстер двора), который является одним из доверенных и самых близких людей вместе с группой вышеупомянутого почтенного господина [Мир Зия аль-Мулька]. Прошу Его Величество после выполнения обязанности не задерживать его и позволить ему возвратиться.

Желаю, чтобы великолепное дерево наследственной привязанности и дружбы [между нами] росло еще больше за счет поливки его водою искренней благосклонности.

Копия письма Джалал ад-дина Акбар шаха шаху Аббасу [I]

Начало движения пера, слагающего песни, и начало любого письма, содержащего тонкие смыслы, должны связываться с именем того не имеющего начала [Аллаха], благодетельное и щедрое бытие которого не имеет конца и начала. Он своим всемогуществом превратил жалкое небытие в совершенное бытие и двумя буквами «каф» и «нун» сотворил беспредельный и безграничный мир, снабдив его всем необходимым – абстрактной и материальной субстанцией, разумом и душой, светом и тьмой, созвездиями и небесами, цветом и запахом. И из числа всех сотворенных проявил особое милосердие к роду человеческому, который представляет собой квинтэссенцию материального и божественного миров, что нашло свое подтверждение в аяте [из Корана]: «Мы сотворили человека наилучшим образом». И отметил высокое положение и достоинство человека в [следующем аяте]: «И Мы оказали щедрость роду человеческому». И после этого из числа людей избрал пророков и посланников, имеющих связь с божественным миром, которые призваны в свете его откровений посредством дозволений и запретов наставлять сбившихся с пути на путь истины, знания и мистического познания. И в конце этого ряда поставил драгоценнейшую печать¹⁶ – самые лучшие приветствия Ему! А завершение этого дела возложил на потомков и родственников того славного предводителя [Мухаммеда] – да благословит их Аллах и приветствует! И после этих рангов поручил управление странами мира и осуществление необходимых дел в интересах людей султанам и падишахам, которые то силой мстят врагам государства и религии, то милосердием и щедростью проливают бальзам на раны сердец угнетенных.

Далее обращаюсь с наилучшими приветствиями и бесконечными восхищениями к могущественному владыке, отличающемуся от всех правителей времени своей справедливостью, всаднику коня мудрости и смелости.

Стих: Он обладает благородным нравом и приятной речью,

Глубоким разумом и бесконечным умением.

Он – щедрее всех на свете, он озаряет мир своим

Совершенным талантом и всесторонними знаниями.

[Это] счастливый и удачливый покоритель стран, обладающий богатством Сулеймана, наследник могущественных правителей мира, потомок гаавы Пророков и его священного рода – невинных Имамов, возбуждающий зависть в сердцах падишахов времени, освещающий тьму гнета и несправедливости, то есть падишах, покровительствующий всему миру, величественный шах Аббас! Пусть продлится его жизнь и правление до дня Страшного Суда, пусть крепнут основы его государства, пусть улучшатся дела страны и народа под покровительством его силы и разума! Аминь!

После этих приветствий и восхвалений, во-первых, пусть будет известно светлой душе Его Величества, которая является вместилищем тайн материального и божественного миров, что хотя моим видящим истину глазам не довелось созерцать озаряющее мир лицо падишаха [шаха Аббаса], но я много слышал о его благородных и совершенных качествах. И хотя между нашими династиями – да продлится их правление до вечности! – издавна существовали отношения дружбы и единства, но я не уделял достаточного внимания поддержанию этого единства, преданности и искренности, и об этом невозможно писать в письме и трудно представить. [Моя] убедительная просьба и искреннее желание состоят в том, чтобы до тех пор, пока небосвод

вращается и звезды светят, эти добрые отношения находились в центре внимания Его Величества, чтобы до дня Страшного Суда сад дружбы и преданности не подвергался тлению, [и] чтобы, забыв о поре разобщенности, Его Величество способствовал развитию дружеских связей, регулярно присылал письма и радовал наши преданные и чистые души, превратив их в предмет зависти райских садов.

Во-вторых, Ваше высокочтимое письмо, отправленное через украшающего и пользующегося большим и заслуженным доверием Манучехр бека эшикагасибаша, который обладает тонким умом и пронизательностью, величием и благосклонностью превосходит других с точки зрения знания условий исполнения обязанностей посланника, было получено нами в благоприятный и счастливый час и стало толчком к обновлению и усилению давней дружбы и единства, которые всегда были присущи отношениям двух могущественных династий.

И поскольку в нем было написано о том, что тот величественный правитель [шах Аббас] силою огненного меча, подобного молнии, завоевал земли Хорасана и вернул обратно свои наследственные владения, попавшие в руки врагов государства и религии, это послужило источником беспредельной радости и восхищения для нашей чистой души, что особенно проявилось во время беседы с достойным приближенным Мирза Али беком Курчи, и это не поддается выражению с помощью слов. Теперь надеемся, что с помощью Всевышнего тот праведный и справедливый падишах [шах Аббас] силой своего не щадящего врагов меча вернет обратно все те земли, которые принадлежали его славным предшественникам, и даже за счет героических усилий сумеет приобрести новые владения. Тем самым наилучшим образом подтвердится смысл этих слов:

Бейт: Скажи врагу, устроившему пир и пьющему вино:
«Ищи спасения, ибо ушедшая вода вернулась в ручей».

Воистину самых высоких похвал достойны победы и деяния Его Величества [шаха Аббаса], который положил конец произволу и притеснениям врагов государства и религии, с двух сторон ворвавшихся в земли Азербайджана и Хорасана. Первый из них – это правитель Рума, численность, боевые возможности, вооружение и армии которого не нуждаются в описании. А второй – это хаган Туркестана, и также хорошо известно, какой большой армией и сильными союзниками он обладает. И теперь Иран избавился от грабежа и притеснений таких врагов.

Кроме этого, он [шах Аббас] положил конец внутренним беспорядкам, имевшим место среди полководцев Ирана и суфиев [и] охватившим все кызылбашские и туркменские племена в Ираке [Персидском] и Хорасане, хотя, по мнению осведомленных в вопросах управления государством, усмирение этих внутренних врагов и устранение этого вредного вещества из больного тела Ирана, который в результате действия этих расколников и врагов находился на пороге гибели, казалось задачей более сложной и трудноразрешимой.

Но превыше всего – это его политическое мастерство и справедливость, и благодаря своей справедливости он завоевал уважение и любовь [у народа]. Я неоднократно слышал, что сейчас восстанавливается справедливость в отношении тех, кто ранее испытывал горе притеснений в областях Ирана.

Стих: Справедливость – веское доказательство продолжительности (твоей власти),
Ибо справедливость и продолжительность (власти) – неразделимы вечно.
Совершай справедливость, ибо в стране сердца (Имеется в виду потусторонний мир)
Справедливый приравнивается к Пророку.
Твоя справедливость – это лампа, светящаяся ночью.

Близкий друг твоего завтрашнего дня – это твой сегодняшний день.

Некоторое время я собирался подготовить это письмо и отправить в путь почтенных Манучехр бека и Мирза Али бека, однако некоторые заминдары (Крупные землевладельцы-помещики, обычно правители областей и провинций в Могольской Индии) Хандиса и Деккана в последнее время проявляют непокорность и идут по пути неповиновения, поэтому могучей армии пришлось отправиться туда, чтобы наказать их. Правитель Хандиса, как и его отцы и деды, всегда подчинялся нашей воле, однако под влиянием некоторых подстрекателей покинул ясную и прямую дорогу повиновения и начал скитаться в пустыне заблуждения, опираясь на недоступность и укрепленность своей крепости. Наконец, чтобы защитить честь государства и отстоять законы правления, мы решили уничтожить врагов и взять ту крепость, возвышающуюся до небосводов. И хотя скрывшиеся в крепости оказывали сопротивление, но под ударами победоносных воинов эта бесподобная крепость была взята. И когда я увидел беспомощность и жалкость этого вероломного [правителя Хандиса], я помиловал его, а также его семью и родственников. Поскольку он желал служить в крепости, я назначил его на крепость Куаляр, которая выделяется своей укрепленностью и надежностью из всех крепостей Индии, да и других стран. После этого я возвратился в столицу Агру.

И сейчас стало возможным отправление Манучехр бека и для того, чтобы передать наше письмо, свидетельствующее о нашей преданности и единстве, вместе с ним отправляется Мир Масум Бхаккари, который является одним из почтенных сейидов этой страны и самых приближенных людей двора, и ему поручено передать некоторые вопросы устно своим красноречивым языком.

Наше желание состоит в том, чтобы Вы считали эту сторону [нас] своей, и как можно чаще радовали нас своими приятными письмами и по сланиями. Мы будем рады, если Вы обратитесь к нам по необходимым вопросам, и мы сделаем все, что в наших силах.

Пусть дела Его Величества, подобно созвездиям, всегда будут в порядке, горе и неудачи обойдут стороной его чистую душу!

Стих: Пусть твое величие всегда служит спасению других – уничтожению жестоких, содействию беспомощным.

Пусть небосвод будет подвластен тебе,

Пусть Бог поможет тебе в завоеваниях!

Аминь, о Повелитель двух миров!

Копия письма счастливого правителя, написанного Мирза Абульхусейном Мунши в ответ на письмо царевича Салима, доставленного Мир Мухаммед Масумом Бхаккари

Лучшими [вступительными] словами, с которыми попугай речи украшает свое изложение в цветнике чудесных творений и на собраниях знающих и прозорливых людей, являются слова восхваления и благодарности Единственному [Аллаху], упоминание заслуг и деяний Его Величества Пророка [Мухаммеда] – самые лучшие приветствия ему! – при выражении которых, однако, слова оказываются беспомощными, обороты – недостаточными, тропы и метафоры – бесполезными. Поэтому претендовать на подобное выражение – значит поставить себя на арену упреков и порицаний. Поэтому, признавая свою беспомощность и ограниченность в познании, лучше оставить эту долину изумления и направить свои мысли в сторону молений, что является лучшим подарком искренних друзей, и приступить к поздравлениям по случаю побед и завоеваний, которые явились результатом преданности и любви людей к тому высокому престолу, [а также] изложить [собственные] победы, достигнутые в силу чистоты характера и благородности духа. И поэтому приступаю к описанию [этих побед], что послужит источником радости для великодушных.

Хвала Аллаху, что древо желаний сановников несокрушимого государства принесло плоды побед и успехов, от которых и в душах друзей становится сладостно. Выражаю искренние чувства благодарности, [и] надеюсь, что каждый день способствует упрочению Вашей власти и усилению могущества! По милости Всевышнего и из-за искренности отношений то намерение, которое появляется в Твоем благожелательном сердце, наилучшим образом находит свое осуществление. Подтверждением тому служит завоевание Азербайджана и его крепостей. Пусть станут известными [Твоей] светлой душе подробности этого события.

Между султанами Рума и моим покойным отцом – да освятит Аллах его могилу! – был заключен мирный договор¹⁷, согласно которому обе стороны впредь должны были отказаться от враждебных действий. И когда султан Баязид со своими сыновьями восстал против своего отца султана Сулеймана и попросил убежища у нас, [мой отец], чтобы не нарушить взятые на себя обязательства, передал его [Баязида] их посланникам¹⁸.

Несмотря на это, [османы], пользуясь удобной возможностью, решили захватить Азербайджан и Ширван. И те области, которые [по мирному договору] были переданы высокому престолу [Сефевидам], были захвачены ими вместе с некоторыми другими областями.

Несмотря на то, что угроза государству была известна Его Величеству [Мухаммеду Худабенде], он воздерживался от военных действий, учитывая интересы народа и соблюдая принятые обязательства. И крепость Нехавенд, которая находится в богохранимых владениях, была захвачена румийцами, но [мы], не нарушая основы мира, воздерживались от наступления на эту крепость и несколько раз предупреждали их [османов] о том, что мы можем разрушить эту крепость, но [османы] не проявили никакой реакции, кроме игнорирования, что вообще характерно для этого племени.

И поскольку честь и достоинство государства не могло терпеть этого, правителю Хамадана Хасанхан беку было приказано захватить эту крепость, что и было сделано за короткий срок.

Стих: Если дело обходится разумом,

То надо в нем проявить безумие!

И после этого начался победоносный поход из Исфахана в целях завоевания Азербайджана и других наследственных земель. Сорокадневное расстояние было пройдено за девять дней, и войска приблизились к Тебризу. Тамашний паша в тот момент с огромной армией боролся с курдами тех окраин. Услышав об этом, он сразу вернулся назад, чтобы успеть занять оборону в крепости упомянутого города [Тебриза]. Но он столкнулся с нашими победоносными солдатами и попал в плен, а около 10 тысяч из его всадников были убиты. После этого наши солдаты приступили к осаде вышеупомянутой крепости и за двадцать дней взяли эту крепость, которая имела в своем распоряжении 2 тысячи пушек, 5 тысяч винтовок, 100 тысяч ман (Мера веса: гебризский ман равен 3 кг.) пороха, на 10 лет продовольствия и других необходимых припасов. Оттуда они направились в сторону Нахичевани, Эривана и других крепостей Азербайджана, которые были хорошо укреплены. Но защитники крепостей, почувствовав [нашу] мощь и не выдержав натиска, бросили все крепости и скрылись в крепости Эриван, которая известна всем своей недоступностью, так как имеет четыре стены. И они, полагаясь на хорошую защищенность этой крепости, начали оказывать сопротивление. Поскольку это место с давних времен считалось границей Богом хранимых владений и после его взятия завоевание Гянджи и Ширвана было

простым делом, славные войска остановились там и начали штурм этой крепости. В течение семи месяцев беспрерывно шли бои с применением пушек и винтовок.

И в это время прибыл счастливый эмир и доверенное лицо повелителя Мир Мухаммед Масум хан Бхаккари и преподнес драгоценное письмо, которое рассказывало о различных победах, что послужило источником радости для Твоего искреннего друга. И мы восприняли это письмо как предвестника новых побед.

Стих: Поскольку у меня вера сильная и помыслы чистые,
Не ищу ничью поддержку, кроме покровительства Бога!

И наконец, уповая на Аллаха и предприняв [решительный] штурм, [мы] силой взяли крепость Эриван. Большое количество противников погибло, а остальные нашли убежище во внутренней крепости. За десять дней башни и стены этой крепости также были разрушены огнем пушек, и у них не осталось другого выхода, кроме как просить о помиловании. И мы, следуя правилам милосердия, дали гарантию их жизни и имуществу. Большинство их были приняты в число специальных гуламов. И все это несмотря на то, что их было в крепости около 30 тысяч человек, они имели в своем распоряжении 12 тысяч лошадей, 7 тысяч верблюдов, продовольствия на несколько лет.

Вышеупомянутый эмир, достойные качества которого не нуждаются в восхвалении, своими глазами наблюдал все это и во время встречи [с Тобой] донесет об этом подробно.

Такую победу не довелось одержать ни одному из правителей Ирана ни в каком веке.

И мы отпустили вышеупомянутого почтенного господина, чтобы он донес радостные вести об этой победе высокому престолу.

Желаю, чтобы укрепились наши доброжелательные отношения и единство – да хранит их Всевышний!

Копия письма, написанного Джалал ад-дином Акбаром Челеби беку

Слава Богу, что с наступлением рассвета удачи, который является началом моего восшествия на престол¹⁹, до сегодняшнего дня все люди обрели счастье и живут беззаботно в процветающем и благоухающем весеннем саду нашего государства. И наше высочайшее внимание постоянно направлено на оказание заботы об улучшении условий жизни людей, которые являются источником мудрости и знаний.

И всегда красноречивые ученые всех народов обращаются к нашему высокому двору, где они окружаются нашей милостью и заботой. И уделяю высочайшее внимание этой группе людей, и поэтому эта группа также выражает желание посетить наш двор и удостоиться высоких почестей.

Поскольку мне неоднократно доводилось слышать о приобретенных и врожденных благородных качествах и знаниях Челеби бека, а также всем известно о его благосклонном отношении к нашему двору, то лучше ему отправиться к нам и удостоиться шахской милости и доброты. Все вопросы, связанные с дорогой, будут решаться согласно нашему указу, изданному относительно прихода и ухода талантливых людей.

Копия письма Джалал ад-дина Акбар шаха, адресованного хан ханану

Доводится до сведения опоры государства и защитника власти, обладателя перстня храбрости и удачливости, благородного и самоотверженного, жемчужины ларца счастья, сокровищницы тайн наместника Божьего, блюстителя законов преданности и доброжелательности, доверенного и приближенного престола, обладающего мудростью знаний, наследника величайших и высочайших, продолжателя высокого рода преданного друга, сына Мубариз ад-дина хан ханана²⁰, удостоенного беспредельных шахских милостей и глубокого уважения, что в эти радостные и счастливые дни, когда имеются все средства для веселья и для того, чтобы распахнуть двери беспечности, [так как] со всех концов идут благе вести об успехах и победах, по велению судьбы победоносное войско, отправленное на завоевание области мрака²¹, подверглось сглазу.

Случилось так, что вышеупомянутая область была завоевана, и остатки тех проклятых мракобесов скрылись в горных ущельях, и наши полководцы, забыв о предусмотрительности и осторожности, начали преследовать их, и большинство их были убиты, и после этого они двинулись в сторону высокого порога [столицы]. Но то, что предначертано судьбой, должно сбыться.

Войска упустили из рук узду осторожности и вечером со всеми грузами и припасами шли по труднопроходимым горным дорогам. Нарушился их строй, и те презренные вышли из засады и начали наносить удары. Все впали в панику и потеряли дорогу. И в этой растерянности многие упали с гор [и погибли]. И в этот момент глава поверенных тайн и интимных друзей, обладатель высокой природы и пример бесподобности, предводитель приближенных и приверженных падишаха, украшение собраний преданности, неустанный искатель истины, любящий справедливость и правдивость, понимающий тонкие смыслы и глава собраний красноречивых отдал свою жизнь на пути любви и преданности нам, покинул этот бранный мир и край мрака и отправился в путь, по которому всем идти неизбежно, и скрылся в небытии²². От этого душераздирающего и прискорбного события [мое] общество, подобно раю, углубилось в печаль, и [мое] сердце, широкое как океан, стало унылым. Хотя высшим проявлением преданности царевича является самопожертвование ради своего отца, но хотелось бы, чтобы это произошло в высоких деяниях и заслугах. [Поэтому] это случайное событие

стало причиной глубокой печали и бесконечной скорби. Увы, вино этого питейного дома имеет осадок, и сахар этого тростника имеет яд. Мир – это мираж, который обманывает жаждущих, жизнь – это дорога, полная спусков и подъемов. В этом пире за опьянением следует похмелье. Чье сердце здесь не обливается кровью, чьи глаза не льют кровавые слезы?!

Словом, эта куча праха заслуживает того, чтобы оставить ее. Но, несмотря на это, от разлуки с тем бесподобным мое сердце так наполнилось печалью, что язык беспомощен выразить это. В таком случае мне следовало бы присутствовать на похоронах, увидеть своими глазами его превратившееся в прах тело, проявить всю ту особую милость, которую я питал к нему, чтобы все были свидетелями того, как мы милостивы в отношении тех, кто жертвует собой ради нас. Но поскольку в тот момент в столице было много иностранцев и посланников, пришлось отложить это. И поскольку всем пронизательно ясно, что то, что приходит из небытия, снова уходит в небытие, и это происходит по воле Всевышнего, то в этом случае лучше молчать, чем вопить, и лучше успокоиться, чем бушевать. В подобном случае нет более правильной и надежной дороги, чем повиновение предопределению и подчинение воле Всевышнего.

Несомненно, та опора государства [хан ханан] также будет огорчен от случившегося несчастья, но ему надо избрать путь терпеливости и подчиниться воле Аллаха и велению небес и заниматься выполнением своих обязанностей в армии, с которыми он полностью справляется, и быть осторожным и иметь в виду, что, когда тот предводитель каравана, идущего в небытие, был еще жив, этот преданный друг [хан ханан] был главой поверенных тайн, и его присутствие доставляло нам одно удовольствие. Теперь ему надо понять, как мы будем дорожить его мнением. Дай Бог, чтобы возвышалось его положение под сенью нашего вечного государства.

Одним словом, после того грустного события осуществление той задачи мы поручили радже Тудармалю, и он, поскольку обладает глубоким умом и храбростью, вступил на территорию вышеупомянутой области и полностью разгромил тех негодяев-афганцев. Тем самым та область была завоевана, и у нас нет беспокойства по поводу дел этой области. Если будет угодно Аллаху, то в скором времени мы возвратимся в столицу.

В эти дни, когда из-за вышеупомянутого события я находился в огорчении, пришло письмо того преданного друга [хан ханана], и его содержание стало причиной облегчения и удовольствия. Его планы по поводу армии Деккана и его первоначальные меры в этом направлении стали известны нам во всех деталях, и мы встретили их с полным одобрением. Его храбрость и смелость дают основание надеяться, что в скором времени удастся завоевать ту область [Деккан], и прославленные слоны той области, которые всегда привлекали мое высокое внимание, попадут в наши руки, что, кстати, было отмечено в письме. Поскольку у него нет полной уверенности по поводу дел в Гуджарате, наверно, он [хан ханан] не будет спешить в достижении этой цели, [и] изберет путь осторожности и осмотрительности, как подобает благоразумным мужам.

Далее он ходатайствовал о Кике и просил простить его грехи и вернуть ему провинцию Деласагру. Приказ о нем уже издан нами совместно с приказами о Джукшате, Шахимхане и других во всех подробностях, [которые] уважаемые писцы скоро напишут и отправят. Что касается того, какую провинцию предоставить Кике, то пусть он [хан ханан] поступает так, как считает нужным, исходя из интересов государства и учитывая его заслуги.

И еще [он] писал о том, что Амин хан, Джам и Кика собираются отправить своих сыновей, чтобы они находились у опоры государства [хан ханана]. Во всяком случае, это хорошо, чтобы быть спокойным за всех них. И пусть он поступает так, как считает нужным.

И еще пишет о своей семье и детях. Если опора государства [хан ханан] отправится на завоевание Деккана, то пусть оставит их в Ахмедабаде или в любом другом месте, где он хочет. Связь его семьи и детей с нашей высокой династией не такова, чтобы мы забыли о них, когда они находятся вдали от нас. Без преувеличения могу сказать, что моя душа желает того, чтобы они постоянно находились у меня, и за все это время, пока мы разлучены, мало таких дней, когда я не вспоминал бы их.

Итак, ждем вестей о новых победах и удачах. И если в ближайшее время мы не вернемся в столицу, то лучше, как того желаю и я, отправить их [членов семьи] ко мне, так как я хочу некоторое время провести в прогулках и на охоте в Пенджабе. Но поскольку между нами имеется большое расстояние, то он может оставить их в Гуджарате или там, где он хочет.

Копия письма царевича Даниала, сына Джалал ад-дина Акбар шаха, написанного Его Величеству [шаху Аббасу I]

Аллах велик! До тех пор, пока благодатный дождь, присущий тучам беспредельной милости и щедрости [Аллаха], орошает лужайки почтенного государства и вечного правления, пусть украшающему мир флагу и возвышающемуся до небес знамени [шаха Аббаса I] всегда сопутствует ветер божественного покровительства и бесчисленных побед.

Благоухающие приветствия, которые радуют душу сидящих на престоле и украшают уши предводителей пути истины серьгами цели, и букет восхвалений, которые служат нарядом для разума верующего в единство [Аллаха] и освещают сердца путников истины, что является знаком давней любви, доброжелательности и

дружбы, исходя из душевной близости, существующей между нами, которая является большим и ценным даром сведущего во всем Творца мира, шлю в адрес счастливого правителя – властелина мира, обладающего величием Искендера и стягом Дария, покровителя государства и религии, защитника драгоценного престола, обладателя обширных знаний и неисчерпаемой справедливости, продолжателя священного рода [Имама Али] и светоча династии Сефевидов, обеспечивающего мир и спокойствие на земле и приводящего в порядок дела мира²³. История дружеских отношений и единства между двумя нашими династиями не нуждается в подробном и долгом изложении, ибо она известна всем и вызывает восхищение всех прозорливых людей. Не прибегая к этому, обращаюсь к Всевышнему с просьбой о том, чтобы Он ежедневно возвышал Ваше положение, одаривал Ваше государство счастьем и удачей, продлевал Ваше нахождение на троне и увеличивал блеск Вашей короны. И надеюсь, что для поддержания плодотворной дружбы и единства между сторонами двери писем и посланий будут всегда распахнуты, что будет способствовать усилению и упорядочению традиционных связей.

После этих приветствий и пожеланий доводится до Вашего сведения, что все внимание и высокие усилия Его Величества – тени Аллаха²⁴ – направлены на поддержание мира в областях и обеспечение безопасности подданных, что является предписанием Всевышнего. И когда он услышал о раздорах и беспорядках в Деккане, имевших место в результате действий неблагородных и непорядочных, которые начали притеснять и обижать людей, он [Акбар] для того, чтобы положить конец произволу этих невежд, покинул столицу Лахор и прибыл в Агру. После построения войск и необходимых приготовлений вызвал меня из Алхабаса и вместе со столпом государства, главнокомандующим хан хананом во главе победоносной армии, отправил [в Деккан], чтобы завоевать крепости того края, особенно крепость Ахмеднагар, которая является самой укрепленной и недоступной среди крепостей Деккана, и очистить их от тех несчастных раздирателей. В то же время он сам [Акбар] направился в район Бурханпура и покорил эти земли. И крепость Асир, которая возвышается до небес и, по мнению много повидавших путешественников, не имеет себе равных по укреплению и которую никому из повелителей не удавалось захватить, была завоевана Его Величеством [Акбаром] благодаря милости Всевышнего, и он тем самым обрадовал покорных и наказал неповиновавшихся.

И этот покорный слуга [хан ханан]²⁵, осуществив все меры по наведению порядка в тех крепостях и областях, что было в правилах моих благородных и справедливых предков, из Ахмеднагара вернулся к отцу, которого я считаю своей великой Киблой. И после празднования побед Его Величество удостоил меня наивысших милостей и в качестве вознаграждения за оказанную услуг у переименовал провинцию Хандис в Дандис и вместе с такими областями, как Гуджарат, Мальва, Берар и Деккан, которые раньше имели отдельных правителей, претендовавших на самостоятельность, подарил мне.

В это время знатный и порядочный Манучехр бек²⁶ находился в столице и часто посещал мои собрания и красноречивым языком рассказывал о благородных качествах и высоких достоинствах Его Величества [шаха Аббаса], усилив тем самым нашу благосклонность. Хотя я постоянно вынашивал мысль о том, чтобы посредством писем и посланий обновить дружбу и единство и способствовать развитию старых и новых связей, но происходившие события препятствовали осуществлению этого желания. И после бесед того преданного [Манучехр бека] эта мысль вновь воскресла и океан желания начал бушевать.

Надо изъявить признательность всемогущему Богу, потому что как бы в знак нашей взаимной доброжелательности и дружбы порты Деккана и Гуджарата находятся вблизи от портов Ормуз и Бахрейн, что как бы дополняет нашу душевную близость.

Надеюсь, что, постоянно поддерживая связь, будете радовать нашу душу отправлением славных писем и попросите все, что захочется Вашей душе из этого края. Во всяком случае, это будет способствовать развитию нашего единства и укреплению основ дружбы и сотрудничества.

И поскольку вышеупомянутый преданный [Манучехр бек] направляется в ту сторону [в Иран], вместе с ним отправляю своего доверенного приближенного Бахадур бека, чтобы отдельно передать вам некоторые скромные подарки. Надеюсь, что по правилам искренней дружбы они будут приняты.

Желаю, чтобы было долговечным сияние звезды счастливой судьбы величественного повелителя, завоевавшего мир!

Письмо Салим-шаха, собственноручно написанное шаху Аббасу I, доставленное Мир Зия ад-дином Казвини

Наши искренние чувства дружбы и сердечные пожелания не поддаются выражению посредством пера и бумаги.

Бейт: Невозможно написать о страстях сердца,

Как же можно приблизить огонь к бумаге?

Поэтому [их] изложение поручено искреннему и преданному доброжелателю обеих сторон, честному и благородному Мир Зия ад-дину, который все это время находился в числе высокопоставленных и самых приближенных людей. Да будет он здоровым и красноречивым!

¹ Имеется в виду ислам.

² Имеется в виду Мухаммед.

³ Имеется в виду Аллах.

⁴ Имеется в виду город Мешхед (букв. «место мученической гибели»), где находится гробница восьмого шиитского имама Резы.

⁵ Имеется в виду Хумайун.

⁶ Имеется в виду шах Тахмасиб.

⁷ Речь идет об оказании военной помощи потерявшему власть Хумайуну со стороны шаха Тахмасиба I, что впоследствии было сделано.

⁸ Имеется в виду шиизм.

⁹ Имеется в виду Шер шах и его сторонники, вынудившие Хумайуна покинуть свои владения в Индии

¹⁰ Героические персонажи поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

¹¹ Имеется в виду династия Моголов.

¹² Первоначальное название священного города Медины.

¹³ Имеются в виду соответственно шах Тахмасиб I и Хумайун падишах.

¹⁴ Хамза мирза был убит в 1586 г. близ Гянджи.

¹⁵ Имеются в виду узбеки.

¹⁶ Имеется в виду Мухаммед, который считается «печатью Пророка».

¹⁷ Этот договор был заключен в 1555 г. в Амасье.

¹⁸ С 1558 г. Баязид пробыл у Тахмасиба около трех лет. Затем он с четырьмя сыновьями был выдан в руки посланников султана Сулеймана, и они были тут же казнены.

¹⁹ Выражение «наступление рассвета удачи» по абджаду указывает на 963/1556 г., т.е. год вступления Акбара на престол.

²⁰ Титул «хан ханан» («хан ханов») при Акбаре носил сын Байрам хана Абд ур-Рахим, полководец и поэт.

²¹ Имеется в виду Пуштунистан.

²² По-видимому, речь идет о смерти принца Мурада, сына Акбара.

²³ Т.е. шаха Аббаса I.

²⁴ Имеется в виду Акбар.

²⁵ Имеется в виду Абд ур-Рахим – государственный деятель и поэт, сын знаменитого Байрам хана.

²⁶ Посланник шаха Аббаса I.

2.8. ИНДИЯ

Иноземные вторжения в Индию: вторжение эфталитов (Из «Раджатарангини»)

В приводимом отрывке из старинного сказания о правителях Кашмира (Северная Индия) речь идет о вторжении эфталитов, или белых гуннов, создавших в 484 г. огромное Балхское государство на территории Ирана, Афганистана и Северной Индии. В конце V в. индийская империя Гупта ослабла. Гунны воспользовались этим и вторглись в верховья реки Инд. После упорной борьбы с императорами гуннский вождь Михиракула (примерно 511-550 гг.) сумел овладеть Кашмиром и Пенджабом, где преследовал буддизм и предал много селений огню и мечу. Относящийся к 513 г. отрывок заимствован из сводной хроники «Раджатарангини», составленной в XII столетии и посвященной истории Кашмира.

Когда земля была наводнена ордами варваров, его [Васукулы] сын Михиракула, человек столь неистового характера, что его можно сравнить с богом разрушения, стал царем... О его приближении становилось известно населению, бегущему от него, по появлению стервятников, ворон и других подобных птиц, стремящихся питаться трупами тех, кого убивали войска Ми- хиракулы. Этот царственный Ветала жил даже в своем увеселительном дворце день и ночь среди тысяч трупов убитых им человеческих существ... Этот ужасный враг людей не знал ни милосердия к детям или к женщинам, ни уважения к старикам.

Подчинение Южной Индии Делийским султанатом (Из «Койилолугу»)

Это южноиндийская храмовая хроника XVIII столетия, в которой имеются данные о событиях предыдущих веков. Здесь речь идет о последствиях походов делийских султанов Алауд-дина Хилджи и Мухаммада-шаха Туглака (1325-1351 гг.) в Южную Индию.

Прежде, когда имелся один правитель в областях Чера, Чола и Пандия, а также и после этого, когда в каждой из трех областей управлял свой царь, до 1326 года раджи не распоряжались землями храмов и брахманов. Так повелось, что брахманы сами контролировали себя. [Раджи] только наблюдали за текущими судебными делами и обуздывали [недовольных]. Потом пришли мусульмане и разграбили земли храмов и брахманов.

Бабур и образование Империи Великих Моголов (Абу-л Фазл Аллами, «Акбар-наме»)

Захир ад-дин Мухаммад Бабур («Бабур», т.е. «лев, полководец, барс», от перс. «бaбp» – «тигр», 14 февраля 1483 г. – 26 декабря 1530 г.) – тимуридский правитель Индии и Афганистана, полководец, основатель Империи Великих Моголов (1526 г.).

С 1514 г. Бабур оставил свои претензии на Центральную Азию, его целью стала Индия. Из Кабула Бабур совершал с 1519 г. походы в Северо-Западную Индию и, в 1526 г. Бабур, снарядив войско, предпринял поход на Дели. В битвах с делийским султаном Ибрахимом Лоди при Панипате и с раджпутским князем Санграм Сингхом при Кхануа Бабур одержал победы. С этого момента можно говорить об образовании Империи Великих Моголов.

События, связанные с деятельностью Бабура излагаются в сочинении визиря Великих Моголов Абу-л Фазл Аллами (1551-1602 гг.) «Акбар-наме». Пользуясь имевшимся в его распоряжении огромным количеством архивных документов, Абу-л Фазл Аллами смог реализовать грандиозный замысел – «Акбар-наме», биографию монарха с подробным описанием его деяний и владений.

«Акбар-наме» – написанная на персидском языке летопись, описывающая историю Империи Великих Моголов. Составлена по заказу Акбара I Великого. Летопись состоит из двух томов. В первом томе описывается история Тимуридов, правление Бабура и Хумаюна. Второй том детально описывает правление Акбара I Великого вплоть до 1602 г.

Глава 17

Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани Захир-ад-дин Мухаммад Бабур Падшах Гази¹.

Повелитель престола семи миров²; небесный владыка; венец возвышенного трона; величайший из гениев и дарующий величие; повелитель удачи; превосходящий всех предначертаниями гороскопа; небеса во всей полноте; земля в равновесии; львиносердечный; бесстрашный завоеватель стран; великий в славе; с действующим разумом; исследующий истину; грозный лев, разбивающий армии; укрепитель власти; с сердцем [необъятным], как океан; выдающегося происхождения; святой носитель верховной власти; возведенный на трон в царстве земном и духовном, Захир-ад-дин Мухаммад Бабур Падшах Гази. Его жемчугоподобная душа была явлена со знаками величия и необыкновенной возвышенности, свободы и независимости вместе с великой сдержанностью и величественной силой, освещающей его сущность, в аскетизме и погруженности (факр у фана)³ Джунда и Баязида⁴. Великолепие и одаренность Искандера и Фаридуна сияли с его чела.

Святое рождение этого великого произошло 6 числа месяца мухаррам 888 г.х. (14 февраля 1483 г.) из священного чрева и чистого покрова девственной славы благородно рожденной Кутлук Нигар ханум. Драгоценный камень океана судьбы и сияющая звезда (дурри) небес славы – он появился на свет из счастливого источника. Эта вершина чистоты и образец целомудрия была второй дочерью Юнус-хана и старшей сестрой Султан Махмуд-хана. Ее родословная такова: Юнус-хан – сын Ваис-хана, сына Шир Али Оглана, сына Мухаммад-хана, сына Хизр Ходжа-хана, сына Туглак Тимур-хана, сына Исаи Буга-хана, сына Дава-хана, сына Барак-хана, сына Исун Тувы⁵, сына Мутакана, сына Чагатай-хана, сына Чингиз-хана. Маулана Хисами Каракули написал о дне благородного рождения следующие строки:

Шестого числа месяца мухаррам был рожден щедрый повелитель,

Хронограмма его рождения также шестой день месяца мухаррам (шаш-и-мухаррам).

Несмотря на то, что хронограмма появилась при неизвестных обстоятельствах и ее значение непостижимо, было что-то странное в том, что она состоит из шести частей, а число шесть учителями вычислений считается очень счастливым. Фразы (лафз) шаш харф и знаки (накш) адад-и-хаир также указывают на это число⁶. Другим чудесным совпадением было то, что единицы, десятки, сотни числа одинаковы (8-8-8), таким образом указывалась уравновешенность характера. Его жизнь соответствовала этим вехам рождения. Сам великий святой Ходжа Ахрар щедро одаривающим языком дал этому благословенному имя Захир-ад-дин Мухаммад, но оно, столь возвышенное и величественное, было неудобопроизносимым на тюркском языке, поэтому его также нарекли Бабур. Его Величество был старшим законным сыном Омар Шейх мирзы. Он в двенадцатилетнем возрасте, во вторник, 5 рамадана 899 г.х. (10 июня 1494 г.), взшел на трон Андижана. Немногим правителям довелось преодолевать такие трудности, какие выпали на его долю. Ему пришлось проявить сверхчеловеческую смелость, уверенность в своих силах и стойкость на поле битвы и в других опасностях. Когда в Ахси произошло несчастье с Омар Шейх мирзой, Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани был в Чарбаге (дворце), в Андижане. На следующий день, во вторник, 5 рамадана, вести пришли сюда. В одно мгновение Бабур вскочил на свою лошадь и помчался в цитадель Андижана. Едва он оказался у врат⁷, Ширам Тагай⁸ взял коня под уздцы и направился в сторону намазгах (место богослужения), чтобы доставить его [Бабура] в Озканд, к подножию гор. Он опасался, что поскольку Султан Ахмад мирза пришел с большим войском, то беки-предатели могли сдать страну ему; и если по вероломности они так поступили бы, священная особа Его Величества была бы спасена от этой угрозы и доставлена к дядям по материнской линии – Иланджану⁹ и Султан Махмуд-хану.

Военачальники, узнав о его намерении, послали Ходжа Мухаммада Дарзи, чтобы успокоить его. Процессия достигла намазгах, когда Ходжа Мухаммад догнал их. Он успокоил Его Величество и уговорил вернуться. Когда он (Бабур) возвратился к цитадели Андижана, все [88] беки вышли навстречу и были удостоены знаков его внимания. Как уже говорилось, Султан Ахмад мирза и Султан Махмуд-хан объединились и выступили против Омар Шейх мирзы. Теперь же неизбежное, начертанное на скрижалях судьбы, случилось, и все воины, малые и великие, соединились для обороны крепости. Султан Ахмад мирза, овладев Уротеппой, Ходжандом и Маргинаном – округами Ферганы, разбил лагерь в 4 косах от Андижана. И хотя они направили

послов и постучались в дверь мира, он их не послушал и продолжил наступать. Но поскольку таинственная помощь всегда была явлена этому роду, она проявилась и в усилении крепости, и в сплочении военачальников, и в том, что на лагерь напала чума, вызвав гибель лошадей¹⁰. Султан Ахмад оказался в затруднении и решил изменить свои первоначальные замыслы. Он смирился [с положением] и убрался восвояси.

Перейдя реку Ходжанд с севера, Султан Махмуд-хан окружил Ахси. Джахангир мирза, брат Его Величества, и большинство преданных воинов были там. Хан много раз штурмовал крепость, но ее защитники упорно сопротивлялись, и хан не достиг своей цели. Он внезапно заболел, и ему пришлось отказаться от собственных тщетных замыслов и направить свои поводы в родной край. Одиннадцать лет¹¹ Его Величество провел в великих сражениях в Мавераннахре против чагатайских эмиров и узбеков. Трижды завоевывал Самарканд: первый раз в 903 г.х. (конец ноября 1497 г.), когда, придя из Андижана, он отбил его у Байсункар мирзы¹², сына Султан Махмуд мирзы; во второй раз у Шайбак (Шайбани)-хана в 906 г.х. (осень 1500 г.); и в третий, после того как убили Шайбак-хана в 917 г.х. (октябрь 1511 г.). Аллаху было угодно раскрытие этой удивительной жемчужины, Его Величества, Царя Царей, и Он замыслил всё так, чтобы землю Индостана присоединили и Его Величество направился в эту неизведанную страну и добился там величия и счастья, – Он повелел вратам беды раскрыться в родном краю Его Величества – месте встречи с преданными служителями, чтобы для него [Бабура] более не было туда дороги. Ему пришлось продолжать путь с небольшой армией в Бадахшан и Кабул. Когда он достиг Бадахшана, все люди Хусру-шаха, местного правителя, поступили к нему на службу. И правитель Бадахшана был вынужден самолично сделать то же, несмотря на то, что [он] этот негодяй был [89] повелителем неверных, предал мученической смерти Байсункара и ослепил Султан Масуд мирзу¹³, а оба принца были братьями Его Величества. И он (Хусру) проявил все признаки бесчеловечности и безжалостности в трудную пору, когда армия Его Величества продвигалась к Бадахшану¹⁴.

Теперь же, когда он [Хусру] увидел отражение своих деяний в зеркале возмездия и удача отвернулась от его низкой натуры, Его Величество из совершенной человечности и высочайшей мудрости не стал воздавать ему по заслугам, а лишь приказал, чтобы тот, взяв с собой столько из своей собственности, сколько сможет увезти, убрался в Хорасан. И он, взяв пять или шесть мулов и верблюдов, груженных драгоценностями и золотыми украшениями, бежал в Хорасан¹⁵. А Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани, наведя в Бадахшане порядок, направился в Кабул.

В это время Мухаммад Муким, сын Зу-н-нуна Аргуна, отвоевал Кабул у Абдар-Раззак мирзы, сына Улугбек мирзы, сына Султан Абу Саид мирзы, приходившегося двоюродным братом Его Величеству¹⁶. Услышав о приближении победоносных знамен, он возвел укрепления, но через несколько дней добился мира и получил позволение уехать к брату Шахбеку в Кандагар, забрав свое имущество. Кабул попал в руки слуг Его Величества в конце месяца раби ал-аввал 910 г.х. (начало октября 1504 г.). После того как Его Величество добился сдачи Кандагара в 911 г.х., был завоеван зависимый от Кандагара Килат (Калат). После этого, из соображений государственной политики, он отказался от взятия Кандагара, двинулся на юг и атаковал афганские племена Сава-Санга и Ала-Тага¹⁷, а затем возвратился в Кабул.

В начале того года в Кабуле и его окрестностях случилось сильное землетрясение¹⁸. Крепостные валы и множество строений в цитадели и городе были разрушены. Все дома в деревне Пемган¹⁹ сровнялись с землей, и в один день здесь произошло тридцать три толчка, а в течение месяца земля колебалась трижды в сутки. Многие люди погибли. Между Пемганом и Бактубом [Бектубом] огромная глыба земли, размером с расстояние полета брошенного камня, отделилась и обрушилась вниз на расстояние полета стрелы, и потоки хлынули из расщелины. От Истиргача²⁰ до Майдан²¹ на расстоянии 6 фарсангов (около 24 миль) земля так искривила свою поверхность, что часть ее поднялась до высоты спины слона. В начале землетрясения тучи пыли поднимались из-за вершин гор. В том же году сильное землетрясение произошло в Индии.

Важнейшим событием явилось то, что Шайбак (Шайбани)-хан собрал армию и направился в Хорасан. Султан Хусейн мирза созвал всех своих сыновей и выступил против него. Он также направил Сайид Афзала, сына мира Султан Али Хаббина (провидца), настоятельно просить помощи Его Величества Фирдус-макани. Таким образом, он выступил в Хорасан в мухарраме 912 г.х. (конец мая 1506 г.). По пути, около Кахмарда, он получил известие о смерти Султан Хусейна²². Несмотря на политические соображения, Его Величество Фирдус-макани решил, что тем более необходимо продолжить путь в Хорасан. Еще до того, как его армия достигла Хорасана, недальновидные и неопытные люди посадили на трон сразу двух сыновей мирзы – Бади-аз-Замана и Музаффар Хусейн мирзу²³.

В понедельник, 8 числа месяца джумада ал-ахира, Его Величество встретился с мирзами в Мургабе и по их просьбе двинулся на Герат. Но так как он не увидел в них способности к руководству и управлению, то отправился назад в Кабул 8 шаабана (24 декабря 1506 г.). В это же время в Хазарейские горы пришла весть о том, что Мухаммад Хусейн мирза Даглул и Султан Санджар Барлас²⁴ переманили на свою сторону всех моголов, оставленных в Кабуле, свергли Хан-мирзу²⁵ и осадили город. Они также распускали слухи, что сыновья Султан Хусейн мирзы замыслили погубить Его Величество Фирдус-макани²⁶. Мулла Бабаи Башагари²⁷, амир Мухибб Али Халифа²⁸, амир Мухаммад Касим Кохбар²⁹, Ахмад Юсуф и Ахмад Касим, которым была поручена защита Кабула, заботились об обороне. Узнав эти новости, он передал имущество Джахангир мирзе³⁰, который, будучи нездоров, в сопровождении немногочисленного отряда с большими трудностями пересек сильно заснеженный перевал Хинду Кох³¹ и однажды ранним утром спустился к Кабулу.

Все мятежники скрылись, услышав о приближении Его Величества. Сначала он направился к Шах-бегим³², мачехе своей матери, которая, к слову, способствовала выдвижению Хан-мирзы, и, преклонив колени, обратился к ней со скромностью и великодушием. Хорошо зная, каково было ее душевное состояние, он сказал ей такие успокаивающие слова: «Если мать больше привязана к одному ребенку, то зачем же обижать другого? Нет пределов ее власти». Потом произнес: «Я долгое время провел без сна и преодолел трудный путь», и положив голову ей на колени, заснул. Таким образом, чтобы утешить бегим, которой было очень нелегко, он по-доброму отнесся к ней³³. Не успел он полностью погрузиться в сон, как вошла его тетка, Михр Нигар ханум³⁴, и Его Величество поспешно встал и поприветствовал ее (ишан-ра дариафтанд). Потом арестовали и привели Мухаммад Хусейн мирзу. Его Величество, будучи сокровищницей доброты, даровал ему жизнь и позволил уехать в Хорасан. После этого ханум (Михр Нигар) привела Хан-мирзу и сказала: «О жизнь твоей матери! Я привела твоего провинившегося двоюродного брата (бирадар), каким будет твое соизволение?». Его Величество обнял его [Хан-мирзу] и доброжелательно заговорил с ним. Затем он предоставил ему самому выбирать – уйти или пребывать здесь³⁵. Хан-мирза был очень смущен этим – и не смог решиться остаться. Он ушел и направился в Кандагар. Это произошло в тот же год.

На следующий год он (Бабур) отправился в Кандагар и сразился с Шахбеком, сыном Зу-н-нуна Аргуна, и Мухаммад Мукумом, его младшим братом. Хан сослужил здесь великую службу. Его Величество даровал Кандагар Насир мирзе, младшему брату Джахангир мирзы³⁶, а затем возвратился в Кабул. Он позволил Шах-бегим и Хан-мирзе проследовать в Бадахшан. После многих происшествий Хан-мирза предал смерти Забир Раги³⁷ и утвердил высшую власть в Бадахшане, сохранив преданность (Бабуру).

В 916 г.х. (начало декабря 1510 г.) гонец³⁸ доставил новости о том, что Шайбани-хан убит, и самое время Бабуру двинуться в этом направлении. Поэтому тот проследовал³⁹ туда в шаввале и одержал несколько побед в сражениях с узбеками и завоевал Самарканд в третий раз в раджабе 917 г.х. (октябрь 1511 г.). Он правил там восемь месяцев, а в сафаре 918 г.х. (апрель 1512 г.) произошла большая битва с Убайд-ал-лах-ханом при Кул-Малике. Поначалу он [Бабур] одерживал верх, но всё же по воле небес потерпел поражение и возвратился в Хисар.

Потом он и Наджмбек участвовали в крупном сражении с узбеками ниже крепости Гадживан⁴⁰. Наджмбека убили, и Его Величество возвратился в Кабул⁴¹. Более того, по тайному наитию, он был готов отложить поход в Мавераннахр и отправиться покорять Индостан. Четыре раза начинал он это предприятие и всегда возвращался под действием обстоятельств, начиная всё сначала. Первый раз он вышел в шаабане 910 г.х. (январь 1505 г.); тогда он пошел через Бадам Чашма⁴² (Миндальный источник) и Джагдалик, прошел через Хайбар и остановился в Джаме⁴³ (Джамруд). В «Вокиат-и-бобурий», тюркской книге, написанной Его Величеством, он признавался, что никогда не видел жаркие страны и Хиндустан до того, как в шесть переходов прошел путь от Кабула до Адинапура. «Когда я достиг их, то увидел новый мир. Трава была иная, деревья другие, дикие животные – новых видов, птицы иного оперения, обычаи и нравы народа (аил у алуc) совершенно другие. Я был изумлен, и в самом деле это место вызывало восхищение»⁴⁴. Насир мирза приехал из Газни и засвидетельствовал свое почтение. Он (Бабур) остановился в Джамруде и советовался о переправе через реку Инд [Синд в месте], известном как Нилаб. Из-за алчности Баки Чаганиани⁴⁵ переправа через Инд была отложена, и он выступил против Кохата. После взятия Кохата напал на Бангаш и Нагз⁴⁶. Затем направился на земли [племени] исахайль и остановился в окрестностях Тарбила⁴⁷ – селения, расположенного на реке Инд в земле Мульта. Затем он совершил несколько походов вниз по реке. Потом прошел к границам Дуки⁴⁸ и спустя несколько дней – в Газни. В месяце зу-ль-хиджжа (май 1505 г.) он вернулся в Кабул.

Во второй раз прославленная армия отправилась в месяце джумада ал-аввал 913 г.х. (сентябрь 1507 г.) через Малый Кабул (Хурд Кабул) на завоевание Индостана⁴⁹. Сначала они прошли от Мандраура⁵⁰ через Атар и Шивех и затем вернулись назад из-за разногласий среди военачальников. Они переправились через Кунер и Нургил⁵¹, и от Кунера он (Бабур) на плотках (джала) достиг лагеря, а потом [вернулся] через Бадидж⁵² в Кабул. По приказу Его Величества дата его перехода была запечатлена на камне выше Бадиджа. Диковинная надпись существует до сих пор⁵³. До того времени благородные потомки Господина Соединения звались «мирза». Его Величество приказал, чтобы в этой надписи его именовали Падшах.

Во вторник, 4 числа месяца зу-ль-каада этого благоприятного года (6 марта 1508 г.), в цитадели Кабула произошло счастливое рождение Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни (Хумаюна), описание жизни которого будет дано ниже.

В третий раз, в понедельник⁵⁴, 1 числа месяца мухаррам 925 г.х. (3 января 1519 г.), когда армия выступила против Баджаура, произошло большое землетрясение, которое длилось половину звездного часа. Султан Ала-ад-дин Сивади (из Свата) приехал в качестве посла на территорию Султан Ваиса Сивади⁵⁵. В короткое время крепость Баджаур была захвачена и дарована Ходжа Калан-беку, сыну маулавы Мухаммада Садра, который был одним из лучших военачальников у Омар Шейх мирзы. Ходжа был связан с Его Величеством необычным образом, ибо шестеро его братьев отдали свои жизни на службе Его Величества. Сам он стал советником Его Величества благодаря своей мудрости и проницательности. Когда Его Величество обдумывал в Сиваде (Свате) план похода и завоевания юсуфзаев, Таус-хан, младший брат шаха Мансура, который был вождем племени юсуфзаев, принес известие о дочери последнего⁵⁶ и произнес слова смирения и покорности. Кроме того, в той стране диких животных были трудности с запасом зерна. К тому же он (Бабур)

был решительно настроен предпринять поход в Хиндустан. Он повернул свои поводы от Сивада. Хотя надлежащие приготовления к походу в Индию еще не были сделаны и его военачальники были против этого, он зажег факел смелости и устремился в сторону сокрытых мраком областей Хиндустана. Утром в четверг, 16 числа месяца мухаррам⁵⁷, он перешел через реку (Инд) с лошадьми, верблюдами и снаряжением, в то время как обоз (урду-базар) переправился на плотах. Они остановились около [реки] Качакот.

В семи косах на север от Бхиры⁵⁸ находится гора, [называемая в «Зафар-наме» и других книгах холмом Джуд. Здесь они разбили лагерь. Его Величество писал в «Записках»: «Поначалу причина такого наименования была мне неизвестна, но потом я узнал, что на этом холме жили два племени, которые произошли от одного предка. Первое называлось Джуд, а другое Джанджуха». Он послал Абд-ар-Рахима Шагавала [Шигаула] в Бхиру с указаниями предупредить народ и предостеречь каждого от совершения насилия. В конце дня он остановился на востоке Бхиры на берегу реки Бихат (Джелам, древн. Гидаспа). Он собрал 400 000 шахрухи⁵⁹ с Бхиры как плату за защиту и даровал страну Хиндубеку, установив эти доходы в качестве содержания. Хушаб он даровал Шах Хасану⁶⁰ и распорядился, что тот будет помогать Хиндубеку. Он отправил муллу Муршида с дипломатическим поручением к Султану Ибрахиму, сыну Султану Сикандару [Искандеру] Лоди, который пять или шесть месяцев назад⁶¹ унаследовал от своего отца владение Индостаном, – передать ему полезные советы. Давлат-хан, правитель Лахора, воспрепятствовал послу и безрассудно отправил его обратно, не дав выполнить надлежащее поручение. В пятницу, 2 раби ал-аввала (4 марта 1519 г.), пришла весть о счастливом рождении благословенного сына. И хотя завоевание Индостана тогда еще не завершилось, по таинственному побуждению и предзнаменованию его назвали Хиндалом⁶². В понедельник, 5 числа месяца раби ал-аввал, управление Бхирой было передано Хиндубеку⁶³, и он (Бабур) по государственным соображениям пустился в обратный путь в Кабул. В четверг, последний день месяца раби ал-аввал (31 марта), он прибыл в Кабул. 25 числа месяца раби ал-ахира (25 апреля) Хиндубек, по своему легкомыслию оставивший Бхиру⁶⁴, также приехал в Кабул. Дата начала четвертого похода неизвестна, но исходя из того, что он (Бабур) возвратился после взятия Лахора, и из хронограммы взятия Дипалпура, о которой будет рассказано далее, становится ясно, что поход имел место в 930 г.х.65 (1524 г.). Так как каждому событию свое время, этот блестящий замысел (покорения Индии) был отложен. Видимой причиной того явилась лень военачальников и разобщенность его братьев. Наконец, в пятый раз, под руководством Аллаха и водительством удачи, в пятницу, 1 числа месяца сафар 932 г.х. (17 ноября 1525 г.), когда Солнце находилось в Стрельце, были развернуты знамена света, которые могли бы рассеять тьму во Вселенной, и, поместив ногу в стремя надежды на Аллаха и воздержанности от грехов⁶⁶, он продолжил поход на Индию. Мирза Камран оставался в Кандагаре, и ему доверили также заботу о Кабуле. В начале этого похода победа следовала за победой, а удача за удачей. Лахор и другие крупные города Индии были завоеваны, и 17 числа месяца сафар (3 декабря) Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни Насир-ад-дин Мухаммад Хумаюн прибыл со своей армией из Бадахшана в лагерь, который располагался в Баг-и-вафа (Саду преданности)⁶⁷. Ходжа Калан-бек в это же время подросел из Газни.

Первого раби ал-аввала (16 декабря) он [Бабур] переправился через Инд близ Качакота⁶⁸ и устроил смотр своей армии. Двенадцать тысяч – конница, тюрки, таджики, купцы и прочие⁶⁹ – собрались там. Затем они переправились через Бихат (Джелам) выше [города] Джилум (Джелам)⁷⁰. Около Бухлуппура они перешли Чинаб и разбили лагерь.

В пятницу, 14 числа месяца раби ал-аввал (29 декабря), они остановились около Сиалкота, и Его Величество разработал план переселения жителей в Бухлуппур. В то же время пришло известие, что враг приготовился, а когда Его Величество достиг Каланура, Мухаммад Султан мирза, Адил султан и другие беки, оставленные защищать Лахор, прибыли туда и засвидетельствовали свое почтение.

В субботу, 22 (в тексте – 24) раби ал-аввала, была захвачена крепость Милват⁷¹. Имущество, а также книги Гази-хана перешли к Бабуру. Некоторые из них достались Его Величеству Джаханбани, а другие переданы в дар Камрану в Кандагар. Из докладов стало известно, что Хамид-хан, правитель⁷² Хисар-Фирузы⁷³, сделал уже два или три перехода; в воскресенье, 13 числа месяца джумада ал-аввал, армия выступила из Амбалы и остановилась на берегу водоема (куль), и Хумаюна отправили против Хамид-хана.

Амир Ходжа Калан-бек, амир Султан Мухаммад Дулдай, амир Вали Хазин, амир Абд-ал-азиз, амир Мухибб Али, Ходжа Халифа и другие военачальники, оставшиеся в Хиндустане, такие, как Хиндубек, Абд-ал-азиз, Мухаммад Али Джанг-Джанг, были назначены сопровождать его. Бибан, один из правителей Хиндустана, прибыл в этот же день и засвидетельствовал ему свое почтение. Его Величество Джаханбани одержал легкую победу.

В понедельник, 21 числа того же месяца, он вернулся в лагерь. Его Величество даровал ему город Хисар-Фируза с зависимыми и подчиненными территориями (лавахик), приносившими доход в один крор, а также один крор деньгами⁷⁴ как вознаграждение за эту победу, первую из бесчисленных военных успехов. Армия продолжала свой поход. Неоднократно приходили новости о том, что Султан Ибрахим наступает со стотысячной кавалерией и тысячей боевых слонов. Армия расположилась лагерем около Сирсаваха (Сирса). Здесь Хайдар Кули (Али), слуга Ходжа Калан-бека, которого послали в разведку, принес весть, что Дауд-хан и Хатим-хан продвигаются впереди армии Султан Ибрахима с пятью или шестью тысячами всадников. Таким образом, в воскресенье, 18 числа месяца джумада ал-ахира (1 апреля), Чин Тимур Султан, Мухаммад Султан мирза, Махди Ходжа, Адил султан с левым флангом под командованием Султан Джунаида, Шах Мир Хусейна

и Кутлук Кадама, часть центра под руководством Юнус Али, Абд-ал-лаха, Ахмади, Китабека и других должны были противостоять вражеской армии. Эти герои, быстро выдвинувшись на поле битвы, победили, сразив большое число врагов молниями своих мечей и дождем стрел. Хатим-хан и семьдесят его воинов были схвачены и доставлены в величественный лагерь, где их казнили. Затем по приказу собрали повозки⁷⁵, а Устаду Али Кули поручили соединить их вместе османским (румским) способом – цепями⁷⁶ и плетью из воловьей кожи, из которой делали веревки. Между каждыми двумя повозками ставилось шесть или семь тур⁷⁷, поэтому стрелки из фитильного оружия могли стрелять из надежного укрытия. Через несколько дней эти приготовления были закончены.

Наконец в четверг, последний день месяца джумада ал-ахира (12 апреля), феникс (хума) победы распростер над городом Панипат свои крылья. Боевые порядки были выстроены превосходно. Правый фланг располагался около города, повозки и туры – впереди центра. Левый фланг был защищен деревьями и рвами. Султан Ибрахим подошел на расстояние шесть косов к городу, и в течение недели молодые воины и испытанные ветераны бились с многочисленными врагами на границах враждебного лагеря и всегда выходили победителями. Далее, в пятницу, 8 числа месяца раджаб (20 апреля), Султан Ибрахим начал наступать большим войском и боевым порядком слонов. Его Величество Гити-ситани также послал вперед свои силы и украсил поле брани следующим образом.

БИТВА МЕЖДУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ ГИТИ-СИТАНИ ФИРДУС-МАКАНИ И СУЛТАН ИБРАХИМОМ И ОПИСАНИЕ БОЕВЫХ ПОРЯДКОВ

Поскольку Защитник и Созидатель пожелал возместить былые поражения и обратить прошлые несчастья в удачу и блага, Он принял предварительные меры для этого и привел все дела в порядок. Среди таких приготовлений было решение Султана Ибрахима о начале битвы и выступление армии Его Величества Гити-ситани. Так как Божественная помощь сопутствовала ему и всегда поддерживающая судьба пребывала с ним, он – с невозмутимым разумом и твердой душой – несмотря на большие трудности и отсутствие благоприятных знаков обратился за помощью к неизменному Судье и встал во главе своих войск.

Центр украшался личным присутствием Его Величества. На правом фланге центра, который турки называют унк-гул⁷⁸, находились [Чин] Тимур Султан, Сулейман мирза, амир Мухаммад Кокалташ, амир Шах Мансур Барлас, амир Юнус Али, амир Дервиш Мухаммад Сарбан, амир Абд-ал-лах Китабдар. На левом фланге центра, который турки называют сул-гул, располагались амир Халифа, Ходжа Мир Миран Садр, амир Ахмади Парваначи, амир Тардибек, брат Кучбека, Мухибб Али Халифа, Мирзабек тархан. Правым крылом командовал Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни; амир Ходжа Калан-бек, Султан Мухаммад Дулдай, амир Хиндубек, Вали Хазин, Пир Кули Систани были в его свите. На левом крыле находились Мухаммад Султан мирза, Сайид Махди Ходжа, Адил султан, Султан Джунаид Барлас, Ходжа Шах, Мир Хусейн, амир Кутлук Кадам, амир Джанбек (в тексте – хан), амир Мухаммад Бахши и другие герои. В авангарде стояли Хусрау Кокалташ и Мухаммад Али Джанг-Джанг⁷⁹; амир Абд-ал-азиз заботился о резерве. Правое крыло замыкали Вали Казил, Малик Касим, Баба Кашка со своими моголами, сформировавшими фланговый отряд (тулакма). Во фланговый отряд левого крыла были назначены Кара Кузи, Абу-л Мухаммад Найзабаз (играющий копьем), Шейх Али, Шейх Джамал, Тенгри Кули Могол. Таким образом, храбрецы меча, стоявшие твердыми ногами на поле брани с подстерегающими жизни стрелами (сахам) и выпивающими кровь клинками (шамшам), показали отвагу и бесстрашие.

Бесстрашные стояли твердо,

У них деревья научились так стоять.

В ходе грандиозного столкновения небесная помощь поддерживала центр и оба крыла армии, и с Божьей помощью они победили и разгромили врага. Великая победа служителей, всегда ищущих прибежища у Аллаха, была явлена. Султан Ибрахима убили неузнанным, а многочисленные афганцы стали урожаем царского меча, и караваны города смерти проследовали в обитель уничтожения в сопровождении воинов-победителей и факелов освобождающих мир мечей. Около тела Султана Ибрахима лежали пять или шесть тысяч погибших. Солнце взошло высоко в начале битвы, и в полдень подул ветерок победы и северный ветер нового завоевания.

Может ли эта великая победа, которая явилась вершиной удачи, быть постигнута? И как может язык описать то, что находится за пределами постижения? Когда султан Махмуд Газнави покорил Хиндустан, он обладал Хорасаном, владыки Самарканда, Дару-л-марза и Хорезма находились в зависимости от него, и он имел армию более 100 000 человек. Но не было в Индостане подчинения одному монарху. Раи и раджи правили здесь, однако не подчинялись друг другу. Султан Шихаб-ад-дин Гури приходил завоевывать Индию со 120 000 латников, восседавших на защищенных кольчугами лошадях⁸⁰. Тогда тоже не было единого правителя на всей громадной территории, и даже его брат Гияс-ад-дин, глава Хорасана, не зависел от него. Его Величество Господин Соединения (Тимур) во времена завоевания Индостана⁸¹ дал приказ устроить смотр своей армии на равнине Самана⁸², и маулана Шараф-ад-дин Али-и Йезди отметил (Зафар-наме, II. 83), что расстояние между флангами той армии (тул-и-есал) составляло шесть фарсахов, а мужи, опытные в военных делах, подсчитали, что один фарсах занимают 12 000 лошадей, следовательно, помимо прислуги (наукар-и-наукар), там насчитывалось более 72 000 всадников. Прислуга занимала 2 коса⁸³. Его противник, Маллу-хан⁸⁴, имел 10 000 лошадей и 120 слонов. Даже при такой силе многие в лагере Господина Соединения были охвачены страхом, и Его Величество заметил тревожное состояние солдат и услышал от них панические высказывания. Для

ободрения воинов он приказал соорудить ограждение из деревьев и кустов перед линией войск, выкопать ров, а позади него уложить друг против друга буйволов и волов, связанных по ногам ремнями. Приготовили также много треугольных железных зубьев, чтобы пехота могла их бросать на дорогу перед атакой слонов [противника]. Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани, являвшийся четвертым мирозавоевателем (гитинаваз) Индии, в той славной победе, которая стала одним из величайших даров Аллаха, имел не более 12 000 человек, как солдат, так и слуг. Еще более удивительно, что его владения включали Кандагар, Бадахшан, Кабул, но не было никакой помощи от этих стран для его армии, наоборот, расходы на охрану границ от врага и другие государственные нужды превышали денежные поступления. А воевал он с Султаном Ибрахимом, обладавшим сотысячной кавалерией и тысячей боевых слонов, правившим от Бхиры до Бихара и не имевшим при этом [никакого другого] врага.

Только Божественной помощью и поручительством небес свершилось это славнейшее дело. Люди, обладающие здравым смыслом и жизненным опытом, чувствуют себя бессильными достойно воспеть это событие всех времен. Славься, Всевышний, создавший всеосвещающий Свет Его Величества, Царя Царей, чудо стольких подвигов сотворено Тобой! И когда зажглись огни победы, Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани обратил к небу подобное зеркалу чело, смиренно вознес благодарственные молитвы. Он преподнес дары всему человечеству, разослав своих слуг во все страны.

Деянием, превосходившим величественные замыслы завоевывающих мир принцев, покоривших Индостан, явилась победа Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни на равнине Сихринд⁸⁵, ниспосланная благословенным существованием Его Величества, Царя Царей (Акбара). Рассказ о том, как он [Джаннат-ашияни] с 3000 воинов освободил Индию от Сикандара Сура, имевшего более 80 000 человек в своей армии, будет приведен далее. Еще более удивительным является свершение удачи Тени Аллаха (Акбара), с Божьей помощью избавившего вместе с несколькими людьми Индию от рук многочисленных мятежных⁸⁶ вождей, которое невозможно описать современным языком. Краткий рассказ об этом – в надлежащем месте.

Если Судьба подарит мне надежду,
Небеса – звездный час и благу возможность,
То, воодушевив собрание праведных,
Я буду приукрашивать рассказ за рассказом⁸⁷.
На этой скрижали бессмертных
Я напишу картину для пользы потомков.

В славный день победы Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни, амир Ходжа Калан-бек, амир Мухаммад Кокалташ, амир Юнус Али, амир Шах Мансур Барлас, амир Абд-ал-лах Китабдар, амир Али [Вали] Хазин по приказу царя отправились с войсками в Агру, столицу владений Султана Ибрахима, для захвата сокровищ. Распространив лучи справедливости, они придали уверенности жителям, которые уповали лишь на Господа. Сайид Махди Ходжа, Султан Мухаммад мирза, Адил султан, амир Джунаид Барлас, амир Кутлук Кадам поехали в Дели с поручением сохранить сокровища и тайные запасы и одарить подданных и жителей царскими милостями. В тот же день провозглашения победы были написаны и отправлены с посыльными в Кабул, Бадахшан и Кандагар. А сам он [Бабур] остановился в Дели в среду, 12 раджаба (25 апреля 1526 г.). В пятницу, 21 раджаба (4 мая)⁸⁸, он раскрыл зонт удачи над Агрой и рассеял тьму в стране.

Каждый в Индостане, малый и великий, испытал на себе царскую благожелательность и милость. Его всеобъемлющая доброта пролила дождь щедрости – матери, детям и слугам Султана Ибрахима были назначены специальные пособия. Матери Ибрахима на содержание имущества выделялось семь лаков танка⁸⁹. Соответственно положению были выделены пенсии и другим родственникам. Встревоженный мир успокоился. Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни, который заранее прибыл в Агру, преподнес [Его Величеству Гити-ситани Фирдус-макани] алмаз весом 8 мискалей⁹⁰, который оценивался ювелирами в половину ежедневных мировых расходов. Говорили, будто этот алмаз принадлежал к сокровищам Султана Ала-ад-дина (Хилджи). Он (Хумаюн) получил его от семьи Бикрамаджита, раджи Гвалиара. Его Величество, благородный по натуре, сначала принял его, а потом вернул ему (Хумаюну) в качестве подарка⁹¹.

В субботу, 29 раджаба⁹², он начал осматривать и раздавать сокровища и запасы, собранные многими царями. Он даровал Его Величеству Джаханбани 70 лаков сикандарских танка и сокровищницу, богатство которой не было сосчитано. Амирам, в соответствии с их положением, он жаловал от пяти до десяти лаков танка, и каждому солдату и слуге – подарки, превосходившие их чины. Каждый ученый муж, малый и великий, был осчастливлен дарами. Ни один человек в лагере или обозе (урду-базар) не остался непричастным к этому радостному событию. Наследники царской семьи⁹³ в Бадахшане, Кабуле и Кандагаре тоже получили подарки соответственно их положению, а именно: Камран мирза – 17 лаков танка; Мухаммад Заман⁹⁴ – 15 лаков и также Аскари мирза, Хиндал мирза, и все женщины из гарема и сияющие звезды⁹⁵ Халифата, и все беки и слуги, которых не было на возвышении, получили, согласно их положению, драгоценные камни и различные богатства, а также всех родственников и приближенных Его Величества в Самарканде, Хорасане, Кашгаре и Ираке одарили ценными подарками. Дары отправили также к святым гробницам (машахид) и в священные мечети в Хорасане, Самарканде и т.д. И был издан указ о том, что каждому жителю Кабула, Саддара, Вараска, Хуста и Бадахшана⁹⁶, мужчине и женщине, малому и великому, будет послан шахрухи. Таким образом, все – и элита, и простой люд – угощались досыта со щедрого стола Его Величества.

От потока с льющей драгоценности руки
 Радость вновь вспыхнула в мире.
 Приятен дар, что, ниспосланный издалека,
 Как Луна, проливает на землю свет со своей сферы.

Это непреложный закон: когда украшающий мир Творец желает извлечь редчайшую жемчужину из ее оболочки, он приводит к свершению удивительные события, чтобы человек, пройдя таким образом испытание словом и делом, мог прославиться в умах всех [людей] своей твердостью и дальновидностью. Среди таких удивительных событий было следующее: несмотря на победу и щедрые дары, не было взаимопонимания (киллат-и-муджапасат) с народом Индии, что вызвало необходимость сближения (иллат-и-адам-и-муванасат).

Солдаты и крестьяне (Индии) избегали общения (с захватчиками). Несмотря на то что Дели и Агра уже были завоеваны и противник удерживал страну в своих руках, многие из соседних крепостей оставались во власти мятежников. Касим Санбали удерживал Санбал [Самбхал] (Рохилканд), в крепости Биана (Бхартпур) Низам-хан бил в барабан сопротивления. Хасан-хан Мевати обосновался в Мевате (южнее Дели) и поднял знамя восстания. Мухаммад Зайтун обосновался в Дхолпуре [Дулпуре] (Раджпутан) и дышал враждебностью. Татар-хан Сарангхани (Фиришта, сын Саранг-хана) засел в Гвалиаре; Хусейн-хан Лохани [Нухани] — в Рапри [Рапари] (на Джамне); Кутб-хан — в Этаве [Итаве], Алам-хан — в Калпи. Маргуб, раб Султан Ибрахима, удерживал Махаван (Матхура), что возле Агры. Канаудж и другие города за Гангом были в руках афганцев под предводительством Насир-хана Лохани [Нухани] и Мааруфа Фармули, который соперничал и с Султан Ибрахимом. После его смерти они овладели многими другими областями и постепенно наступали, сделав Бахар-хана [Бихар-хана], сына Дария-хана, государем и назвав его Султан Мухаммад⁹⁷.

В течение этого года, пока резиденция Его Величества находилась в Агре, горячие ветры были очень тягостными. Пыльный самум и болезни поселили трусость в лагере. Очень многих охватили малодушные мысли, из-за мятежей, суровой погоды, непроходимых дорог, задержки торговцев возникла нехватка продовольствия и необходимых запасов. Состояние людей ухудшалось. Многие военачальники решили уйти из Индостана в Кабул и его окрестности, а множество солдат дезертировали. Некоторые старые военачальники и солдаты-ветераны допускали недостойные высказывания в Присутствии [диване], и втайне выражалось несогласие с Его Величеством, в то время как Его Величество Гити-ситани, единственный, кто сохранил дальновидность и терпение, не обращал на это внимания, а приступил к управлению страной. Наконец элита и те, кто был обучен Его Величеством и от кого ожидалось совсем иное, вспомнили старые времена. Особенным был случай с Ахмади Парваначи и Вали Хазином. Еще более изумляет, что Ходжа Калан-бек, который на всех полях сражений и в походах, особенно в экспедиции в Индостан, являл образец воспитанности и вел речи, приличествующие храброму человеку, сейчас изменил свои взгляды и открыто и намеками высказывался в пользу ухода из страны. Наконец Его Величество созвал своих военачальников и мудро поговорил с ними об их тайных мыслях (мак-турат) и опасных идеях (махзурат). Он объявил свое твердое решение: «Мы завоевали эту прекрасную страну трудом и лишениями, и сдаваться из-за незначительных противоречий и усталости — не выход для завоевателей мира и не достойно мудрых. Радость и печаль, благополучие и страдания неразрывно связаны. Сейчас все труды и тревоги подошли к концу. Несомненно, отдых и покой последуют за ними. Вы должны твердо держаться за прочный канат доверия Аллаху и более не произносить пустых и ведущих к расколу слов. Кто бы ни думал вернуться в Кабул (вилаят), признавшись в собственной беспомощности, пусть уходит. Но мы, уверенные в великой отваге, покоящейся в Божественной помощи, укрепили Индию в своем сердце»⁹⁸. Наконец все военачальники после обсуждения и раздумья согласились и признали, что сказанное Его Величеством было истиной, и что «слово царя — это царское слово». Сердечно и по велению души они склонили головы покорности к земле власти и обязались остаться. Ходжа Калан, который сильнее всех желал возвратиться в Кабул (вилаят), получил разрешение вернуться⁹⁹, с ним также отправили всевозможные подарки для князей и других. Газни, Гардез и хазарейцев Султан Масуди¹⁰⁰ присоединили к его землям. В Индостане к ним был добавлен округ [паргана] Гурам (Гхурам). Мир Миран также получил разрешение уехать в Кабул. Ходжа получил разрешение вернуться (в Кабул) в четверг, 20 числа месяца зу-ль-хиджжа (28 августа)¹⁰¹. Это служит доказательством того, что каждый здравомыслящий счастливiec, разбирающийся в делах с проницательной рассудительностью, становится всё более удачливым, ибо достигает высокого положения. Отражение этого — великая история Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани, который при этом недовольстве военных и при таком серьезном противостоянии прибегнул к помощи мирозавоевывающего мужества, и, положившись на Божественную поддержку, поставил целью завершить начатое дело, достичь исполнения своих желаний и сделать город Агру — центр Индостана — собственной постоянной резиденцией, и твердыми приказами, храбростью, щедростью и справедливостью успокоил в стране раздоры. И многие военачальники Индостана и правители страны постепенно начали поступать к нему на службу. Среди них был шейх Гуран¹⁰², который привел с собой более 3000 лучников¹⁰³. Каждый из них удостоился более высоких милостей, чем это соответствовало их положению.

Это были также Фируз-хан, Шейх Баязид, Махмуд-хан Лохани [Нухани], Кази Джиа — известные сирдары, которые поступили на службу и осуществили свои желания. Фируз-хан получил джагир из земель Джаунпура размером в один крор танка¹⁰⁴. Шейх Баязид получил один крор¹⁰⁵ из Аудха; Махмуд-хан — девяносто лаков¹⁰⁶ из земель Газипура. Кази Джиа было назначено двадцать лаков из Джаунпура. В короткое

время воцарились мир и покой, радость, довольство и процветание, свойственные временам твердого правления. Через несколько дней¹⁰⁷ после Ид-и шаввал во дворце Султан Ибрахима в Агре состоялся великий праздник, во время которого сокровища и дары сыпались на полы одежд присутствующих. Самбал передали Его Величеству Джахангани в дополнение к саркару Хисар-Фируза как вознаграждение за доблесть. Амир Хиндубек был назначен его представителем, контролирующим все районы. Как только Бибан осадил крепость Самбал, вышеупомянутые амир [Хиндубек], Китабек, Малик Касим, Баба Кашка со своими братьями, мулла Апак, шейх Гуран со своими воинами из Дуаба были срочно посланы туда. Бибан вступил с ними в бой и потерпел поражение, и так как этот мятежник и предатель (харам-нимак), испытавший сладость служения, затем повернулся [к нему] спиной, будучи низменной натурой, он [Бибан] никогда больше не видел лица удачи.

¹ Мировой завоеватель, постоянно находящийся в блаженном состоянии, Защитник Истины, Мухаммад Бабур (Лев), святой повелитель воинов. Принято считать, что Бабур обозначает «лев» или «тигр», хотя «лев» – «абр», а не «бабур».

² Хафт манзар означает, вероятно, семь климатов или семь планет.

³ Другое известное выражение фана у бака. [Фана используется суфиями по отношению к «стиранию» личностных качеств суфия во внешней реальности, его смерти в ней, и бака – для обозначения «пребывания в божестве», созерцания Бога.]

⁴ [Ал-Джунайд – Абу-л-Касим ал-Джунайд бек Мухаммад ал-Каварири ал-Хаззад ал-Багдади (ум. в 910 г.) – родоначальник одного из двух основных течений в мусульманском мистицизме – «учения о трезвости» и полном самоконтроле. Баязид – Абу Йазид Тайфур бек Иса ал-Бистами (умер в 375 г.) – прославленный персидский мистик, эпоним суфийского направления тайфурийа.]

⁵ В тексте Бисун Тава [Йеусук Тува.]

⁶ Имеется в виду «бросание костей» [вычисления]. Я полагаю, что суммы числовых эквивалентов букв, составляющих как Шаш-харф так и адад-и-хаир равны 888, т.е. 2 ш = 600, х = 8, р = 200 и ф = 80, в сумме 888. Далее а = 70, 2 д = 8, х = 600, и = 10, р = 200, а вместе 888. Главное знамя называлось шаш тугджи. Хронограмма состоит из шести элементов: ш, ш, м, х, р, м.

⁷ У врат мирзы.

⁸ Вариант его имени – Ширим Тагай. Тагай (тагаи) – дядя по материнской линии [у монголов].

⁹ Его настоящее имя было Султан Ахмад-хан, а Ильчех (Алача) – прозвище, обозначающее «убийца». Он был сыном Юнус-хана и сводным братом матери Бабура.

¹⁰ Много лошадей утонуло еще при переправе через реку Каба [Куба (Кува) – река Кувасай – в южной части Ферганской долины Узбекистана], а большинство оставшихся погибли от болезней.

¹¹ Возможно, это ошибка переписчика, т.к. описывается период с 899 по 917 г.х. – восемнадцать лет. В некоторых рукописях говорится о пятнадцати годах.

¹² [Байсункар – двоюродный брат Бабура, был выбит Бабуром из Самарканда в 1497 г. (903 г.х.).]

¹³ [Байсункар был вторым сыном Султан Махмуд мирзы, третьего сына Султан Абу Саид мирзы (деда Бабура). Байсункар погиб 10 мухаррама 905 г.х. (17 августа 1499 г.) от рук Хусрау-шаха в Айвадже. Султан Масуд мирза, старший брат Байсункар мирзы, был по приказу Хусрау-шаха ослеплен в 1498 г.]

¹⁴ То же самое можно сказать о грубом обращении Хусрау-шаха с Бабуром, когда тот пришел к Хисару (Хисар-и-шадман) после бегства из Самарканда в 906 г.х. [1500 г.]. [Отзывы Бабура о Хусрау-шахе отличаются нелицеприятностью и резкостью.]

¹⁵ [См.: Бабур-наме]

¹⁶ [Имеется в виду Абд-ар-Раззак мирза – сын дяди Бабура Улугбек мирза Кабули.]

¹⁷ [Сава-Санг и Ала-Так – области в окрестностях Калата, города в юго-восточной части Афганистана.]

¹⁸ Год 905 начался в июне, землетрясение произошло в июле. Из мемуаров Бабура видно, что это случилось через 40 дней после смерти его матери в начале года. [Речь идет о событиях 911 г.х. (1505 г.). См.: Бабур-наме 157 а-158 а.]

¹⁹ Другое название – Памган. Он находится на юге или юго-западе от Кабула.

²⁰ Ныне Сиргач [в «Бабур-наме» – Истаргач].

²¹ [Современный Майданшахр, западнее Кабула.]

²² [В тексте «Бабур-наме» нет точного указания, где и когда Бабур узнал о смерти Султан Хусейн мирзы.]

²³ Вся нелепость заключается в том, что на трон посадили сразу двух человек. Абу-л Фазл и его школа утверждали, что власть монарха, являющегося тенью Господней, должна быть единоличной. [Бабур писал: «Диковинное это было дело: никогда не было слышано, чтобы два царя правили совместно. Случилось противоположное тому, в чем смысл слов шейха Саади, который сказал в «Гулистане»: Десять дервишей спят на одном коврик, / А два царя не уместятся в одном климате.»]

²⁴ [Мухаммад Хусейн мирза Дуглат был женат на родной сестре матери Бабура] и являлся отцом двоюродного брата Бабура Хайдара. [Султан Санджар — племянник Шах бегим, жены Юнус-хана.]

²⁵ Двоюродный брат Бабура, сын Султан Махмуд мирзы, третьего сына Султан Абу Саида, и Султан Нигар ханум, дочери Юнус-хана и Шах бегим. Он был, таким образом, двоюродным братом Бабура [и по линии отца, и по линии матери]. Точное имя Мирза-хана было Султан Ваис мирза. Хусрау-шах, убив его брата Байсункара и ослепив его другого брата Масуда, стал впоследствии правителем Бадахшана.

²⁶ Слухи были о том, что они заточили Бабура в замок Орла, рядом с Гератом. [В «Бабур-наме» (197 а) крепость называется Ихтияр-ад-дин, или Ала-Курган.]

²⁷ См.: Тарих-и-рашиди, 1. 356. Оба, Бабаи и Мухаммад Ахмад Кохбар, впоследствии восстали против Бабура. [В «Бабур-наме» фигурируют только Ахмад Касим Кухбур и Абу-л Касим Кухбур, сыновья Хайдар Касим бека. Абу-л Касим погиб в шаввале 906 г.х. (мае 1501 г.). Об Ахмад Касиме последнее упоминание датировано 912 г.х. (1506-1507 гг.). Предательство Бабаи Пашагири произошло в месяце раби ас-сани 933 г.х. (январь 1527 г.). (См.: Бабур-наме, 308 б).]

²⁸ [В «Бабур-наме» Мухибб Али Курчи и Халифа (Низам-ад-дин Али Халифа Маргинани, сына Джунаида) – разные люди.]

²⁹ Один из родов Чагатаидов также носит имя Кохбар. Может быть, имеется в виду поэт Мухаммад Касим Кохбар. [В «Бабур-наме» – Кухбур.]

³⁰ [В тексте «Бабур-наме» (192 а-199 б) Джахангир не фигурирует.]

³¹ [В «Бабур-наме» (195 а) перевал назван Кутал-и Заррин.]

³² Дочь правителя Бадахшана и вдова Юнус-хана, деда Бабура по материнской линии. Настоящей бабушкой Бабура была Исан Давлат бегим [см.: Бабур-наме, 106].

³³ [В «Бабур-наме» (200 а и б) этот эпизод передан иначе. Вероятно, Абу-л Фазл опирался на другой источник.]

³⁴ Старшая дочь Юнус-хана [родная тетка Бабура].

³⁵ Бабур разрешил ему отправиться в Хорасан [см.: Бабур-наме, 202 а].

³⁶ [Бабур, Джахангир и Насир мирза были сыновьями Омар Шейх мирзы от разных жен (см.: Бабур-наме, 8 а).]

³⁷ Раг, горный район на северо-востоке Бадахшана. [Зубайр Раги – один из бадахшанских беков.]

³⁸ Гонец был послан Мирза-ханом из Бадахшана, пересек Гиндукуш по снегу и приехал чуть живой. Он прибыл в начале рамадана, который в том году начался 3 декабря.

- ³⁹ Букв, «он повернул поводья своего пересекающего мир коня». Убайд-ал-лах звался также Султаном. Он был женат на сестре мирзы Хайдара и являлся правителем Бухары. Он приходился племянником Шейбани-хану.
- ⁴⁰ Гидждеван – район к северу от Бухары. Видимо, битва произошла 3 рамадана 918 г.х. (12 ноября 1512 г.). Наджм означает звезду, а настоящее имя военачальника было Яр Мухаммад. Он был министром финансов. Кажется, его жестоко убили в отместку за разгром в Карши.
- ⁴¹ Он не сразу направился в Кабул, а сначала в Хисар, где его чуть не убили мятежные моголы. Оттуда в Кундуз, и, «наконец, совсем отчаявшись отвоевать Хисар, он возвратился в Кабул». Дата его возвращения неизвестна, но, возможно, это произошло в 920 г.х. (1514 г.).
- ⁴² Бадам Чашма – переход через реку Кабул между Малым Кабулом и Барик-абом [притоком Баран-су].
- ⁴³ Из Джама Бабур отправился в Беграм (Пешавар) [см.: Бабур-наме, 145 б].
- ⁴⁴ [См.: Бабур-наме, 145 а, б].
- ⁴⁵ В тексте «некий Чагатаи». Под алчностью подразумевается склонность Баки к разбою. Он был младшим братом Хусрау-шаха [см.: Бабур-наме, 58 а]. [Чаганиан – историческая область, располагавшаяся между притоками Аму-дарьи – Вахшем и Сурхандарьей, ныне территория южного Таджикистана и южного Узбекистана.]
- ⁴⁶ [См.: Бабур-наме, 146 б].
- ⁴⁷ [Фармул (см.: Бабур-наме, 148 б) – область к югу от Кабула.]
- ⁴⁸ [Дуки – район в северном Белуджистане. См.: Бабур-наме, 138 а, 150 а-152 а, где описывается этот поход.]
- ⁴⁹ [См.: Бабур-наме, 213 б].
- ⁵⁰ [Мандровар – округ (туман) к востоку от Кабула.]
- ⁵¹ [Кунар и Нургал. См.: Бабур-наме, 214 б.] Эти области лежат на противоположных сторонах реки Чагансерай (или Камех).
- ⁵² [В «Бабур-наме» (215 а) – Бад-и Пич.]
- ⁵³ В одной из рукописей говорится: «Эта надпись до сих пор не обнаружена». Путь проходил восточнее Кабула мимо Ламгана (Ламгана) [см.: Бабур-наме, 215 а].
- ⁵⁴ В тексте суббота; но в рукописях и «Бабур-наме» [216 б] – понедельник.
- ⁵⁵ Султан Ала-ад-дин прибыл после захвата Баджаура [см.: Бабур-наме, 218 а-219 а].
- ⁵⁶ Бабур женился на ней [см.: Бабур-наме, 220 б].
- ⁵⁷ [В «Бабур-наме» (222 б) эти события датируются четвергом 16 сафара 925 г.х. (17 февраля 1519 г.)]
- ⁵⁸ [В «Бабур-наме» (223 а) говорится о расстоянии в семь курухов (1 курух = 3 коса, около 2 км).]
- ⁵⁹ [В «Бабур-наме» (225 б) говорится, что жители Бхиры небрежно вносили условленные деньги; потребовались дополнительные меры по сбору дани (226 б).]
- ⁶⁰ Бабур говорил [см.: Бабур-наме, 229 б], что он даровал Хушаб Лангар-хану, который был советником в походе, и оставил его позади поддерживать Хиндубека. Хушаб находится на правом берегу Джелама, тогда как Бхира на левом.
- ⁶¹ [Султан Искандер Лоди умер в 1518 г. (924 г.х.).]
- ⁶² Аффикс al тюркского происхождения и обозначает «взять», поэтому Хиндал значит «берущий Индию» [см.: Бабур-наме, 227 а].
- ⁶³ [См.: Бабур-наме, 228 а].
- ⁶⁴ [Из текста «Бабур-наме» (235 б) ясно, что Хиндубек покинул Бхиру из-за восстания местного населения.]
- ⁶⁵ Фраза Васит шахр Раби-ал-аввал, содержащаяся в хронограмме, дает «сердину раби ал-аввала 930 г.х.»; это позволяет предположить, что взятие Диналпура произошло 22 января 1524 г. [Она была составлена Шейх Зайном и Мир Гисом (Бабур-наме, 325 а).]
- ⁶⁶ О раскаянии Бабура см. Бабур-наме, 253 а.
- ⁶⁷ Бабур создал этот парк в 914 г.х. (1508 г.). Он располагался напротив Адинапура, находившегося южнее от реки Кабул и около мили к югу от Джалалабада [см.: Бабур-наме, 132 а]. Через 11 лет он создал Баг-и-сафа у озера Келдех-Кехар, в Соляном хребте [Бабур-наме, 224 а].
- ⁶⁸ Бабур [253 б] говорит, что они также переправились через реку Качакот, или Харо [приток Инда].
- ⁶⁹ «Больших и малых, хороших и плохих, нукеров и не нукеров было переписано 12 000 человек» [см.: Бабур-наме, 254 а].
- ⁷⁰ [См.: Бабур-наме, 254 б].
- ⁷¹ [Малот – город в южной части штата Пенджаб, Индия.]
- ⁷² В тексте – хаким. В «Бабур-наме» – шикдар. [Сборщик податей с округа (см.: Бабур-наме, 262).]
- ⁷³ [Хисар – город к северо-востоку от Дели.]
- ⁷⁴ [См.: Бабур-наме, 263 а.]
- ⁷⁵ [См.: Бабур-наме, 264 а.]
- ⁷⁶ Здесь рассказ Абу-л Фазла представляется не совсем верным. Витые ремни из воловьей кожи использовались вместо цепей.
- ⁷⁷ [Тура – плетенные из лозы и ветвей щиты, используемые для защиты от стрел.]
- ⁷⁸ [Унк-гул (унг кул) и сул-гул (сул кул) – соответственно правый и левый фланги центра. Подробно см.: Бабур-наме, 209 б.]
- ⁷⁹ Бабур пишет, что этот военачальник был ранен за день до битвы [см.: Бабур-наме, 265 б].
- ⁸⁰ [В «Бабур-наме» (269 б) в переводе М.А. Салье речь идет только о конных латниках.]
- ⁸¹ Удивительно, что Бабур не описал завоевания его предком Тимуром Индии в целом и Дели в частности. Он упоминал походы Махмуда Газневи, Шихаб-ад-дина Гури и затем говорил, что его поход был третьим. Возможно, сказалось то, что за походом Тимура не последовало его длительного управления страной.
- ⁸² [Равнина около города Самана на реке Гхаггар к югу от Патиалы.]
- ⁸³ Шараф-ад-дин указывает 2 мила (мил). Описание у Абу-л Фазла недостоверно, также как и у Шараф-ад-дина (Зафар-наме, II, 83). Возможно, ширина фронта его армии была равна 20 косам, или 6 фарсахам (около 40 миль). (Так и у Шараф-ад-дина, но согласно Абу-л Фазлу, 6 фарсахов равняются 18 косам). Несмотря на это Абу-л Фазл вводит единицу длины мил, который равен, как он говорит, трети фарсаха, или одному косу (Аин-и-Акбари, Джарретт, II, 415 и 417). Глубина же боевых порядков, судя по Шараф-ад-дину, была 2 мила (ду мил), но не 2 коса, как говорит Абу-л Фазл. Кавалерия называлась наукар, а ее пешая прислуга – наукар-и-наукар.
- ⁸⁴ Маллу-хан был главным везиром Махмуд Туглака, молодого правителя Индии.
- ⁸⁵ 22 июня 1555 г.
- ⁸⁶ Вероятно, имеется в виду мятеж Али Кули и других против Акбара, известный как восстание в Джаунпуре.
- ⁸⁷ В тексте дастан дастан. В одной из рукописей – дастан дарастан.
- ⁸⁸ [В Бабур-наме (268 а) пятница 4 мая названа 22 раджаба.]
- ⁸⁹ [Лак – 100 000, танка (вар. танга) – серебряная монета переменной стоимости.]
- ⁹⁰ [8 мискалей = 320 рати, около 180 каратов (кар) (см.: Бабур-наме, 268 б). Беверидж предполагает, что это алмаз Кох-и нур, но его вес до обработки составлял 280 кар. 1 мискаль был равен 4,48-4,75 г, его величина не была постоянной, но 280 кар – это 56 г, т.е. не менее 12 мискалей.]
- ⁹¹ [Бабур-наме, 268 б.]
- ⁹² [В «Бабур-наме» (292 а) день 29 раджаба (11 мая 1526 г.) назван субботой, хотя предыдущий день, 28 раджаба, назван четвергом (269 а). Очевидно, Бабур сознательно допустил эту ошибку, поскольку пятница предназначена для религиозных дел.]

⁹³ Букв, «деревья в саду процветания». Ссылка на подарки, посланные Камрану и другим [см.: Бабур-наме, 292 а].

⁹⁴ Сын Бади-аз Заман мирзы, внук Султан Хусейн мирзы из Герата. [Тимурид к этому времени был последним в роду.] Служил у Бабура и Хумаюна. Утонул в Ганге в 1539 г.

⁹⁵ Даррари, форма множественного числа араб, дурри – сияющая звезда или самоцвет (драгоценный камень). [Очевидно, имеются в виду дочери Бабура.]

⁹⁶ [У Бабура названы только Кабул и округ Варсак (см.: Бабур-наме, 293 б). Видимо, сведения о пожалованиях жителям Хуста и перечисленных областей взяты Абу-л Фазлом из других источников.]

⁹⁷ [См.: Бабур-наме, 294 б.]

⁹⁸ [Текст «Бабур-наме» (295 а, б) существенно отличается от текста Абу-л Фазла.]

⁹⁹ [Он получил поручение восстановить порядок в Газни. См.: Бабур-наме, 295 б.]

¹⁰⁰ [Т.е. местности, населенные хазарейцами племени Султан Масуди.]

¹⁰¹ [В «Бабур-наме» [299 б] эта дата соответствует 20 числу месяца зу-ль-каада 932 г.х. (28 августа 1526 г.).]

¹⁰² [См.: Бабур-наме, 296 а.]

¹⁰³ Бабур называет их лучниками (тар-кашбанд) из Дуаба. [Миан-Ду-Аб – междуречье Ганга и Джамны (Ямуны). Дуаб (Доаб) – также название междуречий притоков Инда: Желама, Чинаба, Рави и Сатледжа.]

¹⁰⁴ 1 крор 46 лаков 5000 танка [см.: Бабур-наме, 296 б].

¹⁰⁵ 1 крор 48 лаков 50 000 танка [см.: Бабур-наме, 296 б].

¹⁰⁶ 90 лаков 35 000 танка [см.: Бабур-наме, 296 б].

¹⁰⁷ После 11 июля 1526 г.

2.9. КИТАЙ

Нашествие кочевников в IV – V вв.

Вторжение южных гуннов (сюнну) в Китай (Из «Цзычжи тунцзянь ганму»)

Рассказ о нашествии южных гуннов (сюнну) в Китай и создании ими двух государств.

С 290 года в царствующем ДOME Цзинь начались семейные раздоры, которые оканчивались убийством, а с 300 года завязалась кровопролитная война между князьями царствующего Дома, и смятение разлилось по всему Китаю. В сие время начальники пяти хуннских аймаков¹ предприняли оружием возратить утраченные права и на общем собрании в 304 году объявили князя Лю Юань-хай Великим Шаньюем. Лю Юань-хай в сем же году объявил себя государем с титулом ван и дал своей династии название Хань [ниже переименована в Чжао] и открыл войну с Китаем. В следующем году перенес столицу в Пиняньфу² и объявил себя императором. В 310 году скончался, и сын его Лю Хо вступил на престол... Войска князя Лю Цун ворвались в дворец и убили Лю Хо. Лю Цун вступил на престол по нем. В 311 году хунны взяли обе китайские столицы Хэнаньфу³ и Сианьфу⁴, а после сего воевали с переменным счастьем; почему со всеми силами обратились на север: но здесь полководец их Лю Ио претерпел великое поражение от сяньбийского Тобы Илу. Лю Цун скончался в 318 году.

...Князь Лю Ио прибыл из Сианьфу и вступил на престол. В 319 году он перенес столицу в Сианьфу и династии своей принял название Чжао. Между тем полководец его Ши Лэ объявил себя государем с титулом ван, династию свою назвал Младшею [Хоу] Чжао, а столицу утвердил в восточной половине северного Китая в городе Шуньдэфу⁵. Сим образом северный Китай разделился на два государства, оба под владением южных хуннов. Желтая река была рубежом между ними. Лю Ио в 323 году довершил свои завоевания на западе, между тем Ши Лэ то же сделал на востоке. В 327 году Лю Ио и Ши Лэ начали войну между собою и продолжали ее с переменным счастьем до 328 года, в котором Ши Лэ, победив Лю Ио под стенами города Хэнаньфу, убил его. В следующем году Ши Ху, по поражении хуннов в Шанин, взял в плен наследника Лю Сю с 3000 князей и вельмож из хуннов и всех предал смерти. Здесь совершенно пресекался Дом хуннов, царствовавших на юге в северном Китае. Царствование их продолжалось 26 лет. [На смену его пришло второе царство южных хуннов под названием младшего дома Чжао, основанного домом Ши].

¹ Южные гунны обитали во Внутренне Монголии, части северной Шаньси и Ордоса. Они имели с Китаем давние связи и зависели от него. Воспользовавшись ослаблением Цзиньской империи, они вторглись в Северный Китай и попытались создать свои государства.

² Город в провинции Шаньси.

³ Средневековое название древнего города Люяна.

⁴ Столица провинции Шэньси.

⁵ Город в провинции Шаньдун.

Битва при реке Фэйшуй¹ («Двадцать четыре династийные истории», кн. 5. Цзинь шу)

Документ рассказывает о вторжении в Китай орд кочевников, значительную часть которых составляли тангуты. Они двигались через Хэнань в юго-восточном направлении, сметая все на своем пути

В бассейне реки Хуай у одного из притоков произошло столкновение с китайским войском, выступившим с территории Южного царства. Военное искусство полководцев и патриотический дух китайцев помогли их малочисленному войску наголову разбить полчища противников и заставить их в панике отступить далеко на северо-восток.

Авангардное войско, которое состояло из пеших и конных отрядов военачальников... Чжан Цы,.. Фу Фана,.. Лян Чэна,.. Можун Вэн и ...Можун Чуя, всего до 250 тысяч человек, возглавлял главнокомандующий ...военачальник Фу Юн.

Фу Цзянь выступил из Чананя² с 600 тыс. пехоты и 270 тыс. конных воинов. Повсюду на протяжении тысяч ли³ развевались знамена и гремели барабаны. Когда Фу Цзянь приблизился к Сянчэну⁴, солдаты из Лянчжоу⁵ только что подошли к Сяньяну⁶. Войска из Шухань⁷ спустились вниз по течению [Янцзы]. Войска из Ючжоу и Цзичжоу⁸ вошли в Пэнчэн⁹. С востока и с запада, по суше и по воде двигались они, растянувшись на 10 тыс. ли. 10 тыс. груженных продовольствием кораблей из Хуанхэ через Шимэнь¹⁰ вошли в реки Жуй и Ин¹¹.

Фу Юн и его подчиненные атаковали и захватили Шоу-чунь¹², захватили цзиньского полководца Ван Тай-цю. 50-тысячное войско под командованием Лян Чэна и подчиненных ему янчжоуского наместника [цыши] Ван Сяна и иньянского тайшоу Ван Юна расположилось в Лоцзяни¹³. Они выстроили войска вдоль Хуайхэ, чтобы остановить восточные[китайские] армии. Лян Чэн несколько раз нанес поражение войскам вана (императора). Против Фу Юна один за другим по воде и по суше были посланы цзиньские военачальники: дуду¹⁴ Се Ши, цыши Сюйчжоу Се Сюань, цыши Юйчжоу Хуань И и полководец [фуго] Се Янь, всего с 70 тыс. человек. Не доходя двадцати пяти ли до Лоцзяни, они остановились, испугавшись войск Лян Чэна. Полководец (лунсянь) Ху Бинь, еще до этого обороняя Сяши¹⁵, испытывал под натиском Фу Юна крайние трудности. Продовольствие кончилось, но чтобы обмануть воинов Фу Юна и показать, будто у них есть зерно, цзиньцы веяли песок. Сами же тайно послали гонца к Се Ши и его подчиненным с сообщением: «Ныне разбойники¹⁶ очень сильны. Продовольствие кончилось. Боимся, что вас не дождемся». Воины Фу Юна схватили и пленили посланца. Тогда Фу Юн послал конного гонца к Фу Цзяню передать ему: «Разбойники малочисленны и их легко захватить в плен. Но боюсь, что они вскоре скроются, поэтому следует поскорее двинуть войска и захватить их руководителя». Фу Цзянь весьма обрадовался, но, опасаясь, что Се Ши и его подчиненные убегут, он оставил свои главные силы в Сяньчэне, а сам выступил с 8-тысячным отборным кавалерийским отрядом, скача днем и ночью. Он велел передать своим воинам, что если кто осмелится проболтаться о том, что он сам [повел отряд] к Шоучуню, то у того вырвут язык. Се Ши и его подчиненные не знали об этом. Цзиньский полководец «лунсянь» Лю Лао-чжи с отрядом из пяти тысяч стойких воинов внезапно ночью напал на Лян Чэна и его укрепления. Лян Чэн, а также Ван Сянь, Ван Юн и др. – всего десять военачальников, были убиты. Воинов и младших начальников было перебито 15 тысяч. Се Ши и его подчиненные и после разгрома Лян Чэна продолжали по суше и по воде двигаться дальше.

Фу Цзянь вместе с Фу Юном взобрались на стены [Шоучуня] и наблюдали за войсками Вана. Они увидели, что войска построены в полном порядке и что начальники и солдаты - все отборные воины. Затем они взглянули на север, на гору Богуншань, и деревья и трава на ней показались им похожими на множество солдат. Фу Цзянь, обернувшись к Фу Юну, сказал: «И здесь также противник силен, так как же мне сказали, что он малочислен!». На лице его отразились разочарование и страх.

Когда ко двору цзиньского императора пришли первые известия о том, что Фу Цзянь двинулся на Гуйци¹⁷, Ван Дао-цы под торжественный бой барабанов и звуки труб просил помощи у духа горы Чжуньшань¹⁸. Духу было преподнесено звание цзайсяна¹⁹ в государстве и то, что Фу Цзяню вместо деревьев и трав померещились люди, – разве это не проявление духа Чжуньшань!

Фу Цзянь послал к Се Ши и его подчиненным шаншу²⁰ Чжу Сюя сказать: «Так как наши войска сильны, то хочу предостеречь вас и предлагаю сдаться». Чжу Сюй же из хитрости сказал Се Ши: «Когда миллионное войско Цинь²¹ выступит все полностью, то вы не будете в состоянии противостоять ему. Поэтому вам следует скорее сразиться, пока все это войско не собралось вместе. Если сломить передовой ряд, то можно будет достичь удачи в дальнейшем».

Когда Се Ши узнал, что Фу Цзянь находится в Шоучуне, то испугался и задумал измотать его войска, не вступая в битву. Се Янь же советовал последовать предложению Чжу Сюя и послал гонца к Се Ши, прося разрешения вступить в сражение. Тем временем Чжан Цы разбил Се Ши южнее речки Фэй. Несколько десятков тысяч солдат под командованием Се Сюня и Се Яня были выстроены в боевом порядке и поджидали Чжан Цы. Тогда Чжан Цы отступил и выстроил свои войска близ реки [Фэйшуй]. Войска вана [императора Цзинь] не могли перейти через реку и к Фу Юну был послан гонец передать: «Вы со своим войском далеко вторглись в наши пределы и расположили своих воинов близ реки. Вы, как видно, намерены долго ждать? Или же вы хотите сразиться? Если вы отойдете немного назад, то и ваши и наши военачальники и солдаты смогут

броситься друг на друга. А когда вы и я, опустив поводья коней, будем наблюдать за битвой, разве это не радостно!»...

...В войсках Фу Цзяня все говорили: «Следует позволить противнику преодолеть преграду – реку Фэй, так как нас много, а противник малочислен и превосходство сил очевидно». Фу Цзянь сказал: «Мы отступим и пусть противник перейдет реку, а затем я с несколькими сотнями тысяч своих закованных в железо всадников отброшу его к реке и уничтожу». Фу Юн также считал это правильным, и по их воле был подан сигнал к отходу всего стоя. В войсках же из-за этого началась паника и их нельзя было остановить. Воспользовавшись этим, Се Сюань, Се Янь и Хуань И с отборным отрядом в 8 тыс. человек переправились через реку Фэй. Войска Се Ши, отбиваясь от Чжан Цы, немного отошли назад, но к югу от реки Фэй Янь Си и Се Сюань, по-прежнему решительно сражаясь, продвигались вперед. Фу Цзянь был ранен стрелой, Фу Юн убит в бою²². Их войска были разбиты и бежали в разные стороны, в смятении топча друг друга. Утонувших в реке и убитых невозможно было сосчитать. Запруженная трупами река Фэйшуй перестала течь. Оставшиеся в живых, побросав доспехи, ночью поспешно скрылись. Когда они слышали доносимый ветром крик журавля, им казалось, что то идут войска вана [цзиньского императора]. Они брели по безлюдным землям и ночевали под открытым небом. От холода и голода гибло из десяти семь – восемь человек.

[Цзиньские войска] захватили колесницу Фу Цзяня, отделанную слюдой, целые горы одежды, оружия, военного снаряжения и драгоценностей, а свыше 100 тыс. захваченных коров, лошадей, ослов, мулов и верблюдов было приказано отправить во дворец императора.

¹ Во второй половине IV в. с северо-запада в Китай вторглись таигуто-тибетские племена, которые основали свое государство в нынешней провинции Шэньси и части Внутренней Монголии. В 383 г. огромное войско кочевников, возглавленное Фу Цзянем и Фу Юном, совершило поход против южнокитайского (ханьского) царства Цзинь с целью его покорения. Решительная битва, окончившаяся разгромом войск кочевников, произошла у реки Фэй. Река Фэйшуй берет начало в провинции Хэнань, протекает через территорию провинции Аньхуэй и впадает в реку Хуайхэ.

² Чанань – город в Шэньси (ныне Сиань).

³ Ли – мера длины, ныне равная 0,5 км.

⁴ Сянчэн – город на юго-востоке провинции Хэнань.

⁵ Лянчжоу – округ. При династии Цзинь в него входили северо-восточная часть провинции Цинхай и южная часть Ганьсу.

⁶ Сяньян – город в провинции Хубэй.

⁷ ШуХань – территория Сычуани.

⁸ Ючжоу и Цзичжоу – округа на территории провинции Хэбэй и юго-запада Ляонина.

⁹ Пэнчэн – область в провинции Цзянсу.

¹⁰ Шимэнь – местность в провинции Хэнань.

¹¹ Жуйхэ и Инхэ – реки в провинциях Хэнань и Аньхуэй. Инхэ впадает в Хуайхэ; Жуйхэ – один из притоков Инхэ.

¹² Шоучунь – город в провинции Аньхуэй, ныне носит название Шоусянь.

¹³ Лоцзян – местность у одноименной реки, притока Хуайхэ.

¹⁴ Дулу – командующий войсками округа.

¹⁵ Сяши – город в провинции Хэнань.

¹⁶ Разбойниками в исторических материалах называли противников. В данном случае речь идет о китайских войсках Цзиньского государства.

¹⁷ Гуйцзи – столичная область при династии Восточная Цзинь (317-420 гг.). Охватывала территорию южной части провинции Цзянсу и северной Чжэцзян.

¹⁸ Чжуньшань – гора в Нанкине за воротами Чжуншаньмэнь.

¹⁹ Цзайсян – высшая должность в государственном аппарате. Канцлер.

²⁰ Шаншу – начальник ведомства.

²¹ Цинь – название царства, созданного тангутами в Шэньси.

²² В другом варианте гибель Фу Юна описана иначе: «Фу Юн верхом на лошади пытался удержать боевой строй, но был опрокинут вместе с лошастью бегущими войсками и растоптан».

Завоевание северного Китая сяньбийцами племени Тоба Создание Северо-Вэйского государства (Из «Цзычжи тунцзянь ганму»)

В 295 г. косоплеты¹ разделили свое государство на три аймака.

...В 297 г. косоплет Ито перешел на северную сторону Песчаной степи для завоеваний и покорил на западе более тридцати владений.

...Со времени кончины Тобы Илу в Дай много было внутренних беспокойств. Поколения разделились и рассеялись. Шеигянь при его храбрости и уме в состоянии был сохранить наследие предков. Он первый установил штат чиновников и распределил им управление делами, важные государственные должности вверил природным китайцам, издал уголовные законы о бунтовщиках, убийцах и грабителях. Его постановления были ясны, судопроизводство беспристрастно и кратко; не было притязательных допросов, прикосновенных к делу, и народ успокоился. После сего с востока от Сумо на запад до Полона², с юга от Инь-шань на север до Песчаной степи, все покорилось ему. Он имел несколько сот тысяч народа. В 339 г. Шеигянь собрал начальников поколений на совет о построении столицы при вершине реки Лэйшуй. Мать его Ван-шы сказала: "Мы со

времен наших праотцов ведем кочевую жизнь. Ныне Двор в трудных обстоятельствах. Если поселимся в городе, и неприятели произведут нападение, то нам негде и укрыться будет".

.. Тоба Гуй³ до сего времени считался вассалом Дома Янь⁴; а ныне отложился, и в июне 395 года подошел к областям, прилегающим к укрепленной линии. Муюн Чуй отправил против него наследника Муюна Бао с 80 тыс войска. Муюн Бао пошел чрез Вуюань. Тоба Гуй, по совету своих полководцев, притворился отступающим. Взяв покоем со скотом и имуществом, переправился через Желтую реку на запад и уклонился на 1000 ли. Войска Дома Янь по прибытии в Вуюань взяли в плен до 30 тыс. семейств, собрали хлеба с полей до миллиона мешков и, расположившись у Желтой реки, приготовляли суда для переправы. В октябре Тоба Гуй подошел с своим войском к Желтой реке. Муюн Бао устанавливал войско для переправы, но ветром отнесло его суда к южному берегу. Когда Муюн Бао... пришел в Уюань, то Тоба Гуй занял дорогу в Чжуншань и приказал задерживать гонцов.

...Тоба Гуй отрядил с Тобою Цзунь 70 тыс. войска, чтобы преградить войскам Дома Янь дорогу на юг. В ноябре войска Дома Янь сожгли суда и ушли. В это время Желтая река еще не покрылась льдом Муюн Бао, наверное, полагал, что войска Дома Вэй не могут переправиться, и посему не ставил отводных караулов. В декабре, при внезапном ветре, река покрылась льдом, и Тоба Гуй, переправившись через нее, немедленно послал 20 тысяч отборной конницы для преследования. Когда войска Дома Янь пришли к услоу [покатоги] Сэньхэпо, то сильный ветер поднялся в тыл войскам, и воздух сгустился как стена Муюн Бао, для предосторожности на непредвиденный случай, отправил Муюн Лина с 30 тысячами конницы расположиться в тылу главного войска. Муюн Линь, считая сию предосторожность излишнею, распустил конницу на облаву и не взял никаких мер на непредвиденный случай. Войска Дома Вэй шли и рано и поздно; и когда подошли с запада к Сэньхэпо, то увидели войска Дома Янь на южной стороне восточных гор по услоу к реке. Тоба, сделав нужные распоряжения, приказал ратникам с кляпцами во рту и с стянутыми мордами у лошадей скрытно идти вперед. На восходе солнечном они поднялись на гору, а внизу под ними расстился лагерь неприятелей. Войска Дома Янь ужаснулись и пришли в замешательство. Тоба Гуй произвел нападение и побил до 10 тысяч человек. Тоба Цзунь по возвращении ударил с лица и взял в плен до 50 тысяч человек.

...Тоба Гуй предписал правительству провести рубежи столичного округа, означить меру путей, уравниль меры, определить меры длины, отправил чиновников обзреть княжества и области, открыть злоупотребления гражданских и военных начальников, лично освидетельствовать отрешаемых и повышаемых. Он приказал написать Уложение о чиновниках, определить правила музыки, изложить придворные и другие обряды, сочинить уголовные законы, проверить астрономические измерения времени, чтобы все сии части служили образцами на вечные времена. В 12 луне Тоба Гуй вступил на императорский престол.

¹ Западные сяньбийские племена Тоба покорили своих соседей, нанесли жестокий удар союзу племен Жужаней, а затем вторглись в Северный Китай, в отдельных частях которого кочевники-завоеватели создали свои государства. Тоба уничтожили все эти государства и вместе с китайцами (ханьцами) создали государство Северных Вэй, или Юань Вэй.

² Полоня – название тюркского владения, расположенного на северо-западе от Кашгара.

³ Тоба Гуй – основатель Северо-Вэйского государства, провозглашенный императором в 396 г.

⁴ Янь – название царства, расположенного на территории современных провинций Хэбэй-Лоян. Оно было основано племенами Муюн (или Моюн), т.е. восточной ветвью сяньбийцев, пришедших из северо-восточных провинций (из Маньчжурии).

Взаимоотношения Китая с Тюркским каганатом¹ (Из «Тан шу»)

Китай в VI-VII вв. поддерживал торговые связи со своими соседями – союзом племен, возглавляемым тюрками (Тюркский каганат). Но, обладая значительными военными силами, каганы часто угрожали китайским землям своими вторжениями и пытались вмешиваться во внутренние дела империи. Двор «сына неба» со своей стороны использовал все дипломатические ухищрения, чтобы влиять на положение в каганате и умерить его мощь. Материал передает летописные сведения о взаимоотношениях и войнах на границах Китая, в Западном Китае и на территории Средней Азии в VII в.

В конце династии Суй открылись замешательства, в продолжение которых великое множество жителей Среднего государства перешло к Шиби-хану², и он сделался могущественнейшим государем... Он имел до миллиона войска. Никогда и в древние времена северные кочевые не были столь сильны. Гаоцзу³, 618, восставший в Тайюане, отправил к нему сановника Лю Ваньцин с дарами для заключения мира. Шиби отправил Дэлэ Каншаоли представить 2000 лошадей; 500 человек войска его присоединились к войскам императора при восстановлении спокойствия в столице, и хан считал это услугой. Посланники его в каждый приезд вели себя высокомерно.

...Стоя на степени выше всех кочевых народов, он⁴ с презрением смотрел на Среднее государство, дерзко изыскался и на письме и на словах, производил большие требования. Император (Гаоцзу) в то время занят был восстановлением порядка в империи; почему должен был унижаться пред ханом и делать большие пожертвования: но, несмотря на большие дары и награды, хан еще был не доволен, и предъявил неограниченные требования.

Война против Тюркского каганата

После сего⁵ указано всем пограничным корпусам выступить в поход. Назначено шесть главнокомандующих со 100000 войска под верховным начальством полководца Ли Цзин. Князь Дао-цзун имел сражение в Линчжоу и захватил до 10000 людей и скота. Тули⁶, Юэше Ше и Иннай Дэ-лэ бежали в Китай; известие о победе чрез сутки дошло. Император, разговаривая с вельможами, сказал: «При первоначальном утверждении престола высочайший родитель мой для спасения подданных унизился пред тукюесцами и назвался вассалом их. Я всегда с стесненным сердцем и страждущего головою помышлял смыть это поношение в Поднебесной. Ныне само Небо ведет моих полководцев. Куда ни устремляются, всюду побеждают. Итак, надеюсь кончить дело с полным успехом». В четвертое лето, 630, в первый месяц, Ли Цзин расположился у гор Уянлин, и в ночи неожиданно напал на Хйели. Хйели в тревоге отступил... Хйели на превосходном аргамаке один поскакал к Шабло: но предводителем Чжан Бао-хан пойман. Шабло Ше Суниши покорился с своим войском. Сим образом царство их пало: земли округов Динсян и Хэнань возвращены, и пределы расширены до Великой песчаной степи. По прибытии Хйели в столицу, донесено о пленных в великом храме. Император вошел в Шунь-тяньлоу⁷. Расставлено войско и дозволено всему народу смотреть. Когда чиновники привели хана, император сказал ему: «Ты виновен в пяти поступках: 1) твой отец потерял царство и при помощи Дома Суй опять получил его, а ты не истратил ни одной стрелы, чтобы помочь сему Дому, и через то довел, что в великом храме его и в храме Ше и Цзи нет ни жертв, ни предложений⁸; 2) быв в соседстве со мною, ты нарушал верность и беспокоил границы; 3) надеясь на свою силу, ты не прекращал войны и тем возбудил ропот в аймаках; 4) грабил китайских подданных, уничтожал хлеб на полях; 5) согласившись на мир и родство, дллил время и потом сам скрылся. Итак, я имею довольно причин предать тебя смерти; но я не забыл еще клятвы, заключенной при реке Вэй, и потому не преследую твоих вин». И так возвратили хану Хйели всех его домашних, поместили его в Тайху, и доставляли ему съестные припасы. Сыгье Сыгинь покорился с 40 000 народа. Младший ханов брат Юйгу ше бежал в Гаочан⁹, но вскоре также покорился. Начальник города Иву, бывший вассалом тукюеским, пожертвовал семью городами, почему земли его превращены в округ Сиичжоу. Пред сим у тукюесцев свирепствовала зараза, и по южную сторону Долгой стены лежали груды человеческих костей. Император приказал начальствам принести жертву из вина и сушеного мяса и похоронить их. Еще во время смутений при династии Суй множество китайцев ушло к неприятелям, почему по повелению императора выкуплено было на золото и шелковые ткани до 80 000 душ обоего пола. Все они по возвращении оставлены в народном сословии [минь-ху, т. е. не подвергались наказанию за уход из Китая]...

Ашина Хэлу¹⁰ имел под своею властью десять аймаков... Хионь получил достоинство Мохэду Шеху; после сего он напал на Тинчжоу, разбил несколько уездов, убил и в плен взял несколько тысяч человек и ушел.

В первое лето правления Сяньцин, 656, Су Дин-фан¹¹ повышен главнокомандующим походных войск по дороге в Ити; под ним назначены Яньжаньский наместник Жень Я-сан, помощник его Сяо Цы-йе и ойхорский Пожунь. Князя Ашина Мише и Ашина Бучжень¹² назначены начальниками войск по дороге через сыпучие пески. Все они порознь должны были следовать к Алтаю. Сыгинь Нуньдулу вышел навстречу и покорился с 10 тыс. кибиток. Су Дин-фан с отборною конницею пришел к реке Или с западной стороны, ударил на Чу-мугуня и разбил его. Хэлу выступил с 100 тыс. конницы из десяти родов. Су Дин-фан противостал ему с 10 тыс. Неприятель, видя малочисленность войск, окружил армию Дома Тан конницею. Су Дин-фан велел пехоте, заняв равнину, копья держать на внешнюю сторону, а сам с конницею выстроился на севере. Хэлу прежде ударил на колонну на равнине и трехкратною атакою не мог поколебать ее. Тогда Су Дин-фан пустил конницу. Неприятель пришел в большое смятение. Их преследовали несколько десятков ли, убили и в плен взяли до 30 тыс. человек; одних главных старшин и даганей убито 200 человек...

Случилось, что пошел большой снег, войска просили подождать, пока проведется. Су Ди-фан сказал им: теперь небо туманно и резкой ветр. Неприятель думает, что мы не в силах продолжать похода, и мы можем внезапно напасть на него. Если помедлить, то он удалится. С сокращением времени удвоить заслуги есть лучший план. Таким образом, продолжая поход день и ночь, забирали в проходимых местах и людей и скот. По прибытии к реке Шуан-хэ сошлись с Мише и Бучженем. Войска были сыты и в хорошем расположении духа. В 200 ли от орды Хэлу-хана пошли в боевом порядке. Когда подходили к горам Гиньяшань, войско ханово занималось звериною ловлей. Су Дин-фан пустил свое войско и разбил орду; при сем в плен взял несколько десятков тысяч человек, в добычу получил литавру, ханское знамя и оружие. Хэлу бросился за реку Или.

...Лошади не могли идти, войско томилось голодом. Предложили дорогую цену за впуск в город и покупку лошадей. Владелец города Инйе Дагань принял их; и как скоро они вступили в город, он задержал их и препроводил в Шиго.

...Хэлу по прибытии в столицу был прощен и от казни избавлен, но лишен достоинства. Земли его разделены на округа и уезды и заняты разными поколениями. В поколении¹³ Мугунь [Чумугунь] учреждено Фуяньское губернаторство; в поколении Туциши – Согэ Мохэвом – Выньлуское губернаторство; [в поколении] Туциши-Алишиевом – Гйешаньское губернаторство; [в поколении] Нйешетитунь - губернаторство при Шуань-хэ; [в поколении] Шуньши-Чубань-губернаторство Юносское Для управления ими учреждены два наместнических правления: Гуньлинское и Хаочисское. Во всех подчиненных им владениях учреждены округа; на запад до Персии все подчинено западному наместническому правлению.

¹ У северной и западной границ Китая сложился мощный Тюркский каганат. Каганы (ханы) имели с Срединной империей постоянные дипломатические отношения и вели торговый обмен.

² Шиби-хан Дуги – тюркский каган (609-619 гг.).

³ Гаоцзу (Ли Юань) – танский император (618-626 гг.).

⁴ Тюркский каган Хйели-хан Дуби был братом Шиби-хана.

⁵ Имеется в виду объединение страны под властью императоров дома Тан в 628 г. и прекращение внутренних войн.

⁶ Тули-хан (Шибоби) сын Шиби-хана. В 624 г. заключил союз с Ли Ши-минем, а после подчинился ему.

⁷ Лоу – название отдельного дворцового здания на воротах или в саду.

⁸ Т.е. дом Суй потерял престол, ибо храм предкам и храм духам Ше и Цзи суть две главные принадлежности царствующей династии.

⁹ Гаочан – государство в Западном Китае.

¹⁰ Шаболо-хан Ашина Хэлу, по свидетельству китайских источников, не имел постоянного местопребывания, его род был рассеян. Он подчинился китайскому императору, участвовал в походе на Кучу.

¹¹ Су Дин-фан – известный китайский полководец VII в.

¹² Тюркские военачальники ханского рода, служившие в то время китайскому императору.

¹³ Н. Я. Бичурин имел здесь в виду род.

Связи Китая с Индией в VII в. (Из «Тан шу»)

Документ содержит описание китайско-индийских связей, которые осуществлялись в VII и в VIII вв. главным образом через Тибет.

В сие время китайский монах Сюань Чжуан [или Сюань Цзан] пришел в среднюю Индию Шылоидо¹ позвал его к себе и скачал: в нашем государстве явился благочестивый муж.

...В пятнадцатое лето правления Чженгуань, 641, он объявил себя обладателем всего Могато и отправил посланника с докладом. Император отправил посольство к нему. Шылоидо [Харша] в изумлении спросил у своих вельмож: искони был ли в нашем государстве посланник из Мохэчженьдани? (Китай.) Нет, сказали вельможи.

...С возвращающимся китайским посольством он отправил своего посланника к китайскому Двору. Император отправил сановника Ли И-бао в Индию с ответом Вельможи встретили это посольство в предместьях столицы, и почти весь город двинулся смотреть шествие посланника По дороге курились благовония. Шылоидо [Харша] с своим Двором принял грамоту, обратясь лицом к востоку. Он еще послал императору огненную жемчужину, самородное золото и дерево пути. В двадцать второе лето, 648, император также отправил в Индию Ван Сюань-цэ², правителя дел в гвардейской канцелярии; Цян Ши-жэн назначен помощником ему. Но еще до прибытия посланников Шылоидо [Харша] умер. Вельможи произвели возмущение, и вассал Нафуди Алонашунь³ сам вступил на престол. Он послал отряд войска остановить Ван Сюань-цэ. Конвой, сопровождавший посольство, состоял из нескольких десятков конницы Они все были убиты, и обоз с данью от разных владений был разграблен. Один Ван Сюань-цэ бежал на западную границу в Тибет, где он пригласил войска соседних владений; Тибет дал ему тысячу человек, а Непал – 7 тыс. конницы. Ван Сюань-цэ, разделив сии войска на колонны, вступил в сражение под городом Чабо-холо и чрез три дня взял его Он порубил до 3 тыс., и до 10 тыс. человек в реке потонуло. Алонашунь [Аруджина], бросив резиденцию, бежал, собрал рассеявшиеся войска и опять усилился, но скоро взят в плен с потерей тысячи человек убитыми; остальные войска с его супругою укрепились при реке Кяньтовэй. Цян Ши жэн совершенно разбил их; в плен взял супругу с сыновьями и до 12 тыс. человек обоого пола; в добычу получил 30 тыс. голов разного скота и покорил 580 городов и селений. Владетель восточной Индии Шигюмо прислал для войска 30 тыс. голов быков и лошадей, луки с стрелами, сабли и драгоценные цепи. Владение Гаумулу прислало разные редкости и карту страны, а для себя просило изображение мудреца Лао-цзы. Ван Сюань-цэ препроводил Алона-шуня к своему Двору, и правительство объявило о сем в храме предков Император сказал: слух и зрение человека услаждаются звуками и красотой, нос и уста прилепляются к запаху и вкусу. Это есть источник повреждения добродетелей. Если бы Поломынь не ограбил нашего посланника, мог ли бы в плену быть у нас? Ван Сюань-цэ повышен чином при Дворе. В числе пленных привезен был алхимист.

...В третье лето правления Кяньфы, 669, были посольства из всех пяти Индий. В продолжение правления Кайюань, 713-714, было три посольства из средней и одно из южной Индии. Последнее привезло разноцветную птицу, умевшую говорить, и просило войск для усмирения Даши⁴ и Тибета и дать название армии... Было еще одно посольство из северной Индии.

...В двадцать первое лето правления Чженгуань, 647, владетель в первый раз отправил посланника, который поднес императору дерево боло. Дерево это походит на тополь. Тай-цзун отправил туда посланника перенять способ вываривать сахар и предписал, чтобы в Янчжоу по сему способу выдавливали сок из сахарного тростника. Сок, выжатый по индийской надрезке, и цветом и вкусом очень далеко превосходит подобный способ в Западном крае.

¹ Харша (Харшавардхана 606-647 гг.) – царь Северного индийского царства, которое простиралось по Гангу от Восточного Пенджаба до Бенгальского залива.

² Ван Сюань-цэ отправился в Индию через Лхасу.

³ Аруджина – преемник Харши. После поражения Аруджины его цар* ство распалось.

⁴ Даши – арабы.

Китай и его северные соседи (Ли, «По ту сторону границы»)

Произведение поэта Ли Бо (701-762 гг.).

Император войска посылает на север пустыни.
 Напоим перед дальним путем в наших реках коней.
 Сколько битв предстоит нам и сколько их было донныне...
 Без конца этот спор у владык: среди них кто сильней?
 Нету пресной воды, только снег у холодного моря.
 На могильных курганах ночуем, сметая песок.
 О, когда ж, наконец, разобьем мы врага на просторе,
 Чтобы каждый из воинов лег бы и выспаться мог?

Военное дело у китайцев

(Сы, «Всеобщее комментированное зеркало для содействия управлению»)

Сы Ма-гуан (1019-1089 гг.) – сановный ученый.

В начале Минской династии столичные войска были подчинены пяти командующим и разделялись на левый, правый и средний корпуса и на левый и правый пикетные корпуса и назывались пятью лагерями. Они имели и конницу и пехоту, и только они занимались военными учениями. Сверх того учреждены были 3000 корпусов для различных целей в столице. Со времени Цзяочжиской войны стали употреблять огнестрельное оружие и учредили корпус стрелков. Он состоял из пехоты и делился на три больших корпуса под управлением трех инспекторов. Так как дисциплина давно была запущена и учением ни офицеры, ни солдаты не занимались, то, согласно докладу Юй Цяня, из армии были выбраны 100 000 человек и разделены на пять частей под именем пяти учебных корпусов. Эти корпуса были организованы следующим образом: пятьдесят человек составляли колонну; колонна имела старшину; сто человек составляли две колонны и имели колонновожатого; тысяча человек имела военачальника; три тысячи пятьсот человек имели инспектора; все по рангам зависели один от другого. Офицеры и солдаты гнали друг друга. Эти корпуса направлялись в зависимости от количества неприятеля. Юй Цянь просил увеличить эти войска еще на 50 000 и всего составить десять учебных корпусов. Все корпуса находились под управлением своих командующих и под главным распоряжением Юй Цяня и Ши Хэна. Из оставшихся после выбора войск составлены передние корпуса для обучения, названные Старыми корпусами. Они предназначались содержать гарнизон.

(Ду, «Песнь о боевых колесницах»)

Ду Фу (712-770 гг.) – поэт.

Боевые гремят колесницы,
 Кони ржут и ступают несмело.
 Людям трудно за ними тащиться
 И нести свои луки и стрелы.
 Плачут матери, жены и дети:
 Им с родными расстаться непросто.
 Пыль такая на белом на свете,
 Что не видно Саньянского моста.
 И солдат теребят за одежду,
 Ужасаясь пред близостью битвы:
 Здесь Мольба потеряла Надежду,
 Вознося в поднебесье Молитвы.
 И прохожий у края дороги
 Только спросит: «Куда вы идете?»

Отвечают: «На долгие сроки,
 Нет конца нашей страшной работе.
 Вот юнец был, семье своей дорог.
 Сторожил он на Севере реку.
 А теперь, хоть ему уж за сорок,
 Надо вновь воевать человеку.
 Не повязан повязкой мужскою,
 Не успел и обряд совершиться,
 А вернулся с седой головою,
 И, опять его гонят к границе.
 Стон стоит на просторах Китая.
 А зачем императору надо
 Жить, границы страны расширяя?
 Мы и так не страна, а громада.
 Неужели владыка не знает,
 Что в обители ханьской державы Не спасительный рис вырастает,
 Вырастают лишь сорные травы?
 Разве женщины могут и дети Взять хозяйство крестьянское в руки?
 Просто сил им не хватит на свете,
 Хватит только страданья и муки.
 Днем и ночью стоим мы на страже
 И в песках, и на горных вершинах...
 Чем отличны сражения наши
 От презренных боев петушиных?
 Вот, почтенный, как речью прямою
 Говорим мы от горькой досады...
 Даже этой свирепой зимою
 Отдохнуть не сумели солдаты.
 Наши семьи сломила кручина:
 Платят подати, платят налоги,
 И уже не желаешь ты сына,
 Чтоб родился для слез и тревоги.
 Дочь родится, годна для работы,
 Может, жизнь ее ты и устроишь...
 Ну, а сын подрастет, уж его-то
 Молодого в могилу зароешь.
 Побродил бы ты, как на погосте,
 Вдоль нагих берегов Кукунора:
 Там белеют солдатские кости.
 Уберут их оттуда нескоро.
 Плачут души погибших недавно,
 Плачут души погибших когда-то,
 И в ночи, боевой и бесславной,
 Их отчетливо слышат солдаты».

Борьба китайцев против монголов **(Из «Мин Тай-цзу ши лу»)**

Участие крестьян в антимонгольских восстаниях

Год гуйцзи (1353), 6-й месяц, день биншэн, первое число. В Хаочжоу¹ многие воины были ранены и убиты юаньскими² солдатами. Император³ вернулся в родную деревню вербо-вать воинов, завербовал более 700 человек и вернулся [в Хаочжоу].

Люди из свиты [Го Цзы-сина] доложили: «В [местечке] Чжанцзябао, [около] Динноаня⁴, есть укрепленный лагерь от-дельного отряда народного ополчения, который называется Лупайсай; им⁵ недостает продовольствия, они никому не подчиняются и хотели бы к кому-нибудь присоединиться.

Взятие у монголов г. Уюаньчжоу⁶

Год маосуй (1358), 2-й месяц, в день имао...⁷ Дэн Юй послал подчиненных ему полководцев Ван Би, Сунь Ху, Ван Туна, Сунь Моу-сяня и других взять Уюаньчжоу. Войска подошли к городу, и к западу от него завязался бой с охраняв-шим его юаньским полководцем Чжумуэрбухуа. Бились с утра до полудня, враги

потеряли убитыми и ранеными более 500 человек, но город все еще не сдавался. Тогда рассредоточили войска и у разных ворот стали теснить врага. Сунь Моу-сянь напал на восточные ворота, Ван Би и Сунь Ху – на южные, Ван Тун – на северные. Продвигаясь по трем направлениям, еще убили более 3000 человек. Взяв город, обезглавили Чжумуэрбухуа и захватили в плен свыше 3000 человек.

Война с Чжан Ши-чэном⁸ и занятие Исина⁹

Год усюй (1358), 10-й месяц, в день цзясяюй Сюй Да и Шло Жун¹⁰ взяли Исин. Перед этим император Чжу Юань-чжан отправил посла сказать Сюй Да и другим: «Исин – маленький город, но он сильно укреплен, приступом его нелегко шить. Говорят, что на западе город соединяется с озером Гайху».

Чжан Ши-чэн, бесспорно, подвозит продовольствие по ному пути. Если войска перережут дорогу, по которой под-почт продовольствие, то вражеские войска в городе будут испытывать нехватку продовольствия и город можно будет шить. Поэтому Сюй Да и другие перерезали [дорогу на Тайху] и, объединив силы, стремительно напали на город и овладели им.

Создание военных поселений в годы антимонгольских восстаний

Год усюй (1358), 2-й месяц, [Чжу Юань-чжан] повелел У Чжану вместе с братом У Ляпом¹¹ охранять Цзяньин¹². В то время число охранных войск в Цзяньине не доходило до МЮО человек, а земли эти граничили с территорией Чжан Ши-чэна. Братья обучали войска и постоянно были настороже. Использовали военные поселения, чтобы снабдить нонпов продовольствием. Враги не осмеливались вторгаться, а народ очень доверял им (братьям У).

Год гуймао (1363), 2-й месяц, [Чжу Юань-чжан] разъяснил всем полководцам указ о военных поселениях.

Первоначально император повелел всем полководцам м отдельности организовать военные поселения в Лунцзяне¹³ и фугих местах. К настоящему времени только Кан Мао-цай добился успехов, а остальные полководцы нет. Тогда был издан указ, в котором говорилось: «Основа государства в сильной армии и достаточном питании. В прошлом, при ханьском Уди¹⁴, с помощью военных поселений покорили варварские государства на Западе. Цао Цао¹⁵, используя воен-ные поселения, обеспечил снабжение армии и стал гегемоном. С того времени как началась война, народ жил несо-койно, несколько лет подряд были неурожаи, земли запустели. Если продовольствие целиком брать с народа, то на-роду будет очень трудно. Поэтому [я] приказал полководцам и воинам создавать военные поселения, обрабатывать землю и вести военные действия. Ныне во всех районах крупные и мелкие полководцы прикреплены к городам и крепостям, но повсюду с земли еще не получена та польза, которую можно было бы получить. Прошло несколько лет, а успехов не видно. Только Кан Мао-цай собрал 15000 даней зерна. Он снабдил воинов продовольствием, и еще осталось более 7000 даней. Из сравнения его достижений с положением дел у других полководцев видно, что к земле приложены равные силы, а доходы получены неодинаковые. В чем кроется причина этого? Причина кроется в том, что люди различны: есть прилежные и есть ленивые. Отныне все полководцы должны организовать своих воинов для своевременного подъема целины, чтобы земля не пропадала даром. Тогда через несколько лет армия будет иметь вдоволь продовольствия, а государство получит опору.

¹ Хаочжоу – ныне Фэнъян в провинции Аньхой. В 1352 г. здесь началось антимонгольское восстание во главе с Го Цзы-сином, а в самом начале 1353 г. к этому движению примкнул Чжу Юань-чжан, будущий основатель Минской династии.

² Т. е. солдатами правившей тогда Китаем чужеземной, монгольской династии (династии Юань).

³ Имеется в виду император Чжу Юань-чжан. В то время он был всего лишь мелким военачальником в отряде Го Цзы-сина, однако в «Мин Тай-цзу ши лу» он повсюду называется императором или основателем династии, так как эта летопись была составлена уже после его вступления на престол, а по китайской традиции собственное имя императора никогда не упоминалось.

⁴ Динюань – город в провинции Аньхой.

⁵ Т. е. воинами этого отряда.

⁶ Уюаньчжоу – уезд и город того же названия в современной провинции Цзянси.

⁷ Здесь указано воинское звание Дэн Юя, которому невозможно подыскать адекватное значение в русском языке. Дэн Юй – крупный полководец группировки, возглавленной Чжу Юань-чжаном.

⁸ Чжан Ши-чэн возглавлял антимонгольское движение в провинциях Чжэцзян и Цзянсу. С конца 50-х годов XIV в. началась борьба между ним и Чжу Юань-чжаном за власть в Центральном Китае.

⁹ Исин – город в современной провинции Цзянсу на восточном берегу озера Тайху.

¹⁰ Сюй Да и Шао Жун – полководцы Чжу Юань-чжана.

¹¹ У Чжэн и У Ляи – вожди повстанцев группы Чжу Юань-чжана.

¹² Цзяньин – ныне город того же названия в провинции Цзянси.

¹³ Лунцзян – вероятно, нынешний Цзюцзян в провинции Цзянси. ¹

¹⁴ Уди – девиз правления ханьского императора Лю Чэ (140-87 гг. до н.э.).

¹⁵ Цао Цао – древнекитайский полководец, основатель царства Вэй (III в.).

Внешняя политика, войны, дипломатические и торговые посольства Минской империи

В начале XV в. минское правительство направило за пределы империи несколько посольств, которые имели своей целью установить дипломатические связи с разными странами, закрепить господство китайцев на морских и караванных путях, подготовить условия для основания торговых колоний и для закрепления постоянного торгового обмена.

Среди руководителей этих посольств особенно прославился талантливый дипломат и флотоводец Чжэн Хэ, который возглавлял экспедиции в страны Южных морей и Индийского океана в 1405-1430 гг.

Биография Чжэн Хэ («Мин ши», гл. 304)

Чжэн Хэ (1371-1433 гг.), о котором рассказывается здесь, сын бедного мусульманского чиновника, был в детстве продан в рабство и стал затем княжеским евнухом. Возвысившись при императоре Чэндзу (1403-1424 гг.), который претендовал на роль повелителя вселенной, Чжэн был послан им в морское путешествие с целью навязать странам Южной Азии китайскую власть, а также выяснить там политическую обстановку и упрочить торговые связи. Для экспедиций построили корабли длиной 140 м и шириной 58 м. Используя сезонный режим муссонов, Чжэн в 1405-1431 гг. совершил семь плаваний на запад, достигнув Индии, Аравии и Африки. Первыми описали эти экспедиции их участники, мусульманские писцы и переводчики Ма Хуань («Обозрение берегов океана»), Фэй Синь («Победное шествие звездных плотов») и Гун Чжэнь («Обозрение чужеземных стран Запада»). Их работами воспользовались позднее составители «Минской истории». Ниже повествуется о первом путешествии Чжэна.

Чжэн Хэ – уроженец Юньнани, известный как тайцзянь Сань Бао. Служа вассалом у вана Янь, проявил военную доблесть и постепенно выдвинулся в тайцзяни. Чэнцзу¹ подозревал, что Хуэйди² бежал за море, и хотел настичь его; он стремился показать варварским странам силу своих войск, богатство и мощь Китая. В шестом месяце третьего года Юнлэ (1405 г.) Чжэн Хэ, Ван Цзинхуну³ и другим было приказано отправиться послами в страны Западных морей⁴ и поручено командование более чем над 27 800 солдатами. Они взяли с собой много денег, построили 162 больших корабля по 44 чжана в длину и по 18 чжанов в ширину каждый. Из Люцзяхэ под Сучжоу⁵ они морем поплыли вдоль берегов Фуцзяни. В Ухумэне в провинции Фуцзянь снова развернули паруса и прибыли в Чжаньчэн⁶. Затем поочередно прошли через все варварские страны, оглашали императорские указы и делали подарки местным правителям. А если те не подчинялись, то подавляли их военной силой. В девятом месяце пятого года (1407) Чжэн Хэ и остальные возвратились. Послы от всех стран прибыли с ними и предстали перед императором. Чжэн Хэ представил взятого им в плен вождя из страны Цзюцзян⁷. Император был очень доволен, наградил всех титулами в соответствии с заслугами. Цзюцзян – это древнее название страны Саньфоци. Ее вождь Чэн Цзуи был пиратом, грабил купцов и отбирал товары.

Чжэн Хэ послал к нему посла и уговаривал прекратить грабеж, Чэн Цзуи обещал покориться, но в тайне задумал напасть врасплох и ограбить. Чжэн Хэ наголову разбил его войско и схватил самого Чэн Цзуи. Привезенные пленники были казнены на рынке в столице.

В девятом месяце шестого года (1408) он снова был направлен на Цейлон. Тамшний государь Яльекунар заманил Чжэн Хэ в глубь страны, потребовал денег и послал войска ограбить его корабли. Чжэн Хэ, увидев, что большая часть разбойников ушла, и в городе никого не осталось, с двумя с лишним тысячами человек, находившимися у него в подчинении, напал на эту столицу и схватил живым самого Яльекунара вместе с его женами, детьми, чиновниками и подчиненными. Те же, кто пошел грабить корабли Чжэн Хэ, услышав об этом, вернулись назад, ища спасения, но китайские войска разбили их, и в шестом месяце девятого года (1411) пленники были представлены императору. Император смилостивился над ними, не казнил и отпустил на родину. К этому времени Вьетнам был уже покорен и земли его поделены на уезды⁸.

Соседние государства еще более испугались и присылали все больше [дани или послов].

В одиннадцатом месяце десятого года (1413) Чжэн Хэ снова было приказано отправиться послом в Сумэндалу⁹. Как раз перед этим сын узурпатора Суганьла задумал убить государя и взойти на престол. Он обиделся, что Чжэн Хэ не преподнес ему подарков и вместе со своим, войском напал на китайские войска врасплох. Чжэн Хэ ожесточенно сражался, затем преследовал противника и около Найболи¹⁰ взял его в плен вместе с семьей. В седьмом месяце тринадцатого года (1415) он возвратился ко двору. Император очень обрадовался, соответственно наградил военачальников и солдат (цзянши). Зимой четырнадцатого года (1416) Маньлацзя, Гули и другие – всего девятнадцать государств – прислали ко двору послов с данью. Попрошавшись, они вернулись назад. Чжэн Хэ было снова приказано отправиться вместе с ними, отвезти подарки их властителям. Возвратился он в седьмом месяце семнадцатого года (1419). А весной девятнадцатого года (1421) снова уехал, и вернулся в восьмом месяце [84] следующего года. В первом месяце двадцать второго года (1424) цзюцзянский глава Ши Цзисунь попросил о предоставлении ему по наследству титула сюаньвэйши. Чжэн Хэ был направлен к нему, чтобы преподнести печать [на этот титул]. Когда он вернулся, то Чэнцзу уже умер. Во втором месяце первого года правления Хунси (1425) император Жэньцун приказал Чжэн Хэ и сопровождавшим его в заморских походах войскам охранять Нанкин. Учреждение охраны в Нанкине ведет свое начало с Чжэн Хэ. В шестом месяце пятого года Сюаньдэ (1431) по причине того, что император правит уже давно, а все далеко отстоящие варварские страны все еще не присылали дани ко двору, Чжэн Хэ и Ван Цзинхуну было вновь приказано отправиться на Тайвань и в другие семнадцать государств. Чжэн Хэ служил трем императорам и его посылали семь раз в различное время послом в [государства] Чжаньчэн, Чжаоа, Чжэнна, Цзюцзян, Сяньло, Гули, Маньлацзи, Бони, Сумэндала, Алу, Кэчжи, Дагэлань, Сяогэлань, Сяянсоли, Соли, Абобадэн, Цзянлэ, Наньцзоли, Ганьбали, Силаньшань, Наньболи, Пэнхэн, Цзиланьдэн, Холумосы, Била, Люшань, Суньла, Мугэдушу, Милян, Ласа, Цзуфар, Шаливаньни, Чжубу, Баньгэла, Тяньфан, Лифа, Нагур¹¹. объездил он более 30 стран. Приобретенные сокровища и товары трудно сосчитать, но и Китай понес

бесчисленные траты. Начиная с Сюаньдэ, дальние страны иногда присылали послов, но это нельзя сравнить с эпохой Юнлэ, а Чжэн Хэ к тому времени состарился и умер.

¹ Ваном Янь (Пекина) был в это время Чжу Ди, будущий император Чэнцзу (1403-1424 гг.).

² Хуэйди – император при минской династии (1399-1402 гг.).

³ Ван Цзинхун, тайцзянь – участник всех экспедиций Чжэн Хэ.

⁴ Западными морями назывались все водные пространства к западу от Малайского архипелага. Однако выражение «Чжэн Хэ послан в Западные моря» часто употреблялось для всех экспедиций Чжэн Хэ, независимо от их направления.

⁵ Город в пров. Цзянсу.

⁶ Чжаньчэн – страна на юго-восточном побережье Индокитайского полуострова.

⁷ Цюэцзян, или Саньфоцзи, – в китайской транскрипции название страны Паленбанг (в ю.-в. части о. Суматра).

⁸ С присоединением новой территории на ней вводилось такое же административное деление, как и в самом Китае.

⁹ Страны на с.-з. побережье о. Суматра.

¹⁰ На о. Суматра, в стране Сумэндала.

¹¹ Чжаньчэн, Чжэнна – юго-восточное побережье Индокитайского полуострова. Чжаова – Ява; Сяньло – Сиам (совр. Таиланд), Гули – Каликут, крупный торговый порт на Малабарском берегу Индии; Маньлацзи – страна на юго-западном берегу п-ва Малакка; Бони – страна в западной части Борнео; Алу – страна на с.-з. о-ва Суматра; Кэчжи – страна на Кромандэльском берегу Индии; Дагэлань, Сяогэлань – страны на Малабарском берегу Индии или о-ва Квирон около Малабарского берега; Сиансоли, Соли – Кромандэльский берег Индии (Чола); Абобадэн (Ганьбали) – в северной части Малабарского берега Индии; Цзянлэ – страна в Южной Индии (Кали); Наньцзоли – Малабарский берег Индии; Силаншань – Цейлон; Наньболи – страна к западу от Сумэндала (зап. берег Малакки); Пэнхэн – Паханг (восточный берег Малакки); Цзиланьдэн – Калантан (восточный берег Малакки); Холумосы – Ормуз, крупный торговый порт в Персидском заливе; Била – Брава (вост. Африка); Люшань – Мальдивские о-ва; Суньла – Секандар (?) или Сунда на Яве, Мугэдушу, Милян, Цзуфар, Чжубу, Тяньфан – страны, расположенные по побережью Аравии и с.-в. Африки; Ласа – совр. Эритрея; Шаливаньни – местонахождение неизвестно; Баньгэла – Бенгал. Лифа, Нагур – страны в с.-з. части Суматры.

Посольство Чжэнхэ в Чжаньчэн, страну, расположенную на юго-восточном побережье Индокитайского полуострова («Мин ши», гл. 324)

В шестом году (1408) Чжэн Хэ был отправлен туда послом. Тамошний властитель (ван) со своим внуком Шэ Яньанем послал в благодарность дань – слонов и местные товары.

В десятом году (1412) посол, доставивший дань, просил императора об официальной санкции на вассалитет. Чжэн Хэ снова было приказано отправиться туда послом.

Посольства Китая в Тибет, Непал и другие страны («Мин ши», гл. 304)

Хоу Сянь служил шаоцзянем в ведомстве обрядов. Император услышав, что в стране Усыцзан¹ есть монах Шаншихалима, владеющий волшебством и искусством превращения, захотел увидеть его, поэтому и возникла связь с западными варварами. Тогда было приказано Хоу Сяню взять книги и деньги и отправиться за ним, выбрав самых крепких воинов и самых сильных коней для охраны в пути. В четвертом месяце первого года (1403), получив приказ выступить, он проехал сушией 10 тыс. ли и возвратился вместе с этим монахом во втором месяце четвертого года (1406). По приказу императора их встречал императорский зять дуой Му Синь. Император принял его в зале Фэнтянь, облакал, осыпал милостями, вручил булаву почетного телохранителя императорского выезда, а также много всяческой утвари из золота и серебра. Путь его был блистателен. Во втором месяце пятого года (1407) был устроен всеобщий великий пост при храме Лингусы с целью ниспослания счастья покойным императору и императрице. Некоторые говорили, что они несколько дней подряд видели счастливые облака, небесные цветы, сладкие росы и дожди, зеленых птиц, зеленых львов, белых слонов, белых журавлей и свет в виде нимба и слышали буддийские молебны и гимны, звучавшие с неба.

Император еще больше был обрадован. Придворные поздравляли его, а ученый Ху Гуан говорил, что император – хороший, почтительный сын. Именно тогда Халима был пожалован титулами...², под его управление были поставлены все буддисты в Поднебесной, на что ему были переданы указ и печать, по такому же порядку, какой положен для светских ванов. Трех его ученикам также были пожалованы звания «первого наставника империи» и [в их честь] устроен новый прием в зале Шэнтянь. Хоу Сянь за то, что он ездил послом [за монахом], был повышен в тайцзяни.

Весной одиннадцатого года (1413) он снова получил приказ отвезти дары западным варварам в государства Нибала³ и Дионта⁴.

Непальский ван Шаодэсиньгэ послал вместе с Хоу Сянем посла ко двору с данью и местными товарами. Указом императора он был утвержден ваном своей страны и ему были переданы указ и печать [на это звание]. В седьмом месяце тринадцатого года (1415) император пожелал установить связь со всеми государствами Бангэла и снова приказал Хоу Сяню на кораблях с подчиненными ему войсками отправиться [в плавание]. Эти государства расположены в Восточной Индии, очень далеко от Китая. Их властитель (ван) Сайфуудин послал [ко двору] посла с данью: жирафом и разными местными товарами. Император был очень доволен и наградил

его титулом. К западу от Бангэла есть страна, которая называется Чжаонапур, расположена она в Индии и является древним буддийским государством. Когда оно напало на Бангэла, Сайфуддин сообщил об этом [минскому] двору. В девятом месяце восемнадцатого года (1420) Хоу Сянь получил приказ отправиться туда, огласить указ императора, подарить золото [в монетах] и тем самым прекратить военные действия. Во втором месяце второго года Сюаньдэ (1427) Хоу Сянь вновь был послан отвезти пожалования варварским странам. Он объехал Западный Тибет, Бинлигунвалинцзан и Сыдацзан⁵ и возвратился. По пути на него напали разбойники, но солдаты Хоу Сяня упорно сражались, многих убили, отрубили им головы и доставили ко двору. Список отличившихся и получивших награды [за эту битву] насчитывает 460 с лишним человек. По своим способностям, силе и смелости, которые он проявил во время пяти трудных походов, Хоу Сянь стоит вторым после Чжэн Хэ.

¹ Тибет.

² Здесь опускается длинный перечень титулов.

³ Непал.

⁴ Дионнта – страна к западу от Непала.

⁵ Бинлигунвалинцзан, Сыдацзан – районы Тибета.

Сношения минской империи со странами Индокитая («Мин ши», гл. 324)

Чжэнна, расположенная к югу от Чжаньчэна в 3 сутках пути при попутном ветре, платила дань Суйскому, Танскому и Сунскому дворам. В годы Сунского Цинъюаня¹ Чжаньчэн был покорен, земли его присоединены к империи и поэтому страна стала называться Чжэнна. Так же называлась она и в юаньское время. В третий год Хуньэ (1370) отправили туда послом чиновника Го Чжен с другими. Они взяли с собой жалованную грамоту императора для той страны. На четвертом году (1371) тамошний башаньван 34 Хуэрна отправил посла для преподнесения поздравлений и дани из местных товаров..

С первого дня следующего года указом императора стране позволено пользоваться китайским официальным календарем, а послы по заслугам награждены пестрым шелком и деньгами. В шестом году (1373) прислали [в Китай] дань. В двенадцатом году (1379) ван Цаньдиганьэ Чичадажи прислал посла для преподнесения дани, которого император одарил и торжественно принял, как и его предшественников. В тринадцатом году (1380) снова прислали дань. На шестнадцатом году (1383) туда отправлен посол. Он привез в дар тамошнему вану бумагу с императорской печатью, переломанной пополам. Если какой-либо прибывший в страну посол не привозил вторую половину этой печати, то его [считали] фальшивым, разрешалось его связать, взять под стражу и известить об этом двор.

Снова отправлен посол пожаловать² куска золототканой парчи и 19 000 штук фарфоровой посуды Ван [в ответ] прислал посла с данью. В девятнадцатом году (1386) посланы пешим путем Лю Минь и Тан Цзин. Они вместе с евнухами отвезли в дар фарфоровую посуду. В следующем году Тан Цзин и другие возвратились. Ван прислал посла с данью – 59 слонов и 60 тыс. цзиней ароматических масел. Вскоре после этого отправлен посол, чтобы пожаловать вану серебряную с позолотой печать.

Ван и его жены получили подарки. Тамошний ван Цаньльебаопи Сеганьпу прислал посла с данью слонами и местными [88] товарами. В следующем году снова прислали дань – 28 слонов, 34 раба при этих слонах и 45 варваров-рабов – в благодарность за пожалование печати. В двадцать втором году (1389) дань присылали 3 раза. В следующем году снова прислали дань. В первый год Юнлэ (1403) посланы пешим путем Цзян Биньсин и Ван Шу [доставить] в то государство манифест о вступлении императора на престол. В следующем году ван Цаньльепопия прислал посла ко двору с данью и местными товарами.

(«Мин ши», гл. 324)

В 1377 г. император Чжу Юаньчжан издал манифест в котором приказал с этого времени именовать страну Сяньло³ и повелевал вносить дань ежегодно или 2 раза в год, а впоследствии в несколько лет 1 раз. В шестнадцатом году (1384) Чжэнне и другим странам пожалованы грамоты с разрезной печатью, а также деньги, узорный шелк и фарфоровая посуда. В двадцатом году прислано в дань черного перца 10000 цзиней, сандалового дерева 10000 цзиней. Император направил посла с ответными подношениями.

В Вэньчжоу⁴ находились люди, торговавшие изделиями из орлиного дерева. Местные чиновники хотели их публично казнить за связь с варварами. Император сказал, что именно Вэньчжоу является тем местом, через которое лежит дорога из Сяньло. Поэтому торговлю с приезжими [иноземцами] нельзя считать связью с варварами. [Вэньчжоусцы] получили снисхождение. В двадцать первом году (1388) прислано в дань 30 слонов и 60 варваров-рабов. В двадцать втором году наследник Чжаолуцзюньсин прислал посольство с данью. В двадцать третьем году прислано в дань сандаловое дерево, черный перец и 170 тыс. цзиней душистого осветительного масла. В двадцать восьмом году Чжаолуцзюньсин прислал ко двору посла с данью и извещением о смерти отца...

Чэнцзу, вступив на престол, пожаловал этому государству [Сяньло] манифест. В первый год Юнлэ (1403) пожаловал вану Чжаолуцзюньсину Долодицы позолоченную печать из серебра с ручкой в форме верблюда. Их же ван прислал посла с благодарностью. В шестом месяце, когда умершему императору был дан посмертный титул, отправили посла, чтобы передать императору манифест и дары. В восьмом месяце снова приказано цзишичжуну Ван Чжэ и другим отправиться с подношениями их вану парчой и узорным шелком. В девятом месяце приказано егнуху Ли Юю и другим передать тамошнему вану указ с восхвалениями, а также пожалования всем местным военным и гражданским чиновникам. Во втором году (1404) к берегам Фуцзяни прибило варварский корабль. Оказалось, что он также идет с дружественными намерениями из Сяньло на Люцю⁵. Местные власти конфисковали имевшиеся на нем товары и доложили императору. Император сказал: «...дружественные связи между двумя странами — дело хорошее, которому не следует чинить препятствия. Повреждение бурей надо бы принять близко к сердцу, иначе как же можно из этого извлечь выгоду! Местные власти должны починить корабль, пополнить его провиант и с попутным ветром отправить на Люцю».

¹ Цинъюань (1195-1200 гг.) – годы правления сунского императора Нинцзуна.

² Башаньван – название титула иноземного правителя.

³ Сяньло – Сиам (совр. Таиланд).

⁴ Вэньчжоу – порт в пров. Чжэцзян.

⁵ О-ва Рюкю.

Морская торговля и политика правительства («Мин ши», гл. 81)

В начале правления Мин на востоке торговали лошадьми, на западе – чаем. Все это покрывало расходы по содержанию гарнизонов в пограничных провинциях. Всем заморским странам, присылавшим дань, разрешалось привозить, кроме этого, местные товары и продавать их в Китае. Поэтому было учреждено управление торговлей и кораблями (шибосы), возглавлявшееся чиновником [в чине] тицзюй. В сношениях с варварами просили обуздать корыстных купцов, соблюдать запреты и тем самым прекратить их раздоры. В начале правления Хунью ведомство помещалось в Тайцане, что в Хуанду¹. Вскоре оно было закрыто и вновь учреждено в Нинбо², Цюаньчжоу³ и Гуанчжоу. Нинбо имел сношения с Японией, Цюаньчжоу – с Рюкю, Гуанчжоу – с Чжаньчэном, Сяньло и всеми странами Западных морей. Рюкю, Чжаньчэн и другие страны – все уважали порядок и честно в назначенный срок присылали дань. Только Япония то возмущалась, то подчинялась. И поэтому срок представления ею дани специально был ограничен десятью годами, число прибывающих людей установлено в 200 человек, а число кораблей ограничивалось двумя. Разрезная печать на золотых листах проверялась, чтобы не было подлога. Затем управление кораблями и торговлей было временно закрыто, и тогда опять было строго запрещено жителям побережья, а также стоявшим в гарнизонах солдатам и офицерам частным образом сноситься с заморскими странами. В начале правления Юнлэ малолетний Хачжима Хамоци и другие прибыли ко двору и привезли с собой черного перца для торговли с населением. Некоторые ведомства просили, чтобы взимать с них налоги. Император сказал: «Налог на торговлю – унижает государство. Как же могут тогда получать выгоду те, кто занимается торговлей!! Сейчас варвары, следуя хорошему примеру, прибывают издалека и посягать на их выгоды – это значит получить немного, а убыток и стыд – большой» – и не дал согласия. В третьем году (1405) число послов, прибывших с данью, увеличилось. И тогда по правительственной почте [послано распоряжение] организовать в Фуцзяни, Чжэцзяне и Гуандуне три канцелярии. В Фуцзяни [канцелярия] называлась лайюань, в Чжэцзяне – анъюань и Гуандуне – хуайюань.

Вскоре учредили управление торговлей и кораблями [во главе] с тицзюем для Аннама и Юньнани, которое принимало дань двору, представляемую всеми юго-западными странами. Сначала дань доставлялась морскими кораблями в ведомства, которые проверяли и оформляли ее и тогда докладывали, и только после этого перевозили. Император Сюаньцзун (1426-1436) приказал по прибытии сразу докладывать и, не дожидаясь ответа, доставлять в столицу.

В годы правления Уцзуна (1506-1521) тайцзянь Би Чжэн, бывший тицзюем в управлении торговлей и кораблями, докладывал, что соответственно старым порядкам все прибывшие морем корабли были подведомственны только управлению торговлей и кораблями, теперь же ими ведают три инспекции от трех управлений, Би Чжэн просил сделать по-старому. Ведомство чинов и обрядов обсуждало функции управления торговлей и кораблями. И было приказано не устанавливать сношений с кораблями заморских купцов и варварскими кораблями, доставляющими дань и местные товары, которые не записаны в императорском указе.

Некий Сюнь Сюань действовал по-старому. Когда он был тайцзянем в управлении торговлей и кораблями, он не взимал пошлины с кораблей Маньялацзя и других варварских стран. В своем докладе он просил установить совместное управление. Но по доносу ведомства обрядов он был смещен. Лю Цзиньсы исправил его ошибку и навел порядок. Во втором году правления Цзяцзин (1523) из Японии были посланы послы Цзун Шэ и Сун Суцин, которые, следуя разными путями, доставили дань. Они спорили между собой, кто из них истинный представитель, а кто ложный. Тайцзянь Най Энь принял от Сун Суциня взятку и объявил его

подлинным. Тогда Цзун Шэ ограбил Нинбо. Цишичжун докладывал, говоря, что это зло от японцев вызвано управлением торговлей и кораблями и надо его закрыть. И оно было закрыто. Японские морские торговцы бороздили моря. Они вступили в сношения с теми, кто из корысти без разрешения плавал по морю, не соблюдая никакого запрета. Они стали пиратами. В двадцать шестом году (1547) сто кораблей японских пиратов долго стояли в Нинбо⁴ и Тайчжоу⁵. Несколько тысяч человек высадились на берег, жгли и грабили.

Сюньфу Чжэцзяна Чжу Ван разузнал, что хозяева кораблей все важные и именитые люди (гуи гуань дасин). Покупая у варваров товары по заниженным ценам, они перепродают их с выгодой. То, что они задерживали плату, вызывало волнения. Тогда, согласно строгому запрету на морскую торговлю, было уничтожено все, что у них оставалось. В докладе императору Чжу Ван просил издать манифест о том, чтобы остерегаться этих именитых людей (дасин). Ответа императора не последовало.

В двадцать восьмом году (1549) Чжу Ван снова докладывал: «...Все честные люди из Чандина и Макао (Линь Гун и другие) привлекают варварские корабли и поднимают мятежи, а все наиболее корыстные вступили в связь [с японцами] в целях погони за прибылью и тем самым стали проводниками тех, кто попирает наши берега. По справедливости они заслуживают кары». Ведомство наказаний снова запретило этим великим хитрецам вступать в связь с варварами. Чжу Ван при удобных обстоятельствах всегда казнил их. Чжэцзянский инспектор (юйши) Чэн Цзюдэ донес на Чжу Вана, якобы он неверно действует, самовольно убивает, вызывая этим раздоры. Император арестовал Чжу Вана, лично допросил, после чего Чжу Ван был снят с должности. Тогда число корыстных увеличилось, и они ничего не боялись. Неурядицы во внешних сношениях и внутренние усобицы вызвали несчастья и беды. Взбунтовались Ван Чжу, Сюй Хай, Чэн Дун, Ма Е и другие, и не стало на море спокойных дней.

В тридцать пятом году (1556) японские пираты ограбили Фуцзянь. Чжэцзянский столичный инспектор (ду юйши) Ху Цзансянь послал своих подчиненных (кэ) Цзян Чжоу и Чэн Кэняня в Японию огласить манифест императора. Они вернулись с ответом, что японцы желают привозить дань и торговать. Военное ведомство рассмотрело и не согласилось. Этим и кончилось.

В тридцать девятом году (1560) юйянский⁶ сюньфу Тан Шуньчжи вновь предложил открыть три канцелярии управления морской торговли. Ведомство рассмотрело и дало разрешение. В сорок четвертом году (1565) по возвращении на должность чжэцзянского губернатора Ли Ци они опять были закрыты. После этого в Фуцзяни их то открывали, то вновь закрывали. В годы правления Ваньли (1573-1620) в Фуцзяни снова была разрешена торговля с запретом только на селитру. После этого были учреждены два отделения ведомства торговли и кораблей, как и прежде во главе с евнухами.

¹ Пров. Цзянсу, порт в устье Янцзы.

² Порт в пров. Чжэцзян.

³ Порт в пров. Фуцзянь.

⁴ Порт в пров. Чжэцзян.

⁵ Порт в пров. Чжэцзян (в настоящее время не существует).

⁶ Юйян – город в провинции Аньхой.

Попытки португальцев проникнуть в Китай («Мин ши», гл. 325)

Португальцы (Фуланьци)

Были португальцы, которые с этого времени¹ начали позволять своим солдатам и офицерам действовать нехорошим путем и грабить. Издавна гуандунские чиновники и гражданские и военные получали ежемесячные оклады в зависимости от количества варварских товаров, которые доставлялись для продажи. Среди доставлявших товары немногие соглашались снова позволить португальцам торговать. Цишичжун Ван Сичжэнь очень настаивал на том, чтобы запретить всякие сношения с теми варварами, которые не вовремя представляют дань и у которых не сходится печать на обрезе бумаги. Поэтому варварские корабли почти перестали приходить. Сюньфу Ли Фу докладывал: «Государственные [чиновники] и частные лица в Гуандуне вложили большие капиталы в торговлю, и поскольку с варварских кораблей перестали поступать налоги, все эти частные лица и чиновники попали в бедственное положение. Если разрешить теперь торговать с Португалией, то будет четверная выгода. При прежних императорах с товаров, доставляемых варварами, помимо дани, брали [в казну] некоторую их часть. Продавая эти [отобранные] товары законным путем, можно полностью обеспечить императорскую казну – это первая выгода. Гуандун и Гуанси несколько лет подряд ведут войны, и их казна и амбары полностью истощились и тем, о чем говорилось, можно покрыть расходы на снабжение армии и заготовить [запасы] на всякий случай – это вторая выгода. Гуанси всегда зависела от снабжения из Гуандуна, и малейший перебой сразу вызывал такие затруднения, с которыми трудно было справиться, а если варварские корабли будут прибывать, то связи [Гуандуна и Гуанси] восстановятся – это третья выгода. Простой народ живет торговлей. Имея товаров на 1 цянь, он может перепродавать их снова и

снова, и добыть себе одежду и пищу – это четвертая выгода. Благосостояние и государства и народа одинаково зависят от этого.

Таким образом, это выгодно народу и не служит средством наживы, что было бы бедствием для народа». Вслед за этим было разрешено португальцам торговать в гавани Сяошань², но они перешли через торговые границы и стали непрерывно приходить в Фуцзянь. В двадцать шестом году (1541) Чжу Ван стал суньфу и строго запретил иметь сношения с варварами. Они нигде не смогли ничего получить и тогда со всеми силами напали на чжаньчжуские Юэган и Юйсюй³. Фуши Кэ Цяо и другие оборонялись и отразили [нападение]. В двадцать восьмом году (1543) они снова напали на Чжаоань⁴. Правительственные войска встретили и атаковали их у Цзомаси и взяли в плен предводителя этих разбойников Ли Гуаньгуна и других – всего 96 человек. Остальные бежали. Чжу Ван, пользуясь удобным случаем, приказал их казнить. Тогда его завистник юйши Чэн Цзюдэ донес на него, обвиняя в самоуправстве. Император послал для расследования и доклада по этому делу цзишичжуна Ду Жучжэня. Тот доложил: «Эти купцы из Маньлацзя всегда вербовали бродяг и торговали вдоль морского побережья. Они не присваивали себе титулы [торговых] обществ и не грабили. Чжу Ван казнил их самовольно. А донесения юйши были правдивы». Тогда Чжу Ван был арестован и покончил жизнь самоубийством. Он, вероятно, не знал разницы между Маньлацзя и Португалией. После смерти Чжу Вана запрет на морские [сношения] был опять ослаблен. Португальцы снова шли по морю и ничего не признавали, а те из них, которые торговали в гавани Сяошань и Хаоцзине, даже построили здания и обнесли их стенами, гордо возвышавшимися на морском берегу, как отдельное государство. Некоторые чиновники, напротив, рассматривали это иностранное [поселение], как должное. В Хаоцзине, что за воротами «Прыжок тигра» («Хутао»), раньше торговали друг с другом Сяньло, Чжанчэн, Чжаова, Люцю, Бони и другие страны все под руководством учрежденного в Гуанчжоу управления торговлей и кораблями.

В годы правления Чжэндэ (1506-1521) торговля была перенесена в Гаочжоу в уезд Дяньбай.

В четырнадцатый год Цзяцзин (1534) (чжихуэй) Хуан Цин получил взятку и выпросил у высшего начальства позволения на ежегодный привоз в Хаоцзин [товаров] на 20 тыс. цзиней. Португальцы тогда пробрались [в Хаоцзин] и построили множество высоких зданий с острыми крышами. Фуцзяньские и гуандунские купцы жадно устремились туда, и со временем их собралось там огромное множество. Иноземцы в испуге попрятались, и монополия [торговли] попала в руки [купцов].

¹ Начало XV в.

² Сяошань – порт в пров. Чжэцзян.

³ В пров. Фуцзянь.

⁴ В пров. Фуцзянь.

Войны Китая с Японией **(«Цзычжи тунцзянь ганму», гл. 13, 14, 16)**

1549 г. Осенью в 7-й месяц японцы произвели набеги на Чжэдун.

По прежним уложениям в Чжэцзяне была комиссарская экспедиция, управляющая пристанями (ши бо ти цзюй сы). Когда приходили корабли с товарами, то она производила оценку. Все управление находилось в руках чиновников. Вначале же Цзяцзинских лет (1522-1566) определение комиссаров отменено. Неблагоденные поморские жители присваивали себе все выгоды, и, вывозя богатства Срединного государства, производили торг с иностранцами. Прежде были купцы, управляющие этими делами. Когда же строго запретили торг с иностранцами, то все дело перешло в руки чиновников и сильных домов, которые слишком снижали цену. Японцы крайне роптали на это и тогда, объединившись в партии, грабили по берегам. Губернатор Чжу Ван ловил мятежников, имевших сношение с японцами, и казнил их, не ожидая императорского указа. Кроме того, он неоднократно представлял доклады о злоупотреблениях, производившихся большими домами (да син). По этой причине фуцзяньские и чжэцзянские жители ненавидели его. Стряпчий Чэнь Цзюдэ донес, что Чжу Ван самовольно казнит людей. Тогда Чжу Ван принял яд и умер. Беспорядки еще более усилились. В то [95] время в приморье давно царил тишина и люди не знали оружия. Услышав о нашествии японцев, все разбежались, и поморье опустело. С тех пор до конца Цзяцзинского правления не было спокойных дней...

Гл. 14

1556 г. Беспоконья от японцев крайне усилились.

1562 г. Японцы берут губернский город Синхуа. Генерал Юй Даю с помощником Ци Цзигуаном разбил их.

Прежде японцы оставили Чжэцзян. Они покушались на Хуай, Янчжоу, У и Юэ, но безуспешно, после этого напали на Фуцзянь, разбили более одиннадцати городов, захватили много богатства и детей обоего пола, побили или изранили чиновников, солдат и жителей бесчисленное множество...

Гл. 16

1592 г. В 5-й месяц японцы покоряют Чаосянь (Корею).

Мнимый японский король Пин Сюэци¹, поднявшись из невольников, похитил престол и завоевал 36 областей. Проведав, что Чаосянь приготовлена слабо, порознь отправил военачальников Син Чана, Цин Чжэна [и других], которые с флотом от острова Дуймадао пришли к городу Фушани, разбили Чаосяньскую армию и вступили в столицу. Почти все восемь областей были завоеваны.

Король Ли Гун в беспамьятстве бежал и, переправясь через реку Ялу, просил принять его в китайское подданство. Посланники его с прошениями о помощи один за другим следовали по дороге. Император приказал назначить Сунь Инчана главноуправляющим по военной части против японцев, а Ли Жусуна – главнокомандующим над вспомогательными войсками. Начальник военного ведомства Ши Син представил доклад о том, чтобы отправить красноречивого Шэнь Вэйцина в японскую армию и подкупом вызвать несогласие между полководцами.

1558 г. Зимой в 11-й месяц японцы уходят. Казенные войска (гуаньцзюнь), разными дорогами преследуя, разбивают их. Чаосянь получает спокойствие.

Прежде казенные войска с разных сторон напали на японцев, но не имели успеха. Случилось, что Пин Сюэци умер, и японцы все пожелали возвратиться домой. Первый полководец их Цин Чжэн прежде уехал на флоте. Посему генерал Ма Гуй вступил на остров в заливе Сипу. Лю Тин взял у них острог Сецяочжай. Генерал Чэнь Линь разбил их вспомогательное войско. После сего японцы подняли паруса и уплыли. В семилетнее занятие Чаосяни японцами потеряно несколько сот тысяч войска, на содержание пошло несколько миллионов, но Китай и Чаосянь никак не могли одержать победы и только со смертью Пин Сюэци кончились сии бедствия.

¹ Хидэеси.

2.10. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Борьба против монгольских завоевателей (Из «Кыюнг мук», кн.7, 11)

Приводимые отрывки рассказывают о втором походе монголов на Дай Вьет в 1284-1285 гг., о мероприятиях по объединению всего народа для борьбы с захватчиками.

[А]

(1284г.) 11-й месяц, зима. Послали послов к Юаням¹

Монголы собрали войска в Хугуане², объявили о намерении захватить нашу страну. Государь послал чунг-дай-фу Чан Фу в страну юаней (Китай), чтобы остановить войска. Но монголы не согласились, отправили наследника Тог-хана командовать войсками, говоря, что они идут воевать в Тьямпу. На самом деле (они) разными путями стремились захватить нашу страну. Государь созвал старейших со всей страны во дворец Зиен-хоунг, устроил пир и спросил, как бороться, какой применить способ. Все старики ответили: «Надо воевать». Не было ни одного, сказавшего иное.

(1285 г.) 4-й месяц, лето. Тиеу-ван-выонг Нят Зуат победил монгольские войска в устье Хам-ты. Войска Тоа До³ вернулись из Тьямпы. Грабя по дороге, они шли горами и долинами в пределах областей О, Ли, Хоан, Аан, потом остановились в Тэк-кете⁴. Государь созвал совет приближенных, сказал: «Враги шли тысячами путей, чтобы неожиданно захватить чужую страну, но это им не удалось и пришлось отступить. Сейчас, когда они устали, мы пошлем свои свежие силы против утомленного врага. Если первое сражение мы дадим так, чтобы они утратили боевой дух, то, несомненно, мы разгромим их». После этого совещания государь приказал Тиен-ван выонгу⁵ Нят Зуату, тиеу-тхань выонгу⁶ (имя неизвестно), хоаи-ван хэу Куок Тоану и тыонг-куану Нгюену Кдоаи повести навстречу наиболее сильные войска. Когда наши войска достигли устья Хам-ты, оба противника жестоко сразились. В войске Нят Зуата были китайцы, одетые по-китайски, носили лук и стрелы, сражались вместе с нами. Тхыонг-хоанг⁷ думал, что так как одежда и язык китайцев похожи на монгольский, то существует опасность, что наши войска не смогут отличить [их от монголов]. Он послал людей сообщить следующее: «Это китайские войска тиеу-ван выонга, отличайте их получше». Войска Тоа До только что пришли издалека; видя в рядах противника воинов, одетых по-китайски, боялись, что здесь есть китайские войска, сражающиеся на стороне нашего войска. Поэтому монгольские войска были разбиты. Тоа До отступил и остановился в устье Тхиен-чюонга, чтобы запастись продовольствием. Прежде, когда китайское государство было уничтожено, многие китайцы перешли к нам; Нят Зуат собрал их, среди них был один очень сильный, и Нят Зуат сделал его телохранителем. Поэтому в победе над монгольскими войсками большая заслуга Нят Зуата...

5-й месяц. Государь пригласил тхыонг-хоанга, и они приняли командование над войсками для войны с монголами, разгромили их войска в Тэйкете и убили Тоа До

Прежде тхыонг-тыонг Куанг Кхай, Хоаи-ван хэу Куок Тоан возглавили народное ополчение и армию в различных провинциях, разгромили войска монголов в Тьонг-зыонге и возвратили столицу. Отряды монголов Тхоат Хоана и Тхитя должны были переправиться через реку Фу-лыонг⁸, чтобы спастись. Тогда государь пригласил тхыонг-хоанга из Тхань-хоа командовать войсками, приведенными оттуда, и снова победил войска монголов в области Чыонг-ен. Позиции войск монголов – войска Тоа До и войска Тхоат Хоана – расположились друг от друга на 200 замов⁹. Когда Тхоат Хоан вынужден был отступить, Тоа До ничего не знал об этом. Поэтому Тоа До и О Ма Ни¹⁰ собрали войска и с моря повели наступление по реке Тхиен-мак, желая соединиться с войсками Тхоат Хоана, чтобы поддержать друг друга.

Передовые отряды монгольских войск прошли до хюйена Фу-нинь, но встретили начальника уезда Ха Дака, который устроил засаду и внезапно всем войском напал. Враги бежали до А-лапа. Увлеченный преследованием, Ха Дак погиб, его войска попали в плен. Младший брат Ха Дака Тьонг, ис-пользуя неосторожность врагов, похитил у них кольчуги и знамя, передал нашим. Наши войска воспользовались этими военными доспехами, напали на лагерь врагов; юаньские войска не ожидали нападения и были разгромлены.

¹ Монгольская династия Юань в Китае.

² Хугуань – провинции Хунань, Хубэй.

³ Тоа-До – монгольский полководец Сагату.

⁴ Северные провинции в современном Чунбю.

⁵ Тиен-ван выонг – военный титул.

⁶ Тиеу-тхань выопг – военный титул.

⁷ Тхыонг-хоанг – титул отца-императора.

⁸ Фу-лыонг – один из притоков Красной реки в ее дельте.

⁹ 200 замов – приблизительно 100 км.

¹⁰ О Ма Ни – монгольский полководец Омар.

[Б]

(1389 г.) 8-й месяц, осень. Разбойники¹ поднялись в Тхань-хоа

Нгюейен Тхань, житель Тхань-хоа, провозгласил себя князем Линь-дыком, спасаясь от преследований (правительственных войск), собрал очень много людей на реке Лыонг². Народ поддержал его. В то время Нгюейен Ки, житель Нонг-конга, провозгласил себя князем Ло, тоже собрал вооруженных людей и грабил.

(1389 г.) 12-й месяц. Бонза-маг Фам Шы Он поднял восстание. Государь послал подчинить виентьонга полка Та Тзань-дык. Хоанг Фунг Тхе подавил (восстание)

Шы Он призывал народ собраться в селе Куок-оаи, зло-употребил высоким званием³. Назначил Нгюейен Май и Нгюейен Кха Ханя на посты губернаторов, чтобы они собрали бродяг и бездельников и организовали отряды: «Священный», «Храбрый», «Беспредельный». Шы Он возглавил войска и прямо напал на столицу. Государь и тхыонг-хоанг уехали в Бак-жянг. Шы Он был в столице три дня, потом отправился походом на Нон-тяу⁴. Государь послал Хоанг Фунг Тхе на подавление [восстания]. В это время Фунг Тхе воевал с Ла Нгаи, полководцем Тием-тханя в Хоанг-жянге. Получив приказ, Фунг Тхе начал поход из Миет-жянга. Стояла зима, уровень воды в реках упал, Фунг Тхе построил канал, войска начали наступление. Противник был неожиданно атакован и потерпел поражение. Армия Чанов захватила Шы Онга с Нгюейен Маем и Кха Ханем: их казнили».

¹ Разбойниками в источниках называли повстанцев.

² Лыонг – река Ма.

³ Т. е. объявил себя государем.

⁴ Нон-тяу – современный Шон-тэй.

2.11. КОРЕЯ

Войны периода трех государств и объединение страны под властью Силла

Представлены материалы, характеризующие захватническую политику Суйской и Танской династий и борьбу против этой политики со стороны государства Когурё, вплоть до времени падения государств Когурё и Пэкче.

Из сочинений Ким Бусика приведены отрывки, рассказывающие о положении государства Силла в период его борьбы за объединение страны.

Борьба Когурё против Суйской династии (Из «Саньгочжи»)

Гао-цзу [Вэнь-ди, 580 (589)-604] милостивою грамотою поставил Юань¹ государем. В следующем году Юань с 10 тыс. мохэской конницы произвел набег на Ляоси. Вэй Чун, главноуправляющий в Ин-чжоу, отразил его. Гао-цзу, получив донесение о сем, пришел в крайний гнев; назначил князя Лян верховным полководцем, чтоб и сухим путем и морем идти для усмирения; издал указ, которым Юань лишен царского достоинства. В сие время подвоз хлеба для войск был замедлен, и шесть корпусов терпели недостаток в съестных запасах, По выступлении войск из Линь-юй гуань открылись заразительные болезни. Императорское войско сделалось не страшным. Но когда оно подошло к Ляо-шуй, то Юань также пришел в страх. Он отправил посланника принести извинение и представил доклад, в котором подписался: Юань - навозный вассал в Ляо-дун. После сего император прекратил войну и содержал государя Юань по-прежнему. Юань также ежегодно посылал дань к Двору. Когда Ян-ди [в 605 г.] наследственно вступил на престол, Поднебесная была в самом цветущем состоянии. Владетель из Гао-чан и тукюеский Кижинь-хан лично явились к Двору с приношением даров. После сего и Юань потребован к Двору. Юань пришел в страх, потому что он во многом не соблюдал обязанностей вассала. В седьмое лето правления Да-йе, 611, император предпринял оружием наказать государя Юань. Он уже переправился через Ляо-шуй и расположился лагерем в Ляо-дун. Войска пошли разными дорогами, и все остановились под городом. Гаолисцы делали вылазки по большей части без успеха; почему укрепились в городе и упорно защищались. Император приказал всем войскам производить осаду; а полководцам предписал, чтоб в случае добровольной покорности гаолисцев ласково принять их и не пускать войск для грабежа. Как скоро город приближался к падению, то гаолисцы предлагали о своей покорности, и полководцы в силу указа не смели тотчас вступить в город, а прежде посылали донесение. Пока ожидали ответа на донесение, то гаолисцы укреплялись и опять производили вылазки. Таким образом они поступали до трех раз, а император не мог заметить своей ошибки. Между тем съестные запасы совершенно истощились, армия упала духом, подвоз хлеба замедлился, войска по большей части были разбиваемы, и война прекращена. В сей поход только на западной стороне реки Ляо-шуй взяли неприятельское местечко Умайло, открыли Ляо-дунь-гюнь и Тхун-дин-чжень и возвратились. В девятое лето, 613, император опять лично выступил в поход и предписал корпусам действовать смотря по обстоятельствам. Полководцы осадили город с разных сторон, и положение мятежников день ото дня затруднительнее становилось. Но случилось, что Ян Хюань-гань произвел возмущение. Император, по получении донесения, пришел в большой страх и в тот же день со всеми шестью корпусами предпринял обратный путь. Ху Сы-чжен, советник военной палаты, бежал в Гаоли. От него гаолисцы узнали о положении внутренних дел и со всеми отборными войсками пустились преследовать. Задний корпус несколько раз был разбит. В десятое лето, 614, снова потребованы войска со всей империи: но случилось, что мятежники восстали подобно пчелиным роям. Большая часть жителей разбежалась. Войска, затрудняемые местными препятствиями, не могли прийти в назначенный срок. Когда подошли к Ляо-шуй, то Гаоли также были в тесном положении. Они отправили посланника с предложением покорности и под караулом препроводили Ху Сы-чжена с тем, чтоб ему дозволено было откупиться от наказания. Император согласился и остановился в Хуай-юань-чжень для принятия условий покорности. Впрочем он пленными пополнил корпуса; а по возвращении в столицу лично донес в Великом храме о гаолиском посланнике и после сего не отпустил его в отечество. Юань потребован к Двору, но он не приезжал. Император предписал корпусам быть в совершенной готовности и хотел еще предпринять поход. Но случилось, что в Поднебесной произошли великие замешательства, и предпринять похода уже невозможно было.

¹ В корейских летописях этот когурёский ван (правил с 590 г.) назван Ёнян вместо Юань (по-корейски – Вон).

Кэсомун и отношения Когурё с Танской династией (Из «Саньгочжи»)

Был некто Гайсувынь¹, иначе Гайгинь, по прозванию Цюань. Для обольщения народа говорил о себе, что он родился в воде. Он был человек жестокий и безжалостный. Когда отец его, занимавший место Да Дайлу в восточной области, умер, то Гайсувынь должен был наследовать его место. Вельможи ненавидели его, и он не мог получить места. Гайсувынь с повинною головою извинился пред собранием и просил определить его правящим должность, и в этом отказано ему. Хотя он был отвергнут, но не сожалел. Наконец собрание жалилось, и он наследовал место отца. Тогда он начал поступать как злодей, и вельможи советовались с государем, как бы истребить его. Гайсувынь проведаль это. Он собрал разные корпуса под предлогом произвести большой смотр войскам, расставил столы с кушаньем и пригласил вельмож посмотреть. Когда гости собрались, то Гайсувынь всех предал смерти - числом более ста человек; потом с сотнею конников, ворвавшись во дворец, убил государя Гянь-ву², изуродовал труп его и бросил в канал; а на престол возвел

государева племянника Цзан, себя объявил в достоинстве полновластного Моличжы³; а должность Моличжы равна должности президента военной палаты или президента верховного совета при династии Тхан.

Величественный вид, борода и усы прекрасные, шляпа и одеяние в золоте, по бокам пять кинжалов. Окружающие не смели прямо смотреть на него; садясь на верховую лошадь, он становился на спину припавшего к земле вельможи. Выезжал окруженный солдатами, которые кричали народу: берегитесь! Прохожие со страха прятались, а другие бросались в ямы и ущелья.

...Синьлосцы несколько раз просили о вспоможении, почему предписано изготовить 400 судов для перевозки хлеба через море, а главноуправляющему в Ин-чжеу Чжань-гянь послан указ двинуть войска областей Ин-чжеу и Ю чжеу, ки-даньские, хиские и мохэские - для наказания Гаоли. Но случилось, что река Ляо разлилась, и войско возвратилось. Мо-личжы пришел в страх и отправил посланника с предложением золота. Император не принял его. Посланник представил, что моличжы прислал 50 офицеров в службу при Дворе⁴. Император разгневался и, укоряя посланника, сказал: вы высоко ставите свою храбрость, а не умираете за правду, напротив, стоите за мятежника. Нет вам прощения. После сего всех приказал предать суду. Император решился лично отправиться в поход.

¹ В корейском чтении Кэсомун, а фамилия его была не Цюань (Чхон), а Ён.

² По-корейски КЮнму (в корейских летописях его называют Ённю). Он был убит в 642 г.

³ В корейском чтении эта должность называется макничжи.

⁴ Речь идет о присылке 50 заложников к тане кому двору.

Оборона когурёской крепости Анси (645 г.) (Из «Саньгочжи»)

Из города усмотрели императорские знамена, вступили на стены и начали кричать. Император прогневался. Ли Цзи предложил ему, чтоб по взятии города в тот же день всех мужчин предать смерти. Неприятель узнали это и потому отчаянно сражались. Князь Даоцзун сбил большую стену для осады с юго-восточной стороны. Неприятель защищались, возвысив городскую стену. Ли Цзи осаждал город с западной стороны и что ни разрушал стенобитными машинами, тотчас загораживали клетками из бревен. Император, услышав в городе крик куриц и свиней, сказал: в продолжении осады не видно было черного дыма, а теперь слышен крик куриц и свиней. Без сомнения колют их для угощения ратников, и неприятель в ночи намерен выступить: почему указал строго смотреть за войсками. В ночи несколько сот неприятелей по веревке спустились со стены, и все были переловлены. Даоцзун приказал в нескольких сажнях от городской стены сделать высокую стену из глыб земли, обвернутых древесными ветвями. Предводителю Фу Фу-ай вверено было смотрение. С высоты били в городскую стену, и она по частям обрушивалась. Фу-ай самовольно отошел к своим товарищам. Неприятель в это время вышли из города чрез обрушившиеся места, овладели городским ровом и за щитами, обвитыми зажженными травяными веревками, крепко защищались. Император прогневался; казнил Фу-ай и приказал полководцам произвести общее нападение. Три дня дрались и не могли одержать победы. Император приказал прекратить сражение, забрать жителей в округах Ляо-чжеу и Гай-чжеу и вступить в обратный путь. Войска проходили под городской стеною. В городе все замолкло, и знамена были свернуты. Старейшины взойшли на городскую стену и учинили пред императором двукратное поклонение. Император похвалил твердость их в обороне и подарил им сто кусков шелковых тканей.

Падение Пэкче и Когурё (Из «Саньгочжи»)

В шестое лето, 655, синьлосцы принесли жалобу, что Гаоли и Мохэ отняли у них тридцать шесть городов, и они единственно от сына неба ожидают помощи. Указано главноначальствующему в Ин-чжеу Чен Мин-чжень и военачальнику Дин-фан идти для усмирения Гаоли. По прибытии в Синь-чен они разбила гаолиское войско, выжгли предместья и селения и пошли в обратный путь. В третье лето правления Хянь-цин, 658, еще посланы Чен Мин-чжень и Сие Жень-гуй, но они не имели успехов. По прошествии двух лет, 660, сын неба покорил Бо-цзи.

В следующем году, 667, в первый месяц, Ли Цзи расположился под Синь-чен и в совете с прочими полководцами сказал: Синь-чен составляет западную границу неприятелей, и если не взять сей город прежде, то нелегко будет брать прочие города. Почему и окопались на юго-западных горах поблизости города. Городские жители, связав своих начальников, вышли из города и покорились. Ли Цзи взял 16 городов. Го Дай-фын с флотом переплыл море и пошел на Пьхин-сян. В третье лето, 668, во второй луне Ли Цзи и Сие Жень-гуй приступом взяли город Фууй. Тридцать прочих городов добровольно покорились. Пхай Тхун-шань и Гао Кхань охраняли Синь-чен. Наньгянь¹ нечаянно напал на них. Сие Жень-гуй пришел на помощь к Гао Кхань, дал сражение при горе Гинь-шань, но не имел успеха. Гаоли открыто пошли вперед - с необыкновенным жаром. Сие

Жень-гуй ударил на них с бока и одержал совершенную победу. Гаоли лишились 50 тыс человек убитыми. Сие Жень-гуй приступом взял города Нань-су, Му-ди и Цан-янь и, пошед далее занимать земли, соединился с Ли Цзи. Сановник Гя Ян-чжун возвратился из армии с отчетом по делам. Император спросил его, что говорят в армии? Непременно победят, отвечал Ян-чжун, покойный государь предпринял поход для наказания виновных; и не успел в своем предприятии, потому что тогда неприятели не имели несогласия между собой. В войне без обдуманной цели с половины пути воротился. Ныне Наньшен² с своими братьями в сильной ссоре и служит вожаком для нас. Неприятели лукавы, я очень хорошо знаю их; и потому я сказал: непременно победим. Сверх сего в Гаоли в тайных записках сказано, не доходя до девятист лет, восьмидесятилетний полководец уничтожит. Дом Гао [окончательно с 37 г. до н. э.] еще при династии Хань получил престол; тому ныне минуло девятьсот лет. Ли Цзи имеет 80 лет от роду. Впрочем, у неприятелей теперь неурожай. Люди хватают друг друга и продают. Земля расседается от землетрясения. Волки и лисицы входят в города. Кроты роют норы в воротах. Люди пугаются чего-то. Этот поход более не повторится. Наньгань с 50 тыс. войска неожиданно напал на Фууй. Ли Цзи разбил его при реке Саха; порубил 5 тыс. и 30 тыс. взял в плен; в добычу получил соразмерное сему количество оружия, быков и лошадей; потом приступом взял город Дахин-чен. Лю Жень-юань должен был соединиться с Ли Цзи, но опоздал, почему вызван был и приговорен к смерти, но прощен и сослан в Яо-чжеу. Кибя Хэли соединился с корпусом Ли Цзи при Ялу. Они приступом взяли город Жу-и-чен и со всеми силами облегли Пьхин-сян. В девятой луне Цан³ отправил Наньчаня⁴ с сотнею высших офицеров выставить простой флаг и покориться; сверх сего просил дозволения явиться к Двору. Ли Цзи церемониально принял его. Но Наньгань еще твердо защищался, несколько разделал вылазки. Главнокомандующий буддийский монах Син-чен прислал шпиона условиться о внутреннем соответствии. Через пять дней отворили ворота; войска с криком вошли в город. Зажгли городские ворота, и густой дым распространился во все стороны. Наньгань при последней крайности закололся, но не смертельно. Цан и Наньгань взяты были. От них принято пять поколений, сто семьдесят шесть городов, шестьсот девяносто тысяч семейств.

¹ В корейском чтении Намгон – один из сыновей Кэсомуна. Сам Кэсомун к этому времени уже умер.

² В корейском чтении Намсэн – сын Кэсомуна.

³ Последний ван Когурё; в корейских источниках называется ваном Почжан.

⁴ В корейском чтении Намсан – третий из сыновей Кэсомуна.

Из письма силланского вана танскому полководцу Сюе Жень-гую (671 г.) (Из сочинений Ким Бусика)

В третьем году Цзяньфэн (668) тэгам¹ Ким Бога, посланный морем [в Ляодун], чтобы узнать о местонахождении [войск] князя Инь, получил распоряжение о том, чтобы сил-ланские войска направились в Пхеньян. В пятом месяце [того года] с прибытием [танского] министра правой руки Лю [Жень-гую] вместе [с его войсками] силланские войска были отправлены в Пхеньян, а некто (я) также направился в область Хансончжу, чтобы произвести смотр войск. В то время, когда союзные (киданьские) и ханьские (танские) армии стояли вместе в Сасу, а Намгон (первый министр в Когурё) вывел свои войска, чтобы дать решающее сражение, стоявшие в авангарде силланские войска одни первыми [напали и] разгромили главные позиции [когурёских войск] и вызвали упадок духа и растерянность в Пхеньяне. Затем князь Инь, взяв пятьсот человек быстрой силланской конницы, ворвался первым в ворота крепости и добился падения Пхеньяна, чем завоевал великие заслуги. Тогда воины Силла говорили: «Прошло уже девять лет с начала войны, которая истощила человеческие силы, но в конце концов усмирены оба государства, и теперь свершились, наконец, долгие чаяния многих поколений, поэтому [наше] государство обязательно должно быть облагодетельствовано за свою верность до конца, а люди должны быть награждены соответственно их заслугам». [Однако] князь Инь проговорился, сказав, что «то, что прежде Силла нарушала свои военные обязательства, тоже должно быть принято в расчет». После того как воины Силла услышали эти слова, среди них еще больше росла встревоженность. А когда известные своими подвигами силланские военачальники по особому предписанию явились в императорскую столицу, им сказали, что в Силла нет ни одного человека, у которого были бы заслуги. С возвращением этих военачальников еще больше возросло волнение народа. А крепость Пирёль, которая искони являлась силланской, но была захвачена [государством] Ко[гу]рё, Силла вернула себе спустя тридцать с лишним лет и, переселив туда народ, установила чиновников для управления и охраны ее, но [император] отнял ее у нас и передал Ко[гу]рё. От усмирения Пэкче до покорения Ко[гу]рё Силла сохраняла верность и прилагала все усилия, чтобы усердно служить [тайскому] государству, поэтому мы не знали, вследствие какой [нашей] вины оно покидает [нас] так внезапно. Несмотря на подобную незаслуженную обиду, мы ни в коем случае не имели даже помысла о мятеже или непокорности. В первом году Цзунчжан (668) Пэкче переставило отметки и изменило границы, обусловленные договором, захватывало наши поля, заманивало и уводило наших ноби и подданных, которых скрывали во внутренних районах и отказывались возвращать, несмотря на неоднократные [наши] настойчивые требования. Ходят также слухи о том, что [Танское] государство подготавливает корабли под предлогом организации похода в Японию, а в действительности имея намерение ударить по Силла. Народ,

который слышит об этом, охвачен тревожным беспокойством И затем [танские представители в Унчжине²] собирались выдать пэк-ческую девушку замуж за силланского правителя (тодок) в Хансоне Пак Тою, чтобы в сговоре с ним украсть силланское вооружение и напасть на земли этой области, но этот заговор не удался, потому что вовремя раскрыли дело и отрубили голову Тою.

В первом году Сяньхэн (670), когда в шестом месяце поднялся мятеж Ко[гу]рё и были перебиты все ханьские чиновники, Силла тотчас же решила послать войска, но предварительно известила Унчжин в [следующих] словах: «Ко[гу]рё восстало, поэтому нельзя не подавлять [его], и мы (т.е. Силла и Пэкче), одинаково являющиеся слугами императора, должны покарать этих злонамеренных разбойников. А вопрос об отправке войск нуждается в обсуждении и посему просим прислать к нам чиновника, с которым можно было бы обсудить [наши] планы». Прибывший сюда пэкческий сыма Мигун во время переговоров заявил, что с отправкой войск можно опасаться возникновения взаимных подозрений друг к другу, поэтому необходимо повелеть чиновникам обеих сто рон обменяться заложниками. Так, посланный в [Административный] город [силланский чиновник] Ким Юдун и пэкческий чубусу из города [Унчжин] Ми Чжангви обсудили вопрос об обмене заложниками, и Пэкче согласилось обменяться заложниками, но, несмотря на это, собрав войска в крепости [Унчжин], [люди Пэкче] по ночам стали выходить из крепости и нападать на прибывшие сюда [наши] войска. В седьмом месяце [того же года] вернувшийся из поездки ко двору [императора] посол Ким Хымсун [привез повеление] о необходимости произвести разграничение земель [обоих государств], согласно показаниям карт, и полностью возратить Пэкче все его бывшие владения. Хуанхэ еще не стала [узкой], как пояс, а Тайшань маленькой, как точильный камень, но, [изменив слову], в какие-нибудь три-четыре года, то дают нам, то отнимают у нас, поэтому народ Силла, утратив свои прежние [радужные] надежды, стал говорить: «Силла и Пэкче в течение многих поколений являются смертельными врагами, и если теперь посмотреть на положение Пэкче, то оно ничем не отличается от [возникшего здесь] отдельного государства, а через сотню лет поглощенные им наши потомки могут совершенно исчезнуть». Силла уже является областью (провинцией) [Танского] государства, поэтому нельзя [допустить] разделения ее на два государства, и во избежание плохих последствий в будущем она хочет долго пребывать в составе одного государства [Тан]. В девятом месяце прошлого года нами был отправлен посол, чтобы довести до [императора] письмо, в котором подробно излагались эти обстоятельства, но застигнутый бурным течением [на море] [посол] вернулся с дороги. Еще раз был снаряжен посол, но и он также не смог достичь цели. А после этого нельзя было никак оповестить императора из-за [установившихся на море] холодных ветров и быстрых волн. А Пэкче в своем донесении императору сообщило ложь о том, что будто Силла подняла мятеж. Утратившая сначала репутацию верного слуги, а затем оклеветанная Пэкче в измене, Силла, увы, не имела возможности выразить свою преданность, так как до священного слуха императора ежедневно доходила всякая клевета, но ни разу до сих пор не могли прийти [изъявления] нашей неизменной верности. С прибытием посланца Имюна я получил ваше письмо и узнал, что вы, командующий (цунгуан), совершили к нам длительное морское путешествие, подвергая себя опасностям ветров и волн. Порядок требовал того, чтобы навстречу был выслан наш посланец, а также были доставлены [для войск] вино и мясо, но, живя в отдаленном захолустье, мы не смогли соблюсти всех приличий и упустили время для [торжественной] встречи, поэтому просим [извинить нас] и не считать, что это было сделано с умыслом. По прочтении присланного [танским] командующим письма, в котором Силла от начала до конца обвиняется в измене, нас глубоко потрясло то, что все эти обвинения не соответствуют истине, и, хотя мы боимся упреков за грех перечисления своих собственных заслуг, но, считая также несчастьем брать на себя вину с закрытым ртом, решили здесь в кратком изложении отвергнуть все несправедливые обвинения и заверить в том, что мы не являемся бунтовщиками. Увы! [как не сожалеть о том, что] государство [Тан] вместо того, чтобы отправить одного посла, который мог бы выяснить все положение дел, прислало десятки тысяч людей, которые готовы перевернуть все до основания, а его башенные [военные] корабли, покрывшие все синее море, стоят, сгрудившись у устья реки, что они, опираясь на этот [пэкческий] Унчжин, готовы покорить нашу Силла. Пока не были умиротворены оба государства [Когурё и Пэкче], мы постоянно несли все тяготы труда [в борьбе с ними], но теперь, когда искоренены дикие звери, взамен видим притеснения и насилия от того, кто нас должен бы кормить. Вражеский осколок (остаток) - Пэкче удостоивается награды Юнчи, а принеся жертвы Китаю (Хань) Силла встретила смерть Дингуна³. Даже тогда, когда солнечный свет не обращает своих лучей, подсолнух и соевые листья своими помыслами как будто тянутся к светилу. Поэтому неужели [тан-ский] командующий, который обладает выдающимися качествами героя и воплощает в себе высокие добродетели полководца и государственного мужа (министра), совмещая в себе все семь добродетелей⁴ и обнимая все девять познаний⁵, совершая справедливое небесное правосудие, будет понапрасну наказывать безвинных. Надеюсь, что небесные войска не выступят в бой прежде, чем не будет выяснена истина, настоящим письмом мы стремимся заверить, что мы не бунтуем, и просим, чтобы командующий лично обследовал действительное положение и подробно изложил в докладе императору.

Сказал... правитель и военачальник области Керим, главнокомандующий (дачжанцзюнь) левой гвардией, кайфу итун саньсы, старший столп государства (шан чжуго), ван Силла Ким Попмин».

¹ Тэгам – должностное звание в Силла.

² После падения государства Пэкче (в 660 г.) для управления его землями Танская империя учредила свою администрацию с центром в городе Унчжин. В ее состав были включены представители местной знати, являвшиеся исполнителями воли завоевателей.

³ Юнчи и Дингун – имена полководцев древнего Китая. Несмотря на измену ханьскому императору Гаоцзу, он из политических соображений с наградами принял Юнчи, когда тот вернулся на службу к нему. Дингун же, оказавший услуги Гаоцзу, был казнен неблагодарным императором.

⁴ Семью добродетелями полководца считались: запрещение жестокостей, сдерживание солдат, сохранение величия, правильное определение заслуг, успокоение населения, доброжелательность к армии и щедрость.

⁵ Знание учений девяти философских школ древнего Китая.

Из завещания Вана Мунму (681 г.) (Из сочинений Ким Бусика)

...[Оставленное] ваном завещание гласило: «Недостойный человек (я), кому достались беспокойная судьба и смутное время, заполненное войнами, вынужден был то совершать походы на запад, то идти с мечом на север, чтобы твердо обеспечить границы [своего] государства, то подавлять мятежников, то склонять к себе покорных, чтобы умиротворить и дальние и ближние пределы, следуя в этом заветам наших отдаленных предков и отплачивая за недавние обиды, нанесенные отцу и сыну (т.е. Мунму и его отцу). Щедро награждал живых и мертвых, равномерно распределил чины в столице и по провинциям, вернул простому народу мир и долголетие, переплавив в земледельческие орудия солдатские копья, сократил и облегчил налоги и повинности, чтобы в домах люди увидели достаток, вернул народу спокойствие и установил порядок по [всей] стране, сложил высокие, как горы, закрома с запасами зерна, [опустошил] все тюрьмы, дав зарости травой, поэтому могу считать, что мне не совестно ни за то, что не умел различать светлое (хорошее) и темное (плохое), ни за то, что не исполнил долга перед воинами, потому что не щадил себя ни в бурю, ни в морозы, и в утомительном труде по управлению страной обрел тяжелые недуги и неизлечимые болезни. Однако жизнь уходит, а имя остается – таков вечный закон, действительный и для прошлого и для настоящего. Могу ли я сожалеть о чем-либо теперь, когда внезапно возвращаюсь к вечной ночи (умираю)?...».

Легенды о проникновении буддизма в Силла (Из сочинений Ким Бусика)

В пятнадцатом году (528 г.) начали вводить буддийские законы (вероучение). Раньше, когда во времена вана Нульчжи из Когурё в округ Ильсон прибыл монах (*самун*) Мохочжа, его принял житель [того] округа Море, который в своем доме вырыл [для него] подземное помещение (келью). Тогда [из Китая] приезжал посол от лянского правителя и подарил [вану] одежду и душистый предмет, но окружающие не знали ни названия предмета, ни его назначения, поэтому отправили людей, чтобы повсюду расспрашивать, [что это такое]. Когда увидел его Мохочжа, он сказал, как называется предмет и объяснил, что если сжечь его, то поднимается нежный аромат, который достигает священного духа. А так называемый священный дух – это не что иное, как три сокровища, первым из коих является *Бултха* (Будда), вторым – *пальма* (Дхарма), третьим – *Сынга* (Самгха). Если, сжигая это, высказать пожелание, говорил он, то обязательно откликнутся духи [и исполнится желание]. В то время как раз внезапно заболела дочь вана, поэтому ван попросил [Мо] хочжа зажечь фимиам и вознести молитвы. И так как вскоре после этого наступило облегчение в болезни дочери вана, ван крайне обрадовался и щедро одарил [Мо] хочжа. Хочжа затем встретился с Море и, передав ему все полученные подарки, сказал: «Теперь я должен уехать» и, попрощавшись, внезапно исчез в неизвестном направлении.

Во времена вана Пичхо (т. е. Сочжи) священник (*хва-сан*) Адо... с тремя своими последователями также прибыл в дом Море. Внешностью и манерами [Адо] напоминал Мохочжа, он прожил несколько лет и умер без болезни, а три его последователя остались жить. Они изучали книги о священных законах и все время увеличивали число верующих. К этому времени ван тоже захотел прославлять Будду (принять буддийскую веру), но окружающие сановники, не верившие [в новое учение], подняли страшный шум, поэтому ван оказался в затруднительном положении. Только один из приближенных Ичхадун (иногда говорят Чходо), обращаясь к вану сказал: «Ваш маленький слуга просит отрубить ему голову, дабы добиться общего согласия». Но ван [возразил], говоря: «Даже во имя успехов веры нельзя допускать, чтобы был убит безвинный». [На это он] ответил: «Если только вера (буддизм) обретет признание, ваш слуга не будет жалеть о своей смерти». Тогда ван созвал приближенных, чтобы спросить совета [по этому поводу], и все ответили: «Монахи, которых мы теперь видим, [ходят] со стриженной головой, в необычных одеяниях, речи их странны и лукавы, и вера их не является обычной. Если теперь мы ее допустим, то боимся, как бы не пришлось потом раскаяться, поэтому ваши слуги, хотя и совершают тяжкий проступок, не осмелятся поддержать высочайшую волю». Лишь один Ичхадун сказал: «Неверны эти речи ваших слуг. Если появились необычные люди, то, значит, затем последуют и необыкновенные дела, и теперь слышу, что буддийское учение имеет глубокое содержание, и думаю, что нельзя, не верить этому». – «Нельзя ломать твердое мнение многих людей, и только ты один имеешь другое

мнение, но я не могу [сразу] принять оба [совета]», – сказал ван и приказал низшим чинам предать его казни. Перед смертью Ичхадун сказал: «Я принимаю казнь во имя веры, и если Будда обладает чудом (сверхъестественной силой), то смерть моя должна привести к необыкновенным происшествиям». Как только отрубили ему [голову], из ран его заструилась белая кровь молочного цвета. Все люди крайне удивились этому и уже больше не выступали против буддийской веры.

Борьба корейского народа против иноземных нашествий

Отражение первого и третьего нашествий киданей (Из «Тонгук пёнгам»)

[I.] В 5-м месяце 12-го года правления короля Сон Чжона [993 г.] было получено от чжурчженей из Северо-Западного края сообщение: «Племя киданей готовит войско и замышляет вторжение» [в Коре]. Считая это сообщение ложным, королевский двор ничего не сделал для укрепления обороны своей страны.

В 7-м месяце того же года чжурчжени снова сообщили: «Кидани уже начали поход». Только теперь двор, поняв, какая угроза нависла над королевством, направил во все провинции специальных военных чиновников (кунма чжэч-жонса [для формирования войск]).

В 10-м месяце три армии, спешно сформированные в про-винциях, под командованием Пак Лян Ю, Со Хи и Цой Ряна расположились на севере для защиты от киданей. Через месяц король, направляясь на север к своим войскам, прибыл сначала в Согён¹, а оттуда в Анбук². Узнав в пути, что киданский отряд под командованием Сяо Сюнь-нин³ напал на уезд Понсан⁴ и захватил часть авангарда корейских войск, он был вынужден отказаться от дальнейшего продвижения на север и вернуться в Согён. На помощь в Понсан был послан Со Хи с войсками...⁵

Король Коре был очень обрадован блестящей диплома-тической победой своего посла.

...В следующем году (994) Со Хи, выполняя указание ко-роля Сон Чжона, покорил чжурчженей, [населявших территорию к югу от реки Амноккан], и построил два военных укрепленных пункта в Чанхынэ⁶ и Квихва⁷, а также возвел крепостные стены вокруг Квакчу⁸ и Кучжу⁹. Тогда и был учрежден Апкандокундан – специальное управление по делам переправ через реку Амноккан.

[II.] В 12-м месяце 9-го года правления короля Хён Чжона (1018) кидани начали новое, [третье] нашествие на Коре. Во главе 100000 киданьской армии стоял Сяо Сюнь-нин.

Для отражения неприятельских сил король собрал войско численностью 208300 человек. Главнокомандующим его был назначен полководец Кан Гам Чхан, а его заместителем – Кан Мин Чжон. Корёские войска расположились в Ненчжу¹⁰. Кроме того, в горах близ Хынхваджина ими была устроена засада. Здесь врага ожидали 12000 всадников, а на большой реке, протекающей у восточной части крепости, была устроена запруда с помощью [нескольких сот] мешков из бычьих шкур. Когда неприятель, переправившись через реку, стал осаждать крепости, запруда на реке была поднята, и потоки воды обрушились па него. В это время внезапно вышедшие из засады всадники уничтожили много вражеских солдат.

Несмотря на это, кидани продолжали двигаться на юг по направлению к столице г. Кэгён. Корёские войска под руко-водством Кан Мин Чжона преследовали противника и нанесли ему крупное поражение в районе Чачжу¹¹, а войска Чо Бона, действовавшие в районе Матхан¹², истребили и взяли в плен свыше 10000 вражеских воинов.

Для защиты столицы г. Кэгён Кан Гам Чхан в первый месяц следующего года (1019) направил туда 10-тысячный отряд Ким Чжон Хёна, приказав ему во что бы то ни стало опередить неприятеля. На помощь столице направился также отряд из 3300 человек, посланный начальником сухопут-ных войск Северо-Восточного края.

12-го числа первого месяца [1019 г.] враг достиг уезда Си-нын¹³ в 100 ли от Кэгёна. В связи с этим король приказал впустить в крепость всех жителей окрестных сел, не оставив там ровно ничего, что могло быть использовано неприятельскими войсками¹⁴. Чтобы узнать положение в столице, Сяо Сюнь-нин, командующий киданьскими войсками, направил туда своего чиновника [на разведку] с письмом, в котором сообщил, что будто войска будут уведены. Одновременно с этим он послал туда же 300 конных разведчиков, но последние были схвачены корёскими солдатами и истреблены полностью. [Узнав, какие силы обороняют столицу], враг начал отступать. Когда отступающий неприятель направился в Рен-чжу¹⁵ и Вичжу¹⁶, он подвергся нападению корёских войск и потерял более 500 человек.

Во 2-м месяце, когда кидани бежали через Кучжу, там их ждал Кан Гам Чхан со своими войсками. Так здесь встретились главные силы войск обеих сторон. Когда обе стороны еще стояли друг против друга и исход боя не был известен, в Кучжу на помощь Кан Гам Чхану прибыл отряд Ким Чжон Хёна, [тот самый отряд, который защищал столицу, а затем все время преследовал отступающего противника]. Используя налетевший с юга бурный ливень, корёские войска развернули последние решительные бои. Противник нес тяжелые потери:

от реки Сокчхон до ущелья Паннын [на протяжении 30 ли] все дороги и поля были усеяны трупами киданей. Было захвачено огромное количество пленных и трофеев. Из 100000 войска киданей, переправившегося через Амноккан, вернулось на родину всего лишь несколько тысяч.

Так во время этого, третьего по счету, нашествия кидани понесли поражение, равного которому они еще не знали.

¹ Согён – западная столица, т.е. г. Пхеньян.

² Анбук – современный Анчжу.

³ Сяо Сюнь-нин в корейском чтении Со Сон-Ён.

⁴ Понсан – южнее современного Кусопа в провинции Северная Пхёнандо.

⁵ Кидане потребовали от корейцев капитуляции. Некоторые придворные советовали королю принять ультиматум. Но Со Хи убедил короля в возможности обороны при одновременных переговорах о мире. Король направил Со Хи в ставку киданей, где он держался с достоинством и успешно завершил переговоры.

⁶ Чанхын – современный Томен в уезде Тхэчхон.

⁷ Квихва – западнее современного Унсана.

⁸ Квакча – современный Квансан.

⁹ Кучжу – современный Кусоп.

¹⁰ Ненчжу – современный Анчжу.

¹¹ Чачжу – современный Часан.

¹² Матхан – современный Садон на южном берегу р. Тэдонган.

¹³ Синьин – современный Синге.

¹⁴ Здесь речь идет о примененной Кан Гам Чханом тактике «выжженных полей». Вдоль дорог, по которым продвигались неприятельские войска, было все уничтожено по приказу Кан Гам Чхана, в результате они на земле Коре не могли найти ни одного укрытия, ни одной меры зерна. Эта тактика «выжженных полей» Кан Гам Чхана была блестяще применена корейскими патриотами в XVI в. в борьбе против японских захватчиков.

¹⁵ Ренчжу – современный Кэчхон.

¹⁶ Вичжу – современный Ёнбён.

Борьба Коре против чжурчженей (Из «Тонгук пёнгам»)

В 1-м месяце 9-го года правления короля Сук Чжона [1104 г.] вождь чжурчженей, по имени Уяшу, стремясь подчинить себе восточные племена, разорвал связь с последними, а затем напал на них со своими войсками. Так, конница чжурчженей вторглась в пределы Коре в районе Чжончжу¹.

Корёский король назначил Лим Гана, одного из своих влиятельных сановников, военачальником войск Северо-Западного края и приказал ему оборонять страну от неприятеля. В боях, развернувшихся во втором месяце [1104 г.] возле крепости Чжончжу, Лим Ган потерял больше половины своих солдат убитыми. Лишь пришедшие ему на помощь части под руководством опытных военачальников приостановили дальнейшее наступление противника.

Лим Ган был отстранен от должности военачальника войска Северо-Восточного края. Его заменил Юн Гван, который также понес большие потери в живой силе. Сообщая королю о своих неудачах, он писал: «Причина поражения нашего войска в боях с чжурчженями кроется в том, что у противника была конница, в то время как у нас – лишь пехота, которая не способна выдержать натиск врага».

По предложению Юн Гвана впервые в Коре были созданы пёльмубан («Особые воинские части»). Все лица, начиная от гражданских и военных чиновников и кончая купцами и крепостными, а также крестьяне, имевшие своих лошадей, были зачислены в так называемую сингиун («чудесную конницу»). Тех, у кого не было лошадей, зачисляли в «синбоун» («чудесную пехоту») и другие части. Одним словом, все мужчины старше 20 лет, за исключением тех, кто допущен к государственным экзаменам на право занятия государственной должности, были приписаны к «синбоун». Все янбани были также обязаны проходить военную подготовку в одной из частей правительственных войск в любое время года. Кроме того, были созданы также особые воинские части (хаимагун), состоящие исключительно из бонз.

Так, король Сук Чжон после поражения Лим Гана и Юн Гвана создал сильные войска, а также запасы продовольствия, с тем чтобы вести борьбу с чжурчженями. Ему, однако, не суждено было осуществить свои намерения, он умер [в 1105 г.]. Его преемником был Е Чжон, который в начале своего царствования не двинул войска на север против чжурчженей...

В 12-м месяце [1107 г.] Юн Гван и О Ён Чхон покинули столицу и, прибыв со своими войсками на север, расположились возле Чжанчхуна². Здесь находились войска общей численностью 170000 человек. Они подразделялись на 5 корпусов, в числе которых был и морской корпус, состоящий из 2600 человек. Все эти силы внезапно вторглись в чжурчженьские земли и нанесли большой урон противнику. Не выдержав натиска корёских войск, чжурчжени были вынуждены в конце концов признать себя побежденными.

На завоеванной у чжурчженей земле Юн Гван построил 6 крепостей и переселил сюда много жителей из южных районов.

...Начальник сухопутных войск Ким Хан Чхун, который также смотрел с опасением на строительство крепостей и переселение туда людей с юга страны, говорил: «Как мы будем защищать людей-[переселенцев] в

случае внезапного нападения чжурчженей еще до того, как будет завершено строительство этих крепостей?» Опасения этих опытных военачальников подтвердились, и 4-го месяца [1108 г.] чжурчжени вновь стали нападать на Коре, требуя возвращения территории 9 крепостей.

...Учитывая создавшееся в стране положение, король был вынужден принять предложение противника о заключении мира...

¹ Чжончжу – современный Чжонпхён.

² Чжанчхун – около современного Чжонпхёна.

Борьба корейского народа против монгольских завоевателей

Защита крепости Кучжу (Кусон) в 1231 г. (Из «Тонгук пёнгам»)

Монгольская армия подошла к Кучжу. Наместник (пён-маса) Пак Со, полководцы (чангуны) Ким Чун Он из Сак-чжу, Ким Ген Сон из Чончжу, чиновники из Чончжу, Сакчжу, Вичжу, Тхэчжу и других областей собрали в Кучжу воинов, которыми они командовали. Пак Со приказал, чтобы отряд

Ким Чун Она оборонял крепость с востока и запада, а отряд Ким Ген Сона – с севера и юга. Более 250 человек местного ополчения и ополченцев из Вичжу и Тхэчжу были поставлены к крепостным стенам с трех сторон.

Большой отряд монголов подступил к южным воротам. Ким Ген Сон во главе 12 смертников выехал из ворот крепости и вступил в сражение. Он сам убил начальника монгольского авангарда Хык Чхи (Хэйчи), который ехал, подняв черное знамя. Отряд смертников ринулся в атаку. Вражеская стрела ударила в руку Ким Ген Сона, брызнула кровь, но по-прежнему звучал барабан, звавший в атаку. Несколько раз отступали монгольские воины, и к концу боя были обращены в бегство...

[В последующие дни] монгольская армия в несколько рядов окружила крепость, день и ночь штурмовала западные, южные и северные ворота. Наши воины, выйдя из крепости, атаковали монголов и заставили отойти. Монгольская армия захватила в плен начальника Вичжу Пак Мун Чхана и от-правила его в крепость, чтобы он убедил ее защитников сдаться. Но Пак Со отрубил Пак Мун Чхану голову...

В течение 30 дней монгольская армия осаждала крепость, применяя самые различные меры. Но Пак Со, всякий раз приспособливаясь к обстановке, в конце концов отогнал монголов от крепости.

Вторжение монголов в 1236 г. (Из «Тонгук пёнгам»)

[В 7-м месяце] монголы подошли к крепости Чукчжу и предложили ее защитникам сдаться. Находившиеся в крепости воины вышли из ворот, напали на монголов и обратили их в бегство. Но вскоре монголы вернулись с катапультами и снова напали на крепость. Им удалось разрушить с четырех сторон крепостные ворота, но защитники крепости подвергли монголов такому обстрелу из катапульта, что те не осмелились приблизиться...

Взяв в руки факелы и сухую солому, монголы устроили пожар в крепости и бросились в атаку. Но корейские воины вышли им навстречу, и трудно было сосчитать убитых мон-голов. Монгольские воины, окружив крепость со всех сторон, потратили 15 дней и все же не смогли заставить ее сдаться. Они сожгли осадные орудия и удалились.

Вторжение монголов в 1253-1254 гг. (Из «Тонгук пёнгам»)

В этом [1254] году монгольская армия захватила более 206 800 мужчин и женщин. Никто не считал людей, погибших во время резни. Все места, где проходили монголы, были превращены в груды пепла. Никогда впоследствии после вторжения монгольской армии Корея не знала ничего подобного.

Восстание войск Самбёльчхо в 1270-1273 гг. против объединенных сил монгольских завоевателей и корейских феодалов

Из биографии руководителя восстания Пэ Чун Сона

...В 11-м году (Вон Чжона) (1270) было объявлено о возвращении столицы в Кэгён¹ и было также приказано вернуть туда Самбёльчхо². Но у Самбёльчхо были другие намерения, и они не подчинились. Король послал полководца Ким Чи Чжи, чтобы он отправился на остров Канхва, заставил Сам-бёльчхо покориться, отобрал у них именные списки и возвратился. Но Самбёльчхо боялись, что именные списки будут переданы монголам, и затаили в душе бунтовщические настроения. Пэ Чун Сои вместе с начальником ябёльчхо³ Но Ён Хи и другими учинил смуту, разослал людей, которые говорили, будто бы монгольские воины убивают и казнят народ. Они призывали, чтобы на площади собрались все те, кто хочет помочь государству. Немного погодя люди собрались. Но некоторые бросились бежать. Люди дрались из-за лодок, чтобы переправиться через залив Канхва, многие утонули и погибли... Мятежники открыли склад Кымганко и роздали воинам снаряжение, чтобы они защищали Ёнсон. Самбёльчхо во главе с Пэ Чун Соном и Но Ён Хи собрались в торговых рядах, провозгласили королем князя (ху) Ван Она⁴ и создали свои государственные учреждения... В это время чиновники повсеместно выходили навстречу королю, его жене и детям, говорили о том, что мятежники ограбили их, и горько плакали. Их вопли сотрясали небо и землю.

¹ Кэгён – современный г. Кэсон.

² Самбёльчхо – армия, созданная в годы монгольского нашествия. В течение ряда лет эта армия охраняла о. Канхва, где укрывался королевский двор.

³ Ябёльчхо – один из отрядов Самбёльчхо.

⁴ Ван Он – родственник короля Вон Чжона.

Из письма короля Вон Чжона юаньскому императору Хубилаю в 1271 г.

...Сейчас мятежники распространяются все дальше, они вторглись в Кимчжу и Мильсон в Кёнсандо, ограбили Намхэ, Чхансон, Кочжедо, Хаппхо, Чиндо и другие местности и достигли селений на морском побережье, которые ограбили полностью. Поэтому в этих местах трудно создавать запасы¹ и необходима помощь. Подати из Кёнсандо и Чолладо невозможно доставлять по суше, а непременно только морским транспортом. Но сейчас бунтовщики захватили остров Чиндо, который в настоящее время является горлом водного пути, и поэтому суда не могут здесь проходить.

¹ Готовясь к походу на Японию, монголы создавали в то время на юге Кореи запасы продовольствия.

Из биографии Пэ Чун Сона

...Когда мятежники бежали и вторглись на Тхамна¹, [Ким Бан Ген]² снова преследовал их на 80 с лишним кораблях. Но мятежники уже успели высадиться на Тхамна и выстроили здесь внутреннюю и внешнюю крепости. Они начали грабить округа и уезды, убили начальника обороны. Морское побережье опустело... В 14-м году (Вон Чжона) (1273) король снова приказал Ким Бан Гену напасть [на мятежников]. Ким Бан Ген, Синьду³ и другие пошли и напали.

Мятежники были разбиты наголову. Оставшиеся в живых более 70 человек бежали в горы и там покончили с собой. Наконец-то Тхамна был умиротворен!

¹ Тхамна – о. Чечжудо.

² Ким Бан Ген – корейский полководец, который возглавлял войска, подавлявшие восстание Самбёльчхо.

³ Синьду – монгольский военачальник, участвовавший в подавлении восстания.

Монгольское иго в Корее

(Из сообщений «Корёса» от 1271 г.)

В 4-м месяце 12-го года Вон Чжона во все провинции были направлены специальные чиновники по делам земледелия (нонму пёльгам), чтобы собрать там рабочий скот и земледельческие орудия, которые затребовали монголы для своих тунчжон¹ в Хванбончжу.

В 11-м месяце из-за долгого пребывания монгольских строевых лошадей все уездные склады были опустошены, поэтому не выдавался фураж.

¹ Тунчжон – земли военных поселений.

(Из петиции, посланной королю в 1277 г.)

Члены свиты, сопровождавшие принцессу¹, а также столичные чиновники захватили лучшие земли в больших размерах и установили межевые знаки по горам и рекам. Многие получили жалованные грамоты и не платят налогов.

¹ В годы монгольского господства корёские короли в обязательном порядке брали в жены родственниц юаньского императора. В этом отрывке речь идет о монгольской принцессе и сопровождавших ее монгольских и корёских чиновниках.

(Из послания юаньскому императору в 1339 г.)

...Когда рождается дочь, корейцы прячут ее и не показывают даже соседям. Узнав о прибытии гонцов из Китая, они сразу меняются в лице и с тревогой говорят друг другу: «Зачем они приехали в нашу страну, наверное, опять за девушками?» Действительно, когда приезжают чиновники, они ходят из дома в дом и обшаривают все закоулки. Если обнаруживается, что кто-то спрятал женщину, то не только его, но даже родственников и соседей подвергают жестоким пыткам, так что женщину в конце концов обязательно находят... Родители и родственники отобранных женщин плачут день и ночь напролет и в день разлуки со слезами на глазах преграждают им путь; от горя и возбуждения они кончают с собой или падают в обморок...

Набеги японских пиратов (Из «Корёса»)

[А.]

Во 2-м месяце 2-го года правления короля Чхун Чжона (1350) японские пираты напали на район Косона и остров Кочжэдо, [расположенные на южном берегу Кореи]. Против вторгшихся разбойников выступил корёский флот под командованием начальника укрепленного порта Хапхо Цой Сона, который уничтожил более 300 японских пиратов. Это было началом набегов японских пиратов.

В 8-м месяце 3-го года правления короля Чхун Чжона (1351) японские пираты, прибывшие на 130 судах, разграбили и разрушили населенные пункты на островах Чжаёндо и Саммокто¹.

...Все, как чиновники, так и мирные жители, занимались сбором продовольствия для армии.

В 4-м месяце 3-го года правления короля Кон Мина (1354) японские пираты захватили в провинции Чолла 40 судов с зерном. В 4-м месяце следующего года в той же провинции они захватили уже более 200 таких судов².

Перевозка зерна по морю стала невозможной. Ввиду этого было дано указание впредь перевозить зерно только по суше³.

В 4-м месяце 7-го года правления короля Кон Мина (1358), когда перестали возить зерно по морю, японские пираты совершали нападения на государственные склады зерна в Ханчжу и Чинсон, расположенные в устье р. Кымган в провинции Чолла. В связи с этим все государственные склады зерна перенесли в глубь страны.

[Б.]

В 1375 г. [Кон Мин] отправил в Японию новую, третью по счету, миссию с письмом на имя правительства Асикага, в котором говорится;

...После этих переговоров [1366 г.] наступило временное затишье. Но с 1374 г. снова участились набеги пиратов, в связи с чем нами была отправлена миссия, которую возглавлял На Хын Ю. Она требовала прекратить разбойничьи действия пиратов.

Однако отношения между двумя странами не улучшились, и, к сожалению, до сих пор не прекращаются набеги японских пиратов на приморские районы...

¹ О-ва Чжаёндо и Саммокто расположены на западном побережье, недалеко от столицы.

² Одна из основных целей набегов японских пиратов на юге – захват правительственных судов, занимающихся перевозкой зерна на север из трех южных провинций.

³ Действия пиратов в конце концов полностью парализовали транспортировку зерна по морю. Об этом свидетельствует указ короля Кон Мина от 6-го месяца 1356 г.

Связи Кореи с Японией (Из донесения корёского посла Пак Со Сэна, ездившего в 1429 г. в Японию по поручению короля Се Чжона)

Каждый раз, когда совершали свои набеги на Коре, япон-ские пираты захватывали много мирных жителей в плен и вывозили их в Японию в рабство. Часть своих жертв они оставляли у себя в качестве рабов, а другую часть продавали в дальних странах, тем самым отнимая у них всякую возможность вернуться на родину...

Во время пашей поездки в Японию многие из этих несчастных людей пытались всеми способами пробраться на наше судно, с тем чтобы вырваться из неволи и вернуться па свою родину, но хозяева не отпускали их. Поистине трагична судьба этих подневольных людей.

2.12. ЯПОНИЯ

Сношения с материком. Прибытие переселенцев (Из «Нихонги» - «Анналов Японии»)

Кн. 10. Весной 2-й луны 14-го года правления Одзин [283 г.] государь Пэкче¹ послал в виде дани ткача по имени Макэцу, который явился первым ткачом в Кумэ².

В том же году владелец Юцуки³ прибыл из Пэкче (Кудара) и просил Одзин-тэнно принять его в подданство. Он обратился к государю с такими словами: «Твой слуга явился, чтобы отдаться под твое владычество вместе с подданными 120 округов своей страны». Но они все были перехвачены людьми из государства Силла⁴, которые заставили всех остаться в стране Кара⁵. Затем в Кара был послан Кацура-ги-но Соцубико, чтобы вывести оттуда людей Юцуки. Но прошло три года, а Соцубико не вернулся.

Во 2-й луне 37 года правления Одзин [306 г.] для приобретения ткачих вУ⁶ были посланы Атино оми и Цуга-но оми⁷.

Ати-но оми и его спутники проехали через всю страну Коре⁸, чтобы достичь У. Но в Коре им стало известно, что никакой дороги нет. Тогда они обратились с просьбой к властителю Коре дать им людей, знающих дорогу. Властитель Коре дал им в проводники двух человек по имени Курэха и Курэси⁹. Таким образом они достигли У.

Государь У дал им четырех женщин по имени Эхимэ, Ото-химэ, Курэхатори и Анахатори¹⁰.

Весной во 2-й луне 41-го года правления Одзин [310 г.] государь скончался в возрасте ПО лет во дворце Тоёакира.

Во 2-й луне Ати-но оми и его спутники прибыли из У в Цукуси. Великое божество Мунагата затребовало служанок. Ему была предложена Анэхимэ – предок Мицукаи-но кими, обитающего в Цукуси. Затем он вместе с тремя женщинами отправился в провинцию Цу. Но, когда они прибыли, государь был уже мертв. И этих женщин предложили Оосадза-ки-но микото. От них и пошли нынешние ткачихи – швей из Курэ и Кая¹¹.

¹ Одно из царств на Корейском полуострове, в Японии называвшееся Кудара.

² В провинции Ямато.

³ Японское название одного владения, входившего в состав царства Пэкче (Кудара).

⁴ Силла (в японском наименовании «Сираги») – название другого царства на Корейском полуострове в то время.

⁵ Общее наименование различных владений в южной части полуострова.

⁶ У – по-японски Го или Курэ – название юго-восточной части Китая.

⁷ Отец и сын, корейцы по происхождению, иммигрировавшие в Японию вместе с большим количеством людей из 17-ти округов.

⁸ Корё (в японском обозначении Кома) – название третьего царства на Корейском полуострове.

⁹ Имена, означающие подданных государства Курэ.

¹⁰ Имена, указывающие на происхождение ткачих из разных мест Китая.

¹¹ Название местности в Битю.

Проникновение корейской и китайской культуры (Из «Нихонги» - «Анналов Японии»)

Кн. 10. Осенью в 8-й луне 15-го года правления Одзин (281 г.) государь Пэкче послал Атики [или Атоги] с прекрасными конями в качестве подношения.

Кони были помещены в конюшни на склоне Кару. Атики был назначен конюшим. Место, где были расположены конюшни, получило название Мумаясава («конюшенная ложбина»).

Атики мог читать китайских классиков и поэтому был назначен учителем наследного принца Удзи-но вакаирацуко. После чего государь спросил: «Есть ли еще кто-нибудь учений тебя?» На что тот ответил: «Вани учение». Тогда Арада-вакэ, предок Кими из Кодзукэ, и Камунаги-вакэ были посланы в Пэкче, чтобы пригласить Вани.

Таким образом, Атики был первым из Атики [Атоги] фуму-бито [писцов].

Весной во 2-й луне 16-го года Одзин (285 г.) Вани прибыл и сразу же был назначен учителем Удзи-но Вакаирацуко, который узнал от него содержание многих книг. Вани явился первым из Фуми-но Обито [главных писцов].

Кн. 17. Летом в 6-й луне 7-го года правления Кэйти [513 г.] государь Пэкче послал военачальников Момуки, Цури и Сони вместе с вассалами Осияма и Ходзуми, чтобы доставить вместе с данью ученого – знатока пяти китайских классиков по имени Тан Ян-ни.

Осенью в 9-й луне государь Пэкче послал военачальника Цури вместе с Мононобэ-но мурадзи,.. чтоб заменить Тан Ян-ни другим знатоком пяти классиков по имени Ко Ан-му из земли Ая¹, на что последовало согласие.

¹ Ая – древнее японское обозначение Китая.

Проникновение буддизма (Из «Нихонги» - «Анналов Японии»)

Кн. 19. Зимой в 10-ю луну 1-го года правления Киммэй [552 г.] государь Пэкче послал некоего Киси и двух других человек из западной провинции с изображением Будды Сяка из сплава золота и меди, несколько священных хоругвей, балдахин и несколько свитков священных сутр в дар государю Я мато.

Кроме того, была преподнесена также особая грамота, восхваляющая рвение к религиозному учению, проникшему из соседней страны. В ней говорилось: «Это учение среди всех учений самое лучшее, но его трудно объяснить и трудно понять. Даже государь Чжоу-гун и Кун-цзы не достигли этого знания.

Учение это может привести к почитанию и воздаянию без меры и границ и ведет к полному достижению высокой мудрости...

Всякий молящийся получает удовлетворение и ничего более не желает.

Из отдаленной Индии это учение распространилось и во владении трех Хань¹ и там не осталось никого, кто бы с благоговением не воспринял проповедь этого учения.

Твой слуга государь Пэкче повелел своему подданному Нурси Са-Ти... распространить это учение по всем провинциям Ямато, дабы выполнить завет Будды: «Мой закон рас-пространите на Восток...».

В тот день, когда тэнно услышал об этом, он возрадовался и заявил посланцам: «Никогда прежде от начала времен и до нынешних дней мы не отвергали проповеди этого учения. Но мы не можем решать самостоятельно». После этого тэнно опросил друг за другом своих приближенных, промолвив: «Должны ли мы принять буддизм, занесенный к нам из Западной страны?»

Сога-но оми, Инамэ-но сукунэ ответил: «Все западные страны приняли буддизм, так почему только страна Ямато должна отказываться?» Окоси Мононобэ-но омурадзи и Камако Накатоми-но мурадзи молвили: «Государи нашей страны всегда заботились о поддержании культа 180 божеств Неба и Земли весной, летом, осенью и зимой и культа божества зерна. Если вместо них мы станем поклоняться чужеземным богам, то разгневаем собственных богов».

Государь сказал: «Следует поручить установление культа Инамэ-но сукунэ, показавшего свое рвение». Оми-но сукунэ преклонил колени и с радостью принял поручение. Он поместил изображение Будды в своем доме в Охарида, где он ревностно выполнил обряд отречения от мирской жизни, после чего совершил очищение своего дома, [превратив его] в буддийский храм.

Вскоре вспыхнула эпидемия чумы, от которой умирало множество народа. Положение становилось все хуже и хуже и не было никакого лекарства. Окоси, Мононобэ-но омурадзи и Накатоми-но мурадзи обратились с жалобой к государю: «Ты не внял советам твоих слуг и из-за этого ныне гибнет народ. Если ты сумеешь быстро и до конца искупить свою вину, то обретешь счастье в будущем».

Государь ответил: «Пусть будет по-вашему», – и тогда слуги взяли и сбросили в воды канала Нанива изображение Будды. Затем они подожгли храм так, что ничего от него не осталось. И хоть на небе не было ни облачка и ветер не дул ниоткуда, внезапно вспыхнул пожар, и дворец Будды был уничтожен.

¹ Имеется в виду название трех древних царств на Корейском полуострове, ставшее обозначением Кореи в целом.

3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

3.1. ПОДГОТОВКА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Выступление Папы римского Урбана II на Клермонском соборе

Два отрывка из документов воспроизводят проповедь Урбана II на большом соборе в Клермоне в ноябре 1095 г., в которой Папа римский обратился к народам Запада с призывом предпринять поход для освобождения гроба господня в Иерусалиме из рук неверных. Они передают тот порыв, который охватил различные слои населения в связи с речью понтифика

(Из «Иерусалимской истории» Роберта Реймского)

Отрывок взят из «Иерусалимской истории» Роберта Реймского, состоящей из восьми книг, в которых рассказывается о событиях с 18 ноября 1095 г., когда был созван Клермонский собор, до 12 августа 1099 г., когда произошла известная битва при Аскалоне, т.е. месяц спустя после взятия Иерусалима.

Рукопись «Иерусалимской истории», как сообщает об этом в предисловии автор монах Роберт Реймский, была доставлена ему в монастырь одним аббатом и по его просьбе дописана им и переработана. Автор доводит повествование до 1099 г., ибо на этом заканчивается и полученная им рукопись. Только в заключение монах Роберт добавляет от себя краткое описание Иерусалима.

Из предисловия мы узнаем, что автор не только присутствовал на Клермонском соборе, но и впоследствии посетил Иерусалим. Несмотря на то что Роберт писал о речи Урбана II спустя почти 25 лет и, естественно, не мог дословно воспроизвести ее, он, как очевидец, верно передал содержание этой речи.

В год от воплощения господня тысяча девяносто пятый, на пределах Галлии торжествовался великий собор, а именно в Оверне, в городе именуемом Клермон. На нем присутствовал папа Урбан Второй, с епископами и кардиналами. Был же этот собор знаменит большим стечением галлов и германцев, как епископов, так и князей. Устроив предварительно церковные дела, владыка папа выступил (26 ноября) на широкую площадь, потому что не было здания, стены которого могли бы вместить в себе всех присутствующих. Обращаясь ко всем с приятною сладостью риторики, он произнес:

«Народ франков... К вам обращается моя речь, к вам несутся слова моих убеждений. Я хочу вам поведать, что привело меня в ваши пределы, какая ваша крайность и всех верных заставила меня стать пред вами. От пределов Иерусалима и из города Константинополя к нам пришла важная грамота, и прежде часто доходило до нашего слуха, что народ персидского царства, народ проклятый, чужеземный, далекий от бога, отродье, сердце и ум которого не верит в господя, напал на земли тех христиан, опустошив их мечами,

грабежом и огнем, а жителей отвел к себе в плен или умертвил... церкви же божию или срыл до основания, или обратил на свое богослужение... Кому же может предостоять труд отметить за то и исхитить из их рук награбленное, как не вам... Вас побуждают и призывают к подвигам предков величие и слава короля Карла Великого... и других ваших властителей...

В особенности же вас должна вызывать святая гробница спасителя и господа нашего, которою владеют нынче нечестные народы... Земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности: богатствами она необильна, и едва дает хлеб своим обработывателям. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Предпримите путь ко гробу святому; исторгните ту землю у нечестного народа и подчините ее себе. Земля та... «течет медом и мле-ком». Иерусалим – плодоноснейший перл земли, второй рай утех...»

Когда папа Урбан... говорил все это и многое другое в этом роде, все присутствовавшие были до того проникнуты одною мыслью, что в один голос воскликнули: «Так хочет бог, так хочет бог!».

(Из «Деяний франкских пилигримов, ушедших на завоевание Иерусалима» Фулькерия Шартрского)

Отрывок взят из «Деяний франкских пилигримов, ушедших на завоевание Иерусалима» Фулькерия Шартрского.

Фулькерий родился в 1058 г. в городе Шартре. Вместе с войском Роберта Нормандского и Стефана Блуа он разделяет трудности и опасности первого крестового похода. Когда армия Готфрида выступила из Никеи в Антиохию, Фулькерий оставил ее и направился с Балдуином в Эдессу как его капеллан (секретарь). Это звание он сохранил и при Балдуине II. После смерти Готфрида Фулькерий в свите Балдуина прибыл в Иерусалим.

Сочинение Фулькерия Шартрского представляет собой не просто хронику. Оно изобилует подробным изложением тех событий, очевидцем которых он был. При этом он передает свои непосредственные впечатления о происходящем. В этом – особенная ценность его повествования. «Деяния...» охватывают период с 1095 г. по 1127 г. и являются ценным источником по истории крестовых походов.

Несмотря на то что в приводимых документах (да и вообще в документах того времени) авторы по-разному воспроизводят папскую речь, они верно отражают те цели, которые преследовали организаторы крестовых походов.

...Услышав, что турки отняли у христиан внутренние части Романии... [папа] спустился через горы в Галлию и в Оверни, в городе Клермоне... созвал собор... И держал длинную речь... о многих потрясениях колеблющегося мира. Затем... увещал... мужественно встать на борьбу с дьявольскими кознями и за возвращение святой церкви, жестоко ослабленной нечестивыми людьми.

Он сказал:

«... необходимо, чтобы вы ускоренным порядком поспешили на помощь вашим братьям, обитающим на востоке и нуждающимся в вашей, неоднократно обещанной им помощи. На них обрушились... турки и арабы... они одержали верх над ними, неоднократно разбивая их в бою, многих убили или же взяли в плен, церкви разгромили, а империю опустошили...

Поэтому и обращаюсь со смиренной просьбой, и не я, а господь, чтобы вы, глашатаи христовы, почаше убеждали всех, к какому бы кто ни принадлежал сословию, как пеших, так и конных, как бедных, так и богатых, чтобы они своевременно посодествовали восточным христианам в изгнании из пределов христианского мира той негодной породы людей...

Всем идущим туда, в случае их кончины на сухом пути, или на море, или в бою с погаными, отныне да будет отпущение грехов... Пусть выступят против неверных в бой, которому надлежит начаться, в бой, который должен дать в изобилии трофеи, те люди, кои с давних пор привыкли злоупотреблять правом частной войны против своих единоверцев-христиан.

Да станут ныне воинами те, кто раньше являлся грабителем. Пусть ныне ведут справедливый бой с варварами те, кто в прежние времена сражался против братьев и соплеменников. Да получат нынче вечную награду те, кто прежде за малую мзду были наемниками. Пусть двойная честь увенчает труды тех, кто не щадил себя во вред и телу, и душе. Кто здесь горестен и беден, там будет богат, кто здесь недруг богу, там станет другом ему. Пусть идущие во святую землю не медлят, но, сдав в надежные руки свое имущество и собрав средства на путевые издержки по прошествии зимы, в ближайшую весну с богом бодро выступят в путь».

Сборы к Крестовым походам

В приводимых отрывках современники характеризуют отношение различных слоев населения Европы к крестовым походам. Они пытаются объяснить, чем было вызвано стремление крестьян отправиться в неведомые страны, показывают роль церкви, которая умело использовала умственную темноту забитого нуждой земледельца, готового в бегстве искать спасение от поборов и вымогательств сеньоров, от страшного голода, от постоянных нападений разбойных банд рыцарей. Ясно, что религиозный фанатизм крестьян был тесно связан с их материальным положением.

В источниках подчеркивается воинственное настроение рыцарей, объясняемое в первую очередь не желанием защитить господа Бога, а жадной наживы, стремлением сторицей возместить все потери, связанные с крестовым походом.

(Из воспоминаний современника)

Графы еще думали о своих приготовлениях, рыцари едва начинали о них помышлять, как народ уже кинулся в движение с неудержимым пылом. Никто из бедняков не думал о недостаточности своих средств и о трудностях такого пути. Каждый покидал свой дом, виноградник, свое наследие, продавал их за дешевую цену и с радостью шел в поход. Франция страдала тогда от голода; неурожаи, следовавшие один за другим, подняли цены на хлеб до необычайной высоты. Жадные, по своему обыкновению, пользовались общим бедствием. Хлеба было мало, и он был дорог. Бедные заменяли его кореньями и дикими травами. Как вдруг раздался повсюду в одно время призыв к крестовому походу, и этот призыв разбил замки и цепи, запиравшие житницы. Припасы, продававшиеся очень дорого, когда никто не двигался, страшно упали в цене, когда все поднялись и стали готовиться к походу. Вместо исчезнувшего голода явилось изобилие. Так как каждый спешил в богоугодный поход, то все торопились обратить в деньги все ненужное в пути. Предметы, нужные для похода, поднялись в цене, остальные шли за ничто. Сначала эти продажи вызывали со стороны соседей бесконечные насмешки, но скоро сами они увлеклись примером других. Еще накануне они говорили путникам: «Несчастливы вы люди: если вы не погибнете от бедствий, ожидающих вас в пути, у вас не окажется ничего по возвращении». А на другой день они сами продавали свое имущество и становились спутниками тех, кого перед тем осыпали насмешками. Трудно описать толпы детей, юношей, стариков обоего пола, отправлявшихся таким образом на священную войну... Чрезвычайно трогательное зрелище представляли эти бедные крестоносцы: они подковывали быков, как лошадей, запрягали их в двухколесные тележки и помещали на них свои скудные пожитки и маленьких детей. На пути, при виде каждого замка, каждого города, дети протягивали руки и спрашивали: «Не это ли тот Иерусалим, к которому они направляются?».

(Из «Иерусалимской истории» Роберта Реймского)

О, как были различны возраст, состояние и богатство тех людей, которые взяли крест на этом соборе и дали обет предпринять путь к св. гробу! Из Клермона весть об этом знаменитом походе разнеслась по всем землям, и его определение дошло до слуха королей и князей. Всем оно было угодно, и более 30 тысяч в мыслях решились на поход и старались то исполнить, как каждому дал бог к тому средства. Народ франков волновался толпами, проникнутый одним духом, и его доблестная ярость мысленно уже боролась с турками.

3.2.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД БЕДНОТЫ

Петр Пустынник и его детельность

Крестьянский крестовый поход – это первый этап Первого крестового похода, продлившийся около шести месяцев, с апреля по октябрь 1096 г. Выступившая в него армия простолюдинов во главе с Петром Амьенским, или Пустынником, и Вальтером Голяком была практически полностью разгромлена превосходящей по численности и хорошо вооруженной сельджукской армией Кылыч-Арслана I. Крестьянский крестовый поход известен также как Народный крестовый поход или Крестовый поход бедноты.

Документы характеризуют поход бедноты и роль Петра Пустынника этого монаха, аскета, которому приписывалась организация первого крестового похода.

Петр Пустынник взял на себя миссию возглавить поход крестьян и провести их в Палестину. Современники отмечают, что народ верил этому проповеднику и обожествлял его.

(Свидетельства современника)

Я видел, как он проходил через города и селения, окруженный толпой, осыпaeмый подарками, прославляемый всеми за святого, так что думаю, никогда ни один смертный не был предметом такого восторга. Все приносимые ему деньги он отдавал бедным...

Все признавали его власть. Никто лучше его не умел улаживать несогласия и мирить самых жестоких врагов. Что-то божественное чувствовалось в его малейших движениях, во всех его словах. Доходило до того, что народ вырывал, как святыню, волосы у мула, на котором он ехал. Я не оправдываю такого чрезмерного восторга, но он показывает, какое впечатление производил Петр на народ.

(Из «Деяний франков и других иерусалимцев» Анонима)

Документ приводится из «Деяний франков и других иерусалимцев» Анонима, даты жизни и имени которого мы не знаем. Из его хроники известно, что он был нормандским рыцарем, участвовал в первом крестовом походе в ополчении Бозмунда. Оценивая этот поход как подвиг за дело веры, Аноним в то же время чужд присущего многим современникам религиозного фанатизма, не скрывает отрицательных сторон в поведении крестоносцев и отдает должное храбрости врагов своих – турок. Следует сказать, что хронисты, в том числе и Аноним, необъективно относились к участникам похода бедноты, предвзято осуждая их поведение.

Вскоре опустели дома в Галлии и галлы разделились на три части. Одна часть франков вступила в Венгрию, а именно Петр Пустынник, герцог Готфрид¹ и его брат Балдуин (другой), Балдуин, граф Геннегау. Петр же первым прибыл в Константинополь 1 августа² и с ним великое племя аламаннов³. Здесь он нашел ломбардов и лангобардов⁴ и многих других собравшихся. Император дал им право свободно покупать... и сказал им: «Не переплывайте через море⁵, пока не придет главное христианское войско, так как вы недостаточно многочисленны, чтобы воевать с турками».

А сами христиане вели себя худо, ибо разрушали и поджигали дворцы в предместьях, растаскивали свинец, которым были покрыты церкви, и продавали его грекам. Вследствие этого император разгневался и велел перевезти их через пролив⁶. После переправы они не переставали совершать всевозможные дурные дела, поджигая и опустошая церкви.

Наконец они достигли Никомедии, где ломбарды, лангобарды и аламанны отделились от франков, ибо франки преисполнились гордости. Ломбарды и лангобарды выбрали над собой старшего по имени Райнальда; аламанны сделали то же... и через четыре дня... встретили крепость... и захватили ее. Здесь нашли они достаточно зерна, и вина, и мяса, и изобилие всяких благ.

И вот турки, услышав, что в крепости находятся христиане, отправились осаждать ее. Перед воротами крепости находился юдоем, а у подножия горы, на которой она стояла, был источник. Райнальд вышел [из крепости], чтобы около него ожидать турок... турки, пришедшие... обнаружили Райнальда и тех, кто с ним был. И убили турки многих из них, а другие, оставшиеся в живых, бежали в крепость, которую турки немедленно осадили и лишили их воды. И до того мучились наши от жажды, что вскрывали жилы у своих лошадей и ослов и пили их кровь; другие опускали пояса и платки в ямы с грязью и выжимали из них воду себе в рот... Некоторые раскапывали сырую землю, ложились на спину и на-сыпали себе землю на грудь, вследствие чрезмерных мук жажды. Епископы и священники ободряли и увещевали наших не отступать. Это бедствие длилось восемь дней.

Наконец, начальник аламаннов заключил с турками соглашение о том, что он предаст им товарищей, и, прикинувшись, что он выходит для битвы, бежал к ним, и с ним бежали многие. Те же, которые не захотели отказаться от господина, были убиты; других, которых взяли живыми, отделили друг от друга, как овец, которых выставили, как мишени, и расстреливали⁷ их; иных продавали и раздаривали, как животных... Потом турки, услышав, что Петр Пустынник и Вальтер Голяк находились в Цивитоде... с великой радостью отправились туда, чтобы убить их... Встретились они с Вальтером и его людьми, и турки их быстро перебили. А Петр Пустынник незадолго до этого отправился в Константинополь, так как он не мог сдерживать это разношерстное войско, которое не хотело слушать ни его самого, ни его слова.

¹ Готфрид Бульонский.

² 1096 г.

³ Под аламаннами автор подразумевает немцев.

⁴ Лангобардами (в отличие от ломбардов) автор называет жителей не только Северной, но и всей Италии.

⁵ Мраморное море.

⁶ Босфор.

⁷ Из луков.

(Из «Алексиады» Анны Комниной)

...Весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу. Причиной такого огромного передвижения было следующее.

Один кельт¹ по имени Петр, по прозвищу Кукупетр², отправился на поклонение гробу господню и, натерпевшись много бед от разорявших всю Азию турок и сарацин, едва вернулся в свои края. Не желая мириться с неудачей, он решил вновь отправиться в тот же путь. Но Петр понимал, что ему нельзя больше идти к гробу господню одному, дабы не случилась беда, и поэтому он прибегнул к ловкой выдумке. Петр сделал следующее. Он возвестил во всех латинских странах: «Глас божий велел мне объявить всем графам во Франции, чтобы они оставили свои дома и отправились на поклонение гробу господню и все сделали для освобождения Иерусалима из рук агарян»³.

И выдумка удалась ему. Петр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты.

...Все это множество людей пришло не сразу и не по одному пути (да и как могла такая огромная толпа из разных мест все разом переправиться через пролив Лонгивардии?)⁴; сначала одни, затем другие, потом следующие, – постепенно все совершили переправу и двинулись по суше.

Когда отдельные отряды уже переправились через пролив Лонгивардии, самодержец собрал некоторых военачальников ромейского⁵ войска и отправил их в район Диррахия и Авлона с приказом дружелюбно встретить переправившихся, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия, доставленные из всех областей, а также следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды. С посланными были и люди, знающие латинский язык, чтобы улаживать возможные столкновения.

Но чтобы мой рассказ был ясным и подробным, приведу повсюду распространившийся слух, что первым, кто продал свои земли и пустился в предстоящий путь, был Готфрид. Он был человеком очень богатым, весьма гордившимся благородством, храбростью и знатностью своего рода – ведь каждый кельт стремится превзойти всех остальных. И вот у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые, искренние хотели поклониться гробу господню и посетить святые места. Но некоторые, в особенности такие, как Боэмунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им в придачу к остальной наживе попутно захватить и сам царственный город⁶. Боэмунд в угоду своей давнишней ненависти к самодержцу стал смущать души многих благородных людей. Между тем провозгласивший этот поход Петр с двадцатью четырьмя тысячами пехоты и ста тысячами всадников раньше всех переправился через пролив Лонгивардии⁷ и пришел в столицу через Угрию⁸. Племя кельтов – вообще, как можно догадаться, очень горячее и быстрое – становится совершенно необузданным, когда к чему-то стремится.

Узнав про все, что Петр вытерпел раньше от турок⁹, император посоветовал ему дожидаться прихода остальных графов, но тот не послушался, полагаясь на большое количество сопровождавших его людей, переправился через пролив и разбил свой лагерь под городком, называвшимся Елеиополь. За ним последовало около десяти тысяч норманнов¹⁰. Отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи¹¹, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений.

Жители города, узнав о происходящем, открыли ворота и вышли сразиться с норманнами. Но так как норманны сражались с большим упорством, они (горожане) после жестокого боя вернулись назад в крепость. Норманны же, забрав всю добычу, возвратились в Еленополь. Там между ними и теми, кто оставался в городе, началась ссора; зависть, как обычно в таких случаях, стала жечь души оставшимся, и между ними и норманнами произошла драка. Своевольные норманны снова отделились и с ходу взяли Ксеригорд¹².

Султан¹³, узнав о случившемся, послал против них Илхана с крупными силами. Илхан, подступив к Ксеригорду, сразу взял его¹⁴, норманнов же частью сделал добычей мечей, частью увел в плен. Не забыл Илхан и об оставшихся с Кукупетром. Он устроил в удобных местах засады, чтобы на них неожиданно наткнулись и погибли те, которые будут двигаться в сторону Никеи. Кроме того, зная жадность кельтов, он послал двух предприимчивых людей в лагерь Кукупетра и поручил им возвестить там, что норманны, взяв Никею, занялись разделом добра.

Слух дошел до лагеря Петра и привел всех в большое смятение. Услышав о дележе и богатстве, они тотчас же, забыв и свой воинский опыт и боевое построение, бросились в беспорядке по дороге к Никее¹⁵. Ведь племя латинян, вообще, как сказано выше, очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем и не отрядами, они наткнулись на турок, устроивших засаду около Дракона, и были убиты самым жалким образом¹⁶. Жертвой исмаильских мечей стало такое множество кельтов и норманнов, что те, кто собирал валявшиеся повсюду трупы заколотых, сложили из них не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали. Позднее люди того же племени, что и убитые варвары, воздвигли стену в виде города и вперемешку с камнями, как щебень, заложили в нее кости убитых, и город стал для них гробницей. Он стоит до сих пор, окруженный стеной из камней, смешанных с костями.

Итак, все они стали добычей мечей, и только Петр с немногими другими вернулся в Еленополь...¹⁷

Когда император напомнил Петру о его прежнем неблагодарности и о том, что он попал в беду, оттого что не послушался его предостережений, Петр с заносчивостью латинянина сказал, что не он виновник этих бедствий, а те, которые не подчинились ему и следовали собственным прихотям¹⁸, он назвал их разбойниками и грабителями, потому-де спасителю и было неуютно, чтобы они поклонились гробу господню.

¹ Кельтами Анна Комнина называет выходцев с Запада (это наименование употребляется ею наряду с другими – латинянами).

² Кукупетр, т.е. Петр в клубке. Так Анна называет Петра Пустынника. Как и Альберт Аахенский, она считает Петра главным зачинщиком похода и ни словом не упоминает о Клермонском соборе. Возможно, здесь сказывается влияние ее источников – рассказов бывших крестоносцев, народных легенд: ведь Петр был предводителем крестьянской массы.

³ Агаряне – арабы и турки. Название это, распространенное в средневековье, восходит к библейской легенде об Агари, египетской рабыне-наложнице патриарха Авраама, сын которой от него – Измаил явился родоначальником этих народов.

⁴ Адриатическое море.

⁵ Ромеи – самоназвание византийцев («римляне»).

⁶ Т.е. Константинополь.

⁷ Анна ошибается: воинство Петра Пустынника не переправлялось через Адриатическое море, а двигалось по дороге через Ниш, Средец, Филиппополь, Адрианополь. В Константинополь Петр прибыл 30 июля 1096 г. Впереди его крестоносцев шли отряды Вальтера Голяка. Западные хронисты иначе, чем Айна, определяют численность войска Петра. Вообще соотношение приведенных сю цифр (100 тысяч конников и 24 тысячи пехотинцев) сомнительно.

⁸ Угрия – Венгрия.

⁹ «Раньше», т.е. во время своего паломничества в Иерусалим, когда он подвергся нападению турок и сарацин.

¹⁰ Под норманнами, так же как и под кельтами, латинянами, Анна подразумевает здесь «западных людей» вообще.

¹¹ После переправы в Малую Азию войско Петра Пустынника разделилось на две враждующие части: норманнов и германцев (во главе с Рено де Брей) и франков, оставшихся верными Петру. К Никее отправился отряд Рено.

¹² Точное местоположение этого города неизвестно. По сведениям анонимного автора «Деяний франков», Ксеригорд был расположен в четырех днях от Никеи.

¹³ Имеется в виду иконийский султан Кылыч-Арслан (1092—1107).

¹⁴ Турки осадили Ксеригорд 29 сентября 1096 г. и взяли его на девятый день осады.

¹⁵ Согласно рассказу Альберта Аахенского, крестоносцы знали о поражении у Никеи и о движении турецкого войска, но по настоянию Готфрида Буреля, рыцаря, пользовавшегося большим влиянием в отряде Петра, выступили навстречу туркам.

¹⁶ По словам автора «Деяний франков», турки застали крестоносцев спящими в лагере и многих убили. Оставшиеся в живых бросились бежать к Кивоту, некоторые пытались спастись морем. Эти события датируются октябрём 1096 г.

¹⁷ Анна ошибается: Петра в то время не было с крестоносцами. Он находился в Константинополе, где вел переговоры с Алексеем.

¹⁸ Петр имел в виду отделившийся от его войска отряд Рено.

3.3.

1-Й КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Движение первых крестоносцев

(Из «Иерусалимской хроники о священной войне» Альберта Аахенского)

Отрывки взяты из «Иерусалимской хроники о священной войне» Альберта Аахенского (даты рождения и смерти неизвествны). «Хроника» состоит из 12 книг и охватывает события с 1095 до 1121 гг. Альберт Аахенский не был участником первого крестового похода. Но, будучи современником описываемых событий, он решил, по его собственным словам, «передать воспоминанию потомства» все, что ему рассказывали и объясняли очевидцы завоевания Иерусалима. Труд Альберта Аахенского содержит исторические и географические ошибки. Но написан он живо, обстоятельно, по первым впечатлениям возвратившихся крестоносцев, передающих то, что они сами видели и испытали.

В начале лета того же самого года (1096 г.), когда Петр и Годескальк¹ отправились в путь со своим войском, выступили в поход и другие бесчисленные дружины христиан из различных государств и земель, а именно из Франции, Англии, Фландрии и Лотарингии. Пылая огнем божественной любви и возложив на себя знамение креста, они стекались толпами со всех сторон, неся с собою все хозяйство, съестные припасы, оружие и все, что было необходимо для их пути в Иерусалим. Эти люди, выходя из своих государств и городов отдельными партиями, соединялись потом в одно целое...

Не знаю, по воле ли божества или вследствие умственного заблуждения, они восстали с жестокостью против иудейского народа, рассеянного по всем городам, и жестокосердно избивали его, особенно в Лотарингии, утверждая, что тем они полагают начало своему походу и борьбе с врагами веры христовой. Такое избивание иудеев совершили первыми граждане города Кельна, напав неожиданно на то небольшое число их, которое обитало там; они переранили и изувечили почти всех самым бесчеловечным образом, срыли их дома и синагоги и разделили между собой множество денег. Устрашенные такими жестокостями, иудеи в числе 200 бежали и ночью переплыли на судах в Неисс; но встреченные пилигримами и крестоносцами были все умерщвлены и ограблены, так что не спаслось ни одного человека.

Встречались и другие омерзительные преступления среди того громадного сборища людей безумных и легкомысленных... Некоторые признавали гуся и козу одинаково наделенным даром духа святого и брали этих животных руководителями на пути в Иерусалим; им оказывалось почтение, и эти люди, сами подобные животным, оставались в своем заблуждении с совершенным спокойствием души. Да убоятся сердца верующих подумать, что господь Иисус желает, чтобы гроб, где лежало его святейшее тело, был посещен бессмысленными и глупыми животными и чтобы эти животные руководили христианскими душами... Но удивительно ли, что в наше время встречаются такие ужасы и такой срам среди стольких тысяч человек, на голову которых господь и обратил наказание?

Вожди рыцарских ополчений первого крестового похода (Из «Деяний франкских пилигримов» Фулькерия Шартрского)

В этом году (1096 г.) все страны земли наслаждались прочным миром и изобиловали хлебом и вином по расположению божию, дабы не ослабли в пути по недостатку хлеба те, кто решили следовать за ним со своими крестами согласно его предписаниям. И так как подобает удерживать в памяти отправившихся туда¹ князей, то назову Гуга Великого, брата Филиппа, короля франков², который, первый из героев, переправился через море³ и пристал около болгарского города Дураццо. Неблагодарно высадившись с немногочисленным войском, он был взят в плен жителями и доставлен к константинопольскому императору⁴. Здесь он оставался некоторое время, будучи не совсем свободен⁵.

А после него тою же дорогою⁶ прошел апулиец Боэмунд, сын Роберта Гискара⁷, по национальности нормандец. Далее, Годфрид, герцог Лотарингии, с большим войском шел через Венгрию. Граф Раймунд Провансальский⁸ с готами⁹ и гасконцами и епископ Адемар из Пюи¹⁰ прошли через Далмацию.

Некий Петр Пустынник с большим числом присоединившихся к нему пехотинцев¹¹, но с немногими рыцарями первым прошел через Венгрию. Впоследствии главою его ополчения был Вальтер¹², прозванный «Без денег», превосходнейший рыцарь. Впоследствии он был убит турками, вместе со своими спутниками, между городами Никоидией и Никеей.

В октябре начал путь Роберт, граф Нормандии, сын Вильгельма¹³, короля Англии. Он набрал себе большое войско из нормандцев, англичан и бретонцев. С ним шли также Стефан, благородный граф Блуа и Роберт, граф Фландрский. Их сопровождали многие другие знатные лица.

¹ В Иерусалим.

² Французский король Филипп I.

³ Гуг шел на Юг через Италию и переплыл Адриатическое море.

⁴ Византийский император Алексей I Комнин (1081-1118 гг.).

⁵ Император держал его в почетном плену.

⁶ Через Балканский полуостров к Византии.

⁷ Роберт Гискар (Хитрец) – нормандский герцог Сицилии.

⁸ Раймунд тулузский.

⁹ Готы – жители Южной Франции, некогда населенной вестготами.

¹⁰ Епископ Адемар был папским представителем (легатом) в войске крестоносцев.

¹¹ Пехотинцы здесь противопоставляются рыцарям как простой народ.

¹² Вальтер называется другими историками, участвовавшими в первом крестовом походе, Голяком.

¹³ Вильгельм Завоеватель.

Крестоносцы в столице Византии г. Константинополе (Матфей Эдесский, «Хронография»)

В это время¹ начался исход римлян², отворились врата племени латинян, ибо господь пожелал через них воевать с домом персов³...

Пришли в движение вся Италия и Испания... [всё обитающее] в глубине [страны] племя франков... толпами... устремились [они] на помощь христианам, ради спасения святого града Иерусалима от рук иноплеменников, ради освобождения от арабов богоприимного святого гроба [господня]... Вот сколько могучих и воинственных мужей, в огромном множестве, подобно звездам небесным, поспешали вперед... Так преодолевая путь, они добрались до великого Константинополя.

Царь Алексей, узнав об их прибытии, направил войска для войны с ними. С обеих сторон погибло страшное число людей, франки обратили в бегство греческую рать. В этот день пролилось много крови. Так бывало всюду: по какой бы стране они ни проходили, все выступали против них с оружием и терзали их многими мучениями. Услышав обо всем этом, царь Алексей приостановил резню и больше не стал воевать с ними. Вся армия [франков] спустилась к воротам Константинополя и просила [дать] выход к морю Океану⁴. Царь Алексей заключил любовь и согласие со всеми князьями франков, провел их в святую Софию⁵ и пожаловал им много золота и серебра; [франки] же дали ему клятву освободить от персов все ранее принадлежавшие ромеям области и передать их царю Алексею, а [завоеванная] у персов и арабов земля станет собственностью племени франков...

¹ 545 г. армянской эры – 26 февраля 1096 г. – 24 февраля 1097 г.

² «Римлянами» Матфей Эдесский называет европейцев, отличая их от «ромеев» – греков (византийцев).

³ «Персами», как и в византийских источниках этого времени, здесь именуется турки-сельджуки.

⁴ «Море Океан» – Эгейское море. Такое же выражение хронист употребляет для обозначения Средиземного моря.

⁵ Храм св. Софии в Константинополе – главная церковь византийской столицы.

Осада Никеи (14 мая – 19 июня 1097 г.) и ее последствия

Осада Никеи происходила с 14 мая по 19 июня 1097 г. во время 1-го Крестового похода.

(Матфей Эдесский, «Хронография»)

...Получив от царя¹ войска и военачальников, [франки] проплыли по великому Океану и всей огромной армией достигли города, называемого Никея, возле моря Океан. Вся рать персов собралась против воинства франков, расположившегося там лагерем, и дала им бой. Франки победили персов и обратили их в бегство, с мечом напали на них и покрыли страну кровью, с мечом ринулись на город Никею, взяли его и избili всех неверных. [Персы] доставили печальную весть [об этом] султану Кылыч-Арслану² [в то время он воевал против города Мелитены], и сообщили ему обо всем случившемся.

Собрав бесчисленную рать, он двинулся на франкские войска, [находившиеся] в области Никеи. Произошло ужасное сражение, обе стороны, кинувшись друг на друга, бились бесстрашно и безжалостно, как дикие звери. Сверкание шлемов, гром лат, скрип луков собрали воедино все множество иноплеменников, от грозных криков сотрясалась земля, от свиста стрел бросало в дрожь лошадей. А кто был храбр и мужествен, стал сражаться. Подобно детенышам львов, они беспощадно рубили друг друга. Тот день был более страшным и ужасным, чем день первой сечи, ибо султан дрался с племенем франков с шестьюдесятью мириадами [воинов]. В столь страшной битве войско франков победило войско персов, учинило огромное, страшное побоище, [так что] трупы убитых усеяли поле; [франки] обратили персов в бегство и взяли мириады трофеев и пленных. Не счесть золота и серебра, что захватили они у персов. Спустя три дня султан снова собрал войска и бесчисленным множеством двинулся на франкское воинство. Произошло сражение, еще более страшное и великое, чем предыдущее: войска франков набросились на рать персов с таким же ожесточением и, учинив им страшное побоище, взяв [большое число] пленных, изгнали их из той области. Войска франков отдали Никею Алексею, царю ромеев.

¹ Имеется в виду византийский император Алексей I Комнин.

² Иконийский султан (1092-1107 гг.).

(Гийом Тирский, «История деяний в заморских землях»)

КНИГА III

I

Никея – город в Вифинии, сначала была одним из многих селений, зависящих от Никомедии, поскольку она была единственной метрополией всей этой страны. Позднее в знак уважения к собравшемуся там Вселенскому собору¹ Никея была освобождена от этого подчинения древним императором Константином. Во времена папы Сильвестра, блаженной памяти Александра, патриарха Константинопольского, и императора Константина священный синод, состоявший из трехсот восьмидесяти отцов церкви, собрался в этом городе, чтобы противостоять нечестивому учению Ария и его сектантов; и после того как был осужден гибельный тлен этой доктрины, а святая истина была установлена благодаря свидетельствам святых, этот синод дал вселенской божьей Церкви чистый и безупречный символ Веры. Затем во время царствования сына благочестивой Ирины Константина, в то время, когда Адриан был римским понтификом, а блаженный Тарасий – патриархом Константинополя, новый Вселенский собор, бывший уже седьмым по счету, вновь собрался в Никее², чтобы обратиться против иконоборцев³, которые уничтожали святыне образа, и синод вынес против этих нечестивых еретиков тот приговор, который и надлежало вынести благой и живонесущей Церкви.

Город расположен посреди равнины в чрезвычайно выгодной позиции: он находится совсем недалеко от гор, окружающих его почти со всех сторон; окрестности его богаты, почва – плодородна, а соседствующие с ним обширные леса предоставляют еще множество преимуществ. Совсем рядом с городом находится обширное как в длину, так и в ширину озеро, протянувшееся оттуда к западу: оно в значительной степени облегчает доступ из Никеи в различные соседствующие с ней страны и, в то же время, служит для города надежным заслоном, воды которого омывают его стены, когда ветер дует с большой силой. С других сторон город защищен крепостными стенами, перед которыми были вырыты всегда заполненные водой рвы, которая поступает туда из ручьев и маленьких речушек, представляющие собой значительное препятствие для всех тех, кто намеревался осаждать город. Далее, в городе было многочисленное и воинственное население; толстые стены, высокие башни, находящиеся совсем близко друг от друга, соединенные между собой сильными укреплениями, дали городу славу неприступной крепости. Подойдя туда, наши войска изумились красотой укреплений и искусностью их работы.

II

Этот город, окружающая его страна и примыкающие провинции были в то время под властью весьма могущественного сатрапа турок по имени Сулейман и прозвищу Са⁴, что на языке персов означает “король”,

человека значимого и весьма талантливого. Узнав о походе наших войск и живо этим обеспокоясь, задолго до их прибытия он отправился на Восток, чтобы добиться у принцев тех стран помощи против вторгшихся войск благоверных христиан. Силой просьб и убеждений, используя деньги для вербовки, ему удалось набрать огромное количество турок как в Персии, так и во всех соседних провинциях, после чего он повел их вслед за собой, надеясь, таким образом, найти в них надежную защиту для Никеи и всей ее окружающей страны от угрожающей им опасности. Немногими годами ранее во время царствования в Константинополе Романа по прозвищу Диоген, который был третьим императором до Алексея, дядя Сулеймана по матери по имени Бельфетот³, бывший главным султаном у персов, во главе армии овладел всеми провинциями, простиравшимися от Геллеспонта до Сирии на протяжении тридцати дней езды в этом направлении, и на такое же расстояние, начиная от нашего Средиземного моря, в северном направлении. Большую часть всех этих провинций он оставил своему племяннику Сулейману. Он владел и имел право собственности на все страны, простирающиеся от Тарса Киликийского до Геллеспонта: в виду самого Константинополя его люди взимали пошлины с проезжающих и собирали дань в пользу своего господина.

Сам он расположился в соседних горах вместе с набранными с такими большими затратами войсками и находился от наших войск на расстоянии немногим более десяти миль, выжидая благоприятную возможность обрушиться на них и спасти свою страну и ее столицу от неминуемой опасности.

III

Как только наши армии прибыли к Никее, они поспешили заняться ее осадой, не дожидаясь того момента, когда все части армии будут хорошо организованы и будет создан постоянный лагерь для войск. Все оказавшиеся там люди выбирали для своего месторасположения наиболее удобную для них местность и отмечали места, предназначенные для вновь прибывающих, стараясь более всего помешать горожанам осуществлять вход и выход из города. Однако озеро, которое, как я уже говорил, омывало его стены, служило большим препятствием для осуществления этого предприятия. Всегда находящиеся в готовности корабли давали всем входящим и всем выходящим возможность беспрепятственно циркулировать по озеру согласно своим желаниям без малейшего инцидента. У наших же не было в распоряжении ни одного судна и для них не было никакой возможности предотвратить эти перемещения. Они направили все свои усилия на то, чтобы помешать снабжению города по дорогам и с неусыпной бдительностью следить за всеми путями подхода.

Сулейман, узнав о том, что с началом осады горожане не оставляют своего беспокойства, и пожелав вернуть им мужество и побудить к сопротивлению, послал двух своих приближенных, поручив им подойти к городу со стороны озера и принести горожанам слова утешения. Послание было составлено в таких словах: «Вы нисколько не должны опасаться прибытия этого варварского народа, который имеет намерение осадить наш город. Мы расположились по соседству с большим количеством сильных и благородных людей и мы ожидаем прибытия еще большего количества войск, идущих по нашему следу. Вскоре, как только мы соберем все наши силы в одно целое мы обрушимся на их лагерь. Вы же, со своей стороны, приготовьтесь выйти из города, открыв все ворота, и оказать нам полезную помощь, когда мы будем атаковать их снаружи. Необходимо, чтобы вы не испытывали ни малейшего страха перед этим бесчисленным множеством: прибыв из весьма удаленных стран, где садится солнце, устав от длительного пути и от перенесенных им трудностей, не имея даже лошадей, способных вынести все тяжести войны, они не смогут сравниться ни по своей силе, ни по своему пылу с нами, совсем скоро прибывающими в эти места. К тому же, вы можете вспомнить с какой легкостью мы одержали триумф над их многочисленными толпами, когда в течение одного дня мы истребили более пятидесяти тысяч из их числа. Ободритесь и не бойтесь; завтра еще до седьмого часа дня вы будете полностью утешены, увидев ваших врагов поверженными».

IV

Люди, несущие это послание, плыли вдоль берегов озера, отыскивая подходящее место годное для того, чтобы высадиться на него из лодки. В то время как они приблизились к берегу в одном из таких мест, один из них был схвачен нападшими на него солдатами, а другой был убит ударом меча во время этой схватки. Пленник был доставлен целым и невредимым к принцам; угрозы и страх вырвали из него признание; он рассказал все, что знал, кем он был и с какой стороны он подошел к городу. Из его ответов следовало, что Сулейман послал двух гонцов, чтобы предупредить горожан о своем прибытии, сказать им, что он находится по соседству, что он собрал большое количество войск и что завтра он будет атаковать наш лагерь. Как только капитаны наших легионов узнали о том, что Сулейман занят подобными приготовлениями, они приказали тщательно стеречь только что захваченного человека и со всей поспешностью выслали гонцов к еще не прибывшим графу Тулузскому и епископу де Пюи, чтобы побудить их ускорить движение. Получив эти послания своих братьев, они, проникнувшись заботой и не желая прощать себе малейшую задержку, шли всю ночь и на следующий день ранним утром, еще до восхода солнца, в лагере увидели их развернутые знамена и их самих, испускающих громкие крики и потрясающих своим блистательным оружием. Едва только они успели снять с себя свою поклажу, как сразу же заняли отведенную для них часть лагеря.

В третьем часу так, как и говорил пленник, Сулейман спустился с гор с многочисленной кавалерией, численность которой достигала пятидесяти тысяч человек, занял равнину, чтобы иметь возможность двигаться в сторону города. Наши, со своей стороны, как только узнали об этих передвижениях, по звуку рогов и горнов взяли за оружие, соединились в батальоны, строились в боевые порядки, готовясь идти навстречу врагу,

тщательно соблюдая все правила военной науки, не пренебрегая при этом ни одной малейшей деталью, ибо в этом деле они имели достаточно опыта и долгую практику.

V

Сулейман выдвинул вперед часть войск насчитывающую десять тысяч всадников и направил ее к южным воротам, где находилась позиция, доверенная графу Тулузскому. Сулейман еще не знал о прибытии графа и рассчитывал найти эти ворота совершенно свободными, как это было еще вчерашней и даже прошедшей ночью; обманувшись в своих ожиданиях в этом месте, его авангард наткнулся на такое количество войск, больше которого более нигде не было. Едва только прибыв туда, ничтоже сумняшеся они бросились в атаку на легионы графа, только совсем недавно успевшие разместить свою поклажу. Наши заметили врагов с изумлением, но, отбросив первое замешательство, они начали уже вносить сумятицу в их ряды и почти обратили их в бегство, как во главе своих войск прибыл Сулейман, вернув мужество в сердца своих солдат, собрав их воедино и вновь поведя против наших воинов.

Тем временем герцог, Бозмонд и граф Фландрский, находясь во главе до зубов вооруженных войск, увидели, что на выручку врагу прибыли новые силы и многочисленные батальоны, что армия графа уже выдохлась под ударами сражавшейся с ожесточением превосходящей ее по численности массы. Все трое без промедления бросились на вражеские легионы, поражая неприятеля мечами и копьями; наконец, после почти часового сражения и храброго сопротивления атакующим их войскам, враг обратился в бегство, оставив на поле битвы около четырех тысяч убитых и нескольких пленных. Наши, одержав с помощью Божией свою первую победу, не теряя ни одной минуты продолжили осаду и образовали вокруг города лагерь в форме круга.

Начиная с этого момента и до конца осады ни Сулейман, ни какой-либо еще из неверных принцев не осмеливались более попытаться совершить подобное предприятие. Все христианские принцы великолепным образом проявили себя в этом деле. Среди них наибольшей славой покрыли себя сеньор Танкред, Готье де Гарланд, служащий за столом королю Франции, Ги де Порсесса и Рожер де Барневиль. Для того, чтобы распространить среди врагов ужас, наши зарядили метательные машины большим количеством голов убитых врагов и перекинули их в город, далее они отослали еще одну тысячу вместе с несколькими пленными императору, после чего получили от него свидетельство глубокого удовлетворения. Император с великой щедростью приказал выслать им большое количество денег и все виды изделий из шелка, чтобы вознаградить принцев и глав армии, а также он повелел без всякой задержки и в изобилии отослать им все виды необходимых съестных припасов вместе с теми товарами, какие только они пожелают.

VI

Наши принцы справедливо рассудили, что для выполнения их замыслов нужно окружить город со всех сторон и каждому из них занять позиции удобные для того, чтобы тревожить осажденных и вынудить их сдаться как можно скорее. Именно поэтому они собрали совет и разделили на равные доли ту округность, вдоль которой они должны были стоять, и назначили каждому главе некоторое количество вытянутого в длину пространства. Герцог и два его брата вместе со своими легионами расположились с восточной стороны; Бозмонд, Танкред и другие последовавшие за ними принцы, чьи имена я уже упоминал, вместе со своей армией заняли северную часть. Граф Фландрский и граф Нормандский стояли сразу после предыдущих. Южная сторона была оставлена графу тулузскому и епископу де Пюи, где они и расположились лагерем вместе со всеми шедшими за ними людьми. Немного поодаль соединили свои легионы сеньоры Этьен, граф Блуасский и Шартрский, Хуго Великий и еще несколько знатных и благородных людей. Таким образом, город был окружен со всех сторон, после чего принцы решили отправить в соседний лес людей в поисках необходимых материалов для быстрой постройки машин в просторечии называемых *scorpiis*?, служащих для разрушения крепостных стен, баллист, называемых в народе *manganes*, а также других машин для метания камней; в то же время они собрали рабочих и изо всех своих сил торопили проведение этих работ, стремясь атаковать город с наибольшим успехом.

В течении семи недель подряд они с большим рвением ни на минуту не прекращали свои труды, участвовали в частых штурмах и яростно сражались. В один день, который был посвящен, как и все остальные, сражению, два могущественных и самых благородных человека: сеньор Балдуин, прозванный Кальдероном, и другой Балдуин – де Ганд, печально погибли в тот самый момент, когда они храбро сражались. Один из них был убит камнем, а другой – стрелой. Немного времени спустя армия вновь пошла на штурм после совета, собранного принцами. Гильом, граф де Форез и Галлон де л'Иль в воинственном порыве оказавшиеся слишком далеко от войск, также погибли, пронзенные стрелами. Благородный человек из королевства франков Ги де Порсесса внезапно слег, пораженный болезнью, и вскорости умер. Народ Божий, потрясенный потерей своих воинов, предал их земле. Воздав им последние почести с изъявлениями почтительности и любви, которые полагались для таких знатных и благородных людей.

VII

В другой раз, когда все принцы друг за другом направляли свои машины на укрепления, всеми возможными силами пытаясь потрясти стены, чтобы проделать в них проходы, избегая всякого отдыха и всякого праздного времяпрепровождения, как это и подобает доблестным людям, граф Герман и Генрих де Аш, благородные и прославленные люди из империи тевтонов, направили на стены хитроумно сделанную машину, используя силу и храбрость своих слуг и приближенных. Эта машина была сделана из дубовых балок,

соединенных между собой мощными поперечинами, и давала убежище двадцати сильным рыцарям, которые помещались там, чтобы сделать подкоп под стены, так, что они казались защищенными от всех стрел и всяких метательных снарядов, даже самых больших скал. Итак, она была использована, как я уже говорил, против укреплений врага. Заметившие машину осажденные, преисполненные рвения к защите города, напали на нее и метали в нее такое количество больших камней, что вскоре она была полностью разрушена, а ее сочленения были разбиты, после чего она развалилась, погребя под собой всех тех, кто в ней находился. Все люди разделили скорбь двух благородных господ, которые затратили многие дни и вложили множество средств в так неудачно закончившуюся работу; плачевная участь доблестных воинов, погибших тогда, сделалась общей болью для многих людей.

Надежда обрести, наконец-то, победу была поводом к утешению, которому все взаимно предавались, но еще с большим чувством все осознавали, что погибших при подобных обстоятельствах ждет лучшая жизнь несмотря на то, что они потеряли ее на этой земле, поскольку это произошло во имя любви Христовой; все справедливо полагали, что погибнув таким образом, люди становились святыми мучениками. Итак, презирая смерть и пренебрегая земной жизнью, все подвергали себя самым большим опасностям, ведомые вперед верой, которую в них вселяла религиозная надежда. Принцы же, со своей стороны, всячески пытались ускорить осадные работы; каждый из них был наиболее усердным на предписанном ему участке, более всех они причиняли беспокойства осажденным и более всех они покрывали себя славой; трудности только удваивали старания войск и у осажденных не было ни одной минуты отдыха – стольким атакам они подвергались и столько схваток повсеместно безостановочно возобновлялось.

Тем не менее, соседствующее с городом озеро представляло большое препятствие для трудов наших войск и отнимало у них большую часть результатов от затраченных усилий, поскольку по нему к осажденным доставляли все виды припасов и всякую помощь. Навигация была совершенно свободной и горожане снабжались в большом количестве съестными припасами и всеми видами снабжения, какие только они могли пожелать; на самом виду у наших солдат этим путем в город переправлялось множество скота, чему наши воины насколько не могли помешать.

VIII

Благородные принцы собрали совет, чтобы специально обсудить это обстоятельство и найти наиболее приемлемые способы для того, чтобы противостоять этому злу; по общему согласию они решили, наконец, отправить к берегу моря большую часть людей, а вслед за ней несколько легионов кавалерии, чтобы доставить к озеру переданные им суда, частью целыми, а частью разобранными по частям, которые они повезут на повозках или больших подводах или же еще каким-либо менее трудным способом, поскольку что если не принять мер, касающихся этих обстоятельств, то все труды и все возможные потери останутся абсолютно безрезультатными. Получившие такой приказ люди прибыли к берегу моря и благодаря сопровождавшему их на всем протяжении пути и содействующему им Божественному милосердию, они нашли там суда средних размеров. Они легко добились у императора разрешения забрать их с собой, после чего выволокли их на берег моря; затем, соединив поездом по три или четыре повозки, как того требовала длина судов, расположив сами суда наверху, используя канаты и конных воинов, в течение одной ночи их привезли к озеру, покрыв расстояние более семи миль. Среди всех этих кораблей было несколько довольно крупных, поскольку они могли вместить в себя от пятидесяти до ста воинов. Как только они прибыли на место и флот был спущен воду, армия ощутила прилив невыразимой радости; все главы армии ринулись к озеру и тут же назначили умелых в искусстве навигации гребцов; затем на суда погрузили преисполненных силы и опытных в военном деле людей зарекомендовавших себя своей храбростью, после чего вся армия осталась в полной уверенности, что с помощью Божией город скоро окажется в руках у осаждающих. В это время враги, увидев на озере суда в количестве большем, чем обычно, были сильно удивлены и сперва никак не могли понять были ли эти суда новым караваном с продовольствием, идущим им на подмогу, или же были новой выдумкой наших. Как только они узнали, что наши воины отправились за этими судами на берег моря и перевезли их сухим путем не считаясь ни с какими трудностями, чтобы затем спустить их на воды озера, они изумились той ловкости и силе, с которыми было задумано и выполнено столь необычайное предприятие.

IX

Как только флот был спущен на воду и как только он смог перекрыть осажденным это средство сообщения, по всей армии объявили, что все легионы, каждый под началом своего главы, вновь должны взяться за оружие и атаковать город с новой силой, чтобы так мощно давить на осажденных, как это еще не делалось до этого дня. Каждый из принцев, воодушевив и своих солдат и поведя свою армию в бой, отправился на штурм города, который был гораздо сильнее, чем все предыдущие. Тогда, также. Были задействованы машины в еще большем количестве; одни из них били по основанию крепостных стен, другие метали огромные камни в укрепления, пытаясь их разрушить. С южной стороны города, где атака была поручена графу Тулузскому, была одна башня замечательная среди всех других своей высотой и толщиной своих стен возле которой, как говорили, жила жена Сулеймана. В течение нескольких дней подряд граф прикладывал значительные усилия к тому, чтобы ее разрушить, но всегда неудачные. Две метательные машины безостановочно били в нее камнями; но постройка была так крепко сооружена, что из нее не удавалось выбить ни одного камня. Однако, не желая отказываться от своего предприятия, он удвоил свои усилия и увеличил как количество средств нападения, так

и количество своих машин, после чего начал метать в нее обломками скал удивительной прочности, добившись появления в нескольких местах трещин и выбив из нее несколько обломков камней. Воины, узнав о первых результатах своих действий, взаимно ободряли друг друга; отряд отборных бойцов бросился во рвы, пересек их и приблизился к стенам, удвоив свои усилия, стремясь обрушить башню и сделать хотя какую-нибудь брешь. Осажденные, со своей стороны, узнав о том, что башня скоро будет разрушена, заполнили ее изнутри камнями и цементом, рассчитывая на то, что если стена башни рухнет у основания или же будет разрушена метательными машинами, новое сооружение займет место уже разрушенного и станет вторым барьером для всех тех, кто попытается проникнуть внутрь города. Тем временем наши были внутри очень прочного тарана, который они на руках довели к подножию стены и с усердием били в ее основание. Наконец, не без усилий с помощью железных инструментов им удалось пробить отверстие, куда легко могли зайти в ряд два вооруженных человека; осажденные же сопротивлялись всему этому с наибольшим напряжением сил, противопоставляя хитрость хитрости и силу силе, воодушевляясь сходной с нашей храбростью и действуя согласованно, используя баллисты, луки и все другие виды вооружения, которые могли метать камни как механически, так и при помощи силы человека; более того, они прикладывали огромное количество выходящих за все пределы усилий, отбиваясь от своих врагов и защищаясь от грозящей им опасности.

X

Среди всех тех людей, которые занимали высоты крепостных укреплений, сопротивляясь осаждающим, был человек злее всех остальных, выделявшийся своим ростом и силой, стрелы которого вносили большие опустошения в ряды наших солдат. Возгордившись тем успехом, который ему сопутствовал в течение уже долгого времени, он не переставая осыпал наших оскорблениями, называя их трусами и вменяя им робость и нерешительность. Этот человек предался своим гнусным бесчинствам на той стороне города, которую вместе со всеми своими легионами атаковал герцог: прославленный Годфруа, не сумев более выносить это бесчестие, схватил пращу, нашел наиболее подходящее место и метнул камень, который достиг врага и поверг его, лишив жизни, что послужило ему справедливым возмездием за все те деяния, что он совершил против наших. Это событие наполнило ужасом всех тех, кто был вместе с лучником на стенах, чей пример вдохновлял их на сопротивление: они уже не сражались с прежним запалом и мало-помалу их стрелы и их оскорбления стали следовать с меньшей частотой.

Однако, на всех других местах осажденные ничего не знали об этом и продолжали яростно обороняться; на высоте своих башен и стен они сражались против наших с неустанным рвением, используя все свои силы, чтобы сеять смерть среди осаждавших; они метали в наши машины смолу, масло, растопленное свиное сало, зажженные головни и все другие материалы, способные к быстрому возгоранию, уничтожив таким образом большое их количество повсюду, где не были приняты меры к тому, чтобы избавить их от досягаемости этими средствами. Тем временем с южной стороны те, кто пытался обрушить башню, о которой я уже говорил, продолжали выполнять свой замысел, но увидев на следующий день, что все сделанные ими бреши были полностью заделаны в течение ночи, что они не достигли в этом деле никакого прогресса, они замедлили темпы своей атаки.

В тот момент, когда они уже почти отказались от этого предприятия, один благородный рыцарь, сильный и неустрашимый человек, принадлежащий к армии графа Нормандского, желая вновь вдохнуть мужество в своих соратников своим примером, выбежал вперед их рядов. Облаченный в свою кирасу и шлем, прикрываясь щитом, он пересек ров, бесстрашно подошел к стене, намереваясь разрушить те новые сооружения, которые возвели ночью осажденные, и во второй раз пробить брешь, которая была проделана вчерашним днем. Однако, с высоты стен горожане атаковали его со всех сторон, а никто из его товарищей не отважился приблизиться к нему на выручку, в результате чего он не смог завершить свое предприятие и погиб на виду у своих братьев, которые не сделали ни одной попытки спасти его, под градом огромных камней, обрушившихся на него со стен. Вскоре его лишенное жизни тело, поднятое наверх осажденными с помощью железных крюков, было подвергнуто надругательству врагов; затем они сняли с него шлем и латы и кинули его прямо в середину нашего лагеря. Здесь ему были возданы последние почести, все оплакивали его, прославляя его мужество и осознавая, что за такую смерть ему воздастся перед лицом Божиим, поскольку никто не сомневался, что она была достойной того, чтобы присоединить его душу к числу избранных: у всех, как я уже говорил, было единодушное мнение и все они верили в то, что все погибшие в бою таким образом обретут жизнь вечную, где, присоединившись к блаженству святых, они будут наслаждаться уготованной им славой.

XI

Тем временем главы Господних легионов объединились на совете, что соответствовало единогласно принятому ими правилу, и видя, что их предприятие нисколько не движется вперед, что армия безрезультатно тратит силы в длительных тяготах, они советовались между собой и спрашивали друг друга о наиболее спасительном решении посреди столь великих трудностей. В то время как они беседовали таким образом, охваченные самым живым беспокойством, один ломбардец приблизился к принцам: он узнал, что все сооружения, все постройки постоянно разрушаются, что все трудности, которым подвергалась армия, оказались напрасными, и он заявил о себе как о человеке искусном в постройке машин; он сказал, что если ему оплатят все необходимые для постройки этих сооружений суммы, а заодно предоставят все необходимые материалы, то в несколько дней, с помощью Божьей, он разрушит башню, не потеряв при этом ни одного человека, и что он

проделает таким же способом брешь пригодную для того, чтобы пройти в нее. Последствием этих речей было то, что из общего котла ему выделили нужную сумму, назначили достойную плату в вознаграждение за его работу и предоставили в его распоряжение все необходимые материалы, после чего он соорудил искусную машину, находясь в которой все бывшие внутри нее люди чувствовали себя вне досягаемости врага, в результате чего они смогли спокойно подвезти ее к самым стенам и, находясь внутри, бес страха делать подкопы под стены. Результаты не замедлили продемонстрировать успех его предприятия; расположив и вооружив машину по своему усмотрению, он взял с собой сильных одетых в броню людей, снабженных оружием, инструментом и всем необходимым для работы; все они зашли в эту машину. При помощи рабочих изобретатель сначала повел свою машину ко рвам, пересек их и подвел ее к стенам с такой же легкостью, как и сноровкой. Осажденные действовали обычным методом, бросая вниз огромные каменные блоки и зажигательные смеси всех видов, которые не могли ни за что зацепиться и соскальзывали с крутой кровли и наклонных боковин машины; они начали сомневаться в успехе своих усилий, поражаясь, в то же время, мощью сооружения и искусством его создателя, которое сделало бесполезным все их труды. Укрывшиеся внутри этого передвижного укрепления люди, находясь в убежище ото всех атак своих врагов, безостановочно работали с самым большим рвением, разрушая стену, стремясь обрушить башню. По мере того, как они вынимали камни, они клали на их место небольшие куски дерева, опасаясь, что сокрушение нижней части башни вызовет обрушение верхней, после чего машина подвергнется ударам бесчисленного количества обрушившихся на нее обломков и будет раздавлена. После того, как они вынули достаточное, на их взгляд, количество камня, что должно было повлечь за собой обрушение башни, они подожгли те подпорки, которые могли еще некоторое время удерживать башню; они оставили там при этом все виды горючих материалов, чтобы поддерживать горение и со всей поспешностью отступили в лагерь, покинув машину. Ближе к полуночи все подпорки были обращены в пепел всепожирающим пламенем и башня обрушилась с таким грохотом, что даже находившиеся вдали от этого места люди были объаты чувством ужаса, поскольку они почувствовали сотрясение земли: при этом ужасающем звуке все наши легионы пришли в движение и взялись за оружие, намереваясь силой проникнуть внутрь города.

XII

Жена Сулеймана, которая вплоть до этого момента спокойно выдерживала все невзгоды осады, уstraшенная разрушением башни, приказала приготовить суда и тайно вышла из города в сопровождении своих приближенных и рабов, намереваясь искать убежища в более спокойных местах. Но наши, занимавшие все озеро с возложенной на них обязанностью пресекать всякое сообщение с осажденными, в точности исполняя свою миссию и выслеживая любое появившееся транспортное средство, вскоре обнаружили беглецов, завладели их судами и привели свою пленницу вместе с двумя принцами еще молодого возраста к главе легионов, о он, в свою очередь, приказал строго стеречь их, как и всех остальных пленников.

Тем временем удрученные осажденные, увидев огромный провал, который открывал их врагам свободный проход, и узнав о пленении столь знатной женщины, не надеясь уже отбиться, послали к нашим принцам посольство, поручив ему просить перемирия, чтобы обсудить условия сдачи города. Танин, этот преисполненный хитрости человек, о котором я уже говорил, предвидя решение, которое примут враги в постигшем их бедствии, спровоцировал собрание главных обитателей города, призывая их назвать императора своим хозяином, сдавшись ему на милость: он разъяснял им, что эта собравшаяся под стенами армия паломников преследует другие цели; что осада города является далеко не главной целью их предприятия, что она была для них не более, чем незначительным эпизодом, после которого они вновь обратятся к своему основному замыслу; что император, напротив, всегда будет находиться возле них; что они могут рассчитывать на всем известное его милосердие и добиться от него гораздо лучших условий; что для них будет лучше отдать предпочтение императору, нежели этим невежественным людям, представляющим варварскую нацию, и предаться в его руки, поскольку им все равно не избежать сдачи; что, наконец, таким образом император вновь включает в свою империю город, несправедливо потерянный им в несчастливое времена. Горожане, собравшись на общем сходе, убежденные этими аргументами решили передать в руки императора себя самих и свое имущество, оговорив почтенное к себе отношение. Эти условия не были, также, чуждыми и нашим принцам, ибо их обет звал их на другое предприятие; у них не было ни малейшего намерения оставаться в этих местах и в то же время они надеялись, что по содержанию их договоренностей городская добыча полностью принадлежит их армии как вознаграждение за все те долгие тяготы и те потери, которые они понесли.

Тем временем их братьям, которых захватил в рабство Сулейман во время уничтожения армии Петра Пустынника возле лагеря в Савитот и всем тем, кто был захвачен обитателями Никеи во время ее осады, была возвращена свобода и наша армия получила их еще до того, как услышать какой-либо проект договора о сдаче города. После этого с согласия принцев и по общему одобрению всего народа к императору было выслано посольство, которое принесло ему следующее сообщение:

«Христианские принцы и их войска, которые под стенами Никеи благоверно трудились во имя любви к имени Христову с великим пылом, с помощью Господней и во исполнение своего предприятия, наконец-то, добились ее сдачи. Мы обращаемся к Вашему Величеству и побуждаем Вас поспешно отослать нескольких из ваших принцев с достаточной свитой, чтобы они могли получить и сохранить от Вашего имени город, который сдается им, и чтобы они позаботились, в то же время, об участии многочисленных пленников, которых им

передадут. Мы же после того как убедимся в переходе этого города в руки Вашего Величества, не будем нисколько задерживаться и с помощью Божией продолжим выполнение наших замыслов».

XIII

Император преисполнившись радости, узнав эти известия, тут же отослал со значительными силами тех своих приближенных, чья верность и талант не вызывали у него сомнений; он поручил им принять и укрепить город от его имени, забрать всех пленных, все предметы из золота и серебра, а также все остальное, что они смогут там найти и в то же время он отослал каждому из принцев богатые дары, желая заручиться их благорасположением при помощи отосланных к ним писем и тех наставлений, которые он дал своим посланцам, поручив передать тысячи выражений благодарности в признательность за такую великую услугу и столь большое усиление, которого достигла империя посредством их успехов.

Однако, народ паломников и все простые воины, которые в течение всей осады трудились с таким усердием, надеялись получить в качестве трофеев имущество плененных, возместив, тем самым, затраты и многочисленные потери, которые они испытали. Также они рассчитывали присвоить себе все то, что они найдут в пределах города и увидев, что никто не предоставляет им соответствующее возмещение их тягот, что император забрал себе в казну все то, что должно было принадлежать им согласно договору, пришли в ярость от всего этого до такой степени, что уже начали жалеть о совершенных во время путешествия своих трудах и затратах стольких сумм денег, поскольку, по их мнению, они не извлекли от всего этого никакой выгоды. Все говорили о том, что в параграфах заключенного с этим государем договора была одна статья, которая в точности оговаривает, что: «если случится так, что с помощью Божией по всему пути вплоть до Сирии, будут взяты те города, которые некогда принадлежали Империи, то город вместе со всей прилегающей территорией будет возвращен императору, а добыча, имущество и, наконец, все то, что будет в нем обнаружено, безоговорочно будет передано крестоносцам как вознаграждение за все их труды и за все понесенные ими затраты». Хотя наши могли легко, что для них было очень выгодным, изгнать из города всех слуг императора и отослать их к своему хозяину с пустыми руками, хотя у них были все основания сделать так, ибо несправедливо хранить верность тому, кто действует противно тексту заключенного с ним договора, но всегда храня в своей душе страх Божий и стремясь к скорейшему выполнению своих главных целей, по общему согласию все главы решили забыть свою горечь обиды и постараться успокоить разъяренный народ, пытаясь добрыми советами утихомирить его и воодушевить к незамедлительному следованию к цели своего предприятия.

Тем временем греки, на которых император возложил такую миссию, вошли в город, забрали оттуда все оружие и заключили договор о сдаче города и подойдя потом к лагерю осаждающих, они предстали пред принцами и умоляли их пощадить жизнь горожан, заявляя при этом, что они приняли город во власть своего хозяина, а его население под его защиту.

Как только город был занят и как только в нем оказалось достаточно войск для того, чтобы не беспокоиться о его безопасности, жена Сулеймана вместе со своими двумя сыновьями и всеми пленниками была отправлена в Константинополь: император принял их с великодушием, даже с почтением и несколько дней спустя возвратил им свободу. Все были уверены. Что император решил отослать ее, намереваясь примириться с турками, чтобы поддержать их в своей неприязни к нашим и еще, к тому же, быть уверенным в том, что если снова случится так, что наши армии начнут осаду какого-либо города, то у его жителей не будет никаких оснований к тому, чтобы также не сдать императору. Город Никея был взят в год 1097 от воплощения Господа Нашего 10 числа месяца июня.

XIV

Итак, осада была окончена и армия, повинувшись приказам принцев, выполнила все приготовления для своего отправления: все избавились от излишней поклажи и войско вновь двинулось в путь 29 июня. В течение двух дней войска шли вместе и к вечеру второго дня они пришли к одному мосту, расположились там лагерем, воспользовавшись близостью к воде. На следующий день с началом дня все вновь отправились в путь; еще было достаточно темно; войска прошли мост и частью случайно, частью намеренно принцы отделились друг от друга, оставаясь каждый во главе своих войск. Боэмонд, граф Нормандский, Танкред, Этьен – граф Блуасский, и Хуго – граф Сент-Поль, взяли левее и шли вместе весь день, прибыв к вечеру в долину, называемую Горгонь: к девяти часам они разбили свой лагерь на берегах быстрой реки среди богатых пастбищ. Ночь прошла в совершенном спокойствии, избавив их от малейшего беспокойства, что было следствием того, что вокруг лагеря они расположили часовых. Другие, тем временем, взяли правее и следовали своей дорогой весь день; вечером они прибыли в место, расположенное на расстоянии двух миль от лагеря остальных принцев и разбили свои шатры в прекрасных степях, также имея в своем распоряжении воду.

Тем временем Сулейман, взбешенный своим поражением и еще более подвижимый воспоминаниями о своем прекрасном городе, о своих жене и детях, потерянных им из-за наших, страстно стремился к мести и выискивал все средства к тому. Чтобы расставить нашей армии злокозненные ловушки. Он снова собрал множество солдат и отправился вслед той части нашей армии, которая отправилась влево, следуя за ней с почти одинаковой с ней скоростью; высланные им разведчики постоянно докладывали о состоянии наших войск и он с нетерпением выжидал благоприятного момента, чтобы атаковать их, имея преимущество. Как только он узнал о том, что войска разделены, и что он шел за менее значительной их частью, он посчитал, что наступил подходящий момент и спустился с гор во главе бесчисленного множества войск. Заря лишь только начала

обозначать предстоящий восход солнца, ночная тьма начала отступать в предрассветных сумерках, как внезапно все размещенные вокруг лагеря часовые, чей долг был, по мере необходимости, дать знак о нападении врага, подняли тревогу, увидев подход солдат, и наполнили воздух звуками горнов, со всей поспешностью присоединились к армии и возвестили о приближении турок. Звуки горнов и крики глашатаев вскоре звучали по всему лагерю, легионы взяли за оружие и рыцари приготовились к бою. Это было утро 1 июля. Все построились в боевые порядки, пятидесятники и центурионы встали каждый во главе своих солдат, капитаны расположились по флангам пехотных батальонов; чтобы не имелось никаких препятствий впереди, вся поклажа была убрана в сторону на некоторое расстояние, все повозки оттащены, уведено множество беспомощных стариков, женщин, немощных и чтобы обеспечить им безопасность, их окружили укреплением, составленным из телег. В то же время безотлагательно было дано знать другой части неосторожно разделившейся армии об опасности и было передано, чтобы они со всей поспешностью шли на соединение. В лагере Боэмонта все было подготовлено к бою по всем правилам военной науки, ко второму часу дня подошел Сулейман, ведя за собой бесчисленные батальоны турок и, что было наиболее удивительным для наших, среди этого множества вооруженных людей, которое, как говорят некоторые, достигало числа двухсот тысяч человек, не было ни одного человека, кто не имел бы коня. Что же касается наших, то, как я уже говорил, их легионы состояли вперемешку и из конных и из пеших воинов.

XV

Когда армия турок подошла, то поднялся такой шум, что в лагере нельзя было разобрать более ни одного звука голоса. Бряцание оружие, топот лошадей, звуки труб, ужасающий грохот барабанов, наконец, усилившиеся крики воинов, которые, как казалось, доходили до самого неба, распространили живой ужас посреди наших легионов, чьи солдаты, большей частью, не были привычны к такому зрелищу. Эскадроны турок, обрушившись на нашу армию, выпустили такое большое количество стрел, что показалось – с небес на землю обрушился град; едва лишь первая туча стрел обрушилась на нашу, описав в небе дугу, как через секунду за ней последовала не менее мощная вторая; и те, кто не был поражен в первый раз, не смогли избежать этого мгновение спустя. Этот вид боя был полностью неизвестен нашим солдатам; они не могли выдерживать его в равной степени с турками, поскольку у них не было к этому никакой привычки и в каждый момент они видели своих лошадей пораженных стрелами, после чего уже не могли сопротивляться; они сами, покрытые часто оказывающимися смертельными ранами, которых они не могли избежать, пытались отбросить своих врагов, обрушиваясь на них и поражая их мечами и копьями. Но сами враги, неспособные, в свою очередь, выдерживать такой вид атаки, тут же рассыпались, чтобы избежать первого удара и наши, не видя никого перед собой и обманувшись в своих ожиданиях, были вынуждены отходить назад. В то время, когда они отступали, нисколько не преуспев в своих попытках, турки быстро смыкали свои ряды и вновь начинали выпускать стрелы, которые обрушивались на наши ряды подобно дождю и почти всех покрывали губительными ранениями. Наши сопротивлялись настолько, насколько это было возможно, защищенные от стрел своими шлемами, латами и щитами; но их лошади и те несчастные, которые не имели оборонительного вооружения, нещадно настигались стрелами и они оставались лежать повсюду. В этом бою погибло около двух тысяч человек, как рыцарей, так и пехотинцев, среди которых были: молодой Вильгельм, сын маркиза и брат Танкреда, который был пронзен стрелой в бою, храбро сражаясь посреди самой гущи врагов, и Роберт Парижский, человек искусный в обращении с оружием, который погиб при подобных же обстоятельствах. Сам Танкред, как молния вторгаясь в ряды врага не щадя жизни своей и забыв о своем высоком положении, был избавлен от смерти Боэмондом, который увлек его за собой почти насильно. Однако толпы врагов постоянно увеличивались в числе и наши войска погибали под их ударами. Первые, закинув свои луки за спину и взявшись за мечи, поражали наших солдат в рукопашном бою. Вскоре наши ряды были прорваны и легионы обратились в бегство, отступая в сторону, где была оставлена вся поклажа; надеясь найти убежище в гуще камышей, они прятались позади того места, где было укрепление, составленное из повозок и телег.

XVI

В то время как благоверная армия подвергалась тяжким испытаниям, а Боэмонт исчерпал все свои силы, к ним прибыли прославленные и могущественные сеньоры герцог Годфруа, граф Раймонд, Хуго Великий, Балдуин и Евстахий, братья герцога, и другие посвятившие себя Богу принцы, ведя за собой армию в сорок тысяч рыцарей, которых они вывели из своего лагеря, чтобы как можно быстрее прийти на помощь своим братьям, оставив позади себя многочисленную пехоту и всю свою поклажу. Как только они подошли к сеньору Боэмонду все те, кто уже казались сдавшимися, сразу же возвратили свое мужество и силы и вновь пошли в бой. Стремясь отомстить за полученное ими оскорбление и отплатить за свое первое поражение, они яростно кинулись на врага, обрушивая на него свои мечи, опрокидывая всех тех, кто еще недавно вызывал у них чувство сверхъестественного ужаса, и которые сейчас не казались даже способными к сопротивлению. В то же время епископ Пюи и все посвятившие себя подобному же служению ободряли народ, увещевали принцев не терять своего мужества, но веря в победу, которая должна быть ниспослана к ним самим небом, отомстить за кровь своих мертвых братьев и не потерпеть того, что враги веры и имени Христова столь долгое время похвалялись избиением христиан. Этими и им подобными словами люди Божии воодушевляли народ на битву и прилагали все свои усилия к тому, чтобы вдохнуть в армию новые силы и новое мужество: нашим, таким образом, бросаясь с большей, чем обычно, яростью на эскадроны врагов и поражая врагов с близкого

расстояния, наконец удалось прорвать их ряды и обратить их в бегство, совершая при этом ужасную резню. Беглецов яростно преследовали и гнали за ними три или четыре мили до того самого места, где они разбили свой лагерь посреди богатой пастбищами долины; наши, идя по их следам, воспользовались их смятением и уничтожили их, рассеяв врагов во все стороны и, убив огромное их количество, они освободили тех из своих братьев, которые томились в плену, и увели их из лагеря врага. Там они нашли множества золота и серебра и большое количество съестных припасов всех видов, крупного и мелкого скота, вьючных животных и верблюдов, которых они раньше никогда не видели, множество лошадей, палатки и шатры разных цветов и неизвестных видов. Нагрузившись богатейшими припасами и огромной добычей, они забрали с собой все эти сокровища, гоня перед собой все, что захватили и возвратились, наконец, в лагерь. Говорят, что в этот день у врагов погибло около трех тысяч могущественных и знатных человек, занимающих среди них значительное положение. С нашей стороны погибло четыре тысячи человек обоего пола из народа и низших сословий; рассказы наших отцов утверждают, что среди самых знатных людей в течение этого дня погибло всего два человека. Битва продолжалась со второго до восьмого часа дня первого июля с переменными шансами на успех, но всегда в неравных силах, во много раз большими со стороны врага. Как уверяют, все приведенные Сулейманом на битву войска составляли армию численностью более чем в 150 тысяч человек, состоящую только из вооруженных всадников. Напротив, среди наших, принимавших участие в этом жестоком деле, было не более пятидесяти тысяч рыцарей.

XVII

Обретя с помощью Божией эту победу, вся армия была созвана в одно место и для того, чтобы дать отдохнуть раненым и способствовать их излечению, войска в течение трех дней оставались на месте в стране, покрытой богатыми пастбищами: больные излечивались, армия заботилась о лошадях, и у всех было большое изобилие съестных припасов, которых враги привезли с собой и оставили при бегстве. Самые значительные наши принцы великолепно проявили себя во время этой опасной схватки: среди людей среднего достоинства некоторые из них как Балдуин де Бург, Томас де Фейи, Бено де Бове, Галлон де Кальмон, Гастон де Беарн, Жерар де Шеризи покрыли себя вечной славой. Начиная с того дня по единогласному решению совета было решено, что с того момента, когда объединились войска, они никогда более не разъединятся и всегда будут идти вместе, чтобы разделить друг с другом и свои несчастья, и свои радости.

После этой трехдневной задержки, так необходимой для отдыха людей и лошадей, трубы снова дали сигнал к отправлению и все вновь приготовились отправиться в путь. Пройдя всю Вифинию, они вошли в Писидию. Там, отыскивая наиболее короткую дорогу, они случайно попали в выжженную и лишенную воды местность, где невыносимая жара, какая иногда случается в июле, совместно с муками жажды изнурила и утолила всю армию до такой степени, что люди были близки к тому, чтобы потерять все свои силы и, как утверждают, во время этого перехода погибло пятьсот человек обоего пола, которые стали жертвами терзающей их жажды или же солнечного зноя. Говорят, что тогда произошло такое событие, примеров которого история не может привести: беременные женщины, изможденные в чрезвычайной степени жаждой и жарой, избавились от своего бремени раньше назначенного природой срока. В ужасном охватившем их безумии они бросили посреди лагеря живых, мертвых детей и умирающих детей. Другие, у которых возобладали нежные чувства, в отчаянии распростерлись на дороге, прижимая к себе новорожденных, и забыв всякую стыдливость своего пола, открыли свою наготу, желая только лишь избавления от мук и угрожавшей им опасности. Даже мужчины не имели более преимущества в своей природной силе: изнуренные жарой и усталостью, они втягивали открытым ртом и ноздрями воздух, пытаясь вдохнуть в себя хотя бы малейшее дуновение ветра – в своих попытках избавиться постоянного мучения они тщетно ожидали хотя бы какого-нибудь облегчения для своей иссушенной груди. Это плачевное бедствие затронуло не только людей: вьючные животные, нагруженные своей ношей, и другие животные всех видов отказывались нести свою службу – выжженные изнутри они потеряли всякую способность к своему дыханию; благородные птицы, соколы и другие охотничьи птицы, дарившие радость благородным людям в тот момент, когда они набрасывались на свою добычу, хотя это и является предметом пустой забавы, падали от усталости на руках у своих хозяев и тут же испускали свой последний вздох; охотничьи собаки, наделенные исключительным нюхом – предметы наслаждения своих хозяев, покидали тех, за кем привыкли верно идти следом, и высунув языки и прерывисто дыша, они погибали на всем протяжении дороги; наконец, что было еще опасней, кони – эти верные соратники в битвах, на которых их хозяева возложили всю свою надежду на свое собственное спасение, еще совсем недавно сотрясавшие воздух своим громким ржанием и бившие своими копытами землю, свидетельствуя о своей благородной стати, были сражены зноем и жаждой и несчастно погибали наподобие вьючных животных.

Посреди стольких и таких ужасных страданий Отец милосердия, Господь всякого утешения помог, наконец-то, несчастным: показалась так страстно желаемая и столь долгое время тщетно отыскиваемая река. Как только они прибыли к ее берегам, все они, толкаемые жестокой жаждой, бросились к воде и увидев свои желания выполненными, предались противоположным излишествам; вскоре они встретили самую тяжелую смерть: большое количество избежавших жажды людей, не сдерживая более свои желания, как это часто происходит в подобных случаях, нашли посреди этого изобилия воды смерть, от которой они могли считать себя уже избавленными, то же самое произошло и с большим количеством животных. Наконец, избавленные Провидением от столь большой опасности, они прибыли в достаточно изобильную и плодородную страну, чьи

ручьи, прекрасные леса и богатые пастбища украшали ее еще больше, и разбили свой лагерь посреди степи возле антиохеты, которая, как известно, является метрополией Писидии.

XVIII

Как только они прибыли туда, несколько принцев по своему желанию отделились от армии, забрав с собой находившиеся под их началом войска. Первым из всех был сеньор Балдуин, брат герцога, за которым отправились Петр, граф де Стенэ, Рене, граф де Туль, его брат Балдуин де Бурн. Жильберт де Монклар, семьсот рыцарей и некоторое количество пехотинцев. После него также отправился в путь сеньор Танкред, уводя с собой Ричарда, князя Салернского, Роберта де Ханз и некоторых других благородных людей, а также пятьсот рыцарей и еще больше пеших. Все они имели одну и ту же цель: они хотели исследовать дороги, разузнать, что творится в окружающей местности, попытаться удачи в одиночку, чтобы потом предоставить отчет посланным их на разведку принцам о разных увиденных ими вещах и выведенных обстоятельствах и обеспечить армии безопасный проход, чтобы она смогла избежать серьезных опасностей. В то время как они покинули лагерь, принцы сначала последовали царской дорогой, прошли один за другим два соседних города – Иконий и Гераклею, а затем свернули направо, направляясь скорым маршем в сторону моря.

Тем временем герцог и другие принцы, прельщенные красотой мест, где они остановились, и имея по соседству с собой леса, захотев устроить себе приятный отдых посреди стольких трудов и отвлечься немного от грызущих их забот, которыми они уже привычно были поглощены, углубились в самую гущу лесов, чтобы предаться там радостям охоты. Там, следуя каждый по своей тропе, которая соответствовала влекущим их желаниям, они встретили разные приключения. Среди всего прочего герцог, войдя в лес, случайно встретился с медведем огромных размеров и ужасающего вида. Это животное с яростью гналось за бедным паломником, несшего хворост, и который убегая во всю прыть своих ног, наполнил лес своими криками и призывами о помощи, не в силах самому избежать ярости своего врага. Герцог появился именно в этот момент и так как он был полон сострадающей доброты по отношению ко всем своим братьям, он с пылом бросился на помощь несчастному близнецу. Зверь, увидев перед собой вооруженного мечом герцога подъехавшего к нему на близкое расстояние, отвлекся от того, кого он преследовал ранее, чтобы идти на более сильного врага и напасть на него, используя свои зубы и когти. Вскоре лошадь, на которой сидел герцог, была опасно ранена; герцог остался пешим и продолжал сражаться со зверем. Медведь, открыв свою широкую пасть и издавая ужасающий рев, бросился на герцога несмотря на его меч и все усилия своего противника. Герцог, отбиваясь от него своим мечом во время его приближения, удвоил свой пыл и собрал все свои силы, чтобы попытаться пронзить его туловище своим мечом. Но герцогу никак не удавалось ранить животное; оно набросилось на герцога, схватило его и сильно сжало в своих лапах, намереваясь швырнуть его на землю, чтобы герцог мог оказаться у него под ногами и раздрать его, затем, своими зубами и клыками. Однако воин, не выпуская из своих рук меча, в этот момент применил всю силу своего тела: левой рукой он со всей силой схватил зверя, а правой он пронзил его мечом, воткнув его по самую рукоятку, нанеся смертельный удар в самый разгар поединка. Но он добыл победу дорогой ценой: все тело его было покрыто ранами, но самая опасная рана была на ноге. Ослабев от своих ранений и от большого количества потерянной им крови, герцог упал на землю и совершал тщетные попытки к тому, чтобы подняться. Тем временем несчастный, обязанный своей жизнью его прибытию, рассказал об этом происшествии в лагере. Тут же все помчались на то место, где лежал распростершись на земле и весь покрытый ранами мужественный атлет и глава армии. Все пришли туда и положили его на носилки посреди всеобщих стенаний и слез; принцы перевезли его в лагерь, и там хирурги немедленно приложили все свое умение и все свое умение усердие к тому, чтобы дать ему самое подходящее лечение и ускорить его исцеление.

XIX

В то же время еще один знатный и прославленный человек, Раймонд, граф Тулузский, был поражен тяжелой болезнью и также слег в постель; его болезнь дошла до такой степени, что его уже положили на землю, так, как будто бы он был умирающим и испускал свой последний вздох. Блаженный Вильгельм, епископ Оранжевый, был возле него, исправляя ту службу, которая должна воздаваться душе благоверного, как если бы он уже был мертв. Многочисленные легионы его прославленных воинов, увидев себя на грани того, чтобы быть лишенными его мудрого начальствования, уже почти отчаялись в исполнении своего предприятия и своих обетов; полные живого беспокойства, видя его в подобном плачевном положении, все как один проливали обильные слезы и умоляли Господа вернуть его к жизни и возвратить ему здоровье. Во время совершения богослужения все также обращались с мольбой о сохранении жизни всех людей, принадлежащих к единой с паломниками церкви. Господь всякого милосердия с добротой принял просьбы и мольбы своего народа и в своем сострадании он спас больных глав армии и послал им, наконец, исцеление.

После этого армия пересекла Писидию и, войдя в Ликаонию, она прибыла к Иконии, метрополии этой страны. Город был пустынным и армия очень страдала из-за отсутствия припасов. Как только турки узнали о прибытии наших войск, они сразу же отказались от всякого сопротивления. Они забирали из своих городов все, разоряли всю окрестную страну и уходили вместе со своими женами, своими детьми и своим крупным и мелким скотом и всеми своими припасами в недоступные горы, надеясь, что наши солдаты, стремясь избежать всеобщей нехватки, покинут их страну. Они не ошиблись в своих расчетах: наши армии, уходя так быстро, как это возможно из опустошенной страны, где они не находили никакого продовольствия, поспешили пойти

далее по своему пути. Они прошли Гераклею⁷, а затем прибыли в Маресию⁸, где расположились лагерем и оставались там в течение трех дней. Там жена сеньора Балдуина, брата герцога, которую ее супруг поручил, уходя, заботам оставшихся, умерла вследствие длительной и тяжелой болезни и почила вечным сном в лоне своего Господа. Это была благородная дама, англичанка по происхождению, известная своими манерами и целомудренным поведением. Ее имя было Гутуера. Ее братья погребли ее в этом же месте с соответствующими почестями.

XX

В это время сеньор Танкред, человек достойный похвалы во всех своих качествах, следуя самыми короткими путями, первым прибыл в Киликию и тут же осадил город Тарс, метрополию этой провинции, вместе со всеми сопровождающими его в этой экспедиции людьми. Киликия является одной из провинций Востока и судя по свидетельствам древних, мы называем Востоком весь диоцез Антиохии. Киликия граничит на востоке с Колесирией, а с запада – с Исорией, на севере – с горной цепью Тавра, а на юге – с Кипрским или Эгейским морем. У нее есть две метрополии – Тарс, родина и местопребывание врача всех наций, который мы только недавно упомянули, и Анварз⁹. Каждая из этих метрополий имеет в своем подчинении города, что дает полное право говорить о двух Киликиях – первой и второй. Древние предания говорят, что Тарс был основан Тарсесом, вторым сыном Иоафана, сына Иафета, третьего сына Ноя; в доказательство этого приводят его название, которое, как утверждает, город получил от своего основателя. Однако Солин не разделяет этого мнения; в сорок третьей главе своего труда *De Memorabilibus* он говорит: “Столицей над всеми остальными городами Киликии является Тарс; он был основан Персеом, благородным сыном Данаи”. Тарс разделен на две части рекой Киднусом, которая, как говорят одни, спускается с гор Тавра, и, как утверждают другие, является рукавом Гидаспа. Что же касается вопроса об основании этого города, возможно, что и первое и второе утверждения верны, поскольку Тарсес мог сначала его основать, а позже Персей мог его восстановить или расширить его влияние. Танкреду, прошедшего несколько дней перед Тарсом со своими войсками упорствуя в стремлении достигнуть своей цели, удалось, наконец, убедить горожан частью угрозами, а частью добрыми увещеваниями, водрузить на самой высокой башне города его знамя в знак своего намерения сдать в обмен на то условие, что до прибытия сеньора Боэмонта и более значительной армии он не будет нападать на них и вынуждать покинуть свои жилища и дома своих отцов: на этих условиях они согласились сдать без всякого промедления свой город сразу, как только прибывает сеньор Боэмонт, вследствие чего Танкред смягчил свое сердце и принял их предложение.

Этот город, как и вся остальная страна, был, главным образом, населен христианами – еретиками и греками; но малое количество людей, которые не были христианами, владели исключительным правом вступать в ополчение и защиты укрепленных пунктов, держа весь христианский народ под суровым гнетом; ему было запрещено заниматься военным делом, но они могли заниматься торговлей и земледелием.

Тем временем сеньор Балдуин, брат герцога, следуя окольными путями со всеми своими спутниками, терпя большие лишения вследствие отсутствия съестных припасов, прибыл, наконец, к вершине горы, блуждая перед этим по извилистым тропам. С высоты этого возвышения его взору открылась вся Киликия, а его глаз обозревал все города этой страны вплоть до моря. Он был полностью уверен, что находившийся в окрестностях лагерь принадлежит врагу и начал испытывать некоторое беспокойство; захотев разузнать, кем была занята страна и кто были люди, занимающие видневшийся вдали лагерь, вместе со всеми своими войсками он спустился в долину и приблизился к ним с присущей ему храбростью. Танкред, со своей стороны, получив от своих разведчиков, которых он разместил на самых возвышенных местах, те же самые предположения и опасаясь засады врага, собрал все свои силы и приказал всем взяться за оружие. Думая, что идет против чужезмцев, пришедших на помощь городу, он смело бросился им навстречу, вверив себя в руки Господа и приказав поднять свои знамена, он шел вперед, пробуждая своими словами мужество у своих солдат. По мере того, как каждый из них приближался друг к другу, они убеждались, что перед ними находится отнюдь не вражеская армия и доверчиво приблизившись один к другому, они бросились во взаимные объятия, радуясь и поздравляя каждый другого во время приятных разговоров, и, объединив свои батальоны, они направились к городу, чтобы возобновить его осаду. Танкред принял новых гостей в своем лагере с нежностью и очень ласково, подарил им мелкий и крупный скот, согнанный со всех окрестностей, и эта ночь прошла в торжественном пиршестве и праздновании.

XXI

На следующий день сеньор Балдуин и все следующие за ним люди, увидев развевающиеся на самой высокой башне города знамена Танкреда, терзаемые муками зависти, сочли для себя недостойным то, что в присутствии более сильного и многочисленного войска Танкред осмелился поднять свои знамена над городом. В этот момент они забыли о нежном союзе, заключенном двумя главами, долгое время идя бок о бок как братья, имея перед собой единую цель, и что они пообещали друг другу никогда в жизни не нарушать узы благого мира. Сеньор Танкред, который был умеренным человеком, желая усмирить ярость своих спутников, придерживался того мнения, что случай со знаменем несколько не является оскорблением для его товарищей, поскольку еще до прибытия других войск и даже еще до того момента, когда он имел надежду их увидеть, он выставил такие условия жителям города поскольку он один находился перед ним. Однако Балдуин уступил наветам своих спутников, которые прилагали все возможные усилия к тому, чтобы склонить Балдуина к их

мнению, не считаясь ни с какими справедливыми мотивами поведения Танкреда, и, раскрывая в большей степени, чем это положено, свои мысли, они так разъярили Танкреда своими наполненными вымыслами речами и своим высокомерным видом, что две армии были готовы взяться за оружие и ввязаться в кровопролитный бой. В это время Балдуин вызвал некоторых горожан и заявил им с высокомерным и грозным видом, что если они не уберут знамена Танкреда и не передадут город в его руки, то несмотря на все обещания, гарантировавшие им безопасность, он сумеет разорить город и все его окрестности. Жители города, увидев, что войска герцога были более многочисленными и опасными, пересмотрели заключенный ранее с Танкредом договор, убрали его знамена с башни и заменили их на знамена Балдуина. Танкред, глубоко задетый таким оскорблением, пришел в яростное негодование; однако, уступив мудрым советам и противопоставив свою кротость тем волнениям, что царили в его душе, опасаясь, наконец, привести опасные распри в ряды благоверных христиан, вскоре он снял осаду и отправился к соседнему городу Адана¹⁰: этот город очутился во власти человека по имени Гвельф, бургундца по происхождению, который отделился от главной армии со значительным числом паломников. Случай привел его к этому месту и, изгнав оттуда войска турок, он завладел городом. Как только Танкред узнал, что с помощью Божьей город был занят людьми из экспедиции, он поспешил отправить послов к расположившемуся в этом месте главе, прося у него возможности закупить припасы и умоляя его оказать ему гостеприимство и открыть для него и своих спутников двери города. Послы были приняты благосклонно и им были в изобилии выделены припасы как для солдат, так и для лошадей, частью бесплатно, а частью по приемлемым ценам, так как в городе Гвельф обнаружил большое количество золота и серебра, крупного и мелкого скота, вина, благовонных масел и все виды других необходимых вещей.

XXII

На следующий день с восходом солнца Танкред прошел через город со всеми своими сопровождающими и, идя по царской дороге, он скорым маршем прибыл к Марамистре¹¹. Этот город является одним из самых прекрасным в этой провинции; его башни, его стены и его многочисленное население выделяют его среди прочих; к тому же, он находился в чрезвычайно привлекательной местности в окружении плодородных полей и отличных земель. Танкред приказал расположить лагерь возле этого города и после нескольких дней упорной осады, во время которой он осуществлял частые штурмы, он с помощью Божьей овладел городом, предал смерти всех неверных, обнаруженных им там, и силой расположился в нем. Затем, найдя там огромные богатства и большое количество съестных припасов, он распределил их по всему войску соразмерно тем достоинствам и заслугам каждого, кто являлся его частью, обогатив, таким образом, всех солдат. В этом приятном изобилии они нашли вознаграждение за все перенесенные ими лишения; кони и выючные животные также в изобилии получили все для них необходимое и все они восстановили свои силы во время сладостного отдыха и вследствие хорошей кормежки.

XIII

Тем временем после отправления Танкреда Балдуин, остановившись под стенами города, соединяя угрозы с предупреждениями, часто обращался к жителям города, приказывая им открыть ворота и впустить его самого и его армию, поскольку ему казалось недостойным в праздности ожидать прибытия основных сил и вплоть до этого времени оставаться без какой-либо полезной деятельности. Обитатели города, помня о том, что Танкред не мог сопротивляться Балдуину, и опасаясь того, что он начнет атаковать и ему удастся завладеть городом, если они промедлят с выполнением его требований, сознавая необходимость проявить доблесть и не надеясь на свои собственные силы, открыли ворота и позволили войти внутрь всем находящимся под знаменами Балдуина. Ему было выделено две башни, которые он должен был занимать; ожидая прибытия остальных, все его войско расположилось в городе, заняв дома, в которых жили христиане. Турки, продолжавшие там властвовать, заняли остальные башни. Поскольку они были более многочисленными и занимали большую часть укрепленных мест города и так как они не доверяли соседству со своими новыми хозяевами и не имели никакой надежды на помощь извне, все они ждали благоприятного случая тайно выйти из крепости вместе со своими женами, своими детьми и своим продовольствием. Этой же ночью случилось так, что триста человек, отделившиеся от экспедиции Боэмонта, идя по следам Танкреда, очутились под стенами Тарса и вследствие приказов Балдуина не были допущены в город. Утомленные длительной дорогой, лишенные всего необходимого для поддержания жизни, они настоятельными просьбами просили о гостеприимстве и о возможности купить продовольствие. Все люди низшего сословия, находящиеся в городе, наполнившись состраданием к несчастью своих братьев, присоединили свои мольбы к мольбам тех, кто находился снаружи; но им не удалось ничего добиться, а главы упорно не соглашались на то, чтобы они вошли в город, поскольку, как они говорили, эти люди были из экспедиции Боэмонта и что они шли на вырубку Танкреду. Однако, находившиеся в городе христиане не лишены чувств братской нежности, не имея возможности выйти, взобрались на стены и передавали вновь прибывшим хлеб и вино, положив все это в спускаемые на веревках корзины, стремясь к тому, чтобы они, по крайней мере, могли насытиться и благополучно провести ночь в том месте, где они очутились. Они расположились у ворот города так близко, как это было возможно, отдыхая там, поскольку они не могли найти лучшего пристанища. Этой же ночью, когда те из наших, кто находился в городе, также как и находящиеся снаружи, были погружены в сон, наслаждаясь спокойствием посреди обманчивой тишины, турки и все другие неверные, жившие в городе, тихо открыли ворота и вышли из города, не производя ни малейшего шума, забирая с собой своих жен, своих детей, своих рабов обою пола и свое

продовольствие. Они не могли смириться с соседством принятых ими людей; это сожительство повергло их в состояние постоянной настороженности; они имели возможность выйти, так как в полном их распоряжении находились одни или двое ворот; но для того, чтобы не оставлять для своих врагов победу бескровной, отправив впереди себя всю свою поклажу и все свое продовольствие, перед самыми городскими воротами они истребили почти всех находящихся в царстве сна христиан, бывших там.

XXIV

На следующий день в тот момент, когда начинала появляться утренняя заря, находившиеся в городе наши, пробудившись, обнаружили его покинутым; обескураженные бегством своих врагов, совершенным так внезапно, они обыскали все укрепления и все улицы города, стремясь найти хотя бы как-нибудь свидетельства, раскрывающие эту тайну; и в то время, когда они были заняты этим делом, и повсюду высматривали следы, они обнаружили то плачевное событие, которое свидетельствовало об уходе турок и избииении служителей Христовых. Охваченные болью и скорбью, христиане разразились долгими рыданиями. Вскоре они разделились между собой; люди низших сословий ополчились против Балдуина и наиболее значительных людей, вменяя им в вину смерть своих братьев, поскольку они отказали своим товарищам по путешествию в гостеприимстве, которое должно справедливо оказываться всем, находящимся в бедственном положении. Поддавшись своему первому порыву, народ в чувстве справедливого негодования выступил против своих начальников, и если бы они тотчас же не отступили в самые высокие башни, то, без сомнения, им бы воздалось за произошедшее у ворот города убийство избииением почти всех главных офицеров. Наконец Балдуин, увидев, что народ только прибывает, что разделение, вызванное изначально справедливыми причинами, с каждым моментом становится все более угрожающим, с тревогой искал наиболее подходящих средств, чтобы успокоить начавшуюся смуту и оправдаться перед народом. В то время как пешие воины немного успокоились, наступило небольшое затишье и, потребовав тишины, он начал свою речь: стремясь оправдать себя перед их глазами, он заявил, что полностью невиновен в сложившейся печальной ситуации, и твердо уверял, что отказывая пришельцам во входе в город, он не имел в душе никаких других намерений кроме тех, чтобы сдерживать данное жителям слово не впускать в город иноземцев до прибытия герцога. В то же время вследствие вмешательства некоторых благородных людей, которые, стремясь успокоить недовольство, прибегли к льстивым словам так необходимых в подобной ситуации и данном месте, солдаты стали успокаиваться, а простой народ также начал склоняться к примирению.

Волнение полностью успокоилось, а войска несколько дней оставались в Тарсе, наслаждаясь совершенным спокойствием. В это время в море показался флот, который подошел к городу на расстояние около трех миль; все пешие воины и рыцари тут же вышли ему на встречу. Достигнув берега моря, они вступили пришельцами в разговор и из их собственных уст узнали, что те принадлежат к христианской вере. Получив вопрос о своей родине, они ответили, что были родом из Фландрии, Голландии и Фризии; что в течение восьми лет промышляли пиратством в этих водах; что, сокрушаясь и раскаиваясь в своих преступлениях, они отправились в Иерусалим, чтобы воздать там свои молитвы и что они оказались в здешних водах, совершая задуманное ими плавание. Как только стало известно, что они принадлежат к числу благоверных людей, их пригласили зайти в гавань, обменявшись с ними рукопожатиями и поцелуями, свидетельствующими о мире, и после того, как флот очутился в надежном месте, сошедших на землю людей привели в Тарс. Во главе у себя они имели человека по имени Гинимер, уроженца города Булони, расположенного на землях графа Евстахия, отца герцога Годфруа. Познакомившись с Балдуином и узнав о том, что этот человек является сыном его господина, он покинул свой флот и решил идти в Иерусалим вместе с ним; он был чрезвычайно богат и добыл все свои сокровища тем презренным ремеслом, которым занимался в течение долгих лет; на службе у себя он имел множество людей и пригласив их его сопровождать, он решил идти вместе с ними за Балдуином. Выбрав из двух армий отряд в пятьсот человек, что было достаточно для охраны города, все остальные, сделав последние приготовления к отходу, отправились навстречу новым испытаниям.

XXV

Войско, отправившись в дорогу и все время следуя по царской дороге, подошло к Мамистре, которую незадолго до этого захватил Танкред, как я уже об этом говорил. Поскольку подошедшие ясно осознали, что в этом городе их не примут, они расположились на незанятой земле на некотором расстоянии от города. Танкред, узнав, что Балдуин расположился лагерем совсем недалеко от него, пришел в чрезвычайную ярость и все еще помня так несправедливо полученные им оскорбления, буквально трясся от ненависти и, уступив своему гневу, он призвал взяться за оружие свое войско и был намерен отомстить за все вынесенные им обиды. Сначала он выслал вперед лучников, приказав им пронзить своими стрелами разбросанных по пастбищу коней или, если удастся, пригнать их в город; сам он во главе пятисот хорошо вооруженных рыцарей напал на лагерь и поражал всех, кто показывался ему на глаза, прежде чем солдаты успели взяться за оружие. Однако те оправились от первого смятения и уже были готовы защищаться; разгорелся яростный бой и с двух сторон сражались с ожесточением; новые противники считали друг друга, отныне, заклятыми врагами; большое число людей было убито, а также было захвачено несколько пленных с каждой из сторон. Войско Танкреда, уступая в числе и силе, не могло более выдерживать неравного боя и обратилось в бегство, пытаясь достигнуть города. Между городом и занимаемым Балдуином лагерем находилась река, через которую был наведен очень узкий мост. В то

время как солдаты Танкреда кидались в обратную сторону, обнаружив перед собой стесненное препятствие для их отхода, много пеших и конных воинов погибало в образовавшейся свалке, а новые люди все еще подходили и подходили к мосту. Ненависть, которая овладела двумя сторонами, была столь неумемной, что, без сомнения, жертвы могли быть более значительными, если бы наступившая ночь не разделила сражающихся. Из людей Танкреда было взято в плен два благородных и знатных человека: Ричард Салернский, его родственник, и Роберт де Ханз; главным образом из-за их подстрекательства Танкред и выступил против своих братьев, ища мести за все несправедливости. Его войско также захватило в плен знатного и благородного человека из людей Балдуина: Гильберта де Монкклара; отсутствие этих воинов вызвало переполох в двух противостоящих станях и сначала все подумали, что они погибли во время недавней битвы. На следующее утро с восходом солнца ненависть и негодование двух сторон немного улеглись, и те и другие напоминали друг другу о своей общей вере и благодаря божественному милосердию вновь возвратили к себе радушно отношение: обоюдно они отправили друг к другу послов с предложениями о примирении; пленники были возвращены и это первое удовлетворение было принято, после чего они полностью примирились, обменявшись поцелуями мира.

XXVI

Здесь сеньор Балдуин, уступив настоятельным просьбам своих соратников, отправился в путь со всем своим войском для того, чтобы присоединиться к основной армии, которая прибыла в Марезию, как я уже об этом говорил. Он узнал о той великой опасности, которую его брат герцог, находясь возле Антиохии Писидийской, смог избежать лишь с великим трудом и, преисполнившись заботой о его здоровье, он желал как можно скорее удостовериться, что в настоящий момент ему ничему не угрожает. Танкред, забрав с собой всех тех, кто высадился на землю с кораблей, и кто составил значительное пополнение его войску, прошел всю Киликию, атакуя, захватывая и сжигая все селения, которые ему встречались, и предавая мечу всех их обитателей. Прибыв к городу, называемому Александретта, который отчаянно оборонялся, он сумел, наконец, им овладеть, закончив, тем самым, завоевание всей этой страны. Как армянские, так и турецкие сатрапы, которые жили в горах, узнав о том, что Танкред, являющийся могущественным воином и сопровождаемый многочисленной армией, покорил всю провинцию, опасаясь, что он вторгнется в их горы, чтобы разорить их города и обратить в рабство живущее в них население, один за другим отослали к нему посольства, ища заручиться его благожелательностью и предлагая ему договоры о дружбе; чтобы уже наверняка преуспеть в своих замыслах, они отсылали ему великолепные и многочисленные дары, сделанные из золота и серебра, лошадей, мулов, шелковые ткани, надеясь своими щедротами отвернуть от себя ярость этого грозного принца. В результате всего этого он всегда имел успех и ему всегда удавалось завершить все свои предприятия; Господь был вместе с ним и направлял все его дела, что он всегда делает, помогая своим верным служителям.

¹ В 325 г.

² В 787 г.

³ Или же икономахов

⁴ Шах

⁵ Альп-Арслан, который в I-ой книге назван Бельфетом

⁶ Сегодня Кони в Карамании

⁷ Сегодня Эрекли

⁸ Сегодня Мараш. Некоторые географы полагают, что это древняя Германия

⁹ Или же Аназарб, Цезаря Киликийская, сегодня Айнзербх или Аайнзарджат

¹⁰ Адана, Адена или Эдена, столица одноименного пушалика, который в средние века составлял часть королевства Малая Армения; считается, что она была построена на месте древней Антиохии Сарумской, стоявшей на реке, которая сегодня носит имя Шейхан. Согласно Абульфеду, ее основателем был Харун-аль-Рашид

¹¹ Мопсуеста, называемая у арабов Мессиссой в трех лье от моря, находящаяся на реке Гихан или Джейхан, которая в древности называлась Пирам

Путь крестоносцев от Nikeи к Антиохии (27 июня – 21 октября 1097 г.) (Из «Иерусалимской хроники о священной войне» Альберта Аахенского)

На следующий день (27 июня 1097 г.) весь народ пришел в движение и, взяв с собою все необходимое, продолжал свой путь по середине Романии (т.е. Малой Азии), не опасаясь в будущем никаких бедствий. Пилигримы, идя два дня соединенною армиею по ущельям гор и узким проходам, решились потому подразделить свое многочисленное войско, с тем чтобы иметь более простора для расположения лагеря и чтобы легче добывать съестные припасы для самих себя и корм для лошадей. Соединившись снова между двух высоких гор, они перешли по мосту какою-то реку, и Бозмунд с своею дружиною отделился вторично от герцога Готфрида²... После такого разделения Бозмунд и вся армия прибыли в девятом часу в долину Догоргана... пилигримы немедленно разошлись по лугам и по берегу ручейков, чтобы раскинуть свой лагерь, отдохнуть и подкрепиться пищею и прочим необходимым.

Но едва Бозмунд и другие отважные мужи сошли с лошадей, как Солиман, собравший, после своего бегства от стен Nikeи, союзные силы... быстро появился перед ними с огромною армиею. Немедленно и без малейшего отдыха он напал на войско христиан, и его люди, распространившись по всему лагерю, умерщвляли

всех, встречавшихся им на пути: одни погибали от стрел, другие от меча; многих же жестокий неприятель забирал в плен. Народ был объят ужасом и поднял крики; замужние и незамужние женщины погибали вместе с мужчинами и детьми. Роберт Парижский, стремясь на помощь несчастным, был поражен стрелой и немедленно умер. Боэмунд и другие вожди... соскочили с лошадей, поспешно надели панцири и, соединив остаток армии в одно целое, защищались мужественно, несмотря на неожиданность нападения, и долгое время выдерживали борьбу с неприятелем. Вильгельм... молодой человек необыкновенной красоты, полный отваги и только еще начинавший военное поприще, храбро сопротивлялся и часто наносил туркам удары копьем, но стрела опрокинула его на глазах Боэмунда... Турки... взяв верх, устремились в лагерь, поражая своими роговыми луками и стрелами и избивая пеших людей, пилигримов... женщин, старцев и детей, не щадя никакого возраста...

Узнав о бедствии своих братьев и о дерзости турок, герцог [Готфрид] приказал трубить во все стороны, созвать всех своих спутников, схватиться за оружие, поднять знамена и лететь на помощь пилигримам, не давая себе отдыха. Немедленно... 60 тысяч рыцарей выходят из лагеря, сопровождаемые толпами пехоты. День был уже в полном блеске, солнце сияло великолепно: его лучи отражались на золотых щитах и железных панцирях; знамена и привязанные к пикам пурпуровые значки, разукрашенные драгоценными камнями, сверкали развеваясь; всякий прищпоривал быстрого коня... Видя наших поспешавшими на помощь своим братьям и пылавшими жаждою битвы, притом в большом числе... турки обратились в бегство; пораженные ужасом и оставив убийство, одни спасались по полям, другие бросились по тропинкам, им известным...

Был четвертый день недели (т.е. в среду, 21 октября 1097 г.), когда христиане вступили на земли Антиохии и обложили ее стены...

¹ Годескальк – немецкий священник.

² Готфрид Бульонский.

Осада Антиохии (21 октября 1097 г. – 28 июня 1098 г.)

Осада Антиохии – одно из ключевых событий 1-го Крестового похода. Происходила в 1097-1098 гг. В результате город был захвачен крестоносцами. Осада и последующие за ней события, в результате которых войско крестоносцев провело в районе Антиохии длительный период времени, едва не поставило под угрозу весь исход похода.

(Матфей Эдесский, «Хронография»)

...Огромное войско франков через страну Вифинию вступило в пределы Каппадокии и достигло труднопроходимых мест горы Тавр. Эта огромная армия прошла через узкие теснины в Киликию и через Троваду, то есть Аназарву, достигла города Антиохии. Здесь она расположилась лагерем около [города] и, заполнив его обширную равнину, заставила военачальника персов Агсиана со своими войсками запереться в городе; в течение десяти месяцев, ведя жестокую войну, она держала город в осаде. Узнав об этом, находившийся вокруг народ персов с великим рвением двинулся войной против войск франков, но они обратили всех своих врагов в позорное бегство. В эти дни состоялся сбор иноплеменников: в Дамаске, на всем побережье Африки, в Иерусалиме, среди всех соседей Египта, в Халебе и Хомсе, вплоть до великой реки Евфрат. В несметном, бесчисленном множестве двинулись они против франков, которые, узнав о приходе иноплеменников, привели в готовность свои войска и выступили против них. [Их] возглавляли Боэмунд, муж храбрый и доблестный, и Сен-Жилль. С десятью тысячами, как львы, напали они в пределах Антиохии на десять мириадом [иноплеменников], одержали большую победу, учинили огромное побоище войскам персов и обратили их в бегство.

Эмир Сукман, сын Артуха, храбрый и воинственный муж, а также владетель Дамаска, [оба] великие и знаменитые эмиры, произвели в Мосуле и во всей стране вавилонян сбор тюркских войск, около трех мириадом человек, и двинулись против армии франков. Тогда великий герцог Готфрид с семью тысячами выступил против иноплеменников в пределах Халеба и дал страшный бой. Эмир Дамаска, которого звали Токтекин, напал на Готфрида и, ударив храброго мужа, свалил его с лошади, однако ему не удалось разорвать его железную одежду¹ и тот ушел невредимым. Тогда войска франков принялись преследовать иноплеменников и, обнажив мечи, обратили их в бегство. Войска франков с великой победой возвратились в свой лагерь. Однако их многочисленность вызвала опасность голода, они мучились от нехватки хлеба и продовольствия. Тогда обитавшие на горе Тавр князья – Константин, сын Рубена, второй князь – Пазун, третий князь – Ошин послали главнокомандующему франков все необходимое продовольствие. Так же поступили и монастыри Черной горы и все верующие народы, которые помогали им продовольствием и относились к ним дружески. Из-за нехватки продовольствия в стране франков распространилась голодная смерть, вспыхнула эпидемия, пятая часть их погибла, а остальные стали скитаться. Но божья милость не оставила их, она окружила их отеческой заботой и любовью...

...В том же году [к Эдессе] прибыл с многочисленным войском Кербога, аспасалар² Паркиаруха, султана персов. Он явился с огромным войском, имея намерение сражаться с войсками франков. Он пришел и расположился лагерем у ворот Эдессы. [С этим] многочисленным войском он остался до поры жатвы и после того, как сожрал все поля, начал войну против города; все многочисленное войско собралось вокруг [Кербоги]. Сорок дней спустя к Кербоге прибыл сын Агсиана, эмира Антиохии, и пав ниц перед Кербогой, молил его прийти к ним в помощь. Он рассказал ему об армии франков, что она немногочисленна, изнурена голодом.

И вот в том же году двинулся весь Хорасан – с востока до запада, от Египта до Вавилона, от Греции и восточной части земли, [двинулись] Дамаск и все побережье, от Иерусалима до пустыни, собралось восемьдесят мириадом человек, [из них]³ тридцать мириадом пехоты. Надменно двинувшись вперед, он наполнил поля и горы и, [проникнутый] страшным высокомерием, достигнув ворот Антиохии, выступил против войск франков. Но бог не пожелал погубить немногочисленные войска христиан, он спасал и оберегал их, как стан сынов Израилевых. В то время, когда войска иноплеменников находились еще далеко, некто из князей города ночью отправил к Боэмунду и к другим князьям франков человека и пригласил их на свою родину. Получив от них клятву, он тайно, ночью сдал Боэмунду город Антиохию. Он отворил покрытые оловом ворота стены, и все войско франков вступило в город Антиохию. А утром все войска единодушно трубили в рога. Все иноплеменники, услышав о случившемся, собрались в одно место и от страха не находили пути к спасению. Войска франков, обнажив мечи, устроили им страшное побоище. Эмир Агсиан бежал из города, по был убит крестьянами: они отрубили ему голову серпом. Вот так был взят город Антиохия, по взят он был из рук армян...

Оставшиеся [в городе] иноплеменники собрались в цитадели и стали сражаться с войсками франков. Три дня спустя прибыла персидская рать, превосходившая армию франков в семь раз. Она осадила со всей силой франков и стала их теснить. Из-за голода франки попали в тяжелое положение: хлеб в городе уже иссяк. Попав в более чем безвыходное положение, они решили уступить Кербоге город, и, взяв с него клятву, удалиться в страну франков. Увидев страшную опасность, в которую они попали, бог сжалился над ними. Ночью... одному благочестивому франку явился святой апостол Петр и сказал:

«В левой части той церкви хранится оружие⁴, которым безбожное племя иудеев пронзило Христа в ребро. Это [копье] находится перед алтарем. Выкопайте его и с ним идите в бой, им вы одолеете ваших врагов, как Христос сатану». Видение повторилось, оно явилось и в третий раз, о нем рассказали Готфриду и Боэмунду и всем князьям. Они стали молиться и, вскрыв указанное место, нашли там в церкви, называемой храмом святого Петра, копье Христа.

В это время из лагеря иноплеменников прибыл гонец, бросивший вызов к войне. Войска франков очень обрадовались. Боэмунд и остальные князья сообщили Кербоге: «Завтра утром мы приступим к войне против вас». Численность войск франков убавилась. Боэмунд подготовил к сражению пятнадцать тысяч всадников и пятнадцать мириадом пехоты и, высоко держа копье Христа, приступил к сражению. Войска иноплеменников заполнили всю обширную равнину рядами по пятнадцать человек. Прибыл Сен-Жиль и поднял копье Христа простив знамен Кербоги. Кербога с бесчисленным войском стоял против них, словно гора. Левое крыло возглавил, подобный льву, Танкред, правое – граф нормандцев Роберт, а Готфрид и Боэмунд стояли [в центре], напротив бесчисленного войска тюркского стана. Призывая на помощь бога, христианское воинство дружно ринулось на иноплеменников, как огонь, что сверкает на небе и сжигает горы. [франки] обратили в бегство весь [их] стан, с великой яростью устроили им страшное побоище и большую часть дня преследовали их. Мечи насытились кровью иноплеменников, вся равнина была усеяна трупами. Гнев божий они извергли на пехоту, сожгли тридцать мириадом человек, и по всей стране распространилось зловоние [от трупов], франкская рать, захватив множество трофеев и пленных, с ликованием возвратились в город Антиохию. И день этот стал днем великой радости для верующих в Христа.

¹ Т.е. кольчугу.

² Главнокомандующий.

³ По тексту не вполне ясно – «из них» или «кроме них».

⁴ Имеется в виду «святое копье». Подробный рассказ о его находке приводится в хронике Раймунда Ажильского.

(Раймунд Агильский, «История франков, которые взяли Иерусалим»)

Гл. VII. ...После того Танкред укрепил некий монастырек за рекой¹; и за это граф² дал ему 100 марок серебра³, и прочие предводители, кто сколько сумел; и этим сильно ущемил противника⁴. Итак, стоит отметить, что чем нас было меньше числом, тем более могущественным делало нас божье милосердие.

Между тем⁵, начали приходиться частенько вестники, сообщавшие, что врагам идет подмога. Эта весть доходила к нам не только от армян и греков, но передавалась также и теми, кто жили в городе⁶. Так как турки утвердились в Антиохии за четырнадцать лет до этого⁷, то, под предлогом нужды в прислуге, отуречивали молодых армян и греков, давая им жен [турчанок]. Они же, едва только могли добыть себе волю бегством, переходили к нам с оружием и конями.

Поскольку молва та распространялась [все шире], многие трусливые из наших, [а равно] и армянские купцы стали убегать. В то же время доблестные рыцари, рассеянные по [окрестным] крепостям, стали собираться [воедино], принялись закупать, изготавливать и прилаживать оружие. Таким-то образом, когда чахлое малодушие вытекало из нашего войска, а одушевление, всегда готовое подвергнуться опасности вместе с собратьями и за собратьев (по вере), прибывало, некто из отуреченных, живший в городе, через Боэмунда сообщил нашим, что выдаст нам город.

Гл. IX. Тогда, посовешавшись в совете, князья отправили Боэмунда, герцога Лотарингского⁸ и графа Фландрского⁹ удостовериться в этом деле. Когда в полночь¹⁰ они подошли к башне, посредник-вестник, посланный тем, кто хотел выдать город, крикнул: «Обождите, пока пройдет светильник». Ибо трое или четверо воинов всю ночь шагали со светильниками [в руках] по городским стенам, дабы оживлять и поддерживать бдительность стражи.

После того наши, приблизившись к стене и приставив лестницу, начали взбираться [наверх]. Первым неустрашимо ринулся [вперед] франк по имени Фульхерий, брат Буделля Шартрского; ему последовал граф Фландрский, который позвал Боэмунда и герцога, чтобы [и они] поднимались; поелику все действовали второпях, так что один спешил перегнать другого, лестница обломилась. И вот те, которые уже взобрались, спустились в город и отыскивали дверцу [в стене]. И наши вступили через нее в город и не брали в полон никого из тех, кого встречали [на пути]. Когда зардела заря, они подняли громкий крик. От этого крика пробудился и пришел в ужас весь город, дети и женщины принялись плакать.

И те, кто находились в укреплении графа¹¹, разбуженные шумом, как самые близкие к городу, стали говорить друг другу: «Это идет подмога к неприятелям». Другие, напротив: «Однако, сдается, это не крики радующихся». Между тем, совсем рассвело и на южной башне взвились наши знамена. Пришедшие в смятение горожане, увидев нас над собою, на горе, пустились бежать, иные через ворота, а некоторые [прямо] бросались в ров; никто [из них] не оказывал противодействия, ибо господь поверг их в смятение.

Мы же затем много времени наслаждались приятные зрелищем, (видя, как) те, кто столь долго оборонял против нас Антиохию, никак не могли бежать из города: ибо если кто из них отваживался спастись бегством, [все равно] не могли избежать гибели. Между прочим, случилось там нечто, для нас весьма приятное и доставившее нам истинное удовольствие. Несколько турок пытались бежать через пропасть, отделявшую эту гору от находившейся с северной [стороны]. Они повстречались с нашими, принуждены были отступить: их опрокинули со стремительностью; они припустились бежать столь поспешно, что все попадали в пропасть. Нам же была радость оттого, что они туда сваливались; скорбели мы только из-за того, что более трехсот коней сломали там себе шею.

Сколько же [всего] было взято добычи в Антиохии, мы не в состоянии и сказать: вообразите, сколько сумеете и считайте сверх того. Не ведаем, и сколько пало тогда турок и сарацин. Жестоко рассказывать, как погибали они разными видами смерти и как различными способами умерщвлялись.

Те из врагов наших, кто обороняли крепость на горе, в центре, видя их гибель и то, что наши отказываются нападать на них, удержали за собой эту крепость¹². Грациан¹³ же, выйдя через некую дверцу, был полонен и обезглавлен армянскими селянами, и голова его доставлена нам: я полагаю, это произошло по особому божескому предначертанию, ибо он поотрубал головы многим из этого народа, и вот теперь сам лишился головы.

Взят был город Антиохия третьего июня, а осада его начата около 11 дня ноябрьских календ¹⁴.

¹ Речь идет об укреплении, построенном крестоносцами еще в начале апреля 1098 г., против ворот св. Георгия, на развалинах монастыря и находившемся под командованием Танкреда.

² Граф Раймунд IV Тулузский (Сен-Жилль), чьим капелланом являлся сам хронист.

³ По некоторым другим известиям, эта сумма составляла 400 марок.

⁴ То есть действия Танкреда нанесли сильный урон врагу.

⁵ Описываемые события происходили в конце мая 1098 г.

⁶ То есть сирийцами.

⁷ Антиохия была завоевана сельджуками у Византии в 1084 г.

⁸ Готфрид Бульонский.

⁹ Роберт Фландрский.

¹⁰ Со 2 на 3 июня 1098 г.

¹¹ Укрепление у моста через Оронт, воздвигнутое Раймундом Сен-Жиллем.

¹² Здесь говорится о судьбе крепости, находившейся в стенах Антиохии и оставшейся тогда под властью сельджукского гарнизона.

¹³ Так называет хронист эмира Яги-Сиана Антиохийского.

¹⁴ 21 октября 1097 г.

(Аноним, «Деяния франков и других иерусалимцев»)

Кн. VIII, гл. 20. И был некий эмир из рода турок, именем Фируз, который вошел в большую дружбу с Боэмундом. Часто Боэмунд через вестников, которыми они обменивались, внушал ему, возбуждая его [этим], чтобы он дружески впустил его в город, и обещал ему, что [тот] беспрепятственно перейдет в христианство, вселяя надежды, что станет богатым, и сулил ему всяческие почести. Фируз внял этому и обещаниям и сообщил: «Я охраняю три башни и готов их передать [ему], и в час, когда пожелает, я впущу его в них»¹.

Итак Боэмунд, зная уже наверняка, что доступ в город обеспечен, веселясь в душе, спокойно и с радостным ликом явился перед всеми сеньорами и возвестил им приятную весть: «Мудрейшие мужи и рыцари, взгляните, в какой бедности, в какой нищете все мы находимся, и начальники, и [простые] воины, и [как] едва ведаем, откуда воспоследует для нас что-либо лучшее; так вот, коли ежели [это] вам покажется достойным и благим [делом], пусть кто-нибудь один из нас примет на себя начальство над остальными и, если сумеет овладеть городом каким-либо способом, хитростью или приступом, сам либо с чужой помощью, давайте согласимся уступить ему город». Но они наотрез воспротивились и отклонили [это предложение] и заявили: «Да не достанется никому этот город, а будем владеть им все на равных долях; поскольку мы в равной мере вложили [в дело] свои ратные усилия, постольку должны получить и одинаковые почести». Услышав эти слова, Боэмунд удалился, посмеявшись втихомолку. Вскоре после того дошли до нас известия о войске врагов наших – турок, публиканов², азимитов³ и многих иных народов⁴; и тогда тотчас все предводители собрались, и держали совет⁵, и говорили:

«Если Боэмунд сумеет захватить город, сам или с чьей-либо подмогой, мы все по доброму согласию и с открытым сердцем подарим ему [город], на том, однако, условии, что когда на выручку нам подоспеет император⁶ и пожелает исполнить договор, как [то] обещал и [в чем] поклялся, мы передадим ему его права даже в том случае, если Боэмунд уже будет иметь город в своей власти».

Вслед за тем Боэмунд начал каждодневными обращениями вкрадчиво просить своего друга об исполнении желаемого, сладкоречиво, в таких словах суля ему всяческие уступки и всевозможные блага: «Уж время, настал подходящий миг, когда мы сможем содейть задуманное доброе дело; пусть только мой друг Фируз теперь окажет мне свою помощь». И тот, весьма обрадованный, сообщил, что во всем пособит ему, как и должен. И на следующую ночь он тайно отправил к Боэмунду сына своего заложником, чтобы тот был полностью уверен, что [наверняка] откроет ему вход в город, и, [кроме того], на словах передал ему следующее: «Пусть завтра⁷ поднимет всю рать франков и устроит [так], будто [она] отправляется опустошить землю сарацин⁸, а затем пусть быстро поворачивает назад, перевалив через гору справа⁹. «А я, – передавал Фируз, – уж буду внимательно следить за (прибытием) рати и введу ее через башни, что находятся под моим начальством и стражей».

Тогда Боэмунд распорядился, чтобы к нему явился один из его пехотинцев по прозвищу Дурная башка и приказал ему, чтобы он, как герой, поднял великую рать франков, дабы она приготовилась надлежащим образом к походу на самую землю сарацинскую; так и было содеяно. И [тогда] Боэмунд раскрыл свое намерение герцогу Готфриду и графу Фландрскому, а также графу Сен-Жиллю и епископу Пюи, сказав [им]: «Ежели милосердие господне пребудет с нами, Антиохия этою [же] ночью перейдет к нам».

Наконец, все налажено было таким порядком: рыцари заняли равнину, пешие – гору; всю ночь до самой зари¹⁰ они передвигались пешими и верхом, а затем стали приближаться к [тем] башням, чей страж неусыпно бодрствовал. Тут Боэмунд соскочил с коня и во всеуслышание приказал: «Идите без страха и в счастливом согласии и взбирайтесь по лестнице в Антиохию, которую, коли богу будет угодно, мы [сами] скоро примем под свою охрану». И они подошли к лестнице, которая уже была поставлена и прочно-напрочно прикреплена к городской стене, и около 60 человек из наших поднялись по ней и разделились по башням, которые тот охранял. Увидав, что наших взобралось так мало, Фируз стал высказывать неудовольствие, боясь, как бы сам он и наши не попались в руки турок: «Микро франкос эхоме»¹¹. [«Мало у нас франков»], – воскликнул он. – Где этот яростный Боэмунд? Где этот непобедимый воин?» В тот же миг некий пехотинец-лангобард¹² спустился вниз и поспешил к Боэмунду: «Что ты стоишь здесь, о, мудрый муж? – сказал он [ему]. – Для чего явился сюда? Мы овладели уже тремя башнями!» Побужденный этими словами, он [Боэмунд] присоединился к остальным, и все, торжествуя, достигли лестницы.

Завидев [их], те, кто уже были в башнях, стали радостными голосами испускать клич: «Бог так хочет!» Мы [сами] также восклицали [эти слова]. Тогда начали они дивно взбираться туда; поднявшись наверх, поспешали к другим башням; кого обнаруживали там, предавали смерти, убили также Фирузова брата. Тем временем лестница, по которой происходил наш подъем, сломалась, отчего у наших возникла страшная тревога и печаль. Но хотя лестница была сломана, однако, поблизости от нас, с левой стороны, находились запертые воротца, которые кое-кому оставались незаметными: ведь была еще ночь; действуя на ощупь, мы в конце концов отыскали эти ворота, и все устремились к ним: взломав их, мы ворвались через них [в город]¹³.

И тогда по всему городу раздался дивный гул. Боэмунд не терял времени, он приказал водрузить свое достославное знамя на возвышенности, прямо напротив крепости¹⁴; и все в городе тоже поднимали шум. Когда занялся день, те, кто еще оставались до того в [своих] палатках, услышали [эти] все более нараставшие звуки, и, торопясь, повскакивали [из палаток] и увидели знамя Боэмунда, развевавшееся на вершине горы, и, поспешая, двинулись все и вошли через ворота в город и принялись истреблять турок и сарацин, которые попадались им навстречу, за исключением тех, которые сумели укрыться наверху, в крепости; а иные из турок выбирались через ворота, и, пускаясь в бегство, ускользали невредимыми.

Кассиан¹⁵ же, их сеньор, тоже кинулся наутек со многими остальными, кто был при нем, и, удирая, попал в землю Танкреда¹⁶, недалеко от города. И так как кони их устали, они подались в некую деревушку и укрылись было в одном доме. Но Кассиана узнали жители этой горы, то есть сирийцы и армяне, и тотчас

схватили его и отрубили ему голову и принесли Боэмунду, чтобы тем самым заслужить себе свободу. А пояс [от его меча] и ножны были проданы за 60 безантов¹⁷.

Все это совершилось по наступлении третьего дня июня месяца... И все площади города были забиты телами мертвецов, так что никто не мог находиться там из-за сильного зловония; никто не мог пройти по улицам иначе как по трупам...

Кн., IX, гл. 29. Наконец, по соблюдении трехдневного поста, [во время которого] устраивались процессии из одной церкви в другую, все исповедались в своих грехах и, получив [их] прощение, причастились тела и крови христовой, была роздана милостыня, и отслужили торжественные обеды.

После этого в городе образовано было шесть боевых частей. Главным корпусом, состоявшим из французов, предводительствовали Гуго Великий и граф Фландрский; вторым – герцог Готфрид, [шедший] со своими рыцарями; в третьем находился Роберт Нормандский со своими воинами; в четвертом – епископ Пюи, несший копье Спасителя; под началом епископа был отряд его самого и ополчение графа Раймунда Сен-Жилля; последний остался наверху сторожить [городскую] цитадель¹⁸, опасаясь, как бы турки не прорвались [оттуда] в [самый] город; в пятом отряде пребывал Танкред, сын маркиза, со своими людьми; в шестом – мудрый муж Боэмунд со своими рыцарями. Наши епископы, священники, клирики и монахи, облаченные в свои священные одеяния, [одни] вышли вместе с нами, неся кресты и молясь, чтобы господь сохранил нас [в целости], сберег и избавил от всяких напастей: другие же стояли на стенах над воротами, держа в руках святые кресты, осеняя [ими] нас и благословляя. Выстроенные таким образом и покровительствуемые знаменем креста, мы прошли через ворота, что [находятся] перед Мечетью¹⁹.

Когда Кербога увидел боевые части франков, в столь стройном порядке выходявшие одна за другой, он распорядился: «Дайте им выйти, чтобы наверняка попасться в наши руки». Когда же [они] выступили из города, и Кербога узрел [перед собою] огромную франкскую рать, [то] до крайности перепугался. Немедля он повелел своему эмиру, чтобы едва только тот увидит огонь, зажженный перед неприятельским войском, пусть тотчас приказывает всему войску отступать, ибо [это означает], что турки проиграли сражение.

Вскоре Кербога начал мало-помалу отходить к горе²⁰, наши же стали преследовать их [турок]. Потом турки разделились надвое: одна часть двинулась к морю, другая осталась на месте, – [так] они рассчитывали стиснуть нас между собою. Заметив это, наши поступили таким же образом. Из корпусов герцога Готфрида и графа Нормандского²¹ был создан еще один, седьмой; его поставили под начало Райнальда²². Этот корпус послали наперерез туркам, приближавшимся со стороны моря. Турки, однако, завязали с ним бой и, стреляя из луков, насмерть поразили многих из наших стрелами. А прочие [турецкие] отряды стояли строем между рекой²³ и горой, вытянувшись на две мили.

Эти отряды стали с обеих сторон подступать к нашим и окружать [их]: [турки] бросали копья и пускали стрелы, ранив [наших]. [В этот миг] показалось спускавшееся с горных склонов бесчисленное воинство на белых конях, и все знамена тоже были белые. Завидев эту рать, наши сперва вовсе не разобрались, что это было такое и кто были [эти воины], пока, наконец, не уразумели, что то была подмога Христа, которой предводительствовали святые Георгий, Меркурий и Димитрий. Сказанному надлежит верить, ибо многие из наших самолично видели [все это].

Между тем турки, которые находились в стороне моря, убедившись, что им больше не удержаться, подожгли траву, дабы те, кто оставался в [лагерных] палатках, увидели [огонь] и пустились в бегство. И они поняли этот знак и, прихватив [с собою] все ценное из добычи, побежали. А наши [тем временем] завязывали схватки там, где стояли главные силы [неприятеля], т. е. близ их палаток. Герцог Готфрид, и граф Фландрский, и Гуго Великий доскакали до самой реки, где располагались их наиболее многочисленные части²⁴. Укрепленные крестным знаменем, они единодушно Кинулись в атаку протай турок. Увидев это, и другие части [крестоносцев] поступили подобным же образом; персы и турки подняли вопль, а мы, воззвав к богу, живому и истинному, пустились против них вскачь и начали битву во имя Христа и святого гроба и с помощью божьей одолели их.

Дрожа от страха, турки пустились наутек, и наши преследовали их до палаток; однако воины Христовы предпочитали преследовать неприятеля, чем гнаться за какой-нибудь добычей – вот так-то те, подвергаясь атакам [наших], были преследуемы до Железного моста²⁵, а потом до укрепления Танкреда²⁶. И побросали турки свои шатры, и золото, и серебро, и множество драгоценностей, а также овец и коров, коней и мулов, верблюдов и ослов, хлеб и вино, муку и много другого, в чем мы нуждались. Армяне и сирийцы, жившие в тех краях, прослышав, что мы взяли верх над турками, устремились им наперерез в гору, и кого удавалось [им] схватить, умерщвляли.

А мы, возвратившись в город с превеликою радостью, славил и благословляли бога, который доставил победу своему народу. Турецкий эмир, охранявший цитадель, увидев, что Кербога и все остальные [его воины] оставляют лагерь и пускаются бежать под натиском франков, сильно устранился: тотчас с большой поспешностью он обратился [с просьбой], чтобы ему выслали знамена франков²⁷. И граф Сен-Жилль, стоявший перед цитаделью, велел отнести ему свое знамя; тот принял его и с покорностью водрузил на башне. Но тут лангобарды²⁸, стоявшие поблизости, стали роптать, говоря: «Это не знамя Боэмунда». И он [эмир] спросил и сказал: «Чье же оно?» «Графа Сен-Жилля», – ответили [ему] они. Тогда он подошел и, сняв знамя, вернул графу. В этот момент явился сам доблестный Боэмунд и передал ему свое знамя. И турок принял его с великой

радостью и заключил соглашение с сеньором Боэмундом, по которому язычники²⁹, желающие принять христианство, останутся вместе с ним, а те, которые хотят уйти, могут [это сделать] целыми и невредимыми. Боэмунд согласился со всем, что просил эмир, и тотчас направил своих воинов в крепость. Несколько дней спустя эмир был окрещен вместе с теми, кто предпочитал признать веру христову. Тех же, которые хотели жить по своему закону [вере], сеньор Боэмунд приказал выводить в сарацинскую землю.

Эта битва происходила за четыре дня до июльских календ³⁰, накануне дня апостолов Петра и Павла, в царствование Иисуса Христа, ему же честь и слава во веки веков. Аминь!

¹ Взят Антиохию 3 июня 1098 г., крестоносцы, однако, не сумели овладеть цитаделью в самом городе, где стойко оборонялся сельджукский гарнизон. Об опасности вражеских вылазок из цитадели и пишет хронист.

² Северо-западные ворота Антиохии, перед которыми находились две мечети и мусульманское кладбище.

³ К северу от Антиохии.

⁴ Хронист ошибочно именуется графом герцога Роберта Нормандского.

⁵ Французский рыцарь из области Бовези, или Туля.

⁶ Река Оронт.

⁷ К западу от Антиохии.

⁸ Мост через Оронт на пути из Халеба к Антиохии. Перевод выражения «pons Farreus» – «Железный мост», возможно, не точен. Альберт Аахенский объясняет такое наименование тем, что при въезде на мост стояли две железные башни, ни для кого неприступные. Гийом Тирский приводит другое, более правдоподобное разъяснение: франки называли Оронт «Фарфаром».

⁹ Было сооружено по решению предводителей франков в начале апреля 1098 г. близ монастыря св. Георгия на левом берегу Оронта.

¹⁰ Как залог того, что в случае если он сдастся, останется на положении пленника, т. е. в живых.

¹¹ То есть норманны (Южная Италия) Боэмунда.

¹² Язычникам» хронист называет мусульман.

¹³ Средневековые хронисты нередко использовали римскую систему датировки: календы – первое число месяца, следовательно, битва происходила 28 июня 1098 г.

¹⁴ Из иных источников (хроника Гвиберта Ножанского и др.) известно, что впоследствии Фируз действительно крестился и даже принял при крещении имя «Боэмунд»; он участвовал в походе крестоносцев на Иерусалим (вплоть до взятия последнего), но потом перешел на сторону мусульман и отрекся от своей новой веры.

¹⁵ Публиканами хронист называет павликиан. В VIII-IX вв. это были участники широкого антифеодалного еретического движения в восточных областях Византии: после разгрома в 872 г. павликианского государства в Малой Азии и его столицы Тефрики уцелевшие остатки павликиан, раздробившись на множество сект, преследуемые властями, нередко искали спасения на территории мусульманских владений. Как противников крестоносцев, павликиан упоминает в одном из своих писем на родину граф Стефан Блуасский (см. письмо Стефана Блуасского супруге из под Никеи).

¹⁶ Термин неясен. В литературе высказывалось предположение, будто хронист, подчас употребляющий греческие слова, дабы выставить на вид свою «образованность», и здесь применяет термин греческого происхождения. В Византии «азимитами» именовали христиан неправославных толков, которые употребляли для причащения хлебцы, приготовленные из пресного (без дрожжей) теста, а не из квашеного, как это принято у православных (т. е. азимитами считались, например, католики, марониты, армяне). Один из комментаторов полагает как раз, что хронист имеет тут в виду последних.

¹⁷ Речь идет об огромном и пестром по национальному составу войске мосульского эмира Кербоги, которое султан выслал на помощь осажденной крестоносцами Антиохии. В мае 1098 г. эта армия уже приближалась к своей цели. Лишь за несколько дней до ее прибытия крестоносцам стало известно об этой новой для них опасности.

¹⁸ Приблизительно 29 мая 1098 г.

¹⁹ Алексей I Компин.

²⁰ В ночь со 2 на 3 июня.

²¹ Имеется в виду территория на юго-восток от Антиохии.

²² «Гора справа» (по отношению к лагерю крестоносцев), т. е. к западу от города: именно там находились башни, над которыми начальствовал Фируз.

²³ В этих местах солнце всходит в 4 ч. 30 мин. утра; таким образом крестоносцы начали подниматься на стены около четырех часов в ночь на 3 июня.

²⁵ Лангобардами автор хроники именуется своих земляков, т. е. южноитальянских норманнов.

²⁶ Здесь, как и несколькими строками выше, хронист ведет рассказ от первого лица; очевидно, он сам участвовал в описываемых событиях.

²⁷ Речь идет об антиохийской крепости, расположенной у наиболее возвышенной части городских стен, на склонах горы Сильпиус (Кассий). Этой цитаделью крестоносцы так и не сумели тогда овладеть.

²⁸ Кассианом хронист называет сельджукского эмира, правившего в Антиохии, - Яги-Сиана.

²⁹ «Земля Танкреда» – район к западу от антиохийских стен, контролировавшийся с начала апреля 1098 г. рыцарем Танкредом, двоюродным братом и ближайшим сподвижником Боэмунда Тарентского. Танкред начальствовал здесь над укреплением, сооруженным крестоносцами близ монастыря св. Георгия (обитель была расположена на западном склоне горы Сильпиус), на левом берегу Оронта.

³⁰ «Безант» – греческая золотая монета (от слова «Византия») номисма (4,5 г.). В других местах хроники автор приводит стоимость «безанта» в западных денежных единицах – денариях (15 денариев за одну номисму).

Осада Маарры

Осада Маарры – осада крестоносцами арабского города Маарра. Продолжалась продолжавшаяся в течение ноября – декабря 1098 г.

(Раймунд Агильский, «История франков, которые взяли Иерусалим»)

Приготовив необходимое, граф Сен-Жиль выступил в назначенный день и вместе со своей ратью двинулся прямо в Сирию, где они осадили Маарру, город богатейший и многонаселенный¹. Он находился в восьми милях от Барры². А горожане Маарры настолько возгордились [от того, что однажды в сражении

погубили многих наших], что посылали в лицо нашему воинству брань и по-носили князей; для того же, чтобы нас крайне раздражить, они подвешивали кресты на стены и подвергали их всяческому поруганию. По этой-то причине на второй день по нашем прибытии мы ринулись на сарацин с такой стремительностью, что будь у нас хотя бы четыре лестницы, город был бы взят; но поскольку мы имели лишь две, да и те короткие и непрочные, так что взбирались по ним с опаской, то было решено изготовить осадные орудия, щиты и башни с тем, чтобы установить их близ стены, произвести подкопы и сравнять [стену] с землей.

В это время подошел Боэмунд со своей ратью и осадил город с другой стороны; мы же хотели заполнить ров и обрушиться на стену при помощи изумительных орудий, о которых уже сказали, побудив [тем самым] к бою Боэмунда, который до того не участвовал в битве. Но старания эти³ были напрасны. Ибо сражение подвигалось куда хуже [для нас], чем раньше.

После этого в войске разразился такой голод, что горько сказать: ты мог бы видеть десятки воинов, которые подобно скоту, бродили от голода, роясь в земле и

разыскивая, не найдут ли случайно каких-либо хлебных зерен, или ячменя, или бобов, или каких-нибудь овощей. Пусть никто не сравнивает то, что мы сказали об орудиях, предназначенных для сражения, с тем, что [пишем] про наших, видя несчастное положение нашей рати, разуверившейся в милосердии божьем, и храбрость сарацин. Но бог, чья обязанность печься о своих чадах, не оставил в крайности свой несчастный народ, узрев его в столь тяжких бедствиях. Он поручил возвестить свое намерение в отношении нас своим блаженным апостолам Петру и Андрею, от которых мы его и узнали и сумели умиловить бога...

И вот верные, у которых пробудилась великая надежда на взятие города, подавали щедрейшую милостыню и возносили моления всемогущему богу, чтобы он спас свой народ бедняков, бьющихся ради одного его имени. После того быстро изготовили лестницы, возвели деревянную башню, стали плести щиты, и в назначенный день приступ начался⁴.

Те, кто находился в городе, бросали в нас, подкапывавших стену, камни из орудий, метали копья, кидали огонь⁵, стволы деревьев, соты с пчелами и всякие осколки. Но наши неустрашимые ратники подбирались к стене, пускали в ход кампеметательные орудия и [поднимались] по лестницам. И длился этот приступ от восхода до захода солнца, притом столь чудесным образом, что не давали низкого отдыха; а исход сражения все еще был сомнителен. И тогда все единодушно воззвали к господу, чтобы он пожалел свой народ и исполнил обещания [которые возвестил через своих] апостолов. И явился господь, и отдал нам город согласно словам апостолов, сказанным нам.

Первым взобрался [наверх] Гуфье де Тур; за ним последовали многие, они кинулись на стену и некоторые башни. И настала ночь, которая прекратила сражение.

До этого момента сарацины удерживали за собой кое-какие башни и часть города. Посему рыцари, надеясь, что сарацины сдадутся еще до наступления утра, охраняли стены снаружи, чтобы никто не убежал по стенам.

Те же, которым жизнь недорого и которых долгий пост приучил ставить ее ни во что, не побоялись напасть на сарацин даже во мраке ночи; таким-то образом бедняки забрали всю добычу в городе и овладели домами. Когда на утро в город вошли рыцари, они обнаружили лишь очень мало из того, что можно было присвоить. Сарацины попрятались в погреба; никто [не показывался] или показывались совсем немногие. И когда наши утащили все, что нашлось наверху, порешили огнем и дымом выкурить сарацин [из-под земли]; а так как [и в погребах] нашли немного добычи, то сарацин, у которых могли что-нибудь найти, замучивали до смерти. Когда сарацин некоторые наши вели по городу, чтобы заставить их выдать ценности, иные из них приводили наших к колодцам, [и сами] неожиданно кидались туда, предпочитая скорее умереть, чем выдать свое или чье-нибудь достояние. Потом все были убиты. Их скидывали со стен города, за стены. И в городе взято было мало добычи.

Между тем среди рыцарей Боэмунда и графа вспыхнули раздоры из-за того, что рыцари Боэмунда, не так уж сильно бившиеся в сражении, овладели, однако, большей частью башен, домов и пленников...

¹ 23 ноября 1098 г.

² Баррой хронист называет сирийский городок Аль-Барру, взятую крестоносцами немного ранее описываемых здесь событий.

³ Т.е. использовать осадные орудия.

⁴ 11 декабря 1098 г.

⁵ Т.е. греческий огонь.

(Аноним, «Деяния франков и других иерусалимцев»)

Кн. X, гл. 33. В ноябре месяце¹ Раймунд, граф Сен-Жилль, оставил со своей ратью Антиохию и двинулся к городу, называющемуся Ругья, а затем к другому, именуемому Албара. В четвертый день от окончания ноября он достиг города Маарры, где скопилось великое множество сарацин, турок, арабов и прочих язычников, и на следующий же день вступил в битву с ними. Спустя немного времени за графом пустился Боэмунд со своей ратью и в воскресенье соединился с ними. За два дня до начала декабря² они со всей мощью отовсюду обрушились на город и притом с таким жаром и стремительностью, что лестницы были подняты прямо у стен; но сила язычников была столь велика, что в тот день [наши] не смогли ничем им навредить.

Увидев, что они ничего не могут поделывать и только понапрасну тратят силы, наши сеньоры, [именно] Раймунд, граф Сен-Жилль, повелел соорудить могучую и высокую деревянную крепость; крепость эта была придумана и построена в четыре яруса: на верхнем ее ярусе стояло много рыцарей, и Эввар Охотник громко трубил в трубу; внизу, облаченные в свои доспехи, рыцари пододвинули крепость вплотную к стене, прямо против некоей башни. Узрев это [сооружение], язычники тотчас изготовили [метательное] орудие, с помощью которого стали бросать большие камни на [нашу] крепость, так что едва не перебили насмерть [всех] наших рыцарей. На крепость метали также греческий огонь³, надеясь поджечь ее и уничтожить; но всемогущий бог не хотел, чтобы крепость в этот раз сгорела, – она ведь была выше всех городских стен.

Наши рыцари, находившиеся на верхнем ярусе, – Гилельм из Монпелье и многие другие метали громадные камни в тех, кто оборонял городские стены, и с такой силой поражали их в щиты, что и щит, и сам неприятельский воин, убитый наповал, сваливались вниз, в город. Таким образом сражались одни; а другие, держа в руках копья, украшенные геральдическими лентами и перьями, старались копьями и крючьями ухватить и притянуть к себе неприятелей. Вот так и бились до самого вечера.

А за крепостью стояли священнослужители и клирики, облаченные в церковные одеяния, моля и заклиная бога, чтобы он защитил свой народ, вознес христианство и унизил язычество. И у другой части [стен] рыцари каждодневно бились [с неверными]; они приставляли лестницы к стенам города, но отпор язычников был таков, что никакого успеха наши не могли добиться. Наконец, Гуфье де Латур⁴ первым кинулся по лестнице на стену; однако под тяжестью множества других лестница тотчас сломалась; все же вместе с несколькими воинами он влез на гребень стены. Остальные разыскали еще одну лестницу, и поднялись по ней многие рыцари и пехотинцы; они взобрались на стену. Тогда сарацины ринулись на них и на [самой] стене, и [внизу] на земле с такой яростью, пуская стрелы и пронзая их прямо своими копьями, что многие из наших, охваченные страхом, попрыгали со стены.

В то время пока эти отважнейшие мужи, остававшиеся на гребне стены, принимали на себя их удары, другие, находившиеся внизу, под укрытием крепости, вели подкоп стены. Сарацины, увидев, что наши ведут подкоп, были объаты ужасом и принялись спасаться бегством в город.

Все это произошло в субботний день наступившего 11 декабря, в вечерний час, когда солнце садилось.

Бозмунд распорядился⁵ через переводчиков передать начальникам сарацин, чтобы они сами вместе со своими женами, детьми и прочим достоянием собрались в одном дворце, что находится повыше ворот, самостоятельно пообещав спасти их от смертной участи.

Все наши вступили в город, и какое бы добро ни находили в домах и погребках, каждый присваивал его в собственность. Когда наступил день, где бы ни встречали кого-либо из них [сарацин], будь то мужчина или женщина, – убивали. Не было ни одного закоулка в городе, где бы не валялись трупы сарацин, и никто не мог ходить по городским улицам иначе, как перешагивая через их мертвые тела. Бозмунд схватил и тех, которым приказал войти во дворец, и отобрал у них все, что имели, именно, золото, серебро и различные драгоценности [которые были при них]; одних он распорядился умертвить, других же приказал увести для продажи в Антиохию.

Франки пребывали в этом городе один месяц и четыре дня⁶, – как раз в это время скончался епископ Оранжский⁷. Были среди наших такие, которые так и не нашли то, в чем испытывали нужду как вследствие продолжительности этой остановки, так и из-за трудностей с пропитанием, поскольку вне города они ничего [уж] не могли отыскать. И они вспарывали тела покойников, ибо в их внутренностях находили безанты⁸, которые те там попрятали; а кое-кто сдирал с мертвецов кожу по кусочкам и варил ее в пищу...

¹ Описываемые события относятся к 1098 г.

² 29 ноября 1098 г.

³ Греческий огонь – горючая смесь из селитры и нефти, ранее использовавшаяся лишь византийцами, притом – в морских сражениях: через особые трубы жидкость выбрасывалась на корабль неприятеля, который таким образом предавался пламени. Ко времени крестовых походов греческий огонь был уже известен сельджукам и арабам, применявшим его в сухопутных боях.

⁴ Французский рыцарь из Лимузена, виконт.

⁵ Изложение здесь отрывочно, автор перескакивает от одного к другому, что наводит на мысль относительно дневниковой основы его беглых заметок.

⁶ С 11 декабря 1098 г. по 15 января 1099 г.

⁷ Епископ Гийом из Оранжа, находившийся с ополчением провансальцев.

⁸ Здесь в смысле золотые монеты вообще.

Осада и захват крестоносцами Иерусалима (15 июля 1099 г.)

Осада Иерусалима – одно из ключевых событий первого крестового похода. Происходила с 7 июня по 15 июля 1099 г. В результате город был захвачен войсками крестоносцев. Успешный исход осады привел к завершению первого крестового похода и созданию в Малой Азии государств крестоносцев.

(Свидетельства современника о городе Иерусалиме)

Это город, построенный на вершине горы. Другой воды, кроме дождевой, нет. В окрестностях есть источники, но в самом городе их нет. Город окружен крепкой стеной, построенной из камня с известью, с железными воротами. Вблизи от города нет ни одного дерева, так как Иерусалим построен на скале... Базары прекрасны, здания высоки, почва вся устлана каменными плитами; все скалы и неровности почвы срезаны и сглажены, так что когда идет дождь, то вся мостовая города омывается начисто. В этом городе много ремесленников; для каждого ремесла отведен особый ряд лавок... В Иерусалиме есть прекрасная больница... Множество людей получают здесь лекарственные снадобья у питье. При этой больнице (имеются) врачи...

(Из рифмованной хроники Рауля Канского «Деяния Танкреда»)

...Едва они в город проникли, всюду рассеялись –
Там, здесь, направо, налево, внизу и поверху;
Кинулись в дома, на крыши, в сады, огороды – везде
Убивают, грабят и опустошают.
Скот хватает этот, врывается в дом другой,
Одни похищают золото, медь же – другие,
Прельстившись ее желтизною сверкающей...
Иные хватают серебро, драгоценные камни – другие,
Третьи – пурпур, кое-кто же – рабов.
Разграблению все предается.
Всякий рыщет за тем, в чем нужду имеет...
Одежды – нагой, жаждущий – чашу к вину добывает,
К сокровищам алчный торопится...
...Душит старцев один, другой отбирает младенцев,
Многих заботит (одно): повырывать из ушей украшенья.

(Фульхерий Шартрский, «Иерусалимская история»)

...Не было места, где бы сарацины могли избежать меченосцев. Многие из них, спасаясь, взобрались на храм Соломона и были перестреляны и сброшены с кровли...
Мечи обнажив, рыскают франки по городу,
Они никого не щадят, даже тех, кто молит пощады...
Падал неверных народ под ударами их, как
Падают желуди с дуба гнилые, когда
Ветви его трясут...

(Раймунд Агильский, «История франков, которые взяли Иерусалим»)

Когда все осадные приспособления были готовы и великие труды наши подошли к окончанию, князья устроили совет и сказали: «Пусть каждый человек приготовится к бою на 14-е¹. Пока же пусть все пребывают на страже, молятся и творят милостыню. Повозки вместе с мастерами² пусть будут впереди с тем, чтобы мастерские снесли стволы, колья и жерди³, а девицы пускай плетут фашины из прутьев. Повелевается, чтобы [каждые] два рыцаря изготовили один плетеный щит, либо лестницу. Выкиньте прочь всякие сомнения насчет того, чтобы сразиться за бога, ибо в ближайшие же дни он завершит ваши ратные труды». Все это было тщательно выполнено. Затем постановили, кто из князей, действуя со своими людьми, какую часть города будет атаковать и в каких местах будут пущены в ход осадные орудия, а также какие именно.

Сарацины, видя, что у стен города расставлено множество осадных приспособлений, которые тут были изготовлены, так хорошо укрепили менее прочные места стен, что некоторым казалось безнадежным делом брать их. С наступлением дня, назначенного для приступа, герцог⁴ и граф Фландрский, а также герцог Нормандский, удостоверившись, что сарацины готовят против наших осадных орудий столько оборонительных укреплений – и каких! – всю ночь перевозили свои орудия, тараны и подвижные башни к той части [укреплений] города, которая расположена между церковью св. Стефана и Иосафатской долиной⁵. Вы, те, которые это читаете, не думайте, что это был маленький город и что тут не требовалось каких-либо особенных усилий. Ведь от того места, где все эти, разобранные на части, орудия были изготовлены, до того, где их собрали, была целая миля.

И когда занялась заря и сарацины увидели все орудия и палатки, перенесенные сюда под покровом ночи, они были поражены ужасом. Да это поразило не только сарацин, но и нас самих. Тут уж всякий из верных⁶ мог въяве убедиться, что с нами десница господня.

Все это перемещение произведено было потому, что место тут было ровным и подходящим для того, чтобы придвинуть осадные орудия [ближе] к стене, а сделать это нельзя было иначе, как на ровном месте; и еще по той причине, что эта часть города казалась менее укрепленной и находилась дальше всего от лагеря. Расположена она на севере.

С наименьшим трудом трудились графы его люди на горе Сион, что к югу от города; и здесь было у него много помощников, именно, Гийом Эбриак, а с ним все генуэзские моряки, которые в Яффе потеряли свои корабли, как мы уже [о том] рассказывали⁷. Но им удалось прихватить с кораблей веревки, а кроме того, сумели понаделать молоты, топоры, крючья, а также заступы и секиры, - все это нам было крайне необходимо. Но что же мы так затягиваем [повествование]?

И вот уже настал день, определенный для сражения⁸, и завязался бой. Но прежде всего мы хотим заметить вот что: по нашему мнению, а также [по мнению] многих других, в городе было [тогда] до 60 тысяч мужчин, годных носить оружие, за вычетом малолетних и женщин, которым не было и числа. А из наших пригодными к оружию было, как мы считали, не более 12 тысяч; да к тому же у нас имелась масса калек и бедняков. Рыцарей же в нашей рати было 1200 или 1300 и, как я полагаю, не более. Мы говорим это затем, чтобы вы поняли: все, будь то малое или великое, что предпринимается во имя господне, делается не вотще, - об этом и будет рассказано на следующей странице.

Едва наши начали придвигать башни к стенам, со всех сторон полетели камни, пущенные из метательных орудий, и стрелы, бесчисленные, как град. Но слуги божьи терпеливо вынесли все это, порешив в своей вере либо погибнуть, либо уже теперь отомстить за себя неприятелю. Битва шла без каких-либо признаков победы; но когда наши пододвинули орудия к стенам, оттуда стали бросать не только камни и [пускать] стрелы, но и стволы деревьев и зажженные пуки соломы; потом они начали кидать в наши орудия просмоленные, намазанные воском и серой деревяшки, обертывая [их] в горящие тряпки. Я говорю, что они были со всех сторон обмазаны серою и еще утыканы гвоздями для того, чтобы куда бы ни попадали, цеплялись, и цепляясь, воспаляли бы. Деревья же и солому кидали, чтобы хоть пламя остановило тех, кого не могли сдержать ни меч, ни высокие стены, ни глубокий ров. В тот день сражение длилось с рассвета до заката солнца - никогда, думается, не было содеяно ничего более изумительного. И все мы неустанно взывали ко всемогущему богу, величая его нашим предводителем и поводырем и полные веры в его милосердие.

Но пришла ночь⁹ и удвоила страх в обоих вражеских лагерях. Сарацины боялись, как бы наши не овладели городом посреди ночи или как бы они хотя бы на следующий день, уже взломав предстенные укрепления и засыпав ров, не одолели бы и внутреннюю стену. А наши опасались лишь одного: чтобы сарацины не подожгли каким-нибудь способом придвинутые к стенам орудия, упрочив тем самым свое положение. Потому-то обе стороны наблюдали друг за другом, трудились без усталости, в заботах никто не спал.

Здесь - твердая надежда, там - сомнение и страх. Одни, добровольцы, действовали именем бога, с намерением взять город; другие, вынужденные против своей воли сопротивляться, поступали сообразно законам [вере] Магомета. Вы сочтете чудом те усилия, которые были затрачены за ночь обеими сторонами... С наступлением утра¹⁰ нашими овладел такой пыл, что они подошли к самым стенам и придвинули туда свои орудия. И сарацины [тоже] изготовили столько орудий, что каждому нашему противостояло девять или десять и таким путем понаделали множество помех нашим стараниям. Между прочим, этот день был как раз девятым, о котором некий священник предрекал, что город будет взят именно в этот день. - Но к чему так затягивать рассказ?

Уже наши орудия были разбиты ударами бесчисленных камней, и наши валились от усталости, многие были утомлены до крайности. И все же нам еще оставалось божье милосердие, никогда не победимое, никогда не одолимое, всегда ниспосылаемое среди величайших опасностей.

Поистине негоже обойти один случай [а именно тот], когда две женщины хотели околдовать одно из наших камнеметательных орудий: камень, с силою выпущенный из него, угодил в этих женщин, творивших чародейство, и убил наповал вместе с тремя малыми девочками; удар этот, исторгнув их души, отвратил чары колдовства.

Когда же около полудня все наши пришли в смятение - и от изнеможения, и от отчаяния - ведь каждому из наших противостояли многие противники, да и стена была прочна и высока, и у неприятеля всего было вдоволь, к тому же врагам благоприятствовали те самые обстоятельства, которые нам шли во вред, - посреди такого смятения в наших рядах и, напротив, подъема [в рядах] неприятелей, явилось нам божественное милосердие, которое превратило нашу печаль в радость, да не отвратится она от нас никогда. Уже было подействовали кое-чи советы отвести орудия, часть коих [вовсе] сгорела, другая была разбита, - [и вот, в этот самый миг] некий рыцарь, стоявший на Масличной горе, стал размахивать своим щитом перед теми, кто был от воинства графа¹¹, и прочими, словно подавая тем самым знак, чтобы двинулись на город. Кто был этот рыцарь, мы так и не сумели разузнать. Ободренные этим знаменем, наши, уже было изнемогшие, пустились бежать к стенам, другие начали приставлять лестницы и закидывать веревки. Какой-то молодой воин зажег стрелы и стал пускать их в мешки, которыми обкладывались укрепления, что сарацины сделали как раз с воздвигнутыми

напротив деревянной башни герцога и обоих графов¹²; набиты же мешки были хлопком.. Огонь, разгоревшись здесь, обратил в бегство тех, кто оборонял укрепление. Тогда герцог и находившиеся с ним, быстро перекинули щитовое прикрытие из сплетенных прутьев, которое закрывало башню спереди – сверху до середины, и, сделав мост, неустрашимые, стали таким образом прорываться в Иерусалим.

Среди первых ворвались Танкред и герцог Лотарингский, - и сколько они пролили в тот день крови, едва ли можно поверить. Потом поднялись [на стены] и все остальные, и сарацины сникли. Удивительное, однако, дело: уже когда город был захвачен французами, тем, кто был с графом, сарацины все еще оказывали сопротивление, словно и не были разгромлены наголову. Но вот наши овладели укреплениями и башнями города, и тут ты увидел бы поразительное зрелище: одни из сарацин были с разбитыми головами, что являлось для них более легкой смертью; другие, пронзенные стрелами, вынуждены были бросаться с укреплений; третьи долго мучились и погибали, сгорая в пламени. На улицах и площадях города можно было видеть кучи голов, рук и ног. Пешие и конные то и дело натывались на трупы, валявшиеся безо всякого.

Но все, о чем мы до сих пор повествовали, это еще самая малость. Пойдемте-ка ко храму Соломона, где сарацины отправляли обыкновенно свое богослужение и торжественно распевали гимны. Что было там содеяно? Если поведаем правду, превзойдем всякую вероятность...

Достаточно сказать, что в храме Соломоновом и в его портике передвигались на конях в крови, доходившей до колен всадника и до уздечки коней. По справедливому божьему правосудию то самое место истекало кровью тех, чьи богохульства оно же столь долго переносило. Когда город был переполнен трупами и кровью, некоторые [из неприятелей] искали убежище в башне Давида и своей десницей просили графа Раймунда сохранить им жизнь, и сдали ему эту крепость.

По взятии города драгоценным зрелищем было видеть благочестие пилигримов перед гробом господним и как они рукоплескали, ликуя и распевая новый гимн богу. Ибо [сама] душа их несла глас восхваления богу, победившему и торжествующему, глас, который не выразить словами... День этот прославлен навсегда, ибо это день погибели язычества и утверждения христианства.

В этот день многие лицезрели в городе Адемара, епископа Пюисского¹³, и многие свидетельствуют, что он первым поднялся на стены и призывал своих и войско следовать за ним... Да будет превознесен этот день июльских ид¹⁴ ко славе имени божьего...

¹ 14 июля 1099 г.

² С крестоносной ратью были мастера-ремесленники, которые на месте изготовляли механизмы для метания камней, очищали деревья от сучьев, чтобы использовать их в качестве таранов, и пр. Большею частью то были итальянцы.

³ То есть материалы для осадных приспособлений.

⁴ Герцог Бульонский (Готфрид).

⁵ К востоку от Иерусалима.

⁶ То есть католиков.

⁷ Несколько ранее хронист упоминает о морском сражении генуэзцев с египетским флотом; в результате этой битвы генуэзцы потерпели неудачу и вынуждены были, бросив свои суда, уйти под Иерусалим. Это произошло 19 июня 1099 г.

⁸ Этим днем был четверг 14 июля.

⁹ Ночь с 14 на 15 июля.

¹⁰ 15 июля.

¹¹ То есть Раймунда Тулузского.

¹² Имеются в виду Готфрид Бульонский, Роберт Фландрский, Евстафий Булонский.

¹³ Адемар Монтейльский, папский легат в войске крестоносцев, умерший еще за год до этого (1 августа 1098 г.).

¹⁴ 15 июля 1099 г.

(Аноним, «Деяния франков и других иерусалимцев»)

Кн. X, гл. 37. И вот, захлестнутые радостью, мы подошли к Иерусалиму во вторник, за восемь дней до июньских ид¹, и чудесным образом осадили [город]. Роберт Нормандский осадил его с северной стороны, возле церкви первомученика св. Стефана, где тот был побит камнями за Христа; к нему примыкал граф Роберт Фландрский. С запада осаждали [город] герцог Готфрид и Танкред². С юга, укрепившись на горе Сион, близ церкви св. Марии, матери божьей, где господь был на тайной вечере со своими учениками, вел осаду граф Сен-Жиль.

На третий день под предлогом сразиться [с врагом] отделились от нашей рати Раймунд Пилэ, Раймунд Туреньский и многие другие; они повстречали две сотни арабов - и рыцари Христа бились против этих неверных и, с помощью божьей, одолели их, многих из них убили и захватили тридцать коней.

В понедельник мы отважно пошли на приступ; мы ринулись с таким порывом, что будь наготове лестницы, город был бы в наших руках³. Все же мы разрушили малую стену⁴ и подняли лестницу на главную стену, по ней полезли наши рыцари, завязав рукопашную с сарацинами и защитниками города, – они дрались [с ними] своими мечами и копьями; многие из наших, а еще больше из неприятелей нашли [здесь свою] смерть. Во время этой осады мы не могли почти десять дней достать и купить хлеба, пока не прибыл вестник с наших кораблей⁵, и мы настолько нуждались [тогда] в воде, что с большим страхом отводили на водопой наших лошадей и прочий скот за шесть миль. Правда, нас выручал Силоамский источник, что у подножия горы Сион, но все-таки вода ценилась у нас дорого.

После того как прибыл вестник с наших кораблей, сеньоры наши держали совет между собой и постановили послать рыцарей, которые надежно охраняли бы моряков и суда в порту Яффа. На исходе дня от рати Раймунда Сен-Жилля отделилась сотня рыцарей, среди которых были Раймунд Пилэ, Ашар Монмерльский и Гийом де Сабран, и с уверенностью двинулись к порту. Затем тридцать рыцарей отделились от остальных и повстречали 700 арабов, турок и сарацин из воинства эмира⁶. Воины христовы смело ринулись на них; но превосходство неприятельских сил над нашими было таким, что они окружили их со всех сторон и убили Ашара Монмерльского и бедных воинов.

Наши полагали уже, что совсем отрезаны, все думали о своей [скорой] гибели, когда прибыл другой вестник, сказавший Раймунду Пилэ: «Что делаешь ты тут с этими рыцарями? Ведь наши застигнуты врасплох и тяжело бьются с арабами, турками и сарацинами, и, может статься, как раз в этот час все они уже мертвы: поспешайте же к ним на выручку, торопитесь!» Услыхав это, наши тотчас устремились со всей быстротой и, сражаясь, подоспели к тем.

Тогда языческая рать, завидев рыцарей Христа, разделилась и образовала два отряда. Но наши, воззвав к имени Христа, так стремительно обрушились на неверных, что каждый рыцарь поразил своего противника. Удостоверившись, что им не одолеть доблесть франков, полностью объятые ужасом, они повернули спины; преследуя их почти четыре мили, наши многих из них прикончили, однако одного оставили в живых, чтобы получить от него [нужные] сведения; захватили также тридцать лошадей⁷.

Во время этой осады мы так мучились от жажды, что сшивали шкуры быков и мулов и приносили в них воду за шесть миль; из таких-то сосудов мы пили отвратительную воду⁸, и точно так же, как от этой мерзкой воды, каждодневно страдали мы от ржаного хлеба. Сарацины же, конечно, расставляли нам тайные засады у окрестных источников и речушек; они везде убивали наших и разрубали на части тех, кого встречали; а скотину вводили в свои пещеры.

Гл. 38. И призадумались тут наши сеньоры, каким же образом взять город, чтобы можно было войти в него и поклониться нашему спасителю: и вот воздвигли две деревянные башни и соорудили многие другие приспособления. Герцог Готфрид соорудил свою башню, снабдив ее разными ухищрениями, и точно так же поступил граф Раймунд. Деревья же им приволокли из дальних земель⁹. Сарацины, видя, как наши строят эти орудия, замечательнейшим образом укрепили город, нарастив ночью башни¹⁰.

Но наши сеньоры, разведав, где укрепления слабее всего, передвинули туда, в восточную часть, нашу деревянную крепость и осадные орудия: это было [совершено] в субботнюю ночь¹¹. На рассвете они их установили, а потом, в понедельник, вторник и среду, оснастили и подготовили башню¹². А в южной части подготовлял свою башню граф Сен-Жилльский. Между тем мы были доведены до такой мучительной жажды, что никто не мог за денарий получить воды в достаточном количестве, чтобы утолить свою жажду.

Ночью и днем, в среду и четверг¹³, мы могучим усилием двинулись со всех сторон на приступ города; но прежде чем вторгнуться туда, епископы и священники, проповедуя и увещывая всех, повелели устроить бога ради крестное шествие вокруг укреплений Иерусалима, усердно молиться, творить милостыню и соблюдать пост¹⁴.

В пятницу¹⁵, когда наступил день, мы ринулись на укрепления, но ничем не смогли повредить городу: и мы были все поражены [этим] и охвачены великим страхом. Затем, с приближением часа, когда господь наш Иисус Христос удостоился претерпеть за нас крестную муку¹⁶, наши рыцари, стоявшие на подвижной башне, жарко схватились [с неприятелем]; среди них [были] герцог Готфрид¹⁷ и граф Евстафий, брат его¹⁸.

В это время один из наших рыцарей по имени Летольд взобрался по лестнице на стену города. Едва только он оказался наверху, как все защитники города побежали прочь от стен, через город, а наши пустились следом за ними, убивали и обезглавливали их, [преследуя] вплоть до храма Соломонова, а уж здесь была такая бойня, что наши стояли по лодыжки в крови.

И Раймунд¹⁹, сражаясь на южной стороне, тоже подвел свою рать и башню-крепость почти под самые стены. Но между башней и стеной был ров; бросили клич – если кто снесет в этот ров три камня, получит денарий. Три дня и три ночи длилось заполнение рва²⁰. А те, кто оборонял город изнутри, бились против наших с удивительной отвагой, кидая огонь²¹ и камни. Наконец, когда ров был заполнен, башню подвинули к самой стене. Граф, прослышав, что франки вошли в город, закричал своим: «Что же вы задерживаетесь? Ведь все французы уже в городе».

[Тем временем] эмир, который оборонял башню Давида²², сдался графу и открыл ему ворота, у которых паломники обычно уплачивали свою мзду²³. Войдя в город, наши пилигримы гнали и убивали сарацин до [самого] храма Соломонова, скопившись в котором, они дали нам самое жестокое сражение за весь день, так что их кровь текла по всему храму. Наконец, одолев язычников, наши похватили в храме множество мужчин и женщин и убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых. Много язычников обоего пола пытались укрыться на кровле храма Соломонова; Танкред и Гастон Беарнский передали им свои знамена²⁴. Крестоносцы рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая [себе] дома, полные всякого добра.

[Потом], радуясь и плача от безмерной радости, пришли наши поклониться гробу Спасителя Иисуса и вернуть ему свой долг²⁵. На следующее утро незаметно наши влезли на крышу храма, бросились на сарацин и,

обнажив мечи, стали обезглавливать мужчин и женщин; иные [из них] сами кидались с кровли вниз. Видя это, Танкред впал в сильный гнев.

Гл. 39. После того наши [сеньоры] постановили в совете, что каждый подаст милостыню и сотворит молитвы, дабы бог избрал, кого пожелает, чтобы он царствовал над другими и правил городом. [Предводители] распорядились также убрать вон тела убитых сарацин, которыми был полон почти весь город и которые распространяли сильное зловоние; и оставшиеся в живых сарацины вытаскивали покойников за городские ворота и складывали их в кучи величиною с дом. Никогда и никто еще не слышал и не видел такого истребления язычников; и было приказано сложить костры, подобные пирамидам, и никто не ведает их числа, кроме одного бога. Эмира же и других [сарацин], которые были с ним, граф Раймунд приказал вести к Аскалону живыми и невредимыми.

На восьмой день после того как город был взят²⁶, (сеньоры) избрали князем города герцога Готфрида²⁷, который одолел язычников и спас христиан. Точно так же в день св. Петра в цепях избрали патриархом мудрейшего и достопочтеннейшего мужа по имени Арнульф²⁸. Этот город был взят христианами бога в пятницу 15 июля.

¹ Здесь, по-видимому, у хрониста неточность, так как восьмой день до июньских ид - это 6 июня; однако вторник приходился на 7 июня, когда, следовательно, и началась осада города крестоносцами.

² Их отряды стояли против ворот и башни Давида, расположенной в западной части города.

³ Эти события происходили 13 июня.

⁴ Малая стена находилась перед главной - на северной стороне города.

⁵ Речь идет о генуэзских кораблях, прибывших в Яффу 17 июня.

⁶ Хронист имеет в виду «эмира Вавилонского», как он называет египетского султана, утвердившего свою власть над Иерусалимом в августе 1098 г.

⁷ Эта схватка происходила 18 июня.

⁸ Те же детали, но гораздо более четко описывает и Фульхерий Шартрский: «За водой они ходили далеко, за пять или шесть миль. и каждый день приносили ее оттуда в своих бурдюках».

⁹ В окрестностях Иерусалима леса не было.

¹⁰ То есть сделав их выше, следовательно, надежнее в обороне.

¹¹ С 9 на 10 июля. С восточной стороны город до этого времени на осаждался. Башня, придвинутая в эту ночь, была установлена между церковью св. Стефана и Кедронской долиной.

¹² Между 10 и 12 июля.

¹³ 13 и 14 июля.

¹⁴ Хронология в этом месте довольно сбивчива: в действительности совет князей еще 6 июля постановил провести крестную процессию, о которой рассказывается в хронике, и она была проведена в пятницу 8 июля.

¹⁵ 15 июля.

¹⁶ Неясно, имеет ли в виду хронист час начала казни или час смерти Иисуса Христа, как они называются в евангельских повествованиях; согласно евангельской традиции, он был распят около 9 часов утра, а скончался около 3-х часов пополудни.

¹⁷ Готфрид Бульонский.

¹⁸ Граф Евстафий Булонский.

¹⁹ Раймунд Тулузский.

²⁰ Засыпка рва начата была провансальцами 12 июля.

²¹ То есть греческий огонь.

²² Башня эта расположена в западной части города.

²³ Имеются в виду так называемые Яффские ворота, через которые обычно паломники, прибывшие из Европы на кораблях, входили в город.

²⁴ То есть в качестве охранного символа, в знак того, что они берут на себя защиту этих людей.

²⁵ Подразумевается выполнение обета, принесенного теми, кто вступил «на стезю господню».

²⁶ 22 июля.

²⁷ По рассказам Раймунда Ажильского и Альберта Аахенского, корона была сперва предложена графу Раймунду Тулузскому, который отказался принять ее. Духовенство же вообще предприняло попытку первым избрать патриарха.

²⁸ 1 августа. Латинский патриарх был избран, поскольку греческий патриарх Иерусалима Симеон, укрывшийся на Кипре, умер незадолго до этого. Арнульф был капелланом герцога Роберта Нормандского.

(Гийом Тирский, «История деяний в заморских землях»)

КНИГА VIII.

ХIII. С наступлением дня¹ все войско² в полном вооружении, согласно полученному приказу, подступило к городу, чтобы начать его атаку. У всех было одно-единственное намерение: или отдать жизнь за Христа, или возвратит город³ христианскую свободу. В целом войске нельзя было найти старика или больного, или какого-то совсем еще незрелого юношу, которые не горели бы священным пылом битвы; даже женщины, забыв свой пол и обычную слабость, брались за оружие, принимая на себя непосильный мужской труд. Вступив с таким единомыслием в битву, они старались изо всех сил приблизить к стенам приготовленные осадные орудия, чтобы можно было легче атаковать тех, кто оказывал им мужественное сопротивление, стоя на крепостных стенах и башнях. Но осажденные, решив сопротивляться врагу до конца, пускали копья и бесчисленное множество стрел, метали камни руками и из метательных орудий, прилагая все силы к тому, чтобы отогнать наших от их стены. Наши, в свою очередь, еще более рьяно бросались вперед и, прикрывшись щитами и плетенками, непрерывно пускали стрелы из лука и баллисты⁴, метали камни величиной с кулак и бесстрашно пытались продвинуться к стене, чтобы тех, кто стоял на башнях, лишить мужества и спокойствия. Другие же,

стоявшие в осадных башнях, то старались при помощи шестов придвинуть подвижную башню к укреплениям, то пускали из метательных орудий огромные камни в стену и пытались непрерывными ударами и частыми сотрясениями ослабить ее так, чтобы она рухнула. Некоторые при помощи малых метательных орудий, называемых манганями, из которых стреляли камнем меньшего веса, сбивали тех, кто охранял от наших внешние укрепления стен.

Но ни те, которые пытались протолкнуть осадные башни к стенам, не могли должным образом выполнить их намерение, ибо продвижению препятствовал огромный и глубокий ров, прорытый перед стенами, ни те, которые пытались метательными орудиями пробить в стене брешь, не достигли удовлетворительных результатов. Ибо осажденные спускали со стен мешки с соломой и отрубями, а также канаты и ковры, громадные балки и тюфяки, набитые ватой, чтобы этими мягкими и упругими вещами ослабить удары камней и свести на нет все усилия наших. Более того, они и сами поставили у себя орудия, притом в гораздо большем количестве, чем у нас, из которых забрасывали наших стрелами и камнями, чтобы препятствовать их действиям.

И вот, когда обе стороны, предельно напрягая свои силы, сражались со всей ожесточенностью, разгорелся такой беспощадный бой, длившийся с раннего утра до вечера, что стрелы и дротики сыпались на людей с обеих сторон, подобно граду; пущенные камни сталкивались в воздухе, и сражающиеся умирали во множестве и самой разной смертью. Напряжение и опасность были совершенно одинаковы на полях сражений и герцога⁵, и Танкреда⁶, и графа Тулузского⁷, и других князей, ибо город, как упоминалось выше⁸, был атакован с одинаковым рвением и пылом с трех сторон. Наши были более всего озабочены тем, чтобы, забросав ров щепом, камнями и землей, можно было выровнять дорогу для продвижения осадных машин; напротив, усилия осажденных были направлены к тому, чтобы воспрепятствовать нашим в этом намерении. Тем, кто намеревался исполнить сие, они оказывали упорное сопротивление и наперебой бросали на орудия атаки горящие головни, огненные стрелы, вымазанные серой, маслом, смолой, и все то, что обычно служит горючим, чтобы поджечь их. Кроме того, они направляли на наши машины из своих громадных орудий, стоявших позади укреплений, такие ловкие удары, что у наших осадных башен едва не разбились основание, пробили бока, и одним сотрясением чуть не сбросили на землю тех, кто стоял наверху, чтобы сражаться оттуда. Но наши бросались на падающие головни и заливали их потоками воды, пытались укротить беспощадный пожар...

XVIII. Итак, как мы уже сказали⁹, полки герцога и графов¹⁰, атаковавшие город с севера, с Божьей помощью добились того, что утомленные враги уже не осмеливались сопротивляться долее, а после того как глубокий ров был засыпан и укрепления перед стенами разрушены, они¹¹ могли беспрепятственно приблизиться к стене; и лишь изредка неприятель осмеливался предпринять против них что-либо через бойницы стен. Те же, которые находились в подвижной башне, по команде герцога бросали в матрацы, набитые ватой, и в мешки с соломой огонь; и тотчас дуновение северного ветра раздуло его в яркое пламя и погнало в город такой густой дым, надвигавшийся все беспощаднее, что защитники стен не были в состоянии открыть ни рот, ни глаза, и ошеломленные и приведенные в замешательство потоком густого дыма, оставили стены без защиты. Узнав об этом, герцог приказал тотчас же принести те балки, которые были отняты у неприятеля, положить их одним концом на осадную башню, а другим на стену и опустить откидную сторону башни, которая и легла на них, образовав нечто наподобие моста с весьма крепкой опорой. Таким образом, то, что враги придумали для своей защиты, обернулось им на гибель... Как только они увидели, что наши овладели стеной и герцог со своим войском уже ворвался в город, то покинули они свои башни и укрепления и бросились бежать в узкие улицы.

XIX. Между тем герцог и те, кто были с ним, объединив свои силы, пробегали туда и сюда по улицам и площадям города с обнаженными мечами и разили безо всякого различия всех врагов, каких только могли найти, не взирая ни на возраст, ни на чин. И такое повсюду было страшное кровопролитие, такая гора отрубленных голов лежала повсюду, что уже невозможно было найти никакой дороги или прохода, кроме как через тела убитых.

Уже наши вожди различными путями достигли почти середины города, совершая бесчисленные убийства, и огромная толпа народа, и без того склонная к убийству, да еще возбужденная жаждой крови неверных, следовала за ними, а граф Тулузский и другие вожди, которые сражались с ним в окрестностях горы Сион¹², еще ничего не знали о том, что город захвачен и победа в руках наших.

Но громкие крики наших, вступивших в город, и ужасные вопли, которые доносились с места избияния неверных, возбудили удивление в тех¹³, кто оставался еще в той стороне города; они спрашивали себя, что бы значили эти необычные крики и смятение кричавшего народа? Наконец они узнали, что город захвачен и наши войска вступили в него. Тотчас покинули они башни и укрепления и бежали по разным направлениям, заботясь только о собственном спасении. Большинство из них бросились в крепость¹⁴, так как она была поблизости, и там укрылись. И вот воины через мост, который без всякого труда был положен на стену, и по приставленным к стене лестницам наперебой бросились в город, не встретив ни малейшего препятствия. Как только они оказались в городе, они тотчас открыли южные ворота, которые находились поблизости с ними, чтобы остальные без труда могли войти сюда. Так вошел в город знаменитый и храбрый граф Тулузский, Исоадр – граф Дийский, Раймунд Пеле, Вильям из Сабраны, епископ Альберийский и многие другие знатные люди, чьи имена история для нас не сохранила, как и число их. Все они, собравшись в единое войско, вооруженное до

зубов, ринулись через середину города, творя ужасное кровопролитие. Ведь те, которые, избежав герцога и его людей, думали, что смогут избежать и смерти, если побегут в другие части города, попали теперь в еще большую опасность, встретив этих¹⁵; избежав Сциллы, они натолкнулись на Харибду. Такая страшная резня врагов была учинена во всем городе, столько было пролито крови, что даже сами победители, должно быть, испытывали чувство отвращения и ужаса.

XX. Большая часть народа бежала под портики храма¹⁶, потому что он был расположен в отдаленной части города и еще потому, что был огражден стеною, башнями и крепкими воротами. Однако это не принесло спасения людям, ибо Танкред отправился туда немедленно с значительной частью всего войска. Он силой ворвался в храм и, уничтожив там бесчисленное множество народа, унес, говорят, оттуда несметное количество золота, серебра и драгоценных камней; правда, позже, когда улеглось смятение, возвратил все, как полагают, в целости. Потом и прочие предводители, перебив всех, кто встречался им в различных частях города, отправились в храм, в ограде которого, как они слышали, укрылось много людей. Они вступили туда с толпой всадников и пеших воинов и, не щадя никого, перекололи мечами всех, кого нашли там, и залили все кровью. Произошло же это по справедливому указанию Господню, чтобы те, кто оскверняли святыню своими суеверными обрядами и сделали ее чужой верному народу, собственной кровью очистили ее и искупили свое преступление смертью. Невозможно было смотреть без ужаса, как валялись всюду тела убитых и разбросанные части тела и как вся земля была залита кровью. И не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли страшное зрелище, но еще более приводило в содрогание то, что сами победители с головы до пят были в крови и наводили ужас на всякого встречного. В черте храма, говорят, погибло около 10 тысяч врагов, не считая тех, что были убиты там и сям в городе и устлали улицы и площади; число их, говорят, было не меньше. Остальные части войска разбежались по городу и, выволакивая, как скот, из узких и отдаленных переулков несчастных, которые хотели укрыться там от смерти, убивали их. Другие, разделившись на отряды, врываются в дома и хватали отцов семейств с женами, детьми и всеми домочадцами и закалывали их мечами или сбрасывали с каких-либо возвышенных мест на землю, так что они погибали, разбившись. При этом каждый, ворвавшись в дом, обращал его в свою собственность со всем, что находилось в нем, ибо еще до взятия города было согласовано между крестоносцами, что по завоевании его каждый сможет владеть на вечные времена по праву собственности, без смущения, всем, что ему удастся захватить. Потому они особенно тщательно осматривали город и более дерзко убивали граждан. Они проникали в самые уединенные и тайные убежища, вламывались в дома жителей, и каждый вешал на дверях дома щит или какое-либо другое оружие, как знак для приближающегося — не останавливаться здесь, а проходить мимо, ибо место это уже занято другими.

¹ 14 июля 1099 г.

² Т. е. войско крестоносцев.

³ Т. е. Иерусалиму.

⁴ Машины для метания стрел, камней и бревен.

⁵ Т. е. Годфрида Лотарингского.

⁶ Нормандского герцога, одного из вождей первого крестового похода.

⁷ Раймунда Сен-Жилья.

⁸ Об этом говорится в гл. VIII, 5.

⁹ В гл. VIII, 16 говорится о том, что крестоносцам удалось засыпать ров, подкатить к стене осадную башню и сорвать со стены две большие балки.

¹⁰ Т. е. Годфрида Лотарингского и графов Роберта Нормандского и Роберта Фландрского.

¹¹ Крестоносцы.

¹² Гора на западе, близ Иерусалима.

¹³ Имеются в виду защитники южной части города.

¹⁴ В башне Давида.

¹⁵ Т. е. войско графа Тулузского.

¹⁶ Храма Соломона на горе Мория.

Письмо¹ предводителей рыцарей-крестоносцев Урбану II²

Дата составления письма – 11 сентября 1098 г.

Достопочтенному господину папе Урбану Боэмунд и Раймунд, граф Сен-Жилья, Готфрид, герцог Лотарингин. и Роберт, граф Нормандский, Роберт Фландрский, граф и граф Евстафий Булонский [посылают] привет и [обещают] верную службу и, как сыновья своему духовному отцу, [изъявляют] истинное во Христе повиновение³. Все мы хотим и желаем поведать вам, сколь великой милостью господней и явственной его поддержкой нами [была] взята Антиохия, а турки, которые нанесли много поношений господу нашему Иисусу Христу⁴, были захвачены и убиты, [так что] мы, иерусалимцы Иисуса Христа отомстили за несправедливость, причиненную богу; [как] мы, которые прежде осаждали турок, были затем [сами] осаждены турками, явившимися из Хорасана⁵, Иерусалима⁶, Дамаска⁷ и многих земель, и каким образом милостью Иисуса Христа были освобождены.

После того как взята была Никея и мы разбили огромную массу турок, которых повстречали, как ты [уже] слышал, в июльские календы в Дорилейской долине⁸, [и после того как] преследовали великого Солимана и всех его [людей], и опустошили [его] земли и награбили богатства, приобретя и замирив всю Романию, мы приступили к осаде Антиохии. В то время, пока она осаждалась нами, мы претерпели много бедствий от схваток, [происходивших] близ города с турками и язычниками⁹, которые нередко и в большом числе нападали на нас, так что едва ли не можем сказать, что скорее сами были осаждены теми, которых держали запертыми в Антиохии¹⁰. В конце концов, одолев их во всех этих сражениях и таким образом обеспечив торжество вере христианской, я, Бозмунд, сговорился с одним турком¹¹, который предал мне этот город; за день до того я вместе со многими воинами христовыми приставил несколько лестниц к стене и так-то 3 июня мы взяли город, сопротивлявшийся Христу. Самого Кассиана, правителя этого города, мы умертвили со многими его воинами¹², а жен, сыновей и домочадцев вместе с золотом, серебром и всем их добром оставили у себя¹³. Мы не сумели взять, однако, антиохийскую цитадель, хорошо укрепленную турками; когда же хотели на следующий день¹⁴ овладеть ею, то узрели за стенами города бесконечное множество турок, рассеявшееся по полям. Как мы и ожидали уже в течение многих дней¹⁵, они пришли сражаться с нами. Они осадили нас на третий день, а в упомянутую крепость вступило свыше сотни турецких воинов; турки хотели обрушиться на нас вместе с теми, кто занял ее раньше, через ворота, что находились ниже крепости и вели к ней¹⁶. Но мы, утвердившись на другой горе, напротив крепости, держали под неусыпным надзором дорогу, которая спускалась в город, разделяя оба войска; мы бились как за городом, так и в самом городе, днем и ночью, дабы они, войдя, не напали бы на нас в еще большем числе, а тех, кто пытался прорваться, мы теснили к лагерю¹⁷.

И вот, когда они увидели, что ничем не могут повредить нам с этой стороны, то окружили нас отовсюду так [плотно], что и никто из нас не мог выйти и к нам не мог проникнуть. По этой причине все мы были настолько удручены и пали духом, что многие, умирая от голода и погибая от всяких иных напастей, убивали своих отощавших коней и ослов и поедали [их мясо].

Тем временем на подмогу нам явилась высочайшая милость всемогущего бога, пекущегося о нас: в храме блаженного Петра, князя апостолов, мы нашли копьё господне, которое, будучи брошено рукой Лонгина, пронзило бок нашего Спасителя¹⁸, [это копьё мы нашли] в месте, трижды возвещенном некоему рабу святым апостолом Андреем, который открыл ему также и место, где оно находилось¹⁹. И мы были так ободрены и укрепились благодаря находке святого копья и многими другими божественными откровениями, что те, кто до того охвачены были страхом и поникли было [духом], теперь, охваченные готовностью отважно биться, один побуждал другого.

Так-то мы находились в осаде три недели и четыре дня²⁰, а накануне дня Петра и Павла²¹, вверившись богу и исповедавшись во всех наших тревогах, молясь, вышли мы из ворот города со всем нашим воинским снаряжением; нас было настолько мало²², что мы полагали сами, что нам придется не сражаться против них, а бежать от них. Тогда мы приготовились к бою и расположили отряды как пеших, так и конных с тем, чтобы главные силы пребывали с копьём господним; в первом же столкновении [мы] принудили неприятеля к бегству²³. Но враги, по своему обыкновению, стали рассредоточиваться во все концы: они заняли холмы и дороги и, откуда только могли, старались окружать нас, рассчитывая таким образом всех нас истребить.

Однако на выручку нам, знавшим по опыту многих боев их ловушки и [коварные] приемы, явилось божественное милосердие, и те, кто в сравнении с ними был в ничтожнейшем числе, поддерживаемые десницей господней, заставили их пуститься в бегство, бросив свой лагерь со всем, что в нем находилось. Одержав победу, мы целый день преследовали неприятелей, многих вражеских воинов поубивали, [а затем] радостные и торжествующие двинулись к городу. Крепость, о которой было упомянуто, эмир²⁴, сидевший в ней с тысячью воинов, сдал Бозмунду, сдавшись и сам; при содействии Бозмунда он обратился в христианскую веру, и таким-то образом господь наш Иисус Христос подчинил римской религии и вере весь город Антиохию. По, как это обычно случается, всегда в радостные события вторгается что-то печальное²⁵: 1 августа, когда уже военные действия прекратились, умер епископ Пюиский, которого ты направил к нам своим викарием и который в ходе всей войны пользовался великим почетом.

Ныне мы, сыновья твои, лишённые посланного нам родителя, обращаемся к тебе, духовному отцу нашему. Ты, который возгласил этот поход и словом своим побудил всех нас покинуть наши земли и оставить то, что в них было, ты, кто предписал нам последовать Христу, неся его крест, и внушил нам [мысль] возвеличить христианское имя! Заверши то, к чему [сам] призвал нас, прибудь к нам и уговори всех, кого можешь, прийти с тобою. Ведь здесь [в Антиохии] получило начало самое имя «христианин». Ибо после того, как блаженный Петр был возведен на кафедру, которую мы кажодневно зрим²⁶, те кто прежде именовался галилеянами²⁷, с этого времени вообще стали прозываться христианами. Не кажется ли, что нет ничего справедливее на земле, чтобы ты, являющийся отцом и главой христианской религии, пришел в главный город и столицу христианского имени и завершил бы войну, которая есть твоя собственная [война], от своего имени? Мы одолели турок и язычников, но не можем справиться с еретиками, с греками и армянами, сирийцами и яковитами²⁸. Итак, снова и снова взываем²⁹ к тебе, дражайшему отцу нашему: приди как отец и глава в свое отечество, воссядь на кафедре блаженного Петра, чьим викарием³⁰ ты состоишь; и да будешь иметь нас, сыновей своих, в полном повиновении... Искоренная же своей властью и нашей силой уничтожай всяческие ереси, каковы бы они ни были.

И так, вместе с нами завершишь ты поход по стезе Иисуса Христа, начатый нами и тобою преуказанный, и отворишь нам врата обоих Иерусалимов³¹ и сделаешь гроб господень свободным, а имя христианское поставишь превыше всякого другого.

Если ты прибудешь к нам и завершишь вкупе с нами поход, начатый твоим предначертанием, весь мир станет повиноваться тебе. Да внушит же тебе свершить это сам бог, который живет и царствует во веки веков. Аминь!³².

Мне сообщено нечто [такое], что идет сильно против бога и всех христоролюбцев, именно [то], что принявшие святой крест³³ получают от тебя дозволение оставаться среди христоролюбцев³⁴. Я этому весьма удивляюсь, ибо коль скоро ты – зачинщик священного похода, то откладывающие отправление в путь не должны были бы получать у тебя сочувствия и какого-либо расположения до тех пор, пока не выполнят обета итти в поход. И [надобно], чтобы ты не расстраивал нам и не портил то доброе, что затеял, но [напротив] чтобы своим прибытием и [привлечением] всех благих мужей, каких можешь привести с собой, ты поддержал нас. Приличествует, чтобы мы, с божьей помощью и с помощью твоих святых молитв приобретшие всю Романию, Киликию, Азию³⁵, Сирию, имели бы в твоём лице помощника и поддержку – второго после бога. Ты же должен ограждать нас, своих сыновей, во всем тебе повинующихся, от несправедного императора, который понаобещал нам много всякого, но сделал-то очень мало. Зато все беды и помехи, которые мог нам причинить, – он причинил.

Сия грамота писана 11 дня входящего сентября.

¹ От 11 сентября 1098 г.

² Манускрипты этого послания сохранились в дwoяком виде отдельно (Флорентийская, Парижская и Ватиканская рукописи XI-XII вв.) и в качестве вставки в хронику Фульхерия Шартрского. сделанной, однако, рукой другого лица. Заключительная приписка в некоторых рукописях отсутствует.

³ В перечне авторов послания не значится граф Гуго Вермандуа. Он в это время находился на пути в Константинополь, куда его направили князья из Антиохии, и потому в составлении этого. документа не принимал участия.

⁴ То есть тем, что наносили поражения франкам.

⁵ Хорасан – персидская территория, центр сельджукских владений; отсюда прибыла к Антиохии главная часть воинства эмира Кербоги.

⁶ Имеются в виду отряды тогдашнего владыки Иерусалима – сельджукского эмира Му'ина ад Даулы Сукмана ибн Артука, находившиеся в составе армии Кербоги.

⁷ Речь идет об отрядах дамаского эмира Дукака.

⁸ Битва с сельджуками в Дорилейской долине произошла 1 июля 1097 г. Она принесла победу крестоносцам.

⁹ «Турки и язычники» – выражение, часто встречающееся в источниках: под «язычниками» имеются в виду другие противники крестоносцев, т.е. арабы, «сарацины», персы, павликиане и т.д.

¹⁰ Почти в таких же словах характеризует положение крестоносцев в период осады Антиохии провансальский хронист Раймунд Ажилский.

¹¹ Речь идет о Фирузе, начальнике крепостной башни в Антиохии.

¹² Кассианом латинские источники называют Яги-Сиана, эмира Антиохии. В письме приведены неверные сведения о его гибели. Из других источников известно, что Яги-Сиан был убит вовсе не крестоносцами, а сирийцами или армянами, когда пытался бежать из Антиохии, захваченной крестоносцами. Голову убитого эмира они доставили Боэмунду Тарентскому, чтобы выговорить себе различные льготы.

¹³ Ни в одном другом источнике нет ни малейшего намека на то, что этим лицам в действительности была сохранена жизнь.

¹⁴ То есть на следующий день после захвата Антиохии, следовательно, 4 июня. Это известие также единственное, встречающееся в источниках.

¹⁵ Слухи о приближении большого турецкого войска докатились до крестоносцев еще тогда, когда они осаждали Антиохию, – во второй половине мая 1098 г. Армия Кербоги, о которой здесь говорится, подступила к городу 5 или 6 июня.

¹⁶ Цитадель находилась в южной части Антиохии, где имелись ворота, ведшие в крепость.

¹⁷ Через ворота в цитадели засевшие в ней имели возможность проникать в город, так что крестоносцы вынуждены были, чтобы избежать опасности соединения гарнизона крепости с армией Кербоги, блокировавшей антиохию извне, оттеснять их назад, в крепость.

¹⁸ По евангельскому рассказу (Иоанн, гл. XIX, ст. 34), во время распятия Иисуса Христа некий римский воин ударил копьем в бок Иисуса, уже висевшего на кресте. Позднейшая традиция гласит, что воином этим был некто Лонгин, вокруг имени которого в средние века сложились всевозможные религиозные легенды (об его чудесном исцелении от глазной болезни в результате случайного прикосновения к глазам ладонью с каплей крови распятого Христа. обращении в христианство и пр.) и которого церковные историки превратили в христианского мученика, якобы павшего жертвою гонений в Кесарии. Как было доказано еще в XVIII в. французским ученым А. Этьеном, имя «Лонгин» возникло на основе греческого слова «лонгея – копье. Впервые оно появляется лишь в памятнике VI в. – в апокрифическом, т.е. официально отвергнутом церковью, так называемом Евангелии Никодима. Копье, будто бы ранившее Иисуса, стало одной из наиболее почитаемых реликвий, – о нем-то и идет здесь речь.

¹⁹ Подробнейшим образом историю находки этой реликвии в церкви св. Петра 14 июня 1098 г. передает Раймунд Ажилский, более скупое – ряд других латинских хронистов, очевидцев Первого крестового похода. Интересно, что в передаче итало-норманнского Анонима апостол Андрей «являлся» бедному провансальскому крестьянину, извещая его о местонахождении копья, дважды, тогда как Раймунд Ажилский сообщает, будто видение было пятикратным. Видимо, среди крестоносцев ходили разные версии этой церковной легенды, сфабрикованной духовенством.

²⁰ С 4 по 28 июня 1098 г.

²¹ 28 июня.

²² Это известие подтверждается данными хронистов: так, по сообщению Раймунда Ажилского, у графа Тулузского оставалось 200 рыцарей, державших под надзором цитадель Антиохии; по Альберту Аахенскому, под командованием Готфрида Бульонского было К тому времени лишь 2000 рыцарей.

²³ Схватка произошла на равнине, что на правом берегу реки Оронт.

²⁴ Ахмед ибн Меруан.

²⁵ Эта фраза – прозаический пересказ стиха Овидия.

²⁶ В средние века распространено было представление, будто апостол Петр был первым епископом в Антиохии. В храме, названном его именем, стояла кафедра, якобы принадлежавшая этому апостолу, и, по всей видимости, князья крестоносцев, собиравшиеся здесь на свои совещания, ежедневно созерцали эту «кафедру Петра».

²⁷ Ученики Иисуса Христа, согласно богословской традиции, именовались галилеянами (Галилея – область севернее Иерусалима).

²⁸ Здесь перечисляются приверженцы различных, существовавших в те времена толков (направлений) в христианстве: греки были православными; армяне – монофиситами; сирийцы – маронитами, иначе монофелитами, а частью – яковитами (разновидность монофиситского учения).

²⁹ Слова, по-видимому, указывающие на то, что уже до этого письма Урбану II направлялись какие-то сообщения о предшествующих событиях крестового похода.

³⁰ Викарий – заместитель.

³¹ Имеются в виду земной и небесный Иерусалим, т.е. рай на земле и на небе.

³² Начиная с нового абзаца следует текст приписки, вероятнее всего, сделанной рукой Боэмунда.

³³ «Принять крест» – выражение, равнозначное «стать крестоносцем», т.е. принять обет (обязательство) идти в крестовый поход.

³⁴ Намек на какие-то неблагоприятные действия папы, разрешавшего кое-кому отказываться от исполнения принятых на себя обязательств.

³⁵ Так названа здесь Армения.

3.4.

2-Й, 3-Й И 4-Й КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Иерусалимское королевство в начале XII в. (после возвращения крестоносцев на родину) (Из «Истории священной войны» Вильгельма Тирского)

Документ подтверждает, как враждебно относилось покоренное население Палестины к крестоносцам, преследуя и убивая захватчиков и не примиряясь со своим подневольным положением.

В это же время, когда уже почти все князья, участвовавшие в походе, вернулись на родину, так что оставался лишь герцог, которому было поручено¹ королевство, и господин Танкред², которого герцог удержал... как мужа мудрого, деятельного и удачливого. Средства наши и число воинов были так малы, что, когда созвали всех и все быстро собрались, едва сказалось налицо триста рыцарей и две тысячи пехотинцев. Города, перешедшие под нашу власть, были еще немногочисленны и перемежались местностями, подчиненными врагам, так что с большой опасностью проезжали из города в город. Все сельские местности в нашей стране были населены неверными и сарацинами; злее их не было врагов у нашего народа, и они были тем хуже, что находились в нашей стране. Они не только убивали наших, когда неосторожно ходили по дорогам, и продавали их в рабство врагам, но также и отказывались от сельских работ, чтобы низвергнуть наших с помощью голода. Они лучше готовы были сами голодать, чем оказать какую-нибудь услугу нашим, которых они считали врагами.

¹ Герцог Готфрид Бульонский, которому было поручено управление Иерусалимским королевством. По религиозным соображениям он не захотел принять титул короля.

² Князь Танкред, двоюродный брат Боэмунда, князя Тарентского, участник первого крестового похода.

Взятие Иерусалима Саладином (Из «Хроники» Бернарда)

Из документа следует, что созданное крестоносцами Иерусалимское королевство в Палестине не продержалось и ста лет и в 1188 г. египетскому султану Саладину вновь удалось водрузить полумесяц над башнями Иерусалима.

Бернард, казначей императора Фридриха II Гогенштауфена, жил в конце XII – первой половине XIII вв. Он автор единственной полной хроники, в которой излагается история крестовых походов почти за два столетия. Вначале Бернард переводит хронику Вильгельма Тирского (до 1184 г.), потом самостоятельно продолжает ее до 1230 г., а дальше неизвестные хронисты доводят ее до 1275 г.

Саладин отправился из Аскалона для осады Иерусалима; на следующий день он обложил город... Но до начала осадных действий он предложил жителям сдать город... если же они не согласятся, то пусть знают его клятву в случае приступа овладеть городом не иначе, как силою. Жители Иерусалима отвечали, что он может делать, что хочет, но они не уступят города. Тогда Саладин приказал изготовиться к приступу. Жители также вооружились и вступили в битву с сарацинами...

Турки дошли до рвов и, спустив туда копачей, приставили лестницы к стенам. В два дня они подкопали стены на 15 локтей. Подкопав и подперев стену бревнами, они подложили огня, и подкопанная часть стены обрушилась в ров. Христиане не могли вести контрмины, ибо опасались камней и стрел, которых они не могли выдержать...

Тогда христиане собрались для совещания, как поступить... и просили Балиана Ибелина идти к Саладину и спросить, каковы его условия. Он пошел и начал переговоры.

Балиан¹ отправился в третий раз к Саладину... Был определен выкуп для тех, которые могут его внести; все же остальное их имущество, движимое или другое какое-нибудь, они имеют право забрать с собою, и никто им в том не воспрепятствует... Когда все было устроено, Саладин дал время для продажи и залога имущества, чтобы внести выкуп. Срок был назначен в 50 дней, и всякий, кто к этому времени окажется в городе, будет принадлежать Саладину со всем своим имуществом. Саладин обещал, когда христиане выйдут за город, он прикажет отвести их в целости на христианскую землю...

Когда все было таким образом определено, Балиан простился с Саладином и вернулся в город... Все собрались, и Балиан рассказал им все, как было. Они одобрили образ его действия, ибо он не мог поступить лучше. Тогда отправили к Саладину ключи от города, и он, получив их, выразил великую радость... Сдача Иерусалима произошла в пятницу... что бывает во второй день октября в год от воплощения господня 1188 (1187 г.).

¹ Балиан Ибелин – один из главных баронов Палестины.

Из переписки Фридриха I Барбароссы и Саладина (1188 г.) (Гальфрид Винодел, «Путь Ричарда, короля Англии в Святую землю»)

Переписка Фридриха I Барбароссы и Саладина была помещена одним из историков 3-го Крестового похода, Гальфридом Виноделом, в его путевые записки и таким образом сохранилась для истории.

I.

Фридрих, божиею милостью, император римлян, всегда августейший, великий победитель врагов империи, счастливый покровитель христианства – Саладину, главе сарацин, мужу знаменитому, и который, по примеру Фараона, будет вынужден оставить преследование божьих детей

Мы получили с живейшим удовольствием грамоту, писанную вами, и наше величество находит ее достойною ответа. Ныне, так как вы осквернили св. землю и так как защита города Иисуса Христа составляет нашу обязанность, как главы империи, то мы извещаем вас, что если вы не оставите немедленно этой земли и не дадите нам должного удовлетворения, то мы, вспоможествуемые святостью Христа, предпримем войну со всеми ее случайностями и отправимся в поход в ноябрьские календы. Мы с трудом поверили бы, что события древней истории могут быть вам неизвестны; а если вы их знаете, то почему вы действуете так, как будто они неизвестны вам? Знаете ли вы, что обе Эфиопии, Мавритания, Скифия, земли, населенные парфянами и запечатленные кровью нашего Красса; что Аравия, Халдея и в особенности Египет, где великий Антоний – о горе! – дозволил поработить себя нечестивой любви Клеопатры; одним словом, что все эти земли зависели от нашей империи? Можете ли вы не знать, что Армения и другие бесчисленные страны подчинялись нашему господству? Короли их, кровью которых так часто обагрался меч римлян, знали хорошо про то; и вы также с божиею помощью поймете, что могут наши победоносные орлы, что могут полки многочисленных народов; вы испытаете на себе ярость тех тевтонов, которые ходят в оружии даже во время мира; вы познакомитесь с обитателями Рейна, с юношеством Истрии, которое не знает бегства; с баваром высокого роста; с жителями Швабии, гордыми и хитрыми; с жителями Франконии, всегда осмотрительными; с саксом, который играет мечем; с народами Турингии и Вестфалии; с быстрым брабанцем; с лотарингом, который не знает мира; с беспокойным бургундом; с обитателями Альп; с фризом, который ловко поражает дротиком; с богемцем, который с радостью принимает смерть; с болонами (поляками), более свирепыми, чем звери их лесов; с Австриею, Истриею, Иллириею, Ломбардиею, Тосканою, Венециею, Пизою; в день, предназначенный для Рождества Христа, вы узнаете, что мы еще можем владеть мечем, хотя, по вашим словам, старость уже удручает нас.

II.

Королю, искреннему другу, великому и превознесенному Фридриху, королю Германии!

Во имя милосердного Бога, милостью Бога единого, всемогущего, всевышнего, победоносного, вечного, царству которого нет конца. Мы возносим ему вечное благодарение, а милость его над всем миром: мы молим, да ниспошлет благодать свою на своих пророков и в особенности на нашего наставника и своего апостола (nuntium) пророка Магомета, которого он послал для установления истинной религии, долженствующей восторжествовать над всеми прочими религиями. Между прочим, мы сообщаем королю, мужу искреннему, могущественному, великому, другу возлюбленному, королю Германии, что к нам явился некто по имени Гейнрих, называя себя вашим посланцем, и представил нам какую-то грамоту, которую объявил вашею грамотою. Мы приказали прочесть грамоту и выслушали его самого, и на то, что он сказал на словах, отвечали устно. Но вот и письменный наш ответ. Вы перечисляете нам всех тех, которые в союзе с вами пойдут на нас, и называете

их и говорите: «король такой-то земли, и король иных земель и граф такой, и граф этакой; и такие-то архиепископы и маркграфы и рыцари». Но если бы мы также захотели исчислить всех, которые служат нам, которые подчиняются нашим повелениям, которые повинуются нашему слову и которые сражаются под нашими распоряжениями, то не было бы возможности поместить всего того в нашей грамоте. Вы приводите имена христианских народов; но народы мусульманские гораздо и гораздо многочисленнее христианских. Между нами и христианскими народами, о которых вы говорите, лежит целое море; а между бесчисленными сарацинами и между нами нет никакого моря и никакого препятствия к соединению. Мы имеем в своем распоряжении бедуинов (Bedevini), которых одних было бы достаточно, чтобы противопоставить нашим врагам; у нас есть туркоманы; если мы их пошлем против своих врагов, они истребят их; мы имеем сельских жителей, которые, получив приказание, мужественно сразятся с людьми, вторгшимися в наши земли, для разграбления их и завоевания. Это не все. У нас есть, кроме того, боевые солдаты (т. е. наемники), помощью которых мы вступили в эту страну, завоевали ее и победили наших врагов. Эти храбрые люди, равно как и все языческие короли (reges paganissimi), не будут колебаться, если мы призовем их, и не станут медлить, если узнают нашу волю. И если, как говорит ваша грамота, вы соберетесь, если вы пойдете на нас, как то прибавляет ваш посол, то и мы пойдём вам на встречу, вспомоществуемые святостью Бога. Нам недостаточно того, что мы завоевали эту приморскую страну (Палестину и Финикию); если будет угодно Богу, мы переплывем моря и с божиею помощью завоюем ваши земли: ибо, придя сюда, вы будете должны привести с собою все свои силы и явиться в сопровождении всего своего народа, так что в вашем государстве не останется никого для защиты. Когда Господь в своем всемогуществе дает нам победу над вами, нам ничего не останется, как идти, опираясь на силу божью и его волю, чтобы овладеть вашими землями. Уже два раза все христиане соединились против нас, нападая на Вавилонию (Египет): в первый раз они угрожали Дамиегте и во второй раз – Александрии; между тем в ту эпоху христиане еще были владетелями Палестины и Финикии. Но вы знаете, в каком положении и в каком жалком виде христиане возвратились из того и другого похода. Теперь, напротив, эта страна в нашей власти. Господь наделил нас провинциями; он отодвинул наши пределы в ширину и в длину: он отдал нам Египет с прилежащими землями, страну Дамаска, Финикию, Палестину с ее замками; страну Эдессы со всем принадлежащим ей и царство Индию (т. е. счастливую Аравию) со всем принадлежащим ему: и все это, по милости Бога, находится в наших руках, и князья мусульманские повинуются нам. Если мы дадим приказание им, они не откажутся исполнить его; если мы попросим багдадского калифа – да сохранит его Господь – придти к нам, он встанет с престола своей империи и поспешит нам на помощь. Святостью и могуществом Бога мы овладели Иерусалимом и его страной: в руках христиан остаются три города: Тир, Триполь и Антиохия, которые не замедлят подчиниться нашей власти. Если вы решительно хотите войны и если, с божиею помощью, мы покорим все христианские города, то мы выступим вам на встречу, как о том сказано выше в нашей грамоте. Если же, напротив, вы предпочитаете добрый мир, то отправьте начальникам тех трех городов приказание выдать нам их без всякого сопротивления, а мы возвратим вам святой Крест; дадим свободу всем пленным христианам, находящимся в наших владениях; допустим одного вашего священника при гробе; возвратим аббатства, существовавшие до первого крестового похода (in tempore paganissimo) и окажем им покровительство: и дозволим приходить пилигримам в течение всей нашей жизни, и будем иметь с вами мир. И так, в случае, если грамота, доставленная нам Гейнрхом, есть действительно грамота короля, то мы написали эту грамоту в ответ на то: и да наставит нас Бог своим советом и своею волею!

Грамота сия писана в год от пришествия пророка нашего Магомета DLXXXIV. Слава единому Богу! И да сохранит Бог пророка нашего Магомета и его род.

От победоносного царя, возвещателя истины, знамени правды, правителя мира и религии, султана сарацин и язычников, служителя двух святых домов и проч. и проч.

Ричард I Львиное Сердце и 3-й Крестовый поход (Гальфрид Винодел, «Путь Ричарда, короля Англии в Святую землю»)

Автор, описав отъезд Ричарда Львиное Сердце из Европы в Палестину и его путь по Средиземному морю, рассказывает, как флот английского короля, после захвата Кипра, направился к Акре, осажденной крестоносцами, и близ этого города встретил мусульманский корабль.

Король, заметив корабль, приказал Петру из Бара, начальствовавшему одной из галер, отправиться узнать, кто на нем. Петр донес, что ему отвечали, будто бы этот корабль принадлежит королю Франции. Ричард тотчас же подъехал к кораблю, но, слыша на нем не-французский язык и не замечая знака христиан, был изумлен, при ближайшем рассмотрении, и величиною, и прочностью постройки судна, на котором возвышались три большие мачты. Бока его были выкрашены зеленым и желтым цветами, и он, по-видимому, был наполнен всякого рода провизиею. Кто-то видевший в Берите, как его нагружали, уверял впоследствии, что на нем помещалось всякого рода оружие, тяжестью на 100 верблюдов, а именно: пращи, луки, копья и т. п. Кроме того, на нем находилось бесчисленное количество провизии, множество сосудов с греческим огнем и двести штук самых ядовитых змей, предназначенных на гибель христианам. На корабле присутствовали семь

эмиров и до 80 отборных турок. Для лучшего осведомления о нем, к нему начали приближаться и другие галеры; им отвечали, что это генуэзцы и идут в Тир; но такие ответы вызывали большие подозрения, и один из наших галерных начальников уверял, что корабль — сарацинский, и вызвался доказать то, хотя бы предприятие стоило ему жизни. Король приказал ему следовать на веслах, и когда галера подошла близко, экипаж корабля на приветствия английских моряков отвечал залпом стрел. Заметив то, король дал распоряжение напасть на корабль; стрелы полетели с обеих сторон. Так как ветер был ничтожен, то ход корабля уменьшился; но наши галеры хотя и окружили его отовсюду, но не могли ничего сделать: так прочна была его постройка, и так упорно и отчаянно защищались сарацины. Наши, не имея сил одолеть противника, начали ослабевать в нападении. Непобедимый Ричард, которого отвага ничем не могла быть охлаждена, кричал изо всех сил: "Неужели вы дадите кораблю уйти, не коснувшись его? О срам! после стольких побед, вы уступаете теперь трусливо! Нельзя отдыхать в виду неприятеля, посланного вам судьбою. Знайте, что вы будете повешены на крестах или наказаны унижительною смертью, если дадите уйти неприятелю". Англичане, почувствовав по нужде отвагу, приблизились к кораблю и, забросив веревки на руль, пытались задержать ход; другие же, при помощи этих веревок, успели даже перескочить на борд. Турки, сопротивляясь с упорством, перерубили одним руки, другим ноги и голову и побросали в море. Англичане, пылая мстостью, пошли с яростью на приступ, спелились с кораблем и напали на турок, которые продолжали упорную защиту; воодушевленные отчаянием, они всеми силами давали отпор нападающим. Тогда англичане, бросившись на нос корабля, привели турок в беспорядок; но они, соединившись и став тесно друг с другом на середине корабля, решились храбро умереть или отразить неприятеля. Это были все молодые люди, хорошо вооруженные и привыкшие к военному делу. Долго боролись с обеих сторон; падали и христианские, и мусульманские воины. Между тем турки, сражаясь постоянно с отчаянием, принудили англичан отступить и очистить корабль. Тогда последние, возвратившись на свои галеры, оценили его со всех сторон и искали нового и более удобного места для приступа. Король, видя опасность, которой подвергались его люди, и невозможность покорить турок, сохраняя в то же время корабль с оружием и припасами, которыми он был нагружен, приказал своим галерам разбить корабль своими железными шпорами. Галеры, приступив к такому маневру, ударили изо всей силы в бок корабля и пробили его; он пошел немедленно ко дну. Турки, спасаясь от погибели, бросились в волны; но наши одних перебили, других утопили. Король спас 35 человек, между которыми были эмиры и люди, искусные в построении машин; все же остальные погибли; оружие, змеи и весь груз утонул. Сарацины, смотревшие с высоты соседних гор и бывшие свидетелями такого поражения, отправились, исполненные печали, донести о том Саладину.

Константинополь перед латинским завоеванием (Отрывок из «Хроники» Никиты Хониата)

В документе воспроизводится картина Константинополя в начале XIII в. (по описанию современника).

Никита Хониат (вторая половина XII в. – 1213 г.) – византийский историк, родился в городе Хойе, во Фригии, получил образование в Константинополе, достиг высокого положения по службе. Во время захвата Константинополя был очевидцем трагических событий и едва спасся от гибели, бежав в Никею. Здесь он провел последние годы жизни, описывая события, которые он пережил. Хониат оставил после себя большой труд – «Хронику». Разделенная на 20 книг, она охватывает важный период истории Византии, включая события 1118-1206 гг. Несмотря на некоторые неточности, она отличается достоверностью и представляет большой интерес как источник. Кроме того, Никита составил описание памятников древнего искусства, которые украшали площади Византии и погибли от рук крестоносцев в 1204 г.

Константинополь, слава Греции, город, известный своими богатствами и еще более богатый, нежели о нем говорят... Внешняя красота (Влахернского дворца) несравненна, внутренность превосходит все, что я мог бы сказать. Везде позолота и разнообразие цветов; двор превосходно выстлан мрамором... Внутри у самых стен находятся пустопорожние места, где работает плуг и заступ; они разбиты на огороды, которые доставляют городу... овощи. Подземные каналы, проведенные извне, доставляют городу в изобилии пресную воду. Впрочем, город грязен и вонюч, и во многих его местах царствует вечный мрак... Богатые занимают своими постройками городские площади, а клоаки и мрачные улицы предоставлены бедным...

В Константинополе находится большое число церквей, меньших, но таких же красивых, как св. София...

Корреспонденция Иннокентия III

Начиная, по крайней мере, с IV в., папы и их чиновники, сохраняли копии важных посланий и документов, но лишь во время понтификата Иннокентия III (1198-1216 гг.) было положено начало архивации как системе сбора и хранения папской переписки и корреспонденции.

Послание Иннокентия III с призывом к 4-му Крестовому походу

Когда Иннокентий III занял папский престол в январе 1198 г., еще проходил немецкий крестовый поход, организованный Генрихом VI. Однако этот поход через несколько месяцев закончился провалом. После этого Иннокентий III решил взять на себя задачу подъема

Европы для очередной попытки освобождения Святой Земли. По ходу дела он вернулся к первоначальной концепции Урбана II, рассматривавшей крестовый поход как область папской компетенции и ответственности, и одновременно обнаружил своё собственное преувеличенное понимание роли папы в делах христианства. Он объявил о своём проекте в энциклике, разосланной в августе 1198 г. западным архиепископам, обязывавший их довести содержание циркуляра до епископов, прочего духовенства и прихожан в их провинциях. Иннокентий III следовал в письме традиционной крестовой пропаганде, подчёркивая свою личную озабоченность страданиями Иерусалима, осуждая западных князей за их роскошь, порок и войны друг с другом, и убеждал всех христиан обрести вечное спасение, участвуя в подготовке новой священной войны. Помимо монархов и более мелких правителей, Иннокентий III разослал своё письмо всем городам, графам и баронам, предлагая им выставить отряды в числе, соответствующем их ресурсам и послать их за море за собственный счёт к маршу следующего года для военных действий в течение двух лет. Архиепископы, епископы и аббаты должны были предоставить или вооружённых людей, или эквивалентные денежные средства. Два кардинала в качестве папских легатов должны были направиться в Палестину, чтобы подготовить всё для прибытия армии. Воззвание содержало обычные стимулы: полная индульгенция для крестоносцев, защита папой их владений и имущества, а также мораторий на уплату долгов и процентов на время их отсутствия.

АРХИЕПИСКОПУ НАРБОНСКОМУ И ЕГО ПОМОЩНИКАМ, АББАТАМ, ПРИОРАМ И ДРУГИМ ПРЕЛАТАМ ЦЕРКВИ, А ТАКЖЕ ГРАФАМ, БАРОНАМ И ВСЕМУ НАРОДУ НАРБОНСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Призывает к священной войне против сарацин для возвращения Святой земли.

(Реатинский дворец, 18 августа.)

После плачевной потери Иерусалимской земли, после достойного слёз поражения народа христианского, после скорбного захвата [сарацинами] земли, по которой ступали ноги Христа и где Господь, Царь наш, в начале веков и в середине земли соизволил свершить спасение, после позорной для нас утраты Животворящего Креста, на котором он заплатил за спасение мира и стёр летопись прежнего кровопролития, [после всего этого] Апостольская Церковь, встревоженная этим несчастьем, трудилась, взывая и скорбя, так, что от непрерывного зывания голос её почти охрип, а от горького плача очи её едва не закрылись.

Разве не вещала Апостольская Церковь по сей день, что, если предадим мы Иерусалим, то изменит нам, согласно Пророку, десница наша, и что присохнет язык наш к нашему горлу, если не будем помнить о нём? И не возвышал ли порой наш Престол голос почти до трубного, стараясь подвигнуть народ христианский на битву Христову и на отмщение обид Господа нашего, говоря его же словами: «Все проходящие путем, взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь».

И вот наследство ваше перешло к другим, дома ваши у чужеземцев, пути Сиона сетуют, что нет идущих на праздник, враги его стали во главе, и Гроб Господень, которому Пророк возвестил в будущем славу, осквернён и обеславлен нечестивыми.

Слава наша, о коей говорит апостол: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа», в руках неприятеля, и сам Господь наш Иисус Христос, который, умирая за нас, избавил нас от плена, теперь сам как бы пленён нечестивыми и лишён наследия своего.

В своё время, когда в лагере [иудейском] находился ковчег Бога Саваофа, Урия отказался входить в свой дом и наслаждаться законной супружеской любовью.

Ныне же князья наши, в то время, как слава Израилева в обиду нам перенесена со своего места, наслаждаются распутной любовью, обременённые преступлениями и богатством. Они преследуют друг друга с неумолимой ненавистью, и куда тщатся они отомстить друг другу за причинённые обиды, никого из них не трогают обиды, причинённые Господу; не слышат они, что уже поносят нас враги наши, говоря: «Где же бог ваш, который ни себя, ни вас не может спасти от наших рук?»

Вот уже оскверняем мы святых ваших; вот уже простираем нашу длань на самые вожеленные ваши владения и с прежней силой ведем натиск и наперекор вам забираем земли, в которых вы замыслили ввести веру вашу.

Мы уже затупили и поломали копья галлов, разбили напор англов, сокрушили силы тевтонцев. Теперь мы повторно укрощаем пыл испанцев, и если даже вы обрушите на нас все ваши доблести, то вряд ли далеко продвинетесь. Так где же Бог ваш? Пусть он проснётся и поможет вам, будет защитником и вам и себе!

Ведь тевтонцы, которые надеялись одержать над нами неслыханный триумф,плыли к нам с большой жаждой победы. Но заняли они только никем не защищённый город Бейрут, и после этого лишь бегство спасло их и других князей ваших от жестокого убеждения в нашей силе и от вечного оплакивания потомками их гибели.

Ваши цари и князья, только что бежавшие с Востока, по возвращении в свои норы, – мы не называем их царствами, – чтобы скрыть свой страх, предпочли воевать друг с другом вместо того, чтобы вновь испытать нашу мощь и силу.

Что же остаётся нам после истребления мечом мести тех, кого вы оставили под предлогом защиты своих стран, как не вторгнуться в ваш собственные земли, дабы предать забвению ваши имена и память о вас?

Как же, братья и сыновья, опровергнем поношения упрекающих? Как сможем ответить им, когда видим, что они часто правы, чему мы недавно слышали подтверждение? Ибо получили письма из-за моря с известием, что когда тевтонцы на кораблях прибыли в Акку, то захватили город Бейрут, который никто не защищал.

Сарацины же напротив, напав на Яффу, захватили её жестокой силой и разрушили до основания, убив многих воинов Христовых.

Тевтонцы же, как только получили известие о смерти императора, не дожидаясь очередной переправы, погрузились на корабли и вернулись домой.

После этого сарацины, собравшие для отпора им многочисленное войско, до того распоясались на христианской земле, что христиане не могут ни выходить без опаски из своих городов, ни жить в них спокойно; снаружи им угрожает меч, внутри – страх.

Обретите же, сыны, дух мужества; возьмите щит веры и шлем спасения и, укрепленные не столько числом и силой, а скорее духом Господа нашего, которому нетрудно спасти нас и в большом и в малом, помогите по мере сил ваших тому, кто дал вам жизнь и пропитание. Ведь Он растратил себя ради вас и, приняв облик раба и уподобившись человеку по виду и обычаю, нес послушание до самой смерти, смерти на кресте! А вы, преуспевшие от Его бедности, во время изгнания Его бездействуете и не идёте на помощь бедному и гонимому!

Но тот, кто при такой необходимости откажет в послушании Иисусу Христу, что сможет сказать он в своё оправдание, когда будет стоять перед судом Его? Если Господь претерпел смерть для человека, будет ли человек медлить с принятием смерти за Господа, когда несоизмеримы блага бранные с будущей уготованной нам славой? Разве откажет слуга господину в богатствах временных, если господин даёт слуге богатства вечные, которые не видит око, и не слышит ухо, и которые не приходят на сердце человеческое? Ибо собирает человек сокровища на небе, где их не выкопают и не похитят воры, и где их не покроет тлен и не попортит червь!

Пусть же все и каждый в отдельности приступят к делу. Пусть к следующему марту каждый город самостоятельно, равно как и графы с баронами в меру своих возможностей направят для защиты земли, в которой родился Господь, соответствующее средствам число воинов, чтобы они оставались там хотя бы два года.

Пусть усердие наше станет ежедневным, участие всех церквей постоянным; мы даже будем считать эту заботу исключительной среди прочих, ибо благодаря ей надеемся помочь всем пострадавшим на Восточной земле. Если помощь не придёт незамедлительно, то остаток [урожая] сожрёт саранча, и новые дела будут хуже прежних.

Разве не видим мы, как другие берутся за труды тяжкие и невыносимые, но сами и пальцем не шевелим, чтобы взяться за эти дела, много говорим и ничего или очень мало делаем, хотя тот, кто и поучает и делает, большим назовётся в Царстве небесном. Примеру того, кто старается и делать и поучать, следуем и мы, может быть недостойные, в наших землях. С нашей стороны, чтобы помочь Святой земле и людьми и делами, предписываем кардиналам, легатам апостольской церкви, Соффредо, пресвитеру церкви Св. Праксиньи, и Петру, диакону церкви Св. Марии на Виа Лата, – мужам особо набожным, известным учёностью и честностью, усердным в трудах и молитвах, возлюбленнейшим братьям нашим, взявшим крест собственной рукой – предписываем им смиренно и преданно предстоять воинству Христову, не питаясь подаванием, но будучи поддержанными средствами нашими и наших братьев. Через них же мы намерены направить соответствующую помощь Святой земле.

Пока же мы направляем означенного кардинала Петра, диакона Св. Марии на Виа Лата ко дворам возлюбленнейших во Христе сыновей наших сиятельных королей Филиппа Франкского и Ричарда Английского для установления мира или перемирия хотя бы на пять лет с предписанием и побуждением народам к послушанию Христову; [какового желаем и постановляем почитать как легата Апостольского Престола и покорнейше подчиняться его поручениям и указаниям].

Означенного же кардинала Соффредо, пресвитера Св. Праксиньи, отправляем в Венецию для помощи Святой земле.

Далее по общему решению наших братьев постановляем, настоятельно поручаем и предписываем вам, братья архиепископы и епископы, и возлюбленные сыны аббаты, приоры и другие прелаты церкви, настоятельно поручаем и предписываем до ближайшего марта собрать определённое число воинов или соответствующие этому числу деньги по вашим возможностям для изгнания языческого варварства и для сохранения наследства Господа, которое он приобрёл своей собственной кровью.

Что же касается того, кто думает противиться этому благочестивому и нужному постановлению (чему не хотелось бы верить), то мы постановляем наказывать такового как нарушителя священного канона и отстранять от должности вплоть до соответствующей сатисфакции.

Полагаясь на милосердие Господа и на авторитет блаженных апостолов Петра и Павла, от которых Господь некогда передал нам, может быть недостойным, власть обязывать и освобождать, мы обещаем тем, кто примет на себя тяготы и расходы этого начинания, полное прощение грехов, в которых они раскаются устами и сердцем, а также увеличение надежды на вечное спасение в качестве воздаяния.

Тем, кто не сами отправятся в путь, но только сообразно своим средствам и занятиям снарядят достойных мужей, с обеспечением им моратория на срок не менее двух лет, и соответственно тем, кто, пусть и за чужой счет, но лично примут на себя тяготы паломничества, также будет дано полное прощение их грехов.

Мы желаем также, чтобы это прощение, смотря по величине пожертвований и, главным образом ввиду набожности, коснулось и тех, кто надлежащим образом пожертвует Святой земле из своего имущества.

[Для более беспрепятственного и надежного содействия того или иного лица земле рождения Христова] имущество тех, кто принял крест, будет под защитой нашей и блаженного Петра, а также архиепископов и всех прелатов церкви Господней. Это имущество будет сохраняться целым и нетронутым вплоть до достоверной

смерти или до возвращения указанных лиц. Кто же [из священников] воспротивится [этому], будет осужден церковным судом без права обжалования.

Если выступление в поход окажется для кого-либо связано с необходимостью принесения клятвы по выплате процентов, то вы, братья архиепископы и епископы, в ваших диоцезах под угрозой наказания без права обжалования со всей суровостью должны принуждать кредиторов к отказу от принятия клятвы и вообще от процентов. Если всё же кто-либо из кредиторов заставит таковых выплатить проценты, то под угрозой наказания без права обжалования со всей суровостью принуждайте их к возмещению.

Мы предписываем вам, сыновья церкви, и самим, и понуждая светские власти, заставлять евреев отказываться от процентов и до такого отказа путем отлучения от общины лишать их содействия всех верующих в Христа, будь то товары или что-то другое.

И пусть никто не уклоняется от этого труда, ибо это было установлено не нами, а самими апостолами, которые собирали средства по городам для помощи страждущим братьям в Иерусалиме.

И не сомневайтесь в милосердии Господа; как бы ни был разгневан Он грехами нашими, всё-таки именно Он руководит вами, когда вы в смирении души и тела вступаете на путь странствования, на который Он не допустил предков. Ибо видно сговорились меж собой предки и сказали: «Наша рука высока, и не Господь сделал все сие» и себе, а не Господу приписали славу победы.

И потому мы надеемся, что не откажется в гневе от милосердия Тот, кто и будучи разгневанным не забывает сострадать, увещевая и побуждая нас: «Обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам».

И мы верим, что если вы пойдёте путем Господа, то не последуете за теми, которые осуетились, идя за суетой, которые с наслаждением предавались разгулу и пьянству и вытворяли в заморских странах то, на что не отваживались в землях, где они родились, из боязни навлечь на себя большой позор и великое злословие. Мы думаем, что вы возложите свою надежду единственно на Того, кто не оставляет надеющихся на Него, от тех, что отказываются не только от незаконного, но и от положенного им. Он сбросил в море колесницы и войско фараоново, преломил лук сильных и смёл врагов Креста Христова как уличную грязь, дав славу не нам или вам, а имени своему. Он славен в святых и дивен в величии, Он свершает чудеса и творит радость и восторг после плача и рыданий.

Чтобы было легче справиться с этим делом, направляем вас, братья, архиепископ Немаузенский и епископы Аустразийские, проповедовать другим Слово Божие и призывать к исполнению апостольского поручения ваших товарищей епископов и других, и так следовать делу Господа, чтоб и самим стать участниками этого апостольского прощения и полностью проявить в этом свое усердие. Похвально, что к вам присоединятся один из братьев рыцарей Храма и один из госпитальеров Иерусалимских, оба мужья достойные и рассудительные.

Датировано в Реатинском дворце, 18 августа.

Такие же письма направлены архиепископам Лугдунскому и Виеннскому, епископам, а также аббатам, приорам и другим прелатам церкви, графам и баронам и всему народу каждой провинции. И точно также всем в королевствах Франции, Англии, Венгрии и Сицилии.

Послание Иннокентия III королям Англии и Франции

Иннокентий III написал письма королю Франции Филиппу Августу и королю Англии Ричарду Львиное Сердце. Оба монарха вели друг с другом войну с момента возвращения последнего из плена в 1194 г. Иннокентий III призывал королей, под угрозой наложения интердикта на их владения, заключить мир или хотя бы перемирие на пять лет не только из-за того, что развязанная ими война несла невыносимые бедствия простым жителям их королевств, но также ввиду того, что военные действия помешали бы вербовке отрядов для крестового похода, планируемого папой. Два кардинала, которым предстояло в конце концов отбыть в Палестину, между тем получили специальные поручения дома. Кардинал Соффредо отправился в Венецию, чтобы заручиться поддержкой его правительства, а кардинал Петер Капуанский поехал во Францию, дабы провозгласить там крестовый поход.

СИЯТЕЛЬНОМУ КОРОЛЮ ФРАНЦИИ

О заключении мира с королём Англии и о начале войны против сарацин.

Посредник между богом и людьми Иисус Христос во осуществление таинства искупления человека завещал ученикам мир, дабы они хранили его меж собой и призывали к его соблюдению других, говоря: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам».

Вспомним также совет пророка не только искать мир, но и следовать ему: «Ищи мира и следуй за ним».

Поэтому мы, продолжатели Христа, может быть, недостойные, следуя его примеру и подражая обычаям наших предшественников, желаем и обязуемся устанавливать и поддерживать между враждующими согласие истинного мира, особенно тогда, когда из этого несогласия происходит большой раздор и между самими противниками и между церквями, а также ущерб бедному люду этих стран и даже всему народу христианскому.

Ведь, не говоря уже об истреблении мужей, о разорении церквей, о притеснении бедноты и о несчастьях всего народа и галльского и английского из-за войны, которую ведёшь ты и возлюбленный во Христе сын наш король Англии, вас обоих можно считать причиной и условием ущерба всему народу христианскому и причиной разорения Иерусалимской провинции. Из-за оттока оттуда людей для войны между вами, там не

только ещё не восстановилась убыль народа с начала [войны], но, более того, видно приближение серьёзной опасности, какой христиане не знали до сего дня.

Ибо на смену прежним печальным известиям пришли новые, ещё более грустные, как, например, с тевтонского корабля «Аккон» и другие. Примите их дословно.

Поскольку для помощи Восточной земле как людьми, так и делами мы намерены наделить особыми полномочиями Святого креста возлюбленных сыновей наших, легатов Апостольской Церкви, кардиналов Соффредо, пресвитера Св. Праксиньи, и Петра, диакона Св. Марии на Виа Лата, мужей достойного нрава, зрелого благоразумия, уважаемых за знания и особо почитаемых нами среди братьев, то, чтобы не оставались они покуда без дела, посылаем к вашим дворам означенного кардинала, диакона Св. Марии на Виа Лата, одаренного ученостью и прославленного благочестием, угодного, как мы надеемся, и Богу и людям, доверив ему посольские полномочия.

В противном же случае, как ни тяжело нам беспокоить каким-либо образом королевское величество, но, поскольку мы почитаем Бога выше тебя и должны предпочитать общее благо твоим удобствам или же неудобствам, то, если ты по совету означенного легата не примешь и не исполнишь смиренно в предписанный срок наше апостольское поручение, тогда по согласию всех наших братьев страна твоя будет подвергнута интердикту, т. е. кроме крещения новорожденных и покаяния умирающих в этом божьем заведении никакие службы проводиться не будут.

Если и после этого ограничения не исполнишь, что тебе поручаем, то и сам, и твои главные благожелатели и советники узнают усмиряющую суровость Церкви; то же самое будет и с землёй короля Англии и с его благожелателями и советниками. Почтенным же братьям нашим архиепископам, епископам и возлюбленным сынам аббатам, приорам и всем прелатам церкви обоих королевств поручаем и в чистоте Духа Святого предписываем, чтобы, под угрозой понижения в чине и должности, старались неукоснительно соблюдать приговор интердикта согласно предписанной форме и понуждали также блюсти его других.

То же самое мы также поручаем рыцарям Храма и госпитальерам иерусалимским под угрозой отмены их привилегий и индульгенций и верим, что они будут руководствоваться в этом деле не твоим хотением, а пользой, не дружбой, а выгодой, а честью и будут иметь попечение о всём народе христианском.

Постановляем также, что любой священник, каких бы он ни был чина и должности, который вздумает совершить для тебя божественную службу после нашего интердикта, подвергнется опасности лишения чина и бенефиция.

Внемли же нам, возлюбленный сын, и, видя заботу твоей матери, Апостольской Церкви, ощущая необходимость содействия и руководствуясь общим благом, предпочти спасение души влечению плоти и разум чувству, не противься Апостольскому Престолу властью королевской, но отдайся сыновнему смирению; в этом твои честь и спасение.

Такое же написано сиятельному королю Англии. Так же, кроме того, написано всем архиепископам, епископам, аббатам, приорам и другим прелатам церкви в обоих королевствах.

Начало 4-го Крестового похода

(Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»)

Жоффруа Виллардуэн (ок. 1155-1213 гг.) – участник и один из организаторов Четвертого крестового похода. Его мемуары, написанные на французском языке, рассказывают о событиях с 1198 по 1207 гг. и являются важным источником по истории крестового движения. Особенно они ценны тем, что написаны светским лицом, рыцарем-крестоносцем, отразившим в мемуарах свои впечатления.

1. Знайте, что в тысяча сто девяносто седьмом году¹ от воплощения нашего господина Иисуса Христа, во время Иннокентия III², апостолика Рима, и Филиппа³, короля Франции, и Ричарда⁴, короля Англии, был святой человек во Франции по имени Фульк из Нейи (это Нейи находится между Ланьи на Марне и Парижем); и он был священником и держал приход от города. И этот Фульк, о котором я вам говорю, начал проповедовать слово божье во Франции⁵ и в других окрестных землях. И знайте, что наш господь творил через него многие чудеса.

2. Знайте, что слава этого святого человека распространилась настолько, что дошла до апостолика Рима Иннокентия; и апостолик послал во Францию, и поручил [этому] благочестивому мужу, чтобы он проповедовал крест от его имени. И после того он отправил туда своего кардинала господина Петра Капуанского⁶, принявшего крест; и поручил через него [давать] такое отпущение грехов, о котором я вам скажу: [те], кто возьмут крест и прослужат богу в войске один год, будут свободны от всех грехов, которые они совершили и в которых исповедовались. И так как это отпущение было весьма широким, то сердца людей сильно растрогались; и многие приняли крест потому, что отпущение было столь большим.

3. На следующий год⁷ после того как этот благочестивый муж Фульк проповедовал таким образом слово божье, был турнир в Шампани, в некоем замке, звавшемся Экри⁸; и милостью божьей случилось так, что Тибо⁹, граф Шампани и Бри, принял крест, а также Луи, граф Блуасский и Шартрский¹⁰, и было это перед началом

адвента¹¹. Так вот, знайте, что этот граф Тибо был молодым человеком не старше двадцати двух лет, и графу Луи было не больше двадцати семи лет. Оба эти графа были племянниками короля Филиппа¹², а также двоюродными братьями¹³ и с другой стороны племянниками короля Англии¹⁴.

4. Вместе с этими двумя графами взяли крест два весьма высоких барона Франции, Симон де Монфор¹⁵ и Рено де Монмирайль¹⁶. Великая слава прошла по земле, когда эти два высоких мужа возложили на себя крест...

В гл. 5-7 перечисляются светские и церковные сеньоры, взявшие крест во владениях Тибо Шампанского, Луи Блуасского и в Иль де Франс.

8. В начале поста следующего года, в самый день пепла¹⁷, принял крест Бодуэн¹⁸, граф Фландрии и Эно – в Брюгге, и графиня Мария, его супруга, которая была сестрою графа Тибо Шампанского...

Далее в этой главе и в гл. 9-10 вновь перечисляются бароны и рыцари, изъявившие намерение идти в крестовый поход. В гл. 11-14 описывается организационная подготовка крестового похода видными французскими феодалами. Первое совещание собиравшихся отправиться на Восток состоялось в Суассоне и не дало результатов, второе – в Компьене, к северу от Парижа, на реке Уазе. Сам автор присутствовал на этих совещаниях. Чтобы заполучить корабли для переправы морем войска крестоносцев, сеньоры избрали в качестве послов в Венецию шесть знатных рыцарей (по двое – от Тибо Шампанского, Луи Блуасского и Бодуэна Фландрского), в их числе был и Виллардуэн. Ранней весной, в начале февраля 1201 г., посольство прибыло в Венецию, обладавшую самым большим на Западе морским флотом.

15. Дожд Венеции, чье имя было Энрико Дандоло и который был мужем весьма мудрым и доблестным¹⁹, оказал им большие почести, и он и другие горожане; и он принял их весьма доброжелательно. И когда они представили грамоты своих государей, он чрезвычайно изумился тому делу, по которому они прибыли в [его] страну. Грамоты были доверительные; графы просили верить им [послам] как лично им самим и обязывались исполнить все, что пообещают шестеро [послов].

16. И дож отвечал им: «Сеньоры, я ознакомился с вашими грамотами; мы удостоверились в том, что ваши сеньоры – самые знатные люди из тех, которые не носят короны²⁰, и они просят нас верить в то, что вы скажете, и [в то], что они твердо выполняют [условия], на которые вы пойдете. Ну, так скажите же, что вам угодно».

17. И послы отвечали: «Государь, мы хотим, чтобы вы созвали свой совет²¹, и завтра, если вам угодно, перед вашим советом мы вам скажем, о чем вас просят наши сеньоры». И дож им ответил, что он просит у них отсрочку на четыре дня; и что тогда он соберет свой совет, и что они смогут сказать, чего добиваются.

18. Они переждали до четвертого дня, который он им установил; они вошли во дворец, который был весьма богат и прекрасен, и нашли дожа и его совет [собравшимися] в особом покое и изложили свое поручение таким образом: «Государь, мы прибыли к тебе от высоких баронов Франции, которые взяли знак креста, чтобы отомстить за поношения, причиненные Иисусу Христу, и отвоевать Иерусалим, если то соблаговолит бог. И поелику они знают, что никакой [другой] народ не имеет столь великого могущества, чтобы оказать им содействие, как вы и ваш народ, то они просят вас, бога ради, чтобы вы жались над Заморскою землею и [отомстили за] оскорбления [нанесенные] Иисусу Христу, и чтобы вы потрудились над тем, чтобы они могли иметь у вас корабли для перевоза и для войны».

19. «А на каком условии?», – произнес дож. – «На любых условиях, сказали послы, какие бы вы им ни предложили или посоветовали, лишь бы они могли их исполнить». – «Конечно, сказал дож, это большое дело, которое они у нас попросили, и кажется, что они имеют в виду важное предприятие; мы вам дадим ответ через восемь дней от сегодняшнего дня. И вы не удивляйтесь, если срок [так] велик; ибо следует много поразмыслить о столь великом деле».

20. В срок, который им назначил дож, они вернулись во дворец. Все слова и речи, которые были там сказаны и произнесены, я не могу вам их передать; но заключение совещания было таково: «Сеньоры, сказал дож, мы сообщим вам решение, которое мы приняли, [прежде, чем] сумеем склонить наш Великий совет²² и всю общину земли [нашей] одобрить его; а вы посоветуйтесь друг с другом, чтобы узнать, можете ли согласиться [на это].

21. Мы поставим грузовые суда²³ для перевоза четырех тысяч пятисот коней и девяти тысяч оруженосцев, а в кораблях²⁴ – четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пеших воинов. И условие для всех этих коней и этих людей будет такое, что они получают прокорм на девять месяцев. Вот что мы по меньшей мере сделаем на том условии, что нам заплатят с каждого коня четыре марки и с каждого человека две [марки].

22. И все эти условия, которые мы вам разъясняем, мы исполним в течение одного года, считая со дня; когда мы отплывем из гавани Венеции, чтобы послужить богу и христианству, в каком бы то месте ни было. Общая сумма этого расхода, только что указанного, составляет девяносто четыре тысячи марок.

23. А вот что мы сделаем сверх того: мы поставим от себя пятьдесят вооруженных галер²⁵ из любви к богу²⁶, на условии, что до тех пор, пока наш союз будет существовать, от всех завоеваний, которые мы сделаем, будь то земли или деньги, на море или на суше, половину получим мы, а другую – вы. Теперь посоветуйтеська, можете ли вы это выполнить и принять²⁷.

24. Послы вышли; и они сказали, что сообща переговаривают об этом и ответят им назавтра. Они совещались и проговорили [всю] эту ночь и, наконец, пришли к согласию принять [предлагаемые условия]; и на следующий

день они пришли к дождю и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор». А дождь сказал, что он поговорит об этом со своими людьми, и к чему он придет, даст им о том знать.

25. На утро [следующего] третьего, дня²⁸, дождь, который был человеком мудрым и могущественным, созвал свой Великий совет; и совет состоял из сорока мужей, мудрейших в стране. Своим умом и талантом, который был у него весьма велик и весьма хорош, он склонил их [к тому, чтобы] одобрить и пожелать [выполнить] [его] предложение.

Сначала он их склонил таким образом, потом сто, потом двести человек, потом тысячу, пока все не согласилось и не одобрило. Наконец, он созвал, по крайней мере, сразу десять тысяч в церкви св. Марка²⁹, красивейшей из всех, какие только существуют; и он им сказал, чтобы они выслушали обедню св. духа и молили бы бога просветить их насчет просьбы, с которой к ним обратились послы. И все весьма охотно исполнили это.

26. Когда окончилась обедня, дождь отправил к послам и предложил им просить униженно весь народ, чтобы он согласился на утверждение этого договора. Послы явились в церковь. Их внимательно рассматривали многие люди, которые их никогда не видали.

27. Жоффруа Виллардуэн³⁰, маршал Шампани, по соглашению с другими послами и с их одобрения взял слово и сказал им: «Сеньоры, самые высокие и могущественные бароны Франции послали нас к вам; они заклинают вас проникнуться жалостью к Иерусалиму, находящемуся в порабощении у турок, и [они просят], чтобы вы, ради бога, согласились сопутствовать им и помочь им отомстить за поношения, причиненные Иисусу Христу. Обратились же они к вам, ибо знают, что ни один народ на море не имеет такого могущества, как вы и ваш народ. И они повелели нам припасть к вашим стопам и не подниматься, пока вы не согласитесь на их просьбу и не сжалитесь над Святою землею за морем».

28. Тогда шесть послы склонились на колени, проливая обильные слезы, и дождь и все другие всхлипывали, плача от жалости, и восклицали в один голос, воздев высоко руки, и говорили: «Мы согласны, мы согласны!» И затем поднялся столь великий шум и грохот, что, казалось, проваливается земля.

29. И когда этот великий шум успокоился и [успокоилась] эта великая жалость, столь великая, что подобной никто не видал никогда, добрый дождь Венеции, который был человеком мудрым и доблестным, взшел на кафедру, и говорил народу, и сказал ему [так]: «Сеньоры, посмотрите на честь, которую оказал вам бог; ведь лучшие люди на свете оставили без внимания все другие народы и ищут вашей помощи, чтобы вместе [с вами] совершить столь великое дело, как освобождение нашего господина».

30. Слова, которые сказал дождь, были столь хороши и прекрасны, что я не умею вам их передать. Однако конец дела был таков, что определили изготовить на следующий день грамоты, и они были составлены и переписаны. Когда они были изготовлены, на совете было разъяснено, что поход будет направлен в Вавилон³¹, потому что с этой стороны турок можно было уничтожить скорее, нежели из какой-нибудь другой страны. А всем, было объявлено, что отправятся за море³². Тогда был великий пост³³, [и постановили], что через год со дня св. Иоанна³⁴, который был в 1202 году от воплощения Иисуса Христа, бароны и пилигримы должны быть в Венеции, а корабли [должны быть] готовы ко времени их прибытия [туда].

31. Когда грамоты были изготовлены и скреплены печатями, их отнесли к дождю в большой дворец, где находился Великий совет и Малый совет. И когда дождь вручил эти грамоты послам, он преклонил колени со слезами и клялся над святым Евангелием честно соблюсти соглашения, которые были [начертаны] в грамотах, и то же [сделал] его совет, который состоял из сорока шести особ³⁵. И послы, в свою очередь, поклялись держаться своих грамот и что они доброй верой выполняют клятвы своих сеньоров и свои [собственные]. Знайте, что при этом много было пролито слез жалости. И сразу же одна и другая стороны отправили своих послы в Рим к папе Иннокентию, чтобы он утвердил этот договор; и он сделал это весьма охотно.

32. Тогда послы заняли в городе пять тысяч марок серебра и вручили их дождю, чтобы начать постройку кораблей. Затем они простились, чтобы вернуться в свою страну, и они ехали несколько дней, от одного места к другому, пока не прибыли в Пьяченцу, [что] в Ломбардии. Там они разделились: Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, и Алар Макеро направились оттуда прямо во Францию, а другие пошли в Геную и Пизу, чтобы узнать, какую подмогу окажут они Заморской Земле³⁶.

¹ См. прим. 5.

² Римский папа Иннокентий III (1098-1216 гг.). Виллардуэн, так же как Робер де Клари, называет его «апостоликом Рима».

³ Филипп II Август - французский король (1180-1223 гг.).

⁴ Ричард I Львиное Сердце - английский король (1189-1199 гг.).

⁵ Т.е. в Иль де Франс. Фульк, приходский священник в 1191-1202 гг., получил первоначальную известность в Париже, проповедуя против ростовщичества и разврата, о чем рассказывает французский хронист XIII в. Жак Витрийский. Называя 1197 год в качестве начальной даты проповеди крестового похода этим священником, автор придерживается счета времени по церковному календарю: в соответствии с ним год считался до праздника пасхи. Последняя приходилась тогда на 29 марта 1098 г. Поскольку Иннокентий III был избран папой 8 января, очевидно, что Фульк приступил к проповеди между 8 января и 29 марта 1098 г.

⁶ Петр Капуанский - папский легат при войске крестоносцев, кардинал-дьякон церкви св. Марии, позднее - кардинал-пресвитер церкви св. Марселия. Иннокентий III направил его во Францию 14 августа 1198 г., одновременно распорядившись, чтобы духовенство содействовало сбору денег на нужды крестового похода.

⁷ Т.е. в 1199 г.

⁸ Экри на реке Эн, в Арденнах {в настоящее время - Асфельд Ла Виль. В 20 км к юго-западу от г. Ретеля}.

⁹ Тибо III (род. в 1179 г.), граф Шампани и Бри, племянник Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце. Брат Тибо III - Генрих (Анри) II Шампанский занимал престол Иерусалимского королевства в 1192-1197 гг. Тибо III умер 25 мая 1201 г. Вместо него бароны избрали предводителем крестового похода маркиза Бонифация Монферратского.

¹⁰ Луи (род. в 1171 г.), граф Блуасский и Шартрский, один из предводителей крестоносцев, участвовавших в Четвертом крестовом походе. Его отец, граф Тибо V Блуасский, был участником Третьего крестового похода и умер под Акрон в 1191 г.

¹¹ Адвент - в католицизме время приготовлений к рождественским праздникам (от лат. «адвентус» – «пришествие», т.е. «приход» в мир Иисуса Христа); описываемые события ироисходили 28 ноября 1199 г.

¹² Тибо III – по линии своей матери Марии, Луи - по линии своей матери Аэль; обе были двоюродными сестрами Филиппа II Августа.

¹³ Тибо III - со стороны своего отца Генриха Шампанского, Луи - со стороны своего отца Тибо V Блуасского; тот и другой – братья Алисы Шампанской, матери Филиппа II Августа.

¹⁴ Матери того и другого (Мария и Аэль) были двоюродными сестрами Ричарда Львиное Сердце. То есть Тибо и Луи были двоюродными братьями как по линии матерей, так и – отцов, ибо матери были сестрами, отцы – братьями между собой.

¹⁵ Симон IV, сеньор Монфора и Эпернона с 1181 г., вассал французского короля и родич Матье Монморанси.

¹⁶ Вассал французского короля.

¹⁷ В первую среду так называемого великого поста (ежегодный многодневный весенний запрет на употребление, мясной, молочной и рыбной пищи) – 23 февраля 1200 г. По установлениям католицизма, во время богослужения в этот день священник осыпает головы верующих пеплом от сожженных верб, сопровождая обряд произнесением библейской формулы, требующей от человека помнить, что он сотворен из праха и после смерти возвратится в прах («И возвратится прах в землю, чем он и был». – Екклесиаст, гл. 12, ст.7).

¹⁸ Граф Бодуэн (Балдуин) IX (род. в 1171 г.), впоследствии - первый император Латинской империи (1204-1205 гг.).

¹⁹ Речь идет, конечно, не о воинских доблестях престарелого дожа: Виллардуэн имеет в виду его выдающийся ум государственного деятеля.

²⁰ Корону носили только короли и императоры, а герцоги, графы и бароны ее не имели.

²¹ Речь идет о «Синьории» – Малом, или частном, совете при доже, состоявшем из шести человек.

²² Власть дожа контролировалась «Большим», или «Великим», советом, в ведении которого находились наиболее важные дела государственного управления, и «Малым» советом.

²³ Так называемые «оисье» – транспортные парусные корабли с глубоким трюмом, в который по перекидному мосту, через дверцы в задней части корпуса, можно было вводить коней прямо с причала.

²⁴ Так называемые «нефы» – крупные вместительные суда, круглой формы, с несколькими мачтами и большими парусами; на передней и задней части палубы находились деревянные башни, «шато» («замки»). Нефы двигались медленно и отличались слабой маневренностью, неповоротливостью.

²⁵ Галеры – длинные, легкие гребные корабли (наподобие античных галер), оснащенные вместе с тем и парусами, которые, однако, имели для их движения второстепенное значение. Отличались большой подвижностью и маневренностью.

²⁶ То есть якобы безвозмездно.

²⁷ Условия договора, как они переданы Виллардуэном, не вполне совпадают с содержанием самого текста договора, который сохранился. См. стр. 169 и сл.

²⁸ То есть на следующий день после получения ответа послов и на третий день после того, как дож предложил им свои условия договора.

²⁹ Знаменитый собор, посвященный апостолу Марку, сохранился до настоящего времени.

³⁰ Автор говорит здесь о самом себе: он, вероятно, был главой посольства.

³¹ Имеется в виду египетский город Каир, на Западе называвшийся тогда Вавилоном.

³² То есть конкретная цель похода присутствующим не была указана.

³³ В 1202 г. великий пост был с 4 февраля до 21 марта.

³⁴ 24 июня 1202 г.

³⁵ Ранее, в гл. 25, автор указывает, что «Великий» совет состоял из 40 человек. Очевидно, здесь имеется в виду совместное заседание «Великого» и «Малого» советов.

³⁶ Послы отправились туда в расчете на то, что Пиза и Генуя, где еще раньше по указанию Иннокентия III была развернута проповедь крестового похода, окажут содействие крестоносцам. Однако, как известно из других источников, Генуя и Пиза, являвшиеся соперниками Венеции, отказались принять участие в крестовом походе.

(Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»)

Роберт де Клари – французский средневековый хронист, рыцарь из Пикардии, сопровождал в Четвертом крестовом походе своего сеньора Пьера Амьенского. О жизни де Клари известно крайне немного. Роберт де Клари стал известен благодаря своей хронике «Завоевание Константинополя».

I. Здесь начинается история тех, кто завоевал Константинополь; мы расскажем вам, кто они были и по каким причинам туда направились. Случилось так, что в это самое время святой отец Иннокентий был папой римским, а Филипп – королем французским¹; был еще другой Филипп, который являлся императором Германии², и от воплощения³ прошло тысяча двести три или четыре года. Жил в то время некий священник, – по имени Фульк, – он имел приход в Нейи, что в Парижской епархии⁴. Этот священник был человеком великого благочестия и превосходным церковнослужителем, и он ходил по стране⁵, проповедуя крестовый поход, и много людей следовали его проповеди, ибо он был столь благочестив, что господь бог творил через него много великих чудес. И этот священник собрал много денег, чтобы доставить их святой земле, что по ту сторону морей. И крест приняли тогда граф Тибо Шампанский, граф Фландрский...

Далее следует обстоятельный перечень известных автору светских сеньоров разного ранга и рыцарей, равно как и священнослужителей, изъявивших намерение по призыву Фулька из Нейи встать на «стезю господню»; мемуарист особо выделяет и поименно перечисляет баронов и рыцарей, принявших крест в его родной земле – Амьенуа, включая своего непосредственного сеньора Пьера Амьенского, «великолепного рыцаря, смелою и отважного».

...Ну, там было еще [то есть помимо упомянутых] столько других рыцарей – из Франции, и из Фландрии, и из Шампани, и из Бургундии, и из прочих земель, что мы не смогли бы перечислить вам всех рыцарей, смелых и доблестных; те, которых мы здесь назвали, были самыми богатыми людьми, и они носили знамя, и мы еще не назвали всех тех, кто носил знамя. А из тех, кто там совершил больше всего подвигов оружия и храбрости, – богатых или бедных, – мы сможем вам назвать некоторую часть.

Снова приводится перечень «богатых и бедных» рыцарей, причем вначале следуют имена знатных баронов, затем – простых рыцарей, среди которых находился, в частности, Айом де Клари, брат мемуариста...

...И те, коих мы здесь перечислили, это были те, кто там совершил более всего подвигов оружия и отваги; а многих других храбрых людей, конных и пеших, было столько тысяч, что числа их мы не ведаем.

II. Так собрались все графы и знатные бароны, которые приняли крест. Потом они созвали всех высоких сеньоров, взявших крест, и когда все собрались, посоветовались между собой, чтобы определить, кого они сделают своим предводителем и сеньором.

И они избрали графа Тибо Шампанского и поставили его своим сеньором; потом они разъехались, и каждый отправился в свою землю. А затем, не прошло и много времени, как граф Тибо скончался, и он оставил пятьдесят тысяч ливров крестоносцам и тому, кто после него станет предводителем и сеньором крестоносцев, дабы они [деньги] были употреблены, как того крестоносцы пожелают. А потом умер также господин Фульк, что причинило большое горе крестоносцам.

III. Когда крестоносцы узнали, что граф Шампанский, их сеньор, умер, и господин Фульк тоже, они были этим сильно опечалены, огорчены и обеспокоены, и однажды, собравшись в Суассоне, стали советоваться между собой, что им делать, и кого им поставить своим предводителем и сеньором. И они решили послать к маркизу Бонифацию Монферратскому в Ломбардию. Они направили туда добрых послов. Послы приготовились и поехали оттуда к маркизу. Когда они прибыли на место, то обратились к маркизу и сказали ему, что бароны Франции приветствуют его, [они] просят и умоляют его, во имя бога, явиться переговорить с ними в тот день, который они ему назначили. Услышав это, маркиз был сильно удивлен, что его пригласили бароны Франции. И он ответил послам, что посоветуется об этом [деле] и на завтра даст им знать, что он решил сделать по этому поводу. И он устроил послам пышное празднество. Когда наступил следующий день, маркиз сказал им, что он поедет переговорить с ними [баронами] в Суассон в тот день, который они ему определили. И послы распрощались и возвратились назад. А маркиз предложил им [взять] из его коней и из его сокровищ, но они ничего взять не захотели. И когда они воротились, то дали баронам знать, что содеяли. Итак, маркиз приготовился к поездке и перевалил через горы и Мон Жу 6 и прибыл в Суассон во Франции. Наперед он известил баронов о своем прибытии, и бароны встретили его и устроили ему пышное празднество.

IV. Когда маркиз прибыл в Суассон, он спросил у баронов, почему они его позвали. И бароны посоветовались и сказали ему: «Сеньор, мы позвали вас потому, что граф Шампанский, наш сеньор, который был нашим предводителем, умер; и мы пригласили вас как самого умудренного опытом и доблестного человека, какого мы [только] знаем, такого, который мог бы лучше всего посодействовать в походе по стезегосподней, предпринятом для служения богу. Мы все просим вас также, бога ради, быть нашим сеньором и из любви к богу взять крест». И при этих словах бароны преклонили перед ним колени и сказали ему, чтобы он не утруждал себя изысканием денег, потому что они отдадут ему большую часть денег, которые оставил крестоносцам граф Шампанский. Маркиз сказал, что обсудит [предложение]; и когда он посоветовался, то ответил, что возьмет крест из любви к богу и ради того, чтобы помочь Заморской земле. А епископ Суассонский⁷ был уже наготове и дал ему крест. И когда он взял его, тогда ему вручили двадцать пять тысяч ливров из тех денег, которые оставил крестоносцам граф Шампанский.

V. Когда маркиз взял крест, он сказал баронам: «Сеньоры, – сказал маркиз, – куда желали бы вы направиться и в какую землю сарацин хотели бы пойти?» Бароны ответили, что они не хотят идти в страну Сирию, ибо не смогли бы там добиться ничего путного; они думают отправиться в Вавилон⁸ или в Александрию, в самую сердцевину стран сарацин, туда, где они сумели бы причинить им наибольший вред; и они намерены нанять флот, который всех их перевез бы туда. Тогда маркиз сказал, что это хороший план, и что он охотно присоединяется к нему, и что нужно для этого направить добрых послов, выбранных из лучших [имеющихся] среди них рыцарей, в Пизу, в Геную и в Венецию; все бароны согласились с этим планом.

VI. Тогда они избрали своих послов; все решили, что туда должны отправиться мессир Конон Бетюнский и маршал Шампанский⁹; выбрав своих послов, бароны разъехались, и маркиз уехал в свою землю, и каждый из остальных тоже. А послам поручили нанять корабли для перевозки четырех тысяч рыцарей и их снаряжения и ста тысяч пеших воинов¹⁰. Послы приготовились к своей поездке и отправились в нее без промедления. Они прибыли в Геную и поведали генуэзцам [о своем деле] и сказали им, чего они добиваются, и генуэзцы сказали, что они никоим образом не могут прийти им на помощь в этом деле. Затем послы отправились в Пизу и обратились к пизанцам, и те ответили им, что у них не хватило бы достаточного количества судов и что они ничего не смогли бы сделать. Потом, наконец, они отправились в Венецию, и поведали дожу Венеции¹¹ [о своем деле] и сказали, для чего они приехали, [а именно], что они хотят обеспечить перевоз четырех тысяч рыцарей и их снаряжения и ста тысяч пехотинцев. Услышав то, дож сказал, что посоветуется об этом деле, ибо столь крупное предприятие нужно хорошенько обдумать. Итак, он созвал всех высоких советников города, и переговорил с ними, и поведал им, что у него попросили [послы]. И когда они хорошенько обсудили, дож тогда

ответил послам и сказал им: «Сеньоры, мы охотно заключим с вами сделку, и мы поставим вам достаточный флот за сто тысяч марок, если вам угодно, договорившись, что вместе с вами отправлюсь и я, а также половина тех, кто во всей Венеции способен носить оружие, и на условии, что мы получим половину всех завоеваний, которые будут там добыты; и мы поставим вам, [кроме того], за наш счет пятьдесят галер, и в течение года с того дня, который мы вам назначим, мы перевезем вас в ту страну, какую вы пожелаете, будь то Вавилон или Александрия». Когда послы это услышали, они отвечали, что сто тысяч марок - это чересчур дорого; и они столь успешно поторговались, что заключили сделку за восемьдесят семь тысяч марок; дож, венецианцы и послы поклялись исполнить этот договор. Затем дож сказал, что хотел бы получить задаток в двадцать пять тысяч марок, чтобы начать постройку флота; и послы ответили, чтобы он направил вместе с ними во Францию [своих] послов и что они им охотно уплатят двадцать пять тысяч марок. После чего послы распрощались и уехали; дож же послал вместе с ними знатного мужа из Венеции для получения задатка.

VII. После того дож приказал огласить по всей Венеции свое распоряжение: пусть никакой венецианец никоим образом не осмеливается заниматься торговлей, но пусть все помогают строить флот; так они и сделали. Они начали сооружать самый богатый, какой когда-либо видели, флот.

VIII. Когда послы воротились во Францию, они дали знать, что вернулись. Тогда пригласили всех баронов-крестоносцев явиться в Корби. И когда все они там собрались, послы сказали, чего они добились. Когда бароны услышали их, они были этим сильно обрадованы, и целиком одобрили [то], что [послы] совершили, и оказали большие почести посланцам дожа Венеции, и вручили им деньги графа Шампанского и деньги, которые собрал господин Фульк, а потом граф Фландрский добавил из своих денег, так что вышло двадцать пять тысяч марок. И их вручили послу дожа Венеции и дали ему добрую охрану для сопровождения его до его страны.

IX. Потом было велено всем крестоносцам из всех земель отправиться в дорогу на пасху с тем, чтобы прибыть в Венецию непременно между Пятидесятницей¹² и августом месяцем. Так они и поступили. И когда прошла Пасха, они прибыли все до одного. И много было отцов и матерей, сестер и братьев, жен и детей, которые сильно печалились из-за отъезда тех, кого они любили.

X. Когда все пилигримы собрались в Венеции и увидели богатый флот, который был построен, богатые нефы, большие галиоты и юисье для перевозки коней, и галеры, они сильно дивились [этому] так же, как и большим богатством, которое встретили в городе. Увидев, что не могут все в нем разместиться, они посоветовались между собой и решили расположиться на острове св. Николая¹³, который целиком был окружен морем и находился на расстоянии одного лье от Венеции. Пилигримы отправились оттуда на остров - разбили там свои палатки и устроились наилучшим образом, как только могли.

XI. Увидев, что все пилигримы прибыли, дож Венеции созвал всех венецианцев. И когда они все явились, он распорядился, чтобы половина из них снарядилась и приготовилась погрузиться на корабли вместе с пилигримами. Когда венецианцы услышали это, одни возрадовались, другие сказали, что не могут идти [в поход]; и они не могли достигнуть согласия о том, как половина из них сумела бы отправиться [в поход]. Дело дошло до того, что бросили жребий...

Едва только пилигримы расположились на острове св. Николая, дож Венеции и венецианцы направились для переговоров с ними, и они потребовали уплаты обусловленной суммы за наем флота, который они снарядили. И дож тогда сказал им, что они поступили [168] плохо, ибо запрашивали через своих послов подготовить флот на четыре тысячи рыцарей с их снаряжением и на сто тысяч пеших воинов, а из этих четырех тысяч рыцарей пришло не более одной тысячи, потому что прочие отправились в другие гавани; что же до ста тысяч пеших воинов, то явилось не более пятидесяти или шестидесяти тысяч. «Вот почему мы хотим, - сказал дож, - чтобы вы уплатили нам деньги, о которых мы договорились». Услышав такое, крестоносцы стали совещаться и порешили между собой, что каждый рыцарь уплатит четыре марки [за себя] и за каждого коня - четыре, и каждый конный оруженосец - две марки, и что тот, кто даст самую малую сумму, даст одну марку. Собрав эти деньги, они уплатили их венецианцам, но еще осталось уплатить пятьдесят тысяч марок. Когда дож и венецианцы увидели, что пилигримы не заплатили им больше, все они были разгневаны, так что дож сказал им [крестоносцам]: «Сеньоры, сказал он, на наш взгляд, вы поступили худо, ибо как только ваши послы заключили сделку со мной и моим народом, я повелел, чтобы ни один купец во всей моей земле не занимался торговлей, но чтобы они пособляли подготовить флот, и с тех пор они приложили к этому [свои] старания и вот уже целый год с половиной и более ничего не заработали на этом. Мало того, они много израсходовали на это [дело]; поэтому мои люди желают, и я также, чтобы вы уплатили нам деньги, которые вы нам должны. Если вы этого не сделаете, то знайте, что вы не двинетесь с этого острова до того мгновения, пока мы не получим свое, более того, вы не найдете никого, кто бы принес вам питье и еду». Дождь был многоопытным человеком и потому не позволял доставлять им в достаточном количестве питье и еду.

XII. Когда графы и простые воины-крестоносцы услышали, что сказал дож, они весьма приуныли и почувствовали себя в весьма затруднительном положении, и тогда учинили вторичный сбор [денег] и заняли сколько могли у тех, у кого, как они считали, имеются деньги. Тогда они уплатили (собранную сумму) дожу и, когда произвели ее уплату, осталось недоплаченными еще тридцать шесть тысяч марок; и тогда они им (крестоносцы венецианцам) сказали, что их [крестоносцев] дела плохи, и что войско сильно обеднело из-за этой уплаты, которую они произвели, и что у них больше нет денег для уплаты, но что у них осталась лишь малая

толика для содержания рати. Увидев, что они [действительно] не могут выплатить все деньги, но сильно огорчены этим, дож переговорил со своими и сказал им: «Сеньоры, если мы отпустим этих людей уйти восвояси, то навсегда прослышем дрянными обманщиками. Пойдемте-ка лучше к ним и скажем им, что если они хотят вернуть нам эти тридцать шесть тысяч марок, которые они нам должны, из первых же завоеваний, которые они произведут и которые составят их долю, то мы перевезем их за море». Венецианцы согласились поступить так, как сказал дож. Они тотчас же направились к пилигримам туда, где те располагались. И когда они туда явились, дож сказал пилигримам: «Сеньоры, – сказал он, – мы, мои люди и я, рассудили таким образом, что если вы хотите законно гарантировать нам, что уплатите нам эти тридцать шесть тысяч марок, которые вы нам должны, из первой же добычи, которую вы захватите как свою часть, то мы перевезем вас за море». Когда крестоносцы услышали, что им сказал и что определил дож, то они весьма возрадовались, и припадали к его стопам от радости, и клялись ему, что весьма охотно сделают то, что дож им определил. После чего они устроили столь большое веселье ночью, что не было ни одного бедняка, который не возжег бы большого факела, и они носили на остриях копий большие светильники вокруг своих палаток и внутри [них], так что казалось, что все войско объято пламенем.

XIII... Дождь явился к ним [крестоносцам]¹⁴ и сказал им: «Сеньоры, сейчас зима: мы не смогли бы плыть за море; правда, меня-то это не удержало бы, потому что я уж взялся вас перевезти, если бы только это вас не удержало. Однако давайте-ка сделаем доброе дело!» Сказал дож: «Недалеко отсюда есть город под названием Задар. Жители этого города причинили нам великое зло, и я и мои люди, мы хотим отомстить им, если сможем. И, поверьте мне, мы отдохнем там эту зиму, примерно, до пасхи. А к тому времени мы подготовим наш флот и тогда уже с помощью господ бога поплывем за море. Город же Задар очень хорош и весьма богат всяким добром». Бароны и знатные крестоносцы дали свое согласие на то, что предложил дож; но все остальные в войске не знали об этом решении: там присутствовали только люди самого высокого положения. Итак, все они сообща приготовились к своему походу, приготовили свой флот и вышли в море. И у каждого из знатных людей был свой неф – для него и его вассалов, и свой юисье – для его коней, и у дожа Венеции было пятьдесят галер, поставленных целиком за его счет. Галера, на которой находился он сам, вся была алого цвета, и на носу ее развевался алый шелковый стяг; здесь стояли четыре трубача, трубившие в серебряные трубы, и находились кимвалы¹⁵ которые гремели, выражая большое торжество. И все знатные люди, клирики и миряне, малые и великие, выказывали при отплытии такую радость, какой никогда еще не слышали, да и флота такого никогда не было выдано. Пилигримы заставили всех священников и клириков подняться на корабельные башни, и они там пели *Veni creator spiritus*¹⁶. И все до единого, великие и малые, плакали от наплыва чувств и большой радости, которую они испытывали. И когда флот отплыл из гавани Венеции, все эти галиоты, все эти богатые корабли и столько других судов – это было со времени сотворения мира самое великолепное зрелище: ведь там было, по крайней мере, сто пар серебряных и медных труб, которые все трубили при отплытии, и столько колокольчиков, и барабанов, и иных инструментов, что это было настоящее чудо. Они плыли по этому морю, натянув паруса и с поднятыми на корабельных башнях стягами и флажками, и можно было, сказать, что все море кишело кораблями, которые они пустили сюда плыть, и как бы пламенело от великой радости, которую они испытывали. Так достигли они города под названием Пола. Они причалили туда, подкрепились и побыли там потом немного, пока хорошенько не освежили свои силы и не пополнили съестные припасы, которые закупили и погрузили на свои корабли. Затем они снова вышли в море. Если они ликовали и радовались великой радостью уже до того, то в это мгновение они тоже переживали радость и даже еще большую, так что жители города надивиться не могли на такое их торжество, и на их огромный флот, и на их великую знатность; они говорили, – и то была сушая правда, – что никогда и ни в какой стране не видано было такого флота, который был бы столь же прекрасен и столь же богат, как этот.

XIV. Венецианцы и пилигримы держали курс так, что прибыли к Задару в ночь на праздник святого Мартина¹⁷. Жители города Задара, увидев эти суда и этот огромный флот, затрепетали от страха. Они заперли все городские ворота и вооружились самым лучшим образом, как люди, решившие защищаться. Когда они вооружились, дож обратился ко всем знатным [людям] в войске. Он сказал им: «Сеньоры, сей город причинил нам много зла, мне и моим людям: я бы охотно отомстил ему за это. И я прошу вас также быть мне в помощь». И все бароны и люди высокого положения ответили ему, что охотно ему помогут. Ну, а жители-то Задара хорошо знали, что венецианцы ненавидели их. И они [жители Задара] запаслись также грамотами из Рима, где говорилось, что все те, кто пойдет на них войной или причинит им какой-либо вред, будут отлучены [от церкви]¹⁸. С добрыми послами они переслали эти грамоты дожу и крестоносцам, которые туда причалили. Когда послы явились в войско, грамоты папы римского были прочитаны дожу и пилигримам. Когда грамоты прочитали и дож услышал их, он сказал, что, не откажется отомстить жителям города из-за папского отлучения. После этого послы удалились. Дождь вторично обратился к баронам и сказал им: «Сеньоры, знайте, что я ни при каких обстоятельствах не откажусь отомстить им, даже папы ради!». И он попросил баронов помочь ему. Все бароны ответили, что они охотно пособят ему; остались в стороне только граф Симон де Монфор и мессир Ангерран де Бов¹⁹. Последние сказали, что не пойдут против воли папы, ибо не желают быть отлученными; и тогда они собрались и уехали на всю зиму в Венгрию. Когда дож увидел, что бароны ему помогут, он приказал расставить свои орудия для осады города; жители города увидели тогда, что долго им не продержаться, и они

сдались на милость [крестоносцам] и сдали им город. Пилигримы и венецианцы вступили в него и поделили город на две половины: пилигримы получили одну половину, а венецианцы – другую.

XV. А потом случилось так, что вспыхнула распря между венецианцами и меньшим народом пилигримов, которая продолжалась целую ночь и еще полдня. И эта распря была столь великой, что рыцари лишь с большим трудом могли разнять их. Разняв их, они установили столь добрый мир между ними, что с того времени они никогда уже не препирались друг с другом.

Потом знатные крестоносцы и венецианцы советовались по поводу отлучения, которому они подверглись из-за того, что взяли город. И они порешили между собой направить в Рим гонцов, чтобы добиться снятия отлучения: туда послали епископа Суассонского и монсеньора Робера де Бов, которые испросили у папы грамоты, гласившие, что отлучение снято со всех пилигримов и всех венецианцев. Получив эти грамоты, епископ по возможности раньше вернулся; монсеньор же Робер де Бов не воротился вместе с ним, а отправился прямо из Рима за море.

XVI. Между тем, пока крестоносцы и венецианцы пребывали там в течение зимы, они призадумались о том, что сильно поиздержались. Они совещались об этом и решили, что не могут плыть ни в Вавилон, ни в Александрию, ни в Сирию, ибо у них нет ни съестных припасов, ни денег, с помощью которых они могли бы двинуться туда, поскольку они почти все истратили, как па текущие расходы, которые им пришлось производить, так и на то, чтобы заплатить большую сумму за наем флота. Они сказали, что не могут больше плыть дальше, а если и направятся туда, то ничего там не достигнут, потому что у них нет ни продуктов питания ни денег, которыми смогли бы продержаться.

¹ См. Жоффруа де Виллардуэн.

² Хронист именует императором германского короля Филиппа Швабского (Гогенштауфена) (1198-1208 гг.).

³ То есть рождества Христова, которое, по учению христианской церкви, представляло собой акт воплощения «слова божьего», или святого духа, в образ человека – Иисуса Христа.

⁴ См. Жоффруа де Виллардуэн.

⁵ Имеется в виду Иль де Франс и другие области королевского домена во Франции.

⁶ Мон Жу – Сен-Бернарский проход в Альпах.

⁷ Епископ Невелон Суассонский. В I главе Робер де Клари называет имя этого церковнослужителя первым в перечне французских и немецких князей церкви, изъявивших готовность отправиться в крестовый поход.

⁸ Т.е. в Каир.

⁹ Имеется в виду Жоффруа Виллардуэн, впоследствии – историк Четвертого крестового похода.

¹⁰ Первая цифра близка к той, которая фигурирует и в договоре крестоносцев с Венецией от 1201 г.: по договору она обязалась поставить флот для перевозки 4500 рыцарей. Вторая цифра - 100 тысяч пехоты - вымысел Робера де Клари: текст договора называет цифры в 9 тысяч щитоносцев и 20 тыс. пехоты.

¹¹ Венецианский дож Энрико Дандоло (1193-1205 гг.).

¹² Церковный праздник, иначе – Троица.

¹³ Остров Лидо вблизи Венеции.

¹⁴ Робер де Клари рассказывает о пребывании крестоносцев на острове Лидо осенью 1202 г.

¹⁵ Большие барабаны.

¹⁶ Лат.: «Приди, о дух всевидущий» - начальные слова из литургического песнопения.

¹⁷ 10 ноября 1202 г.

¹⁸ Иннокентий III действительно в особом послании к крестоносцам, направленном им через аббата де Лочедо, запретил им «нападать на христианские земли».

¹⁹ Это был клирик, младший на братьев де Бов: старшими были рыцари Робер и Юг де Бов. Мемуарист упоминает их в I гл. Записок, перечисляя участников похода из области Амьенуа.

(Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя»)

Гунтер Пэрисский – монах, автор «Истории завоевания Константинополя».

II. ...В то самое время, когда сей достославный французский проповедник по имени Фулько Парижский побуждал своими проповедями все племена франков, всю Фландрию, Нормандию и Бретань, а также другие области к оказанию помощи Святой земле и прежде всего прекрасному граду Иерусалиму, долго находившемуся под владычеством варваров, жил в Верхней Германии некий муж Мартин, аббат цистерцианского монастыря, что расположен в Базельском епископстве и называется также Пэрисским¹. Уже по самому началу два эти обстоятельства, казалось, заключали [в себе] нечто чудесное: ибо как тот, кто уже проповедовал слово креста, так и тот, кто спустя некоторое время должен был стать его проповедником, оба эти мужа, говорю я, равные по выполняемому [ими] служению, имели и одинаковое прозвание – «из Парижа»; только один [получил его] по имени своего города, откуда был родом, а другой - по имени обители, которую возглавлял как духовный отец. Ибо каждое из этих мест, то есть и упомянутый монастырь..., и прославленный город франков, именуется Парижем.

...Ныне эта церковь², милостью господа, который из праха подымлет своих бедняков³, пользуется известностью, богата землями и добром, украшена строениями и, что важнее всего, ночью и днем верно служит богу.

Аббат же, о котором мы говорим, хотя и являлся мужем пожилым, но обладал приятным лицом, был умен в совете, общителен, красноречив, кроток и полон смирения среди своей братии и, подобно каждому из монахов, имел немалое влияние на мирян, и, доступный [в обращении], был чтим и любим теми и другими⁴.

Аббат сей получил поручение от верховного понтифика⁵ Иннокентия, который стоял тогда во главе святой римской церкви, будучи третьим под этим именем, самому, не колеблясь, принять крест⁶ и [взяться] всенародно проповедовать его другим в своей округе. Аббат в том и другом повиновался папскому повелению. Он тотчас ревностно и с полной убежденностью приступил к проповеди - всем на диво, ибо его считали человеком хилого сложения, непригодным к таким трудам. Так держал он речь перед духовенством и народом в своем городе, называемом греческим словом Басилей⁷, что значит королевский город, а именно в знаменитом храме святой девы Марии, куда, возбужденная новыми слухами, собралась масса людей из обоих сословий⁸. Ведь они уже давно прослышали⁹ [о том], что другие окрестные земли побуждаются [собирающими множество народа] проповедями [ко вступлению] в воинство христово; в сей же местности еще никто не обмолвился об этом ни [единым] словом. Потому-то и столь многие из них ожидали такого призыва с горячим желанием, готовые душой вступить в рать христову. Так стояли все они с разверстыми ушами, устремив прямо на него свои взоры, и весьма жадно вслушивались [в его слова, ожидая], что он повелит, или в чем будет увещевать, и что из божественной благости пообещает тем, кто изъявит охоту [последовать его велениям].

III. ...Слушая эти слова достопочтенного мужа, все присутствовавшие были сильно взволнованы. Ты мог бы увидеть слезы, обильно текущие как по его лицу, так и по лицам всех прочих; услышал бы стенания, рыдания, вздохи и прочее в подобном же роде, которые были знаком внутреннего потрясения.

В гл. IV повествуется о том, как аббат Мартин, взяв на себя не только заботу о душах будущих крестоносцев, но и руководство ими, назначил срок выступления из Базеля - сборного пункта - и продолжил проповеди в других, прежде всего многонаселенных, местах. Затем, в сентябре 1201 г., аббат отправился в Сито - главную резиденцию монашеского ордена, получил у его аббата и капитула дозволение идти в поход и вернулся восвояси, где вновь стал вести проповедь крестового похода. В начале гл. V хронист говорит о вступлении в поход отряда крестоносцев, предводительствуемых Мартином, которые весной 1202 г., выйдя из Базеля, избрали дорогу, требовавшую наименьших усилий и самую краткую - она вела через узкие проходы в Альпах к итальянскому городу Вероне.

V. ...Их опережала такая громкая, шумная молва, что навстречу им толпами поспешали не только те [люди], через чьи земли проходил их путь, но и жители [других] деревень и городов, [которые] принимали их весьма благосклонно и с дружелюбием, доставляя им по умеренным ценам необходимые съестные продукты. Особенно поражались они Мартину, потому что этот человек, одетый в монашеское платье и живший исключительно духовной жизнью, вел вооруженную рать и сам с таким пылом отдавался столь утомительным трудам...

...Когда [они] прибыли в Верону, воины-пилигримы вместе со своим предводителем были с величайшей радостью встречены как населением города, так и массой других крестоносцев, множество которых собралось сюда со всех концов света.

Пробыв в Вероне около двух месяцев, воины-пилигримы правились к Венеции.

¹ Имеется в виду монастырь Пэрис в Вогезах (совр. Эльзас). Оба названия - «Париж» и «Пэрис» - на латинском языке имеют одинаковое начертание: «Parisius».

² Монастырь Пэрис.

³ Цитата из Библии: I книга Царств, гл. 2, ст. 8.

⁴ Т.е. духовенством и мирянами.

⁵ Договор крестоносцев с Венецией 1201 г.

⁶ То есть принять обязательство (обет) отправиться в крестовый поход.

⁷ То есть Базель. По-гречески «басилейя» - царская.

⁸ Хронист имеет в виду духовенство и мирян.

⁹ Послание Иннокентия III с призывом к крестовому походу было направлено в разные страны еще 31 декабря 1199 г. Проповедь аббата Мартина относится, видимо, к лету 1201 г.

Договор господина Балдуина, графа Фландрского, и Теобальда, графа Труаского, и господина Людовика, графа Блуаского, заклученный со знатным господином Энрико Дандоло, дожем Венеции, о перевозке в Святую землю (1201 г.)¹

Многократно сообщалось, что [некогда] земля Иерусалимская была захвачена язычниками и [затем], когда и как то было угодно господу, освобождена во хвалу [его] и к его славе². В наше время, однако, население этой страны вновь впало в столь плачевное состояние, что Иерусалим, где покоилось [когда-то] почитаемое

тело [господа], взят врагами креста Христова, приумножающими тьму нечестивых деяний, причиненных ему; взяты [также] другие города и крепости, так что сохранилось лишь немного таких мест, которые не попали бы под их владычество³. Мы не должны думать, что это произошло в силу несправедливости разящего судии⁴, но вернее [это случилось, как надо считать], из-за несправедности провинившегося народа, ибо читаем [в книгах], что когда народ обращался к господу, то один человек заставлял отступить тысячу, а двое гнали (перед собой) десять тысяч⁵. Ибо если бы господь хотел, то [своим] бесценным приговором он покарал бы [за] причиненное ему зло; но он весьма желал испытать христиан и показать им, что коль скоро находится кто-либо, кто разумеет бога или устремляется к нему [душой], то такой человек с радостью воспримлет ниспосланную ему в определенное время кару, и берет меч и щит, и поднимается на подмогу [всевышнему]. Многие князья, а именно римский император⁶, короли Франции⁷ и Англии⁸, герцоги, маркизы, графы и бесчисленные бароны, а также прочие, опоясавшись силой меча, поспешили на освобождение Святой земли, но поскольку они не были вполне единомышленны в [деле] служения [богу], то мало [в чем] преуспели в этих краях⁹.

Итак богу угодно было в настоящее время внушить вам, светлейшим князьям, графам Балдуину Фландрскому и Эно¹⁰, палатину Теобальду Труасскому¹¹, Людовику Блуасскому и Клермонскому¹² и другим мужам [столь же] благородной крови, дабы, осененные знаменем креста, подняли меч во служение ему¹³, против нечестивых деяний варваров. Посему, зрело поразмыслив и не видя, что иное могло бы оказать столь серьезную помощь Святой земле и обуздать врагов, кроме того, чтобы волей божьей вы соединились с нами и мы совместно предприняли бы это служение [богу], – вы направили к нам весьма благородных мужей Конона Бетюнского, маршала Гауфреда¹⁴, Иоанна де Фригес¹⁵, Аларда Макерельского, Милона деПровэн и Гвальтера де Гаудонвилла со смиренной мольбой, чтобы мы, руководствуясь божественным милосердием, дали вам совет и помощь¹⁶ в этом деле; [и было заявлено], что вы полностью изложите ваши пожелания и намерения и что вы пожелаете сделать все согласно нашей воле и [нашему] совету, который будет дан.

Выслушав [все] это, [что было говорено] послами и сказано во врученных нам с вашей стороны грамотах, мы, Энрико Дандоло, милостью божьей дож Венеции, Далмации и Кроации, приняв, что следовало, с [подобными] почестями и быстрою, возрадовались во глубине души нашей и вспомнили наших предшественников¹⁷, которые в надлежащее время великодушно приходили на помощь Иерусалимскому королевству, за что, с соизволения господя, удостоились славы и почета. Мы тщательно выслушали ваши просьбы, почитая господя и следуя движению сердца и всей души, еще и вследствие обращения верховного понтифика¹⁸, который весьма часто с отеческой заботливостью увещевал нас об этом, а также потому, что мы не сомневаемся [в том], что вы хотите потрудиться [ради дела бога] преданно, с чистыми помыслами и верностью.

Итак, названные выше послы просили, чтобы мы предоставили вам флот для перевоза четырех тысяч пятисот хорошо вооруженных рыцарей и стольких же коней, и девяти тысяч щитоносцев (притом, если этих щитоносцев не достанет, то сумма денег, названная ниже, не должна быть уменьшена), и двадцати тысяч хорошо вооруженных пехотинцев, со съестными припасами, [сроком] на один год, что мы и обещали им предоставить. Продовольствие на одного человека будет [таково]: каждому – шесть секстариев хлеба, и мукой, и зерном, и овощами, и пол-амфоры вина. А на каждого коня – три венецианской меры модия [корма], воды же – сколько потребуется. Для перевоза указанных выше коней мы должны поставить столько уссериев¹⁹, сколько соответственно будут необходимы. [Что же касается] судов для перевоза людей, [то] мы дадим [их] столько, сколько сообразно определению нашему и баронов наших, сделанному по совести, будет достаточно.

И этот вышеупомянутый флот должен быть поставлен в течение одного года, начиная с праздника святых апостолов Петра и Павла²⁰, грядущего к чести бога и блаженного апостола и евангелиста Марка²¹ и [всего] христианства, если это [условие] будет сочтено целесообразным и сохранится только нашей и вашей общей волей.

Сверх того, однако, и мы [сами] по собственному желанию должны выставить для служения божьего пятьдесят вооруженных галер, которые точно так же будут [находиться] на службе господя в течение года, коль скоро это [условие] будет сочтено целесообразным и сохранится лишь нашей и вашей волей.

За это вы обязуетесь уплатить нам восемьдесят пять тысяч марок чистого серебра кельнской меры, которая употребляется в нашей земле; из этой суммы мы должны получить пятьдесят тысяч марок к августовским календам²²; другие десять тысяч – между этим сроком и праздником всех святых²³; еще десять тысяч – ко дню очищения блаженной [девы] Марии²⁴. Остальные пятнадцать тысяч марок мы должны получить, начиная с этого дня и в течение всего ближайшего месяца апреля²⁵. А в течение всего этого месяца и люди и кони со всем необходимым снаряжением должны прибыть в Венецию для перевоза; и они должны отправиться [в поход] и находиться на службе бога один год, если будет сочтено целесообразным и [условие это] сохранится только нашей и вашей волей.

Не следует упускать из виду [и то], что вы не должны приобретать съестное [где-либо] между Кремоной и Венецией, а также между Болоньей, Иммолой, Фавенцией и Венецией иначе как с нашего согласия.

И между нами и вами должно быть такое прочное единение, что мы должны хорошо обходиться с вами, а вы – с нами.

Если же по соизволению божьему мы сообщим или порознь добудем что-либо силою или по договору, то из всего этого мы должны получить половину, а вы – другую половину.

Все выше изложенное послы ваши, упомянутые [ранее], от своего имени, а также за ваши души скрепили клятвою на святом Евангелии божем; [они поклялись], что вами и ими [все это] будет соблюдено, что и вы сами таким же образом поклянетесь в том, что выполните [упомянутые условия], и заставите поклясться ваших баронов в том, что они [их] выполнят, и всю рать, которая будет выставлена с вашей стороны, если [на то] сохранится наша воля. Если сможете, вы склоните также поклясться в том же господина короля Франции²⁶.

Мы же [со своей стороны] поклялись в том, что исполним все, что обязались дать вам согласно сказанному выше о флоте, если будет соблюдено то, что было нам обещано с вашей стороны, и все прочее, записанное в этом соглашении; равным образом в этом поклянутся и наши бароны. А если мы не явимся с упомянутым выше войском, [тогда] те, кто заменят нас²⁷, в этом предприятии, поклянутся выполнить [договоренное] и заставят поклясться [в этом] всех прочих, кто будет с нашей стороны в этом войске, коль скоро [на то] будет ваша воля.

Относительно же нашей воли и воли ваших послов насчет [всего] сказанного постановлено, что надлежит избрать по шесть мужей с каждой стороны с тем, чтобы в случае возникновения какого-либо осложнения между нашей и вашей ратью, да отвратит его бог, они уладили бы [споры], приведя [всех] к согласию; и это они также будут совершать под клятвою и по совести.

Вы добьетесь также того, чтобы получить от господина папы грамоту об этом соглашении, заключенном подобным образом, с тем, чтобы, если какая-либо из сторон отступит от этого договора, на нее была бы возложена та доля наказания, которую она по справедливости должна нести.

Для того же, чтобы все написанное обрело прочность, мы повелели скрепить этот текст печатью, выдавленной нашей свинцовой буллой.

Акт совершен в Венеции, в Риво Альто, во дворце упомянутого господина дожа. Писано рукой Андреа Конрадо, пресвитера и канцлера нашей курии, в год от воплощения господа тысяча двести первый, месяца апреля, четвертого индикта²⁸.

Я, Вивиан, писец-нотарий и судья господина Генриха, римского императора, видел и читал подлинник этого [договора], ничего не добавил и не сократил, сохранив лишь то, что нашел, доподлинно скопировал это в сию книгу, собственноручно скрепил и подписал.

¹ Текст этого договора приводится в хронике венецианского историка XIV в. Андреа Дандоло. Автор сообщает вначале о том, как на десятом году правления дожа Энрико Дандоло в Венецию прибыли послы крестоносцев, которые вступили с ним в переговоры; затем, передав вкратце основное содержание соглашения, заключенного Венецией с предводителями крестоносцев, и отозвавшись в похвальном тоне о твердом исполнении условий этого договора со стороны дожа, отметив также, что во время отсутствия последнего в Венеции его заменял сын – Райнерий Дандоло, хронист помещает самый текст договора.

² Имеется в виду завоевание Иерусалима крестоносцами, участниками Первого похода, в 1099 г.

³ Речь идет об успехах арабов в борьбе против завоевателей-крестоносцев, в особенности об успехах, одержанных после разгрома сил Иерусалимского королевства в битве при Хаттине и захвата Иерусалима Салах ад-Дином в 1187 г.

⁴ Т.е. бога.

⁵ Авторы этой преамбулы договора имеют в виду, в первую очередь, библейские легенды подобного рода, но, возможно, также и гиперболизированные хронистами XII в. известия о подвигах «святых» рыцарей, участников Первого крестового похода. «Героические» сказания об их деяниях, о победах немногих крестоносцев над целыми армиями «неверных» и пр. получили в XII в. широкое распространение на Западе.

⁶ Фридрих I Барбаросса.

⁷ Филипп II Август.

⁸ Ричард I Львиное Сердце.

⁹ Здесь подразумеваются события Третьего крестового похода 1189-1192 гг., завершившегося полупоражением крестоносцев, которое было обусловлено, главным образом, взаимной враждой крупнейших западных государств, выславших крестоносные армии на Восток.

¹⁰ Бодуэн IX, граф Фландрии и Эно, с мая 1204 г. – первый государь основанной крестоносцами Латинской империи.

¹¹ Граф Тибо Шампанский.

¹² Граф Луи Блуасский.

¹³ Т.е. богу.

¹⁴ Так в латинской транскрипции именуется здесь маршал Жоффруа Виллардуэн из Шампани.

¹⁵ Латинская транскрипция имени Жана Фризского, упоминаемого в мемуарах Жоффруа Виллардуэна.

¹⁶ «Дать совет и помощь» – традиционная формула обращения в практике взаимоотношений между феодалами.

¹⁷ Имеются в виду прежние венецианские дожи.

¹⁸ Так в средние века именовали папу римского (здесь имеется в виду Иннокентий III).

¹⁹ Уссерии (соответствуют «юисье» французских авторов) – корабли, в трюмах которых перевозились лошади.

²⁰ 29 июня 1201 г.

²¹ Апостол Марк, которому церковь приписывает авторство одного из евангелий, считался покровителем Венеции. Последняя поэтому нередко именуется в источниках городом или республикой св. Марка.

²² 1 августа 1201 г.

²³ 1 ноября 1201 г.

²⁴ 2 февраля 1202 г.

²⁵ То есть в течение апреля 1202 г.

²⁶ Имеется в виду Филипп II Август, который, однако, как известно, не принял непосредственного участия в Четвертом крестовом походе.

²⁷ Т.е. другой дож, который сменит престарелого Энрико Дандоло (ему было тогда за 90 лет).

²⁸ Индикт – средневековая мера отсчета годов по пятнадцатилетним циклам. Система индиктов была введена в период Позднеримской империи. В разных христианских странах начальная дата индикта была неодинаковой. В Риме до 1087 г. ею считалось 1 сентября, затем – 1 января или 25 декабря («рождество Христово»).

Захват города Зары крестоносцами

Осада Зары (10 ноября 1202 года – 23 ноября 1202 г.) – первая военная акция, предпринятая в ходе 4-го Крестового похода и первое в истории крестовых походов нападение крестоносцев на католический город. Нападение на Зару (современный хорватский Задар) состоялось по инициативе Республики Венеция, т.к. Задар был ее серьезным соперником в морской торговле на Адриатике. После осады город был взят и разграблен, несмотря на письма Иннокентия III, который угрожал крестоносцам отлучением в случае разорения католического города.

(Жоффруа Виллардуэн, «Завоевание Константинополя»)

47. После Пасхи, около Пятидесятницы¹ пилигримы начали отправляться из своих земель. И знайте, что много было пролито слез жалости, когда они покидали свои края, их люди и их друзья... Так отправились они через Бургундию и горы Монжьо² через гору Сенис³ и Ломбардию. И таким образом начали они собираться в Венецию и размещались на некоем острове, который именуется островом св. Николая⁴ [и находится] в гавани...

Далее автор рассказывает о тех отрядах крестоносцев, которые, сев на корабли во Фландрии, поплыли было в Венецию через Гибралтар, но не сдержали слова, данного сеньорам – графу Бодуэну Фландрскому и Генриху д'Эно, – и, убоявшись опасностей, которым подверглись те, кто связал себя с Венецией, направились в Сирию, минуя этот город⁵.

51. Больше мы не станем говорить вам о них и расскажем о пилигримах, большая часть которых уже прибыла в Венецию. Там уже был граф Бодуэн Фландрский⁶ и многие другие. Тут к ним пришло известие, что многие пилигримы направились другими дорогами в другие гавани; и они были весьма встревожены [этой новостью], ибо [вследствие этого] не могли бы выполнить договора и заплатить венецианцам деньги, которые были им должны.

52. И они порешили, посоветовавшись друг с другом, отправить надежных послов навстречу пилигримам, навстречу графу Луи Блуасскому⁷ и Шартрскому, который еще не прибыл, чтобы ободрить их и умолить их сжалиться над святою Заморскою землею, и напомнить им, что им невыгодна никакая другая дорога, кроме как через Венецию.

53. Для этого посольства были избраны граф Юг де Сен-Поль и Жоффруа, маршал Шампани; и они шли до Павии в Ломбардии⁸. Там они застали графа Луи с большим числом добрых рыцарей и пеших воинов. Их увещевания и их мольбы склонили отправиться в Венецию многих людей, имевших намерение пойти другими путями в другие гавани.

54. Тем не менее из Пьяченцы много добрых людей пошли другими дорогами в Апулию (следует перечень имен рыцарей, среди которых упоминается Жилль де Тразеньи, вассал Бодуэна Фландрского; последний дал ему из своих денег пятьсот ливров, чтобы он шел с ним в поход). Вместе с ними отправилось множество рыцарей и пеших людей, имена которых не записаны.

55. Это обстоятельство нанесло большой ущерб тем, которые отправились в Венецию, и было причиною большого для них несчастья, о чем вы можете скоро услышать.

56. Таким образом, граф Луи и другие бароны отправились в Венецию; и они были приняты там с великим торжеством и с великой радостью и расположились на острове св. Николая вместе с прочими [пилигримами]. Сколь прекрасно было это войско и какие превосходные [это были] люди; никогда никто не видел ни стольких воинов, ни такого отличного войска; и венецианцы продавали им [все] в таком изобилии, что хватало всякого добра, которое нужно было для коней и для людей; и корабли, изготовленные ими, были столь богаты и прекрасны, что никогда еще ни один христианин не видел ничего более богатого и прекрасного; галер и грузовых кораблей было в три раза больше, нежели сколько требовалось для пилигримов.

57. Ах! Как было жаль, что прочие, те, кто отправились в другие гавани, не явились сюда! Христианство непременно восторжествовало бы и земля турок понесла бы урон. Венецианцы превосходно выполнили перед ними [крестоносцами] все свои обязательства и даже сверх того; и они требовали теперь от графов и баронов сдержанность условия и с их стороны, и требовали произвести уплату денег; ибо они были готовы к отплытию.

58. В войске пилигримов потребовали собрать деньги в уплату за перевоз; и нашлось довольно таких, которые говорили, что не могут оплатить свой перевоз, и бароны собрали с них столько, сколько те могли [дать]. Таким образом, они внесли сколько смогли, денег. Когда же произвели сбор всей суммы в уплату перевоза и когда уплатили, то денег оказалось недостаточно – менее половины.

59. Тогда бароны сошлись вместе и рассудили так: «Сеньоры венецианцы очень хорошо выполнили свои обязательства и даже сверх того; но нас собралось здесь не столько, чтобы, оплатив наш перевоз, мы выполнили бы наши обязательства; и это случилось из-за отсутствия тех, кто отправился в другие гавани. А посему бога ради пусть каждый из нас выложит все свое имущество с тем, чтобы мы могли выполнить заключенные условия; ибо лучше уж оставить здесь все свое достояние, нежели потерять то, что мы уже внесли, и нарушить наши соглашения; ведь если это войско не отбудет [отсюда], то не удастся и отвоевание Заморской земли».

60. Тогда произошло великое разногласие, исходившее от большей части баронов и остальных [пилигримов], которые говорили: «Мы заплатили за свой перевоз и охотно отправимся, если они хотят нас

везти; если же не хотят, то мы соберем деньги и отправимся искать перевоза в другие места». Коль скоро они рассуждали таким образом, то потому, что им очень хотелось, чтобы войско распалось. А другая часть⁹ говорила: «Мы предпочитаем лучше отдать все свое достояние и отправиться в поход бедными, нежели видеть Войско распавшимся, ибо, если богу будет угодно, он вернет нам [наше]».

61. Тогда граф Фландрии начал отдавать все, что имел, и все, что смог занять¹⁰, и то же сделал граф Луи, и маркиз¹¹, и граф де Сен-Поль, и все те, которые держали их сторону. Вы могли бы увидеть тогда, сколько было снесено во дворец дожа прекрасных золотых и серебряных сосудов, чтобы произвести уплату. И когда они уплатили, все же тридцать четыре тысячи марок серебра не достало до обусловленной суммы. Этим [обстоятельством] были весьма обрадованы те, которые скрыли свое имущество и не пожелали из него ничего платить: они полагали, что войско распадется и рассеется. Но бог, который подает советы лишенным совета, не пожелал, чтобы они так страдали.

62. И тогда дож говорил своему народу и сказал ему: «Сеньоры, эти люди не могут больше платить; а то, что они уже заплатили, мы все это заработали в силу соглашения, которое они не в состоянии выполнить. Однако наше право не будет признано повсюду, и мы, и наше государство навлекли бы на себя сильное порицание. Потребуем-ка у них [полюбовного] соглашения».

63. Король Венгрии отнял у нас Задар¹² в Славонии¹³, который является одним из укрепленных городов на свете; при всем нашем могуществе, он никогда не сможет быть завоеван без помощи этих людей. Предложим им, чтобы они нам помогли его завоевать, и мы предоставим им отсрочку для уплаты тридцати четырех тысяч марок серебра, которые они нам должны, до тех пор, пока бог дозволит нам заработать их вместе, нам и им». Это предложение было внесено [крестоносцам]. И выступили против него многие из тех, кто хотел, чтобы войско рассеялось, но, несмотря на все, соглашение было заключено и утверждено.

64. В воскресенье все собрались в церкви св. Марка. Это было великое торжество; там было много местного люда и большая часть баронов и пилигримов.

65. Перед началом большой обедни¹⁴ дож Венеции, по имени Энрико Дандоло, взошел на кафедру и говорил народу и сказал ему: «Сеньоры, вы вступили в союз с лучшими людьми во вселенной и ради самого высокого дела, какое когда-либо предпринималось. Я уже стар и слаб, и нуждаюсь в покое, и страдаю телесными недугами¹⁵, но, тем не менее, я вижу, что нет среди вас никого, кто мог бы предводительствовать и руководить вами, как я, ваш правитель. Если вы дадите свое согласие, чтобы я взял знак креста, дабы охранять вас и править вами, и чтобы на моем месте остался мой сын и охранял бы страну, тогда я пойду жить или умирать имеете с вами и с пилигримами».

66. И когда они [крестоносцы] его слышали, то вскричали в один голос: «Мы вас молим богом, чтобы вы согласились и сделали бы это, и чтобы вы отправились вместе с нами».

67. Весьма велика была тогда жалость народа той земли и пилигримов, и много было пролито слез, ибо этот мудрый и добрый старец имел такие большие основания оставаться дома: ведь он был в преклонных годах и на его прекрасном лице были очи, коими он не видел ни капли, ибо он потерял зрение от раны в голову. Это был муж поистине великого сердца! Ах! как мало походили на него те, которые, дабы избежать опасности, отправлялись в другие гавани!

68. И так, он сошел с кафедры, и направился к алтарю и встал на колени, сильно плача; и ему нашили крест на его большую шапку¹⁶ из бумажной материи, спереди, ибо он хотел, чтобы все видели этот крест. И многие венецианцы начали также в большом числе и в великом множестве принимать крест; а до этого дня их взяло крест весьма немного. Наши пилигримы были весьма обрадованы и сильно тронуты тем, что дож возложил на себя крест, как по причине его мудрости, так и присущей ему доблести.

69. Таким-то образом, как вы слышала, дож принял крест, Тогда венецианцы начали готовить корабли, и галеры, и грузовые суда, чтобы принять на них баронов для отплытия; и уже так много времени прошло после назначенного срока, что приближался сентябрь¹⁷.

70. А теперь послушайте-ка об одном из величайших чудес и самом неожиданном происшествии, о каком когда-либо вы могли слышать. В это время был в Константинополе император по имени Исаак¹⁸; и у него был брат, которого звали Алексей¹⁹ которого он выкупил у турок из плена. Этот Алексей схватил своего брата императора к выколочил у него глаза прочь и сделался императором вследствие этой измены, как вы [только что] слышали²⁰. Он долго держал его в темнице вместе с его сыном по имени Алексей. Этот сын убежал из темницы и на корабле прибыл в один приморский город, называвшийся Анкона²¹. Оттуда он направился к королю Германии Филиппу²², который был женат на его сестре²³. И он явился в Верону, в Ломбардии, и остановился в этом городе, и нашел довольно пилигримов и другого народа, отправлявшихся в войско [крестоносцев]²⁴.

71. И те, которые помогли ему убежать и которые были с ним, говорили ему: «Государь, близ нас в Венеции находится войско, состоящее из лучших людей и лучших рыцарей в мире, которые отправляются за море; обратись к ним; пусть они сжалятся над тобою и над твоим отцом, который так претерпел и вы лишились своего наследия. И если они согласятся тебе помочь, ты сделаешь им все, что они тебе выскажут. Быть может, они сжалятся». И он сказал, что исполнит это весьма охотно, и что совет этот хорош.

72. Таким образом, он выбрал послов и отправил их к маркизу Бонифацию Монферратскому²⁵, который был предводителем войска, и к другим баронам. И когда бароны увидели их, то весьма изумились и сказали послам: «Мы хорошо понимаем, что вы говорите; мы отправим вместе с ним посольство к королю Филиппу,

туда, куда он отправился²⁶; если он хочет помочь нам в отвоеванной Святой земли, то и мы ему поможем вернуть его землю; ведь мы знаем, что она несправедливо отнята у него и его отца». Таким образом, были отправлены послы в Германию, к константинопольскому царевичу и к королю Филиппу.

73. Прежде чем случилось то, о чем мы рассказали, в войско пришло известие, которым бароны и другие люди были сильно опечалены, а именно, что скончался и умер мессир Фульк, добрый, святой человек, который первым проповедовал крестовый поход²⁷.

74. А после этого происшествия²⁸ к ним присоединился, отряд весьма доблестных людей из Германской империи, которым они были очень рады [следует перечень имен немецких сеньоров, рыцарей и священнослужителей].

75. И тогда нефы и грузовые суда были распределены баронами²⁹. Ах! Боже [мой], [какие] туда были введены превосходные боевые кони! И когда суда были нагружены оружием и съестными припасами, и [сели на них] рыцари и оруженосцы, вдоль бортов и корабельных башен были повешены щиты и флаги, которых там было столько и таких прекрасных³⁰.

76. И знайте, что они везли на кораблях камнеметательницы и тараны числом до трехсот и более, и в большом количестве всякие приспособления, которые предназначаются для взятия города. И никогда еще более прекрасный флот не отплывал из какой-либо гавани; и это было на восьмой день праздника св. Ремигия³¹, в год одна тысяча двести второй от воплощения Иисуса Христа. Так они отбыли из гавани Венении, о чем вы [только что] слышали.

77. Накануне дня святого Мартина³² они появились перед Задаром в Славонии и увидели город, укрепленный высокими стенами и высоким башнями; и тщетно стали бы вы искать более прекрасный, более укрепленный и более богатый город. И когда пилигримы увидели его, они сильно изумились, и один говорил другому: «Каким образом можно силой взять такой город, если этого не содеет сам бог?»

78. Первые корабли, которые подошли к городу, бросили якоря и стали ожидать других. И утром была прекрасная, ясная погода, и все галеры прибыли вместе с грузовыми судами и прочими кораблями, которые плыли сзади; и они ворвались в гавань силою, и разорвали цепь, которая была очень прочна и хорошо скована; и они спустились на сушу таким образом, что гавань была между ними и городом. И вы могли бы увидеть тогда многих рыцарей и многих оруженосцев, вышедших из кораблей и выводивших оттуда добрых коней, и много богатых палаток и шатров. Так расположилось войско, и в день святого Мартина Задар был осажден³³.

79. К этому времени прибыли не все бароны; так, еще не явился маркиз Монферратский, который остался позади по делу, что у него имелось. Этьен Першский остался больной в Венеции, а также Матье Монморанси; и когда они выздоровели, то Матье Монморанси прибыл и присоединился к войску в Задаре. Однако с Этьеном Першским случилось совсем по-другому: ибо он оставил войско и отправился в Апулию. С ним поехали Ротру де Монфор, и Ив де Жай, и многие другие, которых за это сильно хулили, и еще в марте [они] направились [прямо] в Сирию.

80. На другой день после св. Мартина³⁴ из Задара вышли люди, и они явились переговорить с дожем Венеции³⁵, который был в своем шатре, и сказали ему, что они готовы сдать город и все свое добро на его милость, чтобы спасти свою жизнь. И дож сказал, что не заключит ни такого, ни другого договора, пока не посоветуется с графами и баронами, и что он им скажет об этом.

81. В то время как он пошел говорить [об этом] графам и баронам, та часть [пилигримов], о которой вы уже слышали раньше, те, кто хотел, чтобы войско разошлось, завязала переговоры с задарскими послами и сказала им [так]: «Почему вы хотите сдать свой город? Пилигримы не нападут на вас, и вам нечего их опасаться. Если уж вы в состоянии защищаться от венецианцев, то можете быть спокойны». И они взяли одного из них, по имени Робер де Бов, который подошел к городским стенам и сказал [горожанам] то же самое. Так послы [Задара] вернулись в город, и договор не состоялся.

82. Когда дож Венеции явился к графам и баронам, он им сказал: «Сеньоры, жители города хотят сдать его, сохранив свою жизнь, на мою милость; но я не заключу ни такого, ни другого договора без вашего совета». И бароны ему ответили: «Государь, мы советуем вам принять [предложение задарцев] и [даже] просим вас об этом». И он сказал, что сделает это; и все они вернулись в шатер дожа, чтобы заключить договор; и они увидели, что послы удалились по совету тех, кто хотел роспуска войска.

83. Тогда встал аббат Во³⁶ из цистерцианского ордена и сказал им: «Сеньоры, именем папы римского я запрещаю вам нападать на город: ибо это христианский город, а вы – пилигримы». И когда дож это услышал, он был сильно разгневан и возмущен, и сказал графам и баронам: «Сеньоры, я имел договор, что этот город сдается на мою милость, а ваши люди разорвали его: вы же обещали мне помочь в его завоевании, и [теперь] я требую от вас выполнить это».

84. Тогда графы и бароны и те, кто держал их сторону, заговорили разом все вместе и сказали: «Они нанесли великое оскорбление, те, кто не допустил этого договора, и не было дня, чтобы они не старались добиться роспуска войска. Таким образом мы будем унижены, если не поможем взять город». И они приходят к дожу и говорят ему: «Государь, мы поможем вам взять город – наперекор тем, которые хотят помешать этому».

85. Так было принято решение; и утром³⁷ они расположились перед гаванью города, и поставили свои камнеметательницы и другие свои орудия, которых у них имелось довольно; а со стороны моря они установили

на кораблях лестницы. И каменотетельницы начали стрелять по городским стенам и по башням. Приступ этот длился так пять дней; и тогда они послали своих людей для подкопа к одной башне, и они стали вести подкоп степы. И когда увидели это те, кто находился в городе, они тотчас попросили заключить такой договор, в котором отказали было по совету тех, кто хотел роспуска войска.

86. Так город сдался на волю дожа Венеции, и жизни [горожан] были спасены. И тогда дож явился к графам и баронам и сказал им: «Сеньоры, милостью божьей и вашей мы завоевали этот город. [Уже] пришла зима, и мы не можем больше двинуться отсюда вплоть до Пасхи, ибо мы не нашли бы в каком-нибудь другом месте рынка, а этот город весьма богат и хорошо обеспечен всяким добром. Разделим его надвое: половину мы возьмем себе, а вы себе – другую».

87. Сказано – сделано. Венецианцы получили часть близ гавани, где стоят корабли, а французы получили другую. И тогда были каждому распределены здания в его месте, как это и подобало. И войско разбило лагерь и стало располагаться в городе.

88. И когда все они расположились, спустя три дня в войске случилась очень большая неприятность: ибо между венецианцами и французами вспыхнула распря, весьма крупная и весьма жестокая; и со всех сторон прибегли к оружию. И распря была столь велика, что мало было улиц, где бы не происходила великая баталия мечами, и копьями, и арбалетами, и дротиками; и много людей было ранено и убито.

89. Венецианцы, однако, не могли выдержать сражение, и они начали нести большие потери. И знатные люди, которые не хотели зла, вооруженные, ворвались в гущу сражавшихся и начали их разнимать. И когда их разнимали в одном месте, бой возобновлялся и другом. Дело продолжалось так почти до самой ночи; и все же ценой больших усилий и с большим трудом они разняли их. И знайте, что это было самое большое горе, которое случалось когда-либо в каком-либо войске; и недоставало малого, чтобы все войско было погублено. Но бог не захотел, чтобы оно так пострадало.

90. Весьма большие потери понесли обе стороны. Там был убит один знатный барон из Фландрии, по имени Жиль де Ланда; и он был поражен в глаз, и от этого удара был убит в схватке, и многие другие, о которых столько не говорилось [нами]. После этого дож Венеции и бароны были сильно заняты целую неделю примирением участников баталии; и они старались там до тех пор, пока мир, благодарение богу, не был установлен...

105. Посовещавшись друг с другом, бароны порешили отправить [посольство] в Рим к [папе], ибо он выказал им свое неудовольствие за взятие Задара; и они выбрали послами двух рыцарей и двух клириков, тех, кого сочли вполне пригодными для этого посольства. Из двух клириков один был Невелон, епископ Суассонский, а другой – мэтр Жан Нуайонский, канцлер графа Бодуэна Фландрского; а из рыцарей – один был Жан де Фриэз, а другой – Робер де Бов, И они поклялись над Евангелием, что честно исполнят поручение и что возвратятся в войско³⁸.

106. Трое прекрасно сдержали свою клятву, а четвертый, поступил дурно: это был Робер де Бов. Ибо он выполнил поручение так плохо, что хуже не мог, и нарушил клятву, и по стопам других отправился в Сирию. Однако остальные трое действовали очень хорошо и выполнили свое посольство, как это поручили бароны, и они сказали папе: «Бароны умоляют вас простить [их] за взятие Задара, ибо они поступили как люди, которые не могли поступить лучше, по вине тех, кто отправились в другие гавани, и потому что в ином случае они не могли сохранить войско. И поэтому [они] просят вас, как своего доброго отца, чтобы вы дали им свои предписания, которые они готовы выполнить».

107. Папа сказал послам, что он хорошо знает, что если им пришлось совершить большое злодеяние, то это было из-за отсутствия других, и что он сожалеет об этом. И тогда он сказал, что дает свое благословение баронам и пилигримам и разрешает их как своих сынов; и он посоветовал им и просил их, чтобы они удержали войско вместе; ибо хорошо знал, что без этого войска невозможно послужить богу. И он дал полномочие Невелону, епископу Суассонскому и Жану Нуайонскому вязать и решить пилигримов 39, пока в войско не придет его кардинал⁴⁰.

¹ Пятидесятница, иначе Троица, – церковный праздник, отмечаемый на 50-й день после Пасхи, в 1202 г. этот день приходился на 2 июня.

² Монжьо – см. Робер де Клари, часть 1, прим. 6.

³ Гора в Альпах, через которую шла дорога от Лиона до Турина.

⁴ См. Робер де Клари, часть 1, прим. 13.

⁵ Они предполагали попасть в порт Бриндизи, откуда обычно паломники отплывали в Палестину.

⁶ Еще в апреле 1202 г. граф Фландрский проходил через Клерво.

⁷ Луи Блуасский отправился в путь несколько позднее Бодуэна – 4 мая 1202 г. он был еще в Шартре.

⁸ Павия расположена на дороге от горы Сенис к Венеции.

⁹ То есть, по Виллардуэну, меньшинство.

¹⁰ Сохранился документ о том, что в октябре 1202 г. он занял 118 марок.

¹¹ Бонифаций Монферратский.

¹² Задар – крупный торговый центр на восточном побережье Адриатического моря в Далмации. В начале XIII в. принадлежал Венгрии. В течение предшествующего столетия между Венецией и Венгрией шла упорная борьба за овладение городом, во время которой он переходил из рук в руки. Последний раз Венеция потерпела неудачу в 1192 г.

¹³ Славония – Далмация.

¹⁴ Торжественное богослужение по воскресеньям и праздничным дням.

¹⁵ Согласно рассказу венецианской хроники Андрея Дандоло, еще в бытность свою послом в Константинополе Энрико Дандоло был ослеплен по приказу императора Мануила. Французские хронисты приводят иные версии причин слепоты дожа.

¹⁶ Дожи носили высокую шапку. Обычно крест нашивался на плечо.

¹⁷ Сентябрь 1202 г.

¹⁸ Исаак II Ангел (1185-1195 гг. и 1203-1204 гг.).

¹⁹ Алексей III (1195-1203 гг.).

²⁰ Речь идет о дворцовом перевороте в Константинополе в 1195 г.

²¹ Время бегства царевича точно не известно, но скорее всего, оно произошло весной 1202 г.

²² Король Филипп Швабский (1198-1208 гг.) из династии Гогенштауфенов, четвертый сын Фридриха I Барбароссы.

²³ С 1197 г. он был женат на дочери Исаака II – Ирине.

²⁴ Это были немецкие крестоносцы.

²⁵ Т.е. в Венецию, вероятно, в сентябре 1202 г.

²⁶ Царевич Алексей успел побывать в Риме, о чем Виллардуэн не знает, откуда и уехал ко двору Филиппа Гогенштауфена.

²⁷ Фульк умер в мае 1202 г.

²⁸ Имеются в виду завязавшиеся тогда разговоры предводителей крестоносцев с царевичем Алексеем и германским королем Филиппом.

²⁹ Галеры оставались под командованием дожа и венецианцев.

³⁰ Флажки обычно помещали на корабельные «башни».

³¹ Праздник св. Ремигия приходится на 1 октября, следовательно, флот отплыл из Венеции 8 октября 1202г.

³² Праздник св. Мартина приходится на 11 ноября, следовательно, флот появился перед Задаром 10 ноября 1202 г.

³³ 11 ноября 1202 г.

³⁴ 12 ноября 1202 г.

³⁵ Энрико Дандоло, находившимся среди крестоносцев.

³⁶ Гюи, аббат монастыря Во де Серней.

³⁷ 13 ноября 1202 г.

³⁸ Посольство отправилось в Рим в декабре 1202 г.

³⁹ «Вязать и решить» – евангельское выражение, применяемое в церковной практике для обозначения права священника прощать грехи или права епископа снимать отлучение.

⁴⁰ Сообщение Виллардуэна не вяжется с данными папской переписки. Только позднее кардиналу Петру Капуанскому было вменено в обязанность снять отлучение – при условии, если крестоносцы клятвенно изъявят готовность повиноваться папе. Возможно, что Невелон Суассонский и Жан Нуайонский были уполномочены папским легатом осуществить это поручение.

(Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»)

XIII... Дож явился к ним [крестоносцам]¹ и сказал им: «Сеньоры, сейчас зима: мы не смогли бы плыть за море; правда, меня-то это не удержало бы, потому что я уж взялся вас перевезти, если бы только это вас не удержало. Однако давайте-ка сделаем доброе дело!» Сказал дож: «Недалеко отсюда есть город под названием Задар. Жители этого города причинили нам великое зло, и я и мои люди, мы хотим отомстить им, если сможем. И, поверьте мне, мы отдохнем там эту зиму, примерно, до пасхи. А к тому времени мы подготовим наш флот и тогда уже с помощью господ бога поплывем за море. Город же Задар очень хорош и весьма богат всяким добром». Бароны и знатные крестоносцы дали свое согласие на то, что предложил дож; но все остальные в войске не знали об этом решении: там присутствовали только люди самого высокого положения. Итак, все они сообща приготовились к своему походу, приготовили свой флот и вышли в море. И у каждого из знатных людей был свой неф – для него и его вассалов, и свой юисье – для его коней, и у дожа Венеции было пятьдесят галер, поставленных целиком за его счет. Галера, на которой находился он сам, вся была алого цвета, и на носу ее развевался алый шелковый стяг; здесь стояли четыре трубача, трубившие в серебряные трубы, и находились кимвалы² которые гремели, выражая большое торжество. И все знатные люди, клирики и миряне, малые и великие, выказывали при отплытии такую радость, какой никогда еще не слышали, да и флота такого никогда не было выдано. Пилигримы заставили всех священников и клириков подняться на корабельные башни, и они там пели *Veni creator spiritus*³. И все до единого, великие и малые, плакали от наплыва чувств и большой радости, которую они испытывали. И когда флот отплыл из гавани Венеции, все эти галиоты, все эти богатые корабли и столько других судов – это было со времени сотворения мира самое великолепное зрелище: ведь там было, по крайней мере, сто пар серебряных и медных труб, которые все трубили при отплытии, и столько колокольчиков, и барабанов, и иных инструментов, что это было настоящее чудо. Они плыли по этому морю, натянув паруса и с поднятыми на корабельных башнях стягами и флажками, и можно было, сказать, что все море кишело кораблями, которые они пустили сюда плыть, и как бы пламенело от великой радости, которую они испытывали. Так достигли они города под названием Пола. Они причалили туда, подкрепились и побыли там потом немного, пока хорошенько не освежили свои силы и не пополнили съестные припасы, которые закупили и погрузили на свои корабли. Затем они снова вышли в море. Если они ликовали и радовались великой радостью уже до того, то в это мгновение они тоже переживали радость и даже еще большую, так что жители города надивиться не могли на такое их торжество, и на их огромный флот, и на их великую знатность; они говорили, – и то была сущая правда, – что никогда и ни в какой стране не видано было такого флота, который был бы столь же прекрасен и столь же богат, как этот.

XIV. Венецианцы и пилигримы держали курс так, что прибыли к Задару в ночь на праздник святого Мартина⁴. Жители города Задара, увидев эти суда и этот огромный флот, затрепетали от страха. Они заперли все городские ворота и вооружились самым лучшим образом, как люди, решившие защищаться. Когда они вооружились, дож обратился ко всем знатным [людям] в войске. Он сказал им: «Сеньоры, сей город причинил

нам много зла, мне и моим людям: я бы охотно отомстил ему за это. И я прошу вас также быть мне в помощь». И все бароны и люди высокого положения ответили ему, что охотно ему помогут. Ну, а жители-то Задара хорошо знали, что венецианцы ненавидели их. И они [жители Задара] запаслись также грамотами из Рима, где говорилось, что все те, кто пойдет на них войной или причинит им какой-либо вред, будут отлучены [от церкви]⁵. С добрыми послами они переслали эти грамоты дожу и крестоносцам, которые туда причалили. Когда послы явились в войско, грамоты папы римского были прочитаны дожу и пилигримам. Когда грамоты прочитали и дож услышал их, он сказал, что, не откажется отомстить жителям города из-за папского отлучения. После этого послы удалились. Дож вторично обратился к баронам и сказал им: «Сеньоры, знайте, что я ни при каких обстоятельствах [букв.: ни за какую цену] не откажусь отомстить им, даже папы ради!». И он попросил баронов помочь ему. Все бароны ответили, что они охотно пособят ему; остались в стороне только граф Симон де Монфор и мессир Ангерран де Бов⁶. Последние сказали, что не пойдут против воли папы, ибо не желают быть отлученными; и тогда они собрались и уехали на всю зиму в Венгрию. Когда дож увидел, что бароны ему помогут, он приказал расставить свои орудия для осады города; жители города увидели тогда, что долго им не продержаться, и они сдались на милость [крестоносцам] и сдали им город. Пилигримы и венецианцы вступили в него и поделили город на две половины: пилигримы получили одну половину, а венецианцы – другую.

XV. А потом случилось так, что вспыхнула распря между венецианцами и меньшим народом пилигримов, которая продолжалась целую ночь и еще полдня. И эта распря была столь великой, что рыцари лишь с большим трудом могли разнять их. Разняв их, они установили столь добрый мир между ними, что с того времени они никогда уже не препирались друг с другом.

Потом знатные крестоносцы и венецианцы советовались по поводу отлучения, которому они подверглись из-за того, что взяли город. И они порешили между собой направить в Рим гонцов, чтобы добиться снятия отлучения: туда послали епископа Суассонского и монсеньора Робера де Бов, которые испросили у папы грамоты, гласившие, что отлучение снято со всех пилигримов и всех венецианцев. Получив эти грамоты, епископ по возможности раньше вернулся; монсеньор же Робер де Бов не воротился вместе с ним, а отправился прямо из Рима за море.

XVI. Между тем, пока крестоносцы и венецианцы пребывали там в течение зимы, они призадумались о том, что сильно поздержались. Они совещались об этом и решили, что не могут плыть ни в Вавилон, ни в Александрию, ни в Сирию, ибо у них нет ни съестных припасов, ни денег, с помощью которых они могли бы двинуться туда, поскольку они почти все истратили, как па текущие расходы, которые им пришлось производить, так и на то, чтобы заплатить большую сумму за наем флота. Они сказали, что не могут больше плыть дальше, а если и направятся туда, то ничего там не достигнут, потому что у них нет ни продуктов питания ни денег, которыми смогли бы продержаться.

¹ Робер де Клари рассказывает о пребывании крестоносцев на острове Лидо осенью 1202 г.

² Большие барабаны.

³ Лат.: «Приди, о дух всевидящий» - начальные слова из литургического песнопения.

⁴ 10 ноября 1202 г.

⁵ Иннокентий III действительно в особом послании к крестоносцам, направленном им через аббата де Лочедно, запретил им «нападать на христианские земли».

⁶ Это был клирик, младший на братьев де Бов: старшими были рыцари Робер и Юг де Бов. Мемуарист упоминает их в I гл. Записок, перечисляя участников похода из области Амьенуа.

(Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя»)

VI. ...Там [в Венеции] они решили сесть на корабли и плыть оттуда прямым путем к египетскому городу Александрии, поскольку в заморских землях¹ в то время между нашими и варварами царил мир², который наши не должны были нарушать, [чтобы] не изменять данному слову. В войске крестоносцев находились очень многие славные и могущественные мужи – как миряне, так и духовного звания: среди них особенно выделялись влиянием, силой и мудростью граф Балдуин Фландрский и маркграф Бонифаций Монферратский. Все они единодушно сошлись на том, чтобы двинуться прямо к Александрии, смело осадить ее и скорее не столько попытать свое счастье в войне, сколько [испробовать] силу божьего могущества.

Если бы они сделали это, то можно было сильно надеяться, что и сам великолепный [этот] город, и большая часть всего Египта очень легко перешли бы под их власть; потому что почти все население страны погибло [тогда] от голода или пребывало в страшной нужде вследствие бесплодия почвы, которой Нил, как говорят, уже пять лет отказывал в своих, несущих плодородие водах, коими он обычно ее напоет. Однако осуществлению этого достойного всяческой похвалы совета [намерения] наших князей помешали коварство и подлость венецианцев, которые как хозяева кораблей и владыки Адриатического моря чуть не отказали им в переправе, если они до того не завоюют вместе с ними прославленный город Далмации, принадлежавший, между тем, к области венгерского права, - Задар. Они [венецианцы] говорили, что он всегда поступал вразрез с их интересами, и дело доходило до того, что часто жители этого города пиратскими нападениями грабили их груженные товарами корабли. Вся эта затея показалась нашим столь богобоязненным предводителям жестокой и преступной; [они сочли ее недостойной] и потому что город был христианским по населению, и потому, что

принадлежал венгерскому королю³, который, взяв крест, тем самым, согласно обыкновению, препоручил себя и свое достояние покровительству верховного понтифика.

Пока венецианцы неуклонно настаивали [на своем], а наши упорно отвергали [их предложения], в этих несогласиях и раздорах прошло очень, много времени. Ибо они [князья] считали совершенно недостойным и недопустимым для христиан, чтобы воины креста Христова обрушивались на христиан же убийством, грабежами и пожарами, что обычно часто бывает при завоевании городов. Вот почему и многие бедняки, у которых с собой было мало [денег] и которые, израсходовав это, не имели средств для продолжения пути, оставив войско, повернули стопы свои назад и возвратились восвояси; так же [поступили] и некоторые богатые и могущественные мужи – [они], почти вопреки своему желанию, повернули в родные края, будучи побуждаемы не столько нуждой в чем-либо, сколько объятые ужасом оттого, что им придется совершить злодеяние. Некоторые из них направились в Рим, однако, лишь с трудом сумели добиться они от верховного понтифика дозволения вернуться [домой], притом на условии, что выполнят свой обет паломничества по прошествии нескольких лет.

Возвоащение этих пилигримов причинило ущерб нашему войску не только из-за их [собственного] ухода, но и вследствие того, что охладило воодушевление многих [из тех], кто, охваченные [им] в Германии и других землях, торопились было последовать [за крестоносцами], так что они остались у себя [дома].

В это время к нашему войску был послан некий кардинал – Петр Капуанский⁴, которого верховный понтифик отрядил для того, чтобы уладить упомянутый раздор⁵ и переговорить с венецианцами, дабы они обеспечили счастливое предприятие, то есть скорейшую переправу воинства Христова в Александрию. И поелику он никак не мог заставить их [сделать это], прежде чем наши не выполнят поставленное им [крестоносцам] условие, то порешили, что простительнее и менее позорно искупить малое зло великим благом деянием, нежели оставить обет крестового похода невыполненным и вернуться на родину, принеся с собой вместе с грехами [еще] и бесславию.

Они [крестоносцы] обещали исполнить, что те [венецианцы] столь настойчиво требовали, однако, заручившись предварительно от них вернейшим обещанием, что перевезут наших в Александрию и, вооружившись сами, отправятся [с ними].

Глава заканчивается рассказом о том, как аббат Мартин, в смятении от предстоящего пролития крови христиан, попытался получить у папского легата освобождение от крестоносного обета, и о постигшей его неудаче.

VII. Так флотилия поплыла по Адриатическому морю, называемому также Далматинским морем... В быстром плавании⁶, но с тяжким сердцем и удрученные, достигли наши ратники берега страны, лежащей на противоположной стороне. И для того, чтобы долго не тянуть с [этим] делом, неприятным и ненавистным им самим, осадили названный город⁷ с большой силой и ужасающим шумом. Три дня они осаждали его, нападая не столько с враждебными [намерениями], сколько скорее угрожаючи, и принудили город к сдаче без убийства и кровопролития. Однако вскоре после того, как город сдался своим победителям, венецианцы в своей неистребимой ненависти разрушили его до основания⁸.

Так как своим деянием наши подпали под отлучение – ведь они подняли руку на достояние короля венгерского, которое он, приняв знамение креста, препоручил покровительству святого Петра⁹ и верховного понтифика, – было сочтено [нужным] послать гонцов к верховному понтифику, чтобы он, милосердно снизойдя к их вынужденной войне, снял бы с них отлучение.

Следуют имена гонцов, направленных в Рим¹⁰ для того, чтобы добиться снятия церковной кары; далее сообщается о благополучном исходе их миссии: папа снял отлучение с крестоносцев, приняв во внимание, что их уступчивость венецианцам и согласие завоевать Задар извинялись обстоятельствами. В связи с этим хронист характеризует Иннокентия III.

...Он был мужем глубокого разума и исполненный благости: молодой годами¹¹, но седой благоразумием, зрелый духом, муж достойного образа жизни..., он любил [творить] добро и справедливость, был врагом подлости и низости, так что не столько в силу случайности, сколько по заслугам звался он Иннокентием¹².

¹ Т. е. в Палестине.

² Мир между Иерусалимским королевством и мусульманами на Востоке был подписан 21 июня 1198 г. сроком на пять с половиной лет.

³ Король Имрэ (1196-1205 гг.).

⁴ Легат Иннокентия III.

⁵ Между венецианцами и князьями крестоносцев.

⁶ Флотилия отбыла из Венеции 8 октября и прибыла к Задару 10 ноября 1202 г.

⁷ Задар.

⁸ С этим сообщением хрониста не вяжется пребывание крестоносцев в Задаре в течение всей зимы 1202/1203 гг.

⁹ Апостол Петр считается в католицизме основателем христианской церкви и ее первым главой.

¹⁰ Гонцы, в их числе аббат Мартин, прибыли в Рим в начале 1203 г.

¹¹ Иннокентий III вступил на папский престол в 37 лет.

¹² По-латыни «инноценс» – «невинный».

Послание Иннокентия III, запрещающее нападение на Константинополь

Крестоносцы, принявшие участие в нападении на Задар вопреки запрещению папы, автоматически подверглись отлучению. Лидеры похода обеспечили себе предварительное отпущение грехов от находившихся в армии епископов и затем послали в Рим делегацию, чтобы объяснить Иннокентию, каким образом они поневоле впали в грех непослушания, и попросить прощения. Не желая рисковать успехом всего крестового похода, от которого он ожидал многого, папа принял делегатов милостиво. Он отослал их назад с порицающим письмом, но не со столь яростным осуждением захвата Задара, как этого можно было бы ожидать. Папа даже согласился отпустить грехи виновным крестоносцам после того, как они вернут всё, что взяли незаконно, а также с условием, что они не совершат больше подобных проступков. Но венецианцы не могли отделаться так легко, поскольку они оскорбили Петра Капуанского в Венеции, открыто проигнорировали запрещение Иннокентия нападать на Задар и, что самое главное, не выказывали никаких признаков раскаяния. И хотя делегаты крестоносцев пытались убедить папу простить венецианцев, тот не согласился. Поэтому папский эмиссар, везший письмо с отпущением грехов для крестоносцев, также имел с собой письмо с отлучением для дожа и его венецианцев. Однако Бонифаций и бароны-земляки сумели перехватить это письмо. Они написали папе, объясняя свои действия стремлением воспрепятствовать распаду армии крестоносцев и обещая, что доставят письмо по назначению, если папа будет настаивать.

Дошедшая до нас часть переписки между папой и крестоносцами касается до этого момента только Задара. Однако папа был хорошо осведомлён и о планах, касающихся Константинополя. Но, только получив письмо Бонифация, объясняющее утаивание папского отлучения венецианцев (июнь 1203 г.), Иннокентий отправил Бонифацию послание с требованием доставить письмо об отлучении под угрозой аналогичного наказания и прямо запрещаая нападение на Константинополь. Но было уже слишком поздно. Флот покинул Задар до того, как это письмо было написано, и тем более до того, как его доставили.

МАРКИЗУ МОНФЕРАТУ И ГРАФАМ Б. ФЛАНДРИИ, Л. БЛУА И Г. СЕН-ПОЛЬ.

Об их отправлении в Святую Землю.

(Ферентинский дворец, год шестой)

[Когда вы покидали Египет рукою крепкою и мышцею высокою (Второзаконие, 5.15), чтобы принести себя в жертву Господу, мы скорбели немало и скорбим поныне, что Фараон преследует вас бегущих, или скорее вы следуете за Фараоном, который старается заманить вас в рабство под предлогом некоей необходимости и под завесой набожности.] Как мы уже сообщали вам, мы скорбели и скорбим равно и о нас самих, и о вас, и обо всём народе христианском.

Мы скорбим о себе, поскольку, пока мы с надеждой на добрый урожай сеяли в слезах, проповедуя, часто не без горечи сердца и телесного трепета, слово Божье с помощью наших легатов и посланий и призывая всех почитателей имени Христа к отмщению причинённых ему обид, враг рода человеческого посеял поверх сорняки и так испортил наши семена, что пшеница, кажется, превратилась в тернии.

О вас же [мы печалимся], ибо когда вы уже вычистили старую закваску и уже полагали, что изгнали своими действиями прежнего [греховного] человека, небольшое количество старой закваски (хорошо, если небольшое) снова испортило всё содержимое. И покуда вы не бережёте ваши белые одежды, как если бы вновь одели старые, снимаете руку с плуга и оглядываетесь назад подобно жене Лота, до тех пор нельзя считать вас, как сказал апостол, благонадёжными для Царствия Божия (Лука, 9.62).

[О народе же христианском мы скорбим, ибо он оказался более всего унижен там, где, казалось должен был более всего возвыситься.] Ведь когда многие, пришедшие ранее на помощь Святой земле, услышали, что вы не приплывете, они, отчаявшись дожидаться вас и при следующей переправе, отправились на родину. Сарацины же, зная об их отъезде и сомневаясь в вашем прибытии, воспряли духом против христиан, хотя мы и не можем сказать, что они побеждают [христиан] из-за их отягощённости грехом, как утверждается почти повсюду.

Однако мы радуемся, что, получив наше послание и осознав своё глубокое заблуждение, вы преданно и смиренно стали следовать апостольским указаниям. И поскольку вы, сыны графы и оба барона галльские, признали и подтвердили это и обязались в письме с печатью дать в соответствии с нашими наставлениями сатисфакцию относительно того, что повлекло под Ядерами вашу экскоммуникацию, то вы и ваши потомки получаете милость отпущения.

Пусть ваше раскаяние будет искренним, чтобы вы так сожалели о содеянном, что остерегались бы подобного впредь. Ибо тот, кто вновь делает то, в чём кается, - это не кающийся, а насмешник, и подобен собаке, возвращающейся к своей блевотине, раскаявшийся и вернувшийся ко греху. И даже легче тот грех, который совершается однажды, чем совершенный раз и затем повторённый.

Поэтому пусть никто из вас не тешит себя мыслью, что можно захватывать или разорять земли греков, поскольку они не послушны Апостольскому Престолу, или потому что император константинопольский, свергнув и даже ослепив своего брата, захватил империю силой.

Действительно, сколь бы велики ни были проступки этого императора и его людей, не вам судить об этом, и крест вы приняли не для того, чтобы мстить за эти несправедливости, а за обиды, причинённые Святому кресту, для послушания которому вы, собственно, и направляетесь.

Так что мы предупреждаем и строго призываем ваши светлости и приказываем вам этим апостольским посланием не обманываться самим и не позволять другим обманывать вас, будто вы действуете в некотором роде благочестиво, ибо это противно богу и приведёт ваши души к гибели. Вместо этого вы должны покончить со своевольными выходками и якобы неизбежными нарушениями и отправиться на помощь Святой земле, дабы отомстить за обиды кресту и взять у врагов добычу, которую вы, в случае задержки в пределах

Романии, будете возможно вынуждены взять у братьев. В противном же случае мы не сможем и не должны обещать вам благодать прощения.

Мы хотим, чтобы вы твёрдо помнили суть нашего указания и не нарушили его легкомысленно: мы запрещаем вам под угрозой экскоммуникации вторгаться в земли христиан или разорять их, разве только они сами каким-то образом затруднят ваш путь, или появится какая-то справедливая и необходимая причина; как действовать в таком случае, вам смогут посоветовать наши легаты.

Чтобы вина дожа и народа Венеции не усиливала ваше наказание, мы желаем и поручаем вам вручить им письмо, которое мы им направляли, но которое, по нашим сведениям, ещё находится у вас, дабы они не думали, что их грех прощён.

Датировано Фер[ентинский дворец], год шестой.

Движение крестоносцев в сторону Константинополя

В документах рассказывается о дальнейших событиях, связанных с походом крестоносцев на Константинополь.

Источники ясно показывают, как Венеция, руководствуясь исключительно своими торговыми интересами и не упуская благоприятного случая, решила использовать вооруженную силу крестоносцев для того, чтобы подорвать могущество Византии и занять ее место на Средиземном море. «Святое воинство», как следует из документов, со своей стороны стремилось прежде всего захватить богатую добычу, и для этого разбойного сброда было безразлично, где они ее найдут – у «неверных» в Палестине или же у христиан в Византии. Поэтому не удивительно, что крестоносцы вместо Иерусалима оказались под стенами Константинополя и предали его невиданному разгрому.

(Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»)

108. Между тем прошло уже столько времени, что наступил великий пост; и они стали готовить свои корабли, чтобы отплыть к пасхе. Когда корабли были нагружены, на следующий день после пасхи¹ крестоносцы вышли из города и расположились в гавани; а венецианцы разрушили и город, и башни, и стены.

109. И тогда произошел случай, который очень плохо сказался на войске: ибо одни из высоких баронов, по имени Симон де Монфор, заключил договор с королем Венгрии, врагом крестоносцев, и поехал к нему, покинув войско. С ним отбыли его брат, Гюи де Монфор, Симон де Нофль и Робер Мовуазен, и Дрэ де Крессонак, аббат де Во, который был монахом цистерцианского ордена, и многие другие. А вскоре не замедлило последовать и то, что к королю венгерскому отправился другой высокий сеньор из войска [крестоносцев], по имени Ангерран де Бов, и его брат Юг, и те из их вассалов, которых они смогли увести².

110. И они оставили войско, как вы это слышали: это был великий урон войску и большой позор для тех, кто так поступил. Тогда начали выходить в море³ корабли и юисье⁴, и было постановлено, что они отправятся к гавани Корфу, острова Романии, и что [те, кто прибудут] первые обождут последних, пока не соберутся [все] вместе; так они и сделали.

111. Прежде чем дож и маркиз, и галеры отплыли из гавани Задара⁵, [сюда] прибыл Алексей, сын императора Сурсака⁶ константинопольского. А он был послан Филиппом, королем Германии, и он был принят с великой радостью и великими почестями; и дож дал ему столько галер и кораблей, сколько ему было нужно. И таким образом они отплыли из гавани Задара, и был попутный ветер; так плыли они, пока не достигли гавани [212] Диррахий⁷. Жители его, увидев своего сеньора⁸, весьма охотно сдали ему город, и поклялись ему в верности.

112. И, отплыв оттуда, они прибыли на Корфу и нашли там войско, расположившееся возле города⁹; крестоносцы раскинули палатки и шатры, и вывели коней из юисье, чтобы они попаслись. И когда они услышали, что в гавань прибыл сын императора константинопольского, видели бы вы, как множество добрых рыцарей и множество добрых оруженосцев вышли ему навстречу, ведя множество прекрасных коней. Так приняли они его с великой радостью и великими почестями¹⁰. И он приказал поставить свою палатку посреди войска; а совсем рядом была раскинута палатка маркиза Монферратского, под чье покровительство отдался советовавший ему король Филипп, женатый на его сестре.

113. Крестоносцы оставались три недели на этом острове¹¹, который был весьма богат и покрыт [щедрой] растительностью. И во время этого пребывания с ними приключилась беда, огорчительная и тяжкая; а именно, большая часть тех, кто хотел, чтобы войско распалось, и тех, кто в свое время воспротивился этому, заявили все вместе, что им это дело кажется слишком долгим и чересчур опасным, и что они останутся на острове, а войско пусть отплывает; и что с помощью жителей Корфу они пошлют к графу Готье Бриеннскому, который владел тогда Брандисом, чтобы он прислал им корабли, на которых они могли бы отправиться в Брандис¹².

114. Я не могу назвать вам всех тех, кто споспешествовал этому делу, но перечислю вам только часть наиболее видных предводителей (следует перечень 14 баронов)... И многие другие втайне обещали принять их сторону, не решаясь из чувства стыда сказать об этом открыто. Книга [эта] свидетельствует, что более половины поиска было в согласии с ними.

115. И когда об этом услышали маркиз Монферратский и граф Бодуэн Фландрский, и граф Луи, и граф Сен-Поль, и бароны, находившиеся заодно с ними, они были в сильном смятении и сказали: «Сеньоры, дела наши плохи. Если эти люди уедут от нас, последовав за теми, которые уже многожды от нас отделялись, то наше войско будет погублено и мы не сумеем произвести никаких завоеваний. Так пойдем же к ним и припадём к их стопам и возопим к ним о милосердии; пусть они бога ради сжалятся над собой и над нами, и пусть не обесчестят себя, и пусть не лишат нас [возможности добиться] освобождения Заморской земли».

116. Так решено было устроить совет; и они отправились все вместе в некую долину, где те собрались на свою сходку, и привели с собой сына императора константинопольского и всех епископов, и всех аббатов войска. И когда они пришли туда, то слезли с коней. А те, увидев их, [тоже] сошли со своих коней и двинулись им навстречу. И бароны припали к их стопам и сильно восплакали; и сказали, что не сойдут с места, пока остальные не дадут обещания не покидать их.

117. И когда те это увидели, они прониклись великой жалостью, и разрыдались, узрев своих сеньоров, и родичей своих, и своих друзей припавшими к их стопам. И они

сказали, что посоветуются, и отошли в сторону, и посоветовались между собою. А результат их совета был таков, что они останутся еще вместе с крестоносцами до праздника св. Михаила¹³ при условии, что им законно поклянутся на Евангелии, что, начиная с этого времени, им предоставят – в любое время, как только они того потребуют, и без обмана, – в течение 15 дней флот, на котором они смогли бы отплыть в Сирию.

118. Так было постановлено и скреплено клятвой; и тогда во всем войске разлилось великое ликование. И крестоносцы взошли на корабли, а кони были введены в юисье.

119. Так отплыли они из гавани Корфу накануне Троицы¹⁴ 1203 года от воплощения господина нашего Иисуса Христа. Там были все нефы, и все юисье, и все галеры войска, и довольно торговых кораблей, которые держали путь вместе с ними. И стоял ясный день, и дул тихий и добрый ветер; и они подставили ветру паруса.

120. Жоффруа, маршал Шампанский, который продиктовал это произведение (и который ни разу ни словом не солгал с умыслом, а это был человек, присутствовавший на всех советах), свидетельствует вам, что никогда не было видано столь прекрасного зрелища. Казалось, что этот флот должен непременно завоевать землю; ибо насколько далеко схватывал взгляд, только и виднелись паруса нефов и кораблей, так что сердца людей были преисполнены радости.

В последующих главах рассказано о дальнейшем пути крестоносного флота, прошедшего через острова Негропонте и Андрос и затем его рукаву св. Георгия (Дарданеллы) – к Константинополю, который крестоносцы впервые увидели 23 июня 1203 г., когда корабли бросили якорь в гавани св. Стефана, что в трех лье от византийской столицы.

¹ В 1203 г. этот церковный праздник приходился на 6 апреля. Следовательно, крестоносцы ушли из города 7 апреля.

² Относительно времени этих событий сведения хронистов расходятся. Если, по сообщению Виллардуэна, данная группа рыцарей и церковников покинула войско уже после того как крестоносцы собрались отплывать из Задара, то, согласно Роберу де Клари, Симон де Монфор и Ангерран де Бов покинули войско еще накануне осады Задара, т.е. в ноябре 1202 г. Ко времени после взятия города относится отъезд части крестоносцев Аноним Гальберштадтский; автор «Константинопольского опустошения» связывает это событие с заключением договора крестоносцев с царевичем Алексеем, т.е. датирует его январем 1203 г.

³ По известию автора одной из «малых» хроник «Константинопольского опустошения», 20 апреля 1203 г.

⁴ Галеры, на которых находились дож Дандоло и маркиз Бонифаций Монферратский, оставались в арьергарде и вышли позднее.

⁵ По сведениям Робера де Клари (гл. 31) и Анонима Гальберштадтского (стр. 14), Алексей прибыл в Задар после отплытия основной части флота. Последний хронист датирует прибытие царевича 25 апреля 1203 г.

⁶ Исаака II.

⁷ Отсюда открывалась главная сухопутная дорога из Адриатики в Константинополь; более чем за сто лет до описываемых событий здесь высадился Боэмунд Тарентский.

⁸ Имеется в виду царевич Алексей.

⁹ Очевидно, крестоносцы прибыли на Корфу еще в первых числах, мая 1203 г.

¹⁰ Вероятно, теплый прием оказали царевичу Алексею (как здесь, так и еще в Задаре) далеко не все крестоносцы.

¹¹ По рассказу Анонима Гальберштадтского, население на Корфу встретило крестоносцев враждебно. Архиепископ, пригласивший на обед некоторых церковнослужителей, иронически заметил по поводу первенства римского престола, что для него имеется лишь одно оправдание, заключающееся в том, что Иисуса Христа подняли на крест римские воины. Жители острова, узнав о прибытии царевича Алексея, забросали флот камнями, и тогда остров был предан разграблению. Обо всем этом Виллардуэн умалчивает.

¹² Брандисом Виллардуэн называет Бриндизи в Италии. Выше, в гл. 33, мемуарист упоминает о том, что во время своего возвращения из Венеции в 1201 г. он повстречал графа Готье Бриеннского, направлявшегося в Апулию отвоевывать землю своей жены, дочери Танкреда, наследницы трона Сицилийского королевства, перешедшего в 1197 г. к сыну германского императора Генриха VI – Фридриху (II).

¹³ 29 сентября 1203 г., дата окончания срока договора крестоносцев с Венецией.

¹⁴ 24 мая 1203 г.

(Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»)

XVII. Дождь Венеции хорошо видел, что пилигримы находятся в стесненном положении, и вот он обратился к ним и сказал им: «Сеньоры, в Греции имеется весьма богатая и полная всякого добра земля; если бы нам подвернулся какой-нибудь подходящий случай отправиться туда и запастись в этой земле съестным и всем прочим, пока мы не восстановили бы наши силы, то это казалось бы мне неплохим выходом – в таком случае мы сумели бы отправиться за море». Тогда поднялся маркиз и сказал: «Сеньоры, на последнее

рождество я был в Германии, при дворе монсеньора императора¹. Ну, так вот, там я видел одного молодого человека – брата жены императора Германии². А молодой человек этот – сын императора Исаака Константинопольского, у которого один из его братьев³ предательски отнял Константинопольскую империю. Тот, кто смог бы заполучить себе этого молодого человека, сказал маркиз, тот легко сумел бы двинуться в Константинопольскую землю и взять там съестные припасы и прочее, ибо молодой человек является ее законным наследником...».

XXX. Когда маркиз сказал крестоносцам и венецианцам, что тот, кто заполучит это дитя, о коем мы вам уже говорили, тот займет благоприятный случай двинуться на Константинополь и повести войну против его жителей, крестоносцы, снарядили надлежащим и вполне одинаковым образом двух рыцарей и послали их в Германию сообщить этому молодому человеку, чтобы он прибыл к ним и что они помогут ему отвоевать то, на что он имеет право. Прибыв ко двору императора Германии, туда, где находился молодой человек⁴, послы передали ему то, что им было поручено сообщить. Когда молодой человек, выслушав сообщение, с которым знатные крестоносцы направили к нему послов, узнал об этом, он весьма обрадовался и потому устроил большое торжество и выказал знаки полного расположения и дружбы по отношению к послам. Затем он сказал, что посоветуется с императором, своим деверем⁵. Когда император его выслушал, он ответил молодому человеку, что это – прекрасный случай, представляющийся ему; он рекомендовал ему живехонько отправиться туда, кроме того, сказал, что он [Алексей] никогда не получит ни малейшей доли своего наследства иначе, как с помощью бога и крестоносцев.

XXXI. Молодой человек хорошо понял, что император дает ему добрый совет. Он немедля снарядился как можно более великолепно, после чего уехал вместе с послами. А еще до того, как молодой человек и послы прибыли, флот [крестоносцев] отбыл на остров Корфу, потому что пасха уже миновала⁶. Однако, когда флот двинулся туда, [крестоносцы] две галеры [все же] оставили [в Задаре] в ожидании послов и молодого человека. Крестоносцы пребывали на острове Корфу, пока не прибыли послы и молодой человек. Когда послы и молодой человек прибыли в Задар, они нашли там эти две галеры, оставленные для них. И они вышли в море, и пустились в путь, и приехали на Корфу, туда, где находился флот. Увидев, что молодой человек прибыл, все крестоносцы вышли ему навстречу, приветствовали его и устроили ему торжественный прием. Увидев, что знатные люди оказывают ему такие почести, так же, как и все находившееся там войско, молодой человек возрадовался так, как никто другой. И тогда маркиз вышел вперед, взял молодого человека и увел его с собой в свою палатку.

XXXII. В палатке маркиза собрались все знатные бароны и дож Венеции. Они судили и рядили повсякому, и, в конце концов, спросили у него [царевича Алексея], что он сделает для них, если они посадят его на императорский трон и возложат ему на голову корону в Константинополе. Он ответил им, что сделает для них все, что они только пожелают. И они рассудили так, что он выдаст войску двести тысяч марок, и что он будет на свой счет содержать флот в течение одного года, и что он отправится с ними за море с наилучшим образом вооруженной ратью, и что до конца своих дней он будет содержать за морем десять тысяч вооруженных ратников, и что всем, кто покинет Константинополь, чтобы отправиться за море, он обеспечит пропитание сроком на один год.

XXXIII. Тогда пригласили всех, без исключения, баронов воинства, равно как и венецианцев, и когда все они собрались, дож Венеции встал и произнес такую речь: «Сеньоры, – сказал дож, – теперь нам представляется благоприятный случай двинуться на Константинополь, ежели вы это одобрите: ведь с нами — законный наследник [трона]». Ну, правда, нашлись и такие, которые не одобрили поход на Константинополь, говоря: «Ба! Что нам делать в Константинополе? Нам нужно совершить наше паломничество, и мы собираемся [ведь] идти на Вавилон или Александрию, да и флот наш должен быть с нами всего лишь один год, а уж прошло полгода», Другие, однако, им возражали: «Что делать нам в Вавилоне или Александрии, когда у нас нет ни продовольствия, ни денег, с помощью которых мы могли бы туда отправиться? Лучше, прежде чем мы пойдем туда, воспользоваться благоприятным случаем и приобрести съестное и деньги, нежели итти туда погибать от голода. Тогда мы сможем действовать победоносно, а ведь он [Алексей] предлагает нам итти вместе с нами и в течение года содержать наш флот и всех нас на свой счет». И маркиз Монферратский ратовал больше всех прочих за то, чтобы идти на Константинополь, потому что он жаждал, отомстить за зло, некогда причиненное ему императором Константинополя (тем, который тогда был императором). Теперь мы прервем свой рассказ и поведаем вам о кознях, из-за которых маркиз ненавидел императора константинопольского.

Далее автор, возвращаясь к более ранним временам, повествует о внутривосточной борьбе в Византии в 1186 г. (мятеж Враны), когда маркиз Конрад Монферратский брат Бонифация, предводителя рыцарства в IV крестовом походе, якобы оказавший Исааку II Ангелу поддержку против мятежников, сам едва не стал жертвой коварства василевса. Рассказ наполнен историческими несообразностями и домыслами.

XXXIX. Теперь мы поведали вам о кознях, вследствие которых маркиз Монферратский ненавидел императора константинопольского, и о том, почему он особенно старался и советовал больше, чем кто-либо другой, двинуться на Константинополь. Вернемся же к нашему прерванному ранее рассказу.

Когда дож Венеции заявил баронам, что теперь им представляется подходящий случай направиться в землю Константинопольскую и что он стоит за это, все бароны выразили согласие и одобрили такой план. Затем запросили епископов, будет ли грехом итти туда, и они ответили и сказали, что это не только не явится

грехом, но, напротив, актом благочестия, ибо с того момента, как с ними находится законный наследник, лишенный [своего] наследия, они вправе оказать ему помощь для отвоевания его [законного] права и отмщения его врагам. После чего молодого человека заставили поклясться на Евангелии, что он исполнит условия соглашения, заключенного ими ранее.

XL. Итак, все пилигримы и венецианцы согласились принять план отправиться к Константинополю. Они подготовили свой флот, собрались сами и вышли в море. Плыли они так хорошо, что [вскоре] прибыли к гавани, называемой Бук д'Ав⁷ и лежащей в сотне миль от Константинополя.

Эта гавань расположена на месте, где некогда стояла Великая Троя⁸, при входе в рукав Святого Георгия⁹. Отсюда они двинулись дальше по рукаву Святого Георгия и достигли одного лье от Константинополя. Здесь они обождали остальных, пока не собрались вместе все корабли. Когда вся флотилия, все суда съехались, они [крестоносцы] украсили свои корабли столь прекрасно, что это было самое великолепное зрелище на свете. Жители Константинополя, увидевшие эту, столь прекрасно изукрашенную флотилию, сочли ее за чудо: они взбирались на стены и на крыши домов, чтобы поглядеть на это чудо. А те, кто находились на кораблях, рассматривали величину города, который был столь длинен и столь широк, и дивились этому. После этого они поплыли дальше и вошли в гавань Халкедон, что по ту сторону рукава Святого Георгия.

¹ Бонифаций Монферратский находился при дворе германского короля Филиппа Швабского в Гагенау с конца декабря 1201 г., приблизительно, в течение одного месяца,

² Имеется в виду византийский царевич Алексей. Сведения автора записок в этом пункте, однако, неточны: находясь в Германии, Бонифаций Монферратский мог в лучшем случае узнать о готовившемся побеге царевича.

³ Алексей III (1195-1203 гг.).

⁴ Царевич Алексей, высадившийся (вероятно, весной 1202 г.) в Италию, отправился в Германию (видимо, в конце лета 1202 г.), после встречи с Иннокентием III в Риме.

⁵ То есть с германским королем Филиппом Швабским. Имея смутное представление о закулисной дипломатии предводителей крестоносцев, Робер де Клари по-своему переинтерпретирует ход событий, в общем и целом верно улавливая их смысл.

⁶ В конце апреля 1203 г.

⁷ В переводе буквально означает «горловина воды» (Boux d'Ave – Bouche d'Eau). Робер де Клари, используя своеобразную народную этимологию, переводит таким образом на французский язык греческое название гавани Авидос, расположенной при входе в Дарданелльский пролив.

⁸ Это известие Робера де Клари почти соответствует действительности.

⁹ Дарданелльский пролив.

Осада Константинополя (1203-1204 гг.)

Взятие Константинополя (13 апреля 1204 г.) войсками крестоносцев было одним из эпохальных событий в истории Крестовых походов. Взятию предшествовали две довольно напряженные осады 1203 и 1204 гг.

(Из «Хроники» Никиты Хониата)

Следует отметить, что участник четвертого крестового похода иначе относится к оценке происходящего, радуясь победе и богатой добыче крестоносцев, чем второй свидетель событий – греческий историк, пострадавший от этого нашествия грабителей.

Жители города, передавая себя в руки судьи, вышли навстречу латинянам с крестами и святыми изображениями Христа, как это делается в торжественных и праздничных случаях. Но и это зрелище не смягчило души латинян, не укротило их мрачного и яростного духа: они не пощадили не только частного имущества, но, обнажив мечи, ограбили святыни господни и звуком труб побуждали коней к нападению. Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди? О ужас! Святые образа бесстыдно потоптаны! О горе! Мощи святых мучеников брошены в места всякой мерзости!.. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши, их украшения прятали за пазуху, а из них пили, как из бокалов... О разграблении главного храма нельзя и слушать равнодушно. Святые налои, затканые драгоценностями необыкновенной красоты, приводившие в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами вместе с другими великолепными вещами. Когда им нужно было вывезти из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото... они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами...

Трудно и невозможно было смягчить мольбами или преклонить какими-либо жалобами и умиловать этот варварский народ, до того раздражительный, до того вспыльчивый решительно при каждом противном слове, что все разжигало его гнев и казалось ему нелепым и смешным. Кто попадал в беду, тот, кто не удерживал перед ним своего языка, так равным образом часто воины извлекали мечи против того, кто говорил мало или уклонялся от того, что им доставляло удовольствие. Поэтому всякий должен был опасаться за свою жизнь; на улицах плач, вопли и стенания, на перекрестках рыдания, во храмах жалобные стоны. Знатные родом бродили опозоренными, почтенные старцы плачущими, богатые – нищими. Так – на площадях; так – в закоулках; так – в открытых общественных местах; так и в тайных убежищах!

Таким-то образом... незаконничали западные войска против населения христово, не оказывая решительно никому ни малейшего снисхождения, но всех лишая денег и имущества, жилищ и одежд и совершенно ничего не оставляя тем, кто имел что-нибудь!.. Вот эти ревнители, подъявшие на рамена крест и мно-гократно клявшиеся им и словом Божиим проходить христианские страны без кровопролития... вооружить свои руки против сарацинов и обагрить мечи кровью опустошителей Иерусалима!

...Неприятели проводили время в непотребствах, забавах, притом в забавах преимущественно бесчестных, и в посмеяничих над римскими обычаями... Каждый день они пьянствовали и объедались...

Скажу несколько слов и о самом себе. Многие из моих друзей в тот злополучный день укрылись в моем доме... Не было такой святыни или укрепления, которое было бы в состоянии защитить страдальцев. Куда бы он ни убежал, его непременно выгаскивали и уводили... Был у меня в то время один близкий домашний человек, родом венецианец... он отвел нас в другое место, где жили знакомые нам венецианцы.

Мы вышли в небольшом числе. Венецианец тащил нас за руки, как будто своих пленников. Лица наши были печальны и одежды плохие.

(Жоффрау Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»)

128. Так вот, знайте, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто его никогда не видел, ибо они не могли и вообразить себе, что где-либо на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены и эти богатые башни, которыми весь кругом он был обнесен, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто и представить себе не мог, если б не видел их собственными глазами¹, и длину и ширину города, который главенствовал между всеми городами. И знайте, что не было столь храброго человека, чье сердце не дрогнуло бы; и это не было чудом; ибо никогда и никаким народом не предпринимаюсь столь огромное дело с тех пор, как сотворен мир...

Далее, в гл. 129-140, повествуется о том, как по совету дожа Дандоло решено было сперва в целях обеспечения войска хлебом и прочими припасами пристать к островам вблизи Константинополя, но 24 июня флот, пройдя мимо города, остановился у Халкедона, на азиатском берегу Босфора, а затем через несколько дней пристал к Скутари, близ императорского дворца; рассказывается также о первых стычках с отрядами Алексея III.

141. ...На другой день император Алексей [III] послал своего вестника к графам и баронам со своими грамотами². Вестника этого звали Никола Ру³, и он был уроженцем Ломбардии. Он нашел баронов в богатом дворце Скутари, где они держали совет, и приветствовал их от имени императора Алексея Константинопольского, и предъявил его грамоты маркизу Бонифацию Монферратскому; тот принял их. Грамоты были прочитаны перед всеми баронами. И в грамотах этих было столько обходительных слов, что [моей] книге этого не передать; а после всех других слов там были доверительные слова о том, чтобы верить тому, кто доставил эти грамоты и чье имя Никола Ру.

В гл. 142-144 рассказывается о переговорах баронов с послом Алексея III. Во время переговоров Конон Бетюнский, отличавшийся красноречием, выступил от имени баронов: он отверг предложения Алексея III, изъявившего готовность оказать крестоносцам помощь продовольствием на условии, что они тотчас отправятся в Святую Землю; бароны потребовали отречения Алексея III от престола в пользу законного государя. С тем императорский посол и возвратился в Константинополь.

145. На следующий день бароны, переговорив между собой, решили показать Алексея, сына императора константинопольского, жителям города⁴. Они собрали все галеры. На одну взошли дож Венеции и маркиз Монферратский; они взяли с собой Алексея, сына императора Исаака; на другие галеры сели рыцари и бароны, кто хотел.

146. Так они продефилировали совсем близко от стен Константинополя и показали юношу народу греков, говоря: «Вот ваш прирожденный сеньор; и знайте, что мы прибыли не для того, чтобы содеять вам зло; нет, мы прибыли, чтобы оградить и защитить вас, если вы сделаете то, что должны [сделать]. Ибо тот, кому вы повинуетесь как своему сеньору, правит над вами преступно и содеяв грех против бога и против разума. И вы хорошо знаете, как незаконно поступил он по отношению к своему сеньору и брату; он выколол ему глаза и отнял у него власть посредством преступления и прегрешения.

Вот настоящий наследник; если вы примете его сторону, вы сделаете то, что должны сделать; а если вы это не сделаете, мы сотворим вам самое худшее, что только сможем».

Ни один грек из города не дал понять, что он склоняется на его сторону⁵, – из страха и боязни перед императором Алексеем. Так они вернулись в лагерь и каждый ушел в свою палатку.

147. На следующий день они [крестоносцы], отслушав обедню, собрались на совет: и совещались они, сидя верхом на конях посреди поля. Вы могли бы видеть там множество прекрасных скакунов и множество добрых всадников на них. А совет был о том, как построить боевые отряды, сколько и какие именно. Говорили также и о разных других делах; заключение же совета было таково, чтобы командование авангардом было предоставлено графу Бодуэну Фландрскому, потому что у него было большое число добрых воинов, и лучников, и арбалетчиков, больше, чем у кого-нибудь другого.

148. Потом было постановлено, что второй боевой отряд составят его брат Анри и Матье де Валанкур, и Бодуэн де Бовуар со множеством других добрых рыцарей из их земли и из их страны, что находились вместе с ними.

149. Граф Юг де Сен-Поль вместе со своим племянником Пьером Амьенским, Евстафием де Канлье, Ансо де Кайэ возглавит третий боевой отряд из многих добрых рыцарей из их земли и из их страны.

Далее в гл. 150-153 названы участники и предводители остальных четырех отрядов; седьмой, аррьергардный отряд, в который входили ломбардцы, тосканцы, рыцари из южнофранцузских областей, надлежало возглавить Бонифацию Монферратскому.

154. Был назначен [также и] день, когда они погрузятся на корабли, чтобы силой взять землю, и либо жить, либо умереть; и знайте, что это было одно из самых грозных и опасных дел, какое когда-либо предпринималось. После того епископы и духовенство говорили народу и увещевали его исповедаться и чтобы каждый составил свое завещание; ведь они не знали, какова будет воля божья по отношению к ним. И во всем войске они это выполнили весьма охотно и весьма благочестиво.

155. Так наступил срок, который был установлен. И все рыцари находились на юисье со своими конями; и все они были вооружены, на шлемах опущены забрала; лошади были покрыты и оседланы. А прочие, кто не был столь привычен к военному делу, все сели на большие корабли; галеры также были все вооружены и изготовлены.

156. И стояло прекрасное утро, солнце только что взошло; а император Алексей ждал их со множеством воинов, выстроенных надлежащим образом на противоположном берегу. И вот трубят в трубы. И каждая галера была связана с юисье, чтобы легче было переплыть [на другую сторону]. Никто не спрашивал, кому идти вперед первому. Кто мог раньше, раньше и причаливал. И рыцари выходили из юисье и прыгали в море [погружаясь] по пояс в полном вооружении, с опущенными забралами и с копьем в руке; также и добрые лучники, оруженосцы и арбалетчики; и каждый со своим отрядом, там где ему случилось пристать [к берегу].

157. Греки притворились, будто намерены сопротивляться; но когда были пущены в ход копьа, они [греки] повернули тыл; они отступили бегом и предоставили им берег. И знайте, что никогда еще никакая гавань не была взята с такою славою. Тогда моряки стали открывать дверцы юисье и перебрасывать мостики; и начали выводить коней. А рыцари начали взбираться на своих коней, и боевые отряды начали строиться, как было должно.

158. Бодуэн, граф Фландрии и Эно, предводительствовавший авангардом, выступил вперед, а за ним другие боевые отряды, каждый на своем месте; и так они скакали до того самого места, где стоял лагерь император Алексей; а он повернул в Константинополь и побросал свои палатки и шатры раскинутыми; и наши воины нашли там довольно добычи.

159. Совет баронов решил, что они [крестоносцы] расположатся у гавани перед башнею Галатой, у которой кончалась цепь, шедшая из Константинополя. И знайте поистине, что только разорвав эту цепь, можно было войти в гавань Константинополя. И наши бароны видели, что если они не возьмут эту башню и не разорвут эту пень, то они погибли, и участь их будет худой. Потому они расположились на ночь перед башнею и в еврейском квартале, называемом Эстанор, где они нашли много хороших и богатых домов.

160. Ночью они выставили добрую стражу; а на утро, с третьим криком петуха, находившиеся в башне Галата и прибывшие к ним на подмогу из Константинополя в лодках произвели вылазку; наши же тотчас схватились за оружие. Там раньше всего ввязался в бой Жак д'Авень вместе со своими пешими воинами. И знайте, что ему пришлось туго и что он был ранен копьем в лицо и чуть не погиб. И один из его рыцарей, по имени Никола де Жанлэн вскочил на коня; и он отлично выручил своего сюзерена; он выказал себя так доблестно, что заслужил великий почет.

161. И в лагере поднялся крик; и со всех сторон сбежались наши; они одним ударом отбросили их прочь, так что были там весьма многие убиты и взяты в плен; и немало было таких, которые не возвратились в башню, а на своих барках отплыли туда, откуда прибыли; и довольно много было утонувших, и никто не вышел целым и невредимым. Те же, которые повернули назад к башне, были преследуемы столь близко, что не успели запереть за собою ворота. У ворот произошел самый большой бой; и они [крестоносцы] взяли их силою и проникли внутрь, многие были там убиты и пленены.

162. Так захвачен был замок Галата и взята силою Константинопольская гавань. Велика была радость воинов, и они восхваляли бога; жители же города были расстроены. И на следующий день в гавань были введены корабли, суда и галеры. Тогда предводители войска держали совет о том, что делать дальше: напасть ли на город с моря или с суши. Венецианцы горячо ратовали за то, чтобы на кораблях были устроены лестницы, и чтобы весь приступ был произведен со стороны моря. Французы же говорили, что они не умеют действовать на море столь хорошо, как на суше, – но зато, сидя на лошади со своим оружием, они сумеют лучше помочь себе на суше. Конец совета был таков, что венецианцы пойдут на приступ с моря, а бароны и их войско – со стороны суши.

163. Так пребывали они [там] четыре дня. На пятый день весь лагерь взялся за оружие. И боевые отряды выступили в назначенном порядке и двинулись от гавани до самого Влахернского дворца, а корабли шли [вдоль берега] гаванью напротив них и доплыли до самого конца гавани. Там есть река, которая впадает в море и которую нельзя перейти иначе, как по каменному мосту. Греки сломали мост, и по распоряжению баронов

войско трудилось целый день и целую ночь, чтобы починить мост. Наконец, мост был восстановлен и боевые отряды перешли по нему утром один за другим в установленном порядке. Так они подступили к городу; и никто не выступил из города против них. И это было великим чудом, ведь на одного человека в войске [крестоносцев] приходилось двести в городе.

164. Потом совет баронов решил, что они расположатся между Влахернским дворцом и замком Бозмунда, который представлял собой аббатство, обведенное стенами. И тогда были раскинута палатки и шатры; и это зрелище вызывало чувство гордости: ибо все войско могло осаждать Константинополь, который на суше тянулся на три лье в ширину, лишь у одних ворот. А венецианцы находились в море, на кораблях и на судах; и они соорудили лестницы, и поставили камнеметательницы, и отлично приготовились к приступу. А бароны также приготовились к своему приступу с суши: изготовили орудия и камнеметательницы...

В гл. 165-169 рассказывается о происходивших в течение десяти дней, которые предшествовали общему приступу, мелких стычках с греками, о потерях крестоносцев, подвигах отдельных рыцарей, вроде Пьера де Брасье, особенно отличившегося в схватках у ворот Влахернского дворца.

170. Эти опасности и эти ратные труды продолжались почти десять дней, пока, наконец, однажды к утру четверга⁶ приступ был подготовлен и их лестницы тоже; и венецианцы изготовились к своему приступу с моря. Приказ был отдан о приступе таким образом, что три из семи боевых отрядов должны были защищать лагерь, а четыре остальных производить приступ. Маркиз Бонифаций Монферратский охранял лагерь со стороны полей с отрядами бургундцев, шампанцев и Матье Монморанси. А Бодуэн граф Фландрский и Эно пошел на приступ со своими воинами, также и его брат Анри; и пошли на приступ граф Луи Блуасский и Шартрский, и граф Юг де Сен-Поль, и те, кто был вместе с ними...

В гл. 171-172 повествуется о первых неудачных как для французов, так и для венецианцев попытках штурмовать стены Константинополя с суши и моря.

173. А сейчас вы услышите о странной доблести; ибо дож Венеции, который был старым человеком и не видел ни капли, в полном вооружении стоял на носу своей галеры со знаменем св. Марка; и он кричал своим, чтобы они высадили его на землю, иначе он их покарает. Так они и поступили; ибо галера причалила, и они выпрыгнули, и они понесли перед ним знамя св. Марка...

174. [Воодушевленные дожем, венецианцы, увидев знамя св. Марка, храбро кинулись с кораблей в бой на сушу]. И тогда вы увидели бы великий и чудесный приступ; и, что свидетельствует Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампанский, который сочинил это произведение, и об этом ему говорили поистине более сорока человек, они увидели знамя св. Марка водруженным на одной из башен, но не знали, кто его туда водрузил...

В гл. 175-176 рассказано о взятии венецианцами 25 башен, о том, как венецианцы, чтобы удержаться против превосходящих сил греков, подожгли город.

177. Тогда император Алексей Константинопольский вышел со всеми своими войсками из города, через другие ворота, которые отстояли на одно лье от лагеря; и он начал выводить столько народу, что казалось, будто это был весь мир. Он приказал построить свои боевые отряды на равнине, и они стали приближаться к лагерю; и когда наши французы увидели их, они со всех сторон кинулись к оружию. В тот день Анри, брат графа Бодуэна Фландрского и Эно, нес дозор у [осадных] орудий, поставленных перед Влахернскими воротами, вместе с Матье де Валанкур и Бодуэном де Бовуар, и их ратниками, которые были с ними. И вот император Алексей расположил своих людей в большом числе как раз напротив них, чтобы они вышли из трех ворот, в то время, как [сам] он атаковал бы лагерь с другой стороны.

178. И тогда вышли шесть боевых частей, которые были созданы [раньше], и они [рыцари] построились перед своими [участками] частокола [ограждавшего лагерь]; и позади коней стояли пешие оруженосцы и щитносцы, а перед ними [конными рыцарями] – лучники и арбалетчики; они составили единый боевой отряд со своими пешими рыцарями, а таких рыцарей, у которых не было коня, имелось около двухсот. Так держались они перед своими [участками] частокола; и в этом заключался большой смысл, ибо если бы они выступили в атаку в открытом поле, то у противника было столько воинов, что все наши были бы поглощены ими.

179. Казалось, будто вся равнина покрыта ратниками; они продвигались мелкой поступью в строгом порядке. Казалось, [нам] грозила большая опасность; ибо у нас было всего шесть боевых подразделений, а у греков чуть ли не сорок; и среди них не было ни одного, которое не превосходило бы [любой] наш [отряд]. Однако наши расположились таким образом, что подступиться к ним можно было только спереди. И император Алексей [со своими] приблизился уже настолько, что одна сторона стреляла в другую. Услышав об этом, дож Венеции приказал стянуть своих воинов, чтобы они покинули башни, которыми овладели; он заявил, что жалеет жить или умереть имеет с пилигримами. Так он подошел [на кораблях] к лагерю, и сам первый спустился на сушу с теми, кого сумел привести с собой.

180. Так долгое время войска пилигримов и греков стояли друг против друга; ибо греки не отваживались ринуться на линию их [крестоносцев] отрядов, а они не хотели удаляться от своего частокола. Когда император Алексей это увидел, он начал стягивать своих людей, а собрав их, отступил. Увидев это, войско пилигримов двинулось на него легкой рысью; а войска греков припустили и отступили к дворцу Филопатион,

181. И знайте, что никогда еще бог не избавлял какой-либо народ от большей опасности, как он это сделал в тот день с войском крестоносцев; и знайте, что не было такого храбреца, который бы не почувствовал великой радости.

Так обстояло дело со сражением в этот день, ибо не совершилось ничего больше того, что было угодно господу богу. Император Алексей возвратился в город, а крестоносцы удалились в свои палатки: они скинули свое вооружение, так как сильно утомились и устали; и они малость поели и попили, ибо съестного у них было немного.

182. Ну, а теперь послушайте о чудесах господних, которые столь прекрасны везде, где ему угодно их творить! В эту же ночь император Алексей Константинопольский взял из своих сокровищ, сколько мог унести, и увел с собою всех тех, которые пожелали уйти; он убежал и оставил город. Жители же города были весьма поражены; и они отправились к темнице, где находился, император Исаак, у которого были выколоты глаза. Его облачили в императорские одежды, и отнесли в главный Влахернский дворец, и посадили на высокий трон, и подчинились ему как своему сеньору. И тогда по совету императора Исаака назначили послов и отправили их в лагерь [крестоносцев]; и возвестили сыну Исаака и баронам, что император Алексей бежал и что они восстановили на престоле в качестве императора Исаака.

183. Когда юноша узнал об этом, он сообщил [полученное им известие] маркизу Бонифацию Монферратскому, а маркиз – баронам по всему лагерю. И когда они собрались в шатер сына императора Исаака, он рассказал им эту новость; и, услышав ее, они выразили такую радость, что и не рассказать, ибо такой никогда не видывали в мире. И все благочестиво воздали хвалу господу богу за то, что он столь быстро помог им, и за то, что из такой глубины падения, в которой они находились, он вознес их столь высоко, И потому можно справедливо сказать: «Тому, кому бог хочет помочь, повредить никто не в состоянии».

184. Между тем начинало рассветать, и лагерь взялся за оружие; и они вооружились все, ибо не слишком доверяли грекам. А тем временем являются новые вестники, по двое, или по трое вместе, и рассказывают те же самые новости. Совет баронов и графов, а также и дожа решил отправить в город послов, чтобы разузнать, в каком положении находятся дела. И если бы то, что им сообщили, было верно, то потребовать от отца подтверждения тех условий, которые с ними заключил сын, иначе они не отпустят царевича вступить в город. Были избраны послы: одним из них был Матье Монморанси, а другим Жоффруа, маршал Шампани, а со стороны дожа Венеции – два венецианца.

185. Таким образом, послы были отведены к воротам, и им открыли ворота, и они пошли пешком. А греки расставили от ворот до Влахернского дворца англичан и датчан, вооруженных секирами. Так послов провели до главного дворца; там они нашли императора Исаака [одетым столь богато, что напрасно кто-нибудь захотел бы видеть человека одетого с большею роскошью], а подле него императрицу, его жену, – это была весьма красивая дама, сестра короля Венгрии. Других же знатных людей и знатных дам было такое множество, что нельзя было пошевелить ногой; и дамы были украшены столь богато, что более пышно и [представить себе] невозможно. И все те, которые за день перед тем выступали против него [Исаака], теперь явились к его услугам.

186. Послы предстали перед императором Исааком; император и все прочие оказали им большие почести. И послы сказали, что они желают переговорить с ним наедине от имени его сына и от лица баронов войска. И он встал и пошел в отдельный покой и взял с собою только императрицу, и своего канцлера, и своего драгомана⁷ и четырех послов. По согласию с остальными послами слово взял Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, и он сказал императору Исааку: «Государь, ты видишь, какую услугу мы оказали твоему сыну и как мы выполнили пред ним заключенный с ним договор. Однако он не может вступить в город, пока сам не обеспечит выполнения условий, которые подписал с нами. Он просит теперь, как твой сын, чтобы ты подтвердил его договор с нами в той форме и тем же способом, как он то сделал сам». – «Каков же договор?» – спрашивает император. «Таков, как я вам [сейчас] поведаю», – отвечает посол.

188. «Прежде всего, поставить всю Ромейскую империю в подчинение Риму, от которого она давно отделилась; потом, выдать войску двести тысяч марок серебра и съестных припасов на год, всем малым и великим; и отправить в землю Вавилонскую десять тысяч человек, пеших и конных [столько пеших, сколько мы пожелаем, и столько конных, сколько мы захотим], на своих кораблях и на свой счет, и содержать их там в течение года; и держать в Заморской земле на свой счет пятьсот рыцарей, которые охраняли бы ее в течение всей своей жизни. Таково соглашение, которое ваш сын заключил с нами; и он нам его скрепил клятвою и грамотами с подвесными печатями [также] и от имени Филиппа, короля Германии, вашего зятя. Мы желаем [теперь], чтобы и вы также подтвердили этот договор».

189. «Конечно, – сказал император, – условия договора весьма велики, и я не вижу, как он может быть выполнен; но, тем не менее, вы оказали ему такую услугу, и мне и ему, что если бы вам отдать всю империю, то и тогда вы заслуживали бы большего». Много было сказано и других речей и повторялось на разные лады; но все кончилось тем, что отец подтвердил договор в том виде, в каком его заключил сын, скрепив клятвою и грамотой с золотыми печатями. Грамота была вручена послам. Простившись с императором, они возвратились в лагерь и передали баронам о совершенном ими деле.

190. После того бароны сели на лошадей и отвели царевича с великою радостью в город к его отцу; и греки открыли ему ворота и приняли его с весьма большою радостью. Радость отца и сына была чрезвычайно велика, ибо они давно уже не видались и потому [еще], что после столь великой бедности и после столь великого падения были вознесены к столь великому могуществу, прежде всего с помощью бога, а потом

крестоносцев. Очень велика была радость и в Константинополе, и вне [города], в лагере пилигримов по случаю славы и победы, которые им даровал бог.

191. На следующий день император и его сын просили графов и баронов именем бога расположиться по другую сторону гавани, близ Эстанора и Галаты, [говоря, что если они останутся в городе, то придется опасаться столкновения между ними и греками, и город может быть даже разрушен. И наши сказали [в ответ], что они уже оказали им столько разнообразных услуг, что не откажут теперь в том, о чем их просят. Затем они ушли, чтобы расположиться на другой стороне гавани. Так пребывали они в мире, и спокойствии, имея полное изобилие всякого рода съестных припасов.

192. Вы можете себе представить, что многие из войска приходили повидать Константинополь и богатые дворцы, и высокие церкви, которых там так много, и великие богатства (ибо никогда ни в одном городе не было столько [сокровищ]). Нечего уж и говорить о различных святынях: ибо [даже] поныне их столько в одном этом городе, сколько во [всем] остальном мире. Так греки и французы находились во всем в великом согласии - и насчет товаров, и прочего добра.

193. По общему решению французов и греков было постановлено, что новый император будет коронован в праздник св. Петра, в начале августа⁸. Как решили, так и сделали. Он был коронован столь же достойно и с теми же почестями, как было в то время принято короновать греческих императоров. Потом приступили к выплате денег, которые [греки] должны были войску; и эту сумму поделили между ратниками, и каждый возвратил то, что за него было уплачено венецианцам за переезд.

¹ По свидетельству хрониста Альбрика де Труафонтэн, в Константинополе в начале XIII в. насчитывалось около 500 церквей и монастырей.

² Об этом посольстве упоминает также, хотя и менее подробно, Робер де Клари.

³ Латинянин, проживавший в Константинополе; подобно другим, его использовали время от времени для услуг императорскому двору.

⁴ После легкого подчинения Диррахия бароны были обескуражены враждебной встречей в Константинополе. Они, вероятно, предполагали, что царевича там ждут как желанного человека. Этим объясняется намерение, исходившее, как отмечает Робер де Клари, от дожа Дандоло, обратиться к грекам — в надежде, что народ, вопреки императору, выразит благоприятное отношение к «законному наследнику» узрев его воочию

⁵ Т.е. на сторону царевича Алексея.

⁶ 17 июля 1203 г.

⁷ Драгоман – переводчик.

⁸ 1 августа 1203 г.

(Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»)

XLII. ...И тогда отдан был по всему войску приказ, чтобы все, великие и малые, вооружились, и когда они все вооружились, то исповедались и причастились, ибо сильно сомневались, смогут ли пробиться к Константинополю. Потом они построили свои отряды, свои корабли, свои юисье и галеры, и рыцари со своими конями пошли в юисье, и они пустились в путь; и они приказали трубить в позолоченные и медные трубы, число которых было почти сто пар, и столько же и даже больше барабанов и колоколов.

XLIII. Когда жители города увидели эту большую флотилию и это большое войско, когда они услышали звуки труб и гром барабанов, которые производили великий шум, тогда все они до единого вооружились и взобрались на крыши домов и на городские башни. И им показалось, что все море и вся земля содрогаются, и что все море покрыто судами. Однако ж император приказал всем своим вооруженным силам выступить к берегу, чтобы его защищать.

XLIII. В начале главы автор рассказывает о том, как греки при виде крестоносцев, высадившихся с кораблей на берег, обратились в бегство по направлению к городу.

...Когда рыцари выехали [на конях] из юисье, они начали преследовать этих греков и гнали их до некоего моста вблизи окраины города. На этом мосту были ворота, через которые греки вбегали в Константинополь. Когда крестоносцы возвратились [к кораблям] после преследования греков, они посоветовались, и венецианцы сказали, что их корабли будут в безопасности, только если станут в гавани; тогда они порешили привести их в гавань. А гавань Константинополя была прочно заперта большой железной цепью, которая тянулась от города и на другой стороне — к башне Галаты. Башня эта была весьма укрепленной и легко защищаемой и хорошо обеспеченной воинами для ее защиты.

XLIV. В начале главы повествуется о взятии крестоносцами Галатской башни, о прорыве цепи, преграждавшей доступ в Константинопольскую гавань, а также о том, как флотилия крестоносцев вошла в гавань, где завоеватели овладели находившимися там греческими судами. После этого был разработан план осады города, которую венецианцы должны были вести с моря, французы – с суши. Дож Венеции распорядился подготовить осадные орудия и лестницы, с помощью которых будет предпринят приступ стен. После успешной для крестоносцев стычки с греками у моста, ведущего к городу, крестоносцы подошли к стенам византийской столицы.

И когда они достигли города, знатные люди расположили свои шатры перед Влахернским дворцом, который принадлежал императору, – этот дворец находился прямо на краю города. Тогда дож Венеции

распорядился подготовить весьма дивные и весьма прекрасные осадные орудия, ибо он приказал взять перекладыны от корабельных мачт, которые [обычно] держали паруса, – а длиной они в тридцать локтей или даже более того; и [потом] он велел хорошенько скрепить их и привязать прочными веревками к мачтам и так устроить поверх них добрые перекидные мостики с веревочными поручнями; и [каждый] мостик был такой ширины, что по нему могли проехать к ряд три вооруженных рыцаря; и дож распорядился столь хорошо укрепить мостики и прикрыть их с боков столь прочными кусками ткани, что тем, кто должен был переезжать по ним для приступа (города), нечего было опасаться ни арбалетов, ни стрел. А [каждый] мостик был таким, что высота его от края корабля до земли была наверняка сорок локтей, а то и больше. На каждом юисье была камнеметательница, которая все время бросала снаряды на стены и в город. Когда венецианцы оборудовали свои корабли, как я вам только что здесь рассказал, пилигримы с другой стороны расставили наилучшим образом свои камнеметательницы, из которых они били так далеко, что достигали императорского дворца; а в то же время горожане оттуда стреляли со своей стороны, достигая палаток пилигримов. Потом они посоветовались, пилигримы и венецианцы, и договорились назавтра всем вместе двинуться приступом на город – и по суше, и по морю.

Когда наступило утро следующего¹ дня и венецианцы приготовились, построили свои суда и подплыли как можно ближе к стенам, чтобы качать приступ; когда в то же самое время пилигримы расположились с другой стороны, случилось так, что император Константинопольский Алексей² вместе со своей ратью выехал из города через ворота, называемые Румскими, и там выстроил своих ратников семнадцатью отрядами. В этих семнадцати отрядах насчитывалось около ста тысяч всадников. Потом он направил сколько мог из этих семнадцати отрядов туда, где стояло войско французов в обход [крестоносцев], а остальных удержал при себе. И он приказал выйти из города всем пешим людям, способным носить оружие, и расположиться у стен, от края до края, между армией французов и стенами. Увидев себя таким образом окруженными этими отрядами, французы ужаснулись и выстроили свои отряды, образовав всего семь таких отрядов из семисот рыцарей, потому что больше у них не было; да и из этих семисот пятьдесят были пешими³.

XLV. После того, как они выстроили таким образом свое войско, граф Фландрский потребовал, чтобы под его командование был поставлен первый отряд, и ему его предоставили; граф Сен-Поль и монсеньор Пьер Амьенский получили второй отряд; монсеньор Анри⁴, брат графа Фландрского, и немцы взяли командование третьим отрядом. И было решено, что пешие оруженосцы последуют за отрядами всадников с тем, чтобы три или четыре группы оруженосцев приходились бы на каждый конный отряд. И у каждого отряда оруженосцами были воины из его земли. Потом, когда были построены три отряда, которым предстояло биться против императора, они [крестоносцы] выстроили четыре остальных, которые должны были защищать лагерь [крестоносцев]. Маркиз⁵, являвшийся предводителем всей рати, находился в арьергарде и защищал лагерь с тыла; граф Луи⁶ командовал вторым отрядом, который подошел позднее, шампанцы составляли третий отряд, бургундцы – четвертый, а маркиз начальствовал над [всеми] этими четырьмя отрядами. Мало того, в дело пустили всех конюших, которые стерегли лошадей, и всех поваров, которые могли носить оружие; всех их облачили в одеяла, в седельные коврики, дали им [в руки] котелки, скалки, пестики [для ступ], так что они имели такой безобразный и ужасающий вид, что пеший меньшой люд императора, расположившийся перед стенами⁷, увидев их, был объят страхом и ужасом. А те четыре отряда, о которых я вам сказал выше, защищали лагерь, опасаясь, как бы отряды императора, стоявшие вокруг лагеря, не пробili брешь и не уничтожили бы лагерь и палатки. И конюших, и поваров – их повернули в сторону города, в сторону пехоты императора, выстроенной у стен. И когда пехотинцы императора увидели наш меньшой люд столь несообразно вооруженным, это навело на них такой ужас, что они не отважились ни сдвинуться с места, ни подступить к ним [с этой стороны] так, что [нашему] войску никогда не пришлось защищаться.

XLVI. Затем был отдан приказ, чтобы граф Фландрский, граф Сен-Поль и монсеньор Анри, которые командовали первыми тремя отрядами, выступили против императора, а его хорошо защищали, — и потому, какая бы надобность ни была у остальных четырех отрядов, они не должны были двигаться с места до тех пор, пока не увидели бы, что все, так сказать, потеряно и чтобы не позволить себя окружить или стеснить другими отрядами [императора], занявшими плацдарм вокруг лагеря.

В то время как французы построились таким образом, венецианцы, находившиеся в море, тоже не теряли времени; напротив, они пододвинули свои корабли к стенам, так что воины отлично вскарабкивались на стезы города по лестницам и мостикам, которые изготовили на судах; и они стреляли, кидали копьа, бросали снаряды из своих баллист и шли на приступ более чем яростно; им удалось поджечь город, так что выгорела часть города по величине равная Аррасу⁸. И они не отваживались ни просочиться, ни вступить в город, ибо их было чересчур мало и они бы там не продержались; и тогда они возвратились на свои корабли.

XLVII. Автор описывает, как происходило сближение первых трех отрядов крестоносцев с девятью отрядами Алексея III, насчитывавшими каждый по три-четыре, а то и по пять тысяч всадников.

...Женщины и девушки во Влахернском дворце прильнули к окнам, и прочие горожане, в том числе женщины и девушки, взобрались на городские стены и глядели [оттуда] на скачущих рыцарей, и, с другой стороны, на [приближавшуюся] императорскую рать. Они говорили друг другу, что наши походят на ангелов, настолько они были прекрасны; ведь они были так красиво вооружены и их кони покрыты такой красивой попоной.

В гл. XLVIII, продолжая повествование о надвигавшейся, казалось, схватке между обеими сторонами, автор рассказывает, как, соединившись вместе, три отряда крестоносцев сблизились с греками настолько, что арбалетчики с той и с другой стороны могли стрелять в противника. До столкновения осталось преодолеть лишь небольшую возвышенность, и рыцари первыми оказались на ее вершине, тогда как греки сгруппировались у подножия холма. Их разделял лишь канал, по которому в Константинополь поступала вода. Тем не менее, предводители рыцарских отрядов колебались идти на полное сближение и вступать в бой с императорской ратью, понимая, что слишком удалились от своего лагеря, откуда их не было видно, так что в случае надобности они не могли бы получить оттуда необходимую помощь.

В свою очередь, греки, по рассказу мемуариста, были изумлены и ошеломлены видом двигавшихся прямо, на них рыцарских отрядов. И пока французы совещались между собой о дальнейших действиях, император со своими отступил в Константинополь...

III. На другое утро, когда горожане узнали, что император бежал, они не сделали чего-либо иного, а подошли к воротам, открыли их, вышли оттуда, явились к лагерю французов и вызвали Алексея, сына Исаака. Им объяснили, что он находится в шатре маркиза. Придя туда, они застали его там; и его друзья устроили пышный праздник и возликовали, и весьма поблагодарили баронов, и сказали, что они поступили весьма хорошо, совершив это достойное деяние. Они сказали также, что император бежал, а что бароны должны войти в город и во дворец словно к себе. Тогда собралась все высокие бароны войска и взяли Алексея, сына Исаака, и с большой радостью и с великим торжеством ввели его во дворец. Явившись во дворец, они приказали освободить из темницы отца молодого человека, Исаака, и его жену, которую заключил туда его брат, тот, кто был императором. И когда Исаак был освобожден из темницы, он очень обрадовался, увидев сына, обнял его и горячо поблагодарил всех баронов, которые там присутствовали, [Исаак] сказал, что он освобожден из темницы сначала с помощью божьей, а затем – с их [помощью]. После чего принесли два золотых трона и посадила Исаака на один трон, а Алексея, его сына, на другой, рядом.

Далее в главе рассказывается о том, как Исаак, став императором, освободил из темницы Алексея Мурцуфла, которого сделал «своим бальи», за что в последствии жестоко поплатился. После этого Робер де Клари сообщает, будто к крестоносцам обратился иконийский султан.

Он сказал им, когда они еще находились вблизи Константинополя: «Конечно, сеньоры, сказал он, вы, завоевав столь великий город, как Константинополь, который является главой мира, и восстановив на троне законного наследника Константинополя, которого короновали императором, вы свершили деяние истинных баронов, акт великой доблести». И в самом деле, жители этой страны говорили, что Константинополь является главой мира.

Далее рассказчик сообщает, будто иконийский султан тоже обратился к крестоносцам с просьбой помочь и ему отвоевать его владения у брата, но бароны отклонили его просьбу.

Когда они вышли из своего совета, то ответили султану, что не могут сделать то, что он просит, ибо им еще нужно получить полагающееся по условиям договоренности от императоров, и было бы опасно оставлять столь великий город как Константинополь в том положении, в котором он находится...

¹ 17 июля 1203 г

² Алексей III

³ То есть оруженосцами.

⁴ Граф Эно.

⁵ Бонифаций Монферратский.

⁶ Луи Блуасский.

⁷ У Влахернского дворца.

⁸ Город во Франции.

(Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя»)

X. ...Войско [крестоносцев] было далеко не в радостном настроении, ибо, ввязавшись в чужие дела¹, подверглось большому риску. Надобно верить, что бог определил быть тому, чтобы этот город², который вследствие своей обширности и могущества уже давно отложился от римского престола, лишь доблестью наших и их неожиданной победой был возвращен к церковному единству...³.

Автор говорит далее о крайне затруднительном положении, в которое попали воины Христовы.

[С одной стороны], находясь в непосредственной близости от города, они не чувствовали себя в достаточной безопасности перед лицом бесчисленного и враждебного [им] народа греков; [с другой] – они не могли, не подвергаясь превратностям, да и то лишь с огромными усилиями, уйти отсюда, так как у греков было множество кораблей, на которых они замыслили в случае бегства [крестоносцев] преследовать их или вовсе истребить в сражении.

Вот почему случилось, – а такое обычно бывает редко, – что наши вознамерились осадить тот самый город, из-под которого не осмеливались бежать.

Сославшись в объяснение этой ситуации на «тайные предначертания божьи», автор в начале следующей главы возвращается к недавним событиям и раскрывает обстоятельства, поставившие крестоносцев в столь

трудные условия; хронист напоминает о том, что они решили оказать содействие в восстановлении царевича Алексея.

XI. ...[Крестоносцы] руководствовались различными мотивами, [исходили] как из уважения к королю Филиппу, который очень просил наших за Алексея, так и из того, что им казалось благочестивым делом восстановить на престоле, коль скоро это представляется возможным, законного, жестоко низвергнутого [с него] наследника царства, а также уступая просьбам и обещаниям молодого человека, который, будучи восстановлен на престоле, смог бы оказать большую поддержку всем пилигримам – и ныне, и потом. К этому добавилось и еще одно [обстоятельство]: они знали, что Константинополь был для святой римской церкви мятежным и ненавистным городом, и не думали, что его покорение нашими явилось бы очень уж негодным верховному понтифику или даже [самому] богу. В особенности же к этому побуждали [крестоносцев] венецианцы, чьим флотом они пользовались для плавания, – [венецианцы действовали так] отчасти в надежде получить обещанные деньги, до которых народ этот весьма жаден, отчасти – потому, что город этот, сильный множеством кораблей, притяжал на главенство и господство во всем этом море. Из-за стечения, всех этих и, вероятно, иных обстоятельств получилось так, что все единодушно согласились принять сторону молодого человека⁴ и обещали ему свою помощь.

Была, однако, как мы верим, и другая причина, намного более древняя [по происхождению] и важная [чем все эти], а именно – совет благодати господя, который намеревался таким образом унижить этот народ, преисполнившийся гордыней из-за своего богатства, и привести [его] к миру и согласию со святой вселенской церковью. Казалось соответствующим [преднамерениям божьим], чтобы народ этот, который нельзя было исправить иным способом, был бы наказан смертью немногих и потерей мирских благ, коими он владел в изобилии, и чтобы народ пилигримов обогатился добычей, [взятый] у гордецов, а вся [их] земля перешла бы в наше владение, и чтобы западная церковь украсилась священными реликвиями, которые присвоили себе недостойные [греки], и вечно радовалась бы им. Особенно важно еще и то, что этот часто упоминаемый [нами] город, который всегда был вероломен [по отношению] к пилигримам, поменяв, наконец, Соизволением божьим, своих жителей, пребудет верным и единодушным [единоверным] и сможет оказывать нам тем более постоянную помощь в одолении варваров, в Завоевании Святой земли и овладению ею, что находится большой близости к ней...

Конец XI и большую часть гл. XII автор посвящает рассуждениям о божественных истоках уклонения крестоносцев с пути, завершая эти рассуждения следующими словами:

XII. ...Надобно, следовательно, верить, что это по неодолимому божественному предначертанию случилось так, что наше войско, которое тотчас после взятия Задара поспешало двинуться в Александрию, изменив своему намерению, объявило войну этому большому городу⁵ и, направив флотилию, вражески вторглось в его пределы, разбило свой лагерь неподалеку от его стен и расположилось там, изготовясь к бою.

В завершение гл. XII автор кратко рассказывает о штурме византийской столицы и бегстве Алексея III, а в начале гл. XIII пишет о возведении на престол молодого Алексея, умалчивая при этом о восстановлении его отца Исаака II.

XIII. ...Он распорядился благослонно и щедро выплатить нашим князьям половину обещанных денег в надежде, что [и] оставшуюся [половину] сумеет отдать в кратчайшее время. Несколько дней наши оставались в этом городе и с умеренностью оказывали услуги как новому царю, так и самим горожанам, остерегаясь в особенности быть кому-нибудь обременительными гостями.

Однако так как город, несмотря на свои огромные размеры, не мог вместить такого множества людей и коней, и к тому же - людей, принадлежавших к двум народам, столь различным по языку и обычаям, [да к тому же] не испытывавшим взаимного доверия друг к другу, то ими [крестоносцами] сочтено было за благо оставить город, удалиться на широкую равнину близ него⁶, разбить здесь лагерь и спокойно ожидать исполнения царских обещаний.

¹ Хронист подразумевает вмешательство крестоносцев в политико-дипломатические интриги, связанные с внутренней борьбой в Византии.

² Константинополь, вблизи которого расположилась рать крестоносцев.

³ Речь идет о событиях, развернувшихся уже в конце 1203 - начале 1204 г., после того как крестоносцы, вторгшись в столицу Византии, водворили там Исаака II и его сына Алексея (IV).

⁴ Царевича Алексея.

⁵ Константинополью.

⁶ Крестоносцы расположились лагерем на восточном берегу залива Золотой Рог в Галате, предместье Константинополя.

Крестоносцы в Константинополе (1203 г.)

(Неизвестный рыцарь, «Письмо из Константинополя»)

Да будет вам ведомо¹, что Алексей Барисиак², как я Вам уже сказывал, прибыл к нам на Корфу³ и здесь, преклонив колена и проливая слезы, смиренно и настоятельно просил-нас идти с ним в Константинополь,

оказать ему помощь, чтобы [он смог] с нашей помощью прогнать с императорского престола брата отца своего, которого отец его освободил из языческого плена и который, будучи освобожден и выкуплен братом, отплатил ему тем, что гнусно ослепил своего брата и, побуждаемый стремлением к власти, по жадности узурпировал его престол и незаконно удерживает. По этому поводу в войске произошли большие раздоры и был большой шум. Все, крича, требовали идти к Аскалону, и немного было таких, которые одобряли бы поход к Константинополю; одним из них был граф Фландрский⁴, затем [граф] Людовик⁵, маркиз Монферратский⁶ и граф Матье Монморанси⁷, маршал Шампанский⁸, Конон Бетюнский⁹, Милон Брабантский, Жан Фуанон¹⁰.

Мы все в открытую доказывали целому войску, что поход к Иерусалиму для всех будет бесполезен и грозит неудачей ввиду того, что они оскудели, не имеют запасов продовольствия и среди них нет никого, кто бы мог взять ратников на свое денежное содержание и обеспечить перевозку каменнотельных и прочего воинского снаряжения. Почти все склонились тогда к нашему мнению, выдвинув условием, что под Константинополем они не задержатся более месяца. В ответ им было сказано, что нет необходимости оговаривать непродолжительность пребывания под Константинополем, потому что [в этом случае] греки нас будут менее страшиться, если заранее узнают о нашем [намерении] оставаться под Константинополем недолго. Однако они¹¹ потребовали, чтобы мы все-таки ясно гарантировали им [выполнение] условия [о том], что задержка составит лишь один месяц. Так и было сделано. После того юный император¹² посулил нам, что будет в течение целого года доставлять припасы всему войску и обеспечит на год содержание за свой счет 10000 конных ратников для [оказания] подмоги Святой земле. [Он] обещал также, пока будет жив, держать в Святой земле на своем обеспечении 50 воинов. Венецианскому дожу [он] обещал уплатить 10 марок серебра и столько же – нашему войску. После того как все это было установлено и одобрено общим согласием, мы сели на свои корабли. Засим, на восьмой день мы благополучно прибыли к гавани Дусевии¹³; от этого места до Константинополя считается 100 лиг¹⁴. От этой гавани до Константинополя можно пройти быстрым плаванием по узкому морю¹⁵. Отсюда, плывя по этому проливу, мы прошли рукав св. Георгия¹⁶ и захватили некую гавань, что против Икония, вплоть до самой суши, каковая гавань отстоит от Константинополя на одну лигу¹⁷. Там мы пребывали в чрезвычайном удивлении из-за того, что никто из друзей и никто из родственников юноши¹⁸, находившегося с нами, и вообще кто бы то ни было от них не явился сообщить ему о положении Константинополя. Император же, владевший престолом, без промедления отправил подарки венецианскому дожу, графу Фландрии, графу Людовику и нам. Мы же, сойдясь между собою на тайный совет, [договорились о том], что ни в коем случае не станем выслушивать императорских вестников, если он сперва не отречется от величия императорской власти, – иначе мы не будем выслушивать ни его самого, ни его вестников. Мы не хотели, чтобы греки завлекли нас своими льстивыми подарками и улестьями обещаниями.

Между тем, войско императора, расположившееся на берегу против нас, готово было воспрепятствовать нашей переправе и показывало нам нарочитое воодушевление, [будто намеревается] сразиться с нами; видя это, мы исповедались в своих грехах и возложили надежду на одно только могущество милосердного господина. Затем мы [сами] изготовились к бою, все в полном вооружении, а потом установили свои корабли. Когда же, ведомые богом, мы двинулись вперед, все греки сошлись, чтобы помешать нашей переправе. Однако милостью божьей [они] удалились от нас настолько, что наши стрелы не могли долетать ни до кого из них. Потом мы добрались до некоей крепчайшей башни, называемой Галатой, у которой укреплен преогромная железная цепь. Уложенная на деревянные сваи, она пересекала море, достигая на суше городской стены. Цепь эта запирала вход в ту гавань, и за ней стояли городские корабли, галеры и барки, скрепленные бортами и препятствовавшие нашему проникновению [в гавань]. А на упомянутой суше находились стражами пизанцы, генуэзцы, дакийцы и другие, приставленные для ее [башни] охраны и защиты. Они свободно, по своему желанию, выходили из башни и входили в нее, чтобы пускать в нас стрелы. Насчет этой башни Мы говорили с дожем венецианским, мудрейшим мужем; мы сказали ему, что башню никоим образом не удастся взять иначе, как посредством [применения] подкопа, каменнотельных орудий и всяких других [имевшихся] на кораблях военных приспособлений. Мы тоже прилагали много ухищрений, чтобы с помощью божьей и собственной взять таким образом осажденную отовсюду башню. Пока все это намечалось, защитники упомянутой башни своими частыми стрелами причиняли нам чувствительный урон. Однако и [греки], в свою очередь, несли потери, были отбрасываемы назад и не могли нас потеснить. На третий день после того, как здесь были раскинута наша палатка, [греки], выйдя [из башни], совершили нападение на наших рыцарей и пехотинцев. Однако Петр Браникол¹⁹, ринувшись на них с несколькими рыцарями и оруженосцами, так сильно потеснил их, что они не могли ни сопротивляться, ни отступить к башне в поисках убежища: напротив, при наступлении наших иных из них предпочитали броситься в море, и они тонули, частью раненные, частью обессиленные. Тотчас чудесной помощью божьей башня была взята без осадных приспособлений, и цепь – разорвана. Вскоре, едва только городские корабли отошли, наши суда получили свободный проход в гавань и захватили кое-какие из их судов – и галеры, и малые суденышки, и барки.

Тогда, приведя в боевой порядок и корабли, и самих себя, мы двинулись вперед к некоему каменному мосту, отстоящему от упомянутого ранее места на одну с лишком лигу. Мост же этот был крепче Малого моста Парижского и до того был узок, что три всадника [по нему] едва могли пройти бок о бок, а подходящего брода мы не могли найти иначе, как на расстоянии трех лиг. Впрочем, если бы мы так далеко отошли от своего флота, то могли бы подвергнуться большой опасности и понести урон. Когда мы достигли самого моста, то

долготерпением божьим, без всякого противодействия перешли по нему и, идя вперед, раскинули наши палатки между дворцом императора, который называется Влахернским, и дворцом Боэмунда, и настолько приблизились к Влахернскому [дворцу], что стрелы наши падали на дворец императора и чрез окна [попадали] внутрь него, а греческие стрелы летели над нашими палатками. Содеяв это, мы огородили наше войско большими колыями. Потом мы пододвинули и поставили у стен камнеметательные орудия. Дождь же венецианский соорудил на [каждом из] всех кораблей высочайший помост из рей, вышиною в сто шагов, и по каждому помосту могли спускаться четыре вооруженных рыцаря. Сверх того, на одном уссарии²⁰ действовал также свой магнеллум.

Пока происходило все это, греки пешие и конные, совершали вылазки против нас. Однако они всегда терпели больший урон, чем мы. Однажды множество их воинов, выйдя толпою из неких ворот, которые расположены были с правой стороны, выступили вперед и стали вызывать нас к сражению. Однако наши напали на них с такой силой и отвагой, храбро отогнав их назад, что многие из них, толкая друг друга, валились в ров; среди некоторых иных оказался убитым сын герцога Диррахия, который слыл у константинопольцев благороднейшим и прекраснейшим. На следующий день из Влахернских ворот выступила когорта воинов города, – в той стороне, которая была лучше всего укреплена нашими воинскими орудиями. Однако могучим ударом они были божьей подмогой с позором отброшены назад [в город]. Тогда же был захвачен некий сильный муж²¹, наиболее опытный из всех горожан в военном деле и советник императора. По прошествии Меркуриева дня отдано было распоряжение, чтобы на завтра²² произвести приступ города; дождю венецианскому – напасть с моря, а маркизу²³ и графу Фландрскому – с суши. Я же и Матье Монморанси с маршалом Шампани, а также А. де С. Суроне²⁴, пока будет производиться приступ, должны будем охранять войско снаружи от укреплений и близ лагеря. Так мы и сделали.

Когда все было приготовлено, в установленное время дождь и венецианцы с некоторыми из наших, кто особенно настаивал на атаке с моря, придвинули корабли близко стенам, приставили к ним лестницы и, двинувшись на приступ с великим искусством, ворвались в город; 25 триб ратников захватили {в городе} немало сверх всякой меры и пожгли [там]. Наши также, произведя приступ с суши и приставив подобным же образом лестницы к стенам, водрузили на стенах свои стяги и знамена. Миниторы же, сделав подкоп стены снизу, разрушили одну башню. Тогда император, стесненный пожаром города и Нашими хитростями, неожиданными и [наносимыми] отовсюду ударами, собрал немалые турмы²⁵ воинов к единственным воротам, которые давали выход в поле, чтобы Вскружить наших и разбить их. Мы также изготавились к бою; граф Фландрский – со своими, и я тоже – со своими, каждый, конечно, находясь на своем месте начеку; в боевом порядке подвигаясь вперед на конях, мы, будучи вовлечены в бой, нам противный, приблизились к неприятелю настолько, что их лучники и арбалетчики могли попадать в наших, а наши в их [воинов]. Когда они увидели нас воодушевленными и неуклонно выступающими вперед в боевом строю и [когда] убедились, что не могут легко одолеть нас в сражении, то, сильно уstraшенные и растерянные, отступили, не осмелившись вступить с нами в битву. И знайте, что нас в войске было не больше двухсот рыцарей и столько же прочих конных воинов, а пехотинцев у нас было не более двух тысяч; ибо большая часть оставалась на месте для охраны орудий. Мы же, видя, как они бегут, не хотели их преследовать, дабы их хитростями не был причинен урон нашему войску, и военным машинам, и башням, которые захватили венецианцы. Возвратившись в свой дворец, император заявил, что даст нам бой завтра, но среди ночи тайно бежал. Однако в день Юпитера, как он и обещал, мы принуждены были сражаться. А назавтра с помощью божьей город был нам сдан, и таким образом истекли полных 8 дней с начала осады города. Тогда же император Корисак²⁶ и императрица, его супруга, сестра короля Венгрии, которые долго находились в страхе и держались в заточении, изъявляя нам всячески свое благоволение, сообщили, что божьей милостью и с нашей помощью они освобождены из заключения и что им возвращены знаки императорского достоинства и что они просят нас завтра пожаловать во дворец вместе с их давно ожидаемым сыном. И мы так и сделали и откушали во дворце с великим ликованием и необыкновенными почестями.

Особенно я хочу, чтобы вы знали, что Р. де Парке²⁷ и Р. де Монмирайль²⁸, и А. де Бов²⁹, стремившиеся идти к Иерусалиму, Ю. де Бов³⁰, и Симон де Монфор, и Р. Недобрый Сосед³¹, и аббат де Во³², учинившие большое несогласие в войске участников похода, устремились к королю венгерскому; они оставили наше войско и покинули нас при смертельно тяжких обстоятельствах. Зато всячески восхваляем венецианского дожа, мужа благоразумнейшего и умудренного в трудных советах. Было содеяно, конечно, и многое иное, лучшее и славнейшее сказанного. Но я постараюсь только удовлетворить вас объяснением того, почему главным образом мы стремились прибыть к царственному городу: разумеется, потому, что выполняли дело Спасителя, [такое], чтобы восточная церковь, столицей коей был Константинополь, с императором и всею своею империею признала бы себя дочерью своего главы - римского первосвященника и преданно повиновалась бы ему во всем с надлежащим смирением. Даже сам ее патриарх³³ одобрял это дело; он согласился принять паллиум – знак своего достоинства – от верховного первосвященника, имея в виду добиваться затем Римского престола, в чем сам, вместе с императором, принес клятвенное заверение. К этому наш император клятвою обязался нам честно и сполна выполнить все, что было обещано: переправиться вместе с нашими к середине текущего марта, имея с собою 10 000 ратников, доставлять в течение года продовольствие всему воинству господнему и продлить на год наш договор с венецианцами. Послав также со своей и с нашей стороны послов к вавилонскому султану³⁴ – обладателю Святой земли, он потребовал, чтобы тот, выказывая уважение к народу христианскому пред лицом

своего неверного народа, ожидал бы благодар и милосердия божия к истреблению неверия. Итак, мы, соблазненные такими выгодами и задержанные священной надеждою будущих благ, решили зазимовать у вышеописанного города, и об этом мы хотим уведомить наших братьев, которые ожидают в заморских странах нашего прибытия, чтобы они, услышавши радостную молву о наших удачах, участниками каковых мы и их считаем, чтобы они, подкрепленные святой надеждою, ожидали бы будущего с большей твердостью.

¹ По-видимому, письмо предназначалось тем крестоносцам, которые направились в Сирию ранее, минуя Константинополь.

² Так автор письма называет царевича Алексея, сына Исаака II.

³ Согласно рассказу Виллардуэна, Алексей появился в лагере крестоносцев еще во время их пребывания в Задаре, когда они только приняли решение отправиться в гавань Корфу, но еще не успели покинуть Задар.

⁴ Балдуин IX.

⁵ Луи Блуасский.

⁶ Бонифаций Монферратский.

⁷ Рыцарь из области Иль де Франс.

⁸ Жоффруа Виллардуэн.

⁹ Рыцарь из Фландрии, упоминаемый Виллардуэном.

¹⁰ Предполагают, что именно этот рыцарь из Шампани и является доставителем настоящего послания.

¹¹ То есть, масса крестоносцев, которые не хотели плыть к Константинополю.

¹² Царевич Алексей.

¹³ Так автор письма называет греческую гавань Авидос у входа Дарданеллы.

¹⁴ Лига – примерно 1500 шагов, т.е. около 1 км.

¹⁵ Автор имеет в виду Дарданеллы и Босфор.

¹⁶ Этим наименованием Виллардуэн обозначает и Дарданеллы, и Босфор.

¹⁷ Видимо, автор имеет в виду гавань вблизи монастыря св. Стефана.

¹⁸ Царевича Алексея.

¹⁹ Петр Браникол – рыцарь Пьер де Бресей (Брасье), один из вассалов графа Луи Блуасского, упоминаемый также в записках Виллардуэна и Робера де Клари.

²⁰ Уссарии – то же, что «юисье».

²¹ Виллардуэн упоминает о взятии в плен Константина Ласкаря, «лучшего из греков в городе» (гл. 165).

²² 17 июля 1203 г.

²³ Имеется в виду Бонифаций Монферратский.

²⁴ Вероятно, Ожье де Сен-Шерон, рыцарь из Шампани, упоминаемый и в записках Виллардуэна.

²⁵ Турма – подразделение в римской коннице, насчитывавшее 30-32 всадника.

²⁶ Исаак II.

²⁷ Вероятно, Роже де Монмирайль – рыцарь из Фландрии, имя которого встречается и у Виллардуэна,

²⁸ Рене де Монмирайль – один из видных французских баронов.

²⁹ По-видимому, Ангерран де Бов – рыцарь из Иль де Франс.

³⁰ Юг де Бов, упоминаемый Виллардуэном.

³¹ Робер Мовуазен – рыцарь из Иль де Франс: буквальный смысл его прозвища, ставшего фамильным обозначением, – «Недобрый Сосед», это имя также встречается в перечне рыцарей-крестоносцев, приводимом у Виллардуэна.

³² Аббат обители де Во – цистерцианский аббат, возглавлявший ту часть рыцарства, которая была настроена против поворота крестоносной рати в сторону Константинополя.

³³ Греческий патриарх.

³⁴ Т.е. к египетскому султану.

(Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»)

194. Новый император часто ходил навещать баронов в лагерь и оказывал им многие почести, наилучшие, которые он мог [оказывать]: он и должен был так поступать, ибо они весьма хорошо послужили ему. Однажды он явился в лагерь, чтобы особо повидать баронов, и вошел в дом Бодуэна, графа Фландрии и Эно. Туда были позваны дож Венеции с особенно высокими баронами; и он обратился к ним с речью и сказал: «Сеньоры, я – император божьей и вашей милостью; и вы оказали мне такую большую услугу, какой никто и никогда еще не оказывал христианину. Да будет вам ведомо, что мне выказывают внешнее расположение многие, кто меня не любит; и греки весьма раздражены, в особенности тем, что я возвратил свое наследие с вашей помощью».

195. Близок срок, когда вы должны удалиться, а ваш договор с венецианцами продолжится только до праздника св. Михаила¹. Я не могу в столь короткое время произнести уплату [того, что должен вам]. Знайте, что греки ненавидят меня из-за вас. И если вы меня оставите, я потеряю свою землю и они убьют меня. Но сделайте-ка то, что я вам скажу: вы бы остались здесь до марта, а я бы сохранил вам ваш флот в течение года от Михайлова дня, и оплатил бы расходы венецианцам, и доставлял бы вам все необходимое до пасхи. За это время я успел бы так упрочить свое положение в стране, что мне нечего было бы опасаться потерять ее; да и ваши условия были бы таким образом исполнены; ибо при помощи доходов со всех своих земель и заплатил бы вам должное; и я бы снарядил корабли, чтобы плыть с вами или послать [других], как я это вам обещал². У вас же осталось бы свободным целое лето для похода».

196. Бароны отвечали, что они поговорят об этом друг с другом, без него. Они признавали вполне, что то, что он говорил, верно и что это наилучший выход как для самого императора, так и для них. Однако они ответили, что не могут сделать так, не испросив общего мнения всего войска; и что они потолкуют об этом с войском и дадут ему ответ, какой получат. После того император Алексей расстался с ними и возвратился в

Константинополь. А они остались в лагере и на следующий день устроили сходку. И были приглашены все бароны и предводители войска и большая часть рыцарей; всем была передана просьба императора, как он ее им изложил.

В гл. 197-200 рассказывается, как после жарких споров, в которых те, кто жаждал «распадения войска», требовали немедленно отправиться в Сирию, крестоносцы согласились принять предложение Алексея IV и провести зиму под стенами Константинополя. В это время заболел и скончался Матье Монморанси. В гл. 201-202 повествуется о военном походе, предпринятом императором Алексеем IV, при участии отрядов крестоносцев, для умиротворения империи.

203. Пока император Алексей находился в этом походе³, в Константинополе случилась весьма большая беда; ибо вспыхнула ссора между греками и латинянами, которые жили в Константинополе; а их там было много⁴. И я не знаю, что за люди, по злобе, подожгли город; и пожар был столь огромен и столь ужасен, что никто не в состоянии был ни погасить его, ни утихомирить. Увидев это, бароны войска, расположившиеся по другую сторону гавани, были сильно опечалены и прониклись великой жалостью, видя эти высокие церкви и эти богатые дворцы объятые пламенем и погибающими, и эти широкие торговые улицы горящими в огне; но они ничего не могли сделать.

204. Огонь дошел до гавани и за нее, в самую густонаселенную часть города и, с другой стороны, до самого моря⁵ [добравшись] совсем близко к храму св. Софии. Пожар продолжался два дня и две ночи, и множество людей никак не могли его потушить; и ширина пламени достигала около полулье. Никто не смог бы перечислить вам ни ущерб, [причиненный пожаром], ни имущество, ни богатство, которое там погибло и было погублено, ни сказать о тех многих мужчинах, женщинах и детях, которые [там] сгорели.

205. Все латиняне, которые жили в Константинополе, из каких бы стран они ни происходили, не рискнули более там оставаться; они взяли своих жен, своих детей и свое добро, которое еще могли вытащить из огня и избавиться [от него]; и они сели на лодки и корабли и отъехали от гавани к пилигримам. А их было немало, едва ли не 15 тысяч, от мала до велика; и пилигримам это оказалось весьма полезно, что они приехали к ним⁶. Так разделились французы и греки, ибо они уже не были так едины, как до того; и они не знали, кого в этом винить; и это было тяжело для тех и других.

В гл. 206-210 автор, упомянув о кончине цистерцианского аббата де Лосс, поддерживавшего политику предводителей крестового похода, рассказывает о возвращении Алексея IV из похода (11 ноября 1203 г.) и о радостной встрече, устроенной ему. Однако, как выяснилось, он вернулся, возгордившись своими успехами, и даже не удостоил крестоносцев визитом, как обычно. Алексей IV медлил с уплатой денег или отделялся мелкими выплатами и просил одну отсрочку за другой; убедившись в том, что он не желает выполнять условий соглашения, бароны и дож Дандоло направили к нему посольство.

211. Для этого посольства были избраны Конон Бетюнский, Жоффруа Виллардуэн, маршал Шампани, и Милон Брабантский из Провэнса; а дож Венеции отправил трех высокопоставленных мужей из своего совета. Послы сели на своих коней, опоясались мечами и вместе подъехали к Влахернскому дворцу. И знайте, что они шли на большую опасность и на большое приключение, если иметь в виду вероломство греков.

212. Спешившись у ворот, они вошли во дворец и увидели императора Алексея и императора Исаака, его отца, сидящими на двух престолах рядом друг с другом; близ них восседала императрица, которая была женой отца и мачехой сына и сестрой короля Венгрии, прекрасная и добрая дама. Они были окружены множеством высоких людей, и все это походило на двор богатейшего князя.

213. По совещании с прочими послами, взял слово Конон Бетюнский, муж весьма мудрый и красноречивый: «Государь, мы пришли к тебе от лица баронов войска и дожа Венеции. Знай, что тебе вменяют в упрек, что они оказали тебе великую услугу, как то известно всякому и очевидно само по себе. Вы клялись им, вы и ваш отец, выполнить заключенное вами соглашение; у них ваши грамоты об этом. Вы не выполнили договор, как то должны были бы.

214. Они увещевали вас многократно, и мы теперь увещеваем в присутствии всех ваших баронов, соблести договор, [заключенный] между вами и ими. Если вы это сделаете, все пойдет хорошо; если же не сделаете, то знайте, что с этого часа и на будущее время они не считают вас ни сеньором, ни другом, и они уж постараются добиться своих прав всеми способами, какими смогут. А вас они предуведомляют, что не причинят зла ни вам, ни кому другому, пока не получат ответа; ибо они никогда не обращались к измене, да и на их родине нет обыкновения поступать таким образом. Вы хорошо слышали, что мы вам сказали: посоветуйтесь [и поступите], как вам будет угодно».

215. Греки были чрезвычайно изумлены этим вызовом и сочли его за великое оскорбление; и они говорили, что еще никто и никогда не осмеливался бросать вызов константинопольскому императору в его собственных покоях. Император Алексей выразил послам свое неудовольствие, и другие греки, бывшие с ними до тех пор в лучших отношениях, – также.

216. Великий шум поднялся во дворце; и послы вернулись к воротам и сели на коней. Когда они выехали за ворота, не было ни одного из них, который не считал бы себя весьма счастливым; это было и не удивительно, ибо они спаслись от великой опасности; было недалеко до того, чтобы все они были схвачены и умерщвлены. И они возвратились в лагерь и рассказали баронам, как они действовали. Так началась война, и всякий причинял другому зло, как мог, и на суше, и на море. Греки и франки схватывались во многих местах; но, благодарение

богу, они не бились без того, чтобы греки несли большие потери, нежели франки. Так продолжалась война долгое время, до глубокой зимы...

221. И тогда греки, порвавшие таким образом с франками, увидели, что надежды на примирение нет; и они составили против своего сеньора тайный заговор с целью измены. [При дворе] был некий грек, которого император любил более всех прочих и который именно рассорил его с франками. Звали этого грека Мурцуфл⁷.

222. По совету с другими и с их согласия в полночь, когда император Алексей спал у себя, те, кто должны были его охранять (прежде всего Мурцуфл и его сообщники), схватили его с постели и бросили в темницу. И Мурцуфл, с помощью и по совету прочих греков, обулся в пурпуровые сапожки⁸. Так он стал императором, потом он короновался в храме св. Софии. Так вот, услышьте, была ли когда-нибудь и кем-нибудь совершаема столь ужасная измена!

223. Когда император Исаак услышал, что его сын схвачен и Мурцуфл коронован, им овладел великий страх, и он заболел, и болезнь длилась недолго, и он умер. А сей император Мурцуфл два или три раза приказывал отравить [его] сына, но богу было не угодно, чтобы он умер. Тогда он задушил его насмерть⁹. И когда он был задушен, Мурцуфл повсюду распустил слух, будто он умер своей естественной смертью; и он распорядился похоронить его с почестями, как императора, и закопать в землю, и притворился весьма опечаленным случившимся.

224. Однако убийство нельзя скрыть. Вскоре стало ясно грекам и французам, что было совершено убийство, как вы о том слышали [мой рассказ]. Тогда бароны армии и дож Венеции держали совет; и там присутствовали епископы и все духовенство. И все церковнослужители были согласны в том [а те, кто имел полномочия от [папы], доказывали баронам и пилигримам], что тот, кто совершил такое убийство, не имеет права властвовать над страной, и те, кто согласятся, то [они] соучастники убийства и, сверх того, они должны быть заподозрены в том, что отказываются от повинения Риму.

225. «Вот почему мы вам заявляем, – говорило духовенство, – что война хороша и справедлива; и если вы имеете доброе намерение завоевать эту землю и подчинить ее Риму, то получите такое отпущение грехов, какое дал вам папа, [какое он дал] всем, которые умрут, исповедавшись». Знайте, что эти слова послужили большой поддержкой баронам и пилигримам.

226. Война между франками и греками сделалась ужасного и нисколько не утихла: напротив, она все более усиливалась, и не проходило дня без схватки на суше или на море.

¹ 29 сентября 1203 г. В соответствии с договором 1201 г. о перевозе, венецианский флот должен был оставаться в распоряжении крестоносцев в течение одного года со дня отплытия из Венеции, следовательно, с 1 октября 1202 г. до 30 сентября 1203 г.

² Согласно договору, заключенному в Задаре.

³ Между 15 и 22 (или 19) августа 1203 г.

⁴ Речь идет о латинянах, обосновавшихся в византийской столице еще до крестового похода.

⁵ Т.е. до Пропонтиды (Мраморное море).

⁶ Мемуарист имеет в виду уже события, связанные со вторым штурмом Константинополя в апреле 1204 г.

⁷ Мурцуфл – прозвище («с наспуленными бровями») Алексея Дуки. Среди крестоносцев считалось, что он был одним из зачинщиков низвержения в 1195 г. Исаака II Ангела. Подвергнутый затем заключению, он был освобожден Алексеем IV.

⁸ Дворцовый переворот в Константинополе произошел в январе или в начале февраля 1204 г.

⁹ Алексей IV царствовал до 28 или 29 января 1204 г. и погиб 8 февраля 1204 г., пробыв на престоле, как сообщает Никита Хониат, 6 месяцев и 8 дней.

(Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»)

LV. После того, как бароны короновали Алексея, так, как я вам рассказал, было решено, что во дворце вместе с императором останется мессир Пьер де Брешэ со своими людьми. Потом бароны обсудили, как им разместиться. И они не рискнули остаться в городе из-за греков, которые были предателями. Напротив, они отправились для расквартирования на другую сторону гавани, туда, где находится Галатская башня, и все они разместились там в домах, и они привели свои корабли и установили их тут на якорь перед собой, а в город ходили, когда хотели. Если они желали плыть по воде, то садились на лодки, а если [хотели] ехать на коне, то переезжали через мост. И когда они устроились, французы и венецианцы, то сообща решили разрушить на пятьдесят локтей городские стены, ибо опасались, как бы горожане не поднялись мятежом против них.

LVI. Однажды все бароны собрались в императорском дворце и потребовали от императора¹ выполнить свои обязательства по отношению к ним; он ответил, что непременно выполнит их, но хотел бы сперва быть коронованным. И они приготовили все и назначили день для коронации. В этот день он был высочайше коронован императором в соответствии с волей своего отца, который добровольно уступил ему трон. Когда же он был коронован, потребовали уплаты своего. Он сказал, что весьма охотно уплатит, что сумеет, и он в самом деле уплатил сто тысяч марок. И из этих ста тысяч марок половину получили венецианцы, поскольку они должны были получить половину завоеванного; а из оставшихся пятидесяти тысяч марок им было уплачено тридцать шесть тысяч марок, которые французы еще оставались им должны за наем флота. А двадцатью тысячами марок, оставшихся у пилигримов, расплатились со всеми теми, кто ссудил из своих денег, чтобы оплатить перевоз².

¹ Автор имеет здесь в виду молодого Алексея IV.

² Об этих ссудах Робер де Клари упоминает раньше, в гл. XII, рассказывая о пребывании крестоносцев в 1202 г. на острове Лидо и переговорах с Венецией.

Захват и разграбление Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г.

Взятие Константинополя (13 апреля 1204 г.) войсками крестоносцев было одним из эпохальных событий в истории Крестовых походов.

(Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»)

240. ...Совет постановил, что они будут готовиться снова¹ в течение следующего дня, который приходился на субботу, и все воскресенье, а в понедельник² двинутся на приступ, связав по двое корабли, на которых имелись лестницы. Таким образом два корабля атакуют одну башню... Как сказано, так и сделано...

241. Император Мурцуфл расположился со всем своим войском перед линией приступа и раскинул там свои пурпурные палатки. Так все оставалось до самого утра понедельника. Тогда все те, кто был на кораблях, юисье и галерах, вооружились. А жители города боялись их меньше, чем вначале: они были настолько самонадеянны, что стены и башни были усеяны людьми³. Тогда начался изумительный и отчаянный приступ: каждый корабль устремлялся к назначенному ему месту; шум битвы был так громок, что, казалось, земля рушится.

242. Приступ продолжался долго, – до тех пор, пока наш господь не поднял сильного ветра, называемого бореом⁴: этот ветер пригнал суда и корабли ближе к берегу. Два корабля, связанные вместе, из которых один назывался «Пилигрим», а другой «Рай»⁵, подошли к одной башне, один – с одной, другой – с другой стороны (так направляли их бог и ветер) настолько близко, что лестница «Пилигрима» достала башню. В мгновение ока некий венецианец и один французский рыцарь, по имени Андрэ д'Юрбуаз⁶, взошли на башню; вслед за ними на нее вступили и другие; а защитники башни были разбиты и бежали.

243. Когда рыцари, находившиеся на юисье, видят это, они бросаются на берег, и точно так же приставляют лестницы к стене и поднимаются вверх силою. Так овладели они чуть ли не четырьмя башнями. Тогда кидаются на приступ те, кто был на кораблях, юисье и галерах, как ни попало; и они взламывают трое ворот и вступают в город. И тогда начинают выводить коней из юисье; и рыцари вскакивают верхами и припускаются прямо в лагерь императора Мурцуфла. Тут он выстроил свои боевые отряды впереди палаток. И когда греки увидели пред собою всадников, они впали в смятение; а император бросился бежать по улицам во дворец Львиной пасти⁷.

244. И вы увидели бы тогда, как греки терпят поражение, и наши овладевают их лошадьми, мулами и прочим имуществом. Убитых и раненых оказалось столько, что нет им ни числа, ни меры. Большая часть знатных греков отступила к Влахернским воротам. Уже настал вечер, и было поздно; наши устали сражаться и убивать. И они начали собираться на большой площади, находившейся в Константинополе. И порешили расположиться вблизи стен и башен, которыми овладели; ибо никак не думали, что им удастся завоевать город – с его крепкими церквами и крепкими дворцами и с таким количеством народа – ранее, чем через месяц. Как порешили, так и сделали.

245. Таким образом, они расположились перед стенами и башнями, вблизи своих кораблей, как вы слышали, и Константинополь был взят в понедельник, что перед вербным воскресеньем⁸.

246. Так отдыхали ночью ратники (наши), – они сильно поуехали. Но император Мурцуфл не спал, он собрал всех своих и объявил, что намерен атаковать французов.

Однако он не сделал то, что говорил, а ускакал по другим улицам, как можно дальше [от расположения крестоносцев], и прискакал к воротам, которые называются Золотыми воротами⁹; через них он бежал и покинул город; вслед за ним бежали те, кто мог бежать, а [наши] ратники ничего об этом не ведали.

247. В эту ночь, близ ставки маркиза Бонифация Монферратского, не знаю, какие люди, опасавшиеся, как бы греки не ринулись на них, подожгли город между ними и греками. И вот город начинает гореть, и пламя бурно распространяется; и огонь пылал всю эту ночь и весь следующий день – до самого вечера. Это был третий пожар, случившийся в Константинополе с той поры, как франки явились в страну [греков]; и сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах королевства Франции.

248. Ночь прошла, и настало утро вторника¹⁰; все в войске вооружились – и рыцари, и оруженосцы; и каждый занял место в своем боевом отряде. Они выступили из лагеря, думая, что придется вступить в битву, более ожесточенную, чем та, которую провели за день до того, – ведь они вовсе не ведали, что император ночью бежал. Но они не встретили никого, кто оказал бы им сопротивление.

249. Маркиз Бонифаций Монферратский проехал вдоль всего берега – прямо к дворцу Львиной пасти; а когда он туда прибыл, дворец сдался ему на условии, что всем, кто в нем был, сохранят жизнь. Там находилась большая часть благородных дам, укрывшихся во дворце; среди них была сестра французского короля, бывшая

императрицей¹¹, и сестра венгерского короля, тоже императрица¹², и много других знатных дам. О сокровищах этого дворца и говорить нечего; их там имелось столько, что не было им ни числа, ни меры.

250. Точно так, как этот дворец был сдан Бонифацию Монферратскому, Влахернский дворец сдался Анри, брату графа Бодуэна Фландрского... Там тоже были найдены несметные сокровища, их было не меньше, чем во дворце Львиной пасти. Каждый ввел во дворец, сданный ему, своих людей и поставил стражу охранять сокровища. Остальные воины, рассеявшиеся по городу, тоже захватили изрядную толику. Добыча была столь велика, что никто не мог бы вам сказать, сколько там было золота и серебра, сосудов и драгоценных камней, атласных и шелковых материй, меховых одежд и всяческих богатств, какие когда-либо имелись на земле. Но Жоффруа, маршал Шампанский, правдиво свидетельствует – по истине и по совести – что со времени сотворения мира никогда не было столько завоевано в каком-либо городе.

251. Всякий брал себе дом, какой ему было угодно, и таких домов было достаточно [для всех]. Таким образом, войско пилигримов и венецианцев разместилось по квартирам, и все радовались чести и победе, которой удостоил их бог; ибо те, кто находился [ранее] в бедности, [теперь] пребывали в богатстве и в роскоши. Так отпраздновали они в этом торжестве и в этой радости, ниспосланной богом, вербное воскресенье¹³ и великую пасху¹⁴. Им следовало, конечно, всемерно восхвалять нашего господа бога: ведь их всего-навсего было не более двадцати тысяч вооруженных людей, а с божьей помощью они одолели четыреста тысяч человек или даже более, и притом в самом могущественном городе, отлично защищенном, городе великом и укрепленном со всех сторон.

252. После того брошен был клич по всему войску от лица Бонифация Монферратского, который был его предводителем, а также от имени баронов и дожа Венеции, [а именно], чтобы вся добыча была снесена и собрана так, как об этом было условлено и скреплено клятвою под страхом отлучения¹⁵. Местом сбора определены были три церкви, отданные под охрану французам и венецианцам, самым честным, каких только могли найти. И тогда каждый начал приносить свою добычу и складывать вместе,

253. Некоторые приносили добросовестно, другие же нет, ибо не бездействовала жадность, корень всех зол: корыстолюбцы начали попридерживать и то, и другое, и наш господь стал их любить менее других. О, всеблагий боже! Как честно они вели себя до тех пор! И господь покровительствовал им и их делу, и вознес их над прочими. Однако сколь часто добрые терпят от злых.

254. Между тем, имущество и добыча были собраны [вместе]. Но знайте, что принесено было не все, ибо нашлись такие, которые, не посчитавшись с угрозой папского отлучения, удержали [кое-что] из добычи. А то, что снесли в церкви, было собрано и разделено пополам между франками и венецианцами так, как в том клялись. И знайте, что когда они поделили [добычу], пилигримы уплатили из своей доли пятьдесят тысяч марок серебром венецианцам, а поделили между собой чуть ли не сто тысяч марок. И знаете, каким образом? Двое пеших оруженосцев получили столько же, сколько один конный, а двое конных оруженосцев – [столько], сколько рыцарь. И знайте, что никто, какого бы он ни был ранга и какие бы ни имел заслуги, не получил больше, чем ему полагалось, не считая украденного.

255. А над ворами, теми, кто был изобличен, знайте, учинили строгий суд и многих повесили. Граф Сен-Поль повесил своего рыцаря, который кое-что утаил, с эсю на шее; таких, которые утаили, и среди малых, и среди знатных имелось много, но это не было известно. Посудите сами, сколь велико было добро: ибо, не считая утаенного и доли венецианцев, там было принесено наверняка на четыреста тысяч марок серебром и едва ли не десять тысяч всяческих сбруй и уздечек. Константинопольская добыча была поделена так, как вы это слышали.

¹ Первый приступ был предпринят крестоносцами 9 апреля 1204 г. и закончился неудачей.

² 12 апреля 1204 г. – дата, которую приводят все источники.

³ Некоторые исследователи предполагают, что численность греческого войска достигала 140-150 тыс. человек.

⁴ Северный ветер.

⁵ На этих кораблях находились епископы Суассонский и Труасский, о чем сообщает в одном из своих писем Бодуэн Фландрский.

⁶ По данным некоторых хроник, рыцарь Андрэ д'Юрбуа принадлежал к семье епископа Невелона Суассонского.

⁷ Речь идет об императорском дворце Вуколеон.

⁸ 12 апреля 1204 г.

⁹ В южной стене византийской столицы.

¹⁰ 13 апреля 1204 г.

¹¹ Имеется в виду Агнеса, сестра Филиппа II Августа и тетка Луи Блуасского, просватанная в 1178 г. за сына императора Мануила Комнина – Алексея (II). Брак этот не состоялся, поскольку будущий император Андроник принудил Алексея жениться на своей дочери Ирине, а в 1183 г. этот 63-летний император (Андроник II) сам женился на французской принцессе, которой едва исполнилось 11 лет.

¹² Мария, сестра венгерского короля Имрэ, вдова императора Исаака II Ангела.

¹³ 18 апреля 1204 г.

¹⁴ 25 апреля 1204 г.

¹⁵ Согласно условиям мартовского договора 1204 г. «О разделе Империи».

(Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»)

LXXIV. Потом, когда епископы кончили проповеди, объявив пилигримам, что битва является законной, все они как следует исповедались и причастились. Когда [260] настало утро понедельника¹, все пилигримы

хорошенько снарядились и вооружились; при этом венецианцы и пилигримы починили мостики своих кораблей, своих юисье и своих галер; потом они выстроили их рядом друг с другом и двинулись в путь, чтобы начать приступ; флот вытянулся по фронту на доброе лье; когда же они подошли к берегу и приблизились, насколько это было возможно, к стенам, то бросили якорь. А встав на якорь, стремительно ринулись на приступ; они начали стрелять [из луков], метать копьа, бросать греческий огонь на башни; но огонь не мог их одолеть, потому что они были покрыты [сырыми] кожами. А те, кто находился в башнях, защищались отчаянно и стреляли по меньшей мере из шестидесяти камнеметательниц, и каждый снаряд попадал в корабли; корабли, однако, были так хорошо прикрыты кучами хвороста и охапками виноградной лозы, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя камни были столь велики, что один человек не в силах был поднять такой камень. А император Мурцуфл стоял на холме; и он приказал трубить в свои серебряные трубы и бить в свои барабаны, и устроил сильный шум, и ободрял своих воинов, говоря: «Сюда! Сюда!» – и он направлял их туда, где, как он видел, в этом была особенно большая надобность. Во всем флоте имелось не более четырех или пяти кораблей достаточно высоких, чтобы достичь уровня башни, такими они были высокими; и на всех ярусах деревянных башен, которые были надстроены над каменными, – а их там было пять или шесть, или семь, – помещались воины, защищавшие башни. Пилигримы тем не менее столь хорошо атаквали, что корабль епископа Суассонского ударился об одну из этих башен, его отнесло [туда] чудом божьим, ибо море никогда не было спокойно, а на мостике этого корабля находились венецианец и два вооруженных рыцаря; когда корабль стукнулся о башню, венецианец ухватился руками и ногами, как только мог, и оказался в башне. Когда он был уже там, воины, стоявшие на этом ярусе – англичане, датчане и греки, – заметили [его] и подскочили к нему с секирами и мечами, и разрубили его на куски. Когда море снова бросило корабль вперед, он опять ударился об эту башню; тогда один из двух рыцарей, по имени Андрэ д'Юрбуаз, не сделал ни того, ни другого, а ухватился руками и ногами и на карачках пробрался в башню. Когда он оказался в ней, ее защитники кинулись к нему с секирами и мечами и жестоко обрушились на него; но поелику, с помощью божьей, он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его оберегал бог, который не хотел, чтобы они долго избивали его и чтобы он там погиб. Напротив, бог хотел чтобы город – в наказание за свое предательство и убийство, совершенное Мурцуфлом, и за их [греков] неверность – был взят и чтобы все они [греки] были обесчещены; и рыцарь вскопчил на ноги и, поднявшись, выхватил свой меч. Когда те увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены страхом, что убежали ярусом ниже. Те, кто был там, увидев, что воины, находившиеся над ними, побежали, также освободили этот ярус и не отважились оставаться там, а потом на башню взошел второй рыцарь, и вслед за ним другие. Очутившись в башне, они берут крепкие веревки и прочно привязывают корабль к башне; когда море отбрасывало корабль, башня шаталась так сильно, что казалось, будто корабль вот-вот ее опрокинет или оторвет ее от корабля (а может быть это чудилось от страха?). И когда на других нижних ярусах увидели, что башня уже заполнена французами, ее защитников обуял столь великий страх, что никто не осмелился там оставаться; напротив, они оставили башню. А Мурцуфлу все это было хорошо видно, и он подбадривал своих воинов и направлял их туда, где, как он видел, приступ велся с наибольшей силой. Между тем, как только башня эта была взята столь чудесным образом, корабль монсеньора Пьера де Брасье, в свою очередь, подплывает к другой башне; и когда он ударился об нее, те, кто находился на корабельном мостике, начали стремительно осаждать эту башню приступом, да так успешно, что, чудом божьим, и эта башня была взята.

LXXV. Когда эти две башни были захвачены и заполнены нашими ратниками, которые заняли башни, они не отваживались двигаться с места по той причине, что увидели множество воинов на стене вокруг себя, и в других башнях; и у их подножия – и это было настоящее чудо, сколько их там было. Когда монсеньор Пьер Амьенский² видит, что те, кто в башнях, не трогаются с места, и когда видит положение греков, он не делает ни того, ни другого, а спускается на сушу вместе со своими ратниками, на клочок земли между морем и стеной.

Сойдя туда, он обнаруживает прямо перед собой потайной ход, створки у дверцы которого были оторваны, но сам ход снова замурован. Он входит туда, имея при себе по меньшей мере десять рыцарей и шестьдесят оруженосцев. С ним был также клирик по имени Айом де Клари³, отличавшийся великой доблестью; когда это требовалось, он был первым во всех приступах, в которых участвовал; а при взятии Галатской башни он явил более всего отваги, жертвуя своей жизнью, и подобно всем, бился один на один бок о бок с монсеньором Пьером де Брасье. Последний же превосходил всех остальных, будь то простые воины или знатные сеньоры; там не было никого, кто совершил бы столько ратных подвигов, жертвуя собственной жизнью, как Пьер де Брасье. Когда они подошли к этому потайному ходу, то стали наносить сильные удары копьями, а со стен камни сыпались на них столь густо, что казалось, будто они погребены под камнями, так много их бросали [оттуда]; те же, кто находился внизу, имели щиты, которыми прикрывались от метавших копьа. [Кроме того], с высоты стен в них швыряли сосуды с кипящей смолой, снаряды с греческим огнем и громадные камин, – только чудом божьим они не были все раздавлены; монсеньор Пьер и его воины сильно [там] измаялись от этих трудов и усилий, но они с такой силой обрушились на этот потайной ход добрыми ударами, пустив в дело секиры, мечи, колья, куски железа и копьа, что пробили в нем широкую дыру. Когда эта дыра была пробита, они поглядели через нее и увидели перед собой столько людей всякого положения, что можно сказать, там было полмира, – и они не отважились туда войти.

LXXVI. Когда клирик Айом увидел, что никто не осмеливается войти в тайный ход, он вышел из рядов и объявил, что войдет [туда]. Был там некий рыцарь, его брат, по имени Робер де Клари, который запретил ему это делать к сказал ему, что он не войдет туда; но клирик объявил, что он это сделает, и полез руками и ногами; когда его брат видит это, он хватает его за ногу и начинает тянуть к себе, но вопреки воле своего брата, хотел он того или нет, клирик влез в дыру. Когда он оказался на площади, к нему устремилось множество греков, а те, кто стоял на стенах, стали бросать в него огромные камни. Увидев это, клирик выхватывает нож, кидается им навстречу и вынуждает их обратиться в бегство как скотину. И он крикнул тем, кто находился с другой стороны потайного хода, монсенюру Пьеру де Брасье и его ратникам: «Сеньор, ступайте смело! Я вижу, что они отступают в полном расстройстве – они бегут». Услыхав это, монсеньор Пьер и его ратники, находившиеся по другую сторону, вошли в дыру, а их было не более десяти рыцарей вместе с ним самим; правда, с ним было еще около шестидесяти оруженосцев, и все были пешими. И когда они появились в городе, те, кто находились на стенах и в этом месте, увидев [наших], были охвачены таким страхом, что не осмелились оставаться там и очистили большую часть стены, а потом бежали, кто как мог. Император же Мурцуфл, предатель, был близко отсюда, не более чем на расстоянии брошенного камня, и он велел трубить в свои серебряные трубы и бить в барабаны и устроить сильный шум.

LXXVIII. ...Предатель Мурцуфл, увидев [рыцарей], бросил свои палатки, оставил в них свои сокровища и пустился прямо по городу, который был весьма велик в длину и в ширину – местные жители говорили, что для того, чтобы обойти стены, нужно пройти девять лье, столь велика протяженность стен, которые окружают город; а внутри город имеет две французские мили в длину и две – в ширину. Так монсеньор Пьер де Брасье завладел палатками Мурцуфла, его сундуками и драгоценностями, которые он в них оставил. [Началось повсеместное отступление защитников стен и башен]. Так был взят город.

Когда город был так прекрасно взят и французы вошли в него, они держали себя там совершенно спокойно. Бароны собрались на совет и обсудили, что делать дальше. По войску раздался клич, чтобы никто не смел двигаться в город, ибо идти туда значило бы подвергаться опасности, поскольку на них могли бы бросать камни с крыш дворцов, которые были очень велики и высоки, и их могли бы убивать на улицах, которые были столь узки, что они не сумели бы в них защищаться, и их можно было бы отрезать огнем, в котором они бы сгорели. Опасаясь подобных бед и опасностей, они [крестоносцы] не отважились проникнуть в город и разойтись по нему; напротив, они оставались на своем месте, вполне спокойными; после чего бароны договорились о следующем: если бы греки, у которых было в сто раз больше вооруженных людей, чем у французов, вздумали дать бой завтра, тогда пусть крестоносцы завтра утром вооружатся и выстроят свои боевые отряды, и ожидают на площадях, у стен в городе; а если бы [греки] не захотели ни сражаться, ни сдать город, то надо будет выяснить, с какой стороны дует ветер и поджечь с наветренной стороны [место, где находятся греки], – так они [крестоносцы] сумели бы одолеть их [греков] силою. Все бароны согласились с этим планом. Когда настал вечер, пилигримы скинули оружие и дали себе отдых; они подкрепились и легли спать там, где были, неподалеку от своих кораблей, с внутренней стороны стен.

LXXIX. ...Когда греки увидели, что их император бежал, они разыскали знатного мужа по имени Ласкарь, занимавшего высокое положение в городе, и прямо этой же ночью провозгласили его императором...⁴.

LXXX. Когда настало следующее утро, [греческие] священники и [прочие] духовные лица в торжественных облачениях (там были англичане, датчане и люди других племен) являются процессией в лагерь французов, просят у них милости, рассказывают им все, что содеяли греки, а потом сообщают, что все [знатные] греки бежали и в городе остался только бедный люд. Услыхав это, французы весьма обрадовались. По лагерю вскричали, чтобы никто не завладевал домом прежде, чем не установят, в каком порядке это будет сделано. Потом сошлись бароны и богатые люди и держали совет между собой, так что меньшей народ и не знал об этом ни слова, и даже бедные рыцари: и так порешили [бароны], что они возьмут себе лучшие дома в городе; именно с тех пор они [знатные] стали предавать меньшей люд и выказывать свое вероломство и быть худыми соратниками, за что и заплатили очень дорого, как мы вам о том расскажем далее⁵. Итак, они послали захватить все лучшие и самые богатые дома в городе и овладели ими прежде, чем бедные рыцари и меньшей народ войска заметили это. А когда узнали об этом, то побежали как попало и взяли то, что могли взять. И они нашли довольно [домов], и овладели достаточным [их] количеством, и немало еще осталось, ибо город был велик и густо населен. Маркиз взял себе дворец Львиная пасть⁶ и монастырь св. Софии, и покои патриарха; другие знатные мужи, а равно и графы взяли себе самые богатые аббатства и самые богатые дворцы, какие только там можно было сыскать; и с того времени, как город был взят, никто не причинил зла ни бедным, ни богатым. Напротив, те, кто хотел уйти [из города], ушли, а кто хотел остаться, остались; а ушли самые богатые жители города.

LXXXI. А потом отдали распоряжение, чтобы все захваченное добро было снесено в один монастырь, находившийся в городе. Туда снесли все добро, и выбрали десять рыцарей из числа знатных людей среди пилигримов и десять венецианцев, которые слыли честными, и приставили их охранить это добро. Когда добро было туда принесено, то добро это оказалось столь велико (там было столько дорогих сосудов, золотых и серебряных, и вышитых золотом материй, и столько драгоценностей, что это было настоящим чудом, все это добро), что никогда с тех пор, как сотворен мир, [никем] не было видано и захвачено столько добра – и притом такого редкостного по благородству и такого богатого – ни во времена Карла Великого, ни во время

Александра, ни до, ни после, и я, со своей стороны, полагаю, что в сорока самых богатых городах мира едва ли найдется столько богатств, сколько найдено было в Константинополе. Недаром греки считали, что в Константинополе было [собрано] две трети земных богатств, а третья разбросана по остальному свету. Те самые люди, которым поручено было охранять всю добычу, растаскивали золотые драгоценности, какие хотели, и разворовывали добро; и каждый из богатых людей брал либо золото, либо златотканые материи, либо что ему больше нравилось и потом все это уносил. Таким-то образом начали они красть, так что настоящий, справедливый раздел ко благу всего войска никогда не был произведен, а бедным рыцарям и оруженосцам, которые так помогли завоевать это добро, достались лишь серебряные слитки вроде тех, что попрятали дамы в своих ваннах. Остальное же добро, которое было оставлено для раздела, было подло расхищено, как я вам уже об этом рассказывал. Тем не менее, венецианцы получили свою часть; что касается драгоценных камней и великих сокровищ, подлежавших разделу, все это было подло расхищено, как мы вам об этом ещё скажем потом.

LXXXVIII. ...В этом Влахернском дворце нашли огромные сокровища и большие богатства, там нашли богатые короны, принадлежавшие прежним императорам, и золотые драгоценности, и богатые, вышитые золотом, материи, и роскошные императорские облачения, и богатые драгоценные камни, и столько всяческих богатств, что невозможно было перечислить все эти великие сокровища золота и серебра, которые обнаружили во дворце и во многих других местах города.

¹ 12 апреля 1204 г.

² Пьер Амьенский – сеньор рыцаря Робера де Клари, автора повествования.

³ Это был брат рассказчика.

⁴ Феодор Ласкарь, впоследствии император Никейской империи (1208-1222 гг.).

⁵ Робер де Клари имеет в виду последовавший в апреле 1205 г. разгром крестоносцев болгарями и плен латинского императора Балдуна I, о чем рассказывается в СХII главе записок.

⁶ Так называет Робер де Клари дворец Вуколеон, переименовав греческое название, буквально означавшее дворец «быкольва» (на барельефе, украшавшем этот дворец, был представлен лев, терзающий быка), на французский лад, в соответствии с народной этимологией, – в «Пасть льва» (Bouke de Lion).

(Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя»)

XVII. ...Затем корабли с укрепленными на них башнями приблизились, насколько можно было, к стене; и в то время как несколько храбрецов полезли по лестницам наверх, герольды громко возвестили: тот, кто первым взберется на вражеские стены, получит в награду сто марок. И тогда ты увидел бы, как все с неистовостью стали добиваться того, что предназначалось лишь одному, – не столько из стремления к обещанным деньгам, сколько из любви к богу и ради общей пользы и для завершения начатых трудов...

Взломав ворота, крестоносцы ворвались в город.

XVIII. С радостными криками ринулись в открытые ворота те, кто был на кораблях, сделав вид, будто грозят врагам смертью копьями, мечами, камнеметательницами, стрелами и всякого рода метательным оружием, а [на самом деле] не имея вообще никакого желания [устраивать] кровопролития; как растерявшихся овец, погнала их врагов по всем площадям города, и те бежали в таком множестве, что даже простор широких улиц был им тесен для бегства; [наши] накнулись на них с такой стремительностью, что не давали им ни передохнуть, ни оглянуться назад. И хотя они и могли убивать сколько угодно, на что и сами не могли когда-либо рассчитывать, умерщвлены были лишь очень немногие [из греков]. Крестоносцы по своей воле давали им пощаду, ибо еще находившиеся с ними в лагере монахи [в том числе], конечно, Мартин и другие, часто увещевали их не мараить по возможности своих рук кровью. Тем не менее, в тот день¹ убито было около двух тысяч горожан, но [они погибли] не от [рук] наших, а от [рук] тех франков, итальянцев, венецианцев, немцев и прочих, которые уже раньше жили в городе, но во время осады были заподозрены в измене, и так как соединились с нашими, то подверглись изгнанию греками [из Константинополя]. Помня эту несправедливость, они жесточайшим образом мстили [теперь] грекам за свою обиду. Из наших же никто вообще не был убит, за исключением одного благородного и знаменитого рыцаря, который во время натиска на врагов по неосторожности неожиданно свалился вместе с конем, на котором сидел, в какой-то ров, причинив этим всем сотоварищам, пребывавшим в радости, сильное горе.

Только тогда, когда все враги были побеждены и обращены в бегство и самым жалким образом изгнаны из города, и только после того как ворота были тщательнейше заперты, победителям дозволено было заняться добычей, но не ранее того: под угрозой казни (букв.: потери головы) было запрещено до полной победы помышлять о добыче. Итак, они нашли повсюду и в избытке такое количество денег в золоте и серебре, такое великолепие благородных камней и одежд, такое сверхизобилие драгоценных товаров, такую массу съестных припасов, такие замечательные наполненные всевозможным добром дома, что все они вдруг превратились из пришлецов и нищих в богатых горожан.

Тем временем упомянутый выше пожар опустошил почти третью часть города²: ибо в то время, пока все, горожане и паломники, были поглощены столь тяжкой опасностью³, [там] не нашлось никого, кто мог бы погасить беспрепятственно распространившийся огонь...

¹ По Гунтеру, крестоносцы ворвались в Константинополь 18 апреля 1204 г.

² В действительности, Константинополь в 1203-1204 гг. поджигался крестоносцами трижды.

³ Т.е. военными действиями.

(«Константинопольское опустошение»)

«Константинопольское опустошение» представляет собой короткий, большей частью из первых уст, рассказ о четвертом крестовом походе, охватывая период с проповеди Петра Капуанского во Франции в 1198 г., неверно датированной в сочинении 1202 г., до раздела константинопольской добычи в 1204 г. Прямолинейный, сухой характер текста и обилие дат дают основание считать, что автор пользовался собственными заметками или личным дневником. В то же время структурная и тематическая стройность текста позволяет предположить, что это не просто дневник, а работа исторического характера. Между тем, дата создания источника неясна. В открывающей текст сцене автор говорит, что прибытие кардинала Петра во Францию произошло «в те времена, когда Римскую Церковь возглавлял Иннокентий III». Это наводит на мысль, что текст писался после 16 июля 1216 г., т.е. смерти папы Иннокентия III, но этот факт позволяет не более чем определить дату, ранее которой текст не мог быть составлен.

В год воплощения Господня 1202¹, когда Римскую Церковь возглавлял владыка Иннокентий, а Филипп² и Отто³ боролись за Римскую империю, кардинал, господин Петр⁴, пересек Альпы, чтобы попасть в Бургундию, Шампань, Иль-де-Франс и Фландрию, и проповедовал принять крест. Кроме того, от его имени господин Фульк, человек, известный святостью, путешествовал с проповедями по окрестным областям. Многие верующие приняли крест, среди них наиболее важными были епископ Суассона, епископ Труа, аббат Во, аббат Лоосский⁵, и пять других аббатов ордена цистерцианцев⁶, граф Шампани⁷, граф де Сен-Поль, граф Блуа⁸, граф Фландрии с двумя братьями⁹, немецкие епископы Базеля¹⁰ и Хальберштадта, аббат Пэрисский¹¹, граф Бертольд¹² и бесчисленное множество клириков, мирян и монахов.

Как только граф Шампани закончил все необходимые приготовления к отъезду, он умер¹³. Маркиз¹⁴ получил все деньги графа и его снаряжение для путешествия и поклялся, что исполнит его обет¹⁵. По этой причине маркиз был сразу выбран предводителем войска¹⁶. Граф Першский умер, еще не отправившись в путь¹⁷. Его брат, господин Стефан¹⁸, принял крест за него. Также и господин Фульк умер, готовый к битве¹⁹. Господин Одо де Шамплит²⁰ и кастелян де Куси²¹ получили, решением короля Франции²² и его мудрых советников, бесчисленное богатство Фулька, чтобы оплатить службу священного воинства²³.

Как только это войско, собранное из разных регионов мира, собралось в Ломбардии, ломбардцы, посоветовавшись, провозгласили эдикт, что никто не должен предоставлять пилигримам ночлег более чем на одну ночь и продавать им провизию. И так ломбардцы гнали пилигримов из города в город. Кроме того, господин папа указал, что отплыть следует из Венеции²⁴. Когда они туда прибыли, то были изгнаны из городской черты и помещены на острове св. Николая²⁵. Здесь, раскинув свои шатры, они ожидали переправы с календ июня до календ октября²⁶. Систарий²⁷ зерна продавался за пятьдесят солидов²⁸. Так часто, как им того хотелось, венецианцы объявляли, чтобы никто не смел вывозить никого из паломников с острова. Таким образом, они распоряжались пилигримами во всем, будто пленниками. Более того, огромный страх распространился среди простых людей. Поэтому многие вернулись по домам; прочие уходили в Апулию²⁹, в другие порты и отправлялись за море. В Венеции осталось меньшинство, среди которого необычайно выросла смертность. В итоге живые с трудом хоронили мертвых.

На праздник св. Марии Магдалены³⁰ господин кардинал Петр прибыл в Венецию и изумительным образом поднял моральный дух пилигримов своими горячими проповедями. Он отослал больных, нищих, женщин и всех слабых по домам с письмами от своего имени³¹. Сделав это, он уехал и возвратился в Рим. На праздник Успения благословенной Марии³² маркиз прибыл в войска и был утвержден предводителем армии. Все бароны поклялись ему в верности. Маркиз и все бароны поклялись венецианцам, что будут служить им в течение одного года. Пока это происходило, готовились и грузились суда. Там было 40 нефов, 62 галеры и 100 юисье. Флот отплыл в октябрьские календы³³. Как только он покинул гавань, мы потеряли корабль господина Стефана Першского, «Виолу». Венецианцы вместе с пилигримами пересекли море и прибыли в Истрию³⁴. Они вынудили Триест³⁵ и Муглу³⁶ подчиниться, они принудили Истрию, Далмацию³⁷ и Склавонию³⁸ платить дань. Они подплыли к Заре, где их клятвы превратились в ничто³⁹. На праздник св. Мартина⁴⁰ они вошли в гавань Зары. Они осадили Зару со всех сторон, с суши и моря. Они воздвигли более 150 осадных машин и мангонелей, а также лестницы, деревянные башни и многочисленные военные приспособления. Они также сделали подкоп под стену. Увидев это, горожане Зары сдали город на пятнадцатый день, в итоге сохранив только свои жизни, а все имущество передав дожу Венеции. Дож сохранил половину города лично для себя и своих людей; другую половину он отдал пилигримам⁴¹. Они беспощадно разграбили город.

На третий день после того, как войска вошли в Зару, между венецианцами и пилигримами вспыхнула ссора, в которой было убито почти сто человек. Бароны захватили городское имущество себе, ничего не оставив бедноте. Бедным доставалась тяжелая работа в нищете и голоде. Поэтому, когда они горько пожаловались на это баронам, те смогли найти корабли, чтобы переправить их в Анкону⁴², и тысяча бедняков отправилась с их позволения, а с ними более тысячи без позволения (ибо был приказ, что никого нельзя отпускать из войска). Из перевозивших их кораблей два пропали. Войско зимовало в Заре. Венецианцы настолько полно разрушили стены и дома в городе, что не оставили камня на камне. Пока флот стоял в гавани, три больших корабля были потеряны.

На праздник обрезания Господня⁴³ от короля Филиппа⁴⁴ прибыл гонец, привезя письмо с требованием, чтобы маркиз и бароны помогли его шурина, императору Алексею⁴⁵, в его делах. Маркиз, вместе со всеми баронами, дал ему клятву верности. Когда простые воины узнали об этом, а именно, что им предстоит отправиться в Грецию, они собрались и, договорившись, поклялись, что никогда туда не отправятся. И так аббат Во, господин Симон де Монфор, Ангерран де Бов с огромным множеством рыцарей и прочих покинули войско и, прибыв в Венгрию, были с честью приняты королем⁴⁶. В Вербное Воскресение⁴⁷ Рено де Монмирай⁴⁸ был послан в Сирию в качестве легата. На второе воскресение после Пасхи⁴⁹, корабли стали отплывать из Зары. В то же время император Алексей прибыл в Швабию. Все города и замки от Рагузы⁵⁰ до Корфу⁵¹ приняли его с миром. В Корфу войска соединились. На Троицу⁵² они покинули Корфу (где умер Балдуин, брат графа Фландрского)⁵³ и прибыли в Константинополь без всяких неприятностей, и все острова на их пути подчинились им.

В июльские календы⁵⁴ корабли прибыли в Константинополь и причалили с боем, ибо император вышел против них со всем войском. Император бежал в город со всеми своими силами; мы осадили город. В октаву праздника апостолов Петра и Павла⁵⁵ мы силой взяли укрепление, находившееся в гавани перед городом⁵⁶, и вряд ли кто-либо из находившихся в укреплении спасся. Пилигримы осадили город с суши. Много раз греки вступали в стычки с ними, и многие пали с обеих сторон. Тем временем венецианцы беспокоили город с моря своими машинами, мангонелями, арбалетами и луками. В этом противоборстве также пало множество – как греков, так и венецианцев. Затем венецианцы воздвигли на своих кораблях невиданные лестницы, по одной на корабль, и, подведя корабли к стенам, по этим лестницам вошли в город. Они обратили греков в бегство и запалили пожар, они сожгли и разрушили значительную часть города, и на это потратили целый день⁵⁷. С приходом ночи император собрал тех, кого только мог, и тайно бежал. На следующий день греки сдались сами и сдали город в руки пилигримов.

Как только ворота оказались распахнуты, пилигримы вошли в город, и как только они попали в королевский дворец, который называется Влахернским, они обнаружили господина Исаака, заключенного в темнице⁵⁸. Брат ослепил его и поместил туда. Они освободили господина Исаака и короновали его сына, мальчика Алексея⁵⁹. В ответ за великую услугу Алексей поклялся, что будет содержать войско – венецианцев и пилигримов – целый год. Он также поклялся, что если они останутся зимовать с ним в Константинополе, то следующим мартом, после принятия креста, он отправится вместе с ними, взяв все припасы, которые удастся собрать. Он дал гарантии всех этих обещаний. Так было достигнуто соглашение между греками и латинянами.

Однако в октаву Успения Благословенной Марии⁶⁰ между греками и латинянами произошла ссора. Обе стороны взялись за оружие. Толпы греков росли, и латиняне отступили; и поскольку латиняне не могли себя иначе защитить, то запалили пожар. Увидев пламя, многие из войска пришли на помощь латинянам, и они раздули пожар еще больше, разрушили и разграбили почти половину города⁶¹. Вмешались бароны и снова установили мир. В городе не осталось ни единого человека из Римской империи⁶², даже тех, кто прежде каждый день своей жизни прожил там⁶³. И все были собраны в одно войско.

Тем временем, новый император Алексей решил преследовать своего дядю, которого вынудил бежать из города, и собрал большие силы греков. Также он предложил солидные вознаграждения и деньги рыцарям и пехоте нашего войска, чтобы они отправились с ним. И действительно, даже сам маркиз присоединился к нему, и господин Анри, брат графа Фландрского. И так они прибыли в Адрианополис⁶⁴. Однако поскольку император не стал платить обещанное господину Анри, то Анри тут же покинул его и вернулся в войско, увезя с собой великое множество рыцарей и пехотинцев. Маркиз с небольшим числом христиан остался при императоре. Таким образом, император со своими греками и теми латинянами, что остались с ним, проехал по Греции, и всюду его принимали и приветствовали греки, и все нобили Греции принесли ему оммаж. Наконец император возвратился в Константинополь со всей своей армией и был принят с большой пышностью, и он начал платить пилигримам и венецианцам обещанное – и едой, и золотом, и серебром.

Однако так случилось, что в понедельник после «Ad te levavi»⁶⁵ в Константинополе греки снова были вовлечены в возмущение против латинян. Греки собирались в толпы. Они нападали на латинян, иногда вынуждая тех бежать, иногда сами обращаясь в бегство. Бароны войска латинян опечалились таким бедствием. Они запретили кому бы то ни было помогать тем, кто поспешил поднять оружие против греков. В результате толпа греков умножилась. Они теснили латинян. Тех, кого они захватывали в плен, тут же казнили без жалости, а тела сжигали. Они не щадили ни возраста, ни пола. Затем обезумевшие греки причинили новую обиду латинянам, напав на латинские корабли своими лодками и малыми судами. Пилигримы и венецианцы, уставшие от этого, вооружили свои галеры и корабли и напали на греков. Греки бежали. Латиняне преследовали греков до самой городской стены. Они многих порубили; они захватили в гавани множество греческих кораблей, которые были загружены всякого рода товарами и едой. На праздник святого Иоанна Евангелиста⁶⁶ пилигримы и венецианцы снова вооружили свои галеры и суда и на рассвете уже были в гавани Константинополя и снова захватили множество кораблей. После этого еще многие были убиты. К вечеру праздника обрезания Господня⁶⁷ греки собрали пятнадцать своих кораблей, загрузили их вязанками дров, смолой и маслом и подожгли. Они направили их, пылающие, прямо на венецианские корабли, чтобы их поджечь. Только один корабль загорелся. На следующий день после праздника Богоявления⁶⁸ греки выехали из города конные. Маркиз встретил их с небольшими силами. Множество греков было убито, и знатные богатые

люди были взяты в плен. Со стороны маркиза пали два рыцаря и оруженосец. Во время этой битвы венецианцы вместе с пилигримами прошли вдоль обоих «брахиа»⁶⁹ на галерах и судах и привезли богатую добычу. Они огнем разрушили множество зданий на обеих сторонах. Пилигримы ходили по окрестным областям на расстояние двухдневного пути. Они собрали значительную добычу; они пленили людей; они привели с собой стада и отары и собрали все, что только смогли найти, чем причинили существенный ущерб грекам.

Когда греки увидели это, а именно то, что их земля разорена, они схватили своего императора и бросили его обратно в тюрьму и поставили Мурзуфла⁷⁰, вдохновителя этого великого предательства, во главе себя и объявили его императором во Влахернском дворце⁷¹. Тем временем простой народ и толпа, собравшаяся у Святой Софии, избрали себе другого императора – Николу, прозванного Марцелларием⁷². Мурзуфл собрал всех своих сторонников, осадил его в церкви Святой Мудрости⁷³, в конце концов, пленил его и обезглавил и начал править единовластно.

Тем временем господин Анри, брат графа [Фландрии], в сопровождении большого числа рыцарей и пехотинцев, направился к некоему замку, называемому Филиа⁷⁴, захватил его, и возвратился с большим количеством пленных и добычи. Когда он возвращался, названный Мурзуфл устроил ему засаду из 15000 воинов⁷⁵. Сошедшись, они сразились с Мурзуфлом, и тот был побежден, и множество греков было убито. Сам Мурзуфл был ранен и едва спасся. Он спрятался в кустах шиповника и потерял свою лошадь и все имперские регалии, а именно корону и копье, и некую икону Пресвятой Девы, полностью состоявшую из золота и драгоценных камней. По традиции ее всегда носили перед василевсами в битвах. Со славным исходом битвы господин Анри возвратился к войску. Мурзуфл ночью вернулся в город и, взяв императора Алексея из тюрьмы, удавил его в петле⁷⁶.

Тем временем войско приготовилось к штурму города, и все вместе со своими пожитками погрузились на корабли, чтобы можно было ударить по городу флотом. В пятницу перед Страстным воскресеньем, которое было за четыре дня до апрельских ид⁷⁷, они подвели корабли к стенам и начали штурм. Многие пали, как с нашей стороны, так и со стороны греков.

Поскольку дул встречный ветер, который отгонял нас от стен, мы отступили, вошли в гавань, в которой находились ранее, и стали ждать северного ветра. Северный ветер начал дуть за день до апрельских ид⁷⁸, мы снова подвели корабли к стенам, сразились с греками и сбросили их со стен. Мы вошли в город, и последовала ужасная резня греков. А на тех, кто нападал и атаковал нас, мы пустили огонь и огнем заставили их отступить⁷⁹. С приходом ночи Мурзуфл бежал с небольшим отрядом сторонников.

На следующий день⁸⁰ все греки пали к ногам маркиза и отдали себя и свое имущество на его милость. Затем мы разграбили жилые дома, и греки бежали из города. Мы собрали всю свою добычу и богатства в одно место и наполнили серебром три больших башни. Затем началось обсуждение выборов императора. Шестеро были назначены нами и шестеро – венецианцами: те, кому было дано право избрать императора. Они заседали Пасхальную октаву⁸¹, и в присутствии всего нашего отряда и отряда венецианцев они избрали и провозгласили Балдуина, графа Фландрского, императором. Войско его поддержало, и в следующее воскресенье, когда пелась «Jubilate»⁸², он был коронован. Тем временем венецианцы захватили церковь Святой Мудрости, говоря: «Империя ваша; а мы будем владеть патриархатом»⁸³. Между нашим клиром и венецианцами возник раздор⁸⁴. Наш клир стал возражать и отдал право назначать главу церкви Святой Мудрости⁸⁵ господину папе. Тем временем начали делить общую добычу и раздавать, как бы в предоплату, двадцать марок каждому рыцарю, десять марок каждому клирику и вооруженному всаднику и пять марок каждому пехотинцу.

¹ Неверная дата.

² Филипп Швабский (1176-1208 гг., император в 1207-1208 гг.) из дома Гогенштауфенов.

³ Отто IV Вельф (император в 1208-1214 гг., ум. в 1218 г.) из дома Вельфов.

⁴ Петр Капуанский

⁵ Симон Лоосский (Симон из Лоса), аббат цистерцианского аббатства в диоцезе Турнэ.

⁶ Всего шесть цистерцианских аббатов приняли участие в крестовом походе. Помимо Ги, Симона Лоосского и аббата Мартина Пэрисского, это Адам из аббатства Персень, Петр из Лучедно и аббат Каркассона.

⁷ Тибо III (граф 1197-1201 гг.), сын Анри I и Марии Французской, сестры Филиппа II Августа, граф Шампани и Бри с 1198 г.

⁸ Людовик, граф Блуа и Шартра (1171-1205 гг.), сын Тибо Доброго, брата Анри I Шампанского, и Алисы Французской, второй сестры Филиппа II Августа.

⁹ Только один брат графа Фландрии Балдуина принял крест – Анри. Возможно, автор путает с братом племянника Балдуина – Тьерри, сына Филиппа Эльзасского. Другого брата Балдуина звали Филипп де Намюр, что тоже могло внести путаницу. Наряду со многими другими признаками, эта ошибка явно указывает, что автор не был непосредственно вхож в круг вождей крестового похода.

¹⁰ Лутольд Ротельнский (аббат в 1190-1213 гг.).

¹¹ Мартин: см. Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя», упоминается в разных частях текста.

¹² Бертольд, граф Каценеленбоген.

¹³ 24 мая 1201 г

¹⁴ Бонифаций Монферратский

¹⁵ Неверно. Граф Тибо выбрал своим заместителем Рено II Дампьерского.

¹⁶ Виллардуэн приводит более точное описание.

¹⁷ Жоффруа III Першский умер предположительно 5 апреля 1202 г. См. Longnon, «Compagnons», 104.

¹⁸ Там же, 105.

¹⁹ Май 1202 г

²⁰ См. Longnon, «Compagnons», 209-210.

²¹ Ги: там же, 118.

²² Филипп II Август.

²³ «Хроника» Эрнуля описывает эту ситуацию иначе. После смерти Фулька средства, собранные им для Святой земли и крестового похода, были переданы цистерцианцам и перевезены на восток монахами из Сито. Там на эти средства починили стены Тира, Бейрута и Акры. Версия Эрнуля внушает больше доверия по нескольким причинам: незадолго до того в этой части Святой земли было сильное землетрясение; на том этапе крестового похода от крестоносцев ожидалось, что они сами будут оплачивать свои дорожные расходы; отклонение от первоначального маршрута в сторону Зары и Константинополя во многом объясняется недостатком денег у войска.

²⁴ Лидеры крестового похода заключили договор с Венецией гораздо позже, в 1202 году. См.: Donald E. Queller and Thomas F. Madden, "The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople", 2nd ed. (Philadelphia, 1997)

²⁵ Сейчас остров Лидо.

²⁶ С 1 июня по 1 октября

²⁷ Примерно 3,3 литра

²⁸ Примерно месячный доход венецианской семьи из среднего класса.

²⁹ На юге Италии.

³⁰ 22 июля 1202 г

³¹ Письма подтверждали, что эти люди освобождены от обета крестового похода. Без такого подтверждения они подлежали бы отлучению. Поражает контраст между этими людьми, которых официально освободили от их обета, и теми, из-за кого обеты крестоносцев были нарушены под Зарой.

³² 15 августа 1202 г

³³ 1 октября 1202 г. Виллардуэн утверждает, что они плыли в октаву праздника св. Реми, то есть 1-8 октября. Вероятно, войско отплывало по частям или, по меньшей мере, в две флотилии.

³⁴ Полуостров на северо-востоке Адриатики.

³⁵ Крупнейшие портовые города Истрии

³⁶ Г. Муджа

³⁷ Центр восточного побережья Адриатического моря.

³⁸ Северо-восточное побережье Адриатического моря.

³⁹ Указание на нарушение обета, если принимать эту трактовку текста рукописи. MS читает: «*aderam navigaverunt, in qua iumentum periiit*». Это переводится «Они приплыли в Зару, где потеряли "Рабочую лошадь" (*iumentum*)». «Рабочая лошадь» в таком случае, видимо, - название затонувшего корабля. В своей редакции латинского текста мы учли рекомендацию Чарльза Хопфа, который предположил, что *iumentum* - это описка, и в тексте должно быть *iugamentum* (клятва). Ранее, когда автор упоминает потерю корабля "Виола", он пишет «*Viola navis ... periiit*». В данном же отрывке уточняющего слова *navis* (корабль) нет.

⁴⁰ 11 ноября 1202 г.

⁴¹ Венеция объявила Зару своей непокорной территорией. Несмотря на это заявление, венецианцы выделили крестоносцам часть города внутри стен для их нужд (и, видимо, грабежа), а сами заняли гавань: см. Donald E. Queller and Thomas F. Madden, "The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople", 77.

⁴² Портовый город на Адриатическом побережье Италии.

⁴³ 1 января 1203 г

⁴⁴ От Филиппа Швабского

⁴⁵ В действительности, царевичу Алексею; Филипп был женат на Ирине, сестре Алексея, дочери свергнутого императора Исаака II.

⁴⁶ См. письмо Гуго де Сен-Поля к Р. де Балю.

⁴⁷ 30 марта 1203 г.

⁴⁸ Рено, главе оппозиции, доверили возглавить посольство от армии в Святую землю. Хотя он и его спутники поклялись на Евангелии вернуться к основному войску, передав послание, Рено не вернулся к моменту взятия Константинополя. Возможно, его брат, граф Луи Блуасский, который помог ему возглавить посольство, увидел в этом возможность дать Рено возможность с честью выйти из войска, невзирая на клятву вернуться.

⁴⁹ 20 апреля 1203 г.

⁵⁰ Сейчас хорватский город Дубровник.

⁵¹ Сейчас остров Керкира, находится недалеко от южного побережья Албании и северо-западного побережья Греции.

⁵² 25 мая 1203 г.

⁵³ У графа Балдуина не было брата с таким именем, и ни один из его братьев не погиб в этом крестовом походе.

⁵⁴ 1 июля 1203 г.

⁵⁵ 29 июня - 6 июля.

⁵⁶ Крепость Галата, расположенная на противоположном от Константинополя берегу бухты Золотой рог. См. письмо Гуго де Сен-Поля.

⁵⁷ 17 июля 1203 г

⁵⁸ Неверно. Исаак II уже вернул себе трон.

⁵⁹ Алексей IV был торжественно коронован как соправитель 1 августа 1203 г., в день святого Петра в окопах. Вряд ли дата была выбрана случайно. Квеллер и Мэдден предполагают, что коронация была, вероятно, ценой, назначенной крестоносцами за то, чтобы они ушли из города.

⁶⁰ 15-22 августа

⁶¹ Этот поджог, второй из устроенных крестоносцами, случился 19-20 августа и считается одним из самых разрушительных эпизодов в истории Константинополя. Мэдден в работе «*Fires*», 74-84, определяет, что в пепел обратилось примерно 1,8 км² самых цветущих и богатых районов города.

⁶² Т.е. западноевропейец. Довольно необычное определение западных христиан, особенно при учете того, что большинство крестоносцев были венецианцы или французы, и в обоих случаях не подчинялись западному императору. Это одна из деталей, наводящих на мысль, что автор происходит из Германии: «*Devastatio*», 118-119

⁶³ Главным образом купцы с запада, в первую очередь - генуэзцы, венецианцы и пизанцы. У этих ведущих морских держав Италии были в припортовых районах Константинополя свои кварталы. Виллардуэн оценивает число местных, укрывшихся в лагере крестоносцев, в 15 000.

⁶⁴ Сейчас г. Эдирне, Турция; Алексей III, будучи в оппозиции, разместил там свой двор.

⁶⁵ Антифон на вход, который пелся на мессу 1 декабря 1203 г.

⁶⁶ 27 декабря 1203 г.

⁶⁷ 1 января 1204 г.

⁶⁸ 7 января 1204 г.

⁶⁹ «Плечи»; два полуострова по сторонам бухты Золотой рог.

⁷⁰ Алексей Дука (Морчюфль, Мурцүфл).

⁷¹ коронован как император Алексей V 5 февраля 1204 г.

⁷² Никола Канав.⁷³ Святая София.⁷⁴ На черноморском побережье, близ Босфора.

⁷⁵ Мэдден и Квеллер предпочитают приведённое Клари число в 4000 десяти тысячам, приведённым Альбериком и пятнадцать, приведённым в сочинении. МакНил ошибочно переводит *si fist monter bien dusques a .iiiiij.m. hommes a armes* в тексте Клари как «он собрал добрую тысячу конных воинов».

⁷⁶ Алексей IV был убит в ночь с 8 на 9 февраля 1204 г..⁷⁷ 9 апреля 1204 г⁷⁸ 12 апреля 1204 г

⁷⁹ По оценке Мэддена этот пожар, третий из устроенных крестоносцами, уничтожил примерно 0,1 км2 города: Madden, "Fires", 74-84

⁸⁰ 13 апреля 1204 г⁸¹ 25 апреля – 2 мая 1204 г⁸² 16 мая 1204 г.⁸³ См. Мартовский пакт, письмо папы 7:205

⁸⁴ Раскол, о котором говорит DC, - это, вероятно, разногласия между нижними слоями клириков-крестоносцев, которые считали, что венецианцы отняли у них право на множество константинопольских церквей и на законную часть церковных сокровищ.

⁸⁵ См. письмо папы 7:203.

Письмо Иннокентия III, осуждающее ограбление Константинополя

Документ отражает возмущение папы Иннокентия III поведением крестоносцев в Константинополе, забывших о походе в Палестину и разграбивших столицу Византийской империи.

МАРКИЗУ МОНФЕРАТУ

Чтобы он защищал и оберегал покорённую Константинопольскую империю, пока папа не будет осведомлён о справедливости этого завоевания.

Мы хвалим твою мудрость и усердие в Боге, ибо среди различных забот и занятий ты выказываешь озабоченность спасением души и стремление к оному.

Ведь какая польза человеку, если он обретет весь мир, а душе своей причинит вред? И чем заплатит человек за душу свою? Не выкупит её брат, [не] выкупит человек, и не даст он умиловивление своё Богу и цену искупления души своей, даже если будет трудиться вечно и жить

Через возлюбленного сына нашего и нашего апостольского представителя Соффредо, кардинала – пресвитера Св. Праксиньи, мы получили твоё письмо, в котором ты старался сказать нам, что с изнурённым сердцем и чистым духом во исполнение апостольского назидания и, руководствуясь надеждой индульгенции, ты торжественно снял с себя крестовый обет, которому ты всегда старался верно следовать неиспорченной душой.

[Ты пишешь], что, после того, как ты взял на себя сопровождение юноши, заявившего, что Константинополь принадлежит ему по праву, имел место совет возлюбленного сына легата апостольской церкви, кардинала Петра пресвитера Св. Марцелла, и не только совет [этого] человека, но и жестокая необходимость увела армию после избития жителей Ядер в Романию для приобретения продовольствия.

И конечно, ты и другие крестоносцы, превратив необходимость в подвиг, намеревались представить это прежде всего, как благодарное и преданное послушание Апостольскому Престолу и как всё ещё ожидаемое содействие Святой земле, каковое вы сочли уже полностью завершённым после того, как столица оказалась взятой без пролития крови, а узурпатор империи бежал, после того, как вы восстановили в ней [столице] на вершине императорского достоинства и отца, и сына и способствовали тому, что они, побудили их к тому, что они, положив руки на Евангелия, выразили добровольное послушание Апостольскому Престолу и сообщили нам в имперском послании, в дополнительное подтверждение верности, что, подкрепят делом то, что обещали прежде устами.

Но, когда вы всеми силами готовились к отплытию в Сирию, присущее грекам вероломство, при полном нарушении ими клятв и договоров, огнём, хитростью и ядом не раз, а многократно коварно преграждало вам путь, что побудило вас к занятию столицы, хотя вы не желали их гибели и старались избежать её.

И, после того, как столица, слава Богу, чудесно побеждена, независимо от того, что и как вы делали, по воле или неохотно прибегая к совету ваших священников, вы всегда оставались [по твоему мнению] верными обету, дабы благодаря вам непослушные сыны вернулись в необходимое и преданное послушание своей матери, и дабы Восточная Церковь соединилась в качестве главного члена со своей главой; и, чтобы это удалось полнее и лучше, вы и раньше в нерешительности ждали и ныне ждёте с нетерпением совета Апостольского Престола, без которого всякое дело погибает или становится бесполезным.

Ты уверяешь, что принял знак креста, дабы покончить с грехами молодости и уничтожить всё богопротивное, что накапливается в человеческом прошлом, но не для того, чтобы еще тяжелее и разнузданнее грешить под покровом благочестия и под знаменем креста, а чтобы каждым деянием служить нашему испытанию, во всем руководствуясь материнскими советами и поручениями. Так что, если мы сочтем полезными для Апостольского Престола и для Святой земли содеянное в Романии и твою задержку там, ты

получишь благодаря этому отпущение грехов, но не избежишь опасностей и трудов. Но зато, не считая владений и почестей, которые ты получаешь в избытке, мы возлагаем на тебя то, благодаря чему ты всего скорее заслужишь избавление от гнева высшего суда: ведь то, что ты написал выше является лишь молчаливым ответом на упрёки, которые могут быть так [гневно] брошены против крестоносцев.

Ведь вы торжественно клялись в послушании кресту для освобождения Святой земли от рук язычников, и под угрозой отлучения вам было запрещено вторгаться в земли христиан или грабить их за исключением случая, когда бы они сами коварно вам помешали, или если бы появилась другая и справедливая причина, позволяющая вам действовать иначе, пользуясь советами наших легатов. Вы же, не имея никакой власти и влияния в Греции, очевидно совсем утратили чистоту вашего обета, ибо направили армию не против сарацин, а против христиан в намерении не освободить Иерусалим, а предпочесть небесным богатствам земные путём захвата Константинополя.

Не укладывается в голове, что некоторые [крестоносцы] совершали насилие, разврат и кровосмешение на глазах людей без различия религии, пола и возраста, что утехам солдат были отданы не только замужние женщины и вдовы, но и женщины и девы, посвященные Богу. Мало было грабить имперские богатства и забирать добычу у богатых и бедных, вы посягнули на церковные сокровища, и, что хуже всего, на её главное достояние, срывая серебряные чаши с алтарей, расхищая святые сокровищницы, иконы, кресты и реликвии, так что греческая церковь, подвергнутая таким насилиям, не думает возвращаться в послушание апостольскому престолу; она видела в латинянах только пример порока и порождение мрака и теперь по праву презирует их больше, нежели собак.

Ты же просил у Апостольского Престола совета о том, что следует делать вам с упомянутым юношей для возвращения себе Константинопольской империи от власти и суда незаконных или даже захваченных силой; так уж видно мог спросить, что надлежит вам делать при срочной нехватке продовольствия, без которого вы не могли исполнить крестовый обет. Такая неотложная причина была бы справедливой, и на это можно было направить ваши усилия, ибо так вы бы намеревались наконец помочь Святой земле и способствовать преувеличению Апостольской Церкви.

Но поскольку вам отказали в обещанном и необходимом, полностью нарушив клятвы и соглашения, а тем паче нападали на вас с оружием, с огнем, с хитростью и ядом, вы, оказавшись таким образом в безвыходном положении, осуществили заслуженное возмездие в отношении раскольников и клятвoprеступников, которые без права отказывали вам в должном.

И видится божий суд в том, что те, кого милосердно терпели и даже настойчиво увещевали не только другие, но и мы, и которые не желали возвращаться к единой церкви и оказывать какую-либо помощь Святой Земле, теперь потеряли и место своё и народ, ибо когда злые люди находят злой конец, добрая земля даётся добрым земледельцам, которые производят плоды в нужное время.

Об этом же читаем у пророка Даниила: Но есть на небесах Бог, открывающий тайны, он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей (Дан. II): Всевышний владеет над царством человеческим, и дает его, кому хочет (Дан. IV). И известна всем пословица, что право царей всегда право силы. Ибо Божий суд иногда столь скрыт, что пророк говорит: бездна великая! (Псал. XXXV); так что и апостол был вынужден воскликнуть: О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? (Рим. XI.)

Мы же не смеем судить о столь глубоком суде, особенно пока не будем вполне осведомлены о истинном состоянии дел, когда и они смогут быть наказаны справедливо по грехам, совершенным перед Богом, и вам, наказавшим их несправедливо из ненависти к ближним (если только можно назвать ближними тех, кто медлит с приближением). Господь может быть даст справедливое воздаяние, соответствующее их справедливому наказанию, о чём сказано у пророка: поскольку ты служил мне в Тире, даю тебе Египет; где он называет Ассирию бичом своей ярости. Но отбросив сомнения, одно доводим мы до твоего сведения, советуем то, что будет благотворно и для Апостольского Престола, и для Святой земли, и для твоей души: в страхе перед Господом и с надеждой на прощение храни и защищай землю, обретенную благодаря Божьему суду, и обретай то, что должно быть удержано и защищено, управляя подвластным тебе народом по справедливости, храня мир и примиряя верой, дабы восстановить благотворность Церкви в меру своих сил, раскаиваясь и платя за содеянное, ибо такое дело вряд ли возможно без искупления, ибо кто прикасается к смоле, измажется ею. Свято соблюдай обещанное обетом: мудро и всеми силами стремись на помощь Святой земле; в этом ты клялся торжественно и духом, и телом; да и легче та земля может быть возвращена из этой.

Если ты будешь оставаться верным и преданным нам и Апостольскому Престолу по примеру твоих отцов и братьев, которые с чистым сердцем, с доброй совестью и с неподдельной верой стремятся, чтобы святая Римская Церковь почиталась и уважалась всеми, то мы со всей полнотой благоволения и со всей надёжностью заверяем, что будем стремиться делать всё возможное, дабы в наибольшей степени способствовать твоей чести и преуспеянию.

3.5. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ

Крестовый поход против Альбигойцев

Альбигойский крестовый поход или Катарский крестовый поход (1209-1229 гг.) – серия военных кампаний, инициированных Римской католической церковью по искоренению ереси катаров в области Лангедок. Когда дипломатические попытки Иннокентия III повлиять на распространение катарского движения не нашли особой поддержки среди священнослужителей и крупной феодальной знати, он решил прибегнуть к силе оружия.

(Цезарь Гейстербахский, «Диалоги о чудесах»)

Апологет католицизма, цистерцианский монах Цезарий Гейстербахский написал в первой половине XIII в. проникнутые фантазией и суеверием повести – «Диалоги о чудесах».

Далее приводится отрывок из сочинения Цезария Гейстербахского.

Во времена папы Иннокентия, предшественника ныне правящего Гонория¹, когда еще продолжался раскол между королями Филиппом и Оттоном, кознью дьявола альбигойские ереси стали возрастать или, вернее, созреть. Сила ереси была так велика, что пшеница веры во всей той стране, казалось, превратилась в плевелы заблуждения. Посланы были аббаты нашего ордена² и несколько епископов, чтобы мотыгой православной проповеди с корнем вырвать плевелы; но достигли они малого, ибо препятствовал супротивник людской, сеятель всякого зла...

И настолько усилилось заблуждение альбигойское, что вскоре заразило почти тысячу городов, и если бы не было подавлено мечом верным, то захватило бы и всю Европу.

В год господа нашего 1210-й проповедовали по всей Германии и Франции принять крест против альбигойцев, и в следующем году поднялись против них в Германии – Леопольд, герцог Австрийский, Энгильберт, тогда еще препозит, а ныне архиепископ Кельнский, брат его Адольф, граф Бергский, Вильгельм, граф Юлихский, и многие другие разного чина и звания; то же произошло во Франции, в Нормандии и в Пуату. Главой и проповедником этого похода был Арнольд, аббат в Сито, впоследствии архиепископ Нарбонны. И пришли они к большому городу, по названию Безье, в котором, говорят, было более 100 000 человек, и стали его осаждать. У них на глазах еретики осквернили книгу св. евангелия и сбросили его вниз христианам, стреляя и крича: «Вот ваш закон, несчастные!» Христос же, насадитель евангелия, не оставил без отмщения нанесенную ему обиду. Ибо некоторые воины, возгоревшись ревностью к вере... подставили лестницы и бесстрашно взошли на стены, и когда еретики, самим господом приведенные в смятение, отступили, они открыли ворота, и город был взят. Узнав из возгласов, что там вместе с еретиками находятся и православные, они сказали аббату: «Что нам делать, отче? Не умеем мы различить добрых и злых!» И вот аббат, а также и другие, боясь, чтобы те из страха смерти не прикинулись православными, а впоследствии опять не вернулись к своему суевию, сказал, как говорят: «Бейте их всех, ибо господь познает своих». И перебито было великое множество в том городе...

¹ Иннокентий III (1198-1216 гг.), Гонорий III (1216-1227 гг.).

² Цистерцианского.

Битва при Мюре (1213 г.)

Битва при Мюре – одно из важнейших сражений альбигойских войн состоявшееся 12 сентября 1213 г. у замка Мюре, в Лангедоке, между крупной объединенной армией графа Раймунда VI Тулузского и короля Арагона Педро II, выступавших защитниками альбигойства, и немногочисленными войсками крестоносцев под командованием графа Симона де Монфора. Благодаря блестящей победе крестоносцы смогли подчинить существенную часть Лангедока и вывести из войны Арагонское королевство, что ускорило процесс подавления альбигойской ереси.

Два приведенных отрывка представляют противоположные точки зрения на битву при Мюре, крупное сражение, в котором король Арагонский, союзник графа Тулузского, выступил против крестоносцев Симона де Монфора. Первый из отрывков взят из «Хроники» Гильома де Пюилорана, Тулузского католического клирика, благосклонного к крестоносцам. Второй из отрывков взят из сочинения анонимного автора, создателя второй части «Песни о крестовом походе против альбигойцев», сочувствующего скорее еретикам и графу Тулузскому.

(Гильом де Пюилоран, «Хроника»)

В самом деле, в это же самое время король Арагонский, которому сопутствовала удача в битвах с сарацинами, захотел попытать счастья и в борьбе против христиан. В конце лета он прибыл в Тулузу и, посоветовавшись с графами, знатью и горожанами, вышел оттуда с войсками и начал осаду замка Мюре, где граф де Монфор разместил гарнизон, сильно стеснявший Тулузу. К нему пришло большое подкрепление из окрестных краев, так что войско его увеличилось. Узнав об этом, граф Симон тотчас поспешил на помощь своим. Однако вот что я слышал много лет назад от преподобного дона Морена, аббата из Памье, человека достойного веры и уважаемого во всех отношениях, который, будучи тогда всего лишь ризничим, присматривал за замком Памье. Выйдя из Бульбонна навстречу графу и узнав из его уст о том, что он пришел помочь осажденным, и даже сражаться с осаждавшими, если те ждут его на равнине, он ответил: «У вас мало людей в сравнении с вашими врагами, среди которых находится король Арагонский, человек весьма искусный и испытанный в сражениях, а с ним и графы, и многочисленное войско; стало быть, если вы с таким малым войском вступите в бой против короля и его столь обильного войска, силы будут неравны». Но граф, выслушав эти слова, достал из сумы у своего пояса письмо. «Прочтите это письмо», – сказал он, и ризничий узнал из него, что король Арагонский обращался к некоей знатной даме, супруге знатного дворянина из Тулузского диоцеза, уверяя ее, что из любви к ней хочет изгнать французов из своего края, и присовокупляя к этому прочий вздор. Прочитав письмо, ризничий спросил графа: «И что вы хотите этим сказать?» – «Что я хочу сказать? – вскричал граф. – Что Господь придет мне на помощь и что я мало испытываю страха перед человеком, способным ради женщины разрушить Божие дело». Сказав это, он поспешно убрал письмо. Может быть, кто-либо из слуг или секретарь названной знатной дамы сделал с него копию для графа, считая письмо достойным внимания, и граф носил его при себе как свидетельство перед Господом против того, кто, изнежившись, не думал и не опасался, что даже и положившись на Бога кто-то может с ним сразиться.

И вот граф и его люди, продолжив путь, вошли в Мюре; и когда они шли через мост, враги могли бы, если бы захотели, без труда счесть их всех до одного. И там, после того, как явились сопровождавшие графа преподобные отцы, а именно Фульк, епископ Тулузский, Ги, епископ Каркассонский, и Бедез, епископ Агдский, они принялись, памятуя о злополучиях войны, совещаться с целью добиться мира или перемирия; но, поскольку король не соглашался ни на то, ни на другое, кроме как на позорных и причиняющих ущерб Церкви условиях, граф Симон, полагая, что, если он оставит этот замок врагам, весь край поднимется против него, дабы к ним присоединиться, так что новые бедствия будут хуже прежних, а кроме того, зная, что защищает дело Бога и веры, тогда как другие шли против и были связаны узами отлучения от Церкви, предпочел подвергнуться кратковременной опасности, но не способствовать медлительностью и бездействием нарастанию дерзости своих врагов. Чего же еще? Крестоносные воины избрали для сражения день, следующий за праздником Воздвижения Креста Господня; и тогда, исповедавшись в своих грехах и, как обычно, прослушав мессу, получив спасительный хлеб от алтаря и подкрепившись скудной пищей, они облачились в доспехи и приготовились к сражению. Однако в миг, когда граф собирался сесть верхом, у его коня лопнула подпруга, он спешился, и подпругу тотчас починили; но, когда он снова стал садиться в седло, конь с такой силой ударил его головой в лоб, что некоторое время он пребывал совершенно оглушенным, так что, если бы он верил, как делают многие, скитающим по стране бродячим гадателям, ему следовало бы опасаться, как бы с ним в бою не приключилось чего-либо недоброго.

Словом, они решили не выступать прямо против войска осаждающих, дабы не подвергать коней граду стрел, и направились к воротам, расположенным с восточной стороны, тогда как лагерь был разбит, напротив, с западной, так что враги, не разгадав их умысла, решили поначалу, будто они обратились в бегство, но, пройдя немного в этом направлении, они, наконец, перешли через ручей и вышли на поле боя. Там были, с графом де Монфором, Ги, его брат, Бодуэн, брат графа Тулузского, Гильом де Барр, Алан де Руси и многие другие, общим числом около тысячи воинов.

Король Арагонский стал готовиться к бою, хотя граф Тулузский, напротив, советовал остаться в лагере, чтобы осыпать стрелами и дротиками кавалерию осажденных, с тем, чтобы потом, ослабив их таким образом, вернее на них напасть и с большею легкостью изрубить или обратить в бегство, ибо они, за неимением съестных припасов, не могли оставаться в замке; но король не пожелал к нему прислушаться, приписав этот совет страху, и назвал графа трусом. И потому, выстроив свои войска в боевом порядке, он вступил в битву, и первый натиск был поручен графу де Фуа, за которым следовали каталонцы и множество солдат. С другой стороны, как мне известно от сеньора Раймонда, последнего графа Тулузского (который, в силу своей тогдашней неспособности сражаться из-за своего возраста, был препровожден верхом на коне, взятом под уздцы, на вершину холма, откуда мог наблюдать за сражением), выступил граф Симон со своими людьми, выстроенными в три отряда, согласно порядку и обычаю воинского искусства, как он его понимал, таким образом, что последние ряды, ускорив шаг, могли атаковать одновременно с первыми, и зная наверняка, что удар, нанесенный всеми вместе, приводит к победе; и они с первого же натиска так потеснили врага, что гнали его перед собой по равнине подобно тому, как ветер гонит пыль по земле, и бегущие старались как могли укрыться за последними рядами своего войска. Затем победители повернулись в ту сторону, где был король, чей стяг они различили, и устремились на него с такой яростью, что звон оружия и грохот битвы долетели по

воздуху до места, где находился тот, от кого я услышал этот рассказ, так, как если бы лес рушился под ударами множества топоров. Там был убит король со множеством знатных арагонских сеньоров, которые полегли вокруг него. Остальные обратились в бегство, и многие во время этого были убиты. Сам граф Тулузский и граф де Фуа, равно как прочие, обязаны своим спасением лишь поспешному отступлению...

Однако жители Тулузы, укрывшиеся в лагере за повозками и в прочих укрытиях, не знали, на чьей стороне победа, до тех пор, пока, разглядев наконец отличительные знаки тех, кто возвращался, гоня перед собой бегущих, они не устремились беспорядочно к судну, стоявшему у них на Гаронне; те, кому удалось подняться на борт, спаслись, остальные же утонули или погибли от меча в поле, так что число убитых достигло пятнадцати тысяч. Тело короля братья госпитальеры-иоанниты попросили разрешения забрать, и, найдя его, как говорили, нагим на поле битвы, унесли.

Пока там и здесь на равнине шла резня, многие люди упрекали его за его обращение с пленными, некогда убитыми им в Тулузе. Впрочем, многие попавшие в этом бою в плен, умерли в тюрьме или же были выкуплены, однако ни один человек, воевавший на стороне Церкви, не погиб. Вот чем обернулись в этом сражении гордыня и несдержанность для короля, которому всегда сопутствовала удача в сражениях с сарацинами и которого даже отеческая любовь не смогла отвратить от его безрассудных намерений; ибо он передал сына в руки врага как заложника при заключенном между ними перемирии, и тот, если бы пожелал, вполне мог бы его убить, чтобы отомстить за поправленную веру. Но жалко было видеть и слышать, как тулузцы оплакивали своих погибших, ибо не было ни одного дома, в котором некого было бы оплакивать, или где не думали бы, будто кто-то из родных убит или, по крайней мере, взят в плен. Причина всех этих бед была в том, что люди, утратив разум от чрезмерной дерзости, взялись за оружие, объятые единой яростью и полагаясь на человеческие силы, а не на небесное покровительство, тогда как их противника, исполненного веры в Бога, сама его малочисленность хранила от подобного самомнения; и, благоговейно отпраздновав Воздвижение Креста Господня, они в этот день этим самым крестом победили врага, как достойные поборники Христа, коими они и были. Вернувшись с победой в свой лагерь, они возблагодарили Господа нашего Иисуса Христа за то, что он помог им победить, несмотря на малое их число, столь превосходящего их врага.

(«Песнь о Крестовом походе против альбигойцев»)

Король встал первым, ведь с людьми он говорить умел.
 «Сеньоры, – людям рек король, – граф де Монфор посмел
 Наш вызов рыцарский принять, войти в Мюре рискнул.
 Так примем меры, чтобы враг от нас не ускользнул!
 Еще до ночи грянет бой. Мир злее сеч не знал!
 Так бейте ж грозного врага, валите наповал,
 Дабы в бою и ваш отряд от вас не отставал,
 И час победы над врагом быстрее наставал».
 И так сказал Тулузский граф, когда черед настал:
 «О сир! Коль вы хотите знать, что скажет Ваш вассал,
 То вот что я бы в этот час исполнить приказал.
 Не нужно долго говорить, коль враг свиреп и зол,
 Давайте вокруг своих шатров поставим частокол,
 Когда бы недруг одолеть преграду захотел,
 То стали б воины врага добычей наших стрел
 И мы бы гнали остальных по грудам мертвых тел».
 «О граф! – воскликнул дон Мигель. – Да кто Вам право дал
 Столь сомневаться в короле? Коль скоро миг предстал
 Сойтись с врагом лицом к лицу, Господь бы не простил,
 Когда б из трусости король победу упустил».
 «Что я могу еще сказать? – вновь граф заговорил. –
 Когда мы грянем на врага, являя ратный пыл,
 Весь мир увидит, кто из нас презренным трусом был!»
 «К оружию!» – тут раздался крик. И всяк свой меч схватил;
 Бароны шпоры в скакунов вонзили что есть сил,
 Спеша в погоню за врагом, что в город уходил.
 Сдается мне, что хитрый враг сию атаку ждал.
 Войти в ворота за собой как будто приглашал.
 И створ распахнутых ворот сраженью не мешал.
 Тот бил противника копьем, тот тяжкий дрот метал;
 И с той, и с этой стороны никто не уступал,
 Покрылась кровью вся земля и створ ворот стал ал.

Но дело кончилось ничем, никто не победил.
Тулузцы в лагерь отошли. Враг в город отступил.
Настало время отдыхать, баронов зной томил,
Но тут тулузцев граф Монфор в ловушку заманил,
Он повелел седлать коней, к атаке дал сигнал,
И каждый рыцарь скакуна взнуздав и оседлал.
Граф недостаток сил и средств коварством возместил,
Он войско вывел из ворот и с Богом отпустил,
Однако прежде вот о чем баронам возвестил:
«Внемлите, рыцари мои. Враг нас врасплох застал.
Какой могу я дать совет? Ведь я вас всех призвал
Затем, чтоб каждый шел вперед и жизнью рисковал!
Глаз не смыкая ни на миг, я в эту ночь не спал,
О деле думал до зари, до света размышлял,
И вот, сеньоры и друзья, какой я план избрал.
Спешите к лагерю врага, пересекая дол,
Дабы тулузцы, увидав сих копий частокол,
Все разом бросились на вас, ища себе похвал,
И будь что будет, а не то для нас весь край пропал»,
«Бароны, надо рисковать, – граф Бодуэн сказал, –
Не тот плох рыцарь, кто в бою на землю мертвым пал,
А тот, что век свой в нищете позорно прозябал!»
Епископ рыцарей Креста на бой благословил,
На три отряда граф де Бар баронов разделил,
Оруженосцев и пажей сеньорам ставя в тыл.
И по тропинке через топь враг тайно поспешил К палаткам и шатрам.
Враги к палаткам и шатрам пошли по хлябям блат,
Свои знамена развернув, сверкая сталью лат,
И был отделкой золотой украшен каждый щит,
И так сияли те мечи, будто заря горит.
Король, кого за доброту я здесь восславить рад,
Увидев рыцарей Креста, скажу не наугад,
Сам поспешил навстречу им, взяв небольшой отряд.
Толпой валил за королем и весь тулузский люд,
Безумцам детскою игрой казался ратный труд,
Никто не слушался старшин, не знал, что делать тут.
Когда в делах порядка нет, то плох и результат.
Король воскликнул: «Все ко мне!» – но был сметен и смят,
И не нашелся ни один сеньор или солдат,
Кем бы услышан был король и под защиту взят.
Уж ранен доблестный король, уж он в крови лежит,
Та кровь струится по земле и, как ручей, бежит.
У тех, кто видел ту резню, померк от горя взгляд,
Народ решил, что тут виной измена и разлад,
Все в страхе бросились бежать куда глаза глядят,
Никто себя не защищал и не глядел назад,
Бегущих в спину враг разил тем больше во сто крат,
Вплоть до Ривеля шла резня, как люди говорят.
Далмат спасенье от меча искал средь бурных вод.
Он крикнул: «Горе и беда, спасайте свой живот:
Погиб наш доблестный король, опора и оплот,
И пало Рыцарство во прах, как перегнивший плод,
И тех, кого оставил Бог, сегодня гибель ждет».
Когда же реку пересек отважный рыцарь тот,
Тулузцы, рыцари и знать, и весь простой народ
Всем скопом бросились к реке, ища надежный брод.
Счастливец, реку перейдя, тем самым жизнь спасет,
Но многих бурная река в могилу унесет!
Достался рыцарям Креста весь лагерь, скарб и кладь,
И весть по свету разнеслась, что арагонцев рать
Погибла, столько храбрецов, что и не сосчитать,

Досталось воронью.

Клятва графа Тулузского Раймонда VI от 14 июля 1209 г.

Документ характеризует один из эпизодов длительной борьбы с сектой катаров, т.е. альбигойцев.

Во имя Господа Бога. Двенадцатый год первосвященства господина папы Иннокентия III; четырнадцатый день июльских календ. Я, Раймонд, герцог Нарбонны, граф Тулузы, маркиз Прованса, перед находящимися здесь святыми мошами, дарами Христовыми и древом Честного Креста, полага руку на святое Евангелие Господне, клянусь повиноваться всем приказаниям Папы и ввашим, учитель Милон, секретарь господина Папы и легат святого апостольского престола относительно статей всех вообще и каждой порознь, за которые я отлучен Папой ли, легатами ли его или самым законом. Сим обещаю, что чистосердечно исполню все, что будет приказно мне самим Папой и его посланиями по предмету всех упомянутых статей, а особенно следующих, которые называю:

1. В том, что, когда другие клялись соблюдать мир, я, как говорили, отказался от клятвы.
2. В том, что я, как считали, не хранил обещаний, которые дал относительно изгнания еретиков, и их последователей.
3. В том, что, как полагали, я всегда потворствовал еретикам.
4. В том, что всегда считался подозрительным вере.
5. В том, что содержал шайки разбойников.
6. В том, что, как считали, нарушал дни поста, праздников и четыредесятницы, которые должны ознаменовываться спокойствием.
7. В том, что не хотел оказывать справедливости моим врагам, когда они предлагали мир.
8. В том, что поручал иудеям общественные должности.
9. В том, что удерживал домены монастырские Святого Вильгельма и других церквей.
10. В том, что брал незаконные подати, а также возвышал и возвышаю налоги.
11. В том, что изгнал епископа Карпенра из его епархии.
12. В том, что заподозрен в убийстве Петра де Кастельно блаженной памяти, преимущественно потому, что впоследствии я укрыв убийцу.
13. В том, что пленил епископа Везонского и его клириков, что разрушил его дворец вместе с домом каноников и опустошил замок Везон.
14. Наконец, в том, что мучил в плену церковных особ и совершил многие злодеяния.

Я присягаю за все эти пункты, а также за все другие, которые могут мне предложить. Я присягаю за все те вышеупомянутые замки, которые дал в залог.

Если же я нарушу эти статьи и другие, которые мне могут предложить, то соглашаюсь, что эти семь замков будут конфискованы в пользу Римской Церкви и что она войдет во все те права, которые я имею над графством Мельгейль. Я хочу и беспрекословно соглашаюсь в таком случае считаться отлученным. Тогда пусть предадут интердикту все мои домены; пусть те, кто присягал вместе со мною, консулы или иные, даже их преемники, будут освобождены от верности, обязанностей и службы, которой они обязаны мне, и пусть тогда они принесут и станут хранить присягу в верности Римской Церкви, за те феодалы и права, которые имею я в городах и замках.

Также я обещаю заботиться о безопасности дорог. Если все вышесказанное или что-либо из перечисленного не соблюду, то вновь желаю подвергнуться тем же наказаниям.

Парижский договор от 12 апреля 1229 г.

Парижский договор, известен также как Договор в Мо – мирный договор, заключенный в городе Мо, к северу-востоку от Парижа, 12 апреля 1229 г. между графом Тулузским Раймундом VII и королем Франции Людовиком IX, окончивший Альбигойский крестовый поход.

Мы, Граф Тулузский, обязуемся быть верным и послушным слугой короля и Церкви до самой своей смерти, сражаться с еретиками, их единомышленниками и укрывателями в землях, которыми мы владели и будем владеть, не щадя наших близких, вассалов, родственников и друзей; очистить вполне нашу землю от ереси, а также помочь очистить от еретиков земли, которыми владеет король.

Обещаем произвести без замедления должный суд над еретиками и приказать нашим баблям тщательно разыскать как их, так и их единомышленников и укрывателей, согласно распоряжениям, какие сделает господит легат. Для облегчения же такого розыска обязуемся платить в продолжение двух лет по две серебряные марки, а потом по одной всякому, кто представит еретика, осужденного епископом диоцеза или теми, кто имеет право

суда. Что же касается тех, кто не окажется явным еретиком, а будет признан лишь подозрительным, то относительно их обязуемся исполнять то, что укажут легат и Римская Церковь.

Также обязуемся хранить мир во всех наших владениях, изгонять и наказывать рутьеров, покровительствовать церквям и духовенству, сохранять за ними их права, иммунитеты и привилегии и побуждать поступать так же наших подданных, уважать приговоры над отлученными и таковых избегать, как предписывается канонами; побуждать тех, кто прибыли отлученными в продолжение года, обращаться к Церкви под страхом конфискации их имуществ; обязать, в свою очередь, наших бальи исполнять все вышесказанное; наказывать тех, кто небрежен в исполнении этой обязанности, и назначать на эти должности католиков. Если же еврей или заподозренный в ереси ошибочно попадет в эту должность, то немедленно удалить его и наказать. Бальи должны также наблюдать, чтобы никто из евреев и подозреваемых не покупал земель и не приобретал ренту с городов и вилл.

Обещаем восстановить теперь же недвижимые имущества и права церквей и духовенства вполне на всем пространстве земель, какими мы владеем, а именно те, которыми церкви и духовные лица владели до прихода крестоносцев; о прочих же будет решено по праву легатом, его посланными или делегатами апостольского престола.

Обязуемся заплатить десятину и уплачивать ее впоследствии; не позволять, чтобы ее захватывали рыцари и другие светские лица, а предоставлять ее церквям. За ущерб же, причиненный мной и моими людьми церквям и духовенству, за разрушение домов, вилл, не принимая в расчет недвижимого (что должно быть, как сказано выше, восстановлено), мы обязуемся уплатить десять тысяч серебряных марок, предназначая их в распоряжение легата, который справедливо и сообразно разделит эту сумму между заслуживающими.

Также обязуемся заплатить аббатству Сито две тысячи марок, аббатству Грандсель в тысячу марок, аббатствам Клерво, Бельперш и Кандейль по триста, как украшение последних обителей, пострадавших от нас, так и ради спасения души нашей. Также мы должны будем уплатить шесть тысяч серебряных марок на укрепление Нарбоннского замка и других замков, которыми господин король будет владеть в продолжение десяти лет для личной и церковной безопасности. Перечисленные двадцать тысяч марок должны быть уплачены в пять сроков, по четыре тысячи ежегодно.

Обязуемся еще уплатить четыре тысячи марок на содержание в продолжение десяти лет в Тулузе четырех магистров богословия (по пятьдесят марок ежегодно), двоих магистров канонического права (по тридцать марок) и двух преподавателей грамматики (по десять марок), которые будут читать лекции в Тулузском университете.

После получения нами отпущения обязуемся пинять из рук легата крест и пять лет служить за морем против сарацин, для искупления наших грехов, и отправиться в этот поход после августа, в срок не позже одного года.

Тех из наших подданных, кто во время войны держались стороны Церкви, отца господина короля, графов Монфоров и их приверженцев, мы не будем стеснять, а, напротив, будем обходиться с ними благосклонно, как с друзьями, будто они никогда не были враждебны нам, – если только между ними не будет еретиков. В свою очередь, Церковь и король так же будут относиться к тем, кто были на нашей стороне, против Церкви и короля, за исключением тех, которые не согласились с нами на заключение этого мира.

Король, снисходя к нашему унижению и надеясь, что мы пребудем верны Церкви и ему, и соизволяя оказать нам милость, отдаст нашу дочь, которую мы предаем на его волю, в супружество одному из братьев своих, по назначению Церкви, и предоставляет нам все епископство Тулузское, сключая земли маршала Левиса, которыми маршал сам будет владеть от короля. После же нашей смерти Тулуза и епископство отойдут к брату господина короля, женатому на нашей дочери, и их детям. Если же брат королевский умрет бездетным, то Тулуза с епископством отходят к королю и его наследникам; дочь же наша или другие дети никакого права на эти владения заявлять не могут. Если же дочь наша умрет без потомства от брата королевского, то Тулуза и епископство отходят к королю и его наследникам. Так что во всяком случае Тулуза и епископство отойдут к господину королю и его наследникам после нашей смерти, и никто не может заявлять на них никакого права, кроме сыновей и дочерей, рожденных от брака брата королевского и нашей дочери, как сказано выше.

Господин король предоставляет нам также епископства: Аженуа, Руэрг и часть Альбийского, лежащую по сию сторону Тарна; город же Альби и все то, что за рекой к Каркассону, король удержит за собою; одна половина реки принадлежит королю, другая нам; права и наследия тех, кто будет оказывать должное королю в части королевской и нам в части нашей, сохраняются. Епископство Кагорское король предоставляет нам, кроме города Кагора, феофов и других доменов, которыми владел перед смертью король Филипп, дед господина короля. Если мы умрем без детей от законного брака, то вся упомянутая земля переходит к нашей дочери, которая будет за братом королевским и к ее наследникам. Мы сохраняем за собой пожизненно полное право и власть в сказанной земле, которая предоставляется нам на упомянутых условиях, как над городом и епископством Тулузским, так и над другими землями, и можем, по обычаю всех баронов французского государства, перед смертью уделить из нее на дела благочестия. Король все это предоставляет нам, сохраняя права церквей и духовенства.

Город Верфейль и деревню Ла-Бордэ с приписанным к ним мы предоставляем епископу Тулузскому и сыну Одона Лилльерса, согласно с даром, какой сделали король Людовик, отец короля, и граф Монфор, под тем

условием, что епископ Тулузский будет оказывать нам за Верфейль то же, что делал Монфору и его сыну, а Одон то, что должен был делать покойному королю Людовику. Все же прочие жалования, сделанные королем, его отцом или графами Монфорами, не считаются нами за действительные и не будут иметь никакого значения в стране, в которой мы остаемся. За все же предоставленное нам мы принесем королю присягу на лен и на верность, согласно обыкновению баронов французского королевства.

Всю остальную землю, которая лежит во Франции по сию сторону Роны, и всякое право, которое мы имеем или могли бы иметь на нее, точно и положительно предоставляем господину королю и его наследникам на вечные времена. Ту же землю, которая лежит в империи за Роной, со всеми правами, которые мы имеем или могли бы иметь на нее, решительно и положительно предоставляем на вечные времена Римской Церкви через посредство легата. Все жители, которые были изгнаны из этих земель Церковью, королем, его отцом и графами Монфорами и были вызваны или по доброй воле вернулись, не будучи ни обличены в ереси и ни отлучены от Церкви, вполне восстанавливаются в прежних владениях и наследиях.

Если кто-либо из тех, кто поселится в нашей земле, не захочет подчиниться приказаниям Церкви и короля, особенно, например, граф де Фуа или другие, то мы будем вести с ними упорную войну и не заключим мира и перемирия без согласия Церкви и господина короля. Домены, которые мы отнимем у них, по разрушении укреплений и стен, останутся за нами, если король не захочет сам удерживать их ради своей и церковной безопасности в продолжение десяти лет с сохранением взимаемых с них доходов.

Мы распорядимся разрушить стены Тулузы и засыпать рвы, следуя приказаниям, воле и указаниям легата. Также мы разрушим до основания стены и засыплем рвы тридцати замков и городов, а именно: Фанжо, Каstellнева, Лабцеда, Авиньонета, Пюи-Лорана, Сен-Поля, Лавора, Рабастена, Гальяка, Монтегю, Пюисельеза, Вердена, Каstellсаррана, Муассака, Монтобана, Монкука, Ажена, Кондома, Савердена, Готрива, Кассенеля, Пюжоля, Овильяра, Пейрюсса, Лорака и еще пяти других по выбору самого легата. Стены и укрепления этих городов не могут быть восстановлены без разрешения короля. Мы не будем также впредь строить новых крепостей, но предоставляем себе право строить по нашему желанию новые города без укреплений в доменах, которые остаются за нами. Если тот город и замок, в котором надлежит сломать стены, принадлежит нашим вассалам и если они откажутся от исполнения этого условия, то мы объявим им войну и не заключим с ними ни мира, ни перемирия без согласия Церкви и короля до тех пор, пока стены не будут разрушены и рвы засыпаны.

Мы клянемся и обещаем легату и господину королю вечно и честно соблюдать все эти условия и побудить к этому же наших людей и вассалов; мы заставим в том поклясться всех тулузских граждан и других людей нашей земли, а к присяге их будет прибавлено, что они, со своей стороны, будут настоятельно стараться побудить нас исполнять эти условия, так что если мы не исполним всех или одного из этих условий, то они тотчас же этим самым освобождаются от присяги в верности, которую принесли нам. С тех самых пор мы их избавляем от верности вассальному долгу и всех других обязанностей, и они могут присоединиться к Церкви и господину королю против нас, если мы не исправимся в продолжение сорока дней. Когда же мы откажемся признать суд Церкви в делах, которые ее касаются, и суд королевский, то все земли, которые теперь предоставлены нам, переходят в распоряжение короля и мы остаемся в том самом положении, в котором находимся теперь вследствие отлучения, подвергаясь всему, что было постановлено против нас и нашего родителя, на общем Латеранском соборе и после него.

Наши подданные к своей присяге нам присоединят еще, что будут помогать Церкви против еретиков, их единомышленников и укрывателей и против всех, кто будет враждебен Церкви по причине ереси или пренебрежения отлучением в наших землях, а также королю против его врагов, и что они не посложат оружия до тех пор, пока восставшие не подчинятся Церкви и королю. Така присяга, по приказанию королевскому, будет возобновляться каждые пять лет.

Для гарантии всех наших обязательств мы предоставляем, ради полной и лучшей безопасности Церкви и короля, в руки господина короля замок Нарбоннский, который он удержит на десять лет и укрепит, если признает то необходимым. Мы предоставляем ему также замки Каstellнодарри, Лавор, Монкук, Пеннь (в Аженуа), Кордес, Пейрюс, Вердес и Вельмур. Он будет оберегать их десять лет, и первые пять лет каждый год на этот предмет мы будем платить полторы тысячи турских ливров, помимо тех шести тысяч марок, о которых уже упоминалось. Вторые пять лет король будет держать там войска, если признает то нужным, уже за собственный счет. Король может разрушить укрепления Каstellнодарри, Лавора, Вельмура и Вердена, если того пожелают он или Церковь без вычета из суммы, определенной на гарнизон. Доходы же и выгоды от владения этими замками принадлежат нам; король же будет оберегать лишь укрепления их, а также замок Кордес. Мы же озаботимся, со своей стороны, чтобы наши бальи и чиновники, творящие суд и собирающие доходы и пошлины, не были из людей, опасных для Церкви и короля. По прошествии десяти лет король возвратит нам укрепления этих замков, с соблюдением вышесказанных условий, предполагая, что мы сдержим свои обязательства относительно Церкви и короля. Что касается до Пенни в Альбигуа, то мы обязуемся предоставить его королю в срок до первого августа на десять лет, если же этого мы сделать не успеем, то осадим город и не отойдем до тех пор, пока не возьмем его; если же этой осадой замедлится отъезд наш в Святую Землю, то принесем этот город в дар тамплиерам или госпитальерам, или, наконец, другим монахам, а если никто из них не захочет принять его, то город будет разрушен.

Господин король освободит граждан тулузских и других людей наших от всех обязанностей, которыми связаны они относительно его самого, его родителя, графов Монфоров и других, а также от наказаний, которым за то они должны были подвергнуться, и от присяги, с сохранением всех вышесказанных условий.

В засвидетельствование того, что все это имеет постоянную силу, мы велели утвердить этот лист приложением нашей печати.

3.6. 5-Й, 6-Й, 7-Й И 8-Й КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

6-й Крестовый поход

Герольд, Патриарх Иерусалимский, «Письмо всем верующим» (1229 г.)

Герольд, патриарх Иерусалима, всем верующим-приветствие.

Если бы стало широко известно насколько удивительным, нет, даже возмутительным, было поведение императора в восточных землях от начала до конца к великому ущербу для дела Иисуса Христа и к великому вреду для веры Христианской, от ступней его ног до макушки головы не нашлось бы в нём здравомыслия. Ибо он пришёл, отлучённый от церкви¹, без денег и последуемый едва ли 40 рыцарями, и надеялся поправить свои дела, ограбив жителей Сирии. Едва он прибыл туда, как самым бесцеремонным образом захватил того знатного господина И. (Иоанна) Ибелина и его сыновей², которых он пригласил к своему столу под предлогом беседы о делах на Святой Земле. Затем короля, которого он пригласил встретить его, он удерживал почти что как пленника. Так он, насилием и обманом, овладел королевством.

После этих достижений он проследовал далее в Сирию. Хотя поначалу он обещал совершать чудеса и хотя в присутствии глупцов он бахвалился громогласно, он немедленно послал султану Вавилон³ предложение о мире. Такое поведение сделало его презренным в глазах султана и его подданных, особенно когда они обнаружили, что он возглавляет отнюдь не многочисленное войско, что в какой-то степени добавило бы вес его словам. Под предлогом обороны Иоппы, он выступил с армией христиан к этому городу с тем, чтобы быть ближе к султану и с тем, чтобы было легче вести переговоры о мире или заключить перемирие. Что ещё сказать? После долгих и таинственных совещаний, не посоветовавшись ни с кем из жителей [Святой] Земли, он внезапно объявил в один прекрасный день, что заключил мир с султаном. Никто не видел текста этого договора о мире или перемирии, в то время как император дал клятву соблюдать статьи, о которых они договорились. Более того, вы сможете ясно увидеть насколько злы были его намерения и насколько обманчиво содержание определённых статей этого договора о перемирии, который я вам и посылаю. Император, чтобы обрести доверие своему слову, пожелал от султана лишь устной гарантии, которую он и получил, и как он говорит, среди прочего, ему был уступлен и святой город.

Он вышел туда с армией христиан накануне воскресенья, когда поют «Oculi mei». На следующее воскресенье, без всякой подобающей церемонии и несмотря на своё отлучение, в часовне у гробницы нашего Господа, явно в ущерб своей чести и императорскому достоинству, он возложил диадему на своё чело⁴, несмотря на то, что сарацины по-прежнему владеют Храмом Господнем и Храмом Соломоновым, и несмотря на то, что они открыто, как и ранее, проповедуют закон Муххамеда⁵ – к великому смущению и огорчению пилигримов.

И этот самый принц, который ранее так часто обещал укрепить Иерусалим, втайне покинул город на следующий же понедельник. Госпитальеры и Тамплиеры обещали, торжественно и искренне, помочь ему всеми своими силами и своими советами, если он пожелает укрепить город, как он обещал. Но император, которого не заботило правильное ведение дела, и который видел ненадёжность того, что он уже сделал, и то, что город, в том состоянии, в котором он был ему уступлен, нельзя ни защитить, ни укрепить, был удовлетворен одним только именем-сдача, и в тот же день поспешил со своим семейством в Яффу. Пилигримы, прибывшие в Иерусалим вместе с императором, став свидетелями его отъезда, не желали отстать от него.

В следующее воскресенье, когда поют «Laetare Jerusalem», он прибыл в Акру. Там, чтобы обольстить людей и обрести их расположение, он даровал им определённую привилегию. Богу известна причина, заставившая его поступить таким образом, а его последующее поведение сделает это известным и людям. И потом, когда близок был отъезд, и когда все пилигримы, смиренные и радостные, после посещения Гроба Господня, собирались удалиться, якобы исполнив своё паломничество, [а на самом деле] потому что не было заключено перемирия с султаном Дамаска, мы, увидев, что Святая земля опустела и покинута пилигримами, в нашем совете разработали план по удержанию воинов, для общего блага, на средства из пожертвований короля Франции, святая ему память.

Когда император услышал об этом, он выразил нам своё удивление этим, поскольку он заключил перемирие с султаном Вавилона. Мы же ответили ему, что нож до сих пор ещё в ране, поскольку нет перемирия с султаном Дамаска, племянником вышеназванного султана и его противником, добавив, что даже если султан Вавилона будет противиться тому, первый (т. е. султан Дамаска-прим. пер.) по-прежнему сможет причинить нам вред. Император в ответ сказал, что никто из воинов не должен оставаться в его королевстве без совета с ним и с его согласия, поскольку теперь он король Иерусалима. Мы же ответили на это, что по сути этого вопроса, как и по всем остальным подобным вопросам, мы глубоко сожалеем о том, не можем, не подвергнув опасности спасение наших душ, подчиниться его желаниям, ибо он отлучён от церкви. Император ничего не ответил на это, но на следующий день он приказал, через глашатая, пилигримам, проживавшим в городе, собраться за городом, и с помощью особых посланников он также созвал священников и монахов.

Обращаясь к ним лично, он начал горько жаловаться на нас, осыпая нас ложными обвинениями. Затем, обратив свои замечания преподобному магистру Тамплиеров, он публично изо всех сил пытался опорочить честь последнего всякими напраслинами, тем самым пытаясь перебросить на других ответственность за свои собственные ошибки, ставшие теперь очевидными, и добавил в конце, что мы собираем войска с целью навредить ему. После этого он приказал всем иностранным воинам, если они ценят свои жизни и имущество, не оставаться в Земле с этого дня, и приказал графу Томасу, которого он собирался оставить управляющим страной, наказывать поркой любого, кто будет медлить с отъездом, дабы наказание одного послужило примером для многих. Сказав это, он удалился, не став слушать ни извинений, ни ответов на обвинения, выдвинутые им столь постыдным образом. Он немедленно постановил учредить пост из нескольких арбалетчиков у ворот города, приказав им позволять выходить Тамплиерам, но не разрешать им возвращаться. Затем он укрепил арбалетчиками церкви и другие возвышенности, и в особенности те, которые допускали сообщение⁶ между Тамплиерами и нами. И вы можете быть уверены, что они никогда не проявляли столько же враждебности и ненависти к сарацинам.

Что касается нас, увидев его явную злокозненность, мы собрали всех священников и пилигримов, и пригрозили отлучением всем тем, кто будем помогать императору своими советами или услугами против церкви, Таплиеров, других монахов святой земли, или пилигримов.

Император, осознав, что его козни не будут иметь успеха, не желал более оставаться в Земле. И, поскольку ему было бы приятно разрушить хоть что-нибудь, он велел, чтобы арбалеты и осадные орудия, которые долгое время хранились в Акре для защиты Святой Земли, были тайно загружены на его суда. Некоторые из них он даже отослал султану Вавилона, как своему дороговому другу. Он послал войско на Кипр, чтобы получить там огромные подати, и что показалось нам ещё более удивительным, он уничтожил те галеры, которые он не смог взять с собой. Узнав об этом, мы решили упрекнуть его в этом, но избегая возражений и замечаний, он тайно взошёл на галеру, и, стараясь остаться незамеченным, в день апостолов св. Филиппа и св. Якова, поспешил к острову Кипр, не сказав никому прощай, оставляя Иоппу в нужде; и лучше бы он не возвращался.

Очень быстро управители вышеупомянутого султана перекрыли все выходы из Иерусалима для бедных христиан и сирийцев, и многие пилигримы так и умерли в пути⁷.

Вот что сделал император, к ущербу Святой Земли и своей собственной души, равно как и многое другое, что уже известно, и что мы оставляем другим для рассказа. Да соблаговолит милостивый Бог облегчить последствия [его деяний]! Прощайте.

¹ В 1227 г. немецкие крестоносцы двинулись в путь, но после трех дней в море Фридрих возвратился в Бриндизи, сказавшись серьезно больным. Так переход был полностью расстроен, и Григорий IX отлучил виновного от церкви, не приняв его ссылок на болезнь. Едва только вышел флот из порта Бриндизи, как был рассеян бурей; император заболел и, опасаясь за свою жизнь и, может быть, также за империю и королевство Сицилию, вдруг отказался от своего отдаленного предприятия и высадился на берег в порту Отрантском. Григорий отпраздновал отъезд Фридриха как торжество церкви, на возвращение же он взглянул как на возмущение против святого престола.

² Император (Фридрих II) прибыл на Восток весной 1228 г. Он высадился на Кипре, где вызвал смертельную злобу знаменитой и могущественной фамилии Ибелинов и большей части знати, захватив маленького короля Генриха I Лузиньяна и назначив самого себя сюзереном острова. Он даже попытался заключить в темницу «Старого Государя», Жана д'Ибелина, его сыновей и брата, коннетабля Кипра.

³ Султан Каирский (Египет) Камил-Мелик.

⁴ Мало того, что он, будучи отлученным от церкви, не имел права на обряд коронации, так он ещё в нарушение всех церемоний, надел корону собственноручно.

⁵ По условиям договора мусульмане сохранили за собой в священном городе Омарову мечеть и право свободно отправлять свое богослужение.

⁶ Очевидно, находившиеся в пределах видимости друг у друга, что позволяло обмениваться сигналами.

⁷ Иерусалим был возвращен христианам, но оставался без укреплений; ему постоянно приходилось опасаться нападений мусульман. Обитатели Святой земли жили в непрерывной тревоге, никто больше не осмеливался посещать Святые места; более 10 000 пилигримов были умерщвлены в Иудейских горах.

Подготовка к 7-му Крестовому походу (Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»)

Седьмой крестовый поход – крестовый поход, осуществленный под руководством французского короля Людовика IX в 1248-1254 гг.

Глава 2

ПОДГОТОВКА К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

1244–1248 годы

Год или два спустя после описанных мной событий случилось, что по Божьей воле король Людовик XI, который был тогда в Париже, очень серьезно заболел и был настолько близок к смерти, что одна из двух дам, которые ухаживали за ним, собралась было накрыть простыней его лицо, решив, что он уже скончался. Но вторая, которая стояла по другую сторону ложа, не позволила ей это сделать и сказала, что не сомневается – его душа еще не покинула тело.

Но пока король лежал, слушая спор этих двух дам, Господь наш позаботился о нем и тут же вернул его в такое состояние, что если недавно он не мог вымолвить ни слова, то теперь снова обрел дар речи. Как только Людовик смог заговорить, то попросил дать ему крест, что и было незамедлительно сделано. Едва только королева-мать услышала, что к нему вернулась речь, она преисполнилась несказанной радости. Но, поняв, что он попросил крест, – что она услышала из его собственных уст, – королева-мать опечалилась так, словно увидела его лежащим на смертном одре.

После того как король принял крест, его примеру последовали три его брата: Робер, граф д'Артуа, Альфонс, граф де Пуатье, и Шарль, граф д'Анжу, который позже стал королем Сицилийского королевства. К ним мы должны добавить Гуго, герцога Бургундского, Гийома, графа Фландрского, брата недавно почившего Гюи, графа Фландрского, и его племянника Готье. Последний мужественно вел себя за морем, и проживи он подольше, то еще проявил бы свои достоинства.

В число тех, кто возложил на себя крест, я должен включить графа де ла Марша и его сына Гуго ле Брюна, а также двух моих кузенов – графа де Сарребрука и его брата Жубера д'Апремона. Учитывая наши родственные отношения, я, Жан, хозяин Жуанвиля, позже отправился за море в их обществе на судне, которое мы совместно наняли. К тому времени мы представляли собой отряд из двадцати рыцарей, девять из которых были людьми графа де Сарребрука, а девять – моими.

К Пасхе года от Рождества Господа нашего 1248-го я собрал своих людей и тех, кто владел полученными от меня феодами. В канун Пасхи, когда все, созванные мной, явились, моя первая жена, которая была сестрой графа де Гран-пре, родила мне сына Жана, сеньора Ансервиля. Мы пировали и танцевали всю неделю. Мой брат, сеньор Вокулёра, и другие богатые и достойные люди с понедельника Пасхальной недели (Светлой седмицы) три последующих дня закатывали пиры один за другим.

В пятницу я сказал им: «Друзья мои, я скоро отправляюсь за море и не знаю, вернусь ли. Пусть каждый, у кого есть какие-то претензии ко мне, выйдет вперед. Если я поступил с ним несправедливо, я исправлю эту ошибку; излагайте и требования, которые у вас есть ко мне или к моим людям». Каждый раз я разбирался так, как у моих подданных считалось справедливым; чтобы не влиять на их решения, я устранился от обсуждений, а затем беспрекословно принимал их советы.

Поскольку я не хотел забирать с собой ни одного соля и даже денье, на которые не имел бы прав, то отправился к городу Мец в Лотарингии и заложил большую часть моих земель. Заверяю вас, в тот день, когда я оставлял нашу страну, отправляясь в Святую землю, я, поскольку моя матушка была еще жива, владел доходом не больше тысячи ливров от всех моих владений. Тем не менее я двинулся в путь, взяв с собой девять рыцарей и еще двух баннеретов рыцарей, имеющих право на собственное знамя. Я обращаю на это ваше внимание, чтобы вы могли понять – если бы Бог, который никогда не оставлял меня, не приходил ко мне на помощь, вряд ли я смог бы продержаться шесть долгих лет в Святой земле.

Когда я готовился к отъезду, Жан, сеньор Апремона и граф Сарребрук, прислал сообщение, что он полностью готов к походу за море и берет с собой девять рыцарей. Он предложил, если на то будет мое желание, совместно нанять судно. Я согласился; посему мои и его люди отправились в Марсель и наняли для нас корабль.

Когда король собрал всех своих вассальных сеньоров в Париже, он заставил их дать клятву, что, если с ним что-то случится во время его отсутствия, они останутся верны и преданы его наследнику. Он попросил меня сделать то же самое, но я отказался, поскольку тогда не был его вассалом.

По пути в Париж я встретил повозку, на которой лежали трое мертвецов; они были убиты каким-то клириком. Как мне сказали, их везли к королю. Услышав это, я послал одного из своих оруженосцев выяснить, что произошло. По возвращении он рассказал мне, что король, выйдя из часовни, ожидал на ступенях, пока не увидел мертвецов, и спросил у полицмейстера Парижа, что произошло.

Тот рассказал ему, что погибшие были тремя его стражниками из Шателе, которые шатались по пустынным улицам и грабили прохожих. «Они встретили этого клирика, – сказал он королю, – и, как вы видите, раздели его до нитки. Тот, оставшийся в одной рубашке, вернулся в свое жилище, схватил арбалет и

взял с собой ребенка нести его меч. Как только он настиг грабителей, то окликнул их и сказал, что убьет их. Арбалет был у него наготове, и, выстрелив, он поразил одного из грабителей прямо в сердце. Остальные бросились бежать, но клирик схватил свой меч, который нес ребенок, и в лунном свете, который в эту ночь был особенно ярким, пустился за ними вдогонку.

Один из них, – добавил провост, – попытался перескочить через изгородь в какой-то сад, но клирик нанес ему удар мечом по ноге, которая, как вы видите, так и осталась в сапоге. Затем он кинулся за последним грабителем. Тот попытался укрыться в чужом доме, обитатели которого еще не спали, но клирик ударил его мечом по голове и рассек ее до зубов, в чем ваше величество можете лично убедиться. Этот клирик, – продолжил провост, – рассказал о своих действиях соседям по улице, а затем пошел и сдался на милость вашего величества. И теперь я представил его перед вами, чтобы вы поступили с ним, как вам будет угодно. Вот он».

«Молодой человек, – сказал король, – ваша отвага лишила вас возможности стать священником, но из-за нее я возьму вас к себе на службу, и вы вместе со мной отправитесь за море. Я делаю это не только ради вашего блага, но и потому, что я хочу, дабы мои подданные знали — я никогда не стану оправдывать их злодеяний». Когда собравшиеся услышали эти слова, они стали взывать к Спасителю нашему, чтобы Он даровал королю долгую и счастливую жизнь и вернул его обратно живым и здоровым.

Вскоре после этой истории я вернулся в свое графство в Шампани и договорился с графом де Сарребруком, что наш багаж мы на повозках отправим в Эксон, а оттуда на судне по Сене и Роне доставим в Арль в Провансе.

Битва при Эль-Мансуре (Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»)

Битва при Эль-Мансуре, состоявшаяся 8-11 февраля 1250 г. между крестоносцами и айюбидами во время Седьмого крестового похода.

Глава 7

БИТВА ПРИ МАНСУРЕ

8 февраля 1250 года

Тем временем я и мои рыцари решили атаковать сарацин, которые разгрузили свои вещи в их лагере слева от нас. Когда мы преследовали их, я заметил сарацина, который садился в седло, а другой держал его лошадь под уздцы. В тот момент, когда он схватился обеими руками за седло, чтобы вскочить на коня, я нанес ему удар копьём под мышку, и он рухнул мертвым. Увидев это, оруженосец оставил и коня, и своего господина и метнул в меня копьём. Он попал мне между лопаток, я упал на шею коня и не мог вытащить меч из-за пояса. Тем не менее мне удалось выхватить меч, притороченный к седлу. Увидев меня с мечом в руках, он бросил копьём и пустился в бегство.

Когда я с моими рыцарями покинул лагерь сарацин, то увидел, что нам противостоят примерно шесть тысяч воинов противника, которые, покинув свои шатры и палатки, отступили в поле. Едва только увидев нас, они кинулись вперед и убили Гуго де Тришателя, хозяина Конфлана, который нес знамя рядом со мной. Мы прищипорили коней и помчались на помощь Раулю де Вану, другому члену моего отряда, который рухнул на землю.

Когда я возвращался, сарацины стали наносить мне удары копьями. Под их ударами мой конь упал на колени, и я перелетел через его голову. Я сразу вскочил, со щитом на шее и мечом в руке. Один из моих рыцарей, Эрард де Сиверей – да благословит его Бог! – подсказал ко мне и посоветовал отступить к разрушенному дому, где мы могли дожидаться короля, который уже был в пути. Когда мы добирались до этого укрытия, кто пешком, а кто верхом, огромный отряд противника бросился на нас. Они опрокинули меня на землю, и их кони скакали через меня, так что щит сорвался у меня с шеи.

Когда они унеслись, Эрард де Сиверей вернулся ко мне и помог добраться до стен полуразрушенного строения. Здесь к нам присоединились Гуго д'Эко, Фредерик де Лупэй и Рено де Менонкур. Пока мы находились здесь, противник атаковал нас со всех сторон. Некоторые из врагов забрались в дом и пытались колоть нас копьями сверху. Мои рыцари попросили держать их коней под уздцы, что я и сделал, ибо боялся, что животные могут вырваться и ускакать. Затем мои воины оказали яростное сопротивление сарацинам, за которое они, должен сказать, удостоились самых высоких похвал и от тех, кто видел их отвагу и кто только слышал о ней.

В ходе этой схватки Гуго д'Эко получил три раны копьём в лицо. Также пострадал Рауль де Вану, а Фредерику де Лупэю нанесли такой удар копьём в спину, что кровь хлестала из него, словно из бочки. Удар мечом одного из врагов пришелся Эрарду де Сиверею в лицо, отрубив ему нос, который так и остался болтаться над губами. В этот момент меня посетила мысль о святом Иакове, и я возвал к нему: «О святой Иаков, приди ко мне на помощь, спаси нас в большой беде!»

Едва только я произнес эту молитву, как Эзар де Сиверей обратился ко мне: «Мессир, если по вашему мнению ни я, ни мои наследники не навлекут на себя упреков за это, я пойду и приведу помощь от графа д'Анжу, которого я видел неподалеку в поле». – «Мой дорогой друг, – сказал я ему, – сдается мне, что вы будете увенчаны самыми высокими почестями, если приведете помощь и спасете наши жизни; кстати, ведь и вашей угрожает большая опасность». (Я оказался прав, потому что он умер от своей раны.) Де Сиверей поговорил с другими рыцарями, которые оказались здесь, и все они дали ему тот же совет, что и я. Выслушав их, он попросил меня отпустить его лошадь, которую я держал под уздцы, что я и сделал.

Он добрался до графа д'Анжу и умолил его прийти на помощь мне и моим людям. Знатные люди, которые были с графом, попытались разубедить его, но он сказал, что должен сделать то, о чем его попросил мой рыцарь. Граф развернул коня, чтобы устремиться к нам на помощь, и многие из его оруженосцев прищипорили своих коней, чтобы последовать за ним. Как только сарацины увидели их приближение, они оставили нас. Пьер д'Оберив, который мчался во главе оруженосцев, сжимая в руке меч, заметил их отступление, ворвался прямо в гущу сарацин, удерживавших тяжело раненного Рауля де Вану, и спас его.

Когда я стоял среди своих рыцарей, страдая от раны, о которой рассказывал, во главе своего отряда подъехал король Людовик, сопровождаемый оглушительными криками, звуками труб и грохотом барабанов. Во главе своих войск он остановился на возвышении проложенной дороги. Никогда мне не доводилось видеть такого прекрасного и величественного короля! Его голова и плечи высились над всеми собравшимися; на нем был блестящий шлем, а в руке – меч германской стали.

Приостановившись, наш отважный король со своим отрядом, о котором я уже говорил, вместе с другими доблестными рыцарями поскакал прямо на турок. Могу заверить вас, что это было отчаянное сражение лицом к лицу, потому что ни у кого не было ни луков, ни арбалетов; в этом бою булавы скрещивались с мечами, и обе стороны перемешались между собой.

Один из моих оруженосцев, который было ускакал со знаменем, но успел присоединиться ко мне, привел одного из моих фламандских коней, и мы заняли место рядом с королем. Когда мы сблизились с ним, к королю подъехал достойный рыцарь Жан де Валери и сказал, что советует ему держаться правее, ближе к реке, чтобы оказать поддержку герцогу Бургундскому, а также дать оруженосцам (сержантам) его величества возможность напасть, потому что день обещает быть очень жарким.

Король приказал своим оруженосцам привести рыцарей к нему на совет, который уже собрался вокруг него, и каждого рыцаря он знал по имени. Оруженосцы привели рыцарей из самой гущи боя, который яростно разгорался между нами и сарацинами. Рыцари явились к королю, который спросил, что бы они посоветовали. Они ответили, что считают мнение Жана де Валери очень здравым. Король приказал своему знаменосцу с развернутым стягом Святого Дени двигаться направо к реке. И когда королевская армия начала перемещаться в ту сторону, снова зазвучали оглушительные звуки труб, барабанов и сарацинских рогов.

Король едва успел сняться с места, когда получил несколько сообщений от графа де Пуатье, графа Фландрского и других командующих, которые были при своих войсках. Все они просили его не перемещаться, потому что сарацины так наседали на них, что они не могли последовать за ним. Король снова собрал достойных рыцарей своего совета, и все они посоветовали ему ждать. Вскоре вернулся Жан де Валери и упрекнул короля и его совет за то, что они продолжают стоять на месте. И тогда все члены совета порекомендовали королю двигаться к реке, как посоветовал Жан де Валери.

В этот момент появился коннетабль Эмбер де Божо и сообщил королю, что его брат граф д'Анжу обороняется в доме в Мансуре и просит его величество поспешить к нему на помощь. «Поезжайте передо мной, коннетабль, – сказал король, – а я последую за вами». Я сказал коннетаблю, что, как его рыцарь, буду сопровождать его, за что он меня сердечно поблагодарил. Таким образом мы оба двинулись к Мансуре.

По пути коннетабль нагнал оруженосца, вооруженный булавой. Он был очень испуган и сказал, что продвижение короля остановилось и что сарацины оказались между его величеством и нами. Мы развернулись и убедились, что между нами и королевской армией больше тысячи вражеских воинов, а нас было не больше шести человек. Я сказал коннетаблю: «Мессир, мы не можем пробиться к королю сквозь это скопище, так что давайте поднимемся вверх по течению и пересечем овраг, который вы видите перед собой между нами и врагом. Таким образом мы сможем вернуться к королю». Коннетабль последовал моему совету; но могу заверить вас, что, обрати сарацины на нас внимание, они бы, конечно, прикончили нас. Но в то время они не думали ни о ком, кроме как о короле и о его войске, и посему предположили, что мы – кто-то из их людей.

Когда мы возвращались, спускаясь по берегу реки между каким-то ручейком и основным потоком, мы увидели, что король подошел вплотную к реке. Сарацины сошлись в бою с другими королевскими отрядами, полосуя и рубя их саблями и булавами и постепенно заставляя их вместе с отрядом короля отходить к реке. Здесь было такое скопище, что многие из наших людей решили пуститься вплавь и присоединиться к герцогу Бургундскому; но им это не удалось, потому что кони были очень усталыми, а день становился все жарче. Когда мы по течению спустились к ним, то увидели, что река усеяна копьями и щитами и запружена телами утонувших коней и людей.

Когда мы подошли к мостику, перекинутому через ручей, я сказал коннетаблю: «Давайте останемся здесь и будем оборонять этот мост, ибо, если мы оставим его, сарацины навалятся на короля и с этой стороны, а если наших людей атакуют с двух сторон, они, скорее всего, не выстоят». Мы поступили по моему совету.

Потом уже мы узнали, что в этот день все могло быть потеряно, если бы не король. Как Пьер де Куртене и Жан де Элинэ рассказывали мне, шестеро вражеских воинов схватили под уздцы королевского коня и решили пленить самого короля, но он без чьей-либо помощи освободился от них мощными ударами меча. Когда его люди увидели, как обороняется король, к ним вернулось мужество, и многие из них, отбросив все мысли о бегстве через реку, кинулись к нему на помощь.

Прямо к нам, защищающим этот мост, подсказал граф Пьер де Бретань; лицо его было рассечено ударом меча, и кровь стекла в рот. Под ним был очень красивый невысокий конь. Он бросил поводья на луку седла и держался за нее обеими руками, опасаясь, что люди, которые находились вплотную к нему, могут, пересекая узкий мост, столкнуть его. Похоже, он был очень низкого мнения о них, потому что, выплевывая кровь, продолжал выкрикивать: «Боже милостивый, да кто еще видел таких ублюдков!» За его людьми двигались граф де Суасон и Пьер де Нувиль; обоим им крепко досталось в этот день.

После того как все пересекли мост, сарацины, видя, что мы, стоя лицом к ним, защищаем его, прекратили преследовать отряд графа. Я подъехал к графу де Суасону, который был кузеном моей жены, и сказал ему: «Я думаю, сир, что вам стоило бы остаться и охранять этот мост, ибо, если он будет без защиты, сарацины рванутся через него, и король будет атакован с фронта и с тыла». Он спросил, останусь ли я с ним в таком случае. «Без сомнения», – ответил я. Услышав это, коннетабль наказал мне никуда не уходить до его возвращения и объяснил, что должен найти помощь для нас.

Верхом на моем надежном коне я оставался на месте, с графом Суасоном справа и Пьером де Нувилем по левую руку от меня. Внезапно сарацины рванулись к нам со стороны войск короля, которые были у нас в тылу, и один из них нанес сзади Пьеру такой жестокий удар булавой, что де Нувиль упал на шею своего коня; затем, стремглав пронесшись через мост, он оказался среди своих людей.

Когда сарацины увидели, что мы не собираемся отходить от этого моста, они пересекли протоку и разместились между ней и рекой, как это сделали мы, когда спускались вниз по течению. Мы сразу же переместились поближе к ним, чтобы быть готовыми вступить в бой, если они попытаются двинуться в сторону войск короля или пересечь наш маленький мостик.

Прямо перед нами были двое из королевских сержантов – одного звали Гийом из Буна, а другого – Жан из Гамаша. В составе тех сарацин, что расположились между ручьем и рекой, было много пеших крестьян, которые стали швырять в сержантов комья земли, но не могли заставить их отступить. Наконец на вражеской стороне появился какой-то гнусный тип, который три раза подряд выпустил в их сторону греческий огонь. И не отрази Гийом из Буна щитом летевшую в него бочку с огнем, то, попади пламя на его одежду, он, конечно, сгорел бы заживо.

В нас летела туча дротиков, которые, по счастью, не поразили сержантов. Мне повезло найти сарацинский плащ, подбитый хлопковой ватой. Я вывернул его наизнанку и использовал как щит. Он сослужил мне хорошую службу, потому что вражеские дротики ранили меня всего лишь пять раз, хотя мой конь получил пятнадцать ран. Один толковый парень из Жуанвиля передал мне знамя с моим гербом у острия копья, и каждый раз, когда мы видели, что сарацины подступают к оруженосцам, мы атаковали и обращали врага в бегство.

Добрый граф де Суасон, которого трудно было смутить даже в такой момент, подшучивал над нашим положением и весело сказал мне: «Сенешаль, пусть эти псы воют сколько хотят. Да видит Бог – это было его любимым выражением, – мы еще вспомним этот день, сидя дома с нашими женщинами!»

Вечером, когда солнце уже садилось, прибыл коннетабль с отрядом пеших королевских арбалетчиков, которые выстроились перед нами. Когда сарацины увидели, как они, упираясь ногой в стремя своих арбалетов, натягивают тетивы, они оставили нас в покое и поспешно отступили. Коннетабль сказал мне: «Сенешаль, сделано хорошее дело. А теперь отправляйтесь к королю и не отходите от него, пока он не вернется в свой шатер». Когда я оказался рядом с королем, к нему подошел Жан де Валери и сказал: «Ваше величество, сеньор Шатийон просит вас поручить ему командование арьергардом». Король охотно согласился. Пока мы ехали, я заставил его снять шлем и дал ему свой наголовник, чтобы он подышал свежим воздухом.

После того как король пересек реку, брат Анри де Рони, провост госпитальеров, подошел к нему и поцеловал руку в железной перчатке. Король спросил, есть ли у него какие-то известия о графе д'Артуа, на что провост ответил, что да, новости у него имеются, ибо он не сомневается, что брат его величества ныне находится в раю. «О, ваше величество, – добавил провост, – утешьтесь мыслью, что никто из королей Франции не удостоился такой чести, как вы сегодня. Ибо, желая вступить в схватку с врагом, вы перешли реку, полностью разгромили его и заставили бежать с поля битвы. Кроме того, вы захватили их метательные машины, а также шатры, в которых вы сегодня проведете ночь». – «Да благословит Бог все, что Он дал мне», – ответил король, и из глаз его покатались большие слезы.

Когда мы достигли лагеря, то увидели, что группа пеших сарацин тянет канаты шатра, который они только что сняли, а наши тянут с другой стороны. Настоятель храмовников (тамплиеров) и я поскакали к ним, враг бежал, и шатер остался в наших руках.

В ходе сражения этого дня было много даже весьма достойных воинов, которые постыдно бежали через маленький мост, о котором вы знаете; они были настолько охвачены паникой, что все наши попытки остановить их были тщетны. Я мог бы назвать их имена, но воздерживаюсь, потому что ныне все они мертвы.

Тем не менее я не могу удержаться, чтобы не назвать имя Гюи Мовуазена, который с честью вернулся из Мансуры. Пока мы с коннетаблем шли вверх по реке, он следовал вниз по ней. И когда сарацины стали нажимать на графа де Бретань и его людей, под их напор попал и Гюи Мовуазен, но в сражении этого дня и он, и его воины покрыли себя славой. Не стоит удивляться их мужеству, потому что – это я узнал позже от тех, кто знал состав его отряда, – весь он за немногими исключениями состоял из рыцарей, которые были или членами семьи Мовуазена, или его вассалами.

После того как мы обратили в бегство наших врагов и отогнали их от их же шатров, наши люди оставили лагерь без защиты, и в него хлынули бедуины, которые занялись грабежом, потому что в лагере находились места расположения высокопоставленных людей, у которых было много имущества. Мародеры ничего не оставляли после себя, унося все, что осталось от сарацин. Тем не менее я слышал, что бедуины, хотя и зависят от сарацин, никогда не упускают возможности что-то украсть и скрыться с добычей. Хорошо известно, что подобная привычка была самой слабой стороной этого племени.

Поскольку я затронул эту тему, расскажу вам, что за народ бедуины. Они не последователи Магомета, но принимают учение Али, который был дядей Магомета. (Старец горы, которому подчиняются асасины, тоже его приверженец.) Эти люди веруют, что, когда человек погибает ради своего господина или каким-то иным достойным образом, его душа переселяется в другое тело, которому суждена лучшая и более счастливая судьба, чем преждему. Вот почему асасинов мало волнует, погибнут ли они, выполняя приказ своего господина. Тем не менее пока больше ничего не буду говорить о старце горы, а только о бедуинах.

Эти люди не живут ни в деревнях, ни в городах, ни в замках, а всегда спят на открытом пространстве. По ночам или днем, когда погода портится, они помещают своих слуг, своих жен и детей в некое подобие укрытия. Его делают из дуг, напоминающих обручи от бочек, которые привязывают к шестам, как паланкин для женщин. Поверх этих обручей они набрасывают выдубленные в квасцах овечьи шкуры, которые известны под названием дамасских кож.

Сами бедуины носят просторные шерстяные плащи, которые покрывают все тело, включая руки и ноги. Когда вечерами идет дождь или ночью портится погода, они заворачиваются в них и, вынимая удила изо рта у лошадей, пускают тех пастись на траве неподалеку. По утрам бедуины расстилают свои накидки на солнце, вытряхивают их и покрывают новым слоем квасцов, после чего не остается ни следа влаги.

Они верят, что никто не может умереть раньше назначенного ему дня, и по этой причине отказываются надевать любые доспехи. Когда они хотят отругать своих детей, то говорят им: «Будь ты проклят — как франк, который носит доспехи из страха смерти!» В сражении у бедуинов нет ничего, кроме сабли или копья.

Почти все они носят длинные туники, похожие на подрясники у священников. Головы они покрывают тканью, которая тянется из-под подбородка, так что их угольно-черные волосы и бороды выглядят уродливо, местами – устрашающе.

Они питаются молоком от своих животных, платят аренду богатым людям, которым принадлежат пастбища для выпаса животных. Никто не знает количества этих людей; их видят то в Египетском султанате, то в Иерусалимском королевстве, то во всех других землях, принадлежащих сарацинам и иным языческим народам, которым бедуины каждый год платят большие суммы в виде дани.

Вернувшись из-за моря, я и в нашей собственной стране встречал неправедных христиан, которые следуют вере бедуинов, что человек не может умереть раньше назначенного ему дня. Эти верования служат отрицанию нашей религии, поскольку они утверждают, что Бог бессилен помочь нам.

Для тех из нас, кто служит Богу, в самом деле было бы глупо считать, что у Него нет власти продлить наши дни или охранить нас от зла и несчастий. Конечно, наша вера в Него крепнет, когда мы видим, что все это в Его власти.

Людовик IX Святой и 7-й Крестовый поход (Послание Людовика IX Святого к подданным из Святой земли, 1250 г.)

Людовик IX Святой – король Франции в 1226-1270 гг. Руководитель 7-го и 8-го Крестовых походов.

ЛЮДОВИК, милостью Божией король французов, приветствует своих любезных и верных прелатов, баронов, рыцарей, горожан, буржуа и всех прочих жителей своего королевства, которые получают эти послания.

К вящей чести и славе имени Божьего, желая всей душой продолжать начатый крестовый поход, мы сочли уместным сообщить вам всем, что после взятия Дамьетты (которую Господь наш Иисус Христос, по неизреченной своей благодати, словно чудом передал во власть христиан, как вы, несомненно, узнали, по мнению нашего совета) мы оставили этот город 20 ноября сего года. Наши сухопутные и морские силы объединились, и мы выступили против объединенного войска сарацин, которое встало лагерем в местечке, называемом на местном наречии Мансура. Во время похода мы подвергались нападениям врагов, но и они постоянно несли изрядные потери. Так, однажды множество воинов египетского войска, напавших на нас, были убиты все до единого. В пути мы узнали, что каирский султан только что окончил свою несчастную жизнь, что

перед смертью он послал людей на поиски своего сына, который пребывал в восточных провинциях, и повелел принести клятву верности этому принцу всех главных военачальников своего войска и что он предоставил командование всеми своими войсками одному из эмиров по имени Фахреддин. Прибыв на означенное место, мы узнали эти достоверные новости. Прибыли мы туда во вторник перед Рождеством, но не смогли приблизиться к сарацинам, ибо наши войска разделял водный поток, а называется он река Танис, – поток, ответвляющийся в этом месте от великой реки Нил. Мы разбили наш лагерь меж этих двух рек, вытянувшись в линию от великой до малой. У нас было несколько стычек с сарацинами, многие из которых пали от наших мечей, но великое множество их утонуло в реках. Так как Танис нельзя было перейти вброд, ибо глубина его велика, а берега весьма высоки, то мы приступили к сооружению дамбы, чтобы христианское войско смогло переправиться; мы не покладая рук трудились там много дней, каждый момент подвергаясь опасности и неся бесчисленные потери. Сарацины всячески старались помешать нашей работе. Они поставили механизмы против наших механизмов; они осыпали нас камнями и жгли греческим огнем деревянные башни, которые мы воздвигли на дамбе. Мы уже почти отчаялись переправиться по этой дамбе, как один сарацинский перебежчик сообщил нам о броде, по которому христианское войско могло перейти реку. Собрав наших баронов и военачальников в понедельник перед Постом, мы пришли к соглашению, что на другой день, то есть на заговенье, мы выступим в это великое утро к месту, где, как было намечено, переправимся через реку, а небольшой отряд оставим для охраны лагеря. На другой день, приведя наши войска в боевой порядок, мы выступили к броду и, подвергаясь опасности, переправились через реку, ибо брод оказался более глубоким и коварным, чем можно было ожидать. Нашим коням пришлось преодолевать его вплавь, а выйти из реки было нелегко, ибо берег был крутой и илистый. Переправившись через реку, мы подошли к тому месту, где были поставлены механизмы сарацин напротив нашей дамбы. Наши передовые отряды, напав на врага, всех убили, не пощадив ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни стариков. Среди них сарацины потеряли главного военачальника и нескольких эмиров. Затем наше войско рассыпалось, несколько воинов прошли по лагерю врагов и подошли к деревушке Мансура, убивая всех встреченных врагов; но сарацины, заметив неблагоразумие наших людей, воспрянули духом и напали на них; они окружили их со всех сторон и одолели их. Они учинили там резню наших баронов, а также воинов, монахов и прочих, о чем мы не без оснований сожалеем и о потере которых скорбим и по сей день. Там мы потеряли и нашего храброго и доблестного брата графа д'Артуа – вечная ему память. С тяжелым сердцем говорим мы об этой горестной утрате, хотя скорее должны бы этому радоваться; ибо верим и надеемся, что, обретя венец мученика, он вознесся на небо и там воздалось ему, как воздается святым мученикам. В тот день сарацины обрушились на нас со всех сторон и осыпали градом стрел, и мы выдерживали их жестоко нападение до девяти часов, когда вдруг лишились баллист. Наконец, потеряв ранеными или убитыми множество наших воинов и коней, с помощью Господа нашего мы сохранили наши позиции и, объединившись, в тот же день выступили и разбили наш лагерь в непосредственной близости от механизмов сарацин. Мы оставались там с горсточкой наших людей и там соорудили мост из судов, чтобы находившиеся на другом берегу могли перебраться к нам. На другой день по нему перешли многие и встали лагерем рядом с нами. Когда механизмы сарацин были разбиты, наши воины могли свободно и безопасно ходить из одного войска в другое, переправляясь по мосту из судов. В следующую пятницу дети погибли, собрав все свои силы с намерением уничтожить христианское войско, подошли, чтобы дерзко напасть на наши ряды, а было их великое множество: и было такое страшное побоище, какого, говорят, не видано было до сих пор в этих краях. С Божьей помощью мы оказывали отпор, отбивая врагов со всех сторон, и великое множество их пало от наших мечей. По прошествии нескольких дней сын султана, вернувшийся из восточных провинций, прибыл в Мансуру. Египтяне ликовали, встречая его как своего господина. Его приезд придавал им храбрости вдвойне; но с этого момента, не знаю, по какому приговору Божьему, все у нас пошло не так, как нам того хотелось. На нашу армию обрушилась заразная болезнь, уносившая людей и лошадей в таком количестве, что не осталось почти никого, кто мог бы оплакать своих товарищей или ходить за больными. В короткое время христианское войско сильно поредело. Воцарился такой страшный голод, что многие падали от слабости, ибо суда из Дамьетты, уже груженные и готовые к отплытию, не могли доставлять в войско провизию, ибо корабли вражеских пиратов преграждали им путь. Они даже захватили несколько наших судов, а потом один за другим – два каравана, доставлявшие нам продовольствие, и убили великое множество матросов и бывших там людей. Нехватка съестных припасов и фуража вселила отчаяние и страх в войско, и мы старались во избежание потерь оставить наши позиции и вернуться в Дамьетту; такова была воля Божия, но поскольку человек не волен выбирать свои пути, а все в руках того, кто направляет его стопы и располагает всем по своей воле, то во время нашего похода, то есть 5 апреля, сарацины, объединив все свои силы, напали на христианское войско и по грехам нашим, по воле Божией, мы оказались в руках врагов. Мы и наши любезные братья, графы Пуатье и Анжуйский, и все остальные, возвращавшиеся с нами пешими, попали в плен, и пролито было там много крови христианской. Точно так же были взяты в плен или убиты почти все, возвращавшиеся по реке. Почти все суда, на которых они плыли, были сожжены вместе с находившимися на них больными. Через несколько дней нашего плена султан предложил нам перемирие: он настойчиво требовал, пуская в ход угрозы, немедленного возвращения Дамьетты со всем в этом городе находящимся и возмещения всего ущерба и убытков, нанесенных вплоть до сего дня с момента вступления

христиан в Дамьетту. После долгих переговоров мы заключили перемирие на десять лет на следующих условиях:

Султан освобождает из плена и отпускает на все четыре стороны нас и всех тех, кто был захвачен сарацинами с момента нашего появления в Египте, а также всех прочих христиан, из какой бы страны они ни были, взятых в плен с тех пор, как султан Камель, дед ныне правящего султана, заключил перемирие с императором; христиане сохраняют в мире все земли, которыми они владели в Иерусалимском королевстве в момент нашего прибытия. Со своей стороны, мы обязались возратить Дамьетту и заплатить восемьсот тысяч сарацинских безантов за освобождение пленных и возмещение ущерба и убытков, о которых только что говорилось (четыреста мы уже выплатили), и отпустить всех сарацинских пленных, захваченных христианами в Египте с момента нашего прихода, равно как и тех, которые были взяты в плен в Иерусалимском королевстве со времени перемирия, заключенного между тем же императором и тем же султаном. Все наше движимое имущество и имущество всех остальных, находящихся в Дамьетте, как только представится возможность, будет после нашего ухода под охраной и защитой султана перевезено в христианские земли. Все больные христиане и те, кто остается в Дамьетте, чтобы продать то, чем они владели, будут точно так же в безопасности и вернуться по морю или по суше, когда пожелают; им не будет чиниться ни препятствий, ни запретов. Султан не прочь дать охранную грамоту до христианских стран всем, кто захочет вернуться по суше.

Это перемирие, заключенное с султаном, будет скреплено клятвой с обеих сторон, и султан уже выступил со своим войском в Дамьетту для выполнения условий, которые только что были оговорены, когда по приговору Божьему какие-то сарацинские воины, несомненно, в заговоре с большей частью войска, напали на султана, когда он поднимался из-за стола, и нанесли ему тяжкие раны. И все же султан вышел из шатра, надеясь спастись бегством, но был сражен ударом меча на глазах почти всех эмиров и множества других сарацин. После этого многие сарацины в приступе ярости направились с оружием в руках к нашему шатру, как бы намереваясь (многие из нас этого опасались) резать нас и христиан; но благодать Божия умерила их гнев, и они заставили нас выполнить условия перемирия. Тем не менее к их речам и просьбам примешивались ужасные угрозы; наконец, по воле Бога, отца милосердия, утешителя скорбящих, внемлющего рыданиям слуг своих, мы скрепили новой клятвой перемирие, которое должны были заключить с султаном. Мы получили от всех и каждого из них такую же клятву, согласно их закону, соблюдать условия перемирия. Был назначен срок, когда будут возвращены пленные и город Дамьетта. Было не так уж легко договориться с султаном о возвращении этого места; и было не так уж легко договориться снова с эмирами. Так как у нас не было никакой надежды его сохранить после того, что сказали нам вернувшиеся из Дамьетты и знавшие истинное положение дел, мнение баронов Франции и многих других, то мы рассудили, что для христианского мира будет лучше, если мы и прочие пленные были бы освобождены благодаря перемирию, чем удерживать город с прочими находившимися в нем христианами, и при этом мы и другие пленные подвергались бы снова риску очутиться в плену: вот почему в назначенный день эмиры получили город Дамьетту, после чего отпустили на свободу нас и наших братьев и графов Фландрии, Бретани и Суассона, Гийома Дампьера, Пьера Моклерка и Жана де Неля и многих других баронов и воинов Французского королевства, Иерусалима и Кипра. Посему мы укрепились в чаяниях, что они вернут и освободят всех прочих христиан и что, согласно перемирию, сдержат свою клятву.

После этого мы покинули Египет, оставив там людей, которым было поручено принимать пленных из рук сарацин и охранять вещи, которые мы не могли увезти с собой, ибо транспортных судов не хватало. Прибыв сюда, мы отправили в Египет суда и уполномоченных, чтобы привезти пленных (ибо мы всецело озабочены доставкой этих пленных) и прочего, что оставили, как то: механизмы, оружие, шатры, известное количество коней и многое другое; но эмиры слишком долго удерживали уполномоченных в Каире и наконец выдали им всего четыреста пленных из двенадцати тысяч находившихся в Египте. Некоторые смогли освободиться из плена только за выкуп. Что касается прочего, то эмиры не пожелали ничего возвращать; но что особенно невыносимо после заключенного и скрепленного клятвой перемирия, так это то, что, как донесли наши уполномоченные и достойные доверия пленные, вернувшиеся из этой страны, они выбрали из числа пленных молодых людей, которых заставили, занеся меч над их головами, отречься от католической веры и принять закон Магомета, и многие из малодушия это сделали; но другие, как мужественные борцы, укрепившиеся в своей вере и не отступавшие от своего твердого решения, не устрашились угроз и ударов врагов и обрели венец мучеников. Их кровь, несомненно, вопиет к Господу за народ христианский, и они принесут больше пользы на небесах, чем если бы все еще жили на земле. Также мусульмане зарезали множество больных христиан, остававшихся в Дамьетте. Хотя мы соблюдали условия договора, заключенного с ними, и всегда были готовы и впредь соблюдать их, у нас нет никакой уверенности, что мы увидим на свободе христианских пленников и что нам вернут нам принадлежащее. Когда после заключения перемирия и освобождения мы обрели полную уверенность в том, что заморская страна, занятая христианами, останется в состоянии мира вплоть до окончания перемирия, мы изъявили желание и намерение вернуться во Францию. Мы уже повелели готовиться к походу, но, поскольку нам совершенно ясно из того, что мы только что поведали, что эмиры открыто нарушают перемирие и вопреки данной ими клятве несколько не боятся с презрением относиться к нам и к христианскому миру, мы собрали баронов Франции, рыцарей тамплиеров, госпитальеров и Тевтонского ордена и баронов Иерусалимского королевства и просили их совета о том, как поступить. Почти все считают, что, если мы уйдем в такой момент и покинем эту страну, то окажемся на грани

гибели, то есть оставим ее на произвол сарацин, тем более что она оказалась в столь плачевном и жалком состоянии, и что мы можем считать навсегда потерянными без всякой надежды на освобождение христианских пленников, попавших в руки врага. Напротив, если мы останемся, у нас будет надежда, что со временем наступит некоторое улучшение, пленные будут освобождены, мы сохраним замки и крепости Иерусалимского королевства и прочие блага для христианского мира, тем более что возникла распря между султаном Алеппо и правителями Каира. Этот султан, объединив свое войско, уже захватил Дамаск и несколько замков правителя Каира. Говорят, что он должен прийти в Египет, чтобы отомстить за смерть убитого эмирами султана и, если удастся, стать господином всей страны. Рассуждая так и сочувствуя Святой земле в ее скорбях, мы, пришедшие ей на помощь, оплакивая невольно и муки наших пленников, более склонны отсрочить возвращение и еще на какое-то время остаться в Сирии, хотя многие отговаривают нас от этого, и не отказываться совершенно от дела Христа и не подвергать наших пленников столь великому риску. Но мы решили отправить во Францию наших любезных братьев графов Пуатье и Анжуйского в утешение нашей горячо любимой госпожи и матушки и всего королевства. Поскольку все, кому имя христиане, должны ревновать к начатому нами делу, и особенно вы, потомки тех, кого Господь поставил народом, избранным для завоевания Святой земли, которую вы должны считать вашей собственностью, мы призываем вас служить тому, кто сослужил вам на кресте, пролив кровь свою ради вашего вечного спасения; ибо этот преступный народ не только богохульствует, на глазах народа христианского оскверняя Творца, но они разбивают крест, плюют на него и попирают его ногами в знак ненависти к вере христианской. Так смелей, воины Христовы! Вооружитесь и будьте готовы отомстить за этот позор и бесчестье. Берите пример с ваших пращуров, которым не было равных среди народов в делах ратных. Мы раньше вас вышли служить Богу; идите же к нам. Не важно, что вы придете позже, все равно Господь равно воздаст вам; ведь отец семейства, как говорится в Евангелии, воздал всем пришедшим работать на его винограднике в конце дня, равно как и пришедшим в самом начале. Пришедшие или оказавшие помощь, пока мы здесь, получают, кроме отпущения грехов, обещанного крестоносцам, любовь Бога и людей. Так готовьтесь же, и пусть те, в кого благодать Всевышнего вселит желание выступить в поход или послать помощь, будут готовы к ближайшему апрелю или маю. А те, кто не сможет успеть к этому первому походу, пусть выступят хотя бы в тот поход, который намечен на день святого Иоанна. Характер нашего предприятия таков, что требует быстроты, и любое промедление смерти подобно. А вы, прелаты и прочие слуги Христовы, помогите нам, вознося ко Всевышнему пламенные молитвы; распорядитесь, чтобы так было во всех подвластных вам местах, чтобы они тем самым снискали для нас благодать Божию, которой мы, грешные, недостойны.

Дано в Акре, в год от Рождества Господня 1250, в августе.

Последняя попытка крестоносцев осуществить поход в Святую землю (Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»)

Восьмой крестовый поход изначально был чисто французский и состоялся в 1270 г. под командованием Людовика IX. Это была последняя серьезная попытка европейцев вторгнуться в земли арабов.

Глава 19

ФАТАЛЬНЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

1267–1270 годы

Как-то во время Великого поста король созвал к себе в Париж всех сеньоров. У меня был повод не поехать из-за периодической лихорадки, из-за которой я страдал все это время, и я попросил его величество избавить меня от этой поездки. Тем не менее он сообщил, что настаивает на моем приезде, потому что в Париже хорошие врачи, которые знают, как лечить эту болезнь.

Так что я отправился в Париж. Но когда я прибыл в канун дня Святой Богородицы в марте, я выяснил, что никто, ни королева и никто другой, не могут объяснить, почему король вызвал меня. Случилось, что по Божьему велению я под утро уснул, и во сне привиделось мне, что король на коленях стоит перед алтарем. И несколько прелатов в рясах облачают его в ризу из красной реймской ткани.

После этого видения я послал за Гийомом, моим священником, очень мудрым человеком, и рассказал ему, что мне приснилось. «Мессир, – сказал он, – завтра вы увидите, что король возложит на себя крест». Я спросил его, почему он так думает, и он ответил, что все дело во сне, который я видел; потому что риза из красного реймского сукна знаменует собой Крест, а красен он от крови, которую Господь наш пролил из Его бока, Его ног и Его рук. «А поскольку риза из реймской саржи, – добавил он, – это говорит, что данный Крестовый поход принесет мало пользы, что вы сами увидите, если Господь дарует вам столь долгую жизнь».

Прослушав мессу в церкви Мадлен в Париже, я зашел в королевскую часовню, где и увидел короля. Он поднялся на возвышение, где хранились святые реликвии, и взял фрагмент подлинного Креста (на котором был распят Иисус Христос). Когда король спускался вниз, два рыцаря, которые были членами его совета, начали переговариваться друг с другом. «И снова не могу поверить, – сказал один, – что король не возложит на себя крест в этой часовне». – «В таком случае, – ответил другой, – для Франции это будет один из самых печальных

дней, которые доставались на ее долю, потому что если и мы не возложим на себя крест, то потеряем благоволение короля; а если мы это сделаем, то потеряем благоволение Господа, потому что мы это сделаем не ради Него, а чтобы не огорчить короля».

Так и получилось, что на следующий день король вместе с тремя своими сыновьями возложил на себя крест. И уже потом выяснилось, что этот Крестовый поход обернулся малой пользой, как и предсказывал мой священник.

Король Франции и король Наварры очень настойчиво уговаривали меня возложить крест. На это я ответил, что, пока я за морем служил Господу и королю, слуги его величества и короля Наваррского так обездолили и довели до нищеты моих людей, что ни они, ни я не были в худшем положении. Я сказал им, что если хочу делать то, что понравится Господу, то должен оставаться здесь, чтобы помогать своим людям и защищать их. Если я ясно вижу, что это только ухудшит их положение, а я подвергну свою жизнь опасности, пустившись в паломничество под знаком креста, то лишь разгневаю Господа нашего, который отдал жизнь ради спасения Своего народа.

Я считаю, что те, кто советовал королю отправиться в этот поход, совершили смертный грех. Потому что в данное время и в королевстве, и между Францией и ее соседями царит нерушимый мир, а если король Людовик покинет страну, то ее положение начнет меняться к худшему.

Это было великим грехом со стороны советчиков, которые видели, что физически король настолько слаб, что не мог самостоятельно ни сесть в седло, ни ехать верхом – на самом деле он был так слаб, что мне пришлось на руках нести его из дома графа д'Осера до аббатства францисканцев. И тем не менее, при всей своей немощности, останься он во Франции, он бы прожил подольше, сделал бы много добра и воплотил бы в жизнь много прекрасных идей.

Я не буду пытаться описывать путешествие короля до Туниса и рассказывать вам, что случилось, потому что – слава Богу! – я не принимал в этом участия и не испытываю желания вставлять в мою книгу то, в чем у меня нет абсолютной уверенности. Так что я буду говорить только о нашем праведном короле и расскажу, как после высадки в Тунисе, перед крепостью Карфаген, он стал жертвой желудочной лихорадки, а его старший сын Филипп слег в приступе малярии, отягощенной теми же симптомами, что и у его отца. Короля положили на ложе, чувствуя, что скоро он может покинуть этот мир ради другого.

Он послал за своим сыном, принцем Филиппом, и словно бы в виде завещания приказал соблюдать все указания, что он оставил ему. Вы можете сами прочитать их, написанные праведной рукой короля:

«Мой дорогой сын, первым делом я должен научить тебя посвящать свое сердце любви к Богу, ибо без нее никто не может быть спасен. Уберегай себя от любых поступков, которые могут огорчить Господа, то есть от смертных грехов. Вместо того чтобы совершить столь ужасный проступок, ты должен быть готов перенести любые страдания.

Если Бог подвергает тебя превратностям судьбы, принимай их терпеливо и благодари за них Спасителя нашего; понимай, что заслужил их, и надейся, что они послужат тебе на пользу. Если же, с другой стороны, Бог посылает тебе преуспевание, покорно благодари Его, чтобы ты не стал хуже от гордости, и, во всяком случае, такое благословение послужит тебе на пользу. Ибо мы не должны использовать Божьи дары для того, чтобы противостоять Ему.

Почаще ходи к исповеди и выбери в исповедники мудрого и праведного человека, который знает, как учить тебя тому, что ты должен и чего не должен. Всегда веди себя так, чтобы и твой исповедник, и твои друзья не боялись укорить тебя, когда ты действовал неправильно. Почтительно и истово слушай службы в святой церкви, не отвлекайся на разговоры. Пусть молитва к Богу будет в твоём сердце и на губах, и больше всего во время мессы в момент причастия. Пусть твоё сердце будет полно заботы и жалости к бедным, несчастным и страдающим; утешай их и помогай им всем, что в твоих силах.

Утверждай добрые обычаи в своих владениях и избавляйся от плохих. Не будь алчным в требованиях к своим подданным и не возлагай на них тяжелые налоги, за исключением случаев крайней необходимости.

Если на сердце тебе ляжет какая-то тяжесть, поговори о ней со своим исповедником или с каким-нибудь мудрым и понимающим человеком, речь которого отличается прямотой. И тогда тебе будет легче переносить свое беспокойство.

Заботься о тех, кто окружает тебя, будь то клирики или миряне, которые умны, прямодушны и преданны, и будь свободен от алчности. Почаще беседуй с ними, но отвергай и избегай общения с порочными людьми. Охотно слушай Слово Божье и храни его в сердце; истово соблюдай обещания и проявляй терпимость. Люби все, что хорошо и благостно, и ненавидь любое зло, где бы ты ни увидел его.

Пусть никто не осмелится в твоём присутствии сказать нечто, побуждающее людей к греху, или сделать такую предосудительную вещь, как плохо говорить о ком-то у него за спиной в стремлении унижить его. Также ты не должен позволять в твоём присутствии говорить то, что умаляет Господа и Его святых. Постоянно воздавай благодарности Богу за то добро, что Он дает тебе, чтобы ты был достоин и дальше принимать Его благоденствия.

Чтобы вести себя со своими подданными справедливо и беспристрастно, будь тверд и прямодушен, не склоняясь ни вправо, ни влево, а всегда следуя справедливости, и решай дело бедняка, пока не проявится истина. Если кто-то представит тебе иск, проводи полное расследование, пока не уяснишь правду; в таком

случае твои советники, имея перед собой все факты, смогут с большей уверенностью выносить решение, независимо, в твою ли оно пользу или нет.

Если в силу своих деяний или поступка предшественников в твоём владении оказалось то, что должно принадлежать другому, и его права безоговорочно доказаны, без промедления восстанови их. Если, с другой стороны, существуют какие-то сомнения, тщательно и глубоко расследуй их с помощью умных и знающих людей.

Ты должен уделять внимание и заботиться, чтобы при твоём правлении твои подданные жили в мире и справедливости. Кроме того, возводи в своих владениях хорошие города и обители с теми же условиями и привилегиями, которыми они пользовались при твоих предшественниках. Если что-то в них нуждается в реформах, то сделай все необходимое для них; и пусть они всегда пользуются твоим благоволением и любовью. Из-за богатства и мощи твоих больших городов, а не только твоих подданных твои крупные сеньоры, а также народы других стран не рискнут что-то предпринимать против тебя.

Люби и почитай всех, кто служит святой церкви, и следи, чтобы никого из них не лишили даров и пожертвований, преподнесенных им твоими предшественниками. Когда королю Филиппу, моему дедушке, один из его советников как-то сказал, что слуги святой церкви творят против него много несправедливостей, которые умаляют его права и покушаются на его власть – и это великое чудо, что он позволяет им так вести себя, добрый король ответил, что это, может, и правда, но, учитывая те благодеяния и многочисленные милости, которые Господь даровал ему, он думает, что лучше поступиться какими-то своими правами, чем вступать в спор со служителями святой церкви.

Почитай и уважай отца своего и мать и подчиняйся их указаниям. Даруй бенефиции людям достойного поведения и чистой жизни; делай это по совету достойных и почитаемых людей.

Опасайся без тщательного обдумывания вступить в войну с каким-либо христианским властителем; в нее должно вступать, лишь если ты убежден, что не нанесешь вреда святой церкви или лицам, которые не причинили тебе никакого вреда. В случае войн и раздоров между твоими подданными как можно быстрее установи мир между спорщиками.

Особенно заботься, чтобы у тебя были хорошие бейлифы и провосты, и часто расспрашивай о них, а также о людях, приписанных к твоему хозяйству, – как они ведут себя, не привержен ли кто-нибудь из них порокам чрезмерного корыстолюбия, лживости или недостойного поведения. Стремись изгонять из своих владений ненависть и недостойное поведение, и особенно делай все, что в твоих силах, для искоренения пороков богохульства и ереси. Позаботься, чтобы траты на твой двор держались в разумных пределах.

И наконец, мой возлюбленный сын, пусть по моей душе отпоют мессу и по всему королевству вознесут молитвы обо – мне; и пусть во всем том добре, что ты сотворишь, будет и моя доля. Мое дорогое дитя, я даю тебе все благословения, которые только любящий отец может дать своему сыну. Пусть Святая Троица и все святые оберегают и защищают тебя от всех зол; и пусть Бог дарует тебе милость всегда поступать в соответствии с Его желаниями, чтобы Он был почитаем через тебя и чтобы по окончании этой смертной жизни ты и я вместе смогли оказаться при Нем, вечно вознося Ему молитвы. Аминь».

Когда добрый король дал эти указания своему сыну, болезнь, которой он страдал, начала усиливаться. Он попросил причащения к Святым Дарам и в ясном сознании и здравом рассудке получил его. Это подтверждалось тем, что, когда священник провел миропомазание и стал произносить семь специальных псалмов, Людовик повторял за ним каждое слово.

Я слышал от его сына, графа д'Алансона, что, когда король был близок к смерти, он призвал всех святых помочь и поддержать его, и особенно святого Иакова, обращаясь с молитвой к этому апостолу, которая начинается словами «Esto Domine» и так далее — то есть «Да будет Святой Дух Господа нашего охранителем и спасителем люди твоя». Затем он обратился к своему покровителю святому Дени, покровителю Франции, и произнес молитву: «Господь наш, даруй нам презрение к благам этого мира, чтобы мы не боялись его напастей».

Я также слышал от графа д'Алансона – на котором почиет милость Господня, – как затем его отец воззвал к святой Женеьеве. Затем праведный король попросил, чтобы его положили на ложе, покрытое пеплом, где он скрестил руки на груди, устремил взор к небесам и вручил душу свою Создателю нашему. Все это происходило в тот же час дня, когда Сын Божий умер на кресте ради спасения мира.

Было благочестивой и достойной обязанностью оплакивать кончину этого праведного властителя, который правил своим королевством и оберегал его по справедливости и чести, который был так щедр и благороден, раздавая милостыню, и который заложил основу столь многих достойных деяний. И так же, как писец, перебеливая эту рукопись, украсил ее золотом и лазурью, так и король наш украсил свое правление многими прекрасными аббатствами, которые он возвел, большим количеством больниц и обителей для доминиканцев, францисканцев и других религиозных орденов, о которых я вам уже рассказывал.

После празднования Дня святого апостола Варфоломея в год от Рождества Господа нашего 1270-й добрый король Людовик ушел из этого мира. Его останки были уложены в гроб, доставлены во Францию и упокоились в храме Святого Дени, в том месте, которое он сам выбрал для своего погребения. У надгробия Людовика Господь с тех пор сотворил много удивительных чудес в его честь и по его заслугам.

Действия мусульман против крестоносцев на Святой земле Жан де Виллье, Письмо Гийому де Вилларэ (1291 г.)

Они (мусульмане) ворвались в город с разу со всех сторон рано утром и огромными силами. Мы и все братья ордена сопротивлялись у ворот Св. Антония, у которых сгрудилось так много сарацин, что мы не могли сосчитать их. Тем не менее, мы трижды разбили, отразили и отбросили их до места, называемого Проклятым (Проклятая башня). И при защите этого места, равно как и в боях в других местах, где братья сражались, защищая город, мы мало-помалу потеряли (убитыми) всех братьев. Среди других наш дорогой друг брат Мэттью Клермон упал мёртвым. Он был благородным, отважным и опытным в военных делах. Да смилостивится над ним Господь! В тот же день магистр тамплиеров так же скончался от смертельного ранения копьём. Да будет милосерден Господь к его душе!

В этот день я был поражён почти насмерть копьём между плечами, каковая рана представляет для меня написание этого письма весьма затруднительным

Между тем огромная масса сарацин прорвалась с город со всех стлорон, с суши и с моря, наступая вдоль стен, которые все были разбиты и проломлены, до тех пор, пока они не добрались до нашего укрытия. Наши сержанты, слуги, наёмники и другие крестоносцы лишились всякой надежды и бежали к кораблям, бросая по пути своё оружие и доспехи. Мы и наши братья, очень многие из которых были смертельно ранены, сопротивлялись и отражали неверных. В то время, как некоторые из нас лежали полумёртвыми, находясь в бессознательном состоянии, наши сержанты и наши домашние слуги явились и перенесли в безопасное место меня, смертельно раненного, и других, с великой опасностью для себя. Таким образом я и некоторые другие из братьев уцелели и спаслись. Большинство из них были изранены и избиты, без надежды на выздоровление. В день, когда написано это письмо, мы всё ещё находились там, с превеликой скорбью в сердце, объятые всеохватывающим горем.

4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

4.1. СОБЫТИЯ ДО 1492 ГОДА

Деятельность Генриха Мореплавателя

Генрих (Энрики, Энрике) Мореплаватель (4 марта 1394 г. – 13 ноября 1460 г.) – португальский инфант, сын короля Жуана I, организатор многих португальских морских экспедиций на юг вдоль западноафриканского побережья. Участвовал в захвате Сеуты (1415 г.), ставшей форпостом португальской экспансии в Африке. С 1418 г. обосновался на юге Португалии у города Лагуша и основал там обсерваторию. В городе Сагреше им была основана навигационная школа.

После смерти Генриха Мореплавателя наступил некоторый перерыв в продвижении португальцев на юг. Однако его деятельность во многом заложила основы морского и колониального могущества Португалии.

О деятельности Генриха Мореплавателя рассказывается в сочинении Гомиш Ианниш де Зурара «Хроника достославных событий, кои произошли при завоевании Гвинеи по приказу инфанта дона Энрики»

(Гомиш Ианниш де Зурара, «Хроника достославных событий...», V)

ГЛАВА V.

В коей кратко излагаются достославные дела, что инфант дон Энрики свершил во имя служения Богу и славы королевства.

С чего же еще мог бы я лучшим образом положить почин главе сей, как не с того весьма славного завоевания, коим был покорен великий город Септа, от каковой знаменитой победы небеса ощутили славу, а земля – пользу? Представляется мне, что то есть слава необычайная для святой коллегии небесных добродетелей – столько святых жертв со столь священными церемониями, сколько до сего дня было содеяно в том городе, во славу Христа, нашего Господа, и милостью Его будет [совершаться] всегда. Ибо пользе, [тою] землею полученной, Восток и Запад суть весьма явные свидетели, когда [ныне] жители их могут обменивать добро без большой опасности для своих товаров – ведь, без сомнения, невозможно отрицать, что город Септа есть ключ ко всему Средиземному морю.

1120 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

В каковом завоевании сей принц был предводителем весьма большого и могучего флота, и, как храбрый рыцарь, лично трудился в день, когда она [Септа] была завоевана у мавров; под началом коего [принца] находился граф Барселуш, внебрачный сын короля, и дон Фернанду, сеньор Браганский, племянник его, и Гонсалу Вашкиш Котинью, бывший великим и могущественным фидалгу; и, равным образом, многие иные сеньоры и фидалгу со всеми своими людьми, и иные, что примкнули к оному флоту из трех комарок, scilicet, из Бейры, Трал-уж-Монтиш и Энтри-Дору-и-Минью.

И первым королевским полководцем, захватившим землю близ стен Септы, был сей, о коем я пишу, а квадратное его знамя – первым пронесенным чрез городские ворота, от тени какового [знамени] сам он был неподалеку. И удары его оказались в тот день выдающимися среди всех прочих, ибо на протяжении пяти часов сражался он не переставая, и ни зной, бывший весьма великим, ни тяготы [сего] труда не смогли заставить его удалиться на отдых. В каковом промежутке [времени] он вместе с четырьмя своими сопровождавшими (ибо из прочих, что должны были за ним следовать, одни были рассеяны из-за обширности сего города, другие же не могли туда прибыть по причине ворот, чрез кои инфант с теми четверыми прошел обратно вместе с маврами, каковые ворота охранялись иными маврами, что пребывали поверх стен) около двух часов удерживал иные ворота, по другую сторону тех, что находятся между двумя поселками, на повороте стены в тени замка, ныне называемые воротами Фернандфонсу. При сем была там задержана большая часть мавров, покинувших другой поселок, со стороны Алмины, там, где был совершен вход в город; и, наконец, невзирая на огромное множество врагов, они закрыли те ворота. Был ли празден труд их, или же нет, ясно можно было видеть по числу павших, что лежали распростертыми по всей той земле.

И в сем городе был инфант сделан кавалейру [рыцарем], весьма почетно, рукою отца своего, в день освящения кафедральной церкви, вместе братьями своими.

И состоялось завоевание города, в четверг, двадцать первого дня месяца августа, в год Христа тысяча четыреста пятнадцатый.

И тотчас по возвращении, предпринятом королем доном Жуаном в свои королевства, в одном месте в Алгарви утвердил он сего славного принца в герцогском достоинстве, со своим сеньоратом.

И затем, по прошествии трех лет, пришла на оный город великая мощь мавров, каковые впоследствии были исчислены алфакеки в сто тысяч. Ибо были там люди королей Фецского, Граадского [Гранадского], Тунисского, Марокканского и Бугийского, со многими [военными] машинами и артиллерией, с коими думали они завоевать оный город, осадив его с моря и с суши. Каковому [городу] на помощь сей инфант прибыл весьма скоро, вместе с двумя своими братьями, scilicet, инфантом доном Жуаном и графом Барселушем (каковой затем стал герцогом Браганским), со многими иными сеньорами и фидалгу, и собрав большой флот. И, учинив великое избиение среди мавров, город же освободив и восстановив, вернулся он с великою почестью в Португалию не весьма, впрочем, удовлетворенный победою, ибо ему не представилось случая завоевать поселок Гибралтар, к чему уже приказал он готовиться. И главною причиною его препятствия [в сем предприятии] была ненастность зимы, в начале коей они тогда находились, ибо, сколь бы ни была обычна опасность, кою представляет в это время море на всем своем пространстве, там оно гораздо более опасно по причине великих течений.

Также снарядил он весьма великую армаду против островов Канарии, с намерением указать им путь к святой вере.

И затем, в царствование короля дона Эдуарти, он, по его приказу, в третий раз переправился в Африку, в каковой осадил город Танжер и прошел с простертыми знаменами девятнадцать лиг по земле своих врагов, и держал его [города] осаду двадцать два дня, в течение коих были свершены весьма выдающиеся дела, достойные великой памяти, не без великого урона для противников, как о том в истории королевства вы лучше можете узнать.

Он управлял Септою по велению королей, своих отца, брата и племянника, тридцать пять лет, с такою дальновидностью, что никогда по упущению его корона королевства не претерпевала урона для своей чести. И, наконец, по причине великих своих трудов, он оставил оное правление королю дону Афонсу, в начале его царствования. И, после того, как оный город был взят, постоянно выводил он снаряженные корабли в море против неверных, каковые причинили весьма большие разрушения на побережье по ту и по эту сторону [пролива], таким образом, что страх перед ними держал в безопасности все соседние земли в море нашей Испании, и даже большую часть купцов, что торговали от Востока до Запада.

Он приказал заселить в великом море Океане пять островов, каковые на время составления сей книги имели умеренное число поселенцев, в особенности остров Мадейра. И как от сего, так и от прочих [островов] ощутили наши королевства великую пользу, scilicet, в виде хлеба, сахара, меда, воска, дерева и многих иных вещей, от коих не только наше королевство, но также и чужеземные получали и получают великие прибыли.

Отправился также инфант дон Энрики вместе с королем доном Афонсу, своим племянником, в [числе] того воинства, что собрал он против инфанта дона Педру, вслед за чем последовала битва при Алфарробейре, в каковой оный инфант [дон Педру] был убит, а граф Дабраншис, бывший с ним, и все войско его разгромлены; и там, коли достаточно для того моего разумения, воистину могу сказать я, что преданность людей всех веков была ничем в сравнении с его [преданностью]. И хотя [здесь] услуга его не была соразмерна в том, что касается

труда, с теми [услугами], о коих уже мною сказано, поистине, обстоятельства придают ей блеск и величие над всеми прочими, о чем полное оглашение я оставляю для общей истории о делах королевства.

Сделал он также весьма великие приумножения для ордена Христа, чьего рыцарства был он управителем и наместником властью святого отца [папы], каковой даровал ему все церковные доходы над островами; и в королевстве купил он земли, из коих создал новые коменды, не считая домов и имений, кои присоединил к оному ордену. И добавил он в монастыре две весьма красивые крытые галереи и одни высокие хоры с многочисленными и богатыми украшениями, каковые [пристройки] предоставил в его пользование.

И, будучи большим почитателем девы Марии, приказал он построить в честь ее весьма благочестивый молитвенный дом в одной лиге от Лиссабона, близ моря, в месте, называемом Рештелу, посвящение коего [дома] звучит как «Святая Мария Беленская». И в Помбале и в Сори, приказал он [также] построить две весьма выдающиеся церкви.

Он оставил весьма благородные дома городу Лиссабону, и ему доставляло удовольствие оказывать [им] свое покровительство во имя большей славы святых писаний. И повелел он, дабы всегда выдавалось кафедре теологии по десять марок серебра ежегодно. И одной своей часовне, Святой Марии Победоносной, тем же образом выдавал семь марок; однако должна ли была сия сумма быть увеличена после его кончины, в настоящем мне о том не ведомо, ибо к тому времени, когда король дон Афонсу повелел написать сию книгу, он был еще жив, в возрасте немногим менее шестидесяти лет, и посему я не могу поведать до конца о благодеяниях его, ибо по нраву своему был он велик для того чтобы всегда творить благие дела; уверен я, что члены могут ослабнуть вследствие течения времени, но воля никогда не может быть мала или же слаба для того, чтобы творить и завершать множество благих дел, пока душа имеет связь с телом. И сие воистину могли узнать те, кто видел его готовым и почти взшедшим на корабли для того, чтобы отплыть в Септу, с намерением завершить там свою жизнь, трудясь оружием своим во славу королевства и возвеличивания святой веры, ибо в таком образе действий всегда желал он закончить дни свои; каковую вещь не стал он тогда претворять в жизнь, ибо король договорился со своим советом воспрепятствовать его путешествию, хоть прежде и дал ему [на то] дозволение. И хотя основная причина сего большинству неведома, кое-что смогли постичь некоторые сведущие люди не из членов главного совета, а именно, что сеньор король как человек величайшей осмотрительности, принимая во внимание великие дела, что в королевстве должны были быть свершены, повелел ему остаться, дабы при выборе средств оставить за ним решающий голос, как за своим дядей, особым другом и слугою. Однако не столь важно, остался ли он по сей причине или же какой-либо иной, лежащей за пределами нашего знания; достаточно и того, что чрез сей порыв вы можете познать основную долю конечного его намерения, чего с основанием должен ожидать я относительно уже мною сказанного.

Есть среди сих дел и многие другие, умеренного величия, кое иного [мужа], не обладающего превосходством сего [принца], могло бы удовлетворить; о каковых [делах] я храню молчание, дабы не отдалять моего писания, от того, что обещано было мною вначале; не то, чтобы, однако, я хотел умолчать обо всех, ибо в общей хронике королевства я намерен коснуться их каждого в своем должном месте.

И так же как положил я начало сей главе с завоевания города [Септы], я хочу положить ей конец на [рассказе о] том благородном поселке, что сей принц повелел заложить на мысе Сан-Висенти, там, где сходятся оба моря, scilicet, великое море Океан с морем Средиземным. Однако о совершенствах сего поселка я не могу говорить много, ибо во время написания сей книги в нем были одни только стены, имевшие добрую прочность, с некоторыми немногими домами, однако же трудились над ним постоянно. И, согласно общему разумению, инфант хотел устроить там особый поселок для купеческой торговли и для того, чтобы все корабли, идущие с Востока на Запад, могли бы сделать там остановку и отыскать провизию и лоцманов, как делают в Калесе, коего порт далеко не столь же хорош, как сей, ибо здесь корабли получают укрытие от всех ветров (за исключением лишь одного, что мы в сем королевстве зовем «травессия»); и тем же образом при всех [ветрах можно] выйти, в любое время, когда мореход пожелает.

И слышал я, что, когда заложен был сей поселок, давали за него большую цену генуэзцы, каковые, как вам известно, суть люди, что никогда не употребляют своих денег без определенной надежды на прибыль. И хотя оный поселок называли некоторыми иными именами, полагаю я, что ему пристало называться, сообразно намерению того, кто приказал его возвести, «Поселком Инфанта», ибо сам он так именовал его, как изустно, так и письменно.

(Гомиш Ианниш де Зурара, «Хроника достославных событий...», VII, ХСVI)

ГЛАВА VII.

В коей показываются пять причин, подвигнувших сеньора инфанта повелеть отыскать земли Гвинейские.

Тогда лишь мним мы, что знаем какую-либо вещь, когда известны нам ее создатель и причина, по коей произвел он подобное творение. И так как в предшествующих сему главах мы представили сеньора инфанта как главного вершителя сих дел, дав о нем столь ясное представление, какое только могли, будет добро, чтобы в сей настоящей главе мы узнали цель, ради коей он их содеял.

1122 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

И надлежит вам добро наблюсти, что великодушие сего принца вследствие естественной стесненности всегда звало его начинать и завершать весьма великие деяния, по каковой причине после взятия Септы всегда выводил он, раз за разом, снаряженные корабли против неверных; и [также] потому, что имел он желание узнать землю, лежащую по ту сторону островов Канарии и мыса, называемого Божадор, ибо до того времени ни по записям, ни по памяти каких-либо людей не было с определенностью ведомо свойство земли, распространявшейся по другую сторону одного мыса.

Правда то, что некоторые утверждали, будто там проходил святой Брандан, иные же говорили, что туда отправились две галеры и никогда более не вернулись. Однако мы никоим образом не находим, чтобы сие могло случиться, ибо нельзя полагать, что если оные галеры туда отправились, то какие-либо иные корабли не позаботились бы (*se nao antremeteram*) разведать путь, ими проделанный. И поскольку оный сеньор [инфант] пожелал узнать о сем правду, – ибо показалось ему, что если он или какой-либо иной сеньор не потрудится узнать сего, то никакие моряки и купцы никогда сим не озаботятся (ведь ясно, что никто из сих никогда не потрудится плыть иначе как туда, где они наверняка ждут выгоду), – а также видя, что никакой иной князь не трудился над сим, послал он в те края свои корабли, дабы иметь обо всем очевидное свидетельство, подвигаемый к сему службою Богу и королю дону Эдуарти, своему господину и брату, что в то время царствовал.

И, до сего, была то первая причина его побуждения.

Второю было его суждение о том, что буде в тех землях отыщется какое-нибудь христианское население или гавани, куда можно будет заходить без опасности, то станет возможным завозить в сии королевства множество товаров, кои найдут хороший сбыт, согласно здравому суждению, ибо с ними не торговали иные люди сих краев, а равно и никаких иных, кои были бы известны; и что они [португальцы] равным образом смогли бы вывозить восвосяи [товары] из тех, что в сих королевствах будут, каковыми торговля великую прибыль принесет [нашим] уроженцам.

Третья причина была та, что утверждалось, будто мощь мавров в той земле Африканской была гораздо более великою, нежели обычно думалось, и что не было среди них ни христиан, ни какого-либо иного рода; и поскольку всякий рассудительный человек естественным благоразумием понуждаем к тому, чтобы стремиться узнать могущество врага своего, потрудился оный сеньор повелеть о сем разузнать, дабы с определенностью ведать, до каких пределов простиралось могущество тех неверных.

Четвертая причина была та, что за тридцать один год, в течение коих воевал он с маврами, ни разу не встретил он христианского короля или сеньора вне сей земли, каковой из любви к нашему Господу Иисусу Христу пожелал бы ему в сей войне помочь; и желал он узнать, найдутся ли в тех краях какие-нибудь христианские князья, в коих милосердие и любовь к Христу окажутся столь сильны, что они пожелают помочь ему против тех врагов веры.

Пятою причиною было великое его желание приумножить святую веру нашего Господа Иисуса Христа, и привести к ней все души, кои пожелают спастись, ибо ведал он, что все таинство воплощения, смерти и страстей нашего Господа Иисуса Христа было содеяно ради сей цели, *scilicet*, ради спасения заблудших душ, каковы оный сеньор желал своими трудами и издержками привести на истинный путь, ведая, что не сделать тем Господу большего одоления.

И коли Бог обещал сто благ за одно, справедливо будет нам поверить, что за столько благ, *scilicet*, за столько душ, сколько чрез посредство сего сеньора было спасено, имеет он в царстве Божьем столько сотен наград, что душа его после сей жизни может быть восславлена в царстве небесном; ибо я, что сию историю написал, зрел столько мужчин и женщин из тех краев, обратившихся ко святой вере, что даже если бы сей принц был язычником, молитв сих [людей] было бы достаточно, чтобы привести его к спасению. И не только сих [людей], но и детей их и внуков видел я столь истинными христианами, как если бы божественная благодать вдохновляла их, дабы дать им ясное познание самой себя.

Однако сверх сих пяти причин есть у меня и шестая, каковая, как представляется, есть корень, от коего все прочие происходят; и сие есть наклон небесных сфер. Ибо, как я писал не так уж и много дней тому назад в письме, отправленном мною сеньору королю, хотя и написано, что сведущий муж будет владычествовать над звездами и что пути планет, согласно верным расчетам святых докторов, не могут повредить (*empreser*) доброду человеку, очевидно, все же, что [планеты] суть тела, посвященные в таинство нашего Господа Бога, и движутся по определенным измерениям и с разнообразными целями, раскрываемыми людям Его благодатью, каковых [планет] влияниями самые низкие из тел склоняемы бывают к определенным страстям. И, говоря как католики, коли верно то, что враждебным предопределениям небесных сфер, по естественному суждению, при некоторой божественной благодати можно воспрепятствовать, то гораздо более здраво то, что те [из сфер], кои предопределены с пользою, тою же самой благодатью не только последуют своим путем, но даже еще более приумножатся. Посему я желаю также описать вам здесь, как под воздействием естественного влияния сей славный принц имел наклонность к сим делам.

И сие было оттого, что его асцендентом был Овен, каковой есть дом Марса и экзальтация Солнца, и его господин пребывает в одиннадцатом доме, сопровождаемый Солнцем. И поскольку оный Марс пребывал в Водолее, каковой есть дом Сатурна, и в доме надежды, [сие] означало, что сей сеньор будет трудиться над высокими и могучими завоеваниями, особенно же над поисками вещей, кои были сокрыты прочим людям, и

потаенны, согласно свойству Сатурна, в доме коего он пребывает. И так как он был сопровождаем Солнцем, как я сказал, и Солнце при том находилось в доме Юпитера, [сие] означало, что все его договоры и завоевания будут воплощены в жизнь с преданностью и к удовольствию его короля и господина...

ГЛАВА XCVI.

В коей автор объявляет о том, сколько душ было привезено в сие королевство с начала сего завоевания.

В начале сей книги изложил я пять причин, по коим наш великодушный принц в ходе труда по сему завоеванию был подвигнут на то, чтобы столько раз посылать свои корабли. И поскольку о четырех причинах, как мне представляется, дал я вам достаточно знания в главах, где говорил о распределении краев Востока, мне остается сказать о пятой, дав точное число душ неверных, что из тех земель прибыли в сию благодаря доблести и таланту нашего принца; каковые сочтя, я обнаружил, что их было девятьсот двадцать семь, из коих, как я сказал вначале, большая часть была обращена на истинный путь спасения.

Теперь же взгляните на число колен, кое от сих [душ] могло произойти, и на то, какое взятие города или поселка могло бы принести почесть большую, нежели сия, о коей я до настоящего времени писал; ибо, помимо сих [душ] и тех, что от них произошли и до конца мира могут произойти, много больше иных прибыло впоследствии, как вы в следующей книге сможете узнать. Ибо нам было необходимо положить здесь конец деяниям сего года от рождества Христова 1448-го, поскольку в сию пору обрел король дон Афонсу Португальский, пятый по имени и двенадцатый в порядке властвования, в полной мере управление своими королевствами, пребывая уже в возрасте семнадцати лет, женатый на весьма добродетельной и славнейшей принцессе донне Изабел, каковая была дочерью инфанта дона Педру, герцога Коимбрского и сеньора Монтемора, что в предыдущие годы правил королевством от имени короля, как в некоторых частях сей истории нами было сказано и как вы гораздо более совершенно найдете в общей хронике королевства.

Полагая, что все прочие дела почти что начинались тогда [заново] вместе с новым правителем, мы сочли разумным, чтобы [в сем месте] брали начало и все книги о его деяниях и историях. И, затем, поскольку нам показался достаточным сей том, уже нами написанный, мы кладем здесь конец, как уже сказано, с намерением написать иную книгу, каковая дойдет до конца деяний инфанта, хотя последующие дела и не были свершены с таким трудом и отвагою, как предыдущие; ибо после сего года и далее деяния в тех краях всегда совершались более путем торговли и договоров, нежели отвагою и ратным трудом.

(Гомиш Ианниш де Зурара, «Хроника достославных событий...», VIII-X)

ГЛАВА VIII.

По каковой причине корабли не отваживались проходить за мыс Божадор.

Возымеv, таким образом, сие побуждение, согласно основаниям, о коих вы уже слышали, инфант начал готовить свои корабли и людей, каковых надобность для такого случая требовала; однако в равной мере можете вы узнать, что, сколь бы много раз ни посылал он туда – и даже людей, кои по опыту великих деяний среди прочих имели в ратном деле выдающееся имя, – так и не нашлось никого, кто отважился бы пройти тот мыс Божадор, дабы узнать о земле по другую сторону, как того желал инфант. И сие, говоря по правде, было не вследствие недостатка твердости или доброй воли, но вследствие новизны дела в сочетании с общею и стародавнею славой, каковая передавалась среди моряков Испании едва ли не из поколения в поколение. И хотя бы она и была обманчива, но поскольку сие испытание грозило уроном предельным [смертью], то велики были сомнения насчет того, кто первым пожелает положить жизнь свою в подобном приключении.

– Как пройдем мы, – говорили они [моряки], – пределы, установленные отцами нашими, и какую выгоду может принести инфанту погибель наших душ, вместе с телами, ибо сознательно сделаемся мы [тогда] убийцами самих себя? Разве не было в Испании иных князей и сеньоров, столь же жаждущих сего знания, как инфант, наш господин? Поистине, нельзя сомневаться в том, чтобы среди стольких и столь благородных [сеньоров], столь великие и высокие деяния свершивших во славу памяти своей, не нашлось кого-нибудь, кто сим [делом] не озаботился бы. Однако, воочию узрев опасность и не имея надежды на славу и выгоду, они оставили сие [предприятие].

– Ведь то ясно, – говорили [далее] моряки, – что там, за сим мысом, нет ни людей, ни какого-либо поселения; земля не менее песчаная, нежели пустыни Ливийские, где нет ни воды, ни дерева, ни зеленой травы; море же столь мелко, что в одной лиге от земли не достигает в глубину и одной сажени. Течения же таковы, что всякий корабль, там прошедший, никогда уже не сможет вернуться. Посему наши предшественники никогда не озабочивались тем, чтобы пройти его; и, поистине, немалым мраком было скрыто для них знание о сем [мысе], когда не смогли они нанести его на карты, коими управляются все моря, где люди могут плавать.

– Теперь, каков же, по-вашему, должен быть капитан корабля, пред коим были бы изложены подобные сомнения (да к тому же еще и людьми, коих с основанием следует наделять доверием и авторитетом в подобных местах), но каковой все же отважится на подобную дерзость, при столь верном ожидании смерти, каковое ему пред очами явили?

«О ты, дева Фемида (Примечание оригинала. Дева Фемида. Надлежит знать, что вблизи горы Парнас, каковая находится посередине между Востоком и Западом, есть два холма, кои соперничают с облаками. И в

одном из них находилась пещера, в каковой во времена язычников Аполлон давал ответы неким девам-жрицам, кои служили в храме, имевшемся там [для] оного Аполлона. И жили те девы вблизи источников горы Касталий. Среди каковых дев была та дева Фемида, кою некоторые почитали за одну из Сивилл. И говорят, что так страшались те девы войти в ту пещеру, что без весьма великого принуждения не дерзали сего делать, как рассказывает Лукан в пятой книге и шестой главе, где говорит об ответе, что получил консул Аппий об исходе войны между Цезарем и Помпеем), – говорит автор, – что среди девяти муз горы Парнаса имела особую привилегию выведывать тайны пещеры Аполлоновой, – сомневаюсь я, что столь же велик был страх твой пред тем, чтобы поставить стопы свои на тот священный стол, где божественные откровения доставляли тебе труд лишь немногим меньший, нежели смерть, сколь был он в сих [морях], коим угрожал не сам страх, но лишь тень его, коих великое заблуждение было причиною весьма великих издержек, ибо двенадцать лет непрерывно продолжал инфант сей труд, посылая каждый год в тот край свои корабли, много тратя из доходов своих, в каковые [годы] так и не нашлось никого, кто дерзнул бы совершить сей проход.

Правда то, что они не возвращались без почести, ибо, дабы исправить то, в чем терпели неудачу, не выполняя в совершенстве веление своего господина, одни отправлялись [войной] на побережье Граады, иные бороздили море Левантийское до тех пор, пока не захватывали большую добычу у мавров, с кою с почетом возвращались в королевство».

ГЛАВА IX.

Как Жил Ианиш, уроженец Лагуша, стал первым, кто преодолел мыс Божадор, и как он снова туда вернулся, а вместе с ним Афонсу Гонсалвиш Балдая.

С великим терпением неизменно встречал инфант тех, кого таким образом посылал капитанами своих кораблей в поисках той земли, не выказывая им какого-либо порицания за их недостаточность, но с благосклонною приветливостью выслушивал о выпавших на их долю происшествиях (aquecimientos), оказывая им [затем] те милости, какие имел обыкновение оказывать добро ему служившим. И тех же, либо каких-нибудь иных избранных [людей] (especiais) своего дома посылал он вернуться [туда] обратно, с их снаряженными кораблями, с каждым разом все более приумножая поручение, обещая все большие награды, буде прибавят они что-нибудь к путешествию, свершенному первыми, дабы мог он получить какое-нибудь знание для разрешения того сомнения.

И, наконец, спустя двенадцать лет, приказал инфант снарядить барку, капитаном коей поставил некоего Жила Ианиша, своего эскудейру (коего впоследствии сделал кавалейру и принял весьма добро), каковой, следуя тому же пути, что и прочие, обуреваемый тем же страхом, доплыл не далее островов Канарии, откуда доставил некоторых пленников, с коими и возвратился в королевство. И было сие в год Иисуса Христа тысяча четыреста тридцать третий.

Однако затем, на следующий год, приказал инфант снова снарядить оную барку; и, отозвав Жила Ианиша в сторону, много наказывал ему, дабы он все же потрудился пройти тот мыс; и что, даже если ничего больше не свершит в то путешествие, пусть почитает то достаточным.

– Вы не можете, – сказал инфант, – отыскать опасность столь огромную, в сравнении с кою надежда на награду не была бы многократно большею. И, по правде, изумляюсь я, что была то за выдумка, чрез кою прониклись вы все верою в нечто столь малодостоверное, ибо, коли сии вещи, что говорятся, имели хотя бы какой-нибудь авторитет – сколь бы мал он ни был, – то не возлагал бы я на вас такую вину. Однако вы хотите сказать мне, что [вы прониклись сей верой] вследствие мнения четырех моряков, каковые прибыли по пути из Фландрии или какого-то иного порта из тех, куда обычно они плавают, и не умеют более пользоваться ни стрелкой, ни мореходной картой. Посему все равно отправляйтесь и не страшитесь мнения их, совершая путешествие ваше, ибо, с Божьею милостью, вы привезете из него только почет и выгоду.

Инфант был человеком весьма большого авторитета, коего вследствие его выговоры, хотя бы и были мягки, в людях благоразумных вызывали весьма великие упреки совести, как это проявилось и в сем [муже], каковой после сих слов решил по собственной воле не возвращаться более пред лицо своего господина без точного сообщения о том, за чем он его посылал. И так он действительно и сделал, ибо в том путешествии, презрев всякую опасность, обогнул он мыс с другой стороны, где обнаружил, что дела обстояли весьма противно тому, что он и прочие до того полагали.

И хотя бы [сие] деяние, в том, что касается свершения, было малым, вследствие одной лишь отваги было оно почтено за великое. Ибо коли первый, кто оказался близ того мыса, сделал бы то же, он не был бы так же восхвален и отблагодарен; но так же, как и опасность [сего] дела прочих привела в величайший страх, то и величайшую же почесть принесло свершение его.

О том же, доставило ли Жилу Ианишу происшедшее с ним какую-либо присущую лишь ему одному славу, ясно должно быть ведомо по словам, сказанным ему инфантом перед отбытием; какового [Жила Ианиша] истинный опыт был достаточно очевиден во время его прибытия, ибо был он им [инфантом] весьма добро принят, не без выгодного приумножения в почести и состоянии.

И тогда поведал он ему [инфанту] обо всем деле, как оно прошло, рассказав, как приказал он спустить на воду лодку, из каковой вышел на землю, где не обнаружил никаких людей и признаков населенности.

– И поскольку, сеньор, – молвил Жил Ианиш, – мне показалось, что я должен доставить какую-нибудь принадлежность [той] земли, ибо я сходил на нее, собрал я сии травы, представляемые мною здесь вашей милости, каковые мы в сем королевстве зовем розами святой Марии.

И по окончании, таким образом, рассказа о путешествии, повелел инфант снарядить баринел, в коем отправил Афонсу Гонсалвиша Балдаю – каковой был его виночерпием, – а также Жила Ианиша с его баркою, приказав им снова туда вернуться, как они и сделали.

И по ту сторону мыса преодолели они пятьдесят лиг, обнаружив там землю без домов, а также следы людей и верблюдов. И – потому ли, что так им было приказано или же вследствие необходимости – возвратились они с сим сообщением, не содеяв ничего иного, о чем следовало бы поведать.

ГЛАВА X.

Как Афонсу Гонсалвиш Балдая прибыл на Золотую реку.

– Что ж, коли вы отыскиали следы людей и верблюдов, – сказал инфант тому Афонсу Гонсалвишу Балдае, – то весьма представляется, что население пребывает не очень далеко оттуда; или, может статься, это люди, переправляющиеся со своими товарами в какую-нибудь морскую гавань, в коей имеется некая надежная якорная стоянка, где корабли принимают груз. И так как они – люди, то, сколь бы звероподобными ни были, по необходимости должны зависеть от морской добычи – по крайней мере, в том, что касается рыбной ловли; и тем более те из них, кто живет в глуби. Посему я намерен отправить вас туда снова, в том же самом баринеле. И, равным образом дабы вам сослужить мне службу и приумножить славу вашу, я наказываю вам пройти так далеко, как только сможете, и потрудиться добыть толмача из тех людей, захватив кого-нибудь, чрез кого вы могли бы о сем точно узнать – ибо, согласно моему желанию, немалым достижением будет раздобыть какого-нибудь человека, чрез коего можно будет получить о сем знание.

Корабль был весьма скоро приготовлен, и в нем отбыл Афонсу Гонсалвиш Балдая – не без великого желания исполнить волю инфанта.

И, следуя своим путем, проплыли они на семьдесят лиг далее того места, коего достигли в прошлый раз, что составило сто двадцать лиг от мыса [Божадор], где нашли устье словно бы от речного потока (rio cabedal), где было много добрых якорных стоянок, в каковое [устье] вход углублялся в землю на восемь лиг; где они и бросили свои якоря.

И поскольку среди вещей, что вез Афонсу Гонсалвиш, были также две лошади, данные ему инфантом с тем, чтобы отправить на них двух юношей, то тотчас приказал он свести лошадей на берег; и прежде, нежели какие-либо иные люди сошли с корабля, приказал он юношам, дабы проехали они верхом на тех лошадях и прошли бы по земле так далеко, как только смогут, всюду высматривая, не будет ли какого-нибудь поселения или людей, едущих каким-либо путем. И дабы не давали они лишнего труда ни себе, ни лошадям, велел он им не брать с собой никакого защитного оружия, а только их копья и мечи, чтобы нападать, буде придется. Ибо, коли повстречают они людей и те пожелают их захватить, главное их спасение будет заключаться в ногах их лошадей – если только не встретят одного лишь [человека], коим без опасности для себя смогут воспользоваться.

И ясно показали юноши по свершении того деяния, что за люди находятся далее. Ибо, хотя и пребывали они столь далеко от своей земли, не ведая, каких людей и в каком числе встретят, не говоря уже о страхе перед дикими зверями, чья страшная тень должна была препятствовать им, учитывая их юный возраст (ибо каждому из них было приблизительно не более семнадцати лет от роду) – все же, отставив все сие, отбыли они с великою отвагой, проследовав вдоль той реки на семь лиг, где встретили девятнадцать человек, собравшихся все вместе толпою, не имевших никакого иного оружия для защиты или нападения, кроме азагай. И как только увидели их те юноши, то с великим мужеством двинулись на них. Однако те неведомые люди, хотя и было их столько, не возмели храбрости сойтись с ними на равнине, но ради своей безопасности укрылись среди некоторых скал, где и сражались с юношами на протяжении доброго промежутка [времени]. И в продолжение их схватки был ранен один из тех юношей в ногу, каковая рана, хотя и была малою, не осталась неотомщенной, ибо они также ранили одного из противников. И таким образом продолжали они свою битву до тех пор, пока солнце не стало подавать приметы ночи, по каковой причине они вернулись на свой корабль. И я весьма уверен, что урон от битвы не был бы столь мал, коли враги пребывали бы на равнине.

«Две вещи заставляют меня задуматься здесь, – говорит тот, кто написал сию историю. – Первая – что за измышление представилось воображению тех людей при виде подобной новизны, scilicet, двух таких отважных юношей, цветом [кожи] и чертами столь им чуждых; или что могли они думать о деле, туда их приведшем, и, к тому же, верхом на лошадях, с копьями и мечами, кои суть оружие, некоторыми из них ранее никогда не виданное! Поистине, думается мне, нерешительность их сердец, по каковой не схватились они с ними с большим мужеством, не была бы столь велика, если бы не страх перед новизною.

Вторая вещь – это отвага тех двух юношей, кои, находясь таким вот образом в чужой земле, столь далеко от поддержки своих товарищей, возмели все же смелость одолеть подобное число [врагов], коих умение в искусстве сражаться было для них столь неопределенно.

Одного из сих юношей знал я впоследствии, когда был он уже знатным фидалгу, весьма доблестным в ратном деле. И звался он Эйтор Омен, какового в хронике королевства найдете вы испытанным в великих

деяниях. Другого звали Диегу Лопиш Далмейда [Диогу Лопиш ди Алмейда], [и был он] фидалгу и добрый муж по своему нраву, согласно выясненному мною у некоторых из знавших его».

Таким образом, те [двое] продолжали свой путь к кораблю, как мы рассказали, к каковому прибыли незадолго до утра и немного там отдохнули.

И как только стало светать, Афонсу Гонсалвиш приказал приготовить свою лодку, в каковую поместился с некоторыми людьми. И, проследовав вдоль той реки, отправив юношей с лошадьми по земле, достиг он места, где мавры были предыдущим днем, с намерением сразиться с ними и захватить какого-нибудь. Однако труд его был напрасен, ибо ужас был столь велик, что [мавры], хотя и были оставлены юношами, не смогли избыть великий страх, с каковым и бежали, бросив там большую часть скудного своего имущества, коим Афонсу Гонсалвиш приказал нагрузить свою лодку в подтверждение своего труда. И, чувствуя, что следовать далее вперед было бесполезно, он вернулся на свой корабль.

И поскольку он увидел на одной отмели, что была при входе в реку, великое множество тюленей (коих, по расчетам некоторых, было до пяти тысяч), то приказал [своим людям] убить тех, кого смогут, каковых [тюленей] кожами велел нагрузить свой корабль, ибо, по причине ли того, что были они легки для убиения, или же оттого, что меньше тех [людей] оказалось годно для такого деяния, произвели они среди тех тюленей великую бойню.

Однако, при всем том, Афонсу Гонсалвиш не был доволен, ибо не захватил ни одного из тех мавров; и проследовав он посему вперед еще пятьдесят лиг, дабы увидеть, сможет ли составить добычу из какого-нибудь мужа, или хотя бы жены или чада, посредством чего мог бы удовлетворить волю своего господина.

И так продолжал он путь свой до тех пор, пока не достиг одного мыса, где находился камень, издали напоминавший галеру, по каковой причине с той поры и впредь называли ту гавань «гаванью Галеры». И там сошли они на землю, где нашли [рыболовные] сети, кои взяли на корабль. И здесь можете вы наобзреть нечто новое для нас, живущих в сей Испании, и сие есть то, что касается нити, из коей были сплетены те сети, каковая была из коры одного дерева, столь приспособленной для такого дела, что без иного дубления или примеси льна можно ее превосходно плести и делать из нее сети и всякие иные снасти.

И отсюда вернулся Афонсу Гонсалвиш в Португалию, и так и не удалось ему получить подлинного знания о том, были ли те люди маврами, или же язычниками, каковую жизнь вели и какого образа жизни придерживались.

И было сие в год Иисуса Христа тысяча четыреста тридцать шестой.

4.2. ХРИСТОФОР КОЛУМБ

Вопрос о морском пути в Индию (Из письма космографа Паоло Тосканелли к Фернандо Мартинесу, придворному короля Альфонса V Португальского, 15 июня 1474 г.)

Документ свидетельствует о существовавших в то время в Европе географических представлениях о шарообразности Земли. Тосканелли, известный тогда ученый, рассказывая о морском пути в Индию (для наглядности он прилагает к письму карту), изображает его как «плавание непрерывно к западу». Документ интересен тем, что автор его отражает сложившееся в тот период мнение европейцев о сказочных богатствах и многолюдных городах стран Востока, о которых сообщал Марко Поло. Документ говорит о попытках европейцев найти более безопасный путь в Азию.

Христофор Колумб (1451-1506 гг.), переселившись из Генуи, откуда он был родом, в Португалию, по-видимому около 1476 г., усиленно занимался вопросом о морском пути в Индию через западный (Атлантический) океан. Существует легенда, что друг Колумба Фернандо Мартинес, приближенный португальского короля Альфонса V, заинтересовал этим проектом короля, и тот поручил ему запросить известного флорентийского астронома и космографа Паоло Тосканелли о возможности такого пути. Несмотря на то, что приводимый ниже «ответ Тосканелли» представляет собой, вероятнее всего, фальшивку, он тем не менее хорошо передает географические представления XV-XVI вв.

Всемиловейший король¹ желает, чтобы я изложил этот предмет или, скорее, наглядно уяснил его, так чтобы даже лица, мало образованные, могли узнать и понять этот путь. Хотя я хорошо знаю, что существование такого пути может быть доказано на основании шарообразной формы земли, тем не менее, чтобы вопрос более ясным и облегчить предприятие, я решился изобразить дорогу на мореходной карте. Поэтому отправляю его величеству начертанную мной собственноручно карту, на которой изображены ваши берега и острова, откуда вы должны начать плавание непрерывно к западу и куда вы приплывете, и насколько далеко вы должны держаться от полюса или от экватора, и какое пространство или сколько миль вы должны проплыть, чтобы достичь мест, где в наибольшем изобилии имеются всякого рода пряности и драгоценные камни. Не удивляйтесь, что я называю западом страны, где растут пряности, тогда как их обыкновенно называют

востоком, потому что люди, плывущие постоянно к западу, достигают этих стран плаванием по другой стороне земного шара... Я поместил на карте различные места, куда вы можете приплыть, для сведения мореплавателей на тот случай, если благодаря ветру или какой-нибудь иной случайности они пристанут к какому-нибудь месту, куда не собирались приставать, – частью же затем, чтобы они могли доказать жителям тех мест, что они имеют некоторые сведения об их стране, что, конечно, будет бесполезно. Рассказывают, что на тех островах нет жителей, исключая купцов, потому что количество мореплавателей с их товарами столь велико, что во всем свете не найдется их столько, сколько в одном замечательном порту, называемом Зайтоном. Рассказывают, что в этом порту ежегодно разгружаются сто больших кораблей, на которых привозят пряности. Эта страна густо населена и очень богата; там много провинций, королевств и многолюдных городов, находящихся под властью одного государя, именуемого Великим ханом, т.е. царем царей, живущих по большей части в провинции Китае. Его предшественники 200 лет назад хотели вступить в союз с христианским миром. Они посылали к нам просить ученых богословов, чтобы получить от них просвещение². Но посланные, встретив по дороге препятствие, вернулись. Даже во времена Евгения³ к нему пришел оттуда один человек и говорил относительно их большого расположения к христианам. И я долго разговаривал с ним о многих предметах, об их огромных царских дворцах, о замечательной длине и ширине их рек, так что на одной реке стоит до 200-городов с мраморными мостами, очень длинными, широкими и украшенными колоннами. Страну эту латинянам стоит поискать не только потому, что оттуда можно добыть великие сокровища – золото, серебро и всякого рода драгоценные камни и пряности, но и ради ее ученых людей, философов и искусных астрологов, а также ради того, чтобы узнать, каким образом управляется столь могущественная и блестящая страна и как они ведут свои войны. Таков мой ответ на требование его королевского величества, насколько позволили мне краткий срок и мои занятия. В будущем же я готов отвечать его величеству, когда он пожелает. Флоренция, 15 июня 1474 г.

¹ Альфонс V Португальский.

² Речь идет, очевидно, о посольстве Кублай-хана (1259-1294 гг.) к папе.

³ Папы Евгения IV (1431-1447 гг.).

Капитуляция в Санта Фе (17 апреля 1492 г.)

Капитуляции, или соглашения, относятся к концу XV – началу XVI вв. Эти капитуляции испанские короли заключали с мореплавателями, которые за счет королевской казны (или на свои деньги) отправлялись за океан искать счастья. В случае успеха экспедиции капитуляция предусматривала присвоение первооткрывателям титулов королевских наместников вновь присоединенных к Испании земель и обеспечивала тем самым за ними некоторые экономические и юридические права.

«Капитуляция в Санта Фе» – документ, на основе которого Х. Колумб предпринимает свое первое путешествие через Атлантический океан. Первые же строки «Капитуляции...» подтверждают, что испанские короли Изабелла и Фердинанд дали согласие выполнить условия, поставленные Колумбом. Но значение документа выходит за рамки только этого соглашения. Необходимо иметь в виду, что, подписывая «Капитуляцию...», испанские монархи недвусмысленно заявили о своем якобы законном праве на вновь открываемые земли, во владения которыми они вступали уже как «сеньоры и владыки», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому, хотя Колумба и жаловали всевозможными титулами (адмиралом, вице-королем, главным губернатором) с правом управления «на всех островах и материках» и закрепляли за ним десятую часть дохода от возможных поступлений, на деле испанская корона быстро прибрала все открытые Колумбом земли к своим рукам и постаралась освободиться от данных ему основных обязательств. Все дарованные привилегии остались, по существу, лишь на бумаге.

Условия, просимые и которые Их Высочества предоставили дону Христофору Колумбу в вознаграждение за то, что было открыто в морях-океанах и в плавании, каковое ныне предстоит ему с помощью Божьей совершить на службе Их Высочеств.

Условия эти таковы. Во-первых. Ваши Высочества, как сеньоры названных морей-океанов, жалуют отныне названного дона Христофора Колумба в свои Адмиралы всех островов и материков, которые он лично и благодаря своему искусству откроет или приобретет в этих морях-океанах, а после его смерти [жалуют] его наследникам и потомкам навечно этот титул со всеми привилегиями и прерогативами, относящимися к нему на условиях, в свое время предоставленных Алонсо Энрикесу, главному Адмиралу Кастилии, и другим предшественникам его в названной должности, в пределах их округов.

Угодно Их Высочествам¹.

Хуан де Колома².

Далее. Ваши Высочества назначают названного дона Христофора Колумба своим вице-королем и главным правителем на всех названных островах и материках, которые он, как уже упоминалось, откроет или приобретет в названных морях, и для управления каждым из них и любым из их числа да избрет он трех лиц для отправления каждой должности: и Ваши Высочества должны будут избрать [из числа представленных кандидатур] того, кто наиболее подходит для данной службы. И так будут лучше управляться земли, которые наш владыка поможет найти и приобрести на благо Их Высочеств.

Угодно Их Высочествам.

Хуан де Колота.

Далее. Со всех и со всяческих товаров, будь то жемчуг или драгоценные камни, золото или серебро, пряности и другие вещи и товары любого рода, вида и наименования, которые будут куплены, обменены,

1128 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

найлены или приобретены в пределах названного Адмиральства, пожалованного отныне Вашими Высочествами упомянутому дону Христофору, да будет он иметь и да оставит он за собой десятую часть всего приобретенного, приняв в расчет все произведенные издержки таким образом, что из всего оставшегося чистым и свободным сможет он удержать названную десятую часть для самого себя и распорядиться ею по своему желанию, предоставив остальные девять частей вашим высочествам.

Угодно Их Высочествам.

Хуан де Колома.

Далее. И в случае, если из-за товаров, которые он доставит из названных островов и земель, каковые, как упоминалось ранее, будут приобретены или открыты, или из-за тех товаров, которые в обмен на вышеуказанные будут получены от здешних купцов, возникнет какая-либо тяжба, в месте, где будет производиться указанная торговля или обмен, да будет Адмиралу принадлежать по его должностному положению право разбора тяжбы. И просит он Ваши Высочества, чтобы он или его заместитель (*teniente*), а не другой судья, разбирали бы такого рода тяжбу и чтобы так было определено отныне.

Угодно будет и признается справедливым Их Высочествами, если право это действительно относится к названной должности Адмирала и его имели упомянутый Адмирал Алонсо Энрикес и другие его предшественники в своих округах.

Хуан де Колома.

Далее. Чтобы на всех кораблях, каковые ни снаряжались бы для названной торговли, всякий раз, когда бы они ни снаряжались, смог бы названный дон Христофор Колумб, если он того пожелает, оплатив восьмую часть всех издержек по снаряжению этих кораблей, получить и оставить себе восьмую долю вырученной прибыли.

Угодно Их Высочествам.

Хуан де Колома

Составлены [главы] договора, с ответами Ваших Высочеств в конце каждого раздела, в селении Санта-Фе, в долине Гранады, 17 апреля года от рождения нашего Спасителя Иисуса Христа 1492.

Я – король.

Я – королева.

По повелению короля и королевы.

Хуан де Колома.

¹ Короли Кастилии и Арагона носили титул «высочество». Только со времени вступления внука Изабеллы и Фердинанда Карла I на имитаторский престол «Священной Римской Империи» под именем Карла V испанским королям был присвоен титул «величество».

² Требования Колумба изложил Изабелле и Фердинанду их секретарь Хуан де Колома. После каждого он отмечал, согласны ли они удовлетворить просьбу Колумба.

Свидетельство о пожаловании титула Христофору Колумбу (30 апреля 1492 г.)

Дон Фернандо и донья Изабелла, Божьей милостью король и королева¹ Кастилии, Леона, Арагона, Сицилии, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Мальорки, Севильи, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии, Хаэна, Алгарви, Алхесираса, Гибралтара и Канарских островов, графы Барселоны, сеньоры Бискайи и Молины, герцоги Афин и Неопатрии, графы Руссильона и Серданьи, маркизы Ористана и Гасиана: поскольку вы, Христофор Колумб, отправляетесь по нашему повелению для открытия и приобретения некоторых островов и материка в море-океане на наших кораблях и с нашими людьми и поскольку мы надеемся, что с помощью Божьей лично вами и благодаря вашей предприимчивости будут открыты и приобретены некоторые из этих островов и материков в упомянутом море-океане, мы считаем справедливым и разумным вознаградить вас за труды, которые вы несете на нашей службе. И, желая оказать вам надлежащие почести и милость за все вышеупомянутое, изъявляем мы свою волю и милость следующим образом.

После того как вы, упомянутый Христофор Колумб, откроете и обретете указанные острова и материк в море-океане или любую иную землю из их числа, да будете вы нашим Адмиралом островов и материка, которые будут открыты и приобретены вами. И да будете вы нашим Адмиралом и вице-королем и правителем в этих землях, которые вы таким образом откроете и приобретете, и отныне и впредь можете вы именовать и титуловать себя дон Христофор Колумб², а ваши сыновья и потомки, исполняя эти должности и службу, могут также носить имя, титул и звание дона, и Адмирала, и вице-короля, и правителя земель. И вы можете отправлять и исполнять указанные должности Адмирала, вице-короля и правителя упомянутых островов и материка, открытых и приобретенных вами или вашими заместителями, и вести и разрешать тяжбы и дела уголовные и гражданские, имеющие касательство к вышеупомянутой адмиральской должности и к должностям вице-короля и губернатора [правителя], согласно тому, как вы сочтете сие законным, и согласно тому, как то обычно было принято и исполнялось Адмиралами наших королевств. И можете вы карать и наказывать преступников. И да будете отправлять вы и ваши заместители должности Адмирала, вице-короля и правителя и

пользоваться всеми прерогативами и привилегиями, которые относятся к этим должностям или присваиваются каждой из них в отдельности. И да будете вы иметь и получать доходы и жалование со всех упомянутых должностей и с каждой из них порознь, так же и таким же способом, как обычно получал и получает эти доходы и жалование наш главный Адмирал королевств Кастилии и вице-короли и губернаторы наших королевств.

И этим письмом или копией его, скрепленной подписью нотариуса, повелеваем мы наследному принцу дону Хуану, нашему дражайшему и любимейшему сыну, и всем принцам, герцогам, прелатам, маркизам, графам, магистрам орденов, приорам, командорам, членам нашего Совета, аудиторам нашей Аудиенсии, алькальдам и иным должностным лицам нашего двора, дома и канцелярии и субкомандорам, алькальдам замков и укрепленных и неукрепленных мест и всем советам, ассистентам, коррехидорам, алькальдам, альгвасилам, мэринам, двадцатичетвертникам, кавалерам, городским старшинам, оруженосцам, должностным и благородным людям всех городов, селений и местечек всех наших королевств, и сеньорий и земель, которые вы откроете и приобретете, и всем капитанам, маэстре, контрамаэстре, должностным лицам и матросам и морякам, нашим подданным и уроженцам наших королевств, как нынешним, так и будущим, и каждому и любому из них:

считать и полагать вас отныне и далее в течение всей вашей жизни, а после вас в течение жизни вашего сына и наследника и так от наследника к наследнику навсегда и навечно, нашим Адмиралом упомянутого моря-океана и вице-королем и правителем упомянутых островов и материка, которые будут вами открыты и приобретены в море-океане и закреплены за вашей подписью или подписью лица, на то вами уполномоченного и торжественно утвержденного под присягой, как в таких случаях требуется, и полагать, что вы и ваши заместители, назначенные на указанные должности Адмирала, вице-короля и губернатора, будут использованы при отправлении этих должностей во всем, что относится к ним. И да будет выплачиваться вам рента и доходы и все иное, что вам причитается от должностей, относящихся и входящих в круг вашей деятельности. И надлежит вам хранить и да будут хранимы вами все почести, пожалования, милости, вольности, преимущества, прерогативы, изъятия, иммунитеты и все иное и каждое из перечисленного в отдельности, которые вы в силу отправления указанных должностей Адмирала, вице-короля и правителя должны иметь, и вы должны ими пользоваться, и это надлежит вам оберегать. Все это должно строго выполняться, и так, чтобы достоинство ваше не умалялось ни в чем и чтобы ни в большом, ни в малом никто не смел чинить вам препятствий и противодействия (*embargo ni contragio*) и на то не отважился бы. Ибо этой нашей грамотой отныне и навсегда жалуем мы вам должность Адмирала, вице-короля и правителя с передачей по праву наследства на веки вечные и вам даем во владение или почти во владение эти должности, все вместе взятые и каждую из них порознь, и право и полномочия отправлять их и получать доходы и жалование со всех этих должностей, вместе взятых и с каждой [в отдельности] и со всего, что к ним относится и принадлежит согласно тому, как здесь об этом сказано. И если в том явится у вас необходимость или то вы испросите у нас, мы отдадим повеление нашему хранителю печати (*canceller*) и нотариусам и другим должностным лицам, ведающим нашими печатями, чтобы они дали и заверили и скрепили печатью Круглую Привилегию, самую верную и крепкую грамоту, которая вполне будет соответствовать просимому вами и тому, в чем явится у вас нужда.

И пусть ни те и ни другие [нотариусы и должностные лица] не изменяют ни в чем текста грамоты под страхом нашего гнева и штрафа в 10 000 мараведи в пользу нашей Палаты, который заплатит всякий, нарушивший это повеление. И кроме того, приказываем человеку, который [должностным лицам и нотариусам] предъявит эту грамоту, передать им, чтобы они [с Круглой Привилегией]³ явились к нашему двору, где бы мы ни находились, не позже как через 15 дней под страхом той же кары и чтобы для этого призван был публичный нотариус, каковой заверил бы своей подписью свидетельство, ибо мы желаем знать, как исполняется то, что мы повелили.

Дано в нашем городе Гранаде, в тридцатый день апреля, года от рождества Спасителя нашего Иисуса Христа 1492.

Я – король.

Я – королева.

Хуан де Колома – секретарь.

¹ Ниже по тексту «Свидетельства...» приводятся многочисленные титулы Фердинанда и Изабеллы, некоторые из которых, однако, являлись формальными, и территории, соответствующие указанным историко-географическим названиям, на тот момент находились вне истинных границ владений кастильской и арагонской короны. Так, например, герцогства Афинское и Неопатрасское (с 1271 г. королевство Салоникийское, с 1318 г. в составе герцогства Афинского) принадлежали по праву наследования арагонской королевской династии (с 1311 г.) и ее флорентийской ветви (с 1394 г.), однако были окончательно утрачены в 1460 г. в результате экспансии Османской империи; графства Руссильон и Серданья входили в состав Французского королевства (несколько позже, в январе 1493 г., Руссильон отошел к Испании по Барселонскому договору); Корсика, входившая в состав Генуэзской республики (с 1488 г. в унии с герцогством Миланским), находилась в составе королевства Арагон весьма непродолжительное время; Алгарви – крайняя южная провинция Португалии и одноименная северная территория Марокко – в составе королевства Португалия (в начале XVI в. некоторые северомарокканские города – Сеута, Мелилья – отошли к Испании). Маркизаты Гасиан и Ористан (на острове Сардиния), как и остальные перечисленные в тексте документа города, острова, провинции и т. п., находились в пределах естественных границ королевств Арагон и Кастилия.

² Титулы Адмирала, вице-короля и губернатора [правителя] морей и земель, которые предстояло открыть Колумбу, жаловались ему этим свидетельством условно, то есть он их получал только после открытия этих земель и морей. Привилегии и права, которые жаловались Колумбу, были весьма значительны. Помимо права получения доходов в новооткрытых землях, жалования, причитающегося вице-королю

1130 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

и Адмиралу, Колумбу предоставлялось право разбора судебных дел. Ниже даются объяснения некоторых титулов, упоминающихся в документе:

альгвасил – судебный исполнитель;

алькальд – 1) коронный судья, 2) глава городского управления;

алькальд замка – комендант;

двадцатичетвертник – лицо, избранное гражданами для отправления различных административных обязанностей в пределах квартала;

дон – титул кастильских и арагонских дворян;

коррехидор (букв.: исправник) – лицо, назначенное короной для наблюдения за порядком в городе или сельском округе;

маэстре – штурман корабля, часто так назывались владельцы кораблей;

контрамаэстре – корабельный мастер;

мэрин – стражник, полицейский чин;

приор – настоятель монастыря;

рехидор – выборный член городского самоуправления (ayuntamiento).

³Круглая Привилегия – коронная грамота, в которой ниже королевской подписи на нижнем краю листа очерчивался круг. В центре круга ставилась королевская печать, а по окружности подписи должностных лиц и свидетелей – прелатов и знатных рыцарей.

Письмо Христофора Колумба Изабелле и Фердинанду об открытии Индии от 15 февраля 1493 г.

Поскольку я знаю, Государь, что Вам доставит радость великая победа, которую Господь ваш даровал мне в моем плавании, пишу Вам сие послание, из коего Вы узнаете, как я за тридцать три дня с флотилией, которую августейшие Король и Королева, государи наши, отдали под мое начало, достиг Индий, где нашел многие острова, населенные бесчисленными племенами, и все их провозгласил владеньями Ваших Величеств, объявив о том через глашатая и водрузив развернутое королевское знамя, в чем мне никто не противодействовал. Первому открытому мною острову я дал название Сан-Сальвадор в честь Всемогущего Господа, дивным образом соизволившего нам все это даровать; индейцы называют сей остров Гуанакани. Второй я нарек островом Санта-Мария-де-Консепсьон; третий – Фернандиной; четвертый – Изабеллой; пятый – островом Хуаной; так каждому я давал другое название.

Достигши Хуаны, я пошел вдоль ее берега на запад и, обнаружив, что остров сей очень велик, думал, что это материк, провинция Китая; не встречая на побережье ни городов, ни крупных селений, только маленькие деревушки, с жителями коих я не мог поговорить, ибо они сразу все убежали, я продолжал двигаться в этом направлении, надеясь, что непременно увижу большие города и селенья; но, пройдя много лиг, я убедился, что ничего нового не нахожу, а дальше берег вел меня на север, куда я не хотел плыть, ибо зима была уже в разгаре и у меня было намерение повернуть на юг, к тому ж и ветер подул встречный, так что я решил не дожидаться смены погоды и повернул обратно, к прежде намеченной бухте, откуда послал двух человек внутрь острова, дабы узнать, есть ли там король или большие города. Они шли три дня, видели несметное множество маленьких деревушек и бесчисленные толпы жителей, но никакого правительства не обнаружили и возвратились обратно.

От других индейцев, взятых мною в плен, я не раз слышал, что эта земля – остров; итак, я прошел вдоль его берега восток сто семь лиг до его оконечности, откуда увидел другой остров на востоке, удаленный от этого на восемнадцать лиг, каковой я сразу назвал Эспаньолой, и отправился туда, поплыв, как и у Хуаны, вдоль северного берега на восток сто восемьдесят восемь лиг по прямой; остров сей и все остальные плодородны в высшей степени, особенно же Хуана; морской берег там образует много бухт, куда более удобных, чем те, какие мне известны в христианских землях, и есть там много хороших, на диво красивых больших рек; острова сии гористы, на них много холмов и высочайших гор, куда более высоких, чем на острове Тенерифе, и все они очень красивые, самых причудливых очертаний, и по всем можно ходить, и растут там деревья тысячи видов, иные так высоки, что чуть ли не до неба, и полагаю, что они никогда не теряют листьев, ежели я правильно понял, что мне говорили, – я сам видел, что они стояли зеленые и такие же красивые, как в мае в Испании. Одни были в цвету, другие с плодами, третьи еще не цвели – как им положено по их роду; и в ноябре там, где я высаживался на сушу, пел соловей и другие птички заливались на все лады. Есть там пальмы шести-восьми видов, изумляющие своей красотой и причудливыми формами, но удивительны также другие деревья и плоды и травы; есть чудесные сосновые рощи и обширнейшие равнины, есть, там мед и много всяческих птиц и разнообразных плодов. В землях сих немало рудников, где добывают металлы, и людей изрядное количество.

Эспаньола – просто чудо: холмы и горы, долины и равнины к превосходные тучные земли, чтобы сажать на них и сеять, разводить всяческий скот, сооружать дома городские и деревенские. Как хороши морские бухты, пока сам не увидишь – не поверишь, и рек много больших и с вкусной водой; большинство из них золотоносные. Деревья и плоды и травы сильно отличаются от тех, что растут на Хуане; на Эспаньоле имеется много пряностей и есть большие рудники, где добывают золото и другие металлы.

Люди на сем острове и на всех других, которые я обнаружил и о которых слышал, ходят совершенно голые, в чем мать родила, и мужчины и женщины, хотя некоторые женщины прикрывают некое место листком или хлопковой повязкой, для того изготовленной. У здешних жителей нет ни железа, ни стали, ни оружия, да

они и не годны к этому, и не потому что слабосильны, они рослы и статны, только на редкость боязливы. Оружия у них нет никакого, кроме копий из отменившегося тростника, и к концу копья они прилаживают заостренную палочку, да и тем не смеют сражаться; много раз случалось мне посылать в глубь острова двух-трех человек в какое-либо селение на переговоры, и к ним выходила бесчисленная толпа индейцев и, лишь завидев наших, со всех ног бросались наутек, да так, что отец забывал про сына; и не потому, что кто-то причинил им зло, напротив, во всяком месте, где я бывал и мог с ними поговорить, я отдавал им все, что у меня было, и полотно и многое другое, ничего взамен не получая; просто уж так они неисправимо боязливы. Правда, когда уверятся в своей безопасности и страх пройдет, они весьма бесхитроутны и столь щедро делятся всем своим добром, что этому не поверит тот, кто сам не видел. Если что-то у них попросишь, никогда не скажут "нет"; напротив, сразу же дарят вещь и выказывают такую любовь, словно готовы душу отдать, и если подаришь им что-то ценное или какой-то пустяк, они любой мелочью, какова бы она ни была, довольны.

Я запретил давать им столь никчемные вещи, как черепки разбитых мисок и стеклянные осколки и шпильки; однако, когда им удавалось получить что-либо в этом роде, им мнилось, будто они завладели прекраснейшим сокровищем; одному из матросов удалось в обмен на шпильку получить два с половиной кастельяно золота; другие за еще менее ценные безделки выменивали много больше. А за новые бланки они отдавали все, что у них было, будь это два или три кастельяно золота или одна-две арробы хлопковой пряжи. Брали даже обломки обручей от бочек, как скоты неразумные, отдавая все, что имеют; я посчитал, что это нехорошо, и запретил такой обмен. Сам-то я давал им тысячи изящных вещиц, дабы они нас полюбили, надеясь, что склонно их сделаться христианами, – ибо они расположены любить нас и служить Вашим Величествам и всему кастильскому народу и стараются собирать для нас всяческие вещи, какие у них есть в изобилии, а для нас они необходимы. Не обнаружил я у них никаких сект или идолопоклонства, единственно они верят, что все силы и всякое благо даются небом; и они были твердо убеждены, что я и наши корабли и все наши люди явились с неба; и, избавившись от страха, принимали меня повсеместно с должным почтением. И происходит сие не от невежества, люди они весьма разумные, они ведь плавают по всем тамошним морям, и можно лишь удивляться, как хорошо они все понимают, единственно, что никогда не видели ни одетых людей, ни подобных краблей.

И я, лишь только прибыл в Индии, на первом же обнаруженном нами острове захватил нескольких туземцев, дабы они научили нас языку и поведали обо всем, что там имеется; они быстро поняли нас, и мы стали понимать их, объясняясь когда устно, а когда знаками; и пользы от них было очень много; до нынешнего дня я их держу при себе, и они после многих бесед со мною по-прежнему уверены, что я явился с небес. И они первыми объявляли об этом повсюду, куда я приходил, другие же бегали из дома в дом и по соседним селениям, возглашая: «Идите сюда, идите посмотреть на людей с неба». И все как есть, мужчины и женщины, уже не опасаясь нас, приходили от мала до велика и приносили что-нибудь поесть или выпить, потчуют нас с удивительным радушием.

На всех островах у них имеется множество каноэ, это такие шлюпки с веслами; они бывают побольше и поменьше, некоторые, даже многие, больше наших шлюпок с восемью или десятью гребцами; правда, они не очень широки, потому что сделаны из одного ствола, однако нашей шлюпке не угнаться за каноэ на веслах, они так быстроходны, что и вообразить невозможно; и на этих каноэ индейцы объезжают все здешние острова, коим нет счета, и развозят товар. На некоторых каноэ я видел по семьдесят-восемьдесят человек, каждый со своим веслом.

На всех здешних островах не заметил я большого различия в телосложении людей, ни в их обычаях, ни в языке, все они друг друга понимают, что весьма удивительно, и я пребываю в ожидании, что решат Ваши Величества касательно бесед с ними о нашей святой вере, к каковой они весьма расположены.

Я уже говорил о том, что прошел вдоль берега острова Хуаны сто семь лиг по прямой с запада на восток, и, проделав сей путь, могу утверждать, что оный остров больше Англии и Шотландии вместе взятых; ибо далее сих ста семи лиг есть там на западе еще две провинции, которые я не посетил, одну из них называют Ауау, и там люди рождаются с хвостами; провинции эти в длину должны иметь не менее пятидесяти-шестидесяти лиг, как я мог понять со слов индейцев, коих держу при себе, а они знают все острова.

Другой остров, Эспаньола, имеет в окружности больше, нежели вся Испания от Колибре, вдоль морского берега, до Фуэнтерабии в Бискайе; ибо я в один рейс прошел сто восемьдесят восемь лиг по прямой с запада на восток. Остров сей превыше всяких похвал: кто его увидит, никогда не покинет; на нем я остановился, хотя от имени Ваших Величеств подчинил и все остальные, и все они изобильны настолько, что нет слов описать, и все я отдал во власть Ваших Величеств, так что Вы можете ими располагать столь же повластно, как кастильскими, королевствами. На сей Эспаньоле, в месте, богатом золотыми россыпями и удобном для торговых сношений как со здешним материком, так и с другим, подвластным Великому Хану, где нам можно будет выгодно торговать, я заложил большое селение, дав ему название Вилья-де-Навидад; там я обосновался и построил крепость, каковая сейчас, наверно, уже вполне завершена, и оставил в ней отряд, достаточный для ее защиты, с оружием и пушками и продовольствием более чем на год, и одномачтовое судно и мастера-корабельщика, способного построить другие такие же; и я завязал тесную дружбу с королем сей земли, который гордился тем, что может меня называть и считать своим братом; и даже если чувства его переменятся и он вздумает напасть на мой отряд, то ни он, ни его люди понятия не имеют об огнестрельном оружии и ходят

голые; и, как я уже говорил, они самые трусливые люди на земле. Так что одного того отряда, мною оставленного, довольно, чтобы покорить всю ту землю, и коль вести себя разумно, остров тот для наших людей безопасен.

На всех сих островах, кажется мне, обитатели довольствуются одной женой, своему же правителю или королю предоставляют их до двадцати. Женщины, показалось мне, трудятся больше, чем мужчины, но чего не смог я точно выяснить, так это есть ли у них собственное имущество, ибо, сколько могу судить по увиденному, каждый делится своим достоянием с другими, особливо же в том, что касается съестного.

До сей поры я на этих островах не встретил людей-чудовищ, о коих многие говорили; напротив, люди здесь весьма приятной наружности, отнюдь не черные, как в Гвинее, у них только черные прямые волосы, и они стараются не бывать там, где солнечные лучи чересчур жгучи; а солнце здесь и впрямь палит с большой силой, хотя остров удален от линии экватора на двадцать шесть градусов; на островах, где есть высокие горы, холода в эту зиму были большие; однако местные переносят их без труда, будучи привычны и подкрепляя себя соответственной пищей, а употребляют они много приправ и едят все очень горячее; итак, чудовищ я не обнаружил и о них не слышал, кроме как на одном острове, втором по пути в Индии, населенном людьми, которые на всех прочих островах слывут весьма жестокими, и говорят, они едят человечину. У них имеется множество каноэ, на коих они объезжают все острова Индий, грабя и забирая все, что могут. Люди эти с виду не безобразнее других, разве что у них в обычае ходить с длинными, как у женщин, волосами; они вооружены луками и стрелами, тоже из тростника, с деревянным наконечником, ибо железа у них нет. Они отличаются свирепостью от прочих племен, которые сверх меры боязливы. Я, однако же, нисколько не склонен ценить их выше прочих. Они общаются с женщинами с Матинино, первого острова на пути из Испании в Индии, где нет ни одного мужчины. Женщины те не признают обычных женских занятий, вооружаются луками и стрелами, как мужчины – тростниковыми копьями, а заместо доспехов у них пластины из меди, каковой там много.

Есть еще остров, говорят, больше Эспаньолы, жители коего безволосы. Там, слышал я, золота не счастье, и я везу с собою индейцев с этих и других островов как свидетелей.

Надеюсь, из рассказа лишь о том, что совершенно в сем довольно поспешном путешествии, Ваши Величества убедятся, что я смогу доставить золота сколько понадобится, получив от Ваших Величеств лишь самую незначительную помощь; пряностей и хлопка, сколько прикажут Ваши Величества привезти, и камеди, каковой донныне нигде не добывали, кроме как в Греции, на острове Хиосе, и Ваши Величества смогут ее продавать сколько угодно, и древесины алоэ, сколько прикажете привезти, и рабов, сколько прикажете привести, из племен идолопоклонников; и я, кажется, нашел там ремень и корицу и найду еще тысячи полезных вещей, да их уже, наверно, нашли оставленные мною люди; я же не задерживался подолгу ни в одном месте, если только попутный ветер позволял плыть дальше; лишь остановился в селении Вилья-де-Навидад, каковое покинул, укрепив его и обезопасив. И поистине я мог бы совершить куда больше, ежели бы суда мои были в полной исправности.

Но довольно, кончаю, слава вечному Господу Богу нашему, иже дарует всем, идущим своим путем, победу в делах, казалось бы невозможных; и сие свершение, несомненно, было одним из таковых; ибо хотя о краях тех говорили и писали, однако все то были предположения, а видеть их никто не видел, и большинство слушавших эти рассказы принимали их скорее за вымысел, чем за правду. И поелику наш Спаситель даровал сию победу нашим светлейшим Королю и Королеве и их королевствам, прославившимся высокими деяниями, должны ей возрадоваться все христиане и праздновать ее с превеликим ликованием и вознести благодарность Святой Троице со многими торжественными молебствиями за грядущее огромное приумножение их числа, когда столь многие народы обратятся в нашу Святую Веру, и также за блага земные, которые не только Испании, но всем христианам принесут утешение и выгоду. Пока сообщаю обо всем вкратце. Писано на каравелле, у острова Канарии, 15-го февраля года одна тысяча CCCCL XXXXIII.

Весь к Вашим услугам Адмирал

Международный резонанс путешествия Христофора Колумба (Из письма Себастьяна Кабота о реакции в Англии)

Себастьян Кабот (ок. 1475-1557 гг.) – сын итальянского мореплавателя Джованни Кабота, состоявшего на английской службе. По инициативе отца и сына Англия снарядила несколько экспедиций в поисках северо-западного прохода в Индию.

Когда мой отец покинул Венецию, чтобы с тех пор много лет провести в Англии, занимаясь торговлей, он взял меня с собой в Лондон. Хотя я тогда был очень молод, тем не менее обладал некоторыми познаниями в науках о человеке и о земной сфере.

Мой отец умер в тот самый момент, когда пришло известие, что дон Христофор Колон, генуэзец, открыл берега Индии, и об этом много судачили при дворе короля Генриха VII, правившего в ту пору. Все с огромным восхищением утверждали, что это свершение – скорее божественное, чем человеческое: отправиться через Запад на Восток, туда, где растут пряности, путем дотоле никому неизвестным. Его слава и эти известия разожгли в моем сердце великий огонь желания предпринять что-нибудь выдающееся. Понимая, что, поскольку

Земля – сфера, то если я отправлюсь на северо-запад, то более коротким путем достигну Индии, я постарался, чтобы королю стало известно о моем желании. Он немедленно отдал приказ, чтобы две каравеллы снарядили всем необходимым для путешествия, и было это, насколько я помню, в 1496 году.

Письма Мартира

Петр Мартир (род. в 1455 г.), родом из Италии (Милан), в зрелые годы поступил на службу к кастильским королям. Он хорошо знал Христофора Колумба. Присутствовал на торжественном приеме в Барселоне, оказанном Фердинандом и Изабеллой Христофору Колумбу по возвращении его из первого путешествия. Мартир часто писал своим знакомым письма, где сообщал обо всех известных ему событиях, в том числе и о путешествиях Христофора Колумба.

В документах – письмах Мартира – сообщается о двух первых путешествиях Христофора Колумба «к антиподам в другом полушарии». Характерно, что автор, рассказывая со слов последнего о вновь открытых островах, о жизни и общественном укладе населяющих их людей, неотступно подчеркивает, какие богатства сулят заморские страны.

Письмо Мартира к графу Тендилье (Из Барселоны в сентябре 1493 г.)

Послушайте новость! Помните лигурийца Колумба, которому государи наши во время пребывания своего в лагере поручили отыскание западных антиподов в другом полушарии? Вы не могли забыть его, потому что сами принимали некоторое участие в этом деле, которое без вашего совета, думаю, и не состоялось бы... Теперь он возвратился жив-здоров и рассказывает чудеса о своем путешествии и обо всем, что видел в открытых им странах. Привез он с собой золото, хлопчатую бумагу и перец, еще более пряный, чем кавказский. Все это, говорил он, земля производит там сама собою, равно как и дерево, дающее пурпуровую краску. Он рассказывает, что проплыл к западу от Гадеса (Кадикса) пять тысяч миль, он открыл разные острова, из которых один больше Испании, и все их занял от имени наших государей. По его словам, острова эти заселены людьми особой породы, живущими в диком состоянии, но счастливо. Питаются они плодами, растениями и хлебом из растертых кореньев. Есть у них свои короли, более или менее могущественные. Народы эти иногда воюют между собой. Оружие их состоит из луков, стрел и копий с заостренными и обожженными концами. Хотя они живут в первобытном состоянии и ходят нагими, однако ж и им не чужда страсть к властвованию.

Письмо Мартира к кардиналу, вице-адмиралу Асканию Сфорсу (Из Барселоны в сентябре 1493 г.)

Желание быть вам приятным, светлейший князь, так велико, что я чувствую себя совершенно счастливым, когда в великом круговороте событий встречается что-нибудь достойное занять ваше внимание. Из всех чудес земного шара, около которого солнце обращается в течение двадцати четырех часов, до сих пор мы знали, как вам известно, только те, которые разбросаны на пространстве одного полушария, от Золотого Херсонеса до Гадеса в Испании. Все остальное космографы считали неизвестным, и если иногда и упоминалось что-нибудь об этом предмете, то всегда поверхностно и с сомнением. А теперь – о, благословенное предприятие! – теперь, под счастливым мановением наших государей, разоблачается наконец-то, что было сокрыто от начала веков! Вот как это случилось. Прошу внимания, светлейший князь! Некто Христофор Колумб, лигуриец родом, был отправлен моими государями на трех судах в ту часть земли и, проплыв на запад по течению солнца более пяти тысяч миль от Гадеса, открыл путь к антиподам. Он плыл целых тридцать дней сряду, ничего не видя, кроме неба и воды. Наконец, с верха мачты большого корабля, на котором находился сам Колумб, сторожевые матросы закричали, что видят землю. И действительно, это была земля. Впереди открылось несколько островов. Корабли приставали к шести из них, и один из этих островов, по уверению спутников Колумба, может быть обманутых новизной представившегося им зрелища, больше Испании.

Письмо Мартира к римскому гуманисту Помпонию Лето

Испания царит, распространяет свое владычество, имя и славу до отдаленных стран антиподов. Из восемнадцати кораблей, отправленных моими государями с адмиралом Колумбом во второе его путешествие в Западное полушарие, возвратились теперь двенадцать и привезли с собой хлопчатую бумагу, огромные куски красильного дерева и много других драгоценных в Европе предметов, которые производит природа до сих пор доселе скрытого от нас мира, и сверх всего – значительное количество золота. Говорят, что в этих странах находят на поверхности земли куски самородного золота необыкновенной величины, так что некоторые из них весят до 250 унций, и, судя по рассказам жителей, испанцы надеются найти еще более крупные куски этого металла. Невозможно более сомневаться в существовании Лестригонов и Полифемов, питавшихся человеческим мясом. Плывая от Счастливых островов, ныне называемых Канарскими, в Испаньолу¹, Колумб

взял направление несколько южнее и вошел в группу бесчисленных островов, населенных дикими, которых называют каннибалами или караибскими. Эти люди, хотя и совершенно нагие, очень воинственны и храбры в сражениях. Они искусно владеют луком и булавою, имеют лодки, выдолбленные из целого ствола, зачастую больших размеров. В этих лодках они делают свои ужасные набеги на соседние острова, населенные более миролюбивыми племенами. Караибы нападают на их селения и уводят мужчин в плен для того, чтобы их пожирать.

¹ Испаньола (Эспаньола) – «маленькая Испания», название, которое испанцы дали острову Гаити.

Инструкция короля и королевы Христофору Колумбу от 29 мая 1493 г.

Инструкция короля и королевы, наших повелителей, дону Христофору Колумбу, адмиралу их высочеств островов и материковой земли как уже открытых, так и тех, которые могут быть открыты в море-океане, в стороне Индии, и вице-королю и правителю их и сверх того капитан-генералу флотилии, которую ныне их высочества отправляют на эти острова и материк – о порядке, которого следует придерживаться в этом путешествии, совершаемом ныне по повелению их высочеств как при отправке так и в пути следования, а затем и по прибытии в Индии, если того пожелает бог. И содержание этой инструкции таково:

Первое. Богу, нашему владыке, угодно было по своему высокому милосердию поступить так, чтобы трудами названного Христофора Колумба, адмирала, вице-короля и правителя их высочеств, открыты были острова и материк для короля и королевы, наших сеньоров. Поэтому Христофор Колумб составил отчет их высочествам о людях, которых нашел он в этих землях, и о том, что, по его мнению, они подготовлены для обращения в нашу святую католическую веру, ибо нет у них ни законов, ни верований. Сообщение об этом обрадовало и очень радует и ныне их высочества потому, что по самой своей сути такая готовность может рассматриваться как дело, удобное господу, нашему владыке, и возвеличивает нашу святую католическую веру.

Поэтому их высочества, желая, чтобы возвеличилась и распространилась наша святая вера, повелевают и обязывают упомянутого адмирала, вице-короля и правителя, чтобы всеми возможными путями и способами он добивался и стремился привлечь обитателей указанных островов и материка к обращению в нашу святую католическую веру.

И, чтобы помочь ему в этом, посылают их высочества в те земли ученого монаха брата Буйля, а с ним и других духовных лиц, которых упомянутый адмирал должен взять с собой. Эти же духовные лица должны добиться через посредство индейцев, которые прибыли в Кастилию и достаточно хорошо знают наш язык, чтобы были изрядно наставлены в делах нашей святой веры жители упомянутых земель.

И надлежит им обучать святой вере наилучшим способом. А так как подобное дело легче всего осуществить в случае, если флотилия явится в упомянутые страны в добрый час, адмирал обязан добиться и сделать так, чтобы все, кто находится во флотилии, а также лица, которые впоследствии придут в Индию, обращались хорошо и дружелюбно с индейцами, не причиняя им никакой обиды, и чтобы те и другие [кастильцы и индейцы] поддерживали бы друг с другом тесное общение и вели частые беседы, совершая при этом возможно больше благих дел.

И точно так же должен упомянутый адмирал раздавать индейцам безвозмездно различные дары, употребляя для этого товары их высочеств, которые он везет с собой для менового торга. И надлежит ему относиться с уважением к индейцам. И если случится, что какой-нибудь или какие-нибудь лица будут обращаться дурно с индейцами, упомянутый адмирал должен, как вице-король и правитель их высочеств, вне зависимости от того, каким способом причинена была обида, примерно наказать виновных в силу тех полномочий их высочеств, которыми он на сей случай пользуется.

И так как нельзя долго блюсти порядок в делах духовных, не обращая внимания на мирское, их высочества повелевают упомянутому адмиралу и правителю в иных случаях придерживаться следующих правил:

Второе. Для своего плаванья адмирал должен подыскать наилучшие из имеющихся в Андалусии каравеллы и подобрать моряков и пилотов, особенно хорошо сведущих в морском деле, и должны быть они людьми надежными. И в силу полномочий, которые даны их высочествами адмиралу и дону Хуану де Фонсеке для снаряжения этой флотилии, могут они брать любые корабли, какие только пожелают, а адмирал может выбирать суда по своему желанию, сообразуясь со своими нуждами.

Третье. Все люди, которые будут служить на кораблях флотилии, должны быть хорошо известны и надежны. И все они обязаны представиться упомянутому адмиралу островов как капитан-генералу упомянутой флотилии, и вышеуказанному Хуану де Фонсеке, и Хуану де Сорья, которого главные контадоры посылают в качестве своего заместителя на этой флотилии. И ему [эти люди] должны представиться именно как заместителю главных контадоров, и их он должен записать в свою книгу, а пагадору [кассиру] надлежит выплачивать им жалованье, которое должны они получать по соглашениям и договорам, подписанным ими с упомянутыми адмиралом, доном Хуаном де Фонсекой и Хуаном де Сорья, и расплата не может происходить иным способом.

Четвертое. Все соглашения, которые заключены с любыми капитанами, моряками и мастеровыми или с иными особами, которые отправляются с этой флотилией, а также все закупки, которые необходимо произвести как для обеспечения кораблей снаряжением, так и для других целей, а также контракты по найму кораблей заключаются и делаются упомянутыми адмиралом и доном Хуаном де Фонсекой или лицами, которые для этого будут назначены, в присутствии упомянутого Хуана де Сорьи, как заместителя главных контадоров, и ему надлежит вести на сей предмет особую книгу. И, кроме того, еще одна книга должна вестись другим писцом или, если он того пожелает, самим адмиралом, и в ней записываются все покупки, совершенные в тех местах, которые посетит флотилия. И все закупки, которые необходимо будет совершить в этих местах, должны быть произведены лицами, которых отрядят для подобной цели упомянутые адмирал и дон Хуан де Фонсека, и засвидетельствованы коронным нотариусом.

И лица, которые будут выплачивать жалованье на кораблях флотилии, должны платить его по соглашениям и контрактам, скрепленным подписями адмирала, дона Хуана де Фонсеке и Хуана де Сорьи, как контадора.

Пятое. Все оружие, снаряжение, боеприпасы и товары и другие предметы, которые будут закуплены, передаются лицам, назначаемым адмиралом, и надзор за этими лицами вменяется в обязанность Хуану де Сорьи, который должен завести книгу и открыть счет на все закупки. Книгу надлежит сдать их высочествам, счета переслать контадору, который должен будет находиться на островах как заместитель главных контадоров.

Шестое. то время, когда упомянутая флотилия должна будет, в добрый час, отправиться в плавание, все капитаны, пилоты, моряки, пешие и конные воины, мастеровые и другие особы, которые отправятся с этой флотилией, обязаны будут зарегистрироваться у адмирала и у дона Хуана де Фонсеки и у особ, которые будут назначены для этой цели, и у Хуана де Сорьи, как заместителя контадора, с тем, чтобы известно было, что за люди отправляются в плавание, и каковы достоинства и профессия у каждого из них.

И все они должны принести присягу и поклясться в верности королю и королеве, нашим сеньорам, дабы служить им верой и правдой в этом путешествии как на пути в Индии, так и на островах и материке, после прибытия туда и при возвращении в Кастилию. И как верные и преданные вассалы и подданные их высочеств обязаны они во всем, что бы ни представилось им свершать, словом, делом и советом охранять интересы короля и королевы и их казны и во всем, в чем они могут усмотреть пользу для своей службы, они должны способствовать успешному ее исполнению. А если замечено ими будет нечто неблагоприятное, они обязаны вмешаться в силу своих прав или поставить о том в известность их высочества, если дело идет о проступках против коронной службы, или известить об этом упомянутого адмирала и капитана-генерала, дабы принял он надлежащие меры. И точно так же решительно во всем они должны быть покорны упомянутому адмиралу, как адмиралу их высочеств на море и как вице-королю и губернатору их высочеств на суше, и, таким образом, должны ему подчиняться во всем, и да не осмелится никто поступать иным образом. Все это людям, идущим в плавание, повелевается исполнять настоящей инструкцией, и ее надлежит выполнять под страхом наказания, которому подвергаются все нарушающие обязательства, данные под присягой.

Седьмое. Кроме того, их высочества повелевают, чтобы никто, ни одно лицо из числа находящихся во флотилии, каково бы ни было его звание и положение, не приносил и не смел провозить на кораблях флотилии какие бы то ни было товары, предназначенные для менового торга на упомянутых островах и материке, ибо никто не имеет права вести этот торг, за исключением их высочеств, как о том далее будет идти речь.

Восьмое. Когда корабли придут, в добрый час, к островам и материке, где должна быть высадка, адмирал, как вице-король и правитель их высочеств на этих островах и материке, обязан отдать приказ капитанам немедленно собрать всех людей на кораблях и одновременно устроить осмотр оружия, боеприпасов и снаряжения и всего, что на судах привезено.

И чтобы ни один человек не мог провезти никаких товаров, на которые окажется возможным выменять золото или иные ценности на упомянутых островах и материке, без разрешения на то их высочеств, как о том уже говорилось, повелевают их высочества следующее:

Если случится так, что кто-нибудь будет иметь больше того, что было им показано в момент отплытия из Кастилии и что было отмечено в то время в книге, которую должна вести особа, назначенная в качестве заместителя упомянутых главных контадоров, то теряют они, виновные, это имущество.

И его пусть возьмет упомянутый адмирал и вице-король или тот, кто на это имеет право, и передаст лицу, которое хранит товары, принадлежащие их высочествам, в присутствии упомянутого заместителя контадоров, ибо на обязанности последнего лежит надзор за всей торговлей.

Девятое. Далее. Любая меновая сделка должна производиться адмиралом или особой, которую он для этой цели назначит, и казначеем их высочеств, который должен будет находиться на островах, и только ими, а не иными лицами. И торг пусть ведется в присутствии упомянутого заместителя контадоров или должностного лица, им назначенного, ибо такова обязанность заместителя контадоров. И он должен отмечать все в книге, заведенной для регистрации упомянутых меновых сделок. И так как не исключена возможность, что торг будет производиться в разных местах и при этом в таких пунктах, куда не сможет попасть казначей, ему надлежит посылать в таких случаях лицо, его замещающее, совместно с особой, которую должен назначить адмирал, или вести меновые сделки в присутствии упомянутого заместителя контадоров или его уполномоченного, но только таким, а не иным образом.

Десятое. Упомянутый адмирал, вице-король и правитель по прибытии на острова, в силу имеющихся у него полномочий их высочеств, должен назначить алькальдов и альгвасилов на островах и землях, где он будет находиться и где находятся его люди, и на любых иных островах, где будут оставаться какие бы то ни было люди из числа прибывших с адмиралом на кораблях его флотилии. И эти алькальды и альгвасилы обязаны разбирать тяжбы, которые будут иметь место, как гражданские, так и уголовные. И назначаться указанные должностные лица будут согласно порядку, заведенному другими вице-королями и правителями, каковой соблюдается повсюду, где бы их высочества не имели упомянутых вице-королей и правителей.

И вышеупомянутый вице-король и правитель должен принимать и рассматривать апелляции или судебные дела, прошедшие через первую инстанцию, и решать их так, как он считает лучшим, и сообразно тому, как это обычно делают иные вице-короли и правители их высочеств.

Одиннадцатое. Далее. Если окажется необходимым назначить рехидоров, присяжных и иных должностных лиц для управления, может упомянутый адмирал, вице-король и правитель назначить трех лиц для исполнения любой из этих должностей, как то и подтверждено в соглашении с их высочествами, а из их числа их высочества выберут одного для каждой из упомянутых должностей, и должны они будут руководствоваться в своей деятельности особым предписанием. Однако, так как в этом путешествии нельзя провести назначение должностных лиц подобным способом, устанавливается.

Только на сей раз, что назначаются они упомянутым адмиралом, вице-королем и правителем от имени их высочеств.

Двенадцатое. Далее. Каждый судья обязан при произнесении приговора делать следующее оглашение: «Приговор этот повелели вынести король и королева, наши повелители».

Тринадцатое. Далее. Все предписания, распоряжения, патенты, которые упомянутый адмирал, вице-король и губернатор должен будет дать, следуют от имени дона Фернандо и доньи Изабеллы, короля и королевы, и скрепляются подписью упомянутого дона Христофора Колумба, как вице-короля, и второй подписью нотариуса, который при нем будет, по форме, принятой у других нотариусов, подписывающих бумаги вице-королей. И запечатываются указанные предписания, распоряжения и патенты печатью их высочеств, как это водится у других вице-королей, назначенных их высочествами, и ставится печать на обратной стороне грамоты.

Четырнадцатое. Далее. Как только прибудет, если пожелает того бог, упомянутый адмирал и вице-король на острова и материк, пусть распорядится он, чтобы сооружена была таможня, в которой должны быть сложены все товары их высочеств, как те, что привезены из Кастилии, так и те, что приобретены в Индиях и предназначены для отправки в Кастилию.

И во время разгрузки товаров должны находиться в таможне лица, которых для этой цели назначит упомянутый адмирал и вице-король и уполномоченный главных контадоров, и должностное лицо, назначаемое адмиралом, на обязанности которого будет лежать ведение двух книг, в которых записываются все товары. А за книги эти пусть отвечает казначей, которого их высочества отправляют для совершения меновых сделок, согласно порядку, установленному этой инструкцией.

И если окажется какая-либо нехватка товаров, вывезенных из Кастилии, упомянутые лица обязаны будут оплатить стоимость недостающего.

Пятнадцатое. Далее. Всякий раз, когда упомянутый адмирал и вице-король сочтет это необходимым, он может созывать всех людей, которые находятся в той стороне, и они обязаны являться к нему и к особам, на то им уполномоченным, и к заместителю упомянутых главных контадоров, который будет там находиться. И когда будет выплачиваться жалованье людям, должно их созывать и производить оплату по соглашениям и контрактам с упомянутым адмиралом и вице-королем и контадором, но не иным способом.

Шестнадцатое. Далее. Если упомянутый адмирал по прибытии на острова убедится в необходимости послать корабли с людьми в какую-либо сторону для того, чтобы открыть то, что до сего времени не было еще открыто, или для менового торга, или отправить корабли в Кастилию, или послать их в любое иное место, обязаны будут ему подчиняться и выполнять его распоряжения все капитаны и моряки, которым он прикажет выйти в плавание, под страхом наказания, каковое он может в таком случае определить, исходя из полномочий, данных ему, упомянутому адмиралу, вице-королю, и правителю, их высочествами. При этом адмирал может не только карать виновных, но и распоряжаться по своему усмотрению их имуществом.

Семнадцатое. Далее. Кадисе должно устроить таможню, где будут погружаться и разгружаться все товары, оружие, боеприпасы, снаряжение и все прочее, что необходимо для флотилии и для поселений на островах и материке, а также и все то, что будет привезено оттуда, а в иных местах погрузка и разгрузка товаров будут запрещены. Необходимее поэтому, чтобы лица, которых назначат их высочества и упомянутый Хуан де Сорья, как заместитель главных контадоров, записывали все, что в этой таможне погружается и разгружается, в особой книге, ведение которой должно быть на обязанности этих лиц. Если же упомянутый адмирал пожелает назначить в таможню иное должностное лицо для записи товаров, он может это сделать и пусть сделает.

Восемнадцатое. Далее. Их высочествам угодно, чтобы упомянутый адмирал имел восьмую часть от всего, что будет выручено за золото и другие ценности с указанных островов и материка. Адмирал же должен оплатить восьмую часть стоимости товаров, так как он участвует в меновом торге. Но предварительно он

получает десятую часть выручки от торговых сделок, каковая доля ему приходится согласно договору [капитуляции], заключенному по приказанию их высочеств с упомянутым адмиралом.

Настоящим мы, король и королева, повелеваем вам, дону Христофору Колумбу, нашему адмиралу, вице-королю и правителю островов и материка, которые по нашему повелению были открыты в море-океане, в стороне Индий и капитан-генералу нашей флотилии, которую приказали мы снарядить для похода в те земли, соблюдать эту инструкцию и выполнять все, что в ней содержится, и не нарушать ее ни по существу, ни по форме и не следовать в Индии путями, не предуказанными нами.

Дана в городе Барселоне, 29 мая в год от рождества господа нашего Иисуса Христа 1493.

Инструкция короля и королевы Христофору Колумбу от 14 марта 1502 г.

Король и королева [вам] дону Христофору Колумбу, нашему Адмиралу островов и материка, которые лежат в море-океане в стороне Индий, сообщаем: то, что вы должны совершить во имя Божие в путешествие, в которое вы отправляетесь по нашему велению, состоит в нижеследующем.

Прежде всего вы должны возможно скорее подготовить корабли к плаванию, так как все, что необходимо было заготовить для вашей отправки, уже заготовлено, и получили жалованье люди, которые с вами выйдут в путь, а время ныне самое благоприятное для плавания, и столь длительное путешествие, в которое вы должны выйти, необходимо начать прежде, чем придет зима.

Вы должны следовать в вашем плавании прямым путем, если только вам не помешают противные ветры, с тем чтобы открыть острова и материк, что лежат в Индиях, в той части, которая входит в наши владения. И если угодно будет Богу, чтобы вы совершили открытие или обрели указанные острова, то вам надлежит стать близ них на якорь и вступить на берега этих островов и материка, по возможности обеспечив безопасность пребывания там для вас и для людей, которых вы с собой берете.

И вы должны для нас и от нашего имени принять во владение эти острова и материк, которые вы откроете, и сообщить нам, как велики указанные острова, и составить памятную записку о них и о людях, их населяющих, и о том, каковы они, с тем чтобы обо всем мы могли иметь полный отчет.

На островах и материке, которые будут вами открыты, вы должны узнать все о золоте, серебре, жемчуге, драгоценных камнях и пряностях и других ценностях, которые там имеются, и установить, в каком количестве они есть и каково их происхождение. И обо всем вы должны составить отчет, скрепленный подписью нашего нотариуса и должностного лица, которому мы повелеваем идти с вами в путь с той целью, чтобы мы могли проведать про все, что имеется на этих островах и материке.

Вы должны от нашего имени приказать, чтобы никто не смел выменивать на какие бы то ни было травы или иные вещи золото, серебро, жемчуг, пряности и пр[очие] ценности, какого бы рода они ни были, за исключением тех предметов, которые вы лично укажете и наметите в присутствии нашего нотариуса и должностного лица, которому надлежит записывать имена всех, кто участвует в торге, и обязывать их честно и добросовестно предъявлять вам и указанному нотариусу все, что они приобретают, и так, чтобы ничто не было при этом скрыто. И пусть будет всем ведомо, что за каждую припрятанную вещь постигнет виновных наказание и они будут лишены всего своего достоинства и наших милостей.

Все, что будет добыто и приобретено на этих островах и материке – будь то золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни и пряности или иные ценности, – надлежит сдавать Франсиско де Поррасу в вашем присутствии и в присутствии нашего нотариуса и должностного лица, которого мы посылаем и который должен завести книгу для записи всего сдаваемого. И в книге этой будете расписываться вы и наш нотариус и особа, которая принимает ценности, с тем чтобы ведение этой книги и составление отчета лежало на обязанности вышеупомянутого Франсиско де Парраса и чтобы знали мы, сколько всего сдается ему.

Из числа людей, которых вы берете с собой, вы должны оставить на островах, которые будут вами открыты, тех, кого вы сочтете нужным выделить для этой цели. И вам надлежит позаботиться о том, чтобы они были наилучшим образом обеспечены всем необходимым и чтобы они оставались в безопасности.

Все капитаны, маэстре, моряки, пилоты, воины, которые находятся на кораблях, идущих с вами в путь, обязаны подчиняться вашим распоряжениям и выполнять их так, как будто даны были эти распоряжения нами. Вы же должны относиться к этим людям как к особам, состоящим на нашей службе, и со дня прибытия вам надлежит разрешать все дела, гражданские и уголовные, касающиеся указанных людей. Им же повелеваем мы подчиняться вам сообразно тому, как о том было сказано. Кроме того, если Бог того пожелает и доведется вам возвратиться, вы обязаны прибыть совместно с упомянутым нашим нотариусом и должностным лицом и вы должны представить нам самый полный и подробный отчет обо всем, что вы откроете, и о народах, населяющих острова и материк, которые вы обнаружите. И вы не должны привозить рабов; но если кто-либо добровольно пожелает отправиться в Кастилию в качестве толмача, с тем чтобы затем вернуться, вы можете взять его с собой.

Точно так же, принимая во внимание, что ничто не должно быть сокрыто людьми, которые находятся на кораблях, необходимо, чтобы перед отплытием вы обязали каждого показать все то, что он принес на корабль.

1138 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

И надлежит нашему нотариусу и должностному лицу составить опись имущества, которую следует скрепить подписями вам и ему; благодаря этому, когда вы, если Бог того пожелает, высадитесь [в Кастилии], можно будет установить, имеется ли у людей на кораблях больше имущества, чем ими было ранее указано. А все, что [тайным] образом они привезут, будет у них отнято и поступит в нашу казну, и, сверх того, их постигнет кара, о которой упоминалось выше.

Все, о чем говорится здесь, приказываем вам выполнять и совершать, согласно этой инструкции, не отступая от нее ни в чем. А если понадобится ради пополнения нашей казны совершить что-нибудь сверх того, о чем выше шла речь, необходимо выполнить это так, чтобы наилучше соблюдалась наша выгода, ибо на подобное мы даем вам полномочия нашей инструкцией.

И повелеваем мы упомянутым капитанам, маэстре, морякам, пилотам и воинам выполнять все, что вы от нашего имени прикажете им, сообразно с этой нашей инструкцией, под страхом наказаний, которые вы определите и назначите [438] им от нашего имени. И даем мы вам полномочие применять это право как к ним лично, так и к их имуществу.

Дана в Валенсия-де-ла-Торре, 14 марта 1502 года.

Я, король.

Я, королева.

По приказу короля и королевы – Мигель Перес де Гусман

Из высказываний Христофора Колумба

В отрывках, связанных с высказываниями Христофора Колумба достаточно откровенно говорится о его стремлении добыть золото и о возможности использования индейцев в качестве рабов.

а) Из дневника первого путешествия

Впрочем, вашим высочествам, быть может, угодно будет повелеть отправить всех индейцев в Кастилию или оставить их на этом острове пленниками, ибо достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все что угодно.

...Эти острова очень зеленые и плодородные, воздух здесь приятен. Можно тут приобрести много вещей... Желая продолжать путь и обойти эти земли и проникнуть на многие острова, чтобы найти золото.

б) Из письма в Испанию

Таким образом, из одного лишь того, что было выполнено во время [первого] путешествия, их высочества могут убедиться, что я дам им столько золота, сколько им нужно, если их высочества окажут мне самую малую помощь; кроме того, пряностей и хлопка – сколько соизволят их высочества повелеть, равно как благовонную смолу... я дам также алоэ и рабов, сколько будет угодно и сколько мне повелят отправить...

в) Из письма испанским королям

Отсюда можно... отправлять всех рабов, которых окажется возможным продать, и красящее дерево. И если сведения, которыми я располагаю, справедливы, то... можно продать 4000 рабов... В Кастилии, Португалии, Арагоне, Италии и Сицилии, на островах, принадлежавших Португалии и Арагону, и на Канарских островах велик спрос на рабов; и я думаю, что они поступают в недостаточном количестве из Гвинеи. А рабы из этих земель, если их привезут [в упомянутые страны], будут стоить втрое дороже гвинейских...

Итак, есть здесь рабы и красящее дерево, которое кажется пещью доходной, и, кроме того, золото...

А плата за перевозку [рабов] взимается из первых же денег, вырученных от продажи рабов. И пусть даже умирают рабы в пути – все же не всем им грозит такая участь...

Из Завещания Христофора Колумба (1506 г.)

Завещание Христофора Колумба (1506 г.). Важно обратить внимание на большое значение подвига мореплавателя и на упоминаемые в завещании «выгоды и преимущества», якобы дарованные Христофору Колумбу испанскими королями, но которые так и остались одними обещаниями, а присвоенные ему громкие титулы – ничем не обеспеченными.

Во имя пресвятой троицы, внушившей мне мысль и впоследствии совершенно прояснившей ее для меня, что я могу, отплыв из Испании на запад и переплыв океан, достигнуть Индии, – мысль, сообщенную мной королю дону Фердинанду и королеве донье Изабелле, государям нашим, им благоугодно было снабдить меня потребным количеством людей и кораблей и возвести меня в звание адмирала названного океана на всем его пространстве, лежащем к западу от мысленной черты, проведенной от одного полюса к другому, в ста милях к западу от островов Зеленого Мыса и Азорских, и пожаловать меня титулом вице-короля и губернатора всех земель и островов, какие я открою за этой чертой, с правом передать вышеназванные звания и титулы старшему сыну моему, а потом его наследникам на вечные времена и даровать мне при этом десятую часть со всего, что будет приобретено в странах, которыми я буду управлять, и со всех доходов и прибылей, которые будут с них

получаться, и сверх того восьмую часть всех земель и всего прочего, с окладом жалованья по моим званиям адмирала и вице-короля и губернатора и со всеми иными выгодами и преимуществами, тем званиям присвоенными, на основаниях, подробно изложенных в договоре моем с их величествами, ими одобренным и утверждённым. И было угодно всемогущему господу, чтобы я в 1492 г. открыл Индийский материк¹ и великое множество островов, в том числе Испаньолу, называемый индейцами Гаити, а мониконгосами – Чипанго. После этого я возвратился в Кастилию, к их величествам, которые повелели мне, согласно моим представлениям, предпринять вторичное путешествие для новых открытий и устройства поселений в найденных мною землях. И даровал мне господь победу на острове Испаньоле, который простирается на 600 миль протяжением, и покорил я его, а жителей сделал данниками. И в 700 милях от этого острова к западу я открыл много других островов, на которых живут людоеды, и в их числе Ямайку, названную нами Сант-Яго, да сверх того 333 мили материковой земли, простирающейся в юго-западном направлении, не считая 107 миль на север, открытых мною в первое путешествие. Сверх того, мною открыто множество островов, что можно яснее видеть из моих писем, записок и карт.

¹ Из этого места завешания видно, что Колумб так и умер, не зная, что он открыл Новый Свет. Он, отправляясь на запад, искал морской путь в Индию и открытые земли считал за часть Индии. Эта ошибка была затем закреплена в названиях Вест-Индии и индейцев. Открытые Колумбом земли считали «Индийским материком». О том, что Американский континент обособлен от Азии, узнали позднее.

4.3.

ВАСКО ДА ГАМА

Первая поездка в Индию (1497-1499 гг.) (Записки участника первой экспедиции Васко да Гамы)

Документ взят из записок «Указатель пути». Автор этих записок (вероятно, матрос, человек, не очень сведущий в литературе) остался неизвестным. Возможно, он погиб, возвращаясь из Индии, так как повествование неожиданно обрывается. Тем не менее рассказ очевидца по сравнению с другими сообщениями, в том числе и позднейших историков, является наиболее достоверным описанием первого морского путешествия Васко да Гамы.

Экспедиция Васко да Гамы разрешила, наконец, давнишнюю проблему поиска морского пути в Индию.

1. В 1497 г. король Мануил Португальский послал четыре корабля для открытий и нахождения пряностей. Командором сих кораблей был Васко да Гама. В воскресенье 8 июля 1497 г. мы снялись с якоря в Растелло¹. Дай бог нашей экспедиции, предпринятой во имя его, доброе завершение...

27... 7 апреля подошли мы к городу Момбаса², но не вошли в гавань, а остались на рейде... В гавани было немного кораблей, все в флажках и пестрых украшениях; чтобы не отстать от них, мы также изукрасились флагами, еще больше, чем они; ведь всего у нас было вдоволь, кроме разве людей, и то наша горсточка была вся почти сильно больна. Но пока мы бодро и даже весело стояли на рейде, ведь думали мы встретить здесь христиан, живущих в особой части города, под особым губернатором, надеялись вместе с ними на следующий день пойти к мессе...

37... Во вторник, 24 апреля, двинулись мы отсюда в город Каликут³, о каковом наш король имел сведения. Шли мы на восток, наперез того большого залива, куда... вливается и Красное море...

В ближайшее воскресенье опять показалась Полярная звезда, которой мы не видели очень давно, а в пятницу, 17 мая, после 23 дней безбрежного моря, мы увидели землю..., а затем подошли и к городу Каликуту... Послал наш командор одного человека в город, а там его привели к двум маврам из Туниса, которые говорили и по-кастильски, и по-генуэзски. И первым их приветом было: «Кой чорт вас занес сюда!». Но затем они спросили, что мы в такой дали. А он ответил: «Христиан и пряности». – «Странно сказали те, – почему же король кастильский не послал сюда людей или король французский, или синьерия венецианская?»⁴ А он ответил: «Потому что король португальский этого не стерпел бы», – на что они ответили: «Он не так-то неправ». Затем они его угостили пшеничными лепешками с медом, а потом проводили на корабль. Как только один из этих мавров взошел на он воскликнул: «Добро пожаловать добро пожаловать!».

Много рубинов, много смарагдов... Благодарите бога на коленях, что он привел вас в страну столь великих богатств». Мы все страшно поразилась, так как никак не предполагали, что в таком отдалении от Португалии мог быть человек, знающий наш язык.

40. Упомянутый город Каликут – христианский⁵. Христиане здешние – коричневые; часть из них носит длинные волосы и бороды, часть бреет голову, за исключением чуба, в знак того, что они христиане...

42. Царь принял командора, лежа на роскошном ложе с множеством чудеснейших подушек... Слева у него стояла громадная массивная золотая чаша емкостью в полмеры, куда царь выплевывал остатки корешков, какие тут люди жуют от жары и что называется у них «атамбор»⁶.

43. И спросил царь командора, что ему надо. И ответил тот, что он послан королем португальским, государем многих стран, самым богатым из тамошних королей. И что король наш и его предшественник вот уже 60 лет подряд посылали корабли ежегодно, чтобы найти в этих странах живущих здесь, как им известно, христиан, – а что касается золота, серебра, то им этого не нужно, так как сего добра у них и без того в изобилии, – но все эти посланные возвращались через год или два, истощив все запасы, в Португалию. И что теперешний король Мануил построил три корабля и послал его, командора, со строгим наказом – не возвращаться, пока не найдет царя христиан, а найдя передать ему два письма и уверить в братской дружбе. А письма эти он передаст на следующий день. На это царь отвечал, что он приветствует посла, тоже считает короля другом и братом и, со своей стороны, готов послать послов в Португалию... Было уже поздно ночью, и командор наш откланялся...

44. Во вторник командор приготовил подарки для царя: 12 кусков полосатой бумажной ткани, 4 накидки скарлатного сукна, 6 шляп, 4 нити кораллов, ящик с 6 металлическими котлами, ящик сахара, 2 бочонка с оливковым маслом и 2 бочонка меда. Но домоуправитель царя, которому, по обычаю, нужно предварительно показывать все, что приносится царю, расхотелся этими подарками – самый последний-де купец из Мекки дал бы больше и что царю нужно золото, много золота. Рассердился Гама и ответил, что золота у него не припасено и что он не торговец, а посол, что сейчас-де дарит он из своих средств, а не от короля, и что король португальский, конечно, пришлет и лучшие и более многочисленные подарки...

45. ...А в среду рано утром пришли опять мавры, чтобы вести командора во дворец... Целых четыре часа ждал он там, пока царь велел его ввести... И спросил, между прочим, царь, как же он говорит, что прибыл из богатой страны, а сам ничего не привез в подарок. Командор ответил: царю-де он ничего не привез, так как на сей раз его послали только, чтобы смотреть и открывать, а вот придут еще другие корабли, вот тогда и будут подарки, да еще какие.

46. Царь перебил его: «Кого же ты вздумал открывать – людей или камни? Ежели людей, то нельзя ничего не давать [в подарок]»... Затем Гама передал письма, – и царь остался ими доволен, спросив еще, какие такие товары имеются в португальской стране. Командор ответил – много хлеба, сукна, железа, меди и пр. Царь опять спросил, привез ли он какие-либо товары с собой. Да, всего понемногу, в виде образцов, и что он просит разрешения их выгрузить...

51. ...Царь вновь послал человек семь или восемь купцов⁷, но те и не думали покупать, а лишь играли на понижение цен.

52. ...Иначе относились местные люди. Если кто из команды сходил на берег, его охотно кормили и поили, давали ему уют и пр.; да и к нам они приходили десятками, иногда всей семье с ребятами, и командор всех их велел кормить. А все это делалось чтобы расположить их к нам, чтобы они про нас не думали худо. Часто нам даже становилось невмоготу: слишком уж их много и слишком они у нас засиживались, до самой теми. А все потому, что в стране народа видимо-невидимо, а припасов маловато.

...И покупали наши моряки многое за бесценок: и гвоздику и корицу, и украшения... Видя столь великую простоту народ, командор наш порешил оставить здесь для обмена фактора, писца и нескольких людей при амбарах...

58. ...И согласился, наконец, царь отпустить нас домой и прислал письмо нашему королю, писанное на пальмовом листе. А гласило оно: «Прибыл к нам Васко да Гама, дворянин вашей страны, чему мы немало обрадовались. А в нашей стране много корицы и гвоздики, и имбиря и перца, и драгоценных камней! а от вас хочу я золота и серебра, кораллов и скарлатного сукна».

60. В среду, 29 августа, имея в виду, что все, что нам надлежит открыть, мы открыли, командор наш решил пуститься в обратный путь. Все мы с великой радостью приветствовали это: ведь удалось нам открыть многое и великое...

61. [А именно]⁸. Из страны Каликут, Индии тож, идут все пряности, какие вкушаются и на Западе, и на Востоке, и в Португалии во всех странах. Впрочем не все пряности произрастают в самом Каликуте, кроме имбиря, перца, корицы. Да и корица эта далеко не так высокосортна, как корица с острова Цилань⁹, отстоящего от Каликута на 8 дней пути. Вся целиком корица идет в Каликут, а также на остров по прозванию Мелека (Малакка), откуда в тот же Каликут идет гвоздика. Здесь в Каликуте корабли из Мекки грузят пряности и привозят их в город после Мекки, по имени Джидеа¹⁰. И от Мелеки до Джидеа при попутном ветре 50 дней пути [лавировать местные корабли не могут], а там они выгружают товары и платят пошлину великому султану [египетскому]. В Джидеа пряности перегружаются на более мелкие суда, которые идут по Красному морю вплоть до места близ Св. Екатерины на Синае, по названию Тууц¹¹. Здесь опять-таки платят пошлину. Затем товар перегружают на верблюдов, – по четыре крусуда¹² за наём верблюда, – и везут его в Каир в течение 10 суток. Там опять платят пошлину. По дороге бывают частые нападения, так как страна кишит разбойниками, бедуинами и пр. В Каире пряности вновь погружаются на корабли, идущие по реке, называемой Нилом и вытекающей из страны пресвитера Иоанна в Нижней Индии¹³. По Нилу идут двое суток, пока не достигнут города Роксете¹⁴, где опять-таки берется пошлина. Там вновь перегрузка на верблюдов, и через сутки товар

прибывает в Александрию, город морской. В Александрию же приезжают венецианцы и генуэзцы на своих галерах за пряностями. А получает великий султан с пряностей, как высчитано, не менее 600 тыс. крусадов пошлины в год...

68. И пробыли мы в море три месяца без трех дней, по причине частого безветрия и ветров противных. Весь экипаж наш заболел тяжело, десны распухли так сильно, что покрыли все зубы, и мы не могли есть; распухли также и ноги, а на теле появились большие нарывы, настолько истощающие здоровенных мужчин, что они умирали, хотя никакой другой болезни и не было у них. Так умерло за это время тридцать человек (да столько же умерло и раньше), и в конце концов на каждом корабле оставалось лишь 7-8 человек, годных к службе, но далеко не здоровых. Да, если бы такие обстоятельства продолжались еще недели две, мы либо умерли бы все, либо пришлось бы возвращаться назад, в Индию. Ведь мы дошли до того, что прекратилась всякая дисциплина... Но вот бог, наконец, послал нам попутный ветер, и на шестой, кажется, день мы увидели землю, которой обрадовались, точно Португалии, ибо надеялись мы все там выздороветь. И это было 2 января 1499 г. ... Оказалось, что пред нами большой город с многоэтажными домами, с большим дворцом посередине и четырьмя высокими башнями. Жили там мавры, и назывался он Магадоксо¹⁵...

69. А 9-го числа того же месяца мы бросили якорь в Мелинде, и местный царь сейчас же послал нам большую лодку с живыми баранами и прочей снедью, приветствовал нас, обещая мир и дружбу. Командор наш сейчас же послал человека на берег, чтобы закупить апельсинов, в которых наши больные очень нуждались и которые им действительно принесли большую пользу.

...Видя, что местный царь оказывает нам много почестей и помощи, наш командор послал к нему матроса, говорившего по-маврски, с просьбой прислать ему бивень слона, чтоб он его мог отвезти королю, а также разрешить поставить столб с гербом¹⁶ в знак дружбы. И царь согласился, говоря, что для короля [португальского он сделает и это и многое другое и что он ему готов служить всячески...

70. Здесь мы оставались 5 дней и отдохнули от ужасных испытаний последнего переезда, который всем нам грозил смертью.

В пятницу 11-го мы двинулись дальше, а утром в субботу мы прошли мимо Момбасы¹⁷; в воскресенье же бросили якорь у «банки св. Рафаила»¹⁸, где мы сожгли корабль этого имени, ибо для всех трех кораблей¹⁹ у нас нехватало экипажа...

¹ Предместье Лиссабона.

² В восточной Африке.

³ В Индии, на Малабарском берегу, не смешивать с Калькуттой

⁴ Все эти страны торговали с Востоком по караванным путям и при посредстве арабов.

⁵ Это, конечно, ошибка, как в том убедился позже и сам автор.

⁶ Бетель – жевательный корень.

⁷ Арабских, для которых Васко да Гама и португальцы были опасными конкурентами.

⁸ Дальше идет описание важнейшего источника географических сведений европейцев XVI в.

⁹ Цейлон.

¹⁰ Джидда – гавань Мекки.

¹¹ Суэц.

¹² Золотая монета – около 5 руб. 25 коп. золотом.

¹³ В средние века существовала легенда о какой-то мифической «христианской» стране на востоке, основанной столь же легендарным пресвитером Иоанном. Иногда эту страну отождествляли с Абиссинией.

¹⁴ Розетта на западном устье Нила.

¹⁵ На восточном побережье Африки, севернее Мелинды.

¹⁶ Обычный знак овладения землей.

¹⁷ Момбаса – большая гавань на восточном побережье Африки, лежащей на 4-м градусе южной широты, к северо-западу от острова Мадагаскар и к югу от Сомали.

¹⁸ «Банка св. Рафаила» – отмель у восточного берега Африки.

¹⁹ Четвертый сторел по пути в Индию.

4.4.

ФЕРНАН МАГЕЛЛАН

Капитуляция с Фернаном Магелланом (21 марта 1518 г.)

Фернандо Магеллан (1480-1521 гг.), сын португальского рыцаря, участник экспедиции Франциско Д'Альмейды, долго служил в Индии, Софале и на Малакке, Бежав из Португалии в Испанию, заключил «Капитуляцию» с королем и в сентябре 1519 г. отправился в плавание. Он был убит 27 апреля 1521 г. в стычке с туземцами на о. Мактан.

Магеллан доказал своим путешествием не только шарообразность Земли, но и возможность обойти ее кругом по водным просторам, а также наличие «часовых поясов» – разницы во времени, проистекающей из вращения Земли.

КАПИТУЛЯЦИЯ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ С ЭРНАНДО ДЕ МАГЕЛЛАНОМ И БАККАЛАВРОМ ЛУИСОМ ФАЛЕРО ОБ ОТКРЫТИИ ОСТРОВОВ ПРЯНОСТЕЙ

Поскольку вы, Эрнандо де Магеллан, уроженец Португальского королевства, и вы, бакалавр Луис Фалеро, также родом из названного королевства, желаете, чтобы мы определили род службы вашей, обязываем вас открыть в части моря-океана, нам принадлежащей, и владыками коей мы есмь, внутри границ нашей демаркации, богатые пряности и иные вещи, в которых мы очень нуждаемся и которые были бы на пользу нашим королевствам, и поему повелеваем заключить с вами для этого следующую капитуляцию:

Во-первых: надлежит вам, в час добрый, отплыть для открытий в той части моря-океана, что находится внутри моих границ и моих демаркаций; и дабы не случилось так, что при исполнении вышеуказанного пересекли бы путь ваш другие лица, имеющие одинаковые с вами цели, жалую, желаю и обещаю вам, что на протяжении 10 последующих лет не будет дана лицензия кому бы то ни было, кто намеревается идти для открытий по пути и направлению, намеченному вами. И что если кто и обратится к нам с просьбой с таковой лицензии, прежде чем дать ее, мы поставим о том вас в известность, для того чтобы вы сами, если того пожелаете, могли совершить подобное плаванье с таким же количеством кораблей, как и те лица, которые намеревались бы отправиться в море для новых открытий.

Но знайте, что если мы пожелаем дать лицензию лицам, вознамерившимся плыть западным путем вплоть до места, которое мы укажем, в части Индий и материка и в иные земли всякого рода, уже открытые, в поисках пролива тех морей, то таковую лицензию мы будем иметь право предоставить особам, на нее претендующим.

Указанные открытия надлежит вам совершать так, чтобы ничего не открывать и ничего не предпринимать внутри демаркаций и границ светлейшего короля Португалии, моего очень дорогого и очень любимого дяди и брата, и ничего не делать во вред ему, придерживаясь пределов нашей демаркации.

И ценя помыслы, коими вы были движимы, приступая к названному открытию, и учитывая, что от службы вашей мы получим великое благо и владения нашей Кастильской короны возрастут, и в воздаяние трудов и опасностей, предстоящих вам, мы жалую, повелеваем и желаем, чтобы из всех прибылей и доходов, которые получите вы на островах и землях, вами открытых, а также из пошлин и податей и иных поступлений, которые будут взиматься в нашу пользу, вы, сбросив сумму издержек, вами понесенных, оставили себе одну двадцатую часть. Жалую также титулы наших аделантадо и губернаторов означенных земель и островов вам и сыновьям и наследникам вашим по праву, отныне и навсегда с тем, чтобы за нашими королями, которые будут после нас, оставалась, верховная власть. И после вас названное право управления и титул аделантадо перейдет вашим сыновьям-наследникам, если только они будут подданными наших королевств и заключат браки в их пределах. И относительно всего этого повелеваем мы вручить вам наши грамоты и привилегии, составленные по закону и форме. Также жалую вам право ежегодно вывозить и отправлять на открытые вами острова и земли на наших кораблях различные товары на сумму в 1 000 дукатов.

Дабы оказать вам наибольшую милость, желаем мы, чтобы, в том случае, если число открытых вами островов будет более шести, избрали бы вы в этой шестерке два острова и впредь получали с них 15-ю часть всех чистых доходов, пошлин и рент, нам причитающихся.

Мы желаем, чтобы в воздаяние трудов и расходов, понесенных вами в этом плаванье, была вам оказана милость, а потому дозволяем со всего доставленного первой армадой удержать и оставить за собой одну пятую часть.

И дабы все указанное выше можно было лучше исполнить и было успешно плаванье, повелеваю я снарядить пять кораблей: два по 130 тонн каждый, два по 90 тонн и один в 60 тонн, обеспеченных людьми, необходимыми запасами и артиллерией. И да будет известно, что означенные корабли отправляются на два года и что следует на них 234 человека, и среди них пилоты, моряки и всадники и иные люди, согласно мемориала, нам представленного, и повелеваем выполнить все сказанное нашим официалам, находящимся в Севилье в Индийском торговом доме.

И если при исполнении возложенных на вас условий один из вас умрет, тот, кто останется в живых, да хранит и да выполнит полностью все обязательства. И для того чтобы соблюдалось все указанное выше должным образом и наша казна имела поступления, отвечающие данному соглашению, назначаем мы фактора, и казначея, и ревизора, и писца на названные корабли, каковые обязаны представить нам отчет с указанием суммы понесенных: издержек до выхода кораблей в море, а по их возвращении – такой же отчете том, что нам надлежит получить со всего, привезенного армадой. И вам словом своим королевским повелеваю все изложенное выше и приказываю дать вам сие соглашение, моей подписью скрепленное.

Подписано в Вальядолиде 21 марта 1518 года.

Я, король.

Кругосветное путешествие Фернана Магеллана (Из дневника Антонио Пигафетты, спутника Фернана Магеллана)

Антонио Пигафетта, итальянский дворянин, папский чиновник при испанском дворе, стал участником экспедиции и оставил подробные путевые записки об увиденном.

В первом отрывке из дневника очевидца подробно передана потрясающая картина тех невзгод и страданий, которые пришлось пережить отважным участникам этого путешествия. Второй отрывок из источника характеризует личность великого мореплавателя, смелого и настойчивого, готового преодолеть любые невзгоды и опасности во имя достижения поставленной цели. Последний отрывок из источника рассказывает о его гибели.

А) В среду 28 ноября 1520 г. мы выбрались из этого пролива и погрузились в просторы Тихого моря. В продолжение трех месяцев и двадцати дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой¹. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать.

Однако хуже всех этих бед была вот какая. У некоторых из экипажа верхние и нижние десны распухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли². От этой болезни умерло девятнадцать человек, в том числе и великан, а также индеец из страны Верзин. Из числа тридцати человек экипажа переболело двадцать пять, кто ногами, кто руками, кто испытывал боль в других местах, здоровых оставалось очень мало. Я, благодарение Господу, не испытал никакого недуга.

За эти три месяца и двадцать дней мы прошли четыре тысячи лиг, не останавливаясь, по этому Тихому морю. Поистине оно было весьма мирным, ибо за все это время мы не выдержали ни одной бури. Кроме двух пустынных островков, на которых мы нашли одних только птиц да деревья и потому назвали их Несчастливыми островами, мы никакой земли не видели. Они лежат на расстоянии двухсот лиг один от другого. Мы не находили места, куда бы бросить якоря, и видели около них множество акул. Первый островок лежит под 15° южной широты, а другой – под 9°³. Согласно измерениям, которые мы производили по бревну от корабельного носа до кормы, мы делали ежедневно 50, 60 или 70 лиг. Если бы Господь Бог и Присноблаженная Мать Его не послали нам хорошей погоды, мы все погибли бы от голода в этом необычайно обширном море. Я глубоко уверен, что путешествие, подобное этому, вряд ли может быть предпринято когда-либо в будущем...

Б) Магеллан был наделен всеми добродетелями. Он выказывал всегда непоколебимую настойчивость среди самых больших бедствий. На море он сам осудил себя на большие лишения, чем остальной экипаж. Сведущий, как никто, в знании морских карт, он владел в совершенстве искусством кораблевождения, и это он доказал своим путешествием вокруг света, на что никто другой не отважился до него...

В) В пятницу 26 апреля Зула, начальник острова Мактан, прислал к капитан-генералу одного из своих сыновей с козами. Он сообщил, что мог бы послать ему все, что было ему ранее обещано, но он не мог этого сделать по той причине, что другой начальник, Силапулапи, отказался подчиниться королю Испании. Он просил капитана снарядить одну шлюпку со своими людьми и отправить их той же ночью, чтобы помочь ему сражаться с этим начальником. Капитан-генерал решил отправиться сам с тремя шлюпками. Мы настойчиво просили его не ездить туда, однако он, как добрый пастырь, отказывался покинуть свое стадо. В полночь шестьдесят человек в нагрудниках и касках вместе с властителем» христианином, наследником и некоторыми именитыми туземцами двинулись в путь на двадцати или тридцати балангах. Мы добрались до Мактана за три часа до рассвета. Капитан не хотел начинать битву в это время ночи и отправил в качестве посла к туземцам «мавра», поручив ему передать им, что если они будут оказывать повиновение королю Испании и признают христианского государя как своего суверена и уплатят нам дань, то он станет их другом, если же они желают другого, то пускай убедятся в том, какие раны наносят наши копья. Они сказали в ответ, что если у него имеются копья, то копья имеются и у них, хотя и из бамбука, а также колья, закаленные на огне. Они просили нас не начинать наступления теперь, а дождаться утра, чтобы они могли набрать побольше людей. Эта просьба объяснялась намерением побудить нас направиться на их поиски, они же выкопали меж домов ямы, в которые мы должны были попадать. Как только наступило утро, сорок девять человек наших бросились в воду, которая доходила им до бедер. Пришлось проплыть расстояние свыше двух выстрелов из самострела, прежде чем добраться до берега. Из-за подводных скал лодки не могли подойти к берегу ближе. Когда мы добрались до берега, туземцы числом свыше 1500 человек выстроились в три отряда. Увидев нас, они кинулись на нас с невероятными криками, два отряда обрушились на наши фланги, а один – с фронта. Тогда капитан построил нас в два отряда, и началось сражение. Мушкетеры и лучники стреляли издали около получаса, однако без всякой пользы, так как пули и стрелы пробивали только их щиты, сделанные из тонких деревянных дощечек, и руки. Капитан кричал: «Прекратите стрельбу! Прекратите стрельбу!» – но никто не обращал внимания на его крики. Когда туземцы убедились в том, что наша стрельба не достигает цели, они начали кричать, что будут стойко держаться, и возобновили крик с еще большей силой. Во время нашей стрельбы туземцы не оставались на одном месте, а бегали то туда, то сюда, прикрываясь щитами. Они осыпали нас таким количеством стрел и бросали такое множество копий в сторону капитана (некоторые копья были с железными наконечниками), да еще закаленные на огне колья, да камни и землю, что мы едва были в состоянии защищаться. Видя это, капитан отрядил несколько человек с приказом сжечь их дома, дабы подействовать на них страхом. Вид сжигаемых домов привел их в еще большую ярость. Двое из наших были убиты у домов, мы же сожгли от двадцати до тридцати домов. На нас накинлось такое множество туземцев, что им удалось ранить капитана в ногу

отравленной стрелой. Вследствие этого он дал приказ медленно отступать, но наши, за исключением шести или восьми человек, оставшихся при капитане, немедленно обратились в бегство. Туземцы стреляли нам только в ноги, потому что мы не были обуты. И так велико было число копий и камней, которые они метали в нас, что мы не в состоянии были оказывать сопротивление. Пушки с наших судов не могли оказывать нам помощи, так как они находились слишком далеко. Мы продолжали отступать и, находясь на расстоянии выстрела от берега, продолжали сражаться, стоя по колено в воде. Туземцы продолжали преследование, и, поднимая с земли по четыре – шесть раз одно и то же копьё, метали их в нас вновь и вновь. Узнав капитана, на него накинлось такое множество людей, что дважды с его головы сбили каску, но все же он продолжал стойко держаться, как и подобает славному рыцарю, вместе с другими, рядом с ним стоящими. Так мы бились больше часа, отказываясь отступать дальше. Один индеец метнул бамбуковое копьё прямо в лицо капитана, но последний тут же убил его своим копьём, застрявшим в теле индейца. Затем, пытаясь вытащить меч, он обнажил его только до половины, так как был ранен в руку бамбуковым копьём. При виде этого на него накиннулись все туземцы. Один из них ранил его в левую ногу большим тесаком, похожим на турецкий палаш, но еще более широким. Капитан упал лицом вниз, и тут же его закидали железными и бамбуковыми копьями и начали наносить удары тесаками до тех пор, пока не погубили наше зеркало, наш свет, нашу отраду и нашего истинного вождя. Он все время оборачивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться на лодки. Полагая, что он умер, мы, раненые, отступили, как только было возможно, к лодкам, которые сразу же двинулись в путь. Властитель-христианин хотел оказать нам помощь, но перед тем, как мы отправились на берег, капитан настоял на том, чтобы он не покидал своей баланги, а оставался на ней и наблюдал, как мы будем сражаться. Узнав, что капитан убит, он залился слезами. Если бы не капитан, то ни один из наших не спасся бы на лодках, так как, пока он бился, другие успели отступить к лодкам. Возлагаю упование на Ваше сиятельство, что слава о столь благородном капитане не изгладится из памяти в наши дни. В числе других добродетелей он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил.

¹ Наваррете приводит из записей одного из современников фразу Магеллана, которую он произнес на совещании, созванном для решения вопроса о дальнейшем курсе. Он заявил, что хотя бы ему пришлось питаться коровьей кожей с нока, он будет продолжать открытия, раз он обещал это императору.

² Это была цинга. Наваррете, основываясь на сохранившемся в Главном архиве Индии документе, пишет, что от цинги только по пути от пролива до Разбойничьих (Марианских) островов умерло 11 человек.

³ Эти два острова были, вероятно, Пука-пука (остров Гонден) из группы Туамоту, расположенной под 14°45' ю. ш. и 138°48' з. д., и остров Флинт из группы Манихики, расположенной под 11° 20' ю. ш. и 151° 48' з. д.

4.5. ДРУГИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Письма Америго Веспуччи

Америго (Америго) Веспуччи (9 марта 1454 г. – 22 февраля 1512 г.) – флорентийский путешественник, по имени которого, возможно, названа Америка. Находился на испанской, на португальской службе. Будучи в Испании, Америго Веспуччи сблизился с Христофором Колумбом. Принимал участие в ряде экспедиций в новооткрытые страны в качестве космографа, кормчего, командира судна. В 1508 г. был назначен главным кормчим для путешествий, предпринимаемых в Индию. Умер в 1512 г. в Севилье.

Представлены «Письма Америго Веспуччи», в которых автор излагает историю своих путешествий. Известны два адресата Америго Веспуччи, к которым были при его жизни направлены его письма: первый – Лоренцо ди Пьер Франческо дель Медичи и второй – гонфалоньер Содернии во Флоренции.

Письмо Америго Веспуччи о его третьем путешествии к берегам Бразилии (май 1501 г. – сентябрь 1502 г.), написанное в конце 1502 г. или в марте – апреле 1503 г. Лоренцо ди Пьеру Франческо дель Медичи

Альберико Веспуччи шлет Лоренцо ди Пьеру Франческо дель Медичи¹ самый большой привет.

В предшествующие дни написал я тебе достаточно полно о моем возвращении из новых стран, которые мы разыскали и нашли с помощью флота и средств и по поручению светлейшего короля Португалии. Эти страны следует назвать Новым Светом. У наших предков о них не было никакого представления, и, по мнению

всех, это самое новейшее открытие. Ибо оно выходит за пределы представлений наших предков. Большая часть их говорила бы, что дальше равноденственной линии² по направлению к югу нет никакого континента, но есть только море, которое они называли Атлантическим, и, если бы кто-нибудь из них утверждал, что там находится континент, они, по многим соображениям, отрицали бы, что эта земля обитаема. Но это их мнение ложно и совершенно противоположно действительности. Мое последнее плавание доказало это, так как я нашел в этих южных областях континент с более многочисленными племенами и более разнообразной фауной, чем в нашей Европе, Азии или Африке, и, сверх того, с более умеренным и приятным климатом, чем в любой другой стране, нам известной. Ты поймешь нижеследующее, когда мы только кратко обозначим заглавия частей и упомянем вещи, более достойные для их выделения и запоминания, которое я или видел, или о которых слышал в этом Новом Свете.

При благоприятном течении в четырнадцатый день мая 1501 года отплыли мы по поручению упомянутого короля из Лиссабона с тремя кораблями по направлению к югу для открытия новых стран и в продолжение двадцати месяцев³ все время плыли в этом направлении. Порядок этой экспедиции был таков. Наша флотилия шла в направлении Счастливых островов, так некогда названных, теперь же их именуют Большими Канарскими островами, находящимися в третьем климате⁴ и расположенными на границах Запада. Оттуда через весь океан (к югу) тянется сплошной африканский берег. Мы прошли мимо области эфиопов вплоть до Эфиопского мыса, названного так Птоломеем⁵. Он именуется теперь нашими Зеленым Мысом. За эфиопами, внутри жаркого пояса, на четырнадцатом градусе от равноденственной линии, по направлению к северу находятся Безегик и страна Мандинга, населенные черными племенами и народами.

Там (у Зеленого Мыса), вновь собрав силы и сосредоточив ресурсы нашей экспедиции, мы подняли якоря и раскрыли паруса ветрам. Мы держали наш путь в сторону Антарктики, устремляясь немного на запад, через обширнейший океан, в направлении ветра, который называется вультурном⁶. И от дня, когда мы отплыли от упомянутого мыса, мы шли в продолжение двух месяцев и трех дней⁷, прежде нежели открылась нам какая-то земля. В просторах этого моря, которое мы прошли, мы претерпели как опасности кораблекрушения, так и тяготы нашего существования. Мы трудились с величайшим душевным напряжением, по решительному мнению тех, которые отлично, на опыте многих предприятий представляли себе, что значит искать неизвестное, исследовать неведомое. И чтобы ты в одном слове все понял, знай, что из шестидесяти семи дней, в течение которых мы непрерывно плыли, сорок четыре дня были заполнены дождями, громами и молниями. Было так темно, что мы не видели ни солнца днем, ни ясного неба ночью. Это было причиной того, что нас охватил такой страх, что мы потеряли уже всякую надежду на жизнь. И среди этих морских бурь высокому небу было угодно открыть нам землю, новые страны и неведомый мир. При лицезрении всего этого мы исполнились такой радости, которую каждый может понять, когда представит себе, что происходит с теми, к кому после различных несчастий и превратностей судьбы приходит спасение.

В седьмой день августа 1500 года на берегах этих самых стран мы бросили якоря и, воздавая торжественным молебствием благодарения господу нашему, отслужили мессу с пением.

На месте мы поняли, что эта земля — не остров, но континент, ибо длиннейшие берега не замыкаются, превращая ее в остров. Она заполнена несметным числом обитателей, ибо на ней мы нашли бесчисленные племена и народы и виды всех лесных животных, которые находятся в наших странах, и многое другое, никогда нами ранее не виденное, о чем по отдельности долго будет рассказывать. Великая милость божия воссияла нам в том, что мы приблизились к этим странам, ибо недоставало строительного леса и воды и мы могли бы в течение немногих дней, находясь в море, потерять жизнь. Ему (господу) и честь, и благодарение, и благодарственное рвение.

Мы приняли решение плыть вдоль берега этого континента по направлению к востоку с тем, чтобы не терять его из вида, и, как скоро его миновали, подошли к одному заливу — там берег делает поворот к югу, — и с этого места, где мы заметили впервые землю, до этого залива было около трехсот левков⁸. На протяжении этого плавания много раз мы сходили на землю и дружественно общались с ее жителями, как ты ниже услышишь. Я забыл тебе написать ранее, что от Зеленого Мыса до начала этого континента около семисот левков.

Хотя я считал, что мы проплыли более, чем тысячу восемьсот, но, отчасти вследствие незнания мест и неопытности кормчего, отчасти вследствие бурь и ветров, мешающих нашему прямому пути, нас часто гнало в обратном направлении. Если бы товарищи не обратили внимания на меня, кому была известна космография, то не нашлось бы кормчего или руководителя нашего плавания, который на протяжении пятисот левков знал бы, где мы находимся. Ибо мы скитались и блуждали, и только инструменты указывали нам высоту небесных тел по отношению к правильной отвесной линии. Это были квадрант и астролябия⁹, которые все знали. Затем, впоследствии все удостоили меня большим почетом. Ибо я показал, что без знания морской карты я более владел наукой плавания, чем все кормчие всего мира. Ибо они имели понятие только о местах, которые часто проплывали. Когда же упомянутый мыс указал нам поворот берега к югу, мы решили плыть далее, минуя его, и разведать, что находится в тех областях. Мы проплыли вдоль берега около шестисот левков, и часто сходили на землю, и беседовали, и общались с колонами¹⁰ этих областей, и были принимаемы ими по-братски. Иногда мы задерживались у них на пятнадцать или двадцать дней, и они оставались постоянно дружественными и гостеприимными, как ты ниже узнаешь.

1146 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Часть этого нового континента находится в жарком поясе по ту сторону равноденственной линии, по направлению к антарктическому полюсу, ибо он начинается на восьмом градусе по ту сторону этой самой равноденственной линии. Мы плыли вдоль его берега до тех пор, пока, миновав тропик Козерога, обнаружили, что антарктический полюс стоит над тем горизонтом выше пятидесятого градуса. Мы находились вблизи самого антарктического круга на широте семнадцати с половиной градусов.

Я расскажу, рассмотрев по порядку, что я видел там и узнал о природе тех племен, об их нравах и обходительности, о плодородии земли, о целебности воздуха, о расположении на небе небесных тел и особенно о неподвижных звездах восьмой сферы¹¹, никогда не виденных ранее нашими предками.

Итак, сперва о том, что касается племен. Мы нашли в этих странах такое множество народа, которое никто не мог бы пересчитать, как говорится в апокалипсисе¹². Народ, говорю я, мягкий и обходительный. Все жители, и тот и другой пол, ходят обнаженными, не прикрывая никакой части тела. Как выходят из утробы матери, так до самой смерти и ходят. У них стройные и большие фигуры, хорошо и пропорционально сложенные, с цветом кожи, приближающимся к красноватому. Я думаю, что это происходит у них потому, что они, расхаживая нагими, загорают на солнце.

На голове у них великолепные черные косматые волосы. Выходя из дома и на игрищах они держатся легко и свободно. У них приятное лицо, которое они, однако, сами себе уродуют. Ибо они прокалывают себе и щеки, и губы, и ноздри, и уши. И ты не думай, что эти отверстия малые и что они имеют их только одно. Ибо я видел некоторых людей, имеющих на одном лице семь дыр, из которых любая была способна вместить сливу. Они втыкают себе в эти отверстия очень красивые голубые намни, мрамор, кристаллы или алебастр, а также очень белые кости и другие предметы, художественно оформленные согласно их обычаю. Если бы ты видел это необыкновенное дело, подобное чуду, ты был бы, конечно, изумлен, что человек имеет в щеке один, а в губах семь камней, из которых некоторые величиной с половину ладони. Ибо часто я определял и находил, что семь таких камней весят шестнадцать унций, и, кроме того, в каждом из ушей имеются по три пробитых отверстия, несущих другие камни, висящие на кольцах. Таков обычай у одних мужчин, ибо женщины не прокалывают себе лица, но только уши.

Они не носят одежду ни шерстяных, ни льняных, ни шелковых, так как в них не нуждаются и так как не имеют собственного имущества, но все у них общее. Они живут одновременно и без царя и без власти, и каждый из них сам себе господин.

Женщины ведут себя как им угодно... Всякий раз, когда хотят, они расторгают браки и в этом не сохраняют никакого порядка. Кроме того, они не имеют храма, не придерживается какого-нибудь закона и не являются даже идолопоклонниками.

Что еще сказать? Они живут согласно природе, и их скорее можно назвать эпикурейцами, чем стоиками¹³. Среди них нет ни купцов, ни товарообмена. Племена ведут между собой войны неискусно и беспорядочно. Старейшины склоняют своими речами юношей к тому, что им, старейшинам, угодно, и побуждают их к войнам, в которых те жестоким образом взаимно себя истребляют. А тех, которых захватывают в плен на войне, они сберегают не для их жизни, а для убийства...

...Они живут по сто пятьдесят лет и редко болеют, и если случается с ними какое-нибудь нездоровье, то лечат сами себя корнями каких-то трав. Вот то наиболее примечательное, что я у них узнал.

Климат там очень умеренный и хороший, и я мог узнать из их сообщения, что никогда там не бывает заразы или болезни какой-нибудь, которая происходит от испорченного воздуха. И если они не умирают насильственной смертью, то живут долгую жизнь. Я думаю, что там всегда дуют южные ветры и особенно тот, который мы называем эвром. Для них он такой, каким для нас является аквилон¹⁴.

Они усердно занимаются рыболовством. Это море богато рыбой, изобилуя всякими ее видами. Они не занимаются охотой. Я думаю, что, поскольку там есть многие виды лесных животных, особенно львов, медведей, бесчисленных змей и других отвратительных гадов и безобразных животных, а также поскольку там вдаль и вширь простираются леса и деревья непомерной величины, они не осмеливаются нагими, без покрова и соответствующего оружия, подвергать себя стольким опасностям.

Земля этих стран очень плодородна и приятна, изобилуя многими холмами и горами, бесчисленными долинами и величайшими реками. Она орошена целебными источниками, богата величайшими, едва проходимы ми лесами и чащами и всеми видами зверей. Огромные деревья вырастают без ухода человека. Многие из них приносят плоды, приятные по вкусу и полезные для человеческого организма, некоторые же – наоборот; и никакие плоды там не похожи на наши плоды. Там рождаются бесчисленные виды трав и корней, из которых готовят хлеб и отличные лакомые блюда. Они имеют многие семена, совершенно непохожие на наши семена.

Там нет никаких видов металлов, кроме золота – им эти страны изобилуют, – хотя мы его с собой совсем не привезли в это первое наше плавание. О нем сообщили жители, которые утверждали, что в центре страны большое множество золота. Они считают его за ничто и не знают его ценности. Эти страны изобилуют жемчугом, о чем я тебе писал прежде. Если бы я захотел по одному вспомнить, что там находится, и написать о многочисленных видах животных и об их величине, то это было бы обширным и непомерным делом. И я истинно верю, что наш Плиний (Старший)¹⁵ не коснулся и тысячной доли вида попугаев и других птиц, а также

животных, которые находятся в тех странах, с таким разнообразием наружностей и окрасок, что не хватит и художника Полинлета¹⁶ для изображения полной картины.

Все деревья там ароматны, и из каждого из них получают или гумми, или растительное масло, или какую-нибудь жидкость. Не сомневаюсь, что, если свойства их стали бы нам известны, они были бы целительны для человеческого организма. И воистину, если земной рай находится в какой-либо части земли, то думаю, что он недалеко отстоит от этих стран. Они расположены, как я уже сказал, на юге, в таком умеренном климате, что там никогда не бывает ни холодной зимы, ни жаркого лета.

Небеса и воздух большую часть года ясны и свободны от густых облаков. Изредка выпадают там дожди. Они длятся по три или четыре часа и иссякают, подобно ливню. Небо украшено великолепными созвездиями. В нем я отметил около двадцати звезд такой яркости, какую мы видим только у Венеры и Юпитера. Я рассмотрел их движения и орбиты, измерил при помощи геометрических методов их периферии и диаметры и установил их наибольшую величину. Я видел в этом небе три звезды Канопус: две действительно яркие, третью – темную. Антарктический полюс не украшен Большой и Малой Медведицей, как здесь представляется наш арктический, и близ него не видно яркой звезды. Из тех звезд, которые около него движутся на короткой орбите, три звезды образуют фигуру прямоугольного треугольника. Половинный диаметр их периферии имеет девять с половиной градусов. Рядом с этими восточными звездами, слева, видна одна яркая звезда Канопус¹⁷ превосходной величины.

После них идут две других, половинный диаметр периферии которых имеет двенадцать с половиной градусов, и рядом с ними видна другая яркая звезда Канопус. За ними следуют шесть других, очень красивых и ярких звезд между всеми другими звездами восьмой сферы, которые имеют половинный диаметр периферии на поверхности тверди в тридцать два градуса. Вместе с ними проходит одна темная звезда Канопус огромной величины. Все они видны на Млечном Пути...

Я видел много других прекраснейших звезд, движение которых я тщательно отметил и весьма удачно изобразил графически в это все плавание в одной моей записной книжке. Светлейший король держит ее при себе и, надеюсь, вернет ее мне. В этой гемисфере¹⁸ я видел вещь, несогласную с выводами философов. Светлая радуга была видима около полуночи дважды не только мною, но также всеми матросами. Равным образом по многу раз мы видели новую Луну в тот день, когда она соединялась с Солнцем. В каждую из ночей в этой части неба блуждали многочисленные облака и пролетали пылающие метеоры. Я сказал немного ранее – в этой гемисфере, – однако это не является, собственно, ее наименованием, но при наблюдении нами полной гемисферы, что случилось при такого рода ее форме, так ее можно было бы назвать.

Итак, как я сказал, от Лиссабона, откуда мы выехали, – он отстоит от равноденственной линии на тридцать девять с половиной градусов – мы проплыли за пределы этой линии расстояние в пятьдесят градусов. В сумме это составляет около девяноста градусов, что равно четвертой части большого круга в соответствии с действительным смыслом измерения, переданного нам древними. Очевидно, что мы проплыли четвертую часть Земли. И по этому соображению мы, жители Лиссабона, находящиеся по эту сторону равноденственной линии, на тридцать девятую с половиной градусе северной широты, по отношению к тем, которые живут на пятидесятом градусе южной широты, по ту сторону той же равноденственной линии, находились под углом в пять градусов к поперечной линии.

Чтобы ты яснее это понял, представь себе следующее: перпендикулярная линия, которая, когда мы стоим прямо, падает от точки неба над нашей макушкой на нашу голову, у них попадает на бок или на ребро. Поэтому получается, что для того, чтобы мы находились на прямой и одновременно на поперечной линии, должна образоваться фигура прямоугольного треугольника, линию катета которого мы сами занимаем, основание же и гипотенуза тянутся от нас и к их макушкам, что и видно на этой фигуре, и это мнение подкрепляется космографией.

Вот это и было наиболее примечательным, что я видел в этом последнем плавании, которое я называю «днем третьим». Ибо другие два «дня» были двумя другими плаваниями, которые я совершил по поручению светлейшего короля испанского к западу и во время которых записал заслуживающие удивления вещи, сотворенные им, всевышним творцом, господом нашим. Я написал дневник о всех примечательных делах с тем, что, если когда-нибудь мне будет предоставлен отдых, я мог бы все это особенное и примечательное соединить и написать книгу по географии или космографии, чтобы воспоминание обо мне не умерло бы среди потомков. Пусть знают, сколь велико творение всемогущего бога, неизвестное древним, но частично нами познанное. Итак, я молю милостивейшего бога, чтобы он мне продлил дни жизни, чтобы я при его благоволении и душевном спасении мог бы наилучше завершить осуществление моего желания.

Я сберегаю два других «дня» в моих хранилищах и попытаюсь при возвращении моем на отдых в отечество этот третий «день» повторить светлейшему королю, когда буду в состоянии снести со знатоками и получу поддержку и помощь со стороны друзей для завершения этого произведения.

От тебя я прошу прощения, что это мое последнее плавание, или последний «день», я тебе не переслал, что обещал в последних моих письмах, когда я мог иметь рукопись от светлейшего короля. Я надеюсь совершить еще четвертое плавание и этим занят. И уже мне было дано обещание предоставить два корабля с их снаряжением, чтобы я приготовился к отысканию новых стран на юге с восточной стороны, с помощью ветра, который называется африканским. В этом путешествии я думаю совершить многое во славу божию, для пользы

этого государства и для украшения моей старости, и ничего другого я не жду, кроме согласия светлейшего короля. Пусть бог решит, что лучше, а что будет – ты узнаешь.

Переводчик Джокондо перевел это письмо с итальянского на латинский язык, чтобы все узнали на латыни, как много удивительного было открыто во время этих плаваний и была бы обуздана дерзость тех, кто желает испытывать провидение и королевское величие и знать более, чем это дозволено, ибо с того времени, как мир начался, неизвестна была обширность Земли и что находится на ней.

¹ Лоренцо ди Пьер Франческо дель Медичи (1453-1505 гг.) – итальянский банкир, старый друг и покровитель Веспуччи, Был послом Флоренции при дворе Карла VIII французского. Послание итальянского мореплавателя к Медичи, отправленное в 1503 г., описывает третье путешествие Америго. Смерть патрона Веспуччи совпала с четвертой экспедицией последнего.

² Равноденственная линия – экватор.

³ «Двадцати месяцев». Очевидная ошибка Веспуччи. От дня выезда – 14 мая 1501 г. – до дня возвращения в Лиссабон – 7 сентября следующего года – прошло только около 16 месяцев, проведенных в путешествии, из которых не более 10 месяцев – в плавании по направлению к югу.

⁴ «Третий климат». «Климат» (греч.) буквально означает наклон солнца, иначе сказать, полуденную высоту солнца. Древние географы делили землю на климатические пояса в зависимости от этого явления и длины дня, принимая в расчет так называемые астрономические климаты, зависящие от положения земли относительно солнца.

⁵ Птолемей – греческий географ, астроном и физик. Жил и действовал в Александрии в первой половине II века н. э.

⁶ Вультурн (Вольтурн) – римское название восточного, позднее – юго-восточного ветра Евра или Эвра (греч.).

⁷ «Двух месяцев и трех дней». Ошибка Веспуччи или переводчика. Надо – «двух месяцев и семи дней».

⁸ Левка (leuca) – древнегальская путевая мера длины, считалась равной трем милям в Англии, Франции, Испании и Португалии.

⁹ Квадрант и астролябия. Квадрант – астрономический инструмент, служивший для измерения высот небесных светил. Астролябия – угломерный снаряд, употребляющийся для астрономических и геодезических наблюдений.

¹⁰ Колоны – античная реминисценция у Веспуччи. Здесь – жители.

¹¹ «Восьмая сфера». Механическое объяснение движения планет, предложенное Архимедом, заключается в том, что планеты занимают каждая отдельную часть неба и что их пути определяются комбинацией движений нескольких сфер. Солнце и луна имели по три сферы. Одна из них вращается около оси, полюсы которой совпадают с земными полюсами, другая вращается около полюсов эклиптики в противоположном направлении, что производит годичный период одного и месячный период другого светила, наконец, третья вращается в направлении, перпендикулярном к первой, и производит изменение в склонении светил. Каждая из планет имеет еще четвертую сферу, которая объясняет стояния и обратное движение планет. По мере открытия новых неравенств в движениях светил приходилось прибавлять новые сферы, и система эта, весьма сходная с системами эпициклов Птолемея, вскоре привела к весьма запутанному сплетению воображаемых сфер.

¹² Апокалипсис – «Откровение св. Иоанна», последняя книга Нового Завета, носящая мистический, эсхатологический характер.

¹³ Эпикурейцы и стоики – философские направления в Древней Греции. Эпикуреец – человек выше всего ставящий личное удовольствие и чувственные наслаждения. Стоик – человек, непоколебимо и мужественно переносящий невзгоды и испытания.

¹⁴ Аквилон (греч.) – северный и северо-восточный ветер.

¹⁵ Плиний (Старший) – знаменитый римский ученый, автор «Естественной истории» в 37 книгах (I в.). Погиб при извержении Везувия в 79 г.

¹⁶ «Поликлет». Ошибка Веспуччи или переводчика. Надо – Полигнот. Поликлет (V век до н. э.) – один из величайших греческих скульпторов, Полигнот (V век до н. э.) – древнегреческий живописец.

¹⁷ Канопус – альфа созвездия Корабль Арго (Navis Argus), очень яркая звезда первой величины, видна в северном полушарии только в местах южнее 37,5° северной широты. В средние века арабы наблюдали Канопус для определения точки юга.

¹⁸ Гемисфера – полушарие.

Письмо Америго Веспуччи об открытых недавно в его четырех путешествиях островах, написанное 4 сентября 1504 г. к Пьетро Содерини, гонфалоньеру республики Флоренции

Первое путешествие
(1497-1498)

Светлейший сеньор! Возможно, ваше высочество будет изумлено моей дерзостью и ваша мудрость оскорблена тем, что я так нелепо пишу вашему высочеству настоящее, столь многословное письмо. Как я знаю, ваше высочество постоянно занято высокими совещаниями и делами, относящимися к доброму управлению этой величественной республикой. И я боюсь, что вы будете считать меня праздным и навязчивым, вторгающимся не в свое дело, когда я пишу о вещах, неподобающих вашему положению и незанимательных, пишу в варварском стиле, с нарушением всяких правил образованности.

Но доверие, которое я питаю к вашей добродетели, и правдивость моего письма, содержащего вещи, которые нельзя найти в произведениях ни древних, ни новых писателей, как ваше высочество заметит впоследствии, делают меня смелым. Главная причина, заставляющая меня писать вам, это просьба подателя настоящего письма, которого зовут Бенвенуто Бенвенути, нашего земляка флорентинца, – очень хорошо, если он окажется слугой вашего высочества, – моего очень хорошего друга. Ему случилось быть здесь в городе Лиссабоне, и он попросил, чтобы я рассказал вам, ваше высочество, о тех вещах, которые я видел в различных странах света благодаря действительности четырех путешествий, которые я совершил, открывая новые земли: двух путешествий по приказу короля Кастилии, короля Дона Фернандо Шестого, – через необъятную пучину океана по направлению к западу, и двух других по повелению могущественного короля Дона Мануэля, короля Португалии, – по направлению к югу.

Сказав мне, что ваше высочество получит от всего этого удовольствие, он надеялся при этом оказать вам услугу, почему я и решил сделать это, так как уверен, что вы, ваше высочество, зачислите меня в состав ваших слуг, вспомнив, что во времена нашей юности я был вашим другом, а теперь я ваш слуга. Вспоминаю, как мы вместе изучали грамматику под руководством почтенного монаха, брата святого Марка, Фра Джорджио Антония Веспуччи, чьим советам я, благодаря господу, следовал, ибо, как говорит Петрарка, мне надо было быть другим человеком, чем я есть сейчас.

Тем не менее¹ я, как бы то ни было, не огорчаюсь, так как всегда получал удовольствие от достойных дел. И хотя все эти мои дела совершенно не соответствуют вашей доблести, скажу вам точно так же, как сказал Плиний Меценату, что, быть может, моя болтовня доставит вам иногда хоть какое-нибудь удовольствие. Хотя ваше высочество постоянно занято государственными делами, однако же в часы досуга вы можете уделить немного времени забавным вещам и, подобно тому как пряности подаются обычно к мясу для улучшения пищеварения, так и вы, чтобы получить облегчение от ваших тяжелых обязанностей, прикажете прочитать это письмо. Это может отвлечь вас от постоянных забот и усердных занятий государственными делами, и если, светлейший сеньор, я буду многословен, прошу прощения².

Ваше высочество узнает, что мотивом моего путешествия в королевство Испанию была торговля. Я собирался совершить это путешествие уже в продолжение четырех лет, в ходе которых увидел и осознал непостоянство фортуны: как она меняет свои бранные и преходящие милости, как может иногда вознести человека на вершину своего колеса, а в другое время сбросить его с него и лишить того, что может быть названо заимствованными богатствами.

Зная продолжительный труд, которым занят человек, чтобы завоевать эти богатства, и подвергаясь многочисленным неудобствам и риску, я решил бросить торговлю и сосредоточиться на чем-то более значительном и устойчивом. Исходя из этого, я и стал готовиться к тому, чтобы отправиться посмотреть различные страны света и его чудеса. Время и место оказались благоприятными для меня. Король Дон Фернандо Кастильский как раз собирался снарядить четыре корабля для открытия новых земель в западном направлении. Я был избран его высочеством войти в состав его флота для того, чтобы помочь сделать открытие.

Мы отправились из гавани Кадикса в десятый день³ мая 1497 года и стали прокладывать свой путь через пучину океана. Это путешествие заняло у нас восемнадцать месяцев. Мы открыли много континентальных земель и бесчисленные острова; большая их часть была необитаемой, и о них ничего не сообщали древние писатели. Я полагаю, что у них не было никакого понятия о них, ибо, если я только хорошо помню, я читал у некоторых из этих писателей, что один из них считал, что океан был пустынным морем. Того же мнения придерживался наш поэт Данте в 26-й главе «Ада», в которой он изображает как бы смерть Улисса.

В этом путешествии я видел изумительные вещи, как это поймет ваша светлость. Как я сказал выше, мы покинули порт Кадикс в составе четырех спасательных судов⁴ и начали наше путешествие прямым курсом к Счастливым островам. Они сейчас называются Большими Канарскими островами, расположенными в океане на окраине необитаемого Запада, и находятся в третьем климате. Над ними Северный полюс имеет высоту в 27 с половиной градусов⁵ над горизонтом⁶. Они находятся в 280 лигах расстояния от города Лиссабона в направлении юго-западного ветра⁷. Мы оставались здесь в течение восьми дней, запасаясь водой, продовольствием и другими необходимыми вещами. Отсюда, прочитав наши молитвы, мы снялись с якоря и подняли паруса, начав свой путь на запад и взяв одну четверть на юго-запад. Мы плыли таким образом до окончания 37-го дня⁸, когда наконец достигли земли, которую приняли за материк. Она лежала к западу от Канарских островов на расстоянии тысячи лигов от крайней западной границы необитаемой земли⁹, внутри жаркого пояса, ибо мы нашли Северный полюс на высоте 16 градусов над горизонтом¹⁰, и это было в соответствии с показаниями наших инструментов – 75 градусов к западу от Канарских островов.

Мы бросили якорь на расстоянии полутора лигов от берега, спустили наши лодки, нагруженные людьми и оружием, и поплыли по направлению к земле. Прежде чем мы достигли ее, мы увидели большое число людей, шедших вдоль берега, чему очень обрадовались. Мы заметили, что все они были нагими. Они проявили большой страх при виде нас. Я полагаю, что это было потому, что они увидели нас одетыми и наша внешность была совсем иной. Они удалились на холм и, несмотря на то, что мы подавали им знаки мира и дружелюбия, не хотели приблизиться, чтобы поговорить с нами.

Так как наступила ночь и наши корабли стояли на якоре в опасном месте, находясь на диком, беззащитном берегу, мы решили на следующий день удалиться отсюда и отправиться в поисках какой-нибудь гавани или залива, где могли бы оставить наши корабли в безопасности. Мы поплыли в направлении северо-западного ветра¹¹, идя вдоль берега, который был хорошо виден. По мере того как мы плыли, мы видели людей на берегу. Мы шли до тех пор, пока через два дня не обнаружили места, достаточно безопасного для наших кораблей, где бросили якорь на расстоянии полулига от берега. На нем мы увидели очень много людей и в тот же день добрались на лодках до земли.

Мы сошли на берег в числе сорока человек в добром порядке, но все же люди, населявшие эту землю, боялись говорить с нами, и мы были не в состоянии ободрить их настолько, чтобы они заговорили с нами. В этот день мы достаточно потрудились, чтобы одарить их различными вещами: погремушками, зеркалами, бусами¹², шариками и другими безделками. Некоторые из них, почувствовав доверие к нам, подошли, чтобы

побеседовать с нами. Подружившись с ними, мы ввиду приближающейся ночи вынуждены были проститься и вернуться на корабли.

На следующий день, как только забрезжил рассвет, мы увидели бесчисленное множество людей на берегу. Среди них были женщины и дети. Мы вышли на берег и разглядели, что все¹³ они были увешаны украшениями, которые были бы уместны, если бы находились на присущих им местах. Прежде чем мы достигли этой земли, многие из туземцев прыгнули в море и поплыли по направлению к нам, чтобы встретить нас на расстоянии выстрела из лука. Все они были отличными пловцами. Они нам доверяли, как если бы были давно с нами знакомы, и мы были очень довольны их доверием.

Первое, что нам удалось узнать об их жизни и обычаях, это то, что они ходили совершенно обнаженными, как мужчины, так и женщины, не прикрывая ни одной части тела, такими, какими вышли из утробы матери. Они были среднего роста, хорошо сложены, и их ножа отдавала красноватым цветом, наподобие львиной гривы. Мне думается, что если бы они ходили одетыми, то были бы такими же белыми, как и мы. На теле у них нет никаких волос, только на голове. Волосы у них длинные и черные, особенно у женщин, что делает их привлекательными. Вообще, они не очень красивы, ибо у них широкие лица, так что они кажутся похожими на татар. У них не растут волосы на бровях, а также на ресницах и еще где бы то ни было, только на голове, ибо они считают волосатость отвратительной вещью.

Они очень легки в ходьбе и беге, женщины так же, как и мужчины. Женщина ничем не рискует, если пробежит лиг или два. Мы много раз видели, как они бегают. Поэтому они имеют большое преимущество перед нами, христианами. Они плавают так, что вы не можете себе представить, – женщины лучше, чем мужчины. Мы много раз видели, как они плавали в море на расстояние двух лигов безо всякой одежды.

Их оружие – луки и стрелы — отлично сделаны, хотя у них нет железа или другого какого-либо твердого металла для наконечников стрел. Они прикрепляют вместо железа зубы животных или рыб или же острый клин твердого дерева с наконечником, закаленным на огне. Они искусные стрелки, ибо всегда попадают в цель, когда бы ни целились. Кое-где женщины пользуются луками. У них есть и другое оружие, закаленное на огне: копьё, а также дубины с красиво вырезанными шишками на конце. Оружие, применяемое ими с большой жестокостью, обычно используется против людей, говорящих на ином языке. Они не сохраняют жизни никому, если только не подвергают врага еще большему мучению. Когда они идут воевать, то берут своих женщин с собой не потому, что те могут сражаться, а потому, что они несут снаряжение, ибо женщины переносят на спине на расстояние 30-40 лигов груз, который ни один мужчина не станет нести. Мы много раз видели это.

У них нет своего главы, и они также не подчиняются порядку, ибо каждый из них сам себе господин. Войны ведутся не из-за стремления к господству, не для расширения границ и не вследствие жадности, но по старой вражде, возникшей между ними в давно прошедшие времена. Когда их спрашивают, почему они воевали, они не находят в ответе другой причины, как месть за смерть своих предков или своих родителей. У этих людей нет ни короля, ни знатного, они никому не подчиняются и живут, пользуясь собственной свободой. И если они начинают войну, то это тогда, когда враги убивают или же захватывают кого-нибудь из них в плен. Старейший в роде встает и, обходя все дороги и деревни, призывает людей пойти с ним и отомстить за смерть своего соплеменника. Таким образом, они одушевлены чувством родства, и, поскольку у них нет судебной системы, они также не наказывают того, кто причинил зло. Ни отец, ни мать не наказывают своих детей, и очень редко, почти никогда мы не наблюдали каких-либо ссор между ними.

В своих беседах они кажутся очень простыми, однако очень хитры и коварны в том, что их касается. Они говорят немного и очень низким голосом. Они пользуются такой же артикуляцией¹⁴, как и мы, поскольку произносят слова с участием нёба, зубов или же губ, за исключением того, что дают различные наименования вещам. Имеется много разных языков, ибо через каждые сто лигов мы находили изменения в языке, так что речь одного племени непонятна другому.

Жизнь у них варварская, ибо едят они в неопределенное время и так часто, как хотят. Для них не имеет никакого значения, если это желание придет к ним в полночь или днем, ибо едят они во все часы¹⁵. Едят они на земле без подстилки или другого какого-нибудь покрова, ибо мясная пища находится у них в глиняных мисках, которые они изготавливают для этой цели, или же в половинках тыквы. Спят они в больших гамаках, сделанных из хлопка и подвешенных в воздухе. Хотя их манера спать кажется довольно-таки неудобной, мне думается, что спать в этих сетках довольно приятно, и мы спали в них гораздо лучше, чем завернувшись в одеяла.

Эти люди чрезвычайно опрятны и чистоплотны. Они постоянно моются. Когда они опорожняют свои желудки, то делают это незаметно. И насколько они в этом аккуратны и застенчивы, настолько отвратительны и бесстыдны при малой нужде. Стоя или разговаривая с нами, они отправляли ее, даже не отвернувшись, не проявляя никакого стыда.

Никаких свадебных обычаев у них не существует. Каждый мужчина берет себе столько женщин, сколько пожелает, и, когда захочет отказаться от них, отказывается, не принося себе никакого ущерба или позора для женщины, ибо в этом отношении у женщины столько же свободы, сколько у мужчины.

Они не очень ревнивы и безмерно сладострастны, и женщины гораздо больше, чем мужчины. Из скромности я опускаю искусство, которым они пользуются для того, чтобы удовлетворить свою безмерную похоть.

Женщины очень плодовиты и работают даже во время беременности. Они рожают детей настолько легко, что через день после родов всюду бродят и даже купаются в реках, здоровые, как рыбы.

Они настолько лишены чувств и жестоки, что, если злятся на своих мужей, немедленно прибегают к искусственному способу, при помощи которого зародыш разрушается в утробе, что вызывает выкидыш. И они благодаря этому способу убивают бесчисленное множество живых существ.

Эти женщины стройны, очень хорошо и пропорционально сложены, у них нет плохо сформированных членов тела. Они ходят совершенно обнаженными, хотя они женщины в теле, а что касается их стыда, который человек, никогда не видевший его, рисует себе воображением, то он так пристойно расположен между бедрами, что ничего нельзя увидеть, кроме той его выдающейся вперед части, о которой природа не позаботилась и которой мы даем более скромное название *rectignone*¹⁶. Короче говоря, они не стыдятся своих членов, которых следует стыдиться, подобно тому как мы не стыдимся носа и рта.

Чрезвычайно редко Когда мы увидим у женщины отвислую грудь, или же опустившийся из-за деторождения живот, или же другие складки на теле. Кажется, что они никогда и не рожали четырех детей. Им очень хотелось иметь связь с нами, христианами.

Мы не смогли узнать, был ли у этих людей какой-нибудь закон. Их нельзя было назвать маврами или же евреями. Они были хуже чем язычники, ибо мы никогда не видели, чтобы они приносили какие-нибудь жертвы. Также нет у них молебни.

Их образ жизни, я сказал бы, эпикурейский.

У них общие жилища, и дома у них построены в виде больших хижин¹⁷. Они сооружены очень основательно из больших деревьев и покрыты пальмовыми листьями, что является прочной защитой от штормов и ветров. В некоторых местах их дома настолько широки и длинны, что в одном помещается 600 душ. Мы обнаружили деревни только с тринадцатью¹⁸ подобными домами, в которых обитало четыре тысячи¹⁹ душ. Каждые восемь или десять лет²⁰ они меняют местожительство, и, когда мы их спросили, почему они так делают, они сказали, что это из-за почвы²¹, которая вследствие загрязнения становится уже нездоровой и испорченной и что она как бы откладывает пепел о их тела. Нам это показалось вполне разумным доводом.

Их богатства состоят из разноцветных птичьих перьев или из бус²², которые они делают из костей рыб, или же из белых и зеленых камешков, вставляемых ими в свои щеки, губы и уши, а также из многих других вещей, не представляющих для нас никакой ценности.

Они не торгуют, не покупают и не продают, а просто живут, довольные тем, что им дает природа. Богатства, которыми мы наслаждаемся в Европе и где-либо еще, – золото, драгоценные камни, жемчуг и многие другие – для них не имеют никакого значения. И хотя все эти богатства имеются у них в их землях, они не прилагают никаких усилий, чтобы овладеть ими и не ценят их. Они очень щедры и чрезвычайно редко когда в чем-нибудь вам отказывают. Но, с другой стороны, не стесняются попросить что-либо у вас, если чувствуют, что между вами и ими установились дружеские взаимоотношения. Наивысшим проявлением дружелюбия считается, если они отдают вам своих жен и дочерей. Отцы или мать считают за большую честь, если отдают вам свою дочь, даже если она молодая девушка. И если вы даже спите с ней, это считается выражением дружбы.

Когда кто умирает у них, они пользуются различными способами погребения. Они хоронят своих людей, оставляя у изголовья воду и пищу, думая при этом, что им впоследствии будет необходимо поесть. Они не пользуются поэтому никакими факельными обрядами²³ или же оплакиванием. В некоторых местах они применяют наиболее варварское и бесчеловечное погребение²⁴. Когда страдающий или увечный находится на пороге смерти, его родственники приносят его в большой лес и кладут в гамак, в котором спят, прикрепляя последний к двум большим деревьям. Потом танцуют вокруг умирающего целый день. Когда наступает ночь, они ставят у его изголовья кувшин с водой и кладут пищу, чтобы он мог просуществовать четыре или шесть дней. Затем оставляют его одного и возвращаются в деревню. Если больной в состоянии себя обслужить, если он ест, пьет и выживает, то возвращается в деревню, и друзья встречают его с церемониями, но только немногим удается выжить. Не посещаемые никем, они умирают, и это место становится их могилой. У них также много других обычаев, о которых, избегая многословия, я не буду распространяться. Они пользуются во время своих болезней различными лекарствами, столь отличными от наших, что мы очень удивлялись, как можно было выздороветь при их употреблении. Много раз я видел, как больного, когда его трепала лихорадка, купали с головы до ног в холодной воде. Затем они зажигали огонь вокруг него и заставляли его поворачиваться в течение двух часов до тех пор, пока он не уставал и не засыпал. Многие были излечены подобным образом. Они также пользуются диетой, ибо заставляют больных голодать в течение трех дней, а также кровопусканием, но не из руки, а из бедра, поясницы или икры ноги. Они вызывают рвоту травами, которые вкладывают в рот, и пользуются также многими другими снадобьями, о которых слишком долго рассказывать.

У них испорченная флегма и кровь, так как их пища состоит главным образом из корней растений, а также из фруктов и рыбы. У них нет ни зерен пшеницы, ни другого какого-нибудь зерна. Для обычного употребления в пищу они пользуются корнем дерева, из которого готовят довольно хорошую муку. Одни называют ее «юна», другие – «казаби», а некоторые – «игнами».

Они едят мало мяса, за исключением человеческого, ибо ваша светлость должна знать, что они столь бесчеловечны, что превосходят в этом отношении даже зверей, ибо поедают всех врагов, которых убивают или берут в плен, женщины наряду с мужчинами, с такой свирепостью, что даже говорить об этом кажется ужасным. Всякий раз, где бы мы это ни встречали, мне удавалось видеть это зрелище. Они же удивлялись, когда мы говорили, что не едим наших врагов. И здесь ваша светлость может поверить, что у них есть и другие варварские обычаи, передать которые я не в состоянии.

За эти четыре путешествия я повидал вещи, столь отличные от наших обычных, что приготовился написать книжку разнообразного содержания²⁵, которую назову Четвертым днем» и где опишу большую часть вещей, которые видел, со значительными подробностями, насколько мой слабый ум позволит мне. Эту книгу я еще не опубликовал, так как отношусь с болезненной требовательностью к своим собственным произведениям и еще не получил удовлетворения от всего, что написал, несмотря на то, что многие побуждают меня обнародовать эту книгу. Здесь все будет видно в подробностях. Тогда я не буду больше распространяться в этой главе, так как по ходу этого письма мы столкнемся с другими вещами, которые и являются подробностями. Так давайте будем считать это общее достаточным.

Вначале мы не встречали нам бы ничего выгодного в этой богатой земле, за исключением нескольких месторождений золота. Полагаю, что причиной всего этого было незнание языка, а что касается положения и условий страны, тоже было не лучше.

Мы решили покинуть это место и отправиться дальше, следуя вдоль берега, на который часто высаживались и беседовали со множеством людей. Через несколько дней мы вошли в гавань, где подверглись величайшей опасности. Господу захотелось спасти нас, и это произошло следующим образом. Мы высадились в этой гавани, где увидели деревню, построенную, подобно Венеции, на воде. Там было около 44 больших жилищ²⁶, наподобие хижин, возведенных на очень толстых сваях. У них были двери или вход в виде разводных мостов. Из одного дома можно было пройти в другой при помощи этих мостов, тянувшихся от дома к дому.

Когда туземцы увидели нас, казалось, они испугались, так как немедленно развели все мосты. В то время как мы наблюдали это странное зрелище, то увидели, как 22 каноэ бороздили море. Эти каноэ представляли собой нечто в виде лодок, сделанных из одного дерева. Туземцы плыли по направлению к нашим лодкам. Они, казалось, были удивлены нашей внешностью и одеждой и держались на расстоянии. Мы подали им знаки, чтобы они подошли и нам, ободряя их выражениями дружелюбия. Видя, что они не подходят, мы направились к ним, но они нас не ждали и поплыли по направлению к берегу. Они просили нас знаками подождать, как бы говоря, что скоро вернутся, и поспешили на находившийся вдали холм. Когда они вернулись, то привели с собой 16 девушек. Они вошли с ними в свои каноэ и приблизились к нашим лодкам. Затем в каждую из них они поместили по четыре девушки. Вы можете себе представить, ваша светлость, как мы удивились их поведению. Они поставили свои каноэ между нашими лодками, как бы для того, чтобы поговорить с нами, причем настолько близко, что мы приняли это за выражение дружелюбия.

Пока все это происходило подобным образом, мы увидели большое число людей, плывших по направлению к нам в своих каноэ. Люди, вышедшие из своих домов, казалось, приближались к нам без всякого опасения. У дверей домов появились старые женщины, издавая громкие крики и теребя свои волосы, чтобы выразить горе. Тем самым они вызвали у нас подозрение, и каждый из нас взялся за оружие. Мгновенно девушки, сидевшие в наших лодках, бросились в море, а мужчины в каноэ отплыли от нас и начали выпускать стрелы из луков. А те, которые плыли, держали каждый копьё так скрыто, как могли, под водой.

Распознав предательство, мы решили не только защищаться, но и решительно атаковать их. Мы перевернули с помощью наших лодок многие из их скифов и каноэ, как они их называют. Мы устроили им бойню, и они бросились в воду, оставляя каноэ и неся значительные потери, направляясь вплавь к берегу. У них было около 15 или 20 убитых и многие ранены. У нас было раненых пять, но все благодаря милости божьей избежали смерти. Мы взяли в плен двух девушек и двух мужчин, затем отправились в их дома и, войдя туда, нашли только двух старух и больного мужчину. Мы взяли оттуда много вещей, представляющих, однако, малую ценность. Мы не хотели сжигать их дома, так как считали, что это ляжет черным пятном на нашу совесть, и вернулись к нашим лодкам с пятью пленниками.

Отсюда мы отправились на корабли, где заковали в кандалы каждого из пленных, за исключением девушек. Когда наступила ночь, две девушки и один из мужчин сбежали совершенно неуловимым способом. На следующий день мы решили покинуть гавань и отправиться дальше вперед.

Мы двигались, идя постоянно вдоль берега, до тех пор пока не встретили другое племя, жившее на расстоянии примерно в 80 лигов от прежнего племени. Мы нашли, что оно отличалось по языку и обычаям. Решив бросить якорь и добраться до берега в лодках, мы увидели на нем огромное количество людей, примерно около четырех тысяч душ.

Когда мы достигли земли, они не стали нас ждать, а побежали в лес, бросая свои вещи. Мы высадились на берег и пошли по тропинке, которая вела к лесу. На расстоянии выстрела из лука мы нашли их палатки, где они разожгли большие костры. Двое из них готовили пищу, жаря нескольких животных и всевозможные виды рыб. Мы увидели, что они поджаривали какое-то чудовище, похожее на змею. У него не было крыльев²⁷, и оно было по своему виду столь гадким, что мы очень удивились отсутствию у них чувства отвращения.

Мы прошлись по их домам, скорее шалашам, и нашли там очень много таких живых змей. Они были привязаны за лапы, их рыла были обвязаны веревкой, так что они не могли открыть своих пастей. В Европе так делают с большими псами, чтобы они не кусались. Они были столь дикого вида, что никто из нас не решился взять ни одного из них с собой, думая, что они были ядовиты. Они были величиной с козленка и длиной с полтора локтя²⁸. Их лапы были длинными и толстыми и вооружены большими когтями. У них была грубая кожа различной окраски. Своими рылами и внешностью они напоминали змей. От их рыл начинался гребень наподобие пилы, шедший посредине спины до конца хвоста. Словом, мы приняли их за ядовитых змей, и, однако, их использовали в пищу.

Мы обнаружили, что эти люди приготавливали хлеб из маленьких рыб, которых доставали из моря. Сначала они варили их, затем разминали, приготавливая таким образом тесто или хлеб. Потом выпекали его на горячих углях и, таким образом, ели. Мы попробовали этот хлеб и нашли, что он был отличным. У них было много всевозможных съедобных вещей, особенно плодов и корней. Было бы слишком сложным описать их подробно.

Видя, что люди не возвращаются, мы решили не трогать и не уносить того, что им принадлежало, с тем чтобы вызвать их доверие. Мы оставили в их хижинах много наших вещей, поместив их там, где они могли бы их увидеть. Затем возвратились ночью на наши корабли.

На следующий день, когда рассвело, мы увидели бесчисленное количество людей. Мы высадились, и, хотя они, казалось, проявляли робость по отношению к нам, однако же осмелились поддерживать с нами беседу, давая нам все, что мы просили, и проявляя по отношению к нам дружелюбие. Они рассказали нам, что это были их жилища и что они пришли сюда для рыболовства, и попросили, чтобы мы посетили их дома и деревни, так как хотели принять нас как друзей. Они были так дружелюбны, ибо двое пленных, бывших с нами, оказались их врагами.

Благодаря их настойчивости, посоветовавшись, мы решили, что 28 наших людей при хорошем вооружении должны пойти с ними, готовые умереть в случае необходимости. Пробыв здесь три дня, мы отправились с ними в глубь страны. Мы приблизились к деревне, находившейся в трех лигах от берега. Здесь было много народа, но мало домов. Их было не более девяти. Нас приняли там с многочисленными варварскими церемониями, которых и пером нельзя описать. Здесь были танцы, песни и причитания попеременно с проявлениями радости, а также большим количеством пищи. Мы оставались в этом селении всю ночь. Туземцы предложили нам своих женщин, и мы были не в силах отказать им. Мы провели здесь эту ночь и половину следующего дня, и настолько велико было число людей, пришедших посмотреть на нас, что их невозможно было сосчитать. Наиболее старые просили нас пойти с ними в другие деревни, лежавшие еще дальше от моря, как бы желая оказать нам этим величайшую честь. И куда бы мы ни решали пойти, было бы невозможно вам рассказать, какие почести они нам оказывали. Мы отправились в несколько деревень и путешествовали в продолжение девяти дней, так что наши товарищи, оставшиеся на кораблях, уже сомневались в нашей судьбе.

Когда мы находились уже на расстоянии около 18 лигов от берега, то решили вернуться на корабли. На обратном пути число людей, мужчин и женщин, дошедших с нами до моря, было столь велико, что это просто удивительно. Если кто-либо из нас уставал от ходьбы, они несли нас в своих гамаках для восстановления наших сил. При пересечении рек, которые там многочисленны и велики, они переносили нас так ловко и безопасно, что мы не подвергались никакому риску.

Многие из них пришли нагруженные вещами, которые они нам дали. Это были гамаки, пышные перья, многочисленные луны и стрелы и бесчисленные попугаи различных цветов. Другие несли вместе с этим домашнюю утварь и вели животных. Но самое удивительное, что я расскажу вам, это то, что, когда нам приходилось пересекать реку, считал себя счастливым тот, кому удавалось нести нас на спине. Когда мы достигли моря и за нами прибыли наши лодки, мы вошли в них. И между туземцами возникла великая борьба за то, чтобы забраться в эти наши лодки и, приблизившись, посмотреть наши корабли.

Мы взяли в наши лодки многих из них, столько, сколько могли, и направились к кораблям. Многие из них плыли за нами, так что мы пришли в некоторое замешательство, видя такое число людей на кораблях, ибо их было свыше тысячи, нагих и безоружных.

Они были очень удивлены нашим морским снаряжением, приспособлениями и размером кораблей. С ними здесь произошел смешной случай. Мы решили выстрелить из наших пушек, и, когда выстрел раздался, большинство из них со страху бросилось в Море, чтобы поплыть, – не хуже лягушек на краю болота, когда они увидят нечто, что их пугает. То же самое сделали эти люди, а те, которые оставались на кораблях, были столь уstraшены, что мы сожалели о своем поступке. Однако мы успокоили их, сказав, что при помощи этого оружия мы справляемся с врагами.

После того как они развлекались на кораблях уже в течение целого дня, мы приказали им удалиться, так как этой ночью решили отплыть. Они покинули нас очень дружелюбно и с любовью и вернулись обратно на землю.

Побыв среди этих людей и в этой стране, я узнал многие их обычаи и образ жизни. Мне бы не хотелось распространяться больше об этом, так как ваша светлость должна знать, что в каждой из своих поездок я описывал наиболее замечательные вещи. Я объединил их в одном томе географического характера, назвав его

«Четвертым днем». В этом труде все описано подробно, и, поскольку у меня нет копии, мне необходимо проверить его содержание.

Эта земля очень населена, полна жителей, многочисленных рек и животных, немногие из которых напоминают наши, за исключением львов, пантер, оленей, свиней, коз и ланей, и даже те имеют некоторое несходство в форме. У них нет лошадей и мулов, ваша милость, ни ослов, ни собак, ни каких-либо овец и быков, но другие животные, которых они имеют, весьма многочисленны, и все они дикие. Никаких из этих животных они не используют для себя. Этим животным просто нельзя сосчитать. Что же сказать о различных птицах, столь многочисленных, стольких видов и имеющих столь разноцветное оперение, что просто чудо обладать ими!

Земля очень приятна и плодородна, полна обширных, всегда зеленых лесов, ибо листва никогда не опадает. Масса плодов, они бесчисленны и совершенно отличаются от наших. Эта страна находится в жарком поясе, как раз на параллели, которую описывает тропик Рака, на границе второго климата, и здесь полюс над горизонтом имеет высоту в 23 градуса²⁹.

Много племен пришло посмотреть на нас. Они удивлялись, глядя на наши лица и белую кожу, и спрашивали, откуда мы пришли. Мы дали им понять, что пришли с небес и собираемся посмотреть мир, и они поверили этому. В этой стране мы установили купель для крещения, и бесчисленное количество народа было окрещено. Они называли нас на своем языке караибами, что означало – люди большой мудрости. Мы покинули эту гавань, назвав провинцию «Лариаб», и поплыли вдоль берега, видя все время землю до тех пор, пока не удалились от нее на 870 лигов, все еще идя в направлении мистрала (северо-западного ветра), делая на пути много остановок и вступая в общение со множеством людей.

В нескольких местах мы получили золото путем обмена, но немного по количеству, ибо мы уже много сделали (открыв эту землю и узнав, что они имели золото). Теперь мы уже были 13 месяцев в путешествии. Наши суда и снаряжение были уже значительно потрепаны, а люди изношены от усталости. На общем совете мы решили вытащить наши корабли на сушу и исследовать их с целью предотвратить течь, так как они пропускали много воды, для того чтобы заново их проконопатить и обмазать дегтем, а затем двинуться по направлению к Испании.

Когда мы пришли к этому решению, мы находились вблизи лучшей в мире гавани, в которую вошли с нашими кораблями. Здесь мы встретили огромное число людей, отнесшихся к нам с большим дружелюбием. Мы воздвигали на берегу укрепление³⁰ из наших лодок, а также бочек и бочонков, и нашей артиллерии, которая господствовала над всей местностью. Мы вытащили на берег наши корабли, которые были разгружены и облегчены, и отремонтировали их, как это было необходимо. Туземцы оказывали нам большую помощь, постоянно снабжая нас пищей, так что в этой гавани мы употребляли мало своего продовольствия, что оказалось для нас очень выгодным, ибо запас провизии, который мы имели на обратный путь, был слишком мал и жалок. Здесь мы оставались 37 дней и много раз ходили в их деревни, где они оказывали нам величайшую честь. Сейчас, желая воспользоваться нашим путешествием, они пожаловались нам, что несколько раз в году из-за моря приплывает в их землю племя очень жестоких людей и их врагов. Они рассказали, как, пользуясь обманом или насилием, пришельцы убивают и съедают многих из них, а некоторых берут в плен и увозят в свои дома или страну и как они едва в состоянии защитить себя от них.

Они дали нам понять, что это были островитяне и что они жили в море на расстоянии около ста лигов отсюда.

Они говорили столь жалостно, что мы поверили им и пообещали расправиться с их врагами, чтобы они избежали такой беды. Они остались очень довольны этим, и многие из них предложили поехать с нами, но мы не пожелали взять их по многим причинам, за исключением семи человек, которых взяли при условии, что они должны вернуться домой в своих каноэ, ибо мы не желали быть обязанными вернуть их обратно в свою страну. И они были удовлетворены этим.

Итак, мы покинули этих людей, оставив их дружески настроенными по отношению к нам. Отремонтировав наши корабли и пройдя семь дней морем, в направлении востоко-северо-востока, мы в конце седьмого дня приблизились к островам, которые были многочисленны, некоторые из них необитаемы, другие покинуты

Мы бросили якорь у одного из них, где увидели много людей, называвших этот остров Ити. Укрепив наши лодки сильными командами и взяв по три пушки в каждую, мы отправились на землю, где нашли около 400 человек мужчин и многих женщин. Все были нагими, как и прежние люди, хорошо сложены и выглядели настоящими воинами, ибо были вооружены луками, стрелами и копьями. У большинства были деревянные квадратные щиты, и туземцы носили их так умело, что они не препятствовали их стрельбе.

Когда мы подошли на наших лодках на расстояние выстрела из лука, все они спрыгнули в воду, чтобы выпустить в нас свои стрелы и предотвратить нашу высадку на берег. Их тела были выкрашены в красный цвет и украшены перьями. Переводчики³¹, бывшие с нами, сказали, что, когда эти люди так себя разрисовывают и украшают перьями, это означает то, что они хотят воевать.

Они так препятствовали нашей высадке, что мы были вынуждены применить свою артиллерию. Когда они услышали выстрел и увидели, что некоторые из их числа упали замертво, то отступили назад к земле.

Созвав свой совет, мы решили, что 42 человека из наших людей должны сойти на берег и, если туземцы будут ждать нас, сразиться с ними.

Когда мы высадились на землю с нашим оружием, они двинулись нам навстречу, и мы сражались около часа. У нас было небольшое преимущество, не говоря о том, что наши арбалеты и пушки убили нескольких из них. Туземцы ранили некоторых из наших людей. Это произошло потому, что они не встречали нас на расстоянии броска копья и удара меча. В конце концов нам пришлось приложить столько мужества, что мы перешли уже к битве мечами. Когда они испытали на себе наше оружие, то обратились в бегство через горы и леса, оставив нас победителями на поле битвы со многими своими убитыми и большим количеством раненых.

У нас не хватило в тот день сил преследовать их, ибо мы очень устали. Мы вернулись на наши корабли, к великому удовольствию семи пришедших с нами туземцев, которые не могли удержаться от радости. Когда наступил следующий день, мы увидели, как со стороны земли двигалось огромное множество людей, подавая сигналы к битве, постоянно трубя в роги и другие различные инструменты, которые они используют в своих войнах. Все были разрисованы и украшены перьями, так что было очень странным зрелищем созерцать их. Все корабли поэтому держали совет, и было решено, что, поскольку эти люди желали враждовать с нами, мы должны отправиться встретить их и попытаться любыми средствами сделать их друзьями. В случае же, если они не примут нашей дружбы, мы должны обращаться с ними как с врагами, а многие из них, которых мы будем в состоянии взять в плен, должны стать нашими рабами.

Вооружившись так хорошо, как могли, мы направились к берегу. Они, казалось, не препятствовали нашей высадке, полагаю, из-за страха перед нашими пушками. Мы сошли на землю в составе 57 человек, четырьмя эскадронами, состоящими каждый из капитана и его отряда. И мы приблизились, чтобы сразиться с ними. После длительной битвы, в которой многие из них были убиты, мы вынудили их к бегству и преследовали до деревни, забрав около 250 пленных³². Мы сожгли деревню и вернулись на наши корабли с победой и 250 пленными, оставляя многих туземцев убитыми и ранеными. Из наших был убит не более чем один и 22 ранено, из которых все – хвала господу! – выздоровели. Мы приготовились к отплытию, и семь человек, из которых пятеро были ранены, сели на островное каноэ вместе с семьей пленниками, которых мы дали им с собой, – четырьмя женщинами и тремя мужчинами – и вернулись в свою страну, полные радости, удивляясь нашей силе.

Таким образом, мы отплыли в Испанию с 22 пленными рабами. Мы достигли гавани Кадикса на 15-й день октября 1498 года, где были хорошо встречены и продали наших рабов. Вот что случилось со мной наиболее знаменательного в моем первом путешествии. Кончается первое путешествие, и начинается второе.

Второе путешествие
(1499-1500)

Что касается второго путешествия, то здесь изложено все, что я видел в нем наиболее достойного для рассказа. Мы отправились из порта Кадикс в составе трех кораблей и на 16-й день мая 1499 года³³ начали свое путешествие прямым курсом к островам Зеленого Мыса, проходя в виду Больших Канарских островов. Мы шли до тех пор, пока не бросили якорь у острова, который называется Островом огня. Пополнив запас воды и топлива, мы возобновили наше плавание по направлению к юго-западу и через 44 дня³⁴ натолкнулись на новую землю.

Мы думали, что она была частью континента и продолжением той земли, о которой было упомянуто выше³⁵. Новая земля расположена в жарком поясе, к юго-западу от равноденственной линии. Южный полюс стоит над ней на высоте пяти градусов³⁶, вдали от любого климата. Она находится на расстоянии 500 лигов к юго-западу от упомянутых островов³⁷. Мы нашли, что дни здесь были равны ночам. Мы достигли этой земли на 27-й день июня, когда солнце находится на высоте тропика Рака. Мы обнаружили, что эта земля изобилует влагой и полна очень больших рек. Пока еще мы не видели людей. Мы поставили наши корабли на якоря, спустили лодки и пошли на них к земле. Как я сказал, мы нашли, что она была полна величайших рек и покрыта большими водами, с которыми мы встретились. Во многих местах мы пытались выяснить, можем ли мы сойти на землю из-за больших разливов рек, но, как энергично мы ни стремились к этому, не могли найти места, которое не было бы затоплено. Мы видели по этим водам, что земля не была населена. Видя, что в этой части мы не смогли бы сойти, мы решили вернуться на корабли и попытаться высадиться в другом месте. Мы подняли наши якоря и поплыли к востоко-юго-востоку, огибая всегда берега, лежавшие в этом направлении. На протяжении 40 лигов мы пытались высадиться в нескольких местах, но это было потерянное время. Мы обнаружили на этом берегу морение течения, столь сильные, что они не позволили нам плыть. Все они шли с юго-востока на северо-запад.

Итак, видя много препятствий для нашего плавания, мы держали совет и решили повернуть наш курс на северо-запад. Мы шли вдоль берега до тех пор, пока не достигли замечательной гавани, образованной большим островом и расположенной в устье. Внутри острова был очень глубоко вдающийся залив. Когда мы плыли со стороны острова, чтобы войти в гавань, то увидели множество народа. Обрадовавшись этому, мы направили туда наши корабли для того, чтобы бросить якорь там, где мы видели людей, находясь, вероятно, в четырех лигах морского пути от них³⁸. Плывая таким образом, мы увидели каноэ, шедшее из открытого моря, в котором было много людей. Мы решили перехватить его и повернули наши корабли кругом, чтобы встретить каноэ, плывя так, чтобы не потерять его из виду. Идя по направлению к нему в ветреную погоду, мы заметили, что

люди на каноэ остановились, все с поднятыми веслами, я полагаю, из удивления перед нашими кораблями. Когда они поняли, что мы стремились приблизиться к ним, то опустили свои весла в воду и начали грести по направлению к земле.

В нашей эскадре была каравелла в 45 тонн водоизмещения, очень быстрое морское судно. Она имела преимущество перед каноэ. Когда настало время устремиться за ним, каравелла подняла все паруса и ринулась на каноэ, мы тоже. Она прошла совсем рядом, не попытавшись, однако, взять его на бордаж. Каноэ прошло мимо и стало затем спокойно против ветра. Когда туземцы поняли, что имеют преимущество, то начали грести веслами, чтобы спастись. Имея лодки, укомплектованные на корме хорошими командами, мы надеялись нагнать это каноэ, но туземцы гребли в течение более двух часов, и, если бы маленькая каравелла не повернула снова на другой галс, мы потеряли бы каноэ из виду.

Люди на каноэ, увидев, что они окружены каравеллой и лодками, бросились в море, примерно 70 человек числом, находясь на расстоянии двух лигов от земли. Преследуя их нашими лодками целый день, мы были не в силах захватить более двух³⁹ человек, ибо истиной было то, что остальные достигли земли в безопасности. В каноэ оставалось четверо мальчиков. Они были не из племени, так как те люди привезли их как пленников из другой земли. Они их оскопили, ибо все были без мужских членов и имели свежие раны, чему мы очень удивились. Когда их взяли на корабли, они знаками объяснили нам, что люди в каноэ оскопили их для того, чтобы съесть. Мы поняли, что это были люди, называемые канныбалами. Они очень свирепы и едят человеческое мясо.

Привязав каноэ кормой, мы направили наши корабли к земле и бросили якорь на расстоянии полулига от нее. Мы увидели огромное множество людей на берегу и стали грести в лодках к земле, взяв с собой двух мужчин, захваченных в плен. Когда мы высадились, все туземцы убежали прочь, укрывшись в лесах. Мы дали возможность одному из двух пленников уйти, дав ему с собой несколько маленьких трещоток, указывая тем, что хотим быть друзьями туземцев. Посланный так хорошо повлиял на них, что привел с собой все племя, состоявшее примерно из 400 мужчин и многих женщин. Все пришли без оружия к месту, где стояли наши лодки.

Подружившись с ними, мы вернули им второго пленника и послали затем на корабль за их каноэ, вернув его им обратно. Это каноэ была 26 шагов в длину и двух локтей в ширину. Оно было выдолблено из одного ствола и очень искусно сделано. Когда они спустили его в реку, поставив в безопасное место, то все убежали и больше с нами не поддерживали общения. Нам это показалось варварским поступком, и мы считали их за людей, которым нельзя доверять и которые плохо себя ведут. У них мы видели золото, которое они носили в ушах.

Мы отправились и, проделав наш путь⁴⁰ к внутренней части залива, нашли такое количество народа, что это просто удивительно. Высадившись, мы с ними подружились, и многие из нас отправились с ними в их деревню, находясь в безопасности и будучи хорошо приняты.

В этом месте мы получили 150 жемчужин, которые они дали нам взамен маленькой трещотки, и немного золота, которое они нам дали просто так. В этой стране мы обнаружили, что они пьют вино, сделанное из фруктов и зерна, наподобие пива как белого, так и красного. Самое лучшее было сделано из «мироболани» и было отличным. Они едят огромное множество этих плодов, на них как раз был сезон. Это прекрасный плод, приятный на вкус и здоровый для организма.

Почва изобилует всем, что необходимо для существования. Люди были вежливыми и самыми миролюбивыми из всех, с которыми мы когда-нибудь встречались.

Мы оставались в этой гавани 17 дней с большим удовольствием, и каждый день из глубины страны приходили новые люди, чтобы посмотреть на нас и подивиться нашей внешности и белизне, нашей одежде и оружию, а также форме и большим размерам кораблей.

От этих людей мы получили сведения о племени, жившем дальше к западу от них, бывшем их врагами. У них имелось огромное множество жемчуга. А тот жемчуг, который имели они, наши друзья, был, по их словам, жемчугом, захваченным у их врагов во время битвы. Они рассказывали нам, как ныряли за ним и каким образом добывался этот жемчуг. Мы нашли, что они говорят правдиво, как услышит ваше высочество. Мы отправились из этой гавани и поплыли к берегу, над которым постоянно видели облако поднимающегося дыма и людей на берегу.

Через несколько дней мы бросили якорь в гавани с целью отремонтировать один из наших кораблей, который дал большую течь. Здесь мы встретили большое население, с которым были не в состоянии ни силой, ни добрым отношением поддержать какое-нибудь общение. Когда мы сходили на землю, они яростно сражались, чтобы помешать нам сделать это. И когда они уже больше не смогли сопротивляться, то убежали через леса, не ожидая нас. Найдя их столь дикими, мы ушли отсюда.

Продолжая наше путешествие, мы увидели остров на расстоянии 15 лигов от материка, в море. Мы решили отправиться посмотреть, был ли он населен, и обнаружили там самых жестоких и отвратительных людей, которых когда-либо видели. Они были именно такими. По поведению и внешнему виду они были отталкивающими. У всех были опухшие щеки, во рту они держали зеленые ветки, которые постоянно жевали, как животные, так что едва могли говорить. Каждый из них имел на спине две сушеные тыквы, одна из которых была полна тех растений, которые они держали в своих ртах, другая же была полна белой муки, выглядевшей

подобно порошкообразному мелу. От времени до времени они окунали в муку маленькую палочку, которую смачивали во рту, и затем вставляли ее между щек, перемешивая, таким образом, с мукой бывшую у них во рту веточку. Мы были не в состоянии понять, в чем секрет, с какой целью они это делали.

Увидя нас, эти люди подошли столь фамильярно, как если бы мы были связаны с ними узами дружбы. Идя с ними вдоль берега и беседуя, мы захотели выпить свежей воды. Они объяснили нам знаками, что у них ее нет, и предложили нам несколько этих веточек и муку. Мы пришли к заключению, что остров беден водой и туземцы держали веточки и муку во рту для того, чтобы предохранить себя от жажды. Мы прошли за полтора дня весь остров, не найдя какой-нибудь проточной воды. Мы увидели, что вода, которую они пьют, добывалась из росинок, выпадающих ночью на некоторых листьях, выглядевших как ослиные уши. Листья напитывались водой, и с них люди утоляли жажду. Это была чудеснейшая влага, но во многих местах этих листьев не было.

Туземцы не имели никаких видов пищи и корней, как на материке. Они питались рыбой, которую ловили в море, а она была в огромном изобилии. Они были искуснейшими рыболовами, показали нам много удивительных рыб большого размера и массу черепах. Их женщины не имели обыкновения держать растения во рту, как мужчины, но все носили тыкву с водой и пили из нее. У них не было ни деревень, ни домов, ни хижин, за тем исключением, что они селились под деревьями, защищавшими их от солнца, но не от воды.

Я полагаю, что на этом острове дожди шли очень редко. Когда они ловили рыбу в море, то все имели с собой большой широкий лист, под которым было достаточно тени. Они прикрепляли его обычно к земле, и, как только появлялось солнце, они поворачивали лист и таким образом защищали себя от зноя. На этом острове было много всевозможных животных, пьющих болотную воду.

Видя, что здесь не было ничего выгодного для нас, мы отправились отсюда, взяв курс на другой остров. Мы вскоре обнаружили, что на нем обитало племя очень высоких людей. Мы высадились на землю посмотреть, не сможем ли мы найти там свежей воды, вообразив, что остров необитаем, так как мы не видели людей. Идя по берегу, мы заметили очень большие человеческие следы на песке и рассудили, что, если и другие члены тела были соответственного размера, туземцы должны быть очень крупными людьми.

Продвигаясь дальше, мы нашли тропу, ведущую внутрь этого острова. Девять из нас пришли к выводу, согласившись в том, что остров слишком мал и что не может быть, чтобы на нем находилось много людей. Мы пошли затем дальше в глубь острова посмотреть, что это были за люди. Пройдя почти целый лиг, мы увидели в долине пять их хижин, казавшихся необитаемыми. Мы направились к ним, но нашли там только пять женщин: двух старух и трех девушек. Они были столь высоки ростом, что мы смотрели на них с изумлением. Когда они увидели нас, их охватил такой ужас, что им не хватило даже духа убежать. Две старухи стали нас приглашать словами, принесли нам много еды и повели в хижину. Ростом они были выше, чем высокий мужчина, так что были бы такими же крупными, как Франческо дельи Альбизи, но более пропорциональными. Мы хотели забрать с собою трех девушек силой и увезти в Кастилию как чудо.

В то время как мы так рассуждали, в дом начали входить взрослые мужчины. Их было 36 человек. Они были гораздо выше, чем женщины, и так хорошо сложены, что было приятно смотреть на них. Они повергли нас в такой страх, что мы предпочли бы находиться на наших кораблях, чем в обществе таких людей. Они имели с собой очень большие луки и стрелы и несли большие шишковатые дубинки. Разговаривали они между собой таким тоном, как будто хотели нас схватить. Видя себя в такой опасности, мы начали обсуждать между собой разные планы. Некоторые из нас говорили, что нам следует атаковать их в доме немедленно. Другие – что это будет лучше сделать на открытой местности. Третьи говорили, что нам не следует начинать ссоры до тех пор, пока не поймем, что они хотят делать. Мы решили тихо уйти из их дома и направиться к кораблям. Так мы и поступили и, выйдя из дома, пошли к кораблям.

Однако дикари шли за нами следом, находясь всегда на расстоянии броска камня и разговаривая между собой. Я полагаю, они боялись нас не меньше, чем мы их, потому что, когда мы иногда останавливались, они делали то же самое, не подходя ближе, до тех пор пока мы не достигли берега, где нас ожидали лодки.

Мы сели в них и, когда находились уже на некотором расстоянии от берега, видели, как они плясали на нем, посылая в нас много стрел. Но мы уже мало боялись их теперь и произвели два выстрела по ним из пушек, больше для того чтобы напугать их, чем попасть в них. При выстрелах все они побежали на холм. Таким образом, мы ушли от них, избежав, как нам казалось, опасности этого дня. Эти люди ходили совершенно обнаженными, как и другие. Я называю тот остров Островом гигантов из-за большого роста этих людей.

Мы продвигались вперед, плывя вдоль берега, на котором нам случалось много раз сражаться с туземцами, так как они не разрешали нам брать что-нибудь с острова. Нашим желанием было теперь вернуться в Кастилию, ибо мы уже около года находились в море и имели очень малый запас продовольствия. К тому же этот небольшой запас был испорчен большой жарой, которую мы переносили, так как с того времени, как мы отправились на острова Зеленого Мыса, и до настоящего времени мы постоянно находились в жарком поясе и дважды пересекали равноденственную линию. Как я уже говорил раньше, мы опускались до пятого градуса ниже ее к югу⁴¹, а также находились на пятнадцатом градусе севернее ее⁴².

Мы думали, что господа захотелось дать нам немного облегчения от такого труда. В то время как мы искали гавань, чтобы отремонтировать наши корабли, мы встретили племя, принявшее нас с большим дружелюбием. Мы обнаружили, что они имели в большом изобилии очень красивые восточные жемчужины. У них мы пробыли 47 дней и купили у них 119 марок⁴³ жемчуга за очень малую цену – полагаю, что он не стоил

нам и 40 дукатов, поскольку мы давали им за него только маленькие трещотки, зеркала, бусы, игральные шарики⁴⁴ и листочки олова. В самом деле, за одну маленькую трещотку человек отдавал весь жемчуг, который у него был.

От туземцев мы узнали, нам и где они его вылавливали. Они дали нам много раковин, в которых росли жемчужины. Мы купили также раковину, в которой было 130 жемчужин, а также другие раковины с меньшим количеством жемчуга. Королева взяла у меня раковину со 130 жемчужинами, но я позаботился, чтобы она не увидела других⁴⁵. Ваше высочество должны знать, что до тех пор, пока жемчужины не созреют и не выпадут сами, они не сохраняются и, если их вынуть, быстро погибают. В этом я убедился на собственном опыте. Когда жемчужины созреют, то лежат, отделившись от тела раковины.

Это отличные жемчужины. Как бы плохи они ни были – поскольку большинство из них неровны и плохой формы, – за них платят много денег, ибо марка жемчуга продавалась за ...⁴⁶.

По истечении 47 дней мы покинули этих людей, оставив их очень дружественными по отношению к нам. Мы расстались и из-за необходимости запастись продовольствием направились на остров Антильского архипелага, тот самый, который Христофор Колумб открыл несколько лет назад⁴⁷. Там мы взяли большой запас продовольствия и оставались два месяца и 17 дней⁴⁸. Здесь мы подвергались многим опасностям и беспокойству со стороны людей, бывших на острове с Колумбом⁴⁹, полагаю – из зависти. Чтобы не быть многословным, воздержусь от рассказа о них.

Мы покинули упомянутый остров 22 июня и плыли в течение полутора месяцев, когда вошли в гавань Кадикса. Это произошло днем, в восьмой день сентября моего второго путешествия. Хвала господу! Кончается второе путешествие, начинается третье.

Третье путешествие (1501-1502)

Находясь затем в Севилье, отдыхая от тяжелых трудов, которые я перенес в те два путешествия, я возымел намерение вернуться в землю жемчуга. Судьба, однако, не посчиталась с моими трудами. Я не знаю, почему светлейшему королю Дону Мануэлю Португальскому пришло в голову пожелать нанять меня. Когда я находился в Севилье без какой-нибудь мысли о поездке в Португалию, приезжает ко мне вестник с письмом от его королевской короны⁵⁰, в котором мне предлагается приехать в Лиссабон для разговора с его высочеством, и в этом письме обещается мне вознаграждение.

Я не был того мнения, что мне следует ехать, и отослал вестника, сказав, что плох здоровьем и что, когда поправлюсь и если Его высочество все еще будет хотеть нанять меня, то сделаю все, что бы он мне ни приказал. Видя, что он не может заполучить меня, король решил послать Джулиано ди Бартоломео дель Джоконде, жившего в Лиссабоне, с поручением привезти меня любыми средствами. Упомянутый Джулиано лично приехал в Севилью, и вследствие его приезда и просьб я был вынужден поехать. Однако на мою поездку плохо смотрели многие, кто меня знал, ибо я покидал Кастилию, где мне воздавались почести и король относился ко мне с большим уважением.

Самым худшим было то, что я уехал, не попрощавшись с ним, и предстал перед королем Португалии. Последний был очень рад моему приезду и просил меня присоединиться к трем кораблям, готовым отправиться для открытия новых земель. И поскольку королевская просьба является приказом, мне пришлось согласиться на все, чего он от меня добивался.

Мы отправились из гавани Лиссабона на трех кораблях в десятый день мая 1501 года и взяли гурс прямо на Большой Канарский остров. Мы прошли в виду его, не останавливаясь, и отсюда шли до западного берега Африки.

На этом берегу мы упражнялись в искусстве ловли рыбы под названием парки. Мы оставались там три дня и оттуда направились к берегу Эфиопии, к гавани под названием Безенице⁵¹, расположенной в жарком поясе. Над ней северный полюс стоит на высоте четырнадцати с половиной градусов⁵² и лежит она в первом климате.

Мы оставались там 11 дней, запасая воду и топливо, так как моим намерением было отправиться на юг через Атлантический океан. Мы покинули эфиопскую гавань и поплыли к юго-западу, забирая на одну четверть к югу до тех пор, пока по прошествии 67 дней не бросили якоря у земли, находившейся в 700 лигах к юго-западу от упомянутой гавани.

В течение этих 67 дней мы имели самую плохую погоду, которую когда-либо имел какой-нибудь мореплаватель, с многочисленными штормовыми ливнями, смерчами и бурями, трепавшими нас, так как мы находились здесь в самое неблагоприятное время года, поскольку большая часть нашего плавания проходила постоянно вблизи равноденственной линии. Месяц июнь является здесь зимой, и мы узнали также, что день здесь был равен ночи и что тень всегда отбрасывалась здесь к югу.

Богу было угодно показать нам новую землю. Это произошло в 17-й день августа. Мы бросили якорь на расстоянии полулига от берега, спустили лодки и отправились обследовать землю, чтобы узнать, была ли она населена людьми и кто были эти люди. И мы узнали, что она была населена людьми, которые были хуже животных. Однако ваше высочество должно понять, что хотя мы сначала и не увидели людей, но хорошо поняли, что земля была населена, благодаря многим признакам, которые увидели. Мы взяли эту землю в собственность для светлейшего короля⁵³ Дона Мануэля.

Мы увидели, что земля была очень приятной и зеленой, прекрасной на вид. Она находилась в пяти градусах к югу от равноденственной линии. И в тот день мы вернулись на корабль.

Поскольку мы очень нуждались в воде и топливе, то решили на следующий день вернуться на берег, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Когда мы находились на земле, то заметили несколько человек на вершине холма. Туземцы стояли, рассматривая нас и не рискуя сойти вниз. Они были обнажены, имея такой же цвет кожи и внешность, как и другие прежние дикари, которых мы встречали раньше.

Хотя мы старались убедить их⁵⁴ спуститься и поговорить с нами, мы не могли заставить их сделать это, так как они не доверяли нам. Видя их упрямство и поскольку было уже поздно, мы возвратились на корабль, оставив на земле для них несколько маленьких трещоток, зеркал и других предметов так, чтобы они их видели. Когда мы были уже в море, они спустились с холма и подошли к вещам, которые мы оставили, выражая большое удивление.

В тот день мы обеспечили себя только водой. На следующее утро мы увидели с кораблей, что люди этой земли подавали знаки большими клубами дыма. Думая, что они зовут нас, мы отправились на берег и увидели там, что пришло большое число людей. Они держались все же от нас в стороне, но подали нам знаки, что мы должны идти с ними в глубь страны. Поэтому двое из наших людей отправились спросить капитана, разрешит ли он им пойти, так как хотели рискнуть отправиться с теми дикарями в глубь страны, чтобы посмотреть, что за люди они были и были ли у них какие-нибудь богатства, пряности или снадобья. Они так сильно просили, что капитану было угодно разрешить. Тогда, запасшись многими вещами для обмена, они покинули нас, получив приказ вернуться не позднее чем через пять дней, ибо мы будем ждать их только в течение этого времени. И они отправились в глубь страны, а мы остались на кораблях, ожидая их.

Туземцы приходили на берег почти ежедневно, но никогда не общались с нами. На седьмой день мы отправились на землю и увидели, что они привели своих женщин с собою. Когда мы сошли на берег, туземцы послали многих своих женщин говорить с нами. Видя, что они не становятся смелее, мы решили послать к ним одного из наших людей, молодого парня, который мог проявить большую ловкость и убедить их.

Мы сели в лодки, а он отправился к женщинам, и, когда подошел к ним, они окружили его, прикасаясь к нему и рассматривая его с большим удивлением. В то время как он был окружен таким образом, мы увидели, как одна женщина сходила с холма. Она несла большой кол в руке и, когда достигла места, где стоял наш человек, подошла сзади него и, подняв кол, нанесла ему такой ужасный удар, что он растянулся замертво на земле. В следующее мгновение другие женщины схватили его за ноги и потащили на холм, а мужчины побежали и берегу за своими луками и стрелами и стали стрелять в нас.

Они повергли наших людей в большой ужас. Лодки были закреплены маленькими якорями, которые находились на земле, и из-за многочисленных стрел, выпущенных туземцами по лодкам, никто не имел смелости оторвать свои руки от оружия.

Хотя мы дали четыре выстрела из пушек по ним, они не имели результатов, кроме того, что, услышав выстрелы, туземцы бросились к холму, туда, где женщины уже разрезали человека на куски и поджаривали его на большом огне, который они развели прямо на наших глазах. Держа несколько кусков так, чтобы мы видели, они пожирали их. Мужчины делали знаки, показывая, как они убили двух других наших людей и съели их. Это сильно потрясло нас. Мы видели собственными глазами жестокость, учиненную над мертвым человеком. Для всех нас это было непереносимым оскорблением, и более сорока из нас были полны решимости сойти на землю и отомстить за такую жестокую смерть и за такой зверский и нечеловеческий поступок.

Адмирал⁵⁵ не дал своего согласия, так что туземцы остались упиваться своим зверством. Мы уехали от них в гневе, с большим стыдом за капитана и, покинув это место, поплыли на востоко-юго-восток. И эта земля исчезла из глаз. Мы много раз высаживались на берег, но нигде не встречали племени, которое хотело бы вступить с нами в общение. Так мы плыли вперед, пока не обнаружили, что линия берега поворачивала к юго-западу. Когда мы обогнули мыс, которому дали название мыса Святого Августина⁵⁶, то поплыли на юго-запад. Этот мыс находится в 150 лигах расстояния к востоку от упомянутой прежде земли, которую мы видели и где были убиты наши люди, в восьми градусах южнее равноденственной линии.

Однажды во время плавания мы увидели много людей, стоящих на берегу. Они наблюдали за тем прекрасным зрелищем, которое являли собой наши корабли, любуясь, как мы плыли. Мы направили наш путь к ним, бросив якорь в хорошем месте, и поплыли на лодках к земле. Мы нашли их более радушными, чем предыдущие. Хотя для нас было большим трудом приручить их, все же мы сделали их своими друзьями и установили с ними общение.

В этом месте мы оставались пять дней. Мы нашли здесь растение *canna Istola*, очень толстое, зеленое и сухое, на вершинах деревьев. Мы решили взять в этом месте двух туземцев, чтобы они служили нам переводчиками. Трое из туземцев вызвались по собственному желанию поехать в Португалию.

Я устал уже от такого большого письма. Ваше высочество узнает, что мы вышли из этой гавани, идя все время в виду земли в юго-западном направлении, производя частые высадки на берег и разговаривая с бесчисленным множеством людей.

Мы так далеко продвинулись к югу, что находились теперь за тропиком Козерога. Южный полюс стоял здесь на высоте 32 градусов над горизонтом. Мы уже совсем потеряли из виду Малую Медведицу, а Большая стояла очень низко и, как нам казалось, была почти на линии горизонта. Мы руководствовались звездами

другого, южного полушария. Они многочисленны и намного крупнее и ярче, чем звезды нашего полушария. Я нарисовал диаграммы большинства из них и особенно звезд первой и самой большой величины, с описанием орбит, которые они совершают вокруг Южного полюса, с указанием их диаметров и радиусов, как можно видеть в моем «Четвертом дне»⁵⁷.

Мы шли вдоль берега на протяжении 750 лигов⁵⁸ от него и в 600 лигах к юго-западу, в 150 лигах западнее мыса, названного мысом Святого Августина.

Если бы я хотел рассказать обо всем, что видел на берегу и что мы испытали, то мне не хватило бы двойного количества бумаги. На этом берегу мы не увидели ничего выгодного для нас, кроме бесчисленного множества красильных деревьев, деревьев cassia и тех, из которых производят мирру, а также других чудес природы, которые не могут быть перечислены.

Будучи пятнадцать⁵⁹ полных месяцев в плавании и видя, что в этой земле мы не нашли никаких минеральных богатств, мы решили поскорее уйти отсюда и направиться морем в другое место. Мы держали совет, и было решено, что будет взято то направление, которое я найду подходящим. Командование флотом было полностью мне передано. Я приказал тогда, чтобы все команды и флот обеспечили себя водой и лесом на шесть месяцев, так как капитаны кораблей рассчитывали, что мы можем плыть на них в течение этого времени.

Пополнив на этой земле запасы, мы начали свое путешествие к юго-востоку. Это случилось на 15-й день февраля, когда солнце уже приближалось к равноденствию и поворачивалось к нашему северному полушарию. Мы так далеко прошли в направлении этого ветра⁶⁰, что нашли себя на очень высокой широте. Южный полюс стоял здесь прямо на 52-м градусе над горизонтом. Мы уже не видели звезд ни Малой, ни Большой Медведицы и находились уже на расстоянии целых 500 лигов к юго-востоку от гавани, из которой вышли. В третий день апреля на море поднялся шторм такой большой силы, что мы были вынуждены убрать все свои паруса и неслись без них, гонимые сильным юго-западным ветром по огромным волнам и под очень штормовым небом. Буря была так свирепа, что весь флот находился в большой опасности. Ночи были очень длинными, так что на седьмой день апреля⁶¹ мы имели ночь, которая длилась 15 часов, так как солнце находилось на краю созвездия Овна. В этих местах была тогда зима. И, как ваше высочество может считать, во время этой бури, на седьмой день апреля мы увидели новую землю, вдоль которой шли на протяжении около 20 лигов. Мы видели дикий берег, на котором не было ни гавани, ни людей, как я полагаю – из-за холода. Он был таким сильным, что никто на наших кораблях не мог привыкнуть к нему или вытерпеть его.

Видя себя в такой большой опасности и перенося такую бурю, когда один корабль едва мог видеть другой из-за яростных водяных валов, бежавших по морю, из-за густой мглы ненастья, мы согласились с адмиралом дать сигнал другим кораблям флота приблизиться, чтобы оповестить их, что мы покинем эту землю и повернем к Португалии. Это было очень хорошим решением, ибо ясно, что если бы мы задержались и промедлили хотя одну ночь, то все погибли. Когда мы развернулись по ветру и шли так всю ночь и следующий день, буря возросла до такой степени, что мы боялись конца. И нам пришлось дать обет отправиться к святым местам и совершить другие религиозные обряды, что является обычаем моряков в таких обстоятельствах.

Мы шли, гонимые ветром, в течение пяти дней⁶², подходя все ближе к равноденственной линии. Погода и море стали более спокойными, и богу, видно, было угодно, чтобы мы спаслись от такой большой опасности. Наш курс лежал в направлении северо-северо-восточного ветра, ибо нашим намерением было встретить берег Эфиопии, так как мы находились на расстоянии только трехсот⁶³ лигов от нее через пучину Атлантического океана.

И по милости бога на десятый день мая мы подошли к земле, лежащей к югу, которая называется Сьерра-Леоне, где мы оставались, отдыхая, 15 дней⁶⁴. Отсюда мы отплыли, взяв курс на Азорские острова, которые находятся на расстоянии около 750 лигов от страны Сьерра. Мы достигли островов в конце июля, где отдохали еще 15 дней, и отсюда отправились в Лиссабон, находясь тогда в 300 лигах к западу от него. Мы вошли в гавань Лиссабона на седьмой день сентября 1302 года в хорошем состоянии, – хвала господу! – но только с двумя кораблями, ибо мы сожгли третий на земле Сьерра-Леоне. Он был уже непригоден для дальнейшего плавания, так как мы находились в путешествии около 15 месяцев, а в течение 11 дней шли, не видя ни Полярной звезды, ни Большой и Малой Медведицы, называемых «Колесницами»⁶⁵, руководствуясь звездами другого полушария. Вот что я видел в это третье путешествие, или в этот «день».

Четвертое путешествие (1503-1504)

Мне остается рассказать о вещах, виденных мною в четвертом путешествии, или в «четвертый день». И так как я уже утомлен, а также потому, что это четвертое путешествие не выполнено в соответствии с намерением, которое я себе ставил, то вследствие неудачи, которая постигла нас в пучине Атлантического океана, как ваше высочество вкратце узнает впоследствии, я попытаюсь быть немногословным.

Мы отправились из Лиссабонского порта в составе шести кораблей с намерением открыть остров в восточном направлении, который называли Мелаккой. О нем имелись сведения, что он очень богат и представляет собой склад для всех кораблей, приходящих из Гангского моря и Индийского океана (так же как Кадикс – приемный пункт для всех кораблей, идущих с востока на запад и с запада на восток) по пути в Каликут. Эта Мелакка расположена значительно западнее⁶⁶ и гораздо южнее, чем Каликут, так как мы знаем, что она лежит на уровне 33-го градуса южного полушария.

Мы вышли в 10-й день мая 1503 года, взяв направление прямо на острова Зеленого Мыса, где произвели кренгование⁶⁷, подкрепились и стояли здесь 13 дней⁶⁸.

Отсюда мы отправились в наше путешествие под парусами в направлении юго-восточного ветра⁶⁹, и, так как наш адмирал был самонадеянным и очень упрямым человеком, он отправился исследовать Сьерра-Леоне – страну в южной Эфиопии, не имея какой-нибудь надобности, кроме желания показать, что он капитан шести кораблей, и против желания всех остальных капитанов. И когда, продвигаясь вперед, мы приблизились к упомянутой земле, столь велики были трепавшие нас штормы и погода вместе с тем была настолько неблагоприятной, что, хотя мы были в виду берега целых четыре дня, сильный ветер не допускал нас приблизиться к земле.

Поэтому мы были вынуждены повернуть на наш собственный курс и покинуть упомянутую Сьерру. И мы поплыли отсюда по направлению юго-юго-западного ветра. И когда прошли под парусами полных 300 лигов через безмерность океана, будучи точно на третьем градусе к югу от равноденственной линии, увидели землю, от которой находились на расстоянии, вероятно, в 22 лига.

Мы пришли в изумление затем, найдя, что это был остров, лежащий посреди моря. Он был очень возвышенный и представлял собой удивительнейшее творение природы, так как был не более чем два лига в длину и один в ширину. На этом острове никогда не существовало поселения каких-либо людей. Это был дурной остров⁷⁰ для всякого флота. Вашему высочеству надо знать, что из-за губительных советов и управления нашего адмирала он потерял здесь судно, так как наскочил с ним на скалу, и оно раскололось в ночь святого Лаврентия, в десятый день августа, и пошло ко дну.

Тогда не было никакой возможности спасти что-либо от него, кроме экипажа. Это был корабль в 300 тонн водоизмещения, на котором находилось все самое важное для флота. Когда вся эскадра старалась спасти его, адмирал приказал мне разыскать на упомянутом острове хорошую якорную стоянку, где все корабли могли бы стать на якорь. Поскольку мой бот с девятью моими матросами был занят помощью в закреплении⁷¹ снасти кораблей, он пожелал, чтобы я не брал бота и не шел с ним, говоря, что они приведут его ко мне на остров.

Я оставил флот и отправился, как он приказал мне, к острову без бота, располагая только половиной моего экипажа, двинулся на упомянутый остров, находившийся на расстоянии около четырех миль, и нашел на нем превосходную гавань, в которой все корабли могли в полной безопасности стать на якорь. Здесь я ждал моего начальника и весь флот целых восемь дней, но они не пришли, чем мы были очень расстроены. Люди, оставшиеся со мной на корабле, были в таком страхе, что я не был в состоянии успокоить их.

Проведя таким образом 8 дней, мы заметили идущий по морю корабль, и, боясь, что люди могли нас не увидеть, мы снялись с якоря и направились к нему наше судно, думая, что он везет нам наш бот и команду. И когда мы прошли рядом с ним, то после приветствия они рассказали нам, каким образом корабль адмирала пошел ко дну, и как была спасена команда, и что мой бот и команда остались с эскадрой, которая пошла дальше в море.

Это было для нас весьма великим огорчением, как ваше высочество может себе представить, поскольку мы находились на расстоянии тысячи лигов от Лиссабона, в океане⁷² и с небольшим экипажем.

Тем не менее мы повернули нос корабля⁷³ и пошли вперед. Мы вернулись на остров и с помощью лодки с сопутствующего корабля запаслись водой и строевым лесом. Мы нашли этот остров необитаемым. На нем было много источников со свежей и приятной водой и многочисленные деревья. Он был полон бесчисленным множеством морских и сухопутных птиц. Они были такими ручными, что позволяли брать себя в руки. Мы так много их взяли, что нагроулили лодку этими существами.

Мы не видели никаких других животных, кроме больших крыс, и ящериц с раздвоенными хвостами, и некоторых змей. Запасшись продовольствием, мы отправились с попутным юго-юго-западным ветром, поскольку имели приказ короля, предписывающий нам, что, если какой-либо корабль отстанет от эскадры или от своего командующего, он должен идти к земле, которую мы открыли в предыдущем путешествии, – в гавань, которую мы назвали *Badla di luctie sancti*⁷⁴.

Богу было угодно дать такую хорошую погоду, что через 17 дней мы достигли земли, находившейся на расстоянии целых 300 лигов от острова. Там мы не нашли ни адмирала, ни какого-либо другого корабля эскадры. В этой гавани мы ожидали два месяца и четыре дня и, видя, что никто не прибывает, решили, мой спутник и я, идти вдоль берега. Мы шли под парусами 260 лигов, пока не прибыли в гавань, где решили построить крепость, и сделали так. Мы оставили в ней 24 человека, которых мой спутник имел для нас. Он подобрал их с затонувшего флагманского корабля⁷⁵.

В этом порту мы оставались пять месяцев, воздвигая укрепление и нагружая наши корабли красильным деревом⁷⁶ и, поскольку не могли двигаться дальше, так как у нас не было достаточно людей и корабельного снаряжения. Когда все было сделано, мы решили повернуть наш курс в Португалию, лежавшую в направлении ветра между северо-востоком и севером. Мы оставили 24 человека в крепости с запасом продовольствия на шесть месяцев, двенадцатью большими бомбардами и многим другим оружием. Мы замирили весь народ этой земли, о котором не упоминалось в этом путешествии не потому, что мы не видели их и не общались с их бесчисленным множеством. Мы прошли, 30 человек, в глубь этой земли на 40 лигов. Я видел так много вещей, что избегаю говорить о них, оставляя их для моего «Четвертого дня». Эта земля лежит в 18 градусах южнее равноденственной линии и в 37 градусах к западу от долготы Лиссабона, как показывают наши инструменты.

1162 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Когда все было сделано, мы покинули наших людей и землю и начали плавание на северо-северо-восток⁷⁷, то есть в направлении ветра между севером и северо-востоком, с намерением проделать наше путешествие прямым курсом к городу Лиссабону. Через 77 дней после тяжелых трудов и опасностей мы вошли в эту гавань в 18-й день июня 1504 года. Хвала господу!

Мы были встречены очень хорошо, превыше всяких ожиданий. Весь город считал, что мы погибли, поскольку другие корабли эскадры погибли из-за высокомерия и безрассудства нашего адмирала. Так господь воздал за гордыню! Сейчас я нахожусь в Лиссабоне и не знаю, что король захочет сделать со мной. Сам я очень хочу покоя.

Податель настоящего письма Бенвенуто ди Доменико Бенвенути расскажет вашему высочеству о моем состоянии и о некоторых вещах, которые, чтобы избежать многословия, остались неупомянутыми, поскольку он видел и перенес их⁷⁸. Будь господь... Я писал так кратко, как только мог. О многих вещах, относящихся к естественной истории этих стран⁷⁹, не было рассказано, чтобы избежать многословия. Пусть ваше высочество простит меня. Я умоляю его держать меня в числе своих слуг. Поручаю вашему попечению синьора Антонио Веспуччи и всю мою семью. Молю бога, чтобы он удлинит дни вашей жизни и чтобы состояние этой величественной республики и честь вашего высочества были бы еще более вознесены. Дано в Лиссабоне в четвертый день сентября 1504 года. Ваш слуга Америго Веспуччи в Лиссабоне.

¹ Quomodo cunque sit – Веспуччи пожелал, видимо, блеснуть латынью.

² Veniam peto – то же самое.

³ В латинском варианте (в конце «Введения в космографию») – 20 вместо 10.

⁴ Navi di conserva.

⁵ Латинский вариант, – 27 и две трети.

⁶ То есть они лежат на 27-м с половиной градусе северной широты.

⁷ Infa mezo di, et libeccio. – Следует заметить, что Веспуччи, говоря о направлении своего пути, ссылается всегда на ветер, причем указывает, в какую сторону обращено движение последнего, а не сторону, из которой он дует.

⁸ Латинский вариант.

⁹ Эти слова равнозначны повторению выражения – «от Канарских островов». Последние всегда считались крайним западным пределом необитаемой земли.

¹⁰ То есть на 16-м градусе северной широты. Если вычисления Веспуччи верны, можно сказать, что он находился у северного берега Гондураса.

¹¹ То есть к северо-западу. В латинском варианте – Vento secundum collem.

¹² Sonagli et specci, cente, spalline.

¹³ Слово tucte (все) – женского рода и, вероятно, относится только к женщинам.

¹⁴ Веспуччи думает, что туземцы не имели звуков в своем языке, неизвестных органам речи европейцев.

¹⁵ В латинском варианте от слов «для них не имеет» и до слов «во все часы» – пропуск.

¹⁶ В латинском варианте – *rectusculum inium*.

¹⁷ У Вальдземюллера прочитано неправильно *сапрапе* (звонницы) вместо *сарапе* (дома, хижины).

¹⁸ Латинский вариант – 8.

¹⁹ Латинский вариант – десять тысяч.

²⁰ Латинский вариант – 7 вместо 10.

²¹ Вальдземюллер нелепо перевел *suolo* (латин. – *solum*, то есть грунт, почва) как латинское *sol*, то есть солнце. Варнгаген не менее странно толкует это слово как атмосфера.

²² *Paternostrini* – четки или цепочки из бус, используемые неграмотными католиками.

²³ *Lumi* – светильники, свечи, подобно тому как это принято в католическом обряде.

²⁴ *Interramento* – здесь подразумевается погребальный ритуал.

²⁵ *Sibaldone*.

²⁶ У Вальдземюллера 20 вместо 44. Он повторяет свою ошибку, говоря о звонницах вместо жилищ.

²⁷ *Alia* – крылья или плавники. Веспуччи хотел, вероятно, сравнить это животное с мифическим драконом.

²⁸ *Brachio uno e mezo* полтора локтя. Этим животным была игуана.

²⁹ Это соответствует 23-му градусу северной широты, относясь, вероятно, к берегу вблизи Тампико (Мексика).

³⁰ Форт или баррикаду. Латинский вариант неправильно истолковывает это как «новое судно».

³¹ *Le lingue* (португ.).

³² Варнгаген думал, что надо читать 25, а не 250. Однако число 250 встречается дважды. Кроме того, пленение только 25 дикарей было очень незначительным для сил европейцев.

³³ Латинский вариант ошибочно указывает 1489 год вместо 1499 года.

³⁴ Латинский вариант дает – «19 дней», Варнгаген – тоже.

³⁵ То есть в предыдущем донесении о первом путешествии.

³⁶ Это означает – на 5-м градусе южной широты.

³⁷ То есть Канарских островов.

³⁸ Здесь какая-то путаница. Они едва были бы способны увидеть толпу людей на расстоянии четырех лигов от берега.

³⁹ Латинский вариант – 20 человек.

⁴⁰ Вместо выражения – «мы проделали наш путь и т. д.», латинский текст вставляет – «пройдя вдоль берега около 80 лигов, мы пришли к безопасной гавани», что, конечно, бессмысленно.

⁴¹ Мыс Святого Рока.

⁴² Немного к северу от Каракаса, вероятно на 12-м градусе.

⁴³ *Marchi, marco* – приблизительно 8 унций.

⁴⁴ Вид шариков или игрушек из мрамора. *Palle* – вероятно, то же, что и *spalline*.

⁴⁵ Слова .от «королева взяла» и до «чтобы она не увидела других» опущены в латинском варианте.

⁴⁶ Слова в тексте от «отличные жемчужины» до «продавалась за» опущены в латинском варианте.

⁴⁷ Эспаньолу.

⁴⁸ В латинском варианте – два месяца и два дня,

⁴⁹ Слова «с Колумбом» опущены в латинском варианте и не упомянуты Варнгагеном в «Первом путешествии».

⁵⁰ То есть привезший официальное письмо от короля.

⁵¹ В латинском варианте – *Besilica*.

⁵² То есть на 14-м градусе северной широты.

⁵³ В латинском варианте ошибочно – «король Кастилии».

⁵⁴ Знаками, конечно.

⁵⁵ *Capitano maggiore*.

⁵⁶ Латинский вариант – Святого Винцентия.

⁵⁷ «Четвертый день» – проектируемая книга, о которой Веспуччи уже делал несколько упоминаний.

⁵⁸ Латинский вариант – 700.

⁵⁹ Латинский вариант – 13.

⁶⁰ То есть так далеко на юг.

⁶¹ 2 апреля – латин.

⁶² В латинском тексте здесь прибавлено: «За эти пять дней мы прошли 250 лигов морского пути».

⁶³ По Варнгагену – 300 лигов, но здесь может быть и 1300 – первая цифра более вероятна (1300 *leghe* – итал.; *mille trecentum disfabamus ieuicis* – латин.).

⁶⁴ Латинский вариант – 16.

⁶⁵ *Sogno* – вероятно, типографская ошибка вместо *saogo* – «Колесница», то есть Большая Медведица.

⁶⁶ Это головоломное выражение заставляет нас предположить, что целью экспедиции было открытие юго-западного пути в Индию. Когда Веспуччи говорит, что Малайя находится к западу от Каликуга, то думает, вероятно, что она расположена ближе к его Новому Свету.

⁶⁷ Кренгование производится либо для ремонта одного из бортов корабля, либо для испытания остойчивости судна. Латинский вариант неправильно понимает этот термин.

⁶⁸ Латинский вариант – 12.

⁶⁹ В итальянском тексте ошибочно указано – «к юго-юго-западу» (*infra mezzo di e libeccio*).

⁷⁰ Фернандо Норонья.

⁷¹ *Ligare* – связывать вместе.

⁷² *Golfo* – буквально — залив.

⁷³ *Facemmo rostro*,

⁷⁴ Ошибка, вместо *Bahia de todos os santos*. Это смешение букв *d* и *h* в рукописи Веспуччи повело к длительным ошибкам на картах.

⁷⁵ *Nave capitana*

⁷⁶ бразильское, или красильное, дерево.

⁷⁷ *Nomodeste*.

⁷⁸ Это означает, что Бенвенуто сопровождал Веспуччи в этом путешествии.

⁷⁹ То есть относящихся к описанию природы этих стран.

Экспедиция Франсишку ди Альмейды (Ганс Майер, «Записки»)

Франсишку ди Алмейда (1450-1510 гг.) – португальский мореплаватель. Наряду с другими мореплавателями из Португалии он заложил основы Португальской колониальной империи.

Ганс Майер – немец-коммерсант, много раз побывавший на Востоке, автор «Записок» (1505 г.).

...В год 1505, 25 марта, во вторник, дон Франциско Д'Альмейда, адмирал над 20 вымпелами, а именно 14 кораблями и 6 каравеллами, ушел в море...

5 мая корабль Белла погиб, получив пробоину. Экипаж удалось спасти...

2 июня обогнули мыс Доброй Надежды...

2 июля сильная буря и гроза; с флагманского судна двое упали в море и утонули, со «Св. Леонгарда» – один.

18 июля мы впервые увидели землю, в 30 милях от острова Мозамбик

22 июля, во вторник, около полудня, мы вошли в гавань Квиллоа, и было с нами не более 8 кораблей.

Адмирал послал венецианца Бона Аджудо к местному царю, чтоб он явился перед ним, но тот отказался и прислал лишь 5 коз.

На другой день адмирал велел направить пушки, а все капитаны в добром снаряжении должны были крейсировать перед городом в ожидании, заблагорассудится ли царю прибыть к адмиралу. Но царь известил, что быть не может, у него-де гости. Зато он готов выплатить дань, какой обязан португальскому королю. Таковую весть привезли пятеро мавров; их... схватили.

В четверг, с восходом солнца, все сели в лодки. Первым вступил на землю сам адмирал; он и все остальные направились ко дворцу, причем встречным маврам, ежели они не сопротивлялись, даровалась жизнь.

...Двери были заперты; их взломали, но весь дворец оказался пуст... Весь город также был занят без всякого сопротивления... Францисканцы воздвигли крест, а адмирал занял дом йодле этого креста. Весь экипаж принялся за разграбление товаров и припасов богатого этого города.

...Есть здесь самбуки величиной не менее каравеллы в 50 тонн. Их всегда вытягивают на берег, а для поездки спускают в море. В них нет совсем гвоздей, а планки связаны пальмовыми веревками, на каких привешивается и руль. Они хорошо проконопачены и просмолены. Ездят на них до Софалы, чтоб оттуда привезти золото [а это 255 миль], а то и далее...

Много найдено было в домах пузырьков с розовым маслом великолепного запаха; они вывозятся в обмен. Нашли много также разного стекла, массу материй разных сортов, амбру и мастику.

Всю добычу адмирал повелел снести в одно место под страхом наказания.

В Квилоа медленно устроен был форт из самого лучшего дома, причем все окрестные здания были уничтожены. Немедленно внесены туда были бомбарды и прочее оружие. Начальником остался Перо Феррейра, и дали ему 80 человек...

Ввиду бегства царя адмирал сделал царем другого, местного мавра, любимого всеми; в торжественной процессии его провезли верхом по всему городу...

9 августа ушли из Квилоа в Момбасу... Там мавры у узкого прохода в гавань устроили форт, снабженный многими бомбардами. И когда первый корабль, под командой Гонсало де Паива, хотел войти, заиграла артиллерия, и одно ядро прошло сквозь весь корабль, от борта до борта. Тогда стали бомбардировать форт, взорвали там пороховой погреб, и весь гарнизон бежал. Флот вошел в гавань и стал перед городом.

14 августа бомбардировали город, который, впрочем, отвечал тем же... Город состоял из более чем 600 домов, крытых пальмовыми ветвями, со страшно узкими проулками, где едва могли разминуться трое. Адмирал решил бросить огонь в город, и он запылал с двух сторон. Много добра в нем погибло, так как жители торговали морским путем с Софалой и Камбайей...

Ночью было затмение луны, а на другой день, 15 августа, в пятницу, адмирал со своими 8 кораблями стоял по одну сторону Момбасы, а сын его, дон Лоренцо, с тремя кораблями по другую. С раннего утра все вооружились и плотно поели. Затем начался штурм... Высадились дружно; впереди шли мушкетеры и арбалетчики. Быстро проникли в город и достигли тех частей, которые пощадил огонь. Тут были трехэтажные дома, и нас встретили горяченько – главным образом бросали сверху камни. Арбалетчики наши еще действовали, но мушкетеры стрелять уже не могли. Впрочем, камни нанесли малый урон, ибо из-за тесноты улиц падали они не на середину, а по краям, задевали за верхние этажи, задерживались разными выступами и балконами, под которыми наши тоже умело хоронились... Жители, а также и царь бежали в соседнюю пальмовую рощу... Адмирал разрешил грабить город, но каждый должен был свою добычу сдать на свой корабль, чтоб можно было точно выяснять общую сумму, и тогда экипажу дана будет двадцатая часть... Все бросились на грабеж, разбивали двери, обыскивали дома. Нашли множество бумажных тканей, а также шелковую материю, парчу, замечательные ковры и превосходные чепраки и попоны... Так шло до поздней ночи. А на следующий день разграбление возобновилось, хотя люди очень устали, и, говорят, в городе поэтому осталось нетронутым много добра. Брали и припасы: рис, мед, масло, просо в громадном количестве, верблюдов и мелкий скот. Видели мы также двух слонов: их показывали еще до штурма, чтоб нагнать страх.

В проулках и домах валялось много убитых, говорят, до 1500 человек. Мы же потеряли павшими лишь 5 человек.

Город этот, по уверению мавров, самый красивый на всем побережье, а остров – наиболее плодородный: много на нем исключительно сладких апельсинов, гранатов, лимонов, все в гораздо большем количестве, нежели в Квилоа. Есть здесь, наконец, и сахарный тростник... В городе было до 10000 жителей; из них 3700 боеспособных мужчин...

27 августа, в среду, мы направились прямо на Индию, через залив Мекки, всего 750 миль, что и прошли в 17 дней...

...Из Кананора мы 27 октября, в понедельник, отправились в Кочин, минуя Каликут, и прибыли туда 30 октября...;

Вице-король подарил царю Кочина золотую корону, которую-де послал ему король португальский, назначивший ему, кроме того, ежегодное содержание.

Повыше Кочина, на реке, находится деревянный форт, построенный Франциско д'Альбукерком. А в двух милях находится и еще форт, подле брода, чтоб удерживать людей из Каликута¹ от перехода реки. На этой же реке находятся и главнейшие склады² для всего вывозного перца, если и есть где-либо еще склады, то они незначительны.

¹ Португальцы в этот период (с 1502 г.) вели с Каликутом непрерывающуюся борьбу.

² В течение нескольких лет португальцы сумели переместить всю торговлю перцем из Каликута в подвластный им и послушный Кочин.

Экспедиция Афонсу де Албукерки (Луиш де Камознс, «Лузиады»)

Афонсу де Албукерки (1453-1515 гг.) – португальский мореплаватель. Наряду с другими мореплавателями из Португалии он заложил основы Португальской колониальной империи.

«Лузиады» – эпопея португальского поэта Луиша де Камознса. Завершена, предположительно, в 1556 г.

И в отблеске зарницы негасимой
Грядет в Ормуз с отборными войсками
По морю Албукерк непобедимый,
На дерзких персиан обрушив пламя,
И мнится, Божий херувим незримо
Простер покров над вашими полками.
И обратил на персов оробелых
В час роковой их собственные стрелы.
И не спасут и горы соляные
От разложения трупы супостатов,
И Албукерка залпы громовые
Под небом раздадутся Калайата,
Бахрейна перлы, светом налитые,
Как дань пришлет герою край богатый.
И склонит выю гордый перс под игом,
Покорствуя лузиадам великим.
Я вижу ветви трепетные пальмы,
Которыми Виктория венчает
Того, кто у берегов чужих и дальних
Великий Гоа дерзко покоряет!
Но, дней приход предчувствуя печальных,
Он остров вожделенный оставляет,
Пообещав, что вскорости вернется,
С Фортуной да и с Марсом разочтется.
И вот уже опять на стогнах града
Его войска индийцам угрожают.
Презрев все копья, стрелы и засады,
Язычников и мавров усмиряют
Так яростно, что в гневе беспощадном
Голодным львам они не уступают,
И славят день страдальцы невинной,
Принявшей тяжкий крест Екатерины.
И ты, Малакка, что средь вод Авроры
В довольстве изобильном пребываешь,
Забудешь о своем величье скоро
И новых повелителей признаешь.
Напрасно ныне стрел каленых горы
Ты ядом сокрушительным питаешь.
Малайцы и яванцы во кручине
Склонятся перед Лузовой дружиной.

Открытие Тихого океана (1513 г.) (Отрывок из книги Оскара Пешеля «История эпохи открытий»)

В документе речь идет об одной из экспедиций испанских конкистадоров к берегам Центральной Америки, где они надеялись захватить новые земли. В документе говорится, что Васко Нуньес де Бальбоа, перейдя Панамский перешеек со своими спутниками и приветствуя неожиданно открывшийся им доселе не известный океан, немедленно провозглашает его со всеми окружающими землями достоянием кастильской короны. Чтобы ни у кого не возникло в этом сомнений, он тут же, на берегу, водрузил крест с именами испанских правителей.

Оскар Пешель (1826-1875 гг.), немецкий географ и этнограф, широко использовал в своей работе первоисточники. Один из них он включил в главу об открытий Тихого океана.

На рассвете 25 сентября Бальбоа двинулся только с 66 спутниками [остальные заболели]. Испанцы поднимались в гору. В десятой часу индейские вожаки объявили Бальбоа, что с ближайшего гребня он увидит другое море. Васко [Бальбоа] велел своим сделать привал, а сам пошел вперед, для того чтобы первому бросить взгляд за предел Нового Света. Достигши обнаженной от леса вершины, он увидел перед собой многоветвистый залив, выходящий к другому океану. Открыватель бросился на колени и, подняв руки, восторженно приветствовал австралийные йоды. Потом уж он махнул своим спутникам, чтобы и они подошли к великому зрелищу и, преклонив колена, прославили всевышнего, избравшего их для такого дня. В память этого независимого мгновения Бальбоа велел нагромоздить несколько каменных гряд, водрузить крест, врезать в

дерева имена испанских правителей, доньи Хуаны Кастильской и Фердинанда Арагонского, а нотариусу... изготовить протокол, внеся туда имена всех бывших при нем в эту пору сподвижников, да сохраняются они в истории; затем Бальбоа велел своим спутникам войти в воду, и каждый из них, зачерпнув рукой, отведал ее, чтобы убедиться, соленая ли также вода в другом океане... Затем, пропев... гимн, отряд стал спускаться с горы...

4.6. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ

Булла *Inter Caetera* №2, 4 мая 1493 г.

Inter caetera №2 – булла, выпущенная папой Александром VI 4 мая 1493 г. Булла передала королевствам Арагону и Кастилии, т.е. Испании все земли «к западу и югу» от линии, соединяющей полюса Земли и проходящей в ста лигах западнее и южнее любого из островов Азорского архипелага и архипелага Зелёного мыса.

Всего, в связи с решением вопроса о португальских и испанских зонах в Атлантике, было издано несколько булл: *Inter caetera* №1 (13 марта 1456 г.), *Aeterni Regis* (21 июня 1481 г.), *Inter caetera* №2 (4 мая 1493 г.), а также *Eximiae devotionis, Dudum sequidem*.

Согласно заключенному 4 сентября 1479 г. по результатам войны за кастильское наследство Алкасовашскому договору, из спорных территорий в Атлантике за Кастилией и Леоном оставались лишь Канарские острова, тогда как права на остальные владения (Мадейра, Азорские острова, Кабо-Верде и Гвинею) закреплялись за Португалией, которая также получила исключительные права на завоевание королевства Фес. Кроме того, за Португалией закреплялись исключительные права на плавание, завоевания и торговлю в Атлантическом океане южнее Канарских островов, включая территории, которые будут открыты в будущем.

С некоторыми уточнениями, граница, установленная буллой *Inter caetera* №2, была подтверждена Тордесильяским договором от 7 июня 1494 г., заложившим основы для раздела мира между Испанией и Португалией.

Александр, епископ, раб рабов Божьих, светлейшим государям, – нашему весьма возлюбленному во Христе сыну Фердинанду, королю, и нашей весьма возлюбленной во Христе дочери Изабелле, королеве Кастилии, Леона, Арагона и Гранады – привет и апостольское благословение.

Среди прочих деяний, угодных всемогущему Господу и желанных сердцу нашему, наибольшее значение в наше время имеет возвеличение католической веры и христианской религии и ее укрепление и распространение ради спасения душ и ради смирения и обращения в эту веру варварских народов. Потому мы, хоть того и были недостойны, призваны милостью Божией на священный престол святого Петра. Ведомо нам, что Вы ныне суть истинные Католические короли и правители и таковыми были и прежде и что о Ваших великих деяниях известно уже всему свету, деяния же эти остались не только в помыслах Ваших, но и были свершены Вами ревностно и упорно; свершая их, Вы не щадили ни сил, ни средств и не взирали на опасности и жертвовали кровью своей, будучи преданы делу своему всей душой и посвятив себя издавна его выполнению, чему свидетельство – освобождение королевства Гранады из сарацинской неволи, свершенное во славу имени Божьего.

Поэтому, оценивая по достоинству содеянное, считаем мы долгом нашим пожаловать Вам по собственной нашей воле и в Вашу пользу то, что позволит Вам с еще большим душевным пылом продолжать во славу Божию Ваше святое и достохвальное дело, столь угодное нашему бессмертному Господу. Нам известно, что Вы уже давно воодушевлены желанием поисков и открытия неких островов и материков, далеких и неведомых, до сих пор еще не найденных, дабы их жителей и обитателей призвать к служению нашему Искупителю и обратить в католическую веру; и что, будучи обременены освобождением названного королевства Гранады, Вы не могли доньше довести до желанного конца это Ваше святое и достохвальное намерение; и что в конце концов, после того как Вы приобрели по воле Божией названное королевство, Вы поручили для исполнения Вашего намерения предпринять в море-океане усердные поиски этих далеких и неведомых материков и островов в местах, где доселе еще никто не совершал плаваний, нашему любезному сыну, Христофору Колумбу, – мужу весьма достойному, заслуживающему высокого уважения и на подобное дело способному, и дали ему корабли и нужных людей. Они [Колумб и его люди], с Божьей помощью проявляя чрезвычайное усердие, нашли, плавая в море-океане, некие весьма далекие острова, а также материка, доселе еще не открытые никем другим; и там обитает множество мирных людей и ходят они, как то утверждают, нагие и не едят мяса.

И, судя по сообщениям Ваших посланцев, люди, обитающие на упомянутых островах и землях, верят в единого Бога-творца, сущего в небесах, и кажутся достаточно способными к обращению в католическую веру и к усвоению добрых обычаев, и имеется надежда, что если они будут наставлены в веру, то имя Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа легко проникнет в пределы названных земель и островов. И упомянутый Христофор на одном из главных названных островов велел соорудить крепость, в которой оставил для охраны

ее несколько христиан, своих спутников, которые должны искать другие острова и материки, далекие и неведомые; и на островах и землях, уже открытых, найдено было золото, пряности и много иных вещей различного рода и достоинства. Поэтому, досконально приняв во внимание все вышеуказанное, и особенно необходимость возвеличения и распространения католической веры, должны Вы приступить, уповая на милость Божию, к подчинению упомянутых островов и материков и их жителей и обитателей, как то подобает католическим королям и правителям, по примеру Ваших предков, и обратить их в католическую веру.

Мы же восхвалим пред Господом это Ваше святое и достойное намерение; и, желая, чтобы оно было выполнено должным образом и чтобы самое имя нашего Спасителя утвердилось в упомянутых странах, ревностно будем поощрять Вас ради славы Господней; благодаря Святому Крещению, которое Вы получили, Вы обязаны исполнять веления апостольские; и, призывая все милосердие Господа нашего Иисуса Христа, убедительно просим Вас предпринимать с подлинным рвением к вере дело Ваше и побуждать народы, которые живут на упомянутых островах и землях, к принятию христианской религии; и да не устроят Вас труды и опасности и да не оставит Вас надежда и твердая уверенность в том, что всемогущий Бог окажет Вам помощь в Ваших предприятиях.

И дабы Вы могли приступить к столь великому делу с готовностью и пылом, мы после того, как будет Вам оказана щедрая апостольская милость, по собственной воле, а не по Вашей просьбе и не по просьбе лиц, действующих от Вашего имени, и лишь в силу нашей щедрости, осведомленности и полноты нашей апостолической власти, даруем в вечное владение, уступаем и предоставляем Вам и Вашим потомкам все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты, к западу и к югу от линии, проведенной и установленной от арктического полюса, т.е. севера, до антарктического полюса, т.е. юга, невзирая на то, имеются ли в виду уже найденные материки и острова или те, что будут найдены по направлению к Индии или по направлению к иной какой-либо стороне; названная линия должна отстоять на расстоянии ста лиг к западу и к югу от любого из островов, обычно называемых Азорскими и Зеленого Мыса. Так что все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты к западу и к югу от названной линии (если они только не были введены в действительное владение иного христианского короля и государя до дня Рождества Господа нашего Иисуса Христа, что минул в прошлом году, от которого начинается нынешний 1493 год, когда Вашими посланцами и капитанами найдены были некоторые из указанных островов), мы властью всемогущего Бога, предоставленной нам через святого Петра, и как наместники Иисуса Христа на земле даем, уступаем и предоставляем навечно Вам и Вашим потомкам, королям Кастилии и Леона [упомянутые земли] со всеми владениями, городами, замками, поселками и селениями, с правами, юрисдикцией и всем, что к ним относится.

И мы делаем, назначаем и полагаем Вас и упомянутых Ваших наследников и потомков владыками этих [земель] с полной, свободной и абсолютной властью, правом владения и юрисдикцией, предуведомляя, что этим даром, уступкой и предоставлением прав не должны умаляться или нарушаться права, присвоенные любому христианскому государю, который имел в действительном владении эти острова и материки ранее упомянутого дня Рождества Господа нашего Иисуса Христа [25 декабря 1492 года].

И кроме того, повелеваем Вам по долгу послушания – и это Вами обещано – и мы не сомневаемся, что Вы свершите нижеуказанное, ибо тому порукой Ваша набожность и великодушие, – отправить на упомянутые острова и материки людей добрых, богобоязненных, сведущих, ученых и опытных, дабы они наставляли упомянутых обитателей и жителей в католической вере и обучали их добрым обычаям, прилагая при этом все необходимое для подобного дела усердие.

И любым особам, какого бы они ни были звания, пусть даже императорского и королевского или любого иного положения, степени, достоинства или состояния, мы строжайшим образом запрещаем, под страхом отлучения (каковой каре такие лица подвергнутся в случае ослушания), ходить для приобретения товаров или по иной причине без специального на то разрешения, данного Вами или Вашими наследниками и потомками, к островам и материкам как уже найденным, так и тем, что будут найдены и впредь будут открыты к западу и к югу от линии, проведенной и установленной от арктического до антарктического полюсов, найдут ли эти материки и острова в направлении Индии или другой какой-нибудь стороны. Линия же эта должна отстоять на сто лиг от любого из островов, обычно именуемых Азорскими и Зеленого Мыса. Вы, совершая под водительством Божиим Ваши деяния, вверяя себя Господу и считая действительными любые апостольские установления, выполняя Ваше святое и достохвальное предприятие, трудами и подвигами достигнете в скором времени полнейшего успеха – к славе и к счастью всего христианства.

И так как трудно будет доставить настоящее послание в каждое из тех мест, куда надлежит его доставить, то мы желаем и с присущими нам волей и знанием повелеваем, чтобы копии сего послания, подписанные рукой государственного нотариуса (*publici notarii*), для этой цели призванного, и скрепленные печатью лица духовного звания или духовной курии, принимались в присутственных местах с тем же почетом, что и подлинники; и копии эти надлежит вручать в тех случаях, когда потребуется предъявить и показать их.

Точно так же никому не дозволяется нарушать эту нашу рекомендацию, моление, требование, дарование, уступку, предписание, установление, вверение, повеление, приказание, запрещение и волю. А тому, кто осмелится поступить так, да будет ведомо, что навлечет он на себя гнев всемогущего Господа и святых апостолов Петра и Павла.

Дано в Риме, в год от воплощения Господа нашего тысяча четыреста девяносто третий, четвертого мая, в первый год нашего понтификата.

Тордесильясский договор от 7 июня 1494 г.

Тордесильясский договор, заключенный между королями Испании и Португалии о разделе мира. Заключен 7 июня 1494 г. в городе Тордесильяс (Кастилия). Ратифицирован Испанией 2 июля, Португалией 5 сентября. Одобрен буллой папы Юлия II в 1506 г.

Договор уточнял линию раздела, установленную годом ранее в булле папы Александра VI «Inter caetera». Демаркационная линия, проходящая через оба полюса и пересекающая Атлантический океан, по настоянию португальской стороны была перенесена от линии, проходящей в 100 лигах западнее любого из островов Азорского архипелага и архипелага Зелёного мыса до 370 лиг (1770 км, 1100 миль) к западу от островов Зелёного Мыса.

Договор определил линию, разграничившую владения этих двух государств в Атлантическом океане (так называемым «папский меридиан», т.е. примерно по 30° меридиану к западу от о. Ферро – в современных координатах, это меридиан 49°32'56" з. д.). Все вновь открытые моря и земли к западу от этой линии должны были принадлежать Испании, к востоку от этой линии должны были принадлежать Португалии.

Разграничительная линия была проведена только по Атлантическому океану, и это вызвало неизбежное столкновение интересов Испании и Португалии в Тихом океане во время путешествия Магеллана. Вторая демаркационная линия была установлена в 1529 г. Сарагосским договором. Тордесильясский договор сохранял силу до выхода на океанские просторы кораблей Англии, Франции, Голландии.

22 апреля 1529 г. был заключен Сарагосский договор – договор, заключенный между Испанией и Португалией. В нем была установлена демаркационная линия между сферами влияния обеих морских держав в восточном полушарии. Сарагосский договор служил дополнением к Тордесильясскому договору, заключенному между этими государствами ранее, в 1494 г. По нему была проведена линия разграничения интересов этих стран в Западном полушарии. Поскольку в то время доподлинно не было известно, что Земля круглая, сферы интересов обоих государств столкнулись на Тихом океане, вследствие чего понадобилось их разграничение и здесь. Восточной демаркационной линией послужила линия, пролегающая в 297,5 лигах к востоку от Молуккских островов, вблизи 145 градуса восточной долготы. По договору линия должна была пролегать между Марианскими островами и островом Гуамом, называвшимся тогда Санто-Томе и Лас Велас. В результате, земли и моря к востоку от линии отходили к Испании, а земли и моря к западу от линии отходили к Португалии. Помимо этого договор утвердил соглашение о продаже Испанией Португалии прав на Молуккский архипелаг за 350 тысяч дукатов.

Высокие договаривающиеся стороны через вышепоименованных представителей условились и согласились во избежание сомнений и споров относительно островов и земель, уже открытых, или тех, которые будут открыты в море-океане, чтобы была проведена прямая линия от полюса до полюса, т.е. от полюса арктического до полюса антарктического с севера на юг, в трехстах семидесяти лигах к западу от островов Зеленого мыса, на расстоянии, определенном в градусах или иными способами, каковые будут признаны наиболее приемлимыми и удобными, и измеренном без изишка или недохватки, и чтобы все, что уже открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материи к востоку от этой линии и внутри ее на севере и на юге, принадлежало названному сеньору королю Португалии и его преемникам на веки-вечные и чтобы все острова и материи как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге принадлежали названным сеньорам королю и королеве и их преемникам на веки-вечные.

Далее, для того, чтобы названная разделительная линия была проведена правильно и наивозможно в короткий срок в трехстах семидесяти лигах к западу от островов Зеленого мыса, высокие договаривающиеся стороны прикажут в течение десяти месяцев, следующих за подписанием этого договора и соглашения, снарядить две или четыре каравеллы по одной или по две от каждой из сторон, каковые каравеллы по истечении указанного срока должны прибыть на остров Гран Канарию с пилотами¹, астрологами и иными лицами, назначенными в равном числе португальским королем на корабли португальские и кастильским королем на корабли кастильские, и выйти в море, дабы установить румбы, ветры и градусы юга и севера и наметить названные триста семьдесят лиг, следуя от островов Зеленого мыса на запад, вплоть до пересечения с искомой линией, и все время отсчитывать лиги, измеряя оные, согласно способу, который означенные лица установят без ущерба для высоких договаривающихся сторон, и прибыв к месту, где названная линия должна проходить, оные лица должны отметить пункты, через которые проходит линия, либо в градусах юга и севера, либо безградусно, в лигах, в зависимости от того, как будет лучше, и составить обо всем акт и скрепить его своими подписями.

Если же, по счастью, таковая линия пересечет остров или материк, да будет установлен столб или знак и да будет он разделять ту часть, что принадлежит Португалии, от той, что отведена Кастилии.

Далее, высокие договаривающиеся стороны заверяют через своих представителей, что отныне и впредь не будут они отправлять никаких кораблей – названные король и королева Кастилии и Арагона – в моря, что находятся к востоку от названной линии и принадлежащие королю Португалии, а король Португалии в моря по другую сторону линии к западу от нее, которые считаются принадлежащими королю и королеве Кастилии.

Также ни одна из сторон не будет совершать открытий и завоеваний и не будет вести торговлю за разделительной линией, намеченной согласно вышесказанного. И если случайно корабли короля Португалии окажутся в порту, принадлежащем королю Кастилии, то таковые корабли должны быть немедленно переданы королю Португалии и также да будет поступлено последним по отношению к королю Кастилии.

Далее, поскольку корабли короля Кастилии, что следуют в земли, лежащие за названной линией, по необходимости должны проходить через моря, находящиеся по сию сторону линии и принадлежащие Португалии, договорились оба государя, что названные корабли могут плавать свободно и без помех в этих морях в течение всего времени, которое потребно для перехода, и могут следовать они для открытий и завоеваний в места, принадлежащие Кастилии, но если при этом открытая земля окажется в части, отведенной для Португалии, будет она считаться владением короля Португалии.

И, так как может случиться, что корабли короля и королевы Кастилии и Арагона откроют до двадцатого числа текущего месяца острова и материи по сию сторону названной линии, что должна быть проведена в трехстах семидесяти лигах к западу от островов Зеленого мыса, условились высокие договаривающиеся стороны через своих представителей, чтобы во избежание сомнений, все, что будет открыто к двадцатому июня кораблями и людьми кастильскими в пространстве, лежащем на двести пятьдесят лиг к западу от островов Зеленого мыса, будет принадлежать королю Португалии, а земли, что находятся далее к западу внутри полосы, простирающейся на сто двадцать пять лиг к востоку от названной разделительной линии, будут принадлежать королю и королеве Кастилии, хотя оные сто двадцать лиг и составляют часть дистанции в триста семьдесят лиг, в пределах коей все моря и земли являются владениями короля Португалии.

Если же до двадцатого июня ничего не будет открыто кораблями короля и королевы Кастилии внутри оных ста двадцати лиг, все, что откроют кастильские корабли, впредь в этих местах да считается владениями короля Португалии.

¹ В то время пилотами назывались лоцманы и штурманы.

4.7. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ

Соглашение с конкистадорами об открытиях и завоеваниях новых земель

Асьенто, подобно капитуляции, – соглашение, заключаемое Испанской короной с завоевателями и первооткрывателями.

Жажда открытий охватила Испанию в 1499 г., когда в страну дошли вести о материке, обнаруженном Колумбом во время его третьего путешествия. Очевидные выгоды заморских предприятий вызвали у многих кастильских авантюристов желание отправиться на поиски новых несметно богатых земель.

На протяжении 1499 г. были заключены асьенто с Алонсо де Охедой, Кристобаллем Герра, Висенте Янес Пинсоном, Алонсо Велясом де Мендосой. Условия капитуляции в Санта-Фе, подписанные Изабеллой и Фердинандом с Колумбом, не допускали отправку каких бы то ни было экспедиций в моря, посещенные и посещаемые великим генуэзцем. Фактически же, так как границы запретной зоны были крайне неопределенными, да и сама корона отнюдь не стремилась к точному выполнению капитуляции Сайта-Фе, права Колумба грубо и беззастенчиво нарушались новыми открывателями, хотя пункт о неприкосновенности зоны, отведенной Колумбу, и включался в тексты асьенто.

Одним из наиболее предприимчивых искателей новых земель был Род де Бастидас, севильский нотариус, связанный с богатыми торговыми домами Севильи и видными мореплавателями, постоянно посещавшими этот город. От штурмана Колумба – Хуана де ла Коса – Род де Бастидас узнал об открытых во время третьего путешествия «жемчужных берегов» большого материка. То были земли вдоль восточного берега Дарненского залива. Род де Бастидас, получив ссуды от севильских купцов, вступил с короной в переговоры о заключении асьенто и законтрактовал на срок, необходимый для путешествия, Хуана де ла Косу. В 1500-1501 гг. Род де Бастидас совершил путешествие к берегам Америки.

Следуя от мыса Агуа, вдоль берегов нынешней колумбийской провинции Сайта-Марта и Картахена, посетил ряд пунктов на побережье Дариенского залива, и с огромным грузом ценных товаров — золотом и рабами-индейцами – высадился на острове Эспаньола. Он открыл устье реки Магдалены и ряд островов у северных берегов Южной Америки. На Эспаньоле Бастидас был арестован по приказу губернатора острова Бабадилы за незаконную торговлю жемчугом и рабами. Однако по прибытии нового губернатора Овандо Бастидас был освобожден и вскоре вернулся в Испанию, где получил за совершенное им открытие пенсию в размере 50 000 мараведи в год. На этом, однако, карьера Бастидаса не окончилась. Много лет спустя, в 1521 г., Бастидас заключил капитуляцию с Карлом V о завоевании некогда им посещенных земель. В 1525 г. он высадился в заливе Сайта-Марта, основал на его берегах город того же имени и подчинил окрестные земли. Вскоре, однако, Бастидас был изувечен и изранен во время подавления мятежа среди своего же собственного войска и, вынужденный покинуть Санта-Марту, умер по пути в Испанию на о-ве Куба.

АСЬЕНТО, КОТОРОЕ ЗАКЛЮЧИЛИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА С РОДРИГО ДЕ БАСТИДАС ОБ ОТКРЫТИЯХ В ИНДИИ ЗА ЕГО СЧЕТ

Король и королева

Асьенто, которое по нашему повелению было заключено с вами, означенный Родриго Бастидас, жителем города Севильи, об открытиях и море-океане на двух кораблях:

1170 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Во-первых – мы разрешаем вам, означенный Родриго Бастидас, на двух ваших кораблях, снаряженных за ваш счет, отплыть в упомянутое море-океан для окрyтия островов и материков и следовать для этого в Индию и в любые иные места с тем, однако, чтобы острова и земли, к коим вы будете держать путь, не были бы территориями, что вплоть до настоящего времени уже были открыты доном Кристобалем Колоном, нашим адмиралом, названного моря-океана и Кристобалем Герра, а также не являлись землями, которые ранее вас открыли или откроют другие лица, имеющие на то наше разрешение.

Также не должны совершаться открытия на островах и материках, что принадлежат светлейшему королю Португалии и государю, нашему очень дорогому и очень любимому сыну. И кроме необходимого для людей ваших и кораблей пропитания и снаряжения, не должны ничего брать вы в их землях.

Далее: должны со всего золота и серебра, меди и свинца, олова и ртути и других металлов, жемчуга, драгоценных камней и драгоценностей, рабов и негров, которые в здешних наших королевствах известны и рассматриваются, как рабы, и с чудовищ и змей и других зверей, рыб и птиц и с пряностей, и с трав лекарственных, и с любых иных вещей какого бы качества, наименования и стоимости они ни были бы, сбросив суммы, затраченные на снаряжение и на путевые издержки и расходы, которые ваша армада по пути своем имела, – с того, что останется, дать нам одну четвертую часть, а остальные три четверти да будут полностью предоставлены вам, названный Родриго де Бастидас, и можете вы своею частью распоряжаться, как вам на то будет желательно и угодно, как с вашим собственным и неотчуждаемым достоянием.

Далее: мы назначаем на каждый из ваших кораблей одно или два лица, которые от нашего имени и по нашему велению должны проверять все, что поступает на названные корабли из числа упомянутых выше вещей и предметов. И должны они свидетельствовать таковые поступления письменно и иметь особую книгу счетную, дабы не было никакого обмана и сокрытия.

И вам, названный Родриго Бастидас, и любому другому лицу на кораблях и в команде вашей не разрешается ни приобретать, ни выменивать, ни покупать какие-либо из вышеупомянутых вещей без того, чтобы указанная особа при этом не присутствовала. Если же кто, вопреки этому повелению, поступит, да утратит он то, что приобрел за время плавания, и да будет лишен он доли в прибылях от названной экспедиции, и да будет предан он в наши руки и на милость нашу.

Далее: все то, что будет приобретено, должно быть полностью, без преуменьшения и обмана, доставлено в порт города Кадиса и предъявлено для досмотра нашему должностному лицу, пребывающему постоянно в означенном городе, для того чтобы он отделил причитающуюся нам четвертую часть, которой мы должны владеть. И дабы нерушимо соблюдали вы, Родриго де Бастидас, эти условия, вам надлежит принести присягу и клятву в присутствии епископа Кордовского, члена нашего совета, или его местоблюстителя.

Далее: перед тем как отправиться в плавание, должны вы с кораблями и людьми вашими прибыть в город Кадис и известить о том Химено де Бервиеска, нашего официала, чтобы мог он осмотреть суда и представить нам отчет об их состоянии, а также составить регистр на людей, что с вашими кораблями следуют в плаванье, и сделать все необходимые для этой цели распоряжения.

Вас, названный Родриго де Бастидас, назначаем мы капитаном упомянутых кораблей и команд, что на них отправляются, и вам даем неотъемлемое и полное право и юрисдикцию уголовную и гражданскую со всеми действиями.

И повелеваем вам, Родриго де Бастидас, соблюдать все вышеизложенное и каждое из упомянутых условий в отдельности. И да не будет при выполнении оных вам оказано какое-либо неповиновение.

И повелеваем дать вам в собственные руки настоящее асьенто, скрепленное нашими подписями в городе Севилье 5 июня летом от рождения нашего спасителя Иисуса Христа – 1500-е.

Я – король.

Я – королева.

По повелению короля и королевы – Гаспар де Грисье.

«Добровольное» признание туземцами власти испанского короля

«Рекеремьенто» (требование) – так назывался документ, составленный видным испанским юристом Паласиос Рубиос около 1508 г. В 1500-х годах теологи и легисты Кастилии усердно разрабатывали принципы, на которых могло бы основываться право испанской короны на заморские земли. Необходимо было доказать ссылками на древние прецеденты, догматы католической религии и тексты папских булл, что «острова и материка в море-океане» пожалованы Александром VI Изабелле и Фердинанду «законно и справедливо» и что в силу этого территории, открытые за океаном, являются неотъемлемым достоянием испанской короны. Паласиос Рубиос и его коллега доктор канонического права Маттиас де Пас взяли на себя эту нелегкую задачу и разрешили ее в нужном для короны духе. Разумеется, в ученых трактатах они излагали сущность своих теорий по всем правилам схоластической диалектики, подкрепляя каждый аргумент цитатами из писания и трудов «отцов церкви».

В «Рекеремьенто» – документе, предназначенном не для дипломатических канцелярий, а для практического пользования, все это опущено, и официальная доктрина кастильского канонического права преподнесена в откровенной до цинизма форме. Следует обратить внимание на один любопытный момент: через все «рекеремьенто» красной нитью проходит мотив «добровольности» признания индейцами суверенных прав короля и его посланцев. Эта фарисейская уловка, наивная и грубая, продиктована весьма серьезными политическими соображениями. «Рекеремьенто» признает, что индейцы являются людьми «свободными». Отсюда следует, что они не могут быть ни рабами, ни крепостными, ни вассалами частных лиц, т.е. испанских конкистадоров, а должны безраздельно принадлежать короне. Резервируя за собой право сеньориальной власти над индейцами, король пытался ограничить политическую и экономическую мощь

военно-феодалной вольницы, хлынувшей в Вест-Индию. Делалось это не ради «охраны индейцев», а для того, чтобы в необходимой степени парализовать опасную энергию конкистадоров, не склонных подчиняться королям и делить с ними свои доходы.

«Рекеремьенто» получило широкое распространение в Новом Свете. Вероятно, впервые оно было оглашено в 1508 или 1509 г. завоевателем Урабы (берегов одноименного залива на Дариенском перешейке) – Алонсо де Охедой. В 10-х и 20-х годах XVI в. «рекеремьенто» зачитывали капитаны дружин Веласкеса, Понсе де Леона, Бальбоа, Кортеса, Педрариаса, Писарро и др. Нечто вроде «рекеремьенто» зачитал инке Атагуальпе Падре Вальверде – правая рука Франциско Писарро в лагере Кахамалка перед тем, как была разыграна провокационная и омерзительная сцена, послужившая сигналом для предательского захвата Атагуальпы. В 1542 г. вице-король новой Испании (Мексика) Антонио де Мендоса приказал оглашать «рекеремьенто» при усмирении восставших индейцев племени какхан, в Чили оно применялось в XVII в.

РЕКЕРЕМЬЕНТО, КОТОРОЕ ДОЛЖНО ПРЕДЪЯВЛЯТЬСЯ ЖИТЕЛЯМ ОСТРОВОВ И МАТЕРИКОВ МОРЯ-ОКЕАНА, ЕЩЕ НЕ ПОДЧИНЕННЫХ КОРОЛЮ, НАШЕМУ ГОСПОДИНУ

От имени высочайшего и всемогущего и всекатолического защитника церкви всегда побеждающего и никогда и никем не побежденного великого короля дона Фернандо пятого, повелителя Испании, обеих Сицилии, Иерусалима и островов и материков моря-океана, укротителя варваров и от имени высочайшей и всемогущей госпожи королевы доньи Хуаны, дорогой и любимой дочери короля – Я... их слуга, их вестник, их капитан, извещаю вас и требую, чтобы вы хорошо усвоили, что бог, наш господин единый и вечный, сотворил небо и землю, и мужчину и женщину, от коих произошли мы и вы, и все сущие в мире этом и те люди, что будут детьми и потомками. Со дня сотворения мира народилось такое множество поколений людских, что стало необходимым разделение всех живущих на земле и возникло много королевств и провинций, ибо если бы осталось все человечество в одном месте, не смогло бы оно прокормить себя достойно. И избрал из всех сущих бог наш господин одного, достойнейшего, имя коего было св. Петр, и над всеми людьми, что были, ест и будут во вселенной, сделал его, святого Петра, владыкой и повелителем, и обязал бог, наш господин, всех подчиняться ему, св. Петру, безропотно, и повелел бог, чтобы навеки вечные был он главой рода человеческого и чтобы веления его исполняли все люди, где бы они ни проживали и к какой бы секте или вере они ни относились бы, и дал бог св. Петру весь мир, дабы вся земля была царством и владением его.

И повелил ему бог, чтобы в Риме воздвиг он престол свой, ибо не было места, столь удобного для того, чтобы править миром, чем этот город; но дозволил ему господь, если явилась на то необходимость, переносить престол свой в любое место и оттуда управлять всеми людьми — христианами, маврами, иудеями, язычниками и иными, какую бы веру они бы ни исповедывали и к како бы секте они ни принадлежали.

И назвали св. Петра папой, что означает «хранитель высочайший и могущественный», ибо есть он отец и хранитель истинный всех людей.

И св. Петру подчинились и признали его господином и царем и владыкой вселенной все, что в те времена жили на земле, : также подчинились и признали царями и владыками всех пап, что после св. Петра избирались, и так было и велось донныне, и так ведется теперь, и так будет до скончания мира.

Один из бывших понтификов, что занимал престол св. Петра, как господин мира, дал в дар эти острова и материи моря-океана со всем тем, что на них есть, названным королям и их преемникам, нашим нынешним владыкам, и дар сей засвидетельствован в должной форме особыми грамотами, каковые вы можете увидеть, если того пожелаете. И так как их высочества суть короли и господа этих островов и материков в силу указанного дара, и так как почти все живущие на оных островах и материках признали, что их высочества действительно являются королями и господами здешних земель, и стали служить их высочествам и служат и ныне покорно и без сопротивления, то необходимо, чтобы вы, без промедления, будучи ознакомленными со всем, что выше сказано для наставления вас в святой вере, по своей доброй и свободной воле без возражений и упрямства стали бы христианами, дабы их высочества могли принять вас радостно и благосклонно под свое покровительство и чтобы могли они вас и прочих своих подданных и вассалов обложить податями.

И в силу изложенного я прошу вас и я требую от вас, чтобы поразмыслив должным образом над тем, что было вам сказано, и взяв в толк вышесказанное, – а на это вам дан будет срок, нужный и справедливый, – признали бы вы церковь госпожой и владычицей вселенной, а верховного понтифика, называемого папой и короля и королеву, наших владык, вы также признали бы господами и королями этих островов и материков, в силу упомянутого дара, и допустили бы и дали бы возможность присутствующим здесь пастырям объявить и проповедать вышесказанное.

Если поступите вы так, то сотворите благо, и их высочества и я от их имени примем вас с любовью и лаской, и оставят вам жен ваших, сыновей ваших и достояние ваше, и будете вы свободными, и не обратят вас в рабство, и дано будет вам поступать так, как вы желаете, и так, как считаете нужным, и не принудят вас креститься (хотя, подобно всем жителям этих островов, вы, вероятно, сами изъявите желание обратиться в нашу святую веру, как скоро поведают вам правду о ней), и даст вам их высочество много привилегий и льгот и окажет вам многие милости.

Если же не сделаете требуемого или хитростью попытаетесь затянуть решение свое, заверяю вас, что с помощью божьей я пойду во всеоружии на вас и объявлю вам войну и буду вести ее повсеместно и любыми способами, какие только возможны, и вас подчиню деснице их высочеств и церкви, и вас и ваших жен и детей велю схватить и сделать рабами, и как таковыми буду владеть и распоряжаться, в зависимости от велений их высочеств, и вам причину невозможнейшее зло и ущерб, как то и следует делать с вассалами, которые не желают признавать своего сеньера и сопротивляются и противоречат ему.

И предворяю вас, что смертоносные бедствия, что от этого произойдут, лягут на вашу совесть, и вы будете в них виновными, а не их высочества, и ни я, и не эти рыцари, что пришли со мной.

И прошу здесь присутствующего писаря засвидетельствовать все то, что я прошу и требую, а всех, кто со мной явились, быть истинными свидетелями.

Бартоломе де Лас Касас о завоевании Нового Света (Из книги «История Индии»)

Бартоломе де Лас Касас (1474-1566 гг.), автор «Истории Индии» родился в столице Андалусии Севилье в семье дворянина. Образование он получил в известном Саламанкском университете в Кастилии. О последующих годах жизни Лас Касаса до отплытия его в 1502 г. в Новый Свет ничего не известно. В этот год, получив после смерти отца энкомьенду, он отправился на о. Гаити. Здесь и в других областях Нового Света Лас Касас провел долгие годы. Во время жизни на о. Гаити, в монастыре, он занимался литературным трудом, и у него возникла мысль рассказать будущим поколениям об открытии Нового Света и о деятельности конкистадоров.

Вернувшись в 1551 г. в Испанию, Лас Касас осуществляет свой замысел. Его «История Индии» – исторический труд, включающий события, свидетелями которых был сам автор, его впечатления, а также сведения, полученные им от других участников конкисты в личных беседах или путем переписки, на основе различных документов и сочинений современников.

Кн. вторая, гл. 6.

Обратимся к событиям, которые произошли после прибытия на этот остров [испанцев]...

Индейцы... работали в те времена непрерывно, и на всех важных работах над ними ставили жестоких надсмотрщиков-испанцев – и над теми, кто отправлялся на работы в рудники, и над теми, кто работал в имениях или на фермах. И эти надсмотрщики обращались с ними так сурово, жестоко и бесчеловечно, не давая им минуты покоя ни днем, ни ночью, что напоминали служителей ада.

Они избивали индейцев палками и дубинками, давали им оплеухи, хлестали плетью, пинали ногами, и те никогда не слышали от них более ласкового слова, чем «собака»; и тогда, измученные непрерывными издевательствами и грубым обращением со стороны надсмотрщиков на рудниках и фермах и невыносимым, изнурительным трудом безо всякого отдыха и сознавая, что у них нет никакого иного будущего, кроме неминуемой смерти, уносившей одного за другим их соплеменников и товарищей, т.е. испытывая адские муки обреченных на гибель людей, они стали убегать в леса и горы, пытаясь укрыться там, но в ответ на это испанцы учредили особую полицию, которая охотилась за беглыми и возвращала их обратно. А в городах и селениях, где жили испанцы, была учреждена должность, названная висидатор... Эти висидаторы были ...самыми главными палачами и, будучи самыми знатными, отличались от остальных еще большей жестокостью. Им-то и доставляли альгвасилы [полицейские] несчастных беглых индейцев, выловленных ими в лесах и горах... Висидатор отдавал приказ привязать их к столбу и по праву знатнейшего брал в руки твердую, как железный прут, просмоленную морскую нагайку... и с чудовищной жестокостью самолично наносил удары по обнаженному, худому, костлявому, изможденному голодом телу индейца до тех пор, пока... не начинала сочиться кровь, сопровождая избиение угрозами, что в случае, если он попытается сбежать еще раз, то будет забит насмерть, и оставлял индейца полумертвым. Мы собственными глазами неоднократно наблюдали подобные бесчеловечные расправы, и Бог свидетель, что число преступлений, совершенных по отношению к этим кротким агнцам, было столь велико, что сколько бы о них ни рассказывать, все равно невозможно поведать даже о ничтожной их части...

Гл. 40. ...Так как испанцы в то время старались как можно скорее добыть побольше золота и очень торопились провести все необходимые для этого работы (а добыча золота была неизменно их главной целью и заботой), то это влекло за собой истощение и гибель индейцев, которые привыкли работать мало, ибо плодородная земля не требовала почти никакой обработки и давала им продукты питания, да к тому же индейцы имели обыкновение довольствоваться только самым необходимым, а теперь эти люди хрупкого здоровья были поставлены на невероятно тяжелые, изнурительные работы и трудились от зари до зари, причем их не приучали к такому труду постепенно, а установили этот непосильный режим сразу, и понятно, что индейцы оказались не в состоянии в течение длительного времени выдержать подобную нагрузку и... за шесть – восемь месяцев, когда группа индейцев добывала золото в рудниках до тех пор, пока все не шло на переплавку, умирала четверть, а то и треть работавших. Кто поведает всю правду о голоде, притеснениях, отвратительном, жестоком обращении, от которых страдали несчастные индейцы не только в рудниках, но и... повсюду, где им приходилось работать? Тем, кто заболел... не верили, называли их притворщиками и лентяями, не желающими работать; когда же лихорадка и болезнь выступали наружу, так что их нельзя было отрицать, больным выдавали немножко маниокового хлеба и несколько головок чеснока или каких-нибудь клубней и отправляли их домой... чтобы они там лечились, а точнее говоря — не заботились об их лечении, а лишь о том, чтобы они убегали куда хотят, только бы не лечить их...

Гл. 43. Убедившись, что дело идет к гибели всех индейцев – как добывавших золото в рудниках, так и занятых на фермах и других работах, которые их убивали, – и что число индейцев с каждым днем сокращается за счет умирающих, и не заботясь при этом ни о чем другом, кроме своей наживы, которая могла бы быть еще

большей, испанцы сочли, что было бы недурно, дабы их доходы от рудников и других занятий не уменьшались, привезти сюда на смену умершим обитателям этого острова как можно больше рабов из других мест...

Гл. 44. ...Испанцы применяли много различных способов и хитростей... чтобы извлечь индейцев с их островов и из их домов, где они жили поистине как люди Золотого века, столь ярко воспетого поэтами и историками; вначале, пользуясь тем, что беззаботные индейцы ничего не подозревали и встречали их как ангелов, испанцы прибегали к уговорам и обещаниям, а в дальнейшем либо нападали на индейцев по ночам, либо действовали... в открытую, расправляясь мечами и кинжалами с теми, кто, убедившись на опыте, на что способны испанцы, и, зная, что те хотят их увезти, пытались защищаться с помощью своих луков и стрел, которые они обычно использовали не для того, чтобы вести против кого-либо войну, а для охоты на рыб – их жители этих островов всегда имели в изобилии...

Обо всех их [испанцев] «подвигах», то есть о жестокостях, которые они совершали по отношению к этим невинным агнцам, – а подобным жестокостям несть числа, – я мог... рассказать сейчас весьма подробно, если бы в то время, когда я находился на этом острове, внимательно изучил жалобы испанцев друг на друга, так как в этих жалобах о преступлениях, совершаемых над индейцами, повествуют сами преступники. [Один из них] рассказал мне, что на корабли погружали очень много индейцев – 200, 300 и даже 500 душ, стариков и подростков, женщин и детей, загоняли их всех под палубу, задраивали все отверстия, именуемые люками, чтобы они не смогли сбежать, и индейцы оказывались в полной темноте, и в трюм не проникало даже легкое дуновение ветра, а место это на корабле самое жаркое, продовольствия же и, особенно, пресной воды брали столько, сколько требовалось для находившихся на корабле испанцев, и ни капли больше, и вот из-за нехватки еды и главным образом из-за страшной жажды, а также из-за невероятной духоты, и страха, и тесноты, потому что они находились буквально друг на друге, прижатые один к другому, – от всего этого многие из них умирали в пути, и покойников выбрасывали в море... С Лукайских островов... испанцы вывезли и обратили в рабство, чтобы загнать в рудники, 40 000 душ, а если считать еще и другие острова, то общее число составит 200 000 душ...

Кн. третья, гл. 29.

Вступили они в провинцию Камагуэй, обширнейшую по территории и населенную множеством туземцев; эти индейцы, по крайней мере в тех селениях, в которых побывали испанцы, питались маниоковым хлебом, дичью... а также рыбой, там, где можно было ее ловить... Но многие селения оставались в стороне, а жителям их было любопытно посмотреть на новых людей, и в особенности на трех или четырех кобыл, которые наводили ужас на всю округу и весть о которых разнеслась по всему острову; вот почему многие индейцы прибыли в большое селение под названием Каонао в тот день, когда туда должны были вступить испанцы. Утром того дня испанцы остановились отдохнуть и позавтракать в русле пересохшего ручья, где оставались лишь лужицы воды. Зато повсюду здесь валялись камни, пригодные для точки мечей. И вздумали испанцы наточить свои мечи. Покончив с этим делом и позавтракав, они направились по дороге в Каонао. [Дорога] пролегла по безводной равнине, и многих испанцев начала мучить жажда. И тогда индейцы из соседних селений принесли им несколько сосудов из тыквы с водой и кое-какую еду. В Каонао испанцы прибыли в час, когда начинает смеркаться. Здесь их дождалось множество индейцев, приготовивших для пришельцев разнообразную еду из маниоковой муки и рыбы... На маленькой площади собралось около двух тысяч индейцев; усевшись по своему обыкновению на корточки, они в совершеннейшем изумлении рассматривали кобыл. Рядом с площадью находилось большое боио, или жилище, в которое забилось в страхе, не решаясь выйти на площадь, еще 500 индейцев.

И когда несколько индейцев-слуг, которые прибыли сюда с испанцами... пытались войти в жилище, им бросали оттуда только что зарезанных кур и кричали: «Бери и не входи!»... И вот... кто-то из испанцев... неожиданно извлек меч, а за ним повываскивали свои мечи и все остальные, и принялись они потрошить, резать и убивать этих... мужчин и женщин, детей и стариков, сидевших беззаботно и с удивлением рассматривавших испанцев и их кобыл. Не успел никто и дважды прочесть молитву, как уже ни одного индейца на площади не было в живых. Испанцы ворвались в большое жилище, у дверей которого происходила вся эта бойня, и принялись ножами и мечами разить всех, кто попадал под руку, так что кровь текла ручьями... Всеми, что здесь рассказано, я сам был свидетелем и видел все своими глазами...

Гл. 47. ...Когда несчастные индейцы увидели огонь и услышали грохот, они решили, что это гром и молнии и что испанцы могут управлять молниями и убивать с их помощью; после этого все, кто способен был бежать, тотчас же в великом страхе пустились наутек в твердой уверенности, что сражались с самими дьяволами. Испанцы, спустив свору собак, принялись преследовать индейцев... Одним ударом ножа они наносили раны в ноги; другим отрубали руки, третьим, догнав, вонзали ножи в спину, четвертых пронзали мечом насквозь или вспарывали животы, а псы довершали дело, разрывая в клочья тело... Пленных, взятых в селении... отдали на растерзание псам, которые мгновенно растерзали их в клочья на глазах у испанцев, любовавшихся этим зрелищем, точно интересной псовой охотой...

Испанские конкистадоры в Новом Свете (Из записок Диаса о Мексике)

Берналь Диас дель Кастильо – испанский конкистадор, один из участников мексиканских походов Кортеса, автор «Правдивой истории завоевания Новой Испании» (Мексики), переведенной на многие языки мира и неоднократно переизданной на его родине.

Записки Диаса, полуклассическое произведение испанской литературы, сохранили личные, не искаженные позже впечатления автора. Поэтому они являются наиболее ценным первоисточником по изучению истории открытия Мексики. В своем произведении он дает широкую панораму завоеваний Кортеса. Уже одно появление у берегов Мексики кораблей испанских захватчиков «означало, что жизнь этих равнин, гор, озер и лесов была лишь чем-то иллюзорным, лишь ярким зрелищем, которому суждено было вскоре поблекнуть». Очень подробно, не скрывая истины, рассказывает Диас о «золотой горячке», охватившей конкистадоров, о их безудержном стремлении к обогащению, о диких, кажущихся невероятными, фактах издевательств и убийства коренных жителей, вся «вина» которых состояла в том, что они пытались как-то защищать себя и свою родину.

...А теперь следует подробнее описать Мотекусуму и весь его обиход.

Мотекусуме в это время было лет под сорок. Он был высокого роста, хорошо сложен, хотя и несколько худ. Окраска кожи куда менее сильная, нежели у прочих индейцев. Волосы не длинные: лишь над ушами, прикрывая их, оставлены были два пучка, которые курчавились. Борода негустая. Лицо продолговатое, открытое, а глаза, очень выразительные и красивые, могли быть и серьезными и шутливыми.

Каждый вечер он купался, ибо чистоту тела чтит высоко, и платье, раз надеванное, велел приносить лишь на четвертый день. Кроме двух главных жен из местных княжеских домов, у него было множество второстепенных, – дочерей сановников и прочей знати.

Вблизи его собственных внутренних апартаментов всегда находилось 200 человек для охраны и услуг, но запросто он никогда с ними не разговаривал, а лишь давал приказы или выслушивал донесения, которые должны были быть изложены сжато, в нескольких словах. Являясь по вызову или с поручением, представляющийся должен был набросить на свою, хотя бы очень богатую, одежду другую, более простую, особого покроя и свежайшей чистоты; с ног снималась обувь, и я много раз видел, что это делалось при входе во дворец даже высшими сановниками и князьями. Говорили с ним всегда с потупленным взором, и никто никогда не смел ему смотреть прямо в лицо. Уходя, нельзя было повернуться к двери, а нужно было пятиться назад; количество поклонов при входе и уходе было точно определено. Наконец, никто не имел права, даже в экстренных случаях, сразу предстать перед Мотекусумой; придворный обычай требовал, чтоб каждый пришедший некоторое время провел у ворот.

Что касается трапезы, то количество блюд обыкновенно доходило до 30; сервировали еду в особых судках, с помещением для горячих углей, чтоб кушанье не стыло. Каждое блюдо готовили в размере от 300 до 1000 порций. Перед трапезой он иногда осведомлялся, что сегодня изготовлено, и выбирал наиболее приятные для себя яства, какие и подавались к столу...

В холодную погоду покои Мотекусумы обогревались особыми углями из коры какого-то дерева, горевшими без дыма, с весьма приятным запахом. При этом между ним и огнем ставили ширмы из золота с изображениями разных богов.

Сидением Мотекусуме служила невысокая скамья с мягкой обивкой, прекрасной работы; немногим выше был и стол, покрываемый тончайшей белой материей. Перед началом трапезы являлись четыре женщины, поливали ему руки из высокого сосуда, давали мягкие утиральники. Затем приносили ему лепешки из маиса, приправленные яйцами. Впрочем, до начала трапезы они же ставили перед ним ширмы с богатой резьбой и позолотой, чтоб никто его не мог видеть во время еды; около этой ширмы они и размещались, каждая на своем месте. Затем впускались четыре старца, из наиболее сановных, дабы Мотекусума, буде захочет, мог с ними перекинуться словом. Ежели, в знак милости, угощал их каким-либо кушаньем, они должны были есть стоя, не поднимая на него глаз. Вся посуда на столе изготовлена была в Чолуле. Во все время трапезы придворные и охрана в соседних залах должны были соблюдать полнейшую тишину.

После горячих блюд подавались фрукты, хотя Мотекусума их почти не ел. От времени до времени ему подносили золотой кубок с особым питьем, который они называют какао и который будто бы возбуждает.

Иногда к трапезе приглашались скоморохи, гадкие горбатые гномы, но большие ловкачи, иногда шуты, плясуны или певцы. Такие увеселения Мотекусума очень любил и нередко потчевал их какао.

После трапезы женщины опять совершали Мотекусуме омовение рук, снимали скатерти со стола и преподносили ему несколько трубочек, очень изящно позолоченных и расписанных, в которых находились амбра и особая трава, называемая табак. Трубочки эти он брал в рот, затем их поджигали с одного конца, и он выпускал дым изо рта. Прodelав так некоторое время, он отправлялся на покой.

После трапезы Мотекусумы наступало время еды и для его придворных: сперва для охраны и дежурных сановников, затем для остальных придворных, наконец, для всего дворцового штата, которого было видимо-невидимо, так что нужно удивляться быстроте их действий и доброму порядку. Ежедневно скармливалось несколько тысяч порций еды и питья, и нельзя не ужаснуться великим ежедневным расходам на этот счет. За всем смотрел главный управитель; он же вел и все счета, внося их в толстую книгу из мексиканской бумаги, называемой «аматл». Счета эти и книги наполняли целый зал.

Было у Мотекусумы и два цейнгауза с богатым подбором оружия, зачастую украшенного золотом и камнями. Я уж говорил, что кремни, вставленные в лезвие, режут и колют лучше наших мечей и пик; достаточно указать, что такими же кремнями мексиканцы и брились. Особенно также следует упомянуть своеобразные, искусно свертывающиеся щиты, которые удобно переносятся и чрезвычайно просто разворачиваются в случае нужды. Мягких ватных панцирей было великое множество, и все они имели определенные цвета, вроде наших мундиров. Цейнгаузы эти были не только для личного употребления Мотекусумы и имели особых надзирателей с целым штатом помощников и рабочих.

Особые помещения отведены были для птиц, и мне приходилось сделать над собой усилие, чтоб не застрять надолго в этом удивительном учреждении. Ведь там держали все породы птиц, какие только встречаются в тех краях, начиная с различного рода орлов и кончая мельчайшими пташками. Все это сияло изумительным оперением, особенно мелкая птица и, разумеется, попугаи. Немало было и домашней, убойной птицы... Большой штат опытных и заботливых людей смотрел за этими птичьими дворцами, следя за кормом, чистотой, здоровьем и правильным размещением по определенным гнездам и насестам.

В другом большом доме находились дикие звери, страшные, громадные и кровожадные, а подле был другой дом с не менее страшными идолами. Местные львы скорее похожи на волков и называются «шакалы»; большинство из них родилось уже в неволе, а кормили их не только всякой дичиной и собачиной, но и человечьиной – в случае больших жертвоприношений. Впрочем, некоторые остатки от жертв всегда бросают змеям, среди которых – а их там великое множество – находится одна особо ядовитая и на редкость отвратительная: на конце ее хвоста странные костяшки, вроде кастаньет... После нашего несчастного отхода из Мексики многое множество наших несчастных товарищей было пожрано этим диким зверьем. Говорят, ими их кормили целую неделю.

Теперь же следует сказать и об искусных мастерах, каких в Мексике было много по любому ремеслу. Прежде всего, конечно, нужно упомянуть про резчиков по камню, а также золотых дел мастеров, ковкой и литьем создававших такие вещи, которые бы возбудили зависть их испанских товарищей. Великое их было множество, и самые знаменитые жили в Эскапусалко, недалеко от Мексики. Вместе жили и ювелиры, удивительно опытные в шлифовке разных камней. Великолепны были также художники, скульпторы и мастера по резьбе. Ткачеством и вышивками занимались больше женщины, достигая в этом невероятного искусства, особенно в изготовлении тончайших материй с прокладкой из перьев. Жены Мотекусумы занимались именно этим изделием, а особенно знамениты были ткацкие работы женщин-затворниц, вроде монашек, среди которых было много знатных девушек. Более простые, обыденные ткани шли из Костатлана, недалеко от Вера-Крус. Особый квартал во дворце Мотекусумы занимали плясуны, певцы и прочие увеселители. Ничем иным они не занимались, зато свои штуки, часто очень головоломные, они проделывали отменно.

Наконец, Мотекусума содержал еще, и только для себя, большое количество каменщиков, плотников, столяров, садовников. Особенно много было последних, ибо сады Мотекусумы были

но только велики, но и чудны своим великолепием: всюду цветочные клумбы хитрых рисунков, бассейнов, прудов. Впрочем, псего не перескажешь... Ясно, как могуч и велик был Мотекусума.

...Четыре дня уже мы были в Мексике, но никто из нас, не исключая и самого Кортеса, не выходил за пределы нашего расквартирования. Но вот Кортесу захотелось поближе взглянуть на главный рынок и главный храм, и он послал к Мотекусуме Агуилара, донью Марину и молодого пажа, Ортегилю, который уже немного научился мексиканскому языку, и мог спросить у него разрешение.

Мотекусума не отказал, но, очевидно, опасался, как бы мы чем-либо не оскорбили их божеств, а посему решил сам отправиться в храм, чтоб там нас встретить. Отбыл он с громадной блестящей свитой, а на полпути покинул носилки, чтоб приблизиться к богам своим пешком, как все люди. Самые знатные вели его под руки, а двое других несли перед ним два чудесных жезла, вроде скипетров. Перед храмом его встретило множество жрецов; и он с ними взошел, стал окуривать идолов и совершать иные разные церемонии.

Мы же с Кортесом, все больше верхом, отправились сперва на Тлателулко, т.е. главный рынок, сопровождаемые множеством касиков. Сильно мы удивились и громадной массе народа, и неслыханным гудам всякого товара, и удивительному порядку всюду и во всем. Касики давали нам очень точные объяснения.

Прежде всего, нужно сказать, каждый товар имеет свое особое место. И вот в первую очередь мы попали к ювелирам, золотых дел мастерам, продавцам дорогих тканей, а также рабов и рабынь; рабский рынок был нисколько не меньше португальского рынка гвинейских негров; невольники имели на себе ошейники, которые прикреплены были к длинным гибким шестам; очень немногие лишь могли двигаться свободно.

Затем следовали ряды более грубого товара: бумажной пряжи и материи, ниток, какао, плетеной обуви, сладких местных корешков, всяких шкур и кож, сырых и дубленых, и т.д., и т.д., точно на ярмарке в Мединадель-Кампо, моем родном городе. А там, смотришь, теснятся лари со съестными припасами – овощами, салатами, разной живностью, фруктами, колбасами, сладкими пирожками, медом. Совсем близко стояли горшечники, разный щепной товар, затем столы, скамьи, колыбели. А дальше шел, говорят, дровяной и угольный рынок... Но глаза наши уже устали, да и немисливо было все обозреть без остатка. Ведь достаточно сказать, что в Мексике ничто не пропадало и все считалось товаром; даже человеческие отбросы собирались и

перевозились куда нужно, ибо употреблялись в производстве, например кожевенном. Вижу, что читатель улыбается, но это именно так, как я говорю: недаром в Мексике везде были уборные, особо для этого построенные, укромные. Да, ничто в этом городе не пропадало даром...

Впрочем, всего не перечтешь, что было на этом величайшем в мире рынке. Достаточно указать еще, что в особом месте продавался «аматл», т.е. здешняя бумага, в другом – искусные изделия для особого куренья, табаки, далее – благовония разные, пахучие мази и притирания, далее – великое множество семян, отдельное место для продажи соли, отдельный ряд для изготовителей кремневых инструментов, для инструментов музыкальных и т. д., и т. д. – без конца. Все битком набито народом, но везде порядок, да и на самом рынке был суд с тремя судьями и многими подсудками; суд этот наблюдал за качеством товара, а также решал все распри.

Наконец, чтобы не забыть, еще одно: уже близко к большому храму, на краю рыночной площади, помещалось множество про-давцов золотого песка, который хранился в костяных, весьма тонких, почти прозрачных трубках. Трубка определенной величины и являлась здешней единицей обмена...

Наконец, мы покинули рынок и вошли в громадные дворы, окружавшие главный храм. – Каждый из них, много больше рынка в Саламанке, окружен двойной стеной, выложен большими гладкими плитами. Всюду величайшая чистота, нигде ни соринки, ни травки.

У начала лестницы Кортеса встретили шесть жрецов и два высоких сановника, посланные Мотекусумой. Они хотели подхватить Кортеса под мышки, чтобы облегчить ему восхождение – всего ведь было 114 ступеней, – но Кортес отказался от их помощи.

Взобравшись на самый верх, мы увидели площадку с несколькими крупными камнями, на которые кладутся жертвы. Подле стоял громадный истукан, вроде дракона, окруженный столь же отвратительными изваяниями, и весь пол кругом был забрызган свежей еще кровью. Сам Мотекусума, в сопровождении двух жрецов, вышел из какой-то часовенки, где также стояли проклятые идолы, и принял нас весьма милостиво. «Восхождение, конечно, утомило тебя, Малинче». Но Кортес ответил, что ничто на свете не может нас утомить. Затем Мотекусума взял Кортеса за руку и стал ему показывать раскрывающуюся кругом картину: не только столицу и многие другие города на озере, но и самый рынок, по которому мы только что проходили.

Действительно, это дьявольское капище господствовало над всей округой. Ясно видны были три дамбы, ведущие в Мексику, с их перерывами и мостами – через Истапалапан, по которой мы четыре дня тому назад вступили в столицу, через Тлакупу, по которой нам суждено было через целых шесть месяцев спастись ночной порой, и через Тепеакилу. Ясно виден был и водопровод чапультепекский, снабжавший весь город питьевой водой. Все озеро было как на ладони; множество лодок сновало туда и сюда, доставляя людей и продукты в любой дом; а над домами повсюду пысились, точно крепости, пирамиды храмов с часовнями и башенками на вершине. Внизу под ними кишел рынок с его многочисленной толпой, и шум его был слышен на далекую округу. Некоторые из нас, побывавшие в Константинополе и даже исходившие всю Италию, уверяли, что нигде они не встречали столь большого и благоустроенного рынка.

Картина была поистине величественная, и мы на нее загляде-лись...

...[После взятия Мексики] первое требование Кортеса к Гуатемосину было – восстановить водопровод из Чапультепека, очистить и прибрать улицы, затем исправить дамбы, мосты, дома и дворцы. Срок полагался двухмесячный, после чего жители должны были вернуться, да и мы должны были поселиться в особо отведенных для нас кварталах.

Много было приказов на этот счет, но всех их я теперь не упомяну. Во всяком случае, очень быстро устроена была прекрасная гавань для наших бригантин, подле построен крепкий форт, затем введены суды и служба безопасности. Все ценности, какие находили в городе, сносили в одно место; количество их было невелико, и ходила молва, что мексиканская казна была брошена в озеро по приказу Гуатемосина; впрочем, о многих ценностях мог бы рассказать экипаж бригантин, и немалое количество ушло вместе с нашими союзниками. Но королевские казначеи громко заявляли, что произошла утайка, что Гуатемосина и князя Тлакупы нужно пытаться, чтоб они открыли место клада. Кортес не соглашался; когда же стали поговаривать, что он поступает так из собственных интересов, чтоб захватить сокровища самому, он перестал, к сожалению, противиться. Князья пытались, и они заявили, что все ценности, равно как и добыча в Ночь Печали, были потоплены за четыре дня до бегства. Но как ни ныряли, ничего не нашли. Что касается меня, то я не думаю, чтоб ценностей осталось много: большинство мы получили еще от Мотекусумы для нашего государя...

...Отсутствие добычи угнетало нас вдвойне, так как все залезли в неоплатные долги ввиду неслыханной дороговизны. О покупке коня или оружия нельзя было мечтать; хирург и аптекарь заламывали несуразные цены; всюду теснили нас надувательство и обман. Кортес составил особую комиссию из двух заведомо почтенных людей, и она должна была проверить все претензии...

Но общее положение улучшилось мало, а посему Кортес решил новые средства извлечь из провинций, учредив там ряд колоний...

...Во всех этих провинциях завоевание Мексики считали делом немислимым. Когда же всякие сомнения на этот счет исчезли, местные касики перепугались и слали послов за послами с изъявлением покорности и богатыми подарками. Брали они с собой и своих сыновей и показывали им поверженную Мексику, как в древности смотрели разрушенную Троию.

Что касается меня, то я решил отправиться с Сандовалем, хотя Кортес и хотел меня удержать при себе... Ежели, наконец, читатель спросит, почему мы, настоящие конкистадоры, не остались в Мексике или подле нее, а пошли столь далеко, в условия необеспеченные, то я отвечу: в податных списках Мотекусумы мы нашли указания, сколько и откуда идет золота, какао, материй. Разумеется, все эти доходы должны были пойти нам... Но, конечно, дело было трудное, и не напрасно Кортес отпускал нас столь неохотно...

Деятельность Франциско Писарро (А. Сарате, «История открытия и завоевания Перу»)

Автор «Истории...» Августин Сарате (ум. в 1560 г.) был одним из участников конкисты, впоследствии написал ряд исторических сочинений. В отрывке из его произведения подробно освещается вероломный захват и в дальнейшем убийство вождя инков участниками перуанской экспедиции Франциско Писарро.

...Атагуальпа шел к месту нового лагеря очень медленно, покрывая расстояние в одну малую лигу за 4 часа. Он прибыл в паланкине, который несли на своих плечах вожди. Впереди его шли 300 индейцев, которые расчищали дорогу, убирая с нее не только камни, но даже мелкие соломинки... Все они считали, что христиан так мало, что легко их будет взять голыми руками. И так думали они потому, что один индейский губернатор сообщил, что испанцы немногочисленны и так слабы и неповоротливы, что не могут ходить на собственных ногах, и поэтому ездят они верхом на больших овцах и овец этих называют конями. И увидел [Атагуальпа], что испанцев мало и что все они пешие (всадники были спрятаны в засаде), и решил, что не осмелятся они появиться перед ним и что не ожидали они его прибытия. И, приподнявшись на носилках, сказал он своим людям: «Они будут нашими пленниками». И ответили те утвердительно. А затем подошел к нему епископ с молитвенником в руках и рассказал ему, как бог... сотворил небо и землю...

[Далее говорится, что бог после вознесения на небо оставил вместо себя в мире св. Петра и его преемников, именуемых на-местниками Христа – папами римскими. Эти папы якобы разделили все земли во всем мире между государями и королями христианскими, и что одна из провинций, где теперь они находятся, была вручена его величеству императору испанскому.]

...Его величество направил в эти места губернатором дон Франциско Писарро, дабы поставить его, Атагуальпу, в известность обо всем том, что выше говорилось, и что если пожелает он, Угагуальпа, принять святу веру крещением и подчиниться губернатору, т. е. поступить так, как делают все христиане, то дон Франциско Писарро защитит его и, владея в мире и справедливости здешней землей и оберегая ее свободу, [поступит так], как обычно поступает губернатор с королями, подчинившимися ему без сопротивления. Если же поступит Атагуальпа против сказанного, пойдет на него губернатор войной жестокой, сметая огнем и мечом все живое с копьем в руке...

И выслушав это, сказал Атагуальпа, что земли здешние и все, что на них имеется, приобрели его отец и его деды, которые оставили их его брату инке Гуаскару, но так как он победил Гуаскара и заточил его в темницу, то ныне владеет ими сам и считает своими. И сказал он далее, что не знает, как это св. Петр мог кому бы то ни было его земли дать, и что если даже и дал бы их св. Петр, то он, Атагуальпа, о том и ведать не ведал и ведать не желает. А что Иисуса Христа, сотворившего небо и людей и все сущее, он не знает, а известно ему, что все сотворено солнцем, и солнце почитают здесь как бога, а землю – как мать... О Кастилии же он не знает ничего и не видел ее никогда. И спросил он епископа, каким образом сможет он убедиться в том, что все, что ему говорилось, истинно. Тогда епископ сказал, что в книге, которую он держит в руках, заключена истина эта... И Атагуальпа попросил у него эту книгу, повертел ее, перелистал страницы и сказал, что эта книга не говорит и не произносит никаких слов, и швырнул ее прочь.

И повернулся епископ к испанцам и воскликнул: «На них, на них!» Губернатор... кинулся вперед и приказал Эрнандо Писарро исполнить то, что заранее было условлено, и затем велел артиллерии дать залп, и в этот момент устремились в лагерь с трех сторон всадники, а губернатор с пехотой ринулся к тому месту, где находился Атагуальпа. Но сгрудились индейцы вокруг носилок и оказали жестокое сопротивление, и их было так много, что на место одного павшего сразу вставало несколько воинов. И губернатор, видя, что малейшее промедление будет гибельным, ибо хотя и убивали испанцы многих индейцев, но редели их собственные ряды, в яростном порыве устремился к носилкам, схватил Атагуальпу за волосы... рванул его к себе и вытащил вон из носилок... Губернатор свалил Атагуальпу на землю и связал его. Индейцы узрели своего сеньора поверженным и связанным как раз тогда, когда с разных сторон набросились на них всадники, которых они так боялись, и повернулись они вспять и бросились бежать, не используя своего оружия... И всадники преследовали бегущих, покуда ночная тьма не вынудила их возвратиться...

**Тяжелые времена в Новой Испании
(Сообщение из Мексико от 15 марта 1586 г.)**

Вчера прибыл корабль из Новой Испании, ушедший оттуда 1 марта.

25 февраля корабль с тремястами людьми и всевозможным оружием отплыл из Новой Испании в Гаванну. Те, кто до этого прибыл из Гаванны, сообщают, что страна пришла в упадок и там нет никакого спроса на товары. Купцы вынуждены там сбавлять 20 процентов и то немного, что продают, уступать в долг. О прибытии флота пишут по-разному: одни говорят да, другие – нет. Прибудет ли он, или нет – он доставит мало денег. Товары в Испании стоят дороже, чем здесь. То, что здесь может быть продано, приходится отдавать в кредит. Один из тех трехсот человек, которые ездили в Гаванну, сообщает на основании надежных источников, что английские морские разбойники прибыли в Гондурас и захватили там Порто Канарос, который является там важнейшим городом. Они вывели оттуда корабли, в числе которых был один водоизмещением в 300 тонн. Считают вероятным, что морской разбойник направится в Кампехе и посетит все побережье. Он задержится, чтобы посмотреть, не удастся ли заполучить флот, ушедший из Новой Испании. Поэтому опасаются, что этот флот не сумеет возвратиться. Вот все, что известно. Это самое безнадежное для торговли известие, какое только может быть. Пишут, что наш вице-король Перу находится в Труксиллоу близок к смерти.

**Золото из Новой Испании
(Сообщение из Венеции от 12 января 1590 г.)**

Нам сообщают из Лиона, что, по сведениям из Лиссабона, 18 декабря истекшего года в Севилью вошла флотилия, прибывшая из Новой Испании с 8 млн. золота.

В ближайшем будущем ожидается еще больше кораблей, которые вследствие непогоды были вынуждены задержаться. Они доставят 4 млн. Причиной позднего прибытия первых кораблей является то обстоятельство, что они держали путь несколькими градусами выше, чем обычно, пытаясь таким образом избежать встречи с английскими корсарами, которые их ожидали на обычном градусе. По той же причине и остальные суда избрали другой [необычный] курс.

**4.8.
КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ПОРТУГАЛИИ**

Португальцы в Бразилии

(Мануэл да Нобрега, «Заметка о делах Бразилии», 8 мая 1558 г.)

Отец Мануэл да Нобрега, иезуитский теолог и миссионер, был первым провинциалом Общества Иисуса в Бразилии, куда прибыл в составе первой волны иезуитов вместе с первым генерал-губернатором Бразилии Томе ди Созой в 1549 г. Он оставался в колонии на протяжении двадцати одного года, вплоть до своей смерти в Рио-де-Жанейро в 1570 г. Как никто другой из иезуитов (за исключением Антониу Виейры) отец Мануэл да Нобрега имел огромный авторитет и способность оказывать влияние наравне с губернаторами колонии и самим королем Португалии. Свидетельством тому его письма, адресованные этим представителям власти, в которых он не только обсуждает вопросы, наиболее тесно связанные с его обязанностями, т.е. катехизацией индейцев, но также предлагает меры относительно основных административных, политических и экономических вопросов жизни колонии.

«Заметка о делах Бразилии» от 8 мая 1558 г. является образцовым текстом Мануэла да Нобреги, излагающим его видение и меры, предлагаемые им в критический момент истории Бразилии, пришедший на период от основания Сан-Паулу (1554 г.) до изгнания французов из Рио-де-Жанейро (1566 г.).

В первую очередь язычников следует подчинять и принуждать жить как существа, кои суть разумны, заставляя их соблюдать естественный закон, как я уже отмечал более пространно Дону Леану в прошлом году.

С той поры как Бразилия открыта и заселена, язычниками убито и съедено большое число христиан и захвачено множество судов и кораблей, а также много имущества. И христиане, заботясь о том, чтобы прекратить сии дела, торговали с ними и давали им выкупы, коим те радуются и в коих надобность имеют, но даже и чрез сие не смогли сделать из них добрых друзей, [и те] не перестают убивать и поедать, как только и когда смогут. И если бы сказали, что христиане их грабили и дурно с ними обходились, то некоторые [действительно] так поступали, иные же оплатили ущерб, что сии причинили; однако есть иные [язычники], коим христиане никогда не причиняли зла, а язычники их захватили, съели и вынудили покинуть многие местности и богатые фазенды. И они столь жестоки и звероподобны, что убивают вот так тех, кто никогда не причинял им зла, – священников, монахов, женщин же таким образом, что и дикие звери удовольствовались бы ими, не причинив им зла. Однако сии суть такие изверги в телах человеческих, что, не делая исключения среди людей, всех убивают и поедают, и никакое благодеяние их не склоняет и не удерживает от их дурных обычаев, но представляется и зримо бывает по опыту, что они преисполняются гордыни и поступают еще хуже, встречая ласку и доброе обхождение. Подтверждением сему то, что сии [язычники] Баии, будучи хорошо принимаемы и наставляемы, с сим сделались хуже, видя, что не наказывались дурные и виновные в предыдущих смертях; при суровости же и наказании они смиряются и подчиняются.

С той поры, как Его Высочество¹ направил Губернаторов и судей в сию землю, не было набегов на язычников и захвата им принадлежащего, как прежде, но даже и посему они не перестали захватывать многие корабли и убивать и поедать многих христиан, таким образом, что тем надлежит жить в укрепленных поселениях, с множеством охраны и оружия, и [христиане] не отваживаются расширяться и распространяться по земле, дабы строить фазенды, но живут в крепостях, словно гранича с маврами или турками, и не смеют заселять и использовать ничего больше, как только пляжи, и не дерзают строить себе фазенды, разводить скот и жить в глубине земли, коя широка и хороша, где они могли бы жить в достатке, если бы язычники были покорены или же вытеснены, как могло бы быть при малом труде и расходе, и имели бы духовную жизнь, постигая своего создателя и вассалитет Е.В., и подчинение христианам, и все жили бы лучше и в достатке, а Е.В. имел бы богатые доходы в сих землях.

Сии язычники суть такого свойства, что любят не за добро, но за страх и подчинение, как было испытано, и посему, коли Е.В. желает видеть их всех обращенными, пусть прикажет их подчинить, и он должен способствовать распространению христиан вглубь земли и поделить Индейцев для услужения тем, кто поможет их завоевать и покорить, как делается в иных краях новых земель; и я не ведаю, каково мириться с тем что, португальское племя, из всех народов более всего внушающее страха и повиновения, пребывает по всему сему побережью, терпя самых жалких и презренных язычников в мире и едва ли не подчиняясь им.

Убившие людей с корабля Епископа, могут быть затем наказаны и подчинены, а равно и объявленные врагами христиан, и желающие нарушить мир, и владеющие рабами христиан без желания их отдавать, и все прочие, что не желают терпеть справедливого ярма, кое им принесут, и по сей причине поднимутся против христиан.

С подчинением язычников исчезнет множество способов дурного приобретения рабов и множество сомнений, ибо люди будут иметь рабов законных, взятых в войне справедливой, и обретут услужение и вассалитет Индейцев, и земля населится, и Наш Господь получит множество душ, и Е.В. будет иметь великий доход в сей земле, ибо появится множество скота и энженью, поскольку здесь нет много золота и серебра.

Когда же сия Баия будет покорена, то будет легким делом подчинить прочие Капитании, ибо только грома, произведенные там минушею войною, сделали их [язычников] весьма боязливыми, христианам же придали немалый дух, каковой прежде был у них весьма упавшим и слабым, ибо они терпели от язычников такие вещи, что и вымолвить стыдно.

Таким образом прекратит адова пасть пожирать стольких христиан, когда они теряются в лодках и кораблях вдоль всего побережья; каковые все съедаются Индейцами, и больше бывает тех, кто умирает, нежели тех, что прибывают ежегодно, и имелись бы постоянные дворы христиан по всему побережью, для путешествующих как землею, так и морем.

Сие представляется также наилучшим средством для заселения земли христианами, и сие было бы лучше, нежели посылать бедных поселенцев, подобно тому, как некоторые из прибывших, не имея, на что купить раба, с коим начать свою жизнь, не смогли содержать себя, и таким образом были принуждены возвратиться или же умерли от [нападений] зверей, и лучшим представляется направлять людей, кои покорят землю и будут рады установить в ней любой добрый образ жизни, как поступили некоторые из прибывших с Томе ди Созой, имея весьма мало причин довольствоваться ею в ту начальную пору, когда не было ничего, кроме одних лишь забот, голода и опасностей Индейцев, кои были весьма горделивы, христиане же – весьма боязливы; и посему, узрев Индейцев подчиненными, гораздо более рады будут осесть на земле.

Представляется также, что для такого числа язычников не понадобится много людей, поскольку, согласно уже имеющемуся в других краях опыту, достаточно немногих христиан и немногих издержек, и может статься, что лишь немногим более расходуемого Е.В. на то, чтобы привести их к вере миром и любовью, и

иных ненужных трат хватит на то, чтобы подчинить все побережье с помощью жителей и их рабов, а также Индейцев-друзей, подобно тому, как сим образом поступают во всех краях.

Следует, чтобы был протектор Индейцев, дабы способствовать тому, чтобы наказать их, когда сочтут надобным, и защитить от обид, кои им причинят. Сей должен хорошо оплачиваться, выбираться Отцами и утверждаться Губернатором. Если же Губернатор будет усерден, то на настоящее время сего будет достаточно.

Закон, что им должны дать, – это запретить им есть человеческое мясо и воевать без дозволения Губернатора; принудить их иметь только одну жену, одеваться, ибо имеют много хлопка, по крайней мере, после того как станут христианами, искоренить у них колдунов, держать их в справедливости между собой и в отношении христиан; заставить их жить спокойно, без перемещения в иной край, если только не отправляются [жить] среди христиан, при сем должно иметь распределенные земли, коих им будет достаточно, и при сих [язычниках] – Отцов Общества, чтобы их наставляли.

Сие начал претворять в жизнь Д. Дуарти, теперь же Мен ди Са делает это с большею щедростью вследствие Статута, что он привез от Короля, каковой находится в славе, весьма достаточно и в избытке, однако, все же, весьма уместно будет в сем [деле] не забывать о том, что там², и способствовать тому, чтобы ему писали благодарности за то, что он делает.

Детей язычников сейчас нет в доме³. Причиной тому то, что уже имевшиеся были большими и посвятили себя ремеслам, однако из сих большинство убежало к своим, и поскольку не было [способов] подчинить их, то там они и пребывали донныне, когда Мен ди Са стал способствовать тому, чтобы собрать их; другие, будучи не в состоянии поддерживать себя здесь по причине голода, что уже несколько дней ходит по сей Баие (не вследствие недостатка земли или сезонов, но нехватки производителей продовольствия и наличия многих бездельников, чтобы его съесть), были посланы в Капитанию Эспириту-Санту, не были взяты другие, и посему не было сделано [ничего], поскольку они не могли себя поддерживать, и все же уже сейчас мы начнем собирать некоторых из наиболее способных в сем доме, и у меня есть один весьма подходящий человек, дабы о них позаботиться.

Нам здесь представляется весьма уместным, чтобы помимо духовного руководства над отроками Провинциал или же один только Ректор нашей Коллегии имел бы также руководство во всем прочем, дабы упорядочивать дела, ставя и снимая, и выбирая, кто из них будет принимать обязанности, а также из его [людей?], ибо коли мы совсем их отпустим, то в краткий срок все обратится в ничто, как нас научил опыт, и ни они, ни их домашние не имеют больше, нежели то, чем мы помогаем, главным образом оттого, что они дети язычников, к коим люди сей земли крайне мало расположены, но обычно имеет место великая ненависть к сему племени, и что им может содейть величайшее зло, так это забота о том, кто из них лучше спасает душу, и посему да не будет отказано в руководстве, о коем я говорю, или же [следует] отпустить их вовсе.

Так я того желал, когда было положено начало сему дому, и так мне представлялось, что дети язычников никогда не отдалятся ни от нас, ни от нашего управления, и то, что было приобретено, было для нас и для них. Что касается отроков-сирот из Португалии, то в мои намерения никогда не входило ничего для них приобретать и строить для них дом иначе, как в той мере, в какой необходимо, чтобы с ними спасать [людей] земли, дабы наставлять их, и сии [отроки] должны были быть только те, что для сей цели были необходимы и отсюда были испрошены.

Я вновь повторяю, что столь велика ненависть, питаемая людьми сей земли к Индейцам, что всеми и всяческими путями враг полностью лишает их добра, используя методы причинения вреда и препятствования обращению язычников; ибо Мену ди Са, Губернатору, объединяющему четыре алдеи в одну и желающему объединить другие в ином краю, они препятствуют всеми способами так, что я не могу о том и сказать, однако в сем случае я нахожу добрым то, что делает Мен ди Са, и я, а также Д. Дуарти так ему и советовали, ибо иным путем они не могут быть ни наставляемы, ни подчиняемы, ни приводимы к порядку, и Индейцы впрягаются в ярмо добровольно, *sed turba quae nescit legem*⁴, и [люди сей земли] не имеют ни милосердия, ни жалости, и полагают для себя, что сии не имеют души, не берутся за труднодостижимое и не испытывают влечение ни к чему иному, кроме как во всякой своей выгоде.

Два племени пребывают здесь, подле коих немного времени спустя будем затем съедены и мы, здесь находящиеся, и они столь тесно примыкают к нам и расположены близко одно от другого, что никого из них невозможно наставить, и все подчинены тому, что Губернатору угодно им приказать, и терпели донныне великие обиды со стороны христиан, до того, что те отнимали у них дочерей и жен и убивали их. И так как Мен ди Са приказывает тем и другим, дабы не сражались, а также не вторгались, [христиане] сему противоречат, страшась, что [Индейцы] станут друзьями и сделаются мощнее против христиан.

Сего мнения был Амброзиу Пириш, и я также придерживался его много лет, до того, как узрел и узнал об опыте, имеющемся в других краях, *scilicet*⁵ в Перу и Парагвае, где существует город христиан посреди племени Карижо, каковое больше, нежели все [племена] сего побережья вместе взятые, и достигает гор Перу, имея более трехсот легуа. Из сих приблизительно над сотнею легуа господствует тот город, где людей не более, нежели ныне есть в сем городе. И когда они начали покорять их, то имели всего лишь тридцать или сорок людей. И не только довольствуются, имея покоренным сей [род], но и иные, кои суть перемешаны (*entressachadas*), и делают друзьями одних и других, те же, кто не соблюдает мира, подвергаются наказанию и кастильцы вершат над ними

правосудие, как свершилось несколько дней тому назад, когда они сотворили его над Индейцами Сан-Висенти, граничащими с Карижос, за то, что нарушили мир, каковой Капитан Парагвая установил между теми и другими, и много иного опыта, полученного от сего племени, о чем я слышал и читал, а кое-что и зрел.

Однако Португальцы в сих краях, поскольку доньне пребывали в подчинении и страхе пред Индейцами *illie trepidant timore ubi non est timor*⁶, ибо нет опасности близкой, а равно и далекой. Это люди сей земли желают [видеть] сию землю покоренною и подчиненною и иметь Индейцев у себя в услужении, но чтобы сие свершилось без того, чтобы им пришлось рискнуть хотя бы одним корнем мандиоки. Сему столь великому препятствию я не разумею средства иного, кроме как направить людей, кои покорили бы землю, о чем, как мне говорят, ходатайствует Камара сего города, в противном же случае, они, по крайней мере, должны весьма воодушевлять в сем Мена ди Са, каковой, представляется, в сем просветлен Нашим Господом и добр в деле, однако обыкновенно все выступают против его и моего мнения.

Также должно быть письмо от Их Высочеств для Камары, в коем бы они объявляли, в какой мере требуют обращения язычников, коему пусть не чинят стольких препятствий; ибо коли сие продолжится так же, как было до сего дня, то от своего обета я буду разрешен Коллегией Общества, и нам должны будут дать дозволение отправиться в Перу или Парагвай, ибо ни с христианами, ни с язычниками мы ничего не добьемся таким образом; или же, коли здесь пристанет какое-либо судно из Индии, мы переберемся туда, ибо вот уже двенадцать лет, как ежегодно прибывает по одному.

Что касается жилья для детей, то мною уже устроено жилье между ними и нами, хотя и с трудом. Как только появится, что дать им есть, мы их примем.

Мне не кажется уместным чрезмерно торопить относительно Коллегии, ибо Д. Дуарти, отбыв при наиболее удобном случае, скажет о том, что следует прийти на помощь иным, главным потребностям земли, а также о том, что мы здесь хорошо одеты, и по правде, коли земля не придет в больший рост, они правы; и для Отцов и Братьев, что будут, найдутся весьма приличные одежды, главным образом для тех, кто будет пребывать в поселениях Индейцев, кои не учились. Сии четыре года, что длится снабжение, представляется уместным, что там не следует испрашивать одежды, каковая здесь не оплачивается, как будет видно по свидетельству писца по делам имущества⁷; и чтобы нам направили милостыню в виде хлеба и прочего, как послали в сем году *e sufficit nobis*⁸, если только не произойдет столь доброго стечения обстоятельств, что возникнет какая-либо постоянная дотация для Коллегии вследствие либо сказанного нами, либо какого-нибудь еще соображения, согласно сообщению О. Амброзиу Пириша, что направляется.

Доход, что здесь в сей Баие имеет Король, есть следующий, *scilicet*: участки, дающие сто двадцать тысяч рейсов, сдаваемые в аренду; рыба, мандиока и хлопок идут в сто тридцать тысяч рейсов, выплачиваемых в виде жалованья, что есть на треть меньше – в деньгах сие может оцениваться в восемьдесят тысяч рейсов; сахар с энженью идет в сто пятьдесят крузаду. Из сих доходов приказывает Король выплачивать каноникам Епархии их жалованье.

Наилучшее, что может быть предоставлено сей Коллегии – это две дюжины рабов из Гвинеи, мужчин и женщин, дабы в избытке производили продовольствие, а иные бы плавали в лодке рыбака, и сии [рабы] могли бы прибыть вместе с теми, кого Король посылает для энженью, ибо многократно отправляет сюда нагруженные ими суда.

Что касается детей, можно было бы договориться об их пропитании согласно тому, как их желают держать. Они имеют сейчас тридцать тысяч рейсов, коих хватает для дюжины их, не считая платья, каковое оттуда должны присылать из [числа] тех раскрашенных⁹ и иных тканей, что там пропадают. Помимо сей дюжины желает губернатор Мен ди Са содержать за свой счет другую их дюжину и уже начал их собирать.

Что во всех домах уже суть вещи весьма необходимые, так это обработанное олово, кастрюли, медные котлы и медные миски, чтобы делать муку, как Отец о том упомянет.

Колокол для Церкви прибудет сюда в Баию, часы же – в Сан-Висенти, колокола для алдей, облачения же пригодятся в той мере, в какой, как скажет Отец, здесь необходимо.

Городской проповеди нас лишил Викарий, не для того, чтобы сделать ее лучше, и не к вящей славе Нашего Господа, ибо здесь помимо проповеди у них [Индейцев] были речи (и возгласения на их языке, от каковых они получали наибольшую пользу, что теперь уже невозможно свершать с прежним удобством. То же проделал и Епископ, коего Господь держит с нами, и все пришло к такой холодности, что ее [проповедь] отменили; мы же ныне, коли они ее прекратят, снова возьмемся за нее.

Отец даст отчет о том, что у нас вышло с клириками Епархии по поводу наследства, что нам оставил некий Диогу Алвариш Карамелу, наиболее именитый муж сей земли, каковой, питая к нам большое доверие и любовь, завещал нам половину своей трети, что они приняли крайне плохо и составили петицию, исполненную лжи, как вы увидите по ее копии, что направляется; и если кто-нибудь из капитула не желал подписывать [ее] по причине того, что ему все казалось лживым, генеральный Викарий заставлял его, говоря, что он был обязан, так что большинство подписало, таким образом, чтобы, как мы зрели по опыту, причинить нам вред и опорочить нас так, как только возможно. Я и все прочие из Общества обращались с ним доньне с простотою и преданностью и всегда, прилюдно и тайно, доверяем и извиняем его дела, при всем том я неизменно по-братски

журил его в том, в чем находил нужным, однако он никогда не принимал моего совета и не исправлял того, о чем я говорил ему, но пользовался случаем посеять раздор между нами и теми людьми, о коих я вам говорил; и поскольку сего было слишком, [когда я] предупредил его о скандале и дурном примере его клириков, дабы он [сие] исправил, он не только того не исправил, но против нас их распалил и взбунтовал; и поскольку о сем Отец Амброзиу Пиризу ведает много подробностей, от него В.П.¹⁰ сможет узнать все необходимое.

Весьма необходим будет нам здесь наш собственный хранитель, ибо, так как здесь проводят учет коллегиям, то не могут не появиться дела, в коих он был бы весьма нужен; и поскольку мы здесь не ведаем стилиа, коего в сем следует держаться, направьте нам о сем пространное сообщение.

После того как я стал понимать по опыту, сколь мало могло быть свершено в сей земле в деле обращения язычников, ввиду того, что они не подчинены, и имея мало надежды на то, что земля будет покорена, при виде того, как христиане сей земли подчинены самым жалким и презренным язычникам во всем мире, и видя скудное содействие и многочисленные препятствования со стороны христиан сих краев, чьего скандала и дурного примера довольно для того, чтобы [язычники] не обратились, хотя бы то и были лучшие язычники в мире, сердце неизменно говорит мне, что я должен послать к Карижос, каковые покорены и подчинены Кастильцами Парагвая и весьма пригодны к тому, чтобы пожать в них плоды, а также и в других племенах, что завоевывают Кастильцы, и вместе с сим мне многократно направляли весьма настойчивые просьбы капитан и принцепалы земли, обещая мне всякое покровительство и необходимую помощь для должного применения наших трудов, как с христианами, так и с язычниками. Я получал также письма от людей, ожидавших нашей поездки, с желанием послужить Нашему Господу в сем Обществе, из весьма годных к сему краев, и с сим видя, как Капитания Сан-Висенти мало-помалу теряет население вследствие скудности заботы и усердия, что Король и Мартин Афонсу ди Соза в сие вкладывают, а также вместе с братьями принимая во внимание, сколь мало там делается, я полагаю, что Общество должно иметь там какое-нибудь пристанище, куда можно будет отправиться, когда Сан-Висенти вовсе опустеет. Мне также представляется, что если там будет присутствовать Общество, то утихнут отдельные скандалы, что кастильцы имеют к португальцам, и, по моему мнению, с немалым основанием, ибо [те] поступили весьма дурно с некоторыми [кастильцами], что прибыли в Сан-Висенти, отстав от одной армады на Риу-да-Прата. Живя с сим желанием, я перестал претворять его в жизнь, не имея, кого послать, и несколько раз я был побуждаем к тому, чтобы самому отправиться узнать, что там возможно сделать. В сем [положении вещей] прибыл О. Луиш да Гран, и я весьма желал, дабы отправился он, но, поскольку я нашел его держащемся мнения, противного *aquievi consilio eius*¹¹, то я почел мой дух исполненным сомнения.

Прибыв в сию Баию, я обнаружил письма, что по сему [делу] у меня имелись, о каковых, по прочтении их отцам, что из нас здесь пребывали, я спросил у всех мнения, каковых [отцов] я отправил с письмами к О. Луишу да Грану (сам же оставшись в стороне, не сказав ни «да», ни «нет», ибо чувствовал к сему большую приязнь), говоря ему, чтобы он приказал сотворить молитву и коли, посоветовавшись с письмами из Португалии, что я посылал ему, и с одобрения Отцов и Братьев, он найдет то добрым, то пусть приступает.

Ныне, некоторое время тому назад, я получил от него письмо о том, что они с Отцами и Братьями решатся [на поездку], если путь, что в то время был опасен, делается более безопасным. Поездка представляется мне большой службой Нашему Господу, также и потому, что будут рукоположены некоторые братья из Сан-Висенти, коих будет пятеро или шестеро вместе с Епископом, каковой уже там находится; и гораздо более уместно рукоположить их там, нежели им прибывать в Баию, тем более что мы не ведаем, когда Епископ будет здесь у нас.

До настоящего времени у меня нет уверенности относительно их поездки; я ожидаю вскоре точного уведомления, каковое перешлю с другим судном, кое, как ожидается, уйдет.

Плантации, что ныне возделывают Индейцы из нового поселка Сан-Паулу, находятся на землях графа да Каштаньейры, каковые [плантации] служат ему мало за отсутствием воды, а также способа построить энженью. Нам здесь представляется добрым делом спросить их у Графа для этих Индейцев из сего нового поселка. В сообщении, кое о сем даст Отец, вы увидите, что по сему следует предпринять.

Сейчас мне не остается ничего больше, кроме как просить благословения В.П. и поручить себя вашим молитвам.

Из сей Баии 8 мая лет 1558.

Родригу ди Фрейташ, уважаемый человек, слуга Короля, писец по делам казны – сей всегда пребывал на хорошем счету и своею жизнью являл добрый пример, по смерти же его жены и тещи в него весьма вошел Наш Господь, таким образом, что он намерен вступить в Общество, если того пожелают, и так как он имеет некоторые трудности и обязанности, я взял его с тем, чтобы он заботился о детях, оставаясь мирянином, и исполнял бы свою службу до того, как передать ее одному своему брату, коего он послал вызвать, какового желает оставить с тою же обязанностью по отношению к отрокам.

Никчемный сын
Нобрега.

¹ Король Дон Жуан III.

² Там, отсюда (la, de la) – т.е. в Португалии, из Португалии; здесь, отсюда (ca, de ca) – т.е. в Бразилии, из Бразилии. Это характерный оборот для писем иезуитов Бразилии этого времени, см, напр., Жозе ди Аншиета.

³ В доме Общества Иисуса.

⁴ Но это народ, который не ведает закона (лат.).

⁵ А именно (лат.).

⁶ Они трепещут от страха, когда это не есть страх (лат.).

⁷ Писец по делам имущества – государственный чиновник, обязанностью которого было вести учет налогов в пределах района или квартала.

⁸ Для нашей достаточности (лат.).

⁹ Alambel (мн. ч. alambeis) – раскрашенная ткань для покрытия мебели.

¹⁰ В. П. (в оригинале – V. R.) – Ваше Преподобие (Vossa Reverencia).

¹¹ Принятию этого плана (лат.).

(Жозе ди Аншиета, «Сообщение о Бразилии и ее капитаниях, 1584 г.)

«Сообщение...» было написано между 21 и 31 декабря 1584 г.

Первыми Португальцами, что прибыли в Бразилию, были Педру Алвариш Кабрал с некоторыми людьми в одном корабле, шедшем в Восточную Индию в год 1500-й, и он причалил в Порту-Сегуру¹, коему дал сие название потому, что нашел порт, называемый Санта-Круш, весьма надежным и добрым для судов. И вся провинция называлась вначале Санта-Круш; затем возобладало название Бразилия, по причине дерева, что в ней есть, каковое служит для краски.

Имеет же провинция Бразилия семь капитаний², именуемых, scilicet³: Пернамбуку Баия, Ильеус, Порту-Сегуру, Эспириту-Санту, Рио-де-Жанейро, Сан-Висенти. Хотя в Пернамбуку есть и иная [капитания], кою называют Тамаракá (Tamaçá), ныне она есть нечто незначительное и являет собою не более, нежели малый остров, на коем расположен малый поселок, хотя ее разграничение и достигает 50 легуа⁴, как и прочих. Тем же образом имеется в Сан-Висенти другая [капитания], каковая есть иной остров, называемый Гуаибé или Санту-Амару, и имеет такое же разграничение легуа. Вначале она была заселена, со своим капитаном, жителями, и одним сахарным энженью⁵, однако при постоянном натиске Тамойос, Индейцами Рио-де-Жанейро, она обезлюдела, и нет у нее отдельного правосудия, все вершится в Сан-Висенти. В ней построил ныне Диогу Флориш ди Валдеш, генерал армады, кою Его Величество направил в Магелланов пролив, форт с людьми и артиллерией, ибо находится она по другую сторону Рио, каковая есть гавань Сан-Висенти, куда могут заходить большие суда. В сей гавани побывали в прошлом году 1583-м два английских галеона, кои хотели торговать с жителями, и, по прибытии трех судов оной армады, поврежденных бурями, отправили Англичане одно из них на дно, причинив смерть некоторым людям, и искали убежища.

Баия и Рио-де-Жанейро принадлежат Королю, города же и все прочие капитании принадлежат сеньориям и поселкам. От Пернамбуку, коя есть первая капитания, находящаяся на восьми градусах, до Сан-Висенти, коя есть последняя и находится в тропике Козерога почти на 24°, может быть 350 легуа по побережью, двигаясь с Севера на Юг, с Северо-востока на Юго-запад, и от Сан-Висенти до лагуны Патус, где берет начало народ Карижос, каковые [Индейцы] всегда были в завоевании у Кастилии, может быть 90 легуа в том же направлении.

Все эти язычники сего побережья, кои также распространяются на более чем 200 легуа по сертану⁶, и сами Карижос, кои по сертану доходят до гор Перу, имеют один и тот же язык⁷, что есть величайшее благо для их обращения. Между ними в дебрях есть различные народы иных варваров, разнообразнейших языков, каковых сии Индейцы называют Тапуйяс, что означает рабы, поскольку всех, кто не из их народа, держат за таковых и со всеми ведут войну. Этими Тапуйяс в древности было населено сие побережье, как утверждают Индейцы, и то доказывают многочисленные названия многих местностей, кои остались от их языков, каковые и донныне используются; однако [Тапуйяс] постепенно удалялись в дебри, и многие из них живут среди Индейцев побережья и сертана. Сии, хотя и имеют некое подобие алдей⁸ и продовольственных плантаций, со всем тем суть [нечто] гораздо меньшее, нежели Индейцы, и главное в их жизни – это поддерживать себя охотой, и посему они имеют природу столь неусидчивую, что никогда не могут оставаться долгое время на одном месте, что есть основное препятствие для их обращения, ибо, alioquin⁹, они суть люди с хорошими наклонностями, и многие их народы не едят человеческого мяса и выказывают себя большими друзьями Португальцев, говоря, что они их родичи, и посредством их [Португальцы] заключают мир с Индейцами, кои с ними [Тапуйяс] общаются и прежде были их [Португальцев] врагами. Только [Индейцы] одного народа из их числа, называемого Гуаймуре (Guaimuré), вначале бывшие друзьями Португальцев, суть ныне жесточайшие враги, постоянно бродят в дебрях и привели в отчаянное положение капитанию Порту-Сегуру и Ильеус и уже почти дошли до Баии.

О ГУБЕРНАТОРАХ И КАПИТАНАХ

Первым капитаном Баии и ее сеньории был Франсишку Перейра Котинью. Он вел войны с Индейцами, до тех пор, пока они не вынудили его вывести население, и он укрылся в Порту-Сегуру. Когда же затем вернулся он в саму Баию, его, в конце концов, убили Индейцы.

В пору 1549 [года] прибыл Томе ди Соза, первый генерал-губернатор Бразилии, человек весьма богобоязненный и весьма справедливый в делах правосудия и преданный Обществу¹⁰. Он прибыл в то время, когда вся [сия] земля полна была дебрями и алдейями Индейцев; было, должно быть, шесть или семь человек Португальцев, со всех сторон окруженных противниками. Они высадились в Вила-Велья, где те люди пребывали в такой опасности, и водрузили крест на возвышенном и открытом месте. Сей [губернатор] построил город Баия [в том месте], где он находится ныне, и после стали возводиться церкви среди Индейцев, и имело место благоразумие, как он сохранял во все во время, что управлял.

В пору 1553 [года] прибыл второй губернатор дон Дуарти да Кошта. В его время поднялись некоторые из алдей Индейцев, с коими он вел войну и вновь умиротворил [их], и в его время начали возводиться церкви среди Индейцев, и было положено более целенаправленное начало обращению.

В пору 1557 [года] прибыл третий губернатор Мен ди Са. Сей подчинил почти всю Бразилию, имел войну с Индейцами с [реки] Парагуасу, пограничными с Баией и весьма могущественными, в каковой [войне] сжег у них 160 алдей, убив многих, большинство же покорив. Он усмирил [Индейцев] Ильеуса, кои пребывали в мятеже и уже разрушили множество фазенд, приведя капитанию в отчаянное положение. Над сими было много славных побед, до тех пор, пока не оказались покорены все соседние с Баией Индейцы от Камаму до Итапукуру, что есть 40 легуа. Он подчинил [их] закону Божьему и собрал вместе, и приказал строить церкви, и таким образом необычайно возросло обращение, начатое во время дона Дуарти да Кошты.

В пору 1560 [года] он отправился в Рио-де-Жанейро и разрушил сильнейшую крепость Французов, кою они прежде возвели там на одном острове, с множеством артиллерии и людей, и с той поры и впредь лишились Французы надежды претворить в жизнь свои намерения, в кои входило утвердиться там и сделаться господами той земли, и оттуда ожидать судов из Индии, на высоте мыса Доброй Надежды или острова Святой Елены.

В пору 1566 [года] он снова вернулся в Рио-де-Жанейро, каковой начинал заселяться его племянником Эштасиу ди Са, и с его прибытием были разрушены две сильнейших алдейи, кои были пограничными, и все доверие Тамойос, и с сими победами начали заключать мир другие [Индейцы], что были рассеяны по всему Рио-де-Жанейро, и уступать свою землю, кою владели столько лет.

В год 1572-й он умер в Баие, и за 14 лет, что управлял Бразилией, он неизменно исповедовался и причащался в Обществе, и за четыре или пять лет до своей смерти он совершал сие каждые восемь дней, и в тот самый день, когда он умер, один из наших принял у него генеральную исповедь. Он читал Божественную Службу и во все дни недели, какие бы бури и дожди ни стояли, не переставал приходить в Коллегию¹¹, дабы слушать заутреннюю мессу. Он построил за свой счет церковь Коллегии, в каковой и был похоронен, и, кроме того, сделал ей дар из своих земель в Камаму, кои суть 12 квадратных легуа с 8 водами для сахарных энженью.

Мена ди Са сменил Луиш ди Бриту ди Алмейда, что было в год 1573-й. Сей никогда не позволял творить значительных притеснений по отношению к алдейям новообращенных [Индейцев], находящимся под началом Отцов, и не разрешал забирать из них некоторых Индейцев, там укрывавшихся, из тех, что Португальцы обманом приводили из сертана. В его время – и он отправился туда лично – была проведена война на реке Реал, где Отцы прежде возвели некоторые церкви, и в них было собрано много Индейцев, как будет пространно показано в бумаге¹², коя идет с настоящим.

В пору 1574 [года] прибыл д-р Антониу Салема с юрисдикцией над всею Бразилией и с титулом генерал-губернатора капитаний юга, sc.: Эспириту-Санту, Рио-де-Жанейро и Сан-Висенти, при том приказал доброй памяти Король Д.¹³ Себастьян, чтобы было поделено управление Бразилией на две части. Исполнив же свою службу согласно юрисдикции в некоторых частях побережья, он отправился на пребывание в Рио с оным титулом и полномочиями губернатора в отведенной ему по разделу части. В его время еще держались Тамойос с Кабу-Фриу, большого прибежища Французов, откуда они являлись совершать набеги в пределы самого Рио, вследствие чего было решено объявить им войну, и таким образом, при поддержке капитании Сан-Висенти, из коей прибыл капитан Жерониму Лейтан с большею частью Португальцев и многими Индейцами, христианами и язычниками, и с сею помощью [губернатор] претворил в жизнь предприятие и завершил разгром всего народа Тамойос, каковой все еще был весьма надменен и силен, имея много оружия Французов, шпаги, кинжалы, эспадроны, аркебузы и большие пушки (tigros grossos), и не осталось у него ни одной алдейи, кою бы [сей народ] не подчинил, вплоть до острова Санта-Ана, каковой есть предел сих [алдей], что есть где-то 30 легуа от Рио-де-Жанейро. Многих Индейцев убил [губернатор] в первой алдейе, коя была самою сильною, и после сего сдались ему прочие [Индейцы] почти без войны, из каковых многие собрались в алдейе индейцев-христиан, что ранее были его врагами, и крестились, и донныне живы некоторые [из них].

С сим известием пришли некоторые Тамойос из сертана, жители Параибы, дабы просить у него мира, и соединились с остальными. С сими победами оказалась вся та земля обезлюдившей, а у Французов [был] отбит главный порт, что имели они для торговых сношений, каковой есть Кабу-Фриу. Завершил же Антониу Салема свое правление, когда прибыл губернатором Лоренсу да Вейга, и снова оказалось все побережье под [властью] одного генерал-губернатора, как прежде.

В начале года 1578-го прибыл губернатором Лоренсу да Вейга, каковой лично посетил алдейи новообращенных, находящиеся под началом Отцов, с большим удовольствием и слезами благочестия, видя проповеди, шествия, бичевания и причастия у Индейцев, и мессы, служившиеся в [форме] песнопений с

органом, с флейтами, детьми самих же Индейцев. Он покровительствовал христианству во всем, чем только мог, приказав отправиться в оные алдеи Христиан некоторым Индейцам, коих Португальцы обманом привели из сертана, и никогда не пожелал приказать передать их тем, кто притязал на них, как бы на сем не настаивали, и таким образом многие из них [Индейцев] умерли крещенными, а некоторые живы и донныне; и он всегда заботился о том, чтобы сохранить свободу всех Индейцев. Умер он в Баие в год 1581-й.

В год 1583-й прибыл губернатором Мануэл Телиш Баррету. Да будет угодно Господу, чтобы много помогал он христианству и покровительствовал свободе Индейцев, как Король, Наш Господин, настоятельно ему предписывает.

О КАПИТАНАХ ПРОЧИХ КАПИТАНИЙ

Капитании Пернамбуку сеньором и заселителем (povoador) был Дуарти Коэлью. Никогда не было в ней обращения язычников; [но велись] многочисленные войны и некоторые сражения с Французами при жизни Дуарти Коэлью и еще больше во время его сына Дуарти Коэлью, каковой столько воевал с Индейцами при поддержке одного священника, почитавшего себя некромантом, что разорил всю свою капитанию, и таким образом от реки Сан-Франсиску до тех мест, что суть 50 легуа, нет [ни одного] поселения Индейцев, и она пребывает ныне без всякой от них помощи, и ныне ту капитанию вместе с [капитанией] Итамаракá, каковая вся почитается за одну, весьма тревожат Индейцы Питигуарас – жители реки, называемой Параиба, где большую торговлю ведут Французы, по причине дерева бразил, и [они] помогают им в войнах, и много зла на земле и на море чинят Португальцам, каковые не имеют друзей Индейцев, что помогли бы им, ибо уничтожили их всех.

В капитании Эспириту-Санту, что принадлежит Вашку Фернандишу Котинью, было много войн с язычниками, в некоторых из коих они остались победителями и убили многих Португальцев, однако также оказались покорены и ныне являются мирными. Было в ней [капитании] и донныне есть много обращения.

В [капитании] Сан-Висенти, принадлежащей Мартину Афонсу ди Созе, каковою он сам овладел с армадою, уже после того, как в ней были некоторые малочисленные и давние обитатели, и весьма ее прирастил, обыкновенно, как и в прочих капитаниях, были капитаны, поставленные сеньорами; никогда в ней не было войн с местными Индейцами, коих называют Тупис, что всегда были друзьями Португальцев, не считая года 1562-го, когда немногие [Тупис] из сертана по своей низости (наибольшая же часть осталась в дружбе, как и прежде) повели войну с Пиратинингой, поселком Сан-Паулу, где есть дом Общества, в 10 легуа от приморского поселения Сан-Висенти, но затем на второй день бежали в свои земли вследствие сопротивления, каковое встретили в Португальцах и Индейцах-христианах, кои пошли против своих собственных отцов, сыновей и братьев в защиту церкви. Немного времени спустя умерло большинство сих поднявшихся, и вновь установились постоянные мир и дружба, как прежде.

От Тамойос Рио-де-Жанейро, кои есть смертельные враги Тупис, всегда терпела нападения капитания Сан-Висенти, где [они] убили многих мужчин и увели в плен жен, дочерей и сыновей, и рабов.

Вследствие великого натиска, чинимого Тамойос, выстроили Португальцы в гавани Бертиога, каковая есть один из двух портов той капитании и основной вход Тамойос, куда они заходили и уходили на весьма легких лодках, две крепости, за свой счет и своими трудами, и не было никого, кто бы не работал над ними, и они оказались столь могучими, что защищали тот вход от врагов и от Французов, каковые иногда приходили с ними [Тамойос], дабы им помочь. Однако же со всем тем они постоянно переживали нападения Тамойос с разных сторон, таким образом, что уже почти утратили надежду управиться с ними, до той поры, пока не населился Рио-де-Жанейро.

В год 1564-й прибыл Эштасиу ди Са, племянник губернатора Мена ди Са, в Рио-де-Жанейро, с армадою, приведенною им из Португалии, и многими жителями Бразилии, как Португальцами, так и Индейцами-христианами; и, поскольку [армада] не была достаточно снабжена [всем] необходимым для того предприятия, он отправился в Сан-Висенти, где запасался продовольствием и всем прочим, что требовалось. И он сделал легкие лодки, на коих в следующем январе, со многими людьми из Сан-Висенти – Португальцами, Мамалуками¹⁴ и Индейцами, – вернулся в Рио-де-Жанейро с большею частью судов армады, и в начале марта взял затем землю вдоль порта, называемую Пан-ди-Асукар¹⁵, при входе в гавань, и построил деревянные дома и ограду, где укрылся с частью людей, другая же часть осталась на судах; и оттуда на лодках начал завоевывать Тамойос, и понемногу одерживал над ними верх, и при сем были весьма выдающиеся и чудесные победы; и он отбросил также прочь 150 Французов, находившихся в одном судне, каковых отпустил с миром, ибо были они торговцами и, по-видимому, католиками, явившимися не с тем, чтобы заселять; и после были другие встречи с судами, прибывшими вновь из Франции, и он вынудил их вернуться восвояси, нанеся им повреждения. И таким образом он поддерживал поселение и постоянную войну с Тамойос, отовсюду собиравшимися, дабы вести ее, терпя жесточайший голод из-за отсутствия продовольствия на протяжении всего года 1566-го, в конце коего отправился губернатор Мен ди Са из Баии с другою армадою, что послал ему Король, капитан-мором¹⁶ коей был Криштован ди Барруш, и прибыл туда в январе 67-го [года], в канун Святого Себастьяна, чье имя взял построенный ими бедный город в честь сего святого мученика и из почтения к Королю Д. Себастьяну. После того как он уничтожил две алдеи, как выше было указано, в одной из коих от ранения стрелою умер его племянник Эштасиу ди Са, был тогда город перенесен на то место, где и стоит ныне; и он всегда переживал

рост, хотя дважды и имел сражения с французскими судами и Тамойос с Кабу-Фриу, что замыслили заполучить его в свои руки, но были отброшены оттуда с позором и с потерей своих [людей].

Капитания Порту-Сегуру принадлежит Герцогу ди Авейру. [Капитания] Ильеус – Франшишку Жиралдишу. В обеих были войны с местными Индейцами; однако с помощью, полученной от Губернаторов Баии, они защитились и ныне пребывают в мире. Это правда, что были истребляемы язычники сих земель, называемые Тупинакис, бывшие весьма и весьма воинственными, частью болезнями, частью дурным обращением Португальцев, как и во всех краях, не считая Сан-Висенти, таким образом, что [те капитании] остались без язычников. И послал им Бог жесточайший бич, каковой есть дикари из дебрей, называемые Аймурес, люди сильные и свирепые, коим, пока были Индейцы-друзья, всегда противостояли; однако, когда им [Португальцам] стало их недоставать, [те земли] оказались и ныне являются столь тесными дикарями, что уже капитания Порту-Сегуру наполовину обезлюдела, а [капитания] Ильеус пребывает в крайне бедственном положении, и нельзя от них ни защититься, ни повести против них войну, ибо они всегда бродят в глуши, в коей 4-х достаточно, чтобы уничтожить большое войско, как они уже содеяли, [притом] почти не видно было, кто их [Португальцев] убивает; и сие бедствие уже доходит через Камаму вплоть до окрестностей Баии, таким образом, что люди уже ищут острова, где строить свои фазенды, поскольку не отваживаются пребывать на материке.

О ЕПИСКОПАХ И ПРЕЛАТАХ БРАЗИЛИИ

Первым епископом Бразилии был Д. Педру Фернандиш, что ранее уже служил провизором или генерал-викарием¹⁷ Индии. Сей прибыл в год 1552-й в Баию, епископом коей титуловался, а также генерал-комиссаром (comissario geral) всего побережья, и таким же образом все прочие, и он пребывал в ней до 1556 [года], в каковом отбыл в Португалию с дозволения Короля. И когда его судно оказалось прибито бурей к берегу, между рекою Сан-Франсиску и Пернамбуку, он был убит Индейцами вместе с большею частью людей, с ним пльвших, в каковую входил и первый проведор-мор¹⁸ сей провинции, Антониу Кардозу ди Барруш, прибывший с первым губернатором Томе ди Созой. На освободившееся после ононого место прибыл визитадором и генерал-комиссаром всего побережья Д-р Франшишку Фернандиш, каковой управлял бразильскою церковью до прибытия Д. Педру Лейтана.

Дон Педру Лейтан, также клирик, был вторым епископом и прибыл в год 1559-й. Сей посетил все побережье Бразилии, совершая таинство миропомазания и рукополагая, много раз побывав в алдейях Индейцев-христиан, и лично крестил и сочетал браком многих, и питал к ним большое расположение, много помогая их обращению и сохранению. В его время был проведен синод, на каковом не было иных клириков, кроме его собственных, ни один из коих не был учен. Некоторые Конституции были составлены на ней¹⁹, хотя во всей Бразилии и соблюдались [Конституции] Лиссабона, при сем некоторые святые дни были расположены по-новому. Он умер в Баие в год 1573-й, оставив библиотеку Коллегии Общества, коего был большим почитателем и другом.

Третьим епископом, каковой ныне управляет церковью Бразилии, является Д. Антониу Баррейруш, из Авицкого ордена. Он прибыл в год 1575-й; исполняет свои обязанности, как и предыдущие, хотя и не выказывает такого усердия относительно обращения Индейцев, и не обращает много внимания на их христианство, держа их за людей темных и непонятливых, и со всем тем уже отправился посетить их алдеи и провел миропомазание для тех, кто имел надобность в сем таинстве.

С Лоренсу да Вейгой, губернатором, прибыл в год 1578-й Управляющим лицензиат Бартоломеу Симойнш Перейра, клирик, дабы пребывать в городе Сан-Себастьян в Рио-де-Жанейро, с отдельною от Епископа юрисдикцией, и со всеми его полномочиями, не считая рукоположения. Его юрисдикции принадлежат четыре капитании южного берега, scilicet: Порту-Сегуру, Эспириту-Санту, Рио-де-Жанейро и Сан-Висенти. Прочие принадлежат юрисдикции Епископа. Сей выказывает расположение и усердие относительно обращения Индейцев и много раз приходит им на помощь там, где недостаточно светского правосудия, ибо они суть люди бедные и имеющие особую потребность в защите [со стороны] церковной власти. Он лично посетил все капитании, находящиеся под его началом.

Службы Инквизиции не было донныне, хотя Епископы и пользуются ею, когда сие нужно вследствие поручения, кое у них есть, подавая, однако, апелляцию в Святую Службу Португалии, и с сим уже был сожжен в Баие один Француз-еретик. Ныне имеет епископ Д. Антониу Баррейруш сию службу для одних лишь Индейцев и назначил своим коадьютором Отца Луиша да Грана, из Общества, каковой ныне является ректором Коллегии Пернамбуку.

О ПЕРВОМ ПРИХОДЕ ФРАНЦУЗОВ В БРАЗИЛИЮ

В пору 1504 [года] прибыли Французы в Бразилию, первый раз в порт Баии, и вошли в Парагуасу, каковая находится внутри сей Баии, и произвели свои выкупы²⁰, и возвратились с радостными известиями во Францию, откуда затем прибыли три судна; и, когда они находились на том же месте для выкупа, вошли четыре судна Португальской армады и сожгли у них два корабля, а третий захватили, убив многих людей, из коих [некоторые] все же спаслись в шлюпке, и встретили у мыса Итапуама, в 4-х легуа от Баии, судно из своих, вернувшееся во Францию, и донныне никогда более не возвращались в Баию, поскольку [она] неизменно росла с торговлею сахаром и [заходящими] судами, что прибывают из Португалии.

Французы не отказались от торговли с Бразилией, коя в основном имела место на Кабу-Фриу и в Рио-де-Жанейро, земле Тамойос, каковыя, будучи ранее большими друзьями Португальцев, поднялись против них вследствие великих обид и несправедливостей, что те им содеяли, и приняли Французов, от коих никаких обид не встретили, и [Французы] прибывали и отбывали, и нагружали свои суда деревом бразил, перцем, птицами, обезьянами и иными вещами [сей] земли, и давали одежду и оружие всех родов Индейцам, и помогали им против Португальцев, и оставляли отроков в [сей] земле, дабы учились языку Индейцев, и мужчин, кои подготовили бы товары для той поры, когда придут суда.

Много времени спустя, что, как представляется, случилось в год 1557-й, [Французы] начали возводить поселения в Рио-де-Жанейро, и тогда была построена та сильнейшая крепость с бастионами и многочисленную артиллерию, и домами жителей, создателем коей был Николай де Вильеганьон, рыцарь Мальтийский; и он заложил ее на одном острове, что находится при входе в гавань, в начале того залива, каковая [крепость] и получила имя Вильеганьона. Сюю у него разрушил Мен ди Са в год 1560-й, как выше сказано было, когда Вильеганьон пребывал во Франции, и с сим известием он не вернулся более в Бразилию, но [возвратились] лишь некоторые, что остались среди Индейцев, приняв их обычаи и сожителствуя с Индианками; и они разводили плантации перца и собирали прочие товары [сей] земли, дабы передать своим, когда те придут. Си впоследствии были все мало-помалу унесены войнами Эштасиу ди Са.

Наибольшая же часть Французов сей крепости и поселения были еретиками различных сект, и принцепалы были священниками Кальвина, что проповедовали и учили. Про Николая де Вильеганьона все они утверждали, что он был католиком, и весьма ученым, и великим рыцарем; он наказывал весьма сурово, и, я думаю, смертною казнью, тех, кто согрешил с Индианками-язычниками; он заботился также о том, чтобы выволить Португальцев, коих Тамойос захватывали в своих набегах, что совершали в Сан-Висенти. Он был весьма усерден, охраняя свою католическую веру, однако, поскольку не мог [совладать] со столькими, он скрывал [это], до той поры, пока не увидел бы, что может практиковать свою [веру]. Он вернулся во Францию, как говорят, призванный Королем для войн против еретиков, в каковых умер; и властью короля [был он отозван(?)], хотя и возводил втайне то поселение и намеревался заселить землю Тамойос, и построить там корабли, и искать серебряные и золотые рудники, на след каковых [Французы] уже напали, и, таким образом, уже называли ее [ту землю] Антарктическою Францией. Его отъезд во Францию, как представляется, имел место в год 1559-й, поскольку в 1560-м, в каковом Мен ди Са взял крепость, его уже там не было вследствие особого божественного провидения, ибо все утверждают, что если бы он присутствовал, [крепость] не была бы взята, ибо был [он] весьма великим рыцарем, несмотря на то, что ее взятие произошло более вследствие особой божественной помощи, а не людских сил, как все ясно видели в сражении, и не меньшею была [помощь], полученная ими от Бога, что Он выдворил оттуда сего командующего.

Одним из обитателей сей крепости был некий Жоаннис де Боле, человек, ученый латинской, греческой и еврейской словесности, и весьма начитанный в священном писании, однако великий еретик. Сей из страха перед Вильеганьоном, каковой намеревался наказать его за его ереси, бежал с некоторыми другими в Сан-Висенти на лодках Тамойос, отправлявшихся туда на войну, под предлогом оказания тем помощи; и, прибыв в крепость Бертиога, он укрылся там вместе со своими и остался в Сан-Висенти. Затем он начал изрыгать там яд своих ересей, чему воспротивился отец Луиш да Гран, каковой повелел доставить его под стражею в Баию, и оттуда он был отправлен епископом Д. Педру Лейтаном в Португалию, а из Португалии – в Индию, и никогда более не появился.

Не осталось ныне торговли с Французами в Бразилии нигде, кроме как на реке Параиба, в 18-ти легуа к северу от Пернамбуку, где они помогают Индейцам против Португальцев и много тем чинят зла, как выше указано было.

О МОНАХАХ, ЧТО ПРЕЖДЕ И ПОЗЖЕ ОБЩЕСТВА ПРИБЫЛИ В БРАЗИЛИЮ

Первые монахи, прибывшие в Бразилию, были из ордена Св. Франциска, каковыя прибыли в Порту-Сегуру ненамного позже заселения той капитании, и устроили свою обитель, преисполненные рвения обратить язычников, и хотя и не знали их языка, про одного из них рассказывают, что он читал им Евангелие, и, когда вопрошали его Португальцы, для чего он его читает, ведь [Индейцы] его не понимают, он отвечал им: «Сие есть слово Божие и имеет силу, дабы воздействовать на них». Один из них утонул при переправе через реку, откуда у нее и осталось название – река Монаха; всех же прочих убили Индейцы, поднявшись против Португальцев. И затем, не ведая о том, что происходило, прибыло туда одно судно, и Индейцы, обряженные в монашеские рясы, с молитвенниками в руках расхаживали вдоль берега, как имели обыкновение делать Монахи, дабы таким образом устроить засаду тем [людям] в море, однако Богу было угодно, чтобы те уразумели обман и скрылись. Никогда более не являлись сюда монахи до того, как прибыло Общество.

В году 60-м или 61-м, как то представляется, прибыли семь или восемь монахов в белых рясах, Французов, в Рио-де-Жанейро, после разрушения крепости, ибо, поскольку Николай де Вильеганьон был католиком, то, вернувшись во Францию, он потрудился направить монахов в Рио-де-Жанейро, как для сокращения [числа] еретиков, так и для обращения язычников.

С сим желанием он отправился в Коллегию Общества во Франции, где, исповедовавшись и причастившись, испросил Отцов для сего предприятия, говоря, что имеет в Индии или Бразилии 200 легуа земель, населенных язычниками покорными и мирными; Отцы же, весьма возрадовавшись от сего известия, отвечали, что направят извещение Отцу Генералу, дабы просить на то дозволения, но, поскольку сие не было исполнено Обществом, он позаботился направить сих, иных монахов, как мною уже сказано.

Сии, как стало известно от самих Тамойос, устроили свой приют среди них самих, отдельно от Французов, учили некоторых детей язычников и носили их [на руках], одевая в свою рясу. Однако, поскольку Вильеганьон, узнав о разрушении своей крепости, не пожелал возвращаться в Бразилию, монахи остались беззащитны, и не только [оказались] в немилости у еретиков, но и стали преследоваться ими. И однажды, [когда они] выжигали участок земли, подготавливаемый [ими] рядом с их домом под какой-то огород, огонь у них перекинулся на дом и все им спалил, о чем впоследствии рассказывал один Француз-еретик, и с немалым удовольствием. Таким образом, в том же году или в следующем, Французы вновь повезли их во Францию вместе с большею частью людей из крепости, что там пребывали, приютившись среди Тамойос, и им угодно сообщать, что судно потерпело крушение в пути или что еретики выбросили Монахов в море.

В год 1581-й прибыли в Пернамбуку вместе с Фрутуозу Барбозой, что явился заселять реку Параиба, трое монахов [ордена] Кармеля и двое или трое [монахов ордена] Св. Бенедикта. Однако вследствие того, что так и не заселилась Параиба, они занимались лишь тем, что проповедовали и исповедовали, не устроив монастыря. Прибыл вместе с ними и один [монах ордена] Св. Франциска, каковой также проповедовал некоторое время в Пернамбуку и возвратился в королевство.

В год 83-й прибыли двое [монахов ордена] Св. Бенедикта с приказом от своего Генерала. Сим дана была добрая вотчина в Баие и церковь Св. Себастьяна, и они уже устраивают монастырь; доньне всех их трое, и они начинают принимать некоторых других [монахов] в орден.

В том же городе в тот же год даны были вотчина и дом двоим [монахам ордена] Св. Франциска, кои прибыли, будучи посланы Королем на реку Прата вместе с прочими; однако сии остались в капитании Эспириту-Санту, как и иные, что прибыли в армаде Пролива, остались в Сан-Висенти. Да будет Богу угодно, чтобы все [они] двигались вперед к своей славе.

О ПРИБЫТИИ ОТЦОВ ОБЩЕСТВА В БРАЗИЛИЮ

В год 1549-й, первого февраля, в день Св. Игнатия мученика, отбыли из Белена вместе с Томе ди Созой, первым губернатором Бразилии, по велению Короля Д. Жуана III и по приказу нашего Отца Игнатия де Лойолы четверо отцов Общества, scilicet: отец Мануэл да Нобрега, супериор²¹, отец Жуан ди Ашпилкуэта Наварру, отец Леонарду Нуниш и отец Антониу Пириш, и два брата, scilicet: Диогу Жакоми и Висенти Родригиш. Все сии упокоились в Обществе, в своих чинах, не считая Висенти Родригиша, каковой доньне жив и священник.

В следующий год 1550-й прибыли четверо отцов, scilicet: Отец Салвадор Родригиш, упокоившийся в Обществе в год 1553-й, в день Успения Пресвятой Богородицы, коей был весьма привержен, и отец Мануэл ди Пайва, скончавшийся в Эспириту-Санту 21 декабря 84-го, Отцы Афонсу Браз и Франсишку Пириш, что живут доньне.

В год 1553-й прибыли шестеро [отцов] Общества со вторым губернатором Д. Дуарти да Коштой, scilicet: отец Луиш да Гран, отец Браз Лоренсу и брат Жуан Гонсалвиш, каковой умер после [получения чина] священника с большою святостью, и братья Антониу Блашкиш, Грегориу Серран, Жозе ди Аншиета, и все пятеро живут доньне, будучи все священниками.

После сих в различные годы прибыли иные Отцы и Братья, [число] коих превысило семьдесят, большинство их уже было принято [в Обществе] там²², прочие же приняты были здесь; среди коих приехали весьма хорошие латинисты, иные – философы, иные – теологи и проповедники; среди сих прибывали Итальянцы, Испанцы, Фламандцы, Англичане, Гибернийцы²³, более же всего – Португальцы. Из сих многие доньне живы в Обществе Бразилии и трудятся плодотворно в его чинах. Иные скончались в нем, выказав великую добродетель. Многие иные были приняты здесь в Общество, как из тех, что прибыли из Португалии, так и из рожденных на [сей] земле.

До прибытия Отцов не было в Бразилии христианства и никого, кто бы проповедовал Евангелие; они начали проповедовать его целенаправленно, и сие принесло большие плоды в душах, что видно по продвижению Общества и обращению в Баие и также в иных капитаниях побережья до сего настоящего года 1584-го; и в Баие было первое прибытие и [первый] дом Отцов, и начало распространения Общества, а также некоторое начальное обращение язычников, по крайней мере, детей Индейцев, ибо родители все еще были в ту пору весьма непокладисты и дики.

В том же году 1549-м, что прибыл в Бразилию отец Мануэл да Нобрега, [он] направил отца Леонарду Нуниша и брата Диогу Жакоми в капитанию Сан-Висенти, каковая есть последняя на побережье, где [отец Леонарду Нуниш] был принят Португальцами как ангел или апостол Божий; и, дотоле живя столь же дурно или же хуже, чем Бразилы, они содеяли столь великую перемену [в своей] жизни, что даже доньне выделяется в той земле nescio quid²⁴ большей добродетели, благочестия и любви к Обществу, нежели на всем побережье, ибо также и жизнь отца Леонарду Нуниша была весьма образцовой, и он обращал более деяниями, нежели словами.

Здесь построили жители дом Обществу, каковой был вторым из появившихся в Бразилии. Здесь были сразу приняты в Общество брат Педру Корреа и брат Мануэл ди Шавиш, люди давние в [сей] земле и [опытные] в языках, и с их помощью начали обучать катехизису на языке Бразилии Мамалуков и Мамалук – детей Португальцев и рабов [сей] земли, коих было множество, благодаря чему и появился некоторый свет в Бразилии вследствие многих проповедей, кои брат Корреа читал им на их языке. Здесь, наконец, повелось с большею целенаправленностью обращение язычников, из коих многие, поскольку всегда были большими друзьями Португальцев, отдавали доброю волей своих детей Отцу, дабы они учились; каковых он собрал множество и крестил, научив их говорить на Португальском языке, читать и писать, и поддерживал [все] необходимое для тела тягчайшим трудом, своим и братьев, вплоть до года 1554-го, когда [они] были переведены в сельскую местность Пиратининга, где есть много продовольствия.

Сие можно назвать первую школой катехуменов, что была в Бразилии, каковую отец Мануэл да Нобрега, отправившись в ту капитанию в год 1553-й, продолжил развивать, приказав, дабы стала она братством Младенца Иисуса, включив в нее некоторых мальчиков-сирот, прибывших из Португалии во время отца Педру Доменику и некоторых из метисов [сей] земли, где все были обращенными; и те, что из Португалии, учили язык [сей] земли.

Этот вид братства был приказан [к введению] в Баие и в капитании Эспириту-Санту, однако впоследствии, по прибытии Конституций и по приказу Рима, они были отменены, и все, что у них было, вернулось Обществу, в каковом остались многие из сих сирот, прибывших из Португалии и некоторые из здесь набранных, что были и донныне являются в нем выдающимися работниками, занимаясь обращением язычников, с языком, коим владеют, и священством, ими полученным.

В год 1554-й перевел отец Мануэл да Нобрега детей Индейцев в сельскую местность, в новое поселение, называемое Пиратининга, кое Индейцы возводили по приказу самого Отца, дабы принять веру. Он также направил 12 Братьев, дабы они учили грамматику и вместе с тем служили бы переводчиками для Индейцев, и таким образом началось здесь целенаправленное изучение грамматики и обращение Бразилии, ибо в той алдейе собрались многие Индейцы той области, и у них была обычная проповедь утром и вечером, и месса по святым дням, и первая была произнесена в день обращения Св. Павла в том же году, и они начали креститься и жениться, и жить, как христиане, чего до того времени не делалось ни в Баие, ни в какой иной части побережья.

Обращение сих [Индейцев] не возросло столь же, как обращение в Баие, поскольку они никогда не знали покорения, что есть основная необходимая часть для сего дела, как это было затем в Баие во время губернатора Мена ди Са. Однако же, со всем тем, [они] упорствуют донныне. И [у них] есть две церкви, построенные в двух алдейях, где каждое воскресенье, *alternatim*²⁵, их посещают Отцы, и в известном смысле [они] заслуживают большей похвалы, ибо все, что дают от себя, является добровольным, не из страха перед кем-либо, поскольку даже донныне сии люди пребывают нетронуты, не испытав тирании Португальцев, и я не думаю, что они бы захотели сносить ее, ибо они имеют величайший сертан, куда легко могут уйти, при этом те [Португальцы] не смогли бы побеспокоить их. Однако со всем тем, поскольку Португальцы много трудятся над тем, чтобы сохранить их дружбу, они неизменно тверды в начатом и живут как христиане, и приводят прочих своих родичей из сертана жить вместе с собою, дабы они также приняли веру.

В сем году 1550-м и до 53-го были построены дома Общества в Порту-Сегуру и Эспириту-Санту. В Порту-Сегуру, в одной легуа от поселения Португальцев, был воздвигнут обитель Богоматери Заступницы, где она чудесным образом дала источник воды, каковой, как представляется, исходит из-под ее алтаря, где совершались и постоянно совершаются многие чудеса, и это дом величайшего паломничества и почитания, поскольку почти все больные, что идут туда и моются тою водой, исцеляются, те же, кто не могут пойти туда, посылают за нею, и питье ее оказывает то же воздействие.

Затем построен был дом Общества в пределах самого поселка Португальцев, и по приказу нашего Отца Генерала Эверарду²⁶ была оставлена сия церковь Епископу, однако донныне Общество имеет там дом, где [отцы] собираются, отправляясь туда каждую субботу читать мессу и произносить какую-нибудь проповедь во славу Богородицы, ибо продолжается благочестие людей, кои уже создали в нем братство с хорошими облачениями.

Затем построены были дома в Пернамбуку, Ильеусе и Рио-де-Жанейро, и таким образом во всех капитаниях побережья имеется местопребывание Общества, и именно оно приходит на помощь всем духовным надобностям как Португальцев, так и Индейцев, о чем более обстоятельно сказано будет в следующей главе.

О ДЕЛАХ И ТРУДАХ ОБЩЕСТВА

Дабы понятны были дела и труды [Отцов] из Общества в Бразилии, будут вкратце указаны поселения Португальцев и Индейцев, что в ней есть, коим наши приходят на помощь.

В Капитании Пернамбуку, помимо основного поселка, называемого Олинда, есть иной, называемый Игарусу (Igaruçu), отстоящий от него на пять легуа, где находится церковь Св. Космы и Дамиана, весьма почитаемая, и в ней совершаются многие чудеса вследствие заслуг сих Святых Мучеников. Оттуда в двух легуа находится остров Итамарака со своим поселком и церковью.

Item²⁷ в означенной Капитании Пернамбуку есть множество фазенд и около 60-ти или более сахарных энженью в трех, четырех, пяти и восьми легуа по суше, каждое из коих есть доброе поселение с множеством

белых людей, Негров из Гвинеи и Индейцев [сей] земли. Всем сим оказывают помощь [Отцы] из Общества проповедями, уроками катехизиса и исповедями, терпя великий зной той земли.

В Баие помимо города имеется девять фрегезий 76 и около 40 энженью в 4-х, 8-ми и 12-ти легуа по морю и по суше, полных Португальцев, Индейцев [сей] земли и Негров из Гвинеи, коим Отцы приходят на помощь своим служением, ибо, хотя и есть у них свои приходские священники, [они] не знают местного языка, не утруждают себя оказанием помощи тем, что из Гвинеи, и не в состоянии проповедовать Португальцам. И сие помимо алдей Индейцев, являющихся предметом особой заботы наших, что всегда там пребывают. В четырнадцати легуа к северу от города была построена часовня Зачатия Богородицы, на фазенде одного человека из старожилов и принципалов [сей] земли, весьма совершенная и чрезвычайно почитаемая. [Сия фазенда] находится на высоте над морем, откуда видны мореплаватели, и вдоль по сертану она имеет алдейю Индейцев, называемую Санту-Антониу.

В Капитании Ильеус есть несколько энженью и фазенд в двух и более легуа по морю и по суше, с Индейцами [сей] земли и Португальцами, коим постоянно приходят на помощь наши.

В [Капитании] Порту-Сегуру есть два поселка Португальцев в четырех легуа один от другого 81 и две алдейи новообращенных Индейцев в пяти легуа, являющихся предметом особой заботы наших, и иные семь или восемь деревушек в четырех, пяти и шести легуа по суше, и два или три сахарных энженью рядом с ними, коим [деревушкам] приходят на помощь время от времени, и от Порту-Сегуру до реки Каравелас имеется 20 легуа по морю, где находится иное поселение Португальцев, кое Отцы также посещают.

В капитании Эспириту-Санту есть два поселка Португальцев один рядом с другим, в половине легуа по морю. В одном из них, что находится при входе в гавань и называется Вила-Велья, ибо был первым из возведенных там²⁸, стоит на весьма высокой горе и на большом утесе сводчатая часовня, называемая Богоматерь Скорби, каковая видна издали с моря, и [она] есть великое утешение и [предмет] почитания мореплавателей, и почти все совершают к ней паломничество, во исполнение обетов, данных во время бурь, ощущая особую помощь нашей Богородицы Девы, и много раз произносится там месса. Сию часовню воздвиг один имевший священство Кастилец по имени брат Педру, монах из Капуцинов, явившийся сюда с дозволения своего Супериора, человек образцовой жизни, что прибыл в Бразилию, преисполненный рвения спасения душ, с коим и странствовал по алдейям Баии вместе с Отцами. Желая крестить некоторых беззащитных, и не зная ни письмен, ни языка, ибо сие его рвение не было *non sine scientia*²⁹, он крестил кое-кого из взрослых [Индейцев] без надлежащей подготовки, и, пожуренный Отцами, просил у них какое-либо письменное пособие (*aparelho*) по местному языку, дабы быть в состоянии крестить тех, что найдет неисцеленными, и Отцы не смогли помочь; и таким образом он исцелял многих невинных [детей] и некоторых взрослых. С тем же рвением он отправился в капитанию Эспириту-Санту, где некоторое время делал то же, исповедуясь у Отцов и часто причащаясь, до того, как начал и закончил [возводить] сию часовню Богоматери с помощью благочестивых жителей, и у подножья ее выстроил крохотный домик в честь Св. Франциска, в каковом и умер со свидетельствами большой святости.

Есть также в сей Капитании четыре или пять энженью, в четырех и пяти легуа по морю и по суше, с Индейцами. Есть вдоль побережья, в 8-ми легуа к Югу и еще в 8-ми к Северу, четыре или пять алдей Индейцев, кои наши посещают по морю и иногда – по суше, там есть обращение, и [Индейцы] обыкновенно крестятся и женятся. Помимо сих имеет [капитания] две весьма населенных Индейцами алдейи, примерно в 3-х легуа от поселка по воде, со своими церквями, кои поддерживают вот уже много лет и имеют в них местопребывание [Отцы], и было спасено и спасается там множество душ, и всегда из сертана приходят на славу их Индейцы, дабы жить со своими сородичами и делаться христианами.

В Рио-де-Жанейро находится город и множество фазенд по внутренней стороне залива, каковой, верно, имеет около 20-ти легуа в окружности. Помимо него [города] имеют Отцы две алдейи Индейцев, одну против города, в каковой имеют местопребывание с начала заселения Рио, а другую – в пяти легуа оттуда по суше и по морю, каковая часто посещается.

В Капитании Сан-Висенти в глубине острова, каковой был первым, что населился, есть два поселка Португальцев, в двух легуа один от другого по суше, и есть три или четыре сахарных энженью и множество фазенд в окрестностях того залива и в трех или четырех легуа по морю. Item, напротив имеет [капитания] остров Гуаибе, на оконечности коего, к северу, имеет гавань с крепостями Бертиоги в четырех и шести легуа от поселков, а со стороны Юга, каковая есть другая гавань, имеет форт с отрядом гарнизона, что ныне выстроил Диогу Флориш, генерал, и в глубине того же острова находятся жители с церковью Сан-Амару.

Вдоль берега, на материке, в девяти или десяти легуа от поселка Сан-Висенти к Югу, [капитания] имеет один поселок Португальцев, называемый Итанхаен, и рядом с ним, по другую сторону реки примерно в одной легуа, имеет две небольших алдейи Индейцев-христиан. В сем поселке [капитания] имеет церковь из камня и извести, в каковой, когда она была отстроена заново, Управляющий заложил первый камень со всею торжественностью; она [посвящена] Зачатию Богоматери, и со всей капитании прибывают туда с паломничеством и для чтения девятидневных молитв, и в ней совершаются чудеса.

В сторону сертана, по дороге на Северо-запад, за высочайшими горами, находящимися над морем, [капитания] имеет поселок Пиратининга или Сан-Паулу, в 14-ти или 15-ти легуа от поселка Сан-Висенти, три

по морю, прочие же – по суше, по одному из наиболее трудных путей, каковые, я полагаю, только есть в большей части света. Сия сельская местность весьма богата продовольствием, обилием коров, свиней, лошадей, птиц и пр. В ней бывает много вина, айвы и иных фруктов из Испании, и пшеницы, и ячменя, хотя люди и не заботятся о том, чтобы его сеять, вследствие доступности и доброкачественности местного продовольствия, кое они зовут мандиока.

Этот поселок в прежние времена был посвящен Св. Андрею и находился на три легуа ближе к морю, на краю и в начале сельской местности, и в год 60-й по приказу губернатора Мена ди Са переведен в Пиратинингу, ибо у них не было приходского священника, и только Отцы Общества посещали его и причащали, как Португальцев, так и Индейцев, их рабов, как даже и поныне не имеет он иного священника, кроме тех, что из Общества, отпускающих им все таинства из милосердия; где мы имеем дом и церковь обращения Святого Павла, ибо в сей день была произнесена первая месса в той земле, в одном бедном домике, и в Пиратининге, как выше сказано было, началось целенаправленное обращение Бразилии, и сия церковь была первою из возведенных среди язычников.

Рядом с сим поселком поначалу было 12 алдей Индейцев, не очень больших, в одной, двух и трех легуа по воде и по суше, кои постоянно посещались Отцами, и было спасено много душ через крещение и прочие таинства. Ныне они почти объединены все вместе в две [алдейи]: одна находится в одной легуа от поселка, другая в двух, из них каждая имеет церковь и посещается нашими, как выше сказано было. Фазенды Португальцев также рассеяны тем же образом на две и три легуа и [их хозяева] являются по воскресеньям и святым дням на мессу.

Во всех Капитаниях есть Дома Милосердия, кои служат госпиталями, возведенные и поддерживаемые жителями [сей] земли с великим благочестием, в каковых [Домах] совершается множество благодеяний, как в жизни, так и в смерти, и выдаются замуж многие сироты, излечиваются всевозможные больные и совершаются иные благочестивые деяния, согласно их укладу и возможностям каждого из них, и управление ими лежит на принципалах [сей] земли. Есть также множество братств, в коих весьма стараются отличиться и заботятся о том, чтобы и далее развивать их, с великим тщанием и благочестием.

Всем сим Капитаниям, таким образом разделенным, всегда приходят на помощь наши со своим служением, и в том, что касается Португальцев, они выносят *pondus diei et aestus*³⁰ за проповедями, исповедями, уроками катехизиса и пр., ибо, исключая Баию и Пернамбуку (хотя и в них основная часть проповедей и исповедей также от Отцов), во всех прочих [капитаниях] почти никогда нет проповеди иной, кроме как от Общества, и почти все люди исповедуются у него [Общества], и замечаются те, что у Общества не исповедуются; таким образом, приходским священникам более нечего делать, кроме как произносить свои мессы, крестить детей, отпускать таинства Евхаристии и Последнего Помазания и хоронить, и даже в сем зачастую замещаются нашими по причине того, что не могут прийти.

Что же касается рабов Португальцев, Индейцев [сей] земли, то, с тех пор как заселена Бразилия, никогда не произносится месса ни приходским священником, ни по какому-либо приказу Епископа относительно них, но, скорее, в краях, где нет домов Общества, [Индейцы] никогда ее не слышат, никогда не были исповеданы священником, ибо те не знают их языка, не считая лишь некоторых ныне, в сии времена, когда уже есть отдельные священники-метисы.

Так как в крещениях, что совершались, не содержалось никакой подготовки, ни знания о делах веры, ни покаяния в грехах, то [Индейцы] не усваивали не только благодати, но зачастую даже и сути вследствие великого невежества их, что не ведали о том, что получали, и тех, что отпускали, не дав того уразуметь; и таким образом жили и даже донныне живут в извечном сумраке [невежества], не имея ничего более, кроме лишь имени христиан, таким образом, что так вели себя с ними, и даже донныне ведут, как если бы те не являлись их овцами; даже Епископы не обращают на сие достаточно внимания, ибо [в случае] со свободными Индейцами очевидно, что не предпринимается никакого усердия в том, что касается их спасения, почти как относительно людей, не обладающих разумной душой и не созданных и спасенных для Славы.

Все это бремя взяло на свои плечи Общество, ибо, с тех пор, как оно пришло в Бразилию, то тотчас приказало, дабы каждое воскресенье произносилась отдельная месса для рабов, и сие продолжалось донныне на всем побережье, и им проповедовали каждый день, наставляя их для крещения, жена их и исповедуя, и во всей земле нельзя назвать иных, что приходили бы им на помощь, кроме лишь наших.

Об опасностях и тяготах, кои они при сем претерпевают вследствие разнообразия местностей, куда приходят, можно предполагать: опасности змей, коих имеется величайшее изобилие в сей земле, различных видов, обыкновенно убивающих своим ядом, от коего крайне часто чудом избавляются, иные же [из наших] бывают ужалены, не подвергаясь опасности; опасности ягуаров (*onças*) или тигров, коих также множество в пустынях и дебрях, чрез кои необходимо следовать; опасности врагов, от коих в некоторых случаях [лишь] божественным провидением спасались; морские бури и кораблекрушения, переправы через бурные реки, все сие обыкновенно; зной, зачастую чрезмерный, так что человек словно приходит на грань смерти, от чего происходят тяжелейшие болезни; холод, главным образом в Капитании Сан-Висенти, в сельской местности, где уже порою находили умерших от холода Индейцев, и так случалось много раз, по

крайней мере, вначале, [что] большую часть ночи невозможно [было] спать от холода в дебрях из-за отсутствия одежды и огня, ибо не было ни штанов, ни обуви, и так они шли, с ногами, сожженными заморозками и многочисленными дождями, к тому же весьма сильными и непрерывными, а вместе с сим [происходят] и большие разливы рек, и зачастую [наши] долгое время проходят вброд воды весьма холодные, по пояс, а иногда – по грудь; и весь день с дождем весьма сильным и холодным, и тратят затем немалую часть ночи на то, чтобы высушить одежду у огня, не имея иной, чтобы переменить. И со всем тем ничто из сего не ценится, и зачастую для того, чтобы прийти крестить или исповедовать раба Португальца, нужно преодолевать шесть и семь легуа пешком, и порою без еды; голод, жажда et alia hujusmodi³¹; и, в конце концов, ни от чего из сего не отказываются наши, но, невзирая на погодные различия, днем, ли, ночью ли приходят им [рабам] на помощь, и, зачастую не будучи призваны, сами идут разыскивать их на фазендах их господ, где они пребывают беззащитны. И когда бывают всеобщие заболевания, как случались здесь много раз заболевания оспой, плевритом, сыпным тифом, кровавым поносом и пр., то нет места отдыху, и на сие расходуется здесь жизнь наших, с чем было спасено по всей Бразилии много душ для Господа.

В некоторых случаях они [отцы] сопровождали в справедливых войнах губернаторов и капитанов, и там исцеляли души Португальцев и рабов Индейцев, крестя и исповедуя, и, помимо сего, чрез их посредство были достигнуты весьма выдающиеся победы, когда Португальцы пребывали в очевидной опасности быть уничтоженными, как видно по войне, что вел Антониу Салема с Кабу-Фриу, где в первой алдейе, что была во всей земле, каковая собралась там вся, [Португальцы] пребывали уже в большой беде, и главный ее [алдейи] Индеец, услышав и вняв словам одного нашего Отца, сдался сам и сдал всю алдейю, и оттуда был покорен весь Кабу-Фриу без труда.

То же было в капитании Эспириту-Санту: в то время как почти все жители отправились на сильную алдейю оттуда в тридцати легуа, уже разуверившись и [пребывая] в опасности погубить себя, вследствие слов другого нашего Отца была сдана та алдейя и иные. И так произошло в других [случаях] в Сан-Висенти, поскольку в Рио-де-Жанейро Португальцы, страшась, что поднялся сертан, прибегли к Отцам, и таким образом, ради общего блага, был туда послан один Отец-переводчик, весьма больной, уже много лет кашлявший кровью, и он проник на много легуа в сертан, перейдя те горы, кои есть величайшие из имеющихся в Бразилии, и пробыл там шесть месяцев и умиротворил сертан, и привел с собою около 600 душ Индейцев, пройдя через величайшие тяготы и опасности, из каковых Индейцев была образована одна из алдей в Рио, и они уже почти все христиане.

То, что наши делали и делают для обращения свободных Индейцев, будет видно по другому сообщению, что идет с настоящим, кое особо сие излагает; из каковых Индейцев многих сделали годными для Святейшего Таинства, кое они принимают с большим благочестием, – годными, говорю я, в том, что касается знания сего высочайшего таинства, в том же, что касается жизни, то у меня нет сомнения, что она превосходит [жизнь] большей части Португальцев в Бразилии, ибо намного меньше грехов совершают, нежели те, и худшими [из Индейцев] по сей части являются те, что с ними [Португальцами] имеют больше сношения, и сие пристает к ним от общения с ними и их примера. В том же самом сообщении будут рассмотрены препятствия, что были и есть для их обращения, и скудная помощь, и причины их сокращения: из него самого можно будет вывести число христиан, что были сделаны [такowymi] и умерли, хотя, помимо принадлежащих алдейям, было сделано [христианами] иное великое множество их в миссиях и в ходе постоянных посещений, о чем выше упомянуто было, и я вполне верю, что они приближаются к ста тысячам.

О КОЛЛЕГИЯХ ОБЩЕСТВА

Дом в Сан-Паулу-ди-Пиратининга, подобно тому, как был началом обращения, стал тем же и для Коллегии Бразилии. Была сия провинция, полагаю я, до года 1554-го или 1555-го подчинена Португалии, и в этом самом году был назначен Провинциалом³² Отец Мануэл да Нобрега, в каковое время, когда отправился в Сан-Висенти Отец Луиш да Гран, его коллатерал³³, в январе 1556 [года], согласно его мнению и совету, сделал Отец Нобрега из того дома коллегию, употребив для того все движимое и недвижимое имущество, что имелось в капитании Сан-Висенти и принадлежало Обществу.

Всегда были там занятия по латыни для братьев Общества и лекция по казусам, кою читал им Отец Луиш да Гран, вплоть до года 1561-го, в каковом занятии были перенесены в поселок Сан-Висенти, ибо там уже имелись отроки извне, кои могли учиться, из каковых собрались вместе немногие, кои учились; однако с войнами, кои начали язычники, продолжать [занятия] оказалось невозможным вплоть до года 62-го, и со всем тем остался дом в Сан-Висенти со званием коллегии, переведенной туда из Сан-Паулу, вплоть до поры 1566 [года], когда приехал туда отец Инасиу ди Азеведу, мученик, прибывший Визитадором, и приказал, дабы, если оставаться коллегии, с той поры и впредь, она переехала в Рио-де-Жанейро, каковая [капитания], как ожидалось, с каждым разом будет все более расти, ибо была капитанией Короля и самою богатой и плодородною землею, как впоследствии и свершилось.

В то время, когда Отец Луиш да Гран прибыл в Сан-Висенти в год 1556-й, Отец Мануэл да Нобрега принял решение отправиться на реку Прата вместе с некими кастильцами, кои проникали в сертан, ибо в той земле имелись величайшие надежды на большое обращение Индейцев Карижос, что принадлежат короне Кастилии. Однако, с помощью Отца Луиша да Грана, что был его коллатералом, он переменял мнение, ибо

было то чужеземное королевство, и, оставив оного Отца в Сан-Висенти вместо себя, отправился в Баию, взяв с собою некоторых Братьев, в год 56-й, и с той поры и впредь началось там более целенаправленное обучение грамматике Братьев Общества, и он приказал, дабы стал тот дом коллегией, в год 1556-й, с некоторыми землями и коровами, что у него были, каковая [коллегия] затем была передана в дар 60-ти братьям королем Д. Себастьяном в год 1565-й.

Эта коллегия была второю [из коллегий] Общества в Бразилии, и, так как в городе Баия был большой прирост сахарных энженью и фазенд и много торговали Португальцы, и поскольку он является местом пребывания Губернаторов и Епископов, то также и она [коллегия] весьма разрослась, ибо все Братья, что были посылаемы из Португалии, приходили в нее, и продолжалось их обучение весьма целенаправленно, притом открывались школы для всех извне. В ней обыкновенно есть школа чтения, письма, счета³⁴, два предмета гуманитарных наук, уже были прочитаны два курса искусств, на коих были подготовлены некоторые домашние и заграничные учителя, и ныне заканчивается третий. Есть ординарная лекция по казусам совести, и иногда – две [лекции] по теологии, и там уже выпущены некоторые юноши-проповедники, чем и пользуется Епископ для своей Епархии, и некоторые священники для фрегезий. Сей коллегии были подчинены все дома капитаний, до того как появились прочие коллегии, и нет у нее ныне в подчинении иных [домов], кроме как в Ильеусе и Порту-Сегуру.

Второю является коллегия Рио-де-Жанейро, коя была основана и передана в дар пятидесяти [братьям] Королем Д. Себастьяном в год 1567-й. В ней всегда была школа чтения, письма и счета, предмет латыни и лекция по казусам совести для всякого рода людей, и сюда, как сказано, переехала первая коллегия, что была в Сан-Паулу и в Сан-Висенти: сей коллегии подчинены дома в Сан-Висенти и Сан-Паулу-ди-Пиратининга, а также в Эспириту-Санту.

Последнею коллегией является та, что в Пернамбуку, и она была основана и передана в дар двадцати [братьям] королем Д. Себастьяном в год 1576-й. В ней всегда была школа чтения, письма и счета, предмет латыни и лекция по казусам, таким образом, ныне коллегий три: первая и главная та, что в Баие, вторая в Рио-де-Жанейро, третья в Пернамбуку, каковые имеют свои доходы.

Прочие дома живут милостынею, что подают им жители, скудно, в соответствии со своею возможностью, коя мала; и поскольку они [дома] не могут обеспечить [себя] всем по своей бедности, [то] коллегии снабжают дома, что им подчинены, платьем, вином, маслом, мукою для просфор и прочими вещами, коих нет в [сей] земле и кои по необходимости должны доставляться из Португалии. Во всех этих домах всегда есть школа чтения, письма и счета для отроков извне.

О ПРОВИНЦИАЛАХ БРАЗИЛИИ И РЕКТОРАХ КОЛЛЕГИЙ

Первым Провинциалом стал Отец Мануэл ди Нобрега³⁵ в год 1555-й, ибо до того была подчинена сия провинция Португалии; он прибыл на посту до года 1559-го.

В 1559 же [году] стал вторым Провинциалом Отец Луиш да Гран до года 1570-го, в коем прибыл Провинциалом Отец Инасиу ди Азеведу, мученик, каковой стоит на третьем месте.

На четвертое же место был вновь назначен отец Мануэл да Нобрега, однако он умер в тот же год, что и отец Инасиу, мученик, вследствие чего Вице-Провинциалом остался Отец Антониу Пириш, каковой был суперинтендантом Коллегии Баии, и сие [было сделано] по распоряжению, что оставил Отец Инасиу, мученик, в [ходе] своего посещения; он имел сей пост девять месяцев и умер в марте 1572 [года]. После его смерти, по тому же распоряжению Отца Инасиу, мученика, остался Вице-Провинциалом Отец Грегориу Серран, ректор Коллегии Баии: он имел сей пост один месяц.

Пятым Провинциалом стал Отец Инасиу Толоза, Испанец, в год 1572-й, до года 1577-го.

Шестым Провинциалом [стал] Отец Жозе ди Аншиета, Бискаец, [в] год 1577-й, и он донныне имеет пост в сем настоящем 1584 [году].

Ректоры Коллегий были следующие: [Коллегии] Баии были некоторое время Отцы Франсишку Пириш, Мануэл ди Пайва, Жуан ди Мелу, Португальцы, затем был Отец Грегориу Серран, Португалец, каковой имел должность 20 лет; и когда он был избран Прокуратором (Procurador), дабы ехать в Рим, имел пост короткое время Отец Луиш да Гран, Португалец, а затем Отец Кирисиу Кайша, Кастилец, два года, все время, что Отец Грегориу Серран потратил на путешествие, каковой [Отец Грегориу Серран] прибыл оттуда вновь в той же должности, и вплоть до настоящего года 1584-го пребывает в ней, и вследствие его старости и затяжной болезни избран был вице-ректором Отец Луиш да Фонсека, Португалец, и ныне уже, поскольку оный Отец Грегориу Серран не может исполнять свою должность, он является ректором.

Коллегии Рио-де-Жанейро первым [ректором] был Отец Мануэл ди Нобрега, положивший ему начало а fundamentis³⁶, и в нем закончил он жизнь, оставив всю ту землю покоренною и умиротворенною, с Индейцами Тамойос подчинившимися и побежденными, и всем [прочим] подчиненным Королю; притом он был тем, кто более всего содейал для заселения ее, ибо с его советом, усердием и помощью было начато, продолжено и завершено заселение Рио-де-Жанейро. Затем его сменил Отец Браш Лоренсу, Португалец, на несколько лет, а его – Отец Педру ди Толеду, Кастилец, каковой вначале был вице-ректором и затем ректором. Ныне имеет пост ректора Отец Инасиу ди Толоза.

Коллегии Пернамбуку был [ректором] Отец Агуштин дел Каштилью, Кастилец, каковой там же и умер, а затем Отец Луиш да Гран, каковой доныне имеет пост.

О РЕЛИКВИЯХ И ИНДУЛЬГЕНЦИЯХ

Милостью Божьею, Пап, Императрицы и иных Господ и Королей прибыли в Бразилию весьма выдающиеся реликвии, а именно: древо Креста, шесть голов из [принадлежавших] Одиннадцати Тысячам Дев и реликвии Св. Себастьяна, Св. Браша, Св. Христофора, Фиванских Мучеников и многих иных святых, Agnus Dei и Святые четки, кои [реликвии] распределены по Коллегиям и домам Общества и с каковыми немало воспламенилось благочестие жителей Бразилии и много содеяно было пользы для душ.

То же и со многими пленарными Индульгенциями и Юбилеями, кои заслуживаемы бывают весьма часто как Португальцами, так и Индейцами, и таково милосердие Бога в сем краю и щедрость Пап, его наместников, что каждый месяц бывает юбилей в наших Коллегиях, с большою частотою исповедей и причастий во славу самого Бога и к пользе для душ, и сами солдаты из армид и моряки уходят отсюда, обогатенные Agnus Dei, Святыми четками и пленарными Индульгенциями, что предоставляются им Отцами Общества.

ОБ ОБЫЧАЯХ БРАЗИЛОВ

От реки Мараньяна, что находится за Пернамбуку к Северу, до земли Карижос, что простирается к Югу от лагуны Патус до окрестностей реки, называемой [рекою] Мартина Афонсу, в каковом [пространстве] может содержаться 800 легуа побережья, во всем его сертане, каковой, верно, простирается на 200 или 300 легуа, [и] исключая [сертан] Карижос, каковой гораздо более велик и доходит до гор Перу, есть лишь один язык.

Все сии [Индейцы] обыкновенно ходят нагими, хотя Карижос и некоторые оттуда и далее, поскольку земля та весьма холодна, используют шкуры оленей и иных животных, что убивают и едят, и женщины делают некие [одеяния] наподобие накидок из хлопка, что закрывают половину тела.

Все те [Индейцы] побережья, имеющие один язык, едят человеческое мясо, хотя некоторые в частности никогда [его] не ели и питают к нему величайшее отвращение. Среди Тапуйяс встречается много народов, что не едят его и не убивают врагов иначе, как в военном столкновении.

Величайшею честью для них является захватить какого-нибудь противника на войне, и сему они уделяют больше внимания, нежели тому, чтобы убить, ибо многие из тех [Индейцев], что его берут, отдают их [противников] на убийство другим, дабы те остались с каким-нибудь именем, каковое берут снова, когда их убивают; и имеют столько имен, сколько врагов убили, поскольку самыми чтимыми и уважаемыми, и почитаемыми за наиболее храбрых являются те, кто их [имена] берет. От природы они склонны к тому, чтобы убивать, но не жестоки, ибо обыкновенно никакой пытки не применяют к врагам, ибо, если не убивают их в военном столкновении, то затем обращаются с ними очень хорошо и удовлетворяются тем, что разбивают им головы дубиной, что есть весьма легкая смерть, ибо порою их убивают одним ударом, или же, по крайней мере, с сим [ударом] они теряют затем чувства. Если же и применяют, хотя бы и изредка, какую-либо жестокость, сие [происходит] по примеру Португальцев и Французов.

Браков обыкновенно между собою не справляют, и, таким образом, один [мужчина] имеет трех и четырех жен, хотя многие имеют не более, нежели только одну, и если он [мужчина] есть великий принципал и храбрец, то имеет десять, двенадцать и двадцать [жен]. [Они] берут одних и оставляют других: правда то, что у многих есть настоящие браки *in lege naturae*³⁷, и таким образом многие юноши, до того как жениться, по приказу и по замыслу своих родителей служат будущему тестю или теще, прежде чем те отдадут ему дочь, и таким образом тот, кто имеет больше дочерей, более почитаем зятьями, что чрез тех [дочерей] приобретает, кои [зятья] всегда весьма покорны своим тестям и шуринам, каковые после родителей имеют величайшую власть над сестрами и весьма особую любовь [к ним], как и те полностью им подчиняются и питают любовь к братьям, со всею порядочностью. Всех сыновей и дочерей братьев держат за [своих] детей и так их и называют; и таким образом мужчина 50-ти лет иной раз зовет отцом ребенка, поскольку тот приходится братом его отцу, и по сему порядку они питают великое почтение ко всем женщинам, что происходят по мужской линии, не женясь на них никоим образом, хотя бы они и находились вне четвертой степени [родства]. Племянниц, дочерей сестер и *deinceps*³⁸, держат за настоящих жен и обыкновенно женятся на них, *sine discrimine*³⁹.

[Люди] одного народа весьма миролюбивы между собою, и лишь чудом [могут] схватиться, но только на словах и на кулаках, и если в какой-нибудь час вследствие чрезмерной разгоряченности вином дело заходит слишком далеко, женщины тотчас прячут их стрелы и прочее оружие, даже горящие головни, дабы те не убили друг друга и не ранили; ибо вследствие подобных смертей иной раз бывает, что разделяется единый народ гражданской войною, и убивают друг друга и поедают, и истребляют, как случилось в Рио-де-Жанейро.

Они питают большое пристрастие к вину, кое делают из корней мандиоки, что едят, и из кукурузы, а также иных плодов. Сие вино⁴⁰ готовят женщины, и, после того как отварены корни или кукуруза, они жуют их, ибо с тем, как [они] говорят, те становятся для них вкуснее, и кипятят их еще. Сим [вином] они наполняют много больших глиняных горшков, что служат лишь для сего, и после того как покипит два дня, они пьют его едва теплым, ибо так [оно] не причиняет им столько вреда и не хмелит чрезмерно, хотя многие из них, главным образом старики, сколь бы много ни пили, лишь чудом [могут] утратить рассудок, пребывают лишь разогревшимися и веселыми. Вином из фруктов, весьма крепким, они напиваются сильно и теряют рассудок, но сего пьют немного, и лишь то время, что они [фрукты] имеются; однако обычного вина из корней и кукурузы

пьют столько, что порою проводят в питии два дня с ночами, а подчас и более, главным образом, за убиением противников, все это время распевая и танцуя без усталости и сна. Сие вино обыкновенно делают густым и обильным, ибо вместе с тем оно служит им продовольствием, и когда они пьют [его], то ничего другого не едят. И, равным образом, когда едят, не утруждают себя тем, чтобы иметь под рукою вино или воду, и о том не заботятся, и в некоторых случаях, закончив есть, если нет у них воды в доме, идут пить к источнику, а порою и ночью, держа в руке горящую головню, в особенности те, у кого нет ни жены, ни матери, ни сестры, чтобы принести им воды. И в сем никакой заботы не проявляют, и едва различают, хороша ли вода или плоха, и любую довольны бывают. Малые дети не пьют тех вин, и когда какой-нибудь юноша должен начать пить, ему устраиваются большие празднества, и их [юношей] украшают перьями и раскрашивают, как если бы с того момента они становились мужчинами.

Никакого существа не почитают они как Бога, только про грома думают, что то есть Бог, однако даже и оттого не оказывают им никакой почести, и нет у них обыкновенно ни идолов, ни жребиев, ни сношения с демоном, хотя и испытывают перед ним страх, ибо случается, что он забивает их до смерти в дебрях, либо в реках, и, дабы он не содейал им зла, в некоторых страшных местах, пользующихся подобною дурною славой, они, проходя через них, оставляют ему какую-нибудь стрелу, или перья, или иную вещь, словно в приношение.

То, во что они более всего верят и отчего у них происходит много зла, это то, что в некие времена некоторые из их колдунов, коих они называют Пажес, придумали новые танцы и песнопения, коих сии Индейцы суть большие поклонники, и пошли с ними по всей земле; и заставляют Индейцев заниматься лишь песнями и плясками день и ночь напролет, оставляя заботы о производстве продовольствия, и с сим было истреблено множество этих людей. Каждый из сих колдунов (коих зовут также святейшество) изыскивает такой вымысел, с каковы, как ему думается, он выиграет больше всего, ибо все сие есть его замысел, и таким образом один говорит, что продовольствие вырастет само, не будучи посажено, и вместе с дичью из дебрей само придет и войдет к ним в дом. Иные говорят, что старухи превратятся в девушек и для того готовят умывания из трав, коими моют; иные говорят, что те, кто не примет их, превратятся в птиц, и прочие вымыслы в том же роде. Помимо сего они говорят, что имеют некий дух внутри себя, коим могут убивать, и тем внушают много страха и обеспечивают себе немало последователей, сообщая сей свой дух другим, окуривая их и обдувая, и порою это происходит таким образом, что кто принимает тот дух, необычайно много трепещет и потеет. Таким образом, вполне можно поверить, что там, в частности, действует демон, и среди них, хотя обыкновенно это [всего лишь] низость, и все для того, чтобы Индейцы отдали им, что у них есть, как они всегда и делают, хотя притом многие не верят ничему из того и ведают, что сие есть обман.

Сии [колдуны] имеют также обыкновение рисовать на тыквах глаза и рот и с большим почитанием держат их затем спрятанными в темном доме, дабы туда ходили Индейцы делать свои подношения.

Все сии измышления зовут [они] общим словом Караиба, что означает вещь священную или сверхъестественную; и по сей причине дали они сие имя Португальцам, тотчас по их прибытии, почитая их за нечто великое, словно из иного мира, ибо прибыли они из такой дали поверх вод. Те же самые колдуны и иные, что не достигают такого [звания], имеют обыкновение растирать, сосать и окуривать больных в тех местах, что у них поражены, и говорят, что тем их излечивают, и сие широко применяется, поскольку, желая выздоровления, многие дают себя сосать, хотя и не верят им. Для прочих предсказаний и суеверий служат им птицы и корни, и, в конечном счете, все, ибо им несть числа, однако все [сие] суть мимолетные вещи.

Имеется у них некое сообщение о потопе, однако весьма путаное, ибо передается из уст в уста старейшими, и они рассказывают [эту] историю по-разному. Также остался у них из древних сообщений [рассказ] о неких двух людях, что странствовали среди них, одним добром и другом злом, доброго называли Суме, каковой, должно быть, есть апостол Св. Фома, и сей, говорят, творил для них добрые дела, однако особо они ни о чем не помнят. В некоторых краях встречаются следы людей, отпечатавшиеся в камне, главным образом в Сан-Висенти, где в конце одного пляжа, в одной весьма твердой скале, о кою постоянно бьется море, имеется множество следов, будто бы двух различных людей, одни больше, другие меньше; кои кажутся свежими, словно оставлены ногами, прошедшими прямо по песку, однако, как будет [затем] видно, они отпечатаны в самом камне. Сии [следы], возможно, принадлежали сему Святому Апостолу и кому-нибудь из его учеников.

Другого человека называли Маира (Maíra), каковой, говорят, причинял им зло и был противником Суме; и по сей причине те, кто находится в войне с Португальцами, называют их Маира. Сии являются наиболее замечательными обычаями этих людей Бразилии, для каковых [обычаев], если приводить подробное описание всех, потребовалась бы весьма большая книга.

О ПРЕПЯТСТВИЯХ ДЛЯ ОБРАЩЕНИЯ БРАЗИЛОВ И ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИМИ ПОЛЬЗЫ ИЗ ХРИСТИАНСКИХ ОБЫЧАЕВ И ЖИЗНИ ПОСЛЕ ОБРАЩЕНИЯ

Препятствия, что существуют для обращения и утверждения в христианской жизни со стороны Индейцев, суть их укоренившиеся обычаи, подобно всем прочим народам, как [обычай] иметь много жен; их вина, в [питии] коих они весьма постоянны, и в том, чтобы искоренить их [употребление], обыкновенно больше трудностей, нежели во всем прочем, ибо они им как продовольствие, и, таким образом, Отцы не искореняют их

полностью, но лишь чрезмерность, что в их [употреблении] имеется, ибо так, с умеренностью, они [Индейцы] почти никогда не напиваются и не совершают иных безрассудств. Item войны, в коих они намереваются отомстить врагам и взять новые имена и почетные титулы; то, что они от природы являют малое постоянство в начатом⁴¹, происходит, прежде всего, из-за отсутствия страха и подчинения, ибо, как и во всех людях, в сих же гораздо более, *initium sapientiae timor Domini est*⁴², каковой должен войти в них через страх перед наказанием светским, поскольку при наличии сего они принимают ярмо закона Божьего и остаются тверды в нем, по крайней мере, с гораздо меньшим числом грехов, нежели Португальцы, ибо отмечено в них было чудесное возвращение назад к вере, так как, поскольку ничего не почитают, то легко верят в то, во что, как им говорят, им следует верить; однако с другой стороны, поскольку не обладают большим разумением, то им легко вбить в голову любую вещь, по крайней мере, что касается дурных обычаев. К сему прибавляется то, что их природа столь медлительна, что если бы они не были постоянно подгоняемы, немного хватило бы для того, чтобы они перестали посещать мессу и изыскивать иные средства для своего спасения.

Все сии препятствия и обычаи весьма легко искоренить при наличии страха и подчинения, что видно было по опыту со времен губернатора Мена ди Са доньне; ибо, когда принудили их соединиться и иметь церковь, сего оказалось достаточно, дабы приняли они обращение от Отцов и пребывали стойкими в нем доньне, и так будет всегда, пока длится сие подчинение и пребывают с ними учителя, не позволяющие им пасть вследствие их естественной холодности, и побуждают их каждый раз ко все большим свершениям, как видно ныне, когда большую охоту имеют к посещению мессы по всем праздникам, а некоторые еженедельно, много раз исповедовались и весьма годными являются для Святейшего Причастия, к каковому готовятся с великим благочестием, накануне постясь и бичуясь; те же, кто еще не причащался, много заботятся о том, чтобы к сему подготовиться, выполняя все, что им приказывается.

Здесь видно, что наибольшие препятствия происходят от Португальцев, и первое – это отсутствие в них рвения к спасению Индейцев, *etiam*⁴³ те, *quibus incumbit ex officio*⁴⁴, скорее, держат их за дикарей, и, по тому, что они выказывают, им скорбно слышать, что они знают что-нибудь о законе Божьем, и они заботятся о том, чтобы внушить, что сие так и есть; и с сим немного достается господам, что имеют рабов, кои не слушают мессу, не исповедуются и пребывают в сожительстве. Если же они сие совершают, это [происходит] вследствие постоянных призывов Общества, и затем ясно становится для богобоязненных [господ], что их рабы живут иначе вследствие особой заботы, что к ним проявляют [Отцы Общества].

Те, кто более всех в сем краю страдает, это бедные рабы и большинство свободных Индейцев, что находятся во власти Португальцев, кои не могут быть многократно наставляемы Отцами, и, таким образом, наибольшим злом, что причиняется новообращенным Индейцам, когда они идут помогать Португальцам на их фазендах, является то, что некоторые дают им рабынь, дабы тем привязать их на более длительное время. Прочие же [Португальцы] не воспевают сего, и таким образом, хуже всего живут те [Индейцы], что более всех общаются с Португальцами, наученные их дурным примером, и во многих случаях – худшим катехизисом, в коем их наставляют [те] кто не имеет обязательств перед катехизисом Отцов; хотя сих имеется не более, нежели несколько бездушных, тех же, кто подает дурной пример и выказывает мало рвения, множество.

Что более всего пугает Индейцев и заставляет их бежать от Португальцев и, соответственно, от церквей – это тирания, кою те применяют, вынуждая их служить всю жизнь рабами, разлучая жен и мужей, родителей и детей, заковывая их в цепи, продавая их и пр., и если кто-нибудь, пользуясь своею свободою, идет в церкви своих сородичей, кои суть христиане, [Португальцы] не позволяют ему там находиться, и во многих случаях Индейцы, дабы не вернуться под их власть, бегут оттуда сквозь дебри, и, когда уже более не могут, скорее отдадут себя на съедение своим противникам; таким образом, что сии несправедливости⁴⁵ стали причиною разрушения церквей, что были собраны в конгрегацию, и ныне являются [причиной] большой гибели тех, кто находится в их [Португальцев] власти.

¹ Porto Seguro – «Надежная Пристань».

² Капитания, капитанство (порт. *capitania*, от позднелат. *capitaneus* – военачальник), в период господства в Бразилии португальских колонизаторов (XVI – начало XIX вв.) сначала наследственное феодальное владение, затем административно-территориальная единица. В 1532-1536 гг. территория Бразилии была разделена на 13 донатарий или наследственных капитаний, земли которых в качестве бенефициев от короля получили донатарии или капитаны (капитан-моры) – выходцы из португальской феодальной знати. Однако не все из донатариев располагали достаточными ресурсами для создания колоний, так что на практике было создано только 7 наследственных капитаний. Капитаны не только получали доходы, но и располагали неограниченной военной и гражданской властью в пределах капитаний. Во второй половине XVI в. капитаны лишились административной власти в результате централизации колониального управления и образования Бразильского генерал-губернаторства. Сама система наследственной власти была ликвидирована в 1759 г. с реформами маркиза ди Помбала, упразднившего должности 9 существовавших к тому времени феодальных донатариев, капитании превратились в административно-территориальные единицы вице-королевства Бразилии. Окончательно система капитаний была упразднена 28 февраля 1821 г., незадолго до провозглашения независимости страны. Капитании стали провинциями, территории некоторых вошли в состав вновь образованных провинций.

³ Именно (лат.).

⁴ Легуа (лига) – старинная путевая мера длины, выражала расстояние, которое человек или лошадь могли преодолеть за час, реальное значение варьировалось в зависимости от эпохи, страны и региона (обычно составляло от 4 до 7 км). С XVI в. португальцы ввели в употребление т. н. надельную (шестерную) лигу, равную 3 000 брас (морских саженей) или 6 600 м. Надельная лига использовалась в Бразилии до 1968 г., когда страна официально перешла на международную десятичную метрическую систему.

⁵ Энженью – небольшой сахарный завод вместе с плантацией сахарного тростника. Энженью возникли с самого начала колониального периода в Бразилии и были ориентированы на удовлетворение сахарного спроса в Европе. Типичный энженью представлял собой производственный комплекс, в который входили: каза-ди-энженью или мойта (собственно завод, включавший помещение с жерновами для отжима сахарного тростника, помещение для котлов и помещение для очистки), каза-гранди (дом хозяина) и сензала (помещения для рабов). Весь комплекс вместе с плантациями со временем получил название энженью-банге. Вплоть до середины XX века энженью являлись преобладающим типом сахарных предприятий, одной из опор бразильской экономики, особенно в штатах Пернамбуку, Рио-де-Жанейро, Алагоас и Сан-Паулу. Как историческое явление они исчезли с развитием сельского хозяйства и появлением современных заводов по производству сахара и спирта.

⁶ Сертан – в Бразилии: дикая местность, удаленная от поселений и возделанных земель; лесные заросли в глубинных районах материка или вдали от побережья; внутренние засушливые районы.

⁷ Имеется в виду ныне исчезнувший язык тупи (старый тупи, классический тупи, прибрежный тупи, варварский тупи, тупинамба, тупиникин, бразильский язык, язык побережья, язык моря, язык тупи, абаньенга), берущий свое начало от индейцев тупинамбас. Принадлежал к языковой группе тупи-гуарани. Грамматика языка тупи была изучена иезуитами (в первую очередь Жозе ди Аншиетой). От этого языка произошли два диалекта, считающиеся сегодня самостоятельными языками: лингуа жерал паулиста (lingua geral paulista – паулистский общий язык) и ньенгату (nheengatu – общий амазонский язык).

⁸ Aldeia в переводе означает «деревня». Однако в данном контексте уместнее оставить это слово без перевода, поскольку в ходе завоевания и освоения Бразилии португальцами оно приобрело здесь совершенно определенный смысл: им стали обозначать исключительно селения индейских аборигенов.

⁹ Иначе, напротив (лат.).

¹⁰ Здесь и далее имеется в виду Общество Иисуса, к которому принадлежал Аншиета.

¹¹ Иезуитские коллегии – учебные заведения, учрежденные и содержащиеся иезуитами и дающие, главным образом, среднее и высшее образование. Первоначальный замысел иезуитских коллегий состоял в том, чтобы дать особое образование лишь тем молодым людям, которые готовились вступить в Общество Иисуса, но очень скоро они были открыты для всех желающих. Иезуитские школы были разделены на низшие – коллегии (с 7-летним сроком обучения) и высшие – семинарии (с 6-летним сроком обучения). Преподаватели-иезуиты пользовались высокой репутацией, а иезуитские коллегии считались образцовыми учебными заведениями в Европе на протяжении нескольких столетий (XVII – XVIII вв.). Первая коллегия открылась в 1548 г., к концу жизни Игнатия де Лойолы (основателя Общества Иисуса) этих учебных заведений было уже несколько десятков, а в 1773 г., когда орден иезуитов был временно запрещен, их насчитывалось уже более 900. В настоящее время иезуитские школы и университеты существуют в большинстве стран мира, общее их число, по некоторым оценкам, составляет примерно 4 тысячи.

¹² На протяжении всего текста автор дважды ссылается на этот документ, который так и не был однозначно идентифицирован. Капистрану ди Абреу высказывал предположение, что речь идет о документе «Краткое историческое сообщение о миссиях Иезуитов в Бразилии», название которого он изменил на «Сообщение о первых алдейментус в Баие» как лучше всего отвечающее содержанию. Автором этого «Сообщения» предположительно также является Аншиета, и оно действительно является как бы дополнением к «Сообщению о Бразилии и ее Капитаниях» 1584 г. Впоследствии Капистрану ди Абреу отказался от своего мнения, заключив по некоторым косвенным данным, что «Сообщение о первых поселениях в Баие» относится к 1587-му, а не 1584 г. Тем не менее, А. ди Алкантара Машаду высказывается в пользу первоначального предположения Капистрану ди Абреу, защищая датировку документа 1584 годом и его непосредственную связь с «Сообщением о Бразилии и ее Капитаниях».

¹³ Традиционное португальское сокращение (на письме) титула «дон».

¹⁴ Мамелуки или мамалуки (mamelucos, mamalucos – от араб. мамелуки (мамлюки), названия белых рабов, специально воспитанных для несения военной службы в странах мусульманского Востока в средние века и новое время), название, которым первые португальские колонисты в Бразилии обозначали лиц смешанного происхождения — метисов от потомков европейцев и индианок, говоривших на местных языках и впоследствии сыгравших историческую роль в расширении португальской Бразилии за пределы, установленные Тордесильяским договором 1494 г. В XVII-XVIII вв. мамелуками, затем – малуками называли участников организованных групп охотников за рабами (как метисов, так и европейцев) – бандейрантов, исследовавших огромные внутренние районы Бразилии, а также вооруженные отряды индейцев (преимущественно тупис), входившие в состав таких групп. Возможно, свою роль в последующем переосмыслении термина сыграла этимология арабского слова mamlik («одержимый») и его фонетическое сходство с индейским maloka («деревня»; набеги охотников за рабами на индейские алдеи назывались malocas) и португальским maluco («сумасшедший, безумец», а также усеченная форма слова mameluco). В результате возникающего таким образом омонимического ряда легендарная жестокость мусульманских мамелуков переносилась на южноамериканских мамелуков-бандейрантов.

¹⁵ Пан-ди-Асукар (Pão de Açúcar, буквально – голова сахара), гора в Бразилии, у входа в залив Гуанабара, на территории г. Рио-де-Жанейро. Высота 395 м. Коническая форма напоминает сахарную голову. Формы тропического выветривания, подобные Пан-ди-Асукар, получили название «сахарные головы».

¹⁶ Капитан-мор или капитан-майор – старший капитан, военно-административное звание в средневековой Португалии. В городах и поселках капитан-моры являлись командующими отрядами Орденансы – вспомогательных внутренних сил (милицейского ополчения). Звание капитан-мора существовало также в морском флоте (где его носил помощник адмирала) и в заморских владениях Португалии. В Бразилии титул капитан-моров носили донатарины – владельцы первоначальных капитаний, затем – помощники губернаторов капитаний, являвшиеся наиболее могущественными фигурами в системе местного колониального управления.

¹⁷ Генерал-викарий, генеральный викарий или провизор – представитель епархиального епископа в области общего управления, в этом качестве выполняет ту же функцию, что и ординарий.

¹⁸ Должность королевского казначея в системе колониального управления Бразилией.

¹⁹ Очевидно, описка, т.к. речь идет о синоде.

²⁰ Имеется в виду приобретение товаров за «выкуп» – золото, ценности.

²¹ То же, что настоятель.

²² Т.е. в Европе.

²³ Т.е. ирландцы – от латинского названия Ирландии Hibernia.

²⁴ Нечто (лат.).

²⁵ Поочередно (лат.).

²⁶ Эверард Меркуриан (Эверард де Маркур) (1514-1580 гг.) – 4-й генерал Общества Иисуса с 1573 г.

²⁸ Vila Velha – «Старый Поселок».

²⁹ Не без знания (лат.).

³⁰ Тягость дня и зной (лат.) (Мф. 20:12).

³¹ И прочее в том же роде (лат.).

³² Глава провинции – единицы территориального деления религиозного ордена.

³³ Коллатерал – звание в Обществе Иисуса, введенное Игнатием де Лойолой и не имевшее прецедентов в законодательстве религиозных орденов. С одной стороны коллатерал – товарищ, друг и доверенное лицо, предоставляемое местному провинциалу или суперииору, его постоянный советник, информатор и даже надзиратель. В то же время он – исполнительный секретарь и (принципиальное новшество) посредник между суперииором и подданными, а также между самими подданными, «как ангел мира, ходящий среди них» (Конституции Общества Иисуса, 661). При этом он не подлежал юрисдикции суперииора и сам не имел власти ни над ним, ни над подданными. Пост был введен (очевидно, в 1551 г.) с целью снять часть функций с одних суперииоров, перегруженных обязанностями, и ограничить деятельность других, а также усилить узы между членами Общества. Однако уже в период генералата Диего Лаинеса (1558-1565 гг.) пост коллатерала, хотя и не был отменен юридически, фактически прекратил свое существование. В 1553 г. Игнатий де Лойола направил в Бразилию в качестве первого провинциала Мануэла да Нобрегу, предоставив ему в качестве коллатерала Луиша да Грана; назначение коллатералов для ректоров коллегий он оставил при этом на усмотрение провинциала.

³⁴ Algarismo (вариант слова «алгоритм», «алгоризм», восходящего к имени арабского математика аль-Хорезми) – графический символ, используемый для письменного обозначения арабских цифр. Здесь имеется в виду обучение, наряду с чтением и письмом, основам счета, т.е. числовому ряду и четырем арифметическим действиям.

³⁵ Здесь и в предпоследнем абзаце главы в написании этого имени содержится ошибка (Manuel de Nobrega вместо Manuel da Nobrega).

³⁶ От основания (лат.).

³⁷ По закону природы (лат.). Речь идет о разновидности закона как фундаментального понятия христианского богословия. Строго говоря, данный термин обозначает физический порядок вселенной; «закон природы» не тождественен естественному моральному закону, хотя на протяжении различных исторических периодов этот термин использовался именно для обозначения естественного морального закона, в том смысле, что все встречающееся в природе служило наглядным проявлением того, что считалось моральным; и напротив, все, что внешне не встречалось в природе, считалось идущим «против природы» и, таким образом, аморальным. Тенденция к трактовке естественного морального закона на основе того, что встречается и не встречается в природе, получила название «физикализм»; ценность этой теории в плане правильного понимания этики считалась крайне спорной.

³⁸ И так далее (лат.).

³⁹ Без различия (лат.).

⁴⁰ Имеется в виду кауим – ферментированный алкогольный напиток, похожий на пиво. Готовится на основе кукурузы или маниоки, которые обрабатываются ферментом из человеческой слюны. По обычаю его приготовление является прерогативой исключительно женщины. Кауим распространен среди индейцев отдаленных районов Южной Америки, а также Панамы. В Бразилии традиционно употребляется индейцами тупинамбас и некоторыми другими коренными народами.

⁴¹ Т.е. в христианской вере.

⁴² Начало мудрости есть страх Божий (лат.).

⁴³ Даже (лат.).

⁴⁴ На ком лежит по долгу службы (лат.).

⁴⁵ В оригинале употреблено два синонима слова «несправедливости»: injustiças e sem[-]razões.

4.9. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НИДЕРЛАНДОВ

Превращение Голландии в колониальную державу

(Донесение фирме Фуггер от 24 июля 1599 г. из Амстердама)

Из восьми голландских кораблей, которые четырнадцать месяцев назад отплыли отсюда в Индию за пряностями, на этой неделе возвратились четыре корабля. Они вернулись с богатым грузом. Их главный груз – перец в 300 тюках, что составляет свыше 4 тыс. пачек. Остальное падает на другие пряности: мускат, корицу и т. п. Корабли обладают вместимостью в 225, 215, 70 и 40 тюков.

Остальные 4 корабля с вооруженными людьми остались в Банка. Они отправляются на Молуккские острова и через нес-колько месяцев должны прибыть.

Здесь это считают важным известием и удивляются, что корабли совершили столь быстрое путешествие. Они плыли семь месяцев по направлению к Индии и спокойно стояли на якоре в Банка в течение двух месяцев. Там они получили весь свой груз и прошли обратный путь в пять с половиной месяцев.

Подобное путешествие никогда не предпринималось португальцами.

Индейцы в Банка обошлись с ними с полным дружелюбием, и голландцы оплатили весь ущерб, который был ими нанесен 3 года назад жителям Банка.

Тем временем португальцы на трех галерах совершили нападение на город Банеам, но индейцы благодаря помощи голландцев перебили 800 португальцев, а остальных вместе с их кораблями захватили в плен.

Так как этому народу [голландцам] так посчастливилось в этой морской экспедиции, они будут, несомненно, предпринимать дальнейшие экспедиции, и если король Испании не позаботится им воспрепятствовать, то со временем королевство Португалия и венецианцы потерпят большой ущерб. Эти корабли оцениваются трижды по сто тысяч фламандских фунтов. Они будут ежегодно наводить порядок в деле [торговле] с пряностями и и кое-кому «собьют компас»... Голландские штаты снова собираются направить корабли в Индию и отрядить королю Банка посла. Испанский король должен этому помешать силой, иначе они никогда не оставят начатого.

Донесение фирме Фуггер от 22 октября 1599 г. из Антверпена

Письма из Амстердама сообщают, что один голландский корабль, который отплыл от Канарских островов вместе с 36 другими кораблями по направлению к Индии, отделился от прочих и присоединился к двум английским пиратам, которые ограбили несколько кораблей в Испанском заливе. Этот корабль вошел в Тексель неподалеку от Амстердама. Достоверно неизвестно, что он доставил. Почти одновременно в Эмден прибыло из Бразилии два голландских корабля с 1500 ящиков сахара. Ожидают еще 3 корабля из Бразилии.

Морские сношения голландцев с Индией все усиливаются, что чревато для португальцев большим ущербом для всей их торговли.

Донесение фирме Фуггер от 3 июля 1600 г. из Антверпена

Из Голландии и Зеландии пишут, что снова 4 корабля из ост-Индии и другие корабли из Вест-Индии пришли в Плимут (Англия), богато груженые пряностями.

Они везут в общей сложности 90 тьюков перца, который оценивается в 324 тыс. фунтов, кроме того...

Помимо этого, в Зеландии, Амстердаме и Роттердаме ожидается прибытие таких же судов. Груз недавно прибывших с Молуккских островов двух кораблей с пряностями состоит из 620 тыс. фунтов мускатного ореха, 65 тыс. фунтов мускатного цвета, 6 тыс. фунтов гвоздичного масла, 700 фунтов перца, так что весь этот груз оценивается в 230 тыс. фламандских фунтов. Эти два корабля увезли с собой, однако, 300 тыс. фунтов наличными.

В Индию снова отправляются 6 кораблей, из них 4, принадлежащих старым компаниям, и 2 корабля, принадлежащих новым компаниям. Эта поездка очень вредна испанцам. Это происходит вследствие того, что голландцы и зеландцы захватывают теперь области португальской и испанской торговли. Из Эмдена сообщают, что туда пришел корабль из Пернамбукко (Бразилия) и приехавшие на нем люди рассказывают, что армада из 7 кораблей, принадлежащих Генеральным штатам, заняла в Бразилии 2 укрепленных замка, а по возвращении своем назад привезла от семи до восьми тысяч ящиков сахара.

Донесение фирме Фуггер от 12 ноября 1604 г. из Антверпена

Нам сообщают из Амстердама, что туда прибыли 2 торговых судна с сахаром из Бразилии. Они привезли весть, что в Бразилии остались 5 военных кораблей вместе с двумя, везущими провиант и снаряжение, которые отплыли в марте. Там эти корабли ограбили суда с сахаром, захватили на них 4 тыс. ящиков сахара, и, кроме того, команда ограбила население.

Они оставались 6 недель на суше в Бразилии и приняли решение соорудить укрепленный замок в местности, именуемой Байа, и удерживать за собой впредь эту территорию.

Договор Ост-Индской компании с султаном Тернате (26 мая 1607 г.)

Договор заключен между адмиралом Корнелисом Мателифом Младшим, действующим от имени и по поручению Генеральных штатов Соединенных провинций Нидерландов, с одной стороны, и султаном Тернате и его Советом, с другой стороны.

Он отражает острую конкурентную борьбу между Ост-Индской компанией Голландии и Испании за безраздельное право приобретать пряности Молуккских островов, которая ложилась тяжелым бременем на местное население. Договор послужил образцом подобных «субсидиарных договоров» на последующие времена.

1. Во-первых, адмирал, прибывший сюда снова на Тернате, будет оставаться здесь до тех пор, пока не будет полностью готов к обороне крепостной вал от Малейо до побережья, который он начал укреплять.

2. После его отъезда здесь останутся четыре корабля «Энкхойзен», «де Зоя», «Делфт» и одна яхта; и с указанных кораблей всегда должны будут высаживаться на берег от 30 до 40 вооруженных матросов для охраны крепостного вала.

1200 РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

3. Указанный крепостной вал будет снабжен соответственно пушками; кроме того, здесь будет оставлено некоторое количество пушек для снабжения ими других укреплений, которые еще будут построены в месте Малейо.

4. При первой оказии в Амбон и Бантам туда будет послано уведомление, чтобы в феврале будущего года сюда могли прийти еще 2 корабля, чтобы иметь, таким образом, в готовности соответствующие силы против войска, могущего прийти из Манилы, для чего тернатцы обязаны обеспечить лодки.

5. Адмирал обязуется по прибытии в Голландию доложить Генеральным штатам о делах на Тернате и усиленно ходатайствовать о посылке людей для изгнания кастильцев с Тернате, для чего тернатцы наряду с этим дают полную власть действовать от их имени для разрешения их дел.

6. За это тернатцы принимают и признают Генеральные штаты своим покровителем, о чем они согласны дать такую клятву, какая будет угодна Генеральным штатам.

7. Расходы, которые уже сделаны или будут еще сделаны в войнах, будут оплачиваться тернатцами по мере их возможностей; о сроках и суммах будут решать Генеральные штаты.

8. Гарнизоны, оставляемые здесь, будут оплачиваться за счет сборов с тернатцев и с подданных земель короны Тернате.

9. Также обязаны все тернатцы, проживающие в окрестных странах, прибыть сразу в Тернате, а все подданные короны Тернате, как Ксула, Боура, Комбелло, Луху, Майу и Монадо, проживающие на острове Целебес, а также на Гилоло, Море, Серангани и Минданау при первой возможности, чтобы большим количеством тернатцев облегчить изгнание кастильцев и спасти народ, пока подойдет подкрепление голландцев.

10. Гвоздика не должна продаваться ни пришлым нациям, ни местным жителям, а только в расположенную на Тернате факторию, учрежденную Генеральными штатами, и по ценам, устанавливаемым Генеральными штатами и согласованным с султаном.

11. Никто из обеих партий не может причинить вред другому, но если кто-либо из голландцев нанесет вред жителю Тернате, то он должен привлекаться к ответственности и наказываться своим начальством; равным образом это относится и к тернатцам.

12. В делах религии никто не должен высмеивать другого или чинить ему препятствия, а каждый должен жить как он хочет, и нести ответственность перед богом.

13. Если кто-либо из голландцев перебежал к тернатцам, то он должен быть возвращен тернатцами; и равным образом, если кто-либо из тернатцев перейдет к голландцам, то он ими должен быть возвращен.

14. Без согласия обеих сторон никто из них не может заключать мир с испанцами, а также с тидорцами.
Подписал К. Мателиф Младший.

4.10. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ

Морской разбой англичан (Сообщение из Севильи от 21 января 1569 г.)

Документ повествует о контрабандной торговле англичан с колониями Испании и пиратских нападениях английских моряков на испанские суда и морские порты.

Из Виго в Галисию прибыло несколько писем, в которых содержится следующее. В минувшем году один англичанин отправился с восемью хорошо оснащенными кораблями из Англии в Гвинею, в морскую сферу короля Португалии. Променяв свои товары на 15 сотен чернокожих, он с этими [невольниками] на борту взял курс к берегам Новой Испании. Чтобы проделать все без противодействия и по своему усмотрению, невдалеке от Веракруса, в котором испанский флот всегда разгружается и производит погрузку, он занял небольшой островок Сан Хуан де Луа, мимо которого постоянно вынужден проходить испанский флот. Там он преградил воды кораблями и орудиями с таким расчетом, чтобы испанский флот, состоявший из 30 кораблей, вскоре затем прибывший, не мог без его согласия войти в гавань Веракрус. Испанский генерал был вынужден заключить упомянутым англичанином договор, по которому этот последний получал воз-можность свободно распродать своих чернокожих и увезти с собой вырученные деньги. Все это было указано в договорной грамоте, и каждый дал другому по 12 заложников. По истечении немногих дней испанский генерал, вошедший в гавань Веракрус,

сочтя договор несправедливым или гневаясь на насильственные действия англичанина, нарушил этот договор, но не открыто и гласно, а тайно, на деле. По его указанию и скрытно семь старых кораблей были зажжены, выпущены из гавани и направлены в сторону английских судов. Подобным образом намеревались сжечь все английские корабли с их капитанами. Однако, когда англичанин заметил это и понял обман, он рассердился и поступил с прочими испанскими кораблями так, что четыре из них он отправил ко дну. При этом его собственные корабли не потерпели ни малейшего ущерба. С 12 испанскими заложниками на борту он взял курс к берегам родины. На обратном пути буря рассеяла его корабли, и он на единственном корабле, терпя бедствия и недостаток в пище, добрался до Виго. Он не смог бы далее продержаться на море и трех дней! Там [в Виго] он обеспечил себя всем необходимым и направился в Англию. Неизвестно, где остальные его корабли и какова их участь.

Основание Английской Ост-Индской компании (1599-1601 гг.)

Ост-Индская компания получила от Елизаветы I монопольное право торговли «во всех землях к востоку от мыса Доброй Надежды и Магелланова пролива» и добилась для себя исключительных льгот. Нельзя забывать, что Ост-Индская компания первой из европейских купеческих компаний проникла в Индию и способствовала превращению ее в английскую колонию.

Из протокола собрания нижеупомянутых лиц, состоявшегося 24 сентября 1599 г.

Присутствовало 57 человек.

Ввиду того что различные вышеупомянутые лица вместе с другими разными лицами, имена которых перечислены в начале этой книги, поупущением всемогущего бога и с предварительно испрошенного королевского согласия нашей государыни, ее величества королевы, изъявили намерение во имя славы нашей родины и для развития торговых сношений королевской Англии, сообразно с размерами своего участия в предприятии и в соответствии с денежными суммами, назначенными ими и собственно-ручно подписанными, – предпринять в настоящем году путешествие в Ост-Индию и другие острова и страны, близ нее лежащие, и торговать там такими товарами, какие, как это будет установлено по дальнейшему обсуждению, требуются в этих странах, или покупать и выменивать там те товары, драгоценности и т. п., которыми те страны могут снабжать; а для лучшего распорядка и организации предполагаемого путешествия и для поощрения всех тех, кто уже решил принять участие в данном предприятии, а также и тех, кто до момента отправления решит присоединиться к нему, упомянутые лица находят целесообразным выработать для себя известные постановления и правила, которых надлежит придерживаться как в отношении снаряжения подходящих для такого предприятия судов, так и в смысле приготовления всяких товаров, слитков и т. п. – всего того, что требуется и должно быть внесено для осуществления предприятия. Посему настоящее собрание выработало и приняло следующие постановления.

Во-первых, ни одно судно не должно быть принято для участия в предполагаемом путешествии от кого-либо из участников предприятия в качестве его капитала или его доли в предприятии, за какую бы то ни было установленную плату.

Во-вторых, все суда, которые примут участие в путешествии, должны быть куплены за наличные деньги и подысканы теми лицами, которые будут назначены для этой цели.

Что касается, наконец, товаров, то никакой товар не может быть принят для отправки в качестве чьей-либо доли в предприятии, но все товары и все потребное для путешествия должны быть куплены и приготовлены для отправки теми лицами, которые будут назначены ответственными особами и директорами для данного путешествия, для того, чтобы купить и снарядить соответствующие суда с товарами.

Настоящее собрание избирает и назначает следующих 15 лиц, имена коих ниже названы, ответственными руководителями и директорами путешествия для того, чтобы вести хозяйство, распоряжаться и управлять делами, относящимися к путешествию, а также для того, чтобы обратиться к ее величеству с прошением о даровании купцам, принимающим участие в упомянутом предприятии, исключительной привилегии на возможно больший срок и таких прав и льгот, таможенных и других изъятий и разрешений, какие только могут быть получены, а также для того, чтобы снарядить соответствующие суда, нагрузив их различными товарами, предназначенными для отправки в данное путешествие. Настоящее собрание утверждает и санкционирует все те меры, которые упомянутые ответственные лица и директора, назначенные для данного путешествия, примут единодушно или большинством голосов в отношении распоряжения имуществом, с тем, однако, условием, чтобы ни один фактор или другой служащий не был нанят для данного путешествия без согласия и утверждения его общим собранием всех участников...

Было принято на данном собрании, чтобы впредь не принимался ни один участник в предполагаемое путешествие и предприятие с меньшей суммой, чем 200 фунтов стерлингов¹.

¹ Первое торговое путешествие в Индию было предпринято в 1601 г. на 4 еораблях. Количество пайщиков – 198 человек.

Из трактата анонимного автора «Новая Британия – получение исключительно прекрасных плодов путем освоения Виргинии» (около 1609 г.)

Виргиния стала первой английской колонией в Северной Америке. В 1584 г. Уолтер Рэли получил от королевы Елизаветы I патент на заселение земель в Новом Свете. Благодаря его активным действиям, спустя год, была основана колония Виргиния. Колонизация земель началась только в 1697 г., когда в Виргинию прибыла группа англичан.

А теперь посмотрим, какую пользу можно извлечь отсюда... Во-первых, если мы подсчитаем, то увидим, какой прогресс корабельного дела может быть достигнут там. Мы можем удовлетворить свои потребности... а также и потребности других наций в таких необходимых вещах, имеющихся там, которые сейчас трудно получить из какой-либо другой части света, как корабельный лес... Он хоть и не является изящным товаром, но зато пользуется исключительным спросом и обеспечит нам золото и серебро других стран. Только Англия и Голландия тратят на это ежегодно около 300 тыс. фунтов стерлингов. Мы можем отправлять корабельный лес в Гамбург, Голландию или в другие места на 50% дешевле, чем из Пруссии или Польши, откуда его сейчас только и можно получить...

Отсюда мы также можем получать в больших количествах железо и медь... Здесь есть шелковичные черви и много шелковиц. Благодаря этому женщины и дети, обученные ремеслу, могут заняться с удовольствием изготовлением шелковых тканей, которые можно сравнить с тканями Персии, Турции или любыми другими. Мы можем получать отсюда осетрину, икру и лучшую речную рыбу. Здесь есть конопля для канатов, прекрасный товар, лен для изготовления тканей...

Здесь особенно необходимы две вещи: люди для создания плантаций и деньги, чтобы оплатить производимые в настоящее время приготовления и корабли. Первую вещь мы имеем вне всякого сомнения. Наша страна изобилует праздными людьми, которые, не имея возможности в труде преодолеть свою нищету, пускаются в порочные и греховные предприятия... Это... крайне выгодная для нашего государства вещь – избавиться от обилия таких людей... Впрочем, я не имею в виду, что только нездоровые члены общества и такие бедняки, нуждающиеся в хлебе, являются наиболее пригодными для использования здесь. Мы намереемся привлечь людей любого занятия и ремесла, людей честных, мудрых и терпеливых, которые будут рады приехать...

Что же касается основной массы людей, которые могут поехать на плантации, то здесь их ждет богатство. Из представителей всех видов ремесел мы прежде всего готовы принять плотников, корабельщиков, каменщиков, лесорубов, сеятелей, пахарей, рыбаков, бондарей, кузнецов, портных, гончаров и тому подобных, чтобы покрыть все нужды колонии... Здесь есть возможность посадить за работу много тысяч людей... Здесь ни один человек не останется без дела. Таким образом, наши моряки не будут бездельничать, а нашим судовладельцам не придется продавать свои корабли...

Мы намереемся получать здесь, Бог даст, огромное количество сахарного тростника, для которого почва и климат чрезвычайно подходящи, лен, рапсовое семя, чтобы делать масло. Мы также должны посадить апельсины, лимоны, миндаль, рис, хлопок, имбирь, мярену, оливы, сумах и многое другое, что я даже затрудняюсь сейчас назвать. Все они очень хорошие предметы торговли и будут расти, как в Италии или в любой другой стране, откуда мы их сейчас получаем. И в дальнейшем исследовании этой земли нам сопутствует несомненная надежда найти кошениль, индиго, жемчуг, а также Южное Море, ведущее в Китай, и многие другие блага, которые мы еще обнаружим.

Но из всех тех вещей, которыми Бог обделил эту землю, следует особо отметить овец, которые необходимы для изготовления шерстяных тканей. Эти ткани, в которых мы нуждаемся, всегда могут быть поставлены из Англии. По мере того как колония будет увеличиваться, а индейцы будут приобщены к цивилизации (что произойдет в ближайшее время), все это обусловит широкий сбыт английских тканей к огромной выгоде для нашей нации...

5

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1618-1648 ГГ.

5.1. ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ

Аугсбургский религиозный мир (25 сентября 1555 г.)

Аугсбургский религиозный мир – соглашение, заключенное 25 сентября 1555 г. на рейхстаге в Аугсбурге между лютеранскими и католическими субъектами Священной Римской империи и римским королем Фердинандом I, действовавшим от имени императора Священной Римской империи Карла V. Аугсбургский религиозный мир признал лютеранство официальной религией и установил право имперских сословий на выбор вероисповедания. Условия договора имели статус имперского закона, легли в основу государственного устройства Священной Римской империи Раннего Нового времени и обеспечили восстановление политического единства и стабильности в Германии на протяжении второй половины XVI в. В то же время Аугсбургский религиозный мир не признал свободы вероисповедания подданных империи, что привело к возникновению принципа *cuius regio, ejus religio* и создало почву для возобновления конфессионального противостояния. Система, созданная на основе Аугсбургского религиозного мира, распалась в начале XVII в., что стало одной из причин Тридцатилетней войны 1618-1648 гг.

...Чтобы установить мир в Священной империи германской нации между римским императорским величеством и курфюрстами, князьями и чинами, – пусть ни его императорское величество, ни курфюрсты, князья и т.д. не чинят никакому чину империи никакого насилия или зла по поводу аугсбургского исповедания, но предоставят им в мире придерживаться своих религиозных убеждений, литургии и обрядов, равно как пользоваться и своим состоянием и другими правами и привилегиями...

Равным образом имперские чины, придерживающиеся аугсбургского вероисповедания, не будут мешать всем чинам и князьям, придерживающимся старой религии жить в полном мире и пользоваться всеми их состояниями, правами и привилегиями...

Применявшаяся до сих пор церковная юрисдикция относительно аугсбургского исповедания, догмы, назначения духовных лиц, церковных распоряжений и службы (исключая прав курфюрстов, князей, коллегий и монастырей на денежные подати и десятины) отныне прекратится, и последователям аугсбургского исповедания будет предоставлено свободно и беспрепятственно отправлять богослужение и обряды и назначать духовных лиц, как то установлено в нижеследующей отдельной статье, впредь до окончательного религиозного соглашения.

Никакой имперский чин не должен пытаться убедать подданных других чинов оставить свою религию или защищать их против их собственных властей...

Причины Тридцатилетней войны и события, предшествующие ее началу в освещении Ф. Шиллера (Ф. Шиллер, «История Тридцатилетней войны»)

Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер (1759-1805 гг.) – немецкий поэт, писатель, драматург, философ, теоретик искусства, профессор истории, автор произведения «История Тридцатилетней войны».

Ф. Шиллера интересовал вопрос, почему в Германии XVII в. не было создано централизованного национального государства и каковы были причины Тридцатилетней войны, а также результаты ее для Германии и Европы. Этому вопросу и была посвящена крупная историческая работа Ф. Шиллера – «История Тридцатилетней войны», вышедшая в свет в 1791-1793 гг. В качестве основного источника для этого труда Ф. Шиллер пользовался «Историей немцев» Игнаца Шмидта, откуда им заимствованы отдельные факты и целые разделы.

Особенностью подхода Ф. Шиллера к рассмотрению причин Тридцатилетней войны является значительный акцент на религиозной сущности этого конфликта и, в связи с этим, обращение к Реформации.

Часть первая

Книга первая

С начала религиозной войны в Германии вплоть до Мюнстерского мира¹ едва ли возможно указать в политической жизни Европы какое-либо значительное и выдающееся событие, в котором реформация не играла бы первенствующей роли. Все мировые события, относящиеся к этой эпохе, тесно связаны с обновлением религии или прямо проистекают из него, и не было ни одного большого или малого государства, которое в той или иной мере, косвенно или непосредственно, не испытало бы на себе влияние реформации.

Свою огромную политическую мощь испанский царствующий дом почти целиком обратил против новых воззрений и их приверженцев. Реформация была причиной гражданской войны, которая в продолжение четырёх бурных правлений потрясала самые основы Франции², вызвала ввод иноземных войск в самое сердце этой страны и в течение полувека делала её ареной прискорбнейших бедствий. Реформация сделала испанское иго невыносимым для нидерландцев; она пробудила в этом народе стремление и мужество сбросить с себя ярмо; она же более всего дала ему и силы для этого подвига. Все враждебные акты, которые предпринимал Филипп II против королевы Английской Елизаветы³, были мстостью за то, что она защищала от него его протестантских подданных и стала во главе религиозной партии, которую он стремился стереть с лица земли. В Германии последствием церковного раскола было продолжительное политическое разделение, которое хотя и обрекло эту страну более чем столетней смуте, но зато воздвигло устойчивый оплот против грозившего ей политического угнетения. Реформация была важнейшей причиной вступления скандинавских держав, Дании и Швеции, в европейскую государственную систему, так как союз протестантских государств стал необходимым для них самих. Государства, ранее почти не сносившиеся друг с другом, под влиянием реформации находили весьма важные точки соприкосновения и начали объединяться на основе новой политической солидарности. Подобно тому как граждане вследствие реформации стали в иные отношения к своим согражданам, а государи – к своим подданным, так возникли и новые взаимоотношения между государствами. Итак, по странному стечению обстоятельств церковный раскол привёл к более тесному объединению государств. Правда, страшно и губительно было первое проявление этого всеобщего политического взаимного тяготения – тридцатилетняя опустошительная война, от глубин Чехии до устья Шельды, от берегов По до побережья Балтийского моря разорявшая целые страны, уничтожавшая урожаи, обращающая в пепел города и деревни; война, в которой нашли гибель многие тысячи воинов, которая более чем на полвека погасила вспыхнувшую в Германии искру культуры и возвратила к прежней варварской дикости едва зародившиеся добрые нравы. Но свободной и непорабощённой вышла Европа из этой страшной войны⁴, в которой она впервые познала себя как целокупную общину государств; и одной этой всеобщей взаимной симпатии государств, впервые зародившейся, собственно, в эту войну, было бы достаточно, чтобы примирить гражданина мира с её ужасами. Усердный труд постепенно загладил все пагубные её следы; но благодатные следствия, сопровождавшие её, укоренились. То самое всеобщее взаимное тяготение государств, вследствие которого толчок из Чехии сообщился целой половине Европы, охраняет теперь мир, положивший конец этой войне. Как пламя опустошения, вырвавшись из глубин Чехии, Моравии и Австрии, охватило Германию, Францию, половину Европы, так светильник культуры, зажжённый в этих трёх государствах, озарил все эти страны. Всё это было делом религии. Она одна могла сделать возможным всё то, что случилось, но всё это произошло далеко не ради неё и не только из-за неё. Если бы вскоре не присоединились к ней частная выгода и государственные интересы, то никогда голос богословов и народа не встретил бы в государях такой готовности, никогда новое учение не нашло бы столь многочисленных, столь мужественных и стойких поборников. Большая доля участия в церковном перевороте принадлежит бесспорно победоносной мощи истины или того, что принимали за истину. Злоупотребления в лоне старой церкви, нелепость некоторых её учений, непомерность её требований неизбежно должны были возмутить душу, уже озарённую предвидением лучшего света, должны были склонить её к обновлённой вере. Прелесть независимости, расчёт на богатство монастырей должны были внушить владетельным князьям соблазнительную мысль переменить веру и в немалой степени усиливали мотивы, вытекавшие из внутреннего убеждения; но лишь государственные соображения могли принудить их к решительному выступлению. Если бы Карл V, чрезмерно упоённый своими удачами, не позволил себе посягнуть на политическую свободу

германских чинов⁵, то едва ли протестантский союз встал бы с оружием в руках на защиту свободы религиозной. Не будь властолюбия Гизов, вряд ли кальвинистам во Франции довелось бы видеть Конде или Колиньи своими вождями⁶; не будь требования десятины и двадцатины, папский престол никогда не потерял бы Соединённых Нидерландов⁷. Государя воевали для самозащиты или ради увеличения своих владений; религиозный энтузиазм набирал им армии и открывал им сокровищницы их народов. В тех случаях, когда массу привлекала под знамёна государей не одна лишь надежда на добычу, она верила, что проливает кровь за правду; на самом деле она проливала её ради выгоды своего властителя.

И счастье для народов, что на этот раз выгода государей шла рука об руку с их выгодой! Лишь этому случайному обстоятельству обязаны они своим освобождением от папства. Счастье государей, что их подданный, сражаясь за их интересы, тем самым боролся и за своё дело! В эпоху, о которой идёт речь, в Европе не было государя настолько самодержавного, чтобы он, преследуя свои политические цели, имел возможность не считаться с доброй волей своих подданных. А между тем как трудно было привлечь эту добрую волю народа к своим политическим целям и привести её в действие! Убедительнейшие доказательства, почёрпнутые из государственных соображений, нимало не трогают подданного; он редко понимает их и ещё реже связывает с ними свои интересы. В этом случае умелому правителю остаётся одно: сочетать интересы государства с какими-либо иными интересами, более близкими народу, если таковые имеются, или же создать их.

В таком именно положении находилось большинство государей, вставших на защиту реформации. По своеобразному стечению обстоятельств церковный раскол совпал с двумя политическими явлениями, без которых он, вероятно, получил бы совсем иное направление. Это были: неожиданно возросшее могущество Австрийского царствующего дома⁸, ставшее угрозой для европейской свободы, и ревностная преданность этого дома старой религии. Первое разбудило государей, второе вооружило для них подвластные им народы.

Упразднение чужой юрисдикции в их государствах⁹, приобретение высшей власти в делах духовных, сокращение постоянного отлива денег в Рим, расчёт на богатую добычу от церковных владений – таковы были выгоды, одинаково соблазнительные для всякого властелина. Почему, можно спросить, не оказали они такого же действия на государей Австрийского дома? Что мешало этому дому, в особенности его германской линии, внять настоятельным требованиям столь многих своих подданных и по примеру других властителей улучшить своё положение за счёт беззащитного духовенства? Маловероятно, что убеждение в непогрешимости римской церкви играло в благочестивой стойкости этого дома большую роль, нежели убеждение в противном – в отпадении протестантских государей. Много побудительных причин соединилось для того, чтобы сделать австрийских государей опорой папства. Испания и Италия, откуда австрийская держава черпала значительную долю своей мощи, были привержены папскому престолу со слепой преданностью, особенно отличавшей испанцев ещё во времена готского владычества¹⁰. Малейшая склонность к ненавистным учениям Лютера и Кальвина¹¹ должна была навек отвести от повелителя Испании сердца его подданных; разрыв с папством мог стоить ему этого королевства. Испанский король должен был оставаться католическим государём или сойти с престола. То же самое обязательство возлагали на него и итальянские владения, население которых он, пожалуй, вынужден был шадить ещё более, чем испанцев, так как оно всего нетерпеливее сносило иноземное иго и всего легче могло его свергнуть. Ко всему этому присоединилось то обстоятельство, что в обеих странах Франция являлась его соперником, а папа соседом – достаточно важные препятствия к тому, чтобы объявить себя сторонником партии, стремившейся к уничтожению авторитета папы, достаточно веские основания для того, чтобы действенной преданностью старой религии снискать благосклонность папства.

Эти общие причины, которые должны были иметь одинаковое значение для каждого испанского монарха, находили у каждого поддержку ещё по особым мотивам. У Карла V имелся в Италии опасный соперник в лице короля французского¹², в объятия которого эта страна бросилась бы, как только Карл был бы заподозрен в склонности к ереси. Недоверие католиков и распря с церковью особенно препятствовали бы Карлу в тех замыслах, которые он ревностнее всего стремился осуществить. Когда Карлу пришлось выбирать между обеими религиозными партиями, новая вера не успела ещё приобрести значение в его глазах; к тому же тогда имелись ещё весьма основательные надежды на любовное соглашение церковей. В его сыне и наследнике, Филиппе II, монашеское воспитание в соединении с мрачным деспотическим характером поддерживало непримиримую ненависть ко всяким новшествам в делах религии; а то обстоятельство, что злейшие политические противники этого государя были в то же время врагами его религии, едва ли могло ослабить эту ненависть. Так как его европейские владения, рассеянные среди столь многих иностранных государств, были повсюду открыты воздействию чужих воззрений, то он, разумеется, не мог равнодушно взирать на успехи реформации в других странах, и кровные государственные интересы заставляли его принять сторону старой церкви для того, чтобы заглушить самые источники еретической заразы. Таким образом, вполне естественный ход вещей ставил этого государя во главе католичества и союза, заключённого папистами против сторонников новшеств. То, что проводилось во время долгих, отмеченных энергичной деятельностью правлений Карла V и Филиппа II, осталось законом и для следующих, и чем более усиливался раскол в лоне церкви, тем крепче должна была Испания держаться католицизма.

Германская линия Австрийского дома была по видимости свободнее; но если многие из этих препятствий были для неё несущественны, то её сковывали другие отношения. Корона Священной Римской империи, совершенно немыслимая на голове протестанта (ибо как мог отступник от римской церкви носить

римскую императорскую корону?), связывала преемников Фердинанда I¹³ с папским престолом; сам Фердинанд по своим религиозным убеждениям был искренно предан этому престолу. К тому же германо-австрийские государи не были достаточно сильны, чтобы обойтись без испанской поддержки, которой они неминуемо лишились бы, если бы стали покровительствовать новой религии. С другой стороны, их императорский сан заставлял их встать на защиту германской имперской системы, которая была основой их власти и которую стремилась разрушить протестантская часть империи. Если прибавить к этому равнодушие протестантов к стеснённому положению императоров и к общим опасностям, грозившим империи, их насильственное вмешательство в мирские интересы церкви и их враждебное поведение там, где они чувствовали себя сильнее, то легко понять, что взаимодействие столь многих причин удержало императоров на стороне папства и что их собственные интересы должны были вполне отождествиться с интересами католической религии. Так как, быть может, судьба этой религии целиком зависела от решения, принятого Австрийским домом, то вся Европа должна была смотреть на государей австрийских как на столпов папства. Поэтому ненависть протестантов к папству единодушно обратилась против Австрии и постепенно смешала защитника с делом, которое он защищал.

А между тем этот самый Австрийский дом, непримиримый противник реформации, своими честолюбивыми замыслами, которые опирались на его огромную силу, стал грозить политической свободе европейских государств, в особенности — германских владетельных князей. Это обстоятельство должно было возбудить в них тревогу и заставить подумать о самозащите. На борьбу со столь грозной силой отнюдь не могло хватить их обычных денежных средств. Им пришлось потребовать от своих подданных чрезвычайного напряжения, а так как этого далеко не было достаточно — просить помощи у соседей и, заключив союзы, бороться сообща с силой, против которой каждому из них порознь не удалось бы устоять.

Но важные политические соображения, заставлявшие государей противиться успехам Австрии, были чужды их подданным. Лишь непосредственные выгоды или непосредственные бедствия могут привести народ в движение, а ведь искусная государственная политика не может дожидаться этого момента. Трудно пришлось бы этим государям, если бы, к счастью для них, на помощь им не явились другие мотивы, под влиянием коих народ был охвачен страстью и воспластал одушевлением, которое могло быть направлено и против политической опасности, так как предмет у них был один! Этими мотивами была истощенная ненависть к религии, на защиту которой встал Австрийский дом, фанатическая приверженность к учению, которое этот дом старался искоренить огнём и мечом. Пламенна была эта приверженность, неодолима эта ненависть! Религиозный фанатизм боится самой отдалённой опасности; фантасты никогда не рассчитывают, чем они жертвуют. Если величайшая опасность, грозившая государству, не могла всколыхнуть граждан, то это сделало религиозное воодушевление. Немного рук добровольно взялось бы за оружие ради государства, ради интересов государя; во имя веры охотно хватались за меч купец, художник, пахарь. Ради государства или ради государя старались бы уклониться от самого незначительного чрезвычайного налога; во имя религии отдавали добро и жизнь, все свои земные надежды. Утроенные суммы стекались теперь в государственную казну, утроенное количество войск выступало в поле; в неистовом возбуждении, охватившем все сердца при мысли о том, что религия в опасности, подданный не чувствовал тягот, под бременем которых в более спокойном душевном состоянии он склонился бы, истощённый. Боязнь испанской инквизиции, варфоломеевских ночей¹⁴ открывает принцу Оранскому, адмиралу Колиньи, королеве Британской Елизавете, протестантским государям Германии возможность черпать в своих народах средства, размеры которых поражают нас по сию пору.

Но и при величайшем напряжении всех сил едва ли удалось бы сделать что-либо с державой, которая была сильнее всякого, даже самого могущественного государя, взятого в отдельности. Между тем в эпоху крайне слабого развития политической жизни лишь случайные обстоятельства могли побудить отдалённые государства оказывать друг другу помощь. Различие государственного строя, законов, языка, нравов, национального характера разбивало народы и страны на соответственные обособленные единицы и разделяло их непроходимой стеной, делая одно государство нечувствительным к тяжкому положению другого, а то и возбуждая в нём, в силу национальной зависти, враждебное злорадование. Реформация разрушила эту стену. Отдельные граждане и целые государства стали воодушевляться более живым и более близким им интересом, чем национальная выгода или любовь к отечеству, интересом, который оставался совершенно независимым от гражданских отношений. Этот интерес мог связывать многие, даже самые отдалённые, государства и мог в то же время отсутствовать у граждан одного и того же государства. Таким образом, французский кальвинист мог иметь с женеvским, английским, немецким или голландским реформатом точки соприкосновения, которых у него не было с его католическими согражданами. Поэтому в одном чрезвычайно важном отношении он, можно сказать, переставал быть гражданином отдельного государства, ограничивая своё внимание и участие одним этим государством. Его кругозор расширяется; по судьбе иных стран, держащихся одной с ним веры, он начинает предвидеть свою собственную судьбу и их дело считать своим делом. Лишь теперь могли государи осмелиться представить дела иноземные на обсуждение собрания своих земских чинов, лишь теперь могли они надеяться найти в них внимание и быструю помощь. Эти чужие дела стали для них своими, и единоверцу охотно протягивали руку помощи, которой раньше не дождался бы сосед, а далёкий иноземец — и подавно. Теперь уроженец Пфальца покидает родину, чтобы сражаться против общего религиозного врага за своих французских единоверцев. Французский подданный, обнажая меч против родины, подвергающей его гонениям,

идёт проливать кровь за свободу Голландии. Теперь швейцарцы бьются против швейцарцев, немцы против немцев, решая на берегах Луары и Сены вопросы престолонаследия во Франции. Датчанин переходит через Эйдер, швед переправляется через Бельт, чтобы разбить цепи, предназначенные для Германии.

Очень трудно сказать, что случилось бы с реформацией и со свободой Германской империи, если бы грозный Австрийский дом не ополчился на неё. Но можно, кажется, считать доказанным, что ничто так не препятствовало созданию задуманной австрийскими государями всемирной монархии, как та упорная борьба, которую они вели с новым мировоззрением. Ни в каком другом случае не удалось бы более слабым владетельным князьям добиться от своих подданных тех необычайных усилий, которые они противопоставили австрийской державе; ни в каком другом случае государствам не удалось бы соединиться против общего врага.

Никогда могущество Австрии не было так велико, как после победы Карла V при Мюльберге¹⁵, где он разбил немцев. Казалось, что со Шмалькальденским союзом навеки погибла свобода Германии¹⁶; но она воскресла в Морице Саксонском, её опаснейшем враге¹⁷. Все плоды победы при Мюльберге были потеряны на конгрессе в Пассау и на имперском сейме в Аугсбурге, и все мероприятия, направленные к усилению светского и духовного гнета, сведены к нулю мирными уступками.

На этом имперском сейме в Аугсбурге Германия распалась на две религии и на две политические партии, распалась лишь тогда, потому что лишь тогда этот раскол был узаконен. До той поры на протестантов смотрели как на мятежников; теперь решили относиться к ним как к братьям – не потому, чтобы их признали таковыми, а потому, что пришлось пойти на это: аугсбургское исповедание¹⁸ могло теперь ставить себя наравне с католической религией, пользуясь, однако, лишь временным ограниченным равноправием в качестве соседа, которого терпят поневоле. Каждый светский владетельный князь получил право объявить религию, которую он сам исповедует, господствующей и единственной в своих владениях и преследовать свободное исповедание всякой другой. Каждому подданному разрешено было покинуть страну, где угнетена его религия. Таким образом, лишь теперь учение Лютера впервые добилось положительной санкции, и если даже оно пресмыкалось во прахе где-нибудь в Баварии или Австрии, то могло утешиться тем, что царит в Саксонии и в Тюрингии. Но одни только владетельные князья имели право решать, какая религия допускается в их землях и какая изгоняется из них; о подданных, которые на этом имперском сейме не имели никаких представителей, в этом мирном договоре не позаботились. Лишь в церковных владениях, где католическая религия оставалась безусловно господствующей, протестантским подданным (то есть лицам, которые к тому времени уже были протестантами) было предоставлено право свободного исповедания их веры; но и это право было дано лишь в виде личного обещания короля Римского Фердинанда, заключившего этот мир, обещания, которое, встретив возражения со стороны государей-католиков, было внесено в мирный трактат с этими возражениями и потому не получило законной силы.

Впрочем, если бы причиной общего несогласия были только взгляды, – как равнодушно смотрели бы все на это несогласие! Но с этими взглядами были связаны богатства, высокие званья, права, – обстоятельства, бесконечно затруднявшие раздел. Из двух братьев, до сих пор совместно владевших отцовским достоянием, один покидал теперь отчий дом, и, следовательно, возникала необходимость разделить с остающимся братом. Отец не сделал никаких распоряжений на случай этого раздела, потому что он не мог его предвидеть. Богатства церкви были накоплены в течение целого тысячелетия; они составились из пожертвований предков на дела благотворения, и эти предки принадлежали уходящему брату в той же степени, как и остающемуся. Связано ли право наследования с отцовским домом или с отцовской кровью? Пожертвования были сделаны католической церкви потому, что тогда не было ещё никакой другой; первенцу – потому, что тогда он был единственным сыном. Должно ли было в лоне церкви признаваться право первородства, как в дворянских семьях? Было ли законно предпочтение, оказанное одной стороне в тот момент, когда другой ещё не существовало? Могли ли лютеране быть лишены права пользования достоянием, которое составилось из пожертвований их же предков, лишены единственно потому, что во времена пожертвования ещё не было никакого различия между лютеранами и католиками? Обе религиозные партии выступали друг против друга в этом спорном деле с видимой основательностью, выступают и до сих пор; но доказать свою правоту было одинаково трудно и для той и для другой. Право располагает решениями только для таких случаев, какие можно представить себе заранее, и, быть может, церковные пожертвования не принадлежат к таковым, – но принадлежат по крайней мере тогда, когда требования жертвователей распространяют на догматические положения. Мыслимо ли связывать вековечное пожертвование с изменяющимися воззрениями?

Когда бессильно решить право, решает сила; так было и в этом случае. Одна часть удержала за собой то, чего у неё уже нельзя было отнять; другая защищала то, чем ещё владела. Все епископства и аббатства, секуляризованные до заключения мира, остались за протестантами; но паписты обезопасили себя специальной оговоркой, что в будущем секуляризации больше не будет. Всякий господин церковного владения, непосредственно подчинённого империи, – курфюрст, епископ или аббат, – теряет свои доходы и сан, как только он переходит в протестантство. Он обязан тотчас же оставить свои владения, и капитул приступает к новым выборам совершенно так же, как в том случае, если бы место его освободилось вследствие его смерти. На этом священном якоре «церковной оговорки» – *Reservatio ecclesiastica*, ставившем всё земное благополучие князя церкви в зависимость от его вероисповедания, держится до сих пор католическая церковь Германии, – и что случилось бы с ней, если бы этот якорь не выдержал? «Церковная оговорка» наткнулась на ожесточённое

сопротивление со стороны протестантских чинов, и хотя они в конце концов внесли её в мирный договор, однако потребовали, чтобы прямо было сказано, что соглашение обеих партий по этому пункту не было достигнуто. Могла ли такая оговорка иметь для протестантской стороны большую силу, нежели для католиков – обещание Фердинанда обеспечить свободу совести протестантских подданных в церковных владениях? Таким образом, в мирном договоре сохранились два спорных пункта; они и повлекли за собой войну.

Так обстояло дело со свободой совести и с церковными владениями; в таком же положении был вопрос о правах и званиях. Германская имперская система была рассчитана на единую церковь, потому что, когда эта система создавалась, никакой другой церкви не было. Затем в церкви произошёл раскол, имперский сейм распался на две религиозные партии – как могла имперская система отныне покоиться исключительно на одной из них? Все императоры до сих пор были сынами римской церкви, потому что до сих пор римская церковь в Германии не имела соперницы. Но что, собственно, составляло сущность германского императора: связь с Римом или сама Германия, находившая в этом императоре своё воплощение? Между тем в состав всей Германии входит также и её протестантская часть; каким же образом может эта часть находить своё воплощение в непрерывном ряде католических императоров? В высшем имперском суде германские чины сами судят себя, потому что из их среды набираются судьи; смысл этого учреждения заключается именно в сознании, что чины сами себя судят, что всем им оказывается равная справедливость; сможет ли эта идея осуществиться, если заседать там будут представители одного лишь, а не обоих вероисповеданий? То, что в момент основания этого учреждения в Германии царил единая вера, – случайность; основной целью учреждения имперского суда было воспрепятствовать тому, чтобы один властитель угнетал другого на основании закона. Между тем цель эта, очевидно, не будет достигнута, если одной религиозной партии будет принадлежать исключительное право судить другую. Но можно ли пожертвовать основной целью, если изменились случайные обстоятельства? Лишь с большим трудом добились протестанты в конце концов одного места в верховном суде для представителя своей религии, но не могли добиться равновесия голосов. Императорской короной не был ещё увенчан ни один протестантский государь.

Вообще, как ни расценивать равенство, установленное религиозным миром в Аугсбурге между обеими немецкими церквями, победительницей отсюда бесспорно вышла католическая. Всё, чего добилась лютеранская, была терпимость; всё, что уступила католическая, было уступкою необходимости, но не справедливости. Всё ещё не был достигнут мир между двумя равноправными силами; был лишь договор между господином и неусмирённым мятежником. Именно этот принцип руководил, по-видимому, всеми действиями католической церкви по отношению к протестантской, руководит ими как будто и по сейчас. Всё ещё считалось преступлением перейти в протестантство, и для отпавшего князя церкви это влекло за собой тяжкие потери, предусмотренные «церковной оговоркой». И в дальнейшем католическая церковь предпочитала идти на риск потерять всё под гнётом насилия, нежели добровольно и по справедливости отказаться от маленькой выгоды; ибо всегда оставалась надежда вернуть себе отнятое и всегда потеря рассматривалась лишь как нечто случайное; наоборот, отказ от притязания, право, добровольно признанное за протестантами, потрясло самые основы католической церкви. Даже при заключении религиозного мира это начало оставалось руководящим. Все уступки, сделанные протестантам в мирном договоре, были сделаны с оговорками. Всё – так было прямо сказано в акте – имеет силу лишь до ближайшего собора, который займётся воссоединением обеих церквей. Лишь в том случае, если эта последняя попытка не увенчается успехом, религиозный мир получит безусловную силу. Как ни слаба была надежда на такое воссоединение, как ни мало, быть может, верили в него сами католики, выгода для них всё же заключалась в том, что мир был ограничен хотя бы этим условием.

Итак, этот религиозный мир, долженствовавший навеки загасить пламя междоусобной войны, был по существу лишь временной мерой, делом необходимости и насилия; он не был продиктован велениями справедливости, не был плодом обновлённых понятий о религии и свободе совести. Такого религиозного мира не могли дать католики, и – сказать правду – до такого мира не доросли ещё и протестанты. Далёкие от того, чтобы проявлять по отношению к католикам полную справедливость, они душили там, где могли, кальвинистов, которые, разумеется, заслуживали терпимости в этом лучшем смысле не более всех остальных, так как сами столь же далеки были от её применения. Для такого религиозного мира ещё не пришло время, и ещё слишком большая смута царил в умах. Как могла одна сторона требовать от другой того, что сама она не в состоянии была дать? Всё, что спасла или выиграла та или иная религиозная партия по Аугсбургскому миру, было результатом случайного соотношения сил во время заключения мира. То, что было приобретено силой, могло быть сохранено только силой; стало быть, это равновесие сил должно было сохраниться и на будущее время – или же религиозный мир перестал бы существовать. Мечом были намечены границы между обеими церквями; меч должен был охранять их и в будущем – и горе стороне, преждевременно сложившей оружие! Уже теперь этот мир сулил покою Германии сомнительное, страшное будущее!

Пока что в империи царил временное затишье, и непрочное согласие как будто вновь объединяло расторгнутые части в единое государственное целое, так что на некоторое время вновь возродилось стремление, к общему благополучию. Но разрыв коренился в самых глубинах, и момент, удобный для восстановления былого согласия, был упущен. Как ни точно, казалось, были установлены миром границы прав обеих сторон, они, однако, подвержены были весьма разнообразным толкованиям. В разгаре яростной борьбы договор определял для враждующих сторон лишь временное умиротворение; он прикрыл огонь, но не погасил

его, и неудовлетворённые притязания сохранились у обеих партий. Католикам казалось, что они потеряли слишком много; евангелистам – что они отвоевали слишком мало; каждая из сторон искала выхода в том, что, ещё не смея нарушить мир, толковала его соответственно своим целям.

Могущественный мотив – секуляризация церковных имуществ, побудивший столь многих протестантских государей склониться к принятию учения Лютера, остался и после заключения мира в той же силе, что и раньше, и все такие имущества, ещё не попавшие в их руки, должны были вскоре перейти к ним. Вся Нижняя Германия была секуляризована с чрезвычайной быстротой, и если в Верхней Германии дело обстояло иначе, то лишь вследствие живейшего сопротивления католиков, которые здесь имели перевес. Каждая партия угнетала или притесняла сторонников другой там, где она была сильнее. Особенно настойчиво теснили церковных владетелей, как слабейших членов империи, их некаатолические соседи, жаждавшие расширить свои владения. Кто был слишком слаб, чтобы противопоставить насилию насилие, тот искал защиты под сенью закона, и жалобы на протестантских чинов накоплялись в имперском суде, который с готовностью выносил решения, осуждавшие виновную сторону, но не располагал достаточной поддержкой, чтобы вводить их в силу. Аугсбургский мир, предоставивший чинам империи полную свободу совести, до некоторой степени всё же позаботился также и о подданном, выговорив ему право беспрепятственно покидать страну, где его религия подвергалась преследованиям. Но от насилий, которым подвергался ненавистный подданный со стороны своего государя; от невыразимых мучений, какими затруднялось его переселение; от искусно расставленных тенёт, какими хитрость в союзе с силой может опутать умы людей, — от всего этого мёртвая буква договора не могла охранить никого. Католический подданный протестантских государей громко жаловался на нарушения религиозного мира; евангелический ещё громче жаловался на притеснения, какие он терпел от своих католических владык. Ожесточение и озлобление богословов разжигали души и обостряли всякую мелочь, как бы ни была она ничтожна сама по себе; хорошо ещё, когда эта богословская ярость изливалась на общего религиозного врага, не обрызгивая ядом своего собственного единоверца.

Для того чтобы удержать обе враждующие партии в равновесии и таким образом продлить мир, было бы в конце концов достаточно единства протестантов между собой, но в довершение общей смуты вскоре исчезло и это единство. Учение, распространённое Цвингли в Цюрихе и Кальвином в Женеве¹⁹, вскоре стало укореняться и в Германии и сеять раздоры между протестантами, так что теперь они едва ли могли распознавать друг друга по чему-либо, кроме общей ненависти к папству. Протестанты этого времени уже не были похожи на тех, которые полвека тому назад изложили своё исповедание в Аугсбурге, и причиной перемены является именно это аугсбургское исповедание. Оно поставило протестантской религии твёрдые границы, прежде чем пробудившийся дух исследования мог примириться с этими границами, и протестанты по неведению потеряли часть преимуществ, которые им обеспечивало отпадение от папства. Одинаковых жалоб на римскую иерархию и на злоупотребления в римской церкви, одинакового отрицания католических доктрин было бы достаточно, чтоб объединить протестантскую церковь. Но они искали этого объединительного начала в новой положительной религиозной системе, в ней видели отличительные признаки, преимущества и сущность своей церкви и лишь к ней относили договор, заключённый с католиками. Религиозный мир они заключили лишь в качестве приверженцев определённого вероучения: одни только приверженцы этого вероучения могли пользоваться благами этого мира. Таким образом, каков бы ни был исход для кальвинистов, дело обстояло одинаково печально. Требование строго придерживаться аугсбургского исповедания надолго ограничивало дух исследования; несогласие в толковании установленной формулы означало гибель объединяющего начала. К несчастью, произошло ж то и другое, и печальные последствия того и другого не замедлили обнаружиться. Одна сторона крепко держалась первого (аугсбургского) исповедания, и если кальвинисты отступали от него, то лишь для того, чтобы таким же образом замкнуться в новом вероучении.

Протестанты не могли доставить своему общему врагу лучшего аргумента против себя, чем это внутреннее разногласие, не могли доставить более утешительного зрелища, чем взаимное ожесточение, с каким они преследовали друг друга. Кто мог осуждать католиков за то, что они высмеивали заносчивость, с которой эти преобразователи веры выставляли себя провозвестниками единственно истинной религии? Ведь оружие в борьбе против протестантов католики брали не у кого другого, как у самих протестантов; ведь эта борьба воззрений укрепляла их веру в авторитет своей религии, за которую к тому же говорила почтенная давность и ещё более почтенное большинство. Но протестантам пришлось испытать ещё более неприятные последствия своих несогласий. Религиозный мир имел в виду исключительно единоверцев, и католики требовали теперь от протестантов объяснения, кого именно они считают своими единоверцами. Совесть не позволяла евангелистам принять в свою среду реформатов; между тем они не могли исключить их из неё, не превращая полезного друга в опасного врага. Так этот злополучный разрыв проложил путь махинациям иезуитов, которые постарались посеять недоверие между обеими сторонами и разрушить единство их действий. Скованные двойным страхом пред католиками и пред своими протестантскими противниками, протестанты упустили невозвратимый момент, когда им ещё возможно было отвоевать для своей церкви права, совершенно равные правам римской церкви. И всех этих затруднений они могли бы избежать, отпадение реформатов не причинило бы ни малейшего ущерба общему делу, если бы основы для объединения искали не в одних только аугсбургских исповеданиях и согласительных писаниях, а в совместном отдалении от папства.

Но как ни велики были несогласия во всех прочих отношениях, в одном, однако, были согласны все: в том, что безопасность, достигнутая посредством равновесия сил, может быть в будущем сохранена только этим же равновесием. Нескончаемые новшества в одной партии и противодействие им со стороны другой поддерживали бдительность обеих сторон, и толкование религиозного мира было поводом к вечному спору. В каждом шаге противной партии усматривали нарушение мира, каждый шаг, сделанный своими, предпринимался якобы для сохранения этого мира. Не все действия католиков имели целью нападение, как в этом их обвиняла противная сторона; многое из того, что они делали, вызывалось необходимой самозащитой. Протестанты показали самым недвусмысленным образом, чем рискуют католики, если на их долю выпадает несчастье быть побеждённой стороной. Жадные взоры протестантов, с вожделием прикованные к церковным владениям, не давали католикам никакой надежды па пощаду, их собственная ярость не позволяла им ждать великодушия и терпимости.

Но и протестантов трудно было винить в том, что они мало доверяли честности папистов. Вероломное и варварское отношение к их единоверцам в Испании, Франции и Нидерландах, позорное обыкновение католических государей прибегать к папскому разрешению от священнейших клятвенных обещаний, гнусный принцип, по которому считалось позволительным не соблюдать обязательств, данных еретикам, — лишили католическую церковь уважения в глазах всех честных людей. Никакое обещание, никакая клятва в устах паписта не могли успокоить протестанта. Как же мог успокоить их этот религиозный мир, который иезуиты по всей Германии открыто провозглашали лишь временной уступкой, торжественно осуждённой в самом Риме?

Между тем вселенский собор, предусмотренный мирным договором, собрался в городе Триденте²⁰. Однако, как и можно было ожидать, он не воссоединил враждующих религий, не сделал ни одного шага к этому воссоединению: в числе его участников не было ни одного протестанта. Теперь протестанты были торжественно прокляты церковью, за представителя которой выдавал себя собор. Мог ли светский и к тому же вынужденный силою оружия договор, опиравшийся на условие, судя по всему отменённое решениями собора, обеспечить протестантам достаточную безопасность перед лицом церковного проклятия? Таким образом, была создана и видимость права, на которую могли опираться католики, если бы только они почувствовали себя достаточно сильными, чтобы нарушить религиозный мир, — отныне протестантов не охраняло ничто, кроме уважения к их мощи.

К этому присоединялись многие обстоятельства, усиливавшие недоверие. Испания, на которую опиралась католическая Германия, вела с нидерландцами яростную войну, привлёкшую ядро испанской армии к границам Германии. Как легко могло оказаться это войско в пределах империи, если бы для решительного удара потребовалось его присутствие здесь! Германия была тогда запасной военной базой почти всех европейских держав. Религиозная война собрала здесь массу солдат, которых Аугсбургский мир оставил без хлеба. Каждый из многочисленных независимых государей мог легко нанять войско, а затем из корысти или из личной склонности уступить его другой державе. При помощи немецких войск вёл Филипп II войну с Нидерландами, которые в свою очередь пользовались для своей защиты немецкими войсками. Каждый рекрутский набор в Германии всегда угрожал какой-нибудь из религиозных партий: он мог иметь целью её подавление. Странствующий посол, чрезвычайный папский легат, съезд государей — всякое необычное явление, очевидно, готовило гибель той или другой стороне. В таком положении пребывала Германия в течение целой половины столетия — не отрывая руки от меча, вздрагивая при любом шорохе.

В эту беспокойную эпоху империей правили Фердинанд I, король Венгерский, и его даровитый сын, Максимилиан II. С сердечной искренностью и с терпением, поистине героическим, старался Фердинанд заключить религиозный мир в Аугсбурге и потратил немало сил на неудачную попытку воссоединить церкви на Тридентском соборе. Этому императору, оставленному на произвол судьбы его племянником Филиппом Испанским и теснимому в то же время в Семиградье и Венгрии победоносными войсками турок, разумеется, не могло прийти в голову нарушить религиозный мир и уничтожить собственное своё создание, стоившее ему таких трудов. Громадные издержки на нескончаемую турецкую войну²¹ не могли быть покрыты скудными доходами с его истощённых наследственных владений. Ему необходима была помощь Германии, а расчленённую империю теперь связывал воедино лишь религиозный мир. С точки зрения экономических нужд протестанты были ему не менее необходимы, чем католики, и он был вынужден обращаться с обеими сторонами равно справедливо, что при столь противоречивых требованиях было поистине исполинскою задачей. Но успех его политики отнюдь не отвечал его пожеланиям: его уступки протестантам явились лишь причиной войны, которой уже не узрели его тускнеющие очи, но которая выпала на долю его внуков. Не более его был счастлив его сын Максимилиан, которому, быть может, лишь обстоятельства и преждевременная смерть помешали возвести новую религию на трон империи. Отца учила щадить протестантов необходимость; необходимость и справедливость учили этому и его сына. Внук дорого поплатился за то, что он не внял голосу справедливости и не покорился требованиям необходимости.

Шестерых сыновей оставил Максимилиан, но лишь старший из них, эрцгерцог Рудольф, унаследовал его владения и вступил на императорский престол; остальные братья получили небольшие уделы. Немногие владения принадлежали боковой линии и перешли к их дяде Карлу Штирийскому; но и они, при его сыне Фердинанде II, соединились с остальными наследственными землями Австрии. Таким образом, за исключением

этих уделов, вся огромная вотчина Австрийского дома соединилась теперь в одной руке, к несчастью – совершенно бессильной.

Рудольф II не был лишён добродетелей, которые могли снискать ему общую любовь, если бы ему выпал жребий человека, не предназначенного для выдающейся роли. По характеру он был мягок; он любил мирную жизнь и занимался науками – особенно астрономией, естествоведением, химией и археологией – со страстным интересом, который, однако, в такое время, когда неустойчивое положение дел требовало его напряжённейшего внимания, а истощённые финансы – величайшей бережливости, отвлекал его от государственных дел и толкал к пагубной расточительности. Его интерес к астрономии расплывался в астрологических мечтаниях, которым так легко предаётся дух меланхолический и робкий. Это обстоятельство в связи с тем, что юность свою он провёл в Испании, делало его восприимчивым к наихудшим советам иезуитов и внушениям испанского двора, которые в конце концов приобрели над ним безраздельную власть. Увлекаемый занятиями, столь мало достойными его высокого сана, постоянно страшась смехотворных предсказаний, он был, по испанскому обычаю, невидим для своих подданных; он скрывался от них среди своих резных камней и древностей, в своей лаборатории, в своих конюшнях – в то время как жесточайшая вражда разрывала все узы, связующие государственный организм Германии и пламя мятежа уже достигло ступеней его трона. Доступ к нему был закрыт для всех без исключения. Неотложнейшие дела оставались неразрешёнными; надежды на богатое испанское наследство погибли, потому что он не решился предложить свою руку инфанте Изабелле; империи грозила ужаснейшая анархия, потому что невозможно было добиться от него позволения избрать короля Римского, хотя у него самого не было наследников. Австрийские земские чины отказали ему в повиновении. Венгрия и Семиградье вышли из-под его власти, и Чехия не замедлила последовать их примеру. Над потомками некогда столь грозного Карла V нависла опасность, что одна часть их владений отойдёт к туркам, другая – к протестантам и сами они погибнут в борьбе с грозным союзом государей, сплочённым против их могущественным европейским монархом. В Германии происходило то, что от века наблюдается там, где престолу недостаёт императора или императору – государственного ума. Обиженные или оставленные главой империи без помощи, чины обходились своими силами, стараясь заключением союзов заменить недостающий авторитет императора. Германия разделяется на два союза, стоящие друг против друга в полной боевой готовности. Бездеятельный и никому не нужный, равно неспособный рассеять первый и властвовать над вторым, стоит между обоими союзами Рудольф, презираемый противник одного и бессильный защитник другого. Да и чего могла ожидать Германия от государя, который не был способен охранить от внутреннего врага даже свои собственные владения? Чтобы спасти австрийскую династию от полной гибели, против Рудольфа объединяется его собственная семья, и во главе могущественного заговора становится родной его брат. Изгнанный из всех своих наследственных владений, он мог теперь потерять лишь одно на свете – свой императорский трон, и только своевременная смерть спасает его от этого предельного позора.

Злой дух Германии дал ей в императоры Рудольфа как раз в эту критическую эпоху, когда лишь гибкий ум и могучая рука могли бы спасти мир в империи. В более спокойное время государственный организм Германии оправился бы сам собой, и Рудольф, подобно стольким другим носителям такого сана, скрывал бы в таинственной мгле своё ничтожество. Крайняя необходимость в достоинствах, каких у него не было, обнаружила его полную несостоятельность. Положение Германии требовало императора, который своими средствами мог бы придать вес своим решениям; между тем собственные владения Рудольфа, хотя и весьма значительные, находились в таком состоянии, что правителю чрезвычайно трудно было с ними справиться.

Правда, австрийские государи были католиками и даже столпами папства; но их владения отнюдь не могли считаться католическими землями. Новые воззрения проникли в эти страны и вследствие затруднительного положения Фердинанда и кротости Максимилиана быстро распространились здесь. В австрийских землях происходило в малом масштабе то, что в Германии имело место в больших размерах. Большая часть знати и рыцарства принадлежала к евангелическому исповеданию, и в городах протестанты также получили значительный перевес. После того как протестантам удалось провести некоторых лиц из своей среды в ландтаг, они стали неприметно захватывать в ландтаге одно место за другим, одну коллегия за другой, вытесняя католиков отовсюду. Против многочисленных представителей знати, рыцарства и городов голос немногих священнослужителей был в ландтаге слишком слаб и в конце концов совершенно замолк под влиянием непристойного издевательства и оскорбительного презрения остальных. Таким образом, весь австрийский ландтаг постепенно стал протестантским, и реформация быстрыми шагами, подвигалась отныне к завоеванию официального положения. Император зависел от земских чинов, потому что в их власти было отказывать ему в установлении новых налогов или соглашаться на эту меру. Они воспользовались стеснённым финансовым положением Фердинанда и его сына, чтобы добиться от этих государей одной уступки за другой в деле свободы совести. Наконец, Максимилиан даровал знати и рыцарству право свободного исповедания их религии, но лишь в пределах их собственных владений и замков. Неукротимый фанатизм протестантских проповедников вскоре переступил эти, предписанные благоразумием, границы. Вопреки прямому воспрещению многие из них произносили проповеди в провинциальных городах и даже в Вене, и народ толпами стекался слушать это новое евангелие, самую острую приправу которого составляли непристойности и брань. Таким образом, фанатизм имел постоянную пищу, и взаимная ненависть обеих столь близких друг другу церквей была напоена ядом нечистого изуверства.

Из всех наследственных владений Австрийского дома самым ненадёжным и неустойчивым была Венгрия с Семиградьем. Невозможность охранять обе эти страны от столь близкой и столь могущественной Турецкой империи довела уже Фердинанда до позорного шага – до согласия посредством взноса ежегодной дани признать верховенство Турции над Семиградьем: пагубное признание своего бессилия и роковой соблазна для беспокойного дворянства, когда оно почему-либо было недоволено своим господином! В своё время венгры подчинились Австрийскому дому²² не безусловно. За ними оставался свободный выбор монарха, и они упорно требовали всех государственных прав, которые неразрывно связаны с такой свободой выбора. Близкое соседство турецкой монархии и возможность легко и безнаказанно менять своего господина ещё больше разжигали своеволие магнатов. Недовольные австрийским правлением, они бросались в объятия османов; неудовлетворённые османами, они возвращались под власть немецкого государя. Частые и быстрые переходы от одного властелина к другому влияли также и на их образ мыслей. Как колебалась их страна между германским и оттоманским верховенством, так колебались их помыслы между изменой и покорностью. Чем несчастнее чувствовали себя обе страны в приниженном положении провинций иноземной монархии, тем неодолимее становилось в магнатах желание быть подвластными повелителю из своей среды; таким образом, предприимчивому дворянину не стоило особого труда добиться их присяги. С полной готовностью любой турецкий паша предлагал мятежнику магнату, восставшему против Австрии, скипетр и корону; с такой же готовностью закрепляли в Австрии за другим магнатом области, отнятые им у Порты, радуясь, что таким образом сохраняется хоть тень верховенства и создаётся новый оплот против Турции. Многие из таких магнатов – Баторий, Бочкай, Ракоци, Бетлен²³ – перебивали таким образом королями-данниками в Семиградье и в Венгрии, держась на троне благодаря одной неизменной политике – соединиться с врагом, чтобы устрашать своего господина.

Все трое владык Семиградья и Венгрии – Фердинанд, Максимилиан и Рудольф – высасывали соки из своих остальных земель, чтобы охранять эти две области от нашествий турок и от внутренних восстаний. Опустошительные войны сменялись в этих странах недолгими перемириями, которые были не намного лучше войны. Весь этот край был опустошён, и измученные жители терпели одинаково и от своих врагов и от своих защитников. Реформация проникла и в эти места, и под защитой свободы, которую пользовались земские чины, под покровом смуты она здесь заметно развивалась. Теперь неосторожно задела и её, и в сочетании с религиозным фанатизмом дух политической крамолы стал ещё опаснее. Под предводительством смелого мятежника Бочкай семиградское и венгерское дворянство подымает знамя восстания. Венгерские мятежники намерены соединиться с недовольными протестантами Австрии, Моравии и Чехии и увлечь все эти страны в страшное общее восстание. Гибель Австрийского дома стала бы тогда неотвратимой, гибель папства в этих странах – неизбежной.

Давно уже эрцгерцоги австрийские, братья императора, взирали с молчаливым недовольством на упадок своей династии. Это последнее событие окончательно определило их решение. Эрцгерцог Матвей, второй сын Максимилиана, наместник Венгрии и вероятный наследник Рудольфа, взял на себя роль спасителя гибнущего дома Габсбургов. Соблазняемый обманчивой жадой славы, этот принц ещё в юности, вопреки интересам своего дома, внял призыву нескольких нидерландских мятежников, призвавших его в своё отечество на защиту народных вольностей против его же родича, Филиппа II. В ответ на этот призыв Матвей, ошибочно приняв голос одной из политических партий за голос всего нидерландского народа, появился в Нидерландах²⁴. Но успех так же мало соответствовал желаниям брабантцев, как и его собственным ожиданиям, и он бесславно отказался от своего неразумного замысла. Тем почётнее было его новое появление на политической арене.

После того как многократные обращения Матвея к императору остались тщетными, он созвал эрцгерцогов, своих братьев и родичей, в Пресбург²⁵ держать совет, что предпринять ввиду возрастающей опасности для их дома. Братья единогласно вверили ему, как старшему, защиту их наследия, расточаемого скудоумным братом. Всю свою власть и все свои права отдали они в руки этого старшего, дав ему неограниченные полномочия распоряжаться всем по своему усмотрению во имя общего блага. Матвей тотчас вступил в переговоры с Портой и венгерскими мятежниками, и благодаря его ловкости удалось заключением мира с турками сохранить остатки Венгрии, а соглашением с мятежниками – права Австрии на потерянные земли. Но Рудольф, столь же дороживший своей верховной властью, сколь вяло её защищавший, замедляет утверждение мира, в котором видит преступное покушение на свои державные права. Он обвиняет эрцгерцога в соглашении с врагом и в предательских расчётах на венгерскую корону.

Деятельность Матвея была менее всего свободна от своекорыстных намерений, но поведение императора ускорило выполнение этих намерений. Убеждённый в преданности благодарных венгров, которым он даровал недавно мир, убеждённый своими уполномоченными в верности дворянства и опираясь в самой Австрии на значительное число приверженцев, он решается более широко огласить свои замыслы и с оружием в руках выступить против императора. Австрийские и моравские протестанты, уже готовые к восстанию и соблазняемые свободой совести, обещанной эрцгерцогом, прямо и открыто принимают его сторону, и давно задуманный союз их с мятежными венграми осуществляется. Сразу образуется страшный заговор против императора. Слишком поздно решается он исправить свою ошибку; напрасно силится он расстроить этот пагубный союз. Уже все взяли за оружие. Венгрия, Австрия и Моравия принесли присягу Матвею, который

уже находится на пути в Чехию, чтобы здесь настичь императора в его замке и сразу перерезать жизненный нерв его могущества.

Королевство Чешское было для Австрии не более спокойным владением, чем Венгрия, с той только разницей, что в Венгрии в основе распри лежали причины более политического, а в Чехии – более религиозного свойства. В Чехии за сто лет до Лютера загорелось впервые пламя религиозной войны²⁶, в Чехии спустя сто лет после Лютера вспыхнул пожар Тридцатилетней войны. Секта, созданная Иоганном Гусом, всё ещё жила с тех пор в Чехии, согласная с римской церковью в обрядах и вероучении, за исключением только вопроса о причастии, которое гуситы принимали под обоими видами; это право предоставлено было на Базельском соборе последователям Гуса особым договором (чешские компактаты), и хотя папы впоследствии не признавали его, гуситы продолжали всё-таки пользоваться им под охраной законов. Так как употребление чаши было единственным важным отличительным признаком этой секты, то приверженцы её были известны под именем утраквистов²⁷ (принимающих причастие под обоими видами), и они охотно носили это имя, напомиравшее им дорогое для них право. Но под этим именем скрывалась также гораздо более крайняя секта чешских и моравских братьев²⁸, которые расходились с господствующей церковью в гораздо более существенных пунктах и имели много общего с немецкими протестантами. У тех и других немецкие и швейцарские вероисповедные новшества быстро возымели успех, а название утраквистов, под которым они всё ещё умело скрывали свои изменённые догматы, спасало их от преследований.

Собственно говоря, с настоящими утраквистами у них не было ничего общего, кроме названия: по существу они были подлинными протестантами. В твёрдой надежде на поддержку своих могущественных единоверцев и на терпимость императора, они решились в правление Максимилиана открыто выступить со своими истинными воззрениями. По примеру немцев они изложили своё вероучение, в котором как лютеране, так и реформаты усматривали большое сходство со своими верованиями, и потребовали, чтобы это новое вероучение получило все привилегии прежней утраквистской церкви. Эта просьба встретила сопротивление со стороны их католических сограждан, и они вынуждены были удовлетвориться одним лишь устным обещанием императора.

Пока был жив Максимилиан, их вероучение пользовалось полной свободой и в новом своём виде; при его преемниках дело изменилось. Был издан императорский указ, которым отменялась свобода вероисповедания для так называемых чешских братьев. «Чешские братья» ни в чём не отличались от остальных утраквистов; стало быть, суровый эдикт должен был быть распространён на всех чешских единоверцев. Поэтому все выступили в ландтаге против императорского повеления, но не имели возможности бороться с ним. Император и католические чины опирались на компактаты и на чешское земское право, где, разумеется, не было никаких оговорок в пользу религии, за которую тогда ещё не высказался голос народа. Но как много изменилось с тех пор! То, что было тогда лишь незначительной сектой, стало теперь господствующей церковью; и, разумеется, желание держать новую религию под гнётом старых узаконений было не чем иным, как злобной придиркой. Чешские протестанты ссылались на устное обещание Максимилиана и на религиозную свободу немцев, ниже которых они ни в чём не хотели стоять. Всё было напрасно: они получили отказ.

Таково было положение в Чехии, когда Матвей, уже властелин Венгрии, Австрии и Моравии, появился у Колина, чтобы возмутить и чешских чинов против императора. Положение последнего стало до крайности критическим. Покинутый прочими своими наследственными провинциями, он возлагал последнюю надежду на чехов, которые, как можно было с уверенностью предвидеть, не преминули бы воспользоваться его трудным положением для удовлетворения своих давних требований. После многолетнего промежутка он вновь появился на сейме в Праге; для того чтобы показать народу, что он действительно ещё жив, пришлось настезь открыть ставни всех окон дворцовой галереи, по которой он шествовал: лучшее свидетельство того, как обстояли его дела. Случилось то, чего он опасался: чешские чины, почувствовав свою силу, ни на что не соглашались, пока им полностью не обеспечат их сословные привилегии и религиозную свободу. Напрасны были попытки увернуться путём старых уловок; судьба императора была в руках чинов, и он вынужден был подчиниться необходимости. Но они добились его согласия только на все прочие свои требования; религиозные дела он отложил до ближайшего сейма.

Теперь чехи взялись за оружие для защиты императора, и кровавая усобица должна была вспыхнуть между двумя братьями. Однако Рудольф, который ничего так не боялся, как этой рабской зависимости от своих чинов, поспешил, не дожидаясь войны, покончить миром с эрцгерцогом, своим братом. По акту формального отречения он отдал ему всё, чего всё равно не мог получить обратно, – Австрию и королевство Венгерское, – и признал его своим наследником на чешском престоле.

Выйдя столь дорогой ценой из величайших затруднений, император тотчас же запутался снова. Религиозные дела чехов были отложены до ближайшего сейма; этот сейм был созван в 1609 году. Они потребовали той же свободы совести, что и при прежнем императоре, собственной консистории²⁹, передачи протестантам Пражской академии и разрешения выбирать из своей среды дефензоров, или защитников свободы³⁰. Ответ оставался всё тот же, ибо католическая сторона сковывала решимость робкого императора. Сколько ни возобновляли чины свои требования, сопровождая их угрозами, Рудольф упорно держался своего прежнего решения – не давать ничего сверх установленного старыми договорами. Сейм разошёлся, не

добившись ничего, и чины, возмущённые императором, решили самовольно устроить съезд в Праге, чтобы помочь себе собственными силами.

В Прагу их явилось великое множество. Сопещания происходили вопреки запрету императора, чуть не на его глазах. Уступчивость, которую он начал обнаруживать, только показала чинам, как их бояться, и усилила их задор, но в основном вопросе он оставался непреклонен. Чины выполнили свои угрозы и приняли веское решение – самовластно установить повсюду свободу исполнения обрядов своей религии и отказывать императору в удовлетворении его финансовых требований, покуда он не утвердит этого постановления. Они пошли дальше и сами выбрали себе дефензоров, в которых им отказывал император. Было назначено по десяти человек от каждого из трёх сословий; было решено как можно скорее набрать войско, причём генерал-вахтмейстером был назначен граф фон Турн, глава всего движения. Столь серьёзный оборот дела заставил, наконец, императора согласиться – это рекомендовали ему теперь даже испанцы. Боясь, как бы доведённые до крайности чины не бросились в конце концов в объятия короля Венгерского, он подписал примечательную «грамоту величества» чехов; ссылками на эту грамоту они оправдывали восстание, поднятое ими при преемниках Рудольфа.

Чешское вероисповедание, изложенное чинами перед императором Максимилианом, получало по этому документу совершенно равные права с католической церковью. Утраквистам, как продолжали называть себя чешские протестанты, предоставляется Пражский университет и собственная консистория, совершенно независимая от архиепископа Пражского. За ними остаются все церкви, которыми они в момент издания этого акта владели в городах, деревнях и селениях; если у них возникнет необходимость в новых церквях, то сооружение таковых должно разрешаться рыцарям, дворянству и всем городам. Этот последний пункт грамоты величества был причиной злосчастного спора, охватившего пожаром всю Европу.

Грамота величества сделала протестантскую Чехию чем-то вроде республики. Чины познали свою силу, основанную на стойкости, согласии и единодушии. У императора осталась лишь тень его державной власти. В лице так называемых «защитников свободы» дух крамолы получил опасную поддержку. Удача Чехии была соблазнительным примером для остальных наследственных владений Австрии, и все они намеревались тем же путём добыть такие же привилегии. Дух свободы проносился из одной области в другую, а так как причиной удачи протестантов были главным образом раздоры между австрийскими принцами, то позаботились поскорее помирить императора с королём Венгерским.

Но примирение это никак не могло быть искренним. Оскорбление было слишком тяжко, чтобы его можно было простить, и в глубине души Рудольф продолжал питать неугасимую ненависть к Матвею. Он не мог отделаться от мучительной, раздражавшей его мысли, что в конце концов и чешский скипетр перейдёт в столь ненавистные ему руки, а надежда на то, что Матвей умрёт без наследников, была для него не слишком утешительной: тогда главой рода будет Фердинанд, эрцгерцог Грацкий, который тоже был ему не по душе. Чтоб отрезать ему, как и Матвею, путь к чешскому престолу, Рудольф пришёл к мысли передать это наследство брату Фердинанда, эрцгерцогу Леопольду, епископу Пассаускому, своему любимому и наиболее преданному родственнику. Представления чехов о свободе избрания королей и их расположение к Леопольду как будто благоприятствовали этому замыслу, который был продиктован Рудольфу скорее пристрастностью и жадной мести, нежели заботой о благе его рода. Но для того, чтобы привести этот план в исполнение, нужна была военная сила, которую Рудольф и сосредоточил в епископстве Пассауском. Никому не было известно назначение этого войска; но неожиданное вторжение солдат в Чехию, предпринятое без ведома императора из-за задержки жалованья, а также бесчинства, совершенные там солдатами, возмутили всё королевство, и оно восстало против императора. Напрасно уверял он чехов в своей непричастности – чины не верили ему; напрасно пытался он прекратить своевольные бесчинства своих солдат – они не слушались его. В предположении, что эти действия клонятся к отмене «грамоты величества», «защитники свободы» вооружили всю протестантскую Чехию и призвали в страну Матвея. После изгнания его пассауского войска император, лишённый всякой поддержки, оставался в Праге, где его содержали в его собственном замке как пленника, удалив от него всех его советников. Тем временем Матвей среди всеобщего ликования торжественно вступил в Прагу, где вскоре затем Рудольф, проявив чрезвычайное малодушие, признал его королём Чешским. Так жестоко наказала судьба этого императора: ему пришлось при жизни отдать врагу трон, который он не хотел предоставить ему после своей смерти. Чтобы довершить унижение, Рудольфа заставили собственноручно подписанным отречением освободить всех своих подданных в Чехии, Силезии и Лузании от всех их обязанностей по отношению к нему. И он это сделал, терпя жестокие душевные муки. Все покинули его, даже те, чьим благодетелем он себя считал. Подписав акт, он швырнул шляпу наземь и разгрыз перо, сослужившее ему столь позорную службу.

Теряя одно своё наследственное владение за другим, Рудольф не сумел соблести и высокое достоинство императорского сана. Каждая из религиозных партий, враждовавших в Германии, по-прежнему стремилась улучшить своё положение за счёт другой или защитить себя от её нападений. Чем слабее была рука, державшая скипетр государства, и чем свободнее чувствовали себя протестанты и католики, тем напряжённее следили они друг за другом, тем более возрастало их взаимное недоверие. Тот факт, что императором руководили иезуиты и он следовал советам, получаемым из Испании, был достаточной причиной для страха протестантов и достаточным основанием для их враждебного отношения к императору. Неразумный фанатизм иезуитов,

своими сочинениями и проповедями сеявших сомнения в действительности религиозного мира, разжигал недоверие протестантов и заставлял их в каждом маловажном начинании католиков видеть опасные замыслы. Всё, что предпринималось в наследственных владениях императора для ограничения евангелического вероисповедания, привлекало внимание всей протестантской Германии, и та могучая поддержка, которую евангелические подданные Австрии нашли или надеялись найти у своих единоверцев в остальной Германии, была в значительной мере причиной их упорства и быстрого успеха Матвея. В империи были уверены, что продолжительность религиозного мира объясняется только стеснённым положением императора, вызванным смутой в его владениях: именно потому никто и не спешил вывести его из этих затруднений.

Почти все дела имперского сейма оставались без движения либо по беспечности императора, либо по вине протестантских имперских чинов, которые поставили себе за правило ничего не делать для общих нужд государства, пока не будут удовлетворены их жалобы. Эти жалобы относились главным образом к недостаткам императорского правления, к нарушениям религиозного мира и к новым притязаниям придворного имперского суда (рейхсгофрата), который за последнее царствование стал расширять свою юрисдикцию в ущерб правам имперского суда (камергерихта). До сих пор все тяжбы между чинами, не решённые кулачным правом, в высшей инстанции решались в незначительных случаях самим императором единолично, в более важных – при участии имперских князей или, наконец, императорскими судьями, сопровождавшими императора в его переездах. В конце XV века императоры передали эту верховную судебную власть хорошо организованному постоянному трибуналу, так называемому камергерихту в Шпейере, где, во избежание произвола императора, заседали также выборные члены от имперских чинов, которые равным образом выговорили себе право подвергать приговоры суда периодическому пересмотру. Это право чинов (называемое презентационным и визитационным правом) религиозный мир распространил и на лютеран, так что отныне в делах протестантов приговор выносился при участии протестантских судей, и в верховном судилище установилось кажущееся равновесие между обеими религиями. Но враги реформации и сословной свободы, бдительно следя за каждым обстоятельством, благоприятствующим их целям, быстро нашли способ уничтожить положительные стороны этого порядка вещей. Понемногу всё сложилось так, что высшее правосудие по делам имперских чинов перешло в руки частного суда императора, венского рейхсгофрата, первоначально учреждённого лишь для помощи императору в осуществлении его беспспорных личных императорских прав. Члены этого суда, назначаемые самим императором по его усмотрению и получавшие жалованье исключительно от него, не могли не признать своим единственным руководящим началом благо католической церкви, к которой они принадлежали, и своим единственным законом – выгоду своего господина. В этот суд теперь передавались многие тяжбы между представителями разных религий, право разрешения которых принадлежало только камергерихту, а до учреждения последнего – совету князей. Нет ничего удивительного, что католические судьи и креатуры императора, заседавшие в рейхсгофрате, жертвовали справедливостью в интересах католической религии и своего повелителя, о чём свидетельствовали выносимые ими приговоры. Хотя можно думать, что все имперские чины Германии имели причины своевременно воспротивиться столь опасному злоупотреблению, однако это сделали одни только протестанты, на которых оно отзывалось особенно сильно, да и среди них не все те, кого, как защитников германской свободы, это самочинное учреждение оскорбляло в их священнейшем интересе – в отправлении правосудия. В самом деле, Германии нечего было особенно радоваться уничтожению кулачного права и учреждению камергерихта, если наряду с последним предполагалась ещё произвольная юрисдикция императора. Что же выиграли бы германские имперские чины по сравнению с теми варварскими временами, если бы камергерихт, в котором они заседали рядом с императором, из-за которого они отказались от своего державного права суда, перестал быть необходимой судебной инстанцией? Но в умах этого времени часто мирно уживались самые странные противоречия. С титулом императора, наследием деспотического Рима, тогда ещё соединялось понятие полноты верховной власти, которое самым нелепым образом противоречило всему государственному праву немцев и, однако, защищалось юристами, распространялось сторонниками деспотизма и признавалось людьми малодушными.

К этим всеобщим жалобам присоединилась мало-помалу вереница отдельных случаев, которые довели беспокойство протестантов до высшей степени недоверия. Во время религиозных преследований, начатых испанцами в Нидерландах, немало протестантских семей нашло убежище в католическом имперском городе Лакене, где они поселились и потихоньку приобрели немало приверженцев. Успев хитростью провести нескольких своих единоверцев в городской совет, они потребовали для себя отдельной церкви и права публичного богослужения и, когда последовал отказ, добыли себе всё это насильственным путём, захватив и само городское управление. Видеть столь значительный город в руках протестантов было слишком тяжёлым ударом для императора и всей католической партии. После того как все императорские увещания и приказы восстановить прежнее положение вещей остались тщетными, город, по решению рейхсгофрата, был объявлен в имперской опале; однако этот приговор был приведён в исполнение лишь в следующее царствование.

Большее значение имели две другие попытки протестантов расширить свои владения и приумножить свою силу. Курфюрст Кельнский Гебгард, по рождению Трухзес³¹ фон Вальдбург, воспылил к молодой графине Агнесе фон Мансфельд, канониссе в Герресгейме, страстной любовью, которая встретила взаимность. Так как взоры всей Германии были обращены на эту связь, то братья графини, ревностные кальвинисты, потребовали удовлетворения за оскорбление своей фамильной чести, которая не могла быть восстановлена браком, пока

курфюрст оставался католическим епископом. Они угрожали курфюрсту смыть этот позор его кровью и кровью своей сестры, если он не откажется немедленно от всяких сношений с графиней или не восстановит её честь перед алтарём. Курфюрст, равнодушный ко всем последствиям своего шага, послушался лишь голоса любви. Потому ли, что он и раньше склонялся к новой религии, или же это чудо совершили прелести его возлюбленной, он отрёкся от католической веры и предстал пред алтарём с прекрасной Агнесой.

Этот случай наводил на самые серьёзные размышления. По букве «церковной оговорки» такое отступничество лишало курфюрста всех прав на его церковные владения, и если для католиков когда-либо было важно добиваться применения «церковной оговорки», то это, конечно, прежде всего относилось к случаям, касавшимся курфюршества. С другой стороны, отказ от верховной власти был чрезвычайно тяжким шагом, тем более тяжким для столь нежного супруга, которому так хотелось впридачу к своему сердцу и своей руке поднести невесте целое княжество! «Церковная оговорка» и без того была спорным пунктом Аугсбургского мира, и всей протестантской Германии казалось в высшей степени важным отнять у католической партии это четвёртое курфюршество. Подобные случаи, ознаменовавшиеся успехом, уже имели место во многих церковных владениях Нижней Германии. Многие члены соборного капитула в Кёльне³² были уже протестантами и стали на сторону курфюрста; в самом городе он мог рассчитывать на значительное число приверженцев-протестантов. Все эти причины да ещё уговоры друзей и родственников и посулы многих германских дворов вызвали в курфюрсте решимость удержать свои владения и после перемены религии.

Но весьма быстро выяснилось, что он начал борьбу, которую ему не под силу было успешно закончить. Объявление свободы протестантского богослужения в кёльнских землях сразу же наткнулось на самые решительные протесты католических земских чинов и членов соборного капитула. Вмешательство императора и указ из Рима, по которому Гебгард предавался проклятию как вероотступник и отрешался от всех духовных и светских званий, вооружили против него его земских чинов и его капитул. Курфюрст собрал войско; члены капитула сделали то же самое. Чтобы поскорее обеспечить себя могущественным сторонником, они поспешно приступили к выборам нового курфюрста; избранником их оказался епископ Лютихский, баварский принц.

Вспыхнула усобица, которая ввиду деятельного участия, какое неизбежно должны были принять в этом деле обе религиозные партии Германии, легко могла привести к общему нарушению имперского мира. Более всего возмущало протестантов то, что папа, присваивая себе апостольскую власть, посмел отрешить от светского верховенства одного из имперских князей. Даже в золотые времена духовного владычества пап это право признавалось далеко не всеми. Какое же противодействие должно было оно встретить в эпоху, когда авторитет папы для одних пал совершенно, а в глазах других был сильно расшатан! Все протестантские дворы Германии настойчиво ходатайствовали об этом деле пред императором. Генрих IV Французский, тогда ещё король Наваррский, всеми возможными способами старался побудить германских князей не отступаться от своих прав. Этот случай имел решающее значение для свободы Германии. Четыре протестантских голоса против трёх католических в совете курфюрстов должны были дать перевес протестантской партии и навеки преградить Австрийскому дому путь к императорскому престолу.

Но курфюрст Гебгард перешёл не в лютеранское, а в реформатское вероисповедание; это единственное обстоятельство стало для него роковым. Взаимное ожесточение двух протестантских церквей не позволяло евангелическим имперским чинам смотреть на курфюрста как на своего и оказывать ему, как таковому, действительную поддержку. Все, правда, ободряли его и обещали ему помощь, но лишь удельный принц из Пфальцского дома, пфальцграф Иоганн-Казимир, ревностный кальвинист, сдержал своё слово. Невзирая на императорский запрет, он поспешил со своим маленьким войском в Кёльнскую область, но не мог сделать ничего существенного, так как курфюрст, сам лишённый всего необходимого, оставил его без всякой подмоги. Тем быстрее укреплялся новоизбранный курфюрст, которому оказывали всяческое содействие как его баварские родственники, так и находившиеся в Нидерландах испанцы. Отряды Гебгарда, не получая жалованья от своего господина, сдавали неприятелю одно укрепление за другим; сам курфюрст продолжал отстаивать свои вестфальские владения, пока и здесь не вынужден был уступить превосходству сил. После многих тщетных попыток получить в Англии и Голландии помощь для своего восстановления он удалился в Страсбургское епископство, где и умер соборным деканом – первая жертва «церковной оговорки» или, вернее, разногласий между немецкими протестантами. За кёльнским столкновением вскоре последовало новое – в Страсбурге. Многие протестантские каноники из Кёльна, преданные папскому проклятию вместе с курфюрстом, бежали в это епископство, где у них также были бенефиции. Так как в Страсбурге католические каноники не решались позволить им, как отлученным, пользоваться этими бенефициями, то они овладели ими самовольно и насильственно, а могущество приверженцев протестантизма среди страсбургских граждан вскоре дало им преобладание в епископстве. Католические каноники переселились в Цаберн в Эльзасе, где под защитой своего епископа продолжали вести дела своего капитула, как единственно законного, в объявили священнослужителей, оставшихся в Страсбурге, самозванцами. Между тем последние, приняв в свою среду многих протестантских священнослужителей знатного происхождения, усилились до такой степени, что после смерти епископа отважились избрать епископом протестанта, принца Бранденбургского Иоганна-Георга. Католические каноники, отнюдь не склонные утвердить их выбор, избрали носителем этого высокого звания епископа Мецкого, принца Лотарингского, который не замедлил возвестить о своём избрании враждебными действиями против Страсбургских земель.

Так как город Страсбург встал с оружием в руках на защиту протестантского капитула и принца Бранденбургского, а противная партия при помощи лотарингских войск старалась завладеть епископскими землями, то возникла продолжительная война, сопровождавшаяся, по обычаю тех времён, варварским опустошением. Напрасно старался император решить спор своим высоким авторитетом: епископские владения ещё долгое время оставались разделёнными между обеими партиями, покуда, наконец, протестантский принц за умеренное денежное вознаграждение не отказался от своих притязаний, и таким образом католическая церковь одержала ещё одну победу.

Ещё более серьёзным для всей протестантской Германии было событие, происшедшее в швабском имперском городе Донауверте, после того как был улажен спор, о котором сейчас шла речь. В этом католическом городе в правление Фердинанда и его сына протестантская религиозная партия получила законным путём такой перевес, что католические обыватели города должны были довольствоваться часовней в монастыре святого Креста и по причине раздражения, царившего среди протестантов, отказаться от многих своих богослужебных обрядов. Наконец, фанатический настоятель этого монастыря, осмелев пренебречь гласом народа, вздумал устроить крестный ход с поднятием креста и с развевающимися хоругвями. Однако его быстро заставили вернуть процессию в монастырь. Когда тот же самый настоятель, ободрённый благоприятным императорским указом, через год повторил крестный ход, протестанты перешли к прямому насилию. Фанатически настроенная толпа заперла ворота перед возвращавшимися в город монахами, изорвала их хоругви и проводила их домой криками и бранью. Следствием погрома был вызов в императорский суд, и когда возбуждённые жители решились поднять руку на императорских комиссаров, когда все попытки мирно уладить распрю наткнулись на сопротивление разъярённого народа, город, наконец, был объявлен в имперской опале; исполнение приговора было возложено на герцога Максимилиана Баварского. Малодушие охватило столь задорных ранее граждан при приближении баварского войска: они сдались без сопротивления. Возмездием за их вину была полная отмена протестантского вероисповедания в Донауверте. Город потерял свои привилегии и из швабского имперского вольного города обратился в город, подчинённый Баварии.

Два обстоятельства, сопровождавшие это событие, должны были обратить на себя внимание протестантов даже в том случае, если бы интересы религии не имели для них такого значения.

Приговор этот был произнесён императорским рейхсгофратом, трибуналом католическим, действующим произвольно, подсудность которому давно уже вызывала яростные нападки протестантов, а выполнение его было поручено герцогу Баварскому, начальнику чуждого округа. Распоряжения, столь противные имперской конституции, предвещали протестантам насильственную расправу со стороны католиков, которые, опираясь на тайные соглашения и осуществляя опасный план, могли добиться полного подавления их религиозной свободы.

В положении, где господствует право силы и на силе основана всякая безопасность, слабейшая сторона всегда деятельнее заботится о самозащите. Это происходило теперь и в Германии. Если католики в самом деле замыслили что-либо дурное против протестантов, то, очевидно, первый удар, по разумному расчёту, должен был скорее пасть на Южную, чем на Северную Германию, ибо земли, где обитали нижнегерманские протестанты, тянулись длинной сплошной полосой, и таким образом они легко могли помогать друг другу; верхнегерманским же протестантам, отрезанным от остальных и охваченным со всех сторон католическими государствами, было бы весьма трудно противостоять нападению. Если бы, далее, католики, как можно было предполагать, пожелали воспользоваться внутренней рознью протестантов и направить нападение на обособленную религиозную партию, то, очевидно, кальвинисты, как более слабые и вдобавок отрешённые от религиозного мира, подвергались самой непосредственной опасности, и первый удар должен был пасть на них.

Оба эти условия соединились в пфальцских землях, имевших в лице герцога Баварского весьма опасного соседа. Эти земли в результате перехода их государя в кальвинизм совершенно не пользовались защитой религиозного мира и не могли надеяться на помощь евангелических чинов. Ни одна немецкая страна не пережила за столь краткий промежуток времени столь быстрых перемен религии, как Пфальц той эпохи. В течение всего только шестидесяти лет эта страна, злополучная игрушка своих властелинов, два раза обращалась к учению Лютера и два раза сменяла это учение на кальвинизм. Сперва курфюрст Фридрих III изменил аугсбургскому исповеданию; его старший сын и наследник Людвиг быстро и насильственно снова сделал это исповедание господствующим. У кальвинистов во всей стране были отобраны их церкви; их проповедники и даже школьные учителя, исповедовавшие их веру, были высланы из Пфальца; этот ревностный евангелический государь преследовал их даже в своём духовном завещании, назначив опекунами своего малолетнего наследника лишь строго правоверных лютеран. Но противозаконное завещание это было уничтожено его братом, пфальцграфом Иоганном-Казимиром, который, согласно предписаниям Золотой буллы³³, принял на себя опеку и управление всей страной. Девятилетний курфюрст Фридрих IV был окружён учителями-кальвинистами, которым поручено было изгнать лютеранскую ересь из души их воспитанника, коли надо, хоть палками. Если так поступали с государём, то можно себе представить, как обходились с подданными.

При Фридрихе IV пфальцкий двор с особой ревностью призывал протестантских чинов в Германии к единодушной борьбе с Австрийским домом и пытался достичь их объединения. Не говоря о влиянии советов Франции, которые всегда были продиктованы ненавистью к Австрии, одна уже забота о самосохранении заставила Пфальцкий двор постараться своевременно обезопасить себя от столь близкого и столь могущественного врага хотя бы ненадёжной поддержкой со стороны протестантов. Осуществление этого союза

было сопряжено с большими трудностями, так как ненависть евангелистов к реформатам едва ли уступала общему их отвращению к папистам. Поэтому питались прежде всего воссоединить религии, чтобы таким образом проложить путь к политическому объединению; но все эти попытки не имели успеха и кончались обыкновенно тем, что каждая сторона лишь ещё более укреплялась в своих воззрениях. Оставалось одно: усилить страх и недоверие евангелистов и тем вызвать в них сознание необходимости такого союза. Для этого преувеличивали силу католиков; раздували опасность; случайные события приписывались заранее обдуманному плану; незначительные происшествия извращались злостным толкованием, и всему поседению католиков приписывали такое единодушие и осмотрительность, от коих они, вероятно, были очень далеки.

Имперский сейм в Регенсбурге, где протестанты надеялись добиться возобновления религиозного мира, окончился для них неудачей, и к их прежним жалобам прибавилась ещё жалоба на недавнее насилие над Донаувертом. С невероятной быстротой был заключён столь долгожданный союз. В 1608 году в Ангаузене, во Франкони, курфюрст Фридрих IV Пфальцский, пфальцграф Нейбургский, два маркграфа Бранденбургские, маркграф Баденский и герцог Иоганн-Фридрих Вюртембергский – стало быть, лютеране и кальвинисты – заключили между собой за себя и за своих наследников тесный союз, названный евангелической унией. По этому договору вошедшие в унию государи поддерживают друг друга словом и делом в вопросах религии и политических прав против всякого обидчика, и все обязуются стоять за одного. Каждый член унии, вовлечённый в войну, получает от остальных вспомогательные отряды. Войскам его в случае надобности открывается доступ в земли, города и замки всех других союзников, а то, что будет завоёвано одним, делится между всеми членами унии соразмерно степени их участия. Управление всем союзом передаётся в мирное время Пфальцу, но с ограниченной властью. Были сделаны взносы на необходимые издержки и создан фонд. Религиозные различия между лютеранами и кальвинистами не должны оказывать никакого влияния на союз. Договор остаётся в силе в течение десяти лет. Каждый член унии обязуется вербовать новых членов. Курфюршество Бранденбургское примкнуло к унии; курфюршество Саксонское не одобрило союза. Гессен не мог принять свободного решения; герцоги Брауншвейгский и Люнебургский также не знали, на что решиться. Но три имперские города – Страсбург, Нюрнберг и Ульм – были важным приобретением для союза, так как их деньги были очень нужны ему и их пример мог найти подражание во многих других имперских городах.

Выступая порознь, союзные государства действовали нерешительно и внушали мало уважения; но, объединившись, они заговорили более смелым языком. Через князя Ангальтского Христиана они представили императору свои совместные жалобы и требования, среди которых первое место занимали: восстановление самостоятельности Донауверта, отмена императорской придворной юрисдикции, преобразование его правления и ограничение функций его советников. Для этих представлений они выбрали удачный момент, когда император едва справлялся со смутой в его собственных землях: Австрия и Венгрия только что перешли к Матвею, и чешскую корону Рудольф сохранил только благодаря дарованию грамоты величества; наконец, юлихское наследство грозило в будущем новой войной. Нет ничего странного, что этот медлительный государь менее чем когда-либо спешил теперь со своими решениями, и союз взялся за оружие, прежде чем император успел что-либо надумать.

Католики подозрительно следили за унией. С таким же недоверием наблюдала уния за католиками и за императором, а император – за теми и другими. С обеих сторон страх и взаимное озлобление достигли предела. И как раз в этот критический момент смерть Иоганна-Вильгельма, герцога Юлихского, вызвала чрезвычайно серьёзный спор о юлих-клевском наследстве.

На наследство, нераздельность которого была основана на торжественных договорах, заявили притязания восемь соискателей. Император был не прочь овладеть этим наследством как выморочным имперским леном и мог считаться девятым претендентом. Четверо из соискателей – курфюрст Бранденбургский, пфальцграф Нейбургский, пфальцграф Цвейбрюкенский и австрийский принц маркграф Бургауский – предъявили требования от имени четырёх принцесс, своих жён, сестёр покойного герцога. Двое других – курфюрст Саксонский из альбертинской линии и герцог Саксонский из линии эрнестинской – ссылались на давние права, предоставленные им на это наследство императором Фридрихом III и утверждённые за обоими саксонскими домами Максимилианом I. Притязания некоторых иностранных принцев были оставлены без внимания. Ближайшие и приблизительно равные права имели владетели Бранденбурга и Нейбурга. Тотчас после открытия наследства оба двора заявили о них; начал Бранденбург, за ним последовал Нейбург. Спор начался пером и окончился бы, вероятно, мечом, но вследствие вмешательства императора, который предпочитал решить эту тяжбу с высоты своего трона, а пока взять под секвестр спорные земли, и обе враждующие стороны быстро примирились, чтобы отвлечь общую для обеих опасность. Сошлись на том, что герцогством будут править совместно. Напрасно император требовал от юлих-клевских земских чинов, чтоб они не присягали своим новым властителям; напрасно послал он в спорные владения своего родственника, эрцгерцога Леопольда, епископа Пассауского и Страсбургского, чтобы тот личным присутствием воодушевлял императорскую партию. Вся страна, за исключением Юлиха, подчинилась протестантским государям, и императорская партия была осаждена в этой столице.

Борьба за Юлих имела важное значение для всей Германской империи и даже привлекла внимание многих европейских дворов. Вопрос был не в том, кому достанется и кому не достанется Юлихское герцогство, но в том, какая из обеих партий Германии – католическая или протестантская – усилится столь значительным

приобретением, для какой из обеих религий будет выиграна или потеряна эта область. Вопрос был в том, удастся ли Австрии снова удовлетворить свои непомерные притязания, временно насытив свою жадность новым грабежом, или же свобода Германии и равновесие её сил устоят против посягательств Австрии. Таким образом, спор о юлихском наследстве затрагивал интересы всех держав, покровительствовавших свободе и враждебно относившихся к Австрии. В спор были вовлечены евангелическая уния, Голландия, Англия и в особенности – Генрих IV Французский.

Этот монарх, потративший лучшую половину своей жизни на борьбу с Австрийским домом и Испанией, монарх, с непреодолимой, геройской силой преодолевавший все препятствия, воздвигнутые Австрийским домом между ним и французским престолом, отнюдь не оставался бездеятельным созерцателем смут, происходивших в Германии. Именно эта борьба чинов с императором даровала и обеспечила мир его Франции. Протестанты и турки представляли две благодетельные силы, которые ограничивали австрийское могущество на Востоке и Западе, но Австрия вновь встала бы во всей своей грозной мощи, если бы только ей позволили сбросить с себя эти оковы. На протяжении половины своей жизни Генрих IV непрестанно наблюдал зрелище австрийского властолюбия и австрийских захватов. Ни неудачи, ни даже скудоумие, обычно умеряющее все страсти, не могли погасить эти стремления в груди, где текла капля крови Фердинанда Арагонского³⁴. Уже сто лет тому назад австрийское стяжательство лишило Европу блаженного мира и произвело насильственный переворот среди самых значительных её государств. Оно оставило поля без пахарей, мастерские – без художников, чтобы заполнить целые страны огромными, никогда ещё не виданными массами войск, а мирные торговые пути моря – военными флотами. Оно заставило европейских монархов обременить своих трудолюбивых подданных неслыханными налогами и истощать в вынужденной обороне лучшие силы своих государств без всякой пользы для благосостояния их обитателей. Европа не знала мира, её государства не знали процветания, ничто не могло быть порукой благоденствия народов, пока этой опасной династии предоставлена была возможность нарушать по своему произволу покой этой части света.

Таковы были размышления, омрачавшие душу Генриха на закате его славной жизни. Сколь великих трудов ему стоило умиротворить мрачный хаос, в который ввергла Францию многолетняя междоусобная война, вызванная и питаемая этой Австрией! Всякий выдающийся человек хочет иметь уверенность, что работал для вечности, а кто мог поручиться этому государю за длительность благосостояния, созданного им во Франции, пока Австрия и Испания оставались той силой, которая, хотя теперь разбитая и истощённая, при первом благоприятном для неё случае могла снова стать единым целым и воскреснуть во всей своей грозной мощи! Если он хотел оставить своему преемнику достаточно прочный престол – длительный мир, он должен был навеки обезоружить эту опасную силу. Отсюда и происходила непримиримая ненависть Генриха IV к Австрийскому дому – неутолимая, пламенная и справедливая, как вражда Ганнибала к народу Ромула³⁵, но продиктованная более благородными мотивами.

Великие замыслы Генриха разделялись всеми державами Европы, но не все были способны вести эту проникательную политику, проявлять бескорыстнейшее мужество и смело действовать во имя этого замысла. Всех людей без различия соблазняет непосредственная выгода, но лишь великие сердца вдохновляются отдалённым благом. Пока мудрость рассчитывает в своих замыслах на всеобщую мудрость или полагается на свои собственные силы, она строит одни химерические планы и подвергается опасности стать посмешищем для всего мира. Но она может быть уверена в счастливом исходе и может рассчитывать на одобрение и восхищение, когда и своих глубоко продуманных расчётах отводит определённую роль варварству, любостыжанию и суеверию и когда обстоятельства дают ей возможность сделать чужие корыстные страсти орудием её прекрасных целей.

В первом случае известный проект Генриха – изгнать Австрийский дом из всех его владений и поделить между европейскими державами награбленные этим домом земли – действительно заслуживал бы названия химеры, которое ему давали столь часто и столь охотно; но заслуживал ли его план такой же характеристики и во втором случае? Этому замечательному государю никогда не пришла бы мысль приписывать исполнителям своего проекта те побуждения, какие одушевляли в этом замысле его самого и его помощника Сюлли. Все государства, содействие которых в этом начинании было необходимо, взяли на себя приличествовавшую им в данном случае роль по самым серьёзным мотивам, какие только могут привести в действие политическую силу. От австрийских протестантов требовалось лишь то, что и ранее было целью их стремлений: свержение австрийского ига. От нидерландцев не требовалось ничего, кроме такого же свержения испанского владычества. Для папы и для всех итальянских республик важнее всего было навеки освободить их полуостров от испанского тирании. Для Англии не было ничего желательнее переворота, который освободил бы её от заклятого врага. Каждое государство выигрывало при этом разделе австрийской добычи территорию или свободу, новые владения или безопасность старых. А так как выигрыш был обеспечен для всех, то равновесие оставалось бы нерушимым. Франция могла великодушно пренебречь участием в дележе, потому что сама она по меньшей мере вдвойне выигрывала от гибели Австрии и, не усилившись, всё равно оказалась бы сильнее всех. Наконец, предполагалось, что за освобождение Европы от их присутствия потомки Габсбургов получат свободу расширять свои владения во всех открытых или могущих быть открытыми частях света. Кинжал Равальяка спас Австрию³⁶, чтобы отдалить мир в Европе ещё на несколько столетий.

Стремясь к осуществлению этих замыслов, Генрих, естественно, должен был вскоре принять активное участие в делах такой важности, как создание евангелической унии в Германии и спор из-за юлихского наследства. Его уполномоченные вели переговоры при всех протестантских дворах Германии, и того немногого, что они выдавали или позволяли угадывать из великой политической тайны своего монарха, было вполне достаточно, чтобы привлечь к нему души, охваченные столь пламенной враждой к Австрии и обуреваемые столь могучею жаждой стяжания. Дальновидная политика Генриха сплотила унию ещё теснее, и сильная подмога, которую он обязался дать, укрепила мужество союзников до степени непоколебимой твёрдости. Многочисленная французская армия под предводительством короля должна была соединиться с войсками унии на берегах Рейна и прежде всего способствовать окончательному завоеванию юлих-клевских владений, а затем двинуться в союзе с немцами в Италию, где их ждала могущественная помощь Савойи, Венеции и папы, и низвергнуть все испанские троны. Затем этой победоносной армии предстояло вторгнуться из Ломбардии в наследственные владения Габсбургов и здесь, вкупе с всеобщим восстанием протестантов, сокрушить австрийскую державу во всех её немецких землях, а также в Чехии, Венгрии и Семиградье. Тем временем брабанты и голландцы, подкреплённые французской помощью, должны были свергнуть иго испанской тирании, и этот страшный поток, с такой неодолимой силой вышедший из берегов, ещё так недавно грозивший потопить свободу Европы в своих мрачных пучинах, снова будет медленно, бесшумно катиться за Пиренеями.

Французы всегда хвалились своей быстротой; однако на этот раз немцы превзошли их. Армия евангелической унии вступила в Эльзас прежде, чем там появился Генрих, и австрийское войско, сосредоточенное в этом краю епископом Страсбургским и Пассауским и готовое двинуться в юлихские владения, было рассеяно. Генрих IV создал план, достойный государственного человека и короля, но он поручил его выполнение разбойникам. По его замыслу необходимо было действовать так, чтобы ни один католический владетельный князь не мог заподозрить, что эти военные приготовления направлены против него, и в связи с этим отождествить дело Австрии со своими личными интересами. Предполагалось совершенно не впутывать во всё это религию. Но разве могли германские государи из-за планов Генриха забыть свои собственные цели? Ими двигали жажда увеличить свои владения и религиозная ненависть, и они, естественно, стремились попутно захватить, для удовлетворения своей алчности, всё, что только могли. Точно хищные коршуны налетели они на земли князей церкви, выбирая для своих стоянок самые тучные пажити, хотя бы для этого надобно было идти кружным путём. Точно во вражеской стране налажали они контрибуции, самочинно собирали налоги и брали силой то, чего им не давали по доброй воле. Мало того – чтобы не оставить у католиков никаких сомнений относительно истинных причин их похода, они громко и открыто говорили, какую судьбу готовят они церковным владениям. Вот как мало общего было у Генриха IV и германских государей в данном плане действий! Вот как жестоко ошибся этот замечательный государь в своих исполнителях! Остаётся вечной истиной, что применение силы там, где этого применения требует мудрость, никогда не должно быть поручено насильнику, что нарушение порядка можно доверить лишь тому, кто им дорожит.

Действия, возмущившие даже многих евангелических владетелей, и страх подвергнуться ещё худшему насилию вызвали в среде католиков нечто большее, чем пассивное возмущение. Утраченный авторитет императора не мог служить им защитой против такого врага. Только союз придавал устрашающую мощь евангелистам, связанным унией, и противоборствовать им мог только союз.

План такого католического союза, отличавшегося от евангелического названием «лига», был составлен епископом Вюрцбургским. Статьи договора были почти те же, что в унии, большинство в ней принадлежало епископам; во главе её стоял герцог Баварский Максимилиан, но так как это был единственный влиятельный мирской государь в этом союзе, то он имел неизмеримо большую власть, чем получил от членов унии её глава. Кроме того обстоятельства, что герцог Баварский был единственным предводителем всех войск лигистов, – это обеспечивало операциям лиги быстроту и единство, недостижимые для войск унии, – лига имела ещё то преимущество, что денежные взносы от богатых прелатов притекали гораздо регулярнее, нежели от бедных евангелических членов унии. Не предлагая участия в своём союзе императору, как католическому государю Германии, не отдавая ему, как императору, никакого отчёта, лига выросла вдруг в страшную и грозную силу, достаточно могучую, чтобы покончить с унией и просуществовать в течение правления трёх императоров. Лига как будто сражалась за Австрию, потому что была направлена против протестантских государей, но вскоре и Австрии пришлось трепетать перед нею.

Тем временем оружием унии сопутствовало счастье в Юлихе и Эльзасе. Юлих был осаждён, и всё епископство Страсбургское было в руках протестантов. Но теперь пришёл конец их блестящим успехам. Французские войска не появились на берегах Рейна, ибо того, кто должен был вести их, кто вообще был душой всего этого начинания, Генриха IV, уже не было в живых. Средства унии приходили к концу. В новых ей отказывали земские чины, а вошедшие в унию имперские города были очень недовольны тем, что у них всё время требуют денег, но никогда не спрашивают совета. Особенно возмущало их то, что они несли расходы по юлихскому делу, которое безусловно было исключено из общих дел унии, что князья, вошедшие в унию, назначили себе из общей кассы большие оклады, а более всего то, что никто из князей не давал отчёта в употреблении денег.

Таким образом, уния клонилась к упадку как раз в тот момент, когда лига стала против неё с новыми и свежими силами. Воевать далее не позволял членам унии всё усиливавшийся недостаток в деньгах, а сложить оружие в виду готового к бою врага было слишком опасно. Чтобы по крайней мере обеспечить себя с одной стороны, пришлось вступить в соглашение с давним врагом, эрцгерцогом Леопольдом, и обе стороны решили вывести свои войска из Эльзаса, освободить пленных и предать всё прошлое забвению. Итак, столь много обещавшие приготовления закончились ничем.

Тем же повелительным языком, каким в надежде на свои силы говорила уния с католической Германией, заговорила теперь лига с унией и её войсками. Членам унии показывали следы их прохождения и клеймили самыми позорными именами, каких они заслуживали. В церковных владениях Вюрцбурга, Бамберга, Страсбурга, Майнца, Трира и Кельна и многих других они произвели сильнейшие опустошения. Лига потребовала, чтобы уния вознаградила всех пострадавших за нанесённый ущерб, восстановила свободу водных и сухопутных сообщений (так как уния захватила рейнское судоходство), привела всё в прежнее состояние. Но прежде всего от членов унии требовали прямого и определённого объяснения, чего ожидать от их союза. Теперь для членов унии пришёл черёд уступить силе. На такого сильного врага они не рассчитывали; но ведь они сами выдали католикам тайну своей мощи. Их гордость оскорблялась необходимостью униженно просить мира, но они должны были считать себя счастливыми, что получили его. Одна сторона обещала удовлетворение, другая – прощение. Обе сложили оружие. Военная гроза пронеслась ещё раз, и наступило временное затишье. Теперь разразилось восстание в Чехии, стоившее императору последнего из его наследственных владений; но ни уния, ни лига не вмешивались в эту чешскую распрю.

Наконец (1612), умер император, которого так же мало оплакивали во гробе, как мало замечали на троне. Много лет спустя, когда ужасы последующих царствований заставили забыть об ужасах его правления, память его окружена была ореолом, и над Германией в ту пору сгустилась мгла, столь страшная, что люди кровавыми слёзами молили о возвращении хоть такого императора.

Никакими средствами невозможно было добиться от Рудольфа позволения избрать ему преемника, и потому все с большой тревогой ждали близкого освобождения императорского престола. Но сверх всякого ожидания на него быстро и спокойно вступил Матвей. Католики отдали ему свои голоса, потому что они ждали всяких благ от деятельной природы этого государя; протестанты голосовали за него, потому что возлагали большие надежды на его слабохарактерность. Нетрудно примирить это противоречие. Одни исходили из того, как он показал себя раньше; другие судили сообразно тому, как он проявлял себя теперь.

Момент вступления на трон – всегда решающая минута для надежд. Первый сейм государя там, где он вступает на престол по избранию, бывает обычно труднейшим испытанием для него. На сцену выступают все старые жалобы; к ним присоединяют новые, в чаянии, что ожидаемые реформы распространятся и на них. С новым государём должно начинаться новое созидание. Важные услуги, оказанные австрийскими единоверцами протестантов Матвеем во время его восстания, были свежи в памяти протестантских имперских чинов, и они намеревались требовать за свои услуги такую же награду, какую получили те.

Матвей пролагал себе путь к трону своего брата посредством покровительства протестантским чинам в Австрии и в Моравии. Это удалось ему. Но, увлекаемый честолюбивыми замыслами, он не сразу постиг, что чины получают таким образом возможность предписывать законы своему повелителю. Это открытие рано отрезвило его от упоения удачей. Едва он после чешского похода торжественно показался своим австрийским подданным, как к нему поступили почтительнейшие представления, которых было совершенно достаточно, чтобы испортить ему всё его торжество. До принесения присяги на верность от него требовали неограниченной свободы совести в городах и селениях, полного уравнивания в правах католиков и протестантов и совершенно свободного доступа последних ко всем должностям. Во многих местностях подданные осуществили эту свободу без всякого разрешения и в надежде на нового правителя самовольно восстановили евангелическое богослужение там, где император отменил его. В своё время Матвей не отказывался пользоваться жалобами протестантов как орудием против императора, но ему никогда не приходило в голову удовлетворять их. Теперь он рассчитывал в самом начале твёрдым и решительным тоном отвергнуть все такие притязания. Он говорил о своих наследственных правах на страну и не хотел слышать ни о каких условиях принесения присяги. Такую безоговорочную присягу принесли эрцгерцогу Фердинанду соседи – чины Штирии, но им вскоре пришлось горько раскаяться в этом. Ввиду этого примера австрийские чины настаивали на своём отказе; мало того, чтобы не быть насильно приведёнными к присяге, они даже покинули столицу, подстрекая католических владетелей к такому же сопротивлению, и начали набирать войска. Они предприняли шаги к возобновлению их старого союза с Венгрией; они расположили в свою пользу протестантских имперских князей Германии и серьёзно помышляли с оружием в руках добиться исполнения своего требования.

Матвей без колебания согласился на гораздо более существенные требования венгров. Но в Венгрии государи были выборные, и республиканская конституция этой страны оправдывала в его глазах тот факт, что чины предъявили ему требования, а в глазах всего католического мира – его уступчивость по отношению к чинам. Наоборот, в Австрии его предшественники пользовались неизмеримо большими державными правами, которых он не мог уступить своим чинам, не позоря себя перед всей католической Европой, не навлекая на себя гнева Испании и Рима и презрения своих собственных католических подданных. Его строго католические советники, среди которых наибольшее влияние оказывал на него епископ Венский Мельхиор Клевель, твердили

ему, что лучше дать протестантам силою отнять у него все церкви, нежели на основании закона уступить им хоть одну.

Но, к несчастью, это затруднение постигло Матвея в то время, когда император Рудольф ещё здравствовал, был свидетелем этого события и, стало быть, легко мог поддасться соблазну пустить в ход против своего брата то самое оружие, каким тот победил его, а именно – соглашение с его мятежными подданными. Чтобы избегнуть такого оборота, Матвей охотно принял предложение моравских земских чинов, которые вызвались быть посредниками между ним и чинами Австрии. Выборные обеих сторон собрались в Вене, где австрийские депутаты говорили языком, который показался бы необычным даже в лондонском парламенте. «Протестанты, — было сказано в заключение, — не хотят, чтобы с ними в их отечестве обходились хуже, чем с горстью католиков. Матвей принудил императора к уступкам благодаря своему протестантскому дворянству. На восемьдесят папистов здесь можно насчитать триста евангелических баронов. Да послужит пример Рудольфа предостережением Матвею. Как бы ему не пришлось потерять земные блага ради небесных приобретений». Так как моравские чины, вместо того чтобы заняться посредничеством в интересах императора, в конце концов сами перешли на сторону своих австрийских единоверцев и так как уния в Германии самым настойчивым образом вмешивалась в это дело, а Матвей страшился возможной мести императора, то, наконец, и он дал вырвать у себя требуемое заявление в пользу протестантов.

Это поведение земских чинов Австрии по отношению к эрцгерцогу послужило теперь примером для протестантских имперских чинов Германии в их отношениях к императору, и они ожидали столь же счастливого исхода. На первом же сейме в Регенсбурге (1613), где ждали разрешения настоятельнейшие вопросы, где обсуждалось установление общей подати для покрытия расходов на войну против турок и против князя Семиградского Бетлен Габора, который при поддержке турок провозгласил себя владыкой этой страны и даже грозил Венгрии, они ошеломили его совершенно новым требованием. Католическим голосам всё ещё принадлежало большинство в совете князей, и так как все вопросы решались большинством голосов, то обыкновенно протестанты, даже когда они были вполне согласны между собой, не принимались в расчёт. Вот от этого перевеса предлагалось теперь отказаться католикам: впредь любой религиозной партии должно быть запрещено подавлять голоса другой своим неизменным большинством. И в самом деле, если евангелической религии полагается иметь представителей в имперском сейме, то, понятно, конституция сейма не должна отнимать у неё возможность пользоваться таким правом на деле. Это требование сопровождалось жалобами на неправомерное расширение юрисдикции императорского суда в Вене и на угнетение протестантов. К тому же уполномоченные чинов получили предписание устраняться от участия во всяких общих совещаниях до тех пор, пока они не получат благоприятного ответа на это требование.

Это опасное разногласие грозило расколоть имперский сейм и навсегда уничтожить единство в его совещаниях. Как ни хотел император по примеру отца своего Максимилиана благоразумно поддерживать равновесие между обеими религиями, поведение протестантов предоставляло ему теперь только рискованный выбор между ними. Испытывая сильнейшие финансовые затруднения, он не мог отказаться от совокупной помощи имперских чинов, а между тем невозможно было сделать что-нибудь для одной партии, не лишая себя этим поддержки другой. Он ещё не утвердился окончательно в своих наследственных землях, поэтому одна мысль вступить в открытую борьбу с протестантами не могла не привести его в трепет. Но с другой стороны – весь католический мир, внимание которого было приковано к его предстоящему решению, католические чины, двор римский и испанский не позволили бы ему мирволить протестантам в ущерб католической религии. Столь трудное положение могло смутить даже более сильного духом человека, чем Матвей, и ему едва ли удалось бы выпутаться из него собственным разумением. Но выгоды католиков были теснейшим образом связаны с авторитетом императора. С падением этого авторитета церковные владетели лишались всякой защиты против притеснений со стороны протестантов. Поэтому, видя теперь колебания императора, они нашли, что настал решительный момент подкрепить его слабеющее мужество. Они раскрыли пред ним тайну образования лиги и ознакомили его с её уставом, силами и средствами. Как ни мало утешительно это открытие было для императора, всё же надежда на столь сильную опору несколько подняла его дух. Требования протестантов были отвергнуты, и имперский сейм был распущен без принятия решения. Но Матвей пал жертвой этого раздора. Протестанты отказали ему в денежных средствах и тем отомстили ему за упорство католиков.

Тем временем сами турки выказали склонность продлить перемирие, а князю Бетлен Габору предоставили спокойно владеть Семиградьем. Теперь Германия была ограждена от внешней опасности, и, как ни опасны были внутренние разногласия, в ней всё-таки царил мир. Совершенно неожиданный случай придал борьбе за юлихское наследство необычайный оборот. Это герцогство было всё ещё занято сообща курфюрстом Бранденбургским и пфальцграфом Нейбургским. Предполагалось, что интересы обоих домов будут неразрывно связаны путём брака принца Нейбургского с Бранденбургской принцессой. Весь этот план был разрушен пощёчиной, которую курфюрст Бранденбургский имел несчастье дать под влиянием винных паров своему зятю. Отныне о добрых отношениях между обоими домами не могло быть и речи. Принц Нейбургский перешёл в католичество. Наградой за это отступничество явился брак с принцессой Баварской, а естественным следствием того и другого – могущественное покровительство Баварии и Испании. С целью сделать пфальцграфа исключительным владетелем Юлиха в герцогство были направлены испанские войска из Нидерландов. Чтобы избавиться от этих гостей, курфюрст Бранденбургский призвал в страну голландцев,

благосклонность которых он постарался снискать принятием реформатской веры. Испанские и голландские войска действительно появились в стране, но, видимо, лишь для того, чтобы захватить её.

Таким образом, надвигавшаяся нидерландская война грозила, по-видимому, разразиться на немецкой земле. Сколько горючего материала было здесь накоплено для неё! С ужасом смотрела протестантская Германия, как испанцы твёрдой ногой становятся в низовьях Рейна. С ещё большим страхом смотрели католики на вторжение голландцев. На Западе должна была взорваться мина, давно уже заложенная под всей Германией, на Запад взирали со страхом и ожиданием, а между тем взрыв грянул на Востоке.

Спокойствие, дарованное Чехии грамотой Рудольфа II, продолжалось в правление Матвея лишь до тех пор, пока наследником престола в этом королевстве не был провозглашён Фердинанд Грацский.

Этот принц, которого мы в дальнейшем узнаем ближе под именем императора Фердинанда II, насильственным искоренением протестантской религии в своих владениях заявил себя непреклонным приверженцем папизма, и потому католическая часть чешского народа смотрела на него как на будущую опору своей церкви. Слабое здоровье императора приближало этот момент, и в надежде на столь могущественного защитника чешские паписты стали менее терпимо относиться к протестантам. Особенно тяжкие испытания выпали на долю евангелических подданных католических владетелей. К тому же многие католики имели неосторожность слишком громко говорить о своих надеждах и случайно оброненными угрозами возбудили в протестантах глубокое недоверие к их будущему повелителю. Но это недоверие никогда не перешло бы во враждебные действия, если бы противная сторона ограничилась общими выражениями, если бы её нападки на отдельных членов протестантской церкви не привели к тому, что глухое недовольство народа возглавили предприимчивые вожак.

Генрих Матвей граф фон Турн, по происхождению не чех, но собственник нескольких поместий в этом королевстве, снискал благодаря приверженности к протестантской религии и самозабвенной преданности своему новому отечеству безграничное доверие утракистов, что проложило ему путь к высшим должностям. Он храбро сражался с турками и вкрадчивым обхождением привлёк сердца толпы. То была пылкая, необузданная натура, любившая смуты, так как во время смут в полном блеске проявлялись его дарования; неимоверно смелый и достаточно безрассудный, чтобы браться за начинания, перед которыми отступают трезвое благоразумие и хладнокровие, Турн вместе с тем был достаточно свободен от укоров совести, чтобы играть судьбою тысяч людей, когда это было нужно для удовлетворения его страстей, и достаточно хитёр, чтобы заставить плясать под свою дудку такой народ, как чехи того времени. Смуты во время правления Рудольфа происходили при деятельнейшем участии Турна, и грамота величества, добытая чешскими чинами от императора, была главным образом его заслугой. Ему, как носителю звания бургграфа³⁷ Карлштейнского, двор вручил для сохранения чешскую корону и указы о вольностях королевства; но, возведя его в сан дефензора, или защитника веры, народ отдал ему нечто гораздо более важное – самого себя. Аристократы, под чьим влиянием находился император, неблагоприятно отняли у Турна власть над неживыми вещами, но оставили ему влияние на живых людей. Они лишили его звания бургграфа, ставившего его в зависимость от милостей двора; тем самым они раскрыли ему всю важность того звания, которое за ним осталось, и задели его тщеславие, до той поры мешавшее его честолюбию стать опасным. Теперь его обуяла жажда мести, и ему недолго пришлось ждать случая для её удовлетворения. В грамоте величества, силою добытой чехами от Рудольфа II, так же как и в вероисповедном мирном договоре немцев, оставался невыясненным важный вопрос. Все права, дарованные этим договором протестантам, были даны только владетельным князьям, но не их подданным, лишь для подданных церковных владетелей была выговорена весьма сомнительная свобода совести. Равным образом чешская грамота величества говорила только о чинах и о королевских городах, магистратам которых удалось добиться равных прав с владетелями. Лишь им предоставлено было право строить церкви, учреждать школы и публично отправлять своё протестантское богослужение. Во всех остальных городах право определять границы свободы совести подданных предоставлено было владетелю, под властью которого они находились. Этим правом германские имперские чины пользовались во всём его объёме: светские без противоречия, духовные же, право которых неким заявлением императора Фердинанда было объявлено спорным, не без основания отказывались признать это заявление обязательным. Но то, что в аугсбургском вероисповедном мирном договоре было спорным пунктом, в чешской грамоте являлось неопределённым; там не было споров о толковании, но было спорно, следует ли повиноваться договору; здесь толкование было предоставлено чинам. Поэтому подданные церковных земских чинов в Чехии считали, что имеют те права, которые, согласно заявлению Фердинанда, были признаны за подданными немецких епископов; они считали себя равными подданным королевских городов, так как относили церковные владения к коронным. В небольшом городке Клостерграбе, принадлежавшем архиепископу Пражскому, и в Браунау, принадлежавшем аббату этого монастыря, подданные-протестанты самовольно принялись за сооружение церквей и, несмотря на протесты их господ и даже неодобрение самого императора, довели это дело до конца.

Тем временем бдительность дефензоров несколько ослабела, и двор нашёл, что можно решиться на серьёзный шаг. По приказу императора церковь в Клостерграбе была разрушена, церковь в Браунау насильственно заперта и самые беспокойные из граждан брошены в темницу. Следствием этой меры было всеобщее недовольство среди протестантов; возмущались нарушением грамоты величества, и граф Турн, одушевляемый мстью и ещё более побуждаемый к действию своим званием дефензора, чрезвычайно усердно

разжигал страсти. По его почину из всех округов королевства были созваны в Прагу депутаты, дабы принять соответственные меры против общей опасности. Было решено подать императору ходатайство и настаивать на освобождении заключённых. Ответ императора, очень дурно принятый чинами уже по той причине, что он был обращён не к ним непосредственно, а к его собственным наместникам, называл их поведение противозаконным и мятежным, оправдывал события в Клостерграбе и Браунау императорским приказом и заключал в себе несколько мест, которые могли быть истолкованы как угрозы.

Граф Турн не замедлил искусно усилить дурное впечатление, произведённое императорским посланием на собравшихся чинов. Он указал им на опасность, коей подвергались все, кто участвовал в ходатайстве и сумел путём подстрекательства и страха увлечь их на путь насильственных решений: поднять их непосредственно против императора было бы пока слишком смелым шагом. К этой неизбежной цели он вёл их постепенно. Поэтому он счёл более удобным сначала направить их раздражение против советников императора и с этой целью распустил слух, что императорское послание составлено в канцелярии пражского наместничества и лишь подписано в Вене. Среди императорских наместников предметом всеобщей ненависти были камер-президент Славата и назначенный вместо Турна бургграфом Карлштейнским барон фон Мартиниц. Оба они уже ранее ясно выказали свои враждебные протестантам намерения, отказавшись принять участие в заседании, на котором грамота величества была внесена в земское уложение Чехии. Уже тогда этим наместникам грозили, что в будущем ответственность за всякое нарушение грамоты падёт на них, и всё дурное, что с тех пор протерпели протестанты, было – и не без основания – отнесено на их счёт. Среди всех католических владетелей эти двое были наиболее жестоки к своим протестантским подданным. Их обвиняли в том, что они собаками загоняли протестантов на католическую обедню и отказом в крещении, венчании и погребении старались насильственно обращать их в папизм. Ярость народа легко могла быть направлена против ненавистных начальников, и они должны были пасть жертвой всеобщего недовольства.

¹ Т.е. весь период войн и народных восстаний от выступления Лютера против продажи индульгенций в 1517 г. до 1648 г., когда в городах Мюнстере и Оснабрюке в Вестфалии был подписан мир между государствами, принимавшими участие в Тридцатилетней войне.

² Имеются в виду правления Франциска II (1559-1560 гг.), Карла IX (1560-1574 гг.), Генриха III (1574-1589 гг.) и Генриха IV (1589-1610 гг.).

³ После целого ряда неудачных заговоров, инспирированных Филиппом II и католической церковью против Елизаветы (1558-1603 гг.), Испания объявила Англии войну, окончившуюся гибелью у берегов Англии в 1588 г. испанской эскадры «Непобедимой Армады».

⁴ Оценка, которую Шиллер даёт здесь результатам Тридцатилетней войны, сильно преувеличена. Главным положительным результатом войны было поражение австрийских и испанских Габсбургов, которые возглавляли лагерь феодально-католической реакции в Европе и вынашивали планы создания универсальной монархии. Поражение в Тридцатилетней войне означало полный крах этих планов. Война на континенте помешала также феодальным монархиям организовать интервенцию в Англию, что способствовало победе английской буржуазной революции. Вместе с тем в ряде случаев она привела к усилению реакции. Так, например, в Германии она подорвала основу экономики – крестьянское хозяйство и повела к дальнейшему усилению зависимости крестьян от феодалов-землевладельцев. Тридцатилетняя война была также одним из факторов, закрепивших уже наметившуюся тенденцию к дальнейшему раздроблению Германии.

⁵ В 1526 г. рейхстаг в Шпейере принял постановление о предоставлении каждому князю права решать вопрос о религии своих подданных. Однако в 1529 г. Карл V, опираясь на католических князей, добился отмены этого решения. Этот шаг явился поводом к организации союза протестантских князей. Чины – сословные представительства. В средневековой Германии одним из органов центральной власти был рейхстаг, или имперский сейм; он ведал вопросами законодательства и финансов. В XVI в. сейм распался на три коллегии (курфюрстов, князей и городов). С 1663 г. стал постоянным учреждением с резиденцией в Регенсбурге; прекратил своё существование в 1806 г., когда была упразднена Священная Римская империя германской нации.

⁶ Имеются в виду представители Лотарингского герцогского дома: Франсуа Гиз, главнокомандующий королевской армией, и кардинал лотарингский Карл Гиз, возглавлявшие одну из двух феодально-аристократических клик накануне «религиозных войн» во Франции (1562-1594 гг.). В отличие от клики Гизов, выступавшей в роли защитницы «истинной» католической веры, её противники, возглавленные представителями Бурбонокого дома: Антуаном Бурбонским, принцем Конде и Генрихом Наваррским, а также крупнейшим аристократом – адмиралом Гаспаром де Колиньи, исповедовали кальвинизм. Принадлежность к протестантской или католической религии была для дворян, членов соперничавших клик, лишь вопросом тактики в борьбе за власть. Дворяне-протестанты получили между тем в годы войны поддержку широких слоёв буржуазии и городского плебса, для которых кальвинизм являлся выражением социального протеста против существующих порядков.

⁷ Имеются в виду введённые герцогом Альбой в 1569 г. налоги в десять процентов с продажи движимых имуществ и пять процентов с продажи недвижимых имуществ. Эта налоговая система подрывала важнейшие отрасли нидерландской экономики — торговлю и промышленность. Деловая жизнь в стране была парализована. Такая политика испанцев вызвала всеобщее возмущение населения и способствовала победе революционных сил.

⁸ В 1519 г. на императорский престол в Германии был избран под именем Карла V сын австрийского эрцгерцога Филиппа и Хуаны Безумной, испанской инфанты. Ещё ранее, в 1516 г., Карл унаследовал от матери испанский престол. В результате этого под власть Габсбургов перешли Испания, Неаполь, Сицилия, Сардиния и колонии в Америке.

⁹ Имеется в виду церковная юрисдикция.

¹⁰ Это утверждение неточно. В период готского владычества ещё не существовало испанской национальности. Вестготские племена вторглись в Испанию в середине V в. В VII в. арабы завоевали почти весь Пиренейский полуостров, только на севере сохранились христианские государства – Астурия и Наварра, откуда началось обратное отвоевание Испании у арабов (по-испански – реконкиста). Именно в период реконкисты (X-XIII вв.), протекавшей под знаменем борьбы христианской религии против мусульманской, окрепла позиция католической церкви в Испании.

¹¹ Лютеранство – самое раннее течение в Реформации. Учение Лютера отражало взгляды той части немецкого бюргерства, которая стремилась к компромиссу с князьями. Исходные принципы лютеранства, впервые сформулированные Лютером в 1517 г. в его знаменитых 95 тезисах против продажи индульгенций, ставили авторитет «священного писания» выше авторитета церкви и духовенства. Первоначально лютеранство не исключало более радикальных направлений, однако впоследствии это течение всё яснее обнаруживает свой умеренный характер, а в ходе крестьянской войны 1524-1525 гг. Лютер и его сторонники предали народное движение и выступили в поддержку князей. Кальвинизм – воинствующее течение в протестантизме, отражавшее взгляды наиболее смелой части буржуазии. Кальвин в связи с преследованиями протестантов во Франции был вынужден покинуть родину и поселиться в Швейцарии. Женева стала

«крепостью» Кальвина, откуда он пропагандировал своё учение. В книге «Наставление в христианской вере», опубликованной в 1536 г., Кальвин выдвинул идею божественного «предопределения», согласно которой одним людям с самого рождения суждено блаженство в раю, в то время как другие обречены на страдания. Но людям не дано знать, что им предопределено, и каждый должен стараться заслужить «блаженство». Учение Кальвина о «предопределении» отражает жестокие законы слепой конкуренции, господствующие в буржуазных отношениях.

¹² Франциск I, правивший с 1515 по 1547 г. Французская монархия начала свои захватнические действия в Италии ещё в конце XV в.

¹³ Фердинанд I был избран императором после отречения его брата Карла V в 1555 г. Ближайшими преемниками его на престоле были Максимилиан II (1564-1576 гг.) и Рудольф II (1576-1612 гг.).

¹⁴ В ночь на 24 августа 1572 г. (под праздник св. Варфоломея) католики под влиянием духовенства и по приказу короля Карла IX устроили резню протестантов в Париже. Название этого события стало нарицательным.

¹⁵ Апрель 1547 г.

¹⁶ Союз протестантских князей Германии, возникший в 1531 г. для защиты дела Реформации. После поражения в войне против императора в 1546-1548 гг. (так называемая Шмалькальденская война) союз распался. По соглашению князей с императором Карлом V в Аугсбурге в 1548 г., католицизм, слегка реформированный, должен был быть восстановлен по всей Германии. Однако, боясь усиления императорской власти, часть католических князей совместно с протестантскими заключила в 1552 г. союз с французским королём Генрихом II и возобновила борьбу против императора. Война на этот раз окончилась победой князей. Переговоры на конгрессе в Пассау в 1552 г., а затем на сейме в Аугсбурге в 1555 г. окончились подписанием Аугсбургского религиозного мира, по которому князьям предоставлялось право решать вопрос о вероисповедании своих подданных.

¹⁷ Мориц, курфюрст Саксонии, предал в 1546 г. Шмалькальденский союз, войдя в соглашение с императором. Вслед за тем, однако, он изменил императору и развил большую активность для организации нового союза князей. В 1552 г. Карл V, окружённый его войсками, с трудом избежал пленения.

¹⁸ Под таким названием получило известность систематическое изложение воззрений Лютера, представленное на Аугсбургском сейме в 1530 г. императору Карлу V ближайшим сотрудником Лютера Меланхтоном. Аугсбургское исповедание, в отличие от первых сочинений Лютера, признавало необходимость официальной церкви, правда реформированной в духе буржуазных требований «дешёвой» церкви.

¹⁹ Ульрих Цвингли (1484-1531 гг.) – выдающийся швейцарский гуманист и деятель Реформации. Учение Цвингли – цвинглианство – по своим религиозно-догматическим принципам во многом совпадало с лютеранством. Цвинглианство, однако, гораздо решительнее порывало связь с мистикой и обрядовой стороной богослужения и, в противоположность лютеранству, отличалось республиканизмом. Социально-политические взгляды Цвингли отражали специфически швейцарские черты Реформации. Он выступает как сторонник мелкой собственности, противник крепостничества, борется против получившего распространение в Швейцарии военного наёмничества. Вместе с тем Цвингли идеализирует средневековые, отстаивает провинциальную замкнутость и политическую изоляцию Швейцарии.

²⁰ Продолжался с перерывами с 1545 до 1563 г. Собор осудил положения протестантских исповеданий как ересь и объявил авторитет папы выше авторитета соборов. Особую активность проявляли на соборе иезуиты.

²¹ В 1529 г. турецкие армии впервые осадили Вену. Начиная с этого момента военные действия на турецко-австрийской границе не прерывались почти в течение двух столетий. В 1683 г. турки вновь дошли до стен австрийской столицы. Только вмешательство России помогло в XVIII в. остановить турецкую агрессию в Европе.

²² Тяжёлое поражение, нанесённое турками при Могаче в 1526 г., привело к ликвидации самостоятельного Венгерского государства. Часть магнатов, собравшаяся на сейм в Братиславе, провозгласила королём Венгрии Фердинанда Габсбурга (в 1556 г. избран на императорский престол); в то же время другая часть дворянства избрала королём трансильванского воеводу Яноша Запольяи, получившего поддержку турецкого султана. С этого момента Венгрия на два столетия превращается в арену войн между Турцией и Австрией.

²³ Стефан Баторий – воевода Трансильвании в 1571-1576 гг.; в 1576 г. был избран польским королём. Иштван Бочкай (155-1606 гг.) – венгерский дворянин, возглавил восстание против Габсбургов; после разгрома австрийской армии в 1605 г. был избран правителем австрийской части Венгрии и князем Трансильвании. Бочкай сумел привлечь к участию в восстании широкие массы крестьян. Крестьянство, однако, почти ничего не выиграло в результате победы восстания: по Венскому миру 1606 г., подтвердившему независимость Трансильвании, только дворянство восстановило свои сословные привилегии и получило свободу вероисповедания. Дьердь Ракоци I – трансильванский князь (1630-1648 гг.), в союзе с Швецией и Францией продолжал войну против Габсбургов и добился по миру в Липце (1645 г.) расширения трансильванской территории и нового подтверждения свободы протестантского вероисповедания. Габор Бетлен (1580-1629 гг.) в 1613 г. при поддержке турок получил власть над Трансильванией, ставил своей задачей восстановление независимости Венгерского государства. Его участие в Тридцатилетней войне описано Шиллером в настоящем произведении.

²⁴ Эрцгерцог Матвей был приглашён в 1577 г. контрреволюционным дворянством Южных Нидерландов. Этот акт был связан с борьбой дворянства против развернувшегося на юге демократического движения.

²⁵ Пресбург – немецкое название чешского города Братислава.

²⁶ Имеются в виду так называемые гуситские войны первой половины XV столетия, получившие своё название от имени Яна Гуса (1369-1415 гг.), вождя Реформации в Чехии и выдающегося деятеля национально-освободительного движения. Гуситские войны были одним из величайших антифеодальных движений, подготовивших европейскую Реформацию XVI в.

²⁷ Утраквисты, или чашники, – умеренное течение в движении гуситов. Название своё течение получило от лозунга о причащении мирян «под обоими видами» (и хлебом и вином из чаши). Социальный смысл этого лозунга, общий для всего гуситского движения, состоял в требовании уничтожения привилегированного положения духовенства. Чашники выражали интересы зажиточных горожан и части чешского дворянства, выступавших за национальную независимость, отчуждение земельных владений католической церкви, за независимую национальную церковь. Чашники вместе с тем выступали против антифеодальных революционных требований крестьянства, представителями которого были табориты (название происходит от города Табор). Табориты проповедовали идею имущественного и общественного равенства. Выступая совместно против сил феодальной реакции, табориты и чашники нанесли им ряд сокрушительных поражений. Однако в конце концов чашники, заключив компромисс с силами феодальной реакции, разгромили в 1434 г. армию таборитов.

²⁸ Основана религиозным писателем и философом Петром Хельщичем (1390 — 1460). После разгрома таборитов к секте «чешских братьев» примкнуло много сторонников этого движения. Проповедь имущественного и социального равенства сближала вероучению секты с принципами таборитов. Наряду с этим «чешские братья», однако, отвергали всякое насилие и требовали полного подчинения светским властям. В XV – XVI вв. секта развернула значительную просветительную деятельность.

²⁹ Консистерия – коллегиальный орган церковного управления.

³⁰ Имеется в виду свобода вероисповедания. «Грамота величества» давала право всем не католикам избирать из своей среды дефензоров (защитников), которые наблюдали за точным соблюдением свободы вероисповедания.

³¹ Трухзес – в средние века в Германии придворный, в функции которого входило управление хозяйством императора. Со временем это звание приобрело в некоторых дворянских домах, в частности в доме фон Вальдбургов, характер почётного наследственного титула.

³² Капитул, в католической церкви, – коллегия духовных лиц при епископской кафедре, которой принадлежит право избрания епископа.

³³ Золотая булла – изданный в 1356 г. императором Карлом IV акт, по которому признавалась полная политическая самостоятельность курфюрстов. Булла подтверждала за курфюрстами право избрания императоров (само слово «курфюрст» означает по-немецки князь-избиратель) – право, присвоенное этими крупнейшими феодалами Германии ещё в XIII в. Согласно определению буллы в состав коллегии курфюрстов входили три духовных (архиепископы Кёльнский, Майнцский и Трирский) и четыре светских князя (пфальцграф Рейнский, маркграф Бранденбургский, герцог Саксонский и король Чешский). Булла разрешала войны между имперскими феодалами и провозглашала невмешательство императора во внутренние дела князей и вольных городов. Золотая булла, этот, по выражению Маркса, «основной закон немецкого самовластья», способствовала дальнейшему раздроблению Германии.

³⁴ Фердинанд, король Арагона (ум. в 1516 г.), – дед Карла V Габсбурга. Шиллер намекает на постоянное стремление Фердинанда расширять свои владения. В 1479 г. в результате брака Фердинанда с Изабеллой Кастильской возникло объединённое Испанское государство.

³⁵ Ромул, по преданию (вместе с братом Ромом), основал город Рим, название которого связывают с его именем. Ганнибал (247-183 гг. до н. э.) – карфагенский полководец, одержавший над римлянами ряд побед, поставивших под угрозу само существование Римского государства.

³⁶ Равальяк в 1610 г. убил Генриха IV.

³⁷ Бургграф – в средние века в Германии назначаемый императором градоправитель, обладавший военной и судебной властью в пределах города и округа. С XIII в. значение бургграфов падает.

Пражская дефенестрация (23 мая 1618 г.) (Ф. Шиллер, «История Тридцатилетней войны»)

Дефенестрация – от лат. приставки de (в общем случае – «извлечение») и существительного fenestra («окно») – акт выбрасывания кого-либо из окна. Чешский исторический политический феномен, событие имеющее далеко идущие последствия. В истории Чехии как минимум два события известны как Пражская дефенестрация: первое в 1419 г., второе в 1618 г.. Обе послужили толчком к продолжительным конфликтам в Чехии и соседних странах.

Вторая пражская дефенестрация – центральное событие в иницировании Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. Чешская аристократия противилась становлению герцога Штирии Фердинанда, проводника Контрреформации, королем Чехии. В результате, в Праге 23 мая 1618 г. протестантские дворяне во главе с графом Турном выбросили имперских наместников Вилема Славата и Ярослава Мартиница и их писца Филиппа Фабрициуса в ров из высокого крепостного окна в пражском граде. Они не погибли, поскольку приземлились в кучу навоза. Секретарь Филипп Фабрициус, отделавшись испугом, помог потерпевшим Вилему Славату и Ярославу Мартиницу, затем прополз к р. Влтаве по рву замка и перебежал в Старое Место, а оттуда к себе в дом. Подозревая, что его жизни может угрожать опасность, он бежал из Праги и 16 июня 1648 г. добрался до Вены, где был принят Фердинандом и сообщил ему о происшествии, как очевидец.

23 мая 1618 года депутаты, вооружённые, в сопровождении огромной толпы, появились в королевском замке и ворвались в зал, где находились наместники Штернберг, Мартиниц, Лобковиц и Славата. Угрожающим тоном потребовали депутаты от каждого из них объяснения, принимал ли он участие в императорском ответе и высказывался ли за него. Штернберг дал сдержанный ответ; Мартиниц и Славата ответили дерзко. Это решило их участь. Штернберг и Лобковиц, которых не так сильно ненавидели, но боялись больше других, были выведены из зала; Славату же и Мартиница поволокли к окну и с высоты восьми – десяти футов выкинули в замковый ров. Их креатуру, секретаря Фабрициуса, отправили вслед за ними. Как и следовало ожидать, весь образованный мир был поражён характером этой расправы; чехи оправдывали её как употребительный у них обычай и во всём происшедшем находили удивительным только то, что потерпевшие встали целы и невредимы после прыжка с такой высоты. Навозная куча, на которую упали императорские наместники, спасла их от всяких увечий.

Трудно было ожидать, чтобы этот решительный образ действий способствовал доброму расположению императора; но до этого и хотел довести чехов граф Турн. Если они позволили себе такое насилие из страха перед неопределённой опасностью, то теперь ожидание неминуемой кары и уже неизбежная необходимость прибегнуть к самозащите должны были увлечь их ещё далее. Акт этого грубого своеволия отрезал пути для всякой нерешительности и раскаяния. Людям казалось, что возмездием за единичное преступление неизбежно будет ряд новых насилий. Так как случившееся было непоправимо, то нужно было обезоружить карающую власть. Для правильного руководства восстанием было избрано тридцать руководителей. Все дела правления и все королевские сборы были захвачены, все королевские чиновники и солдаты приведены к присяге; было опубликовано воззвание к чешскому народу, призывавшее всех участвовать в общем деле. Иезуиты, которых все ненавидели и обвиняли во всех преследованиях, были изгнаны из всего королевства, и чины нашли необходимым оправдать это суровое решение особым манифестом. Всё это совершалось ради сохранения королевской власти и исполнения законов – обычные слова всех мятежников, покуда счастье не склонится на их сторону.

Французский дипломат Фанкан о международном положении в Европе в 1627 г.

Если бы обе Индии¹ были истощены или если бы оба союзных дома [т.е. Габсбурги испанские и Габсбурги австрийские] их потеряли, Германия продолжала бы оставаться боеспособной, дабы сразаться за

цели, поставленные Габсбургами, как самое обширное, богатое и могущественное государство христианского мира, у которого есть сильные князья, имперские города, торговые, богатые и расположенные по большим рекам; и все это в центре Европы, а это является для них великим преимуществом, дабы установить здесь центр огромной монархии... Габсбурги найдут средства создать и экипировать флот, чтобы держать в узде север, тревожить юг, у них будут силы не только для того, чтобы препятствовать торговле датчан, англичан и французов, но и для того, чтобы захватить то, что им не принадлежит, и вернуть то, что «и потеряли. Вот почему они так упорны и с таким воодушевлением атакуют всеми своими силами короля Дании, города и страны Нижней Саксонии, большую часть которых они уже заняли. Немногого недостает им для того, чтобы они стали господами всего, и они добьются этого, если им предоставить без помехи и если король Дании капитулирует. Таким образом вся Германия, если она будет подчинена Габсбургам, поможет возвыситься последним и станет для них прочным пьедесталом для того, чтобы воздвигнуть на нем их монархию и восторжествовать над всей христианским миром.

¹ Т.е. Ост-Индия и Вест-Индия. Первая принадлежала Португалии. Вторая принадлежала Испании. Но в промежутки 1581-1640 гг. Португалия и Испания были объединены, и, таким образом, обе Индии находились в руках испанских Габсбургов.

Русское государство и шведско-русские отношения в оценке Густава-Адольфа

Русское государство в начале XVII в. перенесло тяжкую для него польскую и шведскую интервенции и сопряженные с ней внутренние потрясения, вызвавшие временное его ослабление. Отстаивая свои национальные интересы, Россия вскоре была опять поставлена в необходимость возобновить борьбу с Польшей (Смоленская война 1632-1634 гг.), являвшейся союзником Габсбургской империи. Польша, будучи основным противником России, оставалась в то же время и противником Швеции, с которой она вела упорную борьбу за побережье Балтийского моря. Густав-Адольф шведский вовремя понял бесплодность попыток завоеваний за счет России. Помышляя на пороге Тридцатилетней войны об интервенции в Германию и сознавая, что Польша продолжает оставаться непримиримым противником Швеции, Густав-Адольф решил вступить союз с Россией. Этот союз с Россией призван был оградить шведов от нападения со стороны Польши и развязать ему руки для завоевания германской территории.

Не принимая непосредственного участия в Тридцатилетней войне, Россия все же считалась ее участницей, отвлекаяшей польские силы от противодействия шведам. Это обстоятельство нашло свое отражение в тексте Вестфальского трактата, в котором «великий князь московский» упоминается, как союзник Швеции. Приводимый ниже документ представляет большой интерес, так как несмотря на явную переоценку военных успехов Швеции выдающийся полководец тем не менее вынужден признать мощь России, несмотря на разорительные результаты недавней интервенции.

Речь Густава-Адольфа о мире с Россией на шведском сейме 1617 г.

Бог даровал нам мир с русскими, сила и могущество которых были некогда страшны для всего света.

О храбрости русских можно гуди и, по множеству покоренных ими народов: казанского, астраханского и сибирского. Турки не раз испытали на себе их силу, когда, например, попытались каналом соединить Волгу с Доном и освободить Астрахань из под власти московских царей.

Гордые поляки, презирающие русских, также неоднократно терпели от них поражения и одерживали верх только во время внутренних смут России, действуя, как коварные и лукавые лисицы. Захватив раздираемую соседями Россию, они, как жадные львы, хищничали, все разграбляя и убивая; но стоило русским соединиться, и поляки были с позором изгнаны из Москвы, как собаки!

Добиться у такого могущественного народа столь славного мира [Столбовский мир между Россией и Швецией] возможно было лишь при особенной божественной милости. Теперь этот враг отделен от нас озерами, реками и болотами, через которые ему не так-то легко будет проникнуть к нам.

Русские – народ, силою которого нельзя пренебрегать. У московского царя множество богатых бояр, зажиточные крестьяне и густо населенные города. Он в состоянии выставить огромное войско. Так, Борис Годунов имел в своем распоряжении до полутора миллионов человек. Передвижению этих сил содействуют удобные водные пути: с Каспийского моря он в короткий срок может перевести свои войска к Балтийскому морю, так что для всех своих соседей он одинаково опасен и внушает немалый страх. Опираясь на такую силу, русские не переставали быть гордыми и высокомерными и не желали иметь себе равных. Победа над таким народом должна поднять в шведах мужество и доверие к себе. Благодаря уступке шведам Ивангорода, Яма, Копорья, Нотебурга, Кексгольма мы вполне гарантированы и в Эстляндии и в Финляндии от всяких нападений со стороны русских. Финляндия отделена от России Ладожским озером, по ширине своей равняющимся Балтийскому морю между Швецией и Аландом. Как полякам, так и русским будет трудно перескочить через этот ручеек. Да если бы им это и удалось, то впереди их ожидали бы еще две крепости – Нотебург и Кексгольм. Эстляндию защищают Нарва и Ивангород, озеро Пейпус и впадающая в него река Нарова. С востока Швецию отделяют от России непроходимые болота. На случай будущей войны все выгоды на стороне шведов. Невою можно перевезти войско по Ладожскому озеру, Волховом – к самым воротам Новгорода... Без нашей воли русские купцы не могут показаться на Балтийском море ни с одною лодкою. Кроме этого, шведы теперь могут

руководить по своей воле нарвскою торговлею. До войны русские препятствовали правильному ходу торговли, из-за чего между Швецией и Россией происходило немало столкновений. Области, теперь уступленные шведам, отличаются плодородием, в них много рек, богатых рыбою, много лесов с изобилием дичи и пушных зверей, меха и шкуры которых высоко ценятся. Вся эта богатая русская торговля теперь должна проходить через наши руки, так что при новой таможенной организации доходы Швеции в значительной степени увеличатся.

Речь Густава-Адольфа на сейме в Оребро (январь 1617 г.)

Мир не может существовать с Польшей, покуда Сигизмунд не оставит своих притязаний на престол [шведский].

Воспитанный папистами, он усвоил себе их принципы. С Россией он заключил 20-летний мир, который, однако, уже нарушил на пятый год. Чего ждать от Сигизмунда, который и сам злой человек и управляется дьявольской партией иезуитов, зачинщиков ужасной тирании в Испании, Франции и других государствах... Обращаю внимание сословий на тайное преследование протестантов и Польше, где одна за другой закрываются их церкви. Открыто он [Сигизмунд] не может начать преследований их, так как его власть ограничена сословиями. Цель Сигизмунда, как представителя католической лиги, искоренить протестантов, подчинить их папскому игу, мирные договоры этих государей – только средство лучше вон оружитья и снова начать борьбу с протестантами. Накакими средствами не стесняются лигисты. Достаточно вспомнить интриги Сигизмунда в России, его старания поднять на Швецию ганзейские города. Теперь дело идет о политической и религиозной свободе я независимости Швеции. Я прошу сословия помочь мне против Сигизмунда и иезуитов и призываю их к тому единству, которое делам и незначительные государства смелыми в борьбе с сильнейшими!

5.2. ХОД ВОЙНЫ

Валленштейн и его армия

Альбрехт Валленштейн (1583-1635 гг.) – полководец империи в эпоху Тридцатилетней войны, крупный землевладелец Чехии, мечтавший о чешской короне. С начала Тридцатилетней войны и разгрома чехов при Белом горе (1620 г.) скупил за бесценок множество конфискованных имений чешский дворян и сделался одним из самых богатых людей Чехии. Сформировав большую наемную армию, он разгромил протестантских князей и датского короля и захватил все побережье Балтийского моря (1629 г.). Подозреваемый в честолюбивым замыслах императором и католическими князьями, он был убит наемными убийцами 25 февраля 1635 г. Приказ Валленштейна свидетельствует о том, какие неслыханные злоупотребления творились в армии, он преследует цель навести хоть минимальный порядок в наемной армии ландскнехтов.

Полковнику фон Арним

(Один из приказов Валленштейна) (26 декабря 1627 г.)

Мы узнали из письма господина полковника, какого рода приказ он хотел получить от нас о содержании людей на квартирах в Померании. Мы не можем издать иного распоряжения, кроме приказа господину полковнику следить за тем, чтобы люди получали аккуратно свое месячное жалованье, жили бы на него и ни в каком случае не требовали бы содержания от жителей. Некоторые полки растеряли солдат и не имеют полного комплекта; поэтому пусть господин полковник позволяет выдавать полное жалованье только полкам, имеющим комплект, нерадивым же офицерам, допустившим до расстройств свои роты и тем набившим себе карманы, не выдавать. Ибо если давать месячное жалованье плохим одинаково с теми, у которых роты комплектны, то вполне заслуживший награду будет обижен, допустивший же зло будет награжден. Поэтому пусть господин рейтарам и кнехтам, действительно находившимся в ротах, выдает полное содержание, у тех же, которые находились в отсутствия должен быть сделан вычет, у аркебузца 15 гульденов и у кирасир 15 гульденов в месяц.

Кроме того, случается, что офицеры, получая деньги для содержания солдат, кладут их в карман и стремятся тем или другим путем к тому, чтобы еду, питье и фураж доставляли солдатам жители, что нечестно и заслуживает наивысшего наказания; ввиду сказанного пусть господин обратит внимание на то, чтобы подобная вещь никоим образом не случилась. Далее, так как жители не всегда могут иметь при себе деньги, между тем должны доставлять солдатам провиант, то при первой же выдаче жалованья деньги должны быть удержаны и выданы жителям.

Все это господин полковник должен передать 30 полкам, находящимся под его командой, и тех, которые будут поступать вопреки приказанию, строго наказывать и тотчас же об этом доносить нам, и тогда мы с беспощадной строгостью применим к таким высшую меру наказания.

Затем пусть господин полковник сделает распоряжение, чтобы во всех полках тотчас же был уничтожен излишний обоз и багаж, были фекращены разбой и грабежи; солдаты, которые будут на них пойманы, все равно, к какому бы сословию они ни принадлежали, должны быть наказаны смертью; офицеров же, допустивших подобное, отставить от командования, взять под арест и тотчас же донести о случившемся нам, ибо мы решили наказывать как следует, чтобы другим это было уроком; было бы справедливо и в высшей степени необходимо прекратить это зло. Благоклонные к господину [который обязан позаботиться об исполнении распоряжения], мы ждем, что он так же твердо будет держаться приказа и виновных будет действительно наказывать.

Дано в Ботшине 26 декабря 1627 г.

Альбрехт фон Г. Г., герцог Фридландский и пр. и пр.

Зверства во время Тридцатилетней войны (Ганс Якоб Кристоффель фон Гриммельстаузен, «Симплициссимус»)

Отрывок из романа немецкого писателя XVII в. Ганса Якоба Кристоффеля фон Гриммельстаузена «Симплициссимус» (1668 г.). Действие происходит в Европе в годы Тридцатилетней войны. Повествование ведется от лица главного героя. Герой романа Эйленшпигель описывает разгром деревни, в которой он жил. Солдаты напали на дом Эйленшпигеля...

Хотя и не расположен я вести миролюбивого читателя вслед за той бездельнической ватагой в дом и усадьбу моего батьки, ибо там случится много худого, однако ж добрый порядок моей повести, которую оставляю я любезному потомству, того требует, чтобы поведал я, какие мерзкие и поистине неслыханные свирепости чинились повсюду в нашу немецкую войну, и особливо своим собственным примером свидетельствовал, что таковые напасти часто ниспосланы нам благостным провидением и претворены нам на пользу. Ибо, любезный читатель, кто бы сказал мне, что есть на небе бог, когда бы воины не разорили дом моего батьки и через такое пленение не принудили меня пойти к людям, кои преподали мне надлежащее наставление? До того мнил я и не мог вообразить себе иначе, что мой батька, matka, Урселе и прочая домашняя челядь только и живут одни на земле, понеже иного какого человека я не видывал и о другом человеческом жилище, кроме описанной перед тем шляхетской резиденции, где я тогда дневал и ночевал, не ведал.

Но вскорости узнал я, каково происхождение людей на сем свете, что нет у них постоянного пристанища, а весьма часто, прежде всякого чаяния, принуждены они покинуть сию юдолю; был я тогда только по образу своему человек и по имени христианин, а в остальном совершенно скот. Однако ж всевышний, взирая милостивым оком на мою простоту, пожелал привести меня вместе к познанию его и самого себя. И хотя были у него к тому тысячи различных путей, нет сомнения, восхотел избрать тот, на коем батька мой и matka в назидание другим за нерадивое воспитание должным образом наказаны будут.

Первое, что учинили и предприняли те всадники в расписанных копотью покоях моего батьки, было то, что они поставили там лошадей; после чего всяк приступил к особливим трудам, кои все означали сущую гибель и разорение. Ибо в то время, как некоторые принялись бить скотину, варить и жарить, так что казалось, будто готовится тут веселая пирушка, другие свирепствовали во всем доме и перешарили его сверху донизу, так что не пощадили даже укромный покой, как если бы там было сокрыто само золотое руно Колхиды. Иные увязывали в большие узлы сукна, платья и всяческую рухлядь, как если бы собирались открыть ветошный ряд, а что не положили взять с собою, то ломали и разоряли до основания; иные кололи шпагами стога соломы и сена, как будто мало им было переколоть овец и свиней; иные вытряхивали пух из перин и совали туда сало, сушеное мясо, а также утварь, как будто оттого будет мягче спать. Иные сокрушали окна и печи, как если бы их приход возвещал нескончаемое лето; сминали медную и оловянную посуду, после чего укладывали ее погнутой и покореженной; кровати, столы, стулья и скамьи они все пожгли, хотя на дворе лежало сухих дров довольно. Напоследок побили все горшки и миски, либо оттого, что с большей охотой ели они жаркое, либо намеревались тут всего один раз оттрапезовать.

Со служанкой нашей в хлеву поступили таким родом, что она не могла уже оттуда выйти, о чем, по правде, и объявлять зазорно. А работника они связали и положили на землю, всунули ему в рот деревянную пядлю да влили ему в глотку полный подойник гнусной навозной жижи, кою называли они «шведский напиток»¹, что, однако ж, не пришлось ему по вкусу и произвело на лице его удивительные корчи, через то принудили они его свести некоторых из них в иное место, где взяли людей и скот и пригнали на наш двор, а были там посреди них мой батька, моя matka и наша Урселе.

Тут стали они отвинчивать кремни от пистолетов и на их место ввертывать пальцы мужиков и так пытали бедняг, как если бы хотели сжечь ведьму, понеже одного из тех пойманных мужиков уже засовали в печь и развели под ним огонь, хотя он им еще ни в чем не признался. Другому обвязали голову веревкой и так

зачали крутить палкой ту веревку, что у него изо рта, носа и ушей кровь захлестала. Одним словом, у каждого из них была своя хитрость, как мучить крестьян, и каждый мужик имел свою отличную от других муку. Однако ж батька, по тогдашнему моему разумению, был всех счастливее, понеже он смеючись признавался во всем, что иные принуждены были сказать с болью и жалостливыми воплями, и такая честь случилась ему, нет сомнения, для того, что он был хозяин, ибо они связали его по рукам и ногам так, что он не мог пошевелиться, посадили к огню и натерли ему подошвы мокрой солью, а наша старая коза ее тотчас же слизывала, через что происходило щекотание, так что он, казалось, мог лопнуть со смеху. Сие показалось мне столь приятным и любезным (понеже я моего батьку в таком долгом смехе никогда не видывал и не слыхивал), так что и я ради доброго кумпанства либо оттого, что не слишком много разумел, принужден был от всего сердца рассмеяться. С тем смехом признал он свою вину и объявил сокрытое сокровище, где золота, жемчуга, драгоценных камней было больше, чем можно было надеяться сыскать у мужика. О захваченных женах, дочерях и служанках не могу особливо ничего сообщить, ибо воины не допускали меня смотреть, как они с ними поступали. Однако ж я довольно знаю, как инде в различных уголках были слышны ужасающие вопли, почитай что и моя matka, и наша Урселе не избежали той общей участи. Посреди такого несчастья вертел я жаркое на роженьке и ни о чем не заботился, ибо я еще всего того надлежащим образом не разумел; пополудни я помогал поить лошадей, каким средством и привелось мне попасть в хлев к нашей служанке, которая была диковинным образом вся растрепана; я не узнал ее, она же сказала мне хворым голосом: «Малой, удирай-ко отсюда, а не то заберут тебя те всадники, норови как бы уйти, видишь, как тут худо». Сверх того не смогла она ничего сказать.

¹ Шведский напиток – по имени шведов, принимавших участие в Тридцатилетней войне.

5.3. ИТОГИ ВОЙНЫ

Последствия Тридцатилетней войны

(Из донесения думы г. Пренцлау от 9 февраля 1639 г.)

Так как война уже много лет не дает земледельцу работать, то жизнь до того воздворожала, что теперь повсюду слышны стоны, крики и вой голодающих. Люди питаются самыми неподобными вещами: едят собак, кошек и даже на улицах, среди бела дня, гложут кости мертвых. Говорить ли все до конца? Голод свирепствует с такой жестокостью, что в деревнях и даже в самом городе люди бросаются друг на друга; более сильные убивают тех, кто слабее, жарят их и едят.

(Из донесения Берлинской городской думы 1642 г.)

Дел нет! Нечем жить! Бывает, что на расстоянии целых 4 миль пути не встретишь ни человека, ни скотины, ни собаки, ни кошки.

Ни пастухам, ни школьным учителям больше не платят. Многие утопились, удавились или зарезались. Другие с женами детьми погибают в нищете!

Разорение «Священной Римской империи» в Тридцатилетнюю войну (Список населенных мест Германии, выжженных и разрушенных во время войны)

Документ Шведского государственного архива в Стокгольме. Список детельствует о том, что шведы, на которых протестантское население смотрело сначала как на освободителей, после смерти Густава-Адольфа (1632 г.) превратились в таких же грабителей, как и войска прочих участников опустошительной Тридцатилетней войны.

Здесь еще не приведено почти невероятное количество сожженных городов и сел в Мушау, Лифляндии, Литве, Пруссии и Польше, не говоря уже о тех многих тысячах монастырей, господских имений и дворянских усадеб в Германии и во всех местах, где они [шведы] вели войну, которых они в пламени отослали на небо. Справедливо, однако, похвалить их за сообразительность, с которой они, чтобы принести пользу своему государству, сожгли и разрушили, сколько могли, много (почти все) всякого рода железных, проволочных и

литейных заводов, а также рудных копей. Так, в Геттингене и Госларе, около 100 железных, медных и латунных копей, в Вернингероде, в Гейлигенроде, Гарце; также все металлические заводы в Мейсенских горах, как-то: в Мариенберге, Аннеберге, Цвиккау. Все металлические заводы и ремесленные предприятия разрушены и сожжены в Верхнелужицких горах: в Баудсене, Цитау, Герлице. Кроме того, в Силезских горах около Богемии, именно: в Гульдтберге, Шмидеберге, Швейнице, Яуэре, Ягерндорфе, Троппау, Лослау – разрушено много тысяч всякого рода металлических заводов и ремесленных предприятий. Люди, особенно из богемских Медных и Серебряных гор, в бесчисленном множестве перевезены в Швецию, так что если бы их собрать вместе, они оказались бы в таком чрезмерном количестве, что будь все шведские горы из чистой меди и то этих бедных людей для работы в них было бы более чем достаточно.

Список городов, замков и сел, из которых большая часть сожжена шведами, остальные же были сожжены и разрушены отчасти по их вине, отчасти же другими...

(Далее идет список).

...Но если они [шведы] нанесли таким образом дорогой Германии непоправимый вред, то тем самым они значительно улучшили состояние своего государства; однако благочестивые слова Густава [Адольфа] вовсе не согласуются с этими их делами.

Если бы было можно, то гораздо справедливее было бы ввиду столь огромного вреда, который изображен выше, требовать вознаграждения от шведов, чем поощрять их в их несправедливой жадности к столь многим миллионам, идущим на содержание армий. Вред, причиненный Шведским государством Германии, а также почти неисчислимы суммы денег, выжатых их тиранической контрибуцией, никогда не вознаграждаются, даже если бы потом взвесить и продать все Шведское государство и вычерпать их лезные и медные горы.

Вестфальский мир 1648 г.

Вестфальский мир 1648 г. завершил европейскую Тридцатилетнюю войну 1618-1648 гг. Заключен после длительных переговоров между послами заинтересованных держав в городах Вестфалии (Германия) – Оснабрюке и Мюнстере. Подписан 15 мая 1648 г. и 24 октября 1648 г., соответственно.

Представляет собой два объединенных мирных договора: Оснабрюкский (между императором «Священной Римской Империи» и его союзниками, с одной стороны, и Швецией с союзниками – с другой) и Мюнстерский (между императором «Священной Римской Империи» и его союзниками, с одной стороны, и Францией с их союзниками – с другой). Заключению договоров предшествовали переговоры, начавшиеся с весны 1645 г.

Главными представителями на переговорах были: послы императора «Священной Римской империи» – граф Траутмансдорф, участвовавший в переговорах, граф Л. Нассау, доктор Фольмар; от Франции – Лонгвиль, г д'Аво, А. Сервьен; от Швеции – Ю. Оксеншерна, А. Сальвиус.

Франция вела переговоры вместе с католическими князьями Германии в Мюнстере, Швеция вела переговоры вместе с протестантскими князьями Германии в Оснабрюке, представители императора «Священной Римской Империи» заседали в Мюнстере, но в случае надобности ездили в Оснабрюк.

Постановления Вестфальского мира 1648 г. касаются территориальных изменений, вероисповедных отношений в империи, политического устройства империи. Согласно Вестфальскому миру 1648 г., рания получила бывшие владения Габсбургов в Эльзасе и подтверждение своего суверенитета над Мецем, Тулем и Верденом, Швеция получила о. Рюген, всю Западную и часть Восточную Померании с г. Штеттином, г. Висмар и секуляризованные архиепископство Бремен и епископство Верден. Обе эти державы-победительницы были объявлены главными гарантами выполнения Вестфальского мира 1648 г. (в числе гарантов значился и великий князь Московский, т. е. русский государь).

Германские князья получили полную независимость от императора в проведении как внутренней, так и внешней политики с тем лишь формальным ограничением, что они не могли заключать внешнеполитических союзов, направленных против империи и императора. Союзники держав-победительниц – германские княжества Бранденбург, Мекленбург, Брауншвейг-Люнебург получили более или менее значительные территориальные прирезки за счет секуляризованных епископств и монастырей. Все это закрепило и усилило политическую раздробленность Германии. В области религиозной Вестфальский мир 1648 г. уравнивал в Германии кальвинистов в правах с католиками и лютеранами, узаконил секуляризацию церковных земель, произведенную до 1624 г., но лишил германских князей права определять религиозную принадлежность подданных.

Швейцария, Голландская республика добились международного признания.

Вестфальский мир 1648 г., закрепивший победу в войне антигабсбургской коалиции, имел большое международное значение. Попытка создания мировой «христианской» империи под эгидой испанских и австрийских Габсбургов, их планы подавления реформационного движения в Западной Европе и подчинения Голландской республики потерпели крах.

Французское государство на длительное время обеспечило себе доминирующее положение в Западной Европе. Границы европейских государств, установленные Вестфальским миром 1648 г., сохранились в основном в течение всего последующего столетия.

Мирный договор императорско-шведский, или Оснабрюкский, 15 мая 1648 г.

1. Да будет христианский, всеобщий и вечный мир и истинная и искренняя дружба между священным императорским величеством! Австрийским домом и всеми его союзниками и сторонниками, ид наследниками и преемниками и прежде всего католическим королем¹; курфюрстами и чинами империи, с одной стороны, и священным королевским величеством и королевством Шведским, всеми его союзниками и сторонниками, их наследниками и прежде всего – христианнейшим королем², и соответственными курфюрстами и чинами

империи – с другой стороны, и пусть эта дружба сохраняется и почитается настолько, чтобы одна сторона оказывала другой честь и пользу, чтобы восстановились прочные добрососедские отношения всех частей и всей Римской империи с королевством Швеции и взаимно-королевства Швеции с Римской империей, и чтобы снова возродились и расцвели наука, мир и дружба!

2. Статья II. Да будет с той и другой стороны вечное забвение и амнистия всему, что с начала этих волнений где бы то ни было и как бы то ни было с той и другой стороны было взаимно сделано враждебного...

3. Статья IV, 2. О Палатинате. Прежде всего совещание в Оснабрюке и Мюнстере постановило по поводу Палантината [Пфальца], чтобы уже долго ведшийся спор об этом был разрешен следующим образом.

3. Сан курфюрста пфальцкого предоставляется Баварскому дому. Что касается Баварского дома, сан курфюрста, который до сих пор имели курфюрсты пфальцские, со всеми регалиями, службами, привилегиями, отличиями и правами, относящимися к этому сану, без исключения, а также весь Верхний Пфальц с графством... Со всеми их принадлежностями, регалиями и правами, какие были до сих пор, отныне будут принадлежать Максимилиану, пфальцграфу Рейнскому, герцогу Баварскому и его детям и всей вильгельминской линии, пока в ней будут существовать потомки мужского пола.

5. Учреждение восьмого курфюршества. Что касается Пфальцкого дома, император ради общественного спокойствия согласился, чтобы в силу настоящего соглашения было учреждено восьмое курфюршество в пользу Карла-Людовика, пфальцграфа Рейнского и его наследников и родственников по мужской линии рудольфовой, согласно закону о наследовании, изложенному в Золотой булле³...

Статья V, 15. Духовные лица, меняющие религию, должны лишиться своих прав. Если католический архиепископ, прелат или лицо аугсбургского исповедания, избранное, или которое желают видеть избранным архиепископом, прелатом, единолично или же с некоторыми из капитула или со всем капитулом⁴, а также если другие духовные лица в будущем переменят религию, то они не-медленно будут лишены своих прав, но без лишения чести и доброго имени, и должны будут отказаться от своих обычных и исключительных сборов и доходов; от капитула или от того, кто на то имеет право, будет зависеть избрать или просить о назначении другого лица той религии, к которой в силу настоящего соглашения относится данный бенефиций...

35. Никто не будет подвергаться презрению по поводу религии, но в том и другом случае будут иметь равные права.

36. Эмигрирующим по религиозным поводам будет предоставлено полное распоряжение их имуществом. Если же кто из подданных в 1624 г. не исповедовал публично или частным образом своей религии или же кто переменит религию после опубликования пира и добровольно пожелает эмигрировать, или же это будет повелено местным государем, то ему будет дана свобода удалиться, взяв с собой имущество или продав его...

Статья VII, 1. Протестантам предоставляются относительно вероисповедания и другие права, одинаковые с правами других чинов и подданных.

2. Но, кроме вышеупомянутых вероисповеданий⁵, никакие другие не будут приняты или терпимы в Священной Римской империи.

Статья VIII, 2. О праве голосования чинов империи на собраниях⁶ по поводу государственных дел. Пусть они пользуются неоспоримым правом голоса во всех совещаниях относительно дел империи, в особенности, когда будут вноситься или обсуждаться законы, объявляться война, определяться налоги, уставовляться набор или содержание солдат, обсуждаться вопрос о постройке государством новых укреплений во владениях чинов или же об усилении гарнизона старых укреплений, когда дело будет идти о заключении мира или договора, или же будут обсуждаться другие дела этого рода, и впредь никогда ничто из этого или подобного не будет сделано или допущено без свободного голосования и согласия собрания всех чинов империи. Хотя отдельным первым чинам всегда будет предоставлена свобода заключать друг с другом и с иностранцами договоры для собственной своей защиты и безопасности, однако для того чтобы подобные договоры не были направлены против императора, империи и общественного мира и особенно против настоящего договора, они нерушимой присягой заявят, что каждый повинуется императору и империи.

Статья VIII, 3. Об имперских сеймах. Имперский сейм состоится в течение шести месяцев со времени ратификации мира, а затем каждый раз... когда встретится необходимость. На ближайшем сейме будут исправлены... дефекты... в избрании римских королей... в способе и порядке объявления имперской опалы тому или другому чину...

Статья X, 1. Об удовлетворении Швеции. Далее, так как светлейшая королева Швеции потребовала себе удовлетворения за возвращение занятых во время этой войны мест для восстановления в империи общественного мира, то было найдено приличным, чтобы его императорское величество с согласия курфюрстов... уступил светлейшей королеве и будущим ее наследникам и преемникам, королям и королевству Швеции навеки на полном праве и в независимой от империи феод следующие области:

X. 2. Уступка западной Померании и острова Ругии⁷.

X. 6. Висмар уступается в вечный феод Швеции.

X. 7. Также архиепископство и епископство Бременское и Верденское.

Х. 9. В интересах вышеназванных... областей... император и империя избирают светлейшую королеву и наследников королевства Швеции в качестве непосредственного чина империи, чтобы на имперских сеймах королева или король Швеции значились среди прочих чинов империи под титулом герцога Бременского, Верденского и Померанского, князя Ругии и государя Висмарского.

Для заседания на имперских сеймах им назначается пятое место на светской скамье в коллегии князей...⁸

Статья XI. 1. Об удовлетворении Бранденбурга. Также для соответствующего вознаграждения курфюрста Бранденбургского, государя Фридриха-Вильгельма⁹, ввиду того что для успеха всеобщего мира он лишается своих прав в западной Померании и Ругии с прилежащими областями и местностями¹⁰, должно позаботиться о том, чтобы ему и его потомкам и преемникам, Наследникам и родственникам по мужской линии... его священным императорским величеством с согласия в особенности заинтересованных чинов империи было передано в вечный и независимый феод епископство Гальберштадтское со всеми правами, привилегиями, территориями и светскими и церковными владениями, как бы они ни назывались....

XI. 4. Тому государю-курфюрсту и его преемникам сверх названного передается епископство Мюнденское со всеми правами...

5. Названному государю-курфюрсту и его преемникам императором и империей уступается в вечный феод епископство Каминское¹¹.

6. Равным образом государю-курфюрсту предоставляется надежда на архиепископство Магдебургское...¹².

¹ Королем Испании.

² Христианнейший король – традиционный титул французских королей.

³ Золотая булла была издана императором Карлом IV в 1356 г.

⁴ Капитулом называлось организованное корпоративно духовенство соборной церкви, состоящее при епископе.

⁵ Католического и лютеранского (аугсбургского).

⁶ Т.е. имперских сеймах.

⁷ Рюген.

⁸ Имперский сейм состоял из трех коллегий или палат (так как каждая коллегия заседала в отдельной палате): 1) курфюрстов, 2) князей и 3) имперских городов (то есть их представителей).

⁹ Этот курфюрст правил с 1640 по 1686 гг.

¹⁰ Так как эти земли были уступлены Швеции.

¹¹ Превращенное при этом в светское ленное владение, иначе «секуляризованное».

¹² Это значит, что курфюрст Бранденбургский получит в свое обладание архиепископство Магдебургское (конечно, секуляризованное) по смерти теперешнего своего обладателя. «Надежда» курфюрста фактически осуществилась лишь 32 года спустя, после Вестфальского мира, когда в 1680 г. умер последний архиепископ Магдебургский Август Саксонско-Вейсенфельдский, занимавший архиепископскую кафедру с 1638 г.

Мирный договор императорско-французский, или Мюнстерский, 24 октября 1648 г.

Статья 69. Для вящего укрепления мира и дружбы между (императором и христианнейшим королем¹ и лучшего обеспечения общественной безопасности с согласия совета и воли курфюрстов, князей и чинов империи для блага мира решено...

Статья 70. Французскому королевству уступается епископство Метц, Туль и Верден.

Статья 73. Император за себя и за весь светлейший Австрийский дом и империю отказывается от всех прав собственности, власти, обладания и права на суд, какие до сих пор принадлежали ему, империи и Австрийскому дому в городе Брейзах, ландграфстве Верхнего и Нижнего Эльзаса, Сундгау и провинциальном округе десяти имперских городов, расположенных в Эльзасе, а именно: Гагенау, Кольмар, Шлетштадт, Вейсенбург, Ландау, Обернгейм, Россгейм, Мюнстер в долине св. Григория, Кайзерсбергг, Тюринген и все села и прочие права, которые зависят от названного округа, и все это и в частности передает христианнейшему королю и королевству Франции, а также названный город Брейзах с сеньериями Гохштадт, Нидеримзинг, Гартен и Ахаррен, относящимися к городской общине со всей территорией и областью бана², на которую он простирался исстари, но с сохранением за этим родом привилегий и иммунитетов, до сих пор полученных от Австрийского дома.

Статья 74. Империя не должна более претендовать ни на какое право в Эльзасе и Сундгау.

Также названное ландграфство Верхнего и Нижнего Эльзас и Сундгау и провинциальный округ десяти названных города и зависимые местности, также все вассалы, зависимые, подданные, города, крепости, виллы, замки, леса, рощи, золотые, серебряные и иные рудники, реки, ручьи, пастбища и все права, регалии и все, что к этому относится, без всяких оговорок, со всякого рода юрисдикцией, суверенитетом и верховной властью должны принадлежать навеки христианнейшему королю и короне Франции считаться входящими в состав названной короны, без противоречия со стороны императора, империи, Австрийского дома или кого бы то ни было, – таким образом, чтобы вообще ни император, ни другой государь из Австрийского дома никогда не заявлял притязания на какое бы то ни было право или власть в вышепоименованных местах, находящихся за Рейном...

Статья 85. Христианнейший король возвратит Австрийской дому в лице упомянутого государя эрцгерцога Фердинанда-Карла, первого сына покойного эрцгерцога Леопольда, четыре лесные общины Рейнфельден, Зекинген, Лауфенбург, Вальдсгут... также графство Гаунштейн, Черный лес и весь Верхний и Нижний Брейгау и находящиеся в нем населенные места, относящиеся по девнему праву к Австрийскому дому.

Так же весь Ортенау с имперскими городами Оффенбургом, Гегенбахом и Целлой в Гаммерсбахе...

Торговля и сношения между жителями обоих берегов Рейна и прилежащих провинций должны быть свободны и прежде всего должно быть свободно плавание по Рейну...

¹ Христианнейший король – традиционный титул французских королей.

² Т.е. областью, на которую распространилась власть города Брейзаха как (коллективного) феодального сеньора.

Перечень документов, представленных в ХРЕСТОМАТИИ

РАЗДЕЛ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАПАДЕ

1.1. ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Германские племена (Публий Корнелий Тацит, «Германия», II-XVI, XXV-XXVI, XXX-XLVI)
Готы и их взаимоотношения с другими варварскими племенами (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», Извлечение)

Общественный строй и образ жизни аланов (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 2, 17-25)

Общественный строй и образ жизни гуннов (Аммиан Марцеллин, «Деяния», XXXI, 2, 1-12)

Аттила – вождь гуннов (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», XXXV)

Аттила в Галлии (Григорий Турский, «История франков», II, 7)

Битва на Каталаунских полях (451 г.) (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», XL-XLVII)

Распад империи Аттилы (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», L-LII)

Вандалы и их действия: захват и разграбление Рима вандалами (Исидор Севильский, «История гетов, вандалов и севов», 71-77)

Остготы в Италии (Прокопий Кессарийский «Война с готами», I, 1)

Теодорих Великий и завоевание остготами Италии (Иордан, «О происхождении и деянии гетов», LI-LVII)

О нашествии гетов на Рим и правлении Теодориха (Альфред Великий, Предисловие к его переводу «Утешения философией»)

Отношения остготов с франками (Письмо Теодориха Великого к Хлодвигу, начало VI в.)

Столкновения с участием лангобардов (Павел Диакон, «История лангобардов», I, 7-10)

Завоевание Италии лангобардами (Павел Диакон, «История лангобардов», L, 2)

1.2. ВИЗАНТИЯ

Внешняя политика Византии в V – X вв. (Летописные заметки (гlossы) болгарского переписчика на полях его рукописи – перевода стихотворной византийской хроники Константина Манассия)

Вечный мир между Византией и Персией (532 г.) (Прокопий Кессарийский, «Война с персами», I, XXII)

Конфликты Византии с Персией, аварами и славянами (Феофилакт Симокатта, «История», I-X)

Осада Константинополя персами, аварами, славянами (Феофан Исповедник, «Хронография»; Феодор Синкелл, Проповедь от 7 августа 627 г.)

Взаимоотношения Византийской империи с Арабским халифатом:

Посольство Иоанна Грамматика (Продолжатель Феофана, «Жизнеописание византийских царей»)

Конфликты с участием Византийской империи и Арабского халифата (Ибн-Котейба, «История»; Ахмад ал-Балазури, «Книга о завоевании стран»; Якуби, «История»; Табари, «Истории пророков и царей»)

Послание, отправленное в 871 г. франкским императором Людовиком II византийскому императору Василию I (Салернская хроника, 107)

Внешняя политика Византии в период правление Василия I (Продолжатель Феофана, «Жизнеописание византийских царей», V, 36-71)

Посольство «Священной Римской империи» в Константинополь (Лиутпранд Кремонский, «Отчет о посольстве в Константинополь»)

Битва при Манцикерте (19 августа 1071 г.) (Михаил Атталиат, «История», 11)

Брачный договор Михаила VII Дуки с Робертом Гвискарсом (1075 г.)

- Послание, отправленное императором Византии Алексеем I Комнином графу Фландрии Роберту (1074 г.)
- Путевые записки Вениамина из Туделы, посетившего Константинополь в 1171 г.
- Ярмарка в Фессалониках в первой половине XII в.
- Хрисовул императора Алексея I Комнина для венецианцев (1082 г.)
- Хрисовул императора Мануила I Комнина для венецианцев (1148 г.)
- Из договора Византийской империи с Генуэзской республикой (1169 г.)
- Договор Византийской империи с Генуэзской республикой (1261 г.)
- Договор Византийской империи с Генуэзской республикой (1351 г.)
- Осада и падение Константинополя (1453 г.) (Георгий Сфрандзи, «Большая хроника», III, 3-9)
- Взятие Константинополя турками-османами (1453 г.) (Лаоник Халкокондил, «История», VIII)
- Осада и падение Константинополя (1453 г.) (Дука, «Византийская история, XXXV-XL, XLII)
- Турецкий историк Саад-ад-дин о взятии Константинополя в 1453 г.
- Осада и взятие Константинополя в 1453 г. и их освещение в древнерусской литературе («Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году»)
- Последствия взятия Константинополя турками-османами в освещении армянских хронистов (Авраам Анкирский, «Плач на взятие Константинополя»; Аракел Багешский, «Плач о столице Стимболе»)
- Последствия взятия Константинополя турками-османами в освещении Михаэля Бехайма (Михаэль Бехайм, «Стихотворение о турках и дворянстве»)

1.3. НОРМАННЫ

- Набеги норманнов на Британские острова («Англосаксонская хроника»; Ассер, епископ Шерборна, «Жизнь короля Алфреда»)
- Договор Альфреда с Гутрумом
- Договор Этельреда Нерешительного и Олава, сына Трюггви
- Политика норманнов в отношении Франкского государства («Хроникон о свершениях норманнов во Франкии»)
- Осада Парижа норманнами (Аббон, «Три книги о войнах города Парижа с норманнами»)
- Арабские свидетельства о нашествии норманнов на Севилью в 844 г.: Ибн ал-Кутийя, Ибн Хаййан, Ал-'Узри, Ал-Бакри, Ибн ал-Асир, Ибн Са'ид ал-Магриби (Абу-л-Хасан 'Али ал-Гарнати), Абу-л-Фида', Ан-Нувайри, Ибн ал-'Изари, Ибн ал-Хатиб, Ал-Маккари, Анонимное описание Андалусии (XIV – XV вв.)
- Характеристика Нормандии (Готфрид Малатерра, «О деяниях Рожера...», I)
- Из истории Нормандского герцогства (Роберт Вас, «Роман о Роллоне»)
- Нормандское герцогство и его политика в XI в. («Краткая норманнская хроника»)
- Установление власти норманнов в южной Италии («Краткая норманнская хроника»)
- Завоевания норманнов в Сицилии (Александр Телезский, «История Руджеро...», I)
- Роберт Гвискар и его политика (Вильгельм из Апулии, «Деяния Роберта Гвискара», III-V)
- Битва при Стамфорд-Бридже (25 сентября 1066 г.) и ее последствия («Англо-саксонская хроника»)
- Причины завоевания Англии норманнами в 1066 г. (Симеон Даремский, «История о королях англов и данов»)
- Отплытие Вильгельма в Англию (1066 г.) (Из «Деяний Вильгельма II, герцога норманнов, короля англов»)
- Завоевание Вильгельмом Англии (1066 г.) (Матвей Парижский, «Великая история Англии или хроники...»)
- Битва при Гастингсе (14 октября 1066 г.) (Вильям Мальмсберийский, «История английских королей», III)
- Расправа норманнов в Англии, 1066-1087 гг. (Аббат Ингульф, «История аббатства Кройланда в 626-1091 гг.»)

1.4. ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО

- Политика Франкского государства в первые годы его существования («Книга истории франков», I-VII, XXXV-LIII)
- Начало правления короля франков Хлодвига (Григорий Турский, «История франков», II, 27)
- Война франков с вестготами (Григорий Турский, «История франков», II, 37)
- Сосредоточение власти в руках единого короля франков Хлодвига (Григорий Турский, «История франков», II, 40, 41, 42)
- Внешняя политика Франкского государства после Хлодвига (Григорий Турский, «История франков», III, 29, 32; IV, 23, 29; VI, 2; IX, 25, 29; X, 2-4)
- Битва при Тулузе (721 г.) («Мосарабская хроника 754 года», 86)
- Войны Карла Мартелла с арабами («Хроника продолжателей Фредегара», 13, 20)
- Битва при Пуатье (732 г.) («Мосарабская хроника 754 года», 104-106)
- Внешняя политика Франкского государства после Карла Мартелла (Анналы королевства франков 741-829 гг.)
- Внешняя политика Карла Великого (Эйнхард, «Жизнь Карла Великого»)
- Карл Великий и его внешняя политика (Ноткер Заика, «Деяния Карла Великого», II)
- Капитулярии Карла Великого Саксонский капитулярий 775-790 гг.
- Раздел империи Карла Великого
- Завещание Карла Великого (806 г.)
- Внешняя политика Людовика I Благочестивого (Теган, «Деяния императора Людовика», VIII-XXXIV)
- Договор, заключенный в 817 г. между императором Людовиком I Благочестивым и папой Пасхалием
- Ордонанс Людовика I Благочестивого о разделе империи (817 г.)
- Ордонанс Людовика I Благочестивого о разделе империи (830 г.)
- Страсбургская клятва (14 февраля 842 г.)
- Верденский договор (11 августа 843 г.) (Отрывок из «Бертинских анналов»)
- Прюмский договор (855 г.) (Отрывок из «Бертинских анналов»)
- Франкское государство после раздела (Флор Лионский, «Жалоба о разделе империи»)
- Договор в Ахене между Карлом Лысым и Людовиком II Немецким относительно раздела Королевства Лотаря II (870 г.)
- Сражение при Андернахе (876 г.) и Рибмонский договор (880 г.) (Отрывок из «Ведастинских анналов»)
- Вторжения в пределы Франкского государства норманнов и борьба с ними («Анналы Сен-Вааста», Извлечение)
- 1.5. ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ**
- Противодействие феодальным войнам (Из «Хроники» Рауля Глабера)
- 1.6. АНГЛИЯ**
- Политика Англии в сфере торговли при Эдуарде I:
- Хартия от 1302 г.
- Хартия от 1303 г.
- Фрэнсис Бэкон о Генрихе VII и его правлении (Фрэнсис Бэкон, «История правления короля Генриха VII»)
- Фрэнсис Бэкон о Генрихе VIII и его правлении (Фрэнсис Бэкон, «История правления короля Генриха VIII»)
- Фрэнсис Бэкон о Елизавете I и ее деятельности (Фрэнсис Бэкон, «О счастливой памяти Елизаветы, королевы Англии»)
- Эдинбургский договор 1560 г.:
- Из «Хроники Р. Линдсея Питскотского»
- Из «Истории реформации в Шотландии» Джона Нокса
- «История реформации в Шотландии» Джона Нокса охватывает историю реформационного движения в стране с 1523 по 1565 г.
- Лорд Г. Перси – Тайному совету (1 июля 1559 г.)

- Обращение «Лордов Конгрегации» к королеве Елизавете (17 июля 1559 г.)
Дж. Нокс – королеве Елизавете (20 июля 1559 г.)
Докладная записка У. Сесилия Тайному совету «О средствах, необходимых для восстановления в Шотландии древних свобод» (5 августа 1559 г.)
Королева Елизавета – Р. Сэдлеру (7 августа 1559 г.)
Елизавета – Марии де Гиз, королеве-регентше Шотландии (7 августа 1559 г.)
Из «Истории реформации в Шотландии» Джона Нокса
Дж. Нокс – Р. Крофту (25 октября 1559 г.)
Королева Елизавета – адмиралу лорду Винтеру (27 декабря 1559 г.)
Докладная записка У. Сесилия Тайному совету (3 января 1560 г.)
Королева Елизавета – герцогу Норфолку (15 февраля 1560 г.)
Бервикский договор
Отчет адмирала лорда Винтера лорду Норфолку (29 февраля 1560 г.)
Епископ Куадра – герцогине Пармской (7 марта 1560 г.)
Епископ Куадра – Филиппу II (7 марта 1560 г.)
Королева-регентша Шотландии – де Ойзелу (3 мая 1560 г.)
Лорд Грей – герцогу Норфолку (8 мая 1560 г.)
Эдинбургский договор, заключенный между Англией и Францией 5-6 июля 1560 г.
Дипломатическая переписка Елизаветы I:
Ответ послу Польши (1559 г.)
Ответ на предложение Эрика Шведского (1560 г.)
Письмо, отправленное Елизаветой Марии Шотландской (1586 г.)
Письмо, отправленное Марией Шотландской Елизавете (1586 г.)
Письмо, отправленное Елизаветой I Якову VI (1587 г.)
Письмо Елизаветы I Генриху IV
Военные действия на море во время войны между Англией и Испанией (Альфред Штенцель, «История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики»)
Речь Елизаветы I перед войскам в Тилбери (1588 г.)
Гибель «Непобедимой армады» (Сообщение из Англии о «Великой армаде», полученное 19 ноября 1588 г. в Аугсбурге из Гамбурга)
- 1.7. ФРАНЦИЯ**
Внешняя политика Людовика VI Толстого (Сугерий, «Жизнеописание короля Людовика VI Толстого», 1, 16, 23, 26, 28)
Совещание по вопросам торговли с участием Людовика XI (1482 г.)
Договоры короля Франции Карла VIII, заключенные им во время Первой Итальянской войны:
Договор короля Франции Карла VIII с Папой римским Александром VI (1495 г.)
Договор короля Франции Карла VIII с герцогом Милана Лодовико Моро (1495 г.)
Союз между Францией и Турцией (Письмо турецкого султана Сулеймана I Великолепного французскому королю Франциску I, 1526 г.)
- 1.8. ГЕРМАНИЯ**
Генрих I Птицелов и его политика (Видукинд Корвейский, «Деяния саксов», I, 17-41; Титмар Мерзебургский, «Хроника», I, 3, 10-19, 28)
Внешняя политика Оттона I Великого (Видукинд Корвейский, «Деяния саксов», II, 1-5, 14, 20-21; III, 1-10, 30, 42-49, 52-76; Титмар Мерзебургский, «Хроника», II, 1-2, 5, 9-15, 29-31, 45)
Конрад II и его политика (Випон, «Деяния императора Конрада II», VII, IX, XI-XVIII, XXI-XXII, XXVI, XXXIII, XL)
Внешняя политика Генриха IV (Отберт Льежский, «Жизнеописание императора Генриха IV», 1-7)
Внешнеполитическая деятельность Фридриха I Барбароссы (Оттон из монастыря Св. Власия, «Хроника», Извлечение)
Фридрих I Барбаросса. Грамота городу Любеку (1188/1226 г.)

Восточная политика правителей Германии:

Крестовый поход 1147 г. против славян (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 62-65)

Гибель Никлота (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 87)

Борьба Генриха Льва с сыновьями Никлота (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 92; II, 2, 4)

Альберт Медведь и его завоевания (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 88)

Поборы саксонских князей с попокренных племен (Гельмонд, «Славянская хроника», I, 83)

Договор короля Германии Фридриха I с Папой римским Евгением III (23 марта 1153 г.)

Оттон IV. Письмо рижскому епископу Альберту и воинству Христову (7 июля 1212 г.)

Конрад IV. Военные наставления (1241 г.)

Карл IV. Золотая булла (1356 г.)

Взаимоотношения России и Германии в начале XVI в. (Инструкция императора Максимилиана I своему послу Георгу Шнитценпаумеру, отправленному к великому князю Русскому Василию Ивановичу, 11 августа 1513 г.)

1.9. ИТАЛИЯ

Венеция в международных отношениях на Апеннинском полуострове («Краткие Венецианские анналы»)

Из договора Вармунда, патриарха Иерусалимского с венецианцами (1123 г.)

Деятельность Ломбардской лиги:

Первая клятва членов Ломбардской лиги от 1167 г.

Вторая клятва членов Ломбардской лиги от 1170 г.

Булла Папы Александра III «NON EST DUBIUM» от 1170 г.

Мир в Венеции (1177 г.)

Мир в Констанце от 25 января 1183 г.

Венециано-Генуэзские грамоты:

Снимок с одного из писем, посланных господином Дожем Генуи

Договор, заключенный с теми лицами, которые посылались к Джанибеку

Документ от 1344 г.

Образец некоторых грамот Генуэзского Дожа, касательно событий, случившихся с Генуэзцами в Кипре

Акт о союзе, заключенном Венецианскою общиною с одной стороны чрез Марка Лауреано, назначенного на этот конец полномочным от правительства, а с другой стороны Коррадом Цигалла, полномочным Генуэзским

Акт о союзе, заключенном Генуэзцами касательно Кафы

Титул повелителя Татар и беев Таны, 1349 г.

Копия одного письма, посланного господину Дожу Венеции господином Дожем Генуи

Копии с писем, которые господин Дож Генуэзец и совет Генуи, послали подесту Неры и консулам Кафы и Таны для исполнения сказанного декрета

Определение и предписание данное Дожем и обществом Генуэзским, во избежание соблазнов в Тане

Декрет и повеление, данное господином Дожем и обществом Венеции, во избежание соблазнов в Тане)

Копия с писем, отправленных от Генуэзского Дожа в Кафу, с предписанием вознаградить нас за взыскания, коими нас подвергли в Кафе

Копии с писем Дожа и совета старейшин Генуи, посланных властям и правителям в остров Хиос и всяким наместникам своим

Копии с писем, посланных Дожу Венеции великолепным г. Дожем и советом старейшин Генуэзских, о возвращении галеаццы Марипетры

Копия с писем господина Дожа и совета Генуи, посланных к консулам массарам и обществу город Кафы, настоящим и будущим возлюбленным нашим

Копия с писем господина Дожа и совета Генуи, посредством которых просят они, чтобы наши удерживались от плаванья к землям и местам, принадлежащим Татарам

Копия с писем Дожа и общества Генуи в ответ Венецианскому Дожу о том, чтобы Генуезцы воздерживать от плавания к землям и местам, принадлежащим Татарам
 Форма письма, данного консулу Таны и капитану галер, и содержащего в себе повеление не позволять перевозить Сарацинов с места на место

Морское и торговое могущество Венеции в первой половине XV в. («Завещание» дожа Томазо Мочениго)

Из речи дожа Помазо Мочениго, произнесенной в 1420 г.

Итальянские войны (1494-1559 гг.). Итальянский поход Карла VIII (Филипп де Комнин, «Мемуары», Книга VII; Книга VIII)

1.10. ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

Битва при Ковадонге (718 г.) (Из «Хроники Альфонсо III»)

Взятие Толедо Альфонсом VI (25 мая 1085 г.)

Договор Кастилии и Леона с Генуей (1146 г.)

Битва при Аларкосе (1195 г.) (Из «Анналов Толедо I»)

Внешняя политика Альфонсо VII Императора («Хроника Альфонсо Императора»)

Об участии свободных крестьян в Реконкисте (Из законодательного сборника XIII в. «Семь частей» Альфонса X)

Битва при Лас-Навас-де-Толоса, 16 июля 1212 г. (Из «Всеобщей хроники»; Из «Анналов Толедо I»)

Письмо короля Кастилии Альфонсо VIII Папе римскому Иннокентию III о результатах победы объединенных сил христианской Испании над войсками Альмохадов при Лас-Навас-де-Толоса 16 июля 1212 г.

Соглашения христианских правителей с арабскими правителями, заключенные в эпоху Реконкисты:

Договор короля Хайме I с эмиром Валенсии

Договор короля Фернандо III с владетелем Альмохадов

Договор короля Хайме II с султаном ал-Маликом ал-Ашрафом

Песня об осаде Альмерии

Об участии свободных крестьян в Реконкисте (Из законодательного сборника XIII в. «Семь частей» Альфонса X)

Битва при Лас-Навас-де-Толоса (1212 г.) (Из «Всеобщей хроники»; Из «Анналов Толедо I»)

Об участии свободных крестьян в битве при Тарифе в 1340 г. (Из Хроники Альфонса XI)

Захват Лиссабона испанцами (Письмо из Лиссабона от 1 сентября 1580 г., полученное фирмой Фуггер от своего агента)

Взаимоотношения Испании и Англии:

Оценка испанской политики Елизаветой I (Из письма Елизаветы I Генриху IV)

Морской разбой англичан (Сообщение из Севильи от 21 января 1569 г.)

Нападение англичан на Кадикс (Донесение фирме Фуггер из Венеции, 22 мая 1587 г.)

Пожалование папой Филиппу II короны Англии и Ирландии (Из Зальцбурга от 14 июля 1588 г.)

Гибель «непобедимой армады» (По свидетельству современника-англичанина, 8 августа 1588 г.; Сообщение из Англии о «Великой армаде», полученное 19 ноября 1588 г в Аугсбурге из Гамбурга)

1.11. СКАНДИНАВИЯ

Внешняя политика скандинавских правителей

(Из Саги о Харальде Прекрасноволосом)

(Из Саги о Хаконе Добром)

(Из Саги о конунге Харальде Сером Плаще)

(Из Саги об Олаве Трюггвасоне)

(Из Саги об Олаве Святом)

Взаимоотношения между правителями скандинавских государств (Неизвестный автор, «Финляндская хроника»)

Мирный договор между Швецией и Новгородом, XIV в.

Договор 1397 г. о Кальмарской унии

Письмо короля Дании Христиана III царю России Ивану IV касательно типографии в Москве

Договор русского царя Ивана IV с датским королем Фредериком II, 7 августа 1562 г.

Документы о шведском походе 1590-1591 гг.:

Инструкция Петру Багге, предводителю похода к Белому морю, Стокгольм, 18 июля 1590 г.

Доношение Свена Педерсена о походе к Белому морю в 1591 г., Улео, 19 января 1592 г.

Из Тявзинского мирного договора России со Швецией, 18 мая 1595 г.

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича купцам Шведского государства на право ведения свободной торговли в России, 21 июня 1618 г.

1.12. РИМСКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Булла Адриана II в «Похвальном слове Кириллу и Мефодию»

Из буллы Иоанна VIII от июня 880 г.

Декреты о Божьем мире:

Декрет о Божьем мире Тулузского собора (1041 г.)

Декрет о Божьем мире Клермонского собора (1095 г.)

Послание о Божьем мире св. Ивона, 1041 г.

Послание о Божьем мире св. Одилона, 1042 г.

Посольство Рима в Константинополь (Гумберт, «Отчет о посольстве в Константинополь», 1054 г.)

Раскол между Римом и Константинополем (Анафема константинопольскому патриарху, 1054 г.)

Диктат Папы от 1075 г.

Послание Григория VII о Каноссе

Вормский конкордат

Послания Папы римского Григория VII к польскому князю Болеславу II и киевскому князю Изяславу Ярославичу (1075 г.)

Письмо антипапы Анаклета II к сицилийскому королю Рожеру II по случаю его коронации (1130 г.)

Письмо Папы римского Александра III королям датчан, норвежцев, шведов и готов (1171 г.)

Булла Папы римского Целестина III для Тевтонского ордена от 22 декабря 1196 г.

Письмо Папы римского Иннокентия III воинству Христову и его Магистру (1210 г.)

Письмо Папы римского Иннокентия III князьям Польши и Померании (1213 г.)

Послание Папы римского Гонория III христианам в Руси (1224 г.)

Послание Папы римского Гонория III королям Руси (1227 г.)

Послание Папы римского Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому (26 августа 1247 г.)

Послание Папы римского Иннокентия IV князю Александру Ярославичу (15 сентября 1248 г.)

Действия Римско-католической церкви по организации отпора монголо-татарскому нашествию:

Письмо короля Венгрии Бела IV Папе римскому Григорию IX от 18 мая 1241 г. с сообщением о нападении татар

Письмо Римскому папе из Фехервара от 2 февраля 1242 г.

Письмо Папы римского Григория IX королю Венгрии Беле IV от 16 июня 1241 г.

Письмо Папы римского Григория IX с призывом помогать венгерскому королю Беле IV от 16 июня 1241 г.

Письмо Папы римского Григория IX королю Венгрии Беле IV от 1 июля 1241 г.

Послание Папы римского Иннокентия IV князю Даниилу Галицкому (22 января 1248 г.)

Послание Папы римского Иннокентия IV князю Александру Ярославичу (23 января 1248 г.)

Послание Папы римского Иннокентия IV магистру и братьям Тевтонского ордена (24 января 1248 г.)

Послание Папы римского Иннокентия IV христианам Восточной Европы с призывом крестового похода против татаро-монголов (14 мая 1253 г.)

Послание Папы римского Александра IV магистру и братьям Тевтонского ордена (25 января 1260 г.)

Письмо Папы римского Венедикта XII хану Узбеку

Письмо Папы римского Венедикта XII хану Джанибеку

Письмо Папы римского Венедикта XII жене Узбека Тайдолю

Письмо Папы римского Мартина V Великому князю Литовскому Витовту (1426 г.)

Письмо Папы римского Климента VII Князю московскому Василию III от 18 ноября 1525 г.

1.13. ОРДЕНА

Орден Святого Иоанна Иерусалимского (госпитальеры, мальтийцы):

Жалованная грамота императора Священной Римской империи Карла V Ордену святого Иоанна Иерусалимского на владение островом Мальтой

Присяга вице-королю Сицилийскому (1530 г.)

Орден рыцарей Христа, а также Орден рыцарей Соломонова Храма (тамплиеры):

Письмо магистра тамплиеров Понса де Обон к королю Франции Людовику Святому

Орден меченосцев:

Основание Ордена меченосцев (1202 г.) («Ливонская рифмованная хроника»)

Борьба Ордена меченосцев против княжеств Кокнесе и Ерсика (до 1209 г.) («Ливонская рифмованная хроника»)

Военные походы меченосцев в Ливонию («Ливонская рифмованная хроника»)

Битва при Сауле (22 сентября 1236 г.) и поражение Ордена меченосцев («Ливонская рифмованная хроника»)

Ливонский орден:

О магистрах Генрихе фон Хеймбурге и Дитрихе фон Гронингене, покорении Курземе и основании замка в Кулдиге («Ливонская рифмованная хроника»)

Военные походы Ливонского ордена в Ливонию. Битва при Дурбе (13 июля 1260 г.) («Ливонская рифмованная хроника»)

Раковорская битва (18 февраля 1268 г.) и осада Пскова («Ливонская рифмованная хроника»)

Военный поход Ливонского ордена в район Даугавы («Ливонская рифмованная хроника»)

О походе из Риги в Икшкиле («Ливонская рифмованная хроника»)

Договор короля Литвы Миндовга с Ливонским орденом (1253 г.)

Договоры Ливонского ордена и его союзников с куршами, земгалами и сааремаасцами:

Немецко-куршский договор (1230 г.)

Немецко-куршский договор (28 декабря 1230 г.)

Немецко-куршский договор (17 января 1231 г.)

Договор с сааремаасцами (1241 г.)

Договор с сааремаасцами (27 августа 1255 г.)

Немецко-куршский договор (август 1267 г.)

Немецко-земгальский договор (6 июля 1272 г.)

Тевтонский орден:

Первые годы существования Тевтонского ордена («Повествование о началах Тевтонского ордена»)

Булла Папы римского Гонория III магистру и братьям Тевтонского ордена в Ливонии о предоставленных им привилегиях (1216 г.)

Восточное направление внешней политики Тевтонского ордена («Хроника Тевтонского ордена»)

Мемориал об отношениях орденской Пруссии с Польшей

Договор вице-магистра Тевтонского ордена Бурхарда фон Хорнхаузена с Даниилом Галицким и Земовитом Мазовецким (1254 г.)

Установление контроля Тевтонского ордена над Померанией

Грюнвальдская битва (Ян Длугош, «История Польши»)

Оценка деятельности Тевтонского ордена некоторыми современниками (Из трактата Павла Влодковица, разоблачающего агрессивную политику Тевтонского ордена, 1415 г.)

Столкновения между Тевтонским орденом о Польшей в XVI в.

1.14. ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ

Деятельность Ганзейского союза:

Гамбург и Любек. Грамота о дружбе и взаимной правовой защите (1230 г.)

Любек и Гамбург. Договор об охране торговли (1241 г.)

Любек, Росток и Висмар. Объявление о преследовании разбойников и их укрывателей (1259 г.)

Договор об охране торговых сношений по Балтийскому морю, заключенный между Любеком и Висби (1280 г.)

Постановления Ганзейского союза от 1260-1264 гг.

Из постановлений Ганзейского союза от 1265 г.

Грамота, данная английским королем Эдуардом II немецким купцам, принадлежащим к составу немецкого подворья в Лондоне (7 декабря 1317 г.)

Статуты ганзейской конторы в Брюгге

Постановление о ганзейской торговле в Новгороде (22 февраля 1346 г.)

Обязательства Бремена при обратном приеме его в немецкую Ганзу (3 августа 1358 г.)

Ганза. Штральзундский мир (24 мая 1370 г.)

Договор Новгорода с Ганзой (март 1487 г.)

Изгнание ганзейцев из Англии (Донесение из Кёльна от 12 февраля 1598 г.)

1.15. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АНглиЕЙ И ФРАНЦИЕЙ СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1337-1453 ГГ.)

Договор между Англией и Францией (Жан Жуэнвиль, «Книга св. Людовика»)

Амьенская миза (1264 г.)

Обращение Эдуарда I к подданным

Фландрия в политике Англии и Франции (Жан Фруассар, «Хроники»)

Принятие решения об объявлении Англией войны Франции (Жан Фруассар, «Хроники», 28)

Манифест Эдуарда III от 1337 г., объясняющий причины войны Англии с Францией

Принятие Эдуардом III титула и герба короля Франции, 1340 г.

Камания 1346 г. в освещении Эдуарда III (Военный дневник Эдуарда III, 1346 г.)

Битва при Креси (1346 г.) (Жан Фруассар, «Хроники», 129-131)

Осада Кале в 1346 г. (Жан Фруассар, «Хроники», 132, 143-145)

Битва при Пуатье (1356 г.) (Жан Фруассар, «Хроники», 158-163, 165)

Договор между Англией и Францией, заключенный в Кале, 1360 г.

Разорение Франции бригадами (Фруассар, «Хроники», Извлечение)

Успехи англичан в войне с французами в начале XV в. («Сен-Денийская хроника», Извлечение)

Ордонанс Карла VI от 26 мая 1413 г. О вооруженных отрядах

Битва при Азенкуре (1415 г.) («План сражения для Азенкурской кампании», 1415 г.)

Возражения королевского совета Франции. Дополнительные условия короля Генриха V, 1419 г.

Договор в Труа от 21 мая 1420 г.

Манифест дофина Карла против договора в Труа, опубликованный 31 января 1421 г.

Осада Орлеана (21 октября 1428 г. – 8 мая 1429 г.):

Расписка Уильяма Гласдейла

«Дневник Орлеанской осады и путешествия в Реймс»

Письма Жанны д'Арк во время осады Орлеана:

Письмо Жанны д'Арк англичанам (22 марта 1429 г.)

Письмо Жанны д'Арк англичанам (5 мая 1429 г.)

Селёдная битва (12 февраля 1429 г.) («Хроника девы», Глава XL)

Договор в Аррасе (1435 г.)

1.16. ВЕНГРИЯ

Ранняя история Венгрии (Шимон Кезаи, «Деяния венгров»; Аноним, «Деяния венгров»; «Венгерский хроникальный свод», XIV в.; Лиутпранд Кремонский, «Антаподосеос»)

Внешняя политика Коломана. Договор венгерского короля с хорватской знатью (1102 г.)

Договорные отношения Венгрии с далматинскими городами:

Привилегии короля Гейзы II г. Сплиту (1142 г.)

Из Хроники Фомы Сплитского (1260 г.)

Письмо короля Венгрии, Бела IV, к королю Германии, Конраду IV

1.17. ПОЛЬША

Внешняя политика Польского государства в X – XIV вв. («Анналы Трашки»)

Внешняя политика Польского государства в XIV в. (Ян из Чарнкова, «Польская хроника»)

Кревская уния (14 августа 1385 г.)

Письмо короля Польши Владислава II Ягайлы великому магистру Тевтонского ордена Хенрику фон Плауену

Люблинская уния (1569 г.)

Мирный договор между Османской империей и Польшей (1607 г.)

Бушевский мирный договор от 23 сентября 1617 г.

Хотинский мирный договор от 9 октября 1621 г.

Заключение Хотинского мирного договора от 9 октября 1621 г. (Якуб Собеский, «Дневник»)

Договор между Польшей и Турцией 1623 г. в письме турецкого султана Мусташи польскому королю Сигизмунду III

1.18. ЧЕХИЯ

Моравские земли и экспансия с Запада (Из «Анналов королевства франков»; Из «Фульдских анналов»; Из «Хроники» Регинона)

Привилегия Собеслава II пражским немцам и ее подтверждения:

Привилегия князя Собеслава II (1174-1178 гг.)

Подтверждение привилегии Собеслава II королем Вацлавом I (1231 г.)

Подтверждение привилегии Собеслава II королем Пржемыслом Оттокаром II (26 ноября 1274 г.)

Подтверждение привилегии Собеслава II королем Иоанном Люксембургом (27 июля 1319 г.)

Международный аспект Гуситских войн (Из хроники Лаврентия из Бржезовой)

Влияние движения гуситов на окружающие Чехию страны (Виелунский эдикт Владислава Ягеллы против гуситов; Из письма Збигнева Олесницкого к Юлию Цезарини, январь 1432 г.;

Из письма Мартина Эренберга к великому магистру Тевтонского ордена от 16 апреля 1428 г.;

Из письма епископа Конрада к великому магистру Тевтонского ордена от 21 мая 1428 г.;

Из письма, отправленного 21 декабря 1428 г. Альбрехтом фон Колдицем, лужицким старостой,

магистру г. Згоржельца; Реляция хроники Зигмунда о смерти Януша Зембицкого от 27

декабря 1429 г.;

Из хроники Зигмунда Росича от 17 января 1429 г.;

Из письма Альбрехта фон Колдиц к лужицким городам о гуситах в Свиднице от 4 февраля 1429 г.)

1.19. ЛИТВА

Великое княжество Литовское и его политика при Миндовге (Матей Стрыйковский, «Хроника...»)

Договор Великого княжества Литовского с Ливонским орденом (1253 г.)

Великое княжество Литовское и его политика при Гедимине (Матей Стрыйковский, «Хроника...»)

Послания Гедимины:

Послание Гедимины Папе римскому Иоанну XXII (1322 г.)

Послание Папы римского Иоанна XXII Гедимину (1 июня 1324 г.)

Послание Папы Иоанна XXII Немецкому ордену (1 июня 1324 г.)

Сообщение посланцев папских легатов (22 сентября 1324 г.)

Послание Гедимины гражданам Любека, Штральзунда, Бремена, Магдебурга, Кельна (25 января 1323 г.)

Послание Гедимины гражданам Любека, Ростока, Штральзунда, Грейфсвальда, Штеттина и Готланда (26 мая 1323 г.)

Послание Гедимины монаха Ордена проповедников (доминиканцев) (26 мая 1323 г.)

Послание Гедимины монахам Ордена миноритов (францисканцев) (26 мая 1323 г.)

Послание Совета города Риги, отправленное Гедимину до 2 октября 1323 г.

Мирный договор Гедимины с Орденом, Датским наместником Ревельской земли, епископами и Ригой 2 октября 1323 г.

Послание Гедимины епископам Дерптскому, Эзельскому, Датскому наместнику Ревельской земли и Совету г. Риги, отправленное после 22 сентября 1324 г.

Заявление Лессе, посла Гедимины (2 марта 1326 г.)

Торговый договор (1 ноября 1338 г.) Великого княжества Литовского с Ливонским орденом

Битва на Синих Водах (1362 г.) (Матей Стрыйковский, «Хроника...»)

Письмо Владислава II Ягайло Конраду Цольнеру (6 января 1383 г.)

Акт Кревской унии от 14 августа 1385 г.

Письмо Владислава II Ягайло Генриху фон Плауену (1410 г.)

Грамота немецким купцам в Полоцке (23 февраля 1406 г.)

Донесение верховного маршала Тевтонского ордена о событиях в Жемайтии (1409 г.)

Письмо Папы римского Мартина V Великому князю Литовскому Витовту (1426 г.)

1.20. ВАЛАХИЯ И МОЛДАВИЯ

Грамота валашского господаря Мирчи Старого, предоставляющая свободу торговли в Валахии польским и литовским купцам (1390 г.)

Грамота молдавского господаря Александра Доброго о торговых пошлинах для купцов г. Львова и «всей Русской Земли и Подольской» (8 октября 1408 г.)

1.21. БОЛГАРИЯ

Из ранней истории Болгарии:

Тырновская надпись

Чаталарская надпись

Надгробные надписи о гибели наиболее видных приближенных хана

Феофан Исповедник о болгарях

Никифор о болгарях

«Апокрифическая болгарская летопись» об истории Первого Болгарского царства

Взаимоотношения Болгарии с Византией («Маламирова летопись»; Летописные заметки (глоссы) болгарского переписчика на полях его рукописи – перевода стихотворной византийской хроники Константина Манассия)

Грамота царя Иоанна Асеня II Дубровнику (после 1230 г.)

Договор царя Михаила Асеня с Дубровником (1253 г.)

Дарственная грамота царя Иоанна Александра венецианцам (1347 г.)

Письмо царя Болгарии Иоанна Александра дожу Венеции Андреа Дандоло от 4 октября 1352 г.

Брашовская грамота

Договор князя Добруджи Иванко с Генуей (27 мая 1387 г.)

Вторжение турок-османов в пределы Болгарии (Безыменная Болгарская летопись)

1.22. СЕРБИЯ

Политика первых сербских князей (Из древнейшей сербской хроники)

Завоевание византийских провинций сербскими войсками и создание Сербско-греческого царства Стефана Душана (Никифор Григора, «Римская история»)

Договор короля Стефана Уроша с Дубровником (1254 г.)

Политика Сербского государства при Неманичах (1331-1371 гг.) (Из Сербской – Копоринской летописи)

Запись о приеме Дубровником на хранение имущества деспота Юрия Бранковича (1441 г.)

Дубровник – крупный центр торговли (Из «Описания Дубровника» Лукки Ф. де Диверсиса, 1440 г.)

1.23. АВСТРИЯ

Ранний период в истории Австрии (Конрад из Вицценберга, «Краткая хроника Австрии»;
Неизвестный автор, «Краткая хроника Австрии»)

Торговые отношения в Европе с участием Австрии:

Грамота (1191/1192 г.) штирийского герцога Оттокара IV о таможенных порядках в городе Энсе

Грамота (1192 г.) австрийского и штирийского герцога Леопольда V регенсбургскому купечеству

Торговый и таможенный устав (1198/1230 г.) австрийского и штирийского герцога Леопольда VI

Австрия и ее политика в XV в. («Краткая хроника Австрии мелькского анонима»)

1.24. ШВЕЙЦАРИЯ

Образование Швейцарской конфедерации «Союзная грамота» (15 июля 1291 г.)

Битва при Моргартене (15 ноября 1315 г.) (Из сочинения монаха Иоанна из Винтертура)

1.25. НИДЕРЛАНДЫ

Доходы испанской монархии от своих владений при Карле V

Из прокламации («Предостережения») Вильгельма Оранского (31 августа 1568 г.)

Из «Послания в форме просьбы к его величеству...» (1573 г.)

Письмо-манифест Вильгельма Дидриху Сонуа (1568 г.)

Из письма Вильгельма своему брату Людвигу Нассаускому о наборе наемных войск (6 апреля 1568 г.)

Расправа с г. Наарденом (По свидетельству современника)

Из сообщения герцога Альбы Филиппу II об осаде г. Хаарлема (Отрывки из письма)

Обращение герцога Альбы к населению Нидерландов (Утрехт, 26 июля 1573 г.)

Послание герцога Альбы Филиппу II (1573 г.)

Послание Филиппа II герцогу Альбе (1573 г.)

«Гентское умиротворение» (Ноябрь 1576 г.)

Утрехтская уния (23 января 1579 г.)

Указ, объявляющий Вильгельма Оранского вне закона от 15 марта 1580 г.

Убийство Вильгельма Оранского (Сообщение из Антверпена фирме Фуггер, 16 июля 1584 г.)

Нидерланды в XVII в.

РАЗДЕЛ 2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ВОСТОКЕ**2.1. ГОСУДАРСТВО САСАНИДОВ**

Внешняя политика государства Сасанидов (Из хроники Иешу Стилита; Из «Истории войн с персами» Прокопия Кесарийского)

Письмо пророка Мухаммеда шаху Хосрову II Парвизу (627 г.)

2.2. АРАБСКИЙ ВОСТОК

Сведения о Мекке (Ибн-Хосров, «Сафар-Намэ»)

Завоевания арабов (Ал-Балазури, «Книга завоеваний стран»)

Завоевания в Сирии и Палестине

Завоевание города Дамаска и земли дамасской

Битва при Ярмуке

Завоевание Египта

Омар в Иерусалиме (Из «Книги хараджей»)

Отношение арабских властей к завоеванному населению

2.3. МОНГОЛИЯ

Монгольское раннефеодальное государство: становление (Из «Монгол-ун ниуча тобчан» - «Тайной истории монголов»; Плано Карпини, «История Монгалов, именуемых нами Татарами»)

Военное дело у монголов (Из «Юань-чао би-ши» - «Сокровенного сказания монголов»;

Плано Карпини, «История Монгалов, именуемых нами Татарами»; Из «Книги» Марко Поло;

Из «Книги путешествия» ЭвлияЧелеби; Из анонимного продолжения «Истории царства французского»)

Завоевательные войны монголов как источник обогащения (Из «Мэн-да бэй-лу» - «Полного описания монголо-татар»; Из «Юань ши»)

Распределение монголами военной добычи (Из «Мэн-да бэй-лу» - «Полного описания монголо-татар»)

Дипломатия монголов (Из «Мэн-да бэй-лу» - «Полного описания монголо-татар»; Плано Карпини, «История Монгалов, именуемых нами Татарами»)

Политика монголов в покоренных странах (Из «Юань ши»)

Монгольские завоевания (Из «Юань-чао би-ши» - «Сокровенного сказания монголов»)

Монгольское завоевание Китая в XIII в. (Сы, «Всеобщее комментированное зеркало для содействия управлению»)

Поход монголов в Иран

Монгольское нашествие на Русь (Ала-ад-дин Ата-мелик Джувейни, «История завоевателя мира»; Из летописи «Совершенство по части летописаниям» Ибн аль-Асира; Из «Истории Монгалов, именуемых нами Татарами» Плано Карпини; Из Новгородской летописи; Из Галицко-Волынской летописи)

Вторжение монголов в Европу («Анналы Тьюксберийского монастыря», Извлечение; «Большие Шефтларские анналы», Извлечение; Из «Большой хроники» Матвея Парижского; Из анонимного продолжения «Истории царства французского»; Из «Новой хроники» Джованни Виллани; Из «Письма венгерского монаха Юлиана»)

Нашествие монголов на польские земли (Ян Длугош, «Анналы или хроники славного королевства Польши»)

Нашествие монголов на Польшу в 1241-1242 гг. («Великопольская летопись о татарских набегах»)

Нашествие монголов на Венгрию в 1241-1242 гг. (Магистр Рогерий, «Горестная песнь...»)

Возвращение монголов из Европы (Из «Истории Монгалов, именуемых нами Татарами» Плано Карпини)

Завоевание Багдада монголами в 1258 г.

Дипломатические контакты между Монгольской империей и Римом (Из «Большой хроники» Матвея Парижского; Грамота Великого хана Гуюка Папе римскому Иннокентию IV от 1246 г.)

2.4. ЗОЛОТАЯ ОРДА И ДРУГИЕ ОСКОЛКИ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Золотая Орда и ее политика (Ибн Хальдун, «Книга назиданий и сборник начал и сообщений»)

Политика Золотой Орды при Тохтамыше (Из «Анонима Искепдера»; (Из летописи Иби Арабшаха «Чудеса предопределения в судьбах Тимура»)

Война Тохтамыша с Тимуром (Из «Книги побед» Шараф ад-Дин Али Йезди)

Ярлык Тохтамыша Владиславу II Ягайле

Взаимоотношения Золотой Орды с Венецией:

Ярлык Узбека венецианским купцам Азова (1333 г.)

Первый ярлык Джанибека венецианским купцам Азова (1342 г.)

Второй ярлык Джанибека венецианским купцам Азова (1347 г.)

Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356 г.)

Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.)

Уведомление правителя Крыма Рамадана венецианским купцам (1356 г.)

Ярлык Бердибека венецианским купцам Азова (1358 г.)

Предписание хана Бердибека правителю Крыма Кутлуг-Тимуру (1358 г.)

Уведомление правителя Крыма Кутлуг-Тимура венецианским купцам (1358 г.)

Взаимоотношения Золотой Орды с Византией (Из сочинения Эль Омари «Пути взоров по государствам разных стран»; Из летописи «Связки жемчужин» Эль-Айни)

Золотая Орда и Ближний Восток (Из «Книги назидательных примеров и Сборника подлежащего и сказуемого по части истории Арабов, Иноземцев и Берберов» Ибн Хальдуна; Из «Жизнеописания Эльмелик-Эззахыра»; Из «Летописи Ибн Шохбы»; Из «Истории Вассафа»; Из сочинения ан-Нувайри «Крайний предел необходимости по части науки благовоспитанности»; Из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина; Из летописи «Связки жемчужин» Эль-Лйни; Из сочинения Эль Омари «Пути взоров по государствам разных стран»)

Письма золотоордынских ханов:

Письмо, отправленное в 1428 г. золотоордынским ханом Улуг-Мухаммадом турецкому султану Мураду II

Письмо, отправленное в 1466 г. золотоордынским ханом Махмудом турецкому султану Фатих Мехмеду

Письмо, отправленное в 1477 г. золотоордынским ханом Ахмедом турецкому султану Фатих Мехмеду

Послания правителей Золотой Орды в Москву:

Послание Едигея великому князю Василию Дмитриевичу (декабрь 1408 г.)

Ярлык-послание Ахмата великому князю Ивану Васильевичу

Ярлык-послание Муртозы великому князю Ивану Васильевичу

Послание Муртозы Нурдовлату (1486 г.)

Ярлык крымского хана Хаджи-Гирея I (1453 г.)

Письмо крымского хана Менгли-Гирея турецкому султану Баязиду III (1486 г.)

Грамоты крымского хана Сахиб-Гирея великому князю Ивану IV:

Грамота от 1537 г.

Грамота от 1538 г.

Ярлыки крымских ханов

2.5. ГОСУДАРСТВО ТАМЕРЛАНА

Тамерлан и его внешняя политика (Тамерлан, «Автобиография», Извлечение; Тамерлан, «Уложение Тимура», Извлечение)

Завоевательная политика Тамерлана (Низам ад-Дин Шами, «Книга побед», «Зафар-наме»; Шараф ад-Дин Йазди, «Книга побед», «Зафар-наме»)

Переписка Тамерлана с Тохтамышем

Дипломатические контакты между Государством Тамерлана и Османской империей (Письмо Тамерлана Баязиду I)

2.6. ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Образование Османского государства (Из летописи Ашикпаша-заде «Таварих-и Ал-и Осман»)

Завоевания турок-османов (Хюсейн, «Удивительные события»)

Битва на Косовом поле (15 июля 1389 г.) (Описание битвы на Косовом поле по сербским источникам; Сербский эпос «Царь Лазарь и царица Милица»; Сербский эпос «Гибель Сербского царства»; Фрагменты косовских песен; Из описания дьякона Игнатия, сопровождавшего в конце XIV в. московского митрополита Пимена в Константинополь)

Указ Баязида I, подписанный после битвы на Косовом поле

Османская империя и ее политика при Баязиде I (Иоганн Шильтбергер, «Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год»)

Взаимоотношения Сербии и Турции в XV в. (Из «Истории» Дуки)

Завоевание Боснии и Герцеговины (Из «Истории Фатиха» Турсун-бея)

Поход в Албанию Мурада II в 1450 и 1451 гг. против албанцев, возглавляемых Скандербегом (Лаоник Халкокондил, «10 книг историй», Извлечение)

Походы Мурада II и Мехмеда II против албанцев в 1450-1451 и в 1452 гг. (Михаил Критовул, «История Мехмеда II», Извлечение)

Взятие Константинополя турками-османами (Саад-эд-Дин, «Хроника», Извлечение; Легенда о Мехмеде II)

Документы о падении Кафы:

Письмо настоятеля церкви Доминика

Срочное донесение, приложенное к дипломатической корреспонденции Севастиана Бадоаро, венецианского посла при короле венгерском, дожу Венеции о взятии Кафы Турками

Донесение Леонарда Арте, правителя острова Левкаты, дожу Венеции, о военных силах оттоманского флота до и после взятия Кафы

Доменико д'Альба-Реале и Гаспар, его товарищ, представители Короля Венгерского при Стефане Воеводе Молдавском, передают своему государю о падении Кафы и о несчастных последствиях этого события, равно и о пленении татарского хана

Письмо Стефана, Воеводы Молдавского, к Королю Венгерскому о падении Кафы и его тревоге, в виду скорого появления у Мокастро турецких сухопутных и морских сил

Анонимное письмо из Хиоса о взятии Кафы и о дальнейших действиях турецкого флота в Черном море (8 июля 1475 г.)

Письмо генуэзского гражданина, жителя Хиоса, Джакомо Джиустиниани (10 июля 1475 г.)

Донесение Председателя Рагузского городского совета Венецианскому дожу Пиетро Мочениго о несчастной гибели Кафы и Теодоро

Песнь о Кафе

Управление покоренными народами в Османской империи (Из «Записок янычара»)

Взаимоотношения Турции и Венгрии в конце XV в. (Рапорт пограничного начальника Юсуфа о настоящем положении дел)

Письмо турецкого султана Сулеймана I Великолепного французскому королю Франциску I (1526 г.)

Письмо турецкого султана Мурада III польскому королю Стефану Баторию (1578 г.)

Битва при Лепанто

Военное дело турок-османов (Вратислав, «Приключения»)

Взаимоотношения Османской империи с Англией во второй половине XVI в.:

Приближенный султана Мурада III Мустафа-Бей – королеве Елизавете (20 марта 1579 г.)

Капитуляции, или привилегии, пожалованные турецким султаном английским купцам для торговли в Османской империи (1580 г.)

Патент или привилегии, пожалованные Ее Величеством сэру Эдварду Осборну, Ричарду Стейперу и некоторым другим купцам Лондона для торговли во владениях Великого султана в 1581 г.

Королевское приказание ее слуге Уильяму Харборну быть послом и агентом Ее Высочества в Турции (1582 г.)

Письмо английской королевы Елизаветы турецкому султану, рекомендующее Харборна в качестве посла (1582 г.)

Джон Сандерсон из Константинополя – Ричарду Стэйперу в Лондон (4 января 1597 г.)

Письмо Джироламо Капелло, венецианского посла в Константинополе, отправленное дожу и сенату Венеции (21 августа 1599 г.)

Письмо Джироламо Капелло, венецианского посла в Константинополе, отправленное дожу и сенату Венеции (17 июня 1600 г.)

Капитуляции, пожалованные Елизавете, королеве Англии (1601 г.)

Взаимоотношения Османской империи с Россией в начале XVII в. (Грамота султана Мурада IV, отправленная в ответ на московское посольство 1628-1629 гг.)

2.7. ИРАН

Переписка между шахом Исмаилом I и королем Карлом V

Письмо шаха Исмаила I королю Карлу V (1525 г.)

Письмо короля Карла V шаху Исмаилу I (1525 г.)

Переписка между Сефевидами и Великими Моголами:

Копия письма, написанного Хумайун-падишахом шаху Тахмасибу

Копия письма, написанного Хумайун-падишахом шаху Тахмасибу

Ответ шаха Тахмасиба Хумайун-падишаху

Копия письма шаха Тахмасиба, обитателя рая, написанного Адиль шаху
 Копия письма шаха Тахмасиба, обитателя рая, написанного Адиль шаху
 Копия письма, написанного покойным правителем шахом Исмаилом II Мухаммеду Хакиму мирзе, брату шаха Индии Джалал ад-дина Акбар шаха
 Письмо шаха Аббаса I Джалал ад-дину Акбар шаху, доставленное Ядгар султаном Румлу
 Копия письма шаха Аббаса [I] Джалал ад-Дину Акбар шаху
 Копия письма Джалал ад-дина Акбар шаха шаху Аббасу [I]
 Копия письма счастливого правителя, написанного
 Мирза Абульхусейном Мунши в ответ на письмо царевича Салима, доставленного Мир Мухаммед Масумом Бхаккари
 Копия письма, написанного Джалал ад-дином Акбаром Челеби беку
 Копия письма Джалал ад-дина Акбар шаха, адресованного хан ханану
 Копия письма царевича Даниала, сына Джалал ад-дина Акбар шаха, написанного Его Величеству [шаху Аббасу I]
 Письмо Салим-шаха, собственноручно написанное шаху Аббасу I, доставленное Мир Зия ад-дином Казвини

2.8. ИНДИЯ

Иноземные вторжения в Индию: вторжение эфталитов (Из «Раджатарангини»)
 Подчинение Южной Индии Делийским султанатом (Из «Койилолугу»)
 Бабур и образование Империи Великих Моголов (Абу-л Фазл Аллами, «Акбар-наме»)

2.9. КИТАЙ

Нашествие кочевников в IV – V вв.
 Вторжение южных гуннов (сюнну) в Китай (Из «Цзычжи тунцзянь ганму»)
 Битва при реке Фэйшуй («Двадцать четыре династийные истории», кн. 5. Цзинь шу)
 Завоевание северного Китая сяньбийцами племени Тоба. Создание Северо-Вэйского государства (Из «Цзычжи тунцзянь ганму»)
 Взаимоотношения Китая с Тюркским каганатом (Из «Тан шу»)
 Связи Китая с Индией в VII в. (Из «Тан шу»)
 Китай и его северные соседи (Ли, «По ту сторону границы»)
 Военное дело у китайцев (Сы, «Всеобщее комментированное зеркало для содействия управлению»; Ду, «Песнь о боевых колесницах»)
 Борьба китайцев против монголов (Из «Мин Тай-цзу ши лу»)
 Внешняя политика, войны, дипломатические и торговые посольства Минской империи:
 Биография Чжэн Хэ («Мин ши», гл. 304)
 Посольство Чжэнхэ в Чжаньчэн, страну, расположенную на юго-восточном побережье Индокитайского полуострова («Мин ши», гл. 324)
 Посольства Китая в Тибет, Непал и другие страны («Мин ши», гл. 304)
 Сношения минской империи со странами Индокитая («Мин ши», гл. 324; «Мин ши», гл. 324)
 Морская торговля и политика правительства («Мин ши», гл. 81)
 Попытки португальцев проникнуть в Китай («Мин ши», гл. 325)
 Войны Китая с Японией («Цзычжи тунцзянь ганму», гл. 13, 14, 16)

2.10. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Борьба против монгольских завоевателей (Из «Кьонг мук», кн. 7, 11)

2.11. КОРЕЯ

Войны периода трех государств и объединение страны под властью Силла
 Борьба Когурё против Суйской династии (Из «Саньгочжи»)
 Кэсомун и отношения Когурё с Танской династией (Из «Саньгочжи»)
 Оборона когурёской крепости Анси (645 г.) (Из «Саньгочжи»)
 Падение Пэкче и Когурё (Из «Саньгочжи»)
 Из письма силланского вана ганскому полководцу Сюе Жень-гую (671 г.) (Из сочинений Ким Бусика)
 Из завещания Вана Мунму (681 г.) (Из сочинений Ким Бусика)

Легенды о проникновении буддизма в Силла (Из сочинений Ким Бусика)
Борьба корейского народа против иноземных нашествий:
Отражение первого и третьего нашествий киданей (Из «Тонгук пёнгам»)
Борьба Коре против чжурчженей (Из «Тонгук пёнгам»)
Борьба корейского народа против монгольских завоевателей
Защита крепости Кучжу (Кусон) в 1231 г. (Из «Тонгук пёнгам»)
Вторжение монголов в 1236 г. (Из «Тонгук пёнгам»)
Вторжение монголов в 1253-1254 гг. (Из «Тонгук пёнгам»)
Восстание войск Самбёльчхо в 1270-1273 гг. против объединенных сил монгольских завоевателей и корейских феодалов:
Из биографии руководителя восстания Пэ Чун Сона
Из письма короля Вон Чжона юаньскому императору Хубилаю в 1271 г.
Из биографии Пэ Чун Сона
Монгольское иго в Корее
(Из сообщений «Корёса» от 1271 г.; Из петиции, посланной королю в 1277 г.; Из послания юаньскому императору в 1339 г.)
Набеги японских пиратов (Из «Корёса»)
Связи Кореи с Японией (Из донесения корёского посла Пак Со Сэна, ездившего в 1429 г. в Японию по поручению короля Се Чжона)

2.12. ЯПОНИЯ

Сношения с материком. Прибытие переселенцев (Из «Нихонги» - «Анналов Японии»)
Проникновение корейской и китайской культуры (Из «Нихонги» - «Анналов Японии»)
Проникновение буддизма (Из «Нихонги» - «Анналов Японии»)

РАЗДЕЛ 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

3.1. ПОДГОТОВКА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Выступление Папы римского Урбана II на Клермонском соборе (Из «Иерусалимской истории» Роберта Реймского; Из «Деяний франкских пилигримов, ушедших на завоевание Иерусалима» Фулькерия Шартрского)

Сборы к Крестовым походам (Из воспоминаний современника; Из «Иерусалимской истории» Роберта Реймского)

3.2. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД БЕДНОТЫ

Петр Пустынник и его деятельность (Свидетельства современника; Из «Деяний франков и других иерусалимцев» Анонима; Из «Алексиады» Анны Комниной)

3.3. 1-Й КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Движение первых крестоносцев (Из «Иерусалимской хроники о священной войне» Альберта Аахенского)

Вожди рыцарских ополчений первого крестового похода (Из «Деяний франкских пилигримов» Фулькерия Шартрского)

Крестоносцы в столице Византии г. Константинополе (Матфей Эдесский, «Хронография»)

Осада Никеи (14 мая – 19 июня 1097 г.) и ее последствия (Матфей Эдесский, «Хронография»; Гийом Тирский, «История деяний в заморских землях»)

Путь крестоносцев от Никеи к Антиохии (27 июня – 21 октября 1097 г.) (Из «Иерусалимской хроники о священной войне» Альберта Аахенского)

Осада Антиохии (21 октября 1097 г. – 28 июня 1098 г.) (Матфей Эдесский, «Хронография»; Раймунд Агильский, «История франков, которые взяли Иерусалим»; Аноним, «Деяния франков и других иерусалимцев»)

Осада Маарры

(Раймунд Агильский, «История франков, которые взяли Иерусалим»; Аноним, «Деяния франков и других иерусалимцев»)

Осада и захват крестоносцами Иерусалима (15 июля 1099 г.) (Свидетельства современника о городе Иерусалиме; Из рифмованной хроники Рауля Канского «Деяния Танкреда»;

Фульхерий Шартрский, «Иерусалимская история»; Раймунд Агильский, «История франков, которые взяли Иерусалим»; Аноним, «Деяния франков и других иерусалимцев»; Гийом Тирский, «История деяний в заморских землях»)

Письмо предводителей рыцарей-крестоносцев Урбану II

3.4. 2-Й, 3-Й И 4-Й КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Иерусалимское королевство в начале XII в. (после возвращения крестоносцев на родину) (Из «Истории священной войны» Вильгельма Тирского)

Взятие Иерусалима Саладином (Из «Хроники» Бернарда)

Из переписки Фридриха I Барбароссы и Саладина (1188 г.) (Гальфрид Винодел, «Путь Ричарда, короля Англии в Святую землю»)

Ричард I Львиное Сердце и 3-й Крестовый поход (Гальфрид Винодел, «Путь Ричарда, короля Англии в Святую землю»)

Константинополь перед латинским завоеванием (Отрывок из «Хроники» Никиты Хониата)

Корреспонденция Иннокентия III:

Послание Иннокентия III с призывом к 4-му Крестовому походу

Послание Иннокентия III королям Англии и Франции

Начало 4-го Крестового похода (Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»; Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»; Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя»)

Договор господина Балдуина, графа Фландрского, и Теобальда, графа Труаского, и господина Людовика, графа Блуаского, заключенный со знатным господином Энрико Дандоло, дожем Венеции, о перевозке в Святую землю (1201 г.)¹

Захват города Зары крестоносцами (Жоффруа Виллардуэн, «Завоевание Константинополя»; Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»; Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя»)

Послание Иннокентия III, запрещающее нападение на Константинополь

Движение крестоносцев в сторону Константинополя (Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»; Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»)

Осада Константинополя (1203-1204 гг.) (Из «Хроники» Никиты Хониата; Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»; Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»; Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя»)

Крестоносцы в Константинополе (1203 г.) (Неизвестный рыцарь, «Письмо из Константинополя»; Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»; Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»)

Захват и разграбление Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г. (Жоффруа Виллардуэн, «О завоевании Константинополя»; Роберт де Клари, «Завоевание Константинополя»; Гунтер Пэрисский, «История завоевания Константинополя»; «Константинопольское опустошение»)

Письмо Иннокентия III, осуждающее ограбление Константинополя

3.5. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ

Крестовый поход против Альбигойцев (Цезарь Гейстербахский, «Диалоги о чудесах»)

Битва при Мюре (1213 г.) (Гильом де Пюилоран, «Хроника»; «Песнь о Крестовом походе против альбигойцев»)

Клятва графа Тулузского Раймонда VI от 14 июля 1209 г.

Парижский договор от 12 апреля 1229 г.

3.6. 5-Й, 6-Й, 7-Й И 8-Й КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

6-й Крестовый поход (Герольд, Патриарх Иерусалимский, «Письмо всем верующим», 1229 г.)

Подготовка к 7-му Крестовому походу (Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»)

Битва при Эль-Мансуре (Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»)

Людовик IX Святой и 7-й Крестовый поход (Послание Людовика IX Святого к подданным из Святой земли, 1250 г.)

Последняя попытка крестоносцев осуществить поход в Святую землю (Жан де Жуанвиль, «Жизнь Людовика Святого»)
Действия мусульман против крестоносцев на Святой земле Жан де Виллье, Письмо Гийому де Вилларэ (1291 г.)

РАЗДЕЛ 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

4.1. СОБЫТИЯ ДО 1492 ГОДА

Деятельность Генриха Мореплавателя (Гомиш Ианниш де Зурара, «Хроника достославных событий...», V, VII, XCVI, VIII-X)

4.2. ХРИСТОФОР КОЛУМБ

Вопрос о морском пути в Индию (Из письма космографа Паоло Тосканелли к Фернандо Мартинесу, придворному короля Альфонса V Португальского, 15 июня 1474 г.)

Капитуляция в Санта Фе (17 апреля 1492 г.)

Свидетельство о пожаловании титула Христофору Колумбу (30 апреля 1492 г.)

Письмо Христофора Колумба Изабелле и Фердинанду об открытии Индии от 15 февраля 1493 г.

Международный резонанс путешествия Христофора Колумба (Из письма Себастьяна Кабота о реакции в Англии)

Из письма Себастьяна Кабота о реакции в Англии на открытие Колумба

Письма Мартира:

Письмо Мартира к графу Тендилье (Из Барселоны в сентябре 1493 г.)

Письмо Мартира к кардиналу, вице-адмиралу Асканию Сфорсу (Из Барселоны в сентябре 1493 г.)

Письмо Мартира к римскому гуманисту Помпонию Лето

Инструкция короля и королевы Христофору Колумбу от 29 мая 1493 г.

Инструкция короля и королевы Христофору Колумбу от 14 марта 1502 г.

Из высказываний Христофора Колумба

Из Завещания Христофора Колумба (1506 г.)

4.3. ВАСКО ДА ГАМА

Первая поездка в Индию (1497-1499 гг.) (Записки участника первой экспедиции Васко да Гамы)

4.4. ФЕРНАН МАГЕЛЛАН

Капитуляция с Фернаном Магелланом (21 марта 1518 г.)

Кругосветное путешествие Фернана Магеллана (Из дневника Пигафетты, спутника Фернана Магеллана)

4.5. ДРУГИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Письма Америго Веспуччи:

Письмо Америго Веспуччи о его третьем путешествии к берегам Бразилии (май 1501 г. – сентябрь 1502 г.), написанное в конце 1502 г. или в марте – апреле 1503 г. Лоренцо ди Пьеру Франческо дель Медичи

Письмо Америго Веспуччи об открытых недавно в его четырех путешествиях островах, написанное 4 сентября 1504 г. к Пьетро Содерини, гонфалоньеру республики Флоренции

Экспедиция Франсишку ди Альмейды (Ганс Майер, «Записки»)

Экспедиция Афонсу де Албукерки (Луиш де Камознс, «Лузиады»)

Открытие Тихого океана (1513 г.) (Отрывок из книги Оскара Пешеля «История эпохи открытий»)

4.6. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ

Булла Inter Caetera №2, 4 мая 1493 г.

Тордесильясский договор от 7 июня 1494 г.

4.7. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ

Соглашение с конкистадорами об открытиях и завоеваниях новых земель

«Добровольное» признание туземцами власти испанского короля
Бартоломе де Лас Касас о завоевании Нового Света (Из книги «История Индии»)
Испанские конкистадоры в Новом Свете (Из записок Диаса о Мексике)
Деятельность Франциско Писарро (А. Сарате, «История открытия и завоевания Перу»)
Тяжелые времена в Новой Испании (Сообщение из Мексико от 15 марта 1586 г.)
Золото из Новой Испании (Сообщение из Венеции от 12 января 1590 г.)

4.8. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОРТУГАЛИИ

Португальцы в Бразилии (Мануэл да Нобрега, «Заметка о делах Бразилии», 8 мая 1558 г.;
Жозе ди Аншиета, «Сообщение о Бразилии и ее капитаниях, 1584 г.)

4.9. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НИДЕРЛАНДОВ

Превращение Голландии в колониальную державу:
Донесение фирме Фуггер от 24 июля 1599 г. из Амстердама
Донесение фирме Фуггер от 22 октября 1599 г. из Антверпена
Донесение фирме Фуггер от 3 июля 1600 г. из Антверпена
Донесение фирме Фуггер от 12 ноября 1604 г. из Антверпена
Договор Ост-Индской компании с султаном Тернате (26 мая 1607 г.)

4.10. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ

Морской разбой англичан (Сообщение из Севильи от 21 января 1569 г.)
Основание Английской Ост-Индской компании (1599-1601 гг.)
Из трактата анонимного автора «Новая Британия – получение исключительно прекрасных плодов путем освоения Виргинии» (около 1609 г.)

РАЗДЕЛ 5. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1618-1648 ГГ.

5.1. ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ

Аугсбургский религиозный мир (25 сентября 1555 г.)
Причины Тридцатилетней войны и события, предшествующие ее началу в освещении Ф.
Шиллера (Ф. Шиллер, «История Тридцатилетней войны»)
Пражская дефенестрация (23 мая 1618 г.) (Ф. Шиллер, «История Тридцатилетней войны»)
Французский дипломат Фанкан о международном положении в Европе в 1627 г.
Русское государство и шведско-русские отношения в оценке Густава-Адольфа:
Речь Густава-Адольфа о мире с Россией на шведском сейме 1617 г.
Речь Густава-Адольфа на сейме в Оребро (январь 1617 г.)

5.2. ХОД ВОЙНЫ

Валенштейн и его армия
Зверства во время Тридцатилетней войны (Ганс Якоб Кристоффель фон Гриммельсгаузен,
«Симплициссимус»)

5.3. ИТОГИ ВОЙНЫ

Последствия Тридцатилетней войны (Из донесения думы г. Пренцлау от 9 февраля 1639 г.;
Из донесения Берлинской городской думы 1642 г.)
Разорение «Священной Римской империи» в Тридцатилетнюю войну (Список населенных
мест Германии, выжженных и разрушенных во время войны)
Вестфальский мир 1648 г.:
Мирный договор императорско-шведский, или Оснабрюкский, 15 мая 1648 г.
Мирный договор императорско-французский, или Мюнстерский, 24 октября 1648 г.

Издания, использованные для составления ХРЕСТОМАТИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕЛОМ

1. Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Киселева, В.И.; Кертман, Л.Е.; Панченкова, М.Т. и др. Выпуск 1. Европа и Америка. М.: Высшая школа, 1963.
2. Хрестоматия по истории международных отношений / Сост. Киселева, В.И.; Кертман, Л.Е.; Панченкова, М.Т. и др. Выпуск 2. Африка и Азия. М.: Высшая школа, 1972.
3. Хрестоматия по истории международных отношений в раннее новое время / Сост. Т.В. Алентьева. Курск: КГУ, 2011.
4. Хрестоматия по истории международных отношений в новое время (1789-1815 гг.). Эпоха Великой французской революции и наполеоновских войн / Сост. Т.В. Алентьева. Курск: Изд-во КГУ, 2008.
5. Хрестоматия по истории международных отношений в новое время (1815-1870 гг.) / Сост. Т.В. Алентьева. Курск: КГУ, 2011.
6. Хрестоматия по истории международных отношений в новое время (1870-1900 гг.) / Сост. Т.В. Алентьева. Курск: КГУ, 2011.
7. Хрестоматия по истории международных отношений XIX – начала XX века / Сост. Н. Васильева. М.: МГИМО-Университет, 2010.
8. Шациллоо В. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. М.: Олма-Пресс, 2003.
9. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть I: От Французской Революции до империалистической войны / Сост. Ю.В. Ключников и др. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925.
10. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть II: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России / Сост. Ю.В. Ключников и др. М.: Издание Литиздата НКВД, 1926.
11. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть III: От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской Революции. Выпуск I: Акты советской дипломатии / Сост. Ю.В. Ключников и др. М.: Издание Литиздата НКВД, 1928.
12. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Часть III: От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской Революции. Выпуск II: Акты дипломатии иностранных государств / Сост. Ю.В. Ключников и др. М.: Издание Литиздата НКВД, 1929.
13. Сборник документов по международной политике и международному праву. Выпуск I-XI. М.: НКВД, 1932-1937.
14. История международных отношений в документах и воспоминаниях современников. Хрестоматия / Сост. Ниязи Ниязов, А. Малыгина. Выпуск 1. Конец XV в. – 1918 г. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003.
15. История международных отношений в документах и воспоминаниях современников. Хрестоматия / Сост. Ниязи Ниязов, А. Малыгина. Выпуск 2. 1919-1939 гг. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008.
16. Международные отношения в период между двумя мировыми войнами (1918-1939 гг.): Хрестоматия по новейшей истории. 1918-1939 гг. / Сост. Л.П. Леволкина. Владимир : Владим. гос. пед. ун-т, 2002.

17. Международные отношения и внешняя политика СССР в период между двумя мировыми войнами (1918-1939 гг.): Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки 1918-1939 гг. / Сост. Л.П. Леволкина. Владимир: Владимирский гос. гуманитарный ун-т, 2008.
18. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937-1939. М.: Политиздат, 1979.
19. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. В 2-х томах. М.: Политиздат, 1981.
20. Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. В 2-х томах. М.: Политиздат, 1990.
21. Международные отношения кануна Второй мировой войны: Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки / Сост. С.В. Фоменко. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2007.
22. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборники документов. Т. I-VI. М.: Политиздат, 1978-1980. Том I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.). Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Том III. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.). Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). Том V. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.). Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритания (17 июля – 2 августа 1945 г.).
23. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах. М.: Политиздат, 1984.
24. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах. М.: Политиздат, 1983.
25. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Документы и материалы в двух томах. М.: Политиздат, 1983.
26. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. Том второй. Документы. 1918-1945 гг. Сост. А.В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2000.
27. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Отв. ред. А.Д. Богатуров. Том четвертый. Документы. 1945-2003. Сост. А.В. Мальгин. М.: Московский рабочий, 2004.
28. Проблемы войны и мира в XX веке: Хрестоматия / Сост. О.О. Хохлышева. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. госуниверситета, 2000.

ДРЕВНИЙ МИР

1. Хрестоматия по истории древнего мира / Сост. Т.П. Кац и др.; Под ред. В.Г. Борухович, В.И. Кузищина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989.
2. Хрестоматия по истории древнего мира / Сост. Е.А. Черкасова. М.: Просвещение, 1991.
3. Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. акад. В.В. Струве. М.: Учпедгиз, 1950-1953. Т. 1: Древний Восток / Сост. И.С. Качнельсон и Д.Г. Редер. М.: Учпедгиз, 1950. Т. 2: Греция и Эллинизм / Сост. Н.Н. Пикус и В.С. Соколов. М.: Учпедгиз, 1951. Т. 3: Рим / Сост. Н.А. Машкин и Е.С. Голубцова. М.: Учпедгиз, 1953.
4. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963.

5. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М. А. Коростовцева и др.. В 2-х частях. Ч.1-2. М.: Высшая школа, 1980. Т. 1 / Сост. И.С. Кацнельсон, М.А. Дандамаев, С.С. Соловьева. М.: Высшая школа, 1980. Т. 2 / Сост. Э.А. Грантовский, Г.Ф. Ильин, А.А. Вигасин, М.В. Крюков. М.: Высшая школа, 1980.
6. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Сост. и коммент. А.А. Вигасина. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1997.
7. История Древнего Востока. Тексты и документы. М.: Высшая школа, 2002.
8. Хрестоматия по истории Древней Греции / Под. ред. Д.П. Каллистова. М.: Мысль, 1964.
9. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С.Л. Утченко. М.: Социально-экономической литературы, 1962.
10. Хрестоматия по истории Древней Греции и Древнего Рима / Сост. А.В. Постернак. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2000.
11. Хрестоматия по истории Древней Греции / Сост. Н.Н. Трухина, А.Л. Смышляев. М.: Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 2000.
12. Хрестоматия по истории Древнего Мира. Эллинизм. Рим / Сост. В.Г. Борухович и др.; Под ред. В.Г. Боруховича и др. М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1998.

СРЕДНИЕ ВЕКА

1. История средних веков. Хрестоматия / Сост. М.М. Стасюлевич. В 3-х кн. Книга 1. От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476-768 гг.). Книга 2. От Карла Великого до Крестовых походов (768-1096 гг.). Книга 3. Крестовые походы (1096–1291 гг.). СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2001.
2. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. В 2-х т. Т. 1-2. М.: Гос. Учеб.-педагог. изд-во, 1938-1939.
3. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. В 3-х т. Т. 1-3. М.: Гос. Учеб.-педагог. изд-во, 1950.
4. Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. В 3-х т. Т. 1-3. М.: Соцэкгиз, 1961.
5. История средних веков. Хрестоматия / Сост.: Степанова В.Е., Шевеленко А.Я. В 2-х ч. Ч. 1-2. М.: Просвещение, 1969-1974.
6. Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1-3. М., 1993-1996.
7. Хрестоматия по истории Средних веков / Сост.: Л.А. Шаферова. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ун-т, 2003.
8. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. М.: Юрид. лит., 1961.
9. Древние германцы: Сб. документов / Сост. Б.Н. Граков, С.П. Моравский, А.И. Неусыхин. Вводная ст. и редак. А.Д. Удальцова. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
10. Хрестоматия по истории Халифата / Сост. Л.И. Надирадзе. М.: Изд-вл Моск. ун-та, 1968.
11. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М.: Академия Наук СССР, 1951.
12. Хрестоматия по истории южных и западных славян. В 3-х тт. Т. 1. Эпоха феодализма / Отв. ред. М.М. Фрейденберг. Мн.: Изд-во «Университетское», 1987.
13. История Золотой Орды. Сборник материалов / Сос. В.Г. Вовина, А.А. Кожанов, Т.В. Никулина. СПб.: Европейский Дом, 2003.
14. Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М.: Высш. школа, 1977.

НОВОЕ ВРЕМЯ

1. Новая история в документах и материалах / Под ред. Н.М. Лукина и В.М. Далина. М.: Соцэкгиз, 1934.
2. Практикум по новой истории / Сост. С.Г. Десятков. М.: Высшая школа, 1986.
3. Практикум по новой истории / Сост. Н.И. Кочегарова. М.: Высшая школа, 1989.
4. Практикум по новой истории / Сост. Е.Е. Юровская. М.: Высшая школа, 1967.
5. Хрестоматия по новой истории. 1789-1870 / Отв. ред. Ефимов А.В., Орлов В.А. М.: Госучпедиздат, 1941.
6. Хрестоматия по новой истории / Под ред. А.И. Молока и В.А. Орлова: В 2 ч. Ч. 1. 1642-1870 гг., Ч. 2. 1870-1917 гг. М.: Учпедгиз, 1958.
7. Хрестоматия по новой истории / Под ред. А.А. Губера и А.В. Ефимова: В 3-х тт. Т. 1: 1640-1815 гг.; Т. 2: 1815-1870 гг.; Т. 3: 1870-1917 гг. М.: Соцэкгиз, 1963-1967.
8. Хрестоматия по истории нового времени / Под ред. Н.М. Гусева Н.М. и А.А. Берг. М.: Наука, 1987.
9. Хрестоматия по новой истории. Первый период. 1640-1870 гг. / Сост. В.Г. Сироткин и др. М.: Просвещение, 1990.
10. Хрестоматия по новой истории. Второй период. 1870-1918 гг. / Сост. П.И. Остриков и др. М.: Просвещение, 1993.
11. Хрестоматия по истории южных и западных славян. В 3-х тт. Т. 2. Новое время / Отв. ред. В.Г. Карасев. Мн.: Изд-во «Университетское», 1989.

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

1. Хрестоматия по новейшей истории / Гафуров Б.Г., Зубок Л.И. В 3 тт. Том 1: 1917-1939. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
2. Хрестоматия по новейшей истории / Гафуров Б.Г., Зубок Л.И. В 3 тт. Том 2: 1939-1945. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
3. Хрестоматия по новейшей истории / Гафуров Б.Г., Зубок Л.И. В 3 тт. Том 3: 1945-1960. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
4. Хрестоматия по новейшей истории стран Европы и Америки (1918-2006 гг.) / Сост. Ю.М. Кузьмин. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007.
5. Хрестоматия по истории южных и западных славян. В 3-х тт. Т. 3. Новейшее время / Отв. ред. Д.Б. Мельцер, Г.И. Чернявский. Мн.: Изд-во «Университетское», 1991.

РОССИЯ

1. Воинские повести Древней Руси. М., 1947.
2. Хрестоматия по русской военной истории / Сост. Л.Г. Бескровный. М.: Воениздат, 1947.
3. Сборник договоров России с другими державами. 1856-1917. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
4. Хрестоматия по истории России. В 4 т. / Сост. И.В. Бабич и др. М.: Междунар. отношения, 1994-1997. Т. 1: С древнейших времен до XVII века. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем: Междунар. отношения, 1994. Т. 2, кн. 1. XVII – начало XVIII в. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем: Междунар. отношения, 1995. Т. 2, кн. 2: Вторая четверть – конец XVIII в. М.: Моск. ин-т развития образоват. систем, 1997.
5. Хрестоматия по истории России / Сост. А.С. Орлов и др. М.: Проспект, 2012.
6. Хрестоматия по истории Древнерусского государства / Авт.-сост. В.С. Елагин. Новосибирск: НГПУ, 2009.
7. Хрестоматия по истории Руси: В 2 ч. / Сост. В.В. Гуляева. Владимир: Владим. гос. ун-т, 2005.

8. Хрестоматия по истории России: конец XIX – начало XX в. / Сост. Т.А. Гаузова. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004.
9. Хрестоматия по истории России XIX – начала XX столетий / Сост.: И.А. Небыков и др. Волгоград: "Политехник" ВолГТУ, 2000.
10. Хрестоматия по истории СССР, 1861-1917 / Сост. В.Ф. Антонов и др.; Под ред. В.Г. Тюкавкина. М.: Просвещение, 1991.
11. Хрестоматия по истории СССР, 1917-1945 / Сост. С.И. Дегтев и др.; Под ред. Э.М. Шагина. М.: Просвещение, 1991.
12. Хрестоматия по новейшей истории России: 1917-2004 гг.: В 2 ч.: Ч. 2: 1945-2004 гг. / Сост. Э.М. Шагин, А.В. Лубков, А.И. Вдовин. М.: Изд-во «Дрофа», 2005.
13. Хрестоматия по истории Дальнего Востока: В 2-х кн. / Сост. Н.К. Кирюхин; Вступ. ст. С.Ф. Крившенко. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982.
14. Документы внешней политики СССР. Т. I-XXI. М.: Политиздат, 1957-1977; Т. XXII. М., 1992; Т. XXIII. В двух книгах. Книга I. М.: Международные отношения, 1995. Книга 2. М.: Международные отношения, 1998.
15. Внешняя политика России. 1990-1992. М.: Международные отношения, 1996.
16. Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия в 4-х т. / Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
РАЗДЕЛ 1.МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАПАДЕ.....	5
1.1.ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ.....	5
1.2.ВИЗАНТИЯ.....	26
1.3.НОРМАННЫ.....	140
1.4.ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО.....	192
1.5.ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.....	252
1.6.АНГЛИЯ.....	253
1.7.ФРАНЦИЯ.....	282
1.8.ГЕРМАНИЯ.....	292
1.9.ИТАЛИЯ.....	358
1.10.ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ.....	428
1.11.СКАНДИНАВИЯ.....	467
1.12.РИМСКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.....	496
1.13.ОРДЕНА.....	523
1.14.ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ.....	586
1.15.ОТНОШЕНИЯ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ. СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1337-1453 ГГ.).....	595
1.16.ВЕНГРИЯ.....	664
1.17.ПОЛЬША.....	693
1.18.ЧЕХИЯ.....	712
1.19.ЛИТВА.....	719
1.20.ВАЛАХИЯ И МОЛДАВИЯ.....	744
1.21.БОЛГАРИЯ.....	746
1.22.СЕРБИЯ.....	758
1.23.АВСТРИЯ.....	763
1.24.ШВЕЙЦАРИЯ.....	777
1.25.НИДЕРЛАНДЫ.....	778
РАЗДЕЛ 2.МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ВОСТОКЕ.....	787
2.1.ГОСУДАРСТВО САСАНИДОВ.....	787
2.2.АРАБСКИЙ ВОСТОК.....	792
2.3.МОНГОЛИЯ.....	799
2.4.ЗОЛОТАЯ ОРДА И ДРУГИЕ ОСКОЛКИ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ.....	839
2.5.ГОСУДАРСТВО ТАМЕРЛАНА.....	868
2.6.ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ.....	907
2.7.ИРАН.....	951
2.8.ИНДИЯ.....	967
2.9.КИТАЙ.....	977
2.10.ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ.....	992
2.11.КОРЕЯ.....	993
2.12.ЯПОНИЯ.....	1004
РАЗДЕЛ 3.МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ....	1007
3.1.ПОДГОТОВКА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.....	1007
3.2.КРЕСТОВЫЙ ПОХОД БЕДНОТЫ.....	1009
3.3.1-Й КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.....	1012
3.4.2-Й, 3-Й И 4-Й КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.....	1045
3.5.КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ АЛЬБИГОЙЦЕВ.....	1099
3.6.5-Й, 6-Й, 7-Й И 8-Й КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.....	1106

РАЗДЕЛ 4.МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ.....	1119
4.1.СОБЫТИЯ ДО 1492 ГОДА.....	1119
4.2.ХРИСТОФОР КОЛУМБ.....	1126
4.3.ВАСКО ДА ГАМА.....	1139
4.4.ФЕРНАН МАГЕЛЛАН.....	1141
4.5.ДРУГИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ.....	1144
4.6.ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ.....	1166
4.7.КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ.....	1169
4.8.КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОРТУГАЛИИ.....	1178
4.9.КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НИДЕРЛАНДОВ.....	1198
4.10.КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ.....	1200
РАЗДЕЛ 5.ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1618-1648 ГГ.....	1203
5.1.ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ.....	1203
5.2.ХОД ВОЙНЫ.....	1228
5.3.ИТОГИ ВОЙНЫ.....	1230
Перечень документов, представленных в ХРЕСТОМАТИИ.....	1235
Издания, использованные для составления ХРЕСТОМАТИИ.....	1255

